

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

1898

Годъ 29-й.

А.Ф. МАРКСОМЪ

Малая Морская, № 22.

Оглавление „НИВЫ“ за 1898 годъ.

	СТРАН.	СТРАН.	СТРАН.
I. Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и проч.		Тыма непроглядная. Разск. Н. Н. Каразина	142, 162, 182, 201, 221, 241
Аптонъ. (Былое.) Разск. А. А. Осипова	230	У очага. Стих. Д. Л. Михаловскаго	55
Батистовый платокъ. Разск. В. Г. Австенко	421, 442, 461, 482	Хорошій пріянь. Разсказъ Р. Марха	608
Воръ. Пасхальн. разск. А. И. Писанецкаго	274	Черные ангелы. Разск. Г. Бэра	310
Восемь этюдовъ. Историч. очеркъ	931	Чортова насыпь. Разск.	547
Въ горахъ. Стих. В. Лихачева	956	Чортова перечница. Разск. Щигрова	811
Въ забытомъ углу. Разск. Шамурина	751	II. Біографіи и характеристики ко всѣмъ 162 помѣщеннымъ портретамъ (см. отдѣлъ XV: Живопись, рисунки и портреты).	
Въ оазисѣ мертвыхъ. Разск. Фрейдорфа	850	III. Историческіе и археологическіе очерки.	
Въ святую ночь. Разск. В. Рышкова	270	Двадцатипятилѣтіе покоренія Хивы	477
«Въ томъ нѣтъ грѣха»... Стих. А. Круглова	254	Завѣтные кресты. Очеркъ. В. В. Сабанина	175
Въ туманѣ величія. Историч. повѣсть П. Н. Полевого	262, 282, 301, 321, 341, 361, 382, 411	Мѣсто заточенія патріарха Никона. Очеркъ. Б—ва	450
Въ Ясной Полянѣ. Очеркъ П. Сергѣенко. «Въ ясный день»... Стих. Уманова-Каллуновскаго	891	Памяти Царя-Освободителя	659
«Высится звѣздная ночь»... Стих. Я. П. Полонскаго	416	Памятники древн. русск. зодчества	715
Два мужа. Новелла Розенталя-Бонинъ	8606	IV. Географическіе и этнографическіе очерки; путешествія.	
Депеша. Разск. П. Боннетзка	170	Бодбійскій монастырь св. Нины	655
Для рекламы. Разск. Т. Шифа	108	Кашлакъ Таджикъ. Очеркъ. Герцулина	991
Добрая минута. Разсказъ Анны Бруни	710	Копи Рио-Гинто	335
Дэзи. Повѣсть. П. А. Сергѣенко	8	Крымъ. Достопримѣчательности. Оч. Свѣтлова	754
Дядя Петя. Разск. А. А. Осипова	2, 21, 42, 61, 82, 101, 121	Манила. Очеркъ	439
Заживо погребенный. Разск. Н. Тейнерта	651	Мрамора, залежи въ Кѣлецк. губерніи. Очеркъ. Ефимова	835
За разгадкой. Разск. В. П. Желиховской	495	На берегахъ Конго. Очеркъ	831
Зеленая лампочка. Очеркъ. Л. Митиной	131	Ново-Николаевскій поселокъ. Очеркъ	614
Земля еси. Разск. В. И. Семенова	294	Полярныя экспедиціи Р. Пирри	214
Золотой рогъ. Разск. І. О. Ганзена	247	По полярному краю. В. Юхельсона	394, 590
Изъ А. Ланге. Стих. Н. Новичъ	371	Портъ-Артуръ. Очеркъ	38, 331
Изъ «Пѣсенъ о поздней веснѣ». Стих. А. Коринфскаго	695	Прошлое и будущее Сахары	475
«И любя, и злясь отъ колыбели»... Стих. Я. Полонскаго	456	Сербія. Очеркъ. Жуссе	948, 970
Какъ началъ Вандербильтъ. Разсказъ Шифа	288	Ферганская область. Очеркъ	514
Красавица. Повѣсть В. М. Михеева	910	Ферганская область. Очеркъ. Б. Л. Тагѣева	555
521, 541, 561, 582, 601, 622, 642		Хлѣбный путь въ столицу. Очеркъ. И. О. Тюменева	28
Любинька. (Былое.) Разск. А. А. Осипова	501, 642	Царица Алая. Очеркъ. Б. Л. Тагѣева	68
Марья Васильевна. Разск. А. А. Осипова	468	V. Естествовѣдѣніе и астрономія.	
На пути къ вѣчности. Ром. Вас. И. Немировича-Данченко	328	Будеть ли свѣтопреставленіе? Очеркъ. Крейснера	1015
822, 842, 862, 883, 902, 921, 941, 962, 981, 1001		Животныя, предсказывающія погоду. Очеркъ	75
На родинѣ автора «Конька-Горбунка». Оч. Палопеженцева	915	Какъ путешествуетъ свѣтъ. Очеркъ. К. Приора	191
Никита. (Былое.) Разск. А. А. Осипова	390	Рыба—амфибія. Очеркъ. П. Ю. Шмидта	114
Новобрачные. Очеркъ. А. Богай	870, 887	Рѣдкое явленіе атмосферич. электричества. Очеркъ. А. В. Пастухова	375
Носильщикъ. Разск. М. Града	528	Цвѣтникъ изъ дикихъ растений. Очеркъ. В. Д. Иверсена	348
Нынѣ отпускаши. Разск. В. Дитмара	628	Чудесное открытіе. Очеркъ. В. А. Фрея	630
Одинъ день. Разск. И. Карпова	148	VI. Новыя изобрѣтенія и технологія.	
Орлиное гвѣздо. Очеркъ. Аичикова	11	Живая фотографія. Оч. В. А. Фрея	51
Пируй на масляной, а про постъ вспомнивай. Стих. Уманова-Каллуновскаго	135	Летательный аппаратъ д-ра Данилевскаго	99
Подвигъ. Райд. разск. М. К. Петерсъ	1022	Лодка, самодвижущаяся	500
По духовнымъ завѣщаніямъ. Очерки давно минувшаго. П. П. Гнѣдича	662, 682, 701, 721, 742, 761, 782	Новинки въ области оптики	619
Послы черного царя. Разск. М. М. Коцюбинскаго	210	Пароходъ, ходящій по землѣ	858
Послѣдній бандитъ. Разск. Э. Арена	670	Счетная машина Голлерита	816
Проводы старога года. Стих. Уманова-Каллуновскаго	18	VII. Искусства.	
Прозаикъ и поэтъ. Разск. кн. М. Н. Волконскаго	1030	Англійская художеств. выставка въ СІВ	190
Профессоръ Моріарти. Разск. А. Конанъ-Дойля	91	Выставка, народная, въ СІВ	8406
Псовая охота. Очеркъ. Н. Н. Каразина	730	Выставка худ.-ремеслен. и кустарн. издѣлій	299
Разное горе. Наброски. М. Шиднера	47	VIII. Текущія событія.	
«Ришессъ». Очеркъ. П. Краснова	691	Большіе маневры въ Высочайшемъ присутствіи	677
«Садъ призадумался»... Стих. З. Бухаровой	536	Варывъ въ курскомъ Знаменскомъ соборѣ	237
Сестренка. Разск. Г. Запольской	487	Возстаніе въ Индіи	78
Смерть крестьянина. Разск. Эм. Золя	830	Война изъ-за острова Кубы	358, 379
Смоляныя бочки. Очеркъ. И. Н. Потапенко	Обложка № 14	Гатчинская с.-х. выставка. Оч. Фрея	775
Старый капитанъ. Эскизъ. М. Града	551	Гибель парохода «Бургоны»	552, 578
Счастье. Стих. Уманова-Каллуновскаго	36	200-лѣтіе г. Таганрога	778
«Съ весеннею ласточкою». Стих. Н. Новичъ	396	250-лѣтіе г. Симбирска	797
Трагическая ночь. Разсказъ Э. Додэ	570		
Три главы. Разск. Стэнтонъ	788		
		Дѣло Дрейфуса	878
		Закладка музея изящн. искусствъ въ Москвѣ	718
		Избиеніе христіанъ на остр. Критѣ	819
		Катастрофа въ Блекуэллѣ	519
		Кончина кн. Бисмарка	638
		Осада Сантъ-Яго-де-Куба	538
		Открытіе памятника Императору Александру II въ Москвѣ	699, 719
		Открытіе памятника графу Муравьеву въ Вильнѣ	940а
		Открытіе памятника П. С. Нахимову въ Севастополѣ	939
		Пріѣздъ болгарской княжеск. четы въ Россію	577
		Пребываніе Ихъ Величествъ въ Севастополѣ	738
		Пребываніе короля и наслѣдника Румынскихъ въ Россіи	597
		Путешествіе германской императорск. четы въ Палестину	938
		75-лѣтіе Исидоровскаго дома убогихъ въ СІВ	957
		Столѣтіе морск. инженерн. училища въ Кронштадтѣ	818
		100-лѣтній юбилей Екатерининскаго института	457
		100-лѣтній юбилей Импер. военно-медиц. академіи	1011
		150-лѣтіе Смольнаго монастыря	919
		Убіеніе Императрицы Австр. Елисаветы	719
		IX. Статьи разнаго содержанія.	
		Бѣлинскій В. Г. (50-лѣтіе со дня кончины)	401
		Великаны и карлики	234
		Всеобщій миръ и его защитники	7006
		Всероссійская конская выставка. Оч. Фрея	531
		Домъ трудолюбія для образов. женщ. Оч. И. М. Эйзена	595
		Дуэль М. Ю. Лермонтова	354
		Императорскій эрмитажный театръ	430
		Магнитныя аномалии въ Курск. губер. Миклуха-Маклай (по пов. 10-лѣтія со дня смерти)	475
		Мюнхенскія покойницкія	535
		Мясной музей въ Петербургѣ	154
		Новый способъ лѣченія груди. болѣзи. Общедоступныя народныя театры	795
		Офицерское собраніе арміи и флота	855
		Русскій музей Императ. Александра III	695
		Священный жукъ. Оч. Шевыревой	431
		Сохраненіе труповъ по способу Марини	239
		Судьба золотоискателей на Аляскѣ	768
		Трудъ арестантовъ. Оч. Н. Иванова	934
			295
			74
		X. Библіографія.	
		Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ Фабра	380, 508
		Исторія дѣтской души. Изд. К. П. Побѣдоносцева	3806
		Исторія искусствъ П. П. Гнѣдича	289
		Кіевскій Владимірскій соборъ. Альбомъ	3806
		Матеріалы для біографіи Гоголя. В. Шенрока	58
		Руководство къ разведенію шампаньновъ. Г. Ределинъ	760
		Русскій лѣсъ, О. К. Арнольда, т. II, ч. I	859
		Фаустъ, трагедія Гёте	1010
		Финансово-Статистич. атласъ П. А. Антропова	240а
		XI. Политическое обозрѣніе.	
		Во вѣстѣхъ №№ — съ 1 по 52.	
		XII. Смѣсь.	
		Автоматическая борьба съ нищенствомъ	100
		Быстрота ласточкина полета	220
		Воскресающее растеніе	120
		Генрихъ Гейне и композиторы	860
		Герцогъ и журналистъ	220
		«Девятихвостка» или «кошка»	360
		Древнѣйшая тетрадь арифметич. задачъ	860
		Звучаніе металловъ	900
		Измѣненіе чешуи у рыбъ	140
		Искусственная электр. луна	580
		Какъ бекасы лѣчатъ свои раны	979
		Какъ китайцы пишутъ исторію	260

	СТРАН.		СТРАН.		СТРАН.
Каскадь изъ вина	979	Бѣлинскій. Чествов. памяти Бѣлинск.	417	Группа участниковъ хивинскаго похода.	477
Конь и пшшка	560	въ СПб.	32	Да или нѣтъ? Карт. Луио	961
Красное и бѣлое вино	900	Бѣлозерскъ, городъ. Рис. Павлова	624	Два голубка. Карт. Коркозь	449
Крошки, дрожіе козь	960	Вальхенское озеро въ лунную ночь.	898	Девей, адмиралъ	377
Культура, охватывающая весь міръ	119	Карт. Эсмарха	159	Декеръ, Карлъ	16
Ласточки въ Африкѣ	580	Варламовъ, А. Е., композиторъ	600	Деляновъ, И. Д., графъ	37
Новый видъ страхованія	420	Васильева, Н. С., артистка	664	Деревенскій музыкантъ. Рис. Писем-	445
Образъ жизни америк. солдатъ	160	Ватсонъ, Джонъ, адмиралъ	580	скаго.	173
Образъ жизни Зола	220	Вдова генер. Тучкова на Бородинск.	580	Дефоз у позорнаго столба. Карт. Лееке .	1037
О зерографѣ	100	полъ. Карт. Матвѣева	764	Дивные сны. Силуэт. Д. Фирсовой. 3 рис.	101
Пауки и телеграфъ	200	Вей-ха-Вей, портъ	241	Джульетта. Карт. Сапoretти	872
Полярная экспед. герц. Абрунцскаго	960	Вей-ха-Вей. Чтеніе прокламаціи	256	Диогенъ. Карт. Монтегаци	438
Постъ, какъ лѣчебное средство	560	Велета. Карт. Фурнье	992	Дмитріевъ-Оренбургскій, Н. Д.	861
Похоронные трамвай въ Мексикѣ	560	Вербоное воскресеніе въ Римѣ	761	Добрыя друзья. Карт. И. И. Шпилькина .	533
Продолжительность жизни муравьевъ	960	Вербоное воскресеніе въ др. - христ.	612	Добрый совѣтъ. Карт. Шверта	76
Происхожденіе каналовъ на Марсѣ	260	времена	232	Добыча торфа на Уралѣ арестантами	805
Распространеніе деревьями болѣзни	120	Верхотурье. 3 вида города	281	Докторскій визитъ. Рис. Андреева	994—995
рака	580	Веселая повѣдка. Карт. Эггеръ-Линца	314	Домъ, въ которомъ жилъ Магометъ-	57
Самцы, высиживающіе яйца	119	Весенняя буря. Карт. Магдесіана	373	Али-Хальфа. 2 рис.	315
Стрекотаніе кузнечиковъ	100	Ваттинъ, замокъ въ Саксоніи	661	Драгомировъ, М. И., генер.-адъютантъ	878
Урокъ по части экономіи	140	Вечерній свѣтъ. Карт. Креспи	852	Дрезденъ. Русская церковь	873
Цвѣта радуги	360	Взятка. Карт. Равье	1013	Дрейфусъ, Альфредъ	720а
Цѣлебныя свойства спирта	420	Видѣніе св. Цециліи. Карт. Азамбръ	719	Дриль на водопоѣ. Рис. Шпехта	98
Чего стоило открытіе Америки?	100	Виллае, Я. В., презид. мед.-хир. академ.	645	Дружининъ, Я. А., генер.-лейтенантъ	98
Чембаръ, у гор. Пенз. губ.	160	Вильгельмина, королева нидерландская	257	Друкеръ, А., пианистка	1012
Электрическіе утюги		Вино и карты. Карт. Камарано	321	Дубовицкій, П. А., президентъ мед-	337
Японскіе Ротшильды		Владиміръ, митрополитъ московскій и	349	хир. академіи	452
		коломенск.	321	Дѣловой визитъ. Карт. Мюллеръ-	933
		Во время бури. Карт. Уедергъдъ	321	Линке	757
		Водоозы. Карт. Платонова	35	Елена Владиміровна, великая княжна	718
		Вознесенская пристань. Рис. Павлова	561	Елисавета, императрица австрійская	73
		Волостной судъ. Карт. Румянцова	913	Жанна д'Аркъ на допросѣ въ Руанѣ	584
		Волчья трава. Карт. Унгевиттера	261	Жатва. Карт. Лермитта	759
		Воскресеніе Христова. Карт. Шенгѣрра	559	Женева. Мостъ черезъ Рону	505
		Вотье, Веніаминъ	437	Жертвенный котель. Карт. Пряниш-	809
		Враги (2 типа солдатъ)	700а	никова	801
		Всеобщій миръ и его защитники. Карт.	381	Живительная влага. Карт. Месонье	72
		Данжэ	644	Житетская проза. Карт. Бакшеева	770—775
		Въ Аравіи. Карт. Бредта	981	Жмурки. Карт. де-Ошоа	197
		Въ бурную ночь. Карт. Иордана	609	Жукъ-навозникъ. 7 рисунковъ	529
		Въ змяную службу. Карт. Флиннера	212	Завойко, В. С., адмиралъ	365
		Въ исходѣ лѣта. Карт. Зейферта	481	Завраля. Карт. В. Маковского	1012
		Въ Карнатахъ. Карт. Вьшнна	745	Загорскій, П. А., профессоръ	509
		Въ лунную ночь. Карт. Дулетта	781	За лошадью. Карт. Шрейбера	732
		Въ народной столовой. Карт. Навозова	713	За партитурой. Карт. Облэ	
		Въ непогоду. Карт. Паолетти	832	«Записки Охотника». Соч. И. С. Тур-	
		Въ ожиданіи. Карт. Гребгейма	425	генева:	
		Въ плаву. Карт. Клягааза	192	1) Ермолай и мельничиха. Рис. Та-	
		Въ портерной. Карт. В. Маковского	204—205	бурина	233
		Въ театрѣ. Карт. Беллей	215	2) Смерть. Рис. Табурина	184
		Въ царствѣ соболя. Ориг. рис. Н. Н.	33	3) Чертопхановъ. Рис. Галкина	164
		Каразина	35	4) Чертопхановъ и Маша. Рис. Та-	284
		Выгрузка величайшаго метеорита въ	17	5) Чертопхановъ убиваетъ Малекъ-	285
		Бруклинск. гавани	1033	Адель	37
		Вытегорскій погостъ. Рис. Павлова	629	Захарьинъ, Г. А., профессоръ	1014
		Вытегра, городъ. Рис. Тюменева	729	Здекауеръ, Н. О., профессоръ	64
		Габриловичъ, О. Г.	869	Зимній вечеръ въ деревнѣ. Рис. Ча-	139
		Гаданіе. Карт. Пимоненко	939	совникова	304
		Гадюка, водяная. Рис. Шпехта	357	Знакъ Император. человѣколюб. об-ва	158
		Гайдамакъ. Рис. Ижакевича	397	Знатокъ. Карт. Сторэ	185
		Гая («Назаръ Стодоля»). Рис. Ижаке-	479	Зола, Эмиль	493
		вича	341	Золотыя цѣпи любви. Карт. Альма-	753
		Георгій, греческій королевичъ	458	Тадема	
		Гиллотъ, пасторъ	904	Игра въ поло. Рис. Селпингсъ	
		Гладстонъ, Вильямъ	147	Идутъ! Карт. Любена	
		Гобсонъ, Ричмондъ	339	Изъявленіе конфедератами покорности	
		Гоголь въ Васильевкѣ. Карт. Волкова	704	Суворову въ 1772 году. Рис. Дм.-	
		Гольмстенъ, А. Х., профессоръ	418	Оренбургскаго	12
		Горе-горькое. Рис. Ижакевича	1013	Импровизаторъ. Карт. Шеуренберга	593
		Гретхенъ передъ образомъ Божьей Ма-	700в	Инвалидъ. Карт. Кнауца	829
		тери. Карт. Г. Макарта	959	Индія. Возстаніе афридиейвъ	79
		Гродековъ, Н. И., генералъ-лейтенантъ	720б	Интересное чтеніе. Карт. Галкина	841
		Гроза. Карт. Айвазовскаго	157	Интересное чтеніе. Карт. Лямэръ	24
		Грубе, В. О., профессоръ	404	Испанка. Карт. Мазриера	549
		Груберъ, В. Л., профессоръ	418	Исповѣдь. Карт. Молова	141
		Группа волости, старшинъ и предста-	959	Испытаніе кондукторовъ въ Парижѣ	999
		вителей инородч. насел. на открытіи	720б	«Исторія искусствъ». 12 рисунк. — 289—293	
		памяти. Александру II	418	Ишанъ, мулла въ Маргеланѣ	555
		Группа лицъ, присутств. на торжествѣ	959	Иоаннъ Грозный показываетъ сокро-	
		75-лѣтія Исидоровскаго дома въ Спб.	720б	вища англ. послу. Карт. Литовченко	964
		Группа представителей о-въ взаимн.	418	Кавказскій танецъ. Карт. Масловскаго	441
		кредита	418	Казакъ на аванпостѣхъ. Карт. Рубо	52
		Группа русскихъ писателей:	418	Капнистъ, В. В.	778
		И. А. Гончаровъ	418	Капустинъ, М. Н., попечитель Спб.	
		Д. В. Григоровичъ	418	учебн. окр.	978
		А. В. Дружининъ	418	Карлъ I, король румынскій	597
		А. Н. Островскій	418	Кармень. Карт. Шрамма	633
		Гр. Л. Н. Толстой	418	Карта воен. дѣйствій на о-въ Кубъ	379
		И. С. Тургеневъ	418		
		Группа сирво-халдейскихъ несторіанъ	418		

	СТРАН.		СТРАН.		СТРАН.
Карцева, Е. П., сестра милосердія . . .	899	Мерклинъ, К. Е., академикъ . . .	38	Оттоянъ Великій прощаетъ своего брата Генриха. Карт. Зика . . .	152
Кающаяся грѣшница. Карт. Гаккера . . .	309	Милости просимъ! Карт. Сильверста . . .	744	«Отцы и дѣти». Романъ И. С. Тургенева:	
Ки-Вестъ. Отплытіе америк. эскадры . . .	359	Милошъ Обреновичъ . . .	972	1) Дуэль Базарова съ Кирсановымъ . . .	344
Киселевскій, И. П., артистъ . . .	398	Мирные переговоры. Карт. Нани . . .	489	2) Смерть Базарова . . .	345
Клейменіе мѣшковъ. Рис. Тюменева . . .	36	Михалъ, князь сербскій . . .	973	Охота пуше неволи. Карт. Прянишниковъ . . .	461
Колокольня въ г. Александровѣ . . .	716	Михалъ Николаевичъ, Великій Князь . . .	881	Паганини, Николо . . .	1040a
Конецъ охоты. Карт. Прянишниковъ . . .	705	Михалъ Павловичъ, Великій Князь . . .	116	Карета Паганини . . .	1040a
Контрабандистки. Карт. Шмидта . . .	472	Михалъ, сербскій митрополитъ . . .	197	Мавзолей Паганини . . .	1040a
Кончанское, село, гдѣ жилъ Суворовъ. 3 рисунка . . .	14—16	Михаловскій, Д. Л. . . .	398	Палаты митрополита въ Троице-Серг. лаврѣ . . .	177
Корабельная роща. Карт. Шишкина . . .	901	Мицкевичъ, Адамъ . . .	1038	Палацкій, Францъ . . .	497
Король забавляется. Карт. В. Има . . .	181	Мишлэ, Жюль . . .	759	Палладій, митроп. СПб. и Ладожскій . . .	997
Костанда, А. С., генер. отъ артлл. . .	977	Могилъ Гладстона . . .	459	Палладій, митроп. въ гробу . . .	1017
Костюринъ, С. Д., профессоръ . . .	839	Могилъ Миклухи-Маклая . . .	536	Памяти Царя-Освободителя. Рис. Зичи . . .	657
Котляревскій, И. П. . . .	857	Могилъ Ф. П. Тютчева . . .	599	Памятникъ Императору Александру II въ Гельсингфорсѣ . . .	660
Красавица. Карт. Папперица . . .	484—485	Модестъ, архіепископъ волын. и жит. . .	1018	Памятникъ Императору Александру II въ Казани . . .	660
Красовскій, А. Я., профессоръ . . .	338	Молитва. Карт. Ферруцци . . .	9	Памятникъ Императору Александру II въ московск. Кремлѣ. 3 рис. . .	697—698
Крейсеръ «Альбионъ» (катастрофа) . . .	519	Молитва передъ причастіемъ. Рис. Ижакевича . . .	249	Памятникъ Императору Александру II въ Самарѣ . . .	660
Крестъ, завітный, найден. въ Симбирской губ. . .	176	Молодежь. Карт. Галкина . . .	329	Памятникъ Императору Александру II въ Ченстоховѣ . . .	660
Критъ. Разрушенная улица . . .	820	Молодой докторъ. Карт. Гелларъ . . .	273	Памятникъ Карамзину въ Симбирскѣ . . .	797
» Турецкій кварталъ . . .	820	Море тихо. Карт. Эйлерса . . .	845	Памятникъ Макарту въ Вѣнѣ . . .	721
Кронштадтъ. Зданіе инженер. училища . . .	818	Москва:		Памятникъ графу Муравьеву въ Вильнѣ . . .	940b
Крушеніе парохода «Бургонъ» . . .	579	1) Закладка Музея изящн. искусствъ . . .	717	Памятникъ адм. Нахимову въ Севаст. . .	940a
Крымскій воинъ былыхъ временъ. Рис. Ижакевича . . .	169	2) Открытіе памятника Императору Александру II . . .	699—700	Памятникъ на могилѣ П. П. Ершова . . .	916
Крымъ. Достопримѣчательн. 5 рис. 754—756		3) Передвиженіе дома . . .	660b	Памятникъ русск. воинамъ, павшимъ при Данцигѣ . . .	918
1) Башни Балаклавской крѣп. . .		Мостъ, Аннинскій, на р. Ковжѣ . . .	33	Памятникъ Суворову въ С.-Готардѣ . . .	758
2) Дубъ въ саду Кабончалы . . .		Мостъ, подземный. Рис. Павлова . . .	34	Пароходъ «Бургонъ» . . .	560
3) Пещеры въ Чуфутъ-Кале . . .		Мочаловъ П. С., артистъ . . .	238	Пароходъ, ходящій по землѣ . . .	860
4) Стѣна Инкерманской крѣп. . .		Мрамора, залежи въ Кълецкой губ. 4 рисунка . . .	835—836	Пасха на улицѣ. Рис. Бролинга . . .	276
5) Церковь въ Инкерманѣ . . .		Музыка утра. Карт. Котарбинскаго . . .	429	Паульсонъ, I. И. . . .	357
Кто это? Карт. Геллара . . .	301	Мультиановскій, П. Я. профессоръ . . .	17	Пашней. Рис. Котляревскаго . . .	464
Куангъ-су, китайскій императоръ . . .	817	Мюнхенскіи покойникія. 2 рис. . .	154—156	Пашутинъ, В. В., профессоръ . . .	117—1015
Купаніе лошадей. Рис. Штейна . . .	641	На буксирѣ. Карт. Гора . . .	632	Первая ложь. Карт. Гюрдана . . .	572
Куріаръ. П. П. . . .	1040	На воллахъ. Рис. Гибова . . .	865	Первая ложь. Карт. Вилемса . . .	573
Куропаткинъ, А. Н., ген.-лейт. . .	57	На досугѣ. Рис. Ижакевича . . .	769	Первое признаніе. Рис. Беланже . . .	752
Курскъ. Знаменскій соборъ и чудотворная икона. 2 рис. . .	237	Наединѣ. Карт. Швеннингера . . .	773	Первый постъвъ. Карт. Стахевича . . .	392
Кшесинскій, Ф. И., артистъ . . .	138	На картофельномъ полѣ. Карт. Сергѣева . . .	424	Первый урокъ. Карт. Эзви . . .	81
Къльцы. Видъ города . . .	837	На костюмированномъ балу. Рис. Гамба . . .	89	Первый шагъ. Карт. Гуде . . .	1009
Лаго-ди-Комо. Карт. Ендогурова . . .	84	На молитвѣ. Карт. Пирса . . .	189	Первые шаги. Карт. Кіеричи . . .	893
Лебедевъ, А., протоіерей . . .	298	На окраинѣ сосноваго бора. Карт. Шишкина . . .	581	Петербургъ. Англійск. худож. выставка » Общій видъ . . .	193
Лебедь и лисица. (Борьба). Карт. Макенпринга . . .	49	На Охтѣ. Рис. Пахомова . . .	844	» Введеніе казенной продажи вина. 3 рисунка . . .	165, 180
Легуанъ, наход. въ Лейпц. зоол. саду . . .	929	Нансенъ и его супруга . . .	319	» Выставка народная . . .	840b
Лееръ, Г. А., генераль-отъ-инфант . . .	517	На пасѣхъ. Рис. Ижакевича . . .	625	» Выставка худ.-ремесл. и кустарн. издѣлій . . .	299
Летательный аппаратъ д-ра Данилевскаго . . .	99	На праздникахъ въ деревнѣ. Карт. Френца . . .	1	» Домъ трудолюбія для образцов. женщинъ . . .	596
Лили Дамаска. Карт. Шмансъ . . .	325	На развѣдкахъ. Рис. Ижакевича . . .	524	» Екатерининскій институтъ . . .	457
Лицень-Майеръ, Александръ . . .	218	На Ріальто въ Венеціи. Карт. Вудса . . .	385	» Женская профессиональн. школа . . .	838
Лодка, самодвижущаяся. 2 рис. . .	499	Настигнутые бурей. Карт. Шрейера . . .	92—93	» Императорская военно-медич. Академія. 6 видовъ . . .	1012, 1013, 1014
Луиза, королева датская . . .	777	Насѣкомые. 10 рис. къ статьѣ . . .	380—380a	» Исидоровскій домъ убогихъ . . .	959
Львовъ, А. Ф., композиторъ . . .	478	Насѣкомые. 4 рис. къ статьѣ . . .	508, 510—511	» Конно-полицейск. стража . . .	919
Лѣтній вечеръ въ еврейскомъ кварталѣ. Карт. Кнауца . . .	965	Невинность. Карт. Биссона . . .	989	» Музей Императора Александра III . . .	240
Любечъ. Открытіе памятника Импер. Александру II . . .	717	Нежданный врагъ. Карт. Дейкера . . .	41	» Мясной музей . . .	796
Люциферъ. Стат. Ризъ . . .	876	Нежданная встрѣча. Рис. Шпехта . . .	545	» На конной площадѣ . . .	724
Майлсъ, генераль . . .	600	Незваные гости. Карт. Гезы . . .	613	» Народн. театры 4 вид. 692—693	
Максимиліанъ, принцъ баденскій . . .	757	Николай Александровичъ Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Феодоровна и В. К. Ольга Николаевна. Карт. Галкина . . .	709	» Офицерское собраніе арміи и флота: 279, 433, 435	
Максимовъ, Сергій Васильевичъ . . .	979	Николай, кн. черног. раздастъ русскія ружья . . .	557	1) Общій видъ . . .	
Маленькіе труженики. Рис. Ижакевича . . .	492	Ново-Зеландка . . .	909	2) Вестибюль . . .	
Маленькій аргонавтъ. Карт. Семирадскаго . . .	313	Ново-Николаевскій поселокъ. 3 рис. . .	615—616	3) Гостиная . . .	
Маленькій проказникъ. Карт. Дефонта . . .	993	Новый годъ. Ориг. рис. Н. Н. Каразина . . .	4—5	4) Залъ . . .	
Мальгійская церковь въ Папескомъ корпусѣ . . .	618	Нью-Йоркъ. Чтеніе о призывѣ добровольцевъ . . .	340	5) Кухня . . .	
Мама идетъ. Рис. Ижакевича . . .	469	«Обломовъ». Романъ И. А. Гончарова:		6) Парадная столовая . . .	
Маневры въ Высочайшемъ присутствіи. 4 рисунка . . .	678—679	1) Приѣздъ Штольца . . .	885	» Прибытіе болгарской княжеской четы . . .	598
Манила. Видъ города и порта . . .	379	2) Разрывъ Обломова съ Ольгой . . .	944	» Прибытіе короля румынскаго . . .	617
Маргеланъ. Мечеть . . .	556	3) Сонъ Обломова . . .	884	» Смольный соборъ . . .	918
Марія-Луиза, княгиня болгарская . . .	577	4) Смерть Обломова . . .	945	» У Никольскаго рынка . . .	725
Мартиніанъ, архіепископъ . . .	740	Оболонскій, Н. Н., генераль-адъютантъ . . .	738	» Храмъ Воскрес. Христ. . .	660a
Марто, Анри, скрипачъ . . .	920	Обруевъ, Н. Н., генер.-отъ-инфант . . .	517	» Храмъ въ селеніи стекл. завода . . .	739
Масленица: «Вейка». Рис. Лоренца . . .	124	«Обыкновен. исторія», ром. Гончарова.		Петръ Великій угощаетъ шкипера. Рис. Дмитрія-Оренбургскаго . . .	269
» «Коломба». Рис. Грохольскаго . . .	133	1) Адуевъ сжигаетъ рукописи . . .	824		
» Лакомки. Карт. Рейхерта . . .	125	2) Отъездъ Адуева . . .	812		
» Неожиданный визитъ. Карт. Шаде . . .	121	3) Посѣщеніе Адуевымъ Наденьки . . .	813		
» «Паяцъ». Рис. Грохольскаго . . .	132	Ольгинскій дѣтскій приютъ трудолюбія . . .	117		
» Силуэты Фирсовой . . .	135—136	Ольгинскій дѣтскій приютъ трудолюбія. Зала—церковь . . .	118		
Мать. Карт. Мильэ . . .	361	Онежскій каналъ ночью . . .	33		
Медаль въ память открытія памяти. Александру II въ Москвѣ . . .	700b	Орланъ, вспадающій на журавля. Рис. Домброр каго . . .	749		
Мельница. Карт. И. И. Шишкина . . .	821	Осеннее уто. К арт. Мясоѣдова . . .	409		
Менуэтъ. Карт. Ватто . . .	853	Осенній вечеръ. Карт. Тамма . . .	772		
Менуэтъ. Карт. Гарридо . . .	112	Осенній день. Карт. Шидлера . . .	825		
		Осень. Карт. Констанля . . .	741		
		Остатки-сладки. Карт. Луйо . . .	969		
		Отдыхъ. Карт. Вѣрушъ-Ковальскаго . . .	25		

	СТРАН.		СТРАН.		СТРАН.
Петръ I и ефрейт. Одинцовъ. Рис.		Свадебный обычай въ Малороссіи. Рис.		Три заговорщика. Карт. Зюса	541
Дмитрія-Оренбургскаго	444	Ижакевича	85	Туканы (перцеяды). Рис. Шпехта	793
Петръ I несетъ малолѣтн. короля Людо- вика XV. Карт. Горскаго.	689	Сверчковъ, Н. Е., профессоръ	578	Тургеневъ на охотѣ. Рис. Дмитріева- Оренбургскаго	236
Петтенкоферъ, Максъ	998	Свѣтъ и его отраженія. 10 рис. 194—196		Тѣснѣй—дружнѣй. Карт. Вѣшина	932
Пикарь, подполковникъ	878	Святая любовь. Карт. Бугеро	221	Уарда. Карт. Эпхеля	864
Пироговъ, Н. И., профессоръ	1012	Святос семейство. Карт. Мурильо	1025	Уборка льна. Рис. Матасова	889
Плотина при шлюзѣ св. Павла	32	Святополькъ-Мирскій, Н. И., князь	618	Удобный моментъ. Карт. Вѣр.-Коваль- скаго	905
Пневматич. ингаляторій для лѣченія грудн. болѣзн.	856	Святославъ ободряеть своихъ воиновъ. Рис. Лиснера	352	Ужца. Городъ въ Сербіи	950
По грибы. Карт. Пелевина	501	Севастополь. Пребываніе Ихъ Импе- раторскихъ Величествъ. 2 рисунка	737	У костра. Рис. Ткаченко	145
Подглядѣли. Карт. Чеки	684	Семеновъ, П. П., вице-предсѣдатель Императ. географич. общ.	97	Украинскій косарь. Рис. Ижакевича	569
Поймали. Карт. Казакова	104	(Сербія). Банія череповъ въ Нишѣ	972	Украшенія на мачтахъ хлѣбн. судовъ	29
Покойной ночи, матушка! Карт. Гома	921	» Гробницы воиновъ	950	У плотины. Карт. Вагнера	601
Покровский, Н. В., профессоръ	78	» Деревенскій священникъ	951	У пруда. Карт. Меншера	512
Полетъ воздушныхъ шаровъ	498	» Крестьянинъ	954	Урокъ танцевъ. Карт. Гарридо	113
Полонскій, Я. П., въ рабоч. кабинетъ. 860а		» Крестьянка изъ Ваковича	948	Устье Шексны подъ Рыбинскомъ	29
Портъ-Артуръ. 18 разн. видовъ. 39, 332—335		» Крестьянка въ национ. костюмъ	953	Утренній пріемъ у Маріи-Антуанеты.	892
По своему вкусу. Рис. Ижакевича	265	» Конакъ въ Тончидеръ	976	Утренній привѣтъ. Карт. Энгеля	673
Послѣ бури. Карт. Айвазовскаго	389	» Сербская дѣвушка	949	Утро Рождества. Карт. Мака	1021
Послѣдній Валуа. Карт. Люлье	513	» Торговки въ Нишѣ	972	Фердинандъ, князь болгарскій	577
Послѣ жаркаго дня. Карт. Шишкина	521	» Улица въ сербскомъ городѣ	949	Фердинандъ, наследн. принцъ румынскій	597
Похороны ребенка. Карт. Ноно	525	» Улица и ресторанъ въ Нишѣ. 2 рис.	954—955	Флиге, Г. К., капельмейстеръ	439
Праздникъ Преображенскаго полка	677	» Церковь въ Крушеватъ	956	Фокунникъ. Карт. Т. Гочъ	324
Праздничный подарокъ. Карт. Фоглера	272	» Ярмарка и школа въ Чачакъ. 2 рис.	952	Формы морск. инжен. училища	817
Пржевальскій, Н. М.	877	Сервера, адмиралъ	558	Франкъ, Петръ	1013
Придите ко Миѣ всѣ труждающіе. Икона В. Е. Маковского.	244—245	Сергій, митрополитъ москов. и колол.	177	Французскіе рыбаки. Карт. Ганета	712
Пріѣздъ Петра въ Троице-Серг. оби- тель. Рис. Лебедева	53	Сердечное горе. Карт. Геринга	653	Францъ-Йосифъ, императоръ австрійск.	940
Пріятельницы. Карт. Архипова	213	Сильвестръ, епископъ каневскій	998	Фреголи, Леопольдъ	278
Прибой. Карт. Айвазовскаго	504	Симбирскъ. 10 видовъ города	797—798	Фридрихсруэ. 4 рисунка	637—639
Прибытіе Наполеона I въ Рошфоръ, въ 1815 г. Карт. Гау	216	Синевосовъ курганъ	31	1) Группа оленей.	
Примѣрка. Карт. Бергена	849	Сиснеро, Евангелина, портр., тюремн. рышетка и побѣгъ изъ тюрьмы. 3 рис.	16	2) Комната, въ котор. сконч. Бис- маркъ	
Проводы новобранца. Карт. Богданова- Бѣльскаго	353	Скала, исполнинская, въ Калифорніи	733	3) Послѣдній выѣздъ Бисмарка.	
Прометей и гладиаторъ. 2 стат. Веліон- скаго	789	Скобликова, В. Н.	800	4) У воротъ замка	838
Псовая охота. 15 рис. Каразина. 730—736		Скромный свидѣтель. Карт. Вѣшина	553	Хѣбный путь въ столицу. 16 рисун- ковъ къ статьѣ Тюменева. 21, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36.	36
«Путешествіе германской император- ской четы въ Палестину»		Слава Богу. Карт. Ивановой	364	Хозяйкины заботы. Карт. Морозова	564
1) Въѣздъ въ Иерусалимъ	938	Славина, М. А., артистка	59	Храмъ въ память избавленія Его Ве- личества отъ опасн. въ Японіи	917
2) Императоръ и императрица гер- манскіе на Масличной горѣ	958	Славянскій, К. Ф., профессоръ	780	Храмъ Христа Спасителя въ Боркахъ. Св. Петръ, Алексій, Филиппъ и Іона. Иконы В. Е. Маковского. 924—925	925
3) Пріѣздъ въ Хаифу	937	Смѣть первенца. Карт. Кукслэ	384	Христосъ на Голгоѣ. Карт. Тьеполо	252
4) Прибытіе въ Дамаскъ	957	Святіе со креста. Карт. Бартоломео	253	Цакони, Эрmete	960
«Путинный». Рис. Тюменева	31	Собака-акробатъ	840в	Цвѣтникъ изъ дик. растений. 20 рис. 350—351	
«Путинный» на работѣ. Рис. Тюменева	34	Сожженіе мѣстническихъ книгъ. Рис. Лебедева	372	Церковь въ посадѣ Уна	715
Пѣсня. Карт. Пынѣва	105	Сожженіе протопопа Аввакума. Карт. Мясоедова	144	Церковь въ с-ѣ Безруковъ	915
Пять чувствъ. Зрѣніе. Карт. Адама	453	Соловьевъ, Н. Я.	1020	Церковь въ с-ѣ Кончанскомъ	14
Пять чувствъ. Слухъ. Карт. Адама	532	Софіано, Д. П., генер.-адъютантъ	618	Церковь на ст. Петропавловскъ	259
Рабочій кабинетъ Импер. Александра II	659	Сохраненіе труповъ. Трупъ дѣвочки	935	Церковь при подворьѣ Кіево-Печер- ской лавры въ СПБ.	161
Разсказъ. Карт. Габрини	465	Спасена. Карт. Шперлинга	473	Церковь Христа Спасителя въ Иеруса- лимѣ	819
Раннею осенью. Карт. Кеслера	685	Спасовъ день. Карт. Прянишниковъ 604—605		Цыганка. Акварель Сапоретти	669
Рентгеновскіе лучи. 4 рисунка	634—636	Спряталась. Карт. Мюке	312	Чайковский, П. И., статуя Беклемишева.	897
Ризъ, Т. Ф., женщ.-скульпторъ	875	Сравнительное изображеніе могущества морск. державъ	219	Чембаръ. Домъ, въ которомъ жилъ Бѣлинскій	404
Ризъ, Т. Ф., лѣпиль бюстъ М. Твэна	876	Сора. Карт. Вотье	1005	» Уздн. Земск. Управа	406
Римскій-Корсаковъ, Н. А.	258	Станкевичъ, Н. В.	405	» Царская церк. (2 рис.). 405—407	
Рихтеръ, Гансъ	278	Старая и новая живопись. Карт. Эбер- линга	672	Череповецъ. Видъ собора	30
Рихтеръ, О. Б., генер.-отъ-инфант	517	Стенка Разинъ и персидская княжна. Карт. Яковлева	585	Черилевъ, М. Г., генераль-лейтенантъ. 6605	
Рождественская пѣсня. Карт. Фирле	1032	Сторожевой казакъ. Карт. Васильков- скаго	436	Чиколетъ, В. Н.	339
Родыхъ. Карт. Блюма-Зиберта	984	Странствующіе музыканты. Карт. Цим- мермана	552	Чортовъ островъ. (2 вида).	879
Розетка. Карт. Блазаа	592	Странствующій артистъ. Карт. Корелла	1001	Чтеніе Апостола. Рис. Ижакевича	264
Розы—наслажденіе любви. Карт. Алма- Тадема	201	Струве, А. Е., генер.-лейтенантъ	780	Чтеніе въ владикавказск. тюрьмѣ	217
Ронскій глетшеръ	621	Стуккей, В. Е., академикъ	839	Чтеніе положенія 19 февраля. Карт. Мясоедова	804
Рубинштейнъ, А. Г. (Бронзовый ме- дальонъ)	77	Судьба. Группа Лидерера	589	Что новаго? Карт. Лоранъ	172
Русскій музей. Карт. Ковалевскаго	1004	Счетная машина Голлерита	816	Чумакъ. Рис. Ижакевича	209
Рыба—амфибія. Rogozubъ	115	Съ водосвятія. Ориг. рис. Ижакевича	13	Шалпъ, П., пианистка	159
Рыбаки. Карт. Маронье	912	Съ ношею. Карт. Пелевина	421	Шафтеръ, генераль	558
Рыбаки. Рис. Фельдмана	393	Таганрогъ. Видъ города	779	Шведскіе крестьяне на бѣговыхъ са- няхъ. Рис. Рихтера	153
Савонарола, Геронимъ	377	Татары идутъ. Рис. Радомскаго	565	Шереметевъ, А. Д., графъ	439
Сальвини, Густавъ	198	Театръ въ Эрмитажѣ. 2 внутр. вида	432	Шинкинъ, И. И., художникъ	239
Сампсонъ, адмиралъ	558	Театръ въ Эрмитажѣ при Екатеринѣ II. Рис. Дмитріева-Оренбургскаго	129	Шлюзъ св. Самсонія	21
Сантъ-Яго:		Тереза баварская, принцесса	936	Штольце, Вильгельмъ	839
1) Бомбардированіе города	537	Тигры, сибирскіе. Рис. Вечерчика	65	Эберсъ, Георгъ	720
2) Десантъ американскихъ войскъ	538	Тимиръ-Кысъ. Желѣзная дѣвушка	395	Эльзаска. Рис. Гёфлингера	61
3) Нагрузка орудій	538	Тихонъ, епископъ алеутскій	858	Эстергази, майоръ	878
4) Потопленіе крейсера «Мерримакъ»	479	Толстой, Л. Н., бюстъ Гиннбурга	700г	Этьюдъ. Карт. Дефрегера	941
Санъ-Хуанъ на о. Порто-Рико:		Толстой, Левъ Николаевичъ, графъ	896	Юнга. Этюдъ Кившенко	649
1) Видъ города	599	» и кабинетъ гр. Толстого	896	Ясная поляна. 4 рисунка	895—896
2) Испанскія войска	358	Топелиусъ, Захарій	277	Феофтистовъ, Е. М.	539
Сарасате (де) Пабло	119	Третьяковъ, П. М.	1019	Ферапонтовъ монастырь. Видъ	454
Сарты (семейство)	516	Три граціи. Карт. Паолетти	765	» Внутр. видъ церквн.	455
Сахаровъ, В. В., начал. главн. штаба	137			» Кресло патр. Николая.	455
Сборъ винограда. Карт. Рода	701				
Сборъ яблоковъ. Карт. Сергѣева	784				

К. № 11498 2-2

Cacao van Houten

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНЪ.

Благодаря приятному вкусу, питательности и легкости приготовления, — наилучший шоколадъ для потребления въ жидкомъ видѣ.

САРАТОВСКІЯ САРПИНКИ
 изящная легкая ткань для платьевъ и бѣлья.
ОБРАЗЦЫ 337 рисунковъ ВЪ АЛЬБОМѢ
 высылаются за 56 коп. почт. марк.
 ФАБРИКАНТЫ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
А. Бендеръ съ С-ми и В. Бендеръ,
 Москва, Петровка.
 НА ЛѢТО 1899 ГОДА.

П. № 11842

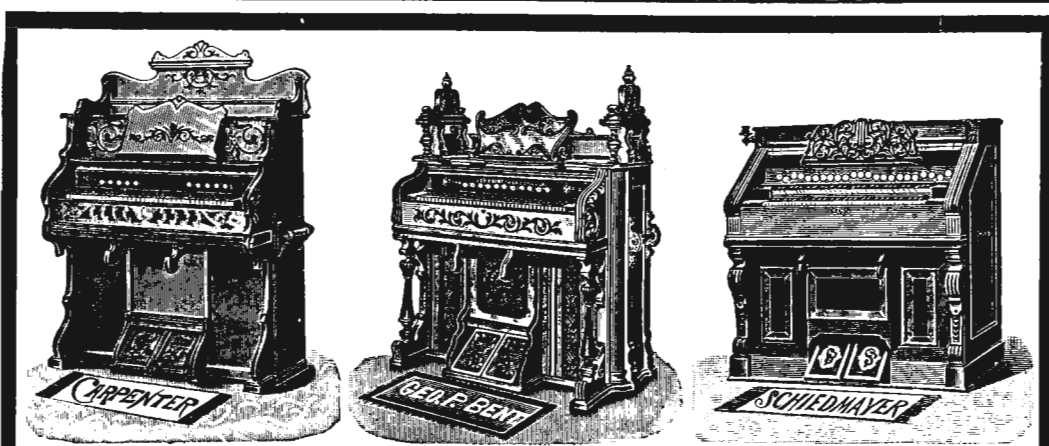
XX
 Покройте сѣтвѣми ваши поля. Новая привилегія. Дешево, прочно, замѣчательно издѣлано. Можно даже скоро, можно даже зимою, безъ запарки, моются водою. Адресъ: Одесса, техническое бюро инженера **Н. МЕЛЬНИКОВА.** (Высчитать подробности).

Вышла книга **П. А. БАДМАЕВА:**
„О системѣ врачебной науки Тибета“.
 1-й выпускъ. Ц. 1 р. 50 к. Складъ изданія: уг. 7-й и Слоновой ул., д. 16—22, кв. 4, 1-й С.-Петербургѣ. Тамъ же принимается подписка на 2-й выпускъ: «Общедоступный лечебникъ по системѣ врачебной науки Тибета». Цена 2 р. съ пересылкою 2 р. 50 к.

ТВОИ ЗИМНЕМЪ ШОКОЛАДЪ КАКАО
ВЕЗДЬ

Общедоступный по цѣнѣ и по содержанию ежемѣсячный иллюстрированный журналъ
„ПЛОДОВОДСТВО“
 издаваемый Императорскимъ Россійскимъ Обществомъ Плодоводства. Выходитъ въ срединѣ каждого мѣсяца книжками въ 5—6 печ. листовъ.
Подписка на 1899 г. (X годъ изданія)
ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ редакціи: С.П. Чернышевъ пер., 16.
 Цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкой **два рубля.**
 Цѣль журнала: распространіе практическихъ знаній по плодоводству, огородничеству, виноградарству и специальнымъ садовопромышленнымъ культурамъ путемъ обмена мыслей и опыта русскихъ садоводовъ.

БЫСТРО, ЧЕТКО И КРАСИВО
 пишутъ новѣйшія пишущія машины
„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“
 Въ 2 года выпущено свыше 20,000 машинъ.
 На различн. выставкахъ премірованы высшими наградами и золот. медалями. Цѣна **100 и 140** руб. В. № 11843 2—1
 Образцы писемъ и каталога высылаются безплатно.
 * ПРЕДСТАВИТЕЛИ: **Э. КУХНЕНКО** и **К. С.-Петербургъ,** Гороховая, 17. *

ФИСГАРМОНИИ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ
Карпентеръ, Бентъ, Шидмайеръ
 лучшія американскія, рекомендованныя Главачемъ, Гензельтомъ и Лястомъ
 и другихъ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ:
 въ 85, 100, 110, 130, 150, 160, 175, 190, 200, 225, 250, 275, 300, 350, 375, 450, 500, 550, 750 и 1000 руб.
 Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.
Юлій Генрихъ Циммерманъ Главное депо и фабрика **МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.**
 Складъ и изданіе нотъ.
 С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34. | Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

СВѢЖІЯ ПОЛЕВЫЯ, ОГОРОДН. СѢМЕНА ЦВѢТОЧНЫЯ И ДРУГІЯ
 КАТАЛОГЪ БЕЗПЛАТНО СЪ МЕННО-ТОРГОВЛЯ У БОЛЬШОГО ТЕАТРА. ВЪ МОСКВѢ **Е. РОТЪ.**

ОТКРЫТЬ СЕКРЕТЪ
 играть на роялѣ и фисгармоніи, не зная нотъ. Книга 20 к. Пробн. ур. съ подроб. и перес. 50 к. (можно марк.), а 4 легк. пѣсни 1 р. Налож. менше 1 р. не высылаю. Каталогъ шестъ безплатно. Складъ изд. С.П. Вознесенск. д. 42. А. И. Попереконъ.

НОВОЕ, то олуждаетъ всеобщій интересъ и удивленіе, есть лучш. премію въ Чикаго. **ручная швейная машинна „The Jewel“** которая шьетъ всякую матерію, толстую и тонкую, сукно и полотно также аккуратно, какъ самая большія швейная машинна. Конструкция вся изъ желѣза и стали, издѣлано отпозированная съ регуляторомъ, шшушь, ками, иглоу, ками, ленкой. **9 руб.**
 для масла и изюстрир. Нонигно вложеномъ руководствомъ. Въ сѣзъ 5 Кило. Каждая машинна имѣетъ тщательно протѣрѣ холъ и стоитъ со всеми приспособл. для шитья всевозможныхъ матерій и мною оплач. пошлшой только 9 руб. Высылаютъ поученій всей сумми, или 3 р. заатка. **M. RUN BAKIN, WIEN, Berggasse 3.** (Вѣна Австрія). Прейсъ-куръ съ платно.

НИВА

№ 1. 1898 г.

Содержаніе:

ТЕКСТЪ. Дззи. Повѣсть П. А. Сергѣенко.—Добрая минута. Разсказъ Анны Бруни.—Орлиное гнѣздо. Очеркъ Д. И. Аничкова (съ 3 рис.).—Къ рисункамъ: Въ деревнѣ на праздникахъ.—Новый годъ.—Молитва.—Изъявление конфедератами покорности Суворову въ 1772 г., послѣ взятія Краковскаго замка.—Съ водосвѣтія.—Проводы стараго года. Стихотвореніе В. В. Уманова-Каплуновскаго.—П. Я. Мультановскій.—О. Г. Габриловичъ.—Евангелина Сиснеро.— Политическое обозрѣніе (1897 годъ).—Объявленіа. РИСУНКИ. Въ деревнѣ на праздникахъ. Картина Р. Френца.—Новый годъ. Оригин. рисунокъ Н. Н. Каразина.—Молитва. Картина Р. Ферруцци.—Изъявление конфедератами покорности Суворову въ 1772 г., послѣ взятія Краковскаго замка. Оригин. рисунокъ Н. Д. Дмитриева-Оренбургскаго.—Съ водосвѣтія. Оригин. рисунокъ И. И. Инакевича.—„Орлиное гнѣздо“. Рис. 1. Село Кончанское. Церковь, въ которой Суворовъ пѣлъ на млирость и читаль Апостола. Рис. 2. Флигель подъ названіемъ „Полудомикъ“, построенный на мѣстѣ дома, въ которомъ жилъ Суворовъ. Рис. 3. Свѣтлица Суворова въ селѣ Кончанскомъ, на холмѣ Дубихъ.—П. Я. Мультановскій.—О. Г. Габриловичъ.—Евангелина Сиснеро до заключенія и послѣ освобожденія изъ тюрьмы. Карлъ Декеръ, освободившій Евангелину Сиснеро изъ тюрьмы. Освобожденіе Евангелины Сиснеро изъ тюрьмы. Опасный переходъ. Подпиленная рѣшетка тюремной камеры, въ которой была заключена Евангелина Сиснеро. При этомъ № прилагаются: 1) СОЧИНЕНІА И. С. ТУРГЕНЕВА, т. 1 (Сборникъ „Нивы“ за январь); 2) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1898 г., печат. красками; 3) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за январь съ 22 рис. и отд. листь съ 30 чертж. выкр. въ натур. велич. и 24 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

НИВА

„даеть въ теченіе
одного 1898 года
своимъ подписчикамъ
БЕЗПЛАТНО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всѣми приложеніями:
Безъ достав-ки въ СПБ. 5 Р. 50 К.
Съ доставкою въ СПБ. . . 6 Р. 50 К.
Безъ дост. въ Москвѣ, у Н. Печков-6 Р. 25 К.
Съ перес.-7
во всѣ горо-
да и мѣстн.
Россіи . . . Р.
За границу 10 Р.
Разсрочка плате-
жа въ 2 и 3 срока.

Подписчики «НИВЫ» получаютъ въ 1898 г.:

- 52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ).
- 12 ТОМОВЪ ПОЛНАГО СОБРАНІА СОЧИНЕНІЙ И. С. ТУРГЕНЕВА, которе явятся первымъ по полнотѣ содержанія.
- 12 КНИГЪ „ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“ (романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя статьи и проч. современныхъ авторовъ).
- 12 №№ „Парижскихъ модъ“ (до 300 модныхъ гравюръ по послѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ).
- 12 №№ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и выкроекъ въ натур. величинѣ (около 600 рис. и черт.)

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1898 г., печатанный красками. Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журн. „НИВА“, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

полное собраніе сочиненій

ТУРГЕНЕВЪ

НЕ НУЖНО БОЛЬШЕ УЧИТЬСЯ КРОИТЬ!!!

Новое изобрѣтеніе (заявлена привилегія. Поддѣлка преслѣдуется закон.). Аппаратъ для кройки дамскаго платья на всякую фигуру безъ передѣлки. Каждый можетъ кроить безъ всякой подготовки; не нужно умѣніе чертить отъ руки. Покрой изящный и прилѣпляется къ модамъ. Прилагается легко-понятное иллюстрирован. руководство. Аппаратъ награжденъ медалью на Кіевской выставкѣ 1897 года.

Цѣна 5 руб., съ пересылк. 6 руб. Обращаться къ изобрѣтателю: А. Сирота, магазинъ модныхъ журналовъ, Москва, Пассажъ Постникова. Тамъ же принимается подписка на всѣ модные журналы по цѣнамъ редакцій. W. № 10823 4-1

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для блоннурыхъ, желтая вода для брюнетокъ. Фланонъ 1 р. 75 н., большой 3 р. 50 н.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“ ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 512 (109)

ВНИМАНІЮ ДАМЪ.

Нѣтъ ничего изящнѣе, какъ одѣваться по модному журналу всемірно-извѣстнаго „ВѢНСКІЙ ШИКЪ“, мѣсь въ Вѣнѣ на русскомъ, франц. и нѣм. языкахъ. За 1 р. 60 к. высылаются наложеннымъ платежемъ послѣдній номеръ. Отдѣленіе конторы редакціи „ВѢНСКІЙ ШИКЪ“: С.-Петербургъ, Невскій, 80.

ВЪ ВАРШАВѢ въ годъ 4 РУБ.

„ПОЛЬСКІЙ КУРЬЕРЪ“ ежедневный, политическій, литературный, иллюстрированный журналъ.

Подается въ Варшавѣ, подъ редакціей Винченція КОСЯКЕВИЧА. Подписная плата за 3 м-ца 1 рубль. ВЪ ГОДЪ съ пересылкою 4 РУБ. Адресъ: Польскій Курьеръ, Варшава, Видокъ № 23.

На лѣтній сезонъ 1898 года САРАТОВСКІЯ САРПИНКИ

ДЛЯ ПЛАТЬЕВЪ и БѢЛЫЯ

полушелковыя, шелковистыя и другія новѣйшихъ рисунковъ

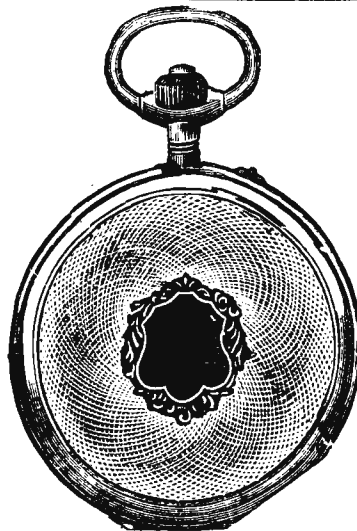
!ОБРАЗЦЫ ВЪ ИЗЯЩНОМЪ АЛЬБОМЪ!

за 56 к. почтовыхъ марокъ высылаютъ

Саратовскіе фабриканты Торговый Домъ

„А. БЕНДЕРЪ съ СМІИ и В. БЕНДЕРЪ“.

МОСКВА, Петровка.

Большой спросъ на карманные часы МОЕЙ ФИРМЫ даетъ мнѣ возможность, улучшивъ производство и отдѣлку, понизить значительно цѣну.

Особеннымъ вниманіемъ гг. покупателей пользуются Женевскіе крытые карманные мужские часы накладнаго золота, весьма прочные, трудно отличимые даже специалистами отъ дорого стоящихъ золотыхъ, анкеръ на 23 каминахъ, механизмъ самой высшей конструкціи (награжденныя въ 1886 г. медалью) съ элегантною цѣпочкою накладнаго золота шатленъ съ бредиломъ, никогда не чернѣющею, только за 8, 9 и 10 р. Такіе же дамскіе на 1 р. дороже.

Доказательствомъ перечисленныхъ достоинствъ моихъ часовъ является большой кругъ заказчиковъ и много благодарственныхъ отзывовъ. Часы высылаются тщательно проверенными, по полученіи 2 р. задатка. Письменное ручательство на 6 лѣтъ.

Адресъ: М. ГОЛЬДЕНБЕРГУ, Варшава, фабричный складъ часовъ. По желанію заказчика можетъ быть съ его монограммою.

XXIX г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIX

№ 1

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1898

Выданъ 3 января 1898 г.

Цѣна этого № 25 к. съ пер. 30 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна годового изданія „Нивы“ со всѣми приложеніями на 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содерж. полное собраніе сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ 5р.50. Безъ доставки въ Москвѣ 6р.25. Съ доставкою въ Петербургѣ 6р.50. Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи 7р. За гра. ницу 10р.

На ¼ года съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на ½ года съ дост. въ СПб. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 к.

При семъ прилагаются: 1) СОЧИНЕНІЯ И. С. ТУРГЕНЕВА, т. I (Сборникъ «Нивы» за Январь); 2) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1898 г., печат. красками; 3) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА ЯНВАРЬ 1898 г. съ 22 рис. и отдѣл. листъ съ 30 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 24 рис. рукодѣльныхъ работъ.

На праздникахъ въ деревнѣ. Съ картины Р. Френца грав. П. Павловъ.

Дэзи.

Повѣсть.

П. А. Сергѣенко.

И служилъ Иаковъ за Рахиль 7 лѣтъ; и они показали ему за нѣсколько дней, потому что онъ любилъ ее.

Книга Бытiя, XXIX, 20.

I.

Въ началѣ октября, въ одномъ изъ петербургскихъ театровъ, шла новая пьеса—*Ладъ*, принадлежавшая перу молодого автора, Герливанова.

Театръ былъ переполненъ такъ-называемой избранной публикой. Отъ пьесы ждали многого и очень интересовались ея авторомъ. Его почти никто не зналъ, между тѣмъ его изящный сборникъ стиховъ, появившійся передъ этимъ, обратилъ на себя общее вниманіе своей задушевностью и музыкальностью слога.

Ладъ шелъ гладко и принимался публикой съ замѣтнымъ интересомъ. По зрительному залу то и дѣло проносился тотъ сдержанный, но подымающій гулъ одобренія, которымъ иные артисты дорожатъ больше, чѣмъ аплодисментами.

Въ директорской ложѣ сидѣлъ молодой человѣкъ въ пенсѣ, съ блѣднымъ, интеллигентнымъ лицомъ и воодушевленнымъ взглядомъ. Вытянувъ шею, онъ напряженно слѣдилъ за ходомъ пьесы, при чемъ его длинные черные волосы нависали на щеки и сообщали ему сходство съ Альфонсомъ Додэ.

Послѣ 2-го акта раздались дружные аплодисменты, и сквозь нестройный шумъ сверху прорвался зычный голосъ:

— Авторра!..

Крикъ этотъ подхватили въ другой сторонѣ, и начали усиленно вызывать автора.

Молодой человѣкъ, сидѣвшій въ директорской ложѣ, въ волненіи откинулся назадъ и отступилъ за портьеру въ небольшую комнату при ложѣ. Тамъ подоткрылась небольшая дверь, ведущая на сцену, и послышался торопливый голосъ режиссера:

— Михаилъ Николаичъ, пожалуйте-съ на сцену!

Молодой человѣкъ съ учтливой поспѣшностью пошелъ за режиссеромъ, но когда узналъ, что его ждутъ артисты, чтобы выйти вмѣстѣ на вызовы публики, онъ заволновался и проговорилъ съ отгѣнкомъ замѣшательства:

— Я не пойду, Егоръ Ивановичъ!

— Нельзя-съ! Это расхолаживаетъ публику, — строго замѣтилъ режиссеръ хриплымъ голосомъ.

Въ это время вызовы и аплодисменты усилились. Казалось, что сотни гусей вдругъ заплескались въ водѣ. У занавѣса, около портьеры, появилась молодая красивая женщина, съ набѣленнымъ лицомъ и подведенными глазами. Она придерживала лѣвою рукою пышный шлейфъ платья, а правой дѣлала автору петербургскія знаки.

— Идите же, Герливановъ!..

Герливановъ подошелъ къ ней, но отъ выхода отказался. Онъ былъ блѣденъ и чувствовалъ лихорадочное состояніе. Режиссеръ и исполнители начали уговаривать его выйти на вызовы и не подрывать успѣха своей пьесы. Но онъ качалъ головою и пятился отъ портьеры: режиссеръ сдвинулъ плечами и отошелъ въ сторону, взявшись рукою за горло, которое всегда у него начинало болѣть, когда онъ сердился.

Портьера раздвинулась, и Герливановъ едва успѣлъ отскочить въ сторону. Послышался шумъ, похожій на гулъ прорвавшейся плотины. Герливановъ быстро отошелъ въ глубь сцены и весь антрактъ простоялъ въ темномъ уголкѣ. Сердце у него билось порывисто.

Еще въ первомъ антрактѣ его взволновала мысль о

важности роли драматурга. Въ ложахъ и въ первыхъ рядахъ креселъ онъ замѣтилъ извѣстныхъ дѣятелей, которыхъ знала вся Россія. И всѣхъ ихъ собралъ сюда онъ и держать подъ извѣстной властью своего произведенія, и можетъ вліять на нихъ... Эти мысли пьянили его. И по мѣрѣ возрастанія успѣха пьесы, сознание его какъ бы заволакивалось туманомъ. „Вотъ онъ — счастливейшія минуты, ради которыхъ можно все забыть!“ — думалъ онъ. И всѣ четыре дѣйствія онъ не могъ найти себѣ мѣста.

По окончаніи пьесы раздались шумные аплодисменты и крики, вызывавшіе автора. Герливановъ въ это время былъ на сценѣ и, съ горящими отъ счастья глазами, пожималъ руки исполнителямъ и благодарилъ ихъ. Вдругъ онъ почувствовалъ въ спинѣ какое-то странное ощущеніе, и, когда обернулся, занавѣсъ былъ уже на половину поднятъ.

Передъ Герливановымъ засверкала огнями бездонная, ревушая бездна. Его взяла за руки и подвели къ рампѣ. Аплодисменты и вызовы усилились.

— Авторръ! Бра-аво!.. Bravo!..

Вѣки у Герливанова горѣли; и отъ волненія слезы подступали къ горлу. Онъ машинально подражалъ движеніямъ артистовъ и моталъ головою, поднимая глаза вверхъ. Черезъ минуту занавѣсъ опять взвился, и Герливановъ опять подвели поближе къ рампѣ. На этотъ разъ ему уже не было такъ страшно, и среди бездны онъ успѣлъ разсмотрѣть нѣсколько лицъ. Послѣ этого его вызвали вдвоемъ съ главной исполнительницей — Долинекой, затѣмъ съ главнымъ исполнителемъ, Апиловымъ, потомъ съ режиссеромъ и наконецъ одного. Тутъ онъ опять пришелъ въ замѣшательство и, остановившись въ глубинѣ сцены, не рѣшался идти дальше. Ему было неловко. Онъ не зналъ, что дѣлать съ руками, и, не сгибая спины, автоматически кивалъ головою, при чемъ его длинные пушистые волосы нависали ему на щеки и еще сильнѣе отгѣняли возбужденную блѣдность его лица.

И какъ только занавѣсъ опускался, къ Герливанову подходили актрисы, актеры, закулисные завсегдатаи, театральные рабочіе и поздравляли его съ великимъ успѣхомъ. Онъ растроганно благодарилъ всѣхъ и чувствовалъ себя, какъ въ волшебной сказкѣ.

Черезъ часъ послѣ спектакля въ одномъ изъ лучшихъ петербургскихъ ресторановъ сидѣла оживленная компанія, собиравшаяся вспырнуть успѣхъ автора новой пьесы, имѣвшей выдающійся успѣхъ.

Тутъ были журналисты, актеры, актрисы, два извѣстныхъ адвоката, неистощимый въ остроуміи рассказчикъ-импровизаторъ и непремѣнный членъ подобныхъ собраний, профессоръ-„златоустъ“, Некарскій. Лица у всѣхъ были возбуждены тѣмъ особеннымъ оживленіемъ, какое почти всегда появляется на ужинахъ, въ веселой полупознакомой компаніи. Говорили преимущественно о новой пьесѣ, которая всѣмъ понравилась.

Герливановъ былъ предметомъ общаго вниманія и съ затуманеннымъ взглядомъ слушалъ, чокался бокаломъ, улыбался. Его взыскательное самолюбіе было удовлетворено. Пьеса имѣла несомнѣнно выдающійся успѣхъ. А этотъ оживленный ужинъ съ главными закройщиками петербургскаго общественнаго мнѣнія какъ бы ужъ совершенно вводилъ его во владѣніе славой, о которой онъ такъ жадно мечталъ.

Слушая тонкія похвалы и мѣткія замѣчанія, Герливановъ постепенно проникался чѣмъ-то въ родѣ умиленія къ присутствующимъ и думалъ о томъ, какъ много въ Петербургѣ свѣтлыхъ умовъ съ высоко развитымъ

художественнымъ чутвѣмъ. По тому вниманію, съ которымъ всѣ относились къ нему, замѣтно было, что Герливановъ произвелъ на всѣхъ пріятное впечатлѣніе и своей личностью, и своей сдержанностью и тактомъ.

Послѣ хвалебныхъ рѣчей актера Анилова и профессора Пекарскаго послышался стукъ ножа о тарелку, и при общемъ оживленіи артистка Долинская попросила слова. Она эффектнымъ движеніемъ подняла руку съ бокаломъ и обвела всѣхъ своей привлекательной улыбкой.

— Позвольте и мнѣ, слабому созданью, — сказала она:—присоединить свой голосъ къ выраженнымъ вами чувствамъ. Я хочу привѣтствовать нашего симпатичнаго драматурга, не какъ артистка, а какъ женщина. Онъ сумѣлъ въ своей пьесѣ съ такой чуткостью заглянуть въ женскую душу, что хочется расцѣловать его и сказать: „Да, дорогой поэтъ, вы правы: мы далеко не таковы, какими насъ рисуютъ. Надо только поглубже заглянуть въ нашу душу и надо понять насъ“. И за то, что нашъ милый поэтъ постигъ женское сердце, да будетъ ему слава!

Раздались аплодисменты и крики „ура!“ Всѣ подошли чокаться къ Долинской и къ Герливанову. Онъ не выдержалъ и поднялся съ бокаломъ въ рукѣ. Вино и рѣчи опьянили его и привели въ то взвинченное состояніе, когда человѣкъ не можетъ уже больше молчать. И, откинувъ съ висковъ свои черные волосы, онъ проговорилъ съ волненіемъ:

— Я не ожидалъ ничего подобнаго и никогда не забуду этого вечера... Отъ всей души благодарю васъ...

И онъ предложилъ выпить за здоровье Долинской.

Шумные крики и звонъ бокаловъ огласили обширный кабинетъ.

Нѣкоторые же не только осушили свои бокалы, но, въ избыткѣ чувствъ, и разбили ихъ во славу искусства.

Только въ шестомъ часу утра кончился ужинъ. И когда Герливановъ поѣхалъ домой, ему казалось, что онъ видитъ дивный сонъ, въ которомъ его чувствуютъ, какъ выдающагося писателя. Холодный вѣтеръ нѣсколько освѣжилъ его. Пріѣхавши домой и снявши съ нѣкоторымъ усиленіемъ пальто, онъ подарилъ полу-сонной дѣвушкѣ рубль на чай и велѣлъ купить утромъ всѣ газеты, какія издаются въ Петербургѣ.

Но аплодисменты, вызовы, тосты, профессоръ Пекарскій, Долинская и пр. наполняли и сновидѣнія Герливанова.

Въ 11-мъ часу онъ проснулся и сейчасъ же спросилъ газеты. Дѣвушка принесла цѣлую кипу газетъ. Онъ началъ торопливо разворачивать ихъ и съ нетерпѣніемъ отыскивать театральныя отдѣлы. Свѣжую типографскую краску онъ вдыхалъ, какъ тонкое благоуханіе.

Во всѣхъ газетахъ были краткіе, но сочувственные отзывы о его пьесѣ. Только въ одномъ уличномъ листкѣ Герливанову не понравился отзывъ, гласившій: „Пьеса имѣла значительный внѣшній успѣхъ. Авторъ былъ нѣсколько разъ вызванъ“. Ему казалось, что листокъ былъ бы ближе къ истинѣ, если бы вмѣсто словъ: „значительный“ и „нѣсколько“ напечаталъ: „выдающійся“ и „много“. Но въ общей массѣ меда эта капля дегтю не произвела на Герливанова особаго впечатлѣнія. Онъ всталъ и за чаемъ перечиталъ еще разъ всѣ отзывы о его пьесѣ. Въ 1-мъ часу къ нему пріѣхали актеръ Аниловъ и модный фельетонистъ, князь Плецкій, съ которымъ Герливановъ познакомился на ужинѣ. Выхолонный и курчавый Аниловъ издала протянулъ Герливанову обѣ руки и сказалъ:

— Ну, Михаилъ Николаевичъ, вы или чародѣй, или пахотитесь подъ особымъ покровительствомъ какой-нибудь доброй феи. Вообразите: *ни въ одной* газетѣ васъ

сегодня не ругаютъ. Это прямо какое-то недоразумѣніе.

Герливановъ придерживалъ рукою воротникъ жакета, потому что былъ безъ галстука, и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Анилова.

— За что же меня ругать?

— А за то, что въ вашей фамиліи есть буква „р“, которую не всѣ выносятъ,—проговорилъ съ загадочной улыбкой Аниловъ, подмигивая князю Плецкому:—за то, что въ вашей пьесѣ нѣтъ роли для Антона Петровича, за то, что вчера вы ужинали съ Семеномъ Кирилловичемъ, и мало ли еще за что можно васъ пробовать?

Все это было произнесено Аниловымъ съ саркастической ноткой, всегда появлявшейся у него, когда онъ говорилъ о печати. Князь Плецкій—изящный блондинъ въ смокингѣ и съ толстой золотой цѣпью на рукѣ, перевелъ лѣнивый взглядъ на Анилова и сказалъ, растягивая слова:

— Это объясняется о-очень просто: Михаилъ Николаевичъ у насъ ho-omo novus и въ партійномъ отношеніи представляетъ собою листъ бѣ-элой бумаги. Многие, вѣроятно, считаютъ его „своимъ“ и ду-умаютъ, что онъ принадлежитъ къ ихъ приходу. А такъ какъ его пьеса дѣйстви-тельно выдающееся произведеніе, то для благопріятнаго отзыва даже и не требовалось особаго гражданскаго мужества.

Аниловъ улыбнулся одной изъ своихъ загадочныхъ улыбокъ и, напомнивъ Герливанову, что они обѣдаютъ вмѣстѣ у Раевича, уѣхалъ на репетицію. Герливановъ только тогда вспомнилъ извѣстнаго петербургскаго мецената и богача, шарообразнаго толстяка съ молочнорозоватой кожей, съ которымъ онъ познакомился на ужинѣ. Къ 2-мъ часамъ къ Герливанову пріѣхало еще нѣсколько лицъ изъ литературно-артистическаго міра, и они проболтали о всякой всячинѣ до 4-хъ часовъ. Больше всѣхъ Герливанову понравился князь Плецкій, превосходно знавшій французскую литературу и исповѣдывавшій только чистое искусство. Онъ цитировалъ цѣлыя страницы изъ своихъ любимцевъ: Альфреда де-Мюссе, Бодлера и др., причемъ читалъ ихъ, скандируя, и какъ бы пѣлъ нѣкоторыя строфы. У него съ Герливановымъ оказались общіе кумиры, и они почувствовали взаимное влеченіе другъ къ другу.

Въ барскихъ палатахъ Раевича съ старинными чернѣвшими картинами и канделябрами, похожими на огромныхъ спрутовъ, Герливановъ былъ опять предметомъ особаго вниманія. Здѣсь онъ познакомился со многими выдающимися дѣятелями на разныхъ поприщахъ и вернулся домой опять съ радужнымъ туманомъ въ головѣ. Но мысль о завтрашнемъ—„судномъ днѣ“—однако, не покидала его. Завтра должны появиться рецензіи о его пьесѣ. Чтò скажутъ Гурьевъ и Калмыковъ?—эти наиболѣе серьезные критики, вѣчно враждующіе между собою. Кто изъ нихъ возьметъ его подъ свое покровительство, а кто набросится со всей силою своего безопаднаго сарказма?

Проснулся Герливановъ утромъ очень рано и позволилъ, чтобы ему подали газеты. Но газетъ еще не приносили. Герливановъ вскочилъ съ постели и, поспѣшно одѣвшись, устремился на уголъ Невскаго, гдѣ продавали газеты. Накупивъ газетъ, онъ почти бѣгомъ вернулся домой. По мѣрѣ чтенія, сладостное волненіе все больше охватывало его. Всѣ хвалили его пьесу. Даже безопадные Гурьевъ и Калмыковъ, никогда ни въ чемъ не соглашавшіеся другъ съ другомъ, и тѣ единодушно признали за нимъ выдающееся дарованіе, преподавъ ему нѣсколько цѣнныхъ совѣтовъ, противорѣчившихъ, конечно, одинъ другому.

Герливановъ съ глубокимъ вниманіемъ перечитывалъ нѣкоторыя рецензіи и подчеркивалъ наиболѣе замѣчательныя мѣста; затѣмъ онъ вырѣзалъ главныя рецензіи и вклеилъ ихъ въ особую тетрадь. Въ глубинѣ

Новый годъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Н. Каразина, автогипія „Нивы“.

души онъ предрѣшалъ успѣхъ своей пьесы, но не въ такой степени. И въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ находился какъ въ чадѣ, отдавшись подхватившему его теченію повой жизни.

Каждый день приносилъ ему новыхъ знакомыхъ. Онъ началъ посѣщать различныя собранія и кружки. Новые знакомые ухаживали за нимъ, какъ за какимъ-нибудь принцемъ дружественной державы, и дѣлали изъ него иногда за ужиномъ нѣчто въ родѣ десерта. Его все это очень занимало и трогало. Онъ началъ тщательно слѣдить за своей артистической паружностью; завелъ модные галстуки, модные духи, и изъ скромнаго домосѣда, фанатически преданнаго своимъ „бумагамъ“, превратился въ беззаботнаго посѣтителя модныхъ ресторановъ и всякихъ собраній, гдѣ бывалъ „весь Петербургъ“.

Проснувшись, такъ-называемымъ утромъ, т. е. около 12-ти часовъ, и находясь еще подъ туманомъ вчерашняго дня, онъ находилъ у себя на столѣ новыя приглашенія или сочувственныя посланія по поводу его пьесы. Эти посланія сначала доставляли ему высокое наслажденіе. Онъ пряталъ ихъ, какъ рѣдкія драгоценности, въ особенный ящикъ и посылалъ своимъ корреспондентамъ фотографическія карточки съ надписями или назначалъ имъ свиданія. Эта „живая связь“ съ публикой казалась ему такимъ знаменательнымъ фактомъ въ его жизни, что онъ часто исписывалъ по этому поводу цѣлыя страницы въ своемъ дневникѣ и гордился въ душѣ своимъ высокимъ назначеніемъ, своей плодотворной дѣятельностью.

Изъ новыхъ знакомыхъ больше всѣхъ пришелся по сердцу Герливанову князь Плоцкій. Они по цѣлымъ часамъ оживленно бесѣдовали о Гёте и Пушкинѣ. Пушкина Герливановъ боготворилъ, считая его языкъ образцомъ поэтическаго лаконизма. Для поясненія онъ читалъ иногда вслухъ нѣкоторыя сцены изъ „Мѣднаго всадника“, „Каменнаго гостя“ и другихъ произведеній Пушкина. Обладая баритоннымъ груднымъ голосомъ съ едва уловимой хрипкой, напоминающей дрожаніе басовой струны, онъ читалъ стихи своеобразно, точно импровизируя ихъ. Его читка всегда производила на князя Плоцкаго впечатлѣніе. Но это не мѣшало ему черезъ минуту перебрасывать рѣчь на гурманство и увозить Герливанова къ Дону, къ Кюба или на какой-нибудь особенный завтракъ по поводу какого-нибудь событія. Ыда и поэзія только и могли расшевелить нѣсколько вялую натуру князя Плоцкаго. За ресторанными завтраками и обѣдами у Герливанова завязывались новыя знакомства съ почитателями его таланта. Новые знакомые казались ему необыкновенно интересными и симпатичными. Они такъ внимательно относились къ нему, что Герливановъ считалъ даже неловкимъ для себя отказать имъ въ удовольствіи видѣть его особу. И онъ проводилъ съ ними дни, вечера и ночи, пьяня отъ вина и еще больше отъ присутствія красивыхъ женщинъ.

Будучи по натурѣ очень самолюбивымъ, онъ рѣдко говорилъ въ обществѣ, избѣгая споровъ, задѣвающихъ самолюбіе. Но въ небольшомъ кружкѣ близкихъ людей и особенно въ присутствіи женщинъ, его изысканная артистическая натура какъ бы разворачивалась, и онъ охотно вступалъ въ бесѣду, быстро одушевляясь, когда заходила рѣчь о какомъ-нибудь красивомъ произведеніи. Красота была его религіей.

И, подобно набожному инду, чтущему въ каждой живой твари частицу *мировой души*, Герливановъ почти въ каждой женщинѣ чтилъ хранительницу частицы образа красоты, который онъ носилъ въ своей душѣ. Ему всегда казалось, что этотъ образъ онъ отличилъ бы между тысячами женщинъ и сразу бы сказалъ:

— Вотъ она, властительница моихъ думъ, о которой я мечтаю, которая является ко мнѣ въ снови-

дніяхъ и которой я готовъ посвятить все мои помыслы.

Это былъ плѣнительный образъ женской красоты, созданный его поэтическимъ воображеніемъ. Иногда ему казалось, что онъ видѣлъ ее какъ бы скрытой подъ другими чертами. Поэтически-прекрасный образъ не тускнѣлъ въ душѣ Герливанова даже и при грубыхъ впечатлѣніяхъ. Напротивъ, чѣмъ грубѣ бывали факты въ его жизни, тѣмъ ярче свѣтлѣлъ прелестный женскій образъ въ его душѣ. И ему часто приходило на умъ красивый мифъ Платона о древнихъ „апдрогипахъ“, которыхъ Зевесъ разсѣкъ на двѣ половинки и въ образѣ людей пустилъ на испытаніе. Тогда въ глубинѣ его души слагалось нѣчто въ родѣ колумбовской вѣры. Онъ вѣрилъ, что гдѣ-то должна быть и „его часть“, и думалъ о ней, и ждалъ ея. На улицѣ, въ собраніи, въ театрѣ его взглядъ пылливо скользилъ по женскимъ лицамъ, и сердце ждало услышать:

— Вотъ она!

Это постоянное исканіе не наслажденій, а любви и красоты, яркой нитью проходило черезъ его отношенія къ женщинамъ. Но интимная близость съ ними всякій разъ оставляла въ душѣ Герливанова горькое чувство и онъ еще сильнѣе томился жаждой любви — точно путникъ, припадавшій къ источнику съ соленой водою.

II.

Не удовлетворила Герливанова и новая, веселая жизнь, которой онъ отдался въ началѣ зимы.

Но съ особенной остротой эта неудовлетворенность стала сказываться въ немъ именно тогда, когда онъ менѣе всего могъ ожидать этого, т. е. въ зенитѣ его славы. Подобно Тимону Аѳинскому, онъ могъ бы сказать тогда, что весь міръ превратился для него въ кондитерскую, гдѣ столько ласковыхъ глазъ, сердецъ и устъ было къ его услугамъ, что онъ ужъ и не зналъ, гдѣ найти ихъ работу. А между тѣмъ, возвращаясь на зарѣ домой, онъ часто испытывалъ какое-то гнетущее чувство, похожее на то, какъ если бы его кучеръ переѣхалъ на улицѣ кого-нибудь, или его пьеса не сдѣлала сбора бѣдняку-бенефицианту. И ощущеніе это съ каждымъ днемъ дѣлалось въ немъ все острѣе.

— Я должно-быть перевеселился немного, — сказалъ онъ однажды князю Плоцкому, къ которому хотя и сохранилъ наиболѣе дружескія отношенія, но уже не питалъ прежняго влеченія.

— А что развѣ вы чувствуете себя пехорошо? — спросилъ тотъ, окидывая лѣнивымъ взглядомъ художавую фигуру Герливанова и останавливая глаза на его блѣдномъ лицѣ съ тонко-очерченными ноздрями.

— Я страшно усталъ, — сказалъ Герливановъ утомленнымъ голосомъ и взился бѣлыми и хрупкими, какъ у женщины, руками за голову.

— Это видно по вашему лицу, — сочувственно промолвилъ князь и съ рѣшительностью добавилъ: — однако, намъ надо отправляться, иначе мы опоздаемъ.

И князь Плоцкій началъ торопить Герливанова который за минуту до этого рѣшилъ провести день дома, но, по обыкновенію, уступилъ просьбѣ и началъ поспѣшно одѣваться.

Однако, вернулся въ эту ночь домой онъ еще съ бѣльшимъ недовольствомъ на себя. Зачѣмъ онъ не выдержалъ характера и не остался дома? Удовольствія онъ никому не доставилъ, а себя только разстроилъ. Ужасно скучно все это!

Но болѣе всего его злило, что онъ совершенно отбился отъ работы. Разгульно-свѣтская жизнь брала его всего, безъ остатка, даже съ нѣкоторымъ начетомъ каждый день.

Оказывалось, что онъ обѣщалъ зайти туда-то и не

зашелъ. Тамъ ждали его къ обѣду, но онъ къ обѣду не прѣехалъ et cetera, et cetera. Въ концѣ концовъ за нимъ накопились столько прегрѣшеній, что онъ не могъ уже и думать о полномъ искупленіи и рѣшилъ ликвидировать свои отношенія къ обществу. Но оказалось, что это сдѣлать не такъ-то легко, потому что многія лица, которыхъ онъ вовсе не хотѣлъ бы огорчать, непременно будутъ обижены, если онъ перестанетъ посѣщать ихъ попрежнему. Онъ и безъ того уже сильно оскорбилъ пятницы, т. е. дни, въ которые собирались въ ресторанѣ Палкина сотрудники одной газеты. Собиравшіяся здѣсь лица не представляли собою никакой партіи, ни вѣдь-партіи, а просто составляли группу проголодавшихся пассажировъ на пароходѣ. Иногда было очень интересно и весело на палубѣ, въ иные же дни слишкомъ шумно. Герливанову было досадно, что милые въ сущности, люди считаютъ себя оскорбленными не тѣмъ, что онъ пересталъ посѣщать ихъ *пятницы*, а тѣмъ, что предпочелъ имъ *вторники*: того они отъ него никакъ не ожидали.

Но, кромѣ этого, къ нему были предъявлены еще претензіи отъ *четверговъ* и отъ *субботъ*. Неужели ему такъ трудно заѣхать хоть на нѣсколько минутъ одинъ разъ въ недѣлю, зная, какъ его любятъ?

Всѣ эти претензіи иногда выводили изъ себя Герливанова. Но, будучи человѣкомъ мягкимъ и деликатнымъ и сообразивши, какъ трудно людямъ думать иначе, чѣмъ они думаютъ,—онъ старался сердечностью отношеній искупить свои вины и заѣзжалъ хоть на нѣсколько минутъ всюду, откуда сыпались на него укоры.

Но съ каждымъ днемъ выставочная роль становилась Герливанову все тигостяѣе. Ежедневные продолжительные обѣды съ винами, шумные ужины, летучія связи съ женщинами и безсонныя ночи,—все это замѣтно отразилось и на здоровьѣ Герливанова. Онъ обрюзгъ, осунулся, утратилъ прежнюю живость настроенія, и сдѣлался очень раздражителенъ. Сонъ его былъ безпокойный и уже не возвращалъ ему полностью расходуемыхъ ежедневно силъ. Герливановъ постоянно чувствовалъ усталость и точно туманъ въ головѣ. Не разъ ему приходила мысль,—рѣзко оборвать безтолковую жизнь и приступить къ давно задуманной работѣ.

Но, увы — благодатный жаръ вдохновенія уже не хватывалъ его съ прежней силою. Герливановъ не могъ долго удерживать вниманіе, быстро утомлялся отъ умственной работы и испытывалъ при этомъ такое ощущеніе, какъ будто его голову надавливали подушкой.

Сюжетъ новой пьесы, казавшійся ему необыкновенно простымъ и яснымъ, при разработкѣ запутывался. Онъ пробовалъ прибѣгать къ возбуждающимъ средствамъ: пить крѣпкій чай, турецкій кофе и кофе съ коньякомъ. На нѣкоторое время это поднимало въ немъ энергію. Но затѣмъ всякая работа кончалась еще бѣльшимъ упадкомъ силъ.

Написавъ нѣсколько страницъ нервнымъ, крючкова-тымъ почеркомъ, и пробѣжавъ глазами написанное, Герливановъ приходилъ въ возмущеніе. Слогъ былъ вялъ и блѣденъ, положенія искусственны. Онъ пробовалъ исправлять, но въ тщетныхъ усиліяхъ просиживалъ цѣлыя часы. Воображеніе работало медленно, сбивчиво и угнетенно. Герливановъ нервно отодвигалъ отъ себя работу и думалъ:

„О, тотъ, кто хочетъ одерживать побѣды надъ всѣми трудностями художественнаго творчества, долженъ поступать, какъ Моисей въ войнѣ съ амалекитянами, и не опускать рукъ.“

И часто Герливановъ не могъ найти не только характерныхъ выраженій для извѣстнаго лица, но даже и просто опредѣленій, ясно выражающихъ какой-нибудь отгѣнокъ чувства. И онъ считалъ себя въ поло-

женіи пианиста, который долженъ играть на фортепиано, лишенномъ нѣкоторыхъ клавишей. Это приводило его въ раздраженіе. Онъ закидывалъ назадъ голову и, прижавъ горячія ладони къ вискамъ, думалъ съ тревогою:

„Неужели во мнѣ все уже изсякло? И ничего больше нѣтъ тамъ, кромѣ золы да перегорѣлыхъ угольевъ?..“

И чѣмъ дольше онъ сравнивалъ себя съ другими писателями, тѣмъ непосильнѣе казалась ему его роль.

„У нихъ,—думалъ онъ:—что ни фраза, то взмахъ мысли, у нихъ каждое слово на мѣстѣ; у него же — столько лишняго, условнаго и неяснаго!“

И на 27-мъ году жизни, когда почти полжизни было уже прожито, и оставалась сомнительная половина, онъ съ мучительнымъ сомнѣніемъ думалъ о томъ, что избралъ чужью дорогу.

— Нѣтъ во мнѣ истиннаго таланта... нѣтъ,—шептала онъ съ искаженнымъ лицомъ.— *Лидь*—произведеніе случайное... *Истинный* талантъ есть нѣчто живое, самодѣйствующее и прежде всего заявляющее о себѣ производительностью, какъ не потухшій вулканъ огнемъ и лавою. Мнѣ же каждая строчка дается путемъ напряженныхъ усилій. И послѣ всякаго новаго произведенія я чувствую безсиліе родильницы... Нѣтъ во мнѣ настоящаго дарованія?

И съ угнетеннымъ чувствомъ онъ всякій разъ унытожалъ написанное, превращая такимъ образомъ свою работу въ прыжокъ Пенелопы, и уходилъ куда-нибудь, чтобы разсѣяться отъ непріятныхъ мыслей.

Но съ нѣкотораго времени общеніе съ людьми уже не доставляло Герливанову прежняго удовольствія, а только утомляло его. При этомъ онъ сталъ подмѣчать въ себѣ нараставшую непріязнь къ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ. Они начали раздражать его своимъ видомъ, своими анекдотами, галстуками, сигарами и множествомъ такихъ мелочей, какихъ прежде онъ даже и не замѣчалъ. И часто онъ съ трудомъ сдерживалъ себя, чтобы не сказать имъ чего-нибудь непріятнаго.

Вернувшись въ началѣ марта съ одного шумнаго ужина, Герливановъ почувствовалъ непреодолимую потребность разобраться въ самомъ себѣ, и обратился къ своему дневнику.

„Со мною, за послѣднее время,—писалъ онъ:—происходить что-то странное. Доктора навѣрно опредѣлили бы мое состояніе какой-нибудь *истерсеніей*, и для нихъ было бы ясно, сколько и чего мнѣ надо дать. Но мнѣ кажется, что источникъ моего недуга лежитъ не во мнѣ, а въ воздухѣ, которымъ я дышу — въ скверномъ санктпетербургскомъ воздухѣ, о которомъ еще Пушкинъ выразился, что все здѣсь: или сохнетъ, или гниетъ. Завидная перспектива! Да, несомнѣнно, — я *боленъ Петербургомъ*. Это особенная болѣзнь. Въ учебникахъ патологій о ней еще не упоминается. Но она, бесспорно, существуетъ. И присутствіе ея я особенно ощущаю именно теперь. Есть преданіе, что городъ Китижъ, затонувшій въ незапамятныя времена, выплываетъ въ извѣстное время на поверхность воды и призывно гудитъ звономъ своихъ колоколовъ. Нѣчто подобное совершается всякій разъ и во мнѣ когда наступаетъ весна. Изъ глубины души моей что-то какъ бы поднимается и таинственно влечетъ меня куда-то. Оттого, вѣроятно, и всѣ петербургскія удовольствія утратили для меня весь свой букетъ, и при одномъ упоминаніи о какомъ-нибудь званомъ обѣдѣ, или по-возможномъ *soirée* съ умными разговорами *quand même*, — я уже испытываю нѣчто въ родѣ духовной оскормины. Вся эта жизнь значительно расшатала мои нервы и обострила чувствительность. Иногда мнѣ кажется, что въ моемъ мозгу появляются какія-то особенныя „чувствилища“, обнажающія передо мною многое такое, чего я прежде не замѣчалъ. Ложь, напримѣръ, я иногда чувствую теперь какъ-то физически, какъ Мейербергъ

фальшивыя ноты, и нѣкоторыхъ изъ моихъ знакомыхъ я въ состояннн иногда читать, какъ книги. Но содержаннн опыхъ, къ сожалѣнню, не могу одобрить.

„Вѣроятно, поэтому и бесѣды ихъ уже не доставляютъ мнѣ прежняго удовольствнн. Мое эстетическое чувство коробится ихъ грубой организацнн. Они бываютъ часто очень снисходительны къ идеямъ и безсердечны къ людямъ. Въ нихъ не развито чувство уваженнн къ личности, любви къ гармоннн. Ихъ идеалы напоминаютъ мнѣ ароматичные ломтики ананаса, нарѣзанные ножемъ, который пахнетъ лукомъ. Я, конечно, не осуждаю ихъ. Что я за судья? Но я имѣю право выбирать то, что мнѣ нравится. Я человекъ лирической. Мнѣ нужны и дороги: искреннее слово, дружеская бесѣда, поцѣлуй, ласка, участнн мужчины или женщины. Мнѣ прнятно прослушать красивую музыкальную пьесу, прочесть изящное стихотвореннн или взглянуть на какое-нибудь художественное произведеннн. Все же крикливое, грубое, лагерное, нетерпимое—чуждо моей натурѣ. Вообще, всякнй бурный натискъ, особенно въ искусствѣ, отталкиваетъ меня; и „муза мести“ никогда не пользовалась моими симпатннми, напоминая мнѣ собою хвостъ выхухоля, который, можетъ-быть, и не замѣнимъ, какъ драгоценное средство противъ моли, но самъ по себѣ мало привлекателенъ. Мени же влечетъ только то, что самоцѣльно, звучно, стройно, красиво. И я всегда былъ того мнѣннн, что если мнѣ удастся написать хоть одну поэму, одну только повѣсть или пьесу, которая будетъ преисполнена красоты и музыкальности, то я уплачу мой гражданскнй долгъ не менѣе, чѣмъ если бы считался всю жизнь самымъ усерднымъ барабанщикомъ въ какомъ-нибудь политическомъ батальонѣ. Вообще, мнѣ всегда было ясно, куда надо идти. Теперь же вотъ я совершенно запутался и не знаю, что мнѣ дѣлать съ собою. Я сблизился съ людьми, совершенно мнѣ чуждыми. Между нами почти ничего нѣтъ общаго. Я ихъ не люблю, не уважаю. И все-таки „долженъ“ бывать у нихъ, долженъ принимать у себя, вознться съ ними, пить за ихъ здоровье, за ихъ дѣятельность, которой я не сочувствую. Не сказать же имъ: „Пошли вонъ!“ Въ сущности, вѣдь они даже любятъ меня по-своему. Но какъ бы мнѣ хотѣлось высвободиться изъ этой любви!“

И, получивъ на другой день новое приглашеннн, отъ котораго „нельзя было“ отказать, Герливановъ взялся за голову и проговорилъ съ досадою:

— Господи, опять въ кузовъ!.. Когда же все это кончится?

Однако, черезъ нѣкоторое время онъ облачился въ

модный смокннгъ и поѣхалъ въ качествѣ „желаннаго гостя“ къ людямъ, которыхъ онъ ни во что не цѣнилъ.

Прошла еще одна недѣля.

Наконецъ, общеннн съ нѣкоторыми людьми стало невозможно Герливанову. Онъ началъ прятаться отъ нихъ, сказывался отсутствующимъ и просиживалъ до зари за письменнымъ столомъ. Работа у него подвигалась все еще плохо, но мысли стали свѣжѣе и пряснялись. Безпокоили его только головныя боли и постоянныя звонки, отъ которыхъ онъ нервно вздрагивалъ.

Къ концу марта ему, однако, удалось почти окончить два акта новой пьесы, хотя, по обыкновеннню, онъ не былъ доволенъ написаннымъ.

Однажды послѣ упорной работы онъ никакъ не могъ уснуть. Возбужденная фантазнн продолжала напряженно работать въ данномъ направленнн. Было уже очень поздно, и Герливановъ все дѣлалъ, чтобы заснуть. Наконецъ, впечатлѣннн начали сливаться и вѣки тягелѣть. Вдругъ ему послышалось, будто кто-то окликнулъ его. Онъ поднялъ голову и сталъ прислушиваться. Кругомъ было тихо. Только съ улицы доносился дребезжающнй гулъ запоздавшихъ экипажей.

На дворѣ уже свѣтало. Но комната была еще полна ночного сумрака. Изъ-за края спущенной шторы виднѣлась блѣдная полоска тусклаго, сѣраго неба. Безотчетно тоскливое чувство начало злорадываться въ душу Герливанова и переходить въ тревогу.

Онъ укрылся съ головою и прижался къ стѣнѣ. Наступила тишина, и ему было слышно, какъ билось его сердце. Прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ Герливанова объялъ ужасъ смерти. Ему почудилось, что сердце у него начало пухнуть и холодѣть, а по всему тѣлу потекли холодныя токи. На мгновеннн у него мелькнула мысль о Богѣ, но мгновенно же и исчезла вмѣстѣ съ другими, молнннн проносившимися мыслями. Онъ не ощущалъ никакой боли, а только испытывалъ расплывающуюся слабость по всему организму. Ему стало невѣроятно жаль себя: онъ заплакалъ и лежалъ неподвижно, весь покрытый холоднымъ потомъ.

Черезъ минуту къ тѣлу начала приливать изнутри теплота, и сердце забилося оживленнымъ темпомъ. Герливановъ сбросилъ съ себя одѣяло, точно выскочилъ изъ душнаго погреба на свѣжнй воздухъ, и съ облегченннмъ вздохнулъ. Лицо его и грудь были влажны. Онъ зажегъ свѣчу и долго лежалъ съ открытыми глазами, холодѣя при воспоминаннн о пережитой минутѣ.

(Продолженнн будетъ.)

Добрая минута.

Разсказъ Анны Бруни.

I.

Наша большая и шумная семья веселилась на Рождествѣ, какъ веселится только въ семьяхъ, гдѣ много здоровой подрастающей молодежи. Устраивались домашнне спектакли, фэдрили рнженными, танцовали, катались на конькахъ, ухаживали... влюблялись, конечно...

Я тогда только-что кончила гимназнн; помню, что это былъ первый годъ, когда меня признали „барышней“, помню, что мною овладѣло радостное удивленнн передъ сознанннмъ успеха, помню, что сознаннн это доходило тогда до апогея: я чувствовала себя центромъ вселенной и, навнвно вѣря своему чувству, умилялась передъ благостью судьбы и доброю рода человѣческаго.

Наступилъ канунъ Новаго года.

Какъ и всегда въ этотъ день, у насъ собралось не мало молодого, одинокаго люда. Студенты всѣхъ возможныхъ инстнтутъ и факультетовъ, офицеры, куренстки—все это толпилось и шумѣло вокругъ большаго круглаго стола въ гостиной, освѣщенной высокою лампой.

Больше и громче всѣхъ говорила я. Я только-что вернулась изъ театра, куда меня брала съ собою замужняя сестра, и теперь, чувствуя себя возбужденною и нарядною, оживленно передавала свои впечатлѣннн „старикамъ“, т. е. матерн, отцу и „бабушкѣ“.

„Бабушка“ была, собственно говоря, теткой моего отца, воспитавшей его, или, вѣрнѣе, выдававшей когда-то средства на его воспитаннн. Въ свое время это была шаловливая, блестящая свѣтская дама, избалованная и не знавшая лишней. Зато къ зрѣлымъ годамъ судьба приберегла ей неноснльныя испытаннн: оставшннн бездѣтной вдовой лѣтъ тридцати пяти, она имѣла неосторожность вложить весь свой капиталъ въ какое-то рискованное предпрнннн, и черезъ нѣсколько лѣтъ осталась буквально безъ копейки. Въ этотъ роковой пернудъ ея жизни все измѣнилось ей сразу: увидиная красота уничтожила главннн интересъ, на которомъ, какъ на оси, вертѣлось до тѣхъ поръ все ея суетное существованнн; почетъ, роскошь, блескъ,— все рухнуло, и она вдругъ увидѣла себя въ положеннн бездомной старухи, проживающей изъ милости у племянника, которому покровительствовала когда-то. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, но перелѣна эта оставила глубокие слѣды, въ которыхъ я только теперь отдаю себѣ отчетъ.

Конечно, тогда меня менѣе всего интересовалъ впечатлѣннн бабушки, и не къ ней обращалась я въ своемъ живленномъ разсказѣ. Изъ собравшихся молодыхъ людей большинство были мои пылкіе поклонники, и присутствнн ихъ возбуждало мой умъ и чуткіе нервы.

Наблюденнн свои я передавала въ комическомъ видѣ, пере-

Молитва. Съ карт. Р. Ферруцци, автотипія Шрейбера.

сыпая рассказы свой смѣхомъ и задорными шутками, задѣв-
шими то того, то другого изъ присутствующихъ.

Отецъ сидѣлъ въ своемъ любимомъ глубокомъ креслѣ, за-
живъ ногу за ногу, и, изрѣдка поныхивая дымомъ изъ длиннаго
мундштука, глядѣлъ на меня маленькими, блестящими, бла-
женно приниженными глазами, и все ярко-розовое лицо его,
обрамленное серебристыми сѣдинами, казалось, говорило: „Мо-
лодецъ, дочка! Ну-ка, что скажешь еще?..“ При нѣкоторыхъ
моихъ замѣчашяхъ или отвѣтахъ окружающей молодежи, онъ
хрипло-раскатило смѣялся, и тогда лицо его изъ розоваго пре-
вращалось въ багровое.

Подъ яркими свѣтлою лампы, склонивъ надъ работой свою
красивую, строгую голову, мать какъ будто нехоти улыбалась
и изрѣдка поглядывала на часы, выжидала минуту, когда пора
будетъ звать насъ къ ужину.

Бабушка помѣстилась въ сторонѣ, полулежа въ своей все-
гдашней позѣ: облокотившись на ручку кресла, съ прежнимъ
изысканнымъ изяществомъ подпирая дриблую щеку граціозно
сложенными морщинистыми пальцами и вытянувъ ноги. Ради
встрѣчи Нового года она была въ своемъ кружевномъ чепцѣ
съ узорными лентами и въ парадномъ сѣромъ шелковомъ
платьѣ. Платье это было очевидно передѣлано изъ наряда,
сохранившагося отъ счастливыхъ временъ; оно было сшито изъ
матеріи, какихъ ужъ не дѣлать больше; складки его какъ-то
особенно блестяли и лоснились, и даже шелестѣло оно какъ-то
по-старому, какъ не шелестѣли ужъ модные шелка того вре-
мени.

Отъ всей фигуры бабушки вѣяло чѣмъ-то игривымъ и вмѣстѣ
ветхимъ, легкимъ, живымъ и въ то же время призрачнымъ,
какъ воспоминаніе. Она слушала мою болтовню, не сводя съ
меня глазъ, выраженіе которыхъ было скрыто за синими
стеклами очковъ, и увидѣвъ губы ея все время складывались
въ лукавую улыбку.

Впрочемъ, и скорѣе безосознательно угадывала, нежели ви-
дѣла, все это тогда. Я не смотрѣла на бабушку, да и никто не
думалъ о томъ, что за картины проносились передъ нею, какіи
видѣнія, полныя блеска и граціи, возникаютъ и скользятъ
милыми призраками, вызванными волшебной силой фантазіи?..

Стрѣлки часовъ подошли къ двѣнадцати; мать встала и
прервала болтовню, приглашая насъ къ ужину.

Бабушка выбрала мѣсто какъ разъ напротивъ меня и, ото-
двигая свой стулъ и усаживаясь, продолжала прислушиваться
къ моему разговору съ соседями.

Въ ту зиму и замѣтно стала любимицей бабушки. Люби-
цами ея по очереди перебивали мы всѣ, т. е. сестры. Каждая
изъ насъ, вступая въ возрастъ расцвѣта, становилась люби-
мицей бабушки и продолжала ею быть до замужества. На из-
бранницу свою бабушка всегда глядѣла какъ-то особенно —
хитро и ласково, съ отгѣнкомъ какой-то гордой важности;
для нея всегда находилась у нея въ запасѣ какая-нибудь ве-
щица, — браслетъ, ожерелье или брошка, не цѣнная, но очаро-
вательная по изяществу и тонкой отдѣлкѣ.

Выражалась ли у нея въ этомъ поперемѣнномъ предпочтеніи
каждой изъ насъ — потребность привязаться къ кому-нибудь
исключительно и имѣть, какъ имѣютъ другіе, хотя одно за-
вѣтное чувство? Или она въ воображеніи своемъ переживала
вмѣстѣ съ нами лучшіе годы своей юности — блестящей и
нѣжной, какъ розовое облачко, несущееся по небу, живой и
очаровательной, какъ танца стрекотъ надъ лазурной волною, и
исчезнувшей безвозвратно, мгновенно, какъ пушокъ одуван-
чика, отъ первой налетѣвшей жизненной бури? Какъ знать?
Мы не вдумывались въ это и принимали ласки старухи съ эго-
истической небрежностью счастливой юности.

И такъ въ эту зиму и пользовалась особымъ вниманіемъ
бабушки, и, усѣвшись напротивъ меня за ужиномъ, она про-
должала наблюдать за мною живыми, искриющимися изъ-подъ
очковъ глазами.

Черезъ полчаса, послѣ шумной закуски, съ бокалами въ
рукахъ, высоко подымая эти бокалы надъ головою, какъ будто
вызывая само небо поспорить съ нами за наше молодое без-
умное счастье, съ громкимъ крикомъ „ура“ — торжественно
встрѣтили мы рожденіе сказочнаго младенца — Нового года, —
чуднаго, таинственнаго малютку, несущаго съ собою незримые
дары веселья, радости, блеска — для насъ... заботы, гори и ги-
бели — многимъ...

II.

Послѣ ужина, въ гостиной кто-то сѣлъ за рояль, раздались
призывные звуки вальса, начались танцы... Веселье шло, воз-
растая, пока, наконецъ, старики не разогнали насъ, возбужден-
ныхъ, счастливыхъ и влюбленныхъ, съ душой, переполненной
страстнаго интереса къ жизни...

Простившись, какъ мнѣ казалось, со всѣми, я пришла въ
свою комнату и, чувствуя себя не въ силахъ заснуть, приня-
лась строчить безконечное письмо къ отсутствующей дальней
подругѣ, — письмо все о томъ же: о своемъ счастьѣ, о блажен-
ствѣ жить и любить и чувствовать себя такой оборотительной
и такой необходимой на этой милой, милой землѣ, въ этомъ
чудномъ, восхитительномъ мірѣ.

Было три часа ночи. Голубая лампочка мирно озаряла ми-

ниатюрный письменный столыкъ и всю несложную обстановку
моей дѣвчечьей комнатки. Тиньина этой комнатки послѣ шум-
наго дня отрадно поражала мою уставшую голову. Перо мое
быстро скользило, и всѣ волненія, всѣ тайныя бури души вы-
ливались на маленькій листикъ почтовой бумаги.

Вдругъ дверь мол скрипнула, и въ комнату, тихо шурша
туфлями и шелестя складками блестящаго платья, вошла ба-
бушка. Съ удивленіемъ я подняла голову и остановила на ней
вопросительный взглядъ.

Она шла, по обыкновенію, сгорбившись и держа свой ста-
рый, но тонкій носовой платочекъ въ опущенной рукѣ. Губы
ея, какъ всегда, какъ будто что-то жевали, но лицо было сери-
езнѣе обыкновеннаго и имѣло напряженное выраженіе чело-
вѣка, совершившаго поступокъ, на который онъ рѣшился не
сразу.

Бабушка подошла и положила мнѣ на плечо свою руку.

— Хотя ты, — сказала она съ несчастливой, какъ мнѣ по-
казалось, улыбкой: — и позабыла о бабушкѣ, а я все-таки сама
пришла проститься съ тобою.

И этотъ упрекъ, и унижительная съ моей точки зрѣнія фор-
ма его, несправедливо подѣйствовали на меня.

— Простите, бабушка, кажется, я никогда не забываю здо-
роваться и прощаться съ вами, — сказала я холодно, едва-едва
прикасаясь губами къ протянутымъ мнѣ старымъ губамъ.

Бабушка ничего не отвѣтила, она разогнулась молча и молча,
но быстро удалилась изъ комнаты, судорожно сжимая свой
платочекъ въ костлявой рукѣ; у порога она тихо выдохнула;
этотъ вздохъ долетѣлъ до меня и, словно жало осы, глубоко
и больно впился въ мое сердце.

„Зачѣмъ это я? Вѣдная, бѣдная старуха! — пронеслось у меня
въ головѣ, и чувство жгучаго раскаянія и щемлившей жалости
къ ей безысходной и безрадостной старости охватило всю мою
душу. — Не догнать ли ее? не навизнѣться, не приласкать ли
ее?“ По шуршащимъ шагамъ уже замолкли въ коридорѣ, теперь
бабушка уже вошла въ свою комнату, уже, можетъ-быть, даже
начала раздѣваться?... — Не поздно ли?“

И вдругъ въ головѣ стали быстро оживать нѣкоторыя впе-
чатлѣнія, до тѣхъ поръ скользяшія по мнѣ. Я въ первый
разъ задала себѣ вопросъ: какую именно роль играетъ бабушка
въ нашемъ домѣ? Среди насъ — членовъ семьи — она пользова-
лась только внѣшнимъ почетомъ, въ сущности же вызывала
непріятное чувство брезгливой жалости. Почему? Очевидно,
она вся соткана изъ элементовъ, совершенно чуждыхъ ха-
рактеру нашей откровенной, порывистой и дружной семьи. Да,
она отталкивала отъ нея какал-то неповятная, добровольная
приниженность и совершенно необъяснимая для насъ, без-
цѣльная лживость. Цѣлый рядъ звуковыхъ сценъ промельк-
нулъ въ моей памяти, но почему-то эти сцены явились теперь
передо мною въ новомъ освѣщеніи и, вмѣсто прежнихъ чувствъ
негодования или досады, будили въ душѣ моей чувство и сты-
да, и жалости. Я живо вспомнила, съ какими невольнымъ и
тяжелымъ любопытствомъ слѣдила я за тѣми ухищреніями,
къ которымъ прибѣгала старуха для удовлетворенія самыхъ
естественныхъ своихъ желаній и потребностей.

Сидя за столомъ, развѣтывая салфетку, или принимаясь
за кушанье, никогда не преринистъ она, бывало, заимитъ съ
какимъ-то искусственно равнодушнымъ видомъ, какъ будто
желая оправдать свое участіе за общую трапезой:

— А у меня что-то совѣсьмъ аннетита не было за завтракомъ,
вотъ къ обѣду и разыгрался... — или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Казалось, все, что еще могло интересовать и радовать ее
въ жизни, притгивало ее къ себѣ неотразимо по старой при-
вычкѣ и по необыкновенной живучести ея натуры, и въ то
же время игнорировало ее, какъ нѣчто чужое, на что она потеряла
свое законное право. Мало по-малу это „все“ сведось, повиди-
мому, къ первымъ потребностямъ и удовольствіямъ жизни, —
къ „сладкимъ кускамъ“, какъ называли это мы, молодежь.

Истиннымъ праздникомъ для бабушки были дни, когда всѣ
мы уходили изъ дома. Тутъ, на свободѣ, она обыкновенно
располагалась въ столовой, заваривала себѣ кофе, посылала
за сладкими булками и, усадивъ съ собою экономку Аграфену
Филатьевну — свою тайную пріятельницу, — въ непринужденной
бесѣдѣ вознаграждала себя за всѣ лишения. Зато надо было
видѣть ея смущеніе, если кто-нибудь изъ насъ вернется раше-
не, чѣмъ она ожидала, и застанетъ ее за этими беззаконными
принестомъ! Растерянно озиралась мигающими глазами, съ
тѣмной краской на старыхъ щекахъ, занкалась, старалась она
найти оправданіе своему преступленію, и, слушая ее, можно
было подумать, что кто-нибудь ежедневно упрекать ее за
каждый кусокъ, проглоченный ею. Досаду, съ которой выслу-
шивались эти оправданія, она, конечно, относила къ недо-
вольствію за самый воображаемый свой проступокъ и тѣмъ
тщательнѣе старалась скрыть его въ слѣдующій разъ.

Впрочемъ, кромѣ сладкихъ кусковъ, была еще одна слабость:
когда кто-нибудь изъ знакомыхъ приходилъ и не заставалъ
никого изъ насъ дома, она приглашала его съ собою въ гости-
ную и церемонно, по-старинному, заставляла гостя, пересылая
свою рѣчь изысканными французскими фразами.

Она не замѣчала, что гость, — какой-нибудь неотесанный
филологъ или медикъ, не имѣющій понятія о французской бол-

товнѣ, — сконфуженно тарачить глаза и поминутно оглядывается на дверь, ожидая человѣка, который бы его выручилъ. Бѣдница наслаждалась тогда свѣтской бесѣдой, напомнившей ей счастливое старое время ея блеска.

Но стоило появиться кому-нибудь изъ насъ — и оживленіе бабушки гасло, приятная улыбка сбѣгала съ увидишихъ губъ, и лицо ея принимало мертвенное выраженіе, какъ будто разъ навсегда застывшее на немъ въ минуту глубокой и горькой обиды.

III.

Все это живо промелькнуло въ моей памяти вслѣдъ за выходомъ изъ моей комнаты бабушки, и воспоминанія эти наполнили мою душу острою жалостью.

Наконецъ я вскочила, бросила перо и направилась въ комнату бабушки. Добѣжавъ до ея двери, я еще разъ остановилась въ сомнѣніи; но изъ-подъ двери на темный полъ коридора падала блѣдная полоса свѣта. Я рѣшилась, взялась за ручку, нажала ее и вошла.

Старушка стояла у комода и, нагнувшись, укладывала въ нижній ящикъ свой парадный чепецъ съ узорными лентами. Она уже успѣла снять кофту своего париднаго платья, и сторбленная спина ея въ какомъ-то темномъ стеганомъ шелковомъ лифѣ совсѣмъ закружилась отъ согнутаго положенія тѣла; голова съ крошечнымъ пучкомъ волосъ, закрученныхъ на заглазѣ, жалобно повурчалась на длинной и до странности тонкой шеѣ.

Я быстро подошла къ ней и молча поднесла къ губамъ ея руку.

Старушка вздрогнула и оглянулась на меня удивленнымъ и тусклыми глазами, съ которыхъ утѣ были сняты очки.

— Что ты? что ты, душенька?.. — почти съ испугомъ спросила она, словно случилось нѣчто особенное, новое, что заставило меня отнестись къ ней такъ.

— Простите, бабушка, милая! — сказала я, крѣпко прижимая къ губамъ ея руку.

Что-то неожиданное для меня случилось тутъ съ бабушкой: изумленіе, страданье, восторгъ, — все это разомъ странною судорогой искавило лицо ея. Вислая грудь высоко поднялась, руки и ноги задрожали, и вся она съ болѣзненнымъ стономъ опустилась на меня, не будучи въ силахъ вынести потрясающей наплывъ охватившаго ее волненія.

— Душенька, душенька! я такая несча... несча... — повторяла она, по рыданьямъ не давая ей вымолвить слово.

На плечи мои обильно закапали горячія слезы, и изъ груди ея послышались звуки, похожіе на глухіе голи страдающаго, но слабого звѣря. Съ ней случился тяжелый припадокъ истерики.

Испуганная и глубоко взволнованная, я уложила ее, принесла ей воды, натерла виски ея о-де-колономъ и старалась успокоить ее всею нѣжностью, какую подсказывало мнѣ состраданіе.

Когда рыданья утихли, она стала говорить, жалуюсь мнѣ на горькую свою судьбу. Она говорила о несправедливости къ ней людей, о незаслуженномъ своемъ униженіи, о ненависти, которая будто бы окружаетъ ее, о прежнемъ своемъ величьи. Я слушала молча, и тяжелое чувство стыда и гори все болѣе и болѣе сжимало мнѣ сердце.

Изъ всѣхъ угловъ крошечной и почти незнакомой мнѣ ком-

натки ползли ко мнѣ, подавливая меня своей горечью. — строгіе вопросы, полные сами въ себя упрековъ, требованій и еще неопредѣленныхъ, но печальныхъ выводовъ. Все счастье, вся гармонія жизни, которой я только что наслаждалась, — теперь распалась во мнѣ, и я чувствовала себя такой ничтожной, такой маленькой въ этомъ хаосѣ противорѣчій и загадокъ житейскаго моря.

Когда старушка, высказавъ все, успокоилась, я простилась съ нею со стыдливой, нѣсколько искусственной нѣжностью, и вернулась къ себѣ, погруженная въ глубокую думу, съ нарочіи хорошенькихъ филиграновыхъ сережекъ въ рукахъ, подаренныхъ мнѣ бабушкой на прощанье.

Голубая лампочка попрежнему бросала мирный свѣтъ на знакомую и милую мнѣ обстановку, начатое письмо съ неоконченной фразой попрежнему блѣло на письменномъ столѣ подъ ея крошечными лучами. Я прочла его послѣдніи строки. Какъ все это мелко, ничтожно и пусто! Какъ дышитъ оно тщеславіемъ, самообожаніемъ и самымъ беззастѣнчивымъ эгоизмомъ!

Скомканное и изорванное письмо было со злобою брошено въ печку. Я потушила лампу и легла, устремивъ напряженный взглядъ въ темноту. Въ душѣ подымалась сложная работа; жизнь подвергалась строгой оцѣнкѣ.

Не то, что только-что произошло между мною и бабушкой, теперь занимало меня: другія, болѣе широкія и сложныя мысли и знакомыя сомнѣнія копошились въ умѣ.

„Зачѣмъ столько горя и ала въ этомъ мѣрѣ? Какая таинственная сила руководитъ всѣмъ этимъ сложнымъ теченіемъ жизни — то великой, то мелкой, то слѣпной, то ужасной, то расплывающейся въ безбрежномъ просторѣ, то сжатой въ безобразныя и тѣсныя рамки, созданныя самимъ человѣкомъ? Отчего все здѣсь такъ непрочное и хрупкое?.. Одна плыветъ смѣняетъ другую, одинъ идеалъ свергаетъ другой и въ жизни человѣка, и въ жизни народа, и въ жизни человѣчества... „Человѣчество!..“ — какое громкое слово! Тамъ, за предѣлами земли, не вѣдаю этого человѣчества, какъ море, волнуясь, не вѣдаетъ ракушекъ на своемъ днѣ, хотя и колеблетъ ихъ, течетъ жизнь безиредѣльная, вѣчная, не знающая ни пространства, ни времени, ясная, прекрасная, можетъ-быть, но холодная, равнодушная ко всему... зачѣмъ, зачѣмъ, Боже мой, Боже мой!..“

Эти неотступные вопросы, полные непроницаемой тайны, толпились въ моемъ мозгу, терзали мою душу...

Но — такова великая сила молодости, — еще не успѣла окончиться разрушительная работа анализа, какъ на мѣстѣ разрушеннаго уже создалось нѣчто новое, — неуловимое, но благое, мощное и свѣжее, какъ само дыханіе божественной истины. Вся накипь самообольщенія, образовавшаяся за первую половину зимы, одуряющей чадъ легкаго успѣха, жажда наслажденія, дерзкая вѣра въ свои силы, — все это, смятое, какъ только-что мною брошенный листъ бумаги, теперь изгонялось изъ сердца новымъ, строгимъ и чистымъ настроеніемъ.

О снѣ не могло быть и рѣчи; какой-то благодатный жаръ прѣблгалъ по тѣлу животворной волной, сердце билось усиленно, все существо, жаждущее обновленія, свѣта и правды, стремилось къ Богу.

И, какъ бывало въ дѣтствѣ, я встала на колѣни тутъ же въ постели, и въ непроглядной темнотѣ ночи, — первой ночи Нового года, — почти безъ словъ, прямо изъ сердца поднялась къ небу молитва, полная восторга и радостнаго умиленья...

Орлиное гнѣздо.

Очеркъ Д. И. Аничкова.

Въ дикой и глухой части Боровичскаго уѣзда, широко разлилось, окруженное холмами и лѣсами, озеро Шерёгро. Его серебристый; какъ небо, спокойный, зеркальный воды приятно гармонируютъ съ окаймляющею его темно-зеленою полосою елей и сосенъ, мѣстами перемежающихся съ буроватыми огленными березами, ольхами и осинами. Бархатною лентою протянулась лѣсъ по самому берегу, погруживъ въ него свои мохнатыя макушки. Влѣво видѣется молодая, свѣжая озямъ, рѣско выдѣляющаяся ярко-изумруднымъ пятномъ на общемъ сѣрватовомъ фонѣ октябрьскаго неба, голыхъ деревьевъ и недавно всаханнаго поля. Еще лѣвѣе, у подошвы высокаго, пологого холма ютится маленькая сѣренькая деревушка Жуково.

И на озерѣ, и въ лѣсу, и въ деревнѣ полная тишина. Порой пролетитъ надъ озеромъ стая утокъ, залаетъ собачонка или пролетитъ въ воздухѣ и замолкнетъ обрывокъ заунывной пѣсни...

Надъ Жуковымъ, по скату холма, бокомъ къ озеру, по обѣимъ сторонамъ Сомничскаго земскаго тракта раскинулось большое село, такое же сѣрое, какъ и Жуково, такое же унылое, какъ и октябрьское небо, такое же молчаливое, какъ озеро Шерёгро. Это — Кончанское, старинная Суворовская вѣщина. На краю села господская усадьба, покинутая, заброшенная: ни въ саду, ни въ домахъ ни души... Только вороны перекликаются да, осенніи гостыи, сороки прыгаютъ по запущеннымъ дорожкамъ, перескакивая съ камня на камень...

Пахнетъ сырмъ вхоомъ и мокрымъ, прѣлымъ деревомъ. Голыя липы и березы, выровненные, какъ солдаты, уныло покачивая своими обнаженными вѣтками, точно стараются разсказать вамъ про старину, про то, что не всегда здѣсь было такъ тихо и угрюмо...

Если бы мы съ вами понимали ихъ безмолвннй, однообразный, похотій на шумъ вѣтра, языкъ, мы услышали бы ихъ длинныя разсказы про маленькаго сѣдого старичка; мы услышали бы отъ нихъ, какъ сто лѣтъ тому назадъ, точнѣе 5-го мая 1797 года, къ крыльцу ветхаго деревяннаго двухъ-этажнаго помѣщичьяго дома подѣхала рогожная кибитка, и какъ изъ этой кибитки выльзъ небольшой худощавый старичокъ въ фельдмаршальскомъ мундирѣ... Старый липы и березы, тогда еще совсѣмъ молодыя, кудрявыя, только что начинавшія распускать весеннюю почку, а теперь покрытыя мохомъ и сухими обломанными сучьями, разсказали бы вамъ, какъ собралась дворянъ, а за ней и все село, поглазѣть на неожиданно прѣхавшаго старичка, какъ узнали они въ немъ своего барина, князя Александра Васильевича Суворова...

Суворовъ прибылъ на житье въ свою боровичскую деревню, по указу императора Павла. Съ нимъ вѣдетъ прѣхалъ коллежскій ассессоръ Николевъ, незадолго до того получившій слѣдующее именное Высочайшее повелѣніе: „Взять вамъ въ Кобринъ или другое мѣстопрѣбываніе Суворова, откуда его

Изъявление конфедератами покорности Суворову въ 1772 году, послѣ взятія Краковскаго замка.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Д. Дмитриева-Оренбургскаго, грав. Мультановскій.

Съ водосвятіа. Ориг. рис. (собств. „Швид“) И. И. Ижакевича, грав. Шюблеръ.

привезть въ боровицкія его деревни, гдѣ и препоручить Вындомскому (боровицкому городничему), а въ случаѣ надобности требовать помощи отъ всякаго начальства". Николеву сдать обязанность присмотра за оными фельдмаршаломъ Вындомскому и уѣхать въ Москву.

Вындомскій поселился рядомъ съ господской усадьбой въ селѣ, у крестьянина-корела Григорія, въ крайней избѣ, откуда ему удобно было наблюдать за всѣми дѣйствіями своего узника. Эта изба существуетъ и нынѣ. Въ ней живетъ сынъ Григорія, 87-лѣтній старикъ Николай Григорьевъ, съ пѣнкой, двумя внуками и правнуками. Старикъ, родившійся въ 1810 году, рассказываетъ многія подробности пребыванія Александра Васильевича въ Кончанскомъ, слышанныя имъ отъ отца и другихъ стариковъ-односельчанъ.

Здѣсь жилъ Суворовъ — почти все время пребывавъ подѣ неустаннымъ надзоромъ сперва премьеръ-маіора Александра Львовича Вындомскаго, а затѣмъ съ 20-го сентября — коллежскаго асессора Юрія Алексѣевича Николаева. Строгость надзора доходила до воспрещенія фельдмаршалу даже кратковременныхъ отлучекъ къ сосѣдямъ.

„Инструкція предписывала Николеву отправиться въ Боровичи, жить тамъ для наблюденія за поведеніемъ и образомъ жизни Суворова и еженедѣльно доносить генераль-прокурору во всей подробности. Сколько возможно, скрывать отъ всѣхъ возложенное на него порученіе, дѣлая видъ, что пріѣхалъ туда и проживаетъ тамъ по своимъ дѣламъ, — торговымъ, судебнымъ или инымъ. Освѣдомляться, отъ кого будутъ къ Суворову посѣщенія, съ какимъ намереніемъ, чѣмъ онъ съ посѣтителями или однимъ будетъ заниматься или съ кѣмъ пересылаться; въ послѣднемъ случаѣ — что станетъ посылать, кому, куда и зачѣмъ. Лицамъ его бывшей свиты, нынѣ исключеннымъ изъ службы, не доволять съ нимъ, Суворовымъ, имѣть ни свиданій, ни сношеній, кромѣ одного маіора Сіона. Наблюдать за корреспонденціей, разузнавая, что Суворовъ пишетъ, кому и черезъ кого; особенно слѣдить „какими бы то путями ни было“ за адресуемыми ему письмами. Съ этою цѣлью боровицкому почтмейстеру всѣ письма пересылать черезъ Вындомскаго къ нему, Николеву, а земскому исправнику велѣно, въ случаѣ отлучки Вындомскаго о письмахъ, получаемыхъ или отправляемыхъ съ нарочными, также о „посѣщеніяхъ и упражненіяхъ“ Суворова, для чего ему, Николеву, рекомендуется повидаться съ исправникомъ и переговорить съ нимъ. До переноски дочери, графини Зубовой, не касаться. Вындомскій будетъ оказывать великое содѣйствіе и пособіе. Если, наче чаянія, будетъ замѣчено что-нибудь подозрительное, то объ этомъ должно быть немедленно донесено генераль-прокурору. Такъ какъ онъ, Николеву, съ нѣкотораго времени съ Суворовымъ знакомъ, то долженъ сохранять къ нему должное почтеніе, не давать повода ни ему, ни домашнимъ къ неудовольствію, „оказывать ласку и доброхотство“. Если бы Суворовъ вздумалъ куда-либо въ гости ѣхать, то представлять ему уговѣно, что по теперешнему его положенію онъ не можетъ этого дѣлать; если же не послушается, то

объявить ему Высочайшее повелѣніе, отказать поотрѣзъ и довести генераль-прокурору“.

Вотъ при какихъ тяжелыхъ условіяхъ пришлось Александру Васильевичу жить въ своемъ родовомъ помѣстьѣ! Не говоря уже о другихъ неприятностяхъ, какъ-то ветхость дома, полная невозможность жить въ немъ зимой, нелюбовь къ деревенскому уединенію, отсутствіе любимой дѣятельности, — для Суворова пребываніе въ Кончанскомъ было горестно и потому, что разлучало его съ семьей, сыномъ Аркадіемъ и, главное, съ любимицей-дочерью Наталіей.

Заключеніе въ деревенской глуши составило, хотя и не длинную, но важную страницу въ исторіи жизни великаго полководца. Здѣсь жаловался онъ на разстроенное здоровье, до того не давшее себя чувствовать въ нилу кипучей боевой дѣятельности. Неутомимая энергія и желѣзный характеръ

фельдмаршала придавали ему силу въ трудной, но родной ему сферѣ походной жизни. Сильный духъ въ непрестанной борьбѣ съ немощною старческою плотью заставлялъ Суворова забывать недуги и страданія. Но тутъ, въ Кончанскомъ, когда Александру Васильевичу пришлось не только перенести тяжелыя послѣдствія царскаго гнѣва, но и совершенно удалиться отъ того, что составляло его стихію, — тутъ превратился онъ изъ богатыря въ больного и раздраженнаго старика.

Въ письмахъ своихъ къ Хвостову Суворовъ неоднократно упоминаетъ о своихъ недугахъ, говорить даже про „дужину тульчинскихъ параличей“. Хотя послѣднее выраженіе неправильно, но по всему видно, что здоровье Суворова нѣсколько пошатнулось, и если онъ не былъ буквально боленъ, то благодаря только своей энергіи.

Не занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, такъ какъ вся принадлежавшая къ усадьбѣ земля, вплоть до самыхъ воротъ сада, была отдана въ пользованіе крестьянамъ, Суворовъ все время проводилъ въ занятіяхъ умственныхъ

трудомъ, нѣрѣдка прогуливаясь „въ одной рубашечкѣ“.

„— А то зачнетъ, бывало, съ робитамъ изъ бабки играть, — рассказываетъ Николай Григорьевъ. — Дворовыхъ мальчишекъ всѣхъ грамотъ обучали, въ церкви итѣ заставляли. Покойничекъ самъ на крыльяхъ итѣ и Апостола читалъ. Дома сидѣть мало позволялъ. Все, бывало, уйдетъ на Дубиху въ свѣтелку да тамъ и сидитъ, планы пишетъ. Тамъ ему и кушать подадутъ, тамъ и часекъ попить наволитъ. Ну, къ ночи безпрѣмѣнно ужъ домой приходилъ. Хорошій, бають, до насъ былъ старикъ, — Царство ему Небесное“.

Въ четверти версты отъ усадьбы, посреди поля возвышается остроконечный бугоръ „Дубиха“, поросшій ельникомъ и дубнякомъ. И тотъ, и другой сравнительно молодые, и при Александрѣ Васильевичѣ, по всей вѣроятности, не существовали. На вершинѣ этого бугра, откуда открывается дивный видъ на озеро и его окрестности, до сихъ поръ сохранилась свѣтелка, въ которой занимался покойный фельдмаршалъ. Она представляетъ изъ себя небольшое двухэтажное строеніе, саженъ четыре въ квадратъ (рис. 3, на стр. 16), окруженное по обоямъ этажамъ верандами. Входъ сада, сбоку — наружная лѣстница во второй этажъ. Внутри, какъ вверху, такъ и внизу, по одной ком-

«Орлиное гнѣздо». Рис. 1. Село Кончанское. Церковь, въ которой Суворовъ пѣлъ на кларнетъ и читалъ Апостола. Съ фот. С. Д. Крикскаго автог. „Цивы“.

ватъ, нижняя выпинюю не болѣе 3-хъ аршинъ, верхняя — аршина 3¹/₂—4. Стѣпы нештукатуренныя, бревенчатыя. Въ передней стѣнѣ вверху и внизу по два окна, въ боковыхъ — по одному; входныя двери — въ задней. Въ окнахъ сохранены рамы. Въ нижней комнатѣ стоитъ деревянный софъ дивана, когда-то обитая матерей. Остовъ этотъ, сдѣланный изъ простаго словаго дерева (повидимому, домашней работы), по всѣмъ признакамъ, долженъ принадлежать къ прошлому вѣку и, вѣроятно, существовалъ при Александрѣ Васильевичѣ.

Свѣтлка, этотъ одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ пребыванія его въ Кончанскомъ, находится въ самомъ печальномъ, полуразрушенномъ видѣ. Прилагаемый рисунокъ изображаетъ ее съ восточной стороны. Но и жалкая, пустая развалина невольно говоритъ о далекомъ прошломъ, невольно увеличиваетъ и безъ того уже грустное настроеніе при видѣ картины всеобщаго разрушенія, которую въ данное время представляетъ Кончанское. Невольно навертываются слезы, когда видишь, что священное для каждаго русскаго мѣсто заточенія величайшаго изъ нашихъ полководцевъ предается забвенію! Нельзя не испытывать чувства необычайнаго волненія и трепета, когда по шаткимъ полуступенчатымъ ступенькамъ ходишь туда, гдѣ его лѣтъ тому назадъ сидѣлъ и трудился великій Суворовъ. Здѣсь, быть-можетъ, на этомъ самомъ диванѣ, въ этой горенкѣ, „иссалъ“ онъ свои „планш“... Каждое бревно, изъ котораго состоитъ эта ветхая хоромина, забытая и заброшенная, каждая ступенька, каждая колонка веранды говорятъ вамъ о Суворовѣ! Воображеніе дополняетъ картину, и въ каждомъ углу вамъ чудятся фигуры въ екатерининскихъ кафтанахъ, вы невольно ожидаете, что вотъ-вотъ откроется дверь, и на верандѣ появится маленький, сѣденькій старичокъ въ кафтасомъ камзолчикѣ съ аннинскимъ крестомъ на шеѣ!.. А вотъ вы ясно видите его стараго любимца — слугу Прохора. Онъ принесъ ему миску со щами и рѣдьку *). Старичокъ пажоно „творитъ молитву и садится за свою скудную солдатскую трапезу. Вотъ онъ выходитъ изъ верхней горенки внизъ... Ступеньки слегка поскрипываютъ подъ его ногами... Онъ спускается съ Дубихи и полями пробирается въ усадьбу. Вы долго и ясно видите передъ собой его небольшую худощавую фигуру и сгорбленную старческую спину. У него свѣтлый и разстроенный видъ: орлиный взоръ его потухъ, голова опущена. Вотъ онъ подымается въ гору и входитъ въ село. Мужики, бабы и ребятишки кланяются ему въ поясъ. Но все ниже опускается посѣдѣвшая въ бояхъ голова стараго фельдмаршала, все больше сгибается его изломанная въ походахъ спина!..

Еще сильнѣе согнется она сейчасъ, еще ниже опустится голова: вошь изъ окна выглядываетъ пара ястребинныхъ глазъ премьеръ-майора Выдомскаго!..

Суворовъ вставалъ за два часа до разсвѣта, пилъ чай, обливался водою, на разсвѣтѣ шелъ въ церковь, гдѣ стоялъ заутреню и обѣдню, при чемъ самъ читалъ и пѣлъ.

Ветхая деревянная церковь, въ которой ежедневно молился Александръ Васильевичъ и въ которой онъ „принесъ горячую молитву“ 7 февраля 1798 г. передъ отправленіемъ въ Итальянскую кампанію, и понынѣ стоитъ въ саду усадьбы Кончанскаго (рис. 1). Внутренность ее, возобновленная поначеніями внука Александра Васильевича, покойнаго генералъ-адъютанта свѣтлѣйшаго князя Александра Аркадіевича, — въ полномъ порядкѣ, благодаря внимательному къ ней отношенію священника села Соини **), отца Льва Федоровича Матвѣева, который служитъ здѣсь обѣдню дважды въ годъ: 30-го августа, въ Александровъ день (церковь построена во имя св. благ. кн. Александра Невскаго), и 9-го мая, въ Николіинъ день; кромѣ того, по временамъ въ Кончанской церкви служатся вечерни и совершаются духовныя бесѣды.

Церковь небольшая, продолговатой формы. Въ притворѣ ея помѣщаются у стѣнъ современныя покойному фельдмаршалу: 1) икона архидіакона Стефана древняго письма и 2) столикъ же древній царскія врата, сшитыя со стариннаго, уже не существующаго, иконостаса. На царскихъ вратахъ въ верхней ихъ части изображены: надъ вѣно — архангелъ Гавріилъ, направо — Божія Матерь; въ нижней части — четыре евангелиста.

Въ самомъ храмѣ направо вѣлана въ стѣну плита изъ бѣлаго мрамора, перевезенная сюда княземъ Александромъ Аркадіевичемъ изъ Александро-Невской лавры въ 1850 г. Плита эта обыкновеннаго формата надгробныхъ плитъ. На ней золотыми буквами высѣчено:

Здѣсь лежатъ Суворовъ.
Генералиссимусъ
Кн. Италійскій
Гр. Александръ Васильевичъ
Суворовъ-Рымникскій.
Род. 1729 г. Нолбріа 13-го дн.
Сконч. 1800 г. Маія 6-го дн.
Тезоименитство его Ноября 24-го.

Надъ камнемъ прибита къ стѣнѣ записка, гласящая: „Сей

*) Рѣдька, по разсказу Николая Григорьева, была любимымъ кушаньемъ Суворова.

**) С. Соини, къ приходу котораго принадлежитъ Кончанское, лежитъ въ 4-хъ верстахъ отъ него, по направленію въ Соини, на томъ же трактѣ.

камень лежалъ на могилѣ генералиссимуса въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви св. Благовѣщенія до 1850-го года“.

Выше плиты повѣшена золоченая витрина, въ которой помѣщаются ленты покойнаго фельдмаршала: св. Георгія I-го класса, св. Андрея Первозваннаго, прусскаго Краснаго Орла и многихъ другихъ, отъ времени полинявшихъ, но по всей вѣроятности иностранныхъ.

Въ другой витринѣ (на той же стѣнѣ, ближе къ алтарю) между многими звѣздами и крестами обращаетъ на себя вниманіе орденъ св. Анны стариннаго фасона, по всей вѣроятности тотъ самый, который, по словамъ г. Петрушевскаго, Александръ Васильевичъ носилъ даже на своемъ кафтасомъ камзолчикѣ.

Въ двухъ кіотахъ (по правую и по лѣвую сторону) хранятся древніе образа и прочіе драгоценныя предметы; между ними, по словамъ мѣстныхъ жителей, скуфейка св. Митрофанія. Въ алтарѣ надъ жертвенникомъ виситъ небольшая плоская серебряная икона овальной формы (3 верш. длинной и 2¹/₂ верш. шириной) чеканной работы съ изображеніемъ наверху Распятія, надъ вѣно св. Николая Чудотворца, направо св. благ. кн. Александра Невскаго, а въ серединѣ архистратига Михаила на конѣ и съ трубой. Между изображеніями надписи: „Творяи ангели своя духи и слуги своя пламень огненный“ и „Врагу оудѣна оружія въ конецъ и грады разрушилъ еси. Погибѣ память его съ шумомъ“. На обратной сторонѣ выгравирована слѣдующая надпись:

„Всехъ Россійскихъ Императорскихъ войскъ Генералиссимусу Римско-Императорскому Генералъ-Фельдмаршалу Князю Италійскому Графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому Всеніяйше приносить плодъ трудовъ города Якутска мѣщанинъ Еоимъ Петровъ. Февраля 5-го дня 1800 года“.

Кончанская церковь построена Александромъ Васильевичемъ самимъ. Имъ же построена и прекрасная каменная церковь села Соини, расположеннаго въ живописной мѣстности на берегу небольшого озера Соинца. Существующая тамъ рядомъ съ каменной деревянная церковь, по словамъ мѣстныхъ жителей, была выстроена еще до Александра Васильевича и потому съ своей стороны представляетъ не малый интересъ, такъ какъ и въ ней пажоный старикъ, очевидно, бывалъ неоднократно. Церковь эта нѣсколько лѣтъ тому назадъ капитально ремонтирована мѣстнымъ помѣщикомъ, покойнымъ генераломъ П. В. Бачмановымъ, тутъ же при церкви и похороненымъ.

Каменная же церковь, какъ уже выше сказано, построена на средстахъ Суворова, при чемъ обѣ суворовскія вогнины: Кривинская (с. Каменка, верстахъ въ 40 отъ Кончанскаго, на Боровичско-Тихвинскомъ трактѣ) и Кончанская, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ несли свои подати въ Соини. Эта церковь освящена за годъ или за два до кончины фельдмаршала.

Къ сожалѣнію, вышеизложеннымъ нечернивается все, что осталось отъ великаго Суворова въ его родовой вотчинѣ. Но и эти немногіе памятники, дошедшіе до насъ и связывающіе насъ съ прошлымъ, дороги русскому сердцу, — и это немногое, живо свидѣтельствуя о цѣломъ періодѣ жизни генералиссимуса, должно быть охраняемо, какъ святыня.

Однако само Кончанское, т. е. усадьба, вадвигнутая на мѣстѣ давно исчезнувшей усадьбы генералиссимуса, пришло въ неподающуюся описанію разореніе.

Главный домъ, заколоченный и запечатанный, своими запертыми ставнями и кое-гдѣ выбитыми стеклами наводитъ невыразимую тоску. Флигели стоятъ пустыя, безъ оконъ и дверей. Такъ-называемый „полудомикъ“, воздвигнутый на мѣстѣ стариннаго суворовскаго дома, въ которомъ жилъ опальный фельдмаршалъ, и, быть-можетъ, построенный изъ того же лѣса, имѣетъ не менѣе грустный видъ (рис. 2). Хозяйственныя постройки, т. е. скотный дворъ, конюшни, экипажный сарай и молочная продава на словъ за пятьдесятъ рублей и въ настоящее время стоятъ безъ крышъ. Отъ каменной кухни уцѣлѣлъ одинъ уголъ. Гумно открыто настѣжъ, скрини и хлопя воротами и какъ бы безпомощно напоминая о себѣ профѣжающимъ... Брошенная въ кучу мусора старинная вѣлка — единственный остатокъ хозяйственнаго инвентаря. Скотъ распроданъ за безцѣнокъ. Великолѣбныя лѣсныя дачи, тянувшіяся на много верстъ и до послѣдняго времени стоявшія почти нетронутыми, въ настоящее время вырублены, при чемъ лѣсъ продавался по конейкѣ за пенью..

Садъ уже много лѣтъ не расчищается, и старинныя липы и березы, своими правильными рядами ясно обозначающія слѣды дорожекъ и аллей, уныло покачивая макушками, одиѣ нарушаютъ тишину на этомъ мѣстѣ покоя и забвенія..

Въ домѣ, несмотря на замки и печати, неоднократно совершались кражи, такъ что въ данное время, по распоряженію становаго пристава, кончанскій волостной старшина принужденъ наряжать караулы изъ мѣстныхъ крестьянъ. Такая повинность (безвозмездная, потому что не съ кого получать деньги) является, особенно въ холодное осеннее и зимнее время, крайне тяжелою, а лѣтомъ крайне стѣснительною для крестьянъ. Между тѣмъ оберегать есть что, такъ какъ въ домѣ находится много цѣнныхъ вещей, хотя и не изъ эпохи вели-

каго Суворова, но все же представляющих не малый интерес: портреты выдающихся деятелей, старинная мебель, как говорить, принадлежавшая Аракчееву, несколько мундиров, касок и предметов снаряжения времен императора Николая I (между прочим два детских мундира великих князей).

Неужели все это должно исчезнуть? Неужели никто не обратит внимания на столь грустное явление безомощной гибели исторических памятников! Умереть не сегодня - завтра старый король Николай Григорьевич, рухнет последний суворовская хоромишка, и последние связующая нас с драгоценным прошлым нить порвется навеки!.. Только холм Дубиха да старья липы и березы долго еще будут говорить потомству о том, что когда-то здесь было орлиное гнездо, что когда-то здесь страдал великий человек... Долго еще будет жить в пародной памяти маленький старичок в камуфасном камзолчике, из уст будут передаваться рассказы и легенды о его громких подвигах. И теперь еще имя Суворова заставляет встретиться каждого русского солдата. Только гнездо Суворовское разорено. А между тем здесь думал Суворов свою кривую думушку, здесь, хотя и в изгнании, продолжал он втрою и правдою служить дорогой своей отчизне, здесь, как и везде, как и в грозных сечах, был он все тем же великим по духу и русским по сердцу полководцем!..

Къ рисункамъ.

Весело живется в деревне на праздниках!.. Съехались гости из соседнего города к старому приятелю, домохозяйнику, и пошла потеха... Ежедневно что-нибудь новое,—

или охота, или катанье, а в виде отдыха игра в вист по маленькой. О завтраках, обедах и ужинах нечего и говорить: гостеприимный хозяин—известный хлѣбосоль, и кухня его давно прославилась в дѣлой губернии изобилиемъ всевозможныхъ рѣдкостныхъ припасовъ и тонкимъ искусствомъ повара. В картинѣ Френца такъ и сквозитъ отраженье широкой русской природы съ ея увлеченьями, не знающими удержа, и каждый, взглянувъ на его произведение, перенесется мыслью къ себѣ на родину, въ такой же безконечный просторъ сѣверныхъ полей, въ такое же приволье русской земли, гдѣ дышитъ полной грудью на лонѣ природы. Отъ опушки лѣса мчатся гости пострѣгъ удачной охоты, кто на тройкѣ, кто на одиночкѣ. Кони фыркаютъ и летятъ,

„какъ отъ волковъ,
Какъ изъ-подъ тучи грозовой,
Какъ бы мучителей-бѣсовъ
Погоною слыша за собой.“

Липа оживлены, веселы, пынутъ здоровьемъ; мелькаютъ поля за полями, „а даль-то даль—какъ широка!“

Насталъ новый годъ... Какое судить о намъ новое счастье? Отринулся на минуту отъ личныхъ своихъ желаній и подумаемъ о томъ, въ чемъ болѣе всего нуждается миръ на рубежѣ новаго столѣтія. Если стать на общую точку зрѣнія всѣхъ людей и народовъ, то намъ кажется, что помѣщаемый въ этомъ номерѣ *Нивы* новогодній рисунокъ Н. Н. Каразина служить краснорѣчивымъ указаніемъ на наиболѣе назрѣвшую злобу. Старый годъ еще владѣетъ міромъ. Власть его грозна, разрушительна. Онъ окруженъ пламенемъ и дымомъ; онъ опирается на смертоносныя орудія, ополсанъ мечомъ, облеченъ въ латы племъ; гербъ его — символъ смерти

«Орлиное гнѣздо» Рис. 2. Флигель подъ названіемъ „Полудомикъ“, построенный на мѣстѣ дома, въ которомъ жилъ Суворовъ. Съ фот. С. Д. Крипскаго автор. „Нивы“.

«Орлиное гнѣздо» Рис. 3. Свѣтлица Суворова въ селѣ Кончанскомъ, на холмѣ Дубихѣ. Съ фот. С. Д. Крипскаго авторіи „Нивы“.

спутникомъ ему служить ангелъ смерти съ пылающимъ факеломъ въ рукѣ. Вотъ на чемъ зиждется его власть, и вотъ каковы ея атрибуты.

Отвернемся отъ этой грозной картины, сулицей смерти, разрушеніе, и обратимъ наши взоры на приближающийся Новый годъ. Онъ изображенъ ангеломъ жизни, торжественно приближающимся къ землѣ въ колесницѣ, распространяющимъ вокругъ себя море свѣта и держащимъ въ рукѣ палму мира. Въ лучезарномъ его шествіи ему сопутствуетъ другой ангелъ, у котораго въ рукѣ эмблемы мирнаго и благотворнаго труда—сплошь колосьевъ, корзина для собиранія жатвы; другою же рукой онъ разсыпаетъ на своемъ пути цвѣты. На землѣ еще царствуетъ мракъ. Богъ войны и смерти еще властвуетъ надъ нею, но лучезарный миръ съ его спутникомъ уже приближается къ ней. И, конечно, всякій, взглянувъ на новогодній рисунокъ *Нивы*, пожелаетъ, чтобы это приближеніе свершилось скорѣе, и надежда, выраженная художникомъ, сбылась еще на нашемъ вѣку.

Минувшій годъ, правда, не ознаменовался большою войною, но тѣмъ не менѣе война вспыхивала то здѣсь, то тамъ. Разразилась она и на нашемъ материкѣ, тамъ, гдѣ горючаго материала накопилось больше всего — на Востокѣ. Если пожаръ не принялъ серьезныхъ размѣровъ, если дѣло не дошло до общей войны, то только благодаря соединеннымъ усиліямъ великихъ державъ, предотвратившихъ на этотъ разъ опасность. Однако, тяжелое бремя вооруженнаго мира продолжаетъ тяготѣть надъ Европою, истощаетъ силы народовъ, подрываетъ ихъ финансовое благополучіе и направляетъ ихъ трудъ на непронзводительныя дѣла. Въ сущности этотъ вооруженный миръ обходится дороже войны и вслѣдствіе страшныхъ денежныхъ жертвъ, возлагаемыхъ имъ на народы, представляетъ самъ по себѣ большую опасность. Такимъ образомъ грозный богъ войны все еще властвуетъ надъ нашей землею, и, принявъ во вниманіе, какимъ тяжелымъ бременемъ онъ ложится на государство, а слѣдовательно и на всѣхъ гражданъ, нельзя не пожелать, чтобы новый годъ, — если ему и не суждено сокрушить власть бога войны и покончить съ вооруженнымъ миромъ, — приблизилъ насъ къ тому царству свѣта и мирнаго труда, которое художникъ изобразилъ намъ быстро несущимся на мощныхъ и ретивыхъ коняхъ къ нашей землѣ, нывающей подъ бременемъ непопулярныхъ военныхъ расходовъ.

Картина Р. Ферруцци: „Молитва“ въ нынѣшнемъ году была гвоздемъ 2-й международной выставки въ Венеціи и безусловно признана однимъ изъ лучшихъ художественныхъ произведеній современной живописи. Предъ нами — молодая женщина съ младенцемъ на рукахъ. Строгія черты ея прекраснаго лица съ профилемъ античной каменъ поражаютъ экспрессіей. Большіе крошкіе глаза съ такой вѣрой обращены къ небу, что вы уже догадываетесь, о чемъ молится любящая мать. Что станетъ съ ребенкомъ? Будетъ ли онъ счастливъ, или горькая доля окружитъ его жизнь рядомъ тяжелыхъ испытаній?.. Сколько горячихъ вопросовъ встаетъ въ головѣ молодой матери! Она не въ силахъ совладать съ ними, не въ состояніи поборотъ жгучія сомнѣнія... Ребенокъ не знаетъ, о чемъ думаетъ мать и за кого возноситъ пламенную молитву. Онъ вѣжливо прижался къ ея теплому плечу и видитъ одни райскіе сны, навѣваемые ангелами.

Изъявленіе конфедератами покорности Суворову въ 1772 г., послѣ взятія Краковскаго замка. — Художникъ, на основаніи одной изъ старинныхъ гравюръ, почти современныхъ этому событію, представилъ намъ Суворова въ одинъ изъ наиболѣе выдающихся моментовъ его военной и политической карьеры. Борьба съ конфедератами, которые еще въ предыдущемъ, 1771 г., получили весьма существенную и дѣятельную помощь

отъ Франціи, пославшей въ Польшу своихъ талантливѣйшихъ генераловъ, офицеровъ и даже унтеръ-офицеровъ — эта борьба, вынесенная на плечахъ почти одною Россіею, была далеко не легкимъ дѣломъ... При помощи блестящаго таланта Суворова, нанесшаго конфедератамъ нѣсколько страшныхъ, сокрушительныхъ ударовъ, уничтожившаго отрядъ гетмана Огнескаго подъ Ставовичами, эта борьба почти уже приведена была къ концу; оставалось только разсѣять нѣкоторые отряды конфедератовъ, ютившихся около Кракова, какъ вдругъ

П. Я. Мультановскій († 11 декабря 1897 г.).
Съ фот. автотипія „Нивы“.

на русскихъ неожиданно обрушилась крупная неудача... Штакельбергъ, занимавшій Краковскій замокъ съ однимъ изъ русскихъ полковъ, по безопасности своей, утратилъ этотъ важный пунктъ. Конфедераты и французы, подъ командою Шуази и Виоменли, ночью, пробрались въ Краковскій замокъ и заперлись въ немъ, давал, такимъ образомъ, новую и вѣрную точку опоры для конфедерации (это случилось въ ночь съ 21-го на 22 января 1772 г.). Спохватившійся Штакельбергъ попытался было выбить засѣвшую въ замокъ непріятеля, но безуспѣшно; онъ долженъ былъ извѣстить Суворова о постигнутой его невгодѣ и просить его помощи.

Въ распоряженіи Суворова были очень незначительныя силы, съ которыми онъ и направился къ Кракову, и, занявъ городъ, обложилъ замокъ. Но штурмовать его онъ не могъ, и вынужденъ еще былъ безпрестанно отбиваться отъ нападающей со стороны ободрившихся конфедератовъ, то и дѣло подступавшихъ къ Кракову. Положеніе его нѣсколько разъ было критическимъ, тѣмъ болѣе, что на помощь русскихъ войскъ, стоявшихъ въ Литвѣ и Польнѣ, нельзя было рассчитывать ни въ какомъ случаѣ. Осадной артиллеріи у Суворова не было, и за нею пришлось посылать далеко и выжидать ее мѣсяць слишкомъ. Наконецъ, въ началѣ апрѣля, приготовивъ все, необходимое для штурма, Суворовъ послалъ къ Шуази офицера, который долженъ былъ предложить Краковскому гарнизону сдать на капитуляцію; въ противоположномъ же случаѣ — Суворовъ угрожалъ, что, при штурмѣ, никому не дано будетъ понады... Защитники Краковскаго замка колебались, попробовали вступить въ переговоры съ Суворовымъ, намѣнить пункты предложенной имъ капитуляціи; но онъ былъ неумолимо-востойчивъ, и грозилъ усиленіемъ своихъ требованій. Наконецъ, 15-го апрѣля, обезоруженный гарнизонъ сталъ выступать изъ замка, но 100 человекъ; ихъ встрѣчали русскія войска. Шуази, всѣ французскіе офицеры и нѣкоторые конфедераты вручили свои шпаги Суворову. Но Суворовъ ихъ шпагъ не принялъ, обошелся съ ними чрезвычайно любезно, а подойдя къ Шуази, обнялъ его и поцѣловалъ. Плѣнники Суворова удалились отъ него въ полномъ восторгѣ, обвороженные вѣжливостью и вниманіемъ своего великодушнаго противника.

О. Г. Габриловичъ. Съ фот. автотипія „Нивы“.

Обрядъ водосвятія или водокрещенія, какъ онъ назывался на древне-русскомъ языкѣ, — очень стараго происхожденія, и богоявленская или крещенская вода съ незапамятныхъ временъ считается святою. Наканунѣ Богоявленія, въ такъ-называемый крещенскій сочельникъ, и въ самый день прадника (5—6-го января) бываетъ великое освященіе воды, въ отличіе отъ малаго, совершаемаго въ другіе дни, — въ навечеріе въ церкви и въ праздникъ въ храме. На картинѣ художника Ижакевича изображенъ моментъ послѣ

окончанія церковнаго служенія. Бѣлая, низенькая деревенская церковь рѣзко выдѣляется на сѣромъ фонѣ зиниго неба. Тутъ же виденъ подгнившій старый заборъ, отдѣляющій садъ отъ проѣзжей дороги, покрытой подмерзшимъ, густо стелющимся снѣгомъ. Изъ церковной ограды высунулся народъ, — старіе и молодые, сгорбленный старикъ, бабы, дѣвушки; впереди — пара ребятинекъ. Мальчуганъ, котораго отъ земли не видно, тащитъ большой глиняный кувшинъ со святою водою, а другой помогаетъ ему донести драгоценную вошу въ неприкосновенности

домой, гдѣ ее ожидаютъ отецъ и больная мать. Сюжетъ схваченъ жизненно и правдиво.

Проводы стараго года.

Подъ бременемъ невзгодъ,
Страдая и любя,
Постылый, старый годъ,
Я провожалъ тебя.
Съ усмѣшкой на губахъ
И съ горечью въ груди
Я повторялъ въ сердцахъ:
«Разсыпся, пропади!»
Бокаль въ рукѣ дрожаль
И пѣнилось вино...
Чу... кто-то постучаль
Въ замерзлое окно...
Гляжу—старикъ съдой
Въ потертомъ зипунѣ
Костлявою рукой
Грозить со злобой мнѣ.
Узналъ тебя я, дѣдъ...
Не страшень ты теперь:
Принесъ ты много бѣдъ,
Ужъ не вернуть потерь!
Насталъ и твой чередъ:
Изъ бездны вѣковой
Выходитъ новый годъ
Съ надеждой молодой,—
Улыбка на устахъ,
И радость на челѣ,
И свѣтъ въ его чертахъ...
А ты—исчезъ во мглѣ.

В. В. Умановъ-Каплуновскій.

П. Я. Мультиановскій. (Портр. на стр. 17.)

11-го декабря истекшаго года скончался послѣ тяжелой болѣзни одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ хирурговъ, Помпей Яковлевичъ Мультиановскій.

П. Я. Мультиановскій родился въ 1839 г. и окончилъ курсъ въ медико-хирургической академіи 2-го мая 1861 г., причѣмъ получилъ степень лѣкаря съ отличіемъ (*medicus cum eximia laude*), награжденъ золотомъ медалью и въ числѣ десяти врачей оставленъ былъ при академіи на три года для дальнѣйшаго усовершенствованія.

Тотчасъ же по окончаніи курса, П. Я. Мультиановскій поступилъ ординаторомъ въ госпитальную хирургическую клинику, находившуюся въ завѣдываніи профессора Кутера, и одновременно съ тѣмъ занялся практической анатоміей подъ руководствомъ знаменитаго Грубера. Въ качествѣ ординатора клиники, П. Я. сдѣлалъ тридцать сложныхъ операцій, и тогда уже зарекомендовалъ себя въ медицинскомъ мирѣ, въ качествѣ талантливаго и дѣльнаго хирурга.

10-го октября 1869 г. онъ назначенъ былъ ассистентомъ перваго хирургическаго отдѣленія клиническаго военнаго госпиталя, въ которомъ продолжалъ работать до самой своей кончины.—съ 1889 года уже въ званіи консультанта.

Особенно цѣнны заслуги П. Я. Мультиановскаго передъ учащейся молодежью, для которой онъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни времени. Въ качествѣ ассистента клиники, П. Я. руководилъ клиническими занятіями студентовъ высшаго курса; въ вакаціонное же время, когда вся клиника находилась на полной его ответственности, онъ занимался съ молодыми врачами, оставляемыми при академіи и прикомандировываемыми къ ней для изученія военно-полевой хирургіи, помогалъ имъ въ клиническихъ занятіяхъ и руководилъ ими при производствѣ большихъ операцій.

Въ 1873 году П. Я. отправился для изученія хирургическаго дѣла за границу и осматривалъ хирургическія клиники и больницы въ Вѣнѣ, Цюрихѣ, Бернѣ, Женевѣ, Парижѣ и Берлинѣ.

Во время послѣдней русско-турецкой войны П. Я. Мультиановскій командированъ былъ въ дѣйствующую армію. Онъ состоялъ полевымъ хирургомъ при Русуцкомъ отрядѣ и много и съ большой пользой поработалъ на перевязочныхъ пунктахъ и въ дивизионныхъ лазаретахъ отряда. Въ награду за эту его дѣятельность ему былъ пожалованъ въ 1878 году чинъ статскаго совѣтника.

19-го мая 1884 года, конференція военно-медицинской академіи, въ знакъ особаго уваженія къ хирургической дѣятельности П. Я. Мультиановскаго, присудила ему степень доктора медицины *honoris causa*. Экзаменъ на эту степень И. Я. сдалъ уже задолго до того,—въ 1868 г., по постыжно, съ утра до ночи, занятый учебной и практической дѣятельностью, онъ не имѣлъ времени работать надъ диссертацией для соисканія ученой степени. До чего велика и неутомима была дѣятельность П. Я. Мультиановскаго, указываютъ цифры сдѣланныхъ имъ операцій. Въ одной клиникѣ сдѣлано имъ 415 большихъ сложныхъ операцій; притомъ въ это число не вошли операціи, произведенныя имъ во время турецкой кампаніи, а также тѣ, которыя онъ производилъ въ другихъ клиникахъ академіи, по приглашенію профессоромъ и ассистентовъ. Кроме того, въ частной практикѣ П. Я. Мультиановскимъ произведено съ 1869 г.—472 операціи.

Всѣ эти усиленные практическія занятія почти не дали П. Я. возможности посвящать себя теоретической разработкѣ хирургическихъ вопросовъ, хорошо знакомыхъ ему изъ его обширной практики. Этимъ объясняется, почему послѣ него осталось сравнительно очень немного научныхъ работъ, изъ которыхъ однако занимаютъ видное мѣсто: „Полное оперативное вырѣзаніе гортани“, „Къ исторіи глицоуріи“, „Время возобновленія коллатеральнаго кровообращенія у человѣка послѣ перевязки артерій“.

Вся жизнь П. Я. Мультиановскаго была однимъ непрерывнымъ трудомъ на пользу науки и страждущаго человечества. Цѣлый рядъ ученыхъ медицинскихъ обществъ избралъ его своимъ дѣйствительнымъ и почетнымъ членомъ; русское хирургическое общество имени Н. И. Пирогова, завѣты котораго П. Я. Мультиановскій свято хранилъ, избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ и вице-предсѣдателемъ. Кроме того, П. Я. состоялъ совѣщательнымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета.

О. Г. Габриловичъ. (Портр. на стр. 17.)

Несмотря на свою молодость, г. Габриловичъ уже успѣлъ составить себѣ солидное имя въ Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Лейпцигѣ и другихъ музыкальныхъ центрахъ Европы. Недавно онъ выступилъ у насъ, въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, въ симфоническихъ собраніяхъ русскаго музыкальнаго общества и вслѣдъ затѣмъ далъ самостоятельные концерты, привлекавшіе массу публики.

Г. Габриловичъ сыгралъ въ симфоническомъ собраніи одинъ только первый фортепианный концертъ (B-moll, съ оркестромъ) Чайковскаго и сразу заинтересовалъ весь музыкальный Петербургъ; публика какъ-то сразу полюбила его, заставила его три раза играть на *bis* и, когда онъ объявилъ свой концертъ, то наполнила залу. Такова притягательная сила таланта. Нужно при этомъ прибавить, что г. Габриловичу положительно можно гордиться своей побѣдой, и вотъ почему: во-первыхъ, мы обыкновенно очень строги къ своимъ и слишкомънисходительны къ иностранцамъ,—слѣдовательно, онъ могъ рассчитывать скорее на холодное отношеніе; во-вторыхъ, появленію его у насъ предшествовали весьма лестные заграничные отзывы, а мы строго и почти недоверчиво относимся къ восторженнымъ отзывамъ заграничной прессы, зная, что лавры тамъ дешево достаются. Эти два препятствія пройдены, и г. Габриловичъ можетъ себя считать побѣдителемъ: онъ имѣлъ рѣшительный успѣхъ.

Познакомимся съ его краткою жизнью. Онъ родился въ 1878 г. (слѣдовательно ему 19 лѣтъ) и очень рано сталъ обнаруживать богатые музыкальныя способности. На десятомъ году жизни, по совѣту Алтона Григорьевича Рубинштейна, онъ поступилъ въ петербургскую консерваторію по классу профессора Толстова, который сумѣлъ направить блестящаго дарованія своего ученика, и въ 1894 г., на шестнадцатомъ году жизни, онъ блистательно окончилъ свое музыкальное образованіе, получивъ премію А. Г. Рубинштейна: роль Шредера. Не ограничившись этимъ, юноша отправился къ знаменитому Лешетницкому въ Вѣну завершить свое образованіе и, поработавъ у него два года, сталъ выступать публично,—и вотъ уже два года, какъ нашъ юный виртуозъ заставляеть о себѣ говорить.

Таковы краткія свѣдѣнія о его артистической дѣятельности. Чѣмъ же излѣняетъ г. Габриловичъ? Огромная техника (ею одной въ настоящее время очень трудно удивить), прекрасное туше, вполне музыкальная, осмысленная и порою почувствованная фразировка, отличная память, во многихъ случаяхъ самостоятельное отношеніе къ искусству и полное самообладаніе—вотъ качества, обнаруженныя имъ въ концертахъ. Играеть онъ Баха, Бетховена, Шопена, Шумана, Листа, Чайковскаго, Рубинштейна и другихъ корифеевъ фортепианной литературы. Словомъ, это артистъ съ большой будущіюстью. Пожелаемъ ему дальнѣйшихъ успѣховъ на его трудномъ поприщѣ.

В. Баскинъ.

Евангелина Сиснеро.

(Съ 2 портр. и 2 рис.)

Европейская и американская печать все еще продолжаетъ обсуждать подробности романческаго приключенія

восемнадцатилѣтней испанки, уроженки острова Кубы, племянницы президента бывшей республики Кубы Еванге-

лины Сиснеро, и смѣлость и энергію газетнаго репортера Декера.

Послѣ смерти матери Евангелина осталась съ младшею сестрою Карменъ на рукахъ престарѣлаго отца. Когда Евангелина подросла, она стала заправлять всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, а отецъ занимался разведеніемъ плантацій сахарнаго тростника. Вернувшись разъ съ поля домой, онъ былъ особенно угрюмъ, ничего не ѣлъ за обѣдомъ и, наконецъ, заявилъ, что рѣшилъ присоединиться къ возставшимъ жителямъ Кубы и постарается освободить ихъ отъ ненавистнаго владычества испанцевъ. Евангелина сначала не плакала, но затѣмъ сказала, что послѣдуетъ за отцомъ въ лагерь инсургентовъ, что и исполнила.

Здѣсь ей пришлось видѣть много ужасныхъ сценъ и пережить много горя. Испанцы обращались съ инсургентами жестоко. Отецъ Евангелины былъ предательски переданъ въ руки испанцевъ и посаженъ въ тюрьму, гдѣ онъ опасно захворалъ. Наконецъ генералъ Кампосъ сжалился надъ Евангелиной и приказалъ перевести ея отца на островъ Панишъ, гдѣ нѣмные пользовались гораздо большею свободою и могли жить дома съ родными. Евангелина со своею маленькою сестрою Карменъ послѣдовала за отцомъ, и тамъ они поселились вмѣстѣ.

Губернаторомъ острова былъ Хозе Беррицъ, оказавшійся далеко недостойнымъ своего высокаго положенія.

Увлеченный красотой Евангелины Сиснеро, онъ сталъ ее всюду преслѣдовать. Онъ старался нѣсколько разъ заговорить съ ней, но она всегда отмалчивалась и старалась избѣгать его.

Однажды солдаты окружили ихъ домъ и совершенно безъ всякой вины арестовали отца Евангелины.

Въ страшномъ отчаяніи она, вмѣстѣ съ сестрой, отправилась къ губернатору и просила разъяснить, за что отецъ арестованъ и что его ожидаетъ. Беррицъ принялъ ихъ очень любезно и сказалъ ей, что отъ нея зависитъ свобода отца. Возмущенная его нисосыю, Евангелина ушла домой и болѣе не обращалась къ губернатору.

Вскорѣ послѣ того, ночью, когда она была одна въ домѣ, она услышала, какъ Беррицъ стучался въ дверь. Она замерла отъ страху и лежала не шевелясь. Губернаторъ ушелъ. На слѣдующій день ее предупредили, что Беррицъ вновь прійдетъ.

Въ эту ночь ея друзья караулили около дома. Губернаторъ пришелъ и хотѣлъ войти въ домъ силою; Евангелина закричала, и ея друзья набросились

Освобожденіе Евангелины Сиснеро изъ тюрьмы. Опасный переходъ.

явились солдаты и всѣхъ арестовали. Евангелина была присуждена къ двадцатилѣтнему заключенію въ тюрьмѣ. Ее перевезли въ Рекожидасъ (тюрьма въ Гаваннѣ). Когда Евангелину привезли туда, она была тамъ единственная бѣлая женщина среди самыхъ развратныхъ негритявокъ. Понавѣ въ эту отвратительную среду, Евангелина готова была наложить на себя руки. Наконецъ ее постигла г-жа Ли, жена американскаго консула. Она не говорила по-испански, а Евангелина не знала по-англійски. Онѣ сидѣли молча, взявшись за руки, но сочувствіе, выказанное г-жею Ли, ободрило Евангелину.

Судьба Евангелины Сиснеро сдѣлалась извѣстна въ Соединенныхъ Штатахъ и вызвала къ ней глубокое сочувствіе. Особое участие въ

ней принялъ милліонеръ, редакторъ *New-York Journal*, Герстъ. Онъ составилъ петицію къ испанской королеви-регентшѣ, умоляя ее освободить дѣвушку. Всѣ выдающіяся женщины Соединенныхъ Штатовъ, начиная съ матери президента, подписали эту петицію. Всѣхъ имевъ подъ петиціей оказалось свыше полудюжаста тысячъ.

Такая же петиція, по мысли г. Герста, была составлена и въ Англіи отъ имени наиболѣе выдающихся женщинъ этой страны. Наконецъ было употреблено въ Римѣ вліяніе на папу, и тотъ съ своей стороны просилъ испанскую королеву-регентшу смягчить приговоръ надъ Евангелиною Сиснеро. Но королева, или лучше сказать, окружающія ее лица, остались глухи ко всѣмъ этимъ просьбамъ.

Дни проходили за днями, недѣли за недѣлями, а между тѣмъ Евангелина все томилась въ тюрьмѣ. Наконецъ, редакторъ Герстъ рѣшился дѣйствовать за свой страхъ. Онъ призвалъ работающаго у него въ газетѣ репортера Карла Декера (портр. на этой стр.) и поручилъ ему съѣздить въ Гаванну и во что бы

то ни стало освободить Евангелину Сиснеро, не стѣсняясь суммою издержекъ.

Прибывъ въ концѣ сентября на мѣсто и заручившись двумя надежными помощниками, Иосифомъ Германдономъ и Гаррисономъ Малори, онъ старался по возможности менѣе обращать на себя вниманіе.

„Прежде всего,—разсказываетъ онъ:—намъ нужно было завязать сношенія съ г-жею Сиснеро. Это намъ удалось сдѣлать съ помощью Германдона, который родился на Кубѣ и отлично владѣлъ испанскимъ языкомъ. Онъ напелъ негритянку, которая посылала свою родственницу въ тюрьмѣ и взялась передать отъ насъ письмо Евангелинѣ.

„Завязавъ сношенія, мы, не теряя времени, стали обдумывать, какъ совершить освобожденіе.

„Тюрьма Рекожидасъ находится въ самой низкой части Гаванны и возвышается среди маленькихъ хижинъ съ плоскими крышами, отъ которыхъ отдѣляется узкимъ, кривымъ переулкомъ. Эта часть города населена неграми и китайцами. Много разъ я обошелъ тюрьму, но рѣшительно не могъ составить плана, какъ добратся до Евангелины. Тюрьма казалась неприступной. Стѣны ея очень толсты, окна футовъ на двадцать пять отъ земли и снабжены толстыми желѣзными рѣшетками.

„Мы долго обдумывали, какъ приступить къ освобожденію Евангелины, но рѣшительно не могли ни на чемъ остано- виться. Употребить силу было бы безполезно, такъ какъ вблизи отъ тюрьмы находится арсеналъ и казармы.

„Наконецъ, не зная, что дѣлать, мы передали ей письмо съ просьбою, не можетъ ли она сама указать, какъ ее освободить.

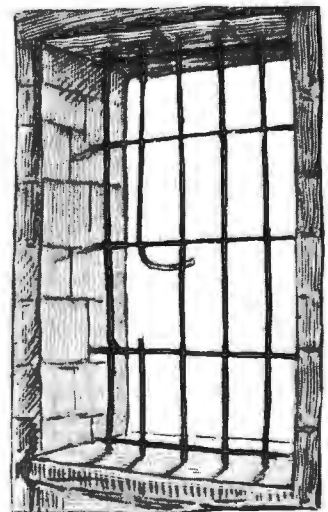
„На это письмо она прислала слѣдующій отвѣтъ: „Мой планъ слѣдующій. Бѣжать по крышѣ и затѣмъ по веревкѣ спуститься на улицу при данномъ сигналѣ. Для этого мнѣ нужна кислота, чтобы уничтожить часть желѣзной рѣшетки въ окнѣ, и опиумъ или морфій, чтобы усыпить находящихся со мной въ одной камерѣ женщинъ. Всего лучше въ видѣ сластей, тогда можетъ-быть удастся усыпить и сторожа. Вы трое станете по угламъ переулка. Зажженная сигара будетъ означать опасность, что заставить меня повременить, а бѣлый платокъ будетъ служить сигналомъ, что я могу спускаться по веревкѣ. Необходимое платье

Евангелина Сиснеро до заключенія и послѣ освобожденія изъ тюрьмы.

Карль Декеръ, освободившій Евангелину Сиснеро изъ тюрьмы.

Подпиленная рѣшетка тюремной камеры, въ которой была заключена Евангелина Сиснеро.

и обмотаю вокруг себя. Вот мой планъ. Дайте знать, годенъ ли онъ". При этомъ былъ приложенъ чертежъ съ точнымъ обозначеніемъ ея окна, выходящаго на плоскую тюремную крышу, окруженную стѣною, такъ что съ улицы окна не было видно.

"Мы рѣшились воспользоваться ея планомъ. Разумѣется, толстую желѣзную рѣшетку никакая кислота не могла перефетъ. Спустились по веревкѣ мы считали для Евангелины также слишкомъ опаснымъ. Поэтому намъ необходимо было самимъ забраться на плоскую крышу тюрьмы. Чтобы достичь этого вѣрнѣе, нужно было навѣять домикъ въ кривомъ переулкѣ. Отправившись на мѣсто, я, по особому счастью, нашелъ свободный домикъ, какъ разъ ближайшій къ тюрьмѣ. На слѣдующій день мы уже наняли его, заплатавъ за два мѣсяца впередъ.

"Мы послали за маляромъ-пегромъ, чтобы выбѣлить домикъ. Онъ явился съ известью, кистью и легкой лѣстницей около двѣнадцати футовъ длины. По уходѣ онъ оставилъ намъ эту лѣстницу. На слѣдующій день вечеромъ мы перебрались въ этотъ домикъ, никѣмъ не замѣченные. Было уже половина второго ночи, когда, наконецъ, въ сосѣднемъ домѣ всѣ успокоились. Въ это время полная луна стояла надъ нами и было свѣтло, точно днемъ.

"Мы вышли на крышу и приступили къ дѣлу. Стѣна тюрьмы выходила угломъ и была отъ нашей крыши на разстояніи около 10 футовъ. Чтобы достичь стѣны, мы перекинули наискось нашу легкую лѣстницу. Это была самая опасная часть пути, такъ какъ лѣстница была очень тонка и коротка. Никто изъ насъ не забудетъ этого перехода. Разъ она соскочила со стѣны, и Германдопъ былъ спасенъ отъ падешия единственно благодаря быстротѣ, съ которою мы поправили лѣстницу. Тѣмъ не менѣе большой кусокъ карниза обломился и съ шумомъ упалъ внизъ, такъ что падешиемъ своимъ разбудилъ сторожа тюрьмы, которій вышелъ изъ воротъ съ фонаремъ въ рукахъ и сталъ осматриваться; но мы успѣли прибрать лѣстницу и спрятаться.

"Сторожъ постоялъ, полюбовался прекрасною лунною ночью и затѣмъ снова вошелъ въ ворота, плотно затворивъ ихъ за собою. Подождавъ нѣсколько времени, чтобы все успокоилось, мы поползли по крышѣ къ окну. Достигнувъ его, мы увидѣли ее самою, стоящую у окна. Она слабо вскрикнула и просунула чрезъ рѣшетку свои руки, умоляя насъ освободить ее; при этомъ она сказала, что усыпила всѣхъ женщинъ, бывшихъ въ ея камерѣ.

"Затѣмъ мы приступили къ работѣ и начали перениливать

одинъ изъ желѣзныхъ брусьевъ рѣшетки. Работа подвигалась медленно. Пилить приходилось очень осторожно; брусья рѣшетки дребезжали и вѣтѣли съ визгомъ пилы производить такой шумъ, что можно было ожидать тревоги.

"Кто-то внутри зашевелился. Евангелина оставила насъ и поспѣшила на свое мѣсто на парахъ. Уходя, она умоляла насъ продолжать работу въ слѣдующую ночь.

"Я побаивался, чтобы на слѣдующій день не было открыто поврежденіе рѣшетки, но дѣлать было нечего.

"Въ 11 часовъ вечера мы стали ожидать, чтобы все успокоилось. Въ этотъ разъ все шло счастливо. Лѣстница была превращена опять въ мостикъ, мы быстро перенли на крышу тюрьмы.

"Время терять было нельзя. Вооружившись особыми клещами, мы однимъ сильнымъ движеніемъ отделили желѣзный прутъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ надпиленъ, вытянули свободный конецъ наружу, затѣмъ, вставъ на колѣни и подперевъ прутъ плечомъ, я загнулъ его кверху (рис. на стр. 19). Евангелина съ нашею помощію прогвзла чрезъ сдѣланное отверстіе.

"Послѣ пятнадцатимѣсячнаго тюремнаго заключенія она была свободна. Никто намъ не мѣшалъ. Все спало мертвымъ сномъ.

"Двое держали лѣстницу за концы, когда Евангелина переходила по ней (рис. на стр. 19). Мы быстро спустились съ крыши въ нашъ домъ, и приготовленная вблизи карета увезла насъ къ заранѣе выбранному убѣжищу, гдѣ Евангелина временно скрылась. Ее остригли, и она переодѣлась въ костюмъ мальчика. Три дня она оставалась въ этомъ убѣжищѣ.

Черезъ три дня вечеромъ Декеръ, Германдопъ и Евангелина съ сигарою во рту въ каретѣ поѣхали въ гавань, гдѣ ихъ ждала маленькая лодка, на которой они подплыли къ пароходу, гдѣ была уже заготовлена для Евангелины небольшая отдѣльная каюта. Она спряталась подъ койку и лежала тамъ, пока пароходъ не вышелъ изъ гавани.

На Кубѣ никто не зналъ, куда скрылась Евангелина Сисперо, пока не пришла телеграмма изъ Нью-Йорка.

Кажется, давно уже ни одно событіе не вызывало въ американцахъ такого интереса и такого энтузіазма, какъ это освобожденіе Евангелины Сисперо. Она сдѣлалась героинею дня. Въ концѣ прошлаго октября собрался громадный митингъ въ Нью-Йоркскомъ паркѣ, на которомъ болѣе двухсотъ тысячъ людей привѣтствовали Евангелину Сисперо, энергичнаго редактора Герста и смѣлаго репортера Декера.

Политическое обозрѣніе.

1897 годъ.

Всеобщее миролюбіе, которымъ цивилизованное человѣчество привѣтствовало начало минувшаго года, оправдалось блестящимъ образомъ: пожаръ вспыхнулъ на Востокѣ, но тотчасъ же былъ потушенъ соединенными усиліями державъ.

Вліяніе Россіи въ мировыхъ вопросахъ достигло въ истекшемъ году такихъ размѣровъ, что помимо нашего отечества немалымъ какой бы то ни было рѣшительный шагъ со стороны европейскихъ державъ. Можно пожелать, чтобы отечественная внѣшняя политика твердо пребывала на стражѣ существенныхъ интересовъ Россіи, пока же слѣдуетъ быть довольнымъ тѣмъ, что принесъ намъ истекшій годъ: предметъ пламенныхъ желаній Яноши, къ которому такъ льнули недавно побѣдители китайцевъ,—Портъ-Артуръ сталъ столицою русскаго флота; конечный пунктъ манчжурской рельсовой линіи, замыкающей къ великому сибирскому пути,—отнынѣ въ нашихъ рукахъ. Сохранивъ дружбу съ Китаемъ, Россія добилась давно намѣченнаго пункта: когда Владивостокъ скованъ льдомъ, наша тихоокеанская эскадра отнынѣ можетъ заступать отечественные интересы въ Портъ-Артурѣ—этомъ зримомъ Владивостокѣ. Многолѣтніе труды нашей политики на дальнемъ Востокѣ увѣчались, такимъ образомъ, значительнымъ успѣхомъ въ истекшемъ году.

Для Франціи минувшій годъ былъ годомъ безпримѣрной устойчивости государственной жизни внутри страны и блестящихъ успѣховъ во внѣшней политикѣ. Ярыя нападки крайнихъ парламентскихъ фракцій не помѣшали правительству удержать власть въ своихъ рукахъ и благополучно вступить въ новый годъ. На ряду съ этимъ успѣхомъ французская республика достигла подобающаго ей величія во внѣшней политикѣ, занявъ первелствующее мѣсто въ европейскомъ концертѣ. Небывалое событіе — посѣщеніе Россіи президентомъ республики, сопровождавшееся рядомъ блестящихъ торжествъ и увѣчавшееся провозглашеніемъ единенія двухъ великихъ союзныхъ народовъ,—запечатлѣло политическую мощь Франціи. Окончательно упрочивъ свой союзъ съ Россіей, французская республика стала дѣятельнымъ факторомъ европейской политики и содѣлываетъ поддержанію европейскаго мира.

Германія въ минувшемъ году торжественно праздновала столѣтіе со дня рожденія императора Вильгельма I. Непрестанно слѣдя за развитіемъ германской промышленности, императоръ Вильгельмъ проявилъ въ истекшемъ году необыкновенную энергію въ отстаиваніи интересовъ германскихъ подданныхъ. Требуи удовлетворенія за убитыхъ китайской чернью миссіонеровъ, Германія заняла одинъ изъ лучшихъ китайскихъ

портовъ, и въ китайскія воды двинута значительная германская эскадра. Такимъ образомъ, истекшій годъ принесъ Германіи прочную позицію на китайской территоріи.

Австро-Венгрія обнаружила во внѣшней политикѣ нѣкоторую энергію при распутиваніи турецкихъ дѣлъ. Зато по внутреннимъ дѣламъ истекшій годъ принесъ этой имперіи рядъ тяжелыхъ испытаній: парламентскіе безпорядки, обусловленные борьбой національностей, затормозили дѣятельность рейхсрата, и важнѣйшіе законодательные акты были предоставлены абсолютной власти короны. Обструкціонизмъ иѣмцевъ вызвалъ осадное положеніе въ Прагѣ и другихъ мѣстностяхъ Богеміи, чтѣ едва ли поможетъ успокоенію національныхъ страстей. Провозглашенная равноправность чешскаго языка съ нѣмецкимъ поставила ребромъ вопросъ о пригодности самой внѣшней государственной системы габсбургской монархіи. Установленіе добрососѣдскихъ русско-австрійскихъ, какъ и русско-германскихъ отношеній подтверждено въ минувшемъ году торжественными свиданіями Государя Императора съ сосѣдними монархами—въ Петербургѣ.

Великобританія въ минувшемъ году торжественно отпраздновала 60-лѣтіе царствованія королевы Викторіи, хотя протесты праидцевъ и жалобы поработенныхъ индусовъ омрачили блестящій праздникъ. Внѣшнее проявленіе политической мощи англичанъ выразилось экспедиціями къ верховьямъ Нила съ цѣлью доказать Европѣ преждевременность всякихъ ожиданій въ пользу очищенія Египта. Важнѣйшимъ явленіемъ британской политической жизни въ истекшемъ году слѣдуетъ признать критическое положеніе въ Индіи, на сѣверо-западѣ которой британскому оружію пришлось имѣть дѣло съ серьезнымъ движеніемъ племенъ на афано-индійской границѣ. Многочисленные англо-индійскіе отряды послѣ упорной борьбы должны были отступить, покинувъ отбитыя у непріятеля позиціи.

Испанія вступила на путь примиренія съ островомъ Кубой и вообще съ возставшими колоніями, обѣщая имъ широкую автономію. Въ исходѣ минувшаго года испанцы получили утѣшительную вѣсть о полномъ замиреніи Филиппинскихъ острововъ.

Истекшій годъ былъ роковымъ для греческой національности. Въ рукахъ турокъ очутилась вся Фессалія, и только воли Государя Императора остановила побѣдоносное шествіе турецкой арміи. Тяжелая военная контрибуція разорила въ концѣ казу греческаго королевства, надъ которымъ установлена теперь международная финансовая опека. Вообще греческое королевство не скоро оправится отъ матеріальныхъ и нравственныхъ потерь, причиненныхъ безразсудной войной.

Лѣчебница д-ра Эммериха

для нервныхъ, морфинистовъ и т. п. больныхъ.

Бадень-Бадень. 24-2

Проспекты бесплатно. См. соч. д-ра Эммериха: Лѣчение хроническаго морфинизма безъ принужденія и мученій. Складъ изд. у Штейница въ Берлинѣ. Завѣдыв. врачъ д-ръ Эммерихъ. Второй врачъ д-ръ Лейбольдъ.

Состоящіе въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ

ЧАСТНЫЕ

С.-ПЕТЕРБУРГ. СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ.

Невскій просп., д. 102 (противъ Николаевской ул.).

Н. Л. Хрусталева, М. В. Побѣдинскій, В. Ф. Гаррисонъ и Г. Н. Мокѣевъ, прекративъ преподаваніе при фирмѣ „Счетоводъ“ Ф. В. Езерскаго, открыли Счетоводные Курсы для лицъ обоего пола. Курсы имѣютъ два отдѣленія: обще-бухгалтерское и специальное. Преподаютъ французскій и нѣмецкій языки. Начало занятій, со вновь поступающими, въ январѣ. Подробныя свѣдѣнія можно получить въ помѣщеніи Курсовъ—С.-Петербургъ, Невскій просп., д. 102, ежедневно.

ALCOOL DE MENTHE DE RICQLÈS

Сообщаетъ водѣ пріятную свѣжесть и восхитительный аромат. Употребляется для зубовъ, рта и всѣхъ туалетныхъ потребностей. Образуетъ также, посредствомъ мыслкоающихъ капель въ стаканѣ воды приправленной сахаромъ, освежающій и мало стоющій напитокъ.

Фабр. въ Лионѣ. Деню въ Парижѣ, rue Richer, 10 et 12. Въ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

№ 10408 30 - 10

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 годъ на

выходящее 24 раза въ годъ, т. е. по два раза въ мѣсяцъ

новое иллюстрированное издание безъ предварительной цензуры, составленное отчасти по образцу иностранныхъ журналовъ „Review of Reviews“, „Revue des Revues“ и друг.

ЖУРНАЛЪ ЖУРНАЛОВЪ

И

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ первыхъ №№ будутъ напечатаны **ОРИГИНАЛЬНЫЯ СТАТЬИ**: проф. Д. И. Менделѣва—Золото изъ серебра; М. М. Манассеиной—О деньгахъ; проф. Моссо—Обсерваторія на Мошрозѣ; проф. Charles Richet—Задняя воздухоплаванія; проф. Н. Beaunis—Гипногизмъ и внушеніе; проф. Н. М. Коркунова—Экономическія основы государства; D-г Havelock Ellis—Международный языкъ будущаго; D-г Gustave Iz Bon—О социализмѣ; В. Ф. Головачова—О значеніи флоры для Россіи; D-г L. Bonnet—Объ X-лучахъ Рентгена; D-г A. Binet—О научномъ значеніи грѣфологии; проф. Радлова—О женщинахъ; В. П. Острогорскаго—Педагогическія очерки; проф. В. Т. Шевякова—О причинахъ географ. распредѣленія безпозвоночныхъ; проф. Max Müller—О совпаденіи; проф. Wiesner—Свѣтъ—лица растений; акад. кн. И. Р. Тарханова: 1) О периодичности въ явленіяхъ жизни; 2) О нейронахъ и о мозгѣ, какъ о высшемъ резонаторѣ, и др. Кроме оригинальныхъ статей, не появившихся до сего въ печати и написанныхъ болѣею частью специально для журнала выдающимися учеными и мыслителями, какъ русскими, такъ и иностранцами, журналъ помѣщаетъ экстракты статей извѣстнѣйшихъ авторовъ и замѣчательнѣйшихъ статей, появляющихся въ русской или иностранной печати. Въ программу журнала входятъ: науки естество-, медиц., физико-математ., исторія и общества, науки, философія, метафизика и психологія, искусства и критика, обзорные журналы, смѣсь и проч. Отдѣлъ наукъ естественныхъ и медицинскихъ будетъ выходить при сотрудничествѣ и подъ наблюденіемъ акад. кн. И. Р. Тарханова. Отдѣлъ исторіи и общественныхъ наукъ при сотрудничествѣ и подъ наблюденіемъ В. Ф. Головачова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:	На роскошное издание за годъ съ доставкой и перес.	10 руб.
	„ дешевое	6 „
	За границу деш. изд. 9 руб., роск. изд.	14 „

Роскошное издание печатается на лучшей бумагѣ съ улучшенными иллюстраціями и иногда съ увеличеніемъ ихъ количества. (Разсрочка на дешевое издание съ перес. и дост. допускается при ежемѣсячныхъ взносахъ по 2 руб. въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ).

Издатель-редакторъ И. П. Кондыревъ.

Контора и редація: СПБ., Гороховая, 13 (уг. Б. Морской).

ПАВЕЛЬ БУРЕ

В. № 10820 28-1

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23. Москва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста. **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики съ полнѣйшимъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новый иллюстрир. прейс-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

„Гуниади Янось“ представляетъ собою продуктъ природы, **СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ** котораго извѣстно. Для норм. приема достаточно 1-2 обмы. стакана.

Просимъ обращать вниманіе на вашу предохранит. марку портрета, которая неизмѣнно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей нашей воды.

Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.

ПРОДАЕТСЯ у **ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ** и **АПТЕКАРЕЙ.**

№ 10415 **ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ** 12-6

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Иллюстрированный сельско-хозяйственный журналъ

„ДЕРЕВНЯ“

(III-й годъ изданія, подъ редакціею П. Н. Елагина)

имѣющей задачею распространять практически-полезныя по сельскому хозяйству свѣдѣнія, пригодныя глазнымъ образомъ для хозяевъ **практиковъ**, связанныхъ своею дѣятельностью и жизнью съ землею.

Допущенъ въ библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній,

въ **БЕЗПЛАТНЫЯ НАРОДНЫЯ ЧИТАЛЬНИ** и

въ **БИБЛОТЕНИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ ШКОЛЪ.**

Программа журнала: отрасли сельскаго хозяйства, ремесла и домоводство.

Безплатныя приложенія: сѣмена хорошихъ сортовъ сельско-хозяйственныхъ растений, планы и чертежи хозяйственныхъ построекъ.

Срочъ выхода ежемѣсячный, сброшюрованными книжками, съ иллюстраціями въ текстѣ.

Краткія выдержки изъ отзывовъ о журналѣ „ДЕРЕВНЯ“:

1) Газета „Новое Время“: „При цѣнѣ всего въ три рубля съ пересылкой, „ДЕРЕВНЯ“ выходитъ ежемѣсячно хорошевыми книжками съ множествомъ рисунковъ, исполненныхъ очень хорошо. Содержаніе каждой книжки состоитъ изъ короткихъ, но дѣльныхъ и ясно написанныхъ статей на самыхъ разнообразныхъ темахъ, но *всегда чисто практически излагающихъ предметъ*. Это направление намъ кажется очень цѣннымъ для сельско-хозяйственнаго журнала. Многие изъ деревенскихъ жителей читывали въ книжкахъ и журналахъ и знаютъ, что имъ надо было бы и себѣ сдѣлать, но какъ это сдѣлать—тутъ они заминаются на первыхъ же шагахъ и... откладываютъ задуманное до лучшихъ временъ. Помочь имъ перейти отъ словъ къ самому дѣлу—эту задачу и поставилъ себѣ журналъ. Среди сельскихъ хозяевъ журналъ былъ принятъ очень сочувственно; первыя книжки его были напечатаны даже вторымъ изданіемъ, и нельзя не сказать, что *успѣхъ этотъ—доброе свидѣніе заслуженный успѣхъ.*“

2) Журналъ „Русскій Начальный Учитель“, № 1—Январь 1897 г.: „Въ общемъ, по своему разнообразному содержанію, по важности и насущному характеру затрагиваемыхъ вопросовъ, по *несомнѣнной практичности многочисленныхъ рекомендуемыхъ нововведеній*, журналъ „Деревня“ можетъ быть признанъ однимъ изъ *наиболѣе полезныхъ по своему назначенію и наиболее доступныхъ журналовъ.*“

Подписная цѣна: за годъ, съ пересылкою, **ТРИ** рубля.

3 руб. **ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ** въ Конторѣ журнала: **3 руб.**

Адресъ: „ДЕРЕВНЯ“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. 13.

Громадный выборъ лучшихъ, дешевыхъ изданій по сельскому хозяйству, ремесламъ, домоводству и проч.

Адресъ: „ДЕРЕВНЯ“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. 13.

Полный каталогъ высылается бесплатно.

X-й

Годъ изд.

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“.

X-й

Годъ изд.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ

(10-й годъ изданія)

НА **ВОЛЬШУЮ**

ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„Русскій Листокъ“,

издаваемую съ 1897 г. безъ предварительной цензуры по новой расширенной программѣ, новыми издателями и подъ новой редакціей. Будучи по обширности своей программы, по внутреннему содержанію, по полнотѣ и свѣжести матеріала, по объему и формату равной съ болѣеими столичными, дорогими изданіями, газета „РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“ въ то же время является самой дешевой изъ нихъ. Кроме общаго содержанія всѣхъ газетъ, въ текстѣ нашей газеты будутъ помѣщаться портреты общественныхъ дѣятелей, рисунки, чертежи и планы; ежедневно два фельетона: въ одномъ помѣщаются романы, повѣсти, стихи и пр., въ другомъ—обозрѣнія московской („Улисъ“), петербургской („Архиді Восторговъ“), провинціальной (А. Павловъ), русско-и вообще (В. Грд.), иностранной жизни; научныя статьи въ общедоступномъ изложеніи и пр. Всѣ новости государственной жизни получаютъ телеграммами отъ собственныхъ корреспондентовъ и по новизнѣ своей опережаютъ всѣ московскія и даже петербургскія газеты. Желающимъ газета высылается для ознакомленія въ теченіе недѣли по полученіи 7 двухкопеечныхъ марокъ на пересылку.

6 р.

на годъ съ доставкой и пересылкой

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

6 р.

на 6 мѣсяцевъ 3 рубля 50 копеекъ на 3 мѣсяца 2 рубля — копеекъ.

на 5 „ 3 „ 40 „ на 2 „ 1 „ 40 „

на 4 „ 2 „ 50 „ на 1 „ 1 „ 75 „

Годовымъ подписчикамъ допускается расрочка подписной платы: при подпискѣ—3 рубля и въ 10 апрѣля—3 рубля.

Адресъ главной конторы: Москва, Никитскій бульваръ, домъ Шиндтъ.

Издатели: Н. Л. Назецкій и П. Х. Гензель.

За редактора Н. Л. Назецкій.

X-й

Годъ изд.

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“.

Ц. № 10728 2-2

X-й

Годъ изд.

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА

СКРИПКИ:

въ 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 руб. и дороже. Смычки къ нимъ въ 50 коп., 1, 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 р. Принадлежности и свѣтля струны въ разныя цѣны.

КОРНЕТЫ-а-ПИСТОНЪ:

заграничной работы въ 12, 15, 18, 22, 25, 30, собственной фабрики въ 40, 50, 60, 75, 90, 100 р., парижской фабрики Courtois въ 90, 150 и 250 р.

ФЛЕЙТЫ:

заграничной работы въ 2, 4, 6, 8, 12, 18, 25, 35, 40, 50 р., собствен. фабрики въ 60, 75, 90 р. и известной модели Циммермана въ употребленіи у первыхъ артистовъ въ 85, 120 и 250 р.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ. С.-Петербургъ, Большая Морская, 34. Москва, Кузнецкій м., д. Захарыина.

ПАМЯТЬ

лицъ кажда. возр. укрѣпляетъ лично и зночно профессоръ мнемоники С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и Ваз. ул., собственный домъ, № 28. Условія и брош. (въ 32 стран.) высыл. за одну 7-ми коп. марку. № 10431 20—17

НОВОСТЫ!

духи

ЛЕВКОЙ

поставщиковъ Высочайшаго Двора

А. Ралле и Ко.

За флаконъ

1 руб. 25 коп.

ВЫИГРЫШ-

НЫЕ 1, 2 и 3 вѣды продаетъ БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ, 59, Невскій, С.П.Б. 11—9

ЮВЕЛИРЪ К. И. БОКЪ.

Золотая медаль.

С.-Петербургъ, 9, Большая Морская.

И.-Новгородъ.

Москва, 6, Кузнецкій мостъ.

Громадный выборъ ювелирныхъ и золотыхъ вещей на всякия цѣны. Специальное изготовленіе жетоновъ Всероссийской выставки въ Н.-Новгородѣ 1896 г., Съѣзда врачей въ Москвѣ 1897 г. и пр. Изящно и быстро высылаю вещи наложеннымъ платежомъ по получении задатка. № 10730 2—3

ЖЕМЧУГЪ

ХОРОШІЙ РОВНЫЙ ВЪ НИТКАХЪ И ВЪ ВЕЩАХЪ ПОКУПАЕТЪ 20—6 ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ

К. ФАБЕРЖЕ.

Москва, Кузнецкій мостъ, № 4.

Поставщики Двора Его Императорскаго Величества. Сѣдельная фабрика основана 1786 г.

СЪДЛА, РУССКАЯ УПРЯЖЬ, АНГЛІЙСКІЯ ШОРЫ,

конюшенныя принадлежности, дорожныя вещи лучшаго качества.

ВАЛЬТЕРЪ и КОХЪ.

Малая Морская, № 4.

ПЕЧЕНІЕ ГЕРКУЛЕСЬ

ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ОВСЯНОЙ КРУПЫ ПРОДАЕТСЯ ВЪСЯДЬ.

С. СІУИКЪ

ВЫЖИГАНІЕ!

(Изящное и доступное каждому занятіе.) Английскіе аппараты для выжиганія отъ 7 до 13 руб. с. Английскія изящныя деревянные издѣлія. Английскіе цвѣтные лаки-эмали. Г. Минскъ, Захарьевская ул., д. Ругера. Пирографическая мастерская.

КАРАМЕЛЬ

изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семадени въ Кіевѣ. Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп. Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ. С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 12 6

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ (10) Специалистъ хронометровъ С.П.Буръ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Шубл. Библиотеки. Подробный иллюстр. прейскурантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

„НЬЮ-ІОРКЪ“

Общество взаимнаго страхованія жизни.

НОВАЯ КОМБИНАЦІЯ

страхованія съ ежегоднымъ прогрессивнымъ увеличеніемъ капитала.

Напр., лицо 30-ти лѣтъ заключаетъ страхованіе въ 2000 рубл. съ 20 лѣтъ. платежомъ премій съ условіемъ прогрессивнаго увеличенія капитала въ случаѣ смерти въ теченіе 20 лѣтъ и уплачиваетъ ежегодную премію въ р. 85.20 (по тарифу съ возвратомъ премій). Въ случаѣ смерти въ концѣ

2-го года его наследники получаютъ Р.	2170.40
7-го " " " " " "	2596.40
10-го " " " " " "	2852.—
15-го " " " " " "	3278.—
19-го " " " " " "	3618.80

Кромѣ того страхователь ПРИ ЖИЗНИ будетъ получать уже со ВТОРОГО ГОДА ДИВИДЕНДЫ, размѣръ коихъ также ежегодно увеличивается.

Послѣ трехъ лѣтъ полиса Общества становятся ненарушимыми, т. е. въ случаѣ прекращенія платежа премій, вследствие болѣзни или другихъ причинъ, страхованіе продолжается безъ платежа премій, въ полной первоначальной суммѣ, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ: отъ 2 до 20 и болѣе лѣтъ.

За подробными свѣдѣніями просятъ обращаться: въ Главное управленіе для Россіи, С.-Петербургъ, Малая Морская, 12 или въ мѣстныя агентства въ главнѣйшихъ городахъ Россіи. № 10722 5—3

Нѣжность и Свѣжесть лица

Пуховка - Юности

КОСМЕТИКА В. ЛИПШЕ

Замѣняетъ лучшее пудру, пуховку, пудреницу и зеркало

И. № 10678 4—4

Косметическіе спермацетовые личныя

УЛЬТРА-МЯГКИЕ КОСМЕТИКА ДЭНГУНДЪ

При употребленіи спермацетовыхъ ультра-мягкихъ кожа лица дѣлается чистой. Удобно средство въ дорожъ, гдѣ лицо особ. подвержено загрязненію пылью и ветромъ. Къхъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 50 к.

Для предупрежденія, поддѣл., пр. обрѣвнии, на поддѣл. А. ЭНГУНДЪ КРАСН. ЧЕРНИЛ. И МАР. СЛѢД. КОСМ. ЛАБОРАТ. Получать можно вездѣ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентствъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блоинъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій. 11-9

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ

домъ КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКВИ ПРОТИВЪ ДУМЫ С. ПЕТЕРБУРГЪ

Прейсъ-Кур. Высыл. безпл.

Содержание:

ТЕКСТЪ. Дзми. Повѣсть П. А. Сергѣенко. (Продолженіе.) — Хлбный путь въ столицу. Очеркъ И. Ф. Тюменова (съ 16 рис.). — Счастье. Стихотвореніе В. В. Уманова-Наплумовскаго. — Къ рисункамъ: Интересное чтеніе. — Отдыхъ. — Академикъ Н. Е. Мерклинъ. — Графъ И. Д. Деляновъ. — Г. А. Захарынъ. — Портъ-Артуръ. — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Тиражъ выигрышей въ Государственномъ Банкѣ. — Объявленія.

РИСУНКИ. „Хлбный путь въ столицу“. Рис. 1. Шлюзъ св. Самсона. Рис. 2. Устье Шексны подъ Рыбинскомъ. Рис. 3. Рѣзныя украшенія на мачтахъ нѣкоторыхъ хлбныхъ судовъ и походныя ясли на конномъ бичевникѣ. Рис. 4. Соборъ въ г. Череповцѣ. Рис. 5. Синевусовъ курганъ. Рис. 6. „Путинный“ интеллигентъ и „путинный“ крестьянинъ. Рис. 7. Г. Бѣлозерскъ. Рис. 8. Плотина при шлюзѣ св. Павла. Рис. 9. Аннинскій мостъ на р. Ковжѣ. Рис. 10. Вытегорскій погостъ. Рис. 11. На Онежскомъ каналѣ, ночью. Рис. 12. „Путинный“ на работѣ. Рис. 13. Подвѣнный Волковъ мостъ, въ началѣ шлюзованной части системы, въ 11 верстахъ отъ села Девятинъ. Рис. 14. Вознесенская пристань и Онежскій каналъ. Рис. 15. Г. Вытегра. Рис. 16. Клейменіе мѣшковъ. — Интересное чтеніе. Картина М. Лемэръ. — Отдыхъ. Картина А. Вѣрушъ-Ковальскаго. — Графъ И. Д. Деляновъ. — Г. А. Захарынъ. — Академикъ Н. Е. Мерклинъ. — Портъ-Артуръ, новая стоянка судовъ русской тихо-океанской эскадры. Рис. 1. Общій видъ гавани. — Рис. 2. Общій видъ города.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

1 внутренней 5% съ выигр. заемъ Гос. Банка 1864 г.

66 тиражъ 2-го января 1898 г.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.
8	10	1000	2932	41	8000	5511	34	500	7622	3	500	10072	3	500	12993	46	500
51	12	500	3045	19	500	5582	29	500	7652	23	500	10312	41	500	13021	21	500
135	45	500	3167	2	500	5612	25	500	7656	45	500	10319	26	500	13084	50	1000
223	23	500	3313	1	1000	5613	29	500	7739	13	500	10339	36	500	13088	46	500
394	19	500	3313	15	500	5623	2	1000	7793	3	8000	10380	36	500	13119	33	500
564	19	500	3368	23	500	5679	20	500	7902	17	500	10472	49	500	13131	27	1000
640	7	5000	3523	7	500	5686	45	500	7921	23	500	10566	14	500	13217	23	500
843	2	500	3575	8	500	5690	34	500	7928	2	500	10654	38	500	13248	26	500
921	45	1000	3644	7	500	5818	35	500	7994	14	500	10669	7	500	13254	3	500
972	14	500	3673	7	500	5867	9	500	8023	28	500	10685	30	500	13369	42	500
1175	14	5000	3768	6	500	6099	5	500	8224	35	500	10690	41	500	13397	2	500
1196	19	500	3779	12	500	6105	2	500	8298	35	500	10786	22	500	13557	29	500
1223	48	500	3835	24	500	6105	32	500	8382	42	500	10800	7	500	13611	40	500
1285	29	500	3857	6	500	6228	49	10000	8419	2	500	10865	36	500	13621	29	500
1316	16	500	3920	19	500	6298	2	500	8553	41	500	10913	41	1000	13704	3	500
1382	13	500	3942	37	1000	6390	21	500	8605	14	500	10986	20	500	13723	8	500
1383	22	500	3957	24	500	6417	33	500	8622	29	500	11003	20	500	13726	19	1000
1439	17	500	3964	34	500	6446	13	500	8636	40	500	11400	33	500	13735	48	10000
1468	36	500	3992	21	500	6609	33	500	8701	12	500	11160	30	500	13782	33	500
1487	43	500	4056	2	5000	6632	18	500	8898	4	1000	11187	34	40000	13810	50	500
1557	30	500	4305	46	500	6642	37	5000	8929	8	500	11219	19	500	13822	38	8000
1655	50	500	4478	14	500	6755	48	500	8943	1	5000	11349	37	500	13944	46	500
1695	24	500	4519	4	500	6766	45	500	9037	6	500	11359	22	500	14054	12	500
1727	4	500	4549	45	500	6821	45	500	9109	14	500	11476	34	500	14106	29	500
1734	22	500	4608	14	500	6896	24	500	9294	41	500	11517	41	500	14151	37	500
1762	26	500	4624	9	500	6899	35	500	9322	3	1000	11668	8	500	14266	18	500
1955	33	500	4782	13	500	6942	30	500	9345	27	500	11744	23	500	14485	3	500
2155	12	500	4784	1	500	7012	23	500	9357	18	500	11790	27	500	14504	26	500
2168	4	500	4788	29	500	7034	20	500	9477	7	500	11967	41	500	14582	12	500
2347	9	500	4939	9	500	7055	35	1000	9494	47	500	12144	50	500	14592	43	500
2349	50	500	5000	25	1000	7059	42	1000	9547	43	500	12258	26	500	14749	18	500
2404	13	500	5095	31	500	7099	12	500	9568	23	500	12531	49	500	14826	43	500
2551	34	500	5153	38	500	7218	4	1000	9741	24	500	12545	32	8000	15017	47	500
2705	43	500	5265	27	500	7516	30	500	9798	25	500	12569	4	500	15115	3	500
2732	17	10000	5268	13	500	7537	4	500	9821	26	500	12600	4	500	15189	34	500
2787	12	500	5368	36	500	7572	12	500	9966	34	500	12721	24	500	15216	36	500
2910	25	500	5497	6	500	7580	41	500	10050	25	500	12845	30	1000	15274	24	500
2912	1	500	5501	17	500	7587	31	500	10057	32	500						

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

№№ серий, вышедшихъ въ тиражѣ погашеніи:

5, 303, 324, 409, 519, 533, 826, 976, 1372, 1643, 1645, 1681, 1794, 1979, 2001, 2163, 2177, 2259, 2278, 2337, 2379, 2693, 2701, 2736, 2783, 2932, 2979, 3211, 3398, 3424, 3748, 3849, 3963, 4037, 4063, 4129, 4144, 4367, 4481, 4758, 5054, 5160, 5190, 5500, 6045, 6218, 6417, 6780, 6861, 6966, 7287, 7681, 7862, 7938, 8135, 8189, 8249, 8781, 8856, 8859, 8884, 8931, 8982, 9301, 9529, 9567, 9610, 9766, 9827, 9848, 10341, 10351, 10436, 10925, 10971, 11112, 11351, 11324, 11578, 11916, 11923, 12011, 12013, 12080, 12256, 12315, 12537, 12563, 12597, 12619, 12623, 12886, 13107, 13298, 13489, 13633, 13822, 13893, 14074, 14787, 15049, 15420, 15597, 15839, 15851, 15779, 15799, 16005, 16085, 16109, 16268, 16346, 16391, 16484, 16507, 16834, 17079, 17199, 17392, 17724, 18180, 18190, 18553, 18602, 18603, 18818, 18925, 18953, 19025, 19810.

Всего 130 серий, составляющихъ 6500 билетовъ, на сумму 845,000 рублей.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕНАГО ТОВАРИЩЕСТВА

№ 10543 12-6

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

Заводская марка Н.Д.

1896 ВОСЬМАЯ НАГРАДА ГОДА

НА ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

СЪ СЫНОВЬЯМИ

Испробованъ и найденъ превосходнымъ голландскій

КАКАО ФЛИКЪ.

Получить можно во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и колоніальныхъ торговляхъ.

Главный представитель для Россіи
Константинъ Гершъ, С.-Петербургъ.
В. № 10488 15-8

ВЫШЕЛЪ ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ АЛЬБОМА

„25-лѣтіе Товар. передв. худож. выст.“

изд. худож. фотот. Н. А. Фишеръ (подъ непосредств. надб. Комм. Товар.) Вѣкъ будетъ 6 выпусковъ по 30 лист. In quarto, содеж. 270 разн. сюж., съ причл. назв. и именъ автор., на русск. и французск. языкахъ. При послѣднемъ выпускѣ общеоглавленіе карт. съ обозначеніемъ ихъ разм., года напис. и мѣста находж., краткія очерки движ. выст. за 25 лѣтъ и папка для помѣщ. всей коллекціи.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Цѣна на все изданіе, безъ пересылк. 12 руб., съ пересылк. 15 руб. (можно съ наложеннымъ платежомъ). По выходѣ VI вып. цѣна на альбомъ возвысится.

№ 10811 2-2

Складъ изданія: Москва, Кузнецкій мостъ, № 11.

PASTA EUGENIE

PAR

BERTHA RIES

ПРИДАЕТЪ ЛИЦУ: КРАСОТУ, МЯГКОСТЬ, БѢЛИЗНУ И СВѢЖЕСТЬ.

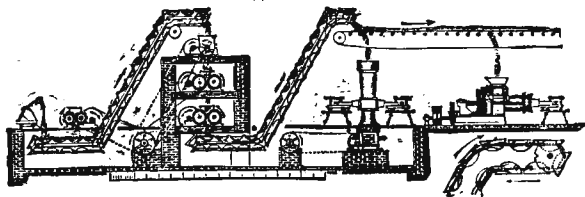
Можно получить въ лучшихъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ.

ДЛЯ ТАНЦЕВЪ! реком. въ большемъ выборѣ и по умѣр. цѣнамъ всевозможн. механическіе инструменты:
 дѣтскій АРИСТОНЪ 5 р., ИНТОНА 8 р., ДОЛЩИНА 8 р., СЕРАФИНЪ 12 р., АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ 17 р., ГЕРОФОНЪ 22 р., КАЛЛИСТОНЪ 35 р., МАНОПАНЪ 50 р., ПИАНО-МЕЛОДИКО 65, 70 и 85 руб., самоиграющіе съ моторомъ 200 р., ОРГАНЫ съ деревянными флейтами.
МЕХАНИЧ. ПИАНО на которомъ можно играть руками и посредствомъ верченія ручки, 550, 600, 650, 700 руб.
СИМФОНИОНЫ съ ручкой 4 1/2 руб., самоиграющіе въ 9, 17, 20, 27, 36, 65 и 90 руб.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ. І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
 МОСКВА. ПЕТРОВКА. Москва, Петровка, домъ Волкова.
 ♦ Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно. ♦

К. ШЛИКЕЙЗЕНЪ Берлинъ, S. O. Фабрика машинъ
 для кирпичнаго, торфянаго, гончарнаго и известковаго производствъ
 РЕКОМЕНДУЕТЪ НОВОСТИ

патентованныя во всѣхъ промышленныхъ странахъ.
 Подъемныя цѣны для глины, торфа, песку, различныхъ рудъ, угли, извести, зерна и проч., удобныя для большихъ, непрерывныхъ работъ, имѣющія спокойный ходъ и не требующія большой затраты рабочей силы.
 Предохранительныя релейныя шкивы (патент. во всѣхъ главѣйш. промышленности, государствахъ). Шкивъ этотъ сохраняетъ машины, передавая двигательную силу лишь на ту, на которую его, смотря по надобности, поставляетъ.
 Ручной прессъ для печныхъ изразцовъ (патент. въ Россіи, Германіи, Австріи и пр.). Для гладкихъ и узорчатыхъ, плоскихъ, угловыхъ и карнизныхъ изразцовъ. При двухъ омытныхъ работникахъ выдѣлываетъ въ часъ до 50 плоскихъ или до 30 угловыхъ изразцовъ, гладкихъ или узорчатыхъ.
 Кроме того имѣются: машины для изготовления кровельной черепицы всякаго рода, глиняныхъ трубъ разныхъ сортовъ; бетонныхъ издѣлій, брикетовъ, цѣвныхъ кирпичей, плитъ для половъ, глиняныхъ и цементныхъ, ручныя машины для кирпичей. R. № 10518 12--4
 Также имѣются давящія и формовочныя машины для печныхъ фабрикъ, для химической промышленности, литейныхъ, красочныхъ, клеевыхъ и мыловаренныхъ заводовъ, для техническихъ учебныхъ заведеній, испытательныхъ станцій и т. п.
Золотая государственная медаль
 за Берлинскую промыш. выставку 1896 года.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN

Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
 Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 4412 (73)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ EDELVEILCHEN

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES

des RR. PP.

BÉNÉDICTINS

DE

l'Abbaye de Soulas,

Dom MAQUELONNE, Prieur.

Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD

VENTE EN GROS :

SEGUIN, BORDEAUX.

Maison fondée en 1807.

VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.

MAISON à PARIS, 23, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX
 Expos^{ion} Int^{ernationale} Lyon 1894
 HORS CONCOURS
 MEMBRE DU JURY
 Exp^{osition} Int^{ernationale} Bordeaux 1895.

VOIES DE LA SIGNATURE
 DU PRIEUR
 Dom Maquelonne
 S. O.

Касимовская невѣста. Ист. ром. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 30 к.; въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

ALCOOL DE MENTHE DE RICQLÈS

Сообщаетъ водѣ приятную свѣжесть и восхитительный аромат.
 Употребляется для зубовъ, рта и всѣхъ туалетныхъ потребностей. Образуетъ также, посредствомъ нѣсколькихъ капелекъ въ стаканѣ воды приправленной сахаромъ, освежающій и мало стоющій напитокъ.
 Фабр. въ Лионѣ. Дено въ Парижѣ, rue Richer, 10 et 12.
 Въ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

Поступили въ продажу только-что изданія Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ:

- 1) **ИСПАНСКІЯ СКАЗКИ.** Переводъ М. В. Ватсонъ въ двухъ книжкахъ со многими рисунками. Цѣна каждой 15 коп.
 - 2) **СКАЗКИ ПЕРРО.** Перев. съ французскаго В. Д. Порозовской въ двухъ книжкахъ со многими рисунк. Цѣна каждой 15 коп.
 - 3) **НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ.** Асбьерсена. Переводъ В. Д. Порозовской. Со многими рисунками. Цѣна 15 коп.
 - 4) **АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ.** Уйда. Переводъ М. А. Шингаревой. Въ трехъ книжкахъ. Цѣна каждой 15 коп.
- Вышеупомянутыя книжки составляютъ выпуски издаваемой Ф. Павленковымъ „Иллюстрированной Сказочной Библиотеки“ (№№ 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85 и 86).

Химическая лабораторія РООСЪ

С.-Петербургъ, Владимірская, № 7, рекомендуетъ
 лучшее и озрачное глицериновое туалетное мыло „PARIS“
 съ монограммой О. Р.
 Можно получать въ лучшихъ аптекарск. и парфюмерныхъ торговляхъ.
 Требовать обязательно моногр. О. Р.
 = Остерегайтесь поддѣлокъ. =
 Цѣна за кусокъ 20 коп.

№ 4711. Это любить запахъ настоящей Фіалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“ (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не выдыхающійся.

№ 4711. Савон violette
 № 4711 Sachets violette du rhin.
 Въсѣхъ однократнаго превосходнаго качества.

Продается и парфюмер во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ.

ВСЕМИРНО-ОБРАЗЦОВАЯ ПИШУЩІЯ МАШИНЫ

РЕМИНГТОНЪ

— Общій сбытъ 200,000 —
 ПРИНЯТЫ ВСѢМИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ УЧРЕЖДЕНІЯМИ въ Министерств. одного Петербурга болѣе 1000 РЕМИНГТОНОВЪ въ употребленіи
 ✪ ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ ✪
 Единственный Складъ для всей Россіи
 Выс. Утвержд. Т-во
 Правленіе: МОСКВА
 М. Блок
 ОТДѢЛЕНІЯ: С.Петербургъ, Нѣва, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Николаевъ, Ростовъ и /д.

XXIX г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIX

№ 2

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

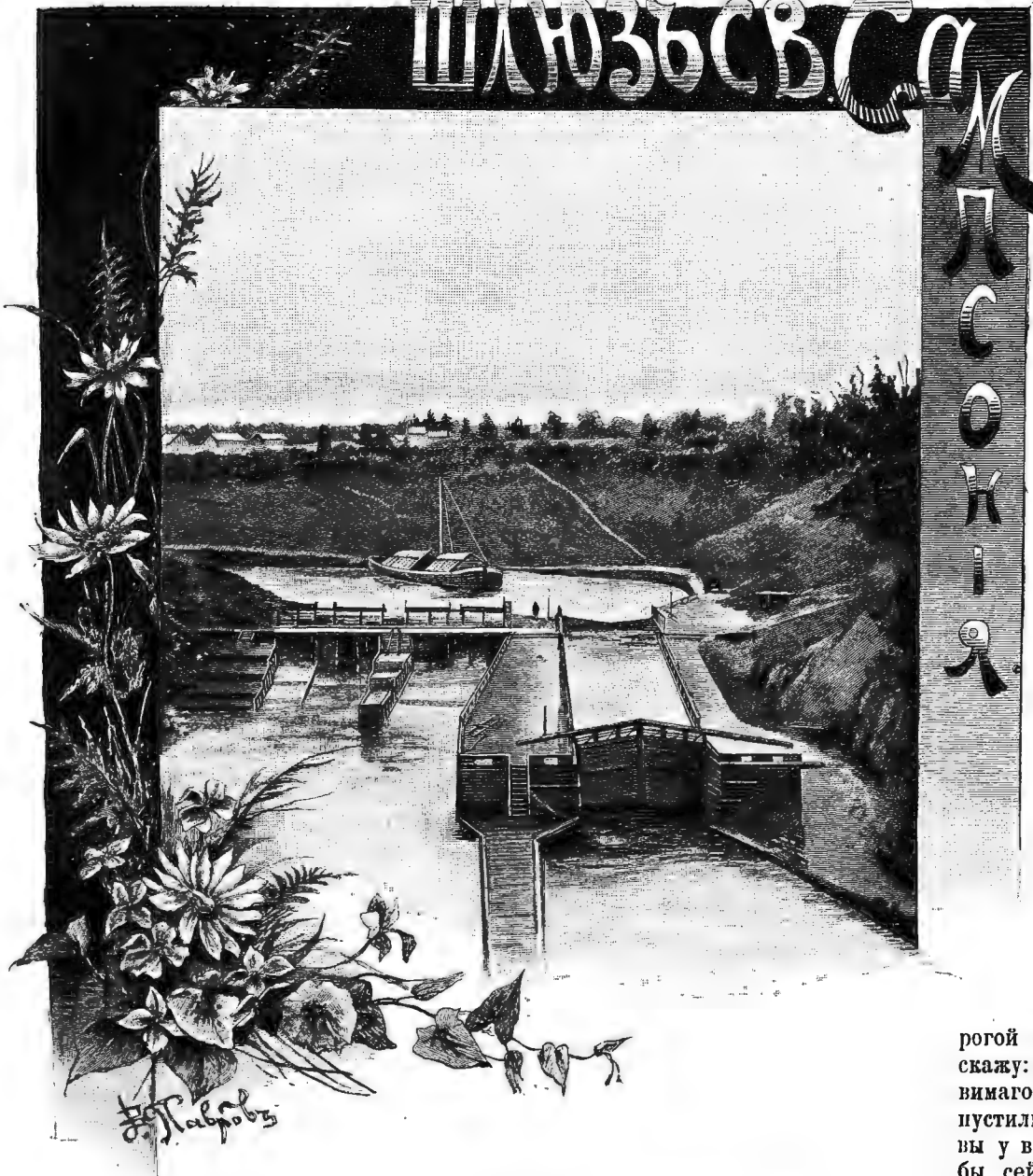
1898

Выданъ 10 января 1898 г.

Цѣна этого № 15 к. съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „Ниву“ 1898 г. Подробности см. въ концѣ этого №.

ШЛЮЗЬ СВ. САМ

„Хлѣбный путь въ столицу.“ Шлюзъ св. Самсонія.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Шюблеръ.

Д э з и.
Повѣсть
П. А. Сергѣенко.

(Продолженіе.)

III.

На другой день утромъ Герливановъ съ встревоженнымъ лицомъ отправился къ извѣстному петербургскому врачу по нервнымъ болѣзнямъ. Услышавъ фамилію Герливанова, врачъ отнесся къ нему съ особенной внимательностью. Это былъ небольшого роста сѣдой старикъ, съ мягкимъ взглядомъ, мягкимъ голосомъ и эластическими движеніями. Все у него было, какъ бы изъ бархата и замши. Болѣе часа онъ разспрашивалъ Герливанова, выслушивалъ его, выѣшивалъ, прощупывалъ и, наконецъ, дружески сказалъ:

— Вотъ что, дорогой нашъ поэтъ, я вамъ скажу: опаснаго и непоправимаго у васъ нѣтъ. Но запустили вы себя очень. Нервы у васъ, хоть и въ балетъ бы сейчасъ — такъ и танцуютъ. Дамъ я вамъ кое-что для успокоенія ихъ и на слу-

чай таких почей, как истекшая. Но серьезно помочь дѣлу это не можетъ. Вамъ нуженъ покой, отдыхъ и солнце. Главное — солнце. Не забывайте, дорогой, что мозгъ дѣлается изъ того же матеріала, что и алмазы, т. е. изъ солнца. Поѣзжайте куда-нибудь на югъ: въ Ниццу, въ Крымъ, на Кавказъ. Съ утра до вечера будьте на воздухѣ, купайтесь, карабкайтесь по горамъ, нагуливайте побольше силъ и давайте намъ еще *ладу*, въ которомъ мы все такъ нуждаемся...

Герливановъ вышелъ отъ профессора успокоеннымъ. Его совѣтъ уѣхать куда-нибудь изъ Петербурга приходился какъ нельзя болѣе по душѣ Герливанову. Это развязывало все запутанные узлы. И онъ началъ дѣлательно готовиться къ отъѣзду, рѣшивши прежде всего поѣхать на Донъ, къ своему дядѣ по матери. Тамъ на Югѣ, среди простыхъ, добрыхъ людей онъ отдохнетъ и успокоится.

Хлопоты съ устройствомъ денежныхъ дѣлъ и предстоящій отъѣздъ значительно подняли въ Герливановѣ энергію. Онъ такъ торопился, точно собирался бѣжать отъ чего-то страшнаго. Воспоминаніе о замирающемъ сердцѣ всякій разъ бросало его въ холодъ. И, слышавъ какой-нибудь печальный мотивъ или увидавъ въ газетѣ траурную кайму съ извѣщеніемъ о чьей-нибудь смерти, онъ какъ бы застывалъ на мгновение и слышалъ внутри себя предостерегающій голосъ: *emento mori!*

До этого онъ никогда не задумывался о смерти, и всегда относился къ ней, какъ къ чему-то для него постороннему. И представить картину своей смерти ему было такъ же трудно, какъ и вообразить себя женщиной. У него даже было иногда такое сознание, что онъ какъ-то совсѣмъ не умретъ.

Но съ памятной ночи, Герливановъ *почувствовалъ смерть* и носилъ въ себѣ это ощущеніе, какъ нѣкоторые носятъ пули въ своемъ тѣлѣ. Забывая о нихъ, они создаютъ грандіозные планы и заключаютъ контракты на 99 лѣтъ, но въ извѣстныя минуты пуля даетъ знать о себѣ и точно могильнымъ холодомъ обдастъ пылкихъ мечтателей. Нѣчто подобное испытывалъ и Герливановъ, отзываясь на тысячи впечатлѣній, навѣвавшихъ на него думы о смерти.

Наконецъ, все препятствія, задерживающія его въ Петербургѣ, были устранены, и 20-го мая онъ выѣхалъ на Югъ.

Очутившись въ вагонѣ и растянувшись на удобномъ диванѣ въ своемъ купѣ, Герливановъ только тогда почувствовалъ, какъ нуженъ ему отдыхъ. Отчетливо у него ничего не болѣло. Но въ общемъ было такое состояніе, какъ будто его толкали въ ступѣ. Ему трудно было дѣлать движенія, трудно говорить, даже трудно думать. И, заложивъ руки за голову, Герливановъ лежалъ неподвижно, устремивъ глаза въ одну точку. Онъ ни о чемъ опредѣленно не думалъ и точно заперся на ключъ отъ всѣхъ впечатлѣній. Если бы у него въ это время спросили, какого цвѣта потолокъ, на который онъ все время смотрѣлъ, онъ не могъ бы сразу отвѣтить.

Въ „Чудовѣ“ въ отворенную дверь потянуло запахомъ жаренаго картофеля, и Герливанову захотѣлось ѣсть. Но когда онъ подумалъ, что для этого надо встать, надо натягивать на себя пальто, надо выходить изъ вагона и толкаться на станціи,—у него мигомъ прошелъ аппетитъ.

Въ теченіе двухъ сутокъ Герливановъ почти не выходилъ изъ купѣ. Какой-то плотный господинъ въ австрійской курткѣ, ѣхавшій съ нимъ въ купѣ, не разъ присаживался къ окну съ явнымъ намѣреніемъ завести бесѣду. Но Герливановъ всякій разъ при этомъ закрывалъ глаза и притворялся спящимъ.

Полный покой въ теченіе двухъ сутокъ и продолжительный сонъ подкрѣпили значительно его силы.

Общаго недомоганія во всемъ организмѣ онъ уже не испытывалъ. Но мысль его все еще была вяла, и онъ никакъ не могъ разобраться въ своемъ внутреннемъ мірѣ.

Перебирая въ умѣ событія истекшей зимы, онъ все время находился какъ бы въ недоумѣніи. Ни въ чемъ предсудительномъ онъ не могъ упрекнуть себя. Онъ былъ слабъ, легковѣренъ, часто принималъ лужу съ отраженіемъ въ ней неба за настоящее небо. Но совѣсть его чиста. А между тѣмъ внутри его что-то грызетъ, и въ общемъ слагалось такое ощущеніе, какъ будто онъ въ чемъ-то виноватъ.

Герливановъ продолжалъ усиленно рыться въ своей памяти и какъ бы заново пересматривать все пережитыя впечатлѣнія. Но, несмотря на все старанія, его не покидало мучительно, досадное ощущеніе, какое долженъ испытывать бухгалтеръ, у котораго, несмотря на тщательную провѣрку, балансъ все-таки не сходится. И гдѣ кроется ошибка — добиться невозможно. Никакъ и Герливановъ не могъ свести своего баланса...

На третій день у него появилась потребность въ движеніи и въ обществѣ. Онъ прошелся нѣсколько разъ по коридору вагона и вышелъ на площадку.

Было около 8 часовъ утра. Солнце уже поднялось высоко и пригрѣло землю, благоухавшую майскими травами. Болѣе десяти лѣтъ Герливановъ не былъ на своей родинѣ и, завидѣвъ въ сторонѣ южное село съ выбѣленными хатами, изъ которыхъ вился дымъ, онъ обрадовался этому такъ, какъ будто встрѣтилъ на чужбинѣ старыхъ знакомыхъ. Многія забытыя подробности южной жизни вызвали въ немъ забытыя впечатлѣнія дѣтства. Мелькнувшіе на горизонтѣ силуэты „вѣтряковъ“, махавшихъ своими крыльями, блеснувшій на солнцѣ небольшой ставокъ съ зелеными лврами, — все это наполнило его душу грустнымъ очарованіемъ. Почти цѣлый день Герливановъ находился подъ этимъ впечатлѣніемъ.

Подъѣзжая къ станціи, близъ которой жилъ дядя Хрисанфъ, Герливановъ съ удивленіемъ почувствовалъ въ себѣ трепетъ ожиданія. Изъ Москвы онъ послалъ телеграмму о своемъ пріѣздѣ, и на платформѣ прежде всего бросилась ему въ глаза молодцоватая фигура дяди Хрисанфа, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, въ синей поддевкѣ и съ кнуромъ въ рукѣ.

Когда поѣздъ остановился, Хрисанфъ Ивановичъ подбѣжалъ къ Герливанову и буквально сжалъ его въ своихъ могучихъ объятіяхъ, сочно цѣлуя и обладавая запахомъ мѣстнаго „турецкаго“ табаку.

— Здравствуй, милый! Здравствуй, дорогой! Спасибо тебѣ, что вспомнилъ старика, — растроганно говорилъ дядя Хрисанфъ, при чемъ его каріе, красивые глаза и румяныя щеки залоснились отъ влаги.

Герливанова тронула эта встрѣча. Онъ смотрѣлъ на дядю и удивлялся. Несмотря на 50 съ чѣмъ-то лѣтъ, дядя Хрисанфъ попрежнему смотрѣлъ молодцомъ. Только бритвыя щеки, отливавшія когда-то синевой вороньяго крыла, теперь казались какъ бы заиндевѣвшими. Онъ не отходилъ отъ Герливанова, нѣжно обнималъ его, трепалъ по спинѣ и поминутно заглядывалъ ему въ лицо, какъ бы желая убѣдиться, точно ли сей изящно одѣтый господинъ артистической наружности его племянникъ Миша, котораго онъ когда-то дралъ за уши.

Солнце свернуло на западъ, когда они отъѣхали отъ станціи. Герливановъ осматривался кругомъ. Дядя недавно переѣхалъ сюда, и мѣстность была незнакома. Передъ нимъ простиралась рыжеватая, холмистая степь, точно выбронзированная вся лучами заходящаго солнца. Кругомъ станціи чернѣли громадныя кучи каменнаго угля, отливавшаго въ своихъ изломахъ синевато-стальнымъ блескомъ. Отовсюду подвозили уголь на тачкахъ

и телѣгахъ. Лица у всѣхъ были темныя, чугунаго цвѣта, съ блестящими глазами и бѣлыми зубами. Угольная пыль висѣла въ воздухѣ и, пронизанная свѣтомъ заката, сообщала всему какой-то зловѣщій характеръ.

Дядя Хрисанфъ, ловко маневрируя на самодѣльномъ парабанѣ между возами и кучами угля, выѣхалъ на дорогу и поощрительно щелкнулъ своего гнѣдаго иноходца. Иноходецъ, плавно закачавшись, пошелъ быстрымъ ходомъ. Герливановъ, замѣтивъ, что дядя вслѣдствіе старости ускорить бѣгъ иноходца и мелькомъ поглядываетъ на гости, похваливъ быстроту лошади, чѣмъ, видимо, доставилъ дядѣ несказанное удовольствіе. Онъ не переставалъ смотрѣть на Герливанова влажными глазами и выражать свое удовольствіе по случаю его пріѣзда, при чемъ Герливановъ сдѣлалъ наблюденіе, что дядя очень любитъ цѣловаться и повторять поминутно: „вмѣстѣ съ тѣмъ“.

— Получилъ я твою телеграмму, — говорилъ дядя Хрисанфъ, прижимая Герливанова лѣвой рукой къ себѣ: — читаю, радуюсь и вмѣстѣ съ тѣмъ думаю: телеграфировать-то онъ телеграфировалъ, а пріѣхать опять не пріѣдетъ. Вѣдь ужъ сколько разъ обѣщались. Сомнѣваюсь, знаешь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и надѣюсь, авось, на этотъ разъ не обманетъ. И, спасибо, дорогій, не обмануль!

Они незамѣтно проѣхали 6 верстъ и поднялись на невысокую, отлогую гору, на которой находились усадьба дяди Хрисанфа и принадлежавшія ему угольные шахты. Подѣхавъ къ крыльцу длиннаго, какъ сарай, каменнаго дома, дядя быстро повернулъ голову въ сторону. Возлѣ избы толпились рабочіе, похожіе на трубочистовъ, и о чемъ-то спорили. Въ это время на парадномъ крыльцѣ показалась полная, представительная дама, въ ситцевомъ капотѣ.

— Евлаша, займи нашего дорогого гостя, а мнѣ на минутку надо въ контору! — обратился быстро къ ней дядя.

И, высадивъ Герливанова, онъ быстро погналъ лошадь къ избѣ. Дядя Хрисанфъ былъ женатъ вторымъ бракомъ, и Герливановъ въ первый разъ видѣлъ свою новую тетку. Это немного смущало его. Но она безъ всякой принужденности родственно поцѣловалась съ нимъ и, освѣдомившись о его здоровьѣ и багажѣ, радужно попросила пожаловать въ комнаты. Во всѣхъ ея движеніяхъ было что-то плавное и солидное.

Герливановъ вошелъ въ комнату и невольно остановился на порогѣ. Передъ нимъ стояла у дверей цвѣтущая здоровьемъ дѣвушка, въ яркомъ, малороссійскомъ костюмѣ.

— Не узнаете? — спросила она неестественно громко и какъ бы вызывающимъ тономъ.

Герливановъ пристально взглянулъ на нее и только тогда вспомнилъ о своей кузинѣ, Марусѣ.

— Неужели, это проказница Маруся! — дружески сказала онъ и потянулся, чтобы поцѣловать ее.

Но она отступила назадъ и, всыхнувъ, протянула ему руку.

— Здравствуйте! А мы ужъ и не надѣялись, что вы удостоите насъ вашимъ посѣщеніемъ, — проговорила Маруся тѣмъ же вызывающимъ тономъ.

Герливановъ хотѣлъ сказать ей что-нибудь дружеское, но въ это время въ окно донесся ужасный, потрясающій крикъ, заставившій его невольно обернуться.

— Не беспокойтесь! Это папаша съ рабочими такъ „бесѣдуетъ“, — замѣтила съ сарказмомъ Маруся и, метнувъ на Евлампію Ѳедоровну укоризненный взглядъ, добавила: — хоть бы гостей посовѣтился!

— Милости просимъ въ столовую! — спокойно сказала Евлампія Ѳедоровна, не обращая вниманія ни на замѣчаніе Маруси, ни на отчаянные крики ея мужа.

Герливановъ вошелъ въ столовую, приготовленную какъ бы для пира, и сѣлъ. Но дописавшіеся со двора

раздирающіе душу крики дяди Хрисанфа были такъ ужасны, что онъ инстинктивно ткнулся взглядомъ къ окну, и былъ очень изумленъ, когда увидѣлъ черезъ минуту дядю, входившаго въ комнату съ сияющимъ и добродушнѣйшимъ лицомъ. Дядя Хрисанфъ весело окинулъ столъ, уставленный закусками, и еще разъ обнялъ Герливанова.

— Извини, пожалуйста, милый! На минутку надо было къ рабочимъ... Ну, что, узналъ козу? — спросилъ онъ, кивая на Марусю.

Герливановъ сдѣлалъ головой утвердительный знакъ. Но Маруся всыхнула и произнесла съ неприязненной ноткой:

— А мы всѣ здѣсь думали, что у васъ тамъ разбой начался.

— Дурочка! Развѣ разбой такъ бываетъ? Разбой со всѣмъ иначе бываетъ, — говорилъ весело дядя, расправляя свои молодецкіе усы и присаживаясь около того мѣста, гдѣ стояла цѣлая группа графинчиковъ съ разными водками.

И какъ Герливановъ ни уклонялся, дядя заставилъ его познакомиться со всѣми сортами напитковъ, увѣряя, что это дѣйствуетъ на организмъ лучше всякихъ лѣкарствъ. Онъ подсовывалъ Герливанову блюда съ кушаньями, выбиралъ для него самые вкусные кусочки и ухаживалъ за нимъ, какъ за архіереемъ. Но Герливановъ не испытывалъ уже въ себѣ прилива родственныхъ чувствъ и начиналъ тяготиться слишкомъ усерднымъ гостеприимствомъ. Въ особенности на него неприятно дѣйствовали отношенія Маруси къ отцу. Въ ея черныхъ, косоватыхъ глазахъ было что-то кошачье, что производило нехорошее впечатлѣніе, несмотря на ея цвѣтущую красоту. Всякій разъ, когда она заговаривала съ отцомъ, въ голосѣ ея появлялась неприязненная нотка. И о чемъ бы онъ ни говорилъ, она вездѣ находила предлогъ придрататься къ нему и обличить его въ чемъ-нибудь.

Послѣ обильной закуски, дядя Хрисанфъ налилъ Герливанову стаканъ краснаго вина и сказалъ:

— Попробуй-ка, Миша! Это наше мѣстное — безъ всякой примѣси.

Маруся нервно повела плечами и вызывающе замѣтила:

— А кто на именинахъ у Васильковыхъ утверждалъ, что цѣльнаго вина теперь *нидѣ нельзя найти*?

— Да, вѣдь цѣльность цѣльности рознь, — возразилъ учительно дядя Хрисанфъ: — безъ примѣси сахара, напимѣрь, вино стало бы кислятиной и вмѣстѣ съ тѣмъ не могло бы сохраниться. Извѣстная доза сахара, разумѣется, и въ этомъ винѣ есть.

— Зачѣмъ же вы говорите, что оно *цѣльное*?

— Сравнительно съ тѣмъ, что они въ Петербургѣ пьютъ, оно дѣйствительно цѣльное.

— Тогда вы о Петербургѣ *и не замкались даже*, а говорили о мѣстныхъ винахъ.

Дядя Хрисанфъ махнулъ рукой досадливо и обернулся къ гостю.

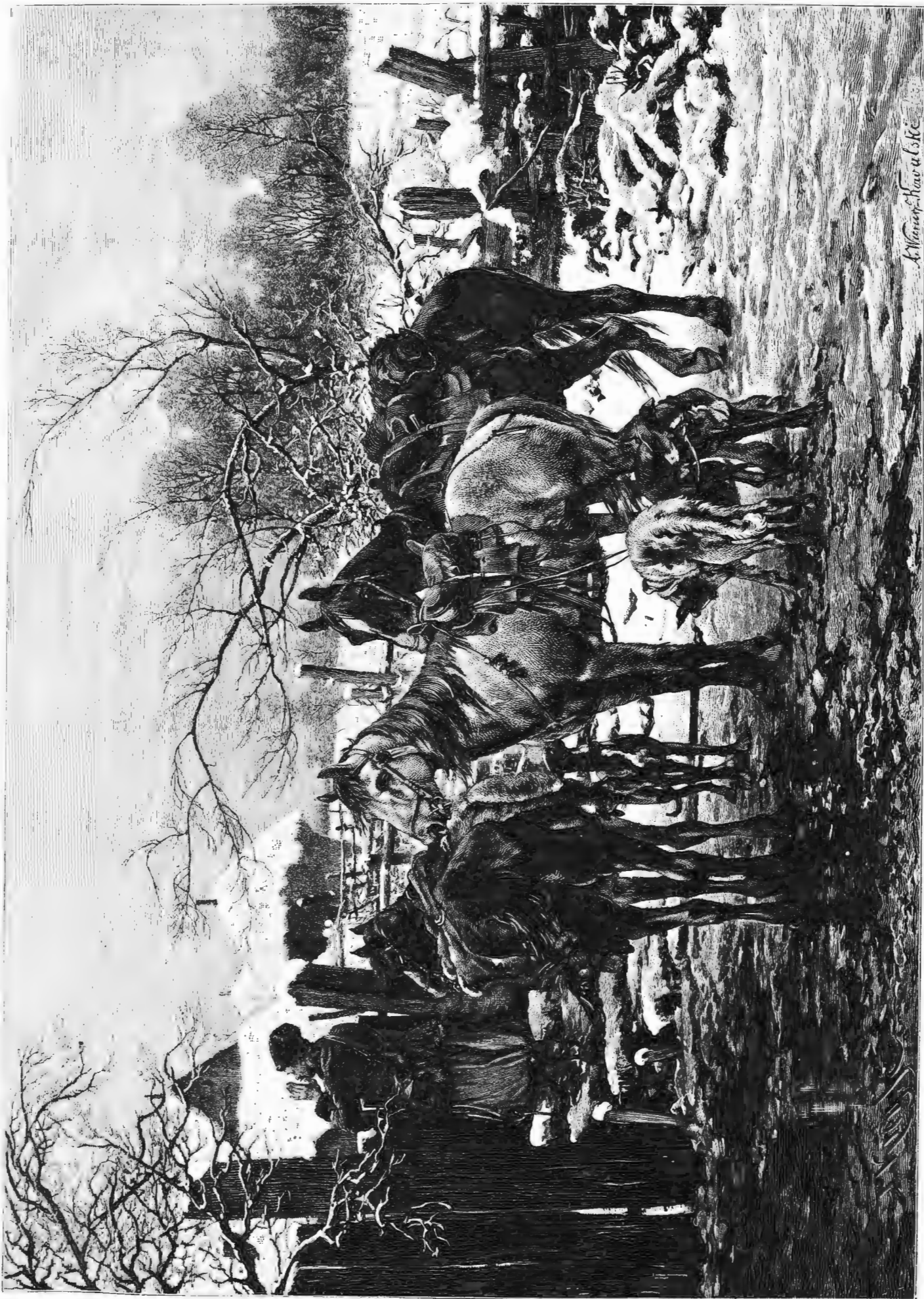
Къ концу вечера постоянныя стычки между отцомъ и дочерью очень утомили Герливанова.

Замѣтивъ его усталый взглядъ, Евлампія Ѳедоровна предложила ему отдохнуть. Дядя зажегъ свѣчу и повелъ Герливанова въ отведенную для него комнату, гдѣ еще долго ухаживалъ за нимъ, принося ему то книгу для чтенія, то спички, то воду. Герливановъ сослался на усталость и началъ раздѣваться. Дядя нежелалъ прекрасныхъ сновидѣній, сочно распѣловалъ его на сонъ грядущій и удалился на цыпочкахъ, какъ бы изъ уваженія къ усталости дорогого гостя.

Однако, Герливановъ долго не могъ заснуть на скрипучей и далеко не удобной кровати. На потолкѣ жужжали мухи. Въ окна доносились со станціи паровозные свистки. Въ комнатѣ пахло кинарисомъ, гвоз-

Интересное чтение. Съ карт. Магдалины Лемарь, грав. Бодт.

Отдыхъ. Съ карт. А. Вѣрушъ-Ковальскаго грав. Крей.

дикой и чѣмъ-то прѣнымъ. Герливановъ чувствовалъ себя здѣсь, какъ въ плохой гостиницѣ, и еще болѣе одинокимъ, чѣмъ въ вагонѣ. Заснулъ онъ только передъ разсвѣтомъ.

Но рано утромъ его разбудилъ пенстовый крикъ дяди на дворѣ. Сначала дядя кричалъ отчаянно на кучера, потомъ на кухарку, затѣмъ на какихъ-то рабочихъ, угрожавшихъ ему идти съ жалобой къ „земскому“. Онъ отвѣчалъ имъ на это неприничной бранью и оглашалъ воздухъ такимъ страшнымъ ревомъ, какъ будто его рѣзали тупымъ пожомъ. Крикъ и отборная брань дяди Хрисанфа продолжались около часу. Герливановъ удивлялся, какъ у дяди хватало силъ. Любимой актеръ, послѣ такихъ монологовъ, лежалъ бы пластомъ. Впослѣдствіи выяснилось, что дядя Хрисанфъ *не можетъ* иначе говорить со служащими.

Сонъ у Герливанова прошелъ. Онъ лежалъ на скрипучей кровати и злился на себя. Зачѣмъ его понесло къ этимъ простымъ добрымъ людямъ, которые вовсе не просты и не добры? Что общаго у него съ ними?.. И куда ему теперь направить путь?

На дворѣ опять послышался крикъ дяди. Герливановъ потихоньку всталъ и вышелъ изъ дома.

Было тихое, влажное утро. Герливановъ любилъ такіе дни. Кажется, что небо гораздо ближе къ землѣ и стелется кругомъ что-то неизъяснимо мягкое и нѣжное. Хочется тихой ласки, тихихъ дружескихъ рѣчей.

Увидавъ Герливанова, дядя Хрисанфъ весело зашагалъ. Его открытое, красивое лицо дышало свѣжестью и благородствомъ. Поцѣловавъ Герливанова и освѣдомившись о его здоровьѣ, онъ заявилъ, что по случаю столь великаго праздника на ихъ улицѣ, какъ пріѣздъ племянника, къ обѣду пріѣдутъ гости, между которыми будутъ такіе особы, что у Герливанова навѣрно потекутъ слюнки отъ удовольствія. За ночь у дяди Хрисанфа созрѣла мысль женить племянника на одной сосѣдкѣ вдовѣ, владѣющей богатыми залежами угля. Герливановъ началъ упрашивать дядю отложить званный обѣдъ до другого раза. Но тотъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ и даже обидѣлся, что Герливановъ препятствуетъ проявленію родственныхъ чувствъ.

И въ теченіе цѣлаго дня онъ почти не отходилъ отъ Герливанова, оставляя его лишь на нѣсколько минутъ, чтобы покричать на служащихъ. Все это къ полудню такъ утомило Герливанова, что онъ сказался больнымъ и ушелъ въ свою комнату, рѣшивши не выходить къ гостямъ. Но когда пріѣхали гости, дядя Хрисанфъ началъ такъ упрашивать Герливанова, что у послѣдняго не хватило духу отказать, и, пересиливши себя, онъ вышелъ къ гостямъ.

Пріѣхавшіе гости были преимущественно сосѣдніе углепромышленники со своими женами. Нѣкоторые изъ нихъ знали Герливанова по сборнику его стихотвореній и пьесъ. Они окружили его и закидали вопросами: куда онъ направляетъ свой путь, долго ли пробудетъ въ ихъ захолусты и доставитъ ли имъ удовольствіе своимъ посѣщеніемъ? Герливановъ уже утромъ рѣшилъ уѣхать какъ можно скорѣе отъ дяди и заявилъ своимъ собесѣдникамъ, что спѣшитъ на Кавказъ, а здѣсь находится мимоѣздомъ.

При словѣ „Кавказъ“, одна изъ собесѣдницъ оживилась и съ увлеченіемъ заговорила объ этомъ краѣ. Герливановъ заинтересовался ея разказами. Ея мушкетеръ участвовалъ при постройкѣ шоссе между Новороссійскомъ и Сухумомъ: они прожили цѣлое лѣто на берегу Чернаго моря, въ живописнѣйшей мѣстности около Туанса. Тамъ дивное купанье, красивые ландшафты, тихая жизнь. Къ концу бесѣды, Герливановъ разгорѣлся желаніемъ видѣть Туанса. Это именно то, о чемъ онъ мечталъ. И онъ заявилъ своей собесѣдницѣ, что завтра же выѣдетъ на Кавказъ.

Когда за ужиномъ дядя Хрисанфъ узналъ о рѣше-

ніи Герливанова, то сначала и вѣрить этому не хотѣлъ.

— Что ты, родной! Развѣ это мыслимо? — заявилъ онъ рѣшительно.

Но Герливановъ повторилъ, что онъ уѣзжаетъ, и, чтобы успокоить обезкураженного дядю, обѣщавъ заѣхать къ нему на обратномъ пути. Однако, это не удовлетворило дядю и испортило его настроеніе. Онъ началъ крутить свои молодецкіе усы, что было признакомъ нервнаго состоянія, и, подвыпивши къ концу вечера, началъ ко всѣмъ придирается. Въ особенности же ему полюбилось одно выраженіе, которое онъ и повторялъ съ саркастическимъ оттѣнкомъ:

— Куда ужъ намъ? Что ужъ мы?.. Людшки изъ свиты Фортибраса и больше ничего... Гдѣ ужъ намъ? Что ужъ мы?

Гости не обращали вниманія на эти придирки, зная задорный характеръ Хрисанфа Ивановича, когда онъ выпивалъ лишнее.

На другой день утромъ дядя Хрисанфъ началъ угоривать Герливанова, чтобы тотъ остался на нѣсколько дней. Но, видя его рѣшимость, онъ промолвилъ съ сокрушеніемъ:

— Ну, если ты такъ рѣшилъ неизмѣнно, то Богъ съ тобой! Только все-таки остался бы ты еще хоть на денекъ... Во всякомъ случаѣ, на обратномъ пути ужъ непременно заѣзжай. И вмѣстѣ съ тѣмъ нанниси съ Кавказа, какъ ты устроился, какъ твое здоровье и все такое?

Герливановъ обѣщавъ все исполнить. Передъ самымъ отъѣздомъ, дядя Хрисанфъ вдругъ шлепнулъ себя ладонью по лбу и заявилъ:

— Ахъ, я, пенюхъ старый! Вѣдь у тебя на Кавказѣ есть собственное имѣніе и въ нѣкоторомъ родѣ „вилла“ для лѣтнаго пребыванія. — И замѣтивъ недоумѣніе на лицѣ Герливанова, онъ добавилъ: — Лѣтъ 15 тому назадъ, твой отецъ приобрѣлъ, т.-е., попросту говоря, отмежевалъ себѣ два участка земли на черноморскомъ побережьи, около малороссійскаго поселка... дай Богъ память. Вспомнилъ: *Левада*. Онъ даже возвелъ тамъ какое-то сооруженіе, предполагая развести виноградникъ, табакъ и все такое. Но потомъ уѣхалъ оттуда, передавъ усадьбу въ аренду нѣкому чеху... Новачку, или Новичку — что-то въ этомъ родѣ. Чехъ этотъ нѣсколько лѣтъ присылалъ арендную плату, а вотъ года съ четыре уже, какъ о немъ ни слуху, ни духу. Разспроси тамъ о *Левадѣ* и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣсти меня. Земли на Кавказѣ теперь страшно дорожаютъ...

И у дяди Хрисанфа глаза начали разгораться отъ жадности. Герливановъ обѣщавъ навести справки о *Левадѣ*, а если можно будетъ, и побывать тамъ.

IV.

Ровно черезъ сутки, въ жаркій полдень, поѣздъ Владикавказской желѣзной дороги подвозилъ Герливанова къ Новороссійску. Завидѣвъ изъ вагона блеснувшую полосу моря, Герливановъ оживился, высунулъ голову изъ окна и съ оживленіемъ смотрѣлъ вдаль. Онъ никогда не видѣлъ настоящаго моря, и оно манило его къ себѣ, какъ нѣчто таинственное.

Не зная, долго ли ему придется ждать парохода, Герливановъ взялъ съ вокзала извозчика и поѣхалъ на пристань. Солнце стояло почти надъ головою и сильно жгло своими отвѣсными лучами. Въ петербургскомъ полу-весеннемъ платьѣ Герливановъ изнемогалъ отъ жары. Проѣхавъ длинный рядъ новыхъ кирпичныхъ домовъ и многоярусную громаду новороссійскаго элеватора, протянувшего къ морю свой желѣзный рукавъ, точно исполинскій хоботъ, Герливановъ выѣхалъ на раскаленную набережную.

Въ агентствѣ „Русскаго общества“ онъ узналъ, что

парохода, заходящаго въ Туалсэ, придется ждать болѣе сутокъ. Онъ этого не предвидѣлъ и вышелъ въ досадѣ на улицу. Жара была нестерпимая. Что ему было дѣлать въ Новороссійскѣ двое сутокъ?

Узнавъ о его затрудненіи, извозчикъ-малороссъ покровительственнымъ взглядомъ окинулъ худощавую фигуру Герливанова въ сѣрой „каскѣ“ съ двумя козырьками и добродушно посоветовалъ, прежде всего не стоять на припекѣ, а заѣхать въ гостиницу и занять номеръ.

Они поѣхали по набережной, описывающей дугу и покрытой лужами морской воды. Издали эти лужи казались разбросанными кусками огромнаго зеркала. Пролетка, въ которой ѣхалъ Герливановъ, то и дѣло надрывалась и тряслась, какъ въ лихорадкѣ, вѣвжая на мѣста, усыпанные морскими камнями. Когда экипажъ обогнулъ таможенные постройки, стоящія на берегу, передъ Герливановымъ открылась вся новороссійская бухта, блестящая на солнцѣ и окаймленная зубчатой линіей горъ. Въ тѣни пароходовъ и баржъ, море имѣло зеленоватый оттѣнокъ и рибилось разноцвѣтными отраженіями. У пристаней чернѣли заграничные пароходы-левиафаны, нагружавшіе и выгружавшіе различные товары. Сквозь грохотъ мостовой, слышались пронзительные свистки пароходовъ, громяхающій лязгъ лебедокъ и зычныя выкрикиванія:

— Вирра!. Майна!.

Загорѣлые носильщики въ цвѣтныхъ отряпыхъ на головахъ и въ турецкихъ штанахъ, похожихъ на юбку у пояса, сновали по пристани, таская на согбенныхъ спинахъ большіе ящики, кули, бочепки. Глаза у нихъ были выпучены и напряженные лица покрыты каплями пота; Герливанову отъ этого зрѣлища сдѣлалось еще жарче. Въ воздухѣ было тихо. Море мягко плескалось о берегъ и пахло устрицами. На всемъ протяженіи берега нестрѣли купальщики и купальщицы. Группы загорѣлыхъ мальчиковъ выбѣгали изъ воды и, сидя на корточкахъ, грѣлись на солнцѣ; затѣмъ опять прыгали въ воду, какъ испуганныя лягушки, и обдавали другъ друга сверкающими на солнцѣ брызгами. Герливановъ смотрѣлъ на ихъ веселыя движенія и началъ мысленно испытывать ощущеніе свѣжей воды, прикасающейся къ тѣлу. „А что если я выкупаюсь“, — подумалъ онъ, и велѣлъ извозчику поскорѣе ѣхать.

Занявши въ гостиницѣ номеръ, Герливановъ досталъ изъ чемодана бѣлье и съ нетерпѣніемъ направился къ морю. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже сидѣлъ, раздѣтый, на широкой террасѣ и впервые знакомился съ настоящимъ моремъ. Вода здѣсь была совершенно прозрачная, и на двухсаженной глубинѣ можно было видѣть монету. Онъ смотрѣлъ на воду и грѣлся всемъ тѣломъ на солнцѣ, какъ бы оттаивая отъ Петербурга. Передъ нимъ лежала вся новороссійская бухта и нѣжила взглядъ зеленватыми переливами воды. Шумъ набережной слабо доносился до слуха Герливанова и не парушалъ его мечтательнаго настроенія. Онъ скользилъ взглядомъ по водѣ и точно купался въ лучахъ солнца. По гладкой поверхности бухты скользили легкіе, парусные ялики, похожіе на птицъ съ поднятыми крыльями. Отъ пристаней отдѣлялись мачтовые баркасы, такъ называемыя *фелюги*, и, расправивъ четырехугольные турецкіе паруса, уходили за молъ. Черезъ минуту они какъ бы исчезали въ горахъ, окружавшихъ новороссійскую бухту.

Послѣ долгихъ колебаній Герливановъ рѣшился, наконецъ, войти въ воду, манящую его своей прозрачной свѣжестью. Онъ окунулся только одинъ разъ и выскочилъ изъ воды съ спершимся дыханьемъ. Холодная, соленая вода сообщила всему его тѣлу ощущеніе пріятнаго мѣтнія. Одѣвшись, онъ почувствовалъ легкую усталость и аппетитъ. Кассиръ купальни указалъ ему на небольшой деревянный домикъ съ развѣвающимся

флагомъ, какъ на лучшей ресторано. Герливановъ направился туда, все еще испытывая въ тѣлѣ то же пріятное ощущеніе.

Было уже около 5-ти часовъ. Зной значительно ослабѣлъ, но на солнцѣ было еще жарко. Герливановъ сѣлъ въ тѣни и заказалъ обѣдъ, который весь оказался состоящимъ изъ греческихъ блюдъ съ жирными соусами, баклажанами и „баміями“. Но Герливанову все казалось необыкновенно тонкимъ и вкуснымъ. Онъ давно не ѣлъ съ такимъ аппетитомъ. Сидя въ плетенномъ креслѣ и попивая послѣ обѣда душистый турецкій кофе, онъ смотрѣлъ на море, на горы и тонувъ мыслями въ тепломъ воздухѣ южнаго вечера.

Горы, казавшіяся днемъ однообразными въ своихъ рыжеватыхъ тонахъ, по мѣрѣ захода солнца, расцвѣчивались и отдѣлялись одна отъ другой густыми тѣнями.

Внезапно въ воздухѣ потемнѣло, точно на все была брошена кѣмъ-то густая вуаль. Герливановъ невольно началъ озираться кругомъ, не понимая этого явленія. И только впоследствии онъ узналъ, что Кавказъ не знаетъ тихо крадущихся сумерекъ, а быстро погружается въ почую мглу, какъ въ воду.

Когда стемнѣло и все начало сливаться въ своихъ очертаніяхъ, Герливановъ опять почувствовалъ въ душѣ щемящее чувство одиночества и долго сидѣлъ на берегу, подобно Ахиллу, „съ тоскою взирая на Понтъ темноводный“.

Забывши закрыть ночью окно въ своей комнатѣ, Герливановъ рано проснулся отъ утренней свѣжести. Онъ всталъ и закрылъ окно. Но заснуть уже не могъ. Его тянуло на воздухъ, къ морю.

Въ 8 часовъ утра онъ уже сидѣлъ на террасѣ купальни и любовался зеркальностью моря. Кромѣ Герливанова, въ купальнѣ никого не было. Но когда онъ сталъ раздѣваться, невдалекѣ послышался плескъ воды, и изъ купальни выплыла гибкая женская фигура въ красномъ купальномъ костюмѣ. Она дѣлала плавныя движенія и ушла далеко отъ берега. Герливановъ долго слѣдилъ взглядомъ за смѣлой купальщицей и рисовалъ въ своемъ воображеніи черты ея лица, ея возрастъ и характеръ.

Послѣ купанья ему не хотѣлось идти въ гостиницу. Онъ выпилъ кофе въ греческомъ ресторанѣ и отправился бродить по берегу, сожалѣя, что не захватилъ съ собою альбома. Онъ удачно дѣлалъ наброски и „чуялъ“ краски.

Солнце поднялось уже высоко и начало нагрѣвать ему спину, когда онъ дошелъ до небольшой пристаніи, гдѣ тихо колыбалась на водѣ кучка нестрыхъ яликовъ и жалобно гудѣлъ небольшой катеръ, точно призывавшій кого-то вернуться къ нему.

Отъ смуглаго, какъ мулатъ, городского, лѣниво курившаго трубку, Герливановъ узналъ, что катеръ съ жалобнымъ гудкомъ называется „Витяземъ“ и отправляется въ селеніе *Леваду*, а къ вечеру будетъ обратно.

Левада!. Герливановъ вспомнилъ рассказъ дяди Хрисанфа и обрадовался счастливому совпаденію. Онъ сдѣлаетъ прогулку по морю, разспроситъ о своей „виллѣ“ и къ вечеру вернется въ Новороссійскъ. Узнавши, что катеръ „долженъ уйти въ 10 часовъ, но раньше одиннадцати не выберется“, Герливановъ успѣшно направился въ гостиницу, захватилъ дорожный плащъ, альбомъ и вернулся къ катеру.

Катеръ опять жалобно загудѣлъ.

На небольшой рубкѣ, подъ поютнянымъ навѣсомъ, уже сидѣли пассажиры. Кругомъ слышался смѣшанный говоръ на разныхъ языкахъ и смѣшанный запахъ морской воды, машиннаго масла и краски, пригрѣтой солнцемъ. Нѣкоторые изъ новыхъ пассажировъ перелѣзали съ катера на фелюгу, сопровождавшую катеръ. Тутъ были: греки, осетины, малороссы, чехи и другіе ино-

родцы, населяющіе черноморское побережье. Лица у всѣхъ были загорѣлыя, одежды пестрыя.

Герливановъ замѣтно выдѣлялся среди всѣхъ и своимъ матово-блѣднымъ лицомъ, и своимъ изящнымъ видомъ въ блѣдно-сиреневомъ костюмѣ изъ фланели.

Въ сторонкѣ, на полу, сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, турокъ съ оливковымъ лицомъ и вынуклыми глазами. По временамъ онъ, какъ автоматъ, наклонялся къ какому-то закутанному существу и отрывисто по-турецки что-то произносилъ. Приглядѣвшись, Герливановъ разсмотрѣлъ въ укутанномъ существѣ маленькую худую женщину, похожую на обезьяну. Ея желтое, болѣзненное лицо было полузакрыто чадрой, откуда выглядывали острые мышиные глазки. На рукахъ у нея спалъ ребенокъ, закутанный въ пестрое ватное одѣло, несмотря на жару.

Нѣкоторые изъ пассажировъ дружески здоровались съ туркомъ и называли его Османомъ. Онъ автоматически отвѣчалъ всѣмъ на привѣтствіе и говорилъ короткими фразами.

Погода стояла ясная, съ легкимъ вѣтромъ, урывками пабѣвавшимъ съ горъ. Но изъ бесѣдъ пассажировъ Герливановъ узналъ, что этотъ вѣтерокъ можетъ осложнить ихъ поѣздку. Пассажиры вообще много говорили о погодѣ и особенно о *Морякѣ* (вѣтеръ съ моря) и *Нордосѣ* (нордъ-остъ). Последній, видимо, игралъ здѣсь роль какого-то морского Аримана, хотя одинъ грекъ и увѣрялъ Герливанова, что „Нордосъ очищаетъ всю страну“.

Герливановъ съ интересомъ прислушивался и присматривался ко всему. Онъ никогда не видѣлъ такой пестроты и яркости. Ему захотѣлось зарисовать нѣкоторыя фигуры, и онъ уже взялся за альбомъ, когда его вниманіе было привлечено двумя женскими фигурами, появившимися на пристани. Герливанову сразу бросился въ глаза извѣстный стиль въ нарядахъ и въ манерахъ незнакомкѣ. Отъ нихъ вѣяло порядочностью и той спокойной независимостью во всемъ, какая дается только хорошимъ воспитаніемъ и внутренней работой.

Старшей изъ нихъ, державшейся наиболѣе чопорно, было на видъ лѣтъ 45, младшей — лѣтъ 20. Обѣ онѣ были въ длинныхъ сѣрыхъ плащахъ изъ легкой ткани съ откинутыми капюшонами на розовой подкладкѣ. Герливановъ незамѣтно слѣдилъ за движеніями незнакомкѣ, стараясь угадать, поѣдутъ ли онѣ на катерѣ или нѣтъ.

Пожилая дама съ открытымъ и поднятымъ лицомъ была въ шелковыхъ перчаткахъ и держала въ мясистой рукѣ изящный зонтикъ, стараясь, чтобы тѣнь падала и на лицо дѣвушки. Последняя была безъ перчатокъ и безъ зонтика.

Лицо у нея было овальное, блѣлое, безъ румянца, съ живыми, карими глазами.

Она держала въ рукѣ продолговатую книжку въ желтой обложкѣ и по временамъ прикрывала ею щеку отъ солнца. Остановившись у катера, онѣ все поглядывали въ одну сторону, очевидно, поджидая кого-то и перебрасываясь по-англійски короткими фразами, напоминавшими перекиданіе птицъ. Англійскій говоръ убѣдилъ Герливанова, что его наблюденія вѣрны... Онъ

съ перваго же взгляда на дѣвушку рѣшилъ, что она англичанка или шведка. Только англійская миссъ и можетъ держать себя такъ независимо и непринужденно, точно она у себя дома.

Солнце жгло все сильнѣе. Въ воздухѣ сдѣлалось знойно. Пожилая дама предложила перейти на катеръ, подъ тѣнь. Дѣвушка рѣшительно и легко перешагнула пространство, отдѣлившее сходию отъ катера, и протянула руку своей спутницѣ.

Дама плавно взошла на катеръ и, закрывъ зонтикъ, сѣла около Герливанова, обдавъ его тонкимъ ароматомъ „Wild Rose“. Дѣвушка осталась у борта. Ея вниманіе привлекли два мальчика съ черными, курчавыми головами. Они причалили крохотную лодку къ катеру и о чемъ-то азартно спорили по-гречески. Дѣвушка наклонилась надъ бортомъ, чтобы поближе разсмотрѣть ихъ. Но пожилая дама сдѣлала тревожное движеніе и проговорила съ оттѣнкомъ укора:

— Daisy, I implore you. Or would you me to die? *)

— No I wouldn't **),— проговорила дѣвушка уступчиво, но съ усмѣшкой, и отошла отъ борта, осматриваясь, гдѣ бы ей сѣсть.

Всѣ мѣста на рубкѣ были однако уже заняты. Герливановъ всталъ и съ молчаливымъ поклономъ предложилъ свое мѣсто.

— Благодарствуйте!— сказала она отчетливо и сѣла.

Герливановъ былъ нѣсколько удивленъ этимъ „благодарствуйте“ и невольно поднялъ на нее глаза. На секунду ихъ взгляды встрѣтились, и Герливанову показалось, что онъ гдѣ-то уже видѣлъ эту дѣвушку, и уже когда-то чувствовалъ на себѣ ея живой, увѣренный взглядъ. Вблизи она показалась ему старше и серьезнѣе. Онъ былъ близорукъ, но не любилъ прибѣгать къ пенснѣ, когда смотрѣлъ на женщинъ. Его всегда это стѣсняло.

Дѣвушка положила книжку на рубку и, снявъ съ головы соломенную шляпу съ узкими полями, непринужденнымъ движеніемъ оправляла на вискахъ влажные отъ жары волосы. Они были коричневаго цвѣта и около ушей вились. На берегу показался капитанъ „Витязя“, малороссъ Хованько, и издали закричалъ басомъ:

— Давай третій!

Раздался пронзительный гудокъ. Пожилая дама въ сѣромъ плащѣ встревожилась и по-русски обратилась къ капитану съ просьбою, задержать катеръ еще на нѣсколько минутъ. Сидѣвшій невдалекѣ отъ нея маленькій невзрачный господинъ въ клѣтчатомъ костюмѣ съ заискивающей улыбкой сказалъ:

— Да вы успокойтесь, сударыня! Вѣдь это былъ только *последній* свистокъ. Потому будетъ еще самый *последній*, затѣмъ „совершенно ужъ *последній*“. А тамъ, можетъ-быть, Хованько и еще что-нибудь выдумаетъ.

Пассажиры размѣялись. Капитанъ Хованько косо посмотрѣлъ на клѣчатого господина и промолвилъ какъ бы съ угрозой:

— Ну, а если мы васъ не высадимъ сегодня на *Косъ*, какъ вы тогда будете смѣяться!

— А вотъ и папа!— сказала громко дѣвушка съ коричневыми волосами, и вся оживилась.

(Продолженіе будетъ.)

Хлѣбный путь въ столицу.

Очеркъ И. О. Тюменева.
(Съ 16 рисунками.)

Каковъ ли есть, а хлѣбъ хочеть ѣсть.
Пословица.

Мы, петербургскіе жители, — не дѣлающіе шага изъ города, кромѣ какъ на дачу, — всѣ, конечно, знаемъ, что такое хлѣбъ, знаемъ, что хлѣбъ бываетъ черный, блѣый, пеклеванный, шведскій, что мягкій хлѣбъ вкуснѣе чертоваго, что черный хлѣбъ берутъ въ мелочной лавкѣ, что онъ дѣлается изъ ржи, а блѣый — изъ пшеницы, словомъ, обладаемъ

на этотъ счетъ цѣлою массою свѣдѣній.— Конечно, если приведутъ насъ на поле, то мы пожалуй затруднимся огличить рожь отъ пшеницы, или ячменя, но это въ сущности и не наше дѣло. Мы знаемъ, что каждый день за обѣдомъ, за чаемъ, за завтракомъ хлѣбъ, самъ собою, появляется предъ нами на столѣ; остается только кушать его на здоровье. Разсуждать о

*) Дѣви, умоляю тебя. Или ты хочешь, чтобы я умерла?

**) Нѣтъ, не хочу.

ные суррогаты, разстраивающие здоровье, но помогающие протянуть остатки ржи на несколько лишних недель. Следовательно, для нас петербуржец вопрос о хлебе вовсе не так прост, как нам кажется, и нам,

подобно древним новгородцам, пришлось бы крепко призадуматься о том, как он попадет к нам на стол, если бы за нас еще раньше не подумали об этом другие.

В настоящее время Петербург с своим миллионным населением не только обильно и сравнительно дешево снабжен прекрасною рожью и пшеницей, но и ведет крупную хлебную торговлю с иностранными фирмами.

Всем этим он обязан трудам и работам своего великаго основателя и его преемников.

Устье Шенсны подь Рыбинскомъ.
Ориг. рис. (собств. „Нива“) В. Павлова, грав. Рашевскій.

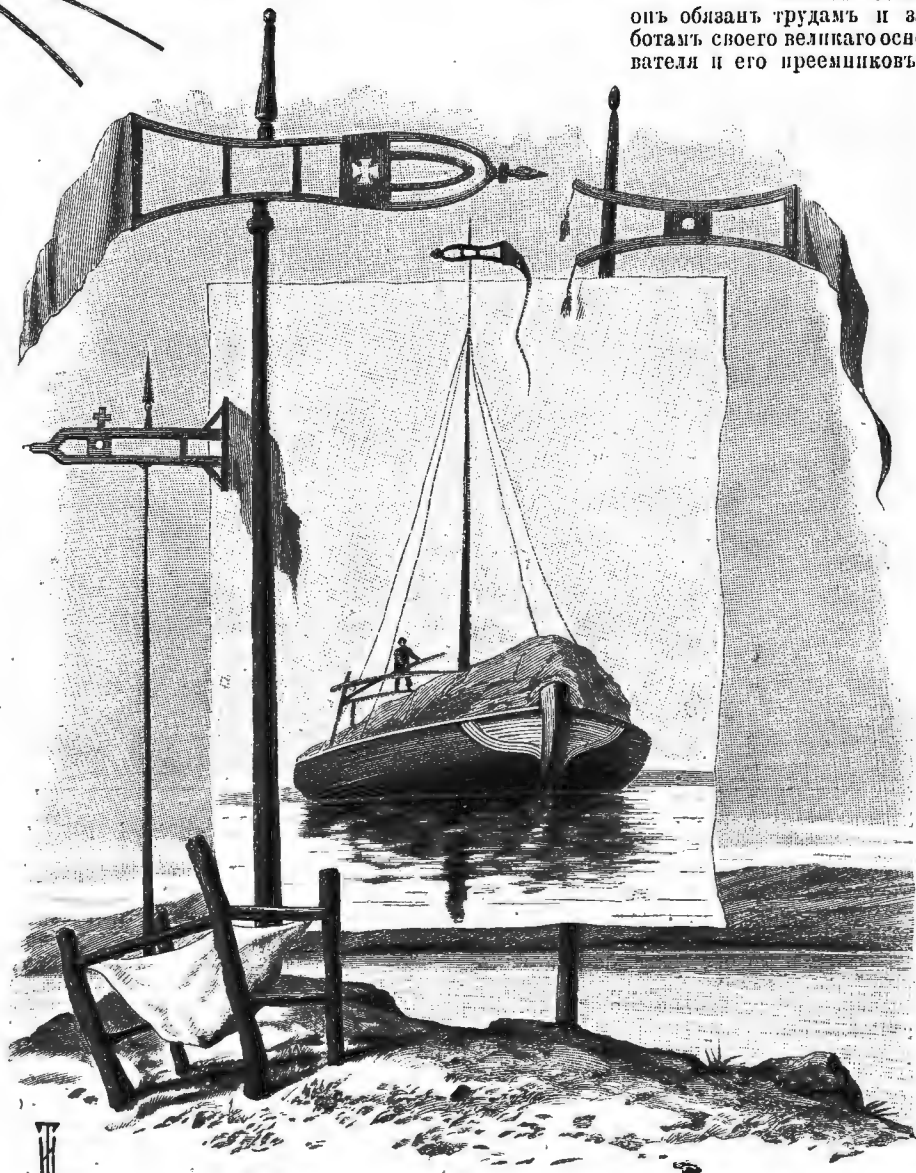
томъ, какимъ образомъ хлебъ дошелъ до нашихъ рукъ, у насъ нѣтъ даже и времени. Были бы деньги, а хлебъ всегда будетъ.

Народъ, ближе насъ стоящій къ хлебу, разсуждаетъ нѣсколько иначе: не держи денегъ въ узлу, а держи хлебъ въ углу, — говоритъ онъ: — хлебъ да животь и безъ денегъ живеть. Онъ знаетъ, что значитъ ржаной хлебунка для родной земли, и твердо помнитъ пословицу: Хлѣбъ бы богачъ деньги, кабы его убогій хлебомъ не кормилъ.

Быль во время оно въ нашемъ сѣверномъ краю славный и богатый Господинъ Великій Новгородъ, большую торговлю съ Европою велъ, лопатю деньги загребалъ, а чуть поссорится, бывало, съ своими сосѣдями суздальцами, да какъ приостановятъ они подвозъ хлебныхъ запасовъ, и приходится ему волей-неволей шнесь свою поприниртять и покориться, не смотря на все свое богатство. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ одними деньгами сытъ не будешь, а своего хлеба кругомъ не растеть, и не разъ бывали случаи, что этотъ извѣстный Европѣ своею торговлею и богатствами городъ чуть не умиралъ голодною смертью.

Время шло. Древній Новгородъ, какъ и его мѣсто на сѣверѣ, по значенію и торговлѣ, заняла наша сѣверная Пальмира, воздвигнутая „во тьмѣ лѣсовъ и топи благи“ державною волею Петра.

Но насколько положение Петербурга выгодно въ смыслѣ близости къ морю и сношеній съ Европою, настолько же оно неудобно и даже опасно въ продовольственномъ отношеніи. Наша Пальмира находится въ томъ же голодномъ новгородскомъ краю, гдѣ, благодаря суровому климату и неплодородной почвѣ, даже сама неприхотливая рожь даетъ крестьянину столь скудные урожан, что ихъ никогда не хватаетъ до новаго хлеба, не говоря уже о заусахахъ. Отъ насъ уже недалеко до тѣхъ мѣстностей, гдѣ къ хлебу примѣшиваютъ разныя травы и древес-

Рѣзные украшения на мачтахъ нѣкоторыхъ хлебныхъ судовъ и походныя ясли на конномъ бичевникѣ. Ориг. рис. (собств. „Нива“) И. Тюменева, грав. Рашевскій.

Основать на дальних неских берегах свою новую столицу, Петръ ясно сознавалъ грозившую ей опасность и, начиная съ 1703 года почти до самой своей смерти, былъ занятъ мыслью о наиболее удобномъ и дешевомъ продовольствованіи столицы низовымъ хлѣбомъ, южныхъ, плодородныхъ губерній. — Самымъ дешевымъ и удобнымъ хлѣбнымъ путемъ служила, конечно, тысячеверстная ровная гладь красавицы Волги. Но какъ соединить ея воды съ водами Невы, берущей начало въ далекомъ Ладожскомъ озерѣ?

Извѣстно, что бурная Ладога соединена посредствомъ рѣки Волхова съ новгородскимъ озеромъ Ильменемъ; слѣдовательно, путь отъ Ильмени до Петербурга — открытый. Въ Ильмень, со стороны Волги, впадаетъ древняя рѣка Мста, извѣстная въ лѣтисии еще со временъ св. княгини Ольги. Мста вытекаетъ изъ озера Мстинна, неподалеку отъ котораго, по сосед-

пороговъ другими рѣками, или, — если бы это оказалось неудобносполнымъ, — о продолженіи новаго пути черезъ притоки Волги Мологу, рѣки Чагодоць, Валчину, Тихвинку и Сясь, впадающую въ Ладожское озеро; словомъ, — передъ нимъ уже рисовалась вторая судоходная система, приведенная въ исполненіе въ началѣ нашего столѣтія и получившая названіе Тихвинской. Исслѣдованія и нивелировка мѣстности были произведены въ 1710 году англичаниномъ Джономъ Перри. Но одновременно съ тихвинскою линіей Перри произвелъ исслѣдованія и по третьей линіи, идущей черезъ впадающую въ Волгу Шексну, Бѣлое озеро и рѣки Ковжу и Вытегру, изъ которыхъ послѣдняя течетъ въ Онежское озеро, соединенное съ Ладожскимъ рѣкою Свирью. Эта третья линія повидимому была признана Перри самою глубокою и удобною для соединенія Волги съ Невомъ. По крайней мѣрѣ, въ дополненіяхъ къ

Соборъ въ г. Череповцѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Шюблеръ.

ству съ нижнимъ городомъ Вышнимъ-Волочкомъ, находится истоки рѣки Тверцы, впадающей подъ Тверью въ Волгу. — Хорошо знакомый съ голландскими каналами, Петръ рѣшилъ соединить Мсту съ Тверцою. Каналъ у Вышняго-Волочка былъ прокопанъ, и по образовавшейся такимъ образомъ Вышневолоцкой системѣ суда начали проходить съ Волги прямо въ столицу. Но вслѣдствіе мелководья песчаной Тверцы караваны подвигались медленно и съ большими затрудненіями, а грозные Боровицкіе пороги на Мстѣ заставляли судовщиковъ не разъ обѣить себя крестнымъ знаменіемъ, прежде чѣмъ пуститься въ страшные ревуціе и кипяціе водовороты. Кромѣ того, благодаря этимъ порогамъ, всякое движеніе вверхъ по Мстѣ было невысмыслимо, и пришедшія въ Петербургъ суда приходилось продавать на дрова за безцѣнокъ, а на Волгѣ строить каждый разъ новый.

Въ виду этихъ неудобствъ Петръ началъ думать объ обходѣ

фомъ Сиверсомъ. За дѣло взялись энергично. Императрица Марія Ѳеодоровна настолько приняла къ сердцу приведеніе въ исполненіе мысли Петра, что на расходы по работамъ разрѣшила отпускать ежегодно въ видѣ ссуды по 400,000 р. изъ сохранной кассы петербургскаго воспитательнаго дома. Работы по прорытію соединительныхъ каналовъ, устройству шлюзовъ и пр. были поручены опытнымъ рукамъ инженеръ-генералъ-майора Деволана, и 21-го іюля 1810 года навигація по всей системѣ, — названной въ честь своей высокой покровительницы Маринской, — была объявлена открытою. Въ слѣдующемъ, 1811 году, тотъ же генералъ Деволанъ окончилъ работы и по устройству Тихвинской системы, по преимуществу осталось все-таки за Маринскою, которая, впрочемъ, имѣла свою Ахиллесову пату, а именно: въ составъ ея входили два озера — Бѣлое и Онежское, плаваніе по которымъ далеко не всегда было безопасно. Часто, во время бурь, свирѣпствовавшихъ на томъ или дру-

„Дѣліямъ Петра I“ Голшкова читаемъ, что „28-го августа 1710 года, на возвратномъ пути изъ Шлиссельбурга въ Петербургъ, государь составилъ въ ночной тишинѣ проектъ канала между Ковжей и Вытегрою“. Въ слѣдующемъ 1711 году Петръ лично осмотрѣлъ мѣстность между обѣими рѣками и по народному преданію прожилъ нѣсколько дней въ крестьянской избѣ. Сравнительно съ Вышневолоцкою системою новый путь черезъ Шексну представлялъ гораздо болѣе удобствъ и безопасности. Не говоря уже о томъ, что судоходство могло совершаться по нему и внизъ и вверхъ, онъ былъ кромѣ того и многоводнѣе, и покойнѣе, и даже нѣсколько короче Вышневолоцкаго. Тѣмъ не менѣе, неизвѣстно по какимъ причинамъ проектъ системы черезъ Шексну остался невыполненнымъ и въ продолженіе всего прошлаго столѣтія Петербургъ довольствовался одною Вышневолоцкою системою. Ее старались улучшить, усовершенствовать, но Боровицкіе пороги, несмотря на всѣ труды, оставались непрежнемую роковымъ камнемъ преткновенія всей системы.

Наконецъ въ 1798 году вопросъ о Петровскомъ проектѣ шексинскаго пути былъ снова поднятъ тогдашнимъ главнымъ директоромъ водяныхъ сообщеній, гра-

Синеусов курганъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Рашевскій.

гомъ озеръ, караванамъ приходилось останавливаться и подолгу ждать, пока опять установится благоприятная погода, но даже и при этихъ предосторожностяхъ случаи крупныхъ аварий были далеко не рѣдкостью. Обезопасить путь можно было только съ помощью обходныхъ каналовъ, и уже въ царствованіе Александра I было прорыто начало канала Онежскаго на 18 верстъ длины, для обхода наиболее опасной части озера. При императорѣ Николаѣ I Онежскій каналъ былъ оконченъ вполне и проведенъ, въ обходъ Бѣлоозера, каналъ Бѣлозерскій. Благодаря этимъ усовершенствованіямъ, движеніе грузовъ по системѣ настолько усилилось, что пропускная способность ея въ 30 милліоновъ пудовъ за навигацію признана недостаточною. Чтобы увеличить эту способность, слѣдовало увеличить вмѣстимость самыхъ судовъ, но для прохода этого новаго, удлиненнаго типа судовъ требовались и новыя приспособленія пути въ видѣ удлиненія шлюзовъ и выпрямленія фарватера на крутыхъ изгибахъ. Эти работы были произведены въ царствованіе императора Александра II, и во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ по системѣ двигались уже суда вмѣстимостью до 18,000 пудовъ (вмѣсто прежней, десяти тысячной), и пропускная способность ея увеличилась до 60 милліоновъ пудовъ въ годъ. Но черезъ двадцать лѣтъ и эта цифра оказалась несоответствующею потребностямъ развившагося судоходства, и вотъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, состоялось Высочайшее повелѣніе покойнаго императора Александра III начать на системѣ новыя инженерныя и гидротехническія работы, чтобы довести ея пропускную способность до цифры 120 милліоновъ пудовъ за навигацію, удешевить стоимость провоза и обезпечить грузамъ срочную доставку. Система должна была быть приспособлена для прохода судовъ вмѣстимостью до 40 тысячъ пудовъ. Работы были начаты въ 1890 г. и окончены къ июню 1896 г. На рѣкахъ Шекснѣ и Вытегрѣ устроено нѣсколько новыхъ шлюзовъ, и путь еще болѣе выпрямленъ, причемъ съ этою цѣлью, близъ селенія Девятины, сдѣланъ громадный перекопъ и вынута изъ окружающихъ гористыхъ береговъ 80,000 куб. саж. камня.

15-го іюня 1896 г. состоялось торжественное открытіе обновленной системы въ присутствіи великаго князя Владиміра Александровича. Заимствуетъ нѣсколько словъ объ этомъ торжествѣ изъ описанія его очевидца, К. К. Случевского. Открытіе совершилось въ мѣстности Черная Гряды, находящейся въ верхней половинѣ теченія Шексны. Великій князь слѣдовалъ отъ Череповца на пароходѣ министерства путей сообщенія „Озерномъ“.

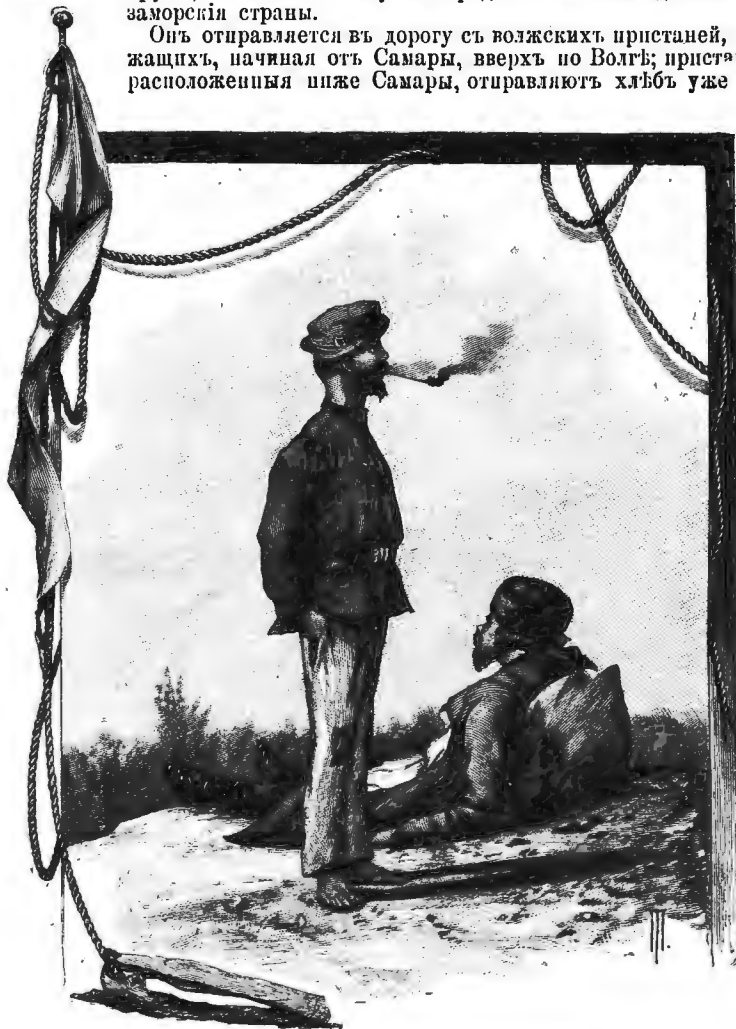
„15-го іюня, въ 10 часовъ утра“, разсказываетъ г. Случевскій: „Озерной“ подошелъ къ Черной Грядѣ и вступилъ въ новый, самый большой изъ каменныхъ шлюзовъ, носящій отнынѣ имя шлюза „Императора Николая II“, и остановился съ тѣмъ расчетомъ, чтобы шелковая лента русскихъ цвѣтовъ, перетнутая поперекъ шлюза, приходилась посредникъ налубы. Роскошнѣйшій день царилъ надъ Шексною, казавшеюся лазоревою и перерѣзанною, какъ темнымъ полемъ, плотною Пуаре; многія тысячи людей покрывали все откосы, все уступы, все низины берега. Привѣтствуемый радостными кликами Его

Высочество сошелъ на пристань. На высокомъ берегу красовался навильонъ, построенный для торжества; вправо, между плотною и шлюзомъ, блистали на яркомъ солнцѣ золотыя нарчи палол, иконъ, крестовъ и одѣній духовенства. Торжественное молебствіе совершено соборнѣ архимандритомъ Бѣлозерскаго монастыря и іереями городовъ Череповца и Кириллова. Послѣ молебна и многолѣтія, великій князь перешелъ на „Озерной“ и перерѣзалъ шелковую ленту, открывшую путь ожидавшему движенію каравану. Первымъ прошелъ „Озерной“, подъ звуки музыки и клики народа. Любо было видѣть, какъ принималъ въ свои каменные бока могучій шлюзъ втягивавшіеся въ него пароходы, и какъ, плавно приподнявъ, передавалъ онъ ихъ для слѣдованія на другую, болѣе высокую часть Шексны. Погода была превосходная, порядокъ образцовый, и ясно было всемъ и каждому, какъ важно только что совершившееся на благо необъятной страны и трудящагося народа“.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, благодаря своимъ природнымъ удобствамъ и многочисленнымъ техническимъ усовершенствованіямъ, Маринская система въ настоящее время далеко оставила за собою и Вышневолоцкую, и Тихвинскую и по праву можетъ назваться главнымъ хлѣбнымъ путемъ съ Волги въ столицу.

Взглянемъ теперь на этотъ путь и мысленно послѣдуемъ за хлѣбомъ въ его странствіяхъ отъ Волги до Петербурга. Путь предстопитъ не малый; не одну недѣлю придется скоротать хлѣбу, лежа въ дощатыхъ стѣнахъ своего полуодка, не одинъ разъ придется ему выжидать очереди на порогахъ и передъ шлюзами; но онъ за скоростью и не гонится: ему бы только добратся благополучно до Питера, гдѣ уже рѣшатъ за него другіе, остаться ли ему въ городѣ или плыть дальше въ заморскія страны.

Онъ отправляется въ дорогу съ волжскихъ пристаней, лежащихъ, начиная отъ Самары, вверхъ по Волгѣ; пристани, расположенныя ниже Самары, отправляютъ хлѣбъ уже къ

„Путинный“-интеллигентъ и „путинный“-крестьянинъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Тюменева, грав. Шюльеръ.

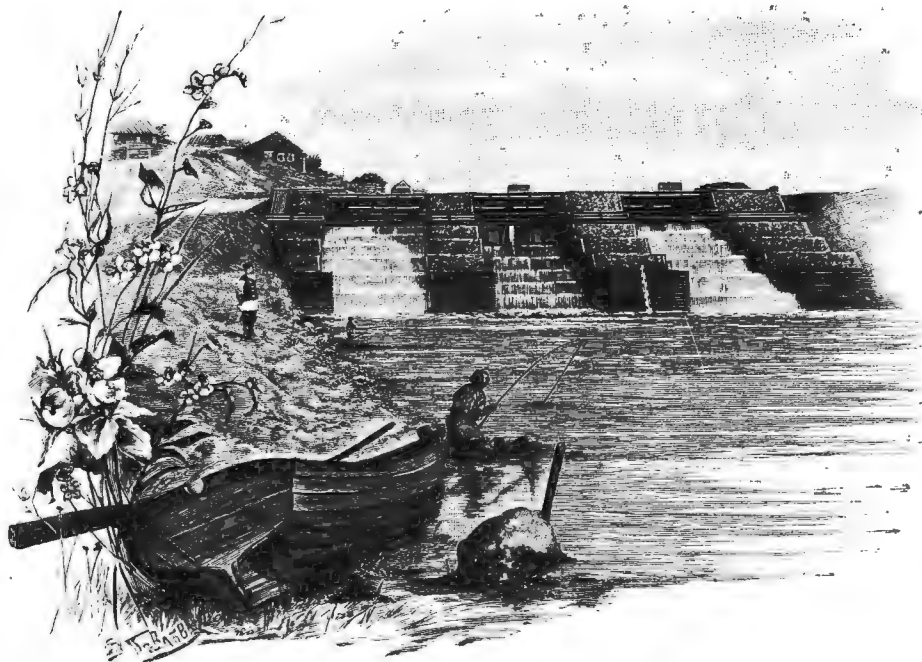
Г. Бѣлозерскъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Рашевскій.

югу, къ морямъ Каспійскому и Азовскому. Буксирными пароходами суда плывутъ движутся противъ теченія, поднимаются все выше и выше. По мѣрѣ прохожденія мимо верхнихъ пристаней число судовъ постепенно увеличивается десятками и сотнями новыхъ понутчиковъ, движущихся вверхъ по Волгѣ, одни къ устью Тверцы—на Вышневолоцкую, другіе къ Мологѣ—на Тихвинскую систему, но большинство ихъ далѣе Рыбинска не пойдетъ и свернетъ на Маріинскій путь. На основаніи данныхъ, приводимыхъ С. В. Максимовымъ въ его образцовой книгѣ: „Куль хлѣба“,—длина Вышневолоцкой системы отъ Твери (или же точнѣе отъ Рыбинска) составляетъ 1,329 верстъ, длина Тихвинской, отъ Мологи—848, а Маріинской, отъ Рыбинска—1,054 версты. По Маріинской системѣ суда доходятъ до столицы въ 40—45 дней, тогда какъ

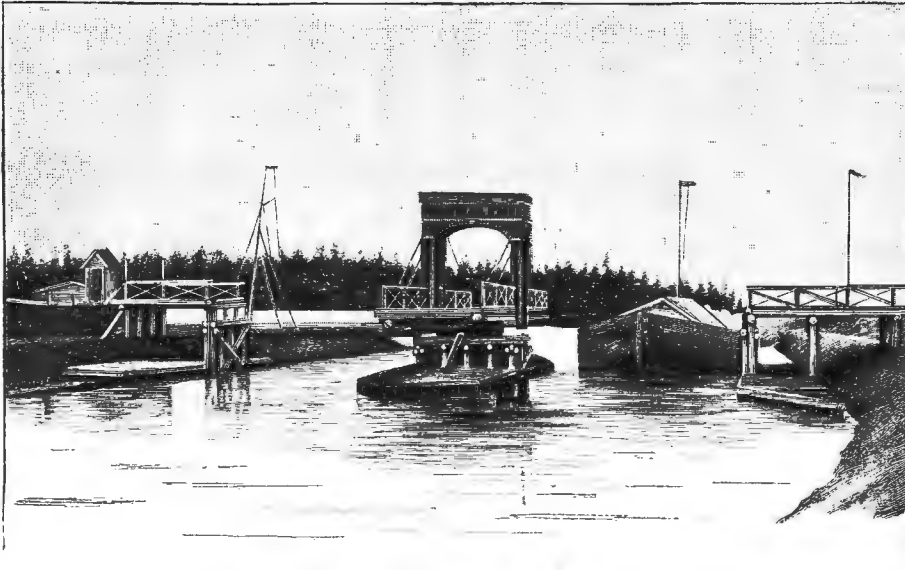
по Вышневолоцкой имъ требуется на это не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Обиліе хлѣба и грузовъ съ нижней Волги, скопляющихся весною на Рыбинской пристани, доходитъ до очень крупныхъ размѣровъ, а нѣкоторые года представляютъ въ этомъ отношеніи просто поразительныя цифры. Такъ напримеръ, въ 1857 году, количество грузовъ въ Рыбинскѣ достигло до 70.000.000 пудовъ; въ 1866 году товаровъ было подвезено на 4,308 судахъ до 64.000.000 пудовъ. „Если бы всю эту массу товаровъ“, говоритъ г. Рагозинъ, „отправить одновременно на 1.280 баржахъ, подчаленныхъ по три (одна за другой) къ 427 пароходамъ, то такой караванъ растянулся бы слишкомъ на 200 верстъ! Гужевой способъ отправки погребовалъ бы болѣе двухъ милліоновъ подводъ, которыя, будучи поставлены въ два ряда, составили бы обозъ отъ Петербурга до Ташкента“.

Въ томъ же 1866 году собственно хлѣбные грузы распредѣлились отъ Рыбинска въ слѣдующемъ порядкѣ: по Маріинской системѣ—31.200.000 пуд., по Тихвинской—3.100.000 пуд., и выше Тихвинской системы, по Вышневолоцкой и въ другія мѣста—11.000.000 пуд. Отсюда видно, что количество хлѣба, отправленнаго по Маріинской системѣ, болѣе чѣмъ въ два раза превзошло сумму транспортовъ по объѣму остальныхъ системамъ.

Изъ Рыбинска маріинскій хлѣбный караванъ илывно вступаетъ въ Шекснѣ (рис. на стр. 29), славящуюся по всему Поволжью своими стерлядями, вослѣдствіемъ Державинскимъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья Шексны мы встречаемъ любопытное географическое явленіе. Я говорю о рѣкѣ Пунимѣ, представляющей собою довольно рѣдкій примѣръ такъ называемой бифуркаціи, т. е. раздвоенія рѣки, образующей два устья на противоположныхъ концахъ своего теченія. Подобный примѣръ, по словамъ г. Рагозина, существуетъ еще въ Южной Америкѣ, гдѣ рѣка Кассиквиари впадаетъ одновременно въ Ориноко и Амазонку. Пунима, питаемая водою близъ-лежащихъ узкихъ озеръ, однимъ концомъ вливается въ Шекснѣ, а другимъ въ Волгу, неподалеку отъ Мологи. Лѣтомъ Пунима почти совершенно пересыхаетъ, а весною по ней ходитъ большія лодки и сплавляется на сумму до 300.000 рублей.

Плотина при шлюзѣ св. Павла.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Рашевскій.

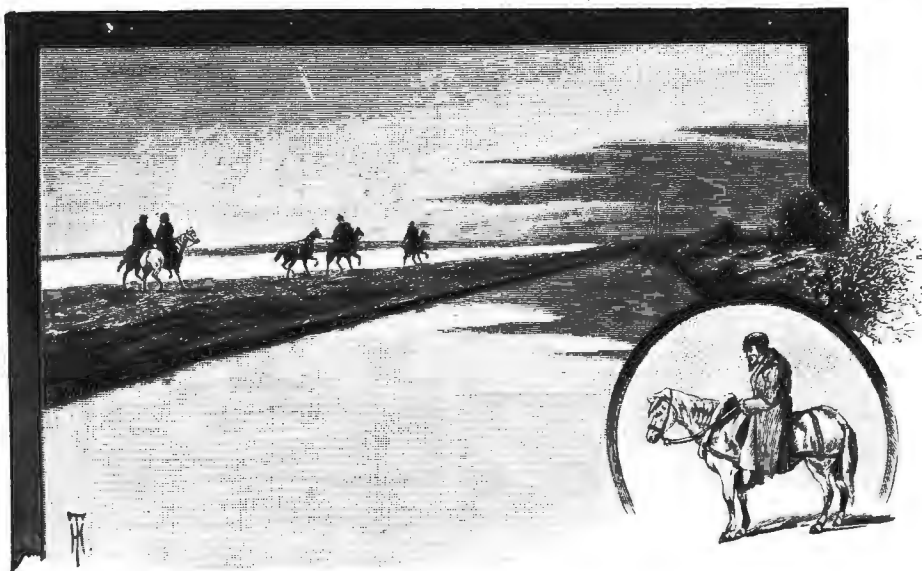
Анинский мостъ на р. Ковжѣ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Тюменева, грав. Рашевский.

Поднимаясь все выше и выше, суда встрѣчаютъ на пути узадный городъ Череповецъ. Это городъ сравнительно молодой (съ 1780 г.); онъ образовался изъ слободы существовавшей здѣсь еще съ XV вѣка Воскресенскаго монастыря, упраздненнаго въ 1746 году. На мѣстѣ обители находится теперь городскіе соборы, стоящіе на красномъ, поросшемъ деревьями, холмѣ на краю города (рис. на стр. 30). Череповецъ интересенъ также обиліемъ учебныхъ заведеній и разныхъ общественныхъ учреждений. Въ этомъ небольшомъ городкѣ имѣются: техническое училище, реальное училище, гимназія, учительская семинарія, городское училище, приходское училище, библиотека, городской общественный банкъ, общество взаимнаго кредита и городская сберегательная касса. Большинство этихъ заведеній и учреждений возникло по инициативѣ мѣстнаго купца И. А. Милотина. Въ 25 верстахъ отъ Череповца находится упраздненная Выксинская Николаевская обитель, въ которой, при Борисѣ Годуновѣ, была пострижена восьмая жена царя Иоанна Васильевича Грознаго, Марія Феодоровна Нагихъ. Сюда, на Выксеу, и явились къ ней послы названнаго царя Дмитрія, чтобы съ честью проводить ее въ Москву.

Вытегорскій погостъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Рашевский.

Нашъ караванъ движется далѣе, направляясь къ верхнему теченію Шексны (рис. на стр. 29). Безъ пороговъ и здѣсь дѣло не обходится. Самыми мелкими, а потому и самыми серьезными изъ шексинскихъ пороговъ считаются Никовицкіе, находящіеся близъ селенія Никовицы и носящіе довольно интересныя названія: Плоская гряда, Куприяшъ, Безповоротное плесо, Сосенка, Кривецъ, Березки, Голубецъ, Зыбный, Ниловицы и Славинскія гряды. Весною, въ половодье, воды въ нихъ накопляется до 7-ми футовъ, нормальная же глубина пороговъ лѣтомъ не превышаетъ 3½ футовъ, а въ сухіе годы доходитъ до 3 вершковъ. Но при всемъ своемъ мелководьи пороги на Шекснѣ не представляютъ и половины опасности, грозящей на рѣкѣ Мстѣ, въ боровицкихъ порогахъ. Въ веселее время и въ первой половинѣ лѣта суда проходятъ ихъ безъ особыхъ затрудненій. Ниже Ниловицъ находится и Черная Гряда, гдѣ происходило открытіе обновленной системы. Вотъ вдали призывно сверкаютъ намъ зрѣсты Божіихъ храмовъ: это Горницкій монастырь, основанный тет-

На Онежскомъ каналѣ, ночью.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Тюменева, грав. Рашевский.

кою Иоанна Грознаго, княгиней Евфросиніею Владиміровною Стариккою. Но воля племянника, она постриглась въ монашество и удалилась на житье въ основанный ею монастырь, а черезъ нѣсколько лѣтъ, по приказу Грознаго, уполнена здѣсь же въ Шекснѣ, неподалеку отъ обители. Въ Горницахъ же, въ 1606 году, была пострижена и несчастная Ксенія Борисовна Годунова, переведенная отсюда впоследствии во Владиміръ. Любила навѣщать монастырь и послѣдній супруга Грознаго, вышеупомянутая Марія Феодоровна Нагихъ. Въ обители хранится пожертвованный ею образъ ея сына-мученика, царевича Дмитрія.

Но караванъ нашъ движется далѣе, и Горницы вскорѣ исчезаютъ за поворотомъ рѣки. Мы минуемъ селеніе Вогнему, лежащее на большой дорогѣ между Бѣлозерскомъ и Кирилловомъ, и вскорѣ приближаемся къ устью рѣки Чайки. Здѣсь суда покидаютъ Шексню и, черезъ первые два плеса: Безопасность и Удобство, входятъ въ Бѣлозерскій каналъ.

Каналъ этотъ имѣетъ 63 версты

„Путинный“ на работѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Тюменева, грав. Шюблеръ.

длины и устроенъ въ 1848 году для обхода Бѣла-озера. Нося название „Бѣлаго“, какъ бы говорящее о чистотѣ и невинности, озеро, на самомъ дѣлѣ, принадлежитъ къ числу самыхъ бурныхъ и опасныхъ на всемъ Сѣверѣ, и имя свое получило не отъ цвѣта воды, — которая имѣетъ мутно-желтый отгѣнокъ, — а отъ волнъ-бѣлковыхъ, почти постоянно брызгающихъ его поверхность. Само-по-себѣ озеро не велико; длина его не превышаетъ сорока верстъ, а ширина — тридцати, но, благодаря своей незначительной глубинѣ, составляющей какія-нибудь двѣ-три сажени, оно крайне опасно для плаванія, и не мало судовъ съ грузомъ и людьми поглотили его мутныя волны, пока, наконецъ, не былъ устроенъ вышеупомянутый каналъ. Вступивъ въ него, караванъ достигаетъ теперь, въ полной безопасности, до древняго Бѣлозерска, близъ котораго находится знаменитый Синеусовъ курганъ (рис. на стр. 31), описанный Шевыревымъ и воспѣтый Бергомъ въ „Поѣздкѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь“. Невольно припоминаются здѣсь времена Рюрика и первыя страницы нашей лѣтописной исторіи: „И избрашася 3 братья с роды своими, и поша по собѣ всю Русь, и придоша; старшій Рюрикъ, съде Новгородъ, а дрѣгій, Синеусъ, на Бѣль-озерѣ, а третій Изборьскѣ, Труворѣ“.

Впрочемъ, пятый Бѣлозерскъ (рис. на стр. 32) находится теперь на новомъ мѣстѣ, куда перенесенъ при Василии Васильевичѣ Темномъ. Бѣлозерскъ принадлежалъ сначала къ Новгородской области, потомъ къ Ростовской, а съ 1237 г. составилъ особое удѣльное княжество. Въ битвѣ на Куликовомъ полѣ Бѣлозерскіе князья кровью запечатлѣли вѣрность свою родинѣ, — четверо ихъ сложили въ тотъ день свои головы на ратномъ полѣ. Вскорѣ послѣ того Бѣлозерское княжество перешло къ Москвѣ и навѣки слилось съ ея владѣніями. Когда, послѣ по-

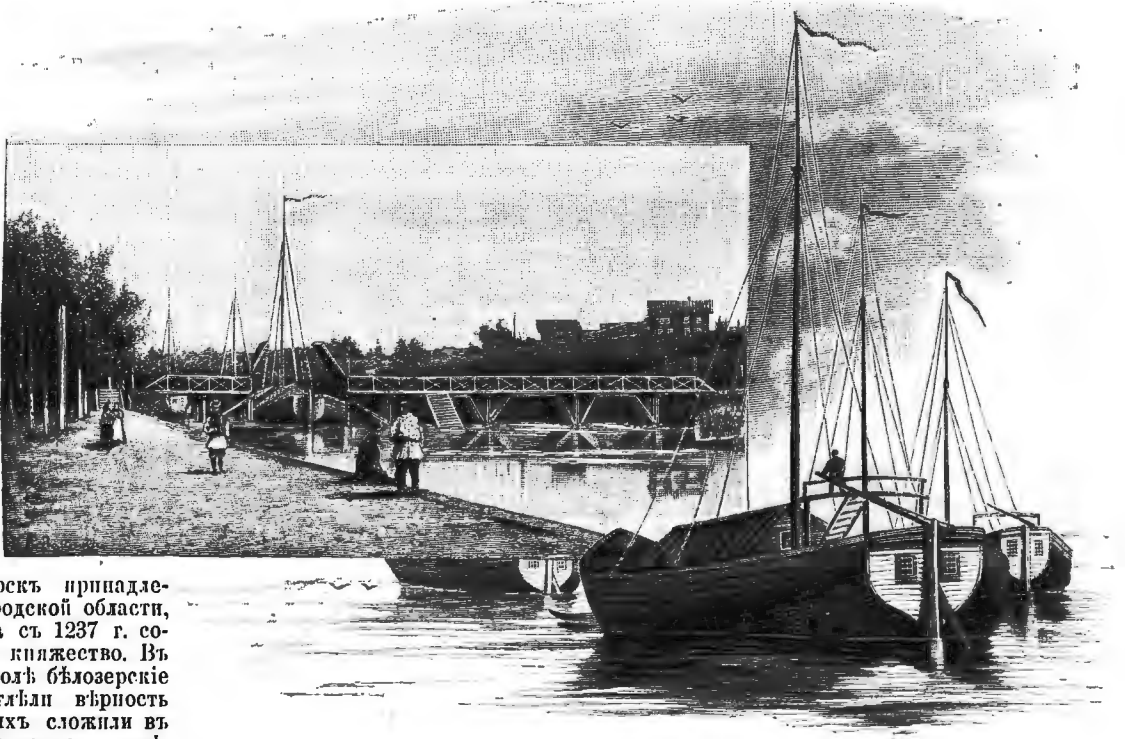
стигнаго Бѣлозерскъ морового повѣтрія, городъ былъ перенесенъ на пылѣншее мѣсто, его обнесли высокимъ землянымъ валомъ съ деревянными укрѣпленіями. Укрѣпленія, за ветхостью, были разобраны въ 1758 году, а валъ уцѣлѣлъ и до настоящаго времени. Главнѣйшій промыселъ жителей города и его окрестностей составляетъ судоходство и рыболовство; Бѣлозерскіе сѣтки, какъ извѣстно, славятся на всю Россію.

Обогнувъ по каналу озеро, караванъ приближается къ устью Ковжи, и, мимо памятника въ честь окончанія канала, вступаетъ, черезъ шлюзъ Польза, въ воды рѣки, плавно движущейся ему навстрѣчу. Вся первая половина пути, до самаго высшаго пункта системы — Матко-озера, непрерывно идетъ въ гору. Суда поднимаются частью пароходами (по Шекснѣ), частью же конною и людскою тягою. Мѣстные бурлаки носятъ названіе „путинныхъ“. Большинство ихъ принадлежитъ къ классу людей, которые въ Рыбинскѣ и на Волгѣ называются зимогорами, а у насъ, въ окрестностяхъ Петербурга, получили прозвище золоторотцевъ. Среди „путинныхъ“ вы встрѣтите представителей всѣхъ слоевъ общества; на ряду съ крестьянами здѣсь работаютъ и мѣщане, и бывшіе купцы, и лица духовнаго званія, и даже дворяне, — люди, потерявшіе капиталъ, лишившіеся мѣстъ, обѣдѣвшіе, опустившіеся. Всѣ они давно махнули рукою на прошлое и безропотно тянутъ здѣсь свою ямку, италась лѣтомъ трудами, а зимою, когда выйдутъ деньги, — Христовымъ именемъ (рис. на стр. 31 и 34).

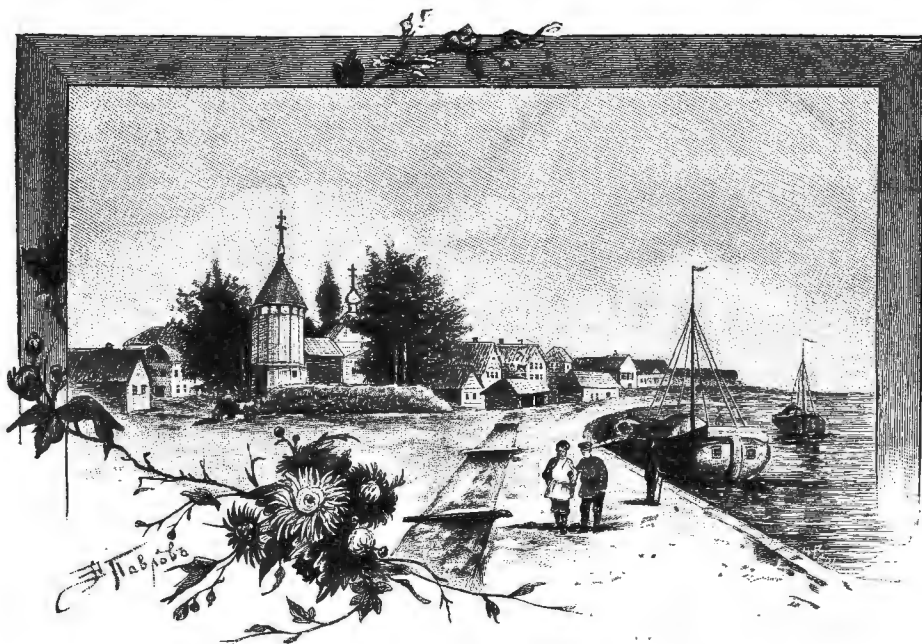
Недалеко отъ верховьевъ Ковжи суда минуя шлюзъ и подъемный или, точнѣе, подвижной мостъ св. Анны, черезъ который пролегаетъ большая дорога въ дальній Архангельскъ (рис. на стр. 33).

Вскорѣ за Аннинскимъ мостомъ начинается небольшая Маринскій каналъ, соединяющій верховье Ковжи съ верховьемъ Вытегры. Караванъ вступаетъ въ небольшое озеро Матко, входящее въ составъ соединительнаго канала, и достигаетъ наивысшей точки системы. Теперь суда находятся на высотѣ 440 футовъ или 63 сажень надъ уровнемъ моря. Высоко поднялся нашъ хлѣбъ — куда выше Исаакіевскаго собора! — но могучая воля Преобразователя спустить его съ этой головокругительной высоты къ скромному уровню нашего Финскаго залива; недаромъ первый шлюзъ по спускѣ называется Петровскимъ, недаромъ поставленный здѣсь памятникъ напоминаетъ намъ о тѣхъ трудовыхъ дняхъ, которые, въ свое время, провелъ здѣсь государь Петръ Алексѣевичъ.

Отсюда начинается такъ-называемая шлюзованная часть системы (рис. на этой стр.). Шлюзы слѣдуютъ одинъ за другимъ, и караванъ, движимый отъ шлюза къ шлюзу „путинными“, начинаетъ опускаться. Отъ шлюза св. Самсонія (рис. на стр. 21) спускъ идетъ уже, точно по лѣстницѣ, такъ что на разстояніи какихъ-нибудь шестидесяти верстъ отъ Матко-озера до г. Вытегры, суда

Подъемный Волковъ мостъ, въ началѣ шлюзованной части системы, въ 11 верстахъ отъ села Девагинъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Рашевскій.

Вознесенская пристань и Онежский канал.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Павлова, грав. Рашевский.

успѣваютъ спуститься болѣе чѣмъ на 300 футовъ. Берега Вытегры, текущей на этомъ пути между почти отвѣсныхъ горъ, замѣчательно живописны. Особенно красивы виды въ селеніи Девятинахъ, гдѣ находится и самый большой шлюзъ всей системы, — шлюзъ св. Павла. Разность горизонтовъ воды въ этомъ шлюзѣ составляетъ 6 сажень; при впускѣ воды въ камеры здѣсь образуются настоящіе водопады (рис. на стр. 32).

По пути отъ Девятинахъ къ Вытегрѣ караванъ мпуетъ извѣстный Вытегорскій погостъ, упоминаемый еще въ актахъ XVII столѣтія. Онъ замѣчательнъ своею деревянною церковью, крыша которой увѣнчана двадцатью главами, и представляетъ собою одинъ изъ наиболее интересныхъ образцовъ сѣвернаго стила нашихъ деревянныхъ храмовъ (рис. на стр. 33).

За Вытегорскимъ погостомъ показывается вдаль, на правомъ же берегу, часовня на Бесѣдной горѣ. Она поставлена на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Петръ Великій бесѣдовалъ съ окрестными жителями, разспрашивая ихъ о рѣкахъ, озерахъ и средствахъ соединенія Ковжи съ Вытегрою.

Отсюда недалеко уже и до города Вытегры, составляющаго конечный пунктъ шлюзованной части системы; послѣдній шлюзъ—Сергіевскій, находится въ самомъ городѣ. Кроме своего красиваго мѣстоположенія, Вытегра ничѣмъ особымъ не замѣчательна. Во времена Петра здѣсь находилась Вяткинская пристань, жители которой занимались постройкою судовъ. Въ 1773 году пристань была обращена въ уѣздный городъ и, отъ протекающей мимо нея рѣки, получила свое нынѣшнее имя—Вытегры. Городокъ, малолюдный зимою, въ лѣтнее время наполняется тысячами пришлагаго народа. Достоинъ замѣчанія, что въ этомъ маленькомъ городѣ, благодаря энергіи нѣсколькихъ интеллигентныхъ лицъ, имѣется прекрасно устроенная вольная пожарная команда (рис. на этой стр.).

Отъ города караванъ еще нѣкоторое время слѣдуетъ по Вытегрѣ, которая сворачиваетъ затѣмъ къ Онежскому озеру, а суда переходятъ въ обходный Онежскій каналъ, начатый еще въ 1818 году и оконченный лишь въ 1851-мъ, при императорѣ Николаѣ I, „въ управленіе путями сообщенія графомъ Клейнмихелемъ“, какъ гласитъ о томъ надпись на памятникѣ, поставленномъ у Свирскаго устья канала.

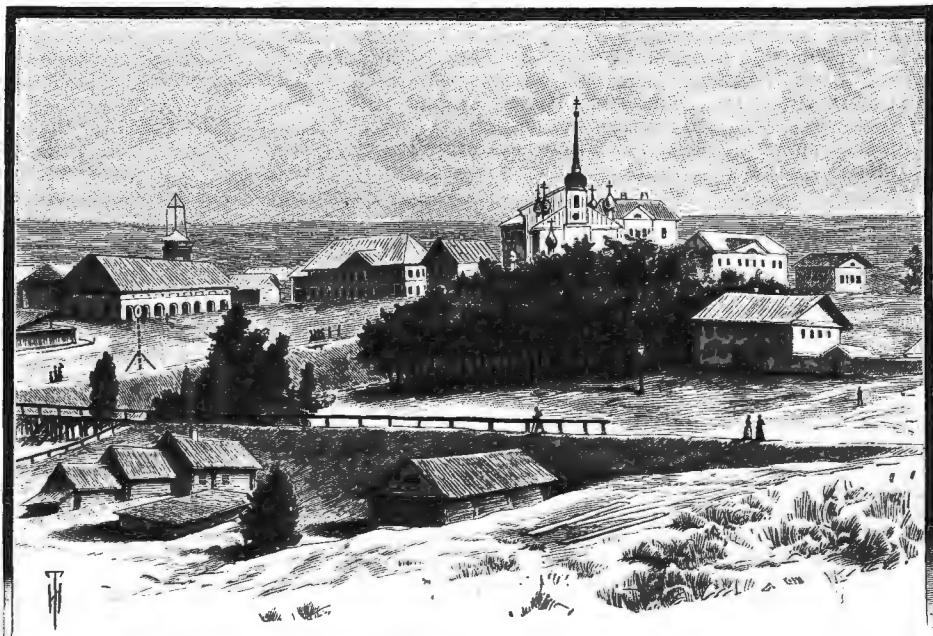
За г. Вытегрою путинныя исчезаютъ, и тяга на каналѣ производится лошадьми, которыя, то и дѣло, спуютъ взадъ и впередъ по бичевнику, узкою полоскою отдѣляющему каналъ отъ Онежскаго озера (рис. на стр. 33). Дурно содержимыя, изнуренныя непрерывною работою, эти лошади представляютъ прекрасный матеріалъ для изученія конскаго скелета и удобную почву для всевозможныхъ болѣзней,

между которыми известная сибирская язва почти ежегодно появляется на каналѣ, то въ болѣе, то въ меньшей степени.

Онежскій каналъ имѣетъ 64 версты длины и оканчивается у богатой Вознесенской пристани, расположенной надъ истокомъ рѣки Свири изъ Онежскаго озера (рис. на этой стр.). На набережной здѣсь постоянно толпятся хозяева судовъ, агенты, приказчики, судорабочіе, погонщики, лоцмана; все это шумитъ, волнуется, торгуется, ридится, споритъ, бранится, — словомъ, жизнь на пристани кипитъ во всю. Обиліе торговаго люда привлекаетъ сюда много пищиковъ, которые, въ разныхъ концахъ селенія, распѣваютъ свои духовные „стихи“, не смущаясь царичею вокругъ сутолокою. Здѣсь иногда можно видѣть картину, обычную, впрочемъ, и на другихъ пристаняхъ: у берега грузится судно; рабочіе одинъ за другимъ таскаютъ мѣшки съ мукою по узкой сходищѣ, перекинутой съ берега на судно. У самой сходищи внизу помѣстился подростокъ, вооруженный большимъ деревяннымъ молоткомъ, и лишь только рабочій, несущій мѣшокъ, поравняется съ нимъ, какъ молодой человѣкъ, широко размахнувшись, отгвѣшиваетъ полновѣсный ударъ молоткомъ по мѣшку. Рабочій встряхнется и идетъ далѣе, а молотокъ, прикоснувшись къ дну стоящей тутъ же доски, уже снова готовится къ нанесенію удара. На взглядъ непривычнаго человѣка этотъ подростокъ кажется порядочнымъ озорникомъ, надѣвающимся надъ беззащитными, благодаря своей пошлѣ, рабочими; на дѣлѣ же, онъ, какъ и они, исполняетъ возложенную на него работу. На молоткѣ вырѣзано клеймо владѣльца муки, а въ плочкѣ разведена краска, и подростокъ изображаетъ собою первобытнаго вида печатную машину (рис. на стр. 36).

Вотъ и Свирь, длинною лентою протянувшаяся отъ Онежскаго озера до Ладожскаго. Плаваніе по ней не совѣтъмъ безопасно, и, только пройди пороги, изъ которыхъ самыми главными считаются Медвѣдецъ, на крутомъ изгибѣ рѣки, и Сиговецъ, неподалеку отъ селенія Подпорожье, судохозяева могутъ вздохнуть свободнѣе.

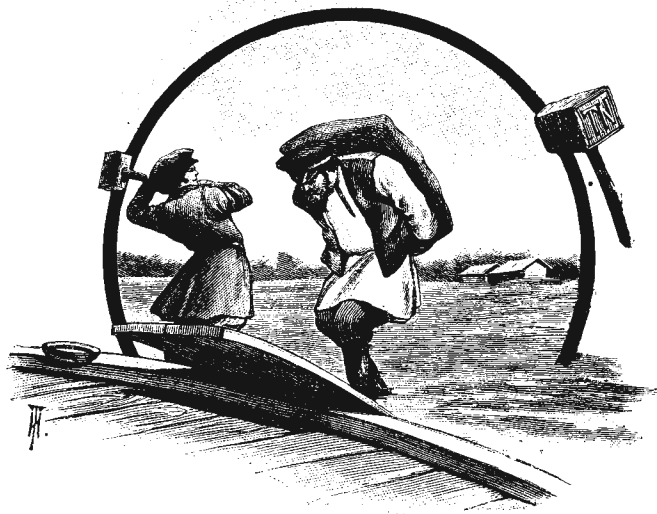
Быстрая рѣка пронеситъ суда мимо Лодейнаго поля, гдѣ, въ свое время, была заложена Петромъ корабельная верфь. На ней построены, для начала, шесть фрегатокъ, бывшихъ первыми русскими военными судами, появившимися на водахъ Балтійскаго моря. Несмотря на то, что въ послѣдствіи въ Петербургѣ была устроена своя адмиралтейская верфь, работы на лодейнопольской продолжались долгое время, служа значительнымъ подспорьемъ столичному судостроенію, и прекращены лишь въ 1830 году. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ въ Лодейномъ полѣ дворецъ Петра, почти рядомъ съ нынѣшнимъ соборомъ,

Г. Вытегра. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Тюменева, грав. Рашевскій.

находится памятникъ, воздвигнутый великому основателю верфи на средства купца Софронова. Недалеко отъ Лодейнаго поля находится извѣстный во всемъ краѣ монастырь св. Александра Свирскаго, считающагося покровителемъ сухопутства по всей Свирѣ.

Караванъ доходитъ до послѣдней свирской пристани — Сермакъсы, и вскорѣ передъ нимъ показываются вдали бурные валы, гуляющие по широкому простору Ладоги; но для судовъ и здѣсь, съ 1810 года, существуетъ безопасный обходный путь по Свирскому и Сясьскому каналамъ (общая длина 47 верстъ) до устья Волхова. Здѣсь, близъ города Новой Ладоги, къ услугамъ каравана имѣются даже два канала, оба ведущіе изъ Волхова въ Неву. Первый изъ нихъ, Петровскій, сооруженъ Мишикомъ, причѣмъ большая часть работъ произведена еще на глазахъ Петра. Ка-

Клеймение мѣшковъ.

Ориг. рис. (собств. „Пивы“) И. Тюменева, грав. Шюблеръ.

ной калашниковской хлѣбной пристани.

Счастье.

Стихотвореніе В. В. Уманова-Наплуновскаго.

Какъ часто мы проходимъ мимо счастья,
Притихшаго безпечно въ сторонѣ,
И ждемъ его то въ вихрѣ сладострастья,
То на пути, то въ сладкомъ полуснѣ!

На немъ подчасъ не остановишь взгляда,
И насъ въ толпѣ оно не поразитъ
Ни роскошью красиваго наряда,
Ни бѣлизной чарующихъ ланитъ.

Оно само съ улыбкою привѣта
Къ намъ подойдетъ, какъ нѣжное дитя,
И, приласкавъ, забросивъ искру свѣта,
Покинетъ насъ, какъ и пришло, шутя.

Тогда среди раздумья и печали
Мы вдругъ поймемъ, какъ дорого оно,
И все, что мы за счастье принимали,
Покажется такъ жалко и смѣшно.

Къ рисункамъ.

Къ числу женщинъ, выдвинувшихся въ послѣднее время на художественномъ поприщѣ, надо отнести Магдалину Лемаръ. Она приобрѣла извѣстность своими иллюстраціями и акварелями въ *Figaro illustré* и въ другихъ французскихъ журналахъ и сравнительно поздно дебютировала въ Салонѣ. Ея картины отличаются всегда большимъ изяществомъ и вкусомъ, и ей нельзя отказать въ извѣстномъ мастерствѣ. Къ числу такихъ изящныхъ картинъ принадлежатъ и „Интересное чтеніе“, снимокъ съ которой помѣщенъ въ настоящемъ номерѣ. Г-жа Лемаръ — парижанка и пишетъ парижанокъ. Предъ нами на картинѣ три парижанки, изящныя, граціозныя, кокетливыя; онѣ достали книжку, вѣроятно, послѣднюю новинку самаго моднаго и самаго игриваго писателя, можетъ-быть, Бурже, можетъ-быть, Лоти или, еще лучше, Прево, и принялись за чтеніе. Должно-быть, оно интересно, потому что онѣ засыпали въ своихъ позахъ, и не легко имъ будетъ оторваться отъ этой маленькой книжки.

Завернули казаки на отдыхъ въ ближайшую деревушку. Уютныя хаты, покрытыя свѣжымъ ковромъ, манили ихъ своимъ гостеприимнымъ тепломъ.

Вотъ подѣхали они,
Подошли къ ставнямъ...
Стукъ — въ окошко, брякъ — въ окошко...
„Поскорѣй къ намъ выйди, крошка,
Дай воды конямъ!
Выйди, сердце! Мы споемъ,
Лентой косу уберемъ“...

Такъ поется въ малороссійской пѣснѣ. Молодая хозяйка распахнула двери, и добрые молодцы совсѣмъ забыли, что одишь изъ товарищей давно уже высматриваетъ ихъ изъ-за воротъ и нетерпѣливо покрикиваетъ, призывая въ путь. Лошади восторженно уны и помахиываютъ хвостами, также выказывая нетерпѣніе, а бравыхъ ѣздоковъ все иѣтъ какъ нѣтъ. Зычнымъ голосомъ сталъ тогда вызывать промерзшіи казакъ невѣрныхъ друзей, а самого разбираетъ зависть. Онъ, вѣроятно, такъ же поступилъ бы на ихъ мѣстѣ. Свѣжая поляна и

наль этотъ оконченъ въ 1731 году. Другой каналъ, проведенный вдоль берега озера, устроенъ въ царствованіе императора Александра II и носитъ его имя. Суда идутъ къ Невѣ этимъ новымъ, болѣе глубокимъ и удобнымъ путемъ, а по Петровскому каналу въ настоящее время движутся лѣсные гонки и проходятъ пустыя суда, возвращающіяся изъ Петербурга.

Вотъ древній повгородскій Орѣшекъ, вырванный Петромъ изъ рукъ шведовъ, въ 1702 году, и получившій отъ самого государя названіе Шлиссельбурга; вотъ и сама красавица Нева, принимающая волжскихъ гостей на свои широкия, покойныя воды. Вскорѣ передъ нами покажутся и купола Александро-Невской лавры, близъ которой они станутъ наконецъ на отдыхъ у извѣст-

видѣющающаяся опушка лѣса вѣтъ зимой, а въ хатѣ такъ тепло, что легкомысленныхъ охотниковъ вовсе не тянетъ продолжать путешествіе...

Академикъ К. Е. Мерклинъ. (Портр. на стр. 37.)

Праздновавшій въ концѣ истекшаго года 50-лѣтній юбилей своей научной и педагогической дѣятельности Карлъ Евгеніевичъ Мерклинъ родился въ Ригѣ, 7-го апрѣля 1821 года, воспитывался въ тамошней гимназій и въ 1839 году поступилъ въ дерптскій (нынѣ юрьевскій) университетъ, на физико-математическій факультетъ, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата. Избравъ своей спеціальностью ботанику, для усовершенствованія въ ней отправился онъ за границу, гдѣ слушалъ университетскіе курсы и работалъ у Жюлье и Броньяра въ Парижѣ и у Шлейдена въ Лейп. Вернувшись въ Россію докторомъ философіи іенскаго университета, съ 25-го ноября 1847 г. началъ онъ читать лекціи по анатоміи и физиологіи растений въ бывшемъ офицерскомъ классѣ лѣсного и межевого института, а затѣмъ въ кадетскихъ классахъ, въ спеціальныхъ курсахъ лѣсоводства, существовавшихъ при томъ же институтѣ, и, наконецъ, въ 1863—1865 гг. въ бывшей лѣсной академіи. Одновременно съ этимъ въ 1848 г. К. Е. определенъ физиологомъ Императорскаго ботаническаго сада и экспертомъ по части естественныхъ наукъ и микроскопій въ медицинскомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и исполнялъ эту послѣднюю, весьма трудную, должность въ теченіе болѣе 30 лѣтъ. Въ 1864 году онъ избранъ совѣтательнымъ членомъ медицинскаго совѣта и ординарнымъ профессоромъ медико-хирургической академіи по кафедрѣ ботаники, впоследствии же онъ читалъ лекціи и на женскихъ медицинскихъ курсахъ. Назначенный въ 1877 году непрѣлнымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета, онъ черезъ годъ оставилъ профессору, получивъ званіе академика.

К. Е. Мерклинъ состоитъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ и въ 1864 г. избранъ членомъ-корреспондентомъ Императорской академіи наукъ.

Изъ научныхъ работъ К. Е. по анатоміи и физиологіи ра-

стей, дендрологии, фито-палеонтологий и микроскопий упомянуты: „Zur Entwicklungsgeschichte der Blattgestalten“, 1846 (докторская диссертация); „Zur Entwicklungsgeschichte der Farrenkräuter“, 1850; „Palaeo dendrologikon Russicum“, 1855 (удостоенное академией наук Демидовской премией); „Анатомия коры и древесных тканей деревьев России“, 1857, и друг.

К. Е. Мерклинъ всегда пользовался глубокимъ уваженіемъ въ ученомъ мірѣ и искреннею любовью своихъ товарищей-служивцевъ и многочисленныхъ слушателей.

Графъ И. Д. Деляновъ.

(Портр. на этой стр.)

Прошлый годъ завершился печальнымъ событіемъ,—кончиною одного изъ видныхъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, графа Ивана Давыдовича Делянова.

Очертимъ вкратцѣ его служеніе государству, чтобы яснѣе себѣ значеніе понесенной нами утраты.

Покойный графъ родился въ Москвѣ въ 1818 г. Онъ былъ армянскаго происхожденія, но уже отецъ его состоялъ генераль-майоромъ русской службы. Образование покойный получилъ въ московскомъ университетѣ по юридическому факультету, который онъ окончилъ въ 1838 г. первымъ кандидатомъ. Въ томъ же году онъ поступилъ на службу въ бывшее второе отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Если онъ въ первое время своей службы принялъ участіе, какъ юристъ, въ составленіи новаго уложенія о наказаніяхъ или управлялъ дѣлами секретнаго комитета о раскольникахъ, то уже въ 1858 г., т. е. 40 лѣтъ тому назадъ, мы его застаемъ на отвѣтственномъ посту попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа и завѣдующаго учебною частью нѣкоторыхъ женскихъ институтовъ. Выступъ съ тѣмъ Академія наукъ избираетъ его своимъ почетнымъ членомъ. Черезъ три года онъ занимаетъ должность директора департамента народнаго просвѣщенія и вскорѣ послѣ кратковременной отставки, вызванной семейными дѣлами, онъ въ 1861 г. занимаетъ постъ директора Императорской публичной бібліотеки и вновь назначается попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа. Затѣмъ въ 1865 г. онъ временно исполняетъ обязанности управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, назначается сенаторомъ и затѣмъ въ теченіе восьми лѣтъ является ближайшимъ помощникомъ графа Д. А. Толстого въ его трудахъ по окончательному упроченію въ Россіи классическаго образованія. Въ 1874 г. онъ назначается членомъ Государственнаго Совета, принимаетъ дѣятельное участіе въ его работахъ, продолжая завѣдывать дѣлами публичной бібліотеки и состоя съ 1880 г. главноуправляющимъ дѣлами учреждений императрицы Маріи. Съ 1882 г. онъ занимаетъ постъ министра народнаго просвѣщенія и не покидаетъ его до своей кончины, посвящая свои силы и заботы задачамъ народнаго образованія до послѣдняго своего вздоха.

Понятно, что при оцѣнкѣ дѣятельности покойнаго графа вниманіе главнымъ образомъ обращается на тотъ 15-лѣтній періодъ, когда онъ состоялъ министромъ народнаго просвѣщенія. За этотъ періодъ приняты цѣлый рядъ весьма существенныхъ мѣръ по народному образованію. Мѣры эти могутъ быть разбиты на двѣ категоріи. Начнемъ съ ограничительныхъ. Такъ, при покойномъ ограниченъ былъ пріемъ дѣтей изъ недостаточныхъ классовъ населенія въ средне-учебныя заведенія; во-вторыхъ, ограниченъ процентъ евреевъ, допускаемыхъ въ высшія и средне-учебныя заведенія; въ-третьихъ, закрыты высшія женскіе курсы и вновь открыты только въ Петербургѣ. Далѣе, къ числу ограничительныхъ мѣръ слѣдуетъ отчасти отнести новый университетскій уставъ 1884 года, преобразование юрьевскаго университета, равно какъ и преподаваніе на рус-

скомъ языкѣ всѣхъ предметовъ въ гимназіяхъ и вообще средне-учебныхъ заведеніяхъ, пользующихся правами казенныхъ училищъ, въ Прибалтійскомъ краѣ. На ряду съ этими ограничительными мѣрами послѣдовалъ за тотъ же періодъ времени цѣлый рядъ другихъ мѣръ, въ значительной степени содѣйствующихъ усиленію народнаго образованія. Сюда слѣдуетъ отнести открытіе томскаго университета, харьковскаго технологическаго института и женскаго медицинскаго института въ Петербургѣ. Въ сферѣ средняго образованія мы должны отмѣтить на ряду съ открытіемъ новыхъ гимназій и прогимназій кипучую дѣятельность министерства по насажденію въ Россіи техническаго образованія. Можно смѣло сказать, что въ этомъ направленіи при графѣ Деляновѣ наше отечество сдѣлало громадныя успѣхи: измѣненъ уставъ с.-петербургскаго технологическаго института, утвержденъ уставъ коммерческаго училища въ Харьковѣ, расширены и организованы комиссаровское, красноуфимское, иркутское училища, пересмотрѣнъ уставъ реальныхъ училищъ, разработано положеніе о среднихъ и низшихъ промышленныхъ училищахъ, и учреждена особая коммиссія для дальнѣйшаго развитія этого дѣла, открыто много такихъ училищъ въ разныхъ городахъ и, вообще, преимущественно за послѣдніе годы дѣятельности графа Делянова вниманіе министерства народнаго просвѣщенія какъ будто всецѣло было поглощено насажденіемъ въ Россіи техническаго образованія. Въ заключеніе надо еще отмѣтить, что дѣятельность министерства значительно расширилась и въ другомъ отношеніи, именно вслѣдствіе присоединенія къ нему многихъ учебныхъ заведеній, кото-

Графъ И. Д. Деляновъ († 29 декабря 1897 г.).
Съ фотографіи К. Шапиро автотипія „Нивы“.

ры прежде состояли въ другихъ вѣдомствахъ. Такъ, министерству народнаго просвѣщенія подчинены 2.000 сельскихъ школъ въ Прибалтійскомъ краѣ; ему же подчинены и школы, существующія при протестантскихъ церквяхъ въ округахъ с.-петербургской и московской консисторій, присоединенъ къ вѣдомству народнаго просвѣщенія весь кавказскій учебный округъ, горскія школы Терской области и т. д. Бюджетъ министерства однако сравнительно мало возросъ (съ 18 до 25 милліоновъ). При такихъ обстоятельствахъ мы поймемъ, почему успѣхи низшаго народнаго образованія не могли быть особенно значительны, насколько они зависѣли отъ министерства народнаго просвѣщенія.

Если теперь выскнуть въ основной характеръ дѣятельности министерства при графѣ Деляновѣ, то мы не замедлимъ убѣдиться, что она обуславливалась руководящею идеею прошлаго царствованія, отличительными чертами котораго были съ одной стороны твердая защита національнаго принципа въ государственныхъ дѣлахъ, а съ другой—стремленіе направить вниманіе общества на осуществленіе практическихъ задачъ нашего времени. Совершенно тотъ же характеръ присущъ и дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія при покойномъ графѣ Деляновѣ. Всѣ мѣропріятія министерства носятъ на себѣ этотъ отпечатокъ. Подчиненіе учебныхъ заведеній нашихъ окраинъ министерству, введеніе въ нихъ государственнаго языка, широкое развитіе техническаго образованія, ограниченіе въ нашихъ гимназіяхъ числа уроковъ древнихъ языковъ и расширеніе преподаванія русскаго и т. д., — все это различныя проявленія одной и той же путеводной мысли. Мы не можемъ

Г. А. Захаринъ († 23 декабря 1897 г.).
Съ фотогр. К. Фишера въ Москвѣ автотипія „Нивы“.

здѣсь подробно останавливаться на ней, но должны отмѣтить, что въ этомъ отношеніи дѣятельность покойнаго графа Делянова находилась въ самомъ тѣсномъ соотвѣтствіи съ общою задачею, которая разрѣшалась правительствомъ въ два послѣдніе десятилѣтія истекающаго вѣка, и слѣдовательно только вмѣстѣ съ нею можетъ быть оцѣнена по достоинству.

Намъ остается прибавить еще нѣсколько словъ о покойномъ

графъ Деляновъ, какъ о человѣкѣ. Тутъ прежде всего надо отмѣтить, что покойный пользовался очень широкою популярностью, основанною главнымъ образомъ на его душевныхъ качествахъ. Всякій разъ, когда онъ обращался къ учащейся молодежи съ своимъ словомъ, онъ даже при очень затруднительныхъ обстоятельствахъ успѣвалъ настроить ее въ свою пользу, — такъ много доброты и задушевности слышалось въ его словахъ. Эта доброта побуждала его во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ людямъ выискать въ ихъ нужды, уяснить себѣ ихъ истинныя побужденія, принимать во вниманіе личныя особенности. По природѣ своей онъ всегда былъ склоненъ истолковать всякій поступокъ въ хорошую сторону. Отсюда — крайній его доступность, простота въ обращеніи, любезность, желаніе придти всякому на помощь. Если онъ по существу дѣла, вслѣдствіе тѣхъ общихъ задачъ, которыя онъ преслѣдовалъ, или вслѣдствіе отсутствія денежныхъ или другихъ средствъ вынужденъ былъ отказать въ исполненіи просьбы, то никто не уходилъ отъ него недовольнымъ или озлобленнымъ, потому что чувствовалъ, что отказъ вызванъ дѣйствительною невозможностью исполнить просьбу. Прибавимъ къ этому, что у покойнаго была поразительная память на лица: если онъ встречался съ кѣмъ-нибудь, то, кажется, никогда его не забывалъ. Онъ часто даже хорошо помнилъ воспитанниковъ многочисленныхъ учебныхъ заведеній, ему подчиненныхъ. Все это, вмѣстѣ взятое, возбуждало къ нему общія чувства симпатіи. Злопамятства въ немъ никогда не было; добро же онъ помнилъ твердо. Въ добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей онъ имѣлъ мало равныхъ. Таковъ былъ покойный графъ Деляновъ, какъ человѣкъ, и это даетъ ему полное право на признательность и добрую память даже со стороны тѣхъ, кто не сочувствовалъ тѣмъ или другимъ его мѣропріятіямъ.

Г. А. Захарьинъ.

(Портр. на стр. 37.)

23-го декабря минушаго года скончался въ Москвѣ пользовавшійся очень широкою извѣстностью врачъ и профессоръ-клиницистъ Григорій Антоновичъ Захарьинъ. Онъ пробылъ на кафедрѣ московскаго университета 35 лѣтъ и прославился, какъ замѣчательный діагностъ, съ удивительною проицательностью устанавливавшій характеръ и причины болѣзни. Въ этомъ отношеніи онъ по громкой своей извѣстности не имѣлъ послѣ Боткина въ Россіи соперниковъ.

Родился покойный въ 1829 г., слѣдовательно онъ дожилъ почти до 70 лѣтъ; первоначальное образованіе получилъ въ саратовской гимназіи и уже 18 лѣтъ отъ роду поступилъ въ московскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ докторантомъ въ 1852 г.; черезъ два года онъ сдалъ экзаменъ на доктора медицины и защитилъ докторскую диссертацию. Затѣмъ въ 1858 г. былъ командированъ на два года за границу и по возвращеніи отсюда призванъ былъ доцентомъ терапевтической клиники, а въ 1862 г. избранъ сперва ординарнымъ профессоромъ, а затѣмъ и директоромъ факультетской терапевтической клиники. Съ тѣхъ поръ онъ въ теченіе 35 лѣтъ или, точнѣе говоря, если имѣть въ виду и годы его доцентства, въ теченіе 40 слѣдкомъ лѣтъ воспиталъ тысячи врачей, между которыми насчитывается не мало профессоровъ, заслужившихъ почетное мѣсто въ медицинской наукѣ. Это уже не маловажная заслуга профессора Захарьина передъ родиною.

На пользу науки, въ тѣсномъ значеніи этого слова, Захарьинъ потрудился сравнительно немного. Наиболѣе цѣнныя его работы принадлежатъ къ первымъ годамъ его врачебной дѣятельности. Но если подѣть научною дѣятельностью разумѣть и приложеніе научныхъ знаній въ жизни, то труды покойнаго въ этомъ отношеніи очень значительны, потому что мы должны причислить къ нимъ его клиническія лекціи, свидѣтельствующія о глубокомъ знаніи организма человѣка и выдержавшія въ короткое время три изданія. Въ этихъ лекціяхъ сказано все Захарьинъ, т. е. чрезвычайно проицательный врачъ, умѣвшій выяснять болѣзнь тамъ, гдѣ другие врачи становились втупикъ. Если покойный воспиталъ тысячи врачей, былъ ихъ талантливымъ и опытнымъ руководителемъ въ первое время ихъ врачебной дѣятельности, то невозможно опредѣлить числа больныхъ, которымъ онъ возвратилъ здоровье или которымъ онъ далъ разумный совѣтъ. Всѣ стремились къ Захарьину, и всѣ вѣрили, что онъ имъ поможетъ. И дѣйствительно, во врачебной практикѣ покойнаго насчитывается очень много трудныхъ случаевъ, когда онъ оказывалъ существенную помощь, и, насколько намъ извѣстно, цѣль случая, чтобы онъ, вслѣдствіе невниманія, утомленія или пред-

взвѣтой теоріи, совершилъ бы какой-либо крупный промахъ. Отъ такихъ ошибокъ между тѣмъ очень трудно уберечься врачу съ такою огромною практикою, какаю была у Захарьина.

Чувствуя, что силъ его не хватаетъ, онъ понятию ограничивалъ, насколько могъ, число своихъ пациентовъ. Отсюда — упреки въ недоступности. Насколько эти упреки основательны, мы не станемъ здѣсь рѣшать. Вопросъ это трудный и сложный. Отмѣтимъ только, что въ этомъ отношеніи покойный мало чѣмъ отличался отъ другихъ медицинскихъ знаменитостей. Онъ оставилъ крупное состояніе, изъ котораго однако еще при жизни выдѣлили значительныя суммы на обще-полезныя дѣла, въ томъ числѣ 500,000 р. на церковно-приходскія школы. Такимъ образомъ высокой докторскій гонораръ отчасти былъ имъ употребленъ на народное просвѣщеніе, на искорененіе въ народной средѣ тѣхъ предубѣжденій, которыя препятствуютъ врачу придти на помощь страдающему сельскому населенію.

Если популярность покойнаго Захарьина уступала его извѣстности, если онъ не всегда возбуждалъ къ себѣ сочувствіе, несмотря на значительныя свои заслуги передъ отечествомъ, то это объясняется уже личными его свойствами и не можетъ имѣть серьезнаго значенія при оцѣнкѣ его дѣятельности. Повторяемъ, профессоръ, воспитавшій тысячи дѣльныхъ врачей, установившій, благодаря своимъ обширнымъ знаніямъ, болѣе правильные приемы лѣченія, врачъ, оказавшій разумными указаніями, большою внимательностью и рѣдкою проицательностью существенную помощь десяткамъ тысячъ больныхъ, — такой профессоръ и врачъ въ высокой мѣрѣ исполнилъ свой долгъ передъ родиною и человечествомъ. Въ этомъ отношеніи онъ несомнѣнно оставляетъ послѣ себя добрую и почетную память.

Портъ - Артуръ.

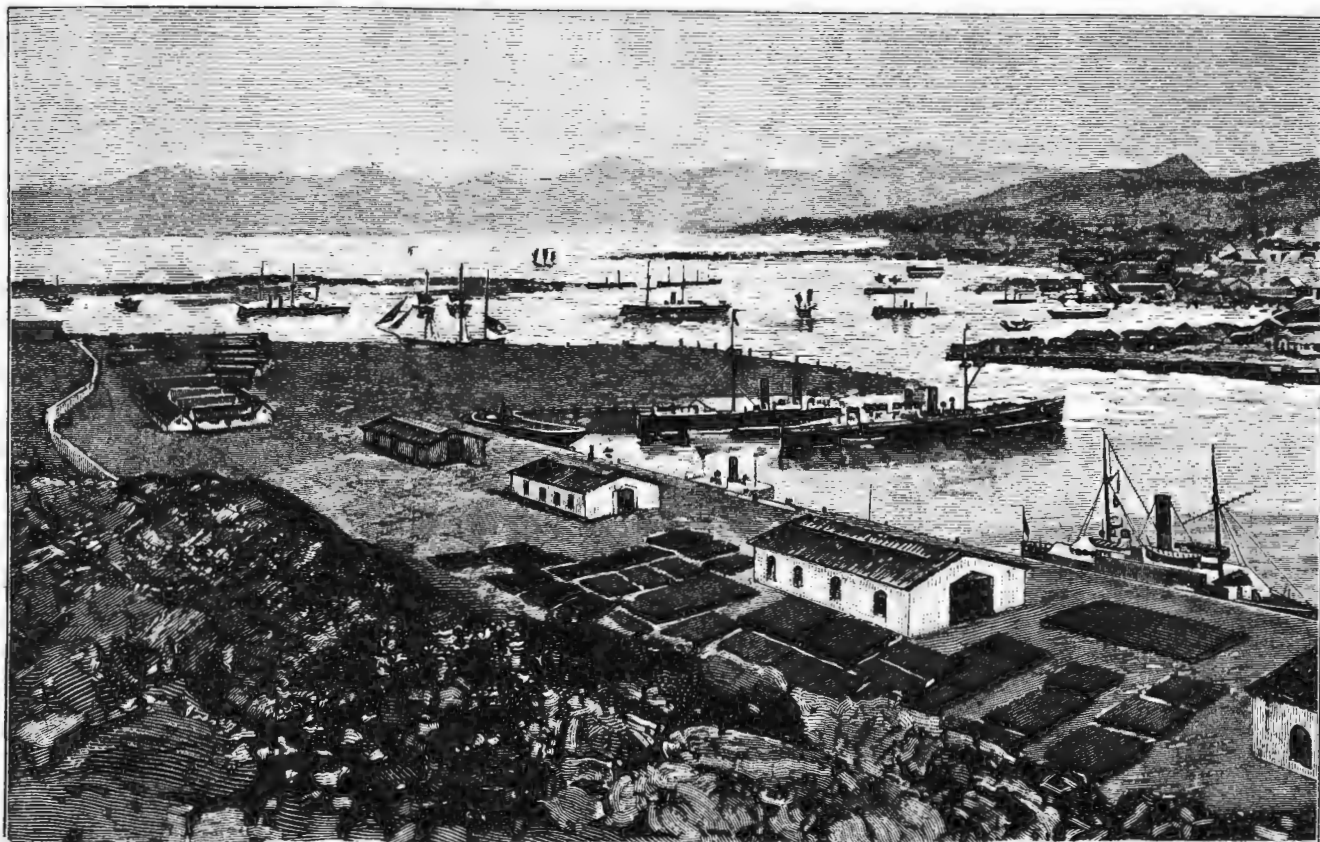
(Рис. на стр. 39.)

Портъ-Артуръ, въ который перешла для стоянки русскаго тихо-океанскаго эскадра изъ Нагасаки, заинтересовалъ собою теперь весь политическій міръ. Выдающуюся политическую роль сталъ играть Портъ-Артуръ еще со времени недавней японско-китайской войны, или, вѣрнѣе, по окончаніи ея, когда Японія, захватившая его во время войны, должна была затѣмъ, по требованію европейскіхъ державъ, очистить его и передать Китаю обратно. Однако практичные японцы не только вывели изъ Портъ-Артура свои войска, но и вывезли почти все вооруженіе порта, приведеннаго въ полное разрушеніе. Вслѣдъ затѣмъ, Китай принялся за возстановленіе укрѣпленій этой выдающейся гавани въ Желтомъ морѣ. Благодаря тому, что многіе японцы при своей разрушительной работѣ не доглядѣли, какъ, напримѣръ, огромнаго портъ-артурскаго дока, — работы по исправленію гавани удалось почти уже закончить въ настоящее время.

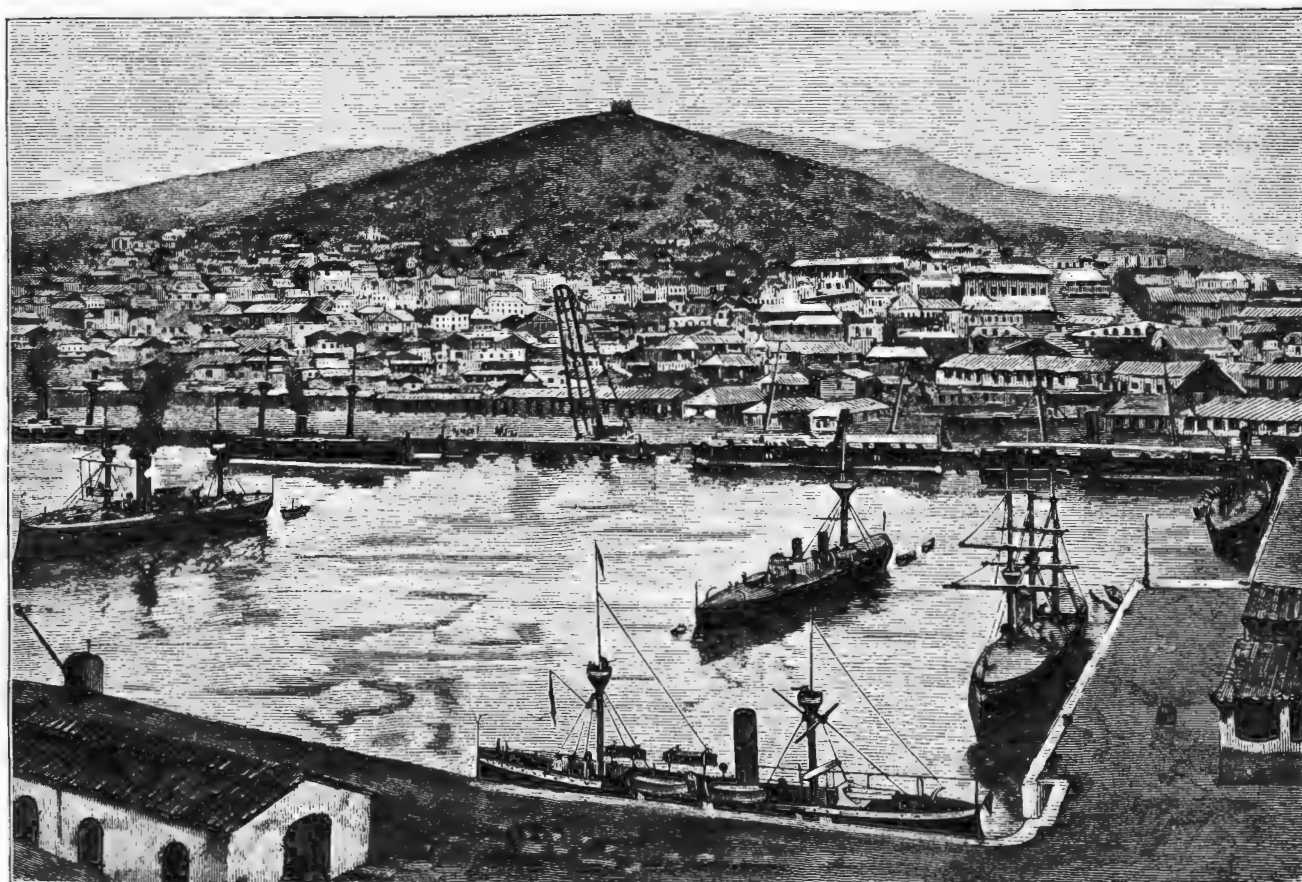
Морской берегъ у Портъ-Артура представляетъ собою высокія скалы, отрывисто спускающіяся прямо въ море. Вѣшній рейдъ находится у подошвы этихъ скалъ, защищающихъ его отъ сѣверныхъ и западныхъ вѣтровъ, но онъ зато совершенно открытъ для южныхъ и восточныхъ, въ силу чего стоянка на немъ не очень удобна, особенно лѣтомъ. Съ вѣшней рейды узкій проходъ между скалами, шириною всего отъ 150 до 200 саж., ведетъ на такъ называемый внутренний рейдъ, который собственно и составляетъ гавань Портъ-Артура. Внутренній рейдъ невеликъ, но хорошо закрытъ и представляетъ удобное и спокойное мѣсто стоянки для судовъ. На востокъ отъ него находится искусственный бассейнъ или такъ называемый восточный портъ, длиною до 250 саж. и шириною въ 150 саж., при глубинѣ въ 4½ саж. Онъ весь обложенъ гранитомъ и окруженъ прекрасными набережными. Вокругъ бассейна расположены мастерскія и другія портовыя сооруженія и къ нему же примыкаютъ два дока, одинъ для большихъ судовъ и другой, меньшій, для миноносковъ. Докъ для большихъ судовъ достигаетъ въ настоящее время 452 футовъ въ длину и 26 фуг. глубины. По помѣщенію въ Новомъ Времени сообщенію очевидца, посѣтившаго Портъ-Артуръ минушаго лѣтомъ, для выкачиванія изъ дока воды до китайско-японской войны имѣлось двѣ машины, изъ которыхъ одна старая была очень плоха, а потому замѣнялась новою, но послѣдняя къ моменту занятія Портъ-Артура японцами еще не была окончена. Это ввело японцевъ въ заблужденіе и, очинивъ Портъ-Артуръ, они разломали водопродныя трубы въ старой машинѣ, совершенно не тронувъ строившейся новой. Благодаря этому, китайцамъ удалось быстро достроить нетронутую машину и привести докъ въ дѣйствіе. Новая машина работаетъ удовлетворительно, понижая уровень выкачиваемой воды

К. Е. Мерклинъ. (По поводу 50-лѣтія ученой дѣятельности). Съ фот. автотипія „Нивы“.

Портъ-Артуръ. Новая стоянка судовъ русской тихо-океанской эскадры. Общій видъ гавани.
По рис. Black and White грав. Шюблеръ.

Портъ-Артуръ. Новая стоянка судовъ русской тихо-океанской эскадры. Общій видъ города.
По рис. Black and White грав. Шюблеръ.

на 4 фута въ часъ, такъ что вся вода изъ дока можетъ быть выкачана въ 6½ часовъ. Работы производятся медленно вслѣдствіе отсутствія станковъ и другихъ машинъ. Все это было увезено японцами, забравшими изъ мастерскихъ болѣе 100 машинъ.

Завѣдуютъ портомъ два механика-китайца, изъ которыхъ старшій находится на службѣ въ портѣ 33 года, а помощникъ его—24 года. Последний получилъ первоначальное образованіе въ англійской школѣ въ Гонгъ-Конгѣ, а затѣмъ учился на заводахъ въ Ньюкастлѣ и 4 года въ Германіи. Старшій механикъ также получилъ европейское образованіе.

Надъ Портъ-Артуромъ высятся на холмѣ форты Хуань-Цзинь-шань, обстрѣливающий входъ въ гавань. Фортъ облицованъ камнемъ и былъ вооруженъ тремя 24-центиметровыми орудіями Круппа и 16 малыми орудіями. Орудія были расположены такъ, что могли обстрѣливать не только входъ на внутренней рейдъ, но и самый рейдъ и окружающія высоты. Въ фортѣ имѣются казармы для войскъ и погреба для боевыхъ припасовъ. Фортъ Хуань-Цзинь-шань почти не тронутъ японцами, и за исключеніемъ увезенныхъ ими орудій все остальное не разрушено, цѣлы даже рельсовые приспособленія для подачи снарядовъ къ орудіямъ. Тамъ теперь снова помѣстились войска, и вскорѣ предполагалось приступить къ починкѣ фортовъ, а затѣмъ на нихъ должны были быть поставлены орудія.

Политическое обозрѣніе.

Государь Императоръ изволилъ обратиться къ президенту республики Феликсу Форю съ слѣдующей телеграммой: „Гатчина, дворецъ, 31-го (19-го) декабря. Его Превосходительству г. Форю, президенту Французской республики, Парижъ. На порогѣ Нового года Я желаю выразить вамъ отъ Моего имени и имени Императрицы искреннія пожеланія Наши лично вамъ и дружественной Франціи. Вы знаете одушевляющія Насъ чувства и не усомнитесь въ неизгладимомъ воспоминаніи, которое оставило въ Насъ ваше посѣщеніе Россіи. Николай“. Форъ отвѣчалъ: „Его Величеству Николаю II, Императору всей Россіи, Гатчина. Пожеланія, высказываемыя Вашимъ Величествомъ и Ея Величествомъ Императрицей въ этотъ день моей странѣ, тронуть сердца всѣхъ французовъ. Отъ ихъ имени приношу живѣйшую благодарность Вашему Величеству. Остаюсь признательнымъ за пожеланія, обращенныя ко мнѣ лично, и возобновляю увѣреніе въ моей искреннѣйшей любви. Феликсъ Форъ“.

На новогоднемъ приемѣ въ Елисейскомъ дворцѣ старѣйшій членъ дипломатическаго корпуса панскій нунцій, обращаясь къ президенту Форю съ пожеланіемъ ему счастья, а Франціи—благоденствія, высказалъ, что прошлый годъ подтвердилъ важное значеніе содѣйствія Франціи дѣлу цивилизаціи и упроченія мира, составляющаго идеаль и благо народовъ. Отвѣчая на привѣтствіе дипломатическаго корпуса, г. Форъ заявилъ: Франція не измѣнитъ своей задачѣ содѣйствовать дѣлу цивилизаціи и мира; достигнутые результаты истекшаго года не таковы, чтобы ослабить усилія и надежды; при неизмѣнной мудрости и единствѣ въ совѣтѣ державъ, высшій интересъ сохраненія мира вышешъ невредимымъ изъ тяжелыхъ испытаній; выраженные дипломатическимъ корпусомъ чувства служатъ новымъ свидѣтельствомъ единодушной преданности правительствъ и народовъ идеямъ согласія и мирнаго прогресса, благодаря чему президентъ Форъ можетъ удостоверить начало новаго года при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ.

Въ германской столицѣ начало новаго года отпраздновано обычнымъ порядкомъ: послѣ богослуженія, во дворцѣ состоялся приемъ дипломатическаго корпуса, министровъ и генералитета, а въ теченіе два императоръ Вильгельмъ посѣтилъ пословъ великихъ державъ. Нѣсколько дней спустя вся Германія узнала о дѣльномъ новогоднемъ подаркѣ. По сообщенію официальнаго органа германскаго правительства, между Германіей и Китаемъ состоялось соглашеніе, по которому Германія „подобно другимъ

Съ форта Хуань-Цзинь-шань представляется возможнымъ обозрѣть сразу весь Портъ-Артуръ. При этомъ бросается въ глаза мелкое прѣсноводное озеро къ востоку отъ бассейна, отдѣленное отъ него сравнительно узкимъ перешейкомъ. Это озеро какъ бы предназначено служить продолженіемъ бассейна, который въ такомъ случаѣ сдѣлался бы громаднымъ, вполнѣ защищенною со всѣхъ сторонъ гаванью и могъ бы вмѣщать большой военной флотъ. Озеро это очень мелко и почти совсѣмъ пересыхаетъ; воды въ немъ не болѣе 2—3 вершковъ, такъ что свободно можно видѣть дно. Съ высоты форта виденъ также вполнѣ и такъ-называемый Западный Портъ, находящійсяhalbъ отъ внутреннего рейда. Онъ отдѣляется отъ послѣдняго узкою косогою, за которую имѣется проходъ около 180 саж. ширины. Западный Портъ имѣетъ въ длину до 1½ миль и въ ширину около 800 саж., но онъ слишкомъ мелокъ для большихъ судовъ, и имъ пользовались лишь миноносцы. Вдоль его тянется довольно глубокая полоса, очевидно, слѣды начатыхъ работъ по углубленію этого залива; промѣръ западнаго порта показалъ среднюю глубину до 1 сажени. Дальнѣйшее углубленіе Западнаго Порта представляется дѣломъ вполнѣ возможнымъ, и онъ могъ бы служить затѣмъ первоклассною коммерческою гаванью.

державамъ, обладающимъ въ китайскимъ водахъ точкой опоры для торговли и судоходства, — предоставляется возможность осуществить свое законное желаніе“: Китай уступаетъ Германіи въ долгосрочную аренду бухту Кіао-Шау съ находящимися въ ней островами; всѣ коронныя права въ уступаемой области переносятся китайскимъ правительствомъ на Германію; если бы уступаемая область оказалась непригодной для цѣлей германскаго правительства, Китай обязуется предоставить Германіи болѣе удобную прибрежную мѣстность, уплативъ германскому правительству всѣ расходы по возведенію построекъ и другихъ приспособленій въ области бухты Кіао-Шау. Такая „мириал“ развязка германско-китайскаго столкновенія естественно должна была вызвать общую радость въ Берлинѣ, гдѣ достигнутые результаты признаются „необходимою дипломатіей“.

Въ Англіи начало года ознаменовалось воинственнымъ настроеніемъ печати, принявшей обсуждать положеніе дѣлъ на дальнемъ Востоцѣ. Появленіе нѣсколькихъ англійскихъ брошюръ о корейской гавани Чемульпо сопровождалось заявленіемъ о необходимости энергичной политикѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ возникли проекты новаго китайскаго займа въ Англіи съ цѣлью водворить во владѣніяхъ богдыхана полное господство британскихъ финансовыхъ интересовъ, и, наконецъ, раздался настоячивыя требованія о восстановленіи равновѣсія на дальнемъ Востоцѣ путемъ уступки какой-либо части китайскаго побережья. Въ виду, однако, соглашенія между Россіей, Франціей и Германіей, установившагося на дальнемъ Востоцѣ еще при пересмотрѣ японско-китайскаго мирнаго договора, стремленія англичанъ, надо полагать, будутъ урѣзаны въ значительной степени общими усиліями заинтересованныхъ державъ.

Въ Италіи, отвѣчая на поздравительную рѣчь президента сената, король указалъ на „благопріятныя и мирныя предзнаменованія“ наступившаго года, выразивъ надежду, что новый годъ ознаменуется великими благами для итальянскаго народа.

Наступленіе новаго года въ Австро-Венгрии сказалось какъ бы нѣкоторымъ временнымъ затихнемъ во внутреннихъ раздорахъ. По свѣдѣніямъ изъ Праги отъ 10-го января н. с. при открытіи богемскаго сейма приняты были мѣры предосторожности, хотя въ тотъ же день отмѣнено осадное положеніе. Но, повидимому, уже началась усиленная подготовительная работа къ энергичной борьбѣ по вопросу о равноправности австрійскихъ національностей.

Разныя извѣстія.

— Военный министр, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантерій Ванновскій, согласно прошенію его, по разстроенному здоровью, Всемилостивѣе уволенъ отъ настоящей должности, съ назначеніемъ шефомъ 131-го пѣхотнаго тиранпольскаго генераль-адъютанта Ванновскаго полка и членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта и по генеральному штабу.

— Начальникъ Закаспійской области и командующій въ ней войсками, генераль-лейтенантъ Куропаткинъ назначенъ управляющимъ военнымъ министерствомъ, съ оставленіемъ по генеральному штабу.

— Генераль-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта, начальникъ главнаго штаба, генераль-отъ-инфантерій Обручевъ Всемилостивѣе уволенъ, согласно прошенію, отъ должности начальника штаба, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта

и въ званіи генераль-адъютанта.

— Начальникъ канцеляріи военнаго министерства, генераль-лейтенантъ Лобко назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта съ оставленіемъ въ настоящей должности и по генеральному штабу.

— Командующій войсками кievскаго военнаго округа, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантерій Драгомировъ назначенъ кievскимъ, подольскимъ и вольскимъ генераль-губернаторомъ, съ оставленіемъ въ настоящей должности, въ званіи генераль-адъютанта и по генеральному штабу.

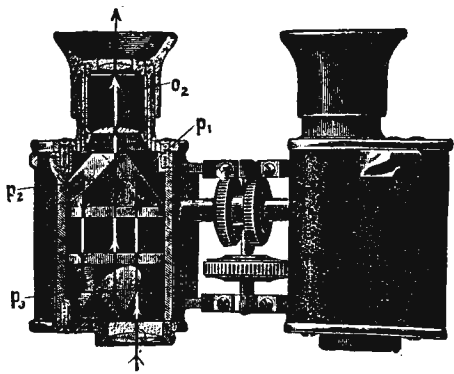
— Товарищу министра народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику Аничкову—Всемилостивѣе повелѣно быть временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

— Одесскій градоначальникъ, генераль-лейтенантъ по адмиралтейству Павелъ Зеленый—Всемилости-

вѣе назначенъ почетнымъ опекуномъ с.-петербургскаго присутствія опекумскаго совѣта учрежденій императрицы Маріи, съ оставленіемъ по морскому вѣдомству.

— Въ государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1898 г., всенеподвижнѣе представленной министромъ финансовъ Государю Императору, государственныя доходы и расходы (обыкновенныя и чрезвычайныя) исчислены въ суммѣ 1.474.049,923 р., причѣмъ обыкновенныя государственныя доходы превышаютъ обыкновенныя расходы на 14.373,004 р. По сравненію же съ росписью на 1897 годъ обыкновенныхъ доходовъ ожидается болѣе на 48.091.722 р., а обыкновенныхъ расходовъ предположено болѣе на 66.226.351 р. Въ общемъ мы видимъ, такимъ образомъ, что государственный бюджетъ нашъ уже достигъ почти полутора миллиарда рублей.

НОВЫЕ БИНОКЛИ ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЕ TRIËDER-BINOCLE

1/2 натур. велич.

Составленные и фабрикуемыя нами подъ названіемъ „Биноклей-Триëдеръ“ двойныя зрительныя трубки значительно превосходятъ въ оптическомъ отношеніи всѣ до сихъ поръ употребляемыя трубки галилейской конструкции (театральныя, полевые бинокли и пр.), увеличивая, при одинаковомъ съ ними полѣ зрѣнія, въ 8—10 разъ **силнѣе**, а при одинаковомъ увеличеніи захватывая въ 8—10 разъ **болѣе обширное поле зрѣнія**. Въ принципѣ „Бинокль-Триëдеръ“ представляетъ собою кеплеровскую трубу, съ тѣмъ лишь, что картина въ немъ воспроизводится посредствомъ системы призмъ. „Бинокль-Триëдеръ“ **незамѣнимъ въ театрѣ и въ дорогѣ**, а также для **военныхъ, моряковъ, охотниковъ, на скачкахъ и на гонкахъ**. На каждомъ биноклѣ имѣется наша фирма. Получать можно во всѣхъ лучшихъ оптическихъ магазинахъ по **фабричнымъ цѣнамъ**.

№ 10748 16 -2

Цѣна: увелич. въ 3 раза—63 руб.; въ 6 разъ—75 руб.; въ 9 разъ—88 руб.; въ 12 разъ—100 руб.

ПОДРОБНЫЯ ОПИСАНІЯ УСТРОЙСТВА И ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Оптическое заведеніе
New-York, 52, East Union Square.

C. P. GOERZ

Berlin-Schöneberg.
Haupt-Strasse, 140.
Paris. 22 Rue de l'Entrepôt.

ЖУРНАЛЬ ОБЩЕСТВА СЧЕТОВОДОВЪ

издается безъ предварительной цензуры
подъ редакціею Г. В. Езерскаго.

Цѣна за годъ 3 руб.

С.-Петербургъ, Садовая, 18.
Москва, Б. Тверская, 18.

ТРЕБУЙТЕ

3-1
бесплатно каталогъ, описаніе и образцы шрифтовъ новѣйш. клавиатуры, пишущихъ машинъ „БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ № 5“, премиров. высш. наградами и золот. медалями. Цѣна машины 100 р., прод. съ ручат. Э. КИЖИМАНЪ и К^о С.-Петербургъ, Гороховая, 17.

1865.
Москва.

1870.
С.-Петербургъ.

1882.
Москва.

1896.
Нижн.-Новгор.

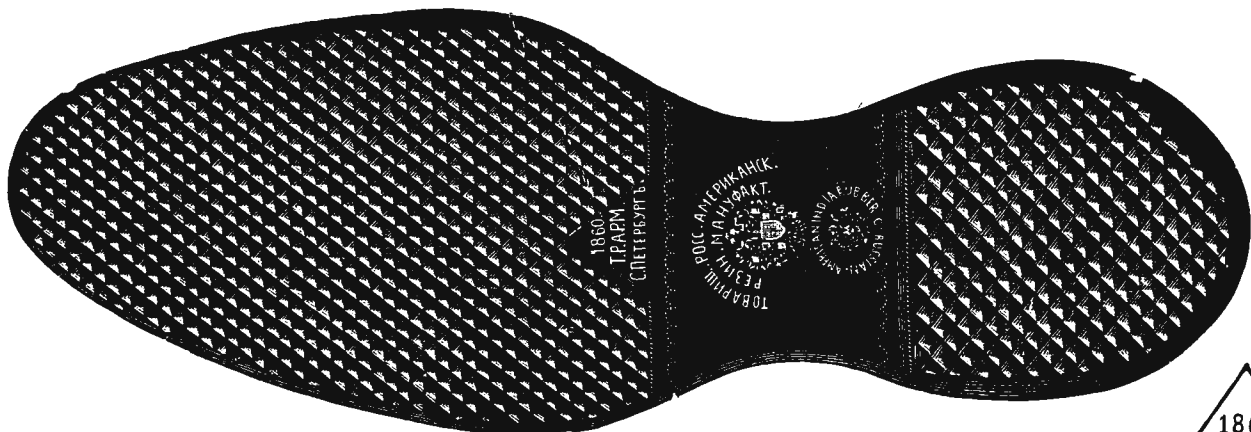
ТОВАРИЩЕСТВО

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

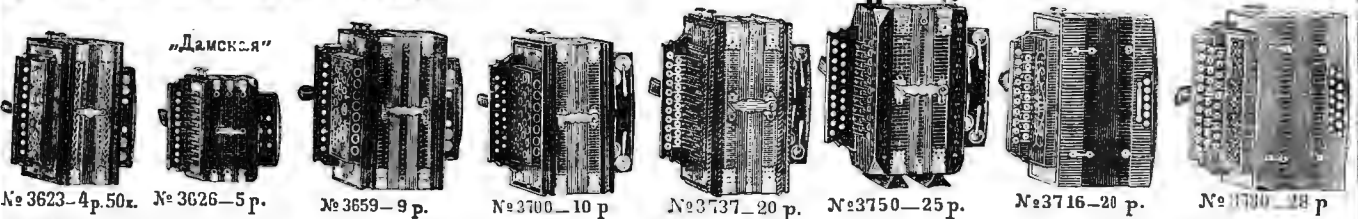

№ 10545 26 -1

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

ГАРМОНИИ ИЗВѢСТѢЙШЕЙ ФАБРИКИ Г. Ф. КАЛЬБЕ И ЛУЧШЕЙ ВѢНСКОЙ РАБОТЫ.

САМОУЧИТЕЛИ: для однорядной 1 р., для двух-рядной 1 р., для трех-рядной 75 к. Иллюстрированный прейс-курантъ бесплатно
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И ПОТЬ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, № 34 и 40. МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ПАМЯТЬ

лишь кажд. возр. укрѣпляетъ лично и злочно профессоръ мнемоники С. Файштейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и Баз. ул., собственный домъ, № 28. Условия и бром. (въ 32 стран.) высл. за одну 7-ми коп. марку.
№ 10431 20-18

ТРИГИГЕНА
ПРЯТНЫЙ ОСВѢЖАЮЩИЙ АРОМАТЪ ОБИЛНАЯ НѢЖНАЯ БАРХАТИСТАЯ ПѢНА.
ПРИ КАЖДОМЪ КУСКѢ 4 ВИДА ОБѢХЪ СТОЛИЦЪ.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
ГЛ. СКЛАДЪ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСК. 12. МОСКВА НИКОЛЬСКАЯ, Д. ШЕРЕМЕТЬЕВА. ВАРШАВА НОВЫЙ СВѢТЪ, 37.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА
В. № 10443
13-9
Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.
Фабрика
РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО
основанная въ 1811 году СІБ., Владимирская, № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы РОЯЛИ въ 1100, 900, 800, 700, 600 и 550 рублей. ПИАНИНО въ 550, 500 и 450 р. Прейс-куранты высылаются бесплатно.
Депю въ Москвѣ: Юл. Генр. Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарына; въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугама; въ Бану: Ф. И. Шрейберъ; въ Тифлисѣ: Б. М. Мирманянъ.

ГЛАВНЫЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Э. БУРХАРДЪ, Слб.
Невскій просп. № 6 противъ М. Морской. Гороховая ул. у Краснаго Моста № 17.
ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ ЛУЧШИХЪ ФАБРИКЪ ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.
Выслать наложен. платежѣмъ. Иллюстр. Прейс-Куранты бесплатно.
П. № 10835 7-1
Открыта подписка на ежемѣсячный журналъ
„ШАШКИ“
въ 1898 г. Журналъ этотъ посвященъ изложенію и анализу шахматной игры. Годовая цена журнала съ пересылкой 3 руб., за границу 5 р. Адресъ редакціи: Кіевъ, Библиотечскій бульваръ, № 12.

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО МОЛОДОСТИ
А. СІУИКЪ МОСКВА. 20 коп. кув.

Превосходн. качества. Ромъ Сенъ-Джемъ привоз.
товарищ.
„Нива“ въ Варшавѣ.

PARFUMERIE
BOUQUET du SACRE
GELLÉ FRÈRES, PARIS

Новия изданія Юрид. кн. магаз. Н. К. Мартынова, С.-Петербургъ, Невскій, 50:
ОБРАЗЦЫ И ФОРМЫ ДѢЛОВЫХЪ БУМАГЪ (письма, прошения, судопроизв. бумаги, коммерч. корреспонденція, договоры, обязательства, справ. свидѣнія). Сост. б. нотариусъ Н. Н. Мартыновъ, изданіе 2, переработ. и дополн. 1898. 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к., перес. 25 к.
СПРАВОЧНАЯ КНИГА ДЛЯ ОПЕКУНОВЪ И ПОПЕЧИТЕЛЕЙ (сборникъ законовъ и разъясн., съ образцами опекунск. отчетовъ и донесеній). Сост. онъ-же. Изд. 2, исправл. и дополнен. 1897. 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к., перес. 25 к.
Гор. ХАРЬКОВЪ
Утвержденная Министерств. Внутр. Дѣлъ
СПЕЦІАЛЬНАЯ ФОРТЕПИАННАЯ ШКОЛА
свободнаго художника **АЛЬБЕРТА БЕНШЪ**
(Сириницкая ул., собств. домъ).
Окончившіе полный курсъ получаютъ аттестатъ. Есть классы для начинающихъ. Печати. условия высылаются бесплатно.

EAU DENTIFRICE DU DOCTEUR PIERRE & PLACE DE L'OPERA PARIS
CÉLÈBRE PAR SES QUALITÉS en Vente partout

БУХГАЛТЕРІИ
обучаю по спец. мет., путемъ корр.-сп. Образ. къ В. В. Рауэру въ Либауѣ. — Проспекты бесплатно. —

7 разъ удостоены первыи премій.
СКРИПКИ, ВИОЛОНЧЕЛИ и пр. неподражаемая по тону и качеству. Старин. итальянскіе инструменты въ громадномъ выборѣ.
ЦИТРЫ, всемирно-извѣстныя по своему прекрасному тону и превосходн. работѣ. Въ другіе музыкальные инструм. Иллюстр. каталоги высылаются бесплатно.
Братья ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструмен. Крейзнахъ.

ДЕШЕВО, ПРАКТИЧНО И ПОЛЕЗНО.
НЕОБХОДИМО ДЛЯ КАЖДАГО.
Изящные и прочіе карманные мужскіе часы, открытыя, ремонтныя, т. е. заводъ безъ ключа, съ пыле-предохранительными стеклами, прочнымъ механизмомъ, массивно обтнугтые золотомъ, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, съ изящною цѣлочною изъ новаго американскаго золота
всего только за 5 руб.
Письменное ручательство на шесть лѣтъ.
Часы, тщательно провѣренныя, высылаются по полученіи 1 руб. задатка.
Адресъ: Торговой фирмѣ
Бр-въ ВАРКОВИЦКИХЪ,
Складъ женевскихъ и французскихъ часовъ въ Варшавѣ, Зельная, 41.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучивая въ 6 уроковъ отлично. Методъ удостоенъ золотой медалы и благодарности короля Эллиновъ. За двѣ 7 коп. марки высылаю условия и пробное писмо. Одесса, Соборная площадь, д. Павловой, кв. 40. Проф. кат. Э. Кондаришъ.

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ В. В. ЕЗЕРСКАГО.
С. Петербурга, Садовая № 18, уголъ Невскаго. | Москва, Тверская № 42, д. О. В. Езерскаго.
Статья сообщаются лично и высылаются почтою бесплатно.

ПОДПИСКУ на все русскіе и иностранныя **МОДНЫЕ ЖУРНАЛЫ** принимаетъ специальная контора модн. журнал.
Н. А. ПОЗИНА
Москва, Александровскій пассажъ № 39/40.

ЖИВА

№ 3.

XXIX г.

1898 г.

Содержание:

ТЕКСТЪ. Дзиз. Повѣсть П. А. Сергѣенко. (Продолженіе).—Разное горе. Наброски М. Шиндера.—Живая фотографія. Очеркъ В. А. Фейя.—У очага. (Изъ Лонгфелло.) Стих. Д. Л. Михаловскаго.—Къ рисункамъ: Нежданный врагъ.—Баловница. Картина А. І. Эльслей.—Борьба лебеда съ лисцей.—Накази на аванпостяхъ.—Пріѣздъ Петра въ Троице-Сергіеву обитель, 8 августа 1689 г.—А. Н. Куропаткинъ.—М. И. Драгомировъ.—М. А. Славина.—Биографія.—Политическое обозрѣніе.—Разныя шпестія.—Объявленія.

РИСУНКИ. Нежданный врагъ. Картина К. Дейнера.—Баловница. Картина А. І. Эльслей.—Борьба лебеда съ лисцей. Картина А. Маненпранга.—Накази на аванпостяхъ. Картина Рубо.—Пріѣздъ Петра въ Троице-Сергіеву обитель, 8 августа 1689 г. Ориг. рисунокъ К. В. Лебедева.—А. Н. Куропаткинъ.—М. И. Драгомировъ.—М. А. Славина.

При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемесячныхъ литературныхъ приложений“ за январь.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна годового изданія „Нивы“ со всѣми приложениями на 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ полное собраніе сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ 5 р. 50 К. Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, 6 р. 25 К. Съ доставкой въ Петербургъ 6 р. 50 К. Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи 7 р. За грав. и пр. 10 р.

СКРИПКИ
лучшаго качества:

въ 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р.

и дороже.
Смычки для нихъ въ 50 к., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.

Футляры для скрипки въ 3 1/2, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.

СВѢЖІЯ СТРУНЫ и другія принадлеж-ности.

Школа Багаца въ 1 р., 2 1/2 и 3 р.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ.
Складъ нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, 34 и 40.
Восхва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

ВЫГРЫШ.
НБЕ 1, 2 и 3 ваимъ продаетъ **БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,**
59, Невскій, СПб. 5-1

50% ЭКОНОМІИ
кто желаетъ имѣть по оптовой цѣнѣ шв. машины системы Зингеръ, отправку во всёъ городъ съ провоз. ж. д. Иллюстр. прейсъ-кур. высыл. безпл. изъ центр. склада Симанонъ. Москва, 1 Мѣдвнскій, д. 63. Фирм. суд. съ 1887 г.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
Справочная книжка по географіи В. Попровской.
I ч. Алфавитный словарь географическихъ названій.
II ч. Географическо-статистическія таблицы, характеризующія подробно и наглядно жизнь каждаго государства. 204 стр. Цѣна 1 руб. Полезна при чтеніи газетъ, повтореніи курсовъ и пр. Складъ въ маг. Нового Времени, СПб., Невскій, 38.

Прирейнское техническое училище въ Бингенѣ.
Машиностроеніе и электротехника.
Программы выслаются безплатно.

С. М. ЭЛІАШЕВЪ, Москва, Софійка, ЛУБЯНСКІЙ ПАССАЖЪ № 60-61.

ИМПЛЕВЪ ВСѢ ПРАЧЪ
Иллюстр. прейсъ-кирантъ высыл. по требов. ВЕЛИЧАЙШІЙ ВЫБОРЪ: КРОВАТЕЙ съ изящной живописью, англійскихъ золоченныхъ, никелированныхъ и обыкновенныхъ. МАТРАЦОВЪ пружинныхъ, проволоочныхъ, волосныхъ и друг.; КРЕСЕЛЪ для больныхъ. ВАННЪ, ДУШЪ и ШКАФОВЪ купальныхъ. УМЫВАЛЬНИКОВЪ мраморныхъ и металлическихъ. ДѢТСКИХЪ КОЛЯСОКЪ и ВЕЛОСИПЕДОВЪ. ЛЕДНИКОВЪ комнатн. и друг. хозяйствен. вещей.
Единственный фабричный складъ издѣлій Варшавск. фабр. Бр. Фрумкинскихъ.

CREME SIMON
(КРЕМЪ СИМОНЪ)

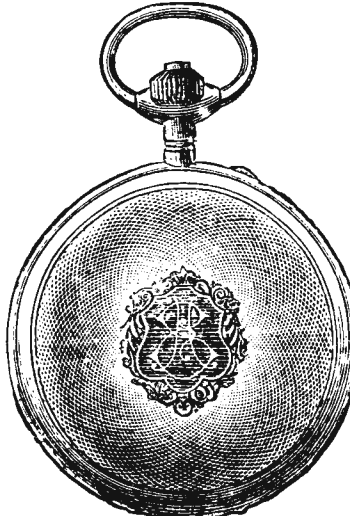
Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служить для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольдъ крема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствія.

J. Simon, 13, Rue Grange Batelière, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.
Ц. № 10527 16-9

ОБЪЯВЛЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни В. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

УГОЛЬНЫЙ ЗАВОДЪ
рекомендуетъ казеннымъ складамъ и водочно-заводчикамъ для очистки спирта и водонъ березовый **УГОЛЬ** разныхъ сортовъ химически заготовленный.
За достоинство на Московской Россійской выставкѣ 1895 года награжденъ медалью; на Подгавской 1893 г. и Смоленской 1889 г. выставкахъ — похвальными отзывами.
Отправки производятся во всёъ мѣста Россіи. Съ заказами обращаться на станцію Починки, Смоленской губерніи, Д. Н. Демядову.

Въагодаря большому сбыту и новому усовершенств. способу изготовленія часовъ моего производства, я имѣю возможность продавать съ 1 июля мин. г. самыя элегантныя и прочныя **МУЖСКІЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличаеми, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструкціи (удостоенъ: серебр. медалью на женевокой выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, вмѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящие золотыя, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе. Такіе же **ДАМОНІЕ** дороже на 1 рубль.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ.

Высылаю вполне выѣренныя часы по полученіи задатка 2 р., остальное же наложенномъ платежемъ. **АДРЕСЪ:**

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ

Складъ женевокихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.
♦ Множество благодарств. писемъ и отзывовъ. ♦
Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземп. снабженъ пломбою фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. Ц. № 10857 5-1

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Вс. С. Соловьева. Романъ-хроника XVIII в. Время паденія Бироны и водаренія Елисаветы. Изд. 3-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ роскош. кожан. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Большое депо часовъ НЕВСКІЙ ПР. № 32.

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.
ДОМЪ КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКВИ ПРОТИВЪ ДУМЫ С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейсъ-Кур. Высыл. безпл.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ!
Русскій виноградный коньякъ

ИМПЕРІАЛЬ
съ глобусомъ. 5-1

ВОЗВРАТЯСЯ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ,
обучаю заочно кроить и шитья по возвышей французской методѣ «ВОРТА».

Плата впередъ не взимается. По окончаніи установленныя свидѣтельство. Условія высылаются безплатно.
Нѣва, Фундукеевская № 27.
Е. Д. Ашмакина.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 года удостоенъ высшаго отличія Государственнаго Герба

Г. ВЕЙСЪ

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 56.

Мужская, дамская и дѣтская ОБУВЬ

В. № 10854 4-1

изъ наилучшаго материала, новѣйшаго фасона, удобно сидящая, всегда въ большомъ выборѣ.

Заказы исполняются скоро и аккуратно.

■ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО. ■

Можно получить: въ Одессѣ у З. Безиковича и М. И. Кукуркинина; въ Ростовѣ н/Д у П. И. Ильина; въ Харьковѣ у И. Прикѣ и С. Я. Токарева; въ Кіевѣ у Насл. А. И. Шабардина и П. А. Гемолани; въ Саратовѣ у О. С. Бржезинскаго; въ Ялтѣ у М. И. Кушлю; въ Екатеринославѣ у В. Г. Заморуева; въ Елизаветградѣ у М. Х. Ципина; въ Ч р и г о в ѣ у Ж. Брукъ.

ТРЕБУЮТЪ 3-2
бесплатно каталогъ, описаніе и образцы шрифтовъ новѣйш. клавиатуры, пишущихъ машинъ „БЛИНЕНСДЕРФЕРЪ № 5“, преміров. высш. наградами и золот. медалями. Цѣна машинъ 100 р., прод. съ ручат. С.-Петербургъ, Гороховая, 17.

ЮГАННИСБЕРГСКІЯ КАБИНЕТНЫЯ ВИНА 10 6

мѣстнаго разлива съ оригинальнымъ этикетомъ, печатью и клеймомъ на пробкѣ отъ 4 1/2 до 40 марокъ за бутылку доставляеть по утвержденному книжеской Центральной администраціей прейсъ-куранту (всылаемому по требованію) Das Fürstl. von Metternich-sche Domäne-Inspectorat, Johannisberg a/Rh.

„Гуниади Яносъ“ представляеть собою продуктъ природы, **СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ** котораго извѣстно. Для норм. пріема достаточно 1 1/2 обмык. стакана.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
ИСТОЧНИКА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

Просимъ обращать вниманіе на нашу предохранитель. марку портретъ, котора я неизмѣнно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей нашей воды.

Владѣльцы: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
№ 10415 **ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ** 12 7
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

1898 г. Пятый годъ изданія. 1898 г.

„БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!“

популярный ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ журналъ д-ра Зарубина
ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.
С.-Петербургъ, Вассейная, 35.

Журналъ «Будьте Здоровы!» въ общедоступныхъ статьяхъ даетъ каждому все, что нужно знать для сохраненія и укрѣпленія здоровья и для предупрежденія и лѣченія болѣзней домашними средствами.

Гигіена жилища, одежды и пищи. — Гигіена работы, отдыха и развлечения. — Гигіена цѣломудрія и красоты, брака и новобрачныхъ. — Половая гигиена. — Гигіена нервныхъ людей. — Гигіена женщинъ и дѣтей. — Гигіена современнаго интеллигентнаго человека вообще и отдѣльных профессій: чиновника, военнаго, учителя и пр. — Уходъ за кожей, волосами, глазами, зубами и т. д. — Гигіена слабогрудыхъ и малокровныхъ. — Гигіена старости, тучности и худобы, сна и ночи. — Гигіена характера, чувствъ, умственнаго труда. — Здоровье тѣла и крѣпость духа, — равновѣсіе умственнаго и физическаго силъ.

Популярная домашняя медицина. — Какъ сохранить здоровье, какъ предупредить болѣзни, какъ избѣгать всего вреднаго для организма, какъ обходиться домашними средствами, какъ лѣчиться безъ помощи врача, какъ облегчать припадки и утолнять бодр. — Какъ лѣчить хроническія болѣзни, тянущіяся годами. — Популярное описаніе и лѣченіе болѣзней. — Чихотка, ревматизмъ, геморрой, мигрень, катарры желудка и кишочекъ, болѣзни сердца, легкихъ и пр. — Дизинфекція, фальсификація, домашняя косметика, домашняя аптека и приготовленіе лѣкарствъ, нервныхъ и половыхъ и лишества, сердечная и половая нейрастенія, ованизмъ, половое безсудіе и пр., и пр., и пр.

◆ **СОВѢТЫ И ОТВѢТЫ О СОХРАНЕНІИ ЗДОРОВЬЯ И ЛѢЧЕНІИ БОЛѢЗНЕЙ БЕЗПЛАТНО.**

КАКАО

Ванъ-Гоутена

представляетъ собою пріятный, здоровый и недорогой напитокъ.

Разлюбить его невозможно.

Какао Ванъ-Гоутена — напитокъ, въ одно и то же время и очень легкій, и питательный, благодаря счастливому содержанію въ немъ какъ бѣлковыхъ, такъ и жировыхъ веществъ. Вообще это очень крѣпкій шоколадъ, приготовляемый самымъ безупречнымъ способомъ.

В. № 10273 2-2

Не опаздывайте подпиской на московскій юмористическій журналъ

Будильникъ.

Въ журналѣ еженедѣльно всѣ „злобы дня“ политики, столицъ и провинціи. Въ теченіи года — **ГАЛЛЕЯ ПОРТРЕТОВЪ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ ГОРОДСКИХЪ ГОЛОВЪ.** Иллюстрированные юмористическіе рассказы. На 1898 г. выдается годовымъ подписчикамъ **ПРЕМІЯ:** № 10705 5-1

„**СВАДЬБА КРЕЧИНСКАГО**“, комедія съ девятью фототипіями. На годъ съ преміей — 10 р.; безъ преміи — 9 р. Въ Москвѣ дешевле на 1 р. Скупымъ — разсрочка: 5 р. при подпискѣ и 5 р. — 1 июня 1898 г.

Подписку адресовать:
Москва, редакція „БУДИЛЬНИКА“.

XXIX г.

№ 3

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIX

1898

Выданъ 17 января 1898 г.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выроекъ.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна годового изданія „Нивы“ со всеми приложеніями на 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содерж. полное собраніе сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставкѣ въ Петербургѣ.	5 р. 50 к.	Безъ доставкѣ въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р. 25 к.	Съ доставкою въ Петербургѣ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра. ницу.	10 р.
------------------------------	-------------------	--	-------------------	-----------------------------	-------------------	---	-------------	---------------	--------------

При этомъ № прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложеній» за январь 1898 г.

Нежданный врагъ. Съ карт. К. Дейкера, грав. Клозь.

Дэзи.

Повѣсть

П. А. Сергѣенко.

(Продолженіе.)

Къ katerу подходилъ дородный старикъ, похожій издали на крупнаго медвѣдя, схватившаго въ охапку кучу пакетовъ и кулѣковъ. Тяжело дыша и грузно ступая по сходящѣ, онъ поспѣшно шагнулъ въ katerъ, причемъ сходя заскрипѣла, а katerъ качнулся. Широкое, полнокровное лицо старика съ коротко подстриженной бѣлой бороδοю и крупнымъ мясистымъ носомъ было покрыто потомъ, какъ росою. Онъ видимо усталъ отъ быстрого хода и изнемогалъ отъ жары. Капитанъ что-то шепнулъ клѣтчатуму господину, и тотъ предложилъ старику свое мѣсто. Старикъ поблагодарилъ, но не сразу воспользовался этой любовью, замѣтивъ, что клѣтчатый пассажиръ сталъ на припекъ, и только послѣ заявленія капитана, что вѣсь будутъ устроены мѣста, онъ съ благодарностью сѣлъ, вытирая платкомъ свой широкий лобъ и толстую шею. Молодая дѣвушка раскрыла желтую книжку и начала ею обвѣвать лицо старика. Наконецъ, онъ отдышался и съ видимымъ удовольствіемъ закурилъ сигару, предварительно обернувъ кончикъ ея въ папиросную бумагу. И лицо старика показалось знакомымъ Герливанову. Но онъ никакъ не могъ припомнить, гдѣ онъ видѣлъ его.

Раздался послѣдній свистокъ, и katerъ, перерѣзывая наискось бухту, направился къ выходу въ море.

Герливановъ отдался впечатлѣніемъ новаго для него зрѣлища. Море мѣняло свой цвѣтъ и все ширилось; — казалось, ему конца не было. Легкій вѣтерокъ, приятно освѣжавшій лицо у пристани, началъ крѣпнуть и съ силою набѣгать на katerъ, заворачивая на своемъ бѣгу верхніе слои воды, какъ шерсть на мѣху. Онъ дулъ прямо съ горъ, рѣзко и порывисто, точно сердился отчего-то. Это и былъ хваленый Нордостъ, но только не *дядь*, а *внучъ*. Иногда, подъ его напоромъ, „Витязь“ невольно поворачивался носомъ въ открытое море и, накрениваясь, шелъ бочкомъ. Фелюга, типущаяся за нимъ, выхлила и зарывалась въ воду, какъ утка. Капитанъ Хованько пересталъ разговаривать съ пассажирами и сердито поглядывалъ, направляя katerъ подалше отъ береговъ.

И какъ только katerъ отходилъ на значительное разстояніе отъ береговъ, сила вѣтра значительно ослабѣвала. Герливановъ, насытившись зрѣлищемъ моря, началъ прислушиваться къ бесѣдѣ сѣдого старика съ его дочерью.

Они сидѣли рядомъ и дружески разговаривали.

Добрый отношенія между ними чувствовались сразу. Когда дѣвушка говорила, старикъ внимательно слушалъ ее и кивалъ головою, въ знакъ согласія. Во время разговора дѣвушка оживлялась и обнаруживала горячій темпераментъ, смягченный работою мысли.

По содержанию бесѣды и по нѣкоторымъ выраженіямъ Герливановъ сейчасъ же замѣтилъ, что дѣвушка очень начитана и интересуется серьезными вещами, причемъ легко излагаетъ свои мысли и произноситъ нѣкоторыя слова съ благозвучной неправильностью сѣверянки: „логка“ вмѣсто: „лодка“, „грусно“ вмѣсто: „грустно“ и т. п. Въ разговорѣ она подносила къ глазамъ бинокль, висѣвшій у ней на ремнѣ, и, не прерывая разговора съ отцомъ, разсматривала своеобразные берега.

Они ѣхали мимо цѣпи горъ, имѣвшихъ видъ пирамидъ, въ безпорядкѣ припертыхъ одна къ другой. Коегдѣ горы отступали отъ моря и были до верхушекъ покрыты лѣсомъ, порывѣвшимъ отъ пожаровъ. Въ другихъ же мѣстахъ горы, напротивъ, какъ бы лѣзли въ море и нависали обрывами надъ водою. Нѣкоторыя скалы невольно привлекали вниманіе своей гладкой

поверхностью съ причудливыми прослойками, напоминавшими египетскіе рисунки.

Взглянувъ на одну изъ горъ, дѣвушка, которую называли Дэзи *), положила руку на плечо старика и сказала:

— Папа, посмотри на верхушку горы: тамъ есть *долмень*.

Старикъ взялъ пухлыми руками бинокль, съ живостью навелъ его на гору и, не отрывая, заявилъ:

— Дэзи, я ничего не вижу кромѣ кучи камней.

— Это и есть „долмень“, или, какъ здѣсь называютъ: „богатырская хатка“. Но только она почти совершенно разрушена при постройкѣ шоссе.

— Зачѣмъ же ее разрушили?

— Да просто изъ любви къ геростратовскому искусству. Иногда, впрочемъ, разрушали здѣсь рѣдкіе памятники и по распоряженію начальства — съ практической цѣлью: для постройки домовъ, шоссе и церквей. Въ одной деревнѣ вся церковь сдѣлана изъ древнихъ „долменовъ“.

И Дэзи начала подробно рассказывать отцу о кавказскихъ „долменахъ“, которыхъ не уничтожали здѣсь только по лѣни, хотя они и представляютъ большой научный интересъ, особенно круглые „долмены“, выдолбленные изъ одного колоссальнаго камня и почти совершенно уничтоженные на черноморскомъ побережьи.

— Дэзи, откуда ты все это знаешь? — спросилъ старикъ, поворачиваясь къ дѣвущкѣ и смотря на нее глазами, свѣтившимися отеческой нѣжностью.

— А меня вчера просвѣтилъ на этотъ счетъ нашъ пароходный сиутникъ, похожій на Робинзона, — сказала она. — Онъ превосходно знаетъ Кавказъ и обѣщала меня познакомить здѣсь со многими интересными вещами.

— Помогай вамъ Богъ! — проговорилъ ласково старикъ и попросилъ добывать для него свѣдѣнія о безземельныхъ кавказскихъ поселенцахъ.

— А легенды кавказскихъ не хочешь? — спросила дѣвушка.

— Очень хочу, Дэзи! — отвѣтилъ живо старикъ.

Дэзи рассказала ему нѣсколько легендъ о „богатырскихъ хаткахъ“, которыя состоятъ изъ 6 огромныхъ каменныхъ плитъ съ небольшимъ круглымъ отверстіемъ въ одной плитѣ. Одна легенда объясняла существованіе этихъ необыкновенныхъ каменныхъ ящиковъ тѣмъ, что когда-то на Кавказѣ владычествовали надъ вѣсьмъ змѣи, которыя и жили въ этихъ неприступныхъ для змѣрей ящикахъ. Другая легенда говорила о великанахъ, населявшихъ когда-то Кавказъ. Они поднимали одной рукой громадные крышки ящиковъ и отдыхали въ нихъ. Круглое же отверстіе служило для притока воздуха. Въ третьей, самой интересной, легендѣ говорилось о царствѣ карликовъ, которые силою ума подчинили великановъ и заставили ихъ сооружать для себя эти циклопическія постройки. При этомъ легенда подчеркивала, что громадныя плиты приносились великанами изъ далекихъ странъ, потому что на Кавказѣ нѣтъ камней такой породы.

Обо всемъ этомъ Дэзи рассказывала отцу обстоятельно и серьезно.

Герливановъ съ интересомъ слушалъ ее и думалъ, — кто же она такая? Въ крупныхъ чертахъ старика съ характернымъ широкимъ лбомъ и густыми бѣлыми волосами, было что-то знакомое ему и даже связанное для него съ чѣмъ-то хорошимъ. Ему хотѣлось погово-

*) Daisy — маргаритка.

рить со старикомъ и съ дѣвушкой. Въ ней было что-то особенное, привлекавшее къ ней вниманіе. Но онъ былъ очень самолюбивъ и всегда боялся въ подобныхъ случаяхъ показаться навязчивымъ.

Случай помочь ему.

По мѣрѣ удавленія отъ Новороссійска маленькая женщина съ чадрой дѣлалась все блѣднѣе. Она страдала отъ качки и, наконецъ, стиснувъ губы, припала головой къ борту. Ребенокъ ея проснулся и началъ плакать. Турокъ, котораго называли Османомъ, пробовалъ успокоить его и брать на руки, но дѣлалъ это такъ неловко, что ребенокъ кричалъ пуще того.

Герливановъ старался не смотрѣть на маленькую женщину, боясь, что и его начнутъ укачивать. Старикъ и дѣвушка обратили вниманіе на турчанку, и когда та въ безсиліи склонила голову, Дэзи рѣшительно встала, вынула изъ сакъ-воляка какой-то флаконъ и, подойдя къ больной, увѣренными движеніями начала растирать ей виски и лобъ. Женщинѣ сдѣлалось легче, и она благодарными глазами смотрѣла на дѣвушку, бормоча что-то по-турецки. Османъ дотронулся загорѣлой рукой до плеча дѣвушки и сказалъ:

— Мой жена, Хасига, благодарить тебя, хорошъ баришня!..

Дѣвушка улыбнулась.

— А ты вотъ не хорошъ! Нельзя такую большую возить моремъ. Надо на лошадяхъ.

— Лошадь дорого, хорошъ баришня! Деньги нѣтъ, — отвѣтилъ кротко Османъ.

Дэзи подошла къ турку и завела съ нимъ бесѣду. Черезъ нѣкоторое время и старикъ заинтересовался ихъ бесѣдой. Герливановъ сидѣлъ возлѣ Османа, и постепенно между ними возникъ общій разговоръ. Изъ словъ чопорной дамы, обращавшейся къ Дэзи преимущественно по-англійски, Герливановъ узналъ, что они ѣдутъ на все лѣто въ *Леваду*, выбравъ это мѣсто, какъ наиболѣе уединенное и удобное изъ всѣхъ морскихъ купаній.

Герливановъ продолжалъ приглядываться къ Дэзи, хотя ему и не нравился такой типъ. Она не подходила подъ его идеалъ женщины, потому что держала себя слишкомъ независимо, интересовалась слишкомъ сухими вещами. Дѣвушка прежде всего должна быть дѣвушкой, должна желать нравиться. Этого же стремленія—„производить впечатлѣніе“ и нравиться—Герливановъ и не замѣчалъ въ Дэзи. Когда она говорила съ отцомъ и, особенно, когда улыбалась, въ ея лицѣ было много привлекательности. Но когда она молчала, отъ нея вѣяло неприступностью Аэины-Паллады. Паллада же привлекательна, только когда она мраморная.

Катеръ загудѣлъ и началъ забирать влѣво—въ Левадскую бухту, раскинувшуюся въ видѣ подковы. На правой сторонѣ показались черепичныя крыши мало-россійской деревни *Левады*.

Когда катеръ подошелъ къ небольшой пристанкѣ, Османъ протянулъ руку Дэзи и сказалъ пріяельскимъ тономъ:

— Хорошъ баришня, захочешь икра-кефаль, захочешь въ море гулять,—позови Османа—все будетъ!

Дэзи поблагодарила его и дружески пожала ему руку.

На пристани стояла толпа деревенскаго люда. Былъ праздникъ. Слышались малороссійскій говоръ и шутки парней въ вышитыхъ сорочкахъ. На дѣвушкахъ были яркія юбки, сверкавшія монисты и разноцвѣтныя ленты, вилетенныя въ толстыя косы. Все это, залитое ослѣпительнымъ солнечнымъ свѣтомъ, эффектно вырисовывалось на зеленомъ фонѣ горъ и красиво отражалось въ водѣ.

Когда Дэзи выходила изъ катера, Герливановъ хотѣлъ помочь ей. Но она рѣшительно отстранилась. На прощанье онъ снялъ шляпу и почтительно поклонился

своимъ спутницамъ. Онѣ учтиво отвѣтили на его поклонъ, но рукъ ему не протянули.

Онъ вышелъ на берегъ, не зная, что ему дѣлать и куда идти.

Возлѣ небольшого „духана“, стоявшаго почти у пристани, толпилась кучка народа, и откуда-то несло запахомъ жареной рыбы. Герливанову захотѣлось ѣсть, и онъ обратился къ одному сѣденькому старичку за помощью. Тотъ съ сосредоточеннымъ видомъ отвелъ его на дорогу и, придерживая за локоть, указалъ тонкой палкой на красивый домикъ съ мезониномъ:

— Вонъ тамъ видишь, добрый человекъ, панскую хатыну. Тамъ живетъ нѣмецъ, Мозеръ. Ну, вотъ... У него—чего хочешь, того просишь.

Герливановъ прошелъ по заросшему травой переулку и очутился передъ зеленымъ палисадникомъ съ запертой калиткой. Нигдѣ не виднѣлось ни души. Онъ постучалъ въ калитку. Черезъ минуту скрипнула дверь, и на балконѣ показался высокій жилистый старикъ съ строгимъ лицомъ, въ кожаномъ передникѣ, съ засученными рукавами. Онъ съ нѣмецкимъ акцентомъ строго спросилъ:

— Что ви желаете?

Герливановъ сказалъ. Мозеръ пытливо посмотрѣлъ на него, нагнувъ на-бокъ голову:

— А комнату вамъ не нужно?

Герливановъ сказалъ, что пока не нужно. Мозеръ отперъ калитку и ввелъ Герливанова въ большую свѣтлую комнату съ широкимъ столомъ, покрытымъ коричневой клеенкой: въ комнатѣ пахло медомъ и жженымъ кофе. Мозеръ властно крикнулъ:

— Домна Петровна!

Изъ сосѣдней комнаты поспѣшно прибѣжала круглолицая женщина съ типическимъ малорусскимъ лицомъ, покрытымъ мелкими излучинами.

— Домна Петровна, они желаютъ получить обѣдъ,—сказалъ Мозеръ дѣловымъ тономъ.

— Можно, папочка, можно! Садитесь же, пожалуйста! Будьте гостемъ! Должно-быть съ катера? Милости просимъ,—радушно щебетала Домна Петровна и засуетилась около стола, чтобы поскорѣе все приготовить для Герливанова.

Онъ присмотрѣлся къ Мозерамъ и началъ разспрашивать ихъ о *Левадѣ* и о чехѣ Новачкѣ. Мозеръ дѣлалъ знаки Домнѣ Петровнѣ, чтобы она занималась своимъ дѣломъ, и отвѣчалъ кратко и осторожно. Но Домна Петровна не выдерживала и поминутно вмѣшивалась въ разговоръ. Изъ ихъ словъ Герливановъ узналъ, что Новачекъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ уѣхалъ на родину, передавъ довѣренную ему усадьбу съ двумя „планами“ подъ присмотръ чеха Гудаша, который управляетъ имѣніемъ купца Лудова и уѣхалъ на нѣсколько дней въ Екатеринодаръ.

Когда Герливановъ сообщилъ Мозеру, что является законнымъ претендентомъ на оставленную усадьбу и только не знаетъ, какъ приступить къ дѣлу,—то Мозеръ сдѣлался еще скупѣе на слова.

— А мы слышали, что Гудашъ хлопочетъ, чтобы эти планы утвердили за нимъ,—замѣтила Домна Петровна, съ явнымъ участіемъ къ судьбѣ Герливанова.

Мозеръ нахмурился и строго проговорилъ:

— Домна Петровна, это не твой бабій дѣло!

Герливановъ понялъ, что Мозеръ не желаетъ навлекать на себя нареканія со стороны Гудаша, и прекратилъ разспросы.

Домна Петровна накрыла чистой салфеткой уголь стола, гдѣ сидѣлъ Герливановъ, и принесла эмалированную суповую чашку съ горячими щами. Въ это время у палисадника послышались голоса. Герливановъ посмотрѣлъ въ окно и увидѣлъ своихъ спутницъ съ старикомъ. Мозеръ вышелъ, отперъ калитку, которуя онъ всегда держалъ за замкъ, и, поглядывая на при

Баловница. Съ карт. А. I. Эзслей, по фот. „Берлинского фотогр. общества“ грав. Дрездъ.

педшихъ такъ же пытливо, какъ и на Герливанова, — ввель ихъ въ комнату. Герливановъ всталъ и, поклонившись, назвалъ свою фамилію. Старикъ тоже назвалъ свою фамилію, и всѣ пожали руку Герливанову, видимо довольные этой встрѣчей. Герливановъ не вполне слышалъ фамилію старика и уловилъ только конецъ: *аницевъ...*

Дэзи вопросительно взглянула на него и спросила, не родственникъ ли онъ поэта и драматурга Герливанова. Герливановъ слегка наклонилъ голову и сказалъ, что самъ драматургъ къ ея услугамъ. Дэзи промолчала и только мелькомъ взглянула на модный воротникъ его рубашки съ розовыми узкими полосками. Вотъ, дескать, франтъ ты какой. Но чопорная дама очень заинтересовалась имъ.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ уже говорили, какъ давнишніе знакомые, и Герливановъ узналъ, что прїѣзжіе успѣли нѣсколько разочароваться въ *Левадъ*. Оказалось, что нанятая ими дача далеко не то, что они себѣ представляли, но печальнѣе всего то, что кухня для нихъ еще не устроена, и неизвѣстно, сколько времени придется ждать. Этотъ вопросъ, впрочемъ, больше сокрушала пожилую даму; старикъ же и Дэзи относились къ этому обстоятельству видимо очень спокойно и даже слегка подшучивали надъ дамой, которую Дэзи называла „тетей“, а старикъ — „Марьей Осиповной“.

Новые знакомые и ихъ взаимныя отношенія очень понравились Герливанову. Его привлекалъ мягкій, дружелюбный тонъ, съ которымъ они относились другъ къ другу; и онъ самъ повольно поддавался этому тону. Поправилось ему еще и то, что новые знакомые не подняли сейчасъ же разговора о его писательствѣ, что всегда его смущало среди незнакомыхъ людей.

Послѣ обѣда Герливановъ обратился съ просьбою къ Мозерамъ, указать ему усадьбу, о которой онъ разспрашивалъ ихъ. Мозерь нахмурился, затѣмъ отворилъ дверь въ коридоръ и крикнулъ:

— Харити, проводи господина къ „планамъ“ Гудаша!

Въ комнату вошла босоногая дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати, похожая на мальчика, съ узкимъ лбомъ и низко остриженными волосами. Въ ея лицѣ и фигурѣ было что-то недоразвитое и незаконченное. Ее очень заинтересовала шляпа Герливанова, и она все время смотрѣла на нее.

Когда они вышли, Герливановъ началъ разспрашивать дѣвочку о *Левадѣ*, чтобы прїучить ее къ себѣ. Она съ любопытствомъ поглядывала на него и отвѣчала ему не сразу, а послѣ нѣкотораго раздумья и какъ бы съ усильемъ, хотя онъ спрашивалъ ее о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Но всѣ впечатлѣнія перерабатывались въ головѣ Харити очень медленно, и ей надо было хорошенько поработать мозгомъ, чтобы составить какую-нибудь мысль.

Перейдя небольшой ручей и поднявшись на гору, они пришли въ заросшіи бурьяномъ, глухой переулочекъ. Харитя указала рукой на небольшой домикъ и, загадочно взглянувъ на Герливанова, убѣжала домой.

Это былъ небольшой съ соломенной крышей домикъ изъ земляного кирпича, покосившіяся и заросшіи одичавшими вишнями. Небольшой дворъ былъ весь покрытъ высокимъ ренейникомъ.

Герливановъ съ трудомъ открылъ калитку на заржавленныхъ петляхъ и сквозь чащу добрался до крылечка съ прогнившими досками. Дверь была заперта и, видимо, давно не открывалась. Онъ обошелъ кругомъ дома. Все было въ запущеніи. Оконныя рамы почернѣли, стекла были выбиты. Онъ заглянулъ въ одно изъ оконъ: на него пахнуло унылой затхлостью нежилыхъ комнатъ. Герливановъ опять пробрался на полуразвалившееся крылечко и долго сидѣлъ въ тѣни, думая о своемъ отцѣ. Здѣсь было тихо, какъ въ погребѣ,

и ему начинала нравиться поэзія запущенности. Въ этомъ домѣ, — думалъ онъ: — нельзя жить, конечно. Но его можно поправить, привести въ порядокъ и устроить уютный уголокъ для лѣтнихъ пребываній. Почему только для лѣтнихъ? Здѣсь такъ хорошо и такъ тихо. Вотъ гдѣ можно и отдыхать, и работать настоящимъ образомъ. И зачѣмъ ему ѣхать въ Туансэ, когда у него можетъ быть свой уголокъ, гдѣ онъ не будетъ ни отъ кого зависѣть.

Герливановъ вспомнилъ симпатичное семейство, съ которымъ онъ познакомился, оглянулся кругомъ и рѣшилъ остаться въ *Левадѣ* до прїѣзда Гудаша. Воображеніе его уже построило дачу въ итальянскомъ стилѣ, и онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя пріятный запахъ молодой листвы, мечтая о полномъ уединеніи, гдѣ онъ создастъ, наконецъ, зрѣлое и законченное произведеніе.

Напряженный свистокъ катера нарушилъ тишину его уединенія. До отхода оставалось полчаса. Герливановъ поспѣшилъ къ Мозеру и заявилъ о своемъ желаніи нанять у него комнату. Мозерь показалъ нѣсколько свѣтлыхъ чуланчиковъ и назначилъ цѣну, на которую Герливановъ безпрекословно согласился. Своихъ новыхъ знакомыхъ онъ не засталъ уже. Они ушли на свою дачу.

Въ 5-мъ часу „Витязь“ отошелъ отъ левадской пристани. Обратный путь показался Герливанову гораздо продолжительнѣе. Онъ думалъ о своемъ отцѣ, о разрушенной усадьбѣ, о своеобразной дѣвушкѣ, съ которой онъ познакомился. — „Какъ странно она держитъ себя. Съ перваго взгляда можно подумать, что она страшная гордычка и недотрога. На самомъ же дѣлѣ у ней, кажется, доброе и отзывчивое сердце. И какое странное у нея имя: *Дэзи*! По оно звучитъ красиво, если дѣлать продолжительное удареніе на „э“, какъ это дѣлаетъ ея тетка“...

И, проѣзжая мимо скаль, на которыя Дэзи обращала вниманіе, онъ вспомнилъ звучный тембръ ея голоса, ея независимый видъ и характерную складку на лѣвой щекѣ, когда она поворачивала голову.

Въ Новороссійскѣ прїѣхалъ Герливановъ, когда совсемъ уже стемнѣло. „Витязи“ задержалъ въ морѣ сильный вѣтеръ, налетавшій съ такой неожиданностью, какъ будто въ ущельяхъ сидѣли спутники Одиссея и по временамъ развязывали Эоловъ мѣшокъ съ вѣтрами. Городская пыль, стоявшая въ воздухѣ, суета въ гостиницѣ и бѣготня лакеевъ по коридору съ дребезжащими на подносахъ стаканами — все это показалось Герливанову невыносимымъ послѣ сельской тишины *Левады* и ея молчаливой красивой бухты.

V.

На другой день, въ 9-мъ часу утра, Герливановъ былъ уже на „Витязѣ“. Капитанъ катера, Хованько, увидавъ его, почтительно обратился къ нему:

— Не будете ли вы настолько любезны, чтобы передать отъ начальника округа этотъ пакетъ прохвессору?

— Какому профессору?

— Прохвессору Казанцеву, съ которымъ вы вчера ѣхали.

Герливановъ тотчасъ согласился и взялъ пакетъ.

Такъ это профессоръ Казанцевъ! — подумалъ онъ съ волненіемъ. — Кто же не зачитывался его увлекательными монографіями объ европейскихъ мыслителяхъ? И кто не слышалъ о профессорѣ Казанцевѣ — этомъ выдающемся представителѣ русской мысли? Теперь онъ вспоминаетъ, что видѣлъ его портретъ на одной изъ художественныхъ выставокъ. Но кто же могъ бы угадать въ толстомъ увалнѣ съ одышкой — блестящаго профессора съ огненнымъ слономъ?

И Герливановъ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ подѣзжалъ къ *Левадѣ*, получившей на этотъ разъ особую для него привлекательность.

Профессоръ Казанцевъ читалъ исторію всеобщей литературы въ N—скомъ университетѣ, и его монографіи, дѣйствительно, считались образцами историко-критической литературы.

Мозеры встрѣтили Герливанова съ большимъ почтениемъ. Казанцевы сказали имъ, что онъ писатель, и это сразу расположило ихъ въ его пользу.

Они съ извиненіями заявили Герливанову, что такъ какъ онъ опредѣленно не указалъ, какую именно комнату желаетъ занять, то они приготовили для него помѣщеніе наверху, въ мезонинѣ, и просили его не сердиться, если ему тамъ не понравится.

Герливановъ поднялся по узкой, скрипучей лѣстницѣ наверхъ и очутился въ длинной блѣдно-зеленой комнатѣ съ низкимъ потолкомъ. Сначала комната ему не понравилась, но когда онъ раскрылъ дверь и вышелъ на балконъ, то пришелъ въ восхищеніе. Вся левадская бухта лежала передъ нимъ, какъ на ладони, открывая справа панораму синѣющихъ горъ, а слева—безконечную даль моря. Онъ не могъ налюбоваться всею этимъ и съ любопытствомъ озирался кругомъ. Мозеръ замѣтилъ это и съ отѣнкомъ горделивости началъ перечислять окрестности *Левады*, точно свои богатства.

Черезъ часъ пришли Казанцевы, обѣдавшіе у Мозеровъ. Герливановъ увидѣлъ ихъ съ балкона и поспѣшно сбѣжалъ внизъ. Казанцевъ, Дэзи и Марья Осиповна встрѣтили Герливанова привѣтливо, какъ стараго знакомаго. Дэзи была въ вышитой рубашкѣ съ широкими рукавами, и это совершенно измѣнило ее. Въ ней уже не было ничего англійскаго. За сутки она уснула загорѣть, и кожа ея приняла тотъ бронзовый отѣнокъ, какой бываетъ при загарѣ у темныхъ блондинокъ. Казанцевъ поблагодарилъ Герливанова за доставленный пакетъ и въ концѣ обѣда началъ разспрашивать его о Петербургѣ, о литературныхъ новостяхъ и о нѣкоторыхъ литераторахъ, которыхъ профессоръ зналъ лично. Петербургъ еще былъ для Герливанова чѣмъ-то въ родѣ зубной боли. Но чтобы доставить удовольствіе Казанцеву, онъ подробно говорилъ обо всемъ, что интересовало его, и незамѣтно рылся взглядомъ въ чертахъ профессора, стараясь найти въ нихъ какіе-нибудь характерные признаки той высокой мысли, которая свѣтилась въ каждой монографіи Казанцева.

Но, глядя на полное, здоровое лицо Казанцева съ крупными чертами, онъ невольно его принималъ за какого-нибудь степника-помѣщика, прѣхавшаго на Кавказъ полѣчиться отъ полнокровія.

Говорилъ профессоръ охотно, но съ передышкой и какъ бы затрудняясь въ выраженіяхъ, причемъ въ произношеніи его была одна особенность: казалось, будто онъ держитъ во рту кусочекъ льду. Это придавало его рѣчи характерное свойство. Привыкну къ нему и вслушивался въ его рѣчь, Герливановъ сейчасъ же замѣтилъ въ профессорѣ стилиста, избѣгавшаго всего рѣзкаго и лишняго. Заговоривши объ одной пелѣной брошюрѣ, видимо глубоко его возмущавшей, онъ, однако, не употребилъ по адресу автора ни одного рѣзкаго выраженія, а только сказалъ серьезнымъ тономъ:

— Все это очень неосновательно.

По тѣмъ вопросамъ, какіе задавалъ Казанцевъ, и по его репликамъ, Герливановъ замѣтилъ, что умъ знаменитаго профессора тяготеетъ къ свѣтлой сторонѣ явленій. Изъ прочитаннаго онъ, видимо, подобно Лейбницу, наилучше помнилъ только хорошее. И ясный, солнечный тонъ, которымъ были проникнуты все работы Казанцева, сталъ вполне понятенъ Герливанову.

Послѣ обѣда, представлявшаго точную копию предвѣдущаго и вызвавшаго на лицѣ Марьи Осиповны молчаливый протестъ, Казанцевъ предложилъ предпринять прогулку къ мысу. Къ нимъ присоединилась девятилѣтняя дочь Мозеровъ, Саня, не отходившая отъ Дэзи и подкрѣплявшая почти всякое свое слово клятвами. Это была ея страсть, за которую ей каждый день порядочно доставалось. Но она не переставала божиться по поводу всякаго пустяка.

Дорога къ мысу шла около моря, постепенно повышаясь.

Жара уже спала, и съ моря вѣяло прохладой. Молодая трава и мелкій кустарникъ были въ полномъ соку и, залитые солнечнымъ свѣтомъ, приятно ласкали глаза своими сочными тонами. По мѣрѣ приближенія къ мысу, горизонтъ раздвигался и вѣтеръ усиливался, наполняя воздухъ мятежнымъ шумомъ моря. Концы легкой ткани, висѣвшіе на шляпѣ Герливанова, развѣвались вмѣстѣ съ его волосами и хлестали воздухъ. Дэзи шла рядомъ съ отцомъ и слушала его рассказъ о жизни Кондорсе. Герливановъ прислушивался къ словамъ профессора и жадно ловилъ звуки моря.

На выступѣ утеса все прісѣли. Передъ ними открылся обширный видъ на море и на горы, которыя, казалось, выглядывали одна изъ-за другой и синѣли по мѣрѣ удаленія отъ нихъ. Острый уголь мыса усиливалъ ярость волнъ. Онъ съ разбѣга ударялся о него и, зашипѣвъ, разсыпался брызгами. Нѣкоторыя волны были очень велики и казались изогнувшимися подъ водою чудовищами, стремившимися къ берегу. Всякій разъ, когда такая волна съ шипѣніемъ разбивалась о скалу, Саня пронзительно вскрикивала и прижималась къ Дэзи.

Повертѣвшись нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, Саня начала соблазнять всехъ вершиной горы, поднимающейся отъ мыса, съ которой, по ея словамъ, былъ „виденъ весь свѣтъ“. Дэзи выразила желаніе подняться на гору.

Марья Осиповна и Казанцевъ сослались на свою отдышку и остались на мысу. Дэзи, Саня и Герливановъ, подгоняемые вѣтромъ, пошли на гору, лавируя между цѣпкими кустами „держи-дерева“, которое Дэзи назвала „деревомъ терпѣнія“. Его густыя вѣтви унизаны тонкими загнутыми иглами. Нетерпѣливый человекъ, зацѣпившійся за вѣтку „держи-дерева“, становится истиннымъ мученикомъ. При каждомъ движеніи острые крючочки вѣтвей еще цѣпче вонзаются въ платъ. Только при полномъ самообладаніи можно освободиться безнаказанно отъ нихъ.

(Продолженіе будетъ.)

Разное горе.

Наброски М. Шиндера.

I.

Едва хватило силъ у Лили добѣжать до дѣтской. Добѣжавъ, она бросилась на свою маленькую, хорошенькую кровать и заплакала горькими, дѣтскими, безпомощными слезами. Она убѣжала изъ-за стола, такъ какъ не въ силахъ была смотрѣть, какъ все ѣдятъ пирожное, а она—нѣтъ. Ее сегодня наказали: оставили безъ сладкаго... а какъ на зло сегодня ей любимое мнѣдальное пирожное. При одномъ воспоминаніи о пирожномъ слюнки текутъ у нея изо рта, а слезы досады изъ глазъ. И все это изъ-за плаксы Нюты...

Лили была прелестная шестилѣтняя дѣвочка. Свѣтлые вьющіеся волосы обрамляли круглое румяное личико. Пара голу-

быхъ глазъ выглядывала изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ и обдавала васъ какъ бы лучами свѣта. Свѣженькія пухленькія губки, сложенные теперь въ такую жалкую гримасу, въ другое время такъ и просили поцѣлуй. Она была умненькая, тихая дѣвочка и подверглась теперь наказанію въ первый разъ во всю свою жизнь. Она сегодня вообще была что-то сама не своя... И мама уже нѣсколько разъ тревожно ко всему обращалась съ вопросомъ: „что это сегодня съ Лилей?“ Но никто этого не зналъ, а менѣе всего она сама.

Еще утромъ она встала съ постели сердитая и капризная. Не хотѣла умыться, причесаться, а прямо, въ одной рубашонкѣ, подошла къ своей куклѣ, спавшей въ маленькой игру-

печной кровати въ углу. Она ужасно какъ любила свою хорошеющую куклу, которую ей мама подарила два мѣсяца тому назадъ, въ день ея ангела. До сихъ поръ она обращалась со своей куклой такъ, какъ и мама обращалась съ ней: ласково, нѣжно. Сегодня же она взяла куклу на руки и даже не поцѣловала, что дѣлала неизрѣнно каждое утро въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ. Затѣмъ она усадила ее передъ собою на скамеечку и, по обыкновенію, стала ее наряжать въ платья, которыхъ у куклы была гибель. Но или руки у Лили сегодня не хотѣли ей слушаться, или кукла сама капризничала, только никакъ не удавалось одѣть ее, какъ слѣдуетъ. То она порветъ рукой кружево у платья, то зацѣпитъ оборку, то кукла не захочетъ стоять... Наконецъ, Лили вышла изъ терѣбіи: размахнулась, ударила куклу по щекамъ и... Тутъ вышло то, чего Лили всего менѣе желала и ожидала: кукла упала со скамеечки и съ размаху ударилась головкой о желѣзную ножку умывальнаго столика. Фарфоровая головка куклы не выдержала и разлетѣлась въ куски. Лили вскопчила и съ недоумѣніемъ смотрѣла на осколки. На шумъ приближала ей маленькая сестренка Нюта и, увидя разбитую куклу, всплеснула маленькими ручонками, восклицая: „Сто ти надѣя!“ и бросилась поднимать куклу. Лили, наконецъ, вышла изъ оцѣпенѣнія и, не зная, на комъ выместить раздраженіе сегодняшняго дня, сильно толкнула Нюту. Нюта не выдержала толчка, шлепнулась на полъ, заоравъ благимъ матомъ.

Прибѣжала мама и, увидя происшедшее, прочла Лили наставленіе и сказала, что оставилъ ее безъ прожогого. Лили не заплакала, не стала просить прощенія, какъ обыкновенно дѣлала въ подобныхъ случаяхъ, а, надувши губки, ушла въ дѣтскую.

За обѣдомъ Лили кушала мало. Когда подали пирожное, она исподлобья смотрѣла, какъ его дѣлятъ всѣмъ, и на минуту у нея блеснула надежда, что и ей дадутъ, потому что мама взяла послѣдній кусокъ и потянулась въ ея сторону, но... положила его на тарелочку Нюты, сказавъ: „Возьми себѣ. Лилино пирожное. Она не хорошая, и ее совѣшь не люблю“. Этого послѣдняго удара Лили не могла вынести и выбѣжала изъ-за стола. Теперь она плакала горькими, мучительными слезами.

Куклы уже у нея нѣтъ, и она въ этомъ сама виновата. Мама сказала, что она ее совѣшь не любитъ. Во всемъ виновата эта гадкая Нюта!.. Чего она приближала? И всегда вотъ такъ, если увидитъ у Лили какую-нибудь игрушку, сейчасъ начнетъ вырывать. Нѣтъ! Не Лили гадкая дѣвочка, а Нюта!..

Противная, гадкая, злая дѣвчонка!.. Лили приподнялась. Слезъ оставились отъ охватившей ее жгучей ненависти къ Нютѣ.

Но вдругъ она опять упала на подушку. Она вспомнила, что мама ее больше не любитъ и никогда-никогда больше не будетъ любить... Сквозь рыданія слышались слова молитвы, которую няня ее выучила читать: „Господи! сдѣлай, чтобы я была достойна любви мамы и папы“... И все новые и новые потоки слезъ вырывались изъ ея измученнаго, растерзаннаго сердца...

II.

На низкой оттоманкѣ лежитъ женщина. Лица ея не видно, потому что она уткнулась головой въ подушку; повременамъ плечи ея вздрагиваютъ. Въ роскоши и со вкусомъ убранномъ будуарѣ, кромѣ нея, никого нѣтъ. Прошло нѣсколько минутъ, а женщина все еще не перемѣнила своего неудобнаго положенія. Но вотъ, наконецъ, она приподнялась и сѣла, опустивъ на полъ ноги. Изъ ея груди, вмѣстѣ съ мучительнымъ стономъ, вырвался глубокий вздохъ. Повидимому, она немного усноконала и могла теперь обдумать свое несчастное положеніе. Въ ея маленькой прелестной головкѣ толпились мысли, одна безраднѣй другой. Занятаные, свѣтло-голубые глаза смотрятъ съ такимъ отчаяніемъ и такъ безпомощно, будто у ребенка; но она уже не ребенокъ—ей около двадцати двухъ лѣтъ.

Можетъ ли быть кто-нибудь несчастнѣй ея?.. Что она скажетъ завтра княгинѣ Дарьяловой и другимъ своимъ знакомымъ, когда они прійдутъ къ ней съ визитомъ? Да! Положительно она несчастнѣйшая изъ женщинъ!.. Не быть въ театрѣ въ то время, когда ставить въ первый разъ новую оперу... И почему не быть! При одномъ воспоминаніи она готова была опять раздражаться. Все вышло такъ неожиданно, что она удивилась, какъ могла она это пережить. Еще за двѣ недѣли до спектакля, она обдумывала костюмъ, въ которомъ появится въ своей ложѣ и затмѣитъ всѣхъ блескомъ своей красоты и костюма, и вотъ... Боже!.. Нѣтъ, она положительна не можетъ вспомнить, какъ это случилось... И если бы еще Николай былъ здѣсь, а то онъ не знаетъ еще о ея несчастіи... Впрочемъ, онъ даже способенъ не огорчаться и хладнокровно огнестись къ этому. Она его знаетъ!..

Вотъ уже два года, какъ она замужемъ за Николаемъ, и онъ ее очень любилъ, но никогда не понималъ ея... Она имѣетъ тому доказательства. Недавно онъ приближалъ со службы, и послѣ обѣда они сѣли на диванъ. Она стала ему въ яркихъ краскахъ описывать костюмъ, заказанный ею для этого вечера, раскрасилась, глаза блестятъ, слова льются потокомъ, а

онъ... онъ заснулъ!.. Правда, онъ былъ утомленъ, она это прекрасно понимаетъ, но все-таки она ему рассказываетъ о волнующемъ ее предметѣ, а онъ спитъ!.. Ее тогда это возмутило, привело въ отчаяніе, а теперь ей это кажется несомнѣннымъ признакомъ, что онъ ее больше не любитъ... Слезы опять брызнули изъ глазъ.

Еще сегодня съ самаго утра она начала раздражаться отъ того, что новая горничная все такъ неумѣло дѣлаетъ. Не умѣетъ, какъ слѣдуетъ, убрать волосы, приготовить ванну, не знаетъ, что подать. Эта горничная поступила только вчера, послѣ того, какъ ея любимица Клара, несмотря на выраженное ею неудовольствіе, попросила расчета для того, чтобы выйти замужъ. Противная!.. И затѣмъ ей выходить замужъ? Развѣ ей плохо жилось у нея? Развѣ она ее когда-нибудь обижала? Напротивъ. Она всегда дарила Кларѣ дорогія платья, и она уѣхала отъ нея съ двумя огромными корзинами. Чего же ей еще? И должно это было случиться именно теперь, наканунѣ того дня, когда Клара-то и была ей нужна. Въ, какъ нарочно, сговорились сегодня сдѣлать ее несчастной, оградить жизнь!.. И эта противная!.. О! Она ее просто убила извѣстіемъ, что платье не будетъ готово, потому что мастерица сошла при глаженіи кружева... Это можно бы еще исправить. Купитъ другія и пришьетъ, но она такъ поздно пришла сказать объ этомъ. И это бы не бѣда, но, какъ на грѣхъ, сегодня воскресенье, магазины закрыты, и Николаю нѣтъ дома. Онъ уѣхалъ по какому-то экстреннымъ дѣламъ и долженъ былъ прійхать только вечеромъ.

И что это за противныя дѣла у ея мужа? Онъ ей никогда о нихъ не говоритъ, а она не интересовалась. Она даже хорошенко не знаетъ, гдѣ онъ служитъ. Главное, его нѣтъ, когда онъ ей необходимъ. Она увѣрена, что, будь Клара, она вернулась бы еще какъ-нибудь, посоветовала бы, помогла бы достать кружева и поправить бѣду. Вообще, въ присутствіи Клары она бы не чувствовала себя одинокой, не растерялась такъ и нашла бы возможность поѣхать въ театръ, а теперь... Что она можетъ сдѣлать одна? Только плакать!..

Какъ бы смѣлся кузень Вольдемаръ, если бы видѣлъ, какъ она приходитъ въ отчаяніе отъ того, что не можетъ поѣхать въ театръ... И всегда этотъ несносный Вольдемаръ смѣется надъ ней и раздражаетъ ее... Начитался какихъ-то книжекъ и постоянно говоритъ ей о какихъ-то непонятныхъ вещахъ, о которыхъ она ни въ домѣ отца-генерала, ни у знакомыхъ никогда не слыхала. Онъ толкуетъ о призваніи женщины, объ обязанностяхъ, о помощи ближнимъ и тому подобнымъ мудреныхъ предметахъ. А у нея развѣ мало обязанностей? Она ихъ плохо исполняетъ, что ли? Она даже не замѣчаетъ, какъ проходитъ время въ исполненіи этихъ обязанностей. Пріемы, выѣзды, балы, благотворительные базары и общества, чего же еще? Не будетъ же она внимательна въ дѣла мужа. Во-первыхъ, она въ нихъ ничего не понимаетъ, а во-вторыхъ, это такъ скучно! Читатъ?.. Но на это у нея времени нѣтъ. Да и что за польза въ чтеніи? Только голова разболѣлась, когда она, по настоянію Вольдемара, попробовала прочесть статью въ журналѣ, гдѣ говорилось о бѣдственномъ положеніи рабочихъ и крестьянъ... Что ей за дѣло до нихъ? И чѣмъ она имъ поможетъ?..

Вдругъ глаза ея опять наполнились слезами. Бой часовъ напомнилъ ей, что она бы теперь стояла передъ зеркаломъ и любовалась своимъ костюмомъ и своей воздушной таліей, приволившей въ восхищеніе всѣхъ ея поклонниковъ... Они теперь, навѣрное, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ ея пріѣзда... Что она имъ скажетъ завтра?.. Ей будутъ выражать сожалѣніе... Нѣтъ! Лучше умереть, чѣмъ выслушивать ехидныя сожалѣнія Лиды Болховской, которая уже второй сезонъ соперничаетъ съ ней въ красотѣ и костюмахъ. Она не привыкла къ сожалѣніямъ... Не хочеть ихъ!.. Въ восхищаются ея красотой, и когда она проходитъ со своимъ мужемъ или съ однимъ изъ своихъ „ахьютантовъ“, какъ она ихъ въ шутку называетъ, то привыкла слышать за собой похвалу восторга и удивленія. А теперь она сидитъ одна, и мысли ея такъ мрачны и безнадежны... Воображеніе подкашиваетъ ее небывалыя и невозможныя вещи. Николай, ея Николай, сидитъ теперь, навѣрное, у одной изъ ея соперницъ и раскопаетъ комплименты... Вѣдь онъ больше ее не любитъ!.. Въ этомъ она теперь твердо убѣждена. Иначе, какъ бы онъ могъ ее оставить одну надрываться надъ несчастіемъ, случившимся съ ней?.. О! она несчастная, всѣми покинутая женщина!.. Что ей теперь дѣлать?.. Всѣми, всѣми покинутая!.. Она почувствовала такую жалость къ себѣ, что опять бросилась на подушку и громко зарыдала, тѣмъ мучительнымъ рыданіемъ, отъ котораго, кажется, сердце готово разорваться на части...

III.

Въ обширной столовой, за роскошно сервированнымъ столомъ, сидитъ передъ своимъ приборомъ старикъ, въ богатомъ плафрокѣ. Сѣдая борода вмѣстѣ съ головой опустилась на грудь. Глаза смотрятъ на стоящій противъ него приборъ и на незанятое мѣсто. Блюдо стоитъ на столѣ и стынеть.

Зачѣмъ онъ пришелъ въ столовую? Зачѣмъ онъ растрываетъ себя видомъ незанятаго мѣста своей дочери. Но развѣ

Борьба лебедя съ лисицей. Съ карт. А. Макевпрагга, грав. Шпехтъ.

оно только сегодня будет пусто? Нетъ, оно уже никогда не будет занято. Онъ прекрасно знаетъ свою Маню. Разъ она что-нибудь рѣшила, то никакія силы въ мірѣ не заставятъ ее перемѣнить. И какъ это обрушилось на него внезапно. Положимъ, онъ могъ бы понять изъ вчерашняго прощанья дочери, что она прощается съ нимъ навсегда.. Вчера она была здѣсь, сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ и разговаривала съ нимъ весело, хотя онъ и подмѣчалъ временами, что ея веселость наусукала, но приписывалъ это своей излишней мнительности. Она съ нимъ расширялась съ виду спокойно, но вмѣсто обычнаго поцѣлудя въ щеку, она крѣпко прижалась къ нему и поцѣловала его нѣсколько разъ въ губы. Онъ хотѣлъ спросить, что это значитъ, но она уже подошла къ двери. Была минута, когда ему казалось, что она хочетъ обернуться и что-то сказать, но она стремительно выбѣжала, не обернувшись.. Онъ, по обыкновенію, поѣхалъ въ контору, а потомъ въ клубъ, гдѣ ему нужно было повидаться съ однимъ человекомъ по дѣлу. Въ клубѣ онъ засидѣлся поздно въ бесѣдѣ съ однимъ старымъ знакомымъ, съ которымъ не видѣлся болѣе 12-ти лѣтъ. Все время его что-то тинило домой, угнетало какое-то неопредѣленное предчувствіе, но онъ остался. Когда онъ наконецъ вышелъ изъ клуба и сѣлъ въ ожидавшій его фэтонъ, это предчувствіе опять овладѣло имъ, но прошло по прѣѣздѣ домой, послѣ доклада швейцара, что барышня уѣхала съ подругой въ театръ. Къ такимъ отлучкамъ дочери онъ за послѣднее время привыкъ, такъ какъ она всюду бѣдила и ходила одна. Проспалъ онъ всю ночь спокойно. Проснулся рано, какъ бы отъ какого-то толчка. Вскочилъ съ постели, умылся, быстро надѣлъ халатъ и, повинуясь какой-то силѣ, прямо пошелъ на половину дочери. Его уже издали поразило то обоготельство, что дверь комнаты была полуотворена, тогда какъ обыкновенно Маня, когда была въ комнатѣ, запирается на ключъ, а если уходила—вынимала ключъ и брала съ собой. Кольни у него подкосились, и вчерашнее предчувствіе чего-то страшнаго съ удвоенной силой охватило его. Но онъ не поддался и почти бѣгомъ воѣхалъ въ комнату. Все было на своемъ мѣстѣ. На письменномъ столѣ царилъ образцовый порядокъ. На маленькомъ столикѣ, около дивана, лежала раскрытая книга и стоялъ стаканъ съ недонитымъ лимонадомъ. Онъ отдернулъ розовыя шелковыя занавѣски около кровати. Кровать была не помята. Онъ подошелъ къ столу. На столѣ лежалъ, на видномъ мѣстѣ, маленький конвертикъ. При одномъ взглядѣ на адресъ у него потемнѣло въ глазахъ. Онъ опустился въ кресло около стола, и у него едва хватило силъ протянуть руку за конвертомъ и вскрѣсть его. Дрожащими руками онъ съ трудомъ отыскалъ въ боковомъ карманѣ очки, безъ которыхъ никогда не уходилъ изъ своей комнаты, надѣлъ ихъ и развернулъ листикъ почтовой бумаги. На немъ было написано нѣсколько строкъ, ровнымъ, крупнымъ почеркомъ его дочери. Въ первую минуту онъ не могъ прочесть ни слова. Строчки, листокъ, руки, столъ, комната—все прыгало въ его глазахъ.. Наконецъ онъ овладѣлъ собою и прочелъ слѣдующее:

„Дорогой папа!

„Прости меня, недостойную дочь твою, что я уѣхала тайкомъ отъ тебя. Я бы не могла вынести твоего огорченія, еслибъ заранѣе сказала о своемъ отъѣздѣ. Не уѣхать же не могла. Я уѣхала туда, куда призываетъ меня долгъ. Съ отрядомъ „Краснаго Креста“ я, въ качествѣ сестры милосердія, отправляюсь облегчать страданія согнѣ людей, которымъ моя помощь необходима.

„Прости и не забывай. Твоя Маня“.

Онъ, какъ сидѣлъ, такъ и остался сидѣть, не будучи въ состояніи отвести глазъ отъ строчекъ, которыя слились для него въ одно слово: „покинула!“

Сколько времени онъ просидѣлъ въ этомъ положеніи, онъ теперь не помнитъ. Очулся онъ только тогда, когда лакей, искавшій его по всѣмъ комнатамъ, наконецъ нашелъ его здѣсь и нѣсколько разъ окликнулъ. Онъ поднялся съ мѣста и пошелъ черезъ приемную къ себѣ въ кабинетъ.

Въ приемной ожидалъ его управляющій конторы; на его поклонъ онъ только отмахнулся рукой, какъ отъ надоедливой мухи. Такъ управляющій его и не дождался. Въ кабинетѣ старикъ просидѣлъ весь день до обѣда, съ мучительной мыслью, гвоздемъ засѣвшей въ мозгъ: „покинула“.

Теперь, когда онъ увидѣлъ приборъ и мѣсто дочери за столомъ и самъ сѣлъ у стола, въ головѣ его начало проясняться. „За что?“ — спрашивалъ онъ себя и вспомнилъ всю свою жизнь.

Послѣ отца, разорившагося помѣщика, онъ остался круглымъ сиротой, безо всякихъ средствъ къ жизни, съ массою отцовскихъ долговъ, которые рѣшили уплатить, чтобы смыть пятно съ имени отца. Для этого онъ вышелъ изъ любимаго полка, гдѣ служилъ. Благодаря протекціи вліятельныхъ знакомыхъ, онъ получилъ хорошее мѣсто въ одномъ частномъ учрежденіи. Его способности и аккуратность были оценены, и онъ черезъ два года могъ уже уплатить часть долговъ, а остальные ему разсрочили. Въ это время онъ встрѣтилъ у знакомыхъ молодую дѣвушку и полюбилъ ее. Препятствіемъ къ браку служило его необезпеченное положеніе. Тогда, же-

лая разбогатѣть, онъ пустился въ игру на биржѣ и игралъ успѣшно. Его командировали по дѣламъ фирмы за границу. Свой капиталъ онъ поручилъ своему пріятелю, тоже биржевому игроку, очень честному человеку. Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія за границей онъ возвратился, и его ожидалъ здѣсь сильный ударъ. Любимая имъ дѣвушка уѣхала съ однимъ офицеромъ, кутилой и мотомъ. Это его такъ поразило, что онъ заболѣлъ и пролежалъ болѣе полугода. За это время его капиталъ въ рукахъ ловкаго дѣльца-пріятеля значительно увеличился, но это его мало радовало. Расплатившись окончательно съ долгами отца, онъ уѣхалъ для поправленія здоровья въ Крымъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ молодую симпатичную женщину, вдову 23-хъ лѣтъ, и женился на ней. Пять лѣтъ совместной жизни пролетѣли, какъ сонъ. На второй годъ послѣ свадьбы родилась у нихъ дочь, а въ концѣ пятого — онъ лишился жены. Дѣла онъ велъ солидно, и въ общемъ ему жилось не дурно. Для дочери онъ взялъ въ домъ гувернантку, русскую образованную барышню, сироту. До девяти лѣтъ его Маня была у нея на рукахъ, а послѣ какой-то исторіи, изъ-за которой его гувернанткѣ пришлось уѣхать въ Женеву, Маня начала ходить въ гимназію, а для присмотра надъ ней онъ взялъ въ домъ пожилую англичанку. Маня окончила гимназію въ 17 лѣтъ, и по ея настоятельнымъ просьбамъ онъ согласился, чтобы она посѣщала женскіе медицинскіе курсы. Онъ съ большимъ удовольствіемъ устраивалъ бы у себя вечера и вывозилъ бы ее въ свѣтъ, съ которыми онъ не порвалъ связей, но Маня наотрѣвъ отказалась. Въ этомъ году она кончила курсъ и цѣлые дни ходила по бѣднымъ больнымъ.

За послѣднее время Маня стала относиться къ отцу какъ-то иначе. Между ними легла легкая тѣнь, стущавшаяся съ каждымъ днемъ. Онъ зналъ, въ чемъ дѣло, но не могъ самъ приступить къ объясненію, не любя кому-либо отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а Маня не заговаривала. Дѣло въ томъ, что онъ отказать управляющему его конторой, который въ послѣднее время началъ манкировать своими обязанностями. Онъ сдѣлалъ ему замѣчаніе. Тотъ хотѣлъ оправдаться, но онъ его не выслушалъ, а рѣзко заявилъ, чтобы это болѣе не повторялось. Онъ привыкъ относиться строго къ себѣ и не давалъ поблажки служащимъ. Управляющій опять провинился, и тогда, не слушая никакихъ оправданій, онъ его немедленно уволилъ, оставивъ его безъ всякихъ средствъ къ существованію. Послѣ онъ узналъ причину, заставившую управляющаго, вообще очень аккуратнаго человека, небрежно относиться къ своей обязанности: у него былъ болѣть его единственный сынъ. Онъ понималъ свою ошибку, но поправить уже не могъ.

Маня узнала объ этомъ, и ея чистую душу возмущилъ поступокъ отца. Она рѣшила ускорить свой отъѣздъ. Она даже не хотѣла выслушать отца. Пошла туда, куда звала ее душа, жаждавшая подвиговъ.. Покинула его одного на старости лѣтъ.. Покинула.. Даже не предупредила.. Онъ бы ее не останавливалъ. Онъ вообще ни въ чемъ ей не отказывалъ, но она не хотѣла пользоваться его богатствомъ, которое онъ, по ея мнѣнію, пажилъ нечестными средствами.. Но онъ призываетъ небо въ свидѣтели, что на его деньгахъ нѣтъ ни одного пятна. Онъ бывалъ временами строгъ, даже неумолимъ съ подчиненными,—онъ это не отрицаетъ, но все-таки.. такого наказанія онъ не заслужилъ.. А онъ страдалъ теперь.. страшно страдалъ!.. Его единственная дочь покинула его!. Его страданія еще увеличивались тѣмъ, что ему не передъ кѣмъ излить свое горе, а плакать онъ не могъ.. Онъ былъ теперь, какъ перстъ, одинокъ.. Къ чему теперь ему богатство?.. Что онъ съ нимъ станетъ дѣлать?.. Для кого онъ трудился, для кого берегъ?.. За что?.. Мучительный стоиъ вырвался изъ его наболѣвшей груди.. Это былъ первый стоиъ, который страданіе вырвало у него въ жизни.. Онъ поднялся съ мѣста и, отъодъ слухъ поръ сильный и бодрый человекъ, пошелъ старческой, разбитой походкой въ кабинетъ.

IV.

Наступаетъ весна. Снѣгъ уже началъ таять, и кое-гдѣ пробиваются, тихо журча, ручейки, а мѣстами даже видна уже земля, отъ которой идетъ легкой бѣлый паръ. Солнце свѣтитъ ярко и уже пригрѣваетъ. Вокругъ слышится благоуханіе земли. Воробьи веселѣе прыгаютъ и чирикаютъ. Всѣхъ радуется, что зима прошла, и не нужно теперь сидѣть взаперти.

Но, какъ видно, не радовала весна мужика, плюгавенькаго, низенькаго, въ разорванномъ зипунникѣ. Онъ не замѣчалъ ни окружающаго обновленія природы, ни яркаго солнышка, ни народа, вышедшаго изъ домовъ и сидящаго на завалинкахъ. Онъ былъ чѣмъ-то подавленъ и еле-еле переступалъ своими рваными сапожниками, въ которые уже успѣла забраться вода. Опущенная на грудь голова при каждомъ шагѣ пошатывалась, какъ у лѣнливой не ввужданной лошади. Глаза смотрѣли въ землю какъ-то безучастно, туго и едва ли видѣли передъ собой что-либо. Руки висѣли, какъ плети, синя какъ-то неестественно сгорблилась.

Онъ не зналъ, куда онъ идетъ, но его что-то толкало впередъ. Это „что-то“ знало, куда оно ведетъ его, и кажется, что конечной цѣлью этой ведущей его силы была изба, на которой

красовалась вывѣска красными буквами по зеленому полю: „Казенная лавка“... Такъ это и было.

Поровнявшись съ казенной лавкой, онъ остановился, осмотрѣлся и завернулъ въ нее. Черезъ три минуты онъ вышелъ, держа въ рукѣ бутылку „монопольки“, которую онъ приобрѣлъ за 22 копейки. Онъ-было пригостился тутъ же около лавки и замахнулся, чтобы ударомъ о ладонь выбить пробку, но раздумалъ и направился къ кучкѣ людей, сидѣвшихъ неподалеку. Кучка эта состояла изъ шести крестьянъ, расположившихся у камѣя, стоявшей около школы. Издали можно было видѣть, какъ они дѣло запрокидывали головы то одного, то другого, и мелькала рука, крѣпко обхватившая бутылочку съ дорогой жидкостью. Это были отъявленные пьяницы, извѣстные всей деревнѣ. Завидѣвъ подходящаго къ нимъ мужика, одинъ изъ нихъ, повидимому бывший служивый, уже порядочно подвыпившій, воскликнулъ, указывая на него:

— Нашего-то полку прибыло! Ванюха что-то того... понивать зачалъ. Вчера надрызался и сегодня пьетъ.

— Должно съ радости, разбогатѣлъ знать, — отозвался здоровенный мужикъ, прикладывая горлышко бутылки ко рту.

— Какой такой радости?.. Аль не видишь, што носъ-ать повѣнчалъ.. Скорѣй съ горя... Онъ никогда, почитай, и въ ротъ не бралъ.

Тѣмъ временемъ мужиченко подошелъ, сѣлъ на свободный край скамьи, вывинилъ пробку и прямо изъ горлышка сталъ глотать водку большими глотками.

Онъ сегодня опомнѣлся послѣ вчерашняго, а вчера... вотъ главное-то въ этомъ вчера. Сегодня среда, а вчера былъ вторникъ, никакого праздника, кажись, не было, да онъ и въ праздники не пилъ, а вчера былъ пьянъ и еще какъ! До полной потери памяти.

Какъ это случилось, онъ самъ не знаетъ... Уже нѣсколько дней, какъ семья питалась однимъ хлѣбомъ, и то какимъ хлѣбомъ! Это былъ хлѣбъ, отъ котораго и свинья у хорошаго хозяина отворотила бы рыло, а они его ѣдятъ,—да и тотъ на сходы. Сегодня еще разъ поѣсть, и все... По не въ томъ вся суть. А дѣло въ томъ, что со вчерашняго днемъ кончилась всякая надежда на лучшее будущее...

Что ожидать его впереди?.. Избенка у него худшая во всей деревнѣ. Второй годъ хлѣбъ не родился... Была одна лошадевка, да и та вчера издохла, и съ нею ироняло все, за что онъ еще крѣпко цѣплялся. Судьба грубо посямѣлась надъ нимъ.

Въ субботу, когда жена ему сказала, что хлѣбъ она послѣдній разъ нечетъ изъ того вещества, которое она называла мукой, но которое скорѣе было похоже на соръ, выбрасываемый изъ мучныхъ лавокъ,—вотъ именно въ эту-то субботу онъ и рѣшилъ, что уѣдетъ на лошадевку въ ближайшій городъ на заработокъ, не откладывая отъѣзда позднее вторника, и вотъ, когда онъ, совсѣмъ приготовившись въ путь, всталъ рано утромъ и пошелъ въ клѣтущку, гдѣ стоялъ его „Гидко“, чтобы вывести его и запрячь въ приготовленную телѣгу, — ему представилась ужасная картина. Гидко лежалъ въ клѣтущкѣ какъ-то неестественно, закинувъ голову и держа ноги въ воздухѣ. Въ первую минуту Иванъ не замѣтилъ, при слабомъ освѣщеніи, неестественности этого положенія, но потомъ, толкнувъ слегка ногою въ животъ Гидка, онъ все сразу понялъ. Жгучая боль волною хлынула къ сердцу... Весь ужасъ этой потери мигомъ пронизалъ его мозгъ, и онъ съ глухимъ, хриплымъ стономъ повалился на грудь своей оконченнѣйшей уже лошади...

Все, что было потомъ, онъ помнить какъ бы сквозь туманъ, отрывками. Помнить душу подрывающія рыданія и причитанія жены, плачь Гришутки... Помнить онъ, какъ жена, наплавившись вволю, велѣла ему содрать и продать шкуру: „все недѣли на двѣ хлѣбъ будетъ“. Помнить также, что долго торговался съ кулакомъ Митрофаномъ изъ-за этой шкуры, какъ Митрофанъ набавлялъ по питачку и, наконецъ, больше двухъ рублей не далъ, несмотря на то, что Иванъ нѣсколько разъ уходилъ и возвращался, укоряя Митрофана и прося его

побояться Бога. Все это онъ продѣлывалъ безучастно, въ силу привычки. Дальше онъ помнить, какъ онъ плелся по дорогѣ домой съ деньгами отъ проданной шкуры, и его нагналъ со съѣдъ Игнатъ, и они пошли молча рядомъ. Затѣмъ онъ зашелъ вмѣстѣ съ Игнатомъ куда-то, а куда—онъ въ первую минуту не сообразилъ.

Опомнился онъ отъ окрика: „а тебѣ на сколько?“ И тутъ только увидѣлъ, что стоитъ передъ стойкой казенной лавки, въ которой еще ни разу не былъ со дня ея открытія. Онъ мутнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на сидѣльца, повторившаго вопросъ, и, самъ не зная, какъ, произнесъ: на десять. У него въ рукахъ очутилась бутылочка и сдача съ рубля. Эта бутылочка рѣшила участь всѣхъ его денегъ. Какъ онъ очутился дома и сколько онъ выпилъ—онъ не помнить, но денегъ остались у него всего четвертакъ...

Сегодня онъ проснулся поздно. Голова у него трещала, а во рту была такая мерзость, что онъ не могъ отплеваться. Мало-по-малу онъ припомнилъ все, и сердце зануло... Приподнялся онъ съ лавки, на которой спалъ, и вышелъ на дворъ умыться. Изъ избы онъ выскользнулъ, какъ прибитая собака, украдкой отъ жены, боясь упрековъ за вчерашнее... Но ничего подобнаго не было даже на умѣ у его жены. Она не осуждала его, а понимала, почему онъ, до сихъ поръ не пившій, пришелъ вчера пьянымъ, и онъ напрасно боялся встрѣтись съ ней взглядомъ. Онъ бы могъ прочесть во взглядѣ своей жены сочувствіе къ своему горю и тревогу за будущее...

По Иванъ со двора не зашелъ больше въ избу, а вышелъ на улицу и пошелъ, куда глаза глядятъ, пока не оказался у казенной лавки. Только послѣ нѣсколькихъ глотковъ водки онъ пришелъ въ себя, и къ нему вернулась способность чувствовать и размышлять, а вмѣстѣ съ этимъ—страдать. Горе и раскаяніе, охватившія его, не поддаются описанію. Только человѣкъ, потерявшій дорогое ему существо, отъ котораго зависѣла жизнь шести человѣкъ, и пригомъ совершившій еще и преступленіе, могъ понять всю глубину его страданій...

Онъ медленно поднялся со скамьи, оглядѣлся кругомъ и пошелъ въ другой конецъ села. Очутившись передъ пустыннымъ простраивомъ разстилавшимся передъ нимъ полемъ, онъ прошелъ нѣсколько шаговъ въ сторону и опустился или вѣрнѣе усталъ на большую кучу свезеннаго сюда навоза, съ которой уже сошелъ снѣгъ. Передъ нимъ картина за картиной проносилось его прошлое.

Гидко, бѣдный Гидко!.. Двѣнадцать лѣтъ они работали вмѣстѣ, прекрасно другъ друга понимали, жились, страдали вмѣстѣ, и все это теперь кончилось... Неумолимая смерть отняла у него Гидка. А какъ онъ, бывало, работаетъ!.. Безъ кнута, безъ понуканій, несмотря на то, что былъ уже старъ, Гидко какъ бы понималъ несчастное положеніе своего хозяина и хотѣлъ помочь, работалъ изо всѣхъ силъ... Кого теперь будетъ Гришутка гнать къ рѣкѣ понгъ?.. На комъ онъ поѣдетъ въ городъ съ отцомъ?.. Какъ теперь онъ, Иванъ, вспахетъ поле, если даже дадутъ зерно для посѣва, о чемъ мужики давно уже толкуютъ...

— Эхъ,—смахнулъ онъ слезу,—худо, вотъ какъ худо, что и... Эхъ, видно судьба!.. И сколько покорности и заботности слышалось въ этомъ восклицаніи. Но судьба была тутъ ни при чемъ: лошадь всю зиму кормилась старой гнилой соломой и издохла отъ старости и голода.

Онъ вспомнилъ про жену и дѣтей, сидѣвшихъ теперь и воющихъ отъ голода, вспомнилъ, что послѣдніи деньги вчера пропилъ; вмѣсто того, чтобы купить муки, онъ купилъ водку, и сегодня то же самое.

Слезы одна за другою потекли по его землестаго цвѣта щекамъ. Это были капли, стоявшія каждая годъ жизни!.. Это были не слезы, а кровь, выжатая изъ сердца болью... Его голова все ниже и ниже склонялась къ землѣ... Что было позади? Страданія и каторжный трудъ. Что будетъ впереди? Мученія, сума или голодная смерть?..

Живая фотографія.

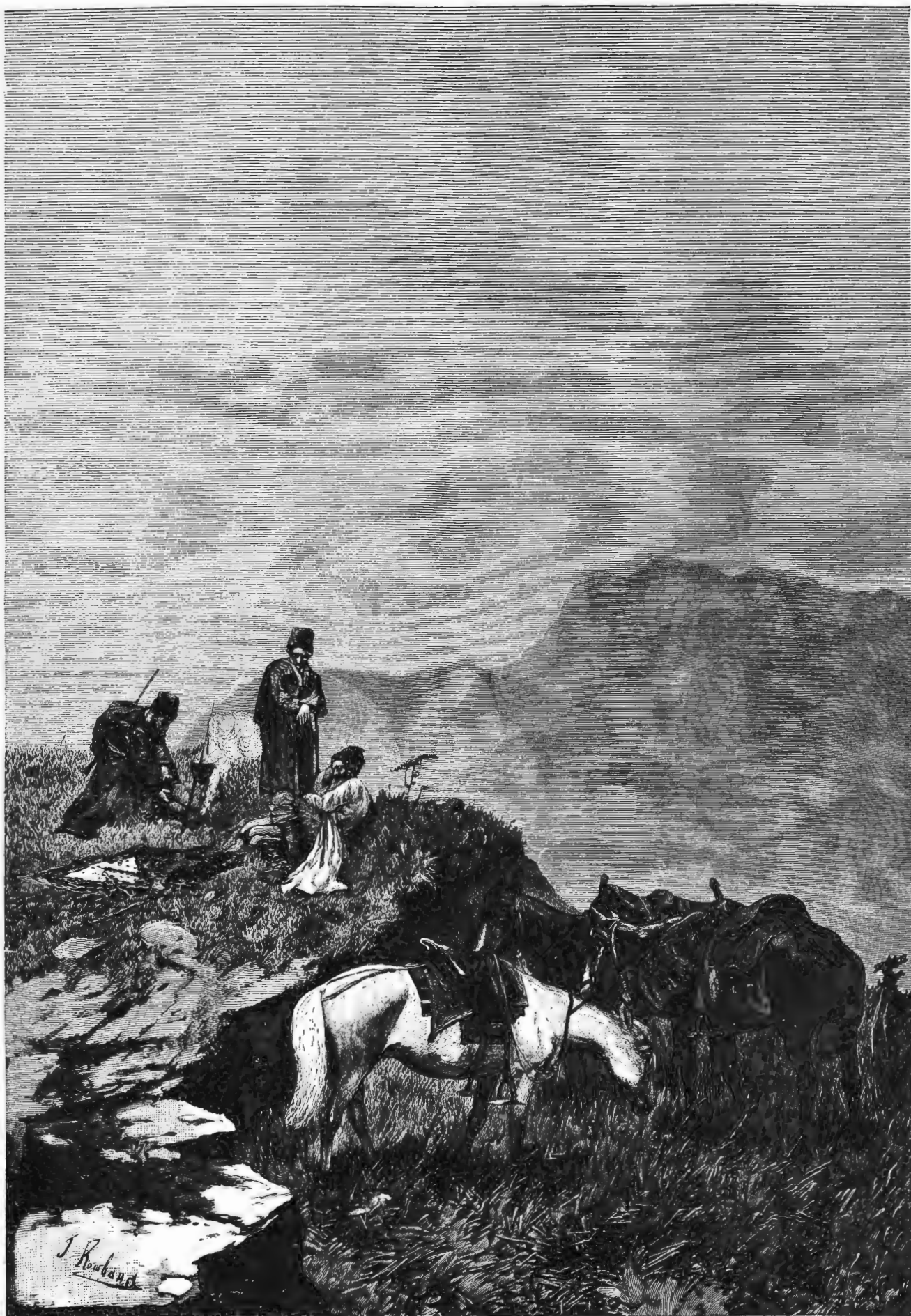
Очеркъ В. А. Фрея.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ царь, отличавшійся такимъ громаднымъ любознательствомъ, что превосходилъ въ этомъ отношеніи всѣхъ женщинъ, взятыхъ вмѣстѣ. Однажды царю этому забрела въ голову безумная мысль: онъ пожелалъ, не сходя даже со своего трона, увидѣть лично придворныя церемоніи, происходившія въ ту минуту во всѣхъ дворцахъ всего свѣта. Тогчасъ же собраны были мудрецы государства, и имъ подѣ страхомъ лютой смерти отдано приказаніе во что бы ни стало доставить царю задуманное удовольствіе. Когда разложены были уже костры, чтобы сжечь олошавшихъ на этотъ разъ мудрецовъ, предъ разгнѣваннымъ царемъ предсталъ откуда-то появившійся волшебникъ, который приказалъ придворнымъ натянуть на деревянную раму самую большую, какаю только найдется, простыню и, когда это было исполнено, обратиться къ царю, сказавъ:

— Смотри внимательно на это положіе! Сейчасъ предъ не въ мѣру любознательными глазами твоими будутъ проходить царя и народы всего свѣта!..

Волшебникъ взмахнулъ своимъ жезломъ, и вдругъ предъ изумленными глазами царя на бѣломъ экранѣ предстала цѣлая толпа живыхъ людей, которые, проходя и пробѣгая верхами, окруженные своими свитами, улыбались и кланялись царю, какъ бы узнавая въ немъ добраго, стараго знакомаго.

„Что это онъ вздумалъ угощать насъ сказками!“ возмутится читатель. Да!.. не болѣе какъ съ годъ тому навадь я, пожалуй, и самъ назвалъ бы такъ вышеприведенныя строки, но теперь, въ нашъ чреватый всякими изобрѣтеніями конецъ XIX вѣка, сказка моя стала чудесною дѣйствительностью, подобно тому, какъ со времени открытія силы пара, фактически подтвердилась также и другая, извѣстная намъ сказка

Назакн на аванпостяхъ. Съ карт. Рубо, грав. Рашевскій.

Пріздъ Петра въ Троице-Сергіеву обитель, 8 августа 1689 г.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. К. Лебедева, грав. Шюблеръ.

объ Иванушки-дурачки, путешествовавшемъ во дворецъ, лежа на лежанкѣ тончайшей русской печи.

Чтобы оправдать себя предъ читателями и объяснить, какими судьбами разсказанная выше сказка обратилась въ правду, намъ необходимо будетъ сначала побесѣдовать немного вообще о фотографіи.

Фотографія — наша давнишняя знакомая. Хорошо знакомы намъ также и производимые ею снимки съ нашей особы, болѣе, впрочемъ, извѣстные подъ именемъ „фотографическихъ карточекъ или портретовъ“. Выраженіе: „иду сниматься“ не требуетъ, кажется, комментаріевъ. Но обратилъ ли кто-нибудь изъ лицъ, снимавшихся въ фотографіяхъ прежде и повторяющихъ тотъ же процессъ теперь, вниманіе на то обстоятельство, что громадное большинство нашихъ фотографовъ снимаетъ насъ нынѣ куда быстрее, чѣмъ дѣлалось это нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Произошло это потому, во-первыхъ, что всякая вообще наука или искусство съ годами идетъ впередъ, вслѣдствіе чего и практиковавшійся прежде способъ фотографірованія, такъ-называемый, „съ выдержкой“, давно уже отошелъ на задній планъ; а во-вторыхъ, потому, что современная фотографія пришла нынѣ къ тому заключенію, что цѣлая масса самыхъ художественныхъ моментовъ и скорорежиданіе, но тѣмъ не менѣе, великолѣпные эффекты свѣта могутъ быть запечатлѣны только посредствомъ моментальныхъ снимковъ. Въ чемъ же, собственно, разница между прежней и нынѣшней фотографіей? Не вдаваясь въ особенныя подробности, чего и не позволяютъ ни размеры настоящаго очерка, я все же долженъ напомнить читателю, что фотографія, или иначе „свѣтопись“, производитъ снимки, вѣрнѣе сказать „негативы“, при наличности двухъ неизбѣжныхъ факторовъ: 1) особо приготовленныхъ для этого такъ-называемыхъ „чувствительныхъ пластинокъ“ и 2) натурального или искусственного свѣта, падающаго на снимаемый предметъ и настолько хорошо его освѣщающаго, чтобы отражающіеся отъ предмета лучи могли бы въ достаточной мѣрѣ воздѣйствовать, въ свою очередь, на чувствительную пластинку. Все другіе предметы, которые можно замѣтить въ фотографіяхъ, служатъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ простыми дополненіями. Такъ, напр., недавно изобрѣли способъ получать снимки непосредственно на пластинкахъ безъ всякаго участія какой бы то ни было камеры; что же касается до фотографірованія, при полномъ отсутствіи стеколъ, то это не считается теперь даже и новостью. Итакъ весь секретъ хорошей фотографіи заключается именно въ болѣе или менѣе искусномъ приготовленіи упомянутыхъ чувствительныхъ пластинокъ. Какъ еще недавно заставляли насъ позировать предъ фотографической камерой, съ устремленнымъ въ одну точку взоромъ, чуть ли не до того момента, пока сама камера не обратится въ нашихъ глазахъ въ какое-то неслое пятно да и вся комната заходить ходуномъ! Дѣлалось это, съ одной стороны, вслѣдствіе довольно примитивнаго заготовленія чувствительныхъ пластинокъ, а съ другой — изъ ложнаго предположенія, что чѣмъ дольше будетъ позированіе, тѣмъ точнѣе выйдетъ самый фотографическій снимокъ. Не гогори уже о томъ, что, при чрезмѣрно долгомъ позированіи, на снимкахъ получались изображенія не людей, а скорѣе какихъ-то манекеновъ, всеотрощенное ознакомленіе съ фотографическимъ процессомъ привело нынѣ къ тому несомнѣнному выводу, что, какъ разъ въ противоположность державшемуся до того мнѣнію, чѣмъ быстрее будетъ произведенъ снимокъ, тѣмъ естественнѣе и точнѣе получится изображеніе.

Чуть ли не всѣ современные фотографы работаютъ уже теперь моментальными камерами; что же касается до скорости, то она дошла нынѣ чуть ли не до $\frac{1}{80}$ секунды на каждый снимокъ. Фотографамъ, имѣющимъ дѣло исключительно съ нашею особою, конечно не требуется такая чудовищная быстрота экспозиціи, да, наконецъ, и самое качество нашихъ фотографическихъ карточекъ едва ли пострадаетъ, если мы употребимъ на позированіе даже и болѣе секунды, но зато достигнута, наконецъ, возможность получать моментальные снимки съ поразительною быстротой навела нѣкоторыхъ специалистовъ на мысль попытаться получить снимки также и съ предметовъ, находящихся въ движеніи. Само собой разумѣется, что первыя попытки, несмотря на всевозможныя ухищренія такъ или иначе усилить чувствительность пластинокъ, были далеко не удачны: вмѣсто точныхъ снимковъ, получались какія-то неопредѣленныя пятна или, въ лучшихъ случаяхъ, только отдѣльныя части движущагося предмета. Только, если не ошибаюсь, въ 1893 году, одному французу, г. Люмьеру, удалось-таки добиться довольно быстро и до извѣстной степени точного получения отдѣльныхъ негативовъ съ движущихся предметовъ. Удача эта не удовлетворила, однако, предприимчиваго изобрѣтателя. Нужно было устранить также еще одно весьма важное неудобство. Надлежало изыскать способъ съ одинаковою скоростью закрывать въ камерѣ чувствительныя пластинки одна другою, чтобы получить возможный имѣть цѣлый рядъ послѣдовательныхъ снимковъ. Люмьеръ нашелся и тутъ. Онъ сталъ наливать свои чувствительныя пластинки не на стекло, какъ дѣлалось это прежде, а на особую, такъ-называемую, „целлулоидную“ массу, нарезаемую имъ длиною лентою, ко-

торую, помѣстивъ между двухъ деревянныхъ катушекъ, онъ и сталъ повертывать, при помощи прикрѣпленной къ одной изъ послѣднихъ ручьи, въ желаемомъ направленіи и съ надлежащею скоростью. Благодаря этому простому приспособленію, оказалось совершенно излишнимъ даже и вовсе закрывать чѣмъ-нибудь объективъ камеры, такъ какъ вмѣсто того быстро мѣнялись сами чувствительныя пластинки. Мало того и самый процессъ фотографірованія значительно ускорился и достигъ въ результатѣ до вышеуказанной предѣльной поры въ $\frac{1}{80}$ секунды на каждую отдѣльную экспозицію.

Получая такимъ образомъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ снимковъ съ одного и того же предмета (допустимъ, хотя бы, наиримѣръ, со скачущей лошади), естественно долженъ былъ явиться вопросъ: нельзя ли какъ-нибудь утилизировать полученные снимки въ практическомъ отношеніи? Тогда-то впервые и зародилась мысль о замѣчательномъ изобрѣтеніи, ставшемъ вскорѣ одною изъ модныхъ новинокъ конца нынѣшняго вѣка, а именно о кинематографѣ или живой фотографіи.

Многіе вѣроятно видѣли уже это любопытное зрѣлище, удивляющее людей даже очень образованныхъ. Дѣйствительно, наблюдая изъ зрительнаго зала, какъ обыкновенные фотографическіе снимки, появляясь на бѣломъ пологномъ экранѣ, начинаютъ въ глазахъ публики быстро оживать, нельзя не согласиться, что явленіе это, особенно для лица, впервые его наблюдающаго, можетъ показаться до нѣкоторой степени удивительнымъ. Но, теперь, когда мы отчасти уже познакомились съ постепеннымъ усовершенствованіемъ моментальной фотографіи, а ниже разберемъ еще подробно и крайне несложное устройство самаго аппарата кинематографа, простота вложенной въ него идеи станетъ для насъ вполне очевидной.

Итакъ, поднимемъ таинственный бѣлый экранъ и перейдемъ изъ зрительной залы на сцену.

На простомъ высокомъ столѣ, поставленномъ въ отдаленіи отъ экрана, на одномъ уровнѣ съ его рамой, утверждены обыкновенный электрическій фонарь, образецъ котораго почти каждый изъ насъ хорошо помнитъ еще съ дѣтства, когда бывало увлекались мы занимательными картинками волшебнаго фонаря. На разстояніи $\frac{1}{2}$ аршина отъ объектива фонаря вертикально укрѣплена обыкновенная деревянная дощечка, въ которой въ уровень съ объективомъ сдѣланъ маленькій продолговатый сквозной прорѣзъ, по формату и размерамъ своимъ совершенно равный съ каждымъ отдѣльнымъ фотографическимъ снимкомъ. По бокамъ этого прорѣза съ внутренней стороны той же дощечки укрѣплены продольно два длинныхъ желоба, по которымъ въ вертикальномъ направленіи и движется лента съ фотографіями. Лента приводится въ движеніе вѣдланымъ въ эти желобки двумя зубчатыми колесиками, которыя, въ свою очередь, соединены внизу дощечки съ маленькою рукояткою такъ, что, поворачивая послѣднюю рукою, легко можно подвигать ленту, но желанію, быстро или медленно. Теперь, если добавить, что съ внѣшней стороны дощечки, прямо противъ прорѣза, устроена цилиндрическая выдвигающаяся трубка съ конденсаторомъ, т.е. съ двумя вставными съ обонхъ ея концовъ стеклами (плоско-выпуклыми), плоскою стороною послѣднихъ наружу, то описаніе самаго кинематографическаго прибора будетъ закончено. Какъ видитъ читатель, — приборъ очень не сложенъ. Все остальное, что болѣе внимательный наблюдатель замѣтитъ въ приборѣ, будетъ уже лишнее и при дѣлывается къ нему съ исключительною цѣлюю съберечь на возможно продолжительный срокъ дороговую (около 50 руб. сер.), но тѣмъ не менѣе скоро портящуюся прозрачную ленту, на которой воспроизведены фотографическіе снимки. Такъ напр., для предохраненія этой ленты отъ поломки и разрыва сверху дощечки, по которой она движется въ аппаратѣ, приспособенъ особый автоматическій разматыватель той катушки, въ которую обыкновенно свертывается эта лента. Съ цѣлью же защитить ленту отъ рѣзкаго и губительнаго для нея дѣйствія электрическихъ лучей, предъ объективомъ устраивается иногда весьма интересная, насыщенная квасцами водная ванночка, которая заключена въ герметически закупоренномъ металлическомъ сосудѣ, очень напоминающимъ по своей формѣ футеровую коробку изъ-подъ мопансы, съ тою только разницею, что крышка и дно этой коробки стеклянныя. Само собой разумѣется, что ванночка эта предназначается не для омовенія въ ней ленты, а, напротивъ, для купанья самаго электрическаго луча, который, проникая сквозь насыщенную квасцами воду, долженъ утрачивать свое чрезуръ рѣзкое вліяніе на фотографическій снимокъ ленты.

Лента, на которой воспроизведены фотографическіе снимки, готовится такъ, какъ я уже сказалъ выше, изъ особой целлулоидной массы, которая въ естественномъ видѣ своею — желтоватаго цвѣта и прозрачна, какъ стекло. Довольно ясное представленіе о характерѣ этой массы могутъ дать появившіеся не такъ давно въ продажѣ разноцвѣтные прозрачные портреты-наприсинки; вѣроятно, многіе уже видѣли ихъ. Впрочемъ, масса эта напоминаетъ отчасти также и въѣмъ почти знакомую слюду, которую по внѣшности легко принять за целлулоидъ. Ширина ленты рѣдко превышаетъ 3—4 сант., зато длина ея бываетъ весьма различна. Такъ, наиримѣръ: есть ленты, достигающія 24-хъ и болѣе метровъ въ длину (36 арш.), хотя

нормальная длина ихъ около 12 метровъ. Фотографическіе снимки размѣщаются на лентѣ также не одинаково. Иногда на одной аршинѣ помѣщается до 40 отдѣльныхъ снимковъ, шириною въ 3 сант. и высотой по 2 сант. каждый, при чемъ они слѣдуютъ непрерывно одинъ за другимъ, безъ всякихъ между собой просвѣтовъ. Иногда же снимки занимаютъ чуть ли не всю ширину ленты, но высотой своею не превышаютъ 1 сант. и размѣщаются уже одинъ отъ другого на разстояніи 1½ сант. Всего снимковъ на лентѣ помѣщается обыкновенно отъ 700 до 1500 штукъ.

Къ тому, что я сказалъ въ началѣ своего очерка о самомъ способѣ, практиковавшемся г. Люмьеромъ для полученія моментальныхъ снимковъ, необходимо добавить, что лента, съ приготовленной на ней чувствительной пленкой (пластикой), само собой разумеется, не могла быть пригодна тотчасъ же послѣ экспозиціи для кинематографическаго аппарата, равно какъ, напримѣръ, и негативъ, полученный при нашемъ позированіи въ фотографіи, не сразу выдается намъ на руки, а уже послѣ отпечатанія его известнымъ способомъ, на особой бумагѣ и въ затребовавшемъ нами количествѣ экземпляровъ. Точно такой же приемъ практикуется и съ лентой для кинематографа, а именно, полученные на ней негативы, подобно нашимъ фотографическимъ карточкамъ, также перепечатываются на другія ленты; вся разница состоитъ лишь въ томъ, что наши карточки переводятся на бумагу, а моментальные снимки на ленту изъ прозрачной целлулоидной массы.

Озвачиваясь съ приборомъ кинематографа, попробуемъ теперь сами оживить на экранѣ фотографическіе снимки одной изъ целлулоидныхъ катушекъ. Для этого нужно только вложить въ желобки дощечки предъ фонаремъ одинъ конецъ ленты съ фотографіями, осветить нашъ фонарь, урегулировать его свѣтъ и начать повертывать ручку аппарата. Сильный лучъ свѣта, направленный прямо на прорѣзъ въ дощечкѣ предъ объективомъ, естественно, лучше всего осветитъ проходящій около прорѣза фотографическій снимокъ и, проникнувъ сквозь прозрачную целлулоидную массу ленты, отразитъ точное изображеніе послѣдняго на экранѣ, при чемъ, если мы сумѣемъ придать лентѣ какъ разъ ту же скорость движенія, какая была дана ей въ моментъ экспозиціи, то послѣдовательная перемѣна снимковъ въ кинематографѣ останется для глазъ зрителей совершенно незамѣтной, давая имъ вмѣсто того полную иллюзію запечатлѣнныхъ фотографією съ натуральныхъ моделей движеній. Что полнота иллюзіи достигается тутъ не безъ участія нашего воображенія, попробуемъ доказать нагляднымъ примѣромъ. Такъ, види, напримѣръ, на экранѣ фигуру человѣка, который, какъ намъ уже ранѣе это извѣстно, долженъ, положимъ, напримѣръ, ходить или махать руками, мы, смотря на первый снимокъ, гдѣ запечатлѣно его первое движеніе, а именно, что онъ занесъ уже для этой дѣли руку или погу, невольно угадываемъ воображеніемъ отлично знакомыи намъ его послѣдующія дѣйствія, а такъ какъ сіи послѣднія тутъ же и подтверждаются быстро слѣдующими одинъ за другимъ снимками съ нихъ, то мы, въ силу своейственной нашему зрѣнію нѣкоторой обмашивости, невольно утрачиваемъ способность подмѣтить на экранѣ самую замѣну картинъ одну другою.

Все искусство хорошей передачи на экранѣ оживленнаго фотографическаго изображенія заключается, главнымъ образомъ, въ абсолютномъ сохраненіи той же самой скорости движенія ленты въ аппаратѣ, какую имѣла она во время съемки

фотографій. Къ сожалѣнію, достигнуть этого рѣдко кому удается. Рукоятку прибора вращаетъ обыкновенный смертный, отъ котораго нельзя и требовать сохраненія постоянной правильности движеній своей руки. Вотъ почему частенько и происходитъ на экранѣ замѣтная неестественность движеній изображаемыхъ тамъ дѣйствующихъ лицъ. Устранить это важное неудобство можно только путемъ полного урегулированія движеній рукоятки аппарата. Сдѣлать же это можетъ только одно электричество. Припомнимъ, что нѣчто подобное мы замѣчали прежде и въ фонографѣ, когда не былъ еще примѣненъ къ нему электрической двигатель. Многие помнятъ, вѣроятно, тотъ прерывающійся замогильный голосъ, который исходилъ тогда изъ фонографа. Но лишь только движеніе валика фонографа урегулировано было электричествомъ, недостатокъ этотъ само собой устранился. Полагаю, что то же самое будетъ и съ кинематографомъ.

Второй весьма важный недостатокъ кинематографа — это довольно частое дрожаніе или, точнѣе сказать, какое-то прыганіе картинъ на экранѣ. Происходитъ это, поистинѣ, отъ того, что регулированіе углей накалыванія въ фонарь прибора производится крайне примитивнымъ способомъ, а именно, чуть ли не допотопнымъ регуляторомъ, приводимымъ въ дѣйствіе всею же рукою простого смертнаго. И вотъ въ результатѣ зрителямъ поневолѣ приходится мириться со сверхпрограммными танцами фотографій на экранѣ. Такъ какъ экспериментаторамъ кинематографа, практикующимъ въ нашей столицѣ, приходится пользоваться для своего фонаря обыкновенно городскимъ электрическимъ свѣтомъ, почти исключительно достигающимъ 100-вольтоваго напряженія, то не проще ли было бы имъ замѣнить свой историческій регуляторъ хотя бы свѣчевой Яблочкова или другой однородной съ ней, но болѣе усовершенствованной системы, не требующихъ, какъ извѣстно, частаго регулированія.

Остался еще одинъ послѣдній недостатокъ кинематографа, исправить который еще легче. Часто, наблюдавъ на экранѣ какое-нибудь любопытное зрѣлище, зрители неожиданно бываютъ поражены внезапнымъ появленіемъ на экранѣ громадной голы, руки, шланы или даже цѣлой фигуры какого-либо голафа, заслоняющихъ собой чуть ли не всю картину и мѣшающихъ поэтому досмотрѣть заинтересовавшій насъ моментъ той или другой сцены. Причиной этого неожиданнаго сюрриза кинематографа служитъ то устоявшееся обстоятельство, что при полученіи на ленту фотографическихъ снимковъ, въ моментъ самой экспозиціи, близко отъ объектива камеры кто-нибудь протрѣлъ или остановился.

Итакъ, несмотря на всю гениальность самой идеи послѣдняго изобрѣтенія, въ устроенномъ для его практическаго осуществленія аппаратѣ замѣчается пока не мало погрѣшностей, которыя современемъ будутъ, конечно, устранены. Въ недалекомъ будущемъ, если вѣрить обѣщаніямъ г. Эдиссона, мы получимъ возможность наблюдать болѣе усовершенствованный кинематографъ, быть-можетъ, даже еще въ соединеніи его съ фонографо-микрофономъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если мы скоро будемъ счастливыми зрителями феноменальнаго зрѣлища, когда оживленные въ кинематографѣ люди будутъ говорить еще съ экранна обыкновенною членораздѣльною рѣчью. Тогда можно будетъ уже въ полномъ смыслѣ этого слова говорить о живой фотографіи.

У о ча га.

(Изъ Лонгфелло.)

Стихотвореніе Д. Л. Михаловскаго.

Въ старинномъ домѣ мы сидѣли,—
Онъ былъ къ заливу обращенъ,—
Сквозь рамы оконъ, дыры, щели
Дулъ вѣтеръ въ домъ со всѣхъ сторонъ.

При тускломъ свѣтѣ непогоды,
Мы видѣли заливъ и портъ,
Дома давно прошедшей моды,
Маякъ и упраздненный фортъ.

Сидѣли мы и толковали;
Ночь подошла, и день угасъ,—
И наши лица въ тѣмѣ пропали:
Глубокой мракъ окуталъ насъ.

Нашъ разговоръ въ быломъ вращался,—
Шла рѣчь о сценахъ давнихъ лѣтъ,
О тѣхъ, кто живъ, и кто скончался,
И чей утратили мы слѣдъ;

О всемъ, что сердце наполняетъ
Друзей въ тотъ часъ, когда оно

Впервые съ болью ощущаетъ,
Что связь ихъ порвана давно,
Что между тѣмъ, какъ дни летѣли
И въ бездну прошлаго неслись,
Пути друзей, ихъ жизней цѣли
Врозь невозвратно разошлись.

О, первый холодъ отчужденья,
Который выразить—нѣтъ словъ!
И странны были выраженья
И звуки нашихъ голосовъ.

Среди былыхъ надеждъ, желаній,
Фантазій, думъ, казалось мнѣ,
Что желтый листъ воспоминаній
Шуршитъ печально въ тишинѣ...

Бесѣда наша замирала,
Когда на очагъ у насъ,
Гдѣ пламя тусклое мерцало,
Огонь вдругъ вспыхивалъ и гасъ.

Онъ слабо, туго разгорался,
Всегда потухнуть былъ готовъ,
И весь обломками питался
Разбитыхъ бурями судовъ.

И въ нашихъ мысляхъ возставали,
При этихъ вспыскахъ, корабли,
Что въ дальнемъ морѣ погибали
И безъ отвѣта оставляли
Салютъ, имъ посланный съ земли.

Шумъ вѣтра, ветхихъ рамъ дрожанье,
И океана дикій ревъ,

И въ тьмѣ почной огня мерцанье,
И звуки нашихъ голосовъ

Слились въ одно, и частью были
Всѣхъ нашихъ грезъ и думъ о томъ,
Что мы всѣмъ сердцемъ пережили,
Но для чего не находили
Теперь уже отвѣта въ немъ...

О, жаръ сердецъ, томимыхъ горемъ!
О, пламя! Ихъ сближалъ мой умъ,—
Огонь обломковъ, данныхъ моремъ,
Съ огнемъ тоскливыхъ нашихъ думъ...

Къ рисункамъ.

Карль Фридрихъ Дейкеръ, родившійся въ 1836 г., принадлежитъ къ числу видныхъ представителей нѣмецкихъ живописцевъ, специализовавшихся на мирѣ животныхъ, и каждое его произведение привлекаетъ общее вниманіе художественностью отдѣлки и интереснымъ замысломъ. Вотъ, напримеръ, хотя бы встрѣча собаки съ неожиданнымъ врагомъ — гадюкой. Посмотрите, съ какой тревогой остановилась она при видѣ поднимающейся головки ядовитой змѣи. Держа въ зубахъ подстрѣленную дичь, вѣрный другъ охотника несетъ къ нему съ радостью, ожидая ласки хозяина, и вдругъ такое роковое пренятствіе! Въ рѣшительную минуту гадюка выросла передъ озадаченной собакой и, вѣроятно, если послѣдняя не успѣетъ скрыться, ей не сдобровать. Испугъ собаки и вызывающій видъ змѣи схвачены художникомъ съ большимъ искусствомъ, и невольно въ душѣ зрителя поднимаютъ тревожный вопросъ, что будетъ дальше?..

Картина Эльсера Баловница воспроизводитъ одинъ изъ частыхъ эпизодовъ дѣтской жизни. Маленькая шалуныя задумала подшутить надъ своимъ вѣрнымъ другомъ — собакой, которая мирно покоилась съ дѣтенышами. Подкрившись, она, подъ видомъ желанія поглядѣть любимую собачонку, взяла ее на руки и, какъ ни въ чемъ не бывало, стала медленно удаляться, ежесекундно оборачиваясь на встревоженную мать и прочихъ членовъ счастливаго семейства. Шалуныя не понимаетъ трагизма своей невинной шутки и сияетъ восторгомъ, не замѣчая испуганной мордочки притихшаго звѣрка. Умные глаза собаки краснорѣчиво говорятъ, что она постоитъ за свое чадо, въ случаѣ грозившей опасности. Она еще сама не вполне довѣряетъ чутью и не знаетъ, — бросится ли за дѣтенышемъ и освободитъ его изъ рукъ дѣвочки, или выждать немного, чтобы убѣдиться, не обычная ли это забава шаловливаго ребенка. Картина выписана весьма тщательно, и благодарный сюжетъ исчерпанъ съ рѣдкимъ художественнымъ талантомъ.

Наша гравюра на стр. 49, воспроизведенная съ картины художника Макенпранга, представляетъ очень интересную сцену изъ жизни животныхъ — борьбу лебедя-самки съ лисою, собирающеюся похитить у нея птенцовъ. Кума-лиса, какъ извѣстно, большая любительница полакомиться; при этомъ она не брезгуетъ ничѣмъ, и даже маленькая полевая мышь представляется ей соблазнительной добычей; но особенно любитъ она птицу. Крестьянскимъ курятникамъ и вообще птичникамъ не мало приходится приносить жертвъ алчности этой хитрой хищницы. Вдали же отъ человѣческаго жилья она всегда разыскиваетъ птенцовъ курлятокъ, дикихъ утокъ, гусей и лебедей. Дикій лебедь встрѣчается лѣтомъ во всей Сѣверной Европѣ; иногда онъ, при благоприятной погодѣ, зимуетъ въ Средней Европѣ, но вообще его мѣстомъ для зимовки слѣдуетъ считать берега озеръ и болота Южной Европы и Сѣверной Африки. Въ красотѣ и граціи движеній онъ уступаетъ нашему ручному лебедю: туловище его болѣе сплющено съ боковъ, чѣмъ у того, иея — короче. Зато онъ отличается большою сообразительностью и храбростью, отъ которой иногда солоно приходится кумушкѣ-лисѣ. Отыскавъ гнѣздо съ дикими лебедями-птенцами, она съ величайшею осторожностью, чуть слышно крадется къ нему, выжидая удобнаго момента для нападенія, когда оба старые лебеди улетятъ какъ-нибудь вмѣстѣ на короткое время; только въ ихъ отсутствіе рѣшается она напасть на птенцовъ. Но бѣда ей, если ея уловка будетъ замѣчена лебедемъ. Самка защищаетъ своихъ птенцовъ со страшною яростью, безпрестанно награждая лису сильными ударами клюва и хлопавьемъ крыльями. А если еще прилетитъ самецъ, тогда кумушкѣ-лисѣ ничего болѣе не остается, какъ пуститься на утекъ, подчасъ съ поздравноу клювами шкурой.

Казани на аванпостахъ въ сравнительно еще недавнее время составляли обычное явленіе на Кавказѣ, когда частые набѣги непокорныхъ туземцевъ безпокоили край, навводя

напическій страхъ на мирное населеніе. Обыкновенно нѣсколько человекъ, при лагерномъ расположеніи войскъ, составлялись по группамъ, въ различныхъ мѣстахъ впереди фронта лагера для охраны его отъ находящагося вблизи неприятеля. Въ данномъ случаѣ художникъ Рубо, извѣстный знатокъ Кавказа, изобразилъ дикую природу суроваго Дагестана съ прихотливой линіей голыхъ утесовъ и ущелій, гдѣ ничего не растетъ; только въ щеляхъ порою торчатъ колючіе, сухіе кустарники или уединенныя сосны. Перспектива горныхъ возвышенностей тонетъ въ необъятномъ воздушномъ океанѣ, и какъ малы кажутся эти трѣ часовыхъ, варящія себѣ на котелкѣ скромную пищу!.. „Молчитъ гроза военной непогоды...“ Лезгинны притихли; но опытные казаки держатъ ухо остро и знаютъ, что не сегодня — завтра хитрые горцы повторятъ свой разрушительный набѣгъ. Даже лошади, насущіяся на травѣ, стоятъ насторожѣ, готовыя каждую минуту полетѣть вскачь съ роковымъ извѣстіемъ, что неприятель надвигается.

Обитель св. Сергія неоднократно оказывала великія услуги отечеству нашему, и въ ея исторіи есть много эпизодовъ, тѣсно связанныхъ съ исторіей Руси... Вотъ одинъ изъ нихъ, наиболее знаменательный, послужившій нашему художнику темою для его рисунка.

Ночь только что миновала — темная и теплая августовская почва; разсвѣло; солнце, багровое среди густого утренняго тумана, вышло изъ-за сосѣднихъ холмовъ и освѣтило купола храмовъ и верхи башенъ Троице-Сергіевой обители, когда трое всадниковъ, на потныхъ, истомленныхъ, взмыленныхъ коняхъ подъѣхали къ воротамъ обители, и одинъ изъ нихъ, соскоча съ сѣдла, сталъ усердно стучаться въ ворота. На окликъ воротнаго сторожа, стучавшій громко и ясно отвѣтилъ: — Скажи отцу архимандриту, что царь Петръ Алексѣевичъ изволилъ на спѣхъ прѣхать въ обитель — и отворилъ скорѣе.

Встревоженный сторожъ, не довѣряя ушамъ своимъ, повторилъ вопросъ и, услышавъ тотъ же отвѣтъ, стремглавъ бросился къ властямъ съ доношеніемъ... Черезъ нѣсколько мгновеній архимандритъ Викентій и вся братія были уже въ воротахъ и, раскрывъ настежь тяжелыя створы ихъ, уже встрѣчали юнаго царя Петра и его спутниковъ — постельничаго Гаврила Головинна, любимаго парлика царя Петра, который прискакалъ на одной лошади съ постельничимъ, и стрѣльба Мельнова. Юный Петръ былъ до такой степени изнуренъ непрерывно-быстрымъ воячимъ переѣздомъ въ 60 верстъ, что еле-держался на сѣдлѣ... Блѣднаго, изможденнаго отъ усталости, монахи сляли его съ лошади и, поддерживая подъ руки, свели къ келье архимандрита... Здѣсь, едва переступивъ порогъ, Петръ бросился на постель и залился слезами. На тревожные вопросы о Викентіи, онъ разсказалъ ему откровенно, что побудило его къ бѣгству изъ Москвы и вынудило искать убѣжища въ стѣнахъ обители св. Сергія.

Дѣло было такъ. Въ послѣдніе три года, подрастающій и зрѣющій Петръ начиналъ сознавать свои силы и пробовать ихъ въ борьбѣ съ сестрой своей, правительницей Софьей. Властолубивая сестра не сдавалась и не уступала ему того мѣста, которое ему принадлежало по праву. Изъ-за синыи Петра и Софьи, зорко наблюдав другъ-друга, готовились вступить въ борьбу двѣ партіи, между которыми давно и глухо разгоралась борьба... Но обѣ партіи опасались борьбы, обѣ не были увѣрены въ своихъ силахъ, и обѣ знали, что катастрофа близится неотвратимо. Въ рукахъ Софьи была большая сила — стрѣльцы, значительно пресмирѣвшіе, но все еще казавшіеся грозными... Сторонники Петра и его матери вѣрили въ то, что стрѣльцы, попрежнему, преданы Софьѣ и ея интересамъ; они не знали, что Софья и ближайшіе ея пособники уже успѣли извѣриться въ стрѣльцахъ и могли разсчитывать въ средѣ ихъ лишь на весьма незначительное меньшинство, какъ на твердую опору. Въ большинствѣ же стрѣльцовъ уже явилась та шаткость и тѣ сомнѣнія, которыя такъ обычны въ періоды наступающей борьбы партій: и это большинство начинало ясно

понимать, что если ожидаемая борьба разразится — Софья не устоять перед Петром, на стороне которого были все права... И вот, в течение всего лета 1689 года, в Преображенском, изо дня в день ожидали, что Софья и ее сторонники, при помощи стрельцов, приступят к каким-нибудь решительным, насильственным мерам — и были постоянно настороже от всяких бѣдъ и напастей. Въ то же время, въ Московском Кремлѣ, не менѣе, чѣмъ въ Преображенскомъ, ждали, что Петръ и его сторонники предпримутъ что-нибудь необычайное, решительное, безповоротное... И тутъ тоже держали стрельцкіе полки по ночамъ подъ ружьемъ, накрѣпо замыкали Кремлевскія ворота, смѣло ожидая или опасаясь нападенія... Достаточно было одной искры, чтобы отъ словъ перейти къ дѣлу...

Въ ночь съ 7-го на 8-е августа 1689 г., въ то время, когда эти обоюдныя опасенія обѣихъ сторонъ дошли до крайняго предѣла, двое стрельцовъ Стремлянина полка, Мельниковъ и Ладогинъ, посоветовавшись съ товарищами, рѣшились идти въ Преображенское и донести царю Петру объ усиленныхъ сборахъ стрельцовъ въ Кремлѣ, по ночамъ, и о томъ, что затѣвается вѣчто недоброе... Они явились туда со своимъ извѣтомъ около полуночи, когда Петръ уже спалъ крѣпкимъ сномъ юности, просили разбудить царя, и сообщили ему свои опасенія въ такой формѣ, что Петръ, еще не успѣвший вполне очнуться отъ сна, перепугался. Полуодѣтый, бросился онъ въ конюшню, вскачь на первую лошада и поскакалъ въ ближайшій лѣсъ. Туда привезли ему одежду, и онъ, наскоро одѣвшись, поскакалъ оттуда въ Троице-Сергиеву обитель въ сопровожденіи постельничаго Головинна, карлика и одного изъ стрельцовъ-наѣтчиковъ, съ которыми, какъ мы видѣли, благополучно добрался до своей цѣли. Нѣсколько часовъ спустя послѣ приѣзда Петра, вся Троицкая весь дворъ, жившій въ Преображенскомъ, полки потѣшныхъ, стрельцкій Сухаревъ полкъ, вельможные сторонники Петра изъ Москвы, обозы, артиллерія — все это шумно и спѣшно шло, ѣхало и двигалось къ Троицѣ. Начиналась новая исторія Россіи...

П. П.

А. Н. Куропаткинъ.

(Портр. на этой стр.)

Высочайшимъ указомъ 1-го января вѣсто уволеннаго по болѣзни генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго главою военнаго министерства назначенъ генералъ-лейтенантъ А. Н. Куропаткинъ, занимавшій до сихъ поръ трудный и отвѣтственный постъ начальника Закаспійской области. Генералъ А. Н. Куропаткинъ давно уже пользуется славой выдающагося администратора и глубокаго знатока военнаго дѣла, изученнаго имъ и въ теоріи, и на практикѣ въ цѣломъ рядѣ походовъ, увѣчавшихъ его боевою славой.

Алексій Николаевичъ родился въ 1848 г. и происходитъ изъ дворянъ Псковской губерніи. Образованіе онъ получилъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, павловскомъ военномъ училищѣ и академіи генеральнаго штаба, въ которой окончилъ курсъ въ 1874 г. — первымъ.

Служба его началась уже въ 1866 г. Пробывъ нѣсколько лѣтъ ротнымъ командиромъ перваго туркестанскаго стрѣлковаго батальона, А. Н. Куропаткинъ быстро успѣлъ выдѣлиться и скоро сдѣлалъ блестящую карьеру. Въ 1874 г., по окончаніи курса въ академіи, онъ былъ посланъ на казенный счетъ въ Алжиръ, гдѣ провелъ почти цѣлый годъ, въ постоянныхъ разъѣздахъ, и принялъ дѣятельное участіе въ экспедиціи въ

оазисы Мзабъ и Уаргла, предпринятой французскими войсками подъ командой генерала Лаверде. Вислѣдствіи А. Н. описалъ эти, посѣщенные имъ, оазисы и былъ награжденъ за свой трудъ кавалерскимъ крестомъ ордена Почетнаго Легиона. Возвратившись на родину, А. Н. вскорѣ занялъ должность

старшаго адъютанта при штабѣ туркестанскаго военнаго округа, затѣмъ — постъ начальника штаба 16-й пѣхотной дивизіи. Вислѣдствіи онъ былъ назначенъ завѣдующимъ азиатскою частью главнаго штаба и занималъ кафедру военной статистики (адъюнкты-профессора) въ академіи генеральнаго штаба. Потомъ онъ опять продолжалъ работать на дальней окраинѣ, въ качествѣ начальника туркестанской стрѣлковой бригады.

Восемь послѣдующихъ лѣтъ — съ 1882 по 1890 годъ — А. Н. прослужилъ въ главномъ штабѣ, гдѣ онъ участвовалъ въ работахъ по оборонѣ государства, подъ руководствомъ генерала Обручева. Во время этихъ работъ ему приходилось предпринять много поѣздокъ для изученія нашихъ западныхъ укрѣпленій. Съ этой должности А. Н. и былъ призванъ въ 1890 г. на постъ начальника Закаспійской области, на правахъ генералъ-губернатора и командующаго войсками. Семь лѣтъ безсмысленно простоялъ онъ „часовымъ у Герага“, на стражѣ русскихъ интересовъ, проявивъ при этомъ большія административныя способности. Закаспійскій край обязалъ своимъ теперешнимъ состояніемъ энергичному управленію А. Н. Куропаткина; при немъ устроено въ области нѣсколько городовъ, открыто до 30 русскихъ школъ, построено до 10 православныхъ храмовъ, проложены колесныя дороги, широко разрослась закаспійская желѣзная дорога, на которой въ настоящее время, кромѣ войскъ, состоитъ болѣе 6000 русскихъ служащихъ, организована судебная часть. Все это достигнуто А. Н. Куропаткинымъ путемъ тяжелой борьбы, потребовавшей не меньшей стойкости и распорядительности, чѣмъ проявленная имъ на полѣ битвы.

Боевая дѣятельность А. Н. началась очень давно, почти одновременно со службой, начавшейся на окраинѣ, гдѣ каждую пядь земли пришлось брать и отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ. Начиная съ 1866 г. онъ принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ средне-азиатскихъ походовъ, между прочимъ былъ участникомъ штурма Самарканда въ 1868 г., а также участвовалъ въ кокандскомъ походѣ 1875—76 гг., во время второй половины котораго онъ состоялъ начальникомъ штаба генерала Скобелева. Въ той же отвѣтственной должности онъ совершилъ рядъ выдающихся боевыхъ подвиговъ въ послѣднюю русско-турецкую войну, подъ Ловчей, Шелвиой и Шейновымъ. Во время этой войны онъ былъ дважды тяжело раненъ, но крѣпкая натура его мало пострадала отъ этого. Такимъ же славнымъ боевымъ сотрудникомъ Скобелева былъ А. Н. и въ ахаль-текискую экспедицію, когда онъ состоялъ начальникомъ туркестанскаго отряда. За свои военные отличія и гражданскія заслуги онъ былъ награжденъ цѣлымъ рядомъ высшихъ орденовъ до св. Александра Невскаго включительно, въ томъ числѣ орденомъ Георгія 4 и 3 степени.

Кромѣ того А. Н. Куропаткинъ пользуется извѣстностью и какъ авторъ нѣсколькихъ выдающихся трудовъ, главнымъ образомъ, по военной географіи и статистикѣ Алжира и Кангарии онъ былъ удостоенъ медалей Императорскаго Географическаго Общества. Затѣмъ извѣстны его труды о мишувшей русско-турецкой войнѣ: „Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева“, статьи „Блокада Шелвины“ и „Шейново“ (помѣщены въ

Вновь назначенный управляющій военнымъ министерствомъ, генералъ-лейтенантъ А. Н. Куропаткинъ.

Съ фот. автотипія „Нивы“.

Новый кievскій, подольскій и волинскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ М. И. Драгомировъ.

Съ фот. автотипія „Нивы“.

части. За свои работы по географіи и статистикѣ Алжира и Кангарии онъ былъ удостоенъ медалей Императорскаго Географическаго Общества. Затѣмъ извѣстны его труды о мишувшей русско-турецкой войнѣ: „Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева“, статьи „Блокада Шелвины“ и „Шейново“ (помѣщены въ

„Военномъ Сборникѣ“) и, наконецъ, „Описание дѣйствій въ Средней Азій и Ахаль-Текинская экспедиція“.

М. И. Драгомировъ. (Портр. на стр. 57.)

Къ новому году два популярнѣйшихъ генерала нашей арміи получили новыя назначенія: А. Н. Куропаткинъ — управляющаго военнымъ министерствомъ, а М. И. Драгомировъ — кievскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора.

Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ принадлежитъ къ числу тѣхъ нашихъ генераловъ, которые обратили на себя общее вниманіе своими заслугами въ трехъ различныхъ сферахъ военной дѣятельности. М. И. славится, какъ теоретикъ, боевой генералъ и военный администраторъ. На всѣхъ трехъ поприщахъ онъ стяжалъ себѣ вполнѣ заслуженныя лавры. Долгое время онъ былъ профессоромъ тактики въ военной академіи, и его лекціи отличались большимъ достоинствомъ, содѣйствовали военному образованію русской арміи и до сихъ поръ продолжаютъ ему содѣйствовать, такъ какъ курсы тактики генерала Драгомирова составляетъ настольную книгу всякаго русскаго офицера, озабоченнаго своимъ образованіемъ. Кроме того, М. И. состоялъ долгое время начальникомъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, другими словами, руководилъ всѣми высшимъ образованіемъ одного изъ главныхъ составныхъ элементовъ распорядительной части нашей арміи. Но этимъ не ограничиваются теоретическія заслуги генерала Драгомирова. Онъ написалъ цѣлый рядъ изслѣдованій, изъ числа которыхъ мы назовемъ лишь самыя извѣстныя. Таковы: „Очерки австро-прусской войны 1866-го года“, „Опытъ руководства для подготовки частей къ бою“ и „Содатская памятка“. Далѣе, принимая дѣятельное участіе въ обсужденіи текущихъ военныхъ вопросовъ, онъ помѣстилъ много статей въ *Военномъ Сборникѣ* и въ *Русскомъ Инвалидѣ*. Все это даетъ полное право назвать М. И. однимъ изъ самыхъ видныхъ русскихъ военныхъ теоретиковъ.

Но и какъ боевой генералъ, М. И. приобрѣлъ широкую извѣстность. Въ войну 1877—78 г. онъ командовалъ 14-ой пѣхотной дивизіей, которая первою переправилась черезъ Дунай, около Систова, подъ убійственнымъ огнемъ турокъ. Тогда уже имя генерала Драгомирова стало извѣстно всей Россіи. Кроме того, онъ принялъ самое дѣятельное участіе къ славной оборонѣ Шинки, но тутъ былъ опасно раненъ въ ногу, и это положило конецъ его дальнѣйшимъ боевымъ усиліямъ. Во всякомъ случаѣ онъ не только имѣлъ возможность лично ознакомиться съ войною, но и руководить войсками, когда имъ приходилось проявлять свои боевыя качества.

Съ 1889 г. генералъ Драгомировъ состоитъ командующимъ войсками кievскаго военного округа. Это очень ответственныя посты, такъ какъ кievскій военный округъ составляетъ одно изъ самыхъ существенныхъ звеньевъ въ оборонѣ нашей западной границы противъ возможнаго нападенія со стороны лиги мира. Не здѣсь мѣсто обсуждать, насколько распоряженія генерала Драгомирова, во время его восьми-лѣтняго управленія кievскимъ военнымъ округомъ, были цѣлесообразны, но его обращенія къ вѣрнымъ ему войскамъ привлекали общее вниманіе и несомнѣнно содѣйствовали поддержанію въ нихъ боевого духа, сознанія долга и гуманности, насколько она совместна съ военною профессіею.

Нынѣ, указомъ 1-го января, генералъ-адъютантъ Драгомировъ назначенъ кievскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ съ оставленіемъ командующимъ войсками кievскаго военного округа. Такимъ образомъ, войска этого округа не разстанутся съ своимъ популярнымъ начальникомъ. Но кроме того его административная власть распространяется и на все остальное населеніе юго-западнаго края, т. е. родины новаго генералъ-губернатора. Русскій дворянскій родъ Драгомировыхъ

происходитъ отъ польскаго рода Драгомпрецкихъ. Прадѣдъ Михаила Ивановича принялъ русское подданство въ 1739 г. и поселился въ Малороссіи, гдѣ въ 1830 г. и родился М. И. Слѣдовательно, ему выпало на долю счастья приложить свои административныя способности и заботы къ дальнѣйшему развитію своей родины. Проявленные имъ на различныхъ поприщахъ даровитость, справедливость и гуманность служатъ ручательствомъ, что и въ новой отвѣтственной своей должности М. И. Драгомировъ вполнѣ оправдаетъ возлагаемыя на него надежды.

М. А. Славина. (Портр. на стр. 59.)

Когда рѣчь идетъ о юбилеѣ такой талантливой артистки, какъ Марія Александровна Славина, нельзя говорить о ней иначе, чѣмъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Г-жа Славина, несмотря на свои молодые годы, числится въ составѣ труппы русской оперы уже двадцать лѣтъ. На подмосткахъ Мариинскаго театра она появилась, когда на шихъ царилъ еще лучший традиціи, когда еще дѣйствовали такіе видные представители нашего искусства, какъ Петровъ, Мельниковъ, Прянишниковъ, Корсовъ, Стравинскій, Орловъ, Меньшиковъ, Лавровская, Платонова, Каменская и другіе дѣятели, составляющие гордость нашей лирической сцены. Она усвоила ихъ взгляды на родное искусство и пошла по ихъ стопамъ. Но одного добраго желанія было бы недостаточно. Природа надѣлила ее всѣми дарами, нужными для того, чтобы обратитъ на себя вниманіе среди какихъ угодно артистовъ: молодостью, красотой, сценической наружностью, замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ, прекраснымъ голосомъ и темпераментомъ. Всѣ эти природныя дары она культивировала, частью сама, частью подъ руководствомъ выдающихся профессоровъ, и въ результатѣ мы всегда имѣли въ ней талантливую исполнительницу, которая изъ каждой роли создавала поэтической образъ, полный жизни, обремененный въ плоть и кровь, а такое творчество — удѣлъ только избранныхъ художниковъ.

Предъ нами проходитъ цѣлая галерея созданныхъ ею типовъ, начиная съ глубокой старинъ (библейская Далла, мичекая Клитемнестра, Амнерстъ и др.) и кончая героніями болѣе близкаго къ намъ времени (Карменъ, Графиня въ „Пиковой дагѣ“, Груня въ „Вражьей слѣдѣ“, Оксана въ „Майской ночи“ и пр.), и въ каждомъ изъ нихъ она сумѣла схватить изображаемую эпоху, характеръ даннаго лица, историческаго (Орлеанская дѣва и Морозова въ „Оричникѣ“) или вымышленнаго (Рагмиръ въ „Русланѣ“, Фидесъ въ „Пророкѣ“, Лель въ „Сибирочкѣ“ и др.), каждому придать индивидуальныя особенности, отличающія его отъ другихъ, отдѣлать малѣйшіе штрихи и осуществить замыслы автора. Посмотрѣвъ, напр., г-жу Славину въ Графиню („Пиковая дама“) и Карменъ или въ Клитемнестру („Орестейя“) и Пекки („Бронзовыя ковѣ“) и сопоставивъ эти типы, мы невольно приходимъ къ заключенію, что общее между ними только ихъ создательница: — до того артистка перерождается въ каждой роли, до того она разнообразна въ своихъ сценическихъ пріемахъ.

Но громадный сценическій талантъ дополняется у г-жи Славини тѣмъ, что необходимо всего пѣвцу — голосомъ. У нашей юбиларши прелестное меццо-сопрано, отлично обработанное, гибкое, одинаково пригодное для выразительнаго речитатива (у нея превосходная дикція) и для колоратурнаго пѣнія.

Полагаемъ, что сказаннаго достаточно, чтобы объяснить себѣ тѣ похвалы и оваціи, которыхъ удостоилась г-жа Славина на своемъ юбилейномъ спектаклѣ, состоявшемся 9-го января, и которыя сопровождаютъ вообще каждое ея появленіе на сценѣ. Она пользуется общою любовью почитателей Мариинскаго театра, на которомъ она по праву занимаетъ мѣсто первой примдонны.

В. Басинъ.

Библиографія.

В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. IV. Москва. 1898 г. Ц. 5 р.

Этимъ тономъ заканчивается капитальный трудъ г. Шенрока о жизни и писательской дѣятельности великаго нашего сатирика. Г. Шенрокъ работаетъ уже долгіе годы надъ собираніемъ матеріаловъ для его біографіи. Послѣ цѣлаго ряда предварительныхъ работъ, повившихся въ видѣ монографій, авторъ разбираемаго нами труда приступилъ въ 1892 г. къ ихъ объединенію. Это потребовало пяти лѣтъ, и теперь предъ нами всѣ четыре тома его обширнаго труда.

Компетентность автора выше всякихъ сомнѣній. Когда умеръ такой знатокъ Гоголя, какъ покойный профессоръ Тихонравовъ, не успѣвшій окончить десятое изданіе сочиненій Гоголя, г. Шенрокъ явился естественнымъ его преемникомъ, и подъ его редакцію вышущи А. Ф. Маркомъ шестой и седьмой томы этого превосходнаго изданія. Они, какъ извѣстно уже читателямъ, удостоились со стороны нашей Академіи Наукъ пушкинскій преміи въ текущемъ году, которая замѣтна была почетнымъ отзывомъ только вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ денежныхъ средствъ. Такимъ образомъ заслуги г. Шенрока въ дѣлѣ изученія текста сочиненій Гоголя признаны и высшимъ нашимъ ученымъ учрежденіемъ. Русская литература

обязана ему на ряду съ покойнымъ Тихонравовымъ самымъ полнымъ и вѣрнымъ изданіемъ сочиненій нашего великаго писателя.

Еще болѣе значительна заслуга г. Шенрока въ качествѣ собирателя матеріаловъ для біографіи Гоголя. Разсматриваемый здѣсь четвертый томъ его книги обнимаетъ послѣдніи десять лѣтъ жизни творца *Ревизора* и *Мертвыхъ душъ*, съ 1842 по 1852 г. Первый томъ заключаетъ въ себѣ изслѣдованія, посвященныя предкамъ и родителямъ Гоголя, его ученичскіе годы и первое время его жизни въ Петербургѣ; второй — его первоначальныя литературныя опыты, оцѣнку его значенія, какъ историка и педагога, исторію возникновенія его драматическихъ произведеній; третій — его пребываніе за границею и въ Москвѣ въ началѣ 40-хъ годовъ и исторію его литературныхъ трудовъ въ періодъ съ 1836 по 1846 гг.; наконецъ четвертый, какъ мы уже указали, — послѣдніи десять лѣтъ его жизни, при чемъ авторъ подробно выясняетъ его отношенія къ различнымъ выдающимся современникамъ: Шереметовой, семьѣ Вильгорскихъ, Смирновой, Аксаковымъ, Иванову и т. д., участвъ его заграничную жизнь въ этотъ періодъ, „Перенеску съ друзьями“, путешествіе къ свитымъ мѣстамъ, наконецъ послѣдніе дни жизни Гоголя. Такимъ образомъ четыре тома

„Орлеанская дѣва“.
Далила („Самсонъ и Далила“).
Карменъ. Оксана („Майская ночь“).

Клитемистра („Орестейд“).

Амнерис („Аида“).

М. А. Славина. По поводу 20-лѣтїя артистической дѣятельности на Императорской сценѣ.
Фотографїи Е. Мрозовской и Императорскихъ театровъ. Рисунокъ В. А. Табурина, авторгїи „Шивы“.

„Материаловъ къ биографіи Гоголя“ обнимаютъ всю жизнь великаго писателя и представляютъ богатѣйшія данныя для оцѣнки его личности, равно какъ и вѣншихъ и внутреннихъ мотивовъ его дѣятельности. По богатству собранныхъ данныхъ, трудъ г. Шенрока представляетъ собою явленіе, смѣло можно сказать, исключительное въ нашей литературѣ. Требовалось много самоотверженнаго и выдержаннаго труда, чтобы благополучно довести до конца эту сборникъ материаловъ, во многихъ отношеніяхъ вполне замѣняющей систематически составленную биографію.

Мы не можемъ не отмѣтить здѣсь выводовъ, которые напришиваются при чтеніи капитальнаго труда г. Шенрока. Самъ авторъ не подчеркиваетъ этихъ выводовъ, ограничивался ролью простого собирателя материаловъ. Но тѣмъ не менѣе материалы эти, даже помимо воли автора, бросаютъ новый и во многихъ отношеніяхъ неожиданный свѣтъ на Гоголя, какъ на писателя и человѣка. До сихъ поръ биографы главнымъ образомъ выяснили его вліяніе на русскую литературу. Изъ книги г. Шенрока съ замѣчательно рельефностью выясняется вліяніе русскаго общества, окружающей среды, на дѣятельность Гоголя, какъ человѣка и писателя. Съ особенною силою это вліяніе проявлялось и тогда, когда Гоголь достигъ наибольшей самостоятельности, т. е. въ концѣ его жизни. При чтеніи четвертаго тома книги г. Шенрока нельзя не придти къ тому выводу, что если писательская дѣятельность Гоголя сложилась такъ, а не иначе, если душа его была преисполнена мучи-

тельныхъ сомнѣній, если онъ отрекался отъ прошлаго, искалъ новыхъ идеаловъ, впалъ даже въ мистичизмъ, то виною всему этому былъ не столько онъ самъ, сколько окружающая его среда, требовавшая отъ него того, чего онъ дать не могъ. До сихъ поръ, оцѣнивая Гоголя, мы руководствовались его сочиненіями и, можетъ быть, еще болѣе отзывами нѣкоторыхъ критиковъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ спорахъ и борьбѣ, возгорѣвшихся при жизни Гоголя или тотчасъ же послѣ его смерти. Книга г. Шенрока позволяетъ составить себѣ болѣе объективное сужденіе о нашемъ великомъ писателѣ, и послѣ ея прочтенія всякій приблизится къ тому выводу, что авторъ *Мертвыхъ душъ* и *Ревизора*, какъ и авторъ *Переписки съ друзьями*, съ этической точки зрѣнія стоитъ на одинаковой высотѣ, что мотивы, которыми руководствовался Гоголь въ теченіе двухъ періодовъ своей дѣятельности, глубоко коренятся во всемъ складѣ русской общественной мысли, и что *Переписка съ друзьями* не менѣе характерна для пониманія міровоззрѣнія русскихъ людей, чѣмъ *Мертвыя души* или *Ревизоръ*.

Книга г. Шенрока слѣдовательно является далеко не только сборникомъ материаловъ. При внимательномъ чтеніи она раскрываетъ намъ душу Гоголя и его современниковъ, позволяетъ намъ бросить глубокий взглядъ въ тайники думъ, стремленій, упованій русскаго общества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уяснить себѣ тотъ путь, которому оно слѣдовало въ своихъ поискахъ за общественною правдою.

Политическое обозрѣніе.

Во Франціи парламентская сессія возобновилась въ шестнадцатомъ году при обычной обстановкѣ. Избранное вновь бюро парламента, послѣ привѣтственныхъ рѣчей, заняло свое мѣсто, и обѣ палаты приступили къ прерванному ваканціями занятіямъ. Прежде всего предстояло рассмотреть сметы государственныхъ расходовъ, такъ какъ своевременное вотированіе бюджета не удалось, и пришлось опять приблизиться къ далекому не популярному „временнымъ кредитамъ“ вслѣдствіе безопечныхъ запросовъ оппозиціи. Министерство г. Мелина является въ глазахъ оппозиціи слишкомъ устойчивымъ, чтобы можно было оставлять кабинетъ въ покоѣ. Поэтому-то и нападки крайнихъ парламентскихъ группъ не замедлили возобновиться и въ нынѣшнюю сессію. Послѣ всѣхъ неудачъ недруги нынѣшняго французскаго правительства избрали новое орудіе для партійной борьбы. Самымъ подходящимъ орудіемъ оказалось дѣло канитана Дрейфуса, разжалованнаго три года тому назадъ за государственную измѣну и сосланнаго на Чоротовъ островъ. Поднятый печатно вопросъ о „невинно-осужденномъ“ перешелъ въ среду вліятельныхъ кружковъ, когда за пересмотръ дѣла Дрейфуса открыто сталъ и вице-президентъ сената Шереръ-Кестнеръ. Дѣло, однако, до „пересмотра“ не дошло, на скамьи подсудимыхъ очутился только майоръ Эстергази по обвиненію въ поддѣлкѣ какихъ-то документовъ. Послѣ того, какъ громкій процессъ, при чрезвычайномъ возбужденіи общества, окончился оправданіемъ майора Эстергази, въ газетѣ *Aurore* появилось открытое письмо романиста Зола къ президенту Форю. Въ крайне рѣзкой формѣ Зола обвинилъ военнаго министра, начальника главнаго штаба и всѣхъ военныхъ — въ „нанесеніи преступнаго оскорбленія человѣчеству и справедливости съ цѣлью спасти занятнаго генеральнаго штаба“. По поводу этого оскорбительнаго для французскаго правительства и арміи отзыва въ палатѣ депутатовъ послѣдовалъ запросъ, на который министръ-президентъ отвѣтилъ заявленіемъ, что Зола будетъ преданъ суду. Пренія по этому предмету охарактеризовались рѣзкими нападками на правительство. Съ одной стороны социалистъ Жоресъ стоговалъ на то, что „страну предають въ руки генераловъ“, съ другой — бывший военный министръ въ радикальномъ кабинетѣ Буржуа,

Кавеньякъ, протестуя противъ отзыва социалистовъ, упрекалъ министра-президента и военнаго министра въ томъ, что они замедлили заступить за честь арміи. Послѣ энергичнаго отпора г. Мелина и генерала Вильо дѣйствіемъ кампаніи, направленной противъ арміи, палата большинствомъ 312 голосовъ противъ 122 вотировала 1-го января переходъ къ очереднымъ дѣламъ, выразивъ довѣріе правительству и увѣренность, что оно сумѣетъ прекратить враждебную арміи агитацію:

Въ тотъ же день въ Парижѣ начались манифестаціи. Для восстановленія порядка понадобилось внимательство полиціи, тѣмъ не менѣе въ разныхъ частяхъ города состоялись многочисленные процессіи съ криками: „шлевать на Зола! да здравствуетъ армія!“

Несмотря на побѣду кабинета, вылазки противъ правительства не прекратились въ палатѣ депутатовъ: Кавеньякъ потребовалъ новыхъ сообщеній объ одномъ изъ показаній офицера, которому сосланный Дрейфусъ сказалъ, что онъ передалъ какому-то иностранному агенту неважные документы, надѣясь въ общіе получить цѣнныя для Франціи бумаги. Военный министръ, генералъ Вильо, не отрицалъ подобнаго показанія въ процессѣ, огласилъ его, однако, отказался по соображеніямъ „международнаго порядка“. Послѣ такого заявленія Кавеньякъ внесъ формальный запросъ, потребовавъ его „неотложности“. Высказываясь за необходимость „положить конецъ чрезмѣрному возбужденію“, г. Мелинъ просилъ отложить запросъ, заявивъ въ то же время, что иначе министерство подастъ въ отставку. Критическое положеніе кабинета усугубилось, когда новое предложеніе одного изъ депутатовъ объ отсрочкѣ запроса на мѣсяць было отвергнуто палатой, но непосредственно за этимъ одинъ изъ сторонниковъ правительства внесъ предложеніе о рассмотрѣніи запроса Кавеньяка послѣ всѣхъ очередныхъ дѣлъ, на что палата согласилась большинствомъ 310 голосовъ противъ 253. Министерству г. Мелина снова выпало побѣдителемъ изъ парламентскихъ схватокъ. Но продолжающіяся манифестаціи на улицахъ Парижа и другихъ городовъ вѣроятно еще не такъ скоро дадутъ возможность считать „чрезмѣрное возбужденіе“ Франціи оконченнымъ.

Разныя извѣстія.

— Высочайшимъ указомъ отмѣнена пошлина на ввозимые и вывозимые черезъ европейскую границу русскіе кредитные билеты. Пошлина эта была введена въ 1893 г. и имѣла цѣлью предупредить массовый отливъ русскихъ кредитныхъ билетовъ за границу, вызывавшійся операціями нѣкоторыхъ банковыхъ учрежденій и частныхъ лицъ, вызвавшихъ кредитные билеты для спекуляціи съ курсомъ рубля. Теперь же, когда проведена реформа валюты въ Россіи, восстановлено золотое обращеніе и разрѣшенъ безпрепятственный обменъ кредитныхъ билетовъ на золото, министерство финансовъ признало дальнѣйшее существованіе пошлины на русскія бумажныя деньги излишнимъ, такъ какъ самая спекуляція съ курсомъ рубля стала немислимою.

— Определеніемъ Св. Синода утверждены въ званіи почетнаго почтеніа церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода В. К. Саблеръ, во вниманіе къ его за-

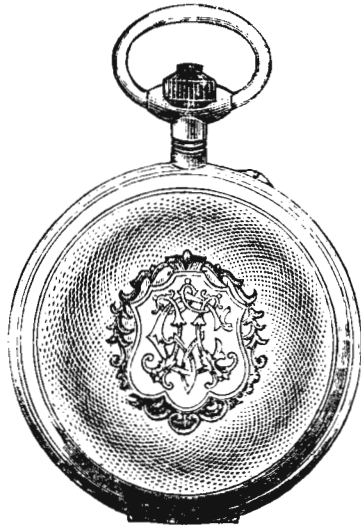
слугамъ по народному образованію.

— Устроенная Обществомъ русскихъ врачей въ Таицахъ на средства пожалованнаго Государемъ Императоромъ, санаторія для чахоточныхъ открыта, и пріемъ несостоятельныхъ больныхъ для бесплатнаго пользованія (20 человекъ) начался. Желавшіе попасть въ санаторію благоволятъ заблаговременно подавать заявленія Г. А. Кондратьеву (Измайловскій полкъ, 4-я рота, № 12—7). Санаторія открыта пока только для однихъ мужчинъ. Пріемъ женщинъ предполагается начать съ предстоящей осени, когда будетъ готовъ женскій баракъ, также на 20 человекъ.

— Для увѣковѣченія памяти выдающагося русскаго государственнаго дѣятеля и талантливаго ученаго Николая Христіановича Бунге, правленіе с.-петербургскаго общества вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ Киевскаго университета рѣшило устроить образцовую школу имени Николая Христіановича въ Киевѣ. На образованіе фонда для устрой-

ства этой школы въ редакціи *Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли* и *Торгово-Промышленнаго Газета* (С.-Петербургъ, Галерная, № 22) открытъ сборъ пожертвованій. Надѣмся, что на это доброе дѣло откликнутся почитатели Н. Х. Бунге.

— 10-го января исполнилось 50-лѣтіе служебной, профессорской и научно-литературной дѣятельности директора с.-петербургскаго историко-филологическаго института Константина Васильевича Кедрова. Сынъ придворнаго протоіерея, К. В. окончилъ съ золотой медалью курсъ главнаго педагогическаго института, по выходѣ изъ котораго въ 1848 году началъ свою служебную и педагогическую дѣятельность въ одной изъ столичныхъ гимназій, послѣ чего въ 1868 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ основаннаго въ томъ же году Маріинскаго женскаго института и получилъ кавалеру профессора латинскаго языка. Директоромъ историко-филологическаго института онъ состоитъ съ 1872 года.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованному способу изготовления часов я имю возможность продавать с 1 января с. г. самые элегантные и прочные МУЖСКИЕ ЧАСЫ американскаго новаго золота, трудно отличаеыме, даже специалистами, от настоящих, дорого стоящих золотых, — крытые анкеръ, механикъ самой лучшей конструкции, съ прекрасною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, или съ портретомъ, согласно присланной фотографической карточки, вмѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящіе золотые, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе.

Такие же ДАМСКІЕ дороже на 1 рубль. Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Высылаю золотыя вытѣренныя часы по полученіи задатка 2 руб., остальное же наложеннымъ платежемъ.

АДРЕСЪ:

Ш. БИТКЕРЪ

складъ швейцарскихъ и американскихъ часовъ въ Варшавѣ, Сенаторская № 27 и Вербовая № 11, противъ Правительственнаго театра.

По избѣжанію поддѣлокъ, каждый экземпляръ снабженъ пломбою фирмы, утвержденной Департаментомъ торговли и мануфактуръ за № 29593/435.

Извѣщенія изъ аттестаций, полученныхъ моимъ складомъ:

Милостивый государь Г. Битнеръ.

Убѣдившись въ доброкачественности исполненія Вашими магазиномъ виноградныхъ заказовъ, я отъ всей души приношу вамъ глубокую благодарность за выслаанные мнѣ въ село Насадку часы накладнаго золота, такъ какъ прочность высланнаго превзошла мои ожиданія, прошу еще выслать часы и т. д.

Съ почтеніемъ А. Н. Воронинъ. 10/х 97 г. Пермь.

В. М.

Начальникъ Нижегородской Конвойной Команды.

Декабря 11 дня 1897 г. № 612.

г. Нижегородскій, Иркут. губ.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи. Капитанъ Гинз.

И множество другихъ.

№ 10866 4-1

ТВОИМЪ ШОКОЛАДЪ КАКАО

ВЕЗДЪ

Американскія Фисъ-гармоніи

имѣются постоянно въ большомъ выборѣ въ слѣдующихъ магазинахъ:

- Въ Москвѣ: у главнаго представителя: И. Ф. Мюллеръ, Петровка.
- С.-Петербургѣ: у П. Борманъ, Вознесенскій проспектъ.
- Вильнѣ и Новно: у Г. Завадскаго.
- Ригѣ: у Эд. Цитмана.
- Нивѣ: у Неритонъ и сынъ.
- Харьковѣ: у А. Гейнце.
- Полтавѣ: у Г. В. Наливода насл.
- Одессѣ: у Э. Витцмана.
- Ростовѣ н/д: у Л. Г. Адлеръ.
- Ю. и Я. Н. Гершмовичъ.
- Тифлисѣ: у А. Наппъ.

ЧТО ПОСѢЯТЬ ВЪ САДУ ИЛИ ОГОРОДѢ?

Гораздо лучше и выгоднѣе — сѣмена, приобретаемая КОЛЛЕКЦИОННІИ И СОРТИМЕНТАМИ, потому что подборъ составленъ изъ лучшихъ сортовъ, пригодныхъ для сѣвки, а цѣлый комплектъ обходится почти вдвое дешевле, чѣмъ при покупкѣ въ розницу.

Коллекціи огородныхъ сѣмянъ: маленькая дачная (15 сортовъ) — 1 р. 50 к., средняя дачная (25 с.) — 3 р., экономическая (28 с.) — 2 р. 75 к., больш. дачная (36 с.) — 4 р. 50 к., сельская экономическая (32 сорта на 50 грядъ) — 5 р. 75 к.

Коллекціи цвѣточныхъ сѣмянъ: дачная — отъ 75 к. до 5 р., любительская — отъ 2 р. 50 к. до 10 р., изящная клубка (подборъ Фриха) 5 р.

Сортименты — на различныя цѣны, смотря по поводамъ.

Гдѣ, когда и гдѣ что сѣять и какъ выходить каждое растеніе — обстоятельно изложено въ моемъ иллюстрированномъ весеннемъ каталогѣ на 1898-й годъ, служащемъ настоящей справочной книгой для любителей практическаго садоводства и огородничества. При заказѣ на 5 р. каталогъ прилагается бесплатно, въ иномъ случаѣ — отпущается по 50 к. за экземпляръ.

Г. ФРИКЪ, Адмиралт. пр., 10.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Сѣмено-торговля и садоводство Эдмунда Васильевича КРИСТЕРА въ Нивѣ. Предлагаются высокаго качества сѣмена: огородн., цвѣточн., и сельско-хозяйств. фруктов. и декорат. деревья, кустарники, розы и проч. Иллюстрир. каталоги высыл. бесплатно.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23. Москва, по Б. Дублянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ♦ съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.

Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требованію бесплатно.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **Ф. Павленкова:**

Сочиненія ЭРКМАНА ШАТРИАНА въ двухъ томахъ.

СОДЕРЖАНІЕ. 1-й томъ: Даніэль Рокъ. — Тереза. — Воспоминанія рекрута 1813 года. — Ватерлоо. — Воспоминанія пролетарія. — Исторія лубсциста. — 11-й томъ: Исторія одного крестьянина. Цѣна за оба тома 3 рубля.

Новыя изданія Юрид. кн. магаз. Н. К. Мартынова, С.-Петербургъ, Невскій, 50:

ОБРАЗЦЫ и ФОРМЫ ДѢЛОВЫХЪ БУМАГЪ (письма, прошенія, судопроизв. бумаги, коммерч. корреспонденція, договоры, обязательства, справ. свидѣнія). Сост. б. нотариусъ Н. Н. Мартыновъ, изданіе 2, переработ. и дополн. 1898. 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к., перес. 25 к.

СПРАВОЧНАЯ КНИГА для ОПЕКУНОВЪ и ПОПЕЧИТЕЛЕЙ (сборникъ законовъ и разъясн., съ образцами опекунск. отчетовъ и донесеній). Сост. онъ-же. Изд. 2, исправл. и дополнен. 1897. 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к., перес. 25 к.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOUZE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА для ЗУБОВЪ ЛОЗЕ

Средство для полосанія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 3121 (108)

Его избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикеткѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

МАГАЗИНЫ ПРИДВОРНЫХЪ ПОСТАВЩИКОВЪ

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденаго товарищества производства серебряныхъ, золотыхъ и ювелирныхъ издѣлій

И. П. ХЛѢБНИКОВЪ, СЫНОВЬЯ и К^о.

ВЪ МОСКВѢ: 1) на Кузнецкомъ мосту, домъ Солдовеникова. 2) на Ильинкѣ, въ домъ Новгородскаго подворья. W. № 10753 4-3

Большой выборъ ювелирныхъ вещей изъ брилліантовъ и цвѣтныхъ камней на разныя цѣны.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ НОВѢЙШИХЪ ФАСОНОВЪ.

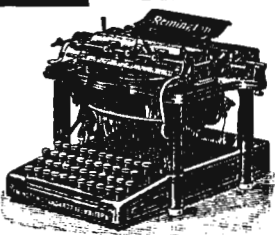
Издѣлія изъ серебра: церковная утварь, образа, столовыя сервировки, вещи для подношеній и подарковъ и пр.

ЗНАКИ, для докторовъ медицины и врачей, Вѣдомства Императрицы Маріи.

По заказамъ исполняются крупныя церковныя вещи изъ бронзы.

Фабрика въ Москвѣ, на Швейной горкѣ, въ собствен. домѣ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Въ виду громаднаго успѣха, которымъ пользуется пишущая машина «Ремингтона», какъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ частныхъ сферахъ, въ продажѣ появились РАЗНЫЯ ПОДДѢЛКИ, распространяемыя подъ названіемъ: «усовершенствованныя Ремингтонъ», «Новая Ремингтонъ» и т. п.

Ц. № 10532 12-8

Какъ единственныя представители завода «Ремингтонъ» для всей Россіи, считаемъ долгомъ увѣдомить, что наша гарантія распространяется только на машины, приобретаемыя въ нашихъ собственныхъ складахъ или у агентовъ, нами специально уполномоченныхъ.

ВЫСОЧ. утвержд. Товарищество

Правленіе: Москва.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ, Нивѣ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ н/д.

М. Блок

КОВОСТЫ
духи
ЛЕВКОЙ
поставщиков
Высочайшего Двора
А. Ралле и Ко.
За флаконъ
1 руб. 25 коп.

СЪМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ
А. Б. МЕЙЕРЪ, въ Москвѣ,
Мясницкая, д. Кузнецова.
Вышелъ изъ печати содержавшій много интересныхъ новостей иллюстрир. каталогъ, который высылается по требованью бесплатно. Ш. № 10860 3-1

ПАМЯТЬ
лицу кажда. возр. укрѣпляетъ лично и
зачно профессоръ медицины С. Файнштейнъ. Одесса, ул. Пушкинской и Баа.
ул., собственный домъ, № 28.
Условия и брош. (въ 32 стран.) высыл. за одну 7-ми коп. марку.
№ 10481 20-19

ЗА 1 РУБЛЬ
высылаютъ:
4 КНИГИ:
„НАНЪ възраститъ здороваго ребенка“.
„Преданія народовъ Кавказа“.
„Ночь въ Коллизеѣ“, „Микробъ будущаго“ и 5 поздравительныхъ заграничныхъ карточекъ съ новыми рисунками.
Можно марками или деньгами при получении вещей.
Контора **Д. ДМИТРИЕВА и Ко.**
Москва, Нов. Гостин. дворъ, рад. съ Взаимн. Кред.

САМОУЧИТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВЪ ДОХОДА
въ 2-хъ частяхъ, съ 2-мя табл. чертенеи.
Руководство къ быстрому самообученію безъ учителя любому изъ 14 разнакъ занятій.
ПРИНОСЯЩИХЪ на каждое занятие ЕЖЕМЪСЯЧНО отъ 50 до 250 р.
не требующихъ капитала, быстро изучаемыхъ, легкихъ, доступныхъ всякому возрасту и полу.
Соч. А. МИХАЙЛОВЪ.
Цена съ пересылкой: За марки и наложн. плат. деньги 60 к. не высылаетъ.
Требования адресовать: жегъ подполковника Александръ Дмитриевича Золотининой, Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Захарьинъ-Золотининой, Москва, Кузнецкій мостъ, № 10840-10, кварт. № 39.

„НЬЮ-ЮРКЪ“
Общество взаимнаго страхования жизни.
НОВАЯ КОМБИНАЦІЯ
страхованія съ ежегоднымъ прогрессивнымъ увеличеніемъ капитала.
Напр., лицо 30-ти лѣтъ заключаетъ страхованіе въ 2000 рубл. съ 20 лѣтъ. платящемъ премій съ условіемъ прогрессивнаго увеличенія капитала въ случаѣ смерти въ теченіе 20 лѣтъ и уплачиваетъ ежегодную премию въ р. 85.20 (по тарифу съ возвратомъ премій). Въ случаѣ смерти въ концѣ

2-го года его наследники получаютъ Р.	2170.40
7-го " " " " " " " "	2596.40
10-го " " " " " " " "	2852.—
15-го " " " " " " " "	3278.—
19-го " " " " " " " "	3618.80

Кромѣ того страхователь **ПРИ ЖИЗНИ** будетъ получать уже со **ВТОРОГО ГОДА ДИВИДЕНДЫ**, размѣръ коихъ также ежегодно увеличивается.
Послѣ трехъ лѣтъ полиса Общества становятся **ненарушимыми**, т. е. въ случаѣ прекращенія платежа премій, вслѣдствіе болѣзни или другихъ причинъ, страхованіе продолжается безъ платежа премій, въ полной первоначальной суммѣ, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ: отъ 2 до 20 и болѣе лѣтъ.
За подробными свѣдѣніями просить обращаться: въ Главное управленіе для Россіи, С.-Петербургъ, Малая Морская, 12 или въ мѣстныя агентства въ главнѣйшихъ городахъ Россіи. № 10723 5-4

EAU DENTIFRICE
DU DOCTEUR PIERRE
& PLACE DE L'OPERA
PARIS

CÉLÈBRE PAR SES QUALITÉS en Vente partout

ОПЕЧАТЪ
ПРОСИТЬ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ
НЕУЖИВЪЩИЕ ВЕЩИ
АУДИОНЪ ПО ЕТОРИИКАМЪ ВОСПИТАНИЕ 500 КАРТОНЪ

ДЕШЕВО, ПРАКТИЧНО и ПОЛЕЗНО.
НЕОБХОДИМО ДЛЯ КАЖДАГО.
Изящные и прочные карманные мужские часы, открытые, ремонтурные, т. е. заводъ безъ ключа, съ пыле-предохранительными стеклами, прочнымъ механизмомъ, массивно обитымъ золотомъ, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, съ изящною цѣпочкою изъ новаго американскаго золота
всего только за 5 руб.
Письменное ручательство на шесть лѣтъ.
Часы, тщательно пробѣренные, высылаются по полученіи 1 руб. задатка.
Адресъ: Торговой фирмѣ **Бр-въ ВАРКОВИЦКИХЪ,**
Складъ жевевскихъ и французскихъ часовъ въ Варшавѣ, Зельная, 41.

НОВОСТЬ для гг. куращихъ.
Патентов. машина для набивки кружечныхъ папирсъ съ минутными разнакъ номеровъ „ВОЛГА“ практична и изящна.
10 папирсъ въ 1 минуту.
ЦѢНА 6 РУБЛЕЙ.
Можно получать: у Диманъ и Раксъ, Б. Морская, № 28; Бр. Шапшаль, Невскій просп., 30; К. Черновостовъ, Гостин. дворъ, Зеркальная линія, 35.
Гл. представитель: Константинъ Родеръ, С.-Петербургъ, Б. Подълическая, 23.

ПЕЧЕНІЕ
ГЕРКУЛЕСЪ изъ АМЕРИКАНСКОЙ ОВСЯНОЙ КРУПЫ ПРОДАЕТСЯ ВЪСЬДЪ.
С.С.УИКЪ

PRECIOSA VIOLETTE
ПРЕЛЕСТНЫЕ НЪЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра незальтная и неослабляющая.
ED. PINAUD
PARIS

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (11)
Специалистъ хронометровъ СПетербургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Подробный иллюстр. прѣдъкурантъ по запросу. Безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года.
Росничья продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

ЖЕМЧУГЪ
ХОРОШІЙ РОВНЫЙ
ВЪ НИТКАХЪ И ВЪ ВЕЩАХЪ
ПОКУПАЕТЪ 20-7
ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ
К. ФАБЕРЖЕ.
Москва, Кузнецкій мостъ, № 4.

С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ
ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ПОРОШОКЪ
ОСВѢЖАЮТЪ РОТЪ УНИЧТОЖАЮТЪ ДУРНОЙ ЗАПАХЪ
ПРОСИМЪ ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ И ТРЕБОВАТЬ НА ЭТИКЕТАХЪ СЛОВО: «ТЕХНО»
С-ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСКАЯ УЛИЦА, № 12.
МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ Д. ШЕРЕМЕТЬЕВА ВАРШАВА, НОВ. СВЯТЪ, 37.

ВНИМАНІЮ ДАМЪ.
Нѣтъ ничего изящнѣе, какъ одѣваться по модному журналу всемірно-извѣстнаго „ВЪНСКІЙ ШИКЪ“ издаваемъ мѣсяцъ въ Вѣнѣ на русскомъ, франц. и нѣм. языкахъ.
За 1 р. 60 к. высылаются наложеніемъ платежемъ послѣдній номеръ.
Отдѣленіе конторы редакціи „Вѣнскаго Шика“: С.-Петербургъ, Невскій, 80.

ЖИВНА

№ 4.

XXIX г.

1898 г.

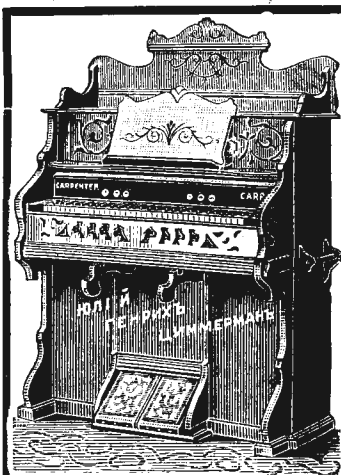
Содержаніе:

ТЕКСТЪ. Дзми. Повесть П. А. Сергѣенко. (Продолженіе). — „Царица Алая“. Очеркъ Б. Л. Тагѣева. — Трудъ арестантовъ. Очеркъ Н. Извова. — Животный, предсказывающій погоду. — Къ рисункамъ: Эльзаска. — Зимній вечеръ въ деревнѣ. — Сибирскіе тигры. — Альпійскій охотникъ. — Игра въ жмурки. — Жанна д'Аркъ на допросъ въ Руанѣ. — Бронзовый медальонъ съ рельефнымъ изображеніемъ А. Г. Рубинштейна. — Н. В. Покровский. — А. И. Абарина. — Возстаніе въ Индіи. — Политическое обозрѣніе. — Разныя новости. — О подпискѣ на „Ниву“ 1898 г. — Объявленія.

РИСУНКИ. Эльзаска. Ориг. рисунокъ А. Гефлингера. — Зимній вечеръ въ деревнѣ. Ориг. рисунокъ В. Часовникова. — Сибирскіе тигры. Рисунокъ А. Вечерчикъ. — Альпійскій охотникъ. Ориг. рисунокъ Аллерса. — Салонъ Елисейскихъ полей. „Жмурки“. Картина Р. де-Ошоа. — Жанна д'Аркъ на допросъ въ Руанѣ, 21 февраля 1431 г. Картина Фредъ Роз. — Добыча торфа на Уралѣ арестантами. — Бронзовый медальонъ съ рельефнымъ изображеніемъ А. Г. Рубинштейна. — Н. В. Покровский. — Возстаніе въ Индіи. — А. И. Абарина.

Издатель А. Ф. М. Гусъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

(ФАБРИКЪ КАРПЕНТЕРА въ 160 руб.)

ФИСТАРМОНИ

извѣстнѣйшихъ фабрикъ

ШИДМАЙЕРА, КАРПЕНТЕРА

и другихъ лучшихъ фабрикъ

въ 85, 100, 110, 130, 135, 153, 161, 175, 190, 200, 225, 240, 250, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 550, 750, 800 и 1000 руб.

Школа-самоучитель Пахе 2 руб.

Прейсъ-курантъ бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, 34 п. 40.
М. г. Москва, Бульваръ м. д. Захарьина.

CREME SIMON

(КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣстѣ (cold cream (кольдъ крема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствіемъ.

J. Simon, 13, Rue Grange Batelière, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

Ц. № 10527 16—10

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Ромъ-хрон. XVIII в. В. С. Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ ГУМВЕРЪ

предлагаетъ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгіи ЖЕМЛИЧКА и Ко.
Москва, Столѣнникъ въ переулокъ, № 5.
Прейсъ-куранты по требованію. 16—1

Химическая лабораторія РООСЪ

С.-Петербургъ, Владимірская, № 7, рекомендуетъ лучшее прозрачное глицериновое туалетное мыло „PARIS“ съ монограммой О. Р.
Можно получать въ лучшихъ аптекарск. и парфюмерныхъ торговляхъ.
Требовать обязательно моногр. О. Р.
= Остерегаться поддѣлокъ. =
Цена за кусокъ 20 коп. 6—3

СКЛАДЫ ЧАЕВЪ

Китайскихъ, Цейлонскихъ и Японскихъ

И. Е. ДУБИНИНА

МОСКВА

ПОКРОВКА Д. ТЯЖЕЛОВА.

Краткій Прейсъ-Курантъ
избраннымъ лучшимъ сортамъ чаевъ:

ЧАИ КИТАЙСКІЕ:

	Цена розничн.	Цена оптовая.
№ 9. Чай Семейный высокій	1.60	1.35
» 6. Чай Царская Роза	2 —	1.60
» 7. Чай Черный Лянсинъ — замѣчательный	2.50	1.90

ЧАИ ДЛЯ ТРАКТИРОВЪ, БУФЕТОВЪ И ЛАБОРАТЪ:

№ 22. Кяхтинскій, съ сильнымъ настоємъ	1.60	1.25
» 23. Кяхтинскій ароматическій	1.80	1.35
» 24. Особый любительскій съ цвѣточкомъ	2 —	1.60

ЧАИ ЦЕЙЛОНСКІЕ:

№ 13. Розанитый, съ сильнымъ настоємъ	1.60	1.35
» 14. Букетный, чрезвычайно ароматный	2 —	1.60
» 25. Букетъ Ландыша, рѣдкій сортъ	2.80	2.20

ЧАИ ЯПОНСКІЕ:

№ 26. Чай Брокенъ, съ сильнымъ букетомъ	1.60	1.35
» 27. Чай конгу мягкій и ароматный	2 —	1.60
» 28. Чай Пекио самый высокій	2.80	2.20

Предлагаю вниманію гг. любителей вновь полученные, избранные и по своему качеству, вкусу и аромату выдающіеся сорта чаевъ китайскихъ, цейлонскихъ и японскихъ, мы можемъ удостовѣрить, что эти сорта чаевъ представляютъ какъ бы экстрактъ главныхъ и лучшихъ чаевъ всего міра. Каждый сортъ чая имѣетъ свою особенность, свой вкусъ и ароматъ, присущій чаю извѣстной страны, всѣ же сорта вмѣстѣ составляютъ самый полный и совершенный ассортиментъ чаевъ, изъ которыхъ каждый любитель можетъ выбрать по своему вкусу, по цвѣстной водѣ и климатическимъ условіямъ. Никакой отдѣльный сортъ мы не рекомендуемъ, но даемъ возможность желающимъ ознакомиться со всеми сортами чаевъ, для чего мы предлагаемъ слѣдующую льготу:

На пробу можно выписать по оптовой цѣнѣ не меньше какъ три фунта всѣхъ или нѣкоторыхъ сортовъ чая, причемъ пересылка идетъ на счетъ покупателя. При выпискѣ чаевъ не меньше 25 ф. — особо-выгодныя условія. Подробный прейсъ-курантъ, состоящій изъ 29 сортовъ чая, а также условія и описаніе японскаго чая желающимъ высылаются бесплатно.

ОСОБО-ВЫГОДН. УСЛОВІЯ

ДЛЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И ТОРГОВЦЕВЪ

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ

при Систематической Библиотекѣ
Дѣтскаго чтенія продажа всевозможныхъ дѣтскихъ и педагогическихъ изданій.
Пріемъ заказовъ на всѣ книги и журналы, составленіе школьныхъ и другихъ библиотекъ.
При заказѣ на значительная суммы — уступка.
С.-Петербургъ, Б. Конюшенная, д. 15.

БЕЗПЛАТНО ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ ОБУЧАЮ ЗАОЧНО

КРОЙКЪ И ШИТЬЮ.

Доступная плата. Условія высылаются немедленно.
Москва, Малая Дворянская, д. Базакина.

Е. И. Венедиктовой.

Провосходн. качества Ромъ Сень-Джамъ.

„Империаль“ въ Варшавѣ.

ПРЕПОДАВАНІЕ

ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІИ

счетоводства по назенной продажѣ птей, посредствомъ письменныхъ лекцій, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Условія и пробная лекція высылаются за одну 7-ми коп. марку.

Умѣренная плата. Многолѣтняя практика!

Р. А. КНОКЕ, С.-Петербургъ.
Вас. Остр., 6 лин., д. № 34, кв. № 2.

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ П. И. ДАУГУЛЯ

существуетъ съ 1822 года въ г. Юрьевѣ (Дерпт), Лифляндской г. и высыл. безпл. и франко КАТАЛОГЪ СЪ БИЯНАМЪ огороднымъ, цвѣточнымъ и аквоиническимъ, 500 сорт. РОЗАНАМЪ, грунтовымъ и оранжерейнымъ, Георгинамъ, Гвоздникамъ, цвѣточн. луковичнымъ, воздушн. и теплицн. растен., фруктовымъ и украсительн. ДЕРЕВАМЪ и КУСТАРНИКАМЪ, клубникамъ, спаржн, шампиньон. гнѣздамъ, растительн. гигрометрамъ (предсказыв. перемену погоды въ точности за 24 ч. впередъ, ц. 2 р.) и пр., съ обозначеніемъ краин. цѣнъ.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное фабрично-торговое товарищество

ПРЕЕМНИКОВЪ

Н. В. НЕМИРОВА-КОЛОДКИНА

Ильинка, д. Хлудова

въ Москвѣ

Верхніе торговые ряды, № 106/7.

Бриллиантовья, золотыя и серебряныя издѣлія въ большемъ выборѣ и новѣйшихъ рисунковъ.

Большой выборъ серебряной церковной утвари чекапной и эмалированной работы. Приемъ заказовъ на крупныя церковныя вещи, какъ-то: ризы на иконы, на престольныя одежды, царскія врата, хоругви, и исполненіе на собственной фабрикѣ лучшими мастерами подъ наблюдениемъ художниковъ. Для принятія крупныхъ заказовъ въ провинціи высылаются довѣренныя лица.

Прейсъ-куранты, по требованію, высылаются бесплатно.

Патентованный Шиндлера АНТИКОРСЕТЪ или БЮСТГАЛТЕРЪ.

Извѣстное и признанное во всѣхъ европейскіхъ государствахъ и въ Америкѣ изобрѣтеніе, вполне замѣняющее корсетъ, придающее всякой талии граціозный видъ, даетъ въ продолженіе цѣлаго дня полное свободное движеніе и рекомендуется всѣмъ безъ исключенія дамамъ и даже страдающимъ, беременнымъ, кормящимъ грудью, хозяйкамъ въ домашнемъ быту, трудящимся въ разныхъ бюро, училищахъ, торговыхъ, путешествующимъ, занимающимся всякаго рода спортомъ и т. д., въ чемъ свидѣтельствуютъ отзывы докторовъ, прилагающіеся къ каждому экземпляру. — Бюстгальтеръ изготовляется изъ лучшихъ корсетныхъ матеріаловъ, наиболее практичныхъ и модныхъ цвѣтовъ.

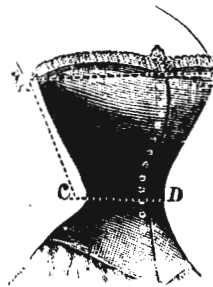
Цѣны: А. А. А. В. С. D. D. шелк.
3.50. 4.50. 5.75. 6.75. 9.50 к.

Детальные заказы высылаются почтою новосемьтою наложеннымъ платежомъ съ причисленіемъ за пересылку всего за 2 фунта.

При заказѣ слѣдуетъ прислать мѣрку въ сантиметрахъ, верхнихъ или тесьмой по рисунку:

- 1) Полную окружность груди (со спиной), мѣра на платѣ подъ мышкой отъ А до В.—2) Полную окружность талии отъ С до D.—3) Высоту бока отъ А до С. Ц. № 10639 3-3

Адресъ для письменныхъ заказовъ: Варшава „ШИНДЛЕРА БЮСТГАЛТЕРЪ“. Сенаторская, 26.

Сѣмено-торговля и садоводство Эдмунда Васильевича КРИСТЕРА въ Невѣ. Предлагаетъ высокаго качества сѣмена: огорода, цвѣтчи, и сельско-хозяйств. фруктов. и декорат. деревья, кустарники, розы и проч. Иллюстрир. каталоги высыл. бесплатно.

PÂTE DENTIFRICE GLYCÉRINE
S'en servir une fois c'est l'adopter.
GELLÉ FRÈRES
6, Avenue de l'Opéra
PARIS

Ц. № 10229 (5)

D.O.M + D.O.M

BÉNÉDICTINE

de de l'Abbaye de Fécamp

La Meilleure des Liqueurs Se defier des contrefaçons.

Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville

D.O.M + D.O.M

Ц. № 10011 15 14

СЕКРЕТЪ ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ
КРАСОТЫ МОЛОДОСТИ
А.С.УИК: МОСКВА. 20 коп. кув.

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫЯ ВЪ ТЕПЛОЙ ДИСПОЗЕ БЕЗЪ ВОДЪ * П.Н.ВИНОГРАДОВА. * ПАРКИ

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставкѣ 1896 года, требовать куска съ этикетомъ утвержден. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ. БѢЛЫЕ получаются замѣчательно чистыми. Желatina и латна уничтожаются ЭКОНОМІЯ въ топливѣ, ДЕШЕВИЗНА и быстро стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуютъ въ ТРИ РАЗА МЕНЬЕ простаго. Совершенно безвредно для тканей бѣлы. Удостоверъ за № 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа вездѣ Опт. у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2

Ц. № 10883 6-1

ВСЕМИРНО-ОБРАЗЦОВАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА

РЕМИНГТОНЪ

— Общій сбытъ 200,000 —

ПРИНЯТЫ ВСѢМИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ въ Министерст. одного Петербурга болѣе 1000 РЕМИНГТОНОВЪ въ употребленіи

⚡ ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОНЪ ⚡

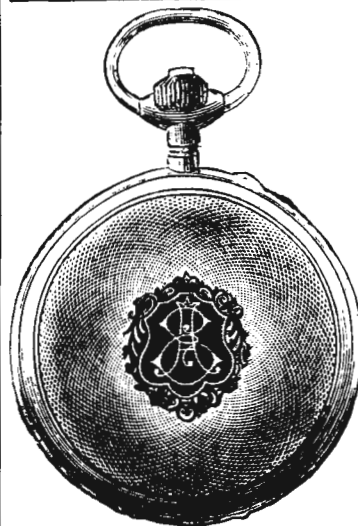
Единственный Складъ для всей Россіи

Выс. Утвержд. Т-во П. В. Блок

Правленіе: МОСКВА

ОТДѢЛЕНІЯ: С.Петербургъ, Кіевъ, Одесса, Варшава, Екаторинбургъ, Кокандъ, Ростовъ н/Д.

Ц. № 10647 12-8

Благодаря большому сбыту и новому усовершенств. способу изготовленія часовъ моего производства, я имѣю возможность продавать съ 1 июля мин. г. самыя элегантныя и прочныя МУЖСКИЕ ЧАСЫ американскаго золота, трудно отличимыя, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анверъ, механизмъ самой лучшей конструкции (удостоен. сереб. медалью на жевенской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, всего 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящея золотыя, а въ нѣдѣльное время и у насъ ходять во всеобщее употребленіе. Такіе же ДАМОНІЕ дороже на 1 рубль.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ.

Высылаю вполне вывѣренныя часы по полученіи задатка 2 р., остальное же наложеннымъ платежомъ. АДРЕСЪ:

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ

Складъ жевенскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.

◆ Множество благодарств. писемъ и отзывовъ. ◆

Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземп. снабженъ plombомъ фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. Ц. № 10857 5-2

XXIX г.

№ 4

Выдаётся 24 января 1898 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ ежедѣльно 52 № въ годъ, съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 № № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXIX

1898

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „Ниву“ 1898 г. Подробности см. въ концѣ этого №.

Эльзаска. Ориг. рис. А. Гёфлингера, грав. Кезебергъ.

Дэзи.

Повѣсть

П. А. Сергѣенко.

(Продолженіе)

Дэзи шла легко. Она была въ бѣлой войлочной шляпѣ, превращенной при помощи шпильки въ треуголку, въ короткой коричневой юбкѣ и въ англійскихъ банмагахъ съ толстыми подошвами. Черезъ плечо у нея висѣлъ сѣтчатый мѣшочекъ, въ который она бросала срываемые по дорогѣ цвѣты и листья. Въ ея походкѣ чувствовались живой темпераментъ и выносливость. Герливановъ еле поспѣвалъ за нею. Въ своей каскѣ-шляпѣ съ развѣвающимися концами ленты и въ модныхъ желтыхъ „сорокодахъ“ онъ казался иностранцемъ, случайно попавшимъ сюда. Не имѣя привычки ходить по неровной дорогѣ, онъ часто спотыкался и началъ утомляться. Но ему не хотѣлось показать это, и онъ посиѣшно шагаль за Дэзи.

Очутившись неожиданно передъ горнымъ ручейкомъ, текущимъ будто съ неба, Герливановъ предложилъ ей свою помощь. Но она рѣшительно отказалась и, взявъ за руку визжавшую Саню, легко перепрыгнула черезъ ручей. Въ ея тонѣ, которымъ она отказалась отъ услугъ Герливанова, ему почудилось: „Оставьте, пожалуйста, ваши любезности для другихъ! Я желаю оставаться независимой даже въ такихъ пустякахъ“. И онъ подумалъ: „Вотъ странная дѣвушка! Интересуется археологіей, а держитъ себя, какъ недотрога-царевна“.

Когда они поднялись на вершину горы, спускавшейся крутымъ обрывомъ въ море, ихъ усилія были вознаграждены открывшимся передъ ними видомъ. Солнце близило къ горизонту и заливало все взморье огненнымъ потокомъ. Казалось, вода горѣла и воздухъ былъ насыщенъ золотистыми парами. Гребни волнъ отсвѣчивали бронзовыми тонами и имѣли видъ волшебныхъ существъ. Нѣкоторое время Герливановъ стоялъ молча, очарованный зрѣлищемъ.

Дэзи сѣла на камень и высыпала на колѣни сорванные листья и цвѣты. Тутъ были голубые васильки, полевой горошекъ съ блѣдными лепестками, ярко-желтыя звѣздочки пахучей ромашки, темно-малиновыя бархатистыя головки дикаго клевера и др. Дэзи сортировала цвѣты и, продѣвая стебель въ стебель, сплетала вѣнокъ для Сани. Герливановъ смотрѣлъ на ея пальцы съ длинными ногтями, подернутые отблескомъ заката, будто сурикомъ, и съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя морской воздухъ.

Сплетая вѣнокъ, Дэзи весело болтала съ Саней, затѣмъ повернула къ Герливанову свое лицо и сказала дружелюбно:

— Я очень много слышала о вашей пьесѣ *Ладъ*. Но, къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось ее видѣть на сценѣ. Вы не откажетесь познакомиться меня съ нею?

Герливановъ былъ пріятен и просьба Дэзи, и ея пріятливый тонъ. Онъ наклонилъ голову и охотно пообѣщавъ выписать для Дэзи отписку *Лада*, отданнаго въ одинъ московскій журналъ. При этомъ его потянуло сказать ей или сдѣлать что-нибудь пріятное. Онъ былъ очень доволенъ, что судьба занесла его въ *Левяду* и познакомила съ Казанцевыми.

Замѣтивъ невдалекѣ лиловый цвѣточекъ, Герливановъ сорвалъ его для Дэзи, по къ своему удивленію замѣтивъ, что на томъ же стебелѣкъ былъ еще и розовый цвѣтокъ.

— Поглядите, какая игра кавказской природы, — сказалъ онъ, наклоняясь къ Дэзи и протягивая ей цвѣтокъ.

Она подняла свое блѣлое овальное лицо съ чистыми, какъ у дѣтей, бѣлками глазъ и тѣмъ же дружелюбнымъ тономъ заявила:

— Тутъ нѣтъ игры Кавказа, этотъ цвѣтокъ и у насъ встрѣчается. Крестьянскія дѣвушки называютъ его: „любовь и весна“.

Герливановъ, очень любившій цвѣты, по мало знавшій ихъ природу, заинтересовался нѣкоторыми цвѣтами. Дэзи съ замѣтнымъ удовольствіемъ начала пополнять его свѣдѣнія. Она брала стебель цвѣтка въ лѣвую руку и осторожно прикасалась къ лепесткамъ мизинцемъ правой руки. И когда она говорила: „этотъ вѣнчикъ“, „этотъ пестикъ“, „это рыльце“, то выраженіе лица у нея было теплое, а въ голосѣ звучали такіе ноты, какъ будто рѣчь шла о ея добрыхъ знакомыхъ.

Отношеніе Дэзи къ цвѣтамъ очень заинтересовало Герливанова. Онъ старался запомнить интонацію ея голоса, позу и выраженіе глазъ, когда она говорила о цвѣтахъ. Его соблазнила мысль, развить любовь къ цвѣтамъ въ какомъ-нибудь женскомъ образѣ, создать поэтическую сценку.

По свойству своего ума, онъ не могъ воспринять въ себя ни одного яркаго впечатлѣнія, не отмѣтивъ его, какъ матеріалъ для будущихъ произведеній. И въ головѣ у него постоянно хранились цѣлые склады всякихъ „человѣческихъ документовъ“.

Дэзи кончила вѣнокъ, надѣла его на Саню и начала старательно раскладывать по сортамъ нѣкоторые листья. Герливановъ рѣшилъ, что она собираетъ гербарій и, желая сказать ей что-нибудь пріятное, обратился къ ней съ просьбою, зачислить его въ сотрудники ея гербарія.

— Благодарствуйте. Но у меня нѣтъ гербарія. Я собираю травы для лѣкарствъ,—сказала Дэзи, присматриваясь къ широкимъ пятнистымъ листьямъ, известнымъ въ народѣ подъ именемъ „кукушкиныхъ слезъ“.

Герливановъ опять перенесъ взглядъ на ея подернутые отблескомъ заката пальцы и спросилъ съ отгѣнкомъ удивленія:

— Вы занимаетесь лѣченіемъ?

— Да, немного.

— Когда вы успѣли научиться всему, будучи еще такъ молоды?

Лицо у Дэзи сдѣлалось серьезнымъ.

— Я совсѣмъ не такъ молода, чтобы не могла научиться тому немногому, что я знаю; мнѣ уже 26 лѣтъ; къ тому жъ деревня всему научитъ.

— Почему „деревня“? — спросилъ Герливановъ, отстраняя съ висковъ волосы, падвигаемые вѣтромъ.

— Я большую часть года провожу въ деревнѣ, гдѣ приходится почти каждый день наталкиваться на такую острую и неотложную нужду, что иногда просто стыдно дѣлается за свое безсиліе; и невольно хватаешься за ботанику, за медицину и даже за изученіе законовъ.

Все это Дэзи проговорила спокойнымъ тономъ, исключившимъ всякую сентиментальность.

Выворотивъ узкій листъ съ тонкими жилками на сѣрвовой изнанкѣ, она протянула его Герливанову.

— Вотъ, посмотрите: это, такъ - называемый, „узколистный подорожникъ“. Чудеснѣйшее средство отъ лихорадки! Одного приема иногда бываетъ достаточно, чтобы остановить самый упорный приступъ лихорадки. Между тѣмъ крестьяне топчутъ это растеніе, вымирая цѣлыми семьями отъ лихорадки.

Герливановъ смотрѣлъ на узенькій листикъ и слушалъ Дэзи. Но мысли его были сосредоточены не на подорожникѣ, врачующемъ лихорадку; онъ не могъ оторвать глазъ отъ безграничной водяной глади съ необыкновенно эффектнымъ освѣщеніемъ. И онъ думалъ:

„Господи, какъ хорошо здѣсь! И какъ красива эта группа: дѣвушка, съ смѣющейся дѣвочкой въ вѣнкѣ! Передать бы въ краскахъ или въ стихахъ этотъ дивный вечеръ и всю эту „неизреченную красоту“, разлитую кругомъ!..“

Дэзи окончила сортировку листьевъ, уложила ихъ въ мѣшочекъ и съ живостью поднялась.

Солнце уже на половину погрузилось въ море и залило весь горизонтъ багровымъ свѣтомъ. Дальнія горы приняли воздушные, нѣжно-фіолетовые тона. Издали можно было подумать, что это—облака, спустившіяся надъ горизонтомъ. Герливановъ залюбовался красивымъ зрѣлищемъ и заявилъ, что ему очень бы хотѣлось написать нѣсколько этюдовъ моря при закатѣ солнца.

Дэзи взяла Саню за руку и, спускаясь съ горы, замѣтила вскользь:

— Едва ли вы сдѣлаете удовлетворительно хоть одинъ этюдъ моря.

— Почему вы такъ думаете? — спросилъ съ удивленіемъ Герливановъ.

— Потому что море пяти минутъ не бываетъ одно и то же. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, когда присмотритесь къ нему. А за пять минутъ, что можно сдѣлать?

— Но какимъ же образомъ художники достигаютъ въ своихъ картинахъ поразительной правды? — спросилъ Герливановъ, желая этимъ вопросомъ косвенно опровергнуть Дэзи.

Она остановилась, чтобы отгѣпить юбку Сани отъ вѣтки „держи-дерева“, и, осторожно вынимая острѣе крюечки, проговорила:

— Признаться, картинъ моря съ „поразительной правдой“ я не встрѣчала никогда. Въ нихъ всегда

чего-нибудь не хватает: или глуби неба, или влажности воды. И вообще, развѣ можно передать въ краскахъ или даже въ словахъ нѣкоторыя впечатлѣнія? Вотъ хотя бы теперешній вечеръ? Тутъ и высота, на которой мы находимся, и свѣжесть воздуха, и шумъ моря, словомъ, все, вмѣстѣ взятое, даетъ извѣстное впечатлѣніе. Художникъ же хочетъ передать это впечатлѣніе однѣми красками.

— Но что же дѣлать? Пока у насъ нѣтъ болѣе выразительныхъ средствъ, чѣмъ краски и слово, приходится довольствоваться хоть слабыми копіями нашихъ впечатлѣній,—сказалъ Герливановъ, помогая высвободить Саню изъ цѣпкихъ объятий „держидерева“.

Дэзи подняла покраснѣвшее отъ напряженія лицо и спросила:

— Почему пѣть „болѣе выразительныхъ средствъ“? А музыка?

— Вы считаете музыку болѣе выразительнымъ средствомъ, чѣмъ краски и слово?

— Въ нѣкоторыхъ случаяхъ—безусловно.

— А именно?

И Герливановъ быстро обошелъ большой камень, обросшій мохомъ, стараясь идти рядомъ съ Дэзи. Дэзи подумала и сказала:

— Пробужденіе внутренней жизни... молитвенное настроеніе... благоговѣйный восторгъ. Ни слова, ни краски не могутъ передать это въ такой чистотѣ и силѣ, какъ музыка.

Герливанову показалось это неубѣдительнымъ, и онъ замѣтилъ мягко:

— Отчасти вы, конечно, правы. Но въ общемъ едва ли можно музыку считать краснорѣчивѣйшей выразительницей молитвы.

Дэзи подняла на него свои глаза, засвѣтившіеся мыслью.

— Почему?

— Потому что молитва и музыка идутъ, мнѣ кажется, разными путями. Музыка только тогда музыка, когда она полна гармоніи. Молитва же почти всегда есть нарушение гармоніи, однопотный вопль: „Господи, сдѣлай изъ чернаго бѣлое!“

— Это не молитва,—сказала серьезно Дэзи. И послѣ небольшой паузы добавила болѣе мягко:—т. е. въ томъ смыслѣ, какой вы придали вашимъ словамъ,— это не молитва.

— Можетъ-быть. Тѣмъ не менѣе почти всѣ такъ молятся.

— Нѣтъ, нѣтъ!—съ живостью возразила Дэзи:—это только такъ кажется, потому что подобныя воззванія часто произносятся вслухъ. Истинная же молитва, которую вѣрующая душа возноситъ къ Богу, совершается незамѣтно и ускользаетъ отъ наблюденій. Иной песчатый человѣкъ, забитый нуждою и горемъ, урветъ когда-нибудь минуточку, даже можетъ-быть подъ пьяную руку, и запоетъ разбитымъ голосомъ пѣсню; запоетъ и, вздохнувши, тайкомъ смахнетъ набѣжавшую слезу... И это можетъ быть его молитвой—чистой и пламенной, какой только и можно молиться, и безъ которой, мнѣ кажется, не можетъ обойтись ни одинъ живой человѣкъ.

— Нѣкоторые обходятся,—замѣтилъ уклончиво Герливановъ.

Слова Дэзи заинтересовали его, но не поправились ему. Онъ давно уже не молился и впервые слышалъ такую рѣчь отъ образованной дѣвушки. Его тѣмъ болѣе удивили слова Дэзи, что она была дочерью профессора Казанцева, считавшагося однимъ изъ самыхъ передовыхъ людей.

На уклончивое замѣчаніе Герливанова Дэзи возрадила убѣжденно:

— И это опять-таки только кажется, что они живутъ безъ молитвы. Недавно отецъ рассказывалъ мнѣ

объ одномъ явленіи, которое носитъ названіе „скрытой жизни“. Зерна пшепцы, пайдепныя въ гробницахъ фараоновъ, послѣ десятковъ вѣковъ, прорастаютъ и даютъ плодъ. Ясно, что источникъ жизни никогда въ нихъ не иссякалъ, а только временно затихалъ. И какой-нибудь маленькій жолудь скрываетъ въ себѣ цѣлый дубъ со всѣми его особенностями. Его корни, вѣтви и листья, правда, невидимы для насъ. Но они *безспорно существуютъ* въ жолудѣ. То же самое представляетъ и источникъ духовной жизни—молитва. Она таинственно сокрыта въ каждомъ человѣкѣ. Только неблагоприятныя условія иногда мѣшаютъ ей пустить свои корни и потянуться стеблемъ къ небу.

Герливановъ ничего не возразилъ на это. Никогда ничего подобнаго не приходило ему въ голову. И онъ подумалъ:

„Какая странная дѣвушка: занимается медициной и проповѣдуетъ молитву!“

Когда они начали подходить къ мысу, на пурпуровомъ фонѣ неба вырисовалась тучная фигура Казанцева въ широкой крылаткѣ. Онъ шелъ къ нимъ навстрѣчу и показывалъ рукой на *Левяду*.

Они обернулись.

Въ окопныхъ стеклахъ домовъ отражался солнечный закатъ; казалось, что у подножія горъ, окружавшихъ *Левяду*, горѣли таинственные свѣтильники.

Дэзи ускорила шагъ и съ оживленіемъ пошла къ отцу. Пылавшее небо начало быстро тускнѣть. Когда они подошли къ *Левяду*, сумерки уже висѣли въ горахъ, и море приняло темно-сѣрый цвѣтъ.

Поровнявшись съ домомъ, гдѣ жили Казанцевы, они пригласили Герливанова къ чаю. На обширной террасѣ, выходящей къ морю, было уже накрытъ большой круглый столъ и приготовленъ чай.

Теплая южная ночь надвигалась на *Левяду* и погружала все въ теплый сумракъ. Воздухъ наполнился мѣрнымъ шумомъ прибоя и жужжаньемъ ночныхъ насекомыхъ... Вдали, на деревнѣ, залаяли собаки... По шоссе заскрипѣли телеги и послышалось ржанье лошадей... Въ концѣ села, сильный мужской голосъ затянулъ: „Реве та стогне Днипръ широкий“ и вдругъ смолкъ.

Герливановъ чувствовалъ пріятную усталость и наслаждался прекраснымъ вечеромъ. Ему было хорошо среди новыхъ знакомыхъ, интересовавшихъ его своей жизнью и взаимными отношеніями.

Наливала чай и распоряжалась всѣмъ Марія Осиповна. Герливанову сейчасъ же бросились въ глаза ея хозяйственныя способности. Все у нея блестяло. И всѣ, видимо, подчинялись порядкамъ, устанавливаемымъ ею. Взаимная деликатность между ними чувствовалась даже въ мелочахъ. Всякій разъ передъ тѣмъ, какъ закуритъ сигару, Казанцевъ обращался просительнымъ взглядомъ къ Марьѣ Осиповнѣ. И она всякій разъ неизмѣнно-ровнымъ тономъ говорила:

— Пожалуйста, Павелъ Викторовичъ!

И заботливо подсовывала къ нему пепельницу или спички. Ея выдержанность, тактъ и пристрастіе ко всякому порядку просвѣчивались въ ея дѣйствіяхъ. Проживши дѣтство и юность въ Англии, Марья Осиповна впитала въ себя многія англійскія привычки и внесла ихъ въ домъ Казанцева. Неуклонное исполненіе взятыхъ на себя обязанностей и даже общепринятыхъ условностей—составляло отличительную ея черту; и Герливановъ сейчасъ же подумалъ, что, будь Марья Осиповна Евой, она скорѣе бы отыдала змія, чѣмъ запрещеннаго яблока.

Казанцевъ выпилъ большой стаканъ чаю въ серебряномъ подстаканникѣ, закурилъ сигару и бросилъ взглядъ въ окно, выходящее на террасу. Дэзи уловила этотъ взглядъ и, потянувшись къ отцу, спросила съ теплотою въ голосѣ:

Зимній вечеръ въ деревнѣ. Ориг. рис. В. Часовникова, грав. Гашевскій.

Сибирскіе тигры. Рис. А. Вечерингъ, авгоиніи Ангерера.

— Хочешь, чтобы я сыграла что-нибудь?

— Да, пожалуйста, Дэзи, если только ты расположена.

Дэзи кивнула головой.

— Я расположена.

Через минуту в окна показался свет, затем послышался стук поднимавшей крышки рояля, и, среди наступившего безмолвия, полились красивые звуки, заставившие встрепенуться Герливанова.

Дэзи сыграла несколько номеров из „Лебединой пьесы“ Шуберта. Ему всегда казалось, что в этом цикле песен вьется и звенит сама душа композитора и неотразимо действует на душу слушателя.

В игре Дэзи чувствовалась легкость и изящество, без чего немисливо исполнение произведений Шуберта. Затем она сыграла несколько „Песен мельника“ и еще несколько тех легких и грациозных фортепьянных пьес, в которых Шуберт не знает себя соперников.

Игра Дэзи и весь вечер, проведенный у Казанцевых, доставили большое удовольствие Герливанову. Он чувствовал себя как бы получившим внезапное облегчение после тяжелой болезни. Возвращаясь домой, он думал о профессоре, о Дэзи... „Какая она талантливая и своеобразная девушка! Но сразу и не поймешь, что она такое? Одно в ней ярко: глубокая любовь к отцу. И да благословенна пусть будет она за это отныне и во веки“...

VI.

В 7-м часу утра Мозер, согласно уговору, разбудил Герливанова. Он систематически барабанил в его дверь и равномерно повторял:

— Господин Герливанов, пора вставать! Кафе готово, солнце готово, все готово!

Герливанов проснулся и вскочил с постели с ощущением необыкновенной бодрости во всем организме. Быстро одевшись, он раскрыл балконную дверь и замер, пораженный красотой утра.

Вся бухта как бы ожилась в утренней дремоте и дышала легким паром. На всем лежали нежные бледно-сиреневые утренние тона, ласкавшие глаза и наполнявшие душу ощущением, похожим на счастье... Вдали, на рейде, черпал и дымил военный пароход. От пристани отдвинулась сторожевая лодка и, расправив парус, потянула к мысу, оставляя за собою тонкую полоску пены, точно лентку жемчуга.

Внизу у балкона слышались легкие шаги. Герливанов подошел к перилам и наклонился. У палисадника стояла Дэзи в малороссийской сорочке с широкими рукавами. Ее влажные от купанья волосы отливали блеском. Она подняла к Герливанову свое лицо, отражавшее свежесть утра, и весело крикнула:

— Съ добрым утром, Михаил Николаич!

— Здравствуйте... Маргарита Павловна!—так же весело ответил Герливанов.

— Отец просит передать вам, что вы можете пользоваться нашей купальней. Мы ее не запираем.

Герливанов был тронут этим вниманием и поблагодарил Дэзи. Она кивнула головой и ушла, замелькав между деревьями своей белой сорочкой. Герливанов слыл глазами, пока она не скрылась. Ему показалось на этот раз в ней что-то новое, женственное и прихотливое, как сиявшее перед ним утро.

Через несколько минут он был уже на берегу.

Море вблизи еще болело плывило его. Оно как бы притягивало к себе и шептало: „Приди ко мне, и я волью в тебя мою свежесть“.

Герливанов вошел по грудь в воду, нежными мурашками щекотавшую кожу, сбавил несколько и с удивлением заметил, что он свободно держится на воде. Это свойство морской воды увели-

чило прелесть купанья. Он ложился на воду и, покачиваясь от легкой волны, грелся телом на солнце. Выкупавшись, он прошел прямо к себе и попросил Домну Петровну прислать ему кофе на балкон.

Солнце поднялось высоко, а Герливанов все сидел на балконе. Он ни о чем не думал, ничего не желал, а только дышал и не мог насытиться, смотрел и не мог насмотреться.

Ничто подобное должа ощущать городская заморенная лошадь, выпущенная на зеленый луг, залитый солнцем. Душа Герливанова тоже как бы паслась и грелась на солнце.

Когда брызги, похожие на вату, облака сползали с горных вершин и расширяли перед ним панораму гор, ему казалось, что и с его души сползает какая-то мутная пена петербургской жизни.

Взглянув на мысь, выступавший углом в море, Герливанов вспомнил вчерашнюю беседу с Дэзи о молитве, о живописи. Он быстро встал, достал краски и хотел набросать этюд с очень эффектным освещением. Но через десять минут убедился, что Дэзи была права: море поминутно мнялось от всевозможных причин. Небольшое облачко, всплывшее над водою, едва уловимое движение ветра, плеснувшая рыба—и вода мняла свой тон. Герливанов отложил палитру и начал приводить комнату в порядок. При своей артистической натуре он терпеть не мог артистического беспорядка, особенно на письменном столе.

В этом занятии он провел время до обеда, который оказался весьма точной копией предыдущих обедов. Марья Осиповна сидела за столом, как статуя, которую кормят третий день под ряд одними и теми же котлетами. Выяснилось, что Мозеры, ради экономии в топливе и в труде, готовили кушанья на несколько дней, и затем только подогревали их. Марья Осиповна „не могла понять“ такого отношения к своим обязанностям.

Через несколько дней кухня у Казанцевых, наконец, была готова, и Герливанов получил приглашение на обед. Вероятно обед пришелся ему очень по вкусу, потому что после обеда между Марьей Осиповной и Дэзи возникли таинственные переговоры, после которых Дэзи обратилась к Герливанову в полушутливом тоне:

— Михаил Николаич, тетя хочет переманить вас от Мозера и предлагает обедать у нас.

Герливанов поблагодарил, но замаялся. Ему не ловко было предложить плату и неловко пользоваться безвозмездно такой любезностью. Когда Марья Осиповна узнала причину его заминки, она сказала:

— Ну, хорошо, вы будете мне платить столько, сколько я прибавлю за вас кухарке, рубля три.

Герливанов не согласился и назначил 20 рублей. Они начали торговаться. Наконец Дэзи примирила их на том, что Герливанов будет платить 10 рублей в месяц, с тем, однако, чтобы он взял с Марьи Осиповны обязательство, что она будет кормить его не одними только котлетами.

С этого дня Герливанов начал бывать у Казанцевых ежедневно, как член их семьи, и в короткое время очень привязался к ним. Он никогда не видел такой семьи и такой упорядоченной жизни. Каждый из них как бы старался жить для другого, и в то же время у каждого был свой собственный, неприкосновенный мир.

До обеда у Казанцевых стояла тишина. В сборном пункте—на террасе—появлялась только Марья Осиповна в клетчатом холстинном переднике и озабоченно указывала прислуге на какую-нибудь погрешность, при чем говорила полупотомью, чтобы не мешать Казанцеву.

Однажды Герливанову было томительно скучно у себя в мезонинѣ и захотѣлось посидѣть съ Дэзи или съ Казанцевымъ. Было около 12 часовъ. Онъ вышелъ на улицу, стараясь держаться въ тѣни отъ палящихъ лучей солнца и направляясь къ Казанцевымъ. Но у калитки его встрѣтила Дэзи, поспѣшно шедшая куда-то.

— Вы къ отцу?—спросила она, подавая ему руку съ обычнымъ твердымъ пожатіемъ.

— Да...—замыслившись, отвѣтилъ Герливановъ.

— Если по дѣлу, то идите. Онъ у себя въ кабинетѣ. Если же дѣла особеннаго нѣтъ, то лучше не беспокойте его теперь. Онъ очень дорожитъ утренней работой... Я до обѣда тоже занята и теперь иду по дѣлу,—сказала Дэзи, какъ бы извиняясь, что говорить съ нимъ на ходу и не приглашаетъ въ комнату.

— Тогда я ужь не буду его беспокоить, потому что, правду говоря, я шель къ вамъ отъ бездѣля и хотѣлъ немного „покалѣть“, какъ выражаются здѣшнія бабы.

Дэзи извинилась и быстрой, дѣловой походкой направилась въ переулочекъ; но ей очень понравилось, что Герливановъ сказалъ неправду.

Марья Осиповна съ самаго раннего утра бралась за хозяйство, отнимавшее у нея до обѣда всѣ силы ея ума. Дэзи иногда въ шутку называла ее „сестрой Марьей“, заботящейся о „многомъ“. Но Марья Осиповна не обижалась за это сравненіе, будучи увѣрена, что, создавая въ домѣ порядокъ, чистоту и довольство, она постояннымъ образомъ исполняетъ свой долгъ. Замѣтивши послѣ смерти своей сестры мать для Дэзи, она ни на одну секунду не задумывалась надъ тяжестью взятой роли. Всякая мелочь, касающаяся Дэзи и Павла Викторовича, занимала Марью Осиповну больше, чѣмъ иное мировое событіе. И являлась къ ней въ дообѣденное время съ какимъ-нибудь постороннимъ вопросомъ было вообще трудомъ тщетнымъ.

У Дэзи тоже съ утра начиналась дѣятельная жизнь, по въ другомъ родѣ. Черезъ недѣлю по пріѣздѣ въ *Левяду* она уже знала наперечетъ всѣхъ, въ чемъ-нибудь нуждающихся. И ея большая солнечная комната, выбѣленная мѣломъ, представляла изъ себя то рабочій кабинетъ, то классную, то лѣчебницу. Окончивъ занятія съ двумя бѣдными греческими дѣвочками и черномазымъ Аметомъ, девятилѣтнимъ сыномъ Османа, Дэзи начинала принимать всякихъ просительницъ, нуждающихся въ ея совѣтѣ или въ помощи. Она внимательно выслушивала ихъ, серьезнымъ тономъ бесѣдовала и помогала деньгами или давала лѣкарства.

Когда онѣ уходили, Дэзи сама убирала свою комнату, провѣтривала ее, подметала, поливала цвѣты и приводила въ порядокъ пакеты съ различными травами, склянки, книги и бумаги. Послѣ этого она садилась за письменный столъ и приступала къ исполненію своихъ секретарскихъ обязанностей: просматривала дѣла отца англійскіе и итальянскіе журналы, находившіеся въ ея вѣдѣніи, дѣлала на нихъ краснымъ и синимъ карандашомъ отмѣтки, переписывала исправленные лекціи отца и отвѣчала своимъ многочисленнымъ корреспондентамъ. Выходила она изъ дому до обѣда только въ крайнихъ случаяхъ, и всегда шла быстрымъ, дѣловымъ шагомъ, не вступая по дорогѣ ни съ кѣмъ въ разговоры, чтобы не запустить текущихъ дѣлъ.

Ея отношенія къ отцу очень занимали Герливанова. Онъ уже задумалъ построить на такихъ отношеніяхъ цѣлую поэму. Встрѣчаясь съ отцомъ, Дэзи всякій разъ такъ оживлялась, какъ будто не видала его Богъ знаетъ сколько времени, и ни съ кѣмъ она такъ охотно не бесѣдовала, какъ съ нимъ. И чѣмъ больше знакомился Герливановъ съ Казанцевыми, тѣмъ яснѣе становились ему ихъ отношенія. Казанцевъ какъ бы переживалъ въ ней свою молодость въ очищенномъ видѣ, а она тянулась къ нему душою, какъ къ наилучшему образцу

прекрасной жизни. Они дополняли собою другъ друга: она вносила въ его жизнь свѣжесть и молодость души, онъ въ ея жизнь—смыслъ и разуміе. Они были такъ близки между собою, что не могли уже *не понимать* другъ друга. Едва Дэзи начинала развивать какую-нибудь мысль, на открытомъ лицѣ Казанцева появлялись сочувствіе и одобреніе.

Гуляя по лѣсу или по берегу моря, Казанцевъ никогда не пропускалъ случая остановиться, чтобы сорвать для Дэзи какое-нибудь растеніе или поднять камень оригинальной формы. Иногда онъ набиралъ полные карманы такихъ камней и, придерживая оттопыренные карманы, казался еще болѣе похожимъ на большого медвѣдя.

Вскорѣ по пріѣздѣ Дэзи какъ-то обмолвилась, что бесѣда на музыкальномъ итальянскомъ языкѣ доставляетъ ей особенное удовольствіе. Казанцевъ ничего не сказалъ на это. Но черезъ нѣсколько дней, бесѣдуя съ Герливановымъ объ Энрико Ферри, онъ заявилъ, что послѣдній очень его интересуетъ своими „литературными изслѣдованіями“, съ которыми любопытно было бы познакомиться въ подлинникъ, да жаль: онъ не знаетъ итальянскаго языка.

Дэзи, которую ничѣмъ нельзя было такъ подкупить, какъ нужно въ ея помощи, заявила:

— Папа, хочешь, давай заниматься итальянскимъ языкомъ? Ты въ короткое время усѣнешь научиться.

Павель Викторовичъ изъявилъ согласіе, и черезъ нѣсколько недѣль онъ уже могъ кое-какъ объясняться по-итальянски. Въ „итальянскіе дни“ онъ за обѣдомъ начиналъ съ Дэзи переговоры и, протягивая массивную руку, говорилъ:

— *Mia cara figlia, dammi... dammi... **) какъ горчица?

— *La mutarda*. Но такъ не говорятъ: *cara figlia*. Лучше сказать: *carina*,—замѣчала съ улыбкой Дэзи.

— *Mia carina, dammi la mutarda!*—произносилъ покорно Казанцевъ, протягивая руку за горчицей.

И черезъ нѣсколько минутъ онъ опять обращался къ Дэзи съ какой-нибудь сложной и, видимо, составленной въ умѣ фразой. Дэзи весело смѣялась и говорила:

— *Ecco... ecco, tu fai dei gran progressi! **)*

Казанцевъ заявлялъ, что прилагаетъ всѣ старанія, чтобы заслужить одобреніе своей наставницы. И весь день называлъ ее своей *маэстриной* (наставница).

Вслѣдствіе постоянного желанія угодить другъ другу, у нихъ выработалась особенная чуткость. Они съ полупамека и полуслова угадывали мысль, желаніе и настроеніе другого. У нихъ даже были свои термины и опредѣленія. Такъ: словомъ *субботникъ* они обозначали человѣка, ставящаго форму выше сущности или идею выше человѣка, образовавъ это опредѣленіе изъ евангельскаго изреченія: „суббота для человѣка, а не человекъ для субботы“.

Достоинъ мѣшка гороха означало у нихъ положеніе человѣка, затратившаго много терпѣнія, силъ и искусства на какое-нибудь ничтожное, въ сущности, дѣло. Это опредѣленіе взято было изъ разсказа о томъ, будто къ Александру Македонскому привели однажды юношу, который необыкновенно искусно попадалъ на значительномъ разстояніи горошиной въ крошечную дырочку. Всѣ ждали отъ Александра удивленія и похвалы. И онъ, дѣйствительно, удивился ловкости юноши, похвалилъ его и велѣлъ выдать ему въ награду... мѣшокъ гороху.

Сдѣлавъ однажды это опредѣленіе по поводу одного государственнаго дѣятеля, Дэзи объяснила Герливанову смыслъ ея словъ. Ему очень понравилась эта характеристика, мѣтко выражавшая сущность упомянутого

*) Моя дорогая дочь, дай... дай...

**) Ну, ну! Ты дѣлаешь большіе успѣхи!

дѣятеля. И онъ самъ началъ часто прибѣгать къ „мѣшкѣ съ горохомъ“, варьируя на разные лады это выраженіе.

Жизнь Казанцевыхъ, ихъ бесѣды, привычки и отношенія къ людямъ замѣтно начали отражаться на Герливановѣ. Онъ замѣчалъ это вліяніе и охотно подчинялся ему. Въ первый день пріѣзда ему показалось бы страннымъ пожать руку Осману. Впослѣдствіи ему показалось бы страннымъ, если бы онъ не пожалъ руки Осману потому только, что тотъ простой лодочникъ.

Съ каждымъ днемъ первы у Герливанова успокаивались, и настроеніе его дѣлалось ровнѣе. Въ короткое время онъ значительно окрѣпъ, свободно совершалъ большія экскурсіи и сдѣлался отъ загара похожимъ на цыгана. Марья Осиповна находила, что это придавало ему особенную красоту, напоминавшую восточный типъ Іоанна Предтечи на картинѣ Иванова.

Она относилась къ нему съ заботливостью матери и трогала его своей предупредительностью.

Обладая счастливой способностью привлекать къ себѣ людей, Казанцевъ скоро стянулъ вокругъ себя всѣ мѣстныя силы. Въ обращеніи онъ былъ всегда привѣтливъ и въ каждомъ, безъ различія возраста и положенія, уважалъ прежде всего человѣческое достоинство. Это главнымъ образомъ и притягивало къ нему людей; и рѣдкій день у Казанцевыхъ не бывалъ кто-нибудь за вечернимъ чаемъ.

Герливановъ познакомился у нихъ со всѣми представителями мѣстной интеллигенціи. Наибольшее его вниманіе обратили на себя: владѣлецъ богатыхъ виноградниковъ, полковникъ Щелковъ, затѣмъ вольно-практикующій врачъ Березнякъ и, такъ-называемый „энциклопедистъ“, Егоръ Мартынычъ Гагаринъ, плечистый старикъ съ длинной разноцвѣтной бородой, въ своеобразномъ костюмѣ съ широкимъ кожанымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ножъ въ футлярѣ и козловый кисетъ съ табакомъ. Отличительное свойство Гагарина заключалось въ томъ, что онъ *все зналъ* и, начиная съ сапогъ и кончая своимъ затѣйливымъ домомъ, съ необыкновенными вентиляціями и затворами,—все дѣлалъ собственноручно. Онъ рѣшительно ни передъ чѣмъ никогда не терялся; и, послушавши его, можно было подумать, что передъ вами одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ практиковъ въ мірѣ. Въ сущности же трудно было бы найти болѣе безалабернаго и бесполезнаго человѣка, чѣмъ былъ Егоръ Мартыновичъ Гагаринъ.

Прямую противоположность ему представлялъ докторъ Березнякъ—молчаливый молодой человѣкъ съ восковой блѣдностью лица, рѣдко улыбавшійся и ходившій въ поношенномъ платьѣ изъ грубой ткани.

Онъ переѣхалъ въ *Леваду* по настоянію товарищей, чтобы бороться со своимъ недугомъ—чахоткою. Но ему приходилось больше бороться здѣсь съ невѣжествомъ и лишеніями. Даже зажиточные люди не всегда оплачивали трудъ Березняка, убѣдившись въ его нетребовательности; съ бѣдныхъ же онъ самъ не бралъ, а иногда еще и приплативалъ, покуная для нихъ лѣкарства. Жилъ онъ на окраинѣ села, въ небольшой приобрѣтенной имъ землянкѣ.

Дэзи при первой же встрѣчѣ съ Березнякомъ отнеслась къ нему съ особеннымъ вниманіемъ. Она уже слышала отъ крестьянокъ о его гуманности и въ короткое время сблизилась съ его женою и съ нимъ. Они начали встрѣчаться почти каждый день. Иногда Дэзи ходила съ докторомъ къ больнымъ и быстро усваивала подъ его руководствомъ нѣкоторые приемы.

Профессоръ тоже съ большой симпатіей относился къ Березняку и высоко цѣнилъ въ немъ нравственную чистоту.

Но Марья Осиповна не долюбивала доктора. Онъ стѣснялъ ее своимъ поношеннымъ костюмомъ, своей молчаливостью и, въ особенности, своей болѣзнью. Она боялась за Дэзи. Далеко ли до грѣха: дышать по цѣлымъ часамъ однимъ воздухомъ съ чахоточнымъ?

Однажды Дэзи пришла отъ Березняковъ и закашлялась. Марья Осиповна измѣнилась въ лицѣ и, кинувъ встревоженный взглядъ на Казанцева, съ укоромъ замѣтила:

— Дэзи, ты ужасно не осторожна.

— Чѣмъ, тетя?

— У Березняка такая болѣзнь, а ты...

— Вы, Богъ знаетъ, что говорите, тетя!—прервала съ досадой Дэзи и вся вспыхнула.

Марья Осиповна обидѣлась, но ничего не возразила, а только подняла свое величавое лицо съ двойнымъ подбородкомъ и какъ бы застыла въ собственномъ достоинствѣ.

Дэзи всячески старалась разсѣять образовавшуюся тучку. Причинивъ кому-нибудь непріятность, она очень страдала и дѣлала все, чтобы поскорѣе заживить напесенную ранку.

Вечерній приходъ катера, привозившаго почту, вызывалъ въ *Левадѣ* большое оживленіе. Завидѣвъ въ морѣ красный огонь или слышавъ отдаленный гудокъ, всѣ спѣшили къ пристани. Дэзи и Герливановъ тоже отправлялись почти всякій вечеръ къ приходу катера и поспѣшно возвращались на террасу съ письмами и газетами въ рукахъ. У Казанцевыхъ была обширная переписка; нѣкоторыя письма, имѣвшія общественный интересъ, Павелъ Викторовичъ читалъ вслухъ. Послѣ этого и начинались оживленныя бесѣды о жгучихъ событіяхъ, о новыхъ теченіяхъ въ наукѣ и въ искусствѣ, объ интеллигентныхъ колоніяхъ, объ экономическихъ теоріяхъ Генриха Джорджа и обо всемъ, что представляло общественный интересъ.

Герливановъ, не обладавшій даромъ краснорѣчія, рѣдко принималъ участіе въ оживленныхъ преніяхъ, но охотно прислушивался къ нимъ. Они раскрывали передъ нимъ черты характера и внутреннюю жизнь бесѣдующихъ.

Не признавая литературной манеры „списыванія съ природы“, Герливановъ тѣмъ не менѣе почти у каждого человѣка бралъ какую-нибудь черточку.

Съ первыхъ же дней левадской жизни, въ немъ началась усиленная внутренняя работа. Многое для него начало проясняться.

(Продолженіе будетъ.)

„Царица Алая“.

Очеркъ Б. Л. Тагѣева.

Въ одномъ изъ многочисленныхъ ущелій Алайскаго хребта, носимемъ названіе Яга-чартъ, подъ огвѣсною высокою скалою, ютится небольшой аулъ, состоящій изъ болѣе, какъ изъ десяти юртъ. Но не похожъ этотъ аулъ на прочія киргизскія кочевки. Какой-то особенный порядокъ царитъ здѣсь, да и сами юрты (кибитки) пеголяютъ красотою и роскошью. Пріятно ласкаетъ глазъ высокая сочная трава и живописно разметавшаяся арча (смолистое дерево въ родѣ пихты). Многочисленная стада барановъ и рогатаго скота, громадные табуны лошадей и верблюдовъ, оживляютъ этотъ красивый, хотя немножко суровый пейзажъ, придавая ему болѣе мягкій отблескъ. Около самаго подножія одной изъ горъ, въ далекомъ отъ

аула стоитъ старая, маленькая юрта, рѣзко выдѣляющаяся среди прочихъ, богато убранныхъ кибитокъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ посѣтивъ этотъ уголокъ грознаго Алая, я засталъ тамъ кипучую жизнь. Цѣлыя толпы веселыхъ киргизовъ обступили меня, скаля свои бѣлые зубы. Теперь, въ 1896 году, когда я, по обыкновенію, путешествуя въ Алайскихъ горахъ, заѣхалъ въ это уютное ущелье, меня сразу поразила необыкновенная тишина, царящая въ Яга-чартѣ.

Тѣ же юрты, стѣренными грибочками выглядывающія изъ ковра зеленой травы, тѣ же стада барановъ, тѣ же киргизки, бѣгающія съ турсуками *) для приготовленія кумысу,—все это

*) Турсукъ: мѣшокъ изъ кожи для сохраненія воды.

Der Adlerkönig Dorn

Oberjäger im Prinz-Regenten

Альпійскій охотникъ.

Ориг. рис. Аллера (изъ книги Аллерей-Гауггофера „Das Deutsche Jagdbuch“)

Библиотека "Руниверс"

было, как прежде; но я не видел больше того радушия, с которым, бывало, встречали меня хозяева этого аула, и я видел их добродушных скуластых лиц, и мнѣ стало необыкновенно грустно. Два киргиза в черных бараньих шапках прошли мимо меня, бросив исподлобья сердитый взгляд, и скрылись в дверях одной из кибиток; никто даже лошади моей не прикоснулся, а прежде со всех сторон сбѣгались люди, чтобы взять ее.

Увидя сидѣвшаго подлѣ юрты старика, я подлѣхал къ нему и попросил по-киргизски, чтобы онъ проводилъ меня въ юрту къ Курбанъ-Джанъ-Датхи. Киргизъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ, укоризненно покачалъ головою и двинулся впередъ, указывая мнѣ путь. Подойдя къ маленькой, отдѣльно стоящей юртѣ, онъ отдернулъ кошму, заслонявшую входное отверстие въ кибитку. На меня нахнуло чѣмъ-то кислымъ, прѣлымъ. Я удивленно посмотрѣлъ на своего проводника, думая, что онъ, не понявъ меня, привелъ къ какой-нибудь другой юртѣ, но тотъ какъ бы угадалъ мою мысль и, указывая рукою на дверь, сказалъ: „Мана Датха“ („вотъ Датха“). Я нагнулъ голову и вошелъ въ юрту. Мракъ, царившій внутри ея, и рѣзкій переходъ отъ свѣта къ темнотѣ не дали мнѣ возможности сразу разсмотрѣть внутренность юрты, но предупредительный проводникъ отгнулъ кусокъ кошмы, закрывавшей тунгикъ (верхнее отверстие юрты), и я былъ пораженъ представившимся мнѣ зрѣлищемъ.

Въ трехъ шагахъ отъ меня, на голой землѣ, въ страшномъ рубищѣ, сквозь дыры котораго сквозило сухое черное тѣло, сидѣла маленькая, жалкая старуха; ея рѣдкѣе сѣдые волосы какими-то жалкими хвостиками покрывали сморщенное, похожее на печеное яблоко, лицо. Она устремила на меня свои маленькие слезящиеся глаза и, шамкая своимъ беззубымъ ртомъ, бормотала какія-то слова. Я присѣлъ на корточки около нея и проговорилъ обычное привѣтствіе. Она дико посмотрѣла на меня и вдругъ захохотала своимъ старческимъ дребезжающимъ смѣхомъ. Холодъ пробѣжалъ по моей спинѣ отъ этого хохота... И это — датха*), это — бывшая царица Алай, передъ которой трепетали кокандскіе ханы, одного слова которой было достаточно, чтобы казнить и миловать? Это — та самая датха, которая нѣсколько разъ, окруженная своими сыновьями, принимала меня съ непритворной радостью, которая еще два года тому назадъ, будучи 90-лѣтней старухой, верхомъ безъ отдыха пробѣжала 70 верстъ и которую въ 1895 году я видѣлъ еще совсѣмъ бодрой и здоровой... Боже мой, во что она превратилась теперь! Мнѣ стало необыкновенно тяжело, и я, быстро выбѣжавъ изъ юрты и вкоченивъ на лошадь, отпрянулъ къ ожидавшимъ меня спутникамъ, вспоминая о датхѣ и ея жизни, полной глубокаго трагизма.

Курбанъ-Джанъ-Датха была женою одного изъ владѣтелей Алая, Алимъ-бека, управлявшаго имъ еще задолго до прибытія русскихъ въ Туркестанъ. Въ районъ его владѣній входили тогда всѣ горныя системы Алайскихъ горъ: богатѣйшая подножными кормомъ долина Большого Алая, Заалайскій хребетъ и обширная площадь Памировъ, вплоть до владѣній китайскихъ и Афганистана. Еще молодою женщиною датха овдовѣла. Мужъ ея былъ убитъ намиро-алайскими кочевниками во время сбора податей, и юная красавица-датха сдѣлалась правительницею Алая. Отметивъ убійцамъ своего мужа, она собрала около себя цѣлую гурьбу преданныхъ ей батырей (богатырей), а одного изъ нихъ избрала себѣ въ мужа, оставаясь все же полною правительницею Алайскаго царства.

Но не долго продолжалась замужняя жизнь правительницы. Второй мужъ былъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы, убитъ въ стычкѣ съ китайцами, оставивъ ей трехъ сыновей: Абдулла-бека, Канчи-бека и Махмудъ-бека. Датха сама занялась воспитаніемъ своихъ сыновей, и изъ молодыхъ джигитовъ они постепенно превратились въ неустрашимыхъ храбрыхъ батырей. Гордилась датха своими сыновьями, постоинными побѣдителями въ улакахъ**) и байгахъ***), и она видѣла въ дѣтяхъ своихъ вѣрныхъ и надежныхъ помощниковъ. Обладая твердой волей и энергичнымъ характеромъ, правительница Алай сразу сумѣла поставить себя въ независимое положеніе среди окружающихъ ее дикихъ народовъ и въ 60-хъ годахъ уже приобрѣла такое значеніе въ Средней Азии, что даже кокандскіе ханы, съ завистью относившіеся къ ней, посылали на Алай своихъ пословъ, снабженныхъ богатými дарами. Однако, несмотря на это обстоятельство, ханы не хотѣли официально признавать ее „датхою“, т. е. правительницею, но въ семидесятыхъ годахъ она сумѣла заставить кокандскаго хана Худойра титуловать ее царственнымъ титуломъ и оказывать ей соответствующія почести. Но вотъ въ 1875 году всколыхнулось алайское населеніе. Достигли и до датхи слухи, что идутъ на Кокандъ побѣдоносныя русскія войска, передъ которыми уже пали одно за другимъ кокандскія укрѣпленія. Вотъ слышитъ она, что слыш и Кокандъ, и наконецъ въ 1876 году доносится до царицы еще одна ужасная вѣсть, что Автобачи, этотъ знаменитый коноводъ кичаковъ,

взявъ русскими и отправленъ въ Россію. Вѣсть эта съ быстротою молвіи разнеслась по вновь покоренному Кокандскому ханству и, переходя изъ ушей въ ушечья, пронеслась надъ всѣмъ краемъ. Замкнуло, заколыхалось горное населеніе Алая, и шайки отважныхъ батырей стали пополняться новыми и новыми силами. Сердце Курбанъ-Джанъ-Датхи радовалось, что батыри грудью стояли за свою родину, не желая подчиниться „гиурамъ“.

Всѣми силами старались мурлы поднять мусульманъ на священную войну противъ русскихъ, а тѣмъ временемъ датха, не падая ни силъ, ни средствъ, готовилась къ походу. И вотъ въ 1876 году огромныя шайки кичаковъ и кара-киргизовъ, имѣя во главѣ старшаго сына Датхи, Абдулла-бека, открыто возстали противъ Россіи. Это обстоятельство заставило Россію покончить съ Алаемъ, и въ томъ же году изъ Маргелана, подъ начальствомъ командующаго войсками Ферганской области генералъ-майора Скобелева 2-го, выступилъ отрядъ, состоявшій изъ трехъ родовъ оружія.

Отрядъ этотъ, во главѣ съ своимъ храбрымъ начальникомъ, двинулся по Омско-Гульчинской дорогѣ и наконецъ остановился въ м. Гульча, откуда были посланы конные разъѣзды для рекогносцировокъ.

Много было ауловъ въ Гульчинской долинѣ, но какъ услышали киргизы о движеніи русскихъ, они бросились всѣ со скотомъ и скарбомъ къ Кашгару, предоставлявъ батырямъ защищать родную страну. Покинула свою родину и Курбанъ-Джанъ-Датха. Какъ мать разстается со своимъ дѣтищемъ, такъ и она разставалась съ Алаемъ, поручивъ его всецѣло своимъ сыновьямъ. Не горюясь отправляла она свои многочисленныя стада въ Кашгаръ черезъ суровый перевалъ Терекъ-Давашъ и вслѣдъ за пуществомъ, въ сопровожденіи немногочисленныхъ джигитовъ и сына своего Канчи-бека, отправилась туда же и сама. Тяжело было на сердцѣ у царицы, но она не теряла надежды, и рѣшительно вѣрила, что Аллахъ не допуститъ гибели ея дорогого сокровища — Алая. Между тѣмъ Абдулла-бекъ съ братомъ своимъ Махмудъ-бекомъ и сконницею киргизовъ и кичаковъ твердо укрѣпились въ урочищѣ Янгирарыкѣ, построили укрѣпленіе съ каменными завалами, и дали клятву, что отстаютъ свое орлиное гнѣздо. Вполнѣ былъ увѣренъ Абдулла-бекъ, что позиція его неприступна, тѣмъ болѣе, что онъ надѣлся на большую воду въ рѣкѣ Янгирарыкѣ, которая не дастъ русскимъ перейти на другую сторону. Тщетно старался русскій отрядъ выбить горцевъ изъ ихъ засады, пока, наконецъ, Скобелевъ не прибѣгъ къ труднымъ и большимъ обходамъ. Планъ былъ таковъ. Справа, со стороны перевала Талбыкъ (12000 ф. выс.), наступалъ отрядъ майора Юнова, который, построивъ черезъ рѣчку Белаули висѣщій мостъ, занялъ въ тѣлѣ Абдулла-беку. Отступленіе же къ кургану Омаръ-бека отрѣзали двѣ казацкія сотни, подѣ командою полковника князя Витгенштейна. Тутъ только Абдулла-бекъ увидѣлъ, что сопротивленіе невозможно, и бросился черезъ большой перевалъ Кизиль-артъ (14000 ф.) на Памиры. Легучій отрядъ князя Витгенштейна по пятамъ преслѣдовалъ Абдулла-бека, но тотъ, съ ловкостью горнаго козла, увертывался отъ него, завлекая такимъ образомъ князя влѣбъ Заалайскаго хребта, гдѣ весь легучій отрядъ чуть не погибъ у озера Кара-кулъ во время метели, отрѣзанный огромнымъ переваломъ, безъ провіанта и фуража. Благодаря этому обстоятельству, Абдулла-беку удалось увернуться отъ преслѣдованія русскихъ, и онъ съ небольшимъ числомъ людей, въ сопровожденіи своего брата, Махмудъ-бека, черезъ весь Памиръ, бѣжалъ въ предѣлы Афганистана и, приславъ оттуда заклятіе изъ корана, что не будетъ больше воевать, а также сломанный клинчъ (шапка) въ знакъ примиренія, ушелъ въ Мекку, но умеръ по дорогѣ въ пустышѣ. Между тѣмъ стада и имущество Курбанъ-Джанъ-Датхи были еще на пути къ Кашгару разграблены китайцами, и бѣдная царица принуждена была броситься по слѣдамъ своихъ сыновей съ остатками удѣльныхъ богатствъ, т. е. къ перевалу Кизиль-Арту. Но и эта попытка ея оказалась неудачною. Не далеко отъ перевала наткнулась она на возвращавшійся отрядъ князя Витгенштейна, которымъ и была арестована и отведена къ генералу Скобелеву. Ласково обошелся съ илѣницею бѣлый генералъ, одарилъ онъ ее почетными халатами, обласкалъ бывшаго съ нею сына, Канчи-бека, и совѣтовалъ ей воспользоваться ея безграничнымъ вліяніемъ на дикое населеніе и повліять на него въ духѣ миролюбія.

Узнавъ царица, понявъ свое положеніе и не видя ничего уважительнаго въ подчиненіи себя русской власти, дала обещаніе туркестанскому герою, что миръ и тишина будутъ царить въ долинахъ Алая.

Послѣ удачнаго дѣла при Янгирарыкѣ, русскій отрядъ, перешедши Алайскій хребетъ, черезъ перевалъ Талдыкъ, наконецъ вышелъ на долину Большого Алая и, окончившіе около мѣстечка Сары-Ташъ, ожидалъ дальнѣйшихъ распрямленій. Между тѣмъ шайки киргизовъ не переставали показываться и, несмотря на утрату своихъ предводителей, сильно беспокоили отрядъ, производя ночныя атаки. Простоявъ нѣсколько мѣсяцевъ на Алаѣ, отрядъ прошелъ на западъ по долинѣ до ушей Карамука, перевалилъ черезъ перевалъ Кара-Казыкъ и, спустившись въ долину Шахмардана, черезъ Вудиль, возвратился обратно въ Маргеланъ.

*) Датха — правительница.

**) Кошная игра. Просается зарѣзанный козель и всѣ стараются отнять его другъ у друга и привести къ холмцу.

**) Байга — скачка, похожая на европейскую.

Прошло долгих 17 лѣтъ со времени покоренія Алая, и население его уже совершенно освоилось съ жизнью подъ русскимъ владычествомъ. Смирлились и батыры, и занялись они своимъ скотомъ и охотою. Свѣто хранила давное обѣщаніе датха, по-прежнему поселилась она въ Яга-чартъ и, пользуясь своимъ безграничнымъ вліяніемъ, охраняла миръ и спокойствіе на Алаѣ, а сыновья ея сдѣлались ея помощниками и вѣрными слугами русскому правительству. Были назначены они волостными управителями (минбаши), а минбаши пользуются громадною властью надъ туземцами въ Туркестанѣ. Всегда съ необыкновеннымъ радушіемъ встрѣчали беки вмѣстѣ со своею матерью русскихъ путешественниковъ, всегда старались, чѣмъ только могли, угостить ихъ. Сколько разъ приходилось мнѣ самому принимать участіе въ ихъ торжествахъ и увеселеніяхъ. Во время слѣдованія намирскаго отряда черезъ Алай, датха угостила на славу и солдатъ, и офицеровъ. Любили и русскіе царьцу Алай.

Много лѣтъ правилъ Махмутъ-бекъ Гульчинской волостью, а Мирза-Паясъ, его племянникъ, — Алаемъ. Много медалей и почетныхъ халатовъ было у обоихъ управителей, и радовалась престарѣлая датха на своихъ сыновей. Только одинъ Канчи-бекъ огорчалъ свою старуху-мать. Уже очень онъ былъ крутого нрава, и ходили слухи, что занимается онъ провозомъ контрабандныхъ товаровъ. Сколько ни старались поймать его таможенные стражники, но такъ и не удалось имъ подстеречь увертливаго Канчи-бека.

Вдругъ тревожная вѣсть дошла до русскаго начальства, — вѣсть о безслѣдномъ исчезновеніи таможеннаго объѣзчика и двухъ стражниковъ. Всѣ поиски оказались тщетными. Ходили кое-какіе слухи, но основанные на однихъ предположеніяхъ. Чиновники, командированные на Алай, возвратились ни съ чѣмъ, а объѣзчикъ Боровковъ и его два джигита такъ и канули въ воду. Отлично знали киргизы, въ чемъ дѣло, да молчали пока, боясь выдать тайну. Зналъ и Махмутъ съ Мирза-Паясомъ, да не хотѣли они выдавать виновника, тѣмъ болѣе, что косвенно въ этомъ дѣлѣ былъ замѣшанъ ихъ братъ Канчи-бекъ. Вдругъ дѣло разоблачилось само собою. Совершенно случайно участковый приставъ наткнулся на сожженный трупъ лошади. Пріѣхавъ слѣдователь, и началось слѣдствіе. Вскорѣ дѣло окончательно выяснилось.

Исцугался Махмутъ-бекъ и Мирза-Паясъ, что очень ужъ долго скрывали они преступленіе, и донесли рапортомъ начальнику уѣзда о случившемся. Да было уже поздно. Вмѣстѣ съ Канчи-бекомъ они были арестованы и посажены въ тюрьму за укрывательство преступленія. Великое горе разразилось надъ головою бѣдной датхи, но ея материнское сердце вполнѣ было увѣрено, что сыновья ея повинны въ этомъ темномъ дѣлѣ. Между тѣмъ слѣдствіе выяснило, что объѣзчикъ, за-пасный унтеръ-офицеръ Боровковъ, былъ посланъ въ сопровожденіи двоихъ стражниковъ для объѣзда линіи и около перевала Белеузлие встрѣтилъ караванъ контрабандистовъ, везшихъ „нашу“ *).

Осмотрѣвъ караванъ, Боровковъ приказалъ слѣдовать ему за собою къ таможенному пункту, но контрабандисты воспротривились и предложили Боровкову взятку, которую тотъ сначала изъявилъ согласіе принять, но потомъ раздумавъ и силой хотѣлъ принудить киргизовъ подчиниться его требованію. Произошла схватка. Револьверы объѣзчика и его стражниковъ оказались безъ патроновъ, а потому киргизы, осилвъ таможенныхъ, связали ихъ и послали джигита съ донесеніемъ къ Канчи-беку, къ которому и везли контрабанду, а сами ожидали разрѣшенія вопроса, что дѣлать съ русскими. Къ несчастью, Канчи-бека не было дома: онъ въ то время находился за 90 верстъ въ Гульчѣ. Вмѣсто него на мѣсто происшествія пріѣхавъ его 12-ти-лѣтній сынъ Арсланъ-бекъ и приказалъ крѣпче связать таможенныхъ и везти ихъ въ аулъ, а самъ уѣхать. Связывая Боровкова, одинъ изъ киргизовъ веревкой содралъ съ его руки кожу, изъ которой потекла кровь, на что Боровковъ и замѣтилъ, что за его кровь они отвѣтятъ жизнью.

Киргизы испугались, тѣмъ болѣе, что по ихъ законамъ за кровь вѣстятъ кровью. Подумали, посоветовались между собою и рѣшили прикончить съ таможенными. Подъ арчюю таможенныя были по очереди замочены, причемъ Боровкова задушили послѣднимъ, и онъ видѣлъ смерть своихъ товарищей. Трупы и оружіе были спрятаны въ шенерѣ, а лошади събѣдены и косяки ихъ сожжены. Когда явился Канчи-бекъ, то стражниковъ и слѣдъ простылъ. Узнали объ этомъ его братья волостные, ужасно испугались и приказали всѣмъ старшинамъ молчать о случившемся.

Въ областной тюрьмѣ Новаго Маргелана въ одиночныхъ камерахъ сидятъ двадцать одинъ киргизъ, арестованные по дѣлу объ убійствѣ таможенныхъ. Вотъ ужъ два года сидятъ они, свободный дѣти горъ, подъ строгимъ надзоромъ тюремнаго начальства. Поблѣднѣвъ, осунулся полный Махмутъ-бекъ, а тутъ еще новое горе постигло его. Ыхавъ навѣстить заключеннаго отца молодой сынъ его, да по дорогѣ сорвался и разозжилъ себя одну голову о камень. Не судилъ, знать, Алахъ увидѣть сыну позоръ своего отца.

*) „Наша“ — наркотическое курево туземцевъ, запрещенное правительствомъ.

Мрачный, точно запертый въ клетку волкъ, сидитъ въ тюрьмѣ Канчи-бекъ и шепчетъ молитвы, соблюдая строгую уразу (постъ).

Пріѣхала и датха въ Маргеланъ, и посѣтила бѣдная мать сыновою своихъ. Поддерживаемая подъ руки двумя почтенными туземцами, вошла бывшая царица Алай въ тюрьму. Дрогнуло сердце старухи при видѣ дѣтей своихъ въ арестантскихъ халатахъ. Горько заплакала датха. Не думала бывшая царица дожить до такого позора, что дѣти ея попадутъ въ тюрьму наравнѣ съ ворами и мошенниками. Уже лучше задушила бы она ихъ собственными руками.

Настали дни суда. Дѣло разбиралось при закрытыхъ дверяхъ. Нѣсколько дней длился преніи и, наконецъ, наступилъ день объявленія приговора.

Съ восьми часовъ утра до семи вечера сидѣли арестанты въ ожиданіи своей участи, и вотъ наконецъ пошелъ судъ...

Девять киргизовъ были приговорены къ смертной казни, и въ ихъ числѣ Канчи-бекъ съ сыномъ Арсланъ-бекомъ, а Махмутъ-бекъ и Мирза-Паясъ приговорены къ каторжнымъ работамъ; остальные же оправданы за недостаткомъ уликъ.

Въ неописанное отчаяніе пришла Курбанъ-Джанъ-Датха. Не смогла на свою дряхлость поѣхать она къ губернатору, генералу Пovalo-Швейковскому, валялась въ ногахъ у него и молила о смятеніи участіи сыновою. Но было уже поздно. Велико было горе матери, у которой судьба на глазахъ отнимала дѣтей. Уѣхала датха изъ Маргелана къ себѣ на зимовку, какъ обыкновенно, верхомъ, и заболѣла тамъ бывшая царица; не вынесла она нравственной пытки. Между тѣмъ смертный приговоръ былъ подтвержденъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ только надъ Канчи-бекомъ и киргизомъ Палваномъ, а остальнымъ казнь замѣнена каторгой. Махмуту же, Мирзѣ-Паясу и Арсланъ-беку наказаніе замѣнено ссылкой.

По ошской дорогѣ движется сотня казаковъ 6-го оренбургскаго полка. На арбѣ, въ оковахъ, сидятъ съ мрачными лицами два киргиза. Одинъ съ красивымъ разбойничьимъ лицомъ, не лишенымъ величія, другой маленькій, съ черной бородкой, съ узкими прорѣзями глазъ, представляетъ собою заурядный типъ киргиза племени адычиль. Это Канчи-бекъ и Палванъ, осужденные на смерть, конвоируемые сотнею, отправляются въ городъ Ошъ, гдѣ и должны быть повѣшены у подножія Алая. Алай, на которомъ родились они, провели дѣтство и юность, дорогой ихъ Алай, съ которымъ два года назадъ они расстались въ надеждѣ скоро увидѣть его, — опять передъ ними, такой же грозный, такой же суровый, съ тѣми же снѣжными вершинами, на которыхъ, бывало, съ радостью смотрѣли осужденные, любуясь ихъ красотой и величіемъ. Какое же теперь производигъ онъ на нихъ впечатлѣніе? Съ какимъ чувствомъ приближаются осужденные къ своей родинѣ? Съ какими мыслями всматриваются они въ темныя, чернѣющія впередъ ушелья.

Вдругъ кто-то дернулъ Канчи-бека за плечо; вздрогнулъ онъ и очнулся отъ своей задумчивости...

„Айдъ слазы!“ слышитъ онъ голосъ конвойнаго казака, и снова дѣйствительность во всемъ своемъ ужасѣ развертывается передъ нимъ... Солнце уже совсѣмъ почти спряталось за сребристый хребетъ большого Алая, красно озаривъ его снѣжныя вершины. Холодный мракъ ночи уже окуталъ кинлакъ Араванъ, въ которомъ остановились на почлегъ, осужденные на казнь, преступники.

Мрачный покой царитъ надъ небольшимъ бивуакомъ, и только мѣрные шаги часового казака раздаются среди гробовой тишины.

2-го марта 1895 года состоялась казнь надъ осужденными. На большой площади въ г. Ошѣ*) была приготовлена висѣлица съ двумя желѣзными кольцами. Цѣлое море нестрѣхъ халатовъ уже наводнило всѣ улицы. Пріѣхавъ изъ Маргелана и военный-губернаторъ генералъ Пovalo-Швейковский присутствовать при казни Канчи-бека. Въ 10½ часовъ вдругъ толпа заволновалась, и процессія пошла „везуть“. Вскорѣ показались медленно двигающіяся двѣ черныя арбы, окруженные конвоемъ. Вприжнны въ нихъ черныя лошади и арбаешки во всемъ черномъ тяжело дѣйствовали на окружающіхъ. Снокоевъ, но мраченъ сынъ царицы Алай, часто поднимаетъ онъ руки къ небу и громко читаетъ молитву. Мѣрно движутся, блнстал на солнцѣ штыками, конвойные солдаты, не веселы ихъ лица, шагъ за шагомъ идутъ они за арбаши. И вотъ, наконецъ, печальная процессія подошла къ эшафоту. Гордо съ достоинствомъ держалъ себя Канчи-бекъ во время чтенія смертнаго приговора, смѣло готовился онъ встрѣтить смерть. Не разъ ужъ приходилось ему встрѣчаться съ нею лицомъ къ лицу; только видно было, какъ досадно горному орлу, что подрѣзаны его крылья, что не можетъ онъ въ бою сложить свою буйную голову. Не такъ велъ себя Палванъ. Растерялся бѣдный киргизъ и упалъ на колѣни, прося помилованія. Послѣ прочтенія приговора воцарилась гробовая тишина.

„Можно мнѣ еще разъ помолиться?“ спросилъ генерала Канчи-бекъ, и, получивъ разрѣшеніе, всталъ на колѣни и, поднявъ руки къ небу, прочелъ краткую молитву, затѣмъ

*) За 90 верстъ отъ Маргелана, ближе къ мѣсту убійства таможенныхъ.

Салонъ Елисейскихъ полей. „Жмурки“. Съ карт. Р. де-Ошоа, грав. Бодль.

Жанна д'Аркъ на допросъ въ Руанъ, 21 февраля 1431 г. Съ карт. Фредъ Роо, по гравюрѣ Бода автотипія „Плва“.

всталъ и, промолвивъ: „довольно молиться“, снова повернулся къ генералу, сказалъ „я готовъ“ и самъ подошелъ къ палачу. Вотъ уже крѣпко связаны его руки, и бѣлый саванъ, казалось, сейчасъ скроетъ представительную фигуру Канчибека. Вотъ ужъ надѣваютъ его на голову батыри. Поднялъ глаза Канчибекъ и увидалъ рядъ снѣжающихъ горъ съ снѣжными вершинами, и показалось ему, что киваютъ онѣ своими сѣдыми головами. „Прощай Алай“, прошептали его губы, и бѣлый саванъ, какъ страшная завѣса, закрылъ навсегда его отъ всего живого, свѣтлаго. Быстро подвели осужденнаго къ скамьѣ, и онъ самъ всталъ на нее. Палачъ началъ возгнѣся

около его шеи... прошло еще мгновение, и палачъ сильно толкнулъ скамью.

Канчибекъ погибъ. Распалась семья бывшей царицы Алай, осталась она одинока. Отдала она все имущество родичамъ и поселилась въ Яга-чартѣ въ старой, дыривой юртѣ, и сидитъ она въ ней въ рубищѣ, все плача о своихъ погибшихъ дѣтияхъ. Не выдержать мозгъ старой датхи, лишилась она разсудка, и ждетъ несчастная мать возвращенія своихъ батырей. Но стара датха, не долго проживетъ она, и со смертью ея навѣки погибнетъ владѣтельный родъ Алай, и лишь преданія о ея быломъ могуществѣ будутъ передаваться изъ рода въ родъ.

Трудъ арестантовъ.

Очеркъ Н. Иванова.

(Рис. на стр. 76.)

Замѣчательныхъ результатовъ достигаетъ иногда тюремное начальство, когда оно серьезно заботится объ устройствѣ жизни арестантовъ на разумныхъ основанiяхъ. Нагляднымъ примѣромъ тому можетъ служить екатеринбургская тюрьма и въ особенности организационныя работы арестантовъ этой тюрьмы на Верхъ-Исетскомъ желѣзодобывающемъ заводѣ.

Расположенъ этотъ заводъ на рѣкѣ Исети, въ двухъ верстахъ отъ города Екатеринбурга. Построенъ онъ въ 1825 г. сподвижникомъ Петра I генераломъ Генинымъ. Въ царствованiе Анны Иоанновны, Верхъ-Исетскiй заводъ перешелъ въ частное пользованiе графа Р. Л. Воронцова 2-го, а у этого послѣдняго заводъ былъ купленъ бывшимъ откупщикомъ Яковлевымъ, потомки котораго породнились съ графами Стенбокы-Ферморы. Во владѣнiи этой фамилии заводъ находится и въ настоящее время. Земли его тянутся болѣе чѣмъ на 15 верстъ въ длину. Тутъ встрѣчаются богатые торфяныя залежи. Разработку ихъ и приняло на себя въ 1893 г. екатеринбургское тюремное начальство и достигло результатовъ, которые мы и постараемся высказать въ этомъ очеркѣ, при чемъ намъ придется коснуться вообще дѣятельности тюремнаго начальства, направленаго къ улучшенiю тюремнаго быта населенiя екатеринбургской тюрьмы.

Представимъ сперва цифры. Въ 1885 г. въ этой тюрьмѣ насчитывалось 1,110 арестантовъ, и они зарабатывали своимъ трудомъ въ годъ всего 86 р. 90 к. Сумма заработка возрастала очень медленно. Такъ, въ 1888 г. онъ составлялъ всего 173 р. 45 к. Но съ слѣдующаго года, при болѣе внимательномъ отношенiи тюремнаго начальства къ работамъ арестантовъ, она вдругъ возрастаетъ до 2,565 р., затѣмъ опять понижается, а съ 1893 года возрастаетъ уже въ поразительныхъ размахъ. Она уже составляетъ 8,716 р., а затѣмъ удваивается и доходитъ до 17,680 р. Съ тѣхъ поръ она продолжаетъ быстро повышаться, несмотря на то, что арестантовъ становится меньше.

Въ екатеринбургской тюрьмѣ, какъ и въ другихъ нашихъ тюрьмахъ, устроены мастерскiя. Но не ремесленнымъ трудомъ зарабатываются такiя значительныя суммы. Этотъ поразительный результатъ получился главнымъ образомъ благодаря работамъ въ тюрьмѣ по добычкѣ торфа на Верхъ-Исетскомъ заводѣ.

Руководствуясь законами и циркулярами, начальникъ тюрьмы заключилъ въ августѣ мѣсяцѣ 1893 года условiе съ конторою Верхъ-Исетскаго завода, по которому принялъ на себя добычу торфа изъ Ольховскаго болота и перевозку его въ мѣста по назначенiю.

По этому условiю г. Ломтевъ обязался въ теченiе трехъ лѣтъ добыть торфа въ количествѣ 9,000 куб. саж.

Намъ случалось въ минувшее лѣто бывать неоднократно на Ольховскомъ торфяникѣ, и мы всегда удивлялись, видя, какъ низменная, болотная равнина, гдѣ равнѣе все было мертво и безлюдно, оживилась словно по волшебству чародей: чистыя, обширныя казармы, кухни для варки пищи работающимъ арестантамъ, башенка надъ конторой, устроенная въ видахъ болѣе удобнаго наблюденiя за могущими возникнуть пожарами, конюшни для лошадей, прекрасная баня, искусственнымъ красивымъ прудомъ и множество другихъ приспособленiй указывали самымъ нагляднымъ образомъ на заботливость тюремнаго начальства. Оно въ началѣ 1884 г. на свой страхъ и рискъ заняло у частныхъ лицъ необходимую сумму и завело конный обозъ въ 10 лошадей. Къ 1-му апрѣля слѣдующаго 1895 года обозъ возросъ уже до 48 лошадей, и $\frac{3}{4}$ всего расхода на конный инвентарь погашено было изъ заработка отъ конныхъ работъ.

Само собою разумѣется, заручившись лошадьми, начальникъ тюрьмы свободно могъ расширить кругъ дѣятельности арестантовъ и брать различныя работы въ городѣ. На Ольховскомъ торфяникѣ, въ среднемъ, работало отъ 20 до 100 арестантовъ въ день, и ими выработано то самое количество торфа, какое было обусловлено. За послѣдние два года торфяныя работы сильно повысили заработокъ: въ 1895 г. (считая 47,504 $\frac{1}{2}$ пуденщины пѣшихъ и 5,976 $\frac{1}{2}$ конныхъ) заработано

28,749 руб. 18 коп., а въ 1896 г. (считая 21,998 $\frac{1}{4}$ пѣшихъ и 5,752 $\frac{3}{4}$ конныхъ)—19,663 р. 33 коп. Это, въ связи съ работами мастерскихъ, даетъ весьма хорошее подспорье и для тюремной администраци, и для самихъ арестантовъ, получающихъ извѣстный % (напримѣръ, конюхамъ-арестантамъ отчисляется 40 к. въ день каждому).

Отчетность по коннымъ и торфянымъ работамъ подчинена, согласно распоряженiю г. губернскаго тюремнаго инспектора, Государственному Контролю. Независимо отъ повѣрки отчета Государственнымъ Контролемъ, повѣрка оборота и вообще всего, что касается конныхъ и торфяныхъ работъ, производится въ теченiе года по нѣсколько разъ лично г. губернскимъ тюремнымъ инспекторамъ.

Самыя работы, сколько мы замѣтили, ведутся правильно, вполне отвѣчалъ условiямъ техническимъ и тѣмъ, которыя приняты были начальникомъ тюрьмы на себя по отношенiю къ Верхъ-Исетскому заводууправленiю.

Принимая въ расчетъ массу труда и затратъ по добычкѣ торфа, громадную отвѣтственность передъ закономъ за безопасность рабочихъ и принятое на себя обязательство отвѣчать передъ пострадавшими за причиненные имъ вредъ и убытки, можно сказать, что плата, выговоренная тюремнымъ начальствомъ, незначительна, а именно: за всѣ работы контора завода уплачиваетъ за сажень сухого, сложенаго въ скирды торфа по 2 р. 90 к., при чемъ каждый разъ при выдѣлкѣ удерживается по 10 к. за кубическую сажень въ обезпеченiе исправнаго выполненiя всего подряда, и до окончательной сдачи торфа въ сухомъ видѣ, въ томъ количествѣ, которое будетъ принято обмѣромъ;—деньги на руки не выдаются.

Доставка торфа въ заводъ производится начальникомъ тюрьмы во всякое время года на своихъ лошадяхъ съ платою по 1 р. 10 к. за кубическую сажень торфа.

Само собою разумѣется, техника съ каждымъ годомъ идетъ впередъ настолько, что къ торфу, какъ къ топливу, предъявляются опредѣленные требованiя, которыя при ручной обработкѣ онъ, естественно, не можетъ удовлетворить. Если взять плитку рѣзнаго (воздушной сушки) торфа и плитку пресованнаго (брикетнаго), то въ этихъ двухъ плиткахъ мы встрѣтимъ большую разницу, т. е. много градаций по степени ихъ плотности, по теплопроводной способности, по содержанiю воды, а стало-быть и по качеству. Но устройство брикетныхъ фабрикъ сбѣить слишкомъ дорого; пока этихъ фабрикъ всего двѣ въ Россiи *), и, наконецъ, надо сознаться, что мы еще глубоко равнедушны въ дѣлѣ общественной пользы; ручная же добыча и разработка торфа (рѣзнаго) не представляетъ слишкомъ большого труда,—вотъ почему желательна (хотя бы въ видѣ полученiя самой простой формы) наиболѣе усиленная эксплуатацiя болотъ, втуне лежащихъ на громадномъ пространствѣ Россiи, а между тѣмъ содержащихъ въ себѣ запасы горючаго матеріала. Поэтому нельзя и съ точки зрѣнiя народнаго нашего хозяйства не выразить сочувствiя тѣмъ лицамъ, которыя, не преслѣдуя узкихъ меркантильныхъ расчетовъ, работаютъ на пользу всей страны; а что такiе предпринимчивые и безкорыстные люди существуютъ, доказательствомъ можетъ служить дѣятельность начальства екатеринбургской тюрьмы, въ рукахъ котораго торфяная промышленность даетъ занятiе большому числу рабочихъ рукъ арестантовъ не только въ лѣтнее время, но и зимою при перевозкѣ торфа. Къ тому же, сравнивая трудъ и обстановку работающихъ на торфяникахъ поденщиковъ у другихъ частныхъ торфодобывателей въ казенныхъ дачахъ (гдѣ построены жалкіе земляные баракы на случай дождя) съ рабочими-арестантами, мы отъ души порадовались за подневольныхъ людей...

Постройки и различныя приспособленiя на Ольховскомъ торфяникѣ таковы, что, посѣщая это болото, невольно приходится забывать, гдѣ находишься: съ одной стороны арестанты, а съ другой—такъ все чисто, домовито и хозяйственно, будто находишься на заимкѣ или въ усадьбѣ самаго умѣлаго и гуманнаго хозяина.

*) Фабрика, встроена въблизи Верхъ-Исетскаго завода для выдѣлки торфяныхъ брикетовъ, обстоитъ въ 50,000 рублей.

Животные, предсказывающія погоду.

Человѣкъ, какъ существо разумное, во всякое время имѣетъ возможность искусственными средствами защитить себя отъ неприятнаго или вреднаго вліянія погоды; животное же лишено этого и принуждено прибѣгать исключительно къ природнымъ средствамъ, какъ только инстинктъ самосохраненія подскажетъ ему, что надо опасаться погоды. Поэтому у многихъ изъ нихъ движенія, крики, выборъ мѣстопробыванія зависить не только отъ времени года, но и отъ той или другой погоды въ данное время. А такъ какъ всѣ дѣйствія, вызываемыя атмосферическимъ вліяніемъ, почти безъ исключенія необходимы для сохраненія жизни животнаго, то естественно было предположить, что у животныхъ гораздо сильнее, чѣмъ у человѣка, развита чувствительность къ самымъ даже малѣйшимъ измѣненіямъ въ состояніи атмосферы; иначе имъ пришлось бы въ несметномъ количествѣ погибать отъ неожиданныхъ переѣнъ погоды, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Предположеніе это не только оказалось вполне справедливымъ по произведеннымъ наблюденіямъ, но эти же наблюденія показали еще тотъ поразительный фактъ, что нѣкоторые животные чувствуютъ такіе незначительныя измѣненія погоды, которыхъ не въ состояніи отмѣтить наши самые усовершенствованныя физическіе приборы. Такія чувствительныя животные уже съ давнихъ поръ пользуются славою прорицателей погоды. Деревенскіе жители въ особенности привыкли предугадывать погоду по тому, какъ ведутъ себя тѣ или другія животныя. Но большинство ихъ примѣтъ сильно напоминаетъ тѣ домашнія лѣчебныя средства, отъ которыхъ если пользы почти никакой нѣтъ, такъ ужъ и вреда никогда не будетъ. Всѣ эти квакающія лягушечки, летаніе наѣдокныхъ стадъ надъ дорогой—все это можетъ быть явленіемъ случайнымъ и относительно погоды обманчивымъ.

Гораздо большаго вниманія и довѣрія заслуживаютъ тѣ заключенія, которыя выводятся изъ тѣлесныхъ измѣненій животнаго, являющихся естественнымъ средствомъ для защиты его отъ дѣйствія предстоящей погоды. Если у пушистаго звѣря съ осени мѣхъ нарастаетъ гуще обыкновеннаго, если черепаха выкапываетъ себѣ на зиму нору глубже, чѣмъ всегда,—можно безошибочно рѣшить, что зима предстоитъ суровая. О близости наступленія зимы можно судить по болѣе раннему переселенію птицъ въ теплыя края, по болшему, чѣмъ обыкновенно, запасу корма, дѣлаемому бѣлками на зиму. Очень естественно, поэтому, если охотники, нахуливая болѣе пушистый, чѣмъ обыкновенно, мѣхъ у убитаго имъ звѣря, съ полною увѣренностью рѣшаютъ, что зима будетъ студеная; или если деревенскій житель, увидѣвъ возвратившихся на старое гнѣздо ласточекъ, начинаетъ приготовляться къ ветрѣчѣ весны. Но эти перелеты птицъ, это обрастаніе густою шерстью съ осени и линіи животныхъ весною—все это, повторяющееся изъ года въ годъ, если и служитъ примѣромъ мудрой заботливости природы о своихъ созданныхъ, то все-таки не представляетъ намъ доказательства крайней чувствительности животныхъ къ малѣйшимъ измѣненіямъ атмосферы. А между тѣмъ нѣкоторые животные обладаютъ этой чувствительностью въ самой сильной степени. На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи нужно поставить пауковъ. Еще въ одномъ изъ сочиненій 1588 года, издаваемомъ въ Герлицѣ, разсказывается о способности паука предсказывать погоду; но съ тѣхъ поръ вопросомъ объ этомъ долгое время никто не занимался, пока, наконецъ, въ 1794

году, во время французской революціонной войны, одному науку, благодаря его чувствительности, не пришлось сыграть историческую роль и заставить о себѣ говорить.

Вотъ какъ было дѣло. Въ этомъ году французская армія, подъ начальствомъ генерала Пинегрю, переступила черезъ голландскую границу, намѣреваясь идти на Амстердамъ. Въ это время, въ одной изъ схватокъ, главный адъютантъ главнокомандующаго, Катремэръ-д'Изонваль, попалъ въ плѣнъ къ голландцамъ. Последніе, между тѣмъ, не расчитывая на свои силы передъ многочисленнымъ неприятелемъ, рѣшили прибѣгнуть къ такому средству: они открыли шлюзы и затопили болѣе низменныя мѣстности страны, сдѣлавъ этимъ дальнѣйшее наступленіе неприятеля невозможнымъ. Французы уже готовились перейти въ отступленіе, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, Пинегрю получаетъ отъ своего находившагося въ плѣну адъютанта извѣстіе, которое сразу заставляетъ его отмѣнить принятое рѣшеніе. Катремэръ, содержащійся въ одиночномъ заключеніи и отъ скуки наблюдавшій за ютившимися на его окрѣпостяхъ науками, основываясь на своихъ наблюденіяхъ и на поведеніи наѣдокныхъ за послѣднее время, рѣшительно утверждаетъ. Предсказаніе оказалось справедливымъ: морозъ оковалъ льдомъ залитыя водою пространства, французы перебрались по льду, заняли Амстердамъ, Катремэръ былъ конечно освобожденъ и съ триумфомъ вернулся въ Парижъ. Событіе это, разумѣется, обратило на себя всеобщее вниманіе, и долгое время послѣ того наблюденіе за пауками было любимымъ занятіемъ даже многихъ знаменитыхъ людей; и всѣ эти наблюденія приводили къ тѣмъ же результатамъ, какъ и у Катремэра. Если крестовый паукъ безконечно увеличиваетъ размѣры своей сѣти, если онъ работаетъ надъ этимъ даже ночью, то несомнѣнно, что предстоитъ прекрасная погода; такъ-называемый домовый паукъ, съ длинными лапками, тотъ передъ хорошей погодой поворачивается головою къ влѣющему краю своей паутины и вытягиваетъ лапки во всю почти длину ихъ.

Очень близка къ пауку, по своей чувствительности къ атмосферическимъ измѣненіямъ, пиявка. При ровной, перемѣнной погодѣ, зимою и лѣтомъ, пиявки лежатъ обыкновенно, свернувшись, на днѣ. При приближеніи бури онѣ вдругъ начинаютъ волноваться, плавать, и такъ до тѣхъ поръ, пока буря не минуетъ. Если же предстоитъ гроза, онѣ всплываютъ на поверхность воды и, судорожно подергиваясь всѣмъ тѣломъ, остаются тамъ все время, пока снова не наступитъ равновѣсіе въ атмосферѣ. Нѣчто подобное замѣчается также и у нѣкоторыхъ рыбъ: передъ грозой онѣ вдругъ начинаютъ вырывать иль до такой степени, что ихъ самихъ становится не видно въ помутившейся водѣ.

Среди птицъ имѣется тоже не мало такихъ, которыя передъ рѣзкою переѣной погоды приходятъ въ сильное волненіе. Домашнія животныя тоже приходятъ въ безпокойство передъ непогодой. У нихъ такое явленіе проще всего объясняется тѣмъ, что масса наѣдокныхъ, которымъ становится тяжело летать въ сгустившемся отъ водяныхъ паровъ воздухѣ, густыми роями садится на животныя и безпокоитъ ихъ своими укушеніями. Впрочемъ, возможно допустить, что на животныя дѣйствуетъ и электричество приближающейся грозы.

Къ рисункамъ.

Брюнетка съ большими выразительными глазами, грустно смотрящими вдаль, вотъ портретъ типичной эльзаски, изображенной на нашемъ рисункѣ. Традиціонный головной уборъ, такъ-называемый „эльзаскій бантъ“, неизмѣнно украшаетъ ея густые волосы съ проборомъ посрединѣ, уменьшая высокой лобъ и смягчая строгость лица съ правильными линіями, говорящими скорѣй о молитвенномъ настроеніи дѣвушки, чѣмъ о радостяхъ земной жизни. Живая шелъ, надувающая съ плечъ, и темный узорчатый лифъ со шнурами, который охватываетъ бѣлую одежду, приближаетъ эльзаску, по характеру костюма, къ уроженкамъ Шварцвальда.

*

Зимній вечеръ въ деревнѣ наступаетъ рано. Только что началась работа, а пора ее и кончать. По большой дорогѣ тинутся послѣдніе возы, запряженные волами и лошадьми. Во дворѣ поспѣшно складываютъ виллами привезенную солому, и стогъ „растетъ, растетъ, какъ домъ..“

Въ ожиданіи конь убогий.
Точно вкопанный, стоитъ:
Уши врозь, дугою ноги
И какъ будто стоя спать.
Только жучка удалая
Скачетъ, лая внонцахъ.“

Картина Часовникова представляетъ снѣжный пейзажъ въ одномъ изъ малороссійскихъ уголковъ. На пригоркѣ возвышается дворецъ, и дымы, вылетающіе черной полосой изъ трубы, подтверждаютъ, что жизнь въ хатѣ кипитъ ключомъ. Тамъ еуетятся бабы, приготовляя ужинъ мужикамъ.

*

Тигръ давно уже признанъ самымъ кровожаднымъ и опаснымъ животнымъ въ мѣрѣ. Дѣйствительно, онъ держитъ въ вѣчномъ страхѣ не только животный мѣръ Азии, но и ея населеніе. Въ противоположность всѣмъ другимъ животнымъ и даже льву, вытѣсняемымъ и уничтожаемымъ человѣкомъ, тигръ безстрашно приближается къ человѣческому жилищу и нерѣдко своими безпрестанными набѣгами выгоняетъ непрошенныхъ гостей изъ своего пустыннаго царства. Тигръ—страшнѣйшій врагъ всякой колонизаціи, врагъ тайный, неожиданный и тѣмъ болѣе опасный. Въ Индіи, наиримѣръ, гдѣ тигровъ особенно много, нерѣдко приходится созывать тысячи людей, чтобы хоть на время массовой охотой освободить извѣстную мѣстность отъ страшныхъ олугошеній, наносимыхъ этимъ хищниками. Изъ узкомъ прохода Куткумъ-Занди расположилась на-сторожѣ одна тигрица и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ежедневно умерщвляла по человѣку. Она пріостановила всѣ сношенія съ этой мѣстностью, такъ что правительство вынуждено было назначить

большую денежную награду за уничтожение тигрицы, но и это не помогло: никто не рѣшался къ ней приблизиться. Одинъ тигръ на Явѣ, по словамъ Брэма, сломалъ крышу въ хижины и схватилъ одного изъ восьми яванцевъ, сидѣвшихъ вокругъ огня, задушилъ его и, ничуть не смущенный крикомъ остальныхъ, ушелъ съ своей жертвой тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ. Животныхъ тигръ подстерегаетъ на большихъ дорогахъ, проселкахъ и лѣсныхъ тропинкахъ, чаще же всего въ кустарникахъ по берегамъ рѣкъ, когда туда являются животные на водоной. Нѣтъ ни одного животного, на котораго онъ не рѣшился бы напасть; даже молодые слоны и носороги не избавлены отъ его нападений. Два только рода существъ не даютъ тигру возможности неслышно и неожиданно нападаться на своихъ жертвъ; это — пантеры и обезьяны. Пантеры, отлично изучившіе привычки тигра, замѣтивъ тихо крадущагося хищника, ради собственного же спасенія влѣзаютъ вверхъ и громкими криками предупреждаютъ всѣхъ лѣсныхъ обитателей о приближающейся опасности. Обезьяны

писанныхъ очерковъ изъ охотничьей жизни, богато иллюстрированныхъ знаменитымъ нѣмецкимъ художникомъ Аллерсомъ. Нашъ рисунокъ на стр. 69, изображающій альпійскаго охотника Лео Дорна, главнаго егеря принца-регента Луитпольда Баварскаго, можетъ служить образцомъ рисунковъ, помещенныхъ въ этомъ изданіи. Лео Дорна, прозваннаго „орлинымъ королемъ“, знаетъ каждый охотникъ и туристъ въ Альпахъ. Гауггоферъ, авторъ упомянутой „Охотничьей книги“, говоритъ о Дорнѣ слѣдующее: Дорнъ, — это образцовый типъ жителей нашихъ горъ: высокая широкоплечая фигура, точно изъ камня высеченные члены, загорѣлая отъ солнца руки, сжимающія прижатіи точно стальными клещами, привѣтливое съ здоровымъ румянцемъ лицо, обрамленное длинной бѣлоснѣжной бородой, съ характерно изогнутымъ орлинымъ носомъ и блестящими глазами, судя по блеску когорныхъ шпакъ нельзя дать ему 62-хъ лѣтъ. Бодро и весело сидитъ на его сѣдой головѣ маленькая, войлочная шляпа съ отогнутыми вверхъ полями и большимъ орлинымъ перомъ. Изъ году въ

Добыча торфа на Уралѣ арестантами. Съ фотогр. австрияца „Ниви“.

точно такъ же своимъ крикомъ часто предупреждаютъ о приближеніи тигра.

Тигръ почему-то до сихъ поръ считается одной изъ неизбѣжныхъ и страшныхъ принадлежностей жаркаго пояса. Между тѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ держитъ въ своей власти почти всю Азію, подобно тому, какъ въ когтяхъ льва находится вся Африка. Владѣнія тигра начинаются съ 8° южной широты и заканчиваются 53° сѣверной широты. Подъ этими широтами его можно встрѣтить на всемъ пространствѣ отъ южной части западнаго Кавказа и вплоть до Великаго Океана. Не мало встрѣчается тигровъ и въ предѣлахъ Россіи: на западномъ берегу Каспійскаго моря, въ киргизскихъ степяхъ между Иртышомъ и Ишимомъ на Алтаѣ, и затѣмъ выше, въ южной Сибири, у Байкальскаго озера и даже около Иркутска на Ленѣ. Суровый климатъ, снѣгъ и морозы еще болѣе ожесточаютъ здѣсь тигра. Въ мертвой тайгѣ, окутанной снѣгомъ, гдѣ сама природа наводитъ страхъ на человѣка своей беззвучной суровостью, тигръ еще болѣе страшенъ и болѣе опасенъ. Вѣчно голодный, озлобленный, рыщетъ онъ въ лѣсной чащѣ, и первое попавшее существо, — все равно, будь то животное или какой-нибудь несчастный тасжикъ, скрывающійся отъ людей, обязательно становится добычей хищника.

*

Въ Германіи недавно вышло въ свѣтъ роскошное изданіе Аллерса и Гауггофера, озаглавленное „Das Deutsche Jägerbuch“ (Нѣмецкая охотничья книга). Это рѣдъ талантливо, ярко на-

писанныхъ очерковъ изъ охотничьей жизни, богато иллюстрированныхъ знаменитымъ нѣмецкимъ художникомъ Аллерсомъ. Нашъ рисунокъ на стр. 69, изображающій альпійскаго охотника Лео Дорна, главнаго егеря принца-регента Луитпольда Баварскаго, можетъ служить образцомъ рисунковъ, помещенныхъ въ этомъ изданіи. Лео Дорна, прозваннаго „орлинымъ королемъ“, знаетъ каждый охотникъ и туристъ въ Альпахъ. Гауггоферъ, авторъ упомянутой „Охотничьей книги“, говоритъ о Дорнѣ слѣдующее: Дорнъ, — это образцовый типъ жителей нашихъ горъ: высокая широкоплечая фигура, точно изъ камня высеченные члены, загорѣлая отъ солнца руки, сжимающія прижатіи точно стальными клещами, привѣтливое съ здоровымъ румянцемъ лицо, обрамленное длинной бѣлоснѣжной бородой, съ характерно изогнутымъ орлинымъ носомъ и блестящими глазами, судя по блеску когорныхъ шпакъ нельзя дать ему 62-хъ лѣтъ. Бодро и весело сидитъ на его сѣдой головѣ маленькая, войлочная шляпа съ отогнутыми вверхъ полями и большимъ орлинымъ перомъ. Изъ году въ

*

Игра въ жмурки (Collin Maillard) своимъ происхожденіемъ обязана одному историческому событію и получила свое названіе отъ известнаго воина-храбреца Коллена, который въ 999 году, въ битвѣ подъ Люттихомъ, вооруженный мушкетемъ, выдержалъ нападеніе многочисленныхъ враговъ. Этимъ оригинальнымъ оружіемъ онъ и отражалъ удары, и наносилъ ихъ съ такой силой, что, если-бъ не потери обоимъ глазъ, сражающимся пришлось бы плохо; но и лишенный зрѣнія, онъ все-таки еще долго не оставилъ поля сраженія. Отсюда и прозвище его „Maillard“, т. е. вооруженный мушкетемъ. Въ память описаннаго случая, французы, желая увѣковѣчить имя храбраго солдата, назвали имъ новую игру, знакомую всему образованному міру. Художникъ д'Ошоа выбралъ ее сюжетомъ для своей картины, палицей кистью набросавъ группу молодыхъ людей, играющихъ въ жмурки. Костюмы исполнены въ стилѣ XVIII вѣка и поражаютъ элегантною и богатствомъ. Лѣтняя обстановка, мраморная статуя лукаваго амура, наконецъ, фигура великосвѣтской барышни съ завязан-

ными глазами, старающейся кого-то поймать по звуку голоса, производят милое впечатлѣніе. Описанная картина—пѣз числа возниковъ, недавно красовавшихся въ салонѣ Елисейскихъ полей.

Свѣтлый, героическій образъ Орлеанской Дѣвы много разъ вдохновлялъ и продолжаетъ вдохновлять поэтовъ и художниковъ. Живописецъ Фредъ Роз, также вдохновившись Жанной д'Аркъ, избралъ для своей картины одинъ изъ послѣднихъ моментовъ ея жизни. Жанна, какъ извѣстно, родилась въ началѣ 1412 г. въ простой крестьянской семьѣ, въ деревнѣ Домреми, на границѣ Шампани и Лотаринги. Господствовавшія тогда во Франціи политическія распри пропикали и въ деревенскую глушь, возбуждая въ народѣ страсти до такой степени, что отдѣльными деревни враждовали другъ съ другомъ, а мужская молодежь ихъ вступа-

ла некогда въ рукопашную борьбу между собою. Жанна поэтому съ малыхъ лѣтъ росла среди политическихъ распрей. Рано развившаяся, не по лѣтамъ чуткая ко всему, дѣвочка скорбѣла душою при видѣ неурядицъ, а будучи очень религіозной, вѣрующей, молилась Богу за родину и твердо вѣрила, что настанетъ время, когда законный король изъ Орлеанскаго дома вступитъ на престолъ и умиротворитъ Францію. Славная, но трагическая ея судьба хорошо извѣстна читателямъ какъ изъ исторіи, такъ и по Шиллеровской драмѣ, блестяще переведенной Жуковскимъ; въ этой драмѣ намѣчены главныя событія побѣдоноснаго похода Орлеанской дѣвы, вплоть до коронаванія Карла VII. Историческая Орлеанская дѣва оказывается еще чище, еще возвышеннѣе Шиллеровской: на ряду съ воинственнымъ воодушевленіемъ, она до послѣдней минуты своей жизни проявляла рѣдкую силу, непоколебимость, присутствіе духа, ясное пониманіе всего окружающаго и при всемъ этомъ трогательную сердечность и доброту. Во все время похода она ни разу не обнажила меча, предшествуя войскамъ лишь со знаменемъ въ рукахъ. Печальный конецъ постигъ эту героиню. 23-го мая 1430 года, при вылазкѣ изъ Комьпена, она попала въ плѣнъ къ бургундцамъ. По повелѣнію англійскаго короля Генриха VI она была предана суду, и вотъ мы видимъ 21-го февраля 1431 г. Жанну д'Аркъ на допросѣ въ Руанѣ, передъ лицомъ юристовъ-богослововъ, выросшихъ въ духѣ инквизиціи, которымъ не трудно было возвести на Жанну цѣлый рядъ вымышленныхъ преступленій. Результатомъ этого судища было ужасное сожженіе Орлеанской дѣвы на главной руанской площади, 30-го мая 1431 года.

Какъ высоко цѣнится въ Германіи незабвенное имя покойнаго нашего великаго пианиста и композитора Антона Рубинштейна,—служитъ примѣромъ слѣдующій фактъ. 18-го ноября истекшаго года, въ годовщину дня его рожденія, въ Штутгартѣ происходило освященіе бронзовой доски съ рельефнымъ портретомъ А. Г. Рубинштейна, утвержденной на стѣнѣ дома № 1 по такъ-называемой Аугустенштрассе, въ которомъ жилъ покойный виртуозъ въ 1856 году. Превосходно исполненная скульптура эта, съ большимъ сходствомъ передающая характерныя черты лица знаменитаго маэстро, исполнена

Теодоромъ Баушемъ. Художникъ этотъ родился въ 1849 году въ Штутгартѣ и здѣсь же получилъ свое образованіе въ мѣстной художественной школѣ, по окончаніи курса которой отправился для дальнѣйшаго усовершенствованія въ Дрезденъ, къ профессору Югану Шпллингу. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ послѣдняго, между прочимъ—въ созиданіи грандіознаго національнаго памятника на Нидервальдѣ. Послѣ цѣлаго ряда побѣдокъ, съ художественными цѣлями, по Италіи и Франціи Теодоръ Баушъ снова поселился въ родномъ городѣ и создалъ здѣсь множество скульптуръ какъ для общественныхъ зданій, такъ и по частнымъ заказамъ. Въ другихъ южно-германскихъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Страсбургѣ, Шпейерѣ, Дармштадтѣ, Ульмѣ, имѣется также цѣлый рядъ его выдающихся произведеній. Послѣднею работою его рѣзца является помѣщаемый

на этой стр. рельефный портретъ Рубинштейна.

Н. В. Покровский.

(Портр. на стр. 78.)

Вновь назначенный Высочайшимъ приказомъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія и д. директора с.-петербургскаго Археологическаго института д. с. с. профессоръ Николай Васильевичъ Покровский извѣстенъ въ ученомъ мѣрѣ, какъ археологъ и знатокъ церковнаго искусства. Онъ—сынъ священника Костромской губерніи, родился въ 1848 году, образованіе получилъ сначала въ костромской духовной семинаріи, а потомъ въ с.-петербургской духовной академіи, гдѣ, по окончаніи курса въ 1874 году, занялъ кафедру церковной археологіи и литургіи, въ званіи приватъ-доцента. Командированный въ 1876 году

за границу для ознакомленія съ методами преподаванія означенныхъ наукъ въ германскихъ университетахъ и для непосредственнаго изученія памятниковъ церковныхъ древностей въ европейскихъ музеяхъ, молодой ученый слушалъ лекціи спеціалистовъ и изучалъ памятники древности въ римскихъ катакомбахъ, въ музеяхъ Рима, Флоренціи, Парижа, Мюнхена, Дрездена и др.

По возвращеніи изъ путешествія въ концѣ 1877 года, приватъ-доцентъ Покровский продолжалъ чтенія въ академіи, организовалъ при ней коллекціи по церковной археологіи, составляющія теперь довольно богатый церковно-археологическій музей. Въ 1880 году онъ за свое сочиненіе: „Происхожденіе древне-христіанской базилики“ соавтомъ академіи былъ удостоенъ ученой степени магистра богословія. Черезъ десять лѣтъ послѣ первой побѣдки за границу (въ 1888 г.), г. Покровский вторично былъ командированъ съ спеціальною глѣбою изученія памятниковъ византійской старины въ Константинополь, монастыри Аѳона, Солунь, Аѳины, Римъ, Флоренцію и Парижъ. Степень доктора богословія проф. Покровский получилъ въ 1893 году, когда представилъ на разсмотрѣніе совѣта академіи свое капитальное церковно-археологическое изслѣдованіе: „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ“.

Минувшимъ лѣтомъ проф. Покровский принималъ весьма дѣятельное участіе въ устройствѣ при здѣшней духовной академіи временныхъ педагогическихъ курсовъ для учителей и учительницъ второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ,

Бронзовый медальонъ съ рельефнымъ изображеніемъ А. Г. Рубинштейна, прикрѣпленный къ дому въ Штутгартѣ, гдѣ жилъ въ 1856 г. покойный композиторъ. Скульптура Т. Бауша.

состоит въ званіи инспектора курсовъ. Своему бывшему инспектору и профессору, съ рѣдкой отзывчивостью, вниманіемъ и находчивостью удовлетворившему всѣ интеллектуальныя и матеріальныя нужды бывшихъ издавна въ столицу тружениковъ народнаго просвѣщенія, слушатели и слушательницы курсовъ поднесли адресъ, написанный весьма изящно печатнымъ шрифтомъ (имитация) рукой одной учительницы, и красивый бронзовый письменный приборъ.

Въ Археологическомъ институтѣ, учрежденномъ Н. В. Калачовымъ въ 1878 г. и отпраздновавшемъ на-дняхъ свое двадцатилѣтіе, проф. Покровский началъ службу съ самыхъ первыхъ дней его существованія, по казендрѣ церковныхъ древностей.

Учено-литературная дѣятельность проф. Покровскаго довольно обширна. Кромѣ магистерской и докторской диссертаций и многихъ статей въ специальныхъ изданіяхъ, онъ печаталъ слѣдующія крупныя работы: „Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ, греческихъ и русскихъ“, „Миньютюры Евангелии Гелатскаго монастыря XII в.“, „Страшный судъ въ памятникахъ византийскаго и русскаго искусства“, „Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства“, „Сіи́скій иконописный подлинникъ“, и др.

Въ настоящее время новый директоръ Археологическаго института состоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ ординарнымъ профессоромъ и инспекторомъ с.-петербургской духовной академіи, дѣйствительнымъ членомъ археологической комиссіи, русскаго археологическаго общества въ Петербургѣ, московскаго археологическаго общества и многихъ другихъ ученыхъ обществъ.

А. И. Абаринава.

(Портр. на стр. 80.)

Новый годъ начался на Александринской сценѣ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ талантливой артистки Антонины Ивановны Абаринавой, занимающей въ настоящее время въ драматической труппѣ амблуга *grandes dames* и „благородныхъ матерей“. Драматическою актрисою г-жа Абаринава состоитъ собственно только двадцать лѣтъ; раньше она была въ составѣ русской оперы, въ которой пѣла контральтоваго партіи. Она начала свою сценическую карьеру весьма рано, чуть ли не восемнадцати лѣтъ, когда она блестяще окончила (съ большимъ золотымъ шифромъ) патристическій институтъ, въ качествѣ пенсионерки императора Александра II за заслуги отца, извѣстнаго генерала Абаринава. Отсюда уже видно, что наша юбилярша не дитя кудись, а, напротивъ, принадлежитъ къ обществу и получила прекрасное образованіе.

Еще на школьной скамьѣ А. И. обращала на себя вниманіе голосомъ, который она, по окончаніи института, отправилась совершенствовать въ Италію. Тамъ она занималась подъ руководствомъ извѣстнаго профессора пѣнія Ламберти (потомъ училась у Виадо). На сценѣ она выступила въ Италію же подъ руководствомъ Реджи. Послѣ блестящаго дебюта, по возвращеніи въ Россію, въ Одессѣ, она была приглашена въ итальянскую оперу въ Москву; это было въ 1862—63 гг. Съ выходомъ замужъ г-жа Абаринава оставила сцену на пять лѣтъ, но искусство продолжала ее прельщать, и она снова поступила на сцену, гдѣ подвизалась въ опереткѣ и въ оперѣ. Она пѣла партіи Вани, Спиридоновны („Вражья сила“), Пэджа („Винзорскія кумушки“), Помеллы („Фра-Дьяволо“), Изислава („Рогнеда“), Авры („Юдифь“), Пьеретто („Линда-ди-Шамуни“) и другихъ.

Не знаемъ, вслѣдствіе какихъ причинъ А. И. рѣшила оставить карьеру оперной пѣвицы и перейти на драматическую сцену; но переходъ этотъ окончательно состоялся въ 1878 г. дебютомъ въ „Паутинѣ“ Мавна (Демтюгина), и съ тѣхъ поръ она занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ труппѣ, сначала въ роляхъ *grandes coquettes*, а затѣмъ „благородныхъ матерей“ и *grandes dames*. Наибольшій успѣхъ имѣла г-жа Абаринава въ роляхъ Демьяновой („Лакомый кусочекъ“), Реневой („Свѣтъ да не грѣетъ“), Эльмиры („Тартюфъ“), Лидіи („Влуджающіе огни“) и др. За послѣднее время она играла съ выдающимся успѣхомъ книжницу Шастунову („Ольга Ранцева“),

Огудалову („Безприданница“), графиню („Le monde ou l'on s'ennuie“), Анну Ивановну („Ревизоръ“), княгиню („Плоды просвѣщенія“) и пр. Вообще эта артистка насчитываетъ огромное количество ролей, исполненныхъ ею съ успѣхомъ за время пребыванія на Александринской сценѣ.

Но дѣло конечно не въ количествѣ. Г-жа Абаринава—артистка очень талантлива и образованная (она прекрасно говоритъ на шести языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ, англійскомъ и испанскомъ, и конечно, русскомъ), много путешествовала по Европѣ, познакомившись основательно съ исполненіемъ лучшихъ иностранныхъ артистовъ. Слѣдствіемъ всего этого является у нея прекрасная, детальная обработка ролей, въ особенности историческихъ (вспоминаемъ съ Маргариту Пармскую въ „Эгмонтѣ“ Гёте) или классическихъ (Эльмира въ „Тартюфѣ“) и друг. Юбилей г-жи Абаринавой былъ торжественно отпразднованъ 2-го января. Шла пьеса Потъхина „Винноватая“. Артистка получила массу цвѣтвъ, вѣнковъ, драгоценныхъ подарковъ и пр. Такіе дѣи не забываются артистами и не часто выпадаютъ имъ на долю.

В. Баскинъ.

Возстаніе въ Индіи.

(Рис. на стр. 79.)

Англичанамъ все еще не удалось справиться съ возстаніемъ, которое вспыхнуло лѣтомъ прошлаго года въ сѣверо-западной части Индіи на границѣ Афганистана. Читатели наши уже знакомы съ отдѣльными эпизодами этой кровопролитной борьбы. Вначалѣ трудно было предвидѣть опасныя размѣры, которые она приметъ. Возстаніе разрасталось постепенно; все новыя племена влигивались въ борьбу, притомъ племена очень воинственныя, извѣстныя своею дикостью, неустранимостью и своими разбойническими наклонностями. Въ Индіи ихъ называютъ общи́имъ именемъ патановъ. Къ нимъ принадлежатъ африди, хайберы, юуфсаи, вазири и оруксаи. Но самое многочисленное изъ нихъ—племя афридѣевъ, которые сторожатъ хайберскій и кохатскій проходы и облагаютъ данью караваны, направляющіеся изъ Индіи въ Афганистанъ и обратно.

Англичане всячески стараются усмирить эти племена. По временамъ это имъ удается, но потомъ разбойническіе и воинственныя инстинкты опять берутъ верхъ, и разгорается возстаніе, которое вслѣдствіе крайне благоприятныхъ для инсургентовъ условій, т.-е. гористой малодоступной мѣстности, принимаетъ опасный характеръ. Такъ обстоятъ дѣло и съ нынѣшнимъ возстаніемъ патановъ. Первоначальныя побѣды англичанъ омрачились послѣдующими чувствительными пораженіями, такъ что англійскимъ войскамъ даже пришлось отступить. Силъ оказалось слишкомъ мало, чтобы подавить возстаніе, и пришлось мобилизовать армію въ 30,000 человекъ, чтобы на всѣхъ пунктахъ дать отпоръ инсургентамъ и перейти въ успѣшное наступленіе. Театръ военныхъ дѣйствій очень обширенъ, хотя онъ сосредоточивается главнымъ образомъ въ хайберскомъ проходѣ, т.-е. на пути изъ Пеншавера въ Кабуль.

Нашъ рисунокъ изображаетъ одинъ изъ моментовъ этой кровопролитной войны. Значительная колонна англійскихъ войскъ старалась проложить себѣ путь по саранскому проходѣ, но натолкнулась на сильно укрѣпленныя позиціи афридѣевъ, и ей пришлось отступить съ значительнымъ числомъ раненыхъ. Помощь оказалась необходимой, и колонна гелиографироваля въ ближайшій майданскій лагерь съ требованіемъ подкрѣпленія. Этотъ моментъ изображенъ на нашемъ рисунокѣ, по которому читатели составятъ себѣ ясное понятіе объ ужасахъ борьбы, разыгрывающихся теперь въ Индіи. Замѣтимъ вкратцѣ, что гелиографъ, т.-е. телеграфированіе при помощи солнечныхъ лучей, оказываетъ англичанамъ важныя услуги. Благодаря ему подкрѣпленія посылаютъ во-время въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ другихъ средствъ передачи извѣстій нѣтъ. Въ данномъ случаѣ гелиографъ также выручилъ англичанъ: подкрѣпленія пришли еще во-время, и англичанамъ удалось въ концѣ концовъ, хотя и не безъ тяжелыхъ потерь, очистить саранскій проходъ отъ афридѣевъ.

Н. В. Покровский.
Съ фот. автотипія „Нивы“.

Политическое обозрѣніе.

Движеніе, вызванное безконечнымъ дѣломъ Дрейфуса, разрослось до размѣровъ опасной сумятицы, пользуясь которой враги республики, особенно крайніе элементы, стали уже раз-

считывать на возможность революціоннаго переворота. При такомъ положеніи дѣлъ вниманіе всей страны сосредоточилось на томъ, что происходитъ въ палатѣ депутатовъ, преимун-

Возстание афридівъ въ Индіи. Отступленіе англичанъ съ горъ, подъ непріятельскимъ огнемъ, въ Майданскій лагерь.
По рис. П. Lond. News, автотипія „Нивы“.

пественно на преніяхъ, вызванныхъ запросомъ бывшаго военнаго министра, генерала Кавеньяка.

Упрекая правительство въ неблаговидномъ поведеніи относительно столь шумнаго дѣла, Кавеньякъ просилъ министерство высказаться ясно, находить ли оно опаснымъ назвать державу, поименованную въ докладѣ по извѣстному дѣлу, и въ такомъ случаѣ никто не сталъ бы настаивать на огласкѣ документовъ по этому предмету. Министръ-президентъ отвѣтилъ, что правительство не считаетъ возможнымъ огласить докладъ: парламентское обсужденіе имѣло бы судебный характеръ дѣла; при допущеніи преній палата въ сущности приступила бы къ пересмотру дѣла; кромѣ того, документъ не преданъ гласности по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ процессъ рассматривался при закрытыхъ дверяхъ. Прерываемый одобрителными возгласами палаты, г. Мелникъ рѣзко заклеилъ кампанію по дѣлу Дрейфуса и, осуждая журналистовъ — его сторонниковъ, прибавилъ, что правительство „сумѣетъ защитить армию“, которую „безчеститъ перо знаменитаго писателя“. Не допустивъ незаконнаго пересмотра процесса, правительство сумѣетъ также положить конецъ уличнымъ беспорядкамъ. Упрекувъ затѣмъ печать и социалистовъ за ихъ образъ дѣйствія и воззваніе къ революціи, министръ-президентъ, при оживленныхъ знакахъ одобренія, закончилъ свою рѣчь словами: „необходимо, чтобы страна знала, что палата поддерживаетъ кабинетъ“. Послѣ этого Кавеньякъ взялъ свой запросъ назадъ.

Но запросъ радикаловъ былъ подхваченъ социалистами, вождь которыхъ, Жоресъ, сталъ нападать на правительство съ крайнимъ ожесточеніемъ. Во время запроса социалистовъ завязалась перебранка, а затѣмъ и драка между социалистами и депутатами правой, причѣмъ представитель послѣдней даль пощечину оратору социалистовъ. Скандалъ заставилъ президента палаты, г. Бриссона, объявить перерывъ засѣданія. Изъ опасенія новыхъ беспорядковъ, засѣданіе палаты не было возобновлено вечеромъ.

Въ слѣдующемъ засѣданіи, 12-го января, Жоресъ, съ одобренія палаты, продолжалъ свой запросъ: протестуя противъ разсмотрѣнія процесса при закрытыхъ дверяхъ, ораторъ настаивалъ на томъ, чтобы правительство содѣйствовало разъясненію дѣла; затѣмъ, обвиняя большинство палаты въ томъ, что оно предастъ-де республику, уже 16 лѣтъ находящуюся въ рукахъ крупныхъ финансистовъ, — военной и клерикальной реакціи, Жоресъ сталъ утверждать, что республику защитятъ-де социалисты. Отказываясь отвѣчать на это, г. Мелникъ заявилъ, что правительство не въ правѣ присвоивать себѣ судебныя функціи. Послѣ продолжительныхъ рукоплесканій палаты, одинъ изъ ораторовъ правой обратился съ просьбой къ правительству „положить конецъ гibelной кампаніи“ и потребовалъ, чтобы правительство строго наказало клеветущихъ на начальниковъ арміи. На это г. Мелникъ отвѣтилъ увѣреніемъ, что правительство исполнитъ свой долгъ, да и законы достаточно охраняютъ интересы страны.

Вопросъ казался уже исчерпаннымъ, но противъ министерства выступилъ также съ рѣзкими нападками одинъ изъ вождей радикаловъ — Гоблэ. Отвѣчая ему, министръ-президентъ закончилъ свою рѣчь воззваніемъ „ко всѣмъ любящимъ Францію“, при шумныхъ одобреніяхъ большинства депутатовъ. Затѣмъ, по предъявленіи депутатами нѣсколькихъ формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, г. Мелникъ согласился съ формулой, одобряющей заявленіе правительства, потребовалъ ея первенства при вотированіи, что и было принято большинствомъ 354 голосовъ противъ 171, затѣмъ прошла и самая формула 376 голосами противъ 133, встрѣченная бурными рукоплесканіями палаты.

Къ общему удовольствію друзей Франціи, такимъ образомъ кризисъ миновалъ благополучно, а палата получила возможность вернуться къ своимъ неотложнымъ заня-

А. И. Абрикосова. По поводу 25-лѣтія артистической дѣятельности на Императорской сценѣ. Съ фот. Е. Мрозовской автотипія „Нивы“.

чила возможность вернуться къ своимъ неотложнымъ занятіямъ.

Разныя извѣстія.

— Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ Императорскаго Двора записки с.-петербургскаго градоначальника о сооруженіи здания для обезпеченія жителей Галерной гавани на случай наводненія и другихъ бѣдствій, Высочайше повелѣть соизволилъ пожаловать отъ Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ, изъ суммъ Кабинета Его Императорскаго Величества, на постройку для упомянутой цѣли зданія 25,000 руб. Въ составленной генералъ-майоромъ Н. В. Клейгельсомъ запискѣ было указано, что ни денежная помощь, ни раздача хлѣба и теплаго платья, ни безплатный отпускъ дровъ, въ случаяхъ наводненій не составляютъ существенной помощи для пострадавшихъ, и что наиболѣе рациональнымъ и самымъ существеннымъ способомъ проявленія заботливости въ попеченіи о пострадавшихъ отъ наводненія является предоставленіе имъ теплаго жилья, хотя бы на время приведенія въ порядокъ затопленныхъ квартиръ. Предстоитъ неизбѣжная необходимая въ постройкѣ въ Галерной гавани большого зданія, разбитаго на мелкія квартиры и комнаты, гдѣ бы всѣ вообще лишеныя крова могли находить для себя ночлегъ во всякое время года, а застигнутые наводненіемъ — временное помѣщеніе, пока обстоятельства не позволятъ начать нарушенный обычный образъ жизни. Постройку означеннаго зданія предполагается произвести на достаточно возвышенномъ насыпи, что обезпечитъ отъ затопленія, въ случаяхъ наводненій, даже подвальный помѣщенія его.

— С.-петербургское педагогическое общество взаимной помощи задумало очень полезное дѣло — организовать курсы общеобразовательныхъ предметовъ. Слушателями этихъ курсовъ могутъ быть всѣ желающіе. Читая лекціи на курсахъ будутъ профессоры и специалисты, при чемъ чтенія будутъ проходить въ трехъ разныхъ частяхъ города. По выработанному уже расписанію лекцій въ 1-мъ, невскомъ, отдѣленіи (во 2-й гимназіи), будутъ читаться: въ понедѣльникъ — всеобщая географія, во вторникъ — русская литература и русская исторія, въ среду — всеобщая исторія и гигиена, въ четвергъ — географія Россіи, въ пятницу — анатомія и физиологія, въ субботу — русская литература и въ воскресенье — всеобщая исторія и гигиена. Во 2-мъ, казанскомъ, отдѣ-

леніи (Зиминъ пер., д. 4): въ понедѣльникъ — тригонометрія и алгебра, во вторникъ — то же самое, въ среду — зоологія, арифметика и геометрія, въ четвергъ — ботаника и въ пятницу — курсъ начальнаго естествознанія. Въ 3-мъ, васьиловскомъ, отдѣленіи (12 линія, д. 23): въ четвергъ — русская литература и русская исторія, въ пятницу — то же и въ субботу — общая географія, а въ 8-й гимназіи: въ понедѣльникъ — всеобщая исторія и гигиена, въ среду — то же и въ пятницу — физика. Начало лекцій въ будніе дни съ 8 час. и въ воскресенье съ 6 ч. вечера. Курсы эти встрѣчены обществомъ очень сочувственно; записъ желающихъ слушать лекціи растетъ съ каждымъ днемъ. Такъ, 14-го января, въ невскомъ отдѣленіи курсовъ, на вступительной лекціи по всеобщей исторіи проф. Ф. Феликсаго не хватило мѣстъ, многие слушатели стояли. Горячее сочувствіе общества, настоящая потребность въ такихъ общеобразовательныхъ курсахъ и энергичное желаніе ихъ руководителей-педагоговъ заполнить этотъ пробѣлъ въ нашемъ народномъ образованіи служатъ уже значительнымъ ручательствомъ успѣха этого новаго, хорошаго дѣла. Въ обществѣ и печати новыя курсы получили лестное названіе „народнаго университета“. Дай Богъ, чтобы эти курсы росли и развивались и стали дѣйствительно первымъ русскимъ народнымъ университетомъ.

— 3-го января, въ 15-ти верстахъ отъ ст. Харцызскъ Екатеринбургской жел. дор., въ шахтѣ „Иванъ“ русско-донецкаго общества произошла страшная катастрофа, слубившая нѣсколько десятковъ человѣкъ. По сообщенію *Приазовскаго Края* шахта „Иванъ“ находится въ районѣ Макѣевской волости, таганрогскаго округа и считалась по качеству и количеству добываемаго изъ нея угля одной изъ богатѣйшихъ. Число рабочихъ, работавшихъ въ ней, достигаетъ 1,000 человѣкъ, раздѣленныхъ на двѣ сѣкны. 3-го января предполагалось произвести только нѣкоторые ремонтныя работы по установкѣ упорковъ и т. п., и потому въ шахту были опущены только желавшіе. По подсчету же, произведенному послѣ катастрофы, въ шахтѣ должно находиться 137 человѣкъ. Приблизительно въ 7½ часовъ вечера, когда рабочіе были уже опущены въ шахту, изъ отверстія послѣдней и вентилятора показалась гро-

мадная масса дыма. Это-то и дало знать объ ужасномъ несчастіи, происшедшемъ подъ землей, на 107 сажняхъ глубины отъ ее поверхности. Катастрофа, по словамъ рабочихъ, оставшихся въ живыхъ, сопровождалась оглушительнымъ гуломъ, похожимъ на залпы нѣсколькихъ пушекъ. Всѣ предметы, находившіеся въ шахтѣ, летѣли со своихъ мѣстъ въ разные стороны. Вагончики, въ которыхъ перевозится уголь съ мѣста его добычанія къ каналу шахты, деревянные столбы, служившіе подпорами потолковъ въ подземныхъ ходахъ, лошади и сами люди — все это съ страшной силой разбрасывалось, ломалось, трещало, что, безъ сомнѣній, увеличивало гулъ, сопровождавшій катастрофу.

Тревожными свистками немедленно было оповѣщено о несчастіи все рудничное населеніе. Вскорѣ къ шахтѣ собралось очень много народа, стекавшася изъ всѣхъ ближайшихъ поселковъ.

Изъ собравшейся толпы народа болѣе храбрые бросились подъ руководствомъ трехъ штейгеровъ въ шахту спасать погнбающихъ. Изъ спасавшихъ нѣкоторые сами стали жертвами катастрофы, задохшись отъ выдѣлявшагося изъ шахты дыма.

Въ теченіе всей ночи подъ 1-е января клѣтъ то опускалась, то подымалась по главному стволу шахты, вынося раненыхъ и убитыхъ рабочихъ. Раненые немедленно отправлялись въ рудничную больницу, гдѣ они находили помощь двухъ врачей, а трупы убитыхъ — въ одинъ изъ барачковъ. Въ эту ночь было извлечено 40 труповъ и 18 раненыхъ. На другой день было извлечено еще 13 труповъ и 5 раненыхъ. Изъ числа этихъ раненыхъ впоследствии одинъ умеръ.

Причина взрыва пока не обнаружена. По предположеніямъ однихъ, взрывъ послѣдовалъ отъ закуриванія папиросы кѣмъ-либо изъ рабочихъ, другіе же допускаютъ, что взрывъ могъ произойти и отъ соприкосновенія свѣжаго воздуха, внесеннаго рабочими съ собою въ шахту, съ гремучимъ газомъ, накопившимся въ чрезвычайномъ количествѣ.

Жертвами катастрофы сдѣлались не одни люди: въ шахтѣ находилось еще 56 лошадей. Изъ нихъ 13 убито и 2 ранено

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

Безъ доставки въ Петербургъ. 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи. 6 р. 25 к.

Съ доставкою въ Петербургъ. 6 р. 50 к.

Съ пересылкою въ Москвѣ и др. города Россіи. 7 р. За ницу. 10 р.

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“
Москва. * Рига. * Спбурге.

Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ ПОДЪ
фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДАБЛОКЪ!

Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

Писанное по-
столярно выдано.

ТОЛЬКО 100 РУБЛ.

НОВѢЙШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА

БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ

ПРЕИМУЩЕСТВА: прочность, простота конструкции, легкій и красивый шрифтъ, дешевизна. Магазины Штернъ и Константиновскій, Мясницкая, д. Обидной. Тел. 785. Москва.

СѢМЕННОЯ ТОРГОВЛЯ

А. Б. МЕЙЕРЪ, въ Москвѣ,

Мясницкая, д. Кузнецова.

Вышелъ изъ печати содержащій много интересныхъ новостей иллюстрир. каталогъ, который высылаемъ по требованію бесплатно. III. № 10860 3 2 2

♦ **PASTA EUGENIE PAR VERTHA RIES** ♦
 ПРИДАЕТЪ ЛИЦУ: КРАСОТУ, МЯГКОСТЬ, БѢЛИЗНУ, НЕЖНОСТЬ
 и СВѢЖЕСТЬ.
 ВѢНА. V. Ц. 1 р. 60 к. МОСКВА.
 Laurenzgasse, № 3. Н. Басманная, № 13.

PRECIOSA VIOLETTE
 ПРЕЛЕСТНЫЕ НЕЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
 Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра незальтная и неослабляющая.
ED. PINAUD
 PARIS

Новыя изданія Юрид. ин. магаз. Н. К. Мартынова, С.-Петербургъ, Невскій, 50:
ОБРАЗЦЫ И ФОРМЫ ДѢЛОВЫХЪ БУМАГЪ
 (письма, прошенія, судопроизв. бумаги, коммерч. корреспонденція, договоры, обязательства, справ. свѣдѣнія). Сост. 6. нотариусъ Н. К. Мартыновъ, изданіе 2, переработ. и дополн. 1898. 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к., перес. 25 к.
СПРАВОЧНАЯ КНИГА ДЛЯ ОПЕКУНОВЪ И ПОПЕЧИТЕЛЕЙ
 (сборникъ законовъ и разъясн., съ образцами опекунск. отчетовъ и доносеній). Сост. онъ-же. Изд. 2, исправл. и дополнен. 1897. 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к., перес. 25 к.

ОТКРЫВАЯ ПОДПИСКУ НА 1898 Г. НА ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

Будильникъ

редакція спѣшитъ обнародовать:
НОВУЮ СЦЕНУ
 между героями знаменитой комедіи
„Свадьба Кречинскаго“.

Лица: Кречинскій и Расплюевъ.

Кречинскій (читая газету).— Вотъ такъ прославимся!.. Расплюевъ, читатель?— въ премію къ журналу „Будильникъ“ на 1898 г. попалъ!.. Такъ вотъ прямо и объявляютъ: „Годовымъ подписчикамъ на журналъ „Будильникъ“ въ 1898 г. будетъ выдана преміей извѣстная комедія „СВАДЬБА КРЕЧИНСКАГО“. Полный текстъ съ семью сценами-фототипіями, снятыми фотографомъ-художникомъ К. А. Фишеромъ съ артистовъ и обетановки театра Корша въ Москвѣ, съ портретомъ автора комедіи и копіей съ рѣдкаго рисунка — „Ш. М. Садовскій въ роли Расплюева“... Каково?! Думаю, помнишь, какъ Провъ Михайловичъ тебя изображалъ?.. А все ты!— Кабы тогда не сплеховалъ, А. В. Сухово-Кобылинъ не написалъ бы комедіи, а мы теперь въ премію бы не попали!..

Расплюевъ.— Скажите!.. Редакторы, просвѣщенные люди, и вдругъ премія... Признаться, Михайло Васильичъ, не понимаю, какая бѣда въ премію попасть?!

Кречинскій.— Гончая ты собака, а нюха никакого!.. Въдѣ „Будильникъ“— журналъ, распространенный отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды; съ его преміей какъ разъ попадемъ въ мѣста отдаленныя и не столь отдаленныя... Теперь, братъ, журналъ „Будильникъ“ не тотъ, что 34 г. назадъ: его читаютъ теперь въ лучшихъ семейныхъ домахъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи, которую онъ особенно облюбовалъ; даже общается на страницахъ „Будильника“ дать въ 1898 г. галерею портретовъ городскихъ головъ въ провинціи... Все подмѣчаетъ людскія слабости, изображая ихъ въ карикатурахъ!.. И стоитъ не дорого; „Будильникъ“ съ преміей разсылается во все города за 10 руб., а въ Москвѣ даже за 9 руб... Ну, времена! Бывало какими деньгами ворочали, а тутъ за красненькую насъ разнесутъ и прославятъ по всемъ закоулкамъ...

Расплюевъ.— Такъ, въдѣ, Михайло Васильичъ, на журналъ „Будильникъ“ и безъ преміи подписаться можно—на одинъ рубль дешевле?..

Кречинскій.— Что жъ ты думаешь, изъ-за рубля стѣсняться станутъ? Не стоимъ мы рубля? Нѣтъ, братъ, слишкомъ мы прославились съ тобою... А тутъ еще скупишь, по своему великодушію, „Будильникъ“ разсрочку допускаетъ: 5 руб. при подпискѣ и 5 руб. къ 1-му іюня... Нѣтъ, братъ, сорвалось, будетъ намъ икаться—вездѣ помянутъ...

Занавѣсь опускается, подписка открывается: Подписныя деньги просятъ адресовать: Москва, Тверская, д. Спиридонова, редакція „БУДИЛЬНИКА“.

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES
 des RR. PP.
BÉNÉDICTINS
 DE
l'Abbaye de Soulac,
 Dom MAGUELONNE, Prieur.
 Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
 Maison fondée en 1807.
 VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.
 MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX Exposit. Int'l. Lyon 1894. HORS CONCOURS. MEMBRE DU JURY. Expo. Int'l. Bordeaux 1895.

EXIGER LA SIGNATURE DU PRIEUR. Avec le sceau de l'abbaye.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898-й г. на самый распространенный въ Россіи музыкальный журналъ „МУЗЫКА И ПѢНІЕ“ (Изданіи годъ 4-й)

для пѣнія, одиоложного и хороваго, фортепіано и другихъ инструментовъ. Одобрены Учеб. Ком. при Св. Синодѣ (утв. 18 мая 1897 г. № 600). Одобрены Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. (утв. 3 апр. 1898 г. № 8208). Рекомендованъ Гл. Упр. военно-учебн. зав. Журналъ „Музыка и Пѣніе“ выходитъ ежемѣсячно тетрадными по 44 стран. большого нотнаго формата. Годовой экземпляръ составляетъ болѣе 500 страницъ и даетъ подписчикамъ до 200 лучшихъ музыкальных произведеній по всемъ отраслямъ музыкальнаго творчества, стоящихъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ сорочъ рублей. Въ журналѣ помѣщаются выдающіяся музыкальныя новости, исполняемыя въ концертахъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. Кроме того, безплатна приложения: 1) Литургія св. Іоанна Златоуста, соч. проф. Юр. Арнольда (исполн. въ соборѣ Алекс. Невскій лауреи во вр. архіер. служб.). 2) Нотная грамота. Опытъ самообученія пѣнію, А. Карасева. Вышелъ № 3-й. Содержаніе: Отд. I, текстъ: 1) Гуго Риманъ (новаторъ въ обл. гармоніи). 2) Музыкальное эхо. Отд. II, пѣніе: 3) Гинзбургъ, Н. Моисѣй дѣт. Для смѣт. хора. 4) Шиллеръ, М. Хоръ къ луной сонатѣ Бетховена. Для одноп. хора. 5) Массене, I. Арія изъ новой оперы „Сафо“. На 1 гол. съ форт. 6) Санта-Лючія. Неапол. баркаролла. На 1 гол. съ форт. Отд. III, легкія пѣсни для форт.: 7) Ладунъ, А. Польша. 8) Burgmüller, Fr. La Source. 9) Его-же. L'enjouée. 10) Его-же. Veniseuse. Отд. IV, пѣсни для форт. ср. трудн.: 11) Бахъ, Э. Воспоминаніе юности. 12) Шопинъ. Соврем. танецъ. 13) Ивановъ, М. Фантазія на стар. фр. пѣсни. 14) Friedemann, C. Andalusischer Liebestraum. Вальсъ. 15) Ascher, I. La Moscovite. Danse national. 16) Массене, I. Вальсъ изъ новой оперы „Сафо“. 17) Его же. Антрактъ изъ нов. оп. „Сафо“. Отд. V, для гармоніума или форт.: 18) Мейерберъ, Д. Арія изъ оп. „Робертъ“. 19) Bellini. Norma. Cesta diva. Отд. VI, для разн. INSTR.: 20) Бахъ, Э. Воспоминаніе юности. Для скрипки съ форт. 21) Тоже. Для флейты съ форт. 22) Тоже. Для виолончели съ форт. 23) Тоже. Для корнета съ форт. Эту пѣсню можно исполнять какъ дуэты, трио, квартетъ и квинтетъ. 24) Приложение: Карасевъ, А. Нотная грамота. Опытъ самообученія пѣнію. 25) Объявленія. Цѣна пробнаго № 50 к., съ перес. 71 к., съ налож. платеж. 81 к. Подробныя объясненія, содержащія первыхъ годовъ изданія, списокъ премій, каталоги книгъ и нотъ высыл. безплатно. Подписка принимается въ главной конторѣ: С.-Петербургъ, Садовая, 22, прот. Гостынянова двора, при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ Н. К. Селиванова.

Редакторъ-издатель П. СЕЛИВАНОВЪ.

НОВОСТИ!
 Цветочная вода
ЛЕВКОЙ
 поставщиковъ
 Высочайшаго Двора
А. Рале и Ко.
 За флаконъ
 60 к. и 1 р.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА
 В. № 10443
 13-10
Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.
 Фабрика
РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО
 основанная въ 1811 году
 СПб., Владимирская, № 8,
 рекомендуютъ превосходнаго
 тона и отличной работы
РОЯЛИ въ 1100, 900, 800, 700,
 600 и 550 рублей.
ПИАНИНО въ 550, 500 и 450 р.
 Прейсъ-курранты высылаются
 бесплатно.
 Делю въ Москвѣ: Юл. Генр. Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарына;
 въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугама; въ Баку: Ф. И. Шрейберъ;
 въ Тифлисѣ: Б. М. Мидманянъ.

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ и Ко.
 Новость!
 ПАРФЮМЕРИЯ
„ШИПРЪ“
 Духи
 Мыло
 Пудра.
 № 108803-1

Народная ЦИТРА.
 Очень любимый и легко изучаемый му-
 зыкальный инструментъ.
 Въ 1 часъ можно выучиться играть.
 Звукъ очень мягкй и привлекательный.
 7-мипедальная съ приспособлен. для
 ластроки только 6 руб. Лучшей работы
 и сильнѣе въ тонѣ 8 р. Ноты—14 альбо-
 мовъ по 50 к., пересылка за 15 ф.
Корнетъ-а-пистоны
 и все другіе духовныя мѣдные
 и деревянныя инструменты, а
 также
**РОЯЛИ, ПИАНИНО,
 ФИСГАРМОНИИ.**
 Скрипки отъ 2—100 р.
 Гитары „ 3—75 р.
 Балалайки „ 1—20 р.
 Мандолины „ 8—75 р.
 Цитры „ 8—75 р.
 и все прочія струнныя
 а также и механическіе
 и само играющіе инстру-
 менты и принадлежности
 рекомендуетъ
И. Ф. МИУЛЕРЪ.
 Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Требуется иллюстрир. прейсъ-куррантъ.

МЕЛЬНИЧНО-СТРОИТЕЛЬНАЯ КОНТОРА
Т. Даверіо
 Мясницкая, д. Давыдовой, бывш. МОСКВА.
 Спиридоновой.
 СПЕЦІАЛЬНЫЕ ВАЛЬЦОВЫЕ СТАНКИ:
 ДЛЯ КРЕСТЬЯНСКАГО
 ПРОМОЛА. **„НОВОСТЬ“**
 ЗАМѢНЯЮЩЕ ЖЕРНОВА. 6-1
 Телегр.: Москва, Даверіо.

ВИГРЫШ-
 НЫЕ 1, 2 и 3 выигрываетъ
 БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
 59, Невскій, С.ПБ. 5-2

Испробованъ и найденъ превосходнымъ голландскій
КАКАО ФЛИКЪ.
 Подучить можно во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и колоніальныхъ торговляхъ.
 Главный представитель для Россіи
Константинъ Гершъ, С.-Петербургъ.
 В. № 10483 15-9

Черезъ контору журнала
„СЧЕТОВОДСТВО“
 (СПБ., Невскій, 64) можно выписать:
 1) Двойную бухгалтерію въ популяр. очер-
 нахъ, 2-е изд. Ц. 1 р.
 2) Самоучитель двойн. бухгалт. Ф. Ску-
 бица, 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к.
 Одобрены Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.
 3) Фабрично-заводское счетоводство, Л.
 Гомберга. Цѣна 4 руб. (Счетовоорганизация и
 администрація мельничнаго предпріятія).
 Теорія, практика и схемы.
 4) Аналитическая карта бухгалтеріи. Ц.
 75 коп. № 108733-1
 5) Журналъ „Счетоводство“ за 1889—
 1898 годъ, по 6 руб. Богатый научный и
 практическій матеріалъ. Программа выска-
 лывается бесплатно.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ
 ЛАБОРАТОРИИ
 „Сафо“ ДУХИ; „Сафо“ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
 „Сафо“ ПУДРА; „Сафо“ ТУАЛЕТНАЯ ВОДА
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
 Достоинство этихъ препаратовъ давно заслужили широкую
 извѣстность и полное одобрѣніе потребителей
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСКАЯ УЛИЦА, № 12.
 МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ А. ШЕРЕМЕТЬЕВА. ВАРШАВА, НОВЫЙ СВѢТЪ, 37.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
„СМИСЬ-ПРЕМЬЕ“.
 Скорость, прочность,
 удобство. Последняя
 усовершенствована!
 Цѣна 250 рублей и
 275 рублей.
 Пишущая машина
„КОСМОПОЛИТЬ“.
 Самый красив. шрифтъ. Съ 3 разными рус-
 скими и 3 разными латинскими алфавитами.
 Цѣна 95 р. Полнор. ящикъ къ ней 10 р.
 Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ ма-
 шинъ высылаются бесплатно.
Оптов. Ф. РИХТЕРЪ.
 С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., № 4

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЮ
EAU DE LYS DE LOHSE
 Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетонъ
 Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
 дрогистовъ Россіи. № 5120 (110)

EAU DENTIFRICE
DU DOCTEUR PIERRE
 8, PLACE DE L'OPERA
 PARIS
 CÉLÈBRE PAR SES QUALITÉS
 en Vente partout

ГЛАВНЫЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Э. ВУРХАРДЪ, Спб.
 Невскій пріискъ № 6 противъ М. Морской
 Гореховалъ у Крашенинко Места № 17.
 ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ ЛУЧШИХЪ ФА-
 БРИКЪ ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.
 Высылаю наложен. платежемъ. Иллюстр.
 Прейсъ-Курранты бесплатно
 Ц. № 10835 7-2

ТРЕБУЮТЪ
 бесплатно каталогъ, описаніе и образцы шрифтовъ новѣйш. клави-
 туры, пишущихъ машинъ „БЛИНЕНСДЕРФЕРЪ № 5“, праживор. выст.
 наградами и золот. медалями. Цѣна машины 100 р., прод. съ ручат.
Э. КИЖИМАНЪ № 5 С.-Петербургъ,
 Гореховалъ, 17.

ПИСАТЬ не только красиво, но и ско-
 ро выучивая въ 6 уроковъ
 заочно. Методъ удостоенъ золотой медали
 и благодарности короля Эдвинаго. За двѣ
 7 коп. марки высылаю условія и пробное
 письмо. Одесса, Соборная площадь, д. Па-
 лудовой, кв. 40. Проф. кав. Э. Кошаринъ.
ВОЗВРАТЯСЬ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ,
 обучаю заочно кройкѣ и шитью по новѣйшей
 французской методѣ «ВОРТА».
 Плата вперед не взимается. По окончаніи
 установленн. свидѣтельство. Условія высла-
 нются бесплатно.
 Киевъ, Фундуклеевская № 27.
 Е. Д. Ашмарина.
ЖЕЛАЮ КУПИТЬ
 имѣніе въ черноземной полесѣ отъ 100—
 1200 десят. Цѣну продаж. им. прому сооб-
 щить: Москва, Мусковъ площадь, д. Ари-
 стова Размыну.

Высоч. Уг. Тр.
„ЭЙНЕМЪ“ въ МОСКВѢ.
 СОВЪТЪ ЦАРОВЪ ФАБРИКА въ СИМФЕРОПОЛѢ
 (въ КРЫМУ.)
ПЮРЕТОМАТЬ.
ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ
Компотъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣлательныхъ агентовъ. Обращаться
 писемно: Банкирскій домъ Генрихъ
 Блокъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій

ЖИВНА

№ 5.

XXIX г.

1898 г.

Содержаніе:

ТЕКСТЪ. Дзю. Повесть П. А. Сергѣенко. (Продолженіе.) Профессоръ Моріарти. (Изъ воспоминаній о Шерлокъ Холмсъ.) Рассказъ А. Конанъ-Доилъ. — Изъ рисунковъ: Первый урокъ. — На берегу Лаго-ди-Номо — Свадебный обычай въ Малороссіи. — На костюмированномъ балу. — Настигнутые бурей. — П. П. Семеновъ. — А. Ө. Брандтъ. — Г-жа Друкеръ. — Летательный аппаратъ д-ра Данилевскаго. — Политическое обозрѣніе. — Смысь. — Объясненія.

РИСУНКИ. Первый урокъ. Картина К. Зеви. — На берегахъ Лаго-ди-Номо. Акварель С. Ендогурова. — Свадебный обычай въ Малороссіи. Ориг. рисунокъ И. Ижакевича. — На костюмированномъ балу. Ориг. рисунокъ Гамба. — Настигнутые бурей. Картина А. Шрейера. — П. П. Семеновъ. — А. Ө. Брандтъ. — Г-жа Друкеръ. — Летательный аппаратъ д-ра Данилевскаго.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

ГИТАРЫ

Юлій Генрихъ
ЦИММЕРМАНЪ.
С-Петербургъ, В. Морская, 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННО ТОВАРИШЕСТВОМЪ

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА СЪ СЫНОВЬЯМИ

1896 ГОДА

НА ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
**СЛАБИТЕЛЬНАЯ
ГОРЬКАЯ ВОДА**
ИСТОЧНИКА

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ

Продается во всѣхъ аптекахъ и
аптекарскихъ лавкахъ Россіи и
Заграницы.

Дивовѣдъ источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ
„ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ“ въ будущемъ.

**МАГАЗИНЪ КРАСИЛЬНИ
„МЕНАЖЕ“**

Екатерининскій каналъ, д. № 21, уголъ Невского, д. Жуковской.

Чистка бальныхъ платьевъ, придворныхъ шлейфовъ, кружевъ, перчатокъ,
перьевъ, матерій, занавѣсъ, ковровъ, портьеръ и мебели.

ОКРАСНА всевозмож. шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ матерій.

В. № 10906 Быстрое и аккуратное исполненіе работъ. 2 1

Цѣны умѣренные.

БЕЗПЛАТНО

разсылаются всѣмъ же-
лающимъ каталоги сѣ-
менамъ и георги-
намъ, а также де-
ревямъ, кустар-
никамъ и растені-
ямъ, садоваго заведенія

Н. Г. КАРЛСОНЪ

ВЪ ВОРОНЕЖѢ.

**ПЕЧЕНІЕ
ГЕРКУЛЕСЬ**

ИЗЪ
АМЕРИКАНСКОЙ
ОВСЯНОЙ КРУПЫ

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

С. СІУИКЪ

**ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
ГУМВЕРЪ**

предлагаетъ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгій ЖЕМЛІЧКА и К^о.
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейсъ-куррантъ по требованію. 16 2

КРАСИВО пишется и читается заочно
(посредствомъ переноски)
въ 15 уроковъ у
профессора каллиграфіи
А. КОССОДЪ.

Методъ преподаванія на Парижской
всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ
золотой медалі. № 10900 б-1

3 2 семиклассная марка высылаются
пронее письмо и условія, а за 4 семикл-
ассная марка высыла. пробное письмо
прифртовъ, подробна условія и образцы
исправленій почерк. заочн. учен. Адресъ:
Профессору каллиграфіи Адольфу Мос-
соуду въ Одессѣ. Дерибасовская, д. № 19.

ОТВѢТЬ

на многочисленные запросы нашихъ покупателей, что имѣютъ ли мы въ продажѣ
тотъ **ДРАПЪ** для мужскихъ, дамскихъ и дѣтскихъ верхнихъ и нижнихъ
частей первобытной шерсти, полныхъ два аршина ширины, натурального сѣрова-
таго цвѣта, пушистый, теплый, прочный и легкий, цѣною по 1 р. 50 к. за аршинъ.

ДА, ИМЪЕМЪ!

и даже сорты еще лучшіе и прибавляя цѣну, и выслать по первому тре-
бованію, можно и наложеннымъ платежомъ. Исключительно въ нашемъ фабрично-
розничномъ магазинѣ.

А. ИВАНОВА,
Москва, Тверская, пассажъ Постникова.

Упаковка на счетъ магазина, переноска на счетъ покупателя; для Сибири треб.
Ц. № 10892 заготовъ не менѣе половины суммъ заказа. 2 1

Гильзы
используемые
сумми

ФИЛИГРАНЪ

САКАТЫКЪ

МОСКВА
МЕХАНИЧЕСКАЯ
ВЕЗДѢ

ПРОДАНА ВЕЗДѢ

КАРАМЕЛЬ
изъ ГРУДЫШЪ ТРАВЪ

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семадени въ Кіевѣ.
Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка
15 коп.

Главный складъ у **АЛЕКСАНДРА ВЕН-
ЦЕЛЬ.** С-Петербургъ, Гороховая ул., 34.
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекар-
скихъ магазинахъ Россіи. 12 7

**СѢМЯННЫЙ МАГАЗИНЪ
Г. ЛАУБЕРЪ**

С.-Петербургъ, Малая Конюшенная, 5.

честь имѣть сообщать почтеннѣйшей публикѣ, о выпускѣ на 1898 годъ новаго
каталога сѣмянъ огородныхъ, луговыхъ, цѣточныхъ и древесныхъ сѣмянъ,
который по желанію высылается бесплатно. № 10913 2-1

ЖИВАЯ ФОТОГРАФІЯ

„Кинематографъ“ (посл. новости) безъ
морганія! Лучшія картины „Люмьера“
и др. Худож. и вошеб. явленія. Адресъ:
А. Граге, Москва, Петинскій проездъ,
15, д. Молчанова, кв. 3, противъ Го-
сударств. Банка.

Рекомендуемъ также новое выгодное
демонстрированіе „Кинематоскопомъ“
для 14 персонъ: какъ фотографы.

НОВЫЕ ИЗДАВАНІЯ **А. НАРАСЕВА:**
МЕТОДИКА ПѢНІЯ:
ч. 1-я ч. 1 р., ч. 2-я ч. 1 р. 40 к.
УРОКИ ПѢНІЯ: ч. 1-я 30 к., ч. 2-я 40 к.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ХРЕСТОМАТІЯ: ч. 1-я ч.
40 к., ч. 2-я ч. 60 к.

САМОУЧИТЕЛЬ ПѢНІЯ ч. 1 р.
Выпущенная, отъ автора (Цена 30 коп.)
за пересылку не платится.

„ПРЕЛЕСТЬ-АККОРДЕОНЪ“

лучшія въ настоящее время ручныя гармоніи. Отли-
чаются замѣчательной легкостью, приятнымъ тономъ,
удобной игрой, новымъ патент. гриффомъ и металл. углами
у жюветъ; одноряд. дамскія 5 р.; обыкновенн. 8, 10 и
14 р.; двухрядная 20 и 30 р.; трехрядная 40 руб.

„КРЕМОНА-АККОРДЕОНЪ“

последнія новости въ ручныхъ гармоніяхъ, съ чрезвычайно
пѣвучимъ тономъ. 10 клас. въ 8, 10 и 12 руб.; двухряд-
ная 16 и 20 р. Самоучитель Алексѣева 1 руб.

І. Ф. МЮЛДЕРЪ.
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Подробное описаніе и полный иллюстрир. преиъ-куррантъ
бесплатно. Ц. № 10557 б-4

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ!
Русскій винтоградный коньякъ

ИМПЕРІАЛЬ

съ глобусомъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (12)
Специальность хронометровъ
СПбургу, Новскій пр. № 52
прот. Имп. Публ. Библиотекъ.
Подробный каталогъ, преиъ-
куррантъ по воегрѣб. безплатно
„Пересылка на счетъ мага-
зина. Ручательство на 2 годъ.“
Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

Популярно-научная книга, доказывающая

СЧАСТЛИВЫЕ №№

ВЫИГРЫШ-

ных бил. 1, 2, и 3 з. Ц. 1 р., сь пер. 1 р. 20 к. (сь над. пл. 1 р. 30 к.) С.-Петербург, Вознесенский проспект, д. 37, кв. 32, Красильниковъ. 2 января сего 1898 года на доказан. №№ пало 266 выигрышей на сумму въ 580 1/2 тыс. руб.

МАГА ЗИНЫ ПРИДВОРНЫХЪ ПОСТАВЩИКОВЪ

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного товарищества производства серебряныхъ, золотыхъ и ювелирныхъ издѣлій

И. П. ХЛЪБНИКОВЪ, СЫНОВЬЯ И К^о.

ВЪ МОСКВѢ: 1) на Кузнецкомъ мосту, домъ Солдовникова. 2) на Ильинкѣ, въ домъ Новоторжскаго подворья. W. № 10753 4-4

Большой выборъ ювелирныхъ вещей изъ брилліантовъ и цвѣтныхъ камней на разныхъ цѣны.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ НОВѢЙШИХЪ ФАСОНОВЪ.

Издѣлія изъ серебра: церковная утварь, образа, столовая сервировка, вещи для подношений и подарковъ и пр.

ЗНАКИ, для докторовъ медицины и врачей, Вѣдомства Императрицы Маріи.

По заказамъ исполняются крупныя церковныя вещи изъ бронзы.

Фабрика въ Москвѣ, на Шивой горкѣ, въ собствен. домѣ.

Жизнь и учение Христа

соч. д-ра К. Гейки. Перев. свѣщ. М. Фивейскаго. Ц. 4 р. 50 к. Продается въ известн. книжныхъ магазинахъ.

ВОЗВРАТЯСЬ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ

обучаю звачно кройкѣ и шитью по новѣйшей французской методѣ «ВОРТА».

Плата вперед не принимается. По окончаніи установленн. свидѣтельство. Условія высылки безплатно.

Кіевъ, Фундуклевская № 27. Е. Д. Ашмарина.

ЖЕМЧУГЪ

ХОРОШІЙ РОВНЫЙ

ВЪ НИТКАХЪ И ВЪ ВЕЩАХЪ

ПОКУПАЕТЪ 20-8

ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ

К. ФАБЕРЖЕ.

Москва, Кузнецкій мостъ, № 4.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ НАСЕЛЕННЫХЪ МІРОВЪ.

Условія обитаемости небес. земель съ точки зрѣнія астрономіи, физиологіи и естеств. философіи.

К. Фламмариона.

Переводъ съ французскаго Е. Предтеченскаго. 400 страницъ. Цѣна 1 рубль.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

В. № 10820 28-3

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербург, Невскій пр., д. № 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

◆ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ◆

съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.

Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требованію безплатно.

ПОДПИСКА до 1-го марта.

НОВОЕ ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНИЕ

ГЕНРИХА СЕНКЕВИЧА

въ 6 т. съ портретомъ автора. По подпискѣ 5 руб., сь пер. 6 р. Все изд. будетъ окончено въ мартѣ. Въ отдѣльной продажѣ всѣ произведенія Генриха Сенкевича стоить 25 руб. Т. 1-й вышелъ.

Складъ у книгопродавца Ф. ЮАНСОНА, въ Кіевѣ.

PRECIOSA VIOLETTE

ПРЕЛЕСТНЫЕ НЪЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ. Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра некальцинированная и неослабляемая.

ED. PINAUD

PARIS

Соч. гр. **Л. Н. ТОЛСТОГО,**

гдѣ будетъ помѣщена статья

„ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО“

по выходѣ въ свѣтъ будетъ немедленно разслатьсѣ съ налогомъ, платежемъ, кто пришетъ заявленія. Москва, Моховая ул., д. Бенкендорфъ, книжный магазинъ **М. В. КЛЮКИНА.**

!!НОВОСТЬ!!

Разрѣшенъ на общихъ основаніяхъ торговли, какъ не содержащій въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ

CRÈME VENUS.

(КРЕМЪ ВЕНЕРЫ).

Есть **НОВОЕ КОСМЕТИЧЕСКОЕ** изобрѣтеніе.

КРЕМЪ ВЕНЕРЫ замѣняетъ румяна и бѣлѣна, вызывая на лицѣ румянецъ, несмывающійся и не исчезающій отъ пота.

Цѣна банки 1 руб. 50 коп.

ПРОДАЖА ВО ВЪСѢХЪ АПТЕКАРСКИХЪ И ПАРФЮМЕРНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ РОССІИ.

Главный складъ для Россіи у Торг. Дома С. Ф. Поповой и К^о, Москва—Петровка. Ц. № 10894 8-1

Способъ употребленія:

Натеревъ лицо Кремьомъ Венеры, оставлять кремъ минуты 2-3, а затѣмъ все смываютъ комнатной водою съ мыломъ. Послѣ того, на лицѣ появляется превосходный румянецъ, который деринится въ продолженіе многихъ часовъ. Это дѣйствіе и составляетъ новостъ, такъ какъ этимъ Кремьомъ Венеры вытѣсняеть собой доселѣ известныя румяна.

CREME SIMON

(КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольды крема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствіемъ.

J. Simon, 13, Rue Grange Batelière, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. Ц. № 10527 16-11

Во всѣхъ главныхъ музыкальныхъ и книжныхъ торговляхъ продается

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

А. ГАБРИЛОВИЧА

на 1898 годъ.

СПРАВОЧНАЯ И ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

для музыкантовъ и любителей музыки.

Цѣна — въ изданіи колѣнкоромовъ переплетъ—1 руб. 20 к., сь пересылкою—1 руб. 20 коп. Выписывающіе изъ главнаго склада (СПБ., Разъѣзжая, 15) за пересылку не платятъ.

Не опаздывайте подпиской на московскій юмористическій журналъ

Будильникъ.

Въ журналѣ еженедѣльно всѣ „злые дѣя“ политики, столицъ и провинціи. Въ теченіи года—ГАЛЕРЕЯ ПОРТРЕТОВЪ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХЪ ГОРОДСКИХЪ ГОЛОВЪ. Иллюстрированные юмористическіе рассказы. На 1898 г. выдается годовозамъ подписчикамъ ПРЕМІЯ: № 10765 5-4

„СВАДЬБА КРЕЧИНСКАГО“, полный текстъ у комедіи съ девятью фототипіями. На годъ съ преміей—10 р.; безъ преміи—9 р. Въ Москвѣ дешевле на 1 р. Скупыя—разсрочка; 5 р. при подпискѣ и 5 р. —1 іюня 1898 г.

Подписку адресовать:

Москва, редакция „БУДИЛЬНИКА“.

1200

стилизован. узоровъ для выпилыванія, углубленной и рельефной рѣзбы, выжиганія и живописи по дереву, и пр., и пр. Расукомъ имѣются на бумагѣ и на деревѣ. Наставленія, инструменты, машины и матеріалы. Газета „Дизетантъ“.

Иллюстр. прейсъ-курантъ высылается за 30 вф. почт. марк.

May & Widmayer, München.

ЮВЕЛИРЪ

В. К. ЭЙКЕНРОТЪ.

Заготовленъ въ зимнему сезону большой выборъ брилл., золот. съ драгоцѣн. камнями вещей. Принимаю въ обменъ старое золото и камни на новыя вещи. Заказы исполняются въ собств. мастерской.

ПОКУПАЮ ПО ХОРОШЕЙ ЦѢНѢ жемчужныя нитки, изумруды, рубины и брилліанты. 4-1

Москва, Камергерскій пер., д. Лянозова.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

Справочная книжка по географіи

В. Покровской.

1 ч. Алфавитный словарь географическихъ названій.

II ч. Географическо-статистическія таблицы, характеризующія подробно и наглядно жизнь каждого государства. 204 стр. Цѣна 1 руб. Полезна при чтеніи газетъ, новостныхъ курсовъ и пр. Складъ въ маг. Нового Времени, СПб., Невскій, 38.

Семь разъ удостоена первыя награды

СКРИПКИ,

самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемыя по тону и качеству, отъ 6-30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ—отъ 30-200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1 1/2-50 мар. Фугляры 3 1/2-40 мар. Цитры 16-300 мар. Гитары 6-50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовыя инструменты. Нѣмая скрипка для ученика (собств. изобрѣт.). Мастерская для починковъ. Рекомендация отъ Вильгельми, Саразате, Сора, Зинцера и проч. Подѣйшая гарантія. Прейсъ-курантъ безплатно.

Бр. Вольфъ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ. Ц. № 10528 Крещатокъ. 5-4

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на всѣ **МОДНЫЕ ЖУРНАЛЫ**

въ разсрочку и съ наложеннымъ платежомъ. Москва, Неглинная, противъ Малаго театра.

Журналы послѣднихъ модъ

В. И. Альшвангъ. 2-1

Каталогъ высылается безплатно. Цѣны нѣ конкурренціи.

XXIX г.

№ 5

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, соерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXIX

1898

Выданъ 31 января 1898 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна годового изданія „Нивы“ со всѣми приложеніями на 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ полное собраніе сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ.	5 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печновской, Петровскія торговыя линіи.	6 р. 25 к.	Съ доставкою въ Петербургъ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи.	7 р.	За гравиду.	10 р.
------------------------------	-------------------	--	-------------------	-----------------------------	-------------------	--	-------------	-------------	--------------

Первый урокъ. Съ карт. К. Зави по фот. В. Ангерера въ Вѣнѣ, грав. Кирмзе.

Дэзи. Повѣсть П. А. Сергѣенко.

(Продолженіе.)

Ежедневныя купанья, продолжительныя прогулки по горамъ и на фелюгѣ, спокойная жизнь съ поэтическими утрами и торжественными закатами,—все это живительно дѣйствовало на Герливанова. И, сидя у себя на балконѣ, онъ иногда испытывалъ такое ощущеніе, будто съ него, какъ съ шелковичнаго червя, сползала старая, изношенная оболочка, и на немъ появлялась новая—свѣжая и упругая. Онъ вспоминалъ о послѣднемъ своемъ пребываніи въ Петербургѣ и недоумѣвалъ: какъ онъ могъ такъ распустить себя и дойти почти до ненависти къ людямъ, ничего дурного ему не сдѣлавшимъ?..

И онъ садился къ столу и въ добромъ тонѣ писалъ нѣкоторымъ изъ нихъ письма, зная, что это доставитъ имъ удовольствіе. Заклеивъ конвертъ и написавъ адресъ, онъ иногда мысленно говорилъ: „ну, вотъ и я сегодня, по теоріи Дэзи, *помолюся*“. Это романтическое настроеніе было ему по душѣ, потому что соответствовало его женственно-мягкой натурѣ.

По утрамъ Герливановъ цѣлыя часы просиживалъ на балконѣ и, казалось, не только дышалъ свѣжимъ морскимъ воздухомъ, но, подобно растеніямъ, питался имъ. Ему все думалось, что онъ не надышался еще вволю. Разстилавшееся передъ нимъ море, съ его перемежающимся освѣщеніемъ и перламутровой игрою красокъ, ласкало зрѣніе Герливанова, нѣжило его душу, входило въ нее, претворялось во что-то неизъяснимо-пріятное, ласкающее и убаюкивающее, какъ *Berccuse* Шопена.

Пріѣхавъ наконецъ и чехъ Гудашъ—плотный блондинъ, съ румянымъ лицомъ и густыми баками въ видѣ котлетъ. Говорилъ онъ мягко, почитительно и соглашался со всякимъ мнѣніемъ. Онъ пообѣщалъ Герливанову добыть всѣ документы, касающіеся спорной усадьбы. Но это продолжалось двѣ недѣли и затѣмъ чехъ внезапно исчезъ куда-то.

Герливановъ махнулъ рукою на это дѣло и ни слова не написалъ дядѣ. Его занимали въ это время другіе интересы. Онъ началъ задумываться надъ явленіями, при которыхъ не ждалъ для себя никакихъ вопросовъ.

Созерцательная жизнь въ *Левадѣ* и бесѣды съ Казанцевымъ о призваніи писателя и о задачахъ искусства замѣтно начали отражаться на отношеніяхъ Герливанова къ искусству, которое интересовало его больше всего въ жизни.

Нѣкоторыя литературныя произведенія, казавшіяся ему прежде безукоризненными образцами красоты,—здѣсь, въ *Левадѣ*, среди величавой природы, начали какъ бы шокировать его эстетическій вкусъ. Въ нихъ чувствовалось ему что-то фальшивое и непріятное, точно глаза у восковыхъ фигуръ.

И начатую въ Петербургѣ пьесу онъ рѣшительно забраковалъ и приступилъ къ новой.

Казанцевъ очень интересовался его работой и въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ иногда, какъ молніей, освѣщалъ Герливанову то, надъ чѣмъ тотъ бился въ потемкахъ.

Бесѣдовали они преимущественно въ купальнѣ, во время остыванія. Казанцевъ остывалъ очень медленно и подолгу сидѣлъ раздѣтый, тщетно обвѣвая свое разгоряченное, полное тѣло.

Первые дни Герливанову казалось, что Казанцевъ заводитъ съ нимъ рѣчь о литературѣ преимущественно изъ любезности къ нему и затрагиваетъ только такіе вопросы, которые ему по плечу. Но затѣмъ онъ убѣдился, что профессоръ живо интересуется всѣмъ, что носитъ какой-нибудь слѣдъ духовной дѣятельности чловѣка.

Иногда Герливанову становилось даже неловко за себя, когда онъ слушалъ, съ какой глубокой убѣжденностью профессоръ говорилъ о грядущемъ царствѣ разума, о бессмертіи духа и о высокомъ назначеніи чловѣчества. Все это тѣмъ болѣе производило впечатлѣніе на Герливанова, что Казанцевъ говорилъ обыкновенно спокойно, не спѣша, словно тихо надвигалась какая-то большая сила.

— Не придавайте, голубчикъ, печальнымъ явленіямъ жизни значенія необходимости,—сказалъ онъ однажды Герливанову. — Эти явленія переходныя, временныя—въ родѣ прорѣзыванія зубовъ у ребенка. У чловѣчества тоже прорѣзываются зубы въ настоящее время. И сознательная, духовно-умственная жизнь его только еще начинается. Даже Западъ, и тотъ въ этомъ отношеніи теперь еще *на развѣтлѣ*. У насъ же въ Россіи въ настоящее время какія-нибудь *пять минутъ полночи*—не болѣе. И это вполне естественно. Надо только имѣть бодрюю вѣру въ чловѣка и не принимать сумерекъ за затменіе солнца...

Герливановъ охотно слушалъ Казанцева и съ каждымъ днемъ все больше привязывался къ нему. Ему нравились въ профессорѣ его возвышенныя мысли, разносторонній независимый умъ и доброе отношеніе къ людямъ. Онъ замѣтилъ, что Казанцевъ никогда не говоритъ ни о комъ дурно. Когда же ему приходится давать отзывы о несимпатичныхъ ему лицахъ, то получалось такое впечатлѣніе, какъ будто онъ мало знаетъ ихъ и уклоняется отъ характеристики. Но особенно высоко цѣнилъ Герливановъ въ Казанцевѣ его блестящую способность распутывать самыя сложныя и запутанныя понятія и говорить даже о самыхъ грубыхъ проявленіяхъ чловѣческой природы въ такой безукоризненной формѣ, что его могла слушать самая стыдливая дѣвушка. Однажды Казанцевъ заговорилъ при Дэзи объ англійскомъ романѣ Grant-Allen'a: „*The Woman who did*“ *), надѣлавшемъ въ Англійи много шума своими щекотливыми подробностями изъ семейной жизни. Герливановъ по слухамъ зналъ объ этомъ романѣ и очень интересовался имъ. Профессоръ просто и ясно передалъ суть романа, не смутивши ни однимъ словомъ женственную чуткость Дэзи.

Читалъ Казанцевъ непостижимо много. Иногда онъ приносилъ къ обѣду съ собою какую-нибудь книгу, брошюру или газету и послѣ второго блюда начиналъ говорить о прочитанномъ, посвящая такимъ образомъ слушателей въ выдающіяся событія изъ области науки, искусства и общественной жизни.

Послѣ обѣда Казанцевы всегда отправлялись гулять. Павелъ Викторовичъ обыкновенно шель рядомъ съ Дэзи и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы подѣлиться съ нею тѣми свѣдѣніями, которыя, по его убѣжденію, могли возвысить ея душу и расширить умъ. Дэзи называла эти бесѣды своими „пѣшеходными курсами“, сравнивая отца съ Аристотелемъ, бесѣдующимъ съ учениками. Бесѣды эти были всегда проникнуты духомъ высшихъ идеаловъ правды и чловѣчности и доставляли Герливанову высокое умственное наслажденіе.

Въ началѣ лѣта Казанцевъ посвящалъ каждый вечеръ, а иногда и два вечера подъ-рядъ кому-нибудь изъ писателей и философовъ XVIII вѣка. И личности Дидро, Монтескье и др., какъ живыя, запечатлѣвались въ памяти Герливанова. Обладая художественнымъ даромъ, профессоръ умѣлъ всегда какой-нибудь яркой

*) Женщина, которая это сдѣлала.

чертой осветить характер того, о комъ онъ говорилъ, и раскрыть передъ слушателями ту таинственную лабораторію, въ которой возникаютъ и вырабатываются идеи.

Иногда во время прогулокъ къ Казанцевымъ присоединялся Гагаринъ или полковникъ Щелковъ. Тогда бесѣды оживлялись преніями, особенно горячими, особенно если присутствовалъ полковникъ Щелковъ. Доктора запрещали ему много говорить, потому что онъ не могъ разсуждать спокойно. И въ отставку полковникъ вышелъ главнымъ образомъ изъ-за постоянныхъ стычекъ съ сослуживцами и начальствомъ. Но Щелковъ „не могъ“ спокойно относиться къ событіямъ и являлся съ специальной цѣлью „поговорить“ съ Павломъ Викторовичемъ и разубѣдить его въ какомъ-нибудь заблужденіи. Щелковъ выписывалъ нѣсколько журналовъ на русскомъ и на французскомъ языкахъ, говорилъ: *ионка* вмѣсто *этика* и горячо интересовался политической жизнью Европы, причѣмъ исходъ нѣкоторыхъ событій волновалъ его до такой степени, что отражался на его здорovьи.

Несмотря на различіе міровоззрѣній Казанцева и полковника, послѣдній относился съ дружелюбіемъ къ профессору и не разъ заявлялъ послѣ споровъ:

— Съ высокоуважаемымъ Павломъ Викторовичемъ даже и поспорить пріятно.

Однажды Щелковъ привезъ для Дззи нѣсколько книжекъ *Revue des deux mondes*, гдѣ, между прочимъ, была статья Брюнетьера о банкротствѣ науки и о ея безнадежности дать человѣку счастье. Щелковъ былъ въ восторгѣ отъ этой статьи и началъ за чаемъ развѣнчивать науку. Казанцевъ спокойно выслушалъ Щелкова и одобрилъ благую мысль Брюнетьера осветить запутанныя отношенія общества къ наукѣ.

— Да, здѣсь нуженъ свѣтъ! — сказалъ онъ.

Это озадачало Щелкова, и онъ подозрительно посмотрѣлъ на профессора своими пронизательными сѣрыми глазами съ желтыми ободочками на зрачкахъ.

Казанцевъ пожевалъ во рту слобный коржикъ и добавилъ, какъ бы съ грустью:

— Жаль только, что Брюнетьеръ, увлекаясь предвзятой идеей, черпаетъ изъ исторіи только „подтвержденія“, не замѣчая совсѣмъ фактовъ противорѣчащихъ. Это лишаетъ его интересный трудъ серьезности. Одностороннимъ подборомъ историческихъ фактовъ можно вѣдь все доказать.

— Это детали, — возразилъ убѣжденно Щелковъ. — Главное же: основная мысль, которая ясна, какъ солнце, и въ высшей степени убѣдительна.

— Да ясна ли, Евграфъ Семенычъ? Мнѣ кажется, что не совсѣмъ. Прежде всего, онъ не выяснилъ въ своемъ трудѣ самаго главнаго: — понятія о счастьѣ. И его умозаключеніе, что наука не даетъ человѣку счастья, — все равно, что сказать: „Наука не даетъ человѣку *x*“. Противъ этого трудно возражать. Иное дѣло, если бы Брюнетьеръ заявилъ, что счастье надо понимать не какъ ренту или орденъ Почетнаго Легиона, а какъ моральное свойство, лежащее внутри человѣка — тогда даже и я рискнулъ бы выступить съ нимъ въ споръ и доказалъ бы ему, что наука способствуетъ накопленію счастья на землѣ...

— Но согласитесь съ тѣмъ, профессоръ, — прервалъ нетерпѣливо Щелковъ: — что наука разлагаетъ вѣру и разрушаетъ идеалы, заирая все въ „клѣтчатку“. Безъ вѣры же и идеаловъ какое же можетъ быть счастье?

— Да такъ ли это, Евграфъ Семенычъ? Точно ли наука разлагаетъ вѣру и разрушаетъ идеалы? — спросилъ послѣ нѣкоторой паузы Казанцевъ. — Мнѣ кажется, напротивъ: наука расширяетъ идеалы и укрѣпляетъ вѣру.

— Во что?

— Въ Божественное начало человѣка. Это не моя мысль. Еще Бэконъ доказывалъ, что только полу-

знаніе расшатываетъ вѣру, истинное же знаніе приближаетъ къ ней, расшатывая только суевѣрія. А между вѣрой и суевѣріемъ такая же разница, какъ между свѣтомъ факела и его копотью. Да и можетъ ли наука разрушать вѣру, когда цѣль науки — истина, т.-е. ближайшее разстояніе между Богомъ и человекомъ.

Щелковъ уставилъ на Казанцева упорный взглядъ, точно хотѣлъ ему сказать этимъ взглядомъ: „ученостью меня не обморочишь“, и затѣмъ промолвилъ язвительно:

— Но какъ же вы объясните, профессоръ, то общезвѣстное явленіе, что въ простонародѣ гораздо болѣе счастливыхъ людей, чѣмъ среди образованныхъ классовъ? Если же наука не даетъ счастья, то и затѣмъ она мнѣ тогда?

— Все это спорные вопросы, Евграфъ Семенычъ! — возразилъ терпѣливо Казанцевъ. — Такъ ли все это? И, наконецъ, едва ли справедливо сваливать жизненные неудачи на науку. Вообще, требованіе... (Казанцевъ хотѣлъ сказать: „ваше“, но передумалъ и сказалъ: „Брюнетьера“) счастья отъ науки, на мой взглядъ, неосновательно. Наука не претендуетъ и не можетъ претендовать на раздачу счастливыхъ лотерейныхъ билетовъ. Ея дѣло искать и изслѣдовать смыслъ явленій. И откренчиваться отъ науки на томъ основаніи, что она не даетъ непосредственно счастья, — все равно, что отбрасывать отъ себя огниво потому, что имъ нельзя закурить сигару. Наука то же, что и огниво. При ея помощи можно добыть свѣтъ истины и расчистить дорогу къ счастью. Но сама по себѣ она еще не есть счастье, а только ступень къ счастью.

Щелковъ началъ изворачиваться. Но къ концу бесѣды согласился признать за наукой нѣкоторыя заслуги.

Доводы Казанцева и его мапера вести споръ понравившись Герливанову. Но ему казалось, что профессоръ придаетъ слишкомъ много значенія наукѣ, не упоминая объ искусствѣ, которое древнѣе и вліятельнѣе науки. Оно проявляется даже у животныхъ и имѣетъ вліяніе на ихъ отношенія.

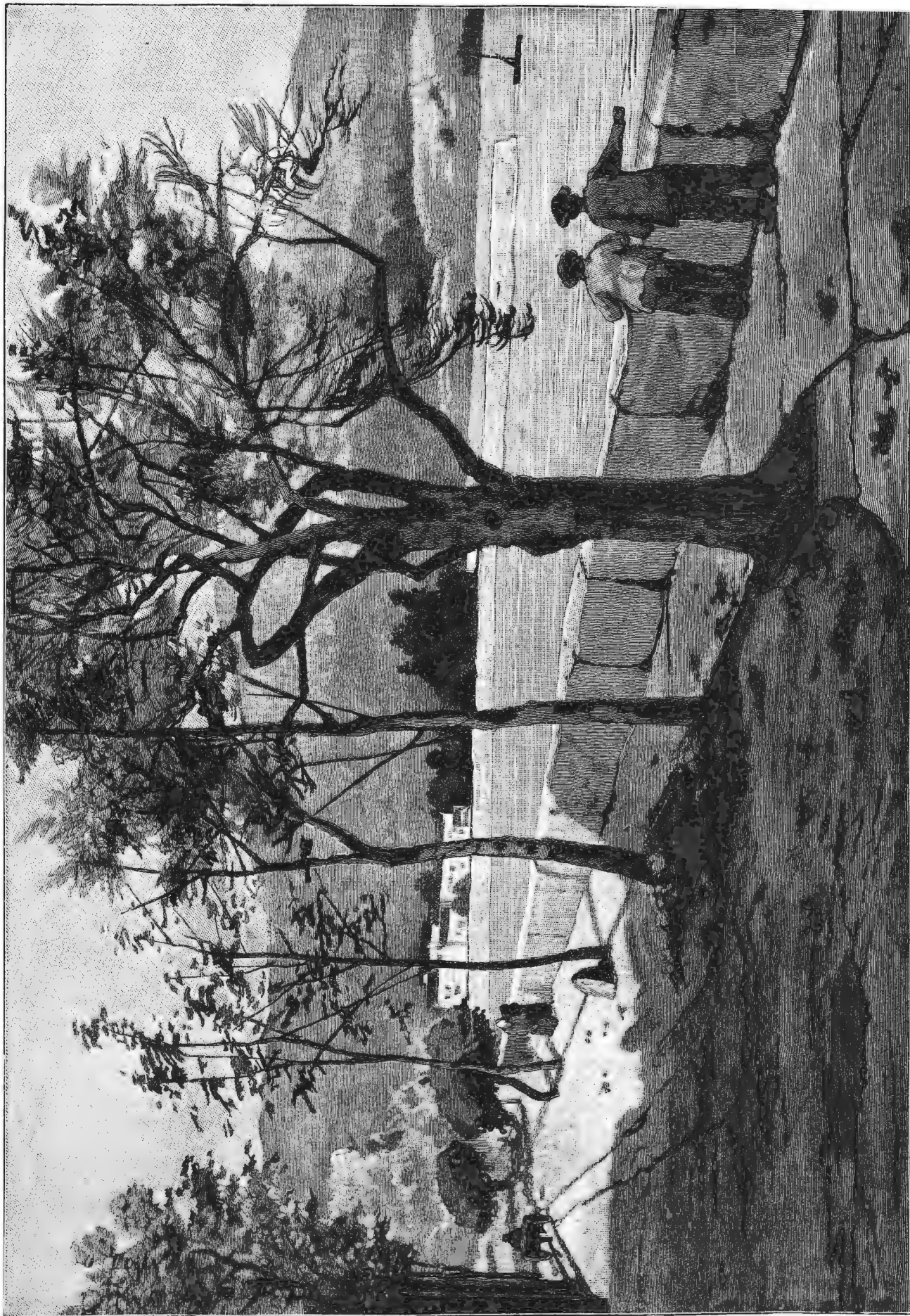
На другой день, въ купальнѣ, во время остыванія, онъ высказалъ профессору все это. Казанцевъ сидѣлъ раздѣтый, съ поднятыми руками, и отдувался, какъ кузнечный мѣхъ, чтобы поскорѣе остыть. Онъ выслушалъ Герливанова съ тѣмъ благожелательнымъ выраженіемъ, которое располагало къ нему людей, и сказалъ дружески:

— Вы совершенно правы, Михаилъ Николаичъ! Но я вѣдь и не думалъ отводить наукѣ лучшее и высшее мѣсто, а только хотѣлъ выяснитъ Евграфу Семеновичу, что наука, раскрывая скобки надъ неизвѣстными величинами и являясь *работой души*, не можетъ быть опасной для духа. Но, разумѣется, наука еще не самое важное дѣло въ нашей жизни. Многія явленія, которыя можно назвать „краугольными“ въ жизни человѣка, какъ-то: *религія, любовь, совесть* и т. п. лежатъ пока внѣ науки. И нѣтъ ничего удивительнаго, если иная сказка для человѣчества бываетъ драгоценнѣе цѣлаго учебника какой-нибудь науки.

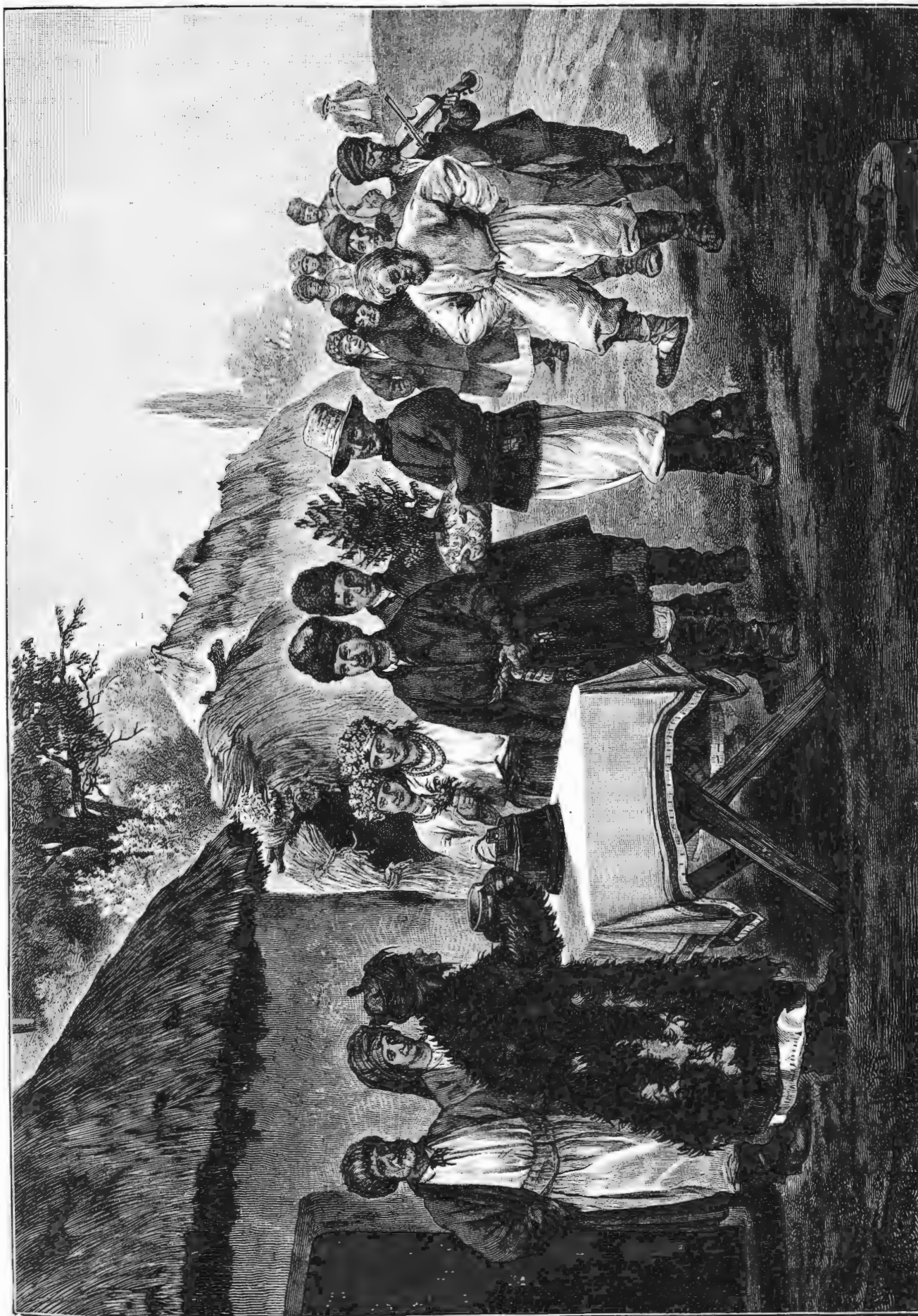
Герливановъ былъ вполне удовлетворенъ этимъ объясненіемъ и еще выше сталъ цѣнить профессора за его безпристрастіе.

Дззи тоже стремилась быть безпристрастной. Но у ней не было отцовской выдержки; и когда кто-нибудь затрогивалъ то, что по ея терминологіи называлось „святымъ“, она давала иногда неожиданныя реплики.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ полковника Щелкова къ Казанцевымъ, за вечернимъ чаемъ возникъ оживленный разговоръ по поводу отгѣны въ Россіи тѣлеснаго наказанія. Казанцевъ имѣлъ видъ паровоза, стоявшаго подъ всеми парами, но говорилъ, по обыкновенію, съ разстановками и обдуманно:

На берегахъ Лаго-ди-Комо. Съ акварели С. Ендогурва (собств. „Нивы“) грав. Рашевскій.

Свадебный обычай въ Малороссіи. Ориг. рис. (собств. „Нива“) И. И. Ижаневича, грав. Шлиперъ.

— Пока у насъ существуетъ тѣлесное наказаніе, нельзя серьезно и думать о просвѣщеніи народа, потому что учить народъ и въ то же время сѣчь его, — значитъ, только больше ему дѣлать и еще больше принижать въ немъ человѣческое достоинство.

Щелковъ отодвинулъ отъ себя блюдечко съ вареньемъ и протянулъ руку къ профессору.

— Позвольте, профессоръ, позвольте! Все то, что вы говорите относительно „приниженія человѣческаго достоинства“, можетъ-быть, и хорошо, и либерально, но не относится сюда и выведено изъ „теоріи вѣроятностей“. Вамъ *кажется*, что это должно быть такъ. Я же говорю на основаніи опыта, какъ человѣкъ почти всю свою жизнь возившійся съ мужиками и знающій ихъ насквозь. И увѣрю васъ, дорогой Павелъ Викторовичъ, что распинаться въ настоящее время за отбѣну тѣлеснаго наказанія, т.-е. за *отнятіе у народа* этого права, — значитъ, не вѣдать ни нашего народа, ни его духа. Не закрывайте, ради Бога, глазъ на краснорѣчивѣйшій смыслъ общезвѣстнаго явленія: мужики *сами же просятъ*, чтобы имъ замѣнили штрафъ или тюрьму тѣлеснымъ наказаніемъ. Вотъ какъ смотритъ народъ на розги. А вы навязываете ему *ваши* чувства, *ваши* воззрѣнія, и думаете, что говорите въ духѣ русскаго народа.

Дэзи, все время слушавшая Щелкова съ холоднымъ выраженіемъ на лицѣ, подняла голову и спросила:

— А васъ, Евграфъ Семеновичъ, сѣкли когда-нибудь?

Всѣ переглянулись. Щелковъ, всегда относившійся къ Дэзи съ изысканной любезностью, смутился, но быстро овладѣлъ собою и благожелательно отвѣтилъ:

— Такъ сѣкли, Маргарита Павловна, что и рассказать затруднительно. И я не только не претендую за это на моего отца, но съ благоговѣніемъ вспоминаю о немъ.

— Я говорю не о родительскомъ внушеніи, Евграфъ Семеновичъ. А другіе васъ никогда не сѣкли?

Щелковъ поднялъ свои тонкія, красивыя брови и съ нѣмымъ изумленіемъ взглянулъ на Дэзи, затѣмъ на Марью Осиповну, какъ бы призывая ее въ свидѣтельница, какъ наивна еще Дэзи.

— Я дворянинъ, Маргарита Павловна! А дворянина могутъ казнить, но не высѣчь, — сказалъ онъ съ достоинствомъ.

— Жаль. А то вы па себѣ бы узнали, какъ это больно и оскорбительно, — проговорила Дэзи съ протестующей ноткой въ голосѣ, не обращая вниманія на укоризненные взгляды Марьи Осиповны.

Щелковъ съ рыцарскимъ мужествомъ проглотилъ горькую пилюлю Дэзи. Но она скоро раскаялась въ своей рѣзкой выходкѣ и цѣлый часъ играла на роялѣ для Щелкова его любимыя пьесы.

Въ другой разъ между Дэзи и Щелковымъ опять произошла маленькая сценка. По случаю ея именинъ полковникъ пріѣхалъ къ Казанцевымъ разодѣтый, въ орденахъ, и съ пышной корзиной цвѣтовъ для Дэзи. Она встрѣтила полковника привѣтливой улыбкой. Но когда онъ наклонился, чтобы поцѣловать ей руку, Дэзи быстро отдернула руку, и на щекѣ у ней появилась характерная энергическая складка.

— Пожалуйста, не дѣлайте этого никогда.

Щелковъ повелъ плечами съ погонами и топомъ отеческаго упрека проговорилъ:

— Но вѣдь это вездѣ принято.

— А у меня не принято.

И въ глазахъ Дэзи вспыхнулъ огонекъ, который всегда показывался, когда она упорно отстаивала что-нибудь.

VII.

Въ одинъ изъ вечеровъ Герливановъ получилъ печатный экземпляръ своей пьесы *Ладъ* и, сдѣлавши над-

пись, поднесъ его Дэзи. Поблагодаривъ, она сказала:

— Быть-можетъ, вы окажете намъ любезность и прочтете вслухъ вашу пьесу?

— А это не будетъ скучно? — спросилъ Герливановъ, сторая желаніемъ прочитать вслухъ свой любимый трудъ.

Всѣ начали просить его оказать имъ это удовольствіе.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ началъ читать свою пьесу, содержаніе которой заключалось въ слѣдующемъ:

Докторъ-психіатръ по нѣкоторымъ признакамъ начинаетъ подозрѣвать свою жену въ невѣрности. Онъ задаетъ ей неожиданные вопросы, неожиданно называетъ имена лицъ, которыхъ подозрѣваетъ, и окружаетъ жену цѣлою сѣтью психологическихъ ловушекъ. Она занутывается въ этой сѣти, и, обезсиленная борьбою, чистосердечно признается ему въ измѣнѣ. Онъ бросается къ пей, хочетъ убить ее, но крикъ ребенка въ сосѣдней комнатѣ останавливаетъ доктора. Онъ успокоивается и ради ребенка „прощаетъ“ жену. Но забыть своего позора *не можетъ*. Всякая мелочь наводитъ его на мучительныя мысли. Ласки жены иногда словно обжигаютъ его. И между ними происходитъ цѣлый рядъ драматическихъ сценъ. Миръ его души отравленъ. Случайно онъ знакомится съ двоюродной сестрой своей жены, увлекается и нарушаетъ обѣтъ супружества. Но немедленно въ немъ начинается реакція, и его любовь къ женѣ возвращается съ прежнею силою. Между ними происходитъ полное примиреніе, и въ заключительной сценѣ докторъ говоритъ какъ бы отъ лица автора, что какъ бы кто ни добылъ внутренній *ладъ*, онъ остается ладомъ, т.-е. драгоценнѣйшимъ даромъ боговъ.

Пьеса Герливанова была написана красивымъ, звучнымъ языкомъ и давала исполнителямъ богатый матеріалъ своими тонкими деталями.

Марья Осиповна и Казанцевъ высказали много похвалъ Герливанову. Но Дэзи молчала, опустивши лицо и набрасывая карандашомъ на бумажкѣ эскизный рисунокъ. Ея молчаніе сдѣлалось неловкимъ для всѣхъ. Она почувствовала это и, не поднимая головы отъ рисунка, сказала:

— А мнѣ, Михаилъ Николаичъ, признаться, вана пьеса не понравилась, т.-е. конецъ ея не понравился, — какъ бы поправилась Дэзи.

Герливановъ былъ сконфуженъ и не зналъ, что сказать. Наступило еще болѣе неловкое молчаніе. Казанцевъ заговорилъ о трудности постановки такой пьесы и старался всячески вывести Герливанова изъ неловкаго положенія.

Въ это время пришелъ докторъ Березнякъ съ женою. Бесѣда о *Ладѣ* была прервана.

Но Герливановъ весь вечеръ чувствовалъ себя не въ духѣ. Его самолюбіе не привыкло къ такимъ уколамъ. И придя домой, онъ долго думалъ, что могло такъ возмутить Дэзи въ его пьесѣ? Она не изъ такихъ натуръ, чтобы сказать человѣку что-нибудь неприятное безъ особыхъ основаній. Очевидно, *Ладъ* не только не понравился ей, но и чѣмъ-то задѣлъ ее.

На другой день, очутившись вдвоемъ съ Дэзи, Герливановъ прямо заговорилъ объ этомъ:

— Маргарита Павловна, вы вчера задѣли меня за живое.

Дэзи быстро обернулась къ нему.

— Чѣмъ?

— Вашимъ отзывомъ о моей пьесѣ. Не потому, чтобы я былъ необыкновенно высокаго мнѣнія о моей пьесѣ, а потому, что вы, безъ вѣскихъ основаній, не высказали бы такъ рѣшительно вашего неодобренія. Вѣдь правда? Дэзи замаялась.

— Я выразила только мое мимолетное впечатлѣніе, которое можетъ быть и ошибочно. Отцу и тетѣ очень

поправилась ваша пьеса. А они больше меня понимают. Особенно—отецъ. Онъ такой глубокой знатокъ!

Но когда Герливановъ заявилъ, что придаетъ ей сужденію особенное значеніе, выраженіе лица у Дэзи сдѣлалось серьезнымъ.

— Меня отталкиваетъ въ вашей пьесѣ анти-христианская идея,—сказала она.

Герливановъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Дэзи. Она замѣтила это и добавила:

— Вы заставляете вашихъ героевъ кунить внутренній миръ цѣною паденія двухъ душъ. Это... это, извините, парадоксъ. Душевная гармонія можетъ быть добыта *только возвышеніемъ* человѣка, а не обратнымъ путемъ. Пное дѣло, если бы вы показали всю фальшь подобнаго лада. Но нѣтъ, вы оставляете вашего героя въ блаженнѣйшемъ состояніи и какъ бы говорите зрителю: „для того, чтобы простить другого, надо не возвыситься надъ собою, а сдѣлать въ свою очередь что-нибудь дурное и такимъ образомъ привести себя съ нимъ къ общему знаменателю“...

Герливанова поразили слова Дэзи. Ему и въ голову не могло придти, чтобы онъ, обдумывавшій всякое слово, могъ оскорбить чье-нибудь нравственное чувство. И онъ задумался. Въ это время къ нимъ подошелъ Казанцевъ и принялъ участіе въ ихъ бесѣдѣ. Онъ согласился съ основной мыслью Дэзи, но выразилъ ее гораздо мягче и, кромѣ того, указалъ на многія достоинства пьесы, что какъ бы вознаграждало зрителя за нѣсколько торопливый конецъ. Но Дэзи полностью отставала свою мысль. Для нея уже не было Герливанова, а былъ принципъ. И хотя черезъ нѣсколько минутъ разговоръ перешелъ, главнымъ образомъ, на западную литературу, но нѣкоторые камни рикошетомъ залетали и въ огородъ Герливанова. Дэзи говорила:

— Творчество большинства современныхъ писателей лишено идеаловъ и производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторамъ нечего сказать отъ себя. Они талантливы, наблюдательны и образованы. Въ произведеніяхъ Э. Рода, Поля Маргерита, Барреса, Лаведана и др. — нѣтъ того... невѣдѣнія, какое встрѣчается у Золя; но въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ самаго важнаго—духовности. О нихъ можно сказать то же, что Фаустъ говоритъ о пуделѣ:

„Все дрессировка тутъ, а духа — ни слѣда!“

Произведенія же, въ которыхъ нѣтъ духовности, не могутъ дѣйствовать и на душу читателя, и должны быть причислены къ празднымъ забавамъ.

Герливановъ не сталъ возражать Дэзи, потому что въ это время подошли Березняки и Гагаринъ. Но онъ не могъ согласиться съ ея положеніями. Подобныя требованія онъ считалъ посягательствомъ на верховныя права писателя. По его мнѣнію, отъ писателя можно требовать только хорошей формы, а не извѣстныхъ идей. И все, выраженное изящно, интересно и красиво, достойно вниманія читателя...

Но тѣмъ не менѣе замѣчанія Дэзи смущали его. Онъ не могъ отдѣлаться отъ грызущей мысли, что онъ какой-то безпринципный писатель, произведенія котораго могутъ быть отнесены къ празднымъ забавамъ.

Герливановъ былъ человѣкъ искренній. Онъ не надѣвалъ на себя маску и не могъ тѣшить себя своей непогрѣшимостью. Онъ думалъ: „безспорно, Дэзи злоупотребляетъ христианской идеей. Христианство есть идеалъ, указывающій, какъ люди *должны жить*; искусство же—зеркало, отражающее, *какъ люди живутъ*. И если отраженное исполнено красоты, то о бесполезности такого произведенія не можетъ быть и рѣчи. Красота его облагораживаетъ нравы, смягчаетъ страсти, воспитываетъ вкусы. Творецъ Венеры Милосской не зналъ о христианствѣ. А развѣ созерцаніе его бессмертнаго творенія не наполняетъ нашу душу чистѣй-

шимъ наслажденіемъ? Вѣдь у Діона Хрисостома приводятся же указанія, что статуи Фидія „утоляли скорби“. Значитъ, дѣло не въ христианствѣ, а въ чемъ-то другомъ...

И все-таки Герливановъ въ теченіе сутокъ не могъ успокоиться отъ смуты, поднятой въ немъ словами Дэзи. Она задѣла въ немъ самыя чувствительныя струны. Онъ даже нѣсколько измѣнился въ лицѣ, и за обѣдомъ Марья Осиповна съ участіемъ спросила его, не боленъ ли онъ. Но Герливановъ оживленно откинулъ съ висковъ свои пушистые волосы, точно хотѣлъ стряхнуть съ души какое-то бремя, и весело отвѣтилъ, что онъ здоровъ, какъ молодой богъ. Однако, черезъ нѣсколько минутъ червячокъ опять подползъ къ его сердцу. „Его произведенія—праздная забава! Онъ безпринципный писатель!“

Послѣ обѣда Дэзи предложила отправиться на противоположный берегъ. Она очень любила морскія прогулки на парусной фелюгѣ. Но иногда Герливанову казалось, что Дэзи предпринимаетъ морскія прогулки только для того, чтобы дать заработать Осману. Она очень благоволила къ нему и высоко цѣнила его честность и преданность.

При свѣжѣемъ береговомъ вѣтрѣ фелюга направилась къ противоположному берегу, желтѣвшему своимъ золотистымъ пескомъ. Дэзи держала руль и внимательно прислушивалась къ отрывистой командѣ Османа, сосредоточенно управлявшаго парусомъ. Но когда вѣтеръ стихалъ и парусъ начиналъ „полоскаться“, онъ поворачивалъ къ Дэзи свое темно-оливковое лицо съ сверкавшими бѣлыми зубами и отечески-заботливо посвящалъ ее въ различныя тонкости мореходнаго и рыболовнаго искусства: какъ управлять фелюгой въ случаѣ большой волны, какъ ловить „лобанъ“, „сингиль“, „абчаликъ“ и другіе сорта рыбъ. Дэзи быстро усваивала все свѣдѣнія и съ дружеской улыбкой кивала Осману головою:

— Эвветъ.. эвветъ!.. (т.-е. „да, да!“)

И къ полному его удовольствію произносила еще какое-нибудь слово по-турецки.

Причаливъ фелюгу почти къ самому берегу, Османъ закорилъ ее и перекинулъ доску съ борта на песокъ. Марья Осиповна была не особенной охотницей до такихъ прогулокъ и съ большими усилиями сошла на берегъ при дѣятельной помощи Османа, залѣзнаго по колѣни въ воду. Но Дэзи отказалась отъ его помощи и легко сбѣжала по доскѣ. Османъ слѣдилъ одобрительнымъ взглядомъ за ея движеніями и нѣсколько разъ повторилъ:

— Харрошъ барышня!

Когда всѣ сошли на берегъ, Османъ раскинулъ бурку подъ развѣсистымъ каштаномъ и предложилъ отдохнуть. Казанцевъ, обливавшійся потомъ, спросилъ разрѣшеніе у Марьи Осиповны и растянулся подъ тѣнью каштана. Дэзи хотѣлось движенія, и она пошла по тонкому песчаному берегу искать раковинъ. Герливановъ послѣдовалъ за нею.

Онъ былъ въ чечучковой рубашкѣ, опоясанной бѣлымъ шелковымъ шнуркомъ съ кистями, и въ широкихъ шароварахъ изъ такой же матеріи и легкихъ „чувинокъ“ съ загнутыми носками. Кремовый цвѣтъ рубашки выгодно оттѣнялъ его интеллигентное лицо съ небольшой бородкой.

Дэзи вообще находила его интереснымъ и симпатичнымъ, но считала немного „паничемъ“ и человѣкомъ, стоящимъ ниже своего таланта. Съ первыхъ же дней знакомства между ними установились какія-то „половинныя“ отношенія. Она съ удовольствіемъ встрѣчалась съ нимъ, цѣнила его деликатность и поэтическое дарованіе, но въ бесѣдахъ съ нимъ души своей до дна не раскрывала и особенной близости къ нему не ощущала.

Онъ, увлеченный своимъ внутреннимъ ремонтомъ и новой работой, относился къ Дэзи мягко и внимательно, по интересовался ея личностью больше какъ писатель, чѣмъ какъ человекъ. Нѣкоторыя ея черточки, выраженія и мысли уже вошли въ отраженномъ видѣ въ его новую работу, и изъ всѣхъ видѣнныхъ имъ женщинъ и дѣвушекъ, Дэзи наиболѣе интересовала его своей выдающейся личностью, независимостью, дарованиями и необыкновенно развитой совѣстью. Нѣкоторыя ея замѣчания иногда поражали его тонкостью чувства.

Однажды Гагаринъ привезъ изъ Новороссійска нѣсколько фотографическихъ снимковъ съ горящаго парохода, на которомъ погибло много людей. Всѣ разсматривали превосходные снимки и дѣлали различныя замѣчания по поводу двухъ обезумѣвшихъ женщинъ, вскарабкавшихся на рубку. Дэзи взглянула на фотографии и съ выраженіемъ страданія отвернулась.

— Не понимаю, — сказала она: — какъ можно навредить фотографическій аппаратъ на горящихъ людей!

Замѣчаніе Дэзи произвело на всѣхъ впечатлѣніе, и сконфуженный Гагаринъ поспѣшилъ убрать свои фотографии.

„Какъ слагался такой характеръ, и въ чемъ его центр тяжести?“ — часто думалъ Герливановъ, обсуждал какое-нибудь замѣчаніе Дэзи.

И ему вдвойнѣ досадно было, что они разошлись во взглядахъ по такому капитальному для него вопросу, какъ содержаніе его пьесы. Ему хотѣлось мягко высказать ей, что она ошибается и неправильно смотритъ на задачи искусства. Онъ чувствовалъ себя какъ бы обязаннымъ это сдѣлать, питая къ Казанцевымъ глубокое чувство благодарности за ихъ дружеское отношеніе къ нему.

Нѣкоторое время Герливановъ шелъ по берегу молча въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Дэзи, любуясь красивымъ „пятномъ“, которое она отбрасывала своей фигурой на желтый берегъ. Замѣтивъ въ сторонѣ хорошенькую раковину, онъ поднялъ ее и догналъ Дэзи.

— Маргарита Павловна, посмотрите, какое дивное художественное произведеніе!

Дэзи взяла раковину и похвалила ее.

Герливановъ воспользовался этимъ и сказалъ:

— Видите: даже раковина можетъ плѣнить насъ.

Дэзи взглянула на Герливанова и, замѣтивъ сосредоточенное выраженіе его глазъ, догадалась, что онъ возражаетъ ей на что-то. Лицо ея засвѣтилось мыслью, и она спросила:

— Что вы хотите этимъ сказать, Михаилъ Николаичъ?

— Что только красота можетъ облагородить все.

— Какая красота?

— Которая чаруетъ глазъ, ласкаетъ слухъ и плѣняетъ нашу душу.

— А помните, что отвѣтилъ Декартъ, когда одна кокетка обратилась къ нему съ вопросомъ: какого рода красота наиболѣе плѣняетъ его? — спросила Дэзи, прикрывая рукою глаза отъ солнца.

— Не помню. Скажите, пожалуйста.

— „Красота истинны“.

Герливановъ задумался и устремилъ взглядъ на выступавшее передъ нимъ легкимъ оваломъ закругленіе бухты съ нѣжно-бирюзовымъ цвѣтомъ воды, тихо ливавшей песокъ. Помолчавши немного, онъ промолвилъ полумечтательно:

— Истина, конечно, прекрасна. Но гдѣ она? И не есть ли красота видимое проявленіе истины, какъ свѣтъ есть видимое проявленіе энергіи? Можетъ-быть потому-то красота и дѣйствуетъ съ такой властью на всѣхъ: и на Байрона, и на Чичикова, точно какая-то неотразимая „нѣмая музыка“?

Дэзи сдѣлала отрицательный знакъ и сказала:

— Красота — условное понятіе, зависящее отъ свойствъ

наблюдателя. И то, что плѣняетъ Чичикова, можетъ вовсе не понравиться Байрону.

Слова эти прозвучали для Герливанова чѣмъ-то въ родѣ ереси. Ему досадно было, что такая умная и образованная дѣвушка превратно понимаетъ красоту. Онъ опустилъ голову и проговорилъ съ отгѣнкомъ грусти:

— Вы совершенно отворачиваетесь, Маргарита Павловна, отъ дѣйствительности.

— Почему это?

— Потому что, если бы красота была условнымъ понятіемъ, зависящимъ, какъ вы сказали, „отъ свойствъ наблюдателя“, то такіе мастера, какъ Фидій, Скопасъ и другіе, не удержались бы и ста лѣтъ на своей высотѣ. Они же цѣлыя тысячелѣтія властвуютъ надъ міромъ и еще долго будутъ озарять всѣхъ красотой своихъ образцовъ, какъ солнцемъ.

— *Всѣхъ ли*, Михаилъ Николаичъ? — спросила Дэзи.

— Да, всѣхъ, кому, конечно, доступны эстетическія наслажденія.

— Вотъ у васъ сейчасъ и ограниченія: „кому доступны“. А много ли такихъ избранниковъ? На тысячу одинъ, и то едва ли. Хорошее же это солнце, которое доступно только одному изъ тысячи.

Послѣднія слова Дэзи вывели Герливанова изъ обычной ея сдержанности, и онъ произнесъ съ нѣкоторой горячностью:

— Таблицы логарифмовъ тоже далеко не всѣмъ доступны. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что онѣ не могутъ имѣть значенія и ихъ надо отнести къ условнымъ понятіямъ?

Дэзи обратила вниманіе на повышенный тонъ Герливанова и поспѣшила придать своему голосу и лицу какъ можно больше спокойствія.

— Ваше сравненіе, Михаилъ Николаичъ, не подходитъ сюда. Таблицы логарифмовъ будутъ всегда и всѣмъ говорить одно и то же. Красота же всегда будетъ производить на разныхъ людей разное впечатлѣніе. Если же вы подведете къ какому-нибудь вашему идеалу красоты китайца или японца, то они совершенно забракуютъ этотъ вашъ идеалъ, какъ нѣчто безвкусное и уродливое.

Ссылка на китайца нѣсколько озадачила Герливанова. Онъ не умѣлъ спорить, и задумался. Дэзи продолжала развивать свою мысль:

— Отсюда ясно, что никакого общаго принципа красоты не можетъ быть. Всякій считаетъ только то красивымъ, что ему *любо*. А такъ какъ вкусы бываютъ всякіе, то и красота можетъ быть всякая: хорошая и дурная..

— Красота дурная! — съ удивленіемъ спросилъ Герливановъ. — Но это похоже на „холодный огонь“, „твердую жидкость“.

— Нѣтъ, не похоже, — сказала съ настойчивостью Дэзи: — потому что огонь и жидкость относятся къ качествамъ явленій, а красота часто выражаетъ только внѣшнюю сторону предмета, иногда вовсе не гармонирующую съ содержаніемъ. Есть красивыя на видъ растенія, которыя, однако, ядовиты, и никто ими не любитъ. Вообще, красота въ родѣ богатства, — она только тогда можетъ быть источникомъ наслажденій, когда добыта путемъ правды. Если же это условіе не соблюдено, то красота можетъ превратиться въ забаву, не облагораживающую нравы, какъ вы думаете, а искажающую ихъ. Неронъ былъ поклонникомъ красоты. Но это не мѣшало ему умертвить свою мать, жену, друзей и оставаться до конца жизни звѣремъ „безъ разума и сердца“.

Хотя Дэзи говорила все это въ общей формѣ, но Герливанову казалось, что нѣкоторыя выраженія она относитъ специально на его счетъ; и онъ уже началъ раскаиваться, что поднялъ этотъ разговоръ. Очевидно,

На костюмированномъ балу. Ориг. рис. Гамба, грав. Вергъ.

что беседа приведет их не къ сближенію, а еще къ большому разногласію. Нельзя же согласиться съ ея воззрѣніями: „красота должна быть добыта путемъ правды“. Что это значитъ? Вѣдь это фраза. При чемъ тутъ правда? У линий, у красокъ и звуковъ—свои законы, у правды—свои. Зачѣмъ же ихъ ставить въ зависимость другъ отъ друга, когда вся сила ихъ заключается въ самостоятельномъ развитіи. Все это промелькнуло въ умѣ Герливанова, когда Дэзи говорила, но онъ не привелъ своихъ доводовъ, а промолвилъ какъ бы просительно:

— Простите меня, Маргарита Павловна, но я никакъ не могу согласиться съ вашими взглядами. Для меня красота есть квинтъ-эссенція всякаго совершенства. И увѣрю васъ, что только то произведение искусства будетъ стоять на должной высотѣ и переживетъ „вѣковъ завистливую даль“, которое будетъ служить идеалу красоты.

— А я всегда думала,—убѣжденно возразила Дэзи:— что долговѣчность человѣческой работы зависитъ отъ того, насколько человѣкъ служитъ этой работой Богу; и произведенія искусства я только тогда признаю возвышенными, когда они выражаютъ собою молитву.

— Опять молитва!—невольно вырвалось у Герливанова. Но онъ сейчасъ же осадилъ себя и спросилъ учтиво:—При чемъ же тутъ молитва, Маргарита Павловна?

— Какъ при чемъ? Развѣ можно создать что-нибудь глубокое безъ молитвеннаго настроенія? Вѣдь душа всякаго художника, такъ или иначе, отражается же въ его произведеніи?

Герливанову понравилась эта мысль, и онъ, довольный, что можетъ согласиться съ Дэзи, поспѣшно отвѣтилъ:

— Да, да.

— И когда вы создаете что-нибудь, то стараетесь же найти въ вашей душѣ *все самое лучшее* по занимающему васъ вопросу?

— Конечно.

— Но вѣдь это и есть молитвенное настроеніе. Вы какъ бы растворяете вашу душу и стремитесь въ вашей работѣ къ совершенству, къ Богу. Писателямъ въ особенности должно быть знакомо это состояніе благоговѣйности, потому что вліяніе писателя безгранично, а значитъ и отвѣтственность его очень велика. И мнѣ всегда казалось, что когда писатель беретъ за перо, то онъ долженъ переживать нѣчто подобное тому, что переживаетъ любящій отецъ, когда напряженно отсчитываетъ сильно дѣйствующія капли для своей больной дочери. Тутъ каждая капля должна быть въ счету.

Герливанову понравилось какъ это сравненіе, такъ и высокое мнѣніе Дэзи о значеніи писателя. Если бы не *Богъ* и не *молитва*, онъ обѣими руками подписался бы подъ ея словами. Но религиозный отгѣнокъ, звучавшій въ словахъ Дэзи, рѣзалъ его слухъ. И, помолчавши, онъ сказалъ:

— Во многомъ вы правы, пожалуй. Но едва ли можно вашу мѣрку сдѣлать общимъ масштабомъ. Есть произведенія, которыхъ никакъ нельзя назвать „молитвой“, а между тѣмъ ими, по справедливости, гордится человечество.

— Напримѣръ?—спросила Дэзи и остановилась, чтобы вернуться домой.

— Ну, хотя бы... „Мертвыя души“, Гоголя...

— Какъ это странно, что вы упомянули о „Мертвыхъ душахъ“!

— Почему же странно?

— Потому что изъ всѣхъ литературныхъ произведеній „Мертвыя души“ наиболѣе напоминаютъ собою молитву, самую пламенную, какую только можетъ возносить къ Богу вѣрующая душа. Правда, молитва эта прервана, и выражена не полностью. Но въ духовныхъ

дѣлахъ намѣреніе иногда важнѣе исполненія. И для меня ясно, какъ день, что основнымъ побужденіемъ „Мертвыхъ душъ“ было пламенное желаніе Гоголя сказать: „Господи, очисти меня грѣшнаго!“ Гоголь даже и намекаетъ на это въ письмѣ къ Шлетневу, говоря: „какъ крыльцо ко дворцу, такъ и I-й томъ „Мертвыхъ душъ“ относится ко II-му и III-му томамъ“. И это чувствуется въ „Мертвыхъ душахъ“, когда стараешься выкинуть въ смыслъ этого замѣчательнаго произведенія. Собакевичъ, Ноздревъ, Коробочка и другіе кажутся тогда только чѣмъ-то въ родѣ „лѣсовъ“, возведенныхъ вокругъ строящагося храма, т. е. внутренняго міра Чичикова... И вообразите, что Гоголю удалось бы довести свой замыселъ до конца, т. е. найти въ затаеннѣйшемъ уголкѣ души Чичикова божественную искорку, раздуть ее и озарить все существо Чичикова новымъ свѣтомъ... Какія бы это были новыя скрижали завѣта для извѣрившагося человечества! Какой законодатель или судья рѣшился бы заговорить о смертной казни, сознавая въ душѣ, что даже и Чичиковы „*Бога узрятъ*“!..

Казанцевъ, слышавшій голосъ Дэзи, поднялся и пошелъ имъ навстрѣчу. Узнавши о предметѣ бесѣды, онъ всецѣло присоединился къ мнѣнію Дэзи и сказалъ:

— Такія ужасныя явленія, какъ убійства и казни, потому вѣдь только и существуютъ, что не для всѣхъ ясно, что въ человѣкѣ находится божественное начало,—иначе кто же дерзнулъ бы посягнуть на него?

Глубоко-содержательная рѣчь Казанцева, прекрасный вечеръ и удачная прогулка по морю безслѣдно разсѣяли сѣрыя мысли въ головѣ Герливанова. Онъ примирился наружно и внутренно съ Дэзи и на другой день еще съ большимъ рвеніемъ отдался своей новой работѣ. Онъ по цѣлымъ часамъ подыскивалъ иногда выраженіе, которое звучно, ясно и красиво передавало бы извѣстный переливъ мысли или отгѣнокъ чувства. И когда онъ находилъ его, то радовался ему, какъ празднику. Постоянное созерцательное настроеніе, музыкальные вечера и пѣжныя краски южной природы начали какъ бы отвѣчиваться въ новой работѣ Герливанова и доставлять ему минуты высокаго наслажденія. Онъ нѣсколько разъ норовился прочитать Казанцевымъ наиболѣе удавшіяся сцены. Но всякій разъ передумывалъ, отчасти вслѣдствіе своей застѣнчивости, а отчасти изъ желанія разомъ ужъ познать ихъ со всѣми красотами своего новаго произведенія.

Наступилъ августъ. Для Герливанова все лѣто прошло, какъ хорошій сонъ. Онъ очень увеличился въ вѣсѣ, окрѣпъ, обросъ бородою, и когда бывалъ въ пенсѣ, то еще болѣе напоминалъ Альфонса Додэ. Онъ заканчивалъ новую пьесу и былъ впервые доволенъ своей работой.

Съ Казанцевымъ и Марьей Осиповной Герливановъ очень сближился и полюбилъ ихъ всею душою. Но съ Дэзи у него непримлемо были неопредѣленные отношенія, и онъ не вполне понималъ ее.

Стараясь иногда собрать въ одинъ пучокъ всѣ впечатлѣнія, выпесенныя имъ изъ встрѣчъ съ Дэзи, онъ всякій разъ чувствовалъ неясность: чего-то какъ будто не хватало, а что-то какъ будто было взято въ ~~не~~ вѣрномъ тонѣ.

Въ его тетради мимолетныхъ набросковъ Дэзи фигурировала въ двухъ характеристикахъ. Первую онъ сдѣлалъ еще въ началѣ знакомства: *Независима. Таинственна. Боготворитъ отца.*

Своимъ первымъ наброскамъ онъ придавалъ особое значеніе и называлъ ихъ „углами“, потому что заносилъ только то, что угломъ выступало въ человѣкѣ.

Въ другомъ мѣстѣ онъ болѣе подробно набросалъ портретъ Дэзи:

„Она почти высокаго роста. Худоцава. Съ пышной косой. Лицо продолговатое, не русское, съ правильнымъ

профилемъ. Самостоятельна, неутомима и производитъ иногда впечатлѣніе Афины-Паллады, не побѣдившей въ себѣ женственности. Религіозна. Правдива. Много читала. Свособразно мыслить. Любитъ движеніе и простыхъ людей. Съ мужчинами сдержанна и даже нѣсколько холодна. Съ дѣтьми смѣлива и рѣзва, какъ дѣвочка. Въ ея движеніяхъ чувствуется физическая сила въ связи съ моральной устойчивостью. Во время разговора смотритъ прямо на собесѣдника и иногда поднимаетъ голову, точно прислушивается къ чему-то. Не терпитъ гордости и сентиментальности. Никогда не

говорить о красотѣ природы, по звѣздное небо всегда приводитъ ее въ умиленіе⁴.

Съ теченіемъ времени Герливаповъ еще добавлялъ нѣкоторыя черточки къ характеристикѣ Дэзи. Но все это не давало ему ключа къ уразумѣнію ея личности.

..Что въ ней только склонность и слуга воли, а что законъ? Что ею усвоено и что выработано, а что составляетъ остоу характера? Кто можетъ быть ея героемъ?"

На все эти вопросы Герливаповъ не находилъ категорическихъ отвѣтовъ. Но однажды ему показалось, что онъ отыскалъ основной тонъ ея характера.

(Продолженіе будетъ.)

Профессоръ Моріарти.

(Изъ воспоминаній о Шерлокѣ-Холмсѣ).

Разсказъ А. Конанъ-Дойля.

Моего друга Шерлока Холмса давно уже нѣтъ на свѣтѣ, по въ моихъ воспоминаніяхъ онъ стоитъ предо мною, какъ живой. Я такъ отчетливо помню все мельчайшія подробности, предшествовавшія его необычайному исчезновенію, что какъ бы переживаю ихъ вновь теперь, набрасывая эти строки.

Первое время послѣ женитьбы я усленно занялся своей докторской практикой и все рѣже и рѣже участвовалъ въ разысканіяхъ Шерлока Холмса. Онъ самъ какъ будто избѣгалъ приглашать меня раздѣлять съ нимъ его опасныя приключенія, такъ что за послѣдній 1890 годъ я припоминаю только три случая, въ которыхъ я принималъ участіе. Зимой 1891 года я прочиталъ въ газетахъ, что мой другъ приглашенъ французскимъ правительствомъ разслѣдовать одно дѣло чрезвычайной важности, и я имѣлъ основанія думать, что онъ останется надолго во Франціи.

Поэтому я былъ весьма удивленъ, когда въ одинъ изъ туманныхъ вечеровъ апрѣля 1891 года онъ ко мнѣ зашелъ. Онъ казался мнѣ болѣе блѣднымъ и худымъ, нежели обыкновенно.

— Да, мнѣ пришлось много поработать, — замѣтилъ онъ, въ отвѣтъ на мой вопросительный взглядъ. — Я очень былъ занятъ въ послѣднее время. Вы не имѣете ничего противъ того, чтобы я закрылъ ставни?

Въ комнатѣ было единственное окно, завѣшенное теперь жалюзи. Но Холмсу это казалось, очевидно, недостаточнымъ; онъ по стѣнкѣ подошелъ къ окну и, осторожно нагнувшись, тщательно заперъ обѣ половинки ставней.

— Вы боитесь чего-то? — спросилъ я его.

— Да, боюсь.

— Чего же, именно?

— Духового ружья, — сказалъ онъ серьезно.

— Дорогой Холмсъ, что вы хотите этимъ сказать?

— Вы меня достаточно знаете, Уатсонъ, чтобы не считать меня первымъ человекомъ, и тѣмъ болѣе грусомъ. Однако, нужно согласиться съ тѣмъ, что не избѣгать очевидной опасности, направленной прямо на васъ, можетъ только глупецъ, и что храбрость состоитъ не въ этомъ. Могу я попросить у васъ спичку?

Онъ закурилъ сигару и затонулъ съ очевиднымъ наслажденіемъ.

— Я долженъ извиниться, что зашелъ къ вамъ такъ поздно — пронесъ онъ послѣ небольшой паузы. — И даже болѣе, и долженъ просить васъ позволить мнѣ еще одну непринятую въ обществѣ вещь, — именно, выйти изъ вашего дома заднимъ ходомъ, черезъ садъ.

— Но, что же все это значить? — воскликнулъ я, недоумѣвая все больше и больше.

— Пневматическое ружье, изобрѣтенное профессоромъ Моріарти, можетъ пробить черепъ столь же легко, какъ обыкновенное ружье, но оно имѣетъ то преимущество, что не производитъ шума. Вы видите, что тутъ нѣтъ ничего воздушнаго, — прибавилъ Холмсъ, показывая мнѣ свою правую руку.

Я увидѣлъ, что суставы двухъ пальцевъ на его рукѣ были повреждены и окровавлены. Шерлокъ Холмсъ смотрѣлъ на меня, улыбаясь.

— Можете вы поѣхать со мною на континентъ? — спросилъ онъ вдругъ.

— Куда же именно?

— Куда-нибудь. Это мнѣ все равно.

Все это было очень странно. Его блѣдность и осунувшееся лицо ясно показывали мнѣ, что съ нимъ происходитъ нѣчто неладное, и что нервы его напряжены до послѣдней степени.

Шерлокъ Холмсъ отгадалъ мои мысли и, принявъ свою обычную, небрежную позу, началъ свое объясненіе.

— Вы никогда не слышали о профессорѣ Моріарти?

— Никогда.

— Конечно! — воскликнулъ Холмсъ съ одушевленіемъ. — Этотъ человекъ наполняетъ собою весь Лондонъ, и о немъ никто ничего не знаетъ. Моріарти — это гений преступленія! Знаете, Уатсонъ, я говорю серьезно. — въ тотъ день, когда мнѣ удастся

освободить общество отъ этого человека, моя карьера достигнетъ своей вершины.

— Что же такое онъ сдѣлалъ, вашъ профессоръ Моріарти? — спросилъ я, крайне заинтересованный этимъ началомъ.

— Карьера этого человека не изъ числа обычныхъ. Моріарти по рожденію принадлежитъ къ высшему классу общества, онъ получилъ блестящее воспитаніе и съ раннихъ лѣтъ проявилъ феноменальныя способности къ математикѣ. Двадцати лѣтъ онъ написалъ знаменитый трактатъ о бипомѣ Ньютона, надѣлавшій много шума въ ученюмъ мѣрѣ. Благодаря этому, онъ скоро получилъ кафедру математики въ одномъ изъ англійскихъ университетовъ и имѣлъ передъ собою блестящую ученую карьеру. Но стремленіе ко злу, кажется, наследственно въ крови этого человека; высокое развитіе не только не уничтожило въ немъ врожденныхъ дурныхъ наклонностей, но наоборотъ дало имъ громадное и обширное примѣненіе. Ни одно изъ злодѣйствъ анархистовъ не обшлось безъ ученаго содѣйствія профессора Моріарти. Онъ скоро оставилъ профессорскую кафедру и явился въ Лондонъ. Что онъ дѣлалъ здѣсь все это время, — никто не можетъ сказать; я наблюдаю за нимъ уже давно и пришелъ къ самымъ удивительнымъ открытіямъ.

— Вамъ извѣстно, Уатсонъ, что едва ли кто можетъ сравниться со мною въ знаніи темнаго царства Лондона, этого міра зла и преступленій. Многие годы наблюденій убѣдили меня въ томъ, что за каждымъ преступникомъ скрывается организованная сила, которая становится на пути закона и прикрываетъ злодѣя своимъ щитомъ. Всегда и вездѣ, — въ подлогахъ, въ грабежахъ, въ убійствахъ, — и чувствовалъ присутствіе этой темной силы и открывалъ результаты ея дѣйствія во всѣхъ загадочныхъ преступленіяхъ, не разъясненныхъ судебною властью и предоставленныхъ потомъ мнѣ. Много лѣтъ пытался я прорвать таинственное покрывало, которое отдѣляетъ этотъ міръ отъ вѣшняго; и только недавно мнѣ удалось схватить конецъ нити, приведшей меня, чрезъ безчисленные извороты этого лабиринта преступленія, къ личности ех-профессора Моріарти.

— Съ виду онъ бездѣйствуетъ. Какъ паукъ, сидитъ онъ въ центрѣ своей громадной паутины и видитъ малѣйшее дрожаніе каждой изъ тысячи нитей, которыя неходятъ радиусами отъ него и опутываютъ весь Лондонъ. Его агенты многочисленны и удивительно дисциплинированы; каждый новый замыселъ неходитъ отъ него или докладывается ему для обсужденія и лучшей организаціи. Лично онъ не принимаетъ ни въ чемъ участія. Каждый изъ исполнителей можетъ быть пойманъ, но источникъ этой силы, профессоръ Моріарти, — неуловимъ.

— Теперь слушайте, Уатсонъ. До сихъ поръ профессоръ Моріарти былъ неуловимъ для меня, но наконецъ онъ промахнулся. Это — ничтожная, совершенно незамѣтная небрежность съ его стороны, и все-таки для меня этого достаточно. Я схватилъ одну нить, и черезъ три дня дѣло будетъ окончено: науки и его паутина будутъ захвачены, и Лондонъ освободится отъ страшнаго врага. Я все подготовилъ и передалъ полиціи, дѣло которой лишь выждать моментъ и захватить ихъ всѣхъ цѣликомъ. Конечно, это было бы очень просто, если бы профессоръ Моріарти не зналъ о моихъ дѣйствіяхъ; но онъ знаетъ все.

— Сегодня утромъ, послѣ того, какъ я сдѣлалъ свои послѣднія распоряженія, я сидѣлъ въ своей комнатѣ и занимался. Дверь была заперта на ключъ, но это не помѣшало ей открыться, и я увидѣлъ профессора Моріарти, стоящаго передо мною. Мои нервы достаточно испытаны, въ это знаете, и, все-таки, я подошелъ къ своему стулу при видѣ незваного гостя, о которомъ я только что думалъ. Онъ вошелъ такъ свободно и спокойно, точно дѣлалъ мнѣ дружескій визитъ. Я видѣлъ его лично впервые, но узналъ его сейчасъ же. Онъ чрезвычайно высокаго роста и очень худощавъ; его лобъ выдается впередъ, глаза сидятъ глубоко въ своихъ впадинахъ; лицо его чисто выбрито, онъ одѣтъ изысканно, и въ его манерахъ есть, дѣйствительно, нѣчто профессорское. Онъ сѣзга стуловать, и снова его согнулась отъ постоян-

Настигнутые бурей. Съезды А. Шрейера, грав. Бреддамуръ.

ныхъ ученыхъ занятій. Меня поразила его голова: она вся выдалась впередъ, съ тѣмъ своеобразнымъ покачиваніемъ изъ стороны въ сторону, какое замѣчается у ползуней змѣи.

— Очевидно, вы не знаете меня,—сказала профессоръ.

— Напротивъ,—отвѣтилъ я:—вы можете понять по моимъ дѣйствіямъ, что я васъ знаю. Не угодно ли вамъ взять стулъ? Я могу посвятить вамъ пять минутъ, если вы хотите мнѣ сообщить что-нибудь.

— Все, что я могу сказать вамъ, вы должны угадать.—возразилъ онъ.

— Такъ вы можете угадать и мой отвѣтъ.—сказала я ему сухо.

— И вы не хотите уступить?

— Нисколько.

Онъ опустилъ руку въ карманъ; и поднялъ со стола револьверъ и направилъ на него. Но вынутый имъ предметъ оказался записной книжкой, и онъ набросалъ въ ней нѣсколько словъ.

— Вы стали на моей дорогѣ 4-го января,—сказала она:— 23-го вы помѣшали мнѣ, 29-го -- тоже; въ половинѣ февраля я была серьезно обеспокоена вами; въ концѣ марта, благодаря вамъ, мнѣ пришлось отказать отъ моихъ плановъ; въ настоящій моментъ я поставленъ вашими безпрерывными преслѣдованіями въ такое положеніе, что моя свобода находится въ опасности. Подобное состояніе для меня невыносимо.

— Вы хотѣли бы получить отъ меня свѣдѣнія?—спросила я.

— Да. Вы можете и должны дать мнѣ ихъ, мистеръ Холмсъ,—проговорилъ профессоръ Моріарти, и его голова качнулась своимъ противнымъ змѣинымъ движеніемъ.

— Послѣ понедѣльника,—сказала я.

— Фи!—возразилъ Моріарти.—Я не могу допустить, чтобы человѣкъ съ вашимъ умомъ могъ рассчитывать на дѣйствительный успѣхъ въ этомъ дѣлѣ. Вы будете принуждены отступить. Не улыбайтесь, мистеръ Холмсъ, дѣло, дѣйствительно, очень серьезно!

— Опасность—принадлежность моего ремесла,—сказала я.

— Это не опасность,—возразилъ профессоръ Моріарти.—Это неизбежная гибель. Вы стали на пути не одной только личности, вы вредите могущественной организаціи, разбѣровъ которой, при всемъ вашемъ искусствѣ, вы не можете опредѣлить. Очистите дорогу, мистеръ Холмсъ, или вы будете сняты.

— Я боюсь,—отвѣтилъ я, вставая:—что удовольствіе бесѣдовать съ вами заставитъ меня пренебречь однимъ важнымъ дѣломъ, ожидающимъ моего присутствія.

Профессоръ Моріарти поднялся также и молча смотрѣлъ на меня, покачивая голову.

— Хорошо,—промолвилъ онъ, наконецъ.—Тѣмъ хуже для васъ, но я сдѣлалъ все, что могъ. Я знаю каждый вашъ шагъ, и знаю, что вы не можете ничего начать раньше понедѣльника. Тогда между нами состоится поединокъ, мистеръ Холмсъ, но не надѣйтесь побѣдить меня! Я не могу быть арестованъ, вы убѣдитесь въ этомъ; но сами вы погибнете.

— Вы были щедры на комплименты, мистеръ Моріарти,—сказала я ему:—и я позволю себѣ возразить вамъ одинъ изъ нихъ. Знайте, что если мнѣ не останется иного исхода побѣдить васъ, какъ пожертвовать собою, то я, въ интересахъ общества, охотно принесу эту жертву.

— Могу допустить послѣднее, но не первое!—проворчалъ профессоръ Моріарти, повернувшись ко мнѣ спиной.

— И онъ вышелъ, не прибавивъ больше ни слова.

— Вотъ какое странное интервью имѣлъ я сегодня утромъ. Конечно, вы можете спросить меня, почему я не принимаю полицейскихъ мѣръ для огражденія себя отъ него? Но я убѣжденъ, что покушеніе на мою личность не будетъ произведено имъ самимъ; это дѣло его агентовъ. Я имѣю уже доказательства того, что я правъ.

— Вы подверглись ванаденію?

— Мой дорогой Уатсонъ, профессоръ Моріарти не изъ тѣхъ людей, которые угрожаютъ напрасно. Я вышелъ изъ дому около полудня по одному дѣлу. Когда я повернулъ за уголъ улицы, на меня налетѣла фура, запряженная парой лошадей; благодаря ловкому прыжку, мнѣ удалось избѣгнуть удовольствія быть раздавленнымъ, а фура съ бѣшеною скоростью исчезла за поворотомъ. Откуда взялась она, я не могъ опредѣлить; и принявъ это случайности и пошелъ дальше. Вдругъ огромный кирпичъ упалъ къ моимъ ногамъ и разсыпался въ куски. Я позвалъ полицію, и мы осмотрѣли мѣсто. Оказалось, что на крышѣ этого дома сложены кучи асфидныхъ досокъ и кирпичей для ремонта; это опять могла быть случайность. Но, все-таки, я взглянулъ на кабъ и побѣжалъ къ моему брату въ Pall-Mall, гдѣ я и провелъ день. Теперь, когда я шелъ къ вамъ, недалеко отсюда на меня бросился какой-то субъектъ и въ упоръ выстрѣлилъ изъ духового ружья. Такъ какъ я былъ насторожѣнъ, то я успѣлъ отбить стволъ рукой, такъ что зарядъ слегка оцарапалъ мнѣ пальцы; человѣка этого я спихнулъ съ погъ и передалъ въ руки полиціи.

— Не удивляйтесь, поэтому, Уатсонъ, моему желанію перелѣзть черезъ стѣнку вашего сада.

Мнѣ приходилось часто восхищаться мужествомъ моего друга, но теперь я просто не понимаю, какъ можетъ человѣкъ, спокойно курия сигару, перечислять столько покушеній на свою жизнь, какъ заурядные факты.

— Вы поцуете у меня, конечно?—сказала я ему.

— Пѣтъ, мой другъ, пока я слишкомъ часный гость для васъ. Мой планъ составленъ, и я посвящаю васъ въ него. Такъ какъ мое присутствіе для дѣла здѣсь лишнее, и полиція докончитъ все сама, то я, въ видахъ личной безопасности, долженъ на это время уѣхать изъ Лондона. Мнѣ было бы очень пріятно имѣть васъ спутникомъ во время моей поѣздки на континентъ.

— Я поѣду съ вами,—сказала я.—Когда мы выѣдемъ?

— Завтра утромъ, это необходимо. Вотъ мои инструкціи, Уатсонъ, и вы исполните ихъ буквально, ибо мы сейчасъ будемъ играть двойную партію противъ искуснѣйшаго противника въ свѣтѣ. Слушайте! Отонлите свой багажъ на дебаркадеръ Викторіи, безъ адреса, теперь же. Утромъ поспите за кабомъ вѣрнаго человѣка и предупредите его, чтобы онъ не бралъ кабовъ, стоящихъ вблизи вашего дома. Когда будете садиться въ кабъ, то адресъ дадите кучеру написаннымъ на клочкѣ бумаги, и попросите его не бросать этой бумажки. Вы поѣдете на Viaduct, тамъ оставьте кабъ и какъ можно быстрее сбѣжите внизъ; подъ мостомъ васъ будетъ ждать закрытая карета, съ кучеромъ въ черномъ балахонѣ, повязанномъ краснымъ шарфомъ. Молча вскакивайте въ карету, и она доставитъ васъ прямо на Victoria-Station къ отходу экспреса. Разсчитайте свое время такъ, чтобы пріѣхать на Viaduct въ четверть десятаго.

— Хорошо, я все исполню. Мы встрѣтимся на стациіи?

— Въ поѣздѣ. Второе отъ конна купѣ первого класса занято для насъ. Въ немъ и будетъ наше rendez-vous.

Напрасно я упрашивала Холмса остаться почевать. Было очевидно, что онъ боится причинить мнѣ вольную непріятность своимъ присутствіемъ. Онъ вышелъ въ садъ, перелѣзъ черезъ каменную стѣнку, выходящую на Mortimer Street, и тамъ сѣлъ въ профѣзжавшій экипажъ, который быстро помчался по направленію къ Сити.

На слѣдующее утро, поступивъ буквально по инструкціи Холмса, я во-время пріѣхалъ на Viaduct, тамъ подъ мостомъ нашелъ карету съ кучеромъ въ красномъ шарфѣ и черезъ нѣсколько минутъ подѣхалъ къ Victoria-Station. Какъ только я выскочилъ изъ кареты, кучеръ моментально поворотилъ лошадей и, даже не взглянувъ на меня, быстро умчался. До сихъ поръ все шло прекрасно. Мой багажъ уже былъ сданъ, и я безъ труда нашелъ указанное мнѣ Холмсомъ купѣ, съ надписью—«занято». Но одно обстоятельство меня беспокоило, именно,—я нигдѣ не видѣлъ даже и признаковъ Холмса. Оставалось только семь минутъ до отхода поѣзда. Съ тоскою бѣгалъ я среди толпы пассажировъ и прислуги, высматривая гдѣ-нибудь въ углу гибкую фигуру моего друга,—напрасно! Еще три минуты прошло, и ихъ я утратилъ на содѣйствіе дряхлому итальянскому патеру, который старался на ломаномъ англійскомъ языкѣ объяснить носильщику, что его вещи должны идти прямымъ сообщеніемъ въ Парижъ. Осталась, наконецъ, одна минута до отхода поѣзда. Кинувъ кругомъ послѣдній взглядъ, я уныло пошелъ къ своему купѣ и около него нашелъ носильщика, водворяющаго туда моего новаго знакомаца, въ качестве компаньона по путешествію.

Совершенно безплодно старался я внушить почтенному патеру, что это купѣ занято; мой итальянскій лексиконъ оказался еще бѣднѣе терминами, нежели его англійскій, и мой новый другъ былъ, очевидно, увѣренъ въ удовольствіи, которое доставляетъ мнѣ его компанія. Онъ любезно улыбался и покачивалъ своей трисушею головой.

Наконецъ, захлопали двери вагоновъ, и локомотивъ свистнулъ. Я схватилъ свой чемоданъ и уже собирался выскочить изъ вагона, но вдругъ меня остановила сзади чья-то рука, и голосъ Шерлока Холмса произнесъ у меня надъ ухомъ:

— Куда же вы, Уатсонъ, развѣ вы не ѣдете съ вами на континентъ? Доброго утра.

Я оглянулся въ полнѣйшемъ недоумѣніи. Престарѣлый патеръ глядѣлъ на меня; и въ одно мгновеніе его лицо замѣнилось: носъ отодвинулся отъ подбородка, морщины исчезли, нижняя трисушалась губа вернулась на свое мѣсто, и ротъ пересталъ пожевывать. Согбенная старческая фигура вдругъ выпрямилась, и тусклые глаза засвѣтились знакомымъ мнѣ блескомъ, словомъ,—предо мною неожиданно появился мой другъ Шерлокъ Холмсъ.

— Боже мой!—не могъ я удержаться отъ восклицанія.—Какъ же вы меня напугали!

— Пока предосторожности все еще необходимы,—зашамкалъ, но уже на чистомъ англійскомъ языкѣ, преподобный патеръ, снова сдѣлавшійся дряхлымъ.—Я имѣю основаніе думать, что они ипугутъ насъ по горячимъ слѣдамъ... Смотрите-ка, здѣсь самъ профессоръ Моріарти!

Поѣздъ уже тронулся въ это время. Я выглянулъ изъ окна и увидѣлъ высокаго господина, который яростно протискивался черезъ толпу къ вагонамъ, махая рукой, какъ будто съ намѣреніемъ остановить поѣздъ. Но онъ опоздалъ: мы быстро удалялись отъ платформъ и черезъ нѣсколько секундъ шли уже полнымъ ходомъ.

— Вы видите, что не смотря на все наши предосторожности, они все-таки чуть не поймали насъ,—говорилъ Холмсъ, съ до-

большимъ видомъ снималъ съ себя ненужную теперь рясу и шляпу. Все это онъ сложилъ въ своей дорожный сакъ.

— Читали вы утреннія газеты, Уатсонъ? — спросилъ онъ затѣмъ, комфортабельно устраиваясь на своемъ диванѣ.

— Нѣтъ, а что?

— Значитъ, вамъ ничего не извѣстно относительно пожара въ Baker Street?

— Пожаръ въ Baker Street?

— Они подожили мою квартиру ночью. Впрочемъ, вреда не особенно много.

— Боже мой, Холмсъ!. Но вѣдь это невыносимо!

— Очевидно, что вчера они потеряли мой слѣдъ послѣ того, какъ я арестовалъ ихъ стрѣлка; иначе они не могли бы предполагать, что я вернулся въ свою квартиру. Но зато они наблюдали хорошо за вами, и это привело сюда профессора Моріарти. Вы не сдѣлали никакой ошибки по дороге сюда?

— Я слѣдовалъ буквально вашимъ инструкціямъ.

— Нашли вы на мѣстѣ кучера съ краснымъ и рфомъ?

— Да, но мнѣ показалось, что карета не соответствовала вашему описанію: это была большая коричневая, а вы говорили про маленькую черную, во кучеръ имѣлъ красный шарфъ.

— Такъ и я думалъ. Они подмѣнили экипажъ и, слѣдовательно, васъ доставили на станцію агента Моріарти, который сейчасъ же привезъ и своего господина. Но это все равно; подумаемъ теперь, что намъ предпринять относительно профессора?

— Нашъ поѣздъ — экспрессъ, — возразилъ я: — онъ приходитъ ко времени отплати пархода, такъ что, по моему мнѣнію, мы вполнѣ успѣшно ускользнули отъ преслѣдованія.

— Мой дорогой Уатсонъ, вы ошибаетесь, потому что не знаете профессора Моріарти.

— Что же онъ теперь сдѣлаетъ?

— То же, что сдѣлалъ бы и я самъ, будь я на его мѣстѣ.

— Именно?

— Я взялъ бы сейчасъ же экстренный поѣздъ.

— Но онъ опоздаетъ!

— Ни въ какомъ случаѣ. Нашъ поѣздъ останавливается въ Кентербюри, и кромѣ того, онъ приходитъ за четверть часа до отплати пархода на континентъ. Моріарти догонитъ васъ на пристани.

— Чортъ возьми! Можно подумать, что мы-то и есть преступники... Почему бы намъ не арестовать его, какъ только онъ явится?

— Тогда пропадетъ вся моя работа за эти нѣсколько мѣсяцевъ. Правда, что мы поймемъ большую рыбу, но зато вся мелкая бросится въ разныя стороны и не попадетъ въ сѣть. Въ понедѣльникъ мы захватимъ ихъ всѣхъ, но теперь я не могу допустить ареста.

— Что же намъ дѣлать?

— Мы высадимся въ Кентербюри, пересидимъ на поѣздъ въ Ньюгэвнъ, а отсюда на парходѣ приѣдемъ въ Деннъ. А Моріарти, не найдя насъ въ Дуврѣ, поступитъ такъ, какъ и самъ поступилъ бы въ этомъ случаѣ: онъ проѣдетъ въ Парижъ и будетъ наблюдать за нашимъ багажомъ. Тѣмъ временемъ мы обойдемся пока нашими дорожными мѣшками, ноопоря при надобности мѣстныхъ мануфактуръ покутками недостающихъ намъ вещей. Мы отправимся прямо въ Швейцарію, черезъ Люксембургъ и Базель.

Итакъ, мы вышли въ Кентербюри, гдѣ намъ приходилось ждать цѣлый часъ поѣзда въ Ньюгэвнъ. Я задумчиво глядѣлъ вслѣдъ багажному вагону, увозившему мой гардеробъ, когда почувствовалъ, что Шерлокъ Холмсъ дергаетъ меня за рукавъ.

— Уже, вы видите! — воскликнулъ онъ, показывая рукою вдаль. Тамъ, изъ-за лѣса, поднималась движущаяся струя бѣлаго дыма, а минутой спустя, на закругленіи, ведущемъ къ станціи, показался быстро приближающійся паровозъ съ однимъ вагономъ. Мы едва успѣли спрятаться за кучу багажа на платформѣ, какъ поѣздъ съ трескомъ и громомъ промелькнулъ мимо станціи и исчезъ вдаль, обдавъ насъ цѣлымъ облакомъ пара.

— Вотъ онъ и поѣхалъ, — меланхолически промолвилъ Шерлокъ Холмсъ, глядя на удаляющійся вагонъ, подпрыгнувшій на стрѣлкахъ пути. — Мы положили предѣлъ догадливости нашего друга. Понетипи, это былъ бы мастерской ударъ съ его стороны, если бы онъ вдругъ остановилъ здѣсь свою машину!

— Что бы онъ сдѣлалъ тогда, по вашему мнѣнію?

— О, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ постарался бы убить меня во что бы то ни стало. Теперь же вопросъ заключается въ томъ, перекустятъ ли намъ здѣсь до прихода поѣзда, или же геройски перенесутъ нашъ агентъ цѣликомъ въ буфетъ Ньюгэвнъ?

Въ тотъ же день мы приѣхали въ Брюссель и провели тамъ двое сутокъ, а затѣмъ двинулись далѣе, въ Страсбургъ. Въ понедѣльникъ утромъ Холмсъ телеграфировалъ въ Лондонъ и вечеромъ получилъ отвѣтъ. Поспѣшно разорвавъ конвертъ, онъ съ видимымъ нетерпѣніемъ прочиталъ депешу и съ крѣпкимъ ругательствомъ бросилъ ее въ каминъ.

— Я долженъ былъ ожидать этого! — простоналъ онъ. — Моріарти пѣбжалъ ареста!

— Это непріятно, — сказалъ я сочувственно.

— Гораздо болѣе; это ужасно! — отозвался Шерлокъ Холмсъ. — Они захватили всю шайку, какъ это и предполагалось, но за исключеніемъ его самого. Онъ обманулъ ихъ, потому что тамъ не было никого, кто могъ бы состязаться съ нимъ. И всетаки я давалъ имъ въ руки безиронгрішную игру. Я думаю, что вамъ теперь лучше вернуться домой, Уатсонъ.

— Почему?

— Потому что я съ этого момента становлюсь опаснымъ компаніономъ. Этому человѣку теперь нечего болѣе дѣлать. Вернуться въ Лондонъ онъ не можетъ. Если я правильно позналъ его характеръ, то онъ отнынѣ посвятитъ себя местн со всею энергіею, на какую только онъ способенъ. Я или онъ, — одинъ изъ насъ долженъ умереть. Я серьезно рекомендую вамъ ѣхать въ Англию, Уатсонъ; васъ ждетъ тамъ ваша жена и практика.

Разумѣется, я не захотѣлъ оставить Холмса въ опасности, и мы принялись обсуждать дальнѣйшій планъ дѣйствій. Начали съ того, что въ этотъ же вечеръ мы выѣхали въ Женеву, гдѣ и рѣшили остановиться на нѣсколько дней, пока немного отдохнутъ напряженные нервы моего друга.

Мы провели чудную недѣлю въ долинѣ Роны, а затѣмъ отправились черезъ Лейкъ и Интерлакенъ въ Мейрингенъ. Это была чрезвычайно пріятная прогулка, посреди самой красивой и оригинальной природы въ мірѣ; вино, подъ нашими ногами, весна ласкала взоръ своими нѣжными зелеными красками, въ то время, какъ вверху, надъ нашей головой, сверкали на солнцѣ дѣвственные снѣга.

Я все время наблюдалъ за Шерлокомъ Холмсомъ. Мнѣ казалось, что, несмотря на окружающую насъ обстановку, онъ ни на секунду не забываетъ объ опасности, преслѣдующей насъ по пятамъ. Вездѣ, въ скромныхъ деревенскихъ гостиницахъ, или на пустынныхъ горныхъ тропинкахъ, его бдительность не угасала, и я могъ видѣть это по его зоркимъ глазамъ, тщательно оглядывавшимъ каждый кустикъ и выступъ стѣны и внимательно вематривавшимся въ лица встрѣчныхъ путниковъ. Но, при всемъ томъ, онъ вовсе не былъ въ угнетенномъ состояніи духа; напротивъ, никогда еще до сихъ поръ мнѣ не приходилось видѣть его столь оживленнымъ и даже радостнымъ. Онъ былъ почему-то увѣренъ, что скоро ему удастся встрѣтиться съ профессоромъ Моріарти и такъ или иначе освободитъ общество отъ этого ужаснаго человѣка.

Въ Мейрингенѣ мы остановились въ „Англійской гостиницѣ“, которую содержалъ Петръ Стейлеръ-старшій. Онъ прекрасно говорилъ по-англійски, такъ какъ раньше служилъ швейцаромъ въ Гроеноръ-отель въ Лондонѣ. По его совѣту, мы сейчасъ же послѣ завтрака отправились взглянуть на Рейхенбахъ, одинъ изъ самыхъ красивыхъ водопадовъ Швейцаріи; онъ находился въ разстояніи часа ходьбы отъ нашей гостиницы, и путь къ нему ведетъ все время по узкой, искусственно высѣченной по окраинамъ скалъ тропинкѣ.

Тропинка у самого водопада неожиданно кончается. Дальше идти некуда, и назадъ приходится возвращаться тѣмъ же путемъ. Мы съ Холмсомъ остановились у самого края тропинки и долго смотрѣли, не отрываясь, на величественную картину водопада. Отсюда мы предполагали идти далѣе, въ деревушку Розенлау, гдѣ, по словамъ хозяйина гостиницы, открывается удивительный видъ на горы.

Вдругъ на тропинкѣ показался бѣгушій къ намъ человѣкъ. Это былъ молодой швейцарецъ, принесшій письмо на мое имя; на конвертѣ стоялъ именованіе гостиницы Стейлера. Я раскрылъ и пробѣжалъ письмо. Оно было отъ какой-то англійской лэди, пріѣхавшей въ отель послѣ нашего ухода и страдавшей чахоткой въ послѣдней степени. Дама эта умоляла меня прибыть сейчасъ же къ ней на помощь, ибо она задыхается отъ кашля. Внизу письма была приписка отъ хозяйина гостиницы, который присоединялся къ просьбѣ больной и извинялся, что прерываетъ нашу прогулку.

Я передалъ письмо Холмсу; онъ внимательно прочиталъ его и, возвращая мнѣ, какъ-то странно посмотрѣлъ на меня.

— Вы должны идти, Уатсонъ, — сказалъ онъ спокойно. — Нельзя отказать въ помощи больной, а тѣмъ болѣе соотечественницѣ.

Мы условились съ Холмсомъ встрѣтиться на перекресткѣ дороги въ Розенлау, и затѣмъ я поспѣшно зашагалъ по направлению къ гостиницѣ. Молодой швейцарецъ сопровождалъ меня до входа въ отель, гдѣ онъ повернулъ въ одну изъ улицъ и исчезъ. Когда я подошелъ къ отелю, то сейчасъ же увидѣлъ Стейлера-старшаго, который стоялъ у дверей и, казалось, ожидалъ моего прибытія. Я торопливо подбѣжалъ къ нему.

— Какъ чувствуетъ себя больная? — спросилъ я его на ходу. Изумленный взглядъ былъ мнѣ отвѣтомъ. У меня захлонуло въ груди; я предчувствовалъ бѣду.

— Развѣ вы не писали этого письма? — спросилъ я его, задыхаясь отъ волненія и отъ быстрой ходьбы.

Стейлеръ съ удивленіемъ рассматривалъ письмо, поворачивая его во всѣ стороны. Наконецъ, онъ въ недоумѣніи пожалъ плечами.

— Здѣсь штемнелъ моей гостиницы, но я не писалъ этого письма,—сказалъ онъ.—Никакой англійской лэди нѣтъ у меня теперь, но недавно прѣѣхалъ одинъ англійчанинъ, очень высокій и худой. Онъ вышелъ изъ дома четверть часа спустя послѣ своего прѣѣзда...

Но я уже не слухалъ, что дальше говорилъ Стейлеръ, и опрометью бросился бѣжать назадъ. Для меня было все очевидно теперь: профессоръ Моріарти здѣсь, и письмо это написано имъ, съ цѣлью отвлечь меня на время отъ Шерлока Холмса. Я вспомнилъ, что, когда я, спустившись внизъ, оглянулся назадъ, то увидѣлъ на верху высокаго человѣка, быстро шедшаго по направленію къ водопаду: это былъ онъ... Если катастрофѣ суждено было случиться, то она уже случилась, и я не въ состояніи предотвратить ее; почти два часа мною потеряно!

Я не берусь описывать тѣхъ ужасныхъ мыслей, которыя терзали меня, пока я бѣжалъ обратно къ водопаду. Скажу только, что этотъ путь показался мнѣ вѣчностью. Но вотъ наконецъ и Рейхенбахъ, вотъ и тропинка, но я никого не вижу на ней. На мой крикъ мнѣ отвѣтило только стоголосое эхо, и эти пещерные звуки наполнили ужасомъ мою душу. Когда я въ смертельной тоскѣ метался взадъ и впередъ по тропинкѣ, мнѣ въ глаза бросилась альпійская палка Холмса, стоявшая прислоненною къ большому камню; все сомнѣвія для меня исчезли,—онъ не покидалъ этого мѣста.

Придя нѣсколько въ себя, я началъ внимательно разсматривать слѣды на мокромъ пескѣ тропинки. Увы, все, что я увидѣлъ, гонорило мнѣ лишніе слова о трагедіи, которая только что произошла здѣсь. Двѣ пары слѣдовъ шли къ самому концу тропинки, но не возвращались оттуда; мѣсто, гдѣ кончались слѣды, было зарыто; терновникъ и листья папоротника, окаймлявшіе обрывъ, смяты и обрызганы грязью...

Я легъ надъ бездной, лицомъ внизъ и старался проникнуть взоромъ въ ревущую пучину. Ничего, кромѣ хаоса брызгъ и

пѣны и оглушающаго шума воды, падающей внизъ въ нѣсколько разъ футахъ разстоянія отъ моей головы. Я крикнулъ еще разъ, и еще разъ мнѣ отвѣтило эхо.

Но судьба все-таки сжалась надо мною и прислала мнѣ нѣсколько прощальныхъ словъ отъ моего друга. Когда я хотѣлъ уже покинуть это ужасное мѣсто, мой взоръ привлекло нѣчто блестящее съ вершины камня, къ которому была прислонена палка Шерлока Холмса. Это была его серебряный портсигаръ. Когда я взялъ и раскрылъ его, изъ него выналь листовъ бумаги, написанный твердымъ почеркомъ моего друга. Письмо это было ко мнѣ, и вотъ его содержаніе:

„Мой дорогой Уатсонъ, я могу написать эти нѣсколько строкъ, благодаря любезности профессора Моріарти, который ждетъ свѣдѣній нашихъ счетовъ. Онъ объявляетъ мнѣ сейчасъ способны, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, чтобы слѣдить за всѣми нашими дѣйствіями; все это подтверждаетъ мое мнѣніе о его гениальности. Я очень радъ, поэтому, что буду въ состояніи избавить міръ отъ его присутствія. Жалѣю только, что развязка этого дѣла огорчитъ моихъ друзей и въ особенности васъ, мой дорогой Уатсонъ. По это судьба. Поэтому я и не удержалъ васъ при себѣ, хотя и зналъ, что письмо, полученное вами, написано профессоромъ Моріарти. Иначе не было бы развязки. Сообщите писектору полиціи, что всѣ обвинительные документы для процесса находятся въ ящикѣ „М“, въ снѣмкѣ пакеѣ, съ надписью „Моріарти“. Относительно моего имущества и сдѣлайте все распоряженія передъ отъѣздомъ изъ Лондона. Передайте мой сердечный привѣтъ вашей женѣ и примите мой лучшій пожеланія. Вѣчно вашъ Ш. Холмсъ“.

Я не имѣю ничего болѣе прибавить. Мнѣ только кажется, что если бы нашъ практической вѣкъ еще нѣсколько встрѣчались герои, не уступающіе силой души героямъ древняго міра, то мой покойный другъ Шерлокъ Холмсъ долженъ былъ причисленъ къ нимъ.

Къ рисункамъ.

Бабушка дастъ внучкѣ первый урокъ вязанья. Начало трудно во всякомъ дѣлѣ, и дѣвочка съ тревогой приступила къ занію, которое со стороны казалось ей такимъ головоломнымъ: „Шутка ли связать чулокъ, какъ дѣлаетъ эта бабушка, да еще такъ быстро!“ Навѣрно подобныя мысли проносились въ головѣ неопытной ученицы, когда она съ видимымъ стараніемъ и робостью брала спицы и выводила нервую петлю, старалась подражать своей доброй наставницѣ. И бабушкѣ, и внучкѣ такъ хотѣлось сдѣлать неожиданный сюрпризъ папашѣ и въ день праздника поднести ему пару чулокъ работы дочери. Лицо бабушки полно добродушнаго любопытства, а вся фигура дѣвочки проникнута сосредоточенностью. Урокъ, очевидно, происходитъ въ бабушкиной комнатѣ, подъ большимъ секретомъ отъ другихъ членовъ семьи. Композиція Зевы исполнена очень живописно.

*

Два прохожихъ остановились на берегу Лаго-де-Комо, любя въ его картинные берега, и имъ, дѣйствительно, можно позавидовать: просторъ зеленовато-голубыхъ прозрачныхъ водъ, теряющихся въ безконечности, чудное бирюзовое небо, наконецъ, богатая растительность съ яркими южными отпечаткомъ, зашпиганная альпами, ласкають взоръ každато, кто любитъ красоты природы. Особенно славится Комо своими живописными берегами: всюду видны съ ихъ садами, террасами и виноградниками. Поросшія каштанами и орѣшникомъ горы съ мягкими очертаньями поднимаются надъ берегомъ до 1500 м. высоты, а надъ ними возвышаются еще крутыя вершины Монте-Лешоне, Гринья, Кампионе и др. Почти посреди, у мыса Белладжіо, озеро дѣлится на два рукава, — юго-западный, въ концѣ котораго лежитъ городъ Комо, и юго-восточный — Лекко. Белладжіо — красивѣйшее мѣсто на всемъ озерѣ. Изъ виллы особенно замѣчательна вилла Вигони съ мраморными статуями Торвальдсена, Маркони и др. скульпторовъ, вилла Карлотта, Джуліа, д'Эсте и пр. Прибрежные жители занимаются шелководствомъ и шелкопряденіемъ. На озерѣ — постоянная суета, масса прѣѣзжихъ; однимъ словомъ, кипитъ жизнь и людьми, ищущимъ удивленія, приходится лѣчить свои разбитые нервы не въ этой обстановкѣ безнечнаго веселья, а гдѣ-нибудь въ шумѣ мѣста, хотя бы на берегахъ меланхолическаго Лаго-Маджіоре, гдѣ какъ-то легко укладываются и засыпаютъ недавніи тревоги.

*

Свадебные обычаи въ Малороссіи до сихъ поръ сохранили силу во всей своей патриархальной чистотѣ, но не вездѣ одинаково, а въ различныхъ мѣстахъ мѣняются сообразно духу времени. Скажемъ нѣсколько словъ о церемоніи встрѣчи зятя тещей. Изъ-подъ вѣнца молодые отправляются въ домъ родителей новобрачной, но не вѣсть, а по роюшъ, при чемъ передъ отправленіемъ женихъ заходитъ сначала въ свой домъ и послѣ троекратнаго благословенія хлѣбомъ со стороны своихъ родителей, выходитъ изъ хаты въ сопровожденіи старосты и „музыки“. „Бояринъ“, подпоясанный красивымъ кушакомъ, и староста съ короваемъ въ рукахъ,

украшеннымъ елочкой или сосной, открываютъ шествіе послѣ молодого. Музыканты награвываютъ маршъ. Приблизившись къ дому невесты, двое „дружбъ“ отдѣляются отъ свадебнаго поѣзда и подходятъ къ хатѣ, три раза кричатъ привѣтствіе и, обмѣнявшись короваями съ старостой невесты, возвращаются къ молодому. Между тѣмъ теща, одѣтая въ вывороченный полусубокъ, шерстью вверхъ, выноситъ изъ хаты столъ, покрытый бѣлой скатертью, горшокъ съ овсомъ и ведро воды. Хоръ поетъ. Молодой трижды кланяется тещѣ въ ноги, а она начинаетъ его заигрывать („лягать“) и подносить зятю, вмѣсто волки, горсть „жыта“ и воду, чтобы сдѣлать его покорнымъ, какъ лошадь. Зять отказывается наотрѣзъ отъ угощенія и разбиваетъ горшокъ. Тогда теща уходитъ обратно въ хату, переодѣвается въ праздничное платье и выноситъ молодому, стоящему уже рядомъ съ „жычкой“, рюмку „горилки“ на тарелкѣ. Этимъ заканчивается церемонія встрѣчи, и свадебные гости входятъ, наконецъ, въ хату, гдѣ начинается уже новый обрядъ выкуна невесты у ся брата.

*

Можетъ ли существовать большее оживленіе, какъ въ Венеціи въ залахъ „Ridotto“ или театра Россіи на костюмированныхъ балахъ, которые зачастую переносятся на площадь св. Марка! Въ этомъ весельи что-то стихійное. Что за разнообразіе масокъ, костюмовъ! Смѣхъ, крикъ, звуки нѣсколькихъ оркестровъ сливаются въ общемъ гулѣ расшумавшейся толпы. Цѣлыя дюжины прелестныхъ кружевницъ изъ Бурано, красивыя рыбацки изъ Кюджиа, мальчики, клоуны, комическія процессіи калѣкъ... Вамъ некогда слушать, и вы двигаетесь въ нестройной толпѣ, васъ ослѣпляютъ музыкой и волея-неволей заставляютъ принять участіе въ пляскѣ подъ оглушительный трескъ мусійейскихъ инструментовъ. Вотъ — арена для самыхъ неожиданныхъ встрѣчъ. Итальянскій живописецъ Гамба воспользовался благодарной темой и далъ эту дѣву двухъ очаровательныхъ венеціанокъ, которыя, повидимому, завязали интересное знакомство на одномъ изъ описанныхъ маскарадовъ. Конечно, не трудно увлечься такими чудными личиками, особенно если ихъ обладательница не лишена остроумія. „Изъ-подъ таинственной холодной полунакишки“ зазвучалъ голосъ. „отрадный, какъ мечта“, свѣтили „илльннтельные глазки и улыбался лукавыя уста“. Незнакомецъ замѣтилъ „сквозь дымку легкую“ и „дѣвственнахъ ланитъ и шеп бѣлизну, и локонъ своевольный, родныхъ кудрей покинувшій волну“. Прелестный образъ, созданный воображеніемъ, не обманулъ его, когда красавицы сняли маски.

*

Извѣстный художникъ Шрейеръ уже съ молодыхъ лѣтъ посвятилъ себя изученію лошадей въ ихъ различныхъ условіяхъ жизни, во всевозможныхъ странахъ, въ самой разнообразной обстановкѣ. Онъ исколесилъ Европу, побывалъ въ Азіи и въ Африкѣ, въ 1854 году сопровождалъ даже австрійскую армію въ эпоху крымской войны и здѣсь-то почерпнулъ богатый матеріалъ для своихъ картинъ, цѣлый рядъ которыхъ воспроизводитъ случаи изъ военной и лагерной жизни, — битвы, стычки,

схватки артиллерии, расположение форпостовъ. Лошадямъ вездѣ у него отведено первенствующее мѣсто. Онѣ фигурируютъ то въ полѣ, то въ пустынѣ, то въ степи или лѣсу,—преслѣдуемая, напримеръ, волками и т. п. На нашемъ рисункѣ лошади изображены въ дикомъ, бѣшеномъ смятеніи. Въ широкой степи легитъ, какъ вихрь, валахская кибитка, запряженная пятерникомъ. Разсвирѣпѣвшіе испуганные кони неудержимо несутся въ безпредѣльную даль. Съдокъ, потерявшій присутствіе духа, со страхомъ пригнулся и ждетъ рѣшенія своей участи. Черное небо покрыто свинцовыми тучами.

„Вдругъ мчатся съ сѣверныхъ
сторонъ
И съ градомъ, и съ дождемъ
шумящій аквидонъ;
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ...“

Яркая молнія прорѣзала небо. Въ паническомъ страхѣ лошади рванулись и понесли; перепугались удила, натянулись, какъ струны, наконечъ, лопнули; повисла сбруя и стала волочиться по травѣ. Лѣвая пристяжная такъ выгнулась, что почти касалась брюхомъ земли. Возникшіе изнеможенья, едва держится въ сѣдлѣ. Тревога замѣтна и на этомъ смугломъ лицѣ заправскаго вѣдока. Картина исполнена съ поразительнымъ эффектомъ, и если не даетъ понятія о мягкихъ тонахъ кисти Шрейера, которую онъ проявилъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ, то во всякомъ случаѣ выказываетъ мощь удивительныхъ контрастовъ, — силу, доступную только настоящимъ мастерамъ. Настигнутое бурей, но справедливости, могутъ считаться однимъ изъ лучшихъ произведеній Шрейера.

П. П. Семеновъ. (Портр. на этой стр.)

17-го января т. г. Императорское географическое общество чествовало своего маститаго вице-предсѣдателя, Петра Петровича Семенова, по поводу двадцатипятилѣтняго предсѣдательства въ этомъ обществѣ. Чествованіе П. П. Семенова происходило у него на квартирѣ, гдѣ собрались настоящие и бывшіе члены общества географического общества и предсѣдательствующіе въ отдѣленіяхъ, съ ихъ секретарями, имѣя во главѣ помощника предсѣдателя общества, генералъ-лейтенанта А. А. Тилло. Прибывшіи туда же августѣйшій предсѣдатель общества великій князь Николай Михайловичъ въ краткой рѣчи привѣтствовалъ юбиляра и вручилъ ему Высочайшій рескриптъ, немедленно прочтенный секретаремъ общества А. В. Григорьевымъ.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ указаны главнѣйшія заслуги П. П. Семенова передъ обществомъ: „Смѣлымъ своимъ посѣщеніемъ Глинь-Шаля, — говорится въ рескриптѣ: — сорокъ лѣтъ тому назадъ, вы блистательно открыли эру русскихъ исследованийъ вънутренней Азіи, съ успѣхомъ продолжаемыхъ, подъ вашимъ руководствомъ, географическимъ обществомъ и нынѣ. Вашими печатными трудами, въ особенности посвященными описанію Сибири, призванной нынѣ къ новой жизни, вы снискали себѣ почетную извѣстность. Вопли оправдывая довѣріе Августѣйшихъ предсѣдателей Императорскаго русскаго географическаго общества—въ Божѣ почивающаго великаго князя Константина Николаевича и Его Императорскаго Высочества великаго князя Николая Михайловича, продолжая уже четверть вѣка дѣло славныхъ вашихъ предѣстия-

ковъ по обществу, графовъ Литке и Муравьева, вы достойно поддерживаете на подобающей высотѣ положеніе русскаго географическаго общества среди однородныхъ учрежденій, почему Мы, какъ Покровителю общества, пріятно выразить вамъ сегодня Мою душевную признательность за всѣ ваши труды на пользу общества и географической науки, на благо и славу дорогого Отечества.“

Дѣйствительно, за всю вторую четверть вѣка существованія географическаго общества (съ 1872 по 1897 г.) ни одно предпріятіе послѣдняго не обоглось безъ почва, руководства или содѣйствія П. П. Семенова. Можно смѣло сказать, что съ постепеннымъ возрастаніемъ государственнаго, общественнаго и научнаго значенія географическаго общества, росли и заслуги П. П. Семенова, какъ одного изъ главнѣйшихъ его руководителей. За послѣднюю четверть вѣка не мало обызано наше отечество географическому обществу своимъ сближеніемъ съ славянскимъ міромъ и Западной Европой, гдѣ, экспонируя на выставкахъ и являясь на ученыхъ конгрессахъ, русскіе ученые сообщали о томъ, что дѣлается на пользу общей культуры и цивилизаціи въ нашемъ отечествѣ. Но, понятно, главнѣйшія заслуги географическаго общества и его маститаго руководителя—въ обширной области мировѣдѣнія. Предпріятыя по порученію или подъ покровительствомъ географическаго общества выдающіяся и по трудностямъ, и по научнымъ результатамъ научныя экскурсіи въ неизслѣдованныя области Азіи, открыли много новаго и важна-

П. П. Семеновъ, вице-предсѣдатель Императорскаго Географическаго общества. Съ фот. автотипія „Нивы“.

го всему интеллигентному міру, пролили много свѣта на „колыбель человечества“, а Россіи продолжили широкій путь въ ея поступательномъ движеніи на Востокъ. Имя П. П. Семенова занимаетъ выдающееся почетное мѣсто и въ этой области, въ ряду всѣхъ памятныхъ именъ Пржевальскаго, Поганова, Сѣверцова, Крузеиштерна, Годмана, Слѣпцова, Мухометова, Тилло, Воейкова, Ядрищева, Грумъ-Гржимайло, Громбчевскаго, Обручева, Козлова и др.

Своими успѣхами въ области статистики наше отечество обызано также въ значительной мѣрѣ географическому обществу, членомъ котораго, съ П. П. Семеновымъ во главѣ, вели изъ-за правильнаго пониманія задачи статистики догадую и упорную борьбу съ окружающимъ невѣжествомъ,—борьбу, увѣчавшуюся таковой блистательной побѣдой во время послѣдней всеобщей переписи населенія. П. П. Семенову было Высочайше поручено высшее руководство этой переписью, и ему въ значительной мѣрѣ Россія обызана ея успѣхомъ.

П. П. Семеновъ является однимъ изъ лучшихъ знатоковъ статистики въ Россіи. Еще въ 1864 году онъ былъ назначенъ директоромъ центрального статистическаго комитета, а въ 1873 г. занялъ постъ предсѣдателя и статистическаго совѣта. Въ обществѣ П. П. Семеновъ пробылъ во главѣ статистическаго дѣла въ Россіи семнадцать лѣтъ.

На ряду съ этой научно-административной дѣятельностью, нельзя не поставить и его дѣятельность, какъ теоретика, — рядъ его выдающихся трудовъ по географіи и статистикѣ, пользующихся широкою, всемірною извѣстностью. Его „Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи“, въ 5-ти томахъ, представляетъ исключительный и единственный въ своемъ родѣ трудъ. Достаточно просмотрѣть одинъ библиографиче-

А. О. Брандтъ. По поводу 30-лѣтія ученой дѣятельности. Съ фот. автотипія „Нивы“.

статистическій словарь Россійской Имперіи, въ 5-ти томахъ, представляетъ исключительный и единственный въ своемъ родѣ трудъ. Достаточно просмотрѣть одинъ библиографиче-

ских указаний къ каждому городу, селенію, или народности Россійской имперіи, чтобы понять и оцѣнить, какихъ трудовъ и знаний, какой горячей любви къ дѣлу понадобится для составленія подобнаго словаря, являющагося нынѣ необходимымъ настоятельнымъ пособіемъ каждого образованнаго русскаго. Нельзя не указать и на громадный трудъ, предпринятый подъ редакціей П. П. Семенова издательской фирмой М. О. Вольфа еще въ 1881 г. — на *Живописную Россію*, представляющую собою рядъ огромныхъ томовъ in folio, посвященныхъ подробно, иллюстрированному описанію всѣхъ областей Россіи.

Несмотря на свои уже почтенные годы (П. П. родился въ 1827 году и уже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ кончилъ курсъ петербургскаго университета по физико-математическому факультету), нашъ юбиляръ продолжаетъ попрежнему работать на пользу науки и принимаетъ дѣятельное участіе во многихъ областяхъ государственнаго управленія, въ должностяхъ сенатора и члена Государственнаго Совѣта. Обширный государственный опытъ, вынесенный имъ изъ долговременной службы на разныхъ должностяхъ (между прочимъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу, въ которыхъ онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ Я. И. Ростовцева) — сдѣлалъ его однимъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ государственныхъ дѣятелей, и всѣ, кому дороги великіе интересы просвѣщенія нашего отечества, пожелаютъ вмѣстѣ съ нами П. П. Семенову сохраненія силъ и бодрости на много еще годовъ.

Имя П. П. Семенова увѣковѣчено уже Императорскимъ географическимъ обществомъ путемъ учрежденія медали его имени, присуждаемой за выдающіеся труды по географіи. Въ настоящемъ году, 20-го января, медаль имени П. П. Семенова присуждена одному изъ виднѣйшихъ въ настоящее время путешественниковъ, д-ру Свену Геддину за его трехлѣтнюю экспедицію въ Центральную Азію.

А. Ѳ. Брандтъ.

(Портр. на стр. 97.)

Недавно исполнилось тридцать лѣтъ преподавательской дѣятельности извѣстнаго русскаго ученаго, профессора зоологіи Императорскаго харьковскаго университета Александра Ѳедоровича Брандта. Цѣня какъ ученаго, такъ и преподавательскія заслуги почтеннаго профессора, министерство народнаго просвѣщенія оставило за нимъ кафедру еще на дальнѣйшее пятилѣтіе съ предположеніемъ предусмотрѣнаго университетскимъ уставомъ добавочнаго содержанія, а также поручило ему, попрежнему, завѣдываніе зоологическимъ кабинетомъ.

А. Ѳ. Брандтъ родился въ 1844 году, 16-го февраля, въ С.-Петербургѣ. Сынъ извѣстнаго академика Ѳедора Ѳедоровича Брандта, онъ воспитывался въ С.-Петербургѣ, въ IV-й (Ларинской) гимназіи съ 1854 по 1861 годъ, и въ медико-хирургической академіи, въ которой окончилъ курсъ докторантомъ въ концѣ 1866 г., съ награжденіемъ золотою медалію и первой преміей. Въ годы студенчества онъ работалъ въ физиологической лабораторіи профессора И. М. Сѣченова, затѣмъ въ зоологическомъ и сравнительно-анатомическомъ кабинетѣ своего отца, профессора при той же академіи, и частнымъ образомъ занимался гистологіей, подъ руководствомъ академика Ѳ. В. Овсянникова.

Въ первый разъ А. Ѳ. побывалъ за границей лѣтомъ 1862 г., сопровождалъ отца, изучавшаго тамъ по порученію министерства государственныхъ имуществъ разведеніе азиатскихъ шелко-ковичныхъ червей. Въ эту поездку А. Ѳ. Брандтомъ было осмотрѣно много музеевъ и зоологическихъ садовъ и заведено знакомство съ многочисленными выдающимися учеными; тогда же ему представилась возможность впервые наблюдать морскихъ животныхъ въ Нидцѣ.

Затѣмъ, на лѣтній семестръ 1867 г., А. Ѳ. ѣздилъ въ Іену, гдѣ работалъ подъ руководствомъ Геккеля и Гегеубауэра. Лѣтній семестръ слѣдующаго года онъ работалъ въ Гиссенской лабораторіи подъ руководствомъ Лейкарта. Зимой 1869 г. А. Ѳ., по разстроению здоровья, въ четвертый разъ отправился на пѣсковую мѣсяцевъ за границу, и, чтобы заниматься зоологіей, поселился въ Неаполь. Пятая, уже годичная поездка за границу состоялась въ 1870 году вслѣдствіе командировки министерства народнаго просвѣщенія для приготоваенія къ каедрѣ. Оба семестра этого года проведены нашимъ ученымъ въ Лейпцигѣ, въ лабораторіи Лейкарта.

Съ 1-го января 1867 г. до 1-го января 1870 г. онъ былъ оставленъ при медико-хирургической Академіи, въ званіи младшаго ординатора, для усовершенствованія въ зоологическихъ наукахъ.

Съ 1871 г. по 1880 г. А. Ѳ. состоялъ хранителемъ зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ, приватъ-доцентомъ при с.-петербургскомъ университетѣ, и въ послѣдніе годы также преподавателемъ естественной исторіи при женскомъ патристическомъ институтѣ. Въ 1881 г. онъ избранъ былъ ординарнымъ профессоромъ при харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ, въ которомъ читалъ лекціи многие годы. Въ 1867 г. А. Ѳ. удостоенъ степени доктора медицины, въ 1870 г. — магистра, а въ 1876 г. — доктора зоологіи. До сихъ поръ А. Ѳ. Брандтъ является единственнымъ изъ нашихъ ученыхъ, имѣющихъ одновременно степени доктора медицины и доктора зоологіи. Широкое образованіе А. Ѳ. въ значительной мѣрѣ отразилось на его работахъ, характеризующихся широтою взгляда, идейностью. Работы его насчитываются болѣе 50. Онѣ отличаются большимъ разнообразіемъ, такъ какъ касаются морфологіи (макроскопической и микроскопической), исторіи развитія, систематики, фаунистики, сравнительной анатоміи, палеонтологіи, антропологии и сравнительной физиологіи. Эти труды обезпечили за ихъ авторомъ извѣстность далеко за пределами Россіи. Исчислить ихъ нѣтъ возможности. Довольно сказать, что нѣкоторые изъ нихъ проложили новые пути въ наукѣ. Многие изъ трудовъ А. Ѳ. удостоились перевода на иностранные языки. Сверхъ указанныхъ специальныхъ работъ, перу профессора Брандта принадлежатъ три учебника для студентовъ, а именно: по сравнительной анатоміи, по зоологіи для естественниковъ и по медицинской зоологіи. Далѣе отмѣтимъ изданныя имъ учебныя пособія болѣе specialнаго характера: статьи по методикѣ преподаванія, по школьной гигиенѣ; и рядъ популярныхъ статей, напечатанныхъ болѣею частью въ нашихъ толстыхъ журналахъ. Сотрудникомъ *Новыя* А. Ѳ. состоитъ съ начала семидесятыхъ годовъ. На поприщѣ общественной дѣятельности его инициативѣ принадлежитъ открытіе южно-русскаго общества акклиматизаціи. Благодаря энергическимъ трудамъ по управленію этимъ обществомъ, за короткое время его существованія достигнуты весьма осязательные результаты и приобретена симпатія и матеріальная поддержка правительственныхъ и общественныхъ органовъ и частныхъ лицъ. Ограженіемъ дѣятельности общества служатъ издаваемые по мысли почтеннаго профессора и имъ же редактируемыя *Извѣстія*. Пожелаемъ же А. Ѳ. Брандту сохранити силы и энергію еще надолго какъ на академическомъ, такъ и на общественномъ поприщѣ.

Піанистка Александра Друкеръ.

Піанистка А. Друкеръ.

(Портр. на этой стр.)

Въ одномъ изъ симфоническихъ собраній русскаго музыкальнаго общества за текущій сезонъ выступила у насъ молодая піанистка г-жа Друкеръ, сравнительно недавно окончившая с.-петербургскую консерваторію съ отличіемъ. Она исполнила одинъ изъ концертовъ своего знаменитаго профессора, Антона Григорьевича Рубинштейна, и имѣла выдающіеся успѣхъ, сопровождавшіеся поднесеніемъ цвѣтовъ и просьбами объ исполненіи разныхъ пьесъ сверхъ объявленныхъ въ программѣ. То же случилось съ этой талантливой піанисткой, когда она играла въ третьемъ квартетномъ собраніи того же русскаго музыкальнаго общества вмѣстѣ съ такими выдающимися виртуозами, какъ гг. Агъръ и Вержбиловичъ, и когда она выступила съ фортепианной партіей въ бетховенскомъ трио (Es-dur, op. 70). И тогда ей пришлось играть на bis нѣсколько разъ.

Все это сулитъ блестящую карьеру этой молодой артисткѣ, если она будетъ и впредь упорно развивать дарованія, которыми такъ щедро природа ее надѣлила: музыкальность, женственную грацію въ передачѣ поэтическихъ произведеній (Шопена и др.), достаточную силу удара въ мѣстахъ патетическихкихъ, пріятное туше и, что всего важнѣе для молодой артистки, художественное чутье. Г-жа Друкеръ за короткое время своей артистической карьеры успѣла, однако, уже завоевать себѣ имя, какъ за границей, особенно въ Берлинѣ и Кенигсбергѣ, гдѣ мѣстная печать отзывалась о ней чрезвычайно лестно, такъ и у насъ, въ Харьковѣ, Кіевѣ и другихъ музыкальныхъ центрахъ, гдѣ она выступала, то въ мѣстныхъ симфоническихъ собраніяхъ, то въ своихъ собственныхъ концертахъ. Г-жа Друкеръ много работаетъ и преимущественно надъ классическими произведеніями Бетховена, Шумана, Шопена, Рубинштейна, Брамса и другихъ корифеевъ фортепианной литературы; она вдумывается въ исполняемое и вноситъ въ игру темпераментъ и вкусъ.

В. Басинъ.

Летательный аппарат д-ра Данилевскаго.

(Рис. на этой стр.)

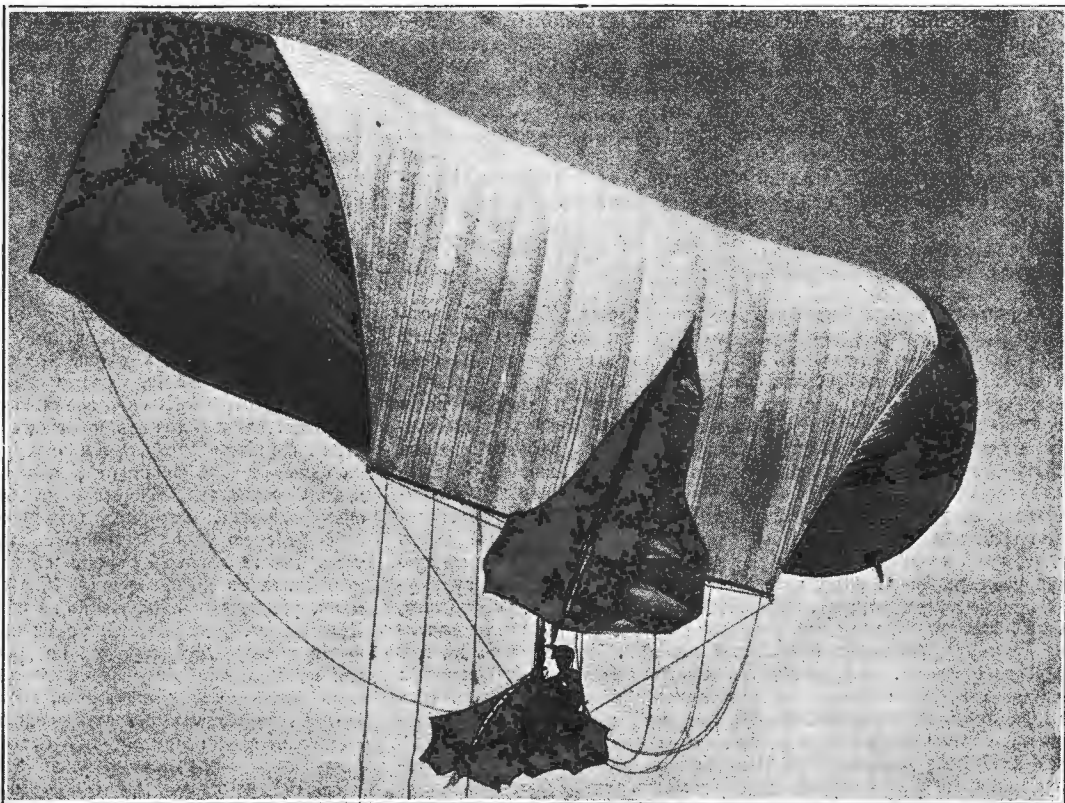
В концѣ прошлаго года были произведены въ Харьковѣ опыты съ летательнымъ снарядомъ д-ра Данилевскаго. На первый разъ изобрѣтатель имѣлъ въ виду провѣрить только свою основную идею, т. е. совершить при тихой погодѣ рядъ свободныхъ подъемовъ и опусканій безъ выбрасыванія балласта и выпусканія газа. Опыты прошли удачно: въ теченіе 2-хъ часовъ было сдѣлано до 25 свободныхъ подъемовъ и опусканій аппарата.

По своему устройству аппаратъ довольно простъ. Изобрѣтатель превратилъ шаръ въ 25—40 цилиндровъ, наполненныхъ водородомъ; эти цилиндры прикрѣплены къ легкой рамѣ, и ее можно искривлять въ различныхъ направленіяхъ. Рамъ съ цилиндрами (парусъ, аэропланъ) имѣетъ подъемную силу 6—7 пудовъ и, следовательно, тащитъ вверхъ человѣка, если вѣтъ балласта. Отъ паруса внизъ къ воздухоплавателю идутъ веревки; натягивая ихъ, человѣкъ поворачиваетъ парусъ подъ различными углами къ горизонту или придаетъ ему шарообразную поверхность. Изобрѣтатель полагаетъ, будто, при поворачиваніи паруса на 45° къ горизонту, можно при безвѣтріи дать поступательное движеніе впередъ и вверхъ; при обратномъ поворотѣ на тотъ же уголъ и при спускѣ внизъ приборъ движется внизъ и впередъ; придавая парусу шарообразную поверхность, можно, будто бы, летать противъ вѣтра. Повороты паруса производятся натяженіемъ веревокъ руками. Одновременно, однако, воздухоплаватель работаетъ и ногами: онъ привязанъ къ стойкѣ и передвигаетъ ногами колесо; отъ послѣдняго движеніе передается воздушному винту. Вотъ этотъ-то винтъ, вращаясь быстро, увеличиваетъ подъемную силу паруса и увлекаетъ приборъ вверхъ; при замедленіи вращенія машина (съ балластомъ) опускается кверху или держится неподвижно въ воздухѣ.

Научиться управлять шаромъ также не трудно. Простой мастеръ Петръ Косяковъ, въ первый разъ видѣвшій аппаратъ передъ самымъ полетомъ, провелъ всѣ эти опыты прекрасно и быстро освоился съ механизмомъ его. Летаніе совершенно безопасно въ тихую погоду, такъ какъ аппаратъ не можетъ самъ собой подняться или опуститься противъ желанія аэронавта. Стоимость cadaго аппарата сравнительно небольшая: цѣна его можетъ колебаться отъ 500 до 1.000 руб. въ зависимости отъ качества матеріи баллона.

Изобрѣтатель уже получилъ предложеніе экспонировать летательный аппаратъ на предстоящей парижской всемирной выставкѣ въ количествѣ ста экземпляровъ, предназначенныхъ какъ для демонстраціи, такъ и для эксплуатаціи ихъ.

Въ заключеніе приведемъ комическій эпизодъ, который случился во время опытовъ. Опыты эти производились во вѣтъ городского кладбища. Было совершено нѣсколько небольшихъ подъемовъ, окончившихся благополучно. Производившіе опыты начали было собирать снарядъ, чтобы везти его для дальнѣйшихъ усовершенствованій въ городъ, какъ вдругъ явился къ мѣсту опытовъ одинъ изъ знакомыхъ изобрѣтателя и попросилъ повторить опытъ въ его присутствіи. Летательный снарядъ снова приготовили къ полету. На снарядъ сѣлъ какой-то юный парикмахеръ. Предполагалось летательный снарядъ пустить на привязи, но печально веревка была упущена, и аэронавт-парикмахеръ пошелъ къ облакамъ. Полагали, что онъ погибъ. Къ счастью, аэронавт-парикмахеръ не растерялся и, сообразительно управляя снарядомъ, подившись

Новый летательный аппаратъ д-ра Данилевскаго въ Харьковѣ. По фотогр. автотипія „Нива“.

на высоту до 500 футовъ, понесся по направленію къ Ивановскому предмѣстью. Тамъ храбрый парикмахеръ какъ-то „скосялъ“ крылья снаряда и „турманомъ“ пошелъ внизъ. Спускъ, если не считать порядочныхъ ссадинъ, полученныхъ неустрашимымъ воздухоплавателемъ, состоялся благополучно. На Ивановку вскорѣ примчались (конечно, на колесахъ) производившіе опыты, и шаръ съ воздухоплавателемъ былъ благополучно доставленъ въ городъ.

Политическое обозрѣніе.

Вопросъ о новомъ китайскомъ займѣ для уплаты контрибуціи Японіи, которая иначе не очиститъ портъ Вей-хай-вей, заявилъ въ послѣднее время первое мѣсто въ борьбѣ политическихъ вліяній на берегахъ Тихаго океана. Особую энергію проявила Англія, разсчитывая привлечь на свою сторону и Японію, для которой не можетъ быть желательнымъ скоро очистить китайскую территорію и лишиться удобнаго наблюдательнаго пункта, откуда легко слѣдить за тѣмъ, что происходитъ у береговъ Небесной имперіи.

Хотя британскіе официальные кружки и выразили мнѣніе, что Англія должна-де оказывать „дружественное расположеніе Китаю“, тѣмъ не менѣе достаточно вынуждены въ предложенія англичанами условія, чтобы одѣлать, во что обойдется Китаю „дружба“ Англіи. Планъ британской дипломатіи былъ бы, конечно, осуществленъ безъ особеннаго труда, если бы только затѣи Англіи не шли въ разрѣзъ съ интересами другихъ державъ. Но, портъ Талиенванъ, объ открытіи котораго хлопочутъ англичане, входитъ въ сферу русскаго вліянія, ставящая какъ бы дополнительную гавань къ Портъ-Артуру;

сосѣдній же съ Тонкипомъ Нанкинъ входитъ въ сферу французскаго вліянія; въ томъ же положеніи находится провинція Ювань, черезъ которую англичане предполагаютъ продолжить бирманскую желѣзную дорогу; здѣсь больше всего и сталкиваются англійскіе интересы съ французскими. Такимъ образомъ домогательства Англіи естественно должны вызвать протестъ со стороны Россіи и Франціи.

По сообщенію лондонскихъ вліятельныхъ газетъ, въ Пекинѣ послѣдовали серьезныя представленія Россіи противъ англійскихъ предложеній. Вслѣдъ за этимъ лондонскіе офидіозные органы сообщали, что британскимъ военнымъ судамъ, стоявшимъ у Портъ-Артура, приказано оставить этотъ портъ.

Изъ всѣхъ разнорѣчивыхъ версій о дѣятельности британской дипломатіи на дальнемъ Востоцѣ, сталъ несомненнымъ фактъ, что великія державы не намѣрены допускать переговоровъ Англіи съ Китаемъ о займѣ. Такое положеніе дѣлъ отразилось на настроеніи лондонской печати; по мнѣнію министерскаго органа *Standard*, при существующемъ положеніи, маркизъ Салисбюри обязанъ исполнить свой долгъ; на дальнемъ Вос-

токъ должна уступить Россія или Англія; указывая на состоявшееся будто бы рѣшеніе о раздѣлѣ Китая безъ участія Англіи, упомянутый органъ предложилъ „проявить должную твердость“ въ интересахъ свободной торговли и равноправности; если же дѣло дойдетъ до войны, можно-де рассчитывать на поддержку Японіи. Въ то же время авторитетная *Morning Post* открыто заявила, что Англіи надо занять всѣ китайскіе порты—для дальнѣйшаго развитія британской торговли. Вместе съ тѣмъ британское правительство начало заботиться объ усиленіи флота, увеличеніи числа судовъ въ китайскихъ водахъ и вообще стало принимать мѣры, по которымъ можно было заключить, что вопросъ о дальнемъ Востокѣ вступилъ въ серьезный фазисъ развитія.

Англія упорно настаивала на признаніи Талиенвана вольнымъ портомъ, но русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Пекинѣ, заявивъ 13-го января китайскому правительству о готовности Россіи предоставить Китаю денежные средства на условіяхъ, предлагаемыхъ англичанами, энергично потребовала отклоненія услугъ Англіи. Представитель Франціи поддержалъ требованіе Россіи.

Такимъ образомъ въ Пекинѣ обострилась борьба русскаго вліянія съ англійскимъ. 15-го января телеграфъ извѣстилъ насъ, что въ Лондонѣ происходитъ чрезвычайныя совѣщанія министровъ подъ предѣлительствомъ маркиза Салесбюри. Затѣмъ, по лондонскимъ извѣстіямъ отъ 18-го января, Китай отклонилъ предложенія Англіи, предпочитая заключить заемъ черезъ посредство банкировъ.

По мнѣнію *Times'a*, отозваніе британскихъ судовъ изъ Портъ-Артура и Талиенвана повредило британскому престижу на

дальнемъ Востокѣ, слѣдствіемъ чего явился отказъ Китая отъ услугъ Англіи. По послѣднимъ извѣстіямъ, раздражительность англичанъ начинаетъ уже уступать мѣсто большей умѣренности. Наконецъ, по сообщенію изъ Пекина отъ 20-го января, Англія окончательно отказалась отъ условій, требующаго открытія порта Талиенванъ.

Уступчивость британской дипломатіи является вполне своевременной, такъ какъ англичанамъ предстоитъ не мало дѣла въ Индіи. Изъ Калькутты сообщаютъ отъ 18-го января, что четвертая бригада англо-индійскихъ войскъ, имѣвшая задачей вытѣснить афридіевъ изъ ихъ мѣста зимовки, пошла въ засаду: въ отрядѣ оказались убитые, раненые и пропавшіе безъ вѣсти. Это неожиданное событіе произвело сенсацию въ Лондонѣ, гдѣ на основаніи официальныхъ донесеній кампанія противъ афридіевъ считалась оконченной. Въ печати появились нападки на руководителей экспедиціи, началась рѣзкая критика правительства даже со стороны консервативныхъ органовъ. Стыгу на неумѣлое вѣдательство вице-короля Индіи, *Standard* требуетъ выясненія причины военныхъ неудачъ. Неблагопріятный исходъ экспедиціи противъ афридіевъ усилилъ въ Индіи глухое броженіе. Кроме того, недавно англо-индійскій отрядъ подвергся нападению возставшихъ племенъ въ Белуджистанѣ. Движеніе это ставится зياتоками азиатскихъ дѣлъ въ связь съ возстаніемъ горцевъ на афганской границѣ. Вообще, недовольство общественнаго мнѣнія ходомъ дѣла въ Индіи и въ Китаѣ,—даетъ богатый матеріалъ для парламентскаго запроса въ открывающуюся сессію: англичане ждутъ отъ правительства обстоятельныхъ разъясненій по всѣмъ текущимъ вопросамъ.

СМѢСЬ.

Автоматическая борьба съ нищенствомъ. Трудно бываетъ обыкновенно рѣшить, кто изъ обращающихся за чужою помощью дѣйствительно нуждается въ ней и кто лишь напускаетъ на себя личину. Американцы, однакоже, попробовали слѣдующимъ образомъ разрѣшить эту задачу. Исходя изъ того положенія, что въ помощи нуждается тотъ, кто и хотѣлъ бы работать, да лишены возможности къ этому, и что каждый, кто способенъ къ работѣ и готовъ принятъ за нее, долженъ получить къ этому возможность,—они рѣшили поступить такъ: уличная подача милостыни совсѣмъ исключается; зато во всѣхъ почти городахъ устраиваются автоматическіе податели милостыни. Послѣдніе представляютъ собою ничто иное, какъ машину, приводимую въ дѣйствіе руками и служащую для размала зерна, кофе, какао и т. п. или для зарядженія аккумуляторовъ электричествомъ. Нуждающийся въ пропитаніи, вмѣсто того, чтобы протянуть руку, въ которую ему, все равно, никто ничего не положить, обращается къ такой машинѣ. Проработавъ на ней извѣстное время, онъ получаетъ непосредственно отъ нея же и плату за трудъ, въ видѣ соответствующей монеты, автоматически высыпаемой ему машиной. Эти автоматическіе аппараты исполняютъ, такимъ образомъ, совершенно проглуположную роль, чѣмъ всѣ извѣстны до сихъ поръ. Въ обыкновенныхъ аппаратахъ требуется опустить въ отверстие монету, и за это аппаратъ выбрасываетъ соответствующій предметъ, въ новыхъ же, наоборотъ, самъ автоматъ выбрасываетъ деньги. Идея такой помощи бѣднымъ очень недурна и заслуживаетъ осуществленія и въ другихъ странахъ.

Цвѣта радуги, ихъ порядокъ и раздѣленіе зависятъ, по изслѣдованіямъ Цератера, отъ величины капель, образующихъ радугу. Бѣлая радуга появляется только въ туманѣ, при которомъ величина водяныхъ капелекъ въ воздухѣ не превышаетъ 0,05 миллиметра. Усиленная яркость фіолетоваго и розоваго цвѣтовъ, при довольно яркомъ зеленомъ или голубомъ, или даже при слабыхъ признакахъ голубого, показываетъ, что капли радуги—величиною отъ одного до двухъ миллиметровъ въ діаметрѣ. Если красный цвѣтъ слабъ, то приходится имѣть дѣло съ каплями приблизительно въ 0,5 миллиметра. При преобладающемъ желтомъ цвѣтѣ и недостаткѣ краснаго капли достигаютъ 0,3 или 0,2 миллиметра въ діаметрѣ. Чѣмъ крупнѣе капли, тѣмъ красивѣе бываетъ радуга и тѣмъ легче выступаютъ радуги боковыя.

Электрическіе утюги. Электротехника ни на минуту не останавливается въ своихъ трудахъ по привлеченію электрической энергіи на службу человечеству. Однимъ изъ поидѣйшихъ и наиболее интересныхъ примѣненій электрической силы является нагрѣваніе посредствомъ электричества, безъ огня. Въ Америкѣ, въ Индианополисѣ (штатъ Индиана), существуетъ съ недавняго времени цѣлое прачечное заведеніе, въ которомъ глаженіе бѣлья производится посредствомъ электричества. Заведеніе это устроено недавно при мѣстной больницѣ для душевно-больныхъ; работаетъ оно теперь всего три года, но успѣло дать за это время самыя блестящіе результаты. Упомянутая больница состоитъ изъ нѣсколькихъ зданій, расположенныхъ среди обширныхъ садовъ; какъ первыя, такъ и вторыя—всѣ освѣщаются множествомъ электрическихъ лампочекъ и фонарей. Электрическая энергія для этого развивается на специальной станціи. Не довольствуясь, однако, однимъ освѣщеніемъ, работу станціи примѣняютъ и къ другимъ хозяйственнымъ потребностямъ: къ движенію прачечныхъ, сушильныхъ, крахмальныхъ и т. п. машинъ. При такихъ

условіяхъ устройство электрической гладильни не представляло никакихъ затрудненій: электрическая энергія уже имѣлась подъ руками и обходилась очень дешево. Она же удешевила и процессъ глаженія бѣлья. Прежде всего, при электрическомъ способѣ глаженія потребовалось вдвое меньшее количество рабочихъ рукъ. Зависитъ это, главнымъ образомъ, отъ того, что электрическій утюгъ сохраняетъ свою температуру во время работы неизмѣнно на одной и той же высотѣ, а потому каждый взмахъ его производитъ одинаковое дѣйствіе на бѣлье, чего нѣтъ при утюгахъ обыкновенныхъ, которые, постепенно охлаждаясь, утрачиваютъ свою рабочую силу и требуютъ иногда по нѣскольку замаховъ тамъ, гдѣ за короткое время передъ этимъ достигали желаемого результата съ одного замаха. Уже это одно сберегаетъ массу времени, уходящаго обыкновенно на разогрѣваніе и переѣму утюговъ. Кроме того, электрическіе утюги не нагрѣваютъ воздуха въ помѣщеніи мастерской: при нихъ не требуется ни очага, необходимаго для разогрѣванія обыкновенныхъ утюговъ, ни угольевъ; температура мастерской сохраняется, поэтому, на надлежащей нормѣ и воздухъ не портится никакой копотью. Такія благопріятныя гигиеническія условія несомнѣнно благотворно отзываются на физическомъ состояніи работницъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ имъ возможность, не утомляясь, выполнять максимумъ работы, тѣмъ болѣе, что онѣ избавлены отъ необходимости заботиться о поддержаніи жара внутри утюговъ или о переѣмѣ ихъ. Электрическіе утюги, не имѣя никакого сопряженія съ огнемъ или угольями, всегда чисты, и этимъ, конечно, гарантируютъ качество работы; никогда не бывая ни слишкомъ горячими, ни слишкомъ холодными, сохраняя ровную температуру, они не жгутъ и не мнутъ бѣлья.

Пауки и телеграфъ. Всѣмъ давно извѣстна старинная истина, что маленькія, совершенно, повидимому, незначительныя причины влекутъ за собою нерѣдко очень крупныя, серьезныя послѣдствія; но едва-ли приходило кому-нибудь на мысль, чтобы маленькій паукъ былъ въ состояніи прерывать электрическій токъ, убійственно дѣйствующій даже на крупныхъ животныхъ, и этимъ причинять не мало неприяностей телеграфистамъ. А между тѣмъ, это, какъ оказывается, случается нерѣдко. По крайней мѣрѣ, въ Японіи неоднократно замѣчалось за послѣдніе годы, что электрическія проволоки совершенно утрачиваютъ способность передавать телеграмму, какъ только паукъ, свивая свою сѣтку, захватитъ въ нее и проволоку. Пауки вьютъ свои сѣти не только по вѣтвямъ деревьевъ и кустовъ, но сплошь да рядомъ пользуются и невысокими телеграфными столбами, проволоками и изоляторами, соединяя ихъ своею тонкою сѣткою съ землею. Сѣтбѣ подняться росъ и увлажнить сѣтку, какъ послѣдняя тотчасъ же является прераснымъ проводникомъ, отводитъ электричество изъ проволоки въ землю и такимъ образомъ приостанавливаетъ телеграфное сообщеніе. Доискавшись причины такихъ неожиданныхъ нерерывовъ въ передачѣ денешъ, въ Японіи не преминули поднять войну противъ маленькихъ нарушителей порядка: вооружили бамбуковыми метелками цѣлый отрядъ рабочихъ и поручили имъ стирать паутину съ телеграфныхъ столбовъ и проволоку. Борьба оказалась, однако, далеко не такою легкой, какъ ожидали: пауки съ гораздо большею быстротою успѣваютъ возобновить разрушенную сѣтку, чѣмъ работники—смести паутину. Пришлось японцамъ признаться, что легче побѣдить вооруженныхъ китайцевъ, чѣмъ этихъ маленькихъ насѣкомыхъ.

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ОТЪ

ЗАИКАНІЯ

И. Ю. ЭРНСТЪ, Москва, Б. Никитская, д. бывш. Чернова, кв. № 6.
Руководство къ самообученію 3 руб.

ПАРОВАЯ КРАСИЛНЦА ХИМИЧЕСКАЯ ЧИСТКА А. ДАНЦИГЕРЬ.

ОСНОВАНА въ 1893 г. въ РИГѢ.
Малая Конюшенная, № 16,
уг. Невскаго.

Наибольшая фабрика въ этомъ родѣ.
Элегантный магазинъ!

НАИЛУЧШЕЕ ИСПОЛНЕНІЕ!

Цѣны дешевыя и безъ запроса!
Иногород. заказы исполняются скоро.
Принимаю въ ХИМИЧЕСКУЮ ЧИСТКУ
и окраску всевозможныя гардероб-
ныя вещи „НЕПОРОТЫМИ“, какового
бы рода они ни были, и съ полнымъ
ручательствомъ, что старыя пятна
не возвращаются, и окрашенныя вѣ-
щи не пачкаютъ при носѣ.

Эссенція для завивки волосъ ГРАЦІОЗА.

Самыя красивыя и натуральныя локоны получаются посред-
ствомъ этой эссенціи, сохраняющей эластичность и прочность
завитыхъ локоновъ, и неизмѣняющіе свой видъ ни отъ потѣни,
ни отъ сырой погоды.

Флаконы 60 к. и 1 р., съ пересылкою 1 р. и 1 р. 40 к. Въ
Азіатскую Россію по разстолюю. Ц. № 10689
Складъ техно-химическихъ специальностей А. ГЕБГАРДТА.
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 96-14, уг. Надеждинской.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN

Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (79)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ EDELVEISCHEN

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинь.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ
магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

ЖЕЛАЮ КУПИТЬ

издѣіе въ черноземной полосѣ отъ 100—
1200 десят. Цѣну продав. им. прошу сооб-
щить: Москва, Мусская площадь, д. Ари-
стова, Казлицыну.

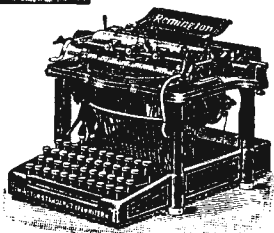
ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Какъ я излѣчилъ свою нервную болѣзнь,
IV изданіе, цѣна 28 коп.
Вѣрный путь къ достиженію сна, 28 коп.
Лѣченіе плеврита, 42 коп.
Цѣны (почтов. марк.) обозначены съ по-
ст. № 10898 ресылкою. 2-1
Адресъ: Эстляндія, г. Ревель, Широка
Песочная, 356, I. МЕЛЬМАНЪ.

CÉLÈBRE PAR SES QUALITÉS
en Vente partout

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Въ виду громаднаго успѣха, которымъ пользуется пишущая машина
„Ремингтона“, какъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, такъ
и въ частныхъ сферахъ, въ продажѣ появились РАЗНЫЯ ПОДДѢЛКИ,
распространяемыя подъ названіемъ: „усовершенствованныя Реминг-
тонъ“, „Новал Ремингтонъ“ и т. п. Ц. № 10532 12-9

Какъ единственныя представители завода „Ремингтонъ“ для всей
Россіи, считаемъ долгомъ увѣдомить, что наша гарантія распростра-
няется только на машины, приобретенныя въ нашихъ собственныхъ
складахъ или у агентствъ, нами специально уполномоченныхъ.

ВЫСОЧ. утвержд. Товарищество

Правленіе: Москва.

Отдѣленія:

С.-Петербургъ, Кіевъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Копенг., Ростовъ и Д.

М. Блок

1865.
Москва.

1870.
С.-Петербургъ.

1882.
Москва.

1896.
Нижн.-Новгор.

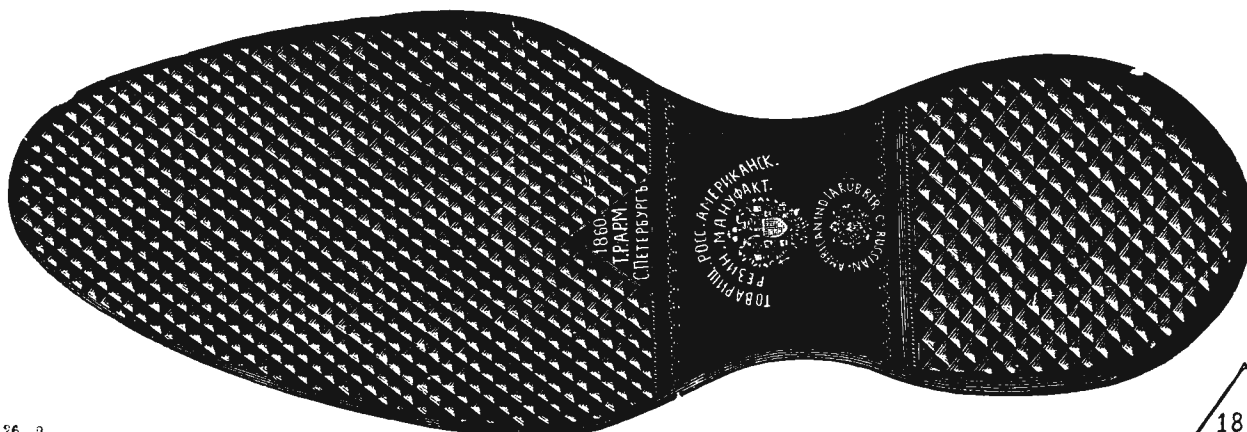
ТОВАРИЩЕСТВО

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 1045 26-2

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“,
и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

ЖИВНА

№ 6.

XXIX г.

1898 г.

Содержание:

ТЕКСТЪ. Дзми. Повѣсть П. А. Сергѣенко. (Продолженіе). — Денеша. Рассказъ П. Бонетона. — Великій князь Михаилъ Павловичъ. Къ столѣтню со дни его рожденія. — Рыба-амфибія. Очеркъ П. Ю. Шмидта. — Къ рисункамъ: Джульетта. — Поймали. — Пѣсня. — Боярышня. — Менузъ. — Урокъ танцевъ. — В. В. Пашутинъ. — Ольгинскій дѣтскій пріютъ трудолюбія близъ мызы Царской Славянки. — А. А. Архангельскій. — Пабло де-Сарасате. — Смѣхъ. — Разныя повѣстия. — Объясненія.

РИСУНКИ. Джульетта. Картина Е. Салоретти. — Поймали. Картина И. Казанова. — Пѣсня. Картина К. Пынѣева. — Боярышня. Картина К. Е. Маковского. — Менузъ. Картина Е. Л. Гарридо. — Урокъ танцевъ. Картина Е. Л. Гарридо. — Рыба-амфибія. Рогозубъ (Ceratodus forsteri). — Великій князь Михаилъ Павловичъ. — В. В. Пашутинъ. — Ольгинскій дѣтскій пріютъ трудолюбія близъ мызы Царской Славянки. Рис. 1. Главный домъ и центральная кухня. Рис. 2. Заль-церковь. — А. А. Архангельскій. — Пабло де-Сарасате.

При этомъ № прилагаются: 1) СОЧИНЕНІЯ И. С. ТУРГЕНЕВА, т. II (Сборникъ „Нивы“ за февраль); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за февраль съ 25 рис. и отд. листъ съ 30 чертж. вывр. въ нату. велч. и 12 рис. выпильныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

Удобный для танцевъ и домашняго развлечения

ОРГАНЪ-ИНТОНА

патентованный, съ 16 прочными стальными голосами, только 8 руб. Ноты къ нему металлическія только по 30 коп.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, В. Морская, 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ПАМЯТЬ

Листъ кажд. возр. укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 урокъ) профес. мимоникъ С. Фаиштейнъ. Одесса, уг. Пущинской и Ваг. ул., собствен. домъ, № 28. Условія и 2 бром. (въ 64 стран.) высл. за одну 7-ми коп. марку.

№ 10917 2) — 1

Прирейнское техническое училище въ Бингенѣ.

Машиностроение и электротехника. Программы высылаются безплатно.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА **НА ВСѢ МОДНЫЕ ЖУРНАЛЫ** въ разсрочку и съ наложеннымъ платежомъ. Москва, Неглянная, противъ Малаго театра.

Журналы послѣднихъ модъ В. Н. Альшвангъ.

Каталогъ высылается безплатно. Цѣны вѣтъ конкурренціи.

МЫСЛИ оъ основахъ житейской нравственности и счастья Н. В. Соколовскаго. Оглавл.: Права и обязан. человѣка. Высота учен. Христова. Любовь. Правила жизни. Наслѣдственность, воспитаніе и воля. Самовоспит. Совѣтъ. Слово и смѣхъ. Честность. Гнѣвъ. Скромность и гордость. Обращ. съ людьми. Трудъ. Порядокъ. Бережливость. Удовольствія. Здоровье. Богатство. Мужъ и жена. Дѣти, и проч. 60 коп. съ пер. Одобрена Уч. К. М. Н. Н. Адресъ: Екатеринбургъ. Н. В. Соколовскому, реально.

ФАРМАЛА-САШЪ КУМЫСНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ст. Пріютково, сам. злат. ж. д. О. Ф. МАКОВСКОЙ.

ЮВЕЛИРЪ В. К. ЭЙКЕНРОТЪ.

Заготовленъ въ зимнему сезону большой выборъ брилл., золот. съ драгоцѣн. камнями вещей. Принимаетъ въ обмѣнъ старое золото и камни на новыя вещи. Заказы исполняются въ собств. мастерской.

ПОКУПАЮ ПО ХОРОШЕЙ ЦѢНѢ жемчужныя нити, изумруды, рубины и брилліанты.

Москва, Камергерскій пер., д. Лянозова.

Новыя изданія В. С. Спиридонова: Библиотечка матерьяго читателя. Серия книгъ для дѣтей 8—12 л., изъ сочиненій извѣстныхъ писателей. Вышло 6 книгъ. Ц. за всѣ 1 р. 10 к., въ папкахъ 1 р. 62 к. Много лестныхъ отзывевъ въ печати. Первые два вып. одобрены Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. Сочиненія А. В. КРУГЛОВА:

Старь и новы. Повѣсти и рассказы. 352 стр. Ц. 1 р. 25 к. Содержаніе: Старички. Начка писемъ. Сграшній дядя. Вражье дѣло. Окно жизни. Наканунѣ. Проснулось. Дуракъ. Дешевля слезы. Лирическія аккорды.

Господа крестьяне. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Содержаніе: Бабай. Капитанъ изъ Веревля. Шалыганъ. Пріятный мужикъ. Канюкъ. Фармазонъ. На господскую ногу. Степанъ Улыхъ. Генеральскій Прохоръ. Печка. Улыственный мужикъ. Модница.

Стихотворенія. Наизч. томъ. 324 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Лѣсные люди. Очерки. Изд. 2-е. Ц. 1 р. въ папкѣ 1 р. 20 к.

Деревенскія модницы. Рассказъ. Ц. 15 к. Геніальный поморъ. (М. В. Ломоносовъ) Очеркъ для дѣтей. Съ 11-ю рисунк. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

Складъ изданій В. С. Спиридонова: Москва, Карет. рядъ, В. Спасскій пер., церковь. томъ. Высылаются съ наложен. платежомъ.

ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІИ

скоро и основательно выуч. всякаго посред. перен., влодѣ завѣн. усное препода. Услов. выс. брѣндъ А. П. Бобыръ. Невскій, Рейтарск., 23.

Avoir soin de designer la Source.

CELESTINS

GRÈS-GRILLE

HOPITAL

YICHU

SOURCES DE L'ETAT

Волищій дѣлать наружныя, внутреннія болѣзны электротер. Невскій, 54, кв. 7. Отъ 2—4 ноября 7 1/2 ч. в. № 10829 4—2

КУРСЫ ЯЗЫК. ЕЧИНАЦЪ

8 лз. Учат. соотв. нац. Дмитровскій, 1 (уг. Стремляной). Условія высл. безплатно.

ВОЗВРАТЯСЬ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ, обучаю заочно кройкѣ и шитью по новѣйшей французской методѣ «ВОРТА».

Плата впередъ не взимается. По окончаніи установленн. свидѣтельство. Условія высылаются безплатно.

Невскій, Фундуклеуская № 27. Е. Д. Ашмарина.

КАРДЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ. САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ въ РИГѢ, симъ имѣеть честь довести до свѣдѣнія любителей, что каталогъ сѣменовъ и пр. на 1898 г. изданъ и высылаются по требованію безплатно. Заведеніе существуетъ съ 1816 г.

ПИСТОЛЕТЪ ОГНЕВО!

Послѣдняя новостъ, замѣляетъ свички и карманный фонарь. Изящно! Безопасно!

Пистолетъ съ 100 зарядами . . . 2 р. 80 к.
Отдѣльно 2000 зарядовъ . . . 80 к.
Карманная чернильница „ИДЕАЛЬ“ 45 к., 2 за 75 к.

БѢГАЮЩАЯ СОБАКА прелестная заводная игрушка, движется посредств. передвиженія лапчкъ 1 р. 50 к.

ПРЕССЪ-БЮВАРЪ „АСБЕСТЪ“ очень практично и необходимо на письменномъ столѣ, всасываетъ чернила безукоризненно—95 коп., 3 за 2 р. 65 коп.

КУКЛА ПАРИЖАНКА съ 12 приборами 1 руб.

ДОМАШНІЙ ДРУГЪ Болье изящный 2 р. 50 к.

МАРТЫШКА ОБЕЗЪЯНА охотничій 3 руб. 50 коп.

дазаетъ по перекъ скоро вверхъ и внизъ 95 коп.

для модной ПРИЧЕСКИ гарнитуръ въ 3 гребенки 60 коп.

ЖИВАЯ ФОТОГРАФІЯ, книжками, 6 разныхъ за 1 руб. 50 коп.

ЖИВАЯ ФОТОГРАФІЯ, брелокъ 50 к., 3 за 1 руб. 25 коп.

ШАРЪ АНДРЭ, новѣйшій бенгальскій огонь, безопасно, очень эффектно для комнаты.

50 за 70 к., 100 за 1 руб. 25 коп., зак. перес. 22 коп., если нѣлож. платж.

ПЕРЛАМУТРОВЫЙ ПОРТМОНЪ, парижской изящной работы 1 р. 35 к.

БЕЗОПАСНАЯ БРИТВА

Роза ЛУЧШЕ ВСѢХЪ! ОСТЕРЕГАТЕСЬ! ПОДДѢЛОКЪ!

3 р. 50 к. Запасный ножикъ 1 руб. 25 к.

ПОЛНЫИ ПРИЗОРЪ 6 руб. 25 коп.

ПАРИЖСКОЕ КОШЕЛЕНЪ для золота 50 коп.

ДОРОЖНЫЙ САКЪ-ВОЯЖЪ прочная отдѣлка, хорошая шагреновая кожа, длинный ремень 2 руб. 75 коп.

Гг. заказчики, прошимъ дайте 2000 в., просяте высылатъ задатокъ.

Перес. наложен. платежомъ. **БАЗАРЪ МАРОКЪ** С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20-31.

БЕЗПЛАТНО ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ ОБУЧАЮ ЗАОЧНО КРОЙКЪ И ШИТЬЮ.

Доступная плата. Условія высылаются немедленно.

Москва, Малая Дворянская, д. Базакина.

Е. И. Венедиктовой.

Черезъ контору журнала **„СЧЕТОВОДСТВО“** (СІБ., Невскій, 64) можно выписать:

- 1) Двойную бухгалтерію въ популяр. очеркахъ, 2-е изд. Ц. 1 р.
- 2) Самоучитель двойн. бухгалт. Ф. Скубица, 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к.
- 3) Одобрены Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. Фабрично-заводское счетоводство, Л. Гомберга. Цѣна 4 руб. (Счетовоорганизціи и администраціи мелнчяного предпріятія). Теорія, практика и схемы.
- 4) Аналитическая карта бухгалтеріи. Ц. № 10873 3—2
- 5) Журналъ „Счетоводство“ за 1889—1893 годъ, по 6 руб. Богатый научный и практической матеріалъ. Программа высылается безплатно.

ПОЛЪКО 1 РУБ. 50 КОП.

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ для себя и знакомыхъ

ПОРТМОНЪ

со штемпельемъ, изъ прекрасной черной оловки, съ 5-ю отдѣленіями. 1 внутреннимъ закрытымъ для звонкой монеты и однимъ особо закрытымъ для золота. Корпусъ изъ одного куска, съ мех. замкомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для краски. Въ штемпель можно помѣстить имя, отч., фамилію и званіе, по желанію и корону. Дамскія изящныя по тѣмъ же цѣнамъ. Изъ тюлея, кожанъ штука на 40 коп. дорож. Цѣны съ пересылкой; въ Азіатскую же Россію съ прибавленіемъ части въвозныхъ. Налож. платежъ на 10 коп. дорож. Заказы исполняются немедленно по полученіи стоимости или задатка. Требованія прошу адресовать:

Въ контору ком. издѣлій **Ш. Е. ФРИДМАНА** Варшава, почтовый ящикъ № 511.

Поступило в продажу у всѣх книгопродавцевъ новое издание
Ф. ПАВЛЕНКОВА:

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВѢЧЕСТВО.

Социалистическая фантазія проф. Мантегацца. Пер. съ итальян. Съ 20 рис. Ц. 49 к.

До употребленія.

Послѣ употребленія.

ДЕПИЛАТОРИИ д-ра ТОМСОНА

вѣ порошкѣ. 3-1
Лучшее и совершенно безвредн. средство къ немедленн. удаленію волосъ на мѣстахъ, гдѣ ростъ ихъ нежелателенъ.
Цѣна коробки 1 р. 50 к.
Въ Петербургѣ имѣется въ продажѣ: у Г. Кошкина, Гостиный дворъ, № 19; у В. Нарикова, тамъ же, № 78; у М. Ушакова, тамъ же, № 83.
Требуйте только депилаторіи ТОМСОНА, такъ какъ бол. частью друг. средствъ производить вредное дѣйствіе на кожу.

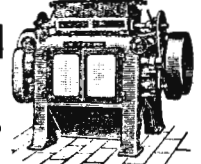
ТОЛЬКО РАЗЪ ВЪ ЖИЗНИ БЫВАЕТЪ ПОДОБНЫЙ СЛУЧАЙ. БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА

Одинъ изъ болѣешихъ имперіалскихъ заводчиковъ издалъ изъ своего завода „Британскіе“ (British Silver), который по виду и по качеству высколко не уступаетъ настоящему серебру, — выданные безъ всякаго исключенія распродажу всѣхъ своихъ товаровъ.
Дѣльцами пользуются въ Вѣнѣ австрійскаго знака этотъ заводъ поручивши. Поэтому желающіе могутъ получить отъ него на выходящую цѣну 12 руб. въ которую входить уже много улаченна въ Россіи вошла, пнмѣсающіе вещи: 4 штуки америк. патентован. (British Silver) столовыхъ ложекъ съ настоящими англійскими канцелярскими
6 штукъ америк. патентован. (British Silver) столовыхъ ложекъ.
12 „ „ „ „ чайныхъ ложекъ.
1 „ „ „ „ большая разная ложка.
2 „ „ „ „ поставокъ для янса.
6 „ „ „ „ фруктовъ лопатъ бронзовою сталью съ фарфоровыми черенками. (Vieux Saxe.)
6 „ „ „ „ вилочекъ.
2 „ „ „ „ америк. патентован. столовыхъ посѣдички.
2 „ „ „ „ сѣтка-ложка для чая.
1 „ „ „ „ сѣтка-ложка для сахара.
Всего 50 штукъ; стоить только 18 руб.
Желающіе воспользоваться рѣдкимъ случаемъ просить поспѣшить своимъ заказамъ, ибо продажъ будетъ производиться только покада хватитъ выданнаго запаса товара.
Съ требованіемъ можно обращаться на русское языкѣ. Вещи высылаются по полученіи денегъ или выложеніемъ платежей.
Всего 50 штукъ стоить только 12 руб. Желающіе воспользоваться рѣдкимъ случаемъ просить поспѣшить своимъ заказамъ, ибо продажъ будетъ производиться только покада хватитъ выданнаго запаса товара.
Съ требованіемъ можно обращаться на русское языкѣ. Вещи высылаются по полученіи денегъ или выложеніемъ платежей.
Адресовать письма просить: **ИХЪ, EXPORTHAUS, Wien, II Praterstrasse Nr. 24.** Всѣмъ вышесказаннаго 50 штукъ стоить съ упаковкою только 12 руб. Въ цѣну вложено уже улаченнае нами сообще.

КОНТОРА И СКЛАДЪ МАШИНЪ.

К. ЛЮКЕ Мясницкая, домъ Давыдова и, бывшій **МОСКВА.**
СПИРИДОНОВОЙ
ПАРОВЫЯ МАШИНЫ,
ЛОКОМОБИЛИ, ТУРБИНЫ, ВАЛЬЦОВЫЯ СТАННИ
и **ВСѢ ДРУГІЯ МЕЛНИЧНЫЯ МАШИНЫ и ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.**
ГОТОВЫЯ МЕЛНИЦЫ **„ХОЗЯИНЪ“** **„ЭКОНОМЪ“**
для **КРЕСТЬЯНСКИХЪ и** для очистки обраб. малл.
ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ **ПРОДАНА и ВЫПИСКА**
МЕЛНИЦЪ. **МАШИНЪ**
ПЕРОСИНОВЫЕ и НЕФТЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ. для всѣхъ фабрикъ и за-
водовъ.
Телеграммы: **КАЛОМЕ, МОСКВА.**

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованному способу изготовленія часовъ я имѣю возможность продавать съ 1 января с. г., самыя элегантныя и прочныя **МУЖСКІЯ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличаеыме, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, механизмы самой лучшей конструкции, съ прекрасною цѣлочкою, тоже американскаго золота, съ бредокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, или съ портретомъ, согласно присланной фотографической карточки, вмѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.
Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящіе золотые, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе.
Такіе же **ДАМСКІЕ** дороже на 1 рубль. Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Высылаю вслѣдъ вывѣрченна часовъ по полученіи задатка 2 руб., остальное же наложеннымъ платежемъ.
А ДРЕСЪ:

Ш. БИТКЕРЪ

складъ швейскихъ и американскихъ часовъ въ Варшавѣ, Сенаторская № 27 и Вербовая № 11, противъ Правительственнаго театра.

Во набѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземпляръ снабженъ пломбою фирмы, утвержденной Департаментомъ торговли и мануфактуръ за № 29593/435.

Навленіемъ изъ аттестаций, полученныхъ мною складами: Милостивый государь Г. Биткеръ. Убѣдившись въ добросовѣстности исполненія Вашимъ магазиномъ иногородныхъ заказовъ, я отъ всей души приношу вамъ глубокую благодарность за высланные мнѣ въ село Насанду часы накладнаго золота, такъ какъ прочность высланнаго превзошла мои ожиданія, прошу еще выслать часы и т. д.
Съ почтеніемъ **А. Н. Воронинъ.** 40/97 г. Пермь.

В. М. Милостивый государь Г. Биткеръ. Начальникъ Нижнеудинской Конвойной Команды. Нижние чины вѣрной мнѣ команды, выисавше изъ Вашего магазина вещи, очень довольны выполненіемъ заказа и просятъ передать Вамъ глубокую благодарность за полученныя вещи. Прому принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи. Капитанъ **Гамъ.** Д-кабря 11 дня 1897 г. № 812. г. Нижнеудинскъ, Ируг. губ. № 10884-4-2

ВНИМАНІЮ ДАМЪ.

Нѣтъ ничего изящнѣе, какъ одѣваться по модному журналу вѣчно-извѣстный „ВѢНСКІЙ ШИКЪ“, мнѣ въ 3-хъ на русскомъ, франц. и нѣм. языкахъ
За 1 р. 60 к. высылается наложеннымъ платежемъ послѣдній номеръ.
Отдѣленіе конторы редакціи „Вѣнскій Шикъ“: С.-Петербургъ, Невскій, 80.

А. ГЕНКЕ и К^о.

СЛУЧАЙНЫЯ ВЕЩИ.

Москва, пассажъ Соколовникова, входъ съ Неглиннаго.

ВСЕ:

разн. МЕБЕЛЬ, бронза, картины, пианино зеркала, жакобы и проч. и проч. вещи.
ПОЛНЫЯ ОБСТАНОВКИ.

ИЗЪПОТРЕБЛЯЙТЕ
Духи „Капризъ Жевы“ **ИЗЪПОТРЕБЛЯЙТЕ**
МЫЛО „ВЕЛОТИНЪ ЕЛИЗАБЕТЪ“ **ИЗЪПОТРЕБЛЯЙТЕ**
ПРИДАЕТЪ КОЖѢ НѢЖНОСТЬ и БЛИЗКУ АРОМАТЪ

С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

ГЛ. СКЛАДЫ: С. ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСКАЯ УЛИЦА Д. № 12. МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ Д. ШЕРЕМЕТЬЕВА. ВАРШАВА, НОВЫЙ СВѢТЪ 37.

СЪМЯННЫЙ МАГАЗИНЪ Г. ЛАУБЕРЪ

С.-Петербургъ, Малая Конюшенная, 5.
честь имѣетъ сообщить почтеннѣйшей публикѣ о выпускѣ на 1898 годъ новаго каталога свѣжихъ огородныхъ, луговыхъ, цвѣточныхъ и древесныхъ сѣмянъ, который по желанію высылается бесплатно. № 10913 2-2

ИЗВѢСТНЫЯ ВЕЛОСИПЕДЫ ГУМБЕРЪ

предлагаетъ **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Георгіи ЖЕМЛІЧКА и К^о.**
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прѣять-курanty по требованію. 18-3

!!НОВОСТЬ!!

Разрѣшенъ на общихъ основаніяхъ торговли, какъ не содержащій въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ

CRÈME VENUS.

(КРЕМЪ ВЕНЕРЫ).
Есть **НОВОЕ КОСМЕТИЧЕСКОЕ** изобрѣтеніе.
КРЕМЪ ВЕНЕРЫ замѣняетъ румяна и бѣла, вызывая на лицѣ **РУМЯНЕЦЪ, НЕСУБЪЮЩИЯСЯ и НЕИСЧЕЗАЮЩИЙ** отъ пота.

Цѣна банки 1 руб. 50 коп.
ПРОДАЖА ВО ВСѢХЪ АПТЕКАРСКИХЪ и ПАРФЮМЕРНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ РОССІИ.
Главный складъ для Россіи у Торг. Дома С. Ф. Поповой и К^о. Москва-Петровка. Ц. № 10894 8-2

Способъ употребленія:

Натеревъ лицо Кремь Венеры, оставляютъ кремъ минутъ 2-3, а затѣмъ все смывають комнатной водою съ мыломъ. Послѣ того, на лицѣ появляется превосходный румянецъ, который держится въ продолженіе многихъ часовъ. Это дѣйствіе и составляетъ новостъ, такъ какъ этии Кремь Венеры вытѣсняють собою доселѣ извѣстныя румяна.

САРАТОВСКІЯ САРПИНКИ

ИЗЯЩНАЯ ЛЕГКАЯ ТКАНЬ
ДЛЯ ПЛАТЬЕВЪ и БѢЛЫ.

Образцы - 337 рисунковъ - въ Альбомѣ
высылаются за 56 к. почтов. марками. Фабрикантъ, торговый домъ **А. БЕНДЕРЪ съ С-ми и В. БЕНДЕРЪ.** МОСКВА, ПЕТРОВКА.

на лѣто 1898 года.

С. № 10912-2

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (100)

Его избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

XXIX г.

№ 6

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIX

1898

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 7 февраля 1898 г.

Цѣна этого № 20 к. съ пер. 25 к.

Открыта подписка на „Ниву“ 1898 г. Подробности см. въ концѣ этого №.

При семь прилагаются: 1) **СОЧИНЕНІЯ И. С. ТУРГЕНЕВА, т. II (Сборникъ «Нивы» за Февраль);** 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА ФЕВРАЛЬ 1898 г.** съ 25 рис. и отдѣл. листъ съ 30 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 12 рис. выпильныхъ работъ.

Джульетта. Съ картины Е. Сапоретти, по фот. Уніопъ, въ Мюнхенѣ, грав. Эдлеръ.

Д э з и.

Повѣсть

П. А. Сергѣенко.

(Продолженіе)

Въ первыхъ числахъ августа, послѣ томительно-жаркихъ дней, температура воды сразу понизилась и съ горь подулъ сильный вѣтеръ — самъ „дѣдъ Нордосъ“. Онъ стремительно налеталъ на деревья, трепалъ ихъ, нагибалъ до земли и опрокидывалъ все встречное на своемъ пути. Избавиться отъ него не было возможности. Онъ продувалъ стѣны, забирался во всѣ щели, завывалъ па всѣ лады, свистѣлъ, стоналъ. Море ревѣло и металось, какъ раненое. Жизнь въ *Левадѣ* затихла. Катера перестали ходить. Всякое сообщеніе съ остальнымъ міромъ прекратилось. По ночамъ становилось такъ холодно, что Герливановъ ежилелъ и дрожалъ подъ своимъ лѣтнимъ одѣяломъ.

Но вотъ Нордосъ рванулся изъ всѣхъ силъ и точно оборвался. Кругомъ все ожило и засіяло. Воздухъ сдѣлался чистъ и мягокъ. Герливановъ невольно вспомнилъ грека, увѣрившаго, что „Нордосъ очищаетъ страну“.

Море стихло и заблестѣло лазурью. Дэзи выразила желаніе совершить прогулку по морю и направилась съ Герливановымъ къ духану, гдѣ всегда можно было найти Османа, курившаго трубку и продававшаго рыбу или овощи. Османъ сидѣлъ на землѣ, по-турецки, поджавъ подъ себя ноги и попурия голову. Видъ у него

былъ удрученный. Дэзи издали замѣтила это и поспѣшила къ Осману.

— Добрый день, Османъ! Что съ тобою?

Онъ кроткимъ взглядомъ привѣтствовалъ ее и вздохнулъ.

— Плохо, хорошъ барышня! Нордось фелюгу попортиль. Ъхать нельзя. Жена заболѣла. Всу ночь кричалъ. Теперь кричить.

— Почему же ты не обратился къ доктору Березняку? — спросила съ участіемъ Дэзи. — Онъ хороший и сейчасъ бы помочь.

Османъ потушился и опять вздохнулъ.

— Нельзя, хорошъ барышня! Нельзя мужчинъ къ женщинамъ бывать.

Герливановъ увидѣлъ у пристани фелюгу Гагарина и сказалъ:

— Вонъ яхта Гагарина. Онъ нѣсколько разъ уже намекалъ, что мы не даемъ ему зарабатывать.

— Нѣтъ-нѣтъ! Не надо, — поспѣшно заявила Дэзи: — тетя что-то не особенно хочетъ сегодня кататься. Поѣдемъ въ другой разъ.

И, поговоривши еще съ Османомъ, она извинилась передъ Герливановымъ и быстро пошла къ Березнякамъ.

Вечеромъ Герливановъ, по привычкѣ, завернулъ къ Казанцеву. Но Дэзи не вернулась отъ Березняковъ, и чай отпили безъ нея. Марья Осиповнѣ это, видимо, было не по душѣ, и она даже косвенно высказала свое неудовольствіе, заявивъ въ общей формѣ, что порядокъ въ государствѣ или въ семьѣ возможенъ только тогда, когда всѣ члены строго соблюдаютъ установленныя правила. Пробыло 11 часовъ. Дэзи не было. У Марьи Осиповны лицо вытянулось отъ неудовольствія, и она сидѣла неподвижно. Казанцевъ старался увлечь ее въ бесѣду, но тщетно.

На другой день Дэзи къ обѣду не вышла. Герливановъ сѣлъ и вопросительно взглянулъ на Марью Осиповну.

— А Маргарита Павловна?

— Она у одной больной и къ обѣду не придетъ, — отвѣтила Марья Осиповна привѣтливо, но на лицѣ ея лежала тѣнь.

Онъ догадался, что Марья Осиповнѣ неприятно отсутствіе Дэзи, и больше не поднималъ о ней вопроса. Къ концу обѣда появилась жена Березняка и, узнавъ, что Дэзи пѣтъ, промолвила участливо:

— Напрасно вы, Марья Осиповна, позволите Дэзи быть около тифозной.

На лицѣ Марьи Осиповны выступили красныя пятна. Она выпрямила свой станъ и сказала официально:

— Дэзи не дѣвочка, и сама должна знать, что она дѣлаетъ.

Выяснилось, что Дэзи провела всю ночь у жепы Османа, заболѣвшей тифомъ, и приходила домой лишь на нѣсколько минутъ. Казанцевъ началъ кротко упрекать Марью Осиповну, сочувствуя ей, но не рѣшался осуждать и Дэзи.

На Герливанова поступокъ Дэзи произвелъ сильное впечатлѣніе: ея духовный обликъ началъ ему рисоваться въ повомъ свѣтѣ.

Прошло двѣ недѣли. Кризисъ болѣзни у жены Османа миновалъ благополучно, и она быстро поправлялась. Въ *Леваду* пріѣхалъ членъ интеллигентной земледѣльческой колоніи.

Казанцевъ очень интересовался этой колоніей, находившейся въ 40 верстахъ отъ *Левады*. Но отсутствие экипажей и неудобные пути сообщенія не позволяли ему посѣтить колонію. Пріѣхавшій въ рессорномъ фургононѣ колонистъ предложилъ Казанцевымъ воспользоваться фургономъ, какъ наиболѣе удобнымъ экипажемъ.

Казанцевъ и Дэзи приняли предложеніе и рѣшили пріѣхать изъ колоніи на *Новый Авонъ*, а оттуда парходомъ вернуться въ Новороссійскъ.

Герливановъ тоже интересовался интеллигентной колоніей, но ему хотѣлось поскорѣе окончить пьесу, и онъ былъ даже отчасти радъ временному отъѣзду Дэзи и Казанцева. Безъ нихъ ничто постороннее не будетъ вторгаться въ его жизнь, и онъ скоро окончитъ пьесу. Въ головѣ у него все уже было готово.

И первый день по отъѣздѣ Казанцева и Дэзи пролетѣлъ для него незамѣтно. Онъ былъ увлеченъ отдѣлкой одной важной сцены. Но когда наступилъ вечеръ, и съ моря повѣяло прохладой, Герливановъ почувствовалъ, что ему чего-то недостаетъ.

Второй день показался ему уже значительно длиннѣе, и работа у него шла вяло. Когда же наступилъ вечеръ, Герливановъ уже отчетливо сознавалъ, что ему не хватаетъ Дэзи и Казанцева, которые незамѣтно вплелись въ его жизнь. Безъ нихъ существованіе его въ *Левадѣ* казалось ему не полнымъ, точно его лишили моря или окружающихъ горъ. Онъ былъ у Марьи Осиповны, заходилъ къ Гагарину и къ Березнякамъ. Но вездѣ ему показалось скучно, какъ на желѣзнодорожной станціи въ ожиданіи поѣзда.

На третій день Герливановъ совсѣмъ заскучалъ и не могъ работать.

Послѣ обѣда Марья Осиповна рассказала ему нѣсколько эпизодовъ изъ жизни Павла Викторовича и Дэзи. Она говорила съ теплымъ материнскимъ чувствомъ и, по обычаю преданныхъ людей, заглазно отпосилась къ Дэзи гораздо восторженнѣе, чѣмъ въ ея присутствіи. Герливановъ съ удовольствіемъ слушалъ рассказы Марьи Осиповны и въ заключеніе убѣжденно заявилъ, что Дэзи, дѣйствительно, замѣчательная дѣвушка, и счастливъ будетъ тотъ, кто покоритъ ея сердце.

При этихъ словахъ Марья Осиповна кинула на Герливанова какой-то особенный взглядъ и перевела рѣчь на Павла Викторовича.

Отъ Герливанова не укрылся этотъ взглядъ, и онъ почему-то смутилъ его.

Когда онъ пришелъ домой, ему опять вспомнился странный взглядъ Марьи Осиповны. Почему она такъ посмотрѣла на него?

Герливановъ улыбнулся.

Не воображаетъ ли она, что онъ влюбленъ въ Дэзи? Это было бы очень странно съ ея стороны... Развѣ онъ хоть однимъ словомъ далъ когда-нибудь поводъ думать это? Она очень ему нравится, какъ талантливая и интересная дѣвушка. Но она не менѣе нравится и Гагарину, и полковнику Щелкову, и доктору Березняку, и всѣмъ. И развѣ изъ этого слѣдуетъ, что всѣ влюблены въ нее? Наконецъ, она вовсе не изъ такихъ женщинъ, въ которыхъ „влюбляются“. Въ ней есть что-то слишкомъ независимое, не поддающееся мужскому вліянію.

VIII.

Всю педѣлю Герливановъ провелъ въ томленіи. Когда наступилъ, наконецъ, день, въ который должны были пріѣхать Казанцевъ и Дэзи, то Герливановъ уже съ утра началъ волноваться и все время находился въ такомъ состояніи, какъ будто ему предстояло ѣхать къ вѣнцу. Когда въ два часа дня катеръ началъ приближаться къ левадской пристани, Герливановъ казался, что сердце у него выскочитъ изъ груди. Дэзи стояла у борта и привѣтствовала его по-англійски, трепля въ воздухѣ кистью руки.

Катеръ еще не коснулся пристани, когда Герливановъ сдѣлалъ скачокъ и очутился около Дэзи. Онъ чувствовалъ, что лицо его пылаетъ. Дэзи весело и привѣтливо поздоровалась съ нимъ и, смѣясь, начала нагружать его великими пакетами и коробками. И всякій разъ, когда она прикасалась къ нему широкими рукавами изъ свѣтлаго шелковистаго сатина го-

рошкѣмъ, онъ чувствовалъ, будто отъ нея исходитъ какая-то лучистая теплота и наполняетъ его душу неизъяснимой сладостью. Онъ смотрѣлъ на нее сияющими глазами и любовался ея кофточкой, фигурой, движеніями.

Казанцевъ остался на катерѣ получать багажъ.

Отойди нѣсколько шаговъ отъ пристани, Герливановъ повернулъ къ Дэзи свое оживленное лицо и проговорилъ съ чувствомъ:

— Безъ васъ, Маргарита Павловна, здѣсь было такъ скучно, какъ будто солнце погасло.

— Мы тоже скучали по васъ, — проговорила сердечно Дэзи.

И по тону, какимъ Герливановъ произнесъ свои слова, а Дэзи ему отвѣтила, онъ ясно почувствовалъ, что между ею и имъ возникло что-то новое, и что она вдругъ сдѣлалась для него самымъ дорогимъ существомъ въ мірѣ. Эта мысль такъ взволновала его, что нѣкоторое время онъ не могъ произнести ни слова. Наступившая пауза еще больше подчеркнула ихъ настроеніе. Дэзи заговорила первая и начала спрашивать Герливанова о его пьесѣ. Онъ съ поспѣшностью отвѣчалъ, радуясь, что, разговаривая о пьесѣ, можетъ скрыть свое волненіе.

Когда они пришли домой, и Герливановъ узналъ, что къ обѣду Дэзи хочетъ приготовить для отца привезенныя ими маринованныя рыбки „султанки“, онъ вызвался помочь ей. Они отправились на кухню и, засучивъ рукава, начали чистить „султанки“. Дэзи минутно указывала Герливанову на его погрѣшности и приближала къ нему свои руки съ золотистымъ пушкомъ. Посыпавъ „султанки“ перцемъ и поливъ ихъ во вкусъ Казанцева прованскимъ масломъ и уксусомъ, Дэзи повела Герливанова мыть руки въ маленькую, полутемную комнату, гдѣ пахло зубнымъ эликсиромъ и мягкимъ порошкомъ. Когда она взяла въ руку кувшинъ и начала заботливо лить воду на руки Герливанова, имъ овладѣло такое влеченіе къ ней, что онъ долженъ былъ сдѣлать усиліе надъ собою, чтобы не признаться ей въ любви. И все время, до обѣда и за обѣдомъ, онъ имѣлъ такой видъ, какъ будто получилъ откуда-то неожиданно радостнѣйшую вѣсть и собирался ее объявить своимъ друзьямъ. Въ движеніяхъ Дэзи, въ ея голосѣ и манерѣ говорить (она отчеканивала нѣкоторыя слова и произносила букву „р“ мягко, по-англійски) Герливановъ открылъ тысячи очаровательныхъ оттѣнковъ, которыхъ не замѣчалъ прежде. И о чемъ она ни говорила, что ни дѣлала, — все казалось ему исполненнымъ ума и изящнаго вкуса.

Но послѣ обѣда Казанцевъ, прочитавши письма, полученныя въ его отсутствіе, вдругъ огорошилъ Герливанова словами:

— Намъ придется сократить наше пребываніе въ Ливадіи и уѣхать отсюда черезъ нѣсколько дней.

Герливановъ былъ такъ ошеломленъ этимъ извѣстіемъ, что нѣсколько секундъ растерянно смотрѣлъ на всѣхъ.

Во время прогулки по берегу онъ почти не отходилъ отъ Дэзи и понималъ только то, что относилось къ его чувству. Какъ только начало вечерѣть, Павелъ Викторовичъ предложилъ поспѣшить домой, увѣряя, что онъ такъ проголодался безъ музыки, какъ будто былъ лишенъ этого удовольствія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Дэзи ускорила шаги и, придя домой, отказалась отъ чаю, чтобы поскорѣе доставить отцу удовольствіе. Черезъ минуту она подошла изъ залы къ окну, выходившему на террасу, и спросила съ полуулыбкой:

— Папа, хочешь сонату: „Тимуръ любилъ“.

— Нѣтъ, Дэзи! Ужъ лучше сыграй 17-ю сонату, — отвѣтилъ Казанцевъ, съ такою же полуулыбкой.

Дэзи взяла широкую тетрадь и, держа ее на вѣсу, обратилась къ Герливанову:

— Михайлъ Николаичъ, будьте судьей между мною и моимъ отцомъ. Тети, по обыкновенію, лицепріятна и держитъ его сторону. Вы знаете 17-ю сонату Бетховена?

— Плохо помню, Маргарита Павловна!

— Тѣмъ лучше. Прислушайтесь и скажите, что вамъ будетъ рисоваться въ моемъ исполненіи.

Герливановъ сдѣлалъ знакъ согласія и съ живостью придвинулся къ окну. Ему показалось, что въ словахъ Дэзи было нѣчто въ родѣ вызова судьбы: „пойметъ онъ то, что Дэзи хочетъ сказать ему своею игрою, значить, души ихъ близки и родственны. И онъ при первомъ же случаѣ скажетъ ей о своей любви. Не пойметъ онъ ее, значить, они — чужіе“.

И Герливановъ принялъ вызовъ, занявши такое положеніе, чтобы видѣть Дэзи. Съ террасы ему былъ виденъ ея силуэтъ съ освѣщенной правой щекой.

Дэзи наклонилась къ пиюитру и взяла медленный аккордъ. Герливановъ сосредоточилъ все свое вниманіе. И чѣмъ глубже онъ вникалъ во внутренній смыслъ звуковъ сонаты, тѣмъ картиннѣе она казалась ему. Сквозь разнообразныя сочетанія, преимущественно на басовыхъ нотахъ, ему отчетливо слышались два различныхъ начала, два характера, какъ бы борющихся между собою. Одинъ характеръ являлъ собою нѣчто могучее, властное, непреклонное. Другой же, напротивъ, былъ кротокъ, робокъ и только какъ бы вслѣдствіе вѣншей необходимости заявлялъ о себѣ.

Столкновеніе этихъ двухъ началъ было главнымъ узломъ первой части сонаты, закончившейся полу-примирительнымъ аккордомъ.

Во второй части сонаты опять сплетались въ различныхъ звуковыхъ сочетаніяхъ тѣ же два начала. Но между ними уже чувствовалось нѣкоторое сближеніе. Въ бурномъ басовомъ рокотѣ проскальзывали горичіи ноты. Рѣзкость все смягчалась, а мягкость и нѣжность увеличивались; и къ концу сонаты въ Герливановѣ уже не было сомнѣній, какое начало одержитъ побѣду.

Закончилась соната легкой замирающей зыбью.

Герливановъ связалъ полученныя разрозненныя впечатлѣнія общей идеей торжества женской любви надъ грубой силой, взявши героемъ Аттилу, и выразилъ очень картинно свою мысль. Дэзи обернулась къ отцу.

— Папа, слышишь? Мы не сговаривались съ Михайломъ Николаевичемъ. Онъ передалъ, конечно, все поэтичнѣе, чѣмъ я. Но мысль у насъ, какъ видишь, одна и та же.

Казанцевъ уступчиво промолвилъ:

— Можетъ-быть. И, можетъ-быть, потому, Дэзи, что я старъ, а вы молоды. Миѣ, напротивъ, эта соната кажется наиболѣе философской изъ всѣхъ произведеній Бетховена.

И Казанцевъ началъ пояснять свою мысль, расчленивъ нѣкоторыя части сонаты. Но Герливановъ машинально кивалъ головою, почти ничего не понимая изъ рѣчи Казанцева. Всѣ его мысли были сосредоточены на Дэзи, и онъ думалъ съ сияющими глазами:

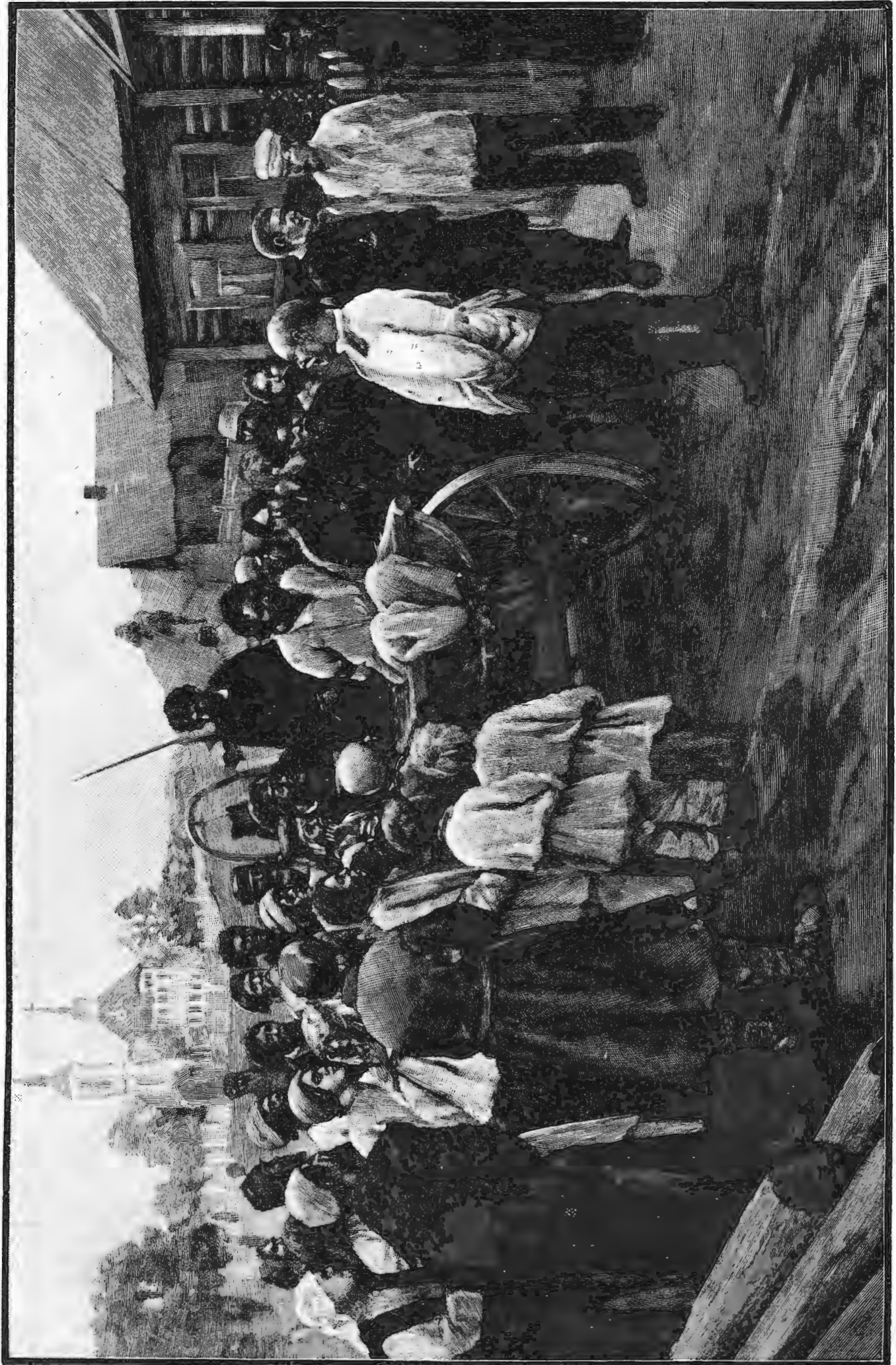
„Значить мы свои... свои!“

Вдругъ изъ темноты раздался грубый голосъ:

— Можно войти усталому путнику?

И на лѣстницѣ террасы показалась плечистая фигура Гагарина въ соломенной шляпѣ съ опущенными широкими полями. Онъ вернулся съ рыбной ловли и держалъ въ сѣтчатоу мѣшочекъ для Марьи Осиповны нѣсколько серебристыхъ кефалей. Она поблагодарила его и предложила чаю. Гагаринъ съ жадностью выпилъ два стака чаю, громко хрустя сахаромъ на зубахъ, затѣмъ пошевелилъ своими густыми усами, какъ будто подъ ними пробѣжало что-то, и спросилъ:

— Дэзи Павловна, хотите насладиться замѣчательнымъ зрѣлищемъ?

Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ. „Поймали“. Съ картицы И. Казакова, грав. И. Павлова

Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ. „Пісня“. Съ картици К. Пын'ева, автотипія „Илва“.

— А что для этого надо сдѣлать, Мартынь Егорычъ?

— Поѣхать сейчасъ на лодкѣ. Сегодня вы увидите такую фосфоресценцію воды, какая и во снѣ не всякому приснится.

Дэзи, никогда не выдавшая этого интереснаго явления, изъявила согласіе. Но Марья Осиповна только подѣ тѣмъ условіемъ соглашалась на поѣздку Дэзи, если она одѣнется потеплѣе. Дэзи мигомъ сбѣгала въ свою комнату и вернулась въ плотно-облежавшей ея станъ кофтѣ изъ бѣлой шерсти съ большими костяными пуговицами.

Ночь была темная, точно передъ глазами находился огромный погребъ.

Дэзи отказалась отъ предложенной Гагаринымъ помощи и смѣло пошла впередъ, предостерегая мужчинъ, когда они приближались къ отдыхающимъ на улицѣ коровамъ. Герливановъ въ душѣ благословлялъ Гагарина, придумавшаго эту прогулку. Онъ чувствовалъ около себя Дэзи и еле сдерживалъ рвавшееся изъ груди признаніе. И онъ мысленно слагалъ ей нѣчто въ родѣ гимна, будучи убѣжденъ, что она своей душою услышитъ голосъ его души.

Дойдя до пристани, Гагаринъ попросилъ подождать его, пока онъ сбѣгаетъ за своей лодкой.

Очутившись вдвоемъ съ Дэзи и сознавая, что во всякую минуту уединеніе ихъ можетъ быть нарушено, Герливановъ рѣшилъ немедленно признаться ей въ своемъ чувствѣ, и въ волненіи приблизился къ ней.

Но Дэзи, нетерпѣливо поглядывая въ ту сторону, куда ушелъ Гагаринъ, сошла съ пристани на берегъ и, набравъ мелкихъ камней, начала бросать ихъ въ воду.

Всякій разъ, когда камень касался воды, на поверхности появлялись свѣтящіеся брызги. Дэзи подняла на берегу длинную палку и начала водить ею по водѣ, образуя огнистые зигзаги. Казалось, что невидимая рука чертитъ мокрой спичкой таинственные знаки. Дэзи изображала на водѣ геометрическія фигуры, цифры и буквы. Герливановъ угадывалъ и долженъ былъ дѣлать усилія, чтобы скрыть дрожь своего голоса.

Дэзи захотѣлось достать палкой подальше, гдѣ еще не былъ тронутъ слой воды, испускавшій при движеніи фосфорической свѣтъ. Она стала на большой камень, омываемый водою, и протянула руку. Но камень качнулся, и она чуть не упала въ воду. Герливановъ подхватилъ ее. Почувствовавъ въ своей рукѣ ея руку, онъ порывисто прижалъ ее къ своимъ губамъ и прошепталъ:

— Я васъ люблю...

Дэзи отдернула руку и соскочила съ камня.

— Я не ожидала этого отъ васъ, — сказала она съ досадою въ голосѣ и быстро пошла по берегу къ своей дачѣ.

Герливановъ бросился за нею, заклиная ее выслушать его. Но она шла, не останавливаясь и не отвѣчая ему. При поворотѣ въ переулокъ, Дэзи замедлила шаги и, не оборачиваясь, отрывисто произнесла:

— Я не могу говорить съ вами теперь... Оставьте меня!

Герливановъ въ волненіи догналъ ее и проговорилъ задышающимся голосомъ:

— Простите меня!.. Мой поступокъ невольно вырвался у меня... подѣ влияніемъ чувства, которое я къ вамъ питаю... Я глубоко васъ люблю... Будьте моей женою...

Дэзи остановилась и перевела дыханіе. Она была очень взволнована и старалась овладѣть собою. Наконецъ, она сказала съ твердостью:

— Благодарю васъ за честь. Но я не питаю къ вамъ той же взаимности и не могу принять ваше предложеніе.

И, не подавъ ему руки, она скрылась въ темнотѣ.

Герливановъ стоялъ нѣкоторое время, какъ ошеломленный, и машинально прислушивался въ темнотѣ къ шагамъ Дэзи...

Вотъ она стукнула калиткой... Вотъ идетъ по каменнымъ плитамъ... Взошла на террасу... Раздаются голоса и стихаютъ...

„Я не ожидала этого отъ васъ“, слышится ея оскорбленный голосъ въ ушахъ Герливанова. Онъ растерянно смотритъ по сторонамъ и думаетъ: „какъ все это произошло странно и нелѣпно!“ Около пристани раздались призывные крики Гагарина:

— Дэзи Павловна-а! А-у! Гдѣ вы?

Герливановъ пошелъ къ пристани и заявилъ Гагарину:

— Маргарита Павловна проситъ извинить ее. Она передумала ѣхать.

— А вы?

— Мнѣ тоже хочется домой.

— Вотъ чудакъ! Да вѣдь такого зрѣлища въ другой разъ и за миллионы не увидите. Поѣдемте!

И Гагаринъ началъ соблазнять Герливанова различными заманчивыми деталями. Но Герливановъ отказался и сдѣлалъ видъ, что направляется домой. Но, дойдя до переулка, онъ повернулъ на шоссе. Ему надо было остаться одному, надо было разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ. Онъ никогда еще не былъ въ такомъ положеніи...

И Герливановъ до разсвѣта бродилъ по шоссе и по берегу, подходилъ нѣсколько разъ къ дачѣ Казанцевыхъ и стоялъ въ отдаленіи, какъ осужденный.

Тонъ, которымъ были произнесены послѣднія слова Дэзи, не оставлялъ въ немъ надежды. Что же ему дѣлать теперь? И ему казалось, что вокругъ него все затмилось...

На дворѣ было уже свѣтло, когда Герливановъ пришелъ домой, легъ, не раздѣваясь, на кровать и, заложивъ руки за голову, долго лежалъ въ раздумьи. Наконецъ, въ головѣ его начало проясняться. Рѣшительный отказъ Дэзи сталъ представляться ему условнымъ.

Дэзи его не любитъ и отказала ему въ своей рукѣ. Это—ясно. Но когда отказываютъ любящему человеку, то даже въ отказѣ звучитъ известное участіе. Она же произнесла свой отвѣтъ, точно коронный судья приговоръ—съ твердой увѣренностью, что такъ, молъ, ему и надо. Это не похоже на ея отзывчивую натуру. Очевидно, что она просто-напросто не повѣрила въ искренность его чувства и приняла его предложеніе, какъ вынужденную мотивировку дерзкой выходки у пристани.

И, обсудивъ все, до мельчайшихъ подробностей, Герливановъ рѣшилъ написать Дэзи объяснительное письмо.

Въ груди у него точно горѣло что-то. Онъ сѣлъ къ столу и началъ быстро писать.

Черезъ часъ письмо было готово. Прочитавши написанное, Герливановъ остался доволенъ. Оно вылилось у него изъ сердца и звучало искренностью. Герливановъ не пошелъ купаться, переписалъ письмо и ждалъ удобнаго времени. Въ 11-мъ часу онъ позвалъ Харитю и, вложивъ письмо въ *Гамбургскую драматургію* Лессинга, попросилъ отнести книгу Дэзи.

— Скажите: „вотъ вамъ книга, о которой вы вчера вечеромъ говорили у пристани“. И подождите отвѣта.

И онъ заставилъ Харитю нѣсколько разъ повторить эту фразу.

Дэзи должна догадаться, что въ книгѣ лежитъ письмо.

Харити убѣждала, шлепая босыми ногами по полу. Герливановъ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждалъ ея. Она черезъ полчаса пришла и загадочно улыбнулась.

— Барышня Дэзи кланяются вамъ и благодарить за книгу.

Герливановъ началъ разспрашивать ее о всѣхъ подробностяхъ. Но она неопредѣленно повторяла:

— Барышня взяли книгу, положили на столъ и сказали: „кланяйся, Харити, и благодари!“

Герливанова начала тревожить мысль: а что если Харити не такъ передала слова и Дэзи отложила книгу въ сторону, не посмотрѣвъ въ нее? И цѣлый день онъ не выходилъ изъ своей комнаты, ожидая отвѣта и вздрагивая, когда раздавался стукъ калитки. Онъ и отчаивался и надѣялся, испытывая тревожное состояніе преступника, подавшаго просьбу о помилованіи.

IX.

Солнце сѣло. Герливановъ вышелъ на балконъ и устремилъ напряженный взглядъ на окно Дэзиной комнаты. Сумерки быстро сгустились и точно затушевали все кругомъ. Море слилось на горизонтѣ съ небомъ и глухо рокотало медленными всплесками.

Въ окнахъ казанцевской дачи показался свѣтъ. Герливановъ напрягъ зрѣніе и силился проникнуть взглядомъ вглубь дома. Онъ думалъ о Дэзи и мысленно заклиналъ ее подойти къ окну. Вдругъ въ ея окнѣ мелькнула тѣнь. Герливановъ едва сдержалъ крикъ радости. Въ эту минуту онъ вѣрилъ, что Дэзи подошла къ окну именно потому, что онъ всею душою заклиналъ ее дать знать о себѣ.

Черезъ минуту, однако, тѣнь исчезла, и свѣтъ отодвинулся въ глубь комнаты. Герливановъ рѣшилъ, что лампа должна находиться вправо отъ окна, на письменномъ столѣ, за которымъ сидитъ Дэзи и отвѣчаетъ ему на его письмо.

И въ напряженномъ воображеніи Герливанова рисовалась ея комната съ малѣйшими подробностями. Онъ „видѣлъ“, какъ Дэзи заносила къ чернильницѣ руку, какъ останавливала ее на полдорогѣ, точно прислушиваясь къ чему-то съ своимъ характернымъ выраженіемъ лица.

На колокольнѣ пробило съ продолжительными паузами 9 часовъ. Медленные звуки колокола лѣниво проносились по горамъ и затихали на морѣ—точно тамъ тонули. И жизнь въ *Левадь* постепенно затихала. На противоположномъ берегу, гдѣ днемъ баржи брали песокъ, блеснулъ яркій огонекъ, и черезъ нѣкоторое время по горамъ прокатился выстрѣлъ. Герливановъ вспомнилъ свои поѣздки на тотъ берегъ и оживленные бесѣды съ Дэзи. Какъ тогда онъ не дорожилъ всѣмъ этимъ! И какъ теперь ему все это безконечно дорого!

И онъ еще напряженнѣе сталъ слѣдить за окномъ Дэзи. Вдругъ узкая лѣстница, ведущая въ его комнату, закрипѣла, и послышались торопливые шаги.

„Отвѣтъ“, подумалъ Герливановъ и бросился въ комнату. Сердце сильно колотилось въ его груди. Послышался стукъ въ дверь. Герливановъ съ волненіемъ отворилъ дверь и отступилъ въ изумленіи.

На порогѣ стояла Дэзи. Она была въ ситцевомъ платкѣ на головѣ и держала въ рукѣ книгу, напоминающая своимъ видомъ крестьянскую дѣвушку. Герливановъ такъ растерялся, увидавъ ее, что не зналъ, что сказать, и только посторонился отъ двери. Свѣтъ отъ лампы слабо освѣщалъ лицо Дэзи. Но Герливановъ замѣтилъ, что оно было блѣдно и исполнено рѣшимости. Волненіе еще болѣе овладѣло имъ.

Она притворила дверь и, переводя учащенное дыханіе, протянула ему книгу.

— Вотъ вамъ ваша книга.

Герливановъ машинально взялъ *Гамбургскую драматургію* и придвинулъ стулъ для Дэзи. Но она сдѣлала головою отрицательный знакъ.

— Благодарствуйте!.. Зачѣмъ вы пишете мнѣ подоб-

ныя письма и вынуждаете дѣлать то, что унижаетъ меня?

Герливановъ поблѣднѣлъ, и по лицу его разлилось страданіе.

— Вы несправедливы ко мнѣ,—промолвилъ онъ съ усиленіемъ.

Дэзи замѣтила страданіе на его лицѣ и смягчила свой тонъ:

— Я не могу быть справедливой, поступая дурно. А ваше письмо заставило меня сейчасъ поступить дурно: сказать отцу неправду, будто я иду къ женѣ Османа. Но не могла же я ему объявить, что иду къ вамъ, или показать ему ваше безумное письмо?—добавила Дэзи, какъ бы оправдываясь и еще болѣе смягчая свой тонъ.

Герливановъ стоялъ растерянный, съ спутавшимися волосами на лбу.

— Простите,—сказалъ онъ упавшимъ голосомъ:— я не долженъ былъ дѣлать этого и понимаю, какъ вы должны страдать.

Дэзи сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Оставимъ мои страданія! Зачѣмъ вы мучите себя?

Наступила пауза. Герливановъ поднялъ на Дэзи глаза, полные любви, и пробормоталъ:

— Я считалъ себя не въ правѣ оставлять васъ въ невѣдѣніи насчетъ истиннаго смысла моихъ словъ.

Она стояла невдалекѣ отъ него и чувствовала, какъ сильно билось у него сердце. Взглядъ ея скользнулъ по его разстроенному лицу.

— Но вѣдь я сказала же вамъ *ясно*, что не могу быть вашей женой?

— Ясно,—глухо промолвилъ Герливановъ, потупившись.

— Зачѣмъ же вы... упорствуете и вносите въ наши отношенія нежелательный характеръ?

Герливановъ опять поднялъ на нее свои грустные глаза. Никогда она не казалась ему такъ мила, какъ въ эту минуту—въ ея скромномъ платочкѣ, придававшимъ ей такую молоджавость.

— Простите... Я ни о чемъ давеча не думалъ, ничего не сознавалъ, кромѣ того, что я... написалъ вамъ...

Герливановъ запнулся отъ волненія. Дэзи хотѣла заговорить, чтобы вывести его изъ неловкости. Но онъ быстро протянулъ къ ней руку, и въ голосѣ его зазвучала мольба:

— Не лишайте меня того, въ чемъ не отказываютъ даже преступникамъ: возможности высказаться.

И съ постепенно нарастающимъ въ немъ одушевленіемъ, онъ началъ говорить ей о томъ, какое глубокое впечатлѣніе произвела она на него съ первой же встрѣчи, какъ, незамѣтно для него, его симпатія къ ней постепенно перешла въ болѣе глубокое чувство, которое, наконецъ, охватило все его существо.

И по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, голосъ его, вибрировавшій подобно струнѣ, становился все горячѣе и задушевнѣе. Нельзя было устоять противъ него. Онъ точно заползалъ въ душу дѣвушки и будилъ тамъ и поднималъ со дна все женственно-мягкое и нѣжное. Герливановъ чувствовалъ это и, сказавъ, что тяжело раненымъ на войнѣ докторъ совѣтуютъ погромче кричать, чтобы унять свою боль,—подступилъ близко къ Дэзи.

— Я тоже тяжело страдалъ, и мое письмо къ вамъ было крикомъ: „мнѣ больно!“

Видъ и голосъ Герливанова растрогали Дэзи.

Она сдѣлала движеніе и протянула ему руку.

— Перестаньте же!

Герливановъ порывисто схватилъ ея руку и прижалъ къ своимъ глазамъ.

Дэзи вздрогнула.

— Вы плачете!

Герливановъ поднялъ лицо, хотѣлъ заговорить, но

не могъ отъ волнепья и припаль губами къ ея рукѣ. Дэзи было это неприятно, точно опъ злоупотребили ея до-вѣрjemъ, и она зашевелила пальцами.

— Пустите, Михаилъ Николаевичъ!

Но онъ, какъ обезумѣвшій, началъ покрывать ея руку поцѣлуями.

— Пустите же! Это оскорбляетъ меня!—сказала строго Дэзи и выдернула руку.

Наступило неловкое молчанiе. Дэзи оправила платочекъ, стараясь скрыть этимъ движенiемъ свой гнѣвъ. Наконецъ, она овладѣла собою и сказала примирительнымъ тономъ:

— Я пришла къ вамъ, Михаилъ Николаевичъ, чтобы разсѣять между нами всякiя недоумѣнiя: вы напрасно прислали мнѣ сегодня ваше письмо. Я ни на минуту не сомнѣвалась въ искренности вашего чувства. Но смотрю на него, какъ на порывъ.

— Я безумно люблю васъ!—вырвалось у Герливанова.

— *Безумно*—да. Я затѣмъ и пришла, чтобы сказать вамъ это.

— Я люблю васъ больше жизни!—страстно вскрикнулъ Герливановъ, съ мольбою глядя на Дэзи.

— Но что же мнѣ дѣлать, Михаилъ Николаевичъ? Не могу же я выйти за васъ замужъ, не питая къ вамъ надлежащаго чувства.

Эти слова были произнесены искренно и произвели на Герливанова глубокое впечатлѣнiе. Онъ точно очнулся отъ кошмара и, откинувъ съ лица нависшiе волосы, проговорилъ со вздохомъ:

— Конечно, конечно! Противъ *нелюбви* ничего нельзя подѣлать. И если ваше сердце не говоритъ вамъ за меня, то мнѣ остается только умолкнуть.

По лицу Дэзи пробѣжала тѣнь досады.

— Вотъ вы опять за свое: мое сердце не говоритъ за васъ. Но кромѣ сердца есть же у меня еще и душа, дѣятельность которой тѣсно связана со всей моею жизнью? И очень досадно, Михаилъ Николаичъ, что вы не хотите этого понять.

Герливановъ стоялъ съ опущенной головою, дѣйствительно не понимая, какъ можно все охватывающее и все поглощающее чувство распредѣлять по какимъ-то перегородкамъ. Дэзи помолчала немного и заговорила теплымъ, дружескимъ тономъ, какимъ никогда еще съ нимъ не говорила:

— Я пришла къ вамъ, чтобы дружески поговорить съ вами. Недостаточная искренность между нами, можетъ-быть, и послужила причиной теперешнихъ нашихъ крайне неприятныхъ отношенiй. Будемте же откровенны.

Дэзи миролюбиво сѣла на предложенный Герливановымъ стулъ и продолжала тѣмъ же тономъ:

— Можетъ-быть, вамъ покажется страннымъ, но я считаю бракъ между хорошими людьми паденiемъ, особенно для дѣвушки; его можно еще оправдывать, если люди убѣждены, что они „созданы другъ для друга“. Ни во мнѣ, ни въ васъ этого убѣжденiя нѣтъ... Правда, вы мнѣ нравитесь и вашъ характеръ мнѣ очень симпатиченъ. Но наши пути различны. И чѣмъ дальше, тѣмъ разстоянiе между нами будетъ увеличиваться, какъ между двумя пересѣкающимися линиями...

— Но развѣ душа человека то же, что линия?—съ жаромъ прервалъ Герливановъ.—Ей свойственно расходиться и вновь сближаться съ другою душою.

— Конечно, конечно!—сказала серьезно Дэзи.— Но для этого прежде всего *надо вырваться* въ такое сближенiе. Во мнѣ этой вѣры нѣтъ, Михаилъ Николаевичъ!..

Внезапно порывъ вѣтра съ шумомъ распахнулъ настежь дверь, разбросалъ по комнатѣ бумаги и какъ бы досадуя, что ему негдѣ разгуляться, задулъ лампу. Герливановъ поспѣшно бросился къ столу и началъ ошупью искать спички, обжигая пальцы о стекло лампы. Онъ боялся, что Дэзи уйдетъ домой, если онъ черезъ минуту не зажжетъ лампы. И вдругъ съ неувимостью молви въ душѣ его пронеслась картина изъ прошлаго. Ему показалось, что онъ когда-то уже переживалъ все это при такой же обстановкѣ. И *тогда* была такая же длинная съ низкимъ потолкомъ комната; онъ такъ же зажигалъ потушенную вѣтромъ лампу, а въ глубинѣ, въ неясныхъ очертанiяхъ, видѣлась любимая дѣвушка, которая затѣмъ какъ-то исчезла, точно растаяла въ воздухѣ... А что если Дэзи и есть та—его желанная, о которой онъ всегда мечталъ?.. И смутная тревога сжала ему душу: это ихъ послѣднее свиданiе, и какъ только Дэзи выйдетъ отсюда, между ними раскроется пропасть. Герливановъ готовъ былъ на колѣняхъ умолять ее, чтобы она не уходила отъ него, чтобы онъ могъ глядѣть на нее, слышать ея голосъ...

И дрожащими пальцами опъ зажигалъ лампу, тревожно прислушиваясь ко всякому шороху. Когда комната освѣтилась, Герливановъ увидѣлъ, что Дэзи сидитъ въ той же позѣ. Но при его приближенiи она поднялась и сказала:

— И такъ, Михаилъ Николаичъ, будемъ считать этотъ вопросъ исчерпаннымъ. Не сердитесь на меня за откровенность, и будемте друзьями.

И Дэзи съ довѣрjemъ протянула ему руку. Онъ тихо пожалъ ее и выпустилъ, не сказавъ ни слова.

Въ лицѣ Дэзи мелькнула тревога. Она посмотрѣла въ глаза Герливанову и спросила:

— Мы остаемся друзьями. Да?

— Если вы считаете меня достойнымъ вашей дружбы?—промолвилъ тихо Герливановъ.

— Считаю.

Онъ наклонилъ голову въ знакъ покорности.

Но едва Дэзи скрылась за дверью, ему показалось, что полъ колеблется подъ нимъ, и вмѣстѣ съ нею его покидаетъ и все, дорогое ему въ жизни. Блѣдный и взволнованный, онъ вышелъ на балконъ и въ безсилiи опустился на стулъ. Онъ слышалъ, какъ стукнула калитка на заднемъ дворѣ и какъ по песку захрустѣли удалявшiеся шаги Дэзи. Вдругъ она вскрикнула:

— Ахъ, какъ ты меня испугалъ!

Незнакомый мужской голосъ началъ что-то говорить ей. Герливанова бросило въ ознобъ, и мучительное сомнѣнiе закралось въ его душу. Въ это время вѣтеръ донесъ до него слова Дэзи, звенящiя ласкою:

— Нѣтъ, нѣтъ! Я и безъ того люблю тебя...

„Вотъ какъ просто открывается ларчикъ!“ съ горечью подумалъ Герливановъ, чувствуя, что у него сжимается горло. Онъ перевѣсилъ черезъ балконъ и насторожился. Но слова смутно донослись до него. Послѣ минутнаго колебанiя онъ выпрямился и стремительно бросился въ садъ.

(Окончанiе будетъ.)

Депеша.

Рассказъ П. Боннетэна.

Первая мысль лейтенанта Апри Роблина, когда опъ узналъ, что его крейсеръ „Франсесъ-Гарнье“ войдетъ въ составъ юн-силлаемой въ Китай резервной эскадры, была о женѣ, о сынѣ, и эта мысль сразу же омрачила его радость, вызванную представившейся перспективой заслужить въ дѣлѣ чинъ капитана. У него даже мелькнуло угрызение совѣсти: какъ могъ

онъ желать этого назначенiя, когда оно влечетъ за собой разлуку съ дорогими существами, и онъ тревожно спрашивалъ себя, не предчувствiе ли это внезапно овладѣвшее имъ опасенiе.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ его малепкiй Марсель не совсѣмъ здоровъ; докторъ предписываетъ серьезное лѣченiе,

Боярышня. Съ карт. К. Е. Маковского, грав. Барановскій.

самый тщательный уход. Ребенок впрочем был слаб от рождения. Следя за его болезненным развитием, отец нередко упрекал себя в том, что не имел мужества отерочить свою женитьбу на годъ. И действительно, свадьба его съ Бертой Феро состоялась чуть не на другой день по его возвращении съ Верхняго Нигера, откуда онъ вернулся большой и сильно истощенный лихорадкой. Спусти десять мѣсяцевъ онъ былъ здоровъ и силенъ попрежнему; только сынь его, этотъ бѣдный тѣлесушный крошка, казалось, унаследовалъ недугъ отца, словно онъ родился въ Африкѣ, на тонкихъ берегахъ одной изъ тѣхъ рѣкъ, которыя наполняютъ опасными миазмами воздухъ, сырой и жаркій.

Г-жа Робинъ ждала страшнаго извѣстия и хотѣла встрѣтить его мужественно.

— Когда ты ѣдешь?—просто спросила она.

— Черезъ двѣ недѣли.

Онъ прижалъ ее къ груди и поцѣлудилъ беснувшій у нея на глазахъ слезы.

— Пана, — пролепетала Марсель: — ты возьмешь меня съ собой?

Тамарисъ, гдѣ жилъ лейтенантъ Робинъ съ своей семьей, теперь лучшая климатическая станція всего Средиземнаго побережья, райскій уголокъ, который по живописности бухты можно, пожалуй, сравнить съ Неаполитанскимъ залливомъ. Робинъ надѣялся, что здѣсь, на этомъ южномъ солѣцѣ, среди пальмъ и апельсиновыхъ рощъ, сынъ его поправится; но, послѣ нѣкотораго улучшения, здоровье ребенка снова стало слабѣть. Глаза матери не обманывались болѣе.—эти безпокойные женскіе глаза, которые не хотятъ видѣть на любимомъ лицѣ опустошеній, производимыхъ болѣзью, и все-таки ихъ видѣть и раздуваютъ въ своемъ воображеніи до ужасающихъ размѣровъ, быстро переходя отъ преувеличенныхъ надеждъ къ полному отчаянію, одинаково встрѣчалъ слезами и горе, и радость...

За три дня до выхода „Гарнье“ изъ дока для предварительныхъ маневровъ и проверки компасовъ, г-жа Робинъ захотѣла побывать на крейсере, посмотреть ту тѣсную каютку, гдѣ ей мужъ проведетъ долгіе мѣсяцы разлуки съ семьей, гдѣ онъ, можетъ-быть—кто знаетъ!—будетъ метаться въ бреду и страданіяхъ, сраженный шальной пулей... Какіе только ужасы не приходили ей въ голову... Ахъ, эти бѣдныя жены моряковъ!

Она превратила каютку мужа въ уютное гнѣздышко, гдѣ не было недостатка даже въ цвѣтахъ и растеніяхъ. Ея портретъ, портретъ ребенка, красовавшіеся надъ кушеткой, среди сабель и револьверовъ, должны напоминать будущему изгнаннику о жданныхъ его на родинѣ радостяхъ семейнаго очага. Она сама развѣшивала и разставляла мужнины вещи въ то время, какъ онъ былъ на своемъ носу на палубѣ, и нередко слезы затуманивали ей глаза.

Однажды, замѣтившись на крейсере до вечера, она должна была возвращаться въ Тамарисъ съ Марселемъ въ одной изъ прибрежныхъ лодокъ. Вѣтеръ крѣпчалъ; хозяйка велѣла распустить паруса. Лодка полетѣла по гребнямъ волнъ съ легкостью чайки, накренивъ на одинъ бокъ, почти касаясь обливной воды. Лица пассажировъ обдавало солеными брызгами; хорошо было на морскомъ просторѣ, подъ свѣжимъ дыханіемъ берегового вѣтра... Мать кутала мальчика въ теплую шаль, но онъ поминутно ее сбрасывала, хлопалъ въ ладоши, смѣялся и болталъ съ матросами. Онъ простудился. На другое утро онъ уже не могъ всгнать, капилялъ ужаснымъ сухимъ кашлемъ.

Отецъ и мать проводили надъ нимъ дни и ночи. „Гарнье“ снимался съ якоря въ концѣ недѣли; они считали часы, которые имъ оставалось провести вмѣстѣ. Скоро ребенку сдѣлалось очень худо.

— Вы спасете его, докторъ?—умоляли они.

Докторъ отвѣчалъ „да“, но его взглядъ не былъ достаточно убѣдительно. Марсель былъ слишкомъ слабъ, чтобы усѣбно бороться съ простудой.

И его родители возвращались къ маленькой кроваткѣ и молча, или съ беззвучными словами любви и ласки, смотрѣли на страданія ребенка, залгунная усліемъ волн готовый вырваться у нихъ крикъ отчаянія.

— Мы ѣдемъ во вторникъ...

Берта вскрикнула. Этотъ роковой вторникъ, неужели онъ уже близокъ? Вторникъ? Но ребенокъ можетъ умереть! Умереть? Ея ребенокъ?!

— Не уѣжай, Анри!—крикнула она.—Я не хочу!

Онъ направился къ дверямъ, рѣшивъ просить, чтобы его оставили; но на порогѣ остановился: онъ командовалъ крейсеромъ, онъ получилъ почетное назначеніе, имелъ приказъ... Но страхъ за сына взялъ верхъ. Онъ уже былъ на улицѣ, какъ вдругъ ребенокъ, разбуженный голосами родителей, сказалъ спросономъ:

— Ты мнѣ привезешь китайскаго болванчика,—а, паночка?

Г-жа Робинъ бросилась къ окну и открыла его.

— Нужно ѣхать, Анри! Я—сумасшедшая!. Не знаю сама, что говорю...

„Франсисъ Гарнье“ въ назначенный день вышелъ въ море. Его командиръ стоялъ на капитанскомъ мостикѣ. У выхода изъ рейда онъ обернулся, лица глазами на берегу голубого за-

лива, подъ сѣнью пальмъ, бѣлую вылау, гдѣ осталась лучшая часть его самого. На балконѣ мелькнулъ женскій силуэтъ, какал-то рука замахала платкомъ, послала поцѣлуды; но видѣніе было непродолжительно: должно-было въ комнату закашлялъ ребенокъ. И командиръ больше ничего не видалъ.

Сойдя вечеромъ въ свою каюту, онъ повѣсилъ на стѣну календарь, на которомъ были сдѣланы въ нѣсколькихъ мѣстахъ отлѣтки карандашомъ; каждая означала остановку крейсера въ какомъ-нибудь портѣ, начиная съ Портъ-Саида и кончая Гонконгомъ, а стало-быть и получение телеграммы о состояніи здоровья ребенка. При прощаньи онъ сказалъ женѣ печальныя и жестокия слова: „Я буду страдать больше, чѣмъ ты“. Потомъ прибавилъ: „Помни, что бы ни случилось, телеграфируй мнѣ въ каждый портъ. Достаточно одного слова: *надѣйся*, если есть улучшение, и *мужайся*, если...“ Рыданіе не дало ему кончить.

— Мужайся!..—повторилъ онъ теперь одинъ.—Какая пропія! Можно ли сохранить мужество, когда смерть уноситъ любимого ребенка!..

Онъ всгаль, стараясь отогнать отъ себя ужасную мысль. Шумъ производившагося на палубѣ ученья, веселые командные возгласы раздражали его. Онъ нарочно назначалъ эти ученья, придумывалъ себѣ лишнія занятія, чтобы чѣмъ-нибудь разсѣяться. При всемъ томъ дни тлаулись безконечно, море разстилалось передъ крейсеромъ все той же безбрежной пеленой.

Наконецъ на горизонтѣ, вровень съ водой, показался Портъ-Саидъ. — „Надѣйся“, гласила депеша; но она помѣчена была вчерашнимъ днемъ, а съ тѣхъ поръ?..

Выйдя изъ Суэцкаго канала, Робинъ ускорилъ ходъ судна. Въ Аденѣ онъ получилъ опять телеграмму: „надѣйся“; но въ Коломбо, куда онъ въ своемъ мучительномъ безпокойствѣ пришелъ раньше назначеннаго дня, ничего не было. Несмотря на формальный приказъ, онъ простоялъ здѣсь долгие, чѣмъ слѣдовало; но въ концѣ концовъ долженъ былъ продолжать путь. Онъ осунулся и постарѣлъ, потерялъ аппетитъ, сонъ... Иногда онъ запирался въ каютѣ, поручая командованіе крейсеромъ своему помощнику.

Въ Сайгонѣ первый аннамитъ, вскарабкавшійся на бортъ судна, принесъ ему радостную вѣсть. „Большая надежда“—гласила телеграмма. Онъ поцѣловалъ бумагу, всю расхватавшую руками туземнаго почтара. Но вдругъ его пропала мысль, что жена скрываетъ отъ него истину, ради его спокойствія, чтобы онъ не потерялъ голову и не далъ себя убить въ Фу-Чеу. О, еслибъ знать истину! Все его жалованье за цѣлый мѣсяць ушло на длинныя телеграммы, требовавшія подробностей, голой правды во что бы ни стало.

Гонъ-Конгъ! Онъ прѣхалъ туда ночью, когда телеграфная контора, консульство, все было закрыто; тѣмъ не менѣе онъ сонель на берегъ, не имѣя силъ оставаться на суднѣ, и до зари бродилъ по улицамъ. Лишь только контора открылась, онъ уже былъ у окошечка и съ лихорадочной поспѣшностью схватилъ ожидавшій его пакетикъ.

„Видъ опасности“, гласила телеграмма: „Марсель спасенъ“.

Консулъ, къ которому два часа спустя явился въ полной парадной формѣ командиръ „Гарнье“, принявъ его за пьянаго или за челоуѣка, только-что оправившагося отъ солнечнаго удара.

Безумная радость Робинна не знала границъ. Нѣсколько дней спустя, 22-го августа, имъ овладѣла новая горячка, горячка битвы. Это было въ Фу-Чеу. Легкій „Гарнье“ предназначался адмираломъ Курбѣ для такихъ дѣйствій, которыя не могли совершить большія суда. Действительнъ Робинъ отличился десять разъ. Его экзальтація передавалась всѣмъ окружающимъ; казалось, онъ жилъ теперь вдвойнѣ, старался наверстать недавнюю апатію, требуя отъ жизни награды за перенесенныя невзгоды.

Несмотря на то, что онъ ни передъ чѣмъ не останавливался, первымъ шелъ въ неприятельскій огонь, онъ ни разу не получилъ даже царапины. Имѣя въ своемъ распоряженіи всего нѣсколько лодокъ, онъ взялъ на абордажъ китайскій корветъ. О его подвигѣ было объявлено въ дневномъ приказѣ по флоту.

Спустя нѣсколько дней по выходѣ эскадры изъ рѣки Минъ адмиралъ позвалъ Робинна. Телеграфъ только-что принесъ отвѣтъ министерства на представленіи его доблестныхъ сподвижниковъ къ наградамъ.

— Робинъ!.. Дайте руку. Вы произведены въ капитаны.

Робинъ горячо обнялъ адмирала. Счастливый молодой капитанъ поспѣшилъ въ свой вельботъ и, приставъ къ „Гарнье“, не позволилъ убирать лодку: онъ долженъ былъ, не теряя ни минуты, отгравировать депешу женѣ. Конечно, Берта уже знаетъ о его производствѣ изъ *Officiel*, но дѣло не въ томъ—она будетъ счастлива только тогда, когда получитъ извѣстіе отъ него самого; тогда всѣ ея страхи разсѣются.

Въ каютѣ-комнатѣ его ждали офицеры. Новость уже разнеслась; они сердечно поздравили своего командира. Слуга его, Ноэликъ, добродушный бретонецъ, обожавшій своего капитана, размахивалъ изъ-за ихъ синихъ дворянскихъ парамъ лагуновъ.

— Подождите, капитанъ, я пришью ихъ къ вашему новому кителю!

Послѣ рукопожатій и привѣтствій, сдѣлавъ распоряженія о двойномъ пайкѣ экипажу и отбѣивъ наказаній, Робинъ пошелъ въ свою каюту. Въ его отсутствіе ему пришли туда письма—изъ Франціи, изъ Тамириса; конверты такъ заманчиво бѣлѣли на столѣ...

— Сколько радостей въ одинъ день!—прошепталъ онъ, сіяя счастьемъ.

Онъ поспѣшно распечаталъ письмо жены. Въ эту минуту постучали.

— Денена, капитанъ.

Онъ разсѣянно вскрылъ ее: конечно, поздравленія отъ его друзей.

Но вдругъ онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, провелъ рукою по лбу и, пораженный ужасомъ, прочелъ вслухъ:

„Снова заболѣлъ. Мумайся!“.

— Боже мой!..—вскрикнулъ онъ страшнымъ голосомъ и ужал на кушетку, въ отчаяніи ломая руки.

— Что случилось, капитанъ?.. Капитанъ!.. Вы больны?..

Матросъ Ноликъ растерянно остановился передъ начальникомъ съ китемъ въ рукахъ, на которомъ, рядомъ съ тремя потускнѣвшими золотыми, блестѣли двѣ новенькія серебряныя пашивки.

Робинъ всгаль, шатаясь; глаза его блуждали. Манишально пернулея онъ къ бюро, взглянулъ на денену, взялъ письмо жены. Руки его дрожали, онъ не различалъ ни одного слова и бессознательно переворачивалъ написанные вдоль и поперекъ листки. И вдругъ на послѣдней страницѣ онъ медленно прочелъ вслухъ, подражая голосу Марсели, его лелету:

„Дорогой папочка, съ тѣхъ поръ какъ я выздоровѣлъ, мама выучила меня писать, чтобы я могъ написать тебѣ, какъ я тебя люблю и какъ по тебѣ скучаю“...

— О, Поликъ!

Онъ склонился на грудь къ матросу, точно пща у него помощи, поддержки. Потомъ, глухо рыдая, онъ указалъ на портретъ ребенка, улыбавшійся среди сабель и револьверовъ.

— Онъ умеръ, Поликъ!.. Онъ умеръ!..

Великій князь Михаилъ Павловичъ.

Къ столѣтію со дня его рожденія. (Портретъ на стр. 116.)

Великій князь Михаилъ Павловичъ, младшій изъ четырехъ сыновей императора Павла I, родился 28-го января 1798 года; на парадномъ выходѣ во дворцѣ по случаю этого погоста приращенія къ царскому семейству впервые присутствовалъ великій князь Николай Павловичъ, которому въ это время минулъ годъ и четыре мѣсяца; 6-го февраля надъ новорожденнымъ было совершено таинство св. крещенія.

Когда великіе князья, Николай и Михаилъ, стали подражать, воспитаніе ихъ перешло въ руки гувернеровъ или „кавалеровъ“, какъ ихъ тогда называли; главный же надзоръ надъ ними былъ порученъ генералу Матвѣю Ивановичу Ламедорфу, который не обладая способностями воспитателя въ высокомъ значеніи этого слова; вовсе не думалъ о томъ, чтобы дать прирожденнымъ качествамъ ребенка лучшее направленіе, онъ старался передѣлать характеръ его путемъ холодныхъ приказаній, угрозъ и даже телесныхъ наказаній; розги были въ его рукахъ обычнымъ средствомъ привести къ повиновенію ребенка; однажды несчастливый Михаилъ Павловичъ, сдѣлавъ какой-то маловажный проступокъ, пришелъ къ своей цѣли съ просьбою высѣчь его, думая этимъ отвратить сильнѣйшее наказаніе отъ рукъ гувернеровъ. Съ юныхъ лѣтъ Михаилъ Павловичъ, какъ и его братъ, Николай, имѣли особенное пристрастіе ко всему военному; страсть эта на всю жизнь осталась у обоихъ братьевъ. Сравнивая характеры великихъ князей по отбѣткамъ кавалеровъ въ ихъ журналахъ, мы видимъ, что, несмотря на одинаковое воспитаніе, разница въ ихъ характерахъ была уже замѣтна: великій князь Николай въ обращеніи былъ болѣе серьезенъ, медленъ и задумчивъ; тогда какъ Михаилъ Павловичъ отличался живостью, остроуміемъ, въ своихъ манерахъ былъ болѣе изященъ и ловокъ; онъ любилъ шутить, насмѣхаться надъ другими, чего никогда не позволялъ себѣ его братъ. Составленный императрицей планъ воспитанія и образованія великихъ князей вслѣдствіе политическихъ событій того времени не могъ быть приведенъ въ исполненіе окончательно. Въ 1814 г., по волѣ императора Александра I, они должны были на время прекратить свои занятія и отправиться за границу, чтобы поступить въ ряды нашей арміи, слѣдовавшей за отступавшими французскими войсками; только въ слѣдующемъ году, по возвращеніи въ Россію, Михаилъ Павловичъ могъ начать свои прерванные занятія.

Въ 1817 г. Михаилу Павловичу исполнилось 19 лѣтъ; воспитаніе его окончилось, но императрица-мать не была особенно довольна его результатами; хотя великій князь ознакомился къ этому времени съ науками, однако, несмотря на природныя способности, онъ, по мнѣнію матери, не отличался особенною любознательностью; страсть къ военному съдѣлству, подорванная еще обстановкаю, въ которую онъ попалъ благодаря политическимъ событіямъ, совершенно отвлекла его отъ серьезныхъ занятій. Императрица рѣшила, что путешествіе по Россіи и въ чужихъ краяхъ подъ надзоромъ опытнаго руководителя принесетъ ей младшему сыну несомнѣнную пользу; для этой цѣли былъ вызванъ генералъ И. О. Паскевичъ, командовавшій въ то время дивизіей въ Смоленскѣ. Паскевичъ, совершенно не ожидавшій такого назначенія, былъ вытребованъ въ Петербургъ; императрица Марія Феодоровна приняла Паскевича весьма сердечно; она откровенно указала на недостатки въ характерѣ ея сына, просила быть въ обращеніи съ нимъ настоятельнымъ и требовательнымъ и высказала свое желаніе, чтобы великій князь болѣе занимался гражданскою частью. „Я знаю“, говорила она Паскевичу, „что у него есть особое расположеніе къ фрунту, но ты старайся внушить ему, что гораздо существеннѣе узнать бытъ государства“... 11-го августа 1817 г. Михаилъ Павловичъ выѣхалъ изъ Петергофа въ Новую Ладогу, затѣмъ черезъ Тихвинъ, Рыбинскъ, въ Ярославль. Проѣхавъ Кострому, Нижній, Тамбовъ, Пензу, Воронежъ, Казань, Симбирскъ, Новочеркасскъ, Михаилъ Павловичъ прибылъ въ концѣ сентября въ Феодосію;

изъ Крыма онъ направился въ Одессу, гдѣ пробылъ почти недѣлю; затѣмъ онъ двинулся въ обратный путь черезъ Полтаву, Курскъ, Орель и Тулу, и въ началѣ ноября былъ уже въ Москвѣ, гдѣ собралась тогда вся царская фамилія. Въ мартѣ слѣдующаго года великій князь въ сопровожденіи того же Паскевича отправился въ Варшаву; въ это время тамъ находился императоръ Александръ I, прибывшій къ открытію перваго польскаго сейма; заграничное путешествіе великаго князя въ сопровожденіи Паскевича, имѣвшее также образовательное значеніе, было совершенно по заранѣе составленному маршруту. Михаилъ Павловичъ изъ Варшавы отправился въ Познань, посетилъ Берлинъ и Веймаръ; побывавъ въ Голландіи, онъ перѣехалъ въ Лондонъ; затѣмъ онъ былъ въ Шеффилдѣ и другихъ промышленныхъ городахъ Англій; познакомившись съ горной природою Шотландіи, онъ вернулся на материкъ и направилъ свой путь въ Веймаръ, гдѣ встрѣтилъ государя и императрицу-мать, гостившую въ это время у своей дочери, Маріи Павловны, бывшей замужемъ за Карломъ-Фридрихомъ, принцемъ Саксенъ-Веймарскимъ. По этимъ еще не кончившимся заграничнымъ путешествіемъ великаго князя Михаила Павловича; изъ Веймара онъ отправился въ Швейцарію, гдѣ въ Лозаннѣ остановился у Лагарпа, бывшаго воспитателя его старшаго брата; къ нему императрица-мать обратилась съ просьбой сопроводить ея сына въ путешествіи по Италіи. „Ваша просвѣщенная заботливость сумѣетъ согласовать благотворную снисходительность къ наклонностямъ великаго князя съ цѣлью путешествія, предпринятаго единственно для его образованія, и сообразить по этому сроку пребыванія въ городахъ и всю продолжительность путешествія такъ, чтобы онъ извлекъ всевозможную пользу и всегда сохранилъ нужную дѣятельность внимательности съ его жаждою къ познаніямъ“... — писала между прочимъ императрица Лагарпу. Побывавъ во всѣхъ почти классическихъ городахъ Италіи, посетивъ Венецію, Михаилъ Павловичъ, проѣхавъ черезъ Вѣну, прибылъ въ Россію.

Съ 1819 г. Михаилъ Павловичъ начинаеть службу государю и отечеству. Назначенный своимъ отцомъ со дня рожденія фельдцейхмейстеромъ, онъ на 22 году жизни вступилъ въ управленіе артиллеріей. Въ періодъ управленія его артиллеріей, этотъ родъ оружія достигъ высокой степени совершенства, а основаніемъ артиллерійскаго училища былъ положенъ прочный камень нашему военному артиллерійскому образованію.

8-го февраля 1824 г. Михаилъ Павловичъ сочетался бракомъ съ принцессой Виртембергской, Фредерикой-Шарлоттой-Маріей, которая, по принятіи православія, стала именоваться Еленой Павловной. Въ день бракосочетанія онъ былъ назначенъ шефомъ л.-гв. московскаго полка.

Въ царствованіе императора Николая I, младшій братъ и другъ его дѣтства становится самымъ дѣятельнымъ его соудникомъ. Въ первый же день вступленія на престолъ брата, Михаилъ Павловичъ является въ рядахъ войскъ, присягнувшихъ императору, чтобы своимъ личнымъ присутствіемъ образумить заговорщиковъ, собравшихся на Сенатской площади. Въ знакъ своей признательности императоръ Николай I подарилъ Михаилу Павловичу четыре орудія, выстрѣлами которыхъ была разбѣяна толпа мятежниковъ, съ тѣмъ, чтобы они стояли передъ дворцомъ его высочества; послѣ смерти великаго князя эти орудія, по завѣщанію, были переданы артиллерійскому училищу; въ настоящее время они стоятъ на плацу, передъ фасадомъ этого училища, выходящимъ на Неву.

Въ 1828 г. Михаилъ Павловичъ принялъ участіе въ турецкой войнѣ; прибывъ къ Браилову, онъ сталъ во главѣ корпуса, осаждавшаго эту крѣпость, съ паденіемъ которой сдѣлался всѣмъ крѣпости по Дунаю. Слѣдуетъ замѣтить, что слава покоренія Браилова принадлежитъ великому князю, который самъ руководилъ осадными работами. Наградой за личную храбрость было пожалованіе ордена Георгія 2-й ст.; въ память же воз-

Менуэть. Съ карт. Е. Л. Гарридо, грав. Бодъ.

Урокъ танцевъ. Съ карт. Е. Л. Гарридо, грав. Бодъ.

гтя Браилова императоръ подарилъ въслѣдствіи брату шесть орудіи, взятыхъ у неприятеля. Движеніе къ Варшѣ гвардейскаго корпуса, который прибылъ въ дѣйствующую армію гораздо поздне и поступилъ подъ команду Михаила Павловича, по страши, опустошенной неприятелемъ, было соединено съ большими лишениями, и только благодаря распорядительности великаго князя, корпусъ совершилъ походъ съ незначительными потерями.

Во время войны съ польскими мятежниками въ 1831 г., Михаилъ Павловичъ съ гвардіей, которая составила главный резервъ нашей арміи, принималъ непосредственное участіе въ дѣлахъ противъ неприятеля; онъ былъ подъ стѣнами Варшавы при взятіи ея штурмомъ, руководилъ осадою крѣпости Модлина, съ паденіемъ которой кончилась эта война. Въ награду за примѣрное мужество великому князю была пожалована шляга съ надписью „за храбрость“ и званіе генераль-адъютанта; въ память же взятія Модлина императоръ подарилъ Михаилу Павловичу одинъ изъ ключей этой крѣпости.

Послѣ кончины въ г. Витебскѣ цесаревича Константина Павловича, Михаилъ Павловичъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и дворинскаго полка; ему же былъ подчиненъ и совѣтъ о военно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ теченіе 18-лѣтняго управленія этими заведеніями, Михаилъ Павловичъ выказалъ на воспитательномъ поприщѣ самую неутомимую дѣятельность; онъ былъ не только начальникомъ, но и отцомъ своихъ подчиненныхъ, который старался входить даже во всѣ мелочи ихъ быта; онъ былъ строгъ, требовалъ исполненія, но, гдѣ нужно, самъ помогалъ, не жалѣя средствъ. Можно привести сотни примѣровъ его щедрости, и до сихъ поръ еще жива добрая память о немъ, какъ о благодѣтелѣ, среди стариковъ, прошедшихъ его школу. Краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ его отеческаго отношенія къ подчиненнымъ служитъ документъ, найденный по смерти въ бумагахъ Михаила Павловича: „Прощаніе съ моими дѣтскими военно-учебными заведеніями“; это прощальное слово выгравировано на бронзовыхъ доскахъ, помѣщенныхъ подъ бюстомъ Михаила Павловича во всѣхъ почти военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Будучи шефомъ полковъ лейб-гвардіи уланскаго имени своего, московскаго, литовскаго, волынскаго, а также многихъ армейскихъ, великій князь Михаилъ Павловичъ оставилъ по себѣ въ лѣтонисяхъ этихъ частей незабываемую память, какъ высшей начальники и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ другъ своихъ подчиненныхъ. Солдаты любили его за ласковое обращеніе; весьма интересенъ былъ такой эпизодъ. Жилъ въ Петербургѣ богатый купецъ В. Г. Жуковъ, который держалъ извѣстный тогда хоръ пѣсенниковъ. Какъ-то во время лагеря въ Красномъ Селѣ, передъ увольненіемъ окончившихъ срокъ службы солдатъ въ запасъ, Михаилъ Павловичъ, во время прогулки, встрѣтилъ одного солдата и разговорился съ нимъ: — Ну, что, братъ, пора намъ съ тобой и на шабани! — сказала ему великій князь — Да, ваше высочество, приходитъ время къ отставкѣ, — отвѣчалъ солдатъ серьезно. — Куда же пойдешь? — Еще не знаю, ваше высочество. — Ну, братъ, и мнѣ хочется на покой, да также не знаю, гдѣ бы мѣстечко погостить пасти; а? какъ ты мнѣ посоветуешь? — продолжалъ Михаилъ Павловичъ. — Ахъ, ваше высочество, — обрадовался разговорчивый солдатикъ: — у купца Жукова жить хорошо; вотъ бы куда! — Пожалуй, не приметъ, — засмѣялся великій князь. — Какъ не принять!.. ваше-то высочество... Первѣющее мѣсто вамъ предоставить... Спасибо за совѣтъ; любезный товарищ!.. засмѣялся великій князь. — придется, значитъ, поклониться Василью Григорьевичу; завтра же его увижу и попрошу. — Попросите и за меня, ваше высочество, — отвѣчалъ солдатъ. — Конечно!.. конечно!.. закончилъ великій князь разговоръ: — ужъ если служите, такъ опять вмѣстѣ. Дѣйствительно, солдатикъ этотъ по окончаніи службы, по просьбѣ великаго князя, былъ принятъ въ хоръ Жукова, гдѣ и оставался до самой смерти. Вообще, великій князь, будучи самъ однимъ изъ остроумѣйшихъ людей своего вѣка, любилъ мѣткій отвѣтъ, который весьма часто избавлялъ и виновнаго отъ взыскапія. Однажды, встрѣтивъ офицера л.-гв. московскаго полка, Булгакова, на улицѣ не по формѣ одѣтымъ, онъ вышелъ изъ саней и, подозревая этого офицера, приказалъ ему сѣсть съ собой рядомъ. „Извините, ваше высочество, никакъ не могу, русская посылка говоритъ: „не въ свои сани не садись“. — отвѣчалъ сѣло Булгаковъ; эта выходка освободила виновнаго отъ ареста, которымъ каралось малѣйшее уклоненіе отъ установленной формы одежды. Другой разъ, къ Михаилу Павловичу является офицеръ, дурно одѣтый; грозно взглянувъ на него, великій князь спрашиваетъ: „это что у васъ за мундиръ?“ — „Послѣдній, ваше высочество!“ — отвѣчаетъ офицеръ. Въ отвѣтъ на это великій князь отдаетъ распоряженіе: за небрежность въ одеждѣ посадить на гаупвахту... а вслѣдъ за тѣмъ виновный получаетъ изъ собственныхъ средствъ великаго князя пособіе на новую обмундировку.

Вліяніе ровнаго характера Михаила Павловича не могло конечно не отразиться на всѣхъ, кто входилъ съ нимъ въ соприсношеніе, главнымъ образомъ на начальникахъ подчиненныхъ ему частей; а они старались дѣйствовать въ духѣ его взглядовъ. Надо отдать должную справедливость великому князю въ умѣнѣ быть начальникомъ; онъ обладалъ способностью воспитывать людей, подчиняя ихъ своей волѣ не строгостью, которая была лишь вынужденна и въ духѣ времени, но дѣйствуя вездѣ подъ вліяніемъ холоднаго разсудка; правда, онъ былъ требователенъ и строгъ, но никогда не выражалъ порывовъ своего гнѣва, такъ какъ умѣлъ во время себя сдерживать.

Дѣятельность Михаила Павловича по званію генераль-инженера инженерной части не менѣе замѣчательна; какъ извѣстно, императоръ Николай I, прекрасно изучившій инженерное искусство, по вступленіи на престолъ обратилъ особенное вниманіе на эту часть; въ лицѣ своего брата онъ встрѣтилъ весьма дѣятельнаго исполнителя своихъ предначертаній. Грозный рядъ крѣпостей на нашей западной и другихъ границахъ, возведенныхъ и расширенныхъ подъ наблюденіемъ Михаила Павловича, свидѣтельствуетъ о его весьма полезной дѣятельности и по этой части.

Наконецъ, какъ командиръ гвардейскаго корпуса, а въслѣдствіи и главнокомандующій гвардейскими и гренадерскими корпусомъ, Михаилъ Павловичъ далъ этимъ частямъ отличное устройство; при немъ было обращено вниманіе не только на фронтальную службу, но и на образованіе войскъ; кадръ гвардейскихъ офицеровъ сталъ пополняться лучшими по способностямъ и образованію воспитанниками военно-учебныхъ заведеній; недостатокъ средствъ не препятствовалъ нести службу въ гвардіи, такъ какъ въ случаѣ нужды Михаилъ Павловичъ всегда помогалъ изъ своихъ средствъ достойнымъ. Былъ такой случай. У одного изъ полковниковъ гвардіи ко времени инспекторскаго смогра оказался недочетъ въ суммахъ, который онъ по легкомыслію потратилъ на свои надобности; накануне смогра, не найдя нигдѣ денегъ, онъ въ крайности поздно вечеромъ является во дворецъ великаго князя и откровенно объявляетъ адъютанту великаго князя, Бибикову, безвыходность своего положенія. Бибиковъ идетъ къ великому князю, который уже ложился спать, и рассказываетъ о случившемся, не называя имени полковника, который ждетъ своей участи. Выслушавъ его, великій князь вынулъ изъ письменнаго стола сумму, необходимую для пополненія казенныхъ денегъ, и передавъ ее Бибикову, сказалъ: „отдай ему и не смѣй мнѣ никогда называть его фамилію—иначе, какъ командиръ корпуса, я отдамъ его подъ судъ. Скажи, что я помогаю ему, какъ великій князь и какъ частный человѣкъ“.

Кромѣ перечисленныхъ выше должностей, Михаилъ Павловичъ принималъ участіе въ дѣлахъ высшаго государственнаго управленія, будучи сенаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта.

Крѣпкое сложеніе и отличное здоровье, казалось, должно было сохранить еще долго великаго князя для его полезной дѣятельности; Провидѣніе судило иначе; 16 января 1845 г. скончалась его дочь, Елизавета Михайловна, а въ слѣдующемъ году умерла въ Вѣнѣ другая его дочь, Марія Михайловна; эти двѣ потери были причиной сильнаго душевнаго потрясенія. Михаилъ Павловичъ началъ страдать приливомъ крови, которые и подготовили роковую развязку. Въ 1849 г. онъ сталъ чувствовать сильное недомоганіе, силы его начали слабѣть; въ іюлѣ великій князь отправился въ Варшаву, гдѣ собралась войска гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, которые должны были составить резервъ арміи, дѣйствовавшей противъ венгерцевъ; 11 августа Михаилъ Павловичъ, присутствуя на ученіи 7 кавалерійской дивизіи, почувствовалъ себя дурно; его сняли съ лошади, такъ какъ онъ терялъ сознаніе; по приѣздѣ во дворецъ, великій князь былъ уже безъ языка, правая рука и нога не дѣйствовали; 28-го августа, въ 2^{1/2} ч. пополуночи, Михаилъ Павловичъ испустилъ духъ въ рукахъ государя, на слѣдника и своей супруги, Елены Павловны. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ и шибѣ покончено въ Петропавловскомъ соборѣ, у западныхъ дверей, съ лѣвой стороны отъ входа.

Извѣстіе о кончинѣ Михаила Павловича поразило всѣхъ и отозвалось по Россіи глубокою грустью; потеря эта была невознаградима; вся жизнь великаго князя была вереницей неустанныхъ трудовъ, заботъ о своихъ подчиненныхъ и благодѣній; съ его смертью армія лишилась опытнаго руководителя, сотни офицеровъ, которые существовали его пособиями, терли въ немъ благодѣтеля. Высокимъ христіанскимъ смиреніемъ дышать строки его завѣщанія: „Если я кого-либо обидѣлъ, или изъ моихъ подчиненныхъ или по другимъ моимъ отношеніямъ, то отъ всей души искренно прошу ихъ простить меня и вѣрить мнѣ, что я никогда не хотѣлъ ихъ огорчить съ умысломъ“. Эти слова служатъ лучшей характеристикой Михаила Павловича, какъ человѣка.

А. Ф. Шидловскій.

Рыба-амфибія.

Очеркъ П. Ю. Шмидта.

Австралія не даромъ называется страной контрастовъ и неожиданностей: все въ ней оригинально, все необычно, и

самая поверхность земли, представляющая изъ себя часто плоскую равнину, на которой внезапно поднимаются высокія

горы, и заросли эвкалиптовъ съ ихъ листьями, поставленными ребромъ и не дающими почти никакой тѣни, и въ особенности населенная эти заросли фауна. „Что за удивительная страна!“ восклицаетъ одинъ изъ путешественниковъ. „Звѣри кладутъ здѣсь яйца, кукушки похожи на нашихъ фазановъ и не кукуютъ, лебеди черны, какъ уголь, совы кричатъ кукушкой, а зимородки хохочутъ на утренней и вечерней зарѣ страшнѣе нашихъ филиновъ“.

Съ еще болѣе правомъ, однако, можетъ быть названа Австралія „страной живыхъ ископаемыхъ“. Въ ея лѣсахъ и стенахъ мы находимъ животныхъ, ближайшіе родственники которыхъ жили и у насъ въ Старомъ Свѣтѣ въ очень отдаленныя эпохи, но уже давнымъ-давно вымерли и встрѣчаются теперь лишь въ видѣ ископаемыхъ остатковъ, надъ разгадкою которыхъ трудятся ученые.

Многія изъ этихъ „живыхъ ископаемыхъ“ являются переходными формами, или какъ бы соединительными звеньями между рѣзко различающимися классами и отрядами животнаго царства, и связь между этими группами была бы совѣтъ не ясна для насъ, если бы мы не были знакомы съ фауною Австраліи. На ряду съ извѣстными всѣмъ утконосомъ и ехидной, которые кладутъ яйца и какъ по этой, такъ и по многимъ другимъ признакамъ считаются вполне основательно переходными формами между млекопитающими и пресмыкающимися, такимъ же, если не еще болѣе интереснымъ соединительнымъ звеномъ является замѣчательная австралійская рыба—рогозубъ (*Ceratodus Forsteri*), носившая у туземцевъ названіе „джеллэ“.

По своему внѣшнему виду и размѣрамъ рогозубъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ нашимъ лососемъ, но тѣло его покрыто очень крупной чешуею, зубы срослись въ двѣ пластинки, напоминающія оленьи рога, хвостовой плавникъ заходитъ на спину и на брюхо, а большіе наружные плавники отчасти покрыты мелкою чешуею. Несмотря на свою рыбно наружность, рогозубъ все же заслуживаетъ вполне названія „рыбы-амфибіи“, такъ какъ по нѣкоторымъ чертамъ своего внутреннего строения напоминаетъ хвостатыхъ амфибіи (земноводныхъ), напр. тритона, саламандру и т. п.

Самая замѣчательная особенность его состоитъ въ томъ, что кромѣ обыкновенныхъ жабръ, какими снабжена каждая рыба, рогозубъ обладаетъ еще однимъ большимъ легкимъ, открывающимся у него въ глотку и вполне напоминающимъ легкія амфибіи. Легкое это, соответствующее плавательному пузырю другихъ рыбъ, сообщается при помощи глотки съ носовыми отверстиями и служитъ для дыханія. Нѣмецкій зоологъ Рихардъ Земонъ, который подробно изслѣдовалъ образъ жизни рогозуба, рассказываетъ, что въ тихихъ заводяхъ австралійскихъ рѣкъ часто приходится наблюдать, какъ изъ воды выставляется кончикъ рыла этой рыбы, и одновременно раздается своеобразный урчащій звукъ, происходящій отъ выхожденія изъ легкаго воздуха. Неудивительно, что существованіе легкаго вызываетъ и соответственные измѣненія въ строеніи сердца и въ распредѣленіи сосудовъ, почему эти органы рогозуба сильно напоминаютъ по своему строенію сердце и сосуды амфибіи.

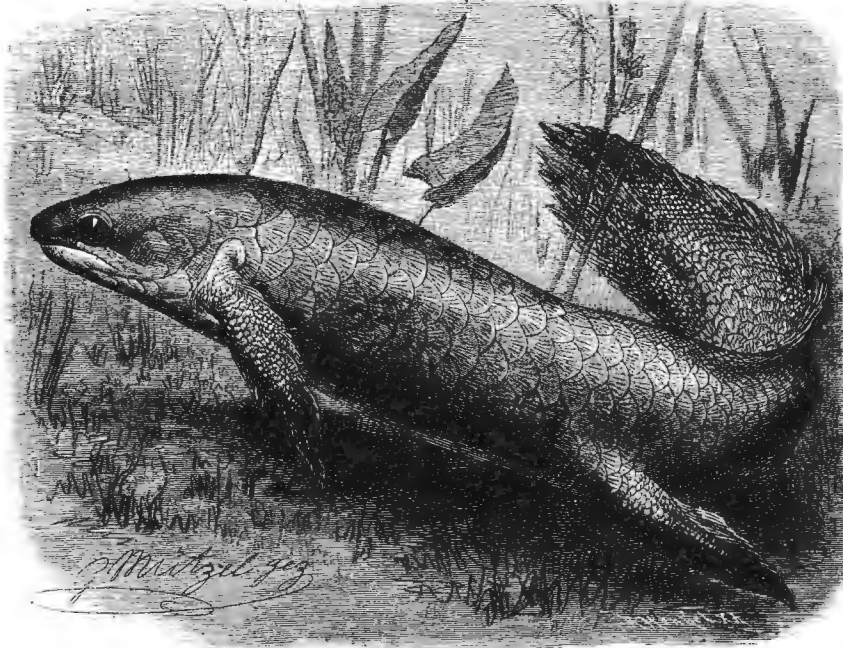
Теперь является вопросъ: какое же значеніе имѣетъ для рыбы такой двойной способъ дыханія? Прежде думали, что рогозубъ выходитъ на сушу, и даже рассказывали, что онъ любитъ погрѣться на солнцѣ и всползаетъ на стволы упавшихъ деревьевъ; но при ближайшемъ изслѣдованіи всѣ подобныя рассказы оказались совершенно нелѣпыми баснями: рогозубъ не только самъ не выходитъ на сушу, но и вышутый изъ воды выживаетъ не болѣе часа. На самомъ дѣлѣ, существованіе легкаго объясняется такимъ же приспособленіемъ къ мѣстнымъ условіямъ, какое встрѣчается нами всюду въ животномъ царствѣ. Дѣло въ томъ, что во время лѣтней засухи рѣки Австраліи сильно мельютъ, и лишь мѣстами въ нихъ сохраняются болѣе глубокия ямы, куда и переселяются какъ рогозубы, такъ и всѣ остальные рыбы: мелкія мѣста сильно

погрѣваются солнцемъ и потому становятся неудобными для ихъ существованія. При множествѣ рыбъ, набравшихся въ подобныя ямы, неудивительно, что воздуха, раствореннаго въ водѣ, имъ становится мало, онѣ начинаютъ задыхаться и погибаютъ сотнями, заражая еще сильнѣе воду своими разлагающимися трупами. Вотъ тутъ-то рогозубу и оказывается особенно полезнымъ это легкое: при помощи его онъ дышитъ атмосфернымъ воздухомъ, и потому переживаетъ всѣхъ своихъ сотоварищей по несчастью. Земонъ даже нарочно посадилъ однажды выловленнаго рогозуба въ небольшой сосудъ, содержащій очень незначительное количество воды, которая не смѣлилась въ теченіе цѣлой недѣли: вода эта подѣ конецъ приобрѣла отвратительный запахъ, стала мутной и совершенно непригодной для существованія въ ней какой-либо другой рыбы, но рогозубъ чувствовалъ себя все время, повидимому, превосходно и остался такимъ же здоровымъ и сильнымъ. Своимъ легкимъ рыба эта пользуется, однако, и при отсутствіи крайней необходимости: даже когда воды много и она чиста и прозрачна, рогозубъ регулярно черезъ каждыя 30—40 минутъ появляется на поверхности и захватываетъ запасъ воздуха.

По своему характеру и образу жизни, рогозубъ—рыба чрезвычайно малоподвижная. Онъ какъ днемъ, такъ и ночью, лежитъ на днѣ почти безъ движенія, и поднимается на поверхность лишь для дыханія. Отъ времени до времени онъ отправляется за добычей, состоящей изъ различныхъ мелкихъ водныхъ животныхъ, и проглатываетъ послѣднихъ вмѣстѣ съ водорослями, между которыми онъ водитъ. Всѣ движенія его пріятель медленны и флегматичны,—если побезпокоить его, когда онъ лежитъ на днѣ, то, ударивъ нѣсколько разъ хвостомъ, онъ проиллюстрируетъ небольшое разстояніе и затѣмъ впадетъ въ прежнюю неподвижность. Туземцы, употребляющіе рогозуба въ пищу, ловятъ его чрезвычайно простымъ способомъ: ловецъ ныряетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагается присутствіе рогозуба, и высматриваетъ его подъ водой. Онъ можетъ свободно двигаться въ водѣ, такъ какъ рыба не утливаетъ, даже если къ ней осторожно прикоснуться. Затѣмъ, возвращаясь на поверхность, онъ захватываетъ въ каждую руку по небольшому сачку и, снова нырнувъ, подхватываетъ этими сачками съ обѣихъ сторонъ рыбу. Послѣдней, впрочемъ, благодаря ея значительной силѣ, удается нѣрѣдко вырваться изъ сачковъ, но утливаетъ она не далеко, и потому не трудно возобновить тотъ же пріемъ ловли. Колонисты-европейцы успѣшно ловятъ рогозуба и на удочку, употребляя въ качествѣ приманки мясо, слязникъ, мелкихъ рыбокъ и т. п.

Особый интересъ представляетъ размноженіе рогозуба: самка откладываетъ между водорослями въ одиночку множество икринокъ, изъ которыхъ каждая величиною съ зерно перца и окружена толстою и прозрачно студенистою оболочкою, чѣмъ чрезвычайно сильно напоминаетъ икру нашихъ тригоновъ, лягушекъ, аксолотлей и другихъ амфибіи. Это сходство еще болѣе увеличивается тѣмъ, что верхняя половина икринки рогозуба окрашена въ черный, а нижняя въ сѣрый цвѣтъ,—современо такъ же окрашены и икринки лягушки. Икринка развивается 10—12 дней, и особенно замѣчательно, что, по наблюденіямъ Земона, ходъ развитія ея во многихъ чертахъ сходенъ также съ развитіемъ икринки лягушки или тригона, но въ результатѣ вмѣсто головастика получается небольшая полупрозрачная рыбка. Молодыя рыбки, повидимому, сходны по флегматичности со взрослыми, онѣ держатся около дна и лишь рѣдко всплываютъ въ верхніе слои воды.

Такимъ образомъ нѣкоторыя черты въ строеніи и жизни рогозуба напоминаютъ амфибіи, и это заставляетъ думать, что онъ является переходной формой между настоящими рыбами и земноводными, и что предки его были въ то же время предками и этихъ послѣднихъ. Такое предположеніе подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что два близко родственные рогозубу вида (чешуйчатники) живутъ одинъ въ Африкѣ, другой въ Южной Америкѣ, а ископаемые остатки формъ еще

Рыба-амфибія. Рогозубъ (*Ceratodus forsteri*). 1/2 натуральной величины.

болѣе близкихъ къ нему находится не только въ этихъ двухъ частяхъ свѣта, но и въ Европѣ и Азій.

Изъ этого можно заключить, что въ прежнія эпохи рыбы, снабженныя одновременно жабрами и легкими, были, очевидно, распространены по всему свѣту. Позднѣе потомки ихъ приобрѣли способность дышать легкими не только въ водѣ, но и на сушѣ, стали покидать свою природную стихію и, наконецъ, утратили совершенно жабры, получили вмѣсто первоначальныхъ плавниковъ пятипалые конечности и превратились въ формы, близкія къ современнымъ земноводнымъ. Отъ этихъ-то формъ и произошли всѣ многообразныя, первоначально хвостатыя (тритоны, саламандры), а потомъ и безхвостыя (ля-

гушки, жабы) амфибіи, которыхъ мы находимъ въ современной фаунѣ.

Въ то же время родоначальныя двояко дышашія рыбы постепенно вымирали, вытѣсненныя новыми, болѣе приспособленными формами. Въ настоящее время онѣ сохранились лишь въ отдѣльныхъ удаленныхъ одинъ отъ другого уголкахъ Австраліи, Африки и Америки, въ качествѣ „живыхъ ископаемыхъ“; но и здѣсь имъ грозитъ та же печальная участь: подлѣ разрушительнымъ вліяніемъ челоуѣка измѣняется составъ и водной, и наземной фауны, появляются новыя формы, и ими вытѣсняются и уничтожаются коренныя обитатели.

Къ рисункамъ.

Итальянскій художникъ Сапoretти создалъ очень поэтичный образъ молодой итальянки. Его „Джульетта“ — воплощенная невинность и чистота. По томному взгляду выразительныхъ черныхъ глазъ можно только догадываться о жгучей страстности южнаго характера и той силѣ жгучей любви, которая внезапно превращаетъ ребенка въ героиню романа или трагедіи, гдѣ любовь, молодость, жизнь встрѣчаются лицомъ къ лицу съ ненавистью и смертью.

Со времени преобразования нашей Академіи художествъ приобрѣли совершенно другой характеръ и ученическія или, такъ называемыя, конкурсныя ея выставки. Прежде молодые художники писали на заданныя темы; теперь имъ предоставлена полная свобода въ выборѣ темъ. Вслѣдствіе этого конкурсныя выставки представляютъ гораздо большее разнообразіе, и это вполне сказалось на выставкѣ, состоявшейся въ концѣ прошлаго года. Стереотипныя, ветхозавѣтныя и религиозныя сюжеты какъ бы совершенно исчезли и замѣнились картинами чрезвычайно разнообразнаго содержанія: жанръ, пейзажъ, батальная и историческая живопись, — все это имѣло многочисленныхъ представителей на выставкѣ.

Въ настоящемъ нашемъ номерѣ мы воспроизводимъ двѣ жанровыя картины, фигурировавшія на конкурсной выставкѣ 1897 г. Картины эти принадлежатъ гг. Казакову и Пыльцеву. Обѣ онѣ очень жизненны и отличаются обиліемъ фигуръ, причѣмъ наибѣе поражаетъ на первый уже взглядъ выразительность всей этой массы лицъ, выведенныхъ молодыми художниками.

Первая изъ нихъ посвящена жизни деревни; изображенъ на ней драматическій моментъ, когда уѣздныя сельскія власти только-что поймали преступника. Центральными фигурами являются самъ преступникъ, связанный по рукамъ и ногамъ и посаженный на телегу, и стоящій передъ нимъ ставовой съ руками, засунутыми въ карманы, съ извѣстной улыбкой на лицѣ, прайднующій, такъ-сказать, свою побѣду надъ сидящимъ передъ нимъ преступникомъ. Ослабленное лицо послѣдняго и самодовольное лицо перваго отличаются большою выразительностью, и въ этомъ заключается главное достоинство картины. Но кромѣ того, на ней масса другихъ фигуръ, изъ которыхъ каждая невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе: исполнительный урядникъ, выжидающій приказанія начальства, флегматичный староста, типичный волостной писарь, рассказывающій сельскому учителю подробности поимки преступника, возница, готовый исполнить свою печальную обязанность, многочисленная толпа стариковъ, старухъ, подростковъ, дѣтей, изъ которыхъ всякій по-своему относится къ разыгрывающейся передъ нимъ драмѣ, кто съ прайднымъ любопытствомъ, кто съ участіемъ или съ сожалѣніемъ, кто съ недоумѣніемъ. Всѣ эти фигуры необычайно оживляютъ картину, придаютъ ей колоритъ яркой жизненности, мѣтко характеризуютъ весь эпизодъ поимки преступника и не оставляютъ никакого сомнѣнія, что дѣло именно такъ происходитъ, что именно та-

ковы чувства, волнующія главныхъ участниковъ и многоголовую толпу, когда въ деревенской нашей жизни случается событіе, въ родѣ столь ярко изображеннаго намъ художникомъ.

Въ совершенно иной мѣрѣ переноситъ насъ картина г. Пыльцева. Изъ деревни мы попадаемъ въ провинціальныя трактиры.

Великій князь Михаилъ Павловичъ. По поводу столѣтія со дня рожденія. Съ современной литографіи (изъ коллекціи П. Я. Дашкова) автотипилъ „Нивы“.

Тутъ центральная фигура — уличная пѣвица, исполняющая пѣсню подлѣ аккомпанемента арфы, пѣющая спутникомъ мальчика, можетъ-быть, брата съ неизбежными птицами въ клеткѣ. Пѣвица изображена очень хорошо художникомъ, но не въ ней сила: сила въ ея пѣснѣ или, лучше сказать, въ томъ впечатлѣніи, которое ея пѣсня производитъ на многочисленныхъ слушателей. Всѣ оттѣнки чувства нашли себѣ выраженіе въ слушателяхъ, начиная отъ полного равнодушія той нарочки, которая въ сторонкѣ занята посторонними дѣлами, и кончая толстоузлаго купца, и кончая тою безысходною грустью, которая такъ ярко изображается на лицѣ пожилаго господина, сидящаго за столомъ въ правомъ углу картины. Пѣснь, очевидно, пробудила въ немъ воспоминанія о молодости, о томъ, что навсегда миновало, никогда уже болѣе не вернется. По между этими двумя крайними чувствами есть цѣлая гамма другихъ чувствъ: удовольствіе, восторгъ, любопытство, увлеченіе не пѣсней, а пѣвцею, игривость, мрачная сосредоточенность, и въ этомъ разнообразіи заключается, быть-можетъ, главное достоинство картины. И тутъ мы также имѣемъ дѣло съ жизнью, съ непрямою, ленивою дѣйствительностью, которая при всемъ своемъ видимомъ однообразіи представляетъ такъ много разнообразія и поэтому всегда кажется и свѣжею, и новою.

Эффектность освѣщенія и композиціи, сильнѣйшій, блестящій и выразительный рисунокъ, мастерство кисти, особенно при выпискѣ костюмовъ, давно отличаютъ работы К. Е. Маковского. Тѣмъ же вышними достоинствами блещетъ и его картина: „Боярышня“. Въ богатомъ уборѣ, въ нарядной душегрейкѣ, съ задумчивой улыбкой сидитъ въ теремѣ типичная русская красавица-дѣвушка, перебирая отъ нечего дѣлать свои дорогія украшенія. Она мечтаетъ о томъ счастливымъ днѣ, когда падѣнетъ на себя всю эту драгоценную мишуру, иди подлѣ вѣнца съ суженымъ другомъ, о которомъ она вихо-молку столько разъ гадала въ кременскій вечерокъ. Лицо боярышни и всѣ аксессуары ея туалета выписаны съ присущею Маковскому жизненностью и съ большимъ знаніемъ соответствующей эпохи.

Менуэты были придворнымъ танцемъ при Людовикѣ XIV. Изъ Франціи онъ перешелъ въ другія страны, въ томъ числѣ и въ Россію уже при Петрѣ Великомъ. Всѣ композиторы, старыя и новыя, писали менуэты, начиная съ Гайдна, Моцарта и Бетховена и кончая Глинкою и Рубинштейномъ, придавшимъ менуэту особенно художественную обработку. Самый танецъ,

вышедший в настоящее время из моды, состоит из мелких па и требует от исполнителей грациозности и плавности. На картинѣ испанскаго живописца Гарридо изображена свѣтская красавица, исполняющая менуэтъ съ кокетливыми приемами обычных присѣданій и наклоненій головы, съ очаровательными улыбками опытной побѣдительницы сердець. „Что за поступь! что за видъ!“ При взглядѣ на картину невольно вспоминается рассказъ Майковскаго стараго бригадира:

Да-съ, видалъ я менуэтець—
Ого-го!.. Посыланъ былъ
Въ Петербургъ я разъ,—пакетець
Къ государинѣ возилъ...
Ну, дворець, само собою,
Ужъ Армидины сады!
И гирляндю цвѣтною
Колыхаются ряды...

*

„Урокъ танцевъ“, такъ же какъ и предыдущая картина: „Менуэтъ“, принадлежитъ кисти того же испанскаго художника и исполнена во вкусѣ произведеній Ватто. Въ богатомъ домѣ, очевидно, предполагается костюмированный балъ, и молодая хозяйка готовится къ нему, разучивая подъ звуки гитары и подъ аккомпанементъ фортепiano какой-то характерный танецъ съ жезломъ въ рукѣ. Танцмейстеръ заботливо указываетъ ей изысканную позу. Роскошная мебель и дорогая матерія женскихъ костюмовъ выписаны съ мастерствомъ, отличающимъ опытнаго живописца.

В. В. Пашутинъ. (Портр. на этой стр.)

Въ январѣ настоящаго года исполнилось тридцать лѣтъ службы и научной дѣятельности одного изъ выдающихся русскихъ ученыхъ, академика и заслуженнаго профессора Виктора Васильевича Пашутина. Широкая научная дѣятельность

В. В. ждетъ своей безпристрастной оцѣнки въ будущемъ, пока же будетъ не лишено интереса представить краткій биографическій очеркъ его жизни.

В. В. Пашутинъ.
Съ фот. автотипія „Нива“.

Сынъ священника г. Новочеркаскъ, В. В. родился 16-го января 1845 года. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ духовномъ училищѣ, затѣмъ воспитывался въ воронежской духовной семинаріи. Поступивъ въ 1862 году въ академію, В. В. со 2-го курса началъ работать въ лабораторіи нашего известнаго физиолога профессора М. М. Съченова. Окончивъ въ академіи курсъ съ отличіемъ и серебряною медалью, В. В. былъ оставленъ при академіи на три года для усовершенствованія. Въ 1870 г. онъ защитилъ диссертацию на степень д-ра медицины, а въ 1871 г., послѣ прочтенія пробныхъ лекцій, былъ призванъ приватъ-доцентомъ академіи по физиологии и командированъ съ ученою дѣлюю на два года за границу. Работая въ лучшихъ европейскихъ лабораторіяхъ и напечатавъ дѣльный рядъ изслѣдованій, В. В. по окончаніи срока своей командировки былъ избранъ казанскимъ университетомъ профессоромъ на кафедру общей патологіи, которую и занялъ въ 1874 году. Преподаваніе общей патологіи въ видѣ самостоятельной экспериментальной науки не было въ то время введено даже въ заграничныхъ университетахъ, а у насъ въ Россіи, лишь въ Кавани, рѣшено было впервые отдѣлить ее отъ клиники. Отсутствие лабораторій, разбросанность печатаннаго

матеріала, масса пробѣловъ въ экспериментальной разработкѣ патологическихъ явленій, дѣлали преподаваніе общей патологіи особенно затруднительнымъ, и бесспорно требовали отъ лектора громадной энергіи и таланта. В. В. не только принадлежалъ заслуга, что онъ съ честью преодолѣлъ эти трудности и доказалъ несомнѣнную пользу новаго направленія въ патологіи

Ольгинскій дѣтскій пріютъ трудолюбія близъ мызы Царской Славянки. Главный домъ и центральная кухня.
Съ фотогр. К. Е. фонъ-Ганъ и К^о въ Царскомъ Селѣ, автотипія „Нива“.

создалъ цѣлую школу, вызвалъ образованіе такихъ же кафедръ во всѣхъ нашихъ университетахъ и академіи, занятыхъ по большей части его учениками. Продолжалъ самъ разрабатывать экспериментально нѣкоторые отдѣлы, В. В. издалъ часть своихъ лекцій въ формѣ учебника общей патологій, перваго русскаго учебника, встрѣченнаго очень сочувственно всѣми студентами и врачами, не только въ Казани, но и въ другихъ научныхъ центрахъ. Въ 1879 г. самостоятельная кафедра общей патологій была открыта и въ академіи и предоставлена В. В. Пашутину. Богатство средствъ академіи дало возможность В. В. въ нѣсколько лѣтъ создать обширную лабораторію, приспособленную не только къ цѣлямъ преподаванія, но и къ научной разработкѣ самыхъ сложныхъ вопросовъ общей патологій, и являющуюся одной изъ лучшихъ лабораторій не только Россіи, но и Европы.

Профессорская дѣятельность В. В. въ академіи продолжалась до 1890 г., когда онъ Высочайшимъ указомъ былъ назначенъ начальникомъ военно-медицинской академіи. За это время появились нѣкоторые его научныя работы и II томъ общей

великой княжны Ольги Николаевны, въ Высочайшемъ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, состоялось освященіе новаго Ольгинскаго дѣтскаго пріюта трудолюбія близъ Царскаго Села. Новый пріютъ основанъ Государемъ Императоромъ на Всемилостивѣйше пожалованныя Его Величествомъ средства и имѣетъ цѣлю призрѣвать и приучать къ труду остающихся въ столицѣ безъ присмотра или пристанища дѣтей обо-его пола отъ 6 до 15 лѣтъ. Пріютъ рассчитанъ на призрѣніе 200 дѣтей, обучаемыхъ крестьянскими работамъ, преимущественно огородничеству и садоводству, и несложнымъ мастерствамъ и рукодѣліямъ.

Работы по устройству пріюта начались съ 1896 года. Для уменьшенія стоимости построекъ, онѣ сооружены изъ дерева, за исключеніемъ центральной кухни, слесарной и нижняго этажа дома мастерскихъ. Для болѣе взрослыхъ призрѣваемыхъ мальчиковъ—свыше 10 лѣтъ—возведены отдѣльныя избы на 20 человекъ каждая, а для 60 дѣтей, дѣвочекъ и малолѣтнихъ обо-его пола, устроено помѣщеніе въ одномъ общемъ домѣ, на второмъ участкѣ.

Ольгинскій дѣтскій пріютъ трудолюбія близъ мызы Царской Славянки. Зала-церковь.
Съ фотогр. К. Е. фонъ-Гагъ и К^о, автотипія „Нивы“.

патологій. Будучи самъ энергическимъ работникомъ, В. В. и отъ работающихъ подъ его руководствомъ требовалъ упорнаго и систематическаго труда, поэтому всѣ работы, вышедшія изъ его лабораторій, представляли дѣйствительный вкладъ въ науку.

Плодотворная научная дѣятельность В. В. оцѣнена многими учеными обществами, избравшими его председателемъ или почетнымъ членомъ, и обратила на него вниманіе правительства.

Въ 1887 г. онъ былъ назначенъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, въ 1889 г. сначала совѣтательнымъ членомъ, а потомъ вскорѣ и председателемъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ,—высшаго медицинскаго учрежденія въ Россіи.

Въ заключеніе отмѣтимъ тѣ успѣхи въ дѣлѣ расширенія преподаванія, которые произошли въ академіи за это время. Основаны кафедры исторіи медицины и заразныхъ болѣзней, построена образцовая клиника для душевныхъ больныхъ, устроена новая клиника для заразныхъ большихъ, нервныхъ, горловыхъ и ушныхъ болѣзней, клинической госпиталь основательно отремонтированъ и освѣщенъ электричествомъ, устроены отдѣльныя помѣщенія для приема амбулаторныхъ больныхъ и т. д.

Ольгинскій дѣтскій пріютъ трудолюбія близъ мызы Царской Славянки. (Рис. на стр. 117 и 118).

3-го ноября истекшаго года, во вторую годовщину рожденія

Въ истекшемъ году сооружено 11 построекъ, представляющихъ возможность призрѣть 120 дѣтей и включающихъ группу мастерскихъ для полнаго комплекта призрѣваемыхъ въ 200 человекъ. Центральное мѣсто среди этихъ построекъ занимаетъ главный домъ, состоящій изъ зала-церкви (рис. на этой стр.), зала-столовой для 140 мальчиковъ, канцеляріи и квартиры для священника или завѣдывающаго пріютомъ. При главномъ домѣ, въ видѣ пристройки къ нему, устроена центральная кухня (рис. на стр. 117). Затѣмъ идутъ: 3 отдѣльные домика-избы для 20 мальчиковъ въ каждомъ, домъ для 60 дѣвочекъ и малолѣтнихъ, домъ для мастерскихъ—сапожной, столярной, переплетной и портняжной, слесарная мастерская съ кузницей, скотный дворъ, молочная съ ледникомъ и баня съ прачечной.

Пріютъ производитъ самое отрадное впечатлѣніе на посетителей, какъ по наружному виду отдѣльныхъ его зданій, такъ и по внутреннему ихъ устройству. Въ помѣщеніяхъ для призрѣваемыхъ дѣтей, а также въ главномъ домѣ и мастерскихъ—ведь много воздуха и свѣта. Зала-церковь еще не окончена и ждетъ постановки иконостаса.

Съ 1-го ноября истекшаго года принято въ пріютъ 64 дѣтей; въ томъ числѣ 34 мальчика и 30 дѣвочекъ, изъ которыхъ 24 мальчика и 16 дѣвочекъ болѣе 10 лѣтъ отъ роду. Ближайшій надзоръ за пріютомъ Высочайше вѣренъ особому совѣту, председателемъ котораго состоитъ гофмейстеръ баронъ Б. Э. Вольфъ.

А. А. Архангельскій. (Портр. на этой стр.)

Александръ Андреевичъ Архангельскій имѣлъ въ послѣднее время, какъ и всегда, большой успѣхъ со своимъ хоромъ въ Москвѣ, Гельсингфорсѣ, Ригѣ и другихъ городахъ. Г. Архангельскій уже 15 лѣтъ выступаетъ публично со своимъ хоромъ, и каждый его выходъ заставляетъ о себѣ говорить, потому что кромѣ вполне художественнаго исполненія онъ знакомитъ публику съ новыми для нея произведеніями. То онъ исполняетъ классиковъ: Баха, Генделя, Бетховена, то старинныхъ мастеровъ: Падестрину, Аллегри, Лассо, то народныя пѣсни: русскія, чешскія, польскія, французскія, то духовныя: римско-католическія и православныя. Такой обширный трудъ, конечно, цѣнится всеми истинными любителями искусства, и его концерты всегда бываютъ переполнены. Имя его пользуется обширной популярностью въ нашемъ музыкальномъ мѣрѣ. Мы, по крайней мѣрѣ, не знаемъ другого хора, который шѣлъ бы такъ стройно, музыкально, характерно (по отношенію къ исполняемымъ авторамъ) и съ такими нюансами, какъ хоръ г. Архангельскаго, состоящій въ настоящее время изъ семидесяти членовъ.

Было, однако, время, когда этотъ талантливый и трудолюбивый дѣятель, прибывшій въ Петербургъ по окончаніи духовной семинаріи для высшаго образованія, вынужденъ былъ существовать перепиской бумагъ. Поступивъ вольнослушателемъ сначала въ бывшую тогда медико-хирургическую академію, а потомъ въ технологическій институтъ, г. Архангельскій, не имѣя знакомыхъ и родныхъ, вынужденъ былъ перебиваться изо дня въ день, пока, наконецъ, не надумалъ держать экзаменъ въ пѣвческой капеллѣ. Только послѣ этого онъ сталъ заниматься тѣмъ дѣломъ, къ которому чувствовалъ истинное призваніе (еще на школьной скамьѣ онъ неоднократно управлялъ архіерейскимъ хоромъ), сначала въ качествѣ дирижера военныхъ хоровъ, а потомъ почетаго хора, во главѣ котораго онъ и теперь стоитъ. Хоръ этотъ въ началѣ своей дѣятельности, относящейся къ 1880 г., состоялъ всего изъ 16-ти членовъ.

А. А. Архангельскій.
Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

Знаменитый скрипачъ г. Пабло де-Сарасате снова посѣтилъ Россію послѣ пятнадцатилѣтняго промежутка времени и намѣренъ объѣхать наши главнѣйшіе музыкальные центры. Выступилъ онъ у насъ въ трехъ концертахъ. Одинъ арабскій поэтъ говоритъ: „музыка питаетъ, какъ молоко, опьяняетъ, какъ вино, и подчиняетъ себѣ сердца людей“. Отчасти это призмѣнно къ игръ нашего гостя, который можетъ быть смѣло названъ королемъ скрипачей, потому что онъ признается первымъ между современными виртуозами; нѣтъ равныхъ ему по чистотѣ звука, по невѣроятной легкости, съ какой онъ продѣлываетъ самыя большія трудности, по развитію пальцевъ и руки. Въ области виртуознаго блеска онъ затмеваетъ собой остальныхъ скрипачей. Двойныя ноты, октавы, безконечная трель, флажолеты, всевозможные пассажи, pizzicato, staccato,—словомъ все техническіе приемы доведены имъ до совершенства при рѣдкой пѣвучести. Такова игра чародѣя Сарасате. Нѣтъ такой публики, которая не пришла бы въ восторгъ отъ его игры. Но за этимъ блескомъ и яркимъ свѣтомъ не ищите теплоты, страсти и чувства; этого Сарасате вамъ не дастъ.

Г. Сарасате теперь 53 года (онъ родился въ Сарагоссѣ въ 1844 г.). Мы его слышали лѣтъ двадцать тому назадъ, въ первый его прѣздъ въ Россію послѣ лавровъ, которые онъ стяжалъ во всей Европѣ и Америкѣ; онъ и тогда поражалъ, какъ теперь; онъ и тогда покорила, ослѣплялъ, какъ молніи. Гдѣ бы и когда онъ ни появлялся, онъ всегда произведетъ сенсацию, какъ всякій, необыкновенно одаренный человѣкъ. Достоинство замѣчанія при его удивительной въ полномъ смыслѣ слова игръ его самообладаніе и спокойствіе: ни малѣйшаго волненія вы не замѣчаете на его лицѣ; глаза его безстрастно устремлены въ пространство, и онъ играетъ или вѣрнѣе чаруетъ. Даже бѣшеные восторги, сопровождающіе его появленіе на эстрадѣ и еще болѣе увеличивающіеся при его удаленіи съ эстрады, его какъ будто мало трогаютъ.

В. Басининъ.

Смѣсь.

Урокъ по части экономіи. Въ Брюсселѣ дѣти, посѣщающія общественыя школы, приглашаются собирать по пути въ школу и обратно всякіе, повидимому, вовсе безцѣнные предметы, какъ: старыя металлические бутылочныя канюли, куски фольги, оловянные коробки, трубки отъ красокъ, металлические отбросы и проч., и передавать все эти предметы учителямъ. Въ періодъ съ 1-го января по 1-е октября 1897 года, или въ продолженіе 8-ми мѣсяцевъ, было такимъ образомъ собрано учениками: кусковъ фольги—875 килограммовъ (1,925 ф.), старыхъ трубокъ отъ красокъ—100 килограммовъ (220 ф.), бутылочныхъ канюль—2,007 килограммовъ (4,415 ф.), металлическихъ отбросовъ—555 килограммовъ (1,221 ф.); всего 3,537 килограммовъ (7,781 ф.). Вся масса собраннаго матеріала была продана, и на вырученныя деньги куплена была одежда для 500 бѣдныхъ дѣтей и отправлено 90 больныхъ для поправленія здоровья въ загородныя пріюты; кромѣ того, еще осталась порядочная сумма денегъ, которая была распределена между бѣдными больными въ городѣ.

Ласточки въ Африкѣ. Австрійское общество любителей орнитологіи, сильно заинтересовавшись вопросомъ объ уменьшеніи числа ласточекъ, замѣчаемомъ почти всюду въ Европѣ, разослало любителямъ птицъ съ годъ тому назадъ во все концы циркуляры, съ просьбою — подѣлиться съ нимъ своими наблюденіями на этотъ счетъ. Въ отвѣтъ на это воззваніе обществомъ получено нѣсколько сотъ разнаго рода сообщеній. Очень любопытнымъ среди нихъ является пространное доклады нѣкоего французскаго унтеръ-офицера, много лѣтъ уже находящагося, со своею войсковою частью, въ Африкѣ, въ Алжирѣ.

Вотъ что пишетъ онъ между прочимъ: „Вопреки вашему, очень огорчившему меня, печальному сообщенію объ уменьшеніи числа ласточекъ въ Европѣ, я, на основаніи многолѣтнихъ наблюденій, долженъ съ удовольствіемъ засвидѣтельствовать, что здѣсь, въ Африкѣ, замѣчается какъ разъ обратное явленіе. Число ласточекъ, гнѣздящихся какъ снаружи домовъ, такъ и внутри ихъ, за послѣдніе годы здѣсь прямо удвоилось; тамъ, гдѣ прежде насчитывалось гнѣздъ сорокъ-пятьдесятъ, теперь видны ихъ часто около сотни. Въ одномъ домѣ я аккуратно, изъ-года въ-годъ слѣдилъ за количествомъ ласточкиныхъ гнѣздъ; въ 1895 г. я насчиталъ ихъ 254, причѣмъ 30 оставались пустыми, незаселенными; въ 1896 году я нашелъ тамъ уже 367 гнѣздъ, а въ нынѣшнемъ—511, причѣмъ только 45 изъ нихъ, дѣйствительно, ветхія и уже не годныя для жилья, оставались незаселенными. Дома съ сотнею-двумя сотнями ласточкиныхъ гнѣздъ вовсе не представляютъ здѣсь рѣдкости. Доводительствомъ того, что ласточки начинаютъ чувствовать недостатокъ мѣста для поселенія, служитъ слѣдующій фактъ. Прежде почти никогда не замѣчалось, чтобы ласточка свивала себѣ гнѣздо около солдатскихъ палатокъ или даже внутри ихъ, потому что и туда проникаетъ обыкновенно сильный морской или пустынный вѣтеръ; вообще, холщевыя стѣнки палатокъ всегда колеблются, даже и при тихомъ вѣтрѣ. Въ нынѣшнемъ же году мы были совершенно неожиданно поражены появленіемъ въ нашихъ палаткахъ этихъ маленькихъ крылатыхъ гостей. Мы прибили дощечки къ шестамъ палатки, и ласточки живо принялись за устройство на нихъ гнѣздъ и размѣстились въ нихъ царочками. Вечеромъ, когда мы все собра-

Пабло де-Сарасате.
Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

лись в палатку, наши крылатые сожители немало не стеснялись нашим присутствием, свободно летая около нас. Блѣднѣйшихъ ласточекъ съ хорошенькими розовыми глазами, т. е. альбиносовъ, я встрѣтилъ за все время своихъ наблюдений четыре экземпляра. Одну изъ нихъ мнѣ удалось приручить до такой степени, что кормъ она принимала у меня съ ладони, а мѣсяца черезъ полтора стала забиваться ко мнѣ подъ одѣяло, когда я лежалъ въ постели". (Отрадно, что хоть въ Африкѣ ласточка, эта хорошенькая, полезная птичка размножается; у насъ же, въ Европѣ, количество ея уменьшилось за послѣдніе годы несомнѣнно наполовину или, по самой меньшей мѣрѣ, на одну третью. Въ чемъ причина этого явленія, — съ полною достовѣрностью отвѣтить нельзя. Весьма возможно, что эти умныя птички сознали теперь всю опасность перелета въ Европу и встрѣчи съ итальянцами, которые бьютъ ласточку и ѣдятъ ея мясо. Такая сообразительность — не рѣдкость въ животномъ мѣрѣ; стѣтъ только вспомнить пчелъ и муравьевъ.

Самцы, выснивающие яйца. Обычай страусовъ-самцовъ замѣнять своихъ самокъ при высниванні яицъ давно уже извѣстенъ натуралистамъ. За послѣднее же время это же явленіе было замѣчено и у другой породы птицъ — австралийскаго чернаго лебедя (*Cygnus atratus*), хотя здѣсь самцы замѣняютъ самку лишь временно, часа на два, на четыре въ день. Впрочемъ, какъ сообщилъ недавно въ одномъ изъ засѣданій парижскаго зоологическаго музея профессоръ Мильнъ-Эдвардъ, бывають случаи, когда самецъ чернаго лебедя несетъ обязанности самки гораздо дольше. По крайней мѣрѣ, профессору удалось быть свидѣтелемъ такого факта. Въ Ножанъ-ле-Ротру пара черныхъ лебедей спала себѣ гнѣздо, и самка уже готовилась съестъ на яйца, какъ вдругъ стряслась бѣда: ее загрызла собака. Наблюдавшіе за птицами стали, разумеется, горевать, что яйца теперь погибнуть и выводка не будетъ. Но самецъ немедленно ухѣлся

на три свѣже-снесенныя яйца и въ теченіе сорока одного дня самымъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ исполнялъ все обязанности преждевременно отнятой отъ него подруги; только по утрамъ да по вечерамъ слеталъ онъ на короткое время съ гнѣзда, чтобы поискать пищи да выкупаться, а затѣмъ все время неподвижно сидѣлъ на яйцахъ. Изъ двухъ яицъ благополучно вывелись наконецъ птенцы, и лебедь принялся ухаживать за своими потомствомъ, совсѣмъ какъ опытная, любящая самка; онъ водилъ ихъ къ водѣ, пряталъ къ себѣ подъ крылья, вообще поступалъ по всѣмъ правиламъ птичьей педагогики. Къ нему въ гнѣздо хотѣли въ это время поселить новую подругу-самку, но онъ яростно отгонялъ ее ударами клюва и подпустилъ къ себѣ лишь послѣ того, какъ птенцы окончательно подросли и зажили самостоятельной жизнью. Пусть фактъ этотъ является только исключеніемъ изъ общаго правила; тѣмъ не менѣе онъ достаточно опровергаетъ мнѣніе тѣхъ натуралистовъ, которые утверждаютъ, что материнская нѣжность животныя не болѣе, какъ проявленіе механической силы организма.

Воскресающее растеніе. За пѣсколю лѣтъ тому назадъ пушено въ продажу поистигъ любопатнѣшее растеніе. Это — разновидность лапорогника, *Selaginella lepidophylla*, называемая по своей особенности „воскресающимъ растеніемъ“. Находясь въ сухомъ мѣстѣ, оно высыхаетъ и сжимается въ комокъ; но, будучи помѣщено въ воду, быстро выпускаетъ корни и протягиваетъ свои вѣтви, превращаясь въ прекрасный букетъ зелени. Это свойство дѣлаетъ его похожимъ на знаменитую іерихонскую розу, но оно даже лучше ея въ томъ отношеніи, что способно зеленѣть, тогда какъ роза только удлиняетъ свои вѣтви благодаря простому механическому дѣйствію воды, проникающей по капиллярности въ ея ткани и производящей въ нихъ растженіе, при чемъ растеніе вовсе не даетъ никакихъ признаковъ растительной жизни.

Разныя извѣстія.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* отъ 28-го января напечатано слѣдующее сообщеніе: „Въ общемъ положеніи дѣлъ на турецкомъ Востокѣ, по сравненію съ прошлымъ, совершились значительныя перемѣны: то революціонное броженіе на островѣ Критѣ, противъ котораго Россія первая возвысила свой голосъ, было подавлено совмѣстными усиліями державъ, изъявившими готовность принять все необходимыя мѣры, дабы воспрепятствовать насильственному захвату острова Греціею; полковникъ Вассосъ, со своими эмиссарами и волонтерами, прируженъ былъ покинуть Критъ, гдѣ, благодаря энергичнымъ усиліямъ, восстановлено было сравнительное спокойствіе; критяне не возбуждали болѣе требованій о присоединеніи къ Греціи и съ радостью приняли дарованную имъ автономию; наконецъ, благодаря мощному заступничеству нашего Августѣйшаго Монарха, прекращены были военныя дѣйствія между Турціею и Греціею; уполномоченные эллинскаго правительства отбыли въ Константинополь для совмѣстнаго обсужденія съ турецкими делегатами условій мира (нынѣ благополучно заключеннаго), между тѣмъ, какъ европейскіе представители въ Царьградѣ заняты были выработкою основаній для автономнаго управленія островомъ Критомъ, вѣзнымъ всѣми державами подъ ихъ покровительство.“

„Такъ какъ примѣненіе на практикѣ автономныхъ началъ прежде всего требовало установленія на островѣ прочной правительственной власти, а между тѣмъ все сдѣланнаго по сему предмету предложенія державъ постигла полная неудача, — то Россія сочла возможнымъ, при вышеуказанныхъ условіяхъ, поставить на очередь кандидатуру греческаго королевича Георга, назначеніе котораго на постъ критскаго генераль-губернатора, удовлетворяя вполнѣ законнымъ вождѣніямъ христіанскаго населенія острова, вмѣстѣ съ тѣмъ, являлось залогомъ успѣха всего эллинскаго народа, съ тревогою взирющаго на безвѣстность будущей судьбы своихъ единоплеменниковъ.“

„Принятая съ сочувствіемъ Франціею, Англіею и Италіею, кандидатура королевича встрѣтила, однако, сопротивленіе какъ со стороны Германіи и Австріи, такъ и со стороны султана, попрежнему настаивающаго на назначеніи критскимъ генераль-губернаторомъ одного изъ своихъ подданныхъ.“

„На сдѣланнаго султаномъ въ этомъ смыслѣ предложенія — наше правительство неизмѣнно отвѣчало, что ни одна изъ великихъ державъ не дастъ своего согласія на кандидатуру турецко-подданнаго и что, въ виду принятаго всѣми иностранными правительствами единодушнаго рѣшенія не допускать увеличенія оттоманскихъ войскъ на островѣ, султанъ лишенъ былъ бы всякихъ средствъ къ водворенію турецкаго генераль-губернатора на Критъ.“

„Предлагая назначить на этотъ постъ королевича Георга, Россія имѣла въ виду обезпечить цѣлостность Оттоманской имперіи; такъ какъ со стороны королевича заранѣе послѣдовало согласіе на признаніе суверенныхъ правъ султана, — и сохранитъ миръ на Востокѣ, для чего необходимо было поставить во главѣ управленія Критомъ лицо, которое могло бы водворить тамъ полное спокойствіе и съ должнымъ авторитетомъ поддерживать генераль-губернаторскую власть, защищая какъ христіанское, такъ и мусульманское населеніе острова.“

„Такимъ единственнымъ цѣлю безкорыстно предложеннаго Россіею рѣшенія критскаго вопроса, развѣ навсегда устраняющаго всякій поводъ для державъ къ вмѣшательству, вызываемому періодически возникавшими на островѣ кровавыми событиями.“

„Высказавъ откровенно какъ султану, такъ и великимъ державамъ взглядъ свой на настоящее по-

ложеніе критскаго вопроса, Россія отнюдь не настаиваетъ на предложеніи ея рѣшенія: если бы какая-либо изъ европейскихъ державъ изыскала иной выходъ изъ затрудненій, который, удовлетворяя требованіямъ султана и державъ, а равно и вождѣніямъ критянъ, могъ бы въостѣтнѣй послужить основаніемъ для окончательнаго рѣшенія критскаго вопроса, то, конечно, русское правительство не преминуло бы дать на это свое согласіе.“

„Но столь многосложная задача намъ представляется трудно выполнимой, и вотъ почему Россія не считала возможнымъ принять на себя инициативу какихъ бы то ни было новыхъ предложеній.“

„Оставаясь въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ какъ съ Турціею, такъ и съ тѣми европейскими державами, которыя не отнеслись сочувственно къ ея предложеніямъ, Россія не замедлила предупредить европейскія правительства, что она не беретъ на себя отвѣтственность за все неблагоприятныя послѣдствія, которыя могутъ, по ея мнѣнію, возникнуть отъ дальнѣйшихъ проволочекъ въ разрѣшеніи критскаго вопроса, и что для насильственнаго водворенія генераль-губернаторской власти она ни подъ какимъ видомъ не допуститъ увеличенія на островѣ турецкихъ войскъ и ни въ какомъ случаѣ не приметъ участія въ какихъ бы то ни было популярическихъ мѣрахъ противъ критскаго населенія, уже такъ давно терпѣливо выжидающаго окончательнаго рѣшенія своей судьбы.“

Намъ нечего указывать на громадное значеніе этого дипломатическаго документа. Многогрудальныя критяне могутъ быть теперь спокойны: ихъ законныя требованія поддерживаются сильною рукою Россіи. Одно изъ двухъ: либо Германія, Австрія и Турція одобряютъ кандидатуру королевича Георга, либо онъ самъ придумаетъ комбинацію, которая оградитъ бы критянъ отъ турецкихъ насилій и установитъ бы на островѣ прочный порядокъ. Возврата же къ безотрадному прошлому быть уже не можетъ.“

— 23-го января исполнилось 50-лѣтіе со дня назначенія Его Императорскаго Высочества великаго князя Михаила Николаевича шефомъ лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады. Состоявшееся по этому поводу торжество совпало со столѣтнемъ со дня рожденія августѣйшаго предшественника Его Высочества по званію генераль-фельдцейхмейстера, великаго князя Михаила Павловича. Торжество началось утромъ, во дворцѣ великаго князя Михаила Николаевича. Затѣмъ въ бригадномъ маневрѣ состоялся церковный парадъ. Въ исходѣ двѣнадцатаго часа на парадъ прибылъ Государь Императоръ съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Ровно въ 12 час. прибылъ августѣйшій юбиляръ съ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ. Великій князь Михаилъ Николаевичъ былъ совершенно неожиданно для себя встрѣченъ Государемъ Императоромъ. Встрѣча была въ высшей степени сердечна. Его Императорское Величество нѣсколько разъ облобызалъ августѣйшаго юбиляра. Между тѣмъ, войска отдали честь. По окончаніи обхода, выйдя на середину манежа, Государь Императоръ повелѣлъ взять на-караулъ, послѣ чего управляющій военнымъ министерствомъ прочелъ, по указанію Его Величества, приказъ о пожалованіи чинамъ 1-й батареи лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады, для пономя на погонахъ, вензелеваго изображенія имени августѣйшаго шефа бригады и о назначеніи Его Императорскаго Высочества великаго князя Михаила Александровича вторымъ шефомъ бригады. Выслушавъ приказъ, видимо тронувшій великаго князя Михаила Николаевича до глубины души, Его Императорское Высочество, вынувъ пашку, обратился къ бригадѣ и сказалъ: „За великую

Высочайшую милость, оказанную мнѣ и моей бригадѣ, въ честь Государя Императора „ура“. При восторженныхъ кликахъ, огласившихъ маневръ, августѣйшій генераль-фельдцейхмейстеръ салютовалъ Государю Императору, а затѣмъ торопливо облобызался съ Его Величествомъ и съ Его Высочествомъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Послѣ этого началось благодарственное молебствіе. По окончаніи молебствія и окропленія рядовъ бригады, въ маневрѣ былъ внесенъ столъ съ серебряной чашей, наполненной виномъ. Государь Императоръ, поднявъ чарку, соизволилъ провозгласить тостъ: „За здоровье, благоденствіе и долготеліе дорогого шефа, Его Императорскаго Высочества генераль-фельдцейхмейстера великаго князя Михаила Николаевича“. Тостъ былъ встрѣченъ дружнымъ молодецкимъ „ура“.

Когда восторженные клики смолкли, августѣйшій генераль-фельдцейхмейстеръ сказалъ слѣдующее:

„Вашему Императорскому Величеству угодно было почтить меня чествованіемъ въ день моего пятидесятилѣтняго шефства въ лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады. Я счастливъ, что могу засвидѣтельствовать Вашему Величеству вѣрною и искреннею чувствомъ какъ лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады, такъ и всей артиллеріи, готовыхъ за честь и славу Вашего Императорскаго Величества и Россіи лечь костью и служить Вашему Величеству до послѣдней капли крови“.

Государь Императоръ благодарилъ великаго князя и облобызалъ Его Высочество. Вслѣдъ затѣмъ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ были провозглашены тосты за здоровье Государей Императрицы и Наслѣдника Цесаревича, а командиромъ бригады — за здоровье новаго втораго шефа бригады, великаго князя Михаила Александровича. Всѣ эти тосты были встрѣчены восторженнымъ и долго не смолкавшимъ „ура“. Послѣ этого послѣдовало церемониальное маршъ.

— Въ октябрѣ 1895 года скончался талантливый художникъ А. А. Наумовъ, авторъ картинъ: „Бѣлинскій передъ смертью“, „Дуэль Пушкина“, „Старый другъ“, „Въ отставку“ и многихъ другихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣются въ музеѣ Академіи Художествъ и въ галлереѣ Третьякова въ Москвѣ. А. А. Наумовъ умеръ отъ чахотки, оставивъ трехъ малолѣтнихъ сыновей, — 14, 12 и 6 лѣтъ и свою картину „Бѣлинскій передъ смертью“ у опекушки, г-жи Ивановой, женщины безъ средствъ, которая почти два года съ утра до вечера ходила по разнымъ вѣдомствамъ, прося принять дѣтей Наумова на казенный счетъ; за это время она прожила все, что у нея было, и весною текущаго года, чтобы имѣть возможность увезти дѣтей Наумова въ деревню на дѣто, принуждена была заложить картину „Бѣлинскій передъ смертью“ въ Обществѣ для заклада движимости и должна платить довольно большія проценты. Дѣти Наумова теперь опредѣлены на казенный счетъ, но опекушка въ отчаяніи, что картина можетъ пропасть за невзносъ процентовъ, и дѣтямъ Наумова отъ картины отца, ихъ единственнаго наслѣдства, ничего не останется на дальнѣйшее образованіе. Картину эту покупали раньше за 3,000 руб., но г-жу Иванову просили подождать продавать ее до начала 1898 года, т. е. до празднованія 50-ти лѣтня со дня кончины В. Г. Бѣлинскаго, разсчитывая, что она будетъ приобретена на общественный счетъ. Картина эта, воспринимавшая послѣднія минуты жизни нашего великаго критика, вполнѣ заслуживаетъ этого. Ей почетное мѣсто — въ музеѣ имени Бѣлинскаго. Быть можетъ найдутся частныя лица, которыя заинтересуются судьбою этой картины и помогутъ извлечь ее изъ ломбарда. Адресъ г-жи Ивановой: Петербургъ, Гороховая улица, д. № 46, кв. 31.

Г О В А Я З А М Ъ Ч А Т Е Л Ь Н О - У С О В Е Р Ш Е Н Н О В А Н Н А Я

МЕТОДА

ИЗДАНИЕ ПАРОВОЙ ТИПО-ЛИТОГРАФИИ
Я. Н. Подземского
в Смоленскѣ.

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ РѢДКИМЪ СЛУЧАЕМЪ

ВЪ 20 ДНЕЙ ИСПРАВИТЬ САМЫЙ ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ВЪ БЛЕСТЯЩЕ-КРАСИВЫЙ
ВСЕГО ЗА 1 руб. 30 коп. съ пересылкою.

Самоучитель состоитъ изъ слѣдующихъ 4-хъ отдѣловъ:

1-й отдѣлъ: а) полное подробное руководство къ правильному писанию прямолинейныхъ, круглыхъ и полукруглыхъ буквъ съ литографир. примѣрами въ текстѣ и пробными прописками; б) два изящно выполненныхъ рисунка правильного держанія пера и расположенія нальцевъ; в) двадцать механическихъ элементарныхъ прописей, изъ коихъ исполненныхъ голубую краскою для обведенія чернилами и усовершенств. тверд. руки.

2-й отдѣлъ: а) руководство къ изученію заглавныхъ буквъ по вновь замѣч. упрощенной методѣ; б) элементы заглавной азбуки; в) полныя двѣ азбуки — заглавная и строчная; г) двѣнадцать практическихъ прописей крупныхъ и мелкихъ каллиграфическихъ шрифтовъ, исполненныхъ голубую краскою.

3-й отдѣлъ: а) полный курсъ изящной скорописи съ двадцатью механическими прописями, исполненными голубую краскою.
и 4-й отдѣлъ: Французскія и нѣмецкія четыре азбуки съ изящными росчерками. Рондо, готическій шрифтъ и разныя изящныя шрифты для заголовковъ и фактуръ.

Объясненіе это не только простое, а подтверждается отзывами должностныхъ и частныхъ лицъ, часть которыхъ напечатана здѣсь.

Вышло изъ печати **руководство** къ обученію писанью шрифтами рондо, курсивъ, готическ. и печатанію цифръ, изъ коихъ исполненныхъ литографскими способами на 40 стран., отмечено голубую краскою для обведенія чернилами и усовершенствованія твердости руки, составленное преподавателемъ Тульского технического ж.-д. училища В. Комаровымъ, изданіе Я. Н. Подземскаго въ Смоленскѣ, цѣна 50 к. съ пересылкою.

При одновременной выпискѣ самоучителя каллиграфіи и скорописи каллиграфа С. Вольченка и руководства В. Комарова — 1 р. 60 к. съ пересылкою за оба изданія. Также высылаются наложеннымъ платежомъ.

БЛАГОДАРСТВЕННЫЯ ПИСЬМА.

1-е) Ваши рукописи къ обученію писарскихъ учениковъ вполне отвѣчаютъ цѣли, какъ я убѣдился въ минувшемъ году, и писарские ученики удостоились лучшихъ отзывовъ на экзаменѣ. Желательно, чтобы и наступающій годъ принесъ не худшіе успѣхи, прошу Васъ не откажитесь выслать рукописей на три руб. — По полученіи, деньги будутъ высланы. — Высылайте по адресу: г. Свенцянъ. Дѣл. производителю Свенцянскаго Войскаго Начальника *Доложову*. Остаюсь съ почтеніемъ Штабсъ-Капитанъ *Колодолов*.

2-е) Изъ настоящаго письма Вы видите, какихъ результатовъ достигъ я, выписавъ Вашъ самоучитель. За это приношу Вамъ мою искреннюю благодарность. При всемъ томъ я въсьмъ своимъ знакомымъ рекомендую Вашъ способъ и Вы навѣрно уже получили требованія на него еще въ Октябрѣ изъ м. Посада отъ Алгина, Соколова и Капитанова. Желая теперь преподать своему помощнику по канцеляршнн Вашъ способъ, покорѣйше прошу Васъ: не найдете ли возможнымъ выслать мнѣ по нижесказаннымъ цѣнамъ еще два экземпляра самоучителя. Съ совершеннымъ почтеніемъ *Николай Петровъ*.

3-е) Блестящіе результаты упражненій по Вашей методѣ ставятъ меня въ обязанность выразить Вамъ мою искреннюю признательность и сердечную благодарность и, вмѣстѣ съ симъ, просить выслать для моихъ знакомыхъ еще два экземпляра самоучителя каллиграфіи и скорописи съ наложеннымъ платежомъ. *А. Смирновъ, С.-Петербургъ*.

4-е) Приношу Вамъ искреннюю благодарность за исправленіе моего почерка. Я надеюсь, что изобрѣтенный Вами методъ по каллиграфіи, сверхъ естества правильный, съ которымъ нельзя сравнивать другіе, по которому я и усовершенствовался писать каллиграфически. Съ почтеніемъ *Ив. Сем. Зубаревъ, г. Вѣлгородъ*.

„ЖУРНАЛЪ ЖУРНАЛОВЪ и Энцикл. обзоръ“
начиная со 2-й январской книжки печатается съ разрѣшенія автора безъ сокращеній
„ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО“
г. Л. Н. ТОЛСТОГО.
Контора и редакция СПБ., ГОРОХОВАЯ, 13 (уг. Б. Морской).
См. объявл. № 1.

Иллюстрированный сельско-хозяйственный журналъ „ДЕРЕВНЯ“
(III-й годъ изданія, подъ редакціею П. Н. Елагина)
избывая задачей распространять практично-полезныя по сельскому хозяйству свѣдѣнія, пригодныя главному образомъ для хозяевъ *практиковъ*, связанныхъ своею дѣятельностью и жизнью съ землею.

Допущенъ въ библиотекѣ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній,
въ **БЕЗПЛАТНЫЯ НАРОДНЫЯ ЧИТАЛЬНИ** и
въ **БИБЛИОТЕКИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДНЫХЪ ШКОЛЪ**.
Программа журнала: отрасли сельскаго хозяйства, ремесла и домоводство.
Безплатныя приложенія: сѣмена хорошихъ сортовъ сельско-хозяйственныхъ растений, планы и чертежи хозяйственныхъ построекъ.

Срочн. выхода ежемѣсячный, обшорюрованными книжками, съ иллюстраціями въ текстѣ.
Въ 1893 г. будутъ даны въ журналѣ „ДЕРЕВНЯ“ слѣдующія безплатныя приложенія: полныя, съ чертежами въ краскахъ и черн., и со мног. рис. въ текстѣ, художественно-исполненные проекты, составленные архитек.-художн. В. Ф. Харламовымъ.
1) Двѣ молочныхъ, съ помѣщеніемъ для мастерицы и хлѣбника. 2) Овчарня, свинарня и курятникъ. 3) Амбаръ съ молотильнымъ сараемъ и зерносушилкою. 4) Домъ-дача.
СЪМЕНА лучшихъ хозяйственныхъ растений: 1) Морковь „Парижская каротель“. 2) Томаты „Король раннихъ“. 3) Рѣдисъ „Нѣтъ подобнаго“. 4) Горохъ сахарный „Колонетскій“. 5) Свекла „Длинная кровокрасная“.

Нратія выдержки изъ позанѣйшихъ отзывовъ, помѣщенныхъ въ периодическихъ изданіяхъ о журналѣ „ДЕРЕВНЯ“.
1) „Извѣстія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ“, № 46—13 ноября 1897 г.: „Несмотря на то, что уже съ выходомъ первыхъ номеровъ программа журнала „ДЕРЕВНЯ“ была очень обширна, она постоянно пополнялась и расширялась, чему не мало способствовало увеличеніе числа сотрудниковъ, среди которыхъ находится много лицъ, извѣстныхъ въ сельско-хозяйственной литературѣ и хозяйств.-практиковъ. Практические хозяева могутъ найти въ журналѣ „ДЕРЕВНЯ“ отвѣты на многіе изъ интересующихъ ихъ вопросовъ. Журналъ издается весьма тщательно, снабженъ многими рисунками въ текстѣ и разъясняетъ подписчикамъ разныя приложенія“.
2) Журналъ „Народное Образованіе“, № 12 — декабрь, 1897 г.: „Вышедшіе номера журнала „ДЕРЕВНЯ“ могутъ служить лучшимъ справочною книго-библіотекою по всѣмъ сторонамъ сельско-хозяйственнаго дѣла. Изложеніе статей отличается общедоступностью, которой помогаютъ рисунки и чертежи, помѣщенные во множествѣ. Журналъ „ДЕРЕВНЯ“ можетъ быть весьма полезнымъ пособіемъ для тѣхъ учителей, которымъ предстоитъ завести или которыми уже заведено школьное хозяйство. Для учителей же второклассныхъ школъ, при которыхъ заведено хозяйство или ремесленной мастерской признается особенно желательнымъ, чтеніе журнала, подобнаго „ДЕРЕВНЬ“ — необходимо. Нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ въ журналѣ „ДЕРЕВНЯ“ статей могутъ служить для учителей этихъ школъ превосходнымъ руководствомъ“.

Подписная цѣна: за годъ, съ пересылкою, **ТРИ** рубля.
3 руб. ПОДПИСА ПРИНИМАЕТСЯ въ Конторѣ журнала: **3 руб.**
Адресъ: „ДЕРЕВНЯ“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. 13.

Громадный выборъ лучшихъ, дешевыхъ изданій по сельскому хозяйству, ремесламъ, домоводству и проч.
Адресъ: „ДЕРЕВНЯ“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. 13.
Полный каталогъ высылается безплатно.

ВСЕМИРНО-ОБРАЗЦОВЫЯ ПИШУЩІЯ МАШИНЫ

РЕМИНГТОНЪ

— Общій сбытъ 200,000 —

ПРИНЯТЫ ВСѢМИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ УЧРЕЖДЕНІЯМИ

въ Министерств. одного Петербурга болѣе **1000** РЕМИНГТОНОВЪ въ употребленіи
* * * * * **ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДЪЛОНЪ** * * * * *
Единственный Складъ для всей Россіи

Выс. Утвержд. Т-во *М. Блок*
Правленіе: МОСКВА
ОТДѢЛЕНІЯ: С.Петербургъ, Киевъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ и / Д.

ÉLIXIR, POUDRE et PÂTE DENTIFRICES
des RR. PP.
BÉNÉDICTINS
DE l'Abbaye de Soulas,
Dom MAQUELONNE, Prieur.
Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
Maison fondée en 1807.
VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.
MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.
GRAND PRIX Exposit. Int'l. Lyon 1894 HORS CONCOURS MEMBRE DU JURY Exp. Int'l. Bordeaux 1895.
EXIGER la SIGNATURE du PRIEUR Dom Maquelonne S. O. S.

Химическая лабораторія РООСЪ
С.-Петербургъ, Владимирская, № 7, рекомендуетъ лучшее прозрачное глицериновое туалетное мыло „PARIS“ съ монограммой О. Р.
Можно получать въ лучшихъ алгекарск. и парфюмерныхъ торговляхъ.
Требовать обязательно моногр. О. Р.
= Остерегайтесь поддѣлокъ. =
Цѣна за кусокъ 20 коп.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены **ГОСУДАРСТВЕННАГО ГЕРБА**
В. № 10443 13—11
Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.
Фабрика **РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО**
основанная въ 1810 году СПБ., Владимирская, № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы **РОЯЛИ** въ 1100, 900, 800, 730, 600 и 550 рублей **ПИАНИНО** въ 650, 500 и 450 р. Прейсъ-курранты высылаются безплатно.
Дело въ Москвѣ: Юл. Генр. Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарына; въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: П. Т. Шугама; въ Багъ: Ф. И. Шреберъ; въ Тифлисѣ: Б. М. Мирманіанъ.

СЕКРЕТЬ КРАСОТЫ **ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ** **МОЛОДОСТИ** **МОСКВА.** 20 коп. кув.

ТОВАРИ ЦЕ ТВО „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * СПбургъ.
 Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ ПОДЪ ФИРМОЮ: „ПРОВОДНИКЪ“.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. **Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.**
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪЛЮКЪ

ТОВАРИЩЕСТВО БРОКАРЪ и К^о. **НОВОСТЬ.** **СРЕДСТВО ДЛЯ УКРѢПЛЕНІЯ ВОЛОСЪ „Петроль“.** № 10918 2-1

НОВОСТЬ!
 ДУХИ **ЛЕВКОЙ**
 поставщиковъ Высочайшаго Двора
А. Раллеи К^о.
 За флаконъ 1 руб. 25 коп.

ТВОИМЪ ШОКОЛАДЪ КАКАО
ВЕЗДѢ

CREME SIMON (КРЕМЪ СИМОНЪ)
 Кремъ Симонъ прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольдъ крема).
 Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствіемъ.
J. Simon, 13, Rue Grange Batellère, Парижъ
 Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.
 Ц. № 10527 16-12

ПАРОВАЯ КРАСИЛЕНА ХИМИЧЕСКАЯ ЧИСТКА А. ДАНЦИГЕРЪ.
 ОСНОВАНА въ 1893 г. въ РИГѢ.
 Малая Конюшенная, № 16, уг. Невскаго.
 Наибольшая фабрика въ этомъ родѣ! Элегантный магазинъ!
НАИЛУЧШЕЕ ИСПОЛНЕНІЕ!
 Цѣны дешевыя и безъ запроса! Иностранцы заказы исполняются скоро. Принимаю въ ХИМИЧЕСКУЮ ЧИСТКУ и окраску всевозможныя гардеробныя вещи „НЕПОРЧЬИМИ“, каковы бы рода они ни были, и съ полнымъ ручательствомъ, что старыя пятна не возвращаются, и окрашенныя вещи не пачкаютъ при носкѣ.
 Складъ резинов. издѣлій Р. КВЕРНЕРЪ С.-Петербургъ, Офицерская ул., д. № 10, предлагаетъ наидлиннѣе отъ дождя изъ сѣрой резины. матер. 30 вер. длины по 5 р. с., изъ черн. резины матер. по 4 р. с. За каждый вер. длиннѣе прибавляется по 20 к., а короче — убавляется по 20 к.; крокъ того, рекомендуемую пальто, крылатки, дамскія ротонды и пр. изъ матеріала Т-ва Россійско-Американск. резины. мануфакт. Образцы безпл. Торговцамъ скидка.

К. ШЛИКЕЙЗЕНЪ Берлинъ, С. О. Фабрика машинъ
 для кирпичнаго, торфянаго, гончарнаго и известковаго производствъ
 РЕКОМЕНДУЕТЪ НОВОСТИ
 патентованныя во всѣхъ промышленныхъ странахъ.
 Подъемныя цѣны для глины, торфа, песку, различныхъ рудъ, угля, извести, зерна и проч., удобныя для большихъ, непрерывныхъ работъ, имѣющія спокойный ходъ и не требующія большой затраты рабочей силы.
 Предохранительныя ременные шкивы (патент. во всѣхъ главнѣйш. промышленности государствъ). Шкивъ этотъ сохраняетъ машины, передавая двигательную силу лишь на ту, на которую его, смотря по надобности, поставитъ.
 Ручной прессъ для печныхъ изразцовъ (патент. въ Россіи, Германіи, Австріи и пр.). Для гладкихъ и узорчатыхъ, плоскихъ, угловыхъ и карнизныхъ изразцовъ. При двухъ опытныхъ рабочихъ выдѣлываетъ въ часъ до 50 плоскихъ или до 30 угловыхъ изразцовъ, гладкихъ или узорчатыхъ.
 Крокъ того имѣются: машины для изготовленія кирпичной черепицы всякаго рода, глиняныхъ трубъ разныхъ сортовъ; бетонныхъ издѣлій, брикетовъ, цѣвтныхъ кирпичей, плитъ для половъ, глиняныхъ и цементныхъ, ручныя машины для кирпичей.
 Далѣе имѣются давяльныя и формовочныя машины для печныхъ фабрикъ, для химической промышленности, литейныхъ, красочныхъ, клеевыхъ и мыловаренныхъ заводовъ, для техническихъ учебныхъ заведеній, испытательныхъ станцій и т. п.
Золотая государственная медаль за Берлинскую промышл. выставку 1896 года.

EAU DENTIFRICE DU DOCTEUR PIERRE 8 PLACE DE L'OPERA PARIS
СѢЛѢРЕ PAR SES QUALITÉS en Vente partout

ВЫИГРЫШ-НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
 59, Невскій, С.Н. 5-4

ДЛЯ ТАНЦЕВЪ!! реком. въ большомъ выборѣ и по умѣр. цѣнамъ всевозможн. механическіе инструменты:
 ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ 5 р., ИНТОНА 8 р., ДОЛЫЦИНА 8 р., СЕРАФИНЪ 12 р., АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ 17 р., ГЕРОФОНЪ 22 р., КАЛЛИСТОНЪ 35 р., МАНОПАНЪ 50 р., ПИАНО-МЕЛОДИНО 65, 70 и 85 руб., самоиграющіе съ моторомъ 200 р., ОРГАНЫ съ деревянными флейтами.
 на которомъ можно играть руками и посредствомъ верченія ручки, 550, 610, 650, 700 руб.
МЕХАНИЧ. ПИАНО СИМФОНІОНЫ съ ручкой 4 1/2 руб., самоиграющіе въ 9, 17, 20, 27, 38, 65 и 90 руб.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ. І. Ф. МЮЛЛЕРЪ. Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Москва, Петровка. ♦ Иллюстрированный прейсъ-куррантъ безплатно. ♦

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

БУХГАЛТЕРІЯ
 Высылаются безплатно пробныя лекціи-корреспонденціи и условия взаимнаго изученія бухгалтеріи по пример. бол. зол. медалью методу С. Я. Ли-лиенталя. Москва, Вутырки, № 49.
 Ц. № 10919 10-1
 Превосходн. качества. Ромъ Севъ-Джесъ привоз.
 товарищ.
 „Империаль“ въ Баршанѣ.

Испробованъ и найденъ превосходнымъ голландскій
КАКАО ФЛИКЪ.
 Получить можно во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и колоніальныхъ торговляхъ.
 Главный представитель для Россіи
Константинъ Гершъ, С.-Петербургъ.
 Ц. № 10488 15-10

Жизнь и ученіе Христа
 соч. д-ра К. Гейки. Перев. свящ. М. Ойвейскаго. Ц. 4 р. 50 к. Продается въ известнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ.

ГЛАВНЫЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ С. ВУТЖАГДЪ, Спб.
 Невскій прудъ № 8, противъ М. Мурской Горской ул. у Невского Моста № 17.
ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ ЛУЧШЕХЪ ФАБРИКЪ ПО САМЫМЪ УМЕРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.
 Высылаю иллюстрированныя иллюстр. прейсъ-курранты безплатно.
 Ц. № 10835 7-3

Содержаніе:

ТЕКСТЪ. Дзю. Повѣсть П. А. Сергѣенко. (Окончаніе).—За разгадкой. Посмертный разсказъ В. П. Желиховской.—Пируй на масляной, а про пгъ вспомянай. Сказка В. В. Уманова-Каллуновскаго. (Съ сидузатами Д. Фирсовой).—Къ рисункамъ: Вейна.—Застигнута врасплохъ.—Лакомки.—Театръ въ Эрмитажъ при Екаторинѣ II.—Въ маскаррадъ „Пацъ“ и „Коломба“.—В. В. Сахаровъ.—Е. К. Адасовскій.—Ф. И. Кшесинскій.—Высочайше утвержденный знакъ для дѣтелей и жертвователей Императорскаго Человѣколюбиваго общества.—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Разныя извѣстія.—О подпискѣ на „Ниву“ 1898 г.—Объявленія.

РИСУНКИ. Масленица: Неожиданный визитъ. Картина А. Шаде.—„Вейна“. Ориг. рисунокъ Н. Лоренца.—Лакомки. Картина К. Рейхерта.—Театръ въ Эрмитажъ при Екаторинѣ II. Ориг. рисунокъ Н. Д. Дмитриева-Оренбургскаго.—Въ маскаррадъ: „Пацъ“ и „Коломба“. Ориг. рисунки Ст. Грохольскаго.—Пируй на масляной, а про постъ вспомянай“. Сидузаты Д. Фирсовой.—В. В. Сахаровъ.—Е. К. Адасовскій.—Ф. И. Кшесинскій.—Высочайше утвержденный знакъ для дѣтелей и жертвователей Императорскаго Человѣколюбиваго общества.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементовскій.

Жизнь и учение Христа

соч. д-ра К. Гейли. Перев. свящ. М. Оувейскаго. Ц. 4 р. 50 к. Продается въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ГАРМОНИИ фабрики Кальбе.

Однорядная въ 3 1/2, 4 1/2, 5 1/2, 6, 6 1/2, 7, 7 1/2, 8, 8 1/2, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 18 и 20 р.
Двурядная въ 10, 12, 14, 15, 18, 20, 22, 25, 35 и 50 руб. и Вѣнская въ 20 р.
Трехрядная въ 50 руб. и вѣскія въ 28, 45 и 70 руб.

Самоучители въ 75 к. и 1 р.
Прейсъ-курантъ бесплатно.

Юлій Генрихъ
ЦИММЕРМАНЪ.

С-Петербургъ, Москва.

„ФИНАНСОВО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ РОССИИ“, составленный по официальнымъ даннымъ П. А. Антроповымъ

и состоящій изъ 29 картограммъ и 7 диаграммъ, отпечатанныхъ въ шесть красокъ, съ обширнымъ введениемъ автора и съ приложеніемъ 4-хъ таблицъ съ вычислениями. (Форматъ изданія большое Quarto).

Для каждаго государства является въ настоящее время насущною потребностью имѣть наглядную картину своего финансово-экономическаго состоянія, которая облегчала бы заинтересованнымъ лицамъ ориентироваться въ массѣ экономическихъ фактовъ, знаніе которыхъ безусловно необходимо для успѣшнаго изученія и веденія государственнаго хозяйства и улучшения финансовъ.

Первымъ въ Россіи осуществленіемъ этой насущной потребности и является предлагаемый „Финансово-статистическій атласъ Россіи“. Составленный на основаніи обширныхъ, вполне вѣрныхъ и точныхъ официальныхъ данныхъ, „Атласъ“ г. Антропова представляетъ наглядное и вѣрное графическое изображеніе финансово-экономическаго состоянія Россіи и на своихъ картограммахъ и диаграммахъ въ краскахъ даетъ точные и обстоятельные отвѣты: 1) о географическомъ (по губерніямъ и областямъ Россіи) распредѣленіи государственныхъ и мѣстныхъ (земскихъ и мірскихъ) доходовъ и расходовъ (вычисления абсолютныя, на душу и на одну квадратную версту); 2) о степени финансово-экономической производительности отдѣльныхъ мѣстностей и районовъ Россіи; 3) о возрастаніи и убываніи доходовъ Россіи по губерніямъ; 4) о степени обложенія населенія Россіи государственными (прямыми и косвенными) налогами и сборами и мѣстными (земскими и мірскими); 5) о положеніи въ Россіи торговли и фабрично-заводской промышленности; 6) о распредѣленіи, по губерніямъ и областямъ, денежныхъ капиталовъ; 7) о сбереженіяхъ населенія; 8) о размѣрахъ потребленія населеніемъ спиртныхъ напитковъ; 9) о доходахъ Россіи отъ всѣхъ родовъ обложенія: податей, налоговъ, сборовъ, пошлинъ, а также regalіи, оброчныхъ статей и промысловъ, казенныхъ капиталовъ и имуществъ; 10) о государственныхъ расходахъ Россіи по всѣмъ вѣдомствамъ; 11) о государственныхъ и земскихъ расходахъ Россіи на народное образованіе; 12) о степени задолженности земледѣльцямъ; 13) о положеніи выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ, удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ; 14) о движеніи финансовъ Россіи: ея доходовъ и расходовъ въ періоды съ 1857 года по 1896 годъ и за послѣднее десятилѣтіе, въ зависимости отъ реформъ финансовой системы; 15) о земскомъ хозяйствѣ въ Россіи и о финансово-экономическомъ значеніи земствъ въ общемъ государственномъ хозяйствѣ и 16) о государственномъ бюджетѣ Россіи въ сопоставленіи его съ бюджетами главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствъ.

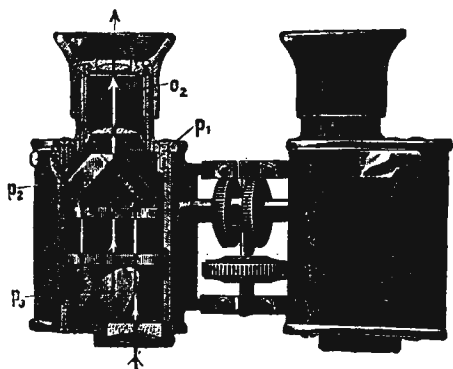
По своей наглядности и ясности давая возможность быстро и легкаго усвоенія сравнительнаго финансоваго состоянія государства и отдѣльныхъ мѣстностей, „Атласъ“ г. Антропова представляетъ несомнѣнный интересъ для всѣхъ лицъ, интересующихся вопросами государственнаго и земскаго хозяйства.

Атласъ изданъ со всею роскошью печатнаго искусства, отпечатанъ на лучшей слоновой бумагѣ и переплетенъ въ прочную папку съ коленкоровыми корешкомъ и углами.

Цѣна атласа 5 руб., съ перес. 5 руб. 60 коп.

Требованія просить адресовать въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С-Петербургъ, Малая Морская, домъ № 22. Изданіе имѣется также въ продажѣ во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

НОВЫЕ БИНОКЛИ ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЕ TRIÈDER-BINOCLE

1/2 натур. велич.

„Бинокли-Триедеръ“ значительно превосходятъ всѣ до сихъ поръ употребляемые бинокли (театральные, полевые и пр.), увеличивая, при одинаковомъ съ ними полѣ зрѣнія, въ 8—10 разъ **силнѣе**, а при одинаковомъ увеличеніи захватывая въ 8—10 разъ **болѣе обширное поле зрѣнія**. Въ принципѣ „Бинокль-Триедеръ“ представляетъ собою кеплеровскую трубу, съ тѣмъ лишь, что картина въ немъ воспроизводится посредствомъ системы призмъ. „Бинокль-Триедеръ“ **незамѣнимъ въ театрѣ и въ дорогѣ**, а также для военныхъ, моряковъ, охотниковъ, на сначкахъ и на гонкахъ. На каждомъ биноклѣ имѣется наша фирма. Получать можно во всѣхъ лучшихъ оптическихъ магазинахъ по фабричнымъ цѣнамъ.

№ 10748 16 - 3

Цѣна для Россіи включительно съ пошлиной и пересылкой: увелич. въ 3 раза—63 руб.; въ 6 разъ—75 руб.; въ 9 разъ—88 руб.; въ 12 разъ—100 руб.

Подробныя описанія устройства и прейсъ-курантъ высылаются бесплатно.

Оптическое заведеніе
New-York, 52, East Union Square.
London, Ross, 111, New Bond Street.

C. P. GOERZ

Berlin-Schöneberg.
Haupt-Strasse, 140.
Paris, 22 Rue de l'Entrepôt.

ВЫСОЧАЙШАГО ЦАРСКОГО ГОСУДАРСТВА
КОНЬЯКЪ ШУСТОВА
 1896 ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА ГОДА
 НА ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
 СЪ СЫНОВЬЯМИ

ПАВЕЛЬ БУРЕ
 В. № 10820
 26 4
 поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
 Месива, по В. Дублякѣ, № 8, противъ Кузнечнаго моста.
 БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики
 съ самыми ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
 Новымъ иллюстрир. прейскурантъ высыл. по требован. бесплатно.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1898 годъ (изданія—5-й)
ВЯТСКУЮ ГАЗЕТУ
 ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ
 Вятскаго Губернскаго Земства.

Подписная цѣна: на годъ—2 р., на полгода—1 р., на три мѣсяца—50 к., съ доставкой и пересылкой, со всеми приложеніями.
 ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:
 I. Правительственныя распоряженія. II. Земское дѣло, продовольственное и страховое дѣло. III. Народное образованіе. IV. Статьи литературно-историческаго содержания. V. (Спеціальныя статьи: 1) по сельскому хозяйству (земледѣлію, огородничеству, садоводству, скотоводству, пчеловодству, птицеводству) и кустарнымъ промысламъ; 2) по медицинѣ и ветеринаріи. VI. Хозяйственная жизнь Россіи и губерніи (текущая свѣдѣнія, по Россіи, по губерніи). VII. Отзывы о книгахъ. VIII. Вопросы и отвѣты. IX. Свѣдѣнія о погодѣ. X. Справочный отдѣлъ и объявленія.
 Газета выходитъ ежедневно въ размѣрѣ 1 1/2—2 листа съ 4 книжками въ годъ, приложеніями, состоящими изъ: обр. изъ спеціальныхъ статей, и 26 тетрадей спеціальныхъ статей.

Цѣна за объявленія: 10 коп. со строки мелкой печати въ концѣ текста; впереди—20 коп. При печатаніи объявленія не менѣе 3 разъ дѣлается уступка въ 15%, за 5 разъ—20%, за 10 разъ—25%. Кроме того, принимается разсылка частныхъ объявленій, съ платой по 1 руб. съ тысячи.

Въ 1897 г. помѣщены были слѣдующія статьи. **Земское дѣло:** Исторія „Вятской Газеты“. О земскихъ адвокатахъ. Земское дѣло—свое дѣло. Земскія собранія. Здоровье школьничковъ. Земскія Управы. Губерн. собраніе. О земскомъ банкѣ для кустарей. **Литературно-историческій отдѣлъ:** „Исторія моея соломорѣзки“, раз. Шв. Франко. „Миръ не забудетъ“ и „У колодца“, раз. Лазо-Лазаревича. Очерки родного края. Путешествіе Петра I за границу. О знахаряхъ. О кладахъ. Наговоры знахарей. Русскія народныя пѣсни. Деревенскій адвокатъ. О Сибири. Дѣтство Петра I. Дѣятельность Петра I. Царевна Софія и Петръ. Счастье—дороже богатства, и др. **Спеціальныя статьи:** О торфѣ. Необходимыя свѣдѣнія для земледѣльца. Бесѣды по исторіи русскаго земледѣлія. О выдѣлкѣ овчины. Маслобойное производство. Какъ устроить сельскій водопроводъ ключевой воды. Обь устройствѣ гидравлическихъ колесъ. Гонтъ и гонтовка кровли. Пользы свѣдѣнія и рецепты. Корреспонденція крестьянъ и землѣи объ омытахъ по сельск. хозяйству. Календарь пчеловода (ежемесячно) и др. **Народное образованіе:** хроника по Россіи и губерніи. Дѣятельность частныхъ обществъ и земствъ. 25-лѣтіе Общества распространенія начальной образованія въ Нижегородской губ. **Отзывы о книгахъ** даны о слѣдующихъ: „Русскій сельскій календарь“ Н. Горбунова-Посадова. „Бизъ семьи“—Р. Мано. „Крестьянскія дѣловыя и частныя бумаги“,—Н. Жеденева. „Греческій мудрецъ Диогенъ“. „Рассказы объ Австраліи“. „Рассказы о Филиппинѣ“. „На край свѣта“,—Бунина. „Переходъ къ ручнымъ ульямъ“,—Потѣхина. „Элементарный курсъ общаго земледѣлія“,—Варшва. „О томъ какъ удобрять землю“, и др.

Въ 4 первыхъ номерахъ газеты за 1898 г. помѣщены между многими другими слѣдующія статьи: Новый годъ. Встрѣча Нового года за границей. Отецъ и сынъ. Смерть, раз. Золита. Монетка, раз. Д. Машина-Сибиряка. Углеконы во Франціи, разск. Писка изъ Краснаго Яра. О грамотности. О Н. В. Роголѣ. Отзывы о книгахъ: Беренъ—„Борьба человѣка съ природой“. Рададова—„Новый свѣтъ“. Тумскій—„Лѣные промыслы“, и др. Кроме того, хроника земскаго дѣла, народнаго образованія, хозяйственной жизни Россіи и губерніи, и проч. По сельскому хозяйству и ремесламъ: какъ устроить борону (съ рисунками); Вѣсныя и крашеіе пряжи въ разныя дѣлать; полезныя свѣдѣнія и рецепты, и др. Сельско-хозяйственно-ремесленный отдѣлъ и пчеловодный выходитъ ежемѣсячно тетрадками.

Подписна и объявленія принимаются въ г. Вяткѣ, въ Губернскаго Земской Управѣ; въ книжн. магаз. „Деревня“, С.-Петербургъ, ул. Кириллова пер. и В. Морской, д. 3—13; въ Москвѣ, въ конторѣ объявленій А. Ф. Свѣтъ-Мартенъ, Неглинный провѣздъ, противъ Государственнаго банка; въ Харьковѣ, въ конторѣ газетъ и объявленій, Университетская гора; въ Центральной конторѣ объявленій Торговаго дома „А. и З. Мещалъ и К°“ въ Москвѣ, Мясницкая, д. Свѣтова, и въ его отдѣленіи въ С.-Петербургѣ, на В. Морской, № 11.
 Адресъ для писемъ: Г. Вятка, редакция „Вятской Газеты“.
 Редакторъ, Предсѣдатель Губернскаго Земской Управы В. Сздовень.

СТЕРЕОСКОП. ВИДЫ изъ Путеш на лал. ВОСТОКЪ.
 иллюстра дѣятельности. Виды морской жизни, Японія, Китай, Цейлонъ, Ява, Сіама и др. Прод. въ оптич. магаз. С.П.б. Отъ издателя: Кронштадтъ, Господская, 30, кв. 6
 высл. колл. въ 30 вид. въ футл. за 15 р. (4) вид.—20 р.). Можно выисл. для выбора колл. отъ 10 до 50 вид., высылаются налож. платеж. по 50 к. экз., почтох. экз. мог. быть возвращены, деньги обратно съ удерж. по 5 к. съ возвращ. экз. за пересылку.

ТОКАРНЫЕ СТАНКИ
 и всевозможныя другіе станки
 для обработки металловъ
 имѣеть на складѣ въ большомъ выборѣ
ЭДУАРДЪ КЕРБЕРЪ.
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ
 Екатерининскій кан., уг. Б. Итальянской, № 62.

Не опаздывайте подпиской на московскій юмористическій журналъ
Будильникъ.
 Въ журналѣ еженедѣльно всѣ „злобы дня“ политики, столицъ и провинціи. Въ теченіи года—ГАЛЕРЕЯ ПОРТРЕТОВЪ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ ГОРОДСКИХЪ ГОЛОВЪ. Иллюстрированы юмористическіе разсказы. На 1898 г. выдается годовымъ подписчикамъ ПРЕМІЯ:
 № 10705 5—
„СВАДЬБА КРЕЧИНСКАГО“—полный текстъ комедіи съ девятью фототипіями. На годъ съ преміей—10 р.; безъ преміи—9 р. Въ Москвѣ дешевле на 1 р. Скупнымъ—разсрочка: 5 р. при подпискѣ и 5 р.—1 іюня 1898 г.
 Подписку адресовать:
 Москва, редація „БУДИЛЬНИКА“.

Во всѣхъ главныхъ музыкальныхъ и книжныхъ торговляхъ продается
МУЗЫКАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ
 А. ГАБРИЛОВИЧА
 на 1898 годъ.
СПРАВОЧНАЯ И ЗАПИСНАЯ КНИЖКА
 для музыкантовъ и любителей музыки.

Цѣна—въ изящномъ колѣнкоромовомъ переплетѣ—1 руб., съ пересылкою—1 руб. 20 коп.
 Выписывающіе изъ главнаго склада (С.П.б., Разъѣзжая, 15) за пересылку не платятъ.

БУХГАЛТЕРІИ
 обучаютъ по спец. мет., путемъ корресп. обрац. къ В. В. Рауэру въ Либавѣ.
 — Проспекты безплатно. —

Съ медицинскаго разрѣшенія
„ВІКТОРІЯ“
 Косметическая помада, составленная изъ индійскихъ травъ В. Ф. Нестеровымъ. Един. депо: г. Кіевъ, Крещатикъ, 48, кв. 2. Цѣна банки въ 1 1/2 унціи 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:
 Какъ я излѣчилъ свою нерпичу болѣзнь. IV изданіе, цѣна 28 коп.
 Вѣрный путь къ достиженію сна, 28 коп.
 Лѣченіе пьянства, 42 коп.
 Цѣны (почтов. марк.) обозначены съ пошл. № 10898
 2—2
 Адресъ: Естляндія, г. Ревель, Широкая Песочная, 356, 1. МЕЛЬМАНЪ.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
 для устройства и перестройки
ПАТОЧНЫХЪ И ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ
 В. П. Уландъ, Лейпцигъ.
 W. H. Umland, Leipzig.
 Испытанные аппараты. Пр.-кур. безплатно.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
 Г. ВАЛЬТЕРЪ (13)
 Специалистъ хронометровъ С.П.б.ургъ, Невскій пр. № 52
 прог. Илл. Публ. Библиотеки.
 Подробный иллюстр. прейскурантъ по востреб. безплатно.
 Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года.
 Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
 Вс. Соловьева.
 Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

PASTILLES VIGNY-ETAT
 aux Sels Naturels extraits des Eaux
 Vichy en boites metalliques soudies.
COMPRIMES VIGNY-ETAT
 aux Sels Naturels extraits des Eaux
 pour fabriquer
 LEAU ALCAINE GAZIEUSE

БОЛѢЕ 200,000 шт. ВЪ УПОТРЕБЛЕНІИ!!!
Требуйте вездѣ
 карманные часы изъ настоящаго американскаго новаго золота, крытые, съ тремя крышками, мужскіе, анкерные, механизмъ вышшаго сорта (удостоенъ медали на выст. въ Женевѣ 1896 г.)
Цѣна 10 руб. и 12 руб.
 Такіе же дамскіе дороже на 1 руб. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать на часахъ пломбу „Женева“, утвержде. Департам. Торгов. и Мануф. за № 16359. Выписывающіе изъ фабричнаго склада часовъ „ЖЕВЪ ВА“ въ Варшавѣ за пересылку не платятъ.
 При заказахъ нѣ 2 шт. уступается 50 коп., на 3 шт.—1 рубль.
 АДРЕСО-ВАТЬ: **ФАБРИЧНОМУ СКЛАДУ ЧАСОВЪ „ЖЕНЕВА“**,
 ВАРШАВА, Бѣлянская, 20.
 Адресъ для телеграммъ: Варшава „Женева“.
 Заказы высылаются наложен. платежомъ. Задатокъ не требуется.
 Часы отпущаются тщательно вывѣренные и обгнутае, и снабжаются ручательствомъ на шесть лѣтъ. Къ часамъ прилагается изящная цѣпочка американскаго золота съ брелкомъ.

XXIX г.

№ 7

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выроекъ.

г. XXIX

1898

Выданъ 14 февраля 1898 г.

Цѣна этого № 15 к. съ перес. 20 к.

Масленица. Неожиданный визитъ.
Съ карт. А. Шаде, по фот. Ганфштегелл, грав. Шотлендеръ.

Д э з и.

Повѣсть

П. А. Сергѣенко.

(Окончаніе.)

Достигнувъ конца изгороди, Герливановъ присѣлъ и притаился между виноградными кустами. Съ этой стороны мозеровская усадьба выходила въ глухой переулокъ, по которому Дэзи должна была пройти.

Скоро послышались въ темнотѣ голоса Дэзи и ея собесѣдника. Герливановъ прислушался и узналъ голосъ Османа. Коверкая русскія слова, Османъ съ чувствомъ говорилъ:

— Нѣтъ, хорошъ барышня, это такъ не годится! Ты мнѣ дарилъ, я тебѣ дарю. Не подарокъ нужно. Подарокъ—ничего. Деньги—ничего. Душа—нужно. Твоя душа Богъ любить и я люблю.

И онъ продолжалъ выражать свою претензію, что Дэзи отказывается принять отъ него „на память“ кефальную игру, добытую специально для нея. Дэзи смѣялась и увѣрила Османа, что она и безъ того будетъ всегда съ удовольствіемъ вспоминать о немъ. Постепенно голоса ихъ затихли. Герливановъ поднялся съ горящимъ отъ стыда лицомъ.

„Богъ знаетъ, до чего можетъ дойти человекъ, выпустившій себя изъ рукъ!“ подумалъ онъ. „Вѣдь вотъ Османъ и умныхъ книжекъ не читаетъ, и пьесъ не пишетъ, а онъ не сталъ бы подслушивать Дэзи и подозревать ее въ чемъ-нибудь лукавомъ. Онъ и любовь свою высказалъ гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ я. Ему, полудикарю, въ высшей степени ясно,

что въ отношеніяхъ съ Дэзи прежде всего „душа — нужна“. Оттого, вѣроятно, она и ближе къ нему, чѣмъ ко мнѣ. И это всегда чувствовалъ. И она въ концѣ концовъ навѣрно приметъ нкру отъ Османа. Въ сущности, вѣдь это *его молитва*. А я вотъ и не подумалъ о моей кефали...“

Герливановъ вышелъ изъ сада и прошелся нѣсколько разъ по двору. Но мыслямъ его было какъ бы тѣсно въ такомъ небольшомъ пространствѣ. Онъ перелѣзъ черезъ изгородь и пошелъ къ морю. Дойдя до таможенного поста, гдѣ лежала на берегу опрокинутая лодка, онъ остановился. На него нахнуло знакомымъ запахомъ морской травы и солоноватой пыли прибой, что вызвало въ его памяти цѣлый рядъ воспоминаній, связанныхъ съ Дэзи. Онъ чувствовалъ, что хотя они и назвались друзьями, но ихъ прежнія отношенія порвались навсегда. Извѣстная грань нарушена, и ничто не возобновитъ ее. Никогда уже между ними не бывать той чистой близости, какая была. Даже самъ Богъ не можетъ сдѣлать бывшаго не бывшимъ.

Герливанову до слезъ стало жаль минувшаго времени съ безмятежной жизнью. Въ душѣ его образовалась пустота, и онъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, который, отправившись къ кому-нибудь за рѣшительнымъ отвѣтомъ, не засталъ его дома.

Внутренній голосъ напентывалъ ему, что онъ не отвергнуть безусловно, что между нимъ и Дэзи есть что-то, ихъ соединяющее. И тотъ же самый голосъ говорилъ ему, что между нимъ и ею лежитъ какая-то глубокая пропасть.

Бродя по берегу, Герливановъ приблизился къ дачѣ Казанцевыхъ. На террасѣ было свѣтло, и слышался оживленный говоръ. Герливанову неловко было войти и солгать, почему онъ не пришелъ обѣдать. Онъ стоялъ и ловилъ жадно каждый звукъ, долетавшій до него. Когда голоса смолкли, и на террасѣ стемнѣло, Герливановъ опять направился къ морю, прислушиваясь къ его шуму и опять чувствуя въ груди ничѣмъ не заполнимую пустоту. Весь душевный миръ, который онъ такъ бережно копилъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, сразу разсѣялся, какъ дымъ. Онъ не зналъ, зачѣмъ онъ здѣсь, куда онъ пойдетъ отсюда и какую цѣну имѣетъ для него жизнь? Какіе планы онъ ни придумывалъ, они не наполнили его сердца радостнымъ бленіемъ. Даже мысли о славѣ, всегда одушевлявшія его, не могли разсѣять Герливанова въ эту минуту. Что она, слава, дастъ ему? Нѣсколько тысячъ рублей и нѣсколько сотенъ новыхъ почитателей? Богъ съ ними!

И чѣмъ больше думалъ онъ о своемъ будущемъ, тѣмъ сумрачнѣе оно рисовалось ему. Прежде, сравнивая себя съ другими, онъ думалъ, что онъ изъ лучшаго тѣста, чѣмъ они, но только не совсѣмъ, кажется, хорошо выпеченъ. Въ данное же время ему казалось, что въ немъ вовсе нѣтъ *того*, что есть у многихъ; нѣтъ того таинственнаго *икса*, опираясь на который, человѣкъ можетъ выкарабкаться, куда ему угодно...

Стало свѣтать, когда Герливановъ, разстроенный, угрюмый и усталый, вернулся домой.

X.

На другой день утромъ всѣ событія истекшаго дня быстро промелькнули въ головѣ Герливанова и заволокли ясность его настроенія. Онъ медленно одѣлся и, перекинувъ черезъ руку мохнатую простыню, отправился къ морю. Но внизу, въ коридорѣ, его остановила Сани и, съ обычной ея манерой отпортить всѣ новости, зашебетала:

— А мы сейчасъ идемъ къ Дэзи. Она сегодня уѣзжаетъ.

Кровь прихлынула къ сердцу Герливанова.

— Не можетъ этого быть.

— Будь я проклята! Накажи меня Богъ! Хоть сиропите мамочку.

Выплывшая изъ комнаты и расфранченная по-праздничному, Домна Петровна подтвердила слова Сани. Герливановъ подумалъ: „она бѣжитъ отъ меня, разсказавъ отцу о моемъ предложеніи“. И горькое, тоскливое чувство наполнило его душу. Онъ медленно пошелъ къ морю. Порывавшись съ дачей Казанцевыхъ и увидавъ окно Дэзиной комнаты открытымъ, Герливановъ невольно замедлилъ шаги, чтобъ уловить хоть какой-нибудь звукъ, объясняющій причину внезапнаго отъѣзда. Но изъ раскрытаго окна вѣяло тишиною. Дойдя до купальни, Герливановъ услышалъ кричѣные Казанцева и невольно остановился. Профессоръ сидѣлъ полураздѣтый, съ открытой грудью и поднятыми руками, чтобы поскорѣе остыть. Заслышавъ шаги Герливанова, онъ поспѣшно отодвинулъ свое бѣлье въ уголокъ и привѣтливо сказалъ:

— А мы, представьте, Михайло Николаичъ, уѣзжаемъ сегодня.

— Почему? — спросилъ Герливановъ, успокоиваясь и подумавъ: „онъ ничего не знаетъ“.

— Оказалось, что наиболѣе удобный для насъ пароходъ идетъ сегодня вечеромъ.

Герливановъ сѣлъ и началъ машинально раздѣваться; затѣмъ онъ вмѣстѣ съ Казанцевымъ вошелъ въ воду, плавали и окунался. Но дѣлалъ все это автоматически. Мысли его силелись въ одинъ вопросъ: „неужели она сегодня уѣдетъ, и *всему конецъ*?“ Сѣхались и раздѣхались!..

Послѣ купанья Казанцевъ пригласилъ Герливанова къ себѣ. Герливановъ съ благодарностью согласился. Быть около Дэзи, слышать ея голосъ казалось ему въ эту минуту единственнымъ средствомъ, которое могло хоть нѣсколько унять мучительную боль его сердца.

Казанцевъ, освѣженный купаньемъ, съ мокрыми волосами и съ раскраснѣвшейся отъ вытиранія кожей, быстро запагалъ, но вдругъ остановился, и его широкое красное лицо приняло озабоченное выраженіе.

— Вѣдная Дэзи! Она забыла о заказанныхъ галетахъ! Идите, Михайло Николаевичъ! Я мигомъ схожу въ пекарню и сейчасъ приду.

И, раскачиваясь своимъ грузнымъ туловищемъ, Павелъ Викторовичъ направился въ пекарню. Герливановъ дошелъ до калитки и, услышавъ на террасѣ голосъ Дэзи, остановился, чтобъ перевести дыханіе. Какъ они встрѣтятся? Въ какую форму выльются ихъ новыя отношенія?

Отворивъ калитку, онъ увидѣлъ Дэзи, перевѣсившуюся съ балкона и встряхивавшую отцовскую крылатку. Замѣтивъ Герливанова, она широко раскрыла глаза отъ неожиданности, но сейчасъ же оправилась и привѣтливо протянула ему съ балкона руку.

На террасѣ уже были: докторъ Березнякъ съ женою, Домна Петровна, учительница, Эмилія Карловна, Харити и Сани. Всѣ онѣ завязывали въ бумагу и укладывали въ солому различныя вещи, помогая Марьѣ Осиповнѣ, которая, какъ главнокомандующій, появлялась тамъ, гдѣ требовался ея авторитетный голосъ. Докторъ Березнякъ медленно бралъ, что ему подавали и, какъ автоматъ, укладывалъ въ солому, прилаживалъ доски и забивалъ ихъ гвоздями, которые вынималъ изъ кармана. Герливановъ былъ немного уязвленъ удивленнымъ взглядомъ Дэзи и сказалъ:

— Меня пригласилъ Павелъ Викторовичъ. Онъ отправился за галетами и сейчасъ придетъ.

— Ахъ, милый папа! — вскрикнула Дэзи. — Я совсѣмъ забыла о галетахъ. Тетя, надо поскорѣе кофе! Гдѣ бензинка? Бензинка гдѣ? Полцарства за бензинку!

И Дэзи засуетилась, чтобъ поскорѣе приготовить кофе для отца.

Она была оживлена и дружески подходила то къ одному, то къ другому, товарищески притрогивалась къ рукаву Березняка, чтобы онъ досталъ какой-нибудь ящикъ, ласково переглядывалась съ его женой и, проходя мимо Сани, щекотала ей шею. Сани всякій разъ при этомъ пронзительно взвизгивала, отъ чего черная мозеровская собачка, *Комашка*, выбѣгала изъ-подъ стола и заливалась звонкимъ лаемъ. Герливановъ сѣлъ у перилъ балкона, чувствуя себя здѣсь больше зрителемъ, чѣмъ участникомъ. Онъ напрасно ждалъ, что Дэзи какимъ-нибудь словомъ, взглядомъ или улыбкой выразитъ ему свое участіе.

Она держала себя съ нимъ привѣтливо, по такъ, словно вчерашняго дня вовсе не существовало. Это причинило Герливанову страданіе.

Гдѣ же ея чуткость и деликатность?—думалъ онъ.— Неужели она не понимаетъ, чтѣ должно происходить въ настоящую минуту въ его душѣ и какъ ему драгоценно всякое ея слово? Неужели онъ занимаетъ въ ея сердцѣ меньше мѣста, чѣмъ даже мозеровская *Комашка*, которую она брала на руки, чтобы выразить ей свое сочувствіе?

Показался Казанцевъ съ пакетомъ галетъ и съ вязанкой поджаренныхъ горячихъ „бубликовъ“. При его появленіи всѣ оживились и заговорили объ отъѣздѣ и о пріѣздѣ въ *Левяду* въ будущемъ году.

Марья Осиповна, выражавшая свое одобреніе и поощреніе *Левядѣ*, улыбнулась интригующе и сказала:

— Вообразите, господа, Дэзи вчера получила любовное письмо и подарокъ.

Герливанова бросило въ жаръ. Всѣ заинтересовались. Марья Осиповна, улыбаясь и вопросительно поглядывая на Дэзи, рассказала, что Османъ поднесъ Дэзи 2 фунта пкры кефали и любовное письмо, въ которомъ, впрочемъ, изливается въ любви и къ Павлу Викторовичу. Во время разсказа Марья Осиповна обращалась преимущественно къ Герливанову, какъ къ „собирателю человѣческихъ документовъ“, не догадываясь, какую пытку причиняетъ она ему своимъ особеннымъ вниманіемъ. Всѣ начали просить Дэзи, чтобы она прочла вслухъ письмо Османа. Но она отрицательно покачала головою.

— Дэзи, милая, прочитайте!—говорила умоляюще жена Березняка. И глаза ея заблестѣли отъ любопытства.

Дэзи заявила категорически:

— Нѣтъ, нѣтъ!

И когда Марья Осиповна, уступая настояніямъ докторши и Домны Петровны, начала на память цитировать письмо Османа, глаза у Дэзи вспыхнули.

— Тетя, прошу тебя, не дѣлать этого!.. Дѣло вотъ въ чемъ, господа! Смыслъ письма Османа глубокъ и серьезенъ. Но, по незнанію языка, онъ облакаетъ свою мысль въ такую уродливую форму, что это невольно вызываетъ смѣхъ. А я не имѣю никакого желанія дѣлать Османа предметомъ смѣха.

Всѣ поняли Дэзи и заговорили о другомъ. Но Герливанову еще грустнѣе стало: проявляя относительно Османа такую деликатность, Дэзи вовсе не думаетъ о томъ, кому она дороже всего на свѣтѣ. И съ каждой минутой въ немъ накупала горечь.

Неужели ей непонятно, какъ сильно онъ страдаетъ, теряя ее?.. Въ такомъ случаѣ онъ напомнитъ ей объ этомъ.

И когда Марья Осиповна спросила его, долго ли еще онъ пробудетъ въ *Левядѣ*, Герливановъ сказалъ громко:

— День, два—не болѣе. Съ вашимъ отъѣздомъ *Левяда* вѣдь для меня то же, что и Иосафатова долина.

Онъ нарочно употребилъ это выраженіе, чтобы дать понять Дэзи, что онъ теряетъ съ ея отъѣздомъ. Но она продолжала намазывать масломъ раздвоенные бублики

для Сани и, казалось, вся сосредоточилась на этомъ. Марья Осиповна приятно зардѣлась отъ „Иосафатовой долины“ и сказала съ материнской ласковостью:

— Тогда поѣдемте съ нами въ Севастополь, оттуда къ намъ, а отъ насъ въ Петербургъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Михайло Николаевичъ, поѣдемте съ нами, — сказалъ дружески Казанцевъ: — у васъ вѣдь какіе сборы? „Разъ, два“ и готово!

Когда Казанцевъ говорилъ, Герливановъ зорко слѣдилъ за Дэзи. Одного ея взгляда было достаточно, чтобы онъ отвѣтилъ согласіемъ. Но она не сдѣлала ни одного движенія въ его сторону. Герливановъ съ трудомъ пересилилъ себя, чтобы казаться спокойнымъ, и мысленно проговорилъ: „Ты не желаешь, чтобы я ѣхалъ съ вами. Я, конечно, не поѣду. Но знай, что для меня это большая потеря, и дѣлаю я это только потому, что ты этого желаешь“. И, поблагодаривъ Казанцева и Марью Осиповну за приглашеніе, онъ проговорилъ уклончиво:

— Я съ удовольствіемъ поѣхалъ бы съ вами, если бы не боялся причинить неудовольствіе кое-кому..

Дэзи наклонилась къ Санѣ, и уши у ней залились краской.

— Кому неудовольствіе?—спросила Марья Осиповна, окидывая всѣхъ недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Моему бюджету,—сказалъ Герливановъ послѣ нѣкоторой паузы.

Дэзи крѣпко поцѣловала Саню. Герливановъ принялъ это на свой счетъ и успокоился.

Но прошло нѣсколько минутъ, и въ сердцѣ его опять пачала закипать горечь. Дэзи ко всѣмъ относилась внимательнѣе и ласковѣе, чѣмъ къ нему. Когда же пришелъ Османъ, то она такъ обрадовалась ему, что Марья Осиповна даже сдѣлала ей замѣчаніе. Но Дэзи не отпустила отъ себя Османа, усадила его за столъ рядомъ съ собою и начала радушно угощать, пересыпая свою рѣчь турецкими словами. Османъ скалилъ зубы и съ умиленіемъ смотрѣлъ на нее. Дэзи общалась Осману написать о себѣ, приказывала ему хорошенько смотрѣть за своей женой и записала его сложную фамилію: Османъ-Ахметъ-Оглы Маметовъ.

Герливановъ тщетно искалъ случая, чтобы остаться съ Дэзи хотя на одну минуту съ глазу на глазъ.

Она была нарасхватъ. Кромѣ сложныхъ приготовленій по случаю внезапнаго отъѣзда, у ней оказалось еще много дѣлъ и въ *Левядѣ*. Съ чернаго крыльца поминутно появлялись какія-то старухи, старики и женщины съ дѣтьми. Они узнали объ отъѣздѣ Дэзи и пришли прощаться съ нею. У женщинъ съ первыхъ же словъ появлялись слезы на глазахъ, и онѣ смотрѣли на Дэзи, какъ будто провожали ее въ могилу.

Дэзи записывала фамиліи нѣкоторыхъ женщинъ и, называя медицинскіе термины, говорила о нихъ съ докторомъ Березнякомъ, который кивалъ головою въ знакъ согласія и съ крупными каплями пота на вискахъ продолжалъ молчаливо укладывать различные вещи. Пошептавшись о чемъ-то съ Марьей Осиповной, Дэзи удалась со своими левадскими друзьями въ заднія комнаты и черезъ четверть часа вышла оттуда съ покраснѣвшими глазами.

Герливановъ понималъ, какъ дорога всѣмъ Дэзи, и еще острѣе чувствовалъ свою неудачу. Онъ не въ силахъ былъ больше оставаться зрителемъ и, сославшись на неотложныя письма, ушелъ домой.

Къ двумъ часамъ дня небольшая левадская пристань наполнилась публикой. Море было тихо и лоснилось на солнцѣ. Около пристани, въ пронизанной солнечнымъ свѣтомъ водѣ, сновали стаи маленькихъ рыбокъ, вилившихъ своими гибкими тѣльцами и пугово исчезавшихъ, точно струйки дыма, подхваченныя вѣтромъ. Катеръ уже прогудѣлъ нѣсколько „последнихъ“ разъ. Капитанъ Хованько то появлялся на пристани, то опять

Масленица. „Вейна“. Орг. рис. (собетв. „Нивы“) Н. Лоренца, грав. Шюблеръ.

Масленица. Лакомки. Съ карт. К. Рейхерта, грав. Пэне.

исчезала, безнадежно размахивая руками и выразительно показывая, что онъ не повиненъ въ задержкѣ.

Всѣ, явившіеся проводить Казанцевыхъ, не могли проникнуть на катеръ и стояли на пристани. У большинства женщинъ глаза были заплаканы. Домна Петровна нѣсколько разъ принималась прощаться съ Марьей Осиповной и съ Дэзи. И всякій разъ глаза ея наполнялись слезами. Мозеръ стоялъ съ достоинствомъ въ сторонкѣ, въ черномъ сюртукѣ и въ накрахмаленной рубашкѣ, полупрезрительно поглядывая на свою жену. У Дэзи глаза свѣтились влажнымъ блескомъ. Она была въ своемъ дорожномъ сѣромъ плащѣ и опять напоминала английскую миссъ.

Герливановъ не любилъ проводовъ, всегда охватывавшихъ его тягостнымъ ощущеніемъ. Онъ стоялъ въ концѣ кормы и все ждалъ, что Дэзи урветъ минуту и подойдетъ къ нему. Только одна эта мысль и занимала его въ это время. Онъ съ досадою и ревностью смотрѣлъ на всѣхъ, толпившихся около Дэзи.

Казанцевъ сидѣлъ на рубкѣ въ своей широкой крылаткѣ и съ интересомъ слушалъ Гагарина, который сильно жестикулировалъ и увлекательно рассуждалъ о значеніи левадской бухты. Онъ по обыкновенію все зналъ: глубину бухты, ея свойства, ея прежнее, генуэзское величіе.

Докторъ Березнякъ стоялъ около борта въ своемъ поношенномъ костюмѣ, съ грустью на восковомъ лицѣ, и уступчиво давалъ всякому дорогу. Дэзи оживленно бесѣдовала съ нимъ. Дружеская ласковость свѣтилась въ ея лицѣ.

На другой сторонѣ рубки Марья Осиповна возилась съ вещами, приводя ихъ въ извѣстность. Чего-то не хватало, и она позвала Дэзи. Чтобы пройти къ ней, Дэзи должна была протискиваться черезъ толпу и обогнуть рубку. Поровнявшись съ Герливановымъ, она замедлила шаги и взглянула на него. Онъ жадно ждалъ этой минуты. Мысль, что черезъ нѣсколько минутъ онъ разстанется, и можетъ быть навсегда, съ Дэзи, охватила его душу тягостнымъ чувствомъ. Онъ взглянулъ на дѣвушку съ мольбой и прошепталъ пересохшимъ голосомъ:

— Вы мнѣ позволите писать вамъ?

— Пожалуйста, Михаилъ Николаевичъ! Я буду очень рада,—сказала поспѣшно и участливо Дэзи.

— Благодарю васъ... иначе я съ ума сойду.

Въ лицѣ Дэзи что-то дрогнуло.

— Что вы, Михаилъ Николаичъ?!.. Богъ съ вами!

— Безъ васъ Его нѣтъ со мною... нѣтъ и не будетъ! — вырвалось у Герливанова съ приступомъ отчаянія.

Щеки Дэзи покрылись блѣдностью. Она хотѣла что-то сказать, но Марья Осиповна нетерпѣливо позвала ее.

Герливановъ напрасно ждалъ, что она еще разъ подойдетъ къ нему. Густая толпа окружала Дэзи.

„Больше всѣхъ касается меня ея отъѣздъ,—думалъ Герливановъ:—и въ то же время мнѣ нѣтъ мѣста около нея. Я оттиснуть праздною толпою отъ моей святыни, какъ вдова знаменитаго человѣка отъ гроба своего мужа“.

Наконецъ, на пристани показался Хованько и замаяхалъ рукою, чтобы давали послѣдній свистокъ.

Толпа шелохнулась.

Катерный свистокъ на этотъ разъ какъ бы поперхнулся чѣмъ-то и нѣкоторое время испускалъ изъ себя только шипящій паръ. Но потомъ голосъ у него протистился и онъ загудѣлъ на всю *Леваду*.

Съ пристани и съ катера поминутно слышались голоса:

— Прощайте!.. Пишите!.. Не поминайте лихомъ!

Сквозь гулъ прощальныхъ привѣтствій прорывались отрывистыя вскрикиванія Хованько:

— Выбирай яко-орь!.. Лег-чѣ!

Казанцевъ и Марья Осиповна сердечно попрощались съ Герливановымъ, поцѣловавъ его нѣсколько разъ. Марья Осиповна даже матерински перекрестила его при прощаніи. Герливановъ поцѣловалъ нѣсколько разъ ей руку и съ открытой головой подошелъ къ Дэзи; но, вспомнивъ, что она противъ цѣлованія руки, неловко простился и, стискивая зубы, чтобы подавить горловой спазмъ, поспѣшно перешагнувъ съ катера на пристань. Дэзи дружески прощалась съ Домной Петровной, Харитей, Саней и съ другими. Глаза ея все больше блеснули. Когда сзади всѣхъ показалась робкая фигура Березняка съ вспыхнувшимъ румянцемъ на восковыхъ щекахъ, Дэзи съ волненіемъ протянула ему руку и поцѣловала его. Герливанова передернуло, и онъ замѣшался въ толпу.

— Вытравля-ай!.. Задній ходъ!—ревѣлъ Хованько, напряженно слѣдя за ходомъ катера.

„Витязю“ тихо отвалили отъ пристани, забурливъ и зашумивъ вокругъ себя воду. Съ пристани опять раздались прощальныя привѣтствія. Замахали руками, шляпами, платками. Казанцевъ стоялъ около борта съ открытой головой и привѣтливо раскланивался со всѣми. Катеръ натянулъ канатъ, привязанный къ фелюгѣ; фелюга качнулась и завихляла по взмыленной полосѣ воды. Сдѣлавши полукругъ, катеръ повернулся. Толпа подалась въ другую сторону пристани. Дэзи стояла на кормѣ и кивала всѣмъ головою.

Герливановъ съ удивленіемъ замѣтилъ около пеля красную феску Османа. Турокъ тоже раскланивался и самодовольно скалил свое темно-оливковое лицо.

Герливановъ подумалъ:

„Опять Османъ проявилъ больше вниманія и чуткости, чѣмъ я. Почему я не поѣхалъ проводить ихъ до Новороссійска?“

И ему хотѣлось крикнуть, броситься вплавь и догнать катеръ.

Загуманеннымъ взоромъ онъ слѣдилъ за удалявшимся „Витяземъ“ и, по мѣрѣ его удаленія, чувствовалъ увеличивающуюся боль въ сердцѣ, точно между Дэзи и его сердцемъ была протянута какая-то невидимая цѣпь, которая все больше натягивалась съ удаленіемъ катера и причиняла нестерпимую боль...

Ушелъ онъ съ пристани обезсиленный, испытывая такое чувство, какъ будто возвращался съ похоронъ близкаго человѣка. Неизвѣстно почему, ему вдругъ припомнилась одна цыганская пѣсня съ залихватскимъ выкрикомъ: „начинай другую!“ И онъ подумалъ: „вотъ и моя лучшая пѣсенка спѣта... начитай другую!..“

XI.

Придя домой, Герливановъ долго ходилъ по своей комнатѣ, приложивъ руки къ вискамъ. Образъ Дэзи заслонялъ собою всѣ мысли и чувства. Ему живо вспоминались ея голосъ, выраженіе глазъ, манера говорить, узоръ свѣтлой кофты изъ сатинета и множество другихъ подробностей.

Вдругъ ему послышался ея голосъ на улицѣ. Онъ рванулся и стремительно бросился на балконъ. Невдалекѣ отъ дома Мозера, у плетня, стояли двѣ гречанки и жарко о чемъ-то спорили. Ихъ голоса нисколько не напоминали голосъ Дэзи. Но когда Герливановъ вошелъ въ комнату и сѣлъ у письменнаго стола, черезъ нѣкоторое время ему опять отчетливо послышался ея голосъ. И о чемъ онъ ни думалъ, на какой предметъ ни падалъ его взглядъ,— все какими-нибудь боковыми путями опять приводило его мысль къ Дэзи, и она казалась ему въ тысячу разъ обаятельнѣе, чѣмъ всѣ женщины, которыхъ онъ встрѣчалъ. Сердце у него мучительно сжималось.

„Вотъ она—*моя мертвая змѣя* начинается!“ подумалъ онъ, стараясь подавить подступающее къ горлу рыданіе и повторяя шопотомъ:

Тогда изгнаемъ и могилой,
Несчастный, будешь ты готовъ,
Купить *хоть слово* дѣвы милой,
Хоть лежи шумъ ея шаговъ...

И ему опять чудились звуки голоса Дэзи... Онъ началъ припоминать ихъ вчерашнее свиданіе. Вотъ здѣсь она стояла. Здѣсь сказала то-то. Къ этому стулу прикасались ея руки...

И чѣмъ больше онъ растравлялъ свое сердце воспоминаніями, тѣмъ безотраднѣе и запутаннѣе становилось у него на душѣ. Онъ не понималъ ни Дэзи, ни своего чувства, передъ которымъ никли всѣ разсужденія. „Когда-то пытливый старикъ въ Афинахъ пришелъ къ открытію, что онъ ничего не знаетъ“, подумалъ Герливановъ. Вотъ онъ теперь тоже въ родѣ Сократа: ему понятно только одно, что онъ ничего не понимаетъ. Если его чувство къ Дэзи есть истинная любовь, то почему же эта неотразимая сила не покоряетъ ее? Если же его чувство есть только миражъ настоящей любви, то почему же онъ такъ страдаетъ? Почему все, кромѣ нея, кажется ему „прахъ и суета“?

Наконецъ Герливанову стало невыносимо въ его компаніи. Онъ вышелъ на улицу и направился къ морю, стараясь не смотреть туда, гдѣ жили Казанцевы. Но когда онъ приблизился къ берегу, знакомый шумъ моря, знакомый запахъ морской травы и видъ мокрыхъ мелкихъ камешковъ, съ шипящимъ шорохомъ ползущихъ за волной,—все это опять вызвало въ его памяти цѣлый рядъ воспоминаній, связанныхъ съ Дэзи.

Онъ повернулся и направился въ горы, стараясь найти тропинку, по которой онъ еще не ходилъ. Герливановъ шелъ торопливо, не обращая вниманія на цѣпляющіяся вѣтки „держи-дерева“ и желая поскорѣе утомить себя, чтобы заглушить нравственную боль. Мысли его работали напряженно, и все кружились около одной точки, какъ путникъ, сбившійся въ мятежь съ дороги. Онъ не зналъ, что ему дѣлать, куда ѣхать, гдѣ оставаться? Ничто не привлекало его. Первый разъ въ жизни онъ чувствовалъ себя въ положеніи тяжело-вооруженнаго всадника, выбитаго изъ седла и убѣдившагося, что все его вооруженіе, которое онъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ „меча-кладенца“, ни на что ему не пужно и только мѣшаетъ его движеніямъ. Зачѣмъ ему теперь культъ красоты? Что ему за дѣло до того, что природа красива, женщины красивы, произведенія искусства красивы? Это ни на одну іоту не облегчаетъ его страданій и не даетъ ему выхода. Гдѣ же дорога? Куда идти?..

Послѣ напряженной сосредоточенности въ себѣ онъ рѣшилъ: завтра утромъ онъ уѣдетъ куда-нибудь изъ *Левады*, которая дѣйствительно превратилась для него въ Иосафатову долину. Съ перемѣной мѣста ему вѣроятно будетъ легче справиться съ собою, хотя онъ совершенно не знаетъ, зачѣмъ ему въ сущности „справляться съ собою“? Чтобы писать новыя пьесы и получать за нихъ гонораръ, на который бражничать, ловить „минуты наслажденій“, пить шампанское съ жаренымъ миндалемъ, потомъ опять писать пьесы и т. д.?.. Нѣтъ, этимъ онъ сытъ уже по горло... Что-жъ дѣлать?!

Писать Дэзи онъ не будетъ. Въ минуту пароксизма отчаянія у него вырвалась просьба. И тогда ему казалось, что переписка можетъ облегчить его. Но теперь ему ясно, что это было бы равносильно тушенію огня масломъ. Писать ей все съ полной искренностью онъ не можетъ. Поддѣлываться же подъ минорный тонъ дружбы было бы недостойно его чувства. Какъ ни трудно ему, но онъ переломить себя и поставить крестъ надъ всѣмъ этимъ. Нѣтъ никакихъ сомнѣній, что онъ для Дэзи только *близкій* — не болѣе. Удовлетвориться этой ролью онъ не можетъ и предпочитаетъ разомъ перенести трудную операцію надъ

своимъ сердцемъ, чѣмъ питаться крохами со стола дружбы... Хотя, опять-таки, зачѣмъ ему надо успокаиваться и брать себя въ руки?..

И чѣмъ дальше поднимался Герливановъ въ гору, тѣмъ труднѣе ему было идти и нести свое горе. Дыханіе у него спиралось. Наконецъ, онъ не выдержалъ и въ безсиліи опустился на землю. Вся нервная напряженность, скопившаяся въ немъ за послѣднее время, вдругъ прорвалась, и онъ судорожно заплакалъ.

Слезы не прояснили его души, но притупили остроту его горя. Онъ поднялся и сѣлъ на камень. Вся *Левада* съ ея красной бухтой лежала у ногъ Герливанова, озаренная закатомъ солнца. Но эта величавая картина не вызвала восхищенія въ сердцѣ его, напротивъ, придавала его настроенію еще болѣе унылость.

Глядя на сияющую красотой, и какъ бы ликующую, природу, Герливановъ еще живѣе чувствовалъ свое одиночество и, подобно человѣку, отравившемуся сантолиномъ, видѣлъ все подернутымъ унылой желтизной. Всѣ краски потускнѣли для него.

Стало темнѣть. Изъ села потянуло жильемъ и дымомъ. Герливановъ спустился съ горы и медленно, какъ больной, побрелъ домой. Въ небѣ загорались звѣзды. Съ моря поползъ туманъ на горы. Поэтическая прелесть южной ночи повѣяла на Герливанова своимъ дыханіемъ, но не разсѣяла его грусти, а только подняла въ глубинѣ его души новый притокъ скорбей. „Есть пытка,—подумалъ онъ:—къ которой и сатана не прибѣгаетъ: это ходить по кладбищу, гдѣ зарыты забытыя мечтанія“. Онъ взглянулъ на силуэтъ дачи, гдѣ жили Казанцевы, и слезы стѣснили ему грудь.

Придя домой, Герливановъ долго лежалъ въ потемкахъ на кровати, подавленный своимъ одиночествомъ. Во всемъ мірѣ онъ не зналъ ни одной души, бесѣда съ которой могла бы облегчить его въ эту минуту. Запутываясь въ своихъ чувствахъ, онъ прежде часто прибѣгалъ къ дневнику и „описывалъ“ себя. Это иногда проясняло ему его внутренній міръ. Вспомнивши это, онъ поспѣшно зажегъ лампу и, не задумываясь, написалъ слѣдующее:

„Завтра я уѣзжаю отсюда, чтобы никогда больше не возвращаться. Я выкинуть за бортъ и иду ко дну. Сегодня уѣхала отсюда Д., не оставивъ во мнѣ ни искры надежды. Я не обвиняю ее. Какое право и имѣю обвинять ее? Она поступила такъ, какъ подсказали ей ея сердце и совѣсть. Этого достаточно, чтобы я подчинился. А если я не подчинюсь?.. Что толку? Развѣ осужденный на смерть „подчиняется“ приговору суда? Онъ протестуетъ противъ него каждой каплей своей крови. И все-таки идетъ на казнь, кладетъ голову на плаху, смиряясь передъ силой факта. Я тоже смирюсь передъ фактомъ и иду на мою казнь. Я дышу, смотрю, пишу, слышу. Но внутренне—я мертвецъ, и достаточно небольшого толчка, чтобы „конгрессъ червей“ устроилъ надо мною свое торжественное засѣданіе. Самой подходящей надписью на моей могилѣ были бы слѣдующія строки:

Онъ умеръ отъ жажды:

Боги пригласили его на пиръ, но не дали ему бокала.

„И если я теперь же не приступаю къ этому единственному удовлетворительному выходу, то не потому, что дорожу жизнью, а потому, что это испытанное средство всегда у меня подъ рукою. Наступитъ время, и я не застряну, какъ Гамлетъ, въ когтяхъ чудовища: или, а рѣшительнымъ шагомъ направлюсь въ обратный путь... Теперь же я складываю весла и отдаюсь теченію. Куда оно принесетъ меня? Не все ли равно? Я не имѣю никакого основанія предпочитать одно другому... А между тѣмъ „счастье было такъ возможно, такъ близко!“ Нѣтъ, нѣтъ! Опять самообманъ... Никогда оно не было ни близко, ни возможно. Я, подобно Икарю, только воображалъ, что у меня есть крылья, и

не замедлил шлепнуться õ-земь. Надо хоть иногда быть справедливымъ къ себѣ. Причина моего ꙗсско ꙗбликомъ лежитъ во мнѣ. Это для меня ясно теперь. И сознание, что я бессиленъ завоевать себѣ счастье, едва ли не тяжелѣе самой утраты этого счастья... О, горе слабымъ!..“

На лѣстницѣ послышались шаги. Герливановъ закрылъ дневникъ. Пришла Харитя и принесла небольшой самоварчикъ. Она, по обыкновенію, пристально все разсматривала и приготовила для Герливанова чай. Онъ былъ радъ Харитѣ и съ грустной нѣжностью заговорилъ съ нею:

— Харитя, тебѣ жаль барышни Дѣзи!

Харитя помолчала, испытующе посмотрѣла ему въ глаза.

— Чего жъ ее жалѣть? Развѣ она умерла?

— Но вѣдь ты любила же ее?

Харитя опять сдѣлала паузу.

— А то какъ же!

— Значить, хотѣлось бы тебѣ видѣть ее, говорить съ нею?

— Ну да, хотѣлось бы.

Снизу послышался властный голосъ Мозера:

— Ха-ри-тя!

Она сдѣлала по адресу Мозера пресмѣшную гримасу и проворно убѣжала. Герливановъ взялъ стаканъ съ чаемъ и вышелъ на балконъ. Стояла темная, точно загадочная ночь, усыпанная звѣздами. Деревья казались черными изваяніями. Между ними часто слышался таинственный шорохъ, напоминающій крадущіеся шаги.

У входа въ бухту блеснулъ красный огонекъ, и въ почной тишинѣ раздалось гудѣніе катера. Герливановъ вспомнилъ, какъ онъ всегда въ подобныхъ случаяхъ сѣлалъ съ Дѣзи на пристань за корреспонденціей.

Вдругъ у него мелькнула мысль: „а что если Казанцева опоздала къ пароходу и теперь возвращаются въ *Леванду*?“ Онъ бросился на лѣстницу и помчался къ пристани. Катеръ еще разъ прогудѣлъ и остовъ его вырисовался въ темнотѣ, двигая передъ собою дробившуюся полосу краснаго свѣта. Герливановъ ничего не слышалъ, ничего не видѣлъ, устремивъ лихорадочно блестящій взглядъ на катеръ. Ему казалось, что если онъ увидитъ Дѣзи, то ему достаточно будетъ сказать ей нѣсколько словъ, и она пойметъ его и полюбитъ. Не можетъ быть, чтобы такая любовь, какъ его, могла оставаться безъ отвѣта...

Катеръ забурлилъ воду и причалилъ къ пристани. Казанцевыхъ не было.

Герливановъ стоялъ съ поникшею головою и машинально ждалъ корреспонденціи. Вдругъ онъ почувствовалъ руку на своемъ плечѣ. Передъ нимъ стоялъ Османъ.

— Зачѣмъ не ѣхалъ съ нами? Всѣ вспоминалъ тебя? Харошъ барышня вспоминала. Тебѣ письмо передаетъ, — говорилъ съ разстановками Османъ своимъ гортаннымъ голосомъ и, порывшись въ карманѣ, подаль Герливанову письмо.

Тотъ схватилъ письмо и, не будучи въ состояніи продолжать бесѣду, устремился домой. Она ему пишетъ! И онъ бѣжалъ, спотыкаясь и не выпуская изъ руки письма.

Шагая черезъ нѣсколько ступенекъ, онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ и поднесъ письмо къ лампѣ. На конвертѣ было написано косыми, продолговатыми буквами: „М. П. Герливанову“. Онъ нетерпѣливо разорвалъ конвертъ и прочелъ:

„Я виновата передъ вами, Михаилъ Николаевичъ! Хлопоты передъ отъѣздомъ и волненіе, въ которомъ я находилась, разставаясь съ близкими мнѣ по духу людьми, помѣшали мнѣ отнестись къ вамъ такъ, какъ я отнеслась бы въ спокойномъ состояніи. Но я всю дорогу думала о васъ. Ваши послѣдніе слова не выходили у меня изъ головы. Вы сказали, что у васъ нѣтъ Бога. Это ужасно! Вѣдь безъ Бога нѣтъ и жизни. Но

ни дать Его, ни указать Его вамъ никто не можетъ. Ищите Его сами, и вы навѣрно найдете Его, потому что Онъ вездѣ и во всемъ чистомъ, добромъ, правдивомъ. И жить настоящей жизнью, это значить *любить Бога*, начиная со всего живущаго и кончая высшимъ проявленіемъ Его воли—человѣкомъ. Надо только любить истинной любовью, т.-е. *любить любовь* и ея проявленія, а не проявленія грубаго чувства, подъ именемъ любви. И когда вы полюбите такой любовью, вы непременно найдете и Бога... Простите и не обижайтесь на меня (потому что, можетъ-быть, я ошибаюсь), но мнѣ кажется, что истинное значеніе жизни въ васъ заслоняется литературнымъ тщеславіемъ. Не сердитесь, что я позволяю себѣ такъ говорить, и отнеситесь къ моему письму съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ я его пишу. Мнѣ хотѣлось бы еще многое сказать вамъ, чего я не успѣла сказать въ суетѣ послѣднихъ дней. Но надо сѣлалъ на пароходъ. Отецъ и тетя кланяются вамъ. Отецъ сейчасъ сказалъ мнѣ, что онъ осенью ѣдетъ въ Петербургъ для участія въ одной педагогической комиссіи. Я, вѣроятно, прѣйду съ нимъ и буду рада встрѣтиться съ вами. До свиданія!

М. Казанцева.“

— До свиданія! — вырвалось съ чувствомъ у Герливанова.

И онъ порывисто прижалъ къ своимъ губамъ письмо Дѣзи. Слезы застилали ему глаза.

— До свиданія, безцѣнная, милая, свѣтлая дѣвушка!..

Черезъ минуту онъ снова началъ читать письмо, останавливаясь и задумываясь надъ нѣкоторыми выраженіями.

— *Безъ Бога нѣтъ и жизни*, — повторилъ онъ медленно. И ему живо представились при этихъ словахъ интонація голоса Дѣзи и выраженіе ея лица. Она будто стояла передъ нимъ.

Безцѣнная! Она всю дорогу думала о немъ, а онъ здѣсь неистовствовалъ и въ пышныхъ фразахъ громоздилъ Пеліонъ на Оссу. Какъ просто и глубоко ея письмо! Ни одной праздною мысли, ни одного искусственнаго слова. Все отъ души, все любовно и серьезно. *Надо любить любовь*... Какъ глубоки эти слова! Онъ любилъ поцѣлуи, любилъ галстуки, но не любилъ любви.

XII.

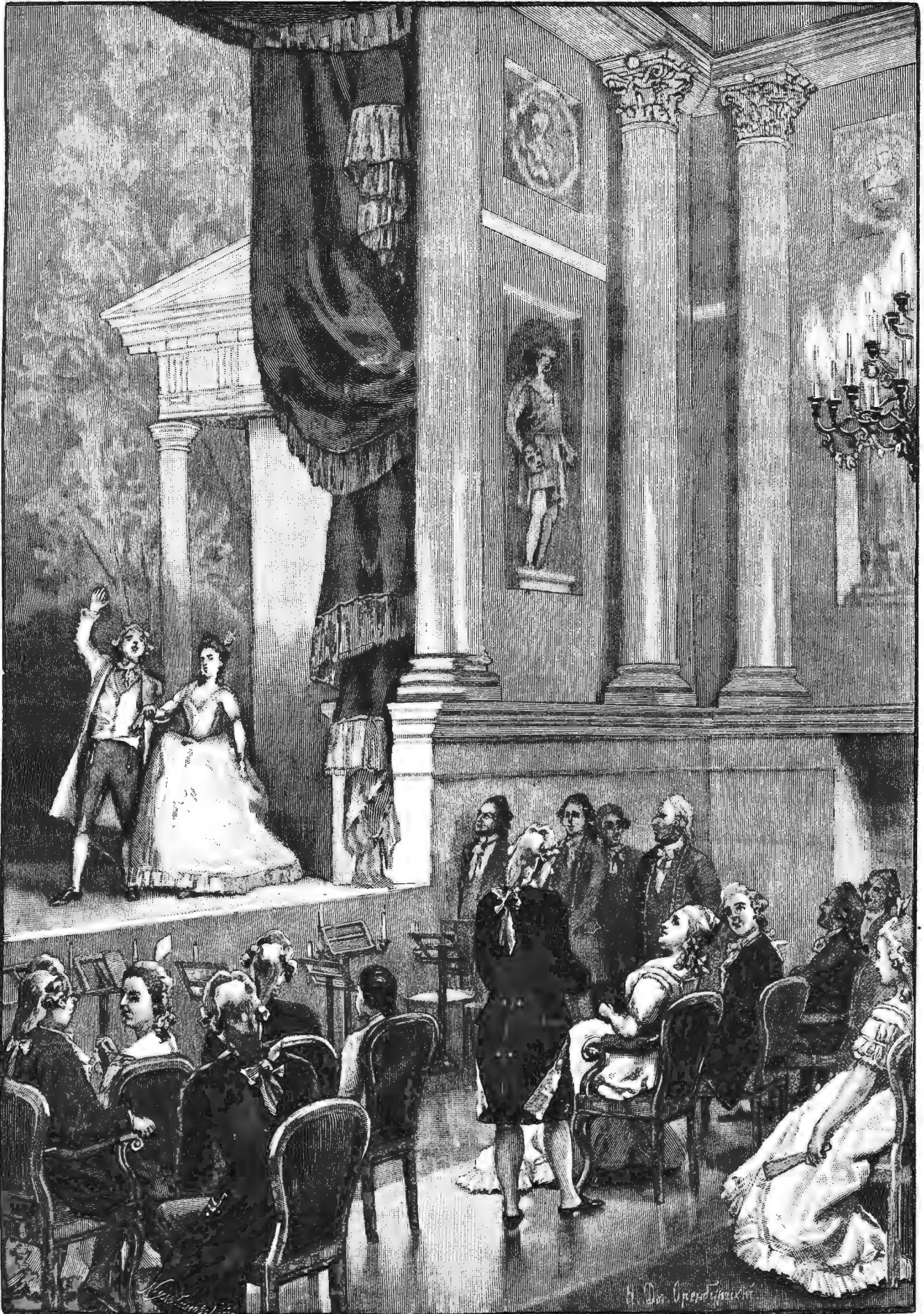
Герливановъ долго не могъ оторваться отъ письма, чувствуя въ немъ притягательную силу. Ему казалось, что въ характерныхъ продолговатыхъ буквахъ, напоминающихъ овалъ лица Дѣзи, таится присутствіе ея души. И ему хотѣлось раскрыть передъ нею до сокровеннѣйшихъ глубинъ свою душу и сказать ей о себѣ все, чего онъ не говорилъ даже на исповѣди, когда говѣлъ и вѣрилъ въ Бога.

Онъ началъ припоминать свою жизнь и вызывать въ памяти потускнѣвшія картины. Но по мѣрѣ того, какъ онъ вскрывалъ въ себѣ пережитое, ему становилось все тяжелѣе. Стыдъ и раскаяніе тѣснили его. Вдругъ ему показалось, что кто-то внутри его настойчиво забилъ тревогу и какъ бы распахнулъ наглухо запертую дверь.

Онъ вскочилъ и въ волненіи заходилъ по комнатѣ. Умъ его началъ проясняться, и онъ опять почувствовалъ себя въ положеніи бухгалтера, который тщетно сводилъ балансы и вдругъ замѣтилъ, что вся путаница произошла оттого, что онъ въ самомъ началѣ сдѣлалъ грубую ошибку и подсчиталъ: $6 \times 7 = 47$...

Герливановъ удивлялся своему затмѣнію. Какъ онъ могъ добиваться руки Дѣзи и не видѣть, что между ними лежитъ пропасть, и что они по существу своему даже „враги“? Вѣдь онъ закоренѣлый язычникъ, эллипъ, вѣрующій только въ откровеніе формъ, линий и красокъ.

Она же истинная христіанка, видящая въ чловѣкѣ отраженіе воли Божіей. Задача ея жизни, какъ можно

Театръ въ Эрмитажѣ при Екатеринѣ II. Орг. рие. (собств. „Нивы“) Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго, грав. Мультановскій

больше *отдать себя* ближнимъ. Его же задачей всегда было, какъ можно больше *взять отъ ближнихъ*. Она стремится быть лучше. Онъ же всю жизнь безпокоился, подобно гимназистамъ, лишь о томъ, чтобы имѣть наилучшіе „баллы“. Какая же гармонія могла получиться отъ ихъ союза, когда они о самыхъ главныхъ принципахъ говорили на разныхъ языкахъ?..

Ему теперь понятны ея слова относительно пересѣкающихся линій, понятно и те, почему его *Ладъ* такъ возмутилъ ее. И какъ онъ могъ этотъ филигранный вздоръ подносить въ качествѣ художественнаго произведенія столь возвышенной душѣ, какъ Дэзи? Вѣдь она должна была подумать одно изъ двухъ: или что онъ человѣкъ съ пошлыми понятіями, или слѣпецъ, не видящій, гдѣ правда, гдѣ ложь.

И какъ ей было, вѣроятно, неловко за него, за его неразвитость!.. А онъ еще воображалъ себя тонкимъ знатокомъ души человѣческой!..

И какъ все это странно и дивно! Изъ Петербурга—сего всероссійскаго „умственного центра“, онъ бѣжитъ, какъ изъ звѣрища. А въ невѣдомомъ первобытномъ уголкѣ Кавказа находится богатый родникъ умственныхъ и духовныхъ силъ!..

И чѣмъ глубже вникалъ Герливановъ въ свое прошлое, тѣмъ противорѣчивѣе казалась ему вся его жизнь. Ему припомнилось, съ какимъ благороднымъ жаромъ онъ однажды написалъ отличительную статью по поводу врача, участвовавшего въ спектаклѣ и отказавшагося побхать къ больному.

Сколько жалкихъ словъ онъ написалъ тогда! А самъ-то онъ развѣ не подражалъ всю свою жизнь этому врачу-актеру? Что онъ сдѣлалъ изъ могущественнѣйшаго оружія—живого слова?.. Смастерилъ нѣсколько красивыхъ бюрократъ, понадалъ искусно горохомъ въ дырочку!..

„А это что опять?“—подумалъ Герливановъ, бросивъ взглядъ на толстую тетрадь съ новой пьесой.

Онъ взялъ ее и началъ перечислять, останавливаясь на тѣхъ сценахъ, которыя онъ считалъ наиболѣе удачными. Но сцены эти показались ему уже въ иномъ свѣтѣ. Правда, отъ нихъ вѣяло красотой и изяществомъ. Но въ нихъ не было именно того, чего въ смятеніи искала его душа: глубины чувства. Ему же хотѣлось хоть въ одной сценѣ найти что-нибудь глубокое, сильное, захватывающее. Но онъ не нашелъ этого и съ грустнымъ чувствомъ отодвинулъ отъ себя тетрадь. За чѣмъ же опять эти красныя побрякушки?..

А между тѣмъ надо поскорѣе окончить пьесу, потому что онъ взялъ авансъ подъ нее и содержаніе ея уже извѣстно дирекціи и весьма одобрено ею. И Дэзи по приѣздѣ въ Петербургъ пойдетъ въ театръ, чтобы взглянуть на новый перлъ его творенія, и выйдетъ изъ театра съ безнадежными мыслями на его счетъ!..

Лицо Герливанова, искажилось страданіемъ, и онъ закрылъ его руками.

Когда черезъ нѣсколько минутъ онъ отнялъ руки, глаза у него горѣли рѣшимостью.

— Надо отрѣзать себѣ отсутствіе и сжечь негодный корабль!—прошепталъ онъ съ измѣнившимся лицомъ.

И, взявъ свою новую пьесу, съ рѣшительностью рванулъ ее надвое, затѣмъ подошелъ къ печкѣ, открылъ дверцу и, зажегши разорванные листы, началъ бросать ихъ въ печку!..

— Миръ праху твоему, Аониянинъ!

Это пламень ошпеленъ,
Это жертвенникъ спасенья,
Это фениксовъ костеръ!..

И по мѣрѣ того, какъ сгорали листы его пьесы, онъ чувствовалъ, что въ немъ нарастаетъ какая-то новая сила.

Лицо его было озарено проникновеніемъ.

Онъ бросилъ въ печь послѣдній листъ и съ спутанными на лбу волосами вышелъ на балконъ. Душѣ его нуженъ былъ просторъ.

Было уже поздно, и кругомъ царило безмолвіе. Далеко, на взморьѣ, лежала полоса луннаго свѣта и, серебрясь, тянулась клиномъ къ *Левадѣ*. Выступы горъ, облитые блѣдно-зеленоватымъ луннымъ свѣтомъ, были полны таинственности и, казалось, сторожили безмолвіе ночи. Взоръ Герливанова остановился на яркой группѣ звѣздъ, точно собравшихся на какое-то совѣщаніе. Это была Сѣверная Корона!.. Онъ вспомнилъ, что Дэзи, подобно Канту, считала звѣздное небо самымъ красивымъ и возвышеннымъ зрѣлищемъ, и долго смотрѣлъ на Сѣверную Корону.

„Быть-можетъ,—думалъ онъ:—въ эту самую минуту Дэзи сидитъ на палубѣ парохода и смотритъ на тѣ же звѣзды. Линіи ихъ взглядовъ пересѣкаются, и мысли сливаются въ одной точкѣ? Кто знаетъ, что тамъ есть и какими путями душа одного человѣка можетъ приходить въ общеніе съ другой душой? Кто можетъ сказать, какъ именно въ душѣ его созрѣла новая жизнь?..“

Но онъ чувствуетъ, что она съ каждымъ мгновеніемъ растетъ въ немъ. И онъ, подобно евангельскому слѣпому, можетъ сказать: отъ Бога это или нѣтъ, — онъ не знаетъ. Но одно онъ знаетъ, что прежде онъ не видѣлъ свѣта, а теперь видитъ. И теперь ему все ясно и въ немъ, и вокругъ него.

Всего нѣсколько часовъ тому назадъ ему казалось, что въ растоптанномъ червягѣ больше жизненности, чѣмъ въ немъ. Теперь же ему кажется, что нѣтъ такой силы, которая могла бы сломить его. Прежде онъ всегда страдалъ отъ любви. Теперь же любовь наполняетъ все его существо сладостнѣйшимъ чувствомъ, и онъ испытываетъ такое ощущеніе, какъ будто былъ зарытъ въ землю и воскресаетъ изъ мертвыхъ!..

Онъ открылъ и знаетъ великую тайну. Вотъ она: „Чѣмъ выше и цѣннѣе онъ сдѣлается, тѣмъ болѣе приблизится къ Дэзи. А чѣмъ ближе онъ будетъ къ ней, тѣмъ легче ему быть лучшимъ. Значитъ: воспитать себя, усовершенствовать свою природу, увеличить внутреннюю цѣнность и наполнить жизнь живымъ содержаніемъ — вотъ отнынѣ его программа. И все это такъ просто и ясно, какъ небо, какъ воздухъ, какъ эти звѣзды, сіяющія надъ землею“. И когда онъ смотритъ теперь на всю эту озаренную луннымъ сіяніемъ картину, ему кажется, что онъ чувствуетъ надъ собою незримое рѣшеніе Души Мира, а въ святилищѣ его души начипается совершаться какое-то великое таинство!..

Какъ-то разъ Дэзи замѣтила, что современные авторы нишуть такимъ образомъ, какъ будто имъ самимъ „нечего сказать“. Къ нему болѣе, чѣмъ къ кому бы то ни было, подходили эти слова.

Но теперь у него *есть, что сказать*. И то, что онъ скажетъ, будетъ „его молитвой“. Онъ вложитъ въ нее всю чистоту и свѣтъ души, сохранившіеся въ немъ!..

— Сдѣлай же мени достойнымъ тебя! Внуши мнѣ чистоту и ясность твоей души!—прошепталъ Герливановъ, чувствуя, что слезы застилаютъ ему глаза.

Въ воздухѣ начало свѣжѣть. На западной сторонѣ небо было еще тусклое и холодное. Но востокъ уже свѣтлѣлъ и окрашивался теплыми тонами.

Между деревьями пронесся шорохъ пробуждающагося утра.

Герливановъ съ просвѣтленнымъ лицомъ стоялъ на балконѣ и смотрѣлъ на загоравшійся востокъ. Онъ ждалъ солнца.

Востокъ все свѣтлѣлъ и разгорался.

Герливановъ думалъ о Дэзи, о ея письмѣ. о Богѣ, и ему казалось, что онъ, подобно Вильгельму Мейстеру, находится въ эту минуту въ положеніи Саула, сына Киса, отправившагося искать ослицъ своего отца и обрѣтшаго царство.

„Въ сущности, я обрѣлъ здѣсь *мое царство*“,—мысленно произнесъ Герливановъ.

КОНЕЦЪ.

За разгадкой.

Посмертный рассказ В. П. Желиховской.

Наступала на Руси масленница.

Всюду ли была она „широка и весела“—дѣло десятое; а вотъ первое дѣло: всюду, гдѣ былъ фунтъ муки и полфунта масла—собиралися блины печь. Это вѣрно!

Въ зарывшемся въ глубокіе, сѣверо-восточные свѣга Россіи до того, что если-бъ не дымки изъ трубъ, да не колокольни соборная, такъ его бы и не примѣтить издали, въ захоустаномъ городѣ Блиновѣ,—по шѣрсткѣ и кличка,—добрыя хозяйки захоустанились за недѣлю до мясонустья. Обыватели изъ „высшаго общества“ не разъ успѣли перепробовать другъ у друга пробныхъ блинцевъ, со всѣми ихъ принадлежностями,—съ полюбѣденнымъ вишневымъ, не только что съ солидной предѣбденной выпивкой. У гостепрѣимной Марьи Потаповны, супруги мѣстнаго исправника, и у кумы ея, почтмейстерши, благословенныхъ дѣтми вообще, а въ особенности дочками на возрастѣ, бывали уже попытки и къ танцевальному препровожденію времени. Мѣстный дѣвичій Павелъ Андриянычъ, неустанный даровой танеръ блиновскихъ вечеровъ, нигуда такъ радушно не приглашался, какъ въ эти гостепрѣимные дома.

Павель Андриянычъ Красновъ, прозванный молодежью „сърпенькомъ“, вообще былъ непремѣннымъ членомъ всѣхъ асаблѣй города Блинова; но радушіе, ему оказываемое, совсѣмъ не пронеходило оттого, чтобы онъ былъ „душною общества“,—далеко нѣтъ!.. Самое прозваніе, ему данное, на основаніи общаго мнѣнія, что, молъ, „какой же онъ Красновъ? Сѣръ онъ, а не красенъ!“—свидѣтельствуетъ какъ нельзя болѣе о его незначительности.

Кличка, данная ему остряками захоустаного, но отнюдь не унывавшаго городка, была очень мѣткая. Красновъ былъ еще не старъ, но когда-то черные волосы его съ тридцати лѣтъ начали принимать оттѣнокъ его сѣро-стальныхъ, всегда печальныхъ глазъ. Безкровное, смуглое лицо его не оживлялось никогда; онъ не сторонился людей, шель на ихъ приглашеніи, но легко могъ обходиться безъ общества. И вообще онъ былъ странной, удивительно неопредѣленныхъ свойствъ человѣкъ! Ни хорошъ,—ни дуренъ; ни добръ,—ни золъ; ни глупъ,—ни умелъ; ни печаленъ,—ни веселъ. Только молчаливъ и невозмутимъ до крайности!

— Чортъ знаетъ, что такое этотъ Красновъ!—дивились на него обыватели. — Ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга!.. Никакъ его не разгадаешь!

— Да что его и разгадывать-то!—возражали другіе. — Вѣсь на лицо: гладенькое бочечко, плѣсенью позарошее!

— Однако, онъ не безъ талантовъ: музыкантъ хорошій и образованный человѣкъ!

— Ну, что-жъ?—срѣзывали такихъ заступниковъ недоброжелатели Краснова. — Вѣдь и на болотахъ кое-какіе цвѣты расцвѣтаютъ!

Вотъ именно „талантъ“ всегда ровнаго, спокойнаго Павла Андрияныча и его постоянная готовность на все:—музыка такъ музыка, карты такъ карты, дѣло такъ дѣло,—и доставляли ему не то чтобы признаніе, а эгоистичное расположеніе. Ужъ очень былъ онъ покладливъ, непритязателенъ и удобенъ. Надобень онъ—охотно услужить; не надобень—и ему ничего не нужно; попросить—идетъ; не пригласить—не замѣтитъ. Самая его равнодушная разсѣянность и молчаливость были неопредѣлимы: онъ никогда лишняго не говорилъ, а если бы и захотѣлъ сиплетничать, не могъ бы, потому что никогда ничего не замѣчалъ.

Красновъ былъ одинокъ и друзей не имѣлъ. Лѣтъ десять тому назадъ, когда онъ появился въ Блиновѣ, всѣ мамы на него воззривши. Человѣкъ не старшій, не уродъ, тихій, поведеніи трезваго, на государственной службѣ,—чего же лучше?.. Но, взглядывшисъ поближе, маменьки поотетали!.. Почему?.. Никто бы не могъ опредѣлить, но какъ-то всѣмъ очевидно стало, что онъ въ женихи не годится.

О Красновѣ стали вспоминать только по нуждѣ, когда не было танера или партнера, а въ остальное время хоть помри онъ себя въ одиночествѣ, въ своемъ дальнемъ домикѣ на окраинѣ города,—никто бы не хватился. Кому до него дѣло!

Возвращаясь въ понедѣльникъ на масленой съ лѣлого объѣзда, оевѣженный и бодрый, Красновъ новольно поморщился, когда первый встрѣчный знакомый, номахиная нераспечатанными газетами, весело закричалъ ему:

— Дождальше, наконецъ! Пришла почта-то наша. Заѣдете?

— Куда? На почту?.. Шѣтъ, зачѣмъ же? И ничего не жду.

Тѣмъ не менѣе, почта ему принесла писемъ.

Красновъ только-что пообедалъ, когда отставной солдатъ, служившій ему лаксемъ и поваромъ, принесъ и положилъ конвертъ, передъ нимъ, на письменный столъ, къ которому онъ пришелъ покурить. Онъ сразу уналь духомъ!.. Медлить брать писемъ и, глядя на него, какъ будто видѣть не писемъ, а какого-нибудь сомнительнаго и, вѣроятно, не безопаснаго гада, размышлялъ: „Ну! какую еще каверзу моей дуры-судьбы найду я въ этомъ конвертѣ?.. Большому горю, кажется, ужъ не

откуда страстишь? Все пережито!.. А ужъ, навѣрное, не безъ того!.. Навѣрное, кака-нибудь загвоздка да скрыта въ писемѣ. Ужъ только не знаю, что?.. Неужели супругѣ что-нибудь понадобилось?“

И, медленно закуривъ наипроску, дѣвичій углубился въ кресло: пуская вверхъ голубыя струйки дыма, окрашенные лучомъ ярко-красной вечерней зари, загнувшейся въ блиставшее писемъ оконце, онъ весь погрузился подъ гнетомъ не столько соображеній объ этомъ еще нераспечатанномъ писемѣ, какъ подъ волной воспоминаній о прошлыхъ писемъ, имъ здѣсь полученныхъ, и вообще о своемъ тяжкомъ прошломъ,—обидномъ не столько непрерывными бѣдами, сколько дикою, дѣльной ихъ несообразностью.

Всего обиднѣе ему, этому человѣку самыхъ скромныхъ, непритязательныхъ вкусовъ, было сознаніе, какъ много онъ терпѣлъ въ ранней молодости, въ пустыхъ мечтаніяхъ и гонѣхъ за развѣнкой. Какъ онъ страстно мечталъ о богатствѣ,—не для себя, а для близкихъ, любимыхъ имъ людей; какъ надѣялся то на выгодныя предпріятія, то на свои дарованія и таланты, и какъ всѣ его надежды, расчеты и стремленія разлетались, лопаясь мильными пузырями!..

Наконецъ ему посчастливилось получить порядочное мѣсто, и онъ бросилъ помыслы о постройкахъ, подродахъ и тому подобнахъ коммерческихъ предпріятійхъ, стовившихъ ему все небольшое наслѣдіе его отца; зато увлекся другимъ,—увлекся пѣніемъ. Онъ воображалъ, что его голосъ скорѣе и вѣрнѣе всякой службы откроетъ ему двери въ золотое будущее.

Онъ тогда былъ полонъ энергіи, силъ и надеждъ и вмѣсто того, чтобы дѣйствовать по начерченной себѣ благоразумной программѣ, слушать усердно и еще усерднѣе учиться пѣнію въ свободныя часы, ради того, чтобы помочь матери, сестрѣ и малолѣтнимъ полу-братьямъ, онъ, „какъ истый эгоистъ“, сдѣлалъ глупость: влюбился и женился на красивой дѣвушкѣ, на пустоголовой вѣтреницѣ, вѣрившей, впрочемъ, искренно, что и сама его любитъ.

Влюбленный безъ памяти, онъ всѣ усилія направилъ на изученіе музыки; возлагая всѣ надежды на свой дѣйствительно пререкрасный голосъ, онъ часто позволялъ себѣ negliжировать службой, ради скорѣйшаго достиженія своей золотой цѣли,—возможности совсѣмъ ее бросить для поступленія на сцену.

Такъ онъ мечталъ въ разгарѣ надеждъ, въ увѣренности, что любить не менѣе, чѣмъ любить самъ, что передъ нимъ блестящая, счастливая будущность!.. И вотъ, мечтая такимъ образомъ, онъ, въ одинъ памятный день, въ развѣздахъ по служебнымъ дѣламъ, позабылъ гдѣ-то, самъ не зная гдѣ, портфель съ очень важными документами.

Потерявъ такимъ нелѣпнымъ образомъ, вмѣстѣ съ утраченными портфелемъ, довѣріе начальства, Павелъ Андриянычъ въ самомъ непродолжительномъ времени лишился и мѣста!.. А, лишившисъ службы въ Рождество, растерялся, заматался, просудился и, серьезно заболѣвъ на масленой, едва оправился къ святой. Жизнь и здоровье вернулись, но голосъ пропалъ!..

Побѣдствовалъ болѣе года, онъ переѣхалъ въ провинцію, на неказистое мѣсто, съ очень небольшимъ содержаніемъ. Хорошенькая жена не выдержала всѣхъ этихъ мытарствъ!.. Не то, чтобы она совсѣмъ не любила мужа,—нѣтъ,—она была добра! Она очень его жалѣла, но себя все же любила и жалѣла больше; тѣмъ болѣе, что, совершенно переставъ ему довѣрять, Манечка очень боялась, что ей и ея двухлѣтней дочкѣ—„придется съ этимъ бѣднымъ полоумнымъ совсѣмъ съ голоду помереть!..“

Ничего, поэтому, не было удивительнаго въ томъ, что она послушалась добрыхъ людей: „не оттолкнула своего счастья“!.. Она выѣхала съ мужемъ изъ Петербурга, какъ добрая жена, но отѣхала не далеко: съ первыхъ остановокъ Красновъ, возвратившисъ съ площадки, гдѣ онъ курить, не нашелъ ни жены, ни ребенка на ихъ мѣстахъ, въ неприглядномъ вагонѣ третьяго класса. Онъ исчезли, но не безслѣдно,—одинъ изъ пассажировъ указалъ ему обязательно на оставленную на сѣткѣ записку. Въ ней онъ прочелъ, что посылки его будутъ напрасны; а потому, чтобы онъ продолжалъ лучше спокойной своей путь,—а она его извѣститъ, со временемъ, о себѣ и дочери. И точно извѣстила, просилъ его дать ей разводъ,—не отнимать у нихъ обоихъ счастья,—такъ какъ она нашла человѣка, любящаго ее горячо, готового на ней жениться и обезпечить ее на всю жизнь.

Вотъ, когда бѣдныя отдали бы поль-жизни за возможность разбогатѣть,—взять назадъ, если не погибшее счастье, если не вернуть эту безсердечную бабенку, которой видимо „обезпечить“ было важнѣе любви, нужите человѣка, то свою дочь, свою родную, маленькую Маню, ради которой онъ готовъ былъ на все!.. Но что онъ могъ?..

Онъ написалъ въ Петербургъ, откуда пришло писемъ жены; просилъ одного пріятеля, которому довѣрялъ вполнѣ, разузнать и извѣстить его. Пріятель написалъ, что она не знала: что

Въ маскарадъ. „Паяць“. Ориг. рис. Ст. Грохольскаго, грав. Брендамуръ.

Въ маскардѣ. „Коломбина“. Ориг. рис. Ст. Грохольскаго, грав. Брендамуръ.

живутъ онѣ въ холѣ и довольствѣ, и кажется, ихъ покровитель не только богатый, но по-своему честный, любящій человѣкъ, съ которымъ „Марья Петровна совершенно счастлива“...

Красновъ не смелъ себя въ правѣ отымать у жены своей счастья и разлучать ее съ дочерью, для которой самъ ничего не могъ сдѣлать. Разводъ былъ данъ безирекословно, но черезъ того же пріятеля онъ не выпускалъ изъ виду дочери, поручивъ ему поддерживать въ ней увѣренность въ его любви и несданный готовности ее принять и откликнуться, если бы онъ былъ ей нуженъ. Но, вѣроятно, ни нужды, ни охоты обращаться къ отцу, у дѣвочки не было; она никогда ему не писала, а пріятель сообщалъ, что она „очевидно сгбеняется заботами и едва ли не самымъ существованіемъ ей невѣстнаго отца.“

Три первыхъ письма, полученныхъ имъ въ теченіе трехъ же первыхъ лѣтъ водворенія его въ захолустномъ городѣ Блиновѣ, извѣстили его о трехъ смертяхъ: сначала умерла родная сестра его, простудившись, бѣгая по уюкамъ; за ней вскорѣ скончалась и мать. Въ слѣдующемъ году его братъ погибъ въ морѣ, смитый волною.

На погребеніи Краснова остался меньшей братъ, учившійся въ одномъ изъ южныхъ университетовъ; но и тотъ не долго требовалъ его заботъ, не доживъ до совершеннолѣтія. Официальное извѣстіе о его смерти было съчетомъ четвертое траурное извѣстіе, полученное въ теченіе пяти лѣтъ пребыванія его блиновскимъ лѣсничимъ. Не диво, что онъ боялся ивсемъ...

Пятое письмо пришло всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Хотя онъ почти не зналъ умершаго лица, но его неожиданная смерть ему была всекъ тяжелѣй. Онъ получилъ письмо изъ рукъ самого почтмейстера у него на вечерѣ. Хозяйка дома была на время отвлечена отъ карточного стола приходомъ почты и усадилъ за себя Краснова, а вернувшись, изъ рукъ въ руки передалъ тому письму, оказавшееся на его имя. Ни за что не сдѣлать бы этого добродушный почтмейстеръ, если бы могъ предвидѣть, что чтеніе лишитъ его молодежь кадрили, которую готовили изъ сыграть добродушный ихъ гость... Лѣсничій, едва взглянувъ на первый его строки, поблѣднѣлъ. Впервые не смогъ онъ совладать со своими личными чувствами и долженъ былъ ускользнуть, ни съ кѣмъ не простившись... Недѣли три послѣ этого никто его не видалъ; онъ нигдѣ не выходилъ изъ боязни разспросовъ; на все разспросы человѣкъ его отвѣчалъ, что барина, молъ, нѣтъ... „въ лѣса уѣхавши“.

Это послѣднее письмо ему возвѣстило смерть его шестнадцатилѣтней дочери, отравившейся, потому что женихъ ей отказалъ, какъ безирядничка...

Мало-по-малу онъ совладалъ съ собою. Только когда вышелъ впервые, его густая стальная грива оказалась свѣтлѣе.

И вотъ снова передъ нимъ лежало письмо.

„Что въ немъ?.. Ужъ и жена не померла ли?.. Нѣтъ, зачѣмъ же? Она счастлива, не отъ него зависитъ ея счастье и благополучіе... Она въ пору отъ него оторвала свою судьбу и, вѣроятно, будетъ долго благоденствовать за этотъ подвигъ благодарности!..—возникли въ немъ юмористическія предположенія... Ну!.. надо же, однако, покончить съ этимъ малодушнымъ ребячествомъ.“

Онъ взялъ конвертъ, оглядѣлъ адресъ, убѣдился, что надпись сдѣлана рукою того же пріятеля, почти единственнаго его корреспондента, и медленно распечаталъ, развернулъ листокъ, написанный крупнымъ и четкимъ почеркомъ.

„Дорогой товарищъ, если не ошибаюсь, кажется я могу сообщить тебѣ радостную вѣсть.“

„Радостную?!“ — Павелъ Андрианъчъ даже протеръ глаза, прежде чѣмъ снова обратился къ чтенію... Да! Онъ не ошибся: „радостную вѣсть“, — продолжалъ онъ читать. „Знаю твою разсѣянность, я имѣю право думать, что ты самъ не спохватился, пожалуй, забываешь справляться—такъ что я первый возвѣщу тебѣ великое событіе. Если ты не продалъ билетъ, которымъ я въ прошедшемъ году уплатилъ тебѣ мой старый долгъ.“

Въ глазахъ Краснова зарыбило... Отъ непроизвольныхъ усилій мозга заранѣе отгадать, въ чемъ дѣло, онъ на нѣсколько секундъ утратилъ пониманіе читаемаго. Соображеніе вернулось не сразу. Не малымъ усиленіемъ воли онъ заставилъ себя сосредоточиться и представить себѣ ясно сообщаемый въ письмѣ фактъ.

Дочитавъ письмо, онъ отперъ одинъ изъ ящиковъ стола, досталъ портфель и вынулъ изъ него билетъ государственнаго займа; сравнивъ его съ приложенной къ письму газетной вырѣзкой и убѣдившись въ вѣрности сообщенія пріятеля, Красновъ глубоко задумался, опустивъ голову на руку, и вдругъ разразился беззвучнымъ, невеселымъ, но неудержимымъ смѣхомъ.

Солдатъ, вошедшій въ кабинетъ, ему очень удивился. Онъ пришелъ доложить, что отъ воинскаго начальника пришелъ депишкъ, просить барина на-вечеръ, — безъ Павла Андрианъча-де, винтъ не составляется.

— Хорошо... Скажи—приду. Дашь мнѣ сюртукъ, — сказали баринъ.

Переодѣваясь, лѣсничій снова поразилъ своего служителя громкимъ восклицаніемъ:

— Ну, да! Это по крайней мѣрѣ послѣдовательно: безъ этого финала фарса не была бы закончена!

По дорогѣ въ гости Красновъ раскинулъ своимъ смѣхомъ нѣсколькихъ встрѣчныхъ. Онъ проходилъ, не замѣчая, что его сторонятся и оборачиваются на него съ изумленіемъ.

Почтенный староста соборный, возвращавшійся отъ вечерни, даже остановилъ его вопросомъ, услышавъ безпрічинный смѣхъ въ отвѣтъ на свой поклонъ:

— Батюшка! Что это вы? Все ли въ своемъ здоровьицѣ, сударь?

И покачалъ ему вѣдѣть головой съ соболѣзнованіемъ.

Разумѣется, и на вечерѣ у воинскаго начальника всекъ бросилось въ глаза возбужденное состояніе Краснова. За винтомъ онъ велъ себя всекъ не тѣмъ спокойнымъ, осторожнымъ игрокомъ, какимъ былъ донны. Онъ былъ такъ невнимателенъ и разсѣянъ, что то и дѣло „подводилъ“ партнеровъ. То смѣялся безъ всякаго повода, то вдругъ задумывался такъ глубоко, что его приходилось словно отъ сна будить.

Нѣсколько разъ хозяйка дома, исправникъ и судья, съ нимъ игравшіе, спрашивали, что съ нимъ? Не боленъ ли онъ? Павелъ Андрианъчъ отпѣкивался, старался играть внимательно и быть спокойнымъ, но никакъ не могъ справиться съ собою.

Наконецъ, въ концѣ игры, онъ сдѣлалъ капитальнѣйшую ошибку, вѣдѣствіе которой его vis-à-vis, исправникъ, назначивъ большой шлемъ, остался безъ четырехъ. На вопль законную вѣшину разсерженнаго партнера, Красновъ только залезъ своимъ необычайнымъ, беззвучнымъ смѣхомъ, будто видѣлъ нѣчто крайне комичное, и вдругъ разразился, прервавъ сердитый крикъ его, такимъ тяжелымъ ударомъ кулака по столу, что свѣчи зашатались и чуть не упали.

— Да замолчите вы, ну васъ всекъмъ! — закричалъ онъ, грозно пасуившись. — Чего тамъ проигрыши считать?.. Я одинъ рас- плучусь. Занячу за всекъ — и за себя, и за васъ, за кого угодно... Я вѣдь, все равно, все проигралъ, — то-бишь: я все выигралъ!.. Чего тамъ? Понимаете?..

Никто ничего не понималъ, но оговорившаяся лублика смолкла. Все косилась на лѣсничаго, а ближайшіе сосѣди даже слегка отодвинулись.

— Ну, что?.. Печось вы думаете, что я сошелъ съ ума? — продолжалъ Красновъ. — Нѣтъ, не бойтесь — не сошелъ, хотя мой пальной фатумъ приложилъ къ тому все старанія. Онъ мнѣ преподнеслъ всю жизнь такіе споризмы, что я имѣлъ бы полное право свихнуться... Не вѣрите?.. Такъ и вамъ докажу. Вотъ—извольте слушать, добрые люди. Не поблѣтъ я дѣлится съ вами горестями; но свалившейся на меня „радостью“ — подѣлюсь. Слушайте. Вся жизнь моя была—слошшая неудача, непрерывная вереница случайныхъ обидъ, оскорбленій, неудачъ и бѣдъ! Все онѣ, болѣе или менѣе, на меня валилось изъ-за нужды, изъ-за горькой голытьбы семьи моей. Мать, сестра, меньшіе братья всю жизнь маялись въ бѣдности. Я не имѣлъ средствъ ни имъ, ни себѣ помогать... Теперь они всеъ—слышите?—всеъ до одного перемерли... Да-съ!.. Умерла также и дочь моя,—шесть мѣсяцевъ вотъ, какъ отравилась... И тоже изъ-за денегъ... Изъ-за проклятыхъ денегъ, которыхъ я, отецъ ея, не могъ для нея заработать, — не сумѣлъ ни нагрѣть, ни трудомъ пріобрѣсть; а мужъ ея матери,—жена-то тоже отъ меня сбѣжала потому, извольте видѣть, что не хотѣла со мной, дуракомъ, въ бѣдности жить—такъ вотъ мужъ ея матери своихъ денегъ, при- данаго, котораго требовалъ ея женихъ,—не пожелалъ ей дать. Вотъ она и отравилась... Видите, какъ хороша была моя жизнь. Я бился, я трудился, я дѣлалъ, что могъ, — но ничто мнѣ не удавалось! Теперь же, когда у меня все отнято, когда мнѣ ничего не нужно, когда я только и хочу какъ-нибудь дотянуть свою безполезную ляжку, — теперь на меня сваливается богатство. Ну?.. Какъ же не смѣяться такому балаганному фарсу, господа? Смѣйтесь и вы надъ моей дурацкой судьбой!.. Смѣйтесь, пожалуйста!

Но никто не вторилъ его тяжелому смѣху. Все молчали, глядя въ недоумѣніи, кто съ опасеніемъ, кто съ жалостью, увѣренные въ его безуміи.

— Въ чемъ же заключается ваше богатство? — рикнулъ спросить исправникъ.

Красновъ мгновенно пересталъ смѣяться. Онъ вынулъ изъ кармана только-что полученное письмо, съ клочкомъ газеты, и произнесъ слова, какъ громомъ поразившія всекъ:

— Прочтите... Я выигралъ 75.000!

Эту масленицу долго не забудутъ въ Блиновѣ. Не то чтобы она прошла особенно весело, но ужъ черезчуръ много толковъ, волненій и надеждъ возбудила она, особенно въ домахъ, гдѣ водились барышни-невѣсты... Удивительно, какой интересъ въ домахъ сразу пріобрѣлъ „доблѣйшій, млдѣйшій, благороднѣйшій“ Павелъ Андрианъчъ. Ни о комъ никогда не было за близкими столованіями столько разговоровъ и никому не рачталось столько похвалъ, сожалѣній и сердечныхъ спичатій, какъ этому герою дня.

Онъ сразу сталъ идеаломъ каждой дѣвочки и вдовы во всемъ округѣ.

Но бѣда была въ томъ, что съ первыхъ дней сирой недѣли интереснаго избранника фортуны никакъ не могли онѣ разговорить; а потому его и залучить въ гости стало трудно. Никогда маленькій домикъ лѣсничаго, на окраинѣ города, не

видывалъ такого множества посетителей, глубоко интересовавшихся здоровьемъ его владѣльца; по къ концу масленой его перестали находить дома многочисленные гости и приглашенныя...

Красновъ,—по выраженію его отставнаго служиваго: — „заскучали“. А, скучая, онъ имѣлъ обыкновеніе съ утра почезать, верхомъ или въ легкихъ санкахъ, и возвращаться очень поздно.

Такъ и миновали обильныя яствами масленичныя празднества, безъ участія въ нихъ желаннаго гостя.

На первой недѣлѣ поста разнесся слухъ, что Навель Андрианъчъ говѣеть. Соборный староста объ этомъ сообщилъ своей женѣ, а та почтмейстершѣ, встрѣтившись съ ней въ кривоухинской бакалейной лавкѣ. Немедленно всѣ барышни Блинова прониклись великопостнымъ благоговѣніемъ и усердно начали посѣщать соборныя службы. Въ воскресную обѣдню, послѣ причастія, „дорогому причастнику“ устроили-было пѣдную ованію; но онъ ея избѣжалъ, причастившись въ алтарь и уѣхавъ, не показавшись въ церкви ожидавшимъ его „друзьямъ“.

Только его и видѣли въ Блиновѣ!

Поздравители, устремившіеся за нимъ въ погоню, опоздали. Онъ уѣхалъ куда-то, сказавъ, чтобъ его дозой не ждали раньше слѣдующаго дня. Пришлось почтмейстершѣ самой скушать прекраснѣйшій постный обѣдъ, приготовленный для „дорогого причастника“.

На другой день солдаты, служившія Краснову, рано утромъ приближались къ исправнику съ письмомъ, говоря, что его привезъ полѣсовщикъ на лошади барина. Такъ ему съ вечера приказали Навель Андрианъчъ, говоря, что сами въ лѣсъ, на охоту пойдутъ.

— На охоту, въ лѣсъ?.. Ночью?.. Одинъ?—дивился исправникъ.

Онъ тр-вожно распечаталъ пѣдлинное письмо Краснова и прочелъ:

„Прощайте, почтеннѣйшій Степанъ Ивановичъ. Передайте всѣмъ моимъ добрымъ знакомымъ мой послѣдній привѣтъ и

пожеланіе всѣмъ счастья,—насколько возможно на землѣ этотъ рѣдкій продуктъ человеческой неприязнательной фантазіи. У меня же, хоть никогда я на счастье не рассчитывалъ, по праву имѣть больше силъ терпѣть жестокихъ, а главное — безмысленныхъ поспѣшій судьбы надъ моимъ человеческимъ достоинствомъ! Не могу долѣе, не ронца и не оскорбляя недоумѣлымъ своимъ недоумѣемъ великой премудрости Творца — не могу долѣе ждать, — *предупреждаю неизбежное...*

„Если въ петербургѣ моемъ — грѣхъ, надѣюсь, что милосердіе Божье мнѣ проститъ его. Надѣюсь также, что найду тамъ, куда иду, или полное уничтоженіе, значитъ и полное забвеніе, или же — разрѣшеніе неразрѣшимой здѣсь задачи; разгадку *смысла и необходимости* вереницы страданій, потерь, обмановъ, горестей и бѣдъ, именуемой — *жизнью!*

„Если не все въ мірозданіи безцѣльный, злобный фарсъ, — какинъ была моя жизнь, — то вѣдь ея должно же быть разрѣшеніе вопроса, — *зачѣмъ и родился?..* Иду за отвѣтомъ.

„Мой билетъ государственнаго займа, вмѣстѣ съ завѣщаніемъ, которымъ я отдаю выигранныя мною деньги на школы, больницы и пріюты, я вручилъ на храненіе, сегодня послѣ исповѣди, моему духовнику, благочинному отцу Симеону.

„Прощу вѣрующихъ не забывать меня въ своихъ молитвахъ — на всякій случай.

„Навель Красновъ“.

Тѣло бывшаго блиновскаго лѣсничаго найдено было въ тогъ же день понатыми, въ ближнемъ лѣсу. Пуля, пробившая високъ и зашедшая въ мозгъ, повидимому, сразу и безболѣзненно ввела его въ ту сокровенную область, гдѣ онъ надѣялся найти объясненіе житейскихъ бѣдъ и печалей.

Нашелъ ли онъ его?.. Его глаза, широко открытыя прямо на небо, и торжественное спокойствіе заставшей улыбки, разумѣется, ничего не доказывали.

Дируй на масленой, а про постъ вспоминай.

Сказка.

(Съ силуэтами Д. Фирсовой.)

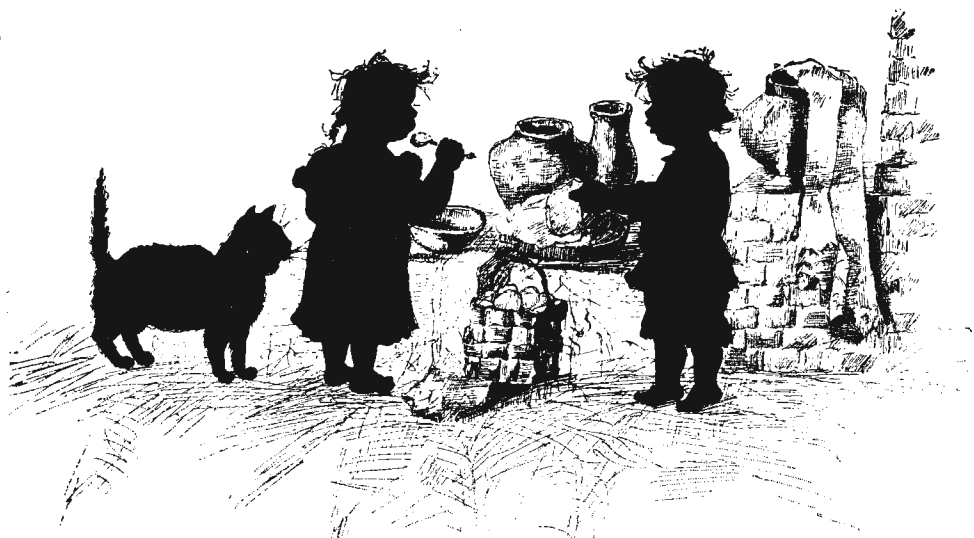
Звалъ боярню честную
Славный дядюшка Семикъ:
«Пріѣзжай ко мнѣ на праздникъ,
Покажи намъ свѣтлый ликъ,
Шею бѣлу, черны брови,
Да сахарныя уста,—
И тесовыя широко
Распахнутся ворота.
Будетъ пиръ у насъ горою..
Пріѣзжай, моя краса,
Перепелочка, мой свѣтикъ,
Темно-руся коса!»
И племянница-бѣлянка,
Тридцати братьевъ сестра,
Выѣзжала въ путь-дорожку
Изъ родимаго двора,—
Выѣзжала молодуха
На козырныхъ на саняхъ
Покататься съ горъ высокихъ,
Поваляться во блинахъ,
Рѣчью сладкой насладиться,

Пораскинуться умомъ
Да потѣшиться душою,
Показать товаръ лицомъ.
Мчится Масленица вихремъ...
Къ ней навстрѣчу самъ Семикъ
Выѣзжаетъ на салазкахъ,
Хоть безъ лапотокъ старикъ,
Бьетъ челомъ ей, въ теремъ вводитъ.
За дубовый столъ она
Съ нимъ садится, и гуляетъ
Чара пѣннаго вина.

Но Маланью-повариху,
Видно, зависть забрала...
И она съ досадой въ кухню
Похваляться начала:
—«Вишь какая объѣдуха
Привалила къ намъ на дворъ!
Захочу—такой же буду
И пойду кататься съ горъ».
И, лукаво усмѣхнувшись,

Подмигнула:—«Эй, малецъ!
Что зѣваешь?.. Одѣвайся,
Да поѣдемъ подъ вѣнецъ!»
Знать, не вѣдала Маланья,
Что на масленой—указъ:
Молодыхъ лишь да красивыхъ
Ставить людямъ напоказъ.
Такъ аль нѣтъ, Маланья наша,
Надъ трубой повороживъ,
Надъ опарой пошептала,
И малецъ—ни мертвъ, ни живъ...
Какъ листочки предъ травой,
Тутъ какъ тутъ—пѣтухъ да котъ,
И дивятся люди диву,
Разѣвая только ротъ.
Что за притча! Не повѣришь!..
Вотъ съ лукошкомъ впереди
(Колдовство!) Пѣтухъ Петровичъ
Выступаетъ позади
Самъ женихъ въ дурацкой шапкѣ,
Въ длинномъ бѣломъ колпакѣ,

За мочалочку опару
Ташить въ кухонномъ горшкѣ;
Котъ же Васька подгоняетъ
И, затаенный въ узду
Съ бубенцами, молодецки
Онъ везетъ сковороду.
Въ ней сидитъ сама Маланья,
А за ней-то—цѣлый хвостъ:
Все блины катятся, скачутъ
Затопить великій постъ...
Покатались, погуляли,
Возвращаются назадъ.
Васька-котъ, хвостомъ виляя,
Похлепать сметанки радъ.
И Маланья-повариха
Ѣсть да Ѣсть себѣ блины
И не вѣдаетъ, не знаетъ,
Что уѣхали наны,
Что боярыню честную
Проводили со двора,

И что ей-то, глупой бабѣ,
Ужъ постить давно пора...
Глядь,—сама ушла опара,
И пропала изъ глазъ малецъ.
Только котъ сидитъ подъ лавкой,
Разобитенный въ конецъ.
На стѣнѣ—грибы сухіе,
На скамейкѣ—рѣдька, лукъ,
Масло постное да рѣпа,
Да картошекъ трое штукъ.
Призадумалась Маланья...
Грибъ—не хлѣбъ! И стыдно ей;
Что завидовала сдуру,
Что гуляла столько дней.

Тутъ и сказочку * кончаемъ...
Постъ— не мостъ: хоть обойдешь,
Да, навѣрно, какъ Маланья,
На посмѣшку попадешь.

В. В. Умановъ-Каллуевскій.

Къ рисункамъ.

Широкая честная масленица, „обѣдуха, деньгамъ приберуха“,—недѣля, излюбленная русскимъ человѣкомъ. Не даромъ ошъ каждый день ея отмѣтилъ особымъ названіемъ: понедѣльникъ—ветрѣча, вторникъ—заигрыши, среда—жакомка, четвергъ—разгулъ, пятница—тещины вечерки, суббота—золовкины посидѣлки, воскресенье—прощенный день. Выйдешь на улицу, и живая волна ликующаго народа сразу поднимаетъ ваши плечи и захватываетъ, увлекая неудержимо впередъ. Кто сѣвшитъ въ гости, кто—подышать свѣжимъ воздухомъ, уже говорящимъ о близкой веснѣ, кто—на балаганы съ ихъ безчисленными развлечениями и потѣхами.

„Эй, господа,
Сюда, сюда!..
Для дѣловыхъ людей и праздныхъ
Есть тѣма у насъ okazji разныхъ!“

Раздастся крикъ неугомоннаго раѣшника. Но эта масленичная картина будетъ неполна, если мы не вспомнимъ о неизмѣнномъ вѣннѣ, этомъ „убогомъ чухонцѣ“, безъ котораго, кажется, и представить себѣ петербургскую масленицу невозможно. Аккуратно одѣтый, съ чистенькими санками, онъ мчитъ во весь духъ, позвякивая бубенцами. И старъ, и младъ, и баринъ, и мастеровой считаютъ своимъ долгомъ хоть разъ покататься на вѣннѣ. Существуютъ любители, которые нажимаютъ лошадей на цѣлый день, вѣйку оставляютъ и ѣдутъ сами большой компаніей куда-нибудь за городъ, въ Озерки, въ Нарголово, на лоно природы. Разумѣется, всѣ эти развлечения мыслимы только въ хорошую свѣжую зиму; въ безвѣжную вѣйку не приѣзжаютъ, и масленица не имѣетъ обычнаго веселаго характера.

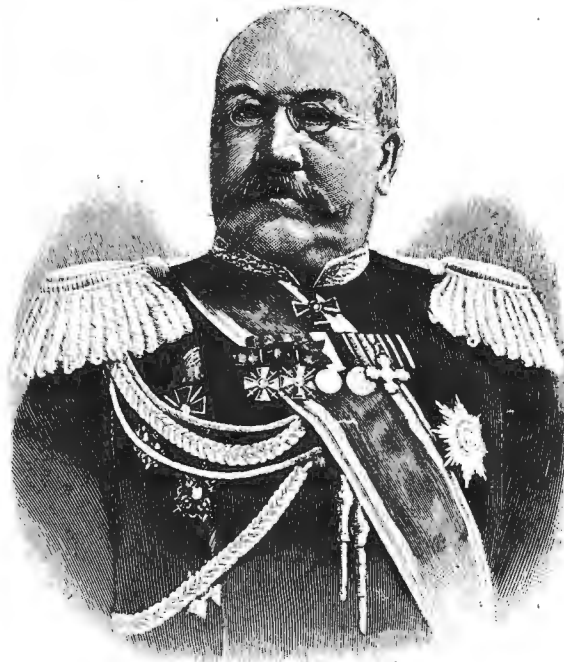
Въ масленичные вечера устраиваются обыкновенно маскарады, которые хотя, по обыкновенію, и далеко уступаютъ западному карнавалу, тѣмъ не менѣе посѣщаются у насъ охотно всѣми классами общества. Рязаніе въ маски появилось въ древней Руси еще въ XII вѣкѣ; настоящіе же маскированные балы были неизвѣстны въ допетровской Руси, и

о нихъ начинаютъ говорить только съ первой половины XVIII вѣка. Въ послѣдніе годы они потеряли прежній характеръ остроумной маскарадной интриги и болѣе сводятся къ пріятному проведению времени въ кружкѣ знакомыхъ. На рисункѣ Шаде прекрасно изображенъ испугъ застигнутой врасплохъ дѣвушки, собравшейся въ маскарадъ и уже почти одѣтой въ костюмъ бабочки. Вѣдная труженица долго работала за машиной,—надо прокормить и себя, и старуху-мать. Онѣ ютятся въ жалкой каморкѣ, кое-какъ перебываются изъ дня въ день. И вотъ, урвавъ свободный вечерокъ, молодая нивея стала приготовляться къ маскараду, гдѣ надѣялась увидѣть нѣсколькихъ подругъ и отвести душу. Смастеривъ дешевенькое платье, она весело заканчивала туалетъ, какъ вдругъ неожиданное посѣщеніе важной заказчицы испортило все ея хорошее настроеніе. Она сознавала, что попалась, такъ какъ заказъ не посильнъ къ означенному сроку, и посѣшила скрыться за шкапъ. Старуха-мать стоитъ ни жива, ни мертва. Хорошо, если барыня не войдетъ и ограничится выговоромъ!.. Судя по ея презрительному взгляду, она полна негодованія и ни за что не проститъ бѣдную швею, въ особенности, если замѣтитъ ея маскарадный костюмъ..

Художникъ Рейхертъ доказалъ, что масленица можетъ быть и для домашнихъ животныхъ. По крайней мѣрѣ, изображенныя имъ собаки, набросившіяся на опару, приготовленную для блиновъ, очень довольны. Неосмотрительность повара или кухарки строго наказана. Ланочки съ аппетитомъ покушаютъ вкусное тѣсто, а ни въ чемъ неповинные господа останутся одинъ день безъ блиновъ. Гости волей-неволей добродушно засмѣются, когда узнаютъ причину неожиданнаго пропешествія..

Часть зданія нынѣшняго Зимняго дворца въ С.-Петербургѣ составляетъ остатокъ прежняго, стараго зданія дворца, современнаго славной эпохѣ Екатерины II; эта часть прилегалъ къ Эрмитажу. Она въ значительной степени перестроена, из-

ифина, подлажена подь общій планъ грандіознаго зданія Зимпала дворца, какъ онъ воздвигнутъ былъ при императорѣ Николаѣ I, послѣ павѣснаго пожара въ концѣ 20-хъ годовъ; перестроенъ съ основанія и Эрмитажъ, обращенный въ обширную картинную галерею (одну изъ богатѣйшихъ въ Европѣ). Но все же отъ временъ Екатерины уцѣлѣлъ небольшой уголокъ того Эрмитажа („Hermitage“ — отъ *Hermite*, пустынникъ, отшельникъ), въ который великая государыня уединялась иногда по вечерамъ, съ тѣснѣйшимъ кружкомъ своихъ приближенныхъ, забывая объ этикетѣ и тягостныхъ обязательствахъ придворной жизни и отношеній... Тамъ чувствовала она себя „какъ дома“; тамъ относилась она къ своимъ гостямъ, какъ остроумная и любезная хозяйка, и удивляла ихъ своимъ изящнымъ, высоко развитымъ пониманіемъ литературы и поэзіи. Здѣсь читалъ Державинъ свои новыя произведенія, здѣсь судили и ридили о новыхъ трудахъ академіи, о новыхъ явленіяхъ въ мірѣ журналистики; здѣсь же на особой сценѣ домашнего театра, сохранившейся и донынѣ, давались драматическіе опыты и комедіи Екатерины и классическія произведенія нестоимого остроумнаго и наблюдательнаго Фон-визана. Рисунокъ, помѣщенный въ настоящемъ номерѣ *Нивы*, составленъ на основаніи старинной гравюры, которая сохранила намъ въ подробности вышнюю обстановку и общій видъ сцены домашнего эрмитажнаго театра, передѣланнаго въ послѣднее десятилетіе. Руководствуясь этой гравюрой, художникъ возстановилъ всю

В. В. Сахаровъ, вновь назначенный начальникъ главнаго штаба.
Съ фот. автотипія „Нивы“.

граціозную обстановку этихъ любопытныхъ спектаклей, на которые допускался только цвѣтъ современной аристократіи, только лично извѣстные императрицѣ придворные съ ихъ семьями и высшіе представители администраціи изъ различныхъ ея вѣдомствъ... Главнымъ центромъ, „душою“ этихъ спектаклей была, конечно, сама Екатерина, эта загадочная „Съверная Семiramida“, какъ звалъ ее Вольтеръ—эта обаятельная женщина, вносившая и въ политику, и въ общественную жизнь чарующія свойства своей богато-одаренной женской природы.

Спектакли въ эрмитажномъ театрѣ давались затѣмъ при Александрѣ I и Николаѣ I; послѣдній же сорокъ съ лишнимъ лѣтъ театръ былъ въ запускѣ. Въ нынѣшнемъ году онъ снова возродился еще съ большимъ блескомъ, чѣмъ при Екатеринѣ. Весь театръ возобновленъ заново, и 16-го января въ немъ снова начались придворные спектакли.

П.

За границею маскарады представляютъ несравненно больше оживленія, чѣмъ у насъ, особенно въ разгульные дни веселаго карнавала, имѣющаго чисто народный характеръ. Тутъ вы встрѣтите всѣ слои общества, объединенные однимъ горячимъ желаніемъ веселиться, забывая повседневную жизнь съ ея будничными заботами и печальми. Въ пестрой толпѣ, блестящей самыми разнообразными костюмами, вы поминутно останавливаетесь, заинтересованные той или другой замаскированной фигурой, и, конечно, не пройдете мимо съ равнодушнымъ видомъ, если вамъ попадется шикарная парочка Паяца и Коломбины. Одинокій паяцъ съ мандолиной у лѣваго плеча долго блуждалъ по освѣщеннымъ заламъ въ своемъ блѣдомъ нарядѣ, какъ вдругъ ему попадается навстрѣчу воздушная, какъ мотылекъ, Коломбина,—вся въ черномъ, съ раскрытымъ вѣтромъ, декольтированная, порхающая по шумнымъ рядамъ съ беззаботнымъ видомъ. Паяцъ съ подведенными бровями и ярко-пунцовыми губами на матово-блѣдномъ лицѣ показается ей забывшимъ, и она остановилась на немъ шаловливо-вопросительный взглядъ. Увы, паяцъ былъ неше ленокъ, чѣмъ знаменитый Арлекинъ, побѣдившій Коломбину! Сказанная имъ шутка сразу обострила отношенія

и встрѣтила ловкій отпоръ. Имъ оставалось разойтись, наружно сохраняя спокойствіе духа. Паяцъ съ осанкой короля комически развелъ руки, растягивая широкие панталоны и изображая резеранса; Коломбина съ ледяной усѣбкой сдѣлала ему кивокъ, приподнявъ коротенькую атласную юбку изящными пальчиками. У нея это вышло такъ естественно, съ такимъ побѣдоноснымъ спокойствіемъ, что у паяца на сердцѣ навѣрно заскребли кошки.

В. В. Сахаровъ.

(Портр. на этой стр.)

Высочайшимъ приказомъ 20-го января т. г. начальникъ штаба войскъ одесскаго военнаго округа ген.-лейт. В. В. Сахаровъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба. Несмотря на свой сравнительно молодой возрастъ, В. В. Сахаровъ давно уже извѣстенъ, какъ выдающийся администраторъ и знатокъ боевого дѣла. Служебный формуляръ его свидѣтельствуетъ о томъ, что В. В. уже много и плодотворно потрудился для развитія военныхъ силъ страны.

Викторъ Викторовичъ Сахаровъ родился въ 1848 г. Первоначальное военное образование онъ получилъ въ 3-мъ военномъ Александровскомъ училищѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1864 году, а девять лѣтъ спустя, уже въ чинѣ поручика, онъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, гдѣ былъ сверстникомъ нынѣшняго управляющаго военнымъ министерствомъ ген.-лейт. А. Н. Куропаткина. Окончивъ курсъ по первому разряду, В. В. отправился въ 1877 году на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ состоялъ около года для по-

ручей при начальникѣ штаба дѣйствующей арміи, а затѣмъ въ некоторое время занималъ должность старшаго адъютанта полевого штаба той же арміи. Во время этой войны В. В. участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій и стычекъ съ неприятелемъ. Такъ, перейдя границу въ качествѣ исправляющаго должность начальника штаба казачьей дивизіи, онъ сперва находился при бомбардировкѣ нашей позиціи у Слободзеи, близъ Журжева. За участіе въ устройствѣ минныхъ загражденій при селѣ Паранонъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ мечами. Перенраву черезъ Дунай капитанъ Сахаровъ совершилъ въ составѣ передоваго отряда, и затѣмъ, находясь въ этомъ отрядѣ подъ начальствомъ нынѣ фельдмаршала І. В. Гурко, принималъ видное участіе какъ въ движеніи этого отряда за Балканы (дѣла при Уфланѣ, Ески-Загрѣ и Джурали), такъ и въ оборонѣ Шипкинскаго перевала. Въ зимнемъ походѣ за Балканы В. В. находился въ отрядѣ генерала Радецкаго, участіи во всѣхъ дѣлахъ и перестрѣлкахъ. Наградами за эти боевыя отличія В. В. были чинъ подполковника и ордена св. Анны 3 ст. съ мечами, св. Станислава 2 ст. съ мечами, св. Анны 2 ст. съ мечами и св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ. По окончаніи войны В. В. Сахаровъ былъ назначенъ состоять для порученій при штабѣ гвардейскаго корпуса, а затѣмъ—штабъ-офицеромъ для особыхъ порученій при командующемъ войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа и пробылъ въ этой должности до 1884 г., т.-е. до назначенія его на должность начальника штаба 2 гвардейской кавалерійской дивизіи; въ 1889 г. онъ былъ назначенъ завѣдывающимъ мобилизационною частью главнаго управленія казачьихъ войскъ, а черезъ годъ—помощникомъ начальника штаба варшавскаго военнаго округа; вслѣдствіе проведенія въ генераль-майора. Въ 1892 г. В. В. Сахаровъ былъ назначенъ окружнымъ генералъ-квартирмейстеромъ штаба варшавскаго военнаго округа, а въ 1894 г. назначенъ начальникомъ штаба одесскаго военнаго округа. 6-го декабря 1897 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Е. К. Адасовскій († 23 января 1898 г.).
Съ фот. автотипія „Нивы“.

Мы видим, таким образом, что В. В. Сахаровъ, прежде чѣмъ достигъ своего пылнѣйшаго высокаго и отвѣтственнаго поста, прошелъ всю іерархическую лѣстницу военно-административныхъ должностей и приобрѣлъ надлежащій опытъ и знанія для руководительства всѣми военными силами государства. В. В. намѣренъ продолжать дѣятельность своего предшественника, о чемъ онъ засвидѣтельствовалъ въ своей рѣчи, сказанной 23-го января при представленіи ему чиновъ главнаго штаба: „Государю Императору благоугодно было оказывать мнѣ высокое Свое довѣріе, назначивъ меня на постъ начальника главнаго штаба. Принимая эту должность, я вполне сознаю, какое сложное дѣло и какал серьезная отвѣтственность на меня возлагается. Высокоталантливое руководство незабвеннаго моего предшественника Н. Н. Обручева создало главному штабу репутацію учрежденія безупречнаго и стоящаго на высотѣ своего назначенія. Я буду счастливъ, если мнѣ удастся поддержать эту репутацію, и я рассчитываю, что вы не откажете мнѣ въ вашей помощи, въ вашемъ содѣйствіи для выполненія этой задачи. Ручательствомъ въ томъ, что это не невозможно, служатъ мнѣ блестящія аттестаціи, которыми характеризовали ваши служебныя качества и дѣятельность бывшій начальникъ главнаго штаба. Прошу отнестись ко мнѣ съ довѣріемъ, такъ какъ довѣріе, искренность, правдивость и прямота во взаимныхъ отношеніяхъ служатъ наиблѣжайшимъ залогомъ успѣха всякаго дѣла“.

Е. К. Адасовскій.

(Портр. на стр. 137.)

22-го января скончался генералъ-майоръ Евтихій Константиновичъ Адасовскій.

Въ лицѣ покойнаго наша артиллерія потеряла одного изъ лучшихъ своихъ мастеровъ и руководителей.

Много на Руси хорошихъ офицеровъ, много ихъ ежегодно производится въ генеральское званіе, съ честью несутъ на себѣ это отличіе, добросовѣстно служатъ и, повинаясь законамъ судьбы, ежегодно же переходятъ въ лучший міръ, оставляя по себѣ болѣе или менѣе замѣтные слѣды, болѣе или менѣе короткія воспоминанія... Стройная машина роста и развитія нашей доблестной арміи—не задерживаясь, не сотрясаясь отъ такихъ естественныхъ потерь,—все идетъ да идетъ впередъ—наши бойцы незамѣтно замѣняются новыми—и слава Богу! Но есть потери тяжелыя, мало или не легко вознаграждаемыя,—особенно въ сложной, спеціальной части этой машины. Такія потери оставляютъ за собой пробѣлы, не легко и не скоро заполняемыя. Можно служить своему дѣлу добросовѣстно, честно, даже полезно, и отнестись къ этому дѣлу хладнокровно, не вкладывая въ него цѣликомъ свою душу и сердце, глядя на него только какъ на путь къ движенію впередъ, къ послѣдовательному, служебному повышенію, но когда человекъ посвящаетъ всю свою жизнь своему дѣлу, когда оно поглощаетъ всѣ его помыслы, когда оно освѣщается фанатическою любовью, переходящею даже въ острый фазисъ страсти, тогда передъ глазами зрителя развертывается картина иного, высшаго порядка, честная, добросовѣстная служба сливается со всѣми движеніями души работника, отражаетъ въ себѣ всѣ его внутреннія, духовныя качества и свойства, получаетъ его личный индивидуальный характеръ, становится живымъ дѣломъ, приносящимъ исключительную живую же пользу.

Къ числу именно такихъ исключительныхъ дѣателей принадлежалъ покойный, одухотворенный любовью мастеръ нашего артиллерійскаго дѣла.

Онъ умеръ еще въ сравнительно молодомъ, для своего положенія, возрастѣ, на пятьдесятъ второмъ году жизни, когда всѣ въ правѣ были ожидать еще очень многого отъ покойнаго, но и то, что имъ сдѣлано, заслужило уже горячее, искреннее русское спасибо!

Со школьной скамьи Адасовскій посвятилъ себя артиллерійскому дѣлу, не мѣняя до могилы своего бархатнаго чернаго воротника. Въ черные же годы своей офицерской службы—скромнымъ армейскимъ подпоручикомъ—прибылъ онъ въ Петербургъ, куда его всѣмъ сердцемъ тиснула надежда попасть въ артиллерійскую академію. Онъ и попалъ туда, въ это высшее училище, ставшее для него священнымъ храмомъ любимаго дѣла.

Блестательно окончивъ курсъ, онъ, какъ первый по экзамену, получилъ право перейти въ гвардію, гдѣ и прошелъ всю служебную лѣстницу—до генеральскаго чина.

Быстро и замѣтно выдвинулся онъ въ средѣ своихъ товарищей и скоро занялъ между ними выдающееся положеніе. Тогда наша артиллерія быстро шла по пути своего развитія,—новыя

требованія, новыя условія родили и новыя изобрѣтенія и приспособленія. Артиллерійская техника росла и развивалась не только съ каждымъ годомъ, но съ каждымъ днемъ, и надо было зорко слѣдить за ея ростомъ, чтобы не оставаться позади другихъ, а стараться даже перегнать успѣхи этихъ *другихъ*. *Пушкарское дѣло* выходило уже изъ сравнительно узкихъ рамокъ ремесла, вступало въ широкую область науки. Покойный офицеръ и посвятилъ этому росту всю свою жизнь, всю свою душу. Въ средѣ своихъ товарищей онъ явился истиннымъ столпователемъ и комментаторомъ каждой новости, всего того, что вносило въ артиллерію новыя залюги успѣха и развитія.

Онъ зорко и пронизательно слѣдилъ за ростомъ науки, вѣрнымъ глазомъ отбѣивалъ груды новаго матеріала,—опытнымъ рукою разбирался въ этихъ грудкахъ, сразу отгадывая то, что имѣло, или могло имѣть будущность.

Служба въ строю не мѣшала ему въ его научныхъ занятіяхъ, не отвлекала его отъ кабинетныхъ работъ.—Его исключительная дѣятельность давно уже была замѣчена, и, наконецъ, ему дали широкое поле для этой дѣятельности, назначивъ завѣдывать артиллерійскимъ полигономъ гвардейскаго корпуса—этою высшею кафедрою примѣненія теоретическихъ открытій къ боевой практикѣ.

Во время послѣдней турецкой войны, батарея, въ которой находился Адасовскій, обстрѣливалась въ Балканахъ господствующи по мѣстности позиціи турокъ, подъ Арабъ-Конакомъ. Одна изъ вражескихъ гранатъ разорвалась въ нашей амбразурѣ, подбивъ орудіе и разметавъ его прислугу. Адасовскій, къ счастью, остался живъ, его только завалило обвалившеюся частью сѣткового бруствера, но этотъ кажущійся счастливымъ исходъ—имѣлъ, какъ оказалось, роковыя послѣдствія.

Могучій богатырскій организмъ покойнаго долго боролся съ послѣдствіями контузии, доставившей ему, между прочимъ, не мало страданій. Ошибочное дѣченіе—въ которомъ истинная причина страданій была замаскирована явленіями чисто маларійнаго характера—просмотрѣло вовремя суть дѣла, и правдивая помощь запоздала, а когда спохватились, въ чемъ именно дѣло, то оставалось только облегчать эти невыносимыя муки, безъ всякой надежды на ихъ прекращеніе инымъ путемъ, кромѣ смерти.

И то, что покойный носилъ уже смерть, въ себѣ самою, не было для него тайною, не уменьшало его энергіи и любви къ своей излюбленной профессіи, напротивъ вызывало еще болѣе и болѣе энергію.

Евтихій Константиновичъ словно торопился пользоваться немногими оставшимися ему временемъ. За день до смерти онъ еще занялъ былъ какими-то сложными вычисленіями, поражая присутствующихъ друзей и почитателей—ясностью своей мысли, логикою изложенія.

Онъ оставилъ семью, въ лицѣ своей жены и дочери, которыхъ горячо любилъ, убеждая ихъ не скорбѣть, не отчаиваться, перенести потерю съ твердостью духа и покорностью Провидѣнію.

Онъ умеръ, какъ истинный христіанинъ и честный солдатъ, проживъ полвѣка, не имѣя враговъ и завистниковъ, несмотря на свою быструю и блестящую карьеру, на свое исключительное положеніе. Такими были свойства его прямого, открытаго характера, его нравственныхъ нравъ на уваженіе, какъ прямого результата его полезной и плодотворной дѣятельности—и за его гробомъ, величественно поставленнымъ на пущемомъ лафетѣ (особая вопискающая почесть), шла толпа искреннихъ друзей, искренно скорбящихъ о покойномъ другѣ и товарищѣ.

Миръ твоему праху!

Исторія развитія нашей артиллеріи занесетъ на свои страницы многое изъ дѣятельности покойнаго, она отвѣдетъ ей подобающее мѣсто.—Здѣсь же, въ этой короткой статьѣ, и могу только добавить еще разъ: миръ твоему праху, умный, честный русский *пушкаръ*, незабвенный руководитель и наставникъ!

Н. Карзинъ.

Ф. И. Кшесинскій. (Портр. на этой стр.)

8-го февраля текущаго года исполнилось шестьдесятъ лѣтъ артистической дѣятельности Феликса Ивановича Кшесинскаго, заслуженнаго артиста балетной труппы с.-петербургскихъ Императорскихъ театровъ. Болѣе полувѣка, иначе сказать, всю жизнь отдалъ юбиляръ служебному искусству, и до сегодняшняго дня, несмотря на свой почтенный возрастъ, продолжаетъ служить украшеніемъ нашего образцоваго балета, одного изъ лучшихъ во всей Европѣ.

Ф. И. Кшесинскій. По поводу 60-лѣтня артистической дѣятельности. Съ фот. автотипія „Нивы“.

Артистическую карьеру свою Ф. И. начал в Варшавѣ, и провел на варшавской казенной сценѣ пятнадцать лѣтъ. 15-го января 1853 года, т. е. въ послѣдній годъ службы начальника репертуарной части А. М. Геденова, онъ былъ переведенъ въ Петербургъ, на сцену Императорскихъ театровъ, гдѣ и оставался въ теченіе 45 лѣтъ.

Нѣтъ никакой возможности, въ краткой замѣткѣ, перечислить хотя бы только выдающіеся балеты, въ которыхъ онъ танцевалъ, и тѣ роли, которыя ему пришлось за это время исполнить. Мѣнялись балетмейстеры и балерины, мѣнялись начальники, мѣнялись режиссеры и капельмейстеры, но онъ неизмѣнно оставался на своемъ посту и былъ не только несмѣливымъ, но и незаменимымъ.

Въ первые же годы своего перехода на петербургскую сцену, Ф. И. сумѣлъ завоевать расположеніе публики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и занять видное мѣсто въ балетѣ. Поставленные имъ въ 1859 г., въ свой бенефисъ, „Лезгинскіе танцы“, полька „La Rose“ его сочиненія, которую онъ танцевалъ съ Кошевой и, въ особенности, мазурка „La quelle des trois?“ (Петина, Лядова 2-я и Кошева)—имѣли шумный успѣхъ. Мазурка—настоящій конекъ г. Кшесинскаго, и равнаго ему исполнителя этого національнаго танца, за все время пребыванія артиста на сценѣ, не нашлось. Конечно, национальность артиста играла въ этомъ успѣхѣ не послѣднюю роль, но и все другіе славянскіе танцы и славянскія роли всегда удавались артисту, и, конечно, многіе балетоманы помнятъ, съ какой экспрессіей онъ изображалъ въ „Роксанѣ“, красѣ Черногоріи черногорца.

Въ продолженіе своей долгой артистической карьеры Ф. И. танцевалъ съ 33-мя балеринами, начинал съ вѣнской танцовщицы Телла и кончалъ г-жей Кшесинской 2-й, дочерью юбиляра. и г-жей Леняни, занимающей амилу балеринъ въ настоящее время. Онъ былъ партнеромъ знаменитой Тальони, о которой восторженные балетоманы того времени писали, что она „иллюстрируетъ умъ и чувство своей граціей живой, и въ ней натура и искусство соединились межъ собой“. Много лѣтъ спустя, Ф. И. встрѣтилъ въ Парижѣ высохшую, сгорбленную старушку, еле волочившую ноги, и съ большимъ трудомъ узналъ въ ней воздушную фею балета, Тальони. Онъ видѣлъ успѣхъ Фанни Эльслеръ, Карлотты Гриванъ, Феррарисъ, М. С. Петина, Е. П. Соколовой, Е. О. Ваземъ и многихъ другихъ... Въ послѣдніе годы юбиляръ имѣлъ удовольствіе слѣдить за выдающимися успѣхами своей дочери, М. Ф. Кшесинской 2-й, которая быстро выдвинулась и заняла отвѣтственное положеніе балерины на нашей балетной сценѣ. Кроме того, еще одна дочь артиста, Ю. Ф. Кшесинская 1-я, и сынъ его, г. Кшесинскій 2-й, служатъ въ настоящее время на той же сценѣ. Такимъ образомъ Ф. И. является родоначальникомъ цѣлой артистической семьи.

За свою шестидесятилѣтнюю службу юбиляръ получилъ бенефисъ, который состоялся 8-го февраля. Спектакль былъ

составленъ очень интересно: 2-й актъ стариннаго балета „Фаметта“, 3-й актъ „Синей бороды“ и „Привалъ кавалеріи“, одноактный балетъ, въ которомъ бенефициантъ игралъ въ первый разъ, съ присущимъ ему оживленіемъ и вѣдо, роль полковника. Нечего и говорить, что оваціямъ и подвоеніемъ не было конца и что чествовали заслуженнаго артиста не только представители петербургскихъ, но и московскихъ театровъ.

Пожелаемъ же почтенному юбиляру еще долгіе годы украшать нашу сцену и нашъ балетъ своимъ замѣчательнымъ талантомъ.

В. С.

Высочайше утвержденный знакъ для дѣятелей и жертвователей Императорскаго Человѣколюбиваго общества. (Рис. на этой стр.)

По Высочайшему повелѣнію въ истекшемъ году учрежденъ въ вѣдомствѣ Императорскаго Человѣколюбиваго общества, для дѣятелей и жертвователей, особый знакъ. Знакъ этотъ, состоящій изъ инициаловъ Императорскаго Человѣколюбиваго общества, помѣщенныхъ подъ Императорскою короною въ овалѣ изъ дубовыхъ и лавровыхъ листьевъ, перевитыхъ лентою съ текстомъ на ней: „возлюбилъ ближняго, какъ самого себя“,—носитъ на правой сторонѣ груди и установленъ трехъ родовъ: золотой (золоченый)—для лицъ, состоящихъ въ должностяхъ и соответственныхъ званіяхъ не ниже V класса, а также для почетныхъ заведеній и предсѣдателей комитетовъ и др. благотворительныхъ учреждений; серебряный—для всѣхъ остальныхъ должностныхъ лицъ вѣдомства, кроме членовъ-благотворителей и соревнователей, для которыхъ устанавливается бронзовый знакъ.

Высочайше утвержденный знакъ для дѣятелей и жертвователей Императорскаго Человѣколюбиваго общества.

По утвержденнымъ совѣтомъ Человѣколюбиваго общества правиламъ, знаки эти выдаются, по заявленію лицъ вѣдомства названнаго общества, со взиманіемъ слѣдующихъ одновременныхъ взносовъ: за золоченый—200 р., серебряный—100 р. и бронзовый—50 р.; на выданные знаки, имѣющіе на оборотной сторонѣ фамилію лица, получившаго знакъ, установлены особые дипломы. Лица, не принадлежащія къ составу вѣдомства Человѣколюбиваго общества, могутъ поступать въ званіе членовъ-благотворителей съ ежегоднымъ пожертвованіемъ въ пользу общества по 25 рублей, и уже въ силу этого званія—пріобрѣсти бронзовый знакъ. Получившій знакъ пользуется правомъ ношенія его, только пока состоитъ въ вѣдомствѣ Императорскаго Человѣколюбиваго общества; по выѣздѣ же изъ общества, онъ обязывается возвратить выданный знакъ. Заявленія о желаніи имѣть знакъ направляются въ канцелярію совѣта общества (Литейный пр., № 31), чрезъ то учрежденіе, въ которомъ лицо, желающее имѣть знакъ, состоитъ, а членами-благотворителями—непосредственно въ канцелярію общества. Изготовленіе знаковъ всѣхъ трехъ родовъ безъ разрѣшенія канцеляріи воспрещается.

Политическое обозрѣніе.

Критскій вопросъ вызвалъ наконецъ рядъ внушительныхъ официальныхъ заявленій. Сообщеніе нашего правительства уже извѣстно читателямъ. Отвѣчая на запросъ въ палатѣ депутатовъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Ганото сообщилъ 26-го января, что кандидатура королевича Георга благоприятна Франціи, относящейся доброжелательно къ Греціи; добиваясь автономіи Крита, правительство содѣйствуетъ-де сохраненію европейскаго согласія.

Въ германскомъ рейхстагѣ фонъ-Бюловъ заявилъ, 27-го января, что Германія заинтересована лишь въ томъ отношеніи, чтобы Критъ не сдѣлался блокомъ раздора, и не допустить, чтобы ее втянули въ столкновеніе; въ давленіи на Порту по поводу кандидатуры королевича Георга она участія не приметъ ни въ какомъ случаѣ; при диссонансахъ въ концертѣ, она-де молча оставитъ концертный залъ; относительно Греціи Германія руководится желаніемъ сохранить миръ и соблюсти интересы германскихъ кредиторовъ королевства. Противорѣчія съ Россіей не можетъ быть при существованіи „старыхъ“ почетныхъ традицій и многихъ политическихъ интересовъ; антагонизма-де нѣтъ: интересы Германіи и Россіи въ Европѣ видѣ не перекрещиваются, а въ Азіи идутъ параллельно.

Въ Лондонѣ 27-го января состоялось открытіе сессіи англійскаго парламента. Въ тронной рѣчи королева обращаетъ вниманіе членовъ парламента на слѣдующія обстоятельства: отношенія съ прочими державами дружественны; послѣ заключенія греко-турецкаго мирнаго договора, затруженія по нѣкоторымъ пунктамъ въ вопросѣ объ автономіи управленія Крита въ высшей степени заглянули совѣщанія державъ, по—есть надежда на устраненіе препятствія къ ихъ взаимному согласію; намѣреніе махдистовъ двинуть свои силы противъ

египетскихъ войскъ въ Суданѣ вызвало отправку отряда англійскихъ войскъ въ Берберъ съ цѣлью оказать содѣйствіе египетскому хедиву; съ негусомъ заключенъ дружественный и торговый договоръ; возгорѣвшееся на сѣверо-восточной границѣ индійскихъ владѣній возстаніе побудило многія племена нарушить существовавшія обязательства и не только напасть на ближайшіе къ этимъ племенамъ военные посты, но даже произвести набѣгъ на соедѣній племена въ области индійской территоріи; съ цѣлью наказать возставшихъ и обезпечить миръ въ будущемъ, отправлена экспедиція; хотя часть племенъ афридіевъ еще не приняла условій мира, тѣмъ не менѣе операція кампаніи можно считать удачными: мужеству и выносливости какъ британскихъ, такъ и мѣстныхъ войскъ, добровольно предоставленныхъ въ распоряженіе правительства князьями индійскихъ владѣній,—удалось преодолѣть чрезвычайныя трудности; чума въ западной Индіи продолжаетъ вичушъ тревогу; расцѣпываніе на поддержку индійскихъ подданныхъ королевы, правительство приметъ всѣ мѣры противоудѣлствія этому бичу Индіи. Это тронная рѣчь поздравляетъ парламента съ окончаніемъ года во многихъ областяхъ Индіи, за исключеніемъ эддраскаго президентства, а также—и съ тѣмъ, что для земледѣлія и торговли Индіи ожидается годъ благоденствія; государственная сѣмьта на текущій годъ была составлена съ самымъ живымъ стремленіемъ къ экономіи, но при громадныхъ вооруженіяхъ другихъ державъ, долгъ заставляетъ позаботиться объ охранѣ Имперіи, что вызвало превышеніе расходовъ, вотированныхъ за прежніе годы.

На слѣдующій день послѣ открытія сессіи, какъ водится, начались пренія по вопросу объ отвѣтномъ адресѣ парламента. Возражалъ на предъявленныя замѣчанія со стороны многіе

ораторовъ, правительство, общія представитѣли палаты депутатовъ документы по африканскимъ дѣламъ, сообщило, что Англія пришла къ соглашенію съ Россіей и Франціей, относительно заключаемаго Греціей займа. По дѣламъ Дальняго Востока министерство заявило, что въ Портъ-Артурѣ не совершенно Россіей ничего такого, что противорѣчило бы ея договору съ Китаемъ.

Во время преній въ палатѣ лордовъ, маркизъ Салisbury сдѣлалъ слѣдующія важныя сообщенія: правительство привѣтствуетъ предложенную Россіей кандидатуру королевича Георга, какъ средство прекращенія на островѣ Критѣ прискорбнаго положенія; по африканскимъ дѣламъ кабинетъ питаетъ надежду, что Харгумъ будетъ завоеванъ вновь, въ интересахъ Египта; въ Китаѣ Англія никогда не откажется отъ своихъ правъ, посягать на которыя пока никто не намѣревается; по мнѣнію правительства, великій портъ, которымъ Россія полагаетъ пользоваться, какъ исходнымъ пунктомъ,—будетъ вольнымъ портомъ для англійской торговли; подобно же заявленіе относительно Кiao-Шау сдѣлано Германіей.

Слѣды съ напряженнымъ вниманіемъ за событіями на Дальнемъ Востокѣ, англійскіе политическіе кружки не мало заинтересовались также договоромъ съ Абиссиніей, о которомъ подробныхъ свѣдѣній пока не получено. По отзывамъ вліятельныхъ органовъ печати, договоромъ этимъ установлены сферы влія-

ній сторонъ съ значительнымъ исправленіемъ границъ; Англія выговорила себѣ право наиболее благоприятуемой націи, а негусъ Менелликъ обязался, насколько это отъ него будетъ зависеть, не допускать доставки махдистамъ оружія и боевыхъ припасовъ. Хотя до обнародованія текста упомянутого договора трудно судить о важности этого международнаго акта, тѣмъ не менѣе едва ли будетъ преувеличеніемъ признать все болѣе и болѣе возрастающее международное значеніе Абиссиніи, которой, при существующихъ симпатіяхъ къ ней со стороны Россіи и Франціи, суждено вліять на общій ходъ политики великихъ державъ. Такимъ образомъ у верховцевъ Нила появился новый факторъ политической жизни Африки—сильное христіанское государство, и мечты англійскихъ политиковъ объ образованіи сплошной полосы британскихъ владѣній отъ устья Нила до мыса Доброй Надежды становится несбыточными. Въ южной Африкѣ политическія теченія также едва ли могутъ быть пріятны Англіи: въ концѣ прошлаго мѣсяца г. Крюгеръ снова избранъ президентомъ Трансваальской республики и становится въ четвертый разъ во главѣ государства буровъ. Однако либеральная партія, послѣ удаленія отъ дѣлъ Гладстона и за отказомъ лорда Розбери отъ роли вождя, фактически остается пока безъ главы, а это облегчаетъ задачу маркиза Салisbury сохранить въ своихъ рукахъ власть.

СМѢСЬ.

Цѣлебныя свойства спирта. Винный спиртъ оказывается превосходнымъ цѣлебнымъ средствомъ при воспаленіяхъ,—таково позвѣщенное открытіе, сдѣланное въ области хирургіи. Еще годъ тому назадъ нѣкій германскій врачъ, докторъ Зальцведель, обратилъ вниманіе на благоприятные результаты, получаемые при наружномъ пользованіи больныхъ спиртомъ, и теперь отовсюду получаютъ сообщенія, всецѣло подтверждающія высказанное имъ тогда мнѣніе. Оказывается при этомъ, что способъ лѣченія спиртомъ чрезвычайно простъ. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ замѣчается хирургическое воспаленіе, напримѣръ при воспаленіи лимфатическихъ железъ, при нарывахъ и карбункулахъ, очень быстро удается съ помощью спирта остановить воспалительный процессъ. На большое мѣсто накладывается легкій слой смоченной въ спиртѣ тафты, на нее слой сухой обеззараживающей ваты, а поверхъ всего этого—повязка изъ какой-либо непромокаемой ткани съ проколотыми въ ней дырочками. Такую повязку, въ случаѣ необходимости, не трудно устроить простыми домашними средствами. Повязка возобновляется черезъ каждые двадцать четыре часа, и съ ея помощью удается или совершенно уничтожить воспаленіе, или же, въ менѣе благоприятныхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ ограничить его районъ.

Странныя измѣненія въ цвѣтѣ чешуи у нѣкоторыхъ рыбъ, во время сна, удалось недавно наблюдать американскому есте-

ствоспытателю Вериллю. Онъ совершенно неожиданно замѣтилъ однажды, что нѣкоторыя изъ рыбъ въ его аквариумѣ, засыпая на ночь, получаютъ новую окраску чешуи, не схожую съ той, которая всегда замѣчается у нихъ днемъ. Само собою разумѣется, что производить такого рода наблюденія было довольно трудно; изучать окраску рыбъ приходилось обыкновенно въ промежутки времени между полночью и двумя часами утра, причемъ аквариумъ освѣщался газомъ, но настолько слабо, чтобы можно было только видѣть очертанія и окраску рыбъ. При соблюденіи самой строгой осторожности Вериллю удавалось такимъ образомъ наблюдать спящихъ рыбъ, но иногда достаточно было самого слабого колебанія воздуха или водной поверхности, чтобы рыбы тотчасъ же проснулись. У нѣкоторыхъ сортовъ камбаль, имѣющихъ обыкновенно мраморную окраску, естествоиспытатель замѣтилъ, что во снѣ основныя, наиболѣе яркія краски чешуи становятся густо-темными; каракатица во время сна также становится гораздо темнѣе, а пятна на ея тѣлѣ выступаютъ гораздо яснѣе, чѣмъ днемъ. Форель, имѣющая днемъ блестящую серебристую чешую съ легкими темноватыми полосками, ночью становится темно-бронзоваго цвѣта, а полоски—совершенно черными. Однажды форель была разбужена въ аквариумѣ неожиданнымъ прибавленіемъ пламени въ газовомъ рожкѣ и, проснувшись, моментально приняла свою дневную серебристую окраску.

Разныя извѣстія.

— Только теперь, по прошествіи года со времени производства въ Россіи первой всеобщей переписи населенія, явилась возможность получить строго проверенныя данныя о численности населенія Россіи. Изъ только что опубликованныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ данныхъ видно, что общія численность населенія 50 губерній Европейской Россіи равняется 94,215 тыс. человекъ, изъ которыхъ 46,447 тыс. мужчинъ и 47,767 тыс. женщинъ. Въ 10 привислинскихъ губерніяхъ населеніе опредѣлилось въ 9,453 т. человекъ (4,761 т. мужчинъ и 4,691 т. женщинъ). Численность населенія Кавказа равняется 9,238 т. человекъ (4,891 тыс. мужчинъ и 4,347 т. женщинъ). Сибирь заключаетъ въ себѣ населеніе въ 5,727 т. человекъ (2,954 тыс. мужчинъ и 2,772 т. женщинъ). Наконецъ, населеніе Средней Азіи опредѣлилось въ 7,721 т. человекъ, изъ которыхъ 4,158 т. мужчинъ и 3,562 т. женщинъ. Всего 126,366 т., а съ присоединеніемъ русскаго населенія въ Финляндіи, въ заграничномъ плаваніи на военныхъ судахъ, въ Бухарѣ и Хивѣ, общія численности населенія Россіи выразится въ 126,411 т. человекъ, изъ которыхъ 63,253 т. мужчинъ и 63,158 т. женщинъ.

Что касается специально городского населенія, то его оказалось: въ городахъ 50 губерній Европейской Россіи — 11,830 тыс. человекъ; въ городахъ 10 привислинскихъ губерній—2,059 т. человекъ; на Кавказѣ—996 т. человекъ; въ Сибирѣ—462 т. человекъ; въ Средней Азіи—932 т. и въ Бухарѣ—8 т. человекъ. Такимъ образомъ, городское населеніе Россіи равняется 16,289 т. человекъ, т.-е. населеніе городовъ составляетъ около 13 проц. общей численности имперіи. Если же прибавить къ этому еще населеніе посадовъ, мѣстечекъ и другихъ поселеній, носящихъ несомнѣнно городской характеръ, то городское населеніе выразится цифрой не менѣе, чѣмъ въ 20 милліоновъ, т.-е. 16% общей численности населенія.

Въ дополненіе къ этимъ даннымъ приводимъ изъ *Нов. Вр.* интересныя данныя о плотности населенія различныхъ губерній и соотношеніи половъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Изъ 50 губерній Европейской Россіи наиболее густо-населенными являются преимущественно центральныя: Московская губ. (83,2 на 1 кв. версту), за нею слѣдуютъ: Подольская (82,1), Киевская (79,8), Полтавская (3,7),

Курская (58,7), С.-Петербургская (53,8), Тульская (52,4), Харьковская (52,4), Черниговская (50,4), Орловская (50,0), Бессарабская (49,6), Рязанская (49,6), Гродненская (47,7), Волынская (47,7), Тамбовская (46,4), Воронежская (44,0), Херсонская (43,9), Ковенская (43,9), Пензенская (43,6), Калужская (43,4), Виленская (43,2), Могилевская (40,5), Казанская (39,1), Витебская (39,0), Екатеринбургская (37,9), Владимирская (36,7), Симбирская (35,6), Нижегородская (35,5), Ярославская (34,4), Саратовская (32,6), Лифляндская (32,5), Тверская (31,9), Смоленская (31,5), Псковская (29,9), Курляндская (28,3), Таврическая (27,2), Минская (26,9), Зетляндская (23,9), Виетская (22,8), Уфимская (20,7), Самарская (20,2), Костромская (19,4), Область Войска Донскаго (17,8), Новгородская (13,4), Пермская (10,3), Оренбургская (9,7), Астраханская (1,8), Вологодская (3,9), Олонечкая (3,2), Архангельская (0,5). Среди 10 привислинскихъ губерній первое мѣсто по населенности занимаетъ Петровская губ. (150,7), за нею слѣдуютъ: Варшавская (125,8), Кѣлецкая (8,2), Калишская (5,1), Люблинская (77,9), Радомская (75,0), Плоцкая (67,1), Ломжинская (63,2), Сѣдлецкая (61,5) и Сувальская (55,9). Изъ кавказскихъ губерній наиболѣе густо-населенной является Эриванская губ. (34,6), за ней слѣдуютъ: Кутанская (33,5), Тифлисская (26,6), Кубанская (23,5), Бакинская (22,9), Дагестанская (22,4), Елизаветпольская (22,4), Карская (17,9), Ставропольская (16,6), Терская (15,3) и Черноморская (3,4). Въ Сибирѣ первое мѣсто по населенности занимаетъ Томская (2,5), второе — Забайкальская обл. (1,3), третье — Тобольская (1,2), остальные же губерніи и области Сибири имѣютъ населенность отъ 0,1 до 0,8. Въ Средней Азіи наибольшая населенность наблюдается въ Ферганской области (18,9), затѣмъ въ Самаркандской (14,0), С. Дарьинской (3,3), Семирѣченской (3,0), Уральской (2,0), Семипалатинской (1,7), Акмолинской (1,3), Турганской (1,2) и Закаспійской (0,8).

По соотношенію половъ, численный перевѣсъ мужчинъ изъ 50 губерній Европейской Россіи замѣчается въ губерніяхъ: Астраханской, Бессарабской, Волынской, Гродненской, Войска Донскаго, Екатеринбургской, Московской, Подольской, С.-Петербургской, Таврической, Уфимской и Херсонской, т.-е. въ 13 губерніяхъ, въ остальныхъ же 37 губерніяхъ наблюдается обратное явленіе, т.-е. превзышеніе числа

женщинъ надъ мужчинами. Значительный численный перевѣсъ женщинъ наблюдается въ губерніяхъ: Ярославской (на 612 тыс. женщинъ 4,0 тыс. мужчинъ), Тульской (754 тыс.—на 677 тыс.), Тверской (986 тыс.—на 826 тыс.). На Кавказѣ повсюду замѣчается численное преобладаніе мужчинъ надъ женщинами. Въ Сибири численный перевѣсъ женщинъ установленъ лишь относительно Тобольской губерніи. Наконецъ, въ Средней Азіи повсюду мужчинъ болѣе, чѣмъ женщинъ.

— П. С. Крутиковъ, владѣлецъ любительскаго цирка дрессированныхъ лошадей, далъ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго года въ Москвѣ и Петербургѣ нѣсколько представлений съ благотворительною цѣлью, привлекивъ массу публики. Г. Крутиковъ, страстный любитель и знатокъ конскаго спорта, блеснулъ своимъ искусствомъ дрессировки лошадей, выдѣляющихся изумительною красотой формъ и граціозностью движеній. Замѣтимъ при этомъ, что все свои представленія г. Крутиковъ даетъ исключительно съ благотворительною цѣлью, неся на себѣ все расходы по перевозкѣ своего цирка (г. Крутиковъ живетъ въ Киевѣ), содержанія его и устройства спектаклей. Такъ, три представленія въ Москвѣ въ циркѣ Саломонскаго были даны г. Крутиковымъ въ пользу недостаточнѣе воспитанннхъ Елисаветинской женской гимназіи и въ пользу пенсіоннаго капитална кассы взаимопомощи при „Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“. Представленія эти дали чистаго дохода 4,604 руб. Кроме того, г. Крутиковъ далъ въ Петербургѣ передъ Рождествомъ истекшаго года два представленія въ циркѣ Чинизелли, вмѣстѣ съ членами-любителями сиб. атлетическаго общества. Представленія эти, данныя въ пользу „Общества попеченія о больныхъ и бѣдныхъ дѣтяхъ“, принесли дохода около 3,000 руб. Тѣмъ же атлетическимъ обществомъ при участіи цирка г. Крутикова устроены были два представленія и въ нынѣшнемъ году, 13-го и 14-го января, въ манежѣ Михайловскаго дворца, въ пользу ученической столовой при художественно-ремесленныхъ мастерскихъ Императорскаго общества поощренія художествъ.

— 25 января с.-петербургская третья гимназія торжественно праздновала 75-лѣтіе своего существованія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1898 г.

Безъ доставки въ Петербургъ.

5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печниковой, Петровская торговая линія.

6 р. 25 к.

Съ доставкою въ Петербургъ.

6 р. 50 к.

Съ пересылкою за границу. Въ Москвѣ и др. города Россіи 7 р. 10 р.

ЖЕЛАЮ купить хутор или имение с землей, домом, вблизи города, где есть Окружной суд. Адрес: Рига, Церковная, 37, к. 8. А. О. Дарницкой.

Американскія Фисъ-гармоніи
 Имѣются постоянно въ большомъ выборѣ въ слѣдующихъ магазинахъ:
 Въ Москвѣ: у главнаго представителя **И. Ф. Мюллеръ**, Петровка.
 С.-Петербургъ: у **П. Борманъ**, Волосенскій проспектъ.
 Вильнѣ и Новно: у **И. Завадскаго**.
 Ригѣ: у **Э. Цитмана**.
 Невѣ: у **Нертлофъ** и сынъ.
 Харьковѣ: у **А. Гейнце**.
 Полтавѣ: у **Т. В. Малливода** насл.
 Одессѣ: у **Э. Витцмана**.
 Ростовѣ н/Д: у **Л. Г. Адлеръ**.
 Ю. и Я. Н. Гершковичъ.
 Тифлисѣ: у **А. Коппъ**. 6-5

ПАРОВАЯ КРАСИЛЬНЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЧИСТКА
А. ДАНЦИГЕРЪ.

ОСНОВАНА въ 1893 г. въ РИГѢ.
 Малая Конюшенная, № 16, уг. Невскаго.
 Наибольшая фабрика въ этомъ родѣ! Элегантный магазинъ!
НАИЛУЧШЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ!
 Цѣны дешевы и безъ запроса! Иногород. заказъ исполняется скоро. Принимаю въ **ХИМИЧЕСКУЮ ЧИСТКУ** и окраску всевозможныя гардеробныя вещи **„НЕПОРОТЫМИ“**, какого бы рода они ни были, и съ полнымъ ручательствомъ, что старыя пятна не возвращаются, и окрашенныя вещи не пачкаютъ при носкѣ.

ЖЕМЧУГЪ
 ХОРОШІЙ РОВНЫЙ
 ВЪ НИТКАХЪ И ВЪ ВЕЩАХЪ
 ПОКУПАЕТЪ 20-9
 ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ
К. ФАБЕРЖЕ.
 Москва, Кузнецкій мостъ, № 4.

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ
для себя и знакомыхъ
ПОРТМОНЪ
 со штемпелемъ, изъ прекрасной черной оловы, съ 5-ю отдѣленіями, 1 внутреннимъ карманомъ для зноной монеты и однимъ особо закрываемъ для золота. Корпусъ изъ одного куска, съ мех. замкомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для краски. Въ штемпель можно поимѣстить имя, отч., фамилію и званіе, но желанію и корону. Дамскія издѣлія по тѣмъ же цѣнамъ. Изъ тѣхн. божья штука на 40 коп. дороже. Цѣны съ пересылкой; въ Азіатскую же Россію съ прибавленіемъ части въсовыхъ. Налож. платежъ на 10 коп. дороже. Заказы исполняются немедленно по полученіи стоимости или задатка. Трибованія прому адресовать:

Въ контору кож. издѣлій
Ш. Е. ФРИДМАНА
 Варшава, почтовый ящикъ № 511.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучивая въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллины. За двѣ 7 коп. марки высылаю условія и пробное письмо. Одесса, Соборная площадь, д. Павловой, кв. 40. Проф. кат. Э. Кошляричъ.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
„СМІСЬ - ПРЕМЬЕ“.
 Скорость, прочность, удобство. Последнія усовершенствованія.
 Цѣна 250 рублей и 275 рублей.
 Пишущая машина **„КОСМОПОЛИТЬ“.**

Самый красив. шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цѣна 95 р. Полиров. ящикъ въ ней 10 р. Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высылаются бесплатно.
Оптикъ Ф. РИХТЕРЪ.
 С.-Петербургъ Адмиралтейскій просп., № 4.

МАГАЗИНЪ КРАСИЛЬНИ
„МЕНАЖЕ“
 Екатерининскій каналъ, д. № 21, уголъ Невскаго, д. Жуковской.
 Чистка бальныхъ платьевъ, придворныхъ шлейфовъ, кружевъ, перчатокъ, перьевъ, матерій, занавѣсъ, ковровъ, портьеръ и мебели.
ОКРАСКА всевозмож. шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ матерій.
 В. № 10906 Быстрое и аккуратное исполненіе работъ. 2-2
 Цѣны умѣренныя.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1893-й г.
 на самый распространенный въ Россіи музыкальный журналъ **„МУЗЫКА И ПѢНІЕ“** (Изданіе годъ 4-й)
 Для пѣнія, однополоснаго и хороваго, фортепіано и другихъ инструментовъ. Одобренъ Учеб. Ком. при Св. Синодѣ. Одобренъ Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. Рекомендованъ Гл. Упр. воен. уч. зав.
 Журналъ „Музыка и Пѣніе“ выходитъ ежемѣсячно тетрадями по 44 стран. большого нотнаго формата. Годовой экземпляръ составляетъ болѣе 500 страницъ и даетъ подписчикамъ до 200 лучшихъ музыкальныхъ произведеній, стоющихъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ сорокъ рублей. Кроме того, бесплатныя приложенія: 1) Литургія св. Іоанна Златоуста, соч. проф. Юр. Арнольда (исполн. въ соборѣ Алекс.-Невской лавры во вр. архіер. служ.). 2) Нотная грамота. Опытъ самообученія кнѣзю, А. Карасева. Вышелъ № 4-й. Цѣна пробнаго № 50 к., съ перес. 71 к., съ налож. платеж. 81 к. Подробныя объясненія, содержаніе первыхъ годовъ изданія, списокъ премій, каталоги книгъ и нотъ высыл. бесплатно. Подписка принимается въ главной конторѣ: С.-Петербургъ, Садовая, 22, прот. Гостиннаго двора, при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ П. К. Селиверстова. Редакторъ-издатель П. СЕЛИВЕРСТОВЪ.

С.П.Б.ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
„ПОДЪСПАНЬ“ „КАПРИЗЪ НЕВЫ“
„МЮСКЪ“ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА
 СВОИМИ ПРЕКРАСНЫМИ ДОСТОИНСТВАМИ ЗАСЛУЖИЛИ ПОЛНОЕ ОДОБРЕНІЕ СО СТОРОНЫ МНОГОЧИСЛЕННЫХЪ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
 ГЛАВНЫЕ СКЛАДЫ: С. ПЕТЕРБУРГЪ КОЛОМЕНСКАЯ, 12. МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ Д. ШЕРЕМЕТЬЕВА. ВАРШАВА НОВЫЙ СВЪТЪ, 37.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованному способу изготовленія часовъ я имѣю возможность продавать съ 1 января с. г., самыя элегантныя и прочныя **МУЖСКІЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличаеыме, даже спеціалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, механики самой лучшей конструкціи, съ прекрасною цѣпкою, тоже американскаго золота, съ брелкомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, или съ портретомъ, согласно присланной фотографической карточки, въ фото 18 и 20 руб.
только за 10 и 12 руб.
 Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящие золотыя, а въ последнее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе.
 Такіе же **ДАМСКІЕ** дороже на 1 рубль. Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Высылаю вполне выѣренныя часы по полученіи задатка 2 руб., остальное же наложеннымъ платежѣмъ.
А ДРЕСЬ:
Ш. БИТКЕРЪ
 складъ ненеускихъ и американскихъ часовъ въ Варшавѣ, Сенаторская № 27 и Вербовая № 11, противъ Правительственнаго театра.
 Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземпляръ снабженъ пломбою фирмы, утвержденной Департаментомъ торговли и мануфактуръ за № 29593/435.
 Извлеченія изъ аттестаций, полученныхъ мной съ омы:
 Милостивый госудаг **Г. Биткеръ.**
 Убѣдившись въ добротѣ качества исполненія Вашихъ магазиномъ иногородныхъ заказовъ, я отъ всей души приношу вамъ глубокую благодарность за высланные мнѣ въ село Насядку часы накладного золота, такъ какъ прочность высланнаго превзошла мои ожиданія, прому еще выслать часы и т. д.
 Съ почтеніемъ **А. Н. Воронинъ.** 40/х 97 г. Пермь.
 Милостивый госудаг **г. Биткеръ.**
 Нижніе чины вѣрной мнѣ команды, выписавшіе изъ Вашего магазина вещи, очень довольны исполненіемъ заказа и просятъ передать Вамъ глубокую благодарность за полученныя вещи.
 В. М. Начальникъ Нижегородской Конвойной Команды.
 Декабря 11 дня 1897 г. № 612.
 г. Нижегородскій, Иркут. губ.
 Прому принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи. Капитанъ **Ганъ.**
 И множество другихъ. № 10866 4-3

Только что вышла изъ печати и поступаетъ въ продажу новая книга:
ТЕОРИЯ ПОСТАНОВКИ ГОЛОСА
 по методу старой итальянской школы, и примененіе теории къ практическому обученію красивому образованію пѣвческихъ звуковъ. Соч. профессора Юрія Арнольда. Вып. I и II, 40 к., съ перес. 50 к. Складъ изданія: книжно-музыкальный магазинъ П. К. СЕЛИВЕРСТОВА, С.-Петербургъ, Садовая, 22, противъ Гостиннаго двора.

МЕБЕЛЬ
 съ разсрочкою платежа
 дешево продается. Роскошныя буфеты и столовныя. Кабинетъ дубовый, тиснен. кожи. Гостиныя и кабин. краси. дерева съ бронзою „Иакобъ“. Лисьмени. столы, турецкіе диваны, картинъ, будуары и проч. Магаз.
„ПОДДЕРЖАННЫЯ ВЕЩИ“
 Москва, Остоженка, № 42.

НЕОСПОРИМО ВКУСНО И ПОЛЕЗНО
 леченье къ чаю **„СИЛА ЧЪ“**
 и **ПРЕВОСХОДНЫЯ КОФЕ**
 Д. Брайнина
 Ц. № 10949 въ Москвѣ. 6-1
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

КРАСИВО ПИСАТЬ
 (вспомогательскій заочн.) (посредствомъ переноски) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**
 Методъ претворенъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 10900 6-2
 За 2 семипочетныхъ марки высылаются пробное письмо и условія, а за 4 семипочетныхъ марки высыл. пробное письмо и образцы шрифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ: профессору каллиграфіи **Адольфу Коссодо** въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

БРИТВЫ ШВЕДСКІЯ АНГЛІЙСКІЯ
 собственной фабрики, безопасныя Старъ и Спортъ отъ 2 р., 3, 4, 5, 6 до 7 р. Машинки для стрижки волосъ, американскія, предлагають магазинъ стальныя издѣлій **А. Ф. Брабець**
 С.-Петербургъ, Большая Морская, № 40.

ВОЗВРАЩАЮСЯ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ,
 обучаю заочно кройкѣ и шитью по новейшей французской методѣ **«ВОРТА».**
 Плата вперед не взымается. По окончаніи установленн. свидѣтельство. Условія высылаются бесплатно.
 Киевъ, Фундуклевская № 27.
Е. Д. Ашмарина.

7 разъ удостоены первыхъ премій. **СКРИПКИ, ВИОЛОНЧЕЛИ** и пр. неподражаемыя по тону и качеству. (Старин. итальянскіе инструменты въ громадн. выборѣ. **ЦИТРЫ**, всемирно-извѣстныя по своему прекрасному тону и превосходн. работѣ. Въ другіе музыкальные инструм. высылается бесплатно.
Братья ВОЛЬФЪ.
 Фабрика струнныхъ инструментовъ. Нрейцнахъ.

ЮВЕЛИРЪ
В. К. ЭЙБЕНРОТЪ.
 Заготовленъ въ зимнему сезону большой выборъ брилл., золотъ съ драгоцѣн. камнями вещей. Принимаю въ обмѣнъ старое золото и камни на новыя вещи. Заказы исполняются въ собств. мастерской.
ПОКУПАЮ ПО ХОРОШЕЙ ЦѢНѢ
 жемчужныя нитки, изумруды, рубины и брилліанты. 4-3
 Москва, Камергерскій пер., д. Лянозова.

CREME SIMON
(КРЕМЪ СИМОНЪ)
 Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольдъ крема).
Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣють тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствія.
J. Simon, 13, Rue Grange Batelière, Парижъ
 Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. Ц. № 10527 16-13

ЯИЧКИ на ПАСХУ

Покорьтесь прому дать свои заказы заблаговременно, так как многие сорта очень скоро распродаются.

СЕРЕБРЯНЫЯ 84-й пробы:	гладкія	бѣлыя	мал.	45 к.	3 за 1 р.	15 к.	6 за 2 р.	5 к.
			болыя	60 "	3 "	1 " 55 "	6 "	2 " 85 "
		вызолочен.	мал.	50 "	3 "	1 " 25 "	6 "	2 " 25 "
			болыя	70 "	3 "	1 " 70 "	6 "	2 " 29 "

Съ эмальевымъ украшеніемъ или съ Х. В. эмалью. 75 к. 2 за 1 р. 35 к.
Съ гравированными украшеніями, совсѣмъ новыя. 75 " 2 " 1 " 35 "
Съ разными вставленными камнями. 75 " 2 " 1 " 35 "

ПОЛНЫЯ СЕРЕБР. Оспанная тѣсно настоящими жемчугами и бирюзными или другими камнями.
СЪ ЗОЛОТЫМИ УШКАМИ Мал. около 30 камней и жемчуг. 10 р. 75 к.
56-й пробы. Среди. " 40 " 13 " 25 "
Болыя. " 60 " 16 " 50 "

КАМЕННЫЯ:

Тигров. глазъ (коричн.)	75 к.	2 за 1 р.	35 к.	Топазъ золотой	1 р.	75 к.	2 за 3 р.	25 к.
Рубій (красн.)	95 "	2 "	1 " 75 "	" димчат.	1 "	95 "	2 "	3 " 65 "
Кохачій (зелен.)	95 "	2 "	1 " 75 "	Ланісь настоящ.	3 "	95 "	2 "	7 " 45 "
Соколи. (лилов.)	1 р.	5 "	2 " 1 " 85 "	" искусств.	75 "	2 "	1 " 30 "	
Агатъ свѣтлый	80 "	2 "	1 " 45 "	Янсьевъ зеленій	85 "	2 "	1 " 75 "	
" темній	80 "	2 "	1 " 45 "	Сапфиръ	1 "	50 "	2 "	2 " 70 "
Магнитъ искусств.	75 "	2 "	1 " 35 "	Аквамаринъ	75 "	2 "	1 " 25 "	
" настоящ.	75 "	2 "	1 " 35 "	Карнеоль	85 "	2 "	1 " 35 "	
Аметистъ	1 "	35 "	2 " 2 " 55 "	Кальмедонъ	1 "	30 "	2 "	2 " 35 "

ХРУСТАЛЬНЫЯ:

Внутри янчки и хрусталь раскрашены, что очень изыщно. Это новейшее, что имѣется.
Красныя шт. 95 к. 2 за 1 р. 75 к.
Синія " 95 " 2 " 1 " 75 "
Лазурныя или зеленыя 95 коп., 2 шт. за 1 р. 75 к.

ЗОЛОТЫЯ гладкія	Маленькія	1 р.	15 к.	2 за 2 р.	15 к.	Съ превосходн. парижск. брилліантомъ: 3 р. 25 к. 2 за 6 р. 15 к.
	Среднія	1 "	50 "	2 " 2 " 75 "		
	Болынія	2 "	25 "	2 " 4 " 25 "		

Чепанныя съ наст. сапфиромъ и рубиноомъ 4 р. 50 к., съ бирюзой или алмазодиною 3 р. 75 к.
Съ трюфлемъ съ настоиц. сапфиръ, рубинъ, жемчугъ 6 р. 25 к.

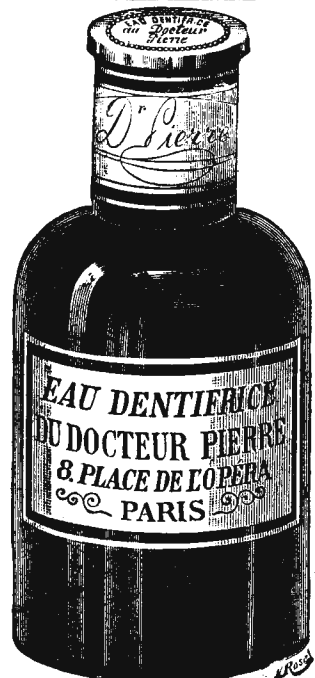
Съ камнями: сапфиръ-дублетъ, рубинъ-дублетъ, смарагдъ-дублетъ, настоиц. бирюза и жемчугъ 2 р. 50 к. 2 за 4 р. 75 к.
Матовыя и полірованныя съ разными камнями, узорами, новыми эффектные рисунки, очень оригинальныя и изыщныя:
Шт. 8 р. 50 к., 9 р. 75 к., 11 р. 50 к., 12 р. 75 к., 14 р. 50 к. и дороже до 35 руб., смотря по величинѣ камней.
Съ бунетомъ „Незабудка“ изъ настоящихъ камней: 5 бирюзъ и жемчугъ 9 р. 75 к. № 16854 2-1

Если при полученіи заказа какой-нибудь № распроданъ, то я замѣню его другимъ подходящимъ въ ту же цѣну, но беру его обратно, если онъ не понравится заказчику. Обратная перес. идетъ тогда уже на мой счетъ.

Перес. налог. платег.
Телегр. исполн. немедленно.

БАВАРЪ МАДРОКЪ С.-петербургъ, Невскій, № 20-31.

Г. заказчиковъ, проживъ дальѣ 2000 в. прому выслать задатокъ.

CÉLÈBRE PAR SES QUALITÉS
en Vente partout

ОТВѢТЬ

на многочисленныя запросы нашихъ покупателей, что имѣемъ ли мы въ продажѣ тотъ **ДРАПЪ** для мужскихъ, дамскихъ и дѣтскихъ верхнихъ вещей изъ чистой верблюжьей шерсти, полныхъ два аршина ширины, натурального сѣва-таго цвѣта, пушистый, теплый, прочный и легкій, цѣною по 1 р. 50 к. за аршинъ.

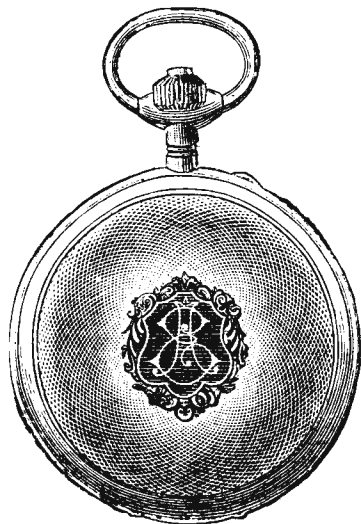
ДА, ИМЪЕМЪ!

и даже сортъ еще улучшили не прибавляя цѣну, и выслаемъ по первому требованію, можно и наложеннымъ платежомъ. Исключительно въ нашемъ фабрично-розничномъ магазинѣ

А. ИВАНОВА,

Москва, Тверская, пассажъ Постникова.

Упаковка на счетъ магазина, пересылка на счетъ покупателя; для Сибири треб. Ц. № 10892 задатокъ не менѣе половины сумы заказа. 2-2

Благодаря большому сбыту и новому усовершенств. способу изготовленія часовъ моего производства, я имѣю возможность продавать съ 1 июля мин. г. самыя элегантныя и прочныя **МУЖСКИЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличаемыя, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструкции (удостоен. серебр. медалью на женской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣлочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, вмѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящея золотыя, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе. Такіе же **ДАМСКІЕ** дорожы на 1 рубль.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ.

Вышлю вполне вывѣренныя часы по полученіи задатка 2 р., остальное же наложеннымъ платежомъ. **АДРЕСЪ:**

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ

Складъ жевевскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.

◆ Множество благодарств. писемъ и отзывомъ. ◆

Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземп. снабженъ пломбою фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. Ц. № 10875 5-3

!!НОВОСТЬ!!

Разрѣшенъ на общихъ основаніяхъ торговли, какъ не содержащій въ составѣ совсѣмъ вредныхъ здоровью веществъ

CRÈME VENUS.

(КРЕМЪ ВЕНЕРЫ).

Есть **НОВОЕ КОСМЕТИЧЕСКОЕ**

изобрѣтеніе.

КРЕМЪ ВЕНЕРЫ замѣняетъ румяна и бѣлизна, вызывая на лицѣ **РУМЯНЕЦЪ, НЕСМЫВАЮЩИЯСЯ И НЕИСЧЕЗАЮЩИИ** отъ пота.

Цѣна банки 1 руб. 50 коп.

ПРОДАЖА ВО ВСѢХЪ АПТЕКАРСКИХЪ И ПАРФЮМЕРНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

РОССІИ.
Главный складъ для Россіи у Торг. Дома С. Ф. Поповой и №. Москва-Петровка. Ц. № 10894 8-3

Способъ употребленія:

Натеревъ лицо Кремьомъ Венеры, оставляютъ кремъ минутъ 2-3, а затѣмъ все смываютъ номнатоной водою съ мыломъ. Послѣ того, на лицѣ появляется превосходный румянецъ, который держится въ продолженіе многихъ часовъ. Это дѣйствіе и составляетъ новостъ, такъ какъ этимъ Кремьомъ Венеры вытѣсняетъ собою доселѣ известныя румяна.

ЗАЙКАНИЕ

Его сущность, причины, предупрежденіе и лѣченіе, популярный очеркъ д-ра **К. К. ЖИЛЕВСКАГО**

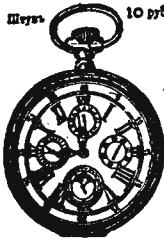
продается въ кн. маг. „Новаго Времени“ и др. Цѣна 1 руб.

Выписывающіе отъ автора (Одесса, Надеждинская, 23) за пересылку не-платять.

Ц. № 10011 15 15

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ,
 САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ въ РИГѢ, симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что каталоги сменаны и пр. на 1898 г. издали и высылаются по требованію бесплатно. Заведеніе существуетъ съ 1816 г. 4-3
 № 10897

Самые лучшіе въ мірѣ часы

Имѣю оригинальные железные часы. Каждая штука точно устроена и испытана. Русскими 3-лѣтней писемной гарантией.

Многія дѣловыя благодарности доказываютъ доброту часовъ.

Цѣны указаны включительно съ пошанной.

Часы изъ янтаря въ черной стали, съ превосходными датингетическими механизмомъ Анкеръ, пѣрфоратъ показывають въ часы, минуты, секунды и въ фазы луны.

Цѣна за штуку 10 рублевъ.

Дамскіе черныя стальные часы съ оксидированной коррозійо-образной брошей прѣвѣснѣйшаго качества. Бѣгутъ съ часомъ футуризмъ.

Цѣна за штуку 10 рублевъ.

Штука 10 рубл.

Всѣмъ оригинальнымъ часамъ Норвичъ Вагнера-Горбала (Norwich Watch-Reform-Stetien-Uhren), которые имѣють видъ настоящего золота, никогда не чернѣють, съ самыми лучшими датингетическими механизмомъ. Цѣна за штуку съ тройной криминой „Реформа“ на дружилахъ 10 рублевъ.

Дамскіе часы нововобрѣтеннаго золота „Реформа“ и тѣмъ же штифтомъ брошей, съ тремя криминой дружилахъ и антигнъ лѣтательскъ механизмомъ.

Цѣна за штуку 12 рубл.

Жилетныя или дамскіе часы изъ золота „Реформа“ съ колесикомъ по 2 руб за штуку

Просимъ обращаться за часовой формой: РИКСЪ, ВѢНА, ПРАТЕРСТРАССЕ №11. RIK, Wien, Praterstrasse №11. Русскимъ пошанной уполномоченъ. Выписка производится за высылку, деньги, или съ высылкой платежнаго. При высылкѣ лѣтальнаго съ 20 р., товаръ высылается бѣзъ оплаты за провозъ въ случаѣ, еслиговодоказаніемъ высылка деньги впередъ (по почте). Съ требованіемъ можно обратиться на русское языкѣ.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ ГУМБЕРЪ
 предлагаетъ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгій ЖЕМЛИЧКА и К^о.
 Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
 Прейсъ-куранти по требованію. 16-4

„Гуниади Яносъ“ представляетъ собою продуктъ природы.

СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТІЕ котораго извѣстно.

Для норм. приема достаточно 1-2 обыкн. стакана.

Просимъ обращать вниманіе на нашу предохранитель. марку портретъ, которая неизменно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей нашей воды.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
 ИСТОЧНИКА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

№ 10415 **ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ** 12-8
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Въ виду громаднаго успѣха, которымъ пользуется пишущая машина „Ремингтона“, какъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ частныхъ сферахъ, въ продажѣ появились **РАЗНЫЯ ПОДДѢЛКИ**, распространяемая подъ названіемъ: „усовершенствованныя Ремингтонъ“, „Новая Ремингтонъ“ и т. п. ц. № 10532 12-10

Какъ единственныя представители завода „Ремингтонъ“ для всей Россіи, считаемъ долгомъ уведомить, что наша гарантія распространяется только на машины, приобрѣтенныя въ нашихъ собственныхъ складахъ или у агентовъ, нами специально уполномоченныхъ.

ВЫСОЧ. утвержд. Товарищество
 Правленіе: Москва.
Отдѣленія:
 С.-Петербургъ, Нievъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ н.Д.

М. Блок

Продается СТАРАЯ СЕРИПКА работы Николая Амати, умершаго около 200 лѣтъ. Адресъ: Херсонъ, Семинарская улица, домъ Телигина, Еленѣ Петровнѣ Брѣловой.

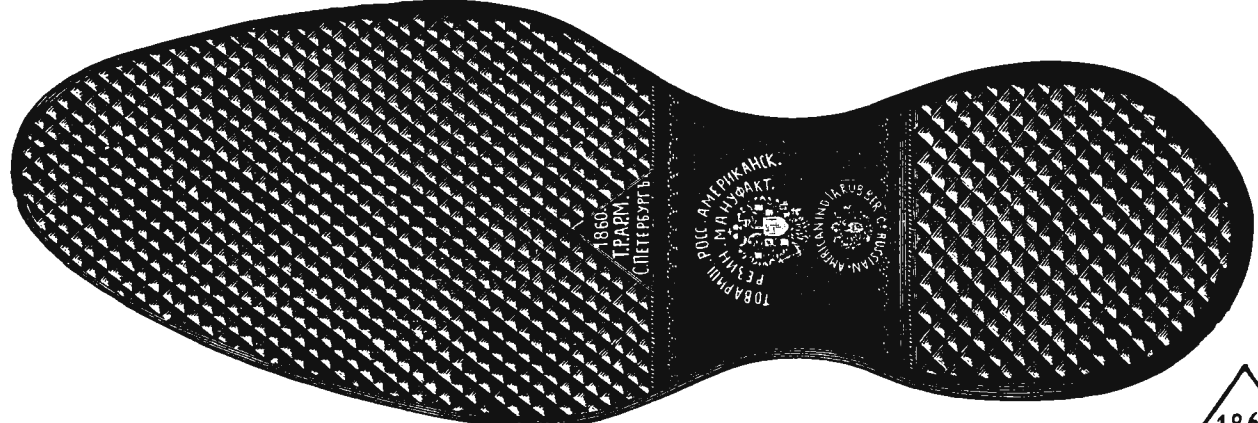
ПЕЧЕНІЕ
ГЕРКУЛЕСЬ
 ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ОВСЯНОЙ КРУПЫ
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
С.СІУиК^о

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

проситъ при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 10545 26-3
 на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

МАГАЗИНЪ

серебряныхъ, золотыхъ и брилліантовыхъ издѣлій

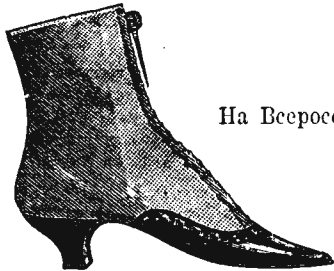
И. И. ОЗЕРИЦКАГО

Москва, Кузнецкій мостъ, пассажъ Солодовникова, ридомъ съ магазиномъ Т-ва Абрикосова С-вей.

Магазинъ имѣетъ большой выборъ серебряныхъ, золотыхъ и брилліантовыхъ вещей новѣйшихъ рисунковъ. Предметы для подарковъ и подношений, столовое серебро по курсовой цѣнѣ. Исполняются всевозможные заказы изъ золота и серебра подъ личнымъ моимъ наблюдениемъ. Принимается въ промѣнъ старое золото и серебро.

W. № 10939 2-1

Иванъ Ивановичъ ОЗЕРИЦКІЙ.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 года удостоенъ вышшаго отличія Государственнаго Герба

Г. ВЕЙСЪ

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 56.

Мужская, дамская и дѣтская ОВУВЪ

В. № 10854 4-3

изъ наилучшаго матеріала, новѣйшаго фасона, удобно сидящая, всегда въ большомъ выборѣ.

Заказы исполняются скоро и аккуратно.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

Можно получать: въ Одесѣ у З. Безпковича и М. І. Кукуркина; въ Ростовѣ н/Д у П. П. Ильина; въ Харьковѣ у И. Прикѣ и С. Я. Токарева; въ Кіевѣ у Насл. А. И. Шабардина и П. А. Гемлаки; въ Саратовѣ у О. С. Бржезинскаго; въ Ялтѣ у М. И. Куншлю; въ Екатерининскій у В. Г. Заморюева; въ Елизаветградѣ у М. Х. Цинна; въ Черниговѣ у Ж. Брукъ.

Прошу остерегаться поддѣлокъ; каждый сапогъ долженъ быть снабженъ штемпелемъ моей фирмы:

НОВОСТЬ!
Цвѣточная вода
ЛЕВКОЙ
ПОСТАВЩИКОВЪ
Высочайшаго Двора
А. Ралле и Ко.
За флаконъ
60 к. и 1 р.

„НЬЮ-ЮРКЪ“
Общество взаимнаго страхования жизни.
НОВАЯ КОМБИНАЦІЯ
страхованія съ ежегоднымъ прогрессивнымъ увеличеніемъ капитала.

Напр., лицо 30-ти лѣтъ заключаетъ страхованіе въ 2000 рубл. съ 20 лѣтъ. платежъ премій съ условіемъ прогрессивнаго увеличенія капитала въ случаѣ смерти въ теченіе 20 лѣтъ и уплачиваетъ ежегодную премію въ р. 85.20 (по тарифу съ возвратомъ премій). Въ случаѣ смерти въ концѣ

2-го года	его наследники	получатъ Р.	2170.40
7-го	" " " "	" "	2596.40
10-го	" " " "	" "	2852.--
15-го	" " " "	" "	3278.--
19-го	" " " "	" "	3618.80

Кромѣ того страхователь ПРИ ЖИЗНИ будетъ получать уже со ВТОРОГО ГОДА ДИВИДЕНДЫ, размѣръ коихъ также ежегодно увеличивается.

Послѣ трехъ лѣтъ полиса Общества становятся ненарушимыми, т. е. въ случаѣ прекращенія платежа премій, вслѣдствіе болѣзни или другихъ причинъ, страхованіе продолжается безъ платежа премій, въ полной первоначальной суммѣ, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ: отъ 2 до 20 и болѣе лѣтъ.

За подробными свѣдѣніями просятъ обращаться: въ Главное управленіе для Россіи, С.-Петербургъ, Малая Морская, 12 или въ мѣстныхъ агентствахъ въ главнѣйшихъ городахъ Россіи. № 10722 5-5

ПАМЯТЬ
лицъ каждаго возр. украситъ лично и лично (въ 10 урокъ) профес. мнемоника С. Файштейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и Ваз. ул., собствен. домъ, № 28. Условія и 2 брош. (въ 64 стр.) высл. за одну 7-ми коп. марку. № 10917 0-2

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ И Ко.
Новость!
ПАРФЮМЕРІЯ
„ШИПРЪ“
Духи
Мыло
Лудра.
№ 10880 3-2

КАРАМЕЛЬ
изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ
„КЕТТИ БОССЪ“
Б. Семадени въ Кіевѣ.
Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп.
Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, С.-Петербургъ, Гороховая ул., 31.
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 12 8

ГЛАВНОЕ
КАТАЛОГЪ
САКАТЫКЪ
МОСКВА
МЕХАНИЧЕСКАЯ
ПРОДАМА ВЕЗДѢ

ВЫИГРЫШ-
НЫЕ 1, 2 и 3 выигрываетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, С.П.Б. 5-5

ТРЕБУЕТЪ ВЕЗДѢ
Русскій виноградный коньякъ
„ИМПЕРІАЛЬ“
съ глобусомъ. 5-5

Остерегаться поддѣлокъ!
ПРОВИЗОРЪ
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОВОЕ МЫЛО
ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ И
ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
№ 50 к. 1/2 к. 30

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ. желтая вода для брюнетокъ
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
дрогистовъ Россіи. № 5121 (111)

ЮГАННИСБЕРГСКІЯ КАБИНЕТНЫЯ ВИНА 10 7
мѣсячно розлива съ оригинальнымъ этикетомъ, печаткою и клеймомъ на пробкѣ отъ 4 1/2 до 40 марокъ за бутылку доставляетъ по утвержденному спической Центральной администраціи преисъ-куранту (исключительно по требованію) Das Fürstl. von Metternich-sche Domäne-Inspectorat, Johannisberg a. Rh.

ЖИЗНЬ

№ 8.

XXXIX г.

1898 г.

Содержание:

ТЕКСТЪ. Тьма непроглядная. Рассказъ изъ гаремной жизни Н. Н. Каразина.—Одинъ день. Рассказъ И. Карпова.—Мюнхенскія покойниця (съ 2 рисунками).—Къ рисункамъ: Исповѣдь.—Сожженіе протопопа Аввакума.—У костра.—Молитва Гретхенъ передъ образомъ Скорбящей Божьей Матери.—Оттонь прощаетъ своего младшаго брата Генриха.—Шведскіе крестьяне на бгвовыхъ саяхъ.—Группа русскихъ писателей.—Эмиль Зола.—Н. С. Васильева.—Паула Шалитъ.—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Разныя извѣстія.—Объявленія.

РИСУНКИ. Исповѣдь. Картина М. Молова.—Сожженіе протопопа Аввакума. Картина П. Е. Мясоедова.—У костра. Ориг. рисунокъ И. Ткаченко.—Гретхенъ предъ образомъ Скорбящей Божьей Матери. Картина Ганса Макарта.—Оттонь Великій прощаетъ своего брата Генриха. Картина А. Зима.—Шведскіе крестьяне на бгвовыхъ саяхъ. Ориг. рисунокъ А. Рихтера.—Мюнхенскія покойниця. Рис. 1. Зданіе новой покойницкой на Западномъ кладбищѣ. Рис. 2. Внутренній видъ покойницкой на Сѣверномъ кладбищѣ.—Группа русскихъ писателей.—Эмиль Зола.—Н. С. Васильева.—Паула Шалитъ.

При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемесячныхъ литературныхъ приложений“ за февраль.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

СКРИПКИ
лучшаго качества:

въ 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.

Стычки для скрипки въ 50 к., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.

Связки струны и другія принадлежности.

Школа Баганца въ 1 р., 2 1/2 и 3 руб.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
С-Петербургъ. Москва.

БУХГАЛТЕРІЯ

Высылаются бесплатно пробныя лекцій-корреспонденціи и условія заочнаго изученія бухгалтеріи по премьер. бол. зол. медалью методу С. Я. Лиленталь. Москва, Вузырки, № 49. Ц. № 10919 10-2

БЕЗПЛАТНО

каталогъ новыхъ любимыхъ салонныхъ наесъ и танцевъ для фортепiano въ 2 руки съ напечатанными началами методій, высылаеть издатель нотъ

ГУСТАВЪ ФОРНЕРЪ
г. Мѣвъ, Крепачикъ, № 33.

ПАМЯТЬ

лицъ кажд. воар. укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 урокъ) профес. мнемоникъ С. Файштейнъ. Одесса, ул. Пушкинск. и Вас. ул., собствен. домъ, № 28. Условія и 2 брош. (въ 64 стр.) высл. за одну 7-ми коп. марку.

№ 10917 20-3

КАРТЬ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.
САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ въ РИГѣ, самъ имѣетъ честь довести до свѣдѣній любителей, что каталогъ сѣмянамъ и пр. на 1898 г. изданъ и высылаются по требованію бесплатно. Заведеніе существуетъ съ 1816 г.

CREME SIMON

(КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольдъ-крема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствія.

J. Simon, 13, Rue Grange Batelière, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

Ц. № 10527 16-14

КРАСИВО И СКОРО ПИСАТЬ
выучиваю каждого заочно въ 8 урокъ. Масса благод. и поч. отв. Пробн. письмо, образцы испр. почерк. учев. и услов. высыл. за 2-7 к. марку Одесса, Дербасъ, д. Ж. Н. № 17. Проф. каллиграфъ Ш. Круну. 4-1

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ П. И. ДАУГУЛЯ

существуетъ съ 1822 года въ г. Юрьевѣ (Дерптѣ), Лифляндскоя г. и высыл. безпла. и франко **КАТАЛОГЪ СѢМЯНАМЪ** огороднымъ, цвѣточнымъ и экономическимъ, 600 сорт. **РОЗАНАМЪ**, грунтовымъ и оранжерейнымъ, Георгинамъ, Гвоздикамъ, цвѣточн. луковичкамъ, воздушн. и тепличн. растен., фруктовымъ и украсительн. **ДЕРЕВАМЪ** и **КУСТАРНИКАМЪ**, клубникамъ, спаржѣ, шампиньон. гнѣздамъ, растительн. гигрометрамъ (предсказыв. перемены погоды въ точности за 24 ч. впередъ, и др.) и пр. съ обозначеніемъ крайн. цѣны.

Изданія **ЛЕОНА ИДИКОВСКАГО** въ Киевѣ:

ЗВІРНИКЪ УКРАИНСЬКИХЪ ПІСЕНЬ
для хору съ аккомпаним. фортепiano уложивъ

А. Н. Артемовскій
3 выпуска, каждый по 50 коп.

ПОЛНЫЙ СВОРНИКЪ 100 малороссійскихъ народныхъ пісень
для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепiano

АНТОНА КОЦИПИНСКАГО
100 пісень въ одномъ томѣ ц. 4 руб. Каждая пісьнь отдѣльно по 20 коп.

ЗВІРНИКЪ УКРАИНСЬКИХЪ ПІСЕНЬ
для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепiano

М. ЛИСЕНКА
2 выпуска по 40 пісень каждый по 2 р. 50 к.

МУЗЫКА до Козаря Т. ШЕВЧЕНКА
№ 10973 М. Лисенка 3-1

1-я серия 13 №№ въ одной тетради ц. 2 р. Подробный каталогъ нотъ изданій Леона Идиковского высылается бесплатно.

НЕОСПОРИМО ВКУСНО И ПОЛЕЗНО
леченіе къ чаю **„СИЛА ЧАЮ“** и **ПРЕВОСХОДНЫЙ КОФЕ**
Д. Браинина въ Москвѣ. 6-2
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

МОЛОЧНАЯ МУКА СТЕМПЛЕ,
приготовленная изъ цѣлебнаго молока альпійскихъ коровъ для вскармливанія грудныхъ дѣтей.

Продается въ аптекахъ и извѣстныхъ аптекарск. магазинахъ.

Прочу почтенную публику приняти къ свѣдѣнію, что я отбѣгаю только за тѣ женщины, которыя снабжены моею подлинн. **Густавъ Стемпле, въ Оберстадтѣ (Ваварскіе Альпы).**

Главная продажа у Генри Кирштена, Адмиралтейскій просп., 8. С.-Петербургъ.

С. М. ЭЛІАШЕВЪ, Москва, Софійка, ЛУБАНСКІЙ ПАССАЖЪ, № 60-61.

*** ЦѢНЫ ВСѢ ДОСТУПНЫ ***

иллюстр. преисъ-ирантъ высыл. по требов. **ВЕЛИЧАЙШІЙ ВЫБОРЪ:**

КРОВАТЕЙ съ изыщ. живописью, англійскихъ, волоочныхъ, никелированныхъ и обыкновенныхъ.

МАТРАЦОВЪ пружинныхъ, проволоочныхъ, волосныхъ и друг.; **КРЕСЕЛЪ** для больныхъ, ваннъ, душъ и шкафовъ купальныхъ.

УМЫВАЛЬНИКОВЪ мраморныхъ и металлич. дѣтскихъ **КОЛЫСЕКЪ** и **ВЕЛОСИПЕДОВЪ**, лѣдниковъ, комнатн. и друг. хозяйствен. вещей.

Единственныя фабричныя складъ издѣлій Варшавск. фабр. Бр. Фрумкиныхъ.

НА ПАСХУ

Тутъ перечисленныя новостіи всѣ очень подходить подарка на Пасху, такъ какъ ихъ можно отлично помѣстить въ ящики. Цѣны за ящики очень не дороги, напримѣръ за:

Красныя деревянныя ящики отъ 10 до 40 к.	Перламутровыя отъ 50 до 85 к.	Дамскія подвязки 95 к.
Металлическія парижскіи 20 „ 35 „	Разныя другія, изящныя рисунки отъ 20 „ 75 к.	Дѣтскія 50 к.
Живая фотографія 6-ть за 1 р 50 к.		Портъ-сигаръ съ писемъ приборъ 90 к.
Перламутр. портмонз 1 „ 35 „		Фитиле-очиститель 75 к.
Гарнитуръ въ 3-и гребенки для модной прически 60 к.		Зеркало-карикатуристъ 40 к.
Карманная Идеаль-чернильница 45 к.		Портъ-визитъ отъ 75 до 1 р. 50 к.
Танцующіе шары 40 к.		Магическое болло для ключей 40 к.
Приборъ съ ичь-лучами 35 к.		Термометръ цвѣточ. 95 к.
Копилекъ съ секретнаго замкомъ 1 р. 35 к.		Игольный боченокъ 45 к.
Кружлая брошка 55 к.		Брошка на память 55 к.
Ножикъ бузодогъ 1 р. 10 к.		Дорожный стаканъ 35, 45 и 60 к.
„ изыщный 2, 3, 4 и 6 р.		Подчасникъ „Лира“ 75 к.
Секретныя чернила 40 к.		Настоящій японскій шелковый носовой платокъ 80 к., 3 за 2 р. 15 к.
Чернильная смерть 75 к.		Французскій гарметръ 3 р. 85 к.
Браслетъ незабудка 95 к.		Американскія нуны изъ матеріи:
Зимокъ для вина 50 к.		Красная шапочка 75 к.
Колецъ въ 10 обьязанъ 90 к.		Африканка 75 к.
20 1 р. 75 к.		Бятаецъ 30 к.
Туалетныя бисквиты, фарфор. фигуры 85, 95, 1 р. 45 к., 1 р. 85 к.		Моисикъ и котенокъ 25 к.
Копилекъ съ живописью 35, 55, 95 к.		Заколдованная шатуна,
9 проволооч. фокусовъ 95 к.		чудный подарокъ 1 р. 90 к.
Копилекъ для золота 50 к.		Парижская лампадна 2 р. 85 к.
Дѣтскій телефонъ 40 к.		Пучокъ ключей съ писемъ приборъ 95 к.
Ужиранищ. теца (шутка) 25 к.		Музыкальный носовой платокъ 35 к.
Переводн. картинки 12, 15, 20 к.		Приборъ для карточнаго стола:
Духи 75 к., 1 р. 45 к.		4 ручки для мѣла, 4 щетки и запасный мѣлъ 1 р. 95 к.
Вальсирующ. нара, волчокъ 75 к.		Больше изыщный 2 р. 70 к.
Копилекъ изнанка для золота 75 к.		Микроскопъ 1 р. —
Цѣпочка для часовъ съ писемъ приборомъ 1 р. 25 к.		Прыжки подтяжки 65 к.
		Портной въ кармапѣ 60 к.

При заказѣ покорѣннѣе прошу писать, надо ли уложитъ подарка въ ящикъ или нѣтъ, а то все высылается безъ ящичъ.

Пересылка наложеннымъ платежемъ. Телеграммы исполняются немедленно.

БАЗАРЪ МАРОКЪ Невскій № 20-31 С.-Петербургъ.

Гг. заказчиковъ прождающъ далѣе 2000 в. прошу высылать задатокъ.

ТОВАРИЩЕС ТВО
„ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * СПБургь.

Резина. * Липолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. **Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.**
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

CÉLÈBRE PAR SES QUALITÉS
 en Vente partout

ГЛАВНЫЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ
С. БУРХАРДЪ, Слѣ.
 Невскій просп. № 6 противъ М. Морской
 Гороховая ул. у Краснаго Моста № 17
 ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ ЛУЧШИХЪ ФА-
 БРИКЪ ЛО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.
 Высылаю наложен. платежемъ. Иллюстр.
 Прейсъ-Куранты бѣзплатно.
 П. № 10835 7—3

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
 для устройства и перестройки
КРАХМАЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ
 В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
 W. H. Uhland, Leipzig.
 Прейсъ-кур. высылаются бесплатно.

TEINTURE
Instantanée
NIGRITINE
 NOIR, CHATAIN, BRUN
GELLÉ FRÈRES
 6, Avenue de l'Opéra, 6
 PARIS

Химическая лабораторія РОССЪ
 С.-Петербургъ, Владимирская, № 7, рекомендуетъ
 лучшее прозрачное глицериновое туалетное мыло
 съ монограммой **„PARIS“**
 Можно получать въ лучшихъ аптекарск. и парфюмерныхъ
 торговляхъ.
 Требуется обязательно моногр. О. Р.
 = Остерегайтесь поддѣлокъ. =
 Цѣна за кусокъ 20 коп.

Только ПРАКТИЧНЫЙ Только
 1 р. и необходимый 1 р.
 каждому
 карманный писменный приборъ.
 Никелированный, механический карманный
 приборъ содержитъ перо и карандашъ,
 каучуков. штемпель съ полнымъ именемъ,
 отъ и фамиліей, по желанію и коронку
 съ краской для печатанія на бумагѣ,
 конверт., визиты, картон., книгахъ и т. д.,
 а также сургучи. печатъ изъ двухъ буквъ.
 Весьма удобно постоянно носить съ собою
 въ карманѣ.
 Цѣна только 1 руб.; 2 шт.—1 р. 80 к.
 3 шт.—2 р. 40 к.
 Пересылка въ Европ. Россію на счетъ
 фабрики, въ Азіатскую—съ прибавленіемъ
 части въсовыхъ.
 Заказы высылаю немедленно по полученіи
 стоимости или задатка. Денги можно при-
 сылать переводомъ по почтѣ.
 Требования прошу адресовать:
 на фабрику штемпелей
І. Д. ЛЕВИНСОНА,
 ВАРШАВА.
 Полезный Магазинъ: Сена- для сеяи и
 подарковъ торская, 30. знакомыхъ

ЕДИНСТВЕННО
 Кладъ **ИВАНА МАТВѢЕВА** въ **БУЗЛУКЪ** Сам-
 г. высылаетъ эфедру траву Кузьмича въ перга-
 ментной бумагѣ, герметически укуоренныхъ ко-
 обкахъ, чѣмъ предохраняется эфедра отъ порчи
 при пересылкѣ ея въ кожаныхъ почтовыхъ сумкахъ.
 1 сортъ борова въ цѣту 5 р. 1 фунтъ.
 2 сортъ борова 3 р. 1 фунтъ.
 съ прилож. подробнаго наставленія.

Большое депо часовъ
НЕВСКІЙ ПР. № 32.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
 ДОМЪ
 КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКВИ
 ПРОТИВЪ ДУМЫ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
 Прейсъ-Кур. Высыл. безпл.

Новыя необход. руководства
 важнѣе дорого стоющіе курсы.
 1) Мнемотехника или искусство ПАМЯТИ 4
 изд. облегчаетъ до минимума запоминаніе
 чиселъ, названій, стихотв., языковъ, картъ,
 шахматъ и пр. ц. 55 коп. съ перес. (м.
 марками). Многочислен. благодарности. 2)
 Бухгалтерія простая и двойная въ 8 дней.
 III изд. Общедоступн. метода. Ц. 45 к. Адресъ:
 Одесса. Н. Д. Слоущу.

ТРЕБУЙТЕ
 для смѣненія
НОЖИЦА ИРУНЪ
 и ОТЪ ЗАГАРА
КРЕМЪ ОРИЗА
 Пр. В. ШМОЛЬ
 Цѣна 20/35к. Продажа вездѣ

ДОМЪ прод., 41 кварт., земли 527 кв. с.,
 доходу ок. 14 т. р. долгу Кред.
 Общ. 105 т., доплаты оконч. 45 т., стройка
 камен.; затратить необход. капиталъ, можно
 передръзать на 100 мѣст. кварт., удобенъ
 О-ству квартирновладѣльцъ. Москва. Болото,
 Фатъевскій п., д. № 2. Спр. приказ. Егора.

За рыбол. выст. 1897 г. удостоено

 СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
 апл. рыболовн. принадлеж.
ГЕНРИ БАРТЕЛЬСЪ
 поставщ. Моск. Общ. Люб. Рыб.
 Издѣств. прейсъ-курантъ многор.
 высылаются бѣзплатно.
 Москва, д. Международн. Банка.

ЮВЕЛИРЪ
В. К. ЭЙКЕНРОТЪ.
 Заготовленъ въ зимнему сезону большой
 выборъ брилл., золот. съ драгоцѣн. кам-
 нями вещей. Принимаю въ обмѣнъ стар-
 ое золото и камни на новыя вещи. За-
 казы исполняются въ собств. мастерской.
 ПОКУПАЮ ПО ХОРОШЕЙ ЦѢНѢ
 жемчужныя нитки, изумруды, рубины
 и брилліанты. 4—4
 Москва, Камергерскій пер., д. Ланозова.

CELESTINS
GRÈS-GRILLE
HOPITAL
VICHY
 SOURCES DE L'ÉTAT
 Avoir soin de désigner la Source.
 П. № 10924 26—2

Жизнь и учение Христа
 соч. д-ра К. Гейки. Перев. свещ. М. Фивей-
 скаго. Ц. 4 р. 50 к. Продается въ извест-
 ныхъ книжныхъ магазинахъ.

БЕЗПЛАТНО ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ
ОБУЧАЮ ЗАОЧНО
КРОЙКЪ и ШИТЬЮ.
 Доступная плата. Условія
 высылаются немедленно.
 Москва, Малая Дворянская, д. Ба-
 зякина.
Е. И. Венедиктовой.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN
 Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
 Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (80)
НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ EDELVEISCHEN
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ
 магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

Испробованъ и найденъ превосходнымъ голландскій
КАКАО ФЛИКЪ.
 Получить можно во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и колониальныхъ торговляхъ.
 Главный представитель для Россіи
Константинъ Гершъ, С.-Петербургъ.
 В. № 10486 15—11

!!НОВОСТЬ!!
 Разрѣшенъ на общихъ основаніяхъ
 торговли, какъ не содержащій въ
 составѣ своихъ вредныхъ здоровью
 веществъ
CRÈME VENUS.
 (КРЕМЪ ВЕНЕРЫ).
 Есть **НОВОЕ КОСМЕТИЧЕСКОЕ**
 изобрѣтеніе.
 КРЕМЪ ВЕНЕРЫ замѣняетъ ру-
 мяна и бѣлизна, вызывая на лицѣ РУ-
 мянецъ, несмывающійся и не-
 исчезающій отъ пота.
 Цѣна банки 1 руб. 50 коп.
 ПРОДАЖА ВО ВСѢХЪ АПТЕКАРСКИХЪ И ПАРФЮМЕРНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
 РОССІИ.
 Главный складъ для Россіи у Торг. Дома С. Ф. Половой и №, Москва -
 Петровка. Ц. № 10894 8—4

Способъ употребленія:
 Натеревъ лицо Кремомъ Венеры, остав-
 ляютъ кремъ минуты 2—3, а затѣмъ
 все смываютъ комнатной водою
 съ мыломъ. Послѣ того, на лицѣ
 появляется превосходный румя-
 нецъ, который держится въ про-
 долженіе многихъ часовъ. Это
 дѣйствіе и составляетъ новостъ, такъ
 какъ этимъ Кремъ Венеры вы-
 тѣсняеть собою доселѣ известныя
 румяна.

XXIX г.

№ 8

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIX

1898

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 21 февраля 1898 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

Безъ доставки въ Петербургѣ.	5 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ пр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р. 25 к.	Съ доставкою въ Петербургѣ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
------------------------------	------------	--	------------	-----------------------------	------------	---	------	---------------	-------

При этомъ № прилагается выпускъ «Ежемѣячн. литерат. приложеній» за февраль 1898 г.

Исповѣдь. Съ картины М. Молова (исключит. право воспроизв. въ гравюрѣ принадл. „Шивѣ“), грав. Пястужкевичъ.

Тьма непроглядная.

Разсказъ изъ гаремной жизни

Н. Н. Каразина.

I.

Въ общей саклѣ, на женской половинѣ дома купца Суффи Казиметова, сидѣли двѣ женщины и разговаривали очень оживленно. то, очевидно, увлекаясь, довольно громко, даже вскрикивая и перебивая другъ друга, то понижая голосъ почти до шопота, причемъ обѣ близливо поглядывали на боковую дверь, завѣшанную тяжелымъ текинскимъ ковромъ.

Несмотря на большую груду раскаленныхъ угольевъ подъ желѣзнымъ таганомъ въ центрѣ помѣщенія, въ саклѣ было холодно, и собесѣдницы плотно кутались въ теплые халаты, накинутые поверхъ головъ, и усердно поджимали подъ свои ноги, обутыя въ мягкія сафьянныя „ичегн“.

На таганѣ кипѣлъ большой чугунный кунганъ съ водою, а немного подалеже отъ огня стояли маленькіе, мѣдныя, гравированныя кунганчики и даже одинъ русскій фарфоровый чайникъ, съ розою на пузатомъ боку; на подносѣ разставлены были зеленыя, плоскія чайныя чашечки китайской фабрикаціи, а поближе къ собесѣдницамъ стоялъ еще одинъ подносъ съ фисташками, миндалемъ и сухимъ кишимшоомъ, — угощеніе довольно скудное. Гостей, очевидно, не ждали, да и сама сакля была не прибрана какъ слѣдуетъ, а въ полномъ домашнемъ беспорядкѣ. Возвышенныя части глинобитнаго пола были устланы простыми войлоками, не покрытыми коврами, какъ подобаетъ, а сами ковры лежали въ тугихъ сверткахъ вдоль стѣнъ, служба пока какъ бы изголовьями; кое-гдѣ были разбросаны халаты и другія части женской одежды, грязныя, выходныя туфли, еще даже не пророхшія съ послѣдней прогулки, камышевыя обручи палецъ со впяленными въ нихъ, начатыми вышивками по сукну, грубо скованныя ножницы, и повсюду обрѣзки канауса и русскаго ситца — слѣды поконченной кройки.

Изъ этой сакли двѣ двери выходили въ открытый дворикъ съ оголенными туловыми деревьями, съ квадратнымъ прудомъ-хаузомъ, полузатынутымъ пленкою грязнаго льда, съ примерзшими къ нему обрѣзками дынныхъ корокъ и пальмы листьями, а вокругъ этого пруда шла крытая галлерей, на точеныхъ столбахъ, ведущая въ другія помѣщенія женской половины. Въ боковой стѣнѣ, кромѣ той подозрительной, занавѣшенной двери, виднѣлась еще дверь пониже, въ которую, не согнувшись, не пройти, особенно взрослому человѣку; дверь эта вела, тоже черезъ другой такой же дворикъ, на общую мужскую половину, а дальше на въѣздной дворъ съ конюшнями, и еще дальше въ сакли подъ крытыми воротами, для гостей неважныхъ и прочихъ постороннихъ, кому дѣло есть до хозяина, а уже за этими саклями прямо къ выходу на узкую, кривую улицу.

Не легко было, значитъ, постороннему человѣку добраться прямымъ ходомъ до женской половины, за которою, за прудомъ, тянулись еще постройки, попроще, для кухни, коровника, мытья и стирки, для всякаго хозяйскаго чернаго дѣла, для дѣтей и женской прислуги... Оттуда, несмотря даже на плотно притворенныя двери, тянуло чаднымъ запахомъ пригорѣлаго сала и купжутаго масла.

Въ саклю, гдѣ сидѣли женщины, свѣтъ пропикалъ только сквозь частый, узорный, гипсовый переплетъ оконекъ, продѣланныхъ вверху, надъ дверями, и слабо боролся съ такимъ же слабымъ, красноватымъ отблескомъ горящихъ углей. Женщины, видно, хорошо приглядѣлись въ полумракѣ другъ къ другу, а если бы кто вошелъ сюда сразу, то, навѣрное, не скоро бы разглядѣлъ эти двѣ темныя, съ головою закутанныя

фигуры, развѣ только, когда распахнется халатъ, пропуская руку за новымъ запасомъ фисташекъ, и блеснутъ искорки ожерелья, да чуть зазвенятъ безчисленныя подвѣски къ нагрудному убору.

Время было зимнее. За полдень давно перевалило. Холодный вѣтеръ завывалъ по-шакальи въ дымовыхъ отдушникахъ и уныло шумѣлъ въ безлиственныхъ кронахъ деревьевъ.

Домъ Суффи Казиметова считался однимъ изъ зажиточныхъ и почтенныхъ домовъ въ городѣ. У хозяина былъ собственный караванъ-сарай на центральномъ базарѣ и, кромѣ того, двѣ лавки съ бумажнымъ товаромъ. Самъ Суффи, въ званіи купца-„савданзръ“ торговалъ русскими ситцами, но въ Россіи не бывалъ еще ни разу. Въ Меккѣ же былъ однажды, въ молодости, еще съ покойнымъ отцомъ, почему сохранилъ наслѣдственно почетное званіе: хаджи. Человѣкъ онъ былъ еще не старый, лѣтъ подъ сорокъ, не болѣе, и женъ имѣлъ четырехъ: одна уже померла, не очень давно, самая первая по порядку, а три и до сихъ поръ живы. Хозяйствомъ всѣмъ и женскою половиною завѣдывала мать покойной, Улькунъ-Курсакъ, баба толстая и строгая, опытная во всѣхъ хозяйскихъ дѣлахъ и зоркая. Къ женамъ старуха относилась довольно безпристрастно. Только къ одной изъ нихъ не лежало у нея сердце; но тутъ были особенныя причины: эта третья, самая младшая, звали ее Эстеръ, быстро заняла въ сердцѣ мужа именно то первое мѣсто, которое прежде занимала ея покойная дочь. Хотя ни въ чемъ неповиновала Эстеръ и не думала пользоваться привилегіей и силой первой фаворитки, а все-таки было какъ-то подозрительно: можетъ-быть, только прикидывается, подлая, такой скромницей, а Богъ вѣсть, что у нея на умѣ, и кто можетъ подслушать, что такое она нашептываетъ мужу съ-глазу-на-глазъ?.. Чего, напримѣръ, хозяйинъ вчера, выходя отъ Эстерки, такъ грозно цыкнулъ на косоглазую Хатычу, когда та, нехотати, подвернулась на самомъ порогѣ?

Кромѣ того, Улькунъ-Курсакъ была ревностная мусульманка и знала шаріатъ чуть не наизусть, въ правилахъ истинной вѣры была строга и не уступчива. Казы, самъ Казы, очень одобрялъ и хвалилъ ее за это, а у той имя даже какъ будто не правоверное, а скорѣе джюгудское, да и обликъ у нея совсѣмъ особенный... Красива очень, что и говорить, залюбуешься невольно, особенно когда мыться станеть, и щеки красить не нужно, сами горять, словно жаръ, такъ и вспыхиваютъ; не чета двумъ остальнымъ, особенно этой косоглазой грязнухѣ Хатычѣ... Разъ даже злая старуха не стерпѣла, дала здороваго толчка *жидовкѣ*, да и сама испугалась... „Ну, подумала, пожалуется, подлая, на мени хозяину!“ А вышло все благополучно: Эстеръ смолчала и не пожаловалась...

Не везло дому только въ одномъ: много уже жены прежнія приносили дѣтей, да все дѣвочекъ, — самое пустое дѣло для богатаго человѣка, а мальчика, желаннаго, радостнаго мальчика ни одного... И вотъ Эстеръ, какъ только вошла въ домъ къ Суффи, такъ съ перваго же раза подарила мужу сына, да какого! Сильнаго, красиваго, съ глазами черными, какъ уголья, и, навѣрное, счастливаго въ будущемъ, потому что все темячко у поворожденнаго было сплошь покрыто черными, шелковистыми волосиками...

Пять мѣсяцевъ уже прошло съ тѣхъ поръ, а городъ и по сіе время не забылъ того праздника, что счастливый отецъ задалъ во славу и здоровье новорожденнаго...

Эстерь тогда получила отъ мужа такой подарокъ, что всю недѣлю женщины сходились любоваться и ахать. Отбою отъ любопытныхъ и завистливыхъ гостей не было.

Все шло хорошо, радостно, и въ домѣ Суффи-Казиметова было весело, какъ вдругъ случилось большое несчастье и все переѣнилось.

И прежде, бывало, болѣли дѣти, умирали даже, но чуть не на другой день это горе проходило, забывалось начисто, даже сами матери не горевали. А тутъ заболѣлъ вдругъ самъ сынокъ Эстерь, да какъ заболѣлъ: сразу, будто кто его сглазилъ, ни съ того, ни съ сего... Горить ребенокъ, мечется, по тѣлцу струны пошли, носикъ заложило, хрипитъ, будто отходить въ иной мѣръ собирается... Какъ громомъ пришибло несчастнаго отца, бѣдная мать словно разумъ потеряла, съ рукъ не спускаетъ больного ребенка. Старуха всѣ домашнія средства въ ходъ пустила: бараньимъ саломъ отъ рыжаго барана больного вымазали сплошь, мулла порошокъ принесъ зеленый ранки присыпать, священный настой какой-то насильно въ горлышко вливали, надъ костромъ дымомъ окуривали, вороного жеребца приводили, чтобъ страждущаго обнюхалъ, въ ноздряхъ щекотали у лошади, чтобъ она фыркала при этомъ... ничего не помогаетъ!.. Все хуже и хуже!

Вотъ съ этой-то минуты и начинается нашъ разсказъ о томъ, что произошло въ домѣ Суффи Казиметова.

II.

— Умереть, умереть, умереть!.. Трехъ дней не прожить—подохнетъ!—проговорила грязнуха Хатыча.

Спина у ней зачесалась отъ чего-то; она хотѣла почесать, да рукою достать не могла и выругалась скверно.

— Ой, ой, бѣда будетъ!..—испуганно зачала головою другая собесѣдница, Сары-Кошма.—Такая бѣда, что и подумать страшно. Всѣмъ худо будетъ, а мнѣ вдвое...

— Почему это—тебѣ вдвое?

— А какъ же? Вѣдь послѣ Эстерки—я къ нему ближе... Эстерку онъ не тронетъ, а я тутъ подъ рукою... Ну, и начнешь съ меня...

— Ишь ты!.. Скажи на милость! „Я подъ рукою“, я первая... Да съ чего ты это выдумала?

— Сама Улькунъ-Курсакъ говорила... Вчера еще мнѣ на кухнѣ, тихонько такъ: „ты, говорить, джанымъ, старайся, хорошенько рядись, зря на глаза не суйся, а все-таки съ глазъ прятаться не надо. Лови хорошую минуту, да и подвертывайся, какъ будто нечаянно... Заговорить ежели о чемъ,—плачь сейчасъ, да не реви, какъ инакъ на базарѣ, а потихоньку всхлипывай, плечами больше подергивай и глаза натирай... Спросить:—„чего ревешь?“—отвѣчай не сразу, а такъ, словно про себя: „Эстерь-джанымъ жалко очень... какая она хороша, красивая, добрая. За что, молю, ей отъ Бога такое наказаніе?“ Все это, говорить, тебѣ потомъ зачтется, потому что если бала (мальчикъ) помретъ и мать его не выдержитъ, сама скоро поколѣетъ, до того времени всю красоту свою, изо-дня-въ-день, спускать начнешь... Ты не гляди, что у нея щеки красныя,—это не кровь, а огонь у ней въ груди горитъ, въ щеки отдастъ. Пожелтѣетъ вся послѣ, исхудаетъ, какъ рыба оглоданная, заваршивѣтъ, какъ овца, да и свалится... Таксыръ больше не женится, такъ при двухъ и останется... Ну, кто же будетъ первая? Не эта же Хатыча ожирѣла!“ Ой, да что же ты щиплешься такъ больно! Вѣдь не я говорю, Улькунъ-Курсакъ говорила... не я! Чего же ты?

— Такъ тебѣ и понасть въ первая? У тебя, вонъ, одна нога короче другой. Не видить, молю, что ли Суффи? Вчера еще улыбнулся, когда ты изъ кухни дворомъ ковыляла... Ну, утка—чистая утка!.. Ты чего, подлая этакая, булавкою, никакъ, колоться вздумала!.. Да я тебѣ!..

— Тише, дура! Это я ненарочно зацѣпила... Ты сама на шинекъ сѣла,—все вертишься!.. Помажешь курдюкомъ на ночь, заживетъ... Курдюкъ объ курдюкъ помогаетъ...

— Ты вотъ — курдюкъ... а что на прошлой недѣлѣ было? А, не знаешь?..

— Не знаю...

— Ну, то-то. А было вотъ что: сидѣла я тамъ, вонъ въ томъ углу, и притворялась, будто не вижу, что Суффи глядитъ,—стала шаровары мѣнять. А шаровары узки, не скоро стянешь... Не то онѣ смались — сѣли, не то сама потолетѣла... Таксыръ взглянулъ, да и сплюнулъ...

— Что же тутъ хорошаго, что сплюнулъ?

— А вотъ что: въ тотъ же день, вечеромъ, когда вернулся съ базара, сунулъ мнѣ тихонько свертокъ, да и говоритъ: Бери и не болтай, главное, Эстерь не дразни... Тутъ, добавилъ, на аршинъ противъ положеннаго больше...

— Чего же подарилъ?

— Канаусу краснаго, да не нашего, простого, а, знаешь, ференчи съ желтыми полосками...

— Что же ты не показала, дрянъ ты этакая, толсто-мордая!

— Чего показывать зря... Мало ли что дарилъ мнѣ таксыръ, всѣмъ не нахвастаешься!.. Зачѣмъ зависть разжигать?..

— Не тебѣ одной, всѣмъ попадаетъ... Вонъ Эстерь такъ все на виду и держитъ, беретъ, а сама какъ будто и не рада... Подчасъ даже будто и не взглянетъ... Ухъ... Какъ бы сдохъ поскорѣе!

— Тише ты, дурица! Услышать—бѣда!

За текинскимъ ковромъ словно вздохнулъ кто-то, да такъ жалобно. Испуганной трусихѣ Хатычѣ показалось даже, что самъ коверъ слегка заколыхался,—да должно-быть, только показалось...

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе... даже фисташки перестали щелкать, попадая въ крашенные зубы...

— А, можетъ, и живъ будетъ! — вздохнула Сары-Кошма.

— Не можетъ этого быть...

— Аллахъ все можетъ... Вонъ казы говорилъ...

— Казы говорилъ, что Аллахъ все можетъ, что самъ захочетъ, а этого онъ не хочетъ, потому и болѣзнь напустилъ такую на ребенка.

— Зачѣмъ же его лѣчатъ? Пускай такъ бы и оставили умирать покойно,—не мѣшали бы волѣ Божьей!..

— Да, поди, оставь! А слышала, что самъ Суффи вчера еще говорилъ нашей вѣдьмѣ? слышала?..

— Говорилъ, что всѣхъ передешу, если не отходите... да это онъ съ горя, да со злости... это ничего!..

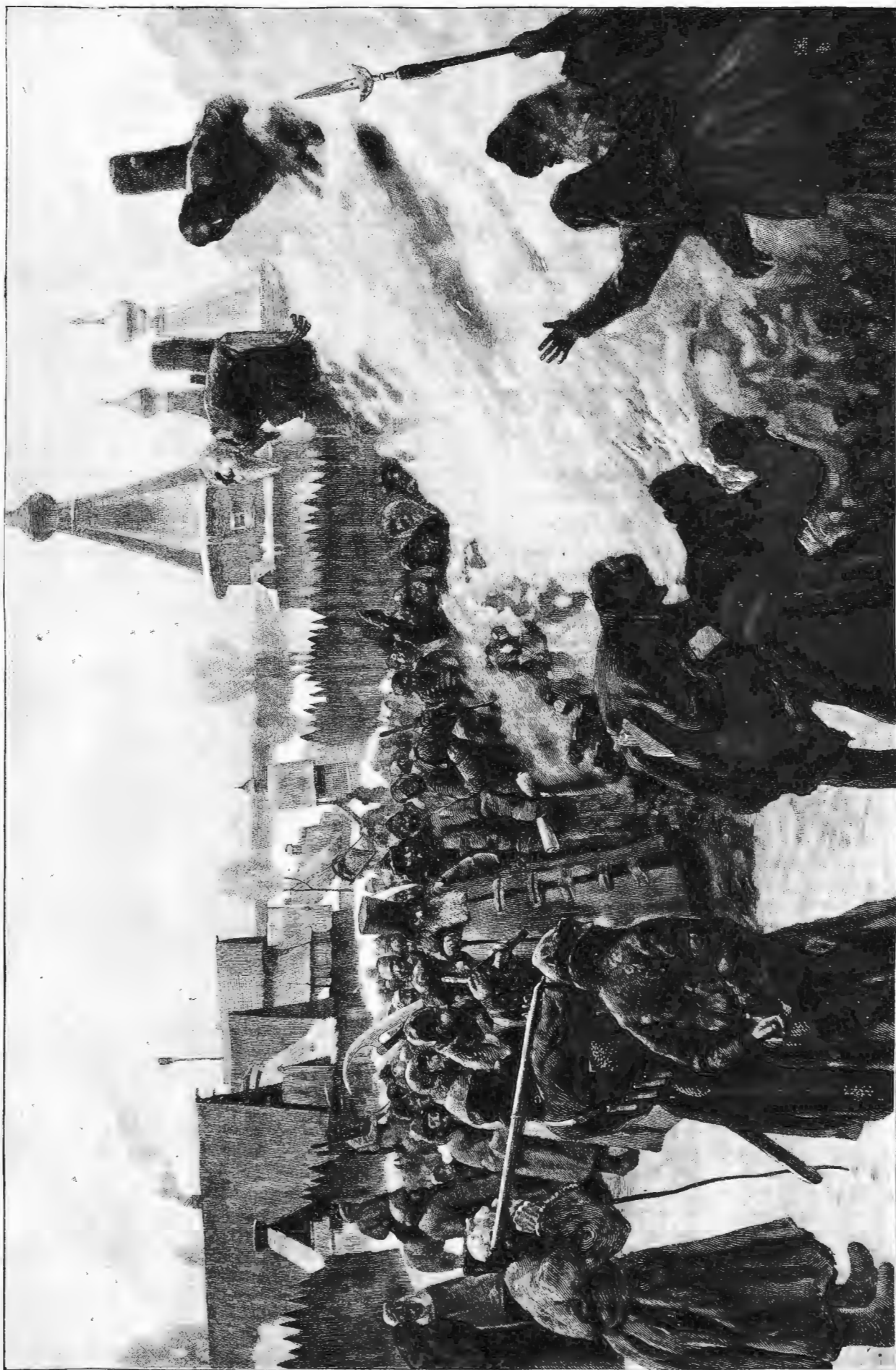
— Говори: „ничего!..“ На нашего Суффи какая управа?! Не на улицѣ, не на базарѣ, у себя на дому... что хочешь, то и сдѣлаешь...

— Вчера было уже совсѣмъ кончатся сталь. Ханымъ говорить: „Эстерь, оставь его въ покоѣ, положи въ уголь, да прикрой съ головою войлокомъ“, а жидовка взяла сына на руки, губами своими ко рту его прижалась, отдышала, небось... опять, дохнулъ раза два и раскрылъ глазенки...

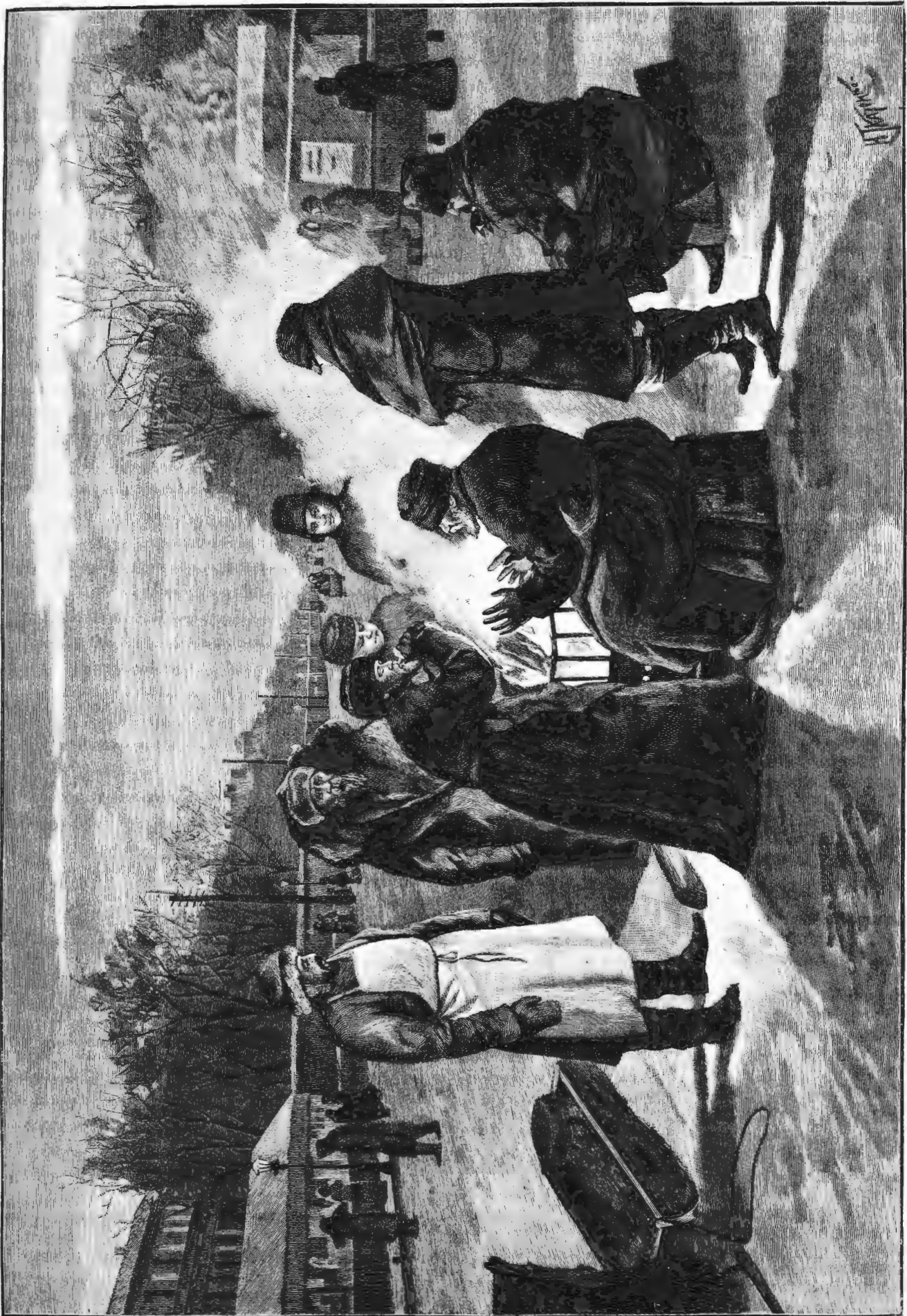
Въ душную саклю ворвалась струя холоднаго воздуха; въ полуотворенную дверь со двора вошла приземистая, слегка согбенная, женская фигура, осторожно переступая высокой порогъ... Со свѣту ей показалось совсѣмъ темно въ саклѣ, а въ рукахъ у нея была миска съ чѣмъ-то горячимъ—вотъ и страшно ей стало въ такой темнотѣ: какъ бы не споткнуться, да не уронить посуду...

Это и была сама Улькунъ-Курсакъ.

— Кто тутъ есть?.. эй!—сердито крикнула старуха, разглядѣвъ, наконецъ, собесѣдницъ. — Это вы, что ли, курицы проклятыя? Что огня не зажжете? Да и зачѣмъ

Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ. Сожженіе протопола Аввакума.
Съ картины П. Е. Мясоедова, грав. Шюблеръ.

У-ностра. Ориг. рис. (собств. „Швыд“) Н. Ткаченко, грав. Б. Цехомскій.

сюда забрались... Ишь, разсѣлись, угощаются!.. Не велѣлъ таксырь здѣсь собираться, велѣлъ сидѣть по своимъ конурамъ... Да что же фонари не зажгли? Этакъ лобъ расшибешь, ногу сломаешь. Зажигай огонь и убирайтесь къ шайтану!

— Зажгу, небось... Поспѣешь!—огрызнулась Хатыча.

Въ саклѣ послышался звукъ, похожій на то, будто кто доскою, плашмя, шлепнулъ по мѣшку съ мукою.

Сары-Кошма захихикала, доставая съ полки коробку со спичками.

— Развѣ можно ногою въ животъ прямо?..—запротестовала Хатыча.—Вы, ханымъ, полегче, осторожнѣй!

— Впотѣмахъ не разберешь. Сами виноваты... Зажирай проворнѣе, не разговаривать много!

Справились, зажгли, и сборная сакля женской половины представилась въ полномъ своемъ видѣ.

— Ахъ ты, Господи!—проговорила ханымъ, поставивъ проворно на полъ миску съ варевомъ, единственно съ цѣлью только выразительно всплеснуть руками.—Да гдѣ это вы? да что это вы?.. Въ коровникѣ, что ли?.. Да если *самъ* вернется, да увидитъ... да если... Убирайте все скорѣе, свиньи, живо! а я пойду къ той, покормить тоже надо... Вы уберете,—идите жрать на кухню...

— Холодно, ханымъ...—запросилась Сары-Кошма.

— Ну, такъ сидите не жравши,—мнѣ все равно!—отрѣзала „сама“, сердито отпихнула ногою полу ковра, согнулась и скрылась въ его складкахъ, вмѣстѣ со своею миской...

Женщины лѣниво принялись за уборку...

III.

За ковромъ была еще маленькая саклюшка, не жилая, такъ что-то въ родѣ кладовки, совсѣмъ безъ оконъ. Это помѣщеніе было силно заставлено коваными супдугами, укладками русской работы, обитыми раскрашенной жестью, съ замками со звономъ, хранилищами одежды и всякой болѣе цѣнной рухляди; въ стѣнахъ, въ безчисленныхъ узорныхъ нишахъ, рядами, разставлены были кунганчики и фарфоровая посуда, маленькія шкатулки съ драгоценными украшениями, пучки душистыхъ травъ и ящички съ разными косметиками. Въ кладовой было душно, преобладалъ тяжелый, приный запахъ мускуса. Въ противоположной стѣнѣ виднѣлась низенькая дверь на двѣ створки, изъ цѣльнаго красиваго орѣха, вся сплошь рѣзная, съ такими хитрыми и замысловатыми узорами, что и не разберешь, что такое вырѣзано... Дверь эта была, должно-быть, не заперта, потому что запахнулась сразу, какъ только старуха пихнула ее ногою: руки у ней вѣдь были заняты,—а запахнулась дверь прямо въ помѣщеніе первой жены Суффи Казиметова,—Эстеръ, и бѣдная джюгудка хоть и слышала, что къ ней идутъ, а все-таки не утерпѣла и вздрогнула, взглянувъ на вошедшую большими, испуганными глазами.

— Здравствуй!—видимо стараясь быть поласковѣе, сказала Улькунъ-Курсакъ.—Ну, что?.. живъ?.. Дышитъ еще, что ли?

— А тебѣ, что же, хочется, чтобы умеръ скорѣе?—прошптала въ отвѣтъ Эстеръ.

Чуть губами пошевелила и слышать нельзя бы было по-настоящему, а старуха разслыхала, сердито поставила чашку на низенькій табуретъ и тоже, чуть слышно, проворчала:

— Змѣя,—не женщина!

Тяжелый, спертый воздухъ въ кладовкѣ, былъ чистымъ раемъ сравнительно съ тѣмъ, что такое было здѣсь... Съ непривычки, съ перваго входа и не продохнуть бы вовсе... Гнилой, трупный запахъ разложения, смѣшанный съ тѣмъ же мускусомъ и розовымъ масломъ, душилъ свѣжаго человѣка, а наши бабы ничего, сидятъ себѣ покойно и будто не чувствуютъ:

Эстеръ въ самомъ углу, у люльки, гдѣ лежалъ больной ребенокъ, а старуха въ другомъ углу, противоположномъ, присѣла на корточки, оперлась локтями о колѣни, а кулаками въ жирный, двухъярусный подбородокъ.

— Видишь,—сказала она, помолчавъ съ минутку:—какая ты все, Эстеръ-джанымъ, сварливая, да не добрая... не хорошо! Ужъ я ли не стараюсь для тебя, я ли не забочусь о больномъ мальчикѣ... Да, что говорить! Когда, я помню, у меня были свои дѣти, я ихъ не любила такъ, какъ твоего Шаринку... И силу, и ѣмъ, и когда прислугу дулю чѣмъ понало, все думаю о немъ, все въ умѣ прибираю, что бы сдѣлать, да какъ бы помочь?.. Вотъ, сегодня еще, къ Салтыку-киргизу ходила. Мулла изъ большой мечети посылалъ меня посоветоваться, говориль, что Салтыкъ первый знахарь, что уже если онъ не поможетъ, такъ уже и идти больше некуда... Салтыкъ-то гдѣ живетъ? а, знаешь? На арбѣ въ часъ не доѣдешь, а я пѣшкомъ ходила, одна ходила... ты пойми!.. И все ты мнѣ будто не вѣришь... не хорошо... ой, ой, не-хорошо!.. Бога только прогнѣвишь, а Онъ и накажетъ, отниметъ балу. Тебѣ же худо тогда будетъ... Намъ что!.. Суффи видитъ наши заботы, наши старанія... Поѣшь, голубка, покормись! Вотъ я тебѣ шурпы принесла... хорошую сегодня варили, изъ рыбы.

— Что же Салтыкъ сказалъ?—спросила Эстеръ и повернулась лицомъ къ хозяйкѣ. Прямо на это лицо свѣтъ фонари ударилъ.

Красива была очень джюгудка Эстеръ, только и подвели же эту красоту заботы и печаль о больномъ мальчикѣ: тяжелое горе отразилось въ каждой чертѣ этого строгаго, типичнаго лица, въ выраженіи глубокихъ глазъ, въ сдвинутыхъ бровяхъ надъ тонкимъ, правильнымъ носомъ, въ складкахъ сочныхъ губъ, сжатыхъ словно подъ влияніемъ нестерпимой, физической боли...

— Что же сказалъ Салтыкъ?—повторила она отчетливо и громко.

— Да что сказалъ!—безнадежно махнула рукою Улькунъ-Курсакъ.—Ты бы, все-таки, покушала, джанымъ. Вѣдь нельзя же такъ. Съ самаго утра только чаю пила, да кусочекъ лешки отщипнула... Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ... Заходилъ къ тебѣ, родная моя, Суффи, послѣ того какъ утромъ навѣщалъ?.. Я все около кухни... можетъ-быть и проглядѣла какъ-нибудь... Заходилъ?

— Салтыкъ?..

— Да что ты—заладила!.. Салтыкъ—да Салтыкъ... Былъ хозяинъ, что ли?

— Нѣтъ!—отрѣзала Эстеръ.

— Удивительно!.. —протянула Улькунъ-Курсакъ, даже руками развела...

Эстеръ, не вставая на ноги, быстрымъ ползкомъ по мягкому ковра, словно ящерица какая-нибудь, скользнула къ старухѣ и схватила ее за руки...

— Скажешь ты мнѣ, на милость, что знахаръ твой говорилъ про сына?

Домоправительница пи отъ кого бы не стерпѣла такого неуваженія, а тутъ легонько освободилась отъ тисковъ, и, грустно качая головою, произнесла:

— Плохо!—сказалъ Салтыкъ.—Есть еще одно средство, попробовать надо; только уже это самое послѣднее... Если уже это не поможетъ, тогда, значить, повелѣно ребенку помирать свыше...

А у Эстеръ, давно уже, крупныя слезы градомъ, но безъ всхлипыванія, безъ рыданій, катились изъ глазъ, струились по впалымъ, пытно-румянымъ щекамъ, но не смывали этого румянца. Бѣдная, скорбная мать чуть не прижалась лицомъ къ колѣнямъ Улькунъ-Курсакъ и говорила:

— Джанымъ, дорогая моя, помоги!.. Охъ, говорю, помоги... Спаси Шаринку!.. Любить тебя буду какъ!.. Ноги

мыть твои буду, состаришься, ослабнешь, на рукахъ своихъ носить стану... Раба твоя буду, не первая жена въ домѣ... жизнь свою отдамъ, коли захочешь...

— Охъ! охъ! Все вы такъ говорите, когда бѣда придетъ... Все ко мнѣ, словно кошки весною ластятся, а потомъ: „У, старая вѣдьма!.. у, злая баба, жадная!“ Все такъ...

— Не говори, не говори... не надо! Вѣдь то другія,— не я... Я никогда тебѣ осуда не дѣлала, и никогда даже мужу на тебѣ не жаловалась...

Эстеръ своею худою рукою старухинъ ротъ прикрыла будто бы для того, чтобы удержать несправедливые упреки.

— Ну, ладно! — отряхнулась Улькунъ-Курсакъ. — Салтыкъ велѣлъ удавить,—слышишь?—удавить, а не зарѣзать барана. Чтобы отыскать барана бѣлаго, съ головою сплошь черною... а потомъ эту голову сварить и завернуть въ твою рубаху, только не мытую, а пошепую... непременно твою, материнскую, не чью другую,— и положить эту рубаху, въ самую полночь, къ ребенку въ люльку и держать до самаго утра... И будетъ тогда такъ: если къ утру мать заболѣетъ, значить болѣзнь эта оставила ребенка и перешла къ матери, а если ты здорова будешь, значить ребенокъ помретъ непременно...

Смуглое тѣло Эстеръ, быстро обнаженное, блеснуло при свѣтѣ фонаря... Мать сорвала уже съ себя шелковую рубаху и совала въ руки Улькунъ-Курсакъ...

— На, бери, бери! Скорѣ бери!.. Давите барана, варите голову... Скорѣ... Ночь подходитъ... Близка уже полночь... Пора начинать...

— Да куда же ты, голая? Что ты, очумѣла! Надѣнь хоть халатъ, что ли.

Эстеръ метнулась изъ сакли, да на порогѣ ее старуха перехватила.

— Все сдѣлаю, погоди!.. Время еще не ушло! Времени много еще до полуночи... Вотъ, можетъ-быть, и Суффи скоро подѣдетъ... Вѣдь съ утра дома не былъ... Куда же это онъ запропастился? Безъ него, безъ хозяина-то, будто и страшно какъ-то... А ну, какъ...

— Все на себя беру, все! Ничего не бойся... скорѣ только!.. Пусть я заболѣю, я здоровая, сильная... я, можетъ-быть, и вынесу...

— А какъ сама помрешь?..

Улькунъ-Курсакъ подозрительно покосилась на нее исподлобья, внимательно слѣди за выраженіемъ лица Эстеръ.

Та вздрогнула и отшатнулась...

— Не хочу помирать... — прошептала она, чуть слышно...

— То-то... Ты подумай!..

— Что я говорю!—вскрикнула Эстеръ на всю саклю.— Что я говорю... Не слушай! это не я, это шайтанъ во мнѣ сказалъ... Ничего не боюсь! Пускай умру... пускай... Лишь бы живъ былъ мой малютка...

Въ углу, гдѣ стояла люлька, что-то пискнуло и захрипѣло. Какъ кошка на мышъ, бросилась туда Эстеръ и накрыла люльку своимъ тѣломъ.

Улькунъ-Курсакъ встала на ноги, подошла тоже къ люлькѣ, заглянула въ нее, тронула бѣдную, рыдающую мать за плечо и проговорила:

— Ну, не надрывайся... Авось Богъ смилуется... Поѣшь, я тебѣ говорю, шурпы, пока еще не совсемъ остыла. Нельзя себя морить голодомъ... А я пойду хлопочу, я постараюсь... Я все сдѣлаю, чтобы лучше было... Только, когда Суффи придетъ, ты, джанымъ, скажи ему, какъ я стараюсь... Скажи, какая я добрая... скажи... Охо-хо! Что это онъ, въ самомъ дѣлѣ, не идетъ!.. Ужъ не случилось ли чего-нибудь съ нимъ?.. Не дай Господи!.. Да будетъ тебѣ... брось! Сидь, да поѣшь хоть немного.

Улькунъ-Курсакъ почесала себѣ затылокъ, вздохнула раза два, покачала головою и медленно вышла изъ сакли.

IV.

А на кухнѣ, тѣмъ временемъ, собралась уже большая женская компанія.

Кромѣ прислуги собрались и сосѣдки,—прямо, задами пришли. Усѣлись все плотно около большого кухоннаго тагана, визжать, кричать, смѣются. Звонче всѣхъ заливается Хатыча,—такъ всѣхъ и покрываетъ. Увидали вошедшую Улькунъ-Курсакъ,—сразу стихли.

Любопытство, какъ и на всей землѣ, такъ и между здѣшними бабами развито сильно: вѣсти разные быстрѣе телеграфа разносятся... Пронюхали, что будутъ давить бѣлаго барана съ черною головою,—все собрались, благо сюда на кухню хозяйинъ заглядываетъ рѣдко.

На дворѣ снѣгъ закрутилъ, вѣтеръ холодный такъ и завываетъ, а здѣсь, у пылающаго тагана, даже жарко стало. Все халаты попустили съ плечъ, сѣтки откинуты, лица открыты, все въ уборкахъ, у кого даже въ носу серьги поблескиваютъ... Гости одѣты понаряднѣе, хозяйки попроще. Не на званый, вѣдь, пиръ,—пришли провѣдать запросто.

Поздоровалась Улькунъ-Курсакъ, по положенію, съ кѣмъ постарше, прочимъ такъ головою кивнула, даже буркнула подъ-носъ:

— Кажись бы и не ко времени...

— Долго засидѣлся таксырь въ русскомъ городѣ,—заявила одна гостыя.

— А ты почему знаешь, что онъ въ русскій городъ поѣхалъ? — подозрительно вскинула на нее глаза хозяйка.

— Таксырь прямо изъ Караванъ-сарая верхомъ, съ джигитомъ Муссою поѣхалъ, а потомъ Муссу съ конями назадъ отослалъ,—заговорила Хатыча.

— Мусса не вернулся домой, а остался на базарѣ, только лошадей домой пригнали,—добавила и Сары-Кошма.

— Мой мужъ видѣлъ Суффи въ русскомъ городѣ: съ самимъ генераломъ въ коляскѣ ѣхалъ, такъ рядомъ съ генераломъ и сидитъ, хмурый такой! Генераль ему ласково что-то говоритъ, а онъ все хмурый, даже голову опустилъ... Солдаты русскіе честь дѣлаютъ, а онъ и не смотритъ,—сообщила уже большія подробности другая гостыя.—Мой мужъ тоже въ городѣ былъ, самъ своими глазами видѣлъ. Приѣхалъ и говорить: „экій почетъ Суффи, что бы это значило?“ А я ему говорю: что-жъ такое? Вѣдь ты самъ, въ прошломъ году, у генерала чай пилъ и одинъ полковникъ къ тебѣ въ гости приѣзжалъ... Что же такое! Хорошимъ людямъ всякій почетъ бываетъ...

— Чудно!—задумалась Улькунъ-Курсакъ.—Съ чего это его понесло туда!

— Ну, что малецъ: помретъ или выживетъ? — освѣдомилась третья гостыя, по наряду, должно-быть, важная, уже старая... тоже Улькунъ-Ханымъ изъ другого дома.

— Помретъ сегодня ночью, — рѣшительно заявила хозяйка.

— Ой-ой-ой!—застонало сразу нѣсколько голосовъ.

— Нельзя ему жить больше... Мулла видѣлъ большого мальчика. Третьяго дня еще приходилъ и сказала, что ему жить нельзя.

Улькунъ-Курсакъ нагнулась и сказала что-то на-ухо старшей гостыя. Та только руками сплеснула.

— А что жъ Эстеръ не идетъ сюда?—спросилъ кто-то изъ дальняго угла.

— Да, вотъ, все убивается. Не ѣсть, не пьетъ, по ночамъ не спитъ,—отвѣтила Хатыча.

— Все объ мальчишкѣ своемъ убивается,—добавила Сары-Кошма:—и чего, право? Сама себя только изво-

дуть... Помреть — такъ помреть, другого наживеть... Ее Суффи очень любить, — на насъ и смотрѣть не хотеть.

— А вотъ какъ изведется совсѣмъ... посмотримъ, какъ любить станетъ.

— Чего любить... уже и теперь конка драпая стала... Кожа да кости.

— Не за то любить... она его другимъ чѣмъ приколдовала... Это бываетъ...

— А что она по нашей вѣрѣ, или по джюгудской, поганой, осталась?

— Ну, что врешь!—вмѣшалась тутъ сама Улькунъ-Курсакъ. — Ну, развѣ можно, чтобы правовѣрный мусульманинъ да джюгудку въ жены взять. Она по нашей вѣрѣ. Она была маленькая, подброшенная... Калымъ Суффи муллѣ выплачивалъ, кто ее вскормилъ и вырастилъ...

— Да все равно! — вставила и съ своей стороны гостыя, вся въ красномъ, съ особенно богатымъ наборомъ на груди и шеѣ. — Это у нихъ въ крови, въ породѣ самой... ничѣмъ не выбьешь.

— Что это, — что?

— Колдовство самое, чары приворотныя, — не помнишь развѣ, какъ самъ Мозафаръ отъ джюгудки чуть не пропалъ.

— То была иранка.

— Джюгудка...

— Иранка, я тебѣ говорю!

— Джюгудка...

— Барана ведутъ, барана! — заговорили сразу нѣсколько голосовъ и прервали споръ.

Дѣйствительно, въ маленькомъ проломѣ, въ высокой садовой стѣнѣ, появились двѣ простыя женщины съ бѣлымъ бараномъ, — одна тащила животное за веревку, а другая зажала его между ногъ, будто верхомъ на него сѣла, и за рога руками впередъ его подаетъ... У барана голова черная, будто смолоу вымазана... Идетъ баранъ, упирается, бѣду, конечно, чувствуетъ, да и народу много собралось, свѣтъ такой яркій подъ навѣсомъ...

— Здѣсь давить будутъ, что ли? — полюбопытствовала молоденькая женщина, почти ребенокъ, усиленно работающая локтями, чтобы впередъ пробраться.

— Здѣсь, здѣсь! Конечно здѣсь!.. Куда же его уводить! — слышались разные голоса.

— А кто же давить будетъ?

— Работница задавить... Эй, ты, калмычка, приступай!

— Эге! — отозвалось широкое, скуластое, лоснящееся лицо съ крохотными, узко-прорѣзанными глазками, и принялась отъ своихъ же шароваръ очкуръ выдергивать.

— Смотри, свалятся!

— Что за бѣда! здѣсь мужского глаза нѣту...

Но въ эту минуту, испуганная, вся запыхавшаяся, размахивая руками и задыхаясь отъ волненія, вбѣжала въ кухонный дворъ работница, которую оставили при входѣ на женскую половину сторожить приѣздъ хозяина.

— Самъ приѣхалъ!.. На дрожкахъ!.. На русскихъ дрожкахъ!.. Да и не одинъ, а съ нимъ еще кто-то... Разглядѣть я сама не успѣла: малайка только крикнула мнѣ, будто русская женщина.

(Продолженіе будетъ.)

Одинъ день.

Рассказъ И. Нарпова.

Какой классъ самый трудный? На этотъ вопросъ гимназисты отвѣчаютъ различно. Что касается до меня, то въ силу ли особой болѣзненной впечатлительности или болѣе сильной логикой, производившей надо мной, всѣ классы были для меня одинаково трудны, и я выходилъ всегда изъ гимназіи, какъ изъ душиной комнаты. Такъ было и въ ноябрѣ холернаго 18. г.

Нашъ латинистъ — чехъ, влюбленный въ свои древности и, какъ всѣ влюбленные, понимавшій плохо свою возлюбленную, объяснилъ намъ съ большимъ жаромъ, сколько было легионовъ при Маріи, Камиллѣ и Цезарѣ, разбивалъ ихъ на когорты, центурии, сравнивалъ съ нашими ротами и эскадронами, правильно ихъ путалъ, такъ что одинъ изъ моихъ товарищей, будущій корнетъ, любезно его поправлялъ. Латинистъ долго слушалъ, переспрашивалъ и потомъ продолжалъ диктовать свои записки, нутая еще болѣе, чѣмъ раньше. Пера и давно съ собой не бралъ, карандашъ сломался — у меня было вполне законное основаніе не писать. Я сталъ смотрѣть въ окно: тамъ во всемъ чувалась жизнь, положимъ, жизнь будничная со всѣми ея обычными некрасивыми сторонами, но все-таки жизнь. Вотъ дворникъ что-то напештываетъ дебелой кухаркѣ, тамъ дальше тащатся чухны съ возами дровъ, они меланхолично идуть рядомъ съ лошадыми, покуривая свои коротенькія трубки, а сзади подкрадываются мальчишки, мгновенно схватываютъ нѣсколько полѣшекъ и такъ же быстро скрываются подъ воротами. На этихъ наблюденіяхъ меня прерываетъ рѣзкій голосъ нашего латиниста: „я не понимаю, какъ можетъ образованный юноша, когда ему учитель рассказываетъ про ходъ развитія военнаго искусства древнихъ римлянъ, первыхъ пионеровъ вѣстѣ съ греками на пути культуры и прогресса, смотрѣть въ окно, — не понимаю“.

— Я васъ не наказываю, — продолжалъ учитель: — но прошу сдѣлать мнѣ удовольствіе — удалиться изъ класса.

Ранецъ у меня былъ готовъ; я очень вѣжливо поклонился, вышелъ изъ класса, закрылъ за собою дверь, мигомъ очутился въ шинельной, накинулъ пальто, и вотъ я на улицѣ. Я былъ очень доволенъ: въ субботу праздникъ, потомъ воскресенье — цѣлыхъ два дня свободы. Но что-то въ глубинѣ твердило, что не придется мнѣ повеселиться, и чѣмъ ближе я подходилъ къ дому, увѣренность эта, ни на чемъ не основанная, росла и росла, такъ что домой и пришелъ совсѣмъ грустнымъ. Когда на мой звонокъ горничная отворила дверь, то первый вопросъ былъ о мамѣ: „барыня дома?“

— Дома-съ, онѣ у себя.

И затѣмъ я невольно спросилъ про брата, хотя хорошо зналъ, что онъ никогда не приходитъ изъ университета раньше трехъ часовъ.

— Братца вашего еще нѣтъ.

Другого отвѣта я и не могъ ожидать, но на этотъ разъ я удивился.

— Какъ, до сихъ поръ еще не приходилъ?

Я прошелъ въ свою комнату, вымылъ руки, привелъ себя въ порядокъ и пошелъ къ мамѣ, поцѣловалъ ее не такъ, какъ всегда, а крѣпко, крѣпко, какъ будто мнѣ жалко стало, а чего — я и самъ не зналъ. Она на меня посмотрѣла внимательно, въ ея милыхъ глазахъ засвѣтилось безпокойство, и, проводя рукой по головѣ, спросила:

— Ты здоровъ, неправда ли? Когда ты былъ маленькимъ, ты передъ болѣзнями всегда становился ласковымъ.

Я поспѣшилъ ее успокоить, и, боясь выдать свою внутреннюю тревогу, развернулъ газету и погрузился въ чтеніе. Но и ни на чемъ не могъ сосредоточиться и ушелъ опять въ свою комнату.

Толи все не было. Часы пробили 4. Наконецъ раздался звонокъ, и я побѣжалъ въ переднюю. Навѣрно, это онъ. Нѣтъ, не онъ, а почтальонъ съ письмомъ на мамино имя. Смотрю на почеркъ. Это было письмо отъ отца. Опять время потянулось томительно долго. Такъ еще прошло съ часъ. Тутъ горничная мнѣ докладываетъ, что обѣдъ поданъ. Войдя въ столовую, я засталъ маму уже за супомъ.

— Странно, что Толи нѣтъ; онъ, кажется, никуда не собирался, притомъ онъ заранѣе предупреждаетъ. Навѣрно, онъ усталъ и, проходя мимо Рокачевыхъ, зашелъ къ нимъ, и его не отпустили. Да, знаешь, Бори, я получила отъ папы письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что все идетъ хорошо, на этихъ дняхъ онъ думаетъ быть здѣсь и проситъ тебѣ передать, что твоего Рыжка не берутъ на работы, — доволенъ?

— Конечно, мамочка, а что папа еще пишетъ, — письмо было довольно большое въ нѣсколько листовъ.

— Какъ ты можешь это знать?

Я почувствовалъ, что попался.

— Я самъ отперъ дверь почтальону.

— Мой другъ, ты знаешь, я не люблю, когда ты или Толя отпираете дверь. Пожалуйста, чтобы это было въ послѣдній разъ, вы меня совсѣмъ не слушаетесь; сколько разъ я просила Толю, заблаговременно предупредить, когда онъ обѣдаетъ не дома, а онъ все по-своему.

Конецъ обѣда прошелъ вяло. Послѣ обѣда я пошелъ въ свою комнату, прилежъ на диванъ, и понемпогу совъ началъ одождать. Сильный звонокъ разбудилъ меня. Я вышелъ въ переднюю, не ожидая ничего добраго. Прибѣжавшая горничная отворила дверь: я увидѣлъ совершенно разстроеннаго товарища моего брата, Бравича. Съ трудомъ я расслышалъ:

Гретхенъ предъ образомъ Скорбящей Божьей Матери. Съ карт. Ганса Манарта, грав. Брендамуръ.

„что, Толя, дома?“ Я ответил, что мы сами ждем его; он прислонился к двери, и говорит: „Боря, одевайся скорей и ъдем, не теряя ни минуты, подь каким-нибудь предложомъ.“ Я понял, что случилось какое-то несчастье. Въ это время къ гостиниѣ раздался мамини шагн. Я только успѣлъ сказать: „Что-же это?“ какъ мама уже вышла въ переднюю.

— Здравствуйте, Владиміръ Георгиевичъ, что вы не зайдете—Толя, навѣрно, скоро будетъ.

Я вижу, Бравичъ слова не можетъ вымолвить.

— Нѣтъ, мама, Володя не можетъ остаться, онъ сѣнитъ, а мнѣ нужно купить книги, такъ что мы и отправимся вмѣстѣ—намъ по дорогѣ.

Володя съ трудомъ могъ подтверждать мои слова.

— Въ такомъ случаѣ, до свиданія, милости просимъ къ намъ обѣдать завтра. Вы свободны?

Володя словно окаменѣлъ.

— Мамочка, ты насъ не задерживай, Володя сѣнитъ, мнѣ поскорѣе нужно купить книги: къ понедѣльнику много задано. И мы уже были въ дверяхъ. Лишь только дверь затворилась, у меня едва хватало духу спросить:

— Въ чемъ дѣло, Володя?—Онъ проглотилъ записку.

— Эту записку я получила полчаса тому назадъ.

Я между тѣмъ читала; въ листкѣ бумаги—перевымы, трудно узнаваемымъ почеркомъ было написано всего нѣсколько словъ: „Володя, когда ты получишь эту записку, меня не будетъ въ живыхъ“. Предупреди нашихъ. Прощай, дорогой. Твой Толя“.

Сначала и ничего не понялъ: „его не будетъ въ живыхъ“, Толя,—да почему же? О чемъ предупредить? Почему онъ прощается? Мнѣ стало смѣшно, я началъ хохотать, а слезы такъ и льются.

— Ну, полно, дорогой мой, успокойся, вспомни про Надежду Павловну.

— Бѣдная мама, бѣдная! Это ужасно! Но что же дѣлать—и я посмотрѣла на Володю. Онъ отвелъ глаза. Значитъ, нѣтъ средства предупредить несчастья, спасти его? Что же, ждать... Ждать, когда придутъ, скажутъ. Убить ее... Нѣтъ, это невозможно. Ждать, да и съ ума сойду. Нужно идти, Володя.

— Куда идти, если бы мы только знали, если бы былъ маленький намекъ, а то никакого—все кончено.

У меня мелькнула надежда. Единственно, кто можетъ помочь, это — полиція. ъдемъ къ градоначальнику. Володя молча согласился. Мы съѣли на пераго понавшагося извозчика и вѣшли ему гнать во весь духъ; но и тутъ неудача. ъхали мы на саняхъ, а сѣбу въ этотъ холерный годъ почти что и не было, и какъ бѣдная лошадека ни старалась, какъ ее возница ни билъ, — а мы ползли, а не ѣхали. И, какъ на зло, ни одного хорошаго извозчика. Мы ѣхали молча, избѣгали смотрѣть другъ на друга, а на душѣ темно, какъ въ непроглядную ноябрьскую ночь, когда ѣдешь—не знаа, куда, когда лошади плетутся, понури голову, кругомъ шчего не видно, кучеръ броеаетъ вожжи, завертывается въ тулупъ и передаетъ себя на волю Божію. Эта неопредѣленность была ужасна. О какъ бы мы хотѣли претерпѣть какія угодно напасти, только бы онѣ касались насъ самихъ. Человѣкъ самъ на себя руку налагаетъ, человѣкъ намъ близкій! Сколько горя, значитъ, онъ перечувствовалъ, чтобы рѣшиться отнять у себя то, что для всѣхъ всего дороже; а если это случится, то мать... что будетъ съ ней? И болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовалось полное безсиліе... Черезъ нѣсколько минутъ мы должны подѣхать къ дому градоначальника: нужно было посоветоваться, какъ дѣйствовать. На благополучный исходъ нельзя было надѣяться: записка была слишкомъ категорична. Поэтому мы рѣшили, что Володя поѣдетъ къ тетѣ, увѣдомить ее и попросить поѣхать къ мамѣ, чтобы подготовить ее, а также какъ можно скорѣе предупредить пристава, чтобы никакихъ свѣдѣній до мамы не доводили; я же со своей стороны попросу градоначальника принять мѣры, которыя онъ найдетъ нужными и возможными. Подѣхавъ, мы разстались. Найди де-журнаго чиновника, и попросилъ допустить меня къ градоначальнику по крайне важному дѣлу. Черезъ четверть часа градоначальникъ вышелъ, прочиталъ записку, спросилъ: кому и когда она послана, и гдѣ, по моему мнѣнію, могъ быть братъ въ роковое время. Я далъ отвѣты, но относительно мѣста происшествія—я терялся. По распоряженію градоначальника сообщены были точныя примѣты въ нѣкоторыя части, предполагалъ, что несчастье должно произойти вблизи мѣста жительства Бравича. Мнѣ же было предложено пойти въ комнату, гдѣ была расположена цѣлая сѣть телефоновъ, соединявшихъ градоначальство со всѣми частями города, и ждать отвѣта.

Я не думаю, чтобы кому-нибудь приходилось переживать болѣе мучительные полчаса. Минуть черезъ десять стали раздаваться отвѣтные звонки. При всякомъ звонкѣ я вздрагивалъ, подходилъ къ аппарату, ждалъ конца долгихъ переговоровъ, слѣдилъ за каждымъ движеніемъ прильнушаго къ аппарату чиновника, за выраженіемъ его глазъ. Каждый звонокъ приносилъ съ собой извѣстіе о какомъ-нибудь несчастьи. То чей-то голосъ напентывалъ объ огравившейся молодой швѣт, другой голосъ жужжалъ о застрѣлившемся молодомъ технологѣ, третій сообщалъ о брошенномъ подь позадъ мужицѣ, неопредѣленныхъ лѣтъ, которому отрѣзало обѣ ноги... и такъ безъ конца...

Однимъ словомъ день подводилъ свои итоги. Иногда долго приходилось переспрашивать, чтобы уяснить себѣ, о комъ шла рѣчь — эти секунды были ужасны. Вотъ уже говоритъ о студентѣ, который показался подозрительнымъ на вокзалѣ, жандарма его окружили, онъ, какъ ребенокъ, отдался въ ихъ руки, его обыскали—находить у него револьверъ... Слова Богу, онъ спасенъ. Толя живъ... но вотъ опять раздался телефонный звонокъ, мы бѣжимъ, — оказывается онъ блондинъ, а вѣдь Толя брюнетъ. Господи, когда же кончится эта мука... Да за что же? Голоса умолкли, въ комнатѣ теперь тихо, очень тихо; еще нѣсколько минутъ, и мнѣ эта потрясающая дѣйствительность казалась бы только ужаснымъ кошмаромъ. Маленькая комната напоминала по суровому отпечатку, лежащему не только на ней, но и на гѣхъ немногихъ предметахъ, которые въ ней находились,—камеру подсудимаго, ожидающаго рѣшенія своей участи; единственная лампа съ зеленымъ абажуромъ бросала свѣтъ только на столъ — всѣ остальные предметы были окутаны полумракомъ, и, казалось, изъ этого полумрака выглядывали со стѣнъ причудливой формы морды чудовищъ, опонсывавшихъ роковымъ кольцомъ всю комнату и на время прекратившихъ свое страшное дѣло—онѣ, чудилось мнѣ, отдыхали, чтобы потомъ съ новыми силами прерывающимся поногамъ пополнить списокъ своихъ бѣдныхъ жертвъ... Тишина длилась недолго. Вотъ въ углу что-то зашипѣло, зажужжало и, наконецъ, мѣрно пробило разъ, два... я очутился изъ забытья—то были семь старинныя англійскія часы. Только семь часовъ. Вотъ странно: а время тянулось такъ долго, такъ мучительно. Теперь, навѣрно, все кончено. Какъ бы въ отвѣтъ на мою мысль, у одного изъ телефоновъ раздался звонокъ. Чиновникъ бросился къ аппарату. Вотъ онъ повернулся, вотъ его разстроенное лицо...

„Что, кончено?“ Еще есть надежда. Часть тому назадъ студентъ запылъ номеръ. Недавно раздался выстрѣлъ... Онъ опять приникъ къ аппарату. „Домаютъ дверь... Подходить къ вашему описанію... Но не теряйте надежды, можетъ-быть, ошибка,—вамъ самимъ нужно будетъ удостовериться... Пойдемъ къ его превосходительству: вы его попросите, чтобы ваиа матушка не была выездно увѣдомлена, разъ личность будетъ вами удостоверена“. Опять я въ приемной, входилъ градоначальникъ, съ кѣмъ-то разговариваетъ, отдаетъ приказанія; вотъ какой-то полковникъ подходитъ ко мнѣ и предлагаетъ ѣхать въ гостиницу.

Мы ѣдемъ. Мгла окутываетъ насъ со всѣхъ сторонъ, она стала еще болѣе густой, влажной, подкрадывается и пронизываетъ всего; откуда-то падаютъ капли, не то дождь, не то снѣгъ, вѣрвѣ и то, и другое вмѣстѣ, да кромѣ того и мои слезы; и капли, и слезы все скатывается и пропадаетъ; остается одно горе. Мы ѣдемъ молча, каждый погруженный въ свои думы. Полковникъ вѣтъ-нѣтъ и взглянетъ на мою сторону, какъ будто хочетъ поддержать словомъ участія, да такъ и застынуть слова на устахъ и махнетъ рукой и прикрикнетъ линий разъ на извозчика. И вотъ онъ подвезъ насъ къ на-радному подъѣзду, блестящему огнями; швейцаръ увидалъ моего слугника, подкочилъ: „да-съ, вотъ неприятность, совѣмъ молодой еще человѣкъ“. — Ахъ, Господи, — лѣтница полна жароду?— „Точно такъ-съ, ничего не могъ подѣлать; ужъ очень имъ любопытно“.

— Мы съ вами пойдемъ по черной лѣстинцѣ, тутъ не скоро проберемся.

По черной мы тоже прошли съ трудомъ. То не была толпа людей, то былъ муравейникъ—вся лѣстница кишѣла. Это были не люди, а глухыя, любопытныя обезьяны, которыя вѣшали на подоконники, на балюстраду, которыя цѣпились за фанари... Лѣпились по выступамъ... Наконецъ, мы въ коридорѣ, меня вводятъ въ номеръ, гдѣ сидитъ должностныя лица, спрашиваютъ точныя примѣты, — и сомнѣнія не остается. Меня хотѣли проводить, но, отклонивъ предложеніе, я вошелъ въ роковую комнату... Толя лежалъ съ совершенно споконнымъ лицомъ, на щекахъ игралъ свѣжій румянецъ молодости: онъ, казалось, улыбался: онъ просто спитъ, и ему снится какой-нибудь милый сонъ. Но зачѣмъ онъ лежитъ въ такой странной позѣ: одна нога согнута, другая откинута, какъ будто мѣшаетъ ему; руки раскинуты въ безпорядкѣ, а тутъ около виска льется струйка крови: зыяя подколовалъ, что погубила добра-молодца. И почему погибъ онъ? Передъ нимъ только раскры-валася жизнь. У него впереди было все то, чего добиваются остальные съ такимъ ожесточеніемъ: любовь, деньги, почетъ.

Тогда, тогда я и не зналъ, не зналъ, что погибъ онъ оттого, что вѣрилъ въ истину, въ добро, въ людей...

Истны онъ не видѣлъ, добра не встрѣчалъ. Люди кричали о добрѣ, творили зло; правда признавалась, когда ее выгодно было признавать; любовь была продажна. Были исключенія, но они были такъ рѣдки, такъ тщательно скрывались сами, или завистливая толпа жестоко чернила ихъ клеветой, и только наиболѣе сильные изъ этихъ немногихъ силъ тѣмъ нравственнымъ величіемъ, передъ которымъ меркло сіяніе золота. Я смутно понималъ, что такой добрый и умный человекъ, какъ Толя, не могъ погибнуть безъ глубокаго горя, горя безысходнаго, когда кругомъ дышать нечѣмъ, когда звать ю-просы, остающіеся безъ отвѣта...

Привелъ меня къ дѣйствительности голосъ полковника: „Полю, мой другъ, полно“. Я послушно всталъ. Въ другой компаніи меня ожидали докучливые вопросы о предполагаемой причинѣ самоубійства, о состояніи здоровья покойнаго, объ обстоятельствахъ его жизни.

Это было то же навязчивое любопытство, съ которымъ пришлось столкнуться на лѣстницѣ, облеченное, правда, въ форму болѣе приличную, оправдываемое исканіемъ истины. Но для чего? Видѣ виновника, если они найдены, стоять виѣ дѣйствія закона. Миѣ на помощь пришелъ полковникъ: „Господа, миѣ кажется, можно оставить молодого человека въ покоѣ, онъ не можетъ дать вамъ никакихъ свѣдѣній. И такъ до свиданія, господа.“

Слава Богу, мы на улицѣ, мы пошли на телеграфъ предупредить отца. Я бралъ одинъ свѣтъ за другимъ, стараясь писать четко, ясно, и даже красиво, но все-таки ничего не выходило. На одной телеграммѣ было нѣсколько безсвязныхъ словъ, на другой не хватало фамиліи отца. И тутъ полковникъ помогъ миѣ: подалъ миѣ готовую телеграмму, на ней стояло нѣсколько словъ: „Толя серьезно боленъ, твое немедленное присутствіе необходимо“; въ такомъ видѣ мы еѣ и подали.

Теперь мы направились домой. Я шелъ безъ всякихъ думъ, потерявъ всякую способность мыслить; одна лишь забота стояла передо мной—передать эту вѣсть мамѣ. А какъ—миѣ странно было подумать.

— Вотъ на васъ, молодой человекъ, обрушилось несчастье непоправимое; оно можетъ имѣть тоже непоправимое послѣдствіе—внезапное павѣстіе можетъ убить вашу матушку. Завтра она должна узнать истину. У насъ впереди цѣлый день, мы постараемся приготовить ее исподволь. У васъ нѣтъ никакого плана?

Я только покачалъ головой. Такъ мы прошли съ четверть часа.

— Вотъ что, молодой человекъ: единственное, по моему миѣнью, что можно сказать вашей матушкѣ, такъ это то, что вашъ братъ внезапно на улицѣ былъ схваченъ приступомъ холеры. Довольно правдоподобно—теперь только о холерѣ и говорить, и пишутъ. Легче всего ваша матушка поверитъ этому. Сначала вы ей скажите, я подтвержу ваши слова; сначала мы ей дадимъ надежду, предупредивъ предварительно, что заболѣвшихъ холерой воспрещено посѣщать; потомъ, завтра утромъ вы поѣдете куда-нибудь; вернувшись, подготовите къ мысли, что болѣзнь можетъ окончиться смертельнымъ исходомъ и, наконецъ, принявъ возможные предосторожности, скажете истину.

Да, лучше нельзя было придумать. Является вопросъ, — гдѣ мы встрѣтимся съ полковникомъ?

— Но навѣрно, полковникъ, мама спроситъ, какъ мы очутились вмѣстѣ?

— Вы просто, возвращаясь домой, встрѣтили меня на лѣстницѣ, а меня прислалъ градоначальникъ.

Остановившись на этомъ, мы сейчасъ же поѣхали домой.

Въ гостиной мама сидѣла за работой.

— Однако, какъ ты долго? Гдѣ ты былъ?

— У Вольфа масса покупателей, меня тамъ задержали, и, возвращаясь, я узналъ, что съ Толей, только ты не беззакойся, случился легкій припадокъ.

— Съ Толей припадокъ, какой припадокъ?

А сама она меня крѣпко, крѣпко схватила за руку. Болея себя выдать, я отвернулся. Въ гостиную входилъ полковникъ.

— Мое почтеніе, сударыня. Я долженъ, къ сожалѣнію, передать, что съ вашимъ старшимъ сыномъ на улицѣ случился легкій припадокъ, который въ это время, навѣрно, уже прошелъ.

Лицо у мамы блѣднѣло. Я думалъ—сейчасъ ей сдѣлается дурно. Она пришла въ себя.

— Присядьте, полковникъ. Скажите, ради Бога, какой припадокъ?

— Трудно сказать, сударыня, но докторъ видитъ въ этомъ легкую форму холеры.

— Отчего же его не привезли домой?

— Согласно распоряженію градоначальника, всѣ заболѣвшіе, даже только подозрительные, помѣщаются въ больницѣ.

— Но я его хочу видѣть.

— Это невозможно, сударыня, по тому же распоряженію, до точнаго опредѣленія характера заболѣванія никто къ больному не допускается, кромѣ врачебнаго персонала. Завтра я вмѣстѣ съ молодымъ человекомъ постараюсь узнать о ходѣ болѣзни, и часовъ въ семь вы будете извѣщены, а до тѣхъ поръ вамъ придется ждать. Что дѣлать, сударыня.

— Но, полковникъ, миѣ кажется, вы что-то скрываете отъ матери? Скажите правду прямо: онъ умретъ?

— Успокойтесь, сударыня, я опять повторяю, что легкій случай; а теперь позвольте миѣ откланяться.

Мы остались вдвоемъ. Мама глубоко, глубоко задумалась. Я старался не встрѣчаться съ ея глазами и тоже отдался думамъ: было только девять съ половиной часовъ; впереди предвидѣлась цѣлая ночь, мучительная, ужасная.

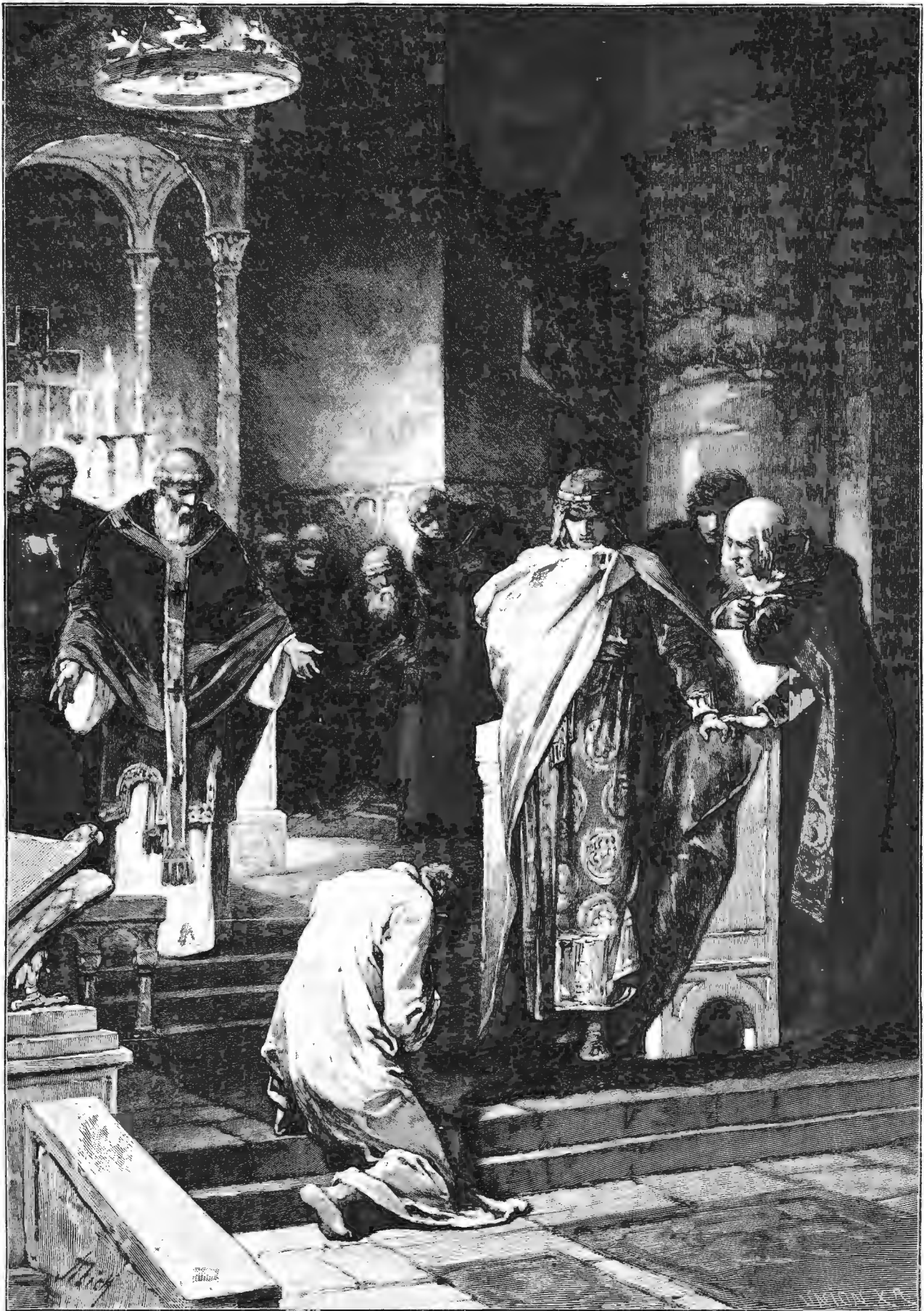
Иногда молчаніе прерывалось. Мама задавала вопросы, на которые я съ трудомъ отвѣчалъ; иногда, захваченный врасплохъ, я давалъ странные отвѣты, которые не имѣли и доли правдоподобія, иногда они сами себя противорѣчили, но я

этого не замѣчалъ. Замѣчала ли что-нибудь мама или нѣтъ? Еще, кажется, немного, и я сказалъ бы всю правду, по на мое счастье вошла тетья: я былъ не одинъ. Мама, повидимому, не замѣтила странности поздняго посѣщенія, сдѣлала только видъ, что повѣрила первой же причинѣ, или на самомъ дѣлѣ повѣрила. Вскорѣ мы перешли въ столовую и просидѣли тамъ до 11-ти часовъ вечера. Сначала насъ освѣщала большая лампа; она какъ будто догадалась, въ чемъ дѣло, и, лишь только чай былъ убранъ, она потухла; на столѣ были поставлены двѣ свѣчи, онѣ долго думали: горѣтъ имъ или нѣтъ; онѣ едва-едва мерцали,—потъ, вотъ ужъ совѣмъ потухнуть, потомъ опять освѣтитъ комнату. Точно заревоны ихъ колеблющейся свѣтъ скользнула по мамѣ, она какъ будто застыла, черты лица окаменѣли, и только непослушныя слезы капали одна за другой, ровно, не торопясь. Тетья сидѣла рядомъ. Вотъ теперь она освѣщена, она не плачетъ, она смотритъ на маму, и я прочелъ въ ея глазахъ доголѣ невиданное чувство, чувство любви, чувство жалости; въ нихъ исчезла зависть, недоброжелательство, которое такъ часто бываетъ между родными. И тутъ сила смерти сдѣлала свое дѣло. Я же боялся свѣта, я спрятался въ уголъ, чтобы нельзя было прочесть чего-нибудь на моемъ лицѣ. Оказалось, что блѣдный, слабый свѣтъ свѣчекъ безнокоитъ и мать: свѣчки были поставлены въ концѣ комнаты на этажерку. Теперь мы сидѣли въ совершенной темнотѣ: свѣчи освѣщали лишь конецъ комнаты, и свѣтъ ложился причудливыми тѣнями на старинный китайскій сервизъ, сдѣлалъ домики еще меньше и нависшія деревья еще больше, соскользнулъ на потускнѣвшее серебро, съ трудомъ отражавшее его, на граненый хрусталь, въ которомъ онъ кое-гдѣ некрѣпко радужной, алмазной игрой. Меня въ углу не было видно; у стола можно было различить двѣ склоненныя, егорбленныя женщины и больше ничего. Ни движеній, ни слова. Казалось, жизнь потеряла свои права. Впрочемъ, нѣтъ. Бой часовъ аккуратно нарушалъ могильную тишину. Они казались одушевленными, посвященными въ наши мысли, они словно бесѣдовали съ каждымъ изъ насъ, потому что при первомъ ихъ шипѣніи мы оборачивались, смотрѣли, слушали, какъ будто мы не знали заранее, сколько разъ они должны пробить; они, казалось, хотѣли отдалить роковыя минуты и тянули, задерживали время. Но оно неумолимо, и толкало ихъ противъ воли, и они ронтали,—увѣрю васъ. Лишь только часъ проходилъ, я слышалъ маминъ голосъ: „Боже, всего одинъ часъ прошелъ, когда же утро?“ Тетья пользовалась удобной минутой, и какъ будто случайно рассказывала, что знакомый умеръ отъ холеры, но то былъ человекъ пожилой, а Толя, навѣрно, поправится и т. п. Затѣмъ снова водворилась безмолвная тишина.

Но вотъ наступило утро, которое должно было разрушить послѣднія надежды. Фонари на улицахъ были потушены, послѣднія сумерки еще боролись съ наступающимъ утромъ, но тѣсно: лучи восходящаго солнца пробивались черезъ свисловыя тучи, черезъ густой туманъ; ихъ блѣдный отблескъ ложился на дома, на людей, на грязный свѣтъ. Не дожидаясь новыхъ напояваній и вопросовъ, я вызвался самъ узнать, какъ здоровье брата, а самъ я думалъ ѣхать за докторомъ, и въ его присутствіи сказать горькую истину. Доктора я засталъ дома, но онъ вышелъ ко миѣ только черезъ полчаса; въ двухъ словахъ объяснилъ и причины, заставившія меня потревожить его такъ рано. Онъ сейчасъ согласился оказать намъ возможное содѣйствіе, и въ 9-ть часовъ мы были дома. Я ожидалъ истерики, обморока... Но произошло совсѣмъ противоположное: что-то до того странно, что и теперь, спустя нѣсколько лѣтъ, миѣ становится жутко при одномъ воспоминаніи. Когда мама узнала роковую истину, она оттолкнула меня: ни слезъ, ни крика, ни обморока, но только въ глазахъ стала теряться всякая мысль, всякое сознаніе; потомъ она, не видя, не замѣчая насъ, пошла въ свою комнату, пошла въ другую, въ третью... Вотъ она сѣла. Глаза у нея все тѣ же. Страхъ, мною овладѣвшій, началъ переходить въ безразличный ужасъ: мысли вихремъ пронеслись, но одна давила, заслоняла всѣ остальныя: неужели это начало сумасшествія? Докторъ молчалъ, ему самому трудно было скрыть охватившія его тревогу и волненіе. Я подошелъ, дѣловалъ руки, лицо матери... Ни звука, ни слезы... Она тихонько освободилась, отстранилась, въ глазахъ уже свѣтлосъ сознаніе, но та мама, которую я звалъ, пропала безвозвратно. То былъ другой человекъ,—человѣкъ, который умретъ нравственною смертью, у котораго оторвали часть его самого. Человекъ этотъ вынужденъ жить по нѣкоторымъ причинамъ, въ ту минуту плохо сознаваемымъ. Онъ будетъ жить—но что это будетъ за жизнь?

Немного осталось досказать.

Пріѣхалъ отецъ, потерявшій не только своего любимаго сына-первенца, но и своего наследника, своего вѣрнаго сотрудника. Въ два часа первая напихидя... Потомъ сочувствіе и соболѣзнованіе близкихъ, родныхъ, знакомыхъ. Потомъ я одинъ въ своей комнатѣ, одинъ со своими спутниками—тяжелыми думами. Опять бѣгутъ нить часовъ, значить—одинъ день прошелъ,— всего одинъ день, а сколько горя, сгряданій, сколько страха и ужаса привнесъ онъ съ собой! На улицѣ непрежнему копошились люди, и жизнь шла своимъ обычнымъ порядкомъ...

Оттоя Великій прощаєть своего брата Генриха. Съ карт. А. Зина, грав. Уніопл.

Шведскіе крестьяне на бѣговѣхъ саняхъ. Ориг. рис. А. Рихтера.

Мюнхенскія покойницкія.

(Съ 2-ми рисунками на стр. 154 и 156.)

Заѣзжая на нѣсколько дней въ Мюнхенъ, путешественники обыкновенно посвящаютъ все время своего пребыванія въ этомъ городѣ обзорѣю музеевъ, посѣщенію оперы, славящейся исполненіемъ вагнеровскихъ произведеній, да испробованію прославленныхъ качествъ пива изъ знаменитой королевской пивоварни; но рѣдко кому изъ туристовъ приходитъ въ голову обзорѣть еще одну изъ любопытнѣйшихъ достопримѣчательностей баварской столицы — городскія кладбища. Въ большей части германскихъ городовъ имѣются своего рода склады мертвецовъ — покойницкія, вызывающія немалое удивленіе иностранцевъ. Но ни одно изъ учрежденій этого рода не можетъ сравниться по своему образцовому устройству съ тѣми, которыя мы встрѣчаемъ въ Мюнхенѣ. Здѣсь забота объ общественной гигиенѣ и опасеніе преждевременнаго погребенія вели до совершенства до предохранительнаго приспособленія, которое англичане — не совѣтъ, однакоже, вѣрно — назвали „звонкомъ мертвецовъ“. Общественныя покойницкія, съ предохранительными въ нихъ приспособленіями, о которыхъ подробно будетъ сказано ниже, существуютъ въ Мюнхенѣ еще съ начала нынѣшняго столѣтія. Пользованіе ими вначалѣ представлялось желаемымъ, но ихъ въ первое время находилось очень мало. Разразившаяся въ 1869 году холерная эпидемія вызвала административное распоряженіе, въ силу котораго это пользованіе стало обязательнымъ. На первыхъ порахъ мюнхенское населеніе возмущалось-было противъ этого, но администрація дѣйствовала энергично, и кончилось тѣмъ, что обы-

ряда разставлено около двадцати катафалковъ на слегка покатой въ одну сторону поверхности. Въ головѣхъ каждаго изъ этихъ катафалковъ устроена коловка съ особаго рода грошштейномъ, отъ котораго спускается къ катафалку тонкій шнурокъ съ металлическимъ кольцомъ на концѣ, соединенный съ цѣлюю системою небольшихъ колокольчиковъ, которые начинаютъ звонить при малѣйшемъ подергиваніи шнурка.

Какъ только гробъ съ покойникомъ привозится на кладбище, его вносятъ въ покойницкую, открываютъ и ставятъ на одинъ изъ катафалковъ. Подъ верхнюю часть туловища подкладываются подушка, а затѣмъ весь гробъ убирается дѣлами, нерѣдко въ такомъ количествѣ, что изъ-за нихъ не видно ничего, кромѣ лица покойника да блики съ померомъ, подъ которыми послѣдній припнятъ и записанъ въ покойницкой. Руки, по обыкновенію, сложены на груди, и одинъ изъ пальцевъ продѣтъ въ кольцо, которымъ заканчивается шнурокъ отъ предохранительнаго аппарата съ колокольчиками. Многимъ семьямъ заказываютъ снять фотографію съ своихъ покойниковъ въ такомъ уборѣ; для этого гробъ съ поразительною быстротою переносится на короткое время въ особое помѣщеніе, специально приспособленное для этой цѣли.

Нужно еще замѣтить, что, благодаря образцовому устройству вентиляціи и постоянно поддерживаемой на одномъ и томъ же уровнѣ прохладной температурѣ, при входѣ въ покойницкую не ощущается никакого другаго запаха, кромѣ запаха свѣтъ да горящихъ восковыхъ свѣчей.

Мюнхенскія покойницкія. Зданіе новой покойницкой на Западномъ кладбищѣ. По рис. III. автотипія „Нивы“.

ватели мало-по-малу привыкли, а затѣмъ вошло и въ общій обычай отвозить усопшихъ въ общественныя покойницкія, многочисленныя преимущества которыхъ большинство населенія теперь прекрасно сознаетъ.

Пользованіе этими покойницкими чрезвычайно просто и совершается съ чисто нѣмецкою аккуратностью. Лишь только въ какомъ-либо домѣ окажется покойникъ, родные немедленно сообщаютъ объ этомъ въ ближайшее полицейское бюро, и этимъ ограничиваются ихъ заботы о погребеніи покойнаго. Черезъ полчаса является городской врачъ, удостоверяетъ фактъ смерти и выдаетъ объ этомъ свидѣтельство. Въ ратушѣ, между тѣмъ, всегда имѣется наготовѣ цѣлый батальонъ пожилыхъ женщинъ, которыя состоятъ на службѣ у городского управленія и на обязанности которыхъ лежитъ уборка покойниковъ. Одна изъ такихъ женщинъ является почти одновременно съ докторомъ; она обмываетъ покойника, одѣваетъ его и укладываетъ въ гробъ, который сейчасъ же отвозится на дрогахъ на кладбище. Никто изъ родственниковъ не имѣетъ права при этомъ слѣдовать за нимъ. Все это происходитъ съ удивительною быстротою. Въ силу распоряженія отъ 1869 года, тѣла покойниковъ должны быть вывозимы изъ дома не позже какъ по истеченіи двѣнадцати часовъ съ момента кончины, а въ случаѣ смерти отъ какой-нибудь заразной болѣзни — не позже шести часовъ. Это правило соблюдается очень строго.

Во всемъ Мюнхенѣ насчитывается десять кладбищъ; девять изъ нихъ — для покойниковъ всѣхъ вѣроисповѣданій, а одно — специально для умершихъ іудейскаго исповѣданія. Самыми главными изъ этихъ кладбищъ считаются Сѣверное, Южное и Западное; на нашемъ рисункѣ (стр. 156) изображенъ внутренній видъ покойницкой на первомъ изъ нихъ.

Въ обширной залѣ съ большими стеклянными дверями, чрезъ которыя снаружи видно все, что дѣлается внутри, въ три

отдѣленія для богатыхъ и для бѣдныхъ рѣзительно шѣмъ не отличаются одно отъ другаго; все различіе лишь въ обиліи и въ роскоши дѣтвотъ. Впрочемъ, цѣны за пользованіе мѣстомъ въ покойницкой и вообще за всѣ похоронныя обрядности, за исключеніемъ церковнаго отпѣванія и пріобрѣтенія участка земли для могилы, очень не дороги и колеблются между 20 и 120 марками (10—60 руб.)

Въ покойницкой тѣло умершаго остается не менѣе двухъ-трехъ сутокъ. Въ это время родственники покойнаго допускаются въ помѣщеніе покойницкой, имъ предоставляется право приставить къ гробу для молитвы и для надзора монахиню или другое лицо.

Рядомъ съ залой, гдѣ лежатъ покойники, иногда sluка раздѣломъ между отдѣленіями богатыхъ и бѣдныхъ, находится помѣщеніе сторожа — довольно тѣсная каморка; здѣсь помѣщается колокольный аппаратъ, къ которому проведены всѣ шнурки съ металлическими колечками, о которыхъ сказано выше. Аппаратъ этотъ заключенъ въ довольно высокой шкапъ, напоминающій своимъ видомъ старинные часы въ деревянныхъ футлярахъ, ставившіеся на полъ. Вся обстановка сторожки состоитъ изъ стола, стула, да деревянной скамьи съ лицомъ подъ нею, въ которой днемъ сохраняются матрацъ и подушки сторожа. Съ самою покойницкою каморка соединяется окнами стеклянными дверями.

Здѣсь, въ этой каморкѣ, въ этомъ близкомъ сосѣдствѣ съ мертвецами, сторожъ проводитъ большую половину жизни. Онъ не смѣетъ ни на одно мгновеніе, ни по какому поводу выйти изъ каморки, не посадивъ на свое мѣсто помощника. На ночь онъ разстлаетъ на скамьѣ матрацъ и спитъ на немъ; но сонъ его тревоженъ. Много разъ среди ночи приходится ему просыпаться и вскакивать отъ раздающихся около него звонковъ. Дѣло въ томъ, что колокольный аппаратъ чрезвычайно чувствителенъ, и иногда до-

статочво самой ничтожной осадки трупа на своемъ ложѣ, чтобы привести его въ дѣйствіе. Но тревоги въ сторожѣ эти звонки не производятъ; онъ прекрасно знаетъ, что вотъ уже слишкомъ семьдесятъ лѣтъ, какъ не бывало случая, чтобы какой-нибудь покойникъ ожилъ. Тѣмъ не менѣе, свято исполняя припятую на себя обязанность, онъ всагаетъ съ постели и идетъ въ покойницкую, чтобы убѣдиться, что позвонившій мертвецъ дѣйствительно находится въ объятіяхъ смерти, поправитъ широкъ звонокъ и затѣмъ снова вернется къ своему ложу.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ официальныхъ данныхъ видно, что съ 1818 года въ мюнхенскихъ покойницкихъ не было ни одного случая летаргій. Одинъ только разъ, лѣтъ десять тому назадъ, сторожъ одной изъ покойницкихъ, услышавъ раздавшійся звонокъ и подойдя къ покойнику, заподозрилъ, что онъ еще живъ. Тѣло было немедленно подвергнуто самому строгому наблюдению, и черезъ четыре дня не могло быть уже ни малѣйшаго сомнѣнія въ дѣйствительности смерти. Среднее годовое число покойниковъ, регистрируемыхъ мюнхенскими общественными покойницкими, доходитъ до десяти тысячъ; следовательно, наблюдению подвергалось въ общемъ до 800,000 труповъ. Тотъ фактъ, что не оказалось ни одного случая летаргическаго сна, служитъ очень хорошей рекомендаціей осторожности и осмотрительности мюнхенскихъ врачей; кромѣ того, фактъ этотъ ясно показываетъ, что случаи преждевременнаго погребенія, вопреки установившемуся на этотъ счетъ мнѣнію, почти никогда не встрѣчаются въ большихъ городахъ, гдѣ имѣется достаточно медицинскихъ силъ. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Цюрихѣ, гдѣ общественныя покойницкія введены въ дѣйствіе тоже съ очень давнихъ поръ, не было ни одного случая летаргій, и администрація, лѣтъ пять-шесть тому назадъ, отмѣнила даже употребленіе предварительныхъ звонковъ, считая его совершенно излишнимъ.

Гробъ въ мюнхенскихъ покойницкихъ закрывается лишь за нѣсколько минутъ до погребенія и носітъ окончательнаго медицинского освидѣтельствованія трупа. Иногда, по просьбѣ

черезчуръ ужъ мнительныхъ родственниковъ, тѣло покойника остается непогребеннымъ еще одинъ-два дня сверхъ опредѣленнаго срока, но въ такомъ случаѣ оно уже выносятся въ другое, специально для этого предназначенное помѣщеніе; иногда, чтобы окончательно убѣдиться въ дѣйствительности смерти, покойнику дѣлаютъ надрѣзы на пяткѣ.

Въ день погребенія родственники и знакомые покойнаго собираются передъ покойницкой. Ежедневно, около трехъ часовъ пополудни, на всѣхъ мюнхенскихъ кладбищахъ видѣются толпы людей; всѣ они, одинъ передъ другимъ, сѣднать прильнуть лицомъ къ оконнымъ стекламъ и взглянуть внутрь покойницкой. Но вотъ выносятся одинъ гробъ; образуется похоронный кортежъ и направляется къ мѣсту погребенія; пасторъ на могилѣ читаетъ надъ гробомъ короткую отсутственную молитву и сѣднать въ другое мѣсто, проводить другую жертву безжалостной смерти. Настоящее отпѣваніе совершается въ церкви, нѣсколько дней спустя послѣ погребенія.

Въ настоящее время въ Мюнхенѣ, на Западномъ кладбищѣ, только-что окончено постройкой грандіозное зданіе покойницкой, которое своимъ образцовымъ устройствомъ должно затмить все, что существуетъ въ этомъ родѣ въ Германіи, и послужитъ образцомъ для устройства такого же новаго учрежденія въ Берлинѣ. Общій видъ этой громадной покойницкой изображенъ на нашемъ рисункѣ (стр. 154). Подъ центральнымъ куполомъ этого зданія струнировано нѣсколько часовенъ различныхъ вѣроисповѣданій; въ стороны отъ нихъ идутъ два громадныхъ зала съ катафалками для покойниковъ, въ одинъ рядъ. Стѣны этихъ залъ—наполовину изъ стекла, такъ что и здѣсь все находящееся въ залахъ видно изъ коридоровъ. Предохранительныя звонки дѣйствуютъ здѣсь посредствомъ электричества. Наконецъ, система отопленія въ этомъ зданіи доведена до такого совершенства, что въ залахъ, гдѣ стоятъ покойники, неизмѣнно сохраняется температура +7 град., которая германскими врачами считается наиболее подходящею для предупрежденія быстрого разложенія труповъ.

Къ рисунку.

Покаяніе — одно изъ таинствъ, когда человѣческая душа открываетъ передъ Божественнымъ Судьею во всѣхъ своихъ дѣлахъ и помышленіяхъ. Самые закоренѣлые преступники, скрывавшіе въ продолженіе многихъ лѣтъ тайну какого-нибудь страшнаго злодѣянія, каились передъ смертью и на исповѣди сообщали духовнику подробности всѣмъ забытаго событія и этимъ облегчали себѣ послѣднія минуты земной жизни. Люди могутъ простить, но совѣсть не прощаетъ и является всегда самымъ непримиримымъ обвинителемъ. Передъ нами на картинѣ г. Молова—одинъ изъ подобныхъ преступниковъ, замученныхъ угрызениями совѣсти. На смертномъ одрѣ, когда чувствовалось приближеніе рокового конца, умирающій позвалъ священника и на исповѣди рѣшился открыть ему тайну одного ужаснаго дѣла, о которомъ знаютъ лишь буйный вѣтеръ да друзья-товарищи, описанные въ удалой русской пѣснѣ:

„Ужъ какъ первый мой товарищъ—темная ночь,
А второй мой товарищъ—булатный ножъ,
А какъ третій товарищъ—мой добрый конь,
А четвертый мой товарищъ—тугой лукъ.“

Но мѣрѣ приближенія къ страшному признанію, рѣшительное слово заираетъ на устахъ преступника. Но священникъ съ ласковымъ видомъ ободряетъ больного и, превозмогая себя, напряженно прислушивается къ глухимъ звукамъ, нервно сжимая въ правой рукѣ крестъ. Исповѣдникъ отвернулся отъ кающагося, чтобы не смутить его укоризненнымъ взглядомъ, и тотъ, наконецъ, признается въ своемъ преступленіи..

*

Соженіе протопопа Аввакума — одна изъ лучшихъ картинъ конкурсной академической выставки 1897 г. Талантливый молодой художникъ весьма рельефно изобразилъ печальный моментъ нашей исторіи конца XVII вѣка... Эпизодъ, избранный имъ въ основу его картины, требуетъ нѣкоторыхъ предварительныхъ уясненій и оглядки на предшествующій періодъ, способствовавшій окончательному образованію и развитію у насъ той религіозной розни, которая извѣстна подъ названіемъ „раскола“. Рознь эта, главнымъ образомъ коренившаяся въ церковныхъ нестроеніяхъ и глубоко невѣжествѣ высшихъ слоевъ русскаго общества и русскаго духовенства, долгое время таилась и скрывалась отъ глазъ, пока во главѣ русской церкви стояли люди, неспособные ни къ исправленію церковныхъ нестроеній, ни къ борьбѣ съ невѣжествомъ духовенства; но когда на патриаршемъ престолѣ явился Никонъ, свѣтлый умою и твердый волею, борьба началась сразу, и давно таившаяся рознь выказалась тотчасъ же съ полною опредѣленностью и ясностью. Первою заботою патриарха Никона явилась забота объ исправленіи богослужебныхъ книгъ,

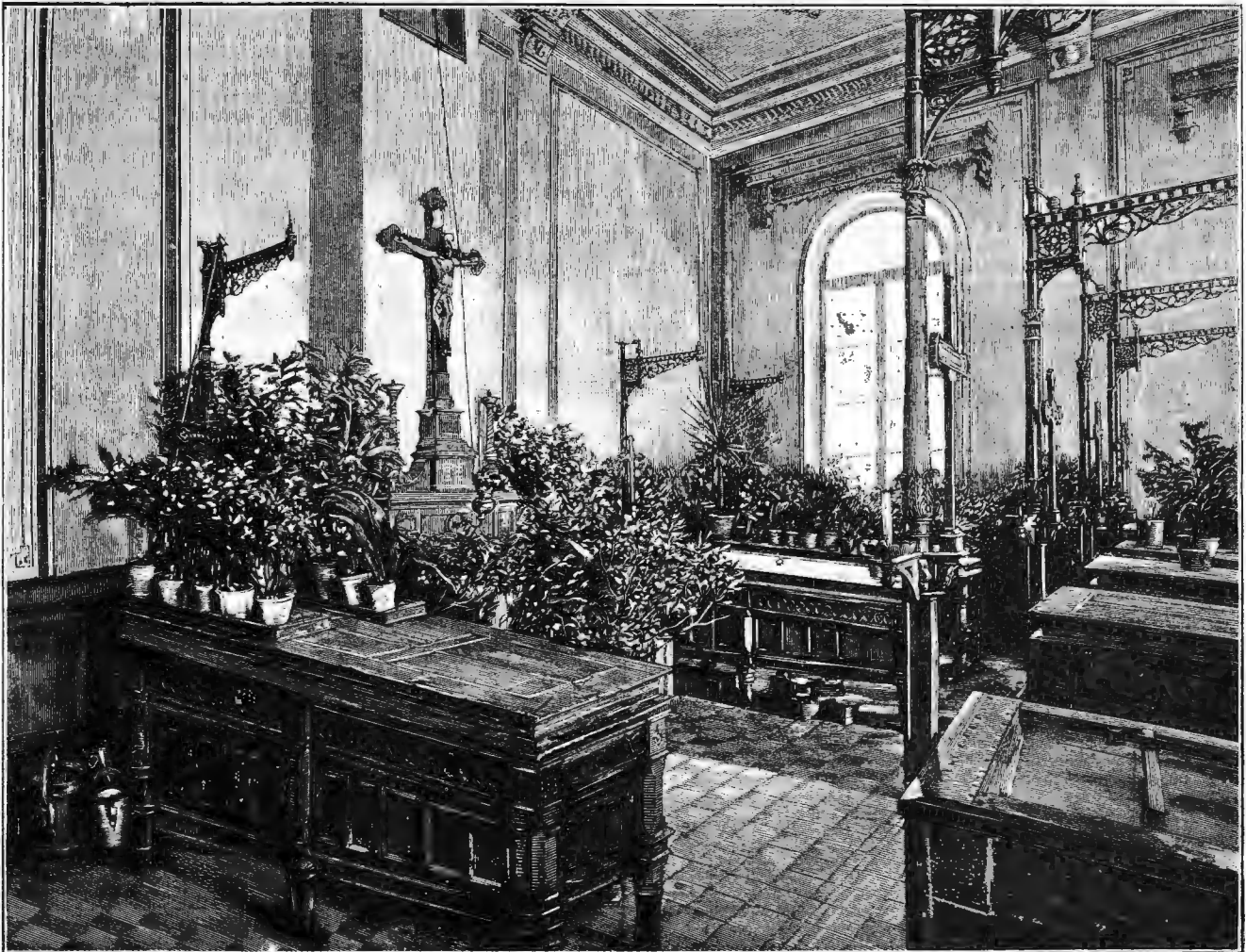
которыя, при его предшественникѣ, патриархѣ Іосифѣ, печатались съ рукописныхъ подлинниковъ, обезображенныхъ грубѣйшими ошибками, некажавшимъ самымъ смысломъ текстовъ; печатались людьми, не имѣвшими никакого понятія о греческихъ подлинникахъ, съ которыхъ русскія богослужебныя книги были переведены, не знавшими ни грамматики, ни правописанія. Но у этихъ глубоко-невѣжественныхъ людей было одно твердое, непоколебимо-усвоенное ими убѣжденіе:—уваженіе къ буквѣ текста богослужебныхъ книгъ, которую, по ихъ воззрѣніямъ, надо было сохранять неприкосновенною во что бы то ни стало, и отстаивать даже цѣною жизни. „Какъ можно исправлять книги, по которымъ молились святые подвижники и спаслись, и удостоились благодати?“—вотъ что служило главнымъ, основнымъ догматомъ для изувѣтровъ. И вотъ завязалась борьба, безпримѣрная по своему упорству! Къ сожалѣнію, крутой по нраву патриархъ Никонъ поддавался соблазну суровыхъ наказаній, которыми онъ думалъ подавить своихъ противниковъ и склонить къ смиренію передъ авторитетомъ главы русской Церкви. Но суровыя мѣры вызвали въ изувѣтрахъ только ожесточеніе и стремленіе къ мученичеству. Къ тому же, во главѣ ихъ явился извѣстный своимъ записками протопопъ Аввакумъ (изъ Юрьевца), человекъ желѣзной воли, одаренный умомъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ и громко вопившій противъ „новшества“ и исправленій, вводимыхъ Никономъ. Открыто выступая противъ патриарха и вызывая его на борьбу, онъ собралъ около себя сильную партію, къ которой принадлежали вліятельные и сановные люди, видѣвшие въ борьбѣ Аввакума съ патриархомъ подвигъ благочестія. Но Никонъ, пользовавшійся въ то время большимъ вліяніемъ на царя Алексѣя Михайловича, настоялъ на ссылкѣ Аввакума и нѣкоторыхъ его сторонниковъ въ дальніе сибирскіе остроги. Спустя нѣкоторое время, Никонъ палъ жертвою своего собственного высокомерія, и враги его восторжествовали. Аввакумъ съ братіею былъ возвращенъ изъ ссылки и могъ открыто проповѣдывать свои заблужденія въ Москвѣ и поносить исправленія, сдѣланныя въ богослужебныхъ книгахъ Никономъ. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, обласкавшій расколоучителя, тщетно пытался его склонить къ тому, чтобы онъ отказался отъ своихъ заблужденій; даже въ посвященный бояриномъ Теодоръ Ртищевъ склонился на сторону убѣжденных Аввакума. Но великій московскій соборъ, на который вызваны были и вселенскіе патриархи, одобрилъ книжные исправленія Никона и призналъ ихъ значеніе, а его противниковъ осудилъ и призналъ еретиками. Нѣкоторые изъ нихъ повинились и принесли покаяніе; но протопопъ Аввакумъ, дьяконъ Теодоръ и священникъ Лазарь унорствовавали въ своихъ заблужденіяхъ. Отлученные отъ Церкви и сосланные въ Пустозерскъ, они, нѣсколько поздне, добились своей цѣли и кончили жизнь на кострѣ (въ 1681 г.).

Со времени назначения на постъ с.-петербургскаго градоначальника (въ 1882 г.) П. А. Грессера (нынѣ покойнаго) въ нашей столицѣ была введена весьма полезная полицейская мѣра, служащая къ охраненію народнаго здоровья, именно устройство переносныхъ ручныхъ желѣзныхъ или чугуныхъ печей во всѣхъ концахъ города, на сравнительно недалекомъ разстояніи одна отъ другой, съ отпускомъ отъ домовладѣльцевъ пужнаго количества даровыхъ дровъ для подтопки, чтобы, такимъ образомъ, дать возможность проходящему люду отогрѣваться въ большіе морозы у костровъ. Существуетъ забавный анекдотъ, какъ однажды какой-то иностранецъ-французъ, посѣтившій Петербургъ, былъ настолько удивленъ этимъ дѣйствительно оригинальнымъ зрѣлищемъ пылающихъ на улицахъ костровъ, что послалъ за границу въ парижскую газету корреспондентъ-

Картина знаменитаго Ганса Макарга воскрешаетъ предъ нами одинъ изъ поэтичѣйшихъ образовъ всемірной литературы, очаровательную Гретхенъ. Художникъ изобразилъ знаменитую сцену изъ „Фауста“, — молитву Гретхенъ предъ образомъ Скорбящей Божьей Матери:

„Къ молящей,
Ты ликъ скорбящей
Склони, пойми тоску мою!
Твоя кручина
О смерти сына
Мечомъ пронзила грудь твою.
Къ отцу взираешь,
И возсылаешь
Ты воздыханьемъ скорбь свою.

Тоска въ моей груди!
Уйду-ль и горе сироту,
Я плачу, плачу, плачу,
И сердцу не спеситъ.
Всѣ стекла въ моемъ окошкѣ
Слезами вновь политы!
Когда я сегодня срывала
Тебѣ вотъ эти цвѣты.
Чуть солнце заблестѣло

Мюнхенскія покойницкія. Внутренній видъ покойницкой на Сѣверномъ кладбищѣ. По рис. III. авторинія „Нивы“.

цію, въ которой рассказывали, будто въ сѣверной Пальмирѣ такъ холодно, что даже улицы отапливаются печами. Se non è vero, è ben trovato. Г. Ткаченко изобразилъ одну изъ уличныхъ сценъ у костра. У горящей печи съ огненными языками, раздуваемыми сильными порывомъ вѣтра, столпились промерзшіе прохожіе, — тутъ и извозчикъ, и чуйка, и артельщикъ. Всѣмъ — даровое тепло. Въ перспективѣ видѣются отдѣльныя фигуры мужчинъ и женщинъ, закутанныхъ, сѣдѣющихъ къ мѣсту назначенія. Все кругомъ — тусклое, сѣроваго цвѣта; снѣгъ отвердѣлъ и хруститъ подъ ногами движущихся людей и пробѣгающихъ колесъ. Зима въ полномъ разгарѣ. Въ такое время уличные костры, особенно по ночамъ, являются истиннымъ благодѣліемъ. Сколько людей, благодаря кострамъ, избавилось отъ замерзанія или, въ худшемъ случаѣ, отъ обмороженія конечностей! Кроме переносныхъ печей, у нѣкоторыхъ зданій, напримѣръ, — около дворцовъ, бывшаго Большаго театра и т. п., были построены съ давнихъ поръ постоянныя печи для отогрѣванія извозчиковъ, а также — временно въ центральныхъ мѣстахъ (на Невскомъ противъ Гостиного двора, на набережной Екатерининскаго канала у Государственнаго банка) были сооружены просторныя подвижныя палатки изъ какого-то легкаго матеріала, въ которыхъ свободно могли находить убѣжище человѣкъ 20. Конечно, никакіе костры не могутъ ихъ замѣнить въ лютые морозы

Кто знаетъ,
Какъ таетъ
Во мнѣ вся сила до дна?
Чѣмъ бѣдное сердце страдаетъ,
Что дрожью его обнимаетъ,
Ты знаешь, ты знаешь одна!
Куда бы ни пошла я,
Больна, больна, больна я,

Поутру мнѣ въ окно,
А я опять сидѣла
Въ постели ужъ давно.
Спаси! укрой рабу свою!
Къ молящей,
Ты ликъ скорбящей
Склони, пойми тоску мою!
(Переводъ А. Фета).

Воспроизводимый нами рисунокъ художника Зика изображаетъ одинъ изъ драматическихъ моментовъ исторіи. Сцена происходитъ во время рождественской утрени во франкфуртскомъ соборѣ; великодушный Оттонъ прощаетъ своего младшаго брата Генриха, приносящаго повинную во всемъ, чѣмъ онъ провинился передъ императоромъ. А преступленіе было не малое. Подстрекаемый матерью своею, вдовствующею королевой Матильдой, любившей младшаго сына гораздо болѣе старшаго, Генрихъ дважды, съ оружіемъ въ рукахъ, всталъ противъ брата, стремился занять его мѣсто на престолѣ. Оба раза, однакоже, онъ былъ побѣжденъ. Въ первый разъ Оттону, отличавшемуся великодушіемъ, не трудно было простить провинившагося брата, когда тотъ обратился къ нему съ повинной; но когда Генрихъ опять нарушилъ данный обѣщаніи, онъ всталъ противъ брата и задумалъ даже умертвить его, Оттонъ счелъ своимъ долгомъ передъ государ-

ством — предать вѣроломнаго брата верховному суду, составленному изъ вельможъ. Взятый въ плѣнъ, Генрихъ былъ заключенъ въ тюрьму въ Ингельгеймъ. Невыносимо было для него это заключеніе, и вотъ, съ помощью одного майицкаго священника, ему удалось бѣжать. Снова получилъ онъ свободу, но въ нравственномъ отношеніи это былъ уже совсѣмъ другой человекъ; заключеніе въ тюрьмѣ, предстоящій судъ и возможность смертной казни — все это вызвало въ его душѣ переворотъ. Въ рождественскую утрению 941 года, одѣтый во власянищу, онъ пришелъ во франкфуртскій соборъ и тамъ, приблизившись къ брату Оттону, налъ передъ нимъ ницъ, въ глубокомъ, искреннемъ раскаяніи. Великодушіе опять одержало верхъ. Въ знакъ своего примиренія, онъ поднялъ брата и тутъ же объявилъ ему полную свободу. Съ этихъ поръ отношенія между Оттономъ и Генрихомъ установились самыя братскія; ничто уже не могло нарушить ихъ взаимнаго согла-

шого физическаго напряженія. Ъзда на нихъ по снѣгу и по льду совершается такимъ образомъ: ѣдущій то одною ногою, то другою, попеременно, подталкиваетъ себя впередъ, тогда какъ другая, свободная отъ работы, нога плотно стоитъ въ это время на соответствующей подножкѣ, приделанной къ каждому изъ полозьевъ саней; при спускѣ по наклонной плоскости подталкиванья, разумѣется, не требуется; напротивъ того, при большой крутизнѣ спуска приходится ногою, такъ сказать, тормозить сани; это облегчается тѣмъ, что къ подошвѣ сапога прикрѣпляются своего рода шпоры, не позволяющія ногѣ скользить по льду или по снѣгу. Такія сани служатъ не только для передвиженія людей, но и для перевозки рабочихъ инструментовъ, провизіи, дровъ и т. п. Конечно, съ грузомъ сани подвигаются значительно медленнѣе, но безъ груза, при благоприятной, гладкой дорогѣ по снѣгу или по льду рѣки или озера, шведскіе и норвежскіе крестьяне проѣзжаютъ на нихъ обыкновенно отъ

Гр. Л. Н. Толстой. Д. В. Григоровичъ. А. В. Дружининъ. А. Н. Островскій.
Н. А. Гончаровъ. И. С. Тургеневъ.
Группа русскихъ писателей. По фотографіи, снятой въ 1855 г., автотипія „Нива“.

сія. Въѣсто презабіяго опаснаго врага, король, а въ послѣдствіи императоръ Оттонъ приобрѣлъ себѣ теперь, своимъ великодушіемъ, вѣрнаго друга и надежную опору въ государственныхъ дѣлахъ.

*

Еще въ очень недавнее время всякаго рода спортъ являлся занятіемъ исключительно лѣтнимъ; только катанье на конькахъ пользовалось правомъ гражданства зимою. Но за послѣдніе годы любители зимняго спорта перестали удовлетворяться однимъ коньками; явилось катанье на буграхъ, хожденіе на лыжахъ, а теперь обѣщаетъ появиться еще новый родъ зимняго спорта, пользующійся уже много лѣтъ большимъ распространеніемъ въ Швеціи и Норвегіи, а недавно перешедшій и въ Германію. Спортъ этотъ — катанье на шведскихъ бѣговыхъ саняхъ. Последнія и въ Швеціи появились не очень давно. До того шведскіе и норвежскіе крестьяне пользовались исключительно лыжами. Но лыжи имѣютъ большое преимущество въ смыслѣ скорости движенія лишь при спускѣ по наклонной плоскости и требуютъ при этомъ и большой силы, и большой ловкости. Вызаетъ нерѣдко, что при неосторожности или неосторожности дѣло кончается довольно печально. Новыя бѣговые сани исключаютъ всякую возможность какого-либо несчастія; онѣ одинаково пригодны и для взрослыхъ, и для дѣтей, и для мужчинъ, и для женщинъ, и не требуютъ отъ ѣдущаго боль-

15 до 18 верстъ въ часъ. Провалиться на этихъ саняхъ сквозь ледъ очень мудрено даже въ томъ случаѣ, если онъ совсѣмъ тонокъ, потому что довольно широкія и длинныя (метра въ 2—2½) полозья саней распределяютъ тяжесть на очень большую поверхность. Сани эти, какъ уже сказано, появились недавно, но уже составляютъ теперь необходимую принадлежность въ обиходѣ шведскаго и норвежскаго крестьянина. Ему ежедневно приходится совершать довольно далекія путешествія отъ дома къ мѣсту работы. Изъ дому нужно захватить провизію на завтракъ и на обѣдъ, а вечеромъ привезти домой или нарубленныя въ лѣсу дрова или добычу охоты. На бѣговыхъ саняхъ шведскіе крестьяне совершаютъ это и легче, и быстрѣе всего. Очень живописно зрѣлище, когда работники возвращаются похъ вечеръ домой вмѣстѣ, быстро скользя на саняхъ одинъ за другимъ, въ особенности, если уже стемнѣло и на каждахъ саняхъ зажженъ фонарь.

Группа русскихъ писателей.

(Рис. на этой стр.)

„Четыре письма Некрасова къ гр. Л. Н. Толстому“, напечатанныя въ февральской книжкѣ нашихъ „Литературныхъ Приложеній“, переносятъ читателя въ славную эпоху нашей литературы, когда народились или окончательно сложились такіе столпы ея, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, гр.

Л. Толстой, Григоровичъ, Дружининъ. Это были 50-е годы, расцвѣтъ журнала *Современникъ*, когда въ редакціи этого журнала сосредоточивались представители той русской литературы, которая наложила свой яркій отпечатокъ на вторую половину XIX-го столѣтія и привлекала къ себѣ вниманіе всей Европы.

Тогда же по окончаніи крымской войны въ Петербургъ пріѣхалъ гр. Л. Толстой, напечатанный уже первый свои литературныя произведенія въ *Современникъ*. Онъ сталъ своимъ членомъ въ редакціи этого журнала и вступилъ съ нею въ близкое, дружеское общеніе. Воспоминаніемъ объ этомъ времени и является помѣщаемая въ настоящемъ номерѣ *Нивы* группа, — точное воспроизведеніе фотографіи того времени. Въ изображеніи на ней писатели находятся въ цвѣтъ лѣтъ; имена ихъ тогда уже были извѣстны всей образованной Россіи. Тургеневъ прославился своимъ „Запискамъ охотника“, Гончаровъ — своею „Обыкновенною исторіею“, Островскій — своею безсмертною комедіею „Банкротъ“ („Свои люди, — сочтемся“), Дружининъ — своимъ романами и „Письмами иногороднаго подписчика“, Григоровичъ — своимъ „Автономъ Горемыкой“, наконецъ наиболѣе молодой изъ этой плеяды писателей, гр. Л. Н. Толстой — такими произведеніями, какъ „Дѣтство“, „Отрочество“ и севастопольскіе рассказы.

Большинство изъ этихъ славныхъ писателей уже умерли: Дружинина, Тургенева, Островскаго, Гончарова не стало. Но въ нашей памяти они живы, какъ и тѣ два писателя, которые продолжаютъ еще творить среди насъ. Живыхъ и мертвыхъ объединяетъ въ нашемъ сознаніи великое ихъ служеніе родному слову. Для такихъ дѣятелей смерти нѣтъ: благодаря своимъ свѣтлымъ идеаламъ и выдающимся способностямъ, они глубоко вѣзались въ нашей памяти, сильно волнуютъ наши сердца, зародили въ насъ избытокъ прекрасныхъ, возвышенныхъ чувствъ, и потому вѣщій ихъ обликъ намъ такъ милъ, такъ дорогъ. Глядя на помѣщенную здѣсь группу русскихъ писателей, мы чувствуемъ себя какъ бы въ родной семьѣ, среди дѣятелей, которые щедрою рукою намъ передали лучшую часть своихъ стремленій и надеждъ и зародили въ насъ жажду идеала, просвѣщенную любовь къ родинѣ и мужество въ борьбѣ съ общественною неправдою...

Эмиль Зола. (Портр. на этой стр.)

Мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ *Нивы* портретъ самаго знаменитаго изъ современныхъ французскихъ писателей, Эмиля Зола, по поводу дѣла, не имѣющаго впрочемъ ничего общаго съ литературою. Зола счелъ нужнымъ выступить публично съ рѣзкими обвиненіями въ дѣлѣ Дрейфуса. За эти обвиненія онъ самъ былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности, и такимъ образомъ возникъ процессъ, который въ теченіе двухъ недѣль держитъ въ напряженіи всю Европу. Знаменитый писатель сталъ героемъ дня, но не какъ авторъ выдающагося литературнаго произведенія, а какъ виновникъ крупнаго политическаго скандала.

Нашимъ читателямъ хорошо извѣстна сущность дѣла Дрейфуса. Этого бывшаго французскаго офицера обвинили въ томъ, что онъ продалъ другимъ правительствамъ важныя военныя тайны. Военный судъ, состоявшій изъ его товарищей, призналъ эти обвиненія вполнѣ доказанными и произнесъ надъ Дрейфусомъ приговоръ, въ силу котораго онъ былъ лишенъ военнаго званія и сосланъ, какъ преступникъ, въ отдаленную французскую колонію. Этотъ строгій приговоръ военного суда могъ многимъ показаться неубѣдительнымъ, вслѣдствіе того, что дѣло Дрейфуса, по самому существу своему, не подлежитъ полной огласкѣ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что дѣла подобнаго рода естественно требуютъ тайны. Для того, чтобы вѣрнѣе достигнуть высшей безопасности страны и нанести неприятелю въ случаѣ войны поражение, военное вѣдомство считаетъ дозволеннымъ прибѣгать къ подкупамъ, пользоваться другими средствами того же рода, и этимъ путемъ вывѣдывать разныя военныя тайны. Когда, какъ въ данномъ случаѣ, шпионство обнаружено, для вѣстосторонняго выясненія истины неизбежно пришлось бы указать не только на лицо, подкупленное чужимъ правительствомъ, но и на правительство, его подкупившее. Это представляетъ большую опасность для дру-

жественныхъ и мирныхъ отношеній съ этимъ правительствомъ, и поэтому процессы, вызываемые подобнаго рода дѣлами, никогда не подлежатъ полной огласкѣ: всегда приходится скрывать нѣкоторые документы и обстоятельства дѣла.

Все это повторилось и въ дѣлѣ Дрейфуса. Поэтому естественно создалась почва для сомнѣній въ дѣйствительной виновности Дрейфуса, и люди, вполнѣ искренніе, могутъ утверждать, что тѣ доказательства его виновности, которыя получили огласку, еще недостаточны, чтобы произнести надъ нимъ обвинительный приговоръ.

Но мы тутъ очевидно имѣемъ дѣло съ недоразумѣніемъ. Правильное судоустройство требуетъ, чтобы судъ дѣйствительно былъ знакомъ со всеми обстоятельствами дѣла; но это еще не значитъ, чтобы при публичности судоустройства и публикѣ сообщались всѣ обстоятельства дѣла. Тамъ, гдѣ общество привлечено къ судебной дѣятельности, судъ часто прибѣгаетъ къ разсмотрѣнію и обсужденію дѣла при закрытыхъ дверяхъ. Присяжные также совѣщаются и составляютъ свой вердиктъ не на глазахъ у публики. Гарантіею правильнаго судоустройства

служитъ участіе общества въ судѣ и приговорѣ. По это еще не значитъ, чтобы тутъ необходима была полная гласность. Требуется только, чтобы всѣ гарантіи, предоставляемыя закономъ обвиняемому, были строго соблюдены. Если же произошло нарушеніе этихъ гарантій, то долженъ быть обезпеченъ пересмотръ дѣла при новомъ составѣ судей.

Дрейфуса осудилъ судъ товарищей, какъ этого и требуетъ дѣйствующій во Франціи законъ. Военное вѣдомство убѣждено въ его виновности; убѣждены въ ней и представители высшей власти. Но лица, не имѣющія возможности ознакомиться со всеми обстоятельствами дѣла, сомнѣваются, хотя понятно и не въ состояніи представить другія доказательства основательности своихъ сомнѣній, какъ только фактъ утайки нѣкоторыхъ документовъ, которые скрываются по вышеизложеннымъ причинамъ. Такимъ образомъ, въ юридическомъ отношеніи весь споръ между противниками и защитниками Дрейфуса становится совершенно бесплоднымъ: доказать или опровергнуть его виновность могутъ только тѣ, кто знакомъ со всеми обстоятельствами дѣла, а знакомы съ ними только высшее гражданское и военное начальство.

Но если въ юридическомъ отношеніи осужденіе дѣла при такихъ условіяхъ представляется намъ совершенно безплоднымъ, то постоянное его возбужденіе можетъ оказаться весьма выгоднымъ въ политическомъ отношеніи. Доказывать, что осужденъ невиновный, значитъ дискредитировать правительство, которое допускаетъ вопиющее нарушеніе правосудія. Наноситъ правительству подобныя удары очень удобно, потому что правительство защищаться не можетъ, т.-е. не можетъ представить тѣхъ документовъ, оглашеніе которыхъ выяснило бы истину, но въ то же время навлекло бы на него неудовольствіе другихъ правительствъ и могло бы вызвать опасное вѣнчаніе столкновеніе. Дѣло Дрейфуса составляетъ только одно звено въ длинной цѣпи тѣхъ безконечныхъ ударовъ, которые противники французскаго правительства наносятъ ему за послѣднее десятилѣтіе: оно является естественнымъ продолженіемъ систематической атаки людей, добивающихся власти, противъ тѣхъ, которые ею располагаютъ. Вулаизмамъ, Панамы и дѣло Дрейфуса тѣснымъ образомъ связаны между собою въ этомъ отношеніи. Если бы не существовало яростной оппозиціи противъ установленнаго во Франціи строя и противъ лицъ, поставленныхъ во главѣ этого строя, то буланжизмъ никогда не достигъ бы своихъ опасныхъ размѣровъ, Панамы и дѣло Дрейфуса были бы предоставлены исключительно карающей рукѣ правосудія, а не приобрѣли бы характера грозныхъ политическихъ вопросовъ, которые колеблютъ французскую республику въ ея основаніяхъ... Но бѣда именно въ томъ, что тутъ постоянно примѣшиваются политическія страсти, что Панамой или дѣломъ Дрейфуса пользуются тѣ, кто добивается власти, чтобы свергнуть тѣхъ, кому она доверена, и влѣсть съ тѣмъ проложить себѣ дорогу къ незаслуженному вліянію и связаннымъ съ нимъ выгодамъ. Простые вопросы умыленно искажаются, преднамѣренно создаются мутныя волны, въ которыхъ и опычному взгляду ориентироваться трудно, и здравый судъ общества затемняется.

Даже великіе писатели бывають часто очень плохими поли-

Эмиль Зола.

По гравюрѣ авторствіи „Нивы“.

тиками. Мы не имѣемъ никакого основанія не довѣрять искренности Зола. Но, ставъ на почву формальнаго правосудія, онъ, думается намъ, оказываетъ плохую услугу своему отечеству и разжигаетъ политическія страсти тамъ, гдѣ ему слѣдовало бы ихъ успокаивать трезвыми и краснорѣчивыми своими словами. Уличныя сцены насилія и отвратительная національная рознь могутъ служить яснымъ доказательствомъ тѣхъ нежелательныхъ послѣдствій, которыя имѣлъ его процессъ; дискредитированіе государственнаго строя, установленнаго послѣ тяжелой и кровопролитной вѣковой борьбы и соотвѣтствующаго желаніямъ громаднаго большинства французовъ, является дальнѣйшимъ печальнымъ послѣдствіемъ этого процесса.

Но все это несколько не умаляетъ литературныхъ заслугъ самаго выдающагося изъ современныхъ французскихъ писателей, и мы пользуемся случаемъ, чтобы воспроизвести на страницахъ *Нивы* его портретъ. Хотя Зола стукнуло теперь уже 57 лѣтъ, но онъ пользуется прекраснымъ здоровьемъ, и мы отъ души желаемъ, чтобы оно ему еще долго не измѣнило, чтобы онъ еще многіе годы служилъ французской литературѣ, а черезъ нее и общеввропейской.

Н. С. Васильева. (Портр. на этой стр.)

Одна изъ талантливейшихъ русскихъ актрисъ, Надежда Сергѣевна Васильева, простилась съ публикой Александринскаго театра, на которомъ она съ честью прослужила двадцать лѣтъ, начиная съ 1878 г. Почему она „простилась“, находясь въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта, что за причина ея безвременнаго оставленія казенной сцены, на которой она по праву занимала одно изъ первыхъ мѣстъ,—мы не знаемъ. Многіе даже думаютъ, что она еще останется въ труппѣ и будетъ продолжать свою дѣятельность на пользу роднаго искусства, и высказываютъ надежды въ этомъ смыслѣ, но слуховъ о возобновленіи съ нею контракта нѣтъ; слѣдовательно, benefices ея, состоявшійся 5-го февраля, долженъ считаться „фактически протальнымъ“.

Выбрала она для прощанія второй актъ пьесы „Безъ вины виноватыхъ“ Островскаго и „Хрущевскихъ помѣщиковъ“ Федотова, въ которыхъ она такъ типично играетъ Глашу. Нечего говорить о томъ, что публика ее восторженно принимала и сердечно простилась съ нею. Товарищи по сценѣ съ г. Давыдовымъ и г-жей Жулевой во главѣ устроили ей овацію въ фойѣ театра, сопровождавшуюся рѣчами, чтеніемъ телеграммъ, цѣннымъ подаркомъ отъ труппы и даже слезами. Чествованіе однако не происходило почему-то на глазахъ у публики, т.-е. на сценѣ, хотя артистка эта, покидающая нашу сцену, всегда пользовалась большимъ успѣхомъ именно у публики, дѣйствіемъ въ ней добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, любовь къ искусству и несомнѣнный талантъ.

За двадцать лѣтъ своего пребыванія на Александринской сценѣ г-жа Васильева имѣла достаточно случаевъ доказать свои выдающіяся способности, и едва ли предстоитъ въ настоящую минуту необходимость перечислять всѣ роли ея обширнаго репертуара; онѣ въ памяти у всѣхъ почитателей нашего драматическаго театра. Она особенно выдѣлялась начитанностью, общимъ образованіемъ и художественнымъ вкусомъ; она всегда давала нѣчто законченное, зрѣло обдуманное. Эти ея качества были особенно цѣны при исполненіи историческихъ ролей или же въ пьесахъ классическаго репертуара (Мольера и др.). Кто въ состояніи замѣнить ее,—трудно сказать.

Надежда Сергѣевна — дочь знаменитыхъ въ исторіи русскаго театра Сергѣя Васильевича и Екатерины Николаевны Васильевыхъ, имена которыхъ занимаютъ почетное мѣсто вслѣдъ за такими дѣятелями, какъ Щепкинъ, Садовскій, Шумскій, Самойловъ, Самаринъ и пр. Родилась она въ 1852 г. и въ началѣ семидесятыхъ годовъ уже играла съ успѣхомъ въ Маломъ театрѣ въ Москвѣ; съ конца же семидесятыхъ годовъ она постоянно дѣлила успѣхъ вмѣстѣ съ г-жей Савиной. Дѣятельность г-жи Васильевой не ограничилась исполненіемъ ролей; одно время она принимала живое участіе въ разсмотрѣніи пьесъ, какъ членъ литературно-театрального комитета; кромѣ того, она состояла преподавательницей драматическаго искусства въ театральномъ училищѣ, гдѣ она также приносила большую пользу своимъ трудомъ, опытомъ и знаніями.

Между пианистками дѣвочка Паула Шалитъ занимаетъ выдающееся мѣсто. Ей всего 11 лѣтъ, но она обратила на себя вниманіе всего петербургскаго музыкальнаго мира. Она дала три концерта, кромѣ музыкальнаго утра, устроеннаго въ депо ролей Беккера въ присутствіи однихъ только музыкантовъ: профессоровъ консерваторіи, пианистовъ, музыкальныхъ критиковъ и др. Залъ кредитнаго общества, въ которомъ происходили ея концерты, всегда былъ переполненъ публикой. Дѣйствительно, предъ нами феноменальное явленіе: это дитя уже играетъ лучше многихъ взрослыхъ пианистовъ, окончившихъ консерваторію.

Паула Шалитъ. (Портр. на этой стр.)

Паула Шалитъ воспитывалась за границей, занималась сначала у д'Альбера, а послѣднее время у Гофмана. Учителя дали прекрасное направленіе ея блестящимъ природнымъ дарованіямъ. Исполняетъ она серьезный репертуаръ, въ который входятъ произведенія корифеевъ фортепьянной литературы, начиная съ Баха и кончая современными авторами. Игра ея облачаетъ не только прекрасную для ея лѣтъ технику, но и пониманіе, — скорѣе, конечно, инстинктивное, чѣмъ прочувствованное, пережитое.

Поражаетъ эта юная артистка и своими импровизаціями на предложенныя публикой темы, которыя она тутъ же гармонируетъ и превращаетъ въ самостоятельныя, законченныя пьесы. При всемъ томъ, очень жаль, что ея молодая сила подвергается такому испытанію; ихъ надо бы поберечь, дать имъ окрепнуть, расцвѣсть. Импровизаціи, равно какъ и публичное исполненіе, требуютъ большого умственнаго напряженія и извѣстнаго нервнаго возбужденія. Частыя упражненія подобнаго рода должны невыгодно вліять на ея физическое состояніе и тѣмъ болѣе на ея душевный міръ.

В. Басинъ.

Н. С. Васильева.
Съ фот. Е. Мрозовской автотипія „Нивы“.

Политическое обозрѣніе.

Въ Парижѣ, среди всеобщаго возбужденія умовъ, вызваннаго процессомъ Зола, произошло мирное событіе, наименѣе французскимъ патриотамъ обь устойчивости международнаго положенія Франціи, несмотря на всѣ партійные раздоры.

Въ Елисейскомъ дворцѣ состоялся 6-го февраля торжественный приемъ новаго русскаго посла князя Урусова. Парадный кортежъ двинулся изъ русскаго посольства, пріивѣтствуемый громкими кликами: „да здравствуетъ Россія!“ Во дворцѣ президента республики, послѣ оказанія послу военныхъ почестей, высокаго гостя ожидалъ въ большомъ залѣ г. Форъ, окруженный всѣми министрами. Вручая президенту республики аккредитивное письмо Государя Императора, посоль напомнилъ въ своей рѣчи о „повелѣніи Его Величества приложить всю бдительность къ сохраненію превосходныхъ отношеній, существующихъ между Франціей и Россіей, къ великой выгодѣ обѣихъ дружественныхъ и союзныхъ націй“. Указавъ далѣе на то, что „откровенное, тѣсное и сердечное согласіе“ будетъ продолжаться „служить гарантіей общаго мира и благоденствія обѣихъ странъ“, посоль заявилъ, что посвятить всѣ усилія къ выполненію своей миссіи, пользуясь при этомъ „весьма цѣннымъ залогомъ успѣха“ — обоюдными франко-русскими симпатіями и руководясь примѣромъ своего предшественника, воспоминаніе о которомъ неразрывно связано съ обличеніемъ обѣихъ странъ.

Въ заключеніе посоль сказалъ, что задача его будетъ облегчена, если исполнится его самое дорогое желаніе—пріобрѣсти „довѣріе президента и дружественное содѣйствіе французскаго правительства“.

Президентъ Форъ отвѣтилъ, что онъ въ той же мѣрѣ, какъ и императорское правительство, цѣнитъ взаимныя выгоды „откровеннаго, тѣснаго и сердечнаго согласія“, усматривая въ немъ гарантію общаго мира и залогъ благоденствія обѣихъ

Паула Шалитъ.
Съ фот. автотипія „Нивы“.

союзных и дружественных наций. Отбытие посла из Елисейского дворца произошло также—по церемониалу, при шумной овации громадной толпы народа.

В палатѣ депутатовъ тѣмъ временемъ правительство одержало побѣду надъ оппозиціей. При большомъ стеченіи публики 8-го февраля былъ предъявленъ запросъ министерству о недавнихъ беспорядкахъ въ Алжирѣ съ упрёками по адресу мѣстныхъ властей и министерства. Послѣ преній правительство согласилось съ формулой перехода къ очереднымъ дѣламъ того содержания, что „только политика, чуждая племенныхъ и вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, можетъ обезпечить спокойствіе и безопасность въ Алжирѣ“. Палата приняла формулу большинствомъ 361 голоса противъ 80. Благодаря этой побѣдѣ, положеніе министерства г. Меллиа значительно улучшилось, и законодательная работа парламента какъ будто пошла усильнѣе.

Въ дѣлахъ Балканскаго полуострова для европейскихъ державъ съ каждымъ годомъ выступаетъ необходимость считаться съ политическими домогательствами мелкихъ государствъ. Каждый разъ, какъ только высккиваетъ гдѣ-либо въ Османской имперіи недовольство существующимъ порядкомъ вещей, для Европы создается успешная забота энергичными мѣрами локализовать пожаръ. Такъ было и въ прошлогоднюю греко-турецкую войну, когда по почину Россіи предложено было балканскимъ государствамъ не нарушать мира. Вынужденный нейтралитетъ далъ поводъ этимъ государствамъ добиваться кое-какихъ уступокъ со стороны Турціи. По авторитетному мнѣнію знатоковъ дѣла, Греція сама себя вычеркнула изъ списка наследниковъ Турціи, послѣ прошлогоднихъ военныхъ неудачъ; Румынія по географическимъ условіямъ не въ состояніи оказать воздѣйствія на Турцію. Такимъ образомъ, Порту приходится пока имѣть дѣло съ притязаніями болгаръ и сербовъ, обещая тѣмъ и другимъ разныя выгоды. Съ одной стороны

началась проволочка въ выдачѣ обещанныхъ бератовъ болгарскимъ епископамъ въ Македоніи, а съ другой—состоялось назначеніе усербскимъ епископомъ сербскаго архимандрита. Недовольная поведѣніемъ Порты, Болгарія, пригрозивъ удерживать румелийскую дань, стала строить укрѣпленія по границѣ съ Турціей; въ то же время въ Македоніи появились болгарскіе отряды. Послѣ рѣшительнаго представленія со стороны Болгаріи султанъ выдалъ эскархату бераты на новыхъ епископскіхъ каюедры. Одновременно съ этимъ турки энергичными мѣропріятіями подавили броженіе въ Македоніи. По послѣднимъ извѣстіямъ, болгарское правительство заручилось обещаніемъ Порты облегчить участь замѣшанныхъ въ движеніи болгаръ, а также—смыть въ некоторыхъ представителяхъ турецкой власти.

Полученное сербами разрѣшеніе Порты открыть школы въ Македоніи значительно содѣйствовало охлажденію отношеній между обоими соседними славянскими государствами. Появленіе сѣ-короля Милана въ Бѣградѣ въ званіи главнокомандующаго сербской арміей истолковывается комментными кружками, какъ намѣреніе Сербіи стремиться къ „политическому равновѣсію“ на Балканскомъ полуостровѣ. Глухая борьба между сербами и болгарами изъ-за Македоніи легко можетъ перейти въ открытое столкновеніе. При нынешнемъ положеніи вещей, ожидаемый въ началѣ марта пріездъ болгарскаго князя Фердинанда въ Россію слѣдуетъ считать событіемъ, не лишнимъ политическаго значенія: князь Болгаріи получить, надо полагать, точное представленіе о взглядахъ нашего отечества на балканскія дѣла и о необходимости содѣйствовать сохраненію мира, сколько бы ни закончилась въ Турціи горячаго матеріала для опаснаго пожара. Съ другой стороны, позволительно надѣяться, что Европа, при всѣхъ своихъ дипломатическихъ заботахъ, не допуститъ, чтобы мелкіе интересы балканскихъ государствъ создали серьезныя замѣшательства на Востокѣ.

Смѣсь.

Образъ жизни Зола отличается необычайной простотой. Знаменитый романистъ встаетъ въ 7 часовъ утра и во всякое время года беретъ холодную ванну, послѣ чего съѣдаетъ одно яйцо въ-смятку: это его первый завтракъ. Затѣмъ онъ ведетъ свою собаку на рѣку, а по возвращеніи роется къ великому огорченію садовника, въ клумбахъ своего сада. Ровно въ 9 часовъ онъ садится за письменный столъ и покидаетъ его ровно въ часъ; эту четырехчасовую работу онъ вѣшилъ себѣ въ обязанность и не отступаетъ отъ нея даже въ тѣхъ случаяхъ, когда съ приближеніемъ развѣлки ему хочется поскорѣе кончить свое произведеніе. Отъ 9-ти до 1 часа онъ списываетъ около пяти листовъ бумаги, что равняется почти чегаремъ печатнымъ страницамъ его книги. Послѣ короткаго завтрака Зола облачается въ костюмъ изъ дешеваго плеса, какой въ Парижѣ носятъ каменщики, нагнываетъ высокіе сапоги и, не разбирая дороги, отправляется на свою обычную трехчасовую прогулку пешкомъ или на велосипедѣ. По возвращеніи домой онъ просматриваетъ газеты и занимается корреспонденціей, пока не прозвонитъ обѣденный колоколь. Послѣ обѣда онъ играетъ съ пріятелемъ партію-другую на биліардѣ, а когда нѣтъ гостей, слушаетъ игру своей жены на роялѣ. Въ 9 часовъ Зола уходитъ къ себѣ и изучаетъ свои знаменитые „человѣческіе документы“, подготавливая матеріалъ для работы слѣдующаго дня. Въ 11 часовъ онъ въ постели и читаетъ до 1 часа ночи при свѣтѣ сдѣланной по его указаніямъ лампы, практичностью которой онъ гордится больше, чѣмъ всей серіей „Ругошъ-Макаровъ“. Затѣмъ знаменитый романистъ засыпаетъ мертвымъ сномъ. Такъ какъ первый его въ полномъ порядкѣ, то шестичасовой сонъ вновь восстанавливаетъ его силы. Въ тѣдъ Зола еще умѣреннѣе. Поразительно, до чего мало нищи ему нужно для поддержанія его могучей жизненной энергіи. Онъ не вознаграждаетъ себя за скудный первый завтракъ и въ теченіе дня даетъ очень мало работы челюстямъ. Зола убѣжденный вегетарианецъ; правда, утромъ и вечеромъ онъ заставляетъ себя съѣсть ломтикъ ростбифа или курицы, но дѣлаетъ это только „въ угоду женѣ, которая утверждаетъ, что это здорово“. Зато онъ съ увле-

ченіемъ углубляется въ блюдо цвѣтной капусты или шиншата. Нирожнаго и сладостей онъ не признаетъ такъ же, какъ сигары; онъ не куритъ и не пьетъ. Съ гостями онъ пѣтъ утѣности выпиваетъ рюмку ликера; но обыкновенно не притрогивается ни къ вину, ни къ пиву, ни къ кофе; не пьетъ даже воды, довольствуясь двумя чашками чая въ теченіе дня. Зола уже близокъ къ шестидесяти годамъ, но на видъ этому коренастому человѣку съ тяжелой походкой, сильно развитой мускулатурой и коротко осгриженной круглой головой на массивной шеѣ можно дать не болѣе пятидесяти. Онъ пользуется желѣзнымъ здоровьемъ, которое при существующихъ обстоятельствахъ (сколько тревоженій онъ теперь переживаетъ благодаря вызванному имъ самимъ процессу!) ему какъ нельзя болѣе необходимо.

Японскіе Ротшильды. Въ промышленномъ мірѣ Японіи имѣется нѣкая семья Митсуи, которую, но богатству и положенію, можно сравнить съ семействомъ европейскихъ Ротшильдовъ. Разница состоитъ лишь въ томъ, что въ то время, какъ Ротшильды сосредоточиваютъ всю свою дѣятельность на финансовыхъ, банковыхъ предпріятіяхъ, японцы Митсуи раскинули свою фирму на всѣ отрасли финансовъ, промышленности и торговли. Имъ принадлежитъ крупный банкъ въ Токио, имѣющій отдѣленія во всей странѣ; они же стоятъ во главѣ многихъ пароходствъ, угольныхъ копей, желѣзныхъ дорогъ и всякаго рода фабрикъ. Нѣтъ такой новой отрасли промышленности въ Японіи, которая не эксплуатировалась бы прежде всего ими. Всѣ разнообразныя спеціальныя грандіозной фирмы находятся въ завѣдываніи членовъ семейства Митсуи, у которыхъ состоятъ помощниками множество разныхъ директоровъ и управляющихъ. Капиталъ этого семейства простирается до пятидесяти милліоновъ іенъ, т. е. до ста милліоновъ рублей приблизительно. Члены этой фамилии живутъ на самую широкую ногу и не скупятся на расходы. Въ Токио ими основано громадное учрежденіе, носящее названіе „клуба Митсуи“. Тутъ устраиваются пріемы для высокопоставленныхъ особъ, для именитыхъ чужестранцевъ и вообще для всѣхъ, кого хозяева желаютъ чувствовать; пріемы эти совершаются съ чисто царскою роскошью.

Разныя извѣстія.

— Высочайшимъ приказомъ отъ 12-го февраля почетный московскаго учебнаго округа т. с. Боготловъ назначенъ управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

— Съ Высочайшаго соизволенія Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны Комитетомъ Попечительства о Домахъ Трудолюбивыхъ и Работныхъ Домахъ предпринято съ ноября мѣсяца 1897 г. изданіе ежемѣсячнаго журнала *Трудовая Политика* подъ редакціей профессора В. Ф. Дерюжинскаго. Въ программу этого журнала входитъ обсужденіе вопросовъ, касающихся вообще благотворительности, разработка конкъ имѣть несомнѣнно огромное общественное значеніе. Поэтому широкое распространеніе журнала весьма желательно.

— Экспоненты русскаго отдѣла прошлогодней скандинавской выставки чествовали 30-го января обѣдомъ генеральнаго комиссара этого отдѣла, П. И. Миллера. На обѣдѣ произнесенъ былъ цѣлый рядъ рѣчей и тостовъ, въ которыхъ, между прочимъ, указано было на значеніе скандинавской выставки для русской торговли и промышленности, на тѣ богатые

практическіе результаты, которые принесло наглядное ознакомленіе Швеціи, Норвегіи и Даніи съ русскими издѣліями.

— При Императорскомъ петербургскомъ университетѣ учреждено съ нынѣшняго года философское общество. Согласно утвержденному министерствомъ народнаго просвѣщенія уставу новаго общества, оно имѣетъ целью: содѣйствовать развитію и распространенію философскихъ знаній. Для достиженія этой цели общество имѣетъ право: 1) устраивать для научныхъ сообщеній, кромѣ закрытыхъ засѣданій, публичныя собранія; 2) открывать платныя и безплатныя чтенія; 3) имѣть бібліотеку; 4) печатать свои труды въ видѣ отдѣльныхъ и современныхъ изданій; 5) предлагать темы и медали; 6) устраивать съезды. Въ настоящее время въ составъ общества входятъ слѣдующія лица: членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Э. Л. Радловъ, академикъ А. С. Фамининъ, профессоръ В. М. Бехтеревъ, преподаватель педагогическихъ курсовъ И. И. Колубовскій, приватъ-доцентъ П. И. Лашишъ и приватъ-

доцентъ А. П. Нечаевъ. Въ члены-соперниковъ общества могутъ быть избираемы лица, интересующіяся философскими вопросами и содѣйствующія дѣятельности общества матеріальными средствами. Члены соревнователи вносятъ ежегодно 10 руб. или одновременно 200 р.

— Крупное пожертвованіе сдѣлано, по словамъ *Нов. Вр.*, недавно Н. А. Бугровымъ, принесшимъ въ даръ крестьянамъ Семеновскаго уѣзда почти всѣ свои имѣнія, находящіяся въ этомъ уѣздѣ, а именно: пять тысячъ десятинъ земель—лѣсныхъ угодій, лѣсовъ и проч., въ томъ числѣ богатое лѣсное имѣніе, бывшее князя Гагарина и состоящее изъ 200 десятинъ лѣса, совершенно готово къ вырубкѣ. Имѣнія эти, стояція даже по минимальной цѣнкѣ, болѣе 200,000 руб., поступаютъ въ распоряженіе семеновскаго уѣзднаго земства. Оно, по мысли жертвователя, не должно быть обезличиваемы, и въ нихъ должно быть заведено правильное хозяйство. Для выдачи безвозвратныхъ пособій крестьянамъ, будетъ образованъ особый комитетъ при уѣздной земской управѣ, при участіи представителей отъ сельскихъ волостей.

СЕКРЕТЬ КРАСОТЫ Глицеро-вазелиновое мыло **МОЛОДОСТИ**
А. С. УИК МОСКВА. 20 коп. кув.

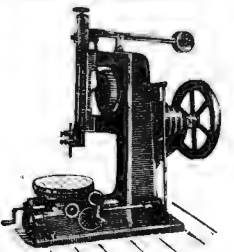
ВЪ ВЪ ПЛАТНО

высл. каталогъ, описаніе и образцы шрифтовъ новѣйш. клавиатур. пишущихъ машинъ „БЛИНЕНСДЕРФЕРЪ № 5“, стоим. 100 р. „БЛИНЕНСДЕРФЕРЪ № 7“ 140 р. Машинъ эти преміров. выст. нагр. и золот. медали, прод. съ ручательствомъ. 5-1
Э. КИЖИМАНЪ и Ко С.-Петербургъ, Гороховая, 17.

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫЯ ВЪ ТЕПЛОЙ ВОДѢ ДИСПОЗЕ БЕЗЪ ВОДЫ * П. Н. Виноградова. * ПАРКИ ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставкѣ 1896 года. требовать куски съ этикетомъ утвержд. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ. БѢЛЫЕ получаютъ замѣчательно чистымъ. Желтизна и пятна уничтожаются ЭКОНОМІЯ въ топливѣ, ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуетъ въ ТРИ РАЗА МЕНЬШЕ протого. Совершенно безвредно для тканей бѣлья. Удовольств. № 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа вездѣ Опт. у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2

ДОЛБЕЖНЫЕ СТАНКИ

и всевозможные другіе станки для обработки металловъ имѣеть на складѣ въ большомъ выборѣ **ЭДУАРДЪ КЕРБЕРЪ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ Екатеринбургскій каналъ, № 6/2.

До употребленія. **ДЕПИЛЯТОРІЙ Д-РА ТОМСОНА** въ порошокъ. 3-2. Лучшее и совершенно безвредн. средство къ немедленн. удаленію волосъ на мѣстахъ, гдѣ ростъ ихъ нежелателенъ. Цѣна коробки 1 р. 50 к. Въ Петербургѣ имѣется въ продажѣ: у Г. Кошкина, Гостиный дворъ, № 19; у В. Нарикова, тамъ же, № 78; у М. Ушакова, тамъ же, № 83. Требуется только депилаторіей ТОМСОНА, такъ какъ большинство друг. средствъ производитъ вредное дѣйствіе на кожу. После употребленія.

ELIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES des RR. PP. **BÉNÉDICTINS** DE l'Abbaye de Soulac, Dom MAGUELONNE, Prieur. Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD. **VENTE EN GROS: SEGUIN, BORDEAUX.** Maison fondée en 1807. **VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.** MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien. GRAND PRIX Exposit. Int. Lyon 1894. HORS CONCOURS MEMBRE DU JURY Expo. Int. Bordeaux 1895. EXIGER la SIGNATURE DU PRIEUR Don Maguelonne S. Oly.

Высш. Утв. Т-и **„ЭЙНЕМЪ“** въ МОСКВѢ. СОВСТ. ДАРОВ. ФАБРИКА въ СИМФЕРОПОЛѢ (въ КРЫМУ). **ПЮРЕ ТОМАТЪ. ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ КОМПОТЪ.**

Благодаря большому сбыту и многому усовершенствованному способу изготовления часовъ я имѣю возможность продавать съ 1 января с. г., самыя элегантныя и прочныя **МУЖСКІЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличаеыме, даже спеціалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструкции, съ прекрасною дѣлочною, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, или съ портретомъ, согласно присланной фотографической карточки, вмѣсто 18 и 20 руб. **только за 10 и 12 руб.** Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящіе золотые, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе. Такіе же **ДАМСКІЕ** дороже на 1 рубль. Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Выслать вполнѣ вытѣренныя часы по полученіи задатка 2 руб., остальное же назначеннымъ платежемъ. **АДРЕСЪ: Ш. БИТКЕРЪ** складъ швейцарскихъ и американскихъ часовъ въ Варшавѣ, Сенаторскія № 27 и Вербовая № 11, противъ Правительственнаго театра. Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземпляръ снабженъ пломбою фирмы, утвержденной Департаментомъ торговли и мануфактуръ за № 29593/435. Извѣщеніи изъ аттестаций, полученныхъ моимъ складомъ: Милостивый государь Г. Битнеръ. Убѣдившись въ доброкачественности исполненія Вашимъ магазиномъ игородныхъ заказовъ, я отъ всей души приниоу вамъ глубокую благодарность за высланные мнѣ въ село Нисадку часы наладного золота, такъ какъ прочность высланнаго превзошла мои ожиданія, прошу еще выслать часы и т. д. Съ лютеніемъ **А. Н. Воронинъ.** № 97 г. Пермь. Милостивый государь Г. Битнеръ. Нижніе чины взвѣренной мнѣ команды, написавшіе изъ Вашего магазина вещи, очень довольны исполненіемъ заказа и просятъ передать Вамъ глубокую благодарность за полученныя вещи. Начальникъ Нижнеудинской Конвойной Команды. Д-кабря 11 дня 1897 г. № 612. г. Нижнеудинскъ, Иркут. губ. Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи. Капитанъ Ганъ. И множество другихъ. № 10886 4-4

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889. **ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ** ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 27. **С-дѣ Колонъ двойной. С-дѣ Колонъ М. С-дѣ Колонъ тройной.** МАГАЗИНЫ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Вознесенскій прес. уголъ Казанской ул. домъ № 22-52. НЕВСКІЙ ПР. № 32. НЕВСКІЙ ПР. № 66. МАГАЗИНЪ въ МОСКВѢ: на Космодемьянск. мосту, домъ № 10.

ВСЕМІРНО-ОБРАЗЦОВАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА **РЕМИНГТОНЪ** — Общій сбытъ 200,000 — приняты всеми правительственными учрежденіями въ Министерств. одного Петербурга болѣе 1000 РЕМИНГТОНОВЪ въ употребленіи **ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ** Единственный Складъ для всей Россіи Выс. Утвержд. Т-во **М. Блок** Правленіе: МОСКВА ОТДѢЛЕНІЯ: С.-Петербургъ, Кіевъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Никандръ, Ростовъ и /Д.

НОВОСТЫ
духи
ЛЕВКОЙ
поставщиков
Высочайшего Двора
А. Ралле и Ко.
За флаконъ
1 руб. 25 коп.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣлательныхъ агентовъ. Обращаться
письменно: Банкирсій домъ Генрихъ
Блдинъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

Черезъ контору журнала
„СЧЕТОВОДСТВО“
(СПБ., Невскій, 64) можно выписать:
1) Двойную бухгалтерію въ популяр. очер-
кахъ, 2-е изд. Ц. 1 р.
2) Самоучитель двойн. бухгалт. Ф. Ску-
бца, 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к.
Одобрены Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.
3) Фабрично-заводское счетоводство, Л.
Гомберга. Цѣна 4 руб. (Счетоорганизация и
администрація мельничнаго предпріятія).
Теорія, практика и схемы.
4) Аналитическая карта бухгалтеріи. Ц.
75 коп. № 108733—3
5) Журналъ „Счетоводство“ за 1889—
1898 годъ, по 6 руб. Богатый научный и
практическій матеріалъ. Программа выси-
ляется бесплатно.

На Всероссийской выставкѣ въ Миннемп-Новгородъ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА
В. № 10443
13—12

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.
Фабрика
РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО
основанная въ 1810 году
СПБ., Владимирская, № 8,
рекомендуетъ превосходнаго
тона и отличной работы
РОЯЛИ въ 1100, 900, 800, 730,
600 и 550 рублей
ПИАНИНО въ 650, 500 и 450 р.
Прейсъ-курранты высылаются
бесплатно.

Дело въ Москвѣ: Юл. Генр. Циммерманъ, Кузнецкій м. д. Захарына;
въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугама; въ Батумѣ: Ф. И. Шрейбергъ;
въ Тифлисѣ: Б. М. Мириманянъ.

СКЛАДЫ ЗАВОДОВЪ
ГРАФА ГАРРАХА
С.-Петербургъ, Невскій просп., д. 54, противъ Публичной Библиотеки.
Москва, Кузнецкій м., домъ Санъ-Галли.
РЕКОМЕНДУЮТЪ

ХРУСТАЛЬНЫЕ
СЕРВИЗЫ изъ
богемскаго хру-
стала.
ХРУСТАЛЬНЫЯ
ЛЮСТРЫ.
ПРЕДМ. РОСКОШИ
изъ
хрустала, фарфо-
ра и маіоники.

СТОЛОВЫЕ
СЕРВИЗЫ.
Чайныя и кофей-
ныя сервизы.
УМЫВАЛЬНЫЕ
ПРИБОРЫ
изъ
фарфора и опала.

и пасхальныя яйца въ большомъ выборѣ
ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ.
ГЕРБЫ-ВЕНЗЕЛЯ и РАЗНЫЕ УЗОРЫ на хрусталѣ и фарфорѣ дѣлаются по
заказу въ собственной мастерской изыщно, ДЕШЕВО и СКОРО.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ и въ РОЗНИЦУ.

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ и Ко
изобрѣтатели
ЦВѢТОЧНАГО
С-ДЕ-КОЛОНА
РАЗН. ЗАПАХОВЪ.
Остерегаться
поддѣлокъ.

Народная
ЦИТРА.
Очень любимый и легко изучаемый му-
зыкальный инструментъ.
Въ 1 часъ можно выучиться играть.
Звукъ очень мягкіе и пріятнѣе. Самые
7-мипедальныя съ приспособленіемъ для
настройки только 6 руб. Лучшей работы
и сильнѣе въ тонѣ 8 р. Ноты—14 альбо-
мовъ по 50 к., пересылка за 15 ф.

Корнетъ-а-пистоны
и всѣ другіе духовые мѣдные
и деревянные инструменты, а
также
РОЯЛИ, ПИАНИНО,
ФИСГАРМОНИИ.

Скрипки отъ 2—100 р.
Гитары „ 3—75 р.
Мандолины „ 1—20 р.
Мандолины „ 8—75 р.
Цитры „ 8—75 р.

и всѣ прочіе струнные
а также и механическіе
и самоиграюще инстру-
менты и принадлежності
рекомендуетъ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Требуйте иллюстрир. прейсъ-куррантъ.

№ 108733—1

Вновь получены роскошно-брон-
биревныя, изысканныя стальные
часы „СЮРПРИЗЪ“ весьма бо-
гатой стѣлки, прекрасное укра-
шеніе для письменнаго стола,
идеальный предметъ для подар-
ковъ.

Цѣна только 3 р. 75 к. съ улавкой
Высылаются при получении суммы
столѣстной или 2 руб. задатка.

адресъ
М. М. ХАЗАНОВУ
Варшава.

ТОЛЬКО РАЗЪ въ жизни бываетъ подобный случай.
БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА
Одинъ изъ большихъ американскихъ заводчиковъ изъ благаго металла „Британъ“
(British Silver), который по виду и по качеству нисколько не уступаетъ настоящему серебру, —
вынужденъ былъ назначить окрѣпительную распродажу всѣхъ своихъ товаровъ.
Легкоимъ находящемуся въ Европѣ европейскаго склада этого завода поручкомъ.
Почему вы можете получить отъ него за ничтожную цѣну 12 руб., въ которую
входятъ уже много различныхъ въ Россіи пошлага, настоящихъ вещей:
6 штукъ америк. патентован. (British Silver) столовыхъ ложекъ съ выстоящими алмазными
кантами.
6 штукъ америк. патентован. (British Silver) столовыхъ ложекъ.
12 „ „ „ „ чайныхъ ложекъ.
1 „ „ „ „ большая разная ложка.
1 „ „ „ „ малая „ „ „
2 „ „ „ „ подставокъ для яицъ.
6 „ „ „ „ фруктовыхъ ложекъ бронзово-розовой стѣлки съ фарфоровыми черепками (Vest Saxe).
2 „ „ „ „ выюкъ.
6 „ „ „ „ столовыхъ поддѣвчички.
1 „ „ „ „ стѣлка-ложка для чая.
1 „ „ „ „ стѣлка-ложка для сахара.
Всего 60 штукъ; стоятъ только 12 руб.

Желаннѣе воспользоваться рѣдкимъ случаемъ, простѣе послѣдовать своимъ заказамъ, ибо
продажа будетъ проводиться только пока хватитъ наличнаго запаса товара.
Съ требованіемъ можно обращаться на русскои языкѣ. Если высылается по получеиіи денегъ
или наличныхъ платежей.

Всего 60 штукъ; стоятъ только 12 руб. Желаннѣе воспользоваться рѣдкимъ случаемъ, простѣе
послѣдовать своимъ заказамъ, ибо продажа будетъ проводиться только пока хватитъ наличнаго запаса
товара. Съ требованіемъ можно обращаться на русскои языкѣ. Если высылается по получеиіи денегъ
или наличныхъ платежей.

Адресовать письма просить: **ВІХ, EXPORTHAUS, Wien, II Praterstasse Nr. 74.** Вышесказаннаго
60 штукъ стоятъ съ улавкой только 12 руб. Въ цѣну включены уже различные виды пошлага.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
ГУМВЕРЪ
предлагаетъ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгіи ЗЕМЛИЧКА и Ко.
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейсъ-курранты по требованію. 16—5

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНОВА:**
СТЕЛЛА. Астрономическій романъ
К. Фламмаріона.
348 страницъ.

Полный переводъ безъ предварительной цензуры Е. Предтеченскаго. Цѣна 80 коп.

Благодаря громадному сбыту и полному усовер-
шенствованію изготовленія часовъ, я въ состояніи
продавать съ 15 ноября пр. г. изысканныя и прочныя
гармоничныя мужскія часы „ЗВѢЗДА“, кры-
тые, въ 3 краски накладнаго золота, ничѣмъ
не отличающіяся отъ настоящихъ золотыхъ, ме-
ханизмъ самый прочный и усовершенствованный,
ходъ на камняхъ, заводъ безъ ключа,
всего только за 6 р. 25 к.
(2 шт. 11 р. 75 к.)

Письменное ручательство за вѣрность
хода на 6 лѣтъ.
Часы, тщательно проверенныя, высылаются по
полученіи 2 руб. задатка.
Адресъ: Торговой фирмѣ
Я. М. Варковицкаго,
складъ часовъ въ Варшавѣ, Ново-Зеленая, № 41.

ЧАСЫ „ЗВѢЗДА“

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ
для себя и знакомыхъ
ПОРТМОНЭ
со штемпелемъ, изъ прекрасной чер-
ной ониксы, съ 5-ю отдѣленіями, 1
внутреннимъ закрытіемъ для звонкой
монеты и однимъ особо закрытымъ
для золота. Корпусъ изъ одного ку-
ска, съ мех. замкомъ, содержащимъ
каучуковый штемпель съ подушкой
для краски. Въ штемпелѣ можно по-
мѣстить имя, отч., фамилію и званіе,
по желанію и корону. Дамскія изданія
по тѣмъ же цѣнамъ. Изъ тюленьей
кожи штука на 40 коп. дороже. Цѣны
съ пересылкой: въ Азіатскіи же Россію
съ прибавленіемъ части въсовыхъ.
Налож. платежъ на 10 коп. дороже.
Заказы исполняются немедленно по
полученіи стоимости или задатка. Тре-
бованія прошу адресовать:

Въ контору ком. издѣлій
Ш. Е. ФРИДМАНА
Варшава, почтовый ящикъ № 511.
Простой ходъ качества. Ромъ Сень-Дамъ
прігод.

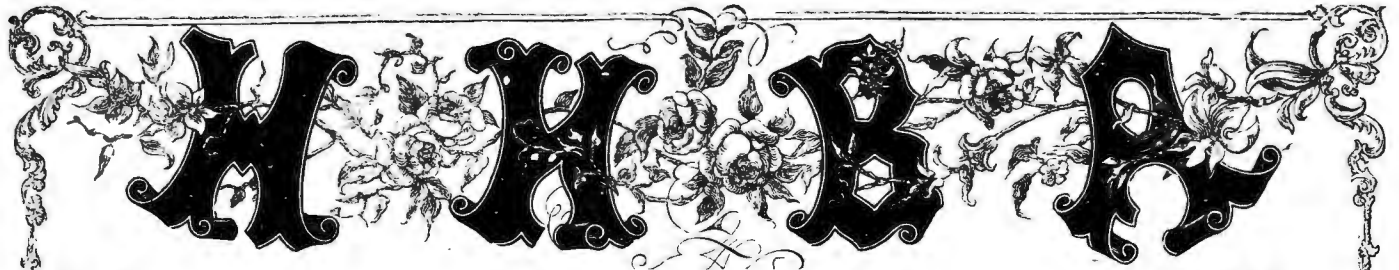
ЛЪЧЕВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ отъ
ЗАИКАНІЯ
Н. Ю. ЭРНСТЪ. Москва, Б. Никитская, д.
быш. Ч. рена, кв. № 6.
Руководство къ самообученію 3 руб.

ЧУДНЫЙ, НЕЖНЫЙ,
ПРОЧНЫЙ АРОМАТЪ
ДАЮТЪ
ДУХИ
„ТВА ГИГИЕНА“
БѢЛАЯ ФІАЛКА,
ЦВѢТЬ ЯБЛОНИ,
РОЯЛЬ БУКЕТЪ.

ГЛАВН. СКЛАДЫ: СПБ. КОЛОМЕНСКАЯ, 12.
МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ, Д. ШЕРЕМЕТЬЕВА.
ВАРШАВА, НОВЫЙ СВѢТЪ, 37.
ПРОДАЕТСЯ ВЪ ЛУЧШ. МАГАЗИН. ИМПЕРЦІИ.

Ц. № 10704 4—2

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ К. С. Шерстникова въ Бузулукъ.

Содержание:

ТЕКСТЪ. Тьма непроглядная. Рассказъ изъ гаремной жизни Н. Н. Каразина. (Продолженіе). — Два мула. Новелла изъ итальянской жизни Х. Розенталъ-Бонинь. — Завѣтные кресты. Очеркъ В. В. Сабанна. — Къ рисункамъ: Церковь при подворьѣ Киево-Печерской лавры въ Петербургѣ. — „Записки охотника“, И. С. Тургенева. Чертопхановъ. — Крымскій воинъ былыхъ временъ. — Что новаго? — Дефоз у позорнаго столба. — Высокопресвященный Сергій, митрополитъ московскій и коломенскій. — М. П. Богольбовъ. — Введеніе казенной продажи питей въ Петербургѣ. — Политическое обозрѣніе. — Объявленія. РИСУНКИ. Новая церковь при подворьѣ Киево-Печерской Лавры въ С.-Петербургѣ. — „Записки охотника“ И. С. Тургенева. Чертопхановъ. Картина И. С. Галкина. — Введеніе казенной продажи вина въ Петербургѣ. Ориг. рисунокъ барона М. П. Кюдта. — Крымскій воинъ былыхъ временъ. Ориг. рисунокъ И. И. Иманевича. — Что новаго? Картина Э. Лоренъ. — Дефоз у позорнаго столба. Картина Ф. Леве. — Завѣтный крестъ, найденный въ Симбирской губ., Карсускаго уѣзда, въ сороковыхъ годахъ. — Высокопресвященный Сергій, митрополитъ московскій и коломенскій. — Троице-Сергіева Лавра. Палаты митрополита. — вновь назначенный управляющій министерствомъ наднагого просвѣщенія, Н. П. Богольбовъ. — Введеніе казенной продажи питей въ Петербургѣ. Пржегній питейный домъ. — Нынѣшняя казенная лавка. Рисунки Г. Броллинга.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Семеновъ.

Издателемъ журнала „Нива“, А. Ф. Марксомъ, приобрѣтено отъ наследниковъ право собственности на все сочиненія покойнаго писателя Г. П. Данилевскаго, и въ настоящее время

въ конторѣ изданій А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ

поступило въ продажу

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО,

7-е, посмертное изданіе, въ 9-ти томахъ,

съ биографическимъ очеркомъ и съ приложеніемъ ПЯТИ портретовъ Г. П. Данилевскаго и вида его родового склепа и могилы въ селѣ Пришибѣ, Харьковской губерніи.

Деять томовъ „полнаго собранія сочиненій“ Г. П. Данилевскаго заключаютъ въ себѣ: т. I—LXXXVIII+528 страницъ; т. II—383 стр.; т. III—455 стр.; т. IV—397 стр., т. V—396 стр.; т. VI—401 стр.; т. VII—455 стр.; т. VIII—514 стр. и т. IX—682 стр.;—всего 4298 страницъ in 8° и отпечатаны на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Томъ I. Биографія. Введеніе. I. Бѣглые въ Новороссіи. Романъ. Часть 1-я. Перелетныя птицы. Часть 2-я. Въ силкахъ. II. Боля (Бѣглые воротились). Романъ. Часть 1-я. Родныя гавзда. Часть 2-я. Новый разбродъ. III. Чумаки. IV. Царевичъ Алексій.

Томъ II. I. Новая мѣста. Романъ. Часть 1-я. Украинскій Робинзонъ. Часть 2-я. Степные проказцы. II. Бѣглый Лаврушка. Рассказъ. III. Село Сорокопановка. Рассказъ. IV. Феничка. Рассказъ.—СЕМЕЙНАЯ СТАРИНА: V. Прабабушка. VI. Тѣнь правды. VII. Именины прабабушки. VIII. Дѣдовъ льсъ. IX. Бабушкинъ рай.

Томъ III. I. Девятый валъ. Романъ. Часть 1-я. Передъ обителью. Часть 2-я. Крылошанка. Часть 3-я. Въ свѣтѣ. II. Четыре времени года украинской охоты: Зима. Весна. Лѣто. Осень. III. Украинскія сказки. IV. Пѣсня бандуриста.

Томъ IV. XVIII Вѣкъ: Рассказы: 1) Царь Алексій съ соколомъ. 2) Вечеръ въ теремѣ царя Алексія.—XVIII Вѣкъ: 3) Миревичъ. Историческій романъ въ 3 частяхъ. 4) 1-я. Царственный узникъ.—Ч. 2-я. Похождения известнаго петербургскаго дѣйствъ. Ч. 3-я. Шлиссельбургская невольца. 4) Екатерина Великая на Днярьбъ. Рассказы: 5) Христосъ-Святель. 6) Стрѣлочникъ. 7) Примѣчанія къ Миревичу.

Томъ V. I. На Индію при Петрѣ I. Историческій романъ. Ч. I. Петръ Великій въ Паряжѣ. Ч. 2-я. Индѣйскій походъ. II. Княжна Гараканова. Историческій романъ въ 2 частяхъ. III. Потемкинъ на Дунаѣ. Историческій романъ. IV. Уманская рѣзня. Историческая повѣсть. V. Старосвѣтскій маляръ. Рассказъ.

Томъ VI. I. Сожженная Москва. Историческій романъ. Ч. 1-я. Нашествіе Наполеона. Ч. 2-я. Бѣгство французовъ. II. 825-й годъ. Отрывки изъ романа: I. Наменка. 2. Шервудъ у Аракчеева. 3. Въ Зимнемъ Дворцѣ. III. Литературныя воспоминанія: 1. Знакомство съ Гоголемъ. 2. Сторія о Господѣ и землѣ. 3. Поѣздка въ Ясную Поляну. 4. Н. Ө. Щербина. IV. Московскій Дворянскій Институтъ.

Томъ VII. I. Черный годъ (Пугачовщина). Историческій романъ. Ч. 1-я. Разоренный улей. Ч. 2-я. На Волгѣ. Ч. 3-я. Кровавый метеоръ. II. Бѣсъ на вечерникахъ. Рассказъ. III. Пенсильванцы и Наролинцы. IV. Было и новое. V. Вечеръ въ Черешняхъ.

Томъ VIII. I. Цимбелинъ (драма Шекспира, въ пяти дѣйствіяхъ). II. Жизнь и смерть короля Ричарда Третьяго (драма Шекспира, въ пяти дѣйствіяхъ). III. Украинская старина: 1. Харьковскія народныя школы (1732—1861). 2. Григорій Саввичъ Скворода (1722—1794). 3. Василій Назарьевичъ Каразинъ (1773—1842). 4. Григорій Федоровичъ Квятка-Основьяненко (1778—1843). IV. Слобожане. Малороссійскіе рассказы: Введеніе. 1. Степной городокъ. 2. Слободка. 3. Дѣдушкинъ домикъ. 4. Хуторанка. 5. Пельтетеннскіе ланки.

Томъ IX. Стихотворенія.—Крымскія стихотворенія.—Гая-Лльри или Мехиканскія ночи.—Пиръ у поэта Наталла. Сцена изъ римской жизни въ стихахъ.—Не вытанцовалось. Повѣсть.—Рассказы. Шарикъ. Дѣвочка. Пастычки.—Святочные вечера: Мертвецъ-убійца. Жизнь чрезъ сто лѣтъ. Прокказы духовъ. Призраки. Таниственная свѣча. Прогулка домового. Старые башмаки (Итальянская легенда). Божьи дѣти. Счастливый мертвецъ. Разбойникъ Гаркуша (изъ Украинскихъ легендъ).—Изъ путевыхъ замѣтокъ по Украинѣ.—Исклія статьи.—Письма изъ-за границы.—Хронологическій и алфавитный указатели.

Цѣна 15 руб., съ пересылкою 17 руб.

Съ требованіями обращаться въ Контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Мал. Морская, 22. Изданіе имѣется также въ продажѣ во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
первый въ Россіи
„ФИНАНСОВО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ РОССІИ“,
составленный по оффиціальнымъ даннымъ
П. А. Антроповымъ

и состоящій изъ 29 картограммъ и 7 диаграммъ, отпечатанныхъ съ шесть красокъ, съ обширнымъ введеніемъ автора и съ приложеніемъ 4-хъ таблицъ съ вычисленіями. (Форматъ изданія большое in quarto).

Для каждаго государства является въ настоящее время насущною потребностью имѣть наглядную картину своего финансово-экономическаго состоянія, которая облегчала бы заинтересованнымъ лицамъ ориентироваться въ массѣ экономическихъ фактовъ, знаніе которыхъ безусловно необходимо для успѣшнаго изученія и веденія государственнаго хозяйства и улучшенія финансовъ.

Первымъ въ Россіи осуществленіемъ этой насущной потребности и является предлагаемый „Финансово-статистическій Атласъ Россіи“. Составленный: на основаніи обширныхъ, вполнѣ вѣрныхъ и точныхъ оффиціальныхъ данныхъ, „Атласъ“ г. Антропова представляетъ наглядно и вѣрно графическое изображеніе финансово-экономическаго состоянія Россіи и на своихъ картограммахъ и диаграммахъ въ краскахъ даетъ точные и обстоятельныя отвѣты: 1) о географическомъ (по губерніямъ и областямъ Россіи) распредѣленіи государственныхъ и мѣстныхъ (земскихъ и мірскихъ) доходовъ и расходовъ (вычисленія абсолютныя, на душу и на одну квадратную версту); 2) о степени финансово-экономической производительности отдѣльныхъ мѣстностей и районовъ Россіи; 3) о возрастаніи и убываніи доходовъ Россіи по губерніямъ; 4) о степени обложенія населенія Россіи (по отдѣльнымъ губерніямъ) государственнымъ (прямыми и косвенными) налогами и сборами и мѣстными (земскими и мірскими); 5) о положеніи въ Россіи торговли и фабрично-заводской промышленности; 6) о распредѣленіи, по губерніямъ и областямъ, денежныхъ капиталовъ; 7) о сбереженіяхъ населенія; 8) о размѣрахъ потребления населеніемъ спиртныхъ напитковъ; 9) о доходахъ Россіи отъ всѣхъ родовъ обложенія: податей, налоговъ, сборовъ, пошлинъ, а также regalій, оборочныхъ статей и промысловъ, казенныхъ капиталовъ и имущества; 10) о государственныхъ расходахъ Россіи по всѣмъ вѣдомствамъ; 11) о государственныхъ и земскихъ расходахъ Россіи на народное образованіе; 12) о степени задолженности земледѣльцевъ; 13) о положеніи выкупныхъ платежей съ бывшихъ помещичьихъ, удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ; 14) о движеніи финансовъ Россіи: ея доходовъ и расходовъ въ періоды съ 1857 года по 1896 годъ и за послѣднее десятилѣтіе, въ связи отъ реформъ финансовой системы; 15) о земскомъ хозяйствѣ въ Россіи и о финансово-экономическомъ значеніи земствъ въ общемъ государственномъ хозяйствѣ и 16) о государственномъ бюджетѣ Россіи въ сопоставленіи его съ бюджетами главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствъ.

Атласъ изданъ со всею роскошью печатнаго искусства, отпечатанъ на лучшей слоновой бумагѣ и переплетенъ въ прочную папку съ коленированными корешкомъ и углами.

Цѣна атласа 5 руб., съ перес. 5 руб. 60 коп.

Требованія и деньги просить адресовать въ Контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Малая Морская, домъ № 22. Изданіе имѣется также въ продажѣ во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
7 КОЛЕНКОРОВЫХЪ
крышекъ

на прилагаемые при „Нивѣ“ въ 1898 г.

12 ТОМОВЪ

Н. С. ТУРГЕНЕВА.

(На 1-й и 12-й объемистые томы по 1 крышкѣ на каждый, а на остальные 10 томовъ по 1 крышкѣ на два тома). Крышки всѣмъ изданіямъ и изготовлены изъ лучшаго англійскаго коленаго, съ красными тисненіями золотомъ и краскою по рисунку художника Н. С. (смонтированы). Крышки продаются только комплектомъ, т. е. всѣ семь вмѣстѣ, отдѣльныя же крышки не продаются. Цѣна всѣмъ семи крышкамъ 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22. Въ конторѣ Н. Н. Печниковой, въ Москвѣ, Петровскія яныи, цѣна семи крышкамъ безъ перес. 2 р.

ГИТАРЫ

Народная в 3 руб. и 5 руб.
Для любителей в 6, 10, 15 и 20 руб.
Для артистов в 25, 30, 40, 75, 100 и 125 руб.

БАЛАЛАЙКИ

для одиночной игры в 3, 4, 8 и 12 руб.
Для оркестровой игры в 6, 9, 10, 15 и 25 руб.

МАНДОЛИНЫ:

из 8, 15, 22, 30, 50, 75, 100 и 125 руб.
из 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 60, 80, 100, 125 и 150 руб.

Все другие музыкальные инструменты по умеренным ценам. Прейс-курantz бесплатно.

Юлий Генрих ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербург, Москва.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАБИТЕЛЬНАЯ горькая вода источника ФРАНЦЪ-ЮСФЪ.

Прод. во всех аптеках и аптекарских магазинах в России.
Дирекция источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ:
ФРАНЦЪ-ЮСФЪ, в Булагенть.

ГРОТЫ-КОЛЛЕКЦИИ

изъ урало-сибирскихъ минераловъ: писмен, приборы, инструменты, пресс-панель, подвѣшники и друг. кабинет. вещи, сработанныя въ видѣ фантастическихъ гротовъ мозаично-резиновымъ способомъ изъ урало-сиб. яннеръ, въ число которыхъ входятъ, между проч., настоящие камни: аметисты, аквамарины, изумруды, рубины, хризолиты, малахитъ, яшмы разноцвѣтныя и друг. интересныя горныя породы.

Прейс-курantz съ «Таблицей счастливыхъ камней» все бесплатно. Адр. г. Екатеринбургъ, маст. кам. вешей А. П. ПАСОНОВУ.

Юный Императоръ. Ром-х от XVIII в. Вс. Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р. с перес. 2 р. 50 к.

1 руб. в годъ.
Пробный № съ перес. 12 к.

«САМОКАТЪ»
Пилить, пилотер, ежен. журналъ всѣхъ спортовъ: велосипеды, конки, лыжи, воднолазаніе, механич. экипажи, технич. новости и пр. Томи за прѣжніе годы вышло 4 р. могутъ приобр. по 50 к. только подшепсия

СИБИРСКІЯ СКАЛЬЯ
КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ
Д. А. Енанешникова
Москва. Никольская ул., д. Греческ. мон.

ЧЕ-СУ-ЧА.

Дамская отъ 10 до 18 р. кусокъ въ 26 28 арш.
Мужская « 20 « 40 р. кусокъ въ 26 28 «
Фанза « 12 « 50 р. кусокъ въ 21 22 «
Товаръ весьма полезнымъ платележъ.
Образцы бесплатно. 15-1

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕНАГО ТОВАРИШЕСТВА
КОНЬЯКЪ ШУСТОВА
1896 ГОДА
НА ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ I
съ вышивками

СПБургская ФОТОГРАФІЯ

А. Кирьянова.
Литейный пр., д. № 11.
Спеціальное производство копій.
Прейс-курantz:
12 карт., съ визиткой на визитку. . . 4 р.
12 « « съ визиткой на кабинети. . . 8 р.
12 « « съ кабинетной на кабинети. 6 р.
12 « « съ кабинетной на визитку 4 р.
Портреты отъ 5 руб.
Гр. иногороднихъ прому при заказѣ высылать задатокъ. 2-1
Цены безъ пересылки.

ПАМЯТЬ

Литъ кажд. возр. укрепляетъ лично и засно (въ 10 руб.) профес. мнѣмощи С. Фанштейнъ. Одесса, ул. Пумпалюской и Ваз. ул., собствен. домъ, № 23.
Условія и 2 брош. (въ 64 стран.) высыл. за одну 7-ми коп. марку.
№ 10917 20-4

ДОМАШНЯЯ ТИПОГРАФІЯ

изъ каучуковыхъ передвигн. буквъ П. Подлашина, С.-Петербургъ, Невскій пр., 56.
№ 1-2 р., № 2-4 р., № 3-5 р., № 4-7 р.
140 буквъ, 260 буквъ, 450 буквъ, 650 буквъ и дорожъ.

КАШИКОВСКАЯ НЕВЪСТА.

Вс. Соловьева.
Историческій ром. въ 3-хъ част. Поданіе П. СПб. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣк. черепеть 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЦАРЬ-ДВѢЦА.

Вс. Соловьева.
Ром-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Прирѣйское техническое училище въ Бингентъ.

Машиностроеніе и электротехника.
Программа высылается бесплатно.

ЗАЙКАНИЕ

продается въ кн. маг. «Новаго Времени» и др. Цѣна 1 руб.
Выпущенныя отъ автора (Одесса, Надеждинская, 23) за пересылку не платять.

И. К. ЖИЛЬЕВСКАГО

Его сущность, причины, предупрежденіе и лѣченіе, популярный очеркъ д-ра

Для подарковъ на Пасху всѣ тутъ помѣщенные № можно уложить въ ящикъ, но только если г. заказчикъ это требуетъ

НА ПАСХУ

при заказѣ. Въ вещи сдѣланы изъ золота 56 ой пробы и цѣны обозначены съ обыкновенными футлярами. Въ всѣхъ вставленные брилліанты безъ фольги или подкладки и самаго высшаго качества лучшаго ниржскаго завода.

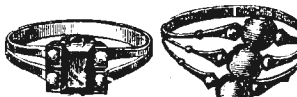

КОЛЬЦО

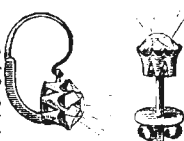
съ 1 брилліантомъ
4 руб. 90 коп.
2 за 9 руб. 55 коп.

КОЛЬЦА СЪ СЧАСТЛИВЫМИ КАМНЯМИ

Январь — Алмазидиъ, Мартъ — Порфиръ, Июнь — Хальдѣдонъ, Июль — Сердоликъ, Август — Сердоникъ, Окт. — Аквамаринъ по 3 р. 25 к., Апрель — Сапфиръ 4 р. 75 к., Февраль — Аметистъ 3 р. 45 коп. Май — 3 р. 25 к., Сент. — 3 р. 95 к., Ноябрь — 4 р. 75 к., Декабрь — 3 р. 95 к.

съ Альмадиномъ и жемчугами 6 р. 35 к.
съ 3 настоящими бирюзами 6 руб. 45 коп.

СЕРЬГИ

съ 1 брилліантомъ 4 руб. 85 коп.

ТРЕТЬ съ 3 брилліантами 4 руб. 30 коп.

БУЛАНКА

съ 1 брилліантомъ 2 р. 90.
съ больш. брилліантомъ 3 р. 25.

брошка БАНТИКЪ 8 р. 15

1 круглый Портъ-Бонеръ 8 руб. 85 коп. Золото 56-й пробы.

Витой канатъ 12 руб. 95 коп. Золото 56-й пробы.

Добръ усматриваютъ настоящ. бирюза, а при серьгахъ больш. искусство. бирюза ослѣпана настоящими жемчугами.
№ 403. Браслетъ. 19 р. 50 к.
№ 302. Брошка. 13 р. 85 к.
№ 351. Серьги. Пара 9 р. 75 к.

Тутъ вставлены превосходные искусственные брилліанты безъ фольги, которые трудно отличить отъ настоящихъ.
№ 401. Браслетъ. 19 р. 75 к.
№ 306. Брошка. 10 р. 85 к.
№ 358. Серьги. Пара 12 р. 55 к.

Въ изрѣчивойо кристальной золотой оправѣ, усманной настоящими жемчугами, вставленъ превосход. большой Аметистъ.
№ 404. Браслетъ. 39 р. 50 к.
№ 305. Брошка. 27 р. 65 к.
№ 355. Серьги. Пара 8 р. 95 к.

Тутъ очень красиво гранфор. подкова лежить на 3-хъ пруткахъ и имѣетъ въ серединѣ рѣзные камни и украшенія.
№ 405. Браслетъ. 29 р. 61 к. 2 за 57 р. 45 к.
№ 310. Брошка. 14 р. 60 к. 2 за 27 р. 65 к.

Пересылка полезнымъ платележъ.
Телеграммы исполняются немедленно.

БРЕЛОКИ, ЦѢПОЧКИ и КОЛЬЕ французскаго золота:
№ 492.—1 р. 75 к. № 480 съ комасомъ 1 р. 65 к.
№ 497.—2 р. 90 к. № 481 садовая вещь 3 р. 85 к.
№ 495.— 95 к. № 476 Вѣра Над Лѣб. 1 р. 15 к.
№ 482.—1 р. 40 к.

№ 578. МУЖСКАЯ ЦѢПОЧКА двойной ширины 7 р. 65 к.
ДАМСКАЯ ЦѢПОЧКА 5 р. 75 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Невскій 20-31.

Гр. заказчиковъ, проживающихъ даже 2000 в просать прислать задатокъ.

XXIX г.

№ 9

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIX

1898

Выходитъ ежедневно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содержи. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 28 февраля 1898 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1898 г.

Подписная цѣна годового изданія „Нивы“ со всеми приложеніями на 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ полное собраніе сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставкѣ въ Петербургъ.	5 р. 50 к.	Безъ доставкѣ въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р. 25 к.	Съ доставкою въ Петербургъ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гравірующіи лицу.	10 р.
---------------------------------	-------------------	--	-------------------	--------------------------------	-------------------	--	-------------	----------------------------	--------------

Новая церковь при подворьѣ Киево-Печерской Лавры въ С.-Петербурѣ, на углу 15 линіи и набережной Невы.
Съ фот. К. Булла авт. „Нивы“.

Тьма непроглядная.

Разсказъ изъ гаремной жизни

Н. Н. Каразина.

(Продолженіе.)

Улькунъ-Курсакъ степенно встала и повелительно произнесла, обращаясь къ Хатычѣ и Сары-Кошмѣ:

— Ступайте въ общую, да оправьтесь, перяхи! — Затѣмъ, обращаясь уже ко всѣмъ гостямъ, важно, но вѣжливо поклонилась и добавила: — Не гоню. Никого не гоню, а только будто не ко времени... Не взъщитѣ на угощеніи.

Однако, несмотря даже на то, что хозяйка въ самыхъ уже дверяхъ дворика еще разъ обернулась и очень выразительно повторила свой прощальный поклонъ, никто съ мѣста не двинулся... Бабѣ любопытство взяло верхъ надъ требованіями вѣжливости и этикета. Да и какъ утерять, когда даже сюда стали доноситься гулы поднявшейся на въѣздномъ дворѣ суматохи.

А суматоха у главныхъ воротъ разыгралась, дѣйствительно, немалая. Наружныя ворота отворены были настежь. Въ крытомъ проѣздѣ торопливо зажигались фонари. Верховыя лошади, привязанныя у кормовыхъ рѣшетокъ, подъ темными навѣсами, испуганныя неожиданнымъ шумомъ, бились и злобно повизгивали. Гдѣ-то, въ дальнемъ углу, неистово заорала ишакъ... Работники суетились, и съ толкомъ, и безъ толку, спорили и торопили другъ друга. Нѣкоторые изъ нихъ уже проснулись и пришли въ себя, другіе совсѣмъ ошалѣли спросонковъ.

Да какъ же и не ошалѣть: близко къ полуночи, темнота непроглядная, на дворѣ холодъ, снѣгъ, вѣтеръ рветъ, чуть съ ногъ не валить... А тутъ хозяинъ вернулся, да и не одинъ, а съ гостями. Съ хозяиномъ, положимъ, только одна какая-то сидитъ въ дрожкахъ, да кто ихъ знаетъ?. Можетъ-быть, сзади еще есть русскіе экипажи. Бывало это иногда, такъ то днемъ, да и не неожиданно, а за недѣлю знаютъ, готовятся, а тутъ, — на, поди, — ночью, словно темные люди за темнымъ дѣломъ, неожиданнымъ набѣгомъ.

При дрожкахъ полицейскій изъ русскаго города, верхомъ, съ пылающимъ факеломъ въ рукѣ, того и гляди искру запалитъ, самъ хоть татаринъ, а ругается по-русски, — командуетъ... Улица узкая, въ ворота поворотъ крутой, насилиу справились съ дрожками. Суффи Казиметовъ уже выскочилъ изъ экипажа, показываетъ, чтобы подавали къ самому крыльцу, вилотную, а русская женщина въ дрожкахъ сидитъ, голова подъ большимъ платкомъ, зонтикъ въ рукахъ держитъ раскрытый, а съ зонтика такъ и льетъ, словно съ угловъ покатою крыши. Въ ногахъ, подъ фартукомъ, какая-то корзина большая стоитъ, покрытая клеенкою, и еще кожаный съ блишками чемаданчикъ маленький. Гостья сама, должно-быть, еще молодая, не старая, — носикъ остренькій выглядываетъ изъ-подъ платка, такой розовый, свѣжій, и подбородокъ полненькій.

Суффи руку ей подаль, чтобы помочь вылѣзть изъ экипажа. Сама легко выпрыгнула и прямо на коврикъ, наскоро посланный ей подъ ноги...

— Сюда пожалуйте! — приглашаетъ хозяинъ. — Да тише вы! Чего шумъ подняли!.. Запирайте ворота! Видите, народъ чужой набирается! Пожалуйте сюда, сударыня, сюда, многоуважаемая госпожа!..

Говоритъ хозяинъ вѣжливо, почтительно, — а самъ блѣднѣе смерти, даже голосъ сталъ не свой, будто дрожь какая-то въ немъ слышится.

Повели гостью неожиданную прямо на женскую половину. Маленькій чемаданчикъ русская женщина съ собою взяла, держитъ бережно, а большую корзину за нею поволокли двое, да и то съ трудомъ.

Стихло немного на дворѣ. Дрожки закатили подъ навѣсъ, лошадей выпрягли. Извозчикъ съ полицейскимъ къ огоньку подошли пообогрѣться немного, кругомъ обступила ихъ вся дворня съ разспросами: кто такая, да зачѣмъ привезли?

— Ученая баба, — сообщилъ полицейскій, потирая надъ огнемъ околѣнѣвшія руки. — Ой-сй, ученая! То же, что самъ главный докторъ... У васъ, слышь ты, ребенокъ заболѣлъ нехорошо...

— Помираетъ совсѣмъ, сказываютъ, — добавилъ извозчикъ.

— Да развѣ можно въ мусульманскій, чистый домъ невѣрнаго лѣкаря? — усомнился кто-то.

— Закона нѣтъ такого, — пояснилъ другой голосъ.

— Мулла, небось, не похвалитъ, — послышался и третій, изъ заднихъ рядовъ.

— Будетъ тебѣ законъ, когда самъ генераль приказалъ, — разъяснилъ общее сомнѣніе молодцеватый полицейскій.

— Откуда же баба такая ученая появилась?. Не слышать было до сей поры что-то.

— Все больше военные тюр-господа доктора были у русскихъ...

— Недавно пріѣхала изъ Россіи. Совсѣмъ молодая, говорятъ, замужняя...

— Ихъ, вѣдь, русскихъ не распознаешь: которая замужняя, которая нѣтъ...

— Никогда этого прежде не было... охъ, никогда!

— Чего это?

— Да чтобы лѣчить... У правовѣрныхъ въ дому, да...

— Смотри, какъ бы завтра чего на базарѣ не заговорили... Не хорошо это хозяинъ дѣлаетъ... Охъ, не хорошо!

— „Сама“, гляди, не пустить... Такъ турнетъ...

— „Сама“ — баба строгая, начитанная... ее самъ казы почитаетъ...

— Не похвалятъ за это... Гляди — бѣду какую на весь домъ нашьлетъ...

— Самъ генераль, коли прикажетъ...

— Да что — генераль?. Генераль!.. Тутъ воля Божья, а не генеральская. Законъ — одно слово!

— Когда, въ прошлую холеру... тс!.. Это что? Никакъ тамъ всѣ бабы наши въ голосъ взвыли... что случилось?

Всѣ смолкли и стали тревожно прислушиваться.

А случилось на женской половинѣ вотъ что.

V.

Улькунъ-Курсакъ встрѣтила хозяина, какъ слѣдуетъ, съ почетомъ и хлѣбомъ-солью, двумя лепешками на подносѣ. За нею прятались Сары-Кошма съ Хатычю. Обѣ держали въ рукахъ по бумажному, зажженному фонарю.

Въ общей саклѣ, наскоро приведенной въ порядокъ, было свѣтло: и отъ фонарей, и отъ вновь разгорѣвагося тагана, — и длинны, причудливыя тѣни присутствующихъ скользили по потолку и узорнымъ стѣнамъ.

Эстеръ изъ своей конуры не выходила, хотя ее и успѣли предупредить о событіи.

— Мальчикъ живъ? — негромко такъ, дрогнувшимъ голосомъ, спросилъ Суффи, а самъ и не смотритъ на ту, къ которой относился вопросъ, а больше въ сторону, гдѣ коверъ пестрый виситъ.

— Часъ тому назадъ живъ былъ... Теперь живъ ли еще, не знаю, — отвѣтила Улькунъ-Курсакъ, подозрительно и недобрыми глазами глядя на русскую женщину.

А та мокрый зонтик сложила, у дверей поставила, платокъ съ головы размотала и верхнюю одежду снимать начала. Сама ласково улыбается, то на трехъ женщинъ, то на стѣны и потолокъ поглядываетъ. Поклонилась чество хозяйкамъ и по-татарски сказала:

— Здравствуйте! Покажите же, милыя, мнѣ вашего больного ребенка.

Всѣ три женщины такъ отъ нея и шарахнулись въ сторону.

— Послушай, ханымъ,— заговорилъ Суффи Казиметовъ.

Видимо, хочеть говорить покойно, ласково, убѣдительно.

— Послушай, душа моя, это вѣдь не кто-нибудь, кого я привезъ. Это добрый, умная, самая разумная и знающая женщина, Ольга Николаевна называютъ. Она— докторъ. Она и сюда прѣѣхала для того... Самъ Акъ-надишахъ послалъ ее сюда, чтобы лѣчить... Вѣдь нельзя къ нашимъ женщинамъ мужчинамъ-докторамъ ходить, нельзя вѣдь, закону нѣтъ, сама знаешь... а она сама баба, ей можно, и грѣха тутъ никакого нѣтъ. Вотъ она теперь посмотритъ нашего мальчика, скажетъ, какъ лѣчить надо, чѣмъ пользоваться... Вѣдь все равно помираетъ крошка... А ну, какъ... Генералъ говоритъ мнѣ: Суффи, ты умный человекъ...

— Противъ воли Аллаха никакой колдунъ не поможетъ,— строго и холодно перебила его Улькунъ-Курсакъ:— и ты это, Суффи, не хорошо затѣялъ. У тебя отъ горя разумъ помутился. Въ мечеть ни разу не заглянулъ. всю недѣлю, съ невѣрными все возился... Вино съ ними пилъ,— я знаю. Корысть торговая обуюла. Самаго старшаго муллу обидѣлъ вчера. Я все, вѣдь, все знаю... Вотъ тебя Богъ и наказываетъ. Молись лучше Ему, у Него проси милости, а не возись съ нечистью проклятою. Убери ты ее вонъ скорѣе изъ чистаго, мусульманскаго дома.

Русская женщина, должно-быть, хорошо понимала все, что говорила толстая ханымъ, да и взгляды, которыми та надѣляла гостью, слишкомъ уже были выразительны. Сначала вся кровь прилила къ ея лицу, да уши какъ огонь вспыхнули, а потомъ отошла, должно-быть, и заговорила покойно, тоже по-татарски...

— Вы, ханымъ, па меня не сердитесь. Я вѣдь не силою вошла къ вамъ въ домъ, меня позвали. Я вѣдь сама мать и дѣтей люблю.— и своихъ, и всѣхъ люблю, и васъ люблю очень, хоть и не знаю до сихъ поръ. Я, можетъ-быть, вамъ добро принесла; во всякомъ случаѣ, зла, какъ и себѣ самой и своему собственному ребенку, не желаю никому... Прошу же васъ: покажите мнѣ вашего больного мальчика,— прошу васъ!..

— Стинь ты, дьяволиха проклятая!— не сказала, прошипѣла старуха, и кулаки сами собой у ней сжались, да такъ, что даже ногти впились ей въ ладони.

— Уйти?— взглянула на Суффи русская гостья.

А у того уже брови сдвинулись къ носу, недобрые огоньки въ глазахъ забѣгали, чалма на затылокъ сдвинулась.

— Слушай ты, глупая старуха!— заговорилъ хозяинъ.— Слушай! Мнѣ жизнь моего сына дороже васъ всѣхъ, дороже моей собственной души. Такъ и знайте. Что мнѣ мулла! Небось, самъ у русскаго доктора лѣчился, когда глазами чуть не ослѣпъ, небось, не отвернулъ онъ отъ нечистыхъ рукъ,— теперь снова коранъ разбирать можетъ. Что жъ ему шайтанъ, что ли, помогать къ святымъ книгамъ вернуться? Когда самъ казы холерою занемогъ, кто его отъ вѣрной смерти спасъ, кто вылѣчилъ?.. наши, небось, знахари... а... кто? Забыла, что ли?.. И нашего Шарипку будетъ Ольга Николаевна лѣчить. Смотри! видишь? Я края одежды ея цѣлую, ко лбу, къ глазамъ, къ сердцу прикладываю. (Суффи, дѣйствительно, прежде чѣмъ гостью успѣла помѣшать, быстро и ловко продѣлалъ эту почтительную

церемонію.) Видѣла? И я тебѣ и всѣмъ въ домѣ приказываю повиноваться ей во всемъ, больше чѣмъ мнѣ самому. И еще прошу за провинность противъ меня... противъ нея же... въ землю живую закопать, какъ гадина передую своими руками... Горло всѣмъ перерѣжу...

— Суффи, успокойтесь... Прошу васъ, успокойтесь...— вмѣшалась-было женщина-докторъ.

Но тотъ уже расходился во всю. Онъ такъ внушительно положилъ свою руку на жирное плечо Улькунъ-Курсакъ, что та, заставивъ, грузно опустилась на корточки. Сары-Кошма взвизгнула, уронила фонарь и стремительно выскочила на прудовой дворикъ, Хатыча забилась со страху въ уголъ и оттуда, какъ загнанная въ тенета коза, испуганно моргала своими, подкрашенными кинварью и сажею, глазами.

А такъ какъ на сосѣднемъ дворикѣ набралось много любопытныхъ бабъ, и своихъ, и постороннихъ, то, вслѣдъ за визгомъ Сары-Кошмы, и другія взвыли, толпою метнувшись на-утекъ. Чуть-было въ полузамерзшій прудокъ нѣкоторые не попадали.

Вотъ это самое и слышали па въѣздномъ дворѣ мужской половины дома.

Съ минуту, послѣ вспышки хозяйскаго гнѣва, длилось молчаніе. А можетъ-быть и меньше, но, казалось, долго тянулась эта минута.

— Твоя воля,— проговорила Улькунъ-Курсакъ и, смиренно согнувшись, не взглянувъ даже на гостью, вышла вслѣдъ за Сары-Кошмою изъ сакли.

Хатыча тоже хотѣла-было скрыться и стала ползкомъ пробираться вдоль стѣнки, къ выходной двери, да Суффи, наконецъ, ее замѣтилъ.

— Куда? Пойдемъ къ Эстеръ вмѣстѣ. Можетъ-быть помочь что-нибудь надо будетъ. Бери фонарь!.. Въ кладовой опять не зажжено! Иди, свѣти!.. Прошу пожаловать, госпожа. Простите, если при васъ сказалъ что-нибудь непристойное...

Хатыча стала приподнимать коверъ, да не смогла одною рукою, тяжелъ сталъ очень, будто его сила какая-то къ порогу тянула. Рвануль Суффи во всю мочь, съ верхнихъ петлей сорвалъ.

— Что это? Свѣти сюда!.. Аллахъ многомилостивый! Едва только перестушили порогъ, отдѣляющій проходную кладовую отъ общей сакли, какъ наткнулись на тѣло Эстеръ. Вѣдная мать, должно-быть, поделушивала, притаившись за ковромъ. Худыя руки джюгудки крѣпко вѣпились въ его тяжелыя складки. Сама она лежала распростертая навзничъ, безъ движенія, безъ дыханія.

Ольга Николаевна первая кинулась къ лежащей.

— Свѣтите сюда, ближе!..— крикнула она растерявшейся отъ такой неожиданности Хатычѣ. Опытнымъ движеніемъ она нащупала сердце, прижалась къ этому исхудавшему до-нельзя смуглому тѣлу ухомъ, затѣмъ она осторожно приподняла закрытое вѣко.

— Сдохла?— пролетела Хатыча.

— Это обморокъ... это не смерть... несите ее сюда... это пройдетъ... Боже мой... этотъ воздухъ, этотъ ужасный воздухъ...

Русская женщина сама поблѣднѣла, хотѣла-было подняться на ноги, но не могла...

— Что съ вами?— помогъ ей, перенуگانый въ свою очередь, Суффи.

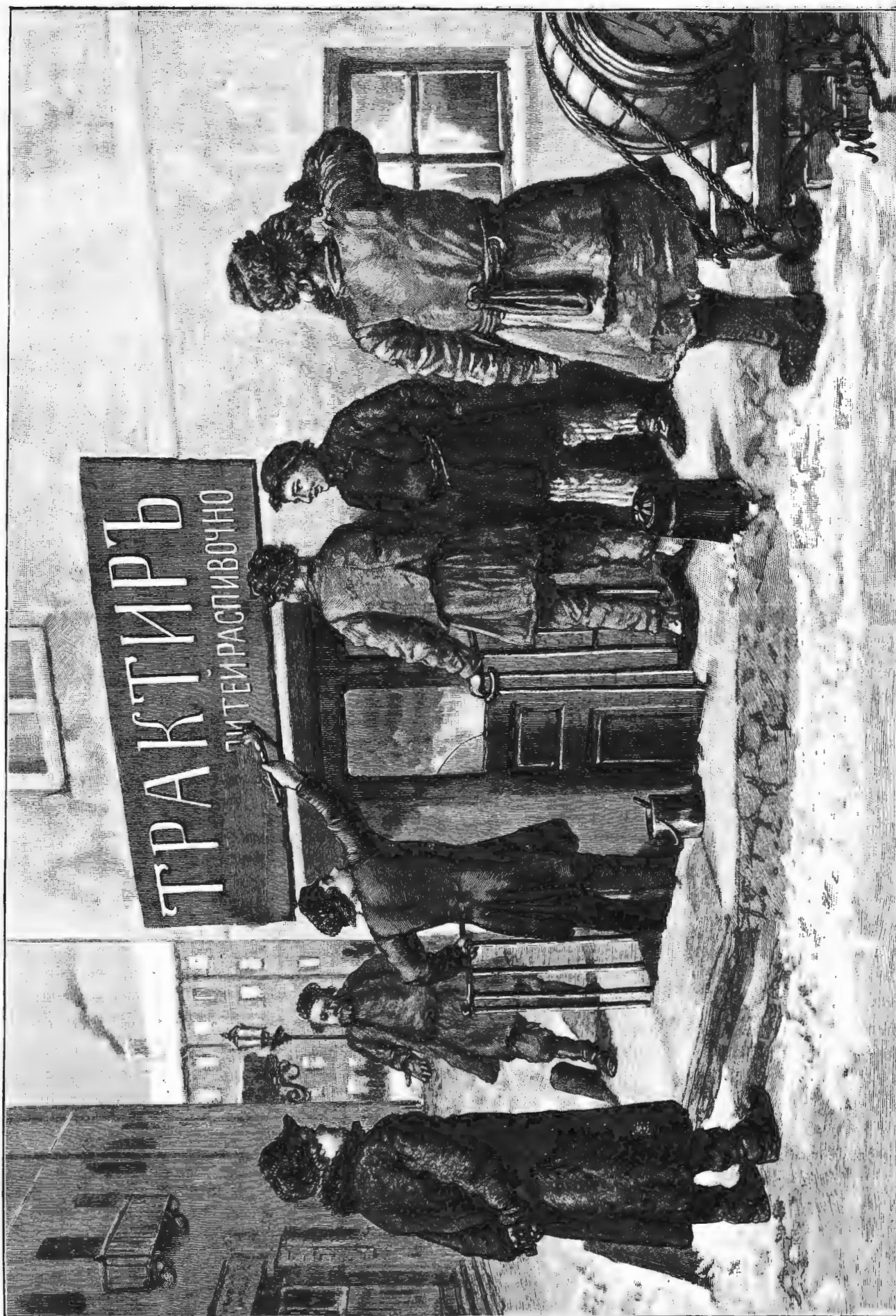
— Этотъ воздухъ!.. Это сама смерть!.. неужели и ребенокъ тутъ же!.. Скорѣе его сюда, скорѣе...

Ольга Николаевна ловко и быстро разстегнула пряжки чемоданчика и стала поспѣшно вынимать оттуда разныя баночки и пузырьки... Суффи пошелъ въ саклю Эстеръ за люлькою... Хатыча, кажется, очень заинтересовалась содержимымъ чемоданчика...

— Позовите еще кого-нибудь... Я не могу одна... Надо поднять ее и положить сюда... Да прикройте ее

Выставка Общества русских анварелистовъ. „Записки охотника“, И. С. Тургенева. Чертопхановъ.
Съ картины И. С. Галикина (исключ. право воспроизв. принадлеж. „Извѣст.“), авторскимъ „Извѣст.“.

Введеніє казенной продажи вина въ Петербургъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) барона М. П. Клодта, грав. Шюблеръ.

чѣмъ-нибудь... скорѣе... надо отворить всѣ двери настежь...

Улькунъ-Курсакъ тихо вошла въ саклю... Она со-всѣмъ преобразилась, она даже пыталась улыбаться и нѣсколько разъ поклонилась незваной гостьѣ.

— Что прикажете, госпожа?... Сюда перетащить?... Сейчас... Хатыча, бери ты, дура, за ноги, и подь плечи... Сюда класть прикажешь?

Появилась и Сары-Кошма, почему-то нацѣпившая на себя всѣ украшенія, которые только нашлись у нея въ сундукѣ.

Съ трудомъ переступивъ черезъ порогъ (оборванный коверъ мѣшалъ), пришелъ и Суффи, неся тяжелую люльку съ больнымъ ребенкомъ.

— Повиноваться!.. Не только слову каждому, взгляды ловить и понимать. Слышите!..—прошенталь онъ, обращаясь къ своимъ (по какимъ шонотомъ: мурашки у нихъ всѣхъ по спицѣ забѣгали...), и бережно опустил свою ношу у самага тагана, какъ разъ посредицѣ сакли.

Да, тревожную, хлопотливую почъ, вплоть до самага разсвѣта, провело все женское населеніе въ домѣ Суффи Казиметова. Да и мужской прислугѣ досталось: нѣсколько разъ сѣдлали наскоро лошадей и, сломя голову, скакали гонцы въ русскій городъ съ записками Ольги Николаевны. Всѣ къ утру притомились и еле бродили, а ей хоть бы что!

VI.

И понеслась пестрая молва по всему городу, разлилась по всему базару, проползла змѣею по всѣмъ улицамъ и узкимъ переулочкамъ, забралась во всѣ сакли жили, во всѣ потаенные дворики, разрастаясь съ каждымъ часомъ, съ каждою минутою даже, а, главное, уклоняясь все далѣе и далѣе отъ правды, отъ того, что дѣйствительно происходило.

Исходною точкою всевозможнаго вздора, конечно, служилъ кухонный дворъ Суффи Казиметова.

Сама Улькунъ-Курсакъ первая, послѣ вспышки хозяйскаго гнѣва, появившись передъ всѣмъ собраніемъ, и своихъ, и чужихъ, произнесла:

— Гибель и позоръ нашему честному дому!

Она начала рыдать, бить себя кулаками въ грудь и даже пыталась разодрать свои одежды, въ знакъ полнаго отчаянія...

Сары-Кошма заявила, что лично уснѣла замѣтить змѣинный хвостикъ изъ-подъ подола русской гостьи:

— Длинный такой, на концѣ огонь красный... крутить и шипить, какъ сало на таганѣ.

А потомъ и пошло, и пошло...

Всю ночь многіе изъ гостей кухоннаго двора такъ и не расходились по домамъ, другіе уходили, но возвращались снова, за новыми свѣдѣніями и дополненіями... Сары-Кошма и Хатыча, исполняя порученія женщины-доктора, были, конечно, первыя вѣстовщицы. Улькунъ-Курсакъ, появляясь значительно рѣже, подтверждала и разъясняла.

— Ахъ, что дѣлается... что только дѣлается!.. Джюгудкѣ въ носъ пузырькъ засунули, а оттуда желтое пламя и змѣйки чернепкы!.. Хозяинъ ей руки назадъ закрутилъ и крѣпко держитъ, а „эта“ все у самага сердца зубами грызетъ, кровь высасываетъ...

— Ой-ой, Аллахъ многомилостивый! Пропадеть бѣдная!

— Туда ей и дорога!..

— Воду кипятите, приказали!.. — появляется сама Улькунъ-Курсакъ. — Да чтобы скорѣе... Слышите! Больше воды... цѣлый котель!..

— Мальчика варить будутъ... — поясняетъ Сары-Кошма (трясется вся отъ страха, не знаетъ за что хватиться, и двѣтныя стеклышки у нея съ шеи сыплются).

— Да что же мы здѣсь стоимъ и молчимъ! — взываетъ старуха-гостья въ красномъ халатѣ. — Спасать надо... Идемъ, что ли!..

— Разорвать въ клочья эту русскую вѣдьму... Избить самага Суффи до полусмерти!..

— Да, пооди, сунься!.. Суффи ножъ себѣ за поясъ засунулъ, да и полицейскій изъ города, а съ ними еще два джигита съ плетями, за дверью стоять по хозяйскому приказу...

— Эстеръ очнулась! — вбѣгаетъ стремительно Хатыча. — На вѣдьму бросилась, ребенка отнимать... Суффи не даетъ... Не закипаетъ вода, что ли? Хозяинъ сердится...

— Перевернулась, проклятая! Была вся въ черномъ платьѣ, какъ пріѣхала, а теперь бѣлая стала! — объявила Сары-Кошма. — Мѣшокъ свой открыла, а тамъ все ножи острые, крючья желѣзные... страсти такія!..

— Изъ города котель привезли, жестяной, и двѣ большія бутыли...

— Съ чѣмъ бутыли-то?

— Конечно, съ чѣмъ! — съ водою мертвою... Какъ попьешь на что, хоть капельку, сразу какъ огнемъ сожжешь...

Совершенно неожиданно появился и самъ Суффи Казиметовъ. Всѣ такъ и шарахнулись врозь по темнымъ угламъ.

— Огонь развести, въ саду, за стѣною, да побольше... костеръ складывай!

Покойно такъ говоритъ хозяинъ, будто и не очень строго, а видъ у него такой, что калмычка и еще двое изъ прислуги такъ и кинулись исполнять приказаніе.

Сказалъ и скрылся.

Пяти минутъ не прошло, какъ уже красное зарево поднялось надъ дворомъ, и въ темное небо брызнули огненные искры. Снова появился Суффи, съ дѣтскою люлькою, полною всякаго грязнаго тряпья, и швырнулъ ее въ самую середину огня. Крикъ и стонъ поднялся во дворѣ... Думали, что и больногъ ребенокъ въ люлькѣ... А тутъ и мужчины появились въ непоказанномъ для нихъ мѣстѣ: это джигиты хозяйскіе и работники изъ караванъ-сарая, ковры притащили и тоже все въ огонь да въ огонь.

Снова завизжало женское населеніе и стало прятаться отъ мужчинъ, чѣмъ попало закрывая свои лица.

Теперь Суффи Казиметовъ самъ стоитъ, наблюдаетъ, чтобы все горѣло. Ничего отъ его глазъ укрыть нельзя. Смордъ поднялся невыносимый. Вонючею гарью на весь кварталъ потянуло, а огонь все пуще и пуще разгорается; это уже работники стараются, цѣльми охапками старую солому да бурьянъ подкидываютъ.

— Будь ты проклятъ, окаянный отступникъ! — раздался въ темнотѣ хриплый, старческій голосъ.

Кто сказалъ — не видать... Не то съ крыши, не то, можетъ-быть, съ самага неба, — сверху откуда-то.

Суффи вздрогнулъ и поблѣднѣлъ, однако выдержалъ, сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

Мертвая тишина наступила разомъ, даже черные силуэты мужскихъ фигуръ на красномъ фонѣ костра словно окаменѣли.

— Уходи, таксырь, — прервала эту роковую тишину Улькунъ-Курсакъ: — все будетъ сдѣлано по твоему приказу...

Толстая ханымъ сказала это такъ покорно, вкрадчиво даже. Она знала характеръ Суффи, знала, какая вспышка всесокрушающаго гнѣва могла бы разразиться вслѣдъ за этимъ затишьемъ, и, должно-быть, сильно испугалась за кого-то, кто по своей дряхлости не успѣлъ бы уйти отъ неминуемой расправы.

— Сочтемся еще! — проговорилъ Суффи и вернулся къ мѣсту самага „дѣла“.

А тамъ уже все было налажено. Женщина въ бѣломъ работала, что называется, не покладая рукъ.

Больного ребенка уже обмыли, осмотрѣли. Мальчикъ лежалъ, завернутый въ чистое полотно. Ему просприцовали ноздри, очистили ротикъ. Крохотная, тощая грудка вздымалась шире и легче. Руки Ольги Николаевны работали такъ нѣжно, бережно и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно и самоувѣренно. Она сама улыбалась и одобрительно кивала головою. А за нею, за каждымъ движеніемъ этихъ тонкихъ, нѣжныхъ пальцевъ, за игрою ея лица, зорко и внимательно слѣдили два черныхъ, лихорадочнымъ огнемъ горѣвшихъ глаза.

Это была Эстеръ. Она приподнялась на локти и просто впиалась въ русскую женщину, какъ тигрица въ засадѣ при видѣ лакомой добычи. Незамѣтно она подбиралась, скорѣе подползала, все ближе и ближе. Ольга Николаевна, занятая ребенкомъ, не замѣчала этого мапевра. Вдругъ она почувствовала, что кто-то легко и осторожно тронулъ ее за рукавъ. Она обернулась и сразу поняла выраженіе глазъ джюгудки.

Черные глаза ждали рокового отвѣта, просили хотя бы надежды.

— Ахъ ты, моя бѣдная сестра... (Ольга Николаевна особенно выразительно произнесла слово: „сестра“.)

Она ласково провела рукою по головѣ Эстеръ и пригнула эту красивую, типичную голову къ себѣ на колѣни.

— Ну, слушай, я тебѣ расскажу сказочку... Маленькій, больной мальчикъ выздоровѣетъ, станетъ большимъ, ему купить отецъ красиваго коня, мать сошьетъ яркій, шелковый халатъ, онъ поѣдетъ по базару и всѣ будутъ спрашивать: чей это такой джигитъ молодецъ? А онъ отвѣтитъ: я сынъ отца моего, мудраго и добраго Суффи, и матери моей, красавицы... какъ тебя зовутъ, сестра моя милая?

— Эстеръ...—чуть слышно прошептали сухія, воспаленныя губы.

— Ну, вотъ это самое имя и назоветъ джигитъ.

— А я тебя задушить хотѣла...—прошептала снова Эстеръ. — Я, знаешь, хотѣла подкрасться къ тебѣ потихоньку сзади и сдавить горло... я, вѣдь, сильная! Сразу бы задушила... Нѣтъ, ты теперь не бойся,—продолжала она, замѣтивъ, вѣроятно, какъ вздрогнула русская женщина подъ впечатлѣніемъ сказаннаго:—теперь я себя дамъ задушить, если бы кто тебѣ зло захотѣлъ сдѣлать...

Эстеръ помолчала минуту и заговорила снова, стараясь припомнить слова изъ сказки.

— И всѣ будутъ его спрашивать: чей это такой джигитъ молодецъ?.. Знаешь, я, вѣдь, совсѣмъ не любила Суффи... знаешь, моего мужа.

— Отчего же ты его не любила?—улыбнулась Ольга Николаевна, озадаченная такимъ неожиданнымъ оборотомъ.

— Развѣ куры могутъ любить пѣтуха? Что онѣ ему, что онѣ имъ?.. Куры подохнуть,—другія найдутся, пѣтуха зарѣжутъ, другого пустять въ курятникъ... Все, вѣдь, равно, все одно и то же... А теперь я очень полюбила Суффи. Очень полюбила... ни за что не пущу его ни къ Сары-Кошмѣ, ни къ Хатычѣ противной.

— За что же ты теперь его полюбила?

— А за то, что онъ поѣшалъ тебя задушить... За то, что ударилъ меня больно-пребольно, за то, что чуть руку не сломалъ, когда вязалъ поясомъ... „А джигитъ отвѣтилъ: я сынъ Суффи и Эстеръ“... Можно мнѣ взять мальчика на руки?..

— Нѣтъ, милая моя, онъ теперь спитъ... Посмотри осторожно, да тише, не разбуди... Ему теперь сонъ больше всего нуженъ...

— Тс!—быстро приподнялась Эстеръ навстрѣчушедшей Улькунъ-Курсакъ...

Та даже понялась... такъ это „тс!“ было внушительно.

За нею слѣдомъ показалась рослая фигура Суффи...

Теперь только, взглянувъ на его блѣдное, осунувшееся лицо, Ольга Николаевна замѣтила, какія муки перенесъ отецъ за эту хлопотливую, полную душевной тревоги, ночь... Да и какъ не замѣтить, когда въ верхніи окна сакли, побѣдоносно борясь со свѣтомъ подслѣповатыхъ фонарей, врвался лучъ яснаго, зимняго утра.

VII.

Прошла недѣля. Незамѣтно пролетѣло это время,—иной день, бывало, вдвое больше тянется. Большой ребенокъ поправлялся быстро. Онъ уже настолько окрѣвъ, что могъ ползать по ковру и крѣпко вѣсплался ручонками въ края чашки съ подогрѣтымъ кобылымъ молокомъ. Мать хотѣла-было сама продолжать кормить, но ей строго запретили это проявленіе материнскаго чувства.

Ольга Николаевна сначала каждый день прѣзжала навѣщать больныхъ, проводила съ ними часа по три и больше, а теперь уже настолько подвинулось дѣло выздоровленія, что можно было поручить надзоръ и самому Суффи,—благо тотъ, не то, что прежде, всего на часокъ-другой навѣдается по дѣламъ въ караванъ-сарай или въ русскій городъ, а все больше сидитъ дома и на Шаринку своего не нарадуется... Веселый сталъ такой, добрый, ласковый,—особенно къ Эстеръ... Та возьметъ, бывало, ребенка на руки, и станетъ его покачивать, а Суффи глазъ съ нихъ обоихъ не спускаетъ, улыбается и въ ладоши хлопаетъ... Разъ даже (Сары-Кошма клялась на кухнѣ, что сама видѣла) хозинъ обнялъ джюгудку и цѣловать принялся:—„ужъ онъ ее цѣловалъ, цѣловалъ... и въ лобъ, и въ глаза, а та, подлая, смѣется и все какъ-будто отталкиваетъ, а сама... Ахъ, чтобъ ей костью бараньей подавиться!.. Вотъ, вѣдь, безстыжая!..“

— Да ты чего же въ камору къ Эстеръ ходила?—спросила ее строго Улькунъ-Курсакъ.

— Да не въ каморѣ, а въ общей саклѣ... Суффи видѣлъ, что я тутъ посуду перетираю:—„Эй ты, толстомясая, чего гремишь? ты полегче...“ А самъ все цѣлуетъ... А тутъ и Эстеръ ко мнѣ: ступай, говоритъ, дура, на кухню...

— А ты что жъ ей не отвѣтила: сама, молъ, ступай. Я такая же жена моему мужу, какъ и ты, даже старше...

— Не посмѣла!..

— Охъ, дѣла, дѣла!.. Людямъ даже на глаза показаться стыдно!—вдохнула старуха. — Сосѣди всѣ на смѣхъ поднимаютъ... „Вотъ такъ Улькунъ-ханымъ, говорятъ. Вотъ такъ старшая хозяйка въ домѣ!..“ Тьфу!..

— А, вѣдь, что жъ,—вмѣшалась тутъ Хатыча. —Вѣдь, вотъ помогла же русская баба ребенку. Вылѣчила небось!..

— Молчи ты, дура, и впрямь корова не мытая... Что ты понимаешь? „Вылѣчила!“ Посмотримъ еще, какъ это вылѣчила. Заколдовала болѣзнь точно,—а надолго ли,—это еще не знаемъ... „Вылѣчила“,—тоже!..

Улькунъ-Курсакъ даже ударить хотѣла толстую болтушку, замахнулась-было, да ограничилась только энергичнымъ плевкомъ и отвернулась.

Калмычка ворохъ сухого бурьяна притащила, таганъ разжигать,—швырнула его на полъ, а изъ бурьяна фаланга выбѣжала, — крупная такая, страшная!.. Ядовиата наука опасно голою погою давить, стали чѣмъ понало загонять гадину въ самый жаръ угольный... Визгъ поднялся на кухнѣ, суетня... чуть не упустили, да, слава Богу, справились,—и зашипѣла непрошенная гостья, скорчившись въ комокъ, въ горячей золѣ... исдохла. Улькунъ-Курсакъ пристально смотрѣла на эту черную, обуглившуюся точку и словно про себя бормотала:

— Сгнбла... никого не успѣла укусить... Во-время доглядѣли... А ты не доглядѣли,—всѣхъ перекусила,

всѣхъ погубить хочеть,—и пѣтъ на нее управы!.. Фаланга — что, пустяки! Укусить, — поболить недѣлку-другую, всухнетъ тѣло, лихорадка потреплетъ, а потомъ и пройдетъ... А тутъ, вѣдь, на всю жизнь,—да и не на одну земную, короткую,—нѣтъ! и на будущую,—безъ конца, безъ Божьяго прощенія... Эта за ногу хватить, за палець, что ли... та прямо за душу, такъ и впустить туда свое ядовитое зелье... проклятая!..

— Вы это про кого, ханымъ? — прислушалась-было Хатыча.

— Не твоего ума дѣло! — огрызнулась старуха.

— Это она про русскую бабу, про доктора этого самого,—догадалась Сары-Кошма.

— А хоть бы и про нее!.. Дуры вы обѣ, какъ есть... и ничего не поймете!..

— А мы можемъ и пойдемъ!..

— Поймете?.. ну, хорошо!.. Кто вы теперь здѣсь въ домѣ?.. Ну, говорите!

— Какъ кто? Мы жены Суффи,—хозяйки. Ты вотъ, ханымъ, мать первой жены, что померла, — я первая жена, какъ ты приказала,—Сары-Кошма вторая послѣ меня!..

— Врешь, врешь, я первая! — перебила Сары-Кошма.

— Помолчи! — придержала ее Улькунъ-Курсакъ. — Ну, говори!.. Дальше!..

— Что дальше?.. Эстеръ по порядку—третья!..

— „Я хозяйка въ домѣ,—ты первая... та вторая“, — раздражительно заговорила Улькунъ-Курсакъ. — Какъ же,—держи карманъ... Это все было до прихода той фаланги съ желтыми волосами. А теперь: —и я, и ты, и ты тоже.—всѣ мы простыя работницы,—все равно что калмычка наша, что Зюлька колченогая, что вонъ та ослица на привязи. Одна только хозяйка, одна госпожа—Эстеръ, и покуда она не сдохнетъ отъ своей болѣзни, до тѣхъ поръ такъ и будетъ, до тѣхъ поръ мы всѣ подъ ея рукою.—Позволить она своему Суффи ласково взглянуть на васъ,—можетъ-быть и взглянетъ; не позволить,—онъ до васъ и не дотронется!.. На порогъ къ себѣ не пустить!..

— Ну, — это мы еще посмотримъ!.. — усомнилась Хатыча.

— Поглядимъ!.. — подтянула ей Сары-Кошма.

— Много увидите! — злобно такъ усмѣхнулась Улькунъ-Курсакъ.

— А мы вотъ что придумали!.. Мы долго, долго думали!.. Мы, вѣдь, тоже понимаемъ, въ чемъ дѣло.

— Что же вы придумали?

— А вотъ что: ты, ханымъ, намъ денегъ дай. Мы пойдемъ на базаръ, завтра же пойдемъ, и купимъ тамъ самого хорошаго шелку, купимъ галуна золотого, золотой нитки и всего купимъ, что надо!.. Наберемъ бархагу краснаго на халатъ и свесемъ къ „усту“ (мастеру), знаешь Ибрагима, что за шорнымъ базаромъ, третья лавка слѣва. Онъ намъ узоры нарисуетъ, такіе богатые, что у самого эмира нѣту!.. А мы съ Хатычею вышьемъ, такъ, по всему борту, до низа и по всей спинѣ!.. Принесемъ, какъ готово будетъ, и подаримъ Суффи, скажемъ:—На, таксыръ, это мы, твои вѣрныя жены, сдѣлали!.. Мы: я и Хатыча, а Эстеръ тутъ рукъ не прикладывала, потому что она не умѣетъ такъ вышивать!.. Она пробовала, да не можетъ; пошьетъ часъ-другой, только напутаетъ, а потомъ устанетъ, сомлѣетъ вся, въ потъ ее ударитъ и дышать начнетъ тяжело!.. Она лѣнивая! — Вотъ что мы съ Хатычею придумали. Посмотримъ тогда, что Суффи скажетъ!..

— А скажетъ вамъ Суффи то же, что и я скажу вамъ теперь: дуры вы, дуры набитыя. Да и я, старая, тоже дура, что съ вами разговоръ настоящей затѣяла!..

Улькунъ-Курсакъ встала, еще разъ плюнула и пошла навѣдаться на чистую половину.

Всего минутъ за пять до прихода старухи хозяйнѣ

отлучился изъ дому. Улькунъ-Курсакъ извѣстно было это обстоятельство, но она сдѣлала нѣсколько удивленную физиономію, будто отсутствие Суффи для нея неожиданно и даже нѣсколько непріятно.

— Эхъ! А я-было хотѣла поговорить съ нимъ!.. И куда это онъ только уѣхалъ? — произнесла она, погладила ласково рукою по чернымъ, лоснящимся волосамъ Эстеръ и присѣла съ нею рядышкомъ.

— Не надолго,—сказывалъ!..

— Не надолго!.. это хорошо!.. очень хорошо!.. Нашъ Суффи теперь домосѣдъ сталъ!.. Никуда не ходитъ зря, не гуляетъ!.. Домъ полюбилъ, значить!.. это очень хорошо!.. А все ты это сдѣлала, душа моя, ты его къ дому тянешь!.. Да такъ и надо. Кому охота отъ такой жены изъ дому бѣгать!.. Ты такая красивая, такая хорошая!..

Эстеръ испуганно взглянула прямо въ глаза Улькунъ-Курсакъ, а та и не мигнула, смотреть на нее ласково-преласково и все по головѣ гладить.

— Дуры наши, тѣ двѣ, завидуютъ, глупыя, и на тебя, ангель мой, сердятся. Да ты на нихъ не смотри. Эка невидаль, что онѣ толстыя, румяныя, да здоровыя!.. а куда имъ до тебя!.. Онѣ, вотъ, говорили мнѣ: Эстеръ больная, лѣнивая, — это онѣ про тебя гогорили; у Эстеръ сквозь кожу всѣ кости прощупать можно, а мы!.. Чего же ты, душа моя, отъ меня отодвинулась? Это вѣдь не я,—онѣ говорятъ. А я имъ въ отвѣтъ: у барана, мошь, еще толще курдюкъ, да гдѣ ему противъ породистой кобылы,—та хоть и тоща, да какихъ кровныхъ жеребятъ носить хозяйину на радость и прибыль!.. А вы, мошь, не смѣйте обижать Эстеръ!.. Почитать ее должны, во всемъ слушаться!.. Я, вотъ, старая, а люблю и почитаю!.. Я де гордая, я добрая!.. Для хозяйина ты первая стала въ домѣ и для всѣхъ насъ, значить, первая!.. Такъ и законъ велитъ, да такъ и надо!..

Старуха говорила вполголоса, а сама все въ уголъ смотрѣла. Тамъ Шарипка спалъ, нагулялся, наигрался вдоволь, напозался—его и сморило!.. Спать ребенокъ крѣпко, свернувшись калачикомъ на мягкой кошмѣ. Въ саклѣ тепло, воздухъ такой чистый, лежитъ мальчикъ почти голенькій, а мать занялась чинкою нагрудника своего: дитя шалило, все за бусы да коралловыя нитки ручонками держало, ну, и порвалось кое-что. Эстеръ теперь и поправляла дѣло, нанизывала на шелковыя нитки разсыпавшіяся кораллинки!.. Пальцы у нея длинныя, тонкіе, ногти киноварью подкрашены, а на щекахъ румянецъ горитъ; на одной румяна попали какъ разъ на мѣсто, а на другой сдвоились яркія пятна,—чужое, значить, отъ своего, огневого, сторонится, попало не на мѣсто; брови дугою выведены, словно смолою выклеены, а косы золотою ниткою пробраны, а на концахъ красныя кисточки шелковыя влетены!..

„Заботится о своей красотѣ, подлая“, промелькнуло въ головѣ Улькунъ-Курсакъ.

— А посмотрю я на тебя,—произнесла она вслухъ.— Въ сказкѣ говорится о красавицѣ ханшѣ, что батыря Арслана въ полону держала,—ну, совсѣмъ какъ про тебя писано. Такая же красавица!.. Охъ-хо-хо! Залюбовалась я, на тебя глядячи, а у самой кошки скребуть на сердцѣ!..

— Что такое?..

— Да ужъ не знаю, говорить ли тебѣ или нѣтъ!.. Такая ты стала тревожная, да слабая!.. Сонъ такой мнѣ нынче пригрѣзился; вѣщій ли сонъ, такъ ли, съ пересыпи,—только нехорошій!.. Не стѣбитъ и говорить, право!.. Не слушай ты меня, глупую старуху!..

— Что же ты во снѣ видѣла? — спросила Эстеръ глухимъ, дрогнувшимъ голосомъ.

— Да пустяки!.. Не стѣбитъ!.. Можетъ, милая, принести тебѣ что-нибудь, фисташекъ, кишмишу,—лепешки сейчасъ испекли, свѣжія!..

— Что же ты, ханымъ, во снѣ видѣла?

Крымскій воинъ былыхъ временъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. И. Ижакевича, авторитет „Нивы“.

Большая часть крестьян, кучеров и погонщиков мулов сидели верхом на своих лошадях и ослахъ, въ томъ числѣ и Оресто, одѣтый въ коричневую бархатную куртку, съ широкою красною шелковою шалью, вмѣсто кюшана. Его зеленая, острокопечная шляпа была украшена серебряными пуговицами, хорошие уски были задорно закручены, а кудрявые волосы выбивались изъ-подъ шляпы.

Педалско за нимъ, верхомъ на своемъ Тито, Фхала и Беатриче въ голубомъ шелковомъ корсажѣ съ бѣлоснѣжными рукавами. Она, съ гордымъ видомъ, пристально смотрѣла на дорогу. Шествие сопровождала цѣлая толпа уличныхъ мальчишекъ и вѣвакъ.

Когда дорога къ церкви стала круче, нѣкоторые изъ наѣзниковъ сошли съ лошадей, въ томъ числѣ и Беатриче, которая пошла рядомъ со своимъ муломъ. Шествие прошло уже три четверти своего пути и вдали уже видѣлась необозримая даль лазурнаго моря, а наверху заблестѣла крестъ храма, съ колокольни котораго раздавался праздничный звонъ колоколовъ. Еще нѣсколько минутъ, и оно должно было дойти до мѣста, какъ вдругъ Беатриче съ ужасомъ замѣтила, что ея Тито потерялъ свое зеркальце! Она посмотрѣла внизъ, на дорогу, но напрасно. Понятно, она ничего не увидѣла. Да и какъ могла бы она увидѣть въ такой толпѣ зеркальце. Оно, вѣроятно, давно уже было раздавлено копытами животныхъ. Внимательно осмотрѣвъ шпурокъ, на которомъ оно было прикрѣплено, Беатриче замѣтила, что оно было подрѣзано—слѣдовательно, зеркальце было украдено. Эта потеря причинила дѣвушкѣ немало огорченіе и даже досаду. Благословеніе безъ зеркальца казалось ей не полнымъ. Она стала подумывать, не вернуться ли ей лучше во-своея и совсѣмъ отказаться отъ освещенія своего Тито, но подумавъ, что это можетъ возбудить насмѣшки на ея счетъ, она рѣшилась не выходить изъ шествія и, сердито насунивъ брови и опустивъ голову внизъ, продолжала подвигаться къ церкви. Другое—о чудо! Что это значитъ? Передъ нею на землѣ лежало зеркальце, прекрасное зеркальце въ металлической оправѣ! О, оно, вѣроятно, послано ей самимъ небомъ или св. Антонію! Беатриче поспѣшно наклонилась, подыала зеркальце и внакоро, на ходу, привязала его на мѣсто потеряннаго ко лбу, между глазъ животнаго. Едва ли кто замѣтилъ это, потому что у всякаго было довольно дѣла съ собственными животными.

Шествие уже подходило къ площадкѣ передъ церковью и остановилось, ожидая окончанія обѣдни, послѣ которой должно было произойти освещеніе. Оресто соскочилъ со своего мула и, отойдя на нѣсколько шаговъ, заговорилъ съ знакомымъ, затѣмъ, услышавъ звонъ колоколовъ, возвращающаго обѣдню, снова вернулся на мѣсто и еще разъ пытно осмотрѣлъ мула. Но что же это? У сомаро между глазъ вѣтъ зеркальца въ металлической оправѣ! Оресто посмотрѣлъ на землю, посмотрѣлъ вокругъ себя—вдругъ что-то ярко заблестѣло на солнцѣ, и онъ, къ великому своему изумленію, увидѣлъ, что его, положительно его зеркальце, находится на головѣ мула Беатриче. Это привело Оресто въ такую ярость, что онъ забылъ, гдѣ онъ находится. Подскочивъ къ Беатриче, онъ крикнулъ ей:

— Какъ ты смѣешь распорядиться моими вещами? По-твоему, я даже не стѣю того, чтобы у меня спрашивали позволенія? Ты просто украла у меня зеркальце! Подай его обратно, говоришь тебѣ, подай сейчасъ же!

Дѣвушка не сразу поняла, въ чемъ дѣло, и, отвѣчая ему ни слова, смотрѣла на Оресто съ явнымъ презрѣніемъ, считала его пьянымъ. Это еще болѣе разозлило его. Онъ сорвалъ зеркальце со лба мула Беатриче и, неистово крича, началъ бить кнутовищемъ несчастное животное. Произошла суматоха—всѣ кричали и шумѣли. Наконецъ буяна схватили и вырвали изъ его рукъ кнутъ. Это лишило Оресто послѣдняго самообладанія. Выхвативъ ножъ, онъ бросился на ближайшаго изъ схватившихъ его. Тутъ уже всѣ присутствующіе бросились на обезумѣвшаго и, обезоруживъ, крѣпко держали его за руки. Тѣмъ временемъ изъ церкви вышелъ священникъ въ облаченіи, съ двумя служками и, прочитавъ вступительную молитву, началъ обрядъ освещенія животныхъ. Шумъ ссоры однако прервалъ священнодѣйствіе: священникъ пристально посмотрѣлъ въ сторону, гдѣ происходила свалка, и увидѣлъ все происшедшее.

Оресто быстро опомнился и пресмирѣлъ. Нѣсколько минутъ спустя, онъ, опустивъ голову, уже шелъ рядомъ со своимъ муломъ и собирался подойти подъ благословеніе. Но тутъ случилось нѣчто совершенно неожиданный. Священникъ сдѣлалъ ему знакъ пройти дальше и, отступивъ на одинъ шагъ, опустилъ руку съ крестообразнымъ.

Оресто пришлось покориться и отойти въ сторону. Онъ зналъ, что священникъ ни за что не согласится отменить наказаніе, и что онъ изъ-за своей глупой заносчивости лишился, на этотъ годъ, благословенія святой церкви. Его бѣдный Гула былъ теперь предоставленъ всякимъ случайностямъ. У несчастнаго Оресто на глазахъ выступили слезы. Никто опустивъ голову, совершенно припавъ, увелъ онъ своего мула въ сторону и, вскочивъ на него, ускакалъ по направленію къ Нерви.

По дорогѣ имъ снова овладѣлъ гнѣвъ противъ виновницы всей бѣды, противъ Беатриче.

— Одна она виновата, одна она! Пока я болталъ, она украла у меня зеркало, потому что на моемъ сомаро было два, а у нея ни одного! Теперь же ея Тито получилъ благословеніе, а мой Калигула его лишился!

Оресто то бѣднѣлъ, то краснѣлъ отъ злости. Пріѣхавъ въ Боліаско, онъ снова безпомощно опустилъ голову и преданъ отчаянію. Онъ горячо обіялъ за шею своего несчастнаго Калигулу.

— Храни тебя Богъ, мой дорогой Гула! Будь здорово и невредимо, мое доброе животное! — шепталъ онъ, цѣлуя его въ рауакрашенный лобъ.

Беатриче также вернулась домой въ очень дурномъ расположеніи духа. Только впоследствии она узнала, отчего Оресто воспыла въ такомъ гнѣвомъ, и ей было крайне неприятно, что она нашла именно его зеркало. Сначала она хотѣла-было извиниться передъ Оресто и объяснить ему, какимъ образомъ у нея оказалось его зеркало, но гордость, все-таки, одержала верхъ надъ первымъ добрымъ побужденіемъ и заставила ее одуматься. Ему, во всякомъ случаѣ, не слѣдовало такъ забиваться. Онъ вѣдь себя, какъ безумный—это было слишкомъ! Онъ не имѣлъ права срамить и ругать ее публично. Впрочемъ онъ всегда дѣйствовалъ очертя голову. Если бы она вышла за него замужъ, то онъ, навѣрное, колотилъ бы ее за каждую бездѣлицу. Хорошо, что она отказала ему!

Такими размышленіями Беатриче старалась успокоить свое расхолованное сердце. Но тѣмъ не менѣе, приключеніе было ей ужасно неприятно. И, глубоко огорченная, она принялась за свою обычную работу.

Въ жизни часто бываютъ странныя совпаденія. Три года, день изо дня, сомаро Гула неутомимо и аккуратно исполнялъ свои обязанности. Недѣлю спустя, послѣ праздника св. Антонію, Гула вдругъ оставилъ свой кормъ не тронутымъ. Грустный, съ опущенными ушами и полузакрытыми глазами, стоялъ онъ передъ яслими, ноги у него почему-то стали слабѣть, онъ легъ. Оресто пришелъ въ ужасъ. Его Калигула захворалъ! Онъ далъ животному полъ-лигра масла. Это не помогло. Онъ бросился къ ветеринару—тотъ пришелъ, покачалъ головою и велѣлъ дать ему еще такое же количество масла. Прошло два дня. Утромъ рано, Оресто, приди къ конюшнѣ, увидѣлъ, что Гула лежитъ, вытянувъ всѣ четыре ноги. Мулъ былъ мертвъ. Отчаяніе Оресто не знало границъ. Онъ заперся въ своей каморкѣ, ничего не ѣлъ и не пилъ. Онъ былъ убѣжденъ, что причиной смерти животнаго былъ отказъ въ благословеніи. Онъ самъ своимъ безумнымъ поведеніемъ навлекъ на себя такое несчастье. Что Беатриче потеряла свое и нашла его зеркальце—это онъ узналъ впоследствии. Слѣдовательно, она была не такъ виновата, какъ онъ предполагалъ. Онъ напрасно оскорбилъ ее публично, и выместилъ свой необузданный гнѣвъ на ея бѣдномъ сомаро. Оресто билъ себя кулаками въ грудь. Но все это ни къ чему не вело, потому что не могло оживить мула. Что ему предпринять теперь? за что взяться? Столярное мастерство онъ совсѣмъ забросилъ—да и кому нуженъ такой малоопытный подмастерье? Теперь ему оставалось только идти работать по-дневно, разбивать щебень, тащить камни, возить песокъ и землю! Оресто безпомощно ломалъ себѣ руки и не выходилъ изъ своей каморки. Наконецъ пришлось вѣшать его и похити. Она распорядилась убрать мертваго мула, сломала замокъ у каморки Оресто, заставила молодого малаго выйти отсюда и силою принудила его принять нищу.

Въ это время въ англійскомъ отелѣ, одна изъ пріѣзжихъ иностранокъ, американка, послала въ Боліаско къ Оресто, чтобы велѣть ему приготовить своего мула для экскурсіи въ горы. Эта иностранка была постоянная клиентка Оресто. Чуть ли не черезъ день, онъ долженъ былъ отдавать своего мула въ ея распоряженіе, а самъ обязательно долженъ былъ сопровождать ее. Она каждый разъ платила ему вдвое противъ того, что ему слѣдовало. Люди подсмѣивались, но для американки это было безразлично. Она на это не обращала ровно никакого вниманія и не стѣсилась выказывать свою симпатію къ красивому итальянцу. Оресто очень льстиво изъясненіе любезности иностранки; она приносила ему хорошую доходъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ находилъ свою клиентку съ малокровнымъ, бѣднымъ лицомъ, свѣтлозелеными глазами и безцвѣтными пепельными волосами, не только не интересною, но даже антипатичною. Это однако не мѣшало ему отвѣчать на влюбленные взгляды снѣжоры Грентлей пламеннымъ взоромъ своихъ огненныхъ глазъ.

Миссъ Грентлей услышала, что у Оресто только-что оклеялъ мулъ, что другого мула у него купить не на что, и что поэтому снѣжорѣ остается только обратиться къ другому погонщику. При такихъ обстоятельствахъ американка предпочла лучше отказаться отъ поѣздки. Она отправилась въ свою комнату и просидѣла въ ней цѣлый часъ; потомъ она сошла внизъ, въ садъ и, встрѣтивъ садовника, вступила съ нимъ въ разговоръ.

— Я узнала, — начала миссъ Грентлей, говорившая хорошо

Что новаго? Съ картины Э. Лоранъ, грав. Бодъ.

Дефоз у позорного столба. Съ карт. Ф. Леене. грав. Унионъ.

по-итальянски: — что у бѣднаго погонщика Оресто Лавинни въ Боліаско околѣлъ мулъ, и что онъ не имѣетъ средствъ купить себѣ другого. Миѣ его отъ души жаль. Онъ очень хорошій, ловкій проводникъ; благодари ему я отлично ознакомилась съ мѣстностью. Миѣ бы очень хотѣлось подарить ему новаго мула, но такъ, чтобы онъ не узналъ, кто ему сдѣлалъ подарокъ. Не могу ли я поручить вамъ приобрести мула, даже, по возможности, сегодня же и оставить его въ конюшню Оресто Лавинни, когда его не будетъ дома.

При этихъ словахъ, миссъ Грентлей опустила руку въ свой красный бархатный ридикюль и достала оттуда кошелекъ, туго набитый деньгами.

Садовникъ подумалъ съ минуту, затѣмъ почесалъ себя за ухомъ.

— Вы получите пятьдесятъ лиръ за хлопоты, — добавила она посприятельно.

— Постараюсь исполнить желаніе вашего сіятельства, — поспѣшно заявилъ садовникъ.

— Прекрасно. Итакъ исполните же мое порученіе и постарайтесь, чтобы объ этомъ никто не зналъ, — приказала миссъ Грентлей. — Вотъ пятьдесятъ лиръ вамъ за хлопоты, и тысяча двѣсти лиръ на покупку сомаго.

Сказавъ это, американка благосклонно кивнула головою садовнику, раскрыла свой зонтикъ и ушла на прогулку.

Садовникъ хитро улыбнулся и, осторожно сложивъ ассигнаціи, спрятавъ деньги въ карманъ. Онъ отлично зналъ, гдѣ можетъ немедленно приобрести образцоваго мула, а именно — у Беатриче Фоскетти. Дѣвушка еще наканунѣ объявила, что продаетъ свою землю въ Нерви и отправляется жить въ Геную, къ сестрѣ покойной матери. Толки о ея приключеніи съ Орестомъ заставили ее принять это рѣшеніе. Ей было сказано напрямикъ, что она — виновница всѣхъ несчастій Оресто. Вездѣ ее встрѣчали испривѣтливими взглядами. У ней перестали брать молоко, покупать овощи и лимоны. Это ожесточило ее противъ всего городка, и она рѣшила покинуть Нерви, гдѣ видала только одиѣ неприятности, и отправиться въ Геную. Она вездѣ сумѣла найти себѣ дѣло. Ея тетка занимается тамъ полпировкою серебра и зарабатываетъ двѣ лиры въ день; отчего бы и ей не изучить этого дѣла? — Это вовсе не такъ трудно. Родственница отвѣчала ей, что рада принять ее и доставить ей работу. Беатриче отъ души жалѣла Оресто, но — затѣмъ же онъ забросилъ свое прекрасное мастерство? Онъ былъ слишкомъ лѣнивъ для работы; подѣломъ ему. Она не принимала себѣ никакой вины въ несчастіи товарища дѣтства.

— Все Оресто, да Оресто! — сердилась она, ловя себя по-стоянно на мысли о немъ. — Ахъ! если бы онъ былъ другой человекъ! Онъ такъ красивъ и статенъ, такъ ловокъ и находчивъ! Кто можетъ сравниться съ нимъ! Онъ даже умнѣе всѣхъ, но... Лучше скорѣй уѣхать! Скорѣе прочь отсюда, прочь отсюда!

Садовникъ одинъ изъ первыхъ узналъ о рѣшеніи Беатриче. Онъ отправился къ ней и, послѣ продолжительнаго торга, успѣлъ приобрести отъ нея мула за тысячу сто лиръ.

Въ это время Оресто приходилось очень тяжело. На черныи день у него ничего не было приколпено, и чтобы не умереть съ голоду, онъ привился за пощеннику, но уже черезъ нѣсколько дней отказался отъ нея. Онъ долженъ былъ работать, какъ ломовалъ лошадей, и еле зарабатывалъ на насущное пропитаніе. Теперь Оресто твердо рѣшился снова пристыться за столярное мастерство. Онъ обратился къ одному мастеру въ сосѣднемъ городкѣ Квинто, у котораго онъ нѣкогда, вскорѣ послѣ выхода изъ ученья, работалъ; но тотъ отказался принять его. Три дня онъ бѣгалъ въ Генуѣ, не находя мѣста, даже на самыхъ скромныхъ условіяхъ, и, разочарованный, возвратился въ Нерви, гдѣ, вышудженный голодомъ, снова долженъ былъ возить камни и разбрасывать щебень по горнымъ дорогамъ, — трудъ, едва доставлявшій ему дневное пропитаніе. Горько жалѣлъ Оресто о безтолково прожитой юности, да ничего нельзя было сдѣлать. Такъ прошло двѣ недѣли. Вдругъ, въ одно прекрасное утро — не имѣя въ этотъ день работы, Оресто проснулся долѣ обыкновеннаго — его разбудило какое-то странное шарканье и топотъ, раздававшійся въ пустой конюшнѣ, за которую онъ даже еще не внесъ мѣсячной платы. Онъ въ испугѣ вскочилъ съ постели и бросился къ конюшнѣ. Теперь онъ уже совершенно лено разслышалъ звяканье цѣпи. Что это могло означать? Кто могъ быть тамъ, въ конюшнѣ? Духи не появляются среди бѣла дня? Оресто поспѣшно отворилъ дверь конюшни и увидѣлъ сытую, холеную спину ястреда-чернаго мула. Онъ подошелъ ближе къ животному. Странно! Оно казалось ему ужасно знакомымъ.

— Тито! — воскликнулъ онъ, и мулъ немедленно повернулъ къ нему голову.

— Тито! Тито, это ты! — повторилъ Оресто. — Да, это ты! — Оресто упалъ на колѣни. — Это она привела тебя сюда, она! Беатриче, о, Беатриче! — плакалъ онъ въ порывѣ счастья. — Она не хочетъ, чтобы я былъ такимъ несчастнымъ! Она отдаетъ миѣ своего мула, значитъ — не переставала любить меня, несмотря на всѣ мои недостатки, несмотря на то, что я

оскорбилъ ее такъ грубо. О, дорогой мой Тито! Она любитъ, любить меня! Милая моя! Есть ли на свѣтѣ дѣвушка прелестнѣе, добрѣе ея?

Оресто вскочилъ, поспѣшно одѣлся и торопливо пошелъ по направленію къ домику Беатриче. Не доходя нѣсколько домовъ до ратуши, онъ невольно взглянулъ въ большое, полутемное зданіе, въ родѣ пещеры, по стѣнамъ которой стояли большія, темныя бочки. Посреди помѣщенія поставлены были столы, за которыми сидѣли и пили посетители. Это была большал, охотно посѣщаемая жителями Нерви, кантина, то-есть винный погребокъ, и здѣсь, разговаривая съ владѣльцемъ погребка, стояла сама Беатриче. При видѣ ея Оресто, отъ восторга не сознавалъ, что дѣлаетъ, бросился къ ней и, горячо обнявъ ее, воскликнулъ:

— О благодарю тебѣ, возлюбленная, благодарю тебѣ! Ты моя спасительница, ты воскресаешь меня! Какое у тебя доброе, великодушное сердце! Мой гнѣвъ былъ вызванъ только отвергнутой любовью. Вѣдь я такъ пламенно, такъ горячо люблю тебя, моя Беатриче!

Въ первую минуту Беатриче отъ изумленія и испуга, не могла слова вымолвить и стояла, широко открывъ глаза. Думая, что Оресто лишился разсудка, она уже хотѣла-было оттолкнуть его, но, взглянувъ въ его глаза, которые свѣтились блаженствомъ любви и счастья, остановилась.

„Нѣтъ! нѣтъ!“ — разсудила она: — такіе глаза не бываютъ у сумасшедшихъ. Тутъ она замѣтила, какъ поблѣдло и осунулось его лицо: горе избородило его еще недавно вѣтущи здоровьемъ щеки морщинами, и сердце у ней сжалось отъ состраданія къ человеку, который любилъ ее такъ неизмѣнно и котораго и она, хотя безсознательно, но никогда не переставала любить. Съ нимъ должно-быть случилось что-нибудь особенное, необыкновенное! Но прежде всего, слѣдовало прекратить эту, до-нельзя страшную, сцену.

— Ступай! — шепнула она ему наскоро. — Жди меня въ моемъ домѣ. Тамъ поговоримъ!

И когда онъ повиновался ей и, точно въ припадкѣ лунатизма, вышелъ, Беатриче, улыбаясь, обратился къ хозяйнѣ кантины:

— Миѣ кажется, бѣдняга совсѣмъ рехнулся! Нужно будетъ образумить его!

Она непринужденно разсмѣялась, разсмѣялся и собесѣдникъ ея, а за нимъ и всѣ присутствующіе въ кантинѣ.

Затѣмъ она поспѣшно отправилась домой и уже издали увидала Оресто, стоявшаго подъ деревомъ у колодца. Онъ восторженно бросился ей навстрѣчу. Она уклонилась отъ его объятій, но подала ему руку и, тяжело переводя дыханіе, сказала:

— Теперь объясни миѣ, Оресто, что все это значитъ, и за что ты меня такъ безумно благодарилъ?

— Что это значитъ? — повторилъ Оресто: — и ты еще спрашиваешь? Не станешь же ты отрицать, что любишь меня, Беатриче? Да развѣ ты только-что не доказала миѣ этого, дорогая моя, великодушная Беатриче?

— Что я люблю тебя, Оресто, это для тебя давно не тайна, но чѣмъ я только-что могла доказать тебѣ это? — спросила дѣвушка, рѣшительно ничего не понимая и горя желаніемъ узнать, въ чемъ дѣло.

— Да развѣ не ты привела въ мою конюшню своего Тито?

— Я?! — воскликнула пораженная Беатриче.

— Значитъ, не ты?! не ты? О, не отрицай этого! Кто могъ сдѣлать это, кромѣ тебя?

— Почему я знаю? — отвѣчала Беатриче, насунивъ брови.

— Такъ это не ты, Беатриче? Но вѣдь это твой Тито, я напелъ его сегодня утромъ въ своей конюшнѣ. Кто могъ его привести туда, кромѣ тебя?

— Я продала его.

— Прдала? — удивился Оресто. — Но... кому же?

— Садовнику изъ англійскаго отеля.

— Садовнику... англійскаго отеля... Ah! maledetto! такъ это желторивая американка подарила миѣ мула!

Оресто поблѣднѣлъ, и лицо его вытянулось.

— Да! теперь ты въ этомъ убѣдился! Это та важная, красивая синьора, съ которой ты всегда такъ галантно обращаешься. Теперь ты долженъ сходить и поблагодарить ее за подарокъ! — воскликнула дѣвушка, злобно засверкавъ глазами.

— Нѣтъ! пусть она возьметъ мула обратно! — рѣшительно сказалъ Оресто.

— Обратно? Ты дѣйствительно отдашь его обратно? Ты не примешь его отъ нея? Ну, Оресто! тогда пойдемъ вмѣстѣ и отдадимъ ей мула, — прибавила Беатриче, блаженно улыбаясь.

— Мы? вмѣстѣ?! — закричалъ онъ съ восторгомъ.

— Да! — отвѣчала она спокойно. — Я знаю, что ты любишь меня, но вѣдь и я люблю тебя, и если ты, любя меня, раньше сумѣлъ бы отказаться отъ своей бездѣльной, лѣнливой жизни и не ухаживалъ бы за иностранками, то я уже давно была бы твоей женою.

— Я теперь излѣчился отъ лѣни, Беатриче, излѣчился на-всегадъ, — увѣрилъ ее Оресто.

— Ну, такъ и будь! Я вѣрю тебѣ! — воскликнула дѣвушка. — Только я требую, чтобы ты открылъ себѣ собственную мастерскую и сдѣлался бы примѣрнымъ работникомъ, въ этомъ ты

мпѣ покланяешься, Оресто, поклоняешься святѣмъ Антоіо, котораго, видимо, взялъ насъ подъ свое покровительство. Я хочу гордиться тобою, хочю.

— Клянусь тебѣ, клянусь, что сдержу слово, — горячо прервалъ ее Оресто, и Беатриче, протянувъ ему обѣ руки, уже не сопротивлялась ни его объятіямъ, ни поцѣлудамъ.

— Ну, а теперь, пойдѣмъ къ американкѣ, — сказала Беатриче, настойчиво сжавъ губы.

— Да, пойдѣмъ, пойдѣмъ сейчасъ же! — согласился Оресто, и оба рука объ руку, какъ подобаетъ женху и невѣстѣ, пошли по главной улицѣ Нерви въ Боліаско, прямо въ англійскій отель.

Тѣмъ временемъ вѣсть о помолвкѣ Оресто и Беатриче уснѣла уже облетѣть весь Нерви. Повсюду только и говорили о томъ, какъ Оресто приближалъ въ кашину и, бросившись къ Беатриче, публично поцѣловалъ ее, какъ свою невѣсту, и что та вовсе не думала его отталкивать, но весело смѣялась. Загѣмъ еще разсказывали, что кто-то купилъ, черезъ посредство садов-

ника изъ англійскаго отеля, мула у Беатриче и тайкомъ привелъ его на дворъ въ конюшню Оресто.

Вѣсть эта дошла и до миссъ Грентлей. Это сначала такъ поразило американку, что она немедленно потребовала счетъ и начала укладывать свои вещи, затѣмъ приказала привести карету и уѣхала. Въ то время, когда она уже сидѣла въ вагонѣ, въ поѣздѣ-молшіи, отъѣзжавшемъ въ Римъ, Оресто и Беатриче подходили къ отелю. На вопросъ ихъ: можно ли видѣть синьору американку, имъ сообщили, что она почему-то поспѣшно уѣхала.

Беатриче и Оресто многозначительно переглянулись, затѣмъ первая сказала:

— Ну, дѣлать нечего! Приходится оставить мула себѣ. Вроде-челъ, было бы ужасно глупо дарить богатой синьорѣ тысячу сто лиръ. Онѣ намъ самимъ пригодятся. Будемъ считать, что она подарила ихъ мнѣ въ приданое.

Оресто, какъ будущій покорный супругъ Беатриче, поспѣшно согласился съ нею.

Завѣтные кресты.

Очеркъ В. В. Сабанина.

Завѣтными или *кладеными* называются находимые въ землѣ каменные кресты съ надписями на нихъ, указывающими на существованіе или бы на мѣстѣ находенія ихъ клада. Кресты эти очень рѣдки, и потому недавно появившаяся въ печати замѣтка Н. В. Штейнфельда подъ заглавіемъ „Минимый Пугачовскій кладъ“, съ описаніемъ и рисункомъ такого креста, очень интересна.

У меня находится другой экземпляръ подобнаго креста, найденный въ сороковыхъ годахъ въ Карсунскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, и приписанный крестьянами моему дѣду Д. А. Сабанину.

Величина креста нѣсколько меньше описаннаго Н. В. Штейнфельдомъ, а именно: вышина $3\frac{1}{2}$ вершка, ширина — 2 вершка, толщина — $\frac{3}{4}$ вершка. Высѣченъ онъ изъ мѣла, изобилующаго въ нашей мѣстности; отъ времени онъ потемнѣлъ и поверхность его приняла зелено-сѣрый цвѣтъ. Надпись вырѣзана заглавными буквами гражданскаго шрифта. Знакомъ препинанія имѣтъ, за исключеніемъ точки въ концѣ 9-й строки обратной или задней плоской стороны креста, послѣ словъ „стоятъ крепко“. Правонаписаніе помѣщенной въ концѣ настоящей замѣтки надписи сохранено согласно оригиналу.

Надпись на моемъ крестѣ имѣетъ много общаго съ надписью на крестѣ Н. В. Штейнфельда, но представляетъ весьма любопытные варианты, подтверждающіе его предположеніе, что кресты эти изготовлялись и клались въ землю съ цѣлью обмана легковѣрныхъ людей. Такой обманъ въ нашей мѣстности, особенно въ 40-хъ—50-хъ годахъ, могъ легко удался, такъ какъ въ то время дѣйствительно находились клады. По большей части они были малоцѣнны, состоя изъ мелкихъ монетъ или серебряныхъ украшеній въ видѣ консекъ великокняжеской эпохи (у моего отца находились образчики такихъ монетъ изъ двухъ кладовъ), но были и серьезные клады. Такъ, я слышала разсказъ о томъ, что въ мѣстности на берегу Волги, въ имѣніи Поддомасово, около Симбирска, былъ въ указанное время найденъ очень большой кладъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ монастырь, разграбленный Стенькой Разиннымъ*), и составившій, какъ говорятъ, зарытую монахами монастырскую казну.

Пугачовъ ходилъ по нашей губерніи, сильно грабилъ усадьбы, и потому указаніе на сокрытіе клада „пугачовскими вошами“ могло вызывать довѣріе, особенно тогда, когда преданія о Пугачовѣ и Пугачахъ были еще свѣжи.

Оба креста, мой и принадлежавшій г. Штейнфельду, относятся къ одной эпохѣ, началу нынѣшняго вѣка, но мой крестъ кажется моложе, то-есть авторъ сдѣланной на немъ надписи вѣроятно имѣлъ въ рукахъ подобный описанному въ г. Штейнфельдомъ крестъ. Едва ли на память можно было почти дословно повторить всю первую часть надписи, занимающую на моемъ крестѣ всю переднюю плоскую его сторону и $\frac{1}{2}$ задней плоской стороны, со словъ: „сей крестъ завѣтный“ до словъ „по вынѣтіи—креста“.

Я предполагаю, что надпись на моемъ крестѣ была составлена по другой, а не наоборотъ, потому что составитель надписи моего креста развилъ идею перваго автора, который не указалъ способа находенія клада, а ограничился указаніемъ, что для этого надо найти „отговорщика“, который „долженъ знать“ какъ „сдѣлать завѣтъ“ и „какъ съ нашими стражами управлѣться“. Составитель моего креста справедливо подумалъ, что нашедшій крестъ, очевидно наведенный на данное мѣсто имъ же (авторомъ надписи), будетъ спрашивать объ „отговорщикѣ“ его же, и что для того, чтобы не впутать въ дѣло третьихъ лицъ, онъ же самъ долженъ объявиться такимъ „отговорщикомъ“, рискуя тѣмъ самымъ навести на сомнѣніе, или же навѣть на себя обвиненіе въ обманѣ.

*) До сихъ поръ лѣсъ въ этомъ мѣстѣ, какъ я самъ могъ убѣдиться при личномъ посѣщеніи, носитъ характеръ сада; видны аллеи, остались фруктовыя деревья и т. и.

Второй авторъ, т. е. составитель надписи моего креста, вообще остроумнѣе перваго; онъ не только далъ волю своей фантазіи, выдумалъ длинный рецензъ находенія клада, но кромѣ того поправилъ еще всѣ мѣста первой надписи, казавшіяся ему опасными, какъ могущія навести на сомнѣніе, усиливъ впечатлѣніе таинственнаго и увеличивъ весьма удачно интересъ къ кладу.

Такъ, второй авторъ выпустилъ слова „или рабами“. Онъ оставилъ только слова: „кто сей завѣтный крестъ счастливымъ рабомъ (на другомъ крестѣ прибавлено „или рабами“) найдетъ, тотъ и казну нашу возьметъ“. Хотя неясно, что обозначаетъ приставка „или рабами“ — женскій родъ или множественное число, во всякомъ случаѣ онъ предпочелъ имѣть дѣло съ однимъ мужчиной. Баба или товарищи скорѣе разболтаютъ, и имѣтъ съ ними дѣло онъ считалъ опаснымъ*).

Онъ усилилъ сумму клада, увеличивъ его съ 1.100.000 (вѣроятно, рублей) до 1.400.000, причемъ остроумно уменьшилъ сумму денегъ, яко бы положенную имперіалами, какъ монеты болѣе рѣдкой, увеличивъ число полумперіаловъ и „монетовъ“.

Вмѣсто предлагаемаго первымъ авторомъ помѣщенія въ яму для находенія клада „двухъ младенцевъ“, онъ рекомендуетъ положить въ яму „двухъ трехмѣсячныхъ, заколотыхъ своими руками, младенцевъ“. Онъ вѣроятно панель, что совѣтъ не ясенъ и недостаточно страшенъ. Вѣдь авторамъ надписей надо было добиться лишь того, чтобы ползены были въ яму деньги, а отнюдь не младенцы. Вотъ авторъ моего креста, вѣроятно, и подумалъ: „сказано только: положить въ яму двухъ младенцевъ. Возраста не указано. Страшнаго тутъ еще ничего нѣтъ. Чего добраго, заведетъ мужикъ двухъ ребятишекъ лѣтъ по десяти въ лѣсъ и посядѣтъ въ яму, а они кричать начнутъ“. Вотъ онъ и пишетъ на крестѣ: „заколотыхъ своими руками трехмѣсячныхъ младенцевъ“. Этого уже никто не рѣшится сдѣлать, а прямо положитъ деньги.

Какъ человѣкъ практичный, второй авторъ, увеличивъ стоимость клада, уменьшилъ сумму выкупа. Первый авторъ требуетъ 400 „монетовъ“, а второй лишь 100. Такимъ образомъ, скорѣе можно найти кладоскателя, а сумма въ 100 монетъ тоже показалась ему достаточной платой за небольшой трудъ составленія надписи на крестѣ.

Далѣе онъ замѣняетъ слова „по вынѣтіи сего мѣстнаго креста“ словами „по вынѣтіи завѣтнаго креста“. Дѣйствительно, слова „мѣстный крестъ“ не имѣютъ смысла. Очевидно авторъ первой надписи приниталъ необдуманно церковное выраженіе, имѣя въ головѣ, можетъ быть, „мѣстныя“ иконы. Второй авторъ поправилъ его.

Точно также остроумно выброшено изъ второй надписи указаніе на находеніе подъ сундукомъ заговора отъ „стрѣлы, меча и пичали“. Второй авторъ основательно подумалъ, что заговоръ отъ „стрѣлы“, которую никто уже не употребляетъ, едва ли кого-либо соблазнитъ.

Онъ выбросилъ также ненужное указаніе на то, чтобы крестъ былъ потертъ въ песокъ послѣ находенія клада. Первый авторъ, очевидно, желалъ, чтобы улика въ обманѣ исчезла, но онъ не подумалъ, что совѣтуетъ сдѣлать это послѣ находенія клада, чего, какъ онъ самъ долженъ былъ знать, не будетъ, и потому второй авторъ выбросилъ это указаніе, какъ излишнее.

Наконецъ онъ выкинулъ просьбу о поминаніи за упокой „пугачовскихъ воиновъ“, якобы зарывшихъ кладъ, тоже какъ излишнюю и не интересную. Онъ, можетъ-быть, также замѣтилъ, что все это мѣсто написано второпяхъ. Хотя поминать рекомендовалось дѣйствительно 24 человѣкъ, какъ указано въ началѣ надписи, но имена подбирался наугадъ, притомъ въ попискахъ за разными именами попалось три, не имѣющія въ свѣтцахъ: „Флолъ, Карлъ и Кексентій“.

Вмѣсто всего этого онъ далъ волю своей фантазіи и указалъ *) Въ концѣ надписи онъ себѣ противорѣчить и допускаетъ товарищей искателя клада.

зал способ нахождения клада, давал описанию таинственный характер и обезнечивал вмѣстѣ съ тѣмъ за собою возможность завладѣть выкупомъ.

Прежде всего онъ совѣтуетъ: „по выштіи креста какъ можно скорѣе испарить завѣтъ“, такъ какъ если „вы просрочите“, говоритъ надписи, „болѣе трехъ сутокъ, то и казны нашей не получите“...

Замѣчаніе это очень характерно. Наведши на мѣсто сокрытія креста легковѣрнаго мужика, наивностью котораго авторъ „завѣта“ имѣлъ въ виду воспользоваться, ему оставалось днѣмъ поглядывать—вынуть ли крестъ или вѣтъ. Коли вынуть, то ему придется караулить въ полномъ чистѣ не болѣе трехъ ночей.

Указавъ торжественный способ записыванія выкупа *), желая подготовить кладовскаго, или скорѣе отуманить его голову, авторъ „завѣта“ предписываетъ ночью ползти къ нему, отойти „на западъ солнца“ на 60 локтей, молиться тамъ Богу, не оглядываясь назадъ, подъ страхомъ потери зрѣ-

нія, а возвращаться къ ямѣ только послѣ 12 часовъ. Завѣтъ онъ предписываетъ отнести завѣтъ домой, положить его подъ образа, на другую ночь повторить операцію, а на третью—рыть кладъ; вынувши сундукъ, зарыть вмѣсто него „завѣтъ“ (т. е. „100 серебряныхъ монетовъ“), а сундукъ отнюдь не вскрывать на мѣстѣ, а отнести домой и дѣлать казну тамъ.

Вѣроятно, караульщиц авторъ „завѣта“ имѣлъ въ виду воспользоваться именно послѣднимъ моментомъ, т. е. когда обрадованный находженіемъ подложеннаго на этомъ мѣстѣ и на полненнаго камнями сундука, мужикъ понесетъ его домой. Тогда онъ смѣло и не смѣя могъ вынуть зашигтые въ холстѣ „100 монетовъ“ и поспѣть надыть наивностью кладовскаго.

Интересно знать, имѣются ли еще подобныя кресты и какия на нихъ надписи? До сихъ поръ въ литературѣ не встрѣчалось о нихъ замѣтокъ, а между тѣмъ Н. В. Штейнфельдъ правъ, говоря, что эти кресты представляютъ собою рѣдкіе образчики предметовъ народнаго суевѣрія.

Къ рисункамъ.

Черновъ Успенія Пресвятыя Богородицы, вновь воздвигнутая при подворьѣ Киево-Печерской лавры въ Петербургѣ, освящена въ концѣ истекшаго года высокопреосвященнымъ

Іоанннкіемъ, митрополитомъ киевскимъ, съ братіей киево-печерскаго подворья. Храмъ строго выдержанъ въ древне-русскомъ стилѣ. Главный изъ пяти куполовъ храма напоминаетъ собою куполь Храма Спасителя въ Москвѣ; кромѣ того, алтарь освѣщенъ особо тремя главами. Въ отдѣльных, вышнихъ украшеніяхъ храмъ богатъ изліцной отдѣлкой деталей: карнизы, фестоны, орнаменты, подзоры, шпильстры и пр. придаютъ ему выдающуюся красоту и характерную цѣльность. Особевную красоту придаютъ храму еще мозаичныя украшенія изъ поливы; этой мозаикой украшены, кромѣ множества мелкихъ розетокъ, и главный фронтонъ храма, на которомъ начертана надпись: „Вознесите Господа Бога нашего и поклонитесь подножію ногу Его, яко свято есть“.

Новый храмъ очень обширенъ и вмѣстителей: въ немъ 10 сажень въ длину и 10—въ ширину, не считая алтаря и предхрамья, такъ что въ немъ легко можетъ помѣститься болѣе тысячи человекъ богомольцевъ.

По удобству для молящихся, храмъ одинъ изъ немногихъ въ Петербургѣ: въ немъ все пространство передъ алтаремъ, представляющее площадь въ сто квадратныхъ сажень, совершенно открыто и ничѣмъ не заслонено; въ немъ нѣтъ ни колоннъ, ни устоевъ, такъ что отовсюду можно свободно созерцать богослуженіе. Кромѣ того, на западной сторонѣ храма устроены хоры для молящихся.

Со сводовъ храма, на которыхъ покоится главный куполь, спускаются массивныя цѣпи, къ которымъ прикрѣплены четыре золоченыхъ панникадила. Иконостасъ въ храмѣ пока временный,—деревянный, взятый изъ прежней церкви; новый иконостасъ будетъ мраморный, и для него будутъ вновь написаны иконы.

Кто не помнитъ слѣдующей сцены изъ „Записокъ Охотника“? (Сборникъ „Нивы“ за 1898 г., т. I, стр. 308.) Охотникъ съ кучеромъ Ермолаемъ однажды въ жаркій лѣтній день возвращались съ охоты на телѣгѣ. Выѣхали въ кусты. „Э!“—заговорилъ проснувшійся Ермолай: „да здѣсь должны быть тегерева. Слѣзайте-ка“. Они вошли въ „площадь“. Собака наткнулась на выводокъ; охотникъ выстрѣлилъ и, едва началъ заряжать ружье, какъ, вдругъ, позади поднялся трескъ и, раздвигая кусты руками, подѣхалъ верховой. „А на-азвольте узнать“, сказалъ онъ надменнымъ голосомъ: „по какому праву вы здѣсь а-ахотитесь, мяловскій сдари?“ Художникъ Галкинъ побранилъ на своемъ рисункѣ, красовавшемся на пивнѣйшей выставкѣ русскихъ акварелистовъ въ Академіи Художествъ, именно этотъ моментъ. „Я не зналъ, что здѣсь запрещено стрѣлять“, отвѣчалъ озадаченный охотникъ. „Вы, милостивый государь“, продолжалъ тотъ: „на моей землѣ... На-азвольте узнать, и съ дворянскомъ имѣю честь объясняться?“ Охотникъ назвалъ себя. „Въ такомъ случаѣ, извольте охотиться. Я самъ дворянинъ и радъ услужить дворянину... А зовутъ меня Чертоп-хановымъ,

Пантелеемъ“. При этомъ онъ нагнулся, тикнулъ, вытипулъ лопатъ по шеѣ, и та, замотавъ головой,—звилась на дыбы, бросилась въ сторону и отдала одной собацѣ лапу. Чертопхановъ—

одинъ изъ блестящихъ типовъ, выведенныхъ Тургеневымъ въ его „Запискахъ Охотника“. Въ доброе старое время рѣдко попадались такіе гордецы и забияки первой руки, которые во всемъ околоткѣ считались за людей сумасбродныхъ и опасныхъ. Это, болѣею частью, были помѣшники, служившіе недолгое время въ арміи и вышедшіе въ отставку „по неприлжности“ съ тѣмъ чномъ, по поводу котораго распространилось мнѣніе, будто курица не птица. Происходилъ Чертопхановъ изъ стариннаго дома, пѣкогда богато; его дѣды жили пышно, по-степному, а иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ сдѣланъ безъ гроша и питались домашней живностью. Этотъ типъ въ настоящее время еще далеко не вымеръ, и въ глухихъ уголкахъ нашего отечества, навѣрно, найдется еще не одинъ Чертопхановъ, безнабавный, но не лишенный истиннаго добродушія,—характерная черта русскаго человѣка.

Передъ нами крымскій воинъ былыхъ временъ, типъ степного татарина, прямого потомка монголовъ, мѣтко схваченный художникомъ Ижакевичемъ. Буйные набѣги, помыслимому, единственная его забава, цѣль жизни и насущная потребность. Онъ все забываетъ, посяетъ на лихомъ скакунѣ, въ буркѣ, вооруженный тяжелымъ ружьемъ, готовый каждую минуту зашицаться до послѣдней капли крови, а, возвративъ съ добычей, шумно пируетъ въ родномъ улусѣ, и кумысъ льется рѣкой при громкихъ пѣсняхъ счастливаго побѣдителя.

„О былахъ половецкихъ,
Про славу дѣдовскихъ временъ
И ихъ набѣговъ молодецкихъ.“

Если неожиданная стычка съ непрітелемъ увлечетъ смѣльчака слишкомъ далеко, онъ томится и тоскуетъ по благоухающимъ степнямъ Крыма, но едва завидитъ по дорогѣ знакомую траву,—уже считаетъ себя на верху земного блаженства.

„Миная гору за горой,
Все ждетъ онъ, скорою степь родная,
И вдаль глядитъ, травы степной
Пучокъ изъ рукъ не выпускаетъ.“

„Что новаго?“ спрашиваетъ старушка у маленькой внучки, едва научившейся разбирать склады, и та, „нальчикомъ воды, по печатному читаетъ“. Прятла умолкла и, опершись лѣвой рукой на ногу, добродушная бабушка, придавъ лицу серьезное выраженіе, со вниманіемъ слушаетъ дѣтскій лепетъ. Въ комнатѣ такая тишина, что слышно, какъ муха пролетитъ, и дѣвочка читаетъ,—читаетъ, теряясь въ безконечномъ рядѣ мелкихъ буквъ. Картина написана живо бойкой кистью опытнаго мастера. Уголокъ старушки дышитъ древною.

„Прозрачный сумракъ, лучъ лампы,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады...“

Завѣтный крестъ, найденный въ Симбирской губ., Карсунскаго уѣзда, въ сороковыхъ годахъ.
Съ фот. авт. „Нивы“.

Среди романовъ, сдѣланныхъ литературнымъ достоинствомъ всѣхъ культурныхъ народовъ, наибольшее распространение получилъ „Робинзонъ Крузо“ Даниэля Дефоза, написанный въ 1719 году. Этотъ романъ, для котораго темой послужили дѣйствительныя приключенія одного потеряннаго кораблекрушеніе путешественника, стяжалъ автору всемирную славу; имя Дефоза будетъ жить, пока воображеніе дѣтей будетъ плѣняться приключеніями Робинзона на его островѣ, и пока высокая воспитательная идея книги, проповѣдывающей самопомощь, какъ основное правило жизни, будетъ цѣниться по достоинству. Менѣе известны заслуги Дефоза, какъ политическаго дѣятеля, отстаивавшаго, во имя блага своего народа и во имя общаго прогресса, тотъ же принципъ самопомощи.

Даниэль Дефозъ родился въ 1661 году въ Лондонѣ, въ семьѣ зажиточнаго ремесленника, принадлежавшаго къ одной пуританской общинѣ. Въ царствованіе послѣдняго Стюарта, когда „диссиденты“ начали подвергаться преслѣдованіямъ, пламенный юноша сдѣлался ревностнымъ приверженцемъ Вильгельма Оранскаго, который, по вступленіи своемъ на престолъ, также выказалъ себя поборникомъ религіозной терпимости и гражданской свободы. Король Вильгельмъ оцѣнилъ выдающійся политическій умъ молодого Дефоза и поручалъ ему веденіе важныхъ государственныхъ дѣлъ. Но при королевѣ Аннѣ диссиденты вновь подверглись жестокому преслѣдованію. Дефозъ написалъ брошюру, бичевавшую нетерпимость правительства. Тогда противъ него было возбуждено обвиненіе въ государственной измѣнѣ; судьи приговорили его къ троекратному стоянію у позорнаго столба и къ семилѣтнему тюремному заключенію. Прежде чѣмъ была приведена въ дѣйствіе первая половина приговора, Дефозъ, сидя въ одиночномъ заключеніи, написалъ „Гимнъ поворотному столбу“, — стихотвореніе, въ которомъ развивалъ мысль, что единственное преступленіе, въ которомъ его обвиняютъ, заключается въ отстаиваніи истины, и смѣло высказывался въ томъ смыслѣ, что присудившіе его къ поворотному столбу тѣмъ самымъ покрыли себя несмысленнымъ позоромъ. Ему удалось, благодаря своимъ многочисленнымъ друзьямъ и приверженцамъ, напечатать свое произведеніе и распространить его среди лондонскаго населенія, и, когда 29-го іюля 1703 года его повели къ позорному столбу, чтобы выставить на посмѣяніе народа, его

Высокопреосвященный Сергій, митрополитъ московскій и коломенскій († 11 февраля т. г.). По фот. К. Фишера въ Москвѣ, грав. Шюблеръ.

Троице-Сергіева лавра. Палаты митрополита. Съ фот. І. Глыбонскаго авторитипія „Нивы“.

стихи, уже переходившіе изъ устъ въ уста, вызвали совершенно неожиданный для правительства оборотъ дѣла. Униженіе писателя обратилось въ его триумфъ. Восторженные почитатели окружили густой толпой позорный столбъ, который украсили цвѣтами; вокругъ осужденнаго раздавались торжествующіе клики, говорились пламенные рѣчи, — то, что предсказывалъ „Гимнъ“, сбылось.

Въ эти часы физическихъ страданій и духовнаго торжества, Дефозъ принялъ рѣшеніе, которому суждено было имѣть самыя серьезныя послѣдствія. Это рѣшеніе выросло на почвѣ сознанія важнаго значенія печати, какъ такого средства, которое великому населенію, всякой неправдѣ можетъ уготовить участь, достигшую преслѣдователей автора „Гимна“. По инициативѣ Дефоза возникло первое періодическое изданіе *Review*, и этимъ было положено начало газетной прессѣ, получившей со временемъ такое широкое развитіе.

Высокопреосвященный Сергій, митрополитъ московскій и коломенскій.

(Портр. и рис. на этой стр.) 11-го февраля въ Троице-Сергіевомъ подворьѣ въ Петербургѣ скончался митрополитъ московскій и коломенскій и священо-архимандритъ Троице-Сергіевой лавры высокопреосвященный Сергій. Почившій владыка пріѣхалъ въ Петербургъ для участія въ засѣданіяхъ Св. Синода 1-го декабря прошлаго года, но тогда уже чувствовалъ себя нездоровымъ. Онъ съ давнихъ поръ страдалъ сердечной жабой, обострившейся вдругъ вслѣдствіе инфлуэнцы. Еще за нѣсколько часовъ до кончины владыка, несмотря на болѣзнь, занимался дѣлами: дѣлалъ разныя распоряженія, подписывалъ бумаги.

На всенароднѣйшемъ донесеніи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода о кончинѣ высокопреосвященнаго Его Величеству благоугодно было начертать: „Глубоко сожалю о кончинѣ этой почтенной и святой личности. Большая потеря для нашей церкви, а также для Москвы“.

Высокопреосвященный Сергій (въ мѣрѣ Николай) сынъ протоіерей, родился 9-го мая 1820 г. и въ 1834 г. поступилъ въ тульскую семинарію, въ 1840 г. — въ московскую духовную академію, гдѣ черезъ 4 года и окончилъ курсъ со степенью магистра богословія и оставленъ при академіи, гдѣ былъ потомъ профессоромъ. Въ 1844 г. онъ принялъ монашество, и іеромонахомъ и архимандритомъ былъ инспекторомъ академіи, упра-

влялъ Завкопоспасскимъ монастыремъ, а въ 1860 г. рукоположенъ во епископа курскаго и бѣгородскаго, въ 1877 г. возведенъ въ санъ архіепископа. Вызванный въ Петербургъ въ Святѣйшій Синодъ, преосвященный предсѣдательствовалъ въ комиссіи по составленію новаго устава духовныхъ академій. Въ 1882 г. былъ архіепископомъ въ Кишиневѣ, въ 1891 г. архіепископомъ херсонскимъ и одесскимъ, а въ 1894 г. занялъ митрополичью кафедру первопрестольной Москвы.

Такова краткая біографія почившаго іерарха, но долготѣлн и многотрудна была его неутомимая дѣятельность на пользу церкви и многочисленныхъ ея служителей. Почившій былъ строгъ къ себѣ, былъ строгъ и къ другимъ. Несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ не зналъ утомленія въ занятіяхъ. Говоря о послѣднихъ годахъ его жизни, нельзя умолчать о заботахъ, посвященныхъ имъ сооружеію въ родной ему Тулѣ церкви и двухъ большихъ при ней церковно-приходскихъ школъ. Благодаря щедрымъ пожертвованіямъ почившаго, въ одномъ изъ бѣдныхъ предмѣстій Тулы высится красивая церковь и около нея въ оградѣ церковной два помѣстительныхъ зданія, въ которыхъ обучается свыше 200 бѣдныхъ дѣтей. Испытавъ на себѣ тяжесть педуга, онъ послѣдніе дни своей жизни посвятилъ думамъ объ учрежденіи въ Москвѣ пріюта для неизлѣчимо-больныхъ съ домовою церковью въ честь преподобнаго Сергія, на 100 человекъ.

12-го февраля утромъ состоялось торжественное чеченесаніе тѣла почившаго митрополита изъ Троицкаго подворья на Николаевскій вокзалъ для отправления въ Москву, куда траурный поѣздъ прибылъ на другой день утромъ. Послѣ заупокойной литургіи въ Чудовомъ монастырѣ, было совершено отпѣваніе тѣла митрополита. Отпѣваніе совершалъ архіепископъ новгородскій Θεогностъ съ четырьмя архіереями; кромѣ того, участвовали семнадцать архимандритовъ и высшее столичное духовенство. Процессія направилась изъ Кремля на прославскій вокзалъ. Великій князь Сергій Александровичъ сопровождалъ процессію до Казанскаго собора. Толпы народа стояли на улицахъ по всему пути шествія. По прибытіи процессіи на вокзалъ, гробъ былъ поставленъ въ траурный вагонъ, архіерейскимъ служеніемъ была совершена панихида, и затѣмъ поѣздъ отправленъ въ Троице-Сергіеву лавру.

16-го февраля состоялось погребеніе тѣла митрополита Сергія въ усыпальницѣ Успенскаго собора, рядомъ съ гробницей митрополита Леонтія.

Н. П. Боголѣвъ. (Портр. на этой стр.)

Вновь назначенный управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, Н. П. Боголѣвъ, состоявшій послѣднее время попечителемъ московскаго учебнаго округа, давно уже извѣстенъ своей ученою и административно-учебною дѣятельностью въ качествѣ профессора и ректора старѣйшаго нашего московскаго университета.

Много характерныхъ біографическихъ свѣдѣній о себѣ сообщилъ самъ Николай Павловичъ Боголѣвъ въ 1892 г. въ своей автобіографіи, помѣщенной въ Критико-біографическомъ словарѣ С. А. Венгерова (т. IV).

Н. П. Боголѣвъ родился 27-го ноября 1846 г., въ г. Серпуховѣ. Отецъ его происходитъ изъ духовнаго званія. Первоначальнымъ своимъ образованіемъ Н. П. обязанъ, по его словамъ, всецѣло своей матери. Все свое дальнѣйшее школьное и высшее образованіе Н. П. получилъ исключительно въ Москвѣ. Одиннадцатилѣтъ Н. П. поступилъ пансіонеромъ во второй классъ первой московской гимназіи. Время гимназическаго ученія Н. П. поминаетъ въ своей автобіографіи слѣдующими словами: „Долгое время, года три, я не могъ примириться съ казарменною, холодною обстановкой тогдашней пансіонской жизни. Мои товарищи, какъ цыплята, клевали другъ друга и особенно болѣе слабыхъ, и мнѣ доставалась та же доля, правда, не хуже, чѣмъ другимъ. Хотя мнѣ подчасъ бывало очень горько, особенно первое время, послѣ полной участія и безопасности семейной жизни, однако... я подткнулся, сосредоточился и, послѣ первыхъ же двухъ мѣсяцевъ, былъ посаженъ въ классъ первымъ ученикомъ“.

Далѣе Н. П. съ благодарностью вспоминаетъ о своихъ гимназическихъ учителяхъ, особенно старшихъ классовъ; имъ, по его словамъ, онъ много обязанъ въ своемъ умственномъ развитіи.

„Въ концѣ моего ученія въ гимназіи, умеръ мой отецъ. Я остался старшимъ изъ братьевъ и долженъ былъ предѣлать самъ заботиться о своемъ существованіи, а затѣмъ и о поддержкѣ матери и младшихъ братьевъ и сестеръ. Я началъ давать уроки. Телое участіе въ моей судьбѣ принялъ директоръ 1-й гимназіи Мих. Аван. Малиновскій, который въ самые трудные для меня годы, доставляя уроки, очень облегчилъ мнѣ борьбу съ нуждой“.

Несмотря на то, что Н. П. уже въ гимназіи приходилось думать не только объ ученіи, но и о заработкѣ для себя и для своей семьи, онъ блестяще окончилъ курсъ въ 1864 г. и былъ удостоенъ золотой медали. Въ томъ же году онъ вступилъ въ московскій университетъ на юридическій факультетъ. Въ своей автобіографіи онъ подробно описываетъ ту обстановку, въ которой начались и затѣмъ протекли годы его студенчества. „Я былъ одиночекъ въ Москвѣ и потому легко могъ поддаться тѣмъ вреднымъ для ума и сердца искушеніямъ, которымъ теперь подвергаются молодые люди, попадающіе въ большой городъ, гдѣ у нихъ нѣтъ знакомыхъ, хорошихъ семейныхъ домовъ. Но судьба была очень благосклонна ко мнѣ. М. А. Малиновскій въ самомъ началѣ моей студенческой жизни рекомендовалъ меня въ качествѣ учителя въ семью князя Александра Карловича Ливена, въ то время сенатора въ одномъ изъ московскихъ департаментовъ сената. Въ этой семьѣ я встрѣтилъ такіе высокіе образцы благородства и нравственной силы, что надолго былъ застрахованъ отъ всякаго другаго вліянія“.

Далѣе Н. П. упоминаетъ профессоровъ, которые наиболѣе имѣли на него вліяніе: Чичерина, Крылова, Капустина (нынѣшняго попечителя петербургскаго учебнаго округа) и Никольскаго.

„По окончаніи курса въ университетѣ въ 1868 г.—продолжалъ Н. П.—я поступилъ на службу въ уголовный департаментъ московскаго сената, гдѣ оставался однако не долго. Канцелярская атмосфера была мнѣ крайне несимпатична, а въ то же время профессоръ Капустинъ и Никольскій, узнавъ, что я сталъ заниматься римскимъ правомъ, предложили мнѣ остаться при университетѣ по кафедрѣ гражданскаго права. Весной 1869 г. я оставилъ службу въ сенатѣ и приступилъ къ изученію римскаго права.“

„Въ 1876 г. я былъ избранъ доцентомъ московскаго университета и командированъ на два года за границу. Года полтора я провелъ въ Германіи... Конецъ моей командировки я провелъ въ Парижѣ, слушая лекціи въ Ecole de droit и въ Collège de France... Въ 1879 году я женился на княжнѣ Екатериинѣ Александровнѣ Ливенъ.“

„Въ 1883 году я былъ избранъ и утвержденъ ректоромъ московскаго университета. Со слѣдующаго года началось постепенное введеніе новаго университетскаго устава. Переходные годы значительно усложнили и безъ того трудныя обязанности московскаго ректора. Съ 1885 года я долженъ былъ приступить къ чтенію, кромѣ исторіи, также и догмы римскаго права (которую до того времени читалъ профессоръ Муромцевъ). Этотъ курсъ я долженъ былъ составлять вновь. Такая работа значительно истощила мои силы. Въ этому присоединилось въ 1887 году семейное горе: въ короткое время я потерялъ всѣхъ дѣтей. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ я долженъ былъ оставить ректорство немного раньше срока.“

„Въ 1891 году я былъ вновь назначенъ ректоромъ московскаго университета“.

Вслѣдъ затѣмъ, какъ уже упомянуто выше, Н. П. занялъ должность попечителя московскаго учебнаго округа, а теперь призванъ къ занятію отвѣтственной поста министра народнаго просвѣщенія.

19-го февраля Н. П. Боголѣвъ вступилъ въ управленіе министерствомъ и знакомился съ чинами центрального управленія во главѣ съ директоромъ департамента В. В. Латышевымъ. При представленіи ему В. В. Латышевымъ чинովъ министерства, Н. П. Боголѣвъ произнесъ слѣдующую краткую рѣчь: „Принимая васъ здѣсь въ первый разъ, я не могу прежде всего не поминуть добрымъ словомъ моего предшественника, покойнаго графа Ивана Давидовича. Вамъ всѣмъ извѣстна была его безпредѣльная доброта къ его подчиненнымъ. Мнѣ трудно было бы равняться съ нимъ въ этомъ отношеніи; но я надѣюсь, что не подамъ вамъ повода жаловаться на недостатокъ вниманія съ моей стороны къ вашимъ трудамъ, та-

Вновь назначенный управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, Н. П. Боголѣвъ. Съ фот. автотипн „Нивы“.

лаптамъ и нуждамъ. Я не думаю также въ знаніи дѣлъ министерства равняться съ такимъ опытнымъ администраторомъ, какимъ былъ мой ближайшій предшественникъ Николай Милевичъ. Въ этомъ отношеніи я рассчитываю на вашу помощь. Я считаю настоящимъ распространиться здѣсь относительно моей программы. Въ краткомъ очеркѣ интересны только программы очень широкія, т.-е. неисполнимыя. Скажу только слѣдующее: я сознаю, что во всѣхъ областяхъ народнаго образованія жизнь выставила требованія усовершенствованія и нововведеній. Но я держусь того мнѣнія, что тѣ и другія должно производить съ большою осторожностью и постепенностью. Я не сторонникъ быстрой радикальной ломки.

Введеніе казенной продажи питей въ Петербургъ.

(Съ 3 рис. на стр. 165 и 180.)

Ни въ одномъ государствѣ не было такого разнообразія въ способѣ взыманія питейнаго сбора, какъ въ Россіи, гдѣ кабаки или находились въ казенномъ управленіи, или отдавались на откупъ, причѣмъ объектомъ обложенія считалась самая торговля крѣпкими напитками; при акцизной же системѣ, замѣнившей откупъ съ 1-го января 1863 года, ближайшимъ источникомъ дохода явился непосредственно самый предметъ потребленія, а продажа спиртными напитками, какъ оптовая, такъ и розничная, объявлена вольнымъ промысломъ. Затраты населенія на вино далеко, однакожъ, не соответствовали извлекаемому казною доходу съ питей, и, поэтому, министерство финансовъ, находя оставленіе винооторговли въ рукахъ частныхъ лицъ несоотвѣтствующимъ интересамъ государства, признало необходимымъ принять въ вѣдѣніе правительства всѣ тѣ части приготовленія и продажи очищеннаго вина, спирта и водочныхъ издѣлій, которыя, находясь въ частныхъ рукахъ, угрожаютъ здоровью и нравственности населенія. На этомъ основаніи винокуреніе оставлено въ частныхъ рукахъ, но весь спиртъ, выкуриваемый заводчиками, долженъ быть сданъ въ казну, если не будетъ вывезенъ за предѣлы района казенной продажи питей.

Полученный, такимъ образомъ, спиртъ подвергается очисткѣ при помощи перегонки на особо устроенныхъ казенныхъ спиртоочистительныхъ заводахъ (въ Самарѣ, Уфѣ, Оренбургѣ и Пермѣ) или, по заказу правительства, на частныхъ, откуда казна принимаетъ уже ректифицированный спиртъ съ крѣпостью не ниже 93—94° по Траллесу. Затѣмъ спиртъ поступаетъ въ казенные очистные склады для разсырки (въ случаѣ чистки приготовленія вина), окончательной очистки через уголь и розлива съ желаемой крѣпостью въ 40 или 57° въ посуду надлежащихъ размѣровъ (отъ 1/4 ведра до 1/200), послѣ чего бутылки передаются для осемлки, опечатанія и оклейки этикетками и, наконецъ, въ этомъ видѣ сдаются въ деревенныхъ лавкахъ въ подвальное отдѣленіе для разсылки въ казенныя винныя лавки и частныя мѣста продажи.

Главнѣйшею особенностью новаго порядка является преобладаніе торговли на выносъ надъ распивочною, оставленною въ ограниченномъ размѣрѣ въ частныхъ рукахъ. Правильное производство торговли обеспечивается тщательнымъ выборомъ продавцовъ, требованіемъ представленія ими денежныхъ за-

логовъ и назначеніемъ имъ постоянныхъ окладовъ. Устройству лавокъ и весь внутренній распорядокъ также приспособлены къ правильному веденію дѣла (входъ къ лавкѣ долженъ быть непременно съ улицы, никакой мебели не полагается, откускъ питей въ долгъ или подъ закладъ воспрещается и т. п.). Вырученные деньги продавецъ сдаетъ подъ расписку сборщикамъ, обязаннымъ производить подробные учеты казенныхъ лавокъ и вносить полученные суммы въ казенные винные склады или въ ближайшія казначейства.

Помимо казенныхъ мѣстъ продажи, вино, спиртъ и водочныя издѣлія продаются и въ заведеніяхъ частныхъ лицъ, которымъ продажа поручена правительствомъ, именно въ респективныхъ погребахъ исключительно въ запечатанныхъ сосудахъ и по указанію на этикеткѣ дѣль, за что и получаютъ отъ казны вознагражденіе, и въ заведеніяхъ трактирнаго промысла (распивочная торговля). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрѣшается торговля крѣпкими напитками по вольной дѣль и наливать въ графинъ произвольнымъ мѣрами, но съ обязательствомъ отпустить, по требованію, вино и въ запечатанной посудѣ. Исключеніе составляютъ только нѣкоторые первоклассные рестораны и гостиницы, которые, съ разрѣшенія министра финансовъ, имѣютъ право продажи крѣпкихъ напитковъ только по вольной дѣль и въ валинѣ произвольнымъ мѣрами.

Введеніе казенной винной монополіи вскорѣ на опытѣ показало, что пьянство значительно уменьшилось, въ городскихъ больницахъ прекратились случаи злоупотребленія, заставлявшіе предполагать отравленіе ядовитыми примѣсями, которыми частные продавцы сдабривали водку, исчезла до извѣстной степени эксплуатация населенія лицами, производившими частную торговлю питеями, значительно убавилось число кражъ, по невозможности сбыта краденаго въ казенныхъ винныхъ лавкахъ, и количество прогульныхъ дней со стороны мастеровыхъ и рабочихъ, наконецъ, замѣтно ограничилась карточная игра, имѣвшая широкое примѣненіе въ кабакахъ среди простонародья. Народный клубъ-кабакъ вообще много повредилъ русскому народу и рано или поздно долженъ былъ уступить мѣсто чайной, читальнѣ, народному театру, школѣ. Понечетельство о народной трезвости — первостепенный вопросъ, и министерство финансовъ сослужило въ этомъ отношеніи услугу Россіи, призвавъ общество для борьбы съ пьянствомъ.

На помѣщеніемъ въ настоящемъ № *Нивы* рисунокѣ (стр. 165) барона М. П. Клодта, извѣстнаго жанриста, изображенъ моментъ введенія казенной винной монополіи, когда маляръ замазываетъ на трактирной вывескѣ надпись: „продажа питей распивочно“. Художникъ мастерски схватилъ выраженіе лицъ потребителей. Одинъ энергично почесываетъ затылокъ, другой погруженъ въ глубокое раздумье, третій такъ, какется, и говоритъ: „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“. На рисункѣ Г. Вролинга (стр. 180) наглядно представленъ внутренній видъ прежняго кабака во всемъ его дикомъ безобразіи и пышнѣйшей казенной лавки, благоустроенной, чистой, устранившей недавнюю неурядицу. Разница громадна! Нельзя не порадоваться такому нововведенію, составляющему залогъ будущаго благополучія народа.

Политическое обозрѣніе.

Франція благополучно справилась съ продолжительнымъ тревожнымъ настроеніемъ, вызваннымъ сторонниками пересмотра дѣла Дрейфуса. Вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей Зола приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ на годъ и къ 3,000 фр. штрафа.

На слѣдующій день въ палатѣ депутатовъ поставленъ былъ на очередь запросъ правительству относительно свидѣтельскихъ показаній генераловъ, вызванныхъ въ судъ по дѣлу Зола. Заявленія высшихъ начальниковъ арміи, обратившихся на судъ съ воззваніемъ къ патриотизму присяжныхъ — „представителей націи“, дали поводъ оппозиціи упрекнуть правительство въ подготовленіи военной диктатуры. На нападки оппозиціи отвѣтилъ г. Мелинъ блестящею рѣчью. Палата рядомъ восторженныхъ овацій то и дѣло прерывала министра-президента. По заявленію главы кабинета, приписываніе генераламъ властолюбивыхъ затисловъ не имѣетъ основанія, такъ какъ армія послѣ 1870 г. стала арміей закона и народа, а не одного человека или одной какой-либо партіи.

Далѣе министр-президентъ энергично заявилъ, при громкомъ одобреніи палаты, что отнынь шумная агитація должна прекратиться въ интересахъ арміи, которой необходимо въ тишинѣ и спокойствіи возобновить прерванный трудъ для огражденія общественной безопасности и народнаго труда. Обращаясь наконецъ съ просьбою не вредить прекрасному положенію, завоеванному на почвѣ вышнихъ отношеній двумя годами упорной мудрости, г. Мелинъ сказалъ, что вынужденъ громогласно заявить, что инициаторы безумной кампаніи рискуютъ создать въ странѣ никогда не существовавшую партію, угрожающую Франціи непреодолимыми затрудненіями на почвѣ національной розни. Прося о содѣйствіи, правительство ожидаетъ, что палата рѣшеніемъ своимъ докажетъ за границею,

что Франціи всегда, среди самыхъ опасныхъ кризисовъ, умѣетъ владѣть собою, что у французовъ не бываетъ партій, когда въ душѣ ихъ заговоритъ патриотизмъ.

Палата постановила расклеить рѣчь г. Мелина во всѣхъ общинахъ Франціи. При восторженныхъ рукоплесканіяхъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ съ выраженіемъ довѣрія правительству принятъ былъ подавляющимъ большинствомъ 416 противъ 41 голоса. Эта побѣда правительства произвела на всѣ слои французскаго общества и на друзей Франціи самое отрадное впечатлѣніе.

Въ послѣднее время злосчастная Греція снова обратила на себя вниманіе Европы. Горькіе плоды необдуманной политики привели греческое королевство, вмѣстѣ съ матеріальными бѣдствіями, къ политическому кризису. Всеобщее разочарованіе усилило въ Греціи революціонныя теченія, набравшія свою мишенью королевскій домъ. Систематическая агитація противъ короля и его династіи, среди безконечной борьбы многочисленныхъ партій, чуть не завершилась опаснѣйшей катастрофой, послѣ которой Греція легко могла бы очутиться на краю гибели. Въ Афинахъ 14-го февраля совершено покушеніе на жизнь короля, возвращавшагося съ прогулки въ открытомъ экипажѣ; въ королевскій экипажъ двое злоумышленниковъ стрѣляли изъ ружей на разстояніи 10 метровъ. Король, прикрывая собою дочь, счастливо избѣгъ опасности. Со всѣхъ концовъ Европы засвидѣтельствованы чувства живѣйшей симпатіи къ греческому королевскому дому. Событіе произвело въ Греціи сильное волненіе: представители различныхъ партій выразили королю върнопопдаданнческія чувства, и въ Греціи началось, повидимому, полное отрешеніе отъ крайнихъ политическихъ стремленій.

Введение казенной продажи питей въ Петербургъ. Престный питейный домъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бролинга, авторизация „Нивы“.

Введение казенной продажи питей въ Петербургъ. Нынѣшняя винная лавка. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бролинга, авторизация „Нивы“.

!!НОВОСТЬ!!

Разрѣшенъ на общихъ основаніяхъ торговли, кремъ не содержащій въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ

CRÈME VENUS.
(КРЕМЪ ВЕНЕРЫ).

Есть **НОВОЕ КОСМЕТИЧЕСКОЕ** изобрѣтеніе.

КРЕМЪ ВЕНЕРЫ замѣняетъ румяна и бѣлыя, вызывая на лицѣ РУМЯНЕЦЪ, НЕСУЩАЮЩІЙСЯ и НЕИСЧЕЗАЮЩІЙ ОТЪ ПОТА.

Цѣна банки 1 руб. 50 коп.

ПРОДАЖА ВО ВСѢХЪ АПТЕКАРСКИХЪ и ПАРФЮМЕРНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ РОССІИ.

Главный складъ для Россіи у Торг. Дома С. Ф. Половой и К^о. Москва—Петрозна. Ц. № 10894 8—5

Способъ употребленія:

Натеревъ лицо Кремомъ Венеры, оставляютъ кремъ минуты 2—3, а затѣмъ все смываютъ комнатной водою съ мыломъ. Послѣ того, на лицѣ появляется превосходный румянецъ, который держится въ продолженіе многихъ часовъ. Это дѣйствіе и составляетъ новостъ, такъ какъ этимъ Кремъ Венеры вытѣсняетъ собою доселѣ известныя румяна.

Замѣчательная новинка книги поступила въ продажу въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, въ Славянскомъ Базарѣ, въ книжномъ магазинѣ **ЗЕМСКАГО**.

ПЕРВАЯ КНИГА, ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНАЯ, съ пересылкою цѣна 1 рубль.

Новоизобрѣтенный еще небывалый фотографическій аппаратъ для снимковъ фотографическихъ портретовъ, съ указаніемъ о томъ, какъ можно просто самому у себя дома домашнимъ образомъ снимать эти портреты, какъ напримѣръ, самого себя, жену, дѣтей и домашнихъ близкихъ лицъ. Конечно, кому не пріятно имѣть снимки своихъ дѣтчекъ во всѣхъ возрастахъ ихъ.

НОВООТКРЫТЫЙ еще небывалый, очень интересный

САМОДѢЛЬНЫЙ

и весьма доступный домашній фотографическій простой аппаратъ или

САМОУЧИТЕЛЬ КЪ ФОТОГРАФІИ

для СНИМКИ ВСЯКИХЪ ПОРТРЕТОВЪ и ВИДОВЪ РАЗНЫХЪ МѢСТНОСТЕЙ.

По какому самоучителю указывается и разъясняется то, что такъ можно и какъ нужно у себя дома устроить самымъ простымъ образомъ самодѣльный фотографическій аппаратъ для снимки какъ каждого лица въ отдѣльности, а также и полной семейной группой, безъ указанія специалистовъ и безъ помощи фотографовъ. Самоучитель этотъ до такой степени популяренъ и простъ въ этой увлекательно-заманчивой всемъ доступной теперь уже простой наукѣ, такъ что даже дѣти отъ 14-ти до 15-ти лѣтъ быстро и легко усваиваютъ это фотографическое искусство. Составилъ по долготѣннымъ практическимъ опытамъ специалистъ-любитель фотографъ Рощинъ.

ЕЩЕ НОВАЯ ВТОРАЯ КНИГА. У того же книгопродавца ЗЕМСКАГО въ продажу поступила интересная книга

Таинственная Хиромантія, Физиогномія, Астрологія и тайная Кабалистика.

Сочиненіе французскаго известнѣйшаго писателя, профессора математическо-астрономическихъ наукъ, доктора медицины и физики **ПАПЮСА**.

Исторія таинственнаго гаданія и предсказанія судьбы человѣка, на основаніи линий пальцевъ и ладоней руки, но чертамъ тѣхъ же линий лба, лица и другихъ лицевыхъ частей тѣла. Въ 4 книгахъ.

Въ первой книгѣ помѣщена Хиромантія. Во второй книгѣ—Физиогномія. Въ третьей книгѣ—Луно-звѣздо-небесная таинственная АСТРОЛОГІЯ, по каковой астрологіи, то есть по звѣздамъ и двѣнадцати луннымъ мѣсяцамъ предугадывается, кто подъ какой планетой родился и предсказывается судьба каждого человѣка.

А въ послѣдней четвертой книгѣ помѣщена Древнѣйшая и Новѣйшая Арабская и Велико-Азіатская **ТАИНАЯ КАБАЛИСТИКА**. Въ объяснительныхъ текстахъ этой книги даются ключи къ угадыванію и отгадыванію. Книга въ высшей степени интересна. Въ книгѣ имѣется много интересныхъ рисунковъ.

Цѣна ей съ пересылкой 1 руб.

У того же книгопродавца **ЗЕМСКАГО**

ЗНАМЕНИТЫЕ СИСТЕМЫ и МЕТОДЫ ПРОФЕССОРА ОЛЕНДОРФА

вышедшіе седьмими изданіями

для самоизученія французскаго и нѣмецкаго языковъ въ 5 1/2 мѣсяцевъ, а при усилеиномъ занятіи въ 3 1/2 мѣсяца.

3-я книга САМОУЧИТЕЛЬ

ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА

съ приложеніемъ особаго отдѣла, въ которомъ имѣются самыя разнообразныя формы и образцы писемъ: дружескихъ, любовныхъ, родственныхъ, торговыхъ и другихъ, которыя можно писать по-французски. Кромѣ того весьма полезенъ для учениковъ, какъ вспомогательное руководство для сдачи экзаменовъ.

Предлагаемый русскимъ, желающимъ выучиться безъ помощи учителя въ 5 1/2 мѣсяцевъ правильно читать, писать и говорить по-французски, составленъ по новѣйшему, усовершенствованному методу известнаго профессора, г. ОЛЕНДОРФА, съ дополненіемъ въ ономъ учебникѣ для учащихся новаго легчайшаго способа изучити французскія слова и ѣзбу рѣчь, изображенныя русскими буквами. Обработанъ подъ редакціею учителя французскаго языка Ю. АЛЬБЕРТА и А. В. СВѢТЛОВСКАГО. Съ дополненіемъ особой части, въ которой помѣщены легкіе французскіе разговоры, необходимыя въ особенности для путешествующихъ русскихъ за границей. Ц. 2 р. съ пересылкой, а въ роскошномъ французскомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ 3 руб.

Примѣчаніе. Приступивъ къ изданію настоящаго французскаго учебника, мы составили, первымъ долгомъ признали крайне необходимымъ собрать лучшія руководства, какъ вспомогательныя матеріалы, какіе только были до сего времени изданы для изученія французскаго языка, и при этомъ сочли святою обязанностію дать нѣблизки не какую-либо жалкую компіляцію, изъ среды которой и безъ того уже не мало разуглаваетъ таковыхъ популярныя изданія среди русскаго люда, того русскаго люда, который съ стремленіемъ жаждою любознательности старается изыскать средство изучити французскій языкъ по необходимости безъ помощи учителя, то есть найти то дѣльное руководство, которое было бы составлено только и просто и могло бы вполне удовлетворити цѣлесообразному требованію. Рекомендуемъ нашу книгу желающимъ ее имѣть, въ которой мы даемъ вѣрный и новый пріемъ выучиться по-французски говорить, писать и правильно читать безъ малѣйшей помощи учителя, въ самое кратчайшее время. При составленіи оного самоучителя нами были пересмотрѣны всѣ лучшіе учебники со всѣми упрощенными методами, изъ которыхъ мы и составили полный и ясный, толковый конспектъ, преимущественно изъ статей легкыхъ разговоровъ и фразъ съ легкой, просто изложенной французской грамматики. Кромѣ того, мы нашъ учебникъ для самоучетъ обработали, дополнили и усовершенствовали по новой системѣ, еще до сего времени не бывавшей ни въ одномъ изъ лучшихъ учебниковъ, за исключеніемъ въ своемъ родѣ прекраснаго изданія доктора Хаана, который былъ одобренъ ученымъ комитетомъ и распроданъ съ поразительной быстротой въ самое короткое время, а новымъ изданіемъ до сего времени не появлялся. По этому-то прекрасному новому методу и по системѣ известной всей Европѣ проф. Олендорфа и другихъ знаменитостей и составлена наша книга для самоучетъ, но уже съ большимъ дополненіемъ и съ приложеніемъ писемъ и словариковъ.

Точь-съ-точью безусловно такой же системы, какъ и французскій, о чемъ уже выше

сказано, имѣется въ продажѣ

САМОУЧИТЕЛЬ и НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА,

по той же системѣ ОЛЕНДОРФА. Цѣна съ пересылкою 2 рубля, а во французскомъ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 3 р. съ пересылкой. Московскій книгопродавецъ Александръ Земскій.

ВАГНЕРОВОНІЕ ТУНИ

не издаютъ ни малѣйшаго запаха, держатся годами, избавляютъ отъ пересадки, усиливаютъ выносливость растений (особенно въ отношеніи засухи), улучшаютъ вкусъ и форму овощей и фруктовъ, выгоняютъ густую, темную листву и обезпечиваютъ обильный урожай овощей и плодовъ, особенно раннихъ, независимо отъ климата и почвы. Наставленіе—безплатно. Цѣна безъ доставки: марка FKW: 1/2 ф.—30 к., 1 ф.—50 к., марка WG: 1 ф. 30 к. 1/2 ф.—30 к. 1 ф.—50 к. 60—75 горшечныхъ или кадочныхъ экземпляровъ. Генералныя агентствъ для продажи въ Россіи Г. ФРИНЬ. С.Пб., Адмиралтейск. пр., 10.

САДОВОДСТВО

А. ВЫХАНОВОЙ съ С-ми въ Липецкѣ (Тамб. губ.)

Громадный запасъ фруктовыхъ, лѣсныхъ, парковъ, и декоративн. **ДЕРЕВЬЕВЪ**. Низкія цѣны: лѣснымъ отъ 30 коп. за 1000 дер., фруктовымъ привит. отъ 5 к. за дерево. **СЪМЕНА** высшаго качества: огородн., цвѣточн., древесн., собств. сбора клеверъ, тимотейка, сосна по очень низкимъ цѣнамъ, лучшіе по урож. горохъ обыкн. и яровая пшеница по 1 р. 10 к. за пудъ. Прейс-куранты по требованію высылаются безплатно.

Популярно-научная книга, доказывающая

СЧАСТЛИВЫЕ №№ ВЫИГРЫШ-

ныхъ бил. 1, 2, и 3 з. Ц. 1 р., съ пер 1 р. 20 к. (съ над. пл. 1 р. 30 к.) С.-Петербургъ, Вознесенскій проспектъ, д. 37, кв. 32, Красильниковъ, 2 января сего 1898 года на доказан. №№ пало 266 выигршей на сумму въ 580 1/2 тис. руб.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЫ Русскій виноградный коньякъ

ИМПЕРІАЛЬ

ПИСАТЬ не только красиво, но и скучно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодушии короля Эллиновъ. За двѣ 7 коп. марки высылаю условія и пробную писемъ. Одесса, Соборная площадь, д. Палудовой, кв. 40. Проф. кал. Э. Командарисъ.

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ

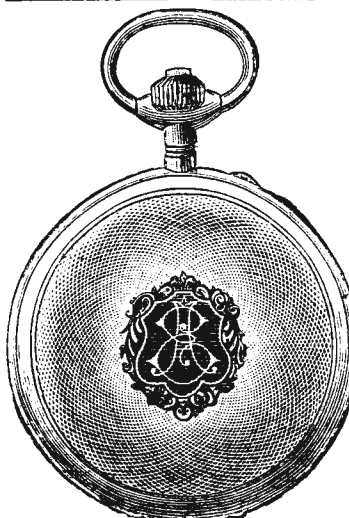
посредств. писемъ-лекцій, подъ руково. **А. К. ФОНЪ-ДЕРЪ-ЗЕЕ**. Москва, домъ Армянск. церквн, кв. № 11. Для получ. программы и усл. прилаг. марку.

1200
стилизован. узоръ для вышиванія, углубленной и рельефной рѣзбѣю, выжиганія и живописи по дереву, и пр., и пр. Рисунки имѣются на бумагѣ и на деревѣ. Наставленія, инструменты, машины и матеріалы. Газета "Дилетантъ". Иллюстр. преис-курантъ высылаются за 30 пф. почт. марк. **Mey & Widmayer, München.**

ПРОДАЕТСЯ ЗА 5000 Р.

съ г. Акмолинскѣ, по случаю смерти компаніона, новая вѣтрава, системы Давидова, мельница при 3 поставкахъ съ металлическимъ приводомъ. При мельницѣ новый деревянный домъ, 4 комн. и 2 кухни. Контрактъ на мѣстѣ съ 1896 года на 20 лѣтъ. Стоимость всѣхъ сооружений—10160 р. Прилагается и компаніонъ, который выдать бы наследникамъ умершаго 2000 р. Подробности узнать въ гор. Рытгега, у **Ф. Я. РУТКОВСКАГО**.

СѢМЕННОЯ ТОРГОВЛЯ
А. Б. МЕЙЕРЪ, въ МОСКВѢ,
Мясницкая ул., д. Кузнецова,
СѢМЕНА
цвѣточныя, огородныя и полевныя, наилучшаго качества и испытанной вѣрою на умѣренныхъ цѣнахъ. Иллюстр. каталогъ безплатно.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенств. способу изготовленія часовъ моего производства, я имѣю возможность продавать съ 1 іюля мин. г. самыя элегантныя и прочныя **МУНОНИЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличаемыя, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ,—крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструкции (удостоенъ серебр. медалью на женевской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, выѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часъ это давно уже вѣтсннли настоящіе золотые, а въ послѣднее время и у насъ входитъ во всеобщее употребленіе. Такие же **ДАМСКІЕ** дороже на 1 рубль.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ.

Всегда имѣю въ вѣрѣнные часы по полученію задатка 2 р., остальное же положеніемъ платежемъ. **АДРЕСЪ:**

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ

Складъ женевскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.

◆ Множество благодарств. писемъ и отзывовъ. ◆

Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экзмпл. снабженъ пломбою фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. П. № 10857 5—4

На Всероссийской выставке въ Нижнемъ-Новгородѣ 1893 года удостоенъ высшего отличія Государственнаго Герба

Г. ВЕЙСЪ

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 56.

Мужская, дамская и дѣтская ОВУВЪ

В. № 10854 4-4

изъ наилучшаго матеріала, новѣйшаго фасона, удобно сидящая, всегда въ большемъ выборѣ.

Заказы исполняются скоро и аккуратно.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ БЕЗПЛАТНО.

Можно получать: въ Одессѣ у Э. Безиковича и М. И. Кукурикина; въ Ростовѣ н/Д у П. И. Ильина; въ Харьковѣ у И. Прикѣ и С. Я. Токарева; въ Кіевѣ у Насл. А. И. Шабардина и П. А. Гемолани; въ Саратовѣ у О. С. Вржежнинекаго; въ Ялтѣ у М. И. Кушлю; въ Екатерининскій у В. Г. Заморуева; въ Елизаветградѣ у М. Х. Ципина; въ Черниговѣ у Ж. Брукъ

Прошу остерегаться поддѣлокъ; каждый сапогъ долженъ быть снабженъ штемпелемъ моей фирмы:

ИЗЪЛЮЩЕЕ СУМАТИ
ФИЛИГРАНЬ
САКАТЫКЪ
МОСКВА
МЕХАНИЧЕСКАЯ БЕЗЪ ГИДЕЯ
ПРОДАЖА БЕЗЪ ДѢЛЪ

№ 10892 10-8

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ
ДЛЯ СЕБЯ И ЗНАКОМЫХЪ
ПОРТМОНЪ

со штемпелемъ, изъ прекрасной черной оюлки, съ 5-ю отдѣленіями, 1 внутреннимъ закрытымъ для звонкой монеты и однимъ особо закрытымъ для золота. Корпусъ изъ одного куска, съ мех. замкомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для краски. Въ штемпель можно помѣстить имя, отч., фамилію и званіе, по желанію и корону. Дамскія издѣлія по тѣмъ же цѣнамъ. Изъ тюленев. кожи штука на 40 коп. дороже. Цѣны съ пересылой: въ Азіатскую же Россію съ прибавленіемъ части въвозныхъ. Налож. платежъ на 10 коп. дороже. Заказы исполняются немедленно по полученіи стоимости или задатка. Требованія прошу адресовать:

Въ контору ком. издѣлій
Ш. Е. ФРИДМАНА 4-1
Варшава, почтовый ящикъ № 511.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ:
П. А. КРУШЕВАНЪ.
ЧТО ТАКОЕ РОССІЯ? Путевыя замѣтк. 374 стр. Ц. 2 р.
ДЕЛО АРТАБАНАВА, романъ. 348 стр. Ц. 1 р. 25 к. № 10997 4-1
ПРИЗРАКИ, романъ, рассказы и повѣсти. 665 стр. Ц. 2 р.
Складъ изданія: Москва, типографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская ул., собств. домъ.

Новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ФИЗИЧЕСКІЕ ПАРАДОКСЫ и СОФІЗМЫ.

Пособіе для учениковъ и преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 30 рисунками. Составилъ преподаватель физики В. Волжинъ. Цѣна 25 коп.

ЖЕМЧУГЪ
хорошій ровный
въ ниткахъ и въ вещахъ
ПОКУПАЕТЪ 20-10
ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ
К. ФАБЕРЖЕ.
Москва, Кузнецкій мостъ, № 4.

Вышелъ новый прейсъ-курантъ.

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ,
Москва, Петровка, № 2,
УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ.

ВЫШЕЛЪ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ НА
ВЕСЕННІЙ СЕЗОНЪ
1898 г.

Высылается **БЕЗПЛАТНО** всѣмъ желающимъ.

Пересылка товара наложеннымъ платежомъ во всѣ мѣста Европейской Россіи.
При выпискѣ на 50 руб. Ц. № 10994 2-1

(въ Европ. Россіи) пересылку принимаемъ на свой счетъ (кромя товар. громоздк.).
Охотно высылаемъ образцы великихъ матерій, по вѣдѣтельству громаднаго выбора просимъ всегда точно обозначать родъ товара, цвѣтъ, ширину, приблизительную цѣну и для какой вещи товаръ предназначенъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Въ виду громаднаго успѣха, которымъ пользуется пишущая машина „Ремингтона“, какъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ частныхъ сферахъ, въ продажѣ появились **РАЗНЫЯ ПОДДѢЛКИ**, распространяемыя подъ названіемъ: „усовершенствованныя Ремингтонъ“, „Новая Ремингтонъ“ и т. п. Ц. № 10532 12-11

Какъ единственные представители завода „Ремингтонъ“ для всей Россіи, считаемъ долгомъ увѣдомить, что наша гарантія распространяется только на машины, приобретенныя въ нашихъ собственныхъ складахъ или у агентовъ, нами спеціально уполномоченныхъ.

ВЫСОЧ. утвержд. Товарищество
Правленіе: Москва.
Отдѣленія:
С.-Петербургъ, Кіевъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Конакъ, Ростовъ н/Д.

М. Блок

ИЗЯЩНЫЕ ОТКРЫТЫЕ ДАМСКІЕ ЧАСИКИ

годухой подправки, ремонтурные (т. е. заводъ безъ вѣнча) съ прочнымъ механизмомъ, вѣрнымъ ходомъ и съ фантазіинымъ цѣферлатомъ, къ нимъ эстетичная цѣпочка парижская, нечерныющая, ничѣмъ не отличающаяся отъ настоящихъ золотыхъ

ТОЛЬКО ЗА 7 руб. 50 коп.

Изыменное ручательство на 5 лѣтъ.
Высылка по полученіи 2 руб. задатка.
Адр.: Я. Варковичкій въ Варшавѣ.

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**

Методъ премированъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 10900 6-3

За 2 семиконечныя марки высылаются пробное письмо и условія, а за 4 семиконечныя марки высыл. пробное письмо шрифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ: профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дербасовская, д. № 19.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (14)
Спеціалистъ хронометровъ
СПБургъ, Невскій пр. № 52
прот. Имп. Публ. Библиотеки.
Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года.

Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

Кройкъ и шитью заочно (письменно) на русск., нѣмецк. и франц. язык. скоро и основательно. Адресъ: Paris (Франція), 1. Naiditch, Bureau № 60, Poste № 10992 2-1

НА ВОСПИТАНІЕ И УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДѢТЯМЪ

СВѢДѢНІЯ
60.
ТЕЛЕФОНЪ 1360

ПОПЕЧИТЕЛЬНОСТЬ

ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕЛѢТЬ СЕМУ

НЕУЖУБНЫ ВЕЩИ

АВТОНОМНОЕ ВОСПИТАНІЕ
500 руб.

ТЕЛЕФОНЪ 3672

СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ
 для устройства и перестройки
ПАТОЧНЫХЪ И
ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ
 В. Р. Уландъ, Лейпцигъ.
 W. H. Umland, Leipzig.
 Испытанные аппараты. Пр.-кур. бесплатно.

ПАВЕЛЬ БУРЕ В. № 10820
23-5

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр. д. № 23.
 Мясна, по Б. Лубянкъ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
 ♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ♦
 съ подлиннымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
 Новые иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ
 Р. А. КНОКЕ, СПБ. См. „Нива“ № 4 с. г.

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ.
 Требуйте изъ новаго склада (ЗФедры) траву Кузьмича, Бороваа съ кореньями майскаго сбора: 1-й сортъ 3 р., 2-й с. 2 р. и 3-й с. 1 р. за фунтъ безъ перес. Высылаю почтой. Можно пат. плат.; при требованіи прилагаю наставленія. Сборъ и сортировка подъ личнымъ наблюденіемъ. Покорѣннѣе прошу требовать: Сорочинское, Самарской губ., Ивану Ивановичу ЖУКОВУ старшему.

КАРАМЕЛЬ
 изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ
„КЕТТИ БОССЪ“
 Б. Семадени въ Кіевѣ.
 Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп.
 Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ. С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33.
 Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 12 9

EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOHSE
 БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (110)
 Его избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ подделокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

CREME SIMON
 (КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служить для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольдыкрема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣють тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствіемъ.

J. Simon, 13, Rue Grange Batelière, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. Ц. № 10527 16-15

Цѣны означены съ уплаченной пошлиной.

Новости! **„Реформъ“ часы звезда** NDRWICH WATCH COMPANY. Цѣны означаются съ уплаченной пошлиной.

Часы „Реформъ“ составлены изъ новаго своеобразнаго металла, такъ что даже специалисту трудно ихъ отличить отъ дѣйствительныхъ золотыхъ часовъ. Мы принимаемъ на себя за часы „Реформъ“ полнѣйшую гарантію въ томъ, что они никогда не потеряютъ вида настоящихъ золотыхъ часовъ.

Австрийскій антимагнетическій механизмъ часовъ „Реформъ“ устроенъ съ такою точностію и тщательностію, что мы можемъ ихъ самымъ убѣдительнымъ образомъ рекомендовать каждому, кто нуждается въ совершенно вѣрныхъ часахъ.

Въ Австріи часы эти заведены среди врачей, офицеровъ, государственныхъ и желѣзнодорожн. чиновниковъ. Къ каждому часу прилагается письменная трехлѣтняя гарантія.

Дамскіе часы „Реформъ“ съ 3-мя крышками, налцоно гравиров. 12 р. Дамская „Реформа“ цѣпочка 3 р. Съ требов. можно обратит. на русскомъ языкѣ. Заказы исполн. по получ. денегъ или вал. плат.

Адресъ: **ANTON RIX & BRUDER**
 Wien, II. Praterstrasse, 25.

Фирма существуетъ съ 1867 г. и удостоена на многихъ выставкахъ первыхъ отличій.
 Предостереженіе: настоящие только съ фабричною маркою „J. Rix.“

PASTILLES VICHY-ÉTAT
 aux Sels Naturels extraits des Eaux
 Vichy en boîtes métalliques scellées.

COMPRIMÉS VICHY-ÉTAT
 aux Sels Naturels extraits des Eaux
 pour fabriquer
 l'EAU ALCALINE GAZÉUSE

ПЕЧЕНИЕ
ГЕРКУЛЕСЬ изъ АМЕРИКАНСКОЙ ОВСЯНОЙ КРУПЫ
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

С. СІУ и К°

ТОВАРИЩЕСТВО

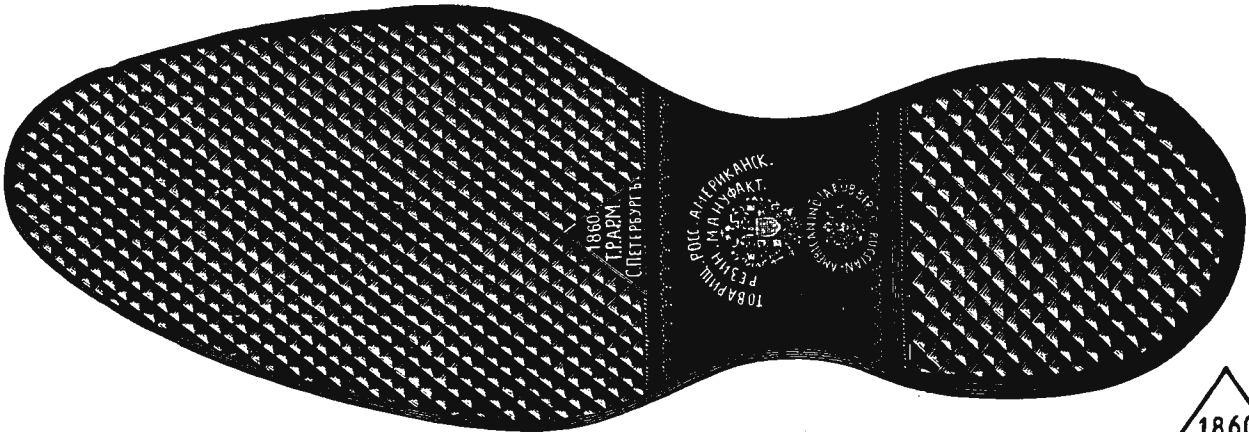
РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 10845 26-4
 на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

НОВОСТЬ!
Цветочная вода
ЛЕВКОЙ
поставщикъ
Высочайшаго Двора
А. Ралле и Ко.
За флаконъ
60 к. и 1 р.

„ПРЕЛЕСТЬ-АККОРДЕОНЪ“
наилучшія въ настоящее время ручныя гармоніи. Отличаются замѣчательной легкостью, приятнымъ тономъ, удобной игрою, новымъ патент. грифомъ и металл. углами у мѣховъ; однорады. дамская 5 р.; обыкновенн. 8, 10 и 14 р.; двухрядная 20 и 30 р.; трехрядная 40 руб.
„КРЕМОНА-АККОРДЕОНЪ“
послѣдняя новостъ въ ручныхъ гармоніяхъ, съ чрезвычайно пѣвучимъ тономъ. 10 клави. въ 8, 10 и 12 руб.; двухрядная 16 и 20 р. Самоучитель Алексѣева 1 руб.
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Подробное описаніе и полный иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно. Ш. № 10357 6—5

Получайте только
Продается вездѣ
извѣстное своимъ качествомъ
усовершенствованное
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
ТОВАРИЩЕСТВА
БРОКАРЪ и Ко.

Остерегаться поддѣлокъ.

CÉLÈBRE PAR SES QUALITÉS
en Vente partout

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ
для всевозможныхъ картинъ на бумагѣ
Изобрѣтенія полков. МАЛЦОВСКАГО. Специальная мастерская С. К. АКИМОВОЙ.
Москва, Арбатъ, д. 40 Освѣщеніе керосиновое, а также переносными лампами
наисильнѣйшаго свѣта **АЦЕТИЛЕНОВАГО ГАЗА**
годными для всѣхъ системъ фонарей. Цѣны дешевыя. Полный каталогъ фонарей, лампъ, кинъ, картинъ, съ отзывами заказчиковъ и печати за 20 к. марк.
ДИПЛОМЪ за всероссійскую выставку 1896 г.

МЕЛЬНИЧНО-СТРОИТЕЛЬНАЯ КОНТОРА
Т. Даверіо
Мясницкая, д. Давыдовой, бывш. Спиридоновой. **МОСКВА.**
СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВАЛЬЦОВЫЕ СТАНКИ:
для крестьянскаго помолу, **„НОВОСТЬ“**
ЗАМѢНЯЮЩИЕ ЖЕРНОВА. 6—2
Тел. № 10870 4—1

БРИТВЫ
ШВЕДСКІЯ
АНГЛІЙСКІЯ
собственной фабрики, безопасныя Старъ и спортъ отъ 2 р., 3, 4, 5, 6 до 7 р. Машинки для стрижки волосъ, американскія, предлагаютъ магазинъ стальныхъ издѣлій
А. Ф. Брабець
С.-Петербургъ, Большая Морская, № 40.

ДЕШЕВО, ПРАКТИЧНО и ПОЛЕЗНО.
НЕОБХОДИМО ДЛЯ КАЖДАГО.
Изящные и прочныя карманные мужскіе часы, открытыя, ремонтныя, т. е. заводъ безъ ключа, съ пыле-предохранительнымъ стекломъ, прочнымъ механизмомъ, массивно обтянутые золотомъ, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, съ изящною цѣлочкою изъ новаго американскаго золота
всего только за 5 руб.
Письменное ручательство на шесть лѣтъ.
Часы, тщательно провѣренные, высылаются по полученіи 1 руб. задатка.
Адресъ: Торговой фирмѣ 4—1
Бр-въ ВАРКОВИЦКИХЪ

Складъ женевскихъ и французскихъ часовъ въ Варшавѣ, Зельная, 41.
ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
ГУМВЕРЪ
предлагаетъ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгіи ЖЕМЛИЧКА и Ко.
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейсъ-курантъ по требованію. 16—6

КАКАО ГЕЛЬМЪ
фабрики **ГЕЛЬМОНДЪ**
въ Голландіи.
ЛУЧШИЙ ГОЛЛАНДСКІЙ КАКАО.
Чистый, питательный, легко растворимый. Рекомендуется для взрослыхъ и дѣтей.
Въ употребленіи по многимъ болѣзнямъ.
Единственный представитель для всей Россіи
М. РОЖИВЮ,
Москва, Маросейка, д. Лебедевой.
Продается въ лучшихъ аптекарскихъ и колониальныхъ магазинахъ.

КОРСЕТЫ ФАБРИКИ И. Г. АБРАМОНЪ
Удостоены похвалъ. ОТЗЫВОМЪ НА ВСЕРОСС. ВЫСТАВКѢ 1896Г.
РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ
1. ТВЕРСКАЯ Д. АНДРЕЕВА
2. ЛУБЯНСКІЙ ПАССАЖЪ № 11
ПРОДАЖА ПО ФАБРИЧНОМУ ПРЕЙСЪ-КУРАНТУ

ГВОЗДЪ ИМЪ
ШОКОЛАДЪ
КАКАО
ВЕЗДѢ

Вновь получены роскошно-бронированныя, кабинетныя стѣнные часы „СЮРПРИЗЪ“ весьма легкой отдѣлки, прекрасное укреплѣніе для письменнаго стола, новыя предметы для подарковъ.
Цѣна тайны 3 р. 75 к. съ уступкой.
Высылаются при полученіи суммы стоимости или 2 руб. задатка.
Адресъ:
М. М. ХАЗАНОВУ
Варшава.

НЕЗАМѢТНА НА ЛИЦѢ
ТОЛЬКО **ГИГИЕНА**
ТѢЛА
ПУДРА
РОСКОШНАГО ЗАПАХА.
ПРОДАЕТСЯ ВЪЗДѢ.
Гл. склады: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСК. 12.
МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ Д. ШЕРЕМЕТЬЕВА
ВАРШАВА, НОВЫЙ СВѢТЪ, 37.

ВОЗВРАЩАТЬСЯ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ,
обучаю заочно кроить и шитью по новейшей французской методѣ «ВОРТА».
Плата впередъ не взимается. По окончаніи установлены свидѣтельство. Условія высылаются безплатно.
Кіевъ, Фундуклеевская № 27.
Е. Д. Антонина.

ВНИМАНІЮ ДАМЪ.
Нѣтъ ничего изящнѣе, какъ одѣваться по модному журналу всемірно-извѣстнаго „ВѢНСКІЙ ШИКЪ“, издаваннаго мѣсячно, въ 1 р. 60 к. высылаются вложеніемъ платежѣмъ послѣдній номеръ.
Отдѣленіе конторы редакціи „ВѢНСКІЙ ШИКЪ“ С.-Петербургъ, Невскій, 80.

№ 10.

XXIX г.

1898 г.

Содержаніе:

ТЕКСТЪ. Тьма непроглядная. Разсказъ изъ гаремной жизни Н. Н. Каразина. (Продолженіе.)—Двѣ выставки.—Какъ путешествуетъ свѣтъ. Очеркъ К. Приоу.—Къ рисункамъ: Литературный альбомъ. „Записки охотника“ И. С. Тургенева. Разсказъ „Смерть“.—На молитвѣ.—Въ театрѣ.—Сербскій митрополитъ Михаилъ.—Адмиралъ В. С. Завойно.—Густаво Сальвини.—Васильеостровскія народныя столовая и аудиторія В. Н. фонъ-Дервизъ.—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Смѣсь.—Объявленія.

РИСУНКИ. Король забавляется. Картина В. Има (W. Yeames).—Литературный альбомъ. „Записки охотника“ И. С. Тургенева. Разсказъ: „Смерть“. Ориг. рисунокъ В. А. Табурина.—Золотыя цѣли любви. Картина Альма-Тадемы.—На молитвѣ. Картина Чарльза Лирса.—Въ театрѣ. Картина Г. Беллея.—Английская художественная выставка въ С.-Петербургѣ. Общій видъ выставки.—„Какъ путешествуетъ свѣтъ“. Рис. 1. Плазма свѣчи. Рис. 2. Аппаратъ для освѣщенія всышками магнія. Рис. 3. Свѣтъ магнія въ катакомбахъ. Рис. 4. Острія угля (въ увеличенномъ видѣ) во время полученія электрической дуги. Рис. 5. Возникновеніе изображенія въ каверѣ-обскурѣ. Рис. 6. Отраженіе свѣта гладкою поверхностью воды. Рис. 7. Предметы, видимыя сквозь туманъ. Рис. 8. Полное внутреннее отраженіе. Рис. 9. Двойно-выпуклое собирательное и двойно-вогнутое разбивающее стекло. Рис. 10. Первые фотографическія опыты проф. Шарля.—Сербскій митрополитъ Михаилъ.—Адмиралъ В. С. Завойно.—Густаво Сальвини.—Васильеостровская народная столовая В. Н. фонъ-Дервизъ.

При этомъ № прилагаются: 1) Сборникъ „Нивы“ за Мартъ, содержащій въ себѣ СОЧИНЕНІЯ И. С. ТУРГЕНЕВА, т. III. 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Мартъ съ 31 рис. и отдѣльный листъ съ 28 чертж. выкроекъ въ натур. величину и 29 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементновскій.

Испробованъ и найденъ превосходнымъ голландскій

КАКАО ФЛИКЪ.

Получить можно во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и колоніальныхъ торговляхъ.

Главный представитель для Россіи
Константинъ Гершъ, С.-Петербургъ.

В. № 10480 15—12

Химическая лабораторія РООСЪ

С.-Петербургъ, Владимірская, № 7, рекомендуетъ
лучшее прозрачное глицериновое туалетное мыло „PARIS“
съ монограммой О. Р.
Можно получать въ лучшихъ аптекарск. и парфюмерныхъ
торговляхъ.

Требовать обязательно моногр. О. Р.
= Остерегаться поддѣлокъ. =
Цена за кусокъ 20 коп.

6—6

Фабрики Карпентера въ 160 руб.

Лучшіе инструменты для духовной и свѣтской музыки, весьма легкіе для ученія.

ФИСТАРМОНІИ

извѣстной фабрики

ШИДМАЙЕРА,

рекомендованнаго Главачемъ. Гензель-томъ, Листомъ.

Американскія извѣстныхъ фабрикъ.

КАРПЕНТЕРЪ, БЕНТЬ

и другихъ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ
въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 175,
190, 200, 225, 240, 250, 300, 350, 375, 450,
500, 550, 750 и 1000 руб.

Самоучитель Пахе—2 р.

Иллюстрированный прейсъ-куррантъ и каталогъ нотъ безплатно.

Юлій Генрихъ

ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО И ФАБРИКА

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.

Складъ и изданіе нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.

ДОМАШНЯЯ ТИПОГРАФІЯ

изъ каучуковыхъ передвижн. буквъ И. Шолляна, С.-Петербургъ, Невскій пр., 56.
№ 1—2 р., № 2—4 р., № 3—5 р., № 4—7 р.
140 буквъ, 260 буквъ, 450 буквъ, 650 буквъ.
и дорожн.

Berliner Tageblatt

Erscheint 13 mal wöchent-
lich, auch Montags.

und Handels-Zeitung

Fünf werthvolle
* Beiblätter *

„Der Zeitgeist“
Feuilleet. Montagsbeilage

„ULK“
Illustr. Witzblatt

Deutsche Lesehalle
Belletrist. Sonntagsblatt

Technische Rundschau
Organ für Industrie, Hygiene
und angewandte Naturwissenschaften

Mittheilungen üb. Landwirthschaft,
Gartenbau und Hauswirthschaft

Im Roman-Feuilleton gelangen zum Abdruck der neueste modern-realistisch geschriebene
Roman des viel und gern gelesenen Schriftstellers

Hermann Heiberg: „Vieles um Eine“

dem sich die fesselnde Erzählung von Dora Duncker: „Der Ritter vom hohen C.“
anschliessen wird. — Die hochinteress. Reiseberichte des bekannten kühnen
Forschungsreisenden

Eugen Wolf über China und Japan

werden auch im nächsten Quartal fortgesetzt.

Allen Abonnenten des „Berliner Tageblatts“

wird Anfangs April eine neue

Grosse Karte von Ostasien

China (mit Spezialkarte von Kiaotschau)—Korea—Japan

GRATIS GELIEFERT.

Die Karte hat das stattliche Format von 88 cm Höhe und 71 cm Breite, ist in 6 Farben
hergestellt und enthält alle bis in die neueste Zeit stattgefundenen Veränderungen in
dem für die deutschen Interessen so überaus wichtigen Erdtheil.

* Das Abonnement des „Berliner
Tageblatts“ kostet auf das Viertel-
jahr bei allen Postanstalten 2 rub.
42 kop.

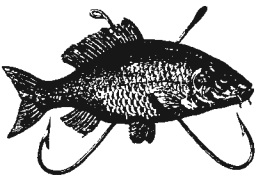
* Annoncen finden im „Berliner Ta-
geblatt“, namentlich in gebildeten
und besser situirten Kreisen die
erfolgreichste Verbreitung.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Вс. С. Соловьева. Романъ-хроника XVIII в. ПОВѢСТИ И РАЗСАЗЫ Вс. Крестовскаго
Время паденія Бироны и воцаренія Елизаветы. Изд. 3-е. П. 2 р., съ перес. 2 р 50 к.; (автора „Петербургскихъ Трущобъ“). 3-е из-
даніе. П. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 коп.

ПАМЯТЬ

лиць кажд. возр. укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 урокъ) профес. мнемоникъ С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пущинской и Ваз. ул., собствен. домъ, № 28. Условія и 2 брош. (въ 64 стран.) высыл. за одну 7-ми коп. марку.

№ 10917 20—5

СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ англ. рыболовн. принадлежн. **ГЕНРИ БАРТЕЛЬСЪ** поставщ Моск. Общ. Люб. Рыб. Иллюстр. прейсъ-курантъ иногор. высылается бесплатно. Москва, д. Международн. Банка.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА „СМИСЬ - ПРЕМЬЕ“

Скорость, прочность, удобство. Последняя усовершенствованн. Цѣна 250 рублей и 275 рублей. Пишущая машина „КОСМОПОЛИТЬ“

Самый красив. шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цѣна 95 р. Полнров. лицикъ въ ней 10 р. Опса на и образцы шрифтовъ обихъ машинъ высылаются бесплатно. **Оптикъ Ф. РИХТЕРЪ.** С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., № 4.

Н. А. ЛУХМАНОВОЙ О СЧАСТЬЕ.

Изданіе П. П. Сойкина. Цѣна 75 коп. Выписывающіе отъ издателя (СПБ., Стрѣляная, 12) за пересылку не платятъ.

ДЛЯ УЖЕНІЯ РЫБЫ.

Шкапулка съ полнымъ наборомъ (кромя удилицы). Цѣна съ пересылкой до 1000 верствъ 5 р. Къ 15 марта выйдетъ новый прейсъ-курантъ рыбол. принадл. съ описаніемъ способовъ выслать всевозможныхъ рыбъ; будетъ высылаться за три семидесяти. марки. **И. ГЛАЗУНОВЪ** Москва, Столешниковъ пер., д. № 8.

БЕЗПЛАТНО

высылается по требованію прейсъ-курантъ на кровати, матрацы, пухъ, дорожные вещи, умывальники, коври, одѣла и проч. тов. изъ магазиновъ С. Аристархова подъ фирмою „А. Н. АРИСТАРХОВОЙ.“ С.-Петербургъ, Апраксинъ дворъ.

КОШЕЛЕКЪ ЯИЧКО

ИЗЪ НАСТОЯЩ. ПЕРЛАМУТРА

премной изящной работы, очень элегантный подарокъ. Малое . . . 70 коп., 2 за 1 р. 25 к. Больш. 1 р. 25 коп., 2 „ 2 „ 25 „

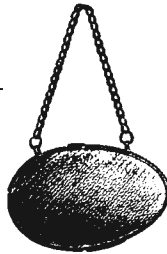
Таня же съ цѣпочкой, но пустая: Малое . . . 50 к., 2 за — 90 к. Больш. . . 85 к., 2 „ 1 р. 55 к.

Таня же съ разными сюрпризами: 90 к., 1 р. 25 к., 1 р. 50 к. и 2 руб.

При заказѣ личекъ съ сюрпризами прошу писать, для дѣтей или для дамъ или для кавалеровъ.

Пересылка положен. платежомъ. Телегр. исполн. немедленно.

КОШЕЛЕКЪ-ЯИЧКО.

Изящной парижской работы. Въ цѣптомъ металлическомъ личекѣ помещенъ кошелекъ.

Мал. . . 40 к.; 2 за — р. 75 к. 4 за 1 р. 35 к. Средн. 50 „ 2 „ — 90 „ 3 „ 1 „ 25 „ Больш. 75 „ 2 „ 1 „ 35 „ 3 „ 1 „ 90 „

Таня же съ цѣпочкой, но пустая: Малое . . . 20 к., 3 за 50 к. 6 за — р. 95 к. Средн. . . 30 „ 3 „ 80 „ 6 „ 1 „ 45 „ Больш. . . 35 „ 3 „ 95 „ 6 „ 1 „ 75 „

Таня же личекъ съ наперткомъ: Шт. 30 коп.; 2 за 75 коп.; 4 за 1 руб. 25 коп. Таня же съ разными сюрпризами: 50 к., 75 к., 95 к., 1 р. 25 к., 1 р. 50 к.

ЯИЧКИ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

сдѣлана изъ поды слоновои кости (целлулоида). На крышкѣ выгисены раскрашенныя розы, незабудки и проч., потомъ идетъ чистый листъ для записокъ и, наконецъ, перхорошенькое зернато и карандашъ.

Шт. только 55 к. 2 за 95 к., 4 за 1 р. 70 к. Та-же книжка-яичко, но безъ зеркала: Шт. 40 к., 2 за 75 к., 4 за 1 р. 30 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ Невскій, № 20—31.

Гг. заказчиковъ прошн. датѣ 2000 в. прошу выслать задатокъ.

Катрейнерсъ Мальцаффее Фабрикенъ, Мюнхенъ

(Kathreiner's Malzkaffee Fabriken, München)

производятъ по привилегированному способу солодь, который рекомендується женщинамъ, дѣтямъ и больнымъ и ежедневно употребляется въ тысячахъ семействъ.

Настоящій только въ 1 фунтовыхъ пакетахъ съ портретомъ и подписью прелата Нейппъ въ Верисгофенъ, съ предохранительной маркой (см. рядомъ) и фирмою единственныхъ фабрикантовъ Катрейнерсъ Мальцаффее Фабрикенъ, Мюнхенъ.

14 золотыхъ медалей и 5 почетныхъ дипломовъ. Фабрики въ Мюнхенѣ и Урдингенъ на Рейнѣ. Фабрики въ Австрій, Франціи, Испаніи, Швейцаріи, Швеціи, Норвегіи, Даніи и въ Сѣверной Америкѣ (Виск.) Склады: въ С.-Петербургѣ, К. Вольбрюкъ и К°, Большая Конюшенная, 17.

Москва. Юліи Преторіусъ, Варварка. Рига. И. А. Герскиндъ, Дворцовая ул. 3. Варшава, Л. Рабиновичъ, Кармеллика, 4. Представители: Лодзь. Л. Рабиновичъ, Цегельяна, 5. Вильно. Ф. Яблковскій.

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES des RR. PP. **BÉNÉDICTINS** DE l'Abbaye de Soulac, Dom MAGUELONNE, Prieur. Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD. **VENTE EN GROS: SEGUIN, BORDEAUX.** Maison fondée en 1807. **VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.** MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX Exposit. Int. Lyon 1894. HORS CONCOURS MEMBRE DU JURY. Exposit. Int. Bordeaux 1895.

EXIGEZ LA SIGNATURE DU PRIEUR. *Donn. Maguelonne B. Oie*

До употребленія. **ДЕПИЛАТОРІЙ д-ра ТОМСОНА** въ порошокъ. 3-3 Лучшее и совершенно безвредн. средство къ немедленн. удаленію волосъ на мѣстахъ, гдѣ ростъ ихъ нежелателенъ. Цѣна коробки 1 р. 50 к. Въ Петербургѣ имѣется въ продажѣ: у Г. Коткина, Гостиннй дворъ, № 19; у В. Парикова, тамъ же, № 78; у М. Ушакова, тамъ же, № 33. Требуется только депилаторій ТОМСОНА, такъ какъ большинство друг. средствъ производятъ вредное дѣйствіе на кожу. После употребленія.

ВОДОЛЕЧЕБНИЦА—ТАГАНРОГЪ вр. Диварьскъ и Гордонъ. Лѣченіе нервныхъ и хроническихъ болѣзней. Усовершенств. души, ванны электрич., сѣрная, углекислая; массажъ.—Большой парк, павильонъ, кумысъ, лѣтомъ музыка. № 11021. Функционируетъ круглый годъ. Проспекты бесплатно. 5-1

МЕБЕЛЬ съ разсрочкою платежа дешево продается. Роскошные буфеты и столовая. Кабинетъ дубовый, тиснен. кожи. Гости. и кабин. красн. дерева съ бронзою „Лякобъ“. Письменн. столы, турецкіе диваны, картинн. будурн, и проч. Магаз. **„ПОДДЕРЖАНЫЯ ВЕЩИ“** Москва, Остоженка, № 42.

СОБРАНІЕ НАИБОЛЬШЕ ТРУДНЫХЪ ЗАДАЧЪ ПО МАТЕМАТИКѢ. служившихъ во всехъ учебныхъ округахъ Россіи темами на испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ и на выпускныхъ экзаменахъ въ реальн. училищахъ, **СЪ ПОДРОБНЫМЪ РѢШЕНІЕМЪ И ОБЪЯСНЕНІЕМЪ ИХЪ.** Арифмет., Алгебра, Геометрія и Тригонометрія. Второе-измѣнен. и дополнен. изданіе Ц. 1р. 35к. Скл. изд. у авт.: Оренбургъ. Д.В.Агановъ. Инст. 11.

XXIX г.

№ 10

Выданъ 7 марта 1898 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXIX

1898

Цѣна этого № 20 к., съ пер. 25 к.

При семъ прилагаются: 1) Сборникъ «Шивы» за МАРТЪ, содержащій въ себѣ СОЧИНЕНІЯ И. С. ТУРГЕНЕВА, т. III; 2) «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» ЗА МАРТЪ 1898 г. съ 31 рис. и отдѣл. листъ съ 28 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 29 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Англійская художественная выставка въ С.-Петербургѣ. «Король забавляется». Съ карт. В. Има (W. Yeames) по фотогр. К. Булла автотипія «Шивы».

Тьма непроглядная.

Разсказъ изъ гаремной жизни

Н. Н. Каразина.

(Продолженіе.)

Улькунъ-Курсакъ закрыла лицо руками, оперлась локтями на колѣни, и протяжно, глубоко вздохнула... Казалось даже, будто она всплакнула немного.

— Ну?

— Да видѣла я такой сонъ, подъ утро подъ самое... Это самые сбывчивые сны, вѣщныя, которые подъ утро... Вижу я... сама стою на высокой крышѣ, только не на нашей, а другой, высокой-превысокой... и все мнѣ кругомъ видать, весь городъ, какъ на ладони: и медресе видно, и весь базаръ, и за стѣнами что,—все видно, и все какъ есть дома... Вижу и нашъ домъ, на своемъ мѣстѣ, на него и гляжу больше... Солнце ясное такое, день жаркій, а тутъ, смотрю, солнце все темнѣть да темнѣть начало... сначала красное сдѣлалось, какъ кровь, а потомъ и совсѣмъ какъ котель почернѣло... Страхъ на меня напалъ, думаю: что такое теперь будетъ? Вижу: туча идетъ по небу, тоже черная, и какъ разъ надъ нашимъ городомъ... Молю я Аллаха:—пронеси бѣду мимо!.. А туча все идетъ да идетъ... и вдругъ, сразу, остановилась... О, Господи!

— Гдѣ же остановилась?..

— И сказать,—языкъ еле ворочается...

— Ну?..

— Какъ разъ надъ нашимъ домомъ...

— Уйди, уйди... Молчи!.. Не надо, не надо!..

Эстеръ одною рукою крѣпко сжала ребенка, другою стала отмахиваться отъ разсказчицы, какъ отъ страшнаго видѣнія... Она истерично зарыдала. Ребенокъ проснулся и заплакалъ тоже.

— Я говорила, что не надо... А ты все пристаешь... Да чего ты? Опомнись!.. Ну, не буду больше,—сказано, не буду... Что такое сны? Можетъ и вздоръ! Вотъ мултѣ разскажу, онъ и скажетъ, что, можетъ-быть и хорошее этотъ сонъ означаетъ... Вотъ во снѣ кого мертвымъ видѣть, на что хуже!.. А значить къ долголѣтію,—за вѣкъ тому, значить, жить положено... Вотъ, напирѣвъ, разбойники нагрянули, всю одежду дорожную покрали,—а оно къ обновкамъ означаетъ... Да Богъ съ тобою... Я-то, глупая, начала слурю. Ты, смотри, Суффи не пожалуйся... Не буду... молчу... Я вотъ пойду и принесу тебѣ чего-нибудь сладенькаго...

Старуха поднялась на ноги и направилась—было къ двери.

— Стой! не уходи!.. Начала, — такъ уже кончай!.. Не доскажешь, хуже меня запугаешь... Досказывай!..

— Суффи ничего не скажешь?..

— Нѣтъ!

— Не будешь на меня жаловаться?..

— Нѣтъ, не буду.

— Ну, то-то! Да сядь же покойно... Погоди, я Шарипкѣ молочка принесу... Вишь онъ надрывается, да теби все за груди цапаетъ... Вѣдь, ничего тамъ не осталось, все перегорѣло... Я принесу молочка...

— Разсказывай!

— Что же съ тобою подѣлать!—вздохнула Улькунъ-Курсакъ и тяжело опустилась на свое мѣсто...

— Ты госпожа, ты приказываешь... Должна я слушаться.

— „Туча остановилась надъ нашимъ домомъ“,—проговорила Эстеръ, какъ бы подсказывая ей продолженіе...

— Да, остановилась и стала спускаться все ниже и ниже... Ужъ и крыши все покрыла, во все дворы, во все сакли заползла непроглядная тьма, и въ этой тьмѣ красные, огненные языки замелькали... И, вдругъ, я слышу голосъ, громкій такой, зычный, какъ та большая, мѣдная труба, въ которую еще при эмирѣ Моза-

фарѣ трубили сарбазы, — и спрашиваетъ голосъ:— это ли тотъ самый домъ, колдовствомъ злымъ опоганенный?.. А другой голосъ ему отвѣчаетъ... знаешь, чей это былъ другой голосъ?.. Да гдѣ тебѣ знать!.. Это я помню, я узнала сразу... Голосъ муллы Мамета-кула, что, вотъ скоро двѣнадцать лѣтъ какъ померъ, большой мазаръ ему на кладбищѣ выстроены... Такъ вотъ голосъ Мамета-святого и отвѣчаетъ:—Этотъ самый! А первый голосъ говоритъ:—Если этотъ, такъ его надо очистить огнемъ небеснымъ, да и вообще, говорить, не мѣшало бы многое почистить въ этомъ городѣ, да я пока что терпѣливъ и многомилостивъ,—можетъ, одумаются. А уже такого дѣла не спущу... Только онъ это сказалъ, какъ вдругъ все запылало:—и стѣны каменные и вся стройка, деревья во дворѣ, вода въ пруду,—все запылало... Я такъ и ахнула, такъ и присѣла со страху...

— И все сгорѣли?

— Нѣтъ. Сары-Кошма и Хатыча, и все, кто на кухнѣ, все около меня стояли, какъ они здѣсь очутились, я не запримѣтила...

— А Суффи?..

— Суффи я не видала. Можетъ-быть, его дома не было въ ту пору.

— А я съ Шарипкою?..

Улькунъ-Курсакъ не замѣтила, какъ Эстеръ приблизилась къ ней вплотную; она почувствовала только, какъ тонкіе, но сильные пальцы крѣпко вцѣпились ей въ плечи.

— А я съ Шарипкою?

— Отстань!.. Что ты... что у тебя въ рукахъ?.. Полоумная!.. смотри, ребенка выронилъ?.. Эй! Хатыча! кто тамъ есть?! Эй!..

Старуха отчаянно рванулась и бросилась къ двери.

— Куда же ты бѣжишь?—простонала Эстеръ... — Чего испугалась?.. Что я могу тебѣ сдѣлать худого?..

Она разомъ ослабѣла и покачнулась на ногахъ. Улькунъ-Курсакъ поддерживала ее и бережно посадила на коверъ, выхвативъ у ней изъ рукъ плачущаго ребенка, да и во-время какъ разъ...

— Видишь, джанымъ, какъ ты встревожилась... Видишь!.. Я говорила, вѣдь, что не надо было разсказывать...

Въ дверяхъ разомъ показались головы Сары-Кошмы и Хатычи.

— Что случилось?

— Ничего не случилось!.. Бѣгите за молокомъ для мальчика... Чего смотрите какъ бараны на красный халатъ... Несите молоко скорѣе да чаю для ханымъ-Эстеръ... Забили тамъ на кухнѣ и не заглянуть, куда слѣдуетъ... Луноглазья!..

Хатыча хихикнула и толкнула въ бокъ Сары-Кошму; та отвѣтила ей тѣмъ же.

Обѣ вобѣжали исполнить порученіе и слышно было какъ онѣ продолжали смѣяться, — долетѣла до уха Улькунъ-Курсакъ даже фраза:

— Ишь ты какъ нынче: „несите чаю для ханымъ-Эстеръ!“ Ха-ха-ха!..

— И впрямъ дуры!—выругалась, не утерпѣла старуха, и, обращаясь снова къ Эстеръ, припаялась ее успокаивать, какъ умѣла...

Она испугалась, что вотъ-вотъ вернется Суффи, застанетъ джюгудку въ такомъ состояніи, станеть разспрашивать, та, пожалуй, скажетъ, въ чемъ дѣло, и достанется тогда, ой-ой какъ достанется разсказчицѣ,—виновницѣ всей тревоги...

— Ты же смотри, дорогая моя, красавица моя не-

наглядная, — ты не говори мужу, ничего не говори!.. Ты же общалась мнѣ не передавать... Смотри же! Мнѣ что! Я не виновата! Я что видѣла во снѣ, то и рассказывала. Сны, вѣдь, отъ Бога... Вѣдь, Богъ знаетъ, что дѣлать надо, знаетъ, что кому пужно... У него въ большой, святой книгѣ написано для всякаго человѣка его предопредѣленіе... Вотъ Богъ намѣтилъ къ себѣ твоего Шаринку, — кто знаетъ, зачѣмъ онъ ему понадобился? Можетъ-быть, въ батчи къ самому Магомету, великому пророку... Какая слава, какая честь мальчику предназначалась!.. А вотъ пришли невѣрные люди, заколдовали и отбили у Бога... Это не хорошо! Ну, да ничего! Нагрѣшили мы съ тобою... Сходимъ къ муллѣ, когда выздоровѣешь, поправишься совсѣмъ, — мулла святой человѣкъ, онъ отгонитъ злыхъ чары, и все пойдетъ хорошо, Богъ смилуется и проститъ... Онъ мнѣ и сонъ такой послалъ, чтобы предупредить... Вотъ что, солнце ты мое красное... А ты не тревожься... Ты лучше скажи: — какая вы, Улькунъ-Курсакъ, добрая для меня совѣтчица и указчица!..

— Не пужно Богу моего Шаринку... — бормотала сквозь слезы Эстеръ. — Шаринка мой!.. Онъ мнѣ пужень... Богъ большой, сильный, богатый, зачѣмъ ему отнимать отъ бѣдной Эстерки мальчика... не надо, не надо!..

Слезливое всхлипываніе перешло въ громкія рыданія... Улькунъ-Курсакъ опять встревожилась.

„Ой! ой! — думала она, — нагрянетъ хозяинъ какъ снѣгъ на голову...“

— Ну, знаешь, что я придумала... Да не плачь, глупая, слушай лучше внимательно: — я завтра сама схожу къ муллѣ, — и скажу ему, чтобы онъ попросилъ Бога не трогать твоего мальчика, чтобы Аллахъ выбралъ себѣ другого... Вотъ, пускай у сосѣда Дауда возьмѣтъ бы ребеночка. У Даудки, вѣдь, семь человѣкъ мальчиговъ, куда ему столько!.. Хочешь, я попрошу муллу, чтобы онъ все это объяснилъ Аллаху какъ слѣдуетъ... Хочешь?..

— Хочу... — прошептала Эстеръ.

— Ну, вотъ и хорошо... А ты, все-таки, смотри! Ничего, ни полъ-словечка не говори Суффи... Молчи... Не скажешь?

— Не скажу...

— Да что же это, въ самомъ дѣлѣ, эти овцы паршивыя до сихъ поръ молока не несутъ?.. То-есть, право, — безъ пинка да колотушки съ ними не стоворишь!.. Пойти, развѣ, самой поторонить... Прилягъ, моя родная, прилягъ, пока... Приѣдетъ Суффи, увидитъ, какая ты заплаканная... Вонъ вся краска съ лѣвой щеки сползла... Возьми, пакосъ, зеркальце, поправься...

Эстеръ жадно схватила поданное ей складное, въ фольговой оправѣ, зеркальце и стала торопливо протирать его подоломъ рубахи. Улькунъ-Курсакъ вышла.

По дорогѣ на кухню она встрѣтилась съ обѣими женами: — одна несла молоко въ зеленой глиняной чашкѣ, другая кунганъ съ чаемъ, придерживая подъ мышкою сѣбже-испеченныя, еще горячія лепешки.

— А ты, ханымъ, умная! — хихикнула Хатыча.

— Ой-ой, какая умная! — добавила Сары-Кошма.

— А вы подслушивали, небось? Но только ежели которая изъ васъ слово кому шикнетъ, сама, своими руками, какъ курицѣ, сверну шею... слышали?

— Еще такой сонъ расскажешь, — не надолго хватить джюгудки...

— Ты ее каждый день донимай снами, — въ недѣлю подохнешь...

— Ну, не разговаривать лишняго! Не люблю! Несите, да кланяйтесь тамъ ниже, „ханымъ“ величайте... Я вотъ стара, да и то раза два этимъ словомъ обмолвилась... Чу, никакъ самъ вернулся... что-то на переднемъ дворѣ зашумѣли...

Дѣйствительно, шумъ у воротъ означалъ возвращеніе хозяина. Суффи вернулся, да и не одинъ, а съ Ольгою Николаевною. Онъ ее случайно встрѣтилъ на базарѣ и попросилъ зайти къ нему въ домъ, на „чашку чая“. Та охотно согласилась, потому что и безъ приглашенія собиралась заглянуть, провѣдать своихъ пациентовъ.

Привыкшая уже къ порядкамъ дома, Ольга Николаевна опередила хозяина еще въ воротахъ, быстро пробѣжала главный дворикъ, и, съ веселымъ лицомъ, первая появилась на порогѣ женской сакли; въ рукахъ у нея были игрушки: конекъ на дощечкѣ съ колесиками и мячикъ, оплетенный фольгою и мишурою, съ погремушкою внутри...

— Ну, сестра милая, здравствуй!.. Вотъ и я!

Весело такъ громко проговорила гостья свое привѣтствіе, и разомъ стихла, такъ поразило ее состояніе, въ которомъ застала она бѣдную мать Шаринки.

Эстеръ лежала на полу и крѣпко прижимала къ себѣ плачущаго ребенка, тотъ ревѣлъ, что называется, благимъ матомъ, и, видимо, пытался освободиться отъ такихъ неудобныхъ объятій, а сама Эстеръ находилась въ состояніи полной истерики, безсознательно прижимая къ своей груди Шаринку все сильнѣе и сильнѣе... Никого больше въ саклѣ не было, только дверь во второй дворъ была наполовину прикрыта, кто-то вышелъ, должно-быть, да забылъ плотно прихлопнуть.

Ольга Николаевна сразу уяснила себѣ положеніе и, бросивъ игрушки, кинулась выручать ребенка... Дѣло было не легкое: Эстеръ крѣпко уцѣпилась за это крохотное тѣльце и едва только почувствовала, что кто-то пытается отнять у нея сына, какъ ея, пока тихая, — самая страшная, положимъ, — истерика, разразилась неистовымъ, дикимъ воплемъ.

Отставшій на дворѣ, за какимъ-то домашнимъ распоряженіемъ, Суффи, влетѣлъ какъ бомба.

— Что случилось?.. Боже милостивый!

— Ничего, ничего!.. Возьмите мальчика... покачайте... Вонъ тамъ игрушки. Это ничего!.. Сестра, сестра... Эстеръ!.. Что съ вами... Будетъ вамъ, перестаньте!..

Эстеръ, не узнавая никого, билась головою о землю, силясь освободиться изъ объятій Ольги Николаевны, рвала на себѣ рубаху; лопнувшія нитки бусъ и коралловъ усеяли весь коверъ разноцвѣтными точками.

— Суффи, да позовите же кого-нибудь изъ женщинъ... Я не могу одна... Эстеръ, милая, дорогая моя!..

Но звать никого было уже не нужно... Улькунъ-Курсакъ, и за нею Сары-Кошма съ Хатычею появились на порогѣ, всѣ три съ самымъ растеряннымъ, недоумѣвающимъ видомъ...

Суффи Казиметовъ бережно припалъ ребенка, поднять конька, отыскалъ даже далеко закатившійся мячикъ, отошелъ въ самый темный уголъ сакли и оттуда сталъ всматриваться во все, что происходило передъ его глазами. Онъ словно изучалъ каждое движеніе, каждое мимолетное выраженіе лицъ женщинъ своего двора... Онъ особенно пристально наблюдалъ за Улькунъ-Курсакъ; та, даже не оборачиваясь, чувствовала на себѣ подозрительно-пытливый взглядъ главы дома и стала, очевидно, терять самообладаніе...

Долго возились съ Эстеръ, пока привели ее, хотя сколько-нибудь, въ сознаніе... и только тогда Суффи оставилъ свой наблюдательный постъ и проговорилъ:

— Ну, теперь идите вонъ... всѣ трое, да подальше, на кухню!.. Ну!

Обѣ жены не заставили повторить приказаніе и выбѣжали; за ними, низко поклонившись, степенно вышла Улькунъ-Курсакъ, проговоривъ будто про себя:

— Не понимаю, съ чего это съ нею приключилось?.. Вышла я отъ нея съ часъ, не больше... Была такая веселая, пѣсни даже пѣла... Не понимаю...

— Уходите, ханымъ, я постараюсь понять, чего вы не понимаете...

Литературный альбомъ. „Записки Охотника“ И. С. Тургенева. Разсказъ: „Смерть“.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. А. Табурина, автотипія „Нивы“.

Англійская художественная выставка въ С.-Петербургѣ. „Золотыя цѣпи любви“.
Съ карт. Альма-Тадема по фотогр. І. Глыбовскаго автотипія „Нивы“.

Ласковое обращеніе Ольги Николаевны, а отчасти ея цѣлительныя пузырьки, добрый пріемъ кали-бромата, присутствіе любимаго челоѣка, сдѣлали свое дѣло. Эстеръ окончательно успокоилась, тѣмъ болѣе, что гостья просила хозяйина не разспрашивать болѣную, что именно случилось, покуда ей самой не придетъ охота разъяснить причину истерики... Но болѣе всѣхъ помогъ самъ Шарикъ: ребенокъ, быстро успокоившійся на рукахъ отца, разгулялся и развозился на славу... онъ громко смѣлся, сверкая глазенками, уморительно ползалъ по ковру, стараясь не вынискать изъ своихъ рученокъ обѣ игрушки. Мальчика очень занималъ яркій блескъ мячика, но еще болѣе лошадка; онъ издавалъ разнообразныя звуки, пытался говорить, но только одна Эстеръ понимала ихъ значеніе и даже увѣряла, что ребенокъ произноситъ слово „аъ“, то-есть лошадка,—значить, моъ, онъ такой умный, что узналъ форму игрушки... Ольга Николаевна, конечно, тоже поняла и говорила:

— Я вѣдь сказала, что будетъ джигить... Вотъ оно и выходитъ по-моему. Помнишь, тогда, мою сказочку?..

Эстеръ всплеснула руками, замѣтивъ, наконецъ, что она надѣлала со своимъ ожерельемъ, и вдругъ заторопилась собирать растеряныя бусинки. Ей помогала и гостья, даже самъ Суффи... Все бы могло идти прекрасно, но по временамъ Эстеръ вдругъ замолкала и по ея лицу пробѣгала какая-то грустная тѣнь... Это не ускользало отъ вниманія Ольги Николаевны, и она выразительно переглядывалась съ хозяиномъ дома...

Между тѣмъ время пролетѣло незамѣтно, въ саклѣ стало темнѣть. Понадобились фонари... Суффи сдѣлалъ соответствующія распоряженія. Должно-быть, ни обѣ жены, ни сама Улькунъ-Курсакъ не рѣшились войти безъ зова; фонари принесла калмычка и водрузила ихъ на свои обычныя мѣста, да не совсѣмъ ловко это сдѣлала: стекло въ одномъ изъ фонарей было разбито и временно замѣнено бумагою. Свѣчка вставлена была, должно-быть, не совсѣмъ аккуратно и повалилась, бумага вспыхнула... Эстеръ испуганно вскрикнула, схватила ребенка на руки и стремительно бросилась съ нимъ къ выходной двери, да еще на мужскую половину. Суффи ее перехватилъ во-время...

— Спасайтесь... Сгоримъ!.. Всѣ сгоримъ!.. Пропадемъ,—бормотала джюгудка, вырываясь изъ сильныхъ рукъ мужа.

— Чего ты?.. Пустяки!.. Чего ты испугалась, душа моя... Какой пустякъ... Вонъ, смотри, уже потушили... Что съ тобою?..

— Пожаръ... страшный пожаръ!.. Черная туча... съ неба огонь... — стонала Эстеръ. — Сонъ!.. сонъ вѣщій, подъ утро который... Мулла Маметъ-Куль, покойникъ, слышишь?! Не тронь Шарикку, не смѣй трогать!..

— Эге!..—смекнула Суффи.—Кто же сонъ такой видѣлъ?.. Ну! говори?.. Ну, не надо, не надо! — замылъ онъ свой допросъ, почувствовавъ, какъ его дернула за рукавъ Ольга Николаевна.—Сны — пустяки... мало ли что можетъ присниться...

Эстеръ перестала рваться къ дверямъ, она вспомнила свое обѣщаніе не жаловаться и ничего не рассказывать мужу; острое, тревожное состояніе ея духа сразу смѣнилось сосредоточенной задумчивостью.

— Ты не думай, милая, о своемъ снѣ, — обняла ее Ольга Николаевна. — Вѣдь это ты видѣла сонъ?.. не правда ли, ты?

— Я,—прошептала Эстеръ.

— Такъ ты, когда другой разъ увидишь сонъ, хорошій или нехорошій, ты мнѣ Расскажи... Я вѣдь ученая, я всѣ сны разгадывать умѣю. Вотъ сядемъ здѣсь, рядомъ, а вотъ тутъ пускай Суффи сидеть... А Шарикка спать хочеть... Смотри, у него глаза слипаются...

Держи его на рукахъ, а потомъ, когда заснетъ, мы его въ постельку уложимъ... Вотъ такъ, садись сюда... Ну, хорошо. Теперь рассказывай, только ничего не бойся...

Трудно было понять что-нибудь толкомъ изъ безсвязнаго разказа Эстеръ, да этого и не требовалось, потому что каждый разъ, когда Суффи пытался проникнуть въ смыслъ разказа, Ольга Николаевна останавливала его незамѣтно отъ разказчицы. Женщина-докторъ, очевидно, обладала психиатрическими способностями: она поняла, что огонь и сопряженное съ нимъ бѣдствіе играли главную роль въ нервномъ припадкѣ, и въ ея головѣ быстро созрѣлъ цѣлый планъ соответствующаго лѣченія.

Уложили спать Шарикку. Калмычка принесла чай и обычное угощеніе; установилась мирная бесѣда о предметахъ самыхъ простыхъ и обыденныхъ; Ольга Николаевна разспрашивала Суффи объ его жизни, о мѣстныхъ обычаяхъ и правахъ, о торговыхъ дѣлахъ; тотъ отвѣчалъ и самъ, въ свою очередь, задавалъ вопросы. Эстеръ больше молчала, но, повидному, внимательно слѣдила за разговоромъ, изрѣдка и сама дѣлая напыльные вопросы и замѣчанія.

— Правда, что у генерала жена такая бѣлая и толстая отъ того, что ничего не ѣсть кромѣ сахару?..

— Ахъ, ты, глупая курица!—замѣтилъ ей Суффи.— Вы ей простите, госпожа милостивая... Это она такъ, просто... —

— Ничего!..

— А ты мнѣ давай побольше сахару,—я тоже буду такая бѣлая и толстая,—кокетничала Эстеръ, кошечкою прижималась къ плечу мужа.

Суффи смѣялся, давая гостѣ понять глазами:—что, моъ, съ ней взять, совсѣмъ ребенокъ неразумный!

— А скажи, Ольга, кто лучше: я или „эти“?—Эстеръ кивнула головою въ сторону входной двери, и, не дожидаясь отвѣта, продолжала: — Онѣ говорятъ, что я какъ кошка драная, — худая, тощая, а онѣ гладкія, жирныя... Онѣ говорятъ, что меня мужъ скоро любить не будетъ за это... Скажи, Суффи, правду онѣ говорятъ?..

— Врутъ все! Ты ихъ не слушай.

— А тебя твой мужъ любить?—неожиданно обратилась болтушка къ гостѣ.

Та даже смутилась немного отъ такого оборота.

— Мой мужъ умеръ. Когда живъ былъ, — любилъ очень...

— Ай-ай-ай!.. Бѣдная Ольга!.. Зачѣмъ же онъ умеръ?.. Отчего ты его не вылѣчила?

— Я тогда сама не умѣла лѣчить... я послѣ научилась...

— Ну, развѣ можно такъ, — укоризненно замѣтилъ хозяйинъ.—Вонъ, смотри: Ольга Николаевна и опечалилась... Видишь, какъ лицомъ замутилась. Это не хорошо...

— Не буду больше!

Эстеръ пристально взглянула на гостю и стремительно бросилась ее цѣловать, повторяя:

— Не буду больше, не буду... Я глупая, ты умная... Не сердись, пожалуйста.

— Да я и не сержусь вовсе... — улыбнулась Ольга Николаевна.

— На меня не надо сердиться, — тихо проговорила Эстеръ. — Знаешь, кто разсердится, тотъ ударить можетъ, а меня нельзя бить; мнѣ и такъ больно... Вотъ тутъ больно, очень больно.

Она прижала обѣ руки къ своей тощей груди и сразу поблѣдѣла...

— Меня если ударить крѣпко, я и помру. Ой, сейчасъ перхать буду... Ой!..

Сильный приступъ болѣзненнаго кашля сразу прервалъ ея рѣчь. Ольга Николаевна бросилась къ своему вѣчному спутнику, мѣшку съ хитрыми застежками,

Суффи нахмурился... Съ трудомъ удалось заставить Эстеръ проглотить какую-то бѣлую облатку и запить остывшимъ чаемъ... Во время суеты русская женщина успѣла обмѣняться нѣсколькими словами съ хозяиномъ дома:

— Что же это? Опасно?

— Очень. Она сильно больна.

— Помретъ?

— Можетъ и выжить, —лѣчить надо.

— Лѣчи. Никакихъ денегъ не пожалѣю.

— Денегъ не надо, а лѣчить буду.

— Десять часовъ, однако! —громко заговорила Ольга Николаевна. — Ну, милая моя, хорошая, будь умница, ложись спать, а на ночь еще проглоти эту лепешечку, хорошо будетъ. Я скоро опять навѣщу тебя, скоро приѣду. Суффи, пошлите джигита за дрожками!

— Не уходи! — крѣико ухватила за ея платье Эстеръ. — Не уходи!.. Мнѣ такъ страшно стало, не уходи!

— Переночевали бы, милостивая госпожа, — стала просить и хозяйинъ. — Ночь темная, здѣсь вамъ хорошо устроимъ, какъ тотъ разъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — перебила Эстеръ. — Ольга не такъ, Ольга со мною ляжетъ, а ты... ты туда уходи... Только не туда, къ тѣмъ, а къ себѣ...

— Ну, хорошо, хорошо!.. — разсмѣялась Ольга Николаевна.

— Ревнивая! — засмѣялся и Суффи.

— А я спать не хочу, вотъ ни чуточку... Я хоть всю ночь просижу съ тобою.

— Такъ тебѣ и позволятъ...

— Ну, хоть немножко посидимъ... Ольга, расскажи мнѣ сказку, ты такія хорошия сказки знаешь... Милая, дорогая, ну, расскажи что-нибудь, и Суффи пока послушаетъ... А то знаешь что? Ты мнѣ погадай. Вѣдь вы всё умѣете гадать, лучше чѣмъ наши старухи... Наши все страшно гадаютъ, нашимъ куръ надо рѣзать, кровь выпускать, а ты на картахъ, знаешь, бумажки такія есть у васъ съ картинками... Погадай, коточка моя ненаглядная!..

— Я въ карты не умѣю, да у меня и картъ нѣту съ собою.

— А въ мѣшкѣ?

— Тамъ тоже нѣтъ.

— Да что вы ее слушаете, госпожа... Она совсѣмъ стала какъ дитя, безразумная, — замѣтилъ, какъ бы извиняясь, Суффи. — Вонъ, возьми Шарипки мячикъ и поиграй, а то лошадку повози за веревочку... ха-ха-ха... Какъ разъ по тебѣ забава... Ну, спать! Видишь, госпожа совсѣмъ устала, съ тобою возившись.

— Я погадаю тебѣ, только иначе, — заговорила Ольга Николаевна, замѣтивъ грустное выраженіе, отуманившее лицо Эстеръ: — я погадаю. Только какъ бы?.. Да, Суффи, есть у васъ бумага?

— Чистая, писать? — засуетился хозяйинъ и полѣзъ за пазуху халата.

— Все равно.

— Эта годится?

— Хорошо! Садись теперь вотъ здѣсь, поближе къ стѣнкѣ, вотъ такъ. Теперь дайте сюда фонарь поближе и выньте свѣчку. Ну, такъ...

— Огонь! — испуганно вскрикнула Эстеръ.

Гадальница пытливо посмотрѣла ей прямо въ глаза...

— Да, это огонь, — спокойно и даже строго произнесла Ольга Николаевна: — только огонь добрый, сильный огонь. Онъ гораздо сильнѣе другого, злого огня. Что злой огонь сдѣластъ худого, — этотъ поправить... Смотри теперь внимательно.

Она оторвала клочокъ бумаги и поднесла его къ свѣчѣ. Проклеенная крѣико бумага, мѣстнаго производства, сгорала медленно, оставляя черный, узорно корящийся пепелъ...

— Смотри теперь сюда, на стѣнку. Видишь?

Тѣнь отъ сгорѣвшей бумажки образовала на бѣлой гипсовой стѣнѣ рѣзкій, причудливый силуэтъ...

— Ну, что, видишь что-нибудь? Вѣдь это и на Суффи гадаю, на его счастье...

У Эстеръ даже брови поднялись отъ волненія, глаза расширились, руки слегка дрожали. Она стояла на козляхъ, пристально всматриваясь въ таинственное изображеніе. Голова ея усиленно работала... она не понимала, чего именно отъ нея требуютъ, чего-то ждала необычайнаго, чудеснаго, но впередъ уже безусловно вѣрила. Даже серьезный Суффи, и тотъ наклонился и вглядывался въ тѣнь изъ-за плеча Ольги Николаевны.

— Видишь?

— Не знаю... — задыхаясь, прошептала Эстеръ.

— Это Суффи самъ сидитъ... Вотъ это круглое, видишь? Это — его чалма.

— Вижу...

— Это вотъ еще чалма, а вотъ еще двѣ поменьше; это у него гости... Вотъ дальше много гостей, и всѣ чиже его, а онъ высоко сидитъ... видишь?..

— Вижу, вижу!

— Это ему большой почетъ выходить, это хорошо!

— Хорошо!

Эстеръ обрадовалась и даже захлопала въ ладоши.

— А я ничего ровно не видалъ, — прошептала почти на-ухо хозяйинъ гадалкѣ. Онъ тоже внимательно вглядывался и такъ наклонился, что ему не зачѣмъ было возвышать голосъ.

— И не надо вамъ видѣть, — такъ же тихо отвѣтила ему Ольга Николаевна.

— Попялъ, госпожа. Теперь вы на нее погадайте, — добавилъ онъ громко.

— Боюсь! — вскрикнула Эстеръ и отшатнулась.

— Ну, если боишься, то и не надо.

— Нѣтъ, погадай... Пожалуйста, погадай... Охъ, что будетъ, то уже пускай и станется... Гадай!..

Новая бумажка вспыхнула въ рукахъ гадальницы. На этотъ разъ узоръ на стѣнѣ сакли вышелъ особенно причудливъ. Дѣйствительно, даже появилось что-то нѣсколько похожее на женскую фигуру...

— Это я? — вскрикнула Эстеръ на всю саклю, чуть-было опять не закашлялась.

— Ты, — тихо произнесла Ольга Николаевна, самымъ серьезнымъ, даже нѣсколько строгимъ тономъ, словно сама глубоко проникнутая ролью пророчательницы. — Это ты!.. Постой, не мѣшай! Это ты... У тебя на рукахъ ребенокъ... да... ты его грудью кормишь... Какъ ты пополнила!.. ой-ой!..

— Шарипка? — на этотъ разъ прошептала Эстеръ.

— Нѣтъ, это другой... А вотъ еще мальчикъ, побольше... Вотъ еще, — совсѣмъ большой...

— Шарипка?..

— Нѣтъ, Шарипки нѣтъ... Вотъ онъ, вотъ! Видишь, лошадка на самомъ концѣ, ее не всю видно, только голову... Видишь, видишь!..

Конечно, настроенное воображеніе Эстеръ сразу разглядѣло и конскую голову, да еще въ полномъ, богатомъ уборѣ...

— Шарипъ уже большой сталъ. Онъ поѣхалъ куда-то, теперь, вотъ, возвращается. Видишь, лошадка сюда повернула голову. Если бы уѣзжалъ, такъ былъ бы хвостъ виденъ, а возвращается, — значитъ, голова... Понимаешь... А тѣ всѣ его братья, разъ, два, три, четыре, и все мальчики, все твои дѣти... Ахъ, какая ты будешь счастливая!.. Вотъ какъ хорошо тебѣ вышло!..

Эстеръ усиленно захлопала въ ладоши и смѣялась отъ радости. Уже разсыпался хрупкій пепелъ, ничего уже не было видно на стѣнѣ, а джюгудка все всматривалась, словно для нея сохранилось, незримое для другихъ, радостное изображеніе... Суффи, должно-быть,

вполнѣ раздѣляя впечатлѣніе своей супруги. Онъ такъ увлекся, что, самъ не замѣчая, сталъ ласково гладить Ольгу Николаевну по ея золотистымъ волосамъ, да въ время ономилса и пробормоталъ:

— Извините!

А подъ шумокъ общаго веселаго настроенія дверь слегка пріотворилась. Согнувшись до полу, вползла одна женская фигура, за нею другая,—дальше еще что-то копошилось во тьмѣ.

— Погадай и мнѣ,—послышался голосъ Хатычи.

— И мнѣ...—попросила за нею Сары-Кошма.

— Не смѣйте, дуры! — послышалось дальше, за дверью.

Какъ ни строгъ былъ запретъ Суффи, но бабье любопытство превозмогло. Даже страхъ смертной казни не могъ бы удержать этого страстнаго порыва... Долго, продрогнувъ отъ ночнаго холода, сидѣли онѣ передъ дверьми, не смѣя даже заглянуть въ щелку, боясь дышать даже, чтобы не выдать звукомъ своего присутствія,—а тутъ началось гаданье. Это уже свыше всякихъ силъ, этого уже шпионы не могли выдержать и „дерзили“. Ну, что же! Самое большое, что Суффи исколотить до полусмерти, а можетъ-быть и не больно исколотить, дать раза два, сколько успеетъ, по затылку и все тутъ... „Полземъ!“ Ну, и вползли...

— Это что?!—крикнулъ хозяинъ.

— Пускай сидятъ!.. — попросила Эстеръ. — Пришли, такъ пускай сидятъ.

— Оставьте ихъ! — вступилась и сама Ольга Николаевна.

— Оставайтесь!—списходительно проговорилъ и строгій глава дома.

Улькунъ-Курсакъ рѣшилась и сама перешагнуть порогъ и низко, почтительно поклонилась гостьѣ. Вся семья Суффи Казиметова оказалась въ полномъ сборѣ.

— Ахъ, что мнѣ вышло! Ахъ, какъ хорошо вышло,—торопливо, задыхаясь отъ волненія, принялась Эстеръ рассказывать все происшедшее... Суффи будетъ богатый, знатный, и толстая, сама кормить буду, у меня четыре мальчика... Одинъ Шарика, уже большой, другой будетъ Суффи, какъ отецъ, третій — Маметь, непременно Маметь, четвертый... какъ четвертый?.. Я не знаю... какъ четвертаго назовемъ?..

— Шайтанъ,—тихо, словно про себя, подсказала ей Улькунъ-Курсакъ, только одна Сары-Кошма и слышала это и приснула со смѣху, закрывая ротъ рукавомъ халата...

— Погадай намъ, — пристала она къ Ольгѣ Николаевнѣ.

— Погадай!—вторила ей Хатыча.

— Ну, слушайте: я вамъ погадаю, только не сегодня, а въ слѣдующій разъ. И буду много гадать, но только тогда, когда застану Эстеръ веселою, а если еще разъ такую застану какъ теперь, то не только гадать не буду, а еще то сдѣлаю, что вы... лучше даже не говорить, что я съ вами сдѣлаю...

— Помилуй, госпожа, развѣ мы виноваты?.. Мы ничего не сдѣлали ей худого, мы ее очень любимъ... Мы...

— Ну, хорошо, хорошо! Помните только нашъ уговоръ,—я приѣду скоро, и приѣду нарочно неожиданно... Да мнѣ и не нужно приѣзжать, чтобы знать все, что тутъ у васъ дѣлается... Берегитесь же... слышите!

— Слышали, госпожа... А все-таки теперь погадайте... хоть чуточку...

— Сказала—и довольно!

Говорила Ольга Николаевна съ жепами Суффи, а смотрѣла все на Улькунъ-Курсакъ. Та все въ тѣни держалась и даже раза два вовсе отворачивалась. Смо-

трѣлъ на нихъ обѣихъ и самъ Суффи. Не выдержала старуха и вышла, пробормотавъ:

— Ужинать велю подавать. Можетъ-быть, госпожа проголодалась, такъ долго въ гостяхъ сидючи... Уже за полночь...

— Гм!—смекнулъ, наконецъ, что-то Суффи.

— А въ самомъ дѣлѣ можно и побѣть чего-нибудь,—весело проговорила Ольга Николаевна.

— Намъ можно здѣсь оставаться? — спросила Сары-Кошма.

Обратилась она, конечно, къ главѣ дома, къ мужу, а отвѣтила на ея вопросъ Эстеръ:

— Пужинаемъ вмѣстѣ. Можно!

Улькунъ-Курсакъ и это слышала, стиснула зубы и такъ толкнула ногою кухонную дверь, что та чуть съ петель не сорвалась.

Хатыча постлала на коверъ шелковую скатерть и собрала посуду. Принесли горячую шурпу изъ курицы, въ большой мискѣ,—для Ольги Николаевны особо, въ китайской чашкѣ, ей даже ложку положили,—сама хатычъ появилась съ блюдомъ, на которомъ воздвигалась цѣлая гора жирнаго, дымящагося пиллава. Всѣ успѣлись вокругъ и ждали со стороны главы дома приглашенія къ началу трапезы.

— Прощу!—произнесъ Суффи, поклонившись гостьѣ.— Ну, ѣзьте!—обратился онъ къ остальнымъ.

Эстеръ свернула себя изъ куска тонкой лешки пѣчто въ родѣ черпалки, выгребала имъ изъ похлебки кусочки курицы и складывала ихъ на ладонь, а оттуда брала въ ротъ; ѣла лѣниво и, кажется, безъ особаго аппетита. Сары-Кошма и Хатыча чуть не по локоть погружали свои руки въ груды плова и такъ пабивали себя ротъ, что даже щеки ихъ оттопырились. Хатычъ совсемъ ничего не ѣла. Суффи, новидимому, чувствовала себя въ прекрасномъ настроеніи, ѣла съ аппетитомъ, и только этикетъ удерживалъ его отъ особой говорливости за столомъ.

Принесли кунганъ съ теплою водою, подонникъ для омовенія рукъ и шелковое, красное полотенце.

Сары-Кошма громко рыгнула, въ знакъ полной сытости и довольства угощеніемъ; рыгнула, еще громче, Хатыча, хотѣла-было и Эстеръ; но у нея это приѣвѣстие не вышло.

Узнавъ, что Ольга Николаевна остается почевать и будетъ спать съ Эстеръ, въ ея каморкѣ, обѣ жены стали перешептываться. Не то онѣ заспорили о чемъ-то, не то сговаривались.

— Спать такъ спать!—рѣшили Суффи, поднимаясь на ноги.

Эстеръ обняла свою гостью за талию и повела ее къ своимъ дверямъ, уже и коверъ приподняла, да остановилась на порогѣ, безпокойно всматриваясь въ оперниці; а тѣ, какъ бы ей на зло, не торопятся отираться во-свои. Сары-Кошма закинула обѣ руки за затылокъ, круто выпятила груди и стала потягиваться, а Хатыча осмѣлилась легонько, словно печально, дернуть мужа за полу халата и даже подмигнула очень выразительно. Суффи попялъ выраженіе глазъ Эстеръ, улыбнулся и проговорилъ:

— Ну, расходитесь куры по наместамъ! Покойной ночи, госпожа милостивая, гостя высокочтимал! Пускай Аллахъ пошлетъ вамъ сповидѣнія сладкія, какъ сахаръ, и ароматныя, какъ розы... Покойной ночи!.. А я туда!

Суффи поклонился въ поляхъ гостьѣ, приложивъ руку ко лбу и къ сердцу, и рѣшительно направился на мужскую половину.

(Продолженіе будетъ.)

На молитвѣ. Съ карт. Чарльза Пирса, грав. Шотландеръ.

ДВѢ ВЫСТАВКИ.

(Съ 3 рис. на стр. 181, 185 и 193.)

Художественная часть настоящего номера *Иви* состоит почти исключительно из произведений английских художников. Объясняется это главным образом тѣмъ, что недавно у насъ, въ Петербургѣ, въ залѣ Общества поощренія художествъ, состоялась выставка английскихъ картинъ, изъ которыхъ многія представляютъ большой интересъ и по исполненію, и по сюжетамъ.

Но на ряду съ этимъ случайнымъ поводомъ есть и другая причина, побуждающая насъ обратить вниманіе на английскую живопись. Въ общемъ говори, англичане далеко отстаютъ отъ другихъ народовъ въ области искусства. Если Англія насчитываетъ среди своихъ сыновъ писателей съ міровою извѣстностью,—такихъ писателей, равныхъ которымъ мало во всемирной литературѣ, то въ области музыки и живописи страна эта до послѣдняго времени не вступала въ усильное соперничество съ другими странами. Конечно, дѣло тутъ не въ пресловутой практичности англичанъ, потому что Англія дала міру первоклассныхъ художниковъ слова, и многіе изъ ея поэтовъ не менѣе всего отличались практическимъ складомъ ума. Но живопись не находила себѣ въ Англіи выдающихся представителей: даже самый знаменитый изъ английскихъ художниковъ Уильямъ Гогартъ, о которомъ недавно вспомнилъ художественный міръ по поводу двухсотлѣтня дня его рожденія, былъ больше сатирикомъ, чѣмъ художникомъ. Однако за послѣднее время англичане постепенно вступаютъ въ усильное соперничество съ другими народами, и состоявшая въ Петербургѣ выставка английскихъ художественныхъ произведеній вноситъ это подтверждаетъ.

На ней было выставлено 167 картинъ и 43 гравюры и рисунка. Вся эта масса картинъ распадается и по замыслу, и по техническимъ приемамъ на двѣ большія группы. Съ одной стороны мы имѣемъ художниковъ, которыхъ мы для краткости назовемъ послѣдователями старыхъ мастеровъ; съ другой стороны—такъ-называемую новую школу. Эти двѣ группы художниковъ такъ рѣзко различаются, что при первомъ взглядѣ на картину вы можете сразу опредѣлить, къ какой изъ двухъ группъ художникъ себя причисляетъ. Есть, правда, и такіе художники, которые, не прерывая съ традиціями прежняго искусства, до извѣстной степени подчиняются вліянію новаго, но ихъ, сравнительно, мало, а громадное большинство ищетъ въ духѣ той или другой школы.

Тутъ, однако, напрашивается оговорка. Препрежнее искусство было богато и многообразно, какъ сама жизнь, и поэтому не слишкомъ ли смѣло объединять всѣхъ художниковъ, не принадлежащихъ къ новой школѣ, въ одну группу? Но въ данномъ случаѣ нѣтъ, понятно, имѣемъ въ виду лишь впечатлѣніе, которое производитъ английская выставка на ея посѣтителей, и впечатлѣніе это именно таково, что приходится провести границу между послѣдователями старыхъ мастеровъ и представителями новой школы. Картины послѣднихъ бросаются въ глаза, носятъ на себѣ признаки какой-то странной своеобразности и потому невольно возбуждаютъ въ зрителѣ сравненіе между старой и новой школой.

Если мы теперь остановимся на вопросѣ, къ какой изъ двухъ школъ могутъ быть причислены лучшія картины выставки, то врядъ ли тутъ возможны сомнѣнія: такъ какъ картины новой школы вызываютъ по большей части одно только недоумѣніе или удивленіе. Зритель смотритъ на нихъ, ищетъ въ каталогѣ разъясненія находящейся передъ нимъ странной картины и уходитъ неудовлетворенный. Даже лучшія изъ этихъ картинъ не доставляютъ художественнаго наслажденія. Наоборотъ, лучшія картины старой школы даютъ обильную пищу его уму, сердцу, эстетическому вкусу. Дѣло въ томъ, что главнымъ отличительною чертою картинъ новой школы является вычурность, исканіе оригинальности, того, чѣмъ можно поразить зрителя. Но этого мало. Въ этой мнимой оригинальности нѣтъ въ сущности никакой оригинальности. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ извѣстными стереотипными приемами, совершенно одинаковыми у всѣхъ послѣдователей этой школы. Они стремятся къ тому, чтобы писать не такъ, какъ пишутъ другіе; но у нихъ нѣтъ ни оригинальныхъ сюжетовъ, ни оригинальныхъ приемовъ, и поэтому эти мнимые оригинальные художники становятся по большей части банальными, заурядными въ своихъ безплодныхъ усиліяхъ выдумать что-нибудь оригинальное. Одни изъ нихъ гонятся за оригинальными приемами. Тогда получаются въявь рисунка совершенно не художественные оскорбляющая эстетической вкусъ и поражающая своимъ полнымъ несоотвѣтствіемъ съ естественнымъ сочетаніемъ свѣтовъ и другихъ эффектовъ. Передъ вами предстаетъ вдругъ дама—совсѣмъ синія, на ней и синее платье, совершенно одинакового цвѣта съ горами и облаками, видѣющимися вдали („Маркиза Граби“ г. Уатта), или пейзажъ до такой степени зелено-желто-розовый, что въ сразу замѣчаете умасля художника поразить зрителя („Луна въ октябрѣ“ г. Стокса), или палды съ рыжими волосами, при чемъ и прибрежныя скалы совершенно того же рыжаго цвѣта („Наиды“ г. Говкинса), или

Прозерпина, эта властительница природы, окруженная не настоящими, а восковыми цвѣтами („Судьба Персефоны“ г. Крэна), или ландшафтъ совсѣмъ зеленый, такъ что камни не отличаются по цвѣту отъ листвы („Сюртъ на рѣкѣ“, г. Баутона) и т. д. Этотъ приемъ прибѣгать къ искусственному освѣщенію или къ цвѣтотнымъ цвѣтамъ поражаетъ на английской выставкѣ такъ же сильно, какъ и на недавней скандинавской выставкѣ. Не менѣе распространяетъ приемъ превращать картины въ какую-то мозаику, т. е. рѣзко разграничивать цвѣта,—признакъ несовершенной художественной техники, которымъ, однако, новая школа теперь шеголяетъ. Получается какая-то японская живопись, чрезвычайно неприятно дѣйствующая на сколько-нибудь развитое эстетическое чувство. Къ этому мы должны еще прибавить неестественность позъ: люди стоятъ, лежатъ или сидятъ такъ, какъ они никогда на самомъ дѣлѣ не стоятъ, не лежатъ и не сидятъ. Получается такое впечатлѣніе, будто бы модели художниковъ новой школы—акробаты съ вывернутыми членами. Далѣе мы должны еще отмѣтить въ числѣ этихъ приемовъ страсть къ изображенію обнаженнаго тѣла при совершенно неестественной обстановкѣ. У скандинавскихъ художниковъ обнаженныя женщины сидятъ въ лѣсу на деревьяхъ; у английскихъ художниковъ онѣ лежатъ въ саду на розовыхъ цвѣтахъ, или же обнаженные мужчины гуляютъ поздней осенью подъ открытымъ небомъ.

Но дѣло не въ однихъ приемахъ. Современные художники находятъ въ настоящихъ новшѣхъ за оригинальными сюжетами, изысканность и банальность, вызывающія въ концѣ концовъ только скуку. Остановимся на трехъ самыхъ характерныхъ картинахъ этого рода. Первая изъ нихъ, картина г. Кеннеди, написанная въ сущности очень хорошо. Но что она означаетъ? Вы видите предъ собою группу людей въ звѣриныхъ шкурахъ: мужчину, женщину и двухъ дѣтей, изъ которыхъ одно протягиваетъ какой-то фантастической птицѣ, не то цаплѣ, не то пеликану, ищерицу. Эта картина названа: „Первое преступленіе (Канни)“. Въ чемъ же заключается это первое преступленіе и гдѣ тутъ Канни? Большинство зрителей при видѣ этой картины приходитъ въ полное недоумѣніе. Дѣйствительно, не такъ-то легко сообразить, что Канниомъ художникъ называетъ того ребенка, который протягиваетъ ищерицу на съѣденіе птицѣ. Это—первое убійство, первое великое преступленіе.

Возьмемъ другую картину. Она принадлежитъ г. Уатергаузу и названа: „Безнощадная прекрасная дама“. Эта прекрасная дама, отличающаяся „безнощадностью“, сидитъ въ лѣсу въ фиолетовомъ платьѣ съ изображеніемъ сердца на рукавѣ; съ распущенными волосами, которыми она охватываетъ стоящаго предъ нею на колыняхъ средневѣковаго рыцаря. Теперь читатель имѣетъ ясное понятіе о „безнощадности“ прекрасной дамы, а если онъ все-таки не уяснилъ себѣ всей оригинальности сюжета, то въ этомъ виноваты не мы, а самъ художникъ.

Не менѣе недоумѣнія вызываетъ картина извѣстнаго прерафаэлитъ г. Гольмана Гента. Картина эта названа: „Тягостный союзъ“. Художникъ однако очевидно опасался, что оригинальный его рисунокъ не будетъ должнымъ образомъ понятъ и поэтому дѣлаетъ длинную выписку изъ Евангелія отъ Луки. Что же изображаетъ картина? Предъ вами какой-то фантастическій домикъ, въ двери котораго стучится индивидъ въ средневѣковомъ одѣяніи. Тутъ же рядомъ двѣ собаки ѣдятъ что-то изъ миски. Вдали видѣются грушечныя деревья, а за ними домъ или замокъ съ освѣщенными окнами. Свѣтъ въ нихъ какой-то искусственный, розовый. Очевидно, союзъ не хочетъ ночью дать своему союзѣ хлѣба. Спрашивается только, зачѣмъ художнику понадобилась такая нехудожественная обстановка, чтобы поленить простой евангельскій текстъ.

Этихъ трехъ картинъ вноситъ достаточно, чтобы понять, какъ вычурны сюжеты художниковъ новой школы. Онѣ не могутъ доставить эстетическаго наслажденія, даже когда написаны хорошо, потому что искусственнымъ исканіемъ оригинальности всегда дѣйствуетъ крайне неприятно.

Но, какъ мы уже замѣтили, картинъ этого рода на английской выставкѣ въ сущности не такъ много. Преобладаютъ картины иного рода, то-есть такіе, которыя написаны въ духѣ великихъ мастеровъ. Тутъ есть и историческая живопись, жанръ и пейзажъ, и великій родъ живописи имѣетъ болѣе или менѣе выдающихся представителей. Въ настоящемъ номерѣ *Иви* помѣщены двѣ картины съ английской выставки—одна историческая, другая историко-бытовая. Мы на нихъ и остановимся, такъ какъ къ другимъ мы вернемся впоследствии, когда онѣ появятся на страницахъ *Иви*.

Картина г. Има: „Король забавляется“ невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Она изображаетъ послѣдняго представителя дома Валуа, Генриха III, сына Екатерины Медичи. Забава короля, это— маленькія комнатныя собачки, которыхъ онъ носитъ съ собою на шеѣ въ корзинѣ. Картина эта производить особенно сильное впечатлѣніе, если вспомнить тѣ трагическія событія, которыя совершились вокругъ короля и при-

вели его къ смерти отъ руки убійцы. Въ страшнѣ подготовилась гражданская война, чуть не лишившая его престола, а король предавался въ своемъ дворцѣ пустымъ или порочнымъ развлечениямъ. На картинѣ король точно живетъ передъ нами. Какъ прекрасно передана его изнѣженность, доходящая до женоподобности! Лицо у него покрыто бѣлами и румянами, въ ухѣ видѣется драгоценная серьга; такъ и чувствуется, что это тотъ король, который иногда наряжался въ женское платье, окружилъ себя пресловутыми „миньонами“, предавался то разврату, то инфиниму благочестія, смѣнявшемуся убійствами. Все его блестящія дарованія ни къ чему не привели, вертели Францію въ рядъ бѣдствій, довели его самого до насильственной смерти, и этотъ контрастъ между трагическою судьбою короля и его суетными забавами придаетъ глубокой смыслъ и значеніе картинѣ г. Има, какъ прекрасной иллюстраціи общезнаваемыхъ историческихъ событий.

Съ наименьшимъ мастерствомъ написана и картина знаменитаго Альма-Тадемы: „Золотая цѣпи любви“. Ихъ много въ видѣ ожерелій, браслетовъ и колецъ. Это—бытовая сценка изъ древне-римской жизни. Предъ нами двѣ влюбленные женщины, закованныя въ золотыя цѣпи любви. Одна изъ нихъ разсматриваетъ кольцо на рукѣ подруги, болѣе счастливой, богатой и, можетъ-быть, любимой, потому что уберетъ ей драгоценныя, а само такъ и дышитъ чувствомъ торжествующей любви. Лицо это удивительно жизненно, и въ немъ заключается главная прелесть картины.

Но возьмемъ ли мы эти двѣ картины или другія изъ лучшихъ картинъ, красовавшихся на англійской выставкѣ, мы придемъ къ одному и тому же заключенію, что главное ихъ достоинство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главная ихъ прелесть заключается въ характерномъ изображеніи самой жизни, минушей или современной. Тутъ нѣтъ вычурности, изысканности, нѣтъ ложныхъ, вымученныхъ эффектовъ. Все просто, естественно и ясно. Художники не витаютъ въ какомъ-то фантастическомъ, безпочвенномъ мірѣ, а примыкаютъ къ жизни, неходятъ въ ней, и въ то же время картины ихъ представляютъ иногда такую глубину мысли и чувства, до которыхъ вѣкъ декадантамъ, импрессионистамъ или прерафаэлитамъ очень далеко. Но стоятъ близко къ жизни — значить чувствовать и думать не внѣ ея, а именно въ тѣхъ рамкахъ, какія она создаетъ. Поэтому картины послѣдователей старыхъ мастеровъ и представляютъ ясность, опредѣленность. Вы видите предъ собою людей даннаго времени, даннаго мѣста, — людей, созданныхъ историческими, національными, бытовыми условіями. Великія проведенія искусства нагляднымъ образомъ опровергаютъ предразсудокъ, будто бы глубокая обще-человѣческая мысль и общечеловѣческое чувство требуютъ отрѣшенности отъ данныхъ жизненныхъ условій. Ужъ на что національна Одиссея или Иллада, на что національны фигуры Грехель или Фауста, бессмертные образы пушкинской или тургеневской музы, а между тѣмъ въ этихъ твореніяхъ великихъ художниковъ заключается гораздо больше обще-человѣческой мысли или чувства, чѣмъ въ фантастическихъ образахъ поэтовъ, творившихъ такъ-сказать внѣ пространства и времени.

Лучшія картины англійской художественной выставки также несутъ на себѣ национальный отпечатокъ: онѣ служатъ вѣр-

нымъ отраженіемъ самой англійской жизни или жизни тѣхъ народовъ, изъ которыхъ англійскій художникъ черпаетъ свой сюжетъ. Но англійская выставка—по преимуществу отраженіе англійской жизни. Это сказывается во всемъ. Сколько типичныхъ лицъ, сколько характерныхъ въ этомъ смыслѣ положеній! Даже въкоторыя общія черты невольно напоминаютъ намъ о томъ, къ чему рвется, чего жаждетъ англличанинъ. Сколько деревьевъ въ двѣту, сколько напоминаній о веснѣ, теплѣ, какой избытокъ яркихъ красокъ, сколько задушевности въ изображеніи дѣтей и семейныхъ сценъ, сколько энергическихъ фигуръ! Присматриваясь ко всему этому, мы невольно проникаемся мыслью, что картины написаны сынами туманнаго Альбіона, жаждущими свѣта, тепла, домовитыми, религіозными и изумительно энергичными.

Почти то же намъ приходится сказать и о другой состоявшейся недавно въ Петербургѣ выставкѣ.—выставкѣ финляндскихъ и русскихъ художниковъ. Тутъ все, сколько-нибудь значительное или выдающееся, проникнуто національнымъ духомъ, и все заурядное носитъ явный отпечатокъ того современнаго космополитическаго направленія, которое извѣстно подъ названіемъ импрессионизма, символизма, декаданства. Заурядное вездѣ преобладаетъ, но быть-можетъ рѣдко гдѣ такъ сильно, какъ на выставкѣ русскихъ и финляндскихъ художниковъ. Они какъ будто подали другъ другу руку, вступили въ тѣсный союзъ, чтобы отличиться въ духѣ новой художественной школы, и въ результатѣ не дали ни одной сколько-нибудь замѣтной картины. Вы видите замки, похожіе на колодцы, голыхъ женщинъ на скалахъ, какія-то неестественно длинныя фигуры, огромныя полотна, изображающія грязно-зеленое пятно, въ которомъ ничего различить нельзя, ключи разноцвѣтной ваты, и во всемъ этомъ океанѣ картинъ—ни одного просвѣта, ни одной оригинальной мысли, ни одного интереснаго замысла. Все набито, шаблонно, банально. И вдругъ васъ озаряетъ точно свѣтъ: вы изъ океана мутныхъ волнъ выбрались на твердую почву. Передъ вами изображеніе московской улицы XVII вѣка, прекрасный портретъ великаго князя Павла Александровича или портретъ г-жи Мамонтовой, поражающіе васъ своею жизненностью, изображеніе Барвары Великомученицы, или дышущія правдою, великолѣпно исполненные сцены изъ финляндской жизни. Мы не будемъ распространяться объ этихъ украшеніяхъ русско-финляндской выставки, потому что намъ предстоитъ еще случай поговорить о нихъ, когда мы воспроизведемъ въ *Нивѣ* въкоторыя изъ этихъ картинъ. Но, подводя итогъ всему сказанному объ англійской, русско-финляндской и предшествовавшей имъ скандинавской выставкѣ, нельзя не отмѣтить того непреложнаго факта, что всѣ три выставки подтвердили воочию всю несостоятельность и бесплодность новаго направленія въ искусствѣ, не даващаго ничего замѣчательнаго и вырождающагося въ шаблонъ, въ банальность. Русская публика охладѣла къ нему раньше, чѣмъ оно съ блескомъ и трескомъ заняло на двухъ выставкахъ—скандинавской и русско-финляндской — не подобающее ему мѣсто, наполнивъ своими произведеніями раньше залу Общества поощренія художествъ, а теперь залу рисовальной школы барона Штиглица.

Какъ путешествуетъ свѣтъ.

Очеркъ К. Пріора.

(Съ 10 рисунками.)

Звукъ, теплота и свѣтъ вызываются, подобно электричеству, колебаніями, различаеся количествомъ этихъ послѣднихъ. Самый низкій звукъ, доступный нашему слуху, имѣетъ около восьми двойныхъ колебаній въ секунду; самый высочій—24,600 (или 48,000 простыхъ колебаній). Теплота возникаетъ изъ такого огромнаго числа колебаній, которое уже недоступно нашему представленію (отъ 50 до 500 билліоновъ), а у свѣта эти цифры еще выше. Красный свѣтъ, самый медленный, производится 450 билліонами колебаній въ секунду; фіолетовый—800 билліонами колебаній. Какъ отъ числа колебаній зависитъ окраска свѣта, такъ отъ величины колебаній зависитъ его сила.

Итакъ, если мельчайшія частицы какого-нибудь тѣла движутся съ быстротою отъ 400 до 800 билліоновъ разъ въ секунду, то это тѣло расточаетъ свѣтъ. Его движеніе передается эонру, наполняющему всю вселенную, и, посредствомъ поперечныхъ колебаній его атомовъ (т. е. колебаній, которыя перпендикулярны направлению движенія), распространяется во всѣ стороны со скоростью 300,000 километровъ въ секунду. Такимъ образомъ распространеніе свѣта происходитъ посредствомъ волнообразнаго движенія эонра; волны эонра, соприкасаясь съ нервами нашего глаза, вызываютъ въ нихъ впечатлѣніе свѣта.

Источники или ближайшія причины свѣта можно раздѣлить на два главныхъ разряда: одни, которые мы назовемъ космическими, берутъ свое начало во вселенной или же на обитаемомъ нами земномъ шарѣ, однако, безъ содѣйствія чело-вѣка; другіе источники — искусственнаго происхожденія—вызваны потребностью чело-вѣка, когда онъ лишень первыхъ.

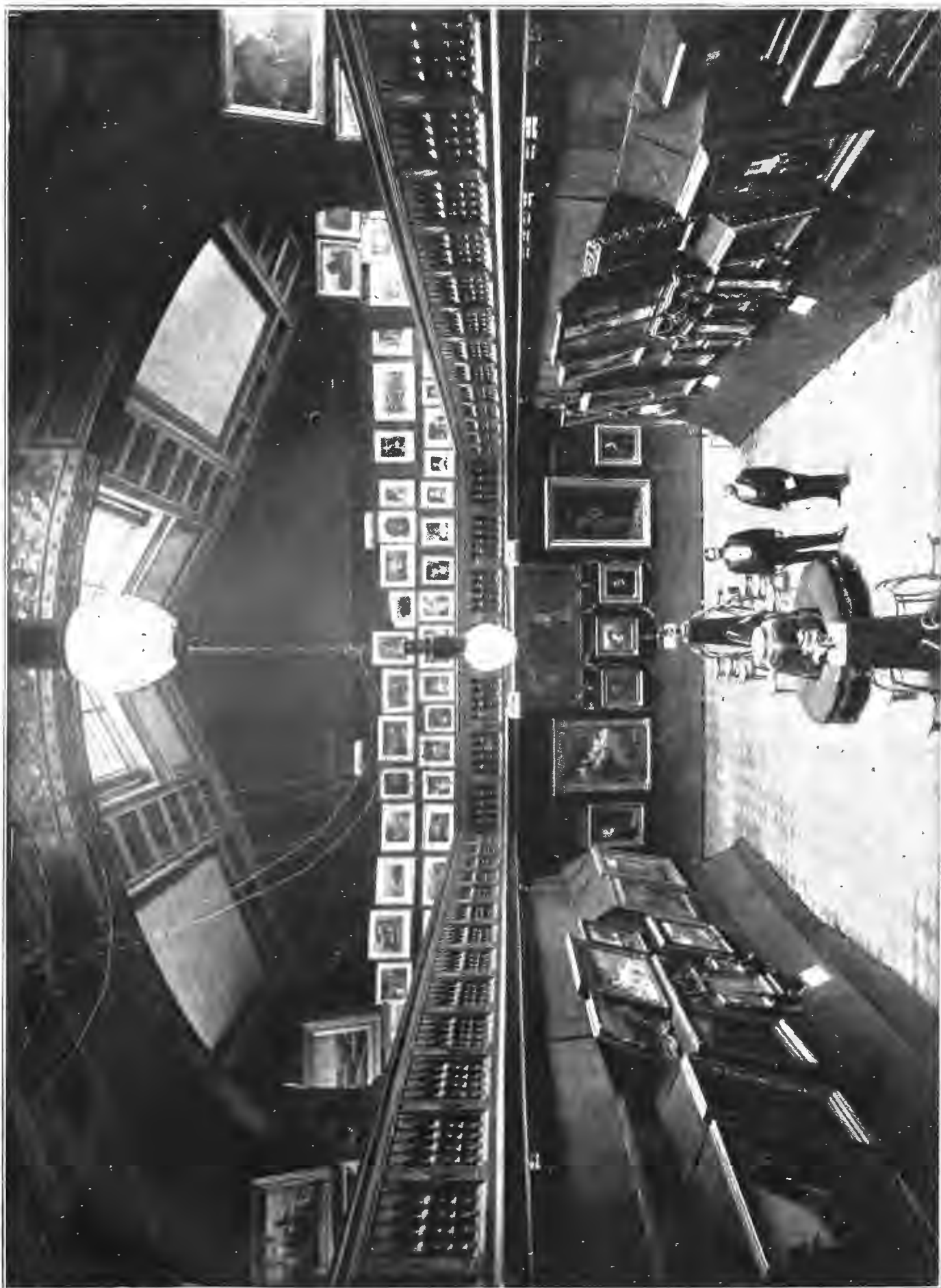
Самый важный источникъ свѣта для насъ — солнце, свѣтъ котораго, по опредѣленію Цальнера, въ 600,000 разъ сильнѣе лунаго и въ 5,000 милліоновъ разъ сильнѣе свѣта Юпитера. неподвижныя звѣзды — такія же свѣтящіяся собственнымъ свѣтомъ созвѣзды, но въдствіе ихъ отдаленности отъ нашей планеты, свѣтъ ихъ почти не имѣетъ для насъ значенія. Луна же и планеты со своимъ спутниками, подобно землѣ,—тѣла темныя, заимствующія свой свѣтъ у солнца.

Другія свѣтотыя явленія, наблюдаемыя въ нашей атмосферѣ или на поверхности земли—огненные метеоры, падающія звѣзды и пламя вулканическихъ изверженій. Чрезвычайно важный для чело-вѣка источникъ свѣта представляетъ электричество, какъ естественное атмосферное явленіе (молнія, свѣрканіе сіяніе, огни св. Эльма) и какъ искусственно вызываемый чело-вѣкомъ источникъ свѣта. Далѣе, болѣе или менѣе яркій свѣтъ даютъ всѣ предметы, подвергнутые извѣстной степени нагрѣванія, безразлично отъ того, является ли теплота слѣдствіемъ механическаго или химическаго воздѣйствія. Наконецъ есть въкоторыя животныя, именно насѣкомыя и моллюски, которыя обладаютъ способностью испускать при средней температурѣ слабый свѣтъ. Это явленіе наблюдается также при разложеніи въкоторыхъ веществъ и у живыхъ растений; точно такъ же свѣтится въ темнотѣ фосфоръ, когда на него вліяетъ атмосферный воздухъ.

Послѣ солнечнаго свѣта важное значеніе имѣетъ для насъ свѣтъ, получаемый путемъ химическаго процесса сгорания. При всѣхъ процессахъ сгорания развивается теплота и вмѣстѣ съ нею болѣею частью свѣтъ.

Въ театрѣ. Съ карт. Г. Беллей, по грав. Ульриха автотипія „Цинн“.

Англійська художественна виставка в С.-Петербурзі. Общій видъ виставки.
Съ фотогр. І. Уздобовскаго авторитипі „Півня“.

Для возникновения света температура при этом должна достигнуть известной степени высоты; так, например, подвергаемый накаливанию железный прут начинает принимать темно-красный цвет лишь при 600° Цельсия; яркость постепенно увеличивается, доходя при 900°—1,000° до вишнево-красного оттенка. При 1,500° цвет всех светящихся тел совершенно белый, и наконец, при 3,000°—4,000° он делается синеватым.

Большое значение для силы света имеет влияние воздуха, которое можно наблюдать на каждой горючей свече. Вматриваясь в ее пламя, можно совершенно явственно различить в нем несколько концентрических слоев. В наружном, бледном и едва заметном слое, очень высокая температура. Здесь происходит полное сгорание, так как внешний воздух может безпрепятственно окружать горящие газы. Непосредственно ниже следует светящийся слой; он и есть то, что обуславливает свет пламени. Зато сгорание здесь неполное; мельчайшие частицы угля остаются в этой области, и их накаливание вызывает явление света. Вокруг фитиля замечается темное пространство; здесь накаливание слишком слабо, чтобы заставить газы светиться (рис. 1).

Итак, разрешение задачи—получить наиболее яркий свет, всецело зависящее от доведения горючих газов до возможно более высокой температуры. В прежние времена применялось много способов усилить интенсивность газового пламени. Первая попытка была произведена с согнутой под прямым углом платиновой проволокой, которая в пламени накалилась и давала очень сильный свет. Много шуму поднял в свое время Друммондов свет, получающийся от накаливания мѣлового конуса в пламени гремучего газа; раскаленный мѣл дает ослепительно яркий свет, которым пользовались для освещения маяков. На маяках он теперь почти повсеместно вытеснен электричеством; но им еще пользуются в волшебном фонаре, для туманных картинок и т. п.

Проволока магния, сжигаемая на свече в соответствующем аппарате (рис.

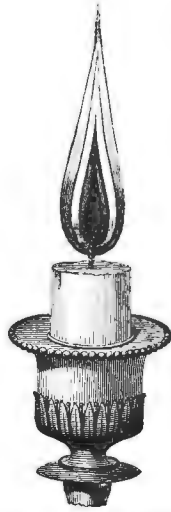

Рис. 1. Пламя свечи.

Рис. 2. Аппарат для освещения вспышками магния.

Рис. 3. Свет магния в катакомбах.

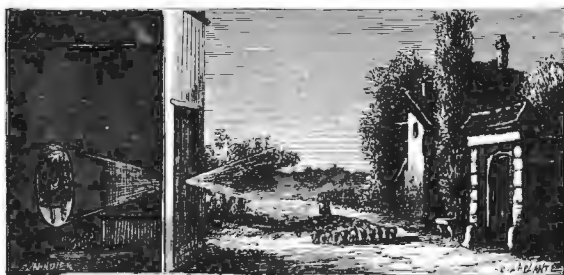

Рис. 5. Возникновение изображения в камере-обскур.

2), также дает ослепительный голубоватый свет, который сильнее семидесяти концентрированных в одной точке парафиновых свечей. Свет магния имеет большое значение для фотографии; им пользуются для моментальных снимков при недостаточном дневном освещении и для снимков или работ в подземных помещениях (египетских пирамидах, римских катакомбах, а также в гротах и пещерах) (рис. 3).

Все другие искусственные источники света далеко оставляют за собою электрический свет. Для получения электрической световой дуги пользуются теми частицами кокса, которые на газовых заводах осаждаются из угольных паров на внутренних стержнях реторты и которым придают форму заостренных палочек. Угли вставляются в изолированные металлические оправы, которые соединены проволоками с электродами сильной батареи. Острые углы вначале сближают до их соприкосновения, а когда получится искра, их удаляют снова, и между ними из раскаленных до-бѣла частиц угля возникает непрерывная световая дуга, которая называется Вольтовой, по имени знаменитого итальянского ученого Вольта, который первый устроил электрическую батарею, а также дугою Дэви, по имени изобретателя электрического света.

Рис. 4 дает увеличенное изображение обонх острия угля, которые при накаливании постепенно сгорают, причем происходит их размельчение. Мельчайшие частицы угля переносятся с анода на катод, отчего на аноде образуется углубление, родъ кратера, катод же сохраняет свою заостренную форму. Таким образом несомненно, что процесс сгорания значительно, вдвое сильнее на верхнем, положительном полюсе (анодѣ), чѣм на нижнем, отрицательном (катодѣ). В то же время в углублении на положительном полюсе развивается большая сила света. В электрических лампах положительный полюс помещают всегда над отрицательным, чтобы свет мог свободно распространяться вниз от кратера. Во время горения на обонх углей появляются раскаленные шары

Рис. 4. Острия угля (въ увеличенномъ видѣ) во время получения электрической дуги.

образныя капли; это — частицы расплавленного и перешедшаго въ жидкое состояніе кремнезема и другихъ примѣсей, содержащихся въ коксѣ.

Какъ сказано выше, свѣтъ распространяется поперечными волнами эѳира, — лучами, которые исходятъ по вѣсьмъ направленіямъ отъ каждаго свѣтлагося тѣла и остаются прямыми линіями, пока не измѣнится среда распространенія.

На призмѣйномъ распространеніи свѣта основаны многія явленія природы и научные опыты, а также интересный физическій аппаратъ, извѣстный подъ названіемъ оптической камеры-обскуры. Прототиномъ камеры-обскуры послужила темная комната, окна которой закрыты ставнями, но въ одномъ ставнѣ сдѣлано маленькое отверстіе, сантиметра въ 2,2 въ поперечникѣ. Если противоположная стѣна окрашена въ свѣтлые цвѣта, или же на ней помѣщенъ бѣлый экранъ, то на свѣтломъ фонѣ получается изображеніе внѣшнихъ предметовъ. — деревья, вѣтви, облаковъ и людей, освѣщенныхъ солнцемъ; эти предметы представлены съ ихъ естественной окраской, но

Рис. 6. Отраженіе свѣта гладкою поверхностью воды.

въ обратномъ видѣ (рис. 5). Явленіе это легко объяснить. Отъ внѣшнихъ предметовъ расходятся во вѣсь стороны лучи, или, вѣрнѣе, пучки лучей, которые проходятъ черезъ отверстіе въ ставнѣ и образуютъ на противоположной свѣтлой поверхности пятно такой формы, какую имѣетъ прорѣзанное въ ставнѣ отверстіе. Но такъ какъ во внѣшнихъ предметахъ безчисленное множество болѣе или менѣе освѣщенныхъ солнцемъ точекъ, то идущіе отъ каждой изъ нихъ лучи, перекрещиваясь въ отверстіи ставни, дадутъ безчисленное множество болѣе или менѣе свѣтлыхъ пятенъ, сохраняющихъ, благодаря призмѣйности лучей, то же положеніе относительно другъ друга, какъ и въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, на свѣтлой поверхности получается та же смѣсь свѣта и тѣней, какъ на освѣщенныхъ солнцемъ внѣшнихъ предметахъ, изображеніе которыхъ мы видимъ на экранѣ, съ тою разницею, что теперь пучки лучей въ точкѣ скрещиванія въ ставнѣ окна перемѣстились, и тотъ, который шелъ сверху, очутился внизу, и наоборотъ; лучи, шедшіе справа, отпечатали свѣтовое пятно вѣво, и наоборотъ. Получилось изображеніе предмета въ обратномъ видѣ. При помощи зеркалъ и оптическихъ стеколъ можно сдѣлать изображеніе прямымъ и придать ему болѣе опредѣленные очертанія. То и другое достигается такъ-называемою камерой-обскурой, аппаратомъ, употребляемымъ фотографами для запечатлѣванія изображеній на чувствительной пластинкѣ.

Тѣмъ, куда попадаютъ солнечныя лучи при своемъ распространеніи, они дѣйствуютъ совершенно такъ же, какъ лучи звука или теплоты, при чемъ существенно различаются три случая: солнечныя лучи болѣе или менѣе поглощаются тѣмъ тѣломъ, на которое падаютъ; они проходятъ сквозь это тѣло и, наконецъ, отбрасываются имъ и принимаютъ другое направленіе. Последнее явленіе называется *отраженіемъ* свѣта.

Большинство тѣлъ часть лучей отбрасываетъ, а другую часть поглощаетъ; благодаря отраженію свѣта видны вѣсь тѣла, не излучающія собственнаго свѣта, и происходятъ вѣсь явленія отраженія, начиная съ отраженія въ простомъ зеркалѣ и кончая отраженіемъ цѣлаго ландшафта на гладкой поверхности воды (рис. 6).

Ровныя поверхности отбрасываютъ свѣтъ правильно, т. е. по одному опредѣленному направленію; поверхности шероховатыя отбрасываютъ свѣтъ неправильно, т. е. во вѣсь стороны. Плотныя тѣла, въ особенности хорошо отполированныя металлы и хорошо отшлифованныя зеркала, лучше всего отражаютъ

Рис. 7. Предметы, видимые сквозь туманъ.

свѣтъ. Негладкая поверхность поглощаетъ много свѣта, тогда какъ бѣлая бумага его во вѣсь стороны отбрасываетъ; въ физикѣ это называется *разсѣяніемъ* свѣта.

При неправильномъ отраженіи свѣтовые лучи отбрасываются по разнымъ направленіямъ и разсѣиваются, вслѣдствіе чего обыкновенныя предметы видны со вѣсьхъ сторонъ; совершенно гладкое тѣло было бы невидимо. Вечерняя и утренняя зори также вызываются неправильнымъ отраженіемъ: скрывшеся подъ чертой горизонта солнце освѣщаетъ своими лучами частицы пыли или пузырьки тумана въ верхнихъ слояхъ атмосферы, и эти частицы отражаютъ лучи солнца по направленію къ нижнимъ слоямъ воздуха и къ поверхности земли.

Другія свѣтовые явленія, напримѣръ, такъ-называемая астрономическая рефракція — преломленіе лучей, которое мы видимъ, когда солнце уже дѣйствительно зашло, сверканіе и колебаніе звѣздъ, наконецъ, явленіе, извѣстное подъ названіемъ *фатъ-морганъ*, основываются на преломленіи свѣта, происходящемъ въ томъ случаѣ, когда лучъ переходитъ изъ воздуха въ воду или изъ воды въ стекло и обратно, вообще изъ одной прозрачной среды въ другую. Мѣняя одну среду болѣе или менѣе плотностію на другую, онъ принимаетъ другое направленіе, образуя съ прежнимъ болѣе или менѣе *уголъ преломленія*.

Каждому, конечно, извѣстно то явленіе преломленія или

рефракции света, при котором палка, погруженная в воду в наклонном положении, представляется в месте погружения как бы надломленной, вследствие того, что отражаемые ею световые лучи при выходе из воды претерпевают отклонение от прежнего направления.

Когда из более плотной среды свет переходит в менее плотную, мы видим другое явление, называемое в физике полным внутренним отражением. Благодаря этому явлению,

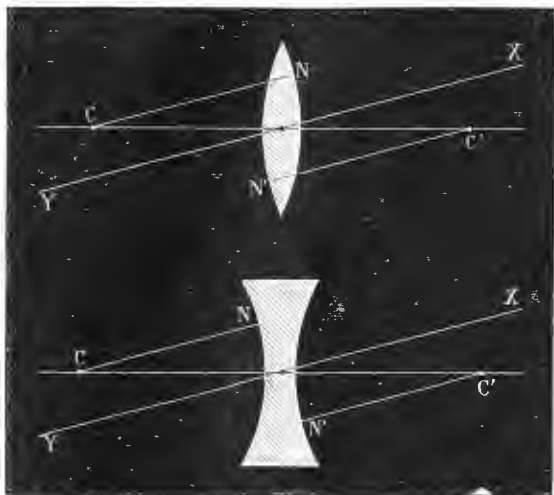

Рис. 9. Двойно-выпуклое собирающее и двойно-вогнутое рассеивающее стекло.

например, пузырьки воздуха кажутся в воде блестящими жемчужинами; на том же явлении основан и блеск драгоценных камней, которые отражают часть проходящих сквозь них лучей под большим или меньшим углом, при чем задняя грань камня действует как зеркало по общим законам отражения.

Преломление света можно показать на следующем легко выполняемом опыте: если смотреть на пламя свечи через наполненный водой стакан так, чтобы глаз приходился несколько ниже поверхности воды, то легко можно найти точку, с которой (см. рис. 8) на черном фоне можно увидеть изображение свечи в обратном виде. Оно возникает вследствие отбрасывания косых лучей, которые попадают на поверхность воды, но не могут пройти сквозь более плотную среду.

Преломление света получает чрезвычайно важное применение в оптических стеклах. Различают собирательные оптические стекла или *конвексы*, которые в середине толще, чем по краям, и рассеивающие стекла или *конкавы*, которые в середине тоньше, чем по краям. Рис. 9 изображает наиболее употребительные из оптических стекол, *двойно-выпуклое*, *наверху*, и *двойно-вогнутое*, *внизу*. Действие таких стекол зависит и от преломляющей силы их материала, и от их диаметра и кривизны ограничивающих их плоскостей. Ось *СС'*, проведенная перпендикулярно к стеклу через его центр, называется главной осью; *ХУ*—побочная ось, а *СХ*, *С'Х'*—радиусы кривых поверхностей.

Собирательные стекла называются так потому, что имеют свойство собирать в одну точку все падающие на них лучи, параллельные главной оси. Эта точка называется зажигательной или *главной фокусом* стекла. Если обернуть стекло к

падающим лучам другой стороной, то фокус будет находиться на том же расстоянии от стекла. В главном фокусе двойновыпуклого стекла соединяются одновременно с светом и лучи теплоты так, что в нем возникает температура,

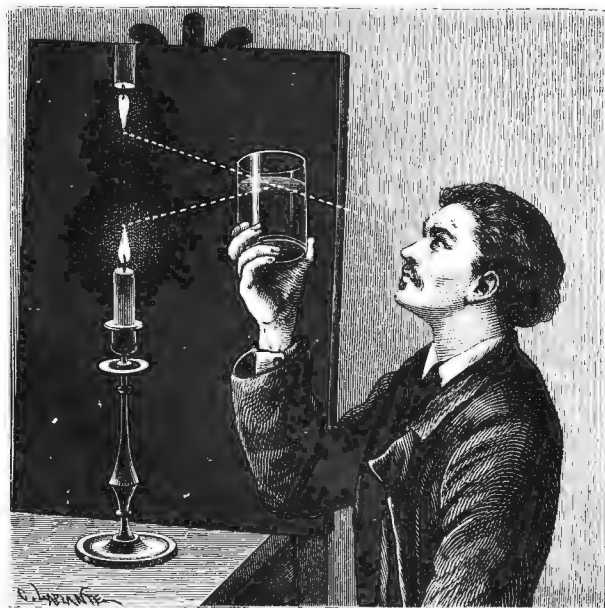

Рис. 8. Полное внутреннее отражение.

достаточная для воспламенения тѣл, почему собирательные стекла называются еще зажигательными. Собирательные стекла (очки дальновидных) дают лучи, которые по преломлении сходятся в одной точке, почему на экран можно получить более или менее отчетливое изображение предмета в обратном виде. Если посмотреть через такое стекло

на не слишком приближенный предмет, то он покажется больше своей натуральной величины; это свойство позволяет пользоваться двойновыпуклыми стеклами, как увеличительными.

В двойновогнутом стекле (очки близорукных) все световые лучи, идущие параллельно главной оси, преломляются таким образом, что при выходе из стекла делятся на расходящиеся. Итак, вогнутое стекло рассеивает лучи.

Посредством соответствующего соединения

нескольких оптических стекол получают различные оптические инструменты, начиная с карманного микроскопа и кончая новейшими нелинейными телескопами. Устройство их в общих чертах основано на том, что одно стекло, *объектив*, соединяет все падающие из рассматриваемого предмета лучи в одно изображение, а второе стекло, *окуляр*, показывает это изображение в увеличенном виде.

Выше упоминалось уже, что необходимая для фотографии камера-обскура снабжена оптическим стеклом; это стекло, разумеется, собирающее, дающее изображение предметов, которое потом фотографически фиксируется на соответствующей пластинке.

Первые слабые попытки заставить луч света рисовать на нашем зрении изображения предметов—попытки, из которых вышло впоследствии удивительное искусство фотографии, производимое уже давно. К концу XVIII столетия и в начале XIX профессор Шарль во Франции (рис. 10),

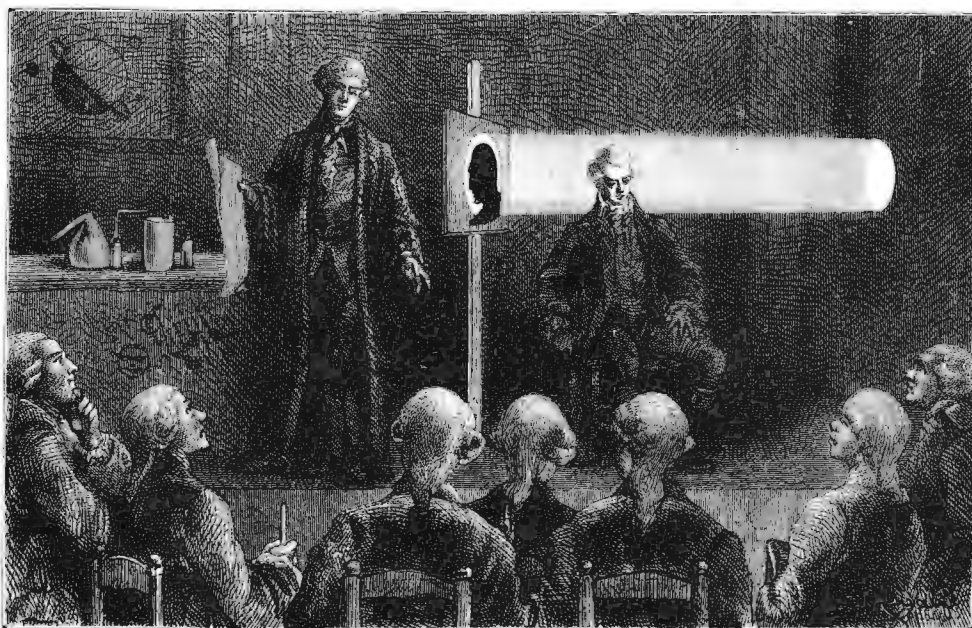

Рис. 10. Первые фотографические опыты проф. Шарля.

Веджвудъ и Дэви въ Англии, получали уже силуэты предметов на бумагѣ, обработанной такимъ способомъ, что она была чувствительна къ лучамъ свѣта; но ни одинъ изъ этихъ ученыхъ не сумѣлъ сдѣлать полученныхъ изображеній нечувствительными къ дневному свѣту, такъ что показывать ихъ можно было только при искусственномъ освѣщеніи.

Ніансъ и Дагерръ продолжали опыты своихъ предшественниковъ, пока не достигли цѣли. Съ тѣхъ поръ фотографія сдѣлала, какъ извѣстно, огромные успѣхи, о которыхъ здѣсь, однако, не мѣсто говорить подробно. Укажемъ лишь на то, что астрономическая фотографія, пользуясь телескопомъ какъ камеру-обскуромъ, дала наукѣ не только превосходные снимки съ поверхности луны и солнца, но и запечатлѣла на чувствительной пластинкѣ такіе звѣзды и туманности, найти которыя инымъ способомъ было бы невозможно.

Несмотря на неопытную для насъ быстроту распространения солнечнаго свѣта, онъ упогребляетъ свыше восьми минутъ на то, чтобы достигнуть земли! Однако этотъ промежутокъ времени ничтоженъ въ сравненіи съ цифрами, какія даютъ вычисления относительно неподвижныхъ звѣздъ. Оказывается, что быстрота распространения свѣта въ пустомъ пространствѣ равна 299,920 километрамъ или 40,419 географическимъ милямъ въ секунду; при всемъ томъ свѣтъ Сириуса доходить до насъ только въ двадцать два года, для полярной звѣзды этотъ срокъ исчисляется приблизительно въ пятьдесятъ лѣтъ, — тогда какъ лучи двойной звѣзды первой величины, послѣдней названіе *Capra* или *Capella*, земной наблюдатель видитъ лишь черезъ семьдесятъ два года!

Къ рисункамъ.

„Удивительно умирають русскіе люди!“ говоритъ Тургеневъ и даетъ необыкновенно яркую картину смерти подрядчика Максима въ извѣстномъ своемъ разсказѣ изъ „Записокъ Охотника“ (т. I). Два сосѣда-охотника пробрались черезъ лѣсъ на мѣсто рубки деревьевъ, какъ вдругъ, вслѣдъ за шумомъ упавшаго дерева, раздались крикъ и говоръ, и черезъ нѣсколько мгновений навстрѣчу имъ изъ чащи выскочилъ молодой мужикъ, блѣдный и растрепанный.

— Ахъ, батюшки, бѣда! Максима-подрядчика деревомъ пришибло.

Какъ характерны послѣднія слова умирающаго Максима!

— Батюшки, — заговорилъ онъ едва слышно: — за пономъ... послать... прикажите... Господь... меня наказалъ... ноги, руки, все перебито... сегодня... воскресенье... а я... а я... вотъ... ребить-то не распустилъ...

Онъ молчалъ; дыханье ему спирало.

— Да деньги мои... жень... жень дайте... за вычетомъ... вотъ! Описемъ засть... кому я... что должеть... И потомъ: я у Ефима... Сычовскаго, — заленеталъ умирающій: — лошадь вчера купилъ... задатокъ дать... такъ лошадь-то моя... жень ее... тоже...

Тургеневъ замѣчаетъ по поводу этой трагической смерти Максима: „Состоянье его передъ кончиной нельзя назвать ни равнодушьемъ, ни тупостью; онъ умираетъ, словно обрядъ совершаетъ: холодно и просто“. Иллюстрація г. Табурина воплоти върно передаетъ печальную картину смерти Максима и дополняетъ впечатлѣніе, вызываемое чудеснымъ тургеневскимъ разсказомъ.

Английскій художникъ Чарльсъ Пирсъ далъ эту же колѣно-преклоненной ирландской крестьянки. Въдно одѣтая, босая, измученная горемъ и тяжкими лишениями, она забывается, вознося мольбу къ „Богу угнетенныхъ, Богу скорбящихъ“. Молитвенное настроеніе удивительно върно передано художникомъ, и его картина: „На молитвѣ“ лучше всякихъ словъ раскрываетъ намъ горе бѣдствующаго ирландскаго крестьянства.

Сербскій митрополитъ Михаилъ. Рис. и грав. А. Неймаиъ.

Картина Беллея представляетъ мѣткую иллюстрацію къ человеческому смѣху. Дѣло происходитъ, очевидно, въ театрѣ. Смѣются бабушка и двѣ ея внучки. Бабушка смѣется добродушно, смѣхомъ человека, сознающаго, что передъ нимъ разыгрывается только забавное зрѣлище. Смѣхъ одной изъ внучекъ мягко-сосредоточенный, изнутри освѣщающій миловидное личико. Но смѣхъ другой — нервный, болѣзненно-порывистый, легко переходящій въ истерику. Въ три лица такъ выразительны, что они точно живутъ передъ нами. Только сильнымъ талантамъ удается такъ правдиво и ярко изобразить жизнь.

Сербскій митрополитъ Михаилъ.

(Портр. на этой стр.)

7-го февраля скончался въ Вѣлградѣ сербскій митрополитъ Михаилъ, пользовавшійся широкою авторитетомъ не только въ Сербіи, но и у насъ, въ Россіи.

Митрополитъ Михаилъ кончилъ курсъ духовной семинаріи въ Вѣлградѣ въ 1846 году. Въ семинаріи онъ былъ стипендіатомъ митрополита Петра, который послалъ его вмѣстѣ съ нѣткою товарищами, для окончанія богословскаго образованія, въ Кіевъ.

Окончивъ курсъ въ кіевской духовной академіи и получивъ степень магистра богословія, 29-го марта 1853 года онъ былъ постриженъ въ Кіево-Печерской лаврѣ въ монашескій санъ, а вскорѣ былъ

Адмиралъ В. С. Завойнъ. По фог. грав. Шюблеръ.

посвященъ въ санъ діакона и іеромонаха. Покойный былъ первымъ сербомъ, получившимъ въ Россіи высшее богословское образованіе.

Вернувшись на родину въ 1854 году, іеромонахъ Михаилъ былъ назначенъ сперва профессоромъ бѣлградской семинаріи, а уже 14-го октября 1854 г. — епископомъ шабацкимъ. Ему было тогда всего 28 лѣтъ. Шабацкой епархіей молодой епископъ управлялъ пять лѣтъ и, послѣ удаленія митрополита Петра на покой, 25-го іюля 1859 года былъ избранъ на кафедру сербскаго митрополита и въ этомъ званіи былъ утвержденъ княземъ Милошемъ и патриархомъ константинопольскимъ Кирилломъ. При покойномъ митрополитѣ совершилось въ высшей степени важное событіе въ церковной жизни Сербіи, — провозглашеніе въ 1880 г. ея автокефальности. Но скорѣе затѣмъ, митрополитъ Михаилъ позналъ горечь изгнанія, вызваннаго столкновеніемъ съ королемъ Милошемъ по вопросу о разводѣ послѣдняго съ королевой Наталіей.

Съ 1882 по 1888 годъ митрополитъ жилъ въ Москвѣ, въ сербскомъ подворьѣ. Въ 1888 г. митрополитъ Михаилъ вернулся въ Сербію и снова занялъ свой митрополитичій постъ.

Покойный митрополитъ оставилъ послѣ себя много крупныхъ трудовъ по богословію и исторіи сербской церкви.

Адмиралъ В. С. Завойко. (Портр. на стр. 197.)

15-го февраля въ Подольской губерніи скончался на девятидесятомъ году отъ рожденія старѣйшій послѣ графа Л. Л. Гейдена адмиралъ Василій Степановичъ Завойко.

В. С. Завойко родился 15-го іюля 1809 года въ Подтавской губерніи, въ дворянской семьѣ. По окончаніи въ 1826 г. курса въ Николаевскихъ конскіихъ черноморскихъ классахъ, со званіемъ мичмана, В. С. Завойко началъ службу подъ командою знаменитыхъ адмираловъ Лаазарева и Нахимова. Въ турецкую войну 1828 — 29 г., онъ участвовалъ въ Наваринскомъ сраженіи и за выказанную имъ храбрость былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст.

Совершивъ, затѣмъ, нѣсколько кругосвѣтныхъ путешествій, Завойко командированъ былъ на Дальній Востокъ, гдѣ произвелъ изслѣдованіе Аянской бухты. Въ 1846 г. онъ былъ назначенъ первымъ губернаторомъ Петропавловскаго порта и начальникомъ Камчатской области. Тамъ онъ оставался на службѣ до 1856 г.

Будучи начальникомъ Камчатской области, В. С. сдѣлалъ много хорошаго для этого дикаго, почти неизслѣдованнаго въ то время края. Онъ позаботился, прежде всего, о постройкѣ болѣе удобныхъ жилищъ, организовалъ въ нѣсколькихъ пунктахъ ярмарки, завелъ больницы, принялъ мѣры къ обученію туземцевъ разнымъ мастерствамъ, поставилъ въ болѣе нормальныя условія торговлю пушными товарами, такъ какъ камчадалы не знали имъ цѣны и вслѣдствіе этого становились жертвами обмана и проиовола.

Во время севастопольской войны В. С. Завойко пришлось отражать нападенія на Петропавловскій портъ англо-французской эскадры. Подъ непріятельскими выстрѣлами ему удалось перевести флотъ изъ Петропавловска въ устья Амура. Въ это время онъ лично командовалъ кораблемъ „Выборгъ“.

Съ ничтожными силами адмиралъ Завойко на голову разбилъ англо-французскій десантъ и повредилъ суда непріятеля; затѣмъ онъ прорвался на утлыхъ судахъ черезъ блокаду англо-французскихъ военныхъ судовъ и затѣмъ вступилъ въ заливъ де-Кастри въ сраженіи съ непріятелемъ, потерявшимъ сильный уронъ и ушедшимъ за подкрѣпленіемъ въ Шанхай. Самъ непріятель призналъ выдающуюся храбрость В. С. Завойко и его отважныхъ, славныхъ сподвижниковъ. Въ англійской газетѣ *Times* въ 1855 году было между прочимъ сказано по поводу этого сраженія: „Русская эскадра подъ командою адмирала Завойко переходомъ изъ Петропавловска въ де-Кастри и дѣломъ въ де-Кастри нанесла нашему Бриганскому флагу два пятна, которыя не могутъ быть смыты никакими водами океановъ вѣвѣи“. Въ награду за геройскую защиту Петропавловскаго порта В. С. былъ пожалованъ георгіевскій крестъ.

Произведенный въ вице-адмирала въ 1861 году, В. С. Завойко снова сдѣлался администраторомъ, пока, наконецъ, за преклонностью лѣтъ не удалился на покой въ свою деревню. Въ 1874 году за многолѣтнюю службу покойный былъ произведенъ въ полные адмиралы и съ тѣхъ поръ мирно доживалъ свой вѣкъ въ имѣніи въ Подольской губерніи.

Густаво Сальвини. (Портр. на этой стр.)

Въ настоящее время въ Россіи гастролируетъ съ своей

группой одинъ изъ извѣстѣйшихъ современныхъ трагиковъ, Густаво Сальвини, сынъ знаменитаго Томазо Сальвини. Съ тѣхъ поръ, какъ Томазо Сальвини удалился со сцены, за преклонностью лѣтъ, и скончался Эрнесто Росси, въ Европѣ не осталось ни одного истиннаго трагика. Густаво Сальвини, унаслѣдовавшій геній своего отца, является собственно единственнымъ преемникомъ талантовъ и славы этихъ обоихъ гениальныхъ актеровъ.

У насъ, въ Россіи, Густаво Сальвини еще мало извѣстенъ, но въ Европѣ онъ пользуется очень громкою славой. Впервые Сальвини пріѣхалъ въ Россію въ прошломъ году и, встрѣченный сначала равнодушно нашей критикой и публикой, не долговременною заграничнымъ репутациямъ, послѣ нѣсколькихъ спектаклей сразу завоевалъ себѣ и симпатіи, и восторги критики и публики.

Густаво Сальвини обладаетъ исключительною способностью расположить къ себѣ публику съ перваго же своего появленія на сценѣ. Это какая-то стихійная сила таланта, порабощающая умъ и чувство зрителя.

Горючо увлекающійся самъ и одновременно углубію увлекать другихъ, Сальвини сразу устанавливаетъ неразрывную связь между собой и публикой. Изумительная простота, естественность игры заставляютъ совершенно забыть, что предъ нами сцена и на ней выдающійся актеръ. Сила его таланта такъ велика, что даже такая условная, вычурная вещь, какъ

чтеніе длинныхъ монологовъ, ничуть не нарушаетъ сценической иллюзіи. Особенно рѣзко выдѣляется эта способность Сальвини въ Гамлетѣ, гдѣ онъ, подолгу оставаясь одинъ на сценѣ, и жестами, и интонаціею голоса, и пламенными словами изливаетъ всю свою страдальческую душу передъ самимъ собой. Врядъ ли найдется изъ лицъ, видѣвшихъ Сальвини-Гамлета, хоть кто-нибудь, кому бы показались странными, не естественными эти монологи и прочія сценическія условности, столь мѣтко и зло осмѣяныя недавно нашимъ знаменитымъ писателемъ гр. Л. Н. Толстымъ. Такова сила таланта, который, обладая художественнымъ чувствомъ мѣры, умѣетъ установить ту грань, за которою великое кажется уже смѣшнымъ.

Какъ великій истинный талантъ, Сальвини оригиналенъ и самобытенъ. Несмотря на то, что мѣтъ ни одной роли его репертуара, которая не исполнялась бы всѣми выдающимися трагиками въ Европѣ и у насъ, въ Россіи, каждую изъ этихъ ролей онъ умѣетъ освѣтить чертами, никакъ не подмѣченными, а подчасъ и придать всему образу совершенно новый характеръ. Такъ, Гамлетъ у него чувствительный идеалистъ, полный романтизма, весь дышащій грустной поэзіей. Гамлетъ-Сальвини — неврасстешникъ, до того естественно притворяющійся сумасшедшимъ, что незамѣтно для самого себя поддается дѣйствию своей до крайности разстроеной нервной системы и не въ состояніи уже владѣть собою. Лучшимъ опредѣленіемъ пониманія Гамлета Сальвини могутъ служить знаменитыя слова Гейне: „игралъ умирающаго гладиатора, онъ не замѣчаетъ, что самъ раненъ на смерть“.

Въ „Кинѣ“, какъ и въ „Гамлетѣ“, создавая образы, Сальвини поражаетъ гибкостью и разнообразіемъ своего таланта, одинаково естественно и реально играя несчастнаго, страдающаго артиста и живого, веселаго гуляку-матроса. Въ „Кинѣ“ онъ точно такъ же поражаетъ своимъ умѣньемъ читать монологи, придавать естественность этимъ „мыслямъ вслухъ“ и дѣлать своимъ собесѣдникомъ весь театръ.

У Густаво Сальвини есть одно большое преимущество даже предъ его отцомъ и Росси, это — молодость. Старости не въ состояніи скрыть отъ зрителя ни одинъ гениальный артистъ, и Томазо Сальвини и Росси, пріѣхавшіе къ намъ, въ Россію, уже въ болѣе чѣмъ зрѣломъ возрастѣ, при всей своей гениальности не могли никакъ обворожить публику своимъ исполненіемъ „Ромео“ именно благодаря рѣзкой глази старости. Густаво Сальвини въ Ромео безусловно не имѣетъ соперниковъ на мировой сценѣ. Богатѣйшій по тембру голосъ, изысканная, въ высшей степени сценическая наружность, изумительное умѣнье носить костюмъ и держаться на сценѣ, гибкій, горячій темпераментъ — всѣ эти блестящія, рѣдкія по своему гармоническому сочетанію данныя даютъ Сальвини возможность создать именно тотъ очаровательный образъ страстнаго, пылкаго Ромео, приковывающаго къ себѣ общее участіе своими страданіями и муками юной, чистой любви, какой начерталъ гениальный Шекспиръ, справедливо полагавшій, что „печальнѣе нѣтъ повѣсти на свѣтѣ, какъ повѣсть о Ромео и Джульеттѣ“.

И этотъ юный, страстный Ромео вдругъ превращается въ „Отелло“, въ страшнаго пылкаго мавра, котораго Сальвини

Густаво Сальвини.
По фот. автотипія „Швы“.

опять-таки истолковывает совершенно своеобразно. Очевидно, исходя из слов Шекспира о Деятели: „ей должно умереть, не то других обманет“, Сальвини отбрасывает прежнее, избитое толкование Отелло, как ревнива, и изображает его, как человека, мстящего, карающего не за поруганную личную любовь, а за грѣх, за грѣхъ противъ честнаго человека, за грѣхъ противъ всего общества.

Выдающийся трагикъ, Сальвини въ то же время блестящій жапристъ-комикъ, достигающій своего апогея въ роли Петруччо („Укрощеніе строптивой“). Гледи на Сальвини-Петруччо, этого жестокаго буяна, умѣющаго быть обольстительнымъ въ своей свирѣности, понимаешь, чѣмъ собственно укротилъ Петруччо свою Катарину.

Въ „Укрощеніи строптивой“, гдѣ особенно требуется общій ансамбль исполненія, выдѣлилась и труппа Сальвини. По заведенному, весьма не похвальному обычаю, труппа извѣстнаго гастролера всегда очень плоха, какъ бы для того, чтобы представлять собой фонъ, на которомъ ярче отбѣнялось бы

нихъ чтеній, концертовъ и развлеченій, десять комнатъ для игры на роялѣ, читальня, библиотека и, наконецъ, художественные классы. Все это будетъ предоставлено населенію Петербурга бесплатно. Кроме того, въ аудиторіи предполагается организовать чтеніе различныхъ общеобразовательныхъ предметовъ. Такимъ образомъ въ столицѣ возникла еще одна обширная зала, которая можетъ содѣйствовать осуществленію мечты о созданіи у насъ народнаго университета. Зала эта — великолѣпна. Она находится во второмъ этажѣ и можетъ вмѣстить совершенно свободно до 600 человекъ. Въ ней имѣется эстрада съ паркетнымъ поломъ; полъ же въ залѣ, фойѣ и уборныхъ, а также на хорахъ каменный, стѣны покрыты для чистоты фансомъ. Свѣта, тепла, воздуха много. Такой роскошной залы для народныхъ чтеній въ Петербургѣ еще не бывало. Она занимаетъ весь второй этажъ.

Первый же этажъ отведенъ подъ читальню, библиотеку и музыкальныя комнаты, которыхъ всего десять. Въ каждой изъ нихъ по прекрасному новому инструменту, и предназначаются

Васильеостровская народная столовая В. Н. фонъ-Дервизъ. Съ фот. Булла автотипія „Шивъ“.

исполненіе гастролера. По отношенію къ труппѣ Густаво Сальвини этого никакъ нельзя сказать; въ ней цѣтъ выдающихся исполнителей, но цѣлый рядъ полезностей, изъ которыхъ нельзя не указать на г-жу Иду Сальвини, несущую на себѣ въ репертуарѣ всѣ главнѣйшія женскія роли.

Г. Сальвини въ настоящее время играетъ въ Москвѣ, а затѣмъ, какъ сообщаютъ, отправится гастролить по всему югу Россіи, и можно быть увѣреннымъ, что вездѣ оцѣнятъ этого выдающагося, умнаго и образованнаго артиста.

Э.

Васильеостровскія народная столовая и аудиторіи В. Н. фонъ-Дервизъ. (Рис. на этой стр.)

Между русскими представительницами просвѣщенной любви къ ближнему Вѣрѣ Николаевнѣ Дервизъ по всей справедливости принадлежитъ почетное мѣсто. Она не падаетъ ни трудомъ, ни денежныя средства, чтобы въ самой разумной формѣ удовлетворять насущнымъ потребностямъ немущихъ классовъ нашей столицы. Не довольствуясь открытіемъ дешевой народнаго столовой, она позаботилась и съ удовлетвореніемъ духовныхъ потребностей этихъ классовъ и пожертвовала капиталъ въ 225,000 руб., чтобы воздвигнуть прекрасное зданіе не только для публичныхъ чтеній, но и для художественнаго образованія лицъ, не располагающихъ денежными средствами. Въ зданіи этомъ помѣщается громадная аудиторіи для народ-

ныхъ чтеній, концертовъ и развлеченій, десять комнатъ для игры на роялѣ, читальня, библиотека и, наконецъ, художественные классы. Все это будетъ предоставлено населенію Петербурга бесплатно. Кроме того, въ аудиторіи предполагается организовать чтеніе различныхъ общеобразовательныхъ предметовъ. Такимъ образомъ въ столицѣ возникла еще одна обширная зала, которая можетъ содѣйствовать осуществленію мечты о созданіи у насъ народнаго университета. Зала эта — великолѣпна. Она находится во второмъ этажѣ и можетъ вмѣстить совершенно свободно до 600 человекъ. Въ ней имѣется эстрада съ паркетнымъ поломъ; полъ же въ залѣ, фойѣ и уборныхъ, а также на хорахъ каменный, стѣны покрыты для чистоты фансомъ. Свѣта, тепла, воздуха много. Такой роскошной залы для народныхъ чтеній въ Петербургѣ еще не бывало. Она занимаетъ весь второй этажъ.

Первый же этажъ отведенъ подъ читальню, библиотеку и музыкальныя комнаты, которыхъ всего десять. Въ каждой изъ нихъ по прекрасному новому инструменту, и предназначаются

Политическое обозрѣніе.

Государственный дѣла Габсбургской монархіи снова стали обращать на себя вниманіе цивилизованнаго міра. Послѣ закрытія вѣнскаго рейхсрата споръ національностей перешелъ въ семьи австрійскихъ земель, и въ борьбу были вовлечены высшія учебныя заведенія. Когда административныя власти воспретили пѣмцкимъ студентамъ носить значки, начались стачки пѣмцкихъ профессоровъ, приведшія къ временному закрытію пѣмцкихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ областныхъ сеймахъ антагонизмъ національностей достигъ рѣзкаго ожесточенія. Несмотря на преобладающее большинство, славянскія группы не добились никакихъ положительныхъ результатовъ въ дѣлѣ традиціонной розни: русское населеніе Галиціи подавлено польскою шляхтой, а въ юго-западной Австріи славяне подвергаются натиску хорватовъ, стремящихся къ преобладанію въ австрійской государственной жизни. Желая содѣйствовать направленію славянскихъ усилій къ одной цѣли, вождь младочеховъ Вокатый сдѣлалъ въ Пражскомъ сеймѣ предложеніе ввести въ программу учебныхъ заведеній наученіе русскаго языка. Въ то же время органъ младочеховъ *Narodny Listy* высказалъ мысль, что славянамъ въ сношеніяхъ между собою необходимо признать международное значеніе русскаго языка, какъ языка, наиболее близкаго къ древнеславянскому и принадлежащаго самой многочисленной славянской группѣ. До осуществленія, однако, этого проекта, повидимому, еще довольно далеко: съ рѣзкими упреками въ неопытности историческаго прошлаго выступили противъ чеховъ поляки, называя эти планы „антипатріотическими“. Въ связи съ этимъ пошли слухи, что въ рейхсратѣ поляки не стануть болѣе дѣйствовать заодно съ чехами.

Засѣданія пражскаго сейма представляли выдающіеся интересъ: пѣмцы поголовно отказались участвовать въ работахъ сейма; сеймовое большинство, въ составъ котораго вошли и чешскіе феодалы, единогласно вотировало адресъ императору съ требованіемъ расширенія сеймовыхъ правъ, а также коронованія монарха королевскою короной св. Вячеслава. Адресъ настаиваетъ на необходимости предоставить Богеміи тѣ же права, какими пользуется Венгрія по конституціи 1867 года. Но министерство Гауча отвѣтило, что вѣнское правительство ни въ какомъ случаѣ на это не согласится. Такимъ образомъ адресъ чеховъ не можетъ пока рассчитывать на успѣхъ. Въ виду намѣренія пѣмцевъ продолжать obstructію, рейхсратъ, возобновляющій вскорѣ свои засѣданія, едва ли справится съ своею трудною задачею.

Нока правительствомъ приняты новыя мѣры къ урегулированію чешско-пѣмцкаго спора. По свидѣніямъ изъ Вѣны отъ

21-го февраля, до рѣшенія вопроса объ языкахъ законодательнымъ путемъ, опубликованы новыя распоряженія, касающіяся внутренняго управленія Чехіи и Моравіи. Области эти дѣлятся по языку на чистые и смѣшанные округа; служебнымъ языкомъ признается въ чистыхъ округахъ общедоступный языкъ жителей; въ смѣшанныхъ округахъ допускается равномѣрное употребленіе обоихъ языковъ для сношеній обывателей съ мѣстными властями.

Вечеромъ 21-го февраля кабинетъ барона Гауча подаетъ въ отставку. Новое министерство сформировано подъ предѣтельствомъ графа Туна-Гогенштейна—бывшаго богемскаго наместника. Новый премьеръ слылъ прежде за сторонника чешскаго автономіи, но, съ занятіемъ должности наместника Богеміи, онъ ознаменовалъ свое управленіе осаднымъ положеніемъ въ теченіе нѣсколькихъ дѣтъ.

Въ сѣверной Европѣ также наступилъ кризисъ въ отношеніяхъ двухъ государствъ, составляющихъ одно политическое цѣлое: норвежско-шведскій споръ угрожаетъ скандинавскому союзу серьезною опасностью. За послѣдній годъ недоразумѣнія приняли острый характеръ: стало очевиднымъ, что соглашеніе по таможенному и пограничному договору немыслимо, а потому началась экономическая борьба. Прошлагодній національный праздникъ—юбилей короля Оскара II и устроена въ этому случаю, при дѣятельномъ участіи Норвегіи, промышленная выставка въ Стокгольмѣ, вопреки ожиданіямъ, не направила теченія дѣлъ къ полюбовному соглашенію. Норвежскіе радикалы, одерживая побѣду за побѣдой, оказались господами въ парламентѣ, располагая двумя третями всего состава народныхъ представителей. Радикальное министерство уже сформировано. Программа радикальной партіи извѣстна: учрежденіе норвежскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, учрежденіе чисто норвежскаго консульскаго вѣдомства, устраненіе флага, существующаго для обоихъ государствъ по договору 1814 года.

Признается безспорнымъ, что Швеція своего согласія на это не дастъ. Договоръ, по мнѣнію шведовъ, заключенъ на вѣчныя времена; Норвегія уступлена шведскому королю по постановленію великихъ державъ; союзный договоръ можетъ быть измѣненъ лишь по взаимному соглашенію, а не по желанію одной изъ сторонъ, и, пока не достигнуто соглашеніе, онъ остается въ силѣ. Съ своей стороны норвежцы утверждаютъ, что договоръ, какъ и всякое правовое отношеніе, подлежитъ измѣненію, если за это высказается норвежскій парламентъ большинствомъ двухъ третей голосовъ. Очевидно, очень трудно достигнуть при такихъ условіяхъ соглашенія.

Разныя извѣстія.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШЕЙ УКАЗЪ

Нашему министру финансовъ.

Признавъ необходимымъ усилить Нашъ военный флотъ, повѣщаемъ вамъ—независимо отъ увеличенія ассигнованій по сѣмъ обыкновенныхъ расходовъ Морскаго Министерства въ теченіе 1898—1901 годовъ—отпустить нынѣ же изъ свободной наличности Государственнаго Казначейства девятноу милліоновъ рублей на потребности судостроенія, съ показаніемъ этой суммы сверхсѣмъ расходомъ по отдѣлу чрезвычайныхъ расходовъ государственной на текущій годъ росписи.

На подлинномъ Собственною Ея Императорскаго Высочества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

С.-Петербургъ. 21-го февраля 1898 года.

— Государыня Императрица Александра Феодоровна заболѣла корью. По официальному бюллетеню отъ 14-го февраля: „Корь у Ея Величества, подъ наблюденіемъ лейбъ-хирурга Гирша и профессора Попова, протекала со всеми собственными этому болѣзненному процессу явленіями. Температура, достигавшая на высотѣ болѣзни 40 градусовъ, 11-го числа, послѣ хорошо проведенной ночи, понизилась до 37,9; слышь значительно поблѣдѣла и самочувствіе замѣтно улучшилось. Но того же числа, среди дня, при пѣмцкихъ болѣзненныхъ ощущеніяхъ въ области лѣваго уха, температура быстро поднялась до 40,2. Тотчасъ приглашенный профессоръ Симановскій констатировалъ острое воспалительное раздраженіе лѣваго средняго уха. Къ вечеру того же числа, при уменьшеніи болѣзненныхъ явленій, со стороны уха, температура начала понижаться, и къ

утру 12-го числа упала до 37,1. День Ея Величество провела удовлетворительно, только по временамъ беспокоилась кашлемъ. Вечеромъ температура 38,5; пульсъ 88“. 26-го февраля былъ выпущенъ новый бюллетень, согласно которому: состояніе здоровья Ея Величества приближается къ нормѣ. Воспалительный процессъ въ лѣвомъ среднемъ ухѣ затихъ, слухъ постепенно восстанавливается. Катарральныя явленія дыхательныхъ путей, имѣвшая мѣсто въ послѣднее время одновременно съ припадками раздраженія плервы, главнымъ образомъ, въ нижнихъ частяхъ праваго легкаго, почти совсѣмъ исчезли. Остаются въ этой области только болѣзненные ощущенія, принявшія болѣе характеръ невралгическій. Сонъ и самочувствіе вполнѣ хороши. Температура 36,7. Пульсъ 75. Бюллетень подписали: Лейбъ-хирургъ Гиршъ. Профессоръ Л. В. Поповъ. Профессоръ Симановскій.

Смѣсь.

Полярная экспедиція герцога Абрुцскаго. Изъ Рима сообщаютъ подробности проектируемой герцогомъ Абруцскимъ экспедиціи къ сѣверному полюсу. Въ итальянскихъ газетахъ по поводу этого пишутъ слѣдующее: „Перехъ нами необычайное событіе: богатый и способный офицеръ итальянскаго флота, къ тому же членъ королевской фамилии, тихо и скромно затѣваетъ на собственный страхъ и рискъ экспедицію къ невѣдомому сѣверу. Пасъ, итальянецъ, радуется мысли, что на этотъ разъ рискованное путешествіе, въ надеждѣ на великое открытіе, предпринялъ соотечественникъ Христофора Колумба и Галилея. Успѣхъ предпріятія сомнителенъ, но заслуга инициатора будетъ велика даже въ томъ случаѣ, если онъ только пойдетъ по стопамъ Хансена“. Король ассигнуетъ на экспедицію полмилліона лиръ изъ собственныхъ суммъ; герцогъ Абруцскій употребитъ все свои трехгодичные доходы, составляющіе 450,000 лиръ; если этого будетъ недостаточно, онъ тронетъ и капиталъ. Что касается самаго плана экспедиціи герцога, то онъ совершенно шой, чѣмъ у Хансена. Хансенъ хотѣлъ достигнуть полюса на суднѣ; только когда водный путь оказался замерзлымъ льдами, онъ рѣшился отираться по льдамъ, но безъ серьезной къ тому подготовки и только съ однимъ проводникомъ. Герцогъ Абруцскій, напротивъ того, снаряжаетъ, главнымъ образомъ, въ сухопутное путешествіе; моремъ онъ пойдетъ только до земли Франца-Иосифа, отсюда будетъ двигаться дальше пѣшкомъ, въ саицахъ, запряженныхъ собаками, на илогахъ и т. д. Благодаря вынесенному

изъ путешествія по Аляскѣ опыту, онъ избѣжитъ ошибокъ Хансена и постарается обезпечить себѣ успѣхъ богатой и основательной организаціей предпріятія. Для своей экспедиціи принцъ составитъ отрядъ изъ двадцати итальянцевъ и отъ сорока до пятидесяти эскимосовъ, сопровождаемыхъ соответственнымъ числомъ собакъ. Провіантъ, орудія, инструменты и т. д., запасенные въ очень большомъ количествѣ, будутъ находиться подъ рукою въ видѣ удобо-переносимаго багажа. Затѣмъ—и это главное—экспедиція будетъ двигаться впередъ съ болѣе или менѣе продолжительными раздѣхами; ни одна группа не двинется впередъ, прежде чѣмъ самая послѣдняя, въ тылу отряда, не устроитъ себѣ надежной стоянки и не обезпечитъ сообщенія съ остальными станціями, чтобы, на случай какого-нибудь несчастія, группа, идущая во главѣ отряда, находила каждый разъ не только удобный путь для отступленія, но также пристанище и спасательную станцію. Такимъ способомъ легче будетъ ориентироваться и избѣгнуть ошибокъ Хансена, который на возвратномъ пути не встрѣтилъ „Фрама“ и долженъ былъ перезимовать съ своимъ спутникомъ при лачневыхъ условіяхъ, тогда какъ на разстояніи нѣсколькихъ километровъ Джэксонъ, явившійся его отыскивать, нашелъ очень удобную зимнюю стоянку. До сихъ норъ имена будущихъ спутниковъ принца неизвѣстны; называютъ только его адъютанта Каппи, уже сопровождавшаго его на Аляску.

Avoir soin de désigner la Source.

CELESTINS
GRÈS-GRILLE
HOPITAL

SOURCES DE L'ÉTAT

VICHY

П. № 10924 26-3

Въ книжкѣ, маг. Карбасникова, Суворина, Вольфа, СПб. и Москва, продается настольная книга для садовниковъ и любителей

„ФЛОРА САДОВОДСТВА“
П. Золотарева.

Содержитъ 1600 столб. текста съ описаніями признаковъ и способовъ воспитанія растеній **КОМНАТНЫХЪ, ТЕПЛИЧНЫХЪ, САДОВЫХЪ И ОГОРОДНЫХЪ** съ многочислен. рисунками. 2-е изд.

Книга награждена **ЗОЛОТОЙ** медалью Россійскаго Общ. Г. Сад. П. № 11014 2-1
Цена 3 руб. 50 коп.

ЦВѢТОЧНЫЕ ЭКСТРАКТЫ
ТВА „ГИГИЕНА“

РАЗНЫХЪ ЗАПАХОВЪ, ПРЯТНЫХЪ, ПРОЧНЫХЪ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ПРЕВОСХОДЯТЪ СУЩЕСТВУЮЩЕ ДО СИХЪ ПОРЪ ЦВѢТОЧНЫЕ ОДЕКОЛОНЫ И ТУАЛЕТНЫЯ ВОДЫ. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

Гл. склады: С. ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСКЪ, МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ Д. ШЕРЕМЕТЬЕВА, ВАРШАВА, НОВЫЙ СВѢТЪ, 37.

П. № 10818 4-2

„Идеалъ“. Каждая дама, желающая быть вполнѣ элегантною, безукоризненно аккуратною, употребл. для обшивки подола исключительно „Идеалъ“, патентованную подшивку изъ бумажнаго бархата (Вельветинъ). На каждой коробкѣ надпись „Идеалъ“. Получить можно во всѣхъ прикладныхъ магази-

№ 10426 нахъ Россіи. 26 18

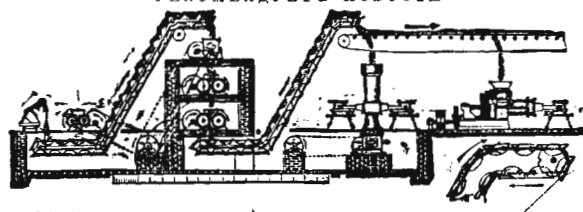

Казачье сѣдло № 1, роскошно тиспеное, шагрениров. кожи, съ уздечкой и остальн. полн. прибор. 20 р. Пересыл. пож. д. 2 р., почтой за 35 ф. Савратовъ, фабрика М. и И. Малышевыхъ. Пр.-кур. за двѣ 7 к. марки.

НЕОСПОРИМО ВКУСНО И ПОЛЕЗНО печенье къ чаю **„СИЛАЧЪ“** и **ПРЕВОСХОДНЫЙ КОФЕ** Д. Браинина П. № 10949 въ Москвѣ. 6-4
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

ВОЛИЦІЙ лѣчить наружныя, внутреннія болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2-4 и отъ 6-7 2 ч. в. № 10829 4-3

К. ШЛИКЕЙЗЕНЪ Берлинъ, S. O. Фабрика машинъ
для кирпичнаго, торфянаго, гончарнаго и известковаго производствъ
РЕКОМЕНДУЕТЪ НОВОСТИ

патентованныя во всѣхъ промышленныхъ странахъ.
Подъемныя цѣпи для глины, торфа, песку, различныхъ рудъ, угля, извести, зерна и проч., удобныя для большихъ, непрерывныхъ работъ, имѣющія спокойный ходъ и не требующія большой затраты рабочей силы.
Предохранительные ременные шкивы (патент. во всѣхъ главнѣйш. промышленности, государствахъ). Шкивъ этотъ сохраняетъ машины, передавая двигательную силу лишь на ту, на которую его, смотря по надобности, поставятъ.
Ручной прессъ для печныхъ изразцовъ (патент. въ Россіи, Германіи, Австріи и пр.). Для гладкихъ и узорчатыхъ, плоскихъ, угловыхъ и карнизныхъ изразцовъ. При двухъ опытныхъ рабочихъ выдѣлываетъ въ часъ до 50 плоскихъ или до 30 угловыхъ изразцовъ, гладкихъ или узорчатыхъ.
Кромѣ того изобрѣтены машины для изготовления кровельной черепицы всякаго рода, глиняныхъ трубъ разныхъ сортовъ; бетонныхъ издѣлій, брикетовъ, цѣпныхъ кирпичей, плита для половъ, глиняныхъ и цементныхъ, ручныя машины для кирпичей.
Далѣе изобрѣтены давилница и формовочныя машины для печныхъ фабрикъ, для химической промышленности, литейныхъ, красочныхъ, клеевыхъ и мыловаренныхъ заводовъ, для техническихъ учебныхъ заведеній, испытательныхъ станцій и т. п.
R. № 10518 12-6
Золотая государственная медаль за Берлинскую промышл. выставку 1896 года.

КОРСЕТЫ ФАБРИКИ И. Г. АБРАМСОНЪ
Удостоены похвалн. отзывомъ на Всеросс. Выставкѣ 1896 г.
РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ 1. ТВЕРСКАЯ Д. АНДРЕЕВА 2. ЛУБЯНСКІЙ ПАССАЖЪ № 11
ПРОДАЖА ПО ФАБРИЧНОМУ ПРЕЙСЪ-КУРАНТУ

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для блоннурыхъ, желтая вода для брюнетонъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 512 (112)

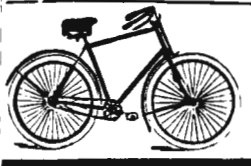
Ю. МЕЛЛЕРЪ и К^о.
Фабрика велосипедовъ „DUX“.
Цѣны и качества вѣтъ конкуренціи.
Фабричный складъ: Москва, Неглинный пр., д. Гонцакаго.
Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Б. Морская, № 8.
Прейсъ-куранты бесплатно.

СЕКРЕТЪ ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ
КРАСОТЫ МОЛОДОСТИ
А. СІУЧКЪ МОСКВА. 20 коп. кув.

НОВОСТЬ!!!
Прелестные карманные металлическіе часы, заводъ безъ ключа, настояще никельные, тщательно провѣренныя, на крышкѣ помещенъ художественно исполненный портретъ Государя Императора Николая II, къ нимъ цѣпочка новаго золота и ирижскій компасъ.
за все только 5 руб.
Прилагается печатное ручательство на 4 года. Вышеупомянутыя часы высылаются немедленно и безъ задатка наложеннымъ платежомъ.
Требованія проту адресовать въ городъ Варшаву, къ уду Г. Вуазеру, Грѣбная ул., № 6.
Прейсъ-курантъ высылается бесплатно.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ ГУМБЕРТЪ
предлагаетъ **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ** **Георгій ЖЕМЧУКА и К^о.**
Москва, Столешниковъ переулокъ № 5.
Прейсъ-куранты по требованію. 14-7

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. № 32.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.
ДОМЪ КАТОЛИЧЕСК. ЦЕРКВИ ПРОТИВЪ ДУМЫ С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Прейсъ-Кур. высыл. безпл.

СИБИРСКІЙ СКЛАДЪ
КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ
Д. А. Еланешникова
Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.
ЧЕ-СУ-ЧА.
Дамская отъ 10 до 18 р. кусокъ въ 26/28 арш.
Мужская - 20 - 40 р. кусокъ въ 26/28 -
Фанза - 12 - 50 р. кусокъ въ 21/22 -
Товаръ высылаю наложеннымъ платежомъ.
Образцы бесплатно. 15-2

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ:
П. А. КРУШЕВАНЪ.
ЧТО ТАКОЕ РОССІЯ? Путевыя замѣтки. 374 стр. П. 2 р.
ДѢЛО АРТАБАНОВА, романъ. 348 стр. П. 1 р. 25 к. № 10997 4-2
ПРИЗРАНИ, романъ, рассказы и повѣсти. 695 стр. П. 2 р.
Склады изданія: Москва, типографія Г-ва П. Н. Кушнеревъ и К^о, Илменновская ул., собств. домъ.

БЕЗПЛАТНО ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ
ОБУЧАЮ ЗАОЧНО
КРОЙКЪ и ШИТЬЮ.
Доступная плата. Условія высылаются немедленно.
Москва, Малая Дворянская, д. Базякина.
Е. И. Венедиктовой.

PARFUMERIE
BOUQUET
du SACRE
GELLE FRÈRES, PARIS

БУХГАЛТЕРІЯ
Высылаются бесплатно пробныя лекціи-корреспонденціи и условія заочнаго изученія бухгалтеріи по примѣр. бол. зол. медалью методу С. Я. Лилянталь. Москва, Бутырскіи, № 49.
П. № 10919 10-3

ВОЗВРАТЯСЬ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ, обучаю заочно кройкѣ и шитью по новейшей французской методѣ «ВОРТА».
Плата впередъ не взимается. По окончаніи установленн. свидѣтельство. Условія высылаются бесплатно.
Ніевъ, Фундуклевская № 27.
Е. Д. Ашмарина.

Превосходн. качества. Ромъ Сентъ-Джемсъ привоз.
„Имперіаль“ въ Вышнѣмъ.

Кройкѣ и шитью заочно (исключенно на русск., ивѣнск. и франц. язык. скоро и основательно. Адресъ: Paris (Франція), 1. Naiditch. Bureau № 60, Poste № 10902 2-2

ТОВАРИШЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * Сибурт.
 Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ! Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

CÉLÈBRE PAR SES QUALITÉS en Vente partout

ДЕШЕВО, ПРАКТИЧНО и ПОЛЕЗНО.
НЕОБХОДИМО ДЛЯ КАЖДАГО.
 Изящные и прочные карманные мужские часы, открытые, ремонтные, т. е. заводъ безъ ключа, съ изыскательнымъ стекломъ, прочнымъ механизмомъ, массивно обитые золотомъ, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, съ изящною цѣпочкою изъ новаго американскаго золота
всего только за 5 руб.
 Письменное ручательство на шесть лѣтъ.
 Часы, тщательно пробрѣнные, высылаются по полученіи 1 руб. задатка.
 Адресъ: Торговой фирмѣ 4-2
Бр-вѣ ВАРКОВИЦКИХЪ
 Складъ женеvскихъ и французскихъ часовъ въ Варшавѣ. Зельная, 41.

ФРАНЦЕНСАДЪ.
 Первая грязевая купальня. Обладаетъ очень сильными желѣзистыми источниками, чистыми щелочными водами, содержащими глауберову соль и окисъ дѣтля, желѣзными ваннами съ богатымъ содержаниемъ углекислоты, ваннами изъ минеральной воды, шипучими углекислыми ваннами.
Сезонъ съ 1-го мая по 30-е сентября.
 [R. № 11020] Проспекты высылаются бесплатно. 2-1
 Подробнѣе свѣдѣнія даетъ управляющій курортомъ бургомистръ-герцо.

Вновь получены роскошно-бронированные кабинетные столѣчные часы „ЮРРИКЪ“ весьма богатой отделки, прекрасное украшеніе для письменнаго стола, изящный предметъ для подарковъ.
 Цѣна только 3 р. 75 к. съ утварью.
 Высылаются при полученіи суммъ стоимостью менѣе 2 руб. задатка.
 Адресъ:
М. М. ХАЗАНОВУ
 Варшава.

ЭЛЕОПАТЬ
 пров. Киндунена
 и УПОТРЕБЛЕНІЮ.

ДЛЯ ВОЛОСЪ? ЭЛЕОПАТЬ КИНДУНЕНА!

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ переулокъ, № 1.

ВСЕМИРНО-ОБРАЗЦОВАЯ ПИЩУЩАЯ МАШИНА

РЕМИНГТОНЪ

— Общій сбытъ 200,000 —
 приняты всеми правительственными учреждениями
 въ Министерст. одного Петербурга болѣе 1000 РЕМИНГТОНОВЪ въ употребленіи
 * ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ *
 Единственный Складъ для всей Россіи
 Выс. Утвержд. Т-во
 Правленіе: МОСКВА
М. Блок
 ОТДѢЛЕНІЯ: С.Петербургъ, Кіевъ, Одесса, Варшава, Енаторинбургъ, Конавъ, Ростовъ и Д.

ГЛАВНЫЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Э. БУХАРДЪ, Спб.
 Невскій просп. № 6, пр. наб. М. Морской
 Горохобор. ул. № 11, Александр. Моста № 17.
 ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ ЛУЧШИХЪ ФАБРИКЪ ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.
 Высылаю наложен. платежѣмъ. Иллюстр. Прессъ-Куранты безплатно
 Ц. № 10835 7-5

Складъ резинов. издѣлій Р. КВЕРНЕРЪ
 С.-Петербургъ, Офицерск. ул., д. № 10, предлагаетъ накладки отъ дождя изъ сѣрой резины, матер. 30 вер. длины по 5 р. с., изъ черн. резины, матер. по 4 р. с. За каждый вер. длины прибавляется по 20 к., а коротче убавляется по 20 к.; кромѣ того, рекомендуемъ пальто, крылатки, ламеки ротонды и пр. изъ матеріала Т-ва Россійско-Американск. резины. мануфакт. Образцы безплатно. Торговать сумками.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.
 Ве. С. Соловьева.
 Романъ-хроника XVIII вѣка. съ портретомъ Императора Петра II. Это разсказъ изъ времени юнаго Императора Петра II, царствовававшаго только 3 года.
 Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к.; съ пер. 3 р. 25 к.

№ 4711. Это любить запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“ (Violette du Rhin.)
 Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся.
 № 4711 du Savon violette
 № 4711 Sachets violette du rhin.
 Все однокоронаго качества.
 Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ.

НА ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ
СИБИРЬ
 ТЕЛЕФОНЪ 1360
ПОПЕЛИНЪ
 ОБЩЕСТВО
 ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕЛѢТВОВАТЬ ему
НЕУЖНЫЯ ВЕЩИ
 ТЕЛЕФОНЪ 3678

Поступило въ продажу новое изданіе
Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ПРЕСТУПЛЕНІЯ И ПРОСТИТУЦІЯ
 какъ СОЦІАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ.
 П. Гирша.
 Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 30 коп.
МИНИАТЮРЪ. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ
ЛИЛИПУТЪ
 Есть фирмы и фабрики, которыя поддѣлываютъ.
 со штурк. въ замшевомъ кошелькѣ. 8 р. 50 к., съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азіат. 9 р. 50 к. Съ ладженными платжк. на 20 коп. дорожж. „Лилипутъ“ лучший бинокль нашего времени, удобно помещается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для похода, охоты, путешествій или театра, большіе и тяжелые бинокли.
Е. КРАУСЪ и К^о.
 Фабр. оптич. инструм. въ Парижѣ.
 СКЛАДЪ ФАБРИКИ ДЛЯ РОССІИ
 С.-Петербургъ, Мойка, 42.
 Иллюстр. пр.-кур. высш. за семи-коп. марку.

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ и К^о.

НОВОСТЫ

СРЕДСТВО ДЛЯ УКРѢПЛЕНІЯ ВОЛОСЬ

„Петроль“.

№ 10918 2-2

НОВОСТЫ
духи
ЛЕВКОЙ
поставщиковъ
Высочайшаго Двора
А. Раллеи К^о.
За флаконъ
1 руб. 25 коп.

Вышелъ новый преишь-курантъ.

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ,

Москва, Петровка, № 2,
УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ.

ВЫШЕЛЪ ПРЕИШЬ-КУРАНТЪ НА
ВЕСЕННІЙ СЕЗОНЪ
1898 г.

Высылается **БЕЗПЛАТНО** всѣмъ желающимъ.

Пересылка товара наложеннымъ платежомъ во всѣ мѣста Европейской Россіи.

При выпискѣ на **50 руб.**

Ц. № 10394 2 2

(въ Европ. Россіи) пересылку принимаемъ на свой счетъ (кроме товар. громоздки).

Охотно высылаемъ образцы всякихъ матерій, но въѣдѣвіе громаднаго выбора просимъ всегда точно обозначать родъ товара, цвѣтъ, ширину, приблизительную дѣну и для какой вещи товаръ предназначается.

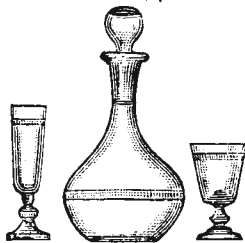
Американскія Фисъ-гармоніи
имѣются постоянно въ большомъ выборѣ въ слѣдующихъ магазинахъ:
Въ Москвѣ: у главнаго представителя
И. Ф. Мюллера, Петровка.
С.-Петербургъ: у **П. Бормана**, Вознесенскій проспектъ.
Вильнѣ и Новно: у **И. Завадскаго**.
Ригѣ: у **Эд. Цитемана**.
Кіевѣ: у **Кертгофъ и сынъ**.
Харьковѣ: у **А. Гейнце**.
Полтавѣ: у **Т. В. Калливода насл.**
Одессѣ: у **Э. Витцмана**.
Ростовѣ н/Д: у **Л. Г. Адлеръ**.
Южно: у **Ю. и Я. Н. Гершновичъ**.
Тифлисѣ: у **А. Копль**. 6-6

**СКЛАДЫ ЗАВОДОВЪ
ГРАФА ГАРРАХА**

С.-Петербургъ, Невскій просп., д. 54, противъ Публичной Библиотеки.
Москва, Кузнецкій м., домъ Санъ-Галли.

РЕКОМЕНДУЮТЪ

ХРУСТАЛЬНЫЕ СЕРВИЗЫ изъ богемскаго хрустала.
ХРУСТАЛЬНЫЯ ЛЮСТРЫ.
ПРЕДМ. РОСКОШИ изъ хрустала, фарфора и маюлики.

СТОЛОВЫЕ СЕРВИЗЫ.
Чайныя и кофейныя сервизы.
УМЫВАЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ изъ фарфора и опана.

и пасхальныя яйца въ большомъ выборѣ по ФАВРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ.
ГЕРБЫ-ВЕНЗЕЛЯ и РАЗНЫЕ УЗОРЫ на хрусталѣ и фарфорѣ дѣлаются по заказу въ собственной мастерской **ИЗЯЩНО, ДЕШЕВО и СКОРО.**

ПРОДАЖА ОПТОМЪ и въ РОЗНИЦУ.

!!НОВОСТЬ!!

Разрѣшенъ на общихъ основаніяхъ торговли, какъ не содержащій въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ

CRÈME VENUS.

(КРЕМЪ ВЕНЕРЫ).

Есть **НОВОЕ КОСМЕТИЧЕСКОЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ.**

КРЕМЪ ВЕНЕРЫ замѣняетъ румяна и бѣлца, вызывая на лицѣ **РУМЯНЕЦЪ, НЕСМЫВАЮЩІЙСЯ и НЕИСЧЕЗАЮЩІЙ** отъ пота.

Цѣна банки 1 руб. 50 коп.

ПРОДАЖА во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

Главный складъ для Россіи у **Торг. Дома С. Ф. Половой и К^о**, Москва—Петрозка. Ц. № 10894 8-6

Способъ употребленія:

Натеревъ лицо Кремомъ Венеры, оставляютъ кремъ минуты 2-3, а затѣмъ все смываютъ комнатной водою съ мыломъ. Послѣ того, на лицѣ появляется превосходный румянецъ, который держится въ продолженіе многихъ часовъ. Это дѣйствіе и составляетъ нововъ, такъ какъ этимъ Кремъ Венеры вытѣсняеть собою доселѣ известныя румяна.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентствъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

**ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ
для себя и знакомыхъ
ПОРТМОНЭ**

со штемпелемъ, изъ прекрасной черной опойки, съ 5-ю отдѣленіями, 1 внутреннимъ закрытымъ для звонкой монеты и однимъ особо закрытымъ для золота. Корпусъ изъ одного куска, съ мех. замкомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для краски. Въ штемпель можно помѣстить имя, отч., фамилію и званіе, по желанію и корону. Дамскія изащія по тѣмъ же цѣнамъ. Изъ тюленев. кожа штука на 40 коп. дорож. Цѣны съ пересылкой: въ Азіатскую же Россію съ прибавленіемъ части въсовыхъ. Налож. платежъ на 10 коп. дорож. Заказы исполняются немедленно по полученіи стоимости или задатка. Требуванія прошу адресовать:

Въ контору ком. издѣлій
Ш. Е. ФРИДМАНА 4-2
Варшава, почтовый ящикъ № 511.

CREME SIMON
(КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольдъ крема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствіемъ.

J. Simon, 13, Rue Grange Batelière, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. Ц. № 10327 16-10

КРАСИВО и СКОРО ПИСАТЬ выучиваю каждого заочно въ 8 урокъ. Масса благод. и поч. отз. Проби. письм., образцы испр. почерк. учени. и услов. письм. за 2-7 к. марки. Одесса, Дерibas., д. Ж. Н. № 17. Проф. каллиграфія Ш. Труну. 4-2

ВЫГРЫШ-
НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаеть
БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СІВ. 12-1

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
для устройства и перестройки

**ПАТОЧНЫХЪ и
ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ**

В. Р. Уландъ, Лейпцигъ.
W. H. Uhland, Leipzig.

Итальянныя аппараты. Пр.-кур. бесплатно.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ НА ПАСХАЛ. ЯИЦА.
М. Чуба, Тверская, прот. Англ. клуба, соб. домъ.

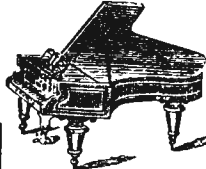
на Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННАГО ГЕРБА

В. № 10443
13-13

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

Фабрика

РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО

основанная въ 1811 году СІВ., Владимирская, № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы **РОЯЛИ** въ 1100, 900, 800, 700, 600 и 550 рублей **ПИАНИНО** въ 450, 300 и 450 р. Преишь-куранты высылаются бесплатно.

Дено въ Москвѣ: Юл. Генр. Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарына;
въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугама; въ Еяну: Ф. И. Шрейберъ;
въ Тифлисѣ: Б. М. Мириманіанъ.

ЖИВЫЕ

№ 11.

XXIX г.

1898 г.

2 внутренней 5% съ выигр. заемъ Гос. Банка 1866 г.

64 тиражъ 2-го марта 1898 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.							
185	26	500	3148	10	500	5437	29	500	7897	15	500	10611	7	500	12458	42	500	15202	43	5000	17548	48	500	
370	39	5000	3175	23	500	5452	43	500	7952	4	500	10857	1	500	12462	5	500	15330	48	1000	17582	36	500	
410	34	500	3258	18	500	5488	13	500	7986	27	500	10762	29	600	12465	7	500	15332	40	500	17619	13	500	
535	1	500	3266	10	500	5542	12	500	8164	43	500	10792	26	500	12487	47	500	15336	8	500	17643	5	500	
542	31	1000	3276	29	500	5577	32	500	8195	9	500	10840	47	500	12598	1	8000	15354	17	5000	17650	39	500	
598	45	500	3356	3	500	5626	7	500	8226	7	500	10845	42	500	12630	8	500	15355	49	1000	17674	50	500	
659	38	500	3363	46	500	5663	32	1000	8266	24	500	10894	5	500	12624	6	500	15388	5	1000	17804	35	500	
830	16	500	3504	26	500	5713	31	500	8373	38	8000	10895	39	500	12657	32	8000	15442	42	500	178-6	23	500	
886	6	75000	3525	33	500	5922	48	500	8500	16	500	11033	11	500	12722	13	500	15722	48	500	17993	46	500	
901	48	500	3558	19	500	5990	46	500	8560	27	10000	11050	25	500	13056	3	500	15765	37	500	18040	27	500	
1001	1	500	3581	2	500	6096	33	10000	8647	49	500	11091	41	500	13256	13	5000	15991	18	500	18112	1	500	
1004	31	500	3590	3	500	6127	34	500	8878	29	500	11149	46	500	1334	24	500	15995	1	500	18114	40	500	
1011	5	500	3696	19	500	6169	6	500	8915	12	500	11197	24	500	13352	37	500	16000	13	500	18139	47	1000	
1153	32	500	3746	42	1000	6197	8	500	9022	35	500	11199	13	500	13469	1	500	16033	10	500	18290	22	500	
1253	14	500	3761	1	500	6232	17	500	9072	16	500	11256	20	500	13555	38	500	16044	12	1000	18418	35	500	
1253	18	5000	3762	16	500	6256	20	500	9229	7	1000	11387	41	500	13557	3	500	16049	38	500	18429	47	500	
1277	43	500	3827	30	500	6463	20	500	9286	45	500	11402	24	500	13619	12	1000	16153	21	500	18495	28	500	
1461	45	500	3831	31	500	6514	4	500	9296	6	500	11493	14	500	13670	48	500	16237	6	500	18525	18	500	
1475	5	500	4037	17	500	6530	34	500	9388	4	500	11558	40	500	13708	30	500	16263	23	500	18736	20	500	
1624	20	500	4	87	23	500	6822	7	500	9443	2	500	11676	25	500	13714	35	1000	16297	50	500	18754	14	500
1723	19	500	4098	45	500	6851	48	500	9548	36	500	11693	45	500	13994	19	500	16590	15	500	18773	47	500	
1726	33	500	4104	5	500	6903	29	500	9561	25	500	11698	50	500	14003	24	500	16781	3	500	18862	33	500	
1850	32	500	4159	32	500	6908	27	500	9648	12	500	11772	9	500	14029	20	500	16867	2	500	18901	11	1000	
1851	39	500	4237	43	500	7185	42	500	9648	29	5000	11851	20	10000	14232	28	500	16993	10	500	18918	40	4000	
1953	8	500	4248	48	500	7189	27	500	9688	9	500	11858	28	1000	14331	27	500	17020	50	500	19009	30	500	
2152	5	500	4261	4	1000	7267	2	500	9704	47	500	11924	10	500	14337	23	1000	17059	10	500	19185	50	1000	
2221	43	500	4316	43	500	7350	20	500	9738	45	1000	11937	28	500	14377	17	500	17094	36	500	19224	4	500	
2226	16	500	4412	27	500	7305	10	5000	9919	7	500	11950	27	500	14433	36	500	17113	25	500	19238	36	500	
2260	34	20000	4415	24	500	7325	14	500	9971	28	500	12005	23	5000	14454	25	500	17122	12	500	19344	12	500	
2269	49	500	4426	20	500	7340	30	500	10050	9	500	12012	35	500	14526	47	1000	17233	33	500	19522	9	500	
2353	31	500	4581	1	5000	7358	41	500	10078	14	500	12050	17	500	14605	15	500	17306	32	500	19566	35	500	
2421	34	500	4630	43	500	7365	49	500	10086	39	500	12109	38	500	14846	28	500	17330	28	500	19676	46	500	
2533	47	500	4855	37	500	7397	23	500	10173	21	500	12118	1	500	14848	14	500	17352	32	500	19805	27	500	
2714	3	500	5001	42	500	7551	6	500	10189	35	500	12189	20	500	14887	42	500	17430	9	500	19907	15	500	
2857	39	500	5147	40	500	7586	29	500	10201	34	500	12214	40	500	14945	5	500	17433	31	8000	19913	45	500	
2872	16	500	5157	8	500	7620	29	500	10210	9	500	12244	45	500	15113	31	500	17443	39	500	19973	40	500	
2936	40	500	5291	11	1000	7636	4	500	10259	32	500	12260	11	500	15148	14	500	17525	13	500	19985	12	500	
3033	10	1000	5347	34	500	7876	21	25000	10335	21	500													

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ погашенія:

265, 342, 748, 934, 1093, 1115, 1177, 1192, 1478, 1842, 1850, 2169, 2312, 2338, 2137, 2709, 2839, 3084, 3368, 3433, 3576, 3623, 3972, 3934, 4009, 4063, 4778, 4366, 4392, 4412, 4460, 4633, 4753, 4975, 5031, 5178, 5215, 5426, 5479, 5505, 5594, 5655, 6309, 6355, 6498, 6553, 6696, 6707, 6721, 6985, 7028, 7231, 7382, 7575, 7736, 8260, 8500, 8593, 8733, 8738, 8857, 9052, 9158, 9186, 9217, 9357, 9949, 10045, 10050, 10142, 10419, 10648, 10725, 11011, 11055, 11864, 11925, 11936, 11984, 12054, 12387, 12404, 12419, 12486, 12950, 13345, 13556, 13809, 14031, 14117, 14136, 14490, 14742, 15016, 15105, 15159, 15237, 15354, 15393, 15736, 15753, 15801, 15846, 15906, 16218, 16226, 16244, 16380, 16573, 16781, 17027, 17572, 17594, 17850, 17840, 17969, 18455, 18702, 18834, 19113, 19731, 19906.

Всего 122 серии, составляющія 6100 билетовъ, на сумму 793.000 рублей.

Содержаніе:

ТЕКСТЪ. Тема непроглядная. Романъ изъ гаремной жизни Н. Н. Каразина. (Продолженіе).—Послы черного царя. Разсказъ М. М. Коцюбинскаго. (Съ украинскаго.)—Къ полярнымъ экспедиціямъ Роберта Пири. — Къ рисункамъ: Розы — наслажденіе любви.—Въ царствѣ соболя. — Чумаки.— Въ Карпатахъ. — Приятельницы. — На пути въ изгнаніе.—Чтенія съ туманными картинами для заключенныхъ владикавказской областной тюрьмы.—Александръ Лиценъ-Майеръ. — Сравнительное изображеніе могущества морскихъ державъ. — Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Смѣсь.—Тиражъ выигрешей въ Государственномъ Банкѣ.—Объявленія.

РИСУНКИ. Розы — наслажденіе любви. Картина Альма Тадема. — Въ царствѣ соболя. Ориг. рисунокъ Н. Н. Каразина. — Чумаки. Ориг. рисунокъ И. И. Ижакевича. — Въ Карпатахъ. Картина Ярослава Вѣшина. — Приятельницы. Картина А. Е. Архипова. — Къ полярнымъ экспедиціямъ Роберта Пири. Выгрузка величайшаго метеорита въ Бруклинской гавани. — На пути въ изгнаніе. Прибытіе Наполеона I въ Рошфоръ, въ 1815 г. Картина Андру С. Гау.—Чтенія съ туманными картинами въ владикавказской областной тюрьмѣ.—Александръ Лиценъ-Майеръ. — Сравнительное изображеніе могущества морскихъ державъ.

Надатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

ИЗЪЯНЫ ВОЛИ.

Большой романъ въ 3-хъ частяхъ

Н. Д. МАСЛОВА.

Цѣна 1 р. 60 коп., съ перес. 1 р. 80 коп.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ!

Русскій виноградный коньякъ

ИМПЕРІАЛЬ

съ губусомъ. 5-7

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ

СКРИПКИ,

самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаема по тону и качеству, отъ 6—30 марокъ. знаменитыхъ мастеровъ — отъ 30—200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1 1/2—50 мар. Фугляры 3 1/2—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Нѣмая скрипка для ученія (собств. изобрѣт.). Мастерская для починки. Рекомендация отъ Вильгельми, Саразате, Сорэ, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куррантъ безплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ. К. № 10328 Клейнцмъ. 5-5

БЪСѢДЫ ПО ЗЕМЛЕДѢЛІЮ.

Соч. П. А. Вильдерлинга.

Изданіе заключаетъ въ себѣ 102 страницъ въ 80 и снабжено 18 рис.

Цѣна 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА

для ЛѢСНИЧИХЪ и ЛѢСОВОЛАДЕЛЬЦЕВЪ.

Составилъ Ф. Арнольдъ и Э. Нидергерферъ.

Цѣна книжки въ издѣніи колѣнокорв. переплетъ 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к. роск. кол. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ,

П. П. Гидича.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп., въ сил. за одну 7-ми коп. марку.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕНАГО ТОВАРИШЕСТВА
КОНЬЯКЪ ШУСТОВА
 съ СЫНОВЬМИ
 1896 ВЫСШАЯ НАГРАДА ГОДА.
 на всероссійской выставкѣ золотая медаль.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
ГУМВЕРЪ
 предлагаетъ
 торговый домъ
Георгій ЖЕМЛИЧКА и Ко.
 Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
 Прейсъ-куррантъ по требованію. 16-8

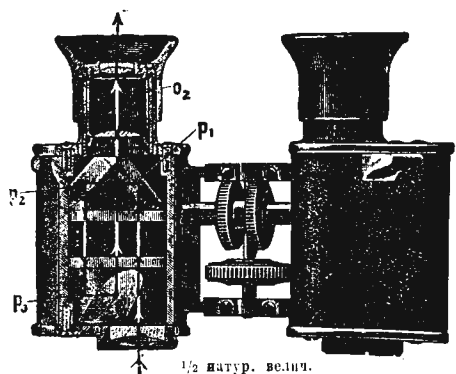
ПАМЯТЬ

лицъ каждаго возр. укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 урок.) профес. именники С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкинскои въ Бад. ул., собствен. домъ, № 28. Условія и 2 брош. (въ 64 стр.) въ сил. за одну 7-ми коп. марку.
 № 10317 20-6

ЗАЙКАНИЕ

дѣлается въ лечебномъ учрежденіи И. И. Гимиллера, Москва, Новая Васманная, д. Лавина. **ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІЮ.**
 Условія высылаются безплатно.

НОВЫЕ БИНОКЛИ ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЕ TRIËDER-BINOCLE

1/2 натур. велич.

„Бинокли-Триëдеръ“ значительно превосходить всё до сихъ поръ употребляемые бинокли (театральные, полевые и пр.), увеличивая, при одинаковомъ съ ними полѣ зрѣнія, въ 8—10 разъ **силнѣе**, а при одинаковомъ увеличении захватывая въ 8—10 разъ **болѣе обширное поле зрѣнія**. Въ принципѣ „Бинокль-Триëдеръ“ представляетъ собою кеплеровскую трубу, съ тѣмъ лишь, что картина въ немъ воспроизводится посредствомъ системы призмъ. „Бинокль-Триëдеръ“ **незамѣнимъ въ театрѣ и въ дорогѣ**, а также для военныхъ, моряковъ, охотниковъ, на скачкахъ и на гонкахъ. На каждомъ биноклѣ имѣется наша фирма. Получать можно во всѣхъ лучшихъ оптическихъ магазинахъ по **фабричнымъ цѣнамъ**.

№ 10748 16-4

Цѣна для Россіи включительно съ пошлиной и пересылкой: увелич. въ 3 раза—63 р.; въ 6 разъ—75 р.; въ 9 разъ—88 р.; въ 12 разъ—100 р. Подробныя описанія устройства и прейсъ-курантъ высылаются бесплатно.

Оптическое заведение
New-York, 52, East Union Square.
London, Ross, 111, New Bond Street.

C. P. GOERZ

Berlin-Friedenau.
Rhein-Strasse, 45—46.
Paris, 22 Rue de l'Entrepôt.

КОРНЕТЬ-А-ПИСТОНЪ

Для учениковъ въ 12, 15, 18, 22, 25 и 30 р.
Для оркестровой игры въ 40 и 50 руб.
Для артистовъ въ 60, 75, 90, 100, 150 и 250 руб.

Трубы, альтгорны, вальторны, теноргорны, баритоны, тромбоны, басы, геликоны, лучшего качества, по умѣреннымъ цѣнамъ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталогъ погъ бесплатно.

Юлий Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО И ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ. Складъ и изданіе погъ: С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Вс. С. Соловьева.

Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это разсказъ изъ времени юнаго Императора Петра II, царствовавшего только 3 года.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

В. № 10820
28-6

поставившій Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Певскій пр. д. № 23. Месива, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнечнаго моста.
♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ♦
съ подлиннымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требованію бесплатно.

ЯИЧКИ на ПАСХУ

Покорѣйше прошу дать свои заказы заблаговременно, такъ какъ многіе сорта очень скоро распродаются.

СЕРЕБРЯНЫЯ	гладкія	бѣлыя	мал.	45 к.	3 за 1 р. 15 к.	6 за 2 р. 5 к.
	•	•	больш.	60 "	3 " 1 " 55 "	6 " 2 " 85 "
	84-й пробы:	•	вызолочен.	мал.	50 "	3 " 1 " 25 "
•	•	•	больш.	70 "	3 " 1 " 70 "	6 " 3 " 20 "

Съ эмальевымъ украшеніемъ или съ Х. В. эмалью. 75 к. 2 за 1 р. 35 к.
Съ гравированными украшеніями, совсѣмъ новыя. 75 " 2 " 1 " 35 "
Съ разными вставленными камнями. 75 " 2 " 1 " 35 "

ПОЛНЫЯ СЕРЕБР. СЪ ЗОЛОТЫМИ УШКАМИ 56-й пробы.

Осыпанные тѣсно настоящими жемчугами и бирюзами или другими камнями.	
Мал. около 30 камней и жемчуг.	10 р. 75 к.
Средн.	40 " 13 " 25 "
Больш.	60 " 16 " 50 "

КАМЕННЫЯ:

Тигров. глазъ (коричн.)	75 к. 2 за 1 р. 35 к.	Топазъ золотой	1 р. 75 к. 2 за 3 р. 25 к.
Рыбій (красн.)	95 " 2 " 1 " 75 "	• дымчат.	1 " 95 " 2 " 3 " 65 "
Котачій (зелен.)	95 " 2 " 1 " 75 "	Ланисъ настощ.	3 " 95 " 2 " 7 " 45 "
Соколи. (иллов.) 1р.	5 " 2 " 1 " 85 "	• искусств.	75 " 2 " 1 " 30 "
Агатъ свѣтлый	80 " 2 " 1 " 45 "	Янисъ зеленый	85 " 2 " 1 " 75 "
• темный	80 " 2 " 1 " 45 "	Сапфиръ	1 " 50 " 2 " 2 " 70 "
Малахитъ искусств.	75 " 2 " 1 " 35 "	Аквамаринъ	75 " 2 " 1 " 25 "
• настощ.	75 " 2 " 5 " 15 "	Карнеоль	85 " 2 " 1 " 55 "
Аметистъ	1 " 35 " 2 " 2 " 55 "	Кальцедонъ	1 " 30 " 2 " 2 " 35 "

ХРУСТАЛЬНЫЯ:

Внутри яички и хрусталь раскрашены, что очень изычно. Это новѣйшее, что имѣется. Красныя шт. 95 к. 2 за 1 р. 75 к. Синія . . . 95 " 2 " 1 " 75 " Лидовыя или зеленыя 95 коп., 2 шт. за 1 р. 75 к.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Бл. ш. С.-Петербургъ, 59, Певскій.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ФАБРИКА И СКЛАДЪ Бруно Зенгеръ & Ко
С.-Петербургъ Невскій Пр. № 26 (старое Казанское)
Фотогр. Аппараты и Принад.
(Кратк. Прейсъ-Курантъ Бесплатн.)

Ц. № 10811-1

ЗОЛОТЫЯ ГЛАДКІЯ 56-й пробы:

Маленькія	1 р. 15 к. 2 за 2 р. 15 к.	Съ превосходн. парижск. бриллиантомъ:
Среднія	1 " 50 " 2 " 2 " 75 "	3 р. 25 к. 2 за 6 р. 15 к.
Большія	2 " 25 " 2 " 4 " 25 "	

Чеканенныя съ наст. сапфиромъ и рубиномъ 4 р. 50 к., съ бирюзой или алмазидномъ 3 р. 75 к. съ трефомъ съ настоящ. сапфиръ, рубинъ, жемчугъ 6 р. 25 к.
Съ камнями: сапфиръ-дублетъ, рубинъ-дублетъ, смарагдъ-дублетъ, настощ. бирюза и жемчугъ 2 р. 50 к. 2 за 4 р. 75 к. Матовыя и полированныя съ разными камнями, узорами, новыми эффектные рисунки, очень оригинальныя и изящныя. Шт. 8 р. 50 к., 9 р. 75 к., 11 р. 50 к., 12 р. 75 к., 14 р. 50 к. и дороже до 35 руб., смотря по величинѣ камней. Съ бунетомъ „Незабудна“ изъ настоящихъ камней: 5 бирюзъ и жемчугъ 9 р. 75 к. № 10854 2-2

Если при полученіи заказа какой-нибудь № распроданъ, то я замѣню его другимъ подходящимъ въ ту же цѣну, но беру его обратно, если онъ не понравится заказчику. Обратный перес. идетъ тогда уже на мой счетъ.
Перес. належ. платитъ. **БАЗАРЪ МАРОКЪ** С.-Петербургъ, Невскій, № 20—31. (С. заказчиковъ, прошивъ далѣе 2000 в. прошу высылать задатокъ.)

XXIX г.

г. XXIX

№ 11

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1898

Выходитъ ежедневно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти еженѣдн. книгъ „Сборника“, содерж. соч. и С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 14 марта 1898 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Выставка англійскихъ художниковъ въ С.-Петербургѣ. „Розы—наслажденіе любви“. Съ картинъ Альма Тадема по фот. I. Глыбовскаго грав. Цехомскій.

Тьма непроглядная.

Разсказъ изъ гаремной жизни

Н. Н. Каразина.

(Продолженіе.)

На другой день, только-что Ольга Николаевна уѣхала въ русскій городъ, а хозяинъ отправился къ себѣ въ караванъ-сарай, Улькунъ-ханымъ стала собираться изъ дому.

Обыкновенно она брала съ собою одну изъ женъ, рѣже выходила съ прислугою, а теперь вздумалось ей идти „на базаръ“ одной. Она сказала впрочемъ только, что идетъ на базаръ, но ей не повѣрили, хотя и не возражали. „Знаешь, молъ, старуха умная, что дѣлаетъ; что-жъ ей мѣшать разспросами“.

— Къ муллѣ за совѣтомъ,—шепнула Хатыча.

— Всю ночь чай въ коровникѣ на-сторожѣ провела,—подмигнула Сары-Кошма.

А калмычка сообщила, что ходила за бараниной и слышала, какъ работникъ Муминъ говорилъ другому работнику, Муссѣ, будто когда хозяинъ русскую бабу въ дрожки сажалъ, та просила его непременно къ ней въ городъ прѣѣхать, потому, говорить, очень поговорить надо, и дѣло молъ спѣшное, неотложное.

Сообщила это служанка самой старухѣ, такъ та даже вздрогнула и будто про себя проговорила:

— Ладно! Посмотримъ еще кто верхъ возьметъ... кто кого упредить!.. Потягаемся...

Если бы не степенная походка съ отваломъ нѣсколько назадъ, никто бы и не призналъ Улькунъ-ханымъ, когда та пробиралась у самыхъ стѣнъ, выбирая сухую дорожку по пустыннымъ, грязнымъ улицамъ города. Да и какъ можно кого-либо узнать въ этомъ сѣромъ халатѣ, накинутаго на голову, съ узкими, фальшивыми до самой земли рукавами. съ черною, густою, волосяпою сѣткою на лицѣ. Всѣ бабы на улицѣ на одинъ покрой: сами мужья не распознаютъ, которая чья.

Съ полчаса шла ханымъ только до базара, въ такомъ неуклюжемъ нарядѣ не распахнешься очень ужъ прытко; на базарѣ не задерживалась. Миновала красные ряды съ ситцами, канаусомъ и разными русскими матеріями, прошла всю скобяную линію, прошмыгнула потомъ большою Наурусовъ чай-хане, гдѣ шумно, испуская густые клубы бѣлаго пара, кипѣли десяти-ведерные самовары и сидѣли русскіе солдаты въ своихъ сѣрыхъ шинеляхъ, пили чай и надъ юродивымъ нищимъ въ рваныхъ отреняхъ потѣшались. Теперь пошли все шорныя лавки съ выставленными напоказъ нарядными сѣдлами и цвѣтно-расшитыми чапраками. За шорными потянулись все сапожники, за сапожниками—мисники.

Скоро бы и базару конецъ, да тяжело навьюченные верблюды дорогу перегородили, -- не пройти, не проѣхать. Чѣмъ ждать, взяла въ обходъ, да и запуталась въ глухомъ переулкѣ, стала по сторонамъ оглядываться. Увидала лазейку въ стѣнѣ, пролѣзла кое-какъ и, уже черезъ чужой чей-то дворикъ, снова на улицу выбралась, и какъ разъ на площадку, гдѣ въ старые годы, при эмирахъ, казили виноватыхъ, горла имъ рѣзали и на колья сажали. Грустно подумала старуха о быломъ-невозвратномъ, и все шла да шла...

Почти на самомъ выѣздѣ изъ города на востокъ, по пути къ казенному перевозу черезъ рѣку, начиналось старое кладбище, а у того кладбища, надъ густыми группами карагачей, возвышался куполъ мечети Селима-Атты, а подлѣ мечети выстроено было медресе, гдѣ жили муллы и межъ ними главный, котораго Улькунъ-Курсакъ очень почитала съ дѣтства. Она была тогда совсѣмъ маленькою дѣвочкою, а мулла все такой же старый, какъ и теперь. Очень былъ умный и святой человекъ, только строго былъ, сказывали, не въ мѣру. До прихода русскихъ многіе черезъ него головы свои потеряли, да и подлѣдомъ: „не балуй, противъ своей вѣры не грѣши!“ А то теперь обрадовались, что святому суду руки связаны, совсѣмъ народъ избавовался... Ну, могло ли бы случиться у нихъ на дому такое дѣло при прежнихъ порядкахъ?

Думала такъ старуха, пробираясь тропинками между могила, выбирала дорогу къ медресе покороче да поскритиѣе, и рѣшительно взялась за мѣдное кольцо рѣзной орѣховой двери, подлѣпанной въ высокой глинобитной стѣнѣ, окружающей зданіе съ куполомъ. Брякнула во всю мочь этимъ кольцомъ и стала прислушиваться.

Къ самому старшему муллѣ понадеясь не скоро. Надоно пройти еще часть кладбища по узкой тропинкѣ между могила правовѣрныхъ, затѣмъ попасть въ первый дворъ мечети, обширный четверугольникъ, обнесенный высокою стѣною, къ которой прижались низенькія саклюшки для учениковъ и пришлыхъ богомольцевъ; за этимъ общественнымъ дворомъ, не посреди стѣны, а какъ-то въ самомъ углу, устроенъ былъ входъ въ дальнѣйшее помѣщеніе -- дворъ самой мечети, съ полузамерзшимъ прудомъ посрединѣ, обсаженнымъ старыми развѣсистыми карагачами: вдоль боковой стѣны главнаго зданія тянулась длинная, полуоткрытая веранда на точеныхъ столбахъ, украшенныхъ рѣзьбой. Съ веранды во внутрь чернѣлъ дѣльный рядъ небольшихъ дверей, ведущихъ въ особыя помѣщенія для муллъ--учителей. Одна изъ этихъ дверей вела и въ каморку самаго главнаго, Науруса-хаджи.

Старуха хорошо знала дорогу. Когда высокой, худой, какъ скелетъ, молодой ученикъ, отворившій ей дверь, обнаружилъ--было намѣреніе провожать ее черезъ дворъ далѣе, она отмахнулась рукою отъ его услугъ, глухо проговоривъ изъ-подъ слѣтки:

— Не надо, иди съ Богомъ! Не впервой!..

Пустынно было на первомъ дворѣ; такъ же безлюдно и во второмъ. Время было еще холодное, зимнее, и всѣ притались по своимъ саклюшкамъ, только въ углу двора, у котла, копошилась маленькая кучка оборванцевъ, да тѣ и вниманія не обратили на промелькнувшую мимо, закутанную съ ногъ до головы, женскую фигуру. Во второмъ дворѣ уже совсѣмъ никого не было. Улькунъ-Курсакъ знала, въ какую дверь надо постучаться, и, сбросивъ тяжелыя калоши на верандѣ, она привычною рукою взялась и за это позывное кольцо, брякнувъ о скобу, теперь уже легонько--чуть только коснулась.

— Войди съ миромъ! -- проговорилъ старческій голосъ за дверью.

Мулла Наурусъ сидѣлъ на грудѣ войлоковъ, въ бараньей шубѣ и громадной, грязной чалмѣ, закрывавшей

ему больше половины лица; только и былъ виденъ острый, сухой, какъ у ястреба, кончикъ носа и ключья совершенно сѣдой, пожелтѣлой даже бороды.

Улькунъ-Курсакъ, проговоривъ обычное привѣтствіе, торопливо присѣла на корточки у самаго порога двери.

Помолчали оба минуты двѣ.

— Ты кто же такая? -- спросилъ мулла, мелькомъ взглянувъ изъ-подъ чалмы на пришедшую.

Самъ хорошо узналъ гостью, дѣйствительно. „не впервые“ видѣлъ, узналъ не только по фигурѣ, а и по салъному пятну на боку халата, а все-таки спросилъ по положенію.

— Изъ дома Суффи Казиметова, „Улькунъ-халымъ“ этого дома несчастнаго, -- проговорила гостья.

Не зачѣмъ было и приходить сюда, въ чистое, свѣтое мѣсто изъ такого поганаго двора. Какая ты Улькунъ-халымъ, какая домонаравительница... Тѣфу!

— Силъ моихъ нѣтъ больше!.. Помилуй, святой человекъ!.. Власти больше никакой не стало... Бѣда растеть безъ удержу. Только на тебя и надежда вся.

Старуха въ поги повалилась, а тѣмъ временемъ вытащила изъ-за пазухи свертокъ зеленаго кануса и положила у самыхъ колѣнъ Науруса. Тотъ и не взглянулъ даже на приношеніе.

--- Суффи отступникъ, Суффи и не правовѣрный больше, -- заговорилъ мулла. -- Такъ только считается мусульманиномъ, а душа у него уже давно шайтану отдана. Его жалѣть и щадить нечего. Жаль мнѣ только дома хорошаго... былъ домъ, была и „Улькунъ“ всему городу примѣръ, достойная полнаго уваженія, а что теперь случилось? Навозъ, грязь, погребель!..

— Охъ, знаю... сама знаю... -- простонала гостья, и снова припала лицомъ къ полу.

Суффи, -- продолжалъ мулла: -- вчера вотъ бумага пришла отъ генерала, -- пишутъ: пока холодное время стоитъ, могила на кладбищѣ чинить, всѣ дыры заделывать, известью заливать... дыры, говорятъ, вездѣ, мѣстами покойниковъ даже видно, какъ тѣ гниютъ... „Вонъ, пишутъ, пойдетъ къ теплу весеннему“, а отъ этого „зараза, болѣзни...“ Не отъ того зараза, не отъ того болѣзни, -- отъ другого пошли... отъ Божьяго гнѣва. за наши грѣхи, за наше малодушіе и отступничество... Бумага пришла, читаютъ наши, меня спрашиваютъ. Я говорю: не надо, это все и по закону не дѣло генеральское, а наше, духовное, -- Божье, значитъ, да и денегъ у насъ нѣту. Откуда у насъ деньги теперь, у нищихъ богомольцевъ... Вакуфы*) обрѣзали, небось; а Суффи, проклятый богоотступникъ, говоритъ: -- генераль правду пишетъ; и въ его требованіи ничего противъ закона нѣтъ. -- Онъ, вишь ты, лучше насъ законъ знаетъ. -- Да и денегъ, говоритъ Суффи, у „нихъ“ довольно, да и недорого будетъ стоять всего... Чтобы его языкъ злою болѣзнию отъ конца до корня покрылся бы. Мусульманинъ тоже называется, а самъ... Я вѣдь знаю, что онъ съ русскими вино пьетъ. Все, что они жрутъ, и онъ съ ними... А у русскихъ все со свиною, не разберешь вѣдь... Вотъ наѣлся свинины и въ душѣ все по-свински стало. Охъ, дѣла, дѣла! На прошлой недѣлѣ, слышала? Святые люди на базаръ пришли издалека, изъ самой Мекки. Санъ на нихъ божескій, „дивона“, блаженные; на базарѣ пѣсни пѣли, пароду проповѣди читали, призывали снова вернуться къ вѣрѣ благочестивой, къ огню гурамъ невѣрнымъ... Курбани, -- это его дѣло, -- слышала, ничего не сказала, а Суффи говоритъ: вы чего, черти, -- такъ и сказала: „черти“, -- шлетесь, пародъ смущаете!.. Пошелъ говоръ по базару, дошло до русскаго начальства, забрали святыхъ мучениковъ, да въ тюрьму... Что тамъ съ ними сдѣлали?!.. Ты знаешь?

— А какъ же! Ихъ допросили да, сказываютъ, отпустили!..

*) Духовная поземельная собственность.

— Кто сказывает? Кто?—вспыхнул мулла. — Врут! Съ живыхъ шкуры содрали и дали собакамъ на растерзаніе. Вотъ что сдѣлали, а ты говоришь „отпустили“.

Видѣла тѣхъ „дивона“ Улькунъ-Курсакъ, видѣла и людей тѣхъ же самыхъ, что на первомъ кладбищенскомъ дворѣ у котла сидѣли... Шкуры у нихъ будто и на своемъ мѣстѣ, развѣ что подъ халатами не видно. А мулла говоритъ другое, значить его правда и есть...

— Должно-быть врутъ, — поспѣшила согласиться старуха.

— А ваша домовая погань—что? — рѣзко перевелъ мулла разговоръ на другой предметъ.

— Совѣмъ бѣда! — вздохнула Улькунъ-Курсакъ. — Что я тебѣ говорить буду...—Выслушай, отецъ, помоги совѣтомъ.

— Ребенокъ живъ?

— Изъ дня здоровѣе становится...

— Мать скоро сдохнетъ!..—рѣшилъ мулла.

— Охъ, не говори! Я потому и пришла къ тебѣ, что сегодня ночью такое слышала, такое, что потомъ и заснуть не могла,—все разсвѣта ждала, чтобы сейчасъ прямо къ тебѣ.

— Что такое? Говори все безъ утайки. Я и самъ все хорошо знаю, знаю, что и впередъ должно быть, а ты все-таки разсказывай, хочу твою правду и вѣру испытать. Что же ты ночью слышала?

— Забралась я черезъ коровникъ въ задворокъ, — тамъ стѣна тонкая, все слышать, что у жидовки въ скарлѣ дѣлается, кое-что и видать даже можно.

— Гм!—крикнулъ мулла Наурусъ.

— Такъ вотъ, русская вѣдьма почевать осталась... Совѣмъ обошла жидовку,—сидятъ вмѣстѣ, обнявшись,—вѣдьма и говоритъ Эстеркѣ: пойдемъ, говорить, лучше ко мнѣ жить, въ русской городъ, а то ты тутъ, я вижу, не скоро поправишься... Жидовка испугалась, даже въ уголь отъ той шарахнулась... Русская засмѣялась и говоритъ: ты не бойся! Мы и Шаринку съ собою возьмемъ... мальчика тоже оставлять здѣсь не слѣдуетъ...—А Суффи? спрашиваетъ Эстеръ. — И Суффи, говоритъ, съ собою возьмемъ, а то онъ каждый день прѣзжать будетъ... И стала тутъ вѣдьма про свое житіе, да про домъ свой разсказывать: и тепло у ней, и свѣтло, и чисто, и птички поютъ въ клѣткахъ, и картины разныя на стѣнахъ, постель хорошая, мягкая, воздухъ чистый, а къ веснѣ, говоритъ, вѣдь весна уже не за горами, — въ садъ перейдутъ, шелковую кибитку поставятъ,—„палатки узорныя“,—зацвѣтутъ урюки розовымъ цвѣтомъ, япталы, сливы, вишни, виноградъ закуривается... рай просто земной будетъ. И отъ такой жизни ты, говоритъ, скоро поздоровѣешь, поправишься, кровь перестанетъ идти изъ глотки, толстѣть сама начнешь, на радость мужу, и ребенку твоему хорошо будетъ. Будешь ходить нарядная съ открытымъ лицомъ, потому у меня, говоритъ вѣдьма, никто изъ чужихъ мужчинъ тебя не увидитъ, только у мужа своего и будешь на виду. У меня въ дому тишина такая и благодать, а садъ разросся густой-прегустой, и кругомъ высокою стѣною огороженъ... Ужъ такъ подлая вѣдьма свое житіе расписывала, что, вижу, улыбаясь стала жидовка и снова къ той ластиться... А тутъ вдругъ нахмурилась разомъ, да и говоритъ: боюсь, эти толстыя свиньи безъ меня за Суффи примутся...

— Ревнуетъ, значитъ,—вставилъ мулла Наурусъ...

— Ухъ, какъ ревнуетъ, просто тигрица стала,—не человекъ... Прежде этого не было.

— Да и не откуда было бы,—кивнулъ чалмою мулла.

— Тутъ Эстеръ нагнулась къ русской, къ самому уху, и что-то шептать стала, не могла и разслышать. Только русская сама нахмурилась, отстранила рукою жидовку, да и говоритъ, строго такъ престрого:—Это не хорошо, этого, говоритъ, не надо и желать, гово-

рить, это великій грѣхъ. Подобнаго зла и въ мысляхъ своихъ никогда не держи, а то и сестрою своею считать тебя не стану. — Что такое Эстеръ попросила у той, что ей говорила на ухо, я уже и не знаю.

— А я-то знаю, — кивнулъ мулла. — Просила зелья, чтобы тѣхъ двухъ отравить, чтобы онѣ подохли... Известно чего.

— Тоже я и сама подумала, — проговорила старуха. — Вѣдь, вишь ты какая злая оказалась!

— Про сонъ говорила?

— Говорила про сонъ, говорила... Такъ хорошо вышло, чуть-было не померла жидовка со страху, да, бѣда, самъ вернулся не во-время, а съ нимъ и эта появилась...

Тутъ старуха разсказала въ подробностяхъ все, что произошло въ домѣ, и про гаданье не забыла. Старый мулла слушалъ очень внимательно, помогая намеками старухѣ не пропустить никакой мелочи. Когда Улькунъ-Курсакъ окончила свой разсказъ, мулла долго думала, опустивъ голову на грудь,—а та, чуть дыша, не сводила глазъ съ его широкой чалмы, боясь прервать размышленія святаго старца.

— Что же сказалъ Суффи? Опъ какъ порѣшилъ?

Съ чѣмъ это?

— Да съ переѣздомъ.

— Онъ не знаетъ еще. Его вишь та русская вѣдьма просила самого прѣзжать къ ней въ гости. Тамъ знатъ переговорить хотятъ... Мумынъ-джигитъ сказывалъ.

— Чего же ты убиваешься?—началъ съ насмѣлкой мулла.—Какая же тутъ бѣда? Никакой по-моему. Это даже хорошо,—и для Суффи самого, и для его Эстеръ, и для мальчика. Конечно всемъ имъ лучше будетъ, отъ твоихъ глазъ да и отъ рукъ твоихъ подальше. Суффи что, много-ль ему дальше будетъ изъ русскаго города въ свой караванъ-сарай ѣздить, пустыни! Ему хоть не только въ гости къ Эстеръ, къ своему семейству то-есть, ему бы совѣмъ въ русской домъ переселиться. Мѣста, что ли, не хватить? Да и переселится мало-по-малу. Велитъ вамъ жрать давать волю, вотъ и вся его забота будетъ... Сынь-то его будетъ здоровъ и жить долго будетъ,—это вѣрно, а вотъ жидовка, еще на водѣ вилами писано, — отъ ея болѣзни и русскіе доктора не отколдуютъ... И у нихъ тоже мрутъ люди, помретъ и Эстеръ... Ну, тогда Суффи можетъ къ вамъ и вернется... Если сама Ольга Николаевна за него не примется... женщина молодая, тѣло ой-ой, красивое, колдовать знаетъ, а Суффи и самъ не старъ, человекъ богатый... соблазнъ-то великъ, вѣдь все вмѣстѣ да вмѣстѣ... Возьметъ опъ себѣ въ жены эту бѣлую бабу... чудесно!..

— Нѣшто можно мусульманину... Вѣдь ему для того вѣру мѣнять надо? — замѣтила Улькунъ-Курсакъ, тревожно слѣдя за разсказомъ муллы Науруса.

— И перемѣнитъ... Ему что!.. Ему оттого только прибавитъ... А послѣ васъ всехъ за ворота со свободною бумагою... Теби на базаръ, съ клюкою за подаяніемъ, а тѣ къ жиду Абрамкѣ пристроится — русскимъ солдатамъ на забаву... весело жить будетъ почтеннымъ женамъ почтеннаго дома Суффи Казиметова... А про тебя по всему базару нашему, по всемъ хорошимъ домамъ разговоръ пойдетъ: „Ай да Улькунъ-ханымъ, строгая да почнтаемая, всему дому главная опора, всемъ совѣтчица мудрая и указница, — хорошо убергла домъ, хорошо устроила! Вѣдь послѣдняя, ледяная, глупая какъ королева Улькунъ“, такъ не проворонить... Ну, вотъ теперь пускай попробуетъ съ сумою по базарамъ пошататься... покрытая вся грязью, стыдомъ и позоромъ, потатчица разврата и безвѣрія... проклятая Богомъ, всеми честными людьми ослепанная...“

Ой, не допусти! — застонала Улькунъ-Курсакъ и повалилась муллѣ въ ноги.—Ой, не допусти!..

Въ царствѣ соболя. Ориг. рис. (выд.) Н. Н. Каразина, авторшица „Нивы“.

— Чего допускать? Сама все своею слабостью устроила. Грозна на словах только, а на дѣлѣ баба слабая, трусливая... Пшь ты! „Несите чаю, ханымъ, моль, требуетъ...“ Эхъ! Да лучше бы тебя Суффи убилъ бы со злости, чѣмъ ты покорилась его волѣ... дрянн!

— Я думала сразу только, для видимости, а тамъ исподволь да потихоньку... Думала, образумится... Хитростью думала на своемъ поставить и бѣду развести...

— Перехитрила...

— Смилуйся, святой отецъ. Дай совѣтъ, дай указаніе... Приказывай, все исполню, все, что есть у меня, тебѣ отдамъ, а у меня много-много великаго добра,—у меня цѣлый мѣшокъ золотыхъ „тилли“ припасенъ... И у Хатичи, и у Сары-Кошмы все отберу, все къ твоимъ ногамъ свалю въ кучу... Только выручай изъ бѣды.

Распласталась старуха на полу, сѣтка у ней съ лица сдвинулась, такъ-таки голыми щеками и ерзаетъ по грязному войлоку...

— Не поздно ли?..—усмѣхнулся мулла.

Для тебя, отецъ, для твоей силы да святости, есть время. Аллахъ, Аллахъ, смилуйся надъ нами!..

— Встань! Чего валяешься...

— Охъ, не встану, пока слова милостиваго не скажешь.

— Встань! Оправься! Сиди и молчи, — проговорила мулла Наурусъ, а самъ задумался будто.

Приподнялась и старуха, жадно слѣди за этими сухими, пока еще неподвижными губами.

— Ъхаль на чаломъ конѣ мулла Даудъ, — началъ Наурусъ такимъ тономъ, будто сказку говорить.—Здоровый былъ мулла, сорока лѣтъ всего, сильный и рослый... Ъхаль рядомъ со мною, горною дорогою... наши шли рядомъ, много шло и большую пушку тащили... Русскихъ и не видно было... такъ гдѣ-то изрѣдка слышно было, стрѣляютъ будто... Говорить мулла Даудъ: „Хоть бы десятокъ поймать такихъ бѣлыхъ рубахъ,—самъ бы имъ горла тупымъ ножомъ перерѣзалъ бы...“ Только проговорилъ, не то шмель, не то пчела чуть слышно прожужжала... Упалъ Даудъ съ копы и больше не проронилъ ни слова, не вздохнулъ даже, не пошевелился... Бросились къ нему, глядятъ, а у него въ вискѣ, надъ самымъ ухомъ, маленькая дырка и кровь изъ той дырки еле-еле сочится, а все-таки видно было, что это пуля попала, видно было, какою смертью погибъ мулла Даудъ... Что же ты думаешь, то русская пуля его убила?

— А то чья же? — дрожащимъ голосомъ спросила Улькунъ-Курсакъ.

— Ни русская и ни чья. Воли Божья отняла у него жизнь, за грѣхъ великій, про который только я одинъ знаю, а больше и знать никто не будетъ. Померъ въ прошломъ году Шарипъ—купецъ... Помнишь такого?

Старуха чуть наклонила голову.

— Померъ неожиданно, ничѣмъ боленъ не былъ. Схватило его, почернѣлъ весь, нить часовъ безъ памяти мучился и померъ...

— Отравили его, сказывали...

— Отравили... — Мулла усмѣхнулся. — Отравили. Русскіе доктора паѣхали, силою тѣло забрали, изрѣзали всего и идъ нашли, чѣмъ купецъ отравленъ былъ, а кто отравилъ, — не нашли... Потому и на эту смерть была воли Божья... Если бы злой человекъ отравилъ,—нашли бы... Самъ бы Богъ указалъ, а тутъ ничего не смыслили, потому что смерть свою Шарипъ еще два года раньше заслужилъ, когда въ Москву ѣздилъ и бумагу ту подписывалъ... Почему, скажи ты мнѣ, маленький Шарипка не умеръ въ свое время, когда самъ Господь его къ себѣ потребовалъ,—отчего?..

— Русскую бабу привезли... Она отходила, стокло-вала.

— Что же она, по-твоему, сильнѣе Аллаха будетъ! Аллахъ захотѣлъ, а русская баба не позволила... Такъ, что ли?

— Ужъ и не знаю...

— А знать бы должна... На тебѣ и грѣхъ теперь лежить за все, что произошло, и того грѣха ничѣмъ тебѣ не замолить, хоть отдавай въ мечеть все, что у тебя на дому накоплено...

Ничего ты мнѣ, отецъ святой, такого не приказывай.

— А теперь я тебѣ приказываю, что ли? — разсердился мулла. — Я говорю тебѣ только о волѣ Аллаха, а самъ ничего не указываю.

— Понимаю... — глухо простонала старуха. Согнуло ее всю, лицомъ чуть не въ колѣни уперлась, не видать лица за сѣткою, а только халатъ дрожить и зубы стучать, словно въ лихорадкѣ.

Смотри, какъ бы сегодня вечеромъ не перевезли, поздно будетъ... Ну, ступай!

Съ трудомъ поднялась Улькунъ-Курсакъ на ноги.

— Дашь, что ли?..—проговорила она, едва справившись съ дрожью.

— Чего тебѣ?

— Зелья...

— Зелья?... Кого же ты травить собираешься? — усмѣхнулся мулла.

— Ес, бабу эту русскую...

— На нее нѣтъ Божьяго указанія, ее трогать нельзя... И зла даже не думай на нее никакого... Изъ-за нея великое зло подняться можетъ, и насъ всѣхъ, какъ въ бурю на морѣ волною захлещетъ...

— Жидовку?..

— Она и сама подохнетъ, своею смертью, не выдержитъ... Весна не наступитъ, сгинетъ. Всѣ знаютъ, что ребенку повелѣно свыше умереть, что только колдовство эту смерть задержало, но задержало временно, ибо никогда чортъ побѣдитъ Аллаха не можетъ... Время пришло и часъ исполненія воли Божьей настало.

— А какъ не помретъ самъ?

— Я думалъ—ты умнѣе...

— Отецъ, я иду, я все сдѣлаю какъ ты прик... какъ повелѣваетъ Аллахъ,—въ-время поправила Улькунъ-Курсакъ.—Дай же мнѣ...

— Ничего не дамъ.—Сядь на свое мѣсто и смотри внимательно.

Мулла хлопнулъ два раза въ ладоши... Сухой, рѣзкій, костлявый стукъ этотъ должно-быть услышать былъ, гдѣ слѣдуетъ... Въ дверяхъ появился одинъ изъ молодыхъ учениковъ.

— Поди на задній дворъ,—приказалъ ему наставникъ:—и принеси живую курицу.

— Какого пера?

— Все равно... Лучше бѣлую.—Бѣлую припеси, что вчера отъ Ибрагима-бая прислали...

„Гадать собирается“, подумалъ ученикъ и бѣгомъ пустился исполнять приказаніе.

— А ты сиди и смотри,—повторилъ мулла Наурусъ.

Долго что-то возился „бала“, минутъ десять прошло, и какихъ минутъ тяжелыхъ для Улькунъ-Курсакъ. Тотъ сидитъ себѣ покойно, словно задремалъ слегка, и слова не промолвить, а ту то въ жаръ, то въ холодъ кидаетъ, и будто тяжелое предчувствіе томитъ ее, и сердце какъ-то радостно скалосъ: подходитъ, моль, конецъ ея терзаніямъ, конецъ всему невыносимому положенію въ ихъ домѣ... Не замѣтила, какъ дверь отворилась, не почувствовала рѣзкой струи холода, ворвавшейся въ саклю, — только вздрогнула, какъ услышала хлоптаніе курицы и увидѣла, какъ въ рукахъ муллы Науруса забилось что-то бѣлое, взерошенное...

— Пододвинься ближе и смотри, — заговорилъ мулла.—Видишь,—птица жива и здорова... Видишь?

— Вижу!—прошептала Улькунъ-Курсакъ.

— Теперь смотри!

Прямо на колыни старухи упала птица, только что бившаяся въ рукахъ старика, но теперь неподвижная, мертвая, даже безъ посмертныхъ конвульсий...

— Осмотри ее и скажи, отъ чего ей смерть приключилась?—проговорила мулла Наурусъ и слова погрузился въ молчаніе...

Долго и дѣйствительно внимательно осматривала Улькунъ-Курсакъ трупъ курицы; она опытнымъ пальцами прощупала ея горло, отъ головы до самыхъ подкрыльевъ,—нигдѣ ни надлома, ни порѣза, ни малѣйшей капельки крови. Она заглянула подъ крылья, вздвнула перья,—нигдѣ ничего похожаго даже на ранку, никакихъ знаковъ насилія... Старуха оставила, наконецъ, свое изслѣдованіе и пытливо посмотрѣла теперь прямо въ глаза старику... Тогда тотъ взялъ у ней курицу, вздулъ перья подъ самымъ затылкомъ и показалъ ей крохотную металлическую точку. Это была головка мѣдной булавки.

— Видишь?

— Вижу...

Мулла отшвырнулъ мертвую птицу далеко, въ уголь сакли, протянулъ руку за шелковымъ сверткомъ и медленно сталъ развертывать подарокъ Улькунъ-Курсакъ. Это была тонкая канаусовая чалма, вышитая на концахъ бѣлымъ шелкомъ. По обоимъ концамъ, хитрымъ узоромъ, вились изреченія изъ корана, красиво переплетенныя, съ орнаментами изъ цвѣтовъ и разными арабесками. Работа была замѣчательно тонка и удивительна, помимо искусства, по труду и терпѣнію.

Мулла долго любовался этою работою, а можетъ-быть, только дѣлалъ видъ, что любитъся, и даже пальцемъ водилъ по узору.

— Хорошо, очень хорошо! Это ты сама вышивала или тѣ двѣ, какъ ихъ зовутъ, запомятовала. Сары... Сары...

— Сары-Кошма, а другую Хатыча, — подсказала Улькунъ-Курсакъ.

— Да, да... очень хорошая работа! Это какими же ты шелками вышивала, небось аглицкими, тонкими?..

— Да, аглицкими. Мы на базарѣ, у Хакимъ-бая покупаемъ. У него очень хорошія иголки,—и не ломаются... Тонкія-претонкія, а не ломаются...

— То-то... Наши простыя толсты, только на грубую работу годятся... Иголка должна быть тонкая... Я видалъ, есть еще не свѣтлыя, а черненькія... Тѣ, можетъ-быть, еще лучше... Хорошая работа,—очень хорошая,—спасибо!.. А нагнись-ка... Да сядь сюда поближе, сядь какъ разъ передо мною... Ну, нагни голову... Сними халатъ съ головы, да размотай платокъ... Вотъ такъ...

Онъ самъ помогъ старухѣ обнажить голову и сильно пугнулъ ее такъ, что лицомъ та вилотную прижалась къ его колынямъ.

— Чего же ты вздрогнула, небось! Ты не курица... Ну, что, понимаешь, чувствуешь?..

Улькунъ-Курсакъ просто замерла подъ сильнымъ давленіемъ сухого пальца муллы въ одну роковую точку ея затылка.

„А ну, какъ!..“ промелькнуло у нея на мгновеніе.

Но мулла отнялъ уже свой палецъ и ласково гладилъ ее по жирному, полуобнаженному плечу...

— Ну, довольно... Уходи теперь... Ступай съ Богомъ!.. Говорять, вотъ, ты стара,—а какое стара: ты мнѣ не только въ дочери, во внучки, въ правнучки годишься. Уходи, уходи! Посидѣла и уходи. За подарокъ спасибо. Если спросятъ, была ли у меня, не скрывайся,—скажи, что была, и передай отъ меня дому всему и многоуважаемому хозяину Суффи, и всѣмъ женамъ его, всѣмъ безъ исключенія, и дѣвочкамъ, и сыну-первенцу мое благословеніе. Передай, что желаю всѣмъ здоровья и долголѣтія, а хозяину богатѣть и

не забывать про добрыя дѣла, про пузды святой мечети... прощай!

Мулла произнесъ все это, сильно возвысивъ голосъ, настолько, что его можно было ясно слышать даже на дворикѣ, гдѣ уже толпились ученики и другіе муллы, собравшіеся уже къ началу очереднаго урока.

Улькунъ-Курсакъ оправила свой костюмъ, низко поклонилась и вышла изъ сакли.

Должно-быть не мало времени провела старуха въ бесѣдѣ съ муллою. Когда она добралась до центральной части города, базаръ уже былъ въ полномъ разгарѣ; народъ густыми толпами занималъ перекрестки, толпился у входовъ въ чай-хане и разныхъ подзакучочныхъ, а по узкимъ улицамъ, крытымъ грязнымъ, никогда не просыхающимъ, просто было не пройти, не проѣхать. Базарный шумъ, „галда“, носился неумолчно подъ смрадными сводами; злобно ржали осѣдланые кони, тѣсно привязанные къ столбамъ навѣсовъ, хрипло ревѣли тяжело навьюченные верблюды, задѣвая другъ друга своими вьюками,—того и гляди на смерть придавятъ заѣвавшагося прохожаго... Порѣшила Улькунъ-Курсакъ взять въ обходъ, поправѣ, черезъ красныя и посудные ряды,—туда съ крупною скотиною не суются и потому тамъ все-таки почище; отъ тѣхъ рядовъ въ сторону ведутъ тѣсныя переулочки, гдѣ работаютъ кустари: гравировщики по мѣди и олову, спицальщики разбитаго фарфора, филигранщики и ювелиры, но самое интересное, это „уста“ (мастера),—рисовальщики всевозможныхъ узоровъ для вышивокъ. Эти художники сидятъ у пороговъ своихъ крохотныхъ лавочекъ, передъ ними обрубки дерева, плотно обтянутые кожей, и вскругъ маленькіе горшечки съ густо растопленной краскою. Бойкою и смѣлою рукою рисунокъ наводится соотвѣствующимъ цвѣтомъ будущей вышивки,—матерію заказчики приносятъ свою. Передъ лавочками такихъ рисовальщиковъ всегда видны группы сидящихъ на корточкахъ женщинъ, терпѣливо ожидающихъ своей очереди, жадно слѣдящихъ за бойкою рукою узорщика. Этотъ переулочекъ служитъ женскимъ клубомъ всего города и его окрестностей,—здѣсь сообщаются всѣ домашнія новости, главнымъ образомъ семейныя сплетни. Несмотря на закрытыя сѣтками лица, здѣсь какъ-то большинство узнаетъ другъ друга, да оно особенно и не зачѣмъ закрываться.—мужчины сюда заходятъ рѣдко, а узорщики люди свои и не осудятъ.

Старуха, только мелькомъ заглянувъ въ одинъ изъ такихъ переулочковъ, сразу замѣтила одну изъ заказчицъ по ея утиной походкѣ; это была Хатыча. Не одна же она пришла сюда, навѣрное и Сары-Кошма съ нею... Да вонъ и она сидитъ и помогаетъ мастеру придерживать на обрубкѣ кусокъ малиноваго бархата.

„Ишь ты, подлыя!.. Я ушла, и онѣ тоже со двора. И безо всякаго спроса. Страхъ на нихъ нѣту, изволеволились въ конецъ“, подумала Улькунъ-Курсакъ.— „Да и чего бояться?.. Мужу до нихъ дѣла никакого не стало. Теперь онѣ ему не жены совсѣмъ, а такъ только, будто на прокормленіе взяты. Ея власть пропадаетъ, только побоями и держится еще кое-какъ, да вѣдь битъ все время—руки отколотишь, а тѣмъ хоть бы что... Гибнетъ честный домъ, во всѣ стороны разваливается!.. Охъ, горе-горе!“

Подкралась къ нимъ Улькунъ-Курсакъ и присѣла зади Сары-Кошмы на корточкахъ, будто тоже на работу смотреть, сама слушаетъ.

— У васъ въ дому новые порядки?—спрашиваетъ мастеръ.

— А ты почемъ знаешь?—спрашиваетъ его Хатыча.

Какъ не знать... Уже вторую недѣлю весь базаръ говоритъ... Таксырь Суффи большую силу у генерала забралъ... говорить даже...

Тутъ „уста“ сказали что-то очень тихо, старуха не разслыхала и ближе подвинулась. Только Сары-Кошма засмѣялась, а Хатыча подхватила, да и бухнула громко:

— Ге! Наша толстая корова совѣмъ притихла, не узнаешь теперь, къ жиловкѣ такъ и льнетъ, потому вся сила у этой проклятой въ рукахъ.

— Вотъ теперь, вмѣшалась Сары-Кошма: „корова“ чуть свѣтъ со двора ушла, къ своему муллѣ колдовать, а мы сюда... Ей даже и не связывались.

— Мы у Эстеръ спросились,—добавила Хатыча.

— Что же, та добрая? Пустила?

— Пустила... Какъ она посмѣла бы не пустить.

— Говорить: „проваливайте, куда глаза глядятъ. Мнѣ, говорить, все равно. Хоть совѣмъ домой не возвращайтесь“.

— Еще бы ей не говорить такъ. Мы красивыя, толстыя, а та щепка: ей бы насъ подальше загнать съ мужичинныхъ глазъ...

— Да васъ скоро и погонять,—усмѣхнулся мастеръ.— Должно-быть, все за красоту вашу...

— Насъ-то погонять?—обидѣлась Хатыча.—Ну, нѣтъ, это еще посмотримъ. Эстеръ-то, ты знаешь ли, больна, скоро поколѣетъ... Да и наша „корова“ не зѣваетъ...

— Уже прозѣвала... теперь поздно,—словно про себя, замѣтила мастеръ-рисовальщикъ и потянулся лучинкою за ярко-голубую краскою.—Вотъ смотри: здѣсь, гдѣ зеленою краскою обозначено, это все шелкомъ, косоплеткою шить будешь, а тутъ, гдѣ я бѣлою прокрасилъ—это все блестками золотыми пойдетъ, звѣздочками, по шести штукъ въ гнѣздышко. Понимаешь?

— Понимаю.

— А серединки, вотъ эти, жемчужнымъ бисеромъ заполнишь...

— Понимаю.

— А я такъ понимаю,—вмѣшался въ разговоръ мастеръ-сосѣдъ, старый-престарый и бойко грамотный, который больше надписями изъ корана занимался.—А я такъ понимаю, что въ прежнія времена такую Улькунъ-ханымъ задомъ-напередъ по базару бы на ишакѣ возили... А вѣдь, поди же ты, весь городъ считалъ за самую умную...

Зелено стало въ глазахъ у старухи... Тихонько отползла подальше, потомъ встала и, стараясь даже измѣнить походку, отошла ко входу въ переулочекъ. Здѣсь она окликнула какую-то женщину, шепнула ей что-то на ухо, а та пристально посмотрѣла въ ту сторону, гдѣ сидѣли Казимеговы жены, и проговорила:

— Сейчасъ скажу...

И Хатыча, и Сары-Кошма вздрогнули даже, когда посланница передала имъ тихонько, что приказано было Улькунъ-Курсакъ, и стали торопливо собирать свои свертки. Онѣ боязливо взглядывали, ища глазами грозную домоправительницу, а та нарочно пряталась отъ нихъ въ глубокой тѣни камышеваго навѣса.

— Чего вполонились?—усмѣхнулся мастеръ.

— Сама,—прошептала Хатыча.

— То-то... А то, поди, какъ расхрабрились... Да дай обохнуть прежде; погоди сворачивать, носи такъ, а то всю краску сотрешь.

Но испуганныя неожиданнымъ появленіемъ Улькунъ-ханымъ, женщины уже не слушали наставленій и торопливо пробирались сквозь толпу къ выходу. Онѣ прошли бы мимо самой грозы, да Улькунъ-ханымъ успѣла преобильно ущипнуть Хатычу и такъ толкнуть въ спину Сары-Кошму, что та даже вскрикнула...

— Это при людяхъ-то, ханымъ?—проговорила та.— Будто бы не слѣдовало.

— Ладно! Поговоримъ дома.

— Мы, вѣдь, ханымъ, только на минуточку... Ты ушла, ничего не сказала,—спросить не успѣли, а дѣло слѣшное... Помнишь, о чемъ мы говорили? — стала оправдываться Хатыча.

— Спрашивались, слыхала я... У новой Улькунъ спрашивались... не ври...

— Да мы въ шутку... Мы больше той въ насмѣшку.

— Погоди, еще и она посмѣется... Погоди!.. Время-то какъ разъ посмѣвается... Я-то, глупая, на нихъ въ надеждѣ, я-то думаю: „моя нѣтъ, эти все смотрѣть будутъ да сторожить“, а онѣ... Ну, постоя-ка, придетъ моя очередь, минуетъ лихая напасть,—я тогда вамъ покажу... Будете меня почитать да помнить... не скоро забудете „толстую корову“...

У Хатычи отъ этихъ словъ душа ушла въ пятки. Она споткнулась о камень, чуть въ лужу посомъ не шлепнулась, а Сары-Кошма, по-наивности, спросила:

— А вы развѣ ханымъ и это слышали?

— Мои уши за сто веретъ слышать, а глаза сквозь стѣну каменную видятъ, такъ и знайте!—проговорила Улькунъ-Курсакъ и еще дала обѣимъ по толчку въ спины, чтобы шли и по сторонамъ зря не оглядывались.

— А шли мы туда,—начала Хатыча, видимо, стараясь задобрить чѣмъ-нибудь грозную старуху:—шли мы и задержались на минуту, у большого чай-хане. Стоимъ, будто бикасаны (матерія такая) разглядываемъ, а сами слушаемъ, какъ Курлыбай-машкарабазъ *) народъ смѣшнить: „Отчего“, говоритъ: „у русскихъ жепщины открытыя ходятъ, а у насъ, какъ чучела огородныя, съ ногъ до головы закутанныя? А оттого“, говоритъ, „что у русскихъ есть что показывать, а нашихъ открыть, такъ ишаки заревутъ, лошади перенугаются...“

— Да, если вотъ такое рыло, какъ у тебя, такъ перенугаются,—буркнула Улькунъ-Курсакъ.

— Ну, ужъ вы, ханымъ, всегда скажете недоброе... Это вѣдь Курлыбайка въ шутку, чтобы только народъ посмѣшнить... Ему за это деньги платятъ.

— Чѣмъ бы святая пѣсни, что „дивона“ поютъ, слушать, а онѣ машкарабазовъ... Не чуютъ бѣды,—словно дѣти неразумныя надъ проваломъ ходятъ... Охъ, Господи!.. И одна я, какъ есть одна, во всемъ-то домѣ... И на мнѣ одной вся тягота лежитъ,—мнѣ одной и отвѣчать передъ Богомъ... И впрямъ давно такую слѣдуетъ на позорище, на базаръ вытащить... Охъ, слѣдуетъ... Да идите вы скорѣе, вотъ уже настоящія коровы,—у меня сердце не на мѣстѣ... Страхъ беретъ къ дому подходить... Сердце великую бѣду чуетъ, а онѣ...

Будтъ имъ навстрѣчу двое русскихихъ, но поговнамъ видно—офицеры, будтъ на добрыхъ коняхъ и папироски курить. Увидѣли женщинъ, разсмѣялись и показываютъ другъ другу, а тѣ бросились въ сторону и присѣли на корточки, посомъ къ стѣнкѣ, по обычаю.

— Экія чучела!—сказалъ одинъ офицеръ.

— Это ихъ костюмъ безобразный, уличный такъ уродуетъ, а то, говорятъ, есть и прехорошенькія,—замѣтила другой.

— Ну, если вѣтъ такія, что у Абрамки собраны, такъ, признаюсь, привлекательности не много.

— Не говори, Ольга Николаевна рассказывала, что понадаются такіе типы, хоть сейчасъ въ картину... красоты необычайной... Помнишь, она говорила про одну такую?...

— Ну, это исключеніе.

— А Гуль-гуль помнишь? А Акъ-Томакъ... забылъ? Тоже исключенія?

— Да то, вѣдь, не здѣшнія... Гуль-гулька изъ Бодокшана сказывали, а то и еще дальше, „со священныхъ береговъ Ганга“, какъ въ пѣснѣ поется... А здѣсь все берегастыя да косоглазныя... перьяхъ невозможныя! Говорятъ, онѣ и моются только разъ въ году. Ну, ты, гнѣдой, чего испугался?

Офицеръ энергично ударилъ шпорами коня, тотъ взвился и обдалъ грязью нашихъ женщинъ... Хорошо

*) Актеръ.

Чумань. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. И. Ижаневича, авторгипія „Нивы“.

еще, что бѣдныя, ничего не поняли изъ ихъ разговора.

— Гуры проклятыя!—проворчала Улькунь-Курсакъ.

— Какіе у одного усы, совсѣмъ красные, словно огненные,—замѣтила Хатыча.

Не было бы Улькунь-ханымъ, она, пожалуй, приподняла бы немного сѣтку и языкъ показала бы, съ нею это иногда случалось.

— Охъ! Что-то теперь дома дѣлается?.. — вздыхала старуха и все топила своихъ спутницъ.

Подходя къ дому, онѣ не пошли по главной улицѣ, а свернули въ тѣсный переулочекъ, которымъ можно было пробраться на виноградники и огороды, а оттуда, черезъ извѣстный проломъ, прямо на кухонный дворъ.

Несмотря на отсутствіе хозяекъ, на кухнѣ было все въ относительномъ порядкѣ: самоваръ кипѣлъ, ризь въ котлѣ, прикрытомъ поверхъ крышки еще войлокомъ, упрѣлъ достаточно, баранина была нарѣзана тонкими ломтиками и разложена на доскѣ, чтобы слегка обвѣтрилась, передъ тѣмъ какъ ее будутъ жарить въ растопленномъ салѣ... Калмычка, засучивъ рукава къ самымъ плечамъ,

мыла кинимишъ въ деревянной чашкѣ... Такъ и билъ въ носъ острый запахъ нарѣзаннаго луку и клубился бѣлый паръ надъ темно-красной громадной, только что отваренной свеклой.

Опытнымъ глазомъ окинула Улькунь-Курсакъ все находящееся въ кухнѣ, ласково улыбулась даже калмычкѣ-работницѣ и, приказавъ обѣимъ женамъ остаться здѣсь, сама пошла на женскую половинку.

— Попались небось? — усмѣхнулась калмычка.

— Шайтанъ знаетъ, какъ это она на насъ наскочила,—улыбулась Хатыча.

— Мы ее съ такой стороны и не чаяли встрѣтить,— добавила Сары-Кошма.

— А хозяйинъ прѣзжалъ безъ васъ. Съ часъ, а то и больше просидѣлъ у Эстеръ и опять уѣхалъ... Теперь уже до вечера.

— О насъ не спрашивалъ?

— И не помнилъ даже.

А старуха, тѣмъ временемъ, прямо прошла въ каморку Эстеръ.

(Продолженіе будетъ.)

Послы чернаго царя.

Разсказъ М. М. Коцюбинскаго.

(Съ украинскаго.)

Жара пала. Солнце еще не совсѣмъ зашло за горизонтъ: оно какъ будто зацѣпилось за гору; а сумерки, обнявъ сырня уже и холодныя долины, ожидали, казалось, момента, когда можно будетъ обнять и горы, и широкія кукурузныя поля.

Звонокъ земской тройки, на которой я ѣхалъ, звенѣлъ монотонно—въ долинахъ глухо, по горамъ громче—и выѣстъ съ карканьемъ воронъ наводилъ какое-то уныніе.

Лошади тяжело ступали, взбираясь на гору; вдали, по долинѣ, чернѣли мѣстами сады и виноградники. Ямникъ показалъ мнѣ кнутомъ на эти чернѣющія пятна, признакъ близости людскаго жилья, и замѣтилъ при этомъ, что „незабаромъ“ мы пройдемъ черезъ „руснацьке“ село*). По и не особенно-то повѣрилъ его „незабаромъ“, хорошо зная топографію средней Бессарабіи, гдѣ пасмы горъ, чередуясь съ долинами, обманываютъ глазъ, значительно сокращая расстояніе; казалось, что земной шаръ, въ минуту гнѣва, собралъ свою кору, какъ дикій звѣрь шкуру, да въ такомъ положеніи и застылъ. Въ этой мѣстности, чтобы доѣхать до ближайшаго на глазъ пункта, необходимо безъ конца спускаться въ долины и подниматься снова на горы, словомъ, какъ бы плыть по морскимъ волнамъ.

Проѣхали мы добрыхъ пять верстъ, пока увидѣли, наконецъ, селеніе, которое и встрѣтило насъ освѣщенными окнами хатъ и лаемъ собакъ. Я попросилъ ямника ѣхать шагомъ. Мнѣ пріятно было очутиться сразу, будто въ одномъ изъ уголковъ родной мнѣ Украйны, среди аккуратно выбѣденныхъ хатъ, густыхъ садиковъ, родного говора; мнѣ не хотѣлось скоро разлучаться съ чѣмъ-то близкимъ, роднымъ, теплымъ, хлынувшимъ въ мою душу.

Мы проѣзжали мимо небольшой лавочки, и я вспомнилъ, что у меня вышли спички. Остановивъ тарантасъ, я слѣзъ и вошелъ въ лавочку. Лавочка была переноснаа пародомъ; высокіе и приземистые руснаки бойко разговаривали между собой съ особеннымъ своеобразнымъ акцентомъ, такъ что непривычное ухо не могло уловить сразу суть разговора. Торговецъ, нагнувши голову надъ кассой, что-то искалъ тамъ, такъ что мнѣ была видна лишь конка его черныхъ волосъ. Когда онъ поднялъ голову, я, не вѣри собственнымъ глазамъ, съ удивленіемъ воскликнулъ:

— Солонко!.. Вы что здѣсь дѣлаете?!

— А, это вы!.. Торгую... Это моя лавочка... Посидите здѣсь, пожалуйста, минутку, и сейчасъ выйду къ вамъ...

И отворивъ дверь, ведущую, очевидно, въ квартиру, онъ крикнулъ:

— Оедька!..

Оедька, малый лѣтъ 16-ти, вошелъ въ лавочку и сталъ за кассу, а Солонко, позвавъ руснаковъ, должно-быть ожидавшихъ его, отправился съ ними въ ту дверь, въ которую только что вышелъ Оедька.

Я ничего не понималъ. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы тотъ Солонко, котораго я привыкъ видѣть въ кругу „золотой молодежи“, одѣтаго по послѣдней модѣ, корректнаго, съ прекрасными манерами, чтобы этотъ чиновникъ съ блестящей будущностью, очутился вдругъ въ селеніи, въ роли мелкаго сельскаго торговца... Я припомнилъ, что встрѣчался съ нимъ въ иномъ обществѣ, гдѣ онъ держался крайнихъ взглядовъ, представляя себя демократомъ. Онъ мнѣ не нравился. Его демокра-

тизмъ настолько трудно было сочетать съ его пустой, безыдейной жизнью, съ его широкими потребностями, что я положительно не вѣрилъ ему. Своимъ демократизмомъ, либерализмомъ и другими „измами“ онъ лишь прикрашивалъ себя точно такъ же, какъ чесучовымъ пиджакомъ—свою элегантную фигуру, и такъ же легко, какъ и свой пиджакъ, — могъ снять и тѣ нематеріальныя прикрасы. Ничто не захватывало, не интересовало его глубоко; лишь одной фотографіи отдавалъ онъ всецѣло, съ удивительной страстью; а фотографическій аппаратъ у него дѣйствительно былъ дорогой и хорошиій и составлялъ его гордость. Мнѣ вдругъ представилась его квартира, заброшенная объективами, каліе, фотографіями, наклеенными и свернутыми. Вспомнилась мнѣ та кипучая энергія, съ какой онъ совершалъ экскурсіи съ своимъ аппаратомъ, выискивалъ роскошныя виды, тиничныя лица. И вотъ... этотъ галантный молодой человекъ, этотъ щеголь разлучился съ беззаботной жизнью, протѣнулъ свою карьеру на положеніе сельскаго мелкаго торговца. Невольно возникъ у меня вопросъ, что привело его къ настоящему положенію? Фантазія или какал-нибудь неудача въ жизни загнали его въ эту глушь? Конечно, и заинтересовался этимъ.

Прошло добрыхъ полчаса. Наконецъ, дверь, куда онъ вышелъ съ людьми, вновь отворилась, и за выходящимъ оттуда, прощавшимся съ хозяйномъ и о чѣмъ-то разговаривавшимъ народомъ—явился самъ Солонко.

— Извините, пожалуйста, что задержалъ васъ... Вы куда ѣдете? Я сказалъ.

— Знаете что, вамъ, вѣроятно, надоѣло уже трястись на почтовой таратайкѣ, почевать же вамъ, все равно, придется гдѣ-нибудь. Отправьте ямника, да и оставайтесь ночевать у меня. Я очень и очень радъ видѣть васъ у себя...

Я согласился.

Мы вошли въ его квартиру, бѣдно меблированную двумя тапчанами простой работы, скамейками и большимъ столомъ, одинъ конецъ котораго игралъ роль письменнаго, а другой предназначался для всякихъ хозяйственныхъ работъ. Въ одномъ углу лежала куча новыхъ книгъ, связанныхъ шпагатомъ. Благодаря художественному безпорядку, комната казалась веселой и уютной.

Пока Солонко суетился, приготавливая чай, я внимательно присматривался къ нему. Рѣшительно невозможно было признать въ этомъ человекѣ, бѣдно, но чисто одѣтомъ, бывшаго чиновника. Сырые глаза его загляли глубже и свѣтились ищелью. Онъ запустилъ бороду, а черезъ открытый воротъ рубахи видѣлась обросшая волосами грудь. Я видѣлъ въ открытомъ окнѣ, какъ онъ побѣждалъ съ ведромъ къ колодезю, а черезъ минуту возился уже въ сѣняхъ, раздувая самоваръ и греми самоварной трубой. Входи за чѣмъ-нибудь въ комнату, онъ извинился предо мною:

— Просните, что оставляю васъ одного... у меня слугъ нѣтъ, и приходится вездѣ самому...

— Что съ вами, Солонко, я васъ положительно не узнаю.

— Развѣ? А и правда, вѣдь я совершенно не тѣмъ сталъ, какимъ былъ прежде,—говорилъ онъ съ улыбкой и снова бѣжалъ въ сѣни.

Черезъ нѣсколько минутъ самоваръ пыхтѣлъ уже на столѣ, и мой хозяйинъ, увѣряя, что очень радъ нашей встрѣчѣ, налилъ мнѣ стаканъ чаю.

*) Такъ въ Бессарабіи называются украинскія колоніи.

— Однако вы заинтересовались до неузнаваемости со времени нашей последней встречи. И что-то и аппарата вашего не вижу.

— Вы помните тот аппарат?—радостно воскликнула она, и в глазах его блеснула оцепенеть, но сейчас же и угасла.— Хороший был аппарат; он-то и был причиной перемены моей жизни.

Солошко энергично помешал свой чай, хлебнул несколько раз, и отодвинул от себя стакан.

— Вы удивляетесь?.. А между тем это так. Вы, конечно, помните мою страсть к фотографическим экскурсиям? Прекрасно, значит, помните... Однажды пришлось мне проехать через небольшое селение. Селение это мне очень понравилось—все в садах, над озером, с полуразрушившимися лачугами первых поселенцев, бжавших от помещиков, и с богатейшими домами, принадлежавшими уже потомству этих беглых; дома эти располагались из балки по горам. Словом, перед вашими глазами была живая история появления и развития селения. Что касается народа, скажу вам, что он произвел на меня чрезвычайное впечатление. Видный он был, типичный; парни здоровые, красивые; дѣвки стройные, красноречивы. И пришла мне на мысль: «вот куда забраться бы с аппаратом!» Я свернул к сельскому правлению, вызвал старосту и начал рассказывать народ.

— Ничего, говорить, хорошая Гудуля.

— Как это Гудуля. Что это означает?

— Это руганка из других селений такую кличку дали нам потому, что дѣды наши бегали от помещиков, откуда-то из Буковины: «Гудуля пьяницы работают не хотят, а только пить, вѣды да в корчмах сидят»,—приговаривают они нам.

Я сказал старостѣ, что очень скоро приѣду к вам с такой машиной, посредством которой снимают портреты, и уѣхал. Недѣли две спустя, я пригласил ѣхать с собой еще одного любителя-фотографа, уложил в тарантас свой аппарат, да и марш в «Гудулю»... Было воскресенье. День выдался чудный, тихий, теплый, какие бывают лишь в маѣ. Подѣзжал к селу, и с горы глянул на площадь, она была усеяна народом: парнями, дѣвками, разодѣтыми в костюмы всевозможных красок и цвѣтовъ, такъ что издали представляла собою какой-то движущийся цвѣтник. Тут сердце мое—сердце завзатаго фотографа—забилося ускореннымъ темпомъ. Нашъ возница, молдаванъ, зыкнулъ на лошадей и пустилъ ихъ подъ гору сколько было духу. Мы влетѣли в селение съ разною, поднявъ пыль столбомъ, промчались мимо корчмы, около которой играла музыка, и остановились подъ вербами, вблизи дороги. Доставъ из тарантаса аппаратъ, я поставил его на установленный мной коллегой треножникъ, и только-что я накрывъ чернымъ сукномъ съ тѣмъ, чтобы навесив объективъ на тащущийся кругъ, какъ вдругъ среди тащущихся произошло какое-то движение, суматоха, дѣвки оставив паробковъ, сблизив в кучу, а затѣмъ съ страшнымъ крикомъ пустились вразсыпную, кто куда... Мы видѣли, какъ они прыгали через плетви, неслись через огороды по грядкамъ, выбѣгали за село и прятались въ высокую кукурузу. Музыка сразу перестала играть. Паробки, собравшись около корчмы, глухо о чемъ-то разговаривали. Мы положительно ничего не понимали, видѣли лишь, что толпа движется в нашу сторону. Первыми насъ обступили бабы. Онѣ молчали; въ ихъ взорахъ, обращенныхъ в нашу сторону, было столько злости, столько ненависти, что намъ положительно-таки становилось жутко.

— Что случилось? Отчего дѣвки разбѣжались?—спросилъ я.

— А, что, не говорила я? Развѣ я не говорила вамъ, матушки мои! Приѣхали отъ чернаго царя, чтобы запротестовать в неволю нашихъ дѣвокъ, а еще спрашиваетъ, отчего дѣвки поубѣжали! А все злое да нехорошее на ваши головы!—подскочила къ намъ одна баба и ударила кулакъ о кулакъ.

«Ей не дали окончить. Пронзисенная ею слова были каллеи, переполнившей сосудъ: бабы загудѣли, словно рой раздраженныхъ пчелъ. Наконецъ, гвалтъ окончился, съ одной стороны плачешь, а съ другой—бранью и проклятиями. Здѣсь же, за нами, сидѣла на землѣ какаля-то женщина и, всхлипывая, приговаривала:

— Дѣвѣ и дѣвѣ, кумушки мои, изо-дня-въ-день ревня реветь мой Домаха... Молчи, говорю ей, дура, а она: «повѣнчусь, говоритъ, утоплюсь, лучше мнѣ на свѣтъ не жить, нежели къ черному царю идти»... Молчи, дура, говорю ей, а она...

— Ты чего стала, какъ свинья передъ тыквой? Почему не возьмешь колъ, да не расценишь имъ ихнюю машину, которой они людей калѣчатъ. Или и ты къ черному царю захотѣла.

«Что за чертовщина?.. Черный царь... машина, которая людей калѣчитъ. Ничего не понимаю. Улавливал однако изъ невообразимаго хаоса отдѣльные слова, и пришелъ къ заключенію, что, благодаря неясному оповѣщенію старосты про намъ приѣздъ, въ народѣ сложилась легенда: насъ принимаютъ за посланцевъ отъ какого-то чернаго царя, поручившихъ намъ «выбить натрети» съ дѣвокъ, а затѣмъ приѣдутъ другіе и половятъ тѣхъ, которые поправятся черному царю. Другая версия утверждала, что мы антихристы и своею машиною клеймимъ

людей. Меня раздражала злость. Я началъ посылать бабамъ, затѣмъ мы приѣхали и какаля это машина съ нами. Но гдѣ взять. Не вѣрять мнѣ да и конецъ! Все свое мелю, даже еще больше загадѣли!»

— Тыфу на васъ, глупыя бабы,—говорю наконецъ:—можетъ-быть ваши мужья поумнѣе,—взять свой аппаратъ и направиться къ мужикамъ.

«Только-что сдѣлать я съ своимъ треногимъ другомъ нѣсколько шаговъ по направленію къ мужикамъ, которые молча стояли въ сторонѣ, какъ вдругъ шарахнется мой Гудуля отъ аппарата, словно отъ чорта... Что тутъ дѣлать? Я и объективъ вынималъ, и аппаратъ разбираю, показывалъ, что онъ не стрѣляетъ, какъ утверждаютъ бабы—ничего не помогаетъ, никто не рѣшается подойти близко къ аппарату: все со страхомъ и недоверіемъ слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ. Бабы же все подзадоривали, все возбуждали противъ насъ мужиковъ:

— Ну ужъ и отцы у насъ! Ну ужъ и паробки! Если бы даже на глазахъ у нихъ хватили и увозили дочерей и дѣвченекъ, то они смотрѣли бы лишь встѣдъ, разныя роты.

«Мужики сначала лишь враждебно поглядывали на насъ, а затѣмъ и между ними начали мы замѣчать волнение и рсноту. Какой-то старикъ-оборванъ безъ шапки началъ ругать и проклинать «нановъ». Боже мой, чего только онъ не желалъ намъ, какихъ только проклятій не посылалъ онъ на ихъ головы! Масса народа, среди хохота и насмѣшекъ, подхватила ругань и проклятія старика... Наше положеніе дѣлалось очень неприятнымъ. Эта масса сврзжившихъ насъ дикарей свирѣпѣла все больше; ненависть ихъ къ намъ все больше разгоралась. Я ужъ думалъ обратиться къ старостѣ, но къ нашему прискорбію его не оказалось дома,—онъ уѣхалъ въ городъ на ярмарку.

«Но вотъ на наше счастье, или вѣрнѣе несчастье, изъ толпы народа вышелъ какой-то человекъ, смѣло подошелъ къ намъ, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ аппаратъ и попросилъ «выбить» съ него портретъ.

«Ну, благодареніе Богу,—подумали мы:—авось наша экскурсія не пропадетъ напрасно...»

— Знаете что, любезный,—обращаюсь я къ подошедшему:—подговорите-ка нѣсколько человекъ умныхъ, толковыхъ парней, мы всѣхъ васъ вмѣстѣ и снимемъ.

— Хорошо, говорить, и ушелъ въ толпу.

«Извѣстие о нашемъ намѣреніи «выбить натрети» съ парней молніей облетѣло народъ. Въ одинъ моментъ озарила толпу новая мысль: черному царю нужно для войска красивыхъ солдатъ, и мы, посланцы царя, приѣхали-де за тѣмъ, чтобы снять портреты съ видныхъ, красивыхъ парней. Къ извѣвшему же желанію сняться подскочила жена и съ волевымъ оттащила его въ толпу. Бабы подняли страшный крикъ; мужики начали приходить въ ярость. Изъ корчмы выбѣжали нѣжные парни, бросились къ плетню, вытащили колъ и къ намъ...

— Вей ихъ!.. Луни по головѣ! Ломай чертовскую треногую коробку! Не видать имъ насъ подъ чернымъ царемъ!

«Насъ окружили со всѣхъ сторонъ. Я схватилъ свой аппаратъ и тѣмъ спасъ его отъ неминуемой гибели: огромнѣйшій колъ мелькнулъ передъ моими глазами и, не задѣвъ аппарата, ударилъ б-земъ. Мой компаньонъ, до-смерти испуганный происшедшимъ, схватилъ черное сукно, началъ размахивать имъ въ воздухъ и кричать не своимъ голосомъ:

— Караулъ, спасите!

«Неизвѣстно, тѣмъ окончилась бы эта история, если бы нашъ возница молдаванъ, видя наше безвыходное положеніе, не пробился бы съ лошадью черезъ толпу. Мы моментально вкопали въ тарантасъ, молдаванъ ударилъ по лошадямъ, но паробки схватили тарантасъ за колеса и не дали намъ двинуться съ мѣста.

— Опрокинь повозку!.. Опрокинь повозку!—раздались крики изъ толпы.

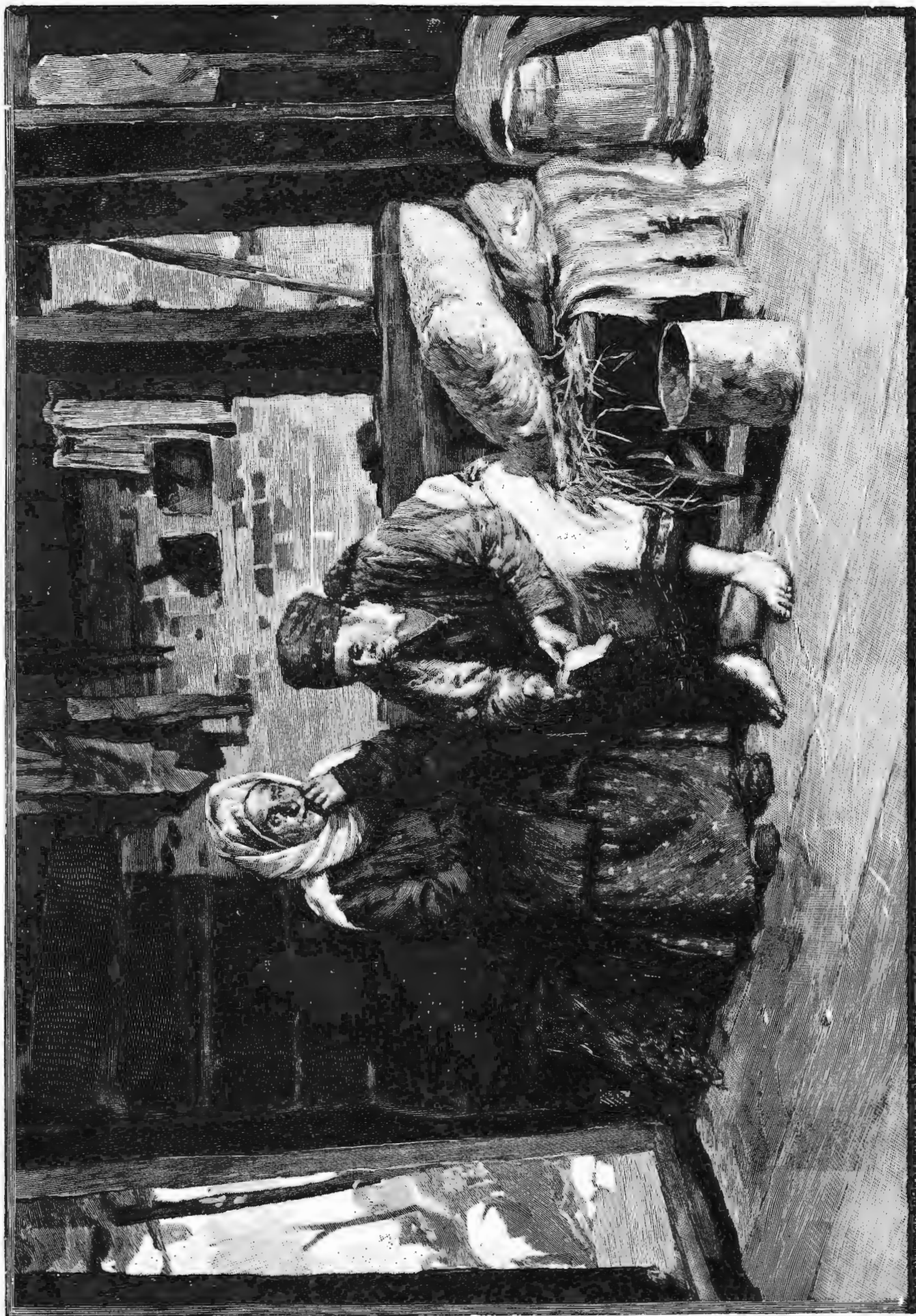
«И навѣрное насъ опрокинули бы, если бы неперуганные лошади не рванули тарантасъ и не помчали насъ на гору съ такой быстротой, съ какой мы спускались съ горы полчасу тому назадъ. Мы летѣли настолько быстро, что духъ захватывало, а встѣдъ за нами съ гикомъ и свистомъ гнались парни.»

Солошко перевелъ духъ, провелъ рукой по лбу; этия жестомъ онъ, казалось, хотѣлъ отогнать неприятное воспоминаніе, выпилъ залпомъ стаканъ остывшаго чая и продолжалъ свой рассказъ:

— Всею дорогою я не помнилъ себя отъ злости. Темный, дикій, безголловый народъ! Изъ-за какой-то дурацкой выдумки, какой-то глупой легенды, этотъ народъ готовъ былъ разбить лирически аппаратъ, изуродовать меня или даже совсѣмъ лишитъ жизни... Послѣ этого происшествія тотъ народъ, та роскошная Гудуля, красотой и типомъ которой я восторгался, теперь казалась мнѣ шайкой разбойниковъ, которымъ мѣсто въ тюрьмѣ, на каторгѣ, а не на волѣ. Я бранился, мнѣ хотѣлось пилить желчь, которая кипѣла во мнѣ и возбуждала злобу. Дома я немного пришелъ въ себя, но ночь провелъ очень беспокойно. Тяжелые сны, прерывалъ сонъ, пере-

Въ Карпатахъ. Съ карт. Арслава Вѣшина, грав. Крель.

Третьяковская галерея. „Приятелиницы“. Сь карт. А. Е. Архипова, граф. И. Павловъ.

догнались съ не менѣ тяжелыми воспоминаніями и какимъ-то необъяснимымъ предчувствіемъ, которое поднималось откуда-то изъ глубины души. На другой день я почувствовалъ себя пехорошо. Какой-то гнетъ на сердцѣ не давалъ мнѣ покоя. Наирасно я старался развлечься въ обществѣ знакомыхъ и товарищей. Куда бы я ни шелъ, отовсюду я возвращался разстроеннымъ. Что за притча? Неужели, думаю, этотъ несчастный случай, который могъ бы гораздо хуже окончиться, такъ нарушилъ мой покой? Я сердился на себя, называлъ себя вѣжкою — ничего не помогало. Я потерялъ сонъ, аппетитъ, моя жизнь совершенно вышла изъ обычной колеи. Я наконецъ пересталъ бывать въ обществѣ, никого не принималъ у себя, заперся въ своей квартирѣ. Однако тотъ темный, дикій народъ, который я проклиналъ, и дѣлъ не давалъ мнѣ покоя. Мое воображеніе безпрестанно возставляло въ памяти недавнее приключеніе, а мысли... мысли насильно дѣлали мнѣ въ голову... Я думалъ: живутъ люди бокъ-о-бокъ — одни безпомощные, одичалые, другіе — образованные, просвѣщенные, полные знаній, и не сходятся между собой, какъ будто между ними лежитъ странная пропасть. Эта мысль овладѣла всѣмъ моимъ существомъ. Свѣтъ стоитъ рядомъ съ непроглядной тьмой и не можетъ разсѣять эту тьму. Для чего же этотъ свѣтъ? Чего онъ стоитъ? Вспомнилъ мнѣ лучшие люди изъ тѣхъ, кого я зналъ, вспомнилъ, какъ эти люди, мои товарищи, бывало, собравшись у одного изъ нихъ, взапуски высказывали одинъ передъ другимъ свою любовь къ народу (Помните мои рѣчи? Мнѣ и до сихъ поръ совѣстно за нихъ); и я увидѣлъ, что у тѣхъ людей, часто искреннихъ на словахъ, недостаетъ чего-то, недостаетъ собственно мужества перейти отъ словъ къ дѣлу, и вмѣсто громкихъ, сильныхъ словъ — дѣлать хоть маленькое, но полезное дѣло... Вглядѣлся я въ пережитую мною беззаботную, пустую жизнь. Что она мнѣ дала? Какую пользу принесъ я народу въ теченіе пережитой мною времени? Была ли у меня хоть одна истинная радость? Испыталъ ли я хоть разъ нравственное удовольствіе отъ выполненія лучшихъ, высшихъ человѣческихъ обязанностей? Хоть пальцемъ повелъ ли я, чтобы освѣтить ту безпросвѣтную тьму, ту пропасть, которая недавно чуть не поглотила меня. Всѣ эти мысли были не новы для меня. Сколько разъ я краснорѣчиво говорилъ на эту тему на нашихъ товарищескихъ собраніяхъ. Но въ тѣ времена я никогда не допускалъ мысли о возможности самому, лично осуществить эту идею на дѣлѣ, да и не считалъ ее достойной своей персоны. Только теперь, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавняго проществія, я почувствовалъ, какъ щемитъ мое сердце, какъ мучатъ меня эти мысли. Все то, съ чѣмъ раньше соглашался лишь разсудокъ, и не соглашалась ослабленная воля, чего не допускалъ собственный эгоизмъ — все то, говорю, съ необычайною силою встало передо мной, овладѣло всѣмъ моимъ существомъ и требовало къ отвѣту. Не буду рассказы-

вать вамъ подробно всю борьбу, которую пришлось вести мнѣ съ собою, со своими привычками, застарѣлыми взглядами — скучно покажется вамъ слушать все это. Достаточно только сказать, что я нехудалъ, сдѣлался странно задумчивымъ, хмурымъ. Знакомые освѣдомились, не болѣнъ ли я? И я, вправду, былъ болѣнъ, но болѣзнъ моя происходила отъ нравственнаго неудовлетворенія, отъ пустоты моей жизни. Удивительно дѣло! Съ того времени я возненавидѣлъ свой аппаратъ, какъ будто онъ былъ причиной моихъ страданій!.. Я собралъ всѣ фотографическія принадлежности, забросилъ ихъ въ уголъ вмѣстѣ съ аппаратомъ и накрылъ все это чернымъ сукномъ. Печально смотрѣлъ на меня изъ угла мой бывшій пріятель; но мнѣ было не до него.

„И знаете, чѣмъ окончился первый актъ моей драмы? Я загулялъ... Въ два мѣсяца я столько вынулъ, что другому хватило бы на цѣлую жизнь... Два мѣсяца голова моя была отуманена спиртными парами, а на сердцѣ, попрежнему, была тоска... Надо имѣть желѣзныи организмъ, какъ у меня, чтобы вынести два мѣсяца такой жизни... и вотъ тѣло вынесло — не вынесъ духъ... Я не залилъ того червя, который безпрестанно точилъ мое сердце; нужно было искать иного спасенія...

„Въ одну безсонную ночь я рѣшилъ...

„Я бросилъ службу, продалъ свой аппаратъ, свои костюмы, сколотилъ копейку и отправился въ это село, но уже не посломъ чернаго царя, а посломъ царя яснаго, свѣтлаго, имъ которому — просвѣщеніе, знаніе и любовь.

„Васъ можетъ-быть удивляетъ, почему я сдѣлался торговцемъ, а не учителемъ или писаремъ... Видите ли, на этой почвѣ для меня удобнѣе работать. Будучи торговцемъ, я чувствую себя свободнымъ, никому не обязаннымъ, — почему и пахожу эту почву болѣе удобной для сближенія съ народомъ; при такой жизни лучше можно узвать его и усильнѣе дѣло дѣлать“.

— Только много ли сдѣлаетъ одинъ человѣкъ? — прибавилъ Солонко послѣ минутнаго размышленія.

Вечеръ прошелъ незамѣтно. Сквозь открытое окно глядѣла на насъ темная ночь, на свѣтъ лампы легли ночныя бабочки и блился объ етекло; самоваръ тихо оканчивалъ свою заунывную пѣсню, а мы еще долго, до поздней ночи вели бесѣду.

Съ вѣрой, съ завальчивостью неопита, развивать предо мною Солонко планъ своей дѣятельности въ селеніи, дѣлился со мной своими наблюденіями, своими радостями и печальями, а я слушалъ и чувствовалъ, какъ отдыхаетъ мое сердце, какъ мнѣ хочется вмѣстѣ съ нимъ и вѣрить, и надѣяться. Поздно мы легли спать въ ту ночь, а на другой день, лишь только взошло солнце и разсѣялся туманъ, а журавли по крышамъ хатъ, выгнувшись на одной ногѣ, прилѣтствовали однообразнымъ звукомъ раннее солнце, я покидалъ руснацкое селеніе, поднимавшееся отъ сна въ это чудное лѣтнее утро и начинавшее свой трудовой день.

Къ полярнымъ экспедиціямъ Роберта Пири.

Имя американскаго морскаго офицера Роберта Пири хорошо извѣстно всѣмъ сколько-нибудь интересующимся изслѣдованіемъ арктическихъ странъ. Имъ уже совершены три полярныя экспедиціи, увѣнчанныя довольно значительнымъ успѣхомъ. Только экспедиція, предпринятая имъ въ 1896 г., главнымъ образомъ, съ цѣлью привезти въ Соединенные Штаты самый крупный изъ геѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ метеорологъ, не оправдала, въ этомъ отношеніи, возлагавшихся на нее надеждъ: подъемные инструменты оказались недостаточно сильными и поломались, когда дѣло дошло до нагрузки гигантскаго камня на бортъ корабля. Нынѣшній годъ оказался счастливымъ. Пароходъ „Надежда“, снаряженный для научныхъ экспедицій Пири, проведя довольно бурное лѣто въ Ваффинговомъ заливѣ, гдѣ путешественникомъ собрана богатая этнографическая коллекція и погруженъ на бортъ знаменитой Капъ-Йоркской метеоритъ, осенью благополучно вернулся въ Нью-Йоркъ и выгрузилъ въ Бруклинѣ свое сокровище — громадный небесный камень (рис. на стр. 215). Размѣры метеорита невиданные: 12 футовъ въ длину, 8 фут.—въ ширину и 6 фут. въ вышину, вѣсъ же его до сихъ поръ еще не опредѣленъ съ точностью. Составная масса его заключается въ себѣ 92% желѣза и 8% никеля, если не считать еще нѣкоторыхъ составныхъ частей, находящихся въ очень незначительномъ количествѣ. На видъ метеоритъ синевато-чернаго цвѣта, и нужно пристально взглянуть въ него, чтобы убѣдиться въ его металлической природѣ.

Извѣстно, что еще въ 1818 г. Джонъ Россъ, посѣтивъ во время своего плаванія мысъ Юркъ, слышалъ тамъ о гигантскомъ метеоритѣ, но самъ его не видавъ. Позлѣка спустя, путешественникъ Ингльфильдъ, возвратясь изъ своей поѣздки на сѣверо-западный берегъ Гренландіи, сообщилъ, что у туземцевъ близъ мыса Юрка онъ видѣлъ пожи и наконецъники копій, выдѣланные изъ металла, похожаго на желѣзо. Не вопросъ, откуда туземцы берутъ этотъ металлъ, они отвѣчали, что откалываютъ его отъ большихъ камней; но какъ ни ста-

раза Ингльфильдъ допытатся, гдѣ собственно мѣстонахожденіе этихъ камней, ему такъ и не удалось узнать это. Не болѣе успѣшны были попытки и позднѣйшихъ изслѣдователей, пока наконецъ, четыре года тому назадъ, капитану Пири не удалось найти на сѣверномъ берегу Мельвиллскаго залива, близъ мыса Юрка, и собственными глазами увидѣть феноменальный метеоритъ.

„Меня ничуть не удивляетъ, — говоритъ Пири — что невѣроятные обитатели той гиперборейской страны относились къ этому чудесному камню съ благоговѣніемъ и видѣли въ немъ что-то сверхъестественное. Имъ и въ голову поэтому не приходило повредить камень, хотя это всегда было въ ихъ власти. Впервые я услышалъ объ этомъ громадномъ камнѣ отъ эскимосовъ; они рассказывали мнѣ о какомъ-то гигантскомъ камнѣ, лежащемъ неподалеку отъ берега и брошенномъ туда какимъ-то божествомъ“.

При первоначальномъ открытіи камня въ 1894 г., Пири видѣлъ только верхнюю часть его, вздымавшуюся изъ-подъ земли, но и по этому одному уже можно было судить, что съ помощью пилъвишней тогда подъ руками подъемныхъ инструментовъ метеоритъ нельзя погружать на судно. Попытка 1896 г. оказалась, какъ уже сказано, тоже неудачной, и только въ прошломъ году удалось, съ помощью гидравлическихъ подъемныхъ машинъ, поднять изъ земли, съ семифутовой глубины, эту громадную металлическую массу и такъ умѣстить ее на суднѣ, чтобы она не служила препятствіемъ къ благополучному плаванію. Метеоритъ былъ уложенъ на особоустроенный помостъ въ килевой части „Надежды“, откуда его и подняли въ Бруклинѣ съ помощью сильнѣйшихъ крановъ и перемѣтили на сушу. На зрѣлище это собралась, конечно, толпа любопытныхъ; но еще болѣее вниманіе, чѣмъ гигантскій камень, возбуждалъ къ себѣ въ толпѣ самъ Пири и его спутникъ — вѣрный его спутникъ въ полярныхъ экспедиціяхъ, полиныхъ невзгодъ и лишений, а также семья эскимосовъ, привезенная путешественникомъ и состоящая изъ шести человѣкъ. По выгрузкѣ съ „На-

дежды" метеорит временно помещенъ въ одномъ изъ доковъ; когониное мѣстопробываніе его пока еще не избрано.

Во время этого счастливаго путешествія у Пири созрѣлъ планъ предпринять эгиму лѣтомъ экспедицію къ Сѣверному полюсу; онъ рѣшилъ или погибнуть, или добиться намѣченной цѣли. Вотъ что самъ онъ пишетъ по этому поводу въ журналѣ *Scientific American*:

"Въ послѣднюю свою поѣздку я вступилъ въ соглашеніе съ полярными эскимосами, съ однимъ ихъ племенемъ, состоящимъ изъ двухсотъ тридцати душъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей и живущимъ сѣвернѣе всѣхъ остальныхъ племенъ. Они обязались подготовить для меня въ теченіе текущей зимы какъ можно больше всякихъ медвѣжьихъ, тюленьихъ и оленьихъ шкуръ для нашихъ одѣяній и моржоваго мяса для корма собакъ. Кроме того, я подрядилъ восьмерыхъ молодыхъ людей, съ женами, лодками, санями и юртами, сопроводить меня до Осборнскаго фьёрда, лежащаго на 300 миль сѣвернѣе ихъ настоящаго мѣста поселенія".

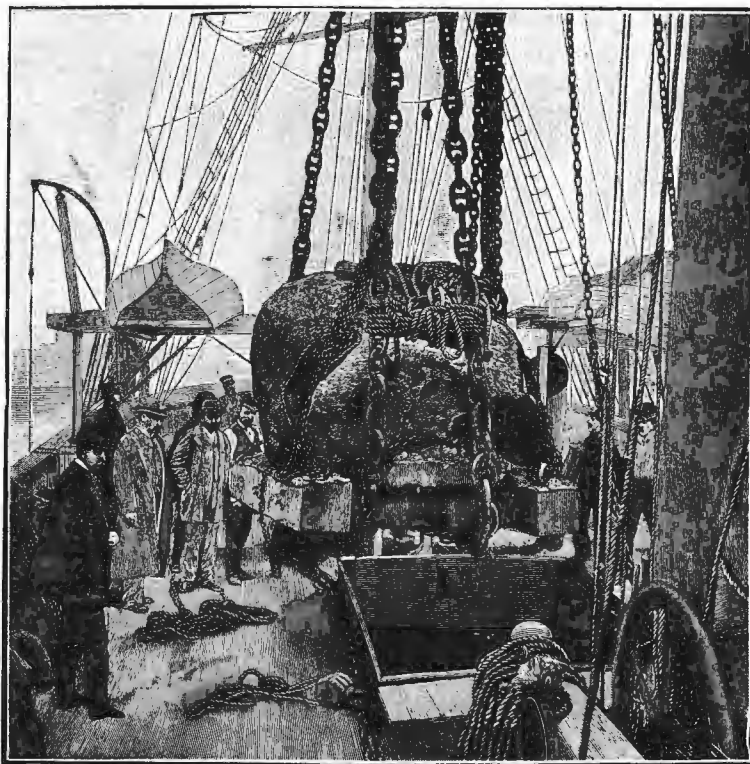
Этотъ фьёрдъ (заливъ), лежащій подъ 82-мъ градусомъ сѣверной широты, Пири избралъ исходнымъ пунктомъ для своей предстоящей полярной экспедиціи, разсчитанной на пять лѣтъ.

"Въ составъ моей экспедиціи, — продолжаетъ Пири:— войдетъ врачъ, еще, быть-можетъ, одинъ бѣлокожій, да я самъ, а остальные будутъ эскимосы. Они умѣютъ обходиться съ собаками, прекрасно переносятъ голодъ и всегда найдутъ себѣ пищу среди мертвой природы. Обязательства,

при которыхъ мнѣ предстоитъ начать экспедицію, очень благоприятны. Американское географическое общество ассигновало мнѣ на расходы полтораста тысячъ долларовъ. На пять лѣтъ мнѣ данъ отпускъ. На будущій годъ я выстрою новый корабль, хотя, быть-можетъ, мы опять воспользуемся „Надеждою“. На этотъ разъ жена не будетъ сопровождать меня".

"И вполне увѣренъ, что мнѣ удастся достигнуть полюса. Планъ приближился къ нему на 260 миль, у Андрэ же былъ едва ли изъ тысячи одинъ шансъ попасть къ полюсу на шарѣ. Не думаю,—пессимистически заканчиваетъ Пири свое мнѣніе объ Андрэ:—чтобы Андрэ достигъ чего-нибудь; вѣроятно все же, что смѣлая попытка стоила ему жизни".

Изъ дальнѣйшаго развитія плана экспедиціи Пири видно, что онъ намѣревается въ теченіе перваго же лѣта двинуться изъ Осборнскаго фьёрда насколько возможно дальше на сѣверъ и тамъ поселить своихъ эскимосовъ на зиму, снабдивъ ихъ обильнымъ провіантомъ, по крайней мѣрѣ на годъ. Самъ онъ затѣмъ вернется въ Бостонъ, а слѣдующею весною, съ запасомъ провизіи лѣтъ на пять, отправится отыскивать своихъ эскимосовъ. Судно его будетъ потомъ каждый годъ посѣщать это эскимосское поселеніе, а самъ онъ съ товарищами будетъ пропикать все дальѣе и дальѣе на сѣверъ, складывать въ извѣстныхъ мѣстахъ запасы провіанта и, устанавливая станцію за станціей, надѣется въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дойти до такого пункта, откуда ему будетъ уже недалеко до конечной цѣли—до полюса.

Выгрузка величайшаго метеорита въ Бруклинской гавани.

Къ рисункамъ.

Въ настоящемъ номерѣ мы даемъ еще двѣ картины, составлявшія украшеніе англійской выставки. Голландскій художникъ Альма-Тадема, принявшій въ прошломъ году англійское подданство, но живущій въ Лондонѣ еще съ семидесятихъ годовъ, специализировался на античной жизни, изображаемой художникомъ съ изумительной тщательностью и съ большимъ талантомъ. Изящество рисунка и реальность изображаемыхъ имъ типовъ составляютъ главное достоинство его картинъ, которыя цѣнятся вообще очень высоко. Всѣ эти качества отличаютъ и появившюся на англійской выставкѣ картину его: „Розы — наслажденіе любви“, приобретенную Государемъ Императоромъ. Центръ картины занятъ женскою фигурой, сидящей за мраморнымъ столомъ. Молодая дѣвушка углублена въ приятное занятіе: она приготовляетъ вѣнокъ изъ душистыхъ розъ къ предстоящему пиршеству и невольно переноситъ туда мысли, представляя себѣ въ одномъ изъ такихъ роскошныхъ вѣнковъ, безъ которыхъ не обходится праздникъ счастливой любви. По ея правильному лицу разлита цѣга, и замахъ цвѣтовъ слегка кружитъ ей голову. „О, розы Пестума, классическія розы!“—быть-можетъ шепчетъ ея коралловыя уста. Вдали виднѣются удаляющіяся рабыни, несущія на жердяхъ уже готовые вѣнки и гирлянды. Перспектива сада (peristylum), выступающаго изъ-за колоннъ, бьется предъою, тропическіе пальмы, наконецъ, самый мраморъ выписаны съ неподражаемой точностью. Воздухъ — свѣтлый, ласкающій глазъ.

*

Въ глухой сибирской тайгѣ ютится осторожный, недовѣрчивый, чуткій и энергичный соболь, этотъ царекъ между всѣми остальными хоряковыми видами. Онъ какъ будто знаетъ, какую драгоценность составляетъ его красная, бархатная шубка, и тщательно причетъ ее отъ завистливыхъ глазъ человека.

Лѣтомъ, звѣрекъ этотъ почти недоступенъ — топи и болота таежныхъ лѣсовъ, непроходимыя чащи кустарныхъ зарослей трущобы лѣсопадовъ—превосходно защищаютъ соболя въ его царствѣ. Но зимою—все тонкое замерзаетъ, по гребнямъ сиб-

говыхъ заносовъ легко скользятъ лыжи промышленника, и крохотная пуляка сибирекой гранчаткѣ инстинктивно безъ вышья виноватаго...

А вмѣстѣ съ косоглазымъ буряткомъ—звѣропромышленникомъ въ такія малодоступныя, таинственныя чащи вѣсковыхъ сибирскихъ лѣсовъ проникаетъ и зоркій, впечатлительный глазъ художника, улавливая всю прелесть дикой природы, правы ли общаея обитателей, съ тою только разницею, что талантливый карандашъ не обгащается кровью, а заноситъ на бумагу свои впечатлѣнія, дѣлясь ими съ тѣми, кто сидитъ покойно дома.

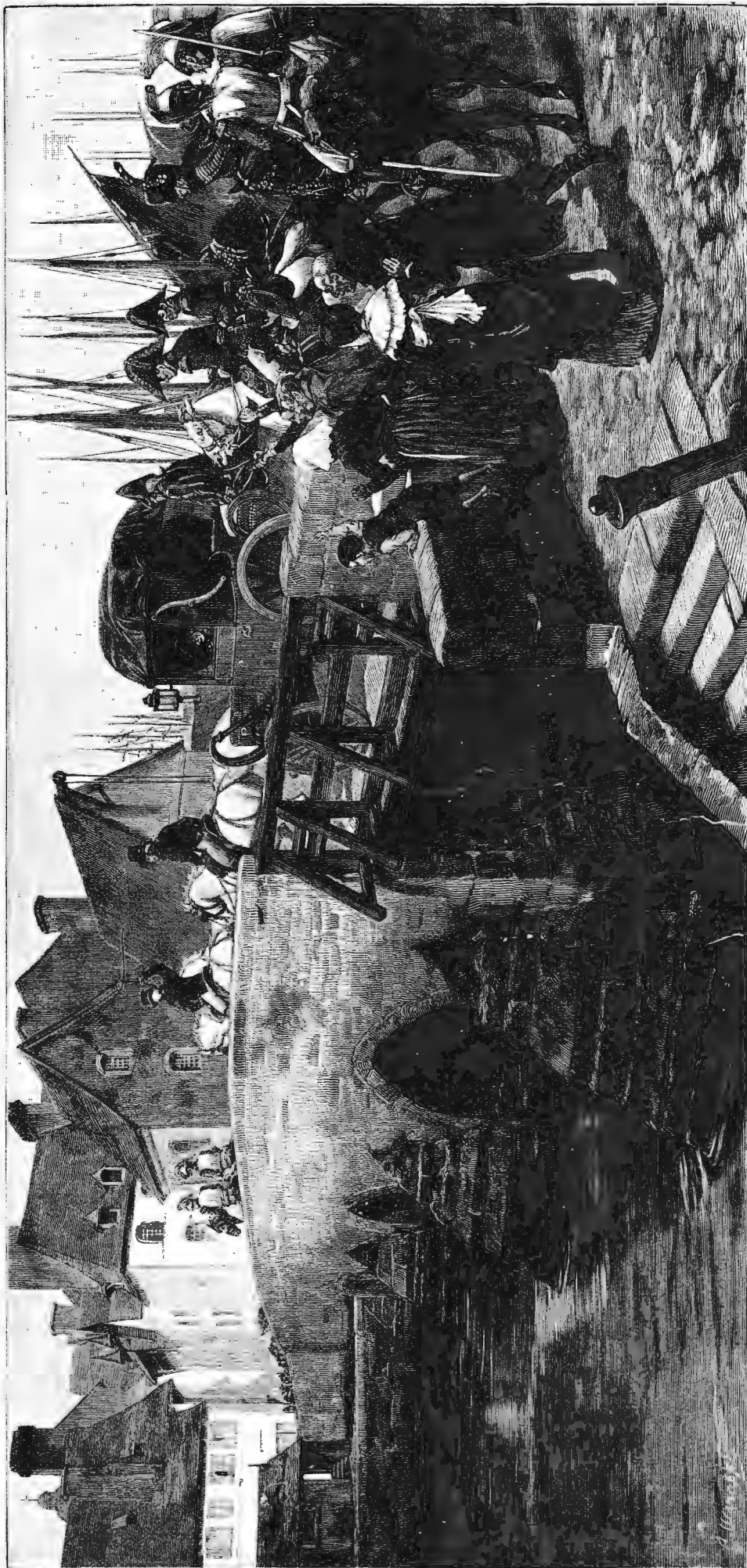
*

„Весь въ дегтю, въ смолѣ, какъ чумаки“,—гласитъ русская поговорка, сразу указывающая на отхожіи промыслы этого извозчика на волахъ. Въ былое время чумаки отвозили обозомъ на Донъ, въ Запорожье, къ Очакову и въ Крымъ хлѣбъ и разныя товары, а оттуда брали рыбу и соль. Теперь этотъ промыселъ сильно упалъ какъ въ Новороссійскомъ краю, такъ и въ Малороссіи. Слово „чумаки“ прежде объясняли именемъ чумы, которую будто бы чумаки завозили изъ Крыма,—почему они всегда и носятъ чумную дегтярную рубашу. На татарскомъ же языкѣ чумаки означаютъ просто перевозчиковъ. Въ южно-русскихъ архивахъ сохранилось сказаніе о первомъ атаманѣ-путеводителѣ Шнакѣ, который умѣлъ водить чумацкіе караваны не обычнымъ „чернымъ шляхомъ“, а по прекраснымъ долинамъ близъ воды, не подвергая ихъ опасности въ пустыни. Ружье, нарка да на груди мѣшокъ, въ которомъ хранится билетъ съ казенной печатью русскаго пограничнаго чиновника и съ переводомъ ярыка на турецкій языкъ,—вотъ необходимыя принадлежности прежняго чумака, этого героя стени, жертвы засухи, голода, жажды, разбойниковъ и притѣсненія мѣстныхъ мурзъ и каймакановъ. Многія семьи еще до сихъ поръ чумакаютъ, храня преданія о дѣдахъ и прадѣдахъ, воспѣтыхъ во многихъ народныхъ пѣсняхъ. Чумаки, по словамъ извѣстнаго историка Косежмарова, является въ Малороссіи отраженіемъ угасшаго рыцарства. Онъ былъ вызванъ къ дѣятельности общественными нуждами и

народным духом Украины. Прежде, чѣмъ казакъ обратился въ поселенца, онъ сталъ чумакомъ и бурлакомъ. Вотъ почему чумака по званіямъ — мужикъ, по-духу — казакъ. Чумацкія „гиґада“, т.-е. слободы, гдѣ поселенцы исключительно занимаются перевозомъ, — самыя богатныя и извѣстныя на югѣ наперечетъ. Вы не смотрите на то, что чумаки ходятъ въ сермягѣ и порванныхъ сапогахъ и снимаютъ шапку передъ каждымъ землемъ и горожаномъ, — за голенищами его сапогъ подчасъ имѣется полная касса для оборотовъ. Дни вѣйшіе изъ лѣтнихъ — чумаки зимою ровно ничего не дѣлаютъ. Они отдають своихъ воловъ на зимовку по деревнямъ, гдѣ много сѣна, и на винокурениныя заводы, гдѣ ихъ откармливають „бардою“. Чумаки не жалѣютъ для нихъ денегъ и требуютъ, чтобы ихъ воловъ кормили до отвалу. Въ зимнее время чумаки по дѣламъ недѣл�мъ сидятъ на печи, но едва нахнуло весной, — онъ уже на ногахъ. Начинается заготовленіе фуръ, поправка возовъ, починка колесъ, осей и покрышекъ на соль и рыбу, а также посѣщеніе весеннихъ ярмарокъ, гдѣ можно купить или продать вола. Передъ лѣтомъ чумаки отправляются въ путь обозомъ, который называется вѣлкой, а передовой вожатый — ватажкомъ. Идя въ обратный путь, чумаки берутъ болѣе кладя, чѣмъ отправились изъ дому. Возвращеніе чумаковъ ожидается обыкновенно осенью на заморозкахъ.

Типъ украинскаго чумака, закуривающаго трубку („люлька“), схваченъ г. Изакевичемъ очень живописно. Особенно удался ему свѣтвой эффектъ, бросающій на овалъ лица отраженіе мигающей зажеженной спички.

Художникъ Ярославъ Вѣшнякъ принадлежитъ къ лучшимъ славянскимъ живописцамъ послѣдняго времени. Природа горъ — особенно излюбленный имъ сюжетъ, и онъ, дѣйствительно, въ этой области достигаетъ совершенства. Взгляните на его картину, полную захватывающаго движенія, на которой воспроизведена бѣшеная вѣла въ Карпатахъ, — стремительный спускъ на тяжелыхъ розвальняхъ, запряженныхъ парю горячихъ лошадей. Сколько жизни и какой широкой размахъ кисти! Интересны и фигуры ѣдущихъ, — бравата усача и молодой подруги, прильнувшей отъ страха къ его плечу. У нея духъ захватывается, а онъ, поспѣваясь, только держитъ вожжи, нагнувшись стрѣлой. Ей и жучко, и любо вдвоемъ съ млыжъ въ этой безграничной сѣвѣнной пустынѣ, теряющейся далеко-далеко, гдѣ-то тамъ внизу. Изъ-подъ глубо-

Выставка англійскихъ художниковъ въ С.-Петербургѣ. „На пути къ изгнанію“. Прибытіе Наполеона I въ Рошфоръ, въ 1815 г. Съ картины Андру С. Гау, по фот. I. Глябовскаго грава. Шпигеръ.

каго сѣтѣ пробиваются вѣтки мелкаго кустарника; по небу въ разныхъ направленихъ тянутся облака. Словомъ, зимній пейзажъ предъ нами во всей красотѣ и даетъ намъ ясное представление о величавой природѣ Карпатскихъ горъ.

Въ Третьяковской галереѣ имѣется прекрасная картина А. Е. Архипова, изображающая двухъ пріятельницъ, бесѣдующихъ по душѣ въ убогой избушкѣ. Одна заболѣла и другая пришла ее провѣдать, перекинулись словечкомъ. Разуменься, сначала поговорили о деревенскихъ новостяхъ, а затѣмъ перешли къ неминуемому вопросу о смерти. „То-то, чай, холодно, страшно въ могилушкѣ?“—охая и вздыхая промолвила больная, и завязались нескончаемые разговоры о „томъ“ свѣтѣ.

„Охти-миѣ... охъ! угрозу въ преисподнюю!

Разъ, какъ забрили сына,

Я возрпталъ на благодсть Господню,

Въ постъ испила молока,—

То-то я грѣшница! То-то преступница!

Съ горя валялась пьяна...

Божія Матерь! Святая заступница!

Вся-то грѣшна я, грѣшна!“

Лица бесѣдующихъ пріятельницъ — унылыя, точно дѣйстви-

очагу британскаго народа и отдаетъ себя подъ охрану его законовъ; но регентъ не могъ принять рѣшеніе безъ парламента и своихъ союзниковъ, капитанъ корабля, на который вступилъ Наполеонъ, принялъ его, какъ военнопленнаго. Наполеонъ потерялъ присутствіе духа и понялъ, наконецъ, что его дѣло окончательно проиграно. Англійское правительство, съ согласія союзниковъ, назначило ему мѣстомъ заключенія островъ св. Елены, куда и доставилъ его 18-го ноября корабль „Беллерофонъ“. На картинѣ Гау изображена карета злополучнаго императора, поднимающаяся на каменный мостъ въ предмѣстїи Рошфора, и изъ ея окна высматриваетъ обрюзгое лицо Наполеона. За каретой—нѣсколько случайныхъ зрителей и конвой всадинокъ. Композиція картины прекрасна по своей техникѣ. Картина пріобрѣтена Государемъ Императоромъ.

Чтенія съ туманными картинами для заключенныхъ владикавказской областной тюрьмы.

(Рисунокъ на этой стр.)

Въ ст. 91 устава о содержащихся подъ стражею тюремнымъ комитетами указано заботиться о томъ, чтобы заключеніе вело арестантовъ къ нравственному исправленію, а не служило къ ихъ ожесточенію“.

Чтенія съ туманными картинами во владикавказской областной тюрьмѣ. Съ фотогр. Алопкина автотипія „Нивы“.

тельно дни ихъ сочтены. Художникъ очень удачно воспроизвелъ ихъ душевное настроеніе. Искренность и простота — лучшее украшеніе этой картины.

Историческая живопись на англійской выставкѣ особенно выдѣлялась картиною члена королевской академіи, Андрю Гау: „На пути въ изгнаніе“. Изображенъ на ней моментъ прібытія императора Наполеона I въ Рошфоръ. Пораженіемъ французской арміи при Ватерлоо собственно была закончена эпопея Наполеона I, которая продолжалась всего 18 лѣтъ, но и въ этотъ короткій промежутокъ времени одинъ человѣкъ сумѣлъ вызвать страшныя бѣдствія и погубить безпримѣрное количество человѣческихъ жизней. Холодно, почти враждебно встрѣченный въ Парижѣ, Наполеонъ, спустя четыре дня послѣ рокового сраженія уже никому неопасный, вторично долженъ былъ подписать въ Елисейскомъ дворцѣ свое отреченіе отъ престола (22-го іюня 1815 г.). „Мои политическая жизнь окончена, и я назначаю императоромъ французовъ моего сына, Наполеона II“. Но эти слова не имѣли теперь никакого значенія. Блюхеръ, между тѣмъ, прібылъ въ Парижъ. Наполеонъ же все медлил покинуть французскую территорію, и, когда пріѣхалъ въ Рошфоръ, чтобы отплыть въ Америку, гавань уже была занята англійскими судами. Развѣнчанный герой написалъ тогда письмо англійскому принцу-регенту, въ которомъ, уподобляя себя Оемистоклу, говорилъ, что онъ садится къ

Опытъ многочисленныхъ русскихъ городовъ показалъ за послѣднее время, что народныя чтенія съ туманными картинами какъ нельзя болѣе отвѣчаютъ духовной потребности простолюдина и являются могучимъ средствомъ для его умственнаго и нравственнаго совершенствованія.

Если польза этихъ чтеній безспорно установлена относительно свободнаго гражданина, то несравненно глубже и неотрашимѣе она должна сказаться относительно узника, томимагося въ тюремномъ заключеніи.

Исходя изъ этой мысли, владикавказскій тюремный комитетъ устроилъ въ видѣ опыта нѣсколько чтеній съ туманными картинами для заключенныхъ областной тюрьмы при участіи преподавателей городскихъ училищъ г-жи Шредеръ и г. Павлова. Опыты эти оказались очень успѣшными. Чтенія произвели на заключенныхъ глубокое впечатлѣніе.

Вслѣдствіе этого изъ областного тюремнаго комитета отпущено было 150 руб. для пріобрѣтенія волшебнаго фонаря и туманныхъ картинъ. Все остальное было изготовлено въ тюремныхъ мастерскихъ трудами самихъ заключенныхъ, и дѣло чтеній для заключенныхъ, совершенно новое въ Россіи, стало на прочный и правильный путь. День, назначенный для этихъ чтеній, сдѣлался для заключенныхъ днемъ желаннымъ и всегда съ нетерпѣніемъ ожидаемымъ; слушатели относятся къ чтеніямъ, происходящимъ въ коридорѣ, съ самымъ глубокимъ вниманіемъ и даже благоговѣніемъ, какъ видно на нашемъ

рисункъ. Благотворное вліяніе чтеній на заключенныхъ признаю и въ Англии, гдѣ правительственная тюремная коммисія постановила въ 1896 г. учредить эти чтенія въ каторжныхъ тюрьмахъ, чтобы хотя нѣсколько облегчить узнику возможность переносить тяжесть суроваго англійскаго каторжнаго заключенія.

Содержаніемъ чтеній служатъ рассказы русскихъ писателей, статьи по исторіи, географіи, естествознанію, священной исторіи и т. д.

Узнавъ отъ тюремныхъ чтенійхъ, просвѣщенный чрезъ особо приглашеннаго священника выразилъ свое сочувствіе полезному дѣлу, а участвующимъ преподать свое архипастырское благословеніе.

Нравственная и матеріальная поддержка, оказываемая владавкавскимъ тюремнымъ комитетомъ дѣлу чтеній въ областной тюрьмѣ, служитъ вѣрнымъ залогомъ того, что это просвѣдательное начинаніе находится на прочномъ и правильномъ пути, привлекая въ ряды сотрудниковъ лицъ, искренно сочувствующихъ ближнему, внашему въ несчастіе.

Александръ Лиценъ-Майеръ. (Портр. на этой стр.)

Въ февралѣ т. г. скончался въ Мюнхенѣ одинъ изъ извѣстныхъ германскихъ художниковъ, Александръ Лиценъ-Майеръ, считавшійся талантливейшимъ представителемъ школы Пилоти. По технической законченности и силѣ рисунка, драматичности темъ и блестящему колориту его картины несомнѣнно представляютъ собою выдающіяся произведенія исторической живописи. Лиценъ-Майеръ былъ извѣстенъ столько же въ Германіи, гдѣ онъ получилъ свое художественное образованіе и провелъ большую часть своей жизни, сколько и на его родинѣ, въ Венгріи, изъ исторіи которой онъ черпалъ темы почти для всѣхъ своихъ историческихъ картинъ. Венгрія считала его однимъ изъ крупнѣйшихъ своихъ художниковъ, гордилась имъ и присудила ему на послѣдней будапештской выставкѣ въ память тысячелѣтія Венгріи большую золотую медаль за картину „Венгерское посольство, возвѣщающее молодому Матвѣю Корвину объ избраніи его въ короли“.

Александръ Лиценъ-Майеръ родился 24-го января 1839 г. въ венгерскомъ городѣ Раабѣ. Образованіе свое онъ получилъ въ вѣнской и мюнхенской академіи; въ Мюнхенѣ онъ написалъ подъ руководствомъ Пилоти первый свои большія картины: „Венгерскія королевы Марія и Елизавета у гроба Людвига Великаго“ и „Коронованіе Карла Дурацкаго въ штурльвейсенбургскомъ соборѣ“. Удостоенный преміи, Лиценъ-Майеръ написалъ, по порученію академіи, свою знаменитую картину: „Соучисленіе къ лику святыхъ Елизаветы“. Затѣмъ имъ были написаны: картина „Императрица Марія Терезія, кормящая грудью ребенка бѣдняка“, и два театральныя завѣса для мюнхенскаго и ганноверскаго театровъ. Съ 1870 по 1872 гг. онъ провелъ въ Вѣнѣ и прославился въ качествѣ выдающагося портретиста, но затѣмъ, вернувшись въ Мюнхенъ, снова занялся тѣмъ, что собственно доставило ему исключительную извѣстность въ Германіи — иллюстрированіемъ классическихъ произведеній литературы. Имъ былъ исполненъ цѣлый рядъ иллюстрацій въ видѣ картинъ масляными красками, картоновъ и даже обыкновенныхъ рисунковъ, завоевавшихъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду европейскихъ иллюстраторовъ. Особенно извѣстны его иллюстраціи къ „Димбелину“ Шекспира, „Фаусту“ Гёте и „Пѣснѣ о колоколѣ“ Шиллера.

Избранный въ 1877 г. членомъ вѣнской академіи, а въ 1880 г. назначенный директоромъ школы живописи въ Штутгартѣ и въ 1883 г. — профессоромъ исторической живописи въ мюнхенской академіи, Лиценъ-Майеръ посвящалъ много времени своей преподавательской дѣятельности, и почти не имѣлъ уже возможности писать большія историческія картины. Но и изъ этихъ немногихъ картинъ, написанныхъ имъ за послѣднія 15 лѣтъ, двѣ обратили на себя общее вниманіе и пользовались огромнымъ успѣхомъ и въ художественномъ мірѣ, и въ публикѣ; это — „Филиппина Вельзеръ передъ Фердинандомъ I“ и „Св. Елизавета въ Венгріи“. Послѣдняя картина помѣщена въ будапештскомъ національномъ музеѣ.

Александръ Лиценъ-Майеръ.
По фот. грав. Ю. Шюльеръ.

Сравнительное изображеніе могущества морскихъ державъ. (Рис. на стр. 219.)

Какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, Именнымъ Высочайшимъ указомъ министру финансовъ отъ 24-го мѣсяца поведѣно, независимо отъ увеличенія размѣра ассигнованій по сметамъ обыкновенныхъ расходовъ морского министерства въ теченіе 1898—1904 годовъ, отпустить нынѣ же изъ свободной наличности государственнаго казначейства девятисто миллионныхъ рублей на потребности судостроенія. На послѣдовавшемъ затѣмъ всеподданнѣйшемъ докладѣ Его Высочества генералъ-адмирала по означенному предмету Его Императорскому Величеству благоугодно было Собственноручно начертать: „Да благословитъ Господь и да увѣнчаетъ Онь успѣхомъ великое дѣло усиленія роднаго флота на пользу и славу Россіи!“ Объявляя о такой Моцаршей милости, Его Высочество выразилъ увѣренность, что чины флота и морского вѣдомства, проникнутые безграничною благодарностью къ своему Верховному Вождю, одушевятся твердою рѣшимостью оправдать Высочайшее довѣріе дружными, самоотверженными и неослабными усиліями къ успѣшному выполненію великаго дѣла, нынѣ Высочайшею волею на нихъ возложеннаго.

Читатели сами оцѣнятъ важное значеніе этихъ правительственныхъ мѣропріятій, возвѣщенныхъ съ высоты Престола. Событія на дальнемъ Востокѣ, въ тихо-океанскихъ водахъ, равно какъ и на островѣ Критѣ сами по себѣ настолько серьезны, что требуютъ напряженія нашихъ морскихъ вооруженныхъ силъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они напоминаютъ намъ о болѣе общемъ требованіи, о необходимости поставить морскія силы Россіи, какъ одного изъ самыхъ обширныхъ государствъ въ мірѣ, на ту высоту, которая соответствовала бы важности защищаемыхъ ею интересовъ. Другія великія державы давно уже прилагаютъ всевозможныя усилія, чтобы дать надлежащее развитіе своимъ флотамъ. Не говоря уже объ Англии, тратящей чудовищныя суммы на свои морскія силы, Германія за послѣднія десятилѣтія также сдѣлала изумительные успѣхи въ этомъ отношеніи и уже располагаетъ весьма внушительнымъ флотомъ. Примѣру Германіи слѣдуютъ Австро-Венгрія и Италія, такъ что такъ-называемая Лига мира располагаетъ флотомъ, насчитывающимъ 719 судовъ, въ то время какъ Россія съ Франціею имѣютъ всего лишь 663 судна, а одна Англія 497 судовъ. Мало того, Японія въ короткое время заняла выдающееся положеніе на дальнемъ Востокѣ и располагаетъ флотомъ, который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ по своей силѣ почти равняется морскимъ вооруженнымъ силамъ Россіи. Все это не можетъ не служить болѣе чѣмъ вѣскимъ основаніемъ для заботы, направленныхъ къ дальнѣйшему быстрому развитію нашихъ морскихъ силъ, потому что до сихъ поръ все еще вполнѣ оправдывается правило древнихъ римлянъ: „если хочешь мира, готовься къ войнѣ“.

Въ виду громаднаго значенія вопроса о вооруженныхъ морскихъ силахъ европейскихъ и другихъ государствъ мы даемъ въ настоящемъ номерѣ *Нивы* рисунокъ, наглядно изображающій сравнительное морское могущество главныхъ военныхъ государствъ Стараго и Новаго Свѣта. Первое мѣсто, какъ увидятъ читатели, занимаетъ Англія, флотъ которой далеко оставляетъ за собою флоты другихъ государствъ; только относительно миноносцевъ Франція ее перещеголяла. Россія занимаетъ во всѣхъ отношеніяхъ третье мѣсто, уступая въ своихъ морскихъ силахъ Англии и Франціи и превосходя всѣ остальные государства. Такой обширной державѣ, какъ наше отечество, съ его многообразными интересами въ разныхъ частяхъ свѣта, однако не подобаетъ занимать третье мѣсто, тѣмъ болѣе, что на сушѣ она по количеству своихъ войскъ занимаетъ первое. Время настало привести ея морское могущество въ соотвѣтствіе съ сухопутнымъ и вообще съ ея ролью одного изъ первенствующихъ въ мірѣ государствъ. Денежныя средства на это найдены, и надо надѣяться, что они будутъ употреблены умѣло, и что вмѣстѣ съ тѣмъ благодѣль будетъ вполнѣ достигнута.

Политическое обозрѣніе.

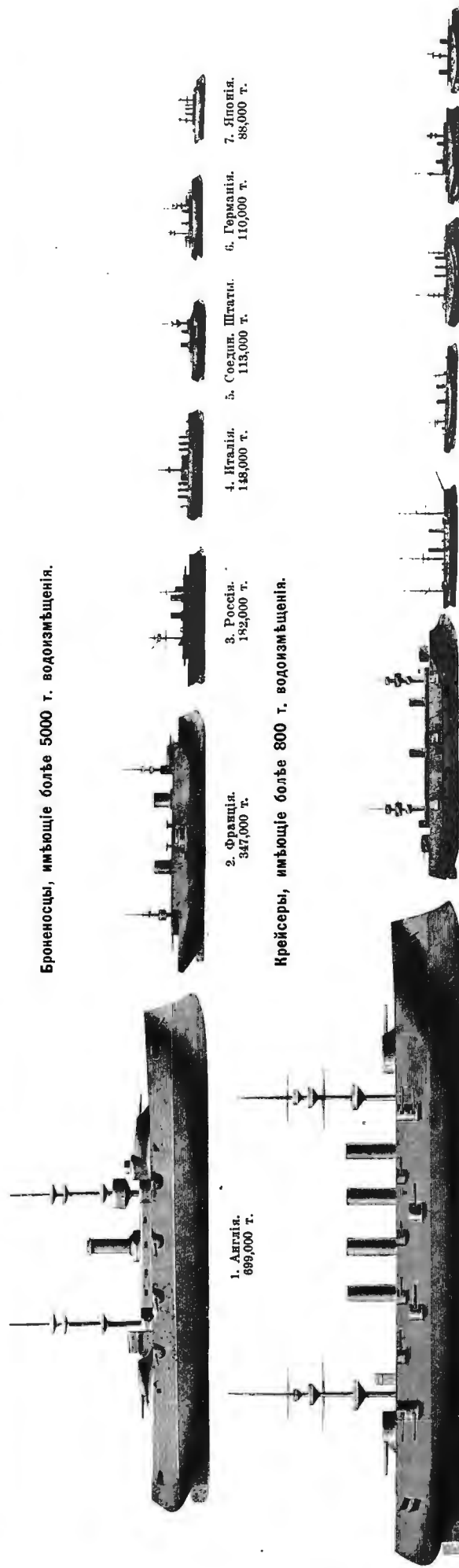
Указъ 24-го февраля о сверхсметномъ расходѣ въ 90 миллионныхъ рублей для дальнѣйшаго быстрого развитія нашего военнаго флота произвелъ въ Англии должное впечатлѣніе. Успокаивая своихъ соотечественниковъ, лордъ адмиралтейства Гошенъ заявилъ, что британскій флотъ, удвоившись за послѣд-

ніи 20 лѣтъ, насчитываетъ въ настоящее время 238 судовъ съ 50-тысячнымъ экипажемъ; успѣшная постройка новыхъ судовъ замедляется-де требованіями современной техники и недостаточностью правительственныхъ верфей, тогда какъ частныя верфи исполняютъ заказы иностранныхъ государствъ;

о бдительности правительства мож- по-де судить по тому, что морской бюджет Англии возросъ теперь до 23 1/2 миллионъ фунтовъ стерлинговъ.

Въ Англии поняли, что Россія, пребывая непоколебимой въ рѣше- нии отстаивать свои интересы на дальнемъ Востоке, готовится под- крѣпить свои требованія соответ- ствующими вооруженными силами. При такомъ положеніи дѣлъ, воз- раженія Англии, предъявленныя въ Пекинѣ по поводу распростра- ненія сферы русскаго вліянія на Портъ-Артуръ и Талиенванъ, не могутъ имѣть серьезнаго зна- ченія. По послѣднимъ извѣстіямъ, британское внимательство въ во- просы, касающіея русско-китай- скихъ отношеній, усгранено но- вой постановкой дѣла: перегово- ры между Россіей и Китаемъ ведутся недавно прибывшимъ въ С.-Петербургъ чрезвычайнымъ по- сланникомъ богдыхана. Теперь можно вполне рассчитывать, что интересамъ нашимъ на дальнемъ Востоке будетъ отведено подобаю- щее мѣсто.

На западной окраинѣ Европы стала замѣтной въ последнее вре- мя нѣкоторая тревога: Испанія угрожаетъ война, подготовленная давнишнимъ злополучнымъ вопро- сомъ о Кубѣ. Провозглашая авто- номію на этомъ островѣ, Испанія имѣла основаніе ожидать, что пол- ное замиреніе возставшей колоніи достигнуто будетъ въ ближайшемъ будущемъ благодаря мѣрамъ но- ваго главнокомандующаго генера- ла Бланко, доносившаго мадрид- скому правительству, что остатки мятежниковъ разсыяны. Въ ожи- даніи прекращенія военныхъ дѣй- ствій на о. Кубѣ, официальные кружки Мадрида торжественно отрази- ловали замиреніе Филиппинскихъ острововъ. Вскорѣ, однако, надеж- да на улаженіе колониальныхъ дѣлъ была разсѣяна потрясающимъ из- вѣстіемъ, что испанскіе парламен- теры, во главѣ съ полковникомъ, отправленные къ значительному от- ряду инсургентовъ, были разстрѣ- ланы по распоряженію ихъ вождя. Это извѣстіе принято было, какъ плохое предзнаменованіе, вопреки категорическимъ обѣщаніямъ ис- панскаго главнокомандующаго. Дѣйствительно, военные дѣйствія на о. Кубѣ не прекратились. Для продолженія борьбы за независи- мость инсургенты получили все необходимое изъ Соединенныхъ Штатовъ. Къ существовавшему на- тянутымъ отношеніямъ между Шта- тами и Испаніей вѣскольکو недѣль тому назадъ присоединилось новое обстоятельство, въ значительной степени обострившее положеніе дѣлъ: стоявшій у береговъ Гаван- ны военный крейсеръ Соединен- ныхъ Штатовъ взлетѣлъ на воз- духъ со всѣмъ экипажемъ. Вслѣдъ за тѣмъ нью-йоркская печать от- мѣтила тревожность положенія: специальная слѣдственная коммиссія по дѣлу о гибели крейсера, будто бы, признала причиной катастро- фы подводную испанскую мину. Несмотря на то, что испанское правительство успѣшило выска- заться противъ факта минныхъ за- гражденій въ гаванскомъ портѣ, въ Вашингтонѣ удостовѣрили, буд- то бы, существованіе минъ доку- ментами, указывающими на самый планъ загражденій, при этомъ удо-

Броненосцы, имѣющіе болѣе 5000 т. водоизмѣщенія.

Крейсеры, имѣющіе болѣе 800 т. водоизмѣщенія.

- 1. Англія. 699,000 т.
- 2. Франція. 347,000 т.
- 3. Россія. 182,000 т.
- 4. Италия. 149,000 т.
- 5. Соедин. Штаты. 113,000 т.
- 6. Германія. 110,000 т.
- 7. Японія. 88,000 т.
- 1. Англія. 768,000 т.
- 2. Франція. 311,000 т.
- 3. Россія. 140,000 т.
- 4. Японія. 129,000 т.
- 5. Соедин. Штаты. 125,000 т.
- 6. Германія. 116,000 т.
- 7. Италия. 102,000 т.
- 1. Англія.
- 2. Франція.
- 3. Россія.
- 4. Италия.
- 5. Германія.
- 6. Японія.
- 7. Соед. Шт.

стовѣренъ-де также и фактъ, что крейсеръ стоялъ на якорѣ въ близкѣ двухъ минъ, соеди- ненныхъ съ берегомъ. Подобныя свѣдѣнія пронзавели въ Штатахъ чрезвычайную сен- сацию и вызвали въ обще- ственномъ мнѣніи сознаніе не- избѣжности войны съ Испані- ей. Къ такому важному собы- тію стала готовиться вся аме- риканская печать. Правитель- ство приступило къ военнымъ приготвленіямъ съ необычай- ной посѣпностью. Прези- дентъ Макъ-Кинлей, по отзы- вавъ ближай- шихъ къ нему лицъ, принялъ рѣшеніе датъ должное удовле- твореніе амери- канскому чув- ству, если не бу- детъ доказана случайность ги- бели крейсера. По позднѣй- шимъ свѣдѣні- ямъ, морское вѣ- домство Шта- товъ пронзавело уже осмотръ те- атра предпола- гаемыхъ воен- ныхъ дѣйствій

Сравнительное изображеніе могущества морскаго флота державъ. По рисунку „Review of Reviews“ автоніи „Нью-Йорк“.

у берегов острова; южная эскадра в полном составе сосредоточена в Мексиканском заливе, откуда может напасть на Гаванну в течение суток. Европейской печатью сообщено уже из Мадрида, что военные действия испанцев на о. Кубе возобновились с прежней энергией: четыре сильные колонны имели несколько сражений с инсургентами. Тем временем натолкнутость отношений между Штатами продолжала усиливаться: в Вашингтонском правительстве поручило двум военным судам снабдить продовольствием голодающих инсургентов; на просьбу испанского министерства иностранных дел заменить военные суда коммерческими из Вашингтона последовал отказ. По мнению компетентных кругов, президент Мак-Кинли медлит обнародованием результатов следствия о гибели крейсера, чтобы дать правительству Штатов возможность закончить военные приготовления, а обще-

ственному мнению — высказаться за войну. На серьезность предложения указывает потребованный кредит: в Вашингтон 25-го февраля палата представителей единогласно вотировала 50 миллионов долларов, предназначая их на дело обороны страны „для пользы мира“. Предложение о кредите в тот же день принято сенатом без прений и подписано президентом Мак-Кинлеем, так что получило уже силу закона. Между тем испанско-американские отношения, с формальной стороны, как будто продолжают сохранять безукоризненный характер: при приеме поваго испанского посла в Бъломъ домѣ 1-го марта произнесены были „самые сердечные“ приветственные речи, что, по видимому, не мешает сторонам готовиться к надвигающемуся бедствию. По последним известиям, материально истощенная Испания старается добыть средства для борьбы и заручиться нравственной поддержкой какой-либо великой державы.

Разныя извѣстія.

— В *Правительственном Вѣстникѣ* напечатано 6-го марта т. г. следующее сообщение:

„За последнее время изъ Сеула получались известия, указывавшія на возникновение въ странѣ политическаго броженія какъ въ правительственной средѣ, такъ и въ народѣ. Среди государственныхъ дѣятелей образовались партіи, враждебно настроенныя противъ иностранцевъ вообще, открыто заявлявшія, что Корея уже вступила на путь самостоятельности и что по сему правительству ея болѣе не нуждается, въ дѣль внутренняго управления, въ какой-либо иностранной помощи. Обстоятельства эти до крайности затрудняли дѣятельность командированныхъ въ Сеулъ, по настоятельной просьбѣ самого императора Ли и его правительства, русскихъ инструкторовъ и финансоваго совѣтника, встрѣчавшихъ всяческія препятствія къ правильному и добросовѣстному исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей. Подобное положеніе дѣль не могло отвѣчать благимъ намѣреніямъ Россіи. Въ виду сего, по Высочайшему повелѣнію, нашему представителю въ Сеулѣ поручено было запросить какъ лично императора, такъ и его правительство: признаютъ ли они необходимую нашу дальнѣйшую помощь — въ видѣ дворцовой охраны, инструкторовъ въ арміи и совѣтника въ финансовомъ управленіи? На запросъ этотъ русскому повременному въ дѣлахъ въ Сеулѣ было отвѣчено, что корейское правительство, выражая глубокую благодарность нашему Августѣйшему Монарху за своевременно оказанную Кореѣ помощь, находить, что нынѣ страна уже

можетъ обойтись безъ поддержки въ военномъ и финансовомъ дѣль, и что, для принесенія Государю Императору особой благодарности, корейскій императоръ проситъ разрѣшенія отправить въ С.-Петербургъ спеціальнаго посланника. Въ виду этихъ извѣстій, Императорское правительство поручило своему представителю въ Сеулѣ заявить корейскому императору и его министрамъ, что колы скоро, по ихъ мнѣнію, Корея въ настоящее время не встрѣчаетъ болѣе надобности въ постоянной помощи и въ состояніи собственными силами ограждать независимость своего внутренняго управления, то мы не замедлимъ сдѣлать распоряженіе объ отозваніи нашего финансоваго совѣтника. Что же касается до нашихъ военныхъ, то, по выѣздѣ ихъ изъ корейской арміи, они останутся временно въ распоряженіи нашей миссіи, въ виду еще не опредѣлившагося положенія дѣль въ Корей. Несвязанная болѣе отвѣтственностью, которую возлагало на нее присутствіе въ странѣ русскихъ инструкторовъ и совѣтника, Россія можетъ отнынѣ воздерживаться отъ всякаго дѣятельнаго участія въ дѣлахъ Кореи, въ надеждѣ, что окупшее, благодаря ея поддержкѣ, юное государство будетъ способно самостоятельно охранять какъ внутренній порядокъ, такъ и полную свою независимость. Въ противномъ случаѣ, Императорское правительство приметъ мѣры къ огражденію интересовъ и правъ, присущихъ Россіи, какъ сопредѣльной съ Кореєю великой Державы“.

— Сибирь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опережаетъ

остальную Россію. По отчету дирекціи училищъ Томской губерніи на 1896 годъ значилось сельскихъ школъ 233, по отчету епархіальнаго училищнаго совета за тотъ же годъ, церковно-приходскихъ школъ было 198, а школъ грамоты 1,178, изъ послѣднихъ 949 школъ были открыты въ 1896 г. по почину начальника губерніи А. А. Ломачевскаго. Постепенное увеличеніе школъ вызываетъ и все возрастающую потребность въ книгѣ. Для удовлетворенія этой потребности губернаторомъ А. А. Ломачевскимъ нынѣ предложено, по словамъ *Сибирской Жизни*, книжному магазину П. И. Макушина устроить въ болѣе населенныхъ пунктахъ Томской губерніи „сельскія книжныя лавки“. Въ настоящее время на первый разъ составляется 125 „сельскихъ книжныхъ лавокъ“ изъ книгъ, одобренныхъ св. синодомъ для церковно-приходскихъ училищъ и школъ грамоты и церковныхъ библиотекъ, и изъ книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для низшихъ учебныхъ заведеній и народныхъ читаленъ. Въ составъ каждой лавки войдетъ отъ 150 до 200 названій книгъ различнаго содержанія. Кромѣ книгъ въ каждой лавкѣ будетъ небольшая запасъ и учебныхъ пособій. Книги во всѣхъ пунктахъ будутъ продаваться по цѣнѣ номинальной, учебныя пособия — по цѣнамъ, существующимъ въ Томскѣ. „Сельскія книжныя лавки“ будутъ находиться при волостяхъ и сельскихъ управленіяхъ. Если первый опытъ окажется удачнымъ, то число этихъ лавокъ предполагается увеличить до 400.

Смѣсь.

Герцогъ и журналистъ. Одна англійская газета, сообщая, что герцогъ Файфскій добровольно сложилъ съ себя званіе директора „Британской южно-африканской компаніи“, приводитъ въ заключеніе слѣдующій анекдотъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда эта компанія была въ полномъ расцвѣтѣ, герцогъ Файфскій присутствовалъ на одномъ изъ ея засѣданій, на которомъ долженъ былъ говорить Сесиль Родсъ. Охваченный смутнымъ предчувствіемъ, что пресса не поцеремонится съ его собственнымъ спискомъ, который онъ намѣревался произнести въ отвѣтъ Родсу, герцогъ послалъ присутствовавшимъ на засѣданіи корреспондентамъ свою карточку, на которой набросалъ слѣдующее: „Герцогъ Файфскій проситъ воспроизвести его рѣчь точно и безъ пропусковъ“. — Репортерамъ такое требованіе пришлось не по вкусу; и карточка презрительно перебрасывалась отъ одного къ другому, пока не обошла весь столъ. Наконецъ одинъ изъ нихъ взялъ ее и прибавилъ къ словамъ его свѣтлости: „а также исправить грамматическія ошибки“. Герцогъ замѣтилъ, что представители прессы потѣшались надъ его посланіемъ, и потребовалъ черезъ слугу свою карточку обратно. Приписка привела его въ ярость; онъ пожелалъ, чтобы ему назвали репортера, который осмѣлился надъ нимъ подшутить. Журналистъ не замедлилъ назвать какъ себя, такъ и газету, представителемъ которой онъ былъ на засѣданіи. Послѣдній оказалась органомъ, известнымъ своими хлесткими передовыми статьями, заставившими опасаться попать къ ней на зубокъ. По нѣкоторомъ размѣшеніи герцогъ рѣшился подать свою досаду и промолчать.

Быстрота ласточкина полета. Въ маѣ 1896 г. въ Антверпенѣ были произведены любопытныя наблюденія надъ быстротою полета ласточки. Выбѣгъ съ нѣсколькими почтовыми голубами оттуда была привезена въ Компьенъ ласточка, на крыльяхъ которой были сдѣланы помѣтки, чтобы отличить отъ всякой другой. 17-го мая, въ 7 ч. 15 м. утра, всѣ птицы были сразу выпущены на волю. Съ быстротою молніи, не описывая никакихъ круговъ, ласточка прямо полетѣла по направленію къ своему гнѣзду въ Антверпенѣ и достигла его уже въ 8 ч. 23 м. утра, между тѣмъ, какъ почтовые голубы прилетѣли туда же только въ 11 ч. 30 м., а нѣкоторые и того позже. Отъ Компьена до Антверпена считается 256 километровъ. Пролетѣвъ такое разстояніе въ 1 ч. 8 м., ласточка неслась, слѣдовательно, съ быстротою 207 километровъ въ часъ, т.-е. 58 метровъ въ секунду, тогда какъ голубы достигли быстроты лишь 57 километровъ въ часъ, т.-е. 15 метровъ въ секунду. Если допустить, что съ такою же быстротою, какъ въ данномъ случаѣ, ласточка можетъ пролетѣть безостановочно гораздо болѣе пространства, то на перелетъ, напр., съ сѣвернаго берега Африки въ Парижъ или Брюссель ей понадобилось бы не болѣе половины дня.

„Спрэ“ — самое маленькое парусное судно въ мірѣ, благополучно вошло 14-го февраля въ Столовый заливъ со всѣмъ своимъ экипажемъ,

состоящимъ изъ одного только матроса и капитана Юсіи Слокума. Нынѣ какъ самый отважный морякъ, такъ и его „орѣховая скорлупка“ служатъ предметомъ удивленія всего Капштадта. Суденшко имѣетъ въ длину 12 метровъ, осадку въ водѣ 1,4 метра, вѣситъ 9 тоннъ. Капитанъ выстроилъ его самъ, употребивъ на постройку сѣвероамериканскій дубъ и сосну. Слокумъ — человекъ лѣтъ около 50-ти, средняго роста. Онъ выѣхалъ на своемъ суденшкѣ изъ Бостона 24-го апрѣля 1895 года и съ тѣхъ поръ сдѣлалъ 34,000 морскихъ миль. Онъ первоначально направился къ Гибралтару, потомъ снова пересѣкъ Атлантическій океанъ и поѣхалъ вдоль восточнаго берега Ю. Америки; пройдя черезъ Магеллановъ проливъ, онъ былъ застигнутъ у мыса Горнъ бурей, потопившей, чуть не рядомъ съ нимъ, большое судно; другое, четырехмачтовое не менѣе внушительныхъ размѣровъ, лишилось подъ напоромъ исполненныхъ волнъ всего своего осначенія. Слокумъ направилъ рейсъ мимо одинокаго островка Хуанъ-Фернандецъ къ Самоа; переѣздъ длился 62 дня безъ всякой якорной стоянки. Отъ Самоа онъ направился въ Тасманію, потомъ въ Индійскій океанъ черезъ Торресовъ проливъ, къ о-ву св. Маврикія, въ Наталь и Капштадтъ. Отсюда онъ думаетъ проѣхать мимо о-ва св. Елены въ Вестъ-Индію и, наконецъ, вернуться въ Сѣв. Америку. Если путешествіе будетъ до конца благополучнымъ, оно въ общемъ займетъ три года. „Спрэ“ обильно снабженъ съѣстными припасами, прѣсной водой, чаемъ и кофе; особенно заботливо пополняются въ каждой гавани запасы овощей. Своими публичными лекціями въ Капштадтѣ Слокумъ стяжалъ большую популярность, которая вполне оправдывается проявленной имъ необычайною энергіей въ выполненіи столь рискованнаго путешествія.

Оzeroграфѣ, самодѣйствующемъ аппаратѣ для передачи денешъ, берлинскія газеты сообщаютъ слѣдующее: недавно въ телеграфномъ бюро имперскаго почтамта въ Берлинѣ происходила онытъ съ новымъ приборомъ, изобрѣтеннымъ инженеромъ Лео Каммомъ. Этотъ приборъ, получившій названіе *zeroграфа*, походитъ внѣшнимъ видомъ на пишущую машину; отъ всѣхъ существующихъ телеграфныхъ аппаратовъ онъ отличается тѣмъ, что работаетъ вполне автоматически, не требуя участія человѣческаго труда. Синхронистическое дѣйствіе автоматично; часового механизма при приборѣ не имѣется. Какъ управленіе имперскаго телеграфа, такъ и всякое частное лицо можетъ въ каждую минуту подавать при его помощи денешъ, при чемъ нѣтъ необходимости, чтобы на мѣстѣ полученія денешъ кто-нибудь присутствовалъ для обслуживанія аппарата. Zeroграфъ можетъ быть введенъ въ каждый телефонъ, безъ ущерба для работы этого послѣдняго. Аппаратъ испытывался сначала на короткихъ разстояніяхъ, потомъ на склосной линіи въ 180 километровъ, при напряженіи пока только въ 20 вольтъ. Всѣ опыты дали превосходные результаты. Управленіе имперскаго телеграфа и другія руководящія учрежденія высказались въ пользу примѣненія zeroграфа на имперскомъ телеграфѣ.

МАГАЗИНЪ

серебряныхъ, золотыхъ и бриллиантовыхъ издѣлій

И. И. ОЗЕРИЦКАГО

Мосива, Кузнецкій мостъ, пассажъ Солодовникова, рядомъ съ магазиномъ Т-ва Абрикосова С-вей.

ные заказы изъ золота и серебра подъ личнымъ моимъ наблюдениемъ. Принимается въ промѣнъ старое золото и серебро.

W. № 10939 2-2

Магазинъ имѣеть большой выборъ серебряныхъ, золотыхъ и бриллиантовыхъ вещей новѣйшихъ рисунковъ. Предметы для подарковъ и подношений, столовое серебро по курсовой цѣнѣ. Исполняются всевозможные заказы изъ золота и серебра подъ личнымъ моимъ наблюдениемъ. Принимается въ промѣнъ старое золото и серебро.

Иванъ Ивановичъ ОЗЕРИЦКІЙ.

Народная ЦИТРА.

Очень любимый и легко изучаемый музыкальный инструментъ.

Въ 1 часъ можно выучиться играть. Звукъ очень мягкіе и пріятельные. 7-миледалыня съ приспособлен. для настройки только 6 руб. Лучшей работы и сильнѣе въ тонѣ 8 р. Ноты—14 альбомовъ по 50 к., пересылка за 15 ф.

Корнетъ-а-пистоны

и всѣ другіе духовые мѣдные и деревянные инструменты, а также

РОЯЛИ, ПИАНИНО, ФИСГАРМОНІИ.

- Скрипки отъ 2—100 р.
- Гитары . . . 3—75 р.
- Балалайки . . 1—20 р.
- Мандолины . . 8—75 р.
- Цитры 8—75 р.

и всѣ прочіе струнные а также и механическіе и самоиграющіе инструменты принадлежності рекомендуетъ

И. Ф. МЮЛЕРЪ.

Москвѣ, Петровка, домъ Волкова. Требуется иллюстрир. преисъ курантъ.

Катрейнерсь Мальцаффее Фабрикень, Мюнхень

(Kathreiner's Malzkaffee Fabriken, München)

производить по привилегированному способу солодъ, который рекомендуется женщинамъ, дѣтмъ и больнымъ и ежедневно употребляется въ тысячахъ семействъ.

Настоящій только въ 1 фунтовыхъ пакетахъ съ портретомъ и подписью прелата Себ. Кнейппа въ Верисгофенъ, какъ предохранительная марка, и фирмой единственныхъ фабрикантовъ:

Катрейнерсь Мальцаффее Фабрикень, Мюнхень.

Склады: въ С.-Петербургѣ: К. Вольбрюкъ и К^о; въ Москвѣ: Юлія Преторіусъ; въ Ригѣ: И. А. Герскиндъ; въ Варшавѣ: Л. Рабиновичъ. Ц № 11042 7-1

Представители: въ Лодзи: Л. Рабиновичъ; въ Вильнѣ: Ф. Яблковскій.

БОЛЬШЕ 200,000 ШТ. ВЪ УПОТРЕБЛЕНІИ.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ

карманные часы изъ настоящаго новаго американскаго золота, крытые, съ тремя крышками, мужскіе, анкерные, механизмъ высшаго сорта.

Цѣна 10 и 12 руб.,

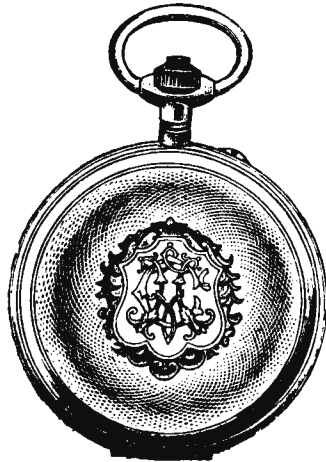
такіе же дамскіе дорожне на 1 руб. Во избѣжаніе поддѣл., требовать на часахъ пломбу фирмы. Выпущенные изъ одесскаго отдѣленія склада женевскихъ часовъ

ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЬ.

При заказахъ на 2 шт. уступается 50 коп., на 3 шт.—1 руб. На часахъ можетъ быть, по желанію, выгравированъ монограммъ владѣльца. Къ часамъ прилагается безплатно изящная цѣпочка американскаго золота панцирной работы съ брелокомъ или компасомъ.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Высылаются вполнѣ вывѣренныя часы по получении задатка 2 руб., остальные же—наложеннымъ платежемъ.

Адресъ: Въ одесское отдѣленіе „Склада“ женевскихъ часовъ въ Одессѣ, Почтовая, д. Душина.

Ц. № 11031 4-1

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ для себя и знакомыхъ ПОРТМОНЪ

со штемпелемъ, изъ прекрасной черной опойки, съ 5-ю отдѣленіями. 1 внутреннимъ закрытымъ для звонкой монеты и однимъ особо закрытымъ для золота. Корпусъ изъ одного куска, съ мех. замкомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для краски. Въ штемпелѣ можно помѣстить имя, отч., фамилію и званіе, по желанію и корону. Дамскія изнанки по тѣмъ же дѣламъ. Изъ толенаго кожн штучка на 40 коп. дорожне. Цѣны съ пересылкой; въ Азіатскую же Россію съ прибавленіемъ части въсовыхъ. Налож. платежъ на 10 коп. дорожне. Заказы исполняются немедленно по полученіи стоимости или задатка. Требуванія пропу адресовать:

Въ контору кож. издѣлій

Ш. Е. ФРИДМАНА 4-3

Варшава, почтовый ящикъ № 511.

НЕОСПОРИМО ВКУСНО И ПОЛЕЗНО печенье къ чаю

„СИЛАЧЪ“

и Превосходный Кофе

Д. Брайнна въ Москвѣ. 6-5

Ц. № 10949 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

PASTILLES VICHU-ETAT aux Sels Naturels extraits des Eaux de la Source de Vichu-Etat. COMPRIMES VICHU-ETAT aux Sels Naturels extraits des Eaux de la Source de Vichu-Etat. Pour fabriquer LEAU ALCAINE GAZEUSE.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтивъ — Духи для комнатъ № 6413 (81)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ EDELVEILCHEN

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

№ 4711. Это любить запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“ (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не выдыхающійся.

№ 4711. Савон violette du rhin.

№ 4711 Sachets violette du rhin.

Всѣхъ одноклассовыхъ превосходнаго качества.

Ц. № 11023 (2)

С. -92 49401 № 11

Продается и парфюмеръ

во всѣхъ ныхъ

аптекарскихъ магазинахъ.

Въ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи можно получить извѣстное

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ

ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ для чистоты и бѣлизны кожи. Во избѣжаніе подражаній требовать только

ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ. ДЕМІДОВЪ ПЕР. № 1 С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ (15)

Специальность хронометровъ С.П.Бургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имл. Шубл. Библиотеки. Подробный календаръ, преисъ курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 годъ.

КРАСИВО пишется вѣсикъ заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи А. КОССОДО. Методъ преподаванія на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 10900 6-4 За 2 семиклассныя марки высылаются пробное письмо и условия, а за 4 семиклассныя марки высылаются пробное письмо и условия, подробныя условия и образцы исправленія почерка, заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ. Дербасовская, д. № 19.

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ отъ

ЗАКАНІЯ

К. Ю. ЭРНСТЪ, Москва, Б. Никитская, д. бывш. Черныя, кв. № 6. Ручководствъ къ самообученію 3 руб.

НОВОСТЬ!
 Цветочная вода
ЛЕВКОЙ
 поставщиков
 Высочайшаго Двора
А. Ралле и Ко.
 За флаконъ
 60 к. и 1 р.

ЗОЛОТОШВЕЙНОЕ ДЕЛО
 церковныхъ и придворныхъ вещей
М. И. ШАДРИНА,

Москва, Тверская, уг. Газетнаго пер., д. Хвощинскаго.
 Нарча, плащаницы, хоругви, воздухи, облачения, митры, кресты, панаги и всѣ другіе церковные предметы.
 Придворные шлюфы, мундиры и шитья всѣхъ мин. и вѣд., шляпы, шапки, темляки, пуговицы и проч.
 Навѣсн. знаки мин. вѣст., мин. нар. пр. и проч. и проч.
 Знаки вѣд. учр. Императрицы Маріи (юбилейные), знаки докторскіе и ветеринарныя врачей.
 Звѣзды, ордена и разныя знамя.
 Прейсъ-куррантъ высылаются бесплатно.
 Цѣны умѣренныя

СÉLÈBRE PAR SES QUALITÉS
 en Vente partout

КАСЖКОВСКАЯ НЕВѢСТА.
 Вг. Соловьева.
 Историческій ром. въ 3-хъ част. Наданіе П. С. И. Б. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ТВАГИГЕНА
СТОЛЫЧНОЕ МЫЛО
 ПРИЯТНЫЙ ОСВѢЖАЮЩІЙ АРОМАТЪ ОБИЛНАЯ НЕЖНАЯ БАРХАТИСТАЯ ПѢНА.
 ПРИ КАЖДОМЪ КУСКѢ 4 ВИДА ОБЪЕМЪ СТОЛЫЧ. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
 ГЛ. СКЛАДЫ: С. ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСКІЙ, МОСКВА НИЖНІЙСКІЯ Д. ШЕРЕМЕТЬЕВА ВАРШАВА НОВЫЙ СВѢТЪ, 37.

СКЛАДЫ ЧАЕВЪ
 Китайскихъ, Цейлонскихъ Японскихъ
И. Е. ДУБИНИНА
 МОСКВА
 ПОКРОВКА Д. ТЯЖЕЛОВА.

Краткій Прейсъ-Куррантъ
 ИЗБРАННЫМЪ ЛУЧШИМЪ СОРТАМЪ ЧАЕВЪ:

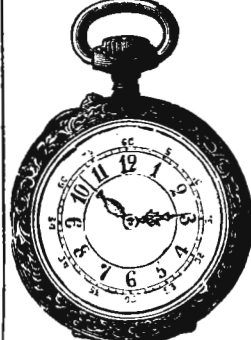
№	Наименованіе	Цѣна	Цѣна
		розничн.	оптова.
№ 9.	Чай Семейный высочайш.	1.60	1.35
» 5.	Чай Царская Роза.	2 —	1.60
» 7.	Чай Черный Лисинъ — замѣчательный.	2.60	1.90
ЧАИ ДЛЯ ТРАКТИРОВЪ, БУФЕТОВЪ И ЛАВОКЪ:			
№ 22.	Кяхтинскій, съ сильнымъ настоємъ.	1.60	1.25
» 23.	Кяхтинскій ароматическій.	1.80	1.35
» 24.	Особый любительскій съ цвѣточкомъ.	2 —	1.60
ЧАИ ЦЕЙЛОНСКІЕ:			
№ 13.	Розантскій, съ сильнымъ настоємъ.	1.60	1.35
» 14.	Букетный, чрезвычайно ароматный.	2 —	1.60
» 25.	Букетъ Ландыша, рѣдкій сортъ.	2.80	2.20
ЧАИ ЯПОНСКІЕ:			
№ 26.	Чай Брокенъ, съ сильнымъ букетомъ.	1.60	1.35
» 27.	Чай Конгу мягкій и ароматный.	2 —	1.60
» 28.	Чай Пекко самый высочайшій.	2.80	2.20

Предлагаю вниманію гг. любителей вновь полученныхъ, избранные и по своему качеству, вкусу и аромату выдающіеся сорта чаевъ китайскихъ, цейлонскихъ и японскихъ, мы можемъ удостовѣрить, что эти сорта чаевъ представляютъ какъ бы экстрактъ главныхъ и лучшихъ чаевъ всего міра. Каждый сортъ чай имѣетъ свою особенность, свой вкусъ и ароматъ, присущій чаю извѣстной страны, всѣ же сорта вмѣстѣ составляютъ самый полный и совершенный ассортиментъ чаевъ, изъ которыхъ каждый любитель можетъ выбрать по своему вкусу, по мѣстной водѣ и климатическимъ условіямъ. Никакой отдѣльный сортъ мы не рекомендуемъ, но даемъ возможность желающимъ познаться со всѣми сортами чаевъ, для чего мы предлагаемъ слѣдующую льготу:
 На пробу можно выписать по оптовой цѣнѣ не меньше какъ три фунта всѣхъ или нѣкоторыхъ сортовъ чая, причѣмъ пересылка идетъ на счетъ покупателя. При выпискѣ чаевъ не меньше 25 ф. — особо-выгодныя условія. Подробный преісъ-куррантъ, состоящій изъ 29 сортовъ чая, а также условія и описаніе японскаго чая желающимъ высылаются бесплатно.

ОСОБО-ВЫГОДН. УСЛОВІЯ

ЮГАННИСБЕРГСКІЯ КАБИНЕТНЫЯ ВИНА 10-8
 мѣстнаго розлива съ оригинальнымъ этикетомъ, печатью и клеймомъ на пробкѣ отъ 4 1/2 до 40 марокъ за бутылку доставляетъ по утвержденному княжеской Центральной администраціей преісъ-курранту (высылаемому по требованію) Das Fürstl. von Metternich-sche Domäne-Inspectorat, Johannisberg a/Rh.

ДЕШЕВО, ПРАКТИЧНО и ПОЛЕЗНО.

НЕОБХОДИМО ДЛЯ КАЖДАГО.
 Изящные и прочныя карманныя мужскіе часы, открытыя, ремонтныя, т. е. заводъ безъ ключа, съ пыле-защитнымъ стекломъ, прочнымъ механизмомъ, массивно обгнанные золотомъ, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, съ изящною цѣлочною изъ новаго американскаго золота
всего только за 5 руб.
 Письменное ручательство на шесть лѣтъ.
 Часы, тщательно проверенные, высылаются по полученіи 1 руб. задатка.
 Адресъ: Торговой фирмѣ
Бр-въ ВАРКОВИЦКИХЪ

Складъ жевевскихъ и французскихъ часовъ въ Варшавѣ, Зельная, 41.

!!НОВОСТЬ!!
 Разрѣшенъ на общихъ основаніяхъ торговли, какъ не содержащій въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ
CRÈME VENUS.
 (КРЕМЪ ВЕНЕРЫ).
 Есть **НОВОЕ КОСМЕТИЧЕСКОЕ** изобрѣтеніе.
 КРЕМЪ ВЕНЕРЫ замѣняетъ румяна и бѣлизна, вызывая на лицѣ РУМЯНЕЦЪ, несмывающійся и НЕИСЧЕЗАЮЩІЙ ОТЪ ПОТА.
Цѣна банки 1 руб. 50 коп.
 ПРОДАЖА ВО ВСѢХЪ АПТЕКАРСКИХЪ И ПАРФЮМЕРНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ РОССІИ.
 Главн. складъ для Россіи у Торг. Дома С. Ф. Половой и Ко, Москва — Петровка. Ц. № 10894 8-7

Способъ употребленія:
 Натеревъ лицо Кремомъ Венеры, оставляютъ кремъ минуты 2-3, а затѣмъ все смываютъ комнотной водою съ мыломъ. Послѣ того, на лицѣ появляется превосходный румянецъ, который держится въ продолженіе многихъ часовъ. Это дѣйствіе и составляетъ новостъ, такъ какъ этимъ Кремъ Венеры вытѣсняетъ собою доселѣ извѣстнаго румяна.

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ и Ко.
 НОВОСТЬ!
 ПАРФЮМЕРІИ
„ШИПРЪ“
 Духи
 Мыло
 Пудра.
 № 10880 3--3

ПЕЧЕНІЕ
ГЕРКУЛЕСЪ
 изъ АМЕРИКАНСКОЙ ОВСЯНОЙ КРУПЫ
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
С. С. У и Ко

СПбуржская ФОТОГРАФІЯ
 А. Нирьянова.
 Литейный пр., д. № 41.
 Спеціальное производство копій.
 Преісъ-куррантъ:
 12 карт., съ визитной на визитную. . . 4 р.
 12 " " съ визитной на кабинетн. . . 8 р.
 12 " " съ кабинетной на кабинетн. . . 6 р.
 12 " " съ кабинетной на визитную . . . 4 р.
 Портреты отъ 5 руб.
 Гг. иногороднихъ прошу при заказѣ высылать задатокъ. . . 2 --2
 Цѣны безъ пересылки.

ФАБРИКА и СКЛАДЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ТОКАРНЫХЪ СТАНКОВЪ СКАВРОНСКАГО С-ПЕТЕРБУРГЪ
 № 11023
 Литейный просп., № 43.
 Станки отъ 65 руб.
 Преісъ-куррантъ бесплатно.

„Идеал“. Каждая дама, желающая быть виолитъ элегантною, безукоризненно аккуратною, употреби, для обшивки подола исключительно „Идеал“, патентованную подшивку изъ бумажнаго бархата (Вельветинъ). На каждой коробкѣ надпись „Идеаль“. Получить можно во всѣхъ прикладныхъ магазинахъ Россіи.
 № 10496 нахъ Россіи. 24-19

ФИЛИГРАНЪ
САКАТЫКЪ И Ко
 МОСКВА
 МЕХАНИЧЕСКАЯ
 ПРОДАЖА ВЕЗДѢ

ДЛЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И ТОРГОВЦЕВЪ

К. С. НИКОЛАЕВЪ МОСКВА

№ 10894 10-4

Только что изданы Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ:
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ
Н. В. ЯКОВЛЕВОЙ
 Автора „Обрусителей“.
 Более 400 страниц. Цена 1 р. 25 к.

ВОЗВРАТЯСЬ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ
 обучая заочно кройкѣ и шитью по новѣйшей французской методѣ «ВОРТА».
 Плата вперед не взимается. По окончаніи установленн. свидѣтельство. Условія высылаются бесплатно.
 Киевъ, Фундуклеовская № 27.
 Е. Д. Ашмарина.

R. D. ВАГНЕРОВСКОЕ УДОБРЕНІЕ
 для газоновъ, лужаекъ, откосовъ, междоусей, трав. растений, и т. п.
 Подробности въ настѣвл. 20 ф. — 3 р., 40 ф. — 5 р. 50 к.
 Г. ФРИНЪ, С П Б., Адмиралтейск. просп., 10

№ 20. Амстердамское съезданіе 1897 г. № 10. Амстердамское съезданіе 1897 г. № 10. Амстердамское съезданіе 1897 г. № 10.

Новое издание П. П. Сойкина.
ОТПЕЧАТАНЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ IV (ПОСЛѢДНІЙ) ТОМЪ
ПУТЕШЕСТВІЯ Д-РА А. В. ЕЛИСѢВА.
„ПО БѢЛУ СВѢТУ“
 Роскошное изданіе въ 4 д. л. 360 стр. текста съ 300 ориг. рисун. художниковъ Н. Н. Каразина, В. П. Овлинкова, Э. М. Соколовскаго и А. А. Чикана.
 Съ приложеніемъ портрета А. В. Елисѣва и биографич. очерка.
 Цена 3 руб., въ коленкор. переплетѣ тисненомъ золотомъ 4 руб.
 Первые три тома **ОДОБРЕНЫ** Ученымъ Комитетомъ М-ва Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ и для раздачі воспитанникамъ старшихъ классовъ учебныхъ заведеній въ видѣ награды и **РЕКОМЕНДОВАНЫ** Главнымъ Штабомъ Военнаго Министерства для приобрѣтенія въ офицерскія библиотеки.
 Ц. № 11034 2-1

Каждый томъ ПУТЕШЕСТВІЯ Д-РА А. В. ЕЛИСѢВА представляетъ самостоятельное цѣлое.

Съ требов. обращаться въ книжн. складъ П. П. Сойкина, С П Б., Стремянная, 12.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНІЕ
ГЕНРИХА СЕНКЕВИЧА
 въ 6 т. съ портретомъ автора, въ русскомъ переводѣ. Цена 6 рублей. За пересылку по разстоянію за 12 фунтовъ. Въ составъ этого общедоступнаго полнаго собранія сочиненій Генриха Сенкевича войдетъ, кромѣ прежнихъ его произведеній, также и послѣдній его романъ, печатающійся еще даже на польскомъ языкѣ. Т. 1, 2, 3 высылаются по полученіи денегъ; остальные томы въ апрѣлѣ.
 Складъ изданія въ Киевѣ, у книгопродавца
Ф. Югансона.

КОРСЕТЫ ФАБРИКИ И. Г. АБРАМСОНЪ
 Удостоены похвалн. отзывомъ на Всеросс. Выставкѣ 1896 г.
РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ
 1. ТВЕРСКАЯ Д. АНДРЕЕВА
 2. ЛУБЯНСКІЙ ПАССАЖЪ № 11
 ПРОДАЖА ПО ФАБРИЧНОМУ ПРЕЙСЪ-КУРАНТУ

СКЛАДЪ
РУССКАГО ОБЩЕСТВА ПЧЕЛОВОДСТВА
 Екатерининскій каналъ, д. № 27. С П Б.
 Продажа: чистаго меда, воска; издѣлій изъ оныхъ; принадлежностей пчеловодства; книгъ и таблицъ по утвержденному прейсъ-куранту.
 Складъ значительно пополненъ и завѣдываніе онымъ поручено опытному пчеловоду. Прейсъ-куранты высылаются, съ иллюстрированнымъ каталогомъ, за двѣ 7 коп. марн. Заказы исполняются немедленно, по порядку поступленія.
 Складъ открытъ ежедневно.
 Приемъ членскихъ взносов и поднески на „Вѣстникъ Р. О. П.“

Благодаря большому сбыту и повому усовершенствованному способу изготовления часовъ я имѣю возможность продавать съ 1 января с. г. самые elegantные и прочныя **МУЖСКІЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличимые, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анверъ, механизмы самой лучшей конструкціи, съ прекрасною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ браслетомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, или съ портретомъ, согласно присланной фотографической карточки, всего 18 и 20 руб.
только за 10 и 12 руб.
 Въ Америкѣ часы эти давно уже считали настоящіе золотые, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе.
 Такіе же **ДАМСКІЕ** дороже на 1 рубль. Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Высылаю вполнѣ выверенные часы по полученіи задатка 2 руб., остальное же наложеннымъ платежѣмъ.
 АДРЕСЪ:
Ш. БИТКЕРЪ
 складъ меновскихъ и американскихъ часовъ въ Варшавѣ, Сенаторская № 27 и Вербовая № 11. противъ Правительственнаго театра.
ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Шпиллятена. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

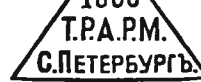
1865. Москва.
 1870. С.-Петербургъ.
 1882. Москва.
 1896. Нижн.-Новгор.

ТОВАРИЩЕСТВО

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
 учрежденное въ 1860 году,
РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ
 просить при покупкѣ обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 10845 26-6
 на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

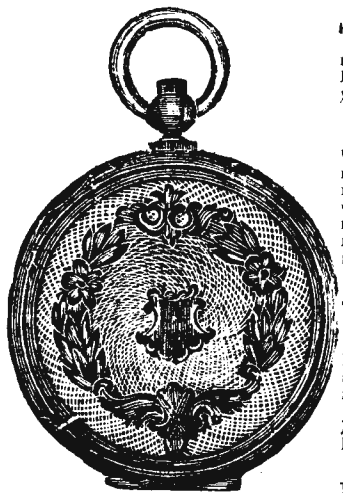

Издатель журнала „Нива“, А. Ф. Марксомъ, приобретено отъ наследниковъ право собственности на всѣ сочиненія покойнаго писателя Г. П. Данилевскаго, и въ настоящее время
ВЪ КОНТОРѢ ИЗДАНИЙ А. Ф. МАРКСА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
 ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО,
 7-е, посмертное изданіе, въ 9-ти томахъ,
 съ биографическимъ очеркомъ и съ приложеніемъ ПЯТИ ПОРТРЕТОВЪ Г. П. Данилевскаго и вида его родового склепа и могилы въ селѣ Пришибѣ, Харьковской губерніи.
 Девять томовъ „полнаго собранія сочиненій“ Г. П. Данилевскаго заключаютъ въ себѣ: 4298 страницъ в 8^ю и отпечатаны на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ.
Цѣна 15 руб., съ пересылкою 17 руб.
 Съ требованіемъ обращаться въ Контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Мал. Морская, № 22. Изданіе выбѣтся также въ продажѣ въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
7 КОЛЕНКОРОВЫХЪ
КРЫШЕКЪ
 на прилагаемые при „Нивѣ“ въ 1898 г.
12 ТОМОВЪ
Н. С. ТУРГЕНЕВА.

(На 1-й и 12-й обложечные томы по 1 крышкѣ на каждый, а на остальные 10 томовъ по 1 крышкѣ на два тома). Крышки весьма изящны и изготовлены изъ лучшаго англійскаго колленкора, съ красивыми тисненіями золотомъ и краскою по рисунку художника Н. С. Самокина. Крышки продаются только комплектомъ, т. е. всѣ семь вмѣстѣ, отдѣльныя же крышки не продаются. Цѣна всѣхъ семи крышекъ 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 75 к.
 Съ требованіемъ обращаться въ Контору журнала „Нива“, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.
 Въ конторѣ Н. Н. Печниковой, въ Москвѣ, Петровскія линіи, цѣна семи крышекъ безъ перес. 2 р.

НИЛЬЗЯ
 не носить серебряныхъ часовъ накладного ЗОЛОТА при такой доступности цѣны и дешевизнѣ. Благодаря большому сбыту часовъ въ моемъ делѣ, я приготовилъ въ предстоящимъ праздникамъ Св. Пасхи большой выборъ **МУЖСКИХЪ И ДАМСКИХЪ ЧАСОВЪ.**
 Часы серебряныя 84 пробы, заводъ ключомъ, всѣ 3 крышки накладного золота, ничѣмъ не отличающіяся отъ настоящихъ золотыхъ часовъ, механизмъ настоящаго никеля самый прочный, ходъ на 15 камняхъ. Часы отпущаются изъ моего делѣ тщательно проверенные, и, только благодаря большому сбыту, я въ состояніи продавать ихъ **только за 9 и 11 руб.**
 Такіе же дамскіе дешевле на 1 рубль. Гдѣ часамъ прилагается цѣна и ключъ изъ американскаго золота. Вышеупомянутыя часы высылаются по полученіи 2 руб. задатка, остальное налож. платежомъ. Даю печатное ручательство на бѣлѣ за вѣрность хода. 2-1
АДРЕСЪ:
Ю. ГУБЕРУ, Почтовая, 21. Одесса.

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
 первый въ Россіи
„ФИНАНСОВО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ РОССІИ“,
 составленный по официальнымъ даннымъ
П. А. Антроповымъ
 и состоящій изъ 29 картограммъ и 7 диаграммъ, отпечатанныхъ въ шесть красокъ, съ обширными введеніемъ автора и съ приложеніемъ 4-хъ таблицъ съ вычисленіями. (Форматъ изданія большое in quarto).
Цѣна атласа 5 руб., съ перес. 5 руб. 60 коп.
 Требования и деньги просить адресовать въ Контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, Малая Морская, домъ № 22. Изданіе выбѣтся также въ продажѣ во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

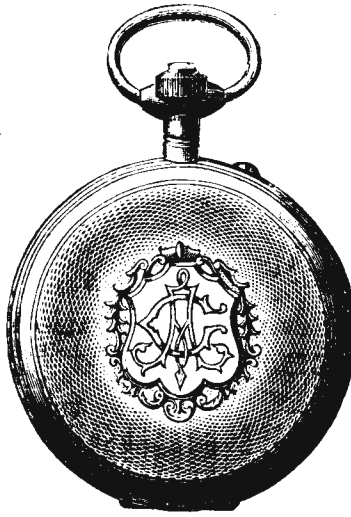
ФАБРИКАНТЪ
ЛУКУТИНЪ
 БУМАЖНО ЛАКИРОВАННЫЯ ИЗДѢЛІЯ
СЪ ЖИВОПИСЬЮ
 ПРОДОЛЖАЮЩІИ ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ НА ПАСХАИ. ЯИЦА.
 Москва, Тверская, прот. Англ. клуба, соб. домъ.

БРИТВЫ
 ШВЕДСКІЯ АНГЛІЙСКІЯ
 собственной фабрики, безопасныя Старъ и Спортъ отъ 2 р., 3, 4, 5, 6 до 7 р. Машинки для стрижки волосъ, американскія, предлагающія магазинъ стальныхъ издѣлій
А. О. Брабецъ
 С.-Петербургъ, Большая Морская, № 40.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
 Вс. Соловьева.
 Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ:
П. А. КРУШЕВАНЪ.
ЧТО ТАКОЕ РОССІЯ? Путевыя замѣтки. 374 стр. Ц. 2 р.
ДѢЛО АРТАБАНОВА, романъ. 348 стр. Ц. 1 р. 25 к. № 10997 4-3
ПРИЗРАНИ, романъ, рассказы и повѣсти. 695 стр. Ц. 2 р.
 Складъ изданія: Москва, типографіи Т-ва И. И. Кушнеревъ и В. Пименовская ул., собств. домъ.

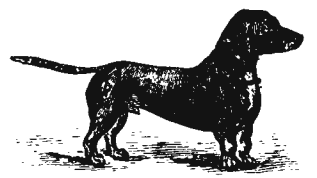
ЖЕМЧУГЪ
 хороший ровный
ВЪ НИТКАХЪ И ВЪ ВЕЩАХЪ
 ПОКУПАЕТЪ 20-11
 ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ
К. ФАБЕРЖЕ.
 Москва, Кузнецкій мостъ, № 4.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенств. способу изготовленія часовъ моего производства, а имѣю возможность продавать съ 1 июля мин. г. самыя элегантныя и прочныя **МУЖСКОЕ ЧАСЫ** амеральскаго золота, трудно отличаемыя, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструкторки (удостоен. серебр. медалью на Женевской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною дѣлочною, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, вмѣсто 18 и 20 руб.
только за 10 и 12 руб.
 Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящіе золотые, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе. Такіе же **ДАМОНІЕ** дороже на 1 рубль.
Письменное ручательство на 6 лѣтъ.
 Высылаю вновь вытѣренные часы по полученіи задатка 2 р., остальное же наложенномъ платежомъ. **АДРЕСЪ:**

Н. А. ЛУХМАНОВОЙ
О СЧАСТЬѢ.
 Изданіе изданіе П. П. Сокина.
 Цѣна 75 коп. Выписывающіе отъ издателя (СНБ, Стремянная, 12) за пересылку не платятъ.

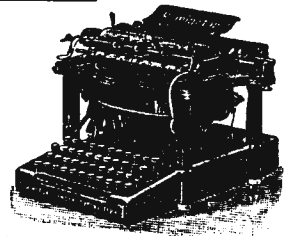
СИБИРСКІЙ СКЛАДЪ
КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ
Д. А. Епанешникова
 Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.
ЧЕ-СУ-ЧА.
 Дамская отъ 10 до 18 р. кусокъ въ 26/28 арш.
 Мужская " 20 " 40 р. кусокъ въ 26/28 " "
 Фанла " 12 " 50 р. кусокъ въ 21/22 " "
 Товаръ высылаю наложеннымъ платежомъ.
 Образцы бесплатно 15-3

ВЪ ПИТОМНИКЪ „ЛЮБИТЕЛЬ“
 продается за наличествомъ легавыя, тансы и бульдоги. Фог. картели собакъ высылаю за 1 р. (марками); на отвѣтъ — марку. С.-Петербургъ, В. О., 7 линія, д. 36, кв. 22.

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ
 Складъ женевскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.
 ♦ Множество благодарств. писемъ и отзывомъ. ♦
 Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземп. снабженъ пломбою фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. Ц. № 10857 5-5

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.
 Въ виду громаднаго успѣха, которымъ пользуется пишущая машина „Ремингтона“, какъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ частныхъ сферахъ, въ продажѣ появились **РАЗНЫЯ ПОДДѢЛКИ**, распространяемыя подъ названіемъ: „усовершенствованная Ремингтонъ“, „Новая Ремингтонъ“ и т. п. Ц. № 10532 12-12
 Какъ единственные представители завода „Ремингтонъ“ для всей Россіи, считаемъ долгомъ увѣдомить, что наша гарантія распространяется только на машины, приобретенныя въ нашихъ собственныхъ складахъ или у агентовъ, нами спеціально уполномоченныхъ.
ВЫСОЧ. утвержд. Товарищество
 Правленіе: Москва.
Отдѣленія:
 С.-Петербургъ, Невъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Конандъ, Ростовъ и Д.
М. Блок

№ 12.

XXIX г.

1898 г.

Содержаніе:

ТЕНЕЦЬ. Тьма непроглядная. Рассказъ изъ гаремной жизни. Н. Н. Каразина. (Продолженіе.)—Былое. Антонъ. Рассказъ. А. А. Осипова.—Великаны и карлики.—Къ рисункамъ: Святая любовь.—Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвы.—Бѣгство въ Египеть.—Весеннее утро.—„Записки охотника“ И. С. Тургенева. „Ермолай и мельничика“.—И. С. Тургеневъ на охотѣ.—Взрывъ въ курскомъ Знаменскомъ соборѣ.—П. С. Мочаловъ.—И. И. Шишкинъ.—Русскій музей Императора Александра III.—Знаемъ ли мы Россію?—Политическое обозрѣніе.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементовскій.

ПОСЛѢДНІЙ

добровольный обмѣнъ на 4% ренту 4% облигацій внутреннихъ займовъ 1887 года и 2-го, 3-го и 4-го—1891 года и выпущенныхъ въ кредитныхъ рубляхъ 4% облигацій казенныхъ жел. дорогъ.

ЗАЯВЛЕНІЯ

принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ учрежденій Банка.

КРАЙНІЙ СРОКЪ

№ 11073 12-1

подачи заявленій 15 Іюня 1898 года. Подробныя условія обмѣна въ ежедневныхъ газетахъ.

ПАМЯТЬ

лицъ каждаго возр. укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 урокъ) профес. мнемоники С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и Ваз. ул., собствен. доми. № 28. Условія и 2 брош. (въ 64 стр.) высыл. за одну 7-ми коп. марку. № 10917 20-7

Иллюстрир. всеобщ. каталогъ ПОЧТОВЫХЪ МАРОНЪ вып. 1, ц. 20 к. у С. Д. Соломкина, Киевъ.

СИБИРСКІЙ СКЛАДЪ КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ Д. А. Епанешникова

Москвѣ, Никольская ул., д. Греческ. мон.

ЧЕ-СУ-ЧА.

Дамская отъ 10 до 18 р. кусокъ въ 26/28 арш. Мужская „ 20 „ 40 р. кусокъ въ 26/28 „ Фанза „ 12 „ 50 р. кусокъ въ 21/22 „ Товаръ высылкаю наложеннымъ платежомъ. Образцы безплатно. 15-4

Благодаря большому сбыту и новому усовершенств. способу изготовленія часовъ моего производства, я имѣю возможность продавать съ 1 Іюля мин. г. самыя элегантныя и прочныя МУЖОНІЕ ЧАСОУ америнанскаго золота, трудно отличаемыя, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ.—крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструкторіи (удостоен. серебр. медалью на женевской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣпочкою, тоже америнанскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, вмѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже считались настоящими золотыми, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе. Такіе же ДАМОНІЕ дорожно на 1 рубль.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ.

Высылаю вполнѣ выѣренныя часы по полученіи задатка 2 р., остальное же наложеннымъ платежомъ. АДРЕСЪ:

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ

Складъ женевскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.

Множество благодарств. писемъ и отзывомъ.

Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземп. снабженъ пломбою фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. № 11065-1

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Вс. С. Соловьевъ. Романъ-хроника XVIII в. Время паденія Барона и водворенія Енисаевыхъ. Мад. 3-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскошн. колѣнк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ФЛЕЙТЫ

Для учениковъ: въ 6, 8, 12, 18 и 25 руб.

Для артистовъ: въ 35, 40, 50, 60, 75, 85, 90, 120, 160 и 250 руб.

НАРОДНЫЯ: въ 2 и 4 руб. Пикола-флейты, Кларнеты, Гобои, Фоготы лучшаго качества, по умѣрен. цѣнамъ. Прейсъ-куррантъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО И ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ. Складъ и изданіе нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій м., д. Захарыина.

БУХГАЛТЕРІЯ

Высылаются безплатно пробныя лекціи-корреспонденціи и условія заочнаго изученія бухгалтеріи по препр. бол. зол. медалью методу С. Я. Лиленталь. Москва, Бутырки, № 49. Ц. № 10919 10-4

Популярно-научная книга, доказывающая

СЧАСТЛИВЫЕ №№ ВЫИГРЫШ-

ныхъ бил. 1, 2 и 3 в. Изданіе 3-е, совершенно заново переработанное, значительно дополненное и исправленное. Ц. 1 руб., съ пер. 1 р. 20 к. (съ нал. пл. 1 р. 30 к.) С.-Петербургъ, Вознесенскій проспектъ, д. 37, кв. 32, Красильниковъ. 2 марта с. г. на доказан. №№ пало 257 выигрышей на сумму въ 541 1/2 тыс. руб.

РЕКОМЕНДУЕТСЯ употреблять ВЕСНОЮ

„PASTA EUGÉNIE“ BERTHA RIES.

Помлада для лица. Уничтожаетъ въ скоромъ времени веснушки, загаръ, красныя пятна, встречающіяся на лицѣ; средство это придаетъ также цвѣту лица юную свѣжесть и красоту. Цѣна баночки 1 руб. 60 коп. Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи, а въ случаѣ отказа прошу обращаться въ Москву, Новая Басманна, домъ № 13.

На каждой баночкѣ имѣется моя подпись ВЕРТА РИСЪ.

W. № 11069 3-1

М. ЭЛИШЕВЪ, Москва,

Софійка, ЛУБЯНСКІЙ

ПАССАЖЪ № 60-61.

Иллюстр. Прейс-курантъ высыл. по требов. величайшій выборъ: КРОВАТЕЙ съ изящной живописью, англійскихъ золоченныхъ, никелированныхъ и обыкновенныхъ. МАТРАЦОВЪ пружинныхъ, проволочныхъ, волосяныхъ и друг.; КРЕСЕЛЪ для больныхъ. ВАННЪ, ДУШЪ и ШКАФОВЪ купальныхъ. УМЫВАЛЬНИКОВЪ мраморныхъ и металл. Дѣтскихъ КОЛЯСОКЪ и ВЕЛОСИПЕДОВЪ. ЛЕДНИКОВЪ комнат. и друг. хозяйствен. вещей. Единственный фабричный складъ издѣлій Варшавск. фабр. Бр. Фрумкинскихъ.

Source de l'état CELESTINS GRANDE-GRILLE HOPITAL VICHY

ГРАФОФОНЫ для дѣл. фонограммъ и для воспроизведенія съ пригот. цил. Ц. 50 р. БРУНО ЗЕНГЕРЬ и Ко, СПб., Невскій пр., № 25

ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ ОБУВЬ и дорожныя вещи РОЗОНОВА

Прирейское техническое училище въ Бингенѣ. Программы высылаются бесплатно.

КАКАО ФЛИКЪ. Испробованъ и найденъ превосходнымъ голландскій. Константинъ Гершъ, С.-Петербургъ.

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ Глицеро-вазелиновое мыло МОЛОДОСТИ А. СІУИКЪ МОСКВА.

Ю. МЕЛЛЕРЪ и Ко. Фабрика велосипедовъ „DUX“. Цѣны и качества вѣтъ конкуренціи.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ СКЛАДЪ ГОТОВОГО МУЖСКОГО, ДАМСКАГО И ДѢТСКАГО ПЛАТЯ В. К. Фиргангъ

Москва, Ильинка, противъ Биржи, домъ Юсифовскаго монастыря.

Требованія иногороднихъ покупателей исполняются наложеннымъ платежомъ съ задаткомъ не менѣе 20%.

Прейс-курантъ со способомъ снятия мѣрокъ высылаемъ по требованію бесплатно. Розничныя отд.: въ гг. Рязани, Баку и Кишиневѣ.

Оптовое-розничныя склада суконныхъ товаровъ, адресъ тотъ-же. Прейс-курантъ суконныхъ товаровъ—бесплатно.

Продажа въ розницу по оптовымъ цѣнамъ.

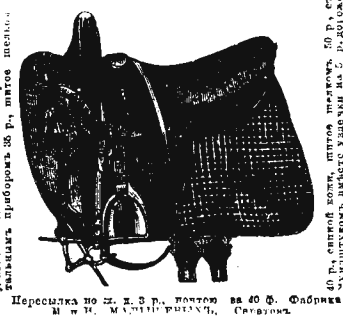

НЕЛЬЗЯ не носить серебряныхъ часовъ накладнаго ЗОЛОТА при такой доступности цѣны и дешевизнѣ.

Часы серебряные 84 пробы, заводъ ключомъ, въ 3 крышки накладнаго золота, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ часовъ.

только за 9 и 11 руб. Такие же дамскіе дешевле на 1 рубль. Къ часамъ прилагается дѣнь и ключъ изъ американскаго золота.

ГЛАВНЫЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Э. БУРХАРДЪ, Спб. Невскій протв. № 6

ЮВЕЛИРЪ К. И. БОКЪ. Золотая медаль. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 9, Большая Морская. ХР. БЮДЕРЪ. 6, Кузнечій мостъ.

Большое депо часовъ Б. АЛЬТШВАГЕРЪ. Невскій пр. № 32. Домъ католическаго цѣркви противъ думы С. ПЕТЕРБУРГЪ

КОРСЕТЫ ФАБРИКИ И. Г. АБРАМСОНЪ. Удостоены похвалы. ОТЗЫВОМЪ НА ВСЕРОСС. ВЫСТАВКѢ 1896 г. 1. ТВЕРСКАЯ Д. АНДРЕЕВА 2. ЛУБЯНСКІЙ ПАССАЖЪ № 11

БУХГАЛТЕРІЮ можно изучить скоро и основательно за 15 руб. у М. П. Чернышева

ТРЕБУЙТЕ ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ НОЖИЦА ИРУНЪ и ОТЪ ЗАГАРА КРЕМЪ ОРИЗА

МАСТЕРСКАЯ КАУЧУКОВЫХЪ ШТЕМПЕЛЕЙ И. С. ЗИМАНЪ, Вѣлостокъ. Рекомендуетъ никельный карманный писменный приборъ.

НЕОСПОРИМО ВКУСНО и ПОЛЕЗНО печенье къ чаю „СИЛА ЧЕ“ и ПРЕВОСХОДНЫЙ КОФЕ Д. Брайнина

Благодаря громадиному сбыту и полному усовершенствованію изготовленія часовъ, я въ состояніи продать съ 15 ноября пр. г. изящныя и прочныя карманные мужскіе часы „ЗВѢЗДА“.

XXIX г.

№ 12

Выданъ 21 марта 1898 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXIX

1898

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1898 г.

Безъ доставки въ Петербургъ.

5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговая линіи.

6 р. 25 к.

Съ доставкою въ Петербургъ.

6 р. 50 к.

Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи.

7 р. За гра. ницу. 10 р.

При этомъ № прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложеній» за мартъ 1898 г.

Святая любовь. Съ карг. В. Бугеро, автотипія.

Тьма непроглядная.

Разсказъ изъ гаремной жизни

Н. Н. Каразина.

(Продолженіе.)

Эстеръ была въ кладовой; передъ нею стоялъ большой кованный сундукъ съ откинутою крышкою; вся кладовая завалена было одеждою. Эстеръ неторопливо и аккуратно укладывалась. Шарика возился подлѣ. Онъ запустилъ обѣ ручки въ шкатулку съ уборами и игралъ ожерельемъ, раскидывая все вокругъ, безцеремонно и звонко смѣялся. Эстеръ не мѣшала ему производить такой безпорядокъ.

Когда вошла Улькиуъ-Курсакъ, „жидовка“ вздрогнула и взглянула на нее не безъ тревоги.

— Укладываешься?

Старуха присѣла на порогъ кладовой, глубоко вздохнула и вытащила изъ-за пазухи небольшой сверточекъ.

— Это что?

— Это я тебѣ на память кунила...

Хорошая вещь, носи на здоровье, да насъ не забывай, когда уѣдешь... Вѣдь ты навсегда уѣзжаешь. Больше уже къ намъ, то-есть къ себѣ, въ настоящій, родной домъ не вернешься...

— Вылѣчусь—вернусь...

— А помрешь тамъ?..

Улькиуъ-Курсакъ пытливо поглядѣла прямо въ глаза Эстеръ, еще разъ глубоко вздохнула, и на ея сморщенныхъ щекахъ показались слезы.

— Да что вы, ханымъ, меня все пугаете, — заговорила Эстеръ. Вѣдь Суффи не велѣлъ намъ пугать меня больше...

— Кто тебя пугаетъ?.. Кто? Сама,

какъ безумная, безъ страха идешь на гибель, а говоришь „пугаете“...

— Оставьте, ханымъ, не надо!—простонала Эстеръ.

— Не оставлю, буду говорить... Аллахъ велитъ мнѣ спасти тебя и домъ весь нашъ, — строго заговорила старуха...—Слушай меня только внимательно, козочка моя дорогая, любимая моя, хорошая... Не ради зла тебѣ говорю, а отъ великаго зла спасти желаю... Слушай только. Укrotи свое сердце и слушай.

Эстеръ не отвѣчала, но по ея выраженію старуха поняла, что каждое ея слово будетъ выслушано съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Видѣла ты твою Олгу? Хорошо къ ней приглядѣлась?...—продолжала она.

— А то какъ же? — чуть слышно прошептали губы джюгудки.

— Видѣла, какіе у ней глаза?... Голубые, какъ небо лѣтомъ, добрые, ласковые, такъ и смотреть прямо въ душу...

— Прямо въ душу,—повторила Эстеръ за нею.

— А какое лицо, какой ротъ, губы-то какія... Вѣдь улыбнется,—будто солнце заглянетъ въ окошко...

— Она добрая...

— А какое тѣло у ней!.. Помнишь, когда рубаху мѣняла,—помнишь? Вѣдь такого тѣла другого не найти. Полная, бѣлая, какъ сахаръ... Груды какія, плечи... А ноги... Помнишь ноги? Вѣдь у самого эмира Мозафара, во всемъ гаремѣ такихъ ногъ не сыщешь... Посмотри же на свои теверы, — посравни-ка... Что это у тебя?... Палки сухія, черныя, какъ у цапли на болотѣ, кости однѣ, колѣно о колѣно стучить... Гдѣ же тебѣ равняться съ Олгою? Бѣдная ты, бѣдная, горемычная женщина!..

— Я больна. Олга меня вылѣчить, — я такая же буду... даже лучше буду... Сама Олга мнѣ говорила... Она говоритъ, что я тоже красивая, она все глаза мои цѣлуетъ и говоритъ, что такихъ глазъ тоже на всемъ свѣтѣ немного... Она...

— Пока еще ты вылѣчишься, Суффи на Олгу наглядится вволю. Онъ уже и такъ довольно наглядѣлся... Эхъ, глупая, глупая!.. Суффи-то зачѣмъ тебя отсюда увозить,—лѣчить, что ли? Лѣчить-то и здѣсь можно. Нѣтъ, чтобы чаще да больше эту русскую змѣю видѣть, больше съ нею глазъ-на-глазъ проводить время... Вотъ для чего... А ты думала... Эхъ, ты, слѣпая, неразумная! А самъ Суффи развѣ не красивъ? Вѣдь настоящий мужчина, статный, видный; вѣдь между русскими и не сыскать такого. Не даромъ на него твоя Олга заглядывается...

— Не надо!—снова простонала Эстеръ.

Но старуха уже расходилась во всю.

— Нѣтъ, надо! Нечего на бѣду глаза закрывать... На базарѣ, что говорятъ?... А?... Ты знаешь, что говорятъ на базарѣ?... Вотъ, погоди, увезутъ тебя отсюда, запрутъ въ русскомъ городѣ за десять замковъ,—окопдуютъ та, подлая, твоего мужа, онъ па тебя и не взглянетъ больше. Ее возьметъ въ жены, а ты ей работницей будешь, пока не сдохнешь. Онъ будетъ съ ней на коврахъ цвѣтныхъ валяться и нѣжиться, а ты будешь дастарханъ подавать, да любоваться, — вотъ какъ Хатыча съ Сары-Кошмою, когда Суффи съ тобою тѣшится...

— Я ей глаза выпарапаю, я ей горло перегрызу,—проговорила, сквозь крѣпко стиснутые зубы, Эстеръ, да такимъ голосомъ, что даже Улькунъ-Курсакъ страшно стало.

— Давно бы пора,—поддакнула та.—Только ты успокойся... Ты слушай меня, моя радость: ты пока молчи, и виду не подавай, что все знаешь, никому не проговаривайся. Скажи, молъ, только, что раздумала переѣзжать, вѣдь не потащить тебя силою, а потащить—тогда будемъ знать, что дѣлать надо. Ты пока молчи... Притворяйся даже,—не бѣда! Олга пріѣдетъ,—ты и передъ

той притворишься. Успѣешь еще горло перегрызть... Да ты не сердись... полегче!.. Зачѣмъ хорошую одежду рвать... Ты споконнѣ...

Это Улькунъ-Курсакъ увидала, какъ энергично принялась Эстеръ выкидывать все изъ сундука, все, что съ такою любовью, такъ аккуратно уложено было для предстоящаго переѣзда.

— Главное, чтобы Суффи не замѣтилъ, что мы съ тобою все разгадали. Пріѣдетъ мужъ, ты скажи ему просто: ну, раздумала, и только. Жалко, молъ, съ домомъ своимъ разставаться, жалко добрую старуху, это меня, значить, огорчать, да и подругъ тоже... Что, молъ, тебѣ и здѣсь хорошо, все тебя любятъ, что ты здѣсь еще лучше поправишься. Стой на своемъ: не поѣду, да и только! А тамъ видно будетъ... Смотри же, ни Суффи, ни Олгѣ этой проклятой, не проболтайся... Да умойся хорошенько, приберись въ порядокъ... Вишь, какъ тебя всю перевернуло. Что, опять закашлялась... Ахъ, бѣдная ты моя, бѣдная! Эко опять крови сколько!.. Переменни рубаху да проглоты хоть этотъ вѣдьминъ порошокъ, помогаетъ тоже... Аллахъ, Аллахъ, какіе люди нынче пошли нехорошіе да злые!.. Бывало ли это прежде! Охъ, грѣхи, грѣхи... Я пойду и пришлю тебѣ дню хорошую... Дороги онѣ стали нынче на базарѣ: вѣдь какъ трудно за всю зиму сберечь въ сѣточкахъ, на подвѣсѣ,—изъ ста одна продержится; а я хорошую купила у бабалъ въ лавкѣ, сейчасъ пришлю къ тебѣ съ Хатычею,—она и прибрать все въ порядокъ поможетъ... Смотри же, моя хорошая, молчи и ни слова...

Старуха приняла къ плечу Эстеръ, крѣпко обняла ее и вышла изъ сакли, обернувшись раза два на ребенка, а тотъ мычалъ что-то ей во слѣдъ и протикивалъ ручонки, показывая спутанныя нитки зеленыхъ стеклышекъ.

Несмотря на сравнительно недолгое пребываніе въ краѣ, Ольга Николаевна ко многому уже присмотрѣлась и многое поняла въ его жизни. Положеніе туземныхъ женщинъ, уровень ихъ развитія, вся ихъ обстановка, ихъ горемычная, замкнутая жизнь, болѣе всего интересовали любознательную женщину-врача, и короткое знакомство съ семейнымъ бытомъ зажиточнаго, толковаго и умнаго купца-сарта, ей было какъ нельзя болѣе кстати... Она мечтала хотя сколько-нибудь внести свѣта въ эту темную среду, и теперь ея мечты начинали понемногу осуществляться. Она привыкла умѣло наблюдать и дѣлать правильные выводы изъ подобныхъ наблюденій, и вполнѣ уже уяснила себѣ отношенія другъ къ другу членовъ семейства Суффи Казиметова.

Она понимала эти отношенія даже лучше, чѣмъ самъ глава дома; она видѣла ясно, какую непримиримую ненависть внушала бѣдная Эстеръ болѣе вліятельной въ домѣ Улькунъ-ханымъ, какую зависть внушала она остальнымъ двумъ женамъ Суффи. Уже съ первой встрѣчи, съ первой минуты своего появленія въ домѣ, Ольга Николаевна могла хорошо замѣтить, что это появленіе внесло въ домъ цѣлый переворотъ, сразу нарушило весь ходъ его обычной жизни и не могло не вызвать серьезнаго, а, можетъ-быть, даже роковаго отпора. Завязалась борьба... „свѣта съ мракомъ“, какъ шути выражалась сама Ольга Николаевна. На сторонѣ свѣта:—она, Суффи, безусловно ей преданный и благодарный за спасеніе сына-первенца отъ конечно неизбѣжной смерти, хотя бы и „по волѣ Аллаха“, за обѣщаніе вылѣчить любимую жену; Эстеръ, глубоко вѣрующая въ чудодѣйственную силу „свѣтлой женщины“, суевѣрная, считающая ее существомъ неизмѣримо вышшимъ, польщенная тѣмъ, что это существо называетъ ее своею сестрою. Съ другой стороны Улькунъ-ханымъ, опора бытовыхъ традицій, ревнивая охранительница старыхъ, нѣковыхъ порядковъ отъ какого бы ни было

поваго вѣянія, тѣмъ болѣе идущаго изъ лагеря невѣрныхъ, печестивыхъ гяуровъ, и остальные члены дома,— эти невѣжественныя самки, одушевленные злобною завистью и животною ревностью... Ольга Николаевна тщателью взвѣсила шансы борьбы, и эти шансы были не всегда на ея сторонѣ. Она замѣчала не разъ уже, что во время ея отсутствія „враги“ не зѣваютъ и подрываютъ ея работу; она поняла даже, въ чемъ, собственно, заключается эта работа, и спасти бѣдняжку Эстеръ, на голову которой, конечно, долженъ былъ обрушиться ударъ, стало теперь для Ольги Николаевны душевною потребностью. Вотъ почему она такъ настойчиво убѣждала свою названную сестру переселиться въ русскій городъ, подъ ея непосредственное покровительство, хотѣла вырвать ее изъ рукъ хитрой и властной старухи... Она такъ краснорѣчиво описывала прелесть ея поваго уголка, гдѣ сестра найдетъ полный покой, а можетъ-быть, даже и полное выздоровленіе отъ тяжкаго недуга, въ которое Ольга Николаевна, впрочемъ, сама плохо вѣрила, что Эстеръ принялась нетерпѣливо считать не только дни, но даже часы, когда она попадетъ въ русскій домъ, гдѣ поютъ въ клѣткахъ желтенькія птички, играютъ весело сундучки съ музыкой, гдѣ она будетъ толстѣть, хорошѣть и избавится, наконецъ, отъ этого душливаго кашля, вызывающаго такую невыносимую боль въ груди и эту, пугающую ее, алую кровь, предвѣстницу смерти.

Торжествуя побѣду, Ольга Николаевна уѣхала тогда домой въ самомъ радостномъ настроеніи; она просила Эстеръ держать уговоръ пока въ тайнѣ; оставалось только уговорить самого Суффи, и она не сомнѣвалась ни минуты, что ей это удастся.

Однако, уговорить главу дома на такой рѣшительный шагъ оказалось вовсе не такъ легко, какъ думалось сначала. Суффи безпрекословно повиновался Ольгѣ Николаевнѣ во всемъ, когда дѣло шло о жизни любимаго первенца. Онъ говорилъ тогда, что готовъ погубить даже свою душу за жизнь сына. Но то былъ сынъ-первенецъ, а теперь рѣчь идетъ объ Эстеръ, только любимой его женѣ, матери этого сына, но все же о женѣ, то-есть объ одной только самкѣ изъ всего домашняго запаса... Конечно, жаль будетъ очень, если Эстеръ умретъ, но рѣшаться на такой шагъ, на такое нарушеніе всѣхъ бытовыхъ традицій изъ-за этого стоитъ ли? И Суффи Казиметовъ, ошеломленный предложеніемъ женщины-врача, сначала даже упрекнулъ Ольгу Николаевну за то, что та уговорила Эстеръ, не посоветовавшись сначала съ нимъ, главою дома.

Въ это время въ русскомъ городѣ жилъ мулла Иссетъ-Асфанджаровъ, родомъ казанскій татаринъ, человекъ мудрый, начитанный и очень ученый; онъ ходилъ обыкновенно въ черномъ длинномъ сюртукѣ и въ бархатной тюбетейкѣ на бритой головѣ, и только иди въ мечеть, надѣвалъ чалму и соответствующее широкое одѣяніе. Онъ былъ большой знатокъ корана и шаріата, носилъ званіе муллы и даже разъ избранъ былъ муфтиемъ въ Оренбургѣ, но отказался отъ этого высокаго духовнаго званія ради науки. Иссетъ-Асфанджаровъ кончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ казанскомъ университетѣ, и пріѣздъ такого великаго ученаго въ нашъ городъ произвелъ на все его мусульманское населеніе глубокое и сильное впечатлѣніе.

Вотъ этотъ-то непогрѣшимый знатокъ корана, мудрый истолкователь его изреченій, умѣвшій примирить указанія пророка съ требованіями цивилизаціи, и помогъ Ольгѣ Николаевнѣ успокоить сомнѣнія Суффи Казиметова и вызвать его полную готовность исполнить ея желанія.

На совѣтъ къ муллѣ Асфанджарову поѣхали они вмѣстѣ, а съ того совѣта прямо отправились осматривать новое помѣщеніе, предназначенное для Эстеръ и ея ребенка.

А помѣщеніе это было поистинѣ превосходно. Домъ Ольги Николаевны хотя и находился въ довольно людной, центральной части города, однако, около дома нашлось мѣсто для большого фруктоваго сада, окружающаго этотъ домъ съ трехъ сторонъ, такъ что стѣны сосѣднихъ построекъ были удалены на достаточное разстояніе. Въ глубинѣ этого сада находился еще другой маленькій домикъ, въ три комнаты, обнесенный верандою на столбикахъ. Съ большимъ домомъ этотъ флигелекъ соединялся крытою галлереею, а у самаго домика помѣщался четвероугольный прудокъ, черезъ который проходилъ арыкъ для пропуска воды, такъ что въ пруду вода эта была проточная и не загнивала, да и самый арыкъ былъ не такой, какъ у туземцевъ, грязный и вопочій, а чистый, выложенный жезенымъ кирпичомъ-плитнякомъ. Вокругъ всего сада шла широкая аллея изъ тополей и пальмовидныхъ анпадусовъ,—деревья были еще молодыя, но уже выросли настолько, что лѣтомъ отбрасывали на дорогу густую, прохладную тѣнь. Въ саду были рядами насажены абрикосовыя и персиковыя деревья, уже въ прошломъ году давшія обильный урожай плодовъ, а по сторонамъ веранды тянулись густые розовые кусты и ряды грядъ, съ осени еще подготовленныхъ для цвѣточныхъ насажденій.

Въ маленькомъ домикѣ и рѣшено было помѣстить Эстеръ съ сыномъ, предоставивъ имъ весь этотъ уголокъ двора въ полное ихъ распоряженіе. Домикъ былъ свѣтлый, теплый и необыкновенно уютный. Комнаты были высокія, стѣны начисто оштукатурены алебастромъ, потолоки выбѣлены по туго натянутому полотну, полы плитные, кирпичные и пока устланные только новыми циновками. Въ первой комнатѣ стояла большая печь съ каминомъ, и два большихъ свѣтлыхъ окна выходили въ садъ; нижнія стекла этихъ оконъ были цвѣтныя, а сами окна закрывались рѣшетчатыми ставнями и бѣлыми шторами. Другая комната была поменьше и тоже съ каминомъ. Эта комната была оклеена розовыми обоями и потолокъ—тоже; полъ въ ней былъ бѣлый, дощатый, и окно было только одно, зато вдвое шире первыхъ и открывалось тоже прямо въ садъ, какъ разъ на группу развѣсистыхъ урюковъ. Станутъ поспѣвать,—сидись у окошка и ѣшь прямо съ дерева. За этою комнатою—третья, тоже довольно свѣтлая, но окна ея выходили къ стѣнѣ, а за тою комнатою, возвращаясь къ выходнымъ сѣнямъ, еще комната—кухня, съ хорошею, новою плитою и русскою печкою для хлѣбовъ. Первая комната предназначалась для пріѣздовъ самого Суффи, вторая, розовая, конечно, для Эстеръ съ ребенкомъ, въ угловой предполагалось поставить сундуки и умывальники, а въ кухнѣ жить могла прислуга, по выбору самого Суффи, но лучше бы изъ новыхъ, а не со своего двора. Столъ, на первое время, будетъ отъ Ольги Николаевны, а тамъ увидятъ... Насчетъ мебели тоже было не мало разговору...

Суффи говорилъ, чтобы позволили ему прислать свои новые ковры для всего дома, но Ольга Николаевна доказывала ему всю непригодность ковровъ въ санитарномъ отношеніи, и позволила только одинъ, да и то, чтобы ребенку было удобно ползать и играть на полу, пока время стоитъ еще довольно холодное. Кровать для Эстеръ и люльку для Шаринки она, молъ, поставитъ свои, именно такія, какія требуются для леченія, а сундуки можно перевезти, только она ихъ прежде всѣхъ пересмотритъ самолично. Клѣтки съ желтенькими птичками и ящикъ съ музыкою перенесутся изъ большого дома, а по стѣнамъ повѣсятъ картинки и большое зеркало для Эстеръ. Конечно онъ, Суффи, будетъ полнымъ хозяиномъ въ этомъ домѣ и безъ его позволенія никто не перешагнетъ его порога, за исключеніемъ только самой Ольги Николаевны... Суффи Казиметовъ попросилъ позволенія приходить, со стороны

Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы. Архангелъ Гаврииль.
Икона работы В. Е. Маковского въ храмѣ во имя Христа Спасителя въ Боркахъ. Гравироваль И. Павловъ.

Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы. Пресвятая Дѣва Марія.
Икона работы В. Е. Маковского въ храмѣ во имя Христа Спасителя въ Боркахъ. Гравировалъ И. Павловъ.

сосѣдняго двора, стѣну немного, аршина на четыре, не больше, и хотѣлъ завтра же прислать для этого своихъ каменщиковъ. Это ему было разрѣшено, хотя и вызвало невольную улыбку на устахъ Ольги Николаевны.

— Не для себя больше, — для людей... что скажутъ? — глубоко вздохнулъ Суффи, пожимая плечами. — Вы, — продолжалъ онъ: — осыпаете насъ, маленькихъ людей, такими милостями, что я обязанъ спросить васъ: какую суммою я долженъ оплатить всѣ ваши щедроты?

Вопросъ былъ вполне естественный со стороны Суффи, но для Ольги Николаевны этотъ вопросъ оказался совершенно неожиданнымъ. Она вспыхнула до ушей, подняла на вопрошающаго изумленные глаза и сдѣла проговорила:

— Суффи!.. Что вы?

Но Суффи очень резонно объяснилъ ей, что онъ человѣкъ богатый и платить можетъ, что домикъ не могъ простоять пустымъ, а навѣрное кѣмъ-нибудь былъ бы занятъ. И что если Ольга Николаевна не захочетъ взять съ него денегъ, то ему придется съ грустью отказаться отъ такого благодѣянія...

— Тамъ увидимъ! — попробовала — было уклониться хозяйка.

— Хорошо-съ, увидимъ, — многозначительно произнесъ Суффи.

Онъ понялъ смущеніе Ольги Николаевны и замылъ этотъ пеловкій разговоръ, рѣшивъ посправиться о наемныхъ цѣнахъ вносѣдствіи, чтобы не заплатить печально меньше, чѣмъ слѣдуетъ.

Колебанія Суффи, затѣмъ совѣщаніе съ мудрѣйшимъ муллою Иссетомъ-Асфанджаровымъ, осмотръ дома, — все это заняло столько времени, что уже начало темнѣть, а тутъ за стѣною послышался мягкій стукъ рессорнаго экипажа, топотъ многочисленныхъ копытъ коннаго конвоя, — и всѣ эти звуки замерли передъ подъѣздомъ дома.

Оказалось, что это пожаловалъ самъ генералъ, и его звучный голосъ иссело раздавался уже въ пріемной Ольги Николаевны. Пришлось повременить отъѣздомъ. Нельзя же такъ сразу, словно бѣгствомъ спастись отъ такой важной встрѣчи.

Съ генераломъ вмѣстѣ пріѣхалъ и Асфанджаровъ, лукаво поглядывая на Суффи изъ-за генеральскаго плеча.

Генералъ ловко подошелъ къ ручкѣ хозяйки, эффектно при этомъ щелкнувъ шпорами, назвалъ ее лучомъ свѣта и радости въ ихъ захоластьѣ и, обращаясь къ Суффи, произнесъ:

— А я очень радъ, мой высокоуважаемый, почтеннѣйшій Казиметовъ, что засталъ васъ еще здѣсь... Здравствуйте, дорогой, искренно жму вашу почтенную руку.

И онъ дѣйствительно искренно, потому что съ необыкновенною силою сжалъ и потрясъ робко протянутую ему руку польщеннаго Суффи.

— Да вотъ, кстати, чтобы не посылать къ вамъ на домъ, — продолжалъ генералъ: — получите собственно-ручно. Давайте сюда, Иссетъ Омеровичъ...

Генералъ взялъ у Асфанджарова плоскій ящичекъ, открылъ его и вынулъ оттуда серебряную медаль съ надписью „за усердіе“; за этою медалью тянулся аршинъ красной ленты съ бѣлыми каемками, и, обращаясь къ хозяйкѣ дома, попросилъ „булавочки“.

— Воздѣньте сіи знаки на вашу почтенную грудь и носите ихъ по установленію. Душевно поздравляю! — громко произнесъ онъ и добавилъ, лично уже обращаясь къ Казиметову, при этомъ внушительно понижая голосъ: — Вполнѣ заслуженно!

— За что такія милости? — бормоталъ растерявшійся отъ такой неожиданности Суффи, тщетно пытаясь прикоснуться губами къ генеральскому плечу...

Ему это было очень неудобно, такъ какъ онъ одною

рукою пытался придержать медаль на своемъ мѣстѣ (генералъ плохо управился съ „булавочкою“), а другую Суффи, по этикету, прижималъ къ своему сердцу...

Усѣлись наконецъ. Ольга Николаевна съ генераломъ на диванѣ, Суффи и Асфанджаровъ по бокамъ, на стульяхъ. Минутку помолчали всѣ по обыкновенію.

— Да-съ, наша многоуважаемая, — началъ генералъ... — Побольше бы, побольше намъ такихъ женщинъ, какъ вы, и край нашъ просвѣтился бы быстро... Работайте, дорогая, вносите свѣту, больше свѣту въ эту темную, полудикую среду, и все пойдетъ превосходно... И въ вашемъ лицѣ, — генералъ обратился снова къ Казиметову: — я выражаю мое удовольствіе въ полной мѣрѣ всѣмъ тѣмъ, которые такъ отзывчиво, отбрасывая слѣпые предрасудки, относятся къ просвѣтительнымъ мѣрамъ, предпринимаемымъ свыше, являютя, такъ сказать, проводниками цивилизації и вообще всего, что такъ охотно ободрается и даже поощряется правительствомъ... Очень, очень радъ.

Асфанджаровъ лукаво улыбался, поглядывая на Суффи. Ольга Николаевна слегка покраснѣла, ей показалось, что сановный представитель власти могъ бы все это выразить нѣсколько проще или даже совсѣмъ не выражать, а самъ виновникъ торжественной минуты пока еще ничего не сообразилъ и не повилъ, какъ слѣдуетъ...

Переѣздъ Эстеръ, осмотръ ея будущаго помѣщенія, совѣтъ умнѣйшаго оренбургскаго муфтія, такого вліятельнаго мусульманина, и неожиданная, будто съ неба свалившаяся, высокая почетная награда, и эта близость самого начальника края, — все это такъ перепуталось въ его головѣ, что совершенно сбilo его съ толку, и вдругъ одна только мысль промелькнула ясно и сознательно: „что скажутъ на базарѣ, какъ притихнуть злые толки, что скажутъ у него дома, когда онъ войдетъ, украшенный такимъ великолѣпнымъ знакомъ высокой царской милости?“

А когда всѣ развѣхались, то Асфанджаровъ, сидя въ генеральской коляскѣ, говорилъ:

— Да, ваше превосходительство, таджики, то-есть сарты, прекрасные мусульмане, но не ярые фанатики. Честолюбіе, — это ихъ большая слабость, и всегда можно достичь хорошихъ административныхъ результатовъ, умѣло наигрывая на этой стрункѣ.

Генералъ утвердительно кивалъ головою и говорилъ:

— Да, я это давно уже замѣтилъ самъ.

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда Суффи вернулся домой. Дорога была не близкая, и пока что, — все равно въ потемкахъ никому не видно, — онъ свою медаль спряталъ за пазуху, но, подъѣзжая къ воротамъ, скололъ концы ленты булавкою прочно и „возложилъ“ знакъ отличія себѣ на шею „по установленію“. Джигитъ его поскакалъ впередъ, распорядился освѣтить подворотный проѣздъ и передній дворъ, но на этомъ дворѣ было пусто, служащіе при караванъ-сараѣ еще не вернулись, и только двое конюшенныхъ джигитовъ встрѣтили хозяйина, да вдобавокъ еще не сразу замѣтили блестящую медаль и огненно-красную ленту...

„Эко слѣпые олухи!“ чуть не вслухъ подумалъ Суффи, медленно слѣзая съ коня и еще медленнѣе расправляя ноги. — Схѣти ближе!

— Охъ, поздравляю, таксырь, — обратилъ, наконецъ, внимание на что слѣдуетъ одинъ изъ джигитовъ.

— Поздравляемъ! — поклонился и другой.

— Отъ самого генерала, пожалованъ и отличенъ за вѣрную и хорошую службу, — будто бы равнодушнымъ тономъ проговорилъ Суффи, направляясь на женскую половину.

— Ой! ой! — раздалось за нимъ вслѣдъ.

— Поди, завтра большой праздникъ сдѣлаешь на радости.

— Завтра не завтра, а безъ „томаши“ не обойдется.

— Это, понимаешь, совѣмъ такая, какъ у бухарскаго посланника, помнишь, прїѣзжалъ?

— Еще важнѣй, — пояснилъ джигитъ, сопровождавшій хозяина: — та меньше и лента у той безъ дорожекъ, гладкая, синяя, а эта, вишь ты, какъ огонь красная.

— По халату намъ подарить... это вѣрно.

— Да и подарить... Вы что думаете?..

Въ общей женской саклѣ всѣ были въ сборѣ, даже Эстеръ вышла изъ своей каморки. Всѣ три жены и сама Улькунъ-ханымъ принарядились почему-то не по обыкновенію; ярко горѣли четыре фонаря на стѣнахъ, пятый на полу, освѣщая накрытый дастарханъ. Эстеръ сидѣла нѣсколько въ тѣни, наклонивъ низко голову, словно разсматривая нагрудникъ, зато Хатыча и Сары-Кошма такъ и выпятились къ свѣту. Улькунъ-ханымъ сидѣла нѣсколько поодаль, не особенно ласково глядя на вошедшаго; она даже бровью не повела, замѣтивъ новое украшеніе на груди Суффи. Это она устроила торжественную обстановку встрѣчи всѣмъ домомъ; она и ждала этой минуты, и боялась ея. Сердце старухи билось усиленно, она какъ бы изучала выраженіе лица Суффи, впередъ хотѣла прочесть, что-то онъ скажетъ, какъ произнесетъ, наконецъ, свое роковое рѣшеніе.

„Неужели же онъ совѣмъ отдался чарамъ русской колдупы, неужели же рискнетъ на такой неслыханный проступокъ противъ религій и старыхъ обычаевъ?.. А можетъ-быть и опомнится во-время... Аллахъ много-милостивый, помощи, спаси отъ конечной гибели!“

И губы старухи неслышно шептали молитвы.

„Что же онъ молчать, дуры безтолковыя?“ подумалъ Суффи Казиметовъ.

Хатыча и Сары-Кошма вытаращили-было глаза отъ изумленія, но Улькунъ-Курсакъ такъ на нихъ взглянула, что онѣ и рта разинуть не посмѣли.

— Это тебѣ Ольга подарила?..

Суффи даже вздрогнулъ отъ этого и какъ будто знакомаго, и будто чужого, не слыханнаго до сихъ поръ голоса.

Глаза Эстеръ горѣли, теперь уже прямо устремленные на него, ея тонкая рука съ судорожно вытянутымъ указательнымъ пальцемъ, чуть не въ упоръ касалась медали на красной лентѣ.

Удивленно взглянула на нее Суффи и на другихъ всѣхъ посмотрѣлъ тоже.

— Ахъ ты, неразумная! — проговорилъ онъ, улыбнувшись. — Это не Ольга, это орденъ, большой и важный орденъ, и жалуешь только такими орденами самъ Акъ-Падишахъ своимъ лучшимъ слугамъ за ихъ вѣрную и хорошую службу.

— Перемѣни вѣру, можетъ быть еще больше получишь, — сорвалось съ языка у Улькунъ-ханымъ.

Хотѣла про-себя сказать, а вышло довольно громко. Суффи услышала, брови у него сдвинулись.

— Вы, ханымъ, говорите глупости! — произнесъ онъ. — По вашему положенію и по вашимъ лѣтамъ, кажется, не слѣдовало бы.

— Сдуру сорвалось! — проворчала старуха.

— То-то.

— А лента-то, лента какая красивая! — всплеснула руками Хатыча.

— Дорого стѣитъ такая! — заговорила Сары-Кошма. — Ай-ай — важна!..

— Покажи сюда! Дай-ко, — снова протянула руку Эстеръ.

Суффи осторожно снялъ съ шеи медаль и передалъ ее своей любимицѣ. Другія жены быстро переползли къ ней, и всѣ трое стали съ любопытствомъ разсматривать диковину, только Улькунъ-Курсакъ осталась на мѣстѣ.

Главѣ дома почему-то захотѣлось задобрить эту угрюмую старуху, онъ принялся подробно рассказывать ей, какъ встрѣтилъ генерала, что онъ такое ему говорилъ... всѣ подробности рассказалъ, умолчалъ только о томъ, гдѣ произошла эта счастливая встрѣча.

— Я, вотъ, — продолжалъ онъ: — завтра же надѣну это, когда черезъ базаръ въ караванъ-сарай поѣду, послушаю, что будутъ говорить другіе кушцы...

— А хорошаго мало говорить будутъ, — покачала головою старуха: — я знаю, что скажутъ: скажутъ, — Улькунъ-Курсакъ понизила голосъ до тихаго шопота, чтобы кромѣ Суффи никто не могъ услышать: — скажутъ, что за почетъ, да за эту медаль, почтенный купецъ Суффи Казиметовъ, старшина базарнаго совѣта, лучшую жену свою генералу продалъ. Оттого и въ городъ ее перевезъ, чтобы къ русскимъ поближе... Хорошее дѣло сдѣлалъ уважаемый Суффи Казиметовъ!.. Вотъ, что на базарѣ говорить будутъ.

Такого оборота дѣла Суффи не могъ предвидѣть. Вся кровь хлынула ему въ лицо.

— Ханымъ! — вскрикнулъ онъ громко. — Да какъ у васъ языкъ повернулся сказать подобную мерзость... да какъ...

— Что кулаки сжалъ? Не бить ли меня собираешься?.. Что же, бей! Подними руку на мать своей первой жены. Только этого еще и не доставало... Только погоди, — дай всѣмъ разойтись... Пусть идутъ всѣ по своимъ саклямъ. Давно мнѣ съ тобою глазъ-на-глазъ поговорить надо. И то много времени потеряно.

Старуха съ такимъ достоинствомъ проговорила это, такъ рѣшительно и смѣло смотрѣла въ глаза Суффи, что тотъ смутился и произнесъ сдержанно:

— Ну, пусть уйдутъ.

— Ступайте! — приказала старуха женамъ. Хатыча и Сары-Кошма не заставили повторить приказаніе. Эстеръ словно и не слыхала вовсе, продолжала сидѣть, перебирая пальцами красную ленту.

— Уходи и ты, мой добрая козочка! — ласково повторила ей Улькунъ-ханымъ.

Эстеръ мелькомъ взглянула на Суффи — и не двинулась съ мѣста.

— Я поговорю съ ханымъ и сейчасъ же приду къ тебѣ, — обратился къ ней Суффи. — Что мальчикъ нашъ, спитъ?

— Спитъ, — прошептала джюгудка: — а я спать не буду... Эстеръ теперь никогда спать не будетъ... Ей некогда спать... она смотрѣть должна... Ухъ, какъ смотрѣть должна! Ни на одну минутку глазъ не спускать...

— Да что съ нею? — изумился Суффи и вопросительно взглянулъ на старуху, да такъ для той неожиданно, что та не успѣла пришить должное выраженіе. Она все дѣлала какіе-то знаки Эстеръ, подмигивала ей глазомъ, чтобы та не расходилась во всю, да не проболталась бы, о чемъ не нужно. Эти знаки Суффи и замѣтилъ.

„Эге, опять за прежнее принялась баба, не присмирѣла еще...“ подумалъ онъ.

Улькунъ-Курсакъ тяжело поднялась съ мѣста, подошла къ упрямицѣ, обняла ее, и чуть не силою потащила къ двери, шепча ей что-то на-ухо. Та рванулась-было, но потомъ пошла безъ сопротивленія.

— Ну, что же, будемъ говорить, — началъ Суффи, выждавъ, когда домоправительница, проводивъ Эстеръ, вернулась на свое мѣсто.

— Слушай, Суффи. Ты умный человекъ и хороший мусульманинъ, а все-таки выслушай и меня, старуху. Вѣдь ты много меня моложе. Вѣдь ты еще неразумнымъ мальчишкою былъ, когда я твою первую жену родила. Я твой и домъ устроила, я и блюла его чистоту, честь твою охраняла, — всѣхъ васъ уму-разуму учила, и было ли отъ того худо? Ты меня прежде во

всеми слушался,—а потомъ, когда самъ вошелъ въ силу, развѣ я тебѣ зря перечила, твою волю когда-нибудь сдерживала,—нѣтъ вѣдь?.. Я только домъ держала въ порядкѣ, за женами наблюдала, ихъ учила почеть и привѣтъ тебѣ оказывать, и стоялъ у насъ въ домѣ миръ, на зависть сосѣдямъ. А хозяйство твое развѣ я худо соблюдала, развѣ было у насъ когда хуже, чѣмъ у людей?.. Да вѣдь такого дома во всемъ городѣ поискать другого...

— Да я вѣдь ничего, — нервно перебиралъ Суффи завязки своего халата. — Я васъ тоже всегда почиталъ, — только... Только, вотъ, не понимаю теперь, къ чему рѣчь ваша клонится?..

— А къ тому клонится... Отвѣчай-ка мнѣ теперь прямо, да не вилай хвостомъ, какъ виноватая собака, — рѣзко перемѣнила тонъ Улькунъ-ханымъ. — Неужели же ты и впрямь на такое страшное, позорное дѣло рѣшился?

— Это на что?

— А жену свою въ русскій городъ перевезти?

— А вы, ханымъ, откуда это знаете? Я вѣдь вамъ до сихъ поръ ни слова не говорилъ, не говорилъ никому; Эстеръ вотъ, и та отъ меня пока этого не слыхала.

Улькунъ-ханымъ вынесла твердо подозрительный взглядъ своего собесѣдника.

— Сны вѣщіе мнѣ Аллахъ посылаетъ, — и каждую ночь сонъ такой вижу. И голоса слышу съ неба: — ханымъ, ханымъ, блуди, съ тебя одной все спросится!.. Суффи, господинъ мой милостивый, вѣдь это позоръ! Это душѣ вѣчная погибель, — грѣхъ смертельный, и можетъ такой грѣхъ не на одного тебя, на всѣхъ насъ, на весь домъ, на все его будущее потомство!.. Вѣдь скажутъ про меня, что я зная, что отъ моей злобы жену спасать, да укрывать приходится... Такъ уже лучше меня самое, какъ собаку паршивую, выгони, на край свѣта сошли, да домъ свой не рушь. А уже если жену услатъ хочешь, такъ выбери домъ хорошей, честный, мусульманскій, а не въ поганый, къ гауркѣ невѣрной, колдунѣ проклятой.

Намекъ на Ольгу Николаевну, однако, не помогъ старухѣ, а только испортилъ дѣло. Суффи опять нахмурился и оборвалъ ханымъ, произнеси коротко и рѣзко:

— Опять старья глупости!

— Чѣмъ околдовала она тебя, чѣмъ разумъ твой свѣтлый помутила?.. Пожалѣй ты насъ, уважаемый, добрый таксырь, — пощади! Смотри: — вѣдь, знаешь, сама никому не кланялась, сама горда, а тебѣ въ ноги. Помилай насъ, отгони свое рѣшеніе!..

— Да полно вамъ, ханымъ, — поспѣшилъ Суффи предупредить земной поклонъ. — Послушайте и меня теперь хорошенько. Давно уже я смотрю и все хорошо вижу, да и не я одинъ. Съ того дня, какъ Эстеръ мнѣ сына родила, — великаго дня, великой радости, — пошло все. Одной вамъ не пришелся мой первенецъ по сердцу. Эстеръ, его мать, вы возненавидѣли и другихъ женъ противъ нея настраивали. Заболѣлъ Шарика, вы притворились, что горе будто чувствуете, а сами даже скрыть не могли своей радости. Плохо я понималъ это тогда, да теперь, какъ припоминаю, все мнѣ, будто на ладони, ясно становится. Привезъ я русскую женщину, добрую, ученаго доктора. Не вы вѣдь, а добрые люди мнѣ посоветовали, — какъ вы ее встрѣтили?.. Силою, страхомъ заставить я васъ повиноваться, — и Аллахъ чудо послалъ, ребенокъ ожилъ, выздоровѣлъ совсѣмъ, — мнѣ на радость, вамъ должно быть на горе, потому, что вы дальше дѣлали? Вы полагали: — „слѣжь, можь, Суффи, ничего не видить“, — а Суффи видѣлъ и наблюдалъ, да и добрые люди помогли ему. Вы за больную Эстеръ принялись, вы ее своими снами лживыми въ гробъ чуть не вогнали!.. Мулла Наурусъ дурной человекъ, хоть и сидитъ на святомъ мѣстѣ, — это врагъ мой заклятый, — а вы къ нему

за совѣтомъ шились... Я вѣдь тоже все знаю... Мнѣ сказано слѣдить за вами, хорошенько приглядывать, — и я слѣдилъ, и, видите, лучше чѣмъ вы за мною.

— Съ чертовкою заодно колдовалъ, — прохрипѣла Улькунъ-Курсакъ.

— Да, съ нею. Будь по-вашему. Я и самъ подумывалъ, какъ бы васъ самихъ подальше отправить, да раздумалъ. Помня старое, щадилъ вашу честь, позорить не хотѣлъ, терпѣлъ да все ждалъ, что одумаетесь. А насчетъ великаго грѣха, что я Эстеръ перевезу къ Олгѣ Николаевнѣ лѣчиться, такъ это не безпокойтесь, — и насчетъ этого съ самимъ Иссетомъ-Асфанджаровымъ совѣтовался, — слыхали вы о немъ? Примѣрный мусульманинъ, закону и вѣры учитель и наставникъ. Въ Стамбулѣ извѣстенъ и почтенъ, въ Оренбургѣ муфтиемъ былъ выбранъ, — это не чета нашимъ мулламъ, а уже тѣмъ болѣе вашему Наурускѣ, скупому обманщику, изувѣру... Я ему, не помотрю на его старость и званіе, когда-нибудь всѣ ребра пересчитаю...

— Охъ! — чуть не прилегла на землю старуха, съ ужасомъ слушая такіи рѣчи.

Она никакъ не ожидала, что Суффи такъ расхочется, и дорого дала бы, чтобы этотъ, такой желанный для нея разговоръ съ-глазу-на-глазъ, вовсе бы не состоялся, — да теперь было уже поздно. Улькунъ-Курсакъ даже сдѣлала попытку подползти поближе къ дверямъ, да Суффи замѣтилъ и загородилъ ей дорогу.

— Нѣтъ, уже! Говорили вы, — я слушалъ, теперь ваша очередь... Такъ знаете ли вы, что мнѣ сказала Иссетъ-Асфанджаровъ? Онъ сказалъ мнѣ, что никакого грѣха нѣтъ лѣчить жену у русскаго врача, что самъ султанъ въ Стамбулѣ своихъ женъ у чужихъ докторовъ лѣчить, что даже на разные воды цѣлебныя ихъ посылаетъ, — что великій святой пророкъ никакого запрета на такіи дѣла не накладывалъ и въ Коранѣ, и въ Шаріатѣ, и во всѣхъ святыхъ книгахъ ничего про то не обозначено, — а, напротивъ того, повелѣно любить другъ друга, въ бѣдахъ помогать, крѣпко своей вѣры держаться, по и у невѣрныхъ перенимать все хорошее и полезное. Правда, въ Коранѣ сказано, чтобы просвѣщать невѣрныхъ, если нельзя словомъ, то силою, огнемъ и мечомъ, вводить законы истинной вѣры, — но это тогда, когда есть сила, есть и огонь, и мечъ въ твоихъ рукахъ, а когда нѣтъ, — такъ значить и это безсиліе принимать за волю Аллаха, и чтить своихъ государей, свято признавать ихъ власть и имъ безпрекословно повиноваться, хотя бы падишахъ былъ и не пашей, мусульманской вѣры. У русскаго царя между подданными больше мусульманъ, чѣмъ у самого султана Стамбульскаго, а всѣхъ ихъ любить онъ одинаково, недостойныхъ караетъ, а достойныхъ возвышаетъ и награждаетъ. Мнѣ, вотъ, Олга Николаевна нагадала, что я пойду въ гору... и пойду. Видишь это? И посмѣетъ кто когда-нибудь говорить про меня такіи позорныя слова!.. Суффи Казиметовъ чести своей и души никому ни за какіи деньги не продастъ... Это всѣ должны знать и знаютъ, и только твоей змѣиной мозгъ можетъ такую гадость придумать, только твой лукавый, злобный языкъ разнести такую подлую вѣсть по базару. Довольно! Знай же теперь и помни мой приказъ: сиди смирно, не въ свое дѣло не мѣшайся, на половину Эстеръ, да и въ эту саклю не показывать носа. Я прошу тебѣ все зло, которое ты мнѣ сдѣлала, благо дальше уже руки коротки будутъ, — не достаешь, да держи свой языкъ на привязи. Я самъ не хочу, чтобы о моемъ домѣ даже глупые люди говорили что-нибудь дурное, а если заговорятъ, такъ я буду знать, что это твое дѣло, твоего языка работа, и тогда уже — не прогнѣвайся. Последнюю Зюльку-работницу Улькунъ-ханымъ сдѣлаю, а тебя... тебя... Да провались ты скорѣе съ глазъ моихъ, а то... Уходи скорѣе... Дай хоть немного моему сердцу улечься.

Бѣгство въ Египетъ. Съ карт. А. Гролли, грав. Кирмае.

Суффи большими глотками принялся пить остывший чай, прямо из мѣднаго кунгана. Изъ входныхъ дверей протянулись четыре полныя руки, украшенныя браслетами, и помогли ошеломленной Улькунъ-Курсакъ выползти изъ сакли.

Старуха тяжело дышала, не могла промолвить ни

слова и только показывала на свой полуоткрытый ротъ, да судорожно рвала воротъ рубахи.

— Пить просить!—догадалась Хатыча.

— Гляди, помреть,—испугалась Сары-Кошма.

Онѣ, конечно, все слышали и дрожали со страху за свою повелительницу.

(Обсужденіе будетъ.)

Р Ы Л О Е.

Антоиъ.

Разсказъ А. А. Осипова.

„Идемъ тебя не дождемся, писалъ мнѣ отецъ въ Москву, не задержись и кати скорѣе въ нашу усадѣбку. Жизнь круто перемѣнилась и есть кое-что понаблюдать. Какъ я уже сообщалъ тебѣ, великій манифестъ 19-го февраля былъ прослушанъ у насъ съ трогательнымъ благоговѣніемъ, но, вернувшись домой, мы почувствовали себя выбитыми изъ колеи и какъ-то не знали, что дѣлать за что приняты. Мировымъ посредникомъ у насъ Глѣбовъ, и надо отдать ему справедливость—дѣйствуетъ онъ съ большимъ тактомъ и умомъ. Нѣкоторые изъ соебѣдей чѣмъ-то недовольны, кому-то грозятъ, кричатъ о несправедливости, но я счастливъ, что передъ смертью сталъ свидѣтелемъ такого великаго, истиннаго христіанскаго событія. Прѣзжай, дорогой мой, будешь здѣсь желаннымъ кавалеромъ, шутка ли сказать: студентъ московскаго университета. Также вѣдь заслужить надо: передъ отъѣздомъ исполни слѣдующія порученія...“ И затѣмъ слѣдовалъ длинный рядъ покупокъ, весьма сложныхъ, изъ-за которыхъ пришлось пробыть въ Москвѣ лишніе два, три дня.

Меня самого тянуло въ деревню. Экзамены прошли благополучно, и даже у Никиты (Крылова *) и заслужилъ одобреніе. Тетушка, у которой и жилъ въ мезоннѣ, уѣхала въ деревню, и я ушло бродилъ по большимъ комнатамъ. Получивъ видъ на жительство изъ университета, я поѣхалъ. До Рязани у меня былъ попутчикъ, отъ котораго впрочемъ кромѣ тоски я не получилъ ничего, такъ какъ онъ спалъ все время; а дальше я двигался уже одинъ. Не обошлось, конечно, безъ мелкихъ приключеній, но именно того, чего я и нехалъ и ждалъ—новой жизни—не чувствовалось. Я попробовалъ заговорить съ однимъ ямщикомъ, но онъ понесъ такую околесницу, что повать его было совершенно невозможно. Наконецъ я добрался до той станицы, откуда мнѣ нужно было сворачивать въ сторону. Высланный изъ дому князь поджидалъ меня, и лакей Василій непрежнему бросилъ „къ ручья“, а вѣчеръ пообразилъ на своемъ лицѣ радость. Дома меня встрѣтили радостными криками, и первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это уменьшившіеся штаты прислуги. Отецъ за послѣдній годъ многихъ отправилъ въ деревню, чтобы и они имѣли право на земельный надѣлъ. Подробности реформы были заранее извѣстны всѣмъ, только не знали того самаго момента, когда долженъ былъ произойти этотъ историческій переломъ. Отецъ послѣ первыхъ привѣтствій сказалъ мнѣ:

— Ну, приведи себя въ порядокъ, а тамъ пойдемъ по усадѣбѣ, ты теперь взрослый человѣкъ, надо знакомиться съ жизнью!

Подивившись наверхъ въ приготовленную для меня комнату, я спросилъ лакея, подававшаго мнѣ умываться, хорошо ли имъ теперь, съ освобожденіемъ.

— Какъ вамъ сказать, сударь, — отвѣтилъ онъ: — для насъ, дворянъ, оно хуже стало, такъ какъ кромѣ комнатъ мы ни къ чему не причлены, а крестьянамъ хорошо. Надѣлъ получать, работать будутъ!

— Да не все ли равно, земля-то та же?

— Какъ можно сравнить, сударь. Теперь свое, а свое всегда сердцу мило, да и не боишься, что тебя возмутъ и оторвутъ отъ родного гнѣзда. Это дѣло великое. А то другіе господа, что дѣлали? Дѣтки ваши вамъ, сударь, навизите, не повѣрять, когда вы имъ разсказывать будете. Теперь выйдешь въ поле, рожь колосится, овесъ щеткой къверху лѣзетъ, полюбуешься, а слеза-то изъ глазъ и каплетъ. Вѣдь это мое, думаешь. Развѣ это не счастье?

Я взглянулъ на лицо лакея. Оно все полно было такой жажды жизни, какой я раньше никогда не видалъ. Спустившись внизъ, я уѣлся за завтракъ и послѣ долгаго путешествія и питанія всухомытку былъ въ восторгѣ отъ него.

— Ты, ты!—говорила мнѣ мать, сама подвигая то то, то другое блюдо:—тебѣ надо отдохнуть послѣ трудовъ!

— Какіе трудовъ?—спросилъ я.

— Шутка ли въ университетѣ заниматься. А экзамены, сколько они тебѣ крови перенергиди!

Я промолчалъ. Экзамены меня волновали очень мало, по ссѣ что и портило кровь, такъ это безконечныя споры въ „Великобританіи“ или у Печкина. Тамъ мы схватывались, и диспуты наши продолжались до самой зари, когда, наконецъ, насъ выгоняли на улицу, но и на улицѣ продолжался споръ, несмотря на отеческіе совѣты будничнаго разойтись. Глухіе

переулки оглашались нашими звонкими голосами. Вернешься домой, вся кровь такъ и бурлитъ, въ головѣ тыщли доказательствъ, чтобы поразить противника, но усталость начинаетъ брать свое, падаешь на постель и засынаешь, какъ убитый. Охъ, молодость, золотая молодость!

Послѣ завтрака отецъ отвелъ меня къ себѣ въ кабинетъ, усадилъ около стола и сказалъ:

— Я радъ, что ты прѣехалъ; ты юристъ и можешь мнѣ помочь во многомъ.

Я, конечно, выразилъ согласіе, но, увы, моя помощь оказалась совершенно излишней, такъ какъ я могъ только путать, а отнюдь не выяснять дѣло. Когда же отецъ пустился въ тонкости крестьянскаго землевладѣнія, то я выказалъ такое невежество, что онъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ:

— Да чему же васъ учатъ въ университетѣ?

Я разсказалъ, чему.

— Такъ неужели никто изъ профессоровъ не растолковалъ вамъ, какой переворотъ въ гражданскихъ отношеніяхъ произошелъ 19-е февраля?

— Никто!

— Ну, удивляюсь!—и онъ пожалъ плечами.

— Не успѣли!—сказалъ я въ оправданье.

— Какъ это не успѣли? Да въ такую минуту все надо бросить. Вѣдь это, голубчикъ мой, небывалый фактъ отъ сотворенія міра. Зачѣмъ тебѣ, спрашивается, римское право и конституція Англій, когда ты не понимаешь, что такое уставнаго грамота или душевой надѣлъ?

Я промолчалъ, а отецъ началъ мнѣ толково, ясно и послѣдовательно объяснять, въ чемъ состояли основныя положенія реформы. Объясненій этихъ до конца ему довести не пришлось, такъ какъ прѣехалъ мировой посредникъ Глѣбовъ. Онъ бывалъ иногда у насъ, но довольно рѣдко, такъ какъ мѣсто его находилось въ другомъ концѣ уѣзда. Одинокій человѣкъ изъ отставныхъ моряковъ, онъ пользовался общимъ уваженіемъ. Въ первую минуту онъ казался суровымъ, но глаза его смотрѣли ласково, а улыбка поддувала.

— А! господишь студентъ!—воскликнулъ онъ, протягивая мнѣ обѣ руки:—вы прѣехали какъ нельзя болѣе кстати.

— Ты думаешь, онъ поможетъ намъ?—расхохотался отецъ и передалъ все происшедшее.

Глѣбовъ посмотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ и сказалъ:

— Историческій моментъ мимо васъ такъ и пройдетъ незамѣтнымъ манеромъ! Жаль, жаль!

Я, повернувшись къ отцу, онъ всунулъ съ нимъ въ дѣловую столовую, я постоялъ и тихо вышелъ изъ кабинета. Минувавъ столовую, я прошелъ на террасу и по широкимъ ступенькамъ спустился въ садъ. Онъ весь цвѣлъ полнымъ весеннимъ цвѣтомъ. Отъ куртинъ съ цвѣтами шелъ сладкій, слегка ошляпывающій запахъ, пчелы съ веселымъ гомономъ пронеслись золотистыми точками. Въ аллеяхъ было прохладно, но тамъ разносилось благоуханье липъ. Спустившись внизъ къ небольшому пруду съ островкомъ и полуразвалившейся бесѣдкой, я сѣлъ на скамейку. Кругомъ все было тихо. Не знаю, почему, но мнѣ сдѣлалось грустно. На всемъ какъ будто лежала печать смерти, чего-то такого „что было и не будетъ вновь“, а ликующая природа точно еще сильнѣе подчеркивала это.

Старческой, дребезжащей камель заставилъ меня поднять голову и обернуться въ ту сторону, откуда онъ раздался. Черезъ нѣсколько минутъ послышалось шаги по травѣ, а затѣмъ изъ кустовъ показалась согнутая фигура въ рубашкѣ и лаптяхъ, но безъ шапки. Конца сѣдыхъ волосъ отливала серебромъ, но борода уже пожелтѣла и космами падала на грудь.

Я смотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

Крѣпостныхъ я зналъ всѣхъ въ лицо; откуда же могъ явиться этотъ старикъ? Онъ подошелъ ко мнѣ и поклонился въ полъ. Я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Откуда ты, дѣдушка?

— Я дѣлшій.

— А почему же я тебя не знаю?

— Я недавно вернулся! Антономъ меня зовутъ. Я въ бѣгахъ былъ, почитай дѣтъ сорокъ!

Я предложилъ ему еще нѣсколько вопросовъ, старикъ разговаривалъ и разсказалъ мнѣ всю свою исторію.

Давно, давно на сѣвѣ, принадлежавшемъ тогда моему дѣду, славился своей красотой и силой Антоиъ. Онъ былъ спрота и выросъ въ чужой избѣ, да не раскалался соебѣди, что прѣ-

*) Истинный профессоръ римскаго права.

ютили его: такого работника себе приобрели, что просто чудо. На косовицъ его первымъ ставили, потому что ни у кого трава не ложилась такимъ широкимъ ровнымъ рядомъ; первымъ были онъ на нашивъ, а особливо считался лихимъ на рубкѣ лѣса. Топоръ такъ и сверкаетъ въ его рукахъ. Щенки отлетаютъ въ сторону, дерево уже давно потрескиваетъ и отъ каждаго удара все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ вздрагивать его верхушка. Но вотъ что-то хрустнетъ, закачается оно и сначала медленно, а затѣмъ все скорѣе и скорѣе падаетъ на землю. Антоновъ любилъ въ эту минуту напугать всѣхъ, перебѣжать подь деревомъ.

— Врешь!—говорили ему:—неровнешь часъ!

Смѣется и отвѣчаетъ:

— А поги на что?

— А, ну, заннешься?

— Значить, туда и дорога!

Въ жену выбралъ себя Антоновъ дѣвушку самую тихую на всемъ селѣ. Любила она его, кажется, больше жизни—такъ все въ глаза и глядѣла. Черезъ годъ послѣ свадьбы родился ребенокъ. Антоновъ не могъ полюбоваться сыномъ. На слѣдующій годъ родился второй сынъ. Счастьемъ такъ и вѣло отъ нихъ пазы, стоявшей на краю села. Сосѣди завидовали Антону и сиранивали, смѣясь:

— Теперь подь деревьями не будешь бѣгать?

— Довольно,—отвѣчаетъ:—набѣгался. Теперь заботы прибавилось!

Къ дѣду моему прѣехали гости и отравились все вмѣстѣ въ поле посмотреть на работу. По громадному луку, шедшему уклономъ къ рѣкѣ, цѣнью разбросались бѣлые рубашки косарей. Староста, завиди издалека приближеніе гоеноды, подѣхалъ къ Антону, который шелъ первымъ, и сдѣлалъ ему замѣчаніе, чтобы онъ не дѣшилел. Антоновъ дерзко отвѣтилъ ему, и въ воздухѣ просвѣтѣла плеть. Антоновъ повелъ только плечами и ни слова не сказалъ на это. По староста этимъ не удовольствовался.

Когда дѣдушка отеталъ отъ гостей, онъ догналъ его и попросилъ позволенія наказать Антона.

— А что?

— Дерзокъ, силы никакой нѣтъ. Надо взять смѣется.

Староста зналъ, что затрогиваетъ большую струну своего барина. Дѣду мой могъ простить все, но наемнѣшекъ не терпѣлъ, и, будучи болѣзненно самолюбивымъ, приходилъ въ бѣшенство, когда узнавалъ, что кто-нибудь смѣялся надъ нимъ.

— По всему селу ходитъ и смѣется!—продолжалъ староста, дѣлая обиженное лицо.

— Надъ чѣмъ же онъ смѣялся?

Староста потупился.

— Я тебя сираниваю!—завенѣлъ барскій голосъ.

Староста тряхнулъ волосами.

— Не смѣю сказать.

— Я тебѣ приказываю!

— Надъ вами потѣшается. Все, что въ усадьбѣ дѣлается, не хорошо—говоритъ!

— А, прекрасно!—сказалъ дѣду, и брови его насунились, а красивая нижняя губа затряслась. — Онъ потѣшается, такъ и я надъ нимъ потѣшусь. Выдрать его на конюшнѣ вечеромъ послѣ работы, да хорошенько, понимаешь!—и, тронувъ лошадь, дѣду отправился догонять своихъ гостей. Они сидѣли за ужинкомъ, когда въ конюшню привели Антона. Черезъ нѣкоторое время съ докладомъ явился староста и остановился въ дверяхъ.

— Ну?—спросилъ его дѣду.

— Исполнено.

— И что же?

— Кремь человекъ, хоть бы пикнулъ.

— Драть не умѣли! Бабы!

— Помилуйте,—обиженнымъ тономъ замѣтилъ староста:—осмѣлились бы мы переступить вашъ приказъ. Такъ старались, такъ старались. Сжалъ зубы и молчитъ. Всталъ и домой пошелъ.

— И завтра за него самъ возьмусь!—сказалъ дѣду и отпустилъ старосту.

Но завтра заняться Антономъ не пришлось, такъ какъ онъ исчезъ, а передъ тѣмъ ночью на селѣ пожаръ произошелъ, и загорѣлось сначала у старосты, затѣмъ у другихъ пошло конить, да и перекинулось на барскую усадьбу, еле-еле отстояли домъ. Багровымъ пятномъ, съ прорѣзавшимися его черными клубами дыма, видѣлось далеко зарево, и на него глядѣлъ, лежа на одномъ изъ стоговъ по ту сторону рѣки, Антоновъ. Глядѣлъ онъ долго, пока не занялся новый день, и онъ не зашагалъ по пыльной, проселочной дорогѣ. Жизнь переломилась пополамъ, и за эту ночь онъ лишился всего, что было ему дорого. Семья, жена—все это было брошено, и возвратъ былъ невозможенъ. Куда идти?

Антоновъ слышалъ, что тамъ, гдѣ-то далеко-далеко, у моря, есть большой городъ, гдѣ вольно живетъ, а въ случаѣ чего можно всегда ударить въ Туречину. Съ большимъ трудомъ, съ опасностями, добрался онъ наконецъ до Одессы и остановился, пораженный голубой гладью моря, сливавшейся съ горизонтомъ. Работа кипѣла во всю. Правительство строило порты,

приходили и уходили иностранныя суда, требовались руки, и Антоновъ нашелъ себе работу. Днемъ онъ носилъ кули съ иппеницей и опускался въ трюмъ по узкой дощечкѣ, а вечеромъ спалъ тутъ же на откосѣ. Часто, проснувшись, онъ любовался темнымъ, небеснымъ сводомъ съ мигающими звездами и вспоминалъ родное село.

„Что-то дѣлается теперь тамъ?“ думалъ онъ, и сердце его сжималось отъ боли.—„Живы ли сыночки, растутъ, крѣпнуть и будутъ ли такими же работниками. Эхъ, соберу деньжонокъ и вышину ихъ какимъ-нибудь манеромъ съюда“.

Но годы шли, а денегъ собрать Антону не удавалось. Зарабатывалъ онъ какъ разъ столько, чтобы не погибнуть отъ голоду, да и годы постепенно смягчали горечь разлуки. Дорогие образы теряли свою яркость, отдѣльные черты начинали сглаживаться, и черезъ десятокъ лѣтъ онъ уже не могъ себе представить лица жены и дѣтей. Онъ даже, пожалуй, не узналъ бы ее на улицѣ, но и она не узнала бы его. По южному обычаю, онъ брилъ бороду и носилъ длинные усы, на головѣ видѣлась лихо сдвинутая на затылокъ барашковая шапка, лицо сдѣлалось отъ солнца и приморскаго вѣтра мѣдиокраснымъ, походка медленной и развалистой, а спина согнулась отъ постоянного тасканія тяжестей. Антоновъ тосковалъ и скучалъ по праздникамъ. Тогда онъ уходилъ изъ порта, точно умирившаго на нѣсколько часовъ, куда-нибудь подальше по берегу, выбрался на утесъ и начиналъ слѣдить за тѣмъ, какъ набѣгаетъ и отбѣгаетъ волна: подымется, выгнется, прильнетъ всею грудью къ морицистимъ бокамъ утеса и уйдетъ опять, оставивъ перламутровый слѣдъ и кружева изъ пѣны.

О чемъ думалъ въ эти минуты Антоновъ? Онъ и самъ не могъ бы отдать себе отчетъ. Въ головѣ проносились какіе-то обрывки мыслей, сердце то начинало трепетно биться, то замирало, точно останавливалось, что-то набѣгало ему на глаза и мѣшало смотреть въ даль. Его тяготило одиночество. Тысячу разъ упрекалъ онъ себя, что не могъ тогда стерпеть обиды и благодаря этому лишился счастья и семьи. Не дождался, бывало, Антоновъ, когда праздникъ кончится, и на утро является первымъ въ контору за работой. Онъ забывался въ работѣ и не жалѣлъ силъ до того, что даже вызывалъ одобреніе у строгихъ капитановъ-иностранцевъ.

Промель слухъ о войнѣ.

Рабочіе не вѣрили этому, не могли себе представить, чтобы иностранцы осмѣлились явиться въ Одессу. Портъ разомъ опустѣлъ, и Антоновъ видѣлъ, какъ съ вражьиъ судовъ напали по городу, одно ядро даже попало въ подножье памятника на бульварѣ. Говорили, что нашивъ приходится плохо. Загорѣлось что-то на душѣ у Антона, поговаривалъ съ пріятелями, и отравились они нѣшкомъ въ Крымъ. Добрались они до Севастополя, и ихъ приняли въ первый полкъ. Дали Антону ружьецо, чуть ли не веревочкой связанное, да амуницію косякакую, и приказали все это беречь нуще глазу. Выходилъ онъ нѣсколько разъ въ сраженіе и съ непритенемъ схватывался, а одного англичанина, точно куль, принесъ живымъ въ лагерь, чѣмъ получалъ извѣстность. Несмотря на годы свои, онъ еще былъ очень силенъ, и товарищи прозвали его „сѣдымъ“. Кончилась война, и „сѣдой“ снова зашагалъ въ Одессу, въ портъ. Корабли нахлынули кучей, работы гибель, а Антоновъ чувствуетъ, что силы нѣтъ. Получилъ онъ лихорадку, да и промаялся съ ней почти что съ годъ. Вернулся назадъ въ портъ совсѣмъ старикомъ, товарищи не узнали его.

— Антоновъ, что съ тобой?

— Помираю, братцы!

Смѣются всѣ. Нашлась работа, и опять зашагалъ Антоновъ съ кудемъ иппеницы на спинѣ.

Какъ-то разъ весной лежалъ онъ на берегу, какъ вдругъ виднѣть, приближали другіе крѣчички, точно пьяные, а на самихъ лица нѣтъ.

— Что случилось, братцы?

Машутъ руками, цѣлуются.

— Да толкомъ говорите!

— Волю прочитали!

Антонъ такъ и огнатуло. Горячая волна хлынула въ голову, и передъ глазами заходили красные круги.

— Да вы вправду али шутите?

— Ступай въ церковь, услышишь!

Антоновъ пустился бѣгомъ въ городъ, но въ церковь онъ опоздалъ. Народъ уже выходилъ оттуда радостный, всѣ говорили про волю. Точно потерянный, ходилъ весь день Антоновъ и, наконецъ, рѣшился. Получивъ въ конторѣ за недѣлю, онъ простился съ товарищами.

— Куда?

— Домой! Сердце истомилось. Шутка сказать, сорокъ лѣтъ не были!

И зашагалъ Антоновъ той же самой дорогой, которой пробирался когда-то много лѣтъ, тому назадъ. Повсюду онъ видѣлъ восторгъ. Ранняя весна выгнала пахара въ поле, и онъ дѣйствительно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, призывая Божіе благословеніе на свой свободный трудъ. Отъ земли шелъ душистый паръ, пахарь работалъ долго, не покладая рукъ, бросалъ въ первый разъ свое зерно въ свою борозду. Чѣмъ

Весеннее утро. Рис. О. Арвейлерь, грав. Герпке.

Литературный альбомъ, „Записки охотника“ И. С. Тургенева. „Ермолай и мельничиха“.
Ориг. рис. (собствен. „Нивы“) В. А. Табурина, грав. Шюблеръ.

дальше шель. Антошь, тѣмъ все яснѣе и яснѣе развѣртывалась передъ нимъ картина свободы. Онъ ложился отдыхать около рѣки и прислушивался, какъ онѣ неслись съ шумомъ и веселымъ гомономъ тысячъ голосовъ, разбрасывая куски пѣны, точно торопясь принести туда, куда-то далеко, желанную вѣсть. Въ поляхъ заливались своими серебристыми трелями жаворонки, глухо хрипѣли дергачи и коростели, а въ теплый весенній вечеръ робко настраивался пѣть соловей. Подъ вечеръ по деревьямъ водили хороводы, и веселыя пѣсни долго звучали, пока не блѣднѣвъ постепенно розоватый западъ и ночь дремотнымъ покровомъ окутывала окрестность.

„Хорошо, свободно!—говорилъ Антошь,—теперь только людямъ и жить. А какъ-то у насъ тамъ?“ задавалъ онъ себѣ сейчасъ же вопросъ и еще быстрее шагала. Пошли знакомыя названія. Антошь положительно не давалъ себѣ отдыха. Онъ торопился, наскоро закусывалъ, спалъ, поминутно просыпался, и выходилъ до свѣту. Вотъ наконецъ ужъ одинъ только переходъ остался, и подъ вечеръ Антошь вошелъ въ родное село. Въ первую минуту онъ не узналъ его. Изба его была когда-то крайняя, и за ней шель оврагъ. Теперь по самому оврагу лѣпились дома, и дорога шла низомъ. Съ этого конца села выросла большая церковь съ каменной оградой и башнями по угламъ. Антошь прошелъ по улицѣ, никто не обратилъ на него особаго вниманія, даже дѣти не заинтересовались этимъ старикомъ и продолжили свою игру. Наконецъ онъ рѣшился войти въ первую избу и разспросить, гдѣ живутъ Щекотинны.

Ему указала какая-то баба на большой домъ, въ окнахъ котораго еще свѣтились огонекъ. Антошь робко постучалъ. Иогн его подкашивались.

Войдя въ избу, онъ хотѣлъ сказать что-то, но въ горлѣ у него перехватило.

— Сынки мои!—воскликнулъ онъ и протянулъ имъ руки. Оба сына бросились къ отцу, и въ избѣ воцарилась тишина, прерываемая только однообразнымъ колѣблемъ сверчка.

— А старуха?

— Годовъ съ десятокъ какъ померла. Последнiе годы совсемъ слѣпая была.

Атмосфера семьи охватила Антоша. Онъ такъ давно не видѣлъ семейной жизни съ ея радостями и невзгодами, что любовался ею, какъ ребенкомъ. Между тѣмъ пошли неприятности, сыновья не разъ намекали ему на то, что приходится

кормить лишняго человѣка, что у него еще достаточно силъ, чтобы работать. Бабы старались дѣйствовать на мужей, и однажды Антошь, не говоря ни слова, собралъ свою котомку и ушелъ отъ нихъ. Выйдя за околицу, онъ задумался надъ вопросомъ:

„Куда идти?“

Опять на югъ онъ бы и не дошелъ, да и едва ли бы перенесъ вторичную разлуку съ родными селомъ. И рѣшилъ онъ отправиться въ усадьбу переговорить съ барщиномъ. Отецъ мой охотно панялъ его стеречь садъ, и Антошь выстроилъ себѣ шалашъ, добылъ откуда-то лохматую собаку и по вечерамъ варилъ себѣ кашу, задумчиво слѣдя за перебѣгающими огоньками костра.

„Выгнали дѣтки, выгнали!—шепчуть его старческія губы:—ну, Богъ имъ прости. Говорятъ, лишній ротъ. Положимъ, оно теперь съ волей жить стало труднѣе, да и какою я имъ отецъ, не сумѣлъ сдержать своей злобы и бросилъ ихъ. Большой грѣхъ, большой. Господь и наказуетъ меня за него, а самому не замолить его!“

И Антошь ложился опять около костра и задумчиво слѣдитъ за пламенемъ. Огонь начинаетъ вдругъ разрастаться. Багровое зарево охватываетъ полъ-неба. Слышны крики, стоны, трескъ всепожирющей стихіи.

— Ой, младенца забыли!

— Господи, за что это?

— Братцы, нищимъ остался!

Антошь вскакиваетъ: это сонныя видѣнія носѣщаютъ его.

— Большой грѣхъ,—повторяетъ онъ:—не замолить его!

Когда Антошь кончилъ свой разговоръ, уже пора было идти домой. Меня ожидали къ обѣду, и я сѣлъ за столъ съ такимъ радостнымъ лицомъ, что мать спросила меня:

— Что съ тобой?

Но я не отвѣтилъ ничего. Пеновѣдь Антоша раскрыла передо мной весь ужасъ крѣпостного права, разрушившаго цѣлую жизнь, толкнувшаго человѣка на преступленіе. И радовался отъиѣнѣ рабства, и теперь радость эта была сознательнѣе и глубже, чѣмъ послѣ чтенія манифеста въ Москвѣ и разговоровъ съ отцомъ и посредникомъ. Новая жизнь захватывала меня своимъ могучимъ теченіемъ, и я отдавался ему всеми силами своей души, довольный тѣмъ, что темное и страшное рабство исчезло, „по манію Царя“, и исполнились мечты и надежды лучшихъ сыновъ Россіи.

Великаны и карлики.

Природа, создавая великановъ и карликовъ, какъ бы протворѣя себѣ и смѣется надъ законами наследственности и въ то же время подтверждаетъ, что нѣтъ правилъ безъ исключенія. Во всякомъ случаѣ эта естественно-научная загадка издавна уже интересовала ученыхъ, которые, не зная сказать, чтобы съ успѣхомъ, разгадали ее. Патрфажъ, въ своемъ сочиненіи: „О пигмеяхъ“—приложилъ много усилий для освѣщенія этого вопроса, главнымъ образомъ съ исторической точки зрѣнія. По причины микросоміи, т.-е. малой величины тѣла карликовъ, все же остаются неизвѣстными, такъ же, какъ и причины противуположнаго явленія — макросоміи, т.-е. чрезмѣрнаго, и притомъ нормальнаго, развитія всего тѣла. Увеличеніе роста въ наблюдавшихся случаяхъ зависѣло, главнымъ образомъ, отъ чрезмѣрнаго и часто совершенно пропорціональнаго развитія костной системы, а съ нею мышечной и всѣхъ органовъ вообще.

Конечно, человѣческое воображеніе, какъ извѣстно изъ мифологии и народныхъ легендъ, всегда населяло различные страны свѣта всевозможными карликами и гигантами и постоянно преувеличивало дѣйствительность, но, во всякомъ случаѣ, существованіе великановъ въ 9 футовъ роста можно считать фактомъ.

Въ 1718 г. французскій писатель Генрионъ издалъ не лишнюю интереса по этому вопросу книгу, гдѣ далъ простору своей пылкой фантазіи. Онъ сообщаетъ, между прочимъ, курьезныя и наивныя свѣдѣнія о ростѣ Адама, Евы, Авраама и пр., причеиъ считаетъ ростъ Адама въ 41 метръ, метромъ лишь выше Евы, а затѣмъ ростъ дальнѣйшихъ поколѣній быстро падаетъ, и ростъ Голиаа авторъ опредѣляетъ лишь въ четыре метра.

Не станемъ упоминать о великанахъ, перечисляемыхъ древними религіями, начиная съ возмущившихся противъ Юпитера гигантовъ и кончая сыновьями Имера, сражавшимися со скандинавскими Азанами. Не касаясь достоверности этихъ преданій, скажемъ лишь нѣсколько словъ о великанѣ, въ исторію котораго вошелъ курьезъ, заслуживающій нѣкотораго вниманія. Дѣло идетъ о царѣ кимвровъ Тевтобогѣ, убитомъ Маріемъ въ сраженіи. Гигантскій ростъ этого царя вызывалъ сомнѣнія, но въ одинъ прекрасный день нашли его могилу. Какъ и слѣдовало ожидать, палеонтологи подняли шумъ. Правда, у скелета не достало много костей, но сохранившіяся имѣли необычайный объемъ. По словамъ наименѣе увлекающихся эскпертовъ, гигантъ при жизни имѣлъ не менѣе десяти метровъ вышины. На несчастье любителей фантастическаго, одинъ изъ ученыхъ, протершій очки лучше прочихъ, усмотрѣлъ, что ко-

стякъ, возбудившій жаркіе споры, принадлежалъ попросту слону. Не менѣе осторожно слѣдуетъ относиться къ словамъ Плинія насчетъ араба Габарра ростомъ въ 7 метровъ, и къ подобнымъ же увѣреніямъ Дель-Ріо, сообщавшаго, что руины XVI-го столѣтія наслаждались зрѣлищемъ человѣка пяти метровъ роста.

Впрочемъ, оставляя въ сторонѣ легенды, обратимся къ исторіи, представляющей несомнѣнные факты.

Такъ, при дворѣ Іакова I и затѣмъ Карла, находился великанъ семи футовъ, Вальтеръ Парсонъ. Любимымъ занятіемъ этого пропорціонально-сложеннаго гиганта были шуточки, въ родѣ того, что онъ схватывалъ подъ мышку двухъ изъ самыхъ видныхъ и сильныхъ дворцовыхъ стражей и, несмотря на все ихъ сопротивление, уносилъ съ собой.

Затѣмъ, въ Лондонѣ, въ 1733 г. появился великанъ Макенмиланъ Миллеръ, ростомъ выше восьми футовъ. Людовикъ XV былъ отъ него въ восторгѣ и пожаловалъ ему ослепленную драгоценными камнями саблю. Но этотъ великанъ не былъ пропорціонально сложенъ, и голова его казалась непомѣрно большою.

Патрикъ Кольтеръ или О'Риенъ, ирландецъ, родился въ 1760 г. Когда ему было 38 лѣтъ, ростъ его достигалъ восьми сличкомъ футовъ. Боясь сдѣлаться послѣ смерти достойнымъ науки, онъ за 200 ф. ст. заключилъ условіе съ двумя рыбаками, чтобы тѣ бросили трупъ его въ море. Профессоръ Гюнтеръ намелся въ этомъ случаѣ и за лишніе 200 фунт., полученные отъ него, тѣ же рыбаки бросили трупъ въ море, но на веревкѣ, чѣмъ угодилъ обѣимъ сторонамъ.

Луи Френцъ, французъ, жилъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія и былъ семи сличкомъ фуговъ ростомъ. Сестры и братья его были такъ же велики.

Но самымъ интереснымъ типомъ между этими чудовищными проявленіями природы слѣдуетъ, по праву, считать порфолькскаго гиганта Роберта Гала, возбудившаго столь живой интересъ въ среднѣ нынѣшняго столѣтія. Гигантскій ростъ былъ фамильнымъ достояніемъ его семьи. Отецъ его былъ шести съ половиною футовъ, мать—шести, одинъ изъ предковъ, жившій при Генрихѣ VIII, обладалъ сказочнымъ ростомъ въ восемь сличкомъ футовъ. Самъ Робертъ, выношій пропорціональный и обладавшій интеллигентной физиономіей, былъ выше семи футовъ. Этотъ великанъ умеръ отъ истощенія въ 1862 г.

Въ 1864 г. впервые появился въ Лондонѣ китайскій великанъ Чангъ. Будучи 19-ти лѣтъ отъ роду, онъ уже имѣлъ ростъ въ семь сличкомъ футовъ. Онъ росъ еще долго и достигъ восьми футовъ, когда показывался на Парижской выставкѣ 1878 г. Онъ владѣлъ семью языками. Гигантъ этотъ умеръ лишь въ прошломъ году.

Очень курьезное суррожество представляли собой канитан Мартинъ Ванъ-Бурейъ-Батъ и жена его, Анна Сванъ. Чинъ канитана, въ данномъ случаѣ, не былъ обычной фантазіей. Четырнадцати лѣтъ, будучи уже шести футовъ, онъ поступилъ въ армію въ Кентуки, а семнадцати получилъ чинъ канитана. Ростъ его тогда уже достигалъ восьми футовъ. Жена его, уступавшая ему лишь очень мало въ ростѣ,—дебютировала на сценѣ и исполнила, между прочимъ, роль лэди Макбетъ, въ Нью-Йоркѣ.

Еще слѣдуетъ упомянуть объ австрийцѣ Винкельмейерѣ, самомъ выдающемся великанѣ. Онъ былъ восьми футовъ и девяти дюймовъ, но крайне тонкъ, и умеръ въ молодыхъ годахъ.

Это чрезмѣрное развитіе роста встрѣчается гораздо рѣже у женщинъ, такъ что не много насчитывается женщинъ-гигантовъ, вполнѣ заслуживающихъ этого названія. Между рѣдкими образцами этого рода слѣдуетъ назвать Катерину Бокперъ, швейцарку, достигшую въ 23 года роста въ два слинкомъ метра. Она посѣтила всѣ европейскія столицы, гдѣ ей красота и грація производили не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ ростъ.

Недавно, въ 1885 г., на театрѣ Альгамбра, въ Лейчестеръ-сверѣ, въ Лондонѣ, подъ дирекціей извѣстнаго импресарио Улауда, ставилась пьеса *Babil et Bijou*, гдѣ царицу амазонокъ изображала молодая пѣвица Маріанна, восхитительно сложенная и очень красивая. Ростъ ея былъ 2 метра и 65 сантиметровъ. Изъ всего этого видно, что аномалія роста не влекутъ за собой безобразія, непропорціональности и уродливости. Прекрасная Маріанна умерла всего лишь семнадцати лѣтъ, а мѣсто ея, какъ царицы амазонокъ, не замедлила занять Клотоида Шнейдеръ.

Исторически извѣстныхъ карликовъ больше, чѣмъ великановъ. Это слѣдуетъ приписать интересу, съ какимъ относились къ этимъ крошечнымъ существамъ цари, которые осилили ихъ своими милостями. Можно ли допустить, чтобы въ Ассирахъ и Римѣ существовали искусственные карлики? Но тѣмъ не менѣе это не подлежитъ сомнѣнію, и методъ фабрикаціи карликовъ явился съ Востока. Заключался онъ въ спеціальномъ режимѣ, гдѣ значительную роль игралъ алкоголь, но точныя детали ускользнули отъ нашего свѣдѣнія. Благодаря этому режиму получались не только карлики, но и микроскопическія собачки.

Дамы среднихъ вѣковъ обязательно обзаводились карликами, какъ современницы маркизы Помпадуръ—негритянками.

Геродотъ утверждаетъ, что среди египетскаго населенія существовало цѣлое племя пигмеевъ. Къ этому факту географы относились долго скептически, пока не было найдено путешественникомъ Міани за Харумомъ племя карликовъ аккасовъ, у котораго мужчины въ двадцать лѣтъ не превышали 70—90 сант. Чтобы пресѣчь всѣ споры, онъ привезъ нѣсколькихъ карликовъ въ Александрію въ 1893 году. Геродотъ былъ ошаманенъ.

Въ римской исторіи встрѣчаются карлики, въ лицѣ, напримеръ, адвоката *Кая Лицинія Калпа*, нѣсколько разъ и очень удачно говорившаго противъ Цицерона, извѣстны также два ученика, *Марій Максимъ* и *Маркъ Тулій*, и т. д. Александрийская школа въ числѣ философовъ имѣла карлика двухъ футовъ ростомъ, *Клиппа*, пользовавшагося извѣстностью за выдающиеся краснорѣчіе.

Мода на карликовъ, распространенная въ эпоху Возрожденія во Франціи, Англіи и Германіи, перешла туда изъ Италіи. Александръ Борджіа имѣлъ цѣлую дюжину карликовъ, что стоило ему громадныхъ денегъ. Въ 1556 г. кардиналъ Виталли устроилъ въ Римѣ ужины, на которыхъ присутствовало 34 карлика. Герцогъ Пармскій очень гордился своимъ бордатымъ карломъ, говорившимъ на трехъ языкахъ и непобѣдимымъ въ трюкъ-тракъ.

Какъ извѣстно, Петръ Великій приказалъ однажды собрать въ Москву карликовъ со всего государства, парадить ихъ въ пышные платья и привести на ирѣ, гдѣ они возбудили общее удивленіе и веселье и были осыпаны подарками.

Въ Англіи особымъ почетомъ пользовался *Джозефъ Гудзонъ*, получившій отъ короля титулъ баронета. Первый выходъ его при дворѣ послѣдовалъ изъ широта, куда его посадили, чтобы

неожиданнымъ появленіемъ потѣшить дамъ. Будучи накомъ королевы, этотъ крошечный человѣчекъ исполнялъ и въкаторыя официальные порученія за граищей, и, оскорбленный пѣвчимъ Крофтомъ, заставилъ того выйти на поединокъ и застрѣлить его изъ пистолета. Вальтеръ-Скоттъ описалъ его въ одномъ изъ своихъ романовъ.

Одна изъ грустныхъ особенностей карликовъ та, что они очень рано умираютъ. Рѣдкимъ исключеніемъ является графъ *Иосифъ Брославскій*, родившійся въ Польнѣ въ 1739 и умершій въ 1837 г., т. е. девяносто восьми лѣтъ. Исторія его очень романсична. Оставшись сиротой, онъ былъ взятъ на попеченіе графиней Гуміевской, представившей его ко Двору, гдѣ онъ провѣлѣ фуроръ, но на бѣду влюбился въ молодую французскую, Изолину Барбутэнъ. Графиня воспылала гнѣвомъ, но король Станиславъ II взялъ бѣднику подъ свою защиту, и свадьба его состоялась съ большою пышностью. Послѣ этого пронобрачные отъправились въ Лондонъ, гдѣ Георгъ IV принялъ ихъ прекрасно и относился къ графу очень дружественно. Этотъ карликъ былъ, впрочемъ, весьма талантливъ; при дворѣ разыгрывались его музыкальныя произведенія. Онъ имѣлъ трехъ вполнѣ нормальныхъ дѣтей.

У короля Станислава Лещинскаго былъ карликъ *Бѣба*, отличавшійся несоразмѣрностью тѣла, преждевременною старостью и очень малымъ умственнымъ развитіемъ. Но тѣмъ не менѣе король былъ неутѣшенъ послѣ его смерти и воздвигъ ему прекрасный мавзолей въ лувильской церкви. Что же касается его скелета, то послѣ пребыванія въ музеѣ въ Нанси, онъ теперь возбуждаетъ удивленіе посѣтителей музея парижскаго зоологическаго сада.

Въ 1743 г. показывалась въ Лондонѣ „Коренкапская фея“, пропорціонально сложенная, ростомъ всего въ 34 дюйма, при 26 фунтахъ вѣса.

Въ Голландіи у бѣднаго рыбака родился въ 1730 г. карликъ-сынъ, котораго онъ выучилъ часовому мастерству. Этотъ карликъ женился, приди въ возрастѣ, на одной изъ самыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ Роттердама; жена соуществовала ему во всѣхъ путешествіяхъ по городамъ, гдѣ онъ показывался. Онъ обладалъ большою ловкостью и легко всаживалъ на стулъ, будучи всего 27 дюймовъ.

Было бы большою несправедливостью, говоря о карликахъ, не упомянуть о генералѣ *Томъ-Нусѣ*, наглавшемъ столько шуму. Онъ родился въ Коннектикутѣ, въ 1832 г., подъ именемъ Карла Стральтона. При рожденіи онъ вѣсилъ 9 фунтовъ 20 лотовъ, что вполнѣ нормально, и въ пять мѣсяцевъ былъ еще нормальнымъ ребенкомъ, потому что достигалъ 25 дюймовъ при 15 фунтахъ вѣса. Но на этомъ онъ и остановился, и когда онъ показывался публично, въ четырнадцать лѣтъ, то ни ростомъ, ни вѣсомъ его не увеличился. Впрочемъ, къ старости онъ достигъ все-же 31 дюйма.

Томъ-Нусъ пользовался вниманіемъ многихъ монарховъ. Англійская королева дважды принимала его въ Букингемскомъ дворцѣ и осыпала подарками. Въ Парижѣ король Луи-Филиппъ обходился съ нимъ очень любезно. Вернувшись въ Лондонъ, онъ сталъ показываться въ томъ же помѣщеніи, гдѣ устроилъ выставку своихъ картинъ художникъ Гайдопъ, и тогда, тѣшившаяся въ помѣщеніи Томъ-Нуса, оставила пустынною картинную галерею художника, не вынесшаго такой обиды и застрѣливавшагося отъ отчаянія. Въ то время заработокъ Томъ-Нуса равнялся 150,000 фунтамъ стерлинговъ. Вскорѣ карликъ сочетался узамъ Гименей съ миссъ Лавнией Уарренъ, особой, превосходившей его на одинъ лишь дюймъ. Сестра ея, такого же роста, вышла за карлика же, командора Нутта.

Томъ-Нусъ съ суругой, отдыхая отъ долгихъ публичныхъ представленій, остатокъ дней провелъ въ Бриджпортѣ. Ежегодный доходъ съ собранийхъ имъ богатствъ равнялся ни больше, ни меньше какъ 20,000 фунтамъ стерлинговъ.

Вотъ, приблизительно, перечень самыхъ знаменитыхъ карликовъ, показывавшихся въ Европѣ. Но на ряду съ ними должны существовать подобныя же ненормальные люди и въ другихъ частяхъ свѣта.

Къ рисункамъ.

Французскій живописецъ Бугеро уже давно обратилъ на себя общее вниманіе цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ картинъ, писанныхъ на библейскія и мифологическія темы, а также на сюжеты историческаго содержанія. Съ 1876 года онъ состоитъ членомъ французской академіи. Изъ картинъ его укажемъ на слѣдующія: „Вакханка“, „Богородица-угѣнительница“, „Рожденіе Венеры“, „Христосъ и Богоматерь“, „Пр. Дѣва среди ангеловъ“ и др. Въ настоящее время передъ нами одно изъ лучшихъ его произведеній: „Святая любовь“. Пресвятая Дѣва Марія изображена съ погнущенными очами, съ младенцемъ на рукахъ и съ агнецомъ—эмблемой чистоты. Безконечная любовь и доброта свѣтятся въ Ея лицѣ.

*

„Сотвореніе человѣка было въ 25-й день марта; а посему и Гавриилъ въ этотъ день посланъ былъ благовѣстить Дѣвѣ истинное отъ Ней воплощеніе Спасителя и предвозвѣстить Ей

имѣющее совершиться черезъ Нее спасеніе человековъ.“ Праздникъ **Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвы** считается великимъ праздникомъ, въ который долженъ быть общій покой и радость. Во время богослуженія тропари канона представляютъ какъ бы бесѣду архангела Гавриила съ Пресвятою Дѣвою. Это прекрасно изображено на двойной иконѣ нашего извѣстнаго художника В. Е. Маковского, украшающей храмъ во имя Христа Спасителя въ Боркахъ, на мѣстѣ крушенія царскаго поѣзда 17-го октября 1888 года. Почти всѣ иконы для этого храма написаны этимъ художникомъ, въ томъ числѣ и двѣ иконы, которыя мы воспроизводимъ здѣсь въ виду наступленія праздника Благовѣщенія. Когда Дѣва Марія уединенно предавалась молитвѣ и читала св. Писаніе, къ Ней явился архангелъ Гавриилъ и привѣтствовалъ въ Ней мать будущаго Спасителя міра: „Не бойся, Марія, ибо ты обрѣла благодать у Бога; и вотъ зачнешь во чревѣ и родишь сына, и наречешь

Ему имя — Иисусъ. Онъ будетъ великъ, и наречется Сыномъ Всевышняго, и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида, отъа Его, и будетъ Онъ царствовать надъ домою Иакова вѣвѣки, и царству Его не будетъ конца. Дѣки небснаго вѣстника и Пресвятой Дѣвы изображены художникомъ прекрасно.

Послѣ поклоненія волхвовъ Младенцу Иисусу Иосифъ получилъ во снѣ небсное откровеніе о грозной опасности Породженному и, по указанію ангела, посѣлнлъ ъмѣнать въ Египетъ, издавна бывший мѣстомъ естественнаго убѣжища для вѣхъ пресѣдуемыхъ въ Палестинѣ. Въ то время, когда Иродъ, увидѣвъ себя обманутымъ волхвами, которые не извѣстили его, гдѣ нашла Мессію, пришелъ въ ярость и издалъ кроваваое повелѣніе — избить вѣхъ младенцевъ мужского пола въ Вилеемѣ отъ двухъ лѣтъ и ниже, Иосифъ и Пресвятая Дѣва Марія съ Божественнымъ своимъ Сыномъ шли въ Египетъ, оддыхая по временамъ гдѣ-нибудь въ укромномъ углу на дикомъ камнѣ. Этотъ моментъ и переданъ на картинѣ Гроали, помещенной въ настоящемъ № *Иванъ*. Фигура Иосифа, озабоченнаго тяжелыми думами, выраженъе безконечной кротости на измученномъ усталостью лицѣ Богоматери и священны покой снавцаго Иисуса схвачены художникомъ съ большою выразительностью.

Еще весны душистой
иѣга
Къ намъ не успѣла
низойти,
Еще овраги полны
снѣга,

среди голыхъ вѣтвей еще слышеть небсный сводъ и въ лицо вѣетъ холодомъ, а между тѣмъ уже чувствуется «возрожденъе вѣстивалъ», какъ выражается въ одномъ изъ своихъ чудныхъ стихотвореній шведъ природы и любви Фетъ. Весеннее утро уже называется и въ перныхъ гонцахъ — перелетныхъ птицахъ, и въ ароматной свѣжести воздуха, «и грудь вдыхаетъ радостнѣй и шире, и вновь кого-то хочется обнять». Вы оставяете душную комнату, вы ходите погулять и глазамъ не вѣрите:

Боже мой! Вчера — несчастье,
А сегодня, — что за день!
Солнце, птицы, блескъ и счастье...

Контрасты на каждомъ шагу: «голубенькій, чистый подѣлжннкъ-дѣлтокъ, а подлѣ сквознстнй послѣднй снѣжокъ», и вамъ «хочется въ поле, въ широкое поле»; зимне днн съ ихъ вьюгами и мятелями уже кажутся чѣмъ-то далекимъ, далекимъ.

Картина Арвейлера удачно передаетъ отгѣвки пробуждающейся природы.

Въ ста шагахъ отъ мельницы находился маленький, со вѣхъ сторонъ открытый, навѣсъ. Съ рѣки поднимался паръ; вѣтру не было; кругомъ кричали коростели. Передъ огнемъ, на опрокинутой кадлѣ, сидѣла мельничиха (одннъ изъ чудныхъ женскихъ типовъ, выведенныхъ въ «Заннсахъ охотника») и разговаривала съ Ермолаемъ, человекомъ лѣтъ сорока-пяти, беззаботнымъ, какъ птица, со взерошнспными волосами, въ желтоватомъ нанковомъ кафтанѣ и въ мецкаго покрое, но подносавномъ кушакомъ. Къ кушаку привнзывались у него обыкновенно два мѣшка, — одннъ спереди для пороку и для дробн, другой сзади для дичн. Мельничиху по ея платкю, тѣлодвиженіямъ и выговору можно было тотчасъ же призвать за дворовую женщину, — не бабу и не мѣщанку. На видѣ ей было лѣтъ тридцать; худое и блѣдное лицо еще хранило слѣды замѣчательной красоты, особенно глаза, большіе и грустные.

Мы напомнили читателю эти подробности, чтобы онъ лучше могъ оцѣнить прекрасный рисунокъ г. Табурина, иллюстрирующій одннъ изъ безсмертныхъ разсказовъ Тургенева.

Мы напомнили читателю эти подробности, чтобы онъ лучше могъ оцѣнить прекрасный рисунокъ г. Табурина, иллюстрирующій одннъ изъ безсмертныхъ разсказовъ Тургенева.

Извѣстный художникъ, профессоръ Н. Д. Дмитріевъ - Оренбургскій, въ періодъ пребыванія во Франціи, гдѣ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ учрежденіи тамашняго «Общества русскихъ художниковъ», написалъ прекрасный портретъ нашего великаго романиста И. С. Тургенева, изображающій его за нѣсколько лѣтъ до смерти на охотѣ въ окрестностяхъ Парижа. Любн охоту съ юности, Тургеневъ оставался ей вѣренъ и до послѣднихъ дней жизни. «Охота сближаетъ насъ съ природою. — говорилъ онъ: — одннъ охотникъ видитъ ее во всякое время дня и ночи, во вѣхъ ея красотахъ, во вѣхъ ея ужасахъ»: «охота съ ружьемъ и собакой прекрасна сама по себѣ; но, положимъ, вы не родились охотникомъ; вы, все-таки, любите природу; вы, слѣдовательно, не можете не завидовать нашему брату»... Его тянуло на охоту, и страсть охотника отразилась на многихъ его произведеніяхъ. Въ чертахъ лица покойнаго писателя уже видны слѣды тяжелаго недуга, сведшаго его въ преждевременную могилу, и вообще во всей его когда-то мощной фигурѣ замѣтно какое-то «внутреннее» утомленіе.

И. С. Тургеневъ на охотѣ. По рис. Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго грава на мѣди П. Цожаостинъ. (Изъ коллекціи П. Я. Дашкова.)

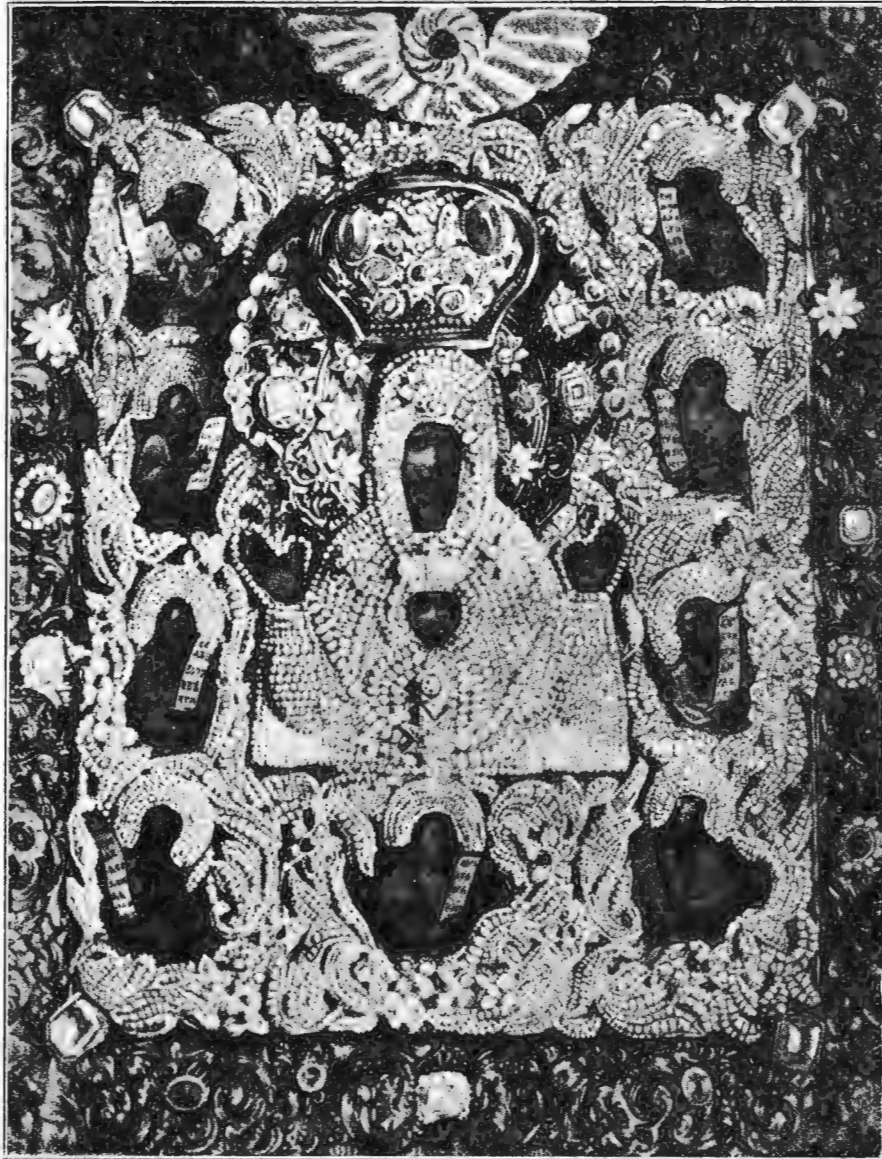
Взрывъ въ курскомъ Знаменскомъ соборѣ.

(Рис. на этой стр.)

8-го марта т. г. все население г. Курска было сильно вволновано возмутительно-дерзкимъ преступлениемъ. Во второмъ часу ночи сторожа Знаменскаго мужского монастыря вдругъ услышали страшный трескъ въ лѣвомъ придѣлѣ храма, и въ то же самое время оттуда блеснулъ яркій свѣтъ. Тотчасъ же бросились внутрь храма. Были созваны монахи, изъ которыхъ многие и сами проснулись отъ грохота. Когда вошли въ придѣлъ, то зрителямъ представилась страшная картина разрушенія. Почти весь придѣлъ былъ разрушенъ, вверху въ двухъ мѣстахъ пробиты довольно большія дыры, всѣ украшения на стѣнахъ сорваны и разбросаны по придѣлу, въ боковомъ окнѣ и ближайшей двери разбиты всѣ стекла и всѣ лампы вокругъ иконы. Сѣнь, въ которой помещалась

особо чтимая въ Курскѣ икона Знаменія Пресвятыя Богородицы Курскія, также въ нѣсколькихъ мѣстахъ дала щели, всѣ задняя часть кіота вырвана, куполъ кіота разбитъ, значительно пострадала и серебряная риза иконы, а пелена на образѣ прожжена въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Стоявшая какъ разъ противъ этого образа другая большія икона пробита въ двухъ мѣстахъ.

Несмотря на все это разрушеніе, осталась на мѣстѣ и ни-

Чудотворная икона Знаменія Божіей Матери, спасенная 8-го марта т. г. отъ взрыва въ курскомъ Знаменскомъ соборѣ. По фот. автотипія „Нивы“.

Курскій Знаменскій соборъ, въ которомъ произведенъ взрывъ 8-го марта т. г. По фот. автотипія „Нивы“.

какимъ поврежденіямъ не подверглась чудотворная икона Знаменія Богородицы, иначе известная подъ именемъ „Коренной“.

Тотчасъ же послѣ взрыва дано было знать городскимъ властямъ, а въ шестомъ часу слухъ объ ужасномъ преступленіи распространился по всему Курску, и народъ массами повалилъ къ монастырю. Однако, въ монастырь до 9 часовъ никого не впускали: разрушенный придѣлъ приводился въ порядокъ.

Слѣдствіе энергично производится. Пока можно сказать только, что это, очевидно, дѣло шайки злоумышленниковъ, уже давно разсчитывающей на грабежъ во время скопленія народа. Такъ, въ прошломъ году во время богослуженія злоумышленники стали кричать „пожаръ“, а при перенесеніи св. иконы изъ Курска въ Коренную пустынь бросали въ многотысячную толпу торжественной процессіи петарды. Теперь взрывъ произведенъ какимъ-то снарядомъ, остат-

ки котораго найдены среди обломковъ придѣла, и, какъ говорить, онъ былъ снабженъ часовымъ механизмомъ. Нужно думать, что злоумышленники внесли снарядъ во время вечерни и спрятали его подъ пеленой иконы, гдѣ замѣтить его, разумеется, не было никакой возможности. Очевидно, злоумышленники разсчитывали, что снарядъ взорветь часомъ или двумя позже, во время всеобщей, но, къ счастью, они ошиблись въ расчетѣ,

иначе человеческія жертвы пришлось бы считать десятками, если не сотнями.

Весь день монастырь был полон толпами молящихся, которые возносили горячія молитвы Создателю за проявленное Имъ чудо.

Курская чудотворная икона Знаменія Божіей Матери, изображенная въ настоящемъ номерѣ, извѣстна не только въ курской губерніи, но и во всѣхъ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи и даже за границей, откуда являются богомольцы ко времени крестныхъ ходовъ съ нею въ Коренную пустынь или изъ Коренной пустыни. Коня съ нею распространены по всѣмъ мѣстамъ Россіи, а въ курской губерніи едва ли найдется хотя одинъ домъ, въ которомъ бы не нашлось этого чудотворнаго образа. При царѣ Теодорѣ Иоанновичѣ еще, когда курская чудотворная икона была взята изъ Курска въ Москву (1597 г.), съ нея была снята коня и оставлена въ московскомъ дворцѣ, есть коня и въ петербургскомъ Зимнемъ дворцѣ, и въ церкви Знаменія, на Невскомъ проспектѣ.

Чудотворная икона обрѣтена, по народному преданію, 8-го сентября 1295 г., въ 27 верстахъ отъ Курска, на мѣстѣ нынѣшней Коренной пустыни. Въ 1597 г. царь Теодоръ Иоанновичъ, услышавъ о чудесахъ отъ чудотворной иконы курской, приказалъ перенести ее въ Москву. Украсивъ ее священными изображениями и богато одаривъ, отослалъ въ Коренную пустынь и приказалъ построить тамъ монастырь. Въ 1605 г. Дмитрій Самозванецъ взял св. икону изъ Курска въ Путивль, а по занятіи Москвы, поставилъ ее въ царскихъ чертогахъ, откуда она въ 1618 г. была снова возвращена въ Курскъ и поставлена въ Знаменскомъ соборѣ, въ которомъ пребываетъ и теперь. Въ 1684 г. цари Иоаннъ и Петръ Алексеевичи прислали въ Коренную пустынь списокъ съ чудотворной иконы и повелѣли боярамъ и воеводамъ брать этотъ списокъ съ собой въ походы. Въ 1812 г. курское городское общество послало списокъ чудотворной иконы въ дѣйствующую армию князю Кутузову-Смоленскому. Къ крестнымъ ходамъ съ иконою въ 9-ю пятницу по Пасхѣ изъ Курска въ Коренную пустынь и 12—13-го сентября изъ Коренной пустыни въ Курскъ ежегодно и въ настоящее время собираются десятки тысячъ богомольцевъ.

Курскій Знаменскій соборъ (рис. на стр. 237), расположенный на высокой горѣ, представляетъ собою величественное зданіе, напоминающее собою главный соборъ Александро-Невской лавры. Построенъ онъ въ итальянскомъ стилѣ эпохи Возрожденія. Въ дѣломъ придѣлъ этого храма въ чугуной, отдѣланной серебромъ, сѣни и паходится чудотворная икона Знаменія Богоматери.

Въ Коренной пустыни въ настоящее время также замѣчательны двѣ церкви—соборная и церковь во имя Живоноснаго Источника. Соборная—русско-византийской (Тошовской) архитектуры, имѣетъ сходство съ Благовѣщенскою конно-гвардейскою церковью въ Петербургѣ. Вблизи нея начинаются каменные крытые сходы, ведущіе къ церкви Живоноснаго Источника. Сходы эти, стоившіе до 800,000 р. асс., украсивъ обитель, придаютъ ей совершенно своеобразный характеръ, напоминая сходы въ кievскія пещеры. Настоящая церковь Живоноснаго Источника построена на собственные средства фельдмаршаламъ В. П. Шереметьевымъ, заѣзжавшимъ въ Коренную пустынь послѣ Полтавской побѣды.

Вѣсть о чудесномъ спасеніи иконы облетѣла всю Россію и наполнила сердца всѣхъ вѣрующихъ благоговѣнною радостью. Тысячи богомольцевъ направились въ Курскъ со всѣхъ концовъ Россіи на поклоненіе чудотворной иконѣ Знаменія Божіей Матери, Святой Заступницѣ и Молитвенницѣ предъ Престоломъ Всевышняго.

П. С. Мочаловъ. (Портр. на этой стр.)

Пятдесятъ лѣтъ тому назадъ, 16-го марта 1848 года, скончался въ Москвѣ знаменитый русскій трагикъ Павелъ Степа-

новичъ Мочаловъ. Какъ все выдающіеся таланты, Мочаловъ имѣлъ много горячихъ почитателей. Они приходили въ восторгъ отъ его игры, видѣли въ немъ замѣчательнаго артиста. Но были люди, относившіеся къ его дарованію холодно. Какъ это ни покажется страннымъ на первый взглядъ, но и тѣ, и другіе были правы. Иллюстраціей такого противорѣчія можетъ служить слѣдующій случай, о которомъ рассказываетъ драматургъ А. А. Шаховской. Однажды Мочаловъ игралъ въ комедіи „Пустодомы“ роль Радугина и былъ неподражаемъ. Не желая его смущать, авторъ пьесы, кн. Шаховской, только по окончаніи ея бросился въ уборную, обнялъ и расцѣловалъ Мочалова. „Тальма!—восклицалъ онъ.—Какой Тальма? Тальма въ слуги тебѣ не годится: ты былъ сегодня Богъ!“ Черезъ нѣсколько времени прѣзжаетъ въ Москву какая-то знатная особа и, въ разговорѣ съ Шаховскимъ, пренебрежительно отзываясь о талантѣ Мочалова. Шаховской обижается и, чтобы показать московскую знаменитость во всемъ блескѣ, назначаетъ „Пустодомовъ“. Мочаловъ узнавъ объ этомъ, *постарался* играть свою роль и былъ „невышесно дурень“.

Такого рода факты въ артистической дѣятельности Мочалова были явлениемъ зауряднымъ. Нерѣдко, въ одинъ и тотъ же вечеръ, въ одной и той же роли Мочаловъ являлся то замѣчательнымъ художникомъ, то посредственнымъ актеромъ. По словамъ Бѣлинскаго, напримѣръ, въ роли Отелло Мочаловъ былъ очень плохъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заставлялъ Бѣлинскаго „забыться отъ восторга“, забыть настолько, что критикъ „потерялъ свое мѣсто и не помнилъ и не зналъ, гдѣ онъ и что онъ“. Своимъ замѣчательнымъ исполненіемъ въ то время новой на нашей сценѣ роли Гамлета Мочаловъ привелъ Бѣлинскаго въ такое восхищеніе, что критикъ не могъ найти словъ и выраженій для того, чтобы охарактеризовать „великое и гениальное“ дарованіе артиста. Но замѣчательный артистъ, державшій въ крайнемъ напряженіи всѣхъ зрителей, поражающій реализмомъ и художественностью своей игры, вдругъ становился тривиальнымъ, посредственнымъ. Чув-

П. С. Мочаловъ. (По поводу 50-лѣтія со дня кончины.)
Грав. А. Зубчаиновъ.

ствуя самъ, что играетъ дурно, онъ дѣлалъ усилія, кричалъ, кривлялся и дѣйствительно становился невыносимымъ. Любопытно, что Мочаловъ не только не былъ въ состояніи предотвратить такого неприятнаго для него „превращенія“, но даже, чѣмъ больше старался это сдѣлать, тѣмъ хуже игралъ. Кн. Шаховской, тонкій цѣнщикъ сцены, говорилъ про Мочалова: „онъ только тогда и хорошъ, когда не разсуждаетъ, и я всегда прощу его объ одномъ, чтобы онъ не старался играть, а старался только не думать, что на него смотритъ публика“. Мочаловъ былъ гениемъ по инстинкту, игралъ, какъ говорится, „нутромъ“ и потому всегда находились въ чрезвычайной тѣсной зависимости отъ расположенія своего духа: найдеть на него одушевленіе—и онъ удивителенъ, безподобенъ; нѣтъ этого одушевленія—и онъ впадаетъ въ пошлость и тривиальность. Мочаловъ былъ драгоценный само-

родъ. Отъ природы Мочаловъ получилъ все, что необходимо было для гениальнаго художника и благодаря чему онъ, несмотря на всѣ свои недостатки, занялъ видное мѣсто на сценѣ. Средняго роста, прекрасно сложенный, съ красивымъ, измѣняемымъ и подвижнымъ лицомъ, черными выразительными глазами, Мочаловъ со стороны внѣшности не оставлялъ желать ничего лучшаго. Одаренный тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, страстной натурой, онъ обладалъ при этомъ голосомъ, который способенъ былъ выражать всѣ оттѣнки страстей и чувствъ. По словамъ одного критика, въ его голосѣ слышны были и громовой рокотъ отчаянія, и порывистые крики бѣшенства и мщенія, и тихій шопотъ сосредоточеннаго въ себѣ негодованія,—знаменитый мочаловскій шопотъ, каждое слово котораго доходило до слуха и сердца зрителя.

Къ сожалѣнію, Мочаловъ легкомысленно отнесся къ своему дарованію и плохо воспользовался дарами природы. Съ

актера-купца, игравшаго по вдохновенію, онъ выросъ въ простой купеческой обстановкѣ и не получилъ никакого образованія, хотя и посѣщалъ одно время университетъ. Судьба вырвала его изъ этой мѣщанской обстановки и толкала его въ міръ поэзіи, въ кругъ людей образованныхъ, стоявшихъ выше его во многихъ отношеніяхъ. Эти люди искренно любили его, горячо восторгались имъ, у нихъ Мочаловъ многому могъ бы поучиться. Разъясненія Полевого, который растолковалъ Мочалову Гамлета и съ которымъ онъ изучилъ эту роль до малѣйшихъ деталей, указанія С. Т. Аксакова и другихъ — должны были бы убѣдить Мочалова въ значеніи общества людей, стоявшихъ выше его. Онъ это, пожалуй, и чувствовалъ, но всегда избѣгалъ этого общества, сторонился его и, попадая въ него, ежился и дичился. Мочаловъ предпочиталъ свою домашнюю обстановку. Свои досуги онъ привыкъ коротать за стаканомъ вина, въ компаніи людей, стоявшихъ гораздо ниже его, передъ которыми онъ сплошь и рядомъ рисовался. Одаренный тонкимъ поэтическимъ чутьемъ и стоя въ этомъ отношеніи гораздо ближе къ людямъ образованнымъ, чѣмъ къ мѣщанской средѣ, Мочаловъ, однако, не могъ оторваться отъ этой среды, губительно вліявшей на развитіе его таланта. Мочаловъ много читалъ, любилъ особенно стихи, самъ писалъ стихотворенія. Природное чутье, „инстинктъ“ — подсказали ему, что принятая въ то время на сценѣ классическая декламация — фальшива, что необходимо въ этомъ случаѣ быть болѣе реальнымъ.

Привыкнувъ надѣяться на вдохновеніе, всего ожидать отъ внезапныхъ и вулканическихъ вспышекъ своего чувства, онъ не стремился ни къ чему больше, и потому навсегда остался артистомъ „инстинкта“, до конца жизни находясь въ зависимости отъ минутнаго настроенія. Последние годы жизни показали и самому Мочалову его ошибку. Онъ совершенно измѣнился, и даже переродился. Были и тутъ въ его игрѣ вѣщанки, но уже не прежняго Мочалова. Могуцій и пріятный теноръ теперь сдѣлался хриплымъ, прежнія страсти и вдохновеніе уже не находили средствъ для своего выраженія... Несмотря на все это, Мочаловъ не утратилъ своего обаянія на людей, принадлежавшихъ по своему развитію къ самымъ различнымъ классамъ общества, и надолго оставилъ послѣ себя хорошую память. „Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ, — вспоминаетъ о Мочаловѣ Галаховъ: — но и теперь, несмотря на преклонность моихъ лѣтъ, при малѣйшемъ воспоминаніи объ игрѣ его, душа моя снова испытываетъ тѣ мощныя и сладостныя впечатлѣнія, которыя онъ возбуждалъ въ зрителяхъ“. Крупнымъ талантомъ долженъ быть обладать человекъ, у котораго, несмотря на всѣ его недостатки, могли сохраниться въ теченіе долгаго времени такіа живыя и симпатичныя воспоминанія.

Вл. Боцяновскій.

И. И. Шишкинъ. (Портр. на этой стр.)

8-го марта скончался И. И. Шишкинъ, — скончался внезапно, отъ разрыва сердца, за работой съ палитрой въ рукахъ. Смерть его — огромная, почти незамѣнимая потеря для русскаго искусства. И. И. Шишкинъ занималъ въ ряду современныхъ русскихъ художниковъ очень видное мѣсто, и при этомъ мѣсто совершенно особое. Всякому, кто хоть немного интересуется русскимъ искусствомъ, при имени Шишкина сейчасъ же представляется, чѣмъ онъ извѣстенъ, въ чемъ его сила. Шишкинъ — поэтъ лѣса. Никто лучше его не умѣлъ передавать холоднаго мрака лѣсной глуши, никто не зналъ такъ, какъ онъ, „анатомію“ дерева, никто не умѣлъ такъ страстно воспѣвать холодную сѣверную природу. Онъ выросъ среди этой природы, подъялъ сѣвернымъ лебемъ, среди лѣсовъ дремучихъ, позналъ ихъ мощную красоту, ихъ суровую поэзію. Лѣсъ открылъ художнику всѣ свои тайны, удѣлялъ ему свою силу. Вглядитесь въ его лицо, въ эту крѣпкую сильную фигуру, отъ которой такъ и вѣетъ смелымъ запахомъ темнаго бора, мощью заповѣдныхъ дебрей: вся она была такъ же слажена, какъ слажены его любимыя, родныя „кондовыя сосны“; въ его спокойныхъ, пристальныхъ и вдумчивыхъ глазахъ ясно

сквозила его манера наблюдать и всматриваться въ сокровенныя красоты нашей скромной сѣверной природы.

Иванъ Ивановичъ Шишкинъ былъ уроженцемъ Вятской губерніи. Первоначальное свое художественное образованіе онъ получилъ въ московскомъ училищѣ живописи и ваянія, а затѣмъ въ академіи художествъ, въ которой окончилъ курсъ въ 1860 г., удостоенный при этомъ, вслѣдъ за полученными имъ уже ранѣе двумя серебряными и малою золотою медалями, — большой золотой медали за извѣстный пейзажъ: „Видъ на островѣ Валаамѣ“, находящійся въ музеѣ академіи. Въ 1865 г., тридцати трехъ лѣтъ отъ роду, И. И. получилъ уже званіе академика, а въ 1873 г. — профессора. Съ 1872 г., когда былъ основанъ передвижныя выставки, И. И. Шишкинъ принялъ въ нихъ дѣятельное участіе, и за истекшія 26 лѣтъ постоянно выставлялъ на нихъ всѣ лучшія свои картины.

Кромѣ картинъ И. И. славилась его рисунки углемъ, карандашомъ и перомъ. Въ каждомъ изъ нихъ, даже самомъ незначительномъ, онъ проявилъ себя выдающимся рисовальщикомъ, подобнаго которому мало найдется у насъ даже среди извѣстнѣйшихъ жанристовъ.

Если въ этихъ главныхъ отрасляхъ живописи покойный Шишкинъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ мастеровъ, то въ другой, сравнительно еще мало у насъ развитой отрасли искусства: въ офортѣ — онъ не имѣлъ нисколько соперниковъ. Читатели возможности любоваться картинами И. И. Шишкина по очень часто воспроизводимымъ въ нашемъ журналѣ копіямъ, знакомы также и съ его офортами по снимкамъ и по блестящей статьѣ Вас. Ив. Немировича-Данченко (№ 12 за 1895 годъ), посвященной описанію „60 офортовъ“ И. И. Шишкина, роскошно изданнымъ А. Ф. Марксомъ подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюдениемъ самого художника.

И. И. Шишкинъ умѣлъ не только пользоваться своимъ талантомъ, но и передавать его своимъ ученикамъ, удѣляя и имъ отъ той искры Божьей, которая съ рожденія была заложена ему въ душу и продолжала ярко свѣтиться до послѣдней минуты его жизни. Изъ выдающихся его учениковъ можно назвать Васильева, умершаго еще въ расцвѣтъ силъ и таланта, супругу И. И., — Шишкину-Лагода, скончавшуюся въ 1881 г., и одного изъ талантливейшихъ современныхъ нашихъ пейзажистовъ А. Шильдера. Въ 1895 г., послѣ введенія новаго устава въ академію художествъ, И. И. Шишкинъ былъ приглашенъ профессоромъ пейзажной живописи.

И. И. Шишкинъ. (†8 марта г. г.)
Съ фот. авторія „Нивы“.

Русскій музей Императора Александра III.

(Рис. на стр. 240.)

Открытый въ Петербургѣ, 2-го марта, въ Высочайшемъ присутствіи, музей Императора Александра III является настоящимъ достойнымъ памятникомъ Царю-Миротворцу, такъ горячо любившему русскую жизнь, русское искусство и русскую историческую науку. Музей этотъ, по мысли самого въ Бозѣ почившаго Императора, будетъ центромъ всего, что есть лучшаго въ русскомъ искусствѣ, средоточіемъ всей славы и гордости русскаго творчества.

Для музея приобретены великолѣпныя по архитектурѣ Михайловскій дворецъ, занимающій огромную площадь до 35,000 квадр. саж. съ прекраснымъ садомъ. Дворецъ этотъ, по порученію императора Александра I, строилъ знаменитый тогда Россіи для великаго князя Михаила Павловича. Онъ имѣетъ два фасада — въ садъ и на площадь. Величественное зданіе это признавалось тогда однимъ изъ лучшихъ сооружений современной архитектурѣ.

Огромное крыльцо, со львами по сторонамъ, ведетъ къ парадной лѣстницѣ; сверху грандіозная колоннада съ величественнымъ фронтономъ; съ обѣихъ сторонъ отъ центральной части выходятъ на площадь флигели. Внутри дворца замѣчательно отдѣланы, преимущественно въ стилѣ „empire“. Приспособленіе этого величественнаго зданія — изъ жилого въ музей — было дѣломъ очень трудное и исполнено архитекторомъ г. Свиннымъ.

Въ виду того, что у насъ будутъ помѣщены рисунки, из-

ображающие внутренній видъ музея, ограничиваемся пока лишь краткимъ его описаніемъ.

Музей занимаетъ три этажа; всѣхъ парадныхъ залъ, открытыхъ для публики,—37.

Въ числѣ цѣнныхъ художественныхъ предметовъ находятся дары Государя Императора, великихъ князей Михаила Николаевича, Николая Михайловича, Георгія Михайловича, художниковъ: Айвазовскаго, Боголюбова и дочери покойнаго Венецианова.

Внизу, въ первомъ этажѣ, расположенъ отдѣлъ христіанскихъ древностей. Тутъ, въ старинныхъ иконахъ, церковной утвари, вы найдете образцы русскаго искусства первыхъ вѣковъ христіанской жизни Россіи.

Во второмъ этажѣ помѣщены картины и скульптура. Ядро музея составляютъ художественныя произведенія, картины и статуи, перевезенныя сюда изъ Императорскаго Эрмитажа и Академіи художествъ и изъ дворцовъ: Зимняго, Большого Царскосельскаго, Александровскаго Царскосельскаго и Гатчинскаго.

Три зала въ этомъ этажѣ заняты мемориальнымъ отдѣломъ, посвященнымъ памяти Императора Александра III. Здѣсь помѣщены художественныя блюда и другіе предметы искусства,

нихъ произведеніями извѣстныхъ русскихъ художниковъ и скульпторовъ. Въ 3 часа 45 минутъ Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества отбыли изъ музея.

Въ тотъ же день данъ былъ на имя Его Императорскаго Высочества великаго князя Георгія Михайловича слѣдующій Высочайшій рескриптъ:

Ваше Императорское Высочество.

Три года тому назадъ, вмѣняя Себѣ въ священную обязанность осуществить заветное желаніе въ Божѣ почившаго Моего Родителя видѣть собранными воедино наиболее выдающіяся произведенія русской живописи и ваянія, Я повелѣлъ учредить музей Его Имени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возложилъ на Васъ непосредственное управленіе симъ учрежденіемъ.

Посвятивъ Себя съ неутомимымъ рвеніемъ этому сложному и многотрудному дѣлу, Вы озаботились надлежащимъ приспособленіемъ предназначеннаго Мною для этой цѣли зданія Михайловскаго дворца и въ непродолжительное время собрали и привели въ стройный порядокъ тѣ художественныя произведенія, которыя подлежали помѣщенію въ музей на основаніи одобреннаго Мною особаго положенія. Нынѣ, по восполненіи и соизволеніи Моего на открытіе музея, Мнѣ пріятно засви-

Зданіе русскаго музея Императора Александра III. По фот. грав. Рашевскій.

поднесенные Императору Александру III, а также картины, изображающія разныя эпизоды царствованія въ Божѣ почившаго Императора.

Въ средней залѣ этого отдѣла и состоялось торжество открытія музея. На торжество приглашены были высшіе чины администраціи, первые и вторые чины Высочайшаго Двора, лица Государевой свиты и состоящіе при великихъ князьяхъ, а также всѣ художники, которые проживаютъ въ Петербургѣ и картины или скульптурныя произведенія которыхъ находятся въ музеѣ. Къ двумъ часамъ прибыли Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Марія Феодоровна съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ и великою княжною Ольгою Александровною. При входѣ Ихъ Величествъ встрѣтилъ Августѣйшій управляющій музеѣ великій князь Георгій Михайловичъ. Ихъ Императорскія Величества поднялись во второй этажъ, гдѣ въ одной изъ залъ уже собрались Высочайшія Особы, и протопресвитеромъ придворнаго духовенства было совершено молебствіе съ возглагошеніемъ многолѣтня Ихъ Императорскимъ Величествамъ, Наслѣднику Цесаревичу, великому князю Георгію Михайловичу и вѣчной памяти въ Божѣ почивающему Императору Александру III и многолѣтня всѣмъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ устройствѣ музея. Послѣ Богослуженія Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ были поднесены медали, отчеканенныя въ память открытія новаго музея. Затѣмъ, подробно были осмотрѣны всѣ 37 залъ съ размѣщенными въ

дѣлательствъ Вамъ объ попыткѣ Мною, при личномъ его обзорѣ, радостномъ чувствѣ полного удовлетворенія. Это драгоцѣнное хранилище образовъ отечественнаго творчества невольно поражаетъ своимъ богатствомъ и разнообразіемъ, выдержанностью системы въ размѣщеніи находящихся въ немъ предметовъ и изяществомъ ихъ установки. Оно несомнѣнно послужитъ дальнѣйшему развитію русскаго художественнаго вкуса и воспитанію новыхъ талантливыхъ работниковъ на семь благородномъ поприщѣ.

По справедливости относю столь знаменательный успѣхъ въ благомъ начинаніи этомъ къ просвѣщенному руководству Вашего Императорскаго Высочества, Я считаю отграднымъ для Себя долгомъ выразить Вамъ душевную Мою благодарность, а равно изъявлю Монаршую признательность даровитымъ сотрудникамъ Вашимъ въ исполненіи такого истинно патріотическаго дѣла.

Желаю отъ всего сердца, чтобы вновь устроенный русскій музей Императора Александра III былъ и впредь обогащаемъ славными твореніями нашего народнаго духа и навѣки оставался живымъ памятникомъ Незабвеннаго Вѣдическаго Трудника и Его любвеобильныхъ заботъ о пользѣ и процвѣтаніи роднаго искусства.

Пребываю къ Вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: *„и сердечно васъ любящій*

НИКОЛАЙ“.

Знаемъ-ли мы Россію?

(П. А. Антроповъ. Финансово-статистическій атласъ Россіи. Составленъ по официальнымъ даннымъ. Изданіе А. Ф. Маркса. СПб. 1898 г. Цѣна 5 р.)

Не даромъ еще древніе философы признавали правило: познай самого себя—самымъ вѣрнымъ условіемъ успѣшной дѣятельности и приближенія къ истинѣ. Правило это, однако, применимо столько же къ общественной и государственной жизни, сколько и къ индивидуальной. Любить сознательно родину и приносить ей пользу нельзя безъ соблюденія этого правила, а между тѣмъ какъ мы еще далеки даже отъ элементарнаго знакомства съ нашимъ обширнымъ отечествомъ!

Обыкновенно всю вину сваливаютъ на статистику. Говорятъ, что она у насъ еще не разработана и что поэтому трудно знать родину. Спора вѣтъ, точныя и проверенныя статистическія свѣдѣнія во многихъ отношеніяхъ еще отсутствуютъ, но кое-что уже сдѣлано для того, чтобы вслѣдующій образованный человекъ зналъ родину. Къ сожалѣнію, данныя, заключающіяся въ разныхъ дорожно-столбчатыхъ официальныхъ изданіяхъ, мало доступны публикѣ, а съ другой стороны у насъ рѣдко еще встрѣчаются работы, посвященныя толковому и умѣлому объединенію этихъ данныхъ въ книгахъ, доступныхъ широкой публикѣ.

Нельзя поэтому не приветствовать появленія труда, заглавіе котораго нами выписано въ заголовкѣ этой записки, и мы попытаемся дать читателю представленіе о томъ, что онъ найдетъ въ финансово-статистическомъ атласѣ г. Антропова.

Предположимъ, что читатель интересуется вопросомъ, гдѣ въ Россіи больше всего пьютъ,—попью, спиртныхъ напитковъ. Чтобы составить себѣ точное понятіе объ этомъ вопросѣ, ему придется обратиться ко многимъ официальнымъ источникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ понеряжаться и потерять не мало времени. Самъ онъ—мы говоримъ о громадномъ большинствѣ читателей—конечно, не располагаетъ сколько-нибудь точными данными, если вообще его представленія по этому вопросу не отличаются полною сбивчивостью. И вотъ мы раскрываемъ соответствующую страницу атласа г. Антропова. Передъ нами карта, усиленною занимающій насъ вопросъ съ такою наглядностью, что вслѣдующій, даже полубразованный человекъ, можетъ отвѣтить на вопросъ, гдѣ въ Россіи больше всего пьютъ. Количество поступающаго въ казну питейнаго дохода съ разныхъ губерній обозначено болѣе темными или болѣе свѣтлыми красками, и стоитъ только взглянуть на карту, чтобы узнать, что самый крупный доходъ отъ спиртныхъ напитковъ доставляетъ казнѣ первопрестольная; за нею слѣдуютъ мать русскихъ городовъ, Киевъ, и наша столица, Питеръ. Такии образамъ Москва въ этомъ отношеніи—всей Россіи голова, а за нею плетутся Киевъ и Петербургъ.

Какія же губерніи слѣдуютъ за столицами? На этотъ вопросъ врядъ ли кто-нибудь изъ читателей сумѣетъ отвѣтить, а карта г. Антропова разъясняетъ намъ его въ одинъ мигъ. Оказывается, что пьютъ послѣ трехъ русскихъ столицъ и четвертой, польской, Варшавы, больше всего на Руси въ черноземныхъ губерніяхъ и затѣмъ еще въ Пермской; окранны же наши, за исключеніемъ Лифляндской губерніи, оказываются наиболѣе трезвыми. И это относится одинаково къ дальнему Сѣверу, отставскому краю, привислянскому и закавказскому. Черноземныя губерніи, наиболѣе богатыя природою, набо-

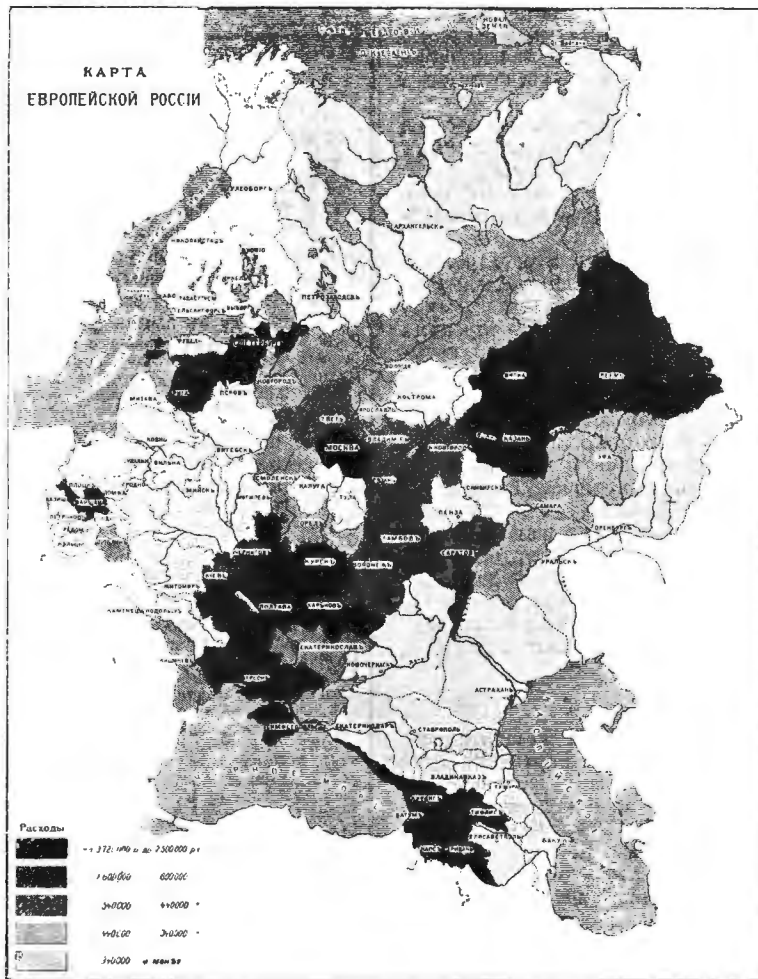
ротъ, пьютъ больше всего. А если мы взглянемъ на другую карту, на которой изображена задолженность разныхъ губерній, то окажется, что и въ этомъ отношеніи черноземная полоса Россіи занимаетъ первое мѣсто, т. е. она равномерно и пьеть, и должна. Не правда ли, это очень любопытныя свѣдѣнія, и даются они въ такой наглядной формѣ, что ихъ сразу можно себѣ усвоить.

Можетъ-быть, читатель затѣмъ полюбопытствуетъ узнать, гдѣ въ Россіи больше всего учатся. Тогда онъ раскрываетъ другую карту и тотчасъ же убеждается въ слѣдующемъ. Къ чести первопрестольной она и тутъ—всей Россіи голова. Первенство ослабываетъ у нея только Петербургъ. Но если устранимъ столичные губерніи, то какія изъ остальныхъ слѣдуютъ за ними? Опять получаются очень интересныя и мало кому извѣстныя данныя. Больше всего тратятся на народное просвѣщеніе губерніи съ иноподобнымъ населеніемъ: Лифляндская, Варшавская, Кутаисская, Тифлисская, Курская область, Таврическая губернія. За ними слѣдуютъ малороссійскія губерніи, а изъ велико-русскихъ, на ряду съ ними, можно назвать,—что вѣроятно не мало поразитъ читателя,—отдаленныя губерніи: Пермскую, Вятскую, Казанскую. Не любопытенъ ли далѣе фактъ, что губерній, смежныхъ съ Московской, — Калужская и Тульская относительно народнаго просвѣщенія стоятъ на одинаковомъ уровнѣ съ Архангельской, и что на ряду съ нею красуются не къ ихъ чести и такія губерніи, какъ Симбирская, Пензенская, Костромская. Знаменитые костромскіе лѣса исчезли, но въ губерніи, очевидно, царствуетъ прежній мракъ!

Хотите ли вы составить себѣ понятіе о томъ, какъ хозяйничаютъ наши земства? Раскрывъ диаграмму земскихъ расходовъ, вы тотчасъ же увидите, что земства больше всего тратятся на медицинскую часть, что второе мѣсто занимаютъ расходы общаго управленія, и только третье—народное образованіе, при чемъ на медицинскую часть тратится болѣе всего Орловская губернія, а на народное образованіе—Вятская.

Если вы перейдете отъ земскаго хозяйства къ общегосударственному, то вы, взглянувъ на другую диаграмму, сразу натолкнетесь на слѣдующее неожиданное явленіе, именно, что по характеру своихъ государственныхъ доходовъ Россія болѣе всего походитъ на Англію. Оба эти государства живутъ главнымъ образомъ на питейные и таможенные доходы, оба они отводятъ очень слабую роль поземельному налогу, оба не имѣютъ солиннаго налога. Если же вы возьмете расходы, то окажется, что на армию больше всего тратитъ Германия, что Россія занимаетъ въ этомъ отношеніи только третье мѣсто, но что относительно задолженности наше отечество уступаетъ первенство одной Италіи.

Мы привели только нѣкоторые отрывочные примѣры, чтобы дать читателю болѣе или менѣе ясное представленіе о томъ, какую громадную пользу атласъ г. Антропова можетъ принести въ смыслѣ быстрого ознакомленія съ общегосударственнымъ, земскимъ и мірскимъ хозяйствомъ Россіи. Въ атласѣ содержится 29 картограммъ, 7 диаграммъ и 4 таблицы. Картограммы посвящены государственнымъ доходамъ и расходамъ, т. е. показываютъ, сколько ихъ приходится на кв. версту и жители. Такии же карты имѣются относительно земскихъ и мірскихъ расходовъ, затѣмъ отдѣльныя карты посвящены возростаію государственныхъ доходовъ, финансовой производи-

«Финансово-статистическій атласъ Россіи» П. А. Антропова. Уменьшенная въ 4 раза картограмма (№ 29) расходовъ министерства народнаго просвѣщенія и земствъ на народное образованіе по губерніямъ. По хромолитографіи автотипіи „Нивы“.

тельности Россіи, поземельному обложенію и задолженности землевладѣнія. Есть карта, показывающая, сколько каждая губернія платитъ государству сбора съ торговли и промысловъ, и какъ велика ея фабрично-заводская промышленность. Особая карта посвящена 5%-ому сбору съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ и вкладамъ въ сберегательныя кассы. Всѣ другіе государственные доходы,—штейный, табачный, сахарный, нефтяной, спичечный, горный, монетный, почтовый, телеграфный со включеніемъ телефоннаго, гербовый, судебный, пассажирный, желѣзнодорожный и т. д. также имѣютъ свои отдѣльныя карты. Кроме того есть карты, посвященныя распределенію казенныхъ имуществъ и капиталовъ по разнымъ губерніямъ и выкупнымъ платежамъ съ бывшихъ помещичьихъ, удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ.

Далѣе слѣдуютъ карты, посвященныя государственнымъ расходамъ, при чемъ каждое министерство имѣетъ свою отдѣльную карту. Кроме того, есть карта для государственнаго контроля и воспроизведенія въ этомъ номерѣ *Нивы* карта расходовъ на народное образованіе, на которую нанесены не только расходы министерства народнаго просвѣщенія, но и расходы земствъ. Само собою разумѣется, что воспроизведенная нами здѣсь карта вслѣдствіе незначительныхъ своихъ размѣровъ (она уменьшена болѣе чѣмъ въ 4 раза) и невозможности воспроизвести ее въ краскахъ, далеко не представляетъ той наглядности, какую она имѣетъ въ оригиналѣ.

За картами слѣдуютъ диаграммы, изображающія финансовое состояніе Россіи: прежде всего движеніе государственныхъ доходовъ, затѣмъ движеніе государственныхъ расходовъ, далѣе расходовъ земскихъ и наконецъ относительное значеніе доходовъ и расходовъ въ бюджетахъ Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Наконецъ таблицы посвящены обыкновеннымъ государственнымъ доходамъ и расходамъ по губерніямъ Европейской Россіи съ исчисленіемъ средняго ихъ размѣра на 1 кв. версту и 1 жителя. Такаѣ же таблицы посвящена земскимъ и мірскимъ сборамъ и расходамъ. Затѣмъ имѣется еще и таблица, указывающая сравнительную финансовую производительность нашего отечества по отдѣльнымъ районамъ.

Словомъ, всѣ отрасли государственнаго, земскаго и мірскаго хозяйствъ — насколько онѣ могутъ быть наглядно изображены путемъ картъ, диаграммъ и таблицъ — приняты во вниманіе, и въ общемъ несомнѣнно достигается возможность быстраго и нагляднаго ознакомленія съ ними, а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ карты вообще и каждая въ отдѣльности вызываютъ цѣлый рядъ соображеній и выводовъ, основанныхъ на твердой почвѣ обстоятельныхъ и точно проверенныхъ официальныхъ данныхъ.

Вѣдущая сторона атласа соответствуетъ внутреннимъ его достоинствамъ; издавъ онъ прекрасно, и цѣна его, въ виду большихъ затратъ, сопряженныхъ съ подобными изданіями, очень умеренная.

Политическое обозрѣніе.

Стремленія дипломатіи обезпечить полную независимость Кореи не увѣнчались успѣхомъ: японская партія въ этой странѣ создала рядъ затрудненій, помѣшавшихъ установленію прочнаго порядка вещей. Прекрасно понимая, что Корея является удобнымъ мостомъ для переписки на азиатскій континентъ, японцы, повидимому, не намѣрены покинуть свою выгодную позицію. Не удивительно послѣ этого, что дружественная къ корейцамъ Россія всегда наталкивалась въ Корей на скрытое противодѣйствіе.

По окончаніи японско-китайской войны, какъ извѣстно, хозяевами этой страны оставались японцы. Съ цѣлью обезпечить за Кореею и ея королемъ „независимость“, въ концѣ сентября истекшаго года, по настоянію министровъ и другихъ чиновниковъ, дѣйствовавшихъ „отъ имени народа“, король принялъ титулъ „императора великой Кореи“. пышная церемонія по этому случаю, стоившая не мало и такъ уже истощенной корейской казны, возвѣстила всѣмъ корейцамъ, что ихъ страна стала „имперіей“, призванной державами. Дѣла, однако, отъ этого ничуть не поправились: въ Европу то и дѣло приходили вѣсти, что внутри Кореи царитъ полный безпорядокъ. Толки о неблагопріятномъ теченіи корейскихъ дѣлъ подтвердились официальнымъ „сообщеніемъ“, уже извѣстнымъ нашимъ читателямъ.

Австрийскій рейхсратъ возобновилъ свои засѣданія 9-го марта, ознаменовавъ открытіе сессіи крайне неприличными сценами. Въ то время, какъ провозглашенный временнымъ президентомъ „hoch“ въ честь императора восторженно встрѣченъ большинствомъ,—соціалъ-демократы молча продолжали сидѣть на своихъ мѣстахъ, а шведская оппозиція, протестуя жестами, вышла изъ зала засѣданія и въ выборѣ президента рейхсрата участія не приняла. Когда же избранный президентомъ Фуксъ, бывший вице-президентъ сессіи, занялъ свое мѣсто, члѣны подняли страшный шумъ съ самыми грубыми оскорбленіями по адресу новаго президента палаты. Вожакъ шведской оппозиціи, Шенереръ, внесъ даже предложеніе—объявить президента палаты заслуживающимъ заключенія въ тюрьмѣ или въ рабочемъ домѣ. Глава министерства, графъ Туаи, заявивъ о важнѣйшей задачѣ правительства — возстановить разстро-

енный парламентскій режимъ, обратился съ воззваніемъ ко всѣмъ депутатамъ, принимающимъ близко къ сердцу честь имперіи.

Программа-рѣчь министра-президента вызвала однако слабое сочувствіе палаты, которая тутъ же постановила единогласно: открытіе въ слѣдующемъ засѣданіи пренія съ цѣлью заставить правительство объясниться подробнѣе. Неугомонная оппозиція успѣшила внести предложенія: передать суду графа Бадени за насилія надъ парламентомъ при содѣйствіи полиціи, а также и барона Гауча — за указы объ языкахъ, причѣмъ указы эти отменить, признавъ государственнымъ языкомъ Австріи одинъ нѣмецкій языкъ.

Бурныя пренія, начавшіяся при обсужденіи правительственной программы-рѣчи, напомнили слишкомъ извѣстныя прошлогоднія скачдальныя засѣданія, которыми прославился австрийскій парламентъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны необходимо снѣшить съ установленіемъ экономическаго и финансоваго положенія австро-венгерской монархіи, а съ другой — возобновившаяся обструкція непримиримой нѣмецкой партіи, ставитъ кабинетъ графа Туаи въ такія тяжелыя условія, что выходъ изъ нихъ становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ.

**Новое изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
СОЧИНЕНІЯ
К. К. СЛУЧЕВСКАГО**
въ 6 томахъ in 8°, съ портретомъ и автографомъ автора, исполненнымъ гелиографіею.

Въ это изданіе войдутъ всѣ беллетристическія и поэтическія произведенія К. К. Случевского, при чемъ первые три тома будутъ заключать въ себѣ всѣ его стихотворенія, въ томъ числѣ появившіяся въ этомъ году въ печати „Пѣсни изъ «Уголка»“.

Томъ I. Думы.—Женщина и дѣти.—Лирическія.—Мгновенія.—Черноземная полоса.—Мурманскіе отголоски.—Изъ природы.—Мещигофель.—Изъ альбома.—Пѣсни изъ „Уголка“.

Томъ II. Баллады, фантазіи и сказки.—Въ пути.—На разные случаи и смѣсь.—Драматическія: Элоа.—Бунтъ.—Землетрясеніе.—Сцена въ монастырѣ.

Томъ III. Призракъ.—Въ снѣгахъ.—Три женщины.—Поцѣлуй Елисей.—Врестьянъ.—Выйши князь.—Безъ имени.—Ларчикъ.—Тоже нравственность.

Содержаніе послѣднихъ трехъ томовъ составятъ слѣдующія произведенія въ прозѣ:

Томъ IV. Рассказы, наброски и типы: Профессоръ безсмертій.—Око за око.—Обликъ.—Трещина.—Мой дядя. (Изъ воспоминаній успокоившагося челоѣка).—Старые часы.—Безъ хозяйки.

Томъ V. Настѣянница.—„Нынѣ отпускаеши“.. (Народное преданіе).—Фаустъ въ новомъ пересказѣ.—Выстрѣлъ.—Капитанъ и его лошадь.—Два Сидоровыхъ.—Бабушкины пазурьи.—Человѣкъ и картоны.—Новый Дулькамара.—Ищутъ клоуновъ.—Приглядитесь къ ней.—Подсмотрѣлъ.—Два тура вальса.—Два елки.—Чугунные фрукты.—Ключикъ.—Кто лгалъ?—Изъ чужого дневника.—Что людямъ иногда кажется?—Слова на улицѣ.—Добрыня Никитичъ поссорился.—Случай.—Воскресіе.—Завянетъ ли?—Воспоминаніе.—Археологъ.—Въ пылу боя.—Находка.—Въ Калмыцкой степи.—Какъ можно жить.—Голубой платокъ. (Изъ записокъ выздоровѣвшаго).—Сказки: Капитанъ Немо въ Россіи. (Глава изъ Жюль Верна, нѣмѣтъ и нигдѣ не напечатанная).—Господишъ можетъ быть.—Сосунъ. (Святоточный рассказъ).—Грамматическая сказка.—Любовь сокола.

Томъ VI. Историческія картинны: Въ великіе дни: 1) Совершилось! 2) На зарѣ. 3) Силоамскіе голуби. 4) На пути въ Эмаусъ.—При новой вѣрѣ: 1) Подлѣ яслей. 2) Невѣста.—Амазонки.—Коринская капитель.—Бронзовые кони. (Временіи црещенія Руси).—Боровъ.—Въ скудельницѣ.—Форварина.—На мѣсто!—Художественныя убійства.—Удивительное приключеніе.—Мечты и выстрѣлы.—Исчезнувшій свертокъ.—Императрица Екатерина II и Кіевскіе угодили.—Мурманскіе очерки: Моленье вѣтру.—Черная буря.—Безымень. (Мурманское привидѣніе).—Фантазіи: Альгоя. (Фантазія на южно-сибирское преданіе).—La pointe.—Чудесная гитара.—Вѣра.—Дымный челоѣкъ.—Недавно найденная глава Дюль-Кихота.—Сказка тысяча второй ночи.—Фекуша.—Два калды.

Первый томъ выйдетъ изъ печати и будетъ разосланъ подписчикамъ въ апрѣлѣ сего года. Остальные пять томовъ выйдутъ въ теченіе слѣдующихъ шести мѣсяцевъ.

Подписная цѣна за 6 томовъ 7 руб. 50 коп., съ доставкой и пересылкой—8 руб. 70 коп.

(По выходѣ послѣдняго тома, цѣна будетъ возвышена).

Подписныя деньги вносятся сполна—при заказѣ, или въ разсрочку на слѣдующихъ условіяхъ:

	Безъ доставки:	Съ дост. и перес.:
При подпискѣ.	3 р.	3 р. 70 к.
По полученіи перваго тома. . .	3 р.	3 р.
По полученіи втораго тома. . .	1 р. 50 к.	2 р.
Итого 7 р. 50 к.		8 р. 70 к.

По желанію, тома высылаются и наложен. плат., по мѣрѣ выхода. Требования и деньги просятъ адресовать въ Контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
первый въ Россіи

„ФИНАНСОВО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ РОССІИ“,

составленный по официальнымъ даннымъ

П. А. Антоновымъ

и состоящій изъ 29 картограммъ и 7 диаграммъ, отпечатанныхъ въ шесть красокъ, съ обширнымъ введеніемъ автора и съ приложеніемъ 4-хъ таблицъ съ вычисленіями. (Форматъ изданія большое in quarto).

Цѣна атласа 5 руб., съ перес. 5 руб. 60 коп.

Требованія и деньги просятъ адресовать въ Контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, Малая Морская, домъ № 22. Изданіе имѣется также въ продажѣ во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫЯ
ВЪ ТЕПЛОЙ ДИСПОЗЕ БЕЗЪ
ВОДЫ * П. Н. ВИНОГРАДОВА. * ПАРКИ
ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставкѣ 1896 года.
 требовать куски съ этикетомъ утвержен. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.
 БѢЛЫЕ получаются замѣчательно чистыми. Желтизна и пятна уничтожаются ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуется въ ТРИ РАЗА МЕНЬЕ престога. Совершенно безвредно для тканей бѣлья. Удостоверъ № 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа вездѣ. Опт. у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2.

Ц. № 10883 6-3

САМАЯ БОЛЬШАЯ ФАБРИКА ЧАСОВЪ ВО ФРАНЦІИ
ЖАПИ БРАТЯ И К^о.

Единственная, которая производитъ часы всякаго рода: карманные часы, столовые, стѣнные и будильники.

ФАБРИЧНАЯ МАРКА

Единственный складъ и генеральное агентство для всей Россійской Имперіи у

Е. де-ВИВИСЪ.

Москва, Софійка, Пассаажъ Попова, 33. Ц. № 11064 2-1

EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOHSE
 БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (111)

Во избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ помяну фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Вновь подписавшіеся получаютъ журналъ съ № 1-го со всеми приложениями. Продолжается подписка на 1898 г. на самый распространенный въ Россіи музыкальный журналъ

„МУЗЫКА И ПѢНІЕ“ (изданіе годъ 4-й)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ безъ дост. 4 р., съ дост. и пер. по всей Россіи 5 р., за границу 6 р. Допускается разсрочка. Первый взносъ 1 р.

Для пѣнія, одноголоснаго и хорowego, фортепiano и другихъ инструментовъ. Одобренъ Учеб. Ком. при Св. Синодѣ. Одобренъ Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. Рекомендованъ Гл. Упр. воен. уч. зав. Журналъ „Музыка и Пѣніе“ выходитъ ежемѣсячно тетрадями по 44 страницъ большого нотнаго формата. Годовой экземпляръ составляетъ болѣе 500 страницъ и даетъ подписчикамъ до 200 лучшихъ музыкальных произведеній, стоящихъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ соразмѣру. Кроме того, безплатна приложения: 1) Литургія св. Іоанна Златоуста, соч. проф. Юр. Арнольда (исполн. въ соборѣ Алекс.-Невской лавры во вр. архіер. служ.). 2) Нотная грамота. Оцнть самообученія пѣнію, А. Карасева. Вышелъ № 5-й. Содержаніе: Отд. I текстъ: 1) Пiано-электрофонъ. 2) Муз. конкурсы. 3) Библиографія. 4) Музык. эхо. Отд. II пѣніе: 5) Щиглевъ, М. Хоръ въ луной сонатѣ Л. Бетховена. 6) Казаченко, Г. Баркаролла. Дуэтъ. 7) Брюно, А. Воен. колыб. пѣсня, на 1 гол. съ форт. Отд. III, легкія пьесы д. форт.: 8) Ладунинъ, А. Вальс-Миньонъ. 9) Лихтеръ, Г. Маленьк. разсказъ. 10) Егo-же. На лужайкѣ. 11) Burgmüller, Fr. La velocità. 12) Егo-же. La Serenade. Отд. IV пьесы для форт. ср. трудн.: 13) Гинабургъ, И. Юбилейный маршъ. 14) Bachmann, G. Les Sylphes-Valse. 15) Smith, S. La Serenade Braga. Отд. V для гарм. или форт.: 16) Донцестри. Арія изъ оп. „Фаворитка“. 17) Монарть. Арія изъ оп. „Свадьба Фигаро“. Отд. VI для разн. инстр.: 18) Вагнеръ, Р. Хоръ илліримовъ изъ оп. „Тангейзеръ“, для скрипки съ форт. 19) Тоже, для флейты съ форт. 20) Тоже, д. виолонч. съ форт. 21) Тоже, для корнета съ форт. 22) Объявленія. Цѣна пробнаго № 50 к., съ перес. 71 к., съ налож. платеж. 81 к. Подробныя объясненія, списокъ премій, каталоги кинтъ и нотъ высыл. безплатно. Подписка принимается въ главной конторѣ: С.-Петербургъ, Садовая, 22, при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ П. К. Селиверстова. Редакторъ-издатель П. СЕЛИВЕРСТОВЪ.

Ц. № 11023 (9)

БЕЗПЛАТНО

высл. каталогъ, описаніе и образцы прѣдлѣтъ новѣйш. клавиатуръ, пишущихъ машинъ „БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ № 5“, стоющ. 100 р. „БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ № 7“ 140 р. Машинъ эти прѣмѣровъ, выст. лагр. и золот. медалями, прѣд. съ ручательствомъ. 5-3
 Э. КИЖИЖАНЪ и К^о С.-Петербургъ, Гороховая, 17.

!!НОВОСТЬ!!

Разрѣшенъ на общихъ основаніяхъ торговли, какъ не содержащій въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ

CRÈME VENUS.

(КРЕМЪ ВЕНЕРЫ).

Есть НОВОЕ КОСМЕТИЧЕСКОЕ изобрѣтеніе.

КРЕМЪ ВЕНЕРЫ замѣняетъ румяна и бѣлѣла, вызывая на лицѣ РУМЯНЕЦЪ, НЕСМЫВАЮЩІЙСЯ и НЕИСЧЕЗАЮЩІЙ ОТЪ ПОТА.

Способъ употребленія:

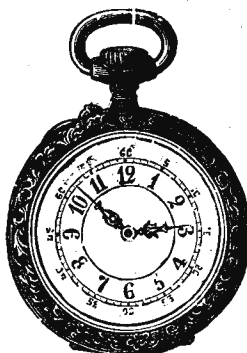
Натеревъ лицо Кремь Венеры, оставляютъ кремъ минуты 2-3, а затѣмъ все смываютъ комнатной водою съ мыломъ. Послѣ того, на лицѣ появляется превосходный румянецъ, который держится въ продолженіе многихъ часовъ. Это дѣйствіе и составляетъ новостъ, такъ какъ этимъ Кремь Венеры вытѣсняетъ собою доселѣ извѣстнаго румяна.

Цѣна банки 1 руб. 50 коп.

ПРОДАЖА ВО ВСѢХЪ АПТЕКАРСКИХЪ И ПАРФЮМЕРНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ РОССІИ.

Главный складъ для Россіи у Торг. Дома С. Ф. Поповой и К^о, Москва—Петрозна. Ц. № 10894 8-8

ДЕШЕВО, ПРАКТИЧНО и ПОЛЕЗНО.

НЕОБХОДИМО ДЛЯ КАЖДАГО.

Изящныя и прочныя карманные мужскіе часы, открытыя, ремонтурныя, т. е. заводъ безъ ключа, съ пыле-предохранительнымъ стекломъ, прочнымъ механизмомъ, массивно обтянутые золотомъ, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, съ изящною цѣпочкою изъ новаго американскаго золота

всего только за 5 руб.

Письменное ручательство на шесть лѣтъ.

Часы, тщательно проверенныя, высылаются по полученіи 1 руб. задатка.

Адресъ: Торговой фирмѣ 4-4

Бр-въ ВАРКОВИЦКИХЪ

Складъ женеvскихъ и французскихъ часовъ въ Варшавѣ, Зельная, 41.

№ 4711. Кто любитъ запахъ настоящей фіалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦІЮ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“ (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не выдыхающійся. № 4711 du rhin, du rhin. No. 4711 Sachets violette. Въ одинаковаго прѣвосходнаго качества.

Продается въ парфюмерныхъ аптекарскихъ магазинахъ

Ц. № 10547 12-12

ВСЕМІРНО-ОБРАЗЦОВАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА

РЕМИНГТОНЪ

— Общій сбытъ 200,000 —

приняты всеми правительственными учрежденіями въ Министерств. одного Петербурга болѣе 1000 РЕМИНГТОНОВЪ въ употребленіи

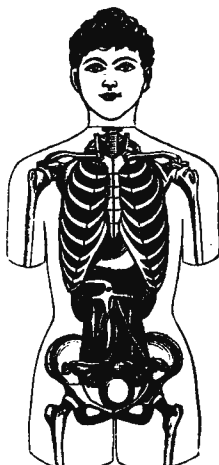
ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ

Единственный Складъ для всей Россіи

Выс. Утвержд. Т-во **М. Блок**

Правленіе: МОСКВА

ОТДѢЛЕНІЯ: С.Петербургъ, Кіевъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ и / Д.

РАЗБОРНАЯ МОДЕЛЬ ТѢЛА ЖЕНЩИНЫ

состоящая изъ 26 отдѣльныхъ частей въ краскахъ съ подробнымъ объяснительнымъ текстомъ съ рисунками Д-ра мед. Панцера. Цѣна модели съ текстомъ въ переплетѣ 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к., съ налож. пл. 1 р. 30 к.

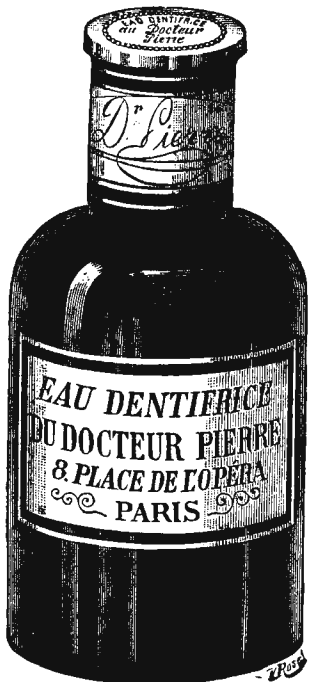
ПРАКТИЧЕСКАЯ ФОТОГРАФІЯ.

Настоящая книга для каждаго любителя и профессионала. Прое. Ф. ШМИДТЪ. Перев. съ 4-го нѣмецкаго изданія Г. Н. Буковичъ. Съ 83 рис. Цѣна 3 р., въ перел. 3 р. 50 к., въ мягкомъ переплетѣ изъ пергамента 4 руб.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И ЕГО ПРИМѢНЕНІЯ.

Прое. Л. ГРЕЦЪ. Книга для изученія и для чтенія. Перев. съ 6-го нѣмецкаго изданія. Рекомендовано Министерств. Народнаго Просвѣщенія. Цѣна 3 руб. 50 коп., въ переплетѣ 4 руб.

Книжный магазинъ Ф. В. ЩЕПАНСКАГО, С.-Петербургъ, Невскій пр. 34а. Телефонъ 2310.

CÉLÈBRE PAR SES QUALITÉS
en Vente partout

КРАСИВО ПИСАТЬ
включивает всякий заочно (посредством переноски) в 15 уроков у профессора каллиграфии А. КОССОДО.

Метод преподавания на Парижской всемирной выставке 1889 г. и удостоен золотой медали. № 10900 6-5
За 2 семиконечная марка высылаются пробное письмо и условия, а за 4 семиконечная марка высыл. пробное письмо шрифтов, подробный условия и образцы исправления почерк. заочн. учен. Адрес: Профессору каллиграфии Адольфу Коссодо в Одессе. Дерибасовская, д. № 19.

ПРИГЛАШАЮТ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Бакирскій домъ Генихъ Блонки. С.-Петербургъ, 59, Невскій.

ФАБРИКАНТЪ
ЛУКУТИНЪ
БУМАЖНО ЛАКИРОВАННЫЙ ИЗДѢЛІЯ
СЪ ЖИВОПИСЬЮ
ПРОДОЛЖАЮЩІЙ ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ НА ПАСХУ. ЯИЦА. Москва, Тверская, прот. Англ. клуба, соб. домъ.

„Ideal“. Каждая дама, желающая быть вполне элегантной, безукоризненно аккуратной, употребл. для обшивки подола исключительно „Идеаль“, патентованную подшивку изъ бумажнаго бархата (Вельветинъ). На каждой коробкѣ надпись „Идеаль“. Подшить можно во всѣхъ прикладныхъ магази-

№ 10426 нахъ Россіи. 26-20

Тутъ перечислены поности все очень подходящие подарки на Пасху, такъ какъ ихъ

- Красныя деревянныя ящики отъ 10 до 40 к.
- Металлическія парижскія „ 20 „ 35 „
- Живая фотография 6-ть за . 1 р. 50 к.
- Перламутр. портмоне . . . 1 „ 33 „
- Гарнитуръ въ 3-и гребенки для модной прически . . . 60 к.
- Карманная Идеаль-чернильница . 45 к.
- Танцующіе шарикъ . . . 40 к.
- Приборъ съ ивсъ-лучами . . . 35 к.
- Комедекъ съ секретнымъ замкомъ . . . 1 р. 35 к.
- Круглая Бронха . . . 55 к.
- Ножикъ бульдогъ . . . 1 р. 10 к.
- изящный . . . 2, 3, 4 и 6 р.
- Секретная чернилка . . . 40 к.
- Чернильная смерть . . . 75 к.
- Браслетъ незабудка . . . 95 к.
- Замокъ для вина . . . 50 к.
- Колески въ 10 обезьянъ . . . 90 к.
- 20 „ 1 р. 75 к.
- Туалетныя бисаиты, фарфор. фигурки . 85, 95, 1 р. 45 к., 1 р. 85 к.
- Комедекъ съ живописью . 35, 55, 95 к.
- 9 проволочн. фокусовъ . . . 95 к.
- Комедекъ для золота . . . 50 к.
- Дѣтскій телефонъ . . . 40 к.
- Умирающ. тепа (шутка) . . . 25 к.
- Переводн. картинки . . . 12, 15, 20 к.
- Духи . . . 75 к., 1 р. 45 к.
- Вальсирующ. пара, вольчокъ . 75 к.
- Комедекъ лананка для золота . 75 к.
- Цѣпочка для часовъ съ писмен. приборомъ . . . 1 р. 25 к.

НА ПАСХУ

- Перламутровыя . . . отъ 50 до 85 к. }
- Разныя другія, изящныя рисунки . 20 „ 75 „ }
- Жидкая бронза зол., серебр., красн., син., зелен. по . . . 75 к.
- Парижскій шелков. абажуръ платоч. 95 к., 1 р. 25 к., 1 р. 70 к.
- Увеличит. стекла отъ 50 к. до 4 р. 75 к.
- Бинонль. Лилитутъ . . . 5 р. 45 к.
- Перламутров. . . 12 р. 75 к.
- Биты для усовъ . . . 50 к.
- Домашній другъ съ 12 инструментами. 1 р., 2 р. 50 к., 3 р. 50 к.
- Парижск. нолье изъ жемчуговъ въ 2 ряда . . . 1 р. 35 к.
- 3 „ 1 р. 95 к.
- 4 „ 2 р. 50 к.
- Бездонный комедекъ (чулокъ) — 65 к.
- Амер. часы безъ будильника. 2 р. 25 к.
- 2 р. 90 к.
- Амер. рѣзецъ стекла . . . 75 к.
- Перламутров. лепельница . . . 90 к.
- Воздушный шаръ ходить по веревкѣ вверхъ и внизъ . . . 75 к.
- Бронка вверхъ . . . 55 к.
- Перочница цилиенокъ . . . 45 к.
- Живая фотограф.-брасокъ . . . 50 к.
- Испанская шаль шелков., прервосходн. подарокъ . . . 9 р. 50 к.
- Тоже, но меньше и четырехъ угольный . . . 3 р. 25 к.
- Парижская шелковая вуаль. 1 р. 35 к.
- Автомат. рулетка мѣрка . . . 40 к.
- Комедекъ лудренница . . . 65 к.
- Бронка фиалка . . . 75 к.

- можно отлично помѣстить въ ящичи. Цѣны за ящичи очень не дороги, напримѣръ за:
- Дамскія подвязки . . . 95 к.
- Дѣтскія . . . 10 к.
- Портъ-сигаръ съ писм. прибор. 90 к.
- Фитиле-очиститель . . . 75 к.
- Зеркало каррисатурнетъ . . . 40 к.
- Портъ-визитъ . . . отъ 75 до 1 р. 50 к.
- Магическое кольцо для ключей . 40 к.
- Термометръ цѣтточ. . . 95 к.
- Игольный боенокъ . . . 45 к.
- Бронка на память . . . 55 к.
- Дорожный стаканъ . . . 35, 45 и 60 к.
- Подчасникъ „Лира“ . . . 75 к.
- Настоящій японскій шелковый носовой платокъ 80 к., 3 за 2 р. 15 к.
- Французскій барометръ . . . 3 р. 85 к.
- Американскія нули изъ матеріи:
- Красная шапочка . . . 75 к.
- Африканка . . . 75 к.
- Китаяецъ . . . 30 к.
- Моисей и котенокъ . . . 25 к.
- Закладованная шнатулка, чудный подарокъ . . . 1 р. 90 к.
- Парижская лампадка . . . 2 р. 85 к.
- Пучокъ ключей съ писм. прибор. 95 к.
- Музыкальный носовой платокъ . 35 к.
- Приборъ для нарточного стола: 4 ручки для мѣла, 4 щетки и заласный мѣл. . . 1 р. 95 к.
- Болѣе изящный . . . 2 р. 70 к.
- Микроскопъ . . . 1 р. .
- Празки подтяжки . . . 65 к.
- Портной въ кармавѣ . . . 60 к.

При заказѣ покорѣйше прошу писать, надо ли уложить подарки въ ящичи или нѣтъ, а то все высылается безъ ящичей. Пересылка наложеннымъ платежемъ. Телеграммы исполняются немедленно.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невскій № 20-31.

Гл. заказчиковъ проживающ. дальѣ 2000 в. прошу высылать задатокъ.

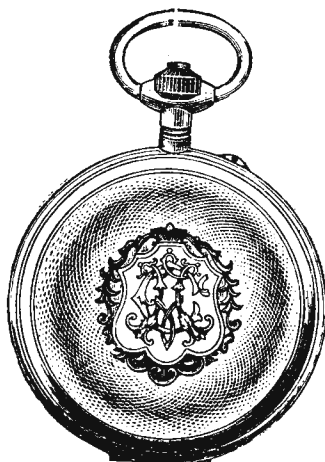
Катрейнерсь Мальцаффее Фабрикенъ, Мюнхенъ

(Kathreiner's Malzkaffee Fabriken, München)

производятъ по привилегированному способу солоды, который рекомендуется женщинамъ, дѣтямъ и больнымъ и ежедневно употребляется въ тысячахъ семействъ. Настоящій только въ 1 фунтовыхъ пакетахъ съ портретомъ и подписью прелата Сѣб. Кнейппа въ Версгофенъ, какъ предохранительная марка, и фирмой единственныхъ фабрикантовъ:

Катрейнерсь Мальцаффее Фабрикенъ, Мюнхенъ.
Склады: въ С.-Петербургѣ: К. Вольбрюкъ и К^о; въ Москвѣ: Юлій Преторіусъ; въ Ригѣ: И. А. Герскиндъ; въ Варшавѣ: П. Рабиновичъ. Ц № 11042 7-2
Представители: съ Лодзи: П. Рабиновичъ; въ Вильнѣ: Ф. Ябковскій.

Ц. № 11031 4-2

БОЛѢЕ 200,000 ШТ. ВЪ УПОТРЕБЛЕНИИ. ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ

карманные часы изъ настоящаго новаго американскаго золота, крытые, съ тремя крышками, мужскіе, анкерные, механизмъ высшаго сорта.

Цѣна 10 и 12 руб., такіе же дамскіе дороже на 1 руб. Во избѣжаніе поддѣл., требовать на часахъ пломбу фирмы. Выплавляющіе изъ одесскаго отдѣленія склада жевевскихъ часовъ

ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.
При заказахъ на 2 шт. уступается 50 коп., на 3 шт. — 1 руб. На часахъ можетъ быть, по желанію, выгравированъ монограммъ владѣльца. Къ часамъ прилагается бесплатно изящная цѣпочка американскаго золота панцирной работы съ браскомъ или компасомъ.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Высылаются вполнѣ вывѣренные часы по полученіи задатка 2 руб., остальные же—наложеннымъ платежемъ.

Адресъ: Въ одесское отдѣленіе „Склада жевевскихъ часовъ“ въ Одессѣ, Почтовая, д. Дуина.

ТВОИМЪ ШОКОЛАДЪ КАКАО
ВЕЗДѢ

СУЩЕСТВ. СЪ 1850 г.
ТУРБИНЫ ВОДЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ
СЪ РЕГУЛИРОВАНИЕМЪ.
ВЫГОДНѢЙШАЯ **ДЖЕМСА ЛЕФФЕЛЯ**
ЗАМѢНА ВОДЯНЫХЪ КОЛЕСЬ!
отъ 3 до 6000 силъ
ДЖЕМСЪ ЛЕФФЕЛЬ и К^о ИЗВѢСТНѢЙШІЙ
ТУРБИНО СТ. ЗАВОДЪ АМЕРИКИ.
КОНТОРЪ СКАЛАДЪ УРБИНЫ
С. ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ 97
В. ЖУКОВСКІЙ.

ТОВАРИЩЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * СПбургъ.
Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „**ПРОВОДНИКЪ**“.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. **Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.**
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДАБЛОКЪ!

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
ГУМВЕРЪ
 предлагаетъ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгій ЖЕМЛЧКА и К^о.
 Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
 Прейсъ-курантъ по требованію. 16-9

Иодисто-соляное КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ. Верхняя Австрія.
 Самая грѣлая іодистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ общихъ и спеціальныхъ болѣзней, при которыхъ іодъ служитъ важнымъ лечебнымъ средствомъ. Грѣвощадная лечебная приспособленія (купанья и минеральная вода, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, кефры). Весьма благоприятны климатическія условія. Жельандоржская станція. Путь черезъ Линцъ на Дунай или черезъ Штейеръ. **СЕЗОНЪ** съ 15-го мая по 30-е сентября. Ваннами можно пользоваться также съ 1 до 15-го мая. Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаются бесплатно.
 К. № 11054-1-1 Лечебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ
ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ПОРОШОКЪ
 • ОСВѢЖАЮТЪ РОТЪ УНИЧОЖАЮТЪ ДУРНОЙ ЗАПАХЪ •
 ПРОСИМЪ ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ И ТРЕБОВАТЬ НА ЭТИКЕТАХЪ СЛОВО: «ТЕХНО»
 С. ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСКАЯ УЛИЦА, №12
 МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ Д., ШЕРЕМЕТЬЕВА. ВАРШАВА, НОВ. СВѢТЪ, 37.

ЮЖНО-РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ф. А. ЮГАНСОНА
 въ КИЕВѢ и ХАРЬКОВѢ
 ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:
 Мегар. Коловое влеченіе. К. 1898 г. Ц. 50 к.
 Ломель. Что такое жизнь? Популяризо-научные очерки возникновенія и развитія на землѣ жизни. К. 1868. Ц. 30 к.
 Ломброзо и Фереро. Женщина преступница и проститутка. Пер. д-ра Г. Гордона. К. 1898. Ц. 2 р. 50 к. (вышелъ 1 в.).
 Родъ, Э. Нравственныя идеи нашего времени. Бурже, Зола, Дюма, Л. Толстой, Брунтьеръ, Ренанъ, Шопенгауэръ. К. 1898. Ц. 30 к.
 Рибо, Т. Эволюція общихъ идей. К. 1898. Ц. 60 к.
 Нордау, М. Психо-физиологія гения и таланта. К. 1893. Ц. 60 к.
 Эмархъ. Въ поискахъ за квартирой. Гигіеническія указанія для лицъ принесящихъ квартиру. К. 1898. Ц. 25 к.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
 ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР-ТЪ.
ДУХИ высшаго качества, самые модные:
 Айва (Grab-Apple) Лѣсной ландышъ
 Новая Фіалка Букетъ Флориды
 приятный и долго сохраняющійся запахъ.

Высочайше утвержденный 20-го Февраля 1897 года ПАТРУДНЫЙ ЗНАКЪ ДЛЯ ЗАВѢДЫВАЮЩ. ВОЕННО-КОНСКИХЪ УЧАСТКАМИ, ИЗГОТОВЛЯЕТЪ ПО СЛѢДУЮЩИМЪ ЦѢНАМЪ:

1 бронзовый прочно вызолочен. знакъ на розеткѣ изъ шелковой ленты, установка, образца, въ папковой коробкѣ	2 р.	За деревянный обтлут. ко- жей футляръ. 1 р. 75 к.
1 серебряный прочно вызолоченный знакъ на розеткѣ изъ шелковой ленты, установка, образца, въ папковой коробкѣ	4 р.	За упаковку и пересылку одного знака во всѣ города Россійской Имперіи.
Малые знаки для ношенія въ петлицѣ на шелковой розеткѣ:		Пересылка и упаковка двухъ и болѣе знаковъ по дѣйствительной стоимости.
1 бронзовый золоченый	2 р.	Знаки чеканной работы изготовляются по особому заказу.
1 серебряный золоченый	4 р.	Безденежныя требованія удовлетворяемы быть не могутъ, если не будетъ выражено желанія исполненіе заказа наложен. платежемъ.

Гравировазі и гильошировазі мастерская **Э. КОРТМАНЪ**, въ С.-Петербургѣ, по Невскому проспекту, домъ католической церкви, № 34, кв. 12. Изготовляемые въ мастерской знаки исполняются по Высочайше утвержденн. 20-го февраля 1897 г. рисунку (1-образ. узак. и распор. Правит. 1897 г., № 54, ст. 703). **КРОМЪ ТОГО МАСТЕРСКАЯ ИСПОЛНЯЕТЪ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ЖЕТОНЫ.**

РКН **ВАГНЕРОВСКОЕ УДОБРЕНІЕ** для фрукт. деревьевъ, ягодныхъ кустовъ, виноградныхъ лозъ, табачныхъ плантацій и свекловичныхъ. 1-й г. 200 р. Программа гми. Франц. яз., 10 ф. - 2 р. 50 к., 20 ф. - 4 р., 40 ф. - 6 р. **Г. ФРИНЪ.** С. П. Б. Адмиралтейскій пр., 10.

ЖЕНСКАЯ ПРОГИМНАЗІЯ въ г. Сапожкѣ, Рязанск. губ. Общежитіе. На полномъ пансіонѣ 150 р. въ годъ. На 1-й г. 200 р. Программа гми. Франц. яз., музыка, танцы, пѣніе, рукодѣлье, кройка. За справк. обрац. къ Начальницѣ.

ВЛИЯНІЕ СРЕДЫ НА ЖИВОТНЫХЪ
ЦѢНО.

Переводъ съ франц. В. Агафонова. Съ 20 рисунками. Ц. 40 коп.
ВИЛЬЯМА ЛАССОНА
ЭЛИКСИРЪ ДЛЯ ВОЛОСЪ.
СРЕДСТВО ДЛЯ УХОДА
 за ГОЛОВНУЮ КОЖЕЮ И ВОЛОСАМИ.
 Средство это не имѣетъ никакого вліянія на цвѣтъ волосъ и не содержитъ никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ.
ЦѢНА ФЛАКОНА 3 р. 50 к.
 Въ Петербургѣ эликсиръ продается: у Г. Кошкина, Гостинный дворъ, 19; Н. Ушакова, Гостинный дворъ, 33; В. Парикова, Гостинный дворъ, 78.
 В. № 11054 3-1
 Въ Москвѣ—у А. Ралле и К^о.

„ПРЕЛЕСТЬ-АККОРДЕОНЪ“
 наилучшія въ настоящее время ручныя гармоніи. Отличаются замѣчательной легкостью, приятнымъ тономъ, удобной игрою, новымъ патент. грифомъ и металл. углами у мѣховъ; однорядн. дамская 5 р.; обыкновенн. 8, 10 и 14 р.; двухрядная 20 и 30 р.; трехрядная 40 руб.
„КРЕМОНА-АККОРДЕОНЪ“
 послѣдняя новостъ въ ручныхъ гармоніяхъ, съ чрезвычайно пѣвучимъ тономъ. 10 клас. въ 8, 10 и 12 руб.; двухрядныя 16 и 20 р. Самоучитель Алексѣева 1 руб.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
 Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Подробное описаніе и полный иллюстрир. прейсъ-курантъ бесплатно. Ц. № 10557 6-6

ПОПРОБУЙТЕ
ЯПОНСКІЙ ЧАЙ,
 развѣшенный подъ наблюденіемъ правительственнаго контроля.
СИЛЬНЫЙ НАСТОЙ, ПРЕВОСХОДНЫЙ ВКУСЪ и замѣчательный ароматъ.
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ЯПОНСКИМЪ ЧАЕМЪ:

	Цѣна розн.	Цѣна опт.
№ 1. Ароматическій съ сильнымъ настоємъ.	1 р. 60 к.	1 р. 35 к.
№ 2. Розаністый букетный	2 р. —	1 р. 70 к.
№ 3. Любительскій цвѣточный	2 р. 50 к.	2 р. —
№ 4. Ландышъ букетный, сам. выс. сорт.	3 р. —	2 р. 40 к.

Иногороднымъ высылаются съ наложеннымъ платежомъ по оптовой цѣнѣ, почтой отъ 3-хъ фунт., желѣзной дорогой отъ 10 фунт. Пересылка за счетъ покупателя. Торговцамъ особая выгодная условія.
 Москва, Ильинскія ворота, Георгіевскій пер.
 складъ японскихъ чаевъ **М. Левенсона.**

СКЛАДЫ ЗАВОДОВЪ
ГРАФА ГАРРАХА
 С.-Петербургъ, Невскій просп., д. 54, противъ Публичной Библиотекы.
 Москва, Кузнецкій м., домъ Санъ-Галли.
РЕКОМЕНДУЮТЪ

ХРУСТАЛЬНЫЕ СЕРВИЗЫ изъ богемскаго хрустала.	СТОЛОВЫЕ СЕРВИЗЫ. Чайныя и кофейныя сервизы.
ХРУСТАЛЬНЫЯ ЛЮСТРЫ. ПРЕДМ. РОСКОШИ изъ хрустала, фарфора и маіолики.	УМЫВАЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ изъ фарфора и опак.

и пасхальныя яйца въ большомъ выборѣ ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ.
ГЕРБЫ-ВЕНЗЕЛЯ и РАЗНЫЕ УЗОРЫ на хрусталѣ и фарфорѣ дѣлаются по заказу въ собственной мастерской **ИЗЯЩНО, ДЕШЕВО и СКОРО.**
ПРОДАЖА ОПТОМЪ и въ розницу.

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ и К^о
изобрѣтатели
ЦВѢТЧНАГО
О-ДЕ-КОЛОНА
РАЗН. ЗАПАХОВЪ.
Остерегаться
поддѣлокъ.

Въ книжн. маг. Карбасникова, Суворина, Вольфа, СПБ. и Москва, продается настольная книга для садовниковъ и любителей

„ФЛОРА САДОВОДСТВА“
П. Золотарева.
Содержитъ 1600 столб. текста съ описаніями признаковъ и способовъ воспитанія растений **КОМНАТНЫХЪ, ТЕПЛИЦНЫХЪ, САДОВЫХЪ** и **ОГОРОДНЫХЪ** съ многочислен. рисунками. 2-е изд.
Книга награждена **ЗОЛОТОЙ** медалью Россійскаго Общ. Л. Сад. П. № 11014 2-2
Цѣна 3 руб. 50 коп.

ЭЛЕОПАТЬ
проев. **Кинунена**
я **УПОТРЕБЛЯЮ.**

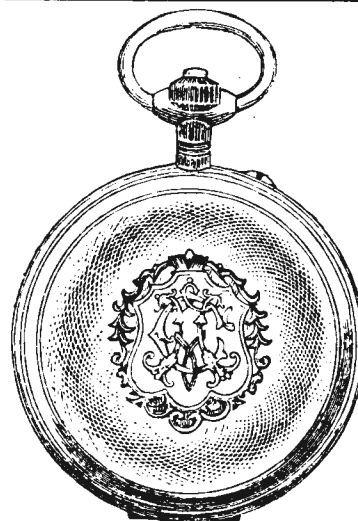
ЭЛЕОПАТЬ КИНУНЕНА
ДЛЯ ВОЛОСЪ?
Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ переулокъ, № 1.
МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

ЛИЛИПЪТЪ
Безъ фирмъ и фабрикъ.
нѣмца поддѣлка.
со шнуръ. въ замшевомъ кошелькѣ. 8 р. 50 к., съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азіат. 9 р. 50 к. Съ наложенный платежъ на 20 коп. дороже. „Лилипутъ“ лучший бинокль нашего времени, удобно помѣщается въ карманъ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.
Е. КРАУСЪ и К^о
Фабр. оптич. инструм. въ Парижѣ.
СКЛАДЪ ФАБРИКИ ДЛЯ РОССИИ
С.-Петербургъ, Мойка, 42. 2-2
Иллуст. пр.-хв. высш. за семи-вои. манкв.

ÉLIXIR, POUFRE ET PÂTE
DENTIFRICES
des RR. PP.
BÉNÉDICTINS
DE
l'Abbaye de Soulas,
Dom **MAGUELONNE, Prieur.**
Inventés en l'an **1873** par le Prieur **P. BOURSAUD**
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
Maison fondée en 1807.
VENTE DANS TOUTES
LES BONNES PARFUMERIES,
PHARMACIES ET DROGUERIES.
MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.
GRAND PRIX
Expos^{ion} Int^{ernationale} Lyon 1894
HORS CONCOURS
MEMBRE DU JURY
Exp^{osition} Int^{ernationale} Bordeaux 1893.
ВЫЖЕ СВОЮ СЪ ПОДПИСЬЮ
DU PRIEUR
Don Maguelonne S. O. S.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованному способу изготовления часовъ и имѣя возможность продавать съ 1 января с. г., самыя элегантныя и прочныя **МУЖСКІЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличимые, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоющихъ золотыхъ, — крытыя анверъ, механизмъ самой лучшей конструкціи, съ прекрасною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, или съ портретомъ, согласно присланной фотографической карточки, вмѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.
Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящіе золотые, а въ послѣднее время и у насъ входятъ въ исобщее употребленіе.
Такіе же **ДАМСКІЕ** дороже на 1 рубль. Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Высылаю вполнѣ вышеренные часы по полученіи задатка 2 руб., остальное же наложеннымъ платежемъ.
АДРЕСЪ:

Ш. БИТКЕРЪ
складъ женеvскихъ и американскихъ часовъ въ Варшавѣ, Сенаторская № 27 и Вербовая № 11, противъ Правительственнаго театра.

НОВОСТЫ
ДУХИ
ЛЕВКОЙ
поставщиковъ
Высочайшаго Двора
А. Раллеи К^о
За флаконъ
1 руб. 25 коп.

ВЫГРЫШ-
НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕПРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СПБ. 12-2

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
для устройства и перестройки
КРАХМАЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ
В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
W. H. Uhland, Leipzig.
Прейсъ-кур. высылаются бесплатно.

ФАБРИКА
и СКЛАДЪ
Бруно Зенгеръ и К^о
С.-Петербургъ Невскій Пр. № 25 (сторона Казанская)
Фотогр. Аппараты
и Атриада.
(Кратк. Прейсъ-Курантъ Бесплатно.)

НЕОБХОДИМО
ДЛЯ ВСѢХЪ ДАМЪ
Тысячи благодарственныхъ отзывовъ отъ самыхъ интеллигентныхъ потребителей нашего изобрѣтенія позволяютъ намъ рекомендовать всѣмъ дамамъ **ПАТЕНТОВАННЫЙ ШИНДЛЕРА БЮСТГАЛЬТЕРЪ** (Ангикорсетъ). Изобрѣтеніе это, замѣняющее корсетъ и признающее во всѣхъ государствахъ, даетъ полное свободное движеніе, вслѣдствіе чего его могутъ носить въ теченіе цѣлаго дня и безъ утомленія себя **ВОСЬ** безъ исключенія дамы и даже страдающія, беременныя, кормящія грудью, хозяйки въ домашнемъ быту, трудящіяся въ разныхъ бюро, училищахъ, торговляхъ, путешествующія, управляющія всякаго рода спортъ и т. д., въ чемъ свидѣлствуютъ отзывы докторовъ, прилагающіеся къ каждому экземпляру.
Бюстгальтеръ, патентованный въ 13-ти государствахъ, изготовляется изъ лучшихъ и моднѣйшихъ корсетныхъ матеріаловъ со щегольской отдѣлкою.
А. А. А. В. С. D. D. шелк. черн.
Цѣны: 3,50. 4,50. 5,25. 6,75. 9,50 к.
Детальные заказы высылаются почтою повсемѣстно наложеннымъ платежомъ (даже безъ задатка) съ причисленіемъ за пересылку 60 коп. При заказѣ слѣдуетъ прислать мѣрку въ сантиметрахъ, верхнихъ, дюймахъ или тесьмою по рисунку.
1) Полную окружность груди (со спиною), мѣрка на платѣ подъ мышкою кругомъ отъ А до В.
2) Полную окружность талии кругомъ отъ С до D.
3) Высоту бока отъ А до С.
Выписывающіе три и болѣе экземпляра за пересылку не платятъ.
Адресъ для заказовъ:
Варшава, „Шиндлера Бюстгальтеръ“
Сенаторская, № 26.
П. № 11049 3-1

№ 13.

XXIX г.

1898 г.

Содержаніе:

ТЕКСТЪ. Тьма непроглядная. Разсказъ изъ гаремной жизни. Н. Н. Каразина. (Окончаніе).—„Земля еси и въ землю отыдеши“. Разсказъ В. И. Семенова. — Стихотвореніе А. Круглова.—Къ рисункамъ: Вербное воскресеніе въ Римѣ.—„Прійдите ко мнѣ всѣ труждающіеся“.—Молитва передъ причащеніемъ.—Христосъ на Голгоѣ.—Снятіе со креста.—Вербное воскресеніе въ древне-христіанскія времена.—Высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ московскій и коломенскій.—П. А. Безсоновъ.—Н. А. Римскій-Корсаковъ и его опера „Садио“.—Проектъ храма близъ станціи Петропавловскія.—Политическое обозрѣніе.—Разныя пивѣстія.—Смѣсь.—Завѣщеніе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленіи.

РИСУНКИ. Вербное воскресеніе въ Римѣ.—Храмъ во имя Христа-Спасителя въ Борнахъ. „Прійдите ко мнѣ всѣ труждающіеся“. Икона работы В. Е. Маковского.—Молитва передъ причащеніемъ. Ориг. рисунокъ И. И. Ижаневича.—Христосъ на Голгоѣ. Картина Тьеполо.—Снятіе со креста. Картина Фра Бартоломео.—Вербное воскресеніе въ древне-христіанскія времена. Картина В. Генца.—Высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ московскій и коломенскій.—П. А. Безсоновъ.—Н. А. Римскій-Корсаковъ.—Проектъ каменной церкви во имя Св. Равноапостольной Маріи Магдалины на станціи Петропавловскія западно-сибирской жел. дор.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементовскій.

Касимовская невѣста. Пст. ром. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 30 к.; въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Шмилъгагена. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

„ПО СЪВЕРО-ЗАПАДУ РОССІИ“

соч. К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

Большое иллюстрированное изданіе,

въ двухъ объемистыхъ томахъ, XX+XXII+1064 страницы большого 8°, съ двумя картами съвернаго и западнаго края, отпечатанными въ 8 красокъ, и съ 305-ю рисунками.

Книга „По Съверо-Западу Россіи“, въ 2 томахъ,

РЕКОМЕНДОВАНА:

I. Ученымъ Комитетомъ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ—для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для библиотекъ педагогическихъ курсовъ при женскихъ гимназіяхъ, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ, а также для раздачи воспитанникамъ учебныхъ заведеній въ видѣ награды.

II. Учебнымъ Комитетомъ при СВЯТѢЙШЕМЪ СИНОДѢ—для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ духовныхъ семинарій и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

III. Главнымъ Управленіемъ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ—для приобрѣтенія въ библиотeki военныхъ и юнкерскихъ училищъ и въ ротныя библиотeki кадетскихъ корпусовъ.

Текстъ книги иллюстрированъ множествомъ видовъ городовъ и ихъ достопримѣчательностей, воспроизведенныхъ въ художественно исполненныхъ гравюрахъ и автотипіяхъ съ рисунковъ и фотографическихъ снимковъ.

Книга издана очень изящно и роскошно, отпечатана на превосходной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. СПБ. 1897 г.

ЦѢНА изданія, несмотря на его большой объемъ и на обиліе иллюстрацій, назначена весьма умеренная—7 р. за оба тома, съ пересылкою—8 р., въ изящныхъ переплетахъ 8 р. 50 к., съ перес. 9 р. 50 к.

Требованія и деньги просятъ адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

7 КОЛЕНКОРОВЫХЪ

КРЫШЕКЪ

на прилагаемые при „Нивѣ“ въ 1898 г.

12 ТОМОВЪ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

(На 1-й и 12-й объемистые томы по 1 крышкѣ на каждый, а на остальные 10 томовъ по 1 крышкѣ на два тома). Крышки весьма изящны и изготовлены изъ лучшаго англійскаго коленкора, съ красивыми тисненіями золотомъ и краскою по рисунку художника Н. С. Самокиша. Крышки продаются только комплектъ, т. е. всѣ семь вмѣстѣ, отдѣльныя же крышки не продаются. Цѣна всѣхъ семи крышекъ 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 75 к. Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

Въ конторѣ Н. Н. Печковской, въ Москвѣ, Петровскія линіи, цѣна семи крышекъ безъ перес. 2 р.

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
первый въ Россіи

„ФИНАНСОВО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ РОССІИ“

составленный по официальнымъ даннымъ

П. А. Антроповымъ

и состоящій изъ 29 картограммъ и 7 диаграммъ, отпечатанныхъ въ шесть красокъ, съ обширнымъ введеніемъ автора и съ приложеніемъ 4-хъ таблицъ съ вычисленіями. (Форматъ изданія большое in quarto).

Цѣна атласа 5 руб., съ перес. 5 руб. 60 коп.

Требованія и деньги просятъ адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Малая Морская, домъ № 22. Изданіе илбвется также въ продажѣ во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

ПОСЛѢДНІЙ

добровольный обмѣнъ на 4% ренту 4% облигацій внутреннихъ займовъ 1887 года и 2-го, 3-го и 4-го—1891 года и выпущенныхъ въ кредитныхъ рубляхъ 4% облигацій казенныхъ жел. дорогъ.

ЗАЯВЛЕНІЯ

принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ учрежденій Банка.

КРАЙНІЙ СРОКЪ

№ 11073 12-2

подачи заявленій 15 Іюня 1898 года. Подробныя условія обмѣна въ ежедневныхъ газетахъ.

Большое роскошно-иллюстрированное издание in folio.

**Сочинение ГЕТЕ
„ФАУСТЪ“.**

Объём части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами, гравированными на мѣди, и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА,

исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и др.

Классически образцовый переводъ А. ФЕТА передаетъ слово въ слово оригиналь прекраснымъ стихомъ и снабженъ (въ примѣчанияхъ) объясненіями всѣхъ трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Цѣна изданія въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золот. обрѣзкомъ и въ футлярѣ, 40 рублей. За ящикъ—75 коп. Пересылка—транспортномъ или почтою (за 35 фунтовъ по разстоянію).

Большое роскошно-иллюстрированное издание in folio

**поэмы ДЖОНА МИЛЬТОНА
„ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ“
и „ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ“.**

Съ 50-ю превосходно исполненными картинами ГУСТАВА ДОРЭ. Изданіе второе. Переводъ съ англійскаго А. Шульговской, вновь проверенный и дополненный многими примѣчаніями, съ полнымъ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ и съ биографіею Мильтона.

Наше изданіе иллюстрировано 50-ю рисунками знаменитаго художника Густава Дорэ. Художественная достоинства иллюстрацій Густава Дорэ настолько хорошо извѣстны, что распространяться о нихъ здѣсь было бы излишне. Подъ русскимъ переводомъ, который напечатанъ красивымъ крупнымъ шрифтомъ, помѣщенъ въ двѣ колонны англійскій текстъ.

Цѣна этому роскошному изданію безъ пересылки—12 р., а въ богатомъ переплетѣ съ прочнымъ шагреновымъ корешкомъ—16 р. Пересылка—транспортномъ, а почтою—за 25 фунтовъ по почтовой таксѣ.

СКЛАДЫ ЧАЕВЪ
И. Е. ДУБИНИНА
МОСКВА
Покровка А. Тихелова.

Подробное объявленіе смотри №№ 11 и 12 с. г. Требуется бесплатно прейскурантъ.

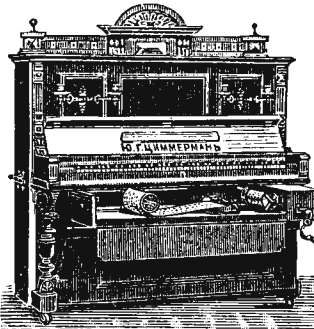
АЗБУКА ФРИБЕСЪ
2 изд. 100 карт. раб. Богданова. Цѣна 40 к., въ банкѣ 50 коп.

PÂTE DENTIFRICE GLYCÉRINE
S'en servir une fois c'est l'adopter.
GELLÉ FRÈRES
6, Avenue de l'Opéra
PARIS

Продается
на Южномъ берегу Крыма устроенное имѣніе и сдается на домъ въ Москвѣ. Москва. Пляжска. Грибоѣдовъ пер., д. № 9/8, отъ 4 до 7.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ:
П. А. КРУШЕВАНЪ.
ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ? Путевыя замѣтки. 374 стр. Ц. 2 р.
ДѢЛО АРТАБАНОВА, романъ. 348 стр. Ц. 1 р. 25 к. № 10997 4—4
ПРИЗРАНИ, романъ, рассказы и повѣсти. 695 стр. Ц. 2 р.
Складъ изданія: Москва, типографія Т-ва Н. Н. Кушнеревъ и К^о, Нименовская ул., собств. домъ.

F.K.W. ВАГНЕРОВСКОЕ УДОБРЕНІЕ
для компани. култ., совершенно безъ запаха; дѣйствуетъ неизменно. Подробности въ наставленіи. 1/2 ф. — 30 коп., 1 ф. — 50 к.
Г. ФРИЦЪ. С. П. Б., Адмиралтейскій пр., 10.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПИАНО

Можно играть, какъ на обыкновенномъ пианино, а также посредствомъ верчения ручки отлично исполнять всевозможные пьесы и танцы. Цѣна 550, 600, 700 и 800 р. Ноты по 2 р. 25 к. и дороже. Списокъ пьесъ бесплатно.

МЕХАНИЧЕСКІЙ ТАПЕРЪ

присылается къ каждому роялю или пианино и даетъ возможность исполнять всевозможные пьесы и танцы посредствомъ верчения ручки. Цѣна 175 р. Ноты по 2 р. 25 к. и дороже.

Симфоніоны, арістоны, герофоны, органъ-интона, Фениксъ-органъ, оркестръ-манзанъ, піано-мелодико и другіе механическіе музыкальные инструменты лучшаго качества, по умѣреннымъ цѣнамъ. Прейсъ-курантъ и списки нотъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО И ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.
Складъ и изданіе нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. | Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОГО ТОВАРИШЕСТВА
КОНЬЯКЪ ШУСТОВА
1896 ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА ГОДА
НА ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

Истопило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

СИЛЫ и ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ

въ общепонятномъ изложеніи Антона Лампѣ.

Переводъ съ нѣмецкаго д-ра Г. Палерна. Наше изданіе было сдѣлано при содѣйствіи самого автора этой книги, который дополнилъ его двумя особыми статьями и 33 рисунками, не находящимися въ нѣмецкомъ подлинникѣ. Цѣна 1 рубль.

ИЗЯЩНЫЙ ЗОЛОТОЙ ГАРНИТУРЪ 56 пр.

Браслетъ, кольцо и пара серегъ, кармазинированно, т. е. ослепленные кругомъ американск. имитационными брилліантами, не отличающимися своимъ блескомъ отъ настоящихъ, а по серединѣ аметистъ, сафиръ, изумрудъ, рубинъ, топазъ и бирюза.

Благодаря большому спросу я въ состояніи продавать вмѣсто 18 и 20 р. только за 12 и 15 руб.

Съ такою же брошкою на 3 р. 50 к. дороже.

Высылаю въ изящномъ атласномъ футлярѣ по полученіи 2 р. задатка.

Адресъ: въ мастерской золотыхъ издѣлій **М. ГОЛЬДЕНБЕРГА,** ВАРШАВА. 2-1

„Гуниади Яносъ“ представляетъ собою продуктъ природы.

СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ котораго извѣстно.

Для норм. приема достаточно 1/2 обмен. стакана.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
ИСТОЧНИКА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

Просимъ обращать вниманіе на нашу предохранител. марку портретъ, которая неизменно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей нашей воды.

Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
№ 10415 **ПРОСИТЬ ТРЕБОВАТЬ** 12-10

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

ПАМЯТЬ
для каждой возр. укрепляетъ лично и заочно (въ 10 урокъ) профес. мнемоникъ С. Файнштейнъ. Одесса, ул. Пушкинской и Ваг. ул., собствен. домъ, № 28. Условія и 2 брош. (въ 64 стр.) высыл. за одну 7-ми коп. марку.
№ 10917 20—8

СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
для устройства и перестройки **ПАТОЧНЫХЪ и ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ**
В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
W. H. Uhlund, Leipzig.
Испытанные аппараты. Пр.-кур. бесплатно.

ГРАФОФОНЫ
для дѣл. фонограммъ и для воспроизведенія съ пригот. цил. Ц. 50 р. Приг. цилиндры съ оркестр. муз., пѣніемъ и пр. по 3 р. Чистые цилиндры по 1 р. за штуку.
Кинематографы (живая фотограф.) отъ 175—300 р. Ц. № 11072 2—2
БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К^о
С. П. Б., Невскій пр., № 25 (входъ съ Базарской).

ВОЗВРАТЯСЬ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ,
обучаю заочно кроить и шитью по новѣйшей французской методѣ «ВОРТА».
Плата впередъ не взимается. По окончаніи установлены свидѣтельство. Условія высылаются бесплатно.
Кіевъ, Фундуклеевская № 27.
Е. Д. Ашмарина.

КАРАМЕЛЬ
изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ
„КЕТТИ БОССЪ“
В. Семадени въ Кіевѣ.
Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп.
Главный складъ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, С.-Петербургъ, Гороховая ул., 31.
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 12-10

XXIX г.

№ 13

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIX

1898

Выданъ 28 марта 1898 г.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти еженѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1898 г.

Безъ доставки въ Петербургъ. **5 р. 50 к.** Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи. **6 р. 25 к.** Съ доставкою въ Петербургъ. **6 р. 50 к.** Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи. **7 р.** За границу. **10 р.**

Тьма непроглядная.

Разсказъ изъ гаремной жизни

Н. Н. Каразина.

(Окончаніе.)

Хорошо, казалось, рассчитала Улькунъ - ханымъ, устроивъ вернувшемуся Суффи такую торжественно-молчаливую встрѣчу. Думала, —прійдетъ, увидитъ всѣхъ изъ сборъ, тутъ же при людяхъ и станетъ говорить о своемъ рѣшеніи, не станетъ же скрывать, да увозить потайно; самолюбіе не позволитъ да и не зачѣмъ: рѣшилъ такъ рѣшилъ, его воля. Онъ глава семьи,—кто

же ему перечить станетъ, отъ кого ему скрывать? И предполагала старуха, что все произойдетъ такъ: Ну, скажетъ Суффи, собирайся, Эстеръ, къ переѣзду, а вы, ханымъ, помогите ей собрать все, что слѣдуетъ. Она, ханымъ то-есть, сдѣлаетъ видъ, что ничего не понимаетъ, — „дуры“ обѣ поймутъ и ударятся въ слезы, Эстеръ заупрямится и скажетъ: „не хочу, молю, да и

Вербное воскресенье въ Римѣ. По рис. III. Z. грав. Шюблеръ.

только". Станетъ хозяйинъ спрашивать—почему? А та, помни обѣщаніе молчать про что старуха говорила, скажетъ, что, молъ, раздумала, да страшно стало, не грѣхъ ли, молъ, великій будетъ, что у нея сердце заболѣло отъ недобраго предчувствія, что, молъ, ей и тугъ, дома, хорошо, Улькунъ-ханымъ словно мать родную жалко, и подругъ жалко, что ее здѣсь любить и балуютъ... Зареветъ, слезами залетется и станетъ просить мужа отмѣнить свое рѣшеніе. Хатыча съ Сары-Кошмою тоже заревутъ, завоютъ, какъ собаки зною, и тоже просить стануть не увозить отъ нихъ милую, добрую Эстеръ, мальчика имъ тоже жалко, на весь домъ баловень, общая радость, а сама старуха кротко покорится хозяйской волѣ, сейчасъ же и сдѣлаетъ видъ, что готова даже помогать укладываться, только сама все будетъ плакать, да вздыхать и исподволь, попенногу пачнетъ увѣщавать Суффи: „Ты, молъ, господи, твои воля, только будто не хорошо ты теперь поступаешь...“ Сердце у Суффи не успеетъ расхотѣться, да и причинъ къ тому не будетъ. Эстеръ, молъ, одна чего-то заупрямилась, не желаетъ, а онѣ всѣ покорны господской волѣ, не перечать, а ежели воютъ, такъ потому, что сердца у нихъ добрыя, жалко стало имъ разставаться съ „джюгудкою проклятою“... Что же, за это нельзя сердиться.

Характеръ Суффи Улькунъ-ханымъ хорошо знала. Слезами и ласковой покорностью какую хочешь на него узду надѣвай. Посердится, молъ, хозяйинъ, махнетъ рукой, скажетъ: я такъ хочу, такъ и будетъ! А вы, дуры, одумайтесь! А все-таки, можетъ-быть и не станетъ очень торопить переѣздомъ... Только бы на время отложить, а тамъ, исподволь, можетъ и останется все по-старому... Эстеръ вѣдь тоже стала власть забирать надъ мужемъ, Эстеръ все время поджигать можно будетъ, можно даже до того мало-помалу намеками довести, что нырнетъ она сама ножемъ новую сестру свою названную, туда ей и дорога. Ни по той, ни по другой домъ жалѣть не станетъ. Только бы повременить, только бы выиграть время...

Все хорошо разчитала Улькунъ-Курсакъ, да своего собственнаго неудержимаго права не приняла въ расчетъ, характера своего сдержать не смогла, медаль эта проклятая на красной лентѣ, какъ на бѣшеннаго бугая изъ-подъ обуха подѣйствовала, ну, и сорвалось съ языка смертельно оскорбительное для Суффи слово. Да и какъ ей было сдержаться? Сколько уже времени носить она подъ сердцемъ глухую, затаенную скорбь и злобу. И спать она плохо, и ѣсть ей не хочется... „Улькунъ-Курсакъ“, а какал тамъ „улькунъ“? Совсѣмъ отошала ея „курсакъ“, извелась вся не хуже жидовки, ну, и не стерѣла. Прорвала ее разомъ вздувшаяся волна господскаго гнѣва, и всю размыло въ минуту.

Сары-Кошма и Хатыча не сразу даже поняли, что такое случилось. Онѣ, конечно, не уходили далеко и все слышали; онѣ и вытащили обомлѣвшую Улькунъ-ханымъ, спасли, такъ сказать, отъ побоевъ, а можетъ и отъ смертельнаго удара. Теперь вотъ возятся на кухнѣ съ нею, все привести въ полное сознаніе никакъ не могутъ... И водою голову поливають, и животь ей растираютъ саломъ, и перья жженныя даютъ нюхать, та отбивается, мычить, раза два и ту, и другую наотмашь кулакомъ прямо „въ морду“ хватила,—и странное дѣло: ни для Хатычи, ни для Сары-Кошмы совсѣмъ не грозна стала больше ихъ Улькунъ-ханымъ,—все равно какъ бы ровная. Ужъ значить не права, а виновата старуха непогрѣшимая стала, когда какъ падала, безъ отпора, въ ногахъ только валялась. Жалко имъ стало эту бѣдную ханымъ; только и думали жены о томъ, чтобы припрятать ее подале, уберечь отъ новой вспышки хозяйскаго гнѣва, пока этотъ гнѣвъ не уляжется. Забыли онѣ даже о томъ, что не худо

бы теперь побѣжать на задворокъ, за коровникомъ, посмотреть да послушать, что Суффи теперь будетъ съ Эстеръ говорить, да что дѣлать. Улькунъ-ханымъ уже ихъ и въ бока толкала, и глазами показывала, чтобы шли, а онѣ возятся около, не понимаютъ ея намековъ. Рванулась Улькунъ-ханымъ и сама поползла, да не осидила высокаго кухоннаго порога и жадно припала ртомъ къ мѣдному ведру съ холодною водою.

Эстеръ тоже все слышала. Она только на мгновение забѣжала въ свою каморку, взглянуть на спящаго мальчика, и тотчасъ же, крадучись, вернулась въ кладовую и припала за ковромъ. Если она и не все поняла ясно, какъ слѣдуетъ, то во всякомъ случаѣ довольно для того, чтобы убѣдиться, что грозную Улькунъ-ханымъ въ глаза обвиняли во лжи, въ клеветѣ, въ слѣпой злобѣ противъ нея, Эстеръ, и ея Шарипки. Она и безъ того инстинктивно боллалась старухи, не разъ ловила на себѣ ея взгляды, полныя ненависти, и не легко поддавалась вліянію ея притворныхъ ласкъ. Улькунъ-ханымъ молчала, она не оправдывалась, она, какъ виноватая, валялась въ ногахъ Суффи, страхъ сковалъ ея лживый языкъ, ну, значить, правда не на ея сторонѣ... Обвиненіе Ольги Николаевны въ томъ, что она хочетъ отбить у нея, Эстеръ, ея любиматаго мужа, падало само собою, и если вызванное имъ тяжкое, невыносимое подозрѣніе еще не вполне разсѣялось, то только потому, что старуха такъ рѣзко сопоставила красоту русской женщины съ ея собственнымъ жалкимъ, болѣзненнымъ состояніемъ, и это сравненіе бѣдная Эстеръ не могла забыть, не могла отъ него отдѣлаться. Ей вотъ такъ и представлялись двѣ пары ногъ: одна пара полная, бѣлая, красивая, другая—худая, темная, съ лоснящимися выступами костей, стучающихся другъ о друга... фи!.. Да вѣдь Суффи тѣхъ полныхъ красоты ногъ еще не видѣла. Вѣдь только она одна, Эстеръ, видѣла это чудное тѣло; но, конечно, она ничего Суффи разсказывать не будетъ, а глаза Ольги, тоже красивые, глаза Суффи видѣла; зато и у нея, Эстеръ, сама Ольга говорить, глаза еще даже лучше... надо только, чтобы Суффи и не видѣла бы никогда всего того, что ему не надо видѣть, вотъ и все, а пока и у нея все придетъ въ порядокъ... Вѣдь „сестра“ обѣщала ей это и сдержать обѣщаніе, въ этомъ сомнѣваться невозможно. Сказала русская, что мальчикъ выздоровѣетъ—и выздоровѣлъ; сказала, что Суффи въ гору пойдетъ—и пошла; какую красивую, дорожную штуку получилъ отъ самого генерала. Обѣщала ей вернуть красоту и здоровье—и вернуть. Почему же это злой старухѣ Улькунъ этого такъ не хотѣлось? Старуха говорить, что мулла страшный и мощный, святой мулла Наурусъ—хорошій человекъ, и его слушать надо, а Суффи—тоже властный, хорошій человекъ, отличенный отъ прочихъ самимъ генераломъ, говорить, что подлому Наурускѣ онѣ ребра переломаетъ...

Эти размысленія совершенно неожиданно прерваны были мыслью, внезапно пришедшей въ голову наивной Эстеръ.

„Попросить развѣ Ольгу, чтобы она, когда будетъ видѣться съ Суффи и говорить съ нимъ, свое лицо сѣткою закрывала? Вѣдь Ольга добрая и сдѣлаетъ это для нея непременно“.

Эстеръ даже къ сундуку бросилась и стала отыскивать сѣтку для этой цѣли, выбирала самую легкую, тонкую, шелковистую. Она рѣшила сдѣлать ей этотъ подарокъ при первой встрѣчѣ, завтра же, когда придетъ къ ней въ домъ, гдѣ поютъ и скачутъ желтепчкія птички и играютъ красивые сундучки съ музыкою. Ахъ, и зачѣмъ Ольгѣ Богъ послалъ такую красоту. Вѣдь ей она не пужна совсѣмъ, у нея давно мужъ умеръ; могла же она быть старая и не красивая лицомъ, какъ та полковница рябай, которую Эстеръ разъ на базарѣ видѣла. Ну, хоть и не такая противная,

хоть и много лучше, а все-таки... Какъ бы хорошо, весело имъ было бы жить вмѣстѣ. Она не боялась бы оставлять Суффи съ нею глазъ на глазъ, она бы ее такъ любила, такъ любила... Только что же они тамъ дѣлаютъ? Давно все тихо, словно никого нѣтъ въ общей саклѣ. Что же это Суффи не идетъ?..

Осторожно приподняла Эстеръ тяжелую полу ковра и заглянула: сидитъ ей мужъ на полу, глубоко задумался и чашку съ чаемъ въ рукахъ держитъ, а чашка наклонилась и чай капаетъ на полу его халата. Суффи этого не замѣчаетъ, — не замѣчаетъ даже, что большая, сѣрая крыса, чуть не у самой ноги его, пробралась къ старшану и фисташки лущитъ...

— Суффи! — окликнула его Эстеръ.

Тотъ слегка вздрогнулъ и вскинулъ на нее глаза. Отъ четырехъ фонарей было очень свѣтло въ саклѣ; Эстеръ не могла не замѣтить, что глаза эти покраснѣли, будто отъ слезъ, да никакъ въ одномъ изъ нихъ действительно слеза блеснула.

„Развѣ мужчины умѣютъ тоже плакать?“ — подумала Эстеръ и окликнула снова:

— Суффи!..

Она подползла къ мужу вплотную и положила голову на его колѣни... Тотъ слегка приласкалъ ее.

— Спать ложись лучше, да спи крѣпче. Завтра же утромъ я перевезу тебя... Ты знаешь?

— Знаю, — прошептала Эстеръ. — Слушай, Суффи, что я тебѣ скажу, только ты этого ей не передавай... не передашь?..

— Что еще такое?

— А вотъ, что: какая Ольга блѣдная, какая она несчастная!

— Это почему? — изумился Суффи, пристально всматриваясь въ лицо своей любимицы.

А та все увертывалась и даже свободною рукою закрывалась.

— У Ольги животъ болить часто... А еще, знаешь? У ней одна нога, отъ самаго этого мѣста до самаго колѣна, вся была обожжена, — теперь ничего, ничего не осталось мяса... Помнишь, какъ у той, у Наръ-беби, когда ее послѣ пожара изъ сакли чуть живую вытащили. Только Наръ-беби подохла, а Ольгу вылѣчили, а мяса все-таки не паросло... Ну, совѣмъ ничего не осталось, смотрѣть даже противно.

— Блѣдная! — проговорилъ Суффи.

Опъ, казалось, былъ очень огорченъ этою новостью, но подумалъ и добавилъ:

— Ольгѣ Николаевѣ погъ не нужно, лишь бы ходила. Ходить не станеть, все на рукахъ носить будутъ. У ней вотъ тутъ и тутъ великая красота, — цѣлое свѣтлое царство Фожіе... Вотъ тутъ и тутъ.

Суффи ткнулъ Эстеръ пальцемъ въ лобъ и положилъ свою руку на то мѣсто, гдѣ такъ сильно, порывисто билась ее сердце.

— А теперь, ступай спать, — добавилъ онъ. — Да рано утромъ вымой Шарипку, позови кого-нибудь, чтобы тебѣ помогли, сама хорошенько одѣнься и сына одѣнь по-праздничному. Ступай!

Суффи подпjalъ ее на ноги, ласково толкнулъ по направлению къ дверному коврику и самъ пошелъ на мужскую половину.

Осмотрѣлась Эстеръ, заглянула въ люльку, — „спитъ крѣпко“. — Самой спать захотѣлось, да вспомнила, что надо укладываться. Думаетъ:

„Уложу все, а потомъ и завалюсь на боковую... Темновато немного, пойти взять еще фонарь изъ общей...“

Сары-Кошма осталась со старухой, а Хатыча вернулась въ саклю.

— Ты чего?

— Да вотъ, думала, помочь тебѣ... Сундукъ-то тяжелый, пожалуй одна не одолѣешь... Я помогу.

— Ну, помогай.

Рада Хатыча, что позволили. То-то она теперь пересмотритъ все наряды Эстеркины, много, чай, прикопила, пожалуй, не все имъ показывала...

И черные, узко прорѣзанные глазки Хатычи жадно бѣгали, скользя по этимъ безпорядочнымъ грудамъ дорогого нестраго платья.

Долго возились съ укладкою, — ну, теперь, кажется, все! Хатыча на крышку сундука навалилась всею своею тяжестью, а Эстеръ стала замкомъ запереть... Зазвенѣли эти замки, защелкали, Шарипка проснулся и зашалакалъ, даже изъ люльки потянулся посмотреть, гдѣ это „музыка играетъ“.

— Спи, спи, — подошла къ нему мать: — спи, мой козленочекъ... спи, крошка милая.

На глазахъ Хатычи показались слезы. Она громко всхлинула и утерлась рукавомъ рубахи.

— Жалко стало, — объяснила она: — можетъ, никогда больше не увидимся...

Эстеръ не отвѣчала. Она скоро успокоила мальчика, и тотъ снова заснулъ, крѣпко сжавъ обѣими ручонками фольговый мячикъ.

Зѣвнула Хатыча во весь ротъ. Этотъ зѣвокъ заразительно подѣйствовалъ и на Эстеръ.

Теперь самой спать пора, уже поздно, далеко за полночь, а завтра вставать надо пораньше.

— Уходи! Да фонари потуши тамъ.

— А знаешь что, Эстеръ, знаешь, милая душа... Мы къ тебѣ въ гости будемъ приходить, и я и Сары-Кошма... Можно?

Хотѣла-было отвѣтить ей Эстеръ: „не надо“, а съ языка сорвалось:

— Ну, что жъ, приходите.

— Никогда я не была въ русскомъ городѣ, никогда... А хотѣлось бы посмотреть... Такъ мы придемъ, придемъ, вмѣстѣ съ Сары-Кошмою придемъ, ты только, душа, попроси Суффи, чтобы пускалъ насъ, а то, пожалуй, не пустить... Ну, спи покойно...

Хатыча, будто неохотно, пошла изъ сакли, подъ ногой у ней блеснуло что-то, какое-то забытое колечко, — она осторожно толкнула его ногою, чтобы откатилось подальше къ выходу...

Пригодится, молъ, мнѣ на память...

Крѣпко спала Эстеръ. Проснулась когда, — не то разсвѣло, а даже солнце уже давно встало. Первымъ дѣломъ вспомнила приказъ помять хорошенько ребенка, заглянула въ люльку: — спитъ крѣпко, не шевелится... „жалко будить, помоюсь сама прежде, да наряжусь, а тамъ и съ мальчикомъ успѣю управиться“.

Все, что надѣть надо, заранѣе приготовлено и уборы особо отложены.

Обѣ жены уже одѣлись и пришли помогать. Стали убирать свою подругу, какъ на свадьбу, и все ей зеркала показываютъ, — да похваляютъ...

Ужъ такая она у нихъ красавица, такая: точно сама султанна Зюлейка изъ персидской сказки, даже еще лучше.

— А ханымъ что? — спросила Эстеръ.

— Ханымъ такъ напугалась вчера, — отвѣчала Хатыча: — что даже заболѣла, — думали помреть.

— Всю ночь стонала у себя въ саклѣ, лежитъ, какъ колода, и встать даже не можетъ. И ей туда понить снесла, — стонетъ да и только.

— Отлежится, — не сдохнетъ, — махнула рукою Сары-Кошма: — и подѣломъ! Не дѣлай въ домѣ смуты... зачѣмъ мутить! Надо, чтобы все тихо, мирно, по-любовному.

Она хотѣла поддѣлаться къ Эстеръ, а та и не слышала, жадно вглядываясь въ зеркало, гдѣ такъ отчетливо отражались ея красивые глаза съ длинными черными рѣсницами и эти тонко выведенныя дугою брови, а надъ ними блестящій рядъ бирюзовыхъ подвѣсокъ на лобника, — и эти, пока впаляя еще, щеки, по кото-

Храмъ во имя Христа-Спасителя въ Борнахъ. „Придите ко мнѣ всѣ труждающіе“. Икона работы в. е. Мачовскаго, грав. Павловъ.

рымъ Хатыча черезчуръ уже усердно мазнула порошкомъ красной марены... Эстеръ смахнула рукою излишекъ такого усердія и все продолжала всматриваться, машинально протирая стекла зеркала.

Ей все казалось, что оно мутно и недостаточно ясно отражаетъ все эти „сказочныя прелести“.

Суффи тоже давно проспала. Онъ находился на переднемъ дворѣ и наблюдалъ, какъ готовили арбу для переѣзда Эстеръ. Большая, двухколесная повозка, съ широкою платформою, съ павѣсомъ, обтягивалась коврами, — а сама платформа была устлана мягкими войлоками, а поверхность стегаными, ватными одеялами; джигиты таскали круглыя, цилиндрическія подушныя мутанки, все казалось, что еще недостаточно мягко. Высокая, сѣрая лошадь, злобно прижимая уши, стояла привязанною у колеса и все норовила поймать когонибудь изъ неосторожно проходящихъ зубами. Уборная уздечка, вся въ подѣскахъ съ кистями, покрывала ей голову, на спиѣ, поверхъ высокаго сѣдла, накипуга была узорная, вышитая золотыми блестками попона, „чапракъ“. Черезъ верхъ стѣны, отдѣляющей женскую половину, то высовывался довольно безцеремонно, но быстро, испуганно прячась, выглядывали закутанныя женскія головы. Погода стояла превосходная, утреннее солнце ярко свѣтило съ темно-синяго неба, — это былъ первый, настоящій весенній день этого года.

— Ну, теперь запрягать! — весело проговорилъ Суффи. — Повезетъ Мумья, а вы двое верхомъ, за арбою.

Не безъ удовольствія полюбавался онъ своимъ собственнымъ гнѣдымъ карабромъ, тоже осѣдланымъ уже, котораго одинъ изъ свободныхъ джигитовъ держалъ наготовѣ, подъ уздцы, и повернулся, чтобы идти во внутреннія сакли торошить Эстеръ.

Отчаянный, нечеловѣчскій вопль вдругъ пронесся въ воздухѣ.

„Это голосъ Эстеръ... Это она, безъ сомнѣнія... Что случилось?“

Какъ бомба влетѣлъ Суффи на женскую половину. Притворенная дверь, выбитая не въ ту сторону, съ трескомъ сорвалась съ петель.

Эстеръ стояла посреди сакли, глаза у ней были страшно выпучены, руки безсилно опущены внизъ, и въ этихъ рукахъ она держала что-то безформенное, неопредѣленное, чего Суффи никакъ уже не могъ принять за своего Шарипку. Ребенка такъ держать нельзя...

— Что такое? — схватилъ ее за плечо Суффи, быстрымъ взглядомъ окинувъ внутренности сакли.

Никого больше не было. Хатыча и Сары-Кошма вѣжались уже при немъ, — это онъ замѣтилъ ясно, Улькунъ-ханымъ не было тоже.

— Холодный, холодный... мертвый... на, возьми! — забормотала Эстеръ и вновь разразилась отчаяннымъ, дикимъ крикомъ...

Она упала навзничь, въ судорогахъ каталась по коврамъ, кусая себѣ руки, то хрипло задыхаясь, то пронзительно взвизгивая... Суффи едва успѣлъ вырвать отъ нея это „что-то“, бывшее у нея въ рукахъ... Маленькое голое тѣльце Шарипки было совсѣмъ уже остывшее, даже скользкое...

„Олга Николавна“, — мелькнуло въ его головѣ: — „она великая, могучая, сильная, она одна все можетъ, она и мертвого воскреситъ... Все остальное послѣ!“

Онъ велѣлъ джигитамъ, столпившимся у разбитой двери, силою взять Эстеръ, связать даже, если пужно будетъ, и посадить въ арбу, наглухо теперь закрытую коврами...

— Везите, куда приказано... Скорѣе везите...

„Чапъ-чапъ!“ *) крикнулъ Суффи, а самъ, вскочивъ на коня, прижимая подъ халатомъ это холодное, крохотное тѣльце, понесся по улицамъ, по направленію къ русскому городу.

*) Въ карьеръ.

— Что такое? — раздался неожиданно спокойный голосъ Улькунъ-ханымъ.

Старуха появилась на порогѣ, пытливимъ взоромъ окидывая всю обстановку.

— Зачѣмъ здѣсь мужчины?.. Вои! Суффи гдѣ?.. Эстеръ уѣхала уже?.. Кто тутъ выль сейчасъ?.. Да говорите же! Чего стоите, разинувъ рты...

Сары-Кошма и Хатыча наперерывъ принялись рассказывать ей. Онѣ сбивались и путались, онѣ сами вѣдь ничего не знали и не понимали...

— Шарипка померъ, — онъ голый, холодный... Эстеръ ухо укусила джигиту, когда тотъ ее бралъ въ охапку... Арба ускакала — чапъ-чапъ! Суффи мальчишка за пазухой увезъ... А какъ Эстеръ выла, какъ кричала!.. Арба какую-то собаку, у самыхъ воротъ колесомъ переѣхала, собака выла, громко такъ, громко, и теперь еще слышно, какъ воетъ, а Эстеръ куда громче... Ее въ арбу потащили и два человѣка съѣли съ ней, туда же, подъ ковры... Суффи въ одной тюбетейкѣ ускакалъ, безъ чалмы...

— Съ чего же это ребенокъ померъ? — удивилась Улькунъ-ханымъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности. — Померъ, — значитъ, оно такъ и надо, воля Аллаха... Ишь вѣдь дверь какъ испортили. Забить войлоками пока... Хатыча, безстыдница, ты бы уже совсѣмъ голая выскочила къ людямъ... Охъ, Господи! Великій грѣхъ, великій, велико и наказаніе... Ступайте на кухню, да пошлите сюда Зюльку, чтобы все прибрала... Срамъ! А я къ себѣ, — и ко мнѣ не ходите!.. Я молиться буду... Много надо молиться, чтобы простилъ Аллахъ наши прегрѣшенія, — смыль стыдъ и погань съ нашего дома... Уходите!

Хатыча дернула за рукавъ Сары-Кошму и смѣло прошла мимо Улькунъ-ханымъ, а Сары-Кошма обошла далеко стороною, у самой стѣпки, и все смотрѣла на старуху, словно боялась, что та ее укуситъ, что ли.

— Ты чего?

— Послѣ скажу, послѣ... Ой, страшно стало какъ... ой, боязно!..

Она наклонилась къ самому уху своей подруги, и уже за порогомъ сакли, проходя мимо прудика, шептала:

— Я ее ночью видѣла, какъ она отъ Эстеръ вышла... Она была „тамъ“... тамъ, знаешь? Ой, страшно.

Должно-быть, и Хатычъ отъ такихъ словъ страшно стало. Она замахала руками, словно отгоняя какой-то тревожный призракъ, проговорила только: „молчи!“ и шмыгнула въ дверь своей каморки...

Поздно вечеромъ вернулся Суффи.

Шагомъ вѣхалъ онъ въ ворота, молча слѣзъ съ лошади, бросилъ поводья и прошелъ прямо на кухонный дворикъ.

Работницы попрятались при появленіи хозяина, одна только калмычка осталась у котла, — только она халатъ накинула и спрятала свою скуластую физиономію.

— Позовите всѣхъ! — сказалъ Суффи и слѣзъ на приступокъ у тагана.

Обѣ жены пришли сейчасъ же. Улькунъ-ханымъ съ ними не было.

— А та гдѣ?

— Она все молится... она больна совсѣмъ... — робко заговорила Сары-Кошма.

— Ханымъ лежить и встать не можетъ... Боюсь, помретъ даже, — вступилась и Хатыча.

— Приведите ее сюда! живо!.. — крикнулъ Суффи.

Но приводить силою старуху не было надобности. Она сама, тяжело переступивъ порогъ, появилась на кухню, оставаясь въ тѣни, куда не доходилъ свѣтъ костра подъ таганомъ.

— Такъ! — кивнулъ головою Суффи. — Объявляю вамъ къ свѣдѣнію, что мой сынъ, моя радость и все па-

дежда, мой первенец—померь. Объявлю, что его мать, Эстерь, моя жена, помутилась головою и душою, и спасти ее нельзя.

— Воля Аллаха!—прошептала старуха.

Сары-Кошма съ Хатычею, и вся прислуга женская, вспомнив, что послѣ такого торжественнаго заявленія, надо, по обычаю, начать „вить“, закрыли лица руками и завывли хоромъ...

— Улькунъ-ханымъ, идите за мною! — проговорилъ Суффи, и, какъ ни громокъ былъ бабій вой, Улькунъ-ханымъ этотъ призывъ слышала.

Суффи всталъ и подошелъ къ наружной стѣпѣ двора, какъ разъ къ мѣсту пролома, ведущаго на мусорный дворикъ...

— Идите за мною!—повторилъ онъ.

Старуха покачнулася на ногахъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ и снова остановилася.

— Не ходи!—шепнула ей Хатыча.

— Останься!.. Бѣги куда-нибудь... спрячься,—зашептала и Сары-Кошма.

— Все исполнилось по волѣ Аллаха, все и исполниться должно только по его святой волѣ, — проговорилъ Суффи.—Чего же вы стали, ханымъ? Идите.

Старуха сдѣлала еще нѣсколько шаговъ впередъ.

— Сюда!

Суффи указалъ ей на проломъ.

Женщины прекратили вой и поцрятались. Наступила мертвая тишина.

— И не боюсь я тебя вовсе,—рѣзко заговорила ханымъ.—Не страшень ты мнѣ, окаянный палачъ!.. Рука твоя не посмѣетъ подняться, отсохнетъ и отвалится... иду!

Широкая спина старухи-домоправительницы на мгновение закрыла черную дыру стѣннаго пролома и скрылася въ темнотѣ дворика; вслѣдъ за нею вошелъ туда же и Суффи..

Черезъ минуту Суффи Казиметовъ вернулся, но уже

конецъ.

„Земля еси и въ землю отыдещи“.

Разсказъ В. И. Семенова.

Стоялъ мертвый штиль. Нашъ пароходъ бодро и весело блуждал по зеркальной поверхности словно заснуваго моря, разбрасывая вокругъ себя серебряную пѣну и брызги.

Время обѣда приходило къ концу. Странники и богомольцы съѣли за другимъ медленно поднимались со своихъ мѣстъ, распоясывались и, перекрестившись, располагались на отдыхъ, припостивъ подъ голову дорож. коготку. Мало-по-малу на верхней палубѣ воцарилася полная тишина, нарушаемая лишь мѣрнымъ и однообразнымъ журчаніемъ воды вдоль борта, да монотоннымъ тѣшнемъ „житія“, доносившимся изъ какого-то уголка парохода.

Съ самаго отбѣзда изъ Петербурга меня преслѣдовала отвратительная погода, и теперь, любясь этимъ безбрежнымъ просторомъ, этимъ молочного-голубымъ, словно затуманеннымъ, небомъ, которое мнѣ, сѣверянину, всегда было и будетъ дороже и милѣ знойной лазури тропиковъ, я не хотѣлъ спускаться въ каюту и, осторожно шагая черезъ ноги и головы спящихъ, бродилъ по палубѣ, щурясь отъ солнца и лѣживо озираясь кругомъ. Скоро мое вниманіе привлекъ молодой монахъ, бодрствовавшій подобно мнѣ. Онъ велъ себя какъ-то странно. То сидѣлъ въ глубокой задумчивости, низко склонивъ голову и тяжело вздыхалъ, то порывисто вскакивалъ, въ которое время зорко выглядывая что-то въ сѣверо-западной сторонѣ горизонта, снова садился, беззвучно шевели губами и перебиралъ четки. Выбравъ минуту, когда онъ, перегнувшись за бортъ и прикрывшись рукою отъ солнца, казалось, весь превратился въ арбіе, я подошелъ къ нему, сталъ рядомъ и, слегка кашлянувъ, спросилъ:

— Не видать еще?

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Должно бы быть, а нѣту еще... — проговорилъ онъ, быстро поворачиваясь ко мнѣ.

На его худомъ, загорѣломъ лицѣ явно читалось какое-то безпокойство, тревога... Сѣрые глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ нетерпѣнія.

— Вамъ, вѣрно, очень хочется поскорѣе повидать обитель? Идалека ѣдете?...—старался я завязать разговоръ.

Онъ отчаянно махнулъ рукой и тяжело опустился на свернутый въ бухту причалъ.

— Даль бы Богъ крылья—такъ бы и полетѣлъ, кажись... За-

одилъ. Опъ былъ блѣденъ, но его глаза смотрѣли покойно и ясно. Даже его голосъ не дрожалъ, а былъ такой чистый, ласковый, какъ бывало съ нимъ всегда, въ хорошія минуты жизни.

— Улькунъ-ханымъ,—объявилъ онъ:—не выдержала великаго горя, покаялася въ своихъ грѣхахъ и сама на себя наложила руки. Приберите тѣло.

И опять, съ быстротою молніи, по всему базару, а оттуда и по всему городу, разнеслася вѣсть обо всемъ, что случилось въ домѣ Суффи Казиметова. Пошли разнотолки—то какъ-будто и близкіе къ правдѣ, то совсѣмъ лживые, преувеличенные.—Сунулись-было во дворъ, мѣсто самой катастрофы, да не пускаютъ, у всѣхъ входы поставлены русскіе казаки, полицейскіе,—и самого хозяина изъ дому не выпускаютъ и къ нему никого не пускаютъ.

А тутъ новое дѣло... пошли слухи, что стараго мутлу забрали. Говорили, что спрятался-было святой человекъ, не скоро разыскали... бился шибко, кусаться даже пробовалъ, а его связали, посадили на арбу и повезли въ русскую крѣпость... И странно! Когда слухъ этотъ подтвердился, когда черезъ весь базаръ открыто везли злого старика, почти что безъ конвой даже, только съ двумя джигитами, никто не пошевелился, не попробовалъ заступиться... Молча, угрюмо провожали горожане глазами проѣзжавшую тѣсными закоулками базара арбу съ пѣвникомъ и только отворачивались, чтобы не видать этихъ злыхъ глазъ,—а другіе даже уши затыкали, чтобы не слышать его проклятій. Не удивился даже никто, когда хозяинъ большого чай-хане Норагимъ-бай, человекъ ученый, умный и въ вѣрѣ мусульманской крѣпкій, громко произнесъ:

— И давно нора! Жить будетъ покойнѣе въ городѣ, да и въ домахъ станетъ потише...

Словъ своихъ онъ не пояснилъ, но всѣ, кто слышали, поняли и не возражали.

держали меня! Одинъ пароходъ пропустилъ... Теперь застану ли?..

— Это праздникъ застанете ли?

— Ахъ, нѣтъ! Пасхавникъ мой кончается — вызывалъ просятъ... больно плохо, сказывали...

Онъ произнесъ эти слова такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ безнадежно грустно, что я невольно смутился за свою назойливость, замолчалъ и собирался уйти, какъ вдругъ монахъ порывисто придвинулся ко мнѣ и, видимо, радуясь случаю отвести душу въ откровенной бесѣдѣ, заговорилъ торопливо:

— Какой человекъ! Какой силы человекъ былъ!.. Въ міру бы ему мѣсто во славу Божию, на благо ближняго... да міръ его не позналъ... Истинно — Петръ! Недаромъ имъ такое пришло... Тому больше пятнадцати годовъ—меня еще и въ монастырѣ не было—пришелъ къ отцу настоятелю богомольца. По виду — самый обыкновенный странникъ. Одежда русская, за спиной котомка.—Благословиге, говоритъ, святой отецъ: опостыдѣлъ мнѣ міръ, хочу послужить святой обители, а потомъ, ежели Богъ по грѣхамъ допуститъ, и ангельскій чинъ принять. Вотъ и бумаги мои—всѣ въ порядкѣ — взгляните. Посмотрѣлъ о. настоятель и изумился.—Вы ли? — говорить — и въ нашемъ тихомъ пристанищѣ имъ ваше безызвѣстно. За близкое намъ, за хорошее дѣло вы взялись, добрый чинъ положили... Или отчаялись?...—Молчите.—Что же, если есть желаніе послужить дому Божию, на то вамъ святое Его благословеніе, а только совѣтъ мой — не смѣните съ носриженіемъ. Можетъ, оно такъ, временно... отойдетъ сердце въ тиши, — а клобука-то не снимешь!..—Все молчите!..

— Да кто же онъ былъ такой? — перебилъ я, живо заинтересованный.

Монахъ назвалъ фамилію.

— Какъ? Тотъ, что пришелъ въ Петербургъ на „Зарѣ“?

— Онъ самый!..

Мнѣ сразу вспомнилась исторія сказочнаго, безумно-смѣлаго предпріятія, увѣчавшагося полымъ ушибомъ, плаваніе во льдахъ Сѣвернаго океана на неуклюжей, кое-какъ сшитой, кое-какъ оснащенной деревянной посуднѣ съ экипажемъ изъ простыхъ мужиковъ; вспомнились торжественныя засѣданія,

газетная статья, весь этот шум, в течение нескольких недель так занимавший наше общество и теперь так глубоко позабытый...

— Что же он здесь делает? Как жить?

Мой собеседник не слышал. Он радостно указывал рукою вперед, где в снеговой дымке дали светилась яркая точка.

— Вот он! вот! Видите, куполь-то соборный — так и горит!

Я повторил вопрос, но монах, начавший рассказ так обстоятельно, казалось, утратил всю свою словоохотливость. Ему не удалось на мгновенье, он волновался, перебивался с борта на борт, выбрался на мостик...

— Жить?.. Сначала в обители. Потом долго пароходы наши ходили. А там удалится стать. Затворился в келью. Последние годы вовсе море покинул. Подвизался. Постился. Молчанье на себя налагал. Великую схику принять сподобился...

Вот и все, чего я мог от него добиться.

При прощаньи я просил моего нового знакомого, о Тимофее, навещать меня в монастырской гостинице и давать вести о больном. Он обещал, но не исполнил. Всего раз, и то случайно, встретил я его на большом дворе. Еще более похудевший, сгорбившийся, он бежал куда-то с деревянной чашкой в руках.

— О Тимофее! — окликнул я. — Что-ж не занесете всточку — вѣдь обещали!

— Простите Христа ради, — заторопился он: — все при нем — день и ночь при нем. Разбился мнѣ о настоятель, спаси его Господь!

— А как он?

— Божья воля! Конечь приближается... — голос его дрогнул. — А светель духомъ... и ждеть безбоязненно... предстать...

Прошло несколько дней, но и среди осмотра достопримечательностей, этих памятников сѣдой старины, — старины не чуждой, а близкой, а родной, полной воспоминаний о высоких подвигах служения русскому дѣлу, во мнѣ жила неотвязная мысль о странной судьбе того, кто величьемъ духа былъ средни основателямъ этой обители — оплота Россіи на крайнемъ Сѣверѣ, — чье сѣдое предприятие наполнило восторгомъ мое юное сердце, манило и меня всецѣло отдаться таинственному, бурному морю, и кто теперь здесь, в тишинѣ монастырской кельи, спокойно ждалъ приближенія смерти, сь которой столько разъ боролся лицомъ къ лицу и которую столько разъ побѣждалъ.

Однажды подъ вечеръ, усталый послѣ длинной прогулки по окрестностямъ монастыря, я сѣлъ въ своемъ чистенькомъ уютномъ номерѣ, какъ вдругъ, безъ обычнаго ступа и молитвы, дверь распахнулась, и ко мнѣ вошелъ о Тимофеей.

Вошелъ блѣдный, растерянный, чуть держась на ногахъ... заперъ дверь, опустился на ближайшій стулъ, закрылъ лицо руками и заплакалъ.

Я понял, и сердце у меня сжалось при видѣ его неподдѣльнаго, глубокаго горя. Я не зналъ какъ, не смѣлъ утѣшать; и только повторялъ его же слова:

— Божья воля, о Тимофеей, настала его часъ предстать передъ Господомъ...

Онъ поднялъ на меня полные слезъ глаза.

— Да, вѣтъ... не то... не о томъ я... Силы Небесныя! Святые Угодники! Какъ же вы допустили!.. — вырвалось у него отчаяннымъ крикомъ. — Соблазнъ-то какой! Смута какая великая!.. Ахъ!.. я пойду...

— Куда вы пойдете? Въ чемъ дѣло? Какой соблазнъ? — пытался я удержать его.

— И то... куда я пойду?.. Туда не пустятъ... прогнали...

Онъ снова сѣлъ, весь какъ-то осунулся и, молча, уставился глазами въ землю. Крупныя слезы одна за другой сбѣгали по его бородѣ и падали на грудь старой, порыжеюй раски, оставили на ней темныя пятна.

Нѣсколько минутъ прошло въ тягостномъ безмолвіи. Наконецъ, я рѣшился, подошелъ къ нему, взялъ его за руку.

— О Тимофеей, я вижу, что кромѣ смерти дорогаго человека сь вами случилось еще что-то непредвидѣнное, ужасное. Видите Богъ, я искренно готовъ помочь вамъ, если нужно. Довѣрьтесь, расскажите — вдвоемъ всякое горе легче. Вѣдь почему-нибудь вы пришли же именно ко мнѣ?

Онъ словно проснулся, глянулъ на меня сперва недоверчиво, даже испуганно, потомъ вдругъ оживился и, какъ тогда на пароходѣ, заговорилъ торопливымъ, прерывистымъ монологомъ.

— Вамъ, воистину вамъ только и можно рассказать. Вы человекъ чужой, сторонній. Вы не осудите. Наши, кто знаетъ, все въ трепетѣ... И откуда оно, откуда? — такъ, сразу... Господи, Господи!..

«Говорилъ я вамъ: чуялъ онъ кончину свою и светель былъ духомъ. Меня... меня, скорбнаго, утѣшалъ!.. Изъ братіи многе приходили поучаться къ нему, потому читли, какъ праведника... И все такъ. Дня три тому недоброе что-то случилось. Сталъ онъ сумраченъ, молчаливъ, никого не допускалъ къ себѣ... И что далъ — то болѣ. Темнѣе ликъ у него и темнѣе.

Со мной не говоритъ. Началъ я, было, дѣлать читать — прекратилъ. Тишина, говоритъ, хоч — оставь! Понче подъ утро слово забылся.. да какъ крикнетъ: „Кто вы? убью! за бортъ выкину! — моя воля!“ Ужасъ меня проникъ.. до дрожи.. молитву творю.. Послѣ обѣденъ слышу — зоветъ. Да не ласково, не похорошему: „Братъ Тимофеей! настоятели видѣть хочу“. Бросился я къ отцу казначею. Пришелъ настоятель. Заговорилъ отецъ Петръ. Глухо.. ровню бы во гнѣвъ!..

— Смерть идетъ, отче.. Тебѣ хочу послѣднюю мою волю открытъ. Исполнишь ли?

— Не приличествуетъ приняему ангельскій чинъ нещисъ о земномъ, и въ наследствѣ своемъ онъ не воленъ.

— Не о наследствѣ рѣчь! Слушай. Умру я — зашейте меня въ парусину, отвезите въ море на томъ пароходѣ, гдѣ я капитаномъ былъ, и бросьте. Въ вашей обители я, малодушный, жизнь свою, силу свою схоронилъ!.. Такъ послѣ смерти своего хочу!

„Ужаснулся настоятель, перекрестился.

— Святъ, святъ, святъ! Ты ли, братъ мой? Отъ тебя ли слышу? Нѣтъ! не вѣрю рѣчамъ твоимъ, не ты говорилъ ихъ — недугъ помутилъ мысли твои. Господи Боже силъ, не видишь въ судъ сь безуміемъ его!

„Тутъ... заставалъ о. Петръ, поднялся на постели.. Откуда силы взялись — сколько дней пищи не принималъ.. Страшный!.. глаза горять, борода всклокочена.. протираю руку.. говорить со скрежежомъ!..

— Каторжники, убійцы — и то послѣднюю волю слушаютъ! Если не исполнишь.. и тебѣ.. и все.. и все..

„Не выдержалъ я: лицо закрылъ и бежалъ..

„Какъ опамитовался, да вернулся — не пустили войти. Настоятель тамъ и старшая братія. А мнѣ.. мнѣ-то, другу его, теперь, можетъ, единому другу — проститься не дали! Безъ меня отометь!..“

Онъ опять зарыдалъ жгучими, беспланными слезами отчаянія.

Я былъ потрясенъ до глубины души. Этотъ торопливый шопотъ, полный страстной молитвы объ участи и состраданіи, этотъ безхитростный рассказъ, прерываемый восклицаніями ужаса, такъ ярко воссоздавали передо мной все! подробности грозной бури, нежданно разразившейся въ тишинѣ безвѣстной кельи, словно я самъ ихъ пережилъ, словно я самъ видѣлъ эту послѣднюю, можетъ-быть, безумную, всышку могучей воли, рожденной для подвига.

— Мнѣ-то онъ вѣрилъ, — продолжалъ монахъ, немного успокоившись — за друга почиталъ, надѣялся на меня. Въ первый день, какъ пріѣхалъ я, — возьми, говоритъ, сбереги. Помру — прочтешь, узнаешь, всего меня узнаешь, каковъ я есть. И сбереги! не отдамъ! — внезапно воскликнулъ онъ, обѣими руками прижимая къ груди что-то скрытое подъ рисою: — хоть анаемой грози, — не отдамъ!..

„Онъ вѣль заниски! завѣщалъ ихъ ему!“ — мелькнуло у меня въ головѣ..

— Дайте мнѣ! Дайте на время, только прочтеть! Клянусь чѣмъ хотите, спасеніемъ души клянусь, что никто въ обители не узнаетъ!

Я заразился его тревогой, его возбужденіемъ, я молилъ почти со слезами, готовъ былъ унасть на колѣни, но, къ удивленію, онъ не сталъ спорить, вынулъ изъ-за пазухи небольшую книжечку и, ласково улыбаясь, протянулъ ее мнѣ.

— Возьмите, читайте. Вы сразу мнѣ полюбилися. Я вѣрю, что бы тутъ ни было — вы ему другъ. Прочтите, узнайте его, сердце его великое узнайте..

Въ дверь постучались. Я поспѣшно вырвалъ у него драгоценную книжечку, сироталъ въ карманъ и крикнулъ:

— Войдите!

Вошелъ послушникъ.

— О Тимофеей, васъ ищутъ, изъ монастыря прислали..

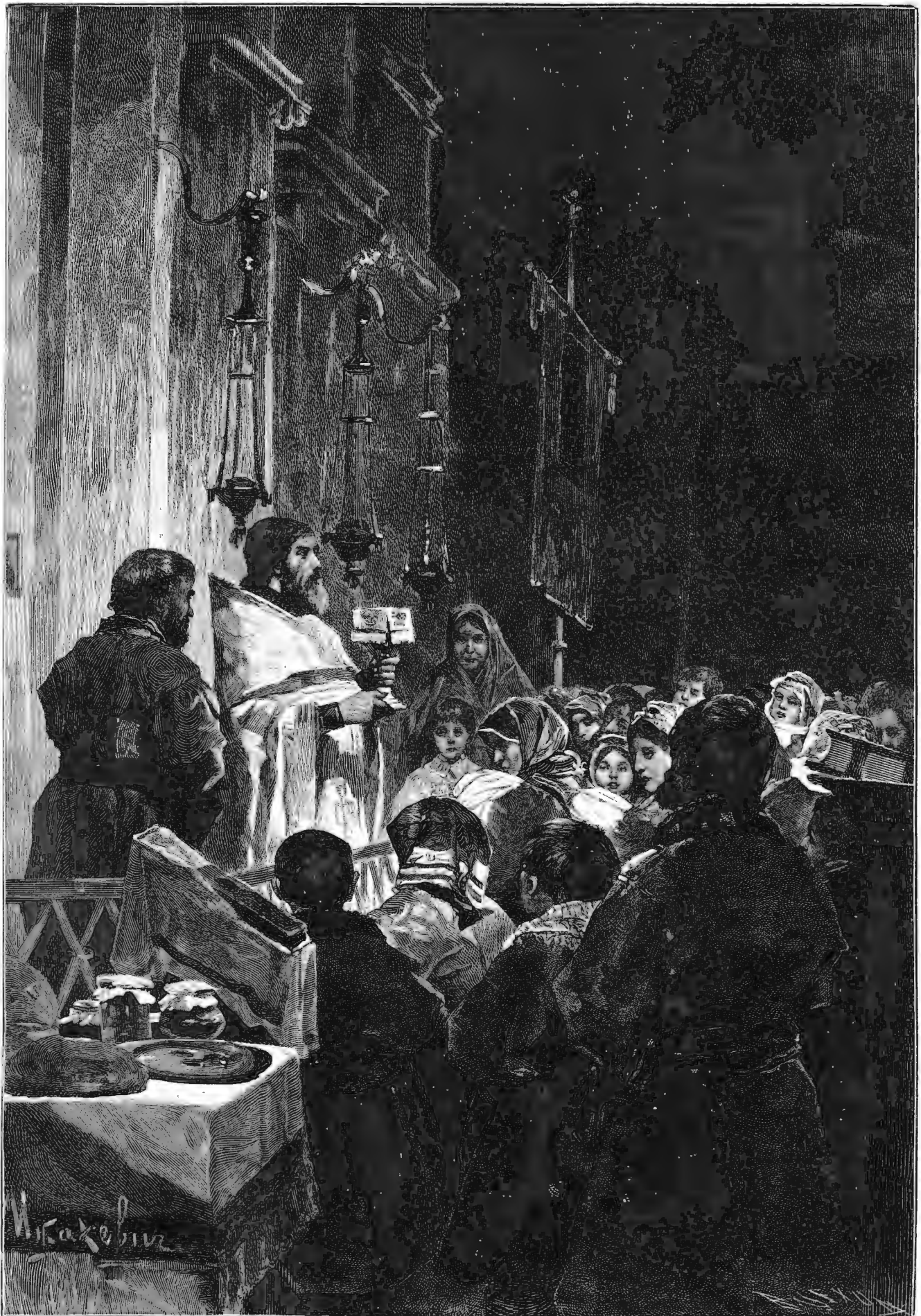
— Кто ищетъ? Зачѣмъ? — вспоношилъ тотъ, бросаясь въ коридоръ.

Послушникъ устремился за нимъ; до меня долетѣло: „...безпокоится, гдѣ.. гнѣваются..“ Но я не слушалъ, я заперъ дверь на крючокъ и торопился поближе взглянуть на свою счастливую находку.

Это была маленькая — въ одну шестнадцатую долю листа — обтравленная книжечка въ мягкомъ переплетѣ, какія обыкновенно употребляютъ моряки для записи наблюдений и разныхъ замѣтокъ. Добрал половина листовъ нестрѣла цифрами и знаками компасныхъ румбовъ. Между ними попадались странички, иногда нѣсколько подъ-рядъ, сплошь исписанныя мелкимъ, убористымъ почеркомъ.

Опасаясь прихода гостей — гнѣмъ болѣе знакомыхъ монаховъ — я отложилъ чтеніе до ночи и, сиротавъ въ карманъ свое сокровище, отправился бродить по берегу моря.

Наконецъ, закрылись тяжелыя ворота монастырской ограды; опустѣла шумная пристань; въ оклахъ гостиницы кое-гдѣ замигали огоньки. Я вернулся домой, сказалъ послушнику, что мнѣ до утра ничего не нужно, и, оставшись одинъ, при свѣтѣ яркой, неугаасяющей зарни принялся осторожно, почти съ благоговѣніемъ, перебирать эти ветхія, пожелтѣвшіе листки, жадно взглядываясь, боясь пропустить хотя одно написанное слово. Я не нашелъ здѣсь дневника. Рядъ летучихъ замѣтокъ, раз-

Молитва передъ причащеніемъ. Ориг. рис. (собств. Нивы“) И. И. Ижакевича, грав. Б. Цехомскій.

дѣленныхъ между собою иногда часами, иногда днями, мѣсяцами, даже годами, но въ общемъ дававшихъ довольно полную картину всей бурно прожитой жизни.

25-го июня, шкуна „Сіяніе“.

Вчера вышли изъ Тайгинска. Прощались сердечно. Иванъ Дмитричъ дивился, въ какихъ подробностяхъ вхожу я относительно разныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, словно успѣхъ плаванія въ сомнѣніи, и ничего не говорю о возможныхъ неудачахъ въ пути. Онъ не понимаетъ, что для меня нѣтъ двухъ рѣшеній. Сюда и не вернусь. Или пройду, или буду ловить раковъ въ Ледовитомъ океанѣ. Не представляю себѣ, какія пропятствія, кромѣ гибели, могутъ помѣшать мнѣ довести дѣло до конца. Замѣчательно—чѣмъ больше человекъ бережется, тѣмъ неожиданнѣе онъ попадаетъ. Сколько разъ я рисковалъ свернуть шею, а все цѣло! Правда, есть пословица: „новадилса кубиницъ по воду ходитъ, тутъ ему и голову сломитъ“—да, авось, не на этотъ разъ. Еще поживемъ, чортъ возьмѣ!

1-го июля.

А славно идти на своемъ суднѣ. Самъ себѣ голова, и пзъ чьихъ рукъ не смотришь... Особенно на такомъ добромъ, послушномъ суденышкѣ, какъ моя шкуна. Впрочемъ, можетъ-быть, я пристрастенъ—вѣдь „Сіяніе“ мое дѣтище, мою создано, все—все отъ кили до клокотка. Разумѣется, только море покажетъ ему настоящую цѣну. Однако, и здѣсь, въ рѣкѣ, хоть бы на порогѣ, какъ мы лихо управилась!

Что возмутительно скверно, это моя команда, мои матросы, какъ я называю ихъ по старой привычкѣ, а по здѣшней терминологіи—рабочіе. Самъ я не командиръ, не капитанъ, не шкиперъ, а *хозяинъ*. Воображаю, какъ посмѣялись бы кромшадатке товарищи, услышавъ мои распоряженія въ рѣкѣ: „Никита! потяни ту веревку, что у тебя по правой рукѣ за-вернута!“

Какой дѣланный, грубый, наглый народъ! Впрочемъ, откуда имъ и быть лучше? По здѣшнимъ мѣстамъ среди рабочего, не осѣдлаго люда изъ тысячи не найдешь хорошаго человека. Вѣдь не за добрыя дѣла они тутъ очутились. Наверно, за великія числится не мало темныхъ, а, можетъ-быть, и прямо кровавыхъ, подвиговъ. Ну, да ладно: я съ ними не на проповѣдь иду. Хоть и трудно порой переносить ихъ выходки, ихъ своеволие, пока въ рѣкѣ—терилю. Выйдемъ въ море—агайде-си! Въ кулакъ зажму! Запыхнуть по моей дужкѣ. Эхъ, кабы мнѣ настоящихъ матросовъ, такихъ, какъ у насъ на „Казакѣ“ были! На самый полюсъ пошелъ бы, не призадумался. Вотъ и теперь—перенялись, иѣсны горланята. Ночью, какъ днемъ свѣтло, а придется отдать якорь. И откуда они, канальи, водку достаютъ—непостижимо! Точно пзъ пальца высасываютъ.

18-го июля.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я чувствую себя какъ-то не хорошо. Я вполнѣ здоровъ, я не усталъ, наоборотъ, я усиленно работаю, чтобы заглушить эту другую, душевную усталость. Мени что-то мучитъ. Или это скука однообразнаго рѣчного плаванія—вѣтра противные, то силваемся по теченію, то тинемся бичевой, полземъ, какъ черепаха... Или это предчувствіе?..

19-го июля.

Нѣтъ, не скука. Бѣда будетъ. Что-то грозитъ, по что?—Гибель?—Гибели я не боюсь. Досадно, что это мрачное настроеніе убиваетъ во мнѣ энергію, убиваетъ охоту бороться. Сдаваться безъ борьбы до послѣднихъ силъ никогда не было въ моихъ правилахъ. А теперь... чортъ знаетъ! Какъ-то все равно—ко дну, такъ ко дну. Главно. Одно желаніе—поскорѣе. Ждать надоѣло.

Направо, налѣво—отвѣсныя, голыя стѣны берега, а за ними во всѣ стороны неоглядная, ровная тундра. Я люблю природу во всѣхъ ея проявленіяхъ, и не такъ давно любовался этой безпредѣльной мшистой равниной. Теперь... давить какъ-то... опротивѣло...

22-го июля.

Будетъ игра! Барометръ валитъ внизъ, точно его кто рукой толкаетъ. Южный вѣтеръ все слабѣетъ. Дуетъ порывами. Впереди острова. Слѣду укрыться за ними. Надо думать, зареветъ отъ порда.

Слава Богу! успѣли добратся. Всѣ мѣры приняты. Авось, отстоимся. Мѣсто неважное. Мы почти въ самомъ устьѣ. Широко. Много острововъ, мелей—а карты не существуетъ. Теченіе переменное, отъ вѣтра—то вверхъ по рѣкѣ, то внизъ. Съ какой силой?—угадывать. Хорошо, коли задуетъ порда, да таѣ и останется—отъ него мы прикрыты. А если начнетъ мѣняться? Ночь близко. Въ случаѣ переменна переходить на новое мѣсто, опять подъ берегъ, да еще въ темнотѣ—опасно... Чортъ его знаетъ, что тамъ по дорогѣ? А на фарватерѣ стая цѣлѣи. Глубина большая—не по мѣпъ канатамъ... Что-нибудь да сдѣлаемъ! Поборемся! Посмотримъ, чья возьмемъ!

А гдѣ же моя тоска и предчувствія? Фюгтъ!—Просто я записъ отъ скуки. Теперь—не зѣвай!

Началось. Въ 5 часовъ палегѣлъ первый шквалъ отъ порда, за нимъ другой, третій—и пошло. И свиститъ, и воеетъ, и плачетъ. На нашемъ мѣстѣ, за островами, волны большой пока нѣтъ, зато позади и вправо—одна пѣна да брызги. Небо заволокло тучами. И густо. Вотъ это худо.

Понель дождь. Ничего не видно. Дѣло не шуточное. Главное хлопоту поддержать духъ въ командѣ. Мои „рабочіе“ никогда въ такихъ передѣлкахъ не бывали. Вѣлѣ глины.

Вѣтеръ началъ мѣняться по часовой стрѣлкѣ. Совѣмъ стемнѣло.

Вѣтеръ все отходитъ. Волна сбилась. Толчал. Шкуну кидаетъ. Дергается канаты.

Подлецъ грунтъ! Якоря ползутъ. Штормяга такъ и реветъ. Прикрытія нѣтъ. Надо уходить. Буду держаться подъ парусами. Но теченіе? Теченіе! Будь оно проклято!

Рѣшено. Подымаю якоря. Тащитъ. Позади—буруни. Не оплошала бы команда. Ну... первый, кто откажется повиноваться—пулю въ лобъ. Зги не видно.

23-го июля, ночью.

Готово. Сидимъ, и даже весьма осповетельно сидимъ. Выдалась почка—пришлось поработать! Но какъ мнѣ горько, какъ мнѣ жаль мою шкуну, мою дорогую шкуну... Она боролась, какъ живой человекъ. Да, что и! Ни одинъ живой человекъ не могъ бы быть такимъ проворнымъ, послушнымъ. Будь у меня лоцманъ, будь даже хоть карта—ничего бы этого не случилось. Съ большими трудомъ подыавъ одинъ якорь и потерявъ другой, мы вышли на цѣль, пройденный вчера утромъ, гдѣ я рѣшилъ до разсвѣта держаться подъ парусами, стараясь по возможности сохранять свое мѣсто. „Сіяніе“ оказалось весьма порядочнымъ морскимъ судномъ. Я гордился имъ. Даже „рабочіе“ подтянулись и довольно бойко исполнили приказанія. Види, какъ легко моя шкуна всходитъ на волну, какъ хорошо она слушаетъ рули и даетъ повороты, я, отчасти изъ опасенія, что за цѣлую ночь команда выветъ изъ силъ или просто послѣ прилива бодрости снова упадетъ въ ушніе, деморализуется, ускользнетъ у меня изъ рукъ, измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе, и рѣшилъ со всей осторожностью короткими галсами лавировать къ навѣтренному берегу и тамъ стать на якорь. Вѣдь все равно, пытаюсь держаться на мѣстѣ, я, въ сущности, отдавался произволу неизвѣстнаго теченія. Обстоятельства складывались не дурию. Я твердо помнилъ, что, проходи здѣсь наканушѣ, въ этомъ направленіи не видать вилоть до берега ни одного острова. Бросая лотъ, доставали глубины 15—18 саж. Казалось, судьба намъ благопріятствуетъ. Вдругъ около часу ночи шкуна какъ-то странно подпрыгнула, задрожала, послышался глухой ударъ, трескъ... и затѣлъ отчаянный крикъ рулевого: руль вышибло!.. Въ одно мгновеніе, вслѣдствіе потери хода, насъ поставило бокомъ къ волнѣ и вѣтру. Шкуна *легла*. Волна за волной накрывала ее. Рабочіе, обезумѣвъ отъ ужаса, не слушали команды и, ухватившись за что попало, дико выли, призывая на помощь Николу-Угодника. Я самъ успѣлъ раздѣрнуть штоты. Паруса заполоскали. Шкуна выпрямилась и, бѣшено моталась со стороны на сторону, черная бортами, начала дрейфовать бокомъ. Бросилъ лотъ—12 саж. Мы опять сошли на глубину. Очевидно, нерескочили черезъ какую-то косу. Что дѣлать? Насъ несло подъ вѣтеръ, неминуемо должно было выбросить на берегъ въ мѣстѣ самаго сильнаго прибой и разнести въ щепки. Даже спасеніе экипажа являлось сомнительнымъ. Я рѣшилъ, что лучше, пользуюсь хорошими качествами судна, хотя и рискуя перевернуться, попробовать править парусами, привезти если не въ бейдевиндъ, то хоть въ полвѣтра п... идти на счастье. Можетъ-быть, этотъ куръ приведетъ насъ въ какое-нибудь закрытое мѣсто, гдѣ, выкинувшись, я спасу людей, а, можетъ-быть, во-время отдавъ якоря, даже... и самое судно. Всѣ эти соображенія промелькнули въ моемъ мозгу мгновенно, скорѣе, чѣмъ я могъ бы ихъ выразить словами. Съ револьверомъ въ рукѣ, стрѣляя надъ головами, работая кулакомъ, я прекратилъ напугу. Страшные люди—хорошая затрещина оказывается для нихъ сильнѣе страха смерти! Паруса снова наполнились, и шкуна, почти леза на бокъ, ринулась впередъ въ облакъ пѣны и брызги.

Этотъ неустойчивое, безумное стремленіе куда-то, въ непроглядную тьму ночи, ревъ шторма, грохотъ волнъ, перекатывавшихся черезъ налѣбу, ожиданіе ежеминутной гибели отъ сотни разныхъ причинъ, приводили меня въ какое-то восторженное состояніе. Я не жалѣю, что мнѣ довелось пережить эти минуты. Такъ полно, всѣмъ существомъ, каждой каплей крови—и никогда еще не жилъ. Я чувствовалъ, сознавалъ самого себя всего, до послѣднего волоска. Это было и жутко, и сладко. До крайности напряженная мысль работала поразительно ясно. Отвѣты и рѣшенія строгіе, точные создавались одновременно съ возникающими вопросами, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ головѣ, въ сердцѣ стоялъ какой-то угаръ.

Я думаю нѣчто подобное долженъ ощущать кавалерійскій

начальникъ, когда онъ впереди своего полка съ саблей наголо цесеря маршъ-маршемъ на цесарятельскія пушки, готовылъ брызнуть ему въ лицо картечью.

Внезапно свершилось какъ бы чудо: вѣтеръ дулъ съ прежней силой, но волна исчезла. Это было такъ рѣзко, такъ неожиданно... Я крикнулъ: „Паруса долой! отдай якорь!“ Но, хотя люди стояли на мѣстахъ, и все было заранѣе подготовлено, оказалось поздно. Подъ днищемъ раздался зловѣщій шорохъ, перешедшій въ скрипъ и трескъ; толчокъ, другой... рухнула фокъ-мачта... шкуна накренилась и стала. Стала и стоитъ такъ до настѣпающаго момента. Штормъ стихаетъ. Думалъ до разсвѣта скоротать время за письмомъ, да глаза слипаются. Усталъ, какъ собака. Лягу отдохнуть — положеніе вполнѣ безопасное. Какая иронія!

24-го іюля.

Курьезный случай! Ходить, смотрѣть и дивился. Въ темнотѣ мени угораздило влетѣть въ узкій, извилистый протокъ между двумя островами, въ такую шель, куда и среди бѣла дня подѣ парусами попасть трудно. Но „Сіянію“ видимо пришелъ конецъ.

Штормъ вчера былъ съ моря. Воды нагнало больше сажени, и мы выскочили далеко на берегъ. Теперь совсѣмъ стихло. Свѣтитъ солнце; тепло, хорошо... И кругомъ шкуны можно ходить безъ опасенія промочить ноги... Она несомнѣнно погибла. Прележить такъ, на боку до зны, а весной согреть ее ледоходомъ... и памяти не останется. Сначала я былъ вовсе убитъ, даже... растерялся. Вмѣстѣ съ судномъ потеряли крушеніе и мои планы.

Но теперь... не знаю... Неудача всегда дѣйствуетъ на мени, какъ шпоры на лошадь. Я становлюсь изобрѣтателемъ, предприимчивъ, тогда какъ среди благополучія чувствую, что обрастаю мохомъ. Въ головѣ у мени еще ничего опредѣленнаго не сложилось, но какъ-нибудь надо вывернуться. Я говорилъ въ Тайпшкѣ, что либо сломаю шею, либо доставлю грузъ въ Петербургъ черезъ Ледовитый океанъ. Я—цѣль, грузъ—цѣль. Значитъ—онъ долженъ быть въ Петербургѣ. Кажется, ясно.

Дальше я не могъ разобрать. На нѣсколькихъ страничкахъ вперемежку съ какими-то цифрами и коммерческими выкладками попадались только отрывочныя фразы въ родѣ: „Канальи Булавинни! пользуется случаемъ... хочеть содрать... Мерзавецъ!“ Иногда и болѣе сильныя выраженія; угрозы чьимъ-то „зубамъ“ и „мордамъ“. Наконецъ—

14-го августа. Шкуна „Заря“.

Свѣжій противный вѣтеръ. Укрылся подъ берегомъ и жду переменныя погоды. Будь это „Сіяніе“, не пришлось бы даромъ терять время. Ну, да что ужъ! Хорошо, что нашлась и такая посудина. Все же удалось вывернуться. Я купилъ „паузокъ“, попросту барку, одну изъ тѣхъ, въ которыхъ силавлиютъ хлѣбъ изъ верхнихъ округовъ въ безплодную тундры устья. Кое-что передѣлать, надстроилъ борта, поставилъ мачты съ „Сіянія“, оттуда же забралъ паруса и снасти, перенесъ грузъ, поднялъ флагъ и назвалъ свой новый корабль „Зарей“—аллегорическая заря моей будущей славы. Работы было по горло. Спать приходилось урывками, въ-полглаза. Пользуясь случаемъ, всѣ, кто только могъ, стремились мени прямо ограбить. Теперь смѣшно вспомнить, но тогда я—неистовствовалъ. Я торговался, какъ жидъ, ругался, грозилъ жаловаться губернатору, министрамъ, самому Государю...

Но какковы прославленные моряки! Какъ разъ, когда поворожденная „Заря“ была уже совсѣмъ готова, пришелъ съ моря пароходъ, построенный въ Европѣ по заказу здѣшнихъ купцовъ для плаванія по рѣкѣ. Его экипажъ, доставивъ судно по назначенію, долженъ былъ возвращаться сухимъ путемъ. Я возникновалъ при одной мысли имѣть настоящихъ матросовъ, обратился къ нимъ съ предложеніемъ поступить на „Зарю“, давалъ хорошія деньги—и что же? Они, какъ голговерскія крысы, пришли, поиухали и ушли прочь съ таинственнымъ видомъ. Судно плохо! Они находятъ, что безопаснѣе прокатиться на лошадиныхъ. Хорошо, что мои рабочіе ничего не смѣляютъ въ иностранныхъ лязкахъ. Имъ я объяснилъ, что тѣ сами приходили наниматься, да и отказалъ. Они, новидимому, повѣрили, но тутъ же проявили большую смекалку. Говорятъ: „Колн отказали, должно въ цѣнѣ не сомнѣнсь, а мы ста за что терпимъ? давно промежъ себя толкуемъ, что продешевили. Воля ваша, а ежели не набавите — не пойдемъ и шабашъ!“ Я, было, пригрозилъ губернаторомъ, острогомъ—не беретъ. „Далече, говорятъ, до губернатора. Сбѣжимъ тутъ, мало ли нашего брата шатается, — въ жисте не найдугъ. Не въ городѣ!“ Какковы анаемы? И вѣдь правы — тутъ три года скачи, ни до какого начальства не доскачешь. Сбѣгутъ — и шабашъ. Общаль. Впрочемъ, судя безирристрадно, они заслужили прибавку.

16-го августа.

Съ грустью убѣдился, что „Заря“ лавировать не можетъ. Два дни простоялъ на якорѣ, ожидая благоприятнаго вѣтра. Сегодня вышелъ въ море. Все благополучно. Какъ только берега скрылись изъ виду, собралъ своихъ рабочихъ и сказалъ имъ рѣчь на ихъ жаргонѣ. Я напомнилъ имъ особенности службы въ открытомъ морѣ, которымъ училъ теоретически. Общаль награды за усердіе, требовалъ безусловнаго повинове-

нія, грозилъ суровыми карамъ за лѣность и нерадѣніе. Объяснилъ, что не имѣя за собой никакихъ познаній и разъ доверившись имъ, они должны слѣпо исполнять всекое мое приказаніе. Первый, кто проявитъ непокорность, будетъ безъ разговоровъ выкинутъ за бортъ, а если остальные станутъ возмущаться, то я заведу ихъ туда, гдѣ всѣмъ придется пропасть. Самъ пропаду, но бунтовщиковъ не пожалѣю. Къ моему удивленію они приняли эти требованія и угрозы не только безъ молчаливаго протеста, но даже доброжелательно. Едва я кончилъ свою громоносную рѣчь, какъ кругомъ раздался голосъ: „Ладно ужъ! чего тутъ!“ „Держи ухо остро! извѣстно!“ „Мы что же...“ „Мы съ тобой завсегда...“ „Валяй въ нашу голову!“ и т. п. Признаюсь, я былъ тронутъ и заявилъ, что, сирашивая съ нихъ военную дисциплину, завожу въ отплату военный обычай—каждый день къ обѣду чарка водки. Съ тѣхъ поръ они мнѣ въ ротъ смотрятъ и каждое слово стараются поймать на лету. Право, при желаніи, изъ нихъ можно сдѣлать отличныхъ матросовъ. Прихожу къ убѣжденію, что при другихъ обстоятельствахъ самъ я, чего добраго, съ усѣхомъ бы могъ быть атаманомъ шайки разбойниковъ.

18-го августа.

Второй день идемъ открытымъ моремъ. Свѣжій попутный вѣтерокъ. „Заря“ бойко бѣжитъ впередъ, хоть и далеко ей до моего „Сіянія“! Какъ пріятенъ этотъ плавный, широкій размахъ океанскаго зыби послѣ крутой, безпокойной рѣчной волны. Приближается рѣшительная минута. Завтра, послѣ-завтра мы, вѣроятно, вступимъ во льды. Я готовъ ко всему. Я спокоенъ... Нѣтъ... тамъ, глубоко, на самомъ днѣ души, что-то дрожитъ и бьется... какое-то неизъяснимое, не поддающееся слову чувство... Такъ... да! именно такъ я шель первый разъ къ причастію!.. Еще два-три дня... Господи, помоги мнѣ!.. Нѣтъ, я не хочу думать о будущемъ!..

19-го августа.

Свѣтлая полярная ночь. Кругомъ разбитый ледъ. Иногда цѣлыя ледяныя поля. Идемъ, все круче и круче забирая къ югу.

20-го августа.

Взошло солнце и тотчасъ же скрылось за тучами. Сверху—сѣрое небо, кругомъ—свинцовая вода и бѣлыя грузныя массы льду. Холодомъ вѣетъ. Кажется, вся сила жизни сосредоточилась въ глазахъ, такъ напряженно высматриваютъ они удобнѣйшую дорогу. Даже мои матросы пригхили. Они сумрачны, строгі... по молодцы! Какъ отчетливо работаютъ! Я чувствую, что въ эту минуту мы составляемъ одно цѣло...

Весь день все то же.

21-го августа.

Двѣ ночи я не смыкалъ глазъ. Команда почти не отдыхала. Вѣтеръ слабѣетъ. Лѣдамъ не видать конца. Набѣгаетъ туманъ... Господи! да неужели...

Ледъ рѣдѣетъ...

Слава Богу! открытое море!..

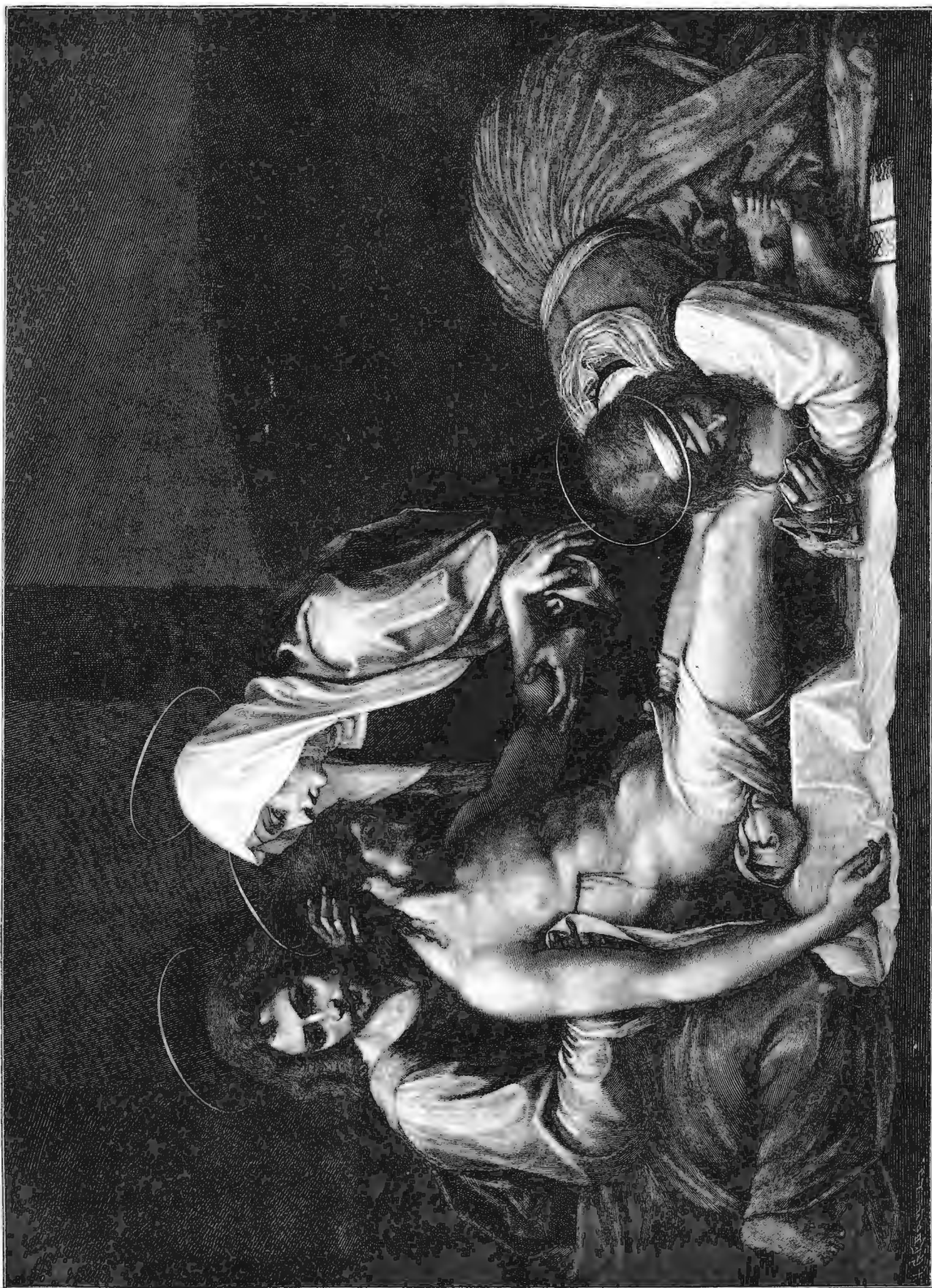
22-го августа.

Сегодня—самый торжественный день моей жизни. Сегодня въ 11 часовъ утра „Заря“ вошла въ европейскія воды. „Заря“—оснащенная барка, едва заслуживающая названія судна. Ноелъ этого можно ли сомнѣваться, что хорошо снабженный, сильный, крѣпкій пароходъ пройдетъ здѣсь вполнѣ безпретенциозно? Десятки, сотни пароходовъ развѣ не плаваютъ по Балтійскому морю, когда оно занолнено льдомъ? Эти разбитыя, широко разбросанныя льдины, право, не страшнѣе осенняго льда въ Финскомъ заливѣ. Въ незапамятныя времена владычества Новгорода, лѣтъ триста тому назадъ, здѣсь пролегать торный торговый путь; кипѣла жизнь; въ проливахъ существовали даже таможенныя заставы... Потому русская сила потонула на югъ; мы забыли Сѣверъ, пренебрегали имъ... Пришла пора вспомнить старое! Оно воскреснетъ! Богатства дѣлственаго края, которымъ теперь нѣтъ выхода, хлынуть на міровой рынокъ... Все сбудется вопреки вамъ, великіе мудрецы, которые въ тиши кабинета изрекаютъ ненормированныя мнѣнія о живомъ дѣлѣ. Я взялся за него изъ ухарства, изъ любви къ приключеніямъ, но теперь я понялъ, что работать въ этомъ направленіи значитъ пробудить цѣлый край, призвать къ дѣлтельности миллионы людей. Я жизнь положу за него. Я покажу свѣту, что мы, моряки, не хуже новгородскихъ ушкуйниковъ, не хуже ихъ ганзейскихъ товарницъ. Эхъ, вы, „мужи совѣта и разума“, покрытые архивной пылью, пугающиеся великой смѣлой, юной мысли... Но противъ фактовъ не устоятъ ваши глубокія умозаключенія. Мы, люди дѣла, пойдемъ противъ нихъ! Мы не только возстановимъ старую, забытую дорогу, которой пользовались наши далекіе предки, — мы откроемъ его весь, весь великій путь, о которомъ мечталъ Ломоносовъ!

Нѣтъ, не могу. Сколько ночей не спалъ, сейчасъ прилечь—не снится. Вообще я такъ разволновалъ, я не узнаю себя. Когда „Заря“ вышла изъ пролія, и передо мной раскинулось европейское море, я убѣжалъ въ каюту, уналъ на колѣни передъ образомъ... я не зналъ, какъ благодарить Бога за эту удачу, и не находилъ словъ для молитвы... и вдругъ... оказалось, что... чего давно, давно не было... ну да, что я плачу... Я одинъ,

Христосъ на Голгоѣ. Съ картины Тьеполо грав. Шотландерг.

Снятіє со креста. Съ картини Фра Бартоломео, по фот. А. Брауна, Клемента и К. въ Дорпахѣ, грав. Геданъ.

отрѣзавъ отъ міра, и никто еще не подозреваетъ, что разрѣшены ученые споры. Начало какихъ событій таится въ этой минутѣ?.. Терпѣніе, терпѣніе. Надо успокоиться.

Петербургъ. 4-го декабря.

Въ одиночествѣ отъ скуки перебиралъ свои бумаги и нашелъ эту книжку. Три года... всего три года, а сколько пережить... Какія надежды, какія пророчества—и все разлетѣлось прахомъ... Можно бороться съ моремъ, бороться съ врагами—людьми, но нельзя одолѣть тупого равнодушія, нельзя побѣдить тѣхъ, кто обладаетъ вѣсь холодной враждой не изъ-за того, что не сочувствуетъ дѣлу, а ради сохранения своего спокойствія. Это такая твердыня, о которую разобьется все — умъ, сердце и воля... Три года... но я постарѣлъ не на три года, а на тридцать лѣтъ. Все обмануло меня, и самъ я себя обманулъ. Я думалъ, что факты, что живой примѣръ, что мои слова—слова очевидца — убѣдятъ кого-нибудь, откроютъ глаза... Напрасно. Мы говоримъ на разныхъ языкахъ. Единственное средство расневелить этихъ спящихъ, самодовольныхъ людей — приказатъ, а я — вѣдь у меня нѣтъ власти приказывать... Когда меня, какъ рѣдкостнаго зѣвря, возили по разнымъ засѣданіямъ, показывали чуть не за деньги, я восхищался ихъ энтузіазмомъ, я не понималъ, что они только тѣшатъ себя, наполняютъ пустоту своей безцѣльной жизни, я ждалъ, что за громкими рѣчами начнется серьезное дѣло, я ждалъ... О, я долго ждалъ! Но теперь я не жду. Три года я бился, просилъ, убѣждалъ... Сначала—меня слушали, общались, потомъ—стали отмахиваться, какъ отъ докучной мухи, наконецъ—прямо гнали безпокойнаго человѣка, чуть не грозили... Я замолчалъ—и меня забыли... Забыли не одного меня, все забыли, все, все... Когда-нибудь восторжествуетъ правда; доброе сѣмя не пропадетъ; вѣроятно, иностранцы окажутся умнѣе, предприимчивѣе насъ и воспользуются тѣмъ, чѣмъ мы пренебрегаемъ... Явятся новые люди, спохватятся, хоть и поздно, двинуть великое дѣло... да будетъ имъ и успѣхъ, и слава, а я за него не борюсь... Довольно, довольно, довольно...

6-го декабря.

Третьяго дня, случайно найди и перечти свои старыя замѣтки, и такъ взволновался, что не спалъ ночь. Теперь это прошло. Я опять успокоился. Неправда. Не хочу вычеркивать невѣрнаго слова, но развѣ это глубокое безучастіе ко всему можно назвать спокойствіемъ? Гнилая петербургская погода—мокрый снѣгъ, тучи, сѣренькіе дни, когда въ квартирѣ круглыя сутки не туманъ огня—все такъ подѣ-стать состоянію моего духа. Двѣти весна, сій солнце — и, кажется, былъ бы обихажъ. Холодно, непривѣтно кругомъ—холодно, непривѣтно на сердцѣ. Душа никуда не рвется. Она замерла въ одномъ страстномъ, неутолимомъ желаніи бѣжать изъ тюрьмы... падломленная, безсильная, она только мечтаетъ о безбрежномъ льдистомъ просторѣ, гдѣ блещетъ сполохъ, гдѣ воетъ зимняя буря... Пустыня тамъ. Придетъ весна; океанъ сброситъ оковы, занумитъ свободной волной... а меня тамъ не будетъ... и никого не будетъ... пустыня останется пустыней.

Я никуда не выхожу, никого не принимаю, почти не говорю... стараюсь даже не думать. Но воспоминанія, неутолимые воспоминанія не даютъ мнѣ покоя. Прежде я приходилъ отъ нихъ въ ярость, грозился, проклиналъ... теперь—я смирился. Я не говю ихъ. Я отдаю ихъ мнѣ. Мнѣ какъ-то мучительно сладко это постоянное надѣвательство надъ самимъ собой, надъ своими разбитыми надеждами.

Помню, когда-то ничто такъ не возмущало меня, какъ отвѣтъ: все равно. Теперь—приди кто-нибудь и скажи: хотите и отрѣзавъ вамъ голову?—все равно...

7-го декабря.

Въ прежнее время я читалъ только или научныя книги, или классическія произведенія.

Съ однимъ классикомъ я и теперь не разстался. Это — Екклезиастъ. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ написаны эти строки, отъ которыхъ вѣетъ смертельной усталостью, могильной проіей, полнымъ безвѣріемъ... Тьма безпросвѣтная, холодъ кругомъ... Надежды нѣтъ. Всюду обманъ. Все безцѣльно, ничтожно, все только кажется...

* * *

Въ томъ нѣтъ грѣха, что въ разныхъ книгахъ
Ты ищешь правды и Христа,
То видишь свѣтъ въ постѣ, въ веригахъ,
То вдругъ пытливая мечта
Тебя властительно уноситъ
Къ далекимъ чуждымъ берегамъ.
...
Въ томъ нѣтъ грѣха... Кто въ дверь стучится,

Суета суетъ и все суета...

10-го декабря.

Какъ я жалокъ. Я поймалъ самъ себя на томъ, что каждый день какъ бы приноситъ мнѣ новое разочарованіе. Значить— я еще жду чего-то...

Жить, какъ вѣсь—золотое правило. Но если каждому животному, каждому растенію, которому даны какія-либо особыя качества, дано и особое назначеніе, то неужели и у меня нѣтъ моего дѣла!

А соколу, выращенному въ клеткѣ, развѣ пужны его крылья?..

1-го мая.

Я провелъ зиму въ одиночествѣ. Я переѣхалъ квартиру, на старой отгѣтился выбившимъ за городъ. (Да и немногіе меня разыскивали.) Я добился своего, ушелъ, какъ ултка, въ раковину, не видѣлъ, не слышалъ—почти не жилъ. Кажется, я былъ боленъ. Теперь весна, и во мнѣ что-то пробудилось вмѣстѣ съ природой. Бездѣйствіе тяготитъ. Что это? — требованіе еще здороваго тѣла или еще не въ конецъ добытой души?

3-го мая.

Рѣшено. Прежде, когда мнѣ хотѣлось бѣжать изъ Петербурга, я не допускалъ такого малодушія, я принуждалъ себя оставаться. Но теперь я уйду. Теперь я спокоенъ, и это не анагія, а настоящее спокойствіе. Прошлое не волнуетъ меня. Старые счеты закончены. Я иду къ новой жизни. Я хочу пережить вполнѣ, вполнѣ отрѣшиться отъ пережитого, умереть для него. Котомка за плечи, дорожная нарка въ руки. Пойду, куда глаза глядятъ, куда поведетъ судьба. Можетъ-быть гдѣ-нибудь найдется мнѣ дѣло по сердцу, можетъ-быть свобода вдохновитъ меня. Я смею все, всѣ бумаги, хотѣлъ сжечь и эту книжку, но... пожалѣлъ. Зачѣмъ?.. Здѣсь собраны случайныя замѣтки и мысли, набросанныя и въ самыя свѣтлыя, и въ самыя горькія минуты моего прежняго существованія, которое я теперь хороню. Я не прибавлю къ нимъ ничего новаго, но берегу ихъ, какъ неплѣ дорогого покойника. Можетъ-быть передъ смертью мнѣ захочется оглянуться на весь пройденный путь, оградно будетъ прочесть, вспомнить...

Дальше не было ни строчки.

Я подицелъ со своего мѣста и открылъ окно. Въ лицо мнѣ нахнуло утренней свѣжестью. Наступалъ день. Цѣлыя тучи часекъ съ пронзительными криками рѣяли надъ поверхностью бухты. На душѣ было такъ смутно; хотѣлось и плакать, и молиться. Мѣрный, торжественный благовѣстъ доносился изъ монастыря... Я невольно перекрестился, взявъ шапку и вышелъ, какъ въ туманѣ, не зная, зачѣмъ, не зная, куда. Я ономвился уже въ церкви. Изъ открытаго гроба на меня глядѣло чье-то худое, блѣдное лицо, и мнѣ чудилось, что въ этихъ рѣзко сдвинутыхъ бровяхъ, въ этой складкѣ плотно сжатаго рта и чистомъ вѣдомъ упрекъ, горькое сознаніе своего безсилія. Еще весь полный впечатлѣніями минувшей ночи, не думая о всей неузнѣности, даже дерзости моего поступка, я подошелъ къ о. казначею, котораго замѣтилъ среди братіи, и спросилъ:

— Какъ же будутъ хоронить о. Петра? Онъ завѣщалъ, какъ морикъ...

Статный сѣдой монахъ повернулся ко мнѣ сначала съ изумленіемъ, потомъ глаза его блеснули гнѣвомъ.

— Въ священномъ Писаніи сказано: „Земля еси и въ землю отыдеши“, — сурово отчеканилъ онъ и зачѣмъ, какъ бы смягчившись, прибавилъ: — а если до васъ дошло, что о. Петръ, святой жизни человѣкъ, напослѣдокъ отъ тяжкаго недуга какъ бы помрачился въ разсудкѣ и бредилъ, то униженно прошу: не способствуйте распространенію вредительныхъ слуховъ, дабы не ввести въ соблазнъ несмысленныхъ.

Я поклонился и отошелъ.

Въ гостиницѣ на вопросъ объ о. Тимоѣѣ мнѣ сообщили, что еще прошлой ночью онъ спѣшно отбылъ въ скитъ на одинъ изъ самыхъ дальнихъ острововъ.

Духовной жаждою томимъ,
Тому сомнѣніе простится,
И будетъ Богъ отысканъ имъ.
Судъ ждетъ того, кто мысль о Богѣ
Заботой суетной убилъ
И объ «украшенномъ чертогѣ»
Въ душѣ тоски не пробудилъ.

А. Кругловъ.

Къ рисункамъ.

Искупительный страданиямъ Иисуса Христа, о которыхъ весь христіанскій міръ вспоминаетъ въ Страстную седмицу, предшествовалъ радостный день, свидѣтельствующій о земной славі Спасителя. Когда послѣ воскресенія Лазаря Иисусъ шель въ Иерусалимъ по случаю приближавшагося праздника Пасхи, народъ вышелъ къ нему навстрѣчу съ пальмовыми вѣтвями и постилалъ одежды свои по дорогѣ. Это былъ торжественный, царскій въѣздъ Иисуса въ Иерусалимъ.

Въ память этого событія шестая недѣля Великаго поста именуется, какъ извѣстно, недѣлю Ваіи или Вербною недѣлею, а воскресенье, предшествующее Страстной недѣлѣ, также—Вербнымъ. И пальмовыя вѣтви, и одежды приобрѣли въ сѣдствіи символическое значеніе. „Подобно отрокамъ, принесемъ Христу вѣтви добродѣтелей, распростремъ и мы на пути Его одежды боголюбивыхъ дѣлъ“,—поетъ Церковь. Но по вѣрѣ того, какъ добродѣтели и боголюбивыхъ дѣлъ стало меньше на свѣтѣ, и **Вербное воскресенье** празднуется менѣе торжественно. Изъ всѣхъ столицъ міра **Римъ** праздновалъ этотъ день съ особенною торжественностью. Ни одна церковная служба въ вѣчномъ городѣ не производила такого сильнаго впечатлѣнія и не привлекала такъ много иностранцевъ, какъ именно служба въ Вербное воскресенье. Она пачиналась шествіемъ самого нана въ соборъ св. Петра. Его окружали все кардиналы, и когда онъ въ ихъ сопровожденіи занималъ мѣсто подъ самымъ куполомъ, начиналось торжественное освященіе вербъ подъ звуки церковныхъ пѣсней Палестины. Затѣмъ происходила раздача вербъ самимъ наною—сначала кардиналамъ, цѣлованнимъ при этомъ руку римскаго первосвященника, затѣмъ патриархамъ, архіепископамъ и епископамъ, цѣлованнимъ его колѣна, наконецъ, римскому дворянству, дипломатамъ, знатымъ иностранцамъ, цѣлованнимъ его туфлю.

Теперь церемонія освященія вербъ совершается уже не самимъ наною, а однимъ изъ кардиналовъ, и торжественный характеръ Вербнаго воскресенія въ значительной степени утратился.

Свершаетъ жизнь свой вѣрный кругъ,—
Обрядъ идетъ.. по гдѣ-то духъ
Животворящій притаился.

*

Животворящій духъ истинный вѣры притаился, но исчезъ ли онъ изъ міра? Кто рѣшится это утверждать въ дни Страстной седмицы, когда

Священный благовѣстъ торжественно звучитъ и по всему лицу земли русской народъ медленно движется на этотъ призывъ. „Приди ты, немощный, приди ты, радостный“.

И зовъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій,
Въ поляхъ разносится.

Не слышится ли въ этомъ зовѣ призывъ, обращенный ко всѣмъ несчастнымъ и обездоленнымъ, — а ихъ такъ много на свѣтѣ,—радостный призывъ: „**Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ**“.

*

Стоя передъ священникомъ, держащимъ чашу со Святыми Дарами, мы повторяемъ за нимъ молитву передъ причащеніемъ и мысленно переносимся къ Тому, Кто совершилъ великое дѣло искупленія грѣховнаго человѣчества. Приобщая себя такимъ образомъ, къ искупительному подвигу Христа, мы хоть на время отрѣшаемся отъ суеты жизни и, приближаясь къ истинѣ, жаждемъ свѣта и правды. Молитвенное настроеніе охватываетъ все наше существо, и у каждаго изъ молящихся невольно отдаются въ душѣ простыя, но утѣшительныя слова, которыя священникъ повторяетъ во дни печальнаго Великаго поста,—

„Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначала, змиа сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей:
Но дай мнѣ зрѣть мон, о Боже, прегрѣшеня,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденя,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживя“.

И, облегченные молитвой, мы вѣримъ, что

„Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И лавы съ совѣсти большой“.

*

Страстная седмица, напоминающая намъ о послѣднихъ дняхъ жизни Спасителя среди людей, полна самыхъ тяжелыхъ вос-

поминаній для истиннаго христіанина. **Христосъ на Голгоѣ!** Распятіе, ужасный и позорный видъ смертной казни въ древности, настолько позорный, что даже „само названіе его“, какъ говоритъ Цицеронъ, „никогда бы не должно приближаться къ мыслямъ, глазамъ и унамъ римскаго гражданина, а тѣмъ болѣе къ его личности“, по злобѣ и ненависти „избраннаго народа“ было примѣнено къ Христу Назарянину. Воины сколотили крестъ, взвалили его на плечи приговоренному къ смерти, и страшное шествіе двинулось за городъ къ лобному мѣсту, къ Голгоѣ. Толпа народа шла, по обычаю, за осужденнымъ.

„Онъ шель безропотно, тернистою дорогой,
Онъ встрѣтилъ радостно и гибель, и позоръ:
Уста, вѣщавшія учене прайды строгой.
Не изрекли толиа глумящейся укоръ.
Онъ шель безропотно и, на крестѣ распятый,
Народамъ завѣщаль и братство, и любовь;
За этотъ грѣшный міръ, порока тьмой объятый,
За ближняго лилась Его святая кровь“.

Тяжесть креста, отягченная грѣхами міра, надломилъ угасающую силу Великаго Мученика, и Онъ упалъ подъ ношей, ослабленной тѣлесными и духовными страданіями. Симономъ Киринеяниномъ, случайно проходившимъ мимо, замѣнилъ Его и удостоился великой чести несенія искупительнаго креста. Вся обстановка этого страшнаго шествія представлена на картинѣ Тьеноло и носитъ надрывающую душу характеръ.

„Тотъ, Кто съ вѣчною любовью
Воздавалъ за зло добромъ,—
Набиенъ, покрытый кровію.
Вѣнчалъ терновымъ вѣнкомъ,
Всѣхъ съ Собой страдающимъ ближнихъ,
Въ жизни долею обиженныхъ,
Угнетенныхъ и униженныхъ,
Осѣнилъ Своимъ крестомъ“.

Такъ закончилась земная жизнь Богочеловѣка, пришедшаго спасти міръ отъ первороднаго проклятія и смерти и взявшаго на Себя все необъятное бремя мирового грѣха... „Совершилось!“— было послѣднимъ словомъ Страдалца, и голова Его безжизненно упала на грудь.

*

Приведенное въ исполненіе злодѣйство возмутило и бездушную природу: смерть Христа сопровождалась необычайными знаменіями. Между тѣмъ уже день близился къ концу и, съ закатомъ солнца, началась суббота, съ которой совпадала и пасха, и надо было озаботиться съліемъ крестовъ, на которыхъ висѣли распятый Христосъ и двое преступниковъ. Иудейскіе старѣйшины обратились къ Пилату съ просьбою удалить казненныхъ, и тотъ разрѣшилъ, пославъ предварительно воиновъ удостовериться въ ихъ смерти. Одинъ изъ посланныхъ прободаль копьемъ бокъ Спасителя, и изъ раны Умершаго потекла кровь, смешанная съ водою. Тайный ученикъ Христа, видный членъ синедриона, Иосифъ Аримаевскій, неспросилъ у Пилата позволеніе похоронить Учителя и, съ помощью Никодима, снялъ тѣло со креста и, поспѣшно обвивъ его дорогими неленами, положилъ въ новую гробницу. При погребеніи присутствовали Марія Магдалина и Марія Іосіева; онѣ безутѣшно плакали надъ Пречистымъ Тѣломъ, „и было въ нихъ такъ много любви и страданья“, что

„Слезы одна за другою
По блѣднымъ щекамъ жемчугами катились“.

Преклонившись, онѣ долго лежали, „прильнувъ головою къ землѣ безответной, какъ будто въ томленъ шѣмомъ“ ожидали, что голосъ надъ ними „раздастся привѣтны“.

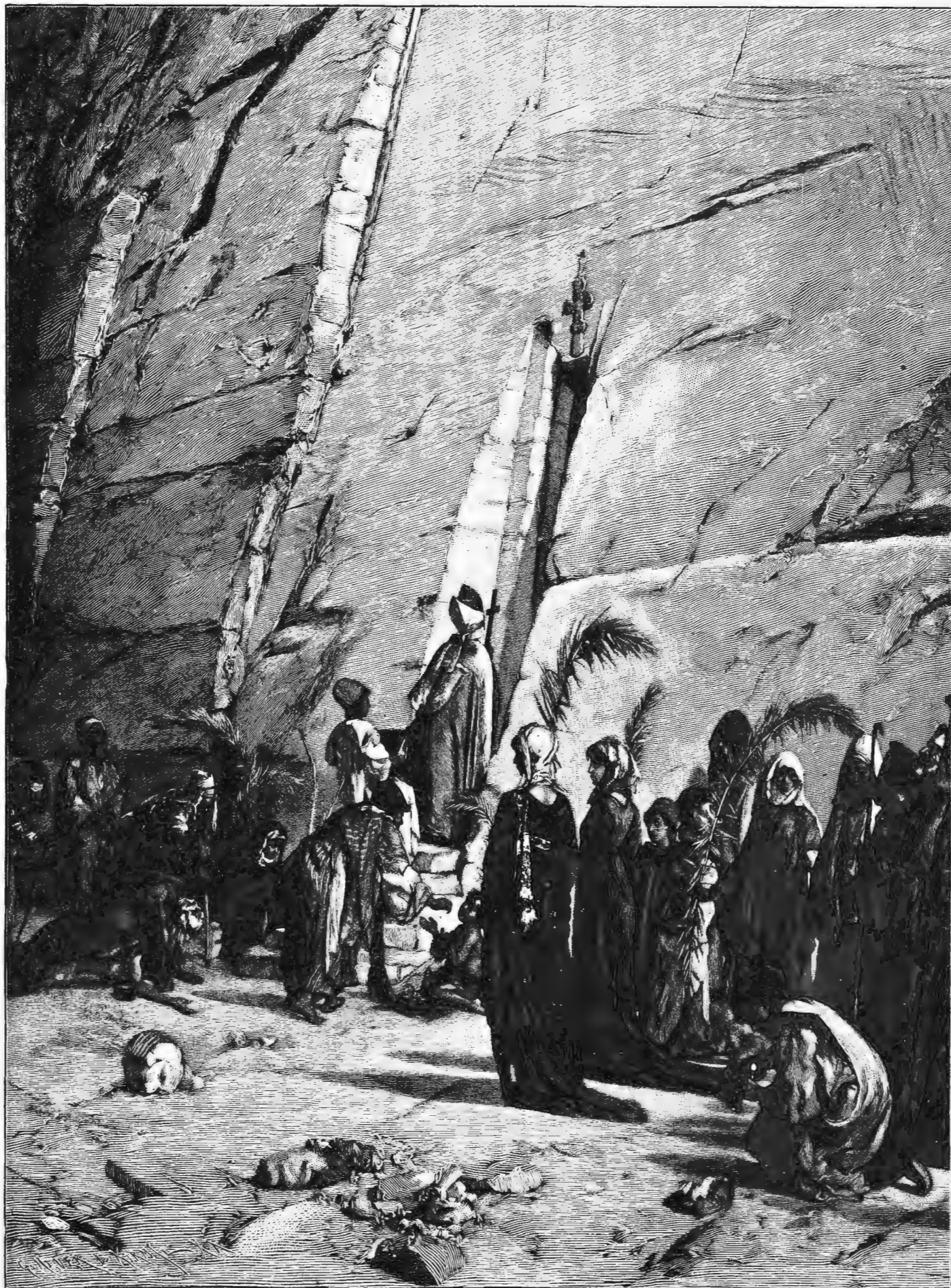
„Но было все тихо“...

и, казалось, что

„Скорбно смотрѣли Спасителя очн
На ту, что съ моленьемъ пришла невозможнымъ“.

*

Вспоминая дни страданій Христа, которыми Онъ запечатлѣлъ Свое великое ученіе, мы стремимся подъ очистительными страданіями крестнаго гора, постигающаго насъ на каждомъ шагу, воскресить тѣ чувства, съ какими праздновали **Вербное воскресенье** ближайшіе послѣдователи великаго Учителя въ древне-христіанскія времена. Картина Генца краснорѣчно напоминаетъ намъ объ этихъ чувствахъ и, проникаясь ими, мы вѣришь всего приблизимся къ земному благополучію и къ общественной правдѣ, къ которой стремится человѣческая душа тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе она страдала, чѣмъ суровѣе съ нею обошлась жизнь.

Верное воскресеніе въ древне-христіанскія времена. Съ картины В. Генда грав. Кирмзе.

Высокопреосвященный Владимиръ, митрополитъ московскій и коломенскій. (Портр. на этой стр.)

21-го февраля т. г. на московскую митрополитскую кафедру избранъ членъ святаѣйшаго синода, экзархъ Грузіи, архіепископъ карагинскій и кахетинскій Владимиръ.

Грузинская кафедра, замѣщенная нынѣ преосвященнымъ Флавіаномъ, архіепископомъ варшавскимъ и холмскимъ, высоко стоитъ между другими архіерейскими кафедрами, и поэтому назначеніе на нее обыкновенно падаетъ на выдающихся іерарховъ, своимъ предыдущимъ архіерейскимъ служеніемъ заявившихъ себя съ наилучшей стороны. Кафедра грузинская часто служила переходной ступенію къ кафедрѣ митрополитской; такъ было для покойнаго Исидора, митрополита с-петербургскаго, и для нынѣ здравствующихъ митрополитовъ Іоанникия и Палладія.

Митрополитъ Владимиръ сравнительно недолго проходилъ епископское служеніе и вступаетъ на святительскую кафедру въ полномъ расцвѣтѣ физическихъ и духовныхъ силъ. Высокопреосвященный родился въ 1847 г. въ селѣ Малой Моршкѣ, Моршанскаго уѣзда Тамбовской губерніи, гдѣ его отецъ былъ священникомъ. Мѣрское имя митрополита было — Василій Никаноровичъ Богоявленскій. Первоначальное и среднее образованіе получилъ онъ въ тамбовской духовной семинаріи, а высшее богословское — въ кievской духовной академіи, курсъ которой окончилъ со степенью кандидата богословскихъ наукъ, въ 1874 году. По окончаніи курса онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ тамбовскую духовную семинарію. Во время служенія здѣсь онъ былъ рукоположенъ во священника. Служеніе его въ бѣломъ духовенствѣ было непродолжительно. Лишившись жены, умершей отъ чахотки, и ребенка, скончавшагося вскорѣ послѣ смерти матери, онъ 6 февраля 1885 г. былъ постриженъ въ монашество и въ санѣ архимандрита назначенъ былъ настоятелемъ Козловскаго Троицкаго монастыря. Въ томъ же году переведенъ былъ въ Новгородъ настоятелемъ Антоніева монастыря и проходилъ это служеніе до 1888 г., когда онъ возведенъ былъ въ санъ епископа старорусскаго, викарія новгородской епархіи. Викариатское епископство въ обширной новгородской епархіи могло служить прекрасною школою и подготовкою для самостоятельнаго епископства. Высокопреосвященный Владимиръ проявилъ здѣсь весьма оживленную дѣятельность и особенное умѣнье. Его объѣзды епархіи, для ревизіи церквей, и распоряженія, начатаиыя по обыкновенію въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, выказали въ немъ внимательнаго церковнаго администратора. Особенно много заботился высокопреосвященный Владимиръ о церковномъ учительствѣ. Къ этому дѣлу онъ привлекъ мѣстное духовенство и самъ служилъ для него примѣромъ и образцомъ. Владыка проповѣдывалъ въ Новгородѣ усердно и часто, и его проповѣди и поученія производили замѣтное впечатлѣніе въ новгородскомъ обществѣ и привлекали къ его ораторской кафедрѣ многочисленныхъ слушателей изъ различныхъ слоевъ общества. Своею просвѣденною дѣятельностью высокопреосвященный Владимиръ сумѣлъ приобрести въ короткое время всеобщее почтеніе и особенныя симпатіи въ Новгородѣ. Самымъ лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить тѣ сердечныя привѣтствія, съ которыми проводили новгородцы владыку, когда ему назначено было, въ 1891 году, занять самостоятельную епископскую кафедру въ Самарѣ. Непродолжительное служеніе его въ Самарѣ совпало съ тяжелымъ для края временемъ: 1892 гдѣ былъ, какъ извѣстно, несчастнымъ годомъ неурожая и къ тому же холерной эпидеміи. И здѣсь высокопреосвященный Владимиръ оказался на высотѣ своего положенія, и своею дѣятельностью и цѣлесообразными распоряженіями старался, насколько возможно, облегчить тяжкое народное бѣдствіе.

Въ 1892 году высокопреосвященный назначенъ былъ экзар-

хомъ Грузіи, и за пять лѣтъ своего управленія грузинскимъ экзархатомъ онъ успѣлъ очень много сдѣлать для духовнаго просвѣщенія Кавказа. Подобно тому, какъ въ Новгородѣ и Самарѣ, высокопреосвященный устроилъ вѣдбогослужебныя собесѣдованія съ народомъ и, развѣзая по вѣренному ему обширному экзархату, неустанно поучалъ народъ и говорилъ проповѣди; сильно озабоченный урядкомъ и заброшенностью мѣстныхъ храмовъ, высокопреосвященный изыскалъ средства для возобновленія древняго Мцхетскаго собора, сажарскаго и самейскаго монастырей и многихъ старинныхъ церквей. Въ общемъ стараниями высокопреосвященнаго было возобновлено и сооружено въ край болѣе 100 церквей, основано болѣе трехсотъ приходскихъ школъ и учреждена въ Кутансѣ духовная семинарія. Все эти труды высокопреосвященнаго на пользу разноплеменной и разноязычной грузинской церкви глубоко цѣнились его многочисленной паствой, трогательно выразившей свою любовь къ высокопреосвященному при разставаніи съ нимъ, 15-го марта, въ Тифлисѣ.

Прощаніе Грузіи съ своимъ бывшимъ экзархомъ, уѣзжавшимъ въ Петербургъ, а оттуда въ Москву, къ мѣсту своего новаго служенія, носило очень сердечный характеръ. На прощаніе грузинская паства поднесла своему архипастырю посохъ и икону.

Выдающаяся архипастырская дѣятельность новозабраннаго митрополита Владимира ярко очерчена въ слѣдующихъ словахъ Высочайшаго рескрипта, даннаго высокопреосвященному Государемъ Императоромъ 21-го февраля т. г.: „Пріемля близко къ сердцу поначеніе объ избраніи на святительскую кафедру первопрестольнаго града Москвы іерарха, достойнаго проходить сіе великое служеніе, Я призналъ за благо вѣрнѣе вамъ управленіе московскою епархіею съ возведеніемъ васъ въ санъ митрополита. Любовь пасомыхъ, которую вы стяжали въ самарской епархіи и въ грузинскомъ экзархатѣ, свидѣтельствуеетъ о вашей архипастырской ревности ко благу вѣренной вамъ паствы и утверждаетъ въ надеждѣ, что вы проявите полную вашу святительскихъ дарованій въ мудромъ управленіи московскою епархіею и непрестанныхъ заботахъ о христіанскомъ просвѣщеніи пасомыхъ, утвержденіи въ нихъ преданности къ святой вѣрѣ и охраненіи церковнаго устава и благолѣпія богослуженій“.

П. А. Безсоновъ.

(Портр. на стр. 258.)

22-го февраля 1898 года скончался въ Харьковѣ отъ паралича сердца знаменитый нашъ ученый Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ. Покойный родился въ 1828 г. Онъ былъ сынъ московскаго священника, состоявшаго законоучителемъ въ университетскомъ пансіонѣ. Свое первоначальное образованіе П. А. получилъ въ московской духовной семинаріи, откуда поступилъ на историко-филологическій факультетъ московскаго университета и кончилъ курсъ первымъ, со степенью кандидата. Будучи однимъ изъ лучшихъ учениковъ Буслаява, Шевырева и Бодинскаго, онъ еще студентомъ второго курса обратилъ на себя вниманіе гр. С. С. Уварова своимъ сочиненіемъ „О современномъ состояніи психологіи“. Составленный при университетѣ, П. А. Безсоновъ посвятилъ себя спеціальному изученію древнихъ языковъ, славянскихъ нарѣчій и санскрита.

Въ 1855 г. началъ онъ свою службу въ комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ; два года спустя онъ уже былъ назначенъ старшимъ совѣтникомъ московской синодальной типографіи; съ 1864 г. состоялъ онъ директоромъ вилескаго равнинскаго училища и мѣстной гимназіи, завѣдующимъ музеемъ, публичною бібліотекою и предсѣдателемъ археографической комиссіи. Затѣмъ съ 1867 г. въ теченіе 15 лѣтъ онъ занималъ должность бібліотекаря московскаго университета, а съ 1879 года по день смерти состоялъ профессоромъ харьковскаго университета по кафедрѣ славянской филологіи и лекторомъ итальянскаго языка. Въ московскомъ университетѣ П. А. Безсоновъ читалъ для желающихъ сла-

виския нарѣчія, языки чешскій, польскій и, въ особенности, сербскій и болгарскій. Чтенія эти производились имъ по памятникамъ и сопровождались этнографическими, историческими и филологическими объясненіями. Во время своего пребыванія въ г. Вильно покойнымъ исполненъ былъ огромный трудъ, въ которомъ онъ проявилъ свои выдающіяся историческія и лингвистическія знанія. По особому порученію имъ были разобраны, приведены въ извѣстность и описаны канцелярскій и епархіальный архивы, состоящіе при римско-католической кафедрѣ, и разобраны бібліотека и бумаги умершаго въ Вильно ученаго Малиновскаго. Въ 1856 году П. А. Безсоновъ удостоенъ былъ отъ Императорской Академіи Наукъ почетнаго отзыва за изданіе: „Болгарскія пѣсни“.

П. А. Безсоновъ, въ качествѣ члена отъ министерства народнаго просвѣщенія, работалъ въ высшей комиссіи для пересмотра всѣхъ дѣйствующихъ о еврейхъ въ Имперіи законовъ.

Широкую и крайне почетную извѣстность покойный П. А. Безсоновъ завоевалъ своими многотомными трудами по народной словесности, какъ то: „Пѣсни П. В. Кирѣвскаго“, „Калики переходже“, „Болгарскія пѣсни“, „Дѣтскія пѣсни“ и „Бѣлорусскія пѣсни“; каждое изъ этихъ сочиненій въ отдѣльности представляетъ колоссальный трудъ и составляетъ цѣнный вкладъ въ науку.

Кромѣ того, перу П. А. Безсонова принадлежатъ рядъ статей, разбросанныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ: *Мольт*, *Днь И. С. Аксакова*, *Русской Бесѣдѣ*, *Русскомъ Архивѣ*, *Православномъ Собесѣдникѣ* и т. д.

Во вниманіе къ выдающимся ученымъ заслугамъ П. А. Безсонова, казанскій университетъ поднесъ ему еще въ 1878 году почетный дипломъ на званіе доктора славянскій филологій.

Н. А. Римскій-Корсаковъ и его опера „Садко“

(Портр. на этой стр.).

Во время великаго поста въ Петербургѣ гастролировали двѣ оперныя труппы: нѣмецкая, дававшая преимущественно вагнеровскія произведенія въ Маринскомъ театрѣ, и русская, московская, частная, занимавшая большую залъ консерваторіи и отводившая много спектаклей операмъ г. Римскаго-Корсакова. Благодаря ей, мы познакомились съ новой оперой послѣдняго: „Садко“, имѣвшей успѣхъ въ Москвѣ. Кромѣ того, московской труппой поставлены были его же — „Майская ночь“ (комическая опера), „Псковитянка“ (драматическая) и „Сибѣгурочка“ (эпическая), „Хованщина“ Мусоргскаго, „Опричникъ“ Чайковскаго, впервые также „Богема“ Пуччини, пользующаяся въ Италіи, хотя и дѣланымъ, но шумнымъ успѣхомъ, и др. Словомъ, труппа имѣетъ свой репертуаръ съ національной окраской, равно какъ и нѣмецкая—своей. Такъ какъ г. Римскій-Корсаковъ занимаетъ въ репертуарѣ исключительное мѣсто, и другія оперы его извѣстны уже читателямъ, то мы остановимся преимущественно на его новой оперѣ: „Садко“.

„Садко“—шестая опера нашего композитора, испробовавшаго свои силы въ разныхъ жанрахъ: комическомъ („Майская ночь“, „Ночь передъ Рождествомъ“), драматическомъ („Псковитянка“) и эпическо-фантастическомъ („Сибѣгурочка“ и „Млада“). Наибольше удачнымъ вышло у него то, что болѣе въ характерѣ его дарованія: комическое и драматическое въ тѣсномъ смыслѣ слова—не его сфера; ему особенно удаются эпическія и фантастическія картины. Произведенія его съ этимъ характеромъ имѣютъ безусловное значеніе въ нашей оперно-музыкальной литературѣ, и здѣсь онъ отвоёвалъ себѣ почетное мѣсто среди нашихъ композиторовъ.

Изъ всѣхъ его оперъ самая лучшая, въ смыслѣ цѣльности, характерности, колоритности, — это „Сибѣгурочка“ (весенняя сказка Островскаго того же названія), въ которой онъ не имѣлъ

дѣла ни съ драматическимъ дѣйствіемъ, ни съ ярко очерченными характерами, ни съ опредѣленными страстями, ни съ извѣстными положеніями (комическими или трагическими). Здѣсь онъ былъ предоставленъ своей сферѣ: музыкальному описанію бытовыхъ сторонъ, лирическихъ моментовъ, фантастическихъ картинъ. „Садко“ обладаетъ тѣми же сторонами; и здѣсь—былина (опера и названа „былинной“ „въ картинахъ“), эпическій сюжетъ, есть лиризмъ (отношенія жены Садко, Любовы, къ мужу), фантастическій элементъ (любовь дочери морского царя Волховы къ Садко, его пребываніе въ подводномъ царствѣ), бытовые стороны (Новгородъ, его торговые отношенія) и пр.

Картины между собою мало связаны, но каждая изъ нихъ въ отдѣльности интересна. Особенно удачны первые три картины, представляющія рѣзкій контрастъ между собой. Первая происходитъ въ Новгородѣ, вторая у Ильмень-озера, а третья въ теремѣ Садко; бытовой картинѣ противопоставляется фантастическая (любовная сцена Садко и Волховы, обещающей ему три рыбки золотыхъ, которыя принесутъ ему счастье и богатство) и реальная (жена, скучающая по отсутствующему мужу). Слѣдующія картины, имѣющія своимъ сюжетомъ посѣщеніе Садко подводнаго царства и возвращеніе его къ женѣ въ Новгородѣ, обилуютъ массой эпизодовъ, излишними подробностями, безъ которыхъ можно было бы смѣло обойтись.

Фантастическій элементъ—наибольше удачный въ „Садко“: вторая картина—кульминаціонный пунктъ оперы; для слѣдующихъ картинъ, въ которыхъ дѣйствуетъ морская царевна и пятая картина, въ которой Садко, простившись съ дружиною на кораблѣ, опускается на дно морское.

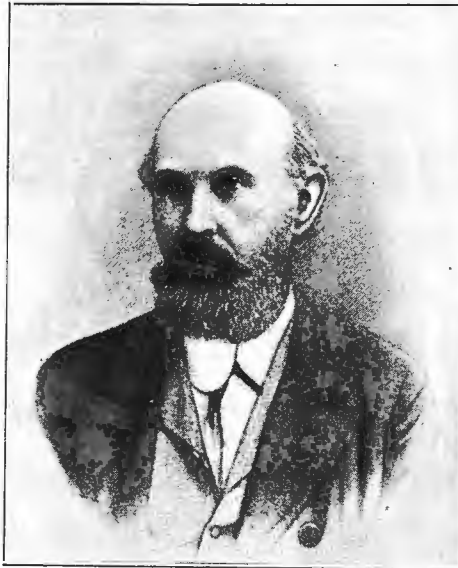
Авторъ удачно вводитъ и сказку о морской царевнѣ, и былинку о Волхѣ Всеславичѣ, рассказываемую гусляромъ Нѣжатой, и эпизодъ изъ Голубиной книги (каликы-перехожіе), и сказку о Хмель-Ярѣ (скоморохи), и др. Наибольше удачно отдѣланными въ музыкальномъ смыслѣ фигурами являются: морская царевна Водхова, имѣющая много общаго по характеру своему и обрисовкѣ съ Сибѣгурочкой, и былинный герой Садко, рѣчи котораго, хотя и речитативнаго свойства, но не лишены мелодичности (въ этомъ отношеніи авторъ дѣлаетъ въ „Садко“ большой шагъ впередъ). Обставлена опера весьма хорошо для частной сцены, чего нельзя сказать о постановкѣ московской труппой другихъ оперъ.

В. Басинъ.

Проектъ храма близъ станціи Петропавловскъ.

(Рис. на стр. 259.)

Съ проведеніемъ рельсоваго пути въ Сибирь значительно усилился притокъ переселенцевъ въ мѣстности, прилегающія къ линіи Сибирской желѣзной дороги. Постепенное заселеніе этихъ районовъ выходцами изъ внутренней Россіи вызываетъ для правительства необходимость оказывать новоселамъ поддержку въ удовлетвореніи ихъ наиболѣе настоятельныхъ потребностей, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ. Особенно сильнымъ является стремленіе переселенцевъ къ духовно-нравственному просвѣщенію. Привыкшіе на родинѣ къ частому посѣщенію церковныхъ службъ, сибирскіе переселенцы по прибытіи на мѣста новаго водворенія попадаютъ въ совер-

П. А. Безсоновъ († 22 февраля 1898 г.).
Съ фот. автотипія „Нивы“.

композиторъ пользовался своей фантазіей для оркестра „Садко“, написанной давно уже, гдѣ тридцать тому назадъ, и вошедшей почти цѣлкомъ въ шестую картину, въ которой Садко своей игрой на гусляхъ приводитъ въ движеніе и веселіе все подводное царство. Авторъ имѣетъ большую склонность къ народнымъ сценамъ, и имъ отведено не мало мѣста въ „Садко“; таковы: первая картина, четвертая (нѣчто въ родѣ торжища; съ картинами этого рода мы знакомы по „Псковитянкѣ“ (народное вѣче) и „Младѣ“ (торжище)) и послѣдняя. Эффектна и пятая картина, въ которой Садко, простившись съ дружиною на кораблѣ, опускается на дно морское.

Н. А. Римскій-Корсаковъ.
Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

этихъ районовъ выходцами изъ внутренней Россіи вызываетъ для правительства необходимость оказывать новоселамъ поддержку въ удовлетвореніи ихъ наиболѣе настоятельныхъ потребностей, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ. Особенно сильнымъ является стремленіе переселенцевъ къ духовно-нравственному просвѣщенію. Привыкшіе на родинѣ къ частому посѣщенію церковныхъ службъ, сибирскіе переселенцы по прибытіи на мѣста новаго водворенія попадаютъ въ совер-

менно иныя и притом весьма неблагоприятныя условия. Истративъ на путевыя издержки и на нужды первоначальнаго обустройства какъ скудныя средства, взятые ими съ родины, такъ и пособие, выдаваемое правительствомъ по прибытіи въ Сибирь, новоселы не имѣютъ никакой возможности безъ посторонней помощи соорудить въ своихъ поселкахъ церкви или школы. Между тѣмъ, при отсутствіи въ этихъ поселкахъ храма зарождается опасеніе, чтобы новоселы, по прибытіи въ Сибирь, не сдѣлали замѣтнаго шага назадъ въ своемъ духовно-нравственномъ развитіи, чтобы они не утратили многія драгоценныя черты своей духовной культуры.

Въ виду неотложной необходимости оказать сибирскимъ новоселамъ содѣйствіе въ ихъ благочестивомъ желаніи имѣть въ своихъ поселкахъ храмъ, въ 1894 г. при канцеляріи комитета министровъ былъ открытъ приемъ пожертвованій на образованіе капитала для постройки въ районѣ Сибирской желѣзной дороги церквей и школъ. Въ настоящее время на средства этого фонда, по официальнымъ свѣдѣніямъ, отчасти сооружены, отчасти строятся 110 церквей и 86 школъ. Руководство дѣломъ сооруженія этихъ зданій принадлежитъ учрежденной при комитетѣ Сибирской желѣзной дороги подготовительной комиссіи. При расхождении средствъ вышеупомянутаго фонда комиссія обращаетъ особое вниманіе на районы, окружающіе главныя станціи Сибирской желѣзной дороги, въ которыхъ, кроме значительнаго числа переселенческихъ поселковъ, сосредоточены колоніи желѣзнодорожныхъ рабочихъ, а также проживаютъ семьи лицъ, служащихъ при станціи.

Сооруженіе храма близъ станціи Петропавловскъ западно-сибирской желѣзной дороги являлось настоятельно необходимымъ въ виду значительнаго числа проживающихъ на станціи желѣзнодорожныхъ служащихъ, лишенныхъ возможности посѣщать

церкви, находящіяся въ близкомъ городѣ Акимовинской области, Петропавловскѣ, расположенномъ въ 4-хъ верстахъ отъ станціи. Въ особенности же благотворнымъ было бы вліяніе, оказанное сооруженіемъ подобнаго храма на дѣло удовлетворенія духовныхъ нуждъ тѣхъ изъ переселенцевъ, которые останавливаются на нѣсколько дней и даже недѣль въ означенномъ районѣ для того, чтобы разойтись отсюда на отведенные имъ участки. Нынѣ оказалось возможнымъ приступить къ возведенію близъ вышеупомянутой станціи каменнаго храма, благодаря крупнымъ пожертвованіямъ, сдѣланнымъ въ церковно-строительный фондъ имени Императора Александра III тайнымъ совѣтникомъ Н. А. Терещенко (10,000 р.), о. Іоанномъ Сергіевымъ (400 руб.) и двумя лицами, пожелавшими остаться неизвѣстными (по 5,000 руб. каждый). Храмъ этотъ, на сооруженіе котораго въ честь Императрицы Маріи Теодоровны послѣдовало Высочайшее соизволеніе, будетъ построенъ въ стилѣ XVII столѣтія съ тремя придѣлами. Церковь будетъ снѣга и утварью, отлитую изъ Высочайше пожалованнаго металла. Кроме церкви, при станціи предполагено соорудить и церковно-приходскую школу.

Общая сумма потребныхъ на возведеніе храма средствъ составляетъ 35,000 р., изъ которыхъ на лицо имѣется 20,400 р. Сооруженіе вышеупомянутаго храма будетъ имѣть громадное значеніе для всей окрестности г. Петропавловска; въ него будетъ стекаться не одна тысяча переселенцевъ, которые въ настоящее время лишены духовнаго

Проектъ каменной церкви во имя Св. Равноапостольной Маріи Магдалины на ст. Петропавловскъ западно-сибирской жел. дор. По проекту А. Орѣхова, грав. Шлиперъ.

утѣшенія, черпаемого въ посѣщеніи божественной службы.

Но во многихъ поселкахъ, раскинутыхъ по безпредѣльному пространству Сибири, еще не слышенъ церковный благовѣстъ, который столь дорогъ каждому православному, и лишь обильный и непрерывный притокъ пожертвованій можетъ обеспечитьъ усѣбное завершеніе великаго дѣла церковнаго строительства въ далекой Сибири.

Политическое обозрѣніе.

Ниже, въ отдѣлѣ „Разныхъ Извѣстій“, читатели познакомятся съ официальными документами чрезвычайной важности. 15-го марта состоялось съ Китаемъ соглашеніе, въ силу котораго Россія приобрѣла право пользованія въ теченіе 25 лѣтъ тихо-океанскими портами: Портъ-Артуромъ и Талиенваномъ. Это соглашеніе послужитъ прочной основой для обезпеченія нашихъ интересовъ на берегахъ Великаго океана. Къ этому знаменательному историческому событію западно-европейская печать отнеслась съ полной серьезностью: политическіе кружки прониклись важностью событія, усматривая въ немъ „иснолинскій шагъ традиціонной политики Россіи на дальнемъ Востокѣ“. Въ одномъ лишь Лондонѣ, — хотя совершившійся фактъ давно считался неизбежнымъ, — раздались недовольные голоса крайнихъ британскихъ патриотовъ, но и то въ очень умѣренной формѣ.

Еще до появленія нашихъ броненосцевъ у Портъ-Артура, Германія, какъ извѣстно, отмежевала себѣ сферу вліянія на китайской территоріи къ югу отъ Печилійскаго залива. По отзывамъ германской вліятельной печати, послѣ окончательнаго заключенія нѣмецко-китайскаго договора, германское правительство приказало удалить нѣмецкій гарнизонъ изъ нейтральной полосы шириною въ 50 километровъ вокругъ Кіао-Чау, чтобы возвратить эту территорію Китаю, съ условіемъ, однако, чтобы китайцы не воздвигали на ней никакихъ сооруженій безъ согласія Германіи. Одновременно съ установленіемъ долгосрочной „аренды“ на Кіао-Чау Германія получила концессию на постройку желѣзныхъ дорогъ. По свѣдѣніямъ *Times*, когда совѣщаніе иностранныхъ консуловъ въ Чифу возбудило вопросъ объ отдѣльныхъ концессіяхъ на постройку желѣзныхъ дорогъ на Шантунгскомъ полуостровѣ, германскій консулъ

энергично протестовалъ, заявивъ, что весь этотъ полуостровъ входитъ въ сферу вліянія Германіи.

Безъ сомнѣній, успѣхи германской дипломатіи на дальнемъ Востокѣ облегчили задачу императора Вильгельма создать сильный германскій флотъ. Въ рейхстагѣ прогивниками законопроекта о флотѣ остались лишь социалъ-демократы, германская свободомыслящая народная партія и поляки, которые, не отрицая важности вопроса съ національной точки зрѣнія, отказались поддерживать проектъ въ виду внутренней политики Пруссіи, ассигновавшей сто милліоновъ марокъ на осуществленіе польскихъ округовъ. Послѣ продолжительныхъ прерній основной параграфъ законопроекта о флотѣ вотированъ былъ 12-го марта большинствомъ 212 голосовъ противъ 139, а 16-го марта рейхстагъ окончательно принялъ законъ о флотѣ при оживленныхъ крикахъ: „браво!“

Во Франціи палатой депутатовъ рѣшенъ крупный вопросъ, всегда служившій камнемъ преткновения для министерства: бюджетъ на текущій годъ благополучно передать палатѣ на обсужденіе сената. Разсмотрѣніе, однако, этого вопроса такъ затянулось, что правительству пришлось еще разъ обратиться къ временнымъ кредитамъ: палата безъ прерній приняла 16-го марта четвертый мѣсячный бюджетъ. Тѣмъ не менѣе въ скоромъ времени ожидается окончательное утвержденіе бюджета. Въ виду предстоящаго закрытія сессіи, оппозиція еще разъ попыталась поколебать авторитетъ нынѣшняго кабинета на

почвѣ текущей внѣшней политики. На предъявленные запросы министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото далъ палатѣ слѣдующія объясненія: къ Греціи державы относятся вполне дружественно; греческій заемъ имѣетъ цѣлью эвакуацію Фессаліи; вслѣдъ за греческимъ вопросомъ уладится немедленно критскій вопросъ; Германія и Австрія удалили свои войска съ Крита въ надеждѣ, что этотъ островъ постепенно привыкнетъ къ самоуправленію; Франція не брала на себя почина въ измѣненіи status quo въ Китаѣ, покушеніе на цѣлость котораго вызвало бы катастрофу, но, въ силу прежнихъ конвенцій, Франціи потребовала соответственныхъ выгодъ по обезпеченію своей безопасности въ Индо-Китаѣ. Въ вопросѣ объ островѣ Кубѣ существуютъ серьезныя затрудненія: весь мѣръ съ тревогою слѣдитъ за борьбою на Кубѣ, желая ея окончанія. Палата ищетъ чувство симпатіи и уваженія къ Испаніи вслѣдствіе стариннаго добраго сосѣдства, родства расъ и общихъ интересовъ. Съ другой стороны въ дѣло замѣшана мощная заатлантическая республика — сестра французской, полная вѣры въ себя, требующая исхода изъ давно продолжающагося бѣдствія. Первый долгъ Франціи — выразить обоимъ народамъ желаніе объ устраниеніи ужасовъ войны, — „горячее желаніе о справедливомъ разрѣшеніи вопроса, объ удовлетвореніи права, чести и свободы, о дарованіи обоимъ народамъ великихъ благъ мира“. Палата большинствомъ 300 голосовъ противъ 111 одобрила объясненія правительства.

Разныя извѣстія.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, отъ 17-го марта т. г., опубликовано слѣдующее правительственное сообщеніе.

15-го марта въ Пекинѣ состоялось подписаніе уполномоченными Россіи и Китая особаго соглашения, въ силу коего Императорскому правительству уступлены въ пользованіе на 25-лѣтній срокъ, который, по обоюдному согласію, можетъ быть затѣмъ продолженъ, — порты Артуръ и Талиенванъ съ соотвѣствующими территоріею и воднымъ пространствомъ; а равно предоставлена постройка железнодорожной вѣтви на соединеніе этихъ портовъ съ великою Сибирскою магистралію.

Соглашеніе это является прямымъ и естественнымъ послѣдствіемъ установившихся дружественныхъ отношеній между обширными сосѣдними имперіями, всѣ усилія коихъ должны быть направлены къ охраненію спокойствія на всемъ огромномъ пространствѣ ихъ граничныхъ владѣній на обоюдную пользу подвластныхъ имъ народовъ.

Обусловленное дипломатическимъ актомъ 15-го марта мирное занятіе русскою военно-морскою силою портовъ и территорій дружественнаго государства какъ нельзя лучше свидѣтельствуеетъ, что правительство богдыхана вполне вѣрно оценило значеніе состоявшагося между нами соглашенія.

Обезпечивая неприкосновенность верховныхъ правъ Китая и удовлетворяя насущнымъ потребностямъ Россіи, какъ сосѣдней великой морской державы, соглашеніе это отнюдь не нарушаетъ интересовъ какого-либо иностраннаго государства; напротивъ того, оно даетъ всемъ націямъ міра воз-

можность въ недалекомъ будущемъ войти въ общеніе съ этимъ замкнутымъ доселѣ краемъ на побережьи Желтаго моря; открытіе же коммерческимъ флотамъ всехъ иностранныхъ державъ порта Талиенвана создаетъ въ Тихомъ океанѣ новый обширный центръ для торговыхъ и промышленныхъ предпріятій этихъ державъ, при посредствѣ великаго сибирскаго сооруженія, призваннаго отнынь, благодаря дружественному уговору между Россіею и Китаемъ, соединить крайніе предѣлы двухъ материковъ Стараго Свѣта.

Такимъ образомъ подписанное въ Пекинѣ соглашеніе имѣетъ для Россіи глубокое историческое значеніе и должно быть радостно привѣтствуемо всѣми, кому дороги блага мира и усихи на почвѣ взаимнаго общенія народовъ.

Переводъ циркулярной телеграммы министра иностранныхъ дѣлъ къ представителямъ Россіи за границею.

С.-Петербургъ, 15-го марта 1898 года.

Въ силу соглашенія, подписаннаго 15-го (27-го) марта въ Пекинѣ представителемъ Россіи и членами Цзунъ-ли-ямена, надлежащимъ образомъ на то уполномоченными, Портъ-Артуръ и Талиенванъ, а также прилегающія территоріи уступлены китайскимъ правительствомъ въ пользованіе Россіи.

Вамъ поручается сообщить о вышеназженномъ правительству, при коемъ вы акредитованы, и прибавить, что упомянутые порты и территоріи будутъ безотлагательно заняты войсками Его Император-

скаго Величества, нашего Августѣйшаго Монарха, и что въ нихъ будетъ поднятъ русскій флагъ, совместно съ китайскимъ.

Вы можете одновременно извѣстить министра иностранныхъ дѣлъ, что портъ Талиенванъ будетъ открытъ для иностранной торговли, и что суда всѣхъ дружественныхъ націй встрѣтатъ тамъ самое широкое гостепримство.

— Петербургскимъ городскимъ головою, согласно избранію вновь сформированной думы, назначенъ на текущее четырехлѣтіе старшина с.-петербургскаго купеческаго сословія, предсѣдатель купеческой управы и Высочайше учрежденнаго комитета Николаевскаго дома призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ, потомственный почетный гражданинъ, с.-петербургскій 1-й гильдіи купецъ Леляновъ.

— 28-го февраля т. г. исполнилось и торжественно отпраздновано столѣтіе со дня основанія министерства путей сообщенія.

— Извѣстная русская гвѣзда, артистка Императорской оперы М. И. Долина дала во время Великаго поста рядъ концертовъ въ Парижѣ и удостоилась совершенно исключительныхъ оцѣнокъ со стороны публики, музыкальной критики и вообще всей парижской печати. Успѣхъ этотъ дѣлили съ талантливою артисткой, задавшею цѣлью ознакомить французскую публику, главнымъ образомъ, съ русской музыкой, ея товарищи по сценѣ — артисты Императорской оперы теноръ г. Чупрыниковъ и хормейстеръ г. Казаненко, дирижировавшій извѣстнымъ оркестромъ Ламуръ.

СМѢСЬ.

Распространеніе деревьями болѣзни рака. Французскій ученый Леонъ Ноэль сообщаетъ свои наблюденія, указывающія на довольно близкую связь между раковыми заболѣваніями человѣческаго организма и нѣкоторыми болѣзнями деревьевъ. Выводы свои онъ основываетъ частью на своихъ собственныхъ опытахъ, частью на положеніяхъ, уже высказанныхъ ранѣе его бактериологомъ Фисингеромъ. По произведеннымъ наблюденіямъ, страшная болѣзнь рака въ своихъ разнообразныхъ формахъ встрѣчается особенно часто среди людей, принужденныхъ, по роду своихъ занятій, проводить много времени въ лѣсахъ или плодовыхъ садахъ. На деревьяхъ же нерѣдко появляются быстро распространяющіеся болѣзненные наросты раковой формы, повидимому, сильно заразительные, такъ какъ часто очень быстро переходятъ на сосѣднія вѣтви и деревья, и вообще имѣющіе много чертъ, схожихъ съ характерными чертами болѣзни рака у людей. Ноэль допускаетъ, что ядъ этой древесной болѣзни переносится на людей, частью черезъ прикосновеніе, частью же при посредствѣ насѣкомыхъ, въ особенности крупныхъ осъ, которая всегда съ особую любовью выскисываютъ на деревьяхъ болѣзненные наросты. Конечно, все, что говоритъ Ноэль, представляетъ собою не болѣе, какъ гипотезу. Но, во всякомъ случаѣ, бактериологи обратятъ, навѣрное, вниманіе на нее и проверятъ ее строго обоснованными опытами.

Какъ китайцы пишутъ исторію. „Срединная“ имперія имѣетъ своихъ официальныхъ, придворныхъ, исторіографовъ; но ихъ сочиненіямъ суждено появляться на свѣтъ не раньше прекращенія одной императорской династіи и водворенія другой. Суровый по отношенію къ историкамъ обычай этотъ имѣетъ, однако, свою хорошую сторону, давая возможность безнаказанно и потому безпрестранно говорить о добродѣтеляхъ и порокахъ богдыхановъ и отмѣчать какъ счастливыя, такъ и несчастныя событія, ознаменовавшія ихъ царствованіе. Этому обычаю уже болѣе 2000 лѣтъ. Первые китайскіе исторіографы назначены при императорской династіи Ханъ, правившей съ 206 г. до Р. Х. до 25 г. по Р. Х. Историки обязаны записывать всѣ безъ исключенія значительныя событія, совершавшіяся при ихъ жизни. Каждая ихъ рукопись, тогачъ же по окончаніи ея, помѣщается въ обитый слоновою костью ларецъ, который на-глухо закрывается. При вступленіи на престолъ императора изъ новой династіи накопившіеся документы поступаютъ въ вѣдѣніе живущаго въ это время придворнаго исторіографа, который по нимъ составляетъ исторію предшествующей династіи. Такъ какъ теперешній императорскій домъ правитъ съ 1644 года, то неизданныя рукописи придворныхъ исторіографовъ должны уже теперь представлять огромный матеріалъ для будущаго историка нынѣ правящей династіи.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №.№. „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой подписной платы за „Ниву“ 1898 г., озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подъ которою получается ими „Нива“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ СКЛАДЪ
„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕЛО“
 готового мужского, дамского и дѣтскаго **ПЛАТЬЯ**.
ФОРМЫ всѣхъ вѣдомствъ и **ВСѢХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ**.
ГРОМАДНЫЙ СКЛАДЪ новѣйшихъ суконныхъ товаровъ для исполненія всевозможныхъ заказовъ.
ВСЕГДА БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ **СЕЗОННЫХЪ НОВОСТЕЙ**.
 Продажа въ розницу по опт. цѣнамъ и безъ запроса.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **ГЕРМИНА БРАХМАНЪ и К^о**.
 Главный складъ и магазинъ Тверская, угол Долгоруковского пер., домъ Шаблыгина.
ОТДѢЛЕНІЕ: Софійка, д. Захарына. Полный иллюстр. прейсъ-курантъ высылается по требованію бесплатно.
ПЕРЕСЫЛКА во всѣ города **РОССІИ**.

„Ideal“. Каждая дама, желающая быть вполне элегантной, безукоризненно аккуратной, употребл. для обшивки подола исключительно „Идеаль“, патентованную подшивку изъ бумажнаго бархата (Вельветинъ). На каждой коробкѣ надпись „Идеаль“. Получить можно во всѣхъ прикладныхъ магазинахъ Россіи.
 № 10426 пахъ Россіи. 26—21

ПОДПИСКА на всѣ **МОДНЫЕ ЖУРНАЛЫ**.
СКЛАДЪ и КОНТОРА
Ш. А. ПОЗИНА.
 Москва, Александровскій пассажъ, **ТЕЛЕФОНЪ № 151.**
НОВЫЯ ПОЛУЧЕНІЯ
СЕЗОННЫХЪ КНИЖЕКЪ.
 Сборники и альбомы модъ для весны и лѣта 1898 года. Изобиліе новѣйшихъ моделей шляпъ, платевъ и, главное, верхнихъ вещей въ 1 р., 1 р. 25 к., 1 р. 50 к.
 Каталогъ высылается бесплатно.

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (18)
 Специалистъ хронометровъ СПетербург, Невскій пр. № 52 прот. Им. Публ. Библиотеки. Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 годъ.
 Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

КРАСИВО изучается исподъ заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО**.
 Методъ премированъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 10900 6—6
 За 2 семиндѣельныя марки высылается пробное письмо и условия, а за 4 семиндѣельныя марки высыл. пробное письмо шрифтовъ, подробныя условия и образцы исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ. Дерибасовская, д. № 19.

СИБИРСКИЙ СКЛАДЪ
КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ
Д. А. Епанешникова
 Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.
ЧЕ-СУ-ЧА.
 Дамская отъ 10 до 18 р. кусокъ въ 26/28 арш.
 Мужская „ 20 „ 40 р. кусокъ въ 26/28 „
 Фанза „ 15 „ 50 р. кусокъ въ 21/22 „
 Товаръ высылкаю наложеннымъ платежомъ. Образцы бесплатно.
 15—51

САМАЯ БОЛЬШАЯ ФАБРИКА ЧАСОВЪ ВО ФРАНЦІИ
ЖАПИ БРАТЪЯ и К^о
 Единственная, которая производитъ часы всякаго рода: карманные часы, столовые, стѣнные и будильники.
ФАБРИЧНАЯ МАРКА
 Единственный складъ и генеральное агентство для всѣй Россійской Имперіи у
Е. де-ВИВИСЬ.
 Москва, Софійка, Пассажъ Попова, 33. Ц. № 11064 2—2

АМЕРИКАНСКАЯ СИСТЕМА ОБУЧЕНІЯ
ИНОСТРАННЫМЪ ЯЗЫКАМЪ
 д-ра Ричарда С. Розенталя, съ указаніемъ способовъ усвоенія чистаго произношенія, составилъ для русскихъ А. Месковскій. **Образцовые самоучители:** 1) французскаго языка. 3 изд. Ц. 3 р. 40 к., съ пер. 3 р. 80 к. Общедост. изданіе 75 к., съ пер. 1 р.; 2) нѣмецкаго языка. 2 изд. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 40 к.; 3) англійскаго языка. 2 изд. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к. Продаются въ изв. книжныхъ магаз. и въ тип. Пожарова, Загородный, 8. Складъ для иног. у А. Месковскаго. СИБ., Знаменская ул., д. 53. Подробн. программа высыл. бесплатно.

КОРСЕТЫ ФАБРИКИ И. Г. АБРАМОНЪ
 Удостоены похвалы. **ОТЗЫВОМЪ НА ВСЕРОСС. ВЫСТАВКЪ 1896 Г.**
РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ 1. ТВЕРСКАЯ Д. АНДРЕЕВА 2. ЛУБЯНСКИЙ ПАССАЖЪ № 11
 ПРОДАЖА ПО ФАБРИЧНОМУ ПРЕЙСЪ-КУРАНТУ

РЕКОМЕНДУЕТСЯ употреблять **ВЕСНОЮ**
„PASTA EUGÉNIE“ BERTHA RIES.
 Понама для лица. Уничтожаетъ въ скоромъ времени веснушки, загаръ, красный пятна, встрѣчающіеся на лицѣ; средство это придаетъ также цвѣту лица юную свѣжесть и красоту. Цѣна баночки 1 руб. 60 коп. Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи, а въ случаѣ отказа прошу обращаться въ Москву, Новая Басманная, домъ № 13.
 На каждой баночкѣ имѣется моя подпись **ВЕРТА РИСЬ.**
 W. № 11069 3—2

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
ГУМБЕРЪ
 предлагаетъ **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ**
Георгій ЖЕМЛИЧКА и К^о,
 Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
 Прейсъ-куранты по требованію. 16—10

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ
 Складъ женеvскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.
 ♦ Множество благодарств. писемъ и отзывовъ. ♦
 Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземп. снабженъ пломбою фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. № 11065 5—2

С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
„Сафо“ ДУХИ; „Сафо“ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
„Сафо“ ПУДРА; „Сафо“ ТУАЛЕТНАЯ ВОДА
 продается вездѣ.
 Достоинство этихъ препаратовъ давно заслужили широкую извѣстность и полное одобреніе потребителей С. ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСКАЯ УЛИЦА, № 12. МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ Д. ШЕРЕНЪГЕРА, ВАРШАВА, НОВЫЙ СВѢТЪ, 37.

КРАСКИ
 скоровысыхающія,
 масляныя, лаковыя, эмалевыя, сушія и проч. для малярнаго производства.
 Прейсъ-курантъ съ приложеніемъ 90 образцовъ высылается по требованію бесплатно.
 Существуетъ съ 1856 года.
Н. Ф. КЮНЪ.
 СПб., Казанская ул., № 36.
 Телефонъ № 236.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
„ОМИСЬ-ПРЕМЬЕ“
 Скорость, прочность, удобство. Последняя усовершенствованіи. Цѣна 250 рублей и 275 рублей.
 Пишущая машина **„КОСМОПОЛИТЬ“**.
 Самый красивый шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цѣна 95 р. Полиров. литье къ ней 10 р. Описанія и образцы шрифтовъ обихъ машинъ высылается бесплатно.
Оптикъ Ф. РИХТЕРЪ.
 С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., № 4.

БЕЗПЛАТНО ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ
ОБУЧАЮ ЗАОЧНО
КРОЙКЪ и ШИТЬЮ.
 Доступная плата. Условія высылаются немедленно.
 Москва, Малая Дворянская, д. Базякина.
Е. И. Венедиктовой.

АНГЛІЙСКИЙ ПАТЕНТОВАННЫЙ
СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. МАСЛОБЫЙ ЗАВОДЪ
„ОКОНОМЪ“
 гидравлическіе **ПРЕССА и МАССОРЫ**
ВАЛЬЦОВКИ
„ГРЕЛКИ“
 пресса вивтовые и проч.
 Прейсъ-курантъ бесплатно.
 С.-Петербургъ, Невскій, 97.
В. ЖУКОВСКИЙ

ЖЕМЧУГЪ
 хороший ровный
ВЪ НИТКАХЪ и ВЪ ВЕЩАХЪ
ПОКУПАЕТЪ 20—12
ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ
К. ФАБЕРЖЕ.
 Москва, Кузнечкій мостъ, № 4.

ПЕЧЕНІЕ
ГЕРКУЛЕСЬ
 ИЗЪ **АМЕРИКАНСКОЙ**
 овсяной крупы
ПРОДАЕТСЯ ВЪЗДѢ.
С. СІУиК^о

Для подарков на Пасху всё тугъ-помѣщенныя № можно уложитъ въ яичка, но только если г. заказчикъ это требуетъ

НА ПАСХУ

при заказѣ. Всѣ вещи сдѣланы изъ золота 56-ой пробы и цѣны обозначены съ обыкновенными футлярами. Всѣ вставленные бриллианты безъ фольги или покладки и самаго высшаго качества лучшаго парижскаго завода.

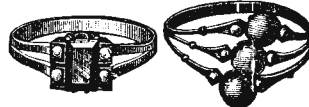

КОЛЬЦО

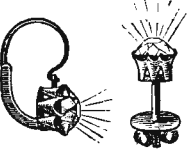
съ 1 бриллиантомъ
4 руб. 90 коп.
2 за 9 руб. 55 коп.

КОЛЬЦА СЪ СЧАСТЛИВЫМИ НАМЯМИ

Январь—Альмадики, Мартъ—Порфиръ, Июнь—Хальцедонъ, Июль—Сердоликъ, Авг.—Сердоликъ, Окт.—Аквамаринъ по 8 р. 25 к., Апрель—Сапфиръ 4 р. 75 к., Февраль—Аметистъ 3 р. 45 коп. Май—6 р. 25 к., Сент.—3 р. 95 к., Ноябрь—4 р. 75 к., Декабрь—3 р. 95 к.

съ Альмадиномъ и жемчугами 6 р. 35 к.
съ 3 настоящими бирюзами 6 руб. 45 коп.

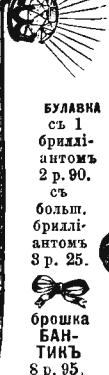

СЕРЬГИ

съ 1 бриллиантомъ 4 руб. 85 коп.

ТРЕТЬ

съ 3 бриллиантами 4 руб. 30 коп.

бУЛАННА съ 1 бриллиантомъ 2 р. 90, съ больш. бриллиантомъ 3 р. 25.
брошка БАНТИНЬ 8 р. 95.

Круглый Портъ-Бонеръ 8 руб. 85 коп. Золото 56-й пробы.

Витой нанатъ 12 руб. 95 коп. Золото 56-й пробы.

№ 10976 2-2

Икорь уснпани настощи бирюзы, а при серьгахъ больш. искусств. бирюза осылана настоящими жемчугами.
№ 403. Браслетъ. 19 р. 50 к.
№ 302. Брошка. 13 р. 85 к.
№ 351. Серьги. Пара 9 р. 75 к.

Тугъ вставлены превосходные искусственные бриллианты безъ фольги, которые трудно отличить отъ настоящихъ.
№ 401. Браслетъ. 19 р. 75 к.
№ 306. Брошка. 10 р. 85 к.
№ 356. Серьги. Пара 12 р. 55 к.

Въ чрезвычайно красивой золотой оправѣ, усыпанной настоящими жемчугами.
№ 355. Серьги. Пара 8 р. 35 к.

Тугъ очень красиво гравиров. подкова лежитъ на 3-хъ пруткахъ и имѣетъ въ серединѣ разные камни и украшения.
№ 404. Браслетъ. 29 р. 65 к.; 2 за 57 р. 45 к.
№ 310. Брошка. 14 р. 60 к.; 2 за 27 р. 65 к.

Пересылка наложеннымъ платежемъ. Телеграммы исполняются немедленно.

ВРЕЛОКИ, ЦѢПОЧКИ И КОЛЬЕ

Французскаго золота:
№ 492.—1 р. 75 к. № 480 съ компасомъ 1 р. 65 к.
№ 497.—2 р. 90 к. № 481 саданья веинъ 3 р. 85 к.
№ 495.—95 к. № 476 Вѣра Над. Люб. 1 р. 15 к.
№ 482.—1 р. 40 к.

МУЖСКАЯ ЦѢПОЧКА

двойной канцуръ 7 р. 65 к.

№ 578. ДАМСКАЯ ЦѢПОЧКА 5 р. 75 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Невскій 20—31.

Г. заказчиковъ, проживающихъ далѣе 5000 в. проситъ прислать задатокъ.

ФАБРИКА И СКЛАДЪ
Бруно Зенгеръ & Ко
С.Петербургъ, Невскій Пр. №25 (бывш. К.М.М.М.)
Фотогр. Аппараты и Принадл.
(Кратк.Прейс-Курантъ безплатно.)

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Етлая и розовая вода для блоннурыхъ, желтая вода для брюнетокъ.
Флаконтъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5120 (113)

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ
ВЪ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи можно получить извѣстное
ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ
для чѣстности и бѣлизны кожи
Во избѣженіе подражаній, требовать только.
МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ТУАЛЕТНОЕ, ВАЗЕЛИНОВОЕ.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ
ДЕМИДОВЪ ПЕР. №1 С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПОКУПАЮ
жемчужныя нитки, изумруды, рубины, сафиры и бриллианты по высокой цѣнѣ.
БЕРУ ВЪ ОБМѢНЪ старое золото и драгоценныя камни на новыя вещи.
ЗНАНАЗЫ исполняются въ собственной мастерской. Всегда большой выборъ золотыхъ и бриллиантовыхъ вещей новѣйшихъ фасоновъ.
ЮВЕЛИРЪ
В. К. ЭЙКЕНРОТЪ.
МОСКВА, Камергерскій пер., д. Дякозова. 4-1

НОВОСТЬ!!!
Прелестные карманные металлическіе часы, заводъ безъ ключа, настоящие никельные, тщательно проверенные, на крышкѣ помѣщенъ художественно исполненный портретъ Государя Императора Николая II, къ нимъ цѣпочка новаго золота и парижскій компасъ.
за все только 5 руб.
Прилагается печатное ручательство на 4 года. Вышеупомянутыя часы высылаются немедленно и безъ задатка наложеннымъ платежомъ.
Требования прошу адресовать въ городъ Варшаву, купцу I. Бузеру, Гривная ул., № 6.
Прейс-курантъ высылается безплатно.

PASTILLES VICHY-ETAT
aux Sels Naturels extraits des Eaux
Vendues en boîtes métalliques scellées.
COMPRIMÉS VICHY-ETAT
aux Sels Naturels extraits des Eaux
pour fabriquer
l'EAU ALCAINE GAZEUSE

OCCASION EXCEPTIONNELLE!
A vendre! Splendide Château seigneurial à conditions très favorables, auquel sont attachés majorat (Fideicommiss) et haut titre de noblesse héréditaire. Renseignements seront donnés seulement à acquéreurs exclu tout intermédiaire. S'adresser „A. B. S. 290“, à l'Expédition d'annonces Schalek Vienne I. (Autriche).

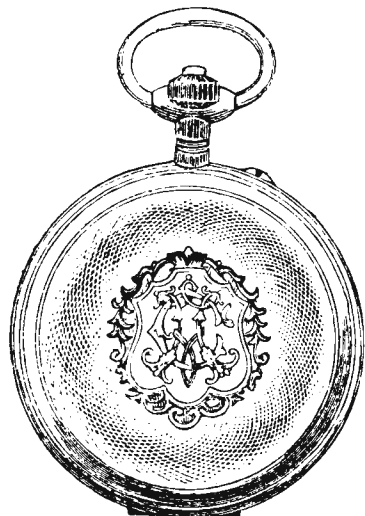
Только что вышла изъ печати и поступила въ продажу новая книга:
„РѢЧЬ И ПѢНІЕ“ Теоретическій и практический курсъ физиологии, гигиены и терапии голоса. Гигіена и леченіе болѣзней пѣвцовъ и ораторовъ. Лекціи д-ра медицины и естеств. наукъ, б. профессора сравн. анатоміи и ристологии академіи въ Бордо, Павла Гарно. Съ 82 рис. Пер. съ фр. подъ ред. д-ра В. Бурицкаго. Книга заключается въ себѣ ок. 500 стр. и исчерпываетъ вполне и разносторонне данный предметъ. Пѣвецъ и ораторъ найдутъ въ ней всё необходимое свидѣнія для **ПРАВИЛЬНОЙ ПОСТАНОВКИ**, развитія, усовершенствованія, восстановления, сохранения и леченія голоса. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Подробное содерж. книги, образчики рисунковъ, каталогъ книгъ и нотъ высл. безплатно.
Книжно-музыкальный магазинъ П. К. Селиверстова, СПб., Садовая, 22.

КРАСИВО И СКОРО ПИСАТЬ
выучиваю каждого заочно въ 8 урокъ. Масса благод. и поч. отз. Пробн. письм., образцы испр. почерк. учен. и услов. высл. за 2—7 к. марки. Одесса, Дербас. д. Ж. Н. № 17. Проф. каллиграфія Ш. Круму. 4—3

1200
стилизован. узоровъ для выпиливанія, углубленнаго и рельефной рѣзбы, выжиганія и живописи по дереву, и пр., и пр. Рисунки имѣются на бумагѣ и на деревѣ. Наставленія, инструменты, машины и матеріалы.
Газета „Дилегантъ“.
Иллюстр. преис-куранты высылаются за 30 пф. почт. марк. Mey & Widmayer, München.

каждый **САМЪ ПОЗОЛОТИТЬ** съ помощью **ВОДНОЙ ПОЗОЛОТЫ.**
Посредствомъ этой водной позолоты можно позолотить прочно и съ превосходнымъ глянцемъ различныя комнатныя предметы, игрушки, элекстроныя фигуры, рамы, люстры, лампы, корзиночки, вообще всё предметы изъ дерева, желта, бумаги, кожи и пр. Ц. № 11081
За флаконъ 30 коп., 50 коп. и 1 руб.
За пересылку въ Европ. Россіи, ко всякому заказу до 5 р. присчитывается 40 к.; въ Азиатской Россіи по разстоянію.
Складъ Техно-химическихъ специальностей **А. ГЕБГАРДА.**
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 98, уг. Надеждинской.

ГЛАЗЫ
ИЗЪ ЛУЧШЕЙ
РУМІИ
ФИЛИГРАНЬ
САКАТЫКЪ И КЪ
МОСКВА
МЕХАНИЧЕСКАЯ
ИЗЪ
ПРОДАЖА ВЪЗДЪ

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованному способу изготовления часов и можно возможности продавать съ 1 января с. г., самые изящные и прочныя **МУЖСКІЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличимые, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструкции, съ прекрасною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанию заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, или съ портретомъ, согласно присланной фотографической карточки, вмѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящія золотыя, а въ последнее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе.

Такіе же **ДАМСКІЕ** дороже на 1 рубль. Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Высылаю вполнѣ выверенные часы по получени задатка 2 руб., остальное же наложеннымъ платежѣмъ.

АДРЕСЪ:

Ш. БИТКЕРЪ

складъ женевскихъ и американскихъ часовъ въ Варшавѣ, Сенаторская № 27 и Вербовая № 11, противъ Правительственнаго театра.

Новое изданіе П. П. Сойкина.
ОТПЕЧАТАНЪ И ПОСТУПИЛЪ въ ПРОДАЖУ IV (ПОСЛѢДНІЙ) ТОМЪ Путешествія д-ра А. В. Елисеѣва.

„ПО БѢЛУ СВѢТУ“ Роскошное изданіе въ 4 д. л. 360 стр. текста съ 300 ориг. рисун. художниковъ: П. Н. Каразина, В. П. Овслинкова, Э. К. Соколовскаго и А. А. Чикина.

Съ приложеніемъ портрета А. В. Елисеѣва и биографич. очерка.

Цѣна 3 руб., въ коленкор. переплетѣ тисненомъ золотомъ 4 руб.

Первые три тома **ОДОБРЕНЫ** Ученымъ Комитетомъ М-ва Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ и для раздачи воспитанникамъ старшихъ классовъ учебныхъ заведеній въ видѣ награды и **РЕКОМЕНДОВАНЫ** Главнымъ Штабомъ Вѣннаго Министерства для приобрѣтенія въ офицерскія библиотекы. Ц. № 110342-2

Каждый томъ ПУТЕШЕСТВІЯ д-ра А. В. ЕЛИСЕѢВА представляетъ самостоятельное цѣлое.

Съ требов. обращаться въ книжн. складъ П. П. Сойкина, СИБ., Стремянная, 12.

Высш. Утв. Т. 11

„ЭЙНЕМЪ“ въ **МОСКВѢ.**

Собств. Паров. Фабрика въ **СИМФЕРОПОЛѢ** (въ Крымѣ.)

ПЮРЕТОМАТЬ.

ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ

КОМПОТЬ.

Лит. № 1087712-3

№ 4711. Кто любитъ запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ **ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“** (Violette du Rhin.)

Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не выдыхающійся.

No. 4711 Savon violette du rhin.

No. 4711 Sachets violette du rhin.

Всѣмъ ознаменованного превосходнаго качества.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парюмерныхъ магазинахъ

Ц. № 11023 141

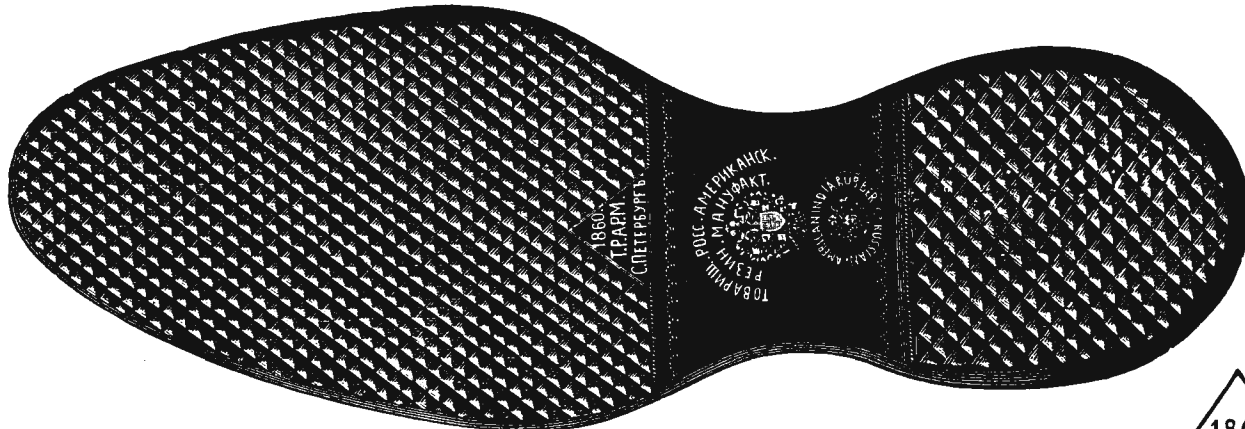
ТОВАРИЩЕСТВО

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 10845 26-7

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

НОВОСТИ!
 Цветочная вода
ЛЕВКОЙ
 поставщиков
 Высочайшего Двора
А. Ралле и Ко.
 За флаконъ
 60 к. и 1 р.

Ш. № 10998
3-2

КАКАО ГЕЛЬМЪ
 фабрики ГЕЛЬМОНДЪ
 въ Голландіи.
ЛУЧШИЙ ГОЛЛАНДСКІЙ КАКАО.
 Чистый, питательный, легко растворимый. Рекомендуется для взрослых и дѣтей. Въ употребленіи во многихъ больницахъ.
 Единственный представитель для всей Россіи
М. РОЖИВЮ,
 Москва, Маросейка, д. Лебедевой.
 Продается въ лучшихъ аптекарскихъ и колониальныхъ магазинахъ.

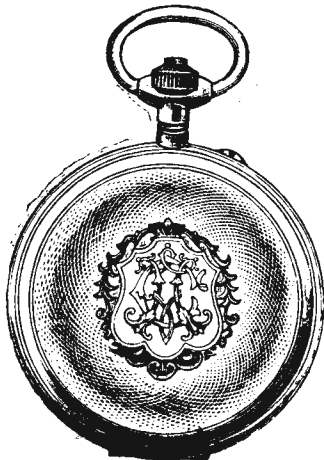
Катрейнерсъ Мальцаффее Фабрикенъ, Мюнхенъ

(Kathreiner's Malzkaffee Fabriken, München)

производятъ по привилегированному способу солоды, который рекомендуется женщинамъ, дѣтямъ и больнымъ и ежедневно употребляется въ тысячахъ семействъ.
 Настоящій только въ 1 фунтовыхъ пакетахъ съ портретомъ и подписью прелата Себ. Кнейппа въ Верисгофенъ, какъ предохранительная марка, и фирмой единственныхъ фабрикантовъ:

Катрейнерсъ Мальцаффее Фабрикенъ, Мюнхенъ.

Склады: въ С.-Петербургѣ: К. Вольбрюкъ и К^о; въ Москвѣ: Юлій Преторіусъ; въ Ригѣ: П. А. Герскиндъ; въ Варшавѣ: Л. Рабиновичъ. Ц № 11042 7-3
 Представители: въ Лодзи: Л. Рабиновичъ; въ Вильнѣ: Ф. Яблковский.

Ц. № 1031 4-3

БОЛЬШЕ 200,000 ШТ. ВЪ УПОТРЕБЛЕНИИ. ТРЕБУЙТЕ ВѢЗДѢ

карманные часы изъ Настоящаго новаго американскаго золота, крытые, съ тремя крышками, мужские, анкерные, механизмы высшаго сорта.

Цѣна 10 и 12 руб.,

такіе же дамскіе дороже на 1 руб. Во избѣжаніе поддѣл., требовать на часахъ пломбу фирмы. Выпущенные изъ одесскаго отдѣленія склада женевокихъ часовъ

ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЬ.

При заказахъ на 2 шт. уступается 50 коп., на 3 шт. — 1 руб. На часахъ можетъ быть, по желанію, выгравированъ монограммъ владѣльца. Къ часамъ прилагается безплатно изящная цѣпочка американскаго золота панцирной работы съ брелкомъ или компасомъ.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Высылаются вполнѣ вывѣренныя часы по полученіи задатка 2 руб., остальные же — наложеннымъ платежемъ.

Адресъ: Въ одесское отдѣленіе „Склада женевокихъ часовъ“ въ Одессѣ, Почтов. д. Дунина.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

В. № 10820
28-7

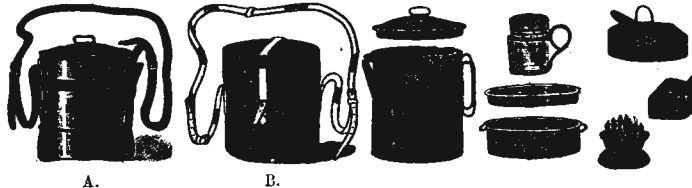
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр. д. № 23. Мясна, по Б. Лубинъ, № 8, противъ Кузнечкаго моста.
 ♦ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики ♦
 съ полнымъ ручательствомъ за точность механизма и вѣрность хода.
 Новый иллюстр. прейсъ-курнтъ высла. по требован. безплатно.

ВОДОЛЕЧЕБНИЦА — ТАГАНРОГЪ

вр. Диварисъ и Гордонъ.

Лѣченіе первичныхъ и хроническихъ болѣзней. Усовершенств. души, ванны электрич., стирня, углекислыя; массажъ. — Большой парк, пансионъ, кумысъ, лѣтомъ музыка.
 № 11021 Функционируетъ круглый годъ. Пропускны безплатно. 5-3

Ф. ЗОЛОТОВЪ. — С.-Петербургъ, Невскій, № 25 — 1.

Универсальный дорожный чайникъ „СПУТНИКЪ“.

Чайникъ „Спутникъ“, какъ видно на прилагаемыхъ при семъ рисункахъ, соединяетъ въ себѣ все — возможно необходимыя предметы для приготовления горячей пищи и чая, сохраняя въ то же время изящный видъ и удобства для переноски и перевозки его. Чайникъ „Спутникъ“ особенно пригоденъ для путешественниковъ и охотниковъ и окажетъ имъ громадную услугу, въ особенности, при продолжительныхъ путешествіяхъ, ибо нѣрѣдко бываетъ, что на желѣзнодорожныхъ станціяхъ поезда останавливаются на слишкомъ короткое время или буфеты дороги отстоятъ другъ отъ друга на слишкомъ большихъ разстояніяхъ. При путешествіяхъ же на лошадяхъ нѣрѣдко можно встрѣтить на станціяхъ отсутствіе всякой посуды или же такую, которая съ гигиенической точки зрѣнія заставитъ путешественника отказаться воспользоваться ею, тогда какъ, имѣя подобный чайникъ, всякій можетъ самъ себѣ приготовить вкусный и опрятный дорожный обѣдъ и чай.

Чайникъ „Спутникъ“ изъ нѣсколькихъ составныхъ частей, въ которыхъ можно изготовитъ бифштексъ, яичницу, вскипятить воду, молоко и т. п.
 Изъ выше приведеннаго видно, что чайникъ „Спутникъ“ можетъ оказать не малую пользу и для гг. офицеровъ во время похода, маневровъ и великаго рода передвиженій. Универсальный дорожный чайникъ „Спутникъ“ состоитъ изъ мѣднаго никелированнаго резервуара овальной формы, съ таковою же крышкою, снабженной дугообразною рукою сверху и откладными ручками сбоку (рис. № 1) — емкостью 2 1/2 бутылки. (рис. № 2) Никелиров. подстананникъ (рис. № 3) Сахарница изъ стальной жести. (рис. № 4) Сковор. изъ стальной жести. (рис. № 5) Чайница изъ стальной жести. (рис. № 6) Спиртовая лампочка мѣдная. (рис. № 7) Кастрюлька мѣдная, нинел.

Всѣ предметы № 2, 3, 5, 6 и 7 помещаются внутри резервуара, кастрюля же № 4 спаружу послѣдняго, какъ это показано на рисункѣ А.
 Цѣна чайника „Спутника“ съ приборомъ изъ 7 предметовъ. 10 р. 50 к.
 Въсѣ 3 1/2 фунта (безъ футляра).
 „ Кожаный футляръ съ ремнемъ, рис. В. 3 „ 75 „
 „ Ремни, рис. А. (могутъ заимѣть футляръ). 1 „ 20 „
 Стекланная фляжка для записнаго спирту (удобна для помещенія въ чайникъ) — 30 „
 Кроме мѣдныхъ никелированныхъ, чайники выдѣляются и изъ стальной жести (рис. № 1 и 4); въ послѣднемъ случаѣ цѣна уменьшается на 3 р. 75 к. т. е. чайникъ съ приборомъ стоитъ 6 р. 75 к.

СÉLÈBRE PAR SES QUALITÉS en Vente partout

ФАБРИКАНТЪ
ЛУКУТИНЪ
 БУМАЖНО ЛАКИРОВАННЫЯ ИЗДѢЛІЯ
СЪ ЖИВОПИСЬЮ
 ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ НА ПАССАЖ. ЯИЦА
 Москва, Тверская, прот. Англ. клуба, соб. домъ.

ВЫГРЫШ-
 НЫЕ 1, 2 и 3 вайны продаютъ
 БАНЕРСКІЙ ДОМЪ
ГЕВРИХЪ БЛОКЪ,
 59, Невскій, С.ПБ. 12-3

НА ВОСПИТАНИЕ ДѢТЕЙ
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО
 60. ТЕЛЕФОНЪ 1360
 ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕРТВОВАТЬ ЕМУ
НЕУЖИВНЫЯ ВЕЩИ
 АУДИОНЪ ПО ВОСПИТАНІЮ ВОСПИТАНІЕ
 500 СЛОВА
 ТЕЛЕФОНЪ 3878. ТЕЛЕФОНЪ 1141.

Продается прекрасно устр. имѣніе Старооск. у., Курск. г. Обращаться къ влад. И. И. Останковичу въ г. Тамъ, Курск. г.

ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!
 Большой выборъ карманныхъ ножей, ножницъ и приборовъ съ ножницами по нѣскольку штукъ въ футлярѣ, столовыхъ ножей для фруктовъ и вѣдчины, столовыхъ ножей въ словенскихъ ручкахъ. БРИТВЪ и приборовъ въ нимъ. **НОВОСТЬ „мастинаторъ“** — вилка-ножь для беззубыхъ, которой легко можно раздробить на тарелкѣ мясо. Магази. стальн. издѣлій **А. О. БРАБЕЦЪ. С.ПБ., Б. Морская, 40.** Новый иллюстр. пр.-курнтъ безплатно.

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ
 посредствомъ лекцій, подъ руковод. **А. К. Фонъ-дербъ-Зее.**
 Москва, домъ Армянск. церкв., кв. № 11. Для получ. программы и усл. прилаг. марку.

АСКАЛЬНЫЙ
НИВЫ
ИЧМЕФЗ

СМОЛЯНЫЯ БОЧКИ.

Очеркъ И. Н. Потапенко.

ного тайнѣ пришлось узнать мнѣ въ теченіе долгой моей жизни, много видѣлъ я таинственныхъ лицъ, людей, оберегающихъ святыню души своей, укрывающихъ ее отъ посторонняго глаза.

Но когда мнѣ надо представить себѣ или изобразить другимъ человека, исполненнаго тайны, то мнѣ неизбѣжно рисуется фигура величественной Анисьи, нашей кухарки, и ея лицо, какимъ оно бывало въ Страстную субботу съ самаго утра и до захода солнца, когда, на мѣсто прянаго, но нѣсколько ѣдкаго запаха пасхальнаго тѣста, господствовавшего въ домѣ въ первой половинѣ дня, весь домъ наполнялъ вкусный дразнящій аромат свѣжихъ, только что испеченныхъ, еще горячихъ куличей и палушниковъ.

Руки, скрещенныя на груди; опущенныя вѣки глазъ; крѣпко сомкнутыя уста съ печатью глубокаго молчанія, а если ужъ необходимо проронить слово, то шепотъ, полный заманчивой тайны; тихая, хотя въ то же время и важная походка; осторожное обращеніе съ дверями, особенно комната, близкихъ къ кухнѣ, и превращеніе самой кухни въ заповѣдное мѣсто, нѣчто въ родѣ «неопалимой купины», къ которой простой смертный не долженъ приближаться,—вотъ образъ Анисьи въ Страстную субботу.

И все это ради того, чтобы пасхальное тѣсто, посаженное въ цилиндрическія формы изъ сахарной бумаги (тогда еще не дѣлали ихъ изъ металла), могло свободно и привольно подняться къ небу, чтобы палушники вышли пышные и величественные, во славу нашего дома и самой Анисьи, въ посрамленіе кухаркамъ всего міра.

Наконецъ все свершилось. Въ домѣ были всѣ признаки того, что палушники величественно поднялись, благополучно испеклись въ печкѣ, и уже ихъ перенесли въ столовую и уставили густо одинъ около другого, чтобы дать имъ остыть.

И солнце ушло далеко на западъ и собиралось закатиться за пригорокъ, да и на лицѣ Анисьи появились примѣты оконченнаго блестящаго дѣла. Въ глазахъ заблестала привѣтливость, поступь сдѣлалась твердой и увѣренной. Съ нею уже можно было разговаривать, и она мягкимъ и добродушнымъ голосомъ отвѣчала на вопросы.

Что же касается священнаго мѣста—кухни, то она не только уже не была охраняема, но двери въ ней были оставлены настежь, и дворовый пестъ, по прозванію Шпакъ, до половины просунуль въ нихъ свое туловище и съ величайшимъ любопытствомъ поводилъ въ воздухъ мордой.

Нельзя сказать, чтобы въ то время я былъ такъ ужъ малъ, что совѣмъ не имѣлъ понятія о жизни. Мнѣ было восемь лѣтъ, и, могу сказать безъ хвастовства, что насчетъ многихъ предметовъ я имѣлъ весьма твердое убѣжденіе.

Такъ напримѣръ, я очень хорошо зналъ, чѣмъ можно было смягчить сердце суроваго человека, по имени Власа, нашего работника, завѣдывающаго и конюшней, и водокачкой въ саду, и выѣздными экипажами, и телѣгой, и еще многими другими вещами. Лицо этого человека долгое время казалось мнѣ страшнымъ и неприступнымъ; особенно пугали меня его волосы, — густые, жесткіе, обильные, а также и борода, которую онъ едва ли когда-нибудь расчесывалъ, толстыя губы и необыкновенно густыя и длинныя брови.

Характеръ у него былъ необщительный, и онъ рѣдко съ кѣмъ говорилъ, а если говорилъ, то какими-то полупфразами, бросая ихъ въ лицо человеку, какъ горсть камешковъ.

Но потомъ, присмотрѣвшись къ нему, я узналъ, что онъ самъ не такъ страшенъ, какъ его наружность, а главное—я узналъ прямой и кратчайшій ходъ къ его сердцу. У него былъ сынъ Ивашка, котораго онъ, должно-быть, безумно любилъ. Ивашка жилъ на деревнѣ съ матерью и изрѣдка приходилъ къ намъ. И въ такіе дни Власъ становился добръ, доступенъ и мягокъ, старался всѣмъ услужить и всѣмъ сдѣлать пріятное. Онъ полагалъ, что частое появленіе Ивашки не нравилось господамъ, кого-то беспокоить, поэтому онъ очень радовался, когда Ивашку звали и позволяли ему бѣгать по двору цѣлый день.

Давно я замѣтилъ, что Власъ въ этотъ день возился съ чѣмъ-

то таинственнымъ въ пустомъ сараѣ. Онъ заходилъ въ него и накануне. Это меня удивило. Мнѣ было достоверно извѣстно, что сарай пустъ. Онъ такъ и назывался: «пустой сарай». А между тѣмъ Власъ часто заходилъ въ него и оставался тамъ подолгу. Видѣлъ я также, что туда онъ однажды пронесъ, кажется, изъ кухни,—не изъ той, гдѣ священнодѣйствовала Анисья, а изъ другой, гдѣ варилось для рабочихъ,—что-то большое и черное, и послѣ этого по двору прошелъ пріятный запахъ твердой смолы, которую у насъ называютъ «шевской смолой». Этотъ запахъ, въ связи съ пребываніемъ Власа въ сараѣ, еще болѣе раздражилъ меня, и я рѣшилъ проникнуть въ тайну «пустого сарая».

И такъ, солнце уже собиралось зайти, когда мнѣ въ голову пришла твердая мысль проникнуть въ «пустой сарай». Какъ разъ въ это время Власъ вышелъ изъ него и, плотно притворивъ дверь, направился къ конюшнѣ. Я подбѣжалъ къ нему.

— Власъ, что ты тамъ дѣлаешь въ пустомъ сараѣ?—спросилъ я.

Власъ посмотрѣлъ на меня сверху внизъ, и его густыя брови шевельнулись.

— Что тамъ дѣлать?—проворчалъ онъ:—тамъ нечего дѣлать...

— А ты туда весь день ходишь.

— Туда нечего ходить!—сказалъ Власъ и, очевидно избѣгая дальнѣйшихъ разспросовъ, пошелъ въ конюшню.

Но я тоже хорошо зналъ дорогу къ конюшнѣ и направился за нимъ. Здѣсь былъ полумракъ, потому что конюшня освѣщалась только изъ двери, куда падало недостаточно свѣта. Власъ въ это время стоялъ около сѣраго мерина и разглаживалъ ему гриву. Онъ очень хорошо видѣлъ, что я стою на порогѣ, но, скользнувъ по мнѣ взглядомъ, тотчасъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ меня. Между тѣмъ я уже въ это время придумалъ свою хитрость.

— Завтра Пасха, Власъ!—сказалъ я.

— Ну, да, Пасха... А то что-жь?

— А Ивашка придетъ?—самымъ невиннымъ образомъ спросилъ я.

— Ивашка? Что ему тутъ дѣлать?

И Власъ прикинулся, что ему въ сущности все равно, придетъ Ивашка или нѣтъ.

— Пусть онъ придетъ!—сказалъ я.

— Чего онъ тутъ надоѣдать будетъ?

— Нѣтъ, пусть придетъ... Я попрошу отца, чтобы позволилъ...

— Попросите?—спросилъ Власъ и на этотъ разъ взглянулъ на меня болѣе продолжительнымъ взглядомъ.

— Я непременно попрошу... Я сегодня вечеромъ попрошу...

Я скажу, что мнѣ хочется поиграть съ Ивашкой... Ивашка славный мальчикъ!—прибавилъ я, желая окончателно завладѣть сердцемъ Власа.

— Ивашка хорошій!—сказалъ Власъ, и я замѣтилъ, что толстыя губы Власа слегка улыбнулись, и въ глазахъ его появилась какая-то мягкость.

Съ этого момента я могъ уже считать, что дѣло мое выиграно; сердце Власа было открыто, надо было только пользоваться случаемъ. Я такъ и сдѣлалъ.

— Власъ, а что это тамъ, въ пустомъ сараѣ?—спросилъ я.

— А тамъ... Да на что вамъ?

— Мнѣ хочется знать...

— Вотъ какіе вы... приставальщики!..

— Я никому не скажу, Власъ...

— Да тамъ... да что-жь тамъ... Тамъ ничего и нѣтъ...—попробовать еще разъ Власъ отдѣлаться отъ меня. — Пустой сарай, извѣстно, и есть пустой...

— Нѣтъ, тамъ что-то есть... Ты туда носишь что-то черное и смолой пахло...

— Смолой! Смола и пахнетъ смолой...

— Тамъ смола?

— Ахъ, ты, Господи! Да бочки тамъ! Ничего, кромѣ бочекъ, и нѣтъ...

— Бочки?—съ величайшимъ любопытствомъ спросилъ я.

— Бочки!.. Смоляныя бочки, которыя ночью будуть горѣть около церкви.

— Горѣть? Зачѣмъ?

— А вы развѣ никогда не бывали въ церкви въ пасхальную ночь?

— Нѣтъ, никогда не былъ...

Я дѣйствительно никогда еще не присутствовалъ при этомъ служеніи. Какъ-то всегда случалось, что я въ теченіе цѣлаго дня, въ субботу, собирался непременно быть тамъ съ матерью и отцомъ, но вечеромъ нечаянно безнадежно засыпалъ, и меня переносили въ постель и не трогали до утра. Но я не зналъ, что въ торжествѣ принимаюгь участіе бочки.

— Какъ же онѣ горятъ?—любопытствовала я.

— Да такъ и горятъ... Ярko горятъ... За двадцать верстъ видно, какъ онѣ горятъ.

— А зачѣмъ онѣ въ пустомъ сараѣ?

— Такъ... Чтобъ никто не видѣлъ... Потому секретъ... Вашъ папаша каждый годъ смолятъ бочки. Я и въ прошломъ году смолнлъ ихъ.

— Покажи мнѣ ихъ, Власъ,—умоляющимъ голосомъ сказалъ я.

Власъ покачалъ головой, но видимо отказать мнѣ не могъ.

— Ну, идите уже... Я вамъ покажу.

И я пошелъ за нимъ въ пустой сарай. Онъ притворилъ за собою дверь, и мы очутились въ полнѣйшей темнотѣ. Мнѣ даже стало жутко.

Но Власъ черкнулъ спичку и зажегъ свѣчу въ фонарикѣ. Тогда при тускломъ свѣтѣ фонаря я увидѣлъ цѣлыхъ четыре бочки. Это были самыя обыкновенныя бочки, какихъ я видѣлъ множество въ своей жизни, которыя почему-то—я и до сихъ поръ не знаю, почему—называются «сахарными бочками»; но онѣ были совершенно черны и сильно блестѣли. Густой запахъ смолы наполнялъ сарай. На днѣ бочекъ, кромѣ того, былъ налитъ слой смолы, уже застывшій, въ цѣлую четверть толщины.

— Такъ это и есть смоляныя бочки?

— Онѣ самыя. Какъ стемнѣетъ, ихъ повезутъ къ церкви. Тамъ ихъ я поставлю за оградой, надъ самой рѣчкой, и когда въ церкви батюшка скажетъ: «Христосъ воскресъ» и пѣвчіе запоютъ громко «Христосъ воскресъ», я ихъ тогда зажгу. Вотъ видите, здѣсь сверху пакля осталась, эту паклю я и зажгу, и бочки начнутъ горѣть, а люди будутъ глядѣть на огонь и радоваться!

— Власъ, возьми меня съ собой!

— Куда?

— А туда, гдѣ будутъ горѣть бочки.

Власъ усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Васъ не пустятъ. Гдѣ-жъ таки! Да вы и въ церковь не попадете: вы спать будете.

— Я? Ни за что. Я непременно буду въ церкви и... и тамъ буду, гдѣ бочки горятъ...

— Нѣтъ, не пустятъ васъ... Какъ можно, чтобъ васъ пустили?.. А вы про Ивашку то не забудьте папашѣ сказать!—напомнилъ мнѣ Власъ, когда я уходилъ изъ сарая.

Таково было мнѣніе Власа, но я былъ совершенно другого мнѣнія.

Впрочемъ, нѣтъ; собственно говоря, я былъ такого же точно мнѣнія,—я тоже очень хорошо зналъ, что меня не пустятъ туда, гдѣ будутъ горѣть бочки. Вѣдь это за церковной оградой, надъ самой рѣчкой... Мать скажетъ, что я непременно залявлюсь и упаду въ воду. Ей всегда кажется, что со мной должно случиться что-нибудь трагическое.

И тѣмъ не менѣе я былъ увѣренъ, что буду присутствовать въ томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ горѣть бочки. Какимъ образомъ это должно было случиться, это была моя глубочайшая тайна.

Такимъ образомъ въ этотъ день къ двумъ тайнамъ, которыя хранились въ сердцахъ Анисьи и Власа,—у первой—въ видѣ великолѣпно испекшихся папушиковъ, у второго—въ образѣ смоляныхъ бочекъ,—прибавилась третья тайна, хранившаяся въ моемъ маленькомъ восьмилѣтнемъ сердцѣ.

Наступилъ вечеръ. Я началъ съ того, что добросовѣтно выполнилъ свое обѣщаніе, данное Власу. Увидѣвъ отца, я попросилъ его, чтобы Ивашка завтра пришелъ къ намъ, заявивъ ему, что хочу играть съ нимъ, и что онъ славный мальчикъ.

— Пусть приходитъ!—сказалъ отецъ:—играй съ нимъ, сколько хочешь!

— Но Власъ боится позвать его.

— Чего же онъ боится?

— Боится, что Ивашка мѣшаетъ.

— Чему же Ивашка можетъ помѣшать? Ну, хорошо, я самъ скажу Власу, чтобы онъ позвалъ его.

Затѣмъ я твердо объявилъ, что поѣду въ церковь. Надо мной посмѣивались, комически изображали, какъ я сяду на диванъ, нечаянно вздремну, меня перенесутъ въ кровать, и мнѣ будетъ сниться, что я въ церкви.

Но я стоялъ на своемъ и очень удивилъ отца и мать, когда около полуночи оказался не только бодрствующимъ, но уже одѣтымъ по-праздничному. Одѣлся я при помощи моей старой няни Лукерьи, потакавшей всеѣмъ моимъ причудамъ и притомъ такъ таинственно, чтобы никто не зналъ, чтобы это было для всеѣхъ сюрпризомъ.

И вотъ меня повезли въ церковь, и я стоялъ рядомъ съ отцомъ и старался быть бодримъ, хотя, если говорить правду, въ тѣ моменты, когда я ударялъ земной поклонъ, слѣдуя примѣру другихъ, мнѣ очень хотѣлось такъ и остаться, не подымая головы, и тутъ же на мѣстѣ забыться сладкимъ сномъ. Но я овладѣвалъ собою и вставалъ.

И вотъ въ церкви произошло движеніе. Молодые парни подошли къ хоругвямъ и разобрали ихъ по рукамъ. Священникъ вышелъ изъ алтаря и направился къ выходу. Народъ послѣдовалъ за нимъ.

Отецъ взялъ меня за руку, и мы вмѣстѣ со всеѣми вышли. Начался крестный ходъ вокругъ церкви.

Но я все подымалъ голову и смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ за оградой была рѣчка, и все ожидалъ, не покажется ли черезъ высокую каменную стѣну зарево отъ смоляныхъ бочекъ. Но ничего не было видно.

Толпа народа сильно напирала на насъ; меня раздѣдинили съ отцомъ. Я оглядѣлся. Около меня не было никого изъ своихъ,—ни отца, ни матери, ни няни. Я сталъ рѣшительно пробиваться сквозь толпу, меня узнавали и давали мнѣ дорогу.

Вотъ я уже у калитки; я вышелъ изъ церковной ограды. А въ это время священникъ уже взошелъ на церковную паперть, и позади меня слышался его звучный голосъ: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ!» Я бѣгомъ пустился вдоль ограды, въ ту сторону, гдѣ была рѣчка, и вдругъ остановился.

Четыре бочки, расположенныя въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой на крутомъ берегу, надъ самой рѣчкой, только что зажженныя, ярко пылали. Огромныя огненные языки подымались къ небу и красиво отражались въ спокойной глубинѣ рѣчки. Множество ребятишекъ, дѣвчонокъ, парней и дѣвокъ толпился недалеко отъ нихъ и, озаряемые этимъ пламенемъ, казались ярко-красными и какъ-то фантастически прозрачными. А отъ нихъ падали длинныя-предлинныя тѣни, которыя колебались, какъ бы извивались и достигали своими концами до церковной ограды и даже перескакивали черезъ нее.

А Власъ въ свѣтлой цѣтной рубахѣ на выпускъ, въ большихъ салагахъ и съ космой волосъ на головѣ вмѣсто шапки, величественный и таинственный, ходилъ между бочекъ, очевидно наблюдая за тѣмъ, чтобы онѣ исправно горѣли. Онъ казался мнѣ волшебникомъ, способнымъ однимъ движеніемъ руки, при помощи своихъ четырехъ бочекъ, осмоленныхъ имъ въ пустомъ сараѣ, озарить цѣлый міръ.

И такъ ярко было пламя, и такъ далеко бросало оно свѣтъ во все стороны, озаряя и извилистую рѣчку, и два ряда камышей по ея берегамъ, и часть степи, и всю церковь съ ея куполомъ и крестомъ, что мнѣ, хотя и знавшему уже свѣтъ, но очень еще немного, казалось, что эти четыре смоляныя бочки дѣйствительно освѣщаютъ весь міръ.

Много я потомъ въ своей жизни видѣлъ ярко освѣщенныхъ залъ, блестящихъ иллюминацій, когда горѣли миллионы электрическихъ огней и были пущены въ ходъ все чудеса искусства, но ничто не оставило въ душѣ моей такого яркаго слѣда, какъ эти огненные языки, поднимавшіяся отъ четырехъ бочекъ, осмоленныхъ Власомъ въ нашемъ пустомъ сараѣ.

А за оградой раздавался громкій, радостный голосъ батюшки и цѣлаго хора, повторявшаго за нимъ: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ!»

Скоро меня нашли. Мать была приятно удивлена тѣмъ обстоятельствомъ, что я не упалъ въ рѣчку и не погибъ, и, по случаю такого счастливаго событія, мнѣ было прощено мое своевольство. А на другой день Ивашка бѣгалъ у насъ по двору, и я игралъ съ нимъ, и Власъ весь день былъ въ превосходномъ настроеніи духа и христосовался со всеѣми, кто только появлялся во дворѣ.

ΕΣΗΑ ΗΔΕΤΑ ΠΟΥΛΗΑ ΥΨΔΕΣΑ,
ΧΡΗΨΤΟΣΖ ΔΟΣΚΡΕΣΖ!
ΧΡΗΨΤΟΣΖ ΔΟΣΚΡΕΣΖ!

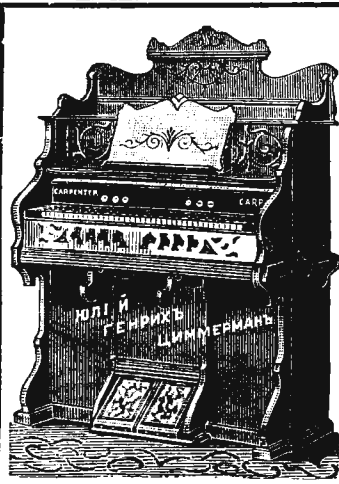
Содержаніе:

ТЕКСТЪ. Въ туманѣ величія. Историческая повесть П. Н. Полеваго.—Въ святую ночь. Рассказъ Виктора Рышкова.—Верь. Пасхальный рассказъ А. И. Писанецкаго.—Къ рисункамъ: Воскресеніе Христова.—Чтеніе Апостола передъ пасхальной заутреней.—По своему вкусу.—Петръ Великій угощаетъ шкипера первого торговаго фрисландскаго судна, пришедшаго съ товарами въ Петербургъ, въ 1703 г.—Праздничный подарокъ.—Молодой докторъ.—Пасха на улицѣ.—О. Арсеній Лебединцевъ.—Захарій Топелиусъ.—Гансъ Рихтеръ и нѣмецкая опера.—Леопольдо Фреголи.—Офицерское собраніе арміи и флота въ Петербургъ.—Политическое обозрѣніе.—Заявленіе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

РИСУНКИ. Воскресеніе Христова. Картины К. Шенгера.—Чтеніе Апостола передъ пасхальной заутреней. Ориг. рисунокъ И. И. Ижакевича.—По своему вкусу. Ориг. рисунокъ И. И. Ижакевича.—Петръ Великій угощаетъ шкипера первого торговаго фрисландскаго судна, пришедшаго съ товарами въ Петербургъ, въ 1703 г. Ориг. рисунокъ Н. Д. Дмитриева-Оренбургскаго.—Праздничный подарокъ. Картина Г. Фоглера.—Молодой докторъ. Картина жиссъ Ж. Гелларъ.—Пасха на улицѣ. Ориг. рисунокъ Г. Бронинга.—О. Арсеній Лебединцевъ.—Захарій Топелиусъ.—Гансъ Рихтеръ.—Леопольдо Фреголи.—Зданіе офицерскаго собранія арміи и флота въ Петербургъ. При этомъ № прилагаются: 1) Сборникъ „Нивы“ за Апрель, содержащій въ себѣ СОЧИНЕНІЯ И. С. ТУРГЕНЕВА, т. IV. 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Апрель, съ 21 рис. и отдельный листъ съ 31 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 19 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сивингзэксъ.

Лучшіе инструменты для духовной и свѣтской музыки, весьма легкіе для изученія.

ФИСГАРМОНИИ

знаменитой фабрики

ШИДМАЙЕРА,

рекомендованная Гензельтомъ, Листомъ, Главачемъ.

Американскія известныя фабрики

КАРПЕНТЕРЪ, ВЕНТЪ

и другихъ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 175, 190, 200, 225, 240, 250, 300, 350, 375, 450, 500, 550, 750 и 1000 руб.

Самоучитель Паха—2 р.

Иллюстрированный прейсъ-курantzъ и каталогъ нотъ бесплатно.

Юліи Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное дѣло и фабрика музыкальныхъ инструментовъ.

Складъ и изданіе нотъ.

С.-Петербургъ, В. Морская, № 34—40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина

Фабрики Карпентера въ 160 руб.

НА УВЕЛИЧЕНІЕ
ПОРТРЕТОВЪ И НОПІИ принимаются заказы. С.-Петербургъ, М. Морская, д. 5. Фотографія Мартынова. Прейсъ-курantzъ высылается бесплатно.

ВОЛИЦНИЙ дѣлаетъ наружныя, внутреннія болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2—4 поятъ 6—7 1/2 ч. в. № 10829 4—4

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. наъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 3 р. 50 в.

КОРСЕТЫ ФАБРИКИ И. Г. АБРАМСОНЪ
Удостоены похвалы отъ отзывомъ на всеросс. выставкѣ 1896 г.
РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ
1. ТВЕРСКАЯ Д. АНДРЕЕВА
2. ЛУБЯНСКІЙ ПАССАЖЪ № 11
ПРОДАЖА ПО ФАБРИЧНОМУ ПРЕЙСЪ-КУРАНТУ

Благодаря большому сбыту и новому усовершенств. способу изготовленія часовъ моего производства, я имѣю возможность продавать съ 1 июля мин. г. самыя элегантныя и прочныя МУЖОНИЕ ЧАСЫ американскаго золота, трудно отличимыя, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, —крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструкции (удостоен. серебр. медалью на женевской выставкѣ въ 1896 г.), съ прераскою пѣлочкою, тоже американскаго золота, съ браслетомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, вѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящіе золотые, а въ послѣднее время и у насъ входятъ въ всеобщее употребленіе. Такіе же ДАМОНІЕ дороже на 1 рубль.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ.

Высылаю вполнѣ вытѣренныя часы по полученію задатка 2 р., остальное же наложенномъ платежѣмъ. АДРЕСЪ:

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ

Складъ женевскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.

◆ Множество благодарств. писемъ и отзывомъ. ◆

Во набѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземп. снабженъ пломбою фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. № 11065 5—3

ВИЛЬЯМА ЛАССОНА

ЭЛИКСИРЪ ДЛЯ ВОЛОСЪ.

СРЕДСТВО ДЛЯ УХОДА

за головную кожу и волосы.

Средство это не имѣетъ никакого вліянія на цвѣтъ волосъ и не содержитъ никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ.

Цѣна флакона 3 р. 50 к.

Въ Петербургѣ эликсиръ продается: у Г. Кошкина, Гостиный дворъ, 19; Н. Ушакова, Гостиный дворъ, 33; В. Парикова, Гостиный дворъ, 78. К. № 11054 3—2

Въ Москвѣ—у А. Ралло и К^о.

Касимовская невѣста. Ист. ром. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 3-е. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 30 к.; въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

ПОСЛѢДНІЙ

добровольный обмѣнъ на 4% ренту 4% облигацій внутреннихъ займовъ 1887 года и 2-го, 3-го и 4-го—1891 года и выпущенныхъ въ кредитныхъ рубляхъ 4% облигацій казенныхъ жел. дорогъ.

ЗАЯВЛЕНІЯ

принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ учрежденій Банка.

КРАЙНІЙ СРОКЪ

№ 11073 12—3

подачи заявленій 15 Іюня 1898 года. Подробныя условія обмѣна въ ежедневныхъ газетахъ.

ТОВАРИШЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * Сибурга.
 Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмой „ПРОВОДНИКЪ“.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. Остерегаться подделокъ! Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

НОТЫ-НОВОСТИ.
 Только что вышли изъ печати ЛЮБИМЦЫ КОРНЕТИСТА. 100 легк. нов. люб. пьесъ и танцевъ арр. В. Вурмъ д. 1 корнета 1 р. 25 к., д. 2-хъ корн. 2 р. 50 к. (или въ 2-хъ тетр. по 1 р. 50 к.), д. 2-хъ тетр. 2 р. 50 к. (или въ 2-хъ тетр. по 1 р. 50 к.), д. 2-хъ тетр. и форт. 2 тетр. по 1 р. 75 к.
 Любимцы КЛАРНЕТИСТА. 100 легк. нов. и люб. пьесъ и танцевъ арр. В. Вурмъ д. одн. кларн. 1 р. 25 к., д. кларн. и форт. 2 р. 50 к. (или въ 2-хъ тетр. по 1 р. 50 к.), д. 2-хъ кларн. 2 р. 50 к. (или въ 2-хъ тетр. по 1 р. 50 к.), д. 2-хъ кларн. и форт. 2 тетр. по 1 р. 75 к.
 Кроме того рекомендуемъ: Маленький Паганини. 100 легк. нов. и люб. пьесъ и танцевъ арр. А. Бруннеръ, д. 1 скрипки 1 р. д. скр. и форт. 2 р. д. 2-хъ скр. и форт. 2 р. 50 к.
 Волшебная флейта. 100 легк. нов. и люб. пьесъ арр. З. Келеръ д. 1 флейты 1 р. 25 к., д. фл. и форт. 2 р. 50 к., д. 2-хъ фл. 2 р. 50 к., д. 2-хъ фл. и форт. 3 тетр. по 1 р. 25 к.
 Изданы у издателя:
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
 С. Петербургъ, В. Морская 31 и 40. Москва, Бульв. м., д. Захарьина. Выслка съ налож. платежомъ.

СЕКРЕТЪ Глицеро-Вазелиновое
КРАСОТЫ МОЛОДОСТИ
А. СІУ И К. МОСКВА. 20 коп. кув.
Ю. МЕЛЛЕРЪ и К^о.
 Фабрика велосипедовъ „DUX“.
 Цѣны и качества вѣтъ конкуренціи.
 Фабричный складъ: Москва, Неглинный пр., д. Гонцагаго.
 Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Б. Морская, № 8. Прейсъ-куррантъ бесплатно.

ПАМЯТЬ
 лица кажда. возр. укрѣпляетъ лично и зочно (въ 10 урокъ.) профес. мнемоника С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и Ваг. ул., собствен. домъ. № 23. Условія и 2 брош. (въ 64 стр.) высл. за одну 7-ми коп. марку.
 № 10917 20-9

Вновь получены роскошно-бронзировавныя кабинетныя часовыя часы „СОРТИЗЪ“ въ видѣ богатой отдѣлки, прекрасное украшаніе для письменнаго стола, мѣшачный предметъ для подарковъ.
 Цѣна часовъ 3 р. 75 к. съ утѣшн. Выслается при получении суммы стоимости или 2 руб. задѣлка.
 Адресъ: **М. М. ХАЗАНОВЪ** Варшава.

Изданія **ЛЕОНА ИДИНОВСНАГО** въ Бѣвѣ:
ЗБИРНИКЪ УКРАИНСЬКИХЪ ПИСЕНЬ
 для хору съ аккомпаним. фортепіано уложивъ **А. Н. Артемьевскій**
 3 выпуска, каждый по 50 коп.
НОДНЫЙ СВОРНИКЪ
 100 малороссійскихъ народныхъ пѣсень для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепіано **АНТОНА КОЦИПИНСКАГО**
 100 пѣсень въ одномъ томѣ к. 4 руб. Каждый пѣснь отдѣльно по 20 коп.
ЗБИРНИКЪ УКРАИНСЬКИХЪ ПИСЕНЬ
 для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепіано **М. ЛИСЕНКА**
 2 выпуска по 40 пѣсень каждый по 2 р. 50 к.
МУЗЫКА до Мобзара **Т. ШЕВЧЕНКА**
 № 10972 **М. Лисенка** 3-2
 1-я серия 13 №№ въ одной тетради ц. 2 р. Подробный каталогъ нотъ изданій Л. ИДИНОВСНАГО выслается бесплатно.

ПИСТОЛЕТЪ ОГНИВО!
 Последняя новость, заштылетъ свички и карманный фонарь. Націю! Безопасно!
 Пистолетъ съ 1000 зарядами . . . 2 р. 80 к.
 Отдѣльно 2000 зарядовъ . . . 80 к.
 Карманная чернильница „ИДЕАЛЬ“ 45 к., 2 за 75 к.
БѢГАЮЩАЯ СОБАКА прелестная заводная игрушка, движется посредствомъ передвиженія лапокъ 1 р. 50 к.
ПРЕССЪ-БЮВАРЪ „АСБЕСТЪ“ всасываетъ чернила безукоризненно—95 коп., 3 за 2 руб. 65 коп.
КУКЛА ПАРИЖАНКА съ 12 приборамъ 1 руб.
ДОМАШНИЙ ДРУГЪ Болье изящный 2 р. 50 к.
МАРТЫШКА ОБЕЗЬЯНА Большой, очень практичный и элэгитный 3 руб. 50 коп.
 лазааетъ по веревкѣ скоро вверхъ и внизъ 95 коп.
ДЛЯ МОДНОЙ ПРИЧЕСКИ гарнитуръ въ 3 гребенки 60 коп.
ЖИВАЯ ФОТОГРАФІЯ, книжками, 6 разныхъ за 1 руб. 50 коп.
ЖИВАЯ ФОТОГРАФІЯ, брезокъ 50 к., 3 за 1 руб. 25 коп.
ШАРЪ АНДРЭ, новѣйшій бенгалскій огонь, безопасно, очень эффектно для комнатъ, 50 за 70 к., 100 за 1 руб. 25 коп., зак. перес. 22 коп., если налож. платеж.
ПЕРЛАМУТРОВЫЙ ПОРТМОНЪ, парижской изыщной работы 1 р. 35 к.
БЕЗОПАСНАЯ РОЗА ЛУЧШЕ! ВСѢХЪ! Остерегаться! Поддѣлокъ!
 3 р. 50 к. Запасный ножикъ 1 руб. 25 к.
ДОЛЖИЙ ПРИБОРЪ 6 руб. 25 коп.
ПАРИНСКІЙ КОШЕЛЕКЪ для золота 50 коп.
ДОРОЖНЫЙ САКЪ-ВОЯЖЪ прочная отдѣлка, грѣневая кожа, длинный ремень 2 руб. 75 коп.
 Гг. заказчиковъ, прошивъ дальѣ 2000 в., просить выслать задатокъ.
 Перес. налож. платежемъ. **БАЗАРЪ МАРОКЪ** С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20-31. Телеграммы исполн. немедленно.

Большое депо часовъ
НЕВСКІЙ ПР. № 32.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
 домъ Католическ. церкви противъ думы С. ПЕТЕРБУРГЪ
 Прейсъ-Кур. высыл. безпл.

ТРЕБУЙТЕ
 Новый преісъ-куррантъ Оружіяго магазина А. В. Гарнопольскаго, въ Москвѣ, Масницкая ул., высыл. бесплатно. Новая книга „РУЖЬЕ“ выслается наложеннымъ платежомъ за 60 коп.

ПОДАРИТЕ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!
 Большой выборъ карманныхъ ножей, ножицы и приборовъ съ ножницами по нѣсколько штукъ въ футлярѣ, столовыхъ ножей, ножей для фруктовъ и винныя, столовыхъ ножей въ слоныхъ ручкахъ. **БРИТВЪ** и приборовъ къ нимъ. **НОВОСТЬ „мастнаторъ“**—выки-ножъ для безубытка, которой легко можно раздробить на тарелкѣ мясо. Магаа. стали. издѣлѣ А. О. БРАБЕЦЪ. СПБ., Б. Морская, 40. Новый иллюстр. пр.-куррантъ бесплатно.

УПОТРЕБЛЯЙТЕ „Капризъ Жевы“
 духи, „Велютина Елизабетъ“
 МЫЛО „Велютина Елизабетъ“
 ПРИБАДЕТЪ КОЖЬ НѢЖНОСТЬ И БЪЛИЗНУ
С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
 Гл. склады: С. ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСКАЯ УЛИЦА Д. № 12. МОСКВА, НАУШКА Д. ШЕРЕМЕТЬЕВА, РАЙ ШАРА, НОВЫЙ БѢСЪ 27.

КОНТОРА И СКЛАДЪ МАШИИЪ
К. ЛЮКЕ Маслицная, домъ Давыдовой, бывшій СПИРИДОНОВОЙ **МОСКВА.**
 ПАРОВЫЯ МАШИИНЫ, ЛОКОМОБИЛИ, ТУРБИНЫ, ВАЛЬЦОВЫЕ СТАНИИ
 и ВСѢ ДРУГІЯ МЕЛЬНИЧНЫЯ МАШИИНЫ и ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.
 ГОТОВЫЯ МЕЛЬНИЦЫ НОВЫЕ АППАРАТЫ
„ХОЗЯИЦЪ“ для КРЕСТЬЯНСКИХЪ и ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ МЕЛЬНИЦЪ.
„ЭКОНОМЪ“ для очистки обраб. масла. ПРОДАЖА и ВЫПИСА
 МАШИИЪ для всѣхъ фабрикъ и заволовъ
 Телераммы: К. ЛЮКЕ, Москва.

ФАБРИКА И СКЛАДЪ
Бруно Зенгеръ и К^о
 С. Петербургъ, Невскій Пр. № 25 (спереди Мясницкаго)
Фотогр. Аппараты и Принадл.
 (Кратк. Прейсъ-Куррантъ бесплатно.)

Поставщики Двора Его Императорскаго Величества. Сѣдельная фабрика основана 1786 г.
СѢДЛА, РУССКАЯ УПРЯЖЬ, АНГЛІЙСКІЯ ШОРЫ,
 конжевыя принадлежности, дорожныя вещи лучшаго качества.
ВАЛЬТЕРЪ и КОХЪ.
 Малая Морская, № 4.

Остерегаться поддѣлокъ!
 ПРОВИЗОРЪ **Г. Ф. ЮРГЕНСЪ**
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
 ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕГО ПОТЛИВОСТИ И ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
 ВЫСШАГО ДОСТОИИСТВА
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
 Кув. 50 к. / 2 кув. 30 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXIX г.
№ 14

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIX
1898

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, соерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 4 апрѣля 1898 г.

Цѣна этого № 20 к., съ пер. 25 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1898 г.

Подписная цѣна годового изданія „Нивы“ со всѣми приложеніями на 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ полное собраніе сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставкѣ въ Петербургъ.	5 р. 50 к.	Безъ доставкѣ въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговая линіи.	6 р. 25 к.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра. ницу. 10 р.
------------------------------	-------------------	--	-------------------	----------------------------------	-------------------	---	-------------	---------------------

При семъ прилагаются: 1) Сборникъ «Нивы» за АПРѢЛЬ, содержащій въ себѣ СОЧИНЕНІЯ И. С. ТУРГЕНЕВА, т. IV; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА АПРѢЛЬ 1898 г. съ 21 рис. и отдѣл. листъ съ 31 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 19 рис. руководѣльныхъ работъ.

Воскресеніе Христова. Съ карт. К. Шенгѣрра грав. Эдлеръ.

Въ туманѣ величія.

Историческая повѣсть

П. Н. Полевого.

I.

Подъ завыванье бури.

Темная и бурная апрѣльская ночь давно уже опустилась надъ бѣлокаменной столицей московскихъ государей и шумно гудѣла надъ ея палатами и хижинами, надъ многоглавыми храмами и островерхими зубчатыми башнями. На небѣ не видно было ни звѣздочки изъ-за густыхъ и мрачныхъ облаковъ, которыя клубилъ и гналъ по небу рѣзкій и порывистый вѣтеръ, зычно завывая въ тѣсныхъ проулакахъ, мощно пригибая и раскачивая развѣсистыя деревья старинныхъ московскихъ садовъ и сердито потрясая калитками и ставнями. Ревъ и свистъ вѣтра подчасъ становился до такой степени сильнымъ и рѣзкимъ, что заглушалъ и протяжный бой часовъ на кремлевской башнѣ, и громкіе оклики сторожевыхъ стрѣльцовъ у роговъ на уличныхъ перекресткахъ. Но временамъ, ни вѣсть откуда, вдругъ налеталъ частый и крупный ливень, хлесталъ, словно вѣпкомъ, по стѣнамъ и заборамъ, барабанилъ по крышамъ и листовъ деревъ, и проносился такъ же быстро, какъ и налеталъ. Но ни дождь, ни вѣтеръ, какъ ни были шумны, не могли пробудить крѣпко спавшей столицы: все населеніе спало тѣмъ здоровымъ первосоньемъ, которое въ конецъ одолеваетъ человѣка, заставляя его забывать о горяхъ и радостяхъ, о событіяхъ минувшаго дня и о заботахъ наступающаго. Спали даже и безпокойные московскіе дворовые псы, забившись въ уютные углы, въ которыхъ они могли найти себѣ утѣху отъ ненастья.

Спали всѣ и на обширномъ тѣсно застроенномъ подворьѣ боярина Ивана Милославскаго, что выходило широкими, нѣсколько покрившимися воротами на Мясницкую, а задомъ упиралось въ безмянннй тупикъ. Нигдѣ не свѣтилось огонька, нигдѣ не слышно голосовъ и звуковъ обыденно-суетливой жизни; спалъ около своей доски и сторожъ, убаюканный воемъ и свистомъ бури. Не спалъ только безпокойный и неутомимый хозяинъ—старый бояринъ Иванъ Михайловичъ, то ворочавшійся тревожно на своихъ пуховикахъ и подушкахъ, то вдругъ вскакивавшій съ постели и принимавшійся быстро шагать по своимъ старымъ и сумрачнымъ хоромамъ. И съ перваго же взгляда на лицо стараго боярина не трудно было угадать, что его не безсонница томила, не внутренній какой-нибудь недугъ, а именно ожиданіе, — ожиданіе, истощившее послѣдній запасъ его терпѣнія. Это было замѣтно по многимъ внѣшнимъ признакамъ: онъ ходилъ какъ-то порывисто, то дѣлая безостановочно нѣсколько шаговъ по скрипучимъ половицамъ своей опочивальни, тускло освѣщенной лампадой, мерцавшей передъ божницей, то вдругъ останавливаясь среди комнаты, наклоняя голову на бокъ и какъ будто прислушиваясь... Но, очевидно, онъ ничего, кромѣ свиста и завыванія вѣтра, кромѣ дробнаго стука дождевыхъ капель въ крышу и окна, не слышалъ—и опять принимался снова вездѣ и впередъ по комнатѣ, до утомленія, вновь вынуждавшаго его лечь въ постель... И онъ ложился, и думалъ все однѣ и тѣ же думы, желчно, злобно и сумрачно...

— Да, да! Теперь развѣ ужъ на все рукой махнуть, ужъ съ ангельскою кротостью врагамъ простить и за все то зло, что они мнѣ подѣлали, имъ же въ поясъ кланяться?! Да нѣтъ, не таковъ Иванъ Милославскій—не такимъ на свѣтъ Божій родился, не такимъ и въ гробъ ляжетъ... Все до кацельки милымъ недругамъ пусть оплатится, всѣ убытки мои пусть попомянутся, вся горечь моя кровью да слезами пусть имъ отольется! При покойномъ-то царѣ, блаженной па-

мяти, Алексѣй Михайловичъ, Милославскіе-то первыми людьми были! Супротивъ насъ никто и заикнуться не смѣлъ—а теперь? Теперь что? Царька выбрали на царство, словно на-смѣхъ, такого, что только погѣхи да забавы дѣтскія у него на умѣ, а изъ-за его спины Нарышкины все въ руки забираютъ—и намъ старикамъ предъ ними спину гнуть придется! Послѣ того, какъ самъ-то я всѣ приказы въ рукахъ держалъ, теперь, того и гляди, у нихъ на посылакахъ быть придется! Нѣтъ—будь имъ пусто—лучше все на лезвіе ножа поставить... На ножъ, такъ на ножъ! Либо самому голову на плахѣ сложить, либо ихъ подъ топоръ подвести!

И онъ опять вскакивалъ съ постели и, судорожно сжимая кулаки и сверкая глазами, какъ дикій звѣрь, метался изъ угла въ уголъ комнаты, шепча про себя злобныя рѣчи и посылая страшныя проклятія своимъ врагамъ...

— И если только мнѣ удастся племянницу подбить... Коли рѣшится она со мною заодно идти... коли не испугается кровь Нарышкинскую на душу принять—о, тогда всего добьемся! Всего: и власти, и почета, и богатства неисчетнаго... Только бы царевна Софья не сдалась, не дрогнула... не отступилась—осталась бы при томъ, что говорили мы съ нею сегодня утромъ...

И ему почти дословно припомнилась тайная утренняя бесѣда съ царевной Софьей, припомнилась та ненависть, съ которою она говорила о мачихѣ—красавицѣ—„объ этой лютой медвѣдицѣ, ни вѣсть откуда забѣжавшей въ ихъ семейство“... Припомнились ея слова: „мути стрѣльцовъ моимъ именемъ и именемъ брата Ивана, ни посуловъ не жалѣй, ни обѣщаній: всѣхъ наградимъ, озолотимъ, лишь бы по нашему вышло, лишь бы наша взяла... На все пойду!“ И потомъ вдругъ приостановилась, бровями этакъ повела, какъ бы раздумывая и соображая что-то, и добавила уже гораздо тише и сдержаннѣе:

— Подожди лишь до ночи сегодня... Я еще обдумаю и обсужу все дѣло—и дамъ знать тебѣ... Смотри же, подожди!..

И на этихъ именно словахъ бесѣда ихъ была прервана приходомъ царевниной сестры...

— Знать, съ милымъ дружкомъ посовѣщаться понадобилось!—догадывался Милославскій, припоминая всѣ эти подробности бесѣды съ Софьей, раздраженно шагая изъ угла въ уголъ по своей опочивальнѣ и въ то же время напряженно прислушиваясь къ каждому звуку, долетавшему съ надворья.

Легкій, чуть слышный стукъ въ двери опочивальни заставилъ Милославскаго вздрогнуть и остановиться среди комнаты.

— Кто тамъ? Кому до меня нужда,—крикнулъ старый бояринъ, приближаясь къ двери, запертой на крюкъ.

— Твой вѣрный рабъ, Кузьма Вершокъ, — откликнулся голосъ изъ-за двери. — Изволь отпереть дверь—надо сказать тебѣ нѣщечко.

Бояринъ отложилъ крюкъ и отперъ дверь.

Въ комнату пошелъ небольшого роста старичокъ, съ сѣдой бородой по поясъ, и съ поклономъ передалъ своему господину небольшой рѣзной изъ кости ларецъ, добавивъ только:

— Къ твоей милости съ Верху приславъ.

И удалился за дверь, въ ожиданіи приказаній.

А бояринъ, быстро сунувъ руку за пазуху, вытащилъ оттуда крошечный ключикъ, висѣвшій на шнуркѣ съ крестомъ, отперъ имъ ларецъ, вынулъ изъ него не-

большой сверточекъ бумаги, завернутый въ кусокъ мягкой шелковой матеріи, и поднеся къ самой лампадѣ грамотку, исписанную знакомою цифирью, съ трудомъ разобралъ слѣдующія фразы:

„Дѣйствуй, не замедляя. Довѣрюсь тебѣ, какъ отцу родному. Гдѣ твоя рука—тамъ и моя рука, гдѣ твоя голова—тамъ и моя, горемычная. Лучше на плаху лечь, чѣмъ у мачихи задворки чистить. Вороши молодцовъ, а мои люди тебѣ вѣдомы, и твои люди мнѣ тожь вѣдомы. На тебя же всё мои упованія: тебѣ во всемъ полная мочь“.

Яркимъ пламенемъ вспыхнули недобрѣя очи боярина Милославскаго, когда онъ прочелъ эти многознаменательныя строки... Все лицо его оживилось и даже повеселѣло... Расправились глубокія морщины, которыми былъ изрѣзанъ его высокий, узкій лобъ, едва прикрытый жидкими прядями волосъ. Улыбка, чуть примѣтная, стала мелькать на узкихъ и блѣдныхъ губахъ стараго смутника и „проникателя“. Онъ провелъ рукою по волосамъ, потомъ огладилъ свою длинную жидкую, съ сильною просѣдью, бороду, какъ бы что-то обдумывая и соображая, и затѣмъ кликнулъ слугу.

— Скажи посланному, что я благодарю за присланный мнѣ даръ, и въ раннюю обѣдню самъ на поклонъ прѣйду. Понялъ?

— Какъ не понять? Вѣстимо понялъ, — отозвался нѣсколько обидчивымъ тономъ старый слуга.

— Ну, такъ и передай!

Кузьма Вершокъ скрылся за дверью, которую бояринъ Милославскій опять заложилъ крюкомъ. Потомъ онъ быстро подошелъ къ кровати, поспѣшно откинулъ тяжелыя пуховыя подушки, заперъ грамотку царевны въ кованный изголовникъ и съ видимымъ удовольствіемъ сталъ потирать свои сухія, костлявыя руки.

„Ну“, — подумалъ онъ: — „теперь за дѣло!.. Теперь мнѣ надо олуха такого подыскать, который бы все дѣло на свои плечи принялъ да и насъ бы кетати на плечахъ вынесъ... Подыщемъ, — есть такой въ виду... Да пожалуй и не одинъ... А самому-то на попятный надо, да за чужой спиною и схорониться бы... Хе-хе-хе!“

И, посмѣиваясь себѣ въ бороду, онъ принялся поспѣшно рыться въ каленхъ-то грамотахъ и столбахъ бумаги, исписанной замысловатыми крюками, все что-то соображая и чего-то доискиваясь...

А буря все попрежнему шумѣла на дворѣ, потрясая ставнями, завывая дикими голосами въ трубы и погоныя тучи съ ливнемъ, который хлесталъ въ стѣны хоромъ и барабанилъ въ ихъ крышу.

II.

Одинъ изъ недвольныхъ.

На Сивцевомъ Вражкѣ, въ домѣ стараго князя Хованскаго, въ просторной и свѣтлой наугольной горницѣ, увѣшанной по стѣнамъ коврами, оружіемъ и доспѣхами съ богатою насѣчкою, сидѣли двое молодыхъ княжатъ — Андрей и Иванъ Хованскіе. Старшій изъ нихъ, Андрей, былъ высокій, стройный и смуглый красавецъ, лѣтъ 26-ти; онъ лишь недавно вернулся со службы на Литовскомъ рубежѣ въ Москву, гдѣ отецъ собирався его женить на богатой княжнѣ Баскаковой, а затѣмъ—добыть ему воеводство въ одномъ изъ многихъ дальнихъ уголковъ московской Руси. Младшій, Иванъ, лѣтъ на пять моложе брата, былъ средняго роста, блѣлый юноша съ неправильными и некрасивыми чертами лица, которому однакоже большіе, кроткіе и ясные голубые глаза придавали необычайную мягкость и привлекательность.

— Ты все скучаешь, Андрюша-голубчикъ!—привѣтливо обратился Иванъ къ брату, который, небрежно раскинувшись на мягкомъ тюфякѣ, покрывавшемъ пристѣнную лавку, вертѣлъ въ рукахъ богатый турецкій ятаганъ. — Все грустишь о Литвѣ, о тамошнемъ веселомъ житьѣ, о тамошнихъ красавицахъ?..

Андрей пренебрежительно пожалъ плечами, покачалъ головой въ знакъ отрицанія и не промолвилъ ни слова.

— Не по нраву тебѣ приходится наше здѣшнее московское житье, не по нутру наши потѣхи и забавы?—продолжалъ допрашивать Иванъ.

— Да развѣ же есть у васъ потѣхи? Есть забавы?—съ насмѣшливой улыбкой спросилъ князь Андрей, черезъ плечо бросая взглядъ на брата.—Вы даже пьянствовать порядкомъ не умѣете! На вашихъ московскихъ пирахъ всё напиваются и наѣдаются, какъ звѣри, какъ холопы. Шумятъ, ругаются, а то и до рукопашной дѣло доходить... Не это ли изволишь ты величать московскими забавами!? Или потѣхи ваши — ваши охоты съ кречетами да съ соколами — вѣдь это же тоска смертельная! Немногомъ лучше, чѣмъ голубей гонять по крышамъ... Ъздятъ, ъздятъ съ чѣлою оравой сокольниковъ и поддатней и всякихъ челядинцевъ въ отъѣзжемъ полѣ, добудутъ цаплю да двухъ перенеловъ—ну, и радѣшеньки... Тьфу, пропасть! И въ этомъ вся жизнь проходить—какъ въ трупобѣ дикой и заглохой..

— Тебя послушать, братецъ, такъ подумать можно, что мы и точно живемъ, какъ Богомъ забытые; что мы ни свѣту не видимъ, ни радостей... А это, полно, такъ ли?

— Вотъ именно ты вѣрно и правильно сказалъ: вы точно живете безъ радостей, безъ свѣта, безъ тепла... Вы точно вбили себѣ въ голову и положили твердо: проспять всю жизнь, на печи либо на полатихъ провалявшись... Какая это жизнь, когда вы на всё веселья смотрите, какъ на бѣсовщину, какъ на грѣхъ какой-то... Когда вы женщины замуравываете на всю жизнь въ тѣсныхъ теремахъ и живете съ ними врозь, не позволяя имъ передъ собою ни рта разинуть, ни даже приѣсть... И женитесь-то, словно въ жмурки играете!

— Околдовали, видно, тебя литовскія чертовки! Обошли со всѣхъ сторонъ... А развѣ же тамъ лучше живется? — почти съ укоромъ обратился князь Иванъ къ князю Андрею.

— Лучше ли, хуже ли — не знаю! Но только тамъ точно люди живутъ, а не киснутъ весь свой вѣкъ, простаивая по десяти часовъ подъ рядъ на дворцовой площадкѣ и выжидая подачи съ царскаго стола или угощенья изъ царскаго погреба. Тамъ каждый самъ себѣ господинъ и даже королевскому величеству себя обидѣть не позволить... Тамъ вѣдь не знаютъ ни кнута, ни батога, ни ручной расправы: тамъ каждый свою честь самъ блюдетъ, и чуть только кто-нибудь коснется этой чести или ее затронетъ—расправа короткая, на сабляхъ. И женщины тамъ такъ же свободны, какъ мужчины: кого хотятъ, того и любятъ, за того и замужъ идутъ... И запираютъ ихъ не въ обычаѣ: онѣ и на пирахъ, и на весельи тутъ же, что цвѣты на лугу... Посмотрѣть—любо-дорого: стройныя, нарядныя, веселыя! Нѣтъ, дружище,—я сюда вернулся, какъ въ могилу!..

И онъ досадливо и безнадежно махнулъ рукой—и смолкъ, вертя въ рукахъ все тотъ же ятаганъ.

— Какъ же ты тутъ жить-то будешь, Андрей голубчикъ?—съ участіемъ спросилъ Иванъ. — Вѣдь батюшка тебя и вызвалъ сюда, чтобы ты здѣсь корни пустилъ, чтобы женился и семьей обзавелся...

— Нѣтъ — этому не бывать, не бывать! — почти съ отчаяньемъ воскликнулъ князь Андрей, вскакивая съ своего мѣста. — Не ужиться мнѣ здѣсь ни съ кѣмъ! Противны мнѣ и люди здѣшніе, и весь обычай московскій... Я не забылъ, что мы, Хованскіе — потомки Гедимина, и служить по-здѣшнему мнѣ не подъ силу! Я лучше въ Польшу убѣгу, либо въ Запорожье уѣду, чѣмъ здѣсь томиться и гнуть шею передъ царскою роднею или любимцами — передъ какими-нибудь На-

Чтение Апостола передъ пасхальной заутреней. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. И. Ижаневича, грав. Шюблер.

По своему вкусу. Ориг. рис. (собств. „Шивы“) И. И. Иваневича, авторгипія . Нивы .

рышкиными, которые, давно ли, сами землю пахали... Нѣтъ, ни за что?

Князь Иванъ собирался было возразить брату, но, случайно взглянувъ въ окно, увидѣлъ, какъ холощи бѣжали черезъ дворъ отворить ворота старому князю, возвращавшемуся изъ государева дворца, и потому князь Иванъ проговорилъ только поспѣшно:

— Вотъ и батюшка вернулся... Чай, усталъ, сердечный? Ты, братъ Андрей, ужъ лучше ни о чемъ не говори ему... Чтобы его какъ-нибудь не огорчить... Не прогнѣвать...

И онъ поспѣшилъ навстрѣчу отцу, между тѣмъ какъ князь Андрей ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, продолжалъ сѣтовать мысленно на московскіе нравы и обычаи; при этомъ ему, конечно, менѣе всего приходило въ голову деликатное и нѣжное желаніе „не огорчить — не прогнѣвать“ старика-отца, а напротивъ того ощущался даже нѣкоторый задоръ по отношенію къ старому князю, нѣкоторое желаніе вступить съ нимъ въ препирательство и споръ относительно дальнѣйшихъ плановъ на будущее—желаніе высказать ему такія же воззрѣнія на московскую дворянскую и общественную жизнь, какія онъ уже неоднократно высказывалъ брату Ивану.

Нѣсколько минутъ спустя, старый князь Иванъ Андреевичъ Хованскій вступилъ въ горницу и тщательно притворилъ за собою дверь. Это былъ высокій и нѣкогда очень красивый мужчина, съ крупными чертами лица, съ цѣлою шапкою волосъ на головѣ, успѣвший порядочно обрюзгнуть и разжирѣть за послѣдніе годы полного бездѣйствія и сытой московской жизни. Несмотря на то, что ему было уже далеко за пятьдесятъ лѣтъ, сѣдина еще не серебрилась въ его густыхъ волосахъ и не проглядывала въ его большихъ обвислыхъ усахъ, которые онъ носилъ при бритой бородѣ, по вводившейся тогда польской модѣ. Вся фигура его, весь складъ, походка и осанка выказывали въ немъ человека несокрушимо-здороваго, подвижнаго, дѣятельнаго — даже суетливо-дѣятельнаго въ ущербъ качествамъ этой дѣятельности. Въ лицѣ его, очень полномъ, и въ особенности въ его глазахъ, голубыхъ, нѣсколько навывкатъ, съ густыми, рѣзко-обрисованными бровями—выражался весьма ясно человѣкъ, въ значительной степени легкомысленный и беззаботный, любящій пожить въ свое удовольствіе, но ограниченный и неспособный ни къ какой серьезной дѣятельности. Такимъ именно онъ и выказалъ себя въ своей военной карьерѣ, въ особенности во время Бѣлорусскаго похода при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, гдѣ онъ исполнилъ нѣсколько прекрасно задуманныхъ дѣлъ и военныхъ предпріятій своею неумѣстною смѣлостью и отвагой и, главнымъ образомъ, своею безтолковою поспѣшностью, которая и доставила ему весьма характерное прозвище *Тараруя*. Этимъ военнымъ неудачамъ онъ и былъ обязанъ тѣмъ, что его совсѣмъ забросили и забыли, такъ что въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ онъ жилъ въ Москвѣ „не у дѣла“, ко двору приглашаемъ былъ рѣдко и все утѣшалъ себя ожиданіями и чаяніями получения такой должности или назначенія, которыя были бы достойны его знатнаго происхожденія и удовлетворяли бы его непомѣрному тщеславію. Но, увы, годъ-отъ-года ему болѣе и болѣе приходилось убѣждаться въ томъ, что его упованія были тщетны, и что никто не заботился объ устройствѣ его дальнѣйшей судьбы: на всѣ его искательства и просьбы отвѣчали ласковыми посулами и обѣщаніями, и все же князь Иванъ Хованскій оставался попрежнему „на гпоищѣ“ и дождавъ послѣднія крохи своего весьма значительнаго состоянія безъ малѣйшей надежды на какое-нибудь повышеніе или „кормленіе“ въ ближайшемъ будущемъ. При такомъ положеніи дѣлъ, конечно, старый князь чаще всего возвращался изъ дворца въ

такимъ дурномъ и мрачномъ настроеніи, что къ нему, бывало, и приступа не было, и только послѣ сытнаго обѣда и весьма продолжительнаго отдыха онъ приходилъ въ такое состояніе, что сношенія домашнихъ становились съ нимъ возможными.

Князь Андрей готовился къ выговору за то, что онъ, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ, не вышелъ встрѣтить отца на крыльцо, а въ то же время готовился и къ отпору на выговоръ, заранѣе хмурия брови и подбирая такія выраженія и перекоры, которые могли быть наиболѣе неприятны князю-отцу... Но, по тому, какъ старый князь тихо вошелъ въ горницу, и какъ стала за собою осторожно и тщательно припирать дверь, князь Андрей уже замѣтилъ, что у отца на душѣ есть что-то новое, необычайное; а когда отецъ обернулся къ нему лицомъ, то князь Андрей прочелъ на лицѣ старика-отца такую тревогу, такое безпокойство и волненіе, что тотчасъ же поднялся съ мѣста и пошелъ ему навстрѣчу.

III.

Богъ олуха послалъ.

— Что съ тобою, батюшка? На тебѣ лица нѣтъ! Ужъ не стряслась ли на тебя бѣда какая?—ласково проговорилъ князь Андрей.

Старый князь, въ отвѣтъ на это, только замахалъ руками и проговорилъ вполголоса:

— О-охъ! Не услыхалъ бы кто... А мнѣ съ тобой, Андрей, кое-о-чемъ переговорить бы надо...

И князь Хованскій почти въ изнеможеніи опустился на лавку: крѣпкія ноги его подкашивались... Такъ велико и сильно было его волненіе!

— Видишь ли, въ чемъ дѣло,—медленно и протяжно началъ князь, когда Андрей подсѣлъ къ нему на лавку. — Дѣло въ томъ... какъ бы это тебѣ сказать... что вотъ... если пойти на это... что предлагаютъ-то мнѣ... можно пожалуй безъ головы остаться... потому очень и боязно...

Андрей слушалъ, ничего не понимая, и нетерпѣливо теребилъ рукавъ своей нарядной чуги: волненіе отца, очевидно, передавалось и ему.

— А если... грѣшнымъ дѣломъ... какъ это сказать... ну, тамъ, удастся, что ли,—такъ первымъ, самымъ первымъ человѣкомъ во всемъ Московскомъ государствѣ можно сдѣлаться, какъ ни почему!—поспѣшно договорилъ князь, многозначительно поднимая указательный палецъ.—Такъ вотъ—какъ бы ты думалъ?

Нетерпѣніе и досада князя Андрея при этомъ вопросе дошли до крайняго предѣла. Онъ схватилъ отца за руку и, тряся ее, проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Да что думать? О чемъ думать, когда я ничего не знаю — ничего еще отъ тебя и не слыхалъ порядкомъ...

Старый князь тутъ только какъ бы опомнился и созналъ, что дѣйствительно ничего не сказалъ сыну и ждалъ отъ него отвѣта и совѣта на то, что сыну неизвѣстно.

— Да-да-да! — проговорилъ онъ, проводя рукою по густымъ волосамъ.—Я точно не сказалъ тебѣ толкомъ... да оно и того, какъ тебѣ сказать — и говорить-то объ этомъ страшновато... И отъ разговора-то одного, если насъ услышать... тоже не сдобровать.

— Такъ и не говори! Не надо мнѣ твоихъ загадокъ! — почти крикнулъ князь Андрей, отодвигаясь отъ отца.

— Ну, ну, не сердись... стой! Я тутъ все же безъ тебя не обойдусь — потому ты человѣкъ бывалый и свѣтъ видѣлъ, и какъ другіе люди живутъ, — да и отца тоже въ бѣдѣ не покинешь, не выдашь... Такъ и тебѣ довѣрюсь...

Тутъ онъ поспѣшно поднялся съ лавки, подошелъ

къ двери, отперъ ее, заглянулъ въ сѣннички передъ горницей, чтобы убѣдиться, что никто ихъ не подслушивалъ, заперъ дверь плотно-на-плотно, и опять сѣлъ на лавку около сына.

— Видишь ли,—началъ онъ нерѣшительно и робко:—одинъ бояринъ, то-есть, большой бояринъ и изъ ближнихъ... то-есть не къ выпѣшней царицѣ Натальѣ онъ ближній, а къ той—первой женѣ царя Алексѣя—и не теперь большой, а прежде, также при царѣ же Алексѣѣ былъ въ большомъ случаѣ... Да нѣтъ! Пстой! Цѣлуй мнѣ крестъ, что никому не выдашь моей тайны—вотъ того, что скажу-то я тебѣ, ни на дыбѣ, ни на плахѣ...

Князь Андрей такъ быстро и сильно рванулъ крестъ изъ-за ворота, что оборвалъ шнурокъ, и, цѣлуя крестъ, проговорилъ:

— Ну, клянусь и крестъ цѣлую... Да не мучь только меня, говори скорѣе...

— Клянись, что не скажешь никому, а напшаче... брату своему... блаженному-то нашему, Ивану...

— Ну, ну, клянусь! И ему не скажу.

— Такъ слушай же... Бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій — покойнаго царя шурина, царевнамъ дядя родной — слышалъ чай каковъ человекъ? Умъ — палата! Онъ меня сегодня изъ дворца зазвалъ къ себѣ да въ тайной бесѣдѣ и объявилъ: что-де намъ люди нужны, такіе, какъ ты, князь, для дѣла, такъ-сказать, государственнаго... Чтобы и мужества былъ испытаннаго, и съ военнымъ дѣломъ навыкъ тоже имѣлъ, на случай чего этакаго...

— Да ну же! Ну же! Говори скорѣе! — нетерпѣливо торопилъ отца князь Андрей. Глаза его горѣли, все лицо оживилось.

— Я его и спросилъ, говорю ему: „скажи по душѣ, на что же это вамъ я западабился?“ А онъ мнѣ напрямикъ и отвѣчаетъ, что вотъ „у меня съ царевнами-племянницами дѣло общее затѣвается: хотимъ спихнуть Нарышкиныхъ, да ихнему царевичу Петру своего царевича Ивана на шею посадить, чтобы намъ всѣмъ Милославскимъ въ конецъ не погибнуть...“ Я говорю: а я же на что вамъ годенъ?— „А на то, говорить, ты годенъ, что ты человекъ военный, умѣешь съ воинской силой управиться, а намъ тутъ безъ воинской силы никакъ обойтись невозможно...“

— Да откуда же они возьмутъ — эту воинскую силу-то? — нетерпѣливо перебилъ отца князь Андрей. — Вѣдь ни дворяне, ни дѣти боярскія не захотятъ присягѣ измѣнить: всѣ по доброй волѣ царю Петру присягали!

— Да не о томъ и рѣчь... Милославскіе другое на умѣ держатъ. До земской рати имъ и дѣла нѣтъ, да и руки у нихъ коротки; а хотятъ они, какъ бы это тебѣ сказать — стрѣльцами обойтись...

— Стрѣльцами? Да стрѣльцы-то тутъ при чемъ же?

— Да, да, стрѣльцами! Они ихъ противъ Нарышкиныхъ мутать, всякими страстями запугиваютъ и деньгами ихъ подкупаютъ — чтобы тѣ за царевича Ивана стояли... чтобы и тому тоже съ царемъ Петромъ вмѣстѣ царствовать... Стрѣльцами-то мутать, а сами ихъ опасаются: боятся, что съ ними и справы не взять будетъ потомъ, какъ дѣло сдѣлается. Вотъ я и нуженъ имъ — стрѣльцамъ въ начальники... Они вѣдь своего-то, теперешнаго — терпѣть не могутъ... А меня, вишь, будто уважаютъ, что я ихъ въ походѣ не неволилъ, не насѣдалъ на нихъ, берѣгъ... Вотъ я и не знаю...

Старый князь занулся на этомъ словѣ и посмотрѣлъ въ глаза сыну даже съ нѣкоторымъ смущеніемъ, какъ бы ожидая отъ него рѣшенія своего недоумѣнія.

Наступило молчаніе, которое прервалъ князь Андрей словами:

— Я все же въ толкъ не возьму, какъ они заставятъ Нарышкиныхъ и царицу Наталью уступить имъ? Вѣдь живые же это люди — не сдадутся даромъ, не выладутъ своихъ!

— Ну, какъ же не сдадутся? — возразилъ князь Иванъ Андреевичъ, начиная горячиться. — Ну, не сдадутся, такъ силой ихъ принудить!

— Такъ противъ силы и у тѣхъ есть сила! А ежели они да кликнутъ кличъ, да за царя Петра всѣхъ поднимутъ. Что тогда?

— Да не устоятъ же! — ужъ почти громко крикнулъ князь Хованскій. — Ихъ всѣхъ врасплохъ захватимъ и чуть только пикнуть...

— Такъ глотку имъ перерѣжете, — добавилъ князь Андрей.

— Ну, да!.. Какъ бы это сказать, — коли придется, и кровь прольемъ... Потому, это такое дѣло: не мы ихъ, такъ они насъ — все едино... Вѣдь вотъ, въ тотъ день, какъ Петра-то выбрали на царство, Нарышкины и всѣ ихъ пріятели къ кровямъ готовились, явились во дворецъ въ кольчугахъ, да въ пансыряхъ подъ одежею.

— Нелегкая задача. — вдумчиво и протяжно проговорилъ князь Андрей, откидываясь къ стѣнѣ. — Тутъ много крови придется пролить...

— Ну, ужъ конечно! Такъ и Милославскій говорилъ: что и самихъ Нарышкиныхъ, и всѣхъ Нарышкиныхъ — долой. Никого, молъ, не пощадить, лишь бы своего добиться! А коли добьемся, говорить, такъ все съ тобою пополамъ подѣлимъ — и царевны намъ ни въ чемъ помѣхой не будутъ! Вотъ оно что!

Старый князь и не предполагалъ, что эти именно слова и будутъ послѣдней искрой, которая воспламенитъ пороховъ... Князь Андрей вдругъ вскопчилъ съ лавки и, скрестивъ на груди руки, остановился передъ отцомъ и вперилъ очи въ его очи.

— Такъ чего же ты отъ меня хочешь? Зачѣмъ ты мнѣ все это говоришь? — сумрачно и настойчиво спросилъ онъ у отца.

— Затѣмъ, что я одинъ... ну, какъ бы это сказать, одинъ за это дѣло не возьмусь... Я старъ — мнѣ всюду не поспѣть: — а тутъ надо все знать, все видѣть... И чтобы въ помощникахъ былъ человекъ надежный, вѣрный...

— Чтобы было съ кѣмъ и на плаху лечь — если кривая не вывезетъ! — насмѣшливо замѣтилъ князь Андрей. — Ну, что жъ? На плаху, такъ на плаху. Лучше ужъ на ней голову сложить, да по крайности пожить въ свою волю — чѣмъ киснуть весь свой вѣкъ на Синевомъ Вражкѣ, да числиться въ захудалыхъ и ставить ребромъ послѣднюю копѣйку... Я готовъ идти въ то дѣло съ тобою заодно! Готовъ — лишь бы этимъ гордецамъ Нарышкинымъ спесь пообитъ; а тамъ посмотримъ, куда волною выхлеснетъ!..

И онъ протянулъ отцу обѣ руки.

— Такъ, значитъ, я и за тебя, и за себя отвѣчу боярину, что мы съ нимъ заодно идти готовы, и до послѣдняго станемъ за царевича Ивана стоять... Такъ, что ли?

— За Ивана ли, за Петра ли? Не все ли мнѣ равно... Лишь бы Нарышкинымъ-то насолить, да на ихъ мѣсто сѣсть...

— И сядемъ, и будемъ на ихъ мѣстѣ — и вотъ какъ всѣхъ плясать по своей дудкѣ заставимъ! — оживленно и самоувѣренно заговорилъ старый князь, ласково трепля сына по плечу.

Онъ былъ совершенно счастливъ, что встрѣтилъ въ князѣ Андрѣѣ сочувствіе своимъ затѣямъ, и быстро перешелъ отъ колебаній и сомнѣній къ полной самоувѣренности, забывавая обо всѣхъ трудностяхъ и препятствіяхъ, обо всѣхъ ужасахъ предстоявшей борьбы и смуты, о потокахъ слезъ и крови, которые должны были пролиться...

Въ тайномъ замыслѣ Милославскихъ онъ видѣлъ только возможность выйти изъ своего ничтожества и забвенія — восторжествовать или погибнуть. И къ этой возможности онъ устремился съ легкомысліемъ и го-

рочностью тщеславнаго юноши, беззаботно и безсердечно махнувъ рукою на все...

IV.

За дворцовой оградой.

Майское полуденное солнце неумолимо пекло и обливало своими яркими, ослѣпительными лучами бѣлыя стѣны и терема Кремлевскаго дворца. Крыши, крытыя луженымъ желѣзомъ, и островерхія башенки и кровельки, выстланныя поливной разноцвѣтной черепицей — такъ и горѣли на солнцѣ, и только верховые садики, разведенные въ двухъ-трехъ мѣстахъ среди дворцовыхъ палатъ, надъ вторымъ жильемъ, около теремовъ царицы и царевнѣ, представлялись издали темными пятнами на ярко-бѣломъ фонѣ зданій, входившихъ въ составъ Кремлевскаго дворца.

Въ одномъ изъ этихъ садиковъ, въ тотъ знойный майскій полдень, въ тѣни куста сирени, на скамьѣ, покрытой бухарскимъ ковромъ, сидѣли двѣ весьма почтенныя, осанистыя и дородныя особы, въ высокихъ, низанныхъ жемчугомъ, кикахъ и въ темно-фіолетовыхъ тѣлогрѣяхъ, обшитыхъ золотымъ кружевомъ и надѣтыхъ поверхъ богатыхъ камчатыхъ ферязей. Обѣ онѣ внимательно смотрѣли въ даль, слѣдя глазами за движеніемъ громадной толпы народа, сопровождавшей крестный ходъ отъ Кремлевскихъ соборовъ въ Донской монастырь, и съ видимымъ удовольствіемъ прислушивались къ торжественному перезвону колоколовъ, которые гудѣли на всемъ пути крестнаго хода.

— Вотъ, матушка моя, Ненила Прокофьевна! На святое-то дѣло и издали посмотрѣть любо... И въ народѣ-то благочестіе какое — толпицей такъ и валить, такъ и валить! — проговорила одна изъ дородныхъ и осанистыхъ особъ, Марья Петровна Шолохова, постельница царевны Екатерины Алексѣевны, обращаясь къ боярынь Поярковой, мамѣ царевнѣ.

— Какое тамъ благочестіе! Ужъ гдѣ ты въ нынѣшнемъ народѣ благочестіе наша? Одна только корысть да похоть... Охъ, охъ, грѣхи наши тяжкіе! И кругомъ себя-то посмотришь, такъ даже ужасъ на тебя найдешь!

— Что это ты, матушка-боярыня, какъ будто въ нашемъ огородѣ роешься... На кого ты это намеки накидываешь?..

— Ужъ какіе тамъ намеки, мать моя, — отозвалась со вздохомъ боярыня Пояркова: — во-очію у всѣхъ совершается... Сама изволишь знать! Развѣ такое-то, какъ нынче, творилось прежде въ теремномъ дворцѣ? А? Творилось? По совѣсти скажи?

Марья Петровна опасливо оглянулась кругомъ, а потомъ, наклонясь къ Поярковой, проговорила вполголоса:

— Оно, конечно, новшества, точно, есть... Ну, а насчетъ благочестія, пожалуй, что все попржежнему...

— Гдѣ ужъ! Пропрежнему? А не твоя ли царевна опомнись заутреню проснала? А царевна Марья Алексѣевна вчерась, всю службу, какъ есть, все съ сестрами перебранивалась... Да и не мудрено: со старшей берутъ примѣръ, съ Софьи Алексѣевны — а та ужъ такую-то волю забрала — Боже ты мой! Скоро, кажется, на коня сядетъ, въ доспѣхъ нарядится, и женскій образъ совсѣмъ покинетъ...

— Ну, ты ужъ это черезчуръ, голубушка! — съ осторожнымъ сомнѣніемъ перебила Пояркову Марья Петровна.

— Не черезчуръ, а я тебѣ и болѣе того скажу: царевна Софья женскій стыдъ и тотъ забыла... Князь-то Василий Голицынъ чего это къ ней ежедень ѣздитъ? А стрѣлцкіе головы зачѣмъ къ ней по ночамъ ходить повадились?

— Стрѣлцкіе головы? Да что ты это? Кто тебѣ сказалъ? — воскликнула Марья Петровна, понижая голосъ и хватая Пояркову за руку.

— Кто сказалъ — это при мнѣ пусть останется... А

только это вѣрно! И она съ ними за полночь сидитъ, и переговаривается, и изъ рукъ своихъ ихъ выпомъ поить! Да!

— Ахъ, Господи! Да что же это она затѣваетъ такое? Упаси насъ Господи отъ напастей... Ей ли съ этими буянами знаться да водиться!

— Я тебѣ говорю, что не за женское дѣло она теперь взялась... А этимъ она и сестрицамъ своимъ голову вскружила! Она съ мачихой на ножахъ, и онѣ туда же всѣ противъ мачихи топорчатся; а вотъ ты посмотри: вернется сюда на Москву бояринъ Матвѣевъ, да будетъ на него царица Наталья опираться, такъ она своихъ надчерницъ такъ скругитъ... Тсс! Вотъ и сама царевна Екатерина Алексѣевна...

И обѣ саповницы поднялись съ подобострастнымъ почтеніемъ, навстрѣчу царевнѣ, выходившей изъ своего терема въ садъ. Царевна Екатерина Алексѣевна была на годъ моложе Софьи Алексѣевны (ей было 24 года), такъ же смугла, какъ и всѣ дочери царя Алексѣя Михайловича отъ Милославской, но ростомъ повыше своихъ сестеръ и не такъ полна, какъ онѣ. Лицо ея, совершенно неправильное, было, однакоже, миловидно, и не малую прелесть придавали ему большіе черные глаза, которые царевна то прищуривала, по близорукости, то широко и удивленно открывала, преимущественно тогда, когда вслушивалась въ чужую рѣчь. Царевна была нрава добродушнаго и веселаго, почти постоянно и всѣмъ улыбалась и даже весьма охотно смѣялась, при чемъ на ея полныхъ щекахъ обозначались ямочки, а открытыя уста обнаруживали прекрасные зубы. Но на этотъ разъ черныя брови царевны были нахмурены: на лицѣ замѣтно было и утомленіе, и досада. Быстрыми шагами подойдя къ скамьѣ, царевна опустила на нее небрежно, какъ бы въ изнеможени; петерфильнымъ и рѣзкимъ движеніемъ руки она откинула сначала фату отъ лица, обвела садикъ недовольнымъ взглядомъ, а потомъ сорвала съ головы и жемчужную повязку и бросила около себя на лавку.

— Экая духота, Господи! — проговорила царевна, ни къ кому не обращаясь. — Въ теремѣ дышать нечѣмъ — да и здѣсь не лучше, на солнцепекѣ...

— Ну, а все же не то, что въ твоихъ сводчатыхъ да низенькихъ горенкахъ, гдѣ и отъ лампады-то копоть, и отъ ковровъ-то пыль, матушка-царевна! — возразила Екатеринѣ Алексѣевнѣ Ненила Прокофьевна, бережно поднимая съ лавки повязку съ фатою и присаживаясь на краешекъ.

— А кто же виновать, какъ не ты? — сердито отозвалась царевна, оборачиваясь къ боярынямъ. — Мы въ этихъ клѣтушкахъ остались, а другія-то сестрицы себѣ лучшія комнаты во дворцѣ захватили! Ты отчего тогда насъ не отставала?

— Да гдѣ же мнѣ васъ отстоять было, когда на ту пору царевны Софьи Алексѣевны рука владыка была: что хотѣла, то со своей меньшей сестрицей Марѳой Алексѣевной и взяла; а насъ сулилась въ другія хоромы перевести, да тутъ ужъ царица Наталья Кирилловна ея власть сократила, и вотъ...

— Сократила? — живо подхватила царевна. — Ну, такъ вотъ же и ее самоѣ скоро сократитъ! По рукамъ и по ногамъ свяжутъ: забудетъ, какъ надъ надчерницами властвовать — медвѣдица этакая!

— Охъ, что-й-то ты, матушка-царевна, — вступилась Марья Петровна: — какое неладное говорить изволишь! Ну, если бы грѣшнымъ дѣломъ да кто-нибудь твоей сказъ услышалъ! Да вѣдь изъ этого и ни вѣсть что могло бы статься!

— А ты что же думаешь, что мы ей, мачихѣ-то, поддадимся? — вспылчиво заговорила царевна. — Нѣтъ, не на тѣхъ напала... Всѣхъ насъ въ монастырь упечь задумала — такъ вотъ какъ бы ей самой туда не угодить...

Петръ Великій угощаєт шкипера прваго торговаго фрисландскаго судна, пришедшаго съ товарами въ Петербургъ, въ 1703 г. Ориг. рис. (собств. „Пивы“) Н. Д. Дмитриева-Оренбургскаго, автотипія „Пивы“.

— Да гдѣ ты, царевна, такого наслышалась? Кто тебѣ такихъ рѣчей насаждалъ?—стала приступать Марья Петровна къ царевнѣ.

— Гдѣ наслышалась? Вѣстимо гдѣ: у царевны Софьи Алексѣевны,—отвѣтила простодушная царевна.—Какъ вотъ насъ къ ней-то не пустили, такъ мы съ сестрицей Марьей пробрались черезъ опочивальню комнаты Марѣи въ тотъ тайничокъ, что въ Софьину комнату выходитъ... И все тамъ слышали, что говорили за стѣной: какое переставленье царства будетъ, и кого въ боярствѣ выберутъ въ совѣтники, а кого въ ссылку отправятъ... Все выслушали...

— Ой, батюшки! Да неужели это правда, неужели это Богъ попуститъ!—всплеснувъ руками, воскликнула Ненила Прокофьевна.—Да вѣдь это, матушка царевна, кровью пахнетъ,—подумай-ка!

Царевна взглянула на боярыню-матуку съ нѣкоторымъ удивленіемъ, какъ бы озадаченная возгласомъ ея; но тотчасъ же улыбнулась своею обычною улыбкою и добавила съ увѣренностью:

— Зачѣмъ тутъ кровь проливать? Ихъ такъ только немного поугають, погрозятъ имъ,—ну, они, конечно, тотчасъ спятъ, и уступятъ намъ.

— Твоими бы устами да медъ пить!—съ недовѣрчивой улыбкой проговорила Марья Петровна.—А только мнѣ не вѣрится, чтобы такъ просто Нарышкины вамъ поддались...

— Не вѣрится и мнѣ!—прибавила Ненила Прокофьевна, покачивая головою и пожимая плечами.

— Ну, да стѣить ли объ этомъ говорить теперь! Поживемъ, такъ увидимъ,—поспѣшила сказать царевна Екатерина Алексѣевна, видимо стараясь отдалить отъ себя всякія черныя мысли.—У сестрицы Софьи Алексѣевны умныхъ совѣтниковъ много—плохо ей не посовѣтуютъ...

Боярыня-мама и Марья Петровна собирались возражать царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, но въ эту самую минуту въ садъ изъ терема выбѣжала сестра царевны, Марья Алексѣевна, весело подбѣжала къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и, положивъ ей руку на плечо, проговорила скороговоркой:

— Я узнала, какъ того красавца зовутъ, который тебѣ такъ сегодня приглянулся!—Князь Андрей Хованскій, сынъ стараго Хованскаго—недавно съ Литовскаго рубежа въ Москву прѣбхалъ.

— Андрей? И имя-то какое чудесное! И красавецъ писанный!—съ увлеченіемъ проговорила царевна Екатерина.

— Ну, такъ вотъ онъ сейчасъ мимо нашихъ оконъ отъ сестры пойдетъ, по перильнымъ переходамъ на Постельное крыльцо. Пойдемъ скорѣе, чтобы еще разъ хоти издалека его увидѣть!—проговорила тою же скороговоркою царевна Марья, дергая сестру за рукавъ фразы.

Царевна Екатерина мигомъ сорвалась съ мѣста и бѣгомъ пустилась, вмѣстѣ съ сестрою, изъ сада въ теремъ.

— Вотъ онѣ, понѣшій-то, каковы!—насмѣшливо улыбаясь, проговорила Ненила Прокофьевна, указывая влѣдъ царевнамъ.

— Ай, батюшка, ай, срамъ какой!—спохватилась вдругъ въ перепугѣ Марья Петровна.—Вѣдь фату-то и повязку она здѣсь забыла,—простоволосая и побѣжала!

И схвативъ послѣшно съ лавки повязку царевны съ фатою, Марья Петровна опрометью бросилась влѣдъ за Екатериной Алексѣевной.

— Ну, ужъ и времена же!—пробормотала про себя Ненила Прокофьевна, разводя руками.

(Продолженіе будетъ.)

ВЪ СВЯТУЮ НОЧЬ.

Разсказъ Виктора Рышкова.

I.

Прошло десять часовъ вечера, но, несмотря на этотъ поздній для госпиталя часъ, палаты и коридоры его были ярко освѣщены и всюду замѣчалось необыкновенное оживленіе... Часа черезъ два крестный ходъ долженъ былъ обойти всѣ помѣщенія госпиталя, съ пѣніемъ «Христосъ воскрес!».

Больные—всѣ, кто только былъ на ногахъ—стекались изъ многочисленныхъ длинныхъ коридоровъ во второй этажъ огромнаго зданія—въ церковь. Снѣе халаты на благородныхъ были опрятны и въ обычное время, а «желтохалатники» выхлопотали себѣ новые халаты ради праздника, и всѣ шли въ церковь, съ сіяющими лицами. Праздникъ этотъ встрѣчаютъ восторженно и въ тюрьмѣ, и въ больницѣ, и на каторгѣ; «Христосъ воскрес!» отзывается такъ радостно и въ душѣ умирающаго человѣка, и въ наболѣвшей правдиво измученной душѣ. По коридорамъ шла въ церковь и публика со стороны, шли служащіе при клиникѣ и родственники больныхъ, тѣ, которые хотѣли встрѣтить праздникъ со своими близкими, похристосоваться съ ними во время самаго пѣнія торжественной пѣсни. Въ эту ночь госпиталь открытъ для посѣтителей съ вечера и до утра... Длинный коридоръ одного изъ отдѣлений упрямся въ обширную прихожую, черезъ которую былъ и главный проходъ съ улицы на лѣстницу въ церковь, и вся эта прихожая была уставлена, помѣщенными на блюдахъ, подносахъ и тарелкахъ, куличами, пасхами и яйцами—тѣмъ, что въ этотъ праздникъ изъ праздниковъ православный человѣкъ святить передъ Ёдой. Яйца, пасхи и куличи, загодя принесенные болящему члену семьи его роднымъ или друзьями, за рѣдкими исключеніями, были разставлены и у каждаго больного на шкапчикѣ, около койки. Въ этотъ поздній часъ, когда, обыкновенно, всѣ уже спятъ въ госпиталѣ, или, лежа безъ сна, молча и тихо страдаютъ, сегодня всѣ оживились, всѣ будто воскресли: кто собирался въ церковь, кто устраивалъ у своей койки «пасхальный столъ». И только въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ лежали тяжело и трудно больные, было, по обыкновенію, тихо и мрачно; электрическія лампочки были задернуты темными шторами; слышались лишь стоны и глубокіе, болѣзненные вздохи; выполняя великую заповѣдь Христа, и въ эту ночь, тамъ сидѣли студенты—пятікурники, и, безшумно и мягко ступая, ходили, отъ одного страдальца къ другому, сестры милосердія...

Всѣ четыре койки одной изъ «офицерскихъ» палатъ «сыпного» отдѣленія были заняты больными, и надъ всѣми кроватями была написана одна и та же болѣзнь: «ехема». На одной изъ нихъ

лежалъ въ «собственномъ» зеленомъ халатѣ, съ грязными бархатными отворотами, въ штанахъ съ красными генеральскими лампасами, въ шагреновыхъ туфляхъ и съ Владиміромъ на шеѣ, съдой и лысымъ старикъ. Это былъ частью уже выжившій изъ ума отставной генералъ; неизлѣчимая, хроническая болѣзнь мучила его уже лѣтъ двадцать. Въ клиникѣ его не лѣчили, а только дѣлали видъ, что лѣчатъ, и онъ относился къ этому равнодушно, потому что его не лѣчили и дома, и въ клинику семья помѣщала его ежегодно, мѣсяца на два, тоже вовсе не для лѣченія, а только для того, чтобы отдохнуть отъ него, отъ его капризовъ и старческихъ чудачествъ: а онъ, со своей стороны, уходилъ охотно въ клинику, удаляясь на временный покой и спасаясь тутъ отъ притѣсненій и придирокъ семьи, которая берегла теперь пенсіонную книжку куда заботливѣе, чѣмъ его самого... Столикъ-шкапчикъ генерала былъ покрытъ чистой «собственной» скатертью, на немъ былъ, въ миниатюрѣ, полный пасхальный столъ, и генералъ, обратившійся уже въ дѣтство и, очевидно, какъ дитя, любившій больше всего на свѣтѣ «сладенькое», отговаривалъ украдкой кусочекъ пасхи или цукать отъ «бабы» и, чтобы сосѣди не видѣли, что онъ разговляется раньше времени, спѣшно засунувъ въ ротъ то или другое, незамѣтно пережевывалъ «вкусенькое»...

На другой койкѣ сидѣлъ, въ казенномъ синемъ халатѣ, какой-то трепаный, мрачный господинъ, среднихъ лѣтъ, и, глубоко о чемъ-то задумавшись, набивалъ папиросы; на его столѣ было три некрашенныхъ яйца, кусокъ ветчины и въ баночкѣ—горчица.

На третьей, тоже въ казенномъ халатѣ и въ желтыхъ казенныхъ чуботахъ—туфляхъ, лежалъ, свернувшись калачикомъ, молодой студентъ. Онъ читалъ какую-то толстую книгу, уставившись въ нее близорукими глазами, и эта книга, казалось, поглотила его всецѣло; за нею, счастливый, онъ забылъ все на свѣтѣ: и свою болѣзнь, и то, что встрѣчаетъ свѣтлый праздникъ въ этомъ домѣ страданій и смерти, и то, что пасхальная ночь ужъ приблизилась. Онъ читалъ съ такимъ вниманіемъ, съ какимъ только иные студенты могутъ читать, по двѣнадцати часамъ къ риду, свои любимыя книги... На его столкѣ не было пасхальной Ёды; тутъ валялась лишь растерзанная бумажная обертка съ маленькой кучкой темпаго, крѣпкаго и дешеваго табаку и тетрадкой папиросной бумаги...

II.

Противъ студента, на четвертой и послѣдней койкѣ, лежалъ

красивый бронец, лёта двадцати восьми. Волнистые, черные волосы его были подстрижены коротко, по-военному, усы лежали красиво над алой губой, темно-синие глаза были в данную минуту прикрыты, и длинные ресницы, соединившись, леги густыми бахромками на глазных впадины. Он был большого роста и лежал теперь, протянувшись, на спице; кисти его рук по локти и ноги по колени были туго забинтованы марлевыми бинтами и имели безобразный вид и по величине, и по форме; на полу, около его койки, стояли гигантские войлочные туфли, надрезанные вдоль подъема для того, чтобы можно было в них втиснуть безобразно большие, забинтованные ноги. На его столе тоже не было никаких пашальных приготовлений...

Приготовить было некому!.. Всего лишь восемь месяцев прошло, как он приехал в Петербург, из Полтавской губернии, где служил в кавалерийском полку, и, выдержав экзамен в академии, остался в столице. Правда, он успел завести кой-какие знакомства, но—в том обществе, которое и не вспомнил о нем, когда, три месяца тому назад, заболев, он должен был лечь в госпиталь, потому что дома, то-есть в меблированных комнатах, было немисливо вознестись с его изнурительной болезнью. В течение двух недель она разлилась по всему телу, обезсилила его и сразу превратила в беспомощного калфаку; на перевязку и в ванну его носили на носилках; он не мог пошевелиться без посторонней помощи; солдатик, служивший при палате, умывал его, кормил с вилки или с ложки, как безрукого, вставляя в рот и вынимая папироску, когда больной курил. Первые два месяца болезнь ухудшалась с каждым днем. Но потом он стал постепенно поправляться, и теперь, когда физические боли причиняли больному меньше страданий, когда он мог уже вставать с постели, втиснуть забинтованные ноги в свои Голяшовы туфли и медленно двигаться по коридору, неся перед собою, будто двух «лялек», тоже забинтованные руки—ему становилось особенно тоскливо, что, за эти три месяца, никто, ни одна живая близкая душа не навестила его... Родных у него не было в столице; друзья и товарищи были в Полтаве, в полку; с товарищами по академии он не успел еще близко сойтись. Знакомые, у которых он стал бывать за короткое время жизни в столице, были именно те «петербургские добрые знакомые», которые принимают всех с одинаково-приветливой улыбкой, но мигом и забывают тех, кого не видели с месяца, которые не справятся даже, куда запропастился вчерашний приятель, которые не вернутся к нему даже на павихиду, если узнают из газет, что он переселился в «лучший из миров»... Впрочем, даже из этих знакомых одна женщина, одна дама, должна была навестить его, как ему казалось...

III.

«О, женщины!» повторял он полугорько-полупрезрительно, лежа с закрытыми глазами на своей койке, в этот вечер Великой субботы, и вспоминая многое, многое из своей молодой, но уже достаточно «потрепанной» жизни, вспоминая разные интриги, одинаково пошлые, одинаково гнусные и, благодаря гнетущему однообразию, в сущности,—и одинаково неинтересные... «Всё он любил не меня, а мои усы, мои шпоры, мою мазурку, мой сюртук, ловко сшитый портным, словом—мою оболочку... Он даже не знал меня, даже не хотел узнать, никогда не пытался познакомиться с моею душою, как и я не знал их».

Он был болен, озлоблен и желчен, а потому безпощаден... По вдруг его лицо, с закрытыми глазами и бахромками ресниц на потемневших от продолжительной болезни глазных впадинах, приняло строгое и вдумчивое выражение, вдруг как-то грустная и чистая тень скользнула по его лицу и, с этим выражением, казалось, он замер.

«Наташа... Одна Наташа любила меня... Она одна... И если я любил когда-либо, то тоже—ее одну, только ее—святую, чистую дѣвушку... И я сам бѣжалъ отъ счастья... Зачѣмъ бѣжалъ? Кого искалъ и что нашелъ?.. Неужели же всю жизнь прожить так — этой собачьей жизнью?.. О, если бы вернуть былое!.. О, еслибъ, чудомъ, теперь она была около меня!.. Наташа моя, Наташа!.. Прости! Прости!»

Ему вспомнился небольшой бѣшенный домикъ, окруженный фруктовым садомъ, закрытый со всѣхъ сторонъ высокими, пирамидальными тополями, там—подъ Полтавой: вспомнились старики-помѣщики—мать и отецъ Наташи, которые принимали его, какъ родного, да и надѣялись несомнѣнно, что онъ станетъ ихъ сыномъ... Какъ обманулъ онъ ихъ!.. Какъ живая стояла передъ нимъ и сама Наташа—смуглая, чернобровая красавица, прямая и честная, съ дѣтски-наивнымъ и невиннымъ личикомъ, на которомъ даже теперь, послѣ всего случившагося, онъ не могъ себѣ представить ни гнѣва, ни злобы, ни даже упрека... Вспомнились ему и полузаглохшая, чудная въ своемъ запустѣннѣи дорожка отъ дома къ колодцу, въ саду, подъ горой, и полустгнившая, покрытая зеленой плѣсенью скамеечка у колодца; вспомнилась тихій лунный вечеръ, вспомнилось и первое объясненіе съ Наташей... Она бросилась къ нему на шею и прошептала: «Съ тобою—на край свѣта, мой лсный!.. Все—съ тобою, а безъ тебя—нѣтъ ни жизни, ни свѣта, безъ тебя—я погибла!»

Тѣнь сбѣжала съ его лица... Онъ вспомнилъ, какъ затѣмъ, «отдѣлываясь» отъ Наташи и считая, что отдѣлывается отъ нея вѣчно, потому что «еще не погубилъ ее», скрываясь тайкомъ, онъ

собирался въ академію и уѣхалъ изъ Полтавы, не простившись съ нею, избѣгнувъ «личныхъ объясненій», вѣ какъ, уже изъ Петербурга, написалъ ей письмо съ гадкими, безчестными «разсужденіями»... На это письмо онъ не получилъ отвѣта, и зналъ лишь изъ писемъ бывшихъ полковухъ товарищей, что Наташа жива и здорова, хотя замѣтно похудѣла и поблѣднѣла, зналъ и о томъ, что на вопросъ—«что это съ вами?»—она отвѣтила его товарищу, Карцеву:—«жить не хочется, а умереть нельзя, пока живы мои старики:—я у нихъ одна-однѣшенька...»

«Передъ нею и—подлецъ!» прошептала она... Сердце переполнилось грустью, тоской, сожалѣніемъ и раскаяніемъ... Въ эту минуту ему хотѣлось сдѣлаться маленькимъ-маленькимъ мальчикомъ, чтобы имѣть право расплакаться, зарыдать, обнять кого-нибудь любящаго, родного и просить участія, ласки и утѣшенія... Горькія слезы наполнили его закрытые глаза, и густыя ресницы едва сдерживали ихъ...

IV.

— Ваше благородіе, вы поллететесь къ заутренѣ? — услышал онъ надъ собою голосъ генерала.

— Нѣтъ... А, впрочемъ, да—поллетусь... Я люблю эту службу, — отвѣтилъ онъ и, кряхтя, какъ разслабленный старикъ, сталъ подыматься и выпрямляться.

— Ну а вы, нигилисты, не пойдете, конечно?—обратился генералъ и къ студенту, который, отъ скуки, частенько спорилъ съ нимъ о «разныхъ отвѣченныхъ предметахъ» полу-шутя, полу-серьезно.

— Что? Куда? — спросилъ разсѣянно тотъ, оторвавшись отъ книги и сразу схватываясь за табакъ и папиросную бумагу.

— Куда!—фыркнулъ генералъ:—въ церковь, Атеистъ Иванычъ, въ церковь! Сейчасъ «Христосъ воскресъ» запоютъ! Очитесь! Есть на свѣтѣ что-нибудь и кромѣ вашихъ дурацкихъ книгъ!

— Есть, есть, ваше превосходительство, говорятъ—есть...

— Есть, есть, есть!—передразнилъ генералъ.—Чего затвердили! Я не адмиралъ, а вы не матросъ, и мы не на морѣ!..

— Ну, пойдете въ церковь. Если всѣ пойдутъ, и я пойду—за компанію, — сказалъ студентъ, вставая съ койки. — Выковыляете? И вы плететесь? Ну, и я поползу. Такъ ужъ всѣ—слѣпые, хромые, убогіе...

— Что-жъ, вы и въ церковь съ папироской пойдете?

— Да не придирайтесь, ваше превосходительство!.. Брошу папироску... Экъ вы какой!.. По всему видно, что вы были не «отецъ-командиръ», а педантише и придира... Поди, солдатикъ вась терпѣть не могли,—шутилъ студентъ, подмигивая офицеру.

Онъ попалъ въ точку.

— Меня? Меня—терпѣть не могли!—воскликнулъ генералъ.—Обожали! Обожили-съ!.. — и, волнуясь, онъ сталъ рассказывать, какъ и за что «обожили» его офицеры и солдаты.

Всѣ трое заковыляли по длинному коридору, прихрамывая и припадая, кто на лѣвую ногу, кто на правую, и, одолевъ, съ трудомъ, коридоръ, еще съ большими усиліями взобрались по лѣстницѣ, во второй этажъ. Но, въ дверяхъ залы, передъ церковью, стоялъ сторожъ, загородившій имъ дальнѣйшій путь.

— Это что?—изумился генералъ.

— «Воспрещается!» «Не пуцаютъ!» — замѣтилъ, ухмыляясь, студентъ.

— Такъ точно-съ, — подтвердилъ сторожъ: — больнымъ сюда нельзя-съ. Пожалуйте на хоры; больные всѣ — тамъ, а тутъ — публика-съ.

— Ты спятилъ съ ума, олухъ ты этакій! Очумѣлъ! — воскликнулъ генералъ, забывъ, что бранится у порога церкви.

И, будто напоминая ему объ этомъ, сторожъ отвѣтилъ, еще понижа голосъ:

— Намъ приказано не пуцать, потому больнымъ мѣсто отдено на хорахъ.

— Вы слышите? Больнымъ запрещено ходить въ больничную церковь! Вы слышите?!—обернулся къ своимъ спутникамъ генералъ. И, замѣтивъ совершенно равнодушное выраженіе на лицѣ студента, онъ набросился на него. — Вотъ это васъ не возмущаетъ, не бѣситъ!..

— Сохраняюсь для болѣе серьезнаго! — замѣтилъ студентъ.— Такое безобразіе вездѣ, куда ни посмотри, и, если отъ такихъ пустяковъ бѣсноваться — въ одну недѣлю «бѣсноватымъ» сдѣлаешься...

— Кто? Кто именно приказалъ тебѣ не пускать больныхъ?—напустился генералъ опять на сторожа.

— Намъ—церковный староста, а имъ, извѣстно—начальство...

— Позови мнѣ сейчасъ и старосту, и начальство!.. Скажи, что генералъ Пампушкинъ требуютъ... Пошелъ!

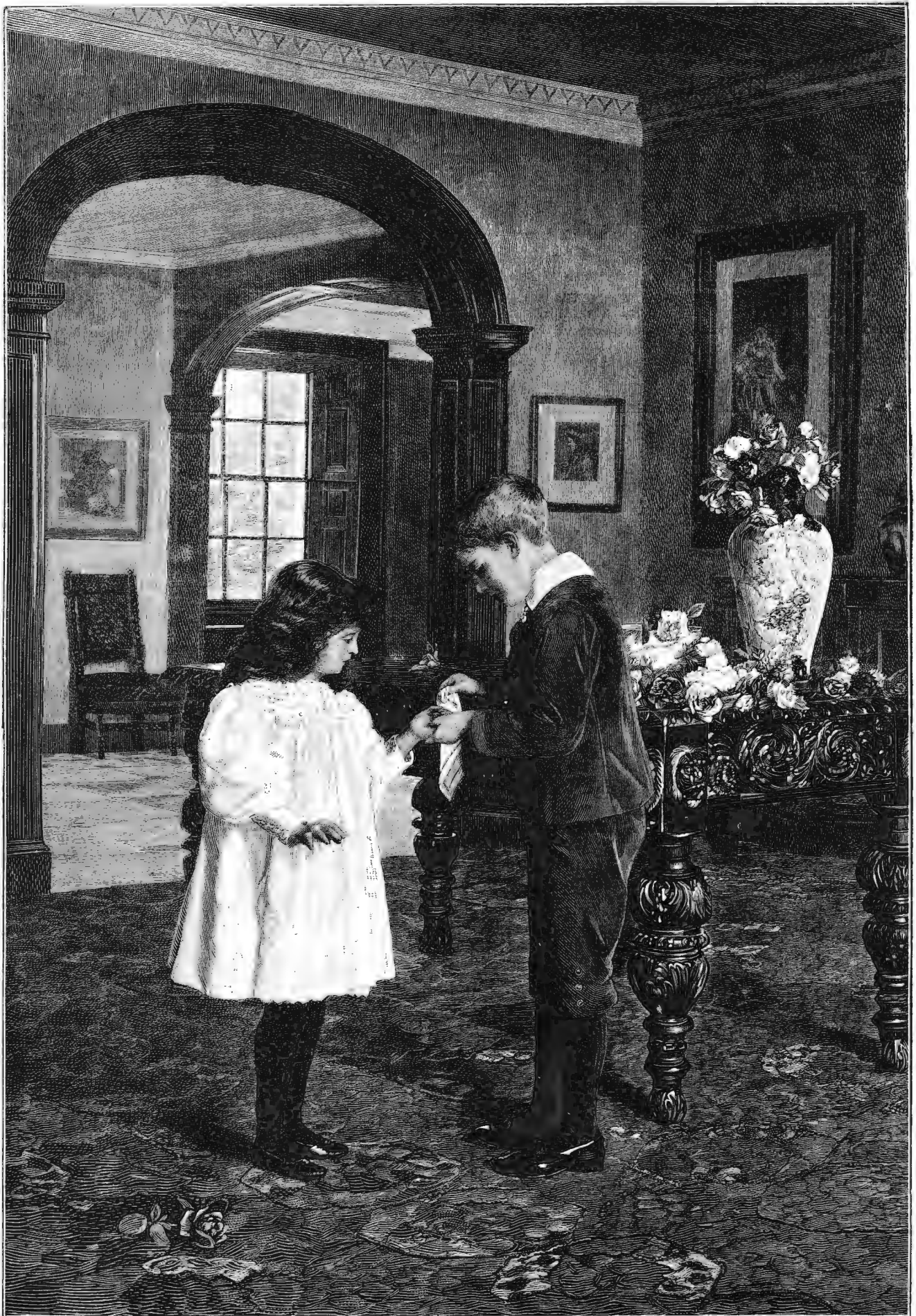
Сторожъ поискалъ на Пампушкинѣ вышнихъ знаковъ генеральства; косивъ глаза на красные лампасы штановъ, увидѣлъ ихъ, и, наконецъ, сказалъ:

— Слушаю, ваше превосходительство,—и ушелъ.

— Спятили! Они — спятили! — возмущался генералъ.—Каково положеніе! Больныхъ не пускаютъ въ церковь госпиталя потому, что тамъ — публика! Для публики тысяча церквей въ Петербургѣ, а я могу попасть только въ эту!.. Да что-жъ это такое, наконецъ?! Послѣ этого, я вздумалъ тутъ умереть, пошелъ за священникомъ, а попъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ тоже не для меня, а для публики!.. Я и видѣлъ, на-дняхъ, что и къ причастію больныхъ причастниковъ пускали послѣ всѣхъ, морили голодомъ на хорахъ

Праздничный подарокъ. Съ картины Г. Фоглера, по фотографіи Берлинскаго фотографическаго общества грав. Геданъ.

Выставка английских художников въ Петербургѣ. „Молодой докторъ“.
Картина мсье Ж. Гелларъ, по фот. I. Глыбовскаго грав. Шюблеръ.

до часу дня, пока приобщилась публика... Хороши порядки! Все— шиворот навыворот!.. Я — больной, безногий человек, должен взбираться, на костылях, на хоры, на эту колокольню Ивана Великого!.. Нѣтъ, шалишь! Ради чего-нибудь я добрался до генеральского чина! Нѣтъ, не уступлю, не сдамся! Коли и входъ въ церковь надо брать приступомъ—возьму!..

Пришелъ наконецъ староста—какой-то купецъ изъ фрячныхъ. Генераль, горячася, сталъ доказывать и ему всю дикость распоряженія, а староста «не пуцалъ», долго ссылаясь на какое-то высшее начальство. Но генераль «напиралъ по-военному»—«брать приступомъ», и, чтобы отвязаться отъ него, въ концѣ концовъ, староста сдался немного: — онъ пропустилъ воюющего крикуна (ну, да и впрямь—онъ былъ генераль), но предъ ничтожными спутниками Пампушкина двери церкви опять затворились.. Да имъ было бы и неловко стоять въ грязныхъ халатахъ среди разряженной публики (они были люди молодые). Съ трудомъ они поднялись по высокой лѣстницѣ на хоры. Дѣйствительно, всѣ больные—и старые, и слѣбые, и убогіе, и даже тѣ, которые ходили на костыляхъ, стояли тутъ, а въ церкви ихъ не было вовсе. На хорахъ было душно и жарко.

«А Наташа опять тамъ, въ своей церкви, съ отцомъ и съ матерью, но... но—безъ меня», думалъ офицеръ: «Два года подрядъ я былъ съ нею въ этотъ день... Вспоминаетъ и сегодня... Можеть-быть, плачетъ... Подлецъ я, подлець!.. Хуже... имени не подыщешь... Вернется домой изъ церкви... Няня, Спиридонова, приготовить пасхальный столъ... Спрѣбля сердце, сдерживая рыданія, отбудетъ все, голубушка, чтобы не огорчать стариковъ, а потомъ приблизитъ наверхъ, въ свою комнату, и тамъ—разрывается... Да, да, не могла она меня забыть, не могла! Не изъ тѣхъ она, не изъ таковскихъ... Я—все о ней сегодня!» вспомнилъ онъ, и опять ему стало тяжело и тоскливо...

— Душно здѣсь; пойдите въ палату; тамъ и крестный ходъ встрѣтимъ,—сказалъ онъ студенту.

У.

Поддерживая другъ друга, они спустились въ свой коридоръ. Обширная передняя, въ которую этотъ коридоръ вливался, была ярко освѣщена огоньками восковыхъ свѣчей, уже зажженныхъ и приготовленныхъ къ освѣщенію куличей, пасокъ и яицъ. Всѣмъ не достало, однако, мѣста въ этой передней, и опоздавшіе разсталили принесенное и въ концѣ коридора. Офицеръ и студентъ доковыляли до своей палаты и, въ ожиданіи крестнаго хода, сѣли на лавочкѣ тутъ же, въ коридорѣ.

— Вотъ гдѣ пришлось встрѣтить свѣтлый праздник! — сказалъ грустно офицеръ.

— А не все ли равно—гдѣ!—отозвался студентъ.

— Ну, какъ же «все равно!»—возразилъ тотъ.

«Несчастный ты! Должно-быть, ничего хорошаго ты не испыталъ и не знаешь», подумалъ онъ и спросилъ:

— А вы прошлую Пасху гдѣ встрѣчали—съ родными?

— Право, не помню... Родные мои на томъ свѣтѣ...

— А я—въ Малороссіи... въ деревнѣ... Было чудно-хорошо... Ночь была великолѣпная, сады цвѣли уже, и вообще... Тамъ у меня были друзья... не родная семья, а такъ... близкая...

«Христось воскресе изъ мертвыхъ!» донеслось издали...

Онъ очнулся, какъ очнулось въ эту минуту много больныхъ и страдающихъ по палатамъ... Въ концѣ коридора заколыхались хоругви, показалось въ свѣтлыхъ, блестящихъ ризахъ духовенство и засвѣтились огоньки нѣсколькихъ сотенъ свѣчей. Пѣніе раздалось громче, и крестный ходъ подвигался медленно къ этому концу коридора. Чтобы не попасть въ толпу людей, офицеръ и студентъ стали въ дверяхъ своей палаты. Мрачный господинъ, вовсе не ходившій въ церковь, мрачно вышелъ теперь къ дверямъ, мрачно смотрѣлъ на ликующій народъ, мрачно слушалъ даже эту торжественную, захватывающую пѣсню о воскресеніи Спасителя и объ общемъ воскресеніи...

«Христось воскресе изъ мертвыхъ!» пѣли уже около ихъ палаты... Духовенство прошло, прошелъ и народъ.

«И Наташа идетъ теперь вокругъ церкви... Въ прошломъ году я шелъ съ нею подъ-руку... А впереди шли старики, вспоминалъ офицеръ.

«Христось воскресе изъ мертвыхъ!» слышалось опять въ отдаленіи... Крестный ходъ завернулъ уже въ слѣдующій коридоръ... Мрачный господинъ и студентъ вернулись въ палату... Офицеръ взглянулъ случайно въ ту сторону, откуда пришелъ крестный ходъ, вздрогнулъ и будто замеръ... Онъ испугался... Оттуда шла Наташа... Да, это была она—въ свѣтломъ платьѣ и въ бѣлой барашковой шапочкѣ... Коридоръ былъ такъ ярко освѣщенъ, и онъ узналъ ее тотчасъ же и по фигурѣ, и по походкѣ... Да, онъ видѣлъ уже и лицо ея — милое, дорогое, прекрасное лицо...

«Что же это такое? Что это?» спрашивалъ онъ себя: «что это—сонъ или бредъ? Или это то чудо, котораго я такъ страстно желалъ всѣ эти дни?!»

Она шла и, останавливаясь у дверей палатъ, разглядывала прибитыя на нихъ дощечки съ нумерами.

«Она меня ищетъ, меня!» рѣшилъ больной и торопливо выдвинулся къ ней навстрѣчу, неся передъ собою свои забинтованныя руки.

Они встрѣтились... Она тотчасъ узнала его...

— Наташа! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, и въ этомъ возгласѣ было все: и радость, и благодарность, и мольба о прощеньи...

— Котя!.. Бѣдный!.. Нашла я тебя...

«Христось воскресе изъ мертвыхъ!» донеслось едва слышно...

Воръ.

Пасхальный рассказъ А. И. Писанецкаго.

Никогда я не забуду этой ночи... Прошло съ тѣхъ поръ цѣлыхъ десять лѣтъ, но впечатлѣнія ея не только не погасли изъ моей памяти, а еще съ болѣею силою и ясностью оживаютъ каждый разъ, когда начинаютъ раздаваться первые звуки церковнаго благовѣста въ ночь великаго праздника любви и единенія. Заодно съ этими торжественнымъ благовѣстомъ, отъ котораго сердце каждого христіанина такъ радостно бьется, оживаетъ во мнѣ иное, глубокое чувство, которое трепетно и благоговѣнно наполняетъ мою душу...

Это было въ счастливый періодъ моей жизни, на второй годъ замужества. Мы съ мужемъ жили тогда въ Х., большомъ южно-русскомъ городѣ, на отдаленной отъ центра улицѣ, которую выбрали, нарочно избѣгая шума и обыденной суеты городской жизни. Домъ занимали мы большой, не по семьѣ, и жили вообще съ большимъ достаткомъ. Любящій человекъ окружилъ меня не только довольствомъ, но и роскошью. Идѣлка насъ посѣщала родня, прѣбывавшая обыкновенно къ праздникамъ за много верстъ, и тогда, въ обыкновенное время спокойная, даже монотонная, наша жизнь выходила изъ привычной колеи, и просторныя комнаты оглашались несомлаемыми звуками рояля, пѣніемъ и веселыми голосами молодежи и дѣтей.

Такъ и въ этомъ году. За недѣлю еще до Великаго праздника съѣхались всѣ наши, и пошла обычная предпраздничная кутерьма. Каждый по-своему старался принять въ этихъ непривычныхъ въ другое время, но для всѣхъ одинаково ярлѣныхъ, хлопотахъ участіе, чѣмъ могъ. И настроеніе у всѣхъ было соответствующее—торжественно-веселое. Къ тому же и погода стояла прекрасная. Весна рано вступила въ свои права; надъ давно очистившеюся отъ снѣжнаго покрова землею ярко сіяло солнце; цвѣтущая травка зазеленѣла, и птицы неутомимымъ щебетаньемъ приветствовали оживающую природу.

Наступила Великая суббота. Свѣтлый, привѣтливый впацалъ денекъ, къ общему огорченію, съ полудня испортился. Подулъ вѣтерокъ, нагналъ тучу, затемнившую собою ясное небо, стало моросить. Заранѣе, однако, всѣ наши рѣшили, не обращая вниманія на погоду, отправиться къ заутренѣ въ ближайшую церковь, и удержать ихъ отъ такого рѣшенія не

могла никакая сила. За господами засуетилась и прислуга. Съ наступленіемъ вечера, по окончаніи работъ, то и дѣло являлись ко мнѣ горничныя, лакеи, поварь, пресея разрѣшенія сбѣгать на «дѣянїи» и заутреню. Даже старая, восьмидесятилѣтняя моя няня, Потаповна, и та, еле волоча ноги, приползла, прося дозволить «сподобиться быть у заутрени въ великій Христось праздникъ». Но этой я уже отсвѣтовала. «Куда вамъ, Потаповна, не допоздете, да и нога-то кака! Помолигесь дома». Для цемощной старушки это равнялось удару: съ огорченнымъ видомъ, опустивъ уныло голову, она безшумно направилась въ свою угловую комнату и, кажется, такъ и не дождавшись ночного благовѣста, отъ слабости, заснула.

На мою долю, какъ хозяйки, вышло остаться дома. Для меня это было тѣмъ болѣе неприятно, что не заномно Свѣтлаго праздника, когда и не была у заутрени; но что же дѣлать, пришлось подчиниться, такъ какъ дома, кромѣ старухи-няни, которая помѣщалась на другомъ концѣ жилия, никого болѣе не оставалось. Да къ тому же пришлось закончить приготовленія пасхальнаго стола, предстали и нынѣ мелкія хлопоты.

Съ девяти часовъ вечера пошли шумные сборы въ церковь. Все бѣгало, суетилось. Обсуждали, въ какую именно церковь идти, гдѣ служить владыка, кому изъ прислуги нести свѣтитъ пасху... То сдержанные споры, то веселыя восклицанія... Не безъ нѣкоторой зависти и грусти, признаюсь, я слѣдила за всѣмъ происходившимъ. Наконецъ, все смолкло, — я осталась одна.

Отъ всѣхъ этихъ сборовъ и суеты у меня въ ушахъ стоялъ шумъ, и я не сразу пришла въ себя. Огдохнувъ немного, скоро, впрочемъ, закончила я всѣ послѣдніе приготовленія; велѣла еще разъ прибрать залу и гостиныя, зажечь лампы, лампадки, отиравила въ церковь послѣднюю прислугу, а сама, приодѣвшись, зашла въ свою уютную спальню, сѣла и задумалась... Преддверіе великаго праздника, эта тишина кругомъ, будила воспоминанія. Вспомнилось дѣтство. Счастлирое, золотое время!.. Какъ бы сравнительно прекрасно, независимо и обезпечено ни сложилась дальнѣйшая жизнь человека, ей все равно не замѣнить чудной поры дѣтства и юности, какъ знойному лѣту

не замѣнитъ чарующихъ прелестей весны. При полномъ расцвѣтѣ умственныхъ и физическихъ силъ человѣка, вѣчная жалда чего-то лучшаго, горечь несбывшихся надеждъ и желаній, нерѣдко затемняютъ иногда и прочное счастье. И въ такое время дороги эти воспоминанія, а въ другое, менѣе счастливое, и подавно... Въ то прошедшее, ничѣмъ не замѣнимое время, мнѣ грезилась добрыя, привѣтливыя, какъ-то особенно настроенныя лица отца и матушки, стоящихъ со мною и сестрой, одѣтыми въ бѣлыя платья, у заутрени въ церкви. Все сіяетъ вокругъ: кроткіе лики святыхъ, и ризы священниковъ, и вся церковная утварь и одежды; а на сердцѣ у меня также свѣтло и легко... По окончаніи службы идемъ домой на розговѣнье; свѣтлый день общаетъ мнѣ только радость, только счастье. На слѣду этимъ воспоминаніямъ идутъ другія.

И чего, чего только изъ той незабвенной поры не воскресилъ въ моей памяти канунъ великаго Христова праздника. Подъ вліяніемъ нахлынувшихъ воспоминаній слезы душили меня... Потомъ, мало-по-малу, все стало сливаться. Я сильно утомилась за день... Вѣки отяжелѣли, слабость какая-то... Я заснула.

Разбудилъ меня протяжный, торжественный благовѣстъ въ церквахъ. Я мигомъ поднялась на ноги и припомнила... «Сейчасъ, сейчасъ, значитъ, крестный ходъ, а тамъ и „Христосъ воскресъ!“ Въ домѣ у насъ тишина; и тѣмъ слышнѣе и отчетливѣе доносится до меня звуки церковнаго благовѣста. Отъ усиленныхъ думъ и короткаго, но повидимому сильнаго сна у меня чуть-чуть кружится голова. Но это мигомъ проходитъ, какъ только я ясно сознаю приближеніе великой минуты. Послѣднее минуло—одну за другою—гостиница, ярко освѣщенныя люстры и канделябры, я очутилась въ залѣ. Видѣть красиво убраннаго и изящно декорированнаго пасхальнаго стола остановилъ на себѣ мое вниманіе... Благовѣстъ въ церквахъ, между тѣмъ, все усиливается, перешелъ въ величественный трезвонъ, охватившій сердце радостью. Я взглянула на стоящій въ углу кюль съ образами. Изъ золотыхъ, съ сверкающими камнями, ризъ кротко и, какъ мнѣ показалось, радостно смотрѣли лики. Отдаваясь охватившему чувству, я благоговѣнно перекрестилась и опустилась на колѣни...

Долго и горячо я молилась. Слезы помимо воли текли изъ глазъ, приноси собою облегченіе... Но отчего у насъ такая гробовая тишина?..

Какъ будто въ ней есть что-то недосказанное? Смутное предчувствіе недобраго, страхъ какой-то, такъ не гармонирующіе съ моимъ настроеніемъ, незамѣтно закрадываются въ душу, отвлекая отъ молитвы... Ничѣмъ не возмущаемое доголѣ спокойствіе покидаетъ меня. Припомнила я вдругъ, что въ домѣ никого, ни души нѣтъ, только тамъ, далеко, въ концѣ обширнаго дома, больная няня спитъ въ своей келейкѣ. Затворила ли и двери съ чернаго хода? Мы вѣдь такъ далеко живемъ отъ центра. А что сели...

Но вѣтъ, что за глупости!.. А великій праздникъ уже наступилъ. Отъ этой мысли душевная радость возвратилась ко

мнѣ, и вновь я стала шептать слова молитвы. Звонъ въ церквахъ прекратился на время... И еще тише кругомъ, и еще сильнѣе начинается беспокоить эта могильная тишина...

Мнѣ почудилось, что гдѣ-то стукнула дверь. Жутко... „А, да, вѣроятно, это няня проснулась...“ Стукъ еще разъ повторился, и уже ближе; мнѣ показалось, что это стукъ двери, ведущей въ залу; потомъ будто неслышныя шаги чьи-то, и все это здѣсь возгѣ меня. Сердце такъ бьется, что вотъ-вотъ выскочитъ изъ груди... Нѣтъ мочи стоять больше на колѣняхъ. Страшно. Невидимая сила поднимаетъ меня.

Призвавъ на помощь остатокъ энергіи, я манивально перекрестилась, встала, повернулась въ сторону входной двери и... оберлась. Ноги подкосились.

Предо мной, шагахъ въ трехъ-четырехъ, стоялъ огромнаго роста человѣкъ съ включенной головой. Сверкающіе недобрымъ огонькомъ глаза его были дерзко устремлены на меня; въ правой, слегка приподнятой рукѣ у него была палка, готовая опуститься на мою голову.

Не было сомнѣній, что этотъ непрощенный гость одинъ изъ обитателей трущобъ, которыми такъ изобилуютъ отдаленныя кварталы большихъ городовъ. Безъ труда можно было догадаться, каковъ его промыселъ.

Я хотѣла крикнуть, сдѣлала усиліе, но звука не вышло. Защищаться?.. Но орудія въ рукахъ никакого, а если бы и было, то чтѣ пользы въ немъ? Очевидно, спасенія мнѣ не было. Ужасъ и отчаяніе охватили меня... Умереть въ такіе годы и при такой обстановкѣ!.. Въ такую страшную, критическую минуту вдругъ что-то дивное осянуло меня. На минуту я ободрилась, прямо взглянула въ лицо рокового незнакомца, пылавшее рѣшимостью, и ясно проговорила:

„Христосъ воскресъ!“

Когда я выговорила эти слова, произошло нѣчто неожиданное. Выраженіе рѣшимости исчезло съ его лица, все оно, точно въ судорогѣ, перекосилось.

„Вонистину воскресъ...“ сорвалось у него съ дрожью, по далѣе онъ не договорилъ.

Постоявъ еще минуточку съ выраженіемъ не то испуга, не то изумленія, онъ медленно повернулся и неслышными неторопливыми шагами, направился къ двери.

Я, какъ стояла, такъ надолго еще осталась въ состояніи столбняка. Видѣла, какъ эта гигантская фигура удалась въ полуотворенную дверь зала, слышала и дальнѣйшій стукъ, но повелевалось, предпринять что-либо, не была въ силахъ. Я все оставалась подъ обаяніемъ чего-то чудеснаго, совершившагося сейчасъ только здѣсь, на этомъ мѣстѣ, чего объяснить себѣ сознательно не могла... Наконецъ, нервы мои не выдержали, послѣднія силы оставили меня, въ головѣ помутилось, и я грохнулась на полъ...

Когда я очулась, въ домѣ у насъ все такъ же было тихо. Дневной свѣтъ синеватымъ отблѣскомъ пробивался сквозь окопную ставню. Ранняя птица возвѣщала наступленіе утра. Слышался неумолимый, радостный гулъ колоколовъ. Обѣдня, очевидно, кончилась, и наши должны были сейчасъ вернуться...

Къ рисункамъ.

При взглядѣ на картины Шенгѣрра, изображающія Воскресеніе Христово, невольно переносишься мыслью къ этому величайшему чуду, сокрытому въ глубинѣ вѣковъ. Вѣсть, что Христосъ воскресъ, съ перваго раза такъ поразила Его учениковъ, что нѣкоторые съ нихъ отъ избытка радости не рѣшились ей повѣрить, несмотря на предсказанія самого Учителя о Своемъ воскресеніи. Жены-мироносицы, проводивши ночь въ рыданіяхъ, отправились утромъ къ гробу возлюбленнаго Наставника, и ихъ взорамъ представилось неожиданное зрѣлище: камень былъ отваленъ и гробъ открытъ, а изъ пещеры вырывались лучи свѣта. Съ трепетомъ подошли онѣ ближе, и вдругъ два свѣтлыхъ отрока предстали предъ ними съ радостнымъ извѣстіемъ: „Не бойтесь! Зачѣмъ ищите въ живого между мертвыми! Иисусъ Назарянинъ воскресъ и Его здѣсь нѣтъ. Возвѣстите объ этомъ Его ученикамъ“. Онѣ съ вѣрой отнеслись къ словамъ небеснаго вѣстника и посѣпили сообщить радостную вѣсть ученикамъ Спасителя. Многие не повѣрили; но не всѣ отнеслись равнодушно къ разсказамъ женщинъ, и двое изъ нихъ, Петръ и Іоаннъ, тотчасъ же побѣжали лично удостовѣриться въ происшедшемъ съ такой стремительностью, что обгоняли другъ друга. Войдя въ открытую пещеру, они увидѣли одиѣ пелены, лежавшія на плитѣ, и особо свитый платъ, который покрывалъ голову Учителя. Марія Магдалина, не довѣряя тому, что сама видѣла и слышала въ первое посѣщеніе гроба съ другими женщинами, вторично приближалась къ пещерѣ еще разъ убѣдиться собственными глазами въ совершившемся чудѣ. На душѣ ея было мрачно, и восходящее солнце, иправнее золотыми лучами по верхушкамъ горъ и озрестныхъ деревьевъ, не радовало ея. „Жена, что ты плачешь? рададася надъ ней чей-то голосъ, и, вздрогнувъ, она увидѣла двухъ юношей, сидѣвшихъ въ ногахъ и у изголовья, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде лежало тѣло Христа. „Унесли моего Господа, и я не знаю, гдѣ Его положили“, сказала она

съ плачемъ, и вдругъ позади ея раздались шаги. Она обернулась и увидѣла человѣка, котораго приняла за садовника, и только когда изъ глубины Его милосерднаго сердца раздался возгласъ: „Марія!“ — она узнала знакомый голосъ Учителя. „Мой Господь и Учитель!“ — воскликнула она, бросаая къ Его ногамъ. — „Не прикасайся ко мнѣ!“ — отвѣчала Христосъ: — „Я еще не восшелъ къ Отцу Моему, а иди къ братьямъ Моимъ и скажи имъ: восхожу къ Отцу Моему и къ Отцу вашему и къ Богу Моему и къ Богу вашему“. И обрадованная Марія возвѣстила недоумѣвающимъ ученикамъ, что Христосъ вонистину воскресъ. Свидѣтельство Маріи было подтверждено новымъ явленіемъ Христа другимъ ученикамъ. „Радуйтесь!“ — вѣщаль Онъ испуганнымъ женщинамъ, навнимъ ницъ: „Не бойтесь и возвѣстите братьямъ Моимъ, чтобы шли въ Галилею, и тамъ увидятъ Меня“. И радостное эхо разнесло по всему міру вѣсть о Воскресеніи Христовомъ, которая передается и теперь изъ устъ въ уста.

* * *

„Вчера священники служили въ ризахъ черныхъ;
Горѣли свѣчи; изъ кадильницъ дымъ
Вставалъ столбомъ и съ пѣніемъ гробовымъ
Сливался гласъ молитвъ покорныхъ...“

И язвы Господа, которыя раснять былъ,
Толпа лобзала грѣшными устами“.

Чѣмъ ближе вечеръ Страстной субботы, тѣмъ сильнѣе чувствуется истинный христіанинъ приближеніе радостнаго великаго праздника, чтимаго въ память того дня, когда воскресъ „Богъ страждущихъ, Богъ—обогранный кровью, Богъ—человѣкъ и братъ съ небесною душой“. Волнующая толпа спѣшитъ въ храмъ и, въ ожиданіи служенія, грамотные выходятъ по желанію изъ рядовъ молящихся и предъ паломъ читаютъ Апостола, пока не начнется пасхальная заутрени.

Все внимаютъ божественнымъ словамъ и готовятся услышать ликующій возгласъ: „Христовъ воскресъ!“ Храмъ между тѣмъ тоже давно пылаетъ огнями. Но вотъ

„Клиръ торжественно поетъ;
 Чье-то горе утихаетъ;
 Кто-то слезы тихо льетъ;
 Свѣтлый ангель уюванья
 Пролетаетъ надъ толпой“.

и душа умиляется, привѣтствуя Воскресеніе Христово.

О, въ этотъ мигъ, когда весь міръ ликуетъ,
 Когда во тьмѣ гудятъ колокола,
 И тихій воздухъ словно Бога чуетъ,
 И ночь во глубь торжественно ушла,
 Когда лобзаньемъ врагъ врага, какъ брата,
 Привѣтствуетъ подъ звукъ заветныхъ словъ,—

люди такъ далеки отъ грѣховныхъ мыслей и снова хотятъ жить и вѣровать. Свѣтлый мигъ искушаетъ бывшая горести и сомнѣнья.

*

Наканунѣ свѣтлаго праздника Воскресенія дѣлаются все-

странцы набѣжали въ нее отчасти по вызову, отчасти по собственной инициативѣ.—всякаго рода мастера, ремесленники, инженеры, моряки. Царь съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдилъ за событіями въ Западной Европѣ, особенно за успѣхами кораблестроенія. Иностранцы, въ свою очередь, ревниво относились къ развитію торговыхъ сношеній съ русскимъ государствомъ, и вотъ мало-по-малу голландскія и англійскія суда стали приходять въ Петербургъ. Первый купеческій корабль, фрисландскій флиботъ съ солью и виномъ, пришелъ въ устье Невы въ ноябрѣ 1703 г., какъ о томъ свидѣлствуютъ *Вѣдомости Московскія* отъ 15-го декабря того же года. Меншиковъ принималъ шкипера Выбеса въ губернаторскомъ домѣ и наградилъ его отъ царскаго имени 500 золотыхъ, причѣмъ каждому матросу дано было по 30 талеровъ и обѣщана награда еще двумъ кораблямъ. Петръ Великій, заинтересовавшись гостемъ, чествовалъ его и у себя въ домикѣ, въ присутствіи государыни Екатерины I, и такъ увлекся его разказами за чарой вина, что вонедшему съ докладомъ князю Меншикову пришлось остановиться въ дверяхъ. Энергичный жестъ Петра, показывающій, что еще не наступило время для заплотій другими дѣлами, и нѣсколько оторопѣвшее лицо Выбеса,

Пасха на улицѣ. Ориг. рис. Г. Бролинга, автотипія „Нивы“.

возможныя хозяйственныя заготовленія, чтобы разговѣться послѣ продолжительнаго поста. Обычай этотъ, берущій начало со времени древнихъ христіанъ и понынѣ особенно строго сохраняющійся въ Малороссіи, служитъ выраженіемъ того радостнаго чувства, которое охватываетъ насъ въ этотъ великій день торжества правды и побѣды Сына Человѣческаго надъ духомъ тьмы. Каждый человѣкъ навѣрно вспоминаетъ тогда годы дѣтства, съ которыми связано столько ясныхъ, безоблачныхъ дней! Дѣти такъ любятъ Свѣтлый праздникъ, когда расцвѣтающая природа ласкаетъ ихъ нѣжными головками теплыми лучами весенняго солнца! А сколько примапокъ на столѣ!.. Глаза разбѣгаются... И не однимъ только богатымъ домамъ доступно это удовольствіе. Въ бѣдной хатѣ простолудина также царитъ неподдѣльная радость. Взгляните хотя бы на картину художника Ижакевича! Двѣ дѣвочки такъ и застыли въ сосредоточенныхъ позахъ, слѣди любовытцыми глазенками, какъ ихъ братника разрисовываетъ по своему вкусу пасхальныя яйца.

*

Профессоръ Дмитріевъ-Оренбургскій выбралъ для своей картины интересный историческій эпизодъ изъ жизни Петра Великаго. Послѣ основанія новой столицы Россіи, многіе ино-

привставшаго съ появленіемъ вельможи, разодѣтаго въ парадный мундиръ, придаютъ картинѣ очень жизненный характеръ.

*

Недаромъ гласитъ пословица: „дорого личко въ Христовъ день“. Пасхальный подарокъ особенно приятенъ ужъ потому, что въ этотъ свѣтлый день, когда такъ легко и радостно на душѣ, особенно приятно получить доказательство дружбы и знать, что существуетъ человѣкъ, вспоминаящій о тебѣ именно въ эту минуту. Не эти ли мысли занимаютъ голову молодой дѣвушки, изображенной въ красной обстановкѣ роскошной гостиной? Раскрывъ только-что полученный ларчикъ, она нашла въ немъ, между прочимъ, портретъ любимаго человѣка. „Вспомнилъ... Не забылъ!“ казалось, шепчуть ея губы, и сердце сладко замираетъ отъ возможнаго и близкаго счастья.

*

На выставкѣ англійскихъ художниковъ обращала на себя вниманіе картина миссъ Гелларъ: „Молодой докторъ“, полная изнѣженія и пробуждающая добрыя чувства въ зрителяхъ. Сюжетъ не замысловатъ. Приготовляя дуншетыя розы для праздника, нарядная дѣвурка оцарапала пальчикъ, и капля алой крови выступила изъ ранки. Отъ боли дѣвочка бросила

колючий цвѣтокъ и готова была заплакать, но помощникъ ея — братишка, сейчасъ же напелся и, вынувъ платокъ, сталъ перевязывать царапину, показывая при этомъ удивительное присутствие духа. Глядя на искуснаго врача, и сама дѣвочка успокоилась: главное, чтобы никто не увидѣлъ изъ взрослыхъ, а то навѣрно отнимутъ розы и передадутъ другимъ, и праздникъ будетъ не въ праздникъ.

«Сегодня свѣтлый день, и церковь,
торжествуя,
Постъ: „Христосъ воскресъ!“ Колокола
звучатъ;
Весной дыша и празднично ликуя,
Толпы по улицамъ шумятъ“.

И на улицѣ — пасха. На окраинѣ города, возлѣ покосившагося забора, остановился продавецъ крашеныхъ яицъ, и торговля пошла бойко. Покупаютъ все больше мальчишки и тутъ же, не долго думая, разбиваютъ яйца и съ аппетитомъ съѣдаютъ ихъ. Самаго маленькаго обидѣли, отняли у него яичко. Бѣдный мальчуганцъ!

Но это, конечно, шутка. Слезы обиденнаго тронули шалуна, и тотъ возвратилъ ему похищенное сокровище. Шумъ, крикъ, смѣхъ... Приволье чувствуется въ каждомъ движеніи. Деревья еще не распустились, но почки уже налились, и теплые дни не за горами.

О. Арсеній Лебединцевъ.

(Портр. на этой стр.)

Доблестные участники обороны Севастополя потеряли въ скончавшемся недавно предсѣдатель херсонской духовной консисторіи и одесскомъ каѳедральному протоіерею Арсенію Гавриловичу Лебединцеву своего старѣйшаго, достойнѣйшаго и любимѣйшаго пастыря, на торжественныхъ похоронахъ котораго присутствовала вся православная Одесса съ архіепископомъ Іустининомъ и генералъ-адъютантомъ графомъ Мусинъ-Пушкинымъ во главѣ. Усoppiй отецъ Арсеній былъ замѣчательно энергичный дѣятель среди русскаго блага духовенства. Какъ въ Одессѣ, такъ и въ Севастополѣ (съ 1848 по 1856 г.) онъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и громадной пользой для дѣла успѣлъ потрудиться на педагогическомъ, учено-литературномъ, проповѣдническомъ, пастырскомъ и административномъ поприщахъ, а своими душевными качествами приобрѣлъ глубокое уваженіе и всеобщія симпатіи. Старшій сынъ сельскаго священника, А. Г. Лебединцевъ родился 2-го марта 1818 г. въ селѣ Яблоницкѣ. Высшее образованіе онъ получилъ въ кievской духовной академіи. Определенный (въ 1844 г.) въ одесскую духовную семинарію учителемъ всеобщей исторіи и греческаго языка, А. Г. вскорѣ былъ назначенъ профессоромъ по той же кафедрѣ, въ 1847 г. рукоположенъ во пресвитера къ одесскому каѳедральному собору, а въ 1848 г., введенный замѣнителемъ архіепископомъ Иннокентіемъ (Борисовымъ) въ санъ протоіерея, о. Арсеній былъ назначенъ настоятелемъ Петропавловскаго собора и благочиннымъ всѣхъ церквей севастопольскаго округа. Тогда же ему была поручена реставрація свѣщенныхъ древностей Инкермана, Херсонеса и Балаклавы. Весь періодъ славной обороны Севастополя (1854—1855 г.) о. Арсеній неустранимо и неослабно священнодѣйствовалъ подъ градомъ вражескихъ пуль и ядеръ, подвергшись также лишению всего своего имущества. Онъ ободрялъ севастопольцевъ, утѣшалъ больныхъ и раненыхъ, напуганныхъ св. причастіемъ умирающихъ, и каждому неотомно оказывалъ свою пастырскую помощь словомъ и дѣломъ. Тогда-то и великая княгиня Елена Павловна, по инициативѣ знаменитаго Пирогова, учредившая въ Петербургѣ и приславшая въ Севастополь Крестовоздвиженскую Общину сестеръ милосердія для помощи больнымъ и раненымъ воинамъ, поручила этихъ сестеръ духовному попеченію о. Арсенія, который за отличное исполненіе своихъ обязанностей удостоился получить орденъ св. Анны 2 ст., золотой наперсный крестъ на Георгіевской лентѣ,

О. Арсеній Лебединцевъ († 20-го февраля 1898 г.)
Съ фотогр. авторіи „Нивы“.

бриллиантовый перстень, серебряную медаль и особо милостивый рескриптъ съ выраженіемъ Августѣйшей признательности о. Арсенію. Последніа сорокъ лѣтъ (1857—1898 г.) о. Арсеній непрерывно прослужилъ въ Одессѣ ключаремъ и каѳедральному протоіерею Преображенскаго собора, законоучителемъ городского дѣвичьяго училища и рихельевскаго лицей, предсѣдателемъ одесскаго уѣзднаго училищнаго совѣта и херсонской духовной консисторіи, членомъ испытательнаго комитета при нечительскомъ совѣтѣ одесскаго учебнаго округа, цензоромъ духовныхъ журналовъ и т. д. Много ученыхъ статей и проповѣдей своихъ о. Арсеній помѣстилъ въ разныхъ журналахъ, а отдѣльно издалъ его „Письма къ архіепископу Иннокентію изъ Севастополя“ (Кіевъ, 1896). Какъ георгіевскій кавалеръ, о. Арсеній, по Высочайшему повелѣнію, присутствовалъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ при коронованіи императора Александра II въ 1856 г. и въ Зимнемъ Дворцѣ во время празднованія столѣтняго юбилея ордена св. Георгія въ 1869 г. Изъ высшихъ наградъ покойникъ имѣлъ орденскую звѣзду св. Анны 1 ст. и синодскую пресвитерскую палицу. Среди духовныхъ пастырей, участвовавшихъ въ севастопольской оборонѣ, о. Арсеній былъ послѣдній, дожившій было до кнѣзьянаго года. Добрая память о немъ, конечно, сохранится у всѣхъ, кто зналъ покойнаго.

Захарій Топелиусъ.

(Портр. на этой стр.)

Въ ночь на 1-е марта скончался въ своемъ имѣніи Бьеркюдденѣ, въ 25 верстахъ отъ Гельсингфорса, очень вѣстный финляндскій поэтъ Захарій Топелиусъ. Его смерть оплакивается

въ одинаковой степени обоими элементами населенія Финляндіи — финскимъ и шведскимъ.

Въ лицѣ его Финляндіи и вся шведская литература лишились одного изъ самыхъ видныхъ своихъ писателей. Къ сожалѣнію, намъ, русскимъ, очень мало знакома эта богатая литература; такіа имена, какъ Тегнеръ, Рунебертъ, Топелиусъ и друг., для многихъ изъ насъ — лишь пустой звукъ. Изъ многочисленныхъ сочиненій Топелиуса, насколько известно, на русскомъ языкѣ существуетъ одинъ томъ сказокъ и нѣсколько стихотвореній, тогда какъ на многіе другіе европейскіе языки переведена большая часть его произведеній. Въ англійскихъ газетахъ явились уже сочувственныя замѣтки, вызванныя его смертью.

Постараемся въ самыхъ общихъ чертахъ разсмотрѣть или, вѣрнѣе, перечислить важнѣйшія поэтическія произведенія Топелиуса, оставивъ въ сторонѣ его продолжительную и весьма плодотворную педагогическую и ученую дѣятельность (сначала какъ преподавателя исторіи, затѣмъ профессора съ 1834 по 1878 г., въ первое время — исторіи Финляндіи, позднеѣ — исторіи сѣверныхъ странъ, а съ 1876 по 1878 г. — всеобщей) и, наконецъ, его дѣятельность, какъ ректора гельсингфорскаго университета, съ 1876 по 1878 г. Изъ этой его дѣятельности нельзя однако не отмѣтить слѣдующаго факта: въ качествѣ ректора, Топелиусъ стремился къ допущенію въ университетъ женщннъ, но его желанію суждено было осуществиться лишь черезъ нѣсколько лѣтъ. Последнее двадцатилѣтіе онъ прожилъ въ отставкѣ, посвятивъ себя всецѣло литературной дѣятельности.

Отличительной чертой музы Топелиуса является его сильная и вѣстная съ тѣмъ симпатичная любовь къ родицѣ, — любовь, чуждала и намека на нетерпимость и фанатизмъ. Въ этомъ свойствѣ своей поэзіи онъ сходенъ со своимъ современникомъ и другомъ, дру-

гимъ извѣстнымъ шведскимъ писателемъ, Рунебергомъ. Топелиусъ горячо любилъ природу и жителей Финляндіи. Чувство это послужило ему источникомъ вдохновенія для многихъ лучшихъ лирическихъ стихотвореній и пѣсенъ. Какъ лирикъ, Топелиусъ принадлежитъ къ числу лучшихъ шведскихъ поэтовъ. Сильный талантъ рассказчика обнаруживается въ его

Захарій Топелиусъ († 1 марта 1898 г.)
Съ фотогр. грав. Шюблера.

эпических произведенийх. Кроме того, как автору сказок, ему несомненно въ шведской литературѣ принадлежит первое, а во всеобщей — весьма видное мѣсто. Еще въ прошломъ году онъ выпустилъ „Чтеніе для дѣтей“ — собраніе сказокъ, разсказовъ и стихотвореній. Мѣсяца два съ небольшимъ тому назадъ печатались въ рождественскихъ нумерахъ дѣтскихъ журналовъ его послѣднія сказки и стихотворенія. Топелиусъ написалъ также „Книгу о нашей странѣ“, превосходную хрестоматію, введенную во всѣхъ народныхъ школахъ Финляндіи, и „Книгу о природѣ“.

Покойный подарилъ шведскому театру много пьесъ. „Регина фонъ-Эмерицъ“ — его лучшая трагедія; героемъ въ ней является вѣротерпимый Густавъ-Адольфъ.

З. Топелиусъ родился въ 1818 г., слѣдовательно прожилъ около 80 лѣтъ.

Гансъ Рихтеръ и нѣмецкая опера. (Портр. на этой стр.)

Во время великаго поста въ Петербургѣ гостила нѣмецкая оперная труппа. Репертуаръ ея состоялъ главнымъ образомъ изъ вагнеровскихъ оперъ: „Морякъ - Скиталецъ“, „Лоэнгринъ“, „Валькирія“, „Зигфридъ“, „Мейстерзингеры“ и „Тристанъ и Изольда“; три изъ этихъ оперъ поставлены были у насъ въ первый разъ, равно какъ и „Сверчокъ у очага“, Гольдмарка и „А basso porto“ Синнелли. За ознакомленіе съ этими новыми произведеніями петербургская публика можетъ быть только признательною дирекціи, тѣмъ болѣе, что она собрала въ составъ труппы нѣсколько артистовъ и артистокъ, пользующихся громкими именами въ Европѣ и особенно въ Германіи. Достаточно назвать г-жъ Мальгенъ, Лигвинъ, Моранъ-Ольденъ, Олицка, Ставенгагенъ и гг. Жана и Эдуарда Ренке, Рейхмана, Мюльмана, Вальефера, Эльблада и др., чтобы уяснить себѣ успѣхъ, который имѣла опера. Дирижерами были приглашены на все время гг. Ставенгагенъ (извѣстный пианистъ) и Прюверъ и на четыре спектакля — Гансъ Рихтеръ.

Знаменитый германскій дирижеръ, Гансъ Рихтеръ — другъ Вагнера, помогавшій композитору своими совѣтами. Изъ сожальнаго, онъ дирижировалъ у насъ только двумя операми: „Лоэнгриномъ“ (три раза, кажется) и „Мейстерзингерами“. Родомъ онъ венгерецъ (род. въ 1843 г. въ Раабѣ); отецъ его былъ капельмейстеромъ, мать — пѣвицей; если не ошибаемся, она даже пѣла по-итальянски въ московской оперѣ одно время.

Рано лишившись отца, одиннадцатилѣтній Гансъ Рихтеръ, одаренный музыкальностью и голосомъ, поступаетъ въ придворную пѣвческую капеллу. Съ 1860 г. онъ посѣщаетъ вѣнскую консерваторію, откуда попадаетъ въ солдаты вѣнскаго опернаго оркестра. Ко второй половинѣ шестидесятихъ годовъ относится его знакомство и дружба съ Вагнеромъ, изъ-за котораго ему пришлось много перенести. Такъ, въ 1868 г. онъ вынужденъ былъ оставить постъ директора мюнхенской консерваторіи въ слѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ по поводу постановки „Рейнгольда“ (прологъ къ трилогіи „Кольцо Небелунговъ“). Черезъ два года мы видимъ его съ Вагнеромъ въ Людерцѣ (въ это время Вагнеръ работалъ надъ „Тристаномъ и Изольдой“), и затѣмъ онъ восемь лѣтъ былъ капельмейстеромъ и директоромъ будапештской оперы. Съ 1879 г. Гансъ Рихтеръ дирижируетъ симфоническими концертами въ разныхъ европейскихъ центрахъ и, между прочимъ, въ Лондонѣ. Въ 1885 г. онъ управляетъ музыкальными торжествами въ Бирмингамѣ, а съ 1893 г. онъ удостоенъ званія перваго придворнаго капельмейстера е. в. императора австрійскаго.

Мы, конечно, не имѣемъ возможности въ бѣглою замѣтку останавливаться на всѣхъ новинкахъ, которыми насъ поразила нѣмецкая опера въ великомъ посту. Особенно интересны намъ показались „Нюрнбергскіе мастерзингеры“, какъ единственная комическая опера Вагнера. Впрочемъ, комиче-

скаго въ этой оперѣ мало. Вагнеръ великъ въ описательной музыкѣ. Онъ достигъ замѣчательнаго совершенствованія оркестра и поражаетъ своею музыкою тамъ, гдѣ онъ можетъ прибѣгнуть къ музыкальной живописи, напр. въ сценѣ съ птичкой въ лѣсу („Зигфридъ“), въ полетѣ валькирій („Валькирія“) и др. Здѣсь у него удивительная фантазія и выразительность. Слушая оперы Вагнера въ исполненіи замѣчательныхъ нѣмецкихъ пѣвцовъ, можно было снова въ этомъ убѣдиться, а въ то же время вынести и высокое художественное наслажденіе.

Леопольдо Фреголи.

(Портр. на этой стр.)

Среди иностранныхъ гастролеровъ, подвизавшихся въ Петербургѣ за время поста, наибольшимъ успѣхомъ несомненно пользовался трансформистъ Леопольдо Фреголи, на спектакли котораго собиралась въ Панаевскій театрѣ ежедневно въ теченіе двухъ недѣль такая масса публики, что не оставалось ни одного свободнаго мѣста, несмотря на довольно высокую цѣну. Этотъ успѣхъ представленій Фреголи кроется въ самомъ характерѣ ихъ.

Фреголи — трансформистъ, т. е. обладаетъ феноменальною способностью перевоплощаться, — измѣнять почти ментально не только черты лица, но и костюмъ, ростъ, голосъ, гримъ, не стѣсняясь мгновенными переходами голоса отъ тонкаго сопрано къ рѣзкому басу, отъ игриваго выраженія лица веселой танцовщицы къ хмурому лицу одряхлѣвшаго, безголосаго опернаго пѣвца.

Леопольдо Фреголи совмѣщаетъ въ себѣ очень даровитаго актера, талантливаго пѣвца, хорошаго музыканта, веселаго куплетиста, наблюдательнаго имитатора, ловкаго и проворнаго фокусника. Исключительная неутомимость, невѣроятная подвижность и природный юморъ даютъ ему возможность искусно пользоваться своимъ разностороннимъ талантомъ и замѣнять собой цѣлыя труппы — опереточную, оперную, драматическую, и исполнять рядъ пьесъ со сложной обстановкой, съ массою мѣняющихся декораций. Въ этихъ пьесахъ, сочиненныхъ имъ самимъ, передъ зрителемъ послѣдовательно проходятъ болѣе сотни дѣйствующихъ лицъ самой разнообразной внѣшности, самыхъ различныхъ возрастовъ и характеровъ, связанныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ содержаніемъ пьесы. Моментальныя измѣненія и переодѣванія, производимыя имъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ пребыванія за сценою, до того поразительны, что сначала не вѣришь, что все это производится однимъ человѣкомъ.

Прибѣгая первѣдко къ искусству превращенія, Фреголи одновременно на глазахъ у публики ведетъ оперные діалоги, распѣвая то красивымъ баритономъ, то нѣжнымъ сопрано, какъ будто поетъ кукла, сидящая съ нимъ рядомъ или высовывающаяся къ нему изъ окна, механически открывающая ротъ и дѣлающая разные жесты, подобно живому существу. Неудержимый хохотъ публики сопровождается весь вечеръ его представленія, длящееся болѣе двухъ часовъ. Все это время онъ, почти совершенно не отдыхая, находится на глазахъ у публики, точно хамелеонъ мѣняетъ свою внѣшность, но постоянно вызываетъ дружный смѣхъ своимъ незаяканнымъ юморомъ и комизмомъ. Комизмъ этотъ иногда спускается до чиста клоуновскихъ приемовъ, но зато во многихъ другихъ нумерахъ онъ выказываетъ себя истиннымъ артистомъ. Очень возможно, что, имѣя Фреголи свой талантъ къ серьезному искусству, изъ него вышелъ бы крупный актеръ, но врядъ ли онъ даже этого желаетъ. Его собственная біографія можетъ служить отчасти подтвержденіемъ этого. Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ подвизался въ одномъ изъ итальянскихъ театровъ въ Римѣ комикъ и пѣвецъ Фреголи, но никто не обращалъ на него вниманія. Убѣдившись, что въ этой области ему не достигъ извѣстности, умный молодой артистъ, отлично изучившій вкусы современной публики, задумалъ воспользоваться своимъ талантомъ для созданія новаго рода искусства,

Гансъ Рихтеръ. Съ фотогр. грав. Шюблеръ

Леопольдо Фреголи.
Съ фотогр. авторинія „Нивы“.

представляющего нечто среднее между фарсомъ, опереткой и пантомимой. Достигнувъ совершенства въ каждомъ изъ этихъ трехъ родовъ легкаго искусства, онъ соединилъ ихъ воедино, въ одно комическое поприще, и, подобравъ себѣ нѣсколько проворныхъ помощниковъ, отправился дивить своимъ искусствомъ Новый Свѣтъ. Страна оригиналовъ-янки не могла не встрѣтить радушно этотъ новый родъ развлеченій, дающій столько пища для здороваго, безобиднаго смѣха. Успѣхъ Фреголи росъ въ Америкѣ съ каждымъ днемъ, и три года спустя онъ явился уже въ своей родной Римъ знаменитымъ трансформистомъ Леопольдо Фреголи съ цѣлымъ штатомъ закулисныхъ помощниковъ, съ безчисленнымъ ассортиментомъ масокъ, париковъ, костюмовъ и декораций. Въ Италию его встрѣтилъ такой же успѣхъ. И вотъ теперь онъ явился къ намъ, и успѣхъ его въ Петербургѣ очень характеренъ и знаменателенъ. Онъ подтвердилъ намъ, что вкусы публики сильно намѣнились. Нашей публикѣ теперь ближе всего рѣзкое, крайнее—или жестокая мелодрама, гдѣ можно поплакать вельшь, или глумлѣннй

женіемъ самаго зданія офицерскаго собранія и описаніемъ торжества его открытія.

22-го марта, въ часъ пополудни, военно-морскимъ протопресвитеромъ было совершено соборнѣ освященіе всѣхъ помѣщений собранія. Послѣ этого духовенство собралось въ большомъ залѣ, гдѣ былъ поставленъ образъ св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго въ массивномъ киотѣ и было приготовлено мѣсто для молебствія. Въ это время стали собираться члены собранія и особо приглашенныя лица, въ числѣ которыхъ находились также иностранные военные агенты. Вскорѣ тысячи офицеровъ наполнили большой залъ. Масса публики заняла мѣста на хорахъ. Въ нижнемъ вестибюлѣ собрались лица, составляющія администрацію собранія, и члены Высочайше учрежденной строительной комиссіи. Сюда же прибыли почетные члены и почетные старшины, среди которыхъ были генералъ-адъютанты Ванновскій, Обручевъ, князья Голицынъ и Имеретинскій и управляющіе министерствами морскимъ и военнымъ. Сверхъ того, на открытіи собранія присутствовали

Зданіе офицерскаго собранія арміи и флота въ Петербургѣ, на углу Литейнаго просп. и Нирочной ул. Съ фот. К. Булла автотипія „Нива“.

фарсъ, гдѣ можно отъ души поохотать и отдохнуть отъ тревожной жизни. Если прибавить къ этому еще наше стремленіе ко всему, изъ ряду вонъ выходящему, то понятно, почему Леопольдо Фреголи имѣетъ такой успѣхъ. Но все-таки, отдавая должную дань его умѣнью угадывать вкусъ публики, мы въ то же время должны признать, что не малую долю успѣха слѣдуетъ приписать его необыкновенно разностороннему таланту. Это выдающійся артистъ, но артистъ конца вѣка, проявляющій свой талантъ въ жанрѣ, наиболѣе доступномъ и интересномъ толпѣ.

3.

Офицерское собраніе арміи и флота въ Петербургѣ. (Рис. на этой стр.)

22-го марта, въ С.-Петербургѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, состоялось торжественное открытіе офицерскаго собранія арміи и флота. Всѣ работы по устройству этого собранія были закончены еще къ 15-му марту, и уже въ этотъ день Его Императорское Величество соизволило осмотрѣть всѣ помѣщенія, какъ самаго собранія, такъ и находящагося въ томъ же зданіи экономическаго общества офицеровъ гвардейскаго корпуса.

Подробное описаніе этого грандіознаго сооруженія съ соответствующими рисунками будетъ дано нами въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ *Нивы*, пока же ограничиваемся изобра-

предсѣдатель комитета министровъ статсъ-секретарь Дурново, государственный контролеръ, министры: финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія, товарищъ президента Императорской академіи художествъ, с.-петербургскій губернаторъ, с.-петербургскій градоначальникъ и др. Въ исходѣ второго часа прибыли: Ихъ Императорскія Высочества великія княгини Марія Павловна и Елизавета Маврикіевна и великіе князья: Владиміръ Александровичъ, Андрей Владиміровичъ, Алексѣй Александровичъ, Павелъ Александровичъ, Константинъ Константиновичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ, Георгій Михайловичъ и Александръ Михайловичъ и Ихъ Высочества принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій и герцогиня Георгіи Георгіевна и Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкіе. Ровно въ два часа днл, при восторженныхъ кликахъ въ множествѣ собравшагося на Литейномъ проспектѣ народа, изволилъ прибыть Государь Императоръ съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Встрѣченный при входѣ Августѣйшимъ Попечителемъ собранія, Его Величество, подъ руку съ великою княгиней Марією Павловною и въ сопровожденіи Особъ Императорской Фамиліи и свиты, прослѣдовалъ въ залъ, гдѣ тотчасъ же началось молебствіе съ возглашеніемъ Царскаго многолѣтня и вѣчной памяти въ Божѣ почившему Императору Александру III. При пѣніи „вѣчная память“ Государь Императоръ и всѣ присутствовавшіе благоговѣнно опустили на

колып. По окончании Богослужения Государь Императоръ прослѣдовалъ въ парадную гостиную, гдѣ имѣли счастье представиться Его Величеству лица, удостоенныя полученыя награды за труды по устройству собранія. Послѣ этого Государь Императоръ обошелъ комнаты собранія и ближайшія помѣщенія для прѣзжающихъ, показывая ихъ Ихъ Императорскимъ Высочествомъ великимъ княгинямъ. Въ началѣ четвертаго часа Государь Императоръ отбылъ изъ собранія.

Въ тотъ же день давъ быть на имя Его Императорскаго Высочества великаго князя Владиміра Александровича слѣдующій Высочайшій рескриптъ:

Ваше Императорское Высочество.

Въ непрестанныхъ заботахъ объ улучшеніи быта офицеровъ войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа, Ваше Высочество возбудили въ 1893 году мысль объ устройствѣ въ С.-Петербургѣ общаго офицерскаго собранія съ помѣщеніями для временно прибывающихъ въ столицу офицеровъ.

Милостиво одобренная въ Бозѣ почившимъ незабвеннымъ Родителемъ Моимъ, мысль эта не только нашла во Мнѣ полнѣйшее къ себѣ сочувствіе, но Я призналъ справедливымъ распространить благіе результаты ея осуществленія на всѣхъ офицеровъ арміи и флота. Повелѣвъ отпустить необходимыя средства, Я возложилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ распоряженія по исполненію сего сложнаго дѣла на особую комиссію подъ непосредственнымъ предѣлательствомъ Вашего Императорскаго Высочества.

Лишь присутствуя при закладкѣ и слѣдя, по представлявшимся Мнѣ отчетамъ, за постепеннымъ ходомъ стропильныхъ

работъ, Я съ удовольствіемъ всегда убѣждался въ плодотворной дѣятельности комиссіи: предусмотрительная обдуманность всѣхъ мѣропріятій, вмѣстѣ съ строгою и тщательностью исполненія — наглядно свидѣтельствовали объ опытномъ вѣдѣннѣмъ руководствѣ, равно какъ и о неослабной энергіи, которую вы все время поддерживали въ исполнителяхъ, служа имъ примѣромъ настойчивости и неутомимости.

Осмотрѣвъ 15-го сего марта подробно всѣ помѣщенія новаго офицерскаго собранія и сего числа открывъ его, Я остался въ полной мѣрѣ доволенъ наружнымъ видомъ зданія, удобствомъ его внутренней обстановки и общимъ благоустройствомъ, приданнымъ сему учрежденію. За столь блестящее выполненіе настоящаго многотруднаго порученія, Я вмѣляю Себѣ въ особенное удовольствіе выразить вамъему Императорскому Высочеству Мою душевную признательность, а также изъявить Монаршую благодарность всѣмъ сотрудникамъ вашимъ въ этомъ важномъ дѣлѣ.

Отъ души желаю, чтобы новое офицерское собраніе, подѣ просвѣщеннымъ попечительствомъ Вашего Высочества, развивалось въ духѣ положенныхъ въ основу его стремленій и, способствуя утвержденію товарищескаго общенія между офицерами, служило на пользу дорогой Моему сердцу единой военно-морской офицерской семьи.

Препываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

*„и сердечно любящій васъ племянникъ
НИКОЛАЙ“.*

Политическое обозрѣніе.

Нельзя не порадоваться, что временно, по крайней мѣрѣ, ко дню великаго христіанскаго праздника, державы пришли къ соглашенію на дальнемъ Востокѣ. Каждая изъ нихъ вступаетъ во владѣніе своею частью, чтобы вѣрнѣе оградить свои тамошніе интересы. Какъ сообщилъ *Правительственный Вѣстникъ*, въ виду русско-китайскаго соглашения 5-го марта отправленъ изъ Владивостока на присоединеніе къ тихоокеанской эскадрѣ вновь сформированный отрядъ сухопутныхъ войскъ. Населеніе Никольскаго, Владивостока и войска приамурскаго округа благословили части отряда образами. Присоединившись къ эскадрѣ въ Портъ-Артурѣ, 9-го марта отрядъ поступилъ подѣ начальство начальника эскадры контръ-адмирала Дубасова. Въ 6 часовъ утра 16-го марта, по вышупленіи китайскихъ войскъ, весь десантъ съ эскадры началъ немедленно занимать городъ Портъ-Артуръ и его укрѣпленія. Въ 8 часовъ утра на фортѣ „Золотой горы“ взвилась вмѣстѣ русской и китайской военные флаги, при чемъ прозвѣдѣнъ былъ установленный салютъ. Подобнымъ же порядкомъ заняты были и портъ Талиенвань. Въ силу договора съ Китаемъ, значитель, теперь принимаются мѣры къ прочному занятію уступленной намъ территории.

Рѣшеніе Россіи стать твердой ногой у Печилійскаго залива послужило толчкомъ для цѣлаго ряда сенсационныхъ извѣстій изъ англійскихъ источниковъ. Такъ, три англійскихъ броненосца вышли 18-го марта изъ корейскаго порта Чемульпо по „незавѣстному направленію“; въ то же время другая британская эскадра отплыла изъ Гонгъ-Конга въ „сѣверномъ направленіи“. По свѣдѣніямъ отъ 19-го марта англійскія военныя суда пришли въ Чифу; часть японскаго флота вышла изъ Вей-Хай-Вей, чтобы слѣдить за англійской морской „демонстраціей“ въ Печилійскомъ заливѣ. Три дия слуга, въ Лондонѣ получены были вѣсти изъ Пекина, что Китай согласился уступить Англии портъ Вей-Хай-Вей послѣ ухода оттуда японцевъ; кромѣ того англичане добились, какъ говорятъ, существенныхъ уступокъ въ долинѣ рѣки Янь-Тсе-Кіанга. По всей вѣроятности, остается недолго ждать официальныхъ сообщеній относительно этихъ „уступокъ“ со стороны Китая. Во всякомъ случаѣ занятіе англичанами Вей-Хай-Вей или другого ближайшаго къ нему пункта, конечно, не могло состояться безъ предварительнаго согласія Россіи. Такимъ образомъ, послѣ того какъ Россія и Германія получили свою часть въ Китаѣ, то же добился и Англія.

Желая явиться скорѣе предѣ избирателями съ меньшимъ числомъ разныхъ недочетовъ, нынѣшняя французская палата

депутатовъ рѣшила покончить съ пресловутымъ панамскимъ вопросомъ. При внесеніи въ палату 18-го марта доклада панамской комиссіи, докладчикъ ея, Вивіани, въ своей рѣчи рѣзко упрекалъ бывшаго генеральнаго прокурора въ томъ, что онъ далъ возможность обвиняемому воспользоваться давностью и своимъ образомъ дѣйствія заставилъ-де правосудіе умолкнуть. Послѣ оживленныхъ рукоприкладій палата громаднымъ большинствомъ постановила раскрыть повсюду рѣчь докладчика комиссіи. Вслѣдъ затѣмъ заключенія комиссіи по панамскому дѣлу приняты палатой единогласно.

Процессу Зола суждено, повидному, возобновить во французскомъ обществѣ улетѣвшее-было возбужденіе: исходя изъ положенія, что Зола привлеченъ былъ къ судебной отвѣтственности военнымъ министромъ, а не военнымъ судомъ, противъ котораго была направлена диффамация, кассационная палата 21-го марта кассировала все производство по дѣлу безъ передачи его на разсмотрѣніе другого суда присяжныхъ. Послѣдствія кассации для осужденнаго таковы, что приговоръ остается въ силѣ, но безъ примѣненія карательной мѣры. 21-го марта радикалы внесли въ палату запросъ по поводу кассации дѣла Зола, рѣзко нападали на магистратуру и намекали на то, что кассация является-де отвѣтомъ на опубликованіе рѣчи Вивіани. Оправдывая дѣйствія правительства, возобудившаго дѣло лишь послѣ совѣщанія съ выдающимися юристами, г. Меллинь отстаивалъ правильность процедуры, веденной согласно законамъ; высказывая далѣе уваженіе къ магистратурѣ и къ рѣшенію кассационной палаты, министръ-президентъ упрекнулъ социалстовъ за ихъ нападки на судебное вѣдомство и въ заключеніе заявилъ, что созываемый военный судъ рѣшитъ вопросъ о преслѣдованіи Зола. Простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ, одобренный главой кабинета, принятъ большинствомъ почти двухъ третей всего состава палаты. Послѣдующія засѣданія палаты не обошлись безъ новыхъ запросовъ. Вообще раздражительность парламентскихъ группъ стала выступать отчетливѣе по мѣрѣ приближенія конца нынѣшней сессіи. Къ тому же сенатъ внесъ въ бюджетъ рядъ измѣненій, требующихъ возвращенія государственной смѣты въ палату депутатовъ. Словомъ, дѣятельность палаты пошла далеко не такъ успѣшно, какъ можно было ожидать нѣсколько дней тому назадъ. По мнѣнію компетентныхъ кружковъ, кабинету г. Меллиня, если только ему удастся удержаться у власти до конца парламентскихъ полномочій нынѣшней палаты, — предстоить серьезная публичная борьба.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой подписной платы за „Ниву“ 1898 г., озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подѣ которую получается ими „Нива“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ROYAL-MONDAIN
EXTRAIT TRIPLE
GELLÉ FRÈRES
Parfumeurs
6, Avenue de l'Opéra, 6
PARIS

(1) 08501 № 11

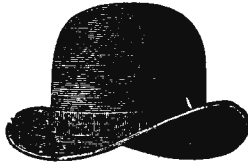
„Ideal“. Каждая дама, желающая быть июльв элегантной, безукоризненно аккуратной, употребл. для обшивки подола исключительно „Идеаль“, патентованную подшивку из бумажного бархата (Вельветинь). На каждой коробкѣ надпись „Идеаль“. Получить можно во всѣхъ прикладныхъ магази-

№ 10426 нахъ Россіи. 26—22

МАГАЗИНЪ АНГЛІЙСКИХЪ ШЛЯПЪ

СПБургъ, Большая Морская, № 11.

Англійск. пуховыя
ШЛЯПЫ
по 6 рублей.

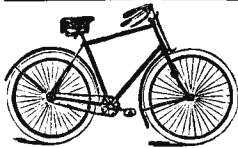
ЦИЛИНДРЫ
по 10 руб.
ШАПКИ ДЛЯ СПОРТА.

ИТАЛІЯНСКІЯ ПУХОВЫЯ ШЛЯПЫ

фабрики Borsalino Gius. e. F.P. Alessandria по 8 руб.

По специальному моему заказу приготовлены особенно легкія.

Заказы изъ провинціи исполняются быстро и высылаются налож. платек.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ ГУМВЕРЪ

предлагаетъ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Георгіи ЖЕМЛИЧКА и К^о.

Москва, Столешниковъ переулокъ. № 5.

Прейсъ-куррантъ по требованію. 16—11

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6443 (82)

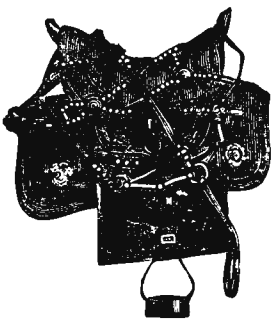
НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ EDELVEILCHEN

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

Купите са торгаша по № 40 р. поштою изъ 40 ф. Фабрика М. и Н. МАЙГЛЮШКЕНЪ, Сербинъ.

ВАГНЕРОВСКОЕ УДОБРЕНІЕ

для парников, культуръ, лучшее для ранней выгонки. Подробности въ наставленіи. 1 ф. 30 к., 10 ф. — 2 р. 50 к., 20 ф. — 4 р., 40 ф. — 7 р., Г. ФРИНЪ, СШБ., Адмиралт. пр., 10.

W.G.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“). 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 коп.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 21.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ
ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
для чистки зубовъ и освѣженія дыханія рта. Зубныя порошки. Зубная паста.

МАГАЗИНЪ въ Москвѣ на Кузнецкомъ мосту, дома № 127/128

Ц. № 11023 (5)

№ 4711. Кто любитъ запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“ (Violette du Rhin.)

Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся.

№ 4711 du Savon violette du rhin.
№ 4711 Sachets violette du rhin.

Всѣ одинаковаго качества.

Продается въ аптекарскихъ и парюмеръ во всѣхъ магазинахъ

!Фейерверкъ!

садовый и комнатный.
Складъ пиротехнической лабораторіи Казанская ул. д. 5. **ДОЙНИКОВЪ**. С.-Петербургъ.
Прейсъ-куррантъ высылается бесплатно.

МЕБЕЛЬ

съ разсрочкою платежа дешево продается. Роскошные буфеты и столыя. Кабинетъ дубовый, тиснен. кож. Гости. и кабин. краси. дерева съ бронзою „Жакобъ“. Писемни. столы, турецкіе диваны, картины, будуары, и проч. Магав. **ПОДЕРЖАНЫЯ ВЕЩИ** Москва, Остоженка, № 42.

ГЛАВНЫЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Э. БУРХАРДЪ, Спб.
Невскій просп. № 6 противъ М. Морской Горюханая ул. у Краснаго Моста № 17
ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ ЛУЧШИХЪ ФАБРИКЪ ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.
Бысылаю наложен. платежемъ. Иллюстр. Прейсъ-Курранты бесплатно.
Ц. № 10022 7—7

ВЫШЛА КНИГА
ДЛЯ ДѢТЕЙ
рассказы
Льва Львовича Толстого.
Складъ изданія: Москва, Хамовниеп, № 21.
Цѣна 80 коп. 3—1

БУХГАЛТЕРІЯ
Высылаются бесплатно пробныя лекціи-корреспонденціи и условія заочнаго изученія бухгалтеріи по премір. бол. вод. медалью методу С. Я. Лиленталь. Москва, Бутырскіе, № 49.
Ц. № 10919 10—5

Герметическія фарфор. пробки
(съ цинков. проволокой для бутылокъ и флаконов.)
100 шт. Р. сер. 8 —
200 " " " 15 20
500 " " " 38 —
1000 " " " 68 —
3000 " " " 192 —
5000 " " " 300 —
10000 " " " 560 —
30000 " " " 1580 —
больше 5%о дешевле. Съ мѣди. никелиров. проволоки. 1 шт. 2 к. дороже.
(Агенты требуются.)
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ПАВЕЛЬ ВОЛЛЕНБЕРГЪ
въ Варшавѣ, ул. Жабяя, № 8.
ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Ром-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева, СШБ. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПОКУПАЮ
жемчужныя нитки, изумруды, рубины, сафиры и брилліанты по высокой цѣнѣ.
БЕРУ ВЪ ОБМѢНЪ старое золото и драгоценныя камни на новыя вещи.
ЗАКАЗЫ исполняются въ собственной мастерской. Всегда большой выборъ золотыхъ и брилліантовыхъ вещей новейшихъ фасоновъ.
ЮВЕЛИРЪ
В. К. ЗЙКЕНРОТЪ.
МОСКВА, Камергерскій пер., д. Ланозова. 4—2

ФРАНЦЕНСБАДЪ.
Первыя грязевыя купальни. Обладаетъ очень сильными желѣзистыми источниками, чистыми щелочными водами, содержащими глауберову соль и окиси литія, желѣзистыми ваннами съ богатымъ содержаніемъ углекислоты, ваннами изъ минеральныхъ водъ, шипучими углекислыми ваннами.
Сезонъ съ 1-го мая по 30-е сентября.
Ц. № 11020 Пропскты высылаются бесплатно. 2—2
Подробныя свѣдѣнія даетъ управляющее курортомъ бургомистерство.

РЕКОМЕНДУЕТСЯ употреблять ВЕСНОЮ
„PASTA EUGÉNIE“ BERTHA RIES.
Помога для лица. Уничтожаетъ въ скоромъ времени веснушки, загаръ, красныя пятна, вѣтрчающіяся на лицѣ; средство это придаетъ также цвѣту лица юную свѣжесть и красоту. Цѣна баночки 1 руб. 60 коп. Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи, а въ случаѣ отъказа прошу обратиться въ Москву, Новая Басманная, домъ № 13.
На каждой баночкѣ имѣется моя подпись **ВЕРТА РИСЬ**.
W. № 11069 3—3

Испробованъ и найденъ превосходнымъ голландскій
КАКАО ФЛИКЪ.
Получить можно во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и колоніальныхъ торговляхъ.
Главный представитель для Россіи
Константинъ Гершъ, С.-Петербургъ.
В. № 10486 15—14

ВЫГРЫШ-

НЫЕ 1, 2 и 3 выигрывает
БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕРРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, Спб. 12-4

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ОТЪ

ЗАИКАНІЯ

Н. Ю. ЭРНСТЪ, Москва, Б. Никитская, д. бывш. Черныя, кв. № 6.
Руководство къ самообученію 3 руб.

SOURCES DE L'ETAT
CELESTINS
GRDE-GRILLE
HOPITAL
Avoir soin de désigner la Source.

VICHY

ПОДПИСКА

на всѣ **МОДНЫЕ ЖУРНАЛЫ.**
СКЛАДЪ и КОНТОРА

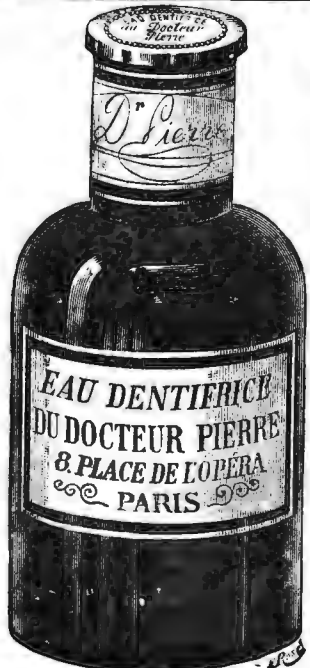
М. А. ПОЗИНА.

Москва, Александровскій пассажъ.
ТЕЛЕФОНЪ № 151.

НОВЫЯ ПОЛУЧЕНІЯ
СЕЗОННЫХЪ КНИЖЕКЪ.

Сборники и альбомы модъ для весны и лѣта 1898 года. Изобиліе новѣйшихъ моделей шляпъ, платьевъ и, главное, верхнихъ вещей въ 1 р. 1 р. 25 к., 1 р. 50 к.

Каталогъ высылается бесплатно.

CÉLÈBRE PAR SES QUALITÉS
en Vente partout

ВЕСПЛАТНО

высыл. каталогъ, описаніе и образцы шрифтовъ новѣйш. классі- туръ пишущихъ машинокъ „БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ № 5“, стоющ. 100 р. „БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ № 7“ 140 р. Машины эти проиход. высш. нагр. и золот. медаліамъ, прод. съ ругательствомъ. 5-1

Э. КИЖЖАНЪ и К^о С.-Петербургъ, Гороховая, 17.

БЕЗЪ СОМНѢНІЯ
самая лучшая приправа къ кушаньямъ.

Предвѣст-кушанья высылаются по первому требованію.

Одной или двумя чайными ложками „ГУСТО“ на чашку горячей воды приготова отъ колоссальнаго пре- краснаго и вкуснаго бульона.

Въ старой Москвѣ.

Графа Е. А. САЛІАСА.

Историческій романъ времени восшествія на престолъ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ част. Спб. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ полнокр. перекл. 2 руб. 75 коп., съ пересылк. 3 руб. 25 коп.

ЭЛЕОПАТЬ

пров. Кинунена
и УПОТРЕБЛЯЮ.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ переулокъ, № 1.

КРАСИВО ПИСАТЬ изучается всякій заочно (посредствомъ перепіски) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи А. КОССОДО.

Конторско-коммерч. скорписъ, рондо, готикъ и др. шрифты также преподаются заочно. 9-1

Методъ премір. ж. Парижской всемірн. выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медалі. За 4 семіон. марки высш. проби. нисью шрифтовъ, подробн. условія и образцы заочно испрваен. почерк. Адресъ: профессору каллиграфіи Адольфу Коссо- до въ Одессѣ, Дербасовская, д. № 13.

БОЛЬШЕ 200,000 ШТ. ВЪ УПОТРЕБЛЕНІИ, ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ

Жармаиные часы изъ настоящаго новаго аме- риканскаго золота, крытые, съ тремя крышка- ми, мужскіе, анкерные, механизъ высшаго сорта.

Цѣна 10 и 12 руб.,

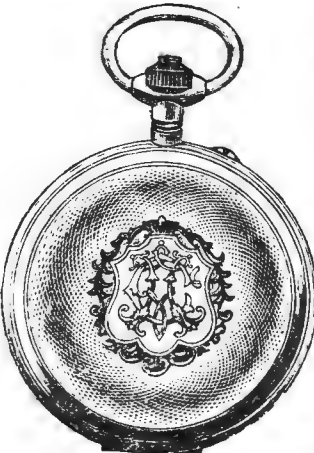
такіе же дамскіе дорожн. на 1 руб. Во избѣжаніе поддѣл., требовать на часахъ лѣтвомъ фирмъ. Выпкывающіе изъ одесскаго отдѣленія склада женевскихъ часовъ

ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.

При заказѣ на 2 шт. устунается 50 коп., на 3 шт.— 1 руб. На часахъ можетъ быть, по желанію, выграв- рованъ монограммъ владѣльца. Къ часамъ прилага- ется бесплатно изящная цѣпочка американскаго золота данцурной работы съ брелкомъ или компасомъ.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Высыла- ются вполнѣ выѣренныя часы по полученію задатка 2 руб.; остальные же—наложеннымъ платежомъ.

Адресъ: Въ одесское отдѣленіе „Склада же- невскихъ часовъ“ въ Одессѣ, Почтовая, д. Думіана.

Д. № 11081 4-4

Катрейнерсъ Мальцкаффе Фабрикень, Мюнхень

(Kathreiner's Malzkaffee Fabriken, München)

производить по привиле прованному способу солодъ, ко- торый рекомендуется женщинамъ, дѣтямъ и больнымъ и ежедневно употребляется въ тысячахъ семействъ.

Настоящій только въ 1 фунтовыхъ пакетахъ съ портретомъ и подписью прелата Кнейппъ въ Верисгофенъ, съ предохранительной маркой (см. рядомъ) и фирмою единственныхъ фабрикантовъ Катрейнерсъ Мальцкаффе Фабрикень, Мюнхень.

14 золотыхъ медалей и 5 почетныхъ дипломовъ. Фабрики въ Мюнхенѣ и Урдингенъ на Рейнѣ. Фабрики въ Австріи, Франціи, Испаніи, Швейцаріи, Шве- ции, Норвегіи, Даніи и въ Сѣверной Америкѣ (Виск.) Склады: въ С.-Петербургѣ, К. Вольбрюкъ и К^о, Большая Конюшенная, 17.

Москва. Юлій Преторіусъ, Варварка. Рига. И. А. Герскіндъ, Дворцовая ул. 3. Варшава. Л. Рабиновичъ, Кармеліка, 4. Представители: Лодзь. Л. Рабиновичъ, Цегельніана, 5. Вильно. Ф. Яблковскій.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ (за исключен. московскихъ) объявленіе отъ И. И. Матвѣева въ Бузулукъ.

Содержаніе:

ТЕКСТЪ. Въ туманѣ величія. Историческая повѣсть П. Н. Полеваго. (Продолженіе.)—Стихотвореніе Я. Полонскаго.—П. П. Гнѣдичъ: Исторія искусства (зодчество, живопись, ваяніе), т. III, отъ эпохи Возрожденія до нашихъ дней.—Зеленая лампочка. Очеркъ Л. Митиной.—Судьба золототкателей на Аляскѣ.—Къ рисункамъ: Весенняя буря.—Записки охотника" И. С. Тургенева. „Конецъ Чертопханова".—Присоединеніе сиро-халдеискіхъ несторіанъ къ православной церкви.—О. Александръ Лебедевъ.—Выставка художественно-ремесленныхъ и кустарныхъ издѣлій.—Разныя извѣстія.—Заявленіе.—Объявленія.

РИСУНКИ. Весенняя буря. Картина Э. Магдесіана.—Литературный альбомъ. „Записки охотника" И. С. Тургенева. „Конецъ Чертопханова": Рис. 1. Чертопхановъ и Маша. Рис. 2. Чертопхановъ убиваетъ Малекъ-Адель. Ориг. рисунки В. А. Табурина.—Изъ „Исторіи искусства": 1) В. В. Верещагинъ. Казнь въ Индіи. 2) Вильгельмъ Каульбахъ. Фрески Берлинскаго м. зѣя. Эпоха Возрожденія. 3) Мессонье. Навалеръ двора Людовика XIII. 4) Менцель. Застольный кружокъ Фридриха Великаго. 5) Бронниковъ. Проклятое поле. 6) Рѣпинъ. Гр. Л. Н. Толстой. 7) В. Е. Маковскій. Друзья-пріатели. 8) Ярошенко. Всюду жизнь. 9) Кнаусъ. „Я обождаю". 10) В. М. Васнецовъ. Богоматерь. 11) Бенклингъ. Островъ мертвыхъ. 12) Флавицій. Книжка Тараканова.—Присоединеніе сиро-халдеискіхъ несторіанъ къ православной церкви. Главнѣйшіе дѣятели.—О. Александръ Лебедевъ.—Выставка художественно-ремесленныхъ и кустарныхъ издѣлій. Работа калѣвъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

ГИТАРЫ

Народныя въ 3 руб. и 5 руб.
Для любителей въ 6, 10, 15 и 20 руб.
Для артистовъ въ 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 руб.

БАЛАЛАЙКИ

для одиночной игры въ 3¹/₂, 4, 8 и 10 руб.
Для орнестровой игры въ 6, 9, 10, 15 и 25 руб.

МАНДОЛИНЫ:

въ 8, 15, 22, 30, 50, 75, 100 и 125 руб.
въ 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 60,
ЦИТРЫ 80, 100, 125 и 150 руб.

Всѣ другіе музыкальные инструменты по умѣреннымъ цѣнамъ. Прейсъ-курантъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО И ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.
Складъ и изданіе нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. | Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

БЛАГОДАРНОСТЬ

проф. мнѣмоники С. ФАЙНШТЕЙНУ, въ Одессѣ.

Еще до изученія системы профессора мнѣмоники С. Файнштейна мнѣ случайно пришлось видѣть мнѣмотехнику нѣкоего Слюща. Просмотрѣвъ ее, я пришелъ къ заключенію, что всѣ эти мнѣмоникки суть ничто иное, какъ плодъ пустой фантазіи, и созданы исключительно съ корыстной цѣлью наживы на счетъ соблазненныхъ громкими многообѣщательными заголовками этихъ книженокъ. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ попытаться еще счастья у г. Файнштейна. Съ момента полученія первой лекціи мое мнѣніе о мнѣмоникѣ сейчасъ же измѣнилось, и совершенно изгладилось впечатлѣніе, произведенное мнѣмотехникой г. Слюща. Хотя по настоящее время я прошелъ только семь лекцій курса мнѣмоники г. Файнштейна, но уже очевидны ея благотѣльные результаты на память, дающіе теперь мнѣ возможность безъ всякаго труда усваивать и твердо помнить все, что мнѣ необходимо знать. Помимо этого, усвоеніе стало производиться, что самое главное, не прежнимъ механическимъ зубреніемъ, а вполне сознательнымъ, правильнымъ возбужденіемъ функций памяти. И я смѣлю могу рекомендовать всѣмъ, одареннымъ слабой памятью или почему-либо потерпевшимъ ее, обратиться, подобно мнѣ, къ проф. С. Файнштейну, такъ какъ каждый, пройдя курсъ мнѣмоники, не останется въ накладе и самъ оцѣнитъ значеніе этой науки, подтвердивъ результаты на самомъ себѣ. При этомъ въ интересахъ истиннаго даруна посоветовать: не доверяться подобнымъ Слющамъ, такъ какъ не только изученіе, но одианъ бѣглый просмотръ ихъ книженокъ можетъ убить послѣднюю искру надежды на избавленіе отъ столь нежелательнаго бича—слабой памяти—и, пожалуй, отбѣитъ всякую охоту отъ прохожденія этой полезной науки.

О легкости изученія мнѣмоники г. Файнштейна распространяется нечего: она доступна рѣшительно всѣмъ и составлена настолько понятно и увлекательно, что вслѣдъ за садившимся съ особымъ удовольствіемъ за изученіе ея, и съ первой же лекціи невольно проникаешь глубокимъ чувствомъ въ эту науку и ея преподавателя, который добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу преподаванія, своей системы еще болѣе содѣйствуетъ успѣху укрѣпленія памяти.

Мнѣмоническіе приемы, изложенные въ ней, настолько естественны и просты, что примѣненіе ихъ на практикѣ не имѣетъ границъ, и можно прямо сказать, что помимо мнѣмоническаго никакаго другаго возбужденія памяти быть не можетъ, и что самая хорошая память, не приспособленная къ мнѣмоническимъ приемамъ, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени едва-ли будетъ способна возстановлять все то, что она восприняла ранѣе, напр., нѣсколько сотъ ничего общаго между собой не имѣющихъ предствленій, словъ и т. д. Прошедшіе же мнѣмоникку способны возстановлять рѣшительно все слово-въ-слово и даже не только въ прямомъ, но и въ обратномъ порядкѣ. А главное еще то, что переворотъ этотъ совершается, благодаря методу г. Файнштейна, въ самый короткій промежутокъ времени. Въ этомъ я лично могъ убѣдиться, не пройдя еще полнаго курса его мнѣмоническихъ лекцій.

Агентъ Страховаго Общества и завѣдывающій центральной телефонной станціей
Александръ Ивановичъ Герасимовъ.
Г. Уральскъ, Сыранская ул., собственный дѣлъ.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕНАГО ТОВАРИШЕСТВА

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

СЪ СЫНОВЬМИ

1896 ГОДА

НА ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

ПАВЕЛЬ БУРЕ

В. № 10820
23 8

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 13.
Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

◆ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики ◆
съ ладнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. преисъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

ИЗВѣСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

ГУМВЕРЪ

предлагаетъ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгій ЖЕМЛИЧА и К^о.
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейсъ-курантъ по требованію. 16—12

ПОСЛѢДНІЙ

добровольный обмѣнъ на 4⁰/₁₀₀ ренту 4⁰/₁₀₀ облигацій внутреннихъ займовъ 1887 года и 2-го, 3-го и 4-го—1891 года и выпущенныхъ въ кредитныхъ рубляхъ 4⁰/₁₀₀ облигацій казенныхъ жел. дорогъ.

ЗАЯВЛЕНІЯ

принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ учрежденія Банка.

КРАЙНІЙ СРОКЪ

подачи заявленій 15 Іюня 1898 года. Подробныя условія обмѣна въ ежедневныхъ газетахъ.

РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ IN QUARTO „ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ“

(архитектуры, скульптуры, живописи и проч., и проч.)

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней,

въ популярномъ, общедоступномъ изложеніи **П. П. ГНѢДИЧА.**

Въ трехъ объемистыхъ томахъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 2000 страницъ, 2100 гравюръ и около 50 хромолитографій и рисунковъ на цвѣтномъ фонѣ. С.Пб. 1897 г.

Благодаря такому значительному объему и обилію рисунковъ, „Исторія Искусствъ“ въ живомъ и доступномъ для каждаго изложеніи даетъ **ПОЛНУЮ И ШИРОКО НАПИСАННУЮ КАРТИНУ** развитія различныхъ отраслей художества на всемъ пространствѣ историческаго міра, біографіи наиболѣе выдающихся художниковъ и копіи съ лучшихъ произведеній.

Приводимъ слѣдующіе отзывы, появившіеся въ 1897 году въ газетахъ и журналахъ какъ во время выхода отдѣльныхъ выпусковъ, такъ и по окончаніи изданія:

Русская Мысль.
Январь. 1898 года.

...Мы вправѣ сказать, что это великолѣпное изданіе представляетъ собою совершенно исключительное явленіе на нашемъ книжномъ рынкѣ, по громадному обилію превосходно исполненныхъ иллюстрацій, воспроизводящихъ замѣчательнѣйшія произведенія живописи, скульптуры и зодчества, а также костюмы, обстановку, утварь и вооруженія разныхъ народовъ съ отдаленнѣйшихъ, доисторическихъ временъ до нашихъ дней... Въ текстѣ большой интересъ представляютъ рассказы автора о семейномъ бытѣ и общественной жизни, о политическихъ учрежденіяхъ и религіяхъ разныхъ народовъ, съ разъясненіемъ, какое вліяніе все это оказывало на развитіе искусствъ въ различныхъ эпохи.

Развѣдчикъ.
№ 328, отъ 28 января 1897 г.

...въ блестящей, общедоступной описательной формѣ знакомитъ (авторъ) своихъ читателей съ историческими судьбами искусствъ, какъ формъ проявленія творческаго духа человѣчества въ области прекраснаго. Въ сочиненіяхъ подобнаго рода иллюстраціямъ принадлежитъ, быть-можетъ, еще большее значеніе, нежели тексту; и надо отдать честь автору и издателю, что въ этомъ отношеніи они сдѣлали, повидимому, все возможное, какъ въ смыслѣ выбора иллюстрацій, такъ и превосходнаго ихъ техническаго выполненія.

Русскій Вѣстникъ.
Январь. 1897 г.

Только что вышедшій первый выпускъ, действительно, обѣщаетъ много. Веленевая бумага, великолѣпныя гравюры, — словомъ, внѣшность весьма хороша. Воздерживаясь отъ окончательнаго сужденія объ этомъ, по внѣшности, великолѣпномъ изданіи до его окончанія, судя по первому выпуску можно, однако, сказать, что оно должно быть хорошо, по посылкѣ: ex parte leonem.

...можно пожелать самаго широкаго распространенія труду г. Гнѣдича.

Московскія Церковныя Вѣдомости.
№ 2, отъ 12 янв. 1897 г., и № 18, отъ 4 мая 1897 г.

Предпринятое г. Марксомъ иллюстрированное изданіе — „Исторія Искусствъ“ сослужитъ... хорошую службу. Мы имѣемъ подъ руками 1-й т. ...напечатанный на лучшей веленевой бумагѣ, снабженный множествомъ изящныхъ рисунковъ. Болѣе лучшаго ничего нельзя желать отъ изданія.

...все изданіе съ внѣшней стороны выполнено весьма изящно: плотная бумага, четкій шрифтъ, обиліе раскрашенныхъ картинъ, масса помѣщенныхъ въ текстъ и безукоризненно исполненныхъ рисунковъ... которые даютъ отчетливое представленіе о самыхъ выдающихся произведеніяхъ искусства; — въ числѣ ихъ достаточное количество взято изъ области религіозной: церкви, соборы, часовни, украшеніе стѣнъ, изображенія Спасителя, Богоматери и святыхъ. На основаніи сего не можемъ не пожелать обширнаго распространенія „Исторіи Искусствъ“

Цѣна „Исторіи Искусствъ“ изд. 1897 г. безъ перес. 16 руб., а въ трехъ прочныхъ и изящныхъ коленкорovýchъ переплетахъ, съ кожаными (сафьяновыми) корешками, тисненыхъ золотомъ, — 20 руб. За ящикъ и упаковку взимается 75 коп. Пересылка — по жел. дорогѣ или черезъ транспортную контору, съ уплатою ея стоимости на мѣстѣ (для чего въ заказѣ необходимо указать ближайшую станцію ж. д. или пунктъ, гдѣ имѣется отдѣл. транспортн. конторы), или почтою (слишкомъ дорого) за 27 ф., въ перепл. за 30 ф. по разстоянію.

Для любителей особо роскошныхъ изданій отпечатано 50 нумерованныхъ экз. «Исторіи Искусствъ» на слоновой бумагѣ. Цѣна каждаго экз. безъ пересылки 50 руб., въ 6 переплетахъ — 60 руб.; въ 37 фунтовъ, въ переплетахъ — 42 фунт.; условія упаковки и пересылки — тѣ-же (см. выше).

Въ текущемъ 1898 году «Исторія Искусствъ» выходитъ новымъ изданіемъ, представляющимъ собою повтореніе и точную копию стереотипнаго изданія 1897 года, но высылается только отдѣльными ежемѣсячными выпусками, по мѣрѣ выхода, по подписной цѣнѣ: безъ доставки въ С.-Петербургѣ 12 р., безъ доставки въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, 13 р.; съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ перес. въ Москву и во всѣ города и мѣстн. Россіи 14 р.; съ пересылкой за границу 16 руб. Отдѣльные выпуски «ИСТОРИИ ИСКУССТВЪ» не продаются. Только первый выпускъ, для ознакомленія съ изданіемъ, продается отдѣльно, съ пересылкою, за 1 р., который можно присылать почтовыми марками въ заказныхъ письмахъ. Лица, выписавшія первый выпускъ «ИСТОРИИ ИСКУССТВЪ», могутъ подписаться на нее со 2-го выпуска, уплачивая, понятно, однимъ рублемъ меньше.

Требованія и деньги просятъ адресовать: **въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.**

именно въ русской публикѣ, нуждающейся въ изящныхъ, художественныхъ изданіяхъ и мало знакомой еще съ этой областью.

Новое Время.
№ 7862, отъ 16 января 1897 г.

...— это изданіе по внѣшности можно причислить къ разряду роскошныхъ. Бумага и шрифтъ превосходны. Это популярно изложенная исторія архитектуры, живописи и ваянія, начиная отъ времени съдой древности и кончая нашимъ столѣтіемъ.

...яснымъ и вполне литературнымъ языкомъ онъ (П. П. Гнѣдичъ) излагаетъ все существенное и необходимое, не забывая чисто специальныхъ сторонъ предмета, но въ то же время и не затрудняя читателей ненужными, слишкомъ специальными и мелочными подробностями...

Правительственный Вѣстникъ.
№ 282, отъ 29 декабря 1896 г.

П. П. Гнѣдичъ давно и усердно занимался предметомъ и, какъ талантливый беллетристъ и драматургъ, умѣетъ владѣть текстомъ съ должнымъ вниманіемъ и съ художественною рельефностью. Его „Исторія Искусствъ“, съ древнѣйшихъ временъ Египта и Ниневіи, является очень хорошимъ дополненіемъ къ изданію А. Ф. Маркса, съ тѣмъ же изяществомъ и съ такимъ же богатствомъ иллюстрацій, „Всеобщей исторіи“ профессора О. Iegera.

Русскій Листокъ.
№ 15, отъ 17 января 1897 г.

Прекрасный, живой языкъ, отсутствіе чересчуръ специальныхъ терминовъ, а главное — обиліе иллюстрацій, которая здѣсь необходима, чѣмъ гдѣ-либо, оставляютъ очень пріятное впечатлѣніе.

Вѣстовой.
№ 24, Январь. 1897 г.

Гравюры и хромолитографія могутъ конкурировать по совершенству ихъ воспроизведенія съ лучшими иллюстраціями заграничныхъ роскошныхъ изданій. Содержаніе книги вполне гармонируетъ съ ея внѣшностью.

Книга г. Гнѣдича можетъ удовлетворить самымъ строгимъ требованіямъ во всѣхъ отношеніяхъ, и даже поверхностный просмотръ однихъ ея рисунковъ принесетъ несомнѣнную пользу. По своей изумительной дешевизнѣ „Исторія Искусствъ“ Гнѣдича доступна каждому...

Навзавъ.
№ 73, отъ 18 марта 1897 г.

Въ первомъ № „Кавказа“ мы отозвались съ большою похвалою о громадномъ и отвѣтственномъ трудѣ П. П. Гнѣдича, изъ котораго тогда вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ. Теперь передъ нами второй и третій выпуски этого прекраснаго изданія, и наше мнѣніе о высокиихъ достоинствахъ послѣдняго остается прежнимъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія прекраснаго труда П. П. Гнѣдича... Внѣшность изданія такъ же хороша, какъ и въ первомъ выпускѣ.

Каспій.

№ 18, отъ 23 января 1897 г.

Издательская фирма г. Маркса предприняла замѣчательное интересное изданіе „Исторіи Искусствъ“ П. П. Гнѣдича. Сколько намъ извѣстно и судя по 1-му выпуску, трудъ по этому предмету у насъ еще не было. Прекрасная бумага, крупный шрифтъ, отличные рисунки — все это напоминаетъ лучшія заграничныя изданія и по дешевизнѣ не уступитъ послѣднимъ. Съ изданіемъ книги г. Гнѣдича пробѣлъ въ нашей литературѣ по исторіи искусствъ вполне заполненъ. Какъ на особенно цѣнное качество книги, должно указать на доступное изложеніе и языкъ не только для интеллигентной публики, но и для средняго читателя. „Исторія Искусствъ“, несмотря на строго научный характеръ, въ то же время представляетъ изъ себя занимательное чтеніе и можетъ быть рекомендована всякому интересующемуся таковымъ.

Крымскій Вѣстникъ.

№ 11, отъ 13 января 1897 г.

П. Гнѣдичъ давно и усердно занимается предметомъ и, какъ талантливый беллетристъ и драматургъ, умѣетъ владѣть текстомъ съ художественною рельефностью. Въ послѣднее изданіе внесены новѣйшій матеріалъ по различнымъ раскопкамъ и открытіямъ.

Journal de St.-Petersbourg.

№ 90, 121, 232 и 328. 1897.

...cette publication, dont la splendeur est presque sans précédent en Russie.

...la publication du livre de M. Gnéditch „enrichissant les bibliothèques de nos amateurs d'ouvrages de luxe d'une édition d'un mérite véritablement hors ligne.

...La beauté et le luxe typographique de l'édition de M. Marcks restent ce qu'ils avaient été pour les livraisons précédentes et il nous faudrait répéter simplement des choses déjà dites pour en faire à nouveau un éloge d'ailleurs parfaitement mérité.

...Le texte de M. Gnéditch, écrit en cette langue aussi pure qu'éloquente qui est une des qualités distinctives de l'auteur, contient une foule de renseignements curieux et instructifs.

...cette dernière livraison de l'Histoire des beaux arts mérite d'être chaleureusement recommandée, et il faut féliciter M. A. Marcks de n'avoir rien épargné pour doter notre littérature d'un ouvrage traitant les questions de l'art européen, depuis l'époque reculée de sa naissance jusqu'à nos jours. Les douze livraisons de l'Histoire des beaux arts... auront désormais leur place d'honneur dans toutes les bibliothèques des amateurs russes de beaux livres.

St.-Petersburger Zeitung.

№ 105 и 349. 1897.

Wir freuen uns von Herzen über das Erscheinen dieser schönen, geschickt und verständig abgefassten und herrlich ausgestatteten Kunstgeschichte.

Wir können, ohne gegenwärtig Zeit und Raum zu haben, ausführlich auf die wunderschöne und reichhaltige Ausgabe einzugehen, mit der sich Verfasser und Verleger für immer einen Ehrenplatz in der russischen Kunstgeschichte erworben haben, nur auf's Wärmste das Werk zur Anschaffung empfehlen.

XXIX г.

№ 15

Выданъ 11 апрѣля 1898 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXIX

1898

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1898 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна годового изданія „Нивы“ со всеми приложеніями на 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содерж. полное собраніе сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставкѣ въ Петербургъ.	5 р. 50 к.	Безъ доставкѣ въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговая линіи.	6 р. 25 к.	Съ доставкою въ Петербургъ . .	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	7 р.	За границу.	10 р.
------------------------------	-------------------	--	-------------------	--------------------------------	-------------------	---	-------------	-------------	--------------

«Весенняя буря». Съ карт. Э. Магдесіана, грав. М. Рашевскій.

Въ туманѣ величія

Историческая повѣсть

П. Н. Полевого.

(Продолженіе.)

V.

Въ потайной каморѣ.

Дня три спустя, поздно вечеромъ, какой-то всадникъ въ широкомъ опанасѣ и шапкѣ, нахлобученной на самыя очи, подъѣхалъ со стороны тупого переулка къ воротамъ на задахъ дома боярина Ивана Михайловича Милославскаго и, нагнувшись съ сѣдла, дважды легонько брякнулъ кольцомъ калитки.

— Кто тамъ? — крикнулъ изъ-за калитки грубый голосъ.

— „Ѳрши въ вѣршѣ!“ — отозвался всадникъ, очевидно въ видѣ условнаго пароля.

— „Вали въ сажалку“, — произнесъ тотъ же голосъ, и калитка распахнулась настежь передъ спѣшившимся всадникомъ. Тотъ ввелъ коня во дворъ, бросилъ поводья на руки одного изъ боярскихъ холопей, сторожившихъ у воротъ, и пѣшкомъ направился черезъ садъ къ одной изъ внутреннихъ надворныхъ хороминъ, у которой ярко свѣтились щели въ плотно-притворенныхъ ставняхъ оконъ.

— „Блаженъ мужъ“, — проговорилъ прибывшій, шевельнувъ скобкой двери сѣней.

— „Иже идетъ на совѣтъ“, — откликнулся чей-то голосъ за дверью, задвижка брякнула и дверь отворилась.

— Здравствуй, батюшка, князь Андрей Ивановичъ, — сказалъ, кланяясь вошедшему, старый слуга боярина Милославскаго, Кузьма Вершокъ. — Пожалуй, государь; приказано тебя пустить и безъ доклада.

— Да куда идти-то? Укажи!

— А вотъ сюда пожалуй, по этимъ сѣничкамъ — прямехонько, такъ и упрешься въ дверь потайной каморы... Тамъ батюшка твой, князь Иванъ Андреичъ, съ нашимъ бояриномъ и сидятъ взаперти, а молѳдшіе-то здѣсь (направо дверь) собрались пошумѣть да поспорить... Пожалуй-ка прямо...

И отодвинувъ волоковую дверку въ темныя сѣни, Кузьма пропустилъ въ нее гостя и быстро же за нимъ задвинулъ дверку.

Князь Андрей очутился въ потемкахъ и тотчасъ же поддался тому непріятному чувству, которое испытываетъ каждый въ потьмахъ, въ незнакомомъ мѣстѣ... Осторожно передвигая ноги, чтобы не оступиться, и слегка обшаривая стѣны по бокамъ, онъ медленно пошелъ впередъ, волнуясь заранѣе тѣми впечатлѣніями, которыя ему предстояло испытать на этомъ первомъ тайномъ совѣщаніи, къ которому сегодня онъ былъ допущенъ по желанію боярина Милославскаго.

„Что онъ мнѣ скажетъ? Что прикажетъ дѣлать? Куда направитъ?“ — раздумывалъ молодой князь, невольно прислушиваясь къ шуму голосовъ за дверью, изъ сѣней направо.

— Чего тамъ выбирать! — говорилъ кто-то, выдѣляясь изъ общаго шума бесѣды.

— Тутъ не по списку нужно ихъ принимать, а просто — десятого любого, и вся недолга!

Князь Андрей невольно вздрогнулъ при этихъ странныхъ словахъ и ускорилъ шагъ, не вслушиваясь долѣе въ шумный говоръ „молѳдшихъ“ дѣятелей подготавливаемой смуты.

Пройдя еще шаговъ съ десятокъ, онъ приблизился наконецъ къ завѣтной двери каморы.

Въ то время, когда онъ нацупывалъ скобку двери, его тонкій слухъ уловилъ двѣ-три отрывочныя, но многозначительныя фразы изъ бесѣды, которая велась въ каморѣ.

— Этихъ всѣхъ бери себѣ, пожалуй, — говорилъ

князь Хованскій. — А Ларивона для меня впиши... ужъ сдѣлай милость!

— Ну, ладно... Пропадай и онъ... Была бы его хозийка жива! Козырь-баба! — отвѣчалъ Хованскому Милославскій.

Въ эту минуту князь Андрей слегка постучался.

— Входи! — крикнулъ ему отецъ.

Отворивъ дверь и переступивъ порогъ каморы, князь Андрей увидѣлъ въ углу ея, подѣй иконами, столъ съ грудью лежавшихъ на немъ бумагахъ, а за столомъ — отца своего и боярина Ивана Михайловича Милославскаго, котораго, до того времени, только разъ, и то мелькомъ, видѣлъ во дворцѣ.

Бояринъ поднялся навстрѣчу князю Андрею, приѣтливо ослабляясь и щури глазаки.

— Милости прошу, князь... Любить да жаловать насъ изволь. Садись-ка къ намъ поближе.

Князь подѣлъ къ столу, ярко освѣщенному стоявшимъ на немъ шестисвѣчникомъ, и внимательно всмотрѣвшись въ своихъ собесѣдниковъ, былъ пораженъ рѣзкою противоположностью ихъ внѣшности.

Князь Хованскій, полный, носатый и усатый, румяный и бодрый, несмотря на свои 57 лѣтъ, смотрѣлъ еще молодцомъ и держалъ себя осанисто и гордо. Онъ откидывалъ назадъ голову, глубокомысленно хмурилъ лобъ, то поднимая, то опуская свои густыя брови; то медленно крутилъ длинныя густыя усы, серебрившіеся сильной просѣдью.

Бояринъ Милославскій, почти ровесникъ стараго Хованскаго, на видъ казался слишкомъ на десять лѣтъ его старше. Тоже высокій ростомъ, но чрезвычайно худощавый, съ узкими, нѣсколько приподнятыми плечами и впалую грудью, онъ смотрѣлъ настоящимъ Кощеемъ. Голова его была совершенно обнажена отъ волосъ, которые на вискахъ и на затылкѣ спускались на воротъ его терлика жиденькими, сѣдыми прядями. Длинная, темная борода спускалась почти до пояса, а быстро бѣгавшіе каріе глаза ярко сверкали изъ-подъ бровей, торчавшихъ, какъ у сыча. Въ противоположность старику Хованскому, онъ держалъ голову понуро и при разговорѣ то щурилъ глаза, складывая свой большой, волчій ротъ въ нѣкоторое подобіе улыбки, то собиралъ свою длинную бороду въ горсть и слегка подергивалъ ее изъ стороны въ сторону, словно стараясь самъ себя сдержатъ и оберечь отъ лишняго, необдуманнаго слова. Короче сказать, всею своею внѣшностью, Милославскій какъ нельзя болѣе оправдывалъ то характерное прозвище „надорваннаго“, которое издавна утвердилось за нимъ на боярской площадкѣ.

— Чего жъ намъ ждатель теперь — и долго ли намъ ждатель? — спросилъ старикъ Хованскій, какъ бы продолжая начатый уже ранѣе разговоръ.

— Племянушка моя, царевна Софья Алексѣевна, желаетъ, чтобы мы дождались возвращенія боярина Артамона Матѣева изъ ссылки... Веѣ имъ займутся, пойдутъ пиры да праздники — тогда я разомъ все это и поверну.

— То-есть, какъ же это ты повернешь? — спросилъ боярина старый Хованскій, поднимая брови. — Никакъ ты думаешь, что у тебя все такъ-то гладко съ рукъ сойдетъ, словно по щучьему велѣнью?

— Нѣтъ, пріятель дорогой! — поспѣшилъ его перебить Милославскій, тотчасъ сообразившій, куда гнѣтъ князь Иванъ Андреевичъ: — нѣтъ, не о себѣ я говорю, не на себя я и надѣюсь... Не подѣ силу мнѣ одному такую обузу на себя поднять! Гдѣ ужъ мнѣ, при дрях-

лости моей да при хилости... Вотъ почему я и прибѣгъ къ тебѣ, и на тебя, какъ на каменную гору, полагаюсь—и на сына твоего, на князь-Андрея. Вамъ и книги въ руки... А вотъ теперь-то, въ первую-то голову...

— Ну, ну? Чтò теперь?—нетерпѣливо перебилъ его старикъ Хованскій, желая поскорѣе проникнуть въ тайные замыслы лукаваго боярина, такъ какъ не былъ еще въ нихъ посвященъ вполне.

— Теперь,—попрежнему спокойно продолжалъ Милославскій:—намъ, старшимъ и начальнымъ людямъ, въ эту смуту не слѣдъ соваться... Вѣдь мы еще не знаемъ, чѣмъ дѣло кончится, и чья возьметъ?.. Вотъ мы и порѣшили съ племяншкой моей, что надо всѣмъ намъ до поры до времени тихохонько притаиться—будто наше дѣло сторона. Я, съ завтрашняго дня, жестоко заболѣю—слигу въ постель, да никого къ себѣ и допускать не велю... А ты, наоборотъ, князь, ежедень будь на площадкѣ, суйся на глаза, а какъ вернется Артамонъ Матвѣевъ—ты первый на поклонъ къ нему ступай, чтобы дѣло было шито-крыто...

— Ну, да! Ну, ладно!—перебилъ Хованскій, внимательно слушавшій стараго боярина. — А кто же смуту поведетъ—кто тутъ поруководитъ?..

— А мелкая-то сошка на что? Пусть тутъ она впередъ и лѣзетъ, и тѣшится, и руки грѣетъ... Наше дѣло ее направить—пальцемъ ей указать... Вѣдь на эту черную работу, самъ знаешь, есть у насъ теплые ребята,—Толстые братья, Иванъ да Петръ, да мой племянникъ Александръ, да изъ стрѣлецкихъ головъ кой-кто... Вотъ эти пусть впередъ и лѣзутъ: хоть и пропадутъ, такъ ихъ не жалко! А наше дѣло впереди: мы съ тобой ихъ руками жаръ станемъ огревать... Хе-хе! Такъ, что ли, бояринъ?

— Хорошо придумано, бояринъ,—сказала Хованскій:—да только я все въ толкъ не возьму, какъ мы за дѣло примемся—и за какое дѣло?

— А вотъ какъ перебродить пиво, да черезъ край пойдеть, тогда и призовутъ насъ расхлебывать кашу... Безъ насъ племяншка и шагу не ступитъ! Вѣдь смутники-то наши только все перевернуть да набушуютъ, а устанавливать потомъ намъ съ тобою придется... Помни лишь одно: никто, какъ мы!—съ особеннымъ удареніемъ произнесъ Милославскій, многозначительно поглядывая на Хованскаго, который прояснилъ и самодовольно крутилъ усы.

— И вотъ, чтобы ты видѣлъ, какъ тобою цѣнить племяншка моя, царевна Софья, я тебѣ скажу, какое ей угодно было дѣло поручить и сыну твоему, князь Андрею...

Затѣмъ, обратившись къ молодому князю, онъ произнесъ почти торжественно:

— Ея благородію, царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ благоугодно было приказать, чтобы въ тотъ день, какъ смута будетъ, ты, князь Андрей, явился бы въ теремный дворецъ, на ея государскую половину, и охранялъ бы ее да и сестрицъ ея, царевенъ, отъ дурости стрѣльцовъ.

Князь Андрей поклонился боярину, весьма польщенный такимъ почетнымъ порученіемъ. А вскорѣ послѣ того и князь Хованскій поднялся съ мѣста и сталъ прощаться съ хозяиномъ. Но прежде, чѣмъ они успѣли разойтись, въ дверь каморы кто-то постучался условнымъ дробнымъ стукомъ,—дверь отворилась, и новое лицо переступило порогъ потайнаго покоя.

VI.

Загадочная встрѣча.

Это новое лицо было дряхлый, повидимому, старецъ; въ грубомъ малороссійскомъ кобенякѣ, подтянутомъ широкимъ ремнемъ, въ высококомъ куколѣ, опушенномъ на лицо такъ низко, что изъ-подъ куколы видна была только сѣдая борода, приземистый и сторбленный, онъ

съ трудомъ переступилъ высокій порогъ каморы, опираясь на суковатую палку и тяжело переступая въ широкихъ ступняхъ; войдя въ комнату, онъ низко поклонился тремъ вельможамъ.

Старикъ Хованскій невольно попятился отъ него въ сторону, а Милославскій сталъ тревожно вглядываться въ повопришедшаго, недоумѣвая, какъ могъ этотъ старецъ проникнуть въ камору сквозь всѣ поставленные препоны и препятствія.

— Кто ты?.. И за какую... потребую?—не совѣмъ твердо проговорилъ Хованскій, вглядываясь въ старца.

Въ отвѣтъ на это, изъ-подъ куколы раздался звонкій и раскатистый смѣхъ, сѣдая борода упала на-земь, посохъ отброшенъ былъ въ сторону, а кобенякъ на лавку—и передъ озадаченными князьями предстала молодая, породная и красивая женщина, въ малиновой камчатной ферязи и парчевой кикѣ съ низаньемъ. Подширая бока бѣлыми и выхолопанными руками въ перстняхъ и жемчужныхъ запястьяхъ, она смѣло и почти надменно въ упоръ глянула на Милославскаго и Хованскихъ, и залилась весьма непринужденнымъ смѣхомъ...

— Родимица! Чертовка! Ахъ, будь ей пусто!—воскликнула князь Хованскій, всплеснувъ руками. — Какова?! Даже меня сумѣла провести!

— Чортъ-баба!—ухмыльнулся бояринъ Милославскій, одобрительно похлопывая Родимицу по плечу.

— И не такихъ, какъ вы, проведу и выведу!—отвѣчала съ плутоватою улыбкой Родимица, смѣло глядя имъ въ глаза и оскаливая свои красивые, ровные и бѣлые, какъ жемчугъ, зубы.—На то и чортъ-баба, чтобы васъ, старыхъ блудниковъ, проводить!

И потомъ, быстро глянувъ въ сторону князя Андрея Хованскаго, добавила мягко и вкрадчиво:

— Вотъ развѣ только этого красавца и гордеца мнѣ не провести!.. Онъ, небось, такой, что каждую нашу сестру оплететь.

— А ну-ка, милости прошу, Федора Семеновна,—перебилъ Родимицу бояринъ Милославскій, подхватывая ее подъ руку и усаживая около себя на лавку къ столу.—Разсказывай, что новаго, чтò у тебя тамъ въ полкахъ творится? Да безъ опаски сказывай: тутъ все свои. Ты только вотъ князь Андрей не знаешь, благо онъ недавно съ Литовскаго рубежа вернулся...

— Знаю и его—наслышана о немъ въ теремномъ дворцѣ... За эти дни на Постельномъ крыльцѣ только и рѣчи было, что о немъ,—улыбаясь проговорила Родимица.

Князь Андрей такъ и вспыхнулъ румянцемъ отъ этихъ словъ. Наклонившись къ отцу, онъ легонько дернулъ его за рукавъ, и спросилъ шопотомъ:

— Да кто она такая? Изъ какихъ будетъ?

— Любимая постельница царевны Софьи—ея доверенная,—также шопотомъ отвѣтилъ ему отецъ, пользуясь тѣмъ, что Милославскій вступилъ въ оживленную бесѣду съ Родимицей и внимательно выслушивалъ ея подробный и обстоятельный отчетъ о движеніи въ стрѣлецкихъ полкахъ.

— Въ Стремленномъ, въ Жуковомъ и въ Полтавскомъ полку все не готовы еще—все обмышляютъ,—говорила Милославскому скороговоркою Родимица.— За то въ Титовскомъ все ужъ варомъ варить, словно гончихъ стая на горячемъ слѣду! И остальные всѣ за царевенъ и за царевича Ивана готовы въ огонь и въ воду... А Нарышкины-то еще имъ же масла въ огонь подливаютъ: на челобитныхъ стрѣлецкіи то молчать, то общаются ихъ разобрать, то поповъ ихъ уговаривать посылають... А вчера вдругъ, ни съ того, ни съ сего, велѣли перехватить полковниковъ стрѣлецкихъ и били ихъ кнутемъ у самыхъ карауленъ... Только суматошчатъ этихъ полоумныхъ! Озвѣрѣли такъ, что любо!

— Озвѣрѣли? Гм! Это намъ на руку,—замѣтилъ

Литературный альбомъ. „Записки охотника“ И. С. Тургенева. „Конецъ Чертопханова“.
Чертопхановъ и Маша. Ориг. рпс. (собств. „Нивы“) В. А. Табурина, автотипія „Нивы“

Литературный альбомъ. „Записки охотника“ И. С. Тургенева. „Конецъ Чертопханова“. Чертопхановъ убиваетъ Малекъ-Адель. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. А. Табурина, автогипсн „Нивы“.

Милославскій, видимо довольный доставленными ему свѣдѣніями.—Теперь ихъ надо на пользу направить... Потѣшились теперь надъ своими начальными людьми, такъ надо научить ихъ, чтобы шли да били челомъ о изыскѣ своихъ проторей и убытковъ на тѣхъ же начальныхъ людяхъ... Умные совѣтники царицы Натальи, пожалуй, имъ и въ этомъ не откажутъ: себѣ же на шею... Хе-хе-хе!..

— Да что ты это, бояринъ? Никакъ ума рехнулся,— смѣясь вступился старый князь Хованскій. — Гдѣ же это видано: съ одного вола да двѣ шкуры драть?

— Эти дурни и не двѣ дадутъ содрать! Вѣдь голову-то потеряли—такъ мы ихъ еще и не то заставимъ сдѣлать! Пущай Нарышкины съ братією покажутъ, чего они всѣ стоятъ... А эти малые пусть въ голову позаберутъ, что имъ ни въ чемъ не можетъ быть ни удержа, ни препоны. Тогда-то мы и погрѣемъ руки!

— Погрѣете, коли голова на плечахъ удержится!— смѣясь замѣтила Родимица.

— Наши головы удержатся,—съ увѣренностью проговорилъ старикъ Хованскій.—А за чужія намъ какая стать печалиться?

— А какъ минетъ гроза, тогда сумѣемъ и посократить шальныхъ, и позабрать ихъ въ руки,—сказалъ съ особеннымъ удареніемъ Милославскій, многозначительно поглядывая на старого князя Хованскаго.—Есть у меня на примѣтѣ и человекъ такой, что со стрѣльцами справиться сумѣетъ...

Хованскій только передернулъ плечами и еще выше поднялъ голову, еще спесивѣе сталъ крутить свой сильный усъ.

— Хорошо ты поешь, сладкопѣвецъ! Медовыя твои уста!—сказала Родимица, лукаво улыбаясь.—А хорошо бы тебѣ, и съ княземъ съ твоимъ Иваномъ Андреичемъ, въ тотъ покойчикъ, къ твоимъ головорѣзамъ выйти... Тамъ у нихъ такіе споры да вздоры, что имъ самимъ не разобраться... А среди твоихъ-то молодыхъ собрались тамъ и самые мочные надъ стрѣльцами люди: Бориска Одинцовъ, да Петровъ Обросимъ, да Чермный Кузьма... Того и гляди, что у нихъ еще и прежде смуты до ножей дойдеть!..

— И точно, князь Иванъ Андреевичъ, пойдешь, заглянемъ—не вышло бы бѣды какой,—проговорилъ Милославскій, украдкой перемигиваясь съ Родимидей.— А вѣдь я знаю, что твое-то слово у нихъ въ цѣнѣ!

И онъ увлекъ за собою самодовольно улыбающагося князя Ивана, оставивъ молодого князя Андрея наединѣ съ Родимидей, которая зорко слѣдила глазами за красавцемъ-юношей.

Съ минуту длилось молчаніе. Князь Андрей сидѣлъ около стола, положивъ голову на ладонь правой руки, а лѣвую опирая на рукоятъ богато-оправленнаго бухарскаго ножа, заткнутого за его пестрымъ шелковымъ поясомъ. Родимица тоже какъ будто призадумалась о чемъ-то и склонила голову, легко и быстро перебирая листки столбцовъ, лежавшихъ на столѣ. Немного спустя, она вдругъ обернулась къ князю Андрею и, заглядывая ему въ очи своими темными и умными очами, проговорила вкрадчиво:

— А ты бы отложилъ со мною гордость-то свою, молодецъ желанный! Ты бы поклонился мнѣ низенько... потому я всю твою судьбу въ рукахъ держу...

— Какъ? Ты... мою судьбу?—небрежно спросилъ князь Андрей, оборачиваясь къ Родимидѣ.

— Какъ?—того не скажу тебѣ! А вотъ коли поклонись мнѣ, узнаешь отъ меня такое, чего и самъ не чаешь.

Князь Андрей смутился невольно отъ ея смѣлаго взгляда и, стараясь скрыть свое смущеніе, сказалъ ей, принужденно улыбаясь:

— Ну, что-жь? И поклонюсь, пожалуй. Сказывай, что знаешь.

И онъ отвѣсилъ ей шутивый поклонъ, трихнувъ своими густыми кудрями.

— Вотъ такъ-то лучше будетъ! А теперь пожалуй-ка мнѣ ручку свою—я по ней тебѣ твою судьбу скажу и уму-разуму наставлю тебя.

— Да ты что же—колдунья, что ли? Угадчица?—сказалъ князь, несовѣмъ охотно протягивая Родимицѣ правую руку.

Она подержала сначала его правую руку въ своей мягкой, нѣжной и горячей рукѣ, а потомъ взяла лѣвую, повернула ее вверхъ ладонью и стала разсматривать внимательно и зорко.

— Завидна твоя судьба!—сказала она, продолжая вглядываться въ ладонь и какъ будто что-то обдумывая.—Не долго проживешь, да за то же сладко... Въ богатствѣ, въ почестяхъ, въ славѣ... И высоко возлетишь въ поднебесье, что соколъ ясный, а все черезъ бѣлую лебедушку... Она тебя и вознесетъ... Смотри только, чтобы голова у тебя не закружилась, чтобы сверху не сверзиться... А, можетъ-быть, счастливая твоя звѣзда и выведетъ тебя на путь... И никого не бойся: смѣлѣе впередъ ступай!.. Только вотъ развѣ отца своего бойся; тотъ можетъ тебѣ поперекъ дороги стать...

Князь Андрей испуганно отдернулъ руку и проговорилъ, хмурия брови:

— Полно,—не сказывай мнѣ больше,—не смущай меня...

— Не смущать тебя?—проговорила Родимица, зорко вглядываясь въ очи молодого красавца.—А коли самъ ты смутилъ дѣвичье сердце теремной затворницы... тамъ... на государевомъ верху... такъ это ничего, потвоему?

Князь Андрей вскочилъ съ своего мѣста и, отмахиваясь отъ Родимицы обѣими руками, какъ отъ дьявольскаго наважденія, проговорилъ смущенно:

— Что ты еще придумала? Какъ ты это могла узнать?

— Мнѣ-то не узнать? Ха-ха! Да я твоей зазнобушки всякую думку знаю... Не хочешь ли, я ей и отъ тебя поклонъ снесу, и ей твои всѣ думы расскажу?

Тутъ князь Андрей не вытерпѣлъ: схватилъ шапку и, самъ себя не помня отъ невольнаго, безотчетнаго смущенія, поспѣшилъ вонъ изъ каморы... Ему почудилось, что, удаляясь, онъ слышалъ позади себя громкій, переливчатый смѣхъ Родимицы...

Но это только показалось ему... Родимица проводила князя Андрея такимъ долгимъ и пристальнымъ взглядомъ, который слишкомъ ясно показывалъ, какое глубокое и сильное впечатлѣніе произвелъ на нее этотъ красавецъ-юноша. А потомъ она быстро отрыла въ бумагахъ, лежавшихъ на столѣ, тотъ роковой и слишкомъ хорошей ей извѣстный списокъ намѣченныхъ жертвъ, съ которыми стрѣльцамъ предоставлялось расправиться во время затѣваемой смуты. Ей показалось, что на этомъ списокѣ явилось новое, знакомое ей имя и она тотчасъ остановилась на немъ глазами.

— Думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ! Этотъ имъ зачѣмъ понадобился? Скромный дѣлецъ... Воды не замутишь... Да притомъ и мнѣ, по матери, онъ родичемъ приходится... десятая вода на киселѣ...

Бояринъ Милославскій, вернувшійся въ камору, засталъ ее въ этихъ думкахъ надъ завѣтнымъ спискомъ. Она къ нему тотчасъ же обратилась съ вопросомъ о дьякѣ Ларіонѣ.

Милославскій какъ-то съѣжился и поспѣшилъ ей объяснить, что Ларіонъ для „ихъ дѣла“ совѣмъ не помѣха; да вотъ случилось такъ, что нужно было приписать его.

— Ужь очень ко мнѣ присталъ съ нимъ старый дурень-князь! Припиши, да припиши... Жена Ларіонова ему, вишь, очень приглянулась! Ну, надо было ему въ угоду...

— Такъ, если этотъ дьякъ изъ Москвы уѣдетъ, въ свое помѣстье, что ли? Недѣльки на двѣ отприсется, либо на мѣсяць? Да отсидитесь тамъ отъ вашей грозы? Ты что на это скажешь?

— А по мнѣ и скатертью дорога... Намъ онъ и не противень, и не опасень...

— Такъ я и буду знать, — проговорила Родимица, прилаживая сѣдую бороду и накидывая на себя темный кобенякъ съ высокимъ куколемъ.

VII.

Въ тепломъ гнѣздышкѣ.

Въ Толмачахъ, за Москва-рѣкою, звонили къ заутренѣ. Было еще очень рано... Въ окрестныхъ приходахъ еще не слыхать было перезвона... На небольшомъ подворьѣ думнаго дьяка Ларіона Иванова, въ одномъ изъ замоскворѣцкихъ переулковъ, жизнь начинала еще только пробуждаться. Поднялся кое-кто изъ его многочисленной челяди. Колесо закричѣло надъ глубокимъ колодцемъ подъ рукою дюжаго холопа, который переливалъ воду изъ бадьи въ вѣдра и таскалъ ее на поварню. Дымокъ синей струйкой поднялся и завился надъ трубою людской избы, гдѣ засуетились бабы, готовясь ставить въ печь свои горшки и мѣсить хлѣбъ. Заспанный дворникъ отцѣпилъ косматаго сторожевого пса отъ той веревки, на которую онъ привязывался ночью, и повелъ его къ будкѣ, побрякивая цѣпью... Но въ маленькомъ домикѣ дьяка, разукрашенномъ по кровлѣ и крыльцамъ затѣйливою и красивою рѣзбою, не было замѣтно никакой жизни: ставни были заперты и со стороны двора, и со стороны большого, тѣнистаго сада. Всѣ спали въ немъ мирнымъ сномъ.

Мирнымъ сномъ почивалъ и самъ хозяинъ дома, думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ, въ опочивальнѣ, рядомъ со своею молодою супругою и подъ утро видѣлъ даже во снѣ весьма точную копію той дѣйствительности, среди которой протекала его скромная жизнь. Приказъ съ его потертыми и облѣзлыми расписными стѣнами, ящички, наполненные столбцами, груды писанной бумаги и скрипъ перьевъ, выводившихъ мудреные росчерки и каракульки; надоѣвшія ему лица подьячихъ и писцовъ, и пестрая, докучная толпа просителей...

— Батюшка, Ларіонъ Ивановичъ! Пожаръ у насъ въ подвалѣ: всѣ дѣла горять, а кабальные записи вверхъ стружками летятъ, — кричить, вбѣгая, запыхавшійся сторожъ.

Перепуганный на смерть дьякъ вскакиваетъ со своего мѣста и устремляется къ подъемной двери подвала, изъ-за которой клубами валитъ дымъ... И чуть-чуть не сваливается съ постели, въ просоньяхъ.

— Съ нами крестная сила, — шепчетъ онъ про себя, приподнимаясь съ изголовья, и видитъ черезъ щели ставень ярко освѣщенный солнцемъ дворъ, и слышитъ благовѣсть ближайшей церкви, призывающей къ заутренѣ.

„Эхъ, я какъ заспался“, думаетъ не безъ смущенія Ларіонъ Ивановъ и начинаетъ поспѣшно одѣваться, собираясь въ церковь. Ему бы хотѣлось передъ уходомъ разбудить свою Марьюшку, поцѣловать ее въ губки алыя, да онъ боится и глянуть въ ту сторону, гдѣ она раскинулась подъ легкимъ тафтянымъ одѣяломъ, заложивъ подъ голову бѣлую и полную руку и дыша всею роскошною молодою грудью... Скромно опуская свои небольшіе каріе глазки, молодой дьякъ спѣшитъ опоясать свой темный кафтанъ пестрымъ поясомъ, на цыпочкахъ выходитъ изъ опочивальни и тихо притворяетъ за собою дверь...

Переступая порогъ своего уютнаго, небольшого, чистенькаго домика, Ларіонъ Ивановъ перекрестился на всѣ четыре страны Свѣта, любясь чуднымъ, яснымъ и тихимъ майскимъ утромъ и прислушиваясь къ знакомому благовѣсту приходской церкви. Прежде, чѣмъ

перейти по двору къ калиткѣ, хозяйственный дьякъ заглянулъ и на поварню, и на погребъ, и въ стойло, къ своему любимому игреневому иноходцу, и въ хлѣбъ къ коровушкамъ, которыхъ его Марьюшка любила пить изъ своихъ рукъ; бросилъ мимоходомъ горсть овса въ корыто прожорливыхъ утокъ, которыя встрѣтили его дружнымъ криканьемъ, приласкалъ косматаго сторожевого пса, обмѣнялся ласковымъ привѣтомъ съ двумя холопами, подметавшими дворъ, и вышелъ на улицу.

Заутреня, вѣроятно, уже успѣла отойти, когда Марьюшка, давно уже нѣжившаяся въ пріятномъ полуснѣ, стала потягиваться на своемъ пуховикѣ и, наконецъ, открыла глаза.

„Ларюшки давно и слѣдъ простыль“, — подумала она, бросая нѣжный взглядъ на то мѣсто широкой кровати, гдѣ спалъ Ларіонъ Ивановъ. — „Чай, къ заутренѣ да къ обѣднѣ пошелъ за меня, грѣшную, молиться? Милый какой“.

И она на минуту отдалась воспоминаніямъ о любимомъ мужѣ; а затѣмъ быстро вскочила съ постели и принялась поспѣшно одѣваться, приговаривая про себя:

— Пожалуй, вернется скоро, а я и на поварнѣ еще не побывала! Не знаю, чѣмъ его, дружка сердечнаго, кормить стану сегодня. Да и у куръ побывать надо, и къ Буренушкѣ заглянуть...

Умывшись и наскоро пріодѣвшись, Марьюшка расчесала свои чудесныя русыя косы и обвивъ ихъ около своей хорошенькой головки, прикрыла вплотную нарядною кикою, — недавнимъ подаркомъ Ларюшки. Эту кикою она, ему въ угоду, всегда надѣвала по воскресеньямъ и въ ней выходила къ нему навстрѣчу, когда онъ возвращался изъ церкви. Выйдя изъ опочивальни, она въ полчасъ обѣгала весь свой домъ и дворъ, заглянула во всѣ уголки своего небольшого хозяйства, побывала и въ погребѣ, и въ кладовой, и въ двухъ чуланахъ, и всюду выбрала то, что болѣе всего любилъ покушать и выпить поутру Ларюшка — челоуѣкъ весьма умѣренный и скромный при своемъ достаткѣ, по въ воскресные дни разрѣшавшій себѣ и лишнюю чарку настойки, и лишній лакомый кусокъ. Возвратись въ домъ изъ своего обхода, Марьюшка затормошила всѣхъ людей: и сѣнныхъ двухъ дѣвушекъ, и старуху-ключницу, дальнюю родню Ларюшки, проживавшую въ его домѣ, и, наконецъ-таки, не утерпѣла — сама принялась накрывать на столъ, приносить на него блюда и ставить сулеи съ настойками и наливками, кувшины и жбаны съ медомъ и душистымъ мятнымъ квасомъ.

Когда все было готово и Марьюшка собиралась уже въ послѣдній разъ подойти къ поставцу, чтобы снять съ него и поставить на столъ мужнину серебряную, обронной работы, стопку, и свою золоченую чарочку, она увидѣла съ удивленіемъ, что изъ-за густыхъ кустовъ терена, въ саду, направо отъ дома, вышла какал-то темная фигура, наклонясь прошла подъ вѣтвистыми липами и словно вынырнула у садоваго крылечка.

— Пожертвуй, государыня, на построение храма Словущаго Воскресенія Христова... — послышался протяжный голосъ монахини, которая словно изъ земли выросла передъ Марьюшкой, и низко кланялась ей, почти касаясь земли темными, крупнозернистыми четками, намотанными на руку.

Марьюшка, нѣсколько озадаченная внезапнымъ появленіемъ монахини, хотѣла-было спросить ее, какъ она прошла къ ней черезъ садъ, огороженный отъ всѣхъ сосѣдей здоровымъ тыномъ, но почему-то воздержалась отъ вопроса, поспѣшно выпула изъ мужнина ларца два алтына и подала ихъ все еще низко кланявшейся монахинѣ.

— Благослови тебя Христось, государыня всемило-стивая, — продолжала попрежнему монахиня, не переставая кланяться.

— Да ты бы вошла сюда, матушка, потрапезовала бы съ нами,—ласково обратилась къ монахинѣ Марьюшка.

— Не смѣю, государыня! Обѣтъ данъ: не входить подъ кровъ, не вкушать ни отъ чьей трапезы, пока не соберу на ризу къ иконѣ Словущаго Воскресенія... А только вотъ, зная и видя щедроты и твои, и усердіе твоего муженька къ церкви Божіей, хотѣла бы я сказать тебѣ пѣщечко...

— Говори, матушка, я тебя послушаю, — отвѣчала Марьюшка, которой голосъ монахини почему-то показался знакомымъ.

Но она напрасно старалась взглянуть въ черты ея лица, прикрытаго скуфеей и темными оборами монасти.

— Не смѣю я говорить во всеуслышанье; смѣю только, для счастья твоего и для спасенія, пошептать тебѣ на ухо...

Марьюшка подумала, что монахиня хочетъ дѣйствительно прошептать ей на ухо какую-нибудь сокровенную молитву или заговоръ на супружеское счастье... Она наклонилась къ монахинѣ и съ изумленіемъ услышала:

— Въ царствующемъ градѣ Москвѣ подлежитъ быть на сихъ дняхъ великому смятенію и кровопролитію... Скажи своему мужу, чтобы завтра же уѣзжалъ отсюда подальше и не воротался бы ранѣе двухъ седмиць...

Марьюшка, озадаченная, не захотѣла дальѣе слушать и сдѣлала движеніе, чтобы уклониться отъ монахини; но та крѣпко схватила ее за руку, и, не отпуская отъ себя, проговорила шопотомъ:

— Скажи, чтобы безпремѣнно, и *завтра же* уѣхалъ бы... Коля не хотеть безъ головы остаться... Не повѣришь—спогаешься!

Въ это время дверь хлопнула въ сѣняхъ; Марьюшкѣ послышался голосъ мужа... Она, перепуганная, бросилась къ нему навстрѣчу—и, когда оглянулась на ходу назадъ, то увидѣла, что монахиня исчезла такъ же незамѣтно, какъ и явилась.

— Здравствуй, голубушка, — сказалъ Ларіонъ Ивановъ, вхоля изъ сѣней въ комнату.

Но уже по звуку его голоса Марьюшка сразу сообразила, что онъ чѣмъ-то встревоженъ, и, безсчетно поддаваясь своимъ недавнимъ впечатлѣніямъ, она вдругъ бросилась на шею мужу и залилась слезами...

— Что ты? Богъ съ тобой! Что случилось?—заговорилъ Ларіонъ Ивановъ, усаживая жену на лавку и самъ около нея садясь.

— Ларюшка! Наважденіе какое-то... Отъ нечистаго что ли? Правю, ужъ и не знаю, какъ бы это сказать? Ума не приложу...

— Да о чемъ ты плачешь-то?—допрашивалъ Марьюшку мужъ, ласково трепля ее по щекѣ.

— Монахиня кака-то, нивѣсть откуда появилась... вдругъ... и такъ-то напугала меня...

— Монахиня? Дородная такая да высокая?—вдругъ спросилъ Ларіонъ Ивановъ, хватая жену за руку.

— Да, да. А ты откуда же это знаешь? Развѣ она и тебѣ явилась, и тебя о разныхъ бѣдахъ упреждала?

Ларіонъ Ивановъ сунулъ руку за пазуху, вытащилъ оттуда лоскутъ бумаги, сложенной вчетверо, и сказалъ:

— Какъ шелъ я въ церковь, здѣсь недалечко, подошла ко мнѣ монахиня кака-то, сунула въ руку вотъ эту писанную грамотку и говоритъ мнѣ... Да что? Ну, стоить ли повторять, вѣдь это все пустое...

— Говори. Сейчасъ же говори: что она тебѣ сказала?—нетерпѣливо перебила мужа Марьюшка.

— Да только и сказала: „вотъ“, говоритъ, „снеси въ храмъ Божій поминанье о рабѣ Божіемъ Ларіонѣ“...

— Ларіонъ?..

— Да, да. Такъ и сказала. А когда я ее хотѣлъ допросить, о какомъ Ларіонѣ у ней подано поминанье—она какъ сквозь землю провалилась. Вотъ я развернулъ лоскутокъ-то и прочелъ въ немъ: „отъ злаго духа будетъ на Москвѣ завируха; уѣзжай поскорѣе—голова будетъ пѣтѣе...“ Ну, только и всего.

— Охъ, о-хо! Это та самая. Она и мнѣ такихъ-то страховъ о тебѣ насаждала — такихъ страховъ, что у меня и сердце замерло, и въ глазахъ помутилось...

И она передала мужу все, что слышала отъ монахини.

Ларіонъ Ивановъ призадумался и на мгновеніе насупилъ—было брови; но, замѣтивъ, что его раздумье тревожитъ Марьюшку, онъ постарался совладать съ собою настолько, что сказалъ почти весело:

— Э-э, да что тутъ задумываться. Безъ „Его воли“ и волосъ съ головы не упадетъ... Отлучиться изъ Москвы мнѣ никуда нельзя: никто меня въ помѣстье теперь и не отпуститъ... А и въ грамоткѣ-то въ этой, и въ подговорѣ этой монахини—не кроется ли, пожалуй, что-нибудь такое... Подвоха нѣтъ ли какого отъ моихъ завистниковъ? Хотятъ меня застраивать попустому; а какъ я напугаюсь да съ Москвы съѣду, мѣсто-то мое и займутъ, чего добраго... Нѣтъ, голубушка, я этимъ страхамъ не поддамся — не таковскій... Да и ты-то ихъ изъ головы выбрось... Да вотъ кстати: пойди-ка, загляни-ка въ сѣни, да полюбуй-ка ты, что я тебѣ въ подарочекъ принесъ.

— Въ подарочекъ? Да что же ты его, изъ церкви, что ли, принесъ? Откуда у тебя подарочекъ взялся?—воскликнула Марьюшка, всплеснувъ руками и радостно улыбаясь мужу.

— Да. Тутъ, у самой церкви и купилъ... То самое, чего твоя душа давно желала...

— А, знаю, знаю! — быстро проговорила Марьюшка, и опрометью бросилась въ сѣни.

Тамъ, на ларѣ стояла корзина, плетеная изъ прутьевъ, и сквозь ея рѣшетчатые стѣнки видна была пара бѣлоснѣжныхъ мохноногихъ голубей.

Марьюшка вскрикнула отъ радости, схватила корзину съ ларя, и, подбѣжавъ къ мужу, стала его обнимать и цѣловать, приговаривая:

— Милый! Желанный! Вѣдь вотъ какъ угодили, какъ сумѣлъ меня побаловать!

Ларіонъ Ивановъ весь просіялъ отъ жениной радости и ласки. Молодые супруги всецѣло отдались своей радости—заворковали и сами съ голубями...

Голубямъ-красавцамъ рѣшено было на время пообрѣзать и зашить крылья и на нѣсколько дней посадить ихъ въ особый уголъ голубятни, чтобы они не улетѣли... Задуманное было тотчасъ же и выполнено, и свѣтлое облачко счастья такъ ярко осѣнило маленькое, уютное, теплое гнѣздышко, что за нимъ совсѣмъ не стало видно темной грозовой тучи, надвигавшейся на Москву и готовой разразиться слезами и кровью надъ Бѣлокаменной.

(Продолженіе будетъ.)

* * *

И любя, и злясь отъ колыбели,
Слезъ не мало въ жизни пролилъ я;
Гдѣ-жъ онъ—тѣ слезы? Улетѣли,
Воротились къ Солнцу бытія.

Чтобъ найти всё то, за что страдалъ я,
И за горькими слезами я
Полетѣлъ бы, если-бъ только зналъ я,
Гдѣ оно—то Солнце бытія?..

Я. Полонскій.

П. П. Гнѣдичъ: Исторія искусствъ (зодчество, живопись, ваяніе), т. III, отъ эпохи Возрожденія до нашихъ дней.

Съ 12 раскрашенными таблицами, съ 2 отдѣльными рисунками на цвѣтномъ фонѣ и 960 рисунками въ текстѣ.

Этимъ третьимъ томомъ завершается единственная по роскоши, полнотѣ и общедоступности исторія всемірнаго искусства на русскомъ языкѣ. Она содержитъ не только болѣе 2,000 превосходно исполненныхъ снимковъ выдающихся произведений иностраннаго и отечественнаго искусства, но и обстоятельное изложенеіе всей исторіи искусствъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, составленное опытною рукою спеціалиста, прекрасна

Изъ „Исторіи искусствъ“. Рис. 688. В. В. Верещагинъ. Казнь въ Индіи.

владѣющаго литературною формою, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою необходимую справочную книгу для всѣхъ, кто интересуется вопросами искусства. Эти достоинства разсматриваемаго здѣсь труда выяснены въ цѣломъ рядѣ отзывовъ нашей печати, съ которыми читатель можетъ познакомиться въ отдѣлѣ «Объявленій» настоящаго номера «Нивы». Что касается до этихъ строкъ, то онѣ всецѣло посвящены третьему тому

Изъ „Исторіи искусствъ“. Рис. 405. Вильгельмъ Каульбахъ. Фрески Берлинскаго музея. Эпоха Возрожденія.

«Исторія искусствъ», такъ какъ о двухъ первыхъ мы имѣли уже случай бесѣдовать на страницахъ «Нивы».

Первый томъ обнимаетъ собою древнее искусство, начиная съ до-историческаго періода и кончая древне-христіанскою эпохою; второй томъ посвященъ эпохѣ Возрожденія; третій же отчасти восполняетъ предыдущій въ тѣхъ его частяхъ, которыя не могли войти въ него по обилію матеріаловъ (одежда ерединныхъ вѣковъ), но главнымъ образомъ посвященъ искусству въ Европѣ отъ эпохи Возрожденія до конца XVIII-го вѣка и XIX-му вѣку, при чемъ наиболѣе значительное мѣсто отведено русскому искусству. Уже въ первой главѣ третьяго тома авторъ словомъ и рисункомъ указываетъ на зачатки русскаго искусства въ Кіевѣ, Владимірѣ, Суздальѣ, Москвѣ: затѣмъ вся семнадцатая глава, обнимающая почти 300 страницъ и 414 рисунковъ, посвящена русскому искусству XVIII-го и XIX-го вѣка, всѣмъ главнымъ его представителямъ, начиная съ Левицкаго и кончая художниками, здравствующими и понынѣ. Брюловъ, Ивановъ, Федотовъ, Перовъ, Айвазовскій, Крамской, Верещагинъ, Семирадскій, Ге, Рѣпинъ, Маковскіе, Васнецовъ, Зичи, Клодтъ, Прянишниковъ, Шишкинъ, Эдельфельдъ и многіе другіе художники представлены многочисленными произведеніями, и ихъ жизнь и дѣятельность разсмотрѣны съ большою полнотою. На ряду съ русскими художниками авторъ изучаетъ съ должною обстоятельностью и иностранныхъ художниковъ XVIII-го и XIX-го вѣка. Гвидо Рени, Сальваторъ Роза, Пуссенъ, Вато, Грѣзъ, Вернѣ, Фрагонарь, Давидъ, Прудонъ составляютъ переходъ отъ искусства эпохи Возрожденія къ современному искусству, и лучшія ихъ картины воспроизведены въ третьемъ томѣ. Отдѣльная глава, обнимающая слишкомъ 200 страницъ, посвящена западному искусству XIX-го вѣка, при чемъ художники и ихъ картины распределены по странамъ. Англія, Франція, Германія и Испанія представлеы одинаково богато. Достаточно, напримѣръ, замѣтить, что рисунковъ и картинъ одного Мессонье воспроизведено около 40 и что не забыто ни скандинавское, ни даже японское искусство, обратившее на себя вниманіе за послѣднее время. Всѣ новѣйшіе художники богато представлены. Альма Тадема, Пювицъ-де-Шававъ, Рошгросъ, Лермитъ, Дефрегеръ, Шнейдеръ и Цорнъ, импрессионисты, декаденты и символисты, — никто не забытъ, а относительно современныхъ русскихъ художниковъ богатство доходитъ до того, что, кромѣ ихъ извѣстныхъ картинъ, воспроизведены даже шндрѣ еще не появившіяся этюды и наброски изъ ихъ альбомовъ. Особенно интересны въ этомъ отношеніи наброски Ге и Рѣпина.

Чтобы дать читателю болѣе наглядное представленіе о третьемъ томѣ «Исторіи искусствъ», мы воспроизводимъ въ настоящемъ номерѣ «Нивы» нѣкоторыя изъ собранныхъ въ немъ картинъ. Когда имѣешь передъ собою около тысячи картинъ знаменитыхъ и очень извѣстныхъ художниковъ, то сдѣлать изъ нихъ выборъ конечно очень трудно: всѣ онѣ имѣютъ свои достоинства, а многія являются неидеями по идеѣ и исполненію. Но и воспроизведеніе ничтожной части этихъ картинъ дастъ читателю понятіе о томъ, что онъ можетъ найти въ «Исторіи искусствъ». Мы взяли изъ иностранныхъ художниковъ только Мессонье, Каульбаха, Менцеля, Кнауца, Беклина; изъ русскихъ — Флавицкаго, Верещагина, Бронникова, Рѣпина, В. Маковского, Ярошенко. Уже немногія картины этихъ художниковъ служатъ яснымъ указаніемъ на тотъ обширный міръ идей, историческихъ событій, чувствъ, бытовыхъ условій, въ которыя вводитъ насъ «Исторія искусствъ» независимо отъ нравственной и художественной красоты, воплощенной въ ихъ произведеніяхъ. Предъ нами, напримѣръ, знаменитая картина Каульбаха, характеризующая эпоху Возрожденія. Стоитъ взглянуть на нее, и въ нашей памяти во всемъ блескѣ воскресаетъ то широкое умственное движеніе, которое положило начало новой независимой наукѣ — свѣтской философіи, литературѣ, просвѣщенію и самостоятельному искусству. Движеніе это началось съ Италіи и постепенно распространилось на всю Европу. Поэзія, наука, искусство, духъ предпримчивости, который привелъ къ великимъ открытіямъ, государственная дѣятельность, направленная къ поощренію быстрого роста народной жизни, имѣютъ тутъ своихъ

знаменитыхъ представителей. Въ правомъ углу картины мы видимъ Данте, Петрарку, Шекспира, Сервантеса; надъ ними собрались свѣтила пластическаго искусства: Леонардо Да-Винчи, Дюреръ, Рафаэль, Микель-Анжело; нѣтъ виднѣется фигура Колумба и выдающихся представителей духа открытій; а надъ ними Тихо-де-Браге и Коперникъ. Въ центрѣ картины стоятъ представители власти: Густавъ-Адольфъ, Елизавета Англійская, Вильгельмъ Оранскій, Морицъ Саксонскій и другіе политическіе дѣятели, такъ сильно содѣйствовавшіе освобожденію человѣческаго духа отъ гнета католицизма, и въ центрѣ картины виднѣются Лютеръ съ Гусомъ и Цвингли, истинные виновники этого освобожденія, борившіеся во имя Евангелія противъ страшнаго злоупотребленія религіознымъ чувствомъ. Вся эпоха этого великаго гуманитарнаго движенія воскресаетъ предъ нами въ лицѣ главныхъ ея носителей, а художественное совершенство ихъ воспроизведенія, красота, съ какою они изображены, возвышаютъ духъ и сильнѣе возбуждаютъ наши симпатіи къ нимъ, чѣмъ пространныя описанія совершенныхъ ими подвиговъ.

Возьмемъ другую картину, — картину самаго выдающагося изъ нѣмецкихъ художниковъ-реалистовъ, Менцеля, его «Застольный кружокъ Фридриха Великаго». Исторія знакомитъ насъ съ государственною дѣятельностью и военными побѣдами этого знаменитаго монарха. Но какъ бы мы ни восторгались его умомъ, проницательностью, стойкостью въ несчастіи, умѣренностью въ успѣхѣ, все-таки все это не можетъ насъ такъ сблизить съ нимъ, какъ тѣ многочисленныя картины, которыя посвятилъ ему Менцель. Молчаливое полотно оказывается тутъ краснорѣчивѣе блестящаго оратора. Мы видимъ Фридриха точно живого передъ собою, и каждая картина Менцеля намъ раскрываетъ ту или другую черту его духовнаго облика, а вмѣстѣ съ тѣмъ раскрываетъ намъ и тѣ чувства, которыми вообще воодушевлены были лучшіе представители эпохи просвѣщеннаго абсолютизма. Въ частности, «Застольный кружокъ» Менцеля служитъ еще и прекрасной иллюстраціею XVIII-го вѣка, той жизни, которою жили наши предки въ ту сравнительно еще не отдаленную эпоху, когда общеніе людей отличалось блестящимъ остроуміемъ, склонностью къ продолжительнымъ бесѣдамъ научнаго и философскаго характера, когда салонъ имѣлъ такое важное значеніе для умственной жизни всѣхъ образованныхъ людей...

Стоитъ перенести взоръ съ этой картины на эскизъ «Кавалера двора Людовика XIII» Мессонье, чтобы внезапно очутиться въ другомъ мірѣ. Весело жили и тогда люди. Но гдѣ та утонченность, тотъ блескъ, то остроуміе, которыми отличались придворные кружки XVIII-го вѣка. Чѣмъ-то грубымъ, ухарскимъ вѣетъ отъ этого кавалера двора Людовика XIII-го. Проводить онъ умѣетъ, при случаѣ постоятъ и за себя съ оружіемъ въ рукахъ. Но единственная его забава — военная упражненія, верховая ѣзда, любовь. Вся умственная жизнь, наука, искусство, политика, — все это ему чуждо. За него управляютъ государственными дѣлами другіе: знаменитый Ришелье съ его помощниками и пособниками, а онъ самъ — только орудіе въ ихъ рукахъ, онъ только слѣпо исполняетъ ихъ волю, прожигаетъ жизнь самымъ элементарнымъ образомъ и даже о своемъ костюмѣ заботится мало въ отличіе отъ предшествовавшихъ ему такъ недавно любимцевъ-фаворитовъ короля Генриха III-го.

Если же мы обратимся отъ иностранной исторической живописи къ русской, то и тутъ мы убѣдимся, какъ сильно искусство содѣйствуетъ уясненію себѣ характера историческихъ событій и прошлой судьбы народовъ. Взглянемъ, напримѣръ, на картину Бронникова: «Проклятое поле», на эту пустынную мѣстность съ рядомъ возвышающихся и уходящихъ въ даль крестовъ, надъ которыми рѣютъ вороны. Кромѣ мертвыхъ, безильно повисшихъ на крестахъ преступниковъ, виднѣются только собака, не оставившая своего хозяина и въ эту роковую минуту, и женщина, въ изнеможеніи отъ непосильнаго горя лежащая у подножія одного изъ крестовъ. Всмотрѣваясь въ эту картину, мы явнѣ понимаемъ смыслъ трагической смерти Христа: такъ, наравнѣ съ преступниками, закончилъ земную жизнь Свою и Спаситель; Его тутъ нѣтъ, но духъ Его ца-

рять надъ этимъ проклятымъ полемъ,—духъ милосердія и всепрощенія, духъ Того, Кто сказалъ разбойнику: «Истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ раю». А когда мы отъ этой картины перейдемъ къ картинѣ покойнаго Флавицкаго, изображающей намъ «Смерть княжны Таракановой», то и тутъ мы убѣдимся, что она лучше всякихъ словъ раскрываетъ намъ, хотя въ другой области, одну изъ мрачныхъ страницъ исторіи, когда вѣшній лоскъ, блескъ и роскошь прикрывали собою безчеловѣчныя темныя дѣла, когда безнаказанно могли разыгрываться такія ужасныя драмы, какъ та, которую такъ краснорѣчиво изобразилъ намъ художникъ.

Мы видимъ, слѣдовательно, какое разнообразіе представленій и чувствъ вызываютъ тѣ немногія историческія картины, которыя мы заимствовали изъ разсматриваемаго нами труда. Взглянемъ теперь на картину религіознаго содержанія, на «Богоматерь» В. Васнецова. Это—одно изъ первыхъ произведеній нашего даровитаго художника. «Богоматерь изображена художникомъ шествующая по облаку; лицо ея вдумчивое и серьезное, все дышитъ прелестью молодости. Младенецъ, чрезвычайно схожій лицомъ съ матерью, слегка наклонившись впередъ, властнымъ движеніемъ какъ бы хочетъ обнять вселенную. Въ его глазахъ горитъ огонь неземнаго вдохновенія», — такъ комментируетъ г. Гнѣдичъ эту картину. Но и безъ всякихъ комментариевъ, мы, изглянувъ на это выдающееся произведеніе родного искусства, невольно возносимся всѣми нашими помыслами въ ту неземную область, откуда на насъ повѣяло высшею благодатью, любовью къ ближнему и сознаниемъ собственнаго ничтожества.

Обратимся теперь отъ историческихъ и религіозныхъ картинъ къ жанровымъ. Сколько разнообразныхъ воспоминаній и чувствъ вызываютъ и тутъ немногія картины, извлеченныя изъ разсматриваемаго нами труда! Взглянемъ на этого смиреннаго старичка, изображеннаго кистью

Изъ „Исторіи искусствъ“. Рис. 197. Мессонье. Кавалеръ двора Людовика XIII. (Эскизъ.)

Изъ „Исторіи искусствъ“. Рис. 411. Менцель. Застольный кружокъ Фридриха Великаго.

одного изъ первоклассныхъ художниковъ нашего вѣка, нѣмецкаго жанриста Кнауса. Предъ нами вѣдъ развертывается цѣлая человѣческая жизнь! Сколько пришлось человѣку выстрадать и каково должно быть его смиреніе, чтобы онъ приобрѣлъ такой вѣшній обликъ, какой мы видимъ на картинѣ,—обликъ чело-вѣка, готоваго часами стоять и выждать по всей вѣроятности неблагопріятной для него резолюціи начальства. «Я обожду»—да, онъ обождетъ, и что бы ни рѣшило начальство, онъ съ одинаковымъ смиреніемъ отнесется къ его рѣшенію. Онъ обождетъ, несмотря на нужду, голодъ и тяжелую драму, разыгрывающуюся, быть-можетъ, у него дома. Бѣдный старичокъ, бѣдная жертва канцелярскихъ порядковъ!

Этотъ старичокъ намъ такъ близокъ потому, что его горе и все то, что сдѣлало его такимъ, какимъ изобразилъ намъ его художникъ, составляетъ лишь откликъ чувствъ, испытанныхъ такъ или иначе нами самими. Дѣло происходитъ въ Германіи, но и въ другихъ странахъ повторяется то же. Надъ картиною Кнауса красуется картина Ярошенко, со-всѣмъ русская по сюжету, съ изумительно вѣрно схваченными ти-

Изъ „Исторіи искусствъ“. Рис. 754. Бронниковъ. Проклятое поле. Галлерей Третьякова.

Изъ „Исторіи искусствъ“. Рис. 861. Ярошенко. Всяду жизнь. Третьяковская галлерей.

Изъ „Исторіи искусствъ“. Рис. 656. Рѣпинъ. Гр. Л. Н. Толстой.

Изъ „Исторіи искусствъ“. Рис. 713. В. Е. Маковский. Друзья-приятели. Третьяковская галлерей.

Изъ „Исторіи искусствъ“. Рис. 811. Руховичъ. Художникъ. Руниверс

нами русских преступников. Вероятно, они по всей справедливости осуждены и должны отбыть свое наказание вдали от родины — там, далеко в азиатской Росии, куда их везут в подвижной тюрьме за надежную решетку. Вагон остановился на станции. Слетелись воробушки и голуби, и ребенку одного из преступников, раздвояющих участь своего отца, вздумалось их покормить. Какой поразительный контраст представляет темное прошлое видящихся за решетку преступников и разыгрывающаяся пред нами невинная сцена. «Всюду жизнь» — жизнь хорошая, привлекательная, даже там, где меньше всего ее ожидаешь или предполагаешь, и потому, что такая жизнь разыгрывается даже в душе преступников, они невольно возбуждают наше сочувствие, как вызывают в нас сочувствие и те преступники, которых на картинах Верещагина англичане в Индии привязывают перед дулом пушек, чтобы их казнить такою ужасною смертью, — вызывает потому, что наказание безчеловечнее совершенных ими злодеяний. Вместе с тем картина Верещагина бросает яркий свет на те приемы, к которым прибегают европейцы,

Из „Исторіи искусствъ“. Рис. 743. В. М. Васнецовъ. Богоматерь. Собственный Его Величества дворецъ.

Изъ „Исторіи искусствъ“. Рис. 458. Бёклинь. Островъ мертвыхъ.

Изъ „Исторіи искусствъ“. Рис. 605. Флавицій. Княжна Тараканова. Третьяковская галлерей.

чтобы водворить свою цивилизацию среди менее культурных народов. Это — одна из мрачных страниц современной истории, и трудно ее иллюстрировать, а вместе с тем и осудить красноречивее, чем это сделано нашим талантливым художником.

Но обратимся снова к русской жизни. Пред нами граф А. Н. Толстой, изображенный мастерскою кистью Рьпина. Мы его видим словно живого в той романтической обстановке, которую он сам создал и которая так сильно занимала, да и до сих пор еще занимает русское общество. Тургеневское «опрошение», как одно из проявлений безконечных скитаний русской души, нашло себя в графе Толстом знаменитого выразителя. Он сидит пред нами с мощным своим оружием в руке: он пишет: творец «Войны и мира» и «Анны Карениной» продолжает творить. Но тут же в его болѣе чем скромной обстановке видны коса, и пила, и заступ. Он облачен в русскую рубаху и походить на простого крестьянина. Цѣлая полоса нашего общественного самосознания воскресает пе-

редь нами: если опрошеніем увлекался такой выдающійся писатель, какъ графъ Толстой, то нельзя удивляться, что имъ увлекались и простые смертные! Но взгляните на другую картину, самаго повидимому невиннаго свойства, изображающую пирушку «Друзей-пріятелей». Они увлекаются тѣмъ, что такъ рѣзко осуждаетъ графъ Толстой: виномъ, табакомъ, музыкой. Но не въ этомъ заключается поучительность сопоставленія этихъ двухъ картинъ. Если вы взглянете на друзей-пріятелей В. Маковского, то вся ихъ жизнь воскресаетъ предъ вами, какъ воскресаетъ и вся жизнь старичка, изображеннаго намъ Кнаузомъ. Но если жизнь послѣдняго насъ трогаетъ до глубины души, если мы въ немъ видимъ жертву бездушна канцелярскаго порядковъ, то старички или пожилые люди, изображенные В. Маковымъ, насъ не только не трогаютъ, а напротивъ вызываютъ въ насъ чувство антипатіи. Взгляните на старика, сидящаго въ лѣвомъ углу картины, — жирнаго, свирѣпаго, несмотря на то, что онъ въ данную минуту благодумствуетъ за стаканомъ вина. Представьте себѣ его завтра, когда онъ будетъ засѣдать въ канцеляріи и когда въ приемной будетъ стоять старичокъ Кнауса, и вы уясните себѣ, что съ одной стороны вы имѣете жертву канцелярщины, а съ другой — ея носители и типичнаго представителя. И сколько вездѣ такихъ представителей бездушнаго, если не жестокаго бюрократизма! Не много выиграетъ дѣло, если всѣ эти представители бюрократической системы надѣнутъ русскія рубахи, опояшутся ремнемъ и возьмутъ въ руку заступъ или пилу. Ихъ замѣнять другіе, такіе же бюрократы, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока русскій человѣкъ не придетъ къ сознанию, что ѣсть казенный хлѣбъ, получать болѣе или менѣе крупное казенное содержаніе, отбывая свою службу, только какъ тяжкую повинность, безъ одухотвореннаго и любовнаго къ ней отношенія, значитъ совершать преступленіе, быть-можетъ болѣе тяжкое, чѣмъ совершенныя тѣми преступниками, которыхъ изобразилъ намъ Ярошенко на своей извѣстной картинѣ: «Всюду жизнь».

Изъ тысячи картинъ, собранныхъ въ третьемъ томѣ «Исторіи искусствъ» мы выбрали 12, т.-е. ничтожную ихъ часть. А между тѣмъ сколько мыслей, чувствъ, сопоставленій вызываютъ уже онѣ въ насъ! Если же обозрѣть всѣ картины, столь мало до сихъ поръ доступныя широкому кругу читателей и теперь собранныя въ одномъ трудѣ, который доступенъ даже людямъ, весьма не достаточно, то мы легко составимъ себѣ понятіе о томъ, какъ полезенъ и поучителенъ этотъ трудъ. Не только лица, интересующіяся искусствомъ, озабоченныя тѣмъ, какъ развить въ себѣ эстетическій вкусъ, но и всякій образованный человѣкъ вообще безъ этой книги обойтись не можетъ.

Въ подтвержденіе нашей мысли остановимся хотя бы только на той главѣ, которая посвящена русскому искусству. Это —

Зеленая лампочка.

Очеркъ Л. Митиной.

Видите ли вы въ томъ окнѣ зеленый огонекъ?

Это — небольшая лампочка подъ зеленымъ абажуромъ. Вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ каждый день вижу я изъ своего окна, какъ вечеромъ вспыхиваетъ этотъ огонекъ и долго-долго за полночь горитъ своимъ ровнымъ свѣтомъ. Сколько разъ, возмущаясь изъ гостей или изъ театра, я подходила къ окну, чтобы спустить штору, и всякій разъ взглядъ мой невольно встрѣчалъ въ противоположномъ окнѣ привѣтливый зеленый огонекъ. Иногда утомленная, измученная безсонной ночью около постели больного ребенка, я съ мучительной тоской подходила къ окну, посмотрѣть, скоро-ли настанетъ разсвѣтъ. Непроглядная тьма открывалась моимъ глазамъ, только тамъ — гдѣ-то внизу на улицѣ мелькали тусклые фонари, буневалъ вѣтеръ, шелъ дождь. Одна лампочка неизмѣнно горѣла своимъ мягкимъ свѣтомъ, какъ бы говоря: «надѣйся!».

И невольно мысль хотя бы только на минуту отвлекалась отъ больного ребенка, глазъ дольше останавливался на огонькѣ и искалъ близъ лампочки знакомый силуэтъ наклонившагоси мужчины, вѣчно что-то пишавшаго.

Не разъ наблюдала я, какъ въ сумеркахъ, въ знакомомъ окнѣ вспыхивала спичка, зажигалась лампочка, и при разгоравшемся свѣтѣ освѣщалась обстановка небогатаго кабинета. Въ глубинѣ комнаты вырисовывался книжный шкапъ съ бѣлыми бюстами на немъ. Вдоль одной изъ стѣнъ стоялъ диванъ. около окна — письменный столъ, среди комнаты — круглый не-

рядъ удивительно краснорѣчивыхъ иллюстрацій къ исторіи развитія нашего общественнаго самосознанія. Не поразителенъ ли тотъ фактъ, что русская литература и русская живопись въ различные періоды своего развитія шли такъ сказать рука объ руку, посвящая свои силы разработкѣ однихъ и тѣхъ же сюжетовъ, воплотивъ совпадая въ основномъ своемъ содержаніи? Современное русское искусство, какъ и русская литература, возникаютъ при Петрѣ Великомъ. Что же изображаютъ намъ первые русскіе писатели и первые русскіе художники? Вѣкъ Ломоносова и Державина въ то же время и вѣкъ Лепидскихъ и Боровиковскихъ. Всѣ они съ одинаковымъ рвеніемъ изображаютъ государственную мощь Россіи, преисполнены глубокаго религіознаго чувства. Не былъ ли вѣкъ Пушкина въ то же время и вѣкомъ Брюлова, и не воплощаютъ ли Ивановъ и Федотовъ тѣ чувства, которыми преисполненъ былъ Гоголь, совмѣщавшій въ себѣ и глубоко религіознаго человѣка, и юмориста? Не былъ ли Перовъ какъ бы откликомъ тѣхъ вѣяній, которыя возобладали въ нашей литературѣ въ 50-е годы, и если мы возьмемъ слѣдующее десятилѣтіе, то не восторжествовала ли тенденціозность съ одинаковою силою и въ литературѣ, и въ живописи? Стоитъ ли продолжать эту параллель? Не видимъ ли мы, что послѣ долговременнаго господства тенденціозности и въ литературѣ, и въ живописи одновременно возникаетъ стремленіе къ чистой красотѣ, и не поражаетъ ли насъ тотъ фактъ, что и тутъ замѣчается полная аналогія: русскіе писатели и художники этого направленія только подражаютъ плохимъ западнымъ образцамъ? Такіе сильные художники, какъ швейцарецъ Беклинъ, мало кого привлекаютъ, хотя онъ — и выдающійся представитель такъ называемаго новаго теченія въ искусствѣ. Его мастерскія картины, въ родѣ «Острова мертвыхъ», прошли довольно безслѣдно для молодыхъ русскихъ художниковъ: они льнутъ къ разнымъ бездарнымъ импрессионистамъ, символистамъ и декадентамъ, вступая въ явное противорѣчіе съ требованіями искусства и такъ сильно напоминая этимъ собою русскихъ поэтовъ или писателей новаго направленія...

Словомъ, изучая исторію русскаго искусства и русской литературы за послѣднія два столѣтія, мы убѣждаемся въ полной ихъ параллельности, въ томъ, что они вытекаютъ изъ одного общаго источника и являются въ большей или меньшей степени вѣрнымъ отраженіемъ умственной и нравственной нашей жизни. Нельзя изучать русское искусство, не изучая въ то же время и русской литературы и всей русской умственной жизни, какъ и нельзя уяснить себѣ послѣдней помимо изученія произведеній русскаго искусства и русской литературы. То, что вѣрно по отношенію къ Россіи, вѣрно и по отношенію къ другимъ странамъ, и вотъ почему, повторяемъ, ни одинъ образованный человѣкъ не можетъ обойтись безъ труда, знакомящаго насъ съ исторіею искусства.

большой столъ, а на немъ — зеленая лампочка. Мягкій зеленый свѣтъ падаетъ на женскую фигуру, видимо, хозяйку, стоящую близъ стола. Это была уже не молодая женщина; невольно я слѣдила за ея снокойными, ровными движеніями. Не спѣша, она приводила въ порядокъ письменный столъ, раскладывала книги, бузаги, иногда чинила карандашъ. Осторожно переставляла она лампочку съ круглаго стола на письменный, и, когда все было готово, отворила дверь въ сосѣдную комнату, откуда выходилъ старый, сгорбленный мужчина. Медленно подходилъ онъ къ письменному столу, садился въ кресло и, оглядѣвъ все вокругъ, видимо, довольный, протягивалъ обѣ руки заботливой хозяйкѣ, вѣроитно, женѣ.

Часто думалъ я, глядя на эту нѣмую сцену: Кто ты, труженикъ? Сидишь ты и на закатѣ дней своихъ, при свѣтѣ маленькой лампочки, продолжаешь трудъ свой, одухотворяя всю твою жизнь, — трудъ, результатомъ котораго будетъ можетъ быть лучъ свѣта для всего человѣчества. Сколько разъ, вѣроитно, сидя такъ, пробѣгаешь ты мысленно всю свою жизнь и, какъ далекое эхо, снова, хотя и слабо, переживаешь и хороша, и дурныя ея минуты. Подводишь итоги всему пережитому. По тому вниманію и той заботѣ, которыми ты окруженъ, чувствуется, что около тебя давно горитъ огонекъ, который согреваетъ тебя, освѣщаетъ твой жизненный путь, какъ эта лампочка освѣщаетъ твой трудъ. Какой-то особый колоритъ лежитъ на окружающей тебя обстановкѣ. Такъ и хочется под-

съестъ къ этому огоньку: кажется, и на душѣ станетъ теплѣе, и сердце забьется ровнѣе. Даже пздали, съ улычки видна лампочка, какъ звѣздочка, и сколько разъ, можетъ-быть, запоздалый путникъ, озябшій и продрогшій на еле двигающемся Ваулькѣ, тщетно искавшій хоть какой-нибудь свѣтлой точки въ окружающей его тьмѣ и непогодѣ, вдругъ замѣчалъ тебя. На душѣ что-то шевелилось, что-то напоминало объ уютномъ, тепломъ уголкѣ, гдѣ можно отдохнуть, забыться подъ ласковыя, душевныя рѣчи. Свѣтъ казался не такъ пустъ, вспоминалось и свое хорошее, дорогое, и не такъ казалось темно, не такъ холодно. А ты, маленькая лампочка, крошечный огонекъ, и не сознавала, какимъ благотворнымъ лучомъ ты освѣщаешь усталую, измученную душу, какъ не сознаешь, не отдаешь себѣ отчета въ своемъ незамѣтномъ, но святомъ дѣлѣ — исполненіи долга, та женщина, которая ежедневно зажигаетъ тебя.

Иногда вмѣсто привычнаго стараго господина около лампочки являлся другой, молодой, красивый, стройный. Онъ приходилъ съ цѣлой кипой книгъ, садился за круглый столъ и при свѣтѣ той же лампочки черпалъ изъ нихъ знаніе, силу для предсѣющей трудной, жизненной борьбы.

Лампочка свѣтила тѣмъ же ровнымъ огнемъ, входила та же всякая женская фигура, вносила стаканъ чаю, подходила къ столу, обѣими руками брала наклоненную къ книгамъ голову молодого человѣка и крѣпко цѣловала его въ лобъ. Молодой человѣкъ даже не оборачивался, наугадъ ловилъ ласкавшія его руки и подносилъ ихъ къ губамъ. Лампочка какъ будто ярче всыхивала, — буквы казались яснѣе, мысль свѣжѣе.

Однажды и подошла къ окошку, и вдругъ мѣстало какъ-то грустно, — моя лампочка была въ загоулѣ. На столѣ, гдѣ она обыкновенно горѣла, стояла большая, свѣтлая лампа, вмѣсто знакомыхъ силуэтовъ видѣлось много другихъ, и женскихъ, и мужскихъ, видимо, происходило какое-то торжество.

Привычный глазъ искалъ невольно старую знакомку. Хотѣлось и ее видѣть на этомъ торжествѣ. Дѣйствительно, и она въ немъ участвовала, только не на своемъ обычномъ мѣстѣ: въ другой комнатѣ, у другого окна, всыхнувшій знакомый зеленый свѣтъ. Онъ освѣтилъ знакомую женскую фигуру, на этотъ разъ облеченную во что-то свѣтлое. Видимо, комната была ея собственная. Бѣлыя занавѣски на окнахъ, удобный, мягкая мебель, множество цвѣтовъ давали комнатѣ уютный и парадный видъ. На этотъ разъ, казалось, хозяйка съ какой-то особой заботливостью хлопотала около лампочки, то прибавляя, то убавляя огонь. Къ столу она придвинула два кресла, на нихъ положила визанскія салфетки, на столѣкъ какой-то хорошенькій маленький томикъ. Устроивъ и осмотрѣвъ все, она подошла къ окну, взяла тамъ небольшую корзину живыхъ цвѣтовъ, вѣроятно, сегодняшнее приношеніе кого-нибудь изъ друзей, и поставила эти цвѣты на столѣкъ около лампочки. Исправивъ скатерть, она постоила минуту, губы ея слегка шевелились, будто она что-то шептала, будто молилась, потомъ она тихо встала. Для кого приготовила она этотъ уголокъ, о чемъ думала, стави цвѣты?

Все такъ же ровно горѣла лампочка, только рядомъ стоящіе цвѣты давали какой-то фантастическій отгѣнокъ освѣщенію, бросая причудливыя тѣни на окружающіе предметы. Но вотъ отворилась дверь: показавшаяся стройная фигура молодой дѣвушки. Она подходитъ къ лампочкѣ. Видно, хорошо войти въ слабо освѣщенную комнату, хорошо отдохнуть послѣ всего слышаннаго и сказаннаго. Огонекъ точно еще привѣтливѣе засвѣтилъ. Жаль уходитъ отсюда. Стройная дѣвушка опустил-

лась въ кресло. Зеленый свѣтъ будто пробуждаетъ что-то, что спитъ далеко, гдѣ-то въ глубинѣ сердца. Но вотъ дверь снова отворяется, показывается знакомый силуэтъ молодого человѣка. Видно, и ему чего-то недоставало тамъ въ гостиной, гдѣ такъ много свѣта, гдѣ такъ много собралось такихъ же, какъ онъ, людей молодыхъ, веселыхъ. Сердце подсказало, видно, гдѣ таится то милое, дорогое, котораго недоставало тамъ, при свѣтѣ и шумѣ.

Вотъ онъ подходитъ, садится, лампочка его освѣтила, зеленый свѣтъ и ему шепнулъ: „надѣйся“. Да, онъ надѣется! Все ближе и ближе наклоняется его голова къ женскому профилю. Зеленая лампочка одна и слышала, что было сказано при ея свѣтѣ. А, видно, говорилось что-то хорошее. Какъ вдругъ весь выпрямился, до сихъ поръ наклоненный мужской силуэтъ! Казалось, что-то скованное вдругъ освободилось, вылетѣло. И затѣмъ — одно мгновение — и, радостный, счастливый, онъ былъ у ея ногъ.

А зеленая лампочка все горѣла тѣмъ же спокойнымъ огонькомъ, на обонхъ ихъ и на все окружающее разливая зеленый свѣтъ — цвѣтъ надежды.

Полоса этого свѣта упала на полуотворенную дверь и освѣтила стоявшую въ дверяхъ женщину. — Да, это она, ихъ добрый гений, она, мать, пришла посмотреть, свѣтала ли ея помощница — зеленая лампочка — свое дѣло, заставила ли она наконецъ высказаться, вылить въ словахъ то, что у обонхъ было уже давно на душѣ, о чемъ она сама давно догадывалась. И вотъ, счастливая, довольная, она подошла къ нимъ и прижала къ своей груди теперь уже двухъ своихъ дѣтей.

А на другой день лампочка опять горѣла на письменномъ столѣ, за которымъ онигъ сидѣла горбленая мужская фигура. Только молодой человѣкъ всѣ послѣдующіе дни почти не было видно. Вѣроятно, новый, юный другъ на время отвлекъ его отъ старыхъ друзей. Въ самой же квартирѣ уже не было прежней тишины и порядка, видѣлась какая-то хлопотня, возня; два сосѣднія окна, прежде всегда темныя, вдругъ стали освѣщаться, тамъ мѣняли обон, вѣшали занавѣски, устанавливали мебель. И вотъ, разъ вечеромъ, тамъ всыхнувшій огонекъ. Маленькая лампочка подъ зеленымъ абжуромъ освѣтила небольшую уютную спальню. Зажгла лампочку знакомая мѣ рука, эта же рука окропила св. водой всю комнату, перекрестила уголь, гдѣ за ширмами видѣлась кровать. Здѣсь, въ этой комнатѣ два старыхъ друга, прошедшихъ рука объ руку долгую жизнь, вмѣстѣ встрѣтили обонхъ своихъ дѣтей, ставшихъ передъ Богомъ мужемъ и женою.

Новая жизнь началась при свѣтѣ лампочки.

Гори, лампочка, ярче, свѣтлѣе! Навѣвай добрыя, хорошія чувства!

Пройдутъ мѣсяцы, и та же женщина, которая впервые зажгла тебя, тихо войдетъ въ комнату, придвинетъ два кресла къ столу, передъ однимъ положить на столъ забытыя книги, бумаги, а передъ другимъ рабочій ящикъ и много накроенныхъ крошечныхъ рубашечекъ, чепчиковъ и кофточекъ.

Гори же, лампочка! Свѣти и ты, молодая женщина, своему другу, будь для него источникомъ свѣта, тепла, пусть въ тебѣ утѣшается онъ силу для борьбы! Будь его пріютомъ, его утѣшеніемъ, поддержкой въ трудныя минуты жизни, его позвѣй, его честью! Около тебя будетъ подрастать новое поколѣніе, отъ тебя оно будетъ узнавать о правдѣ, трудѣ, о хорошихъ людяхъ. При мягкомъ свѣтѣ твоей помощницы, зеленой лампочки, научи ихъ вѣрить любить и надѣяться.

Судьба золотоискателей на Аляскѣ.

Какъ извѣстно, въ прошломъ году открыты были на Аляскѣ, въ ея золотоносныхъ горахъ и долинахъ рѣкъ, несметныя богатства, привлечши въ этотъ суровый край десятки тысячъ людей, — рабочихъ, купцовъ, фабрикантовъ, банкировъ, побросавшихъ свои дѣла и занятія и устремившихся въ невѣдомый, дальній край въ погоню за легкой наживой. Въ помѣщенной въ *Нивѣ* (№ 45) въ прошломъ году статья И. М. Эйзена „Новая Калифорнія“ подробно рассказано было объ этой „золотой лихорадкѣ“, охватившей всю страну долларомъ, и обо всѣхъ тѣхъ лишенияхъ, которыя ждутъ смѣльчаковъ-золотоискателей еи только на пути къ золотоносному району Клондейка, но и на самомъ мѣстѣ работъ, въ виду суровости климата и почти полного отсутствія жизненныхъ припасовъ. Однако жадна золота заглушила гольсь разсудка, и, несмотря на всѣ предостереженія правительства Соединенныхъ Штатовъ и Канады, на рубежѣ которыхъ находится Клондейкъ и единственный городъ этой золотой республики, Дусонъ-сити, несметныя толпы народа продолжали направляться туда и гибнуть на пути въ горахъ и перевалахъ, въ пропастяхъ и свѣзлыхъ сугробахъ, умирать отъ истощенія и болѣзней на мѣстѣ работъ. Теперь положеніе несчастныхъ золотоискателей въ Клондейкѣ ужасно. Огребанные отъ населеннаго міра зимнимъ временемъ, они не могутъ достать свѣтлыхъ припасовъ и прямо-таки вруть отъ голода на кучахъ добытаго золота.

По послѣднимъ извѣстіямъ, основаннымъ на донесеніяхъ чиновниковъ, командированныхъ изъ Канады и Соединенныхъ

Штатовъ въ Клондейкъ, изъ 10,000 золотоискателей, разселенныхъ въ течение послѣдняго года вокругъ Дусонъ-сити, осталось въ настоящее время въ живыхъ не болѣе 700 человѣкъ. Уже шесть мѣсяцевъ, какъ цѣлы на свѣтлые припасы въ Дусонъ-сити достигли сказочныхъ размѣровъ; вотъ показаніе американскаго комисіонера Брауера, уѣхавшаго изъ Аляски въ половинѣ сентября.

„Страшный голодъ грозитъ всѣмъ, кто собирается остаться въ Дусонъ-сити до весны. Ко времени моего отъѣзда оттуда у большинства рудокоповъ припасовъ оставалось на четыре мѣсяца, но у многихъ — только на мѣсяцъ; въ началѣ сентября за порцію бифштекса приходилось уже платить свыше 25 долларовъ. Купецъ Черльзъ Вестъ, котораго и встрѣтилъ на пути направлявшимся къ Аляскѣ, везъ на пароходѣ „Джоржъ Эльдеръ“ 4,000 дюжины яицъ и полторы тонны живности и свѣжаго мяса. Онъ надѣялся доставить этотъ грузъ въ городъ золота до Рождества, на саняхъ, запряженныхъ собаками, — другого средства пробраться черезъ Чилькутскій проходъ нѣтъ. Въ предпріятіи Веста участвуютъ четыре компаніи; онъ рассчитывалъ заработать не менѣе 400,000 марокъ. Для этого яйца должны были продаваться по 35 долларовъ (около 70 рублей) за дюжину! На живность установлены соответствующія цѣны. Въ распоряженіи компаніи находится 28 большихъ собакъ, специально выдрессированныхъ для этой цѣли.“

Замѣтимъ, что это сообщеніе относится къ тому времени, когда средства пропитанія у золотоискателей еще не источи-

лись, и когда население Даусонъ-сити еще превышало 3,000 душъ. Если принять во вниманіе, что съ тѣхъ поръ всѣ попытки снабдить его пищей потерпѣли неудачу, можно себѣ представить темершее положеніе несчастныхъ золотоискателей.

Послѣдніе извѣстія рисуютъ странную картину бѣдствія этого голоднаго городка, затеряннаго среди льдовъ. Несчастные жители его, истощенные до послѣдней возможности, обертываютъ, съ ружьемъ въ рукахъ, каждый въ своей лачугѣ, жалкіе остатки съѣстныхъ припасовъ, съ пренебреженіемъ глядя на золотого, нагроможденное кучами у ихъ ногъ.

Въ этомъ суровомъ краю, гдѣ три четверти года паритъ полярная зима, золотоискателей не обманули только золотыя росы: эти несчастные, умирающіе отъ голода и потерявшіе даже понятіе о времени въ безпросвѣтномъ мракѣ полярной ночи,—всѣ миллионеры.

Золото они буквально загребали лопатами. Спрашивается, какъ велико должно быть богатство росы, если можно добывать драгоценный металлъ крушиками, путемъ простой промывки, причемъ во всей странѣ не найдется ни одного литра ртути!

Такъ какъ въ Даусонъ-сити нѣтъ ни сундуковъ, ни замковъ, то все добытое золото сохраняется просто-на-просто въ чуланѣ безъ всякаго запора, такъ что украсть сокровища очень не трудно. Простой желѣзній замокъ для сундука стѣбитъ тамъ три унціи золота, т.-е. цѣнится буквально на вѣсъ золота.

Но кражи драгоценнаго металла не страшны: золото—единственный предметъ, которымъ наобилуетъ это царство смерти. Всѣ примѣнявшіеся тамъ до сихъ поръ наказанія вызывались лишь кражей съѣстныхъ припасовъ. Уже давно въ поселеніи рудокоповъ соблюдается одинъ лишь законъ Линча; вначалѣ была попытка организовать полицію, но она не увѣчалась успѣхомъ: преступника нужно было запереть въ тюрьму и кормить, и въ этомъ отношеніи онъ оказывался въ лучшемъ положеніи, чѣмъ тюремщикъ и судья.

Много столбцовъ пришлось бы исписать, изображалъ злоключенія этихъ голодныхъ крестовъ. Возьмемъ для примѣра одно мѣсто изъ доклада американскаго инженера, побывавшаго въ Даусонъ-сити по порученію правительства: „Видя, что я достаточно снабженъ всѣмъ нужнымъ для путешествія, а главное съѣстными припасами, одинъ бѣднякъ (sic) явился ко мнѣ въ день моего отъѣзда, умоляя взять его съ собою до порта Джюно. Онъ предлагалъ мнѣ за это, если я его благополучно доведу, 75,000 ливровъ. Я согласился. Къ несчастью, онъ умеръ на второй день путешествія“...

Этотъ бѣднякъ, достаточно богатый, чтобы заплатить 700,000 рублей за мѣсто въ саванѣ, запряженныхъ собаками,—лучшая характеристика положенія золотоискателей въ Клондейкѣ.

Ужасное положеніе клондейкскихъ золотоискателей вызвало

къ нимъ горячее сочувствіе въ ближайшихъ цивилизованныхъ странахъ, въ особенности въ Соединенныхъ Штатахъ. Парламентъ ассигновалъ значительныя суммы для снабженія ихъ съѣстными припасами; одновременно съ этимъ появились смѣлые проекты доставки ихъ къ мѣсту назначенія. Въ одномъ изъ проектовъ рекомендуется локомотивъ съ пинами, который долженъ, вонзая свои стальные зубья въ скаты горъ, подтянуть въ область ледниковъ и протолкнуть за собою цѣлый поѣздъ саней. Этотъ оригинальный—чтобы не сказать болѣе—проектъ предложенъ самымъ военнымъ статсъ-секретаремъ, сановникомъ, играющимъ въ Северо-Американскихъ Штатахъ роль министра. Забавная идея, допускающая, чтобы громоздкая паровая машина прошла тамъ, гдѣ не могутъ проработать мулы, гдѣ нани всѣ до единнаго снаряженные правительствомъ Канады олени, гдѣ единственнымъ средствомъ передвиженія служатъ собаки, способныя—увѣ!—возить только незначительныя тяжести...

Съ другой стороны извѣстно, что „Кливлендъ“, судно, отправившееся изъ Санъ-Франциско въ Санъ-Микаэль, у входа въ р. Юконъ, съ цѣлью выждать вскрытія рѣки и при первой же возможности направить вверхъ по ней, на плотахъ, свои огромные запасы продовольствія, потерпѣло крушеніе. Его замѣняли другія суда, но до конца весны нечего и надѣяться на возможность доставить припасы по назначенію. А до тѣхъ поръ быть-можетъ перемрутъ всѣ остальные жители Даусонъ-сити.

На ряду съ этими проектами интересенъ еще одинъ, о которомъ было, между прочимъ, уже указано въ упомянутой статьѣ въ *Нивѣ*, это—попытка проникнуть въ Клондейкъ по воздуху. Эта идея не такъ несбыточна, какъ кажется съ перваго взгляда. Въ портъ Джюно отправится экспедиція подъ руководствомъ инженера Варикле, занимающагося специально вопросами воздухоплаванія; она повезетъ цѣлую флотилію аэростатовъ.

Каждый шаръ подыметъ не свыше 1,000 килограммовъ пищевыхъ продуктовъ въ консервахъ, въ формѣ балласта, частью котораго, а можетъ-быть и всѣмъ безъ остатка, можетъ представиться необходимость пожертвовать въ пути. Съ точки зрѣнія практичности проектъ инженера Варикле не заслуживаетъ большого довѣрія; но если аэронавты и не смогутъ принести несчастнымъ рудокопамъ существенной матеріальной помощи, ихъ неожиданное появленіе въ Даусонѣ сможетъ однако духовно поддержать несчастныхъ, убѣдить ихъ, что очиниваться не слѣдуетъ, такъ какъ сограждане ихъ предпринимаютъ для ихъ спасенія все, что только въ состояніи измыслить человѣческій умъ. Съ этой точки зрѣнія предпріятіе не лишено извѣстнаго гуманитарнаго значенія; съ научной же, въ случаѣ успѣха, оно ознаменуетъ крупный шагъ впередъ въ области воздухоплаванія, доказавъ возможность достигать на аэростатѣ заранѣе намѣченныхъ пунктовъ.

Къ рисункамъ.

Весеннія бури, совпадающія съ равноденствіемъ (9-го марта), такъ же, какъ осеннія, отличаются большой опасностью для мориковъ. Безстрашно пускаясь въ далекое плаваніе, они ко всему должны приготовить. Они плывутъ, и вдругъ

Громадныя тучи нависли широко
Надъ моремъ и скрыли блистательный день,
И въ синюю бездну спустилась глубоко
И въ ней улеглася тяжелая тѣнь;
Но бездна морская уже неодоуеетъ,
Ей хочется свѣта, и ронщегъ она,
И скоро, могучая, встанетъ грозна,
Пространно и громко она забушеетъ“.

Такъ воспѣваетъ бурю Лышковъ, такъ рисуетъ ее и художникъ Магдесиацъ. Бѣлые чайки трепещутъ въ воздухѣ, кружась надъ гнѣвной пучиной, а вдаль—мелькаетъ „парусъ одинокій“, и волны бросаютъ корабль, какъ орѣховую скорлупу, изъ стороны въ сторону. Хорошо, если отважные путешественники оборотятся съ бурей и выйдутъ побѣдителями. Но могучая стихія бываетъ иногда безпощадна...

Въ разсказѣ Тургенева „**Конечъ Чертопханова**“ (сборникъ *Нивы* за 1898 г., т. 1, стр. 331 и 362) каждый, конечно, помнитъ двѣ сцены, полныя драматизма и послужившія темой художнику Табурину для его рисунковъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ номерѣ. Незадолго до смерти у Пантелей Еремѣича начались бѣдствія. Первое, самое чувствительное, это—разрывъ съ Машей, приписанный Чертопхановымъ молодому сосѣду, отставному уланскому ротмистру Яффу, который только тѣмъ и бралъ, что непрерывно крутилъ усы; но правильнѣе думать, что причиною была бродячая цыганская кровь Маши. Въ одинъ прекрасный вечеръ Чертопхановъ, возвратившись съ исарнаго двора, услышалъ отъ служанки, что Марія Акинѣевна велѣла имъ кланяться, а ужъ больше къ нимъ не вернуться. Онъ тотчасъ же бросился вслѣдъ за бѣглянкой, захвативъ съ собою кстаги и пистолеть, и нагналъ ее въ духъ верстахъ отъ дома, возлѣ березовой рощицы, на большой дорогѣ. Солнце стояло низко надъ небосклономъ.— „Къ Яффу!

къ Яффу!“—простоналъ Чертопхановъ, какъ только завидѣлъ Машу. Мама остановилась, бросила свой узелокъ въ сторону и скрестила руки.— „Не къ Яффу я пошла, а только съ вами я уже больше жить не могу“,—отвѣчала Мама ровню и тихо. Между ними произошелъ разговоръ, полный то извѣстныхъ, то задушевныхъ словъ. Чертопхановъ убѣждалъ ее остаться; но она не уступала. Наконецъ, онъ не выдержалъ и крикнулъ, выхвативъ пистолеть изъ кармана: „А ну какъ я тебя убью?“ Мама улыбнулась, и лицо ея оживилось.— „Что-жъ, убейте, Пантелей Еремѣичъ: въ вашей волѣ, а вернуться—я не вернусь“. — „Не вернешься?“ и Чертопхановъ завелъ курокъ.— „Не вернусь, голубчикъ. Слово мое крѣпко“. Она такъ и ушла отъ него, а онъ, закрывъ лицо руками, бросился бѣжать.

Другое бѣдствіе, постигшее Чертопханова—кража его любимаго верхового коня донской породы, Малекъ-Адели, купленнаго у Лейбы. Цѣлый годъ разыскивалъ онъ своего любимца, пока не нашелъ „на зло врагамъ и самой судьбѣ“, но въ глубинѣ души онъ не вполнѣ былъ увѣренъ, что приведенный имъ конь—дѣйствительно Малекъ-Адель. Не разъ онъ заглядывалъ ему въ глаза и нащупывалъ: „Ты ли это? Ты ли? Ты ли?“ и тутъ же себя утѣшалъ: „Да! онъ! Конечно, онъ!“. Окончательно „доухалъ“ Чертопханова разговоръ съ сыномомъ, который открылъ ему глаза.— „Слишкомъ годъ съ тѣхъ поръ протекъ, а конь вашъ, какъ тогда былъ сѣрый въ яблокахъ, такъ и теперь, даже темнѣе сталъ. Какъ же такъ? Сѣрый-то лошади въ одинъ годъ много бѣлѣютъ“. Чертопхановъ былъ сраженъ этимъ выводомъ отца-діакона и захотѣлъ покончить съ конемъ. Онъ вынулъ стаканъ водки, досталъ пистолеть, зарядилъ его и отправился на конюшню. „Вставай, ворона!“—промовлялъ онъ, толкая ложнаго Малекъ-Адели, который лежалъ на подстилкѣ. Онъ грубо повелъ послушную лошадь въ поле, къ крайнему изумленію сторожа. Ночь была свѣтлая, такъ что Чертопхановъ различалъ зубчатый очеркъ лѣса, чернѣвшаго впереди сімошнымъ пятномъ. Онъ сначала рѣшился убить коня, затѣмъ его взяла жалость и, выпустивъ поводъ, онъ пустилъ его на всѣ четыре стороны и побрѣлъ домой. Вдругъ кто-то толкнулъ его сзади, между плечъ. Онъ оглянулся... Малекъ-Адель стоялъ впереди дороги.— „А!“—за-

кричалъ Чертопхановъ: — „ты самъ, самъ за смертью пришелъ! Такъ на же!“ Онъ выхватилъ пистолетъ, приставилъ дуло ко лбу лошади и выстрѣлилъ. Та шарахнулась въ сторону, завплась на дыбы и захрипѣла, судорожно валяясь по землѣ. Чертопхановъ зажалъ себѣ уши и побѣждалъ. Кольна подгибались подъ нимъ. Осталось чувство стыда да сознание, что на этотъ разъ онъ и съ собой покончилъ.

Присоединеніе сиро-халдейскихъ несторіанъ къ православной церкви.

(Съ группою главнѣйшихъ дѣятелей.)

25-го марта, въ праздникъ Благовѣщенія, въ Александро-Невской лаврѣ въ Петербургѣ состоялось выдающееся цер-

марь шимона. Первоначально онъ жилъ въ Курдистанѣ, близъ Джюламарка, но послѣ избиенія несторіанъ курдами онъ удалился въ 1846 г. въ Урмію.

Обращеніемъ несторіанъ давно уже занимаются англійскіе и американскіе миссіонеры, но почти безуспѣшно. Несторіане, въ особенности часть ихъ — сиро-халдеи, живущіе въ горахъ Персіи, давно уже тяготѣли къ православію, и въ 1859 г. съ ними уже начались переговоры о воссоединеніи ихъ, но только теперь, почти черезъ 40 лѣтъ, переговоры увѣнчались успѣхомъ.

25-го марта, уже съ ранняго утра царилъ большое оживленіе у Александро-Невской лавры. Весь храмъ, въ которомъ должно было произойти торжество, былъ переполненъ народомъ, который толпился и вокругъ собора, желая хотя бы взглянуть на своихъ новыхъ братьевъ во вѣрѣ.

Священникъ о. Георгій Беджіановъ. Діаконъ Яковъ Бабахановъ. Священникъ о. Сергій.
Ханъ Юсуфъ Арсеніосъ. Протоіерей о. Синадскій. Епископъ Іона. Архимандритъ Ілія. Священникъ о. Давидъ Веніаминъ.

Присоединеніе сиро-халдейскихъ несторіанъ къ православной церкви. Главнѣйшіе дѣятели.

Съ фот. Здобнова автотип. „Нива“.

ковное торжество — присоединеніе къ православію сиро-халдейскихъ несторіанъ съ епископомъ сулуганскимъ и митрополитомъ урмійскимъ Маръ-Іоной во главѣ. Паства епископа Маръ-Іоны достигла, по приблизительному исчисленію, 15,000 человекъ и живетъ въ Персіи.

Христіанская секта несторіанъ, созданная Несторіемъ, бывшимъ съ 428 по 431 гг. константинопольскимъ патриархомъ, придерживается еретическаго ученія о нравственномъ только соединеніи въ Иисусѣ Христѣ двухъ естествъ (божескаго и человѣческаго). Несторіане принимаютъ три таинства: крещеніе, причащеніе и елеосвященіе, и исходи изъ своего еретическаго ученія о естествѣ Христа, называютъ Пресвитую Дѣву Марію Христородницею, а не Богородицей.

Секта эта особенно распространилась въ Персіи, гдѣ въ 489 г. основана была халдейская церковь, а также въ Ост-Индіи и Аравіи. Въ настоящее время большая часть несторіанъ живетъ въ Малой Азіи, гдѣ составляетъ особое населеніе по обѣимъ сторонамъ хребта, отдѣляющаго Турцію отъ Персіи, главнымъ образомъ въ турецкой половинѣ Курдистана. Во главѣ несторіанъ находится патриархъ, носящій титулъ

Въ 9½ час. въ соборъ вошелъ преосвященный Іоаннъ, епископъ парвскій (ректоръ петербургской духовной академіи); за нимъ вошли въ храмъ и стали въ притворѣ сиро-халдейскіе — епископъ Іона, архимандритъ Ілія, священники Георгій и Сергій и діаконъ. Всѣ они были уже въ одеждѣ нашего духовенства — въ рясахъ темнаго цвѣта; епископъ Іона былъ въ синей рясѣ.

Открылись Царскія врата, и изъ нихъ вышелъ, окруженный клиромъ, высокопреосвященный Палладій съ двумя своими викаріями и соборомъ архимандритовъ и іеромонаховъ. Митрополитъ іерархъ, дойдя до притвора, сталъ противъ епископа Іоны и спросилъ его: „Хочешь ли отречься погрѣшеній и неправостей несторіанскаго вѣроисповѣданія? Хочешь ли прійти въ соединеніе вѣры православнаго католическаго?“ На оба вопрошенія послѣдовалъ отвѣтъ: „хочу“. Потомъ митрополитъ, выслушавъ ихъ отреченіе, подалъ края своего алофора епископу съ словами: „Вниди въ церковь православную“ и повелъ епископа и священниковъ въ церковь къ амвону, гдѣ на аналоѣ лежали крестъ и евангеліе. У амвона послѣ установленныхъ молитвъ епископъ прочиталъ обѣщаніе блюсти вѣру православно-католическую и поцѣловалъ крестъ и евангеліе; ми-

трополитъ прочиталъ надъ новоприсоединяемыми разръшительную молитву и на солеѣ возложилъ на епископа архіерейскую мантию, драгоценные крестъ и павагію и клобукъ, а на священниковъ — наперсные кресты, и пригласилъ ихъ войти Царскими вратами въ алтарь и поклониться Престолу Господню. Въ алтарь привѣтствовали новопріобщенныхъ къ православію митрополитъ московскій Владимиръ и сонмъ архіереевъ въ мантияхъ. Въ алтарь же епископъ Іона и прочіе архіереи облачились къ литургии въ бѣлыя ризы. Во время малаго выхода съ евангелиемъ митрополитъ Палладій благословилъ священника Синадскаго, миссіонера, дѣйствовавшаго въ сиро-халдейской странѣ, въ санъ протоіерея и возложилъ на него камилавку, а епископъ Іона возложилъ на своего архимандрита Ілію митру. Послѣ великаго выхода, новый православный епископъ Іона благословилъ народъ трикириемъ и дикириемъ. За литургією слѣдовалъ молебенъ Спасителю и Божіей Матери.

Затѣмъ въ лаврѣ состоялась братская трапеза, передъ началомъ которой товарищъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода В. К. Саблеръ громкогласно прочиталъ милостивое поощрѣніе Государа Императора новоприсоединеннымъ въ лоно православной церкви.

Въ заключеніе даемъ краткія біографическія свѣдѣнія о новоприсоединенныхъ и лицахъ, содѣйствовавшихъ присоединенію несторіанъ къ православію.

Епископъ сунгурскій, митрополитъ Урмійскій Іона (Маръ-Іонанъ) имѣетъ отъ патріарха (маръ-шимона) Рувима грамоту на званіе митрополита всѣхъ несторіанъ. Пресвященный говоритъ на сиро-халдейскомъ, англійскомъ, турецкомъ, персидскомъ и еврейскомъ языкахъ; по-русски же не говоритъ. Епископъ Іона имѣетъ огромное влияние на свой народъ, такъ какъ кромѣ церковныхъ дѣлъ онъ входитъ и въ дѣла гражданскія, а именно всѣ дѣла, подвѣдомственные у насъ мировымъ судьямъ, рѣшаются имъ и на апелляцію восходятъ только къ персидскому правительству. Епископъ Іона былъ уже разъ въ С.-Петербургѣ, въ 1882 г., по тому же дѣлу присоединенія къ православію.

До 1896 г. въ Урміи существовало двѣ епископіи: аргиншайская и сунгурская; въ настоящее время аргиншайская вакантна, такъ какъ бывшій епископъ Маръ-Гавріилъ, во время побѣдки своей изъ Персіи въ Курдистанъ, къ патріарху, былъ звѣрски убитъ на персидско-турецкой границѣ, а съ нимъ вмѣстѣ были убиты 14 человекъ, составлявшихъ его свиту.

Всѣхъ несторіанъ—сиро-халдеевъ числится около 60 тысячъ, которые сосредоточены исключительно въ Урмійской области.

Къ западу отъ Урмійскаго озера, за цѣпью довольно возвышенныхъ горъ Курдистана, проживаетъ еще до 400 тысячъ сиро-халдеевъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ воссоединенія съ православіемъ.

Архимандритъ Ілія Маръ-Абраамовъ, 40 лѣтъ, получилъ священство только два года тому назадъ. Онъ окончилъ семинарію въ г. Урміи и три года учился въ коллегіи въ Нью-Йоркѣ; онъ говоритъ на англійскомъ, персидскомъ, турецкомъ, сирійскомъ и еврейскомъ языкахъ; по-русски же не говоритъ.

Изъ семейства Абраамовыхъ уже насчитывается 12 епископовъ несторіанскому закону, санъ епископа переходитъ изъ рода въ родъ, по выбору же епископъ назначенъ быть не можетъ.

Священникъ прихода Абджалу, Назлучайскаго уѣзда, въ Урміи, въ провинціи Азербайджана, *о. Сергій* произнесъ отреченіе, какъ переводчикъ, на церковно-славянскомъ языкѣ отъ лица епископа Маръ-Іонана.

Священникъ прихода с. Ада *о. Георгій Беджіановъ*, 31 года, учился, въ Урміи, въ среднемъ католическомъ училищѣ 8 лѣтъ, хорошо говоритъ, пишетъ и читаетъ по-русски, знаетъ сирійскій и турецкій языки. *о. Георгій* рукоположенъ въ диаконы епископомъ Іоною, и въ этомъ санѣ состоялъ 10 лѣтъ; три года тому назадъ онъ поставленъ епископомъ Іоною въ священники.

Православный священникъ прихода Кесси, Назлучайскаго уѣзда, въ Урміи, *о. Давидъ Веніаминъ* принялъ православіе 15 лѣтъ тому назадъ и оставленъ въ настоящемъ своемъ санѣ; знаетъ русскій и церковно-славянскій языки; ранѣе былъ священникомъ въ г. Луганскѣ.

Діаконъ Яковъ Веніаминовичъ Бабахановъ, 45 лѣтъ, учился въ Персіи 8 лѣтъ, въ среднемъ духовномъ училищѣ и 3 года

въ американской миссіонерской семинаріи въ Урміи. Рукоположеніе его въ диаконы состоялось въ 1887 г. Діаконъ Бабахановъ знаетъ шесть языковъ: русскій, нѣмецкій, персидскій, турецкій, сиро-халдейскій и еврейско-тергумскій.

Юсуфъ Арсеніосъ-ханъ, представитель всего сиро-халдейскаго народа, имѣющій уполномочіе отъ маръ-шимона Рувима—патріарха всѣхъ несторіанъ; говоритъ на 12-ти языкахъ.

Миссіонеры и настоятель эриванскаго Покровскаго собора протоіерей *Викторъ Михайловичъ Синадскій* былъ въ командировкѣ 8 лѣтъ; его замѣнитъ постоянный миссіонеръ іеромонахъ Теофилактъ, окончившій курсъ въ харьковскомъ университетѣ по филологическому факультету и заканчивающій въ настоящее время свое богословское образованіе въ с.-петербургской духовной академіи.

О. Александръ Лебедевъ. (Портр. на этой стр.)

23-го марта скончался одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей петербургскаго духовенства, настоятель казанскаго собора протоіерей о. Александръ Лебедевъ.

О. Александръ — уроженецъ Московской губерніи, сынъ священника; первоначальное образованіе онъ получилъ въ

Венанской семинаріи, близъ Тронце-Сергіевой лавры; высшее же богословское образованіе—въ московской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ со степенью магистра богословія. Въ 1864 году онъ былъ рукоположенъ во священника къ церкви штурманскаго кронштадтскаго училища, гдѣ занялъ должность законоучителя и преподавателя русскаго языка. Здѣсь впервые о. Александръ проявилъ свои выдающіяся педагогическія способности и вскорѣ снискалъ себѣ глубокое уваженіе и горячую любовь своихъ учениковъ, дѣлвшихъ въ немъ не только талантливаго преподавателя, но и сердечнаго наставника, отзывчиваго къ духовнымъ запросамъ и нуждамъ учащейся молодежи. Обладая отъ природы доброю душою и мягкимъ характеромъ, покойный былъ любящимъ начальствомъ и сослуживцами-преподавателями. Независимо отъ преподавательскихъ обязанностей по штурманскому училищу, о. Александръ два лѣта провелъ въ плаваніи съ кадетами морского корпуса, въ качествѣ священнослужителя и преподавателя.

Изъ Кронштадта о. Александръ переведенъ былъ въ Петербургъ и занялъ должность законоучителя въ 1-й классической гимназіи, гдѣ пробылъ 4 года, пользуясь все время любовью и уваженіемъ какъ учениковъ, такъ и товарищей.

Въ 1874 году, послѣ десятилѣтней педагогической дѣятельности, о. Александръ оставилъ Петербургъ. Ему предложено было мѣсто настоятеля новостроенной церкви въ г. Прагѣ, въ Богеміи, гдѣ онъ и пробылъ до 1882 года, при чемъ въ лѣтніе мѣсяцы ему поручалось совершать богослуженіе въ руской православной церкви въ г. Карлсбадѣ, гдѣ такъ же, какъ и въ Прагѣ, о. Александръ удѣлялъ свободные отъ службы часы преподавательской дѣятельности въ русскія семейства.

Въ 1882 году о. Александръ снова и уже до конца дней своихъ поселился въ Петербургѣ. Тутъ ему первоначально предложено было мѣсто приходскаго священника при церкви Вознесенія Господня, а съ 28-го декабря 1883 г., по кончинѣ протоіерея о. Александра (Булакова), онъ занялъ выдающіеся священнической постъ настоятеля Казанскаго собора, гдѣ съ первыхъ же дней своею отзывчивостью къ каждому доброму дѣлу, строгимъ исполненіемъ настоящихъ обязанностей и ревностнымъ усердіемъ къ благолѣпію и украшенію святаго храма привлекъ къ себѣ сердца прихожанъ.

Въ его церковно-административной дѣятельности нельзя не отмѣтить, какъ на особенно выдающіяся заслуги, что подъ его руководствомъ образовано было благотворительное приходское общество для призрѣнія престарѣлыхъ, улучшенъ и увеличенъ соборный хоръ пѣвчихъ, организовано дѣло преподаванія въ школахъ для малолѣтнихъ мальчиковъ-пѣвчихъ. Кромѣ этихъ его трудовъ на пользу духовно-учебнаго дѣла и благотворительности, стараніями покойнаго настоятеля, близо принимавшаго къ сердцу украшеніе Казанскаго собора, былъ произведенъ рядъ капитальныхъ работъ для обновленія собора, устроены серебряный престолъ въ главномъ алтарѣ собора и проч.

Покойный постоянно дѣлалъ мысль о постройкѣ при Казанскомъ соборѣ особой колокольни въ соотвѣствующихъ величественному храму размѣрахъ и съ подobaющими одному изъ первыхъ въ Россіи храмовъ подбору колоколовъ. Смерть помѣшала ему привести эту мысль въ исполненіе.

О Александръ Лебедевъ († 23-го марта 1898 г.)
Съ фот. Здобнова автотипія „Нива“.

Кромѣ исполненія пастырскихъ обязанностей во многихъ благотворительныхъ обществахъ, о. Александръ принималъ, на правахъ члена, дѣятельное участіе въ работахъ училищнаго комитета, состоящаго при св. Синодѣ, а также состоялъ старшимъ попечителемъ епархіальнаго попечительства и председателемъ приходскаго благотворительнаго общества.

Изъ литературныхъ трудовъ его укажемъ на прекрасную книгу, выдержавшую три изданія: „Житіе святителя Тихона епископа воронежскаго, задонскаго Чудотворца“, а также на книги: „Очерки истории христіанской церкви“, „О главенствѣ Папы и непогрѣшимости его“, „Изложеніе православной вѣры“ и т. д.

Выставка художественно-ремесленныхъ и кустарныхъ издѣлій.

(Рис. на этой стр.)

22-го февраля открылась въ Петербургѣ, въ присутствіи многихъ высокопоставленныхъ лицъ, выставка художественно-ремесленныхъ и кустарныхъ издѣлій, устроенная с.-петербургскимъ комитетомъ общества Краснаго Креста.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію этой симпатичной по своимъ дѣламъ и интересной по содержанію и изящному виду выставки, необходимо сказать нѣсколько словъ о компи-

наго званія, торжественное открытіе которой состоялось 11-го іюня 1896 года.

„Всѣмъ извѣстно,—сказалъ бар. Буксгевденъ въ рѣчи, произнесенной при открытіи дѣйствій комитета:—какъ бываетъ зачастую трудно достать работу нуждающемуся здоровому человеку, какъ же получить ее почти невозможно. Приходить на помощь такимъ несчастнымъ и есть задача общества. Въ

Выставка художественно-ремесленныхъ и кустарныхъ издѣлій. Работа калѣкъ. Съ фот. К. Булла автотипія „Нивы“.

тетѣ, ее устроившемъ, тѣмъ болѣе, что объ этомъ новомъ благотворительномъ обществѣ въ печати болѣе или менѣе подробно еще не говорилось.

Въ декабрѣ 1895 г. главнымъ управленіемъ россійскаго общества Краснаго Креста было разрѣшено учрежденіе новаго, — организованнаго по почину княгини М. А. Лобановой-Ростовской, и при содѣйствіи т. с. барона О. О. Буксгевдена и фрейлины М. Ѳ. Головиной, — комитета общества, официально именующагося „С.-Петербургскимъ комитетомъ россійскаго общества Краснаго Креста для оказанія помощи увѣчнымъ воинскимъ чинамъ и ихъ семействамъ“. Главнѣйшая цѣль новаго учрежденія — оказывать возможную во всѣхъ видахъ помощь увѣчнымъ отставнымъ и запаснымъ воинскимъ чинамъ и ихъ семействамъ, ходатайствовать объ увѣчныхъ воинахъ въ случаѣ нравъ ихъ на пенсію, пособіе, прирѣвніе и заботиться объ облегченіи судьбы несчастныхъ калѣкъ.

Предсѣдательницей комитета съ момента его учрежденія состоитъ княгиня М. А. Лобанова-Ростовская. Принять на себя званіе почетныхъ членовъ комитета милостиво изъявили свое согласіе: Е. В. принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская, Е. В. принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій и Е. В. герцогъ Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій.

Новый комитетъ началъ свою дѣятельность учрежденіемъ первой въ Россіи ремесленной школы-пріюта для калѣкъ воен-

Даніи (Копенгагенѣ) и Финляндіи (Гельсингфорсѣ) несчастнымъ калѣкамъ безъ рукъ или безъ ногъ предоставлена возможность работать: здѣсь уже давно существуютъ пріюты для нихъ, снабженные необходимыми машинами и приспособленіями для работы прирѣваемыхъ. Нужно видѣть лично тотъ восторгъ, какой проявляетъ калѣка, когда онъ впервые видитъ плоды своей работы, чтобы понять все настоящее значеніе и насущную необходимость въ подобныхъ школахъ-пріютахъ. Сознаніе, что жизнь его теперь можетъ протекать не въ тягость, а съ пользою для ближнихъ, наполняетъ глубоко радостью сердце убогаго“.

Предоставивъ несчастнымъ калѣкамъ возможность посильно работать, новый комитетъ тѣмъ самымъ исполняетъ одну изъ существенныхъ задачъ истинно-христіанской благотворительности.

Молодое учрежденіе на первыхъ же шагахъ своей зарождающейся дѣятельности встрѣчено весьма сочувственно многими благотворителями. Первая денежная лѣта на нужды комитета поступила отъ отца Иоанна Сергіева (Кронштадтскаго). Свое денежное пожертвованіе, въ размѣрѣ 100 рублей, высокочтимый пастырь препроводилъ при глубокосочувственномъ письмѣ, въ которомъ онъ даетъ свое благословеніе комитету и желаетъ ему широкаго успѣха въ полезной дѣятельности.

Самая же существенная помощь оказана покойнымъ с. с.

А. Л. Кенжымъ, предоставившимъ отъ своего имени въ безвозмездное пользованіе комитета помѣщеніе на 24 человѣка съ продовольствіемъ, освѣщеніемъ и отопленіемъ, въ своемъ домѣ въ Галеріи Гавани, на Маломъ проспектѣ. Въ этомъ же домѣ жертвователемъ отведено помѣщеніе для устройства мастерскихъ „Школы-пріюта для калѣкъ“.

Облегчая тяжкую судьбу калѣкъ, новый комитетъ общества Краснаго Креста чутко относится къ нуждамъ и вообще несчастныхъ, немощныхъ и обездоленныхъ и своевременно приходитъ къ нимъ на помощь.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года Петербургъ постигло ужасное, памятное всѣмъ, наводненіе, причинившее всего болѣе бѣды жителямъ низменныхъ частей столицы, т.-е. Гавани и Васильевского острова.

Многo бѣдныхъ семей пострадало въ это наводненіе, многіе лишились крова, имущества, многіе потеряли здоровье, но всего болѣе страдали въ эти ужасные, бурные дни—дѣти. Для ихъ хрупкихъ организмовъ наиболѣе чувствительнo было лишенеіе пищи, теплаго угла...

И вотъ новый комитетъ, движимый Евангельскими заветами, переданными Великимъ Учителемъ, приходитъ на помощь пострадавшимъ „малымъ сиротамъ“.

Въ Гавани, тотчасъ же послѣ наводненія, учреждается комитетомъ, при содѣйствіи главнаго управленія общества Краснаго Креста, „временной пріютъ для дѣтей гаванскихъ жителей, пострадавшихъ отъ наводненія“.

Учрежденный лишь на время, пріютъ, заботами комитета и постоянными субсидіями отъ главнаго управленія существуетъ и до сего времени, давая пищу, теплое и чистое помѣщеніе болѣе чѣмъ 40 ребятишкамъ.

Наконецъ, тѣмъ же комитетомъ учреждены и 1-го декабря прошлаго года торжественно открыты новые подготовительные медицинскіе курсы для организации „Института Братьевъ Милосердія“. Цѣль новаго института подготовить слушателей къ подаію первой медицинской помощи до прибытія врача при различныхъ несчастныхъ случаяхъ.

Такова въ общихъ чертахъ крайне симпатичная дѣятельность новаго комитета общества Краснаго Креста. Дѣятельность еще непродолжительная, начавшаяся всего лишь съ января 1896 года, но полная содержанія и разумной цѣлесообразности.

Приступая къ описанію „Выставки художественно-ремесленныхъ и кустарныхъ издѣлій“, прежде всего необходимо выразить цѣль ея устройства.

Здѣсь мы позволимъ себѣ привести слова Августѣйшаго покровителя выставки Е. В. герцога Михаила Георгіевича Мекленбург-Стрелицкаго, сказанныя при открытіи выставки и лучше всего характеризующія ея симпатичную цѣль.

Его Высочество сказалъ слѣдующее: „Высочайшее разрѣшенная выставка художественно-ремесленныхъ и кустарныхъ издѣлій имѣетъ цѣлью ознакомить посетителей выставки съ благими результатами, достигнутыми с.-петербургскимъ комитетомъ общества „Краснаго Креста“ для оказанія помощи увѣчнымъ вопиющимъ чинамъ, въ дѣлѣ обученія калѣкъ ремесленному труду въ школахъ комитета. Знакомство съ произведеніями труда увѣчныхъ, обучавшихся полтора года въ этой школѣ, можетъ вызвать дальнѣйшее развитіе подобнаго стре-

млениа придти на помощь некалѣченнымъ разными несчастными случаями не только въ военномъ, но и въ гражданскомъ быту, такъ напр., среди служившихъ на желѣзныхъ дорогахъ, среди рабочихъ на заводахъ и фабрикахъ и т. п. Способомъ обученія, практикующимся въ пріютъ-школѣ сиб. комитета общества „Краснаго Креста“, могли бы быть возвращаемы производительному труду не мало силъ, обреченныхъ нынѣ на бездѣтельную и бесполезную жизнь, тигостную для семьи и общества. Если открывающаяся сегодня выставка принесетъ въ этомъ отношеніи хотя малую долю пользы, то дѣль ея была бы уже достигнута. Но, кромѣ того, давая возможность знакомиться съ издѣліями художествъ, ремеслъ и кустарныхъ промысловъ изъ многихъ мѣстностей Россіи, выставка будетъ служить вообще дѣльямъ развитія въ Имперіи художественно-промышленнаго труда“.

Такова цѣль описываемой выставки; къ этому должно еще прибавить, что весь сборъ съ выставки всецѣло пойдетъ на улучшеніе и расширеніе „Школы-пріюта для калѣкъ“. Такимъ образомъ выставка съ одной стороны даетъ возможность популяризировать результаты труда калѣкъ, а съ другой—оставитъ это доброе дѣло гораздо шире и всестороннѣе.

Гвоздемъ выставки являются мастерскія калѣкъ и ихъ издѣлія, размѣненные въ 2-хъ комнатахъ. Въ школѣ-пріютѣ подъ руководствомъ опытныхъ лицъ обучаютъ: рѣзбѣ по дереву, плетенію стульевъ, щеголчому мастерству, изготовленію различныхъ издѣлій изъ баста (заграничная трава), камыша и бамбука, затѣмъ мастерствамъ: портняжному, столярному и переплетному. Образцы работъ калѣкъ настолько чисто и перѣдно изящно сдѣланы, что ничуть не уступаютъ работамъ вполнѣ здоровыхъ и профессиональныхъ мастеровъ.

Самый интересный и наиболѣе содержательный отдѣлъ—такъ-называемый *научный*. Здѣсь находимъ прекрасно исполненные образцы ремеслъ: столярнаго, слесарнаго и кузнечнаго и большіе, усовершенствованные токарные станки, изготовленные учениками ремесленнаго училища Императорскаго русскаго технического общества; затѣмъ—образцы различныхъ руководѣлій и изящныхъ работъ „Профессиональной школы для образованныхъ женщинъ А. Проконе“. Кромѣ того, есть отдѣлы издѣлій изъ волокнистыхъ веществъ, изъ металловъ, камней, стекла, бумажной массы, кости, черепахи, рога, янтаря и т. д.

Такова въ общихъ чертахъ „Выставка художественно-ремесленныхъ и кустарныхъ издѣлій“, устроенная съ благотворительной цѣлью с.-петербургскимъ комитетомъ общества Краснаго Креста, на призывъ котораго дружно откликнулись фабриканты, ремесленники и кустари съ различныхъ концовъ нашей обширной матушки-Россіи. Всего экспонентовъ на выставкѣ было около 300 человѣкъ.

Въ заключеніе, желая отъ души полного успѣха новому комитету общества Краснаго Креста въ его полезной и гуманной дѣятельности, позволимъ себѣ выразить увѣренность на сочувствіе и содѣйствіе его дѣльямъ со стороны прессы и русскаго общества, всегда съ полною готовностью приходившихъ на помощь всякому благу начинанію, а въ особенности учрежденіямъ, преслѣдующимъ высокохристіанскую цѣль подачі помощи бѣднымъ, больнымъ и увѣчнымъ.

П. Н. К.—.

Разныя извѣстія.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* 28-го марта опубликованы слѣдующія двѣ телеграммы, имѣющія выдающееся политическое значеніе:

Телеграмма министра иностранныхъ дѣлъ къ російскому повременному съ дѣлахъ въ Пекинѣ отъ 15-го марта 1898 г.

„По Высочайшему повелѣнію вамъ поручается сообщить его величеству богдыхану нижеслѣдующее привѣтствіе Его Императорскаго Величества: „Съ искреннимъ удовольствіемъ освѣдомились Мы отъ Нашего уполномоченнаго о мудромъ рѣшеніи вашего величества, въ силу коего министрамъ Цзунъ-Ли-Имыня повелѣно было подписать соглашеніе объ уступкѣ въ пользованіе Россіи портовъ Артура и Талияваня съ надлежащими территоріею и воднымъ пространствомъ, а равно и о предоставленіи концессіи на соединительную желѣзнодорожную вѣтвь отъ порта Артура къ сибирской магистраліи.“

„Соглашенію этому Мы придаемъ великое историческое значеніе, ибо оно несомнѣнно послужитъ къ вѣчному скрѣпленію дружественныхъ узъ, исконы вѣковъ существовавшихъ между Нашими обширными сосѣдними Имперіями, и такъ явно соотвѣтствуетъ интересамъ обоихъ Государствъ. Отъ всего сердца привѣтствуемъ ваше величество и желаемъ вамъ счастливаго царствованія“.

Телеграмма російскаго повременнаго съ дѣлахъ въ Пекинѣ на имя министра иностранныхъ дѣлъ отъ 24-го марта 1898 года.

„Торжественная аудіенція состоялась сегодня. И

былъ допущенъ, въ отличіе отъ всѣхъ прежнихъ аудіенцій, войти на ступени трона, чтобы передать непосредственно изъ рукъ въ руки его величеству телеграмму Государя Императора. Принимая изъ моихъ рукъ телеграмму, богдыханъ привѣсталъ съ треною. По прочтеніи мною вслухъ текста телеграммы, богдыханъ отвѣтилъ слѣдующей рѣчью: „Я чрезвычайно обрадованъ глубоко дружественной телеграммой Его Величества. Болѣе чѣмъ 200-лѣтняя искренняя дружба нашихъ двухъ Государствъ, въ послѣднее время вновь подтвержденная союзнымъ договоромъ, отнынѣ еще болѣе укрѣпится. Искренняя дружба и общность взаимныхъ интересовъ будутъ служить на благо обоихъ народовъ. Прошу васъ, г. уполномоченный, по телеграфу довести эти слова до Его Императорскаго Величества вмѣстѣ съ моимъ сердечнымъ привѣтствіемъ“.

— Высочайше повелѣно: въ виду приближенія соотой годовщины со времени смерти великаго нашего полководца генералиссимуса князя Италійскаго, графа Суворова-Рымническаго (6-го мая 1900 года), для увѣковѣченія памяти о славныхъ подвигахъ его, открытъ нынѣ же повсемѣстно по Имперіи, а также и въ войскахъ добровольную подписку для сбора пожертвованій съ цѣлью сооруженія памятника князю Суворову, или созданія музея его имени.

— На постъ почетнаго члена московскаго учебнаго округа, сдѣлавшаго вакантнымъ постъ назначенія Н. П. Богодѣлова управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, назначенъ ректоръ москов-

скаго университета докторъ чистой математики т. с. Некрасовъ; ректоромъ же московскаго университета назначенъ на четыре года исправляющій должность помощника ректора и ординарнаго профессора университета, магистръ государственнаго права, д. с. с. Звѣревъ.

— Нижегородская благотворительница г-жа М. А. Бочкарева подписала нотариальное духовное завѣщаніе, по которому назначаетъ городу 200 тысячъ рублей на устройство богадѣльни для слѣпыхъ съ амбулаторіей и училищемъ, а на содержаніе богадѣльни назначаетъ доходы съ домовъ въ городѣ и на ярмаркѣ, поступающихъ по завѣщанію къ городскому управленію. Кромѣ того, завѣщаніе капиталъ въ 25 тысячъ рублей, изъ процентовъ котораго ежегодно должны раздаваться пособія на приравне бѣднымъ невестамъ.

— Скончавшаяся въ Одессѣ отставной капитанъ-лейтенантъ Н. Ф. Бредихинъ завѣщалъ 50,000 руб. съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала выдавались обществу, цѣль котораго должна заключаться въ призрѣніи исключительно малолѣтнихъ дѣтей не старше 10 лѣтъ, замѣченныхъ на улицѣ въ прошеніи милостыни.

— А. Ф. Морозовъ внесъ 20,000 р. на содержаніе въ городѣ Бійскѣ женской прогимназіи, для которой на его же средства уже устроенъ отдѣльный домъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой подписной платы за „Ниву“ 1898 г., озботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подъ которою получается ими „Нива“.

СКЛАДЫ ЧАЕВЪ
И. Е. ДУБИНИНА
 МОСКВА
 ПЕТРОВКА А. ТАЖЕЛОВА.

Подробное объявление смотри №№ *Нивы* 4 и 11 с. г. Требуется безплатно присылать курантъ.

ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРИИ
 скоро и основательно изуч. всякаго посред. переп., вполнѣ замѣн. устное препода. Услов. эмс. безпл. А. П. Бобырь. Киевъ, Рейтарск. 23

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться писемно: Банкирскій домъ Генрихъ Блонкъ. С.-Петербургъ, 59, Невскій.

КРАСИВО И СКОРО ПИСАТЬ
 изучаю каждого заочно въ 8 урокъ. Масса благод. и почт. отг. Проби. письмо, образцы искр. почерк. учен. и услов. высл. за 2-7 к. марки. Одесса, Дерибас., д. Ж. П. № 17. Проф. каллиграфія Ш. Ируку.

КУМЫСО-ЛЪЧЕВНИЦА.
 Кумысь съ козлячь. Подробн. свидѣнія: Самара, Др. Постникову.

ГИЛЬЗОВЫЯ
 машинъ съ оргин. домыш., проти. конструкц. для табачн. и гильз. фабрикъ. Фабр. въ Моршанскѣ П. Курицына. Складъ: Москва, торг. д. Лапкинъ и Соснѣ, Варшавка, Сибирское пода.

Эссенція для завивки волосъ ГРАЦЮЗА.
 Самые красивые и натуральные локоны получаютъ посредствомъ этой эссенціи, сохраняющей эластичность и прочность завитыхъ локоновъ, и неизмѣняющіе свой видъ ни отъ потѣнн, ни отъ сырости погоды.
 Флаконъ 60 к. и 1 р., съ пересмакою 1 р. и 1 р. 40 к. Въ Азіатскую Россію по разстоянію. Ц. № 11114
 складъ техно-химическихъ специальностей А. ГЕБГАРДА. С.-Петербургъ, Невскій пр., № 96-14, уг. Надеждинской.

ВОЗВРАТЯСЯ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ
 обучаю заочно кройкѣ и шитью по новейшей французской методѣ «ВОРТА».
 Плата впередъ не взимается. По окончаніи установлены, свидѣтельство. Условія высл. являются безплатно.
 Киевъ, Фундуклевская № 27.
 Е. Д. Ашмарина.

БЕЗПЛАТНО ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ ОБУЧАЮ ЗАОЧНО КРОЙКЪ и ШИТЬЮ.
 Доступная плата. Условія высылаются немедленно.
 Москва, Малая Дворянская, д. Баякина.
Е. И. Венедиктовой.

КАРАМЕЛЬ
 изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ
„КЕТТИ БОССЪ“
 Б. Семадени въ Киевѣ.
 Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп.
 Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕЙЦЕЛЯ. С.-Петербургъ, Гороховая ул., 31.
 Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 12-11

СУЩЕСТВ. СЪ 1850Г.
ТУРБИНЫ ВОДЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ
 съ РЕГУЛИРОВАНІЕМЪ.
 ВЫГОДНѢЙШАЯ ЗАМѢНА ВОДЯНЫХЪ КОЛЕСЪ!
ДЖЕМСЪ ЛЕФФЕЛЯ
 отъ 3 до 6000 силъ
 ДЖЕМСЪ ЛЕФФЕЛЬ № 1 ИЗВѢСТНѢЙШІЙ ТУРБИНО СТЪ ЗАВОДЪ АМЕРИКИ. КОНТОРА СКАДЪ ТУРБИНЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ 97
В. ЖУКОВСКІЙ.

ТВОИМЪ ШОКОЛАДЪ КАКАО
 ВЕЗДѢ

ВОДОЛЕЧЕБНИЦА — ТАГАНРОГЪ
 вр. Диварисъ и Гордонъ.
 Лѣченіе первичныхъ и хроническихъ болязней. Усовершенств. души, ванны электрич., сѣрныя, углекислыя; массажъ. — Большой парк, пансіонъ, кумысь, дѣтвмъ музика. № 11021 Функциониреть круглый годъ. Проспекты безплатно. 5-8

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES
 des RR. PP.
BÉNÉDICTINS
 DE l'Abbaye de Soulas,
 Dom MAQUERLONNE, Prieur.
 Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS : SEGUIN, BORDEAUX.
 Maison fondée en 1807.
 VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.
 MAISON à PARIS, 28, Rue d'Enghien.

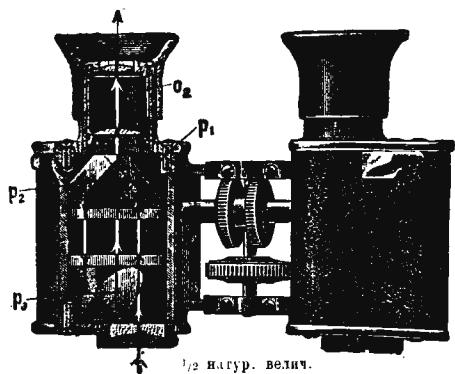
Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое издание
Ф. ПАВЛЕНКОВА:
МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА
 Гавеллокъ Элиса.
 Перев. съ англ. А. Николаева и И. Шмура. СПб. 1898 г. 320 стр. съ рис. Ц. 1 р.

№ 4711. Кто любитъ запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“ (Violette du Rhin.)
 Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не выдыхающійся.
 № 4711 Savon violette du rhin.
 № 4711 Sachets violette du rhin.
 Все одинокоего превосходнаго качества.
 Продается во всѣхъ парфюмер и аптекарскихъ магазинахъ

СПЕЦИАЛЬНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
„ПОДЪСПАНЬ“ „КАПРИЗЪ НЕВЫ“ „МЮСКЪ“ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА
 СВОИМИ ПРЕКРАСНЫМИ ДОСТОИТЕЛЬСТВАМИ ЗАСЛУЖИЛИ ПОЛНОЕ ОДОБРЕНІЕ СО СТОРОНЫ МНОГОЧИСЛЕННЫХЪ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
 ГЛАВНЫЕ СКЛАДЫ: С. ПЕТЕРБУРГЪ КОЛОМЕНСКАЯ 12, МОСКВА ИЛИНСКАЯ ДУБОВЫХЪ ВАРШАВА ШИММЕРСДОРФЪ

САРАТОВСКІЯ САРПИНКИ
 ИЗЯЩНАЯ ЛЕГКАЯ ТКАНЬ ДЛЯ ПЛАТЬЕВЪ и ВѢШЬ.
 Образцы — 337 рисунковъ — въ Альбомѣ
 высылаются за 50 к. почтов. марками. Фабриканты, торговый домъ А. БЕНДЕРЪ съ С-ми и В. БЕНДЕРЪ. МОСКВА, ПЕТРОВКА.
 на ЛѢТО 1898 года.

НОВЫЕ БИНОКЛИ ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЕ TRIEDER-BINOCLE

1/2 натур. велич.

„Бинокли-Триедеръ“ значительно превосходятъ все до сихъ поръ употребляемые бинокли (театральные, полевые и пр.), увеличивая, при одинаковомъ съ ними полѣ зрѣнія, въ 8—10 разъ сильнѣе, а при одинаковомъ увеличеніи захватывая въ 8—10 разъ болѣе обширное поле зрѣнія. Въ принципѣ „Бинокль-Триедеръ“ представляетъ собою кеплеровскую трубу, съ тѣмъ лишь, что картина въ немъ воспроизводится посредствомъ системы призмъ. „Бинокль-Триедеръ“ незаменимъ въ театрѣ и въ дорогѣ, а также для военныхъ, моряковъ, охотниковъ, на скачкахъ и на гонкахъ. На каждомъ биноклѣ имѣется наша фирма. Получать можно во всеѣхъ лучшихъ оптическихъ магазинахъ по фабричнымъ цѣнамъ.

№ 10748 16—5

Цѣна для Россіи включительно съ пошлиной и пересылкой: увелич. въ 3 раза—63 р.; въ 6 разъ—75 р.; въ 9 разъ—88 р.; въ 12 разъ—100 р. Подробныя описанія устройства и прейсъ-курантъ высылаются бесплатно.

Оптическое заведение
New-York, 52, East Union Square.
London, Ross, 111, New Bond Street.

C. P. GOERZ

Berlin-Friedenau.
Rhein-Strasse, 45—46.
Paris. 22 Rue de l'Entrepôt.

Санаторія д-ра Ремплера для страдающ. грудными болѣзнями въ ГЕРБЕРСДОРФЪ, въ СИЛЕЗИИ.

Находясь съ 1875 г. подъ личнымъ врачеваніемъ наблюдениемъ владѣльца, Герберсдорфская лѣчебница, расположенная высоко надъ уровнемъ моря и снабженная помѣщеніемъ для пользы ланія слабыхъ болныхъ воздухомъ, предоставляетъ самымъ благоприятнымъ условіямъ для лѣченія, за умеренныя цѣны. Объявленія высылаются бесплатно д-ромъ Ремплеромъ. А. № 1117 6—1

КОРСЕТЫ ФАБРИКИ И. Г. АБРАМОНЪ
Удостоены похвалн. отзывомъ на Всеросс. Выставкѣ 1896 г.
РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ
1. ТВЕРСКАЯ Д. АНДРЕЕВА
2. ЛУБЯНСКІЙ ПАССАЖЪ № 11
ПРОДАЖА ПО ФАБРИЧНОМУ ПРЕЙСЪ-КУРАНТУ

ПАМЯТЬ

Личь каж. возр. укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 урок.) профес. гимназия С. Файнштейн. Одесса, уг. Пушкинской и Ваа ул., собствен. домъ. № 28. Условія и 2 брош. (въ 64 стран.) высл. за одну 7-ми коп. марку. № 10917 20—10

ВЫШЛА КНИГА ДЛЯ ДѢТЕЙ разсказы

Льва Львовича Толстого.
Складъ п. ланія: Москва, Хамовники, № 21.
Цѣна 80 коп. 3—2

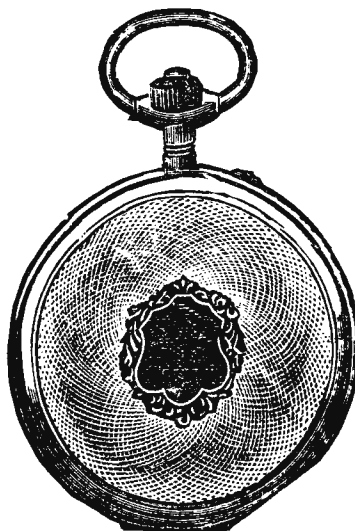

Складъ резинов. издѣлій Р. ИВЕРНЕРЪ С.-Петербургъ, Офицерская ул. д. № 10, предлагаетъ намятки отъ дождя изъ сѣрой резины матер. 30 вер. длины по 5 р. с. изъ черн. резины матер. по 4 р. с. За каждый вер. длиннѣе прибавляется по 20 к., а коротче убавляется по 20 к.; кромѣ того, рекомендуемъ пальто, крылатныя дамскія рогонды и пр. изъ материала Т-ва Россійско-Американск. резины. мануфакт. Образцы безпл. Торгоцамъ скидка.

«KROMSKOP»
Новый америк. стереоскопъ, показывающій снѣжки въ натуральныхъ цвѣтахъ. Цѣна амп р. 85 руб., картины 4 р. шт. При заказѣ погов. зад. Адольфъ Рейне, Москва. Кули. мостъ, № 3.

ЖЕМЧУГЪ
ХОРОШІЙ РОВНЫЙ
ВЪ НИТКАХЪ И ВЪ ВѢШАХЪ
ПОКУПАЕТЪ 20—13
ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ
К. ФАБЕРЖЕ.
Москва, Кузнецкій мостъ, № 4.

- Живая фотография 6-ть за . . . 1 р. 50 к.
- Перламутр. портмоне . . . 1 р. 35 к.
- Гарантиру въ 3-и грибенки для модной прически . . . 60 к.
- Карманный Идеаль-чернильница . . . 45 к.
- Табуирующіе шарикъ . . . 40 к.
- Приборъ съ инсъ-луками . . . 35 к.
- Копилекъ съ секретнымъ замкомъ . . . 1 р. 35 к.
- Круглая брочка . . . 55 к.
- Ножикъ булдыго . . . 1 р. 10 к.
- изящный . . . 2, 3, 4 и 6 р.
- Секретная чернилка . . . 40 к.
- Чернильная смерть . . . 75 к.
- Браслетъ незабудка . . . 95 к.
- Замокъ для вина . . . 50 к.
- Колечк. въ 10 обѣзьянъ . . . 90 к.
- 20 . . . 1 р. 75 к.
- Туалетныя бисерныя фарфор. фигурн. 85, 95, 1 р. 45 к., 1 р. 85 к.
- Копилекъ съ живописною . . . 35, 55, 95 к.
- 9 проволоки. фокусовъ . . . 95 к.
- Копилекъ для золота . . . 50 к.
- Дѣтскій телефонъ . . . 40 к.
- Умирающ. тепа (шутка) . . . 25 к.
- Переводн. картинка . . . 12, 15, 20 к.
- Духи . . . 75 к., 1 р. 45 к.
- Вальсирущ. пара, волчокъ . . . 75 к.
- Копилекъ изнанка для золота . . . 75 к.
- Цѣпочка для часовъ съ письмен. приборомъ . . . 1 р. 25 к.

ПРІАТНСЕ СЪ ПОЛЕЗНЫМЪ. Часы американскаго золота

мужскіе крытые, весьма прочныя, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ анкеръ на 23 ками. (удостоен. медалью въ 1896 г.) и такую же цѣнку шатленъ америк. золота вмѣсто 20 рублей

только за 12 рублей.

Такие же дамскіе на 1 р. дешевле. Выписывающіе такіе часы изъ моего склада получаютъ въ видѣ подарка къ праздникамъ мужское или дамское кольцо золотое 56 пробъ англійскаго фасона.

За вѣрность фирма гарантируетъ. Высылаю тщательно пробрѣнные часы по полученіи 2 рублей задатка.

М. ГОЛЬДЕНБЕРГЪ
Варшава.

Складъ часовъ и золотыхъ издѣлій.

- Жидкая бронза зол., серебр., красн., син., зелен. . . . 75 к.
- Парижскій шелков. абажуръ платоч. 95 к., 1 р. 25 к., 1 р. 70 к.
- Увеличит. стекла отъ 50 к. до 4 р. 75 к.
- Бинокль. Линшутъ . . . 5 р. 45 к.
- Перламутров. . . 12 р. 75 к.
- Бинтъ для усовъ . . . 50 к.
- Домашній другъ съ 12 инструментами. 1 р., 2 р. 50 к., 3 р. 50 к.
- Парижск. ноль изъ жемчужовъ въ 2 ряда . . . 1 р. 35 к.
- 3 . . . 1 р. 95 к.
- 4 . . . 2 р. 50 к.
- Недонный к-плетъ (шубокъ) — р. 65 к.
- Амер. часы болѣ будильника. 2 р. 25 к.
- съ . . . 2 р. 90 к.
- Амер. рѣзецъ стекла . . . 75 к.
- Перламутров. пелесыница . . . 90 к.
- Воздушный шаръ ходитъ по веревкѣ вверхъ и внизъ . . . 75 к.
- Брочка вѣтеръ . . . 55 к.
- Перочиска цыленокъ . . . 45 к.
- Живая фотограф.-бронь . . . 50 к.
- Испанская шаль шелков., прелестной . . . 9 р. 50 к.
- Тоже, но меньше и четырехугольный . . . 3 р. 25 к.
- Парижская шелковая вуаль . . . 1 р. 35 к.
- Автож. ружейка мѣрка . . . 40 к.
- Попелекъ нудреница . . . 65 к.
- Брочка фалка . . . 75 к.
- Дамскія подвязки . . . 95 к.
- Дѣтскія . . . 50 к.
- Портъ-сигаръ съ письм. прибор. 90 к.
- Фитиле-очиститель . . . 75 к.
- Зеркало-каррикатурн. . . 40 к.
- Портъ-визитъ . . . отъ 75 до 1 р. 50 к.
- Магическое кольцо для ключей . . . 40 к.
- Термометръ цвѣточ. . . 95 к.
- Нікольный боченокъ . . . 45 к.
- Брочка на память . . . 55 к.
- Дорожный стаканъ . . . 35, 45 и 60 к.
- Подушечка „Дира“ . . . 75 к.
- Настоящій японскій шелковый носовой платокъ 80 к., 3 за 2 р. 15 к.
- Французскій сарометръ . . . 3 р. 85 к.
- Американскій нуалъ изъ материн: Красная шапочка . . . 75 к.
- Африканка . . . 75 к.
- Киталецъ . . . 30 к.
- Молоскъ и котенокъ . . . 25 к.
- Заколдованная шатула, чудный подарокъ . . . 1 р. 90 к.
- Парижская лампадка . . . 2 р. 85 к.
- Пучокъ ключей съ письм. прибор. 95 к.
- Музыкальный носовой платокъ . . . 35 к.
- Приборъ для нарточного стола: 4 ручки для мѣла, 4 щетки и записный мѣлъ . . . 1 р. 95 к.
- Болѣ нащипъ . . . 2 р. 70 к.
- Микроскопъ . . . 1 р. —
- Парижск. подвязки . . . 65 к.
- Портгюль въ кармапѣ . . . 60 к.

Пересылка надлежащимъ платежамъ. Телеграмми исполняются немедленно. **БАЗАРЪ МАРОКЪ** С.-Петербургъ. Невскій № 20—31. Пг. заказчиковъ прощяемъ, дабы 2000 в. пропу выслать задатокъ.

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
 первый въ Россіи
„ФИНАНСОВО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ РОССІИ“,
 составленный по официальнымъ даннымъ
П. А. Антоновымъ
 и состоящій изъ 29 картограммъ и 7 диаграммъ, отпечатанныхъ въ шесть красокъ, съ обширнымъ введеніемъ автора и съ приложеніемъ 4-хъ таблицъ съ вычисленіями. (Форматъ изданія большое in quarto).
Цѣна атласа 5 руб., съ перес. 5 руб. 60 коп.
 Требования и деньги просить адресовать въ Контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, Малая Морская, домъ № 22. Изданіе ибется также въ продажѣ во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫХЪ
ВЪ ТЕПЛОМЪ ДИСПОЗЕ БЕЗЪ
ВОДЫ * П. Н. ВИНОГРАДОВА. * ПАРКИ
ПОХВАЛЪНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставкѣ 1896 года.
 требовать куска съ этикетомъ утверждено ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.
 БѢЛЕ получается замѣчательно чистымъ. Желтизна и пятна уничтожаются ЭКОНОМІЯ въ топливѣ, ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуетъ въ ТРИ РАЗА МЕНЪЕ простаго. Совѣршенно безвредно для тканей бѣлыхъ. Удостоверенъ за № 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа вездѣ. Опт. у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2.

ЮГАННИСБЕРГСКІЯ КАБИНЕТНЫЯ ВИНА 10 9
 мѣстнаго розлива съ оригинальнымъ этикетомъ, печатью и клеймомъ на пробкѣ отъ 4 1/2 до 40 жарокъ за бутылку доставляетъ по утвержденному княжеской Центральной администраціи прейс-куранту (высылаемому по требованію) Das Fürstl. von Metternich-sche Domäne-Inspectorat, Johannisberg a/kh.

Пріемъ мѣховыхъ вещей, ковровъ и пр. на храненіе
ОТЪ МОДИ
 въ мѣховыхъ магазин. **Ф. Л. МЕРТЕНСА**
 1) Невскій просп., 21, собств. домъ. 2) Гостиный дворъ, № 58.
 Всѣ вещи сохраняются въ специально для храненія устроенныхъ складахъ. Полная отвѣтственность за сохранность. В. № 11122 4-1

ДЕШЕВО
 предлагаются гг. любителямъ акваріумовъ водныя растенія и экзотическія рыбы (японскія, китайскія, вѣрныя, телескопы, микроподы, солнечки и пр.) собственной разводки. Петербургская сторона, уголъ Большой Подсадской ул. и Пѣвческаго переулка. „Акваріумъ водныхъ растеній и экзотическихъ рыбъ“ № 11123

Черезъ контору журнала
„СЧЕТОВОДСТВО“
 (СПБ., Невскій, 64) можно выпустить:
 1) Двойную бухгалтерію въ популяр. очеркахъ, 2-е изд. II. 1 р.
 2) Самоучитель двойн. бухгалт. Ф. Скубица, 3-е изд. II. 1 р. 50 к.
 3) Одобренъ Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. 4) Фабрично-заводское счетоводство, Л. Гомберга. Цѣна 4 руб. (Счетоорганизаци и администрація мельничнаго предпріятія). Теорія, практика и схемы.
 5) Аналитическая карта бухгалтеріи. II. 75 коп. № 11124 3-1
 6) Журналъ „Счетоводство“ за 1889—1898 годы, по 6 руб. Богатый научный и практический матеріалъ. Программа высылается бесплатно.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
„СМПСЪ - ПРЕМЬЕ“
 Скорость, прочность, удобство. Последнія усовершенствованія. Цѣна 250 рублей и 275 рублей.
 Пишущая машина „КОСМОПОЛИТЪ“
 Самый красив. шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цѣна 95 р. Полиров. щетка къ ней 10 р. Описанія и образцы шрифтовъ обыкн. машинъ высылаются бесплатно.
Оптикъ Ф. РИХТЕРЪ.
 С.-Петербургъ. Адмиралтейскій просп., № 4

ФИЛЬЗЫ
ФИЛИГРАНЪ
САКАТЫКЪ
 МОСКВА
 ПРОДАЖА БЕЗЪ ЦѢНЪ

СОЮЗЪ
 ТЕЛЕФОНЪ 1360
ПРОСИТЪ
НЕУЖИВЪ ВЕЩИ
 АУДИОНЪ
 ВОСПИТАНІЕ
 500 277

С. М. ЭЛІАШЕВЪ, Москва,
 Софійка, ЛУБЯНСКІЙ ПАССАЖЪ
 № 60—61.
 Иллюстр. прейс-курантъ высыл. по требов. величайшій выборъ КРОВАТЕЙ съ изящной живописью, англійскихъ золоченыхъ, никелированныхъ и обыкновенныхъ. МАТРАЦОВЪ пружинныхъ, проволочныхъ, волосяныхъ и друг.; КРЕСЕЛЪ для больныхъ. ВАННЪ, ДУШЪ и ШКАФОВЪ купальныхъ. УМЫВАЛЬНИКОВЪ мраморныхъ и металлч. ДѢТСКІХЪ КОЛЯСОКЪ и ВЕЛОСИПЕДОВЪ. ЛЕДНИКОВЪ комнатн. и друг. козьяствен. вещей. Единственный фабричный складъ издѣлій Варшавск. фабр. Бр. Фрумкиныхъ.

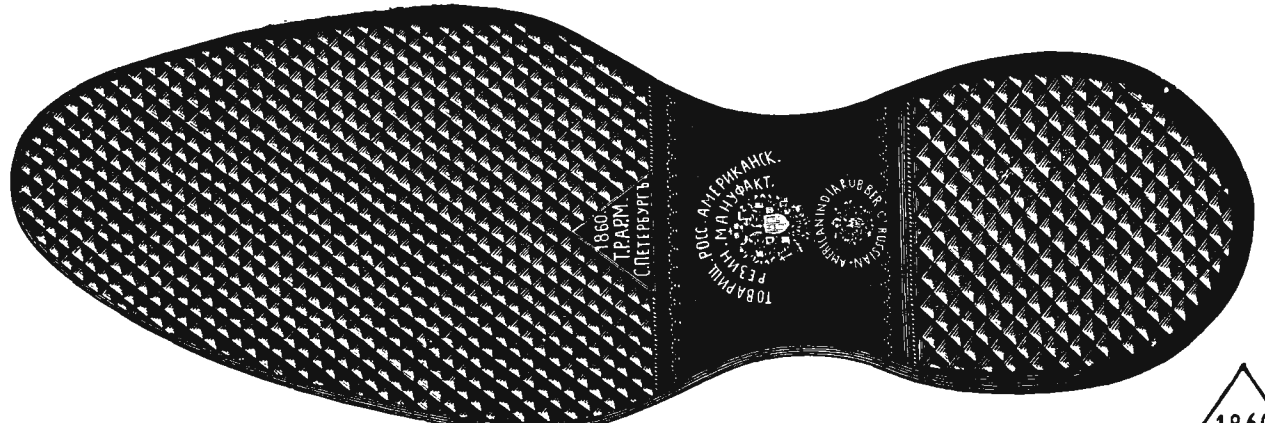
ТОВАРИЩЕСТВО

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 10745 26-8
 на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

КРАСИВО выучивается всякий заочно (посредством перетиски) **ПИСАТЬ** в 15 уроков у профессора каллиграфии **А. КОССОДО.**
 Конторско-коммерч. скоронис, рондо, готикъ и др. шрифты также преподаются заочно. 9-2
 Методъ премир и. Парижской всемирн. выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семикол. марки выемл. пробн. письмо шрифтовъ, подробн. условия и образцы заочно исправлен. почерк. Адресъ: Профессору каллиграфу Адольфу Коссодо въ Одессѣ. Дерибасовская, д. № 19.

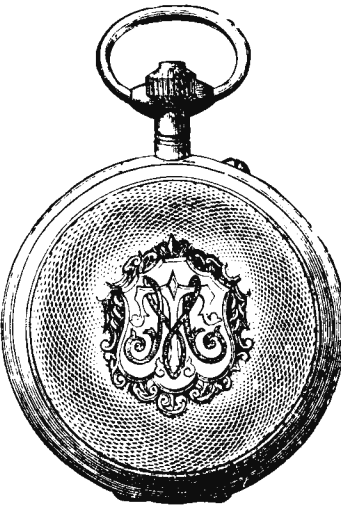
„Идеал“. Каждая дама, желающая быть вполнѣ элегантной, безукоризненно аккуратной, употребл. для обшивки подола исключительно „Идеал“, патентованную подшивку изъ бумажнаго бархата (Вельветинъ). На каждой коробкѣ надпись „Идеал“. Получить можно во всѣхъ прикладныхъ магазинахъ Россіи. 26-28

Въ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи можно получить извѣстное

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ
 БАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ для чистоты и бѣлизны кожи. Во избѣженіе раздраженій, требовать только **МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ТУАЛЕТНОЕ, БАЗЕЛИНОВОЕ.**
 ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ „ГОЛЛЕНДЕРЪ“ ДЕМИДОВЪ ПЕР. №1 С ПЕТЕРБУРГА.

PASTILLES VICHY-ETAT aux Sels Naturels extraits des Eaux Vendues en boîtes métalliques scellées.
COMPRIMÉS VICHY-ETAT aux Sels Naturels extraits des Eaux pour fabriquer l'EAU ALCALINE GAZEUSE

EAU DENTIFRICE DU DOCTEUR PIERRE & PLACE DE L'OPERA PARIS
СЭЛЭБРЕ ПАР СЕС КАЛІТЭС en Vente partout

Благодаря большому сбыту и новому усовершенств. способу изготовления часовъ моего производства, я имѣю возможность продавать съ 1 июля мин. г. самыя элегантныя и прочныя **МУНЮНЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличаемыя, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструкции (удостоен. серебр. медалью на женежской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, вмѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящія золотыя, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе. Такіе же **ДАМОНІЕ** дорожки на 1 рубль.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ.

Выслать вполнѣ вывѣренныя часы по полученіи задатка 2 р., остальное же наложеннымъ платежемъ. АДРЕСЪ:

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ

Складъ женежскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.

♦ Множество благодарств. писемъ и отзывомъ. ♦

Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземп. снабженъ пломбою фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. № 11065 5-4

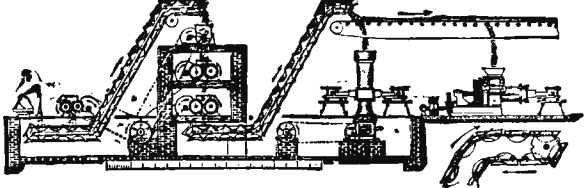
EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE
 БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (112)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

К. ШЛИКЕЙЗЕНЪ Берлинъ, S. O. Фабрика машинъ для кирпичнаго, торфянаго, гончарнаго и известковаго производства РЕКОМЕНДУЕТЪ НОВОСТИ

патентованная во всѣхъ промышленныхъ странахъ. Подъемная цѣпа для глины, торфа, песку, различныхъ рудъ, угля, извести, зерна и проч., удобна для большихъ, непрерывныхъ работъ, имѣющія спокойный ходъ и не требующія большой затраты рабочей силы. Предохранительныя ременные шкивы (патент. во всѣхъ главнѣйш. промышленн. государствахъ). Шкивъ этотъ сохраняетъ машины, передавая двигательную силу лишь на ту, на которую его, смотря по надобности, поставятъ. Кроме того изобрѣтены: машины для изготовления кровельной черепицы всякаго рода, глиняныхъ трубъ разныхъ сортовъ; бетонныхъ издѣлій, брикетовъ, цѣпныхъ кирпичей, плиты для половъ, глиняныхъ и цементныхъ, ручныя машины для кирпичей. R. № 10518 12--7
 Дальше изобрѣтены давящія и формовочныя машины для печныхъ фабрикъ, для химической промышленности, литейныхъ, красочныхъ, клееныхъ и мыловаренныхъ заводовъ, для техническихъ учебныхъ заведеній, испытательныхъ станцій и т. и.
Золотая государственная медаль за Берлинскую промышл. выставку 1896 года.

ПЕЧЕНІЕ ГЕРКУЛЕСЬ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ОВСЯНОЙ КРУПЫ ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
С. СІУИКО

СИБИРСКИЙ СКЛАДЪ КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ Д. А. Епанешникова Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.

ЧЕ-СУ-ЧА.
 Дамская отъ 10 до 18 р. кусокъ въ 26/28 арш. Мужская „ 20 „ 40 р. кусокъ въ 26/28 „ Фанза „ 12 „ 50 р. кусокъ въ 21/22 „ Товаръ выслать наложеннымъ платежомъ. Образцы безплатно. 15-6

ВЫИГРЫШ- НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ БАНКІРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ, 59, Невскій, С. П. 12 5

— „Поволжье, Приуралье и лечебныя горы“. Сост. Массильскій. Со многими рисун. и планами. Ц. 1 р. 25 к.
 — „Путеводитель по Волгѣ, Камѣ и др.“ Изд. Ф. Сурина. Ц. 50 к.
 — Для путешественниковъ по Европейской Россіи и Азіи. „Совѣты объ экипажахъ, снаряженіи въ путь и т. д.“ Изд. Ф. Сурина. Ц. 50 к.
 — „По замѣчательнымъ мѣстамъ Поволжья“. Съ планами и рисунками. Описание болгарскихъ древностей. Изд. Ф. Сурина. Ц. 1 руб.
 — „Позѣдки къ бывшимъ столицамъ у г. Царева и с. Селитринаго“. Съ планами развалин. Исторія Золотой орды. Изд. Ф. Сурина. Ц. 50 к. № 11119 3-1
 Продаются въ извѣстн. книжн. магазинахъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ (17)
 Специалистъ хронометровъ, СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Им. Публ. Библиотеки. Подробный каталогъ, присылается по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

ПОКУПАЮ
 жемчужныя нитки, изумруды, рубины, сафиры и брилліанты по высокой цѣнѣ. **БЕРУ ВЪ ОБМѢНЪ** старое золото и драгоценныя камни на новыя вещи. **ЗАКАЗЫ** исполняются въ собственной мастерской. Всегда большой выборъ золотыхъ и брилліантовыхъ вещей новейшихъ фасоновъ.
ЮВЕЛИРЪ В. К. ЗЙКЕНРОТЪ.
 МОСКВА, Камергерскій пер., д. Ланозова. 4 3

Катрейнерсь Мальцкаффе Фабрикенъ, Мюнхенъ

(Kathreiner's Malzkaffee Fabriken, München)
 производятъ по привилегированному способу солоды, который рекомендуется женщинамъ, дѣтямъ и больнымъ и ежедневно употребляется въ тысячахъ семействъ. Настоящій только въ 1 фунтовомъ пакетѣ съ портретомъ и подписью прелата Себ. Кнейппа въ Верисгофенъ, какъ предохранительная марка, и фирмой единственныхъ фабрикантовъ:
Катрейнерсь Мальцкаффе Фабрикенъ, Мюнхенъ.
 Склады: въ С.-Петербургѣ: К. Вольбрюкъ и К°, въ Москвѣ: Клімъ Преторіусъ; въ Ригѣ: Н. А. Герскиндъ; въ Варшавѣ: Л. Рабиновичъ. Ц № 11042 7-4
 Представители: въ Лодзи: Л. Рабиновичъ; въ Вильнѣ: Ф. Яблковскій.

Содержание:

ТЕКСТЪ. Въ туманъ величя. Историческая повѣсть П. Н. Полевого. (Продолженіе).—Черные ангелы. Разсказъ Гергарда Бэра.—Саксонскій король Альбертъ. Очеркъ.—Къ рисункамъ: Душечка, кто это?—Знатокъ.—Нающаяся грѣшница.—Бабушка спить.—Спряталась!—Маленькій аргонавтъ.—Ф. К. Арнольдъ.—Фритюфъ Хансенъ и его супруга.—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Объявленія.

РИСУНКИ. „Кто это?“ Картина І. Галеръ.—Знатокъ. Картина Ж. А. Стеръ.—Бабушка спить. Картина К. П. Степанова.—Нающаяся грѣшница. Картина А. Гаккера.—Спряталась. Картина Н. Мюке.—Маленькій аргонавтъ. Картина Г. Семирадскаго.—Веттнъ, родовый замокъ саксонскаго королевскаго дома.—Русская церковь въ Дрезденѣ.—Саксонскій король Альбертъ.—Ф. К. Арнольдъ.—Фритюфъ Хансенъ и его супруга.

При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемесячныхъ литературныхъ приложений“ за апрѣль.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. Ч. Сементковскій.

Повѣсти и разсказы

П. П. Гнѣдича.

Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп., въ роскошн. колѣнк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Вновь получены транспорты
ВЕЛОСИПЕДОВЪ

Викторъ, Колумбія,
Тигръ, Свифтъ,
Таунэндъ и Гудби.

Ж. Блок

ВЫСОЧ. УТВ. ТОВАРИЩЕСТВО
МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Кіевъ, Одесса,
Варшава, Коцандъ,
Екатериноу гь, Ростовъ н.Д.

Согласно Высочайше утвержденному 30-го января 1898 г.
Положенію Комитета Министровъ

РОССІЙСКОЕ СТРАХОВОЕ ОТЪ ОГНЯ ОБЩЕСТВО,
учрежденное въ 1827 году

ПРИНИМАЕТЪ НАЗВАНІЕ:

ПЕРВОЕ РОССІЙСКОЕ СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО,
учрежденное въ 1827 году

и включаетъ въ число своихъ операцій

СТРАХОВАНІЕ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ,
какъ коллективное рабочихъ и служащихъ на фабрикахъ и
заводахъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ.

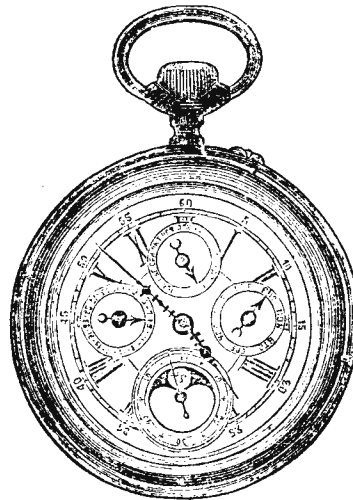
ВЪ КОНТОРЪ ИЗДАНИЙ А. Ф. МАРКСА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Мал. Морская, № 22
ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО,

7-е, посмертное изданіе, въ 9-ти томахъ,
съ биографическимъ очеркомъ и съ приложеніемъ ПЯТИ ПОРТРЕТОВЪ
Г. П. Данилевскаго и вида его родового склепа и могилы въ селѣ При-
шибѣ, Харьковской губерніи.

Девять томовъ „полнаго собранія сочиненій“ Г. П. Данилевскаго заключаютъ
въ себѣ: 4288 страницъ in 8° и отпечатаны на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ.

Цѣна 15 руб., съ пересылкою 17 руб.

Благодаря большому сбыту и новому усо-
вершенствованному способу изготовленія
часовъ моего производства, я имѣю воз-
можность продавать самыя практичныя
прочныя и изящныя карманные МУЖ-
СКИЕ ЧАСЫ черныя вороненой стали, от-
крытыя, анкеръ 15 камн., съ вѣчнымъ
гаусендаремъ и элегантною цѣпочкой,
американскаго золота chataleine, съ бре-
локомъ, вмѣсто 15 и 17 руб.

только за 8 и 10 руб.

Часы эти отличаются весьма вѣрнымъ
ходомъ и, кромѣ обыкновеннаго времени,
автоматически показываютъ мѣсяцы, дни,
ч. сло и фазы луны.

Такіе же серебряныя крытые,
всѣ три крышки 84 пробы, на
4 руб. 50 коп. дороже.

**ПИСЬМЕННОЕ РУЧАТЕЛЬ-
СТВО НА ШЕСТЬ ЛѢТЪ.**

Высылаю по полученіи задатка 2 р.,
остальное же надлежащимъ платежомъ.

А ДРЕСЪ:

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ.

Фабричный складъ женевскихъ часовъ въ Варшавѣ.

№ 11147

Множество благодарственныхъ писемъ и отзывовъ.

10-1

ПОСЛѢДНІЙ

добровольный обмѣнъ на 4% ренту 4% облигацій внутреннихъ займовъ 1887 года и 2-го, 3-го и
4-го—1891 года и выпущенныхъ въ кредитныхъ рубляхъ 4% облигацій казенныхъ жел. дорогъ.

ЗАЯВЛЕНІЯ

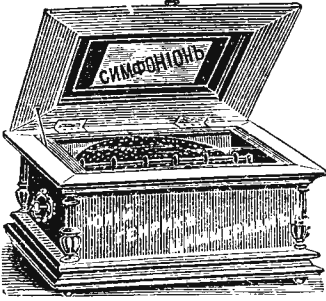
принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ тѣхъ горо-
довъ, гдѣ нѣтъ учрежденій Банна.

КРАЙНІЙ СРОКЪ

№ 11073 12-5

подачи заявленій **15 Іюня 1898 года.** Подробныя условія обмѣна въ ежедневныхъ газетахъ.

СИМФОНІОНЫ МУЗЫКАЛЬНЫЯ ШКАТУЛКИ

съ пріятнѣйшимъ тономъ, даютъ возможность мѣнять по произволу пьесы, имѣющіяся въ большомъ выборѣ:

- Съ ручкой 40-тонн. 4 р. 50 к. Ноты по 20 к.
- Заводной 40-тонн. 9 р. Ноты по 20 к.
- Заводной 60-тонн. 27 р. Ноты по 45 к.
- Заводной 84-тонн. 36 р. Ноты по 60 к.
- Заводной 84-тонн. Sublime-Harmonie 65 р. Ноты по 75 к.
- Заводной 100-тонн. Sublime-Harmonie Picolo 90 р. Ноты по 90 к.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное дело и фабрика музыкальныхъ инструментовъ.
СКЛАДЪ НОТЪ.

С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ ГУМБЕРЪ

предлагаетъ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгіи ЖЕМЛИЧКА и К^о.
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейсъ-куранты по требованію. 16—18

НОВОСТЬ!!!

Прелестные карманные металлическіе часы, заводъ безъ ключа, настоящие никельныя, тщательно провѣренныя, на крышкѣ помѣщенъ художественно исполненный портретъ Государя Императора Николая II, къ нимъ прилагается новое золото и парижскій компасъ.

за все только 5 руб.

Предлагается печатное ружье за 4 года. Вышеупомянутыя часы высылаются немедленно и безъ задатка наложеннымъ платежомъ.

Требованія прошу адресовать въ городъ Варшаву, улицу І. Бузеору, Грѣбная ул., № 6.
Прейсъ-курантъ высылается безплатно.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Ф. В. ШЕПАНСКАГО, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР. 34 а. ТЕЛЕФОНЪ 2310.

98111 №
Новыя изданія Ф. В. ШЕПАНСКАГО.

Поступило въ продажу и разсылается подписчикамъ

РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ:

ЖЕНЩИНА

Д-ра Г. ПЛОССЪ.

ВЪ ЕСТЕСТВОИЗДАНІИ И НАРОДОВАДАНІИ.

Переводъ съ 5-го нѣмецкаго дополненаго изданія подъ ред. д-ра А. Г. Фейбберга.

Первый полутомъ. Все сочиненіе, состоящее изъ 4 полутомовъ, 11800 стр. текста съ 11 таблицами и 350—400 художеств. рис., рѣзаными на деревѣ, выйдетъ до конца года.

Подписная цѣна 10 руб., съ пересылкой 11 руб. Въ двухъ роскошныхъ переплеткахъ 12 руб., съ перес. 13 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ нынѣшя 3 руб., остальныя цѣна дѣлится по 1 руб. въ мѣсяцъ или по особому соглашенію.

По выходѣ всего сочиненія цѣна будетъ поимена.

Открыта подписка на роскошно-иллюстрированное сочиненіе:

Профессоръ К. Э. БОЛЬЕ.

КНИГА

О ЗДОРОВІИ И БОЛЬШОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ.

Настоящая книга и руководитель семьи.

16-ое переработанное изданіе.

Русскій переводъ подъ редакціей д-ра А. Г. Фейбберга.

Въ четырехъ полутомахъ, въ объемѣ около 1800 стр. съ многочисленными рисунками и хронологическимъ таблицами.

Подписная цѣна 4 руб., съ пересылкой 5 руб.

Допускается разсрочка: 1 руб. при подпискѣ, и по рублю при полученіи каждаго полутома.

2-ое изданіе дополненное изданіе.

Д-ръ мед. Н. П. Ивановъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ КУРОРТЫ.

Воды, морскія купанія, грязи, климатическія станицы и другія лечебныя мѣста Россіи.

Путеводитель для врачей и публики, съ очеркомъ балансогарапіи и практическимъ руководствомъ къ выбору курорта.

Цѣна въ нѣмецкомъ переплетѣ 2 р.

РАЗБОРНАЯ МОДЕЛЬ

ТѢЛА ЖЕНЩИНЫ.

состоящая изъ 26 отдѣльных частей въ краскахъ съ подробными анатомическими текстомъ съ рисунками, въ переплетѣ д-ра А. Г. Фейбберга. Цѣна модели съ текстомъ въ переплетѣ 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. съ наклад. пл. 1 р. 30 к.

Д-ръ Л. ШЕУЦЪ.

ОПРЕДѢЛЕНЕ ДОЛА ДОТОВАТВА.

Переводъ д-ра А. Г. Фейбберга.

Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 15 к.

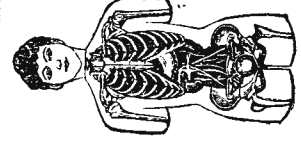
Заказы на всѣ русскія и иностранныя книги и журналы исполняются немедленно.

ЕДИНСТВЕННЫЙ МАГАЗИНЪ Ф. В. ШЕПАНСКАГО.

С.-Петербургъ, Невскій пр. 34 а. Телефонъ 2310.

Мелкіе сумки до 2 р. можно высылать почтовыми марками.

Каталоги общепознавательныхъ и техническихъ книгъ высылаются по 1-му коп. марку.

Ш. № 10998
3—3

КАКАО ГЕЛЬМЪ

фабрики ГЕЛЬМОНДЪ
въ Голландіи.

ЛУЧШІЙ ГОЛЛАНДСКІЙ КАКАО.
Чистый, питательный, легко растворимый. Рекомендуются для взрослыхъ и дѣтей.
Въ употребленіи во многихъ больницахъ.

Единственный представитель для всей Россіи

М. РОЖИВЮ,

Москва, Маросейка, д. Лебедевой.
Продается въ лучшихъ аптекарскихъ и колоніальныхъ магазинахъ.

1200
стемпизован. узоръ для рельефизаціи, углубленной и рельефизаціи, выжиганія и живописи по дереву, и пр., и пр. Рисунки излагаются на бумагѣ и на деревѣ. Наставленія, инструменты, машины и матеріалы. Газета "Дизетантъ".
Иллюстр. преісъ-куранты высылаются за 30 ф. почт. марку.
Mey & Widmayer, München.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Вс. С. Соловьева. Романъ-хроника XVIII в. Время паденія Вирона и водворенія Елисаветы. Изд. 3-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскоши. коленк. переп. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ЮЖНО-РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
КІЕВЪ. Ф. А. ЮГАНСОНА ХАРЬКОВЪ.
Наднякъ поступать въ продажу изданія подъ редакціей профессора И. А. СИНОРСНАГО.
МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА, соч. Р. Эллиса, пер. д-ра Гринберга, около 300 стр. К. 1898. Ц. 1 р.
ПРЕСТУПНИКЪ, соч. Р. Эллиса, пер. Гринберга, около 300 стр. съ рисунками. К. 1898. Ц. 1 р.
До выхода въ свѣтъ цѣна за обѣ книги 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Книги выйдутъ 25 апрѣля.

ВИСБАДЕНЪ

близъ Рейна.
Превосходныя климатическія условія.
Лѣченія, а также всевозможныя развлечения для больныхъ въ продолженіе всего года: весенній, лѣтній, осенній и зимній сезоны.
Знаменитыя горячія соляныя ванны 55 градъ по Реомюру.
23 горячихъ источника.
29 купаленъ съ 1000 куп. кабинетовъ, съ душами и т. д.
Болѣе 100 комфортаб. гостиницъ, меблир. отелей и т. д.
Холодное водолѣченіе. Электрическія, хвойныя, паровыя, грязевыя и медицинскія ванны; русскія, римскія и мавританскія бани, бассейны для плаванія. Пневматическія камеры. Электрогарапіи. Ортопедія. Врачебная гимнастика. Массажъ. Лѣчебницы для нервныхъ и т. п. больныхъ. Знаменитыя глазныя лѣчебницы. Лѣченія дѣтой, коровьимъ молокомъ, по методу Кнеппа, рациональными прогулками по горамъ. Всѣ минеральныя воды для питья. Вдыханія. Крытая веранда для питья и для прогулокъ. Осенью лѣченіе виноградомъ. Врачи-специалисты.
Кургаузъ съ концертнымъ заломъ, читальней (болѣе 300 журналовъ), съ помѣщеніями для игръ, для танцевъ, съ общей гостиной, буфетомъ и прекраснымъ паркомъ.
Ежедневно 3 концерта. Прославленныя развлечения и празднества, устраиваемыя лѣчебнымъ управленіемъ: садовые и ночные балы, фейерверки, корсы, поѣздки на Рейнъ, собранія, концерты, даваемые первыми хористами искусства, чтенія и т. д. Лауфъ-теннисъ. Трени для велосипедистовъ. Красивая лѣсная мѣстность.
Богато обставленный королевскій театръ съ первоклассными представленіями. Нѣсколько частныхъ театровъ (оперетты, дивертиссементы и т. п.). Музей. Картинная галерея. Постоянная художественная выставка.
Пріятнѣйшая жизнь обществомъ.
Превосходное мѣстопребываніе. Благопріятныя условія жизни (элегантныя виллы, бѣль-этажи и т. п.), отличныя высшія учебныя заведенія (гимназіи, пансіоны, школы музыки и т. д.), умѣренные сборы съ прѣзжихъ. Отличныя средства сообщенія.
Иллюстр. проспекты можно получать черезъ городское лѣчебное управленіе (städtische Kurverwaltung).
R. № 11131 2—1

ПАМЯТЬ

лицъ кажд. возр. укрѣпляетъ лично и зрочно (въ 10 урокъ.) профес. мнемоникъ С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкинскій и Ваз. ул., собствен. домъ, № 28.
Условія и 2 брош. (въ 64 стр.) высыл. за одну 7-ми коп. марку.
№ 10917 20—11

«КРОМСКОР»

Новый америк. стереоскопъ, показывающій снимки въ натуральныхъ цвѣтахъ. Цѣна апар. 85 руб., картини 4 р. шт. При заказѣ полов. зад. Адольфъ Рейне, Москва, Кузн. мостъ, № 3.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ СКЛАДЪ "ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕЛО"

готоваго мужского, дамскаго и дѣтскаго ПЛАТЬЯ.
ФОРМЫ всѣхъ вѣдомствъ и ВСѢХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
ГРОМАДНЫЙ СЛАДЪ новѣйшихъ суконныхъ товаровъ для исполненія всевозможныхъ заказовъ.
ВСЕГДА БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ СЕЗОННЫХЪ НОВОСТЕЙ.
Продажа въ розницу по опт. цѣнамъ и безъ запроса.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ГЕРМИНА БРАХМАНЪ и К^о.
Главный складъ и магазинъ Москва, Тверская, уголъ Долгоруковскаго пер., домъ Шаблыкина.
ОТДѢЛЕНІЕ: Софійка, д. Захарына.
Полный иллюстр. преісъ-курантъ высылаются по требованію безплатно.
ПЕРЕСЫЛКА во всѣ города РОССІИ.

ИЗЪЯНЫ ВОЛИ.

Большой романъ въ 3-хъ частяхъ
Н. Д. МАСЛОВА.
Цѣна 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 83 коп.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXIX г.

№ 16

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIX

1898

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 18 апрѣля 1898 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 29 к.

Продолжается подписка на „Ниву“ 1898 г. Подробности см. въ концѣ этого №.

При этомъ № прилагается выпускъ «Ежемесячныхъ литерат. приложеній» за апрѣль 1898 г.

Въ туманѣ величія.

Историческая повѣсть

П. Н. Полевого.

(Продолженіе.)

VIII.

Въ тревогѣ ожиданія.

Князь Андрей, ошеломленный предсказаніями Родимицы, которые совпадали вполне съ его душевнымъ настроеніемъ, вернулся съ тайнаго собранія у Милославскаго совсѣмъ ошалѣлымъ... Его вдругъ охватило ожиданіе чего-то необычайнаго, какой-то волны, которая должна была нахлынуть, подхватить его и вынести на какую-то высь, въ какую-то сказочную страну, „текущую млекою и медомъ“. Ему казалось, что сулимое ему счастье, слава, богатство и почести — все это достижимо въ наступающую смутную эпоху... И онъ ждалъ, что вотъ-вотъ завтра, много-много послѣзавтра раздастся тотъ завѣтный кличъ, по которому все поднимется, взметется, разрушитъ преграды на его пути и дастъ ему въ руки то завѣтное, невѣдомое счастье, которое и должно быть цѣлью всѣхъ его стремленій, цѣлью жизни... Но прошелъ день, и другой, и третій, а жизнь тинулась все прежнимъ, будничнымъ, сѣренькимъ путемъ; никакія новыя свѣдѣнія о приготовленіяхъ къ перевороту ни отъ кого къ

Выставка картинъ англійскихъ художниковъ. „Кто это?“ Съ картины І. Гэллара грав. Шюблеры.

нему не приходили; новых приглашений на собранія отъ Милославскаго онъ не получалъ, а съ отцомъ почти не видѣлся или встрѣчался только при постороннихъ. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, онъ какъ-то удручилъ минуту и, оставшись съ отцомъ наединѣ, обратился къ нему въ уворъ съ пастойчивымъ вопросомъ:

— Да что же это значить?.. Да когда же наконецъ?!

Но отецъ, таинственно приложивъ палецъ къ губамъ, придалъ только лицу многозначительное выраженіе и, пожимая плечами, произнесъ шопотомъ:

— И самъ-то я ничего еще не знаю...

И воспользовался первою возможностью, чтобы отъ сына отвязаться и уйти. Однакоже, немного спустя, вернулся къ князю Андрею и сказалъ, опять-таки, шопотомъ:

— Дѣло не замедлитъ... Намъ наканунѣ знать дадутъ... Да только ты—ужь Боже упаси!—ни съ кѣмъ объ этомъ дѣлѣ не заговаривай... Возьми на часъ терпѣнья... Не то и самъ себя, и насъ стариковъ погубишь понапрасну!

Прошло еще три дни въ тѣмнелюбныхъ ожиданіяхъ, три ночи—почти безъ сна... По всей Москвѣ разнесся слухъ о предстоящемъ возвращеніи изъ ссылки боярина Матвѣева и о той торжественной встрѣчѣ, которую ему готовили Парышкины, съ царицею Натальею во главѣ... Всѣ ожидали Матвѣева, какъ Мессію, всѣ видѣли въ немъ твердую опору и оборону для малолѣтняго царя, мудраго совѣтника для царицы... Старый князь Хованскій ходилъ, повѣся носъ, какъ въ воду опущенный, и, въ самый канунъ пріѣзда Матвѣева, сталъ вдругъ собираться въ подмосковную...

— Куда же ты?.. А дѣло-то?.. Отложено, что ли?—перѣшительно, съ замираніемъ сердца, спросилъ князь Андрей.

— Нѣтъ! Я по тому же дѣлу и ѣду; отпросился дня на три, на четыре... Да не тревожься ты! Извѣстять тебя, если чуть что...

Но князь Андрей не успокоился; провелъ еще одну бессонную ночь и на другой день рѣшился прямо, съ утра, идти къ Милославскому, чтобы хоть сколько-нибудь себя успокоить.

Задумано и сдѣлано. Рано утромъ князь Андрей поѣхалъ къ дому боярина Ивана Михайловича и, къ величайшей своей досадѣ, узналъ отъ его челядинцовъ и отъ Кузьмы Вершка, что „батьшка бояринъ вотъ уже третій день какъ изъ своей опочивальни не выходитъ... Лежитъ недужень... весь горячими кирпичами обложенъ... и встанетъ ли—Богъ вѣсть! Сегодня ладитъ даже за духовникомъ послать...“

— Да нельзя ли мнѣ повидать боярина?—проговорилъ князь Андрей съ нескрываемой досадой.

— Никого не принимаетъ!.. Еле можетъ говорить!.. Чуть доложишь, что кто-нибудь пришелъ—такъ вотъ руками и замахаешь, — поспѣшилъ вполголоса Кузьма Вершокъ.

Пришлось князю Андрею удалиться... Онъ поѣхалъ прямо домой, мрачнѣе ночи, и всюду по пути встрѣчалъ бояръ, окольныхъ, думныхъ дьяковъ и стольниковъ, кого верхами, а кого и въ повозкахъ, запряженныхъ цугами нарядныхъ коней:—всѣ они спѣшили на блестящій, праздничный пріемъ къ боярину Матвѣеву, который, пользуясь воскреснымъ днемъ, давалъ пиръ „на весь міръ“, въ отплату за тѣ торжества и шествія, какими Москва его встрѣчала два-три дня тому назадъ. Князь Андрей, почти ни съ кѣмъ незнакомый, кланялся съ очень немногими, а отъ большинства отворачивался съ озлобленіемъ, стискивая въ рукѣ поводья своего коня. Ему казалось почему-то, что всѣ они ему поперекъ дороги становились...

Въ самомъ мрачномъ настроеніи духа подѣхалъ онъ къ крыльцу отцовскихъ палатъ на Синцевомъ Вражкѣ, и, спѣшившись съ коня, сумрачно бросилъ поводья на руки холопа, подскочившаго къ его стременю.

— Князь-государь,—доложили ему одинъ изъ слугъ, ожидавшихъ на крыльцѣ:—старика какая-то, изъ дальней обители, пришла къ тебѣ за благостыней и ждетъ твоей милости.

— Какая старика?—съ явной досадой отозвался молодой князь.—Скажите ей, чтобы убиралась къ чорту!

— Да мы и то ее не допускали, и сировадить пытались, да братецъ твой не допустилъ... Посадилъ ее въ твоей наугольной свѣтлицѣ:—тамъ и ждать.

Князь Андрея вдругъ ослѣпила мысль:—„а что если она ко мнѣ... съ новостями?“ — Быстро поднялся онъ на крыльцо и направился къ наугольной свѣтлицѣ. Распахнувъ дверь, онъ почти наткнулся на старика, которая отвѣсила ему низкій поклонъ и въ то же время проговорила весьма выразительнымъ шопотомъ:

— Насъ никто не долженъ слышать...

— Говори, небось,—такъ же точно отвѣчалъ ей князь Андрей, тщательно притворяя дверь на крюкъ.

Старика сдвинула нѣсколько на затылокъ свою скуфейку, откинула ее обору и глянула въ лицо молодого князя своими умными, пропитательными глазами.

— Родимца!—радостно воскликнулъ князь, велепнувъ руками. Онъ долженъ былъ сдѣлать нѣкоторое усилие надъ собою, чтобы не броситься ей на шею.

Родимца замѣтила этотъ порывъ и лукаво улыбнулась, всматриваясь въ лицо молодого красавца.

— Садись, садись скорѣе!.. Сказывай—что и какъ... тамъ?—истеричливо заговорилъ князь Андрей, приветливо усаживая Родимцу около себя на лавку.

— Охъ-ти мнѣ, старицѣ горемычной! Почетъ-то мнѣ какой:—рядомъ съ князькомъ-красавцемъ на лавочкѣ сидѣть; а и срамъ-то мнѣ какой—взаперти съ тобою быть, государь! Чтѣ обо мнѣ добрые люди подумаютъ!—шутливо заговорила Родимца.

— Говори же, говори скорѣе! Какія вѣсти у тебя въ записѣ?

— Не спѣши, князь-государь. Не такое тутъ дѣло, чтобы спѣшкой взять... Возьми на часъ терпѣнья!

— Да скажешь ли ты мнѣ?! Чтѣ будетъ? да и будетъ ли когда? Вѣдь я изнылъ весь, ожидая!

— Вольно жъ тебѣ!

— А тутъ отецъ куда-то вдругъ уѣхалъ; а бояринъ Иванъ Михайловичъ некстати заболѣлъ... Видно, отдумали или отложили въ далекій ящикъ?—заговорилъ съ досадой князь Андрей.

Родимца уперлась руками въ бока и раземѣлась, не стѣняясь, громко и раскатисто.

— Ну, князь, не очень же ты догадливъ!—сказала она, лукаво прищуривая глаза и пристально всматриваясь въ лицо Андрея. — Батьшка-то твой потому и уѣхалъ, а Иванъ Михайловичъ—старая лиса!—потому и заболѣлъ, что дѣлу надо быть вотъ-вотъ!.. Ну, не сегодня—завтра!

— Чтѣ ты говоришь?—воскликнулъ князь Андрей, крѣпко хватая Родимцу за плеча.

Та вздрогнула, быстро вывернулась и вскопчила ногомъ съ лавки.

— Да! *завтра*—понимаешь ли? *Завтра*—я затѣмъ къ тебѣ и прислана! *Завтра*, поранѣе полудня, пріѣзжай къ приказамъ и передай вотъ это письмо отъ батьшки отъ своего боярину Матвѣеву; а когда всѣ бояре вполшатся и бросятся, кто во дворецъ, кто по домамъ, тогда и ты за тѣми ступай, кто во дворецъ пойдетъ... Тамъ встрѣтимся; я проведу тебя, куда приказано...

— Такъ *завтра*? Неужели *завтра*?—невольно повторилъ князь Андрей.

— Да! *Завтра*, —рѣшительно и твердо проговорила Родимца и, поправивъ на головѣ скуфейку, направилась къ дверямъ.

Подойдя къ порогу, она еще разъ оглянулась на князя Андрея, который, словно пораженный неожидан-

нимъ извѣстїемъ, все еще стоялъ въ раздумїи около стола. Оглянулась, полюбовалась, и какъ будто хотѣла еще что-то сказать ему, но пригнѣливо кивнула головой и вышла въ сѣни.

„Такъ, значитъ, завтра, завтра!“—думалъ между тѣмъ князь Андрей, почти не замѣтившій удаленїя Родимицы. И воображенїе быстро унесло его на своихъ мощныхъ крыльяхъ къ тому грядущему, которое открывалось для него съ завтрашняго дня и неудержимо манило его своими неотразимыми чарами.

IX.

Среди крови и стоновъ.

Наступилъ роковой день 15-го мая 1682 года—день памяти св. Дмитрія царевича. Съ утра день былъ сѣренькій, съ легкимъ туманцемъ, окутывавшимъ даль. Солнце, среди этого тумана, казалось огнистымъ, багрово-краснымъ шаромъ. Городская жизнь во всей Москвѣ и началась, и потекла своимъ обычнымъ порядкомъ: торговецъ выѣхалъ на торгъ, приказный поплелся на службу, ремесленникъ пошелъ на работу, съ краюхой хлѣба за пазухой, со всѣмъ своимъ снариломъ въ котомочкѣ за спиной. Съѣхались въ Кремль и бояре:—завѣдывающіе приказами засѣли въ приказахъ; близко стоявшіе ко двору собрались на дворцовой площадкѣ.

Повозки боярскія, верховые кони и челядь заняли, какъ обычно бывало, обширное мѣсто на Ивановской площади, между зданїемъ приказовъ и соборами. Только въ стрѣлецкихъ слободахъ было замѣтно какое-то странное оживленїе, какая-то суетливая дѣятельность:—многіе полки, въ полномъ составѣ, стояли въ строю, около своихъ караульных избъ; другіе, разбившись на кучки, бродили по слободамъ, вооруженные съ головы до ногъ, оживленно о чемъ-то между собою споря и разсуждая... Казалось, всѣ они чего-то выжидали, готовые дѣйствовать по данному знаку...

Въ Теремномъ дворцѣ, на половинѣ, занятой молодою царицею Натальею Кирилловною, всѣ заботы были сосредоточены около шумныхъ и оживленныхъ дѣтскихъ игръ и забавъ малолѣтняго царя Петра Алексѣевича; на половинѣ, занятой царевнами Марьей и Екатериной Алексѣевнами, вниманїе всего женскаго населенїя, скученнаго въ пяти тѣсныхъ, низкихъ и неудобныхъ теремкахъ, было обращено на разборъ какой-то домашней невзгоды, какой-то сплетни, вызванной праздною и ничтожествомъ интересовъ, изъ которыхъ складывалась жизнь этого обособленнаго, тщательно замкнутаго женскаго мірка. Всѣ, принимавшія участіе въ этомъ разборѣ, и царевны, и боярыни, и обвиняемая ими сѣнная дѣвушка—говорили разомъ и въ одинъ голосъ, не слушая и перебивая другъ друга.

— Нѣтъ, матушка,—горячо настаивала Ненила Прокофьевна Шолохова:—этакой дерзости тебѣ спустить нельзя! Вѣдь до чего же это, матушка-царевна, дойти можетъ? Сама посуди!

— Да ей-же-ей!... Вотъ хоть икону со стѣны снять! Не думала я, рта не раскрывала!—твердила сѣнная дѣвушка, прилагая руки къ груди и оборачиваясь то къ царевнамъ, то къ боярынямъ-мамѣ.

— Знаемъ, знаемъ тебя! Всегда была на языкъ дерзка! Давно пора тебя осадить порядкомъ!—горячилась царевна Марья Алексѣевна.

— Я и то ужъ, государыня, къ сестрицѣ твоей, царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, на эту сплетку жаловаться ходила... Да не добилась очей ея увидѣть... Сказали, что съ утра въ молеельнѣ заперлась, и сама ни къ кому не выходитъ, и къ себѣ никого не пускаетъ...

— Да вотъ, разрази меня Богъ на этомъ самомъ мѣстѣ!.. Вотъ лопни мои глаза, коли я хоть словечко вымолвить осмѣлилась!—продолжала оправдываться, оборачиваясь на всѣ стороны, сѣнная дѣвушка.

Тѣмъ временемъ, царевна Екатерина Алексѣевна, которой, наконецъ, прискучили всѣ эти перекоры, вышла изъ терема въ верховой садикъ и, прохаживаясь между его довольно тощими деревцами и кустарниками, вперяла не разъ свой скучающій и томный взоръ въ даль, все еще слегка подернутую легкимъ туманцемъ, не смотря на то, что время близилось уже къ полудню. И вдругъ—взоръ царевны оживился: въ немъ изобразилось сначала усиленное вниманїе, а потомъ даже и тревога.

— Марья Петровна! Марья!—крикнула царевна съ нескрываемымъ безпокойствомъ.—Скорѣе! Ступай сюда! Смотри, смотри!

На зовъ царевны Екатерины, вмѣстѣ съ ея постельницей, выбѣжали въ садикъ изъ терема и царевна Марья, и боярыня-мама, и сѣнная дѣвушка, и всѣ обратили взоры въ ту сторону, въ которую имъ указывала царевна Екатерина. Тамъ, съ трехъ разныхъ сторонъ, по направленію къ Бѣлому городу и къ Кремлю, двигались какія-то темныя, очевидно вооруженныя массы; на солнцѣ блестѣли копья и мушкеты, развѣвались знамена; издали доносился непрерывный барабанный бой, изрѣдка покрываемый криками... Толпы народа, сѣрыми и черными пятнами, двигались вслѣдъ за этими вооруженными массами.

— Что это? Стрѣльцы, что ли?—съ нѣкоторой тревогой спросила царевна Екатерина, обращаясь ко всѣмъ окружающимъ.

— Стрѣльцы! Стрѣльцы и есть, матушка-царевна!—отвѣчали ей въ одинъ голосъ и Пояркова, и Шолохова.

— Зачѣмъ же... они идутъ сюда?... Чего имъ надо?... Что они такъ горланятъ?—разспрашивала оробѣвшая царевна Марья.

Въ это время гдѣ-то вдали, въ двухъ мѣстахъ, ударили въ набатъ... Въ самомъ Кремлѣ, насколько можно было видѣть съ „верховаго“ садика, поднялся переполохъ:—отъ дворца и къ дворцу сбѣжали и бѣжали люди, и сновали въ разные стороны... До царевенъ долетали крики: „стрѣльцы идутъ! стрѣльцы идутъ!“

— Ужъ, вѣстимо, не за добрымъ дѣломъ идутъ сюда!—измѣнившимся голосомъ проговорила Ненила Прокофьевна.

— О-охъ, Господи! Помилуй насъ грѣшныхъ!—прошептала Марья Петровна.

А между тѣмъ барабанный бой приближался... Крики слышались громче и долетали явственнѣе. И всѣ бывшіе въ верховомъ садикѣ съ недоумѣніемъ прислушивались къ нимъ, не зная, что предпринять? Наконецъ, стало слышно, какъ стрѣльцы сквозь незапертыя ворота ворвались въ Кремль—барабанъ затрещалъ подъ самымъ дворцомъ, на Ивановской площади. „Долой измѣнниковъ!“—неистово гудѣли сотни голосовъ.— „Мы пришли вывестъ измѣну изъ царской семьи!“

И къ этимъ крикамъ скорѣе примѣшались вонли боярскихъ слугъ, которыхъ стрѣльцы сбивали съ возковъ и гнали вонъ изъ Кремля...

— Боже мой! Боже мой! Что же это будетъ?—шептали въ перепугѣ поблѣднѣвшія и растерявшіяся царевны, позабывъ все то, что онѣ сами еще такъ недавно говорили объ ожидаемомъ переворотѣ...

А крики все громче, все грознѣе—и то сливаются въ одинъ общій, пеленный гулъ, то неистово звучатъ какъ ревъ дикаго, разъяреннаго звѣря, готоваго растерзать свою добычу...

— Батюшки! Да тамъ рѣжутъ—людей рѣжутъ! Слышите—слышите!—воскликнула въ ужасѣ боярыня Пояркова, падая на колѣни и всплескивая руками.

— Царевны-государыни, родимыя вы наши матушки!—раздался вдругъ сзади, отъ теремовъ, голосъ Родимицы.—Ну, чего это вы такъ переполошиться изволили? Не пугайтесь! Меня къ вамъ царевна Софья Алексѣевна послала, чтобы васъ успокоить...

Виставка картинъ английскихъ художниковъ. „Знатокъ“.
 Съ картинъ Ж. А. Сторэ, по фотографіи Г. Глабовскаго авторитипъ „Цивил“.

Выставна картина С.-Петербургскаго общества художниковъ. „Бабушка спитъ“.
Съ картины К. П. Степанова, по фотографіи К. Булга автотипіи „Нива“.

— Успокоить?! Тамъ внизу людей рѣжутъ, кровь проливають—а она успокоивать прислала?!—крикнула боярыня-мама.

— Коли рѣжутъ кого,—огрызнулась Родимица:—такъ однихъ измѣнниковъ государевыхъ! Ну, а имъ—туда и дорѣга!

— Руби, руби его! На коньки прймай, въ бердыши!—загудѣли внизу голоса многотысячной толпы.

— Любо, любо!—пенство вторили имъ другія сотни голосовъ, покрывая чьи-то раздрающіе вопли.

Всѣ женщины, бывшія въ верховомъ садикѣ, замерли въ оцѣненнѣйшій ужаса... Одна Родимица не смутилась:

— Царевны-государыни, не пугайтесь! Добрыхъ людей Господь обережетъ! И если бы даже случилось, что стрѣльцы своихъ злодѣевъ и государевыхъ измѣнниковъ здѣсь во дворцѣ искать стали...

— Во дворцѣ?! Да какіе же тутъ злодѣи?—что ты шипишь, змѣя подколотная!—набросилась на Родимицу боярыня-мама.

— А тѣ самые злодѣи,—дерзко отозвалась Родимица:—которые царевича Петра въ цари возвели, а царевича Ивана чуть-чуть не извели! А коли ты этого, боярыня, не знаешь, такъ лучше и не суйся, чтобы дѣло до разбору не дошло...

Многозначительный взглядъ, которымъ Родимица сопровождала эти слова, заставилъ боярыню вздрогнуть и замолчать.

— Такъ вотъ, государыни-царевны, пожалуйте въ теремъ... Тамъ отъ ея благородія, сестрицы вашей, Софьи Алексѣевны, вѣрный человѣкъ къ вамъ присланъ: онъ васъ и охранить, и обережетъ отъ всякой напасти...

И она повела царевенъ за собою въ ихъ покои, а за царевнами устремились туда же и боярыня, и постельница, и сѣнныя дѣвушки, испуганно столпившіяся у входа въ теремъ. Всѣ зажимали себѣ уши, чтобы не слышать страшныхъ воплей и криковъ, доносившихся снизу...

Родимица, которая, очевидно, успѣла вполне освоиться со своимъ господствующимъ положеніемъ, заперла на-крѣпко двери въ садикъ, потомъ быстро перешла черезъ комнату, открыла дверь въ сѣни, и громко произнесла:

— Князь Андрей Ивановичъ, пожалуй-ка сюда!

Андрей Хованскій явился на порогѣ терема и низко поклонился царевнамъ и боярынямъ.

— Ой, Господи! Срамъ какой!—шентала Марья Петровна на ухо боярыни Поирковой:—мужчина да въ женскомъ теремѣ!..

— До того ли ужъ теперь!—шопотомъ же отвѣчала ей боярыня-мама.

— Князь Андрей Ивановичъ!—торжественно провозгласила Родимица:—ея благородіе, царевна Софья Алексѣевна, поручаетъ тебѣ оберегать отъ стрѣльцовъ своихъ сестрицъ, благородныхъ царевенъ, Екатерину и Марію Алексѣевенъ. Клинешься ли ты, что, оберегая ихъ царское здоровье, кровь свою прольешь и живота не пожалѣешь?

— Клянусь!—также торжественно провозгласилъ Хованскій, поднимая руку къ образу.

Царевны привѣтливо взглянули на молодого красавца, нѣсколько смущеннаго необычайностью своего положенія, и не знали, что сказать ему... Но Родимица, не теряя ни на минуту присутствія духа, и тутъ вывела царевенъ изъ затрудненія.

— Князь Андрей Ивановичъ! Ты теперь удостоился высокой чести пресвѣтлыя очи царевенъ видѣти,—такъ ступай въ сѣни и стой тамъ на-сторожѣ, денно и пощно, доколѣ въ тебѣ потреба не минетъ, и тебя наши люди со стражи не смѣнятъ.

Молодой князь еще разъ поклонился молча, и вышелъ въ сѣни. За нимъ, среди общаго смущенія и мол-

чанія, послѣдовала и Родимица, и когда она съ княземъ скрылась за дверь, всѣ въ теремѣ царевенъ почувствовали, что у нихъ какъ будто отлегло отъ сердца: какъ будто не такъ страшно стало...

А Родимица, выйдя за дверь, въ сѣни, схватила князя Андрея за руку и проговорила ему шопотомъ:

— Коли до ночи доживемъ, такъ я велю тебѣ здѣсь, ѓ-бокъ съ сѣнями, въ каморочкѣ постелюшку постлать... Да чтобы не было тебѣ по дому скучно, такъ я сама къ тебѣ прииду—перинушку взбить да изголовьице лебяжье поправить...

И прежде чѣмъ князь Андрей успѣлъ ей что-нибудь отвѣтить, она скрылась за поворотомъ примыкавшихъ къ сѣнямъ теремныхъ переходовъ.

Х.

Послѣднее прощанье.

Въ этотъ роковой день, рано утромъ, думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ проснулся подъ утро совсѣмъ больной. Голову ломило, въ груди были колотья, слабость ощущалась во всемъ тѣлѣ. Съ трудомъ поднялся онъ съ изголовья и присѣлъ на краю постели въ раздумьи...

— Что съ тобою, голубчикъ?—заботливо спросила его Марьюшка, видя, что на мужѣ и лица нѣтъ.

— Недужитесь,—глухо и неохотно отвѣтилъ онъ.

— Коли недужитесь, такъ надо тебѣ дома посидѣть... Ты ужъ на службу-то не ходишь бы,—стала упрашивать Марьюшка.

— Какъ это можно?.. За это, небось, не скажутъ мнѣ спасибо. Хоть умри, да ступай... Теперь въ приказѣ дѣль—берѣмя.

— Да вѣдь хуже будетъ, какъ тамъ-то что случится? Посмотрѣлъ бы ты на себя, каковъ ты есть?

— Авось, Богъ милостивъ... Обойдется...

— Охъ, изноетъ вся душенька моя по тебѣ, Ларюшка... Не ходишь бы ты, право!

Но Ларюшка только рукой махнула и сталъ медленно и вяло одѣваться.

— Ужъ и ночью-то я побился, — говорилъ Ларіонъ Ивановъ, натягивая кафтанъ на плечи:—ви дать, ни взять, какъ съ перепоя... Такое все въ глаза лѣзло мудреное: зарева нигдѣ не видно—а у меня набатъ въ ушахъ гудить... А потомъ все крики какіе-то слышались, словно бы рѣжутъ кого... И дважды съ постели вскакивалъ, прислушивался:—пѣтъ, ничего не слышать, и собаки не лаютъ... А хуже всего, что какъ только сомкну глаза, да начну засыпать, такъ вотъ тутъ въ углу и вижу ее... проклятую...

— Кого видишь-то, Ларюшка?—боязливо перебила Марьюшка.

— А кого же, какъ не эту старицу самую, что нисѣмо-то мнѣ подала... Стоить въ углу и пальцемъ мнѣ грозить...

— Ой, Ларюшка, голубчикъ, останься ты дома! Не мучь ты меня...

— Полно, Марьюшка! Не всякому спусъ вѣрь, не всякаго страха пугайся... Грозилась тебѣ эта старица и упреждала на мой счетъ, старалась и меня въ нисѣмъ подметномъ запугать,—а всѣ рѣчи ея вышли нутошныя... И живы, и цѣлы мы, Божіею милостью, по пошнѣйшій день...

Онъ постарался даже улыбнуться, чтобы подбодрить жену, но и у самого на душѣ было не спокойно: онъ не все досказывалъ женѣ, и сонъ его былъ дѣйствительно какимъ-то нескончаемымъ, страшнымъ кошмаромъ... Какая-то мрачная фигура, похожая на монахиню, почти всю ночь стояла передъ нимъ, въ темномъ углу опочивальни, и, грозя пальцемъ, твердила громко, вслухъ: „Готовься къ смерти!“

Онъ отворачивался отъ этого угла, закрывалъ голову въ одѣяло, крестился, и вновь пытался заснуть; но непреодолимая сила вновь вынуждала его обер-

путься, и опять ему чудилась та же темная фигура въ углу и слышались надъ самымъ ухомъ тѣ же грозныя слова...

Холодный потъ выступалъ у него на лбу — онъ никакъ не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, что съ нимъ происходило: на яву ли видитъ онъ это видѣніе передъ собою, или въ бреду начинающейся горячки? И такъ промучился всю ночь.

— Ну, Марьюшка, прощай! — сказалъ онъ, наконецъ, кое-какъ закончивъ одѣванье и протягивая руку къ шанкѣ.

— Останься! Не ходи! Коли любишь меня, не ходи! — съ какимъ-то отчаяньемъ воскликнула Марьюшка, бросаая ему на шею и крѣпко сжимая его въ своихъ объятіяхъ.

— Любовь любовью, а служба службой! — проговорилъ серьезно и настойчиво Ларіонъ Ивановъ, и рознялъ руки Марьюшки. — Небось, расхвораюсь тамъ, такъ привезутъ и изъ приказа...

И еще разъ улыбнувшись, женѣ въ утѣху, онъ переступилъ порогъ и скрылся за дверью. Марьюшка хотѣла бѣжать за нимъ вслѣдъ, хотѣла еще разъ попытаться остановить его, но схватилась за голову и, обливаясь слезами, ткнулась въ изголовье лицомъ.

Все утро, почти до полудня, Марьюшка была, что называется, сама не своя; за что бы она ни принималась, все у нея изъ рукъ валилось... Сѣла-было за плетичное шитье — только узоръ перепутала; пошла въ кладовку за какой-то хозяйственной потребой, открыла ее, да на порогъ и забыла, зачѣмъ пришла; сунулась-было въ хлѣвъ къ своей любимой коровушкѣ, хотѣла ее поить изъ своихъ рукъ, да вмѣсто отрубей — опилокъ ей въ пойло насыпала. Когда время стало подходить къ полудню, Марьюшка сѣла на крылечкѣ, выходящемъ во дворъ, и все смотрѣла на калитку, ожидая, что вотъ-вотъ она отворится и Ларіонъ въ ней появится... (Занятія въ приказахъ кончались около полудня.) Но никто не появлялся, а Марьюшка все болѣе и болѣе волновалась ожиданіями. Вдругъ ей почудилось, какъ будто набать гдѣ-то гудитъ вдалекѣ; сначала въ одномъ направленіи, потомъ въ другомъ...

„Что за притча?“ — подумала она. — „Неужли и мнѣ чудиться на яву начинаетъ, какъ Ларіонъ нынче ночью?“

Но ей, видно, не чудилось, потому что на порогѣ поварни показалась стряпуха съ ухватомъ въ рукахъ и, обращаясь къ челядинцамъ, бывшимъ на дворѣ, сказала:

— Да никакъ это бьютъ набать? Ужъ нѣтъ ли гдѣ пожара?

— Набать и есть, — отвѣчали челядинцы и добавили: — да вотъ Матвѣй Семеновичъ съ базара вернется, небось, расскажетъ, гдѣ пожаръ?

Отдаленный набать какъ будто смолкъ на время; но смѣнился рѣзкимъ барабаннымъ боемъ и какими-то криками, которые неслись издали, сливались въ одинъ пеленный, неразборчивый гулъ.

Марьюшка не вытерпѣла: послала двоихъ конюховъ узнать, что за полки проходятъ по ближней улицѣ, и что такое кричатъ, и не пожаръ ли идутъ тушить?

Но прежде чѣмъ конюхи вернулись съ вѣстями, послышались на улицѣ, за калиткою, поспѣшные шаги, калитка распахнулась настежь и во дворъ вбѣжалъ приказчикъ Матвѣй Семеновъ — безъ шанки, блѣдный, растрепанный, перепуганный на смерть.

— Матушка! Государыня ты наша! Бѣда! — закричалъ онъ во весь голосъ, подбѣгая къ крылечку. — Въ городѣ бунтъ — смятеніе великое! Стрѣльцы бунтуютъ... Въ Кремль идутъ — въ оружіи — хотятъ съ боярами измѣнниками расправиться... Такъ и кричатъ во всю глотку!.. Перепугался я такъ, что опрометью бросился сюда, — и покупки-то все на базарѣ бросилъ — шанку нивѣсть куда задрвалъ!

— Боже мой, Боже мой! Чтò съ Ларіонкой будетъ?! — воскликнула въ ужасѣ Марьюшка, ломая руки и заливаясь слезами.

Къ крыльцу собралась вся дворня; все покачивали головами, все старались госпожу свою утѣшить, уговорить, соболѣзновали ея опасеніямъ...

Но вѣсти недобрыя уже успѣли разнестись по городу... Слышно было, какъ по улицѣ бѣжали люди и что-то кричали; какъ кучки народа собирались передъ домами и на перекресткахъ; толковали, шумѣли, восклицали... И среди этого шума, гула и говора, калитка еще разъ открылась настежь, и одинъ изъ конюховъ, едва переводя духъ отъ волненія, проговорилъ, подбѣгая къ Марьюшкѣ:

— Стрѣльцы... въ Кремль!.. Ворота заперли... поклялись никого живого изъ бояръ отсюда не выпустить!.. Изъ воротъ на площадь то и дѣло тащатъ бояръ убитыхъ, порубленныхъ, исколотыхъ, и бросають у Лобнаго мѣста... Груды ваметаны!.. А кровь-то лужами стоитъ... Въ одной-то грудѣ и видѣлъ... охъ, видѣлъ...

Онъ договорить не могъ... Дыханье сперло у него въ груди...

— Чтò видѣлъ — говори! — закричала Марьюшка не своимъ голосомъ, хватая конюха за руку и потрясая ее изо всей силы.

— Видѣлъ господина нашего... Голова разрублена, все тѣло исколото... Одеженка искровавлена...

Марьюшка выпустила его руку, зашаталась и безъ чувствъ упала на руки подхватившихъ ее слугъ.

XI.

На боярской площадкѣ.

Дней десять спустя, послѣ страшныхъ дней майскаго бунта стрѣльцовъ, все снова вошло въ обыденную колею. Кровавая смута, словно вешняя буря по лѣсу, пронеслась надъ бѣлокаменной, свалила нѣсколько маститыхъ дубовъ и коренастыхъ сосенъ, обездолила нѣсколько семей, загубила нѣсколько родовъ боярскихъ и княжескихъ, и проложила дорогу новымъ людямъ — дорогу къ почестямъ, къ знатности, къ богатству... И на царственномъ *Верху* измѣнилось также многое; по общій строй государственный не поколебался, и жизнь продолжала идти все тѣмъ же, искони намѣченнымъ путемъ. Напуганное первымъ переполохомъ боярство и знать стали мало-по-малу вновь собираться въ томъ же Кремлѣ, являться ежедневно на ту же самую площадку, заискивать милостей у новаго правительства и новыхъ людей, какъ они незадолго передъ тѣмъ искали ихъ у прежнихъ временщиковъ и ближнихъ людей царицы Натальи Кирилловны. Царевна Софья Алексѣевна выдвинулась на первый планъ тотчасъ послѣ кровавой стрѣленкой смуты, возвела неключимаго и болѣзненнаго брата своего, царевича Ивана, въ цари, рядомъ съ младшимъ братомъ своимъ, царемъ Петромъ, а затѣмъ, по настоянію стрѣльцовъ и „по усиленному требованію всеѣхъ чиновъ государства“, изъявила согласіе принять на себя управленіе государствомъ „по малолѣтству ея обоихъ братьевъ-царей“...

На другой день послѣ того, какъ извѣстительныя грамоты объ этомъ важномъ событіи были разсланы во все концы государства, на дворцовой площадкѣ, точно такъ же, какъ и прежде, толпилось боярство и думное дворянство; кто поджидалъ возможности проникнуть въ „комнату“ царевны черезъ своихъ родныхъ и милостивцевъ, кто держалъ за назухой челюстище о своихъ насущныхъ нуждахъ, кто просто прислушивался къ толкамъ и слухамъ, и вынюхивалъ направленіе вѣтра... Площадка попрежнему гудѣла голосами, оглашалась сдержаннымъ смѣхомъ и шутками толпы царедворцевъ и вслѣднихъ, „чающихъ движенія воды“...

Нарядные жильцы, попрежнему, опираясь на свои блестящіе протазаны, охраняли входъ за дворцовую

рѣшетку; дѣяки съ дѣловымъ и сосредоточеннымъ видомъ, попрежнему, сновали вверхъ и внизъ по дворцовой лѣстницѣ, направляясь отъ приказовъ и къ приказамъ; и всѣ присутствовавшіе на площадкѣ, попрежнему, группировались кучками, сообразно своимъ связямъ и отношеніямъ, своимъ расчетамъ и планамъ на будущее.

Въ сторонѣ отъ другихъ, за толстымъ каменнымъ столбомъ, стояли, между прочимъ, два боярина, Михаилъ Ивановичъ Лыковъ и Семень Петровичъ Деревнинъ, только-что возвратившіеся изъ дальней поѣздки въ свои нижегородскія вотчины. Они оба были такъ увлечены своей бесѣдой, что, повидимому, даже не замѣчали толпы, шумѣвшей кругомъ ихъ, и не старались слышать ничьихъ рѣчей.

— Скажи на милость, — съ изумленіемъ говорилъ Деревнинъ, разводя руками: — давно ли, кажется, я и уѣхалъ-то, на Средокрестной, — а тутъ у васъ, смотрика, сколько всякихъ бѣдъ и напастей стряслось!

— Да, братецъ, словно бы гроза съ вихремъ по нашей бѣлокаменной прошла... Поразметала всѣхъ въ стороны... Царицу Наталью въ Преображенское, какъ въ ссылку, спровадили, и съ сыномъ-царемъ; царевну Софью въ правительницы вознесли — и въ грамотахъ даже съ греческой царевной Пульхеріей равняютъ: та тоже, вишь, государствомъ правила при малолѣткахъ двоихъ братьяхъ-царяхъ... Нарышкинскихъ словно косою свосило, и рядомъ съ ними Матвѣева, да Салтыковыхъ, до Ромодановскихъ и Долгорукихъ, и сколькихъ еще изъ нашихъ прежнихъ пріятелей... А сколько въ ссылку сосланы, въ помѣстья на житье отравлены... Другіе, вишь, люди понадобились: не мы!

— Пріятель дорогой, давнишній, задушевный! — заговорилъ съ волненіемъ Деревнинъ: — да ты скажи мнѣ, какъ передъ Истиннымъ, какъ все это могло случиться? Кто все это наладилъ? Кто надумилъ? Вѣдь не стрѣльцы же сами придумали...

— Ну, кто наладилъ да подготовилъ — о томъ не мѣсто намъ съ тобою здѣсь разсуждать... Кто наладилъ, тотъ теперь наверхъ и вознесенъ; однакожь и стрѣльцы остались въ барышахъ... За ними — сила; имъ и почетъ, и мочь полная: что хотятъ, то и вершатъ... Ихъ теперь унять не такъ будетъ легко, какъ полагала царевна и ея пособникъ, Ивашка Милославскій...

— Да скажи ты мнѣ, дружище, Тараруй-то тутъ при чемъ? Говорятъ, вѣдь тоже въ большіе люди вышелъ! А ужъ, кажется, не царю хитеръ и ловокъ?

— Да! Вотъ поди-жь ты! Никто не чаялъ, не гадаль... Давно ужъ, кажется, его и на гноище бросили, а пригодился, знать, царевнѣ... И ты не говори, чтобы онъ не хитеръ былъ... Орудовалъ все съ нимъ втихомолку, а на время смуты даже изъ Москвы уѣхалъ; и какъ только смута миновала — онъ тутъ-какъ-тутъ, и тотчасъ въ начальники стрѣleckаго приказа попалъ... Самъ въ люди вышелъ, и дѣтей всѣхъ вывелъ: князь Андрей, молокососъ, поставленъ надъ суднымъ приказомъ, а князь Иванъ — къ царю Петру во спальники опредѣленъ...

— Кабы не ты мнѣ сказывалъ, — съ досадою замѣтилъ Деревнинъ: — такъ я бы не повѣрилъ!

— Да чего не вѣрить-то? Вонъ, полюбуйся, чай теперь своимъ глазамъ повѣришь! — смѣясь, проговорилъ бояринъ Лыковъ, указывая пальцемъ въ сторону Постельнаго крыльца.

Деревнинъ глянулъ въ ту сторону и дѣйствительно замѣтилъ тамъ, въ толпѣ бояръ и думныхъ дворянъ, какое-то колебаніе и какъ бы волненіе... Всѣхъ почему-то полохнуло врозь, на двѣ стороны; всѣ тѣснились, стараясь забѣжать и выдвинуться впередъ, и всѣ отвѣщивали низкіе-пренизкіе поклоны въ сторону того

важнаго, сановитаго лица, которое медленно и степенно поднималось вверхъ по лѣстницѣ... Деревнинъ приподнялся на носочки и вытянулъ шею, чтобы изъ-за чужихъ плечъ взглянуть на приближавшагося сановника, и обомлѣлъ отъ изумленія...

На лѣстницу, преважно кивая головою на обѣ стороны, всходилъ никто иной, какъ самъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, окруженный свитой челоуѣкъ, пожалуй, въ тридцать или болѣе. На князѣ былъ богатѣйшій турецкій кафтанъ, золотой парчи съ цвѣтными на немъ городами и разводами, съ плетеными застѣжками, низанными крупнымъ жемчугомъ и золотыми пуговицами, въ которыхъ горѣло по яхонту. На его сѣдыхъ кудряхъ красовалась небольшая и невысокая шапка-мурмолка, украшенная запоной съ камнями и съ небольшимъ страусовымъ перомъ. Онъ выстуналъ, опираясь на трость черного дерева, съ золотымъ набалдашникомъ, и съ двухъ сторонъ, при поднятій на лѣстницу, его поддерживали — сынъ его Андрей и стрѣлецкій полковникъ Циклеръ. Стѣдомъ за нимъ, важно избоченясь и ни передъ кѣмъ не ломая шапокъ, шли, опираясь на свои трости, стрѣлецкіе полковники и полуполковники, стрѣлецкіе головы и даже нѣсколько простыхъ выборныхъ стрѣльцовъ въ своихъ сѣрыхъ строевыхъ кафтанахъ.

Къ крайнему изумленію Деревнина, это шествіе прошло черезъ площадку, миновало и завѣтную, для всѣхъ одинаково закрытую дворцовую преграду, охраняемую жильцами, и затѣмъ, въ полномъ составѣ, прослѣдовало въ „комнату“ царевны Софьи, доступную только для ея ближнихъ, такъ-называемыхъ „комнатныхъ“ людей.

— Да скажи мнѣ, не во снѣ ли я все это вижу? — съ изумленіемъ спросилъ Деревнинъ. — Мы, родовые, неконные бояре и сановные люди, мы здѣсь толчемся на площадкѣ передъ закрытой дверью, въ которую и постучаться, и толкнуться не смѣемъ, а простые стрѣльцы, помимо насъ, прямо къ правительницѣ путь находятъ?

— Такъ имъ она сама дозволила, и мы всѣ попустили... Да погоди! Не то еще увидимъ!

— Ну, братъ, ужъ хуже-то едва ли придется видѣть! — со вздохомъ промолвилъ Деревнинъ.

Въ это время къ нашимъ собесѣдникамъ подошелъ еще одинъ, уже весьма пожилой бояринъ.

— Князь Михайло Ивановичъ, а знаешь ли за какимъ ходатайствомъ эти нахалы пошли теперь къ царевнѣ?

— Кто же это знаетъ? — съ досадою отозвался князь Лыковъ.

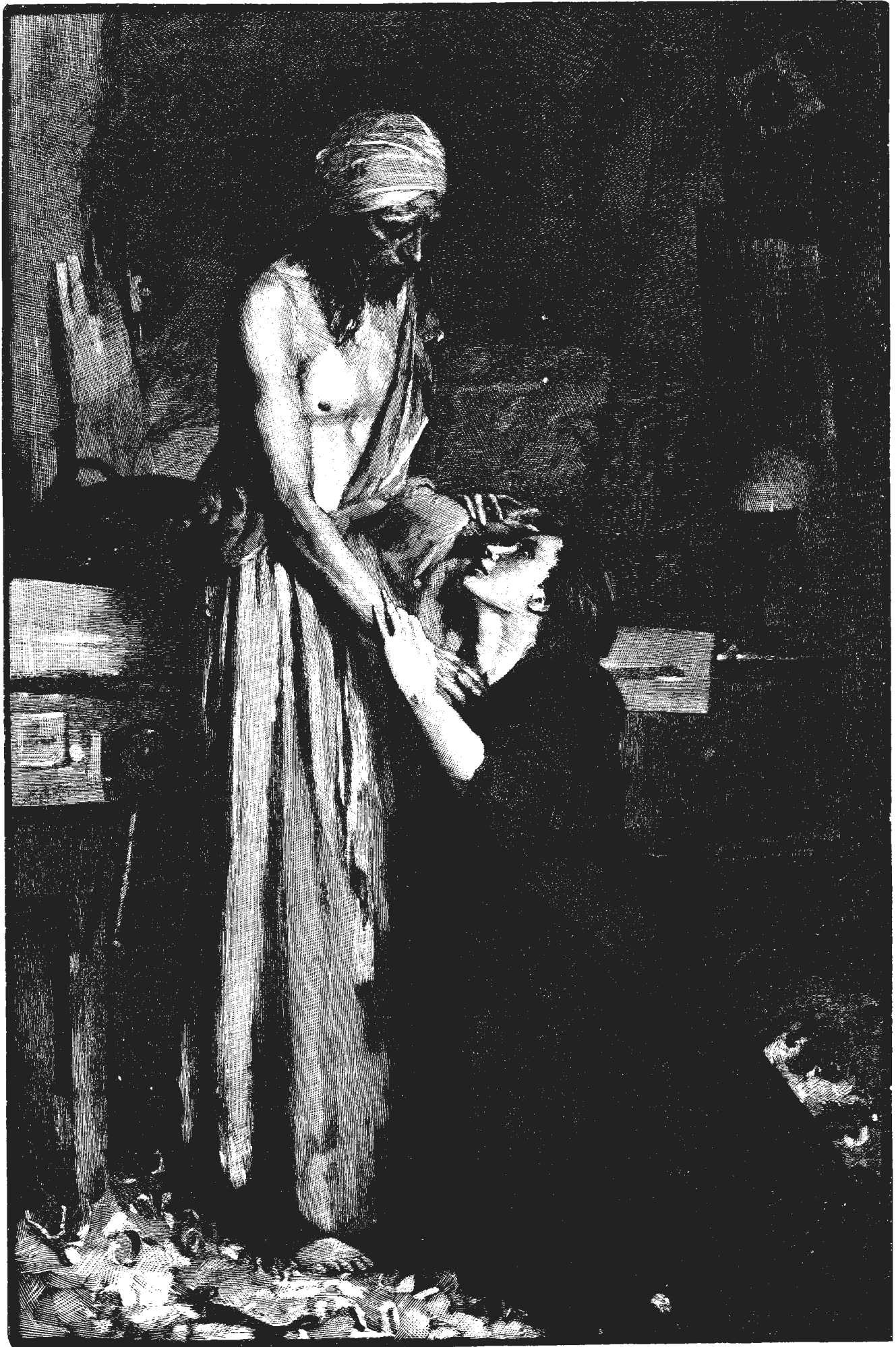
— Да я-то знаю! Мнѣ вѣчерась самъ Циклеръ сказывалъ... Идутъ просить, чтобы царевна дозволила имъ столпъ на Красной площади воздвигнуть, а на томъ столпу чтобъ были прописаны всѣ ихъ заслуги и имена убитыхъ ими измѣнниковъ и злодѣевъ государевыхъ, яко бы умышлявшихъ на его царское здоровье!.. Вотъ оно куда пошло!

Князь Лыковъ стиснулъ зубы и сверкнулъ глазами.

— Пойдемъ ко мнѣ, дружище, — шепнулъ онъ Деревнину: — тутъ мнѣ ужъ невтерпѣжь приходится... И зло беретъ, и горе-горькое сердце гложетъ! До какого срама мы дожили... Неужели же у Господа, смѣшнѣшаго языки при постройкѣ столпа Вавилонскаго, не найдется и теперь громовъ и бурь, чтобы разразить этотъ столпъ проклятый съ похвальбою нечестивцевъ!

И онъ посиѣбно зашаталъ, вмѣстѣ съ Деревнинымъ, стремясь къ выходу изъ дворца по тому самому крыльцу, по которому за нѣсколько мгновений передъ тѣмъ такъ горделиво поднимался князь Хованскій, окруженный своею многочисленною свитой.

(Продолженіе будетъ.)

Выставка англійскихъ художниковъ. „Нающаяся грѣшница“.

Съ карт. А. Гаккера, по фотографіи К. Булла, гравир. Павловъ.

Библиотека "Руниверс"

Черные ангелы.

Рассказ Гергарда Бэра.

В один ясный октябрьский день 1889 г. я стоял в гавани американского города Мобиль и, отъезжая, думал, смотрел, как нагружали хлюпком огромное судно, шедшее в Европу. Мобиль, главный город севе́ро-американского штата Алабама, находится в южной части Соединенных Штатов, на рѣкѣ того же названія, въ томъ ея мѣстѣ, гдѣ она впадаетъ въ бухту Мобиль, часть Мексиканскаго залива.

Несмотря на позднее время года, было довольно жарко, — климатъ Мобили уже вполне южный. Среди чудной природы и въ виду живописной картины, какую представляла гавань съ ея лѣсомъ мачтъ и кипучею жизнью, мнѣ слѣдовало бы, собственно говоря, быть если не въ веселомъ, то въ благодушномъ настроеніи, а между тѣмъ у меня на душѣ, что называется, кошки скребли. Дѣло въ томъ, что у меня въ карманѣ оставалось всего двадцать центовъ, тогда какъ два дня тому назадъ, когда я выѣзжалъ изъ Нью-Йорка, у меня было восемьдесятъ долларовъ. Одинъ этотъ печальный фактъ достаточно выясняетъ, почему я чувствовалъ себя скверно...

Получивъ на родинѣ наслѣдство, простиравшееся до 3000 долларовъ, я разсудилъ, что на проценты съ этого капитала жить нельзя, а такъ какъ для моей специальности гравера и рисовальщика важно повидать свѣтъ, то я отказался отъ своей должности и поѣхалъ въ Америку.

Нѣсколько недѣль я провелъ въ Нью-Йоркѣ, но подходящаго мѣста не оказалось; тогда я рѣшилъ попытаться счастья на югъ, куда меня давно тянуло. Въ пути я познакомился съ однимъ американскимъ ибъцемъ и въ какихъ-нибудь два-три часа такъ съ нимъ сошелся, что открылъ ему и свою душу, и свои планы и намѣренія. Несмотря на мою трогательную добрыню, симпатичный землякъ укралъ у меня, лишь только я уснулъ, всѣ мои деньги, и меня, раба Божьяго, не шибкого тѣмъ заплатить за билетъ до Нью-Орлеана, высадили изъ поезда въ Мобиль.

Что дѣлать? Я зналъ, положимъ, что въ Америкѣ выборомъ занятія не стѣсняются, и готовъ былъ приняться за самый тяжелый трудъ; но физической силой я никогда не отличался, да и пердѣ было ея развитіе такъ какъ я годами сидѣлъ надъ черченіемъ или рисованіемъ. Наблюдая необычайную силу и неутомимость негровъ-носильщиковъ въ гавани Мобили, я долженъ былъ сказать себѣ, что здѣсь и работы не найду.

Съ тоскою въ душѣ вернулся я изъ гавани на вокзалъ, сѣлся въ пассажирскомъ залѣ, предназначенномъ для бѣлыхъ, и принялся обдумывать свое положеніе. Будущее представлялось мнѣ теперь въ очень мрачномъ свѣтѣ...

Несмотря на то, что со времени великой междоусобной войны рабство въ Соединенныхъ Штатахъ уничтожено, и негры пользуются одинаковыми правами съ бѣлыми населеніемъ, никто, однако, не думаетъ признать за ними и обществленную равноправность. Изъ семи миллионъ негровъ, живущихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, только одинъ миллионъ приходится на сѣверные штаты Союза, остальные шесть — на южные. Тамъ они добываютъ себѣ пропитаніе, состоя изъ поденщиками, кучерами, кельнерами, цирюльниками, лакеями, поварами и, наконецъ, фермерами; но бѣлый президентъ ихъ и даже на вокзалахъ отводитъ имъ отдѣльные мѣста.

Итакъ, я сидѣлъ въ залѣ для бѣлыхъ пассажировъ и размышлялъ, что предпринять со своими двадцатью центами. Хуже всего было то, что по-англійски я зналъ всего нѣсколько словъ.

Я имѣю привычку, задумавшись надъ чѣмъ-нибудь, писать или рисовать что-нибудь, если подъ рукой окажется клочокъ бумаги. Такъ было и теперь; ломая голову надъ тѣмъ, что дѣлать, я машинально вынулъ изъ кармана записную книжку и принялся, по обыкновенію, набрасывать разныя фантастическія узоры.

Вдругъ чья-то рука коснулась моего плеча. Поднявъ глаза, я увидѣлъ передъ собой высокаго худощаваго довольно пожилого господина, съ характерной для янки бороδοю подъ подбородкомъ. Онъ затворилъ со мною по-англійски, на что я, пожмая плечами, отвѣтилъ по-нѣмецки: «не понимаю». Въ ту же минуту лицо незнакомца приняло наполовину удивленное, наполовину радостное выраженіе, и онъ спросилъ по-нѣмецки съ американскимъ акцентомъ:

— Вы нѣмецъ?

— Да, — отвѣчалъ я, въ волненіи вскакивая съ мѣста.

— Рисовальщикъ?

— Да. Рисовальщикъ узоровъ и граверъ.

Эти невнимныя сами по себѣ слова, повидимому, произвели на незнакомца сильное впечатлѣніе. Онъ широко открылъ глаза и уставился на меня, будто видя передъ собой какое-то сверхъестественное явленіе, потомъ испустилъ вздохъ облегченія и такъ сильно ударилъ меня ладонью по плечу, что я чуть не упалъ.

— Землякъ, — сказалъ онъ, — самъ Богъ послалъ мнѣ васъ! Сядьте, поговоримъ. Меня зовутъ Верлихъ, я родомъ съ

Рейна, живу здѣсь уже много лѣтъ, занимаюсь огородничествомъ; мой огородъ тамъ, у залива.

— Превосходно! — воскликнулъ я. — Не могу ли я найти у васъ работу?

— Посмотримъ. Какъ вы попали въ Мобиль?

Я рассказалъ о своемъ злоключеніи. Когда я кончилъ, онъ снова хлопнулъ меня по плечу, ласково улыбуясь и воскликнулъ въ свою очередь:

— Превосходно! Ну-ка скажите, землякъ, можете вы рисовать негра?

— Это не трудно, — отвѣтилъ я, все болѣе удивляясь странному поведенію Верлиха.

— Хорошо, — сказалъ Верлихъ: — я дамъ вамъ долларъ, если вы мнѣ хорошо нарисуете голову негра. Отсюда изъ окна вы видите на платформѣ много разныхъ негровъ. Нарисуйте мнѣ голову одного изъ нихъ на листѣхъ вашей записной книжки.

Въ моемъ положеніи долларъ значилъ много, поэтому я не заставилъ себя долго просить, выбралъ наудачу одного негра изъ толпы носильщиковъ и набросалъ его голову. Окончивъ свой маленькій эскизъ, я хотѣлъ старательно его отдѣлать, но Верлихъ не позволилъ.

— Съ меня довольно, — сказалъ онъ. — Вотъ, возьмите вашъ долларъ. Въ самомъ дѣлѣ, васъ послалъ мнѣ Богъ. Хотите обдѣлать вмѣстѣ со мной одно дѣло, которое принесетъ вамъ въ десять разъ больше, чѣмъ вы потеряли?

Верлихъ смотрѣлъ на меня такъ сосредоточенно, что мнѣ сдѣлалось жутко.

— Разумѣется, — сказалъ я съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

— Well, — съ довольной улыбкой кивнулъ Верлихъ: — тогда вы мой. Пойдемте; вы поселитесь у меня и будете рисовать то, что я васъ попрошу. Я гарантирую вамъ черезъ полгода огромный заработокъ.

— Я охотно приму ваше предложеніе, — нерѣшительно продолжалъ я. — Но объясните, въ чемъ дѣло?

— Все очень просто. Вы должны дѣлать рисунки по моимъ указаніямъ или измѣнять уже готовые рисунки, потомъ гравировать ихъ — вотъ и все.

— Я полагаю, конечно, что дѣло идетъ о вещахъ дозволенныхъ?

— Ха-ха-ха! Ну, разумѣется! Вы вѣрно думаете, что я васъ заставлю поддѣлывать банковые билеты? Нѣтъ, землякъ, мы не такъ глупы; мы можемъ зарабатывать деньги честнымъ путемъ, вполне честнымъ! Что же, вы согласны?

Верлихъ протянулъ мнѣ руку, мозоли которой краспорѣчиво говорили, что онъ честно поработалъ на своемъ вѣку. И я, хотя все еще съ нѣкоторымъ колебаніемъ, протянулъ ему руку въ знакъ согласія.

— Я радъ возможности зарабатывать деньги и буду изготовлять рисунки по вашему усмотрѣнію; но, — продолжалъ я, думая его перехитрить: — не рѣшите ли намъ теперь же, сколько я буду получать въ недѣлю или въ мѣсяцъ?

— Вы должны знать, что я — честный человѣкъ, землякъ. Я еще не спросилъ васъ о вашемъ имени, а ужъ вамъ довѣрился. Предлагаю вамъ половину денегъ, которыя мы сообща заработаемъ, — конечно, за покрытие всѣхъ издержекъ. Вы поклонитесь мнѣ хранителю тайны нашего договора и обѣжете отдать свою особу въ мое полное распоряженіе для работы.

Видя, что я все еще колеблюсь, Верлихъ добавилъ:

— Землякъ, не будьте же глупцомъ! — убѣждалъ онъ. — Ручаюсь вамъ, что меньше чѣмъ черезъ годъ каждый изъ насъ заработаетъ отъ восьми до десяти тысячъ долларовъ. А теперь предлагаю вамъ идти со мною и жить въ моемъ домѣ въ качествѣ гостя. Вы ни въ чемъ не будете имѣть недостатка; все, чего бы вы ни пожелали, будетъ къ вашимъ услугамъ. Работа у васъ будетъ нетрудная, можетъ-быть даже приятная, и ко всему этому десять тысячъ долларовъ. Хотите или нѣтъ?

— Хочу, — отвѣтилъ я рѣшительно.

— Прекрасно, значитъ, дѣло сдѣлано. А теперь идемте. Я собственноручно собрался въ Нью-Орлеанъ, для этого и пришелъ сюда на вокзалъ; но встрѣча съ вами очень для меня важна. Мы сейчасъ же отправимся ко мнѣ.

Нѣсколько минутъ спусти мы ѣхали вдоль бухты по дорогѣ, вымощенной устричными раковинами. Такой родъ мощенія чрезвычайно дешевъ въ Мобиль, гдѣ ежегодно ловится и потребляется много миллионъ устрицъ; устричныя мостовыя встрѣчаются даже за городомъ, представляя большое удобство для катанья верхомъ и въ экипажахъ.

Наконецъ мы свернули съ устричной дороги на проселокъ, по направленію къ прибрежнымъ холмамъ, и вскорѣ увидѣли на одномъ холмѣ простой домъ, который Верлихъ назвалъ своимъ; по ту и другую сторону проселка, на поляхъ, работали негры и негрятки. Черезъ нѣсколько минутъ мы остановились передъ домомъ: въ немъ было два этажа; меня повели въ верхній.

И были некоторым образом приятно поражены, войдя в комфортабельно убранную столовую, где меня ждал Верлихт с молодой особой летъ двадцати.

— Моя дочь, Долли, — сказала Верлихт, представив ей меня. Мы уселись. Мисс Долли Верлихт, привезенная въ Алабаму ребенком, хотя и говорила ломанымъ нѣмецкимъ языкомъ, но о своей германской родинѣ сохранила еще кое-какія воспоминанія и теперь засыпала меня вопросами о ней; я долженъ былъ разсказывать безъ конца. Мы засидѣлись бы за столомъ до ночи, если бы Верлихт не объявилъ, что пора спать, такъ какъ завтра рано утромъ онъ долженъ быть на ногахъ. Онъ проводилъ меня въ мою комнату и спросилъ, можно ли будетъ со мною поговорить въ восемь часовъ утра; потомъ добродушно прибавилъ: — Надѣюсь, вамъ у насъ будетъ хорошо. Покойной ночи!

Мое меланхолическое настроеніе, разумѣется, совершенно прошло. У меня было пристанище, обезпеченный кусокъ хлѣба и, повидимому, я могъ здѣсь жить беззаботно нѣсколько недѣль. Если-бъ только знать, съ какой цѣлью Верлихт пригласилъ меня! Но я былъ убѣжденъ, что утромъ все разъяснится, поэтому спокойно заснулъ и весело проснулся.

Около восьми часовъ мой хозяинъ вошелъ ко мнѣ; онъ принесъ что-то завернутое въ бумагу и имѣлъ очень торжественный видъ.

— Любезный другъ, — сказалъ онъ: — мы сейчасъ же примемся за исполненіе моей идеи. Я предпринимаю большое дѣло, которое можетъ дать хорошія деньги; оно должно оставаться тайной, иначе кто-нибудь воспользуется моей мыслью. Я долженъ посвятить васъ въ тайну, хотя отчасти; но я васъ не знаю: только вчера случайно съ вами встрѣтился. Поэтому позвольте поставить вамъ одно условіе и не сбѣуйте на меня за это. После того, какъ я вамъ объясню, въ чемъ дѣло, вы должны дать мнѣ слово не отлучаться изъ моего дома безъ моего разрѣшенія.

На моемъ лицѣ, вѣроятно, отобразилось не малое удивленіе, потому что Верлихт посѣдѣлъ поправиться.

— Я хочу сказать: не отлучаться до тѣхъ поръ, пока дѣло не будетъ кончено и обнаруженіе тайны перестанетъ быть для насъ страшнымъ. Я отнюдь не намѣренъ лишать васъ свободы, — вы можете сколько угодно ходить по всему дому, гулять въ саду, но всегда въ сопровожденіи двухъ негровъ, которые будутъ васъ стережъ. Предоставляю на ваше усмотрѣніе согласиться на мое условіе или нѣтъ; но въ случаѣ вашего отказа мнѣ будетъ очень жаль, что такое надежное и совершенно честное предпріятіе разстроится.

— Въ чемъ же, однако, дѣло? — спросилъ я.

— Вы должны, какъ я уже вамъ говорилъ, рисовать для меня картинки, — картинны, понимаете, и больше ничего.

— А сколько времени это займетъ?

Верлихт пожалъ плечами.

— Я этого не могу сказать. Все зависить отъ скорости вашей работы; въ общемъ надо приготовить тридцать картинокъ.

— А какова приблизительно ихъ величина?

Верлихт показалъ мнѣ накетикъ, величиную съ книгу въ шестнадцатую долю листа.

— Тридцать такихъ рисунковъ, — сказалъ онъ. — Ну, землякъ, обдумайте хорошенько еще разъ мое предложеніе; но прежде сойдите внизъ и позавтракайте, а я тѣмъ временемъ обойду оторыды. За обѣдомъ въ двѣнадцать часовъ мы встрѣтимся и условимся окончательно. Съ моей дочерью вамъ не нужно говорить объ этомъ дѣлѣ, — она ничего не знаетъ и потому не можетъ дать вамъ никакихъ разъясненій.

Когда Верлихт вернулся въ обѣду, мое рѣшеніе созрѣло. Я сказалъ ему, что считаю его за честнаго человѣка и соглашаюсь вести съ нимъ сообще дѣло.

Послѣ обѣда Верлихт пошелъ со мной въ мою комнату, захвативъ съ собою пакетъ, который я уже видѣлъ у него утромъ. Я напряженно ждалъ разгадки тайны.

— Пересмотрите-ка эти картинны, — сказалъ онъ, протягивая мнѣ пакетъ.

Я развернулъ его и нашелъ тридцать крайне плохихъ картинокъ, служившихъ, повидимому, иллюстраціями къ Библии. Картинны изображали сцены изъ Ветхаго и Новаго Завета и, очевидно, предназначались для невзыскательныхъ людей; по всей вѣроятности, онѣ взяты были изъ очень дешеваго изданія Библии.

— Ну, можете вы нарисовать что-нибудь подобное? — спросилъ Верлихт.

— Слава Богу, я рисую лучше, — отвѣчалъ я съ негодованіемъ.

— Это меня радуетъ. А сколько времени вамъ нужно, чтобы перерисовать эти картинны?

— Это зависить отъ того, что собственно надо перерисовать.

— Дѣло простое. Ваша задача состоитъ въ томъ, чтобы изобразить всѣхъ ангеловъ, — а ихъ на каждой картинкѣ не менѣе одного или двухъ, — не бѣлыми, а черными, то-есть, у ангеловъ должны-быть лица негровъ, а тѣло ихъ, насколько оно видно, должно быть чернымъ.

— И въ этомъ вся ваша тайна? — спросилъ я съ изумленіемъ.

— Да.

— А съ какой же цѣлью вы хотите превратить ангеловъ въ негровъ?

— На это я вамъ отвѣчу впоследствии. Садитесь и рисуйте. Во сколько времени вы можете превратить всѣхъ этихъ ангеловъ въ негровъ?

Я еще разъ просмотрѣлъ картинны и сказалъ:

— Если рисовать такъ, какъ это нарисовано, то черезъ три недѣли всѣ тридцать картинокъ будутъ готовы; но если работать лучше, то мнѣ, пожалуй, нужно вдвое больше времени.

— Ну, достаточно, чтобы картинны были такого же достоинства, какъ эти, — отвѣчалъ Верлихт. — Не забудьте, что потомъ ихъ придется гравировать на мѣди. Начинайте теперь же. Въ шесть часовъ мы опять сойдемся внизу за ужиномъ. Я былъ бы радъ увидѣть къ тому времени начало вашей работы. А теперь я долженъ съѣздить на поля.

Только только Верлихт ушелъ, я усѣлся за работу и вынулъ изъ пачки наудачу одну изъ картинокъ, изображавшую сцену въ небесахъ — Бога Отца на престолѣ, окруженнаго сонмомъ ангеловъ. Въ моемъ чехолѣ нашлись всѣ рисовальныя принадлежности: бумага и карандаши, угли и тушь, и я могъ тотчасъ же приступить за дѣло. Работа мало-по-малу начала меня интересовать, и къ шести часамъ вечера первая картинна съ сонмомъ черныхъ, какъ смоль, ангеловъ, была готова. Я взялъ ее и пошелъ въ столовую, гдѣ уже собрались хозяйни съ дочерью.

Верлихт остался чрезвычайно доволенъ рисункомъ, но дочери его не показалъ. Вечеромъ онъ опять зашелъ въ мою комнату и сказалъ мнѣ, что если я буду продолжать такъ усердно и успѣшно, то у насъ получится великолѣпные барыши. На другой день я засѣлъ за работу съ утра и къ вечеру сдѣлалъ два рисунка. При этомъ я успѣлъ поболтать за первымъ и вторымъ завтракомъ съ мисс Долли и сдѣлать получасовую прогулку по саду, при чемъ мисс Долли мнѣ сопутствовала.

Такъ прошло двѣ недѣли, въ продолженіе которыхъ я ни на минуту не пожалѣлъ о своей свободѣ. Скажу больше: по прошествіи этого срока меня, выражаясь вульгарно, и палкой не выгнали бы изъ этого дома. Дѣло въ томъ, что я успѣлъ по уши влюбиться въ Долли и, кажется, былъ не особенно далеко отъ истины, полагая, что и она ко мнѣ неравнодушна. Верлихт, повидимому, ничего не имѣлъ противъ этого. Онъ былъ очень доволенъ моей работой, и я былъ бы счастливейшимъ изъ смертныхъ, если бы имѣлъ понятіе о томъ, что онъ думаетъ сдѣлать съ странными рисунками, которые я для него изготовлялъ.

По прошествіи трехъ недѣль всѣ мои рисунки были готовы; началось гравированіе. Это также не представляло большого труда: рисунки были несложны и имѣли характеръ эскизовъ. Я былъ счастливъ, что мое пребываніе въ домѣ продолжится, благодаря занятіямъ, еще нѣсколько времени. Съ каждымъ днемъ моя привязанность къ Долли росла, и между нами установились очень сердечныя отношенія. Наконецъ дѣло дошло до того, что однажды, гуляя вдвоемъ по саду, мы обмѣнялись признаніями въ любви. Какъ честный человѣкъ, я тотчасъ же пошелъ къ Верлихту и сообщилъ ему, что произошло между мною и его дочерью.

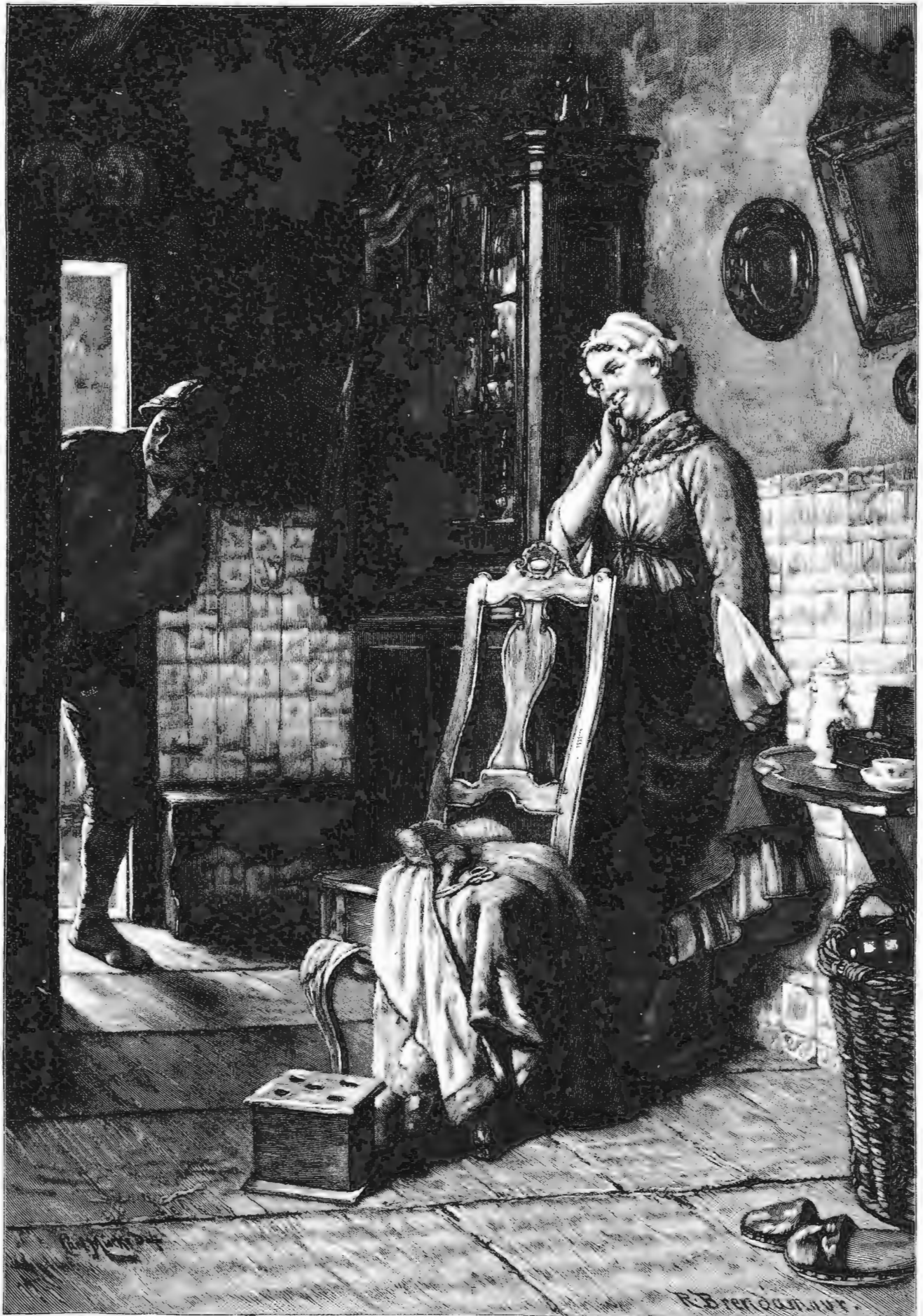
Онъ не выказалъ ни малѣйшаго удивленія.

— Я давно это предвидѣлъ, — улыбаясь онъ: — и ничего не имѣю противъ вашей свадьбы. Долли уже въ томъ возрастѣ, когда дѣвушка сознаетъ важность шага, который дѣлаетъ; вы — дѣльный рисовальщикъ, знаете свое дѣло. Я отношусь къ вамъ теперь съ полнымъ довѣріемъ и объясню, для чего вы дѣлали рисунки и гравюры.

Я насторожился уши.

— Если-бъ вы сколько-нибудь знали мѣстныхъ условій, — сказалъ онъ: — вамъ не трудно было бы угадать назначеніе этихъ картинокъ. Но вы не знаете нашихъ негровъ, не имѣете понятія о томъ, какой это тщеславный и самодовольный народъ. Они даже въ небу хотѣли видѣть только своего брата, негра. Съ этими картинками, на которыхъ всѣ ангелы представлены неграми, я вынужденъ новое изданіе Библии и увѣрять, что мнѣ каждый негръ охотно дастъ за экземпляръ пять долларовъ, между тѣмъ какъ цѣна обыкновеннаго экземпляра не превышаетъ полдоллара. Теперь вы все знаете и, конечно, согласны, что такого предпріятія разглашать не слѣдовало, чтобы кто-нибудь другой не воспользовался моей мыслью. Я досталъ уже старый печатный станокъ, и Долли поможетъ намъ вклеивать картинны въ библию, которая я, конечно, покупаю готовыми для продажи у библейскаго общества.

Три мѣсяца спустя мы выкупили въ продажу новую библию съ оригинальными иллюстраціями. Я не питалъ слишкомъ большого довѣрія къ зятю моего будущаго тестя; но вскорѣ имѣлъ возможность убѣдиться въ безошибочности его сужденія о характерѣ негровъ. Первый омытъ былъ сдѣланъ надъ негромъ Шагарой, исправлявшимъ въ домѣ должность разсыльнаго, которому Верлихт подарилъ такую библию. Шагара пришелъ въ неописуемый восторгъ, сказалъ и кривлялся

„Спряталась“. Съ карт. Н. Мюне грав. Брендамуръ.

„Маленькій аргонавтъ“, Съ карт. Г. Семирадскаго грав. Брендамуръ.

как сумасшедший; целый день он ни о чем больше не говорил, как только о прекрасных картинах, на которых негры играли такую важную роль. Вечером явились все черные, работавшие в полдень, и объявили, что, прослышав от Ниагары о библии с новыми картинками, они во что бы то ни стало желают купить себе каждый по книгу.

Скажу вкратце: в два недѣли, без всякой печатной рекламы, лишь благодаря быстротѣ, съ какою сенсационная новость о „черныхъ ангелахъ“ разошлась среди негровъ, мы продали пять тысячъ библий по пяти долларамъ за экземпляръ, что дало чистаго барыша мнѣ и Верлиху болѣе двадцати тысячъ долларовъ. Я перебрался въ Мобиль, чтобы

съ всевозможной быстротой расширить дѣло, пока его не подорвала конкуренція. Въ устроенной мною типографіи мы напечатали въ слѣдующіе мѣсяцы еще нѣсколько десятковъ тысячъ картинокъ. Сбытъ былъ попрежнему хорошъ въ продолженіе еще трехъ мѣсяцевъ; потомъ явились конкуренты съ новыми картинками, на которыхъ даже апостолы были представлены неграми. Наме дѣло давало еще барышъ, но очень незначительный въ сравненіи съ барышами перваго времени.

Чистой прибылью мы съ тестемъ выручили около восьмидесяти тысячъ долларовъ; капиталъ остался нераздѣленнымъ, потому что я тѣмъ временемъ женился на Долли.

Саксонскій король Альбертъ

Очеркъ.

(Съ 3 рис. и портр. на стр. 314, 315 и 316.)

11-го апрѣля т. г. Германія вообще и Саксонія въ частности чествовала саксонскаго короля Альберта по поводу исполнившагося 70-лѣтія со дня его рожденія. Король Альбертъ—отпрыскъ

стѣ въ сраженіи при Гравелоттѣ—Сень-Прива и въ значительной мѣрѣ способствовалъ побѣдѣ. Когда затѣмъ французская рейнская армія была заперта въ Мецѣ и было рѣшено двинуться германскими войсками къ Парижу, принцу Альберту поручено было взять на себя командованіе четвертой или маасской арміей, которая, двинувшись впередъ къ Шалону, соединилась съ третьей арміей, состоявшей подъ командованіемъ наследнаго принца прусскаго, и 18-го августа при Бомонѣ разбила на голову армію маршала Макъ-Магона и два дня спусти приня-

мала, въ качествѣ праваго крыла, главное участіе въ Седанской битвѣ, окончательно рѣшившей, какъ извѣстно, исходъ войны.

Послѣ заключенія мира съ Франціей, принцъ Альбертъ, какъ одинъ изъ главныхъ героевъ войны, былъ удостоенъ германскимъ императоромъ званія генерал-фельдмаршала; такою же выдающагося отличія удостоился онъ и отъ покойнаго императора Александра II, пожаловавшаго ему фельдмаршальскій жезлъ. Кромѣ того, король Альбертъ состоитъ шефомъ 4-го пѣхотнаго королевскаго полка. Въ качествѣ одного изъ самыхъ выдающихся германскихъ полководцевъ принцъ Альбертъ участвовалъ 4-го іюня 1871 г. при триумфальномъ вступленіи германскихъ войскъ въ Берлинъ и съ такимъ же триумфомъ вступилъ съ своими саксонскими войсками 30-го іюня въ Дрезденъ.

17-го октября 1873 года, по кончинѣ отца, онъ вступилъ на престолъ, и такимъ образомъ въ настоящемъ го-

ду же король Альберта ожидаетъ еще другое торжество—25-лѣтіе его царствованія. За прели двадцатипятилѣтняго управленія король Альберта страна сдѣлала значительные успѣхи, и Саксонія считается шестымъ изъ богатѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ государствъ, входящихъ въ составъ единой Германіи. Развитіе и ростъ государственныхъ силъ Саксоніи выразились при королѣ Альбертѣ въ подъемѣ торговли и промышленности, въ значительномъ расширеніи желѣзнодорожной сѣти, въ широкой законодательной дѣятельности и блестящемъ положеніи государственныхъ финансовъ, допускавшемъ въ бюджетѣ значительное преобладаніе доходовъ надъ расходами, а вмѣстѣ

Веттинъ, родовой замокъ саксонскаго королевскаго дома.
Съ фот. грав. Веберъ.

Нынешній король Альбертъ—пятый саксонскій король. Онъ родился въ столицѣ Саксоніи—Дрезденѣ и воспитывался подъ руководствомъ извѣстнаго саксонскаго ученаго (историка) Фридриха фонъ-Лангена, но уже съ юношескихъ лѣтъ обнаруживалъ особенную склонность къ военному дѣлу, въ которомъ ему суждено было внести послѣдствія славы.

Въ 1866 году, во время австро-прусской войны онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ всей саксонской арміей. Въ этой войнѣ съ Пруссіей принцъ Альбертъ уже проявилъ боевыя способности.

По заключеніи мира ему поручено было командованіе саксонскими или, какъ онъ вновь былъ названъ, 12 сѣверо-германскими корпусомъ. Когда возгорѣлась франко-пруская война, въ іюлѣ 1870 г. корпусъ этотъ былъ присоединенъ ко второй германской арміи, состоявшей подъ главнымъ командованіемъ покойнаго принца Фридриха-Карла прусскаго. 6-го августа корпусъ принца Альберта принялъ дѣятельное уча-

съ тѣмъ широкое развитіе народнаго образованія, стоящаго, какъ извѣстно, въ Германіи на исключительной высотѣ.

На ряду съ этимъ общимъ ростомъ страны, нѣсколько задержавшимся за послѣдніе годы въ виду сильнаго увеличенія военныхъ расходовъ, разрослась и разукрасилась столица Саксоніи и резиденція ея короля — Дрезденъ. Чтобы понять значеніе столицы, достаточно указать, что изъ общаго населенія страны, достигающаго 3.800,000 человекъ, почти десятая часть приходится на Дрезденъ, въ которомъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ насчитывается около 350,000 жителей. Дрезденъ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ городовъ въ Европѣ, котораго не сочтеть ни правѣ пропустить ни одинъ туристъ. Убогая деревенька, населенная судовщиками, въ началѣ XIII в., теперь одна изъ достопримѣчательностей Европы, одинъ изъ крупнѣйшихъ центровъ европейскаго искусства.

Эльба и ея уединенныя виллы и замки берега около Дрездена и на нѣсколько километровъ къ востоку, своей живописностью вполне могутъ соперничать съ красивѣйшими мѣстностями Рейна. Овруженный возвышенностями Лопвида и темными чащами хвойныхъ лѣсовъ и сочною зеленью буковъ, Дрезденъ самъ по себѣ представляетъ одинъ изъ наиболѣе живописно расположенныхъ городовъ. Кромѣ окружающихъ городъ лѣсовъ, на юго-востокѣ его широко раскинулся такъ называемый Большой садъ, въ стилѣ Версаля,—одинъ изъ лучшихъ парковъ въ мірѣ, имѣющій для Дрездена то же значеніе, что для Парижа—Елисейскія поля и Булонскій лѣсъ, и для Петербурга — острова. Средину Большаго сада занимаетъ королевскій дворецъ. Изъ всѣхъ дрезденскихъ зданій гражданской

архитектуры несомнѣнно самое выдающееся — Пвнгеръ (звѣрипецъ), выстроенный знаменитымъ архитекторомъ Даниэлемъ Пепельманомъ при курфюрствѣ Августѣ Сильномъ. Своимъ образное названіе свое это замѣчательное зданіе получило потому, что когда-то на этомъ мѣстѣ была зоологическая садъ. Пепельманъ не могъ окончить этого роскошнаго сооруженія; теперь оно служитъ хранилищемъ научныхъ коллекцій. Къ нему примыкаетъ выстроенный полвѣка тому назадъ знаменитый музей, въ которомъ находятся всемирно-извѣстная картинная галлерей съ Сикстинской Мадонной Рафаэля и собраніе гравюръ. Изъ остальныхъ зданій заслуживаютъ особаго вниманія придворный театръ и новая академія художествъ на Брюлевской террасѣ. Особенную, своеобразную красоту придаютъ Дрездену его знаменитые фонтаны, которыхъ сооружено очень много и изъ которыхъ почти каждый представляетъ выдающееся произведеніе скульптуры. Изъ 24 церквей, находящихся въ Дрезденѣ, большая часть евангелическо-лютеранскихъ (15) и лишь незначительная часть католическихъ, несмотря на то, что королевскій домъ исповѣдуетъ католичество. Особенной красотой архитектуры отличаются: старинная церковь Богородицы, придворная католическая церковь, Крестовая церковь. На ряду съ этими церквями нельзя не упомянуть и о русской православной церкви, построенной въ 1874 году и находящейся въ концѣ Рейхштрассе. Въ Дрезденѣ, вообще, живетъ масса иностранцевъ разныхъ національностей; между прочимъ въ немъ живетъ и

Русская церковь въ Дрезденѣ. Съ фот. грав. Веберъ.

много русскихъ, составляющихъ цѣлую колонию въ нѣсколько тысячъ человекъ.

Къ рисункамъ.

Въ настоящемъ номерѣ *Нивы* мы даемъ еще свѣжкіе съ трехъ картинъ, составляющихъ украшеніе англійской художественной выставки. Жанръ имѣлъ многочисленныхъ представителей на этой выставкѣ. Читатели наши уже любовались картиною миссъ Гэлара: „Молодой докторъ“, помѣщенной въ въ пасхальномъ номерѣ *Нивы*. Она представляетъ прекрасную иллюстрацію къ дѣтской жизни. Такимъ же достоинствомъ отличается и помѣщенная въ настоящемъ номерѣ картина г. Гэлара: „Душечка, кто это?“ Сюжетъ ея — очепь простой. Няня поставила ребенка, маленькую дѣвочку, на стулъ передъ мольбертомъ отца или матери и спрашиваетъ его: кто это? Дѣвочка не сразу узнаетъ любимое лицо и сосредоточенно вглядывается въ него. Картина написана очень хорошо, но что въ ней особенно прельщаетъ, это—ея жизненность. Такъ и чувствуется, что художникъ любитъ дѣтей, понимаетъ ихъ, самъ любитъся ими и имѣетъ возбуждать то же чувство въ другихъ. Конія, лишняя красота, конечно, не можетъ передать всей прелести оригинала. Но тѣмъ не менѣе и она невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе и заставляетъ пережить зрителя хорошую минуту, проникнуться тѣмъ чувствомъ, которымъ воодушевленъ былъ самъ художникъ.

Другая картина: „Знатокъ“,—члена королевской академіи Ж. А. Сторэ,—написана во фламандскомъ вкусѣ и блещетъ здоровымъ юморомъ. На ней опытной кистью изображенъ верховымъ на ослѣ Давидъ Тенирсъ-Старшій, который вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, Давидомъ Тенирсомъ-Младшимъ, ѣдетъ изъ Антверпена въ Брюссель продавать собственныя картины. Сторэ представилъ тотъ моментъ, когда художникъ-отецъ, встрѣтивъ знатока живописи, началъ ему восхвалять достоинства своего произведенія, тогда какъ его сынъ занялся эскизомъ молодой дѣвочки, кормилицы осла. Любопытные съ удивленіемъ слѣдятъ за искусствомъ молодого художника. Хороша и фигура старухи, рассматривающей тоже „съ видомъ знатока“ картину Старшаго Тенирса. Этотъ знаменитый голландецъ, проведенный большую часть жизни въ ли-

пейныхъ и нуждѣ, считается однимъ изъ первыхъ самообитныхъ жанристовъ второй половины XVI вѣка, написавшимъ рядъ картинъ, изображающихъ предметы и сцены быденной жизни въ комическомъ родѣ (ирмарки, крестьянскіе праздники и т. п.). Вмѣстѣ съ сыномъ онъ возилъ свои картины по разнымъ городамъ съ цѣлью продать ихъ по выгодѣ и только такимъ путемъ, наконецъ, понравилъ состоянье и даже сдѣлался потомъ довольно богатымъ. Тенирсъ-Младшій—несравненно болѣе блестящій художникъ, также забиравшій сюжеты изъ простонародной жизни. Ученикъ отца и затѣмъ Рубенса, онъ достигъ въ коняхъ такого совершенства, что знатоки не могли отличить его работъ отъ оригиналовъ. Самообитный талантъ жанриста проснулся въ немъ довольно неожиданно, когда пришлось расплачиваться въ гостиницѣ, и въ карманѣ молодого туриста не оказалось ни гроша. Моментально набросанный имъ этюдъ слѣпного музыканта, проходившаго по большой дорогѣ, принесъ ему три червонца отъ любителя-англичанина и послужилъ началомъ цѣлаго ряда первоклассныхъ произведеній, которыя и понынѣ признаются перлами европейской жанровой живописи.

Типъ кающейся грѣшницы, возрожденной къ новой жизни ученіемъ Христа, издавна вдохновляетъ художниковъ. На двухъ зимнихъ выставкахъ, состоявшихся въ Петербургѣ, — англійской художественной выставкѣ и выставкѣ русскихъ и финляндскихъ художниковъ,—къ числу лучшихъ картинъ принадлежатъ написанныя именно на эту тему. Принадлежатъ онѣ одна—члену лондонской королевской академіи художествъ, г. Гакеру, другая — извѣстному гельсингфорскому художнику, г. Эдельфельду. Оба художника назвали свои картины именемъ прототипа всѣхъ кающихся грѣшницъ, евангельской Магдалины,—этого наиболѣе полнаго олицетворенія чувства покаянія и возвращенія отъ порочной жизни къ праведной. Англійскій художникъ прибавилъ къ ея имени еще указаніе на Того Великаго нашего Учителя, Который Своимъ Божественнымъ словомъ до сихъ поръ совершаетъ чудо перерожденія людей.

В настоящем номере *Нивы* мы воспроизводим картину английского художника. Ея достоинства тотчас же бросаются в глаза. Все внимание сосредоточивается на лицъ кающающихся грѣшницы. Оно до того выразительно, что остальная обстановка далеко отступает на второй планъ. Мы и коснемся послѣдней только мимоходомъ. Художникъ переноситъ насъ на Востокъ, туда, гдѣ Марія Магдалина и Марія Египетская совершили свои великіе подвиги. Мы оказываемся въ мастерской столпа. Полъ покрытъ стружками, и изображенная художникомъ сцена разыгрывается у столпа. Предъ нами стоитъ высокая фигура хозяина мастерской, ревностнаго проповѣдника ученія Христа, одного изъ тѣхъ сильныхъ духовъ людей, которые умѣли „жечь сердца глаголомъ“, потому что въ то время глашатаи правды по большей части нарождались въ самой скромной средѣ. Онъ побѣдилъ сердце кающающейся грѣшницы, и вотъ она стоитъ колѣнопреклоненная предъ нимъ. Надо ли пояснять тѣ чувства, которыя ее волнуютъ? Не отражаются ли они съ необыкновенною силою на ея лицѣ? Не видимъ ли мы предъ собою воплощенное раскаяніе?

Кающающаяся грѣшница отличается красотой: она должна быть красива, иначе она не была бы окружена со всѣхъ сторонъ соблазнами. Но физической ея красотѣ исполнивъ соответствуетъ и духовная ея красота. Это — сильная натура, которая умѣетъ чувствовать глубоко и правдиво. Стоитъ только на нее взглянуть, чтобы въ этомъ убѣдиться. Она раскаялась въ прежней своей грѣховной жизни, и возродилась въ новомъ чувствѣ, проникающемъ ее всю до послѣдняго уголка ея богато одаренной души. Ея поза, ея костюмъ, ея взглядъ — воплощенное смиреніе предъ покорившею ее новою нравственною силою: на нее она возлагаетъ все свои надежды, ей она предалась до самозабвенія, только ею она живетъ и дышитъ, въ ней все ея спасеніе. Эти чувства выражены художникомъ съ рѣдкимъ совершенствомъ, и поэтому трудно оторваться отъ его картины и не проникнуться сознаниемъ, что отреченіе во имя правды отъ „беззаконія“ дѣйствительно даетъ человѣку новую, лучшую жизнь...

Если отъ выставки иностранныхъ художниковъ перейти къ выставкамъ отечественныхъ художниковъ, то мы будемъ поражены богатствомъ русскаго творчества. Что значатъ 200 съ небольшимъ картинъ английской выставки съ тѣмъ моремъ картинъ, какое представляютъ три весеннія русскія выставки — петербургскаго общества художниковъ, академіи художествъ и передвижниковъ. Въ настоящемъ номерѣ *Нивы* мы даемъ снимокъ съ картины, красовавшейся на выставкѣ общества художниковъ. На этой одной выставкѣ было до 200 картинъ, рисунковъ и другихъ художественныхъ произведеній. На академической выставкѣ было ихъ вдвое больше.

Но если сравнить выставки не въ количественномъ, а въ качественномъ отношеніи, то, можетъ-быть, английской выставкѣ придется отдать предпочтеніе.

Остановимся пока на выставкѣ общества художниковъ. Собственно на ней была только одна картина, возбуждавшая особенное вниманіе публики. Это — картина, впрочемъ, уже красовавшаяся на иностранныхъ выставкахъ, именно картина г. Семирадскаго: „Христіанская Дирцея въ цркви Нерона“. Однако и эта выдающаяся картина встрѣтила далеко не общее одобреніе. Хотя публика всегда толпилась передъ нею, но нашлись комитетные голоса, указывавшіе на существенные ея недостатки. Что же въ такомъ случаѣ сказать объ остальныхъ картинахъ? Громадное большинство представляло собою какъ бы ученическія упражненія. Молодыхъ художниковъ тинетъ въ Италію съ ея художественными сокровищами и

чудно природою. И вотъ на выставкѣ сильно преобладаютъ итальянскіе виды. Соборъ въ Барі, Колізей, храмъ Нептуна въ Пестумѣ, Венеція, Каstellамаре, Неаполь, Капри, Ментона, казино въ Монте-Карло, Лидо, Тиволи, Монако, Соренто, Римъ, Искія, Салерно, Ривьера ди-Леванто — такъ и негрнть на каждомъ шагу. Мало того, видовъ Неаполи, Венеціи, Капри, Соренто имѣется нѣсколько. Словомъ, получается такое впечатлѣніе, какъ будто вы находитесь на итальянской выставкѣ. Но что еще хуже, такъ это то, что вслѣдъ за тѣмъ вы видите все это въ изображеніи мастеровъ, а тутъ вамъ предлагаются только какія-то слабыя и часто неумѣлыя вариации на извѣстныхъ темъ. Вы наконецъ рѣшаетесь не обращать вниманія на все эти Неаполи, Соренто и Капри. Тогда вы наталкиваетесь на Ай-Тодоръ, Ай-Петри, южный берегъ Крыма, Ялтннскій рейдъ, Севастополь, Алушкку, берега Херсонеса, Ай-Пауду или на Терекъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ, окрестности Кіева или берегъ Днѣпра, — словомъ, опять на давно извѣстные всѣмъ мотивы и притомъ по большей части въ заурядномъ или даже очень слабомъ исполненіи.

Какковы бы ни были недостатки картины г. Семирадскаго, по все-таки она написана рукою большого мастера и затмеваетъ собою остальные картины. Какковы же эти недостатки? Указываютъ главнымъ образомъ на то, что картина не вызываетъ впечатлѣній ужаса, какое собственно должна была бы вызывать трагическая смерть христіанской мученицы. Неронъ вздумалъ полюбаваться во-очію зрѣлищемъ смерти многомигической Дирцеи, жены Инкоса, енискаго царя, которую сыновья Антионы привязали къ дикому быку, растерзавшему ее до смерти. Неронъ предѣлалъ то же съ христіанкою въ своемъ циркѣ. И вотъ представленіе кончено: быкъ убитъ, онъ повалился на землю и рядомъ съ нимъ лежитъ полумертвая мученица, а Неронъ съ своею свитою спустился въ арену, чтобы ближе при-смотреться къ мученицѣ. Зритель долженъ испытывать чувство ужаса, а вмѣсто того онъ просто любителю замѣчательнымъ художественнымъ произведеніемъ, удивительною техни-

кою, которая доводитъ его до того, что онъ забываетъ о картинѣ и видитъ предъ собою настоящаго быка, живыхъ людей, выступающихъ, какъ принято говорить, изъ рамки картины.

Возьмемъ прототипъ Дирцеи г. Семирадскаго, знаменитаго „Фарнесскаго быка“ родосскихъ мастеровъ. И что же? Впечатлѣніе получается приблизительно то же. Присматриваясь къ знаменитой группѣ, мы испытываемъ не столько ужасъ, сколько чувство художественнаго наслажденія. До извѣстной степени это оправдывается и на другой знаменитой группѣ классической древности, на „Лаокоонѣ“. Можемъ ли мы на этомъ основаніи признать и „Фарнесскаго быка“ или по-давню „Лаокоона“ произведеніями крайне несовершенными? Отъ художника, какъ и отъ самой прекрасной женщины можно требовать только того, что она имѣетъ, а то, что создало славу Семирадскаго, несомнѣнно имѣется палицо и въ его картинѣ „Христіанская Дирцея“, далеко оставившей за собою все другія картины выставки общества художниковъ.

Соперничаютъ съ этою картиною только картины не менѣе извѣстныхъ мастеровъ кисти, наиримѣръ картины гг. К. Маковскаго, Бакаловича, Лагоріо.

Изъ числа же другихъ картинъ только немногія возвышаются надъ среднимъ уровнемъ. Къ этого рода картинамъ мы должны отнести картину г. Степанова: *Бабушка спитъ*, написанную очень сочно, съ большимъ техническимъ мастерствомъ. Что же касается до ея сюжета, то онъ слишкомъ для всѣхъ ленивъ, чтобы нуждаться въ какихъ-либо комментаріяхъ.

Саксонскій король Альбертъ. Съ фог. грав. Веберъ.

Молодой голицинский лодочник, только что возвратившийся из родной деревни, тотчас же бросился к знакомому дому, где живет предмет его постоянных помыслов и заботы. Он распахнул дверь и, полный горячего нетерпения, стал заглядывать в комнату любимой девушки. „Спряталась!“ — тотчас же мелькнуло у него в голове, и с лукавым выражением он начал заглядывать в комнату, все еще не решаясь перешагнуть порога. Добродушное, здоровое лицо человека, привыкшего к воздуху, осветилось улыбкой, а запах только-что сваренного кофе ясно говорит ему, что девушка здесь и позаботилась об угощении. Конечно, она хорошо помнила, когда он вернется, и, услышав энергичные шаги возлюбленного, постыдилась спрятаться за стежанный платок. Ея взгляд сулит возлюбленному счастье, когда он ее найдет и крѣпко прижмет къ своей груди.

Нашъ знаменитый художникъ Семирадскій, какъ извѣстно, специализировался преимущественно на сюжетахъ изъ древне-римской и греческой жизни. Его фигуры проникнуты настоящей античной красотой, и въ каждой картинѣ чувствуется настроеніе изображаемой эпохи. Вотъ хотя бы его „Маленькій аргонавтъ“, принадлежащій къ числу лучшихъ произведеній Семирадскаго. Вы сразу переноситесь, смотря на эту картину, въ чудный уголокъ когда-то цвѣтущей классической Эллады, воспитанной въ безконечномъ рядѣ вдохновенныхъ произведеній старыхъ и новыхъ поэтовъ. У мраморной фигуры быка, несущаго изъ пещи ключевую воду, остановились женщины съ мальчикомъ. Пока мать подставляла кувшинъ и ждать, когда онъ наполнится кристальной влагой, рѣзвый мальчуганъ, уже насылавшійся мнѣлогическими расказами, пускаетъ въ водоемъ свой прутничій корабль „Арго“, какъ значитъ на его блѣдомъ парусѣ. Мать любовно глядитъ на забаву сына, и по ея лицу пробѣгаютъ грустные тѣни. Можетъ-быть, она вспоминаетъ объ отсутствующемъ мужѣ или задумалась надъ судьбой ребенка.. Заходящее солнце бросаетъ косые лучи, и пробиваясь сквозь зеленую чащу деревьевъ, они ложатся свѣтлыми полосами то на громадную урну, то на мраморную стѣну и на цвѣты. Вдали виднѣтся городъ... Вамъ кажется, что вы слышите журчанье падающей струи, а кругомъ все тихо, безмолвно...

О. К. Арнольдъ. (Портр. на этой стр.)

3-го апрѣля текущего года исполнилось 60-лѣтіе государственной службы корифея русской лѣсной науки, Федора Карловича Арнольда.

О. К. Арнольдъ родился въ С.-Петербургѣ 5-го декабря 1819 года. Высшее образованіе онъ получилъ въ лѣсномъ институтѣ, по окончаніи котораго въ 1839 году для усовершенствованія въ лѣсныхъ наукахъ былъ посланъ за границу, откуда возвратился въ 1842 году и поступилъ на должность лѣсничаго въской губерніи, а въ слѣдующемъ году ему поручено было руководить лѣсоустроительными работами, предпринятыми въ казенныхъ дачахъ въ среднихъ и южныхъ губерніяхъ. Осенью того же года онъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ спеціального по лѣсной части комитета, а съ 1845 года, оставаясь въ той же должности, определенъ былъ начальникомъ IV отдѣленія лѣсного департамента и состоялъ въ этой должности до 1857 года, при чемъ съ 1848 г. былъ также членомъ спеціального комитета. Этотъ періодъ службы (1845—1857) занятъ былъ кипучею административною дѣятельностью Федора Карловича; всѣ начинанія лѣсной администраціи проходили черезъ его руки, и при его непосредственномъ участіи осуществлены многія важныя мѣропріятія, предпринятія тогда по лѣсному вѣдомству, какъ-то: приведеніе въ повѣстность государственныхъ лѣсовъ, учрежденіе института таксаторовъ и т. д.

Въ то же время О. К. выступилъ и на педагогическомъ поприщѣ: въ 1846 году онъ началъ читать лекціи въ офицерскомъ классѣ лѣсного института по предметамъ государственнаго лѣсного хозяйства и лѣсной статистики, а съ 1848 года преподавалъ лѣсоводство въ земледѣльческомъ училищѣ, учрежденномъ Императорскимъ вольно-экономическимъ обществомъ. Затѣмъ съ 1857 года, оставивъ службу по лѣсному департаменту, онъ посвятилъ себя наукѣ и учебной дѣятельно-

сти, поступивъ преподавателемъ лѣсныхъ наукъ въ лѣсномъ институтѣ; по закрытіи же этого учебнаго заведенія, онъ преподавалъ лѣсоводство въ лѣсной академіи, а въ 1866 году назначенъ былъ профессоромъ въ земледѣльческой институтѣ; черезъ годъ онъ вышелъ въ отставку, перейдя на частную службу главноуправляющимъ имѣніями и лѣсами князя Н. В. Юсупова. Въ 1873 году, по предложенію совѣта земледѣльческаго института, О. К. вновь поступилъ на должность профессора по кафедрѣ лѣсной таксаціи. Въ 1876 году онъ определенъ былъ въ Москву директоромъ петровской земледѣльческой и лѣсной академіи и состоялъ въ этой должности до 1883 года, когда назначенъ былъ членомъ совѣта министра государственныхъ имуществъ.

О. К. Арнольдъ принадлежитъ много ученыхъ трудовъ; изъ нихъ выдающимися являются слѣдующіе: „Инструкція для таксаціонныхъ работъ въ лѣсныхъ дачахъ, избираемыхъ для введенія правильнаго хозяйства“ (1845 г.); по этой инструкціи устраивались казенные лѣса до 1860 года; „Руководство къ лѣсоводству“ (Сиб. 1854; 2-е изд. Сиб. 1856); „Лѣсная таксація“ (Сиб. 1858; 2-е изд. Сиб. 1868); „Лѣсоводство“ (Сиб. 1861); „Вспомогательная книжка для лѣсничихъ и лѣсовладѣльцевъ“ (Сиб. 1890; 2-е изд. Сиб. 1893; 3-е изд. Сиб. 1897); „Русскій лѣсъ“, 3 тома (Сиб. 1890—1891; 2-е изд. 1-го тома Сиб. 1893)—первый томъ этого труда переведенъ въ 1893 году на нѣмецкій языкъ; „Курсъ лѣсоводства для лѣсныхъ школъ, для лѣсовладѣльцевъ и управляющихъ имѣніями“ (2-е изд. Сиб. 1894); „Исторія лѣсоводства въ Россіи, Франціи и Германіи“ (Сиб. 1896). Переводы съ нѣмецкаго: „Измѣритель высотомѣра“ (1856); „Лѣсъ Россіи“ — переводъ, дополненный описаніемъ древесныхъ породъ, растущихъ въ Россіи, при чемъ 3-я часть — составленъ лѣсной части въ Россіи — составлена самостоятельно; „Древовѣдѣніе“, соч. Кунце (1878). Кроме того, О. К. Арнольдъ напечаталъ много статей научнаго содержанія въ спеціальныхъ журналахъ; первая статья его въ печати явилась въ 1839 г. въ „Лѣсномъ Журналь“. Съ 1845 года О. К. Арнольдъ былъ постояннымъ сотрудникомъ „Лѣсного Журнала“. Въ 1855 году онъ основалъ „Газету Лѣсоводства и Охоты“ и былъ ея редакторомъ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Ученая и практическая дѣятельность О. К. давно уже обратила на себя общее вниманіе. Различныя ученые общества и учрежденія почтили его избраніемъ въ почетные члены.

6-го апрѣля состоялось торжественное чествованіе О. К. Арнольда сослуживцами съ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ во главѣ, его бывшими товарищами и учениками. Къ 12 часамъ дня въ квартиру юбиляра прибыли: министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловъ, товарищъ его А. А. Нарынкинъ, директоръ горнаго департамента И. В. Денисовъ, директоръ лѣсного института Н. С. Шафрановъ, директоръ лѣсного департамента Ф. П. Никитинъ, предсѣдатель с.-петербургскаго лѣснаго общества В. Т. Собичевскій, директоръ департамента земельныхъ имуществъ И. И. Тихъевъ, графъ Милорадовичъ, управляющій отдѣломъ земельныхъ улучшеній ген. Зѣлинскій, управляющій отдѣленіемъ удѣловъ Н. К. Генко, Р. П. Тонковъ, проф. Братке, представители московскаго лѣснаго общества, отъ ученаго комитета министерства земледѣлія, отъ Кабинета Его Величества и мн. др.

Первымъ привѣтствовалъ юбиляра бывшій ученикъ О. К. Арнольда, нынѣшній министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. Е. Ермоловъ, который въ блестящей, сердечной рѣчи охарактеризовалъ дѣятельность О. К., между прочимъ, слѣдующими словами: „За долгое время вашей службы, при многихъ министрахъ, при еще большемъ числѣ директоровъ лѣснаго департамента, вы всегда были ихъ ближайшимъ совѣтникомъ и сотрудникомъ по лѣсной части, и едва ли когда-либо принималась хотя одна сколько-нибудь серьезная въ лѣсномъ дѣлѣ мѣра безъ непосредственнаго вашего въ ней участія, безъ обращенія къ вамъ за указаніемъ и помощью. На вашихъ глазахъ выросла и большею частью вами же создана цѣлая фаланга дѣятелей лѣснаго хозяйства, разбросанныхъ нынѣ по лицу русской земли, и всѣ они, цѣлыя поколѣнія лѣсныхъ чиновъ, учились у васъ частью непосредственно, частью по вашимъ многочисленнымъ сочи-

О. К. Арнольдъ. По поводу 60-лѣтія служебной дѣятельности. Съ фотогр. авторнія „Нивы“.

непнямъ, составляющимъ настольныя книги каждаго русскаго лѣсничаго. И, дѣйствительно, едва ли есть такая сторона въ лѣсномъ дѣлѣ, которая не останавливала бы на себѣ вашего вниманія и которой вы не посвящали бы своихъ трудовъ. Вы и послѣдователь русскаго лѣса, и историкъ его, но, вѣстѣ съ тѣмъ, и прежде всего, вы въ лѣсномъ дѣлѣ являетесь мудрымъ хозяиномъ, такъ какъ за отвѣченными теоріями и правилами науки вы всегда видите потребности и нужды человѣка, вводя науку о лѣсѣ въ сферу его экономической дѣятельности. Заботясь о сохраненіи лѣса, какъ одного изъ элементовъ отечественно-историческаго строя природы, какъ государственнаго достоянія, вы никогда не игнорировали, въ то же время, жизненныхъ интересовъ того населенія, которое живетъ рядомъ съ лѣсомъ, иногда посреди его, уча это населеніе видѣть въ лѣсѣ одинъ изъ источниковъ народнаго богатства, требующій бережнаго съ нимъ обращенія на пользу не только настоящаго, но и грядущихъ поколѣній... И вы учили вашихъ многочисленныхъ слушателей и послѣдователей отъ близи и отъ далека не только беречь и растить лѣсъ и благоумно пользоваться имъ, но и любить его, и эта любовь къ лѣсу, какъ къ цѣнному дару Божію, какъ украшенію природы, яркою нитью проходитъ во всѣхъ вашихъ мѣтвіяхъ, звучитъ во всѣхъ вашихъ словахъ. Изъ этихъ элементовъ о званіи лѣса, искусства пользоваться имъ и любви къ нему складается вся та наука лѣсного хозяйства, которой вы являетесь однимъ изъ первыхъ и наиболѣе выдающихся у насъ представителей, и то доброе смѣло, которое вы въ теченіи своей жизни неустанно сѣли, уже на вашихъ глазахъ пустило глубокіе корни и дало мощные ростки. Сами же вы, какъ старый дубъ, окруженный здоровою молодою порослью, стоите бодро и увѣренно смотрите въ будущее, зная, что выращенное вами многочисленное поколѣніе вашихъ послѣдователей уже окрѣпло и чититъ ваши заботы и въ свою очередь передастъ ихъ тѣмъ, кто придетъ ему на смѣну. 60 лѣтъ вы дѣлали свое дѣло, вѣрили въ него и любили его. Думаю, что, именно, эта любовь къ дѣлу, огноменіе ваше къ служебному долгу „не только за страхъ, но и за совѣсть“ — причиною того, что вы теперь еще полны энергіи и бодрости, смѣло идете навстрѣчу каждому новому начинанію, кожь скоро вы видите въ немъ добро и пользу. Объ этой сторонѣ вашей дѣятельности и вашего личнаго характера я, можетъ-быть, лучше другихъ могу судить. Когда, вступивъ въ управленіе министерствомъ и убѣдившись въ необходимости оживленія нашего лѣснаго дѣла, пробужденія личной инициативы въ его дѣлателяхъ и постановки всего нашего лѣснаго хозяйства на болѣе строгихъ и рациональныхъ основаніяхъ, соотвѣствующихъ задачамъ и нуждамъ настоящаго времени, я прежде всего обратился къ вамъ, то и нашелъ въ васъ не упорнаго поборника рутинны и старинны, а горячаго, убѣжденнаго сторонника новыхъ вѣяній и стремленій, которая иныи одушевляхъ все наше лѣсное вѣдомство. И не взирая на ваши года, на ваше законное право на спокойствіе и отдыхъ, вы съ чисто юношескимъ пыломъ взялись за дѣло, вы поль-Россіи обѣхали, вы стали всюду распространять тѣ новыя идеи и стремленія, которыя, впрочемъ, были новыми не для васъ, такъ какъ вы всю жизнь за нихъ боролись и проповѣдывали, вѣря, что, именно, въ нихъ, въ живомъ и сознательномъ огноменіи къ дѣлу и любви къ нему, лежитъ залогъ успѣха, и этотъ успѣхъ уже оправдался на дѣлѣ. Для меня же, какъ для человѣка въ лѣсномъ дѣлѣ новаго, было особенно важно найти въ васъ поддержку и имѣть возможность опереться на васъ, воспользоваться вашей старою опытностью, которую вы всю принесли служенію дѣлу въ настоящей формѣ ея развитія. И за это я не могу не высказать вамъ своего глубокаго и сердечнаго спасибо. Дай же вамъ Богъ еще на долгіе годы здоровья и силъ для продолженія вашей полезной дѣятельности на благо родной страны, въ примѣръ всему глубоко васъ почитающему и одушевленному вашимъ духомъ лѣсному вѣдомству, чествующему васъ сегодня какъ своего маститаго учителя и патриарха“.

8-го апрѣля чины министерства земледѣлія и государственныя имущество съ министромъ во главѣ чествовали Ѳ. К. Арнольда обѣдомъ, на которомъ сказано было много рѣчей, охарактеризовавшихъ выдающуюся служебную, ученую, педагогическую и литературную дѣятельность маститаго юбиляра и заканчивавшихся однимъ общимъ пожеланіемъ ему силъ и бодрости для продолженія его неутомимой дѣятельности на долгіе годы. Къ этому горячему пожеланію присоединяется не только всѣ друзья Ѳ. К., кому онъ дорогъ и близокъ, какъ человѣкъ, но и всѣ тѣ, кому дорога русская наука, кому близки ея лучшіе неутомимые труженики.

Фритіофъ Нансенъ и его супруга.

(Портр. на стр. 319.)

Въ серединѣ апрѣля прѣзжаетъ въ Петербургъ знаменитый исследователь полярныхъ странъ Фритіофъ Нансенъ съ супругой. Ѳ. Нансенъ является къ намъ въ Россію въ качествѣ гостя Императорскаго географическаго общества, какъ извѣстно, присудившаго уже ему высшую награду—большую золотую медаль, и, кромѣ того, пригласившаго его въ Петербургъ для спеціальнаго чествованія. Географическое общество, наивысшее

для Нансена помѣщеніе въ одной изъ лучшихъ гостиницъ, намѣревается устроить чествованіе его 15-го апрѣля въ залѣ Дворинскаго собранія и затѣмъ дать въ честь его обѣдъ по подлинскі; кромѣ того, шведско-норвежскій посоль баронъ Рейтершельдъ рѣшилъ также дать торжественный обѣдъ въ честь своего знаменитаго соотечественника.

О выдающейся личности и заслугахъ Нансена было уже много говорено на страницахъ *Нивы*, какъ во время его экспедиціи къ сѣверному полюсу, такъ и по возвращеніи изъ нея. Мы во всѣхъ подробностяхъ слѣдили за его дѣятельностью, представляющею цѣлый рядъ громкихъ подвиговъ, и поэтому позволимъ себѣ въ дополненіе къ помѣщаемымъ здѣсь портретамъ Фритіофа Нансена и его жены, Евы Нансенъ, привести лишь нѣсколько характерныхъ чертъ изъ семейной и домашней жизни Нансена на основаніи извѣстнаго сочиненія В. Брѹггера и Н. Рольфсена „Фритіофъ Нансенъ“, вышедшаго въ 1896 г. въ русскомъ переводѣ А. и П. Ганаенъ.

Объ Евѣ Нансенъ весь міръ знаетъ только, что она стоически перенесла трехлѣтнюю разлуку съ мужемъ, ни на минуту не отчаяваясь въ его судьбѣ и фанатически вѣря въ его идею. Этотъ героизмъ объясняется не только горячею любовью Евы Нансенъ къ своему мужу, но и не менѣе горячей вѣрой въ его силы, выносливость, энергію—три свойства, которыя оба они возвели въ своего рода культъ.

Все въ ихъ жизни оригинально, своеобразно,—начиная съ первой ихъ встрѣчи и кончая ихъ послѣдней встрѣчей послѣ экспедиціи, увѣчавшей имя Нансена неувидаемой славой, освѣтившей своими лучами и выдающуюся фигуру его жены-сподвижницы во всѣхъ его трудахъ и начинаніяхъ.

Первая встрѣча ихъ произошла въ лѣсу Фрогге, когда еще и помину не было ни о совершенномъ Нансеномъ переходѣ черезъ Гренландію, ни объ экспедиціи на сѣверный полюсъ. Молодой спортсменъ замѣтилъ тамъ однажды въ снѣгу слѣды пары ногъ. Онъ заинтересовался узнать, кому принадлежатъ эти слѣды, приблизился и увидѣлъ, на вершинѣ сугроба, напудренную инеемъ маленькую, но гордо закинутую назадъ головку. Головка эта принадлежала Евѣ Сарсъ. Постепенно они облизались другъ съ другомъ, какъ родственныя натуры. Оба они независимы, презрительно относятся къ мелочамъ, имъ незнакомы вѣчныя соображенія и взвѣшиванія обстоятельствъ обывденной жизни. И потому образъ ихъ жизни и поступки возбуждали постоянно раздраженіе, казались вызывающими. Нансенъ, по характерному опредѣленію Рольфсена, мужчина въ истинномъ смыслѣ этого слова. Для него весь смыслъ въ трудѣ, въ подвигѣ. И, признаваясь въ любви, онъ указывалъ на сѣверный полюсъ. Съ первой же минуты на ихъ любовь какъ бы падаетъ тѣнь полярнаго мрака, въ первой же ихъ встрѣчѣ брезжитъ страхъ предъ разлукой. Воспитанная въ любящей, богатой духовно семьѣ, избалованная общей любовью и поклоненіемъ, Ева Нансенъ идетъ за нимъ и безъ ронота раздѣляетъ его аскетическія привычки, привыкаетъ не мерзнуть въ „собачьей конурѣ“, въ которой полъ прямо настланъ на землю и въ которой за ночь вода замерзала въ кувшинѣ, ѣсть смѣсь сыра и пеммикана (растертаго въ порошокъ мяса, смѣшаннаго съ жиромъ) для того, чтобы изслѣдовать питательность ея передъ полярной экспедиціей, или же, если не въ силахъ ея ѣсть, голодаетъ по цѣлымъ суткамъ, сопровождалъ мужа въ его небольшихъ экскурсіяхъ.

Въ ночь на 12-ое августа 1889 г., въ странную непогоду, въ окно сводной сестры Нансена, съ которой онъ былъ очень друженъ, раздался вдругъ сильный стукъ. Мужъ сестры вскопчилъ съ постели и пріотворилъ окно. „Это еще что такое?“— гнѣвно закричалъ онъ, стараясь разглядѣть, кто за окномъ. Тамъ виднѣлась высокая сѣрая фигура, настоятельно требовавшая, чтобъ ее впустили въ домъ. Изъ окна посыпалась бранная слова, но сѣрая фигура все-таки настаивала на своемъ: „Впусти!“

И вотъ въ спальнѣ сестры очутился Фритіофъ Нансенъ. Было уже 2 часа ночи. Онъ стоялъ, широко разставивъ длинныя ноги, заложивъ руки въ карманы брюкъ, и угрюмо поглядывалъ на сестру. Она сидѣла приподнявшись на постели. — Боже мой, Фритіофъ! Что случилось? — спросила она. — Желюсъ, магушка. — На комъ же? — На Евѣ, конечно! — Затѣмъ онъ сообщилъ, что проголодался. Зитю пришлось отправиться въ кладовую за холоднымъ жаркимъ и въ погребъ за шампанскимъ. И вотъ за этимъ ночнымъ пиромъ освѣтили новую главу саги Фритіофа, при чемъ онъ, конечно, не преминулъ пропѣть слова древней пѣсни: „Любовь—никому не въ укоръ. Прекрасное часто плѣняетъ мудрецовъ, невѣждъ же—никогда!“

На другой же день послѣ свадьбы, Нансенъ съ женой отправился въ Нью-Кэстль на географическій съѣздъ, продолжавшійся около недѣли. Изъ Нью-Кэстля молодые вернулись въ Лондонъ и тутъ, махнувъ рукой на открытыя и не открытыя полярныя страны, отдалась своему счастью, наслаждался уединеніемъ.

Въ началѣ октября, побывавъ въ Парижѣ, они вернулись на родину, но 16-го октября опять двинулись въ путь, въ Стокгольмъ, гдѣ Нансенъ получалъ за свое путешествіе по Гренландіи

Фритіофъ Нансенъ и его супруга. По поводу пребыванія въ Петербургѣ. Съ фот. грав. Тирія.

изъ рукъ короля медаль „Вега“. Рядъ выдающихся отличій— медаль „Карла Риттера“ и медаль Викторіи— были наградою за его дальнѣйшія работы и экспедиціи для изслѣдованія полярныхъ странъ. Во всѣхъ этихъ работахъ Ева Нансенъ принимала самое дѣятельное участіе, дѣля съ мужемъ всѣ лишения и вмѣстѣ съ тѣмъ по заслугамъ всѣ отличія и почести, выпадавшія на его долю. Вмѣстѣ съ женою Фритюфъ Нансенъ ѣздилъ по главнѣйшимъ городамъ Европы, для чтенія докладовъ о своихъ путешествіяхъ. Такъ, въ 1890 году онъ постигилъ Копенгагенъ, Лондонъ, Берлинъ, Дрезденъ, Мюнхенъ и Гамбургъ, и эта поездка была дѣломъ рядомъ чествованія его со стороны выдающихся географическихъ и ученыхъ обществъ.

Затѣмъ начался приготовленія и хлопоты по поводу задуманной имъ экспедиціи къ сѣверному полюсу, увѣковѣчившей имя Нансена. Незамѣнная спутница его— жена не могла послѣдовать за нимъ. Нансенъ воспротивился этому. Почему— неизвѣстно. Быть-можетъ, онъ считалъ, что она не въ силахъ будетъ выдержать предстоявшія лишения, или, можетъ-быть, по той-то тому была ихъ маленькая дочь Ливъ, что по-русски значить: жизнь.

Послѣ его отъѣзда она на нѣсколько недѣль заперлась у себя въ домѣ отъ всѣхъ, какъ вдова. Она рѣшила перевозить

душевную борьбу, убить въ себѣ всякую слабость: она не хотѣла, чтобы кто-либо увидѣлъ ее хоть на мгновеніе пнывающей подъ ихъ бременемъ. Кромѣ ребенка, у нея осталось одно, на чемъ она могла отвести душу, это— искусство. Ева Нансенъ—очень талантливая пѣвица. И вотъ, черезъ нѣсколько недѣль, она вновь отперла двери своего дома— спокойная, увѣренная, улыбающаяся. Она рѣшила сдѣлать артистическую карьеру и не ограничиться той извѣстностью, которой она пользовалась, какъ пѣвица, въ своей родной Христианіи. Въ ноябрѣ 1893 г. она отправилась въ Стокгольмъ и выступила съ громаднымъ успѣхомъ на концертной эстрадѣ. Съ тѣхъ поръ она стала часто публично выступать въ концертахъ и, когда Фритюфъ Нансенъ вернулся на родину, онъ не мало былъ польщенъ артистической славой Евы Нансенъ.

Во всѣхъ дальнѣйшихъ работахъ его по описанію экспедиціи, а затѣмъ и въ путешествіяхъ по Европѣ, для чтенія лекцій и докладовъ о своей экспедиціи, жена всюду ему сопутствовала и всюду была предметомъ восторженныхъ овацій, какъ рѣдкій примѣръ женщины-героини, какъ идеалъ жены-подруги. Несомнѣнно, что и въ Петербургѣ, общество и печать устроятъ знаменитому путешественнику и его достойной супругѣ такой же торжественный и горючій приемъ, какой вышавъ уже на его долю въ Берлинѣ, Парижѣ и Лондонѣ. 3.

Политическое обозрѣніе.

Казалось, „счастливая“ Америка, какъ ее называлъ Гёте, послѣ 1863 г. навсегда освободилась отъ войны. Но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Европа безконечно вооружается, а война повидимому разразится въ Америкѣ и только задѣнетъ Европу, т. е. одно изъ наименѣе воинственныхъ европейскихъ государствъ—Испанію. Слѣдственная коммиссія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, по вопросу о гибели американскаго крейсера на Гаванскомъ рейдѣ, признала фактъ, что взрывъ мины вызвалъ два дальнѣйшихъ взрыва пороховыхъ погребовъ судна, хотя установить виновность въ этой катастрофѣ оказалось невозможнымъ. По внесеніи доклада коммиссіи и посланія президента Макъ-Кинлея по этому предмету въ конгрессъ, Испанія, по требованію Штатовъ, сдѣлала большія уступки: маршалъ Бланко отменилъ распоряженіе своего предшественника о насильственномъ водвореніи сельскихъ жителей западныхъ провинцій Кубы въ города, гдѣ отсутствіе работы и средствъ къ существованію вызвало сильный голодъ; въ распоряженіе маршала предоставлены мадридскимъ правительствомъ денежные средства для облегченія участи голодающихъ кубинцевъ; изъ Мадрида выражено согласіе принять помощь Штатовъ въ этомъ дѣлѣ; дано также согласіе Испаніи приостановить на Кубѣ военные дѣйствія, если инсургенты попросятъ объ этомъ маршала Бланко.

Тѣмъ временемъ комитетъ американскаго сената по иностраннымъ дѣламъ утвердилъ въ принципѣ резолюцію о признаніи автономіи Кубы и о вмѣшательствѣ Штатовъ.

Испанія обратилась къ великимъ державамъ, прося дружескихъ услугъ. По свѣдѣніямъ изъ Рима отъ 23-го марта, она, выражая желаніе, чтобы война была устранена, предложилъ сторонамъ придти къ соглашенію.

Представители великихъ державъ вручили 26-го марта президенту Макъ-Кинлею въ Бѣломъ домѣ дружественную ноту: державы вызвали къ чувствамъ человечности и умѣренности президента и американскаго народа, выразивъ надежду, что новые переговоры между спорящими сторонами приведутъ къ соглашенію, обеспечивающему миръ и представляющему гарантіи для восстановленія порядка на Кубѣ; державы „не сомнѣвались, что безкорыстный и чисто-гуманитарный характеръ ихъ усилій будетъ вполнѣ оцененъ американскимъ народомъ“.

Въ отвѣтъ на представленіе державъ Макъ-Кинлей сказалъ, что „раздѣляетъ“ надежды державъ и ихъ благія желанія.

„Цѣля гуманитарный и безкорыстный характеръ усилій державъ, правительство Штатовъ выразило убѣжденіе, что державы примутъ во вниманіе безкорыстныя и искреннія усилія Штатовъ исполнить долгъ человечности—прекратить слѣшкомъ продолжительное невыносимое положеніе вещей“. На другой день американскій кабинетъ обсуждалъ ноту державъ, которая, по отзывамъ вліятельныхъ кружковъ, никакого воздѣйствія не оказала.

Въ концѣ прошлаго мѣсяца конгрессу Штатовъ передано посланіе президента Макъ-Кинлея: относясь къ животренущему вопросу очень сдержанно, президентъ, несмотря на приостановку военныхъ дѣйствій на Кубѣ, считаетъ существующее положеніе вещей неудовлетворительнымъ и настаивалъ на необходимости покончить съ кровопролитіемъ на Кубѣ.

Въ сенатѣ Штатовъ 1-го апрѣля внесенъ докладъ спеціальной коммиссіи, предлагающей признать народъ Кубы свободнымъ и независимымъ, такъ какъ положеніе на островѣ длилось три года и привело къ гибели американскаго броненосца; исполнителя долга Штатовъ, правительство обязано-де потребовать отъ Испаніи отказаться отъ верховныхъ правъ на Кубу и немедленно удалить войска съ острова; для приведенія этой резолюціи въ исполненіе—предлагается президенту Штатовъ употребить въ дѣло всѣ военныя силы. Послѣ продолжительныхъ преній сенатъ постановилъ 6-го апрѣля признать „кубинскую республику“, вопиравъ при этомъ предложеніе, что Соединенные Штаты преслѣдуютъ въ этомъ дѣлѣ лишь цѣль умиротворенія, по достиженіи котораго верховная власть на Кубѣ будетъ предоставлена туземному населенію. Въ свою очередь конгрессъ принялъ громаднымъ большинствомъ докладъ парламентской коммиссіи, сводящійся къ требованію вручить Испаніи ультиматумъ и предоставленію въ распоряженіе президента вооруженныхъ силъ Штатовъ.

Обѣ стороны стали готовиться къ кровавому столкновенію съ лихорадочною поспѣшностью. Благодаря колоссальнымъ матеріальнымъ средствамъ, Штаты съ поразительной быстротою создаютъ сильный военный флотъ. Въ Вашингтонѣ уже изданъ приказъ о мобилизаціи войскъ разнаго рода оружія на ближайшей къ Кубѣ американской территоріи.

Въ Испаніи ожидается созваніе кортесовъ, официально открыта національная подписка на усиленіе флота. Цивилизованному міру предстоитъ, повидимому, грозное зрѣлище жестокой борьбы между двумя культурными государствами.

Разныя извѣстія.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ управляющій министерствомъ Императорскаго двора и удѣловъ и исправляющій должность канцлера Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, шталмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, числящійся по гвардейской кавалеріи, генераль-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Фредерикъ назначенъ министромъ Императорскаго двора и удѣловъ и канцлеромъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, съ оставленіемъ шталмейстеромъ Двора Его Императорскаго Величества, въ званіи генераль-адъютанта и по гвардейской кавалеріи.

— Въ истекшемъ году въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи оказался недородъ хлѣбныхъ и травъ, который значительно коснулся воронежской, калужской, курской, орловской, рязанской, ставропольской, тамбовской и тульской губерній. Степень нужды населенія, пострадавшаго отъ недорода, съ особенною силою выражается нынѣ, когда имѣвшіеся запасы пришли къ концу, такъ что до новаго урожая представляется настоятельная необходимость въ оказаніи помощи наиболѣе нуждающимся, въ особенности тѣмъ, которые не имѣютъ права на продовольственную ссуду отъ земствъ и сельскихъ

обществъ. До настоящаго времени въ общество Краснаго Креста поступали отъ отдѣльныхъ земскихъ учрежденій, должностныхъ и частныхъ лицъ заявленія и просьбы объ оказаніи помощи пострадавшимъ, и Красный Крестъ выступалъ съ послѣ своею помощью. Нынѣ, согласно постановленію своему и по предложенію г. министра внутреннихъ дѣлъ, главное управленіе российскаго общества Краснаго Креста приняло на себя организацію помощи во всѣхъ поименованныхъ губерніяхъ. Сдѣлавъ распоряженіе объ открытіи во всѣхъ учрежденіяхъ Краснаго Креста въ Имперіи сбора пожертвованій для сказанной цѣли и поручивъ управленіямъ и комитетамъ своимъ въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, приступить къ немедленной организаціи помощи, общество Краснаго Креста приглашаетъ всѣхъ сочувствующихъ этому дѣлу внести свою лепту. Въ главномъ управленіи общества (Нижнеярная, № 9) сборъ пожертвованій открытъ ежедневно отъ 10 до 5 час. пополудни, кромѣ праздниковъ, а также и въ его с.-петербургскіи комитетѣ, а также и съестеръ милосердія: общинъ св. Георгія (Выборгская сторона у Самсоніевскаго моста), общинъ св. Елисаветы (Полуостровская набережная, 3), Александровской общинъ (Бронницкая,

д. 9), Маринскомъ дѣтскомъ приютѣ (Архіерейская ул.), лазаретномъ комитетѣ (2-я ул. Песковъ, Рождествен. бараки), Евгеньевской общинѣ (Калашниковская, 30), Николаевскомъ комитетѣ (М. Итальянская, 18), комитетѣ для оказанія помощи увѣчнымъ воинскимъ чинамъ и ихъ семействамъ (Ковенскій пер., 29), Крестовоздвиженской общинѣ (Фонтанка, д. № 154).

— Въ настоящее время возобновленъ конкурсъ на преміи имени А. Ф. Гильфердинга, учрежденныя 11-го мая 1893 г. Премія въ 3,000 руб. будетъ присуждена за „сжатый очеркъ исторіи южныхъ и западныхъ славянъ“. Подробныя свѣдѣнія объ условіяхъ этого конкурса можно получить въ с.-петербургскомъ славянскомъ благотворительномъ обществѣ (С.-Петербургъ, площадь Александрійскаго театра, № 9).

— Правленіе общества прирѣвнѣе калѣкъ несовершеннолѣтняго возраста и идіотовъ приноситъ глубокую и сердечную благодарность неизвѣстному иногороднему жертвователю, внесшему въ неприкосновенный капиталъ общества 50,000 рублей на содержаніе взрослыхъ идіотовъ въ устраиваемомъ обществомъ земледѣльческой колоніи.

ТОВАРИЩЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“
Москва. * Рига. * Спбурге.

РЕЗИНА. * ЛИНОЛЕУМЪ. * АЗБЕСТЪ. * БАЛАТА. * ПРОВОДА.

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ ПОДЪ ФИРМОЮ: „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. Остерегаться подделок!

Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

Source de l'état
CELESTINS
GRÈS-GRILLE
HOPITAL
VICHY

Avoir soin de désigner la Source.

ДВ. ПТ. БУХГАЛТЕРІЯ.

Полный курсъ бухгалтеріи съ указан. двухъ способовъ веденія книгъ, а также всѣхъ коммерческія свѣдѣнія, необходима для каждаго бухгалтера, обучаю инородцы. посредствомъ лекцій корреспонденцій. Мои лекціи изложены настолько популярно и ясно, что доступны пониманію каждаго и вполне замѣняютъ личное преподаваніе, за что и удостоились массы благодарностей отъ своихъ бывш. учениковъ. Условія и програм. высылкаю бесплатно.

Г. БУРЕНКО, Киевъ, Прорѣзная, № 10.

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. № 32.

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.
ДОМЪ КАТОЛИЧЕСК. ЦЕРКВИ ПРОТИВЪ ДУМЫ С. ПЕТЕРБУРГЪ

Прейс-Кур. Высыл. безпл.

Поступила въ продажу новая книга:
ЖАНЪ ДЮФРЕНЬ.
Руководство
ШАХМАТНОЙ ИГРЫ
и Эмануэль Ласкеръ
„ЗДРАВЫЙ СМЫСЛЪ ВЪ ШАХМАТАХЪ“,
Э. С. Шифферса. Изданіе М. М. Жеребцова.
Цѣна 2 р. 50 к. безъ перес. Налож. плат. 3 р.
Складъ изданія въ типографіи В. Ф. Деманова. Спб. Новый пер., 7. Можно выписать черезъ редакц. „Шахматнаго журнала“, Э. С. Шифферса (С.-Петербургъ, за Невскою заставой, Муравьевскій пер., 20).

СЕКРЕТЪ ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ
КРАСОТЫ МОЛОДОСТИ
А. СІУИКЪ: МОСКВА. 20 коп. кув.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блонкъ. С.-Петербургъ, 59, Невскій.

КУМЫСО-ЛЪЧЕВНИЦА.
Кумысъ съ козьимъ. Подробн. свѣдѣнія: Самара, Др. Постникову.
ВЫШЛА КНИГА
ДЛЯ ДѢТЕЙ
разсказы
Льва Львовича Толстого.
Складъ изданія: Москва, Хамовниці, № 21. Цѣна 80 коп. 3-3

ПОКУПАЮ
жемчужныя нитки, изумруды, рубины, сафиры и брилліанты по высокой цѣнѣ.
БЕРУ ВЪ ОБМѢНЪ старое золото и драгоценныя камни на новыя вещи.
ЗАКАЗЫ исполняются въ собственной мастерской. Всегда большой выборъ золотыхъ и брилліантовыхъ вещей новѣйшихъ фасоновъ.
ЮВЕЛИРЪ
В. К. ЭЙКЕНРОТЪ.
МОСКВА, Камергерскій пер., д. Ланозова. 4-4

Ф. ЮХИМЪ и К^о.
С.-Петербургъ, Невскій пр. 3. Москва, Театральн. проездъ.
Большой складъ фонографовъ и графофоновъ послѣднихъ моделей, валиковъ заряженныхъ и чистыхъ и всѣхъ принадлежностей. В. № 11142 6-1

Пріемъ мѣховыхъ вещей, ковровъ и пр. на храненіе
ОТЪ МОДИ
въ мѣховыхъ магазин. Ф. Л. МЕРТЕНСА
1) Невскій просп., 21, собств. домъ. 2) Гостиный дворъ, № 58.
Всѣ вещи сохраняются въ специально для храненія устроенныхъ складахъ. Полная отвѣтственность за сохраненіе. В. № 11122 4-2

ВЫИГРЫШ.
№1, 2 и 3 ваймы продаютъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОНКЪ,
59, Невскій, Спб. 12-6

ФАБРИКА
и СКЛАДЪ
Бруно Зенгеръ и К^о
С.Петербургъ, Невскій Пр. № 25 (ворота Кемперовы)
Фотогр. Аппараты
и Дринадл.
(Кратк. Прейс-Курантъ безплатно.)

СИБИРСКІЙ СКЛАДЪ
КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ
Д. А. Енанешникова
Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.
ЧЕ-СУ-ЧА.
Дамская отъ 10 до 18 р. кусокъ въ 26/28 арш.
Мужская „ 20 „ 40 р. кусокъ въ 26/23 „
Фанза „ 12 „ 50 р. кусокъ въ 21/22 „
Товаръ высылкаю наложеннымъ платежомъ
Образцы безплатно. 15-7

ТРЕБУЙТЕ
Новый прейс-курантъ
Оружейнаго магазина А. В. Тарнопольскаго, въ Москвѣ, Мясницкая ул., высыл. безплатно.
Новая книга „РУНЬЕ“ высылается наложеннымъ платежомъ за 60 коп.

ВАГНЕРОВОЕ УДОБРЕНІЕ
для садовыхъ культуръ, особенно для сильно растущ. цвѣтв. Подробн. въ наставленіи.
10 ф.—2 р.; 20 ф.—3 р. 50 к.; 40 ф.—6 р.
Г. ФРИКЪ, Спб., Адмиралъ. просп., 10.

КРАСИВО ПИСАТЬ
выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи А. БОССОДО.
Контрерско-коммерч. скорописъ, ровдо, готикъ и др. шрифты также преподаются заочно. 9-3
Методъ преміи на Парижской всемир. выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медалю. За 4 семикон. маршъ высыл. пробн. письмо шрифтовъ, подробн. условія и образцы заочно вспраган. почерк. Адресъ: профессору каллиграфіи Адольфу Боссодо въ Одессѣ, Дерibasовская, д. № 19.

Катрейнерсь Мальцкаффее Фабрикенъ, Мюнхенъ
(Kathreiner's Malzkaffee Fabriken, München)
производить по привилегированному способу солоды, который рекомендуется женщинамъ дѣтямъ и больнымъ и ежедневно употребляется въ тысячахъ семействъ.
Настоящій только въ 1 фунтовыхъ пакетахъ съ портретомъ и подписью прелата Себ. Кнейппа въ Верисгофенъ, какъ предохранительная марка, и фирмой единственныхъ фабрикантовъ:
Катрейнерсь Мальцкаффее Фабрикенъ, Мюнхенъ.
Склады: въ С.-Петербургѣ: К. Вольбуокъ и К^о, въ Москвѣ: Юлія Преторіусъ; въ Ригѣ: Н. А. Герскиндъ; въ Варшавѣ: Л. Рабиновичъ. Ц № 110427-5
Представители: въ Лодзи: Л. Рабиновичъ; въ Вильнѣ: Ф. Яблковскій.

НА ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ 1896 г. УДОСТОЕНА
ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ
ФАБРИКА
МУЖСКОЙ, ДАМСКОЙ
И ДѢТСКОЙ
ОБУВИ
Н. И. БРОХИСЬ и СЫНЪ ВЪ ВАРШАВѢ.
СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1875 г.
Собственный магазинъ въ губ. г. Минскѣ.
Фабрика и контора: въ Варшавѣ, Цавья ул., № 30, собств. домъ.

Фабричное клеймо.

Фабричныя иголки.

PRECIOSA VIOLETTE
 ПРЕЛЕСТНЫЕ НЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩИЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
 Эссенция высшего качества. Мыло. Туалетная вода самого тонкого запаха. Растительный экстракт для ухода за волосами. Рисовая пудра незальтная и неослабная.

ED. PINAUD
 PARIS

КОРСЕТЫ ФАБРИКИ И. Г. АБРАМОНЪ
 Удостоены похвалы. ОТЗЫВОМЪ НА ВСЕРОСС. ВЫСТАВКЪ 1896 г.

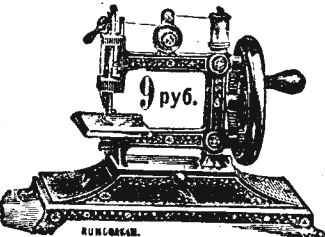
РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ

1. ТВЕРСКАЯ Д. АНДРЕЕВА
 2. ЛУБЯНСКІЙ ПАССАЖЪ № 11

ПРОДАЖА ПО ФАБРИЧНОМУ ПРЕЙСЪ-КУРАНТУ

Новость, которая возбуждает всеобщий интерес, есть получившая премию въ Чикаго
РУЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА «THE JEWEL»,

которая шьетъ всякую матерію, толстую и тонкую, сукно и полотно такъ же аккуратно, какъ самая большая швейная машина. Конструкция вся изъ жѣлѣза и стали, изящно отполированная, съ регуляторомъ, шпульками, иглами, левочкой для масла и иллюстрированнымъ понятнымъ изло-

женнымъ руководствомъ. Въсѣ 5 кило. Каждая машина имѣетъ тщательно проверенный ходъ и стоитъ со всѣми приспособлениями для шитья всевозможныхъ матерій и мною оилаченной пошлной только 9 рублей. Высылается по получении всей суммы или 3 рублей задатка:

M. Rundb'ing, Wien, Taborstrasse 35. Вѣна (Австрія).
 Пошлину уплачиваетъ сама фабрика. П. № 11199 5-1

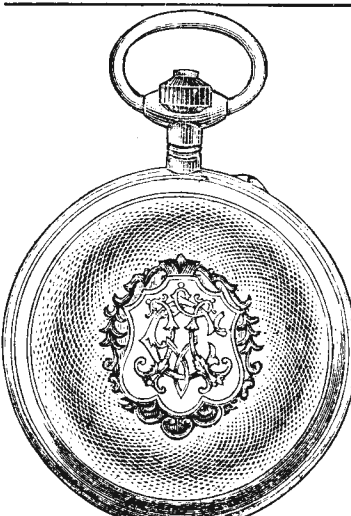
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
 ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 1.

ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ.
 РАВНООБРАЗНЫЕ КОСМЕТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЭТОГО СОСТАВА СЛѢДУЮТЪ ЕГО ВАЖНОМУ ПОТРЕБОВАНІЮ ДЛЯ ТУАЛЕТА.
 Туалетный Уксусъ Вюлетъ де Пармъ
 Карболовый Туалетный Уксусъ
 Туалетный Уксусъ де ла Ноблессъ.

МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
 ВОЗНОВСКИИ ПР. ПР. № 10. КАЗАНСКИИ ПР. № 10. НЕВСКИИ ПР. № 10.
 МАГАЗИНЫ ВЪ МОСКВѢ: въ КУЗНЕЦКОМЪ МОСТѢ ДЕНЕЖНИЧЬЕВЪ.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованному способу изготовления часовъ я имѣю возможность продавать съ 1 января с. г., самые элегантные и прочные **МУЖСКИЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличаеыме, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструкции, съ прекрасною цѣлочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, или съ портретомъ, согласно присланной фотографической карточки, въсѣто 18 и 20 руб.

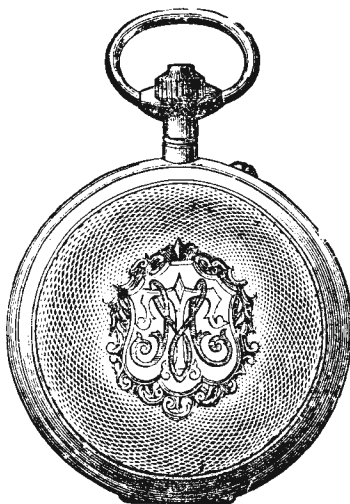
только за 10 и 12 руб.
 Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящие золотые, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе.
 Такіе же **ДАМСКІЕ** дороже на 1 рубль. Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Высылаю вполнѣ вывѣренные часы по получении задатка 2 руб., остальное же наложеннымъ платежемъ.

Ш. БИТКЕРЪ

Складъ женевскихъ и американскихъ часовъ въ Варшавѣ, Сенаторская № 27 и Вербовая № 11, противъ Правительственнаго театра.

Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземпляръ снабженъ пломбою фирмы, утвержденной Департаментомъ торговли и мануфактуръ за № 29593/435.

Извѣщенія изъ аттѣстаций, полученныхъ мною складомъ:
 Милостивый государь Г. Биткерь.
 Убѣдившись въ добросовѣстности исполненія Вамиъ магазномъ игородныхъ заказовъ, я отъ всей души приношу вамъ глубокую благодарность за высланные мнѣ въ село Насядиу часы накладного золота, такъ какъ прочность высланнаго превзошла мои ожиданія, прошу еще выслать часы и т. д.
 Съ почтениемъ А. Н. Воронинъ. 10/х 97 г. Пермь.
 Милостивый государь Г. Биткерь.
 Нижние чины вѣтреной мнѣ команды, выписавшіе изъ Вашего магазина вещи, очень довольны исполненіемъ заказа и просятъ передать Вамъ глубокую благодарность за полученные вещи.
 В. М. Начальникъ Нижнеудинской Конвойной Команды.
 Декабря 11 дня 1897 г. № 612.
 г. Нижнеудинскъ, Иркут. губ.
 Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи. Капитанъ Ганъ.
 И множество другихъ. № 11141 4-1

Благодаря большому сбыту и новому усовершенств. способу изготовления часовъ моего производства, я имѣю возможность продавать съ 1 июля мин. г. самые элегантные и прочные **МУЖСКИЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличаеыме, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструкции (удостоен. сереб. медалью на женевской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣлочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, въсѣто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.
 Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящие золотые, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе. Такіе же **ДАМСКІЕ** дороже на 1 рубль.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ.

Высылаю вполнѣ вывѣренные часы по получении задатка 2 р., остальное же наложеннымъ платежемъ. АДРЕСЪ:

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ
 Складъ женевскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.
 ♦ Множество благодарств. писемъ и отзывовъ. ♦
 Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземпляръ снабженъ пломбою фирмы, утвержден. департаментомъ торговли и мануфактуръ. № 11065 5-5

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
 Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетокъ.
 Флаконъ 1 р. 75 н., большой 3 р. 50 н.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILLENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5-2 (1141)

Санаторія д-ра Ремплера
 для страдающ. грудными болѣзнями
ВЪ ГЕРБЕРСДОРФѢ, ВЪ СИЛЕЗИИ.
 Находясь съ 1875 г. подъ личнымъ врачевнымъ наблюдениемъ владѣльца, Герберсдорфская лѣчебница, расположенная высоко надъ уровнемъ моря и снабженная помѣщеніемъ для пользо. анія слабыхъ воздухомъ, предоставляетъ самыя благопріятныя условія для лѣченія, за умеренныя дѣны. Объявленія выслаются безплатно
 Д-ромъ Ремплеромъ. Я. № 11117 6-2

САРАТОВСКІЯ САРПИНКИ

ИЗЯЩНАЯ ЛЕГКАЯ ТКАНЬ
 ДЛЯ ПЛАТЬЕВЪ и БѢЛЫХЪ.

Образцы — 337 рисунковъ — въ Альбомѣ

высылаются за 58 н. почтов. марнами, фабрикантъ, торговый домъ
А. БЕНДЕРЪ съ С-ми и В. БЕНДЕРЪ.
 МОСКВА, ПЕТРОВКА.

на лѣто 1898 года.

П. № 111122-3

ВИЛЬЯМА ЛАССОНА
ЭЛИКСИРЪ ДЛЯ ВОЛОСЪ.
 СРЕДСТВО ДЛЯ УХОДА
 за головною кожей и волосами.
 Средство это не имѣетъ никакого вліянія на цвѣтъ волосъ и не содержитъ никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ.
Цѣна флакона 3 р. 50 к.
 Въ Петербургѣ эликсиръ продается: у Г. Кошкина, Гостиный дворъ, 19; Н. Ушакова, Гостиный дворъ, 33; В. Парикова, Гостиный дворъ, 78.
 В. № 11054 2-3
 Въ Москвѣ — у А. Ралле и №.

Испробованъ и найденъ превосходнымъ голландскій

КАКАО ФЛИКЪ.

Получить можно во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и колоніальныхъ торговляхъ.

Главный представитель для Россіи
Константинъ Гершъ, С.-Петербургъ.

В. № 10486 15-15

Иодисто-соляное **КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ.** Верхняя Австрія.

Самая крѣпкая іодистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ общихъ и специальныхъ болѣзней, при которыхъ іодъ служитъ важнымъ лечебнымъ средствомъ. Превосходныя лечебныя приспособленія (куванны и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, вефиръ). Весьма благоприятныя климатическія условія. Железнодорожная станція. Путь черезъ Линцъ на Дунай или черезъ Штейеръ. **СЕЗОНЪ** съ 15-го мая по 30-е сентября. Ваннами можно пользоваться также съ 1 до 15-го мая. Подробныя программы на разныхъ языкахъ выслать бесплатно В. № 11055 4-2

Лечебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

Казеннымъ, общественнымъ учреждениямъ и торговцамъ по оптовой цѣнѣ.

ВОЛЬМАРОВСКІЙ
ДЕЗИНФЕКЦІОННЫЙ ПОРОШОКЪ.

Не имѣетъ самъ по себѣ никакого запаха, уничтожаетъ злоепахла, убиваетъ бактерии. Обеззараживаетъ нечистоты и превращаетъ ихъ въ прекрасный декоративный материалъ.

Очень важно для желѣзничныхъ дорогъ, дачъ, казармъ, гвардій и больницъ.

Для ДЕЗИНФЕКЦИИ
выгребныхъ ямъ, помойныхъ ямъ, ретираторовъ, стоковъ лошадей и прот.

Контора завода **Невскіе 0 60.**
Телефонъ № 2011.
Складъ: **Центр, аптекаръ, дено**
Невскія д. 27. Телефонъ № 692.
В. № 11183 5-1

№ 4711. Кто любитъ запахъ настоящей фіалки, тотъ пусть требуетъ **ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“** (Violette du Rhin.)

Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій, даже въ теченіе шѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся.

№ 4711 du Rhin, **Savon violette**
№ 4711 Sachets violette du Rhin.

Всѣмъ одинакового качества.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ парфюмеръ магазинахъ

В. № 11023 (7)

Одной или двухъ чайныхъ ложками „ГУСТО“ на чашку горячей воды, приготовляется моментально прекрасный и вкусный бульонъ.

Предельно чиста и высушена по новому методу.

„ГУСТО“
1896 года.
Бульонъ-Экстракт
SUPPENWÜRZE
„Gusto“
ТОВАРИЩЕСТВА ПАРОВЪ ФАБРИКИ
ЭИНЕМЪ
МОСКВА.

БЕЗЪ СОМНѢНІЯ
самыя чистыя и высушенныя по новому методу.

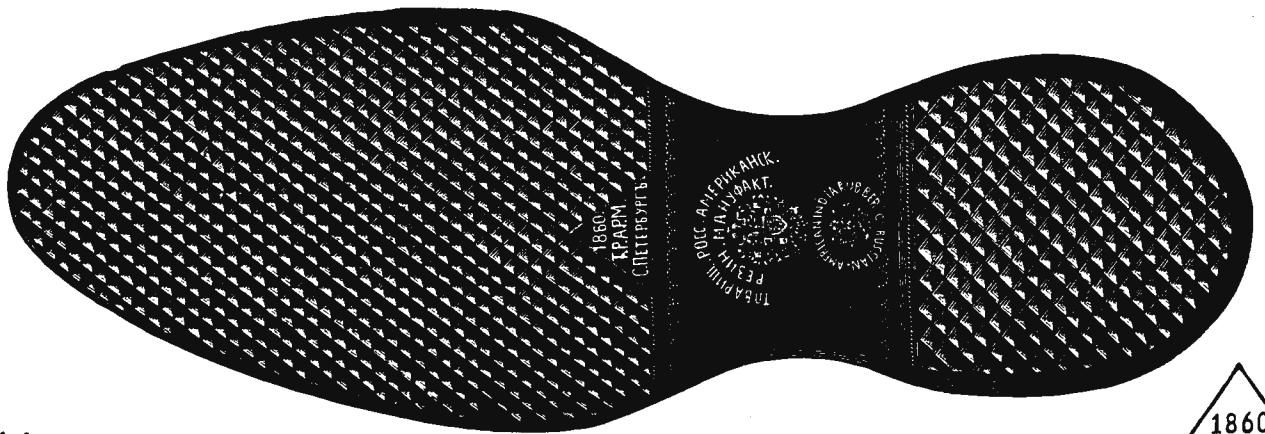

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 10845 26-0
на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

Главный складъ русск. винограда, калифорнск. и друг. иностр. винъ
П. Л. ВВЕРГЪ,
 Нарва, Б. ж. д., пред. виноторговц. и другимъ свои доброты вина съ знач. успехомъ.
 Упак. бесплатно.

Поступило въ продажу у всѣхъ книготорговцевъ новое дешовое издание
Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ГЕРОИ И ГЕРОИЧЕСКОЕ ВЪ ИСТОРИИ

Т. Карлейля.

Переводъ съ англ. В. Яковенко, со статей переводчика объ авторѣ книги. Цена 1 р.

Благодаря громадному сбыту и полному усовершенствованію изготовленія часовъ, а въ составъ продаванъ съ 15 ноября пр. г. изящныя и прочныя карманные мужские часы „ЗВѢЗДА“, крытые, съ 3 крышки наладного золота, выхъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, механизмъ самый прочный и усовершенствованный, ходъ на камняхъ, заводъ безъ ключа,

всего только за 6 р. 25 к.
 (2 шт. 11 р. 75 к.)

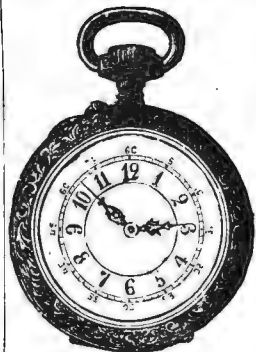
Письменное ручательство за вѣрность хода на 6 лѣтъ.

Часы, тщательно проверенные, высылаются по получении 2 руб. задатка. 2—1

Адресъ: Торговой фирмѣ

Я. М. Варковицкаго,

складъ часовъ въ Варшавѣ, Ново-Зельная, № 41.

ЧАСЫ „ЗВѢЗДА“

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

для устройствъ и перестройки
**ПАТОЧНЫХЪ И
 ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ**

В. Р. Уландъ, Лейпцигъ.

W. H. Uhlend. Leipzig.

Испытанные аппараты. Пр-кур. бесплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ

Высылаются бесплатно пробныя лекціи-корреспонденціи и условия заочнаго изученія бухгалтеріи по преміи бол. зол. медалью методу С. Я. Лионенталя. Москва, Бульваръ, № 49.
 Ц. № 10919 10-6

„Идеал“. Каждая дама, желающая быть вполне элегантной, безукоризненно аккуратной, употребл. для обшивки подола исключительно „Идеал“, патентованную подшивку изъ бумажнаго бархата (Вельветинъ). На каждой коробкѣ надпись „Идеал“. Получить можно во всѣхъ прикладныхъ магази-

№ 10426 нахъ Россіи. 26—24

НА ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО
 Тел. № 1360
 ПРОСИТЬ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕРТВОВАТЬ ЕМУ
 НЕУЖНЫЯ ВЕЩИ
 АУДИОНЪ ПО ВѢЩАНІЯМЪ ВОСПИТАНІЕ № 500
 ВОСКРЕСЕНСКИЙ ЦИРКЪ
 ТЕЛЕФОНЪ 3678

ЭЛЕОПАТЬ

пров. Кинунена и употребляютъ.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ переулокъ, № 1.

ТОЛЬКО 1 р. 85 к.

полезный подарокъ для себя и знакомыхъ.
ПОРТМОНЪ

со штемпелемъ изъ прекрасной черной оловки, съ 5 отдѣленіями, 1 внутреннимъ закрытымъ для звонкихъ монетъ и однимъ особо закрытымъ для золота. Корпусъ изъ одного куска съ метал. замкомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для красн. Въ штемпелѣ можно помѣстить имя, отч., фамилію и званіе, по желанію и корону. Дамскія издѣлія по тѣмъ же цѣнамъ. Издѣлія изъ кожи штука на 40 к. дороже. При заказѣ 6 портмоне высылаются одно, т. е. седьмое, бесплатно. Цѣны съ пересылкой, въ Азіатскую же Россію съ прибавленіемъ части въсовыхъ. Налож. платежъ на 10 к. дороже. Заказы исполняются немедленно по получе- ніи стоимости или задатка. Требования про- адресовать:

Въ магазинѣ штемпелей фабрики
І. Д. ЛЕВИНСОНА,
 ВАРШАВА, Сенаторская ул., № 30.

CÉLÈBRE PAR SES QUALITÉS
 en Vente partout

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ ВЪ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ“

Высочайше утвержденномъ въ 1881 году.
 Наличные капиталы Общества 32.000,000 руб.

Общество заключаетъ страхованія по новѣйшимъ планамъ и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, а именно:

- Капиталовъ на случай смерти,
- Вдовихъ пенсій,
- Капиталовъ на старость,
- Приданого для дѣвушекъ,
- Стипендій для мальчиковъ,
- Пожизненныхъ доходовъ.

Къ 1 января 1898 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 49,736 лицъ на капиталъ въ 117.356,600 руб.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. домъ, № 37) и агентами Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

№ 11130 6—1

Тысячи благодарственныхъ отзывовъ

отъ самыхъ интеллигентныхъ потребителейъ наше- го изобрѣтенія позволяютъ намъ рекомендовать всѣмъ дамамъ **ПАТЕНТОВАННЫЙ ШИНДЛЕРА БЮСТГАЛЬТЕРЪ** (Англицорсетъ). Изобрѣтеніе это, за- мѣняющее корсетъ и признанное во всѣхъ государ- ствахъ, даетъ полное свободное движеніе, вслѣдствіе чего его могутъ носить въ теченіе цѣлаго дня и безъ утомленія себя **ВО** безъ исключенія дамы и даже страдающія, беременныя, кормящія грудью, хозяйки въ домашнемъ быту, трудящіяся въ разныхъ бюро, училищахъ, торговляхъ, путешествующія, управляющія всякаго рода спортъ и т. д., въ чемъ свидѣль- ствуютъ отзывы докторовъ, прилагающіеся къ каж- дому экземпляру.

Бюстгальтеръ, патентованный въ 13-ти государ- ствахъ, изготовляется изъ лучшихъ и моднѣйшихъ кор- сетныхъ матеріаловъ со швейцарскою отдѣлкой.

Цѣны: А. А. А. В. С. D. D. шалк. черн.
 3,50. 4,50. 5,75. 6,75. 9,50 к.

Детальные заказы высылаются почтою посылкою наложеннымъ платежомъ (даже безъ задатка) съ причисленіемъ за пересылку 60 коп. При заказѣ слѣдуетъ прислать мѣрку въ сантиметрахъ, верхкажъ, дюймахъ или тесмой по рисунку.

- 1) Полную окружность груди (со синиою), мѣрка на платъ подъ мышкою кругомъ отъ А до В.
- 2) Полную окружность талии кругомъ отъ С до D.
- 3) Высоту бока отъ А до С.

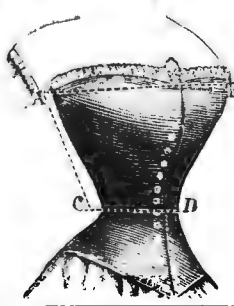
Выписывающіе три и болѣе экземпляра за пересылку не платятъ.

Адресъ для заказовъ:

Варшава, „Шиндлера Бюстгальтеръ“

Сенаторская, № 26.

Ц. № 11049 3—2

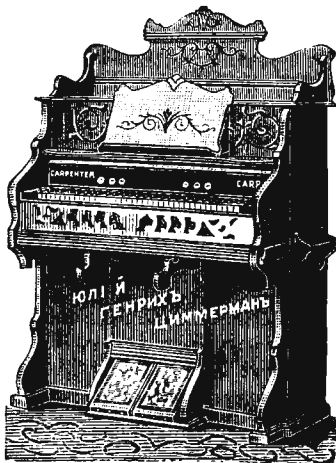
Содержаніе:

ТЕКСТЪ. Въ туманѣ величія. Историческая повѣсть П. Н. Полевого. (Продолженіе). — Былое. Марья Васильевна. Рассказъ А. А. Осипова. — Портъ-Артуръ. — Мопи Рио-Тинто. — Къ рисункамъ: Водовозы. — Фокусникъ. — Лилия Дамаска. — Молодежь. — С. М. Духовской. — Н. И. Гродековъ. — А. Я. Красовскій. — В. Н. Чиколевъ. — Вербовка войскъ въ Соединенныхъ Штатахъ. — Политическое обозрѣніе. — Газетныя извѣстія. — Объявленія.

РИСУНКИ. Водовозы. Картина Х. П. Платонова. — Фокусникъ. Картина Т. С. Гочъ. — Лилия Дамаска. Картина Р. Шмальсъ. — Молодежь. Картина И. С. Галикина. — Портъ-Артуръ: 1) Подъемный кранъ. 2) Китайскій крейсеръ. 3) Разрушенный фортъ. Юриддоръ. 4) Входъ въ казармы. 5) Внутренній видъ мастерскихъ. 6) Улица въ Портъ-Артурѣ. 7) Разрушенный фортъ. 8) Видъ бухты. Внутренній бассейнъ. 9) Внутренній рейдъ. 10) Докъ. 11) Разрушенный фортъ. 12) Набережная. 13) Планъ Портъ-Артура. 14) Портовая контора. 15) Разрушенный фортъ. 16) Маякъ. — **Вновь назначенный туркестанскій генераль-губернаторъ генераль-лейтенантъ С. М. Духовской.** — **Вновь назначенный приамурскій генераль-губернаторъ генераль-лейтенантъ Н. И. Гродековъ.** — А. Я. Красовскій. — В. Н. Чиколевъ. — На улицахъ Нью-Йорка. Чтеніе объявленій о призывѣ добровольцевъ въ ряды американской арміи.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

Фабрика Карпенгера въ 160 руб.

Лучшіе инструменты для духовной и свѣтской музыки, весьма легкіе для изученія.

ФИСГАРМОНИИ

знаменитой фабрики

ШИДМАЙЕРА,

рекомендованная Гензельтомъ, Листомъ, Главачемъ.

Американскія извѣстнѣйшихъ фабрикъ **КАРПЕНТЕРЪ, БЕНТЪ** и другихъ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 175, 190, 200, 225, 240, 250, 300, 350, 375, 450, 500, 550, 750 и 1000 руб.

Самоучитель Пахе — 2 р. Иллюстрированный прейсъ-куррантъ и каталогъ нотъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ.

Складъ и изданіе нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34—40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыла

Новое изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СОЧИНЕНІЯ

К. К. СЛУЧЕВСКАГО

въ 6 томахъ in 8°, съ портретомъ и автографомъ автора, исполненнымъ гелиографіею.

Въ это изданіе войдутъ всѣ беллетристическія и поэтическія произведенія К. К. Случевскаго, при чемъ первые три тома будутъ заключать въ себѣ всѣ его стихотворенія, въ томъ числѣ появившіяся въ этомъ году въ печати „Пѣсни изъ Уголка“, а содержаніе послѣднихъ трехъ томовъ составятъ беллетристическія его сочиненія.

Первые два тома вышли изъ печати и выдаются (а иногороднимъ высылаются) немедленно по полученіи заказа. Остальные пять томовъ выйдутъ въ теченіе слѣдующихъ шести мѣсяцевъ.

Подписная цѣна за 6 томовъ 7 руб. 50 к., съ доставкой и пересылкой — 8 руб. 70 коп.

(По выходѣ послѣдняго тома, цѣна будетъ возвышена).

Подписныя деньги вносятся сполна — при заказѣ, или въ разсрочку на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ 3 р., съ дост. и перес. 3 р. 70 к., по полученіи перваго тома 3 р., съ дост. и перес. 3 р.: по полученіи втораго тома 1 р. 50 к., съ дост. и пересылкою 2 руб.

По желанію, тома высылаются и наложен. платежомъ по мѣрѣ выхода. Требованія и деньги просить адресовать въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.

Ко дню семидесятилѣтія гр. Л. Н. Толстого выйдеть въ свѣтъ роскошное иллюстрированное изданіе:

Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. ТОЛСТОЙ

со множествомъ портретовъ и рисунковъ. Цѣна книги по подпискѣ 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к. Выпускъ экземпляровъ ограниченъ. Подписка принимается: С.-Петербургъ, Невскій, 38, книжн. магаз. „Нов. Вр.“, Москва, у Страстного монастыря, книжн. магаз. Кокусова. 3—1

ПАМЯТЬ

лицъ кажд. возр. укрѣпляетъ лично и зночно (въ 10 урокъ.) профес. мнемоники С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и Ваг. ул., собствен. домъ, № 28. Условія и 2 брош. (въ 64 стр.) высыл. въ одну 7-ми коп. марку.

№ 10917 20—12

Навожденіе.

Романъ изъ современной жизни Вс. Соловьена.

Цѣна 2 руб. съ пер. 2 руб. 50 коп.

КАСАХИМОВСКАЯ НѢЗВѢСТА

Вс. Соловьена.

Историческій ром. въ 3-хъ част. Изданіе II. СИБ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

„Гуниади Яносъ“ представляетъ собою продуктъ природы.

СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ котораго извѣстно.

Для норм. приема достаточно 12 обмыл. стакана.

Просимъ обращать вниманіе на нашу предохранител. марку портрета, которая неизмѣнно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей нашей воды.

Владѣлецъ: **АНДРЕАШЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.

ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

№ 10415 ПРОСИТЬ ТРЕБОВАТЬ 12-11

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

ПОСЛѢДНІЙ

добровольный обмѣнъ на 4% ренту 4% облигаціей внутреннихъ займовъ 1887 года и 2-го, 3-го и 4-го—1891 года и выпущенныхъ въ кредитныхъ рубляхъ 4% облигаціей назенныхъ жел. дорогъ.

ЗАЯВЛЕНІЯ

принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Назначействахъ тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ учрежденій Банка.

КРАЙНІЙ СРОКЪ

№ 11073 12--6

подачи заявленій 15 Іюня 1898 года. Подробныя условія обмѣна въ ежедневныхъ газетахъ.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ
 для устройства и перестройки
КРАХМАЛЬНЫХ ЗАВОДОВЪ
 В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
 W. H. Uhland, Leipzig.
 Прейс-кур. высылаются бесплатно.

Через контору журнала
„СЧЕТОВОДСТВО“
 (СПБ., Невскій, 64) можно выписать:
 1) Двойную бухгалтерію въ популяр. очер-
 нахъ, 2-е изд. Ц. 1 р.
 2) Самоучитель двойн. бухгалт. Ф. Ску-
 бца, 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к.
 Одобрены Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.
 3) Фабрично-заводское счетоводство, Л.
 Гомберга. Цѣна 4 руб. (Счетовоорганизация и
 администрація мелкаго предприятия).
 Теория, практика и схемы.
 4) Аналитическая карта бухгалтеріи. Ц.
 75 коп. № 111213-2
 5) Журналъ „Счетоводство“ за 1889-
 1898 годъ, по 6 руб. Богатый научный и
 практический матеріалъ. Программа высы-
 лается бесплатно.

ВАЖНО ДЛЯ БОЛЬНЫХЪ.
 Дождо до всеобщаго свѣдѣнія, что мною
 изготовляются всѣ форматы МЕДИЦИН-
 СКІХЪ ОБЛАТОКЪ: Фасера, Шевичка и
 Моршадта всѣхъ №№
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИЗЪ ЧИСТОЙ РИСОВОЙ
МУКИ.
 Мои облатки, приобритія большое приме-
 ніе—изящны, эластичны, не раздваиваются и
АБСОЛЮТНО НЕ ПРОПУСКАЮТЪ
ЛЕКАРСТВА,
 что весьма важно для больныхъ. Во избежа-
 ніе получения заграничныхъ (качественъ, воз-
 буджающихъ тонину) просьбу во всѣхъ
 аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ, требовать
РУССІЯ ОБЛАТКИ РИХТЕРА.
 Паровая фабрика медицинскихъ
 облатокъ
А. А. РИХТЕРЪ,
 Крюково, Никол. жел. дѣл.

9-92 21011 36-8

PASTILLES VICHY-ETAT
 aux Sels Naturels extraits des Eaux
 Vendues en boîtes métalliques soignées.

COMPRIMÉS VICHY-ETAT
 aux Sels Naturels extraits des Eaux
 pour fabriquer
 l'EAU ALCAINE GAZEUSE

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ
 съ разрѣшенія Св. Синода
КАРМАННАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА
 для ПРАВОСЛАВНАГО
ДУХОВЕНСТВА
 въ 2-хъ ЧАСТЯХЪ
 около 600 страницъ.
 Составлена подъ редакц. А. И. Поповичаго.
 Редактора журн. „РУССКІЙ НАЛОМНИКЪ“.
 Часть I — календарная, съ чистыми
 листками почтовой бумаги, для записи на
 каждый день, въ маломъ коленкорномъ
 переплетѣ, съ карандашемъ и графельною
 доскою. 362 страницы.
 Часть II—юридическая—заключаетъ въ
 себя законъ, указъ св. Синода, правила,
 инструкции, епархіальныя и правительствен-
 ныя распоряженія, касающіеся русскаго
 православнаго духовенства. 212 стр.
 Цѣна за обѣ части 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
 Выписывающіе отъ издателя П. П. Солиина.
 Спб. Стремянная, 12), за перес. не платятъ.

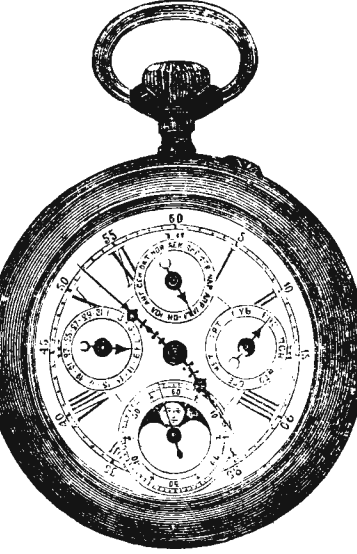
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕНО ТОВАРИШЕСТВОМЪ

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА СЪ СЫНОВЬМИ

1296 ВЫСШАЯ НАГРАДА ГОДА

НА ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
СЛАБИТЕЛЬНАЯ
 горькая вода источника
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ.
 Прод. во всѣхъ аптекахъ и апте-
 карскихъ магазинахъ въ Россіи.
 Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ:
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ, въ Булашептѣ.

Благодаря большому сбыту и новому
 усовершенствованію способу изгото-
 вленія часовъ моего производства, я
 имѣю возможность продавать самыя
 практичныя прочныя и изящныя кар-
 манныя МУЖСКІЕ ЧАСЫ черныя воро-
 ненной стали, открытыя, аннеръ 18 намм.,
 съ вѣчнымъ календаремъ и элеган-
 тной цѣлочкой, американскаго золота
 chataleine, съ брезкомъ, вмѣсто 15 и
 17 руб.

только за 8 и 10 руб.
 Часы эти отличаются весьма вѣрнымъ
 ходомъ и, кромѣ обыкновеннаго вре-
 мени, автоматически показываютъ мѣ-
 сяцы, дни, число и фазы луны.
 Такіе же серебряныя крытыя,
 всѣ три крышки 84 пробы, на
 4 руб. 50 коп. дороже.
ПИСЬМЕННОЕ РУЧАТЕЛЬ-
СТВО НА ШЕСТЬ ЛѢТЪ.
 Высылаю по полученіи задатка 2 р.,
 остальное же наложеннымъ платежомъ.

АДРЕСЪ:
ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ.
 Фабричный складъ женеvскихъ часовъ въ Варшавѣ.

№ 11147 Множество благодарственныхъ писемъ и отгвѣтовъ. 10-2

Вновь подписавшіеся получаютъ журналъ съ № 1-го со всеми
 приложеніями. Продолжается подписка на 1898 г. на самый
 распространенный въ Россіи музыкальный журналъ

изданія
 годъ 4-й) **„МУЗЫКА И ПѢНІЕ“**
 Для пѣнія, одиоголосаго и хороваго, фортепiano и другихъ ин-
 струментовъ. Одобренъ Учеб. Ком. при Св. Синодѣ. Одобренъ
 Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. Рекомендованъ Гл. Упр. воен. уч. зав. Журналъ „Музыка и
 Пѣніе“ выходитъ ежемѣсячно тетрадными по 44 стран. большого мотнаго формата. Го-
 довой экземпляръ составляетъ болѣе 500 страницъ и даетъ подписчикамъ до 200 лучшихъ
 музыкальныхъ произведеній во всѣхъ отрасляхъ музыкальнаго творчества, стоящихъ
 въ отдѣльныхъ изданіяхъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ соронъ рублей. Кромѣ того,
 бесплатныя приложенія: 1) Литургія св. Іоанна Златоуста, соч. проф. Юр. Арнольда
 (исп. въ соб. Ал.-Невск. завыр. во вр. арх. сл.). 2) Нотная грамота. Опытъ самообученія
 пѣнію. А. Н. Карасева. Вышелъ № 6-й. Содержаніе: Отд. I текстъ: 1) В. В. Андреевъ.
 Очеркъ его дѣятельности. 2) Музыкальное вхо. Отд. II, пѣніе: 3) Гродзкій, Б. Оттого-дъ
 небеса такъ лазурны весной. 4) Арнольдъ, Юр. Лучинишка, съ вариціями. Отд. III,
 легкія пьесы д. фор.: 5) Ладухинъ, А. Кадриль, на 5 ноткахъ. 6) Лихнеръ, Г. Отдыхъ
 у родныхъ. 7) Его-же. На урокъ танцевъ. 8) Burgmüller, F. Le reveil dans les bois.
 9) Его-же. L'orange. Отд. IV, пьесы для форт. ср. тр.: 10) Haberberg, E. Valsecapolle. 11)
 Wachs, P. Conte joyeux. 12) Lebeau A. (Gouppod) Au printemps. 13) Ивановичъ, I. Вечер-
 ная звезда. Вальсъ. Отд. V, для гармоніи или форт.: 14) Мейерберъ. Хоръ наъ ов.
 „Лугеноты“. 15) Вагнеръ. Свадебн. хоръ изъ оп. „Лоэнгринъ“. Отд. VI, для разн. инстр.:
 16) Ивановичъ, I. Вздохи-вальсъ, для скрипки съ форт. 17) Тоже. Для флейты съ форт. 18)
 Тоже. Для виолонч. съ фор. 21) Тоже. Для корнета съ фор. Ототъ вальсъ можно испол-
 нять какъ дуэтъ, тріо, квартетъ и квинтетъ. 20) Приложеніе: Литургія св. Іоанна Зла-
 тоуста соч. пр. Юр. Арнольда. 21) Объясненія. Цѣна пробнаго № 50 к., съ перес.
 71 к., съ влож. платеж. 81 к. Подробныя объясненія, содерж. первыхъ годовъ изданія,
 списокъ премій, каталогъ книгъ и нотъ высыл. бесплатно. Подписка принимается въ
 главной конторѣ: С.-Петербургъ, Садовая, 24, противъ Гостиц. Двора, при книжномъ
 и музыкальномъ магазинѣ П. К. Селиверстова.
 Редакторъ-владелец П. СЕЛИВЕРСТОВЪ.

ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІЯ.
 Полный курсъ бухгалтеріи съ указаи, двухъ
 способовъ веденія книгъ, а также всѣ ком-
 мерческія свѣдѣнія, необходимыя для каж-
 даго бухгалтера, обучаю игородни. по-
 средствомъ лекцій корреспондентіи. Мои лекціи
 изложены настолько популярно и ясно, что
 доступны пониманію каждого и вполнѣ за-
 мѣняютъ личное преподаваніе, за что и
 удостоихся массъ благодарностей отъ своихъ
 бывш. учениковъ. Условія и програм. вы-
 сылаю бесплатно.
 Г. БУРЕНКО, Киевъ, Прорѣзная, № 10.

СКЛАДЫ ЧАЕВЪ
И. Е. ДУБИННИНА МОСКВА
 ИВАНОВА А. ТАЖЕЛОВА.

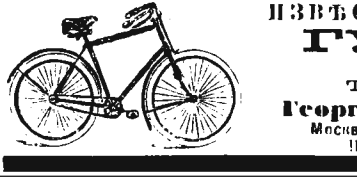
„Идеал“. Каждая дама, желающая быть
 вполнѣ элегантною, безукоризненно
 аккуратною, уюогребл. для обшив-
 ки подола исключительно „Иде-
 аль“, патентованную подшив-
 ку изъ бумажнаго бархата
 (Вельветинъ). На каждой ко-
 робкѣ надпись „Идеаль“. По-
 лучить можно во всѣхъ
 прикладныхъ магази-
 нахъ Россіи. 26-25

Въ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ
 магазинахъ Имперіи можно получить безплатно

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ
 Вазелиновое туалетное
 для чистоты и блеска кожи
 Во издѣніе подаркомъ предълагается
МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ТУАЛЕТ-
НОЕ, ВАЗЕЛИНОВОЕ.
 ТОРГОВЫЙ ТОМЪ
 ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ
 ДЕМІДОВЪ ПЕР. №1 С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ОЦИНКОВАННОЕ
 НИКОГДА НЕ РЖАВѢЮЩЕЕ
 ГАЛЬВАНИЗИРОВАННОЕ ЖЕЛѢЗО
ДЛЯ КРЫШЪ
 НЕ ТРЕБУЕТЪ НИКОГДА ОКРАСКИ.
Заводъ Н. В. ЧЕРЕПОВА,
 въ Москвѣ, Тверск. заст., Петерб.
 сл., с. д. (1)
 Прейс-куранты бесплатно.
 Ручательство въ перноржавленіи
 на ДЕСЯТКИ лѣтъ.

ФАБРИКА
„СКЛАДЪ“
Бруно Зенгеръ и Ко
 С. Петербургъ, Невскій Пр. №25 (близъ Казанскаго моста)
Фотогр. Аппараты
 и Принадл.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
ГУМВЕРЪ
 предлагать
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгіи ЖЕМ.ЛИЧКА и Ко.
 Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
 Прейс-куранты по требованію. 16. 11

УСОВЕРШЕНСТВОВАННАЯ ВИЗУАЛЬНАЯ
 МАШИНА
„ГЕЛЬВЕЦІЯ“
 пишетъ до 10 п. чудокъ или 15 п. нисковъ
 въ день.
 Л. ПАУЛЬСЕНЬ. С.-Петербургъ,
 Больш. Подъяческая № 18, кв. 57.

XXIX г.

№ 17

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIX

1898

Выходитъ ежедневно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 25 апрѣля 1898 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „Ниву“ 1898 г. Подробности см. въ концѣ этого №.

Въ туманѣ величія.

Историческая повѣсть

П. Н. Полевого.

(Продолженіе.)

XII.

Два Ивана.

— Да вотъ, поди-жь ты! И не такъ гадалось, да такъ склалось! И кто бы могъ это предвидѣть... Вѣдь, кажется, какъ все обдуманно было, какъ все рассчитано: а вотъ не угадалъ человѣка... Вѣдь олухомъ его считалъ; а олухъ-то этотъ, пожалуй, умнѣ меня оказывается...

Такъ думалъ умный и осторожный Иванъ Михайловичъ Милославскій, тащась въ своей старой колымагѣ, на четверкѣ тощихъ клячъ, изъ Кремля, послѣ обычнаго засѣданія въ Приказѣ, на Сивцевъ Вражекъ, въ гости къ старому князю Хованскому. Лошадки, впряженныя въ колымагу, еле передвигали ноги, таща ее по узкимъ и немощнымъ улицамъ этой густозаселенной части Москвы; да притомъ еще дорогу часто пересѣкали нескончаемые обозы, которые тянулись съ базара и на базаръ,

„Водовозы“. Съ карт. Х. П. Платонова грав. И. Павловъ.

а иногда попадались и такі встрѣчники, которые неохотно уступали дорогу и, вступая въ горячую перебранку съ боярскими холопьями, останавливали на время движеніе боярской колымаги.

— Ну, чего орѣте!? — кричали они. — Слышимъ-ста, что бояринъ ѣдетъ, да не очень пужаемся! Пусть постоитъ, такъ мы и разѣдемся!

Отъ послѣдней поворотки до самыхъ хоромъ Хованскаго, на разстояніи ста саженъ, пришлось ѣхать шагомъ, потому что тутъ уже на каждомъ шагу попадались толпы стрѣльцовъ, но полусотнѣ и болѣе, которые, нимало не стѣсняясь, останавливали боярскихъ коней подъ уздцы, пока всѣ не пройдутъ, а потомъ пропускали повозку мимо себя, заставляя боярскихъ холопей снимать передъ ними шапки.

— Кланяйтесь намъ, холопья кровь, — кричали они, нимало не обращая вниманія на боярина: — авось еще впередъ вамъ пригодимся.

Какъ ни коробило это Ивана Михайловича, онъ и виду не подавалъ, что все это слышитъ, и сидѣлъ между подушками, не шевелился, повидимому, погруженный въ глубокое раздумье: но на душѣ у него было не особенно весело, когда онъ подѣхалъ къ дому князя Хованскаго, и караулъ, человекъ въ двадцать стрѣльцовъ, стоявшій у воротъ, не позволилъ колыматѣ боярской въѣхать во дворъ.

— Къ нашему князю никто во дворъ не въѣзжаетъ: ворота въ сторону, не то рожу своротимъ на затылокъ! — кричали караульные боярскимъ холопьямъ. А одинъ изъ нихъ даже и прямо подошелъ къ окну колымаги и сказалъ:

— Изволь-ка выѣзти, честной бояринъ. Въѣхать во дворъ не пустимъ!

Милославскій, не вымолвивъ ни слова, выѣзъ изъ колымаги и побрелъ по двору, среди толпы стрѣльцовъ, принадлежавшихъ къ различнымъ полкамъ, которые тѣснились во дворѣ князя Хованскаго, вооруженные и безоружные; они разговаривали между собою очень громко и непринужденно, толкая о своихъ дѣлахъ, и, не стѣняясь, подшучивали надъ проходившими по двору лицами, пріѣзжавшими къ князю на поклонъ или по дѣлу.

— И поважнѣе этого бояръ за ноги волѣкивали! — слышалось въ толпѣ. — Пуцай же этотъ до крыльца пѣшкомъ пробредеть!

— Богатъ, старый чортъ, а кафтанишко на немъ у мышей объѣденъ! Пора бы и новый шить, надъ тремя приказами сиди.

Наконецъ, Иванъ Михайловичъ добрался до крыльца; но и тутъ никто его не встрѣтилъ, никто не подхватилъ подъ руки и не повелъ бережно вверхъ по лѣстницѣ, какъ въ другихъ боярскихъ домахъ... А стрѣльцы и здѣсь все ему въ глаза лѣзли: толкались и на крыльцѣ, и въ сѣняхъ, не ломая передъ старымъ бояриномъ шапокъ и почти не удостоивая его вниманія. Въ первой комнатѣ, въ которой бояринъ встрѣтилъ только двоихъ полковниковъ да человекъ десять пятидесятниковъ, къ нему подошелъ одинъ изъ нихъ и, раскланявшись, просилъ сѣсть и обождать князя, пока тотъ съ дѣлами управится.

— А я, тѣмъ временемъ, пойду и доложу ему о тебѣ, — добавилъ пятидесятникъ.

— Ладно, ладно, господинъ честной, сходи и доложи; а я здѣсь постою... Не подломилась еще старьяя нога! — не безъ ироніи замѣтилъ князь.

Но князь Хованскій не заставилъ себя ждать: вышелъ изъ своей комнаты и прямо направился къ Ивану Михайловичу, протягивая руки.

— Пріятель дорогой, — сказалъ онъ съ любезною улыбкой: — тебѣ ли у меня докладываться! Ко мнѣ, милости прошу!

И облобызался съ гостемъ, а потомъ взялъ его подъ

руку и увелъ къ себѣ, тщательно притворивъ за собою дверь.

На мгновеніе установилось очень пеловкое и для обѣихъ сторонъ крайне стѣспительное молчаніе, во время котораго Хованскій то раздвигалъ бумаги на столѣ, то, передвигая свой стулъ, усаживался на немъ, расправляя топорщившіяся въ сторону складки богатой одежды. Милославскій не вытерпѣлъ, и заговорилъ первый:

— А вѣдь не ладно выходитъ, князь Иванъ Андреевичъ! Ей-ей, не ладно!

— То-есть, что же не ладно-то? О чемъ ты хочешь говорить, Иванъ Михайловичъ? Куда ты рѣчь ведешь, такъ сказать? — пѣскольکو обидчивымъ тономъ отозвался князь Хованскій.

— Да что, князь! Мѵченъки не стало отъ господъ стрѣльцовъ! Вотъ ѣхалъ я къ тебѣ... чуть не прибилъ...

Хованскій опасливо оглянулся на дверь и какъ-то съежился весь.

— Потихе бы ты говорилъ объ этомъ, Иванъ Михайловичъ... Неровенъ часть, услышать...

Милославскій нетерпѣливо махнулъ рукой и задвинулся на своемъ креслѣ.

— До чего жъ это дойдетъ? — проговорилъ онъ, нѣскольکو понизивъ голосъ. — Что ни день, то новое ходайство: что ни день, то новая потреба — повая выдумка! Племянуска моя, царевна Софья Алексѣевна, ужъ голову терять стала... Ума не приложить: чѣмъ имъ угодить? Да и конца-то не видитъ этимъ угожденьямъ!

— Надо взять на часъ терпѣнья... Надо пообождать, дать поулучься всему этому волненью, — отвѣтилъ Милославскому князь Хованскій, также понижая голосъ. — Я вѣдь вотъ, съ утра и до ночи, все съ ними возжусь, сна и покою не вѣдаю — и все для матушки-царевны... Всѣмъ ей служить готовъ, какъ видишь?

— Да мы въ тебѣ-то и не сумѣваемся, — съ нескрываемой досадой проговорилъ Милославскій: — однакожъ, думали, что съ ними легче будетъ справиться, и что ты сумѣешь ихъ унять.

— Я-то сумѣю ли? — вспылъ Хованскій. — Ну, скажу тебѣ, конечно, — это дѣло только мнѣ и по плечу! Кто же другой дерзнулъ бы за это взяться?.. Небось, никто изъ васъ не принялъ на себя такой обузы!..

— Да вѣримъ мы тебѣ и благодарны за то, что ты взялся ими начальствовать, — спохватился Милославскій: — ну, а все же, нельзя ли бы ихъ поунять, посить имъ спеси, поосадить ихъ?..

— Какъ нужно было вамъ бояръ вершить, такъ вы стрѣльцовъ замутили; нужно было царя Ивана на престолъ возвестъ — ихъ же послали; царевну Софью правительницей сдѣлать — къ нимъ же обратились. А теперь они вамъ не нужны стали — такъ ихъ и поунять, и поосадить можно? — сказалъ Хованскій, все болѣе и болѣе разгорячаясь и вдаваясь въ обидчивый тонъ. — Вотъ это такъ ужъ точно, что не ладно, бояринъ; не ожидалъ я отъ тебя такихъ укоровъ.

— Какіе жѣ укоры? Самъ посуди: награждены они и деньгами, и жалованьемъ всякимъ, и льготами — прельще мѣры. И все-то лѣзутъ и требуютъ...

— И могутъ требовать!.. Заслуга ихъ не малая и многого они могли бы захотѣть; а и хотять-то пустяковъ: чтобы столпъ этотъ на площади воздвигли, да чтобы Надворною пѣхотой ихъ величали, а не стрѣльцами, какъ досель...

— Какъ? еще и этого требуютъ? — почти громко сказала Милославскій, откидываясь на спинку кресла.

— Да, и этого! — настойчиво подтвердилъ князь Хованскій. — И если этого вы не дадите намъ, я за стрѣльцовъ не поручусь! И дѣлайте тогда, что хотите — и беритесь за это сами... А я вамъ не слуга!..

Онъ вскочилъ съ своего мѣста и сталъ большими шагами расхаживать по комнатѣ, ероша рукою волоса и нервно теребя густые усы.

Милославскій посмотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ изумленіемъ и подумалъ невольно:

„Да никакъ онъ рехнулся! Въмѣсто того, чтобъ сдерживать и осадить стрѣльцовъ, онъ ихъ же беретъ подъ свою защиту!“

— Да, да. Коли такъ—я вамъ не слуга! — продолжалъ повторять Хованскій, все болѣе и болѣе разгораясь.—Я умываю руки. И вотъ сейчасъ пойду и объявлю полковникамъ и головамъ стрѣльцкимъ, что я имъ больше не начальникъ... Пусть идутъ опять въ Кремль, пусть выбираютъ, кого хотятъ!..

И онъ на ходу завернулъ уже къ дверимъ и протянулъ руку къ шеколдѣ...

Но Милославскій, въ перепугѣ, бросился къ нему и схватилъ его за рукавъ.

— Да что ты, что ты, пріятель! Князь дорогой! Нешто такъ можно? Какъ же такъ... Да вѣдь царевна-племянуска твоею службою довольна!.. Вѣдь она же тебя благодарить велѣла!

Хованскій остановился, провелъ рукою по волосамъ и взглянулъ на Милославскаго съ самодовольною, почти пренебрежительною улыбкою...

— Ну, коли довольна да благодарить—такъ это другое дѣло... Тогда и службу можно нести, и тягости всѣ на свою шею принимать; потому вѣдь и ты, и она—вы должны же понимать, сколько я изъ-за васъ на себя страховъ принимаю... Шутка сказать! Вѣдь если бы не я...

— Такъ-такъ, голубчикъ князь, все это я понимаю... Все такъ и передамъ царевнѣ,—поспѣшно перебилъ Милославскій, стараясь замять дѣло и перейти къ другому предмету разговора.— Да кстати, дорогой Иванъ Андреичъ, есть у меня и еще дѣльце—не дѣльце, а такъ бездѣльце до тебя,—добавилъ Милославскій, хватая старика Хованскаго подъ локоть и стараясь усадить его на прежнее мѣсто.

Но тотъ все еще волновался и, не садясь, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, теребя свои длинные и густые усы.

— Ты, пріятель, мнѣ зубы не заговаривай!.. Не думай, что проведешь меня! Нѣтъ, ты ей доложи, да и самъ-то изъ памяти не выпускай, что и ради вашего покоя голову свою подъ топоромъ держу... Такъ это надобно цѣнить, это надо...

— Да цѣнимъ, цѣнимъ, князь-государь! И, вотъ тебѣ Христось, что и царевна къ тебѣ благоволила... Въ свахи къ тебѣ собирается идти... Прослышала вѣдь про твою зазубушку сердечную... Чего тебѣ ужъ больше?..

Старый князь вдругъ остановился, а потомъ—весь просіялъ.

— Откуда же она узнала? Ты, вѣрно, проболтался?—съ улыбкою спросилъ онъ Милославскаго.

— Нѣтъ, князь-пріятель, не я. Черезъ Родимицу узнала, что ты къ дьячихѣ сватовъ засылать собираешься...

— Да я... я не то, чтобы... засылать... не то, чтобы сватовъ,—съ нѣкоторымъ смущеніемъ заговорилъ князь Хованскій.—А точно... думалъ я, что хорошо бы... этакъ...

Потомъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, топнулъ ногою, и проворчалъ про себя, указывая на грудь:

— *Здѣсь*—засѣла проклятая! Вотъ гдѣ—и не выбить ее ничѣмъ! Вынь да положь—вотъ какъ!

— Повимаю это, пріятель!—съ какимъ-то особеннымъ ехидствомъ проговорилъ Милославскій, осклабяясь своей волчьей улыбкой и помаргивая своими замаслившимися глазками.—Красавица! какъ есть нава! Такъ вотъ—чего же тебѣ лучше, какъ ежели сама царевна за это дѣло

примется... Ей ужъ вѣрно скорбная вдовица не откажетъ... А, какъ ты думаешь?

— Неужли не откажетъ!—съ удивительнымъ простодушіемъ воскликнулъ Хованскій, хватая Милославскаго за обѣ руки и потрясая ихъ изо всей силы.— Ты думаешь, что точно этакъ можно будетъ дѣло повести... Скажи на чистоту! На чистоту—вотъ по душѣ скажи!

— Еще какъ можно-то!—огозвался Милославскій.— Въ этомъ ты довѣрься мнѣ: это все нашихъ рукъ дѣло... Хе, хе, хе!

— Такъ погоди же! Такъ объ этомъ дѣлѣ говорить нельзя: сухая ложка ротъ деретъ! Эй, кто тамъ есть!—крикнулъ князь, хлопая въ ладони.

На зовъ его, въ одну дверь вбѣжалъ сынъ его, Иванъ, въ другую, голкаясь, протискались двое холопей.

— Готовьте намъ повечерять въ столовой палатѣ, да поживѣ! Чѣмъ Богъ послалъ—дорогостоя попочивать. А ты, Иванъ, вели намъ дать заморскаго вина тальянскаго, которымъ мнѣ недавно билъ челомъ нѣмчинъ, что на органѣ играетъ въ нѣмецкой киркѣ. Живѣй!

Холопы и сынъ мигомъ скрылись.

— Ну, пойдѣмъ, да тамъ все обсудимъ, обо всемъ поговоримъ, пріятель дорогой!

И на этотъ разъ уже весьма прізнанно подхватывая Милославскаго подъ руку, князь почти насильно потащилъ его въ столовую палату.

XIII.

Голось совѣсти.

Молодой князь Иванъ Ивановичъ Хованскій, съ обыкновенною поспѣшностью и предупредительностью поспѣшилъ исполнить желаніе отца: самъ сбѣгалъ къ ключнику, самъ спустился съ нимъ въ подвалъ, гдѣ хранилось лучшее и самое дорогое вино въ погребномъ запасѣ князя, еще не очень богатомъ въ эту пору заморскими винами, и даже стоялъ въ подвалѣ все время, пока ключникъ цѣдилъ изъ боченка темно-красную, ароматную влагу въ пузатыя суеи. И стоялъ онъ тамъ вовсе не потому, чтобы не довѣрялъ старому ключнику или, хоть на мгновеніе, испытывалъ желаніе слѣдить за его дѣйствіями зоркимъ хозяйскимъ глазомъ. Нѣтъ! Ему просто хотѣлось тутъ и остаться въ подвалѣ—подольше остаться: лишь бы не видѣть этого ненавистнаго стараго боярина, не слышать его голоса, его противнаго смѣха; лишь бы не знать, что онъ опять бесѣдуетъ съ его отцомъ, опять трубить ему въ уши что-нибудь недоброе! Не изъ-за него ли и вся жизнь ихъ перемѣнилась такъ быстро, такъ странно, такъ неожиданно, и потекла такой мудреной стезей, которая, какъ казалось князю Ивану, вилась по краю пропасти... Такъ, по крайней мѣрѣ, чуяло его нѣжное, доброе, любящее сердце, постоянно переполненное опасеніями за брата и отца, далекое отъ ихъ пылкихъ увлеченій и гордыхъ помысловъ...

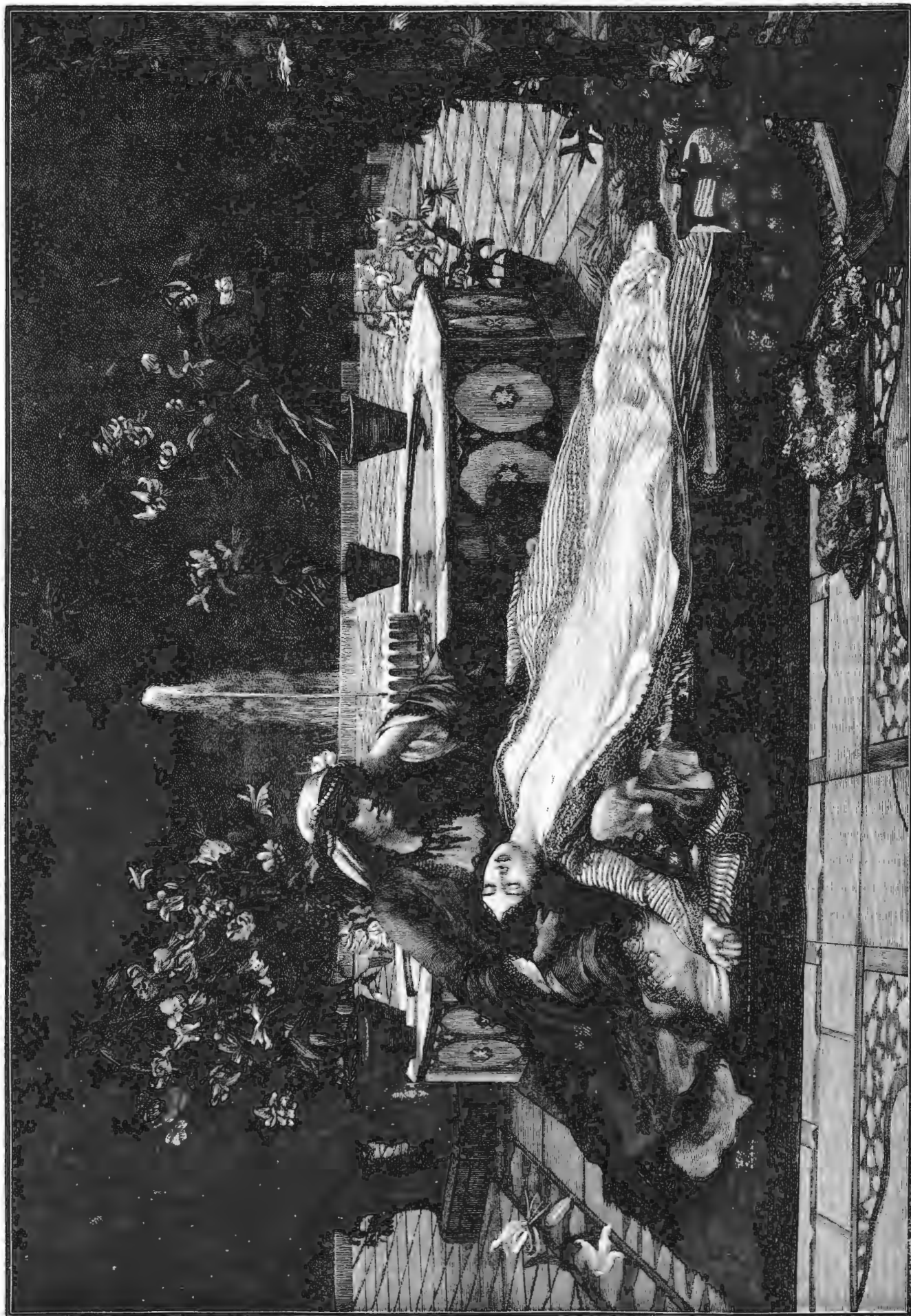
— Готово! Куда нести прикажешь, князь-господи?—спросилъ ключникъ, околачивая ладонью втулку боченка, изъ котораго цѣдилъ вино.

Князь Иванъ, погруженный въ свои размышленія, Богъ вѣсть почему вздрогнулъ отъ этого простого вопроса и не сразу могъ на него отвѣтить соотвѣтствующимъ распоряженіемъ; затѣмъ онъ, вмѣстѣ съ ключникомъ, поднявшись изъ подвала по внутренней лѣстницѣ, дошелъ почти до дверей столовой палаты—и вдругъ повернулъ назадъ, перешелъ сѣни и удалился въ наугольную свѣтлицу—любимую комнату брата Андрея.

Сюда не долетали до него отрывочныя слова и фразы изъ бесѣды старика-отца съ бояриномъ Милославскимъ, не слышенъ былъ шумъ и говоръ стрѣльцкихъ

Выставка английских художниковъ, „Фокусникъ“. Картина Г. С. Гочъ. По фотогр. І. Глмбовскаго автотипія „Нивы“.

Выставка английских художниковъ. „Лилии Дамаска“. Картина Р. Шмалъ. По фотогр. I. Глыбовскаго грав. Цехомскій.

начальных людей, постоянно толкавшихся въ стеклычатыхъ сѣняхъ, передъ комнатою князя Хованскаго. Здѣсь онь чувствовалъ себя почти наединѣ съ самимъ собою и могъ свободно предаться своимъ скорбнымъ думамъ...

„Люди ли это? Или звѣри дикіе? Господи Боже! — думалъ онь, сидя за столомъ и печально опустивъ голову на руки. — Убійства, хищенія, прелюбодѣянія на каждомъ шагу—словно бы и невѣдомы имъ заповѣди Божіи!.. И не каются, а лишь громоздятъ прегрѣшеніе на прегрѣшеніе, забывая о страшномъ судѣ Христовомъ...”

И ему до мельчайшихъ подробностей припомнилась кровавая драма недавней стрѣлечкой смуты со всѣми ея ужасами, съ хвастливыми и не въ пору откровенными разказами очевидцевъ-участниковъ и очевидцевъ-свидѣтелей... А потомъ буйныя проявленія своеволия и ненасытной корысти разнузданной вольницы, постоянно изобрѣтавшей новые способы легкой наживы и узаконеннаго хищенія... И во главѣ этой вольницы—его отецъ и братъ, одинаково потерявшіе голову на той высотѣ, на которую ихъ вознесла изступленная, дикая, кровавая смута...

„Они не знаютъ, что творятъ! Не знаютъ, куда идутъ! Забываютъ, что все это цѣною крови имъ досталось—и что Господь възыщетъ съ нихъ кровь за кровь...”

— А вотъ и я!—раздался почти надъ самымъ ухомъ князя Ивана знакомый голосъ.

Онь оглянулся и увидѣлъ брата Андрея, стоявшаго на порогѣ свѣтелки. Веселый и самодовольный, онь вошелъ въ свѣтелку, не снимая шапки, молодцовато избоченясь, и сталъ передъ столомъ, улыбаясь небрежно и поглядывая на брата съ ласковымъ снисхожденіемъ.

— Ну, что, Маремьянушка? Всѣ ли грѣхи наши усилѣ оплакать?—спросилъ онь насмѣшливо, какъ бы угадывая мысли брата Ивана.

— Гдѣ ужъ мнѣ чужіе грѣхи оплакивать? Дай Богъ свои замолить передъ смертію,—проговорилъ со вздохомъ князь Иванъ.

— Ха, ха, ха. Да развѣ у тебя могутъ быть грѣхи, Иванушка? Не клеили ты на себя... Не вводи на себя небывальщину... А и вводить станешь, кто тебѣ повѣритъ... Вотъ у насъ съ батькой точно есть, въ чемъ поупокаяться...

И онь, тряхнувъ кудрями, сбросилъ съ головы шапку на столъ и сталъ не сѣбѣ расшосываться.

— Гдѣ ты это пропадалъ, голубчикъ? Какъ съ вечера вчера ушелъ, такъ до сихъ поръ и дома не бывалъ?.. Я ужъ чего-чего о тебѣ не передумалъ...

— Да все Родимица... Я и не радъ ужъ, что связанъ съ ней, съ проклятой. Словно змѣя около меня обвивается—изъ колецъ своихъ не выпускаетъ! Едва къ полудню отпустила меня... А тутъ къ Толстымъ зазвали на именинный пирогъ... Такъ вотъ и ночь, и день прошли, и не замѣтилъ какъ...

Онь, улыбаясь, передавалъ все это брату...

— И не замѣтишь, какъ смерть придетъ и душу вынетъ изъ тѣла грѣшнаго и въ пренеподную сошлетъ,—мрачно добавилъ братъ Иванъ.

— Ну, братъ, коли все о смерти думать да о преисподней—такъ лучше не родиться на бѣлый свѣтъ... Нѣтъ, я жить хочу, и что бы тамъ ни было—весело хочу прожить, чортъ поberi!.. Всѣмъ насладиться, изъ всѣхъ кубковъ отведать... А тамъ ужъ...

— Бѣдный ты, бѣдный,—съ самою искреннею грустью проговорилъ князь Иванъ, поглядывая на брата.—Ты скучалъ и тяготился жизнью, когда мы жили чисты и спокойны и бѣды за собою не видѣли; а теперь, когда душу загрязнили всякой скверной, когда добились почестей и богатства кровью и слезами, когда приняли

на себя столько грѣха, что и вѣкъ его не отмолить будетъ—тогда ты сталъ доволенъ... и веселъ?

Князь Андрей нахмурился—было брови, но потомъ пренебрежительно махнулъ рукой и улыбнулся съ нескрываеваемой ироніей...

— Этакія рѣчи, Иванушка, мы отъ поповъ слышали, какъ на духу бывали... Да не очень имъ вѣрили... И что въ нихъ проку? Коли бы мнѣ такъ жить, какъ ты говоришь, да и какъ самъ ты живешь—пришлось бы мнѣ съ тоски на себя руки наложить... А по-моему: жизнь и вся недолга, такъ и проводи ее, какъ можешь, въ пирахъ, въ веселіи и въ радости. Покаяться всегда успеешь—была бы лишь охота.

— Видно и ты, братецъ, какъ батюшка разсуждаешь... Словно, не видите вы оба, что смерть за спиною у всѣхъ насъ стоитъ... Не ждали смерти тѣ бодре и князья, которыхъ въ рукахъ стрѣльцовъ загубили, чтобы самимъ на ихъ мѣсто сѣсть; не ждали ея и Нарышкины: юностью цвѣли, богатствомъ и знатностью красовались, силою величались! Небось, накапунѣ смерти, тоже сладко ѣли и пили, и блудъ всякій творили,—а на утро, на площади лежали: смрадъ и черви, исамъ голоднымъ на утѣху...

Князь Иванъ закрылъ глаза руками и смолкъ на мгновенье. Князь Андрей былъ такъ пораженъ торжественною убѣжденностью его рѣчи, что, несмотря на веселое и самодовольное настроеніе, не рѣшился его перебить—и какъ бы ждалъ продолженія его рѣчи...

— Братецъ, голубчикъ мой!—воскликнулъ вдругъ князь Иванъ, быстро вскакивая изъ-за стола и хватая брата за руку.—Послушай ты меня: пойми, что ты не на верхъ величія и славы идешь, а въ бездну опускаешься, въ болотѣ вязнешь... А отецъ? Отецъ еще пуще того—самъ въ руки бѣсамъ идетъ... Я слышалъ его бесѣду съ этимъ злодѣемъ, съ этимъ дьяволомъ воплощеннымъ: жениться хочетъ на вдовѣ дьяка (не помню имени), но по его же волѣ убитого стрѣльцами!

— На Ларионова вдовѣ?—невольно сорвалось съ языка у Андрея.

— Не знаю; но ты подумай только—каковъ этотъ грѣхъ! Мужа убить, а жену въ блудъ тянуть за красоту ея,—не помышляя ни о концѣ, ни о Богѣ Всевѣдущемъ, передъ которымъ ничто не скроется! Спаси ты его,—отговори, усовѣсти... Пойми, что ни тебѣ, ни ему спасенія нѣтъ, коли вы этимъ путемъ пойдете!.. Вспомни нелиживыя слова Господни: „извлекшіе мечъ мечомъ и погибнуть!“

Онь говорилъ съ такимъ одушевленіемъ, съ такою горячностью, съ такимъ волненіемъ. Все лицо его проникнуто было духомъ его рѣчи, и жаръ ея отражался въ его глазахъ, въ трепетномъ звукѣ его голоса, въ каждомъ движеніи его. Князь Андрей слушалъ его сначала нахмурившись и склонивъ голову; но подъ конецъ не вытерпѣлъ: топнулъ съ досады ногой и отвелъ руку брата нетерпѣливымъ движеніемъ.

— Вижу теперъ, что недаромъ тебя отецъ понамеремъ зоветь!—насмѣшливо сказала онь, стараясь не смотрѣть въ глаза брату.—Ни дать, ни взять, какъ въ колоколь звонишь! А какъ прослушаешь—и толку не доберешься... Ну, самъ ты посуди: съ какой же стати я старику-отцу совѣты стану давать! Послушаетъ ли онь меня? Да и то сказать: о комъ ты сокрушаешься? О бабѣнѣ смазливенькой—что послѣ молодого мужа за старика идти придется?.. Есть о чемъ печалиться! Да бабы-то на что же, какъ не на утѣху намъ даны!.. Стоить ли жалѣть ихъ? Потѣшилъ да бросилъ, а на завтра другую взылъ... А коли тебѣ спастись охота, такъ въ Соловки ступай, царскій спальникъ, и не мѣшай намъ... Вѣдь тебя послушать—живому въ гробъ лечь надо!

Онь передернулъ плечами, провелъ рукою по кудрявымъ волосамъ своимъ и ушелъ въ опочивальню. Князь

Иванъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и грустно покачалъ головою...

— Не вразумишь ихъ... Не спасешь! — чуть слышно шептали уста его.

XIII.

Торжество лжи.

Нѣсколько дней спустя, народъ спозаранку толпами валилъ на Красную площадь въ ожиданіи зрѣлища невиданнаго и диковиннаго: — уже въ теченіе цѣлыхъ десяти дней, у Старыхъ Пятницъ, тамъ, гдѣ въ страшные дни кровавой стрѣлцкой смуты лежали тѣла побѣжденных бояръ и вольныхъ, какіе-то мастера каменнаго дѣла, подъ строгой охраной многочисленнаго стрѣлцкаго караула и подъ надзоромъ двоихъ полковниковъ, складывали четырехгранный каменный столбъ и облицовывали его тесанными плитами бѣлаго камня. Никого даже и близко не подпускали подойти къ постройкѣ; а когда она была закончена и окутана ридномъ, то караульные стрѣлцы всѣмъ на площади во всеуслышаніе стали заявлять, что на завтра назначено освященіе этого „новаго столпа“.

— „Какого столпа?“ — „Какое освященіе?“ — слышалось со всѣхъ сторонъ, и никто не могъ или не рѣшился дать на это отвѣта. И теперь, когда темныя и сѣрыя толпы народа, приливая и отъ Воскресенскихъ воротъ, и отъ Замоскворѣчья, отъ Ильинки и съ Большой Никольской, запружали мало-по-малу площадь, въ массѣ народа слышались самые разнообразныя толки.

— Что же это, братцы, за столпъ за такой? Мудреный какой-то? — спрашивали одни. — А это, видишь, стрѣлцы-то какъ бояръ побили, такъ тѣла ихъ здѣсь у Пятницъ пометали, и долго они тутъ лежали безъ призора и безъ могилы... Ну, вотъ души-то ихъ и стали злодѣямъ являться въ нощи, а и совѣсть имъ покоя не давала, такъ на поминъ души и память по убиеннымъ рѣшили они тутъ столпъ сложить...

— Э-э, полно врать! Какая тамъ память по убиеннымъ! — возражали другіе. — Да они своихъ убійствъ не помнятъ, и теперь похваляются, что мало тогда бояръ загубили: много молъ и теперь еще лишннихъ осталось... По кружаламъ они это говаривали, и многіе такое слышали...

— Слыханное ли это дѣло, православные, чтобы убійствомъ да кровопролитіемъ похваляться бы стали... Убійцы-то глазъ людскихъ бѣгутъ, въ дебряхъ скитаются...

— А слыханное ли дѣло, чтобы баба царствомъ правила? — сердито отозвались на это многіе въ толпѣ. — Оттого и убійцы-то нынѣ въ красныхъ сапогахъ ходятъ...

— Мало-ль что добрые люди толкуютъ? — отзывались на общій вопросъ и другіе голоса въ разныхъ мѣстахъ площади. — Есть такіе, что прямо говорятъ, будто стрѣлцы этотъ столпъ поставили себѣ на прославленіе и на позоръ боярамъ, своими буйствами величающисъ...

— Ну, ужъ, братанъ крестовенькій, коли такъ, то и жить на Москвѣ невозможно будетъ! Ужъ что же хуже этого придумаешь?..

— Тсс! Тихе, тихе... Молчите... Вотъ полки на площадь выступать стали... Сторонись, очищай господамъ стрѣльцамъ мѣсто...

Дѣйствительно, изъ-за угловъ различныхъ улицъ стали показываться гочовы стрѣлцкихъ полковъ, въ праздничныхъ, красныхъ кафтанахъ, съ ярко блиставшими на солнцѣ шелопами и оружіемъ, съ широко развѣвающимися знаменами и хоругвями. Впереди полковъ ѣхали и шли начальныя люди, литаврщики и барабанщики, трубачи и флейтчики. Полки выступали стройно, проходя по площади среди волнующихся толпъ народа, и становились около памятника „покоемъ“, открытою стороною своего построения обращеннымъ къ Лобному мѣсту.

— Ыдетъ! Ыдетъ! — донеслись вдругъ крики съ противоположнаго конца площади отъ Воскресенскихъ воротъ. — Ыдетъ, ѣдетъ! Князь Хованскій ѣдетъ! — перекатилось мигомъ черезъ всю площадь.

— Кто ѣдетъ, братцы? — слышалось во многихъ концахъ площади. — Царь, что ли?

— Какой тебѣ царь!? Ихній стрѣлцкій набольшій ѣдетъ!..

— Очищай дорогу, православные! Очищай! Сторонись! — раздавались вновь крики отъ воротъ, и толпа сторонилась: люди крѣпко напирали другъ на друга, чтобы дать проѣхать княжескому поѣзду, привлекавшему къ себѣ взоры всей толпы своимъ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ.

Въ раззолоченой, расписной коляскѣ ѣхалъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій съ сыномъ своимъ, княземъ Андреемъ. Коляска была запряжена шестерикомъ сытыхъ вороныхъ коней, принаряженныхъ въ богатую сбрую изъ краснаго сафьяна съ массивнымъ золотымъ наборомъ, какъ жаръ горѣвшимъ на солнцѣ. При каждомъ движеніи коней, множество колокольцевъ и бряцальцевъ, которыми была увѣшана вся сбруя, издавали дробный, гармоническій, серебристый звукъ. Каждую пару коней вели подъ-узды богато наряженные конюхи, а впереди и сзади и съ боковъ ѣхала охранныя стража изъ сотни стрѣльцовъ Стремяннаго полка на сѣрыхъ и гнѣдыхъ коняхъ. Сами князья, наряженные въ красныя стрѣлцкіе кафтаны, расшитые золотомъ, и въ стрѣлцкія шапки, низанныя жемчугомъ, сидѣли прележно на своихъ мѣстахъ въ коляскѣ и привѣтливо раскланивались по сторонамъ, отвѣчая на поклоны переднихъ рядовъ толпы, обнажившихъ передъ ними головы.

— Ай да кони!.. Да и сбруя-то тоже какова! — Никакъ изъ царской конюшни взята... Такой запряжки, пожалуй, и у самого князя Василія Васильевича Голицына нѣтъ! — слышались замѣчанія въ толпѣ.

— Господь кого помилуетъ, вознесетъ, — говорили многіе со вздохомъ и не безъ зависти.

Между тѣмъ поѣздъ подѣхалъ къ Лобному мѣсту, и князья Хованскіе, окруженные блестящею свитою начальныхъ стрѣлцкихъ людей, поднялись на ступени возвышенія. Вся площадь стонала, ожидая, что будетъ говорить съ Лобнаго мѣста князь Хованскій. Но князь только приподнялъ величавымъ и красивымъ движеніемъ полной и бѣлой руки свою шапку и поклонился народу на всѣ стороны. Затѣмъ онъ кивнулъ головою въ сторону князя Андрея, и тотъ тотчасъ же вынулъ изъ рѣзного ларца цѣлый пукъ большихъ свитковъ съ привѣщенными къ нимъ большими красными печатями. Эти свитки князь Андрей торжественно роздалъ полковникамъ стрѣлцкимъ, которые принимали ихъ съ низкими поклонами и затѣмъ высоко подняли надъ головами, какъ бы показывая ихъ стрѣльцамъ. Громкіе клики понеслись въ отвѣтъ на это изъ всѣхъ полковъ. Но князь махнулъ рукою, и все смолкло... Изъ-за спины князя выдвинулся извѣстный всей Москвѣ дьякъ Алексѣй Юдинъ — высокій, худощавый, бородатый человекъ — и, развернувъ столбецъ, сталъ читать челобитную стрѣльцовъ великимъ государямъ, звонко и отчетливо провозглашая каждое слово.

— „Бють челомъ стрѣлцы московскихъ приказовъ. — Возгласилъ дьякъ, перечисляя названіе полковъ и различныя разряды стрѣльцовъ. — Пятнадцатаго мая сего седмъ тысящъ сто девятидесятаго года изволеніемъ Всемогущаго Бога и Пречистыя Богоматери въ Московскомъ государствѣ случилось побитіе за домъ Пречистыя Богородицы и за васъ великихъ государей — боярамъ князь Юрью и Михайлѣ Долгорукими за многія ихъ неправды и за похвальныя слова, за то, что безъ укору многихъ изъ насъ били кнутомъ, ссылали въ дальніе города, учиняли намъ, стрѣльцамъ,

денежную и хлѣбную недодачу. Думскаго дьяка Ларивона Иванова убили за то, что онъ похвалялся, хотѣлъ нами безвинно обвѣситъ весь земляной городъ; князь Григорія Ромодановскаго убили за его измѣну и перадрѣніе, что городъ Чигиринъ турецкимъ и крымскимъ людямъ отдалъ и съ ними послылками обсылался“...

— Господи Боже, что это за ложь безстыдная!.. Что за клеветы!—прошепталъ князь Лыковъ, стоявшій рядомъ съ бояриномъ Деревниннымъ въ переднихъ рядахъ толпы около самаго Лобнаго мѣста.

— Дожили мы съ тобою до временъ, бояринъ! Пожалуй, и не то еще услышимъ?—печально отозвался Деревнинъ.

...Боярина Матвѣева и дохтура Данилу убили за то,—продолжалъ громогласно дьякъ Юдинъ:—что они на ваше царское величество отравное зелье составляли и съ пятаки Данила въ томъ винылся. Ивана и Аѳанасія Нарышкиныхъ побили за то, что они примѣряли къ себѣ вашу царскую порфиру и мыслили зло на государя царя Ивана Алексѣевича“...

— Нѣтъ! Силъ моихъ больше нѣтъ, — проговорилъ почти вслухъ князь Лыковъ. — Я на всю площадь закричу... Я обличу ихъ...

Но Деревнинъ въ-время ухватилъ его за руку и прошепталъ на ухо:

— Не губи себя напрасно... Побереги свои силы... Придетъ время.

И до слуха смолкнувшаго князя долетали вповѣ отчетливо разносившіяся на всю площадь слова дьяка:

„И мы, побивъ ихъ, нынѣ просимъ милости — учинить на Красной площади столпъ и написать на немъ имена всѣхъ сихъ злодѣевъ и вины ихъ, за что побиты, и дать намъ во всѣ приказы и слободы жалованья грамоты за красными печатями, чтобы насъ нигдѣ бояре, окольничіе, думные люди и весь вашъ синклитъ и никто поносными словами, бунтовщиками и измѣнниками насъ не называли, никого насъ въ ссылки напрасно не ссылали, не били и не казнили, потому что мы служимъ вамъ, государямъ, со всею вѣрностью“...

Эти послѣднія слова челобитья были покрыты громкими криками всѣхъ стрѣлцкихъ полковъ. По знаку Хованскаго рядно упало съ памятника, и на четырехъ его сторонахъ оказались доски изъ бѣлой жести съ надписями. Крики раздались еще громче и гремѣли

все время, пока полковники раздавали по полкамъ привезенныя княземъ Андреемъ жалованья грамоты, выданныя царвеною Софьей по этому челобитью. Отовсюду слышались клики:

— Здравіе великой государыни царвни Софьи Алексѣевны! Здравіе батюшки нашему, князю Ивану Хованскому!

Шумный восторгъ стрѣльцовъ обратился въ неистовый, несмолкаемый ревъ, когда стрѣлцкіе начальныя люди на рукахъ понесли стараго князя къ коляскѣ. И князь, отуманенный всѣмъ этимъ шумомъ и выраженіями сочувствія къ нему, тоже умилился, чуть не расплакался и на привѣтственные крики и пожеланія здравія отвѣчалъ стрѣльцамъ:

— Здравы будьте и вы, дѣтушки... Всѣмъ готовъ служить вамъ... Душу за васъ отдать готовъ...

Коляска двинулась прежнимъ порядкомъ чрезъ толпу народа, хранившаго глубокое молчаніе и медленно обнажавшаго головы при проѣздѣ князя; а стрѣльцы съ шумными кликами и веселою музыкою двинулись въ разныя стороны съ площади, предшествуемые пятисотенниками, которые торжественно несли жалованья царвеною грамоты на головахъ. Нѣкоторые изъ нихъ выдѣлялись изъ полковаго строя и, забѣгая впередъ, влѣзали на колокольни и звонили во всѣ колокола на тѣхъ улицахъ, гдѣ полки проходили. Толпы народа, пораженные диковиннымъ зрѣлищемъ, расходились во всѣ стороны съ глухимъ ропотомъ, сумрачныя и недовольныя, оскорбленныя въ лучшихъ своихъ чувствахъ неистовыми ликованіями недавнихъ бунтовщиковъ. Въ-стѣ съ толпою и Деревнинъ съ княземъ Лыковымъ двинулись въ сторону, къ Покровскому собору, гдѣ около спуска къ Замоскворѣчью холопы держали ихъ верховыхъ коней подъ-узды.

Князь Лыковъ былъ блѣденъ и едва переступалъ отъ сильнаго душевнаго волненія; Деревнинъ его подерживалъ подъ руку и все нашептывалъ ему въ утѣшеніе:

— Успокойся, князь, есть и на землѣ Божій судъ и Божья правда... Придетъ и наше время...

Князь Лыковъ сверкнулъ въ его сторону своими черными глазами и прохрипѣлъ чуть слышно:

— Да, вѣрю, что придетъ время мстить злодѣямъ и безпощадно губить ихъ...

(Продолженіе будетъ.)

Былое.

Марья Васильевна.

Разсказъ А. А. Осипова.

Признаюсь, что къ настоящему очерку приступаю не безъ робости. Въ первомъ говорила одна память — здѣсь къ голосу ея должно присоединиться и сердце, такъ какъ воспоминанія о Марьи Васильевнѣ связаны съ лучшимъ временемъ моего дѣтства. Тургеневъ гдѣ-то сказалъ, что человекъ не чувствуетъ своего здоровья, и разъ онъ начинаетъ говорить о немъ, это доказываетъ уже, что онъ боленъ. То же самое и со счастьемъ. Самая счастливая пора нашей жизни—беззаботное дѣтство—проходитъ у насъ безсознательно, и только теперь, подъ старость, воспоминанія о ней грутютъ и заставляютъ сильнѣе биться постепенно замирающее сердце. Въ эти минуты не чувствуешь своего одиночества, встаютъ давно забытые образы тѣхъ, кто насъ любилъ и ласкалъ, и въ ряду этихъ дорогихъ миѣ лицъ я долженъ поставить нашу няньку Марью Васильевну. Я живо представляю себѣ и теперь ея наружность, хотя прошло уже много лѣтъ, какъ она покинула тамъ на деревенскомъ кладбищѣ налѣво отъ входа. Отъ ея могилки хорошо была видна помѣщичья усадьба, но теперь ужъ и усадьбы не существуетъ. Липы были ободраны сначала на лыко, а затѣмъ и совсѣмъ срублены. Барскій домъ сломали, и отъ всего прежняго величія осталась только одна бесѣдка съ обломаннымъ пишикомъ на обрывѣ около ируда, который покрылся плѣсенью.

Марья Васильевна была небольшого роста, ходила въ перепалочку и неслышно. Одѣта она была всегда во все темное, и только передникъ вырѣзывался бѣлымъ пятномъ. Лицо Марьи Васильевны до самой старости сохранило пѣжный румянецъ,

а глаза всегда свѣтились добротой. Говорила она медленно и съ забавнымъ старческимъ шамканіемъ и присвистомъ. Марья Васильевна имѣла способность сидѣть неподвижно цѣлыми часами, и присутствіе ея выдавало только легкій кашель, который, кажется, былъ у нея больше привычкой, чѣмъ болѣзью. Бывало ночью проснешься отъ страха и самъ боишься открыть глаза. А ну какъ покажется что-нибудь страшное! Но услышишь характерное покашливаніе Марьи Васильевны и успокоишься. Съ ней бояться нечего. Но она уже своимъ чуткимъ ухомъ услышала, что кто-то не спитъ въ одной изъ постелекъ, приподнимается съ сундука и говоритъ:

— Что ты?.. Христось съ тобой! Спи! Или можетъ хочешь водички выпить?

— А мы, няня, завтра пойдемъ гулять?

— Спи, говорю! Еще до завтра далеко! Ишь темень какая, — говоритъ она и сладко вѣваетъ. — Дастъ ли Боженька вѣдрокъ?

— Няня, а...

— Спи, батюшка, спи!—прерываетъ она, подтыкаетъ одеяльце и снова сама укладывается на сундукъ.

Нѣсколько разъ вздохнетъ, пробормочетъ что-то, и мѣрное дыханіе показываетъ, что она опять заснула. Но миѣ не спится: странно, жутко, а любопытство заставляетъ всматриваться въ темныя уголки спальни, чуть-чуть тронутые свѣтломъ лампы, освѣщающей темныя лики образовъ. Настроенное тишиной воображеніе работаетъ. Вопь въ углу ясно начинается вырисовываться какая-то страшная фигура. Но стѣнитъ

Выставка Общества русских акварелистовъ. „Молодежь“.
Картина И. С. Галкина. По фотографіи автотипіи „Шивы“.

внимательно взглядысь, и видишь, что это рубашка на гвоздикѣ, а надъ ней нитки накрахмаленный чепецъ. Дождикъ стучитъ въ ставни, кто-то жалобно завылъ и завозился въ трубѣ. Вѣроятно, теперь страшно въ лѣсу,—думаешь себѣ, и засыпаешь счастливый и довольный сознаниемъ того, что находишься подъ охраной Марьи Васильевны. Золотые слѣды, одинъ замачивѣе другого, начинаютъ проноситься, но яркій свѣтъ ударяетъ въ глаза и заставляетъ повернуться на другой бокъ.

— Не укладывайся, батюшка, не укладывайся, — слышится знакомый голосъ: — црра вставать, ужъ скоро и мамаша выйдетъ!

— Няня, я хочу спать!

— Довольно, батюшка!

По вставать не хочется. Въ постели образовалась такая удобная ямочка, въ ней такъ хорошо лежать.

— Павелъ Ивановичъ испекъ сегодня къ чаю горяченькія лепешечки!—произноситъ няня, ни къ кому собственно не обращаясь, а такъ, какъ говорятъ актеры въ старыхъ пьесахъ — въ сторону.

Ну, какъ тутъ не открыть глаза.

— А ты, няня, откуда знаешь?

— Я на кухнѣ была и видѣла.

— Правда, няня?

— Вотъ встанешь и узнаешь, правда ли!

Но слово „встанешь“ навѣваетъ холодъ на заманчивую мечту о лепешечкахъ.

— Папашѣ бѣговины дрожжи закладываютъ, въ поле ѣхать собирается. А вонъ никакъ онъ и подастъ ужъ. Ну, значить, не поспѣть. А въ полѣ теперь какая благодать.

Выскакиваешь изъ постели, несешься къ окну и сразу попадаешь въ руки Марьи Васильевны.

— Ты что же это, безстыдникъ, босикомъ будешь бѣгать? А потомъ кашлять начнешь?

— Няня, дай посмотрѣть!

— Нечего тамъ смотрѣть!

И Марья Васильевна съ удивительной ловкостью начинаетъ одѣвать, затѣмъ влечетъ къ умывальнику и безжалостно обливаетъ холодной водой.

— Холодно, няня!

— Ничего, мойся, дѣтка, мойся—здоровѣ будешь! А вотъ я тебя и причесала. Какой молодецъ, посмотрите-ка!

Вырываешься, хочешь бѣжать въ столовую, а Марья Васильевна останавливаетъ опять.

— А Боженкѣ и не надо молиться? Ну, читай: Отче нашъ... а теперь за маму, за маму, за всѣхъ родныхъ, за няню...

Слова молитвы медленно сходятъ съ устъ. Въ открытыя окна леничетъ что-то заманчивое старей садъ, весь залитый яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Поляны блестятъ огоньками еще не испарившейся росы, а небо голубое, ласковое, безъ облака... О, незабвенное дѣтство!

Послѣ завтрака мы выходили гулять. Садъ казался такимъ безконечнымъ, что мы каждый день находили въ немъ что-нибудь новое. Няня усаживалась съ работою, а мы рѣзались напропалую. Пригрѣтая солнышкомъ, она засыпала, но своимъ обычнымъ, чуткимъ сномъ. Стояло только начать спорить изъ-за нервенства въ игрѣ или изъ-за мячика, она уже была тутъ какъ тутъ и принимала энергичныя мѣры, чтобы прекратить всякія недоразумѣнія. Зимой она сидѣла съ нами въ дѣтской и слѣдила за тѣмъ, какъ мы рисовали или вырѣзывали изъ бумаги великановъ, собакъ и т. п. Вечеромъ она намъ рассказывала сказки, которыми мы слушали съ величайшимъ вниманіемъ, по если бы заставили повторить хотя одну изъ нихъ, то это оказалось бы совершенно невозможнымъ на томъ основаніи, что до конца мы никогда не доходили, т. е. няня можетъ-быть и добралась бы, но въ этомъ не чувствовалось необходимости, такъ какъ мы уже слыли крѣпчайшимъ сномъ. Рассказывала Марья Васильевна медленно и съ разстановками.

— За тридцать земель въ тридцатомъ царствѣ жилъ-былъ старикъ...

Лежишь, и старикъ представляется мнѣ такимъ, какъ нашъ сторожъ Михай. Большая бѣлая борода, синяя рубашка съ поноскомъ, на которомъ болтается ключикъ, и въ лантияхъ. Въ рукѣ суковатая палка отъ собакъ.

— И у старика было двое дѣтей. Сынъ и дочь. Сынъ былъ послушный, а дочь—баловница. Дѣлала она все, что захочетъ... вотъ какъ наша Машенька,—добавляла няня и бросала косой взглядъ на ту постельку, гдѣ лежала эта самая Машенька, которую она въ глубинѣ души любила больше всѣхъ. Въ постелькѣ слышится недовольное ворчаніе, но мы всѣ шикаемъ, такъ какъ хочется знать, что было дальше.

— И пошла она разъ гулять безъ спросу. Шла она, шла и зашла въ дремучій лѣсъ. Ели, сосны кругомъ, а дорожка такъ, тропочка, и вьется между ними... Ужъ солнышко начало садиться и кругомъ темнота пошла, только надумала она домой вернуться. Ань не тутъ-то было. Дорогу-то она потеряла. Бьется то вправо, то влѣво, а лѣсу этому самому не видать конца краю. А ужъ тутъ и ночь наступила, да такая темная, что зги не видать. Только вдругъ увидела она...

— Да какъ же она, няня, увидела, когда темно было?—слы-

шится Машенькинъ голосокъ. Возраженіе это ничто иное, какъ мѣсть за направленный уколъ.

— Молчи, стрекоза, и слушай, а то не буду дальше говорить.

— Бабушка, пляюшка, — кричимъ мы: — не слушай ее, рассказывай!

— ...вдругъ увидела она огонекъ. Сначала она испугалась, а потомъ обрадовалась. Огонекъ—значить люди есть, и пошла она на него. Идетъ она, идетъ, часъ идетъ, другой—идетъ. Устала очень, приѣхала отдохнуть. Огдохнула и опять пошла къ нему. Идетъ, идетъ...

Няня смолкаетъ. Слушатели ея спать глубокимъ сномъ, и никогда они не узнаютъ, дошла ли дочь старика до огонька или нѣтъ, такъ какъ сказка начнется опять съ начала. Тогда Марья Васильевна безшумно поднималась, крестила каждого изъ насъ, поправила одѣльца и выходила въ людскую поболтать о житейскихъ дѣлахъ, приславъ кого-нибудь караулить, не проснется ли кто изъ насъ.

И такъ проходила ея жизнь день за днемъ, тѣсно связанная съ нашими дѣтскими радостями, горестями и болѣзнями. Весь мѣсяцъ для нея сосредоточился въ нашей комнатѣ, и она была довольна имъ.

А между тѣмъ у нея раньше была и своя жизнь, о которой она не любила вспоминать, такъ какъ слишкомъ было много пролито слезъ. Когда Марья Васильевна была молодой и когда она называлась сначала Манькой, затѣмъ Манушкой и наконецъ Машей, все село любовалось ея красотой и бойкостью. Первая она считалась пѣсельница, первая плясунья, и дядя и тетка, у которыхъ она жила, такъ какъ была сирота, качали только головами, но останавливать не рѣшались, потому что она была имъ любя. Смотрятъ они на нее, какъ она по извѣ ходитъ да поворачивается, и глазъ оторвать не могутъ. Только стали они замѣчать, что Маша стала что-то задумываться. Остановится, обонрется объ ухватъ, смогритъ такъ пристально, даже не сморгнетъ, а потомъ встряхнетъ головой и опять примется за работу. И работа у нея ужъ не такъ спорилась въ рукахъ. То повалится что-нибудь, то разобьетъ. Не стерпѣвъ дядя да и говоритъ:

— Смори, вѣтъ ли у тебя завнобы какой. Говори прямо.

Посмотрѣла она на него, да въ отвѣтъ:

— Есть.

— Кто такой?

— Сенька! Михаила Васильевича сынъ!

Подумалъ дядя, погладилъ бороду, да и говоритъ:

— Что же онъ сватовъ не засылаетъ?

— Тебя бонтея.

— Чего бояться? Я не кусаюсь!—умѣхнулся дядя и вышелъ изъ избы.

Дальше все дѣло пошло гладко, и черезъ два мѣсяца Маша стала женой Семена. Зажили они принимаячи, работы не боялись, и либо было смотрѣть на нихъ, какъ они возвращались вечеромъ съ поля. Оба молодые, красивые, пѣсни поютъ такія звонкія... Черезъ годъ родилась у нихъ дѣвочка. Лицомъ вылитый отецъ. Ужъ и дѣлала же и баловала ее Марья Васильевна. Въ себя не могла прийти отъ радости, когда увидела ея первые робкіе шаги, услышала, какъ она начала лепетать. Разставить ручонки, топочетъ, а сама складываетъ губки трубочкой и кричитъ:

— Мама, мама!

И жили бы они себѣ счастливо, не приключись бѣда, не приглянись Маша старостѣ. Началъ онъ къ ней похаживать, будто по дѣламъ какимъ, выбиралъ все такое время, когда мужа дома нѣтъ, бороду свою передъ ней поглаживать да рѣчи сладкія напетывать. Сначала Маша смотрѣла на это, какъ на шутку, въ смѣшки обращала, а какъ говоръ по селу пошелъ, она ему и высказала:

— Ты это брось, Никита Петровичъ! Коли дѣло какое есть, къ мужу заходи, а на меня, бабу, сразу не папущай.

— Ахъ ты, царевна-недогрома! — расхохотался староста: — вотъ ты кака!

— Да ужъ какая естъ! лучше не буду!

Староста раземѣлся и продолжалъ бывать попрежнему. Маша не выдержала, мужу пожаловалась. Подкараулилъ тотъ Никиту Петровича, и какой между ними разговоръ вышелъ—неизвѣстно, только закипѣла у Семена кровь, схватился онъ за топоръ да и всадилъ его до половины лезвія въ плечо. Видно, хотѣлъ въ голову ударить да не попалъ. Никита Петровичъ свалился на землю, а Семенъ выскочилъ изъ избы, да и былъ таковъ.

Собрались народъ, отнесли старосту домой, пачали Семена пскать, облаву въ лѣсу дѣлали, такъ и не нашли, словно въ воду канулъ. Сообщили исправнику, слѣдствіе производить онъ. Староста на вѣкъ безъ руки остался, а Семена, говоритъ, видѣли черезъ много лѣтъ въ Кіевѣ двѣ старухи, которыя ходили изъ нашего села туда на богомолье.

Одной Машѣ пришлось очень тяжело. День-деньской мыкалась она то на своей постель, то на барской и возвращалась домой со страхомъ—жива ли ея Танюша. Но судьбѣ угодно было занести ей второй ударъ. Танюша заболѣла горломъ, и въ три дня ея не стало. Маша сама спускала гробикъ, спокойно

посмотрѣла на то, какъ его засыпали землей, и вернулась домой.

Какъ она рассказывала потомъ, она отъ горя точно окаменѣла.

— Работая все, какъ слѣдуетъ, пью, ѣмъ, спать ложусь, а внутри меня точно пустота какая. Умерло что-то во мнѣ, а я по свѣту брожу.

Горе сильно состарило Марью Васильевну, и она тихо жила себѣ бобылкой на краю села, работая, служа наняндой по дочери и вспоминая того, кто, можетъ-быть, тоже бегаетъ съ нуждой, страдаетъ и никогда не можетъ вернуться въ родное село.

Такъ прошло много лѣтъ. Марья Васильевна состарилась, согнулась, начала шататься и пришепетывать. Отецъ мой, женившись, переѣхалъ въ деревню, и когда родился первый ребенокъ и возникъ вопросъ о нянѣ, то общимъ голосомъ было рѣшено пригласить Марью Васильевну. Мать спросила ее, любитъ ли она дѣтей. Старуха расплакалась и осталась навсегда. Доброта ея, замкнутая вслѣдствіе одинокой жизни въ теченіе многихъ лѣтъ, распустилась пыльнымъ цвѣтомъ. Она старалась внушить мамѣ любовь ко всему живому, начиная отъ муравья, котораго мы хотѣли растоптать, и кончая человекомъ, и дѣлала это не пазъ педагогическихъ видовъ, а совершенно безозвательно, можетъ-быть, оттого оно и вліяло на дѣтскую душу. Побесѣдовавъ въ людской о какой-нибудь деревенской бѣдѣ, она на другой день называла мамѣ свою душу и знакомила насъ, опять-таки невольно, съ истиной жизнью тамъ, на сѣлѣ.

О нянькахъ было очень много говорено, и Аршіѣ Родионовѣ приписываютъ даже вліяніе на творчество Пушкина, но эта заслуга не малая бѣднѣеть передъ тѣмъ, что онѣ сдѣлали въ исторіи взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и крѣпостныхъ. Являясь связующимъ звеномъ между баринствомъ и крестьянствомъ, онѣ въ своемъ лицѣ заставили полюбить все русское, знакомя насъ съ тайниками души. Надо помнить, что въ прошедшія времена все воспитаніе происходило въ дѣтскихъ, вдалекѣ отъ родителей, которые видѣли своихъ дѣтей только за столомъ и очень мало интересовались ими, а ихъ духовнымъ міромъ въ особенності. Слѣдовательно, почти все, если не все доброе, что уносили съ собой дѣти въ корпуса и институты, было посеяно этими няньками, которые смиренно дѣлали свое дѣло, но всей вѣроятности, даже не сознавая его значенія. Миръ ихъ праху!

Каждое воскресенье Марья Васильевна отпраивалась въ церковь одна, если насъ почему-либо нельзя было взять, или съ нами. Въ послѣднемъ случаѣ заирягался экипажъ и, хотя до храма было недалеко, насъ отвозили. Церковь была старинная и построена монимъ дѣдомъ, давнишнъ обѣтъ соорудить храмъ, буде онъ вернется живъ изъ Италійскихъ походовъ. Судьба сохранила его, и, поселившись въ деревнѣ, онъ дѣлательно принялся за исполненіе. Въ небольшомъ кабинетѣ около письменнаго стола, надъ которымъ висѣла миниатюра на слоновой кости, изображавшая Суворова, дѣдъ набросалъ планъ церкви и началъ дѣлать кирпичи. Построенный изъ заводу сгорѣлъ отъ удара молніи, и въ народѣ заговорили, что даръ его не угоденъ Богу. Дѣдъ пожалъ плечами и выстроилъ второй, который постигла та же участь. Это его озадачило. Онъ отправился въ одинъ изъ монастырей къ своему духовнику и, вернувшись оттуда, готовился продолжительнымъ постомъ къ трудному подвигу. Новый кирпичный заводъ, построенный на томъ же мѣстѣ, заработалъ на славу. На старомъ погостѣ заложили фундаментъ, при чемъ нашли человѣческія кости, надъ которыми была отслужена нанянда „имена ихъ Господи Ты же въскъ“. Въ теченіе двухъ лѣтъ храмъ былъ оконченъ и по своей величинѣ не соответствовалъ количеству жителей, которые, собравшись всѣ, не могли заполнить и половины его. Дѣдъ устроилъ фамильный склепъ и легъ въ него первымъ. Священникъ, отецъ Павелъ, былъ добродушный старикокъ. Служилъ онъ съ такой искренней вѣрой, что заставлялъ забывать и свою тщедушную фигуру, и дрожащій тенорокъ. Діакона не было, и причетникъ вѣлъ одинъ на клиросѣ, при чемъ голосъ его звонко разносился надъ высокими сводами. У насъ въ церкви были свои мѣста, и мы всегда становились тамъ, гдѣ и отецъ. Марья Васильевна падала на колѣни, и въ теченіе всего богослуженія взоръ ея былъ устремленъ наверхъ, туда, гдѣ вились и принимали оналовый отгѣнокъ волны ладапа. Была ли у нея привычка такъ молиться или ей казалось, что она видитъ тамъ, далеко, свою Танюшу, не знаю, но слезы бѣжали по ея щекамъ, и она даже не вытирала ихъ, давая имъ свободно скатываться на грудь. Послѣ обѣдни священникъ высылалъ намъ просфору и освѣдомлялся о здоровьи родителей. Домой мы возвращались къ завтраку съ какимъ-то особеннымъ благоговѣйнымъ чувствомъ, которое проходило не скоро. Возвращаясь изъ церкви, Марья Васильевна заходила обыкновенно

на дорогую могилку и неоднократно просила насъ похоронить ее около. При этихъ словахъ намъ дѣлалось больно, такъ какъ мы не могли себѣ представить, что она когда-нибудь умретъ, и мы начинали плакать, чѣмъ приводили добрую старуху въ странное смущеніе.

Послѣ Нового года она стала сильно уставать, но крѣпилась. Обычная веселость исчезла съ ея лица, и она сдѣлалась грустна и пуглива. Она точно ожидала, что вотъ-вотъ случится что-то такое, что измѣнитъ все въ ея жизни. Въ началѣ февраля она слегла въ постель совсѣмъ, и ей была отведена отдѣльная комната. Она лежала совершенно спокойно, съ полузакрытыми глазами, отъ времени до времени покашливая.

— Что съ тобой? — спрашивалъ кто-нибудь изъ дворовыхъ, заглянувъ къ ней.

Она улыбалась и отвѣчала:

— Устала очень.

— А ничего не болитъ?

— Нѣтъ.

— Диковина.

Послѣдній скрывался и оставлялъ ее одну. По одна она была для другихъ, а для себя она жила полной жизнью. Она переживала опять все съ самаго начала, старалась вспомнить малѣйшія подробности, уяснить различныя обстоятельства, потому что она подводила теперь итоги, чувствуя, что придется кончить. Почему она это чувствовала, она не могла объяснить, но она не сомнѣвалась въ этомъ. Ей не было жалко покидать эту жизнь на томъ основаніи, что она для нея не существовала уже давно, ей было грустно расстаться съ дѣтьми, къ звонкимъ голосамъ которыхъ она привыкла, но тамъ ожидало ее свиданіе съ собственной дочерью, которая тоже томится разлукой. Лежитъ, лежитъ Марья Васильевна и начнетъ тосковать, что же это долго смерть за ней не придонитъ. И начинаетъ она молить Бога, чтобы Онъ призвалъ ее въ горній селенія. Силы исчезаютъ день ото дня. Перевернуться безъ посторонней помощи она уже не можетъ, но безкончить никого не хочетъ, и потому лежитъ цѣлыми часами не шевелясь, а думы все пронесены передъ ней, точно она медленно листъ за листомъ смотритъ большую книгу съ картинками. Въ одно изъ воскресеній Марья Васильевна сдѣлала особенно грустно. На дворѣ стояла ранняя весна. Солнце замѣтно пригрѣвало, и свѣтъ некрился на поляхъ, между тѣмъ какъ дорога замѣтно почернѣла, и изъ-подъ копытъ лошадей вылетали большіе комья, доказывающіе, что уже все начало таять. Голубое небо сіяло особенно свѣжо и радостно. Оно точно тоже помолодѣло и обновилося послѣ зимы. До слуха Марьи Васильевны дошелъ благовѣстъ. Она безпокойно заворочалась и въ первый разъ возронтала, что силъ не хватаетъ. Ей представилось, что она стоитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, и церковь полна народомъ. Сегодня вѣроятно и господа поѣхали, а то больно тихо что-то въ домѣ и не слышать ни бѣготни, ни пригтовленій къ завтраку. А то она всегда слышитъ, какъ хлопнетъ дверь погреба, загремитъ замокъ кладовой, а въ окно ей даже видно, какъ лакей пронеситъ блюдо изъ кухни. Теперь должно-быть пронѣли первую часть Херувимской, и отецъ Павелъ вышелъ съ дарами. Нѣсколько бабъ съ ребятами протискались впередъ. Бывало и она причащала свою Танюшу.

Марья Васильевна зашептала молитвы. Силы оставляли ее, такъ что она даже чувствовала, точно почва уходитъ изъ-подъ ногъ. Завозили къ достойной.

Марья Васильевна перекрестилась. Сейчас и отпусти. Черезъ нѣсколько времени въ домѣ застучали двери, послышался голоса, но какіе-то особенные, громкіе... Ужъ не случилось ли что? — подумала Марья Васильевна, съ тревогой поглядывая на входную дверь. Вдругъ она разомъ отворилась, и въ просвѣтѣ ея показалось нѣсколько лицъ.

— Бабушка, Богъ радость прислалъ!

— Что, родимые?

— Нѣтъ крѣпостныхъ больше! Сейчасъ въ церкви манифестъ читали.

Въ глазахъ Марьи Васильевны загорѣлась радость. Она неподвижно на локтѣ.

— А, вотъ она воля! — пронесла она, широко улыбнувшись, но въ ту же минуту схватилась за сердце — и все было кончено.

Въ комнатѣ настала тишина, всѣ вышли, а она продолжала лежать съ свѣтлой улыбкой. Да и зачѣмъ ей было жить? Миссія ея была кончена. Она исполнила свой долгъ и была уже не нужна съ того момента, когда Державной Ручкой было уничтожено крѣпостное право, стѣной стоявшее между сословіями. Пришли убирать Марью Васильевну, а колокола гудѣли весело и звонко, какъ гудятъ они только въ первый день Пасхи.

Портъ-Артуръ.

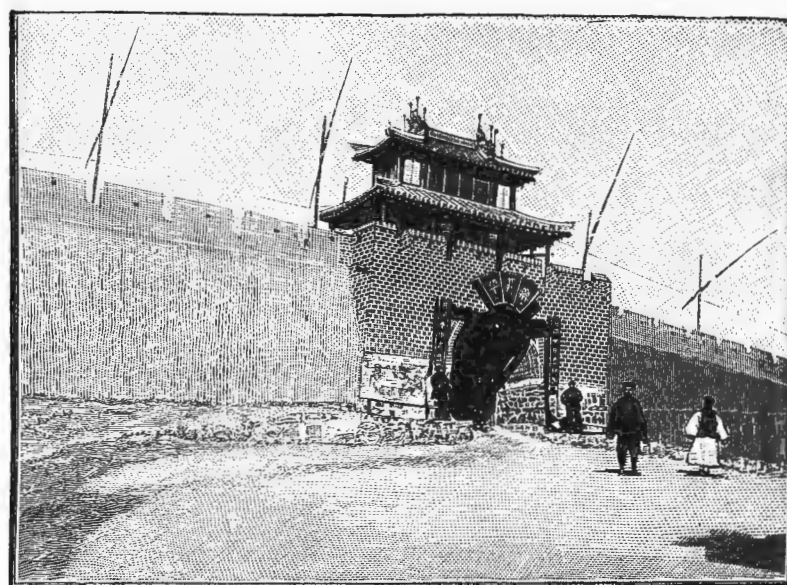
(Съ 15 рисунками и планомъ.)

15-го марта, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, подписано въ Пекинѣ особое соглашеніе съ Китаемъ, уступив-

шимъ Россіи въ пользованіе на 25-ти-лѣтній срокъ, который можетъ быть затѣмъ продолженъ съ обоюднаго соглашенія, —

Подъемный крань.

Входъ въ казармы.

Улица въ Портъ-Артурѣ.

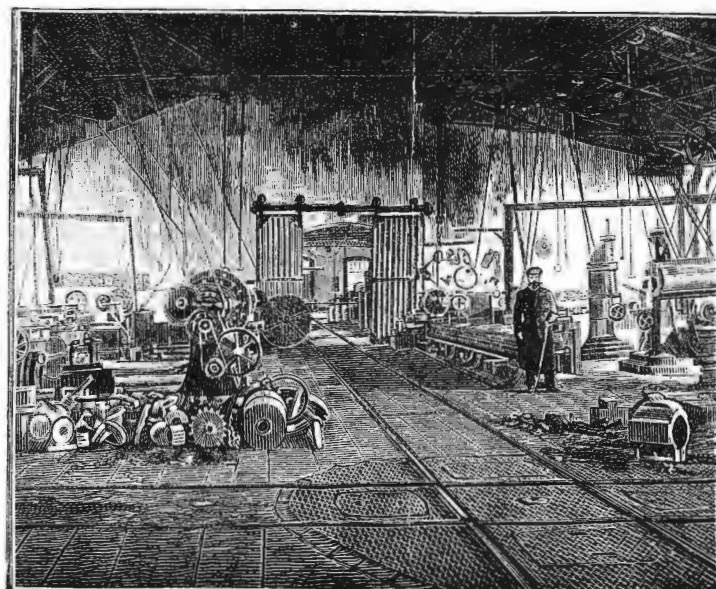
Внутренний рейдъ.

Докъ.

Китайскій крейсеръ.

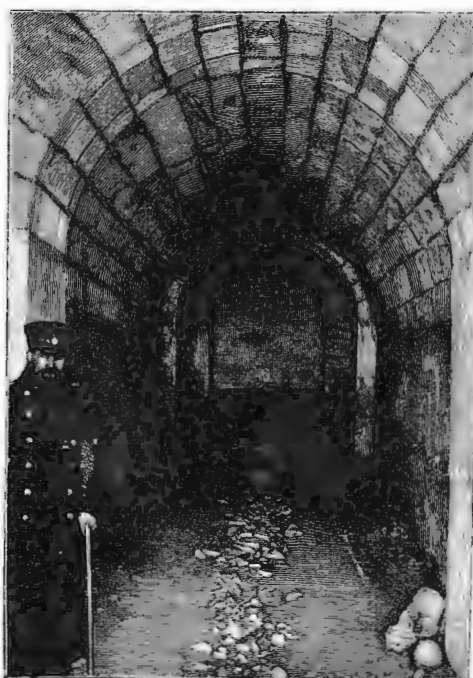
Внутренний видъ мастерскихъ.

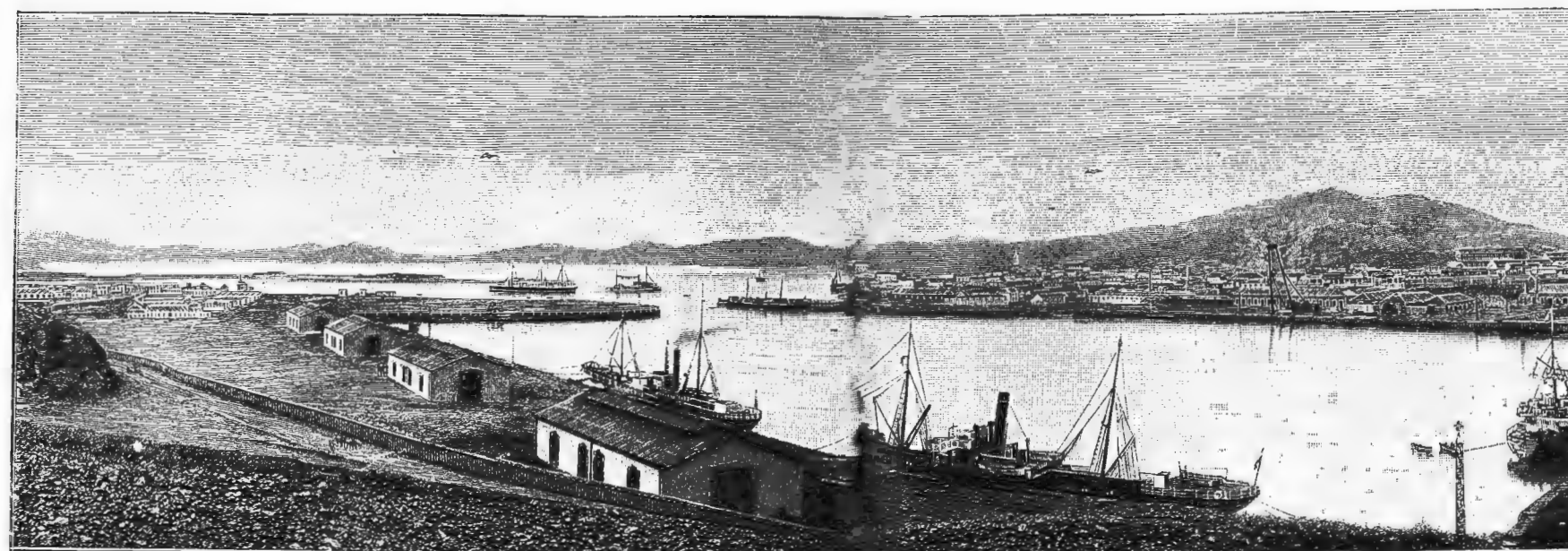
Разрушенный фортъ.

Разрушенный фортъ.

Разрушенный фортъ. Коридоръ

Видъ бухты.

Виды Портъ-Артуръ. Съ фотогр. грав. скіі, Цехомскіі и Шюблеръ.

Набережная.

Библиотека "Руниверс"

порты Артуръ и Таливанъ, съ соответствующею территоріею и воднымъ пространствомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Россіи предоставлена постройка вѣтви для соединенія этихъ портовъ съ великой сибирской желѣзной дорогой. Въ силу этого состоялось на другой же день, какъ уже у насъ было сообщено, зашитіе обоихъ пунктовъ русскими гарнизонами.

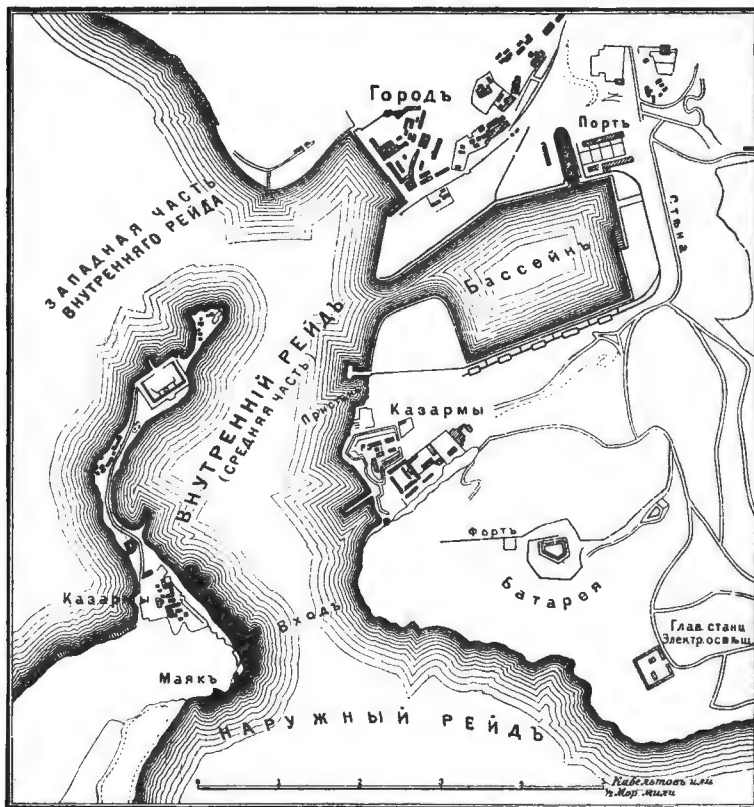
Въ виду громаднаго политическаго и культурнаго значенія, представляемаго этими двумя новыми опорными пунктами Россіи на Востокѣ, въ особенности Портъ-Артуромъ, который вскорѣ по проведеніи отъ него соединительной желѣзнодорожной вѣтви къ сибирской магистрالی сольется непрерывнымъ звеномъ со всей Россіей, считаемъ не безынтереснымъ дать нашимъ читателямъ рядъ видовъ Портъ-Артура, снятыхъ въ нынѣшнемъ году, незадолго до состоявшагося соглашенія.

Портъ-Артуръ, равно какъ и лежащій рядомъ съ нимъ Таливанъ, расположенъ на берегу Желтаго моря, въ предѣлахъ Шень-цзяцкой провинціи, самой южной изъ трехъ административныхъ областей, на которыхъ раздѣляется Манчжурія. Какъ извѣстно, южная Манчжурія омывается водами Желтаго моря и Печелійскаго залива, которые отдѣляются другъ отъ друга Ляотунскимъ полуостровомъ, имѣющимъ треугольную форму и образующимъ на западѣ Ляотунскій и на востокѣ Корейскій заливы. Крайнюю южную оконечность полуострова Ляотунга составляетъ узкій гористый придатокъ, простирающійся на югъ еще на 100 верстъ между названными заливами. Почти по срединѣ своего протяженія у города Цзицъ-чжоу-тинъ (Ближчао), береговья извилины образуютъ тѣсный перешийкъ, имѣющій менѣе двухъ верстъ ширины и связывающій съ континентомъ самое южное изъ развѣтлений Ляотунга—небольшой полуостровъ, посидіи китайское названіе Канъ-туинъ. На восточномъ берегу этого полуострова и лежатъ бухты Лу-шунъ-коу или Портъ-Артуръ и Таливанъ, широко открывающіяся къ Желтому морю. Какъ удобныя якорныя стоянки при входѣ изъ Желтаго моря въ Печелійскій заливъ, Лу-шунъ-коуекая и Таливанская бухты приобрѣли, по словамъ *Русскаго Инвалида*, извѣстность со времени перваго знакомства европейскихъ и русскаго флотовъ съ прибрежными водами Китая. Однако, слабая населенность береговъ этихъ бухтъ и дурное состояніе сообщеній съ Манчжуріей, а тѣмъ болѣе съ ближайшею китайскою провинціею

Печели, были причинами, что онѣ не могли служить для торговыхъ цѣлей, а потому и были оставлены безъ вниманія.

О бухтѣ Лу-шунъ-коу или Портъ-Артурѣ заговорили въ печати не далѣе, какъ лѣтъ 15 тому назадъ, когда бывшій печелійскій вице-король Ли-Хунъ-Чангъ устроилъ здѣсь опорный пунктъ для созданнаго имъ китайскаго броненоснаго флота. Въ 1881 году было приступлено въ Портъ-Артурѣ къ возведенію первыхъ укрѣпленій, надъ которыми работали ежедневно до 4,000 кули. Съ этого времени работы по фортификаціонному обезпеченію Лу-шунъ-коу и устройству въ цѣль порта продолжались съ незначительными перерывами до самой японско-китайской войны, когда портъ былъ взятъ японцами съ сухого пути, вследствие слабости укрѣпленій съ этой стороны. Въ 1884 году Портъ-Артуръ соединилъ телеграфомъ съ Тянь-цзинемъ и Пекиномъ черезъ Ньючжуанъ и Шанхайгуанъ.

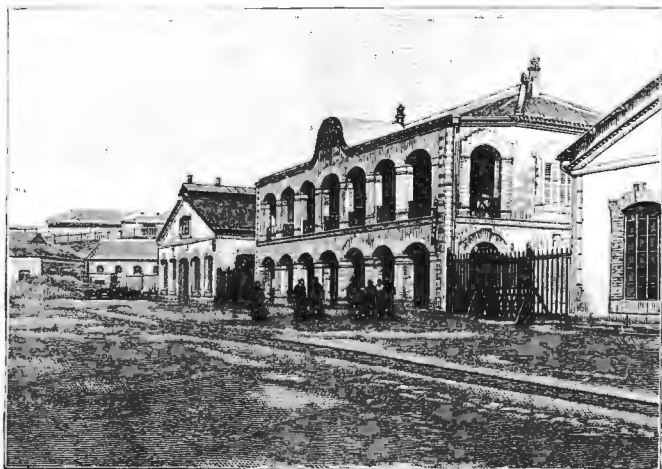
Бухта Портъ-Артура представляетъ собою прибрежную, заповедную, наполненную водой котловину, сообщающуюся съ открытымъ моремъ узкимъ проходомъ, шириною около 150 сажень. Длина бухты съ сѣверо-востока на юго-западъ достигаетъ 6-ти верстъ, а ширина—2-хъ верстъ, но, вследствие мелководія, она недоступна для глубоководныхъ судовъ, и только небольшія суда и миноноски могутъ стоять въ сѣверо-восточной ея части, во многихъ мѣстахъ искусственно углубленной. На восточномъ же берегу бухты былъ вырытъ китайцами предназначенный для большихъ судовъ обширный бассейнъ, глубиною въ 27 футовъ въ малую воду, длиною около 250 саж. и шириною около 140 саж. Вся набережная этого бассейна облицована гранитомъ на высотѣ около 15 футовъ надъ водою. Въ связи съ бассейномъ сооруженъ сухой докъ, длиною въ 385 фут. и шириною въ 80 фут., для осмотра и починки подводныхъ судовыхъ частей. Самый проливъ въ бухту доведенъ землечерпательными машинами до глубины, необходимой для современныхъ броненосцевъ, и въ немъ обыкновенно стояло нѣсколько китайскихъ судовъ, готовыхъ къ выходу на рейдъ и для дальняго плаванія. Съ цѣлью обозначенія входа въ проливъ китайцы построили маякъ и створные знаки. Къ сѣверу отъ бассейна прежили деревни рыболововъ преобразовались постепенно въ довольно обширное поселеніе мастеровыхъ и рабочихъ съ ихъ семьями, такъ что гражданское населеніе Портъ-Артура, ко времени взятія его японцами,

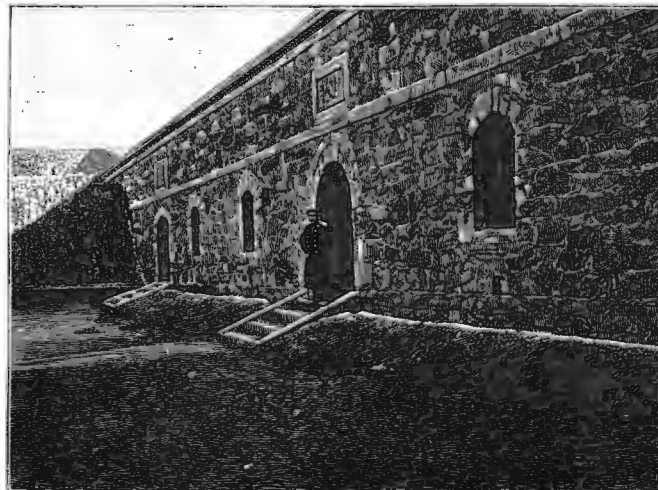
Планъ Портъ-Артура, составленный китайскими офицерами подъ руководствомъ адмирала Лангъ.

длинною въ 385 фут. и шириною въ 80 фут., для осмотра и починки подводныхъ судовыхъ частей. Самый проливъ въ бухту доведенъ землечерпательными машинами до глубины, необходимой для современныхъ броненосцевъ, и въ немъ обыкновенно стояло нѣсколько китайскихъ судовъ, готовыхъ къ выходу на рейдъ и для дальняго плаванія. Съ цѣлью обозначенія входа въ проливъ китайцы построили маякъ и створные знаки.

Къ сѣверу отъ бассейна прежили деревни рыболововъ преобразовались постепенно въ довольно обширное поселеніе мастеровыхъ и рабочихъ съ ихъ семьями, такъ что гражданское населеніе Портъ-Артура, ко времени взятія его японцами,

Портъ-Артуръ. Портовая контора.

Портъ-Артуръ. Разрушенный фортъ.

достигало 6,000 чел. Въ ближайшемъ соседствѣ бассейна были построены казенныя здания, въ которыхъ размѣщены различныя мастерскія, склады и чины портового управления: тутъ же расположены угольные сараи.

Самый городъ расположенъ вкругъ бухты, и въ немъ насчитывается теперь до 10,000 жителей. Торговля въ городѣ развивается со дня на день, узкія его улицы оживляются. Телеграфная контора въ Портъ-Артурѣ снабжена двумя аппаратами; служащіе на ней чиновники-китайцы владѣютъ англійскимъ языкомъ. Телеграммы принимаются на основаніи общихъ правилъ международной телеграфной конвенціи.

Въ центрѣ города выстроены довольно большой театр, въ которомъ даются ежедневныя представленія. За городомъ расположены казармы, обнесенныя вкругъ довольно высокимъ валомъ. Связаніе съ Портъ-Артуромъ поддерживается двумя китайскими транспортомъ, два раза въ недѣлю отходящими въ Чифу.

На внутреннемъ берегу холмистой косы, отдѣляющей Душунь-коускую бухту отъ моря, по другую сторону пролива, въ видахъ удаленія его отъ поселенія, былъ устроенъ въ укрѣпленіи торпедный арсеналъ, съ небольшимъ сухимъ докомъ для осмотра миноносковъ. Кромѣ склада мины и хлопчатобумажнаго пороха, этотъ арсеналъ снабженъ небольшими мастерскими; здѣсь же устроена школа для подготовки мастеровъ миноного дѣла. Что касается гарнизона, то онъ былъ размѣщенъ въ „иманяхъ“ или постоянныхъ лагеряхъ, сооруженныхъ каждый на одной батаронъ или „лянзу“.

Укрѣпленія Портъ-Артура были начаты нѣсколько раньше учрежденія здѣсь военнаго порта. Первые фортификаціонныя работы заключались въ возведеніи группы приморскихъ укрѣпленій Гошъ-кунъ-чена, къ востоку отъ входа въ портъ, а за ними послѣдовала постройка двухъ батарей восточнѣ этой группы и къ западу отъ пролива, на холмистой косѣ, замыкающей бухту. Береговныя батареи, расположенныя на протяженіи 7-ми верстъ, обстрѣливаютъ перекрестнымъ огнемъ лежащія передъ ними рейды, обеспечивая въ немъ стоянку эскадры. Окрестности Портъ-Артура представляютъ невысокую холмистую страну, съ широкими долинами, въ которой возвышенности отличаются мягкими, округленными очертаніями, и потому во многихъ отношеніяхъ благоприятствующими фортификаціонному усиленію.

Открытый и глубокий рейдъ Портъ-Артура, шириною около 12 верстъ, является хорошей якорной стоянкой для флота, удобной для маневрированія большого числа судовъ, но нѣсколько опасной при южныхъ и восточныхъ вѣтрахъ, разводящихъ высокое волненіе. Въ послѣднемъ отношеніи имѣетъ большое преимущество лежащая въ 30-ти верстахъ къ сѣверовостоку обширная Талинванская бухта, лучше защищенная отъ вѣтровъ и морского волненія возвышенными мысами, далеко вдающимися въ море. По этой причинѣ, первѣдо считается, что въ бурную погоду суда, стояща на рейдѣ Портъ-Артура и не имѣющія возможности воспользоваться его гаванью, которая вообще малопригодна, принуждены спускаться съ якоря и искать убѣжища въ Талинванской бухтѣ. Во время англо-французской экспедиціи противъ Китая въ 1860 г., Талинванъ былъ избранъ стоянкой французскаго флота и вполне оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Бухта Портъ-Артура было отдано китайцами предпочтеніе при набраніи мѣста для стоянки военнаго флота, вѣроятно, влѣдствие близости ея къ оконечности Ляоунгскаго полуострова, что облегчало одновременное господство расположенныхъ здѣсь морскихъ силъ надъ Желтымъ моремъ, Печелійскимъ проливомъ и заливомъ, а, можетъ-быть, также въ виду удобства и меньшей стоимости постройки укрѣпленій для обороны га-

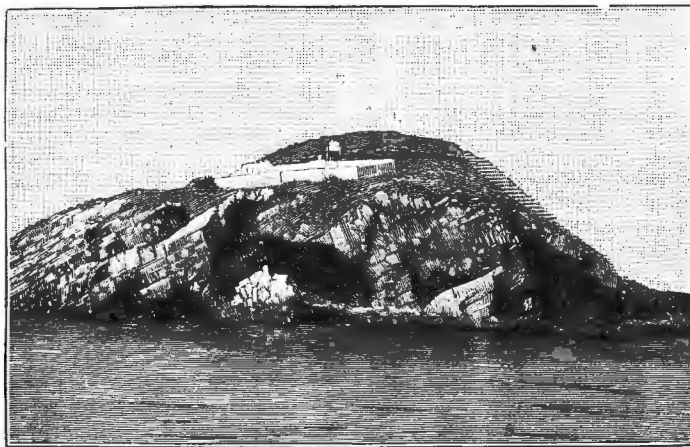
вани и обстрѣливанія рейда. По берегу Талинвана, гдѣ разбросаны незначительныя рыбацкія селенія, было возведено нѣсколько слабыхъ батарей, которыя соединены съ Портъ-Артуромъ дорогой, доступной лишь для китайскихъ телегъ.

Съ Манчжуріей и Китаемъ, съ одной стороны, и съ Кореей, съ другой, Портъ-Артуръ и Талинванъ соединяются дорогами, которыя, какъ всѣ китайскія пути сообщенія, находятся въ запущенномъ состояніи, но по характеру мѣстности могутъ быть легко исправлены. Внутренность Ляоунгскаго полуострова занята хребтами, высшія точки которыхъ хотя не превосходятъ 3,000—3,500 футовъ, но принимаютъ иногда дикій характеръ, влѣдствие полнѣйшаго отсутствія всякой древесной и кустарниковой растительности. Эти горы, однако, нигдѣ не примыкаютъ непосредственно къ берегу, и между ними и прибрежными водами залегаютъ холмистыя полосы, напоминающія по виду поверхности длинныя, гигаантскія морскія волны. По этимъ-то холмистымъ прибрежьямъ отъ Портъ-Артура пролегаютъ двѣ дороги: восточная — въ Корею, на пограничный городъ Вичжу, лежащій на рѣкѣ Ялу, и западная — направляющаяся на манчжурскій, открытый для европейской торговли портъ Инъ-коу, и далѣе развѣтвляющаяся на сѣверъ въ Мукденъ и на западъ вкругъ Печелійскаго залива въ Шанхайгуанъ, къ воротамъ восточной оконечности великой китайской стѣны и въ Пекинъ. Узкій перешеекъ къ сѣверу отъ Талинванской бухты является причиной того, что всѣ дороги отъ Портъ-Артура и поселеній Талинванской бухты сходятся въ городѣ Цанъ-чжоу-тинъ, лежащемъ недалеко отъ вершины бухты того же названія, и только отсюда уже раздѣляются на восточный и западный пути. Отсутствіе укрѣпленій на этомъ перешеекѣ въ прошлую японско-китайскую войну значительно облегчило японцамъ быстрое и рѣшительное наступленіе къ Портъ-Артурѣ, послѣднее ими разграбленному и разрушенному. Объ этомъ расхищеніи укрѣпленій всего порта мы уже упоминали недавно, въ № 2 *Нивы*, помѣтивъ два общія вида Портъ-Артура. Нѣсколько изъ помѣщенныхъ у насъ здѣсь рисунковъ — виды разрушеннаго форта — краснорѣчиво говорятъ о томъ, какъ тамъ хозяйничали недавно японцы.

По дорогѣ, обходящей съ сѣвера пограничныя горы между Кореей и Манчжуріей, Чанъ-бо-чанъ и др., Портъ-Артуръ находится въ разстояніи 400 верстъ отъ Мукдена, 750 верстъ отъ Гидина, административнаго центра восточной провинціи Манчжуріи, въ 1,000 верстахъ отъ горъ Ниугуты, на р. Хурхѣ, и въ 1,200 верстахъ отъ станціи Никольской, сибирской желѣзной дороги.

Портъ-Артуръ и Талинванъ открываютъ новые горизонты для русской торговли не только съ сосѣдней Манчжуріей, но и съ богатыми областями Китая, омываемыми Желтымъ и Восточно-Китайскими морями, и являются залогомъ дальнѣйшаго развитія дружественныхъ и торговыхъ сношеній съ китайскимъ народомъ. Въ обихъ бухтахъ русской коммерческой и обеспечивающей ея интересы военной флотъ приобретаютъ морскія станціи, открытыя круглый годъ для мореплаванія. Холодное теченіе Японскаго моря, обледеняющее берега Уссурийскаго края и обуславливающее замерзаніе Владивостокскаго порта, прегражденное Кореей, нисколько не отражается на мягкомъ климатѣ Ляоунгскаго полуострова, южная оконечность котораго лежитъ, приблизительно, на одной широтѣ съ Ленкоранью въ Закавказьи.

Въ ближайшемъ соседствѣ Портъ-Артура имѣются залежи каменнаго угля. Это условіе значительно поднимаетъ значеніе Портъ-Артура, какъ коммерческой гавани и морской станціи для пароходовъ.

Портъ-Артуръ. Маякъ.

Копи Рио-Тинто.

Значеніе мѣди въ мировой торговлѣ и промышленности стало выдающимся начиная лишь съ семидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія и съ тѣхъ поръ оно растетъ изъ года въ годъ. Характерное явленіе это объясняется огромнымъ успѣхомъ электротехники, для которой потребовалась мѣдь въ небывалыхъ до того размѣрахъ. Разработка мѣдныхъ рудниковъ на всемъ земномъ шарѣ стала непомерно усиливаться; цѣлыя компаніи съ громадными капиталами занялись отысканіемъ мѣдныхъ копей, и въ числѣ ихъ первое мѣсто должно быть отве-

дено англо-германской фирмѣ Дэттъ и Зупдгеймъ, оспованной гигаантское предпріятіе мѣдныхъ копей Рио-Тинто въ Испаніи.

Исповлескія мѣдныя залежи Рио-Тинто, считающіяся самыми большими въ свѣтѣ и оказывающія сильное вліяніе на цѣны мѣди на мировомъ рынкѣ, находятся въ одной изъ самыхъ непривѣтливыхъ мѣстностей адалузскаго нагорія Сиерра-Морена, гдѣ природа какъ будто истощила всѣ свои силы на созданіе минеральныхъ богатствъ. Вся эта мѣстность въ теченіе нѣсколь-

ких тысячелетий привлекала внимание человека. Римляне во время своего мирового владычества добывали здесь серебро и медь; до них рудники залежи эксплуатировались карагенцами, а еще раньше финикийцами, этими „просвещенными мореплавателями“ древности. Остатки их неисполненных шахт возбуждают и поныне изумление путешественников.

В средние века шахты оставались заброшенными, и пока Испания послала свои флоты один за другим в Новый Свет, в надежде легкого и быстрого обогащения на счет туземцев, естественная богатства страны — серебро и ртуть, медь и свинец, железо и уголь, лежали нестоимыми массами, забыты, нетронуты.

Рудник Рио Тинто получил свое название от рѣки, прилегающей и несущей в океан сточные воды бассейна этой местности. Это название (темно-красная рѣка) очень метко определяет характер всего окрестного ландшафта.

Каждое дерево, каждый куст, если не сожжены, то с той стороны, которая обращена к югу, выжжены сѣрыми и купоросными испарениями, расходящимися от коней Рио Тинто на расстояние до 30 километров.

Чѣм ближе к рудникам, тѣм сильнѣе это впечатлѣние; слабые слѣды растительности теперь или выжжены до-красна, или выбѣлены какъ обожженные остоны; на горахъ повсюду большой желтый пятна сѣры, точно капли пота; рѣка то огнивается краснымъ цвѣтомъ въ мѣстахъ, освѣщенныхъ солнцемъ, то темнѣетъ наподобіе испанскихъ лужъ закатившей крови въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разбивается на маленькія пруды и озера. Каждое дуновение вѣтра пронизано запахомъ сѣры; этотъ запахъ преслѣдуетъ путешественника, проникая въ окна вагоновъ, и весь окрестный ландшафтъ походитъ на какую-нибудь гравюру Густава Доре къ тексту Дантова Ада.

Наконецъ, долина расширяется въ исполинскую плоскую котловину, въ которой террасы и отлогости перемежаются съ рвами и оврагами, съ далекой линіей обнаженныхъ, неприютно освѣтѣнныхъ холмовъ на горизонтѣ. Здѣсь — источникъ, изъ котораго гигантское предпріятіе черпаетъ свои миллионы.

Акционерной компаніей Дэттъ и Зундгеймъ заарендована вся обширная площадь бассейна Рио Тинто, на что затрачено было ею въ 1873 г. около 30 миллионъ рублей. Сумма эта ясно доказываетъ, въ какихъ гигантскихъ размѣрахъ было задумано это солидное предпріятіе. Несмотря на эти расходы, компанія не погналась сейчасъ же за наживой, а рѣшила цѣлямъ рядомъ подготовительныхъ работъ сдѣлать рудники производительными на десятки лѣтъ.

Съ скалоюй быстротой была построена желѣзная дорога къ берегу моря, въ гавань Хуэлья, созданы грандіозныя приспособленія для нагрузки и перевозки руды, устроены огромныя водные бассейны въ ранахъ рудной площади; на пустынной плато выросли громадные сооруженія для обжиганія руды, разнообразныя шахты прорѣзали верхній слой покрывавшей руду коры. Но самое смѣлое и успешное предпріятіе состояло въ томъ, чтобы снять и убрать весь покрывавшій мѣдную руду слой желѣзняка на такомъ прострѣствѣ, чтобы вѣдь за тѣмъ имѣть возможность добывать мѣдную руду безъ шахтъ и штоленъ, прямо подъ открытымъ небомъ, — такъ называемой „дневной“ обработкой. Освобожденіе мѣдной руды отъ прикрывающаго ее слоя желѣзняка, толщиной свыше ста футовъ, неумолимо продолжается до сихъ поръ, и теперь доступны „дневной“ обработкѣ двѣ огромныя поверхности руды — въ

общей сложности отъ 25,000 до 30,000 квадратныхъ метровъ — между тѣмъ какъ рядомъ продолжаетъ производиться выработка породъ въ штольняхъ. Изъ бураго желѣзняка, убранныго съ двухъ огромныхъ „дневныхъ“ поверхностей, возведена па-стоящая Хеонсова пирамида въ пустынь Рио Тинто.

Разумѣется, предварительныя работы требовали огромныхъ затратъ и не давали никакого дохода. Почти четыре года шла непрерывная работа, поставленная на самую широкую ногу, а предпріятіе все еще не двигалось съ мѣста. Займы росли, осторожные акціонеры начали бить тревогу, курсы надали — и вдругъ началось производство, оставившее далеко за собою все что до сихъ поръ было извѣстно въ этой области.

Въ 1877 году добыто около 15 миллионъ центнеровъ руды, содержащей круглымъ числомъ 450,000 центнеровъ металлической мѣди на сумму отъ 25½ до 26½ миллионъ рублей. Такимъ образомъ оказалось, что рудникъ Рио Тинто даетъ не болѣе, не менѣе, какъ десятую часть всего количества руды, добываемой на земномъ шарѣ, и потоки золота, до сихъ поръ приливавшие въ эту каменную пустыню, потекли теперь обратно съ удвоенной силой. Отношеніе и поныне остается тѣмъ же: почти десятая часть всей мѣди, ежегодно потребляемой на земномъ шарѣ, добыта въ рудникахъ Рио Тинто, и барыши компаніи огромны: въ 1891 году было выдано около 6-ти миллионъ дивиденда.

Рио Тинто — десять лѣтъ тому назадъ жалкій городишка — теперь имѣетъ болѣе десяти тысячъ жителей. Унылый, безградный видъ поселенія ничуть не скрашивается господствующими здѣсь шумомъ и суетою; удивившія сѣрыя испаренія заволакиваютъ кони густымъ сѣрымъ облакомъ. Источникъ этихъ ужасныхъ испареній — большой обжигательный печи внутри заводова; тамъ пароможденная курами руда, посредствомъ замедленного обжиганія, освобождается отъ примѣси сѣры.

Вправо и влѣво отъ обжигательныхъ печей зияютъ двѣ исполинскія воронки — „дневныя“ шахты, старѣйшая изъ которыхъ спускается большими террасами, будто амфитеатръ, на глубину ста метровъ, позднѣйшая — на глубину шестидесяти метровъ. Террасы, наверху изъ желтоватаго, внизу изъ зеленого камня, кишатъ людьми; лучи южнаго солнца борются съ заволакивающей всю мѣстность дымкой сѣрыхъ паровъ. Отъ террасъ къ террасѣ, до самого дна, тянутся спирально рельсы. Тяжело нагруженные поезда движутся по нимъ вверхъ до самаго края воронки; пустые вагоны со стукомъ скатываются внизъ, исчезая за выступами стѣнъ, а въ невидимыхъ туннеляхъ появляются новые и новые поезда. Рельсовый путь ведетъ даже вглубь подземныхъ штоленъ.

„То была фантастическая поѣздка, — пишетъ одинъ путешественникъ, посетившій шахты Рио Тинто. — Глубже и глубже, по спирали, спускался нашъ поездъ; свѣтовые блики, дрожь, перебѣгали по стѣнамъ исполинной мѣдной руды, которую человекъ прорылъ на такую головокружительную глубину. Оригинальнѣе украшеніемъ шахтъ являются безчисленныя зеленваго-синеіе сталактиты мѣднаго купороса, около метра длинной, свѣшивающіеся съ потолка галлерей наподобіе ледяныхъ сосулекъ... Внезапно мы очутились въ открытомъ прострѣствѣ, подъ отвѣсными лучами солнца: съ удивленіемъ видимъ, что поездъ уже на днѣ огромной воронки, а кругомъ воздымаются къ небу тѣ самыя уступчатыя стѣны, по которымъ мы только-что скатывались внизъ“.

Къ рисункамъ.

Грустное впечатлѣніе производитъ картина г. Платонова „Водовозы“. Какъ юны эти „водовозы“ и какую непоносимую работу имъ приходится нести! Взгляните на эту неслыханную грудь дѣвочки, перекинутую веревкою, на страдающее выраженіе глазъ мальчика. Безчеловѣчными кажутся родители, заставляющіе своихъ дѣтей исполнять роль вьючнаго животного. Или передъ нами спороги? Но въ обоихъ случаяхъ причина одна и та же: нужда. Она ожесточаетъ сердца, дѣлаетъ ихъ нечувствительными къ чужому страданію, — даже къ страданію близкихъ людей. Бѣдные дѣти, бѣдная русская деревня, изнывающая отъ нужды, потому что она невѣжественна. „Работво“ пало „по ятію Царя“. Но взойдетъ ли, наконецъ, пахъ огчествомъ прекрасная зари просвѣщенія, искореняющаго нужду, смягчающаго и облагораживающаго сердца?

Осматривая англійскую выставку картинъ, конечно, каждый обратилъ вниманіе на полотно Т. С. Роча, изображающее представленіе забѣгаго фокусника. Богатая галлерей дѣтскихъ типовъ! Старикъ, одѣтый въ традиціонный костюмъ мага и волшебника, показываетъ ребятишкамъ превращеніе подъ знакомъ яйца въ живую птицу, — излюбленный фокусъ каждаго болѣе или менѣе некуснаго престижиджигатора. Заблаговременно развѣсившія афиши, возвѣстившія о прѣздѣ „знаменитаго профессора черной и бѣлой магіи“, разумѣется, привлекутъ многочисленную публику, состоящую больше изъ мальчиковъ

и дѣвочекъ, которые съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за каждымъ движеніемъ ловкаго фокусника. Счастливая аудитория привѣтствуетъ удачныя опыты восторженными криками, и даже добродушная старушка не заснула во время сеанса и также выражаетъ удовольствіе, смѣшанное съ удивленіемъ. Дѣти постарше стараются быть серьезными, и только глаза ихъ горятъ непривычнымъ блескомъ. Много жизни въ этой картинѣ.

„Лилия Дамаска“ — прекрасная иллюстрація англійскаго художника Шмальса къ гаремной жизни. Благоухающыя красныя цвѣты, пышныя и чистые, какъ сама невинность, напомнили двумъ красавицамъ, уроженкамъ Сиріи, ихъ далекую, любимую родину и навели на цѣлмырой тревожныхъ воспоминаній. „Четвертый земной рай“, „глазъ Востока“, чудный Дамаскъ вдругъ воскресъ передъ эгипціи несчастными невольницами могучаго повелителя. Освѣщенный фонаремъ однообразно навѣваетъ имъ тоскливыя думы.

Журчить по мрамору вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.

Ни мягкіе ковры, ни красныя парды не развлекаютъ ихъ, и съ каждымъ днемъ тоска по родинѣ дѣлается сильнѣй и сильнѣй. Красивая группа южанокъ дѣлаетъ картину настолько живописною, что невольно переносятся мыслями

къ далекимъ временамъ Бахчисарал, воспѣтаго нашимъ великимъ поэтомъ, гдѣ:

„Играють воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещеть на стѣнахъ“.

На выставкѣ русскихъ акварелистовъ, вѣроятно, многіе замѣтили картину И. С. Галкина: „Молодежь“, довольно оригинальную по замыслу и тщательно написанную. Сюжетъ ея несложный: молодой подростокъ царь держитъ въ обѣихъ рукахъ по породистому щенку и, задумчиво опустивъ голову въ высокой смушковой шапкѣ, глядитъ на нихъ наблюдательнымъ, тихимъ взоромъ. „Что-то выйдетъ изъ нихъ?“ говорить этотъ взглядъ, и рядъ предположеній проносится въ его мысляхъ. Онъ самъ еще юнъ и, можетъ-быть, невольно задумывается и надъ своей судьбой...

С. М. Духовской.

(Портр. на этой стр.)

Высочайшимъ приказомъ генералъ-лейтенантъ С. М. Духовской назначенъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ.

Сергѣй Михайловичъ родился въ 1843 г. Окончивъ курсъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, онъ былъ выпущенъ офицеромъ въ л.-гв. конно-гренадерскій полкъ, а по окончаніи въ 1863 г. курса въ Николаевской академіи генеральнаго штаба и Николаевской инженерной академіи, онъ былъ назначенъ на Кавказъ, гдѣ состоялъ начальникомъ штаба даховскаго отряда, завершившаго покореніе восточнаго побережья Чернаго моря.

С. М. посвятилъ почти 20 лѣтъ своей жизни боевой и административной дѣятельности на Кавказѣ, занимая должность помощника начальника штаба кавказскаго военного округа и состояя для особыхъ порученій при Его Императорскомъ Высочествѣ великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ.

Затѣмъ С. М. во время турецкой войны 1877—1878 г. былъ начальникомъ штаба корпуса М. Т. Лорисъ-Меликова и при взятіи Ардагана состоялъ во главѣ одной изъ штурмовыхъ колоннъ, а также командовалъ въ особомъ отрядѣ въ Курдистанѣ.

По окончаніи войны, онъ былъ назначенъ начальникомъ демаркаціонной линіи и предсѣвателемъ соединенной русско-турецкой пограничной комиссіи.

За эту кампанію С. М. былъ награжденъ орденами св. Георгія 4 ст., св. Анны 1 ст. съ мечами и св. Владиміра 2 ст. съ мечами.

Къ числу литературныхъ трудовъ С. М., относящихся ко времени службы его на Кавказѣ, принадлежатъ полныя интереса и живой наблюдательности статьи его подъ общимъ заглавіемъ: „Матеріалы для описанія войны на Западномъ Кавказѣ“, печатавшіяся въ *Военномъ Сборникѣ* за 1864 г.

Въ 1878 г. С. М. былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Эрзерумской области.

Въ 1879 г. С. М. Духовской былъ назначенъ начальникомъ штаба московскаго военного округа, а въ 1893 г. былъ призванъ къ управленію нашимъ восточными владѣніями.

Время пребыванія С. М. пріамурскимъ генералъ-губернаторомъ, командующимъ войсками и наказнымъ атаманомъ пріамурскаго казачьяго войска оставило глубокий слѣдъ въ исторіи какъ экономическаго, такъ и культурнаго развитія этой отдаленной, но имѣющей для насъ громадное значеніе, окраины.

Въ своемъ стремленіи содѣйствовать изученію мало изслѣдованнаго края С. М. прилагалъ всевозможныя усилія, чтобы путемъ организаціи обществъ и собиранія официальныхъ свѣдѣній, освѣтить невѣдомыя до этого времени стороны жизни и быта инородцевъ окраины и ихъ прошлой исторіи. Особенное вниманіе онъ обращалъ на заброшенные сѣверные округа по берегу Охотскаго моря и Камчатки.

С. М. ревностно заботился не только объ улучшеніи быта послѣднихъ, но и объ урегулированіи сообщеній съ ними, при чемъ русскіе переселенцы были окружены особыми его попеченіями.

С. М. основалъ мѣстный органъ: *Пріамурскія Вѣдомости*. При немъ открыты нѣсколько учебныхъ заведеній и женская гимназія въ Хабаровскѣ.

Для войскъ С. М. устроены были лучшія помѣщенія; онъ заботился и о развитіи библиотекъ при офицерскихъ собраніяхъ.

Н. И. Гродековъ.

(Портр. на этой стр.)

Высочайшимъ указомъ пріамурскимъ генералъ-губернаторомъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Н. И. Гродековъ.

Николай Ивановичъ родился въ 1843 г. Получивъ военное образованіе въ Александровскомъ стрелковомъ корпусѣ и Константиновскомъ военномъ училищѣ, онъ вступилъ на службу въ 1862 г. въ 3-й гренадерскій стрѣлковый батальонъ, откуда въ слѣдующемъ году былъ переведенъ въ л.-гв. гренадерскій полкъ. Въ 1868 г., по окончаніи курса въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, Н. И. отправился на Кавказъ, гдѣ нѣкоторое время состоялъ для порученій при начальникѣ Кубанской области.

Въ 1873 г., когда политическія осложненія въ нашемъ Туркестанѣ вызвали Хивинскій походъ, Н. И. принималъ въ немъ участіе, въ качествѣ начальника мангильскаго отряда, направленаго отъ кавказскихъ войскъ въ помощь туркестанскимъ, подъ общюю командою К. П. Кауфмана.

Въ 1876 г. онъ назначенъ начальникомъ штаба Ферганской области, военнымъ губернаторомъ которой былъ М. Д. Скобелевъ.

Состоя въ этой должности, Н. И. принималъ участіе въ Кокандскомъ походѣ, а въ 1877—78 гг., во время турецкой кампаніи, когда затянулись дипломатическіе переговоры на берлинскомъ конгрессѣ, вызвавшіе съ одной стороны угрозу Англіи объявить намъ войну, а съ другой — демонстративное движеніе войскъ нашихъ къ Джаму (на бухарской границѣ) съ цѣлью парализовать воинственный пылъ англичанъ, выставившихъ войска свои на границѣ Индіи, Н. И. принималъ участіе и въ этой демонстраціи, состоя начальникомъ полевого штаба К. П. Кауфмана.

По заключеніи берлинскаго трактата, отрядъ нашъ, готовый переступить афганскую границу, былъ возвращенъ въ свои штабъ-квартиры. Тогда Н. И. Гродековъ, съ цѣлью изслѣдованія невѣдомыхъ русскимъ смежныхъ съ Туркестаномъ странъ Средней Азіи, въ сопровожденіи двухъ джигитовъ, верхомъ на лошади кпртзской породы, совершилъ смѣлую поѣздку изъ Самарканда черезъ Маазаръ-и-Шерифъ, Меймене, Герать и Мешедъ въ Асхабадъ, пройдя путь этотъ, около 2,000 верстъ, въ полтора мѣсяца.

За эту поѣздку, призванную полезною, Н. И. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст., а самую поѣздку повѣльно считать за походъ.

Вновь назначенный туркестанскій генералъ-губернаторъ генералъ-лейтенантъ С. М. Духовской. Съ фот. автотипія „Нивы“.

Вновь назначенный пріамурскій генералъ-губернаторъ генералъ-лейтенантъ Н. И. Гродековъ. Съ фот. В. Ясвина автотипія „Нивы“.

Въ 1880—1881 г. въ ахалтекинской экспедиціи Н. И., въ качествѣ начальника штаба М. Д. Скобелева, выполнилъ блестяще порученіе его по доставкѣ для отряда провіанта изъ предѣловъ Персіи, куда онъ былъ командированъ подъ прикрытіемъ незначительнаго конвоя.

За участіе въ экспедиціи этой Н. И. награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. и чиномъ генералъ-майора.

Въ 1883 г. онъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Сыръ-Дарьинской области, которою и управлялъ въ теченіе десяти лѣтъ съ большимъ тактомъ и умѣньемъ, заботясь главнымъ образомъ о развитіи народнаго благосостоянія, о назначеніи образованія среди туземнаго населенія края и сдѣлавъ очень много для русской переселенческой колонизаціи этой окраины.

Съ 1893 г. Н. И. состоялъ помощникомъ пріамурскаго генералъ-губернатора.

Въ Пріамурскомъ краѣ, какъ и въ Туркестанѣ, Н. И. стремился придти на помощь къ развитію просвѣщенія и наслѣдованію малознакомой съ научной точки зрѣнія обширной Восточной окраины. Его стараніями образована въ Хабаровскѣ Николаевская публичная бібліотека, съ читальной залой при ней, а также сооружены музеи по исторіи, археологіи и этнографіи этой страны.

Кромѣ того, Н. И. извѣстенъ своими учено-литературными трудами. Имъ изданы сочиненія: „Нагорная полоса Кубанской области“, „Черезъ Афганистанъ“, „Война въ Туркменіи“, „Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинской области“; подъ его же редакціей изданъ переводъ съ англійскаго книги „Хидал. Комментаріи мусульманскаго права“; кромѣ того, что имъ помѣщено множество статей и замѣтокъ въ *Военномъ Сборникѣ*, *Русскомъ Ивалидѣ*, *Новомъ Времени* и др. изданіяхъ.

А. Я. Красовскій.

(Портр. на этой стр.)

13-го апрѣля русская медицинская наука лишилась одного изъ выдающихся и заслуженнѣйшихъ своихъ дѣятелей, — гинеколога и акушера академика Антона Яковлевича Красовскаго, давно уже стяжавшаго извѣстность своею профессорскою и оперативною дѣятельностью не только въ Россіи, но и за границей. Последние годы жизни, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, А. Я. Красовскій крайне ограничилъ кругъ своей медицинской дѣятельности, но тѣмъ не менѣе до послѣднихъ дней своихъ продолжалъ служить своими знаніями и полувѣковыми врачебными опытомъ многимъ лицамъ въ серьезныхъ случаяхъ, требовавшихъ его рѣшительнаго, авторитетнаго слова.

А. Я. Красовскій родился въ 1821 г. По окончаніи курса въ медико-хирургической академіи, въ 1848 г., онъ началъ службу врачомъ красносельскаго военнаго госпиталя, затѣмъ былъ ординаторомъ 2-го с.-петербургскаго сухопутнаго госпиталя. Защитивъ въ 1852 г. диссертацию на степень доктора медицины и выдержавъ экзаменъ на званіе акушера, А. Я. отправился за границу для усовершенствованія въ знаніяхъ. Возвратившись оттуда, онъ былъ назначенъ адъюнктомъ-профессоромъ медико-хирургической академіи по кафедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней и занималъ эту кафедру въ качествѣ профессора до 1875 г. Какъ профессоръ, А. Я. пользовался большою популярностью среди студентовъ. Подъ его руководствомъ получили научное образованіе нѣсколько сотъ врачей-акушеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые, напримѣръ профессора Славинскій, Оттъ, Рейнъ, Лебедевъ, Бредовъ, Добрынинъ, Масловскій, завоевали уже себя почетную извѣстность.

Кромѣ чтеній теоретическихъ и клиническихъ лекцій, покойный энергично проводилъ оперативный способъ лѣченія женскихъ болѣзней, въ то время имъ впервые введенный въ Россію. Множество большихъ гинекологическихъ операций, произведенныхъ имъ со счастливымъ успѣхомъ, были въ свое время опубликованы въ различныхъ періодическихъ медицинскіхъ изданіяхъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. А. Я. Красовскій былъ избранъ почетнымъ членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ, и въ 1874 г. былъ назначенъ лейбъ-акушеромъ. За это время имъ были изданы: „Курсъ практическаго акушерства“, „Курсъ акушерскихъ операций“, рядъ спеціальныхъ изслѣдованій по гинекологіи, „Атласъ операций оваріотоміи“ и множество другихъ ученыхъ трудовъ.

А. Я. Красовскій († 13-го апрѣля 1898 г.).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

А. Я. Красовскому принадлежитъ еще выдающаяся заслуга по организаціи перваго и до сихъ поръ единственнаго въ Россіи: *Журнала акушерства и женскихъ болѣзней*, окончательно упрочившаго самостоятельное значеніе русской акушерской науки; покойный А. Я. состоялъ съ 1887 по 1892 гг. редакторомъ этого журнала и придавалъ ему тотъ серьезный научный характеръ, который онъ сохранилъ и нынѣ подъ руководствомъ талантливейшихъ учениковъ покойнаго, проф. Славянского и Отта.

Въ 1871 году покойный былъ назначенъ директоромъ с.-петербургскаго родовспомогательнаго заведенія и достигъ на этомъ поприщѣ блестящихъ результатовъ. Онъ приложилъ особенныя старанія къ тому, чтобы возможно большее количество бѣдныхъ роженицъ имѣло пріютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заботился о примѣненіи всего новаго, что могло бы принести пользу страдающимъ женщинамъ и способствовать образованію врачей. Благодаря такой отзывчивости покойнаго на все научное и полезное, с.-петербургское родовспомогательное заведеніе заняло одно изъ видныхъ мѣстъ не только въ Россіи, но и за границею, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось школою для молодыхъ врачей, желающихъ усовершенствоваться въ акушерствѣ. При этомъ число родовъ, достигавшее въ заведеніи до 1875 года не болѣе 2,000 въ годъ, въ послѣднее время превысило 4,000, причѣмъ смертность роженицъ, достигавшая въ прежнее время отъ 4 до 7 проц., низведена до 0,5 проц. Число учащихся въ повивальномъ институтѣ, не превышавшее въ прежнее время 100 ученицъ, достигло болѣе 300. По ходатайству покойнаго было открыто въ 1872 году маринское гинекологическое отдѣленіе для большихъ женщинъ, нуждающихся преимущественно въ оперативной помощи, учрежденъ институтъ врачей-экстерновъ, поступающихъ въ заведеніе для усовершенствованія въ акушерствѣ. Число этихъ врачей превышаетъ нынѣ 150.

Во время турецкой войны 1877—78 гг. покойнымъ были открыты при родовспомогательномъ заведеніи курсы для подготовленія фельдшерницъ. Имъ же выработанъ Высочайше утвержденный 13-го марта 1876 года уставъ родовспомогательнаго заведенія, устроена дезинфекціонная камера и сдѣлано множество усовершенствованій въ заведеніи.

Въ 1896 г. состоялось торжественное чествованіе А. Я. Красовскаго по поводу исполнившагося 25-лѣтія его директорства въ Надеждинскомъ родовспомогательномъ заведеніи. На этомъ торжествѣ были ярко отмѣчены научныя и общественныя заслуги А. Я. Въ массѣ адресовъ отъ крупнѣйшихъ научныхъ учреждений и ученыхъ обществъ, въ большей части которыхъ А. Я. состоялъ почетнымъ членомъ, указано было, чѣмъ обязана ему русская медицинская наука, какое выдающееся мѣсто завоевалъ онъ въ ней своей почти полувѣковой дѣятельностью. Кромѣ того, въ числѣ этихъ адресовъ нельзя не отмѣтить тѣхъ, которые исходили отъ его многочисленныхъ націентокъ, привѣтствовавшихъ его, какъ врача-практика, какъ сердечнаго, гуманнаго человѣка, — свойство души, которое глубоко дѣйствовало въ А. Я. все тѣ, кто встрѣчался съ нимъ, какъ съ врачомъ, профессоромъ или администраторомъ.

В. Н. Чиколевъ. (Портр. на стр. 339.)

22-го февраля скончался послѣ тяжелой болѣзни на 53 году жизни Владимиръ Николаевичъ Чиколевъ, составившій себя извѣстность въ ученомъ мірѣ, благодаря своимъ выдающимся работамъ и изобрѣтеніямъ въ области электротехники.

Покойный происходилъ изъ дворянъ калужской губерніи, родился въ 1845 г., воспитаніе получилъ въ московскомъ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ и училищѣ, затѣмъ былъ вольнымъ слушателемъ въ московскомъ университетѣ по физико-математическому факультету. Свою ученую карьеру онъ началъ ассистентомъ при кафедрѣ физики въ Петровско-Разумовской академіи у профессора Цвѣткова. Затѣмъ онъ познакомился и близко сошелся съ директоромъ московскаго политехническаго музея—Владимірскимъ, въ лабораторіи котораго производилъ изслѣдованія надъ практическими примѣненіями электричества.

Въ 1867 г. В. Н. Чиколевъ написалъ первый свой литературный трудъ о примѣненіи электричества въ пиротехніи, до сихъ поръ считающійся лучшимъ руководствомъ для приготовленія и сожженія фейерверковъ. Въ 1872 г. на московской по-

литехнической выставкѣ В. Н. Чиколевъ получилъ *большую золотую медаль* за усовершенствованіе электродвигателей и серебряную—за гальваническую батарею.

Въ 1874 г. онъ построилъ въ высшей степени оригинальную дуговую электрическую лампу, явившуюся родоначальницей всѣхъ современныхъ электрическихъ лампъ; въ ней впервые былъ примененъ такъ-называемый дифференціальный принципъ, благодаря которому явилась возможность вводить по нѣскольку лампъ въ одну общую электрическую цѣпь; въ настоящее время почти всѣ дуговые лампы строятся именно по этому принципу. Кроме того, въ лампѣ Чиколева движение углей производилось не посредствомъ часового механизма, а при помощи *миниатюрнаго электродвигателя*.

Въ 1877 году В. Н. Чиколевъ открылъ, что при несимметричномъ положеніи углей вольтовой дуги, *можно утилизировать въ прожекторахъ двойное количество свѣта*; это открытіе было тотчасъ проверено английскимъ адмиралтействомъ (при участіи Тиндала) и затѣмъ стало примѣняться во всѣхъ государствахъ.

Въ 1876 г. Чиколевъ былъ приглашенъ на службу въ главное артиллерійское управленіе, гдѣ и прослужилъ до конца жизни въ артиллерійскомъ комитетѣ.

Съ начала 70-хъ годовъ онъ числился членомъ Техническаго общества. Переѣхавъ въ Цеттербургъ, покойный принялъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ этого общества и, благодаря своимъ научнымъ трудамъ и публичнымъ лекціямъ, сдѣлался однимъ изъ наиболее вліятельныхъ и дѣятельныхъ его членовъ.

По инициативѣ покойнаго былъ основанъ VI-й электрической отдѣлъ технического общества; онъ же настоялъ на необходимости изданія особаго органа этого отдѣла — журнала *Электричество* и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ его безвозмезднымъ редакторомъ.

Въ 1881 году, благодаря его энергіи и трудамъ, была устроена И. Р. техническимъ обществомъ первая въ мірѣ электрическая выставка, и въ томъ же году В. Н. былъ награжденъ медалью И. Р. технического общества за многолѣтніе труды по примѣненію электричества къ практическимъ цѣлямъ.

Въ 1892 году В. Н. изобрѣлъ остроумный способъ фотографической проверки прожекторовъ, принятый нынѣ во всѣхъ государствахъ. Сущность способа заключается въ томъ, что отъ начерченной на бумагѣ сѣтки получается, посредствомъ самого прожектора, изображение на свѣтоточувствительной пластинкѣ. Понятно, что всякое искаженіе этого изображения указываетъ на неправильность шлифовки прожектора и позволяетъ опредѣлить мѣсто этой неправильности. Способъ В. Н. Чиколева оказалъ огромное вліяніе на выдѣлку прожекторовъ, такъ какъ далъ фабриканту возможность исправлять погрѣшности шлифовки. Въ настоящее время крупныя электрическія фирмы принимаютъ за правило высылать своимъ заказчикамъ вышеупомянутыя фотографическія изображенія, въ удостовѣреніе безукорынности ихъ прожекторовъ.

Въ томъ же 1892 году В. Н., въ сотрудничествѣ съ В. А. Тюринымъ, разработалъ и издалъ въ свѣтъ *свою теорію прожекторовъ*, которая является вообще *первымъ трудомъ по этому вопросу*, никѣмъ до тѣхъ поръ не затронутому.

Приведеннымъ здѣсь перечнемъ далеко не исчерпывается ученая дѣятельность В. Н. Чиколева.

За время своей тридцатилѣтней дѣятельности В. Н. Чиколевъ написалъ много книгъ по своей специальности. Помимо ученыхъ сочиненій, В. Н. Чиколевъ писалъ и научно-беллетристическія произведенія. Изъ этихъ послѣднихъ весьма интересна книга: „Не былъ, но и не выдумка“, родъ полу-фантастическаго разсказа, въ которомъ авторъ, между прочимъ, какъ бы предугадалъ возможность телеграфированія безъ проводовъ; по крайней мѣрѣ, въ его воображаемой войнѣ, вырвы мины проносятся издали, при помощи электрическихъ колебаній, посылаемыхъ черезъ воздухъ.

Къ сожалѣнію, природа, одаривъ Владимира Николаевича такими выдающимися и разнообразными способностями, не дала ему крѣпкаго организма, и В. Н. постоянно страдалъ различными болѣзнями. Однако духъ преобладалъ у него надъ тѣломъ и, до послѣднихъ дней, онъ сохранилъ полную свѣжесть умственныхъ силъ и неутомимость въ работѣ.

Это былъ человекъ въ высшей степени деликатный, истинно добрый, чуждый всякаго тщеславія и корыстолюбія, доказательствомъ чего служитъ то, что семья его осталась послѣ его смерти безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Д. Лачиновъ.

Вербовка войскъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

(Рис. на стр. 340.)

По официальному увѣдомленію правительства Соединенныхъ Штатовъ, война между этою страной и Испаніею началась 9-го апрѣля текущаго года. Телеграммы то и дѣло насъ извѣщаютъ о захватѣ воюющими державами другъ у друга судовъ, о блокадѣ разныхъ портовъ, о морскихъ стычкахъ, о бомбардированіи фортовъ. Нельзя сомнѣваться, что американцы ринутся въ затѣльное „предпріятіе“ съ такою же энергіею или азартомъ, съ какими они кидаются въ разныя денежныя или промышленныя дѣла, и энергія ихъ въ данномъ случаѣ будетъ вполне умѣтна, такъ какъ ихъ вооруженныя силы весьма недостаточны. Сравнительно могущественнѣе они еще на морѣ: они располагаютъ 82 военными судами въ то время, какъ Испанія имѣетъ всего 46 судовъ. Но вооруженіе американскихъ судовъ весьма недостаточно, такъ какъ на нихъ насчитывается всего 556 орудій, въ то время какъ испанскій флотъ насчитываетъ 682 орудія. Если же имѣть въ виду сухопутный войска, то Соединенныя Штаты располагаютъ всего арміею въ 28,000 человекъ, въ то время какъ мирный составъ испанской арміи простирается до 128,000 человекъ. Если присоединить къ ничтожной арміи американцевъ еще организованную милицію, то у американцевъ окажется обученныхъ войскъ всего 153,000 чел., а Испанія насчитываетъ въ военное время армію въ 189,000 человекъ, болѣе или меньше подготовленныхъ къ военному дѣлу.

Вообще американцы очень мало заботились о развитіи своихъ военныхъ силъ, и имъ теперь придется наверстать упущенное за 35 лѣтъ мирной жизни,

посвященной исключительно развитію промышленности. Соединенныя Штаты принадлежатъ къ тѣмъ немногимъ государствамъ, которые комплектуютъ свои регулярныя арміи путемъ вербовки. Кроме того, примѣръ гражданской войны показалъ, что при отсутствіи прочной военной организаціи въ мирное время правительство наталкивается на большія затрудненія, когда наступаетъ война. Ни въ одномъ европейскомъ государствѣ немыслимы тѣ грандіозныя злоупотребленія, которыя практиковались въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1863 г. Бѣлые пѣхотные полки причислялись къ кавалеріи и получали соотвѣтственный фуражъ для лошадей. Мало того, щедро оплачивались полки, существовавшіе только на бумагѣ. Правда, богатство Соединенныхъ Штатовъ допускаетъ роскошь подобныхъ злоупотребленій, но тѣмъ не менѣе они бросаютъ очень невыгодный свѣтъ на военную организацію страны. Можетъ-быть, теперь все это замѣнилось къ лучшему, но ручаться за это трудно, потому что американцы очень ужъ любятъ зашибать деньги и довольно неразборчивы въ средствахъ достиженія этой заманчивой для нихъ цѣли.

Какъ бы то ни было, при энергическомъ характерѣ американцевъ военные приготовления идутъ у нихъ чрезвычайно дѣятельно. Вся страна заготовляетъ орудія, вооружаетъ суда, вездѣ вербуются милиціонеры, которыхъ дѣятельно снабжаютъ оружіемъ, обмундировываютъ и обучаютъ. Воспроизведенный нами рисунокъ даетъ наглядное представленіе о патріотической лихорадочности, съ какою относится населеніе къ военнымъ приготовленіямъ.

Политическое обозрѣніе.

Натянутыя отношенія между Соединенными Штатами и Испаніею привели къ открытому разрыву и началу военныхъ дѣйствій.

По свѣдѣніямъ изъ Вашингтона отъ 6-го апрѣля, палата представителей и сенатъ, послѣ нѣкотораго разногласія по поводу дальнѣйшихъ мѣропріятій въ вопросѣ о Кубѣ, собравшись для совмѣстнаго совѣщанія, приняли общую резолюцію о провозглашеніи независимости этой колоніи. Резолюція конгресса подписана президентомъ Макъ-Кинлеемъ утромъ 8-го

апрѣля, послѣ чего составленный въ духѣ этого постановленія ультиматумъ потребовалъ удаленія съ Кубы войскъ Испаніи, предоставивъ ей для отвѣта срокъ до субботы 11-го апрѣля къ 6 часамъ утра по мадридскому времени. По полученіи копій ультиматума испанскій посолъ немедленно выѣхалъ изъ Вашингтона. Въ свою очередь и посланникъ Штатовъ покинулъ 9-го апрѣля столицу Испаніи. По наступленіи дипломатическаго разрыва, телеграфъ сталъ усиленно снабжать политическую печать Старого и Нового

Свѣта ежедневными извѣстіями о ходѣ враждебныхъ отношеній между сторонами. Такъ, 10 го апрѣля американскій крейсеръ захватилъ близъ Ки-Веста испанское торговое судно, шедшее въ Техасъ и спустившее флагъ послѣ пушечнаго выстрѣла съ крейсера. Вслѣдъ за этимъ получены были извѣстія о захватѣ американцами еще нѣсколькихъ испанскихъ судовъ, тогда какъ испанская эскадра воздержалась 10-го апрѣля отъ захвата двухъ американскихъ торговыхъ судовъ въ виду того, что „война еще не объявлена, а Испанія соблюдаетъ международное право, понижаемое американцами“.

Вашингтонское правительство 10 апрѣля державамъ циркуляръ съ изложеніемъ предполагаемой политики относительно каптерства и нейтралитета. Какъ извѣстилъ *Правит. Вѣстникъ* отъ 15-го апрѣля, русскому правительству сдѣланы слѣдующія сообщенія: Испанія ограждаетъ линіей горредъ гавани между Порто-Рико и островомъ св. Томы и на Болларскихъ островахъ, закрывая также военные порты Испаніи; Соединенные Штаты объявили о блокадѣ всего сѣвернаго побережья Кубы и одного южнаго кубинскаго порта.

Въ Испаніи всѣ политическія партіи рѣшились энергично отвергнуть претензіи Штатавъ. Королева-регента заявила въ своемъ посланіи сенату, что „затрудненія не превьсятъ силъ и энергіи страны“, и выразила надежду— „съ доблестнымъ флотомъ и арміей, при

едипеніи народа и съ Божьей помощью, подобно предкамъ выйдти съ честью изъ кризиса — безпричиннаго и несправедливаго“. Выраженіямъ преданности монарху и патристическому эстазу испанцевъ—нѣтъ предѣла. Крупная пожертвованія на флотъ идутъ успѣшно. Патристическая демонстрація произошла и въ Гавани передъ домомъ генералъ-губернатора. Обратившись съ пламенной рѣчью къ многочисленной толпѣ,

маршалъ Бланко сказалъ, что „миръ уже былъ обезпеченъ, когда коварные Соединенные Штаты создали осложненія и помѣшали нисургентамъ покориться“; призывая всѣхъ къ „клятвѣ пролить послѣднюю каплю крови въ защиту чести отечества“, маршалъ, при пенстовыхъ патристическихъ кликахъ собравшихся, закончилъ свою рѣчь словами: „къ оружію же, испанцы!“ Судя по настроенію кубинцевъ, мадриское правительство надѣется дать американцамъ серьезный отпоръ, не допуская ихъ высадку на островъ.

Несмотря на лихорадочную поспѣшность военныхъ приготовленій, по общему мнѣнію политическихъ кружковъ, ни одна изъ воюющихъ сторонъ не располагаетъ еще достаточными силами, чтобы вступитъ въ бой съ неприятелемъ, поэтому и рѣшительныхъ военныхъ дѣй-

На улицахъ Нью-Йорка. Чтеніе объявленій о призывѣ добровольцевъ въ ряды американской арміи. По рис. В. Роджерса автотипія „Нивы“.

ствій нельзя ождать равне нѣсколькихъ недѣль. Со стороны нѣкоторыхъ державъ уже послѣдовали заявленія о желаніи сохранять нейтралитетъ.

Разныя извѣстія.

— 14-го апрѣля, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна изволили переѣхать съ Августѣйшими дѣтьми, великими князьями Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной, въ Царское Село.

— 14-го апрѣля, Государыня Императрица Марія Феодоровна съ великою княжною Ольгою Александровною переѣхали на жительство въ Гатчинскій дворецъ.

— Въ засѣданіи 15-го апрѣля состоящаго при Вольно-Экономическомъ обществѣ комитета по сбору пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, приглашенный комитетомъ представитель общества „Краснаго Креста“, очертивъ намѣченныя этимъ учрежденіемъ мѣропріятія, по ассигнованію изъ запаснаго капитала 150,000 р. на пострадавшія отъ неурожая мѣстности, указавъ на желательность дѣйствовать комитету Вольно-Экономическаго общества рука-объ-руку съ учрежденіемъ „Краснаго Креста“, имѣющимъ обширную организацию для разнообразной помощи въ данномъ вопросѣ, и просилъ сообщать послѣднему о полученныхъ свѣдѣніяхъ, гдѣ ощущается особенно острая нужда, о своихъ текущихъ распоряженіяхъ и т. д., что комитетомъ и принято было сочувственно. Затѣмъ прочитано было изъ подтвержденныхъ недороду мѣстъ нѣсколько писемъ, въ которыхъ яркими красками рисуется безотлагательная и довольно острая нужда въ скорѣйшей помощи. Развивается тифъ. Есть случаи голодной смерти. По этимъ письмамъ комитетъ въ настоящемъ засѣданіи распредѣлил немедленно отправить 3,400 р.

Комитетъ проситъ поддержать его дѣятельность какъ денежными пожертвованіями, такъ и указаніями, гдѣ испытывается наибольшая нужда. Всякая помощь, какъ бы незначительна ни была ея размѣръ, будетъ принята съ благодарностью. Посылки по почтѣ

адресуются въ СПб., Императорское Вольное Экономическое Общество въ Комитетъ для помощи пострадавшимъ отъ неурожая (Забалканскій пр., 33). Въ С.-Петербургѣ пожертвованія принимаются: въ канцеляріи Вольнаго Экономическаго Общества, у предс. комитета В. Э. Кергина (Баскова ул., 14) и канцеляр. комитета К. А. Окунева (Кавалергардск., 2).

— 13-го апрѣля въ Петербургѣ прибылъ Фригофъ Нансенъ съ супругой. Знаменитаго путешественника встрѣтили на вокзалѣ шведско-норвежскій посланникъ графъ Рейтерфельдъ со всѣми членами посольства и представители Императорскаго русскаго географическаго общества съ магистромъ вице-президентомъ П. П. Семеновымъ во главѣ. Въ Императорскихъ комнатахъ вокзала, П. П. Семеновъ, поздравивъ Нансена съ благополучнымъ прїавдомъ, вручилъ ему орденъ св. Станислава первой степени, пожалованный Государемъ Императоромъ. Г. Нансенъ заявилъ, что онъ радъ представившему случаю прїѣхать въ Петербургъ и особенно счастливъ милостивою наградою русскаго Императора.

15-го апрѣля Ф. Нансенъ имѣлъ честь представляться Государю Императору; вечеромъ въ тотъ же день состоялось въ залѣ Дворянскаго собрания въ честь Ф. Нансена торжественное засѣданіе географическаго общества. Весь залъ вмѣстѣ съ хорами былъ половъ приглашенными лицами, среди которыхъ можно было увидѣть не только всѣхъ министровъ и высшихъ сановниковъ и дипломатовъ, но и всю русскую аристократію ума, извѣстнѣйшихъ ученыхъ самыхъ разнообразныхъ специальностей, собравшихся для чествованія знаменитаго отважнаго путешественника. Въ Царской ложѣ занимали мѣста Ихъ Императорскія Высочества великій князь Константинъ Константиновичъ и великая княгиня Елисавета Марьевна и Ихъ Высочества герцогъ Михаилъ Георгиевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій и принцесса Елена Георгиевна Саксенъ-Альтенбург-

ская. На эстрадахъ и на хорахъ размѣстились воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній. На эстрадахъ за столомъ заняли мѣста члены совѣта Императорскаго русскаго географическаго общества, во главѣ съ вице-президентомъ, членомъ Государственнаго Совѣта П. П. Семеновымъ. Открылъ собраніе сенаторъ П. П. Семеновъ рѣчью, въ которой охарактеризовалъ выдающіяся заслуги Нансена передъ всѣмъ ученымъ міромъ, вообще, и передъ Россіею, въ частности. Въ заключеніе онъ заявилъ, что, въ ознаменованіе заслугъ Нансена передъ наукою, географическое общество присудило ему высшую въ Россіи награду—Константиновскую медаль, которую онъ тутъ же вручилъ ему при единодушныхъ рукоплесканіяхъ всего собранія.

Появившемуся затѣмъ у каведры Ф. Нансену была устроена шумная овация. Въ простой рѣчи, произнесенной на нѣмецкомъ языкѣ, онъ выразилъ свою глубокую благодарность русскому народу и географическому обществу за высказанный имъ огромный интересъ къ его экспедиціи. Самое сообщеніе о своемъ путешествіи г. Нансенъ сдѣлалъ на англійскомъ языкѣ. Какъ только онъ приступилъ къ описанію, въ залѣ воцарилась тишина: тѣмъ рельефнѣе выдѣлялись на экранѣ иллюстраціи, демонстрируемыя при помощи волшебнаго фонаря. Среди мертвой тишины, воцарившейся въ залѣ, мѣрно раздавался громкій, внятный голосъ Фригофа Нансена. Увлечательный рассказъ, поясняемый фотографіями и рисунками, заставлялъ слушателей какъ бы переживать тѣ опасности и лишения, какія въ теченіе трехъ лѣтъ переживалъ Нансенъ, пока, наконецъ, не вернулся на родину. Въ заключеніе онъ заявилъ, что въ дѣлѣ изслѣдованія полярныхъ странъ первенство принадлежитъ русскимъ, и что русскимъ ученымъ предстоитъ еще много лавровъ въ этомъ дѣлѣ. Рѣчь его, непрерывно продолжавшаяся около 1½ часовъ, была покрыта долго несмолкавшими аплодисментами.

Новыя изданія Высочайше утвержд. Ю.-Р. О-ва Печатнаго Дѣла.

„РЕБЕНОКЪ“

Общедоступн. всѣмъ необходимая гигиена ребенка отъ рождения до 3 л., В. П. Жука (автора кв. „Мать и дитя“). Ц. (безъ пер.) 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к. и въ пер. 1 р. 50 к.

Главный складъ: нижние магазины О-ва въ г. Одессѣ (Пушкинская, 20 и Дерибас., домъ Новикова). № 11161

„БАНЖИ = ВАННЫ“

Ихъ устройство, гигиеническое значеніе и историч. развитіе. Одесск. гор. инженера В. И. Зуева. Съ 65-ю рисунками и чертежами въ текстѣ. Цена 2 р.

О-ва въ г. Одессѣ (Пушкинская, 20 и Дерибас., домъ Новикова). № 11161

ПАВЕЛЬ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23. Мясная, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнечикаго моста. **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

В. № 10820 28-9

РЕКОМЕНДУЕТСЯ употреблять ВЕСНОЮ

„PASTA EUGENIE“ BERTHA RIES.

Помода для лица. Уничтожаетъ въ скоромъ времени веснушки, загаръ, красныя пятна, вскрывающіеся на лицѣ; средственно это придаетъ также цвѣту лица юную свѣжесть и красоту. Цена баночки 1 руб. 60 коп. Избѣгаеи во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи, а въ случаѣ отказа проше обратителъ въ Москву, Новая Басманная, домъ № 13.

На каждой баночкѣ издается моя подпись **ВЕРТА РИСЪ.**

W. № 11161 3-1

ELIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES

des RR. PP.

BÉNÉDICTINS

DE

Abbaye de Soulac,

Dom MAGUELONNE, Prieur.

Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD

VENTE EN GROS :

SEGUIN, BORDEAUX.

Maison fondée en 1867.

VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.

MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX Expos^{ion} Int^{ernationale} Lyon 1894 **HORS CONCOURS** MEMBRE DU JURY Exp^{osition} Int^{ernationale} Bordeaux 1895

EXIGER LA SIGNATURE DU PRIEUR *Don Maguelonne de Soulac*

Ц. № 10569 14-18

ЖЕМЧУГЪ

ХОРОШІЙ РОВНЫЙ
ВЪ НИТКАХЪ И ВЪ ВЕЩАХЪ
ПОКУПАЕТЪ 20-14
ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ
К. ФАБЕРЖЕ.

Москва, Кузнечкй мостъ, № 4.

КАРАМЕЛЬ

изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семидени въ Киевѣ.

Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп.

Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ. С.-Петербургъ, Гороховая ул., 31. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 12-12

КОРСЕТЫ ФАБРИКИ И. Г. АБРАМСОНЪ

Удостоены похвалн. отзывомъ на ВСЕРОСС. ВЫСТАВКѢ 1896!

РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ { 1. ТВЕРСКАЯ Д. АНДРЕЕВА
2. ЛУБЯНСКІЙ ПАССАЖЪ № 11

ПРОДАЖА ПО ФАБРИЧНОМУ ПРЕЙСЪ-КУРАНТУ

Послѣдній прогрессъ часового искусства во Франціи

часы „ОМЕГА“ только по 2 р. 75 к.

ОМЕГА новейшей конструкціи мужскіе карманные суточные часы. единственные вѣрные часы. ОМЕГА превосходятъ всѣ до сего времени часы. ОМЕГА наилучшіе и усовершенствованные часы. ОМЕГА вывѣрены до минуты. ОМЕГА признаны какъ практичны, легкіе и калити. на фабрикахъ, заводахъ и пр.

ИЗНЕВЫВАЮЩАЯ НОВОСТЬ: Усовершенствованные карманные часы „OXIDE“ 1-го сорта, показывающіе на циферблатѣ мѣстное время всѣхъ главнѣйшихъ городовъ Европы. Съ пересылкою по 15 рублей.

Исключительная продажа для всей Россіи въ складѣ часовъ: въ Варшавѣ, Нецькая ул., № 12 и И. О. РАДИНА Театральная площ., № 11.

Складъ вывоза (franco) по почтѣ съ наложеннымъ платежемъ Часы „ОМЕГА“ за 2 р. 75 к. Ц. № 11159 2-1 Часы „OXIDE“ за 15 руб.

съ пересылкою во всѣ города Россіи и мѣстности Имперіи.

Высоч. Утв. Т. 111
„ЭЙНЕМЪ“ въ Москвѣ.
Собств. Даров. Фабрика въ Симферополѣ (въ Крымѣ)
ПЮРЕ ТОМАТЬ.
ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ **КОМПОТЬ.**

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ!

ПРАКТИЧНЫЙ и НЕОБХОДИМЫЙ

каждому только 1 руб.

Карманный письменный приборъ съ калучков. штемпелемъ, именемъ, отч. и фамиліей, съ краской для печат. на бумагѣ, конверт., карточкахъ и пр и сургунъ. печатъ лѣзъ 2-хъ буквъ. Цѣна только 1 р. 2 шт. 1 р. 80 к., 3 шт. 2 р. 40 к., пересылка на счетъ фабрики. Деньги можно присл. почт. перев. Требования проше адресовать въ магазинъ штемпелей фабр.

І. Д. ЛЕВИНСОНА,
Нарш. ва. Сенаторская, 30.

ТРЕБУЙТЕ ЭФЕДРУ (траву Кузьмича)

(майскал) бор. выст. сортъ—4 р. ф. въ изящныхъ коробкахъ.

1-й сортъ 3 руб. съ перес.
2-й „ 2 р. и 1 р. за фунт (перес. почт. говыми марками).

Съ подробнымъ наставленіемъ брошюры Нартанскаго безплатно. Адресъ: ст. Сорочинская, Бузуджукскаго уѣзда, Самар. губ. Т. Г. Кокушнину.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Какъ я излѣчилъ свою нервную болѣзнь. IV изданіе, цѣна 28 коп.

Вѣрный путь къ достиженію сна, 28 к. Лѣченіе пьянства, 42 коп.

Цѣны (почтов. марк.) обозначены съ пересылкою. Адресъ: Эстляндія, г. Ревель, Широко-Песчаная, 358, 1.

МЕЛЬМАНЪ.

ВЪЧНАЯ КРЫША.

124.446,000 пудовъ оцинкованнаго желѣза

вывезено за послѣднее десятилѣтіе одной только Англіей: лучшее доказательство практичности этого матеріала. Нержавеющее оцинкованное желѣзо нашего завода не требуетъ окраски. Гарантія 25 лѣтъ. Благодаря усовершенствованному привилегированному способу производства, наше оцинкованное желѣзо стоитъ выѣ конкуренціи. Оцинкованнаго желѣза на одну кв. сажень пойдетъ на 4 р. 75 к. Кровельная работа та же, что при обыкнов. желѣзѣ. Образцы и пр.-кур. высылаются безплатно.

Торг. домъ Шефталъ, Телѣгинъ, Сперанскій и К^о въ Москвѣ.

Москва, Газовскій пер., Старый Газъ. Телефонъ № 2295. Адр. телегр.: Москва, Шефталъ.

Заводы Мальцаффее Катрейнера, Мюнхень

(Kathreiner's Malzkaffee Fabriken, München)

производятъ по привилегированному способу солоды, который рекомендуется женщинамъ, дѣтямъ и большымъ и ежедневно употребляется въ тысячахъ семействъ.

Настоящій только въ 1 фунтовыхъ пакетахъ съ портретомъ и подписью прелата Себ. Кнейппа въ Верисгофенѣ, какъ предохранительная марка, и фирмой единственныхъ фабрикантовъ:

Катрейнерсъ Мальцаффее Фабрикенъ, Мюнхень.

Склады: въ С.-Петербургѣ: К. Вольбрюкъ и К^о; въ Москвѣ: Юлій Преторіусъ; въ Ригѣ: Н. А. Горскиндъ; въ Варшавѣ: Л. Рабиновичъ. Ц. № 11042 7-6

Представители: въ Лодзи: Л. Рабиновичъ; въ Вильнѣ: Ф. Ябковскій.

ВОДОЛЕЧЕБНИЦА—ТАГАНРОГЪ

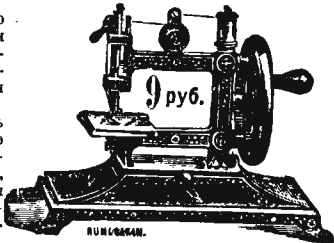
вр. Диварисъ и Гордонъ.

Лѣченіе нервныхъ и хроническихъ болѣзней. Усовершенств. души, ванны электрич., свѣрлыя, углекислыя; массажъ.—Большой парк, пансіонъ, кумысъ, лѣтомъ музыка. № 11021 Функционируетъ круглый годъ. Проспекты бесплатно. 5-4

Новость, которая возбуждаетъ всеобщій интересъ, есть получившая премію въ Чикаго РУЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА «THE JEWEL»,

которая шьетъ всякую матерію, толстую и тонкую, сухо и плотно такъ же аккуратно, какъ самая большая швейная машина.

Конструкція вся изъ желѣза и стали, изящно отполированная, съ регуляторомъ, шульками, иглками, леечкой для масла и иллюстрированнымъ понятнымъ изло-

женнымъ руководствомъ. Вѣсъ 5 килло. Каждая машина имѣетъ тщательно проверенный ходъ и стоитъ со всеми приспособленіями для шитья всевозможныхъ матеріи и мною оплаченной пошпиной только 9 рублѣ. Высылаетъ по получении всей суммы или 3 рублѣй задатка:

M. Rundbakin, Wien, Taborstrasse 35. Вѣна (Австрія). Ц. № 11139 5-2
Пошлину уплачиваетъ сама фабрика.

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучивая въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллиновъ. За двѣ 7 коп. марки высылаю условия и пробное письмо. Одесса. Соборная площадь, д. Писудовой, кв. 40. Проф. кат. Э. Кошляковъ

посредств. писемъ-лекцій, подъ руково-
дствомъ.
А. К. Фонъ-дербъ-Зее.
Москва, домъ Армянск. церкви, кв. № 11.
Для получ. программы и усл. прилаг. марку.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платковъ—Мыло—Туалетная вода—Рисовая пудра—
Брильянтинъ—Духи для комнаты № 6412 (83)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ EDELVEISCHEN

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

БОЛѢЕ 200,000 шт. ВЪ УПОТРЕБЛЕНІИ!!!

Требуйте вездѣ

карманные часы изъ настоящаго американскаго новаго золота, крытые, съ тремя крышками, мужскіе, анкерные, механизмъ высшего сорта (удостоенъ медали на выст. въ Женевѣ 1896 г.)

Цѣна 10 руб. и 12 руб.

Такіе же дамскіе дороже на 1 руб. Во избѣжаніе подѣлокъ требовать на часахъ пломбу „Женева“, утвержден. Департам. Торгов. и Мануф. за № 16359. Выписывающіе изъ фабричнаго склада часовъ „ЖЕНЕВА“ въ Варшавѣ за пересылку не платятъ.

При заказахъ на 2 шт. уступается 50 коп., на 3 шт.—1 рубль.

АДРЕСОВАТЬ: **ФАБРИЧНОМУ СКЛАДУ ЧАСОВЪ „ЖЕНЕВА“**,

ВАРШАВА, Бѣлянская, 20.

Адресъ для телеграммъ: Варшава „Женева“.

Заказы высылаются наложен. платежомъ при полученіи 2 р. задатка.

Часы отпускаются тщательно вывѣренные и обтупные, и снабжаются ручательствомъ на шесть лѣтъ.

Главный складъ русск. винограда, калифорнск. и друг. иностр. винъ

П. Л. ВЕРГЪ,
Нарва, Б. ж. д., предл. виноторгов. и друг. гнмъ свои доброты. вина съ знач. уступк. 3-2
Упак. бесплатно.

ЯБЛОНИ
плодныя кустарники, декоративныя деревца и кусты, розы, пионы, кратуеусъ для изгороди и пр. предлагаетъ поставщикъ Императорскаго Величества **Н. В. ШМЕЛЕНКЪ**.
Питомникъ на Выб. стор., уголъ Лабораторнаго шоссе и Полостровскаго просп. Каталогъ съ объясненіемъ культуры высылается бесплатно.

1865.
Москва.

1870.
С.-Петербургъ.

1882.
Москва.

1896.
Нижи.-Новгор.

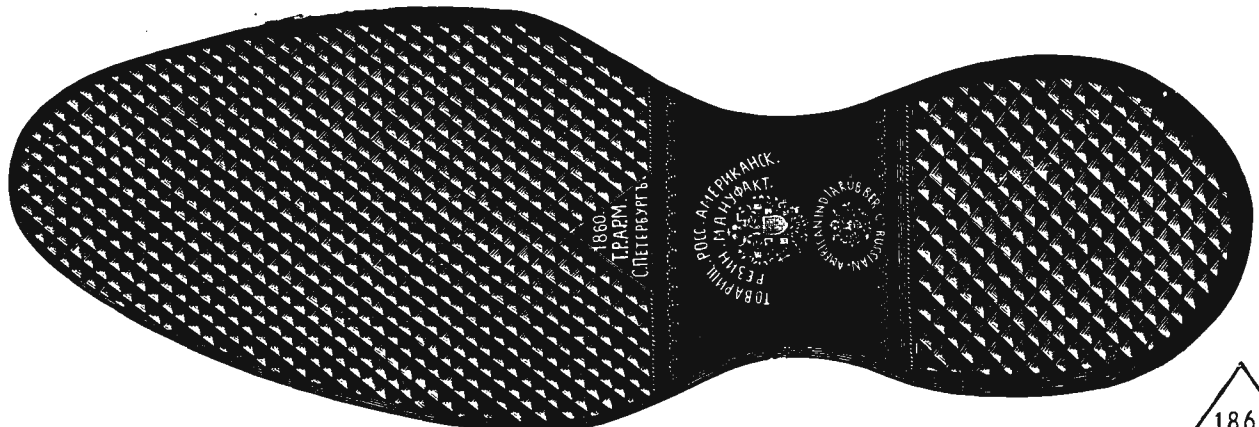
ТОВАРИЩЕСТВО

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 10545 28-10

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

Содержаніе:

ТЕКСТЪ. Въ туманѣ величія. Историческая повѣсть П. Н. Полевого. (Продолженіе).—Цвѣтникъ изъ дикихъ многолѣтнихъ растений. Очеркъ В. Э. Иверсена.— Дуэль М. Ю. Лермонтова. (По новымъ даннымъ).—Къ рисункамъ: Гоголь въ Васильевкѣ. — „Отцы и дѣти“, романъ И. С. Тургенева. Дуэль Базарова съ Кирсановымъ. Смерть Базарова.—Во время бури.—Святославъ ободряетъ своихъ воиновъ въ борьбѣ противъ грековъ.—Проводы новобранца.—И. И. Паульсонъ.— Пасторъ Гиллотъ.— Война изъ-за острова Кубы.—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Разныя извѣстія.—О переѣзѣ адреса.—Объявленія.

РИСУНКИ. Гоголь въ Васильевкѣ. Картина Волкова.—„Отцы и дѣти“, романъ И. С. Тургенева: 1) Дуэль Базарова съ Кирсановымъ. 2) Смерть Базарова. Ориг. рисунки В. А. Табурна.—Во время бури. Картина В. Г. Уедегэдъ.—Цвѣтникъ изъ дикихъ многолѣтнихъ растений: 1) Водосбѣръ. 2) Гвоздика пышная. 3) Истодъ обыкновенный. 4) Астра дикая. 5) Дрема. 6) Герань луговая. 7) Первоцвѣтъ льнарственный. 8) Ромашка полевая. 9) Чины лѣсная и весенняя. 10) Сивецъ. 11) Дикій лень. 12) Трясуна. 13) Первоцвѣтъ мучнистый. 14) Горечавка. 15) Синюха. 16) Маргаритка. 17) Перловникъ. 18) Мята полевая. 19) Пахучка.—Святославъ ободряетъ своихъ воиновъ въ борьбѣ противъ грековъ. Ориг. рисунокъ Э. Лиснера.—Проводы новобранца. Картина Н. Богданова-Бѣльскаго.—И. И. Паульсонъ.—Пасторъ Гиллотъ.— Испанія въ войнѣ въ Санъ-Хуанѣ.—Отплытіе американской эскадры изъ Ни-Веста.

При этомъ № прилагаются: 1) Сборникъ „Нивы“ за май, содержащій въ себѣ сочиненія И. С. Тургенева, т. V; 2) „Парижскія моды“ за май съ 24 рис. и отдѣльн. листъ съ 29 чертж. выроекъ въ натур. величину и 27 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Надатель А. Ф. Марксъ.

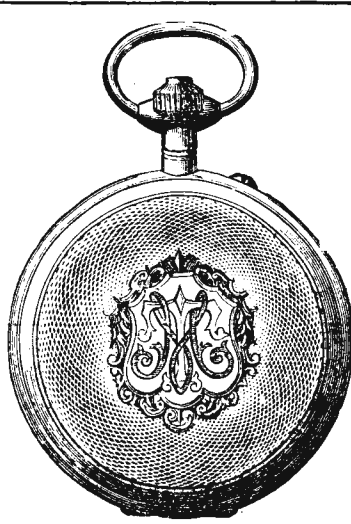
Редакторъ Р. И. Сементковскій.

ГАРМОНИИ фабрики Кальбе.

Однорядныя въ 3 1/2, 4 1/2, 5 1/2, 6, 6 1/2, 7, 7 1/2, 8, 8 1/2, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 18 и 21 р.
Двурядныя въ 10, 12, 14, 15, 18, 20, 22, 25, 35 и 50 руб. и Вѣнскія въ 20 р.
Трехрядныя въ 50 руб. и вѣнскія въ 28, 45 и 70 руб.
Самоучители въ 75 к. и 1 р.
Прейсъ-курantzъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
С.-Петербургъ, Москва.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенств. способу изго. овленія часовъ моего производства, я имѣю возможность продавать съ 1 июля мин. г. самыя элегантныя и прочныя МУЖСКИЕ ЧАСЫ американскаго золота, трудно отличаемыя, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, —крытые анеръ, механизмы самой лучшей конструкции (удостоен. сереб. медалью на жевенской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣлочкою, тоже американскаго золота, съ брезкомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, вѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящія золотыя, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе. Такіе же ДАМСКИЕ дороже на 1 рубль.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ.

Вышлю вполнѣ вытѣренные часы по полученіи задатка 2 р., остальное же наложенномъ платежѣмъ. АДРЕСЪ:

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ

Складъ жевенскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.

◆ Множество благодарств. писемъ и отзывовъ. ◆

Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземп. снабженъ пломбою фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. № 11065 5—7

Новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:
НЕРВНОСТЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
д-ра ЦИГЕЛЬРОТА.
Переводъ съ нѣмецкаго. 80 стр.
Цѣна 25 коп.

БУХГАЛТЕРІЯ
Высылаются безплатно пробныя лекціи-корреспонденціи и условія заочнаго изученія бухгалтеріи по преміар. бол. зол. медалью методу С. Я. Дилленталя. Москва, Бутырскіи, № 49.
Ц. № 10919 10—7

Ф. ЮХИМЪ и К°.
С.-Петербургъ, Невскій пр. 3. Москва, Театральн. пробздъ.
Большой складъ фонографовъ и графофоновъ послѣднихъ моделей, валиковъ заряженныхъ и чистыхъ и всѣхъ принадлежностей. В. № 11142 6—2

Главный складъ русск. винограда, калифорнск. и друг. иностр. винъ
Ц. Л. ВЕРГЪ,
Нарва, Б. ж. д., предл. виноторговц. и другимъ свои доброкач. вина съ знач. уступк. Адольфъ Альтманъ, Герлицъ (Görlitz), Германія. 3—3 завѣн. Просп. и пр.-вур. высыл. безплатно.

СПЕЦІАЛЬНАЯ ФАБРИКА
Аппаратъ для пригот. минеральн. водъ новѣйшей конструкціи
новѣйшей конструкціи
Адольфъ Альтманъ, Герлицъ (Görlitz), Германія. 3—3 завѣн. Просп. и пр.-вур. высыл. безплатно.

ПАМЯТЬ
Ляцъ кажд. возр. укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 урокъ) профес. мнемоники С. Файнштейнъ. Одесса, ул. Пушкинскій и Ваз. ул. собствен. домъ, № 28.
Условія и 2 бром. (въ 64 стр.) высыл. за одну 7-ми коп. марку.
№ 10917 20—13

„Идеалъ“. Каждая дама, желающая быть вполнѣ элегантной, безукоризненно аккуратной, употребл. для обшивки подола исключительно „Идеалъ“, патентованную подшивку изъ бумажнаго бархата (Вельветинъ). На каждой коробкѣ надпись „Идеалъ“. Подшить можно во всѣхъ прикладныхъ магазинахъ пахъ Россіи. № 10426 26—26

Во всѣхъ книжн. магазинахъ продаются книги:
М. Г. КРИВОШЛЫКА:
ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ изъ жизни русскихъ замѣчательныхъ людей (съ портретами и краткими біографіями). 6-е изданіе. Ц. 50 к.
Его же: МЫСЛИ О ЮАНАИ КРОНШТАДТСКАГО. Ц. 10 к.
Его же: ВЕЛИКІЕ ПОЛКОВОДЦЫ МІРА (съ портретами и краткихъ біографіяхъ и № 11187 анекдоты). Ц. 50 к. 2—1
Главный складъ: С.-Петербургъ, книжный магазинъ „Новаго Времени“.

По новѣйшей французской методѣ **„ВОРТА“**
обучаю кройкѣ и шитью дамскихъ, дѣтскихъ нарядовъ, верхн. платья, бѣлья и корсетовъ въ шольѣ и заочно посредствомъ лекцій. Плата впередъ не взимается. По окончаніи установленное свидѣтельство. Условія высыл. безплатно. Невѣ, Фундуклевская, № 27.
Е. Д. АШМАРИНА.

ПОСЛѢДНІЙ

добровольный обмѣнъ на 4% ренту 4% облигацій внутреннихъ займовъ 1887 года и 2-го, 3-го и 4-го—1891 года и выпущенныхъ въ кредитныхъ рубляхъ 4% облигацій казенныхъ жел. дорогъ.

ЗАЯВЛЕНІЯ

принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ учреждений Банка.

КРАЙНІЙ СРОКЪ

подачи заявленій 15 Юня 1898 года. Подробныя условія обмѣна въ ежедневныхъ газетахъ.

№ 11073 12—7

ТОВАРИЩЕ ТВО
„ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * Спбурзь.

Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ похъ
 фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДЪ. Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.
 ССТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪЛЮКЪ!

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
**СЛАБИТЕЛЬНАЯ
 ГОРЬКАЯ ВОДА**
 источникъ
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ
 Продается во всѣхъ аптекахъ и
 аптекахъ въ Россіи и
 заграничьи.
 Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ
 „ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ“ въ Будапештѣ.

КРАСИВО пишется всякій заочно
 (посредствомъ перепіски)
 въ 15 уроковъ у
ПИСАТЬ профессора каллиграфіи
А. КОССОДО.
 Конторско-комерч. скоросн. рондо,
 готикъ и др. шрифты также преподаются
 заочно. 9-5
 Методъ премир. и Парижской всемир.
 выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой ме-
 дали. За 4 семіон. марки высыл. пробн.
 письмо шрифтовъ, подробн. условія и об-
 разцы заочно исправлен. почерк. Адресъ:
 профессору каллиграфіи Адольфу Кос-
 содо въ Овессѣ, Дерibasовская, д. № 19.

«КРОМСКАР»
 Новыи америк. стереоскопъ, показывающій
 снимки въ натуральныхъ цвѣтахъ. Цена
 апар. 85 руб., картины 4 р. шт. При за-
 казѣ полов. зад. Адольфъ Гейнъ, Москва.
 Кузн. мостъ, № 3.

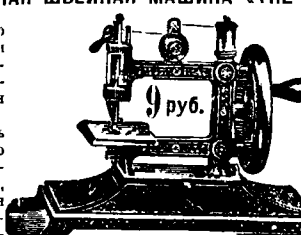
Ко дню семидесятилѣтія гр. Л. Н.
 Толстого выйдетъ въ свѣтъ роскошное иллюстрированное издание:
Какъ живетъ и работаетъ
гр. Л. Н. Толстой
 со множествомъ портретовъ и рисунковъ.
 Цена книги по подпискѣ 2 р., съ пересыл-
 кой 2 р. 50 к. Выпускъ экземпляровъ
 ограниченъ. Подписка принимается: С. Пе-
 тербургъ, Невскій, 33, книжн. магаз.
 „Нов. Вр.“, Москва, у Страстного монасты-
 книжн. магаз. Конусова. 3-2

Велосипеды „Науманъ“
 пользуются всемірною извѣстностью

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВО ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ ГОРОДАХЪ.

ЗЕЙДЕЛЬ и НАУМАНЪ, ДРЕЗДЕНЬ.

Новость, которая возбуждаетъ всеобщій интересъ, есть получившая премию въ Чикаго
РУЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА «THE JEWEL»,
 которая шьетъ всякую
 матерію, толстую и
 тонкую, сухо и по-
 тожно такъ же аккура-
 то, какъ самая большая
 швейная машина.
 Конструкция вся изъ
 кѣльба и стали, изящно
 эллипированная, съ ре-
 гуляторомъ, шпульками,
 иглами, леечкою для
 масла и иллюстриро-
 ваннымъ понятію изло-
 женнымъ руковод-
 ствомъ. Въсѣ 5 кило.
 Каждая машина имѣетъ
 тщетельно провѣрен-
 ный ходъ и стоитъ
 со всѣми приспособле-
 ніями для шитья все-
 возможныхъ матеріи и
 мною оплаченной по-
 шлиной только 9 руб-
 лей. Высылаеть по по-
 лученіи всей суммы или
 3 рублей задатка:

M. Rundbakin, Wien, Taborstrasse 35. Вѣна (Австрія).
 Пошлину уплачивать съ фабрика. Ц. № 11139 5-2

ОЦИНКОВАННОЕ
 НИКОГДА НЕ РЖАВѢЮЩЕЕ
Гальванизированное желѣзо
ДЛЯ КРЫШЪ
 НЕ ТРЕБУЕТЪ НИКОГДА ОКРАСКИ.

Заводъ Н. В. ЧЕРЕПОВА,
 въ Москвѣ, Тверск. заст., Петерб.
 сл., с. д. (2)

Прейсъ-курранты бесплатно.
 Ручательство въ непроржавленіи
 на **ДЕСЯТКИ ЛѢТЪ.**

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen

Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г.
 Анализъ и подробности объ источникѣ высылаеть по почтѣ бесплатно
 Монитор отправки нижеслѣдующихъ минеральныхъ водъ въ **ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ.**
ФУРБАХЪ и СТИБОЛЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
 5-1 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 11182

400 до 1000 р.с.
 въ годъ можно заработ., работ. дома на нов.
 вязальн. машинѣ. Чудъ къ выводу въ 1 1/2 ча-
 са. Маш. оч. проста; даже ребен. мож. работ.
 на ней. Ищутъ агентовъ. Корресп. по русскіи,
 франц., нѣм., англ., шведскіи. Подр. объявл.
 бесплатно. Представ. для Россіи И. Н. Бергъ,
 Спб., Фонтанка, 68, кв. 55.

РЕКОМЕНДУЕТСЯ употреблять ВЕСНОЮ
„PASTA EUGENIE“ BERTHA RIES.
 Мама для лица. Уничтожаетъ въ скоромъ времени веснушки, загаръ, красная
 пятна, встречающіися на лицѣ; средство это придаетъ также цвѣту лица юную
 свѣжесть и красоту. Цена баночки 1 руб. 60 коп. Имѣется во всѣхъ аптекар-
 скихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи, а въ случаѣ отказа прому обра-
 щаться въ Москву, Новая Басманная, домъ № 13.
 На каждой баночкѣ имѣется моя подпись **ВЕРТА РИСЪ.**
 W. № 11164 3-2

Санаторія д-ра Ремплера
 для страдающ. грудными болѣзнями
въ ГЕРБЕРДОРФЪ, въ Силезіи.
 Находясь съ 1875 г. подъ личнымъ врачеваніемъ наблюденіемъ владѣльца, Гербердорф-
 ская дѣвичья, расположенная высоко надъ урознемъ моря и снабженная помѣще-
 ніемъ для пользо. анія слабыхъ болѣзнь воздухомъ, предоставляетъ самая благопріят-
 ния условія для лѣченія, за умеренныи цѣны. Объявленія высылаются бесплатно
 д-ромъ Ремплеромъ. Ц. № 11117 6-4

ВОЛЬМЪ Д. РОССКІЙ
ДЕЗИНФЕКЦІОННЫЙ ПОРОШОКЪ.
 Наименѣе самъ по себѣ ника-
 кого запаха. Уничтожаетъ зло-
 бные организмы, бактерии,
 Оказываетъ дезинфекцію
 и предотвращаетъ ихъ въ пре-
 красный, земледѣльч. инструмен-
 ты и матеріалы.

Казеннымъ,
 общественнымъ
 учреждениямъ и тор-
 говцамъ по оптовой цѣнѣ.

Очень важно для желѣзныхъ
 дорогъ, дачъ, казармъ, тюрьмъ
 и больницъ.

Контора завода Невскій д 60,
 Сигалъ: Ленинградъ, № 2001.
 Невскій д. 27, Телефонъ № 692.

В. № 11132 5-3

Благодаря большому сбыту и новому усо-
 совершенствованному способу изготовле-
 нія часовъ я имѣю возможность прода-
 вать съ 1 января с. г., самыи элегантныи
 и прочныи **МУЖСКІЕ ЧАСЫ** америка-
 ского золота, трудно отличимые, даже
 спеціалистами, отъ настоящихъ, дорого
 стоящихъ золотыхъ, - крытые анкеръ, ме-
 ханизмъ самой лучшей конструкции, съ
 прекрасною цѣпочкою, тоже америка-
 ского золота, съ брелокомъ и, по желанію
 заказчика, съ его монограммой на
 верхней крышкѣ, или съ портретомъ, со-
 гласно присланной фотографической кар-
 точки, высто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.
 Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣ-
 снили настоящеи золотые, а въ последнее
 время и у насъ входятъ во всеобщее упо-
 требленіе.
 Такіе же **ДАМСКІЕ** дорожные на 1 рубль.
 Письменное ручательство на 6 лѣтъ.
 Высылаю вполне вывѣренныи часы по по-
 лученіи задатка 2 руб., остальное же на-
 ложеннымъ платежемъ.
 АДРЕСЪ:
Ш. БИТКЕРЪ
 складъ женеvскихъ и американскихъ часовъ въ Варшавѣ, Сенаторская
 № 27 и Вербовая № 11, противъ Правительственнаго театра.
 Во избѣжаніе подѣлокъ, каждый экземпляръ снабженъ пломбою фирмы, утвержденной
 Департаментомъ торговли и мануфактуръ за № 29593/135.
 Излеченія изъ аттестаций, полученныхъ моимъ складомъ:
 Милостивый государь Г. Биткерь.
 Убѣдившись въ доброкачественности исполненія Вашимъ магазиномъ многоразныхъ
 заказовъ, я отъ всей души приношу вамъ глубокую благодарность за высланные мнѣ
 въ село Нисадку часы накладного золота, такъ какъ прочность высланнаго превзошла
 мои ожиданія, прошу еще выслать часы и т. д.
 Съ почтеніемъ А. Н. Воронинъ. 42-х 97 г. Пермь.
 Милостивый государь Г. Биткерь.
 Нижние чины вървеной мѣ команды, вы-
 писавшіе изъ Вашего магазина вещи, очень
 довольны исполненіемъ заказа и просятъ
 передать Вамъ глубокую благодарность
 за полученныи вещи.
 Начальникъ Нижегородской Конвойной
 Команды.
 Декабря 11 дня 1897 г. № 612.
 г. Нижегородскіи, Иркут. губ.
 Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи. Капитанъ Ганъ.
 И множество другихъ.
 № 11144 4-2

XXIX г.
№ 18

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXIX
1898

Выданъ 2 мая 1898 г.

Цена этого № 20 к., съ перес. 25 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1898 г.

Безъ до- ставки въ Петербургъ.	5 р. 50 к.	Безъ достав- ки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р. 25 к.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ . .	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	7 р.	За гра- ницу. 10 р.
--------------------------------------	-------------------	---	-------------------	--	-------------------	---	-------------	----------------------------------

При семъ прилагаются: 1) Сборникъ «Шивы» за МАЙ, содержашій въ себѣ СОЧИНЕНІЯ И. С. ТУРГЕНЕВА, т. V; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА МАЙ 1898 г. съ 24 рис. и отдѣл. листъ съ 29 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 27 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Гоголь въ Васильевкѣ. Съ картины Волкова автотипія „Нивы“.

Въ туманѣ величія.

Историческая повѣсть

П. Н. Полевого.

(Продолженіе.)

XIV.

Затворница затрепетала.

— Не спится, сестрица. Не спится, голубушка,—такъ шептала, разметавшись на своей постели, царевна Екатерина Алексѣевна, которая, дѣйствительно, уже третью ночь подъ ридь страдала безсонницей.

Она услышала, что сестрица ея, царевна Марья Алексѣевна, ворочается на своей постели, и поспѣшила ее окликнуть, чтобы вступить съ ней въ разговоръ и хотя какъ-нибудь развлечься.

— Мудрено ли, что не спится? Жарица этакая въ нашей опочивальнѣ... Крышу за день напечётъ — просто мѣчи нѣтъ.

Опочивальня царевны была тѣсенька; низко нависшій сводъ такъ и давилъ, словно свинцовымъ гнетомъ. Воздухъ въ опочивальнѣ былъ спертый, пахнанный запахомъ какихъ-то ароматныхъ травъ и деревяннаго масла, горѣвшаго передъ иконами въ трехъ большихъ лампадахъ.

— Нѣтъ. Не оттого мнѣ не спится, сестрица. А на душѣ какъ-то неспокойно... Сердце все этакъ трепещетъ, какъ птичка, словно выпрыгнуть хочетъ...

— Ну, да. Знаю я твою птичку. Приглянулся добрый молодецъ, вотъ и сердце затрепетало... А небось прежде и сама не знала, гдѣ и сердце-то у тебя! — выло и какъ бы съ просонокъ проговорила царевна Марья.

Глубокій и тяжелый вздохъ былъ отвѣтомъ царевнѣ Екатерины Алексѣевны.

— Не приглянулся, а полюбился мнѣ добрый молодецъ,—это хуже еще... А что проку, что полюбился?.. Я только тебѣ въ этомъ и признаюсь-то смѣю...

Царевна Марья быстро повернулась на своей кровати, лицомъ къ сестрѣ, приподнялась на локоть и заговорила горячо и быстро:

— Это еще что ты придумала!? съ чего взяла? Полюбился, такъ и полюбился. Мы съ тобой, слава Богу, не подросточки, и всего-то на годъ, на два сестры Софьи помоложе... А она, смотри-ка ты, какъ смѣла! Безъ князь Василя Голицына глазъ не откроетъ, дня не проведетъ, за столъ не сядетъ... Да говорить, будто за него и замужъ выйти собирается. А мы-то зачѣмъ отъ нея отставать станемъ?

— Да какъ же это замужъ? Вѣдь князь Василий-то женатый?—съ укоромъ и сомнѣніемъ проговорила царевна Екатерина.

— Велика важность его жена!.. Прикажетъ царевна Софья—патриархъ разведетъ ихъ, а ее съ княземъ повѣнчаетъ...

На мгновеніе царевна Екатерина приумолкла, какъ бы обдумывая что-то, и потомъ очень тихо и нерѣшительно сказала:

— Такъ ты, сестрица, думаешь... что и намъ тоже можно бы... выйти замужъ?..

— Была бы охота! А отчего не выйти? вѣдь намъ теперь воля вольная... Ни мачиха, никто намъ не указъ...

— И ты бы тоже вышла замужъ, если бы...

— Если бы полюбила? Еще бы... только, конечно, сначала бы также познакомилась (вотъ какъ сестра Софья съ князь Васильемъ), да поразглядѣла бы суженаго своего поближе... Неужели ты думаешь, что я бы себѣ такую же жизнь устроила, какъ тетюшка Татьяна Михайловна; весь вѣкъ свой молится да по парчѣ жемчугомъ воздуха нижетъ... Скучица кака!

Вѣроятно представленіе объ этой скучѣ подѣйстви-

вало на царевну Марью весьма благотворно, потому что въ ночной бесѣдѣ сестеръ-царевенъ водворилось сначала небольшое молчаніе, а затѣмъ до слуха царевны Екатерины долетѣлъ уже легкій хланъ быстро заснувшей сестрицы, которую она не рѣшилась тревожить вторично своими сомнѣніями и вопросами.

Въ душу влюбленной царевны западали два словечка сестрицы-царевны: „познакомиться надо, поразглядѣть суженаго поближе“... А тамъ ужъ „и воля вольная“ и „намъ никто не указъ“...

И эти слова въ устахъ царевны Марьи вовсе не были пустымъ звукомъ: — она была права. Наступили для теремныхъ затворницъ новыя времена. Царевны, побуждаемыя примѣромъ сестры своей Софьи Алексѣевны, уже смѣло переступали за порогъ своего терема, являлись во время торжественныхъ пріемовъ и выходовъ во дворцѣ, рядомъ съ царевной Софьей, свободнѣе входили въ сношенія съ боярами, даже выѣзжали изъ дворца для прогулокъ по городу и рѣшались, къ великому ужасу старой тетюшки Татьяны Михайловны—посѣщать Нѣмецкую слободу, гдѣ завели знакомства съ богатыми нѣмецкими кунчиками и въ подарокъ отъ нихъ принимали разныя диковинки европейской торговли... Еще немного, еще два-три шага — и царевны готовы были, наравнѣ съ сестрою своею, царевной Софьей Алексѣевной, окончательнo покинуть теремъ и вступить во всѣ права свѣтской жизни...

„Да. Надо съ нимъ поближе познакомиться, сойтись—поразглядѣть его, моего суженаго“, много разъ повторяла про себя царевна Екатерина и наконецъ, уже на зарѣ, сомкнула очи и заснула очень крѣпко и спокойно.

Первою мыслью ея, по пробужденіи, была мысль о свиданіи съ Родимицей. Въ ея представленіи, Родимица была едва ли не главною виновницею перваго ея знакомства съ княземъ Андреемъ Хованскимъ:—ей хотѣла она довѣрить и теперь свою тайну, ей предоставить и честь содѣйствія въ выполненіи дальнѣйшихъ плановъ, которые представлялись ей и сбыточными, и возможными. И прежде, чѣмъ она успѣла придумать предлогъ, ради котораго было бы можно послать одну изъ сѣнныхъ дѣвицъ за Родимицей, случилось то, что очень часто случается въ подобныхъ случаяхъ: Родимица сама къ ней явилась съ порученіемъ отъ царевны Софьи.

— Къ вашей милости, государыни-царевны, отъ ея благородія, царевны Софьи Алексѣевны, сестрицы вашей, съ поклономъ и спросомъ о здоровьѣ прислана,—привѣтствовала весело Родимица; низко кланяясь царевнамъ-сестрамъ.

Царевна Екатерина чуть не бросилась ей на шею, а царевна Марья, которая не очень долюбивала Софью любимицу, едва кивнувъ головою на ея поклонъ, проговорила сухо:

— Ну, а дальше что?

— А еще просить васъ, государыни-царевны, пожаловать къ ней послѣ обѣдни на пріемъ даровъ отъ инокинь изъ дальняго Горицкаго монастыря—позавчера и въ Москву-то прибыли... Не благоволите ли молъ чего изъ даровъ тѣхъ на свою долю взять?

— Что жъ? Отчего же не взять, коли даютъ,—тотчасъ отозвалась царевна Марья, вообще очень чуткая ко всякой корысти и пріобрѣтенью.—Пойдемъ, сестрица, скоро отойдетъ обѣдня: къ „Достойно“ уже отблаговѣстили...

— Пить. Мы послѣ бессонной ночи не очень-то здоровитесь... Я лучше дома посижу,— сказала царица Екатерина:— а за себя вотъ я Непилу Прокофьевну пошлю... Ступай, боярыня,—любезно обратилась она къ боярынь-мамѣ:—и что ты выберешь, то мнѣ, навѣрно, по праву будетъ.

— Гдѣ ужъ мнѣ угодить на тебя, царица! Ну, да воли твоя,— отвѣчала весьма польщенная этимъ порученьемъ Пояркова:—а только какъ же ты-то тутъ одна безъ насъ остаешься? Чай скучать станешь?

— Ну, вотъ еще маленькую нашла!— съ досадою проговорила царица Марья.—Пойдемъ скорѣе.

— А я вотъ попрошу Федору Семеновну,— проговорила очень ласково царица Екатерина, обращаясь къ Родимицѣ.—Если тебѣ не спѣшно, посиди со мною...

Родимица тотчасъ сообразила: „хочетъ со мною наединѣ остаться“—и успѣшила сказать привѣтливо и подобострастно:

— Посижу, государыня, коли тебѣ моя бесѣда не противна...

Царица улыбнулась ей въ отвѣтъ и съ нетерпѣньемъ ожидала, когда уйдетъ сестра съ боярыней-мамой; и чуть только дверь затворилась за ними, царица быстро обернулась къ Родимицѣ и проговорила съ большимъ волненіемъ:

— Федорушка,—у меня... есть дѣльце до тебя...

— Готова тебѣ служить, государыня, приказывай,— проговорила Родимица, внимательно глядясь своими большими умными глазами въ зардѣвшееся румянцемъ лицо царицы.

— Мнѣ хотѣлось бы... еще разъ повидать... то-есть не то, что повидать... а побесѣдовать—съ тѣмъ самымъ...

Царица заинулась на словѣ, и дальше не могла произнести ни звука: такое овладѣло ею смущеніе. Родимица тотчасъ сумѣла придать ей бодрость:

— Понимаю, государыня... Съ молодымъ княземъ Хованскимъ, что тутъ оберегалъ васъ отъ стрѣльцовъ-буяновъ?

— Да, да. Съ нимъ... Поблагодарить его хотѣла... что онъ насъ оберегъ... Просить, чтобъ и напредки...

— Понимаю, государыня. Да ужъ если ты дозволишь мнѣ словечко,— сказала Родимица, умильно прищурившись и прикасаясь къ рукѣ царицы:—вѣдь истинно же удивленія достойно! Вѣдь сердце-то сердцу вѣсть даетъ...

— Какъ? Какъ? Что ты этимъ хочешь сказать?— быстро заговорила царица, опуская глаза и смущаясь еще болѣе.

— А то и хочу сказать: ты его пожелала видѣть, а онъ-то и говорить: „хоть бы еще разочекъ эту красавицу-царицу мнѣ повидать“. Право слово!

Царица не вытерѣла, бросилась на шею Родимицѣ, поцѣловала ее и только-было хотѣла ей откровенно высказать, какъ ей князь Андрей пришелся по сердцу и какъ, самъ того не зная, вскружилъ ей голову... Но въ сосѣдней комнатѣ послышались голоса и шаги, и Родимица успѣшила подняться съ мѣста.

— Будь здрава, государыня,— говорила она съ поклономъ, въ то время, когда царица Марья и боярыня Пояркова входили въ теремъ.— Я твой приказъ исполню и передамъ поклонъ.

Съ этими словами она вышла въ сѣни и направилась на половину царицы Софьи, внутренно смѣясь тому, что царица Екатерина Алексѣевна избрала именно ее въ свои довѣренныя и посредницы.

„Ладно, ладно, государыня! Изволь; сведу тебя съ Хованскимъ! Пусть онъ, сердечный, съ тобою, глупенькой, потѣшится...“

И недобрая улыбка еще разъ мелькнула на ея устахъ.

XV.

Сваты пріѣхали.

Около мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ страш-

ная вѣсть объ убійствѣ мужа поразила Марьюшку, а она все еще не могла свыкнуться со своимъ горестнымъ вдовствомъ и освоиться съ положеніемъ одинокой и беззащитной женщины, поставленной обстоятельствами въ необходимость вѣдаться съ дѣлами и управлять довольно большимъ и сложнымъ хозяйствомъ. Съ умиленьемъ и невыносимою грустью вспоминала она о тѣхъ постоянныхъ заботахъ, которыми окружалъ ее любящій мужъ, такъ тщательно оберегавшій ее отъ всѣхъ тревогъ житейскихъ—и слезы не высохли на щекахъ красавицы, а все, окружавшее ее, являлось лишь постояннымъ живымъ напоминаніемъ о понесенной утратѣ... Дни тянулись за днями, приноси ей только неприятности да огорченія и не внося никакого облегченія въ ея наболѣвшую душу. Къ тому же, и всѣ родные ее покинули—какъ водится во всякой большой бѣдѣ...

Только одна особа, которой она до того времени почти не знала,—любимая постельница царицы-правительницы, Федора Семеновна, стала къ ней по временамъ заглядывать, а потомъ и зачастила даже... И вдругъ, отъ этой же Родимицы пришлось услышать какія-то странныя рѣчи...

— Такъ, такъ, голубушка-Марьюшка! Горько твое вдовство, одиночество!.. Ну, да вѣдь ужъ сама знаешь, каково вдове-то дѣло:—мужъ-то глава, мужа не стало—главы не стало! А пока повую-то главу наживешь...

— Какую новую главу? Чтѣ ты это говоришь?— перебила Родимицу Марьюшка.

— Да ужъ вѣстимо какую: второго мужа,—отвѣчала Родимица съ необычайнымъ равнодушіемъ.

— Да съ чего ты это взяла, что я за второго мужа иди собираюсь?—вспылила Марьюшка.

— Такъ неужли-жъ ты собираешься вѣкъ-вѣковать вдовой?

— А хоть бы и вѣкъ-вѣковать! Кому какое дѣло, когда я сама себѣ госпожа!

— Не вѣрится что-то мнѣ,—лукаво улыбаясь, проговорила Родимица.—А, впрочемъ, твоя воля.

Разговоръ на этомъ порвался; но, при слѣдующемъ посѣщеніи, Родимица, послѣ разныхъ соболѣзнованій, заговорила о томъ же еще опредѣленнѣе и настойчивѣе.

— Лѣнивый только тебя не обидитъ, какъ я погляжу!—со вздохомъ проговорила Родимица, выслушавъ жалобы Марьюшки на лихого сосѣда и на лукавыхъ холопей.

— Видно, ужъ мнѣ самой придется тебѣ мужа поискать!

Марьюшка вся вострепелась и покраснѣла.

— Кажется, говорила я тебѣ, государыня, что этихъ рѣчей я слышать не желаю.

— Да ужъ хочешь, не хочешь, а слушать придется! Не отъ меня, такъ отъ другихъ! Статочное ли дѣло, чтобы такая красавица, безъ-гону-недѣлю бывши замужемъ, да оставалась бы вдовою горемычною, всѣмъ людемъ на посмѣхъ да на обиду...

— Еще разъ говорю тебѣ: замужь нейду!

— Да я бы тебѣ такого мужа подыскала, что ты за нимъ, какъ за каменной стѣной жила бы!

— Не нужна мнѣ твоя каменная стѣна! Захочу каменной стѣны, такъ и въ обители эту стѣну найду...

— Въ обители? Въ твои-то лѣта! Полно, матушка, пустяки говорить. Мой совѣтъ—коли будутъ сватать—выходи...

— Коли будутъ сватать, я помеломъ со двора прогону!—гнѣвно крикнула Марьюшка, топнувъ ножкою.

Родимица только улыбнулась и рукой махнула. Но, когда она ушла, Марьюшка долго не могла успокоиться и дала себѣ слово, что если гостя еще разъ позволить себѣ заговорить о сватовствѣ,—она ее изъ дому выгонитъ и знакомство съ ней навсегда порветъ.

Литературный альбомъ. „Отцы и дѣти“, романъ И. С. Тургенева. Дуэль Базарова съ Нирсановымъ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. А. Табурина, автогипія „Нивы“.

Литературный альбом. „Отцы и дѣти“, романъ И. С. Тургенева. Смерть Базарова.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. А. Табурина, автогизія „Нивы“.

Такъ прошло дней пять въ разныхъ хлопотахъ и работахъ.

Однажды, утромъ, когда Марьюшка только вернулась отъ обѣдни и, послѣ скромной трапезы, собиралась выйти въ садъ и посидѣть на любимой Ларюшкиной скамеечкѣ, въ комнату вбѣжала одна изъ сбѣныхъ дѣвокъ и заявила ей впопыхахъ, что къ воротамъ подъѣхали двѣ колымаги съ какими-то важными гостями.

— Въ одной, въ передней, сидитъ твоя сватьяшка со старымъ какимъ-то бояриномъ, а въ другой—одинъ бояринъ, тоже не молодой, а слугъ-то кругомъ его; холопей-то—и верхами, и пѣшкомъ!.. Важный, должно-быть, и сановитый такой!..

Дѣвка, очевидно, ожидала приказаній; но Марьюшка такъ растерялась, что ничего ей не могла сказать... Она только усѣбла мелькомъ оглядѣть свое простое темно-синее скорбное платье, безъ всякаго плетенья и пизанья, да оправить на головѣ темную вдовью повязку, какъ уже топотъ коней и громыханье колымагъ послышалось на дворѣ у самаго крыльца.

Марьюшка хотѣла сказать дѣвкѣ: „не надо! не приму! Скажи, что дома нѣтъ!“ — но вдругъ сообразила, что бояре, можетъ-быть, присланы къ ней царевной-правительницей, ради объявленія ей какой-нибудь милости, и потому проговорила:

— Ступай, прими,—проси сюда!

А тѣмъ временемъ уже гости и сами вступили въ комнату, вмѣстѣ съ Родимицей, и привѣтливо раскланивались съ Марьюшкой, которая признала въ старомъ, усатомъ и высокомъ бояринѣ лицо, почему-то ей знакомое; однакоже, никакъ не могла припомнить, гдѣ съ нимъ встрѣчалась, или гдѣ его видала.

— Вотъ, Марьюшка, — сказала Родимица, указывая на двоихъ своихъ спутниковъ:—привезла къ тебѣ боярина Милославскаго и князя Хованскаго...

Старый князь Хованскій, при этомъ, еще разъ кивнулъ Марьюшкѣ и затѣмъ горделивымъ и самодовольнымъ взглядомъ окинулъ всю комнату.

При имени князя Хованскаго—этого любимаго стрѣлцаго начальника—сердце боязливо и болѣзненно скалось въ груди Марьюшки, которая еще разъ подумала:

„Вѣрно ихъ царевна за дѣломъ какимъ прислала?“

— Прошу дорогихъ гостей садиться,—почти шопотомъ проговорила она, указывая на лавку подъ окномъ, выходящимъ въ садъ.

И тутъ вдругъ почувствовала на себѣ долгій, внимательный и черезчуръ ужъ смѣлый взглядъ стараго князя... Хованскій, всматриваясь въ лицо Марьюшки, видимо любовался ею и находилъ, что скорбное платье и темная повязка ярче всѣхъ богатыхъ нарядовъ представляли ей красоту въ полномъ блескѣ...

— Мы къ тебѣ, голубушка, прямѣхонько, — начала Родимица очень пѣжвымъ голоскомъ: — отъ ея благодари царевны Софїи Алексѣевны присланы...

— Радуюсь и благодарю государыню-царевну, — начало-было говорить Марьюшка. Но Милославскій ее тотчасъ же перебилъ:

— Не желаетъ царевна больше слышать твоихъ скорбныхъ стоновъ, не желаетъ видѣть твоихъ вдовиныхъ слезъ—приказываетъ тебѣ избрать себѣ покровителя и защитника... Мы отъ нея къ тебѣ сватами присланы...

Марьюшка онѣмѣла отъ удивленія и негодованія и не могла произнести ни слова въ отвѣтъ; а Милославскій продолжалъ:

— Сама царевна о тебѣ озаботилась; сама тебѣ и мужа сыскать соизволила—изъ бояръ боярина, изъ князей князя, и приказала сказать тебѣ, что такой особой чести удостоиваетъ тебя за твои великія напасти и несчастья, за твое сиротство одинокое...

— Я не пойду замужъ!—сорвалось какъ бы невольно съ устъ Марьюшки.—Ни за кого не пойду!

Но Милославскій, какъ бы не слыша или просто не желая принимать ее возраженія, продолжалъ, повышая голосъ:

— Такъ вотъ, Марья Алексѣевна, у тебя товаръ, а у насъ и купецъ на тотъ товарецъ припасенъ... Вотъ онъ—князь Хованскій, женихъ и родовитый, и сановитый, и изъ себя видный!

Старый князь привѣтливо кивнулъ головой въ сторону князя Милославскаго и, покручивая усы, внимательно сталъ всматриваться въ лицо Марьюшки, ожидая отвѣта.

Но Марьюшка вдругъ поднялась со своего мѣста и воскликнула, всплеснувъ руками:

— Мужнина могилка еще и травкой обрасти не успѣла, а ужъ вы меня за князя высватываете! Да что-жъ вы думаете: я развѣ ума рехнулась? или я горе свое позабыть успѣла? или ужъ я всѣ свои слезы выплакала?... Ни за кого не пойду замужъ! Скорѣе въ дальнюю обитель уйду, ностригусь... Вотъ вамъ мой послѣдній сказъ.

Тутъ Хованскій поднялся съ мѣста, красный, взволнованный... Глаза у него сверкали; тяжело дыша и сурово хмури брови, онъ собирался выпалить; но Милославскій взялъ его за руку и усадилъ на прежнее мѣсто.

— Такъ значить ты, сударыня, воли царевниной учиняешься ослупна?—сказалъ Милославскій. — Подумай хорошенько.

Марьюшка не отвѣчала ни слова, а только отрицательно покачала головой.

Тогда ужъ Хованскій не вытерпѣлъ:

— Считаю, что этой чести для тебя съ излишкомъ много,—гнѣвно проговорилъ онъ: — напрасно мы тебя и спрашивали! И вотъ тебѣ мой сказъ: даю на размышленіе три недѣли! Тогда приходи къ тебѣ за отвѣтомъ — и посмотрю, какъ-то ты мнѣ откажешь! А чтобы ты и точно не вздумала куда укрыться или въ обитель какую уйти, такъ я велю твой домъ своимъ стрѣльцамъ оберегать и сторожить...

Тутъ онъ порывисто поднялся съ мѣста и величаво вышелъ изъ комнаты, не удостоивъ Марьюшку ни единымъ взглядомъ. Сваты переглянулись, поднялись, также поклонились Марьюшкѣ, не проронивъ ни слова, и вышли слѣдомъ за Хованскимъ.

Марьюшка, ошеломленная всей этой сценой, вдругъ почувствовала себя до такой степени безпомощной и беззащитной, что рѣшилась прибѣгнуть къ единственному своему защитнику и покровителю: она упала на колѣни передъ образомъ Спасы, висѣвшимъ въ углу, хотѣла молиться—но не смогла... И разрыдалась горько и безутѣшно...

XVI.

Подъ сѣнью сбители.

Чудный лѣтній день, жаркій, солнечный и тихій—одинъ изъ тѣхъ, которые бывають только въ іюнѣ, „въ Петровки“, какъ говорятъ въ народѣ—начиналъ уже склоняться къ вечеру, въ то время, когда къ крыльцу дома князей Хованскихъ конюхи подвели вороного аргамака, принаряженнаго во все великолѣпіе полу-азиатскаго и полу-русскаго конскаго убора. Уздечка съ золоченымъ наборомъ и крупными кораллами и бирюзами въ массивныхъ гнѣздахъ, съ большою кистью изъ нитей жемчуга, съ жемчужной сѣткою поверхъ волнистой, густой гривы; сѣдло, окунутое расшитыми золотомъ покровцами, поверхъ тигровой шкуры, замѣнявшей чепракъ; наперси и нахвостники, сплошь покрытые золоченой чешуей и увѣшанные колокольцами и бубенцами—все это было богато, щеголевато и ново... Два конюха едва сдерживали ар-

гамака, который не стоялъ на мѣстѣ, а фыркалъ и выплясывалъ ногами, въ ожиданіи всадника...

Наконецъ двери отворились и на крыльцо вышелъ князь Андрей Хованскій. Гордымъ и властнымъ взглядомъ окинулъ онъ нѣсколько десятковъ стрѣльцовъ, толкавшихся по двору и тотчасъ обнажившихъ передъ нимъ головы. Прикоснувшись рукою къ своей щегольской, расшитой золотомъ шапочкѣ съ павлиньимъ перомъ, какъ бы въ отвѣтъ на ихъ поклонъ, князь медленно перевелъ глаза на колюховъ, едва сдерживавшихъ армака, и сталъ спускаться съ крыльца, съ тѣмъ величіемъ, съ какимъ только царь спускался съ Краснаго Крыльца къ толпѣ благоговѣнно преклоняющагося передъ нимъ народа. И всѣ взоры, дѣйствительно, приковывались невольно къ этому горделивому красавцу, полному сознанія своей красоты, своихъ силъ и значенія; отъ всей его фигуры вѣяло этимъ сознаніемъ, которое выражалось не только въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи его, въ каждомъ поворотѣ его прекрасной головы, „но и въ каждой складкѣ его богатѣйшаго наряда“, — сказалъ бы какой-нибудь восточный поэтъ, описывая фигуру молодого князя... Принявъ въ руки поводья, князь, при помощи стреминного, вставилъ ногу въ серебряное съ чернью стремя, быстро вскочилъ въ сѣдло, ловкимъ движеніемъ поводьевъ повернулъ лихого скакуна отъ крыльца, поднялъ его на дыбы и въ два прыжка очутился за воротами. За нимъ, перегоняя другъ друга, помчались слѣдомъ стреминной и колюховъ.

— Соколь-ясный!.. Орель, какъ есть орель! — послышались голоса въ толпѣ стрѣльцовъ. — Онъ не токма что въ судный приказъ, онъ — куда хошь годенъ!

А князь, между тѣмъ, круною рысью направлялся на Дѣвичье поле; молодцовато избочась и чуть-чуть кивая головою на поклоны встрѣчныхъ прохожихъ, онъ ѣхалъ вслѣдъ за обогнавшими его холопами, усердно очищавшими дорогу, и думалъ свои горделивыя, ему одному доступныя думы...

„Родимица сказала, что царевна будетъ ждать меня тамъ, что меня къ ней проводить... Клялась и божилась мнѣ, что та совѣмъ голову изъ-за меня потеряла... Во снѣ и на яву только обо мнѣ и мыслить!.. Диво ли? Она не первая и не послѣдняя... А сама-то Родимица: сапоги мои цѣлуетъ, въ поги мнѣ кланяется... Кланется, что для моей забавы и царевны не пожалѣеть...“

Тутъ онъ еще выше поднялъ голову и, радостно блеснувъ глазами, устремилъ мысленный взоръ вдалѣ — за предѣлы окружавшей его дѣйствительности.

„Родимица — дура! — думалъ онъ, чуть замѣтно и презрительно улыбаясь. — Она думаетъ, что мнѣ эта угѣха, что ли, нужна? Ей, небось, и въ голову не приходитъ, чѣмъ тутъ дѣло кончиться можетъ?.. И въ мысль ея того не вмѣщается, что настала наша пора: звѣзда князей Хованскихъ восходитъ, и передъ ней померкнуть должны звѣзды всѣхъ пыльных вельможъ... Князя Василья Голицына царевна Софья на какую высь возвела!.. Отчего же и мнѣ бы тоже, черезъ мою царевну, не сѣсть... еще повыше! Нашъ-то родъ повыше Голицыныхъ... Отъ Голицы какого-то ведутъ свое начало. А мы отъ Родимина самого! Намъ, значить, все подь-силу — и намъ съ батькой пинѣ никто не по плечу...“

И между тѣмъ, какъ эти помыслы кружились въ его молодой и горячей головѣ, быстрый конь все ближе и ближе подвигалъ его къ цѣли путешествія — къ Ново-дѣвичьему монастырю, который уже ясно виднѣлся всею массою своихъ затѣйливыхъ башенъ и главами своихъ церквей на жаркомъ фонѣ вечерняго неба, съ протянувшимися по нему узкими, слегка включенными блѣдно-фиолетовыми облачками. Какъ жаръ горѣли на храмахъ обители вырѣзные кресты, увѣшанные искрившимися на солнцѣ цѣпями. Станъ птицъ голосисто кру-

жилъ надъ темными массами зелени монастырскаго сада, подымавшимися изъ-за широкихъ зубцовъ монастырскаго стѣны.

Князь сошелъ съ коня у воротъ обители и бросилъ поводья на руки стреминного, который уже держалъ армака подь-узды. Потрепавъ по шеѣ коня, который храпѣлъ и косился на толпу калѣкъ и нищихъ, бряцаая цѣпями и колокольцами своей сбруи, князь прошелъ въ ворота обители, мимо почтительно кланяющихся привратниковъ и монахинь и направился сначала къ соборному храму во имя Божіей Матери Смоленской, гдѣ еще шла вечерня; но тотчасъ же вспомнилъ, что Родимица упоминала о какомъ-то небольшомъ монастырскомъ храмѣ, въ оградѣ, кажется, св. Николая Чудотворца „въ башнѣ“. Не зная, какъ къ нему пройти, князь пріостановился, озираясь, и собиравшись обратиться къ разспросамъ къ первому встрѣчному, какъ вдругъ кто-то дернулъ его за рукавъ.

Знакомая полная фигура Родимицы, облеченная въ темную рясу, съ надвинутою на глаза скуфейкою, словно изъ земли выросла передъ княземъ.

— Ступай за мною и ни съ кѣмъ не заговаривай, — шеннула она ему, низко кланяясь.

Такъ перешли они черезъ всю ограду, подошли къ башнѣ, въ которой помѣщался храмъ св. Николая Чудотворца, поднялись на ступеньки небольшого крылечка и перешли черезъ полутемный притворъ.

Родимица стукнула дважды въ какую-то узенькую дверку, помѣщавшуюся въ углу притвора, — дверка отворилась и заперлась безъ шума чьею-то невидимою рукою, и князь очутился въ ризницѣ храма. Здѣсь Родимица остановилась, молча указала ему на другую дверку въ стѣнѣ и, дернувъ за рукавъ, чуть слышно шеннула:

— Ступай и жди. А я постерегу...

Князь вдругъ почувствовалъ такой приступъ робости, какого никогда еще не испыталъ во всю жизнь. Сердце тревожно билось въ его груди, и онъ почти трепетною рукою взялся за скобку указанной ему двери. Дверь легонько скрипнула и подалась передъ нимъ — отступить было уже невозможно, и князь, собравшись съ духомъ, отворилъ дверь и вновь заперъ за собою.

Онъ очутился въ небольшой сводчатой кельѣ, единственное окно которой, выходившее въ садъ, было забрано частой и массивной желѣзной рѣшеткой. Печь изъ пестрыхъ поливныхъ кирпичей съ изображеніемъ птицъ и единороговъ, выдаваясь отъ одной изъ стѣнъ почти на средину кельи, загораживала собою низенькую дверь, задернутую темною занавѣсью. Кресло, обитое старой, полинялою кожей, неуклюжее и просторное, стоявшее у окна, да темный аналой на фигурныхъ змѣвидныхъ ножкахъ — вотъ что составляло всю меблировку этой невеселой, непривѣтной кельи, въ которой не было ничего жилого, ни малѣйшаго признака какого-нибудь жилья, тепла, удобства. Князь оглянулся кругомъ, и на него угрюмо и пасмурно глянули со стѣнъ кельи давно уже выцвѣтшіе и потемнѣвшіе отъ времени лики какихъ-то угодниковъ, диковинные герода и не менѣе диковинные цвѣты и деревья, упиравшіяся вершинами въ выпуклые карнизы свода. Суровымъ холодомъ обители повѣяло на сердце князя, и онъ очень охотно отвернулся къ окну, чтобы взглянуть еще разъ на клочокъ виднѣвшагося въ немъ неба, на зелень сада, на ласточекъ, со свистомъ кружившихся въ вышинѣ, какъ вдругъ шорохъ шаговъ за его спиною заставилъ его быстро обернуться.

Передъ нимъ стояла царевна Екатерина, прикрытая поверхъ своей свѣтлой ферязи темною ряской монахини, съ темной скуфейкою на распущенныхъ волосахъ. Лицо ея пылало отъ смущенія, большіе темные глаза боязливо блуждали, не смѣя остановиться

на избранных сердца, и во всей ее фигурѣ было столько жизни, столько невольной, неуклюжей женской граціи, что она дѣйствительно показалась князю свѣтлымъ лучомъ среди полумрака пустой кельи.

— Насъ никто не услышитъ,—проговорила она почти шопотомъ и стыдливо опуская глаза.—За дверьми сторожатъ вѣрные слуги...

И, загнувшись на полусловѣ, не могла продолжать. Чтобы оправиться немного, она сняла съ головы скуфейку, положила ее на аналой, оправила на волосахъ жемчужную дѣвичью повязку и, опустившись въ кресло, закрыла лицо руками.

Князь стоялъ ни живъ, ни мертвъ и, притаивъ дыханье, любовался царевной.

— Миѣ стыдно, ахъ, какъ стыдно!—проговорила она вполголоса.—Что ты подумаешь обо миѣ, князь?

— Царевна-государыня!—горячо проговорила князь Андрей, преклоняя колѣно передъ Екатериной Алексѣевной.—Что смѣю я подумать? Смѣю только гордиться тѣмъ счастьемъ...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, онъ чувствовалъ, какъ къ нему возвращалась его смѣлость и бодрость духа. Но царевна не дала ему договорить:

— Нѣтъ, нѣтъ!—простоудушно проговорила она, отнимая руки отъ лица и впервые обращая взоръ на князя:—не говори миѣ этого... Я только такъ... я хотѣла съ тобой побесѣдовать... Такъ, побесѣдовать...

Князь молчалъ, стоя передъ ней на колѣняхъ, смотря ей въ глаза и не прерывая ее рѣчи.

— Ты не повѣришь... Мы, бѣдныя царевны, такъ скучаемъ, такъ тоскуемъ въ нашихъ душевныхъ теремахъ, что, право, иногда такія странныя приходятъ мысли въ голову... Вотъ захотѣлось миѣ съ тобой поближе познакомиться, поближе приглядѣться къ тебѣ...

— Царевна!—началь-было князь Андрей.

— Нѣтъ, погоди. Я ужъ все тебѣ скажу... пусть ужъ ты все знаешь! Какъ ты былъ присланъ сестрицею-царевной насъ охранять отъ этихъ... буиновъ, миѣ показался ты такой добрый, такой хорошій...

— Напрасны похвалы твои, царевна. Я правилъ то, что было миѣ приказано...

— Да, да... Ну и потомъ, когда ты и отецъ твой въ начальные люди были поставлены, все такъ у насъ во дворцѣ хорошо пошло... Намъ стало такъ свободно. Мы выходимъ, выѣзжаемъ съ сестрою... И я даже сестрѣ Софьѣ, признаюсь, позавидовала...

— Государыня-правительница мудро и разумно все

править!—вставилъ свое слово князь Андрей, думая угодить царевнѣ Екатеринѣ.

— Ахъ, я не этому позавидовала... Я не такъ умна, какъ царевна Софья... Она вонъ какъ сумѣла съ мачихой и съ Нарышкиными справиться! Нѣтъ, не тому я позавидовала... А вотъ у ней есть вѣрный другъ... Знаешь, князь Василій?

— Какъ его не знать! Вельможа знатный и опытный, и...

— Ахъ, нѣтъ! Онъ некрасивый—бѣлокурый этакій, полный, ужъ пожилой... Но все же онъ ей другъ и даже, говорятъ...—тутъ царевна понизила голосъ почти до шопота и, стыдливо опустивъ глаза, чуть слышно произнесла:—говорятъ, будто она и замужъ за князя Василья собирается...

Князь понялъ намекъ: щеки его зардѣлись румянцемъ, сердце застучало въ груди неудержимо:

— Счастливецъ!—сорвалось у него съ устъ.

— Ахъ, нѣтъ! Не онъ счастливецъ, а она—она! Это такъ сладко, такъ пріятно имѣть друга... Чтобы было съ кѣмъ по душѣ поговорить...

И, какъ будто испугавшись того, что она ужъ слишкомъ много сказала, царевна быстро поднялась съ мѣста, схватила скуфейку съ апалом, и протянула руку князю Андрею, проговоривъ на ходу:

— Такъ мы еще увидимся съ тобою... и не разъ... Я извѣщу тебя... Прощай, пока!

Князь Андрей, все еще стоявшій на колѣпяхъ и сморщившій на нее съ какимъ-то непонятнымъ смущеніемъ, вдругъ схватилъ протянутую ему руку, и горячо поцѣловалъ ее разъ, другой. Царевна осторожно отняла руку, кивнула головой, и исчезла за занавѣской.

Только тутъ князь опомнился, вскочилъ, провелъ рукою по лбу, словно стараюсь собраться съ мыслями и вернуться къ сознанию дѣйствительности... Потомъ онъ быстро подошелъ къ двери въ ризницу, осторожно поднялъ скобу и очутился лицомъ къ лицу съ Родимидей, которая окинула его бѣглеми и тревожнымъ взглядомъ и поняла его душевное настроеніе.

— Цѣловались ли?—прошептала она ему на ухо, крѣпко хватая его за руку.

— Что ты сказала?—гнѣвно проговорилъ князь, вырывая изъ ее рукъ свою руку.

— Сладка ли была бесѣдушка, бабій баловень?

Князь пожалъ плечами, отвернулся отъ нея и, не удостоивъ ее отвѣта, поспѣшилъ выйти на свѣжій воздухъ.

(Продолженіе будетъ.)

Двѣтникъ изъ дикихъ многолѣтнихъ растений.

Очеркъ В. Э. Иверсена. (Съ 20 рисунками.)

Для любителя изящнаго цвѣтоводства и для семьянина, желающаго знакомить дѣтей съ растеніями, съ пріемами посадки ихъ и ухода за ними, очень обидно, когда въ той мѣстности, куда онъ переезжаетъ на лѣтнее жительство, трудно добыть готовую цвѣточную расаду. Къ тому-же почва бываетъ иногда настолько тонка и камениста, что пересаженные въ нее готовые однолѣтнія растенія или вовсе не принимаются, или получаютъ очень жалкій видъ, хотя бы они были выращены изъ сѣмянъ въ комнатѣ, въ парникѣ или даже на открытомъ воздухѣ, будучи высѣяны прямо въ грунтъ.

Миѣ пришлось испытать эту неприятность на себѣ въ глухой мѣстности сѣверной Россіи, гдѣ ближе чѣмъ за 20 верстъ отъ моего жилища нѣтъ ни одного цвѣтника, ни одного садовника. Провезти 100 верстъ по желѣзной дорогѣ, а потомъ 20 верстъ на лошадахъ 500 горшковъ пѣжныхъ лѣтнихъ растеній было не легко и нѣсколько рискованно, посѣять же сѣмена было уже поздно, тѣмъ болѣе, что почва въ моемъ насажденіи представляла собою нетронутый крупно-зернистый песокъ, никогда не выдававшій удобренія. И вотъ миѣ пришла такая мысль: не устраивая никакихъ вычурныхъ клумбъ и довольствуясь только прямыми линиями, вынуть вдоль всей изгороди и по сторонамъ балкона песокъ на глубину $\frac{1}{4}$ аршина и на растояніи аршина отъ изгороди и полу-аршина отъ балкона, засыпать образовавшіяся канавы хорошей землей, взятой съ капустнаго огорода, верхковъ на восемь въ вы-

шину, обнести образовавшіяся возвышенія полосой дерна, шириною около 4 вершковъ и, разрыхливъ надлежащимъ образомъ землю, засадить ее 20-ю видами наиболее красивыхъ полевыхъ цвѣтовъ хорошо знакомой миѣ мѣстной флоры. Такъ я и поступилъ, и хотя труда потребовалось не мало, но, зато, къ осени всѣ мои клумбы были засажены хорошо принявшимися дикими травами, которыя на слѣдующее лѣто, а затѣмъ уже каждый годъ, почти безъ всякой посадки, давали обильные цвѣты. У меня получился такимъ образомъ преоригинальный двѣтникъ.

Прежде, чѣмъ описывать 20 пересаженныхъ мною растеній, скажу нѣсколько словъ объ инструментахъ, которые понадобятся для устройства сада, для добычанія дикихъ растеній, для посадки ихъ и т. д. Инструменты для устройства сада всѣмъ извѣстны; это именно: заступъ или лопата, носилки для неса и для огородной земли, желѣзные грабли и, пожалуй, лейка.

Что касается самаго способа извлеченія изъ земли дикихъ многолѣтнихъ травъ, то для этого необходимо запастись тругольною желѣзною лопаточкою, а также желобоватою, какія употребляются садовниками, затѣмъ — небольшою лопатою въ родѣ той, какаю составляетъ часть вооруженія санеровъ, хорошимъ карманнымъ ножомъ и корзиною. Растенія, которыя желаютъ пересадить съ поля, луга, изъ лѣса въ садъ, выкалываются такъ, чтобы, по возможности, сохранить въ цѣлости ихъ при-

Выставка английских художниковъ. „Во время бури“.
Съ картины В. Г. Уедергэдь, по фотогр. І. Глыбовскаго, автотипія „Нивка“.

бавочные корни съ комомъ земли къ нимъ приставимъ. Если главный корень слишкомъ длиненъ, то обрѣзка его далеко не такъ вредитъ растенію, какъ лишеніе его придаточныхъ корней.

Когда растенія принесены домой, ихъ очищаютъ отъ всѣхъ постороннихъ травъ и зарываютъ аккуратно въ землю, стараясь не разбивать кома земли, окружающаго ихъ корни, вдавливаютъ около основанія каждаго стебля неглубокую лунку, срѣзаютъ у растенія цвѣтки, поливаютъ его и, если нужно подвязываютъ къ тычинѣ. Этимъ заканчивается вся предварительная работа въ концѣ перваго лѣта.

Замѣчу еще, что при посадкѣ дикихъ растеній въ саду, они отставляются другъ отъ друга на такое разстояніе и сажаются на такую глубину, какія указываются величиною земляного кома, т.-е. степенью развитія въ ширину придаточныхъ, а въ глубину главнаго, корней.

Далѣе, слѣдуетъ пояснить, что въ устроенномъ мною цвѣтницѣ многолѣтнія растенія посажены въ два или въ три ряда, при чемъ соблюдено соотвѣтствіе въ ихъ ростѣ и степени потребности ихъ въ освѣщеніи

Водосборъ.

Гвоздика пышная.

и обращено вниманіе на цѣлесообразный подборъ окраски цвѣтцовъ.

Перехожу къ описанію 20-ти растеній, послужившихъ мнѣ матеріаломъ для устройства моего цвѣтника.

1. *Водосборъ* или *голубки* (*Aquilegia vulgaris*). Растеніе это, достигающее аршина вышины, очень обыкновенно въ нашихъ лѣсахъ и часто разводится въ садахъ ради своихъ довольно крупныхъ, повислыхъ темно-синихъ или розоватыхъ цвѣтцовъ, рѣзко отличающихся тѣмъ, что каждый изъ пяти лепестковъ продолженъ въ загнутый крючкомъ шпорецъ.

Цвѣтъ водосборъ все лѣто, начинала съ іюня, и даетъ осенью вполнѣ вызрѣвшія сѣмена, могущія служить садовникамъ матеріаломъ для выгонки экземпляровъ съ махровыми цвѣтами.

Истодъ обыкновенный.

Астра диная.

Водосборъ разрастается всего лучше на хорошо удобренной садовой почвѣ и переноситъ значительное отѣненіе. Пересаживать его изъ лѣса въ садъ всего лучше въ концѣ іюля, стараясь при этомъ переносить его въ садъ, по возможности, съ цѣльнымъ комомъ земли, окружающей его корни. На пространство аршина достаточно трехъ экземпляровъ.

2. *Пышная гвоздика* (*Dianthus superbus*)—чрезвычайно красивое растеніе съ розовыми пушистыми и душистыми цвѣтками. Растетъ у насъ повсюду на лѣсныхъ полянахъ, между кустарниками и по берегамъ рѣкъ и цвѣтетъ почти все лѣто.

Группы изъ этого вида гвоздики, при густой посадкѣ ея, чрезвычайно эффектны. Наилучшею почвою для нея служатъ

Дрема.

Герань луговая.

лѣсовая земля, на которой она въ 2—3 года сильно разрастается путемъ самосѣва. Ростъ ея доходитъ до $\frac{3}{4}$ аршина. На разстояніи аршина можно посадить 5—6 экземпляровъ.

3. *Обыкновенный истодъ* (*Polygala vulgaris*)—единственный у насъ представитель семейства истодовыхъ; это—очень красивое растеніе, достигающее роста не болѣе $\frac{1}{2}$ аршина и отличающееся многочисленными вѣтвями, на верхнихъ которыхъ много голубыхъ или розоватыхъ цвѣтцовъ.

Истодъ растетъ на лугахъ, преимущественно между кустарниками, и цвѣтетъ съ мая до половины іюля. Для пересадки его въ цвѣтникъ самымъ удобнымъ временемъ является конецъ іюля и начало августа. Корни его не особенно глубоки и не очень вѣтвисты. На аршинѣ пространства должно садить до 8-ми экземпляровъ. Пригоденъ для бордюровъ.

4. *Сизецъ* или *скабіоза* (*Scabiosa succisa*)—очень красивое растеніе, вышиною около аршина, съ жестковолосымъ стеблемъ и съ шаровидными головками голубыхъ или розоватыхъ

Первоцвѣтъ лѣкарственный.

Ромашка полевая.

цвѣтцовъ, распускающихся, начиная съ половины іюня. Любитъ влажную почву и отѣненное мѣстоположеніе. На пространствѣ аршина сажается до 6-ти экземпляровъ.

5. *Дрема* или *кукушкинъ цвѣтъ* (*Lychnis flos cuculi*), по формѣ своихъ цвѣтцовъ довольно сходна съ пышной гвоздикой, только цвѣтки ея менѣе пушисты и гуще окрашены въ розовый цвѣтъ. Вышина ея тоже около $\frac{3}{4}$ аршина. Растетъ на лугахъ и по опушкамъ лѣсовъ. Цвѣтетъ съ мая до августа. На засадку въ одинъ рядъ на длину аршина можетъ пойти до 5-ти экземпляровъ.

6. Очень красивою травой является также наша *луговая герань* или *муравельникъ* (*Geranium pratense*), достигающая ростомъ $\frac{3}{4}$ аршина и отличающаяся красивыми разбѣжными листьями и крупными темно-фіолетовыми цвѣтками. Она очень обыкновенна на лугахъ, особенно на суглинистой почвѣ, и цвѣтетъ съ іюня до августа. Перенесенная въ садъ по отцвѣтѣнн, хорошо принимается и на слѣдующее же лѣто цвѣтетъ обильно. На аршинѣ пространства достаточно 3-хъ экземпляровъ.

ровь. Так как она очень разрастается в ширину, то требует подрезки отцветающих соцветий и подвязки к тычинкам.

7. *Вьюнок поповник, полевая ромашка (Chrysanthemum*

Чины лѣсная и весенняя.

Сивецъ.

Leucanthemum). Вышиною до $\frac{3}{4}$ аршина. Въ крупныхъ двѣточныхъ головкахъ среднѣе, трубчатые цвѣты желтые, краевые, язычковые—бѣлые. Встрѣчается всюду на лугахъ, между кустарниками, на поляхъ, по дорогамъ во множествѣ и цвѣтетъ въ первой половинѣ лѣта. Наиболее красивъ въ группахъ. На погонный аршинъ сажается въ одинъ рядъ 8 экземпляровъ.

8. *Маргаритка (Bellis perennis)*. Вышиною до $\frac{1}{4}$ аршина.

Оба растения очень красивы въ группахъ, гдѣ они взаимно другъ друга поддерживаютъ; ежели же сажать ихъ отдѣльно, то требуется подвязка къ тычинкамъ. Разрастаются довольно густо, почему слѣдуетъ сажать не болѣе 4-хъ экземпляровъ на погонный аршинъ. Пригодны для бордюровъ, особенно ежели ихъ прикалывать къ землѣ развилками древесными вѣтками.

11. *Синюха (Polemonium coelestinum)*. Красное растеніе, вышиною около аршина, съ перистыми листьями и синими цвѣт-

Синюха.

Маргаритка.

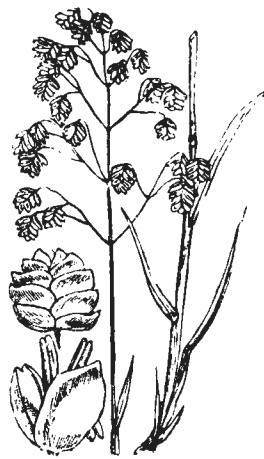
камъ, собранными на верхнѣи стебля метелкою. Любитъ влажныя мѣста и лѣсныя опушки. Цвѣтетъ въ среднѣи лѣта. На погонный аршинъ пространства требуется не болѣе 5-ти экземпляровъ.

12 и 13. *Перловникъ (Melica nutans)*. Растеніе изъ семейства злаковъ, не щеголяющее яркою окраскою своихъ мелкихъ колосковъ, но, какъ и близкая къ нему *трасунка (Bryza media)*, очень полезная при связываніи букетиковъ трава.

Перловникъ бываетъ вышиною до $\frac{3}{4}$ аршина и несетъ на верхнѣи стебля многочислен-

Дикій лень.

Трасунка.

Трубчатые внутренніе цвѣтки желтые, язычковые бѣлые или розовые. Цвѣтетъ съ ранней весны. Растетъ на хорошей луговой почвѣ. Сажается на разстояніи 2-хъ вершковъ одинъ кустикъ отъ другого въ видѣ бордюра или отдѣльной группы.

9 и 10. *Чины лѣсная и весенняя (Lathyrus sylvestris et L. ternus)* — очень хорошенекіи мотыльковыя растенія съ лазящимъ, длиннымъ стеблемъ и съ усиками на верхнѣи листочковъ у первой, или съ нитевиднымъ отросткомъ на верхнѣи сложныхъ листьевъ у второй.

Перловникъ.

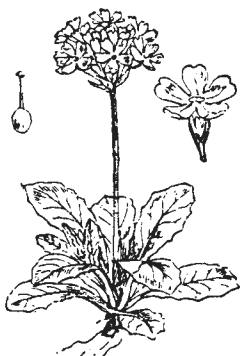

Мята полевая.

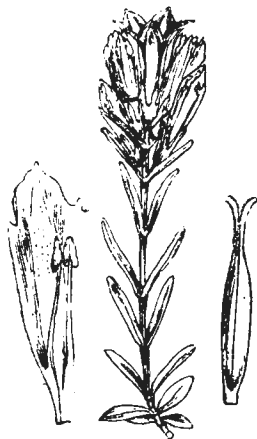
ные овальные, помятые, безостые колоски, расположенные однобочною кистью. Растетъ въ лѣсахъ и между кустарниками. Цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ.

Трасунка не уступаетъ въ красотѣ перловнику. У нея прямо-стоячая развѣтвленная метелка изъ колосковъ, сидящихъ на тонкихъ ножкахъ и трясущихся при малѣйшемъ движеніи воздуха. Высота ея такая же, какъ перловника, колоски сплюснутые, безостые, сначала зеленоватые, позже фіолетовые. Растетъ на лугахъ и между кустарниками. Лучшее всего сажать оба растенія между кустовъ (ежели таковыя имѣются въ саду) или между другими растеніями, которыя отъшли бы ихъ. На аршинъ пространства идетъ до 12-ти экземпляровъ.

14 и 15. *Первоцвѣты лекарственный и мучнистый (Primula officinalis et farinosa)*. Красивыя, рано цвѣтущія растенія съ лежащими на землѣ корневыми листьями и съ длинными цвѣточными стрѣлками (до 6 вершковъ), оканчивающимися зонтикомъ цвѣтковъ. У лекарственного первоцвѣта цвѣты душистые, желтые, съ 5-ю оран-

Первоцвѣтъ мучнистый.

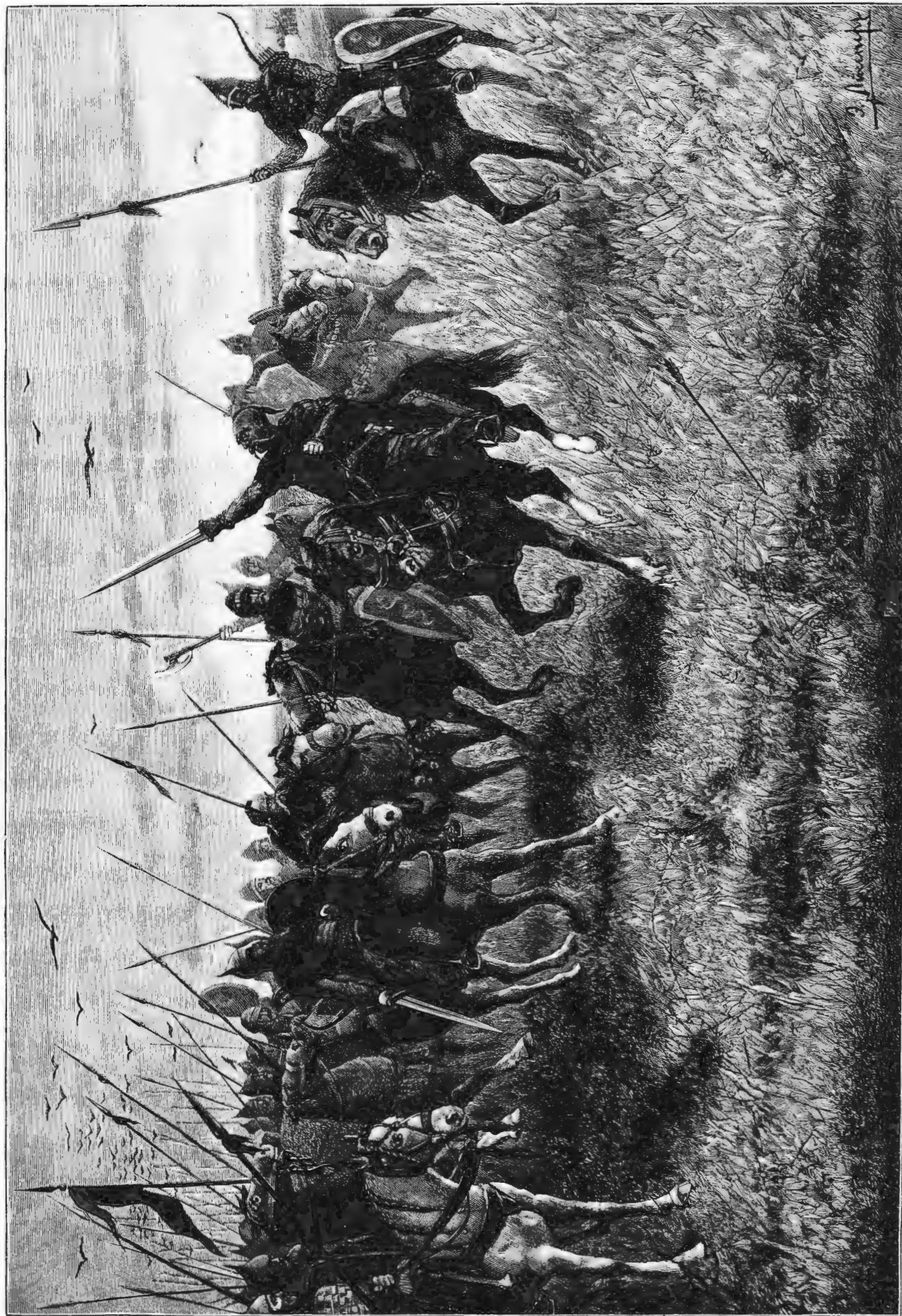

Горечавка

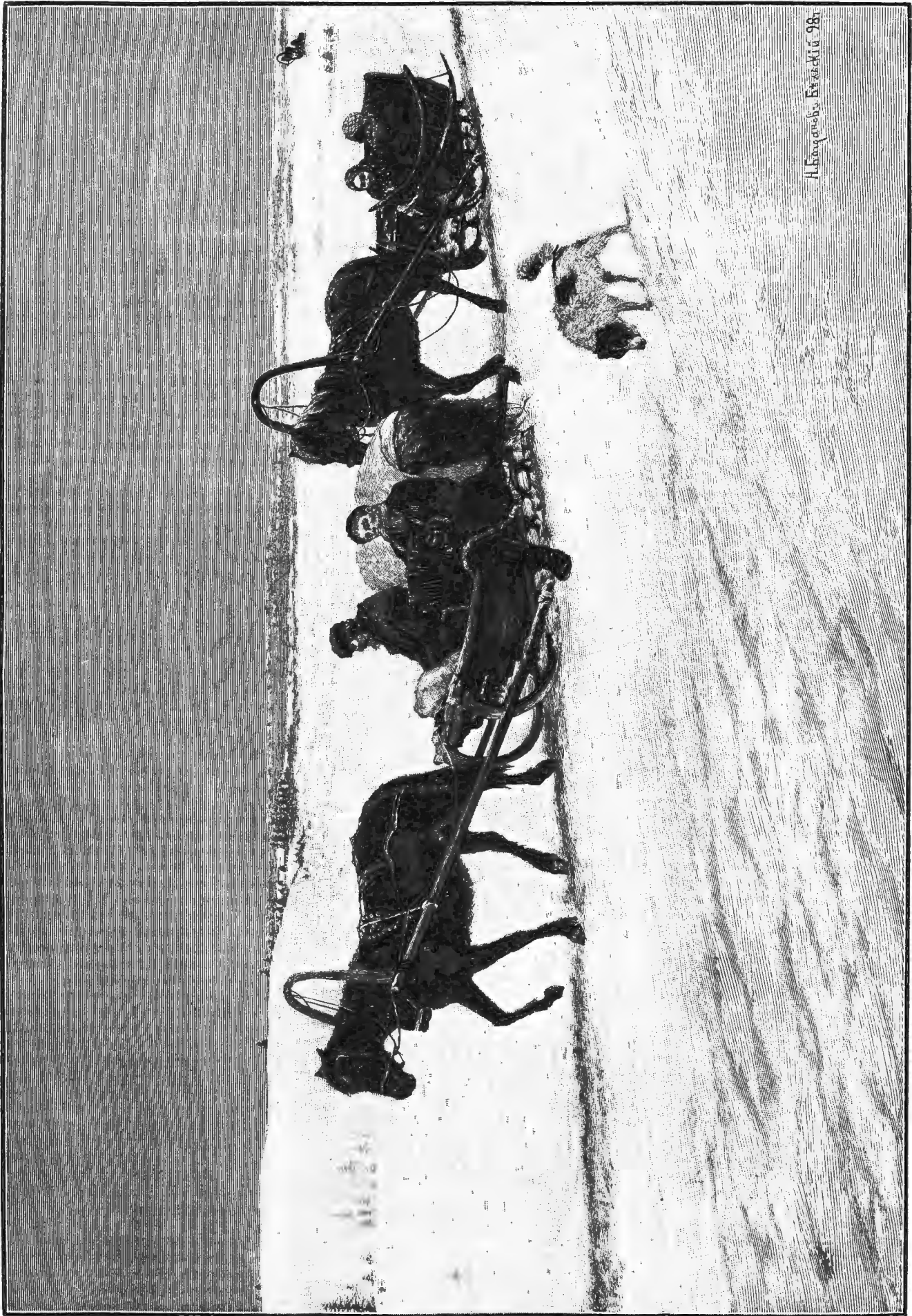

Пахучка.

цвѣтки расположены кистями, у первой они розовые, у второй—сначала пурпуровые, а потомъ синіе. Всяду обыкновенны въ лѣсахъ, между кустарниками т. п. Лѣсная чина цвѣтетъ позже весенней.

Святославъ ободряетъ своихъ воиновъ къ борьбѣ противъ грековъ.
Ориг. рис. (собетн. „Плвы“) Э. Лиснера, грав. Гашевскій.

XXVI передвижная выставка. „Проводы новобранца“.
Съ картины (исключ. право воспроизв. принадлеж. „Шиф“) Н. Богданова-Бѣльскаго грав. Рапеевскій.

жевыми пятнами въ зѣвѣ вѣчника, у пятнистаго—они свѣтло-лиловые или красные съ желтымъ зѣвомъ. Оба вида встрѣчаются на дугахъ, холмахъ и въ дѣсахъ и цвѣтутъ весною и въ началѣ лѣта. Сажаются верхка на 2—3 другъ отъ друга.

16. *Горечавка* (*Gentiana Pneumonanthe*). Растеніе, вѣскольکو похоее на колокольчикъ по своимъ темно-синимъ, собраннымъ въ рыхлую кисть цвѣткамъ. Вышиною оно до 1 1/2 аршина, любитъ влажную, тучную почву, цвѣтеть съ іюня. На разстояніи аршина сажаютъ до 8 экземпляровъ.

17. *Дикая астра* (*Aster Amellus*). Вышиною въ 3/4 аршина. Цвѣты: краевые, язычковые, расположенные въ одинъ рядъ, фиолетовые, внутренніе—трубчатые, желтые. Цвѣтеть съ половины іюня, любитъ каменную почву и отлѣненіе кустами. Имѣетъ ползучій корень, подвязки не требуетъ. Сажать надо на разстояніи 2—3 верхковъ одно растеніе отъ другого.

18. *Пахука* (*Clinopodium vulgare*). Вышиною около 3/4 аршина, съ прямо-стоячимъ, мягко-волосистымъ стеблемъ и пу-

нуровыми цвѣтами, которые собраны мутовками. Растетъ всюду между кустарниками и по лѣснымъ опушкамъ. Цвѣтеть, начиная съ половины іюня. Сажается на разстояніи 3—4 верхковъ одно растеніе отъ другого.

19. *Лянка* или *дикій ленъ* (*Linaria vulgaris*). Трава съ прямо-стоячимъ стеблемъ, вышиною слишкомъ въ аршинъ, съ многочисленными узкими листьями и густою кистью желтыхъ цвѣтковъ на верхнѣи. Цвѣтки двугубые съ длиннымъ шпорцемъ. Растетъ повсюду и цвѣтеть все лѣто. Пригодно для каменистой почвы. Сажать на разстояніи 3 верхковъ одно растеніе отъ другого.

20. *Мята полевая* (*Mentha arvensis*). Вышиною до 1 1/2 аршина. Все растеніе волосистое. Цвѣтки сидятъ мутовками въ углахъ листьевъ. Они голубовато-краснаго цвѣта. Встрѣчается повсюду на поляхъ, по канавамъ, по берегамъ. Цвѣтеть съ половины лѣта. Очень вѣтвиста; на длину аршина достаточно 4-хъ экземпляровъ.

Дуэль М. Ю. Лермонтова.

(По новымъ даннымъ.)

Болѣе полустолѣтія прошло со дня роковой дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ; но до сихъ поръ ни истинной причины, ни настоящаго повода этого трагическаго происшествія не было доподлинно извѣстно русской публикѣ. Сынъ Николая Соломоновича Мартынова, несчаго на себѣ повѣща тяжкое прозвище убійцы Лермонтова, рассказываетъ въ *Русскомъ Обозрѣніи*, со словъ своего покойнаго отца, настоящую исторію этой дуэли.

Приводимъ здѣсь подробныя выписки изъ этой статьи, которая конечно не можетъ не заинтересовать читателей *Нивы*.

Мартыновъ при жизни всегда находился подъ гнетомъ угрызений совѣсти своей, терзавшей его воспоминаніями объ его несчастной дуэли, о которой онъ вообще говоритъ не любилъ, и лишь въ Страстную недѣлю, когда онъ обыкновенно говѣлъ, а также 15-го іюля, въ годовщину своего поединка, онъ иногда рассказывалъ болѣе или менѣе подробно исторію его.

Семейство Мартынова, живя постоянно въ Москвѣ и имѣя такъ же, какъ и бабка Лермонтова, Арсеньева, имѣнія въ Пензенской губерніи, издавна находилось въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ семействомъ съ материнской стороны. Неудивительно поэтому, что Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, живя въ Москвѣ въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ, часто посѣщалъ домъ отца Мартынова, у котораго познакомился съ его дочерьми, при чемъ одна изъ нихъ, Наталья Соломоновна, впоследствии графиня де-Турдоне, ему очень нравилась.

Въ 1837 г. судьба свела опять поэта съ Мартыновымъ на Кавказъ, куда Лермонтовъ былъ сосланъ, какъ извѣстно, за стихи свои „На смерть Пушкина“, а Мартыновъ перевелся волонтеромъ отъ кавалергардскаго полка. Лѣтомъ этого года въ Пятигорскъ на воды прѣхалъ большой отецъ его въ сопровожденіи всей семьи своей, въ томъ числѣ и Nathalie, которая въ то время имѣла 18 лѣтъ и сдѣлалась пышною красавицей.

Какъ-то въ концѣ сентября мѣсяца прѣзжаетъ къ Мартынову въ отрядъ Лермонтовъ, который, вынувъ изъ бумажника 300 р. ассигнаціями, объяснилъ ему, что деньги эти присланы ему изъ Пятигорска его отцомъ и находились, вмѣстѣ съ письмомъ Nathalie, въ большомъ конвертѣ, который хранился въ чемоданѣ, украденномъ у него въ г. Тамани цыганкой. „За кого ты меня принимаешь, Лермонтовъ, чтобы я согласился принять отъ тебя деньги, которые у тебя украли,—не знаю, но денегъ этихъ я у тебя не возьму, и мнѣ ихъ не нужно“, отвѣчалъ Мартыновъ. „И я ихъ у себя тоже оставить не могу, и если ты ихъ отъ меня не примешь, то я ихъ подарю отъ твоего имени ибсенникамъ твоего полка“, отвѣчалъ Лермонтовъ, и тутъ же, съ согласія Мартынова, послалъ за ибсенниками, которымъ онъ, выслушавъ лихую казацкую ибсеню, отъ имени Мартынова передалъ эти деньги.

Мартыновъ изъ Екатеринодара 5-го октября 1837 г. писалъ своему отцу: „Триста рублей, которые вы мнѣ послали черезъ Лермонтова, получилъ, но писемъ никакихъ, потому что его обокрали въ дорогѣ и деньги эти, вложенныя въ писемъ, также пропали; но онъ, само собою разумѣется, отдалъ мнѣ свои“.

Въ писемъ этомъ, какъ видно, Мартыновъ, не желая, вѣроятно, встревожить отца извѣстіемъ, что денегъ отъ Лермонтова онъ не принялъ и что самъ онъ сидитъ безъ гроша, скрывалъ отъ него это обстоятельство.

При личномъ свиданіи съ своимъ отцомъ и сестрами Мартыновъ отъ нихъ узналъ, что Лермонтовъ, живя въ Пятигорскѣ и ежедневно выходя съ ними, какъ-то объявилъ имъ, что ѣдетъ въ отрядъ, гдѣ увидится съ нимъ, а потому просилъ Наталью Соломонову послать съ нимъ писемъ къ брату. Та согласилась и, вложивъ въ большой конвертъ свой пятигорскій дневникъ и писемъ къ брату, передала его своему отцу, спросивъ его, не желаетъ ли онъ что-либо отъ себя прибавить. „Хорошо, принесъ мнѣ свое писемъ, и я, быть-можетъ, еще что-нибудь отъ себя припишу“, отвѣчалъ отецъ, который, зная, что сынъ въ отрядѣ можетъ пуждаться въ деньгахъ, вложилъ въ писемъ триста рублей ассигнаціями, при чемъ ни дочери своей,

ни Лермонтову объ этомъ ни слова не сказалъ. „Я думаю“, сказалъ отецъ Мартынова, „что если Лермонтовъ узналъ, что въ писемъ было вложено триста рублей, то онъ либо истребилъ, либо писемъ это вскрылъ“. По его мнѣнію, Лермонтовъ, подстрекаемый любопытствомъ узнать, какого о немъ мнѣнія любимая имъ дѣвушка, для которой онъ въ томъ же году написалъ одно изъ стихотвореній, подъ заглавіемъ „Молитва“: „Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою...“ и т. д., вскрылъ писемъ и, найдя въ немъ 300 рублей денегъ, о которыхъ его не предупредили, и видя невозможность скрыть этотъ поступокъ, придумалъ рассказъ о похищеніи у него цыганкой въ Тамани икатулки, а самыя деньги привезъ Мартынову.

Впоследствии, въ 1840 г., Лермонтовъ въ свое оправданіе помѣстилъ въ „Герое нашего времени“ отдѣльную новеллу „Тамань“, въ которой и описалъ это происшествіе.

Какъ бы то ни было, послѣ этого случая Лермонтовъ, чувствуя себя виновнѣ передъ Мартыновымъ виноватымъ и не желая въ этомъ поступкѣ признаться, сталъ всячески надобдывать ему своими сарказмами, такъ что тотъ однажды, въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ, предупредилъ его, что его насмѣшки онъ выносить можетъ лишь у себя дома или въ кругу товарищей, но не въ дамскомъ обществѣ; Лермонтовъ тутъ прикусилъ губу и отошелъ, не сказавъ ни слова.

Нѣкоторое время онъ дѣйствительно пересталъ досаждать Мартынову своими ядовитыми насмѣшками, но затѣмъ позабылъ его предупреденіе, и снова принялся за старое.

Лѣтомъ 1841 года Мартыновъ, выйдя въ отставку изъ военной службы, прѣхалъ въ Пятигорскъ, куда въ то время собралась вся „jeunesse dorée“, служившая на Кавказѣ, а также многіе прѣзжіе изъ Россіи.

Время проводили они весело: пиенники, балы, рауты, кавалькады и другія увеселенія смѣнялись ежедневно.

Изъ барышень особенно привлекали вниманіе молодежи дѣвочки Верзилины, дочери пятигорскаго старожла генерала Верзилина. Между ними особенно отличалась своею красотою и остроуміемъ Эмилиа Александровна.

Какъ-то, въ послѣднихъ числахъ іюня или въ первыхъ числахъ іюля, на вечерѣ у Верзилиныхъ, Лермонтовъ и Мартыновъ, какъ обыкновенно, ухаживали за Эмилией Александровной.

Мартыновъ имѣлъ привычку, когда приходилось стоять, братья рукой за книжку, обязательную принадлежность кавказскаго казачьяго костюма, который онъ, только что вышедши изъ Гребенскаго полка, продолжалъ носить.

Поговоривъ нѣкоторое время съ Эмилией Александровной, Мартыновъ отошелъ на вѣскольکو шаговъ отъ нея и, по обыкновенію, взялся за рукоятку книжки, при чемъ тутъ же услышалъ насмѣшливыя слова Лермонтова м-не Верзилиной: „Après quoi Martynow croit de son devoir de se mettre en position“. (Послѣ чего Мартыновъ считаетъ себя обязаннымъ встать въ позу.) Мартыновъ ясно услышалъ эти слова, но, будучи чловѣкомъ благовоспитаннымъ и не желая поднимать исторію въ семейномъ домѣ, смолчалъ и Лермонтову не сказалъ ни единого слова, такъ что, по словамъ Васильичкова, никто изъ пріеутствовавшихъ его столкновѣніи съ Лермонтовымъ не замѣтилъ, но зато, при выходѣ изъ дома Верзилиныхъ, онъ взялъ Лермонтова подъ руку на бульварѣ и пошелъ съ нимъ рядомъ: „Je vous ai prévenu, Lermontow, que je ne souffrirais plus vos sarcasmes dans le monde et cependant vous recommencez de nouveau (Я тебя предупреждалъ, Лермонтовъ, что я не намѣренъ болѣе переносить въ обществѣ твоихъ ядовитыхъ насмѣшекъ, однако, ты берешься за старое), сказалъ ему Мартыновъ по-французски, при чемъ добавилъ по-русски спокойнымъ тономъ: „Я тебя заставляю перестать“. — „Но вѣдь ты знаешь, Мартыновъ, что я дуэли не боюсь и отъ нея никогда не откажусь,—значитъ, вѣдѣго пустыхъ угрозою тебѣ лучше дѣйствовать“, отвѣчалъ Лермонтовъ съ жесткостью. „Ну, въ такомъ случаѣ завтра у васъ будутъ мои секунданты“, сказалъ холодно

Мартыновъ и отправился къ себѣ домой, куда въ тотъ же вечеръ пригласилъ своего пріятеля лейбъ-гусарскаго офицера Глѣбова, котораго просилъ на другое утро, чѣмъ свѣтъ, съѣздить къ Лермонтову и передать ему формальный вызовъ на дуэль. Глѣбовъ, вернувшись отъ Лермонтова, сообщилъ Мартынову, что вызовъ его принять и что Лермонтовъ официальнымъ секундантомъ своимъ избралъ князя Александра Иларіоновича Васильчикова.

Поединокъ былъ назначенъ на 15-е іюля 1841 года въ 6½ часовъ вечера, у подошвы горы Машукъ, въ полуверстѣ отъ Пятигорска.

Хотя Мартынову было прекрасно извѣстно, что Лермонтовъ превосходно владѣлъ пистолетомъ, изъ котораго онъ стрѣлялъ почти безъ промаха, а Мартыновъ самъ, какъ вполнѣ удостоѣрено секундантомъ Глѣбовымъ, вовсе стрѣлять не умѣлъ, тѣмъ не менѣе онъ съ беззаботностью молодости — ему было всего 25 лѣтъ — въ походѣ пятого часа велѣлъ осѣдлать своего армама, а бѣговья дрожки свои онъ уступилъ секунданту своему Глѣбову.

День былъ до крайности душный и жаркій: въ воздухѣ чувствовалось приближеніе грозы. Прибывъ съ Глѣбовымъ на мѣсто дуэли одновременно съ Лермонтовымъ и Васильчиковымъ, они застали тамъ секундантовъ — Трубецкаго и Столыпина и много другихъ общихъ пятигорскихъ знакомыхъ, числомъ до сорока человекъ.

Имѣя въ виду, что столкновение Мартынова съ Лермонтовымъ произошло, какъ сказано выше, около 29-го іюня, а самая дуэль имѣла мѣсто почти черезъ двѣ недѣли, понятно, что молва о ней успѣла распространиться уже по всему Пятигорску. О присутствіи зрителей Глѣбовъ и Васильчиковъ на судѣ не проронили ни слова, чтобы не подвергнуть ихъ отвѣтственности за допущеніе дуэли и за недонесеніе о ней.

Барьеръ былъ опредѣленъ секундантами на пятнадцать шаговъ, при чемъ съ обѣихъ сторонъ была положена гряда камней, а отъ него, на десять шаговъ каждый, были поставлены дуэлисты, которые имѣли право стрѣлять съ своего мѣста или же подойти къ барьеру.

Противникамъ дали въ руки по пистолету, и одинъ изъ секундантовъ махнулъ платкомъ въ знакъ того, что дуэль началась. Лермонтовъ стоялъ въ рейтузахъ и красной каначусовой рубашкѣ, и съ кажушеюся или дѣйствительною беззаботностью сталъ ѣсть вишни и выплевывать косточки. Онъ стоялъ на своемъ мѣстѣ въ позѣ опытнаго дуэлиста, правымъ бокомъ впередъ, прикрываясь рукою и пистолетомъ и наведя послѣдній прямо на Мартынова.

Въ это время грянулъ громовой ударъ, и дождь пошелъ ливнемъ.

Прошла минута, показавшаяся, какъ бываетъ въ подобныхъ

случаяхъ, всемъ присутствующимъ вѣчностью. Ни Лермонтовъ, ни Мартыновъ не стрѣляли и стояли на своихъ мѣстахъ. Секунданты и присутствующіе начали ежиться и вполголоса дѣлать между собою замѣчанія, которыя отчасти долетали до слуха Мартынова. „Надо же кончать“, сказали кто-то, „мы и такъ насквозь промокли“. Мартыновъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру, навелъ пистолетъ на Лермонтова и выстрѣлилъ..

Когда дымъ разсѣялся, онъ увидѣлъ Лермонтова лежащимъ на землѣ недвижимымъ. Тѣло его подергивалось легкими судорогами, и когда Мартыновъ бросился съ нимъ прощаться, Лермонтовъ былъ уже мертвъ.

Съ мѣста дуэли Мартыновъ поѣхалъ къ коменданту, которому и объявилъ о несчастномъ событіи. Комендантъ велѣлъ арестовать его и обѣихъ секундантовъ, и началось слѣдствіе, при началѣ котораго Мартыновъ узналъ отъ Глѣбова, что Лермонтовъ во время переговоровъ относительно условий дуэли говорилъ своему секунданту Васильчикову: „Нѣтъ, я сознаю себя настолько виновнымъ передъ Мартыновымъ, что, чувствуя, рука моя на него не поднимется“. Намекать ли тутъ Лермонтовъ на вскрытіе письма или на нелѣпость своей выходки на вечерѣ у Веранлинскихъ, Мартынову осталось неизвѣстно, но сынъ его донынѣ живо помнитъ слова отца: „Передай мнѣ объ этихъ словахъ Васильчиковъ или кто-либо другой, я Лермонтову протянулъ бы руку примиренія, и нашей дуэли, конечно, не было бы“.

Мартыновъ, проведя всю предшествовавшую жизнь свою на военной службѣ, ходатайствовалъ о томъ, чтобы предали его военному, а не гражданскому суду.

Просьба его была уважена, и сентенсией пятигорскаго военного суда Мартыновъ былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ и всѣхъ правъ сословія, каковая сентенсиа была смягчена сперва начальникомъ лѣваго фланга, затѣмъ главнокомандующимъ на Кавказѣ, военнымъ министромъ и, наконецъ, государемъ императоромъ Николаемъ I, который 3-го января 1842 года постановилъ слѣдующую резолюцію: „Маіора Мартынова выдержать въ крѣпости три мѣсяца, а затѣмъ предать его церковному покаянію“.

Года за два до своей смерти генералъ Вельямновъ передавалъ второму сыну Мартынова, что императоръ Николай I, проводившій обыкновенно лѣто въ Петергофѣ, гдѣ Вельямновъ въ 1841 г. находился въ камеръ-накахъ, и извѣвшій обыкновеніе въ праздничные дни собирать у себя послѣ обѣди всѣхъ присутствовавшихъ лицъ свиты своей, которымъ сообщалъ наиболѣе интересныя извѣстія имъ полученныя, высказалъ про смерть Лермонтова слѣдующее: „Сегодня я получалъ грустное извѣстіе: поэтъ нашъ Лермонтовъ, подававшій Россіи такія великія надежды, убитъ на поединкѣ. Россія въ немъ многое потеряла“.

Къ рисункамъ.

Въ настоящемъ номерѣ *Нивы* мы помѣщаемъ снимокъ съ картины художника Волкова, изображающей Гоголя въ Васильевѣ сидящимъ на балконѣ дачи, гдѣ онъ гостилъ у матери и сестеръ въ 1848 г. Этого дома теперь уже нѣтъ: онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ за ветхостью уничтоженъ и на его мѣстѣ выстроены послѣдними новыя. Должно-быть, данное посѣщеніе Гоголемъ родины относится къ 1848 г., — году, полному тревоженій: съ одной стороны произошло революціонное движеніе въ различныхъ мѣстахъ Европы, съ другой — вспыхнула холерная эпидемія. Все это, конечно, влило на душевное состояніе великаго писателя. Онъ вспоминалъ родительскій домъ во времена своего дѣтства, — низенькій, съ затѣливыми зубцами вдоль крыши, съ боковыми башенками, окруженный старымъ тинистымъ садомъ, и сравнивалъ его съ перешитымъ видомъ, нелепо приходилъ въ уныніе. Самъ Гоголь помѣщался въ маленькомъ флигелѣ, выходившемъ въ садъ, гдѣ по утрамъ пытался заниматься литературными работами, но онъ шилъ туго, все окружающее раздражало нервы, а сильныя жары манурили и безъ того слабый организмъ Николая Васильевича. Утѣшеніемъ ему было слушать страстующихъ слѣпцовъ-кобзарей. „Прежде чѣмъ примусь серьезно за перо, хочу научиться русскимъ звуками и рѣчью“, говаривалъ онъ часто. Малороссійскія пѣсни особенно любилъ Гоголь, такъ какъ онѣ были близки ему по духу. „Всѣ онѣ благозвучны, дунисты, разнообразны чрезвычайно“, писалъ онъ по поводу ихъ значенія въ статьѣ, помѣщенной въ *Журналъ Министертва Народнаго Просвѣщенія* за 1834 годъ: „ведѣ новыя краски, ведѣ простота и невыразимая пѣвность чувствъ. Гдѣ же мысли въ нихъ коснулись религіознаго, тамъ онѣ необыкновенно поэтически. Онѣ не изумляются колоссальнымъ созданіемъ вѣчнаго Творца: это изумленіе принадлежитъ уже ступившему на высшую ступень самопознанія; но ихъ вѣра такъ невѣрна, такъ трогательна, такъ непорочна, какъ непорочна душа младенца. Онѣ обращаются къ Богу, какъ дѣти къ отцу; онѣ вводятъ Его часто въ бытѣ своей жизни съ такою невѣною простотою, что безыскусственное Его изображеніе становится у нихъ величественнымъ въ самой простотѣ своей. Отъ этого самые обыкновенные предметы въ пѣвнхъ ихъ облекаются невыразимой поэзіей, чему еще болѣе помо-

гаютъ остатки обрядовъ древней славянской мѣологии, которые онѣ покорили христіанству. Часто тоскующая дѣва умоляетъ Бога, чтобы Онъ засвѣтилъ на небѣ восковую свѣчку, пока ей милый перебередетъ черезъ рѣку Дунай. На всемъ печаль чистаго, первоначальнаго младенчества, стало-быть и высокой поэзіи“. На прилагаемой фотографіи изображенъ Гоголь слушающимъ слѣпного бандуриста, и на его лицѣ отражается задумчивая сосредоточенность. У книжнаго самовара сидитъ одна изъ его сестеръ, также увлеченная родными звуками украинскаго пѣвца. Картина вообще очень удачна и переноситъ насъ въ самое сердце Украины, ярко описанной чуднымъ перомъ Гоголя.

*

Художникъ Табуринъ далъ двѣ интересныя иллюстраціи къ знаменитому роману И. С. Тургенева: „Отцы и дѣти“ (*Сборникъ Нивы* за 1898 г., т. II, стр. 162 и 207). Первый рисунокъ представляетъ эпизодъ дуэли Базарова съ Кирсановымъ. Въ свѣжее утро, когда пестрыя тучки стояли барашками на блѣдно-ясной лазурѣ, казалось, еще сохранившейся румяный слѣдъ зари, въ рождѣ на опушкѣ сошлись Базаровъ и Павелъ Петровичъ, одѣтый въ легкой клѣтчатый пиджакъ и бѣлые, какъ свѣтъ, панталоны. Послѣ переговоровъ, первый изъ нихъ Базаровъ тихою дѣйствіемъ впередъ, а Кирсановъ пошелъ на него. У Базарова мелькнула мысль: „Онъ мнѣ прямо въ носъ цѣлилъ“, и раздался выстрѣлъ. „Слышалъ, стало-быть, ничего“, подумалъ онъ и подавилъ дружинку пистолета. Струйка крови потекла по бѣлымъ панталонамъ Кирсанова, и Базаровъ, бросивъ оружіе, приблизился къ противнику. — Убитъ-съ? промовлялъ трепетно за его спиной голосъ слуги. — Ступай за водой цоскорѣе, братецъ, а онъ насъ съ тобою переживетъ, — отвѣчалъ Базаровъ.

Вторая картина — посѣщеніе Базарова Анной Сергѣевной Одиной передъ его смертію. Стройна и изящная, она осталась у двери, пораженная его воспаленнымъ и въ то же время мертвеннымъ лицомъ съ устремленнымъ на нее мутными глазами. Между ними произошло короткій, но многозначительный разговоръ. — Я любилъ васъ! сказала она, а она чувствовала только холодный и томительный испугъ и сознаніе, что у нея нѣтъ къ нему любви. Но вотъ Анна Сер-

гбевна наклонилась брезгливо къ нему. Онъ приподнялся. — Прощайте... Душите на умирающую лампаду, и пусть она погаснет...— Она прикоснулась губами къ его лбу.— И довольно,— промолвилъ Базаровъ, опускаясь на подушку: — теперь... темнота...

Сцена дуэли забавна; но сколько трагизма въ смерти Базарова, сколько съ нею связано воспоминаній и какъ она волнуетъ до сихъ поръ умъ и сердце читателя.

Акварель „Во время бури“, фигурировавшая на выставкѣ английскихъ художниковъ, по силѣ и тонкости письма вполне можетъ соперничать съ произведеніями, писанными масляными красками. Сюжетъ рисунка—драматическій. Двѣ женщины.— по всей фронтности. жены рыбаковъ,—томится въ отчаяніи въ виду разыгравшейся бури. Убогая хижина говоритъ о бедности и лишенияхъ этой поморской семьи, а кричащій грудной ребенокъ напоминаетъ обѣимъ труженицамъ о тѣхъ тяжелыхъ дняхъ, которые придется имъ влечти въ борьбѣ за существованіе, если опора ихъ семьи не вернется, унесенный разъяренной волной. Сквозь маленькое окно видны высокіе гребни ивнящихся валовъ, и гулъ моря такъ и чудится валь при взглядѣ на картинку. Безнадежное отчаяніе у одной и туслая тоска, оградившаяся на лицѣ другой женщины, схвачены съ такой жизненной правдой, что картина Уэддергеда служила однимъ изъ украшеній выставки.

Святославъ ободряетъ своихъ воиновъ къ борьбѣ противъ грековъ. Въ исторіи каждаго народа, особенно въ періодѣ начальномъ, всегда подернутомъ легкимъ туманомъ сомнѣній и незвѣстности, существуютъ историческія личности, окруженныя ореоломъ геройской славы и громкихъ подвиговъ, свидетельствующихъ о значеніи личности въ средѣ современниковъ. Въ нашей исторіи первоначальнаго періода Руси такимъ именно героемъ является князь Святославъ, отецъ Владимира Святого. Этотъ мужественный и храбрый князь, отъ ранней юности закалившій себя въ борьбѣ съ кочевниками, неутомимый въ походахъ, и въ суровой простотѣ своей жизни ничѣмъ не отличавшійся отъ простыхъ воиновъ—фронтно, уже очень рано сталъ предметомъ почтительнаго изумленія и любимиымъ идеаломъ той воинственной дружины, которая его окружала. О немъ, среди этой дружины, сложились цѣлыя сказанія, его воспѣвали въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, о каждой отдѣльной чертѣ его жизни передавались изъ поколѣній въ поколѣнія восторженные рассказы и преданія. Даже слова его сохранились для потомства въ народной памяти, и, тщательно собранныя лѣтописцемъ, дополняютъ живой образъ князя яркими чертами его мужественности. Лѣтописецъ не отъ себя придумалъ все эти рѣчи Святослава къ воинамъ, все эти законченныя и сильные афоризмы, достойныя любого спартака, которыми онъ отвѣчалъ на всякія обращенія къ нему, въ немногихъ словахъ образно и ясно совѣщая многое... Все эти выраженія, въ родѣ: „иду на васъ!“ или: „мертвые срама не имутъ!“—очевидно, доведены были до лѣтописца народною молвою, оценены были имъ по достоинству, и потому именно занесены на страницы его „Повѣсти временныхъ лѣтъ“.

Однимъ изъ самыхъ поэтическихъ эпизодовъ въ жизни храбраго Святослава былъ, конечно, тотъ походъ его въ Болгарію, который былъ имъ предпринятъ въ 967 г. по предположенію византійскаго императора Никифора Фоки, затѣявшаго непосильную для него борьбу съ болгарами дунайскими. Святославъ явился въ Болгарію, усмиривъ болгаръ—и поддался обаянію ихъ земли, ихъ условий жизни, на привольныхъ берегахъ Дуная... Онъ рѣшился остаться здѣсь, если не навсегда, то на долго, и грекамъ пришлось силой вытѣснить своего случайнаго союзника изъ заштой имъ территоріи. Святославу выискался и достойный противникъ—храбрый и опытный воинъ, императоръ Іоаннъ Цизическій. Съ сильнымъ и отлично обученнымъ войскомъ явился онъ на Дунай и навелъ страхъ на воиновъ Святослава. Одинъ Святославъ не наль духомъ: онъ всѣхъ ободрялъ своими рѣчами и всѣмъ показывалъ примѣръ своимъ дѣлами. „Други!“—говорилъ онъ воинамъ своимъ:—„намъ ужъ некуда дѣваться! Волею или неволею мы должны противостать врагамъ... Не посрамимъ же земли русской—ляжемъ, костьми: вѣдь мертвые срама не знаютъ... Станемъ крѣпко! И впередъ всѣхъ васъ пойду—и если моя голова падетъ, то пригнѣтайте о себѣ сами, какъ знаете!“—„Гдѣ твоя голова падетъ—тамъ падутъ и наши головы!“—былъ единодушный отвѣтъ дружины. И началась борьба, достойная гомеровскихъ героев—борьба, подробно и безпристрастно описанная византійскимъ историкомъ Левомъ Дьякономъ.

Въ настоящемъ номерѣ *Нивы* мы воспроизводимъ одну изъ лучшихъ картинъ, красовавшихся на XXVI-й передвижной выставкѣ. Это—картина г. Богданова-Вельскаго: „Проводы новобранца“. Но прежде чѣмъ отмѣтить достоинства этой картины, мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ о самой выставкѣ, пообѣщавшей очень усердно публикѣ на ряду съ двумя другими выставками русскихъ художниковъ—въ академіяхъ наукъ и художествъ.

Говорить, что передвижныя выставки нынѣ не возбуждаютъ уже того интереса, какой онѣ возбуждали прежде. И дѣйстви-

тельно, на XXVI-й выставкѣ передвижниковъ не было ни одной картины, которая вызвала бы шумные толки. Но если такой картины и не было, то съ другой стороны нельзя не признать, что общій уровень выставокъ былъ довольно высокъ. Въ академію наукъ съѣхали тѣ, кто хотѣлъ полюбоваться картиною г. Семирадекаго; въ академію художествъ главное вниманіе привлекали картины и рисунки г. Котарбинскаго,—а затѣмъ мимо остальныхъ картинъ публика проходила довольно равнодушно. На передвижной же выставкѣ около многихъ картинъ собирались группы посетителей и долго не могли оторваться отъ нихъ. Очевидно, все эти картины по замыслу или исполненію казались интересными, возбуждали настроеніе, шевелили мысль. Въ общемъ можно сказать, что передвижники поспояли за себя и поддерживали репутацію своихъ выставокъ.

Если теперь подробнѣе мотивировать высказанное нами сужденіе, то мы прежде всего должны отмѣтить, что такъ-называемая новая школа нашла себѣ очень мало представителей на выставкѣ. За исключеніемъ гг. Левитана и Полѣнова, среди членовъ товарищества и тѣхъ вовсе импрессионистовъ. Да и среди стороннихъ экзепентовъ ихъ было очень мало (гг. Головкинъ и Первухинъ). Далѣе на выставкѣ поражало полное отсутствіе картинъ историческаго содержанія. Картинъ религіознаго содержанія было всего три: одна г. Клодта и двѣ г. Нестерова. Рѣшительно преобладали пейзажи, портретная живопись и жанръ, и въ этомъ отношеніи передвижники не только остались себѣ вѣрными, но даже дали картины, подчасъ мало уступающія лучшимъ картинамъ прежнихъ выставокъ. Такъ, среди портретной живописи мы отмѣтимъ прекрасный портретъ г. Тамань, принадлежащій кисти г. Сѣрова, равно какъ и не менѣе удачныя портреты покойнаго Шинкина и г. Аврамова. Два послѣдніе портрета принадлежатъ опытной кисти г. Ярошенко.

Среди пейзажей мы встрѣчаемъ такія чудныя вещи, какъ поэтической „Прудъ въ старомъ паркѣ“ и таинственную „Корабельную року“ покойнаго Шинкина, или такую прекрасную по цѣннымъ желто-розовымъ тонамъ картину, какъ „Тихій вечеръ“ г. Дубовскаго. Трудно лучше схватить солнечный закатъ на морѣ, съвозъ туманъ и облака, чѣмъ это сдѣлалъ художникомъ.

Но все-таки главною приманкою выставки былъ жанръ. Мы не будемъ говорить о прекрасныхъ головкахъ гг. Брошкинова и Богдаревскаго, объ удачныхъ картинахъ г. Архипова, о вѣчно свѣжихъ по своей жизненности полотнахъ г. В. Маковского: воздать имъ должно, значить повторить общезвѣстное. Мы отмѣтимъ здѣсь только тѣ картины, которыя по сюжету и исполненію обратили на себя особенное вниманіе посетителей: глубоко трогательную картину г-жи Селивачевой: „Мама“, изображающую умершую мать и двухъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, не знающихъ, какъ отнестись къ случившемуся таинственному событію; картину г-жи Ржевской: „Да исправится молитва моя“,—молитва, уравнивающая въ храмѣ всѣхъ людей и возносящая помыслы и чувства подростка и старца, бѣднаго и богатаго, сильнаго и безомощнаго высоко надъ жизненной суетой; картину г-жи Шанкелъ: „На практикѣ“, гдѣ молодая женщина-врачъ, сестры и руководящій необычнымъ своимъ товарищемъ мужчиной-врачъ съ такимъ трогательнымъ вниманіемъ относятся къ своему дѣлу, т. е. свидетельствуютъ большую дѣвочку, чтобы опредѣлить характеръ ея болѣзни; картину г. Касаткина „Что?“ изображающую возвращеніе солдата домой къ женѣ, гдѣ онъ застаётъ новаго малолѣтняго члена семьи и обращается къ женѣ съ грознымъ вопросомъ: кто же отецъ; наконецъ картину г. В. Волкова „Со страстей“,—бытовую сценку возвращенія старой няни съ своимъ воспитанникомъ, гимназистомъ и гимназисткой, изъ церкви вечеромъ на Страстной недѣлѣ, съ горящими свѣчами въ рукахъ, заслоненными цвѣтною бумагою и освѣщающими лица трехъ богомольцевъ, такъ что получается полная иллюзія жизни.

Сюжеты этихъ картинъ по большей части не новы, но художники умѣли имъ придать интересъ новизны. Какая-нибудь отдѣльная черточка раскрываетъ намъ міръ новыхъ понятій, чувствъ, настроеній. Для примѣра остановимся подробнѣе на картинѣ г. Богданова-Вельскаго, снимокъ съ которой мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ *Нивы*. „Проводы новобранца“—какая это старь! Но стѣнитъ только взглянуть на картину, чтобы усилить себѣ огромную разницу между прежними и теперешними проводами новобранца. Вотъ онъ полуразвалился предъ нами въ роспускахъ съ дорожною гармоникою въ рукахъ, въ шезельскомъ полушубкѣ, съ шарфомъ вокругъ шеи, съ шапкою набекрень. Тотъ ли это жалкій новобранецъ, который возбуждалъ наше сочувствіе въ прежнее время? Собственно этотъ новобранецъ уже давно оторванъ отъ семьи. Источенное его лицо свидетельствуетъ, что онъ, несмотря на свои молодые годы, успѣлъ уже властью пожить,—и кто же можетъ сомнѣваться, что и помыслы его, и чувства имѣютъ очень мало общаго съ деревнею и ея интересами? Новобранецъ—отрѣзанный ломтикъ и поминую военной службы онъ не останется въ деревнѣ, онъ уйдетъ отъ нея, потому что даже сравнительная зажиточность провожающихъ его родителей не имѣетъ для него ничего привлекательнаго: настоящая жизнь тамъ, въ городѣ, а деревня давно ему опротивѣла...

І. И. Паульсонъ. (Портр. на этой стр.)

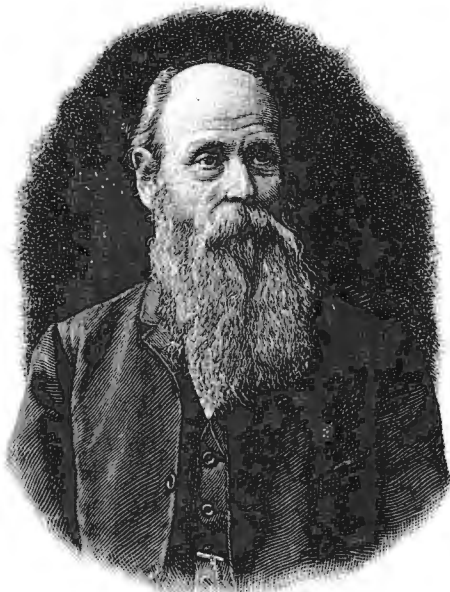
21-го марта послѣ тяжелой болѣзни скончался въ Оспедалетто, недалеко отъ Ниццы, на 73 году жизни, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ педагоговъ Іосифъ Ивановичъ Паульсонъ.

За послѣдніе годы имя Паульсона было забыто; навѣрное многіе, только прочтя навіщеніе о смерти І. И., вспомнили знаменитаго въ свое время Паульсона, доживавшаго свои дни въ старости, на чужбинѣ. Очень мы иногда уже забывчивы. Одна только смерть въ состояніи заставить насъ вспомнить о человѣкѣ подчасъ съ выдающимися заслугами и сказать заднимъ числомъ нѣсколько хорошихъ словъ о немъ. О покойномъ Паульсонѣ очень мало было сказано даже такихъ запоздалыхъ хорошихъ словъ и послѣ смерти. Гдѣ-то въ углу крохотнымъ шрифтомъ былъ помѣщенъ въ нѣсколькихъ газетахъ маленькій некрологъ-формуляръ, — и все. А про то, что это былъ одинъ изъ заслуженнѣйшихъ русскихъ педагоговъ, что вся нынѣшняя молодая Россія выросла на Паульсонѣ, зачитывалась его первой русской начальной хрестоматіей, оставшейся первой до сихъ поръ не только по времени, но и отчасти по значенію, про то, что Паульсонъ основалъ первый въ Россіи педагогическій журналъ, что это былъ буквально пионеръ въ русской педагогикѣ, пробившій первую тропу въ первоначальномъ обученіи нашему родному языку, что всѣ дальнѣйшія наши свѣтила педагогикѣ, самъ даже К. Д. Ушинскій съ его знаменитымъ „Роднымъ словомъ“ и др., явились уже послѣ Паульсона, такъ сказать на расчищенной уже почвѣ, про это какъ бы забыли или какъ-то даже не хотѣли знать, и русское общество прошло мимо этой новой могилы, почти не сознавая, какую оно понесло потерю въ лицѣ І. И. Паульсона, чѣмъ оно обязано покойному педагогу.

І. И. Паульсонъ — рѣдкій образецъ труда и энергіи. Сынъ бѣднаго портного, готовившаго сына къ своему ремеслу, І. И. только личнымъ трудомъ и горячей жаждой къ знанію пробилъ себѣ дорогу къ образованію. Жажда къ наукѣ и стремленіе передать прибрѣтенныя знанія другимъ проснулись въ немъ очень рано. Послѣ цѣлаго ряда лишеній ему удалось получить первоначальное образование въ шведской школѣ и петропавловскомъ училищѣ, и затѣмъ, выдержавъ экзаменъ на званіе домашняго учителя, онъ немедленно отдался педагогической дѣятельности. Въ немъ дѣйствительно скрывался выдающійся преподавательскій талантъ, и вскорѣ онъ, какъ учитель русскаго языка, обратилъ на себя вниманіе въ высшихъ педагогическихъ сферахъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ преподаванія въ частныхъ пансіонахъ, ему было предложено занять должность инспектора педагогическихъ курсовъ, учрежденныхъ великою княгиней Екатериною Михайловною; курсы эти имѣли цѣлью подготовленіе учительницъ для патріотическихъ школъ; кромѣ того, онъ былъ назначенъ экспертомъ по учебной части петербургскихъ начальныхъ училищъ и членомъ-почетителемъ дворцовой школы великой княгини Екатерины Михайловны.

На ряду съ этой практической дѣятельностью І. И. шла, такъ сказать, и теоретическая, которая была также подсказана практикой жизни, это — составленіе его „учебныхъ книжекъ“ и „Книги для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ“. Знаменитыя его „Первая и вторая учебныя книжки“ были цѣннымъ вкладомъ въ русскую педагогическую литературу, такъ какъ у насъ совершенно не было порядочнаго класснаго пособія при обученіи письму и началамъ родного языка. Эти двѣ „книжки“ нашли себѣ широкое распространеніе въ нашихъ школахъ и выдержали цѣлый рядъ изданій. Что же касается его „Книги для чтенія“, то врядъ ли есть много еще книгъ у насъ въ Россіи, которыя разошлись бы въ такомъ количествѣ экземпляровъ, какъ она. Въ 1893 г. была выпущена 95-й десятокъ тысячъ этой извѣстной хрестоматіи.

Сознавая, какъ сильно нуждалась русская школа въ ясныхъ и толковыхъ школьныхъ руководствѣхъ по всемъ предметамъ не только первоначальнаго обученія, но и среднихъ школъ, І. И. Паульсонъ самъ взялся восполнить этотъ серьезный пробѣлъ и составилъ цѣлый рядъ разнообразныхъ руководствъ, пользовавшихся большою популярностью. Изъ такихъ трудовъ его можно указать: „Арифметику по способу Грубе“, „Арифметическій задачникъ“, „Элементарную физику по Крюгеру“, „Учебникъ нѣмецкаго языка для русскаго юношества“, выдержавшій 3 изданія.

І. И. Паульсонъ († 21 марта 1898 г.).
Съ фот. К. Шаниро грав. Шюблеръ.

Желая придти на помощь учителямъ и учительницамъ начальныхъ школъ, І. И. написалъ рядъ дидактическихъ работъ, изъ которыхъ приобрѣли извѣстность: „Обученіе грамотѣ и родному языку по первой учебной книжкѣ“ въ 2-хъ частяхъ, съ политическими и нотами, „Методика грамоты по историческимъ и теоретическимъ даннымъ“, также въ 2-хъ частяхъ, съ массой таблицъ и объяснительныхъ рисунковъ; кромѣ того, очень популярны были его переводы труда Я. Фальке „Новый способъ обученія начальной геометріи“.

Въ тѣхъ же цѣляхъ содѣйствія развитію педагогическаго дѣла въ Россіи, І. И. Паульсонъ основалъ въ 1861 г. вмѣстѣ съ Н. Х. Весселемъ, первый педагогическій журналъ *Учитель*, пользовавшійся въ свое время огромнымъ значеніемъ. Не ограничивался редактированіемъ журнала, І. И. напечаталъ въ немъ много статей педагогическаго характера. Впослѣдствіи І. И. передалъ свой журналъ въ другія руки. Постепенно, съ годами, дѣятельность І. И. Паульсона стала ослабѣвать. Наступили новыя времена, появились на сцену новыя люди, но педагогическое вліяніе І. И. не прекращалось благодаря его руководствамъ. Несмотря на то, что появилось впослѣдствіи много другихъ трудовъ въ этой же области и; по тому же образцу, „Книга для чтенія“ Паульсона ничуть не утратила своего значенія до сихъ поръ. Въ настоящее время въ нашихъ школахъ она вытѣсняется постепенно хрестоматіями новыхъ педагоговъ, но имя и заслуги Паульсона не должны быть вытѣснены изъ памяти русскаго общества. Для десятковъ тысячъ людей, воспитавшихся на этой книгѣ, имя Паульсона было первымъ, которое они прочли въ дѣтствѣ, только что обучившись грамотѣ. Этой книгой они зачитывались, изъ этой книги они почерпали первый знанія, первые уроки нравственности... Пусть же каждый изъ разсѣянныхъ по лицу русскаго земли учениковъ Паульсона съ благодарностью вспомнитъ хоть теперь передъ свѣжей могилой стараго учителя тѣ счастливыя минуты изъ неповоротливой поры дѣтства, которыя онъ пережилъ надъ чтеніемъ его книги... Трудна была его жизнь, вся сотканная изъ заботъ и трудовъ на пользу просвѣщенія родины, — да будетъ ему земля легка!

И. Эйзенъ.

Пасторъ Гиллотъ.

(Портр. на этой стр.)

Въ теченіе 25 лѣтъ при голландскомъ посольствѣ въ Петербургѣ состоялъ проповѣдникомъ пасторъ Гендрикъ-Адольфъ Гиллотъ. 19-го апрѣля прошло четверть вѣка со времени призванія его на теперешній постъ. Его необыкновенный ораторскій талантъ и широкая благотворительная дѣятельность вызывали къ нему за все это время общую симпатію.

Пасторъ Гиллотъ родился 26-го октября 1839 г. въ Гронингенѣ, въ сѣверной Голландіи. Высшее образованіе онъ получилъ въ знаменитомъ лейденскомъ университетѣ.

Дѣятельность свою г. Гиллотъ началъ на островѣ Тесселѣ, на сѣверѣ Голландіи, гдѣ имѣлъ большое духовно-нравственное вліяніе на прихожанъ и нерѣдко рисковалъ жизнью своею для спасенія погибавшихъ во время бурь. Съ 1866 г. по 1873 г. г. Гиллотъ былъ пасторомъ въ двухъ другихъ общинахъ и за это время выдвинулся, и какъ журналистъ, и какъ организаторъ домовъ для рабочихъ. Рѣдкое краснорѣчіе пастора Гиллога обратило на него всеобщее вни-

Пасторъ Гиллотъ (по поводу 25-лѣтія проповѣднической дѣятельности).
Съ фотогр. авторинія „Нивы“.

маніе, и въ 1873 г. онъ былъ призванъ на постъ проповѣдника при голландскомъ носольтвѣ въ Петербургѣ.

Проповѣди пастора Гиллота, которыя онъ проповѣсилъ въ теченіе всей зимы (съ 1-го ноября по 1-е мая) на нѣмецкомъ языкѣ, отличаются поразительною ясностью и необычайной красотой и силой изложенія. Онъ проникнутъ самыми возвышенными христіанскими идеалами и горячею любовью къ ближнему. Удрученные горемъ люди выходятъ изъ скромнаго храма у Полицейскаго моста совершенно преобразенными и обновленными.

Для Петербурга и Россіи пасторъ Гиллотъ сдѣлалъ очень много. Онъ организовалъ выставку художественныхъ произведеній голландскихъ художниковъ, былъ инициаторомъ и въ теченіе 10 лѣтъ душою такъ - называемыхъ школьныхъ дачъ, принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ общества для пособія прокаженнымъ и Александровскаго мужскаго госпиталя; но главныя заслуги его относятся ко времени русско-турецкой войны и голоднаго 1892 г.

Въ 1878 г. пасторъ Гиллотъ во главѣ голландской колоніи въ Петербургѣ организовалъ подъ почетнымъ покровительствомъ великой княгини Ольги Теодоровны госпиталь на 72 кровати, который пробылъ въ Закавказьи до окончанія войны, а потомъ продолжалъ дѣйствовать въ Тифлисѣ до выздоровленія послѣдняго больного. Всего на это дѣло было израсходовано до 100,000 р.

Въ 1892 г. пасторъ Гиллотъ, кромѣ дѣятельнаго участія въ комитетѣ трехъ реформатскихъ пасторовъ по сбору пожертвованій, самостоятельно организовалъ помощь для одного большого селенія на Волгѣ, населеніе котораго не только прокормилъ до лѣта, но и снабдилъ одеждою.

Въ пріютъ для дѣвочекъ, директоромъ котораго состоитъ пасторъ Гиллотъ, принимаются безпріютныя дѣвочки безъ различія религій. Эта полярная въротеримность, протягивающая руку помощи безразлично лютеранину, православному, католику и еврею, особенно чаруетъ во всѣхъ дѣйствіяхъ пастора Гиллота.

Въ этомъ отношеніи очень характеренъ слѣдующій эпизодъ. Въ домѣ голландской церкви умеръ однажды старшій дворникъ. Пасторъ Гиллотъ приказалъ убрать церковный залъ, рядомъ съ церковью, чернымъ сукномъ, и поставить въ залѣ гробъ на катафалкѣ, пригласилъ православнаго священника и самъ со всѣмъ церковнымъ совѣтомъ присутствовалъ на православной панихидѣ.

Остается пожелать, чтобы Петербургъ еще многіе годы сохранялъ столь отзывчиваго къ чужому горю и краснорѣчиваго дѣлателя, какъ пасторъ Гиллотъ.

Въ день своего юбилея пасторъ Гиллотъ могъ убѣдиться въ томъ, какъ любить и уважаетъ его паства, какъ дѣнать его пастырское слово весь приходъ. Пасторъ Гиллотъ, совершивъ богослуженіе въ день своего юбилея, обратился къ своимъ прихожанамъ съ горячей рѣчью, въ которой указалъ на переживаемую многими русскими губерніями нужду и призывалъ всѣхъ помочь братьямъ во Христѣ. Въ отвѣтъ на эту рѣчь тотчасъ же со всѣхъ сторонъ посыпались пожертвованія; многіе отдавали все, что у нихъ было въ кошелькѣ, и въ самое короткое время тутъ же въ церкви было собрано болѣе двухъ тысячъ рублей. Это пожертвованіе было единственнымъ юбилейнымъ подаркомъ пастору Гиллоту. Отъ всякихъ подношеній онъ рѣшительно отказался и принималъ только нѣсколько привѣтственныхъ адресовъ.

Война изъ-за острова Кубы.

(Съ 2 рис. на стр. 358 и 359.)

Возгорѣвшаяся между Соединенными Штатами и Испаніею война изъ-за острова Кубы сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе всего цивилизованнаго міра. Американцы уже нанесли испанцамъ чувствительный ударъ, форсировавъ входъ въ гавань Манилы и уничтоживъ находившуюся тамъ испанскую эскадру. Послѣ Кубы Филиппинскіе острова представляють одно изъ самыхъ цѣнныхъ колоній Испаніи, а столица ихъ, Манила — одинъ изъ самыхъ культурныхъ и торговыхъ центровъ ея колоній. Но какъ въ Азіи, на Филиппинскихъ островахъ, такъ и въ Америкѣ, на островѣ Кубѣ, Испаніи удавалось поддерживать свое владычество только путемъ безконечныхъ кровопролитій, и это объясняется тѣмъ общезнавшимъ обстоятельствомъ, что испанцы привыкли смотрѣть на свои колоніи, ис-

Испанскія войска въ Санъ-Хуанѣ.
По рис. П. Lond. News автотипія „Нивы“.

ключительно какъ на источникъ обогащенія, и притомъ въ самомъ узкомъ и несправедливомъ значеніи этого слова.

Конечно, если сопоставить американцевъ и испанцевъ, то большинство людей склонно будетъ признавать первыхъ народомъ промышленниковъ и торгашей, а вторыхъ — народомъ рыцарскимъ, благороднымъ, все еще окруженнымъ обаяніемъ того духа, выразителемъ котораго былъ знаменитый Донъ-Кихотъ. Но на самомъ дѣлѣ отношеніе Испаніи къ своимъ колоніямъ было всегда проникнуто духомъ крайняго меркантилизма и представляло собою ничто иное, какъ безпощадную и притомъ самую жестокою эксплуатацію. Ихъ владычество на Филиппинскихъ островахъ и на островѣ Кубѣ, уже очень продолжительное, простирающееся на нѣсколько вѣковъ, было сплошнымъ кровавымъ подавленіемъ безчисленныхъ восстаній. Права Испаніи на Филиппинскіе острова или Кубу болѣе, чѣмъ несомнѣны. Испанцы завладѣли Кубой въ 1511 г., а

Филиппинскими островами—въ 1571 г. Они, значить, уже болѣе трехъ вѣковъ владѣютъ этими островами, и тѣмъ не менѣе власть ихъ постоянно подвергается сильнѣйшимъ колебаніямъ, такъ что они въ сущности ни минуты не чувствуютъ себя въ безопасности. Что касается въ частности острова Кубы, то возстанія тамъ не прекращались со временъ перваго генералъ-губернатора Діега Веласкеса. Испанія постоянно отказывала своимъ колоніямъ во всякой свободѣ, въ самыхъ элементарныхъ правахъ самоуправленія и никогда не могла проникнуться ваглядомъ, что колоніальное население существуетъ не только для метрополіи, но и для себя, что и оно имѣетъ права на заботу о собственномъ благополучіи. Неудивительно поэтому, что на Кубѣ давно уже образовалась партія, стремящаяся къ независимости, и что партія эта съ каждымъ годомъ приобретала все болѣе вліянія.

Съ другой стороны и сосѣднія государства, въ томъ числѣ, понятно, главнымъ образомъ Соединенные Штаты, пользовались этимъ безотраднѣйшимъ положеніемъ острова для того, чтобы втянуть его въ сферу своего вліянія. Уже въ 1854 г. Соединенные Штаты объявили, что они считаютъ себя въ правѣ отнять у Испаніи островъ, „который угрожаетъ внутреннему спокойствію Штатовъ“. Надвинувшаяся междуособная война помѣшала Соединеннымъ Штатамъ исполнить свою угрозу. Тѣмъ временемъ возстанія на островѣ не прекращались. Въ началѣ 70-хъ годовъ владычество испанцевъ висѣло на волоскѣ, и только путемъ дѣлаго ряда жесточайшихъ кровопролитій, продолжавшихся Юльѣтъ, Испанія подавила возстаніе. Въ 1895 г. вновь вспыхнуло возстаніе, которое и повело къ нынѣшней войнѣ.

Начинается война при крайне неблагоприятныхъ для Испаніи предзнаменованіяхъ. Независимо отъ сильнаго удара, равняющагося катастрофѣ, нанесеннаго Испаніи Соединенными Штатами на Филиппинскихъ островахъ, въ самой Испаніи происходятъ

безконечныя политическія раздоры, и въ разныхъ частяхъ королевства вспыхиваютъ безпорядки, которые приходится подавлять силою оружія. Испанцы не пахотятся на высотѣ положенія и не представляютъ собою зрѣлища нации, твердо рѣшившейся дать дружный отпоръ вѣшней опасности. Быть-можетъ, самымъ лучшимъ объясненіемъ этого явленія служить тотъ фактъ, что изъ 100 испанцевъ 78 безграмотны. Вся испанская культура, поразившая въ свое время міръ, — достойное прошлаго. Современная Испанія глубоко невѣжественна и въ этомъ отношеніи отстала отъ Соединенныхъ Штатовъ на нѣсколько столѣтій. Донъ-Кихоты можетъ-быть еще и не велось въ Испаніи, но если судьба „рыцарей печальнаго обра-

за“ была столь незавидна въ ихъ время, то теперешніе Донъ-Кихоты навѣрное спасуютъ предъ той всеокрушающей силой, которую мы называемъ современною культурою и которую несомнѣнно въ высокой степени обладаютъ американцы.

Какъ бы то ни было, съ обѣихъ сторонъ происходятъ дѣятельныя приготовленія къ войнѣ. Воспроизведенные въ настоящемъ номерѣ „Нивы“ рисунки даютъ читателю наглядное представленіе о кипучей военной дѣятельности Испаніи и Соединенныхъ Штатовъ. Передвиженіе испанскихъ войскъ при патриотическихъ возгласахъ населенія и предстоитъ влетѣть красивую, оживленную и шумную картину. Съ другой стороны, на эти войска молчаливо, спокойно, но самоувѣренно надвигаются броненосцы съ ихъ разрушительными великанами-орудіями. Кто побѣдитъ: Донъ-Кихотъ или Эдисонъ? Правда, и у испанцевъ есть броненосцы и усовершенствованное разрушительное оружіе: ихъ вѣдь можно купить за деньги, но

Отплытіе американской эскадры изъ Ки-Веста.
По рис. Гг. автотинія „Нивы“.

врядъ ли можно купить за деньги то, что создало современную Америку съ ея изумительными успѣхами во всѣхъ отрасляхъ народной жизни, а только это и можетъ превратить средневѣкового Донъ-Кихота въ опаснаго противника народа, давшаго міру Эдисона.

Политическое обозрѣніе.

Со времени официальнаго объявленія войны политическая печать стала съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за дѣйствіемъ развитіемъ событій въ Испаніи и Соединенныхъ Штатахъ. Разнорѣчивыя навѣстия о ходѣ военныхъ дѣйствій сводились однако только къ захватамъ американцами испанскихъ судовъ, старавшихся прорвать линію блокады у Кубы. Наконецъ, по свѣдѣніямъ отъ 16-го апрѣля, начались морскія сраженія: недалеко отъ кубинскаго порта Матаваса, къ востоку отъ Гаванны, американская контръ-миноноска вступила въ бой съ испанской канонеркой, но вскорѣ постигла отсту-

пить къ главнымъ американскимъ силамъ; затѣмъ американская эскадра бомбардировала Матавасъ, открывъ огонь съ значительнаго разстоянія.

Отвѣчал на запросъ въ палатѣ, мадридское правительство, сообщеніемъ своимъ объ этой бомбардировкѣ 17-го апрѣля, привело депутатовъ въ веселое настроеніе: американская эскадра пустила 60 снарядовъ въ форты матавасской бухты, но жертвъ, кромѣ одного мула, не было; одно американское судно потерпѣло сильную аварію; дисурьенты, повидному, дѣйствуя заодно съ американцами, направились къ Матавасу, но были

отброшены, оставив на мѣстѣ много убитыхъ, — „день былъ славный для Испаніи“.

Вѣдѣ за этимъ успокоительнымъ сообщеніемъ, въ Мадридѣ получено было далеко не утѣшительное извѣстіе, что американцы избрали мѣстомъ рѣшительнаго морскаго сраженія Филиппинскіе острова. Официальной телеграммой изъ Манилы было сообщено 19-го апрѣля испанскому правительству, что накануне непріятельская эскадра пыталась форсировать проходъ; угрозъ непріятель показался къ югу отъ Манилы у Кавитѣ: „произошелъ славный бой“, потери значительны, непріятельская эскадра тоже пострадала. По дальѣйшимъ свѣдѣніямъ, два испанскихъ броненосца сгорѣли, одинъ взорвался, другія суда, потерпѣвъ аварію, удалились, нѣкоторые пришлось потопить, чтобы они не достались американцамъ; потери испанцевъ велики. Называя день этой морской битвы печальнымъ, но доблестнымъ, испанская печать стала призывать испанцевъ къ спокойствію и надеждѣ на будущія побѣды.

По извѣстіямъ изъ Вашингтона отъ 21-го апрѣля, министерство получило слѣдующее донесеніе: двухчасовой бой кончился гибелью испанскаго флота; одно американское судно стало негоднымъ къ бою; американскій адмиралъ предложилъ черезъ англійскаго консула испанскому губернатору выдать пушки, торпеды и сдать телеграфныя станціи, въ противномъ случаѣ послѣдуетъ бомбардированіе города. Губернаторъ отклонилъ требованіе, и бомбардированіе Манилы должно было начаться 20-го апрѣля. Затѣмъ, по извѣстіямъ газеты *Boston Journal*, отъ 21-го апрѣля, президентъ Макъ-Кинлей получилъ отъ адмирала Девелъ официальное увѣдомленіе о сдачѣ Манилы. Въ тотъ же день въ Нью-Йоркѣ получены были свѣдѣнія, что Манила пала, и что на Филиппинскихъ островахъ развѣвается американскій флагъ.

Въ Мадридѣ 20-го апрѣля начались продолжительныя совѣщанія министровъ. Столица Испаніи объявлена въ осажденномъ положеніи. Въ палатѣ депутатовъ и сенатѣ воздана честь доблестно павшимъ на Филиппинскихъ островахъ. Во время бурныхъ прерій ораторъ республиканской партіи потребовалъ установленія ответственности за пролитую кровь всѣхъ виновныхъ отъ низшихъ ступеней административной іерархіи до королевскаго престола включительно. Выразивъ сожалѣніе, что не всѣ испанцы дѣйствуютъ согласно, глава министерства Сагаста заявилъ, что посгательство на отечество преступно особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ; воздавая должное убитымъ, отнынѣ слѣдуетъ проявить еще больше энергіи. Въ

заключеніе, при громкихъ знакахъ одобренія, Сагаста потребовалъ, во имя вопиющаго отечества, утвержденія кредитовъ на войну.

Въ то время, какъ Испанія энергично борется за свои колоніи, опасаясь тревожныхъ событій и въ самой метрополіи, — союздка ея, французская республика ведетъ у себя мирную избирательную борьбу, пожиная въ то же время лавры своей колониальной политики. Всѣ выдающіеся политическіе дѣятели Франціи успѣли уже положить передъ французскимъ избирателемъ свои программы. Въ свою очередь и члены нынѣшняго кабинета не отстаютъ отъ вождей партій.

Въ рѣчахъ сторонниковъ правительства выдѣлялась мысль, что на предстоящихъ выборахъ дѣло идетъ исключительно о борьбѣ умѣренныхъ республиканцевъ съ радикалами и социалистами. Чтобы не дать оппозиціи пристегнуть къ избирательной агитаціи процессъ Зола, дѣло это назначено къ разбирательству лишь послѣ выборовъ. Формулируя ожиданія правительства, органъ г. Меліна *République Française* заявилъ, что правительству достаточно предстать предъ страной лишь съ официальнымъ провозглашеніемъ франко-русскаго союза, чтобы съ гордостью потребовать одобренія страны: правда, союзъ является результатомъ дѣятельности предшественниковъ, но онъ сталъ возможнымъ только при Меліні и Ганото; олицетворяемая союзомъ, политика Франціи, имѣя корни въ народномъ сознаніи и въ положеніи французской республики среди державъ, — является „политикой дѣйствительно національной въ самомъ широкомъ и возвышенномъ смыслѣ слова“; союзъ далъ превосходные плоды — успѣхи въ Азій, Африкѣ и колоніяхъ; только-что оконченными переговорами на дальнемъ Востокѣ Франція пріобрѣла такіе же выгоды, какія предоставлены Китаемъ Германіи, Россіи и Англіи; результаты этой политики кабинетъ г. Меліна можетъ представить на одобреніе страны: „никогда еще Франція не пользовалась такимъ величіемъ и уваженіемъ“.

Дѣйствительно, Франція добила на дальнемъ Востокѣ блестящихъ результатовъ мирнымъ путемъ: въ совѣтѣ кабинета прочитано 16-го апрѣля донесеніе французскаго адмирала о занятіи имъ 10-го апрѣля китайской бухты Кванъ-Чжанъ, при чемъ адмиралъ обмѣнялся съ китаецкими властями визитами, а мѣстное населеніе отнеслось къ французамъ сочувственно. Господствующее настроеніе всей Франціи, какъ надѣются въ политическихъ кружкахъ, обезпечитъ за кабинетомъ г. Меліна на выборахъ громадное большинство.

Смѣсь.

Чего стоило открытіе Америки? — Интересно сопоставленіе стоимости теперешнихъ путешествій съ научною цѣлью съ тѣми издержками, которыхъ потребовало путешествіе Колумба, приведшее къ открытію Америки. На основаніи данныхъ, добытыхъ изъ архивовъ, Колумбъ получалъ содержаніе въ размѣрѣ 1600 итальянскихъ лиръ въ годъ; канитаны обоихъ его кораблей — по 900 лиръ; экипажу платили по 12¼ лиры въ мѣсяцъ на человѣка. Снаряженіе экспедиціи обошлось въ 14,000 лиръ, — итого, открытіе Америки стоило 36,000 лиръ (около 14,000 рублей). Современныя экспедиціи съ научною цѣлью обходятся нѣсколько дороже.

„Девятихвостка“ или „мошна“, какъ извѣстно, еще и нынѣ въ ходу въ Англіи. Роли ея въ англійской арміи и флотѣ г. Кунеръ посвящаетъ двѣ главы своей книги: „Исторія розги во всѣхъ странахъ отъ отдаленнѣйшихъ временъ до нашихъ дней“ (London. 1897). Приговореннаго къ тѣлесному наказанію предварительно подвергаютъ врачебному освидѣтельствованію, послѣ чего отводятъ въ тюремную камеру, гдѣ его ждутъ тюремщики и одинъ или два врача. Осужденному громко читаютъ приговоръ военнаго суда, въ силу котораго онъ подлежитъ наказанію плетью, и обнажаютъ его до пояса. Спишу отъ самой шеи покрываютъ кускомъ суна, а колѣни и руки прикрѣпляютъ къ колодѣ, при чемъ ноги должны быть отставлены какъ

можно дальше, а руки вытянуты впередъ; грудь подпирается деревяннымъ чурбаномъ. Связанный такимъ образомъ преступникъ долженъ вынести до 25 ударовъ; но такъ какъ каждая „кошка“ состоитъ изъ девяти плетей, то въ дѣйствительности наносится 225 ударовъ. Предполагается, что кожа выдерживаетъ удары, пока ужасная „кошка“ находится въ опытныхъ рукахъ; но такъ какъ случайные палачи мѣняются, а подлежащія ихъ вѣдѣнію кожи не одинаковы, то неодинаково и дѣйствіе „гуманнаго“ наказанія. Одинъ врачъ утверждаетъ, что легкое кровозливіе смягчаетъ боль, предупреждая воспаленіе; другой говоритъ, что заживленіе пораненной спины иногда представляетъ большія трудности. Дѣло принимается вѣскольکو другой видъ, когда вмѣсто „девятихвостки“ употребляется березовая розга, — англійская форма кнута, по выраженію одного англійскаго судьи. Преступникъ раздѣтъ до половины и стоитъ на колѣняхъ, прислонившись туловищемъ къ деревянной подпоркѣ, обѣсанной соотвѣтственно формамъ человѣческаго тѣла; на тюремномъ жаргонѣ она зовется *топи*. Удары розги, предварительно намоченной въ соленой водѣ, направлены на мясистыя части тѣла и сыплются такъ обильно, что по окончаніи экзекуціи тѣло наказаннаго болѣе или менѣе напоминаетъ сырой бифштексъ. Слѣды этого наказанія неизгладимы.

Разныя извѣстія.

— Въ *Правительственномъ вѣстникѣ* напечатано сообщеніе, выясняющее положеніе населенія въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Конечный выводъ сообщенія слѣдующій: „Неурожаи мнучаго года далеко не можеть идти въ сравненіе съ обдѣствіемъ 1891 г. и, благодаря принятымъ къ облегченію положенія нуждающихся мѣрамъ, какъ выяснилось нынѣ, населеніе не встрѣтитъ особыхъ затрудненій въ продовольствіи и по обдѣственію яровыхъ полей весной сего года, но при всемъ томъ остается широкое поле дѣятельности и частной благотворительности въ означенныхъ мѣстностяхъ для борьбы съ послѣдствіями недорода, которыя сказываются, очевидно, не въ одномъ недостаткѣ средствъ для прокормленія населенія, подлежащемъ устраненію продовольственными мѣрами, но также въ общей нуждѣ по прокормленію скота, въ топливѣ и проч. Особливаго поощренія благотворительности заслуживало бы населеніе, не входящее въ составъ сельскихъ обществъ и не пользующееся правомъ на продовольственную помощь, согласно общепостановленному порядку. Для этой части населенія, по состоянію средствъ общаго продовольственнаго капитала, могли бы назначе-

ны сравнительно весьма незначительныя суммы и то только для выдачи ссудъ нуждающимся, а не безвозвратныхъ пособій, въ чемъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, во многихъ случаяхъ представляется необходимостью.

Въ виду сего министерство внутреннихъ дѣлъ встрѣтило вполне сочувственно предложеніе главнаго управленія Россійскаго общества „Краснаго Креста“ относительно оказанія помощи населенію пострадавшихъ отъ неурожая прошлаго года мѣстностей Имперіи. Равнымъ образомъ всякія частныя пожертвованія, облегчая положеніе наиболѣе нуждающихся отдѣльныхъ семей и лицъ сельскаго населенія, безъ обремененія ихъ долгами, не могутъ не быть признаны весьма желательными“.

— Петербургъ, проѣздомъ въ Сибирь, посѣтила шведская экспедиція для разысканія Андра. Экспедиція эта состоитъ изъ трехъ членовъ: доктора философіи Стадлинга, Нильсона и инженера Френкеля, брата одного изъ двухъ спутниковъ Андра. Экспедиція снаряжена шведскимъ антропологическимъ и геологическимъ обществомъ и имѣетъ цѣлью произвести розыскъ Андра по берегамъ и островамъ Ледовитаго океана и попутно произвести нѣкоторыя

геологическія изслѣдованія. Путь этой экспедиціи лежитъ на Иркутскъ и Томскъ, а далѣе водою внизъ по Енисею. Между прочимъ, экспедиція эта везетъ въ даръ томскому университету отъ барона Норденшильда рѣдкую коллекцію бабочекъ и насѣкомыхъ Норвегіи и сѣверныхъ странъ, которыя посѣтилъ Норденшильдъ. Глава экспедиціи г. Стадлингъ владеетъ русскимъ языкомъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ РѢДКИМЪ СЛУЧАЕМЪ!

Изящные и прочные карманные **МУЖСКИЕ ЧАСЫ**

открытые, ремонтные, т. е. заводъ безъ ключа, съ пылепредохранительнымъ стекломъ, прочный механизмъ, массивно обтянутые золотомъ, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, съ изыщной цѣпочкой и брелокомъ „Вѣра, Надежда и Любовь“ изъ американскаго золота

Вмѣсто 9 руб. всего только за 4 руб. 50 коп.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Часы тщательно вывѣренные выслаются по полученіи 1 руб. задатка, остальное наложеннымъ платежомъ.

Адресъ: Торговой фирмѣ

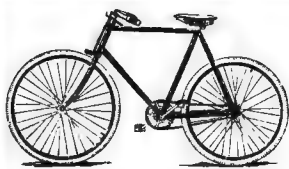
М. М. Жазановъ

Складъ жевевскихъ и французскихъ часовъ въ **ВАРШАВѢ**.

При заказѣ 2 шт. и болѣе предлагается безпл. одна с-серебр 84 пробы крестовая цѣпочка.

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ
А. С. УИК

ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ
МЫЛО
МОЛОДОСТИ
МОСКВА. 20 коп. кув.

Вновь получены транспорты **ВЕЛОСИПЕДОВЪ**

Винторъ, Колумбія, Тигръ, Свифтъ, Таунзэндъ и Гудби.

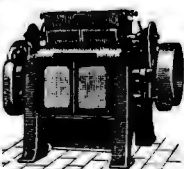
ВЫСОЧ. УТВ. ТОВАРИЩЕСТВО
МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Кіевъ, Одесса,
Варшава, Никандъ,
Екатеринбургъ, Ростовъ и др.

М. Блок

НОВЫЯ КНИГИ:

ТЕОРИЯ ПОСТАНОВКИ ГОЛОСА по методу старой итальянской школы, и примѣненіе теоріи къ практическому обученію красному образованію пѣвческихъ звуковъ. Соч. проф. Юр. Арнольда. Вып. I, ц. 40 к., съ перес. 50 к. Вып. II, ц. 40 к., съ пер. 50 к. „РѢчь и Пѣніе“ Теоретическій и практический курсъ физиологіи, гігіены и терапіи голоса. Гигіена и лѣченіе болѣзанъ пѣвцовъ и ораторовъ. Лекціи д-ра медиц. и естеств. наукъ, профес. срани. анатоміи и гистол. академіи въ Бордо, П. Гарно, съ 82 рис. Пер. съ фр. подъ ред. д-ра В. Бурнискаго. Книга содержитъ въ себѣ около 500 стр. и исчерпываетъ вполне и разносторонне данный предметъ. Пѣвцы и ораторы найдутъ въ ней всё необходимое свѣдѣнія для правильной постановки, развитія, усовершенствованія, восстановленія, сохраненія и лѣченія голоса. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Подробное содержаніе книги, образчики рисунковъ, каталогъ книгъ и нотъ высыл. безплатно. Книжно-музыкальный магазинъ П. К. Селверстова, СПб., Садовая, 22.

МЕЛЬНИЧНО-ОТРОИТЕЛЬНАЯ КОНТОРА

Г. Даверіо

Мясницкая, д. Давыдовой, бывш. Спиридоновой. **МОСКВА.**

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВАЛЬЦОВЫЕ СТАНКИ:

для крѣстьянскаго помолу, **„НОВОСТЬ“**

ЗАМѢНЯЮЩІЕ ЖЕРНОВА. 6-3

Самое полное русское изданіе. Пер. съ послѣдняго (62) значительнаго дополн. изданія: **Пасторъ С. КНЕЙПЪ. ВОДОЛѢЧЕНІЯ** испытанное въ теченіи слѣшкомъ сорока лѣтъ и составленное для лѣченія болѣзаней и сохраненія здоровья. Съ 28 рис. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. **Его-же: КАКЪ НАМЪ НАДО ЖИТЬ.** Указанія и совѣты для здоровыхъ и болѣзнь людей, для простой и разумной жизни и естественныхъ методовъ лѣченія. Переводъ съ 21 янвца. изд. Ц. 80 к., съ перес. 1 р. **Приглашается подписка на новую книгу: Профес. Э. Бонъ КНИГА О ЗДОРОВЬИ И БОЛЬНОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ.** Переводъ съ послѣдняго (16) янвцаго изданія подъ редакціей д-ра мед. В. И. Рамма. Три тома (болѣе 80 печатн. листовъ большаго формата и убористой по четкой печати) со множествомъ рисунковъ въ текстѣ. Цѣна за всѣ три тома по подпискѣ 4 р., съ пер. 5 р. Томъ I-й вышедъ и выдается подписч. По выходѣ всего изд. цѣна будетъ повышена. Въ книжномъ магазинѣ М. В. ПОПОВА, С.-Петербургъ, Невскій, 48.

ВЫШЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

ПРИГОТОВЛЕНІЕ **ИСКУССТВЕННЫХЪ**

МИНЕРАЛЬНЫХЪ
ВОДЪ,

лимонадовъ, фруктовыхъ водъ пива, меда, кваса, кислыхъ щей, укуса и кефира домашнимъ и фабричнымъ способомъ. СПб. 1897 г. Цѣна 75 к.

НАВИВКА ЧУЧЕЛЪ

руководство къ приготовленію животныхъ для коллекціи и собранія насекомыхъ, съ 25 рис. въ текстѣ. Сост. И. А. Пашкевичъ. СПб. 1896 г. Цѣна 50 к.

КУЗНЕЧНО-СЛЕСАРНАГО

мастерства для любителей и самообученія, съ 103 рис. въ текстѣ. Составилъ П. А. Федоровъ. СПб., 1896 г. Цѣна 1 руб.

РУКОВОДСТВО КЪ ЖИВОПИСИ

масляными красками. Фридриха Ленике. олимп. переводъ съ 4-го янвцаго изданія, исправленнаго и дополненнаго. СПб., 1896 года. Цѣна 1 рубль.

О БРАЧНОМЪ СОЮЗѢ

о расторженіи брака (разводѣ), о власти родителей, о правѣ законныхъ, усыновленныхъ и незаконныхъ дѣтей, учрежденіе опеки и попечительства. Составилъ повременный А. З. Соколовскій. СПб. Цѣна 1 р.

Шахматы

руководство для начинающихъ. Г. Р. Неймана. Третье дополненное изд. А. Линде. СПб. Цѣна 1 р. 50 к.

Выписывающіе изъ книжной торговли А. Ф. Нарышкина, С.-Петербургъ, Апраксинъ дворъ, за пересылку не платятъ. Наложеннымъ платежомъ прибавляется 10 к. за бандероль.

НОВОСТЬ!!!
НАУЧУЮВЯ ПЕРЕДВИЖНЫЯ БУКВЫ
(домашн. типогр.)

Полные приборы съ принадлежностями, которыми всакий самъ въ состояніи печатать бланки, адр., карты, конверты, повѣстки, циркуляры и пр.
Компл. изъ 140 буквъ 2 р. 25 к.
" " " 260 " 4 р. 50 к.
" " " 300 " 5 р.
" " " 450 " 6 р.
" " " 650 " 8 р.

Тонкость или задатокъ можно выслать почтовымъ переводомъ. Требования прошу адресовать въ магазинъ штемпельной фабрики

И. Д. ЛЕВИНСОНА
Вашага. Сенаторская ул. № 30.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Вс. С. Соловьева. Романъ-хроника XVIII в. Время паденія Бироны и воцаренія Елисаветы. Изд. 3-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскош. колен. перел. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

УМЫВАЛЬНИКИ
и КРОВАТИ
А. Е. ПРѢЛОВСКІЙ
ГОРОХОВАЯ № 27.
Издѣлія
СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ.
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
ДѢТСКІЯ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО
КОЛЯСКИ. ТРЕБОВАНІЮ.
Второй магаз.: Невскій пр., № 53.

CELESTINS
GRÈS-GRILLE
HOPITAL
VICHY
Avoir soin de designer la source.
7 26 7401 № 11

Наводненіе. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ЭЛЕОПАТЬ
пров. Кинунена
я УПОТРЕБЛЯЮ.
ЭЛЕОПАТЬ КИНУНЕНЪ!
?СОЛОВЪ ЯВ!
Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ переулокъ, № 1.

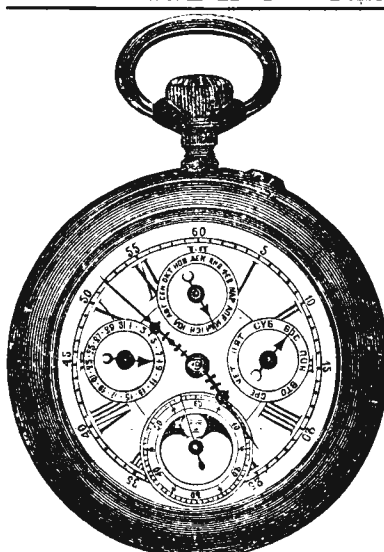
ТВОИМЪ ШОКОЛАДЪ КАКАО
ВЕЗДѢ

ДЕШЕВО, ПРАКТИЧНО и ПОЛЕЗНО.
НЕОБХОДИМО ДЛЯ КАЖДАГО.
Изящные и прочные карманные мужские часы, открытые, ремонтные, т. е. заводъ безъ ключа, съ пылепредохранительнымъ стекломъ, прочнымъ механизмомъ, массивно обтянутые золотомъ, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, съ изыщною цѣпочкою изъ новаго американскаго золота
всего только за 5 руб.
Письменное ручательство на шесть лѣтъ. Часы, тщательно вывѣренные, выслаются по полученіи 1 руб. задатка.
Адресъ: Торговой фирмѣ **Бр-въ ВАРКОВИЦКИХЪ**
Складъ жевевскихъ и французскихъ часовъ въ Варшавѣ, Зельная, 41.

ПОЛЬ МАРИ
 ПЕРЕВЕДЕННЪ
 на Невскій пр., № 13,
 уголъ Большой Морской.
 ФИРМА
 другого магазина не имѣть.
 В. № 11192-2-1

PRECIOSA VIOLETTE
 ПРЕЛЕСТНЫЕ НЪЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
 Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самага
 тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за
 волосами. Рисовая пудра незалитная и неослабляющая.
ED. PINAUD
 PARIS

ВИСБАДЕНЪ близъ Рейна.
 Превосходныя климатическія условія.
 Лѣченія, а также всевозможныя развлечения для больныхъ въ продолженіе
 всего года: весенній, лѣтній, осенній и зимній сезоны.
 Знаменитыя горячія соляныя ванны 55 град. по Реомюру.
 23 горячихъ источника.
 29 купаленъ съ 1000 нуп. кабинетовъ, съ душами и т. д.
 Больше 100 комфортаб. гостиницъ, мебл. р. отелей и т. д.
 Холодное водолѣченіе. Электрическія, хвойныя, паровыя, грязевыя и меди-
 цинскія ванны; русскія, римскія и мавританскія бани, бассейны для плаванія.
 Пневматическія камеры. Электротерапия. Ортопедія. Врачебная гимнастика.
 Массажъ. Лѣчебница для нервныхъ и т. п. больныхъ. Знаменитыя глазныя
 лѣчебницы. Лѣченія дѣтот, коровинымъ молокомъ, по методу Кнейппа, рацио-
 нальными прогулками по горамъ. Всѣ минеральныя воды для питья. Вдыханія.
 Крытыя веранды для питья и для прогулокъ. Особно лѣченіе виноградади.
 Врачи-специалисты.
 Кургаузъ съ концертнымъ заломъ, читальней (больше 300 журналовъ), съ помѣ-
 щеніями для игръ, для танцевъ, съ общей гостиной, буфетомъ и прекрас-
 нымъ паркомъ.
 Ежедневно 3 концерта. Прославленныя развлечения и празднества, устраи-
 ваемыя лѣчебнымъ управленіемъ: садочныя и ночныя балы, фейерверки, корсы,
 поѣздки на Рейвъ, собранія, концерты, даваемые первыми норифеями ис-
 кусства, членія и т. д. Лауль-тенисес. Трени для велосипедистовъ. Красивая
 лѣсенная мѣстность.
 Богато обставленный королевскій театръ съ перзклассными представле-
 ніями. Нѣсколько частныхъ театровъ (оперетки, дивертиссементъ и т. п.).
 Музей. Картинная галерея. Постоянная художественная выставка.
 Приятнѣйшая жизнь общ ствомъ.
 Превосходное мѣстопребываніе. Благопріятныя условія жизни (элегантныя
 виллы, бель-этажи и т. п.), отличныя учебныя заведенія (гимназій, пансіоны,
 школы музыки и т. д.), умеренные сборы съ прѣзавихъ. Отличныя
 средства сообщенія.
 Иллюстр. проспекты можно получать черезъ городское лѣчебное управленіе
 (städtische Kurverwaltung). R. № 11131-2-2

благодаря большому опыту и новому
 усовершенствованному способу изгото-
 вленія часовъ моего производства, я
 имѣю возможность продавать самыя
 практичныя прочныя и изящныя кар-
 манныя МУЖСКІЕ ЧАСЫ черныя воро-
 неной стали, открытыя, анкеръ 15 лини.,
 съ вѣчнымъ календаремъ и элегант-
 ной цѣпочкой, американскаго золота
 chatelaine, съ брелокомъ, вмѣсто 15 и
 17 руб.

только за 8 и 10 руб.
 Часы эти отличаются весьма вѣрнымъ
 ходомъ и, кромѣ обыкновеннаго вре-
 мени, автоматически показываютъ мѣ-
 сяцы, дни, число и фазы луны.
 Такіе же серебряныя крытыя,
 всѣ три крышки 84 пробы, на
 4 руб. 50 коп. дороже.
**ПИСЬМЕННОЕ РУЧАТЕЛЬ-
 СТВО НА ШЕСТЬ ЛѢТЪ.**
 Высылаю по полученіи задатка 2 р.,
 остальное же наложеннымъ платежомъ.

А Д Р Е С Ъ:

ШАРЛЬ ГЕЙЛЕРЪ.

Фабричный складъ жевевскихъ часовъ въ Варшавѣ.

№ 11147 Множество благодарственныхъ писемъ и отгавовъ. 10-3
 Цасимовская невѣста. Ист. ром. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 2 руб., съ
 пер. 2 р. 30 к.; въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

При этомъ № прилагаются два объявленія: 1) для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ—отъ конторы „Малаго Энциклопедическаго словаря“ Брокгауза
 и Ефрона въ СПБ.; 2) для гг. иногородныхъ подписчиковъ (за исключеніемъ московскихъ)—отъ Братьевъ Старлей въ СПБ.

**EAU DENTIFRICE
 BALSAMIQUE DE LOHSE**
 БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ
 запахъ во рту. № 5421 (113)
 Его избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ под-
 дѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ
 и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Послѣдній прогрессъ часового искусства во Франціи
часы „ОМЕГА“ только по 2 р. 75 к.

ОМЕГА новѣйшей конструкціи мужскіе карманныя суточные часы.
ОМЕГА единственныя вѣрные часы.
ОМЕГА превосходятъ всѣ до сего времени часы.
ОМЕГА наилучшіе и усовершенствованныя часы.
ОМЕГА вывѣрены до минуты.
ОМЕГА признаны какъ практичн., легкіе и изящн. на фабрикахъ, заводахъ и пр.
!!!НЕВЫВАЛАЯ НОВОСТЬ!!!
 Усовершенствованныя карманныя часы „OXIDE“ 1-го сорта, показывающія
 на циферблатѣ мѣстное время всѣхъ главнѣйшихъ городовъ Европы.
 Съ пересылкою по 15 рублей.
 Исключительная продажа для всей Россіи въ складѣ часовъ:
 въ Варшавѣ, Нецкая ул., № 12 и Театральная площ., № 11.
 Складъ высылаетъ (franco) по почтѣ съ наложеннымъ платежемъ
 Часы „ОМЕГА“ за 2 р. 75 к. Ц № 11159 2-2
 Часы „OXIDE“ за 15 руб.
 съ пересылкою во всѣ города Россіи и мѣстности Имперіи.

Пріемъ мѣховыхъ вещей, ковровъ и пр. на храненіе
МОДИ
 въ мѣховыхъ магазинахъ. **Ф. Л. МЕРТЕНСА**
 1) Невскій просп., 21, собств. домъ. 2) Гостиный дворъ, № 53.
 Всѣ вещи сохраняются въ специально для храненія устроеныя скла-
 дахъ. Полная отвѣтственность за сохранность. В. № 11122 4-4

Согласно Высочайше утвержденному 30-го января 1898 г.
 Положенію Комитета Министровъ
РОССІЙСКОЕ СТРАХОВОЕ ОТЪ ОГНЯ ОБЩЕСТВО,
 учрежденное въ 1827 году
 ПРИНИМАЕТЪ НАЗВАНІЕ:
ПЕРВОЕ РОССІЙСКОЕ СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО,
 учрежденное въ 1827 году
 и включаетъ въ число своихъ операцій
СТРАХОВАНІЕ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ,
 какъ коллективное рабочихъ и служащихъ на фабрикахъ и
 заводахъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.
**ВЫСОЧАЙШЕ
 УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО**
**ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ
 ЛАБОРАТОРІЯ**
 ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. 21.
ХИМНАЯ ВОДА ДЛЯ ВОЛОСЪ.
 С-Петербург, Еранбен, Урала, изготави, и продажъ емше-
 означенной воды какъ не содержитъ въ себѣ ни ссс азъ
 ердан, заор, веш, разраш, на оссу, основан, торг.
 вода Филодоръ, Шампунъ (Мыльн., эссен.)
 Гочическая вода. для мытья головы.
 МАГАЗИНЫ: С.-Петербургъ, Измайловскій пр. 21.
 Вознесенскій-пр. 10. Казань, Казанскій пр. 10.
 НЕВСКІЕ ПР. 21. ИВАНОВСКОЕ ПР. 10.
 Магазины въ Москвѣ на Кузнецкомъ мосту, домъ № 107.

№ 19.

XXIX г.

1898 г.

Содержаніе:

ТЕКСТЪ. Въ туманъ величія. Историческая повѣсть П. Н. Полевого. (Продолженіе.) — Золотой рогъ. Разсказъ І. О. Ганзена. — Рѣдкое явленіе атмосфернаго электричества. Очеркъ А. В. Пастухова. — Къ рисункамъ: Мать. — Слава Богу! — Заврался. — Близъ Ялты. — Сожженіе мѣстическихъ книгъ, по повелѣнію царя Феодора Алексѣевича, 12-го января 1682 года. — Вечерній свѣтъ. — Геронимъ Савонарола. — Война изъ-за Нубы. — Происхождение пола у насѣкомыхъ. — Библиография. — Разныя извѣстія. — О переѣздѣ адреса. — Объясненія.

РИСУНКИ. Мать. Картина Ф. Д. Милья. — "Слава Богу". Картина Н. Ивановой. — Заврался. Картина В. Е. Маковского. — Близъ Ялты. Картина И. Айвазовскаго. — Сожженіе мѣстическихъ книгъ по повелѣнію царя Феодора Алексѣевича, 12 января 1682 г. Ориг. рисунокъ К. В. Лебедева. — Вечерній свѣтъ. Картина Э. Креспи. — Геронимъ Савонарола. — Адмиралъ Девей. — Манила, столица Филиппинскихъ острововъ. Видъ города и порта. — Война изъ-за о. Нубы. Карта главнаго театра военныхъ дѣйствій. — Происхождение пола у насѣкомыхъ. Рис. 1. Песочныя церчерисы (Cecgeris aegaria. Z). Рис. 2. Песочная аммофила сбоку. Самка (львѣе) и самецъ. Рис. 3. Разрѣзъ гнѣзда аммофилы съ гусеницей. Рис. 4. Первая яички гнѣзда стѣбною халикодомы. Рис. 5. Левкосписъ большой. Рис. 6. Осмія золотистая (Osmia aurulenta Panz.) и ея гнѣздо въ стаблѣ ежевики. Рис. 7. Филанты съ пчелами и ихъ гнѣздо въ землѣ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Г. И. Сементковскій.

5/10 вкладн. съ выигр. листы Гос. Дв. Зем. Банка 1889 г.

17 тиражъ 1-го мая 1898 г.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

Table with 18 columns: № сер., № лист., Сумма. It lists various lottery numbers and their corresponding sums across multiple series.

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія:

37, 49, 61, 165, 206, 226, 330, 744, 796, 1129, 1217, 1265, 1511, 1633, 1717, 1779, 1998, 2295, 2398, 2564, 2601, 2657, 2696, 2806, 3010, 3029, 3206, 3271, 3278, 3390, 3452, 3458, 3608, 3693, 3870, 3903, 3947, 4110, 4227, 4229, 4249, 4479, 4662, 4674, 4820, 4939, 4978, 5209, 5382, 5388, 5482, 5533, 5588, 5674, 5676, 5997, 6006, 6080, 6107, 6350, 6526, 6535, 6635, 6748, 6906, 6924, 7004, 7034, 7117, 7121, 7324, 7568, 7585, 7670, 7868, 7881, 7919, 8089, 8407, 8567, 8710, 8789, 8958, 9104, 9249, 9293, 9745, 10018, 10332, 10396, 10447, 10702, 10750, 10805, 10871, 10969, 11236, 11575, 11809, 11989, 12308, 12503, 12654, 13012, 13069, 13253, 13545, 14098, 14112, 14437, 14529, 14733, 14823, 15010, 15097, 15225, 15256, 15458, 15484, 15545, 15788, 15943.

Всего 122 серіи, составляющія 6100 листовъ, на сумму 793.000 рублей.

Новое изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ.

ОТПЕЧАТАНА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„ИНСТИНКТЪ И ПРАВЫ НАСѢКОМЫХЪ“.

Изъ энтомологическихъ воспоминаній

ФАБРА.

Съ 213 рисунками.

Переводъ съ франц. Е. М. Шевыревой. Подъ редакц. ученаго секретаря Русскаго Энтомологическаго Общества Ив. Я. Шевырева.

Въ книгѣ Фабра, живымъ и общедоступнымъ языкомъ, излагаются многолѣтнія наблюденія автора надъ любопытными проявленіями инстинкта насѣкомыхъ. Объ интересѣ и общедоступности изложенія можно судить по статьѣ „Происхождение пола у насѣкомыхъ“, помѣщенной въ настоящемъ номерѣ „Нивы“, на стр. 380—390. Текстъ книги иллюстрированъ многочисленными рисунками изъ сочиненій наиболее авторитетныхъ ученыхъ энтомологовъ. Книга издана очень изящно и отпечатана на лучшей бумагѣ четкимъ шрифтомъ.

Большой томъ въ VIII+590 страницъ большого 8, съ 213 рисунками. СПБ. 1898 г.

Цѣна книги 3 руб., съ пересылкой 3 руб. 75 коп.

Съ требованіями обращаться въ Контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, М. Морская, № 22.

ЗАЯВЛЕНІЕ

лѣжится въ лѣчебномъ учрежденіи И. И. Гиммлера. Москва, Новая Басманная, д. Ланна. ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ

Условія высылаются бесплатно.

ПИСАТЬ не только красиво, но и сколько можно умчичиво въ 6 уроковъ научно. Методъ удостоенъ золотой медаліи и благодарности короля Эллиновъ. За двѣ 7 коп. марки высылаю условія и пробное письмо. Одесса. Соборная площадь, д. Палуцкой, кв. 40. Проф. вѣд. Э. Кошардирск.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Вс. С. Солоньевъ. Романъ-хроника XVIII в. Время паденія Бироуа и воядерія Елисаветы. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскоши. коленк. перелд. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ПАМЯТЬ

лицъ кажд. возр. укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 урок.) профес. именованн. С. Файнштейнъ. Одесса, ул. Пушкинской 1 в. Вац. ул., собствен. домъ, № 28. Условія и 2 брош. (въ 64 стр.) высыл. за одну 7-ми коп. марку.

№ 10917 20—14

Advertisement for 'ФИЛИТРАНЪ' (Filitran) and 'САКАТЫКЪ' (Sakatyk) products, featuring a globe and decorative elements.

ПОСЛѢДНІЙ

добровольный обмѣнъ на 4% ренту 4% облигацій внутреннихъ займовъ 1887 года и 2-го, 3-го и 4-го—1891 года и выпущенныхъ въ кредитныхъ рубляхъ 4% облигацій казенныхъ жел. дорогъ.

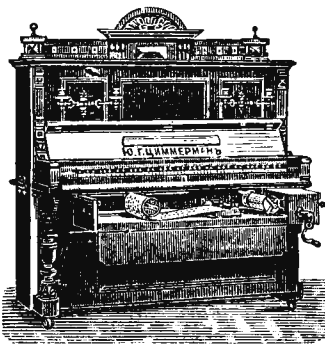
ЗАЯВЛЕНІЯ

принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственного Банка и въ Казначействахъ тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ учрежденій Банка.

КРАЙНІЙ СРОКЪ

№ 11073 12--8

подачи заявленій 15 Іюня 1898 года. Подробныя условія обмѣна въ ежедневныхъ газетахъ.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПИАНИНО

Можно играть, какъ на обыкновенномъ пианино, а также посредствомъ верчения ручки отлично исполнять всевозможные пьесы и танцы. Цѣна 550, 600, 700 и 800 р. Ноты по 2 р. 25 к. и дороже. Списокъ пьесъ бесплатно.

МЕХАНИЧЕСКІЙ ТАПЕРЪ

приставляется къ каждому ролю или пианино и даетъ возможность исполнять всевозможные пьесы и танцы посредствомъ верчения ручки. Цѣна 175 р. Ноты по 2 р. 25 к. и дороже.

Симфоніоны, аристыны, герофоны, органъ-интона, фениксъ-органъ, оркестръ-манопанъ, пиано-мелодіно и другіе механическіе музыкальные инструменты лучшаго качества, по умереннымъ цѣнамъ.

Прейсъ-курантъ и списки нотъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО И ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.

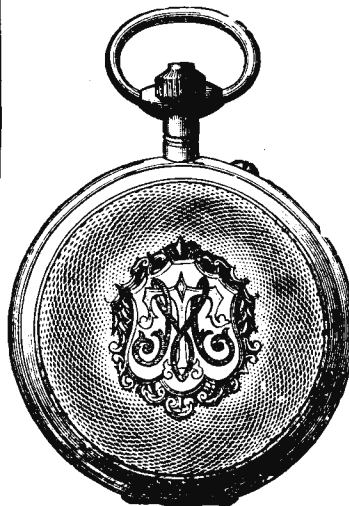
Складъ и изданіе нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. | Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

САНАТОРИЯ ДРАХЕНКОПФЪ.

Лѣченіе горныхъ воздуховъ. ЭВЕРСВАЛЬДЕ близъ БЕРЛИНА. Здоровый климатъ. Физически-дѣтетическія лѣчебныя средства. Терпія по системѣ Суггестіонъ. Идеальное спокойное расположеніе въ небольшой, окруженной лѣсомъ мѣстности на высотѣ Драхенкопфа. Комфортабельно благоустроена. Огромный паркъ съ приспособленіями для лѣченія чистымъ горнымъ воздухомъ, солнечными и атмосферными горными ваннами и т. д. Завѣд. врачъ: докторъ медиц. фонъ-Иваллфельдъ. Пропскты бесплатно. Вѣдѣльцъ Г. Ремеле. Р. № 11165 13-2

Благодаря большому сбыту и новому усовершенств. способу изготовленія часовъ моего производства, я имѣю возможность продавать съ 1 іюля мин. г. самыя элегантныя и прочныя МУНОНИЕ ЧАСЫ американскаго золота, трудно отличимые, даже спеціалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анеръ, механизмъ самой лучшей конструкии (удостоен. серебр. медалью на женевокой выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣпочкою, тожъ американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, вмѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящія золотыя, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе. Такіе же ДАМОНІЕ дорожы на 1 рубль.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ.

Всылаю вполнѣ вывѣренныя часы по полученію задатка 2 р., остальное же наложенномъ платежѣмъ. АДРЕСЪ:

Ш. ГЕЙЛЕРЪ

Складъ женевокихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.

◆ Множество благодарств. писемъ и отзывовъ. ◆

Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземп. снабженъ пломбою фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. № 11065 5—8

ВЪЗНИ
для помѣстій, школь, фабрикъ, парашодовъ, желѣзныхъ дорогъ и проч.

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ
въ несчастныхъ случаяхъ при раненіяхъ, ожогахъ, отравленіяхъ и проч.

ЯЩИКЪ САМАРИТАНИИ
издан. МАГАЗИНА МАТЬ ДИТА
Д-ра ГОРИНЬСКОГО съ наставленіями.

СПЕТЕБУРГЪ
ПАНТЕЛЕЙМОНСКАЯ 12
ЦѢНА 20—60 РУБ.

ОДОБРЕНЪ МЕДИЦИНСКИМЪ СОВѢТОМЪ.

ПОРТМОНЭ

ТОЛЪКО 1 РУБ. 85 КОП.

со штемпелемъ, изъ прекрасной черной онойки, съ 5-ю отдѣленіями, 1 внутреннимъ закрытымъ для звонкой монеты и однимъ особо закрытымъ для золота. Корпусъ изъ одного куска, съ мех. замкомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для краски. Въ штемпель можно помѣстить имя, отч., фамилію и званіе, по желанію и корону. Дамскія изданія по тѣмъ же цѣнамъ. Изъ тюленев. кожи штука на 40 коп. дороже. Цѣны съ пересылой: въ Азіатскую же Россію съ прибавленіемъ части въсвоныхъ. Налож. платежъ на 10 коп. дороже. Заказы исполняются немедленно по полученію стоимости или задатка. Вынимающимся 5 шт. сразу высылаю безпл. 5 изящныхъ дѣтскихъ портмона.

ТОЛЪКО 1 РУБ. 85 КОП.

АДРЕСЪ:
Въ контору фабрики кожъ издѣлій Ш. Е. ФРИДМАНА, Варшава.

Черезъ контору журнала

„СЧЕТОВОДСТВО“

(СПБ., Невскій, 64) можно выписать:

- 1) Двойную бухгалтерію въ популяр. очеркахъ, 2-е изд. Ц. 1 р.
- 2) Самоучитель двойн. бухгалт. Ф. Скубца, 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Одобрены Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.

- 3) Фабрично-заводское счетоводство, Л. Гомберга. Цѣна 4 руб. (Счетовоорганізація и администрація мельничнаго предпріятія). Теорія, практика и схеми.
- 4) Аналитическая карта бухгалтеріи. Ц. 75 коп. № 11124 3—3
- 5) Журналъ „Счетоводство“ за 1889—1898 годъ, по 6 руб. Богатый научный и практический матеріалъ. Программа высылается бесплатно.

ВЕЛОСИПЕДЫ „НАУМАНЪ“
ПОЛЬЗУЮТСЯ ВСЕМІРНОЮ ИЗВѢСТНОСТІЮ

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВО ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ ГОРОДАХЪ,

ЗЕЙДЕЛЬ и НАУМАНЪ, ДРЕЗДЕНЪ.

К. № 11181 12-2

XXIX г.

№ 19

Выданъ 9 мая 1898 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXIX

1898

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1898 г.

Безъ достав- ки въ Петербургъ.	5 р. 50 к.	Безъ достав- ки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р. 25 к.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ . .	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------------	-------------------	---	-------------------	--	-------------------	---	-------------	---------------------	--------------

Въ туманѣ величія.

Историческая повѣсть

П. Н. Полевого.

(Продолженіе.)

XVII.

Батька и дѣтки.

Кузьма Вершокъ видѣлъ себя уже второй день, что называется, между двухъ огней... Онъ рѣшительно не

зналъ, какъ ему поступить и на что рѣшиться, потому что какъ съ той, такъ и съ другой стороны ему грозила нешуточная опасность. Бояринъ и господинъ его, Иванъ Михайловичъ Милославскій, позавчера, подѣ

Выставка англійскихъ художниковъ. Мать. Съ картины Ф. Д. Мильэ, по фот. І. Глыбовскаго автотипія „Нивы“.

вечеръ, далъ ему приказъ—снести князю Хованскому письмо и требовать отъ него отвѣта. Кузьма Вершокъ, вчера, спозаранокъ, отправился на Сивцевъ Вражекъ и добросовѣстно исполнилъ порученіе своего господина: сквозь десятокъ всякихъ преградъ и препятствій, всякихъ тычковъ и опросовъ, онъ-таки пробрался въ переднюю князя и передалъ въ руки старшаго дьяка стрѣльцкаго приказа письмо Милославскаго, шепнувъ ему почтительно на ухо, что „бояринъ-де отповѣди умильно просить приказалъ“. Дьякъ повертѣлъ письмо въ рукахъ, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, потомъ отпесъ къ князю, въ его комнату, вмѣстѣ съ цѣлою грудю челобитныхъ отъ стрѣльцовъ, стрѣльчихъ и разночинцевъ и, нѣсколько минутъ спустя, вернулся, держа въ рукахъ письмо князя не распечатанное.

— Князь приказалъ сказать, что теперь ему некогда читать письмо боярина твоего,—равнодушно произнесъ дьякъ, возвращая письмо Кузьмѣ.

— Не смѣю взять письма обратно,—попытался-было сказать Вершокъ; но тотчасъ же и раскаялся въ своей продерзости.

Дьякъ кивкомъ головы подозвалъ къ себѣ здоровеннаго княжескаго вершника, стоявшаго у притоки дверей, выходившихъ на крыльцо, и сказалъ ему строго:

— Сунь это письмо ему за пазуху и проводи его съ крыльца нашимъ обычаемъ.

Вершникъ исполнилъ приказаніе немедленно. Схватилъ письмо одной рукой, а другой ухватилъ Кузьму за шиворотъ кафтана и, несмотря на его сопротивленіе и упирательство, потащилъ къ дверямъ и потомъ внизъ съ крыльца, награждая его по пути пинками и встрясками.

Спустивъ его „такимъ обычаемъ“ съ лѣстницы, вершникъ сунулъ ему за пазуху скомканное письмо боярина и далъ несчастному старику такой подзатыльникъ, что тотъ едва на ногахъ устоялъ...

— Будешь знать, какъ нашего князя тревожить!.. Вотъ только сунься еще: кости переломая!—сказалъ вершникъ оторопѣвшему Кузьмѣ, среди общаго смѣха и галдѣнья толпы всякаго сброда, наполнявшей дворъ князя.

Придя домой, старый слуга рассказалъ боярину своему, какимъ подвергся оскорбленіямъ; тотъ вскипѣлъ, но гнѣвъ его обрушился главнымъ образомъ на того же Кузьму:

— Не умѣлъ ты такого моего приказа выполнить, такъ знай же, что никого иного, какъ тебя же, пошлю къ нему еще разъ!.. Завтра же ступай. и не дьяку вручи мое письмо, а князю самому, да въ руки—понимаешь?—въ руки ему отдай. А не исполнишь, какъ велю, такъ помни, что батоги у меня еще не перевелись на конюшнѣ!..

Съ тѣмъ бояринъ Кузьму и съ глазъ прогналъ долой.

— Вотъ тутъ и гадай:—туда съ письмомъ пойти, навѣрно битымъ быть; сюда вернуться, не вручивъ письма—еще вѣрнѣе отъ батовъ не уйти. Охъ ты, горе-гореваннице мое!

Такъ тужилъ бѣдный старикъ, выходя на другое утро изъ хоромъ своего боярина задними воротами на переулочъ и еще разъ направляясь къ Сивцеву Вражку.

Шелъ онъ долго, въ раздумьи, почти не замѣчая тѣхъ улицъ и перекрестковъ, по которымъ ему приходилось проходить, не замѣчая и того особаго оживленія, которое замѣтно было въ толпѣ на всемъ его пути. Онъ такъ былъ занятъ думою о выполненіи даннаго ему порученія, что даже не слышалъ, какъ кругомъ его въ народѣ толковали:

— Отцы изъ волоколамскихъ лѣсовъ пріѣхали... Правую вѣру старую возстановлять хотять... Съ челобитной къ государямъ идти собираются... Вонъ, вонъ отецъ

Дорогой о старой вѣрѣ на базарѣ поучаетъ... Пойдемъ, послушаемъ...

Кузьма Вершокъ только тогда очнулся отъ своего раздумья и разслышалъ этотъ говоръ толпы, когда самъ на нее наткнулся и увидѣлъ, что ему черезъ нее не пробраться будетъ... пока она сама не разойдется или не двинется... Въ срединѣ той толпы, взбравшись на скамью, стоялъ приземистый, плечистый, сѣдой чернецъ и во весь голосъ кричалъ собравшейся толпѣ:

— Не ходите, братья, въ церковь новую, оскверненную! Креста четвероконечнаго не почитайте, не кланяйтесь ему—се печать антихристовая!..

— Охъ, батюшки, грѣхъ тяжкіе!—вздыхали кругомъ въ толпѣ.

— И икопамъ новописаннымъ не покланяйтесь—и поповъ новоставленныхъ не слушайте, не то въ мукахъ вѣчныхъ погибнете... И вотъ такъ, такъ креститесь!

И чернецъ высоко поднялъ надъ толпою свою костлявую руку, сложивъ ее въ двуперстное крестное знамень.

— Отецъ Дорогой! Кончай, довольно!—послышались голоса другихъ чернецовъ, стоявшихъ около проповѣдника.—Намъ къ князю съ челобитной идти пора.

— Къ князю, такъ къ князю,—отвѣчалъ проповѣдникъ, и вся толпа, съ пѣніемъ и съ поднятыми къверху руками, сложеными въ двуперстіе, двинулась по пути къ Сивцеву Вражку.

Съ толпою вмѣстѣ двинулся и Кузьма Вершокъ; затиснутый между двумя какими-то дюжими чернослободцами, усердно поднимавшими вверхъ руки—и онъ тоже, чтобы не отстать отъ другихъ, вытянулъ вверхъ руку и сложилъ пальцы въ двуперстное знамень.

„А что?—подумалъ онъ,—вѣдь такъ-то я, пожалуй, и въ самыя хоромы княжескія проберусь, и никакой вершникъ меня въ такой толпѣ рукой не достанетъ... Они съ челобитной къ князю идутъ, а и я тутъ тоже—съ боку припека“...

Это блестящее соображеніе стараго боярскаго слуги оказалось вполне правильнымъ. Толпа, предшествуемая сумрачными чернецами, выходцами изъ волоколамскихъ и бѣлозерскихъ лѣсныхъ пустынь, постоянно пополняемая по пути стрѣльцами изъ различныхъ слободъ, посадскими и различными изувѣрами изъ сѣрой массы народа, двигалась впередъ безпреступно, запружая почти всю улицу, всѣхъ заставляя передъ собою сторониться и сворачивать съ дороги. Въ средѣ толпы слышалось то пѣніе духовныхъ стихирь, то крики: „подвигнемся, братья! порадѣемъ для дѣла Божьяго!“ Одинъ изъ сѣдобородыхъ и сумрачныхъ чернецовъ, слѣдовавшихъ во главѣ толпы со старыми иконами и челобитною, отъ времени до времени выкрикивалъ во весь голосъ:

— Попекитесь, братія, о столькихъ душахъ, погибающихъ отъ новыхъ книгъ! Не предайте и ихъ на поруганіе!

— Не предадимъ!—кричали въ отвѣтъ на это десятки голосовъ.

— Не предастъ васъ и батька нашъ, князь Иванъ Хованскій!—кричали стрѣльцы.—Знаемъ-ста, что и онъ тоже старой вѣрѣ ревнитель и усердникъ!

Такъ шла толпа, все возрастая и увеличиваясь пристававшими къ ней уличными зѣваками и различнымъ сбродомъ, и достигла наконецъ до княжескаго двора, какъ и всегда запруженнаго стрѣльцами, снимаемыми однакоже почтительно шапки передъ „отцами“, изъ которыхъ одинъ высоко держалъ надъ головой раскольничью челобитную. Голова толпы, въ средѣ которой, какъ въ тискахъ, защемленъ былъ Кузьма Вершокъ, безпреступно двинулась къ крыльцу княжихъ хоромъ, и заняла почти все крыльцо, кромѣ грехъ верхнихъ ступеней. Позади этой передовой ча-

сти, толпа набилась сплошною массою во дворъ и стѣпною стала за рѣшеткою двора на улицѣ. Но вотъ и пѣніе, и крики, и колебаніе въ толпѣ прекратились, и настала полная тишина: — на верхнихъ ступеняхъ крыльца явился старій князь Хованскій, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ подъ руки, для почета, княземъ Андреемъ и полковникомъ Цыклеромъ.

— Вотъ онъ, батька нашъ! — заревѣло восторженно нѣсколько сотъ голосовъ. — Вотъ онъ! Радѣтель нашъ!.. Здравіе князю Ивану Хованскому!

Князь величаво поднялъ голову, сдѣлалъ знакъ рукою, показывая, что хочетъ говорить, и когда толпа стихла, проговорилъ:

— Съ чѣмъ пришли вы ко мнѣ, дѣтки мои?

Отвѣтъ держали князю старшіе выборные изъ стрѣльцовъ, окружавшіе грунну чернецовъ съ челобитною и старыми книгами.

— Мы къ тебѣ (принесли челобитную о многихъ ересяхъ въ новыхъ книгахъ! Просимъ тебя защитить старую вѣру, не дать погибнуть намъ, окаяннымъ...

Хованскій насунилъ брови, какъ бы обдумывая нѣчто весьма глубокомысленно, а потомъ сказалъ:

— Есть ли у васъ, дѣтки, кому отвѣтъ давать властямъ? Божіе дѣло сіе велико есть: — надо, чтобы и люди были на защиту его ученые и многоглаголивше... чтобы хулителямъ старой вѣры уста заградить, чтобы всѣ они понадали предъ нимъ, какъ листвіе...

Суровый, сѣдобородный чернецъ, державшій въ рукахъ челобитную, рѣзко прервалъ эту, очевидно, подготовленную рѣчь князя.

— А самъ-то ты, княже-господине, какъ вѣруешь, какъ изображаешь на лицѣ своемъ крестное знаменіе?

— Чту и пою по старымъ книгамъ, — смиренно отвѣчалъ Хованскій, низко кланяясь чернецу: — и вельми желаю, чтобы по-старому въ святыхъ церквахъ было единогласно и не мятечно... А вѣрую тако...

И перекрестившись двуперстнымъ крестомъ, Хованскій громко и отчетливо, на весь дворъ, прочелъ „символь вѣры“ по раскольничьему образцу.

— Теперь и мы вѣримъ, царскій бояринъ, что ты нашъ защитникъ и покровитель будешь, — произнесъ тотъ же инокъ. — Вѣримъ, что и челобитную нашу ты доведешь до свѣтлыхъ очей царскихъ.

— Да, вѣрьте тому, — восторженно проговорилъ князь Хованскій, возводя очи къ небу. — А о томъ и въ умѣ не держите, чтобы кто посмѣлъ, по старинѣ, васъ вѣшать, казнить, пытать и въ срубѣхъ жечь. Того мы съ дѣтками не допустимъ... Такъ ли, дѣтушки? — проговорилъ онъ, обращаясь къ стрѣleckимъ выборнымъ.

— Готовы за Христа-свѣта кровь свою пролить! — крикнули выборные, и крикъ ихъ былъ подхваченъ сотнями голосовъ въ толпѣ народной.

— Такъ вотъ, отцы, въ будущую пятницу приходите въ Кремль: — тамъ буду ждать васъ, тамъ и уговоримся, когда быть собору на защиту старой вѣры...

— Слушаемъ... придемъ... благодаримъ, — послышалось въ толпѣ, окружившей стараго князя, и самая толпа заколебалась, очевидно, собираясь двинуться въ обратное шествіе.

— Князь, государь, бояринъ царскій, помилуй, не погуби. Защити и меня, — отчаянно крикнулъ Кузьма Вершокъ, видя, что князь собирается уходить съ крыльца, а толпа увлекаетъ его самого къ воротамъ.

— Кто тамъ кричитъ? — спросилъ князь, останавливаясь. — Пусть выйдетъ сюда.

Въ переднихъ рядахъ произошла давка, и минутой спустя тѣ же джогіе чернослободцы вытащили Кузьму къ крыльцу, гдѣ онъ тотчасъ ударилъ земный поклонъ старому князю и, подавая ему шлемъ своего господина, проговорилъ слезливымъ, жалобнымъ голосомъ:

— Вторыя сутки, князь-государь, не могу до твоихъ

свѣтлыхъ очей дойти — не могу письма тебѣ отдать. А бояринъ грозитъ казнить меня лютой казнью, коли я его письма тебѣ не отдамъ...

Князь Хованскій принялъ отъ него письмо, развернулъ и, пробѣжавъ глазами, отвѣчалъ съ подобающею важностью:

— Скажи твоему боярину, что только я одинъ теперь могу казнить и миловать.. Ступай къ нему и передай все, что ты видѣлъ и слышалъ здѣсь... А завтра я самъ къ нему, послѣ полудня, буду въ гости, и тогда пусть онъ во-очію увидитъ, кто я — и кто онъ. Встань и ступай домой спокойно.

Тѣ же чернослободцы, при этихъ словахъ, подхватили подъ руки Кузьму, все еще стоявшаго на колѣпкахъ передъ княземъ и почти понесли его къ воротамъ, выходящимъ на улицу, смѣло и рьяно протискиваясь сквозь толпу, которая бурлила и шумя растекалась съ княжого двора во всѣ стороны.

XVIII.

Рубиконъ перейденъ.

Старій князь Хованскій за послѣднее время со всѣмъ пересталъ владѣть собою.. У него, что называется, умъ зашелъ за разумъ, или, вѣрнѣе сказать, утратилась всякая нравственная мѣра, обычно примѣняемая человѣкомъ, въ здоровомъ и полномъ сознаніи, ко всѣмъ его поступкамъ. Избранный Милославскимъ и его партіею, какъ слѣпое орудіе, которымъ предполагалось владѣть по произволу, онъ вдругъ, по прихоти судьбы, почувствовалъ себя вознесеннымъ на такую высоту величія и обладающимъ такою громадною силою, что просто растерялся... Какъ сказочный богатырь, которому случайно достается въ руки все разрубающей и дробящей вдребезги мечъ-кладенецъ, становится втупикъ, не зная, какъ владѣть этимъ дивнымъ орудіемъ; такъ точно и старій князь, увидѣвъ вдругъ въ своихъ рукахъ почти-неограниченную власть, опирающуюся на слѣпо-преданную ему стрѣльцовъ, пересталъ мыслить здраво, пересталъ понимать, что ему подъ силу, и что не по плечу... Онъ брался за все — присвоивалъ себѣ все, что несло къ нему по теченію въ это страшное, разрозненное, спутанное время, задавался нелѣпою обязанностью во что бы то ни стало разрѣшить всѣ тѣ разнородные и сложные вопросы, которые каждодневно десятками навязывались ему на руки, и изъ простаго начальника стрѣleckаго приказа обращался мало-помалу въ какого-то рѣшителя судебъ для огромнаго большинства московскаго населенія. Положеніе его становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ: — съ утра и до ночи просители и челобитники толкались въ его передней, въ сѣняхъ, на лѣстницѣ, на дворѣ, ловили его на каждомъ перекресткѣ, бросались подъ ноги его коней... Къ нему лѣзли всѣ безъ разбору: и стрѣльчики со своими ссорами и дразгами, и стрѣльцы, съ несурзными притязаніями на новыя и новыя льготы и выгоды, и всякіе угнетенные, обиженные, добивавшіеся защиты отъ насилия и произвола, — столь обычныхъ явленій современной ему жизни. И всѣхъ онъ выслушивалъ, разбиралъ, судилъ и ридилъ, не справляясь ни съ какимъ Уложеніемъ, допуская на каждомъ шагу грубѣйшія превышенія власти, забывая о томъ, что онъ попираетъ десятки интересовъ и задѣваетъ десятки самолюбій. Увлекаемый какою-то стихійною, непреодолимою силою, онъ шель все далѣе и далѣе, не видя или не замѣчая около себя препятствій, опираясь на грозное для всѣхъ своеволие стрѣльцовъ и безпредѣльно вѣри въ ту счастливую звѣзду, которая изъ ничтожества возвысила его до значенія перваго вельможи въ государствѣ, и должна была, по его глубокому убѣжденію, повести дальше и выше... Куда? Онъ и самъ не зналъ — и не задумываясь, не затрудняясь, хватался все за по-

XXVI передвижная выставка. „Слава Богу“. Съ картини К. Ивановой, по фотографіи К. Буала, автотипія „Нива“.

Выставка въ Академіи Художествъ. „Заврался“.
Съ картины В. Е. Маковского, по фотографіи К. Бузда австрийца „Пилвы“.

вья и новья задачи, даже такія, какъ вопросъ о старыхъ и новыхъ книгахъ, о старой и новой вѣрѣ, хотя всѣ разумные люди странились этого вопроса, потому что онъ колебалъ важнѣйшія въ то время основы Церкви и государства... И чѣмъ болѣе князь возносился надъ своею средою, чѣмъ болѣе становился кумиромъ стрѣльцовъ и народа, чѣмъ болѣе проникался самолюбіемъ и сознаніемъ своего величія, тѣмъ менѣе способенъ былъ терпѣть преграды въ выполненіи своей воли, даже прихоти. . И вдругъ онъ наткнулся на пути своемъ на двоихъ дерзновенныхъ противниковъ: — на Марьюшку, которая и слышать не хотѣла о выходѣ замужъ за князя, несмотря ни на какія его докучливыя ухаживанія, угрозы и каждодневныя посѣщенія; — и на боярина Ивана Милославскаго, который еще не далѣе, какъ вчера, осмѣливался писать ему:

„Опомнись! Что ты творишь? Отрекись отъ раскольниковъ и всѣхъ ихъ учений... Не вызывай собора. . Царевна трепещетъ и за себя, и за всѣхъ насъ отъ этой новой смуты... Намъ надо не медля повидаться и обсудить все это“...

„Да! да! да! Я съ нимъ повидаюсь... Немедля повидаюсь“, — говорилъ себѣ Хованскій, въ то утро почему-то особенно гнѣвно настроенный противъ Милославскаго. — „А отъ него и къ ней, къ упрямцѣ этой, проѣду, и ей тоже послѣднее слово мое скажу! И если не уломаю, такъ не порадуется и она“...

Въ этихъ-то высокоумныхъ помыслахъ, князь Иванъ Андреевичъ спустился съ крыльца во дворъ, гдѣ, среди обычно-галдѣвшей толпы, сѣлъ въ свою колымагу и, привѣтно раскланиваясь изъ оконъ ея на обѣ стороны, приказалъ везти себя на Мясницкую, въ хоромы боярина Милославскаго. Впереди, по бокамъ его колымаги и позади ея двинулась, въ видѣ почетной стражи, пѣлая сотня стрѣльцовъ стремящего полка на гнѣдыхъ коняхъ, въ богато-разукрашенныхъ, съ иголки новыхъ кафтаныхъ.

Иванъ Михайловичъ Милославскій, выслушавъ докладъ Кузьмы Бершка, не могъ не видѣть явной угрозы въ послѣднихъ словахъ князя Хованскаго, обращенныхъ къ его слугѣ. Не надѣленный отъ природы твердымъ мужествомъ, лукавый, недоувѣрчивый и мнительный, Милославскій хотѣлъ-было на нѣсколько дней уѣхать изъ Москвы въ подмосковное имѣнье—лишь бы избавиться отъ неприятнаго посѣщенія, которое невольно вызывало съ его стороны пѣкаторыя опасенія. Но подвернулись разныя дѣла, требовавшія его присутствія въ Москвѣ, да притомъ онъ не успѣлъ поутру отпроситься у царевны—и вотъ онъ выжидалъ къ себѣ дорогого гостя, котораго въ душѣ не разъ посылалъ ко всѣмъ чертямъ,—и тревожно ходилъ по своей столовой палатѣ, гдѣ въ переднемъ углу былъ накрытъ столъ на два прибора, а въ особомъ поставкѣ были даже нацѣжены заморскія вина, которыя скряжистый Милославскій, скрѣпя сердце, приказалъ поднять изъ погреба для угощенія своего стараго пріятели и недавняго пособника.

— Ъдутъ, батюшка-бояринъ! Ъдутъ! Передніе вершники вонъ ужъ изъ-за угла улицы показались, — доложилъ боярину запыхавшійся Кузьма Вершокъ, заглядывая въ палату изъ сѣней.

— Вели скорѣе ворота отворять, — засуетился и самъ бояринъ.— Да сбѣгай на поварню, узнай—все ли тамъ готово...

Но, прежде, чѣмъ проворный слуга Милославскаго успѣлъ исполнить приказанія своего господина, ворота боярскаго двора уже распахнулись настежь, и вся боярская дворня, разступясь на обѣ стороны, съ поклонами встрѣтила княжескую колымагу, со стукомъ и грохотомъ подкатившую къ крыльцу. Слѣдомъ за нею вѣхало съ полсотни стрѣльцовъ, которые, сбѣгившись, заняли чуть ли не весь боярскій дворъ, между тѣмъ

какъ остальные выстроились противъ воротъ по улицѣ.

Поддерживаемый подъ руки двумя пятидесятниками, князь Хованскій поднялся на крыльцо, и на верхней площадкѣ былъ встрѣченъ хозяиномъ дома, который попытался-было привѣтствовать гостя по-пріяельски, но взглянувъ на его падутое и красное отъ гнѣва лицо, ограничился только поклономъ и тихо проговорилъ:

— Прощу покорно.

Степенно переваливаясь съ ноги на ногу и грузно опираясь на дорогую трость изъ чернаго дерева, Хованскій вступилъ въ столовую палату, истово перекрестился на иконы, и, опустившись въ пододвинутое ему кресло, кивкомъ головы далъ знать пятидесятникамъ, чтобы они удалились.

— Садись и ты, — небрежно сказалъ Хованскій, указывая Милославскому на лавку противъ себя:—садись, да слушай внимательно, что я тебѣ говорить стану...

Милославскій, совершенно озадаченный и тономъ, и неожиданнымъ оборотомъ этой рѣчи, не нашелся на первыхъ порахъ отвѣтить ему и опустился противъ него на лавку.

— Сдается мнѣ, —преважно началъ Хованскій, одной рукой опираясь на трость, а другой поглаживая усы:—сдается мнѣ, что ты мнѣ учинишься противнымъ?..

Вся кровь бросилась въ лицо Милославскому отъ этихъ нахально-вызывающихъ словъ зазнавагося временивика. Но онъ сдержался и сказалъ довольно спокойнымъ и ровнымъ голосомъ:

— До сихъ поръ мы съ тобою, князь Иванъ Андреевичъ, шли рука-объ-руку... Пріятели были... И сдается мнѣ, что ты отъ этого не потерялъъ ущерба никакого...

— Нѣтъ, не вилай и не лукавь! Ты прямо мнѣ скажи, какъ ты осмѣлился въ мои дѣла мѣшаться и писать мнѣ, чтобы я опомнися и сему подобныя рѣчи? Да знаешь ли ты, что я, и кто ты?

— Князь, стой! —заговорилъ Милославскій, мѣняясь въ лицѣ и начиная терять терпѣніе. — Мы съ тобой не родословіемъ считаться сошлись, не мѣстничаться — а о дѣлѣ толковать... И если я тебѣ писалъ: „опомнись“ и подобное, такъ потому, что отъ меня царевна того потребовала...

— Царевна?.. Ну, значить, и она забыла также, какъ и ты, чѣмъ всѣ вы мнѣ обязаны! Да знаешь ли ты, бояринъ и родичъ царскій, что если бы не я — тутъ князь нѣсколько разъ ударилъ себя въ грудь, — если бы не я, то всѣ вы давно бы ужъ въ крови по колено ходили! А?!

Иванъ Михайловичъ посмотрѣлъ на князя Хованскаго съ невольнымъ изумленіемъ.

— Если бы не я, —продолжалъ тотъ, все возвышая голосъ и перегибаясь къ боярину: — то отъ всѣхъ вашихъ боярскихъ родовъ давно бы ужъ ни одного и на племѣ не осталось, а отъ вашихъ боярскихъ хоромъ только бы одни колышки торчали?!

Тутъ Милославскій ужъ не вытерпѣлъ: поднялся съ лавки и воскликнулъ:

— Напрасно, о-охъ, напрасно ты такъ заносишься, князюшка! Вѣдь этакъ тебя послушать — такъ выходитъ, что ты ужъ выше царскаго величества себя ставить хочешь; а вѣдь мы всѣ подъ Богомъ, подъ великими государями, да подъ закономъ ходимъ! Не такъ ты страшенъ намъ, какъ тебѣ то кажется!.. И если я тебя старался отводить отъ собора да отъ связей съ раскольниками, такъ о твоей же, и о нашей общей пользѣ радѣлъ...

— Что мнѣ въ твоемъ радѣніи! —сказалъ Хованскій, презрительно улыбаясь и пожимая плечами: — когда я себѣ сказалъ, что слѣдуетъ собору быть, слѣдуетъ и спору быть... Пускай поборются ваши церковники съ нашими отцами и ревнителями... Пусть правда просіяетъ, яко солнце! И никто мнѣ въ этомъ дѣлѣ не укажетъ!

— Да вѣдь ты же и патриарха, и всѣхъ противъ себя вооружишь... Вѣдь ты же смуту и въ Церковь, и въ царскую семью внесешь! — крикнулъ наконецъ Милославскій, забывая о напыщенномъ величїи и достоинствѣ своего гостя.

— Я внесу, я и совладать съ нею сумѣю... А тѣхъ, кто мнѣ противиться станеть—я и обуздать сумѣю! — грозно и многозначительно проговорилъ Хованскій, вставая съ кресла. — А правды Божіей я первый защитникъ, и всякую вашу неправду и изъ Церкви, и изъ думы повыведу! Такъ и знай, и помни!

И, не простясь съ хозяиномъ, даже не кланяясь ему, Хованскій нахлобучилъ шапку на голову и вышелъ, твердо опираясь на свою трость.

Милославскій поглядѣлъ вслѣдъ князю и проговорилъ про себя:

— А, соколы ясный, высоко же ты надъ нами парить вздумалъ. Видно пора настала тебѣ крылышки-то пообкорнать... Погоди—пошевелимъ и мы съ царевной умомъ-разумомъ, не отдадимъ тебѣ даромъ въ руки... А то ты начудишь того, что и десять мудрецовъ въ твоихъ дѣлахъ не разберутся. Пора, пора!

Какъ разъ въ эту минуту, кто-то легонько его ударилъ по плечу... Бояринъ обернулся и увидать передъ собою Родимицу; онъ сразу сообразилъ, что она пришла къ нему въ то время, когда у него сидѣлъ князь Хованскій, и, вѣроятно, изъ смежной комнаты должна была слышать всю ихъ недолгую бесѣду.

— Каковъ?! — спросилъ Милославскій, останавливаясь передъ Родимицей.

— Чего ужъ больше! Туда залѣзь, что, кажется, ужъ дальше некуда и лѣзть!

— Нѣтъ! Нѣтъ! Подумай-ка, каковъ?! — повторялъ Милославскій, который все еще не могъ успокоиться, и въ волненїи шагаль по комнатѣ, лишь изрѣдка останавливаясь передъ Родимицей.

— Ну, а у тебя какія вѣсти? — проговорилъ наконецъ Милославскій, усаживаясь на креслѣ.

— Вѣстимо ужъ какія! Мутить, по дурости своей, старый безтолковецъ... Да и отцы-то эти бѣлозерскіе да волоколамскіе—тоже на стѣну лѣзутъ... Однакоже, не всѣ стрѣльцы за нихъ стоятъ! Кое-кто и на царевнину сторону тянеть...

— А! Тянутъ? Значить, можно будетъ ихъ подпоить и подкупить у нихъ начальныхъ людей?..

— Можно бы, конечно, кабы самъ старый князь во все носу не соваль...

— Да, да! я и самъ объ этомъ думалъ.. Кабы можно было стараго чорта, куда-нибудь, хоть не надолго, убрать—я бы тогда со всѣми этими ревнителями да отцами—въ три дня управился... А то тутъ этотъ споръ теперь затѣютъ: того и гляди опять стрѣльцы въ красныхъ рубахахъ въ Кремль придутъ!..

— Поймай, поймай! — перебила Родимица, не слушая Милославскаго. — Ты говоришь — споръ затѣютъ... Значить, и старый князь тоже съ ними тутъ же будетъ... И пожалуй, сдѣлившись, не скоро они расцѣнятся... Поймай!

И Родимица, очевидно, что-то соображая и обдумывая, прошла нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Ну, что же? Придумала затѣю какую ни на есть? Такъ сказывай! — торопилъ Милославскій Родимицу, видя, что она остановилась среди комнаты и улыбается своей плутоватой улыбкой.

— Угадалъ, бояринъ! Придумала я затѣйку недурную... Выманю я стараго князя изъ Москвы, заставлю его дней на пять, на шесть изъ Бѣлокаменной уѣхать... Но чуръ—не выдавать меня...

— Ни, ни! Да что ты? Не знаешь, что ли, моей повадки?

— А скажи-ка ты мнѣ, бояринъ, есть ли у тебя подъ Серпуховымъ усадебка? Слышала я что-то отъ тебя?

— Есть, есть! А что? Рассказывай скорѣе — что ты надумала?

— Что надумала, то и выполню. А коли удастся, и самъ меня похвалишь... Надо мнѣ еще съ царевной переговорить! — сказала Родимица, собираясь уходить. — А какъ съ нею все обладимъ да обдумаемъ—такъ отъ нея все и узнаешь!

И она, съ тою же плутоватой улыбкой, кивнувъ головою Милославскому, исчезла за дверью.

XVIII.

Пташка въ клеткѣ.

Печально и томительно тянулись недѣли за недѣлями для Марьюшки, съ того самаго дня, когда прїѣхали къ ней сваты съ княземъ Хованскимъ, и князь наложилъ на нее свою тяжелую руку. Въ тотъ же вечеръ, послѣ отъѣзда сватовъ, Хованскій дѣйствительно поставилъ въ домѣ Марьюшки десятокъ стрѣльцовъ постоемъ, и къ нимъ нарядилъ десятника, приказавъ имъ стеречь Марьюшку „пуще глаза“. И команда стрѣльцовъ исполняла возложенныя на нее обязанности настолько добросовѣстно, что жизнь Марьюшки въ ея тихомъ уголкѣ становилась со дня на день все болѣе и болѣе невыносимою. Два стрѣльца постоянно сидѣли у воротъ ея дома на улицѣ; одинъ толкался на дворѣ, двое сторожили въ саду, а десятникъ дважды въ день навѣдывался и въ домъ, справляясь о здоровьѣ „подневольной затворницы“, и отправлялъ каждое утро доклады Хованскому о томъ, что въ теченіе дня происходило на дворѣ покойнаго дьяка Ларіонова и въ домѣ его вдовы. Каждое лицо, являвшееся къ Марьюшкѣ, изъ ея родни или изъ прїтелей ея мужа, подвергалось подозрительному допросу и даже осмотру — и потому, всѣ стали избѣгать посѣщеній Марьюшкина домика. Всѣ присылки къ ней, какія бы то ни было, если только онѣ не исходили отъ князя Хованскаго, также должны были пройти черезъ руки бдительной стражи. Каждый шагъ, каждое слово бѣдной женщины, переданное стражѣ прислугою, возбуждали опасенія, передавались князю и вызывали съ его стороны требованія объясненій, за которыми онъ очень часто являлся самъ, уже послѣ вечерней, и оставался у Марьюшки часъ и болѣе, къ великому ея позору и стыду и на смѣхъ всѣмъ сосѣдямъ, слагавшимъ о бѣдной, неутѣшной вдовѣ самыя наглые и обидныя клеветы и вымыслы.

Эти посѣщенія стараго князя были невыносимо пыткой для Марьюшки. Онъ являлся къ ней ласковымъ, искательнымъ, прївѣтливый, льстивый; привозилъ ей сласти, подарки, дорогіе наряды — и къ великой своей досадѣ видѣлъ, что она къ подаркамъ и сластямъ не прикасалась, нарядовъ не развертывала, и всѣ свои приношенія находилъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ оставилъ въ свой прошлый прїѣздъ.

Это вызывало вспышки безнелюбной ярости со стороны стараго князя, который набрасывался на Марьюшку съ угрозами и укорами, кричалъ, топалъ ногами и выходилъ изъ себя передъ невольной жертвой своей старческой прихоти.

— Ты что же это? Ты меня и знать не хочешь! И плюешь на меня и на всѣ мои подарки! — кричалъ старый волокита, все болѣе и болѣе увлекавшійся красотою Марьюшки.

— Не плюю на тебя — знаю, что грѣхъ плевать на людей, — холодно и рѣзко отвѣчала Марьюшка. — А подарки твои мнѣ не нужны, и я ихъ не приму...

— Примешь! Заставлю принять! — продолжалъ кричать князь.

— Гдѣ это слыхано, чтобы подарки силой навизывали — изъ-подъ обуха!

— Да ты бы должна была въ ноги мнѣ кланяться, что я за тебя сватаюсь, да еще жду твоего отвѣта!

— Кланяться не за что; да и отвѣтъ мой тебѣ въ-домь...

— Да знаешь-ли, кто я? Знаешь ли, что я теперь первый человекъ на Москвѣ?.. Что я тебя съ лица земли стереть могу!—ревѣлъ въ изступленіи князь, наступая на Марьюшку.

— Безъ воли Божьей и волосъ съ головы не спадеть,—отвѣчала Марьюшка съ удивительнымъ спокойствіемъ. — А сколько ты меня ни томи—насилъно милымъ не будешь.

Князь уѣзжалъ со скрежетомъ зубнымъ— и черезъ день, много черезъ два, снова возвращался мучить свою жертву, которая, ни въ комъ не видя себѣ защиты отъ тяготѣвшаго надъ нею произвола и насилия, рѣшалась уже на себя руки наложить, какъ вдругъ блеснулъ слабый лучъ надежды...

Однажды, подъ вечеръ, явилась къ ней Родимица и тотчасъ стала передъ ней извиняться, что тогда съ бояриномъ Милославскимъ къ ней въ свахахъ прѣехала.

— Тогда была на то воля царевнина, — говорила Родимица себѣ въ оправданіе: — а нынче, матушка, и царевна сама о тебѣ жалѣеть.

Марьюшка, услышавъ такіа рѣчи, залилась слезами.

— Полно плакать, голубушка; полно сокрушаться. Времена переменчивы, да и сильные, вельможные люди тоже не вѣковѣчны же... Не все тебѣ быть въ его лапкахъ: найдется и на него лапа посильнѣе...

— Ахъ, что ты это говоришь? Да неужели же и мои молитвы до Бога доходчивы? Неужто и ему, злодѣю, и вѣзмъ его злодѣйствамъ конецъ будетъ?..

— Прѣлся онъ, матушка, вѣзмъ прѣлся „на Верху“, — продолжала напещивать Марьюшкѣ Родимица. — Во все пугается, во все мѣшается, и все-то путаетъ, и вѣзмъ помѣхой—костью поперекъ горла становится. Не токма что боярамъ, а и самой царевнѣ онъ въ тяготу великую приходитъ... И рады бы стрихнуть его съ шен, да вотъ—стрѣльцы-то вѣзмъ страшны...

— То-то и оно, Ѳедора Семеновна! Гдѣ же съ нимъ совладать. Они его не выдадутъ,—а кто же одолѣетъ ихъ? Охъ, я, горькая, безталанная...

Марьюшка снова залилась слезами, а Родимица, еще болѣе понижая голосъ и оглядываясь по сторонамъ, продолжала ей говорить, что „Хованскимъ всѣ недобольны, что, рано или поздно, ему обрѣжутъ когти...“

Потомъ, утѣшивъ бѣдняжку, Родимица ушла и взглянула къ Марьюшкѣ опять черезъ три дня; а тамъ еще разъ, и все тѣ же рѣчи говорить, все утѣшаетъ, все обнадеживаетъ отъ имени царевны... И снова, какъ въ воду канула. Марьюшка ее все ждетъ-пождетъ: нѣтъ, неидетъ ея утѣшительница! Она-было и руки опустила, какъ вдругъ—Родимица явилась къ ней тогда именно, когда ея и ждать было нельзя: прямо отъ заутрени.

— Голубушка! Съ праздникомъ,—шепнула Марьюшкѣ Родимица, цѣдуясь съ ней.

А сама лукаво улыбается.

— Съ какимъ же это праздникомъ ты меня поздравляешь?—спросила Марьюшка, ничего не понимая.

— Завтра—конецъ твоей неволи!—чуть слышно процѣдила сквозь зубы Родимица.

— Какъ?! Что?—почти вскрикнула Марьюшка, бросаясь на шею теткѣ.

— Тише, тише,—что ты?—проговорила та, отмахиваясь отъ Марьюшки.—Садись и слушай! Да все запомни.

Марьюшка близѣхонько подѣла къ ней, прижалась къ ней, и вся обратилась въ слухъ и вниманіе.

— Завтра готовится въ Кремлѣ большая завіруха... Раскольники и со стрѣльцами, и съ слобожанами, и съ начетчиками изъ посадскихъ пойдутъ къ соборамъ на состязанье и споръ изъ-за новыхъ книгъ и съ патриархомъ, и съ клиромъ его... Говорятъ, будто и ца-

рицы, и царевны, и вся знать тутъ же будутъ... Самъ Хованскій за раскольниковъ стоитъ и требуетъ, чтобы имъ этотъ споръ дозволить—и никто ему перечить не смѣеть...

Марьюшка вздохнула и опустила голову.

— Ну, такъ вотъ въ то время, когда тамъ весь городъ сбѣжится, я къ тебѣ прѣйду съ монашкой молоденькой—за сборомъ ходить—и увезу тебя, подъ самымъ посомъ у сторожей...

— Да какъ же ты это сдѣлаешь—Богъ съ тобой! Не вѣрю я, — проговорила Марьюшка въ радостномъ смущеніи.

— А такъ и сдѣлаю. Тебя монашкой переодѣну—и увезу съ собой... А на базарѣ ужъ будутъ кони ждать—на Сернуховскую дорогу тебя и умчатъ, а тамъ—въ помѣстье къ Милославскому... Ужъ онъ распорядился укрыть тебя тамъ до поры!.. Смотри же, будь готова.

Кивнула головой, на ходу подѣловалась съ Марьюшкой, оторопѣвшей отъ неожиданной радости—и была такова.

XIX.

На площади.

На другой день, 5-го іюля, съ утра громадная толпа народа запружали не только Кремль, но всѣ ближайшія къ Кремлю улицы. Особенно густо сплотился народъ около соборовъ и на обширномъ дворѣ Теремного дворца, подъ самими столбами и сводами Краснаго крыльца, рѣшетки котораго на этотъ день были настежь отворены. Никто не охранялъ даже входа въ Грановитую палату, въ которую, по настоянію царевны-правительницы, перенесено было съ площади чтеніе раскольничьей челобитной и возбужденный по поводу ея споръ о старой и новой вѣрѣ. Народомъ были залиты и паперти, и крыльца кремлевскихъ соборовъ, и даже на самыхъ ступеняхъ Краснаго крыльца, къ великому изумленію и соблазну всего московскаго населенія, тѣсными рядами стоялъ народъ: посадскіе, пушкари, стрѣleckіе выборные разныхъ полковъ и всякихъ чиновъ и званій люди. Толпа, уже много часовъ сряду, подъ палящими лучами солнца, стояла неподвижно и напряженно устремляла взоры на верхъ Краснаго крыльца, на входныя двери Грановитой палаты, до которой, конечно, долеталъ сдержанный говоръ этой многоглавой и многоязычной народной массы.

— Вотъ это подвижники, такъ подвижники!—слышалось въ толпѣ о раскольниковыхъ монахахъ. — И лица изпурены постомъ и молитвою, и клобуки старинные на самыя очи надвинуты, а очи-то долу опущены...

— Да, точно! Не толстыя брюха-то у нихъ, не какъ у нонѣшнихъ никоніанскихъ учителей!

— Охъ, что-то будетъ? До чего они доспорятся тамъ?—говорила одна набожная старушка своей соседкѣ, краснощекой и весноватой бабѣ-торговкѣ. — Не больно много толку выйдетъ, какъ они также другъ дружку въ бороды вѣбятся, какъ здѣсь на крыльцѣ...

— Э-э, бабушка! Бородачи-то у нихъ густыя, не на одну драку ихъ хватить,—смѣясь отозвалась торговка.

— Да ты пойми, что вѣдь тутъ о спасеніи души идетъ, тараторка!.. Надо небось знать намъ, по какой вѣрѣ душу спасти—по старой аль по новой?

— Вѣстимо, какъ спасти: — старикамъ по старой, а намъ молодымъ по новой! Вотъ и вся не долга!

— Дура ты!—огрызнулся на торговку стоявшій позади ея старикъ посадскій.—Тутъ люди кровь пролить за вѣру готовы, а она вонъ что...

— Ну, ты и проливай!—крикнула торговка.— У тебя ея много ли осталось, старче! А по мнѣ все едино: что ни попь, то батька!

— По еѣному все едино,—подхватилъ какой-то старикъ:—что хлѣбъ, что мякина! Думаетъ, что на базаръ пришла!

Выставка въ Академіи Художествъ. „Близъ Ялты“. Съ картины И. Айвазовскаго гравир. Шлиперъ.

Въ другомъ углу площади или толки о томъ, какъ чинно и торжественно пришли раскольники на площадь, какъ разставили на ней свои аналои, разложили книги и рукописи, какъ зажгли свѣчи—и стали вызывать на бой патріарха съ архіереями и клиромъ.

— Такъ небось—нѣтъ! Хитрый лисъ: притулился у себя въ палатахъ. Одного новоспаскаго протопопа Василья выслалъ съ печатнымъ обличеньемъ на Никиту... Да куда тебѣ! Тотъ зачалъ читать, а у самого борода трясется: зубъ-на-зубъ навести не можетъ...

— Затрясется, братъ, у всякаго борода, какъ при народномъ множествѣ такую неправду заставить читать... Суздальскій попъ Никита—святой человѣкъ!—замѣтилъ кто-то со стороны.

— Много нынче такихъ пустосвятовъ, смутниковъ, развелось!—сурово и рѣзко вступилъ въ разговоръ какой-то высокій пожилой купецъ.—Сегодня отъ ереси и заблужденія отрекаются и каются, а завтра—на поповъ съ кулаками лѣзутъ!

Нѣсколько голосовъ разомъ загудѣли противъ купца.

— Ишь ты, лоботрясъ торговый!.. На аршинѣ душу чорту продалъ!.. Что за ересь, что за худа двумя перстами креститься? За что же ихъ въ ссылки посылають... да еще пытають... да жгутъ?

— То-то вы, овцы блеющія!—не робѣя отрѣзалъ купецъ.—Одинъ баранъ въ воду, и всѣ за нимъ. Аль не слыхали, что Павлу Даниловцу да стрѣльцамъ выборнымъ отецъ патріархъ при князѣ Хованскомъ отвѣтилъ?

— А что отвѣтилъ? Что?... Сказывай, что отвѣтилъ, разумникъ?—посыпались на купца со всѣхъ сторонъ вопросы.

— А то и отвѣтилъ: креститесь, моль, какъ хотите, мы за крестъ и молитву не жжемъ и не пытаемъ—ждемъ за то, что вы святой Церкви не повищаетесь, да уставовъ ея не исполняете.

— Мало ль что онъ сказалъ?—неожиданно вступился въ этотъ споръ стрѣльцкій десятникъ.—И и самъ тамъ былъ... Онъ вонъ намъ въ увѣщаніе сказывалъ: вы, говорить, не вступайтесь, вы, говорить, простого чина воинскаго... А я, говорить, пастырь, а не наемникъ, дверьми вошелъ, а не черезъ ограду—государемъ и соборомъ избранъ... А самъ-то что сдѣлалъ?

— А что? что?—передразнилъ купецъ.

— Самъ не дверьми пошелъ въ Грановитую палату, а тайными переходами! Тутъ только своихъ волковъ съ книжками цустилъ...

— Вотъ ему теперь „отцы-то“ и покажутъ, гдѣ правда, и гдѣ ложь?—набросились на купца съ бранью нѣсколько ревнителей древляго благочестія.

Купецъ отклонился съ досадою и отошелъ въ сторону, къ болѣе спокойнымъ элементамъ толпы...

И такіе споры, такія перебранки и перекоры происходили всюду въ народѣ, заливавшемъ площадь; но нигдѣ перевѣсъ не былъ замѣтенъ на сторонѣ раскольниковъ. Значительная часть толпы готова была поддерживать сторону духовенства, опасаясь смуты отъ раскольниковъ, которые свили себѣ гнѣздо среди стрѣльцкихъ слободъ; а нѣкоторая часть населенія относилась къ спорамъ и толкамъ о вѣрѣ совершенно равнодушно и ждала на площади развязки спора только какъ зрѣлища, изъ празднаго любопытства. Но все же утомленіе и долгое ожиданіе подѣйствовали лучами солнца вліяли на толпу раздражительно и настраивали ее мрачно; нетерпѣніе сказывалось уже въ различныхъ углахъ площади то криками, то горячими схватками между сторонниками старой и новой вѣры, когда вдругъ отъ самыхъ верхнихъ ступеней Краснаго крыльца до самыхъ отдаленныхъ концовъ площади промчался слухъ:

— Кончился споръ!.. Выходять... Сейчасъ идутъ!..

Промчался—и разомъ смирилъ и успокоилъ всѣхъ... Толпа стихла, какъ одинъ человѣкъ; всѣ взоры приковались къ верхней площадкѣ крыльца, съ которой вдругъ донеслись неистовые, дикіе, изст. шленные крики: — Такъ креститесь! Такъ! Двумя перстами креститесь!

И изъ распахнувшихся настежь дверей палаты, не торжественнымъ шествіемъ, а бурнымъ потокомъ ринулись на крыльцо „отцы“, блѣдные отъ волненія и вынесенной словесной борьбы, съ включенными свѣдыми бородами, съ горящими очами... За ними безпорядочной толпой стремились ихъ приверженцы и разнаго чина и званія люди, которые успѣли, вмѣстѣ съ отцами, проникнуть въ Палату и присутствовали при спорѣ.

— Такъ креститесь, такъ креститесь!—кричалъ во весь голосъ попъ Никита, быстро спускавшійся съ крыльца во главѣ своего чернаго собора. И онъ высоко поднималъ руку съ двуперстнымъ сложеніемъ, какъ бы свѣша на весь мѣръ провозгласить свою сомнительную побѣду.

Площадь ожила, заголосила, загалдѣла. Посыпались отовсюду на отцовъ вопросы:

— Что? Что же говорили? Чѣмъ порѣшили дѣло?

— Такъ креститесь! Такъ молитесь! Вотъ какъ, вотъ какъ!—могли только отвѣтить отцы, еле дышавшіе, охрипшіе отъ крика, почти терпяшіе сознание.

— Врутъ! врутъ! Не вѣрьте!—слышались голоса въ толпѣ, волновавшейся какъ море.

— Не вѣрьте лжецамъ! Архирейи ихъ переспорили!—отчаянно и визгливо кричалъ кто-то сверху крыльца.

— Наша взяла! Наша взяла! Такъ молитесь!—твердили расколуучители, обращаясь на всѣ стороны, и какъ бы машинально повторяя все тѣ же слова.

Въ это мгновеніе самъ князь Хованскій, окруженный свитою полковниковъ и выборныхъ стрѣльцкихъ, спустился съ крыльца и сталъ около попа Никиты. Лицо его было красно, потъ крупными каплями катился съ его лба, который онъ усердно утиралъ рукавомъ своего богатаго боярскаго кафтана.

— Эй! Дорогу отцамъ очищайте!—крикнулъ онъ громкимъ голосомъ.—Дѣтушки! Очищайте дорогу! Отцы на Лобное мѣсто пойдутъ—поучать станутъ!

— Дорогу, дорогу отцамъ!.. На Лобное мѣсто—впередъ!—раздались крики, и толпа, колеблясь и волнуясь, двинулась къ Лобному мѣсту.

Хованскій, собираясь послѣдовать за отцами, еще успѣлъ шепнуть на ухо отцу Сергію:

— Не мѣшкайте долго на Лобномъ мѣстѣ!.. Почитайте, да собирайтесь скорѣе ко мнѣ на подворье!..

Вдругъ кто-то дернулъ его за рукавъ и потянулъ въ сторону. Хованскій быстро и изумленно обернулся и увидѣлъ передъ собою того десятника, который былъ поставленъ имъ держать караулъ на дворѣ дьяка Ларионова.

— Ну, что тамъ еще?—тревожно спросилъ онъ десятника, и только тутъ замѣтилъ, что на десятникѣ лица нѣтъ.

— Сбѣжала твоя Марья!—едва могъ выговорить десятникъ.—Погоня послана, а доложить тебѣ не могъ... Не пробиться было!

— Лошадей! Дьяволь, лошадей!—процѣдилъ сквозь зубы Хованскій, трясаясь отъ злости и хватая десятника за плечо.

— Давно готовы кони,—шепнулъ десятникъ.—И верховыхъ съ полсотни ждуть тебя у Таганскихъ воротъ. Да время-то унущено за споромъ...

И онъ почти потащилъ за собою князя, сквозь порѣдѣвшую толпу, на одинъ изъ внутреннихъ дворишковъ дворца, гдѣ стояла княжеская колымага.

(Продолженіе будетъ.)

Золотой рогъ.

Разсказъ I. О. Ганзена.

I.

Мёгельтондернъ—маленькое мѣстечко въ Голштиніи, къ западу отъ города Тондернъ. Къ приходу мѣстечка приписано нѣсколько окрестныхъ деревень, въ томъ числѣ, на разстояніи четверти мили къ сѣверу, деревушка Галлеусъ.

У крестьянина Петра Скрама въ этой деревнѣ служила работницей въ 1629 году Катерина Свендсдаттеръ, красивая приторная дѣвушка, мастерица на всякую деревенскую работу.

Единственный сынъ крестьянина, Гансъ, находилъ, что красивая служанка отца была бы ему славной женой; онъ ей также пришелъ по сердцу. Но старикъ неодобрительно качалъ головой:

— Не годится, малый! Катерина бѣдна, какъ церковная мышь; на моемъ земельномъ участкѣ, какъ тебѣ известно, числится долгъ. Какъ себѣ хочешь, а ты долженъ взять дѣвушку съ деньгами, чтобы безъ хлопотъ и заботъ перебраться на собственную землю, когда мы съ твоей матерью захотимъ отдохнуть.

Что можно было возразить противъ справедливыхъ доводовъ отца? Но сердце Ганса не слушалось разсудка; онъ не могъ разлюбить красивую Катерину. Чтобы положить конецъ любовной канители, старикъ-крестьянинъ отказалъ работницѣ. Онъ сказалъ ей:

— Перваго іюня ты можешь уходить. Ищи себѣ другого мѣста. За Гансомъ тебѣ не бывать.

Горю и слезамъ молодыхъ людей не было конца; но тутъ, совсѣмъ неожиданно, подошелъ на выручку счастливый случай.

Въ одно утро, на зарѣ, молодая служанка пошла, съ двумя ведрами на коромыслѣ, доить коровъ. Чтобы скорѣе понаести на выгонъ, гдѣ паслись хозяйскія коровы, она пошла не по тропинкѣ, а наискосокъ, по пустолю. Вдругъ она наткнулась на какой-то высушенный изъ земли остроконечный предметъ. Она была босякомъ и почувствовала подъ пальцами лѣвой ноги что-то гладкое, холодное.

Она нагнулась и увидѣла мундштукъ металлическаго духового инструмента. Передникомъ и пальцами она стерла и отскобила прилипшую къ нему землю и поразилась его необычайнымъ блескомъ.

„Это, вѣрно, хорошая мѣдь, — подумала она:—ее стонитъ вырвать“.

Она усердно принялась за работу, и менѣе чѣмъ черезъ десять минутъ находка оказалась блестящимъ охотничьимъ рогомъ, впоследствии названнымъ подъ названіемъ мёгельтондернскаго или галеусскаго золотого рога. О цѣнности его дѣвушка, конечно, не имѣла ни малѣйшаго понятія.

Подойдя къ коровѣ, она отправилась съ молокомъ и рѣдкостной находкой домой.

— Гдѣ ты это нашла?—спросилъ съ заблестѣвшими глазами крестьянинъ.—На моей землѣ? На моемъ лугу?

— Нѣтъ, хозяйнѣ,—отвѣчала дѣвушка.—Я нашла этотъ рогъ на обочинной пустоши. Я могу показать мѣсто.

— Тогда находка твоя,—замѣтилъ Гансъ.

— Я дамъ тебѣ за нее два талера,—сказалъ старикъ.

Катерина вопросительно взглянула на возлюбленнаго, но тотъ покачалъ головой и разсудительно сказалъ:

— Не торопись продавать. Мнѣ сдается, что это чистое золото. Слушай, Катерина: завтра воскресенье, ты отнесешь этотъ рогъ въ Мёгельтондернъ къ окружному фогту. Онъ знаетъ больше нашего и можетъ опредѣлить его цѣну.

На другое утро она пошла въ своемъ воскресномъ нарядѣ въ Мёгельтондернъ, въ сопровожденіи Ганса.

Старикъ-фогтъ ласково ихъ принялъ и съ большимъ интересомъ выслушалъ. Какъ знатокъ древностей, онъ пришелъ въ восхищеніе отъ великолѣпнаго охотничьяго рога.

— Это, повидному, чистѣйшее золото; значитъ, вещь цѣлѣе большую цѣнность,—сказалъ онъ.—Дѣвушка, ты нашла свое счастье,—и почти увѣренъ, что этотъ драгоцѣнный рогъ, которому больше тысячи лѣтъ, стонитъ столько же, если не больше, талеровъ. Я пошлю его королю, который навѣрное охотно купитъ это древнее произведеніе искусства для своей кунсткамеры въ замкѣ Розенборгѣ. Ты получишь большія деньги.

Можно себѣ представить радость Катерины. Она сердечно поблагодарила добраго фогта и пошла съ Гансомъ въ мёгельтондернскую церковь, а оттуда домой въ Галеусъ.

Теперь старый Петръ Скрамъ сдѣлался необыкновенно ласковъ съ молодой служанкой и заплѣлъ совсѣмъ другую пѣсню:

— Я тебѣ не отказываю отъ мѣста, Катерина,—сказалъ онъ.—Подождемъ вѣстей изъ Копенгагена. Можетъ-быть ты еще получишь своего Ганса.

Король Дании былъ въ то время Христіанъ IV. Онъ воздвигъ много великолѣпныхъ дворцовъ, въ томъ числѣ замокъ Розенборгъ въ Копенгагенѣ, и устроилъ въ немъ музей для произведеній искусства, рѣдкостей и древностей.

Найденный въ Галеусѣ золотой рогъ доставилъ королю большое удовольствіе.

— Право, это красивѣйшій памятникъ нашего древне-скандинавскаго героическаго прошлаго,—сказалъ онъ.—Эта вещь будетъ лучшимъ украшеніемъ моей кунсткамеры.

Онъ велѣлъ оцѣнить стоимость металла. Его оказалось на тысячу двѣсти талеровъ. Какъ художественное произведеніе и древность—рогъ стоилъ несравненно больше. Король приказалъ выдать напередъ его дѣвушкѣ полторы тысячи талеровъ.

Въ тѣ времена полторы тысячи талеровъ были цѣлымъ состояніемъ. Певѣскѣ съ такимъ приданымъ Петръ Скрамъ и его жена были чрезвычайно рады. Вскорѣ состоялась помолвка, а тамъ и свадьба. Катерина и Гансъ счастливо дожили до глубокой старости, въ довольствѣ и спокойствіи.

О галеусскомъ золотомъ рогѣ было написано много ученыхъ статей, въ которыхъ воздавалось должное и напередъ его Катеринѣ Свендсдаттеръ. Рогъ изслѣдовали до мельчайшихъ подробностей. Свѣдущимъ музыкантамъ, искусѣйшимъ трубачамъ было поручено испытать его музыкальныя достоинства. Звукъ его оказался очень красивымъ и яснымъ; рогъ должно-быть пресохло исполнять свое назначеніе на войнѣ и охотѣ.

Въ замкѣ Розенборгѣ въ Копенгагенѣ галеусская древность хранилась и показывалась посѣтителѣмъ въ продолженіе 155 лѣтъ. Потому она исчезла навсегда, поглощенная морскими волнами. Но при исчезновеніи рога повторилась та же исторія, что и при его находкѣ: какъ тогда, такъ и теперь нашла свое счастье молодая влюбленная пара.

II.

Это было въ началѣ марта 1784 года. Уже почти четыре мѣсяца жестокая зима сковывала природу. Оба Бельта были открыты льдомъ. Зундъ все еще соединялъ широкимъ ледянымъ мостомъ Копенгагенъ и противоположный шведскій берегъ.

Наконецъ зима какъ-будто смягчилась; подулъ западный вѣтеръ.

Временами въ почной тишинѣ слышался глухой шумъ и трескъ,—то ледъ на Зундѣ давалъ трещины, длиною иногда въ цѣлую милю. Прибрежные судохозяева и рыбаки, такъ долго оставшіеся безъ заработка, радовались этимъ первымъ признакамъ весны.

Осторожные люди перестали довѣряться ненадежному льду; но нѣкоторые смѣльчаки еще отваживались совершать по немъ экскурсіи.

У входа въ копенгагенскую гавань лежитъ островъ Амакъ или Амагеръ, снабжающій резиденцію овощами. Огородничество процвѣтаетъ на немъ уже нѣсколько столѣтій. Амакъ населенъ главнымъ образомъ потомками голландскихъ колонистовъ, которые были приглашены въ Данию въ царствованіе жестокаго Христіана II.

На юго-восточномъ краю острова находится старинное мѣстечко Драгѣръ, населенное мелкими горожанами, лодочниками и рыбаками, большей частью древне-датскаго происхожденія.

Далеко-среди Зунда, между Копенгагеномъ и Мальмё—лежитъ плоскій островокъ Зальтольмъ, очень мало возвышающійся надъ уровнемъ моря.

Къ тому времени, когда ледъ сдѣлался совсѣмъ ненадежнымъ, въ Драгѣръ прискакалъ изъ Копенгагена одинъ негоціантъ. Онъ искалъ отважнаго гонца, который доставилъ бы по льду въ Мальмё важное дѣловое письмо тамошнему банкиру.

Когда его желаніе сдѣлалось известнымъ въ Драгѣръ, къ нему въ гостиницу явился молодой рыбакъ.

— Что вы за это дадите, сударь?—спросилъ онъ.

— Десять ригдалеровъ впередъ и десять послѣ того, какъ вы мнѣ принесете отвѣтъ,—сказалъ копенгагенецъ.—Я буду ждать его здѣсь, въ гостиницѣ Петра Гинта.

— Хорошо, сударь, я готовъ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Гаральдъ Билле.

— Вотъ письмо и деньги. Какъ вы думаете добратесь до того берега, а саночкахъ или на коныкахъ?

— На коныкахъ.

— Значитъ, вы не считаете этой переправы такой опасной, какъ другіе, къ которымъ я безуспѣшно обращаюсь?

— Она очень опасна, сударь. Ледъ можетъ каждую минуту вскрыться, и отдѣльныя глыбы его теченіемъ погонитъ къ югу, въ Балтійское море.

— И вы все-таки рѣшаетесь?

— Рѣшаюсь,—съ грустной улыбкой подтвердилъ рыбакъ.— Я не дорожу жизнью.

Онъ вышелъ.

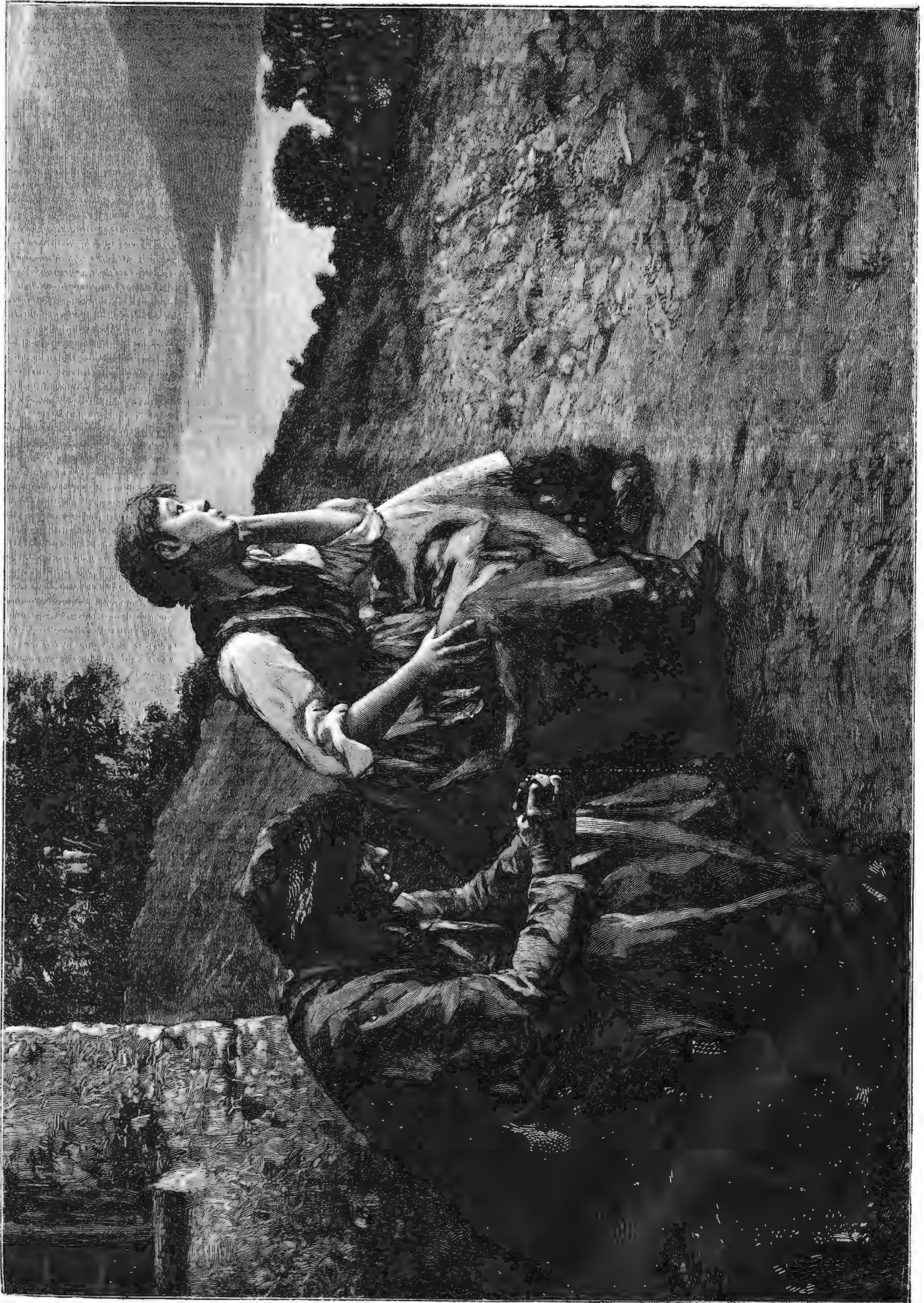
Копенгагенскій негоціантъ былъ нѣсколько озадаченъ. Онъ спросилъ хозяина гостиницы, не знаетъ ли онъ, почему этому молодому человѣку такъ наскучила жизнь.

Петръ Гинтъ отвѣчалъ:

— Всею причиной несчастнаго любова, сударь. Здѣсь живетъ рыбакъ Сбретъ Гаммелъ; у него очень красивая дочь Зигридъ, и въ эту Зигридъ влюбленъ Гаральдъ Билле. Они

Сожженіє мѣстническихъ книгъ по повелѣнію царя Феодора Алексѣевича 12 января 1682 г.
Ориг. рис. (собств. „Нива“) К. В. Лебедева, гравир. Мульгановскій.

Итальянская выставка въ Петербургъ. „Вечерній свѣтъ.“ Съ картии Эрика Кресли грав. Манкастропа.

были уже помолвлены, но недавно Сörenъ Гаммель расторгнул помолвку.

— Почему же?

— Гаммель получил въ наследство отъ своего умершаго въ Вестъ-Индии брата нѣсколько тысячъ ригдалеровъ; теперь онъ хочетъ лучше пристроить дочь.

Тѣмъ временемъ Гаральдъ Билле полетѣлъ уже по льду. Кое-гдѣ видѣлись подозрительныя мѣста; приходилось дѣлать крюкъ, чтобы ихъ обойти. Порою ледъ трещалъ; но всѣмъ направленіямъ видѣлись разсѣлины. Черезъ узкія онѣ, недолго думая, перескакивали; широкія, съ разрыхленными краями, обходили.

На обширной ледяной равнинѣ, кромѣ отражнаго конькобѣзда, не видно было ни души. Настали сумерки. Къ девяти часамъ вечера Гаральдъ Билле благополучно достигъ Мальмѣ.

Онъ немедленно отправился по данному ему адресу.

Письмо копенгагенскаго негодянта, повидимому, сильно заинтересовало банкира. Гаральдъ получилъ отъ него отвѣтное письмо въ одиннадцать часовъ.

— Вы сейчасъ переправитесь черезъ ледъ?—спросилъ банкиръ.

— Да,—отвѣчалъ.

— По достаточно ли онъ крѣпокъ? Я слышалъ, что по немъ уже перестали ходить.

— Я благополучно перебрался сюда и надѣюсь счастливо вернуться.

— Тогда прощайте!

Гаральдъ побѣжалъ въ гавань и снова надѣлъ коньки. Старикъ-сторожъ, понавіишя ему настрѣчу, убѣдительно предостерегалъ его не рисковать жизнью. Но безстрашный юноша не хотѣлъ ничего слышать:

— Мнѣ нужно на ту сторону, я обещаю.

И онъ покатился по ледяной равнинѣ, на этотъ разъ къ западу, противъ вѣтра, который сдѣлался сильнѣе. Оттенель усиливалась. Тонкій туманъ заволакивалъ все вокругъ; по лунный свѣтъ пробивался сквозь него и озарялъ Гаральда путь. Когда больше половины дороги было уже позади, онъ въ смущеніи остановился.

Ледъ такъ и гнулся подъ его ногами. Медленно двинулся онъ еще немного впередъ и увидѣлъ темную воду. Дѣло было ясно: онъ стоялъ на огромной льдинѣ, которую относило къ югу; значитъ, ледъ вскрылся.

Гаральдъ призадумался: онъ внимательно осмотрѣлся, стараясь ориентироваться. При блѣдномъ свѣтѣ луны онъ замѣтилъ неясныя очертанія острова Зальтгольма.

Разсуженіе между пловучей льдиной и островомъ было не велико. Онъ отвязалъ коньки, дошелъ до края большой льдины, на которой находился, и сталъ ждать, чтобы съ нею поровнялась другая; перепрыгнувъ на нее, съ нея на другую, третью, онъ, наконецъ, поналъ на твердый береговой ледъ и затѣмъ добрался до острова.

Съ восточнаго его берега онъ тотчасъ же перешелъ на западный. Тамъ онъ увидѣлъ приморскую ко льду лодку, въ ней два весла и длинный крѣпкій багоръ.

— Вотъ счастливая находка! — пробормоталъ юноша. — Въ этой лодкѣ я навѣрное доберусь до Драгѣра.

Онъ сѣлъ въ лодку, ваялъ весла и смѣло пустился наперерѣзъ льдинамъ; это было не легко и требовало большой осторожности. Приходилось лавировать.

Долго онъ такъ боролся съ трудностями переправы; было, вѣроятно, около двухъ часовъ ночи, когда до его слуха долетѣли какіе-то странные звуки,—повидимому, кто-то звалъ на помощь. Казалось, еще человѣкъ застрялъ во льду и, находясь въ опасности, трубитъ въ большой рогъ.

Звукъ слышался съ сѣвера. Гаральдъ пробирался въ своей лодкѣ какъ разъ въ томъ же направленіи. Въ этой части Зунда льдины къ западу сплотивались чуть не въ сплошную массу.

Минуту черезъ десять онъ увидѣлъ сквозь туманъ высокаго статнаго человѣка, стоявшаго на пловучей льдинѣ. У его ногъ лежалъ небольшой мѣшокъ.

— На помощь! Сюда! — крикнулъ человѣкъ и снова затрубилъ въ большой блестящій рогъ.

— Бду, бду!—крикнулъ молодой рыбакъ.

Подѣхавъ ближе, онъ замѣтилъ, что человѣкъ на льдинѣ закутанъ въ солдатскій плащъ.

— Вы гвардеецъ?

— Да, рыбакъ. Меня зовутъ Нильсъ Тролле.

— Какъ вы сюда попали?

— Я сбѣжалъ. Мнѣ уже давно опротивѣла собачья жизнь въ полку. Но прежде чѣмъ уйти изъ Розенборгскаго замка, гдѣ я стоялъ на часахъ, я набралъ въ этотъ мѣшокъ всякаго добра.

— И этотъ блестящій рогъ, который у васъ въ рукѣ?

— Да, и его. Счастье, что я его взялъ съ собой, иначе какъ бы я могъ васъ кликнуть? Спасите меня! Оставьте на шведскій берегъ, гдѣ у меня есть друзья. Вамъ это не повредитъ, а я васъ озолочу. У меня хватитъ денегъ наградить васъ по-царски.

— Я увѣренъ, что это воръ, — подумалъ Гаральдъ. — Но, все равно, надо его спасти. Это долгъ всякаго человѣка.

Онъ подѣхалъ въ лодкѣ совсѣмъ близко, отгладывая багоромъ

маленькія льдины. Гвардеецъ обернулся, чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ и поднять мѣшокъ. Но, прежде чѣмъ ему это удалось, льдина, на которой онъ стоялъ, треснула пополамъ, и въ одно мгновеніе мѣшокъ очутился, вмѣстѣ съ другою половиною льдины, въ значительномъ разстояніи отъ своего владѣльца.

— Мое золото, мое золото!—кричалъ Нильсъ Тролле.

— Подождите минутку! — отозвался Гаральдъ. — Я сейчасъ подѣжду и возьму въ лодку сначала васъ, потомъ мѣшокъ!

Но дезертиръ не слушалъ. Онъ уже перепрыгнулъ съ большой льдины на меньшую, гдѣ лежалъ мѣшокъ, но на краю этой послѣдней поскользнулся и уналь въ воду вмѣстѣ съ блестящимъ рогомъ, который держалъ въ лѣвой рукѣ. Онъ успѣлъ только пронзительно крикнуть и уже болѣе не показывался на поверхности воды, — вѣроятно, теченіемъ его отнесло подъ ледъ.

Блѣдный отъ ужаса, молодой рыбакъ видѣлъ все, но будучи въ состояніи помочь несчастному. Онъ долго смотрѣлъ на воду въ надеждѣ, что солдатъ еще вынырнетъ, но здалъ напрасно.

— Теперь онъ уже мертвъ,—прошепталъ онъ, наконецъ. — Это его вина,—зачѣмъ онъ не подождалъ! Ну, если мы не удалось спасти человѣка, я, по крайней мѣрѣ, подберу мѣшокъ.

Онъ пробился къ второй льдинѣ, прыгнулъ багоромъ мѣшокъ и взялъ его въ лодку. Мѣшокъ вѣсилъ не менѣе пуда.

Онъ открылъ мѣшокъ и увидѣлъ золотыя драгоцѣнности и блестящія самоцвѣтные камни, прикритые тонко выдѣланной кожей. Гаральдъ Билле тотчасъ смекнулъ, въ чемъ дѣло. Онъ не разъ посѣщалъ кусткамеру въ замкѣ Розенборгъ и, какъ всѣ другіе посѣтители, почтительно любовался ея сокровищами.

— Это части парадной верховой сбруи короля Христіана IV, которая, какъ говорятъ, стоитъ больше ста тысячъ талеровъ,—прошепталъ онъ. — Если я это доставлю, мнѣ, вѣрно, дадутъ хорошую награду.

Послѣ этого онъ продолжалъ свое опасное плаваніе. Прошло, однако, еще нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ онъ достигъ мѣстечка Драгѣръ. Ледъ въ тамошней маленькой гавани былъ еще крѣпокъ. Онъ загналъ багоръ въ ледъ и привязалъ къ нему лодку; потомъ, взявъ мѣшокъ, направился къ гостиницѣ Петра Гинта и постучалъ въ входную дверь.

Хозяинъ вышелъ и воскликнулъ:

— А, вы, слава Богу, вернулись! Мы уже думали, что вы погибли.

— Да, я чуть было не погибъ,—сказалъ Гаральдъ. — Но все кончилось благополучно. Я имѣлъ большую удачу.

— Ну, я разбужу прѣзжаго господина.

— Онъ еще здѣсь?

— Да.

Оба вошли въ домъ. Черезъ минуту вышелъ изъ своей комнаты негодянтъ. Онъ казался чрезвычайно довольнымъ, прочтя письмо банкира изъ Мальмѣ, и далъ молодому рыбаку, вмѣсто условленныхъ другіхъ десяти талеровъ, пятнадцать; кромѣ того, угостилъ его на славу.

Гаральдъ разсказалъ свои необыкновенныя ночныя приключенія и показавъ содержимое мѣшка. Хозяинъ и негодянтъ были изумлены. По ихъ мнѣнію, онъ могъ смѣло рассчитывать на очень высокое вознагражденіе.

На другой день юноша снова собрался въ путь-дорогу и пошелъ съ своимъ драгоцѣннымъ мѣшкомъ въ Копенгагенъ.

Около полуночи, когда часовой, стоявшій у того флигеля Розенборгскаго замка, гдѣ была кусткамера, долженъ былъ смѣниться, замѣчено было его исчезновеніе. Нашли только его ружье и саблю.

Тотчасъ же подняли шумъ, тѣмъ болѣе, что двери въ залы кусткамеры оказались взломанными.

Изъ сокровищъ богатаго музея не доставало многихъ паволѣ цѣнныхъ вещей, въ томъ числѣ осыпанныхъ драгоцѣнными камнями частей парадной верховой сбруи Христіана IV, знаменитаго золотого галеусскаго рога и другіхъ сокровищъ.

Администрація музея и полиція, вмѣстѣ съ военными властями, усердно принялись за розыски виновнаго. За поимку грабителя и доставку украденныхъ драгоцѣнностей назначено было вознагражденіе въ три тысячъ ригдалеровъ. Но всѣмъ направленіямъ легли эстафеты, приказывавшія властямъ соединить мѣстечекъ по мѣрѣ силъ и возможности содѣйствовать розыскамъ. Никому и въ голову не приходило, чтобы дезертиръ-гвардеецъ рискнулъ переправиться по ненадежному льду въ Швецію.

И вдругъ явился Гаральдъ Билле со всѣми похищенными драгоцѣностями, кромѣ золотого галеусскаго рога, который, къ сожалѣнію, пропалъ навсегда. Онъ погребенъ въ илстомъ днѣ Зунда, въ самомъ глубокомъ его мѣстѣ, гдѣ его уже никто не найдетъ.

Просто и правдиво рыбакъ разсказалъ свое ночное приключеніе и получилъ назначенную высокую награду.

Теперь Сörenъ Гаммель вернулъ ему свое благоволеніе и благословилъ на бракъ съ прекрасной Энгридъ. Молодые люди вскорѣ поженились, и счастье не покидало ихъ всю жизнь.

Рѣдкое явленіе атмосфернаго электричества.

Очеркъ А. В. Пастухова.

Все лѣто и осень 1891 года я провелъ по дѣламъ службъ въ верховьяхъ рѣкъ Ріона и Ардона и здѣсь, совершая восхожденія на многія вершины главнаго Кавказскаго хребта, былъ свидѣтелемъ разныхъ атмосферныхъ явленій; но особенно рѣдкое и интересное явленіе довелось наблюдать мнѣ на вершинѣ горы Халаца, на которую я поднимался для производства тригонометрическихъ наблюдений.

Гора Халаца находится въ верховьяхъ рѣки Ардона въ томъ мѣстѣ главнаго Кавказскаго хребта, гдѣ отъ него отдѣляется хребетъ, служащій водораздѣломъ между бассейнами рѣкъ Куръ и Ріона. Она имѣетъ высоту 12,915 фут. надъ уровнемъ моря и покрыта вѣчными снѣгомъ.

24-го августа передъ закатомъ солнца я, въ сопровожденіи десяти казаковъ суженско-владикавказскаго полка, прибылъ къ подошвѣ этой горы и здѣсь на берегу шумной горной рѣчки расположился на почлегѣ.

25-го августа, въ 7^{1/2} часовъ утра, я съ восемью казаками нѣшкомъ отправился въ путь, имѣя намѣреніе достигъ вершины упомянутой горы. Послѣ десятичасоваго труднаго и мѣстами опаснаго пути мы въ 5 час. 30 мин. достигли вершины.

Въ 7 часовъ вечера началъ срываться снѣжокъ. Я велѣлъ казакамъ готовить мѣста для почлега; приготовить и для себя; выровнять небольшую площадку, и изъ штатива отъ теодолита, семи альпійскихъ палокъ и бурки сдѣлать себѣ шалашъ, въ который сейчасъ же и помѣстился, потому что въ это время шелъ уже сильный снѣгъ. Солнце давно сѣло и было совершенно темно, но вогъ я замѣтилъ какой-то свѣтъ, который видѣшь мнѣ былъ изъ-подъ низкаго края бурки, не плотно прилегающаго къ землѣ. Сначала этотъ свѣтъ меня озадачилъ, но потомъ я рѣшилъ, что онъ происходитъ отъ близкаго вновь вышедшаго снѣга; на этомъ я и успокоился. Прошло нѣсколько минутъ, какъ вдругъ я услышалъ надъ собою шестъ, который то усиливался, то затихалъ, но не прекращался. Я позвалъ казака, который сильно унававшимъ голосомъ объявилъ мнѣ, что появились какіе-то огни, что все горитъ, мы все горимъ и камни горятъ. Я велѣлъ открытъ ему полъ моего шалаша и сталъ выдѣлать оттуда. Въ рукахъ у меня была металлическая кружка; какъ только я ее высунулъ наружу, она вдругъ вспыхнула и запылала. Велѣвъ за этимъ загорѣлись мои усы, воротнички и полъ моего тулупа. Стоявшій передо мной казакъ былъ съ огненными усами, бровями и волосами; вся бурка его тоже тлѣла. На каждомъ концѣ палокъ, составлявшихъ мой шалашъ, горѣлъ огонь и, наконецъ, на каждомъ остріѣ всѣхъ камней, покрывавшихъ вершину горы, по всей ея длинѣ и ширинѣ, пылали огни; однимъ словомъ, передъ нами были такъ-называемыя *огни святого Эльма*. Площадь, которую покрывали эти огни, равнялась сорока квадратнымъ саженимъ. Все огни были плоскіе и имѣли форму, подобную пламени газоваго рожка, съ ровными верхними краями, безъ всякихъ язычковъ. Притомъ, несмотря на довольно сильный вѣтеръ, пламя нѣсколько не колебалось, цвѣта оно было фіолетоваго и повидимому не обладало тепловыми лучами, такъ какъ при прикосновеніи руки къ огню не ощущалось теплоты.

Минутъ 15 я наблюдалъ эти огни и любовался столь дивнымъ и рѣдкимъ зрѣлищемъ, отъ котораго положительно нельзя было оторвать глазъ; но усилившаяся метель заставила меня вспомнить о моемъ шалашикѣ, и я, объяснивъ казакамъ такъ сильно смуглившее ихъ явленіе и умолчавъ, конечно, объ опасности, а напротивъ совершенно успокоивъ ихъ, опять отправился на свое мѣсто. Съ полчаса еще послѣ этого слышенъ былъ шестъ и горѣли огни и изрѣдка раздавались удары грома. Потомъ все стихло, огни погасли, и я заснулъ.

Не знаю, какъ долго я спалъ, только вдругъ былъ разбуженъ страшнымъ ударомъ грома. Послѣ того опять послышался шестъ и опять запылали огни еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде, и это продолжалось ровно 40 минутъ. За это время было три сильныхъ удара грома, потомъ огни исчезли, и заснулъ и проспалъ, ничѣмъ уже болѣе не потревоженный, до самаго утра.

Въ этотъ день (26-го августа) такъ же, какъ и наканунѣ, нельзя было сдѣлать никакихъ мнѣ наблюдений, ибо весь главный Кавказскій хребетъ и окружающія насъ высоты и ущелья были покрыты туманомъ, который по временамъ покрывалъ и насъ; а потому я и рѣшилъ опять остаться почевать тутъ же на вершинѣ. Но, чтобы хоть сколько-нибудь обезопасить себя отъ могущей опять произойти грозы, я велѣлъ на самой высшей точкѣ сложить изъ камней башенку, которая должна была служить намъ громоотводомъ, такъ какъ все же, пожалуй, молнія скорѣй ударила бы въ самую высокую точку. Шалашикъ я свой разобралъ и рѣшилъ спать укрывшись буркой. Въ 5 часовъ пополудни насъ окутало густымъ туманомъ, сталъ изрѣдка срываться мелкій снѣжокъ, и я почувствовалъ, что по моему лицу какъ будто ползала паутина, а вмѣстѣ съ тѣмъ я услышалъ знакомый уже мнѣ шестъ. Начиналось вчерашнее явленіе. Черезъ полчаса туманъ разсѣялся и шестъ прекратился, но въ то же время я замѣтилъ, что съ

запада, со стороны Сванетіи, надвигалась странная туча, которая, все разрастаясь и образуя полукругъ, медленно подвигалась къ намъ. Къ этому времени сварился нашъ снѣгъ, и мы стали ужинать. Послѣ ужина я хорошенько уложилъ все инструменты и сдѣлалъ наблюдение надъ термометромъ, который показывалъ въ это время—0,5° R.

Въ ожиданіи непогоды я ходилъ вдоль вершины; стали наступать сумерки. Вдали слышны были глухіе раскаты грома, насъ совсѣмъ окутало густымъ холоднымъ туманомъ и сталъ сыпаться мелкій и частый снѣгъ. Въ пяти шагахъ ничего не было видно. Я легъ и закрылся буркой. Минутъ черезъ десять раздался такой сильный ударъ грома, что буквально содрогнулась вся гора. Я выглянулъ изъ-подъ бурки, и моему взору представились тѣ же огни. Я сталъ опять наблюдать за ними. При каждомъ новомъ ударѣ грома огни мгновенно гасли, но такъ же мгновенно и снова появлялись. Попробуемъ все вершина была усыяна этими чудными огнями, и особенно башенка была вся усыяна ими. Вдругъ, что-то съ сильнымъ жужжаніемъ промелькнуло передъ моимъ лицомъ по направленію къ башенкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ явленіе это повторилось, но я попрежнему не могъ его разглядѣть. Я сталъ ожидать его снова, приготовившись хорошенько наблюдать. Оно не долго заставило себя ждать. Снова зажужжало и замелькало опять въ томъ же направленіи, и на этотъ разъ я ясно разглядѣлъ пропеснѣвшій въ разстояніи одного аршина отъ меня маленькій бѣлаго цвѣта огненный шарикъ, величиною немного болѣе грецкаго орѣха. Онъ летѣлъ волнообразно рикометами и при прикосновеніи къ снѣгу издавалъ жужжащій звукъ, похожій на звукъ производимый пчелой, когда она бьется о стекло. Явленіе повторилось еще нѣсколько разъ, и иногда до того близко пролеталъ шарикъ отъ моего лица, что я невольно долженъ былъ отстранить голову. Это были *шаровидныя молніи*. Наконецъ, втретью стало сильно мести въ лицо мнѣ снѣгъ, и я принужденъ былъ опустить бурку и совсѣмъ закрыться. Громъ участился. Черезъ каждыя пять, шесть минутъ слѣдовало новый ударъ. Въ двухъ шагахъ отъ меня въ жестяномъ ящикѣ лежала желѣзная печка, а около нея желѣзные копки *), и все это при каждомъ ударѣ сильно гремѣло. При иныхъ же ударахъ, вся поверхность горы гремѣла, какъ бы съ нею сдергивали крышу изъ листового желѣза. Нѣсколько разъ двигались на мнѣ бурка, но не такъ, какъ если бы ее тянулъ кто-нибудь, а какъ будто она ползала по мнѣ, при чемъ разные ея части двигались съ не одинаковой скоростью. Удары грома все учащались, притомъ до того близко отъ насъ, что каждымъ ударомъ насъ положительно оглушало. Но вотъ прошло 5 минутъ и удара не было, прошло еще столько же времени и опять ни одного удара, только шестъ ужасно усилился, а башенка шипѣла, буквально какъ гигантскій паровозъ. Все казаки, какъ потомъ оказалось, въ это время съ напряженіемъ ожидали чего-то ужаснаго. Я лежалъ на правомъ боку, ногами по направленію къ башенкѣ, а слѣдовательно и къ высшей точкѣ вершины. Я опять приподнял надъ лицомъ невозможную бурку и посмотрѣлъ. Снѣгъ сыпалъ попрежнему, но втретью былъ гуще. Огней было—виднѣе-невиднѣе. Вдругъ мелькнулъ одинъ шарикъ, потомъ другой, третій, еще и еще, и затѣмъ блеснулъ страшный свѣтъ, раздался оглушительный громъ, меня рвануло за ноги, сдернуло съ мѣста и перевернуло на спину. Первою моею мыслью было: меня убило. Слѣдующая мысль: меня не убило, а только оторвало ноги; и я дѣйствительно чувствую, что но колѣни мои ноги оторваны. Боль въ этихъ мѣстахъ ужасная: хочу убѣдиться, дѣйствительно ли ноги оторваны или по крайней мѣрѣ парализованы, съ силой стараюсь пошевелить правой ногой и убѣждаюсь, что ниже колѣна ея шѣтъ; продѣлываю то же самое съ лѣвой ногой, и опять тотъ же результатъ. Тогда я поднимаюсь, сажусь и руками ощущиваю ноги; оказывается, что онѣ обѣ цѣлы, но двигаться я ими попрежнему не могу: ниже колѣнъ—онѣ мертвы. Я начинаю тереть ихъ и вотъ почувствовалъ большой палецъ правой ноги, потомъ пошевелилъ всей ногой: вѣстѣ съ этимъ возвратилась жизнь и къ лѣвой ногѣ. Послѣ этого я сталъ окликая казаковъ. Но на мой зовъ никто не отозвался; я повторилъ крикъ нѣсколько разъ, и первымъ отозвался казакъ Марченко. Я спросилъ, не убило ли кого? Въ это время отозвалось нѣсколько голосовъ, которые говорили, что, кажется, Богъ милостивъ: на этотъ разъ—никого не убило; но каждый сообщалъ, что его ударило въ ноги, а казакъ Талинъ жаловался, что его ударило въ бокъ, и онъ толкнулъ головой лежащаго рядомъ съ нимъ казака Артамонова съ такою силою, что тотъ откатился отъ него. Очевидно, что мы были поражены *возвратнымъ ударомъ*. Послѣ этого я рѣшилъ, что долѣе оставаться тутъ нельзя и надо уходить. Но куда же идти ночью, во время метели, и притомъ съ такой горы, какъ Халаца, гдѣ на каждомъ шагу можно было полетѣть въ пропасть? А потому о спускѣ

*) Желѣзные сандалии со стальными шипами, употребляющіеся при хожденіи по ледникамъ.

куда-нибудь далеко вниз.—не могло быть и рѣчи. И рѣшил спуститься хотя саженей на двадцать ниже вершины, гдѣ все-таки могло быть безопаснѣе, чѣмъ здѣсь. Проходи мимо ба-шенки, которая шипѣла какъ опущенное въ воду раскален-ное желѣзо, и замѣтилъ на ней нѣсколько огоньковъ; по всему же протяженію вершины, гдѣ они горѣли прежде, — ихъ не

было ни одного. Дойдя до мѣста, гдѣ начинались обрывы, мы остановились, и хотя здѣсь покатость была очень большая, но и все-таки рѣшилъ переползти на этомъ мѣстѣ.

Замѣчательно, что этотъ страшный ударъ грома, согнавшій насъ съ вершины, былъ послѣднимъ въ то лѣто. Послѣ этого мы уже не слышали ни одного удара.

Къ рисункамъ.

У колыбели беззаботно спящей малютки сидитъ молодая мать съ крохотнымъ лицомъ и, тихо покачивая люльку, смотритъ довольнымъ взглядомъ на своего первенца. Она невольно задумывается надъ судьбой ребенка, и разныя грѣзы вереницей слетаютъ къ ней въ сумракѣ слабо освѣщенной комнаты. Все дышитъ чистотою, порядкомъ, и все въ этой милой обстановкѣ согрѣто нѣжною поэзіею материнской любви. Въ этомъ смыслѣ англійскій художникъ, г. Мильзъ, прекрасно справился съ своею задачею.

Однимъ изъ украшеній XXVI передвижной выставки картинъ было, кромѣ „Проводовъ новобранца“, и полотно художницы К. Ивановой, изображающей выздоравливающаго больного отца. Онъ долго боролся между жизнью и смертью, и измученная дочь теряла всякую надежду. Она просиживала долгія ночи у его изголовья, сокращая тяжелые часы чтеніемъ. Случалось, что утомленная она засыпала на креслѣ, будучи не въ силахъ бороться съ дремотой. Въ одну изъ такихъ ночей, она вдругъ очнулась, услышавъ голосъ отца и, вскочивъ съ кресла, бросилась къ нему съ тревожнымъ вопросомъ: „Слава Богу!“—отвѣчалъ больной, и на его исхудаломъ лицѣ впервые появилась слабая улыбка. Съ какой радостью любящая дочь прижалась къ его груди! Въ ея добрыхъ, выразительныхъ глазахъ отразилась вся горячая любовь къ бѣдному отцу. Картина написана очень реально.

Въ компаніи интеллигентныхъ охотниковъ, зашедшихъ, чтобы отдохнуть, по пути въ деревню, закусавающихъ и почитающихъ часекъ послѣ интересной, но, кажется, неудачной экскурсіи, идутъ бойкіе разговоры объ охотѣ. Хозяинъ избы не выдержалъ и началъ самъ разсказывать о своихъ охотничьихъ подвигахъ и необыкновенныхъ удачахъ. Молодые слушатели сначала съ любознательностію выжидали словоохотливому старину и только изрѣдка съ усмѣшкой переглядывались, но когда онъ заврался до того, что и самъ не знаетъ, какъ выпутаться изъ разсказа, ему въ отвѣтъ раздался дружный хохотъ молодежи. Даже цулка собака недоумчиво глядитъ на стараго хвастуна. Сцена очень выразительна: всѣ лица живутъ. Картина г. В. Маковского вполне оправдываетъ его репутацію выдающагося жанриста.

Чудныя окрестности Ялты привлекли вниманіе Айвазовскаго, и онъ мастерскою кистью первокласснаго художника создалъ великолѣпную картину ближайшихъ ея окрестностей, повидимому, прилегающихъ къ дорогѣ, ведущей къ Гурзуфу. Прошлый годъ былъ богатъ наводненіями, и южный берегъ Крыма былъ вдоль и поперекъ изрѣзанъ бурными потоками. Художникъ изобразилъ теплую южную ночь, полную чарующей нѣги, когда уснувшее море точно переживаетъ во снѣ дневныя тревоги и слегка выбителъ, вздрагивая мелкими волнами. Тополи и кипарисы не шелкнутъ, точно боясь нарушить священную тишину, наступившую послѣ странной бури, вырвавшей съ корнями деревья и нагнавшей свинцовыя тучи съ громомъ и молніей. Издали виднѣтся дугообразный берегъ Ялты, и море далеко-далеко уходитъ, невѣдомо куда, сливаясь съ небосклономъ. Но камнями черезъ ручей на усталой лошади ѣдетъ татаринъ изъ окрестной деревни и тихо напѣваетъ грустную пѣсню.

Недвижно море; корабли,
Какъ точки бѣлыя ушли,
Едва скользятъ, въ пространство тая:
Какая тишина святая
Царитъ кругомъ! Нисходитъ къ намъ
Какъ бы предчувствіе чего-то...

Сожженіе мѣстническихъ книгъ, по повелѣнію царя Теодора Алексѣевича, 12-го января 1682 года. Однимъ изъ величайшихъ бѣдствій лучче-русской жизни XVI и XVII вѣка было, какъ извѣстно, такъ-называемое *мѣстничество*. Мѣстничествомъ называлось право родовитыхъ людей и вообще всѣхъ, принадлежавшихъ къ высшимъ сословіямъ государства — считаться степенями старшинства своихъ родовъ и заслугами предковъ. Такіе счеты приводили къ спорамъ, препирательствамъ и несокращаемымъ несогласіямъ между важнѣйшими родами; споры окончивались жалобами государю, которому безпрестанно приходилось разбирать одинъ боярскій или дворянскій родъ съ другимъ и выдавать виновнаго (т.-е. неправильно возвысившаго свое старшинство) *словою* другой стороной, правильно отстаивавшей старшинство или преимущество заслугъ своего рода. Всѣ подобныя споры завоевались обыкновенно

въ особыя мѣстническія книги, которыя, съ теченіемъ времени, составили цѣлую бібліотеку въ Разрядѣ. Благодаря такому, сильно укоренившемуся взгляду, всѣ должности, всѣ назначенія на мѣста, всѣ порученія дипломатическія и даже самое командованіе отдѣльными отрядами въ войскѣ, приходилось раздавать не иначе, какъ соображаясь со старшинствомъ родовъ и съ мѣстническими ихъ счедами, и рѣшительно не принимая въ соображеніе личныя способности и таланты избираемаго чиновника или назначаемаго на командованіе полководца. Если же царю и его приближеннымъ угодно было руководиться, при выборѣ того или другого лица, личными качествами избираемаго, а не родовитостью его и не старшинствомъ его рода, то такое назначеніе приводило къ несокращаемымъ спорамъ и жалобамъ, и дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что подчиненные вновь-назначеннаго начальника открыто и самовольно отказывались ему повиноваться и ихъ нельзя было вынудить къ повиновенію даже и угрозою смертной казни. Понятно, что однимъ изъ первыхъ вѣднѣй наступившей эпохи преобразованій было проявившееся въ самомъ русскомъ обществѣ желаніе избавиться отъ такого ненормальнаго порядка вещей. Начинаясь, въ данномъ случаѣ, явился одинъ изъ родовитѣйшихъ вельможъ при дворѣ царя Теодора Алексѣевича, пользовавшійся большимъ значеніемъ — князь Василій Васильевичъ Голицынъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ людей XVII вѣка. Наши военныя неудачи въ царствованіе царя Алексѣя и только что оконченная турецкая война привели къ необходимости создать особое совѣщаніе изъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ „для ближайшаго разсмотрѣнія и лучшаго устройства государскихъ ратей“. Это совѣщаніе, подъ предѣлательствомъ князя В. В. Голицына, приняло къ неожиданному выводу: оставивъ въ сторонѣ „пово-дымышленныя неприятелискія хитрости“, выборные заявили, что „для совершенной въ ратныхъ, посольскихъ и великихъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устройства“ необходимо указать „всѣмъ боярамъ, околышчичамъ, думнымъ и ближайшимъ людямъ и всѣмъ чинамъ быть на Москвѣ въ приказахъ и въ полкахъ у ратныхъ, посольскихъ и великихъ иныхъ дѣлъ *безъ мсты*, гдѣ кому великій государь укажетъ, а впередъ никому ни съ кѣмъ разрядомъ и мѣстами не считаться, разрядные случаи и мѣста отставитъ и некоренитъ, чтобы впредь отъ тѣхъ случаевъ въ разныхъ и великихъ дѣлахъ попытки не было“.

Когда князь В. В. Голицынъ доложилъ объ этомъ челобитьи выборныхъ людей государю, 12-го января 1682 г. назначено было чрезвычайное *сиденье* съ боярами, къ которому приглашены были патриархъ, архіерей и выборные изъ архимандритовъ. Дѣло было поведено очень торжественно. Прочитано было челобитіе выборныхъ людей; за чтеніемъ послѣдовала рѣчь самого государя и вопросъ къ собранію: „но пывшіи ли вы выборныхъ людей челобитью всѣмъ разрядамъ и чинамъ *быть безъ мсты*, или попрежнему *быть съ мстами*?“—На этотъ вопросъ послѣдовала единогласная отвѣтъ: „быть безъ мсты!“ Послѣ этого отвѣта, государь велѣлъ принести разрядныя книги и сказалъ: „изволяемъ ихъ предать огню, чтобы злоба эта совершенно погибла и не поминаясь“. — На это всѣ присутствующіе отвѣчали возгласомъ: „да погибнетъ въ огнѣ оно, богоугодное, враждолюбное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впередъ да не вспоминается во вѣки!“ Тогда въ переднихъ дворцовыхъ сѣняхъ разложенъ былъ огонь въ печи, и разрядныя книги запылали... П. П.

Въ настоящемъ номерѣ *Нивы* мы помѣщаемъ снимокъ съ картины, красовавшейся на итальянской художественной выставкѣ. Вообще истекшій сезонъ былъ особенно богатъ выставками. Однѣхъ иностранныхъ выставокъ было нѣсколько: за скандинавскою слѣдовала англійская, за англійскою — итальянская.

Довольно характеренъ фактъ, что англичане, которыхъ можно назвать новичками въ искусствѣ сравнительно съ итальянцами, далеко опередили послѣднихъ. Можно смѣло сказать, что на итальянской выставкѣ не было ни одной картины, которая по силѣ замысла и по совершенству исполненія могла бы быть поставлена на ряду съ лучшими картинами англійской выставки. Даже самыя видныя изъ картинъ итальянской выставки немного превышаютъ средней уровень. Чувствуется какое-то безсиліе найти новые сюжеты. Это тѣмъ болѣе чувствительно, что итальянская жизнь съ ея характеристическими чертамишла на насъ уже очень яркое выраженіе въ живописи. Поэтому, обозрѣвая итальянскую выставку, вы видите такое впечатлѣніе, какъ будто вы видите предъ собою только слабыя кони давно вамъ извѣстныхъ картинъ.

Отличительнымъ признакомъ итальянской выставки былъ національный ея характеръ. Въ этомъ отношеніи ее можно вполне сопоставить съ англійскою выставкою, и вмѣстѣ съ тѣмъ она выгодно отличается отъ скандинавской, которая имѣла какой-то космополитическій характеръ въ духѣ повѣвшихъ художественныхъ школъ. Правда, и на итальянской выставкѣ встрѣчались картины этого рода. Напримѣръ, картины гг. Превіати, Пажето, Пагано, Колемана и др. Два урода душатъ другъ друга, и это должно изображать „Ромео и Джульетту“; или предъ вами намалевана въ японскомъ вкусѣ набережная, по которой прохаживаются невѣроятныя рожи, и это названо „Восходомъ и заходомъ“; или какой-то пожилой господинъ вырылъ изъ земли гробъ съ трупомъ женщины и любуется ею,— это называется „Независть“.

Мы не будемъ говорить о картинахъ, на которыхъ цвѣты изображаются въ видѣ красныхъ фонариковъ или на которыхъ трудно разобрать, что собственно хотѣлъ изобразить художникъ. Но въ общемъ такихъ картинъ сравнительно мало, а преобладаютъ картины, болѣе или менѣе удачно изображающія дѣйствительную жизнь, т. е. жизнь итальянскую со всеми ея особенностями. Зная Италію, вы, конечно, не удивитесь, что на выставкѣ то и дѣло встрѣчаются поощіе итальянцы и итальянки, патеры, монахины, церкви, процессіи, поединки, драки и т. д. Италія музыкальна, Италія религіозна, итальянцы—народъ пламенный, трудно сносящій обиду и склонный жестоко мстить за нее. Лучшія картины выставки принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя точнѣе всего воспроизводятъ національныя особенности итальянцевъ. Таковы картины: „Мирные переговоры“, „Самаритянка“, „Похороны ребенка“, „Соната“, „Вино и карты“ и др.

Съ нѣкоторыми изъ этихъ картинъ мы надѣемся познакомить читателей въ послѣдствіи, а пока остановимся на картинѣ, помѣщаемой въ настоящемъ номерѣ *Нивы*. Она носитъ двойное названіе: „Вечерній свѣтъ“ и „Одинъ на свѣтѣ“. На завалкѣ предъ избой сидятъ двѣ женщины, старая и молодая; обѣ онѣ погружены въ глубокую печаль,— должно-быть, кормилица семьи не стало. Можетъ-быть, молодая потеряла мужа, а старая—сына. Одиночество обѣихъ женщинъ выражено очень хорошо. Но еще лучше воспроизведенъ вечерній свѣтъ, погружающій всю природу въ тихую меланхолю. Это полное соответствіе внѣшняго и внутренняго міра, природы и душевнаго настроенія, и составляетъ силу картины, которая, кромѣ того, отличается большою реальностью.

Иеронимъ Савонарола.

(Портр. на этой стр.).

11-го мая истекаетъ четыреста лѣтъ со дня мученической кончины на кострѣ, во Флоренціи, знаменитаго итальянскаго церковнаго реформатора и общественаго дѣятеля Иеронима Савонарола.

Имя Савонарола пережило четыре вѣка и считается однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ во всемірной исторіи, какъ имя безкорыстнаго, честнаго борца за святость церкви и нравственность, какъ выдающагося демагога, своимъ горячимъ, вдохновеннымъ словомъ управлявшаго дѣлой страной.

Родившись 21-го сентября 1452 г. въ г. Феррарѣ, внукъ знаменитаго врача падуанской школы Михаила Савонарола, Иеронимъ Савонарола съ ранняго дѣтства носилъ уже на себѣ печать чего-то возвышеннаго: онъ былъ „не отъ міра сего“; еще ребенкомъ онъ поражалъ окружающихъ своей необыкновенной серьезностью и сосредоточенностью, и такъ онъ росъ одинокій, весь чуждый. Его лобъ былъ уже въ юности испещренъ морщинами, его крупный орлиный носъ и полныя, крѣпко сжатія губы выражали энергію и рѣшимость характера, и только блестяще зеленатаго оттѣнка глаза, опущенные длинными рѣсницами, и грустная улыбка освѣщали это энергичное нѣсколько суровое лицо юнаго мыслителя, придавали ему извѣстную мягкость, какъ бы выдавая сокровенную

чувствительность его любящаго, благороднаго сердца. Получивъ строго-научное образованіе подъ руководствомъ своего дѣда, а затѣмъ и отца, онъ увлекся философіей, и съ особенной любовью и усердіемъ изучалъ Библію, посвящая краткіе свои досуги, въ видѣ отдыха, рисованію, музыкѣ и поэзій.

Но хотя онъ весь ушелъ въ свои философскія работы, онъ находилъ время наблюдать и окружающую жизнь, видѣлъ всю ея суету, видѣлъ возмутительно-сказочную, нагло выставившуюся напоказъ, роскошь богачей и тутъ же на ряду страшную нищету, голодъ, пытки и муки узниковъ, изнывавшихъ въ подземельяхъ, какъ разъ подъ тѣми роскошными княжескими замками, гдѣ веселилась и пировала итальянская знать. Убѣдившись воочию въ страшномъ нравственномъ упадкѣ окружающей жизни, онъ сознательно сторонился отъ нея, и въ душѣ его все болѣе крѣпла мысль о томъ, чтобы уйти изъ міра и отдаться всецѣло давно уже охватившему его религіозному чувству.

12-го апрѣля 1475 г. онъ покинулъ домъ отца, оставивъ большое прощальное письмо родителямъ, и отправился изъ Феррары въ Болонскій монастырь Свѣт-Доминико. Тамъ, въ уединенной кельѣ, провелъ Савонарола 7 лѣтъ въ постѣ, молитвѣ и покаяніи, самъ учась и обучая новичковъ изъ монаховъ. Тамъ же онъ близко ознакомился со всеми недочетами современной ему католической церкви и тамъ проснулся въ немъ ярый фанатическій ея реформаторъ.

Кромѣ обученія молодыхъ монаховъ, на Савонаролу было возложено настоятелемъ и чтеніе проповѣдей, за которыя онъ ухватился съ большимъ пыломъ. Но истощенный организмъ, слабый голосъ, невзрачная фигура сильно вредили его проповѣднической дѣятельности, и первые ея годы въ Феррарѣ, а затѣмъ и во Флоренціи, не выдѣлили Савонаролу изъ ряда посредственныхъ проповѣдниковъ. Но постепенно внутренняя, духовная сила его рѣчей одержала верхъ надъ его невзрачною внѣшностью, и на его проповѣди стали стекаться толпами слушатели, растроганные его суровыми обличеніями правителей и духовенства. Народъ благоговѣнно внималъ рѣчамъ новаго проповѣдника, и имя Савонарола передавалось изъ устъ въ уста, сначала по всему городу, а затѣмъ и по всей Италіи.

Въ 1490 году Савонарола явился во Флоренцію и началъ проповѣдывать сначала въ монастырѣ Санъ-Марко, а затѣмъ въ соборной церкви Санта-Марія дель Фіора. Проповѣди Савонарола привлекали слушателей со всей Флоренціи. Его нравственно-религіозныя взгляды были совершенно противоположны понятіямъ, господствовавшимъ тогда во Флоренціи. Онъ призывалъ всѣхъ людей къ правдѣ, къ борьбѣ съ ложью, считалъ конечною дѣлюю челоука блаженство, какъ награду за добродѣтельную дѣла, признавалъ главѣйшимъ стимуломъ жизни любовь, „потому что любовь дѣлаетъ все, движетъ всѣмъ, пересиливаетъ и побѣждаетъ все“. Видя окружающее его паденіе нравовъ, вѣры, церкви, онъ считалъ долгомъ призывать людей къ преобразованіямъ, къ обновленію, къ покаянію, грозя, въ противномъ случаѣ, гибелью страны. Эти рѣзкія проповѣди Савонарола сильно возстановили противъ него правителей Флоренціи Лоренцо и затѣмъ Петра Медичи, а также и высшее духовенство и вызвали въ нихъ стремленіе избавиться отъ суроваго обличителя.

Стараніями Петра Медичи и папы Александра VI Борджіа Савонарола былъ удаленъ изъ Флоренціи и ушелъ проповѣдывать въ Пизу, а затѣмъ въ 1493 г. проносилъ свои громовыя проповѣди въ Болоньѣ, всюду привлекая къ себѣ толпу восторженныхъ слушателей.

Политическія событія того времени заставили Савонаролу расширить горизонтъ своей дѣятельности и стать не только церковнымъ, но и политическимъ реформаторомъ. Въ 1494 г. умеръ жестокой неаполитанскій король Фердинандъ, и въ Ита-

Иеронимъ Савонарола (по поводу 400-лѣтія со дня кончины). По современ. портрету грав. Шюблеръ.

Адмиралъ Девей.

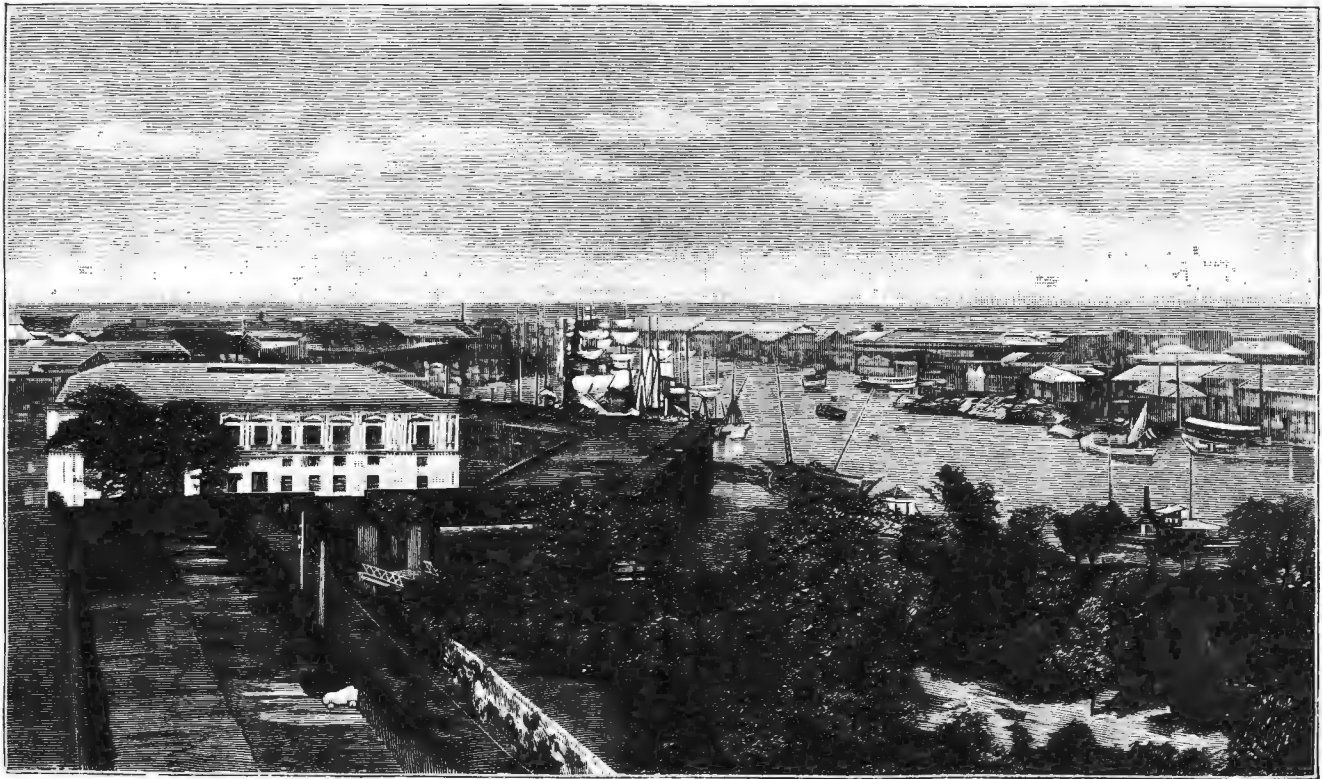
По рис. III. Lond News автотипія „Нивы“.

лю движуся, въ качествѣ претендента на неаполитанскій престолъ, французскій король Карлъ VIII. Петръ Медичи тайно передалъ французскому королю Флоренцію. Когда население Флоренціи узнало объ этомъ, поднялось страшное возстаніе, которое привело бы къ гибели города, если бы въ-время не остановилъ возмущившуюся чернь грозной рѣчью властитель народныхъ сердецъ Савонарола. Простирая къ небу руки, призывалъ всѣхъ къ любви и единенію, онъ успокоилъ толпу и удержалъ ее отъ насилія и грабежа. Было отправлено посольство къ Карлу VIII; въ числѣ пословъ былъ Савонарола. Благодаря его убѣдительнымъ рѣчамъ, король обѣщалъ отнестись милостиво къ Флоренціи. Карлъ VIII торжественно въѣхалъ въ городъ и затѣмъ, захвативъ лишь сокровища дворца Медичи, по настоянію Савонаролы, вскорѣ покинулъ городъ. Флоренція, оставшаяся безъ правительства, безъ законовъ, фактически была все во власти одного Савонаролы. Его слова всѣ желали услышать и сдѣлать закономъ. Его взгляды, какъ служителя церкви, были возвышены и чисты, но ихъ нельзя было осуществить на дѣлѣ, особенно при флорентійскихъ нравахъ того времени. Началась законода-

сти. Это былъ смѣлый вызовъ, за который ему вскорѣ пришлось заплатить жизнью. Вдохновенныя проповѣди Савонаролы громомъ провѣслись надъ всею Италіею, въ тысячахъ брошюръ распространились во Франціи и Германіи, всюду возбуждая въ его лицѣ смѣлаго, горячаго поборника обновленія католической церкви, рѣшившагося признать высшимъ авторитетомъ только Бога и собственную совѣсть.

Папа Александръ VI рѣшилъ принять болѣе энергичныя мѣры и потребовалъ отъ флорентійской сеньоріи отправить Савонаролу въ Римъ или заключить его въ тюрьму. Сеньорія, зная любовь народа къ Савонаролѣ и опасаясь мятежа, не рѣшилась исполнить требованія папы и уклончиво отвѣтила, что Савонарола удалился въ монастырь.

Тамъ, въ монастырѣ, Савонарола продолжалъ однако читать проповѣди вплоть до 6-го марта 1498 г. Въ своихъ послѣднихъ проповѣдяхъ онъ высказалъ мысль о созваніи собора, на которомъ слѣдовало бы избрать реформаторовъ для возрожденія церкви, и на которомъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялся доказать всю порочность папы Александра VI и его приближенныхъ. Онъ дѣлательно принялся за хлопоты по устрой-

Манила, столица Филиппинскихъ острововъ. Видъ города и порта. По рис. „III.“ грав. М. Рашевскій.

тельная дѣятельность, зарождалось новое государственное устройство. Савонарола былъ при этомъ, однако, лишь для флорентинцевъ совѣтникомъ, къ которому они обращались лишь въ важныхъ случаяхъ. Но эта роль Савонаролы не спасла его отъ враговъ, обиженныхъ новымъ строемъ правленія, приверженцевъ аристократическаго республиканскаго правленія, друзей прогнаннаго Петра Медичи и сторонниковъ другихъ партій. Всѣ эти враги Савонаролы рѣшили избавиться отъ него во что бы то ни стало, и старались всѣми силами убѣдить папу Александра VI въ томъ, что Савонарола распространяетъ ложное ученіе и что потому ему слѣдуетъ воспретить проповѣдывать. У тайнаго убійцы и отравителя, достигшаго папскаго престола подкупомъ, Александра VI Борджіа, добиться этого было не трудно. Савонарола былъ признанъ еретикомъ, и посланіемъ папы ему было воспрещено проповѣдывать, а вслѣдъ затѣмъ вскорѣ онъ былъ отлученъ и отъ церкви. Возмущенный этой несправедливостью и въ глубинѣ души все еще надѣясь пробудить совѣсть папы Александра VI, Савонарола написалъ ему письмо, въ которомъ доказывалъ свою правоту и полную невиновность; на ряду съ этимъ письмомъ были отправлены въ Римъ еще два посланія въ защиту Савонаролы, подписанныя 250-ю доминиканцами и 363-ми гражданами. Но все было напрасно.

Савонарола занялся въ это время въ монашеской кельѣ своими сочиненіями и издалъ свой знаменитый „Триумфъ Креста“, представляющій изложеніе христіанской вѣры. Друзья Савонаролы долго упрашивали его начать снова проповѣдывать, но онъ все не рѣшался выступить съ громогласнымъ протестомъ противъ папы. Наконецъ 31-го января 1498 года Савонарола выступилъ съ громовой проповѣдью противъ папы и его предполагаемой непогрѣшимо-

сти „собора“, на созывъ котораго выразили свое согласіе король Карлъ VIII, кардиналъ Санъ-Шьеръ и нѣкоторые другіе высшіе сановники. Савонарола написалъ свое извѣстное „письмо къ царямъ“, т.-е. къ французскому, испанскому и англійскому королямъ и германскому императору.

Прежде всего онъ послалъ письмо къ Карлу VIII, но на его несчастіе курьеръ, везшій въ числѣ другихъ писемъ и письмо Савонаролы во Францію, былъ ограбленъ герцогомъ миланскимъ Людовикомъ Сфорцей, войска котораго разбойничали на большихъ дорогахъ. Письмо Савонаролы было доставлено папѣ, и участь его была рѣшена.

Та же флорентійская толпа, которая когда-то восторгалась рѣчами Савонаролы, теперь, боясь гнѣва папы, рѣшила избавиться отъ непокорнаго монаха, вызывавшаго въ теченіе столькихъ лѣтъ бурю въ странѣ. По настоянію толпы, осадившей монастырь Санъ-Марко, Савонарола вмѣстѣ съ двумя своими приверженцами, монахами Доминикомъ и Сильвестромъ, отдался въ руки слугъ сеньоріи и былъ заключенъ въ тюрьму. Это случилось 28-го марта 1498 г.

Съ этого времени началась жизнь Иеронима Савонаролы въ заточеніи, полная ужаса и страшныхъ мукъ, вынесенныхъ отъ пытки. Все, что изобрѣлъ человекъ въ дѣлѣ самыхъ мучительныхъ пытокъ, все это было примѣнено къ Савонаролѣ и его достойнымъ приверженцамъ, Доминику и Сильвестру. Несмотря на всѣ эти пытки, на всѣ надруганія, у Савонаролы хватило силъ написать въ тюрьмѣ три статьи: „На Тебя, Господи, уповаемъ“, „Размышленіе о Miserere“ и „Указаніе къ христіанской жизни“; послѣднюю статью онъ написалъ на переплетѣ одной книги, но проработавъ тюремнаго сторожа, благоговѣшаго передъ Савонаролой

Вскорѣ наступилъ судъ, и „преступники“ были приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе и сожженіе.

11-го мая 1498 г. состоялась на площади Флоренціи казнь. Доминикъ и Сильвестръ пошли на казнь со словами: „Тебя Бога хвалимъ“ и „въ Твои руки, Господи, предаю духъ мой“. Савонарола, когда дошла до него очередь, безмолвно взглянулъ въ послѣдній разъ на толпу, ту самую, которая когда-то прислушивалась къ каждому его слову, замирала подъ властнымъ мановеніемъ его руки. Теперь она, озвѣрѣлая и ожесточенная зрѣлищемъ публичной казни, стояла съ нетерпѣніемъ съ факелами въ рукахъ и ждала момента, когда можно будетъ поджечь помостъ. Но вотъ палачъ отскочилъ отъ помоста въ воздухѣ тѣла Савонаролы и прыгнулъ съ помоста внизъ. Со всѣхъ сторонъ поднесены были факелы. Вдругъ неожиданный порывъ вѣтра далеко откинулъ въ сторону отъ труповъ вспыхнувшее пламя. Кругомъ раздались крики: „чудо, чудо!“ и вся почти толпа въ страхѣ кинулась прочь отъ помоста. Вѣтеръ стихъ, и жадные языки пламени снова стали

У порта Кавитѣ собственно и состоялось сраженіе американскаго флота съ испанскимъ флотомъ и береговыми батареями. Американцы вошли въ бухту безъ всякой помѣхи. Крейсеръ „Olympia“, шедшій впереди, оставилъ за собой на дѣлю мило расположенный у входа въ бухту островъ Коррежидоръ, когда раздался первый выстрѣлъ. Корабли „Raleigh“, „Concord“ и „Boston“ быстро отвѣчали на выстрѣлы. Одинъ снарядъ съ корабля „Concord“ разорвался надъ батареей, которая тотчасъ же умолкла. Эскадра замедлила ходъ, приблизившись на пять миль къ Манилѣ. На разсвѣтѣ увидѣли, что испанская эскадра снимается съ якоря. Американская эскадра прошла мимо Манилы, гдѣ дѣйствовали три батареи. На огонь отвѣчали большія орудія съ „Concord“. Вблизи Кавитѣ у адмиральскаго корабля взорваны были двѣ сильныхъ мины. Затѣмъ открыла огонь батарея на мысу у Кавитѣ. Снаряды падали очень близко отъ американскихъ судовъ. Американскіе матросы кричали: „Помните о „Мэнѣ“! Командиръ, находившійся со своимъ штабомъ на мостикѣ, приказалъ открыть огонь огдѣльными

судамъ, если они найдутъ это нужнымъ. Адмиралъ Девей получилъ предписаніе взять или истребить испанскую эскадру. Никогда еще предписаніе не было исполнено съ большею точностью, такъ какъ черезъ семь часовъ все было кончено. Наканунѣ боя Девей опредѣлилъ подробности дѣйствій; планъ былъ выполненъ съ поразительною точностью.

Потери американцевъ въ этомъ сраженіи оказались ничтожныя, между тѣмъ какъ испанцы потеряли много судовъ и массу людей. Испанская эскадра совершенно уничтожена; какъ извѣстно, нѣсколько судовъ были уничтожены самими испанцами, чтобы они не попали въ руки неприятеля. Въ отчетахъ объ этомъ сраженіи подъ Манилой интересенъ слѣдующій чисто-американскій эпизодъ. Сраженіе началось на разсвѣтѣ, въ половинѣ шестого часа

Война изъ-за о. Кубы. Карта главнаго театра военныхъ дѣйствій.

ливать тѣла мучениковъ. Толпа опять хлынула къ помосту насладиться позорнымъ зрѣлищемъ. Вдругъ перегорѣла веревка, стягивавшая руки Савонаролы, онъ медленно конвульсивно зашевелился, и правая рука приподнялась, какъ бы благословляя народъ.

Война изъ-за о. Кубы. (Съ рис., портр. и картой.)

Война между Америкой и Испаніей, возгорѣвшаяся изъ-за Кубы и начавшаяся у г. Матаanzas на этомъ островѣ, вдругъ перенеслась далеко отъ него, въ другую часть свѣта, къ Филиппинскимъ островамъ. Тамъ, въ бухтѣ столицы Филиппинскихъ острововъ, Манилы, и произошло первое серьезное морское сраженіе, изъ котораго съ такимъ триумфомъ вышли побѣдителями американскіе моряки съ адмираломъ Девеемъ во главѣ. Манила, общій видъ которой мы здѣсь даемъ (стр. 378), расположена на островѣ Лусонѣ, на восточномъ берегу бухты Манилы, въ 25-ти миляхъ отъ входа въ море. Въ семи миляхъ къ югу отъ города находится арсеналъ Кавитѣ, представляющій опорный пунктъ для испанскихъ морскихъ силъ. Число испанскихъ судовъ въ Манилѣ обыкновенно ограничивалось однимъ корветомъ и тремя канонерскими лодками. Народонаселеніе Манилы съ окрестностями достигаетъ 300,000 человекъ. Большіе корабли ставятся на якорь обыкновенно недалеко отъ порта Кавитѣ. Фортивъ для защиты противъ входа въ бухту нѣтъ, но, нужно полагать, имѣлись старыя орудія на вершинѣ мыса порта Мервель.

са утра, а въ половинѣ девятого данъ былъ, по сообщенію корреспондента „Агентства Рейтера“, сигналъ къ завтраку, и лишь по окончаніи завтрака состоялся военный совѣтъ, такъ что сраженіе возобновилось лишь въ полдень. Разумѣется, это было возможно только при крайней безпечности испанцевъ. Корреспондентъ Times'a говоритъ, что испанцы замѣтили американскій флотъ только послѣ того, какъ шесть кораблей подошли къ Манилѣ, и тогда только испанскіе форты сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, но должны были скоро совсѣмъ замолкнуть, можетъ-быть, также по неизбѣжно снарадывъ, такъ какъ когда капитанъ американскаго судна „Petrol“ потребовалъ у капитана одного испанскаго суда безусловной сдачи, то послѣдній отвѣчалъ: „Я готовъ драться, но вы предварительно должны снабдить меня новыми боевыми припасами, такъ какъ мой запасъ истощился“.

По окончаніи сраженія адмиралъ Девей предложилъ испанскимъ властямъ въ Манилѣ продолжать исполнять свои обязанности до окончанія войны. Испанцы не давали отвѣта и продолжали сносіться по телеграфу съ Мадридомъ. Тогда американцы потребовали, чтобы и имъ также было дозволено пользоваться проволокой, но, получивъ отказъ, они перерѣзали кабель.

Извѣстія о блестящемъ успѣхѣ эскадры адмирала Девея вызвали восторгъ въ Америкѣ, и имя Девея у всѣхъ на устахъ. Георгу Девею въ настоящее время 61 годъ. Онъ родился въ штатѣ Вермонтѣ и получилъ образованіе въ аме-

риканской морской академіи въ Аннаполисѣ. На дѣйствительную службу онъ поступилъ въ 1854 г. Семь лѣтъ спусти адмиралъ Феррагутъ, знаменитый герой гражданской войны, сдѣлался руководителемъ дальнѣйшаго образованія Девея. Подъ начальствомъ Феррагута Девей участвовалъ въ опасномъ предпріятіи, имѣвшемъ цѣлью форсированіе входа въ Миссисипи, несмотря на всѣ береговыя батареи, военныя суда и заложеныя въ рѣкѣ загражденія. Затѣмъ онъ прорвалъ блокаду конфедератовъ вверхъ по рѣкѣ у порта Гудзона. Во время боя судно Девея, колесный фрегатъ, было буквально обращено въ рѣшето. Оно село на мель и оставалось безпомощнымъ подъ выстрѣлами непріятельскихъ орудій. Офицеры и команда покинули судно, предварительно поджегши его. Затѣмъ Девей былъ командиромъ судна „Naragansett“ въ сѣверной атлантической эскадрѣ. Въ 1870 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны, а въ 1884 г. назначенъ начальникомъ эскадры. Въ январѣ нынѣшняго года онъ принялъ начальство надъ американской эскадрой въ восточно-азиатскихъ водахъ.

Въ настоящее время по телеграфнымъ свѣдѣніямъ американцы бомбардировали Санъ-Хуанъ, главный городъ Порторико, одного изъ Антильскихъ острововъ, принадлежащаго Испаніи. Кромѣ того, извѣстно, что недавно состоялось въ Атлантическомъ океанѣ сраженіе между встрѣтившимися непріятельскими эскадрами, но результатъ сраженія пока неизвѣстенъ, если не считать телеграммы о томъ, что къ Ки-Весту вернулись два американскихъ сильно поврежденныхъ судна. Но всѣ эти сраженія, очевидно, лишь прелюдія къ настоящей войнѣ, театромъ которой будетъ избрана несомнѣнно самая Куба,—причина войны и центръ, къ которому направляются всѣ главнѣйшія силы обѣихъ воюющихъ сторонъ. Американцы уже давно заготавливаютъ суда для перевозки войскъ на Кубу, и на одинъ изъ портовъ ея будетъ направлена атака американцевъ. Имѣются извѣстія, что мѣстомъ для этого избранъ Сагуа-Ла-Гранде, находящійся въ 10 миляхъ къ востоку отъ Гаванны и весьма удобный для высадки. Сагуа-Ла-Гранде не укрѣпленъ и защищенъ только портовыми минами, Гарнизонъ его состоитъ всего изъ 3,000 человекъ.

Происхожденіе пола у насѣкомыхъ.

(Фабръ, Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ. Изъ энтомологическихъ воспоминаній. Переводъ подъ редакціей Ив. Шевырева. Съ 213 рис. Изд. А. Ф. Маркса. СПб. 1898. Цѣна 3 руб.)

Имѣеть ли яйцо опредѣленный полъ? Когда опредѣляется полъ насѣкомаго, которое разовьется изъ отложеннаго яйца, и могутъ ли какія-нибудь вишнія условія оказать вліяніе на образованіе его пола?

Вотъ одинъ изъ вопросовъ, занимавшихъ извѣстнаго энтомолога Фабра и разсмотрѣнныхъ имъ въ только-что появившейся на русскомъ языкѣ замѣчательной его книгѣ. Въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ неутомимый изслѣдователь изучалъ ось-охотниковъ и одиночныхъ пчелъ въ окрестностяхъ своего жилья; открытыя имъ тайны устройства ихъ гнѣздъ, мельчайшихъ подробностей ихъ жизни во всей, такъ сказать, ея домашней обстановкѣ дали ему возможность приступить къ

одинаково: въ однихъ бываетъ больше, въ другихъ, иногда во много разъ, меньше. Въ одной ячейкѣ филанта-пчелоѣда (рис. 7) можно находить отъ 1 до 6 парализованныхъ имъ домашнихъ пчелъ; въ ячейкѣ тахита, охотника на богомоловъ, бываетъ отъ 3 до 16 штукъ парализованной дичи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дичь бываетъ мелкой размѣровъ, понятно, что ея запасаютъ въ наибольшемъ количествѣ, но когда размѣры дичи не измѣняются, какъ напримѣръ размѣры домашней пчелы, причина скопленія ея въ однихъ ячейкахъ больше, чѣмъ въ другихъ, становится не столь ясной.

То же явленіе замѣчается и у одиночныхъ пчелъ, которыя устраиваютъ свои ячейки въ стебляхъ камыша, въ земляныхъ

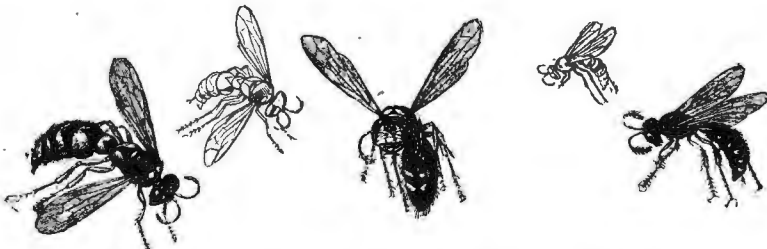

Рис. 1. Песочная церцерисъ (*Cerceris arenaria* Z); переднія слабо увеличены.

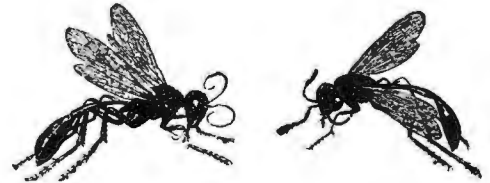

Рис. 2. Песочная аммофила сбоку. Самка (лѣвѣ) и самецъ. Естеств. велич.

рѣшенію этихъ обще-биологическихъ вопросовъ не только въ качествѣ простаго наблюдателя, но и экспериментатора. Посмотримъ же, что отвѣтили ему эти опыты и наблюденія.

Оса-охотникъ (сфексъ, аммофила, филантъ, церцерисъ — рис. 1—и др.) роетъ обыкновенно въ землѣ небольшую норку, въ концѣ которой дѣлаетъ особую камеру, или ячейку, болѣе широкую, и помѣщаетъ туда какую-нибудь добычу: гусеницу, кобылку, сверчка, жучка и пр. (рис. 2 и 3). Добыча бываетъ обыкновенно предварительно парализована уколомъ жала охотника въ нервныя узлы, вслѣдствіе чего теряетъ способность движенія, но долго, цѣлыми недѣлями, сохраняетъ жизнь, а потому не сохнетъ и не гниетъ. Помѣстивъ въ ячейку такую добычу, оса кладетъ на нее свое яичко, закрываетъ ячейку и приготовляетъ новую въ той же норкѣ или въ другой, въ новомъ мѣстѣ, продолжая эту работу до тѣхъ

норкахъ, или открыто строятъ ихъ изъ грязи на камняхъ и стѣнахъ. Напримѣръ, одиночная пчела — каменщица, или халикодома (рис. 4) дѣлаетъ изъ дорожной пыли, смоченной слюною, небольшую ячейку, въ формѣ стаканчика, на поверхности

какого-нибудь камня; наполняетъ ячейку медомъ и цвѣтенью, которыя собираетъ на ближайшихъ цвѣтахъ, кладетъ на эту провизію яичко и тщательно закрываетъ ячейку. Вокругъ первой она строитъ новыя ячейки, снабжаетъ ихъ также провизіей и яичкомъ, закрываетъ ихъ также тщательно. Пчелы, гнѣздящіяся въ земляныхъ каналахъ или въ густыхъ камышикахъ, располагаютъ свои ячейки этажами, одна надъ другою (рис. 6), въ одинъ рядъ или группами. У всѣхъ этихъ пчелъ виѣстимость ячеекъ одного гнѣзда и количество запасенной въ нихъ провизіи оказываются также очень измѣнчивыми, измѣняясь иногда, напримѣръ у осмій, втрое и вчетверо. Въ чемъ же лежитъ причина этихъ измѣненій?

Прежде всего является предположеніе, что здѣсь имѣеть значеніе полъ насѣкомаго, для котораго заготавливается провизія. Извѣстно, что у насѣкомыхъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, самка бываетъ больше самца; самецъ филанта, напримѣръ, не превосходитъ третьей части или половины величины самки; у тахита, охотника на богомоловъ, самецъ кажется карликомъ, сравнительно съ своею подругой; ту же разницу въ ростѣ обоеихъ половъ, а

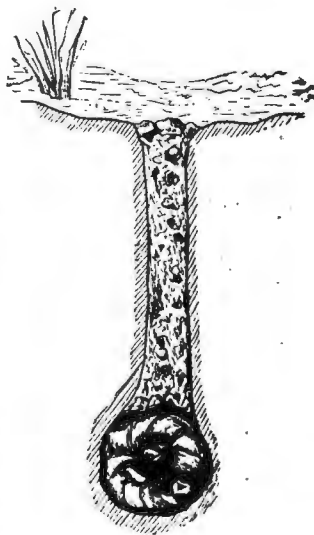

Рис. 3. Разрѣзъ гнѣзда аммофила съ гусеницей.

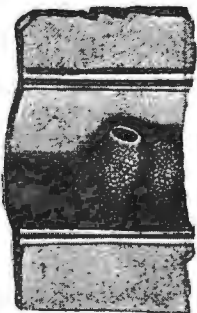

Рис. 4. Первая ячейки гнѣзда стѣнной халикодомы.

поръ, пока не выложитъ всѣ свои яички. Изъ отложеннаго яйца скоро вылупляется личинка, которая и питается, запасенной въ ячейкѣ, провизіей; сълѣвъ ее до конца, личинка дѣлаетъ коконъ и въ немъ зимуетъ, а весною окукливается, превращается во взрослое насѣкомое и вылетаетъ.

Изслѣдуя ячейки этихъ осъ, Фабръ нашелъ, что количество провизіи, запасенной въ каждой изъ нихъ, бываетъ даже у одной и той же осы очень не

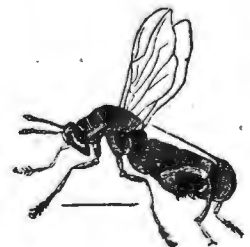

Рис. 5. Левкосписъ большой. Увелич.

следовательно, въ объемѣ ихъ и всѣхъ, можно замѣтить и у многихъ пчелъ, напримѣръ, у осмій. Да такъ и должно быть. Мать, и только мать, роетъ съ трудомъ подземныя норки, строитъ земляныя гнѣзда, сверлитъ каналы въ стебляхъ и раздѣляетъ ихъ перегородками на ячейки; она же охотится за дичью, парализуетъ ее и приноситъ въ норку; она же собираетъ цвѣтную пыль и вырабатываетъ медъ, которымъ наполняетъ построенныя ячейки. Этотъ тяжелый трудъ, на который уходитъ вся жизнь насѣкомаго, требуетъ, очевидно, тѣлесной силы, совершенно нецелесообразной праздному самцу, вслѣдствіе дѣятельности котораго ограничивается ухаживаніемъ, да перенархиваніемъ съ цвѣтка на цвѣтокъ въ поискахъ за капелькой сладкаго нектара.

Требуетъ ли такое превосходство самокъ въ ростѣ и силѣ большаго обильной пищи во время личинковаго періода ихъ, когда онѣ еще развиваются? На основаніи уже однихъ логическихъ разсужденій мы придемъ къ положительному отвѣту; тѣмъ не менѣе посмотримъ, что скажетъ наблюденіе. Коконъ филантовъ, взятые изъ ячеекъ съ двумя пчелами, давали всегда самцовъ, а коконы изъ ячеекъ, содержавшихъ большее число парализованныхъ пчелъ, давали самокъ; изъ коконовъ тахита, бывшихъ съ 3—4 богомолами, получались всегда самцы, а изъ коконовъ съ двойной и тройной порціей—самки; личинка осы перерисъ, съѣвшая 4—5 жуковъ-баланиковъ, превращалась въ самца, а съѣвшая ихъ 8—10—превращалась въ самку. Коротко: въ большихъ ячейкахъ, съ обильной провизіей, развиваются самки, а въ малыхъ ячейкахъ, скудно снабженныхъ провизіей, развиваются самцы. Это законъ, на который мы можемъ положиться.

Теперь является крайне интересный вопросъ такого рода. Какимъ образомъ происходитъ, что ячейка, напримѣръ ячейка филанта, дѣлается большей и получаетъ отъ 3 до 5 пчелъ въ томъ именно случаѣ, когда въ ней должна развиваться самка, и дѣлается меньшей и получаетъ не больше двухъ пчелъ, когда въ ней долженъ развиваться самецъ. Въдѣл постройки ячейки и заготовленіе провизіи въ ней совершаются раньше, чѣмъ бываетъ отложено яичко. Если бы яичко откладывалось раньше, то еще можно было бы предположить, что мать по какимъ-нибудь его признакамъ умѣетъ узнавать полъ того насѣкомаго, которое изъ него разовьется, и сообразно съ этимъ заготавливаетъ пищу; но нѣтъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ помѣщеніе и пища заготавливаются раньше, чѣмъ появится на свѣтъ то яичко, для котораго они заготовлены. Слѣдова-

тельно, мать заранѣе знаетъ полъ того яйца, которое еще не имеетъ. Станный выводъ, но мы къ нему приведены логическимъ фактомъ. Онъ кажется настолько невѣроятнымъ, что прежде, чѣмъ принять его, стараемся выйти изъ затрудненія съ помощью какого-нибудь другаго вывода. Спращиваемъ себя, не вліяетъ ли количество пищи на полъ яичка и не бываетъ ли оно вначалѣ безопредѣленнымъ? Попробуемъ сдѣлать нѣсколько опытовъ для проверкы и этого маловероятнаго предположенія: въдѣл случилось, что газавшееся грубой нелѣпностью сегодня—оказывалось истинною правдою.

Для опыта я беру,—говоритъ Фабръ,—длинные куски тростника, въ которыхъ одиночная пчела, осмля трехугольная, устроила свои ячейки. Отколовъ полосу вдоль тростинки, и открываю ячейки и ихъ содержимое, т.-е. кучки медоваго тѣста изъ цвѣтной пыли и лежащія на нихъ яички или только-что вылупившіеся личинки. Размѣры ячеекъ и количество провизіи въ нихъ измѣняется вдвое и втрое. Тогда я выбираю нѣсколько ячеекъ со скуднымъ запасомъ провизіи и удваиваю и даже утраиваю ее, перекладывая въ нихъ провизію изъ ячеекъ, роскошно снабженныхъ, а въ этихъ, слѣдовательно, уменьшаю количество тѣста вдвое и втрое. Послѣ того, отщепленная полоска тростника приводится въ нормальное положеніе и привязывается тоненькой проволокой. Будущей весною, когда наступитъ моментъ окрыленія и выхода взрослыхъ насѣкомыхъ изъ этихъ тростинковъ, мы узнаемъ результаты сдѣланныхъ мною измѣненій.

Вотъ этотъ результатъ. Ячейки, которыя были сначала скудно снабжены провизіей, но гдѣ я удвоилъ и утраилъ ея количество, дали самцовъ. Излишекъ пищи, прибавленный мною, далеко не весь съѣденъ: личинки, для развитія въ самца, было слишкомъ много этой пищи, и она соткала себѣ коконъ среди недоѣденныхъ остатковъ. Самцы, выкормившіеся такъ роскошно, отличаются прекраснымъ ростомъ, и сейчасъ видно, что увеличеніе пищи принесло имъ нѣкоторую пользу. Ячейки, въ которыхъ сначала было много провизіи и гдѣ я уменьшила ея количество, содержатъ коконы такой же величины, какъ коконы самцовъ, но безцвѣтные, полупрозрачныя и мягкіе, тогда какъ нормальные коконы—темно-коричневаго цвѣта, не прозрачныя и твердые. Эти блѣдные коконы анемичныхъ, голодныхъ личинокъ содержатъ окрылевшихъ самокъ, но маленькаго роста, равнаго росту нормальныхъ самокъ, и даже меньшаго. Достаточно ли этого опыта для того, чтобы устранить невѣ-

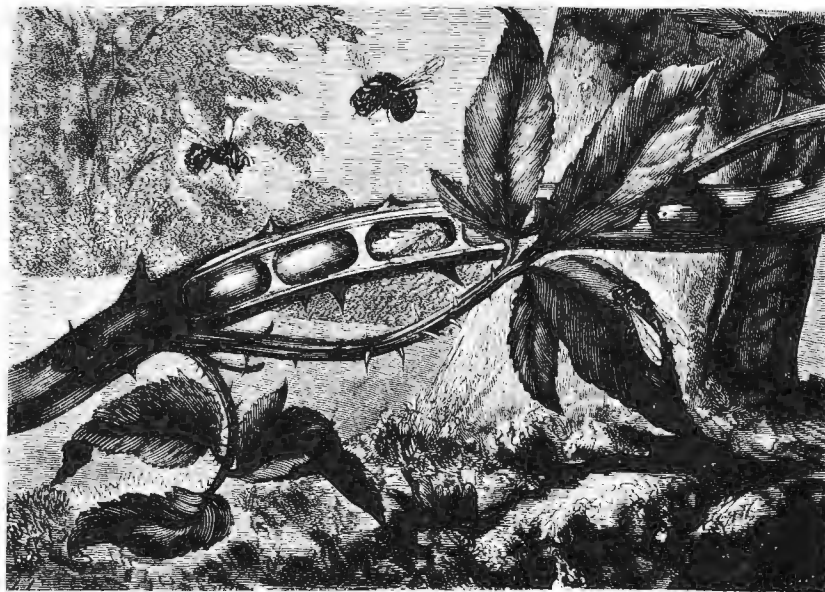

Рис. 6. Осмия золотистая (*Osmia aurulenta* Panz.) и ея гнѣздо въ стеблѣ ежевики. Ест. велич.

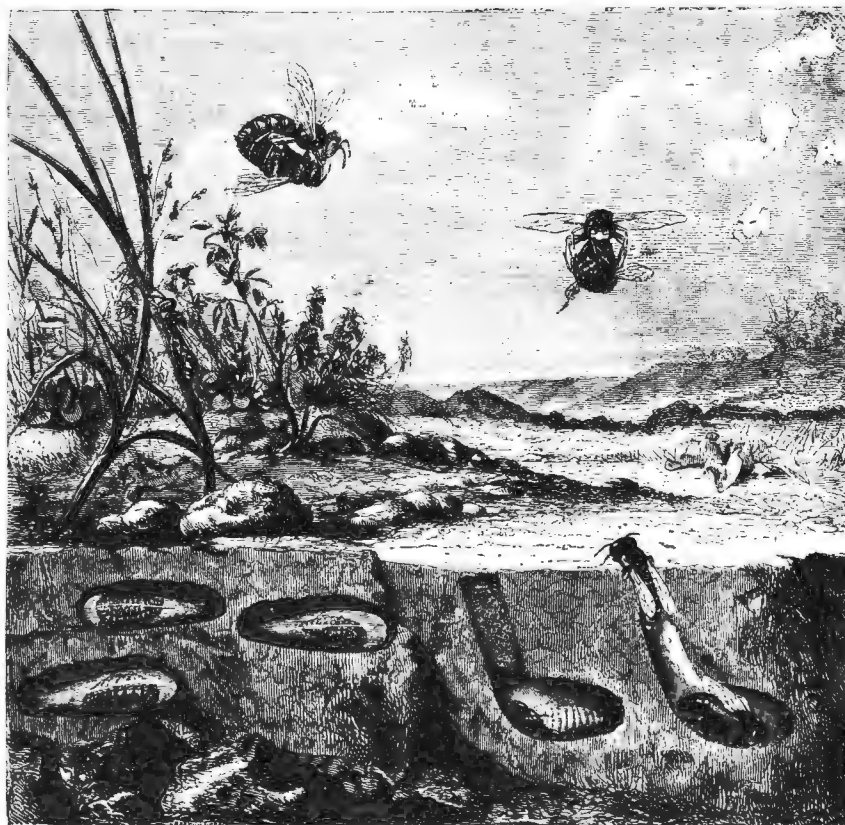

Рис. 7. Филанты съ пчелами и ихъ гнѣзда въ землѣ.

роятное предположеніе, будто бы подъ опредѣляется количествомъ пищи? Строго говоря, здѣсь еще есть мѣсто для сомнѣній. Можно сказать, что опытъ не можетъ осуществиться всей тонкости естественныхъ условий развитія личинокъ. Чтобы положить конецъ всякимъ возраженіямъ, я не могу сдѣлать ничего лучше, какъ прибѣгнуть къ фактамъ, въ которые не вѣривается рука наблюдателя. Паразиты ичель доставятъ намъ эти факты.

Въ гнѣздахъ пчелы-каменщицы или халикодомы, часто встрѣчается паразитная пчела-дюксы. Она очень любитъ просторныя ячейки каменщицы, наполненныя жидкимъ медомъ, доставляющимъ ей личинкѣ такую обильную пищу, что та, не будучи въ состояніи съѣсть ее всю, окукливается среди недобренныхъ остатковъ. Въ старыхъ пустыхъ ячейкахъ той же каменщицы поселяется нерѣдко и устраниваетъ свои маленькія ячейки крошечная пчелка, осмія желтоснига (*Osmia dyapoxantha*), которая собираетъ очень небольшой запасъ провизіи: всего одинъ маленькій хлѣбецъ изъ цвѣтневой пыли и меду, величиной едва съ горошину. Дюксы находятъ ячейку халикодомы, но она теперь занята осмией, чего паразитъ не знаетъ. Ничто не возбуждаетъ въ немъ недоумѣнія и, въ отсутствіи осміи-матери, онъ кладетъ свое яйцо въ ея ячейку. Личинка его, привыкшая къ обильной и жидкой пищѣ халикодомы, находитъ теперь сухую и крайне недостаточную порцію, тѣмъ не менѣе съѣдаетъ всю ее до чиста, но не погибаетъ, ибо паразиты, вообще, чрезвычайно выносливы; она едва достигаетъ половины своего нормальнаго роста, коконизируется и благополучно превращается въ взрослое настькомое. И это все-таки дюксы, ничтожной величины, это правда, но полы его оба нѣются здѣсь; это семья карликовъ, самцовъ и самокъ. Голоды и муч-

нистая пища осміи не больше повліяли на ихъ видъ и полъ, чѣмъ изобиліе жидкаго меда халикодомы. Взрослыхъ личинокъ той же халикодомы высасываетъ личинка паразитной осы, левкосица (рис. 5). Когда левкосицы поселяется въ ячейкахъ самой крупной, стѣпной, халикодомы, толстая личинка которой доставляетъ роскошную пищу ее личинкѣ, то онъ выходитъ такимъ, что заслуживаетъ названія *иганта*, подѣ какимъ названіемъ (*Leucospis gigas*) и описалъ его энтомологъ Фабриціусъ; когда же левкосицы воспитывается въ ячейкѣ болѣе мелкой халикодомы амбарной, то заслуживаетъ названія *большого* (*Leucospis grandis*); такъ и назвалъ его, какъ особый видъ другой энтомологъ, Кругъ; наконецъ, выкормившись въ ячейкѣ самой мелкой халикодомы кустарниковой, онъ достигаетъ еще меньшей величины и носитъ тогда названіе *средняго*. Онъ сдѣлался вдвое меньше ростомъ и во всѣхъ случаяхъ даетъ оба пола, самцовъ и самокъ.

Безполезно приводить новые примѣры,—все они въ томъ же родѣ. Паразиты доказываютъ намъ, что качество и количество пищи нисколько не вліяютъ на полъ. Итакъ, яйцо имѣетъ уже тою опредѣленнымъ полъ. Но теперь снова является, и болѣе настойчиво, чѣмъ когда-либо, странный выводъ: настькомое, запасующее провизію для будущей личинки, которая выйдетъ изъ яйца, еще не снесеннаго, знаетъ впередъ полъ этого яйца, ибо безошибочно соображаетъ количество пищи съ потребностями будущей личинки. Дѣйствительность можетъ быть еще болѣе парадоксальной. Посмотримъ, что скажутъ дальнѣйшія послѣдованія.

Мы вернемся къ этому вопросу; но уже изъ вышеизложеннаго видно, какъ интересна и поучительна книга Фабра.

Библіографія.

Исторія дѣтской души. Повѣсть не для дѣтей. Пер. Е. А. Изд. К. П. Побѣдоносцева. Москва. 1897 г. Ц. 1 р.

Эта задуманно написанная и очень красиво изданная повѣсть англійской писательницы Маріи Корели предначинается, какъ видно изъ заглавія, для взрослыхъ. Она дѣйствительно посвящена обсужденію вопроса, слишкомъ сложнаго для дѣтскаго ума. Вкратцѣ вопросъ этотъ можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: составляетъ ли религія основу правильной воспитательной системы? Чтобы доказать, что воспитаніе, лишенное свѣта вѣры, приводитъ къ отрицательнымъ результатамъ, авторъ подробно излагаетъ жизнь одного ребенка, отецъ котораго, самъ страдала наибольшимъ безвѣріемъ, послѣдовательно воспитываетъ своего сына въ томъ же духѣ, обращая исключительное вниманіе на развитіе разсудка и усвоеніе надлежащихъ положительныхъ знаній. Воспитаніе сердца совершенно имъ устраняется. Въ результатѣ получается слѣдующее печальное явленіе: ребенокъ переугнетается, не находитъ никакой пищи для душевной своей жизни, физическія хирѣетъ, духовно испытываетъ постоянную псевдо-ответственность и кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Отсюда видно, какъ рѣшаетъ авторъ затронутый имъ вопросъ:—воспитаніе безъ вѣры приводитъ къ трагической развязкѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляется и характеръ повѣсти. Она написана на данную тему, и содержаніе ея по преимуществу идейное. Но авторъ сумѣлъ воздержаться отъ длинныхъ разсужденій, собственныхъ подобнаго рода произведеній, и старается дѣйствовать на читателя почти исключительно образами, быть-можетъ, по временамъ слишкомъ рѣзкими, но въ общемъ обнаруживающимся въ немъ беллетристическое дарованіе. Такимъ образомъ повѣсть, къ тому же прекрасно пере-

веденная, прочтется съ удовольствіемъ всѣми, кто раздѣляетъ основные взгляды автора, и можетъ повліять на тѣхъ, кто ихъ не раздѣляетъ.

Кіевскій Владимірскій соборъ. Альбомъ фотографа Г. Лазовскаго. Лодзь. 1898 г. Ц. 10 р.

Кіевскому фотографу г. Лазовскому пришла счастливая мысль объединить въ одномъ альбомѣ, сравнительно не дорогомъ, снимки со всѣхъ художественныхъ произведеній, украшающихъ кіевскій Владимірскій соборъ,—этотъ грандіозный памятникъ, воздвигнутый равноапостольному князю, оаршшему свѣтомъ евангельской петни древнюю Русь, и въ то же время византийскимъ зодчеству и живописи. Благодаря этому альбому, лица, не имѣющія возможности побывать въ Кіевѣ или желающія постоенно имѣть подъ рукою для тѣхъ или другихъ цѣлей художественныя сокровища, сосредоточенныя въ храмѣ св. Владиміра, могутъ съ ними ознакомиться или ихъ изучать по прекрасно исполненнымъ фотографическимъ снимкамъ. Кроме картинъ гг. Васнецова, Свѣдомекаго, Котарбинскаго, Нестерова, альбомъ содержитъ изобразленія наружнаго вида храма, главнаго корнуса и главнаго входа, иконостаса на хорахъ, придѣла на хорахъ, самихъ хоръ, главнаго престола, жертвенника, снимки съ плафоновъ главнаго корнуса и на хорахъ и т. д. Въ общемъ снимковъ—66, и ничего существеннаго въ альбомѣ не пропущено. Такимъ образомъ не только по прекрасному исполненію, но и по полнотѣ, онъ вполне соответствуетъ своей цѣли, и мы не можемъ не пожелать ему широкаго распространенія въ видахъ усовершенствованія нашей иконописи, во многихъ отношеніяхъ еще не соответствующей развитому эстетическому вкусу и нерѣдко нарушающей религіозное настроеніе.

Разныя извѣстія.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* опубликованъ слѣдующій протоколъ, подписанный представителями Россіи и Япоіи:

Статья 1-я. Россійское и японское Императорскія правительства окончательно признаютъ державныя права и полную независимость Кореи и взаимно обязуются воздерживаться отъ всякаго непосредственнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла этой страны.

Статья 2-я. Желая избѣжать всякаго повода къ недоразумѣніямъ въ будущемъ, Россійское и японское Императорскія правительства взаимно обязуются, въ случаѣ, если Корея обратится за совѣтами и помощью либо къ Россіи, либо къ Япоіи, не принимать никакихъ мѣръ къ назначенію военныхъ инструкторовъ и финансовыхъ совѣтниковъ, безъ предварительнаго между собою согласенія по сему предмету.

Статья 3-я. Въ виду широкаго развитія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій Япоіи въ Корей, значительнаго числа японско-подданныхъ, проживающихъ въ этой странѣ, Россійское Императорское Правительство не будетъ препятствовать развитію торговыхъ и промышленныхъ сношеній между Япоіею и Кореею.

Составленъ въ Токио въ двухъ экземплярахъ 13-го (25-го) апрѣля 1898 года.

(Подп.) *Розенъ.*

Нисси.

Изложенный дипломатическій актъ такимъ образомъ свидѣтельствуетъ, что оба дружественныя государства, имѣющія обширные, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ примиримые интересы на Дальнемъ Востокѣ, пришли къ естественному сознанию необходимости взаимно обезпечить спокойствіе на соседнемъ Корейскомъ полуостровѣ, ограждая политическую независимость и внутренній порядокъ юной корейской имперіи.

Съ заключеніемъ сего дружественнаго договора для Россіи представляется возможнымъ сосредоточить всѣ заботы и усилія къ благополучному осуществленію своей мирной исторической задачи на берегахъ Тихаго океана.

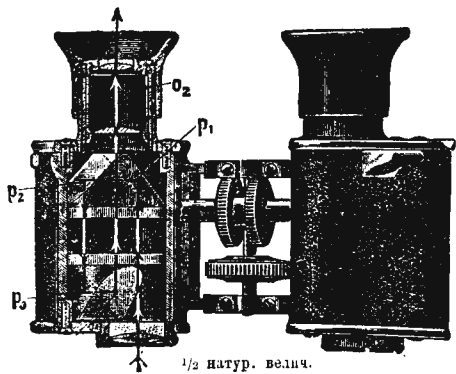
— Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, женщины-врачи, занимающія медицинскія должности, пользуются всѣми, за исключеніемъ производства въ чины, разряда по штыку на мундирѣ и награжденія орденами, правами государственной службы, предоставляемыми этимъ должностямъ, по своду уставовъ о службѣ гражданской, врачамъ-мужчинамъ. Прогония и подѣмныя деньги, производимыя соответствено чину, въ коемъ состоитъ должностное лицо, назначаются женщинамъ-врачамъ по чину, соответствующему классу занимаемой ими должности. Пенсіи, приобретаемыя женщинами-врачами лично ихъ службою, не прекращаются выходомъ въ замужество. Дѣти женщинъ-

врачей пользуются правомъ на пенсіи и единовременныя пособія при условіи круглаго сиротства или если имъ за службу отца таковыхъ выдачъ не слѣдуетъ. Осиротѣвшимъ дѣтями женщины-врача, отецъ и мать коихъ оба выслужили право на пенсію, присвоиваются, опредѣленные по закону, части болѣе изъ сѣхъ двухъ пенсій. Права на медицинскую дѣятельность, предоставленныя примѣжнью 5 къ статьѣ 93 устава врачебнаго (по прод. 1895 г.) женщинамъ, окончившимъ курсъ женскаго медицинскаго института, распространены, въ полномъ объемѣ, на всѣхъ лицъ женскаго пола, имѣющихъ званіе женщины-врача. Время службы женщинъ-врачей, проведенное до изданія настоящаго узаконенія въ медицинскихъ должностяхъ, которымъ присвоены пенсіонныя права, Высочайше повелѣно зачесть имъ въ срокъ выслуги на пенсіи и единовременнаго пособія, при условіяхъ взноса въ казну установленнаго налога, съ производившагося имъ содержанія вычетовъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ г. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній почтовый адресъ и прилагать 23 г. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подлинныя билеты.

НОВЫЕ БИНОКЛИ ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЕ TRIEDER-BINOCLE

„Бинокли-Триедеръ“ значительно превосходятъ всё до сихъ поръ употребляемые бинокли (театральные, полевые и пр.), увеличивая, при одинаковомъ съ ними полѣ зрѣнія, въ 8—10 разъ **силнѣе**, а при одинаковомъ увеличеніи захватывая въ 8—10 разъ **болѣе обширное поле зрѣнія**. Въ принципѣ „Бинокль-Триедеръ“ представляетъ собою кеплеровскую трубу, съ тѣмъ лишь, что картина въ немъ воспроизводится посредствомъ системы призмъ. „Бинокль-Триедеръ“ **незамѣнимъ въ театрѣ и въ дорогѣ**, а также для военныхъ, моряковъ, охотниковъ, на скачкахъ и на гонкахъ. На каждомъ биноклѣ имѣется наша фирма. Получать можно во всѣхъ лучшихъ оптическихъ магазинахъ по фабричнымъ цѣнамъ.

№ 10748 16-6

Цѣна для Россіи включительно съ пошлиной и пересылкой:
увелич. въ 3 раза—63 р.; въ 6 разъ—75 р.; въ 9 разъ—88 р.; въ 12 разъ—100 р.
Подробныя описанія устройства и прейсъ-курантъ высылаются бесплатно.

Оптическое заведение
New-York, 52. East Union Square.
London, Ross, 111, New Bond Street.

C. P. GOERZ

Berlin-Friedenau.
Rhein-Strasse, 45—46.
Paris. 22 Rue de l'Entrepôt.

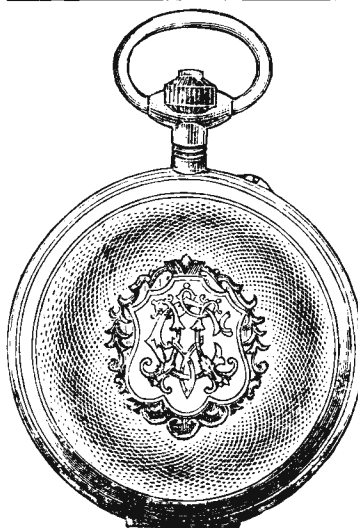

НУЖНЫ АГЕНТЫ
и агенты въ городахъ, посадахъ, мѣстечкахъ, и склады для новаго завода лампаднаго масла Г. И. Сокова. На отвѣтъ прил. 7-ми коп. марку. СИБ., Палевскій пр., 24.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ
для устройствъ и перестройки
ПАТОЧНЫХЪ И
ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ
В. Г. Уланъ, Лейпцигъ.
W. H. Uhland, Leipzig.
Испытанные аппараты. Пр.-кур. бесплатно.

ВОЛИЦНИЙ гдѣтчикъ наружный, внутренний
болѣзни электрогер. Невскій, 53, кв. 7.
Отъ 2—4 и отъ 6—7 1/2 ч. в. № 11234 4—1

ОБЪЯВЛЕНИЕ.
19-й драгунскій Кинбурнскій ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великаго Князя **МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА** полкъ проситъ лицъ, служившихъ въ ономъ, сообщить полку свои адреса для сношеній по поводу предстоящаго, 29 августа сего года, столѣтняго юбилея полка. 3—1 № 11211

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованному способу изготовленія часовъ я имѣю возможность продавать съ 1 января с. г., самые элегантные и прочные **МУЖСКИЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличаеваемые, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструкции, съ прекрасною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, или съ портретомъ, согласно присланной фотографической карточки, въсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.
Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящія золотые, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе.
Такіе же **ДАМСКИЕ** дорожки на 1 рубль.
Письменное ручательство на 6 лѣтъ.
Высылаю вопли въ избранные часы по полученіи задатка 2 руб., остальное же наложеннымъ платежѣмъ.
А ДРЕСЬ:

Ш. БИТКЕРЪ

складъ женеvскихъ и американскихъ часовъ въ Варшавѣ, Сенаторская № 27 и Вербовая № 11, противъ Правительственнаго театра.

Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземпляръ снабженъ пломбою фирмы, утвержденной Департаментомъ торговли и мануфактуръ за № 29593/435.
Извѣщенія изъ аттестаций, полученныхъ моимъ складомъ:

Милостивый государь Г. Биткеръ.
Убѣдившись въ добротности исполненія Вашимъ магазиномъ многоразныхъ заказовъ, я отъ всей души приношу вамъ глубокую благодарность за высланные мнѣ въ село Насадку часы накладнаго золота, такъ какъ прочность высланнаго превзошла мои ожиданія, прошу еще выслать часы и т. д.
Съ почтеніемъ **А. Н. Воронинъ**, 40/9 97 г. Пермь.

Милостивый государь г. Биткеръ.
Нижне чины вѣрной мнѣ команды, писавшіе изъ Вашего магазина вещи, очень довольны исполненіемъ заказа и просятъ передать Вамъ глубокую благодарность за полученныя вещи.
И множество друзейъ.
Капитанъ Ганъ, № 11144 4—4

АМЕРИКАНСКАЯ СИСТЕМА ОБУЧЕНІЯ ИНОСТРАННЫМЪ ЯЗЫКАМЪ
д-ра Ричарда С. Розенталя, съ указаніемъ способовъ усвоенія чистаго произношенія, составилъ для русскихъ А. Месковский. Образцовые самоучители: 1) французскаго языка. 3 изд. Ц. 3 р. 40 к., съ пер. 3 р. 80 к. Общедост. изданіе 75 к., съ пер. 1 р.; 2) нѣмецкаго языка. 2 изд. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 40 к.; 3) англійскаго языка. 2 изд. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к. Продаются въ изв. книжныхъ магн. и въ тип. Пожарова, Загородный, 8. Складъ для иног. у А. Месковского. СИБ., Знаменская ул., д. 53.
Подробная программа высыл. бесплатно.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ Складъ „ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО“
готоваго мужскаго, дамскаго и дѣтскаго **ПЛАТЬЯ**.
ФОРМЫ всѣхъ вѣдомствъ и **ВСѢХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ**.
ГРОМАДНЫЙ Складъ новѣйшихъ суконныхъ товаровъ для исполненія всевозможныхъ заказовъ.
ВСЕГДА БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ СЕЗОННЫХЪ НОВОСТЕЙ.
Продажа въ розницу по оптовымъ цѣнамъ и безъ запроса.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ГЕРМИНА БРАХМАНЪ и К^о.
Главный складъ и магазинъ Москва, Тверская, уголъ Долгоруковскаго пер. домъ Шаблыкина.
ОТДѢЛЕНІЕ: Софійка, д. Захарьяна.
Полный иллюстр. прейсъ-курантъ высылается по требованію бесплатно.
ПЕРЕСЫЛКА во всё города **РОССІИ**.

ФИСГАРМОНИ
не уступающія по качествамъ, но вдвое дешевле заграничныхъ, съ ручательствомъ высылаетъ музыкальная мастерская при ц.-пр. школѣ на ст. Вологовое, Ник. ж. д. Получены награды на Нижегородской и Стогольмской выставкахъ. Прейсъ-курантъ за 7-ми коп. марку. Адресъ: Вологовое, Новг. губ., священнику Александру Стародумову.

Въ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи можно получить издѣліе
МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ
ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ для чистоты и бѣлизны кожи
Во избѣжаніе подражаній, требовать только
МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ТУАЛЕТНОЕ, ВАЗЕЛИНОВОЕ.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ
ДЕМИДОВЪ ПЕР. № 1 С-ПЕТЕРБУРГЪ.

Согласно Высочайше утвержденному 30-го января 1898 г. Положенію Комитета Министровъ
РОССІЙСКОЕ СТРАХОВОЕ ОТЪ ОГНЯ ОБЩЕСТВО,
учрежденное въ 1827 году
ПРИНИМАЕТЪ НАЗВАНІЕ:
ПЕРВОЕ РОССІЙСКОЕ СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО,
учрежденное въ 1827 году
и включаетъ въ число своихъ операций
СТРАХОВАНІЕ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ,
какъ коллективное рабочихъ и служащихъ на фабрикахъ и заводахъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ.

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНЪ.

БЫСТРО и ХОРОШО.

Приятный вкус,
Питательныя свойства,
Быстрота приготовления

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНА

создаютъ изъ него превосходнѣйшій
предметъ питанія.

Чайной ложки какао Ванъ-Гутена
достаточно для приготовления чаши
превосходнаго шоколада на водѣ
или на молокѣ.

РЕКОМЕНДУЕТСЯ употреблять ВЕСНОЮ

„PASTA EUGENIE“ BERTHA RIES.

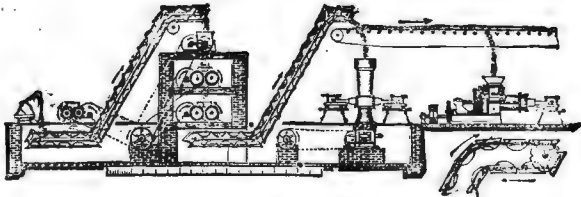
Помеда для лица. Уничтожаетъ въ скоромъ времени веснушки, загаръ, красныя пятна, встречающіеся на лицѣ; средство это придаетъ также цвѣту лица юную свѣжесть и красоту. Цѣна баночки 1 руб. 60 коп. Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи, а въ случаѣ отказа прошу обратиться въ Москву, Новая Басманная, домъ № 13.

На каждой баночкѣ имѣется моя подпись **БЕРТА РИСЪ.**
W. M. 1110 B-B

К. ШЛИКЕЙЗЕНЪ Берлинъ, S. O. Фабрика

машинъ
для кирпичнаго, торфянаго, гончарнаго и известковаго
производства

РЕКОМЕНДУЕТЪ НОВОСТИ

патентованныя во всѣхъ промышленныхъ странахъ.

Подъемныя цѣны для глины, торфа, песку, различныхъ рудъ, угля, извести, зерна и проч., удобныя для большихъ, непрерывныхъ работъ, имѣющія спокойный ходъ и не требующія большой затраты рабочей силы.

Предохранительныя ременные шкивы (патент. во всѣхъ главнѣйш. промышленн. государствахъ). Шкивъ этотъ сохраняетъ машины, передавая двигательную силу лишь на ту, на которую его, смотря по надобности, поставятъ.

Кромѣ того имѣются: машины для изготовленияъ кровельной черепицы всякаго рода, глиняныхъ трубъ разныхъ сортовъ; бетонныхъ издѣлій, брикетовъ, цѣментныхъ кирпичей, плитъ для половъ, глиняныхъ и цементныхъ, ручныя машины для кирпичей.

К. № 10518 12-8
Далѣе имѣются давящія и формовочныя машины для печныхъ фабрикъ, для химической промышленности, литейныхъ, красочныхъ, клееныхъ и мыловаренныхъ заводовъ, для техническихъ учебныхъ заведеній, испытательныхъ станцій и т. п.

Золотая государственная медаль
за Берлинскую промыш. выставку 1896 года.

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ РѢДКИМЪ СЛУЧАЕМЪ!

Изящныя и прочныя карманные
МУЖСКІЕ ЧАСЫ

открытыя, ремонтаръ, т. е., заводъ безъ ключа, съ импедохранительнымъ стекломъ, прочный механизмъ, массивно обтянутые золотомъ, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, съ изящной цѣпочкой и брелокомъ „Вѣра, Надежда и Любовь“ изъ американскаго золота

ВМѢСТО 9 руб. всего только за 4 руб. 50 коп.

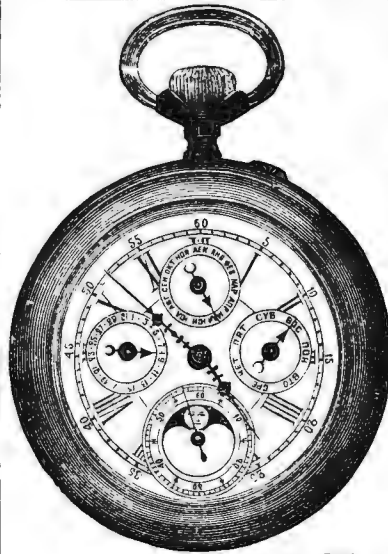
Письменное ружательство на 6 лѣтъ. Часы тщательно вывѣренныя высылаются по полученіи 1 руб. задатка, остальное наложеннымъ платежомъ.

АДРЕСЪ: Торговой фирмѣ

М. М. Хазановъ

СКЛАДЪ ЖЕНЕВСКИХЪ и ФРАНЦУЗСКИХЪ ЧАСОВЪ
въ **ВАРШАВѢ.**

При заказѣ 2 шт. и болѣе прилагается безпл. одна серебр 84 пробы кѣстевая цѣпочка.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованному способу изготовленияъ часовъ моего производства, я имѣю возможность продавать самыя практичныя прочныя и изящныя карманные **МУЖСКІЕ ЧАСЫ** черныя вороненой стали, открытыя, аннеръ 15 камн., съ вѣчнымъ календаремъ и элегантною цѣпочкой, американскаго золота chateleine, съ брелокомъ, вмѣсто 15 и 17 руб.

только за 8 и 10 руб.

Часы эти отличаются весьма вѣрнымъ ходомъ и, кромѣ обыкновеннаго времени, автоматически показываютъ мѣсяцы, дни, число и фазы луны.

Такіе же серебряныя кртыне, всѣ три крышки 84 пробы, на 4 руб. 50 коп. дороже.

ПИСЬМЕННОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО НА ШЕСТЬ ЛѢТЪ.

Высылаю по полученіи задатка 2 р., остальное же наложеннымъ платежомъ.

АДРЕСЪ:

Ш. ГЕЙЛЕРЪ.

Фабричный складъ женевскихъ часовъ въ Варшавѣ.

№ 11147

Множество благодарственныхъ писемъ и отзывовъ.

10-4

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННОГО ДИПЛОМА

В. № 11215
4-1

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

Фабрика

РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО

основанная въ 1811 году
СПБ., Владимирская, № 8,
рекомендуетъ превосходнаго
тона и отличной работы
РОЯЛИ въ 1100, 900, 800, 730,
600 и 550 рублей
ПИАНИНО въ 150, 300 и 450 р.
Прейсъ-курранты высылаются
бесплатно.

Депо въ Москвѣ: Юл. Генр. Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарына;
въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугама; въ Бачу: Ф. И. Шренберъ;
въ Тифлисѣ: Б. М. Мирманянъ.

ПО ПОРУЧЕНИЮ ЗАГРАНИЧНАГО ФАБРИКАНТА
продается партія въ

38 ВЕЛОСИПЕДОВЪ

завода „Нолондэйкъ“, которые заказаны но не приняты однимъ русскимъ торговцемъ и теперь лежатъ въ Гамбургѣ въ тамошнѣ. Фабрикантъ предлагаетъ эту партію цѣлкомъ или поштучно (32 мужск. и 6 дамск.) по собственной стоимости въ 119 руб. 50 коп. и при заказѣ требуется задатокъ 25 р. за каждый велосипедъ. Въ виду того, что эта партія очень скоро найдетъ любителей, прошу гг. иногородныхъ прислать задатокъ по телеграммѣ. Послѣ продажи этихъ 38 велосипедовъ они будутъ стоить 165 руб. Образцы велосипедовъ, мужск. и дамск., можно осматривать въ „Базаръ Марокъ“ С.-Петербурга, Невскій пр., № 20-31, въ подвалѣ, куда и прошу выслать задатокъ.

Такой исключительный случай встрѣчается только разъ и оттого прошу воспользоваться немедленно и приобрести первоклассный новый велосипедъ за такую **НЕБЫВАЛУЮ ДЕШЕВУЮ ЦѢНУ.**

СИБИРСКИЙ СКЛАДЪ

КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ

Д. А. Епанешникова

Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.

ЧЕ-СУ-ЧА.

Дамская отъ 10 до 18 р. кусокъ въ 26/28 арш.

Мужская „ 20 „ 40 р. кусокъ въ 26/28 „

Фанза „ 12 „ 50 р. кусокъ въ 21/22 „

Товаръ высылаю наложеннымъ платежомъ.

Образцы бесплатно. 15-9

ЖЕМЧУГЪ

ХОРОШІЙ РОВНЫЙ

ВЪ НИТКАХЪ и ВЪ ВѢЩАХЪ

ПОКУПАЕТЪ 20-15

ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ

К. ФАБЕРЖЕ.

Москва, Кузнецкій мостъ, № 4.

**НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
СЛАБИТЕЛЬНАЯ**
горькая вода источника

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ.

Прод. во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ Россіи.

Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ:

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ, въ Булапетѣ.

ПОСЛЕДНЯЯ НОВОСТЬ. Момент. фотографич. аппарат „ТУРИСТЪ“. Съ рѣзк. свѣтосильн. объективомъ изъ ланскаго баритов. стекла, съ видоскател. и пр. Снимки до величины кабинета. портр.; днемъ и ночью, наружи и въ комнатѣ. Р. 50 к. Фотогр. можетъ каждый. Адресъ: Москва. Почтамтъ, № 103. **ПОЛИВАНОВУ.** (Пересылка—5 ф.) 2-1

ПАВЕЛЬ БУРЕ В. № 10820 26-10
 поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23. Мгсвая, по В. Дублянкъ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
 ♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ♦
 ♦ съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. ♦
 Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатн.

ПОЛЬ МАРИ
 на Невскій пр., № 13,
 уголъ Большой Морской.
 Фирма
 другого магазина не имѣть.
 В. № 11102-2-2

ОЦИНКОВАННОЕ
 НИКОГДА НЕ РЖАВЬЮЩЕЕ
 Гальванизированное желѣзо
ДЛЯ КРЫШЪ
 НЕ ТРЕБУЕТЪ НИКОГДА ОКРАСКИ.
Заводъ Н. В. ЧЕРЕПОВА,
 въ Москвѣ, Тверск. заст., Петерб.
 сл., с. д. (3)
 Прейсъ-куранты безплатно.
 Ручательство въ непроржавленіи
 на **ДЕСЯТКИ** лѣтъ.

PASTILLES VICHU-ETAT
 aux Sels Natifs extraits des Eaux
 Ventes en bottles metalliques scellees.
COMPRIMES VICHU-ETAT
 aux Sels Natifs extraits des Eaux
 pour fabriquer
LEAU ALCAINE GAZEUSE

ВОЛЬЖАДРОВСКІЙ
 дезинфекціонный порошокъ.
 Не имѣетъ запаха по себѣ ника-
 кого запаха. Уничтожаетъ зло-
 воніе. Убиваетъ бактерии.
 Обеззараживаетъ нечистоты
 и представляетъ изъ. въ пре-
 красный сангидрогидратъ.
 ный материалъ.
 Казеннымъ,
 общественнымъ
 учрежденіямъ и тор-
 говцамъ по оптовой цѣнѣ.
ВОЛЬЖАДРОВСКІЙ
 дезинфекціонный порошокъ.
 Очень важно для желѣзныхъ
 дорогъ, дачъ, казармъ, тюрьмъ
 и больницы.
 Контора завода Невскій д 60.
 Телефонъ № 2001.
 Складъ: Центр. аптекар. депо
 Невскій д. 27. Телефонъ № 692.
 В. № 11132 5-4

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ
 и всѣ принадлежности для гг. фотографовъ профес-
 сіоналовъ, любителей. Много новостей.
 Цѣны внѣ конкуренціи.
ФОНОГРАФЫ И СИНЕМАТОГРАФЫ.
И. АКИМОВЪ и Р. ЯКОБЪ.
 Москва, Столешниковъ пер., д. Дунаева. Отд.: Мясницкая, д. Тульского подворья.
 Прейсъ-курантъ безплатно, каталоги съ руководств. фотографіи за 40 коп.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
ГУМВЕРЪ
 предлагаютъ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгіи ЯЗЕМЛИЧКА и К°.
 Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
 Прейсъ-куранты по требованію. 16—15

Новость, которая возбуждаетъ всеобщій интересъ, есть получившая премию въ Чикаго
РУЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА «THE JEWEL»,
 которая шьетъ всякую
 матерію, толстую и
 тонкую, сухо и по-
 лотно такъ же аккурат-
 но, какъ самая большая
 швейная машина.
 Конструкція вся изъ
 желѣза и стали, изъясно
 отполированная, съ ре-
 гуляторомъ, шульками,
 иглами, леечкой для
 масла и иллюстриро-
 ваннымъ понятн. изло-
 женнымъ руковод-
 ствомъ. Въсѣ 5 кил.。
 Каждая машина имѣетъ
 тщательно провѣрен-
 ный ходъ и стоитъ
 со всѣми приспособле-
 ніями для шитья все-
 возможныхъ матерій цѣ-
 мною оплаченной го-
 шинной только 9 руб-
 лей. Высылаетъ по по-
 лученіи всей суммы или
 3 рублей задатка:
M. Rundbakin, Wien, Taborstrasse 35. Вѣна (Австрія).
 Пошлину уплачиваетъ сама фабрика. Ц. № 11139 5-4

РУЧНОГО и ПРИВОД. ДѢЙСТВІЯ
 УСОВЕРШЕНСТВОВАВАННЫЕ
ГИДРАВЛИЧЕСКІЕ
МАСЛОБОЙНЫЕ ПРЕССЫ
 съ НАСОСАМИ
 ДЛЯ ОБРАБОТКИ ЛЬНЯНОГО и ПОДОВНЫХЪ ЕМУ
 СЪ МЯНЪ НА МАСЛО...
 ВИНТОВЫЕ ПРЕССЫ,
 ВАЛЬЦОВКИ, ФАЛЕВКИ,
 ЖАРОВНИ, ПРИВОДЫ.
 ДОСТАВЛЯЕТЪ
В. ЖУКОВСКІЙ
 С. ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ 97.

ВОДОЛЕЧЕБНИЦА—ТАГАНРОГЪ
 вр. Диварисъ и Гордонъ.
 Лѣченіе нервныхъ и хроническихъ болѣзней. Усовершенств. души, ванны электрич.,
 сѣрныя, углекислыя; массажъ. — Большой паркъ, пансіонъ, кумысъ, дѣтск. музыка.
 № 11021
 функционируетъ круглый годъ. Проспекты безплатно. 5-5

PRECIOSA VIOLETTE
 ПРЕЛЕСТНЫЕ НЪЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
 Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго
 тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за
 волосами. Рисовая пудра незальтная и неосыпаемая.
ED. PINAUD
 PARIS

Большое депо часовъ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
 НЕВСКІЙ ПР.
 № 32.
 ДОМЪ
 КАТОЛИЧЕСК. ЦЕРКВИ
 ПРОТИВЪ ДУМЫ
 С. ПЕТЕРБУРГЪ
 ПРЕЙСЪ-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.

ДЕШЕВО, ПРАКТИЧНО и ПОЛЕЗНО.
НЕОБХОДИМО ДЛЯ КАЖДАГО.
 Изящные и прочные карманные мужскіе часы, откры-
 тые, ремонтуарные, т. е. заводъ безъ ключа, съ выде-
 предохранительнымъ стекломъ, прочнымъ механизмомъ,
 массивно обгнатутое золотомъ, ничѣмъ не отличаю-
 щіеся отъ настоящихъ золотыхъ, съ изящною цѣпоч-
 кою изъ новаго американскаго золота
всего только за 5 руб.
 Письменное ручательство на шесть лѣтъ.
 Часы, тщательно провѣренныя, высылаются
 по полученіи 1 руб. задатка.
 Адресъ: Торговой фирмѣ 2-2
 Бр-въ **ВАРКОВИЦКИХЪ**
 Складъ женевскихъ и французскихъ часовъ въ Варшавѣ, Зельная, 41.

ТОЛЬКО 1 р. 85 к.
ПОРТМОНЪ
 черной опойки съ 5-ю
 отдѣл., со штепл. им.
 отч. и фаніл.— только
 1 р. 85 к. съ перес.
 Тол. невои кожи на 40к.
 дорож. Безъ штепл.
 на 35 к. дешевѣе.
 съ палож. платеж. на
 10к. дорож. Имѣютъ
 также дамскіе по
 тѣмъ же цѣнамъ. За-
 гавы высылаетъ не-
 медленю

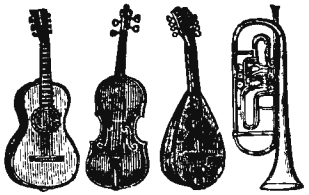
«КРОМСКАЯ»
 Тонкій америк. стереоскопъ, показывающій
 снимки въ натуральныхъ цѣтахъ. Цѣна
 аппаратъ. 85 руб., картинны 4 р. шт. При за-
 казѣ полов. зад. Адольфъ Рейне, Москва.
 Кузн. моста, № 3.

ФАБРИКА
И. Д. ЛЕВИНСОНА,
 ВАРШАВА, Сенаторская, 30.
 По новѣйшей французской методѣ
„ВОРТА“

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться
 письменно: Банкирскаго дома Генрихъ
 Блонкь. С.-Петербургъ, 59, Невскій.

Въ старой Москвѣ.
 Графа Е. А. САЛТАСА.
 Историческій романъ времени востанія на престолѣ и начала царствованія
 императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ част. СПб. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.;
 въ колескор. пересл. 2 руб. 75 коп., съ пересл. 3 руб. 25 коп.

обучаю кройкѣ и шитью дамскихъ, дѣтскихъ
 нарядовъ, верхн. платья, бѣлья и корсетовъ
 въ школѣ и заочно посредствомъ лекцій.
 Плата впередъ не взимается. По окончаніи
 установленное свидѣтельство. Условія высыл.
 безплатно. Нievъ, Фундуклеевская, № 27,
 Е. Д. АШМАРИНА.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
лучшаго качества
по фабричнымъ цѣнамъ
предлагаетъ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
А. Е. КУЛАКОВЪ
С.-Петербургъ, Садовая ул. 33.

Юбилейный иллюстр. преисъ-курантъ всѣхъ инструментовъ высылается бесплатно.

БЕЗЪ СОМНѢНІЯ

самая лучшая приправа къ кушаньямъ.

Одной или двумя чайными ложками „ГУСТО“ на чашку горячей воды готовится моментально прекрасный и вкусный бульонъ.

Преисъ-куранты высылаются по первому требованію.

ВЫГРЫШ-

НЫЕ 1, 2 и 3 выигрыши продаетъ
БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СПБ. 12-7

Вновь изобрѣтенное безвредное средство для быстрого окрашенія свѣдлыхъ волосъ и бороды въ черній, русый, темный и асблто-каштановый цвѣтъ. Цѣна за 1 флаконъ 2 р. съ перес 2 р. 50 к. ПРОДАЕТСЯ ВЪ АПТЕКЪ И КОСМЕТИЧ. МАГАЗИНЪ. ГЛАВ. НЫЙ СКЛАДЪ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, АПТЕКАРСК. МАГАЗИНЪ А. Урбанъ. СПБ. Божья Конош., № 1.

БЕЗПЛАТНО ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ
ОБУЧАЮ ЗАОЧНО
КРОЙКЪ И ШИТЬЮ.
Доступная плата. Условія
высылаются немедленно.
Москва, Малая Дворянская, д. Ба-
закіна.
Е. И. Венедиктовой.

**Товарищество С.-Петербургскаго Ме-
ханическаго Производства Обуви**

имѣетъ честь сообщить, что съ переводомъ фабрики обуви Товарищества, съ Обводнаго канала № 134, въ ново-выстроенныя зданія по Заставской улицѣ № 15, также переводится туда и Главная Контора Товарищества и проситъ покорнѣйше письма и проч. адресовать впродъ:
**С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Заставская улица, № 15, за Мо-
сковской Заставой.**

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ“

Высочайше

Наличные

капиталы

утвержденномъ

Общества

32.000,000

руб.

ВЪ 1881 году.

Общество заключаетъ страхованіе по новѣйшимъ планамъ и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, а именно:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Приданого для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ.

Къ 1 января 1898 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 49,736 лицъ на капиталъ въ 117.356,600 руб.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. домъ, № 37) и агентами Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

№ 11167 5-2

КОРСЕТЫ ФАБРИКИ И.Г. АБРАМСОНЪ

Удостоены похвалн. отзывомъ на ВСЕРОСС. ВЫСТАВКѢ 1896 Г.
РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ 1. ТВЕРСКАЯ Д. АНДРЕЕВА
2. ЛУБЯНСКІЙ ПАССАЖЪ №11
ПРОДАЖА ПО ФАБРИЧНОМУ ПРЕИСКЪ-КУРАНТУ

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для брюнетонъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILLENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
дрогистовъ Россіи. № 512) (115)

ПЕЧЕНІЕ
ГЕРКУЛЕСЬ
ИЗЪ
АМЕРИКАНСКОЙ
ОВСЯНОЙ КРУПЫ
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

С. СІУИКО

ЛУЧШАЯ ПИЩУЩАЯ МАШИНА
„СМИСЬ-ПРЕМЬ“

Скорость, прочность,
удобство, легкія
условія стѣпанія.
Цѣна 250 рублей и
275 рублей.
Пищуца машина
„КОСМОПОЛИТЬ“

Самый красивый шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами.
Цѣна 95 р. Полиров. личикъ къ ней 10 р.
Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высылаются бесплатно.

Оптикъ Ф. РИХТЕРЪ.
С.-Петербургъ. Адмиралтейскій просп., № 4.

УМЫВАЛЬНИКИ
и
КРОВАТИ
А.Е. ПРѢЛОВСКІЙ

ГОРОХОВАЯ № 27.
ИЗДѢЛІЯ
СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ.
ПРЕИСКЪ-КУРАНТЬ
ДѢТСКІЯ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО
КОЛЯСКѢ ТРЕБОВАНІЮ.
Второй магаз.: Невскій пр., № 53.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (14)
Спеціальность хронометровъ.
СПБургъ, Невскій пр. № 52
прот. Имп. Лубл. Библиотеки.
Подробный иллюстр. преисъ-
курантъ по востреб. безплатно.
Пересылка на счетъ мага-
зина. Ручательство на 2 года.
Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

Содержаніе:

ТЕКСТЪ. Въ туманъ величія. Историческая повесть П. Н. Полевого. (Продолженіе).—Былое. Никита. Разсказъ А. А. Осипова.—По полярному краю. Путевые наброски В. Юхельсона.— Съ весеннею ласточкою. Изъ Тавастанерны. Стих. Н. Новича.— Къ рисункамъ: Въ Аравіи.— Смерть первенца.— Ріальто.— Послѣ бури.— Первый посьвъ.— Рыбаки.— Вильямъ Гладстонъ.— И. П. Киселевскій.— Д. Л. Михаловскій.— Политическое обозрѣніе.— О перемѣнѣ адреса.— Объявленіе.

РИСУНКИ. Въ Аравіи. Картина Ф. М. Бредта.— Смерть первенца. Картина мистрисъ Меррѣ-Кукслѣ.— На Ріальто въ Венеціи. Картина Д. Вудса.— Послѣ бури. Картина И. К. Айвазовскаго.— Первый посьвъ. Картина П. Стахевича.— Рыбаки. Ориг. рисунокъ К. Фельдмана.— „По полярному краю“. Тимьяръ-Нысъ (Желѣзная дѣвушка).— Вильямъ Гладстонъ.— И. П. Киселевскій.— Д. Л. Михаловскій.— Американскія войска въ пути къ о. Кубѣ. 1) Полевая артиллерія. 2) Кавалерійскій полкъ.

При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемесячныхъ литературныхъ приложений“ за май.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

Новое изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Отпечатана и поступила въ продажу новая книга

„ИНСТИНКТЪ И ПРАВЫ НАСѢКОМЫХЪ.“

Изъ энтомологическихъ воспоминаній

ФАБРА.

Съ 213 рисунками.

Переводъ съ французскаго

Е. И. Шевыревой.

Подъ редакціей Ученого Секретаря Русскаго Энтомологическаго Общества

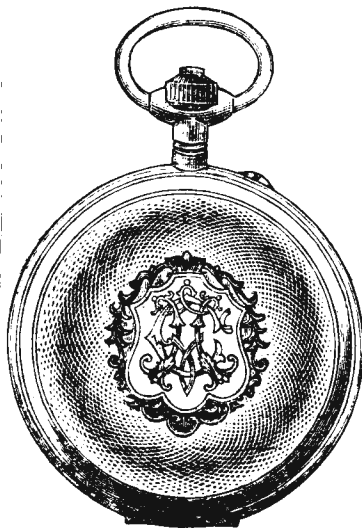
И. Я. Шевырева.

Въ книгѣ Фабра живымъ и общедоступнымъ языкомъ излагаются многолѣтнія наблюденія автора надъ любпытными проявленіями инстинкта насѣкомыхъ. Наблюденія эти, служащія цѣннымъ вкладомъ въ науку, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ большой интересъ и для читателей, незнакомыхъ спеціально съ энтомологіей, для которыхъ, главнымъ образомъ, и предназначена предлагаемая книга Фабра, дающая множество интереснѣйшихъ свѣдѣній о нравахъ, образѣ жизни, борьбѣ, размноженіи и вообще о своеобразной жизни въ этомъ маленькомъ мірѣ насѣкомыхъ.

Большой томъ въ VIII-и 590 страницъ большого 8°, съ 213 рисунками.

Цѣна книги 3 руб., съ пересылкою 3 руб. 75 коп.

Съ требованіями обращаться въ Контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, М. Морская, № 22.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованному способу изготовленія часовъ я имѣю возможность продавать съ 1 января с. г., самыя элегантныя и прочныя МУЖСКІЕ ЧАСЫ американскаго золота, трудно отличаеыме, даже спеціалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструкціи, съ прекрасною цѣлочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, или съ портретомъ, согласно присланной фотографической карточки, вѣзето 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили пастельныя золотыя, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе.

Такіе же ДАМСКІЕ дороже на 1 рубль. Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Высылаю вполнѣ вытѣренныя часы по полученіи задатка 2 руб., остальное же наложеннымъ платежемъ.

А ДРЕСЪ:

Ш. БИТКЕРЪ

складъ женевскихъ и американскихъ часовъ въ Варшавѣ, Сенаторская № 27 и Вербовая № 11, противъ Правительственнаго театра.

Во избежаніе поддѣлокъ, каждый экземпляръ снабженъ лямбкою фирмы, утвержденной Департаментомъ торговли и мануфактуръ за № 29598/435.

Извлеченія изъ аттестаций, полученныхъ мною складами:

Милостивый государь Г. Битнеръ.

Убѣдившись въ добротѣ исполненія Вашимъ магазиномъ иностранныхъ заказовъ, я отъ всей души приношу вамъ глубокую благодарность за высланные мнѣ въ сезонъ Пасадку часъ накладного золота, такъ какъ прочность высланнаго превзошла мои ожиданія, прошу еще выслать часы и т. д.

Съ почтеніемъ А. П. Воронина. 9/х 97 г. Пермь.

Милостивый государь г. Битнеръ.

Нижніе чины вѣрной мнѣ команды, написавшіе изъ Вашего магазина вещи, очень доволни выполняемъ заказа и просятъ передать Вамъ глубокую благодарность за полученіи вещи.

Капитанъ Ганъ.

Прошу принять увѣреніе въ совершенной почтеніи. Капитанъ Ганъ. № 11231 4—1

И множество другихъ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ. Вышелъ изъ печати и разсылается подписчикамъ III томъ сочиненій

К. К. СЛУЧЕВСКАГО,

издаваемыхъ въ 6 томахъ in 8°, съ портретомъ и автографомъ автора, исполненнымъ геліографіею.

Въ это изданіе войдутъ всѣ беллетристическія и поэтическія произведенія К. К. Случевскаго, причѣмъ первые три тома заключаютъ въ себѣ всѣ его стихотворенія, въ томъ числѣ появившіяся въ этомъ году въ печати „Пѣсни изъ Уголка“.

Содержаніе послѣднихъ трехъ томовъ составить произведенія въ прозѣ.

Подписна продолжается и вышедшіе томы выдаются, а иногороднымъ высылаются немедленно по полученіи соответствующей суммы.

Подписная цѣна за 6 томовъ 7 р. 80 к., съ доставкою и пересылкою—8 р. 70 к., въ 6 изданныхъ переплеткахъ 10 р. 60 к., съ дост. и перес. 12 р. (По выходѣ послѣдняго тома цѣна будетъ возвышена).

Подписныя деньги вносятся сполна—при заказѣ, или въ разсрочку на слѣдующихъ условіяхъ.

Безъ доставки:

Для ПОЛУЧЕНІЯ:	Брошюр.	Въ пер.
1-го т. вносится	3 р. —	4 р. —
2-го " "	1 р. —	2 р. —
3-го " "	1 р. —	2 р. —
4-го " "	1 р. 50 к.	1 р. 50 к.
5-го " "	1 р. —	1 р. —
6-ой безплатно.	—	—
Итого . . .	7 р. 50 к.	10 р. 50 к.

Съ доставкою и пересылкою:

	Брошюр.	Въ пер.
1-го т. вносится	3 р. 70 к.	5 р.
2-го " "	1 р. 50 к.	2 р.
3-го " "	1 р. 50 к.	2 р.
4-го " "	1 р. —	2 р.
5-го " "	1 р. —	1 р.
6-ой безплатно.	—	—
Итого . . .	8 р. 70 к.	12 р.

По желанію, тома высылаются и наложеннымъ платежомъ по мѣрѣ выхода. Требованія и деньги просить адресовать: въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

ПОСЛѢДНІЙ

добровольный обмѣнъ на 4% ренту 4% облигацій внутреннихъ займовъ 1887 года и 2-го, 3-го и 4-го—1891 года и выпущенныхъ въ кредитныхъ рубляхъ 4% облигацій казенныхъ жел. дорогъ.

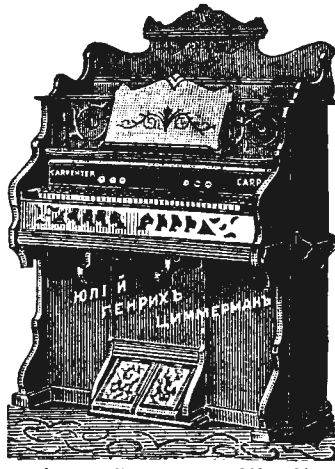
ЗАЯВЛЕНІЯ

принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Назначействахъ тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ учрежденія Банка.

КРАЙНІЙ СРОКЪ

№ 11073 12--9

подачи заявленій 15 Іюня 1898 года. Подробныя условія обмѣна въ ежедневныхъ газетахъ.

Лучше инструменты для духовной и светской музыки, весьма легкие для изучения.

ФИСГАРМОНИИ

знаменитой фабрики
ШИДМАЙЕРА,
рекомендованная Гензелемъ, Листомъ, Галячемъ.
Американскія известныя фабрики
КАРПЕНТЕРЪ, БЕНТЪ
и другихъ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ
въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 175, 190, 200, 225, 240, 250, 300, 350, 375, 450, 500, 550, 750 и 1000 руб.

Самочинель Паке—2 р.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталогъ нотъ бесплатно.

Юлія Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное дело и фабрика
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
Складъ и издавн. нотъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34—40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

(Фабрики Карпентера въ 160 руб.)

НОВЫЕ и РАЗСКАЗЫ ВС. крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“). 3-е издание. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

19-й драгунскій Кинбурнскій ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великаго Князя МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА полкъ проситъ лицъ, служившихъ въ ономъ, сообщить полку свои адреса для сношеній по поводу предстоящаго, 20 августа сего года, столѣтняго юбилея 12121 лен полка. 3—

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
СЛАВИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА
ИСТОЧНИКА
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ

Продается во всехъ аптекахъ и аптекарскихъ лавкахъ Россіи и за границей.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ ЮСИФЪ“ въ Будапештѣ.

ГВОЗДЕНЬ ШОКОЛАДЪ КАКАО

ВЕЗДЬ

ЧАЙ ЦЕЙЛОНСКІЙ

ПЕРВОКЛАССНОЙ ПЛАНТАЦІИ
ПОМПАПОЛЛА
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ЧАЯ для РОССІИ
у ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПЛАНТАЦІИ
МОСКОВСКАГО КУПЦА
И.Е.ДУБИННИНА
МОСКВА
ПОКРОВКА, Д. ТЯЖЕЛОВА.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ЧАЯМЪ
ПЛАНТАЦІИ ПОМПАПОЛЛА.

	Цѣна розничн.	Цѣна оптова.
№ 13. Чай Пакеонъ мягкаго вкуса и сильнаго настоя . . .	1р. 60к.	1р. 30к.
» 14. Чай Янхао, чрезвычайнаго ароматнаго	2» —	1» 60к.
» 18. Чай Моюне Мягкій и розанистый	2» 40к.	1» 90к.
» 25. Чай Кокію букетъ Ландыша, самый высочайшій	2» 80к.	2» 20к.

Плантація Помпаполла самая большая и лучшая изъ всѣхъ плантацій острова Цейлона. Она расположена на холмахъ южной солнечной стороны острова и поэтому произрастающее на ней чаи отличаются сильнымъ ароматомъ, мягкимъ нежидущимъ вкусомъ и чрезвычайно сильнымъ настоемъ, и мы рекомендуемъ эти чаи гг. любителямъ какъ самые лучшие и экономичные изъ всѣхъ Цейлонскихъ чаевъ. Для трактировъ, буфетовъ и чайныхъ эти чаи незаменимы и стоятъ всякаго предпочтенія. На пробу можно выписать по оптовой цѣнѣ не меньше какъ ТРИ фунта всѣхъ или нѣкоторыхъ сортовъ чая, при чемъ пересылка идетъ на счетъ покупателя. При выпискѣ чая не меньше 25 фунтовъ особо-выгодныя условия. Подробный Прейсъ-Курантъ чаемъ Цейлонскимъ, Китайскимъ и Японскимъ высылается желающимъ бесплатно.

ОСОБО-ВЫГОДН. УСЛОВІЯ

ДЛЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И ТОРГОВЦЕВЪ

Поступила въ продажу новая книга:
ЖАНЪ ДЮФРЕНЪ.
Руководство
ШАХМАТНОЙ ИГРЫ
и Эмануэль Ласнеръ
„ЗДРАВЫЙ СМЫСЛЪ ВЪ ШАХМАТАХЪ“,
Э. С. Шиффера. Изданіе М. М. Жеребцова.
Цѣна 2 р. 50 и безъ перес. Налож. плат. 3 р.
Складъ изданій въ типографіи В. В. Деманова. СПб., Новый пер., 7. Можно выписать черезъ редакц. „Шахматнаго журнала“, Э. С. Шиффера (С.-Петербургъ, за Невскою заставой, Муравьевскій пер., 20).

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга:
М. Г. КРИВОШЛЫКА:
ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКОДОТЫ изъ жизни русскихъ замѣчательныхъ людей (съ портретами и краткими біографіями). 6-е издание. Ц. 50 к.
Его же: МЫСЛИ О. ЮАННА БРОНШТАДСКАГО. Ц. 10 к.
Его же: ВЕЛИКІЕ ПОЛКОВОДЦЫ МИРА (съ портретами въ краткихъ біографіяхъ и № 11187 анекдотахъ). Ц. 50 к. 2—2
Главный складъ: С.-Петербургъ, книжный магазинъ „Новаго Времени“.

НЕ ТЕРИТЕ ВРЕМЯ.
Требуйте (Эфехру) траву Кузьминча; борная, съ корнями и въ цвѣту, майскаго сбора 1898 г. Особо высокой сортъ 5 р., 1-й сортъ 3 р., 2-й 2 р., стѣнная 1 р. безъ пересылки. Высылаю почтой во всѣ мѣста Россіи, можно налож. плат., а за границу за наличн. деньги. Покорнѣе прошу требовать: Сорочинское, Самарск. губ., Ивану Ивановичу Жукову (старшему).

УДОЧКИ и всѣ принадлежности для рыбной ловли известной фабрики Алькоксъ и Ко (S. Allcock & Co in Redditch) вновь получены изъ Англіи въ большомъ выборѣ въ магазинахъ С. И. ДОИНИКОВА СПб. 1-й магазинъ — Невскій пр., Милотинъ рядъ, д. Лѣсниковой, 27—18; 2-й магазинъ — Гост. Дворъ, противъ Пажескаго корпуса, № 73 и 3-й магазинъ — Чернышев пер., Банновская линія, № 15. Иллюстр. пр.-кур. работъ, принад. высыл. многор. бесплатно.

Ко дню семидесятилѣтія гр. Л. Н. Толстого выйдетъ въ свѣтъ роскошное иллюстрированное изданіе:
Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. ТОЛСТОЙ
со множествомъ портретовъ и рисунковъ. Цѣна книги по подпискѣ 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к. Выпускъ экземпляровъ ограниченъ. Подписка принимается: С.-Петербургъ, Невскій, 38, книжн. магаз. „Нов. Вр.“, Москва, у Страстнаго монаст., книжн. магаз. Кокусова. 3—3

ТРЕБУЙТЕ
Новый прейсъ-курантъ Оружейнаго магазина А. В. Тарнопольскаго, въ Москвѣ, Мясницкая ул., высыл. бесплатно. Новая книга „РУЖЬЕ“ высылается наложеннымъ платежомъ за 60 коп.

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫЯ ВЪ ТЕПЛОЙ ДИСПОЗЕ БЕЗЪ ВОДЪ * П.Н.ВИНОГРАДОВА. * ПАРКИ

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставѣ 1896 года. требовать куски съ этикетомъ утвержден. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ. БѢЛЪЕ получается замѣчательно чистымъ, Желтизна и пятна уничтожаются ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуются въ ТРИ РАЗА МЕНЬЕ простаго. Совѣшено безвредно для тканей бѣлья. Удостовер. № 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа въездъ Опт. у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2.

ПО ПОРУЧЕНІЮ ЗАГРАНИЧНАГО ФАБРИКАНТА
продается партія въ **38 ВЕЛОСИПЕДОВЪ**

завода „Нлондайнъ“, которые заказаны по не приняты однимъ русскимъ торговцемъ и теперь лежатъ въ Гамбургѣ въ таможѣ. Фабрикантъ предлагаетъ эту партію цѣликомъ или поштучно (32 мужск. и 6 дамск.) по собственной стоимости въ 119 руб. 50 коп. и при заказѣ требуется задатокъ 25 р. за каждый велосипедъ. Въ виду того, что эта партія очень скоро найдетъ любителей, прошу гг. иностранцевъ прислать задатокъ по телеграммѣ. После продажи этихъ 38 велосипедовъ они будутъ стоить 165 руб. Образцы велосипедовъ, мужск. и дамск., можно осматривать въ „Базарѣ Марокъ“ С.-Петербургъ, Невскій пр., № 20—31, въ подвалѣ, куда и прошу высылать задатокъ.

Такой исключительный случай встрѣчается только разъ и оттого прошу воспользоваться немедленно и приобрести первоклассный новый велосипедъ за такую **небывалую дешевую цѣну.**

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованному способу изготовления часовъ моего производства, я имѣю возможность продавать самые практичные прочные и изысканные карманные МУЖСКИЕ ЧАСЫ черные вороненой стали, открытые, анкеръ 15 камн., съ вѣчнымъ календаремъ и элегантною цѣпочкой, американскаго золота chateleine, съ брегетомъ, вѣсто 15 и 17 руб.

только за 8 и 10 руб.

Часы эти отличаются весьма вѣрнымъ ходомъ и, кромѣ обыкновеннаго времени, автоматически показываютъ мѣсяцы, дни, число и фазы луны.

Такіе же серебряные крытые, всѣ три крышки 84 пробы, на 4 руб. 50 коп. дороже.

ПИСЬМЕННОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО НА ШЕСТЬ ЛѢТЪ.

Высылаю по полученіи задатка 2 р., остальное же наложеннымъ платежомъ.

А ДРЕСЬ:
Ш. ГЕЙЛЕРЪ.
Складъ женевакскихъ часовъ въ Варшавѣ.

XXIX г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIX

№ 20

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 13 листовъ чертежей и выкроекъ.

1898

Выданъ 16 мая 1898 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1898 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна годового изданія „Нивы“ со всѣми приложеніями на 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содерж. полное собраніе сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставкѣ въ Петербургъ.

5 р. 50 к.

Безъ доставкѣ въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.

6 р. 25 к.

Съ доставкою въ Петербургъ . .

6 р. 50 к.

Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .

7 р. За границу . . **10 р.**

При этомъ № прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложеній» за май 1898 г.

„Въ Аравіи“. Съ карт. Ф. М. Бредта автотипія „Нивы“.

Въ туманѣ величія.

Историческая повѣсть

П. Н. Полевого.

(Продолженіе.)

XX.

Въ тиснахъ.

Въ то время, когда на Москвѣ происходили эти бурныя сцены, когда съ Лобнаго мѣста, изъ усть яростныхъ расколучителей разносились на всю площадь озлобленныя хулы патриарху и архіереямъ и громогласно читались обличительныя соловецкія тетрадки,— по Серпуховской дорогѣ катилась крытая рогожей простенькая повозка, запряженная тройкою сытыхъ чалыхъ коньковъ. На облучкѣ повозки сидѣли двое: ямщикъ, человекъ пожилой съ длинною темною бородою, густыми прядями висцавшею на темный армякъ изъ грубаго дмотканнаго сукна, и, рядомъ съ нимъ, высокій, дюжій дѣтина, довольно сумрачнаго и суроваго вида, хотя еще и очень молодой, съ неопушившеюся бородою и едва пробивающимися усами. Этотъ дюжій дѣтина, видимо чѣмъ-то встревоженный, ни минуты не сидѣлъ на мѣстѣ спокойно, ёрзалъ изъ стороны въ сторону, и, то оглядываясь сбоку назадъ, то нетерпѣливо перекидывая ногу на ногу, частенько обращался къ ямщику съ понуканьями и укорами.

— Ну, какъ ты ѣдешь? Какъ ѣдешь? Этакъ у насъ покойниковъ на Ваганьково таскають!

— Чаво? — отзывался ямщикъ, искоса взглядывая на парня и, видимо, не придавая значенія его словамъ.

— Ну, что тамъ: чаво, чаво! — кипятился парень. — Ступай живѣй, одно слово!

— Шалишь, паря. Ёду, какъ по-Божьему... А то какъ еще ѣхать?

— А такъ, что скорѣе!

— По-твоему ѣхать — недалеко уѣдешь, потому лошадей лоскомъ положишь! Жарища экал — а онъ гонить зря! Такъ-то не рожь!

— А по-твоему ѣхать — такъ мы погонѣ въ лапы достанемся! И тогда быть памъ съ тобою безъ головы! — крикнулъ дѣтина, попрежнему опасливо оглядываясь назадъ, на дорогу.

— Страненъ сонъ, да милостивъ Богъ, — процѣдилъ сквозь зубы ямщикъ, слегка передергивая вожжами и чуть-чуть поглаживая кнутомъ своихъ чалыхъ.

Марьюшка, сидѣвшая въ темномъ углу этой повозки, ни жива, ни мертва, прислушивалась къ разговорамъ своихъ спутниковъ и молила Бога о томъ, чтобы ей удалось какимъ-нибудь чудомъ укрыться отъ преслѣдовавшаго грознаго князя Хованскаго, который, конечно, уже успѣлъ узнать о ея бѣгствѣ и повсюду разослать за ней погоню. Одно только ее и радовало, и поддерживало въ ней надежду, что до Серпухова было ужъ недалеко, и данный ей въ провозатые холопъ Милославскаго, на ея вопросы объ усадьбѣ боярина, гдѣ ей предстоило укрыться, хоть на время, начиналъ уже весьма охотно отвѣчать ей:

— Вотъ какъ только Серпуховъ вдали покажется, — говорилъ онъ ей: — такъ тутъ сейчасъ надо вправо лѣсной дорогой взять, да лѣсами до Оки доѣхать, а за Окой-то и всего на все верстъ пять...

Но Марьюшкѣ казалъ верста этого утомительнаго, безостановочнаго пути, исполненнаго всякихъ страховъ, волненій и опасеній, представлялась нескончаемой мукой, и она утѣшала себя только воспоминаніемъ о необычайной удачѣ вчерашняго бѣгства изъ Москвы, устроеннаго Родимицей. Ей вспоминались слова Ѳедоры Семеновны при прощаніи у Серпуховской заставы:

— Вѣсть о твоёмъ побѣгѣ не дойдетъ до стараго

чорта раньше конца всего дѣйства въ Грановитой палатѣ, а то и на площади... Значить, ты часовъ на пять впереди его погони будешь; ну, а коли себя не пожалѣешь, да всю ночь проѣдешь — такъ уйдешь отъ его погони навѣрно...

И Марьюшка, припоминая эти утѣшительныя слова своей спасительницы, начинала уже надѣяться, что ей пожалуй удастся уйти отъ погони. Только одно незначительное обстоятельство, одинъ небольшой эпизодъ, случившійся вскорѣ по выѣздѣ ея изъ Москвы, темнымъ пятномъ выдѣлялся въ ея смутныхъ и сбивчивыхъ воспоминаніяхъ и туманилъ ея надежды...

Ямщикъ, нанятый Родимицей въ Москвѣ, отѣхавъ версты на три отъ Бѣлокаменной, остановился въ первой ямской слободѣ и сдалъ Марьюшку и ея провожатаго другому ямщику, чуть не за полцѣны. Въ то время, какъ ямщики между собою ссорились, спорили и торговались, къ повозкѣ подошелъ харчевникъ — рыжій, рябой, съ очень неприятной, разбойничьей рожей и маленькими сѣрыми, быстро бѣгавшими глазами; приподнявъ боковую рогожу повозки, онъ заглянулъ внутрь ея.

— А ты бы вышла покамѣсть, матушка, — проговорилъ онъ вкрадчиво: — поспѣдала бы чего... У насъ харчи отмѣнные, свѣжіе, горячіе...

Перепуганная Марьюшка только головой мотнула въ отвѣтъ на это предложеніе.

— А изъ какой ты обители, матушка? — допрашивалъ харчевникъ, вниваясь въ лицо Марьюшки испытующимъ взглядомъ и подозрительно осматривая ея монашескую рясу...

Марьюшка собиралась ему отвѣчать, хотя у ней дыханье сперло въ горлѣ отъ смущенія и страха. Но харчевникъ, не дожидаясь ея отвѣта, уже добавилъ отъ себя съ насмѣшливой и плутоватой улыбкой:

— Сдается мнѣ, что ты и не монахиня вовсе... А изъ боярскаго семейства бѣгланка...

Тутъ провозатый Марьюшки сурово окрикнулъ его, рогожная завѣса опустилась вновь, и повозка покатилась далѣе... Но разбойничья рожа этого харчевника не выходила изъ памяти у Марьюшки, и, въ теченіе всей ночи, чуть только она, убаюкиваемая однообразнымъ стукомъ колесъ и топотомъ коней, начинала дремать, ей все казалось, что завѣса сбоку повозки приподымается, что въ нее просовывается голова харчевника, и изъ усть его слышатся тѣ же роковыя слова:

„Не монахиня ты, а бѣгланка!“

Но вотъ, наконецъ, изъ разговоровъ на облучкѣ повозки, до слуха Марьюшки долетаютъ успокоительныя рѣчи:

— Вонъ онъ, батюшка Серпуховъ городъ, ужъ и виденъ сталъ... Вонъ и башня наугольная... Тутъ, смотри-ка, сейчасъ и поворотка будетъ...

Вотъ и поворотка... И повозка, свернувъ съ дороги, начинаетъ отчаянно раскачиваться на корняхъ и рытвинахъ, пересѣкающихъ лѣсную дорогу. Лошади храпятъ и фыркаютъ и еле тащатъ шагомъ повозку, въ которой Марьюшку, какъ на волнахъ бросаетъ изъ стороны въ сторону...

Вдругъ, при одномъ изъ толчковъ, раздается злобный трескъ и затѣмъ голосъ ямщика:

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ депь! Ось подавалась...

— Что ты врешь! — съ нескрываемою тревогою воскликнулъ холопъ Милославскаго.

— Чего врать-то? Аль не видишь, какъ тяжъ разболтался?.. Тирру, родименькя!

И повозка стала среди лѣса, говорливо шумѣвшаго кругомъ.

— Боже мой! Боже мой! Что со мною, несчастной, будетъ!—воскликнула Марьюшка, закрывъ лицо руками.

— Что же мы, тутъ и сядемъ? — крикнулъ въ отчаяннѣй холонъ, обращаясь къ ямщику, который тѣмъ временемъ слѣзъ и внимательно осматривалъ повозку.

— И вѣстимо сядемъ... Вотъ топоръ достану, да ось вытешу—тогда и опять въ путь! А то какъ же, потвоесму?

— Вотъ дерево вырублю, да ось вытешу, да подь передь подведу—и поѣду!! — крикнулъ холонъ, передразнивая ямщика. — Да ты пойми, посконная борода...

— Уймись, холонье мясо! — гнѣвно крикнулъ и ямщикъ въ свою очередь. — Снимай кафтанъ-то, да помогай мнѣ; не то здѣсь и до ночи просидѣть придется!

Марьюшка, замирая отъ страха, слышала, какъ они, поругавшись еще нѣкоторое время, стали отпрягать коней, какъ осмотрѣли ось, какъ потомъ двинулись въ лѣсъ, выбирать дерево... Вотъ до слуха ея долетѣли звонкіе удары топора въ дерево, потомъ шумъ и трескъ его паденія, и долгое, медленное обтесываніе оси... Прислушиваясь къ этимъ звукамъ, она впала въ какое-то оцѣпенѣніе, въ которомъ у ней перепутались въ головѣ всѣ мысли, всѣ впечатлѣнія, всѣ ощущенія. И только одна мысль господствовала надъ всѣми:

— Погибла я, бѣдная! Конецъ мой пришелъ! Не спасется мнѣ отъ моего злодѣя!

Сколько времени прошло въ этой вынужденной обстановкѣ—Марьюшка не знала и не могла сообразить. Но вотъ, наконецъ, ея спутники вернулись изъ лѣса съ осью, и Марьюшка, услышавъ это, рѣшилась выглянуть на свѣтъ Божій изъ душной повозки: солнце уже далеко перевалило за полдень и начало ужъ склоняться къ западу...

Откинувшись опять въ свой темный уголъ и направляя свои члены, изможденные утомительнымъ и непривычнымъ путешествіемъ, Марьюшка стала снова машинально прислушиваться къ постукиванью топора и къ перебранкѣ своего провожатаго съ ямщикомъ, усердно работавшимъ надъ осью... Вдругъ одинъ изъ чалыхъ приподнялъ голову, насторожился и громко заржалъ.

Постукиванье сразу прекратилось; послышались тревожные голоса:

— Что это, лѣсъ, что ли, шумить?

— Какой тамъ лѣсъ? Аль топоту не слышишь? Мой чалый не даромъ заржалъ — коней почуялъ...

— Пропали наши головы! — отчаянно крикнулъ холонъ Милославскаго и со всѣхъ ногъ бросился въ лѣсъ.

— Чего ужъ тутъ бѣжать-то? — крикнулъ ему вдогонку ямщикъ. — Погоня тутъ и есть...

И дѣйствительно, топотъ коней уже близился, гулко разносясь по лѣсной глуши... Уже слышались крики и понуканія многихъ всадниковъ, скакавшихъ по лѣсной дорогѣ. Обгоняя другъ друга, нещадно настегивая потныхъ коней нагайками, они мчались кучею къ повозкѣ, крича еще издали:

— Вотъ они! вотъ они! Держи, лови ихъ!

И налетѣли, облѣпили, какъ шмели, бряцая и галдя, стараясь перекричать другъ друга, и, наперерывъ, заглянуть въ повозку. Марьюшка, поникнувъ головою и сложивъ руки на груди, сидѣла ни жива, ни мертва...

— Вотъ она, князь-государь! Она сама! — кричала, торжествуя и размахивая руками, тотъ самый десят-

никъ, которому порученъ былъ караулъ въ домѣ Ларіона Иванова. Онъ успѣлъ уже заглянуть въ повозку и говорилъ спѣшно, едва успѣвая переводить дыханіе...

Князь подсекалъ къ повозкѣ на потномъ конѣ, тяжело дышавшемъ черезъ широко-раздутыя кровавыя ноздри, быстро свернулся съ сѣдла, не ожидая стреминныхъ, и, почти бѣгомъ подбѣжавъ къ повозкѣ, отдернулъ сильною рукою рогожную занавѣсу...

— А! Такъ вотъ ты гдѣ, голубка! — крикнулъ онъ, до пояса свѣшиваясь внутрь повозки. — Бѣжать задумала! Ха-ха-ха! Отъ меня уйти!.. Пстой же, теперь мой судъ коротокъ будетъ!

Марьюшка, словно окаменѣлая, сидѣла въ своемъ углу, не смѣядохнуть, не произнося ни звука...

Хованскій оглинулся назадъ и крикнулъ своимъ:

— Отойдите прочь! Мнѣ падо съ дѣйчихой потолковать съ-глазу-на-глазь.

И когда всѣ отошли, онъ опять наклонился къ Марьюшкѣ, схватилъ за руку словно желѣзными тисками и проговорилъ, задыхаясь отъ злобы и волненія:

— Либо сейчасъ со мною подь вѣнецъ—въ той самой усадьбѣ Милославскаго, гдѣ тебя укрыть хотѣли... Тамъ есть и церковь, и попу!.. Либо—имъ, дѣтушкамъ моимъ, на потѣху отдамъ тебя, на посмѣянье, на усладу... Ну, говори же, выбирай скорѣе.

— Я плѣнница твоя, — простонала Марьюшка. — Что знаешь—то и дѣлай!

— А! Покорилась! — радостно проговорилъ Хованскій. — Эй, дѣтушки! скачите, кто побойчѣе, въ усадьбу къ Милославскому, скажите попу, чтобы ждалъ меня съ крестомъ и въ ризахъ, на порогѣ церкви... Да чтобы все готово было къ вѣнчанью... Съ нареченной невѣстой, молъ, прѣду! Слышали!

— Здравія батькѣ нашему, князю Хованскому, и многолѣтія! — загремѣли стрѣльцы.

— А какъ повѣнчаемся—всѣ погребя, всѣ кладовыя боярина Ивана Милославскаго—вамъ, дѣтки, на зубокъ дарю!

— Спасибо, отецъ нашъ родной, спасибо! — заголосоу стрѣльцы.

— Ну, а теперь, справляй скорѣе ось, ямщикъ! вези насъ прямо въ церковь, къ вѣнцу! — насмѣшливо проговорилъ князь Хованскій, влѣзая въ повозку и грузно опускаясь на мѣсто возлѣ Марьюшки.

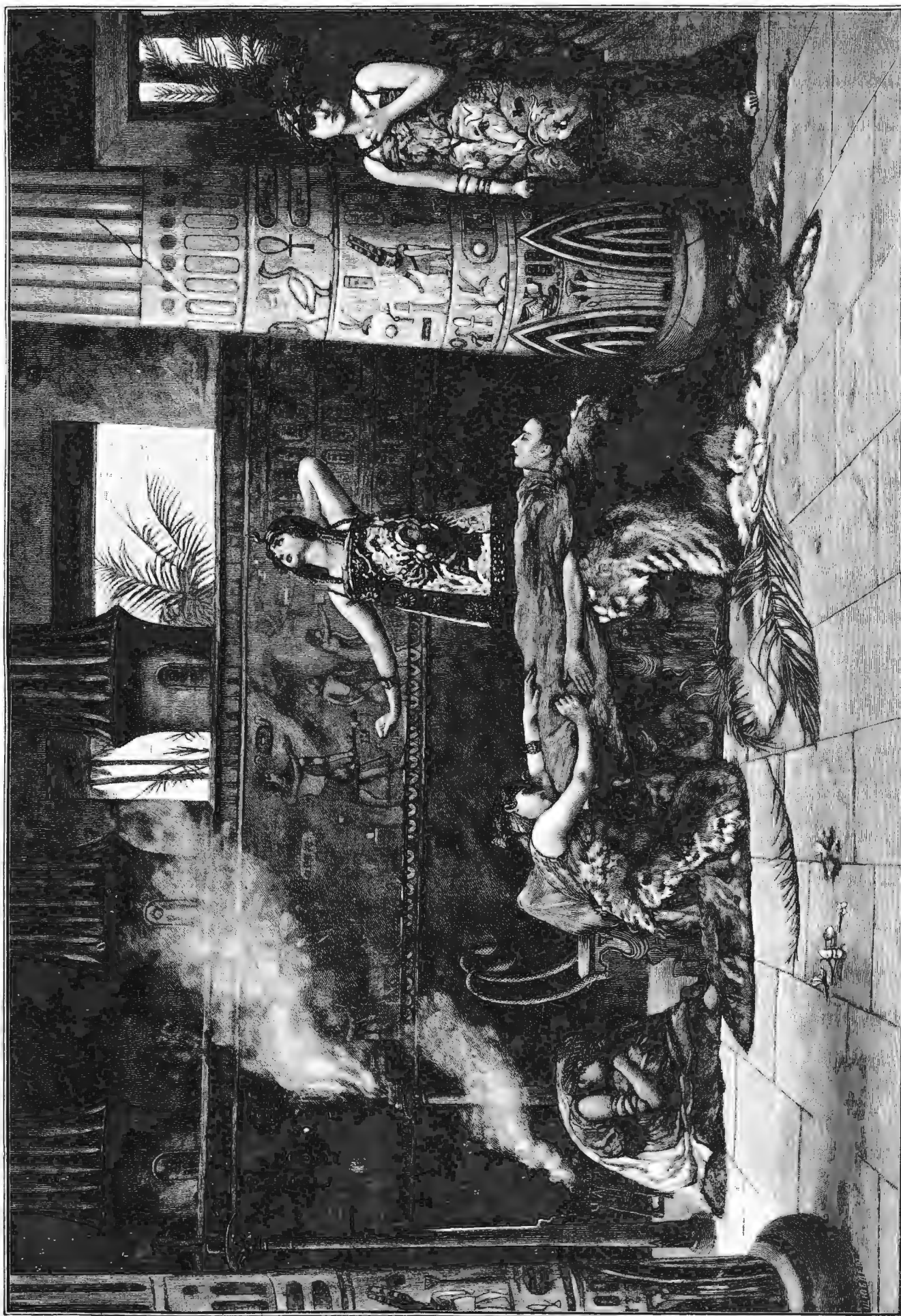
XXI.

Ножъ въ сердце.

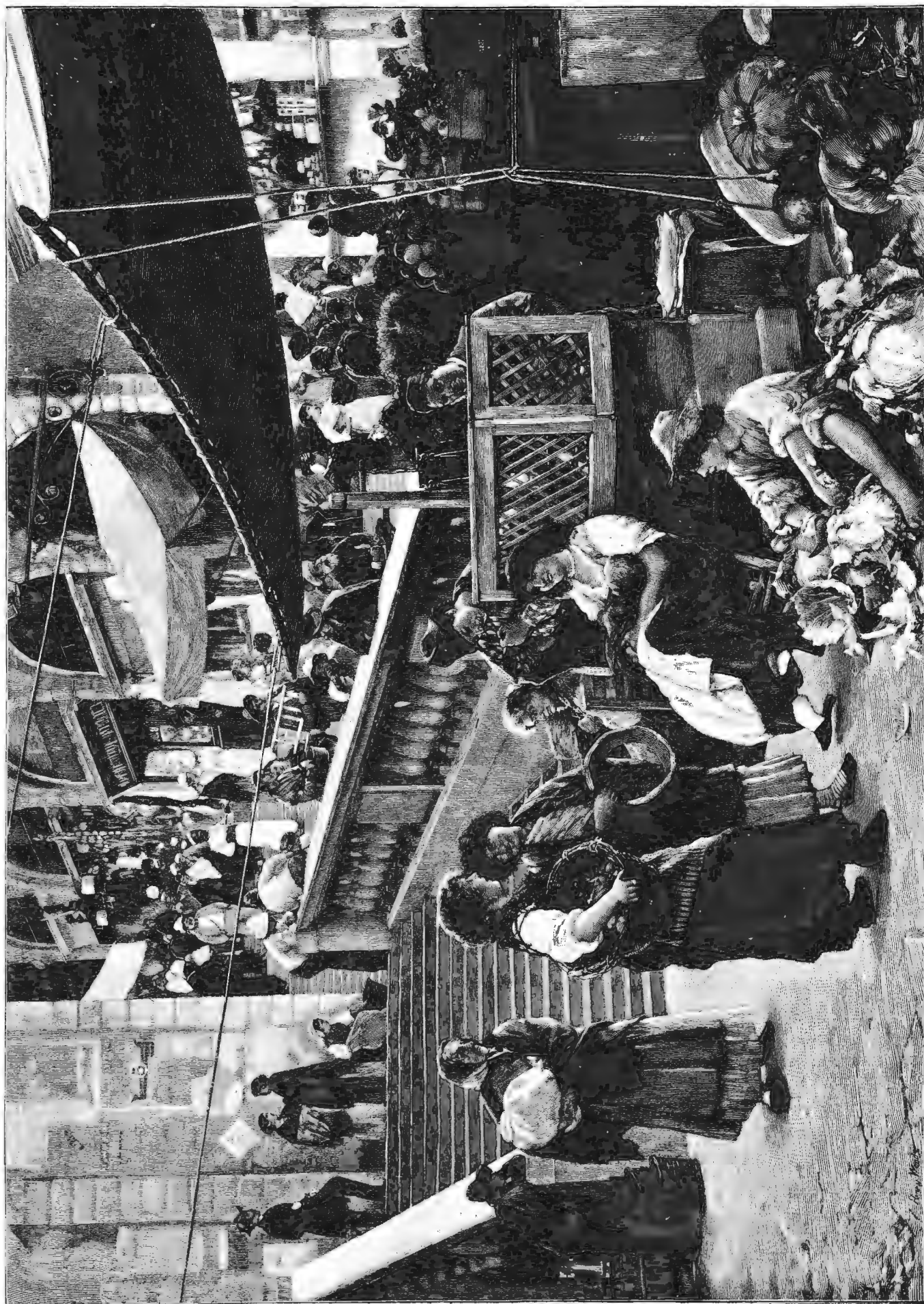
Родимица за послѣднее время не знала ни сна, ни покоя. Князь Андрей, никогда не отпосившійся къ ней особенно нѣжно, вдругъ напустилъ на себя такую гордость и такую важность, что къ нему рѣшительно подступу не было. И она при своей пронизательности не могла не замѣтить, что эта гордость и важность въ особенности обуяла его послѣ того, какъ она же сама сблизилась его съ царевной Екатериной...

„Я его побаловать хотѣла... Забаву ему готовила“, — не разъ говорила себѣ Родимица; — а онъ и вправду задумалъ съ ней въ любовь играть... Нашелъ какое еще сокровище!“

Но ее тревожило не увлеченіе князя Андрея царевною: нѣтъ! Пока она руководила ихъ сношеніями, и обѣ стороны въ ней занкивали и пуждались; пока царевна подкупала ее подарками, а князь Андрей свисхожденіемъ къ ея „слабости женской“, — до тѣхъ поръ эта зарождающаяся связь между юнымъ вельможей и царевной не пугала ея и давала ей поводъ думать, что этимъ путемъ, обладая этою тайною, она будетъ въ силахъ держать обоихъ влюбленныхъ въ рукахъ, сдерживать ихъ порывы, руководить ими; а въ случаѣ чего-нибудь... ей было такъ легко все подавить, все заглушить въ самомъ началѣ: сидѣло только царевнѣ-правительницѣ выдать тайну царевны Екатерины...

Выставка английских художников. „Смерть первенца“. Сь карт. мистрисъ Меррз Кукслэ, грав. Шюберт.

На Ріальто въ Венеціи. Съ карт. А. Вудса, грав. Уіліамъ.

Но вдруг случилось что-то странное, что-то совѣмъ непонятное для Родимицы.. Царевна Екатерина замолкла и ни слова болѣе не говорила съ нею о князѣ Андрей; князь Андрей тоже хранилъ о царевнѣ сдержанное молчаніе и не упоминалъ о ней при свиданіяхъ съ Родимицей, которую онъ допускалъ къ себѣ все рѣже и рѣже, высказывая ей съ достаточной ясностью, что связь съ нею ему паскучила, опротивѣла, а въ помощи ея онъ больше не нуждается...

„Что-жъ это значить?.. Поладили они между собою, что ли? Или ему, пожалуй, ужъ и царевна въ тягость стала? Опостылѣла?“

И радостное чувство, зародившееся въ душѣ ея при этой мысли, омрачилось тотчасъ же тѣмъ сознаниемъ обидной женской гордости, которое присуще сердцу каждой женщины, покидаемой любимымъ человѣкомъ, вынужденной выносить его пренебреженіе.

Но каковъ же былъ взривъ негодованія Родимицы, когда она узнала, что и князь Андрей, и невинная, простодушная царевна Екатерина — се обманываютъ; что они обходятся безъ ея помощи, что видятся и сносятся помимо ея; но какъ? черезъ кого мѣняются вѣстями?—она не знаетъ и дознаться не можетъ...

„Пойду къ нему.. Добьюсь правды.. Узнаю обо всѣхъ его затѣяхъ и покажу ему, чего онъ можетъ ждать, коли меня задумалъ оттолкнуть.. Мною задумалъ поиграть и пренебречь!“

Но рѣшиться на этотъ шагъ было гораздо легче, чѣмъ выполнить его.. Она толкнулась разъ въ дверь князя Андрея—и ей сказали, что князь никого не можетъ принять; толкнулась другой — тотъ же отвѣтъ; попыталась повидаться съ княземъ во дворцѣ, въ Приказѣ, въ приходской церкви за обѣдней въ воскресенье, но къ нему и подойти не было возможности: такую стѣнную стрѣльничихъ начальниковъ онъ былъ постоянно скруженъ всюду, куда бы ни выходилъ, куда бы ни выѣзжалъ изъ дома. Наконецъ, озлобленная и измученная его холоднымъ невниманіемъ, она рѣшилась повидать его во что бы то ни стало и объявиться съ нимъ напрямикъ—хотя бы и въ послѣдній разъ...

„Либо верну его къ себѣ, либо.. отомщу ему, такъ отомщу, какъ онъ и самъ того не знаетъ, не ожидаетъ...“

Принявъ это рѣшеніе, она поѣхала въ хоромы князей Хованскихъ, на Сивцевъ Вражекъ, въ то время, когда князь Андрей, въ отсутствіи отца, погнавшагося за Марьюшкой, принималъ всѣхъ являвшихся къ нему просителей и отбиралъ отъ нихъ челобитныя. Смѣло пробравшись сквозь толпу народа, тѣснившуюся на княземъ дворѣ, Родимица вошла въ переднюю и, подойдя къ дѣяку, проговорила громко и съ надлежащимъ удареніемъ:

— Доложи князю, что я къ нему отъ ея благородія благовѣрной царевны Софьи Алексѣевны съ вѣстями прислана.

Дѣякъ хотѣлъ-было что-то возразить Родимицѣ, но та окинула его такимъ взглядомъ, что онъ, не промолвивъ ни слова, направился въ комнату стараго князя, въ которой теперь засѣдалъ и вершилъ дѣла князь Андрей „въ отца мѣсто“.

— Просить обождать! — равнодушно проговорилъ дѣякъ, возвращаясь изъ комнаты князя.

Родимица вскипѣла; глаза ея засверкали яркимъ пламенемъ...

— Ступай и скажи князю, что если онъ сейчасъ меня не приметъ, я отсюда немедленно поѣду къ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ и доложу, что пѣтъ у князя времени принять меня...

Дѣякъ, озадаченный, вернулся снова къ князю Андрею и вышелъ со словами:

— Просить пожаловать...

Вурью влетѣла Родимица въ комнату князя Андрея

и встрѣтилась глазами съ его надменнымъ и холоднымъ взглядомъ. Онъ даже не привсталъ навстрѣчу ей.

— Здравствуй, князь-государь!—съ злобой ироніей проговорила Родимица.—Насилу-то добилась я твоихъ свѣтлыхъ очей видѣть.. Дозволь рабѣ твоей земный поклонъ тебѣ ударить.

И она насмѣшливо отвѣсила низкій поклонъ, касаясь перстами пола.

— Съ какими вѣстями пожаловала?—сухо и коротко спросилъ ее князь Андрей.

— Не отъ царевны Софьи и не отъ твоей зазнобушки и къ тебѣ пришла,—заговорила Родимица, понижая голосъ: —я отъ себя пришла, предостеречь и упредить тебя да и отца-то твоего...

— Что ты мнѣ окольную несешь? Да развѣ есть мнѣ время съ тобою лезть точить? Говори мнѣ дѣло!—чуть не крикнулъ князь.

— Дѣла хочешь? Такъ слушай: на Верху всѣ въ страхѣ, всѣ въ тревогѣ.. Всѣ толкуютъ, что вновь настала смутная пора.. Ждутъ бунта; стрѣльцовъ боятся.. Тебѣ съ отцомъ перечить не желаютъ.. Но всѣмъ вы стали поперекъ горла. Всѣ васъ начинаютъ ненавидѣть—всѣ злы на васъ; и всѣ о томъ лишь помышляютъ, какъ бы васъ изыть!

— Ты что же это? Пугать меня пришла?—съ пренебреженіемъ проговорилъ князь Андрей.

— Нѣтъ, не пугать! А образумить.. Указать, что оба вы — ты и отецъ — въ пропасть лѣзете! Вѣдь васъ никто не пощадитъ, не защититъ! Всѣ точатъ зубы на васъ — особенно теперь, нануганные продрозостью раскольниковъ..

— Ну, и пусть себѣ точатъ: авось не обломаютъ ли?.. Мы скоро всѣмъ себя покажемъ.. А теперь—ступай.. Мнѣ некогда.. И я тебѣ совѣтую, пока не воротился отецъ, уѣзжай-ка по добру да по здорову изъ Москвы..

— Мнѣ? Уѣзжать?.. Зачѣмъ? —спросила Родимица, измѣнившись въ лицѣ.

— Мнѣ донесли, что ты пособничала въ бѣгствѣ Ларионовой вдовѣ; а бояринъ Милославскій — и въ укывательствѣ ея.. Такъ я-то тебя не трону; а тоже предостерегаю и упрещаю: за отца не поручусь.. Пожалуй, онъ и съ тобой, и съ Милославскимъ захочетъ раздѣляться по-своему..

— Андрей Иван.. Князь? Ты ли это мнѣ говоришь? Мнѣ?.. Да вспомни!..

— Печего мнѣ вспоминать.. Что было, былѣмъ просло—и не вернется больше!—проговорилъ сухо князь, отчетливо подчеркивая каждое слово.

— Не вернется больше? Всякъ матушка Москва-рѣка не побѣжитъ:—такъ говорить изволишь? Такъ и я жъ тебѣ скажу:—твоимъ надеждамъ тоже не сбыться, коли я того не захочу!..

— Надеждамъ—не сбыться? Ты не захочешь?—процѣдилъ князь сквозь зубы.

— Да! Коли я не захочу и поперекъ твоей дороги стану!

— Ха, ха, ха!—вдругъ разразился князь громкимъ, натянутымъ смѣхомъ. —Небось, голубушка!.. Найду и безъ тебя дорогу во дворецъ.. А поперекъ моей дороги ты не долго устоишь! И еще разъ скажу,—добрый мой совѣтъ тебѣ: забудь о Бѣлокаменной, да уѣзжай отсюда подальше! И тамъ сиди смиренненько, не то..

— Таковъ-то твой совѣтъ?.. Спасибо, князь!.. Не забуду и я его! Пятой меня пинаешь—ненадобна, молъ, стала,—проговорила Родимица, низко кланаясь.—Прощай же, князь Андрей Ивановичъ! Одно тебѣ скажу: не знаешь ты, кого пинаешь... Спокаешься авось—да не поздно ль будетъ!

И отвѣсивъ ему еще поклонъ низкій-низкій, она направилась къ двери въ переднюю. Князь Андрей, небрежно отвернувшись къ окну, не видѣлъ того взгля-

да, который она бросила на него съ порога — взгляда непримиримой мести и вѣчной ненависти!

XXII.

Недобрая встрѣча.

Дней пять спустя послѣ этой краткой бесѣды наединѣ между Родимицей и княземъ Андреемъ, старый князь Хованскій, на разсвѣтъ, подѣзжалъ по Серпуховской дорогѣ къ Москвѣ, до которой оставалось уже не болѣе полутора десятка верстъ. Старый князь ѣхалъ верхомъ на конѣ, хмурый и невеселый, слегка покачиваясь на сѣдлѣ отъ дремоты, которая начинала его одолавать въ концѣ ночи, проведенной безъ сна, въ снѣжномъ походѣ къ Москвѣ, по которой не даромъ ныло его сердце... Невеселыя думы, словно черные вѣроны, носились въ головѣ его и мѣшали дремотѣ окончательно овладѣть имъ. Какія-то неопредѣленные, но тягостныя предчувствія, въ связи съ полусознательнымъ недовольствомъ собою, мучили его уже не первый день, и тѣ тревожныя взгляды, которые онъ изрѣдка бросалъ назадъ, оглядываясь на повозку, слѣдовавшую шагомъ за нимъ по дорогѣ, среди его многочисленной вооруженной свиты, сопровождавшей повозку и обозъ награбленной добычи, — достаточно ясно высказывали тяжелое настроеніе его души...

„Кто жъ это зналъ?“ — думалъ старый князь, хмурия брови и прислушиваясь къ звонкому топоту коней по дорогѣ. — „Кто бы это могъ предвидѣть... Вдругъ расхворалась — словно бы кто подъ вѣнцомъ на нее порчу напустилъ! То на нее столбнякъ найдетъ, то вдругъ, какъ полоумная, кричитъ и мечется — до пѣны у рта!.. Даль я маху — обвинившись съ нею“...

Потомъ легкое облачко дремоты находило на его сознание, порывало нить его мыслей и обращало ихъ въ другую сторону...

„А тамъ-то чтѣ безъ меня творится?.. Какое въ полкахъ?.. Управился ли сынъ-то? Невпору я сорвался съ мѣста... Какъ бы не вышло бѣды какой съ „отцами“... Очень ужъ раскалились они и на бояръ, и на царевну... Да боязно еще, какъ бы и князь Андрей-то не начудилъ чего съ своей царевной... Намедни говорилъ мнѣ, что, молъ, совсѣмъ вскружилъ ей голову: замужъ ладить выйти за него... Мнѣ, говорить, ты ровня: тоже отъ королей литовскихъ свой родъ ведешь! Вотъ тутъ и думай“...

— Князь! А князь! — раздался надъ самымъ ухомъ Хованскаго голосъ его любимца, стрѣleckаго пятидесятника, Семена Одицова. — Смотри-ка, кто намъ навстрѣчу идетъ!

Старый князь встряхнулъ головою, провелъ рукою по глазамъ, чтобы отогнать отъ себя и докучныя думы, и песносную дремоту — и глянулъ впередъ, по указанію пятидесятника. Онъ увидѣлъ, что навстрѣчу имъ, опираясь на посохъ, широко и быстро шагая, идетъ какой-то старецъ, въ темной скуфьѣ, надвинутой на самыя брови, въ обтасканной и рваной странничьей одеждѣ. Деревянная чашка болтается у него на поясѣ; тощій холщевый мѣшокъ закинутъ за спину. Утренній вѣтерокъ играетъ сѣдыми космами его волосъ и треплетъ его длинную, сѣдую бороду, разметанную по груди...

— Вѣдь это отецъ Сергій! Ей-же ей, онъ самый, — шепнулъ князю Одицовъ.

Князь взглянулъ въ путника, который вдругъ остановился среди дороги и торжественно поднялъ вверхъ руку, какъ бы готовясь произнести какое-нибудь заклинаніе.

— Отецъ Сергій! Ты ли это? — крикнулъ встревоженнымъ голосомъ Хованскій, сдерживая своего коня.

— Стой, княже, и не двигайся! — возгласилъ Сергій. — Передъ тобой не Сергій, — не отецъ, а жалкій тюремный бѣглець и изъ стольнаго города изгнанникъ, едва избѣгнувшій и узъ, и пытки, и позора, и страха смертнаго!..

— Что ты лжешь, старче! Или ты бредишь — или не то я слышу!

— Не я лгу, а ты, княже-господине, солгалъ намъ, клявшись, что насъ не будутъ болѣе за вѣру и правду нашу ни жечь, ни мучить, ни узамъ предавать! — сурово произнесъ отецъ Сергій. — Ты солгалъ, какъ несъ, посуливъ намъ свою защиту, предложивъ намъ свой кровъ, свою охрану... А самъ забылъ о насъ, предался похоти — соблазну женскому... И вотъ плоды твоей лжи и лукавства: позавчера на площади вершенъ Никита — стѣбена ему глава, какъ мученику за вѣру...

Ропотъ немедленно охватилъ всѣхъ окружавшихъ князя стрѣльцовъ. Послышались вопросы.

— Какъ это?.. За что же?.. Кто посмѣлъ казнить?.. Мстить надо за Никиту!

— Умолкните, холопы царскіе! — крикнулъ Сергій, изступленно ударя посохомъ въ землю. — Не вамъ за праведника мстить!.. Отметить Господь на васъ, на дѣтихъ и на внукахъ вашихъ... Вы продали отцовъ! Ваша же братья на волкахъ да на красныхъ фряжскихъ винахъ насъ пропили царевнѣ Софьѣ — дочери Іезавелиной, волчицѣ неасытимой!.. Вашу жъ братью, стрѣльцовъ безмозглыхъ, она изволила пожаловать всѣхъ погребомъ... На десять человекъ по мѣрѣ меду да по ушату пива! — И вотъ мы въ узлахъ, Никита навѣз на плахѣ... Всѣ другіе ждутъ рѣшенія судей неправедныхъ... Я одинъ успѣлъ бѣжать, и радъ, что я могу, при встрѣчѣ съ вами, вамъ всѣмъ сказать: — проклятье на всѣхъ васъ, измѣнникахъ, предателей, христонравныхъ. Проклятье въ вѣки вѣки!

И, сверкнувъ глазами, старецъ отклонился въ сторону князя и его спутниковъ, махнулъ рукою, и, свернувъ съ дороги въ лѣсъ, скрылся за деревьями.

Никто не посмѣлъ ни остановить, ни удержать его...

Князь, повѣсивъ голову и опустивъ поводья, стоялъ еще съ минуту, какъ бы ошеломленный неожиданно-полученными имъ недобрими вѣстями... Глубокое молчаніе хранили и всѣ окружавшіе его стрѣльцы, видимо, такъ же какъ и онъ, пораженные словами старца.

— Видно, добромъ съ ними не раздѣлаешься, — проговорилъ вдругъ около самаго князя Семень Одицовъ: — видно опять пора настала за собачьи шкуры приниматься!..

— Дѣтушки, — воскликнулъ вдругъ князь Хованскій, бросая кругомъ тревожныя, разсѣянные взгляды. — Знаю я, кто это все надѣлалъ!.. Безъ меня мой врагъ дерзнулъ поднять главу... Мой врагъ и тайный совѣтникъ царевны Софьи: — бояринъ Ивашка Милославскій! Смерть ему! Клянуся, смерть ему!

— Смерть ему, смерть! — подхватили окружавшіе князя стрѣльцы, и придорожный лѣсъ, освѣщенный первыми, кровавыми лучами восходящаго солнца, глухо и сурово откликнулся своимъ эхомъ на ихъ безумный возгласъ.

XXIII.

Въ лисьей норѣ.

Темная, августовская ночь давно уже спустилась надъ Заборьемъ-Глухимъ — небольшою подмосковною усадьбой боярина Ивана Милославскаго, заброшенной въ густомъ лѣсу, на бережку озерка, полузросшаго камышами. Тишина царила кругомъ мертвая, словно бы всѣ эти избы, клѣтѣ, погреба, амбары, амшеники, поварни и скотніе дворы, раскинутые широкимъ полукругомъ около боярскихъ хоромъ, были объаты не сномъ, а тяжкимъ оцѣневніемъ смерти. Нигдѣ ни огонька, ни звука: — только ближній лѣсъ изрѣдка прошумитъ, встревоженный легкою тягою ночного вѣтерка, и снова смолкнетъ; да крупная рыба выплеснется въ озеркѣ, всколебавъ на мгновеніе его мертвыя воды... Можно было бы, право, подумать, что это не жилое мѣсто — не покинутая боярская усадьба, а какое-нибудь сказочное

поселье, зачарованное злымъ кудесникомъ и объятое волшебнымъ сномъ... Но прислушавшись внимательно къ молчанію непроглядно-темной ночи, можно было уловить чуть-слышимый шелестъ въ озерныхъ камышахъ, по которымъ, медленно и осторожно поталкиваемый шестомъ, двигался къ берегу дощаникъ... Вотъ онъ причалилъ, и двѣ темныя, неопредѣленные фигуры высадились изъ него на берегъ. И тотчасъ послышался шопотъ:

— Тыфу, пропасть! Тьма какая кромѣшная! Ни зги не видно... Дай мнѣ руку, Кузьма! Не то мнѣ и на берегъ будетъ не выбраться!

— Пожалуй ручку, матушка, Ѳедора Семеновна! — шопотомъ отвѣчалъ Кузьма Вершокъ. — Вотъ поправѣ берн — а то тутъ яма... А тутъ колдобина — за мной ступай.

И, видимо, отлично знакомый съ мѣстностью, онъ съ увѣренностью повелъ свою спутницу краемъ озера, къ кусту, прикрывавшему какую-то низенькую лазейку, прорытую въ песчаномъ берегѣ.

— Согнись, матушка, пониже, — проговорилъ онъ. — Да забирай за мною, полѣвѣ, вдоль стѣнки... Тутъ и дверку нащупаешь, что ведетъ въ подполье къ старой банѣ... А войдешь въ подполье — мяукни только разокъ другой: *самъ* и выйдетъ къ тебѣ. Кстати, скажешь, что я здѣсь стерегу.

Ѳедора Семеновна пошла по указанію, нащупала шагъ черезъ десятокъ дверь въ подполье, и войдя въ него, осторожно мякнула и разъ, и два... Тотчасъ же, въ углу подполья, свѣтъ прорѣзался узкими полосками сквозь щели двери, задвижка щелкнула, и бояринъ Милославскій, въ темномъ колпакѣ и темной свиткѣ, съ фонаремъ въ рукахъ, явился на порогѣ.

— А! Гостя дорогая! Жду тебя давно — и чуть-было ужъ не подумалъ дальше ѣхать... укрываться, — проговорилъ онъ вполголоса, какъ бы опасаясь, чтобы и самыя стѣны подполья его не подслушали.

— Да! Дожили мы съ тобой — допрыгали! — съ горечью отвѣчала ему Родимица, входя, вслѣдъ за бояриномъ, въ потайную каморку, пригороженную къ дальнему углу смежнаго подполья. Въ этой каморкѣ стояла прислоненная къ стѣнѣ кровать, прикрытая овчиннымъ одѣяломъ; на ней валялась помятая холщевая подушка, а у изголовья, на опрокинутой бочкѣ, замѣнявшей столъ, разбросаны были остатки скуднаго ужина и лежала пара пистолей.

Милославскій поставилъ фонарь на бочку, опустился на кровать и указавъ рядомъ съ собою мѣсто для Родимицы.

— Не посѣтуй — больше негдѣ посадить! Сама изволь видѣть: скрываюся, какъ кротъ... Такъ и изволь царевнѣ доложить. Вѣдь вотъ вторую ужъ недѣлю бѣгаю отъ злодѣевъ! По приказу Тараруя всюду рыщутъ и ищутъ меня... Сказываютъ, будто и головѣ-то моей цѣна положена! Вотъ каково мое житье горемычное... Право слово, отъ своихъ холопей, въ своей усадьбѣ, и то подъ землей хорониться долженъ, чтобы ненарокомъ не выдали злодѣямъ, буде и сюда нагрянутъ...

— Ну, да ужъ недолго же имъ тѣшиться теперь надъ нами, — мрачно проговорила Родимица, разстегивая на груди темную крестьянскую паневу, въ которой она была одѣта. — Чай, ты, отъ злодѣевъ укрываючися и бѣгаючи, не сложа руки сидѣлъ... Чай, придумалъ же имъ что-нибудь на гибель? На тебя, вѣдь, и у царевны вся надежда!..

— Охъ, ужъ, право, и не знаю, — заговорилъ Милославскій, ежась и покачивая головою: — сдается мнѣ, что, отъ своихъ невзгодъ да отъ страховъ смертныхъ, я и умишко-то свой весь истерялъ...

— Полно прикидываться! — перебила его Родимица, начиная сердиться. — Такія рѣчи отъ тебя и слышать-то противно...

— Ну, ну, не гнѣвайся, Ѳедорушка!.. Скажу тебѣ пожалуй, а ты царевнѣ передашь — что я надумалъ... Вѣдь и у тебя тоже умъ-то не чортъ съѣлъ — вотъ и обудимъ, хорошо ли я надумалъ...

— Ну, слушаю... Сказывай скорѣе!

— Перво-на-перво, падо царевнѣ и съ царями-государями изъ Москвы уѣхать — и подальше...

Родимица посмотрѣла на боярина и гнѣвно, и изумленно:

— Да что ты это выдумалъ? Да развѣ это можно? Иль ты позабылъ, что у стрѣльцовъ въ рукахъ всѣ караулы. Что если чуть что — Хованскій тотчасъ спохватится... не выпустить!

— Дослушай прежде, а потомъ суди. Царевнѣ надобно идти спервоначалу, походомъ, будто бы потѣшнымъ, въ село Коломенское. Да чтобы были при ней царевны-сестры и цари, и махиха была бы тутъ же... Съ боярами, съ дворомъ, съ обозомъ — все по чину — какъ хаживали прежніе цари... Въ Коломенскомъ прожить съ недѣлю, прохладжаясь, а можетъ и болѣе; а тамъ, такимъ же родомъ, чрезъ Воробьево и Павлово, къ Звенигороду двинуться, будто въ Саввинъ монастырь, на праздникъ къ Саввѣ преподобному...

— Ну, ну? Дальше что? — нетерпѣливо торопила его Родимица, начинавшая уже, до нѣкоторой степени, угадывать мысли боярина.

— Изъ Саввинской обители, отбывъ здѣсь праздникъ, опять же, не спѣша, со всѣмъ дворомъ, на Павлово вернуться, да взять на Хлябово — и будто ненарокомъ свернуть къ Воздвиженскому, благо тамъ и праздникъ мѣстный, Воздвиженье-то, тутъ какъ тутъ!

— Такъ, такъ! Да и до Троицкой обители — рукой подать! — радостно вставила свое слово Родимица.

— Троица - Троицей, — съ видимымъ неудовольствіемъ перебилъ бояринъ, сдерживая свою слишкомъ торопливую собесѣдницу: — да до Троицы-то еще много дѣлъ передѣлать надо... И вотъ тутъ-то, въ этихъ-то дѣлахъ — вся сила, все спасенье и мое, и царевнино...

Родимица вся обратилась въ слухъ и ужъ не рѣшалась перебивать боярина, который продолжалъ послѣ предыдущи:

— Въ Коломенскомъ селѣ, въ канунъ отѣзда изъ него царей-государей, на паперти церковной объявится подметное письмо, а въ немъ написано, отъ рядового стрѣльца да отъ двухъ посадскихъ государямъ донесеніе и извѣщеніе объ измѣнѣ и воровскихъ, злодѣйскихъ замыслахъ обоихъ князей Хованскихъ... О наученіи стрѣльцовъ, чтобы царскій корень извели, бояръ и патриарха перебили, а имъ самимъ бы помогли доступить Царства Московскаго...

— Гдѣ же и какъ получить то письмо царевна? — спросила Родимица, хватая Милославскаго за руку.

Но онъ отвелъ ея руку, и продолжалъ:

— Вотъ тогда-то, отъ Саввы преподобнаго, придется разослать повсюду тайные указы въ окольные города — въ Тверь, во Владиміръ, въ Суздаль, въ Новгородъ — къ дворянамъ, къ дѣтямъ боярскимъ и къ служилымъ людямъ, чтобы съѣзжались отовсюду въ село Воздвиженское на защиту государей отъ измѣны князей Хованскихъ и для наказанія измѣнниковъ. Вотъ этакъ-то, запасшись силами, да припася обухъ за пазухой — не страшно будетъ говорить съ князьями Хованскими. Ну, какъ тебѣ покажется?

— Чего ужъ лучше! Умнѣй нельзя придумать... Но только какъ же ты ихъ-то выманишь къ отвѣту изъ Бѣлокаменной? Какъ ухитришься, чтобы кто ихъ не остерегъ... не упредилъ?

Милославскій бросилъ искоса взглядъ на Родимицу и сказалъ:

— Про то лишь я съ тобою знаю... А тебя прошу все, что я надумалъ, передать съ очей на очи государынѣ-царевнѣ, и сказать ей, что какъ она прибудетъ

Выставка въ Академіи художествъ. „Послѣ бури“.
Съ карт. И. Айвазовскаго, по фотогр. І. Глыбовскаго автотипія „Нивы“.

къ Саввѣ преподобному, тогда и я отсюда, изъ моей мышиной щели выльзю, и къ ней явлюсь съ холопами своими и съ челядью... А то письмо подметное, о коемъ я говорилъ — вотъ оно, возьми его, и, если хочешь успѣха дѣлу, никому не поручай—сама подкинь!

Онъ вынулъ изъ-за пазухи тщательно свернутый столбецъ и бережно передалъ его изъ рукъ въ руки Родимицѣ.

— Ну, гостыюшка, — добавилъ онъ, лукаво ухмы-

лясь:—угощать мнѣ тебя нечѣмъ, а безъ угощенья и гостыба не въ гостыбу... Съ Богомъ — въ путь! Въдѣ тутъ за озеромъ, лѣсами, до Звенигорода, пожалуй, верстъ съ двадцать будетъ. Путь не близкій... Поѣдешь отъ меня, такъ одно помни: часъ насталь, надо ковать желѣзо, покуда горячо...

И, поднившись съ мѣста, онъ проводилъ Родимицу съ фонаремъ до выхода изъ подполья.

(Окончаніе будетъ.)

Б Ы Л О Е.

Никита.

Рассказъ А. А. Осипова.

Отецъ мой не любилъ службы и всегда тяготился ею, по выйти въ отставку не смѣлъ, такъ какъ дѣдъ не желалъ этого и мечталъ увидѣть своего сына генераломъ. Дѣда моего знали по всей губерніи и уважали, а домашніе даже боялись его, такъ какъ онъ былъ страшно горничъ. Захваченный приливомъ злости, онъ удержаться уже не могъ и былъ въ состояніи надѣлать такихъ вещей, въ которыхъ каялся бы потомъ всю жизнь. Здоровьемъ онъ обладалъ страшнымъ и умеръ оттого, что слишкомъ увлекся ботвиньей и смѣлъ ей что-то четыре или пять тарелокъ. Предчувствуя смерть, онъ призвалъ своего камердинера, предѣлаваго съ нимъ всѣ походы, и приказалъ-ему немедленно отнестись въ Петербургъ объ его кончинѣ.

Камердинеръ не рѣшался.

— Можеть еще поправитесь, Михаилъ Андреевичъ, Богъ не безъ милости! — говорилъ онъ, но дѣдъ прикрикнулъ на него:

— Пни, дуракъ, что тебѣ приказываютъ!

Камердинеръ, обученный дичкомъ, робко присѣлъ къ барскому столу и взирая непослушными пальцами за перо. Черезъ полчаса письмо съ извѣщеніемъ о кончинѣ и послѣднемъ приказѣ выйти въ отставку и поселиться въ деревнѣ было готово, а черезъ часъ дѣда уже не стало. Получивъ письмо, отецъ мой въ тотъ же день подалъ прошеніе объ отставкѣ и выѣхалъ изъ Петербурга навсегда. Изъ деревни онъ ѣздилъ только въ Москву, гдѣ и женился. Поселившись въ деревнѣ и отслуживъ пансиону, онъ началъ присматриваться и убѣдился, что имѣніе находится въ полномъ порядкѣ. Дѣдъ мой славился, какъ отличный хозяинъ, и къ нему нерѣдко обращались за совѣтами. Но лучше всего поставлена была конюшня, составлявшая единственную страсть дѣда. Каждое утро онъ отправлялся туда, приказывалъ при себѣ выводить лошадей, осматривать ихъ, лѣчили, топили на кордѣ, пробѣжалъ и т. д. Смирныхъ лошадей онъ не любилъ, и ему доставляло особенное наслажденіе вступать въ борьбу съ порωμαъ или ошонкомъ и въ концѣ концовъ остаться побѣдителемъ. Очевидно, при конюшнѣ долженъ былъ состоять многочисленный штатъ работниковъ, кошоховъ, кучеровъ и т. п. Отецъ мой былъ по природѣ расчетливъ и потому сейчасъ же понялъ, что содержаніе такой большой конюшни убыточно. Лошадей онъ продавалъ почти всѣхъ и всѣхъ дворовыхъ вернулъ назадъ на село, такъ какъ видѣлъ, что они заблуживаются и приносили бы съ ними порядкомъ позависеть. Работниками онъ назначилъ новыхъ, а изъ старыхъ кучеровъ только и остался одинъ Никита.

Мы, дѣти, особенно интересовались дѣдомъ,—можеть-быть потому, что никогда не видали его, хотя о паружности его было легко судить по большому портрету масляными красками, висѣвшему въ столовой. На темномъ фонѣ отчетливо вырѣзывалась небольшая фигура съ тонкими породистыми профилями и плотно сжатыми губами. Глаза смотрѣли холодно и пагло. На головѣ былъ парикъ съ косичкой. Одѣтъ дѣдъ былъ въ какой-то мундиръ съ бѣлыми жакавами и сложнымъ перенлетомъ изъ золотыхъ шнуровъ на груди. Мы часто смотрѣли на этотъ портретъ и сравнивали лапшаго дѣдушку съ маминимъ. И сравненіе было не въ пользу послѣдняго, такъ какъ онъ не имѣлъ блестящаго мундира и парика. Старикъ служилъ въ московскомъ сенатѣ и даже тамъ бывалъ довольно рѣдко, работая по большей части дома, одѣтый въ покойный халатикъ. Баловать онъ насъ странно, по въ немъ не было ничего таинственнаго и загадочнаго, и это намъ не нравилось. Мы собирали свѣдѣнія о маминимъ дѣдушкѣ, но большинство изъ дворовыхъ не знало его, а экономка, Агаѣя Тихоновна, только отмахивалась рукой.

— Ну его совѣтъ!

— Да что такое?

На этотъ вопросъ старуха или совѣтъ не отвѣчала или начинала рассказывать о томъ, кого дѣдушка и за что сѣкъ.

— Бѣшеный былъ!—закачивала она обыкновенно свое повѣствованіе и скрывалась или въ погребъ, или въ кладовую.

Вспоминать о дѣдушкѣ любилъ только одинъ Никита, къ которому мы частенько и пробирались поболтать. Несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ все еще выглядѣлъ красавцемъ. Росту онъ былъ громаднаго, по пропорціональное сложение зна-

чительно скрадывало это, и только когда рядомъ съ нимъ становились другіе, можно было видѣть, какъ онъ великъ. Никита обладалъ замѣчательной физической силой, по показывать ее не любилъ и даже какъ будто ей стыдился. Нрава онъ былъ очень покойнаго, и голубые глаза его, изъ-подъ густыхъ бровей сметнаго, смотрѣли ласково. Громадная, совершенно сѣдая борода вѣромъ раскидывалась у него на груди, и при разговорѣ она какъ-то тряслась отъ быстрыхъ поворотовъ головы. Правильнъ онъ превосходно, и никогда не волновался или не терялся при всякихъ случайностяхъ, которыя всегда возможны въ пути. Цѣлый день онъ проводилъ около лошадей и всегда находилъ себѣ какое-нибудь дѣло: то чистилъ сбрую, то заплелалъ или расплеталъ гривы и хвосты, а то, наконецъ, сидѣлъ задумчиво съ короткой трубкой въ зубахъ. Мы пользовались этими минутами и заводили съ нимъ разговоръ о прошломъ. Никита оживлялся и дѣлался словоохотливъ.

— Да что рассказывать-то! Такое теперь время пошло, что и говорить-то не хочется! Развѣ теперь кто понимаетъ толкъ въ лошадахъ? Покойный дѣдушка вашъ, царство ему небесное, такъ тотъ дѣйствительно любилъ. Мы съ нимъ и въ Москву ѣзжали,—такъ тоже не послѣдними тамъ были на гулинь-то въ Подиовиномъ. Экипажи тоже ужъ теперь не тѣ стали. А у насъ въ прежнее время ужъ какъ строго разбиралось. Какой экипажъ, такъ и лошадь должна идти. Положить, боольшая карета шестерикомъ съ форейторами на цвѣтныхъ вожжахъ—все это важно, по-барски, ну и лошади должны идти убористо, а не скоро. Ноги подымаютъ лѣвню, а притомъ забираютъ да забираютъ. Другое дѣло тройка! Тутъ все одна лихость. Коренникъ на пристяжныхъ и посмотрѣть-то не смѣетъ, а пристяжные должны стараться землю кусать. Глаза у нихъ кровью нальются, ноздри красныя, рвутся, а коренникъ-то ходомъ, ходомъ. Картина! Да вотъ, рассказывалъ ли я вамъ, какъ я къ дѣдушкѣ въ кучера попалъ?

— Разскажи, Никита!

Старикъ поправилъ большимъ пальцемъ выльзавшій изъ трубки пепель и началъ:

— Это было очень давно. Дѣдушка вашъ только что походы свои обломалъ и въ деревнѣ поселился. Чуть только солнышко проглянетъ, а ужъ онъ ходитъ съ кнутикомъ по двору. Присматриваетъ, какъ мы лошадокъ чистимъ да убраемъ, а кнутикъ такъ и похаживаетъ, то по нашимъ спинамъ, то по лошадамъ. И ужъ подлинно у покойника хозяйскій глазъ былъ: всякую осмину видѣлъ. Чуть только лошадь начесала себѣ или шинки вскочила: оводъ укусилъ—ужъ онъ сейчасъ замѣтитъ. «Это что такое, каналья?»—спроситъ тихимъ манеромъ, а въдѣ весь загриснешься. Старшимъ кучеромъ у насъ Антонъ былъ, а я въ конюхахъ ходилъ. Антонъ этотъ тоже строгъ былъ, да какъ-то разъ не поостерегся, его и лигнулъ жеребецъ одинъ, «Гекторъ» назывался, да и поналъ въ самое сердце. Антонъ свалился, ноохалъ дня три, все задыхался, да Богу душу и отдалъ. Вотъ у насъ разговоръ-то идетъ по всей конюшнѣ, кому главнымъ быть. Оно, понятно, всякому лестно. Баринъ ходитъ по вечерамъ и по утрамъ—все какъ прежде, и голосу не подаетъ. Только разъ, смазываю я колеса, остановился онъ около меня, посмотрѣлъ на мою работу, а ужъ какая тутъ работа, руки такъ ходуномъ и ходятъ, да и говоритъ:

«— Подъ вечеръ приходи ко мнѣ на крыльцо!»

«Конечно, отвѣчаю ему: „слушаю-съ“, а самого просто страхъ разбieraетъ. Покойникъ частенько учивалъ нашего брата на крыльцѣ. Садимся мы это за обѣдъ, а ужъ у меня кусокъ въ горло не идетъ. Товарищи смѣются надо мной:

«— Попался, голубчикъ!—говоритъ. А въ чемъ попался, когда я съ собой никакой вины не знаю. Наступаетъ это вечеръ, а день былъ чудесный, весенній. Дорога только-что просохла и по утрамъ на пробѣдкѣ не надыхивался. Прихожу на крыльцо, а баринъ тамъ кресло вынесено, и онъ сидитъ да покуриваетъ.

«— Приказали прійти!»—говорю ему.

«— Да! А какъ тебя звать?»

«— Никита.

«— Хочешь, Никита, у меня старшимъ кучеромъ быть, али нѣтъ?»—а сами смѣются.

— Шутить изволите! А меня точно кипяткомъ кто обдалъ. И не думалъ, не гадалъ парень молодой удостоится такой чести.

— Нѣтъ, не шучу, а надо только узнать еще, годнись ли ты! Сейчасъ попробуемъ!

„Хлопнулъ три раза въ ладоши. Это значило—казаку. Прибѣжалъ казачокъ, баринъ ему такой приказъ отдаетъ:

— Бѣги на конюшню. Прикажи въ дорожный, легонькій тарантасъ заложить тройку. Въ корень — „Могучаго“, а на пристяжку — „Бобыль“ и „Атласнаго“. Живо!

„Казачокъ побѣжалъ. Баринъ сидитъ, покуриваетъ, на меня не смотритъ. Стою просто самъ не свой. Никогда еще такой тройки не закладывали. Лошади выбраны самыя горячяя, какъ на подборъ, а „Бобыль“ еще за недѣлю передъ тѣмъ бѣговья дрожки разбилъ и волочилъ конюха. Много ли, мало времени прошло, доложить вамъ не могу, но вообще запрягали у насъ быстро, потому что все народъ былъ привычный, да и много его было. Только проходить это четверть часа, подають тарантасъ и на каждой лошади по два человѣка виситъ. Остаючись экипажъ нѣтъ никакой возможности, потому пристяжные бьются и съ коренникомъ грызутся. Приказалъ баринъ проехать мимо подъѣзда, одѣвъ на руку кнутъ да и говорить:

„— Никита! садись на сидѣнье, а я на козлы.

„Только проехалъ это мимо крыльца, мы оба разомъ съ нимъ вскочили, онъ какъ крикнетъ во всю мочь:

— Отпускай!

„Разомъ тройка привала, народъ отвалился, и мы въ ворота выскочили. Дорога гладкая и прямая, какъ стрѣла, чуть ли не на десятки версты. Собралъ баринъ вожжи въ лѣвую руку да и заработалъ кнутомъ. Лошади гордыя, ихъ не то кнутомъ, а вожжой никогда не трогали,—подхватили и повесли. Просто духъ замираетъ. Березы, что по краямъ дороги посажены, такъ и мелькаютъ. Духъ занимается. Стрѣлой летимъ, вотъ какъ въ сказкахъ говорится. Только вдругъ всталъ вамъ дѣдушка во весь ростъ, завизалъ вожжи узломъ, да какъ кипитъ ихъ на спину кореннику, почитай около самой дуги онъ легли. Окрепитель всю тройку еще разъ кнутомъ, повернулся ко мнѣ и говорить:

— „Доставай вожжи и останови тройку!

„А у меня ужъ куда испугъ дѣвался. Разгорѣлся весь отъ лихой ѣзды, на мѣстѣ не сидится. Потихоньку перелѣзъ баринъ на сидѣнье, а я — на козлы, а тройка все мчитъ, точно не знаетъ она устали. Дорога дѣлаетъ поворотъ, и у меня одна только мысль о томъ, не налетѣтъ бы на кого, — ну, тогда смерть неминуема. Но Богъ спасъ, точно все вымерло кругомъ. Надо вожжи доставать. Перекрестился и призвалъ Угодниковъ, и началъ опускаться. Сначала внизъ съѣхалъ, а потомъ одной рукой на оглоблю уперся и ну по ней лѣзть. Лѣвой рукой пригнѣваюсь, а правой силою узелъ достать, да онъ все дальше и дальше, къ самой шеѣ отходитъ. Придвинулся еще и ужъ весь я на оглоблѣ. Ногами въ тарантасъ упираюсь, а рукой держусь. Какъ я помѣтился промежъ двухъ лошадей, ужъ я этого понять не могу. А тройка все птицей летитъ. Слышу конята по мосту загремѣли и опять по дорогѣ дальше чешемъ. Выгнулся еще и досталъ узелъ. Опять тѣмъ же манеромъ потихоньку назадъ пробираться, да стараюсь вожжами не шевелить, а то какъ начнутъ задомъ бить, тутъ мнѣ и конецъ. Наконецъ, добрался до козелъ, ухватился за нихъ одной рукой, на другую все вожжи намоталъ, да какъ дерну — такъ у меня разомъ вся тройка и съѣла какъ вкопанная. Отъ лошадей паръ валитъ и дрожь по нимъ пробѣгаетъ. Вижу я, что моя взяла, повернулся къ барину, снялъ шапку да и говорю:

„— Домой прикажете?

„А онъ, весь блѣдный, лѣзетъ ко мнѣ обниматься, цѣлуетъ и бормочетъ:

„— Удружилъ, Никитушка, по гробъ съ тобой не расстанусь! Молодецъ!

„Повернулъ я тройку, и тихимъ манеромъ мы въ усадьбу и вернулись. Съ той поры я и сталъ старшимъ кучеромъ. Бывало, кто изъ сосѣдей къ намъ заберется, — а ихъ по прежнему времени къ вашему дѣдушкѣ много наѣзжало, да все лошадиники, — баринъ сейчасъ приказываетъ меня позвать да заставить рассказывать, какъ я тройку остановилъ. Да это еще что, не такое мы съ баринкомъ дѣльце обдѣляли!“

На этомъ Никита обыкновенно умокалъ и не объяснялъ, въ чемъ состояло дѣльце; и узналъ это гораздо позже.

Верстахъ въ двадцати отъ нашего имѣнія находилось помѣстье отставнаго генералъ-аншефа Ртищева. Поселившись въ деревнѣ, дѣдъ сдѣлалъ всея визиты и счелъ долгомъ представить именитому сосѣду. Генералъ-аншефъ принялъ его чрезвычайно любезно и заинтересовался даже его рассказами, такъ какъ самъ давнымъ-давно не былъ въ столицѣ, по сохранилъ тамъ нѣкоторый связи. Онъ былъ поклонникомъ екатерининской эпохи, чуть было не сдѣлалъ блестящей карьеры, да слишкомъ рано началъ валяничать да задирать носъ. Сильные люди, которымъ онъ могъ встать поперекъ дороги, выхлопотали ему чинъ, населенное имѣние и посоветовали поселиться тамъ. Ртищевъ понялъ, что его роль сыграна, и покорился. Въ губерніи онъ держалъ себя очень важно, избѣгалъ

знакомствъ и жизнь свою устроилъ совершенно на манеръ придворной: съ выходами, приемами и т. п. Онъ гордился своимъ отчужденіемъ отъ мѣстнаго общества, не замѣчая того, что этимъ крайне тяготится его дочь. Рано лишившись матери, она была воспитана гувернанткой изъ эмигрантокъ и мечтала если не о Парижѣ, то въ крайнемъ случаѣ о Петербургѣ. Воображенію ея рисовались изящные кавалеры въ кафтаняхъ со шпагами, въ напудренныхъ парикахъ, говорившіе пріятныя рѣчи. Она гуляла съ ними по парку, бесѣда остроумная, живая переносится съ одного предмета на другой при еле слышномъ лепетѣ фонтановъ и шопотѣ колеблемыхъ набѣжавшимъ эопротъ листьевъ. Часто при свѣтѣ полной луны, навѣвавшей особую таинственность, она мечтала, что вотъ на этой полянѣ, ярко освѣщенной холоднымъ блѣднымъ свѣтомъ, неожиданно покажется передъ ея окномъ фигура незнакомца, завернутаго въ плащъ. Въ тиши прозвучитъ одинъ аккордъ, за нимъ другой, и польется серенада. Умъ ослабѣлъ подъ растлѣвающимъ вліяніемъ французской литературы, а эмигрантка не переставала говорить о томъ Парижѣ, который стерли съ лица земли гордые и своевольные якобинцы. Она плакала, слушая процессъ Людовика, и въ болѣзненной экзальтациі желала бы умереть на эшафотѣ вмѣстѣ съ Маріей-Антуанетой. Эмигрантка говорила, что Парижъ возродится здѣсь, въ Россіи, и какъ доказательство приводила пророческія фразы изъ лѣстивой переписки Фернейскаго отшельника, что свѣтъ прійдетъ съ сѣвера. Но мечты оставались мечтами. Забѣжавшіе помѣщики очень мало походили на придворныхъ двора Людовика XVI и кромѣ того были всея силою женаты.

Однажды, когда дѣвушка гуляла съ тоникомъ писемъ мадамъ де-Стааль, лакей доложилъ, что отецъ проситъ ее въ гостиную. Она сама не знала, почему, но сердце ее забилось тревожно и, можетъ-быть, вслѣдствіе этого, а, можетъ-быть, и отъ быстрой ходьбы, но когда ей представили молодого сосѣда, затянутаго въ красный мундиръ, щекъ ея были краснѣе обыкновеннаго. Разговоръ не вязался. Бесѣду велъ больше ея отецъ, низкій басъ котораго разносился по комнатамъ, ему отвѣчалъ нервный, вздрагивающій теноръ гостя, моего дѣда. Послѣ короткаго визита онъ уѣхалъ, но черезъ нѣсколько дней обѣдалъ у нихъ по приглашенію отца. Гувернантка завела съ нимъ разговоръ и была поражена его французскимъ выговоромъ. Онъ напомнилъ ей ея милую Францію, о которой она тосковала, но куда вернуться не могла, не влѣдствіе политическихъ убѣждений, а просто потому, что у нея не было денегъ. Послѣ обѣда генералъ отправился спать, нависившись передъ гостемъ. Молодые люди перенесли въ залъ. Разговоръ зашелъ о литературѣ, и офицеръ очень мило продекламировалъ хорошенькое стихотвореніе, въ которомъ чрезвычайно тонко говорилось о любви. Затѣмъ подъ аккомпаниментъ клавесина онъ сыгналъ романсъ. Гувернантка была имъ совершенно очарована, и вечеромъ, когда ея воспитанница уже совсѣмъ засыпала, она пересѣла къ ней на постель и начала говорить о томъ, что молодой человѣкъ вполне подходящая для нея партія.

— Вы будете со мной откровенны? — спрашивала она свою воспитанницу, мечтая съ жадностью старой дѣвы, какъ она будетъ слѣдить за всѣми перинетіями зарождающагося романа.

— Конечно!

— И ничего не скроете отъ меня?

— Ближусь вамъ!

Но клятвы своей Аглая Андреевна не сдержала и не рассказала своему другу о томъ, какъ черезъ мѣсяць во время прогулки офицеръ обратилъ ея вниманіе на цвѣтокъ, около котораго вилась и жужжала пчелка.

— Что бы вы желали этой пчелкѣ, — спросилъ онъ ее: — чтобы она улетѣла или осталась около прелестнаго цвѣтка навѣкъ?

Аглая Андреевна молчала.

— Я жду вашего отвѣта! — сказала онъ, и въ голосѣ его слышалось что-то совсѣмъ не шуточное.

Она подняла на него свои большіе чистые глаза и прошептала:

— Пускай остается!

— Навсегда?

— Да! — повторила она, какъ эхо.

Какая-то волна подхватила ее и сладко заплескалась около самаго сердца. Она на секунду закрыла глаза, и когда открыла ихъ вновь, то увидала его на колѣняхъ, страстно цѣловавшаго ей руки и клявшагося въ любви.

— Сегодня же буду просить вашей руки.

— Только не сегодня!

— Почему?

— Папа весь день сердится!

И дѣйствительно, генералъ былъ сильно не въ духѣ. За сегоднѣ онъ высказалъ желаніе послѣ Новаго года отправиться въ Петербургъ и посмотреть его.

— Говорятъ, онъ сталъ лучше, — проницески замѣтила вѣрный слуга Великой Императрицы: — да и Аглая цужень женихъ!

— А развѣ здѣсь нѣтъ? — спросилъ гость и посмотрѣлъ прямо въ лицо хозяйки.

Первый посьвъ. Съ карт. п. Стахевича грав. Бонгъ.

Рыбани. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) К. Фельдмана, грав. Шлперъ.

Тотъ, видимо, понялъ его, еще болѣе нахмурился и огры-
стыло отвѣтилъ:

— Не замѣчалъ что-то!

Влюбленнымъ стало ясно, что ихъ дѣло проиграно. Насту-
пила дождливая осень. Дѣдъ мой, вслѣдствіе непролозанной грязи,
сталъ бывать у генерала рѣже, но это не мѣшало влюблен-
нымъ обмѣниваться записками. Никита скакалъ верхомъ и въ
условномъ мѣстѣ находилъ маленькіе пакетики, сложенные
треугольниками, съ печатью, изображавшей амура, приложен-
наго въ знакъ молчанія персть къ устамъ. Дѣдъ мой, убѣдив-
шись, что онъ дѣйствительно серьезно любитъ свою хороше-
ную сосѣдку, рѣшился дѣйствовать энергично. Воспользовав-
шись минутой, когда они остались вдвоемъ, когда гувернантка
предусмотрительно вышла, а генералъ крихтѣлъ въ своемъ каби-
нетѣ на диванѣ отъ подагры, онъ поставилъ ребромъ вопросъ
о бѣгствѣ и къ удивленію своему услышалъ, что она уже давно
мечтаетъ объ этомъ, но только не рѣшалась сказать ему объ
этомъ первая. Они условились о днѣ и часѣ. Аглая должна
была выйти въ сумерки послѣ обѣда къ калиткѣ сада. Между
тѣмъ установился чудный санный путь, и Никита съ грустью
посматривалъ на него. Лошади засогнали, а баринъ, повиди-
мому, и не собирался ѣхать къ сосѣдямъ. Вечерело. Онъ уже
собирался было поулннать и завалиться спать, какъ приближалъ
казачокъ и приказалъ ему явиться въ кабинетъ. Хотя страху
въ немъ прежняго не было и баринъ имъ всегда былъ доволенъ,
онъ никогда не могъ побѣдить въ себѣ той робости, которая
охватывала его всегда, когда онъ переступалъ порогъ господ-
ской комнаты. Робость эта увеличилась еще при видѣ встре-
вленного лица барина.

— Выручи, Никитунка!—сказалъ онъ такимъ голосомъ, ко-
торого тотъ еще никогда не слышалъ.

Любвеобильное сердце кучера дрогнуло.

— Чего изволите?

Дѣдъ въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.
Со священникомъ все улажено, и онъ будетъ ядуть ихъ се-
годня вечеромъ. Нужно заложить лихую тройку и не спаса-
вать въ случаѣ погони. Лихой замыселъ увлекъ Никиту, любив-
шаго всякаго рода удачу. Черезъ полчаса онъ съ бариницею
уже выѣхали за ворота усадьбы. Хотя луны не было, но отъ
снѣгу дорога видѣлась хорошо, и они скоро добрались до
условнаго мѣста. Подъѣхали шагомъ и замерли въ ожиданіи.
Помѣнчившій дождь еще свѣтился огнями. Можно было разли-
чить, что огонь горитъ въ кабинетѣ, въ столовой и въ ком-
натѣ у барышни. Генералъ дремалъ на своемъ широкомъ ди-
ванѣ, а гувернантка, ничего не зная о замыслѣ, какъ
нарочно мучилась зубами. Аглая Андреевна чувствовала, что
сердце ея бьется такъ сильно и громко, что ей оставалось
только удивляться, какъ этого не слышитъ французенка.
Часы въ залѣ глухо пробили. Условный часъ насталъ. Она
поднялась и была уже въ дверяхъ, какъ ее остановилъ го-
лось гувернантки:

— Куда вы?

— Приказать подать воды!—отвѣтила та дрожащимъ голо-
сомъ и, не помня себя, вышла.

Внизу подъ лѣстницей она еще днемъ запрятала свою шубку.
Въ ухахъ стучало. Ей казалось, что весь домъ уже знаетъ о
ея бѣгствѣ, и она бросилась въ подъѣздъ и стукнула во всю
мочь дверь. Кто-то подхватилъ ее на руки и понесъ. Разбу-
женный стуконъ двери ночной сторожъ сначала встучалъ-

было въ чугунную доску, но затѣмъ бросился за удалявшейся
черной фигурой. Догналъ онъ ее въ тотъ моментъ, когда они
уже сѣли въ сани. Онъ бросился тогда къ кучеру.

— Чего лѣзешь?—грубо оттолкнулъ его Никита съ такой си-
лой, что тотъ упалъ на землю, и когда пришелъ въ себя, то
тройка была уже далеко.

Никита хорошо зналъ свою тройку и вѣрилъ въ ея силу и
потому когда дѣдушка послѣ безчисленныхъ поцѣлуевъ при-
шелъ, наконецъ, въ себя, то къ ужасу своему увидѣлъ, что они
сбились съ пути, такъ какъ дороги не было. Онъ въ бѣшенствѣ
схватилъ Никиту за плечо и началъ трясти.

— Куда ты везешь меня!—закричалъ онъ.

Тотъ, не оборачиваясь, ударилъ по лошадамъ. Дѣдъ повто-
рилъ свой вопросъ.

— Не извольте беспокоиться. Мы, дѣйствительно, не по до-
рогѣ ѣдемъ, а цѣлной, такъ вдвое ближе!

— Да тройка выдержитъ?

— Нама-го?—удивился Никита. Прикрикнувъ на лошадей,
и онъ помчался еще быстрее.

Черезъ часъ тройка остановилась около храма, горѣвшаго
огнемъ. Дѣдушка высадилъ свою невесту и сказалъ Никитѣ:

— Сто рублей за мной!

— Благодаримъ! При такомъ господствѣ не нуждается!—и
пустилъ тройку, отъ которой густыми клубами шель паръ, ша-
гомъ.

Вѣнчаніе совершилось благополучно, и Никита первый по-
здравилъ молодыхъ. На другой день, по заведенному обычаю,
они отправились къ отцу просить прощенія. Генералъ-аншефъ
встрѣтилъ ихъ сначала сурово, но затѣмъ не выдержалъ, рас-
плакался и началъ благословлять. Нѣсколько времени спустя
они сознали, что ужъ давно мечтали о такомъ зятѣ. И опять
Никиту звали и заставляли рассказывать о томъ, какъ онъ
ѣхалъ цѣлной. Французенка долго не могла простить своей
бабушкѣ ея скрытности.

— Вы мнѣ клялись,—упрекала она ее.

— Что дѣлать!

— Такъ друзья не поступаютъ!

— Зато теперь я уже ничего не буду отъ васъ скрывать!—
разсѣялась Аглая Андреевна и обняла сухощавый станъ эми-
грантки.

Французенка хотѣла тоже увидѣть Никиту, подивилась его
росту и похлопала его по плечу, для чего приподилась на цы-
почки. Всѣ хвалили его, кромѣ ночного сторожа, который даже
много лѣтъ спустя не могъ забыть полученнаго имъ удара.

— Ну, ужъ, Никитунка,—говорилъ онъ:—и кулакъ у тебя!

— А что?

— Я думалъ, ты меня гирей хватилъ!

Таково было дѣльце, обдѣлшное Никитой, о которомъ онъ,
со свойственной ему скромностью, всегда молчалъ. Никита до-
жилъ до глубокой старости и пережилъ крѣпостное право, къ
отмѣнѣ котораго отнесся довольно равнодушно. Весь онъ былъ
въ проломъ и цѣлыми днями сидѣлъ на крыльцѣ и глядѣлъ
куда-то въ даль. Что рисовало ему въ эти минуты его воображе-
ніе? Несущуюся по дорогѣ тройку, которую онъ останавливалъ
богатырской рукой, или морозную ночь, когда они вдвоемъ под-
жидали барышню. Никита грустилъ о томъ, что ибѣтъ настоя-
щихъ лошадиниковъ и что кучера теперь уже совсѣмъ не тѣ.

— Да и господа уже не орлы!—говорилъ онъ, поводилъ
брезгливо губами и трясъ давно уже пожелтѣвшей бородой.

По полярному краю.

Путевые наброски В. Юхельсона.
(Съ рис. на стр. 395).

Около трехъ лѣтъ я путешествовалъ по порученію гео-
графическаго общества по крайнему сѣверо-востоку обшир-
ной Якутской области, побывавъ въ нѣкѣхъ еще не посѣщен-
ныхъ мѣстахъ: на тундрѣ и въ области предѣла древесной
растительности, на голыхъ полярныхъ хребтахъ и въ зонѣ
высокоствольныхъ лѣсовъ, испытавъ всевозможные способы
передвиженія и всѣ крайности температуръ, ознакомившись
съ бытомъ и правами весьма разнообразныхъ и столь разли-
чающихся между собой племенъ, какъ якуты, тунгусы, ламуты,
юкагиры, чукчи, карикя и др., и сдѣлавъ наблюденія надъ
явленіями природы полярнаго края.

Условія жизни въ этомъ далекомъ краѣ исключительны,
природа сурова и своеобразна, племена почти не изучены, и
исторія ихъ малозвѣстна.

Цѣлью предлагаемыхъ набросковъ познакомить любознатель-
наго читателя, не-этнографа, въ рядѣ небольшихъ популяр-
ныхъ разсказовъ, со своимъ наблюденіемъ, выбравъ наибо-
лѣе интересные и характерные для мѣстныхъ особенностей
факты и иллюстрировавъ ихъ снимками.

Можетъ-быть, мои наброски въ большей или меньшей сте-
пени освѣтятъ природу и жизнь далекаго и угрюмаго поляр-
наго края.

I.

Желѣзная дѣвушка.

Изъ западу отъ рѣки Алазеи и въ 130 верстахъ къ сѣверу

отъ казеннаго тракта между поселками Верхолинскомъ и Ко-
лымскомъ (именующимися городами по какому-то недоразумѣ-
нію) лежитъ урочище Карактахъ. Оно состоитъ изъ нѣсколь-
кихъ юртъ, расположенныхъ вокругъ озера, и находится уже
на границѣ лѣсовъ. Чахлое, притупленное мелкоколѣрье, удо-
ливалъ выродившаяся лиственница и низкорослый ползучій
кустарникъ — плохая преграда отъ морскихъ и тундренныхъ
вѣтровъ, и якутскіе поселки сѣвернаго предѣла скотоводства
зимомъ совершенно замираютъ снѣгами. Только искры ка-
мельковъ, вылетающія будто изъ-подъ земли, да тальнико-
вые вѣтви, засыпанные валами снѣга, показываютъ, что подъ
этими сугробами ютится жизнь человѣка. Всякому жителю
притупленной холмы, открытой тундры или побережья хо-
рошо знакомы опасности зимней пурги, когда путникамъ при-
ходится порой по двое и по трое сутокъ отлеживаться вмѣстѣ
съ собаками, пока буря не стихнетъ. Каждую зиму то въ
одномъ, то въ другомъ мѣстѣ какой-нибудь застигнутый пу-
ргой несчастливецъ засыпается навѣки подъ пушистымъ и
мягкимъ пологомъ.

Въ занесенныхъ снѣгомъ юртахъ подъ трескъ камельковъ
разсказываются безконечныя повѣствованія о счастливыхъ и
несчастливыхъ приключеніяхъ этого рода. Я тоже слышалъ ихъ
не мало, но сонъ *Тимиръ-Кисъ* (желѣзной дѣвушки) въ ея изъ-
номъ замѣтъ превосходить всѣ эти разсказы и прямо грани-
читъ съ областью чудеснаго. Я не повѣрилъ бы ему, если бы

не гдѣла самую героиню и не провѣрилъ ея словъ разсказами очевидцевъ, сродниковъ ея, откопавшихъ ее изъ-подъ снѣга и покаями вырубившихъ ее изъ ледяного гроба. Полагаю, что случай этотъ заслуживаетъ вниманія не только любознательнаго читателя, но и ученыхъ изслѣдователей.

Теперь *Тимирь-Кысь*—цвѣтущая молодая женщина съ румянцемъ и здоровымъ круглымъ лицомъ. Она замужемъ, и у нея есть ребенокъ. Но и теперь еще въ ея лицѣ сохранился тотъ особый отпечатокъ, которымъ отличаются люди, перенесшіе въ своей жизни сильное испытаніе. *Тимирь-Кысь* часто впадаетъ въ задумчивость, и въ ея пріятныхъ чертахъ виднѣется какая-то застѣнчивость, а порой выраженіе испуга. Во время своего разсказа она стыдливо закрывала глаза длинными рѣсницами, и ея верхняя приподнятая губа нервно надрагивала. Все это придавало ея монгольскому лицу какую-то особенную тонкость и интеллигентность.

Крестное имя Тимирь-Кысь—Екатерина; теперь, по мужу она носитъ фамилію Кокориной. Отца она лишилась рано, и мать ея вышла замужъ вторично. Отчимы все одинаковы. Подрядившись купцу Кононыгину отвезти кладь съ урочища Келіе на урочище Карактахъ, отчимъ 17-лѣтней Екатерины послалъ ее съ кладью, несмотря на разыгравшуюся непогоду.

Дальше пусть разсказываетъ сама Тимирь-Кысь: «Это было между Спиридономъ и Николой (30-го октября—6-го декабря). Солнце не показывалось, и короткій день—однѣ сумерки, по днемъ все-таки видно. Я выѣхала—начало мерцать. Я ѣхала верхомъ, а нарту волокла на ремнѣ, перекинутомъ черезъ луку сѣдла (шюй упржи въ тѣхъ мѣстахъ не знаютъ). Отъ Келіе до Карактаха шесть *кѣсь* (60 верстъ)—день хорошей ѣзды. Я хотѣла ночевать въ дорогѣ—въ 30-ти верстахъ есть одно жилище; другихъ людей нѣтъ до самаго Карактаха.

«Еще передъ выѣздомъ началась небольшая „погода“ (*ардэхъ*), но въ пути вѣтеръ утихнулъ и занесъ дорогу. Настала пурга, съ туманомъ, снѣгомъ. Ничего не видать впереди, снѣгъ закрываетъ глаза. Скоро стало темно, и я совсѣмъ потеряла всякій слѣдъ—не знаю, въ какую сторону ѣхать. Я остановилась, отстегнула нартенный ремень съ сѣдла, привязала копы за поводъ къ нартѣ и легла. Долго на нартѣ лежала, не могла заснуть; такъ всю длинную ночь пролежала—до свѣту. Пока лошади была, и не боялась: все-таки не одна. Лошадь была на привязи, всю ночь безъ корму, голодная, вѣтеръ ее пробралъ, и она тряслась отъ холода, какъ и я.

«Когда стало свѣтать, я накинута нартенный ремень на сѣдло и хотѣла съѣсть на коня, но непереносимая дрожавшая лошадь вырвалась и убѣжала вмѣстѣ съ нартою. Я бросилась за ней, но по глубокому снѣгу не могла догнать. Въ снѣжномъ выхрѣ она скоро скрылась изъ виду. Я пошла по ея слѣду, но и слѣдъ скоро потерялся: вѣтеръ быстро занесъ снѣгомъ. Это было на озерѣ *Эмборжъ*. Все хожу по озеру, ищу дороги, ищу конскаго слѣда. Взадъ и впередъ бплась—ничего не видать. День и ночь такъ ходила, искала, обезсилѣла. Поставлю въ снѣгъ ногу и не могу ее вытащить, силъ нѣтъ. Не могу больше ходить—легла: на берегу озера легла, у дерева.

«Какъ легла, такъ сейчасъ и заснула. Долго ли спала—не знаю.

«Пробудилась—дышать трудно, ни въ какую сторону не могу пошевелиться, всю снѣгомъ завалило. Я лежала на правомъ боку. Не могу повернуться, дышать. Стала плакать. Наконецъ лѣвую руку высвободила, съ лица снѣгъ смела. На лицѣ снѣгъ былъ мокрый, таялъ. Потомъ подняла руку вверхъ и стала ковырять. Указательный палецъ дошелъ до самаго верху: я почувствовала струю холоднаго воздуха и стала свободно дышать.

«Но было темно, стояла глубокая ночь, и погода все бушевала въ темнотѣ.

«Когда немного разсвѣло, я увидѣла надъ собой прокопанную пальцемъ дырочку. Черезъ нее проникалъ слабый свѣтъ, но небо не было видно: туманъ и пурга продолжалась. Снѣгъ все запосылъ мое окно, а я все снова пальцемъ прогнѣвала. Лежу—все плачу. Голода и холода не чувствую, но жажда мучила

меня. Беру лѣвой рукой въ ротъ снѣгъ, но жажда не утихаетъ. Лежу, плачу и думаю: „еслибъ кто-нибудь нашелъ меня? Но какъ пойдетъ—замѣтитъ?“ Спала ли я и сколько спала за все время,—не знаю. На половину я была безъ чувствъ, но видѣла какъ свѣтаетъ, потомъ темнѣетъ и снова свѣтаетъ. Нѣсколько разъ день и ночь мѣнялись. Сколько разъ—не знаю. Холода я не чувствовала, было тепло. На третій, кажется, день погода прекратилась. Показался кусочекъ неба и ночью я видѣла звѣзды. Отверстіе больше не заносило снѣгомъ. Лежу и прислушиваюсь: не слышно ли что, не идетъ ли кто, не ѣдетъ ли кто? Все тихо, только вѣтеръ шумитъ, и скрипитъ мерзлыми деревьями.

«Наконецъ,—на который день не знаю,—я услышала надъ собой неопредѣленный шумъ, потомъ шаги. Обрадовалась, стала кричать: „вотъ я, здѣсь, подъ снѣгомъ, жива!“ Голосъ мой ослабѣлъ,—думала я:—но все-таки услышатъ. Однако шаги стали удаляться, потерялись. Все стихло. Снова страшно стало, опять начала плакать. Черезъ нѣкоторое время я опять слышу скрипъ шаговъ по снѣгу, много шаговъ, потомъ слышу голоса, людскіе голоса. Потомъ въ отверстие мелькнулъ красный шарфъ. Я закричала: „вотъ я, живая“. Кричу и плачу. Потомъ, слышу, наверху закричали: „Вотъ она лежитъ, здѣсь!“ Обрадовалась. Жду. Кричу: „не уходите, не оставляйте“. Потомъ, слышу, снѣгъ разрѣбаютъ. Вдругъ увидѣла небо, людей, своихъ родичей. Трое ихъ было. Одинъ въ красномъ шарфѣ. Сняли съ меня снѣгъ, а шевелиться я не могу. Я лежала въ ледяномъ корытѣ изъ растаявшаго снѣга, а потомъ замерзшаго снѣга. Заледѣвшая и промерзшая одежда была тверда, какъ древесная кора. Руки и ноги заоченьли. Волосы прилипли ко льду. Ледъ кругомъ меня осторожно отбивали пожами, чтобы освободить меня.

«—У васъ если чай есть, дайте мнѣ,—сказала я:—васъ увидѣвши, теперь хоть умру.

«Положили меня на нарту, завернули въ теплую одежду и повезли домой. Вскачь поѣхали. Это было 20 верстъ отъ дому. Въ дорогѣ я на все смотрѣла, все видѣла.

«Когда внесли въ домъ, на мнѣ всю одежду разрѣзали, сняли, но руки и ноги заоченьли, и я не могла ихъ разогнуть. Правая рука къ груди была прижата, колѣни были согнуты, одно выше, другое ниже. Такъ меня завернули въ заячье одѣяло и оленьи шкуры. Потомъ мнѣ дали чай съ „живой кровью“. Привели въ юрту теленка, разрѣзали у него ухо и подставили чашку. Безъ „живой крови“,

говорить, нельзя спасти человѣка.

«Какъ выпила, такъ и въ глазахъ свѣтлѣе стало. Раньше людей, какъ сквозь дымъ видѣла, теперь ясно стала видѣть. На другой день члены немного расправились, но только на пятый день я могла свободно правой рукой креститься. На десятый день стала ходить. Раньше, когда вставала, падала. Въ первые дни меня поили чаемъ съ кровью и кормили немножко. Кормили мелкими кусочками мяса изъ *бэмчингъ* (икры). На четвертый день мнѣ дали курить, и на сердцѣ легко сдѣлалось.

«Потомъ поправилась, совсѣмъ здорова стала. Долго я болела удалиться отъ юрты. Въ худую погоду и теперь не хожу нигуда, хоть и близко. Вотъ такъ было дѣло“.

Въ дополненіе къ разсказу Тимирь-Кысь я прибавлю разсказъ одного изъ трехъ якутовъ, нашедшихъ ее.

«Прѣхалъ на Карактахъ кунецъ. Говорить: завтра утромъ дѣвка будетъ, съ кладью. На завтра день пролежалъ, вечеръ насталъ, ночь наступила, а дѣвки нѣтъ. Пурга поднялась. Говоримъ: „дѣвка заблудилась, надо людей послать.“ Послали двухъ человѣкъ. Они нашли на озерѣ лошадь съ нартою. Дѣвки нѣтъ. Искали ее—не могли найти. Искали ее мертвую, не думали, что найдемъ ее живую. Восемь дней искали. Въ послѣдній день три человѣка пошли, и я тутъ былъ. Нашли мы большую застругу *). Поднялись, стоимъ, слышимъ гдѣ-то человѣкъ плачетъ. Сняли свои зимнія шапки съ наушниками и стали слушать: гдѣ-то далеко плачетъ, но съ которой стороны

*) Застругами называютъ на тундрѣ и на Ледовитомъ океанѣ громадныя снѣжные вали и гряды, образуемыя вѣтрами. По застругамъ всегда можно узнать направление ранише дующихъ вѣтровъ, и вся поверхность тундры и океана напоминаютъ собой выпуклую карту швейцарскихъ горъ съ параллельными или пересѣкающимися бѣлыми гребнями.

Тимирь-Кысь. Желѣзная дѣвушка.
Съ фот. автотипія „Нива“.

слышно—не знаем. В одну сторону пошли—голосъ потерялся, не слышно стало. Снова вернулись на застругу, снова слышимъ плачь. В другую сторону пошли, в третью сторону пошли—три раза вадъ-впередъ ходили, вездѣ голосъ терялся. Послѣ этого съ заструги не стали больше сходить, скинули шанки, наставили уши, стали слушать, принадлеать къ землѣ, искать по сѣбѣ. Вдругъ увидѣли круглую дырку, зазеленѣвшую, величиной въ серебряный рубль. Посмотрѣли—по ничево сначала не увидѣли, только услышали голосъ: „я жива, я здѣсь“. — „Живал?“ спрашивается. — „Живал“, говоритъ, „но хочу помреть“. Отверстіе къ низу расширилось, какъ воронка, въ которую кунцы льютъ водку.

„Такъ мы ее откапали, вырубилл. Руки у нея были голы, голова обнажена. Рукавицъ и шанки мы и не палили. Видно раньше потеряла.

„Послѣ уже, когда мы ее открыли, прибавилъ рассказчикъ, и тогда только замѣтилъ, что на томъ мѣстѣ верхушка лиственницы закуржевѣла, постѣла. Такъ бываетъ надъ отдушиной зимней медвѣжьей берлоги. Отъ его духу на деревѣ бѣлая борода вырастаетъ. Мы это раньше не смогрѣли, не замѣтили, не догадались. Человѣкъ, что медвѣдь—оба дышаше пускаютъ.“

Съ весеннею ласточкою.

Изъ Тавастшервы.

Милая ласточка! Любишь ты въ высь,
Въ синюю высь уноситься;
Будь сострадательна: къ милой помчись,
Вѣстникомъ лѣта бѣдняжкѣ явись,
Пусть ея взоръ прояснится!

Милая ласточка! Крылышкомъ ты
Нѣжно коснись ея щечки,
Съ липы стряхни на нее ты цвѣты,
Пусть ей навѣютъ о счастья мѣчты
Бѣлые эти цвѣточки!

Милая ласточка! Если она
Спрашивать что-нибудь станеть,
Ты ей скажи, что морская волна

Шепчетъ о встрѣчѣ, чиста и ясна,
И въ край далекій насъ манить.

Милая ласточка! Милой ты спой
Пѣснь о любви безконечной:
Ею вѣдь дышитъ просторъ міровой,
Дышитъ и солнечный лучъ золотой,
Дышитъ и вѣтеръ безпечный.

Милая ласточка! Жизнь есть полеть,
Пой это людямъ, ликуя:
Горе людское пусть это пойметъ,
Крылья распустишь и смѣло рискнетъ
Къ небу взлетѣть, торжествуя!

Н. Новичъ.

Къ рисункамъ.

Картина пѣмедкаго жапривста Бредта переноситъ насъ въ одинъ изъ уголковъ Аравіи. Вдали видѣются бѣлыя каменные очертанія азиатскаго города, залитаго горячими лучами южнаго солнца. Тропическія пальмы бросаютъ едва замѣтную тѣнь. Воздухъ жгучій, сухой; въ прозрачной стоячей водѣ отражается съ необыкновенной отчетливостью вся береговая линия, какъ въ зеркалѣ. Центръ картины — плывущая лодка. Перевозчикъ, очевидно, направляетъ лодку къ городокой пристани. Двѣ негрятинки безучастно сидятъ, повидимому, ни о чемъ не думая; только красивая черноокая аравитянка о чемъ-то глубоко задумалась, не отрывая глазъ отъ спокойной водной поверхности. Ея маленькая сестра занялась цвѣтами лотоса и ловить ихъ ручкой, стараясь сорвать хоть одинъ. Она совѣмъ перегнулась черезъ бортъ, а цвѣтокъ все не даетъ. Картина дышитъ чисто-восточною поэзіею.

„Въ полночь Господь поразилъ всѣхъ первенцевъ въ землѣ Египетской, отъ первенца Фараона, сидѣвшаго на престолѣ своемъ, до первенца-узника, находившагося въ темницѣ... И всталъ Фараонъ ночью самъ и всѣ рабы его, и весь Египетъ; и сдѣлали великій вопль (во всей землѣ) Египетской; ибо не было дома, гдѣ не было бы мертвеца.“ Эти слова Библии (Исходъ, гл. XII, 29—30), очевидно, и послужили темой для картины мистрисъ Меррѣ-Куклэ: „Смерть первенца“, красавшейся на выставкѣ англійскихъ художниковъ и обращавшей на себя внимание не только драматизмомъ сюжета, но и выдающейся техникой письма. Вся окружающая обстановка, костюмы, строго вѣрные изображаемой эпохѣ, невольно переносятъ насъ въ тѣ давнія времена и воскрешаютъ передъ нами одну изъ страшныхъ сценъ казни, исполненной Господомъ на Фараона и египтянъ.

Риальто — одинъ изъ главнѣйшихъ центровъ Венеціи. Тутъ вѣчный шумъ, веселая толпа ликующаго народа, начинала съ нижнихъ ступеней моста, гдѣ находится нѣкоторое подобіе рынка, и кончалъ лавками наверху, гдѣ ютится вся оригинальная промышленность Венеціи. Въ аркады моста видѣется перспектива Большого канала съ дворцами, окруженными мраморными колоннами; горячее солнце играетъ въ голубыхъ водахъ лагуны; музыка, пѣсни, беззаботный смѣхъ и крики продавцовъ, восхваляющихъ свой товаръ, сразу подымаютъ вашу нервную систему и заражаютъ васъ весе-

Спрашивается, какимъ образомъ не умерла дѣвушка отъ голоду или не замерзала?

У насъ принято за аксіому, что въ полярномъ климатѣ отъ частаго вдыханія холоднаго воздуха горбѣе, обмѣнъ совершается въ организмѣ человѣка энергичнѣе, чѣмъ у насъ; поэтому пужно вводить въ организмъ много топлива, нужна жирная пища.

На самомъ дѣлѣ это не совѣмъ такъ. Полярный житель, правда, можетъ много есть, онъ любитъ жиръ, но онъ можетъ также въ самые жестокие морозы проводить на охотѣ 2—3 дня безъ всякой пищи и сохранять бодрость духа, словно холодъ дѣйствуетъ на его тощій организмъ, какъ алкоголь на желудокъ, возбуждая пищевареніе въ малейшихъ дозахъ и замедляя процессы питанія въ большихъ.

Мы знаемъ физиологію и гигиену культурнаго человѣка умѣренныхъ странъ, но у насъ еще нѣтъ данныхъ для сравнительной физиологіи народовъ различныхъ широтъ. Поэтому дѣвушка, проведенная безъ пищи, на морозѣ (какъ бы ни было тепло подъ сѣтломъ, но температура была тамъ ниже нуля) 9 сутокъ и оставшаяся въ живыхъ, является феноменомъ, заслуживающимъ вниманія ученыхъ.

лостью. На мосту обиліе столиковъ, гдѣ разставлены груды разнообразнаго товара: коралловые и мозаичныя бездѣлушки, талисманы, лѣкарственныя снадобы, притиральныя, frutti di mare (раковины, моллюски, заглусты) и т. п. Мостъ на Риальто возобновлялся нѣсколько разъ. До 1180 г. съ одного берега Большого канала на другой перевозили на лодкахъ, затѣмъ былъ выстроенъ сначала плывучій мостъ на судахъ, а впоследствіи деревянный, уничтоженный въ эпоху митежа 1310 г. и вновь возобновленный, хотя онъ не надолго. Въ 1450 г. во время торжественной встрѣчи, устроенной въ честь маркграфа Феррарскаго, мостъ обрушился подъ тяжестью народа, переполниваго Риальто. Высто него былъ возведенъ новый, также не надежный, и только въ 1589 г. былъ сооруженъ каменный, который просуществуетъ еще вѣка. Это чудное сооруженіе, исполненное архитекторомъ Антонио-де-Поите по рисунку Микель Анджелло Буонаротти, соединило оба берега Большого канала громадною аркою въ 89 вен. футовъ длины и 67 ширины, которая покоится на двухъ грандіозныхъ устояхъ (6,000 свай въ каждомъ). Мостъ отдѣланъ негрійскими мраморомъ.

Хоть ночь не пришла, но все небо кругомъ
И волны угрюмыя стали темнѣе,
Глухой ужъ доносится издали громъ,
И тучи косматыя лѣзутъ, чернѣя“.

Налетѣлъ страшный, губительный шквалъ. Вѣдний плоть отдавъ на жертву разъяренной стихіи. Но, къ счастью, послѣ бури нашлась помощь. Погибающимъ брошенъ канатъ. Одинъ изъ нихъ, борясь съ усталостью, шенца горячій молитвы похолодѣвшими губами, медленно поднимается по мокрому канату обезпеченными руками. Тучи стали расходиться; солнечные лучи прорвались сквозь нихъ и освѣтили картину стихающаго моря; бѣлыя чайки высоко поднялись надъ бездною. Становится жутко при взглядѣ на это высоко-художественное произведеніе нашего знаменитаго мариниста Айвазовскаго.

Въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ, особенно въ Польнѣ, еще до сихъ поръ сохранился древній обычай совершать первый поствъ съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ обрядовъ. Всплывши землю, обыкновенно прикрѣпляютъ къ тремъ деревянымъ палкамъ, соединеннымъ двумя перекладинами и увязаннымъ цвѣтами, по восковой свѣчѣ, растлаютъ передъ ними

широкое полотенце и, придавив его съ четырехъ сторонъ камнями, кладутъ большой хлѣбъ и тутъ же ставятъ мѣшокъ съ зерномъ. Передъ поѣвомъ зажигаютъ свѣчи, молятся и приступаютъ къ дѣлу. Художникъ Стахевичъ изобразилъ на своей картинѣ именно этотъ моментъ. Лицо сѣятеля—серьезное, сосредоточенное. Онъ проникнутъ важностью предстоящей минуты и какъ бы отдаетъ себя въ руки Провидѣнія. Колѣпо-преклоненная фигура другого крестьянина подна молитвеннаго настроенія. Онъ проситъ Бога послать хорошей урожай: „Уроди мнѣ, Боже, хлѣбъ—мое богатство!“

*

На берегу судоходной рѣчки рыбаки сдѣлали привалъ и занимаются варкой ужины. Они довольны сегодняшнимъ уловомъ и могутъ свободно вздохнуть, сознавая, что ихъ трудъ не пропасть даромъ. Въ воздухѣ тихо и приятно; дышится легко, а на рѣкѣ — „какая гладь!“

Лѣсистыхъ береговъ обрывы и изгибы,
Какъ зеркаломъ, водой повторены.
Вездѣ Полоски свѣтлыя отъ плещущейся рыбы
Иль ласточекъ, крыломъ коснувшихся къ водѣ..“

Въ отдаленіи мелькаютъ барки и пароходъ, и черный дымъ широкой лентой вьется по синему небосклону.

Вильямъ Гладстонъ.
(Портр. на этой стр.).

Телеграфъ принесъ извѣстіе, глубоко опечалившее

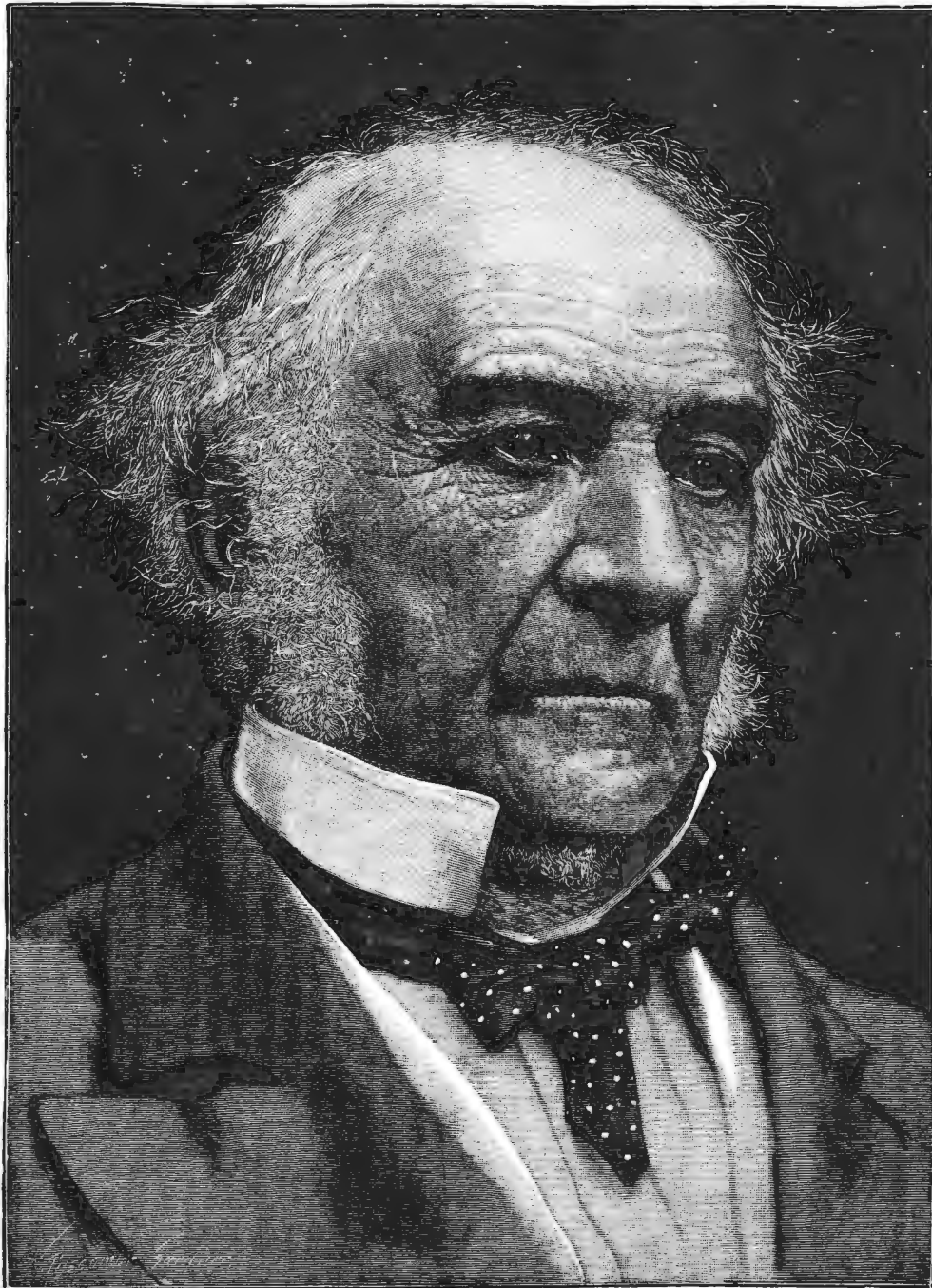
весь цивилизованный міръ. Умеръ Вильямъ Гладстонъ. Смерть „великаго старца“, какъ его почтительно называли его соотечественники, явилась не внезапно, подкаралась не быстро къ бодрому еще дѣятелю, а постепенно подходила къ организму, правда, очень крѣпкому, но сраженному педугомъ и ослабленному годами. Гладстонъ умеръ такъ, какъ жилъ. Это была кончина идеальнаго христианина. Гладстонъ не умиралъ, онъ мало-по-малу уходилъ изъ жизни, все болѣе и болѣе удалаясь въ лучший міръ. Въ полномъ сознаніи, съ совершенно яснымъ духомъ, съ горячей, непоколебимой вѣрой въ посмертную жизнь, онъ, по его собственному выраженію, ждалъ, „когда Богъ Милосердый сниметъ съ него грязное одѣяніе и подаритъ ему обновку“. И вся Англія, а за нею весь міръ благоговѣнно взирали на эти послѣднія минуты жизни великаго гуманиста XIX вѣка; каждый день разносился по всему свѣту изъ пріютившагося среди холмовъ Уэльса замка Говардена телеграммы о состояніи здоровья Гладстона, и навстрѣчу имъ неслись туда со всѣхъ концовъ міра выраженія соболѣзнованія, адре-

сы, письма съ тысячами подписей... Теперь Гладстона уже не стало, остались его дѣла, дѣла великія, незабвенныя въ мировой исторіи...

Для оцѣнки шестидесятилѣтней дѣятельности Гладстона нужна цѣлая монографія, нужно очертить всю политическую эволюцію Англіи XIX вѣка, символомъ которой является по-

койный „великій старецъ“. Въ настоящей замѣткѣ мы намѣрены только, подъ впечатлѣніемъ горестнаго извѣстія, посвятить нѣсколько словъ незабвенной памяти великаго Гладстона.

Имя Гладстона не только славное, но и свѣтлое. Великій политикъ, знаменитый финансистъ, выдающийся ораторъ, Гладстонъ создалъ себѣ пафки *славное* имя. Великій филантропъ, въ высшемъ значеніи этого слова, идеальный христианинъ, — Гладстонъ стяжалъ себѣ пафки *свѣтлое* имя. Эта нравственная дѣятельность Гладстона — основа его исключительной популярности, мирового благоговѣнія къ нему и къ его памяти. Одаренный несокрушимой энергіей, необычайной силой слова, Гладстонъ былъ воплощеніемъ народнаго трибуна, вѣрнѣе — трибуна народа. Всѣ униженные поскорбленные были близки его большому, за всѣхъ болевшему, сердцу, всюду, гдѣ страдали племена и народы, раздавалось мощное слово Гладстона во имя свободы и

Вильямъ Гладстонъ († 6 мая 1898 г.).

любви къ ближнему. Предъ этими двумя высшими импульсами жизни онъ забывалъ всѣ требованія политикъ и практической жизни; онъ возвышалъ свое грозное слово и за неополитандевъ, изнывавшихъ подъ властью бурбонскаго короля, и за болгаръ, страдавшихъ подъ турецкимъ игомъ, и за прландевъ, и, наконецъ, еще очень недавно, за армянъ и грековъ, терзаемыхъ Турціею.

Въ Турціи Гладстонъ видѣлъ не только врага мирового политическаго порядка, но и врага христианъ. Самъ онъ былъ ревностнымъ христианиномъ. Свои досуги онъ посвящалъ богословскимъ наукамъ и въ юности даже помышлялъ о духовной карьерѣ; вопли въ возможно, что, не посвяти онъ себя политической дѣятельности, въ его лицѣ англиканская церковь пріобрѣла бы одного изъ замѣчательнѣйшихъ епископовъ-проповѣдниковъ. Столько же, сколько передъ этой простой и возвышенной вѣрой Гладстона, преклонялись всѣ передъ его личностью, предъ его характеромъ. Если Гладстонъ-политикъ, министръ, финансистъ имѣлъ приверженцевъ и противниковъ,

то Гладстонъ-человѣкъ не имѣлъ враговъ. Всѣ, безъ различія возраста и общественнаго положенія, склонились передъ этой чистой душой, предъ этимъ рыцаремъ духа. Да, хотя мы живемъ въ концѣ XIX вѣка, но рыцари все еще существуютъ, и однимъ изъ такихъ рыцарей духа въ самомъ и возвышенномъ, и благородномъ смыслѣ этого слова былъ Гладстонъ. Онъ былъ вѣрнымъ союзникомъ, грознымъ врагомъ, но боролся всегда честно, прямодушно. Вѣжливость безразлично ко всѣмъ была основой его обращенія съ людьми; во всю его 88-лѣтнюю жизнь, — все равно, будь это дома или въ палатѣ, по отношенію къ министру или слугѣ, — съ его устъ никто не слышалъ рѣзкаго слова, оскорбительнаго выраженія. Его грозныя рѣчи никогда не шли далѣе правдиваго изображенія какого-нибудь позорнаго факта; онъ всегда призывалъ въ высъ, къ правдѣ и справедливости. Можно смѣло сказать, что за послѣдніе 50 лѣтъ не было ни одной идеи, клонившейся ко благу народовъ, въ разработкѣ которой не участвовалъ Гладстонъ, и свѣтлое имя его будетъ гордостью не только Англій, — его отечества, — но всего XIX вѣка, всего человѣчества.

И. П. Киселевскій.

(Портр. на этой стр.)

Русское сценическое искусство потеряло недавно еще одного виднаго своего представителя въ лицѣ Ивана Платоновича Киселевскаго, скончавшагося 22-го апрѣля въ Кіевѣ, въ больницѣ. Незадолго передъ тѣмъ умеръ, также въ больницѣ, актеръ Ивановъ-Козельскій, имя котораго тоже было известно всей Россіи. Оба они сдѣлались артистами по неострашимому влеченію къ искусству; оба они не были дѣтьми кулисы; Ивановъ-Козельскій вышелъ изъ писарей, а Киселевскій вовсе не готовился къ сценической дѣятельности. И тѣмъ не менѣе оба составили себѣ громкую извѣстность.

Не мѣсто здѣсь проводить параллель между этими двумя выдающимися сценическими дѣятелями; мы вспомнили объ Ивановѣ-Козельскомъ случайно, а занимаетъ насъ здѣсь Киселевскій, умершій на 59 году отъ рожденія. И. П. (род. 7-го января 1839 г.) воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Годы два онъ служилъ мичманомъ во флотѣ, затѣмъ перешелъ въ гражданскую службу, сначала былъ мировымъ посредникомъ петергофскаго округа, а потомъ, между 1868 и 1871 г., старшимъ нотаріусомъ курскаго окружнаго суда. Съ 1873 г. онъ окончательно посвятилъ себя сценѣ, уступивъ непреодолимому влеченію къ ней.

Двадцать пять лѣтъ онъ прослужилъ родному искусству, пользуясь всегдѣ любовью публики, и все-таки умереть пришлось ему одинокимъ, въ больницѣ, гдѣ его рѣдко навѣщали и гдѣ онъ переживалъ очень тяжелыя минуты. И. П. Киселевскій одинаково хорошо игралъ какъ комическія, такъ и сильно драматическія роли; дарованіе его было чрезвычайно гибко. Но онъ всегда улавливалъ (въ этомъ именно заключается черта истиннаго художника) *натуру* изображаемаго героя; ему достаточно было ознакомиться съ ролью, которую ему предстояло играть, и онъ нерѣдко создавалъ образы, глубоко врывавшіеся въ память лицъ, видавшихъ его на сценѣ. Онъ имѣлъ обыкновеніе полагаться на свой талантъ, который его дѣйствительно выручалъ; промахн ему прощались, потому что онъ творилъ на сценѣ и заставлялъ зрителей переживать вмѣстѣ съ собою изображаемыя имъ душевныя состоянія.

И. П. Киселевскій былъ высокаго роста, прекрасно сложенъ, имѣлъ отличный грудной голосъ (баритонъ), чрезвычайно подвижное лицо (мика его была превосходна) и, главное, талантъ, которому приходили на помощь образованіе, начитанность, вкусъ и опытъ. Его Телятевъ („Бѣшенныя деньги“), Кречинскій, Скалозубъ, Агиппизъ („Женитьба Бѣлугина“), Старый баринъ, Диковскій („Взбуждающіе огни“), Несчастливцевъ („Лѣсъ“),

Карabanовъ („Нипіе духомъ“) и многіе другіе типы его обширнаго репертуара, — это цѣлый рядъ художественно созданныхъ образовъ...
В. Баскинъ.

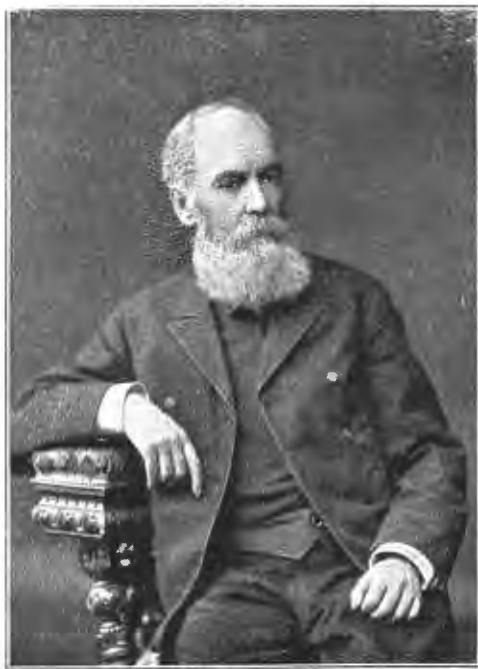
Д. Л. Михаловскій. (Портр. на этой стр.)

7-го мая т. г. исполнилось сорокъ лѣтъ литературной дѣятельности Дмитрія Лаврентьевича Михаловскаго, стяжавшаго почетную извѣстность своими поэтическими произведеніями, какъ оригинальнымъ, такъ и, главнымъ образомъ, переводнымъ. Первый выдающійся литературный трудъ Д. Л. Михаловскаго относится именно къ переводной литературѣ; это былъ переводъ поэмы Байрона „Мазена“, помѣщенной въ 1858 г. въ *Современникѣ*. Исполнѣ соответствовала оригиналу красота и сила стиха, строгая точность перевода сразу обратили вниманіе литературныхъ круговъ на молодого поэта. Дальнѣйшія работы Д. Л., какъ оригинальныя, такъ и въ особенности переводныя, появлявшіяся на страницахъ ежемѣсячныхъ журналовъ: *Отечественныхъ Записокъ*, *Вѣка. Дѣла*, *Вѣстника Европы*, *Русской Мысли*, а также и во многихъ еженедѣльныхъ, постепенно упрочили за нимъ имя очень недюжиннаго поэта, умѣющаго не только творить, создавать оригинальныя произведенія, но и обладающаго рѣдкимъ даромъ проникать въ суть чужихъ поэтическихъ произведеній и передавать ихъ на родномъ языкѣ во всей неприкосновенности ихъ содержанія и формы. Тотъ, кто хотя бы немного знакомъ съ трудомъ переводчика, пойметъ, какое требуется поэтическое чутье, какаго необходима эрудиція, какъ нужно знать языкъ подлинника и, наконецъ, сколько душею любви къ дѣлу для того, чтобы точно и строго передать въ переводѣ всѣ особенности оригинала. Переводы Д. Л. Михаловскаго могутъ быть по справедливости названы художественными, и каждый изъ нихъ, воспроизводящій на русскомъ языкѣ какое-нибудь выдающееся поэтическое произведеніе иностраннаго классика, представляетъ цѣнный вкладъ въ нашу переводную литературу. Зорко слѣдя за иностранной литературой, Д. Л. Михаловскій не ограничивался переводами такихъ мировыхъ гениевъ, какъ Шекспиръ и Байронъ, но старался ознакомить русскую публику и съ выдающимися произведеніями мало извѣстныхъ у насъ иностранныхъ поэтовъ, вносящимъ завоевавшихъ себѣ популярности и у насъ, въ Россіи. Такъ, онъ первый сталъ переводить у насъ Лонгфелло, Драмора и многихъ другихъ.

Съ особенной любовью занимался англійской литературой и зналъ въ совершенствѣ англійскій языкъ, Д. Л. съ давнихъ поръ работаетъ надъ изученіемъ Шекспира и Байрона, и относительно ихъ произведеній является у насъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ. Въ 1894 г. издано было подъ редакціей Д. Л. Михаловскаго собраніе сочиненій Байрона на русскомъ языкѣ, по полнотѣ и точности являющееся единственнымъ въ нашей литературѣ. Такое же выдающееся положеніе занимаютъ его переводы Шекспира, изъ которыхъ два: „Ричардъ II“ и „Антоній и Клеопатра“ увѣнчаны были въ 1890 г. пушкинскою преміей. Всѣмъ этимъ переводнымъ трудамъ, изъ которыхъ нѣкоторые потребовали годы неустанной работы и кропотливыхъ изысканій, Д. Л. удѣлилъ большую часть своей литературной дѣятельности, и этимъ въ извѣстной степени объясняется сравнительно небольшое число его оригинальныхъ произведеній, отличающихся особенностью которыхъ является глубокая содержательность, идеинность, обнаруживающая въ авторѣ не только большого мастера стиха, но серьезнаго, вдумчиваго поэта. Недавно, всего два года тому назадъ, издано было А. С. Сувориннымъ полное собраніе оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній Д. Л. Михаловскаго, встрѣченное очень сочувственно критикой.

И. П. Киселевскій († 22 апрѣля 1898 г.).
Съ фот. К. Шапиро автотипія „Нива“.

Д. Л. Михаловскій. По поводу 40-лѣтія литературной дѣятельности. Съ фот. К. Шапиро автот. „Нива“.

Полевая артиллерія.

Несмотря на свои почтенные годы (онъ родился въ 1828 г.), Д. Л. Михаловскій продолжаетъ работать до сихъ поръ, и стихотворенія его не перестаютъ появляться на страницахъ нашихъ журналовъ. Читатели *Нивы* достаточно знакомы съ произведеніями Д. Л. по тѣмъ оригинальнымъ и переводнымъ образцамъ, которые съ давнихъ поръ помѣщаются въ нашемъ журналѣ.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о фактѣ, характеризующемъ Д. Л., какъ человѣка отзывчиваго къ чужой нуждѣ

вообще и къ пужамъ литературной братіи въ частности. Стихотворенія Д. Л. Михаловскаго можно встрѣтить почти въ каждомъ литературномъ сборникѣ, издаваемомъ съ какой-нибудь благотворительной цѣлью; кромѣ того, добрымъ дѣломъ ознаменованъ первый серьезный литературный шагъ Д. Л. — свой первый сборникъ переводныхъ стихотвореній, вышедшій въ 1876 г., почтенный поэтъ пожертвовалъ въ пользу литературнаго фонда.

Э.

Кавалерійскій полкъ.

Американскія войска на пути къ о. Кубъ. По рис. Black-White автотипія „Нивы“.

Политическое обозрѣніе.

Военныя дѣйствія между Испаніей и Соединенными Штатами ограничились за послѣднее время отдельными эпизодами, не имѣющими пока рѣшающаго значенія для дальнѣйшаго хода кампаніи. На Филиппинскихъ островахъ дѣйствія приостановились, такъ какъ у американцевъ нѣтъ пока соотвѣтствующаго десанта. Прибывшій въ Гонгъ-Конгъ американскій вѣстовой пароходъ привезъ официальные депеши адмирала Девей, переданныя немедленно по кабелю въ Вашингтонъ: въ одной депешѣ, отъ 19-го апрѣля, Девей доведетъ, что, подойдя на разсвѣтѣ къ Манилѣ, онъ атаковалъ непріятеля, уничтоживъ десять испанскихъ военныхъ судовъ разнаго тина; американская эскадра не пострадала, только нѣсколько матросовъ ранены. Въ другой депешѣ, отъ 22-го апрѣля, адмиралъ сообщилъ, что занялъ военный портъ Кавитѣ, разрушивъ его укрѣпленія и батареи у входа въ заливъ, и взялъ съ гарнизона честное слово, что онъ будетъ вести себя спокойно. Далѣе адмиралъ сообщилъ, что вся бухта въ полной власти Девей, что здоровье командъ и духъ ихъ превосходны, потери испанцевъ еще не приведены въ извѣстность, всѣ большыя и раненыя испанцы приняты подъ покровительство адмирала и переведены въ госпиталь, находящійся внутри американской линіи, и что всѣ иностранцы будутъ приняты подъ защиту Девей. Морской министръ телеграфировалъ Девею, что президентъ Макъ-Кинлей предложилъ конгрессу вотировать адмиралу благодарности всей націи.

По свѣдѣніямъ *Агентства Рейтера*, Девей предложилъ испанскимъ чиновникамъ продолжать службу подъ американскимъ флагомъ до окончанія войны. Испанскій адмиралъ съ своей стороны донесъ генералъ-губернатору острововъ о безразличности и невозможности продолжать сопротивление, предпочиталъ въ интересахъ человѣчества сдаться американцамъ, хотя готовъ самъ сражаться и умереть.

Въ американскихъ военныхъ кружкахъ большое значеніе придавалось испанской военной эскадрѣ, стоявшей у острововъ Зеленаго мыса, такъ какъ отъ нея зависѣла плачь предстоящихъ дѣйствій. Нѣсколько дней тому назадъ эта эскадра сбилась съ якоря, и американцы стали ожидать генеральнаго сраженія въ Атлантическомъ океанѣ, такъ какъ военными авторитетами Штатовъ высказывался взглядъ, что переправа войскъ на Кубу не должна быть предпринимается до тѣхъ поръ, пока испанскій флотъ не будетъ уничтоженъ. Тѣмъ временемъ въ Тампѣ сосредоточены уже двадцати-тысячный отрядъ, готовый оказать поддержку кубинскимъ инсургентамъ, дѣйствующимъ подъ начальствомъ Максима Гомеса, и заготовлены транспортныя суда для перевозки сорока-тысячной арміи. По дальнѣйшимъ извѣстіямъ, грандіозныя приготовления въ Тампѣ имѣютъ въ виду занятіе Кубы и Пуэрто-Рико.

Американскія войска съ потерпѣніемъ ждутъ начала предстоящихъ военныхъ дѣйствій на самой Кубѣ, такъ какъ до сихъ поръ всѣ эти встрѣчи одного, двухъ крейсеровъ съ миноносками или безрезультатныя обстрѣливанія испанскихъ портовъ зарядами, которые точно нарочно не долетаютъ до непріятеля, представляютъ скорѣе маневры, чѣмъ войну. Энтузіазмъ среди войскъ и во всемъ населеніи Соединенныхъ Штатовъ растетъ со дня на день; помимо правительства, затраченного уже болѣе 150 милліоновъ долларовъ на военные расходы, многіе богачи на свой счетъ снаряжаютъ цѣлыя отряды и перевозятъ ихъ въ Тампу, — центральный пунктъ, изъ котораго двинутся американскія войска на Кубу. Войска эти богато снабжены съѣстными припасами, — предметомъ столько же важнымъ, какъ и оружіе, при отдаленности театра военныхъ дѣйствій. Что же касается вооруженій и экипировки войскъ, то на нихъ затрачены Америкой громадныя деньги, и наши рисунки (стр. 399) наглядно показываютъ, какъ все у американцевъ устроено практично. Они воплотили восточныя за себя и въ такомъ повидному для нихъ непривычномъ дѣлѣ, какъ военное снаряженіе. Всякіе обычные вундербильныя маски, плотныя тяжелыя мундиры, грузныя панчи замѣнены легкой свободной курткой, широкой шляпой и перекрестнымъ черезъ плечо ружьемъ съ патронгашемъ на поясъ. Ничто солдата не стѣсняетъ, и свѣжій, бодрый онъ можетъ исполнять свою убійственную въ буквальномъ смыслѣ работу безъ всякой помѣхи.

Но пока все еще происходятъ военныя дѣйствія на морѣ. Предполагалъ, что испанская атлантическая эскадра идетъ на Пуэрто-Рико, американцы стали ждать сраженія у этого острова. Коротенькое сообщеніе изъ Ки-Веста, что къ этому порту приближаются два американскихъ судна, „повидному, сильно поврежденныя“, какъ бы подтверждало состоявшийся бой въ океанѣ, оттуда, будто бы, слышна была сильная пушечная пальба. Дальнѣйшая телеграмма изъ Ки-Веста одна ко извѣстила, что прибывшій суда пострадали 25-го апрѣля отъ испанскихъ батарей съ кубинскаго берега у Санта-Клара.

Неизвѣстность мѣстопохожденія испанской эскадры вызвала тревогу въ Нью-Йоркѣ. Адмиралъ Сэмсонъ, почти спявъ блокаду Кубы, пошелъ „навстрѣчу“ непріятелю, а летучая американская эскадра оставалась все время у атлантическаго побережья въ ожиданіи испанцевъ. Но депеши изъ Лондона и Нью-Йорка разсѣяли все опасенія достовѣрнымъ, будто бы, сообщеніемъ, что испанская эскадра вернулась въ Кадиксъ. Вслѣдъ за этимъ, однако, получено было извѣстіе, что вернулись лишь незначительныя суда, главныя же силы эскадры плаваютъ у острова Мартиники. Такимъ образомъ, вниманіе политическихъ кружковъ обращено было на англійскія воды, гдѣ дѣйствительно послѣдовали серьезныя дѣйствія, хотя пока и безъ участія испанской эскадры. Американцы стали энергично переправлять войска на Кубу. По донесеніямъ генерала Бланко въ Мадридъ отъ 1-го мая, попытки американцевъ сдѣлать высадку въ различныхъ пунктахъ однако были отбиты. Въ то же время адмиралъ Сэмсонъ появился 1-го мая на разсвѣтѣ у Санъ-Хуана на островѣ Пуэрто-Рико и сталъ бомбардировать городъ: обратилъ одинъ фортъ въ развалины, заставилъ иностранныхъ консуловъ и нѣсколько тысячъ жителей удалиться внутрь острова. По официальному донесенію генералъ-губернатора, американцы въ теченіе трехъ часовъ поддерживали сильную канонаду; крѣпостныя батареи отвѣчали энергичнымъ огнемъ изъ крупновскихъ орудій и, причинивъ эскадрѣ серьезныя поврежденія, заставили ее удалиться; поврежденія батарей незначительныя, убитыхъ и раненыхъ немного; энтузіазмъ въ городѣ большой. Понятно, что это донесеніе вызвало энтузіазмъ и въ Мадридѣ. Въ то же время въ Мадридѣ вышло 3-го мая офиціозное сообщеніе, что дѣла на Кубѣ идутъ для Испаніи весьма благопріятно: два испанскихъ крейсера успѣшно атаковали американскія суда, блокирующія Гаванну, съ дѣлью собрать въ этомъ пунктѣ возможно большее число непріятельскихъ судовъ, что, по донесеніямъ Бланко, исполнѣ достигнуто, такъ какъ 4-го мая передъ Гаванной стали видны выстрѣловъ крѣпостныхъ батарей одиннадцать американскихъ судовъ.

Несмотря на серьезность предстоящихъ военныхъ событій, внутренній дѣла Испаніи внушаютъ сильныя опасенія: вздорожаніе хлѣба вызвало острый кризисъ; безпорядки въ разныхъ городахъ вызываютъ много человѣческихъ жертвъ; волненія продолжаются и при осадномъ положеніи; порядокъ кое-какъ восстанавливается энергичными мѣрами полиціи и войска, но во всей странѣ накопился матеріалъ для крупнаго государственнаго переворота. Министерскій кризисъ разрѣшился отставкой всего кабинета. Королева-регента опять поручила Сагастѣ составить новое министерство. Палатамъ послана просьба отерочить свои засѣданія до сформированія новаго правительства.

Прекращеніе подвоза хлѣба изъ Америки вызвало его вздорожаніе и въ Италіи: по всей странѣ началось броженіе, принявшее угрожающій характеръ. Отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ не удержала повышенія цѣны, между тѣмъ эта мѣра окончательно разстраиваетъ государственныя бюджеты Италіи. Хлѣбный кризисъ послужилъ поводомъ для революціонныхъ движеній во многихъ крупныхъ центрахъ, особенно въ Миланѣ, Флоренціи и Неаполѣ: толпы населенія строили баррикады, пускались въ отчаянныя схватки съ войсками; повсюду оказалось множество убитыхъ и раненыхъ. Правительство очутилось лицомъ къ лицу съ заранѣе подготовленнымъ революціоннымъ движеніемъ: объявлено осадное положеніе, созданы всѣ резервисты — около ста тысячъ человѣкъ, чтобы обезпечить возможность подавленія мятежа. Съ цѣлью облегчить положеніе населенія, правительство отмѣнило нѣкоторыя налоги и предполагаетъ начать обширныя общественныя работы. Все это движеніе, подавляемое кровью, совпало съ чествованіемъ 26-го апрѣля въ Туринѣ 50-лѣтняго юбилея итальянскаго парламента. Отвѣчая на торжественныя привѣтствія, король Гумбертъ, въ виду революціоннаго движенія въ странѣ, закончилъ свою патристическую рѣчь выраженіемъ, что онъ „какъ король и итальянецъ“, глубоко огорченъ, и что его горе уменьшается только горючей вѣрой въ будущее страны; при этомъ король напомнилъ, что „его домъ всегда держался и будетъ держаться довѣріемъ народа“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подлинныя билеты.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое дешовое издание

Ф. ПАВЛЕНКОВА:

Политическая исторія современной Европы (1814—1896)

Ш. Сеньбоса.

Перев. съ франц. под редакц. проф. А. Трачевскаго съ особымъ предисловіемъ автора, написаннымъ для русской публики. Цѣна за все сочиненіе (2 части въ одной книгѣ)—1 р. 50 к.

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ.

Спец. копиров. чернила.

Неподдѣльно только съ сей предохранительной маркой.

O.M.S. № 12367.

Темно-фіолет. копир. чернила, легко стекаютъ. По истеченіи мѣсяцевъ и даже годовъ даютъ хорошія отчетливыя копии. Черныя двойныя копир. чернила, стекаютъ черными. Отъ 2 до 4 копій. Копир. чернила „Non plus ultra“ для корреспондентіи съ дальн. странами. Отъ 4 до 8 копій.

Чернила для книгъ и для копированія.

Алициариновыя чернила для письма и копированія. № 11222 12—1

Антрац. чернила для письма и копированія.

Черныя желѣзисто-орѣшковая чернила.

Черный чернильный порошокъ (атроцитъ). Химич. фабрики чернилъ, основ. въ 1826 г.

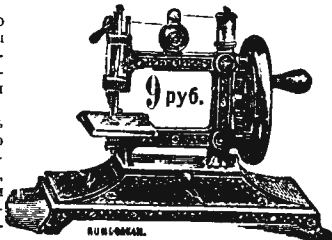
Авг. ЛЕОНГАРДИ въ ДРЕЗДЕНЬ.

Изобрѣтатели и единственн. фабриканта всемірно-извѣстныхъ

Алициариновыхъ чернилъ для письма и копированія, легко стекающихъ и вполнѣ прочныхъ желѣзисто-орѣшковыхъ чернилъ 1-го класса. Во избѣжаніе поддѣлокъ просить обращать вниманіе на завы. въ Россіи зпикеть и фабрич. предохранит. марку.

Повось, которая возбуждаетъ всеобщій интересъ, есть получившая премію въ Чикаго РУЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА «THE JEWEL».

которая шьетъ всякую матерію, толстую и тонкую, сухо и плотно такъ же аккуратно, какъ самая большая швейная машина. Конструкція вся изъ желѣза и стали, изящно отделанная, съ регуляторомъ, шпульками, иглами, лещочкой для масла и иллюстрированными понятныя изло-

M. Rundbakin, Wien, Taborstrasse 35. Вѣна (Австрія). Пошлину уплачиваетъ сама фабрика. Ц. № 11139 5—5

женнымъ руководствомъ. Всѣхъ 5 класъ. Каждая машина имѣетъ тщательно проверенный ходъ и стоитъ со всѣми приспособленіями для шитья всевозможныхъ матерій и мною оплаченной пошлыной только 9 рублей. Высылаютъ по полученіи всей суммы или 3 рублевъ задатка:

БУХГАЛТЕРІЯ

Высылаются бесплатно пробныя лекціи-корреспонденціи и условія заочнаго изученія бухгалтеріи по премір. бол. зол. медалю методу С. Я. Лиленталя. Москва, Бутырки, № 49. Ц. № 10919 10-8

По новѣйшей французской методѣ

„ВОРТА“

обучаю кройкѣ и шитью дамскихъ, дѣтскихъ, варьдовъ, верхн. платя, бѣлья и корсетовъ въ школѣ и заочно посредствомъ лекцій. Плата впередъ не взимается. По окончаніи установленное свидѣтельство. Условія высыл. бесплатно. Невъ, Фундуклевская, № 27, Е. Д. АШМАРИНА.

СЕКРЕТЬ КРАСОТЫ ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ МОЛОДОСТИ А.С.ИУИКЪ МОСКВА. 20 коп. кув.

ИЗВѣСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ ГУМБЕРЪ

Предлагаетъ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Георгій ЖЕМЛИЧКА и К°. Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5. Прейсъ-куррантъ по требованію. 16—18

PRECIOSA VIOLETTE

ПРЕЛЕСТНЫЕ НЪЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ. Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисова я нудра негальтальная и неослабляя.

ED. PINAUD.

PARIS

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ РѢДКИМЪ СЛУЧАЕМЪ!

Изящные и прочные карманные

МУЖСКИЕ ЧАСЫ

открытыя, ремонтуаръ, т.-е. заводъ безъ ключа, съ имплетредохранительнымъ стекломъ, прочный механизмъ, массивно обтянутые золотомъ, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, съ изящной цѣпочкой и брелкомъ „Вѣра, Надежда и Любовь“ назъ американскаго золота

ВМѢСТО 9 РУБ. ВСЕГО ТОЛЬКО за 4 руб. 50 коп.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Часы тщательно выверенныя высылаются по полученіи 1 руб. задатка, остальное наложеннымъ платежомъ.

АДРЕСЪ: Торговой фирмѣ

М. М. ЖАЗАНОВЪ

СКЛАДЪ ЖЕНЕВСКИХЪ И ФРАНЦУЗСКИХЪ ЧАСОВЪ въ ВАРШАВѢ.

При заказѣ 2 шт. и болѣе прилагается безпл. одна серебр. 84 пробы крестовая цѣпочка.

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ отъ

ЗАЙКАНІЯ

К. Ю. ЭРНСТЪ, Москва, Б. Никитская, д. бывш. Чериева, кв. № 6. Руководство къ самообученію 3 руб.

С. М. ЭЛІАШЕВЪ, Москва,

Софійка, ЛУБАНСКІЙ

ПАССАЖЪ

№ 60—81.

иллюстр. преісъ-куррантъ высыл. по требов. величайшій выборъ. КРОВАТЕЙ съ изящной живописью, англійскихъ волоочныхъ, никелированныхъ и обыкновенныхъ. МАТРАЦОВЪ пружинныхъ, проволочныхъ, волосныхъ и друг.; КРЕСЕЛЪ для больныхъ. ВАННЪ, ДУШЪ и ШКАФОВЪ купальныхъ. УМЫВАЛЬНИКОВЪ мраморныхъ и металлическихъ. Дѣтскихъ КОЛЯСОКЪ и ВЕЛОСИПЕДОВЪ. ЛЕДНИКОВЪ комнатн. и друг. хозяйствен. вещей. Единственныя фабричныя складъ надыли Варшавск. фабр. Бр. Фрунжинныхъ.

СИБИРСКІЙ СКЛАДЪ

КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ

Д. А. Епанешникова

Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.

ЧЕ-СУ-ЧА.

Дамская отъ 10 до 18 р. кусокъ въ 26/28 арш. Мужская „ 20 „ 40 р. кусокъ въ 28/23 „ Фанза „ 12 „ 50 р. кусокъ въ 21/22 „ Товаръ высылаю наложеннымъ платежомъ. Образцы бесплатно. 15—10

Тысячи благодарственныхъ отзывовъ отъ самыхъ интеллигентныхъ потребительницъ нашего изобрѣтенія позволяютъ намъ рекомендовать астамъ дамамъ ПАТЕНТОВАННЫЙ ШИНДЛЕРА БЮСТГАЛТЕРЪ (Ангиорсетъ). Изобрѣтеніе это, замѣняющее корсетъ и признанное во всѣхъ государствахъ, даетъ полное свободное движеніе, вслѣдствіе чего его могутъ носить въ теченіе цѣлаго дня и безъ утомленія себя ВОЪ безъ исключенія дамы и даже страдающія, беременныя, кормящія грудью, хозяйки въ домашнемъ быту, трудящіяся въ разныхъ бюро, училищахъ, торговляхъ, путешествующія, управляющія всякаго рода спортъ и т. д., въ чемъ свидѣлствуютъ отзывы докторовъ, прилагающіеся къ каждому экземпляру.

Бюстгальтеръ, патентованный въ 13-ти государствахъ, изготовляется изъ лучшихъ и модѣйшихъ корсетныхъ матеріаловъ со щегольскою отделкою.

ЦѢНЫ: А. А. А. В. С. D. D. шелк. черн. 3,50. 4,50. 5,75. 6,75. 9,50 к.

Деталичные заказы высылаются почтою повсемѣстно наложеннымъ платежомъ (даже безъ задатка) съ причисленіемъ за пересылку 60 коп. При заказѣ слѣдуетъ прислать мѣрку въ сантиметрахъ, верхнихъ, локтяхъ или тѣсью по рисунку.

1) Полную окружность груди (со спиною), мѣра на платьѣ подъ мышкою кругомъ отъ А до В.

2) Полную окружность талии кругомъ отъ С до D.

3) Высоту бока отъ А до С.

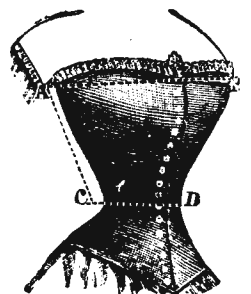
Выписывающіе три и болѣе экземпляра за пересылку не платятъ.

Адресъ для заказовъ:

Варшава, „Шиндлера Бюстгальтеръ“

Сенаторская, № 26.

Ц. № 11049 3—3

ТОВАРИШЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * СПБургъ.
 Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
 ПРОДАЕТСЯ ВЪЗДЪ. **Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмою.**
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪДЛОЖКЪ!

КРАСИВО ПИСАТЬ изучивается всѣмъ заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**
 Конторско-коммерч. скоропись, рондо, готикъ и др. шрифты также преподаются заочно. 9-6
 Методъ преміи. на Парижской всемір. выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семикон. марки высл. пробн. лисьмо шрифтовъ, подробн. условія и образцы заочно исправлен. потерь. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ. Дерибасовскал. д. № 19.

ВЕЛОСИПЕДЫ „НАУМАНЪ“
 ПОЛЬЗУЮТСЯ ВСЕМІРНОЮ ИЗВѢСТНОСТЮ
 ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВО ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ ГОРОДАХЪ,
ЗЕЙДЕЛЬ и НАУМАНЪ, ДРЕЗДЕНЪ.

К. № 11111112 3

СЭЛЭБРЕ ПАР СЕС КАЛІТЭС
 en Vente partout

НОВѢЙШІЕ БИНОКЛИ
 СЪ СИСТЕМОЮ ПРИЗМЪ ПО „РОГГО“.
 Бинокли эти по оптическимъ качествамъ, наилучшіе зрительные приборы нашего времени; преимущества слѣдующія: 1) обширное поле зрѣнія, 2) сильное приближеніе, 3) полная стереоскопическая рельефность, 4) незначительное поглотеніе свѣта, — потому и названіе „Силосонитъ“.
 Высокія качества въ бинокляхъ подъ названіемъ „Jumelle stéréoscopique“, „Trièder-Binocles“ или просто по-русски „Силосонитъ“ достигнуты системой призмъ и новой комбинаціей стеколъ.
 Въ принципѣ стерео-бинокли представляютъ собою Кеплеровскую астрономическую трубу съ системой выпрямляющихъ призмъ по „Рогго“; свѣтовые лучи, подвергаясь четырехкратному полному внутреннему отраженію, даютъ, безъ потери свѣта, такое и въ то же время рельефное изображеніе при значительномъ увеличеніи (8—10 разъ) подлѣ зрѣнія, чѣмъ въ соответственныхъ бинокляхъ Galilei'евой системы.
 С.-Петербургская фабрика оптическихъ инструментовъ Ив. Як. Урлаубъ на Всероссийской Нижегородской выставкѣ 1896 г. была удостоена золотой медалью за безкоризисненную шлифовку оптическихъ стеколъ, призмъ и за самостоятельное производство новейшихъ биноклей подъ названіемъ „Силосонитъ“.
 „Силосонитъ“ одинаково пригоденъ какъ для дневныхъ, такъ и для ночныхъ наблюденій на морѣ, на полѣ, при стрѣльбѣ (въ особенности бездымнымъ порокомъ) и воздухоплаваніи.
 „Силосонитъ“ незаменимъ въ театрѣ и на дорогѣ, а также для охоты, скачекъ, гонимы, велосипедной ѣзды и пр. спортавъ.
 Продажа стерео-биноклей по фабричнымъ цѣнамъ иностранныхъ фирмъ производится въ главномъ складѣ биноклей „СИЛОСВЕТЪ“ у оптика Урлаубъ въ С.-Петербургѣ, Невскій, 44, дѣлы на бинокли съ призмами системы „Рогго“ слѣдующія: увеличивающій въ 3 раза—63 р., 4 раза—65 р., 6 разъ—75 р., 8 разъ—77 р., 9 разъ—88 р., 10—12 разъ—100 и 110 р.
 Бинокли „Силосонитъ“ прежняго типа, т.-е. безъ призмъ, продаются по 8, 10, 12 и 15 рублей, въ зависимости отъ величины объектива; такіе же бинокли изъ алюминія имѣются отъ 16 до 85 руб.
 На каждомъ биноклѣ съ призмами обозначена фирма и указано увеличеніе его.
 При заказахъ изъ провинціи слѣдуетъ высылать не менѣе 1/3 стоимости его, въ противномъ случаѣ порученіе не подлежит исполненію.
 ♦ Пересылка биноклей въ провинцію на счетъ заказчика; упаковкѣ самая тщательная.

ХРИСТОЛЮБИВЫЕ БЛАГОТВОРИТЕЛИ!
 Въ бѣдномъ селѣ Дерновѣ болѣе десяти лѣтъ строится каменный храмъ во имя Свят. и Чудотворца Николая. Помогите благодѣланію! Свят. Николай воздастъ вамъ сторицею. Скажи, добрый братъ, свое имя, а есть умерши, дорогой сердцу твоему, скажи и его имя, я буду поминать васъ у Престола Божія. Я отгадно вамъ буду, и помянетъ васъ Господь въ день скорби вашей, и въ часъ кончины вашей и за гробомъ.
 Пожертвованія доставлять по адресу: ст. Митлево, С.-В. ж. д., въ село Дерново, священнику Александру Аванасьевичу Тихомирову, председателю цер. пр. попечительства.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блонкъ. С.-Петербургъ, 59, Невскій.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
 лучшаго качества
 по фабричнымъ цѣнамъ
 предлагаетъ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
А. Е. КУЛАКОВЪ
 С.-Петербургъ, Садовая ул. 33.
 Юбилейный иллюстр. преиеръ-курантъ всѣхъ инструментовъ высылается бесплатно.

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES
 des RR. PP.
BÉNÉDICTINS
 DE
Abbaye de Soulac,
 Dom **MAGUELONNE, Prieur.**
 Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
 Maison fondée en 1807.
 VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.
 MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ. Верхняя Австрія.
 Сѣлая криная йодистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ общихъ и специальныхъ болѣзней, при которыхъ йодъ служитъ важнымъ лечебнымъ средствомъ. Превосходныя лечебныя приспособленія (купанья и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, кефиръ). Всяма благоприятныя климатическія условія. Железнодорожная станція. Путь черезъ Лицъ на Дунай или черезъ Штайеръ. СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-е сентября. Ваннами можно пользоваться также съ 1-го 15-го мая. Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылать бесплатно.
 R. № 11055 4-3 Лѣчебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

Ө. ЮХИМЪ и К°
 С.-Петербургъ, Невскій пр. 3. Москва, Театральн. проездъ.
 Большой складъ фонографовъ и графофоновъ послѣднихъ моделей, валиковъ заряженныхъ и чистыхъ и всѣхъ принадлежностей. В. № 11142 6-3

SOURCES DE L'ÉTAT CELESTINS GROS-GRILLE HOPITAL VICHY
 Avoir soin de désigner la Source.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПАМЯТЬ
 лишь кажд. возр. укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 урокъ) профес. мнемоникъ С. Файштейнъ. Одесса, ул. Пушкинской и Ваа. ул., собствен. дома, № 28. Условія и 2 брош. (въ 64 стр.) высл. за одну 7-ми коп. марку.
 № 10917 20-15

Фабрика „Складъ“ Бруно Зенгеръ и К°
 С.-Петербургъ, Невскій Пр. № 25 (сторона Каллиграфіи)
Фотогр. Аппараты и Принадл.
 (Кратк. Преиеръ-Курантъ Бесплатно)

НА ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО
 60.
 ТЕЛЕФОНЪ 1560
 ИМПЕРАТОРСКОЕ
 ЧЕЛОВЕКОЛЮБИВОЕ
 ОБЩЕСТВО
 ПРОСИТЪ
 ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ
 СЪЮЗЪВАТЬСЯ
 СЪМЪ
 НЕОУЖИВЪНЫМЪ ВЕЩАМЪ
 АУДИОНЪ ПО ВОСПИТАНИЮ
 ВОСПИТАНИЕ
 500
 ВОСКРЕСЕНСКОГО
 ТЕЛЕФОНЪ 3672. ТЕЛЕФОНЪ 1141.

ЮГАННИСБЕРГСКІЯ КАБИНЕТНЫЯ ВИНА 10-10
 мѣстнаго розлива съ оригинальнымъ этикетомъ, печатью и клеймомъ на пробѣхъ
 отъ 4 1/2 до 40 марокъ за бутылку доставляется по утвержденному княжеской
 Центральной администраціи прейс-куранту (высказанному по требованію)
 Das Fürstl. von Metternich-sche Domäne-Inspectorat, Johannisberg a/Rh.

ВОЛЬМАРОВСКІЙ
ДЕЗИНФЕКЦІОННЫЙ ПОРОШОКЪ.
 Для дезинфекціи
 выгребныхъ люковъ, помойныхъ
 ямъ, ретираторовъ, стой-
 локъ лошадей
 и проч.

Казеннымъ,
 общественнымъ
 учрежденіямъ и тор-
 говцамъ по оптовой цѣнѣ.

Очень важно для желѣзныхъ
 корытъ, лопатъ, козлаковъ, тарма-
 нъ и болванокъ.

Контора завода Невскій д 670.
 Телефонъ № 2001.
 Складъ: Центр. аптекар. депо
 Невскій д. 27. Телефонъ № 692.
 В. № 11132 5 5

ЭЛЕПАТЬ
 пров. Кинунена
 я УПОТРЕБЛЯЮ.

ЭЛЕПАТЬ КИНУНЕНА
 ?СТОЛОВЪ ВЪ

Главный складъ: С.-Петербургъ,
 Демидовъ переулокъ, № 1.

ОЦИНКОВАННОЕ
 НИКОГДА НЕ РЖАВѢЮЩЕЕ
 ГАЛЬВАНИЗИРОВАННОЕ ЖЕЛѢЗО
ДЛЯ КРЫШЪ
 НЕ ТРЕБУЕТЪ НИКОГДА ОКРАСКИ.

Заводъ Н. В. ЧЕРЕПОВА,
 въ Москвѣ, Тверск. заст., Петерб.
 сл., С. Д. (4)
 Прейс-куранты бесплатно.
 Ручательство въ непроржавленіи
 на ДЕСЯТКИ ЛѢТЪ.

ПОРТМОНЭ
 ТОЛЬКО 1 РУБ. 85 КОП.
 ТОЛЬКО 1 РУБ. 85 КОП.

со штемпелемъ, изъ прекрасной чер-
 ной опойки, съ 5-ю отдѣленіями, 1
 внутреннимъ закрытымъ для звонкой
 монеты и однимъ особо закрытымъ
 для золота. Корпусъ изъ одного кус-
 ка, съ мех. замкомъ, содержащимъ
 каучуковый штемпель съ подушкой
 для краски. Въ штемпель можно по-
 мѣстить имя, отъ, фамилію и званіе,
 по желанію и корону. Дамскія изъ-
 нены по тѣмъ же цѣнамъ. Изъ тюленев.
 кожи штука на 40 коп. дороже. Цѣны
 съ пересылкой; въ Азіатскую же Рес-
 сію съ прибавленіемъ части въсовыхъ.
 Налож. платежъ на 10 коп. дороже.
 Заказы исполняются немедленно по
 полученіи стоимости или задатка. Вы-
 писывающимъ 5 шт. сразу высылаю
 безпл. 5 изящныхъ дѣтскихъ портмонэ.

АДРЕСЪ:
 Въ контору фабрики нож. издѣлій
Ш. Е. ФРИДМАНА, Варшава.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ
 УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ
ЛАБОРАТОРІЯ
 ИЗМАЙЛОВСКОГО ПР. 21.

ТУАЛЕТНЫЙ УКУСОУЪ.
 РАЗНООБРАЗНЫЯ КОСМЕТИЧЕСКІЯ СВОЙСТВА ЭТОГО СОСТАВА СЪ-
 ДАЛИ ЕГО ВАЖНОЮ ПОТРЕБНОСТЮ ДЛЯ ТУАЛЕТА.
 Туалетный Укусъ Виолетъ де Пармъ
 Карболовый Туалетный Укусъ
 Туалетный Укусъ де ла Нобель.

УПАКОВАННЫЯ ВЪ СЪДАНСЪ
 ОБЪЕМНОГО ПР. 10. УПАКОВАННЫЯ ВЪ СЪДАНСЪ
 НЕВСКОГО ПР. 32. НЕВСКОГО ПР. 1866.

МАГАЗИНЫ въ Москвѣ, на Хозревскомъ мосту, домъ № 11, и въ Петербургѣ.

1865. Москва.
 1870. С.-Петербургъ.
 1882. Москва.
 1896. Нижн.-Новгор.

ТОВАРИЩЕСТВО

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,
 просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
 обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 10845 26-11
 на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“,
 и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ и К^о.

РЕКОМЕНДУЕМЪ

для лѣтняго сезона средство для
смягченія кожи рукъ и лица

ГЛИЦЕРИНОВЫЯ СЛИВКИ.

№ 11234 3-1

Благодаря большому сбыту и новому усовершенств. способу изготовления часовъ моего производства, я имѣю возможность продавать съ 1 июля мин. г. самые элегантные и прочные **МУЖСКИЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличимые, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструкции (удостоен. сереб. медалью на женеvской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ. вѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настояще золотые, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе. Такіе же **ДАМСКІЕ** дорож. на 1 рубль.

Письменное ручательство
на 6 лѣтъ.

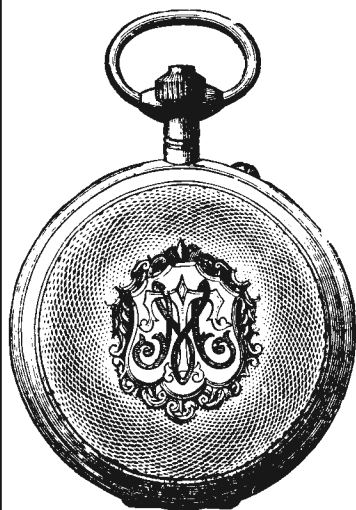
Вышлю вполнѣ вытѣренные часы по получении задатка 2 р., остальное же наложенномъ платежѣмъ. **АДРЕСЪ:**

Ш. ГЕЙЛЕРЪ

Складъ женеvскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.

◆ Множество благодарств. писемъ и отзывомъ. ◆

Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземп. снабженъ пломбою фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. № 11065 5-9

А. БОЛЬТЪ и К^о.

Москва, Ильинка.

Непромокаемая одежда:

ПАЛЬТО,
МАКФАРЛАНЫ,
ШИНЕЛИ,
НАКИДКИ

мужскіе и дамскіе

изъ лучшихъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, рисунковъ сезона 1898 г.

Прейсъ-курантъ съ образцами матерій высылается бесплатно.

Бумажное бѣлье Мей и Эдликъ.

Санаторія д-ра Ремплера

для страдающ. грудными болѣзнями

въ ГЕРБЕРСДОРФЪ, въ СИЛЕСІИ.

Находясь съ 1875 г. подъ личнымъ врачевскимъ наблюдениемъ владѣльца, Герберсдорфскаго лѣчебница, расположенная высоко надъ урзнемъ моря и снабженная помѣщеніемъ для пользаганія слабыхъ больныхъ воздухомъ, предоставляетъ самыя благопріятныя условия для лѣченія, за умѣренныя цѣны. Объявленія высылаются бесплатно д-ромъ Ремплеромъ. № 11117 6-5

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN

Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (84)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ EDELVEILCHEN

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и носметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

Санаторія Биркенвердеръ

близъ Берлина. Штеттинскій вокзалъ.

Пригородное сообщеніе.

ФИЗИЧЕСКИ-ДИЭТИЧЕСКОЕ ЛѢЧЕНІЕ.

Завѣд. врачъ:
докт. мед.
Цигельротъ,
бывшій ассист.
въ санаторіи
д-ра Ламана.

Санаторія приспособлена къ лѣченію выздоравливающихъ, нервныхъ, а также хронически больныхъ.

Проспекты высылаются бесплатно управленіемъ.

8-1

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ“

Высочайше

Наличные

капиталы

утвержденномъ

Общества

32.000,000

въ 1881 году.

руб.

Общество заключаетъ страхованія по новѣйшимъ планамъ и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, а именно:

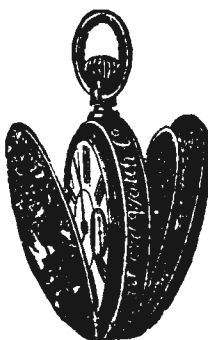
**Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пеней,
Капиталовъ на старость,
Приданого для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ.**

Къ 1 января 1898 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 49,736 лицъ на капиталъ въ 117.356,600 руб.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. домъ, № 37) и агентами Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

№ 11167 5-3

Фабричная марка J. Rix.

Цѣна 10 рублей съ никельнымъ механизмомъ и 3-мя крышками. Реформа-двойная цѣпочка 3 рубля.

№ 11217

Новость!
РЕФОРМА-ЧАСЫ-ЗВѢЗДА
NORWICH WATCH COMPANY.

Пересылка съ уплаченною нами пошлینною.

Часы Реформа составлены изъ новаго своеобразнаго металла, такъ что даже специалисту трудно ихъ отличить отъ дѣйствительныхъ золотыхъ часовъ.

Мы принимаемъ на себя за часы Реформа Norwich Watch Company полнѣйшую гарантію въ томъ, что они никогда не потеряютъ вида настоящихъ золотыхъ часовъ. Патентованный механизмъ часовъ Реформа Norwich Watch Company устроенъ съ такою точностью и тщательностью, что каждому, кто нуждается въ совершенно вѣрныхъ часахъ, мы ихъ можемъ самымъ убѣдительнымъ образомъ предлагать. Къ каждому часу прилагается письменная трехлѣтняя гарантія. Цѣна за штуку только 10 руб. съ уплаченною нами пошлینною.

Дамскіе часы 12 р. — Дамская-Реформа-цѣпочка 3 р. Безплатную пересылку по указаннымъ цѣнамъ послѣ получения денегъ или наложеннымъ платежѣмъ беретъ на себя съ лишнимъ 30 лѣтъ существующая фирма часовыхъ издѣлій **ANTON RIX & BRUDER.**

WIEN, II. 2 Praterstrasse Nr. 16/25.

ОСТЕРЕЖЕНІЕ! Дѣйствительны только съ фабричною маркой J. RIX.

6-1

ЖИВА

№ 21.

XXIX г.

1898 г.

Содержаніе:

ТЕКСТЪ. Виссачіонъ Григорьевичъ Бѣлинскій. — Въ 50-лѣтію со дня кончины В. Г. Бѣлинскаго. — Въ туманѣ величія. Историческая повѣсть П. Н. Полевого. (Окончаніе). — Стихотвореніе В. В. Уманова-Наплумовскаго. — Къ рисункамъ: Ахиллъ-побѣдитель. — Осеннее утро. — Чествованіе памяти В. Г. Бѣлинскаго въ Петербургѣ. — В. Ѳ. Грубе. — Новый эскадренный броненосецъ „Пересвѣтъ“. — Политическое обозрѣніе. — Слѣсъ. — Объявленія.

РИСУНКИ. В. Г. Бѣлинскій. — В. Г. Бѣлинскій въ годъ смерти. Семейная группа родныхъ Бѣлинскаго. — Г. Чембарь, пензенской губерніи. Доиъ, въ которомъ жилъ В. Г. Бѣлинскій. — Г. Чембарь, пензенской губерніи. Царская церковь съ находящимся рядомъ на одной усадьбѣ пансіономъ. — Бѣлинскій передъ смертью. Картина А. А. Наумова. — Марья Васильевна Бѣлинская. — Н. В. Станкевичъ, другъ Бѣлинскаго. — Г. Чембарь, пензенской губерніи. Уѣздная земская управа и мужское приходское училище. — Г. Чембарь, пензенской губерніи. Царская церковь послѣ ремонта 1884/85 года. — Могила Бѣлинскаго на Волковомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ. — Осеннее утро. Картина Г. Г. Мясоедова. — Ахиллъ-побѣдитель. Картина Франца Матша. — Чествованіе памяти В. Г. Бѣлинскаго въ Петербургѣ. Торжественное собраніе Союза взаимопомощи русскихъ писателей въ залѣ городской думы. — В. Ѳ. Грубе. — Эскадренный броненосецъ „Пересвѣтъ“, спущенный 7 мая съ Балтійскаго судостроительнаго завода.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

Отпечатана и гоступила въ продажу новая книга изданія А. Ф. МАРКСА:
„ИНСТИКТЪ И ПРАВЫ НАСѢКОМЫХЪ“
Изъ энтомологическихъ воспоминаній
ФАБРА.
Съ 218 рисунками.
Переводъ съ французскаго
Е. И. Шевыревой.
Подъ редакціей Ученаго Секретаря
Русскаго Энтомологическаго Общества
И. Я. Шевырева.
Большой томъ въ VIII+590 страницъ
большого 8°, съ 213 рисунками.
Цѣна книги, переплетенной въ прочную
папку съ коленкоровымъ корешкомъ.
3 руб., съ перес. 3 руб. 75 коп., а въ
красивомъ коленкорѣ перепл. 3 р. 75 к.,
съ перес. 4 р. 50 к.
Съ требованіями обращаться въ Кон-
тору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петер-
бургъ, М. Морская, № 22.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Въ послѣднее время появилась поддѣлка извѣстнаго нашего

CRÈME VÉNUS,

разрѣшеннаго С.Н. Столичнымъ Врачебнымъ Управленіемъ за № 2960.

При покупкѣ настоящаго крема въ плоскихъ банкахъ просимъ обязательно требовать на банкахъ подпись С. Ф. Поповой и К^о, какъ главныхъ представителей для всей Россіи, и

№ 2960.

Ц. № 11250 4--1

Главный складъ въ Москвѣ: магазинъ С. Ф. Поповой и К^о, Петровка, прот. Кредитн. Общ.
Представитель въ С.-Петербургѣ: І. И. Погооскій, Вас. Остр. 4 лпн., № 39.

ПОСЛѢДНІЙ

добровольный обмѣнъ на 4% ренту 4% облигацій внутреннихъ займовъ 1887 года и 2-го, 3-го и 4-го—1891 года и выпущенныхъ въ кредитныхъ рубляхъ 4% облигацій казенныхъ жел. дорогъ.

ЗАЯВЛЕНІЯ

принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ учрежденій Банка.

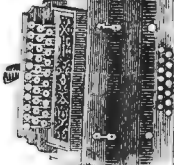
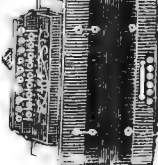
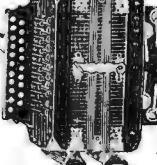
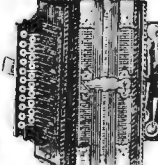
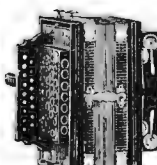
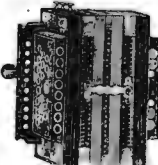
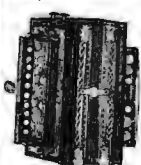
КРАЙНІЙ СРОКЪ

№ 11073 12--10

подачи заявленій 15 Іюня 1898 года. Подробныя условія обмѣна въ ежедневныхъ газетахъ.

ГАРМОНИИ

ИЗВѢСТНѢЙШЕЙ ФАБРИКИ І. Ф. КАЛЬБЕ И ЛУЧШЕЙ ВѢНСКОЙ РАБОТЫ.

№ 3623-4p.50c.

№ 3626-5p.

№ 3659-9p.

№ 3700-10p.

№ 3737-20p.

№ 3750-25p.

№ 3716-20p.

№ 3780-28p.

САМОУЧИТЕЛИ: для однорядной 1 р., для двухъ-рядной 1 р., для трехъ-рядной 75 к. Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ П ПОТЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, № 34 и 40.
МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

**НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
СЛАБИТЕЛЬНАЯ
горькая вода источника
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ.**

Прод. во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ Россіи.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ:
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ, въ Будапештѣ.

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА И КАРТОЧКИ СЪ РИСУНКАМИ ХУДОЖНИКА **КАРАЗИНА**,
съ знакомъ „Краснаго Креста“.

Продаются въ Главномъ Управленіи Общества Краснаго Креста (Инженерная, 9), въ лучшихъ писчебумажныхъ и эстампныхъ магазинахъ, книжно-газетныхъ кіоскахъ (Г. Пташниковъ), въ Москвѣ -- въ конторѣ Печковской, въ Варшавѣ и Вильнѣ -- въ книжныхъ магазинахъ Г. Карбасникова.
Сборъ предназначается на постройку зданій Общины сестеръ милосердія и больницы въ память **ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III**.

**СИБИРСКИЙ СКЛАДЪ
КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ
Д. А. Епанешникова**
Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.

ЧЕ-СУ-ЧА.

Дамская отъ 10 до 18 р. кусокъ въ 26/28 арш.
Мужская " 20 " 40 р. кусокъ въ 26/28 " "
Фанза " 12 " 50 р. кусокъ въ 21/22 " "
Товаръ высылаю наложеннымъ платежомъ.
Образца бесплатно. 15-11

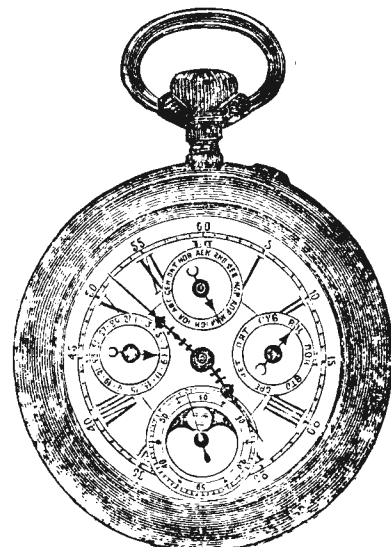
НАВОЖДЕНИЕ. Ром. изъ современн. жизни
Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к

ПОРТМОНЭ

со штемпелемъ (мужское или дамское) только 1 р. 85 к. съ перес. Безъ штемпеля 1 р. 50 к. Тюльпанъ на 40 к. дороже. Выписывающіе 5 шт. сразу получаютъ **БЕЗПЛАТНО** 5 изящныхъ детскихъ портмонэ. Подробности въ прежн. объявл.

Адресъ: Фабрикъ кож. издѣлій
П. Е. ФРИДМАНА, Варшава.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованному способу изготовления часовъ моего производства, я имѣю возможность продавать самыя практичныя прочныя и изящныя карманные **МУЖСКІЕ ЧАСЫ** черныя вороненой стали, отирытыя, аньеръ 15 камн., съ вѣчнымъ календаремъ и элегантной цѣпочкой, американскаго золота chateleine, съ брелокомъ, вмѣсто 15 и 17 руб.

только за 8 и 10 руб.

Часы эти отличаются весьма вѣрнымъ ходомъ и, кромѣ обыкновеннаго времени, автоматически показываютъ мѣсяцы, дни, число и фазы луны.

Такіе же серебряныя крытые, всѣ три крышки 84 пробы, на 4 руб. 50 коп. дороже.

ПИСЬМЕННОЕ РУЧАТЕЛЬНОСТЬ НА ШЕСТЬ ЛѢТЪ.

Высылаю по полученіи задатка 2 р., остальное же наложеннымъ платежомъ.

АДРЕСЪ:

Ш. ГЕЙЛЕРЪ.

Складъ жевевскихъ часовъ въ Варшавѣ.

Потребленіе какао **ВАНЪ-ГОУТЕНА**, одного изъ пріятнѣйшихъ напитковъ, увеличивается съ каждымъ днемъ. Изъ этого какао получается самый лучшій шоколадъ для питья.

Этимъ и объясняется тотъ успѣхъ, которымъ пользуется это какао среди другихъ сортовъ шоколада и среди другихъ напитковъ, въ родѣ чая и кофе.

Приготовленіе его очень легко, просто и быстро.

Въ 100 частяхъ какао Ванъ-Гутена содержится болѣе 60 частей полезныхъ питательныхъ веществъ.

В. № 11233 6-1

ЖЕМЧУГЪ
ХОРОШИЙ РОВНЫЙ
ВЪ НИТКАХЪ И ВЪ ВЕЩАХЪ
ПОКУПАЕТЪ 20-16
ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ
К. ФАБЕРЖЕ.
Москва, Кузнецкій мостъ, № 4.

НАЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ САМОГО СЕБЯ
2 шт. 3р. 75 к.
Цѣна 1 шт. 2 р.
ПОРТМОНЭ со ШТЕМПЕЛЕМЪ

Вѣчная ручка „ФОНТАНЪ“.
Пишетъ превосходно и непрерывно питается чернилами, находясь въ резервуарѣ ручки. Весьма полезно для гг. докторовъ, воен. и части. лицъ, въ особенности въ дорогѣ. Цѣна съ перес. 2 р. 10 к.; 2 шт. 3 р. 80 к. Требуваніи прошу адресовать:
на фабрику **І. Д. Левинсона**
Варшава, Сенаторская, 30.

изъ наилучшей черной онойки (а-граничной выдѣлки, съ матовымъ лоскомъ, съ 5 отдѣленіями, 1 внутреннимъ, закрытымъ, для зыонкой монеты и однимъ особо закрытымъ для золота. Корпусъ изъ одного куска съ механическимъ затворомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для краски.
Въ штемпелѣ можно помѣстить имя, отчество, фамилію и званіе, по желанію и коронку. Парушная величина 2 1/4 x 1 3/4 вершка.
Также дамскія, изящныя, размѣромъ 1 3/4 x 1 1/2 вершка, по тѣмъ же цѣнамъ.
Тѣ же изъ настоящей тюленевой мягкой шагренированной кожи, штука на 50 к. дороже.
Цѣны съ пересылкою въ Европейскую Россію, въ Азіатскую же -- съ прибавленіемъ части вѣсовыхъ. Съ наложеннымъ платежомъ на 10 к. болѣе. Тоже безъ штемпелей, штука на 35 коп. дешевле.

ГИЛЬЗЫ изълучшей бумаги
ФИЛИГРАНЪ
САКАТЫКЪ Москва
МЕХАНИЧЕСКАЯ БЕЗЪ КЛЕЯ
ПРОДАЖА ВЕЗДѢ

И. ЧИЖОВА, С.-Петербургъ,
51. Лицейный просп. 51,
по требованію высылаются бесплатно.

Въ контору фабрики американск. каучуковыхъ штемпелей
М. ФИШМАНЪ
ВАРШАВА
БѢЛАНСКАЯ, 18.

XXIX г.

№ 21

Выданъ 23 мая 1898 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXIX

1898

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1898 г.

Безъ доставки въ 5 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи. 6 р. 25 к. Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к. Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи 7 р. За границу 10 р.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

26-е мая 1898 г. — знаменательная годовщина въ исторіи нашей литературы и журналистики. Ровно 50 лѣтъ тому назадъ умеръ самый выдающійся изъ русскихъ критиковъ, Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, не достигнувъ 38-лѣтняго возраста и раздѣливъ въ этомъ отношеніи участь величайшаго нашего поэта, Пушкина. Мы соединяемъ эти два имени, потому что они неразрывно связаны, потому что Бѣлинскій вѣрнѣе всего оцѣнилъ Пушкина и истолковалъ его другимъ.

Этого было бы уже вполне достаточно, чтобы установить громадное значеніе Бѣлинскаго и выставить въ надлежащемъ свѣтѣ его заслугу передъ отечественною литературою. Но заслуга Бѣлинскаго далеко этимъ не исчерпывается. Если онъ страстно любилъ Пушкина и если онъ былъ лучшимъ его истолкователемъ, то конечно только потому, что страстно любилъ русскую литературу вообще и благодаря своимъ выдающимся способностямъ подмѣтилъ въ ней многое, что ускользнуло отъ вниманія другихъ. Въсѣтъ съ тѣмъ онъ возбудилъ въ другихъ любовь къ русскою литературѣ и даже этому чувству такое распространеніе, какого до него не замѣчалось въ русскою обществѣ. Вотъ, въ чемъ заключается

истинная заслуга Бѣлинскаго и, какъ бы мы ни расходились въ оцѣнкѣ самаго выдающагося изъ нашихъ критиковъ, на почвѣ этой его заслуги мы все можемъ сойтись. Споры, пререканія, вражда разныхъ литературныхъ и другихъ партій затемнили образъ Бѣлинскаго, но теперь, на разстояніи полувѣка послѣ его смерти, образъ этотъ воскресаетъ предъ нами чистый, свѣтлый, незапятнанный, какъ образъ выдающагося литературнаго дѣятеля, который могъ во многомъ ошибаться, но который не зналъ высшаго закона, чѣмъ исканіе общественной правды и любви къ литературѣ — выразительницѣ этой правды.

Въ этомъ отношеніи жизнь Бѣлинскаго представляетъ поразительную цѣльность. Уже въ раннемъ дѣтствѣ, въ бесѣдахъ съ отцомъ онъ чего-то допытывается, донскивается. Отецъ нашего критика былъ человѣкъ развитой, наблюдательный и не могъ не подмѣтить въ своемъ сынѣ остроты ума, страсти къ чтенію и «пытливой любознательности, съ которою мальчикъ прислушивался къ его разсказамъ о прошедшемъ, къ его сужденіямъ о предметахъ, вызывающихъ на размысленія». Вотъ что съ своей стороны разсказываетъ о Бѣлинскомъ извѣстный беллетристъ Лажечниковъ, состоявшій директоромъ учи-

В. Бѣлинскій

лицъ пензенской губерніи въ то время, когда Бѣлинскій воспитывался въ чебарекскомъ уѣздномъ училищѣ. «На всѣ дѣлаемые ему вопросы Бѣлинскій отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностью, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъ же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ большею частью своими словами, прибавляя то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ.— доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросаясь съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и признаюсь, старался сбить его... Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ».

Бѣлинскому было тогда 13 лѣтъ. Самъ онъ рассказываетъ о томъ времени, что онъ дено и ноцію списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитриева, Державина, плакалъ, читая «Бѣдную Лизу», писалъ баллады. Такимъ образомъ уже въ раннемъ дѣтствѣ пылливость его ума равнялась его любви къ литературѣ. Но вотъ далѣе свидѣтельство одного изъ его гимназическихкихъ учителей М. Н. Попова, человѣка, какъ и отецъ Бѣлинскаго, далеко не дюжиннаго: «По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ, — рассказываетъ Поповъ: — Бѣлинскій былъ не ровный мнѣ; но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ... Бывало, когда отправлюсь съ учениками за городъ, во всю дорогу, пока не дойдешь до насѣки, что позади городского гулянья, или до рощи, что за рѣкой Пензой, Бѣлинскій пристаётъ ко мнѣ съ вопросами о Гёте, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодые сердца». Таковъ былъ Бѣлинскій еще задолго до достиженія имъ гражданскаго совершеннолѣтія, таковъ онъ былъ, и когда на 19-мъ году жизни поступилъ въ московскій университетъ. Пылкостью ума, любовью къ литературѣ объясняется и то общезвѣстное обстоятельство, что онъ былъ плохимъ ученикомъ, плохимъ студентомъ: весь поглощенный своимъ страстнымъ стремленіемъ къ правдѣ, которую онъ искалъ въ литературѣ, онъ не находилъ времени и не имѣлъ охоты заниматься предметами гимназическаго и университетскаго образованія. Въ университетѣ онъ жадно слушалъ только лекціи Надеждина и Павлова—профессоровъ, которые знакомили студента съ литературою и идеями германской философіи, увлекался театромъ, гдѣ такіе артисты, какъ Щепкинъ и Мочаловъ, комментировали своею игрою литературныя произведенія. Цѣльность натуры Бѣлинскаго проявилась уже въ молодости съ необычайною силою: всякое раздвоеніе труда и помысловъ противорѣчило внутреннему его существованію. Онъ могъ жить только для одной цѣли, и эта цѣль поглощала его до того, что онъ ничего другого не видѣлъ и не слышалъ. Лѣнивый ученикъ, лѣнивый студентъ обладалъ жельзнымъ трудолюбіемъ, когда онъ работалъ надъ тѣмъ, что ему было дороже самой жизни.

Какъ однако несправедливы къ Бѣлинскому лица, утверждающія, будто бы все его значеніе печеривается этимъ неканіемъ правды, проявившимся въ немъ уже съ такихъ раннихъ лѣтъ. Нѣтъ, при блестящихъ дарованіяхъ Бѣлинскаго, при жельзномъ его трудолюбіи это неканіе правды не было безилодно: оно дало крупныя положительныя результаты, и кругъ идей, выработанныхъ Бѣлинскимъ, сохранилъ до настоящаго дня свое первенствующее значеніе въ русскомъ общественномъ самосознаніи. Можно ли серьезно останавливаться на вопросѣ, — совершенно ли самостоятельно Бѣлинскій выработалъ этотъ кругъ идей? Не достаточно ли намъ знать, что онъ имъ далъ такое яркое и сильное выраженіе, что и по истеченіи полувѣка послѣ его смерти нельзя уяснить себѣ ни развитія нашего общественнаго самосознанія, ни нашей литературы, не изучивъ внимательнѣйшимъ образомъ произведеній Бѣлинскаго? Не достаточно ли намъ знать, что тѣ жгучіе вопросы нашего общественнаго самосознанія и литературной критики, которые съ необычайной силой выдвинуты Бѣлинскимъ, до настоящаго дня приковываютъ къ себѣ вниманіе всѣхъ лучшихъ русскихъ людей?

Намъ говорятъ, что въ Бѣлинскомъ совмѣщаются собственно

три Бѣлинскихъ: Бѣлинскій 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ. Люди, преклоняющіеся предъ Бѣлинскимъ 40-хъ годовъ, презрительно пожимаютъ плечами надъ Бѣлинскимъ 20-хъ годовъ и ненавидятъ Бѣлинскаго 30-хъ годовъ. Тѣ же, которые одобряютъ Бѣлинскаго 30-хъ годовъ, признаютъ Бѣлинскаго 40-хъ годовъ опаснымъ человѣкомъ. Наконецъ люди, одобряющіе Бѣлинскаго 20-хъ годовъ, признаютъ Бѣлинскаго 30-хъ и 40-хъ годовъ мыслителемъ, вступившимъ на совершенно ложную дорогу. Выходитъ, какъ будто Бѣлинскій былъ въ полномъ противорѣчій съ самимъ собою, боролся за разныхъ боговъ, проповѣдывалъ діаметрально противоположныя взгляды.

На самомъ дѣлѣ никакого Бѣлинскаго 20-хъ годовъ, какъ литературнаго критика, не существуетъ. Какъ извѣстно, Бѣлинскій поступилъ въ университетъ въ 1829 г., когда ему было всего 19 лѣтъ. Литературная дѣятельность его относится всецѣло къ 30-мъ и 40-мъ годамъ, а первая его серьезная критическая статья, его знаменитыя «Литературныя мечтанія» — къ 1834 году. Все, что въ этой мысли о трехъ различныхъ Бѣлинскихъ есть вѣрнаго, заключается въ указаніи, что міросозерцаніе Бѣлинскаго прошло черезъ три фазиса, что онъ подчинился вліянію нѣмецкой философіи Шеллинга, Онкена и Гегеля и затѣмъ вліянію славянофиловъ и западниковъ. Но не забудемъ, во-первыхъ, что собственно все мышленіе людей 30-хъ и 40-хъ годовъ имѣетъ своимъ источникомъ нѣмецкую философію, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ людей остались ей вѣрными, превративъ ее въ славянофильское или западническое ученіе, а другіе увлеклись социальными ученіями французовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отвергли нѣмецкую философію. Бѣлинскій такимъ образомъ является только сыномъ своего времени. Въ Бѣлинскомъ совмѣщались тѣ три источника, которые постепенно образовали три мощныхъ теченія, до сихъ поръ исчерпывающія русскую общественную мысль. Первое теченіе, это—принципъ постепеннаго *личнаго самоусовершенствованія*. «Люби добро,— писалъ Бѣлинскій: — и тогда ты будешь необходимо полезенъ своему отечеству, не думая и не стараясь быть ему полезнымъ. Если бы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства, тогда Россія безъ всякой политики сдѣлалась бы счастливѣйшею страной въ мірѣ... Гражданская свобода должна быть плодомъ внутренней свободы каждаго индивида, составляющаго народъ, а внутренняя свобода приобрѣтается сознаніемъ». Второе теченіе, это — признаніе *исторически сложившихся факторовъ* могущества и прогресса Россіи. «Россія,— писалъ Бѣлинскій: — не изъ себя разовьетъ свою гражданственность и свою свободу, но получитъ то и другое отъ своихъ царей такъ, какъ уже много получила отъ нихъ того и другого». Это полное признаніе историческихъ формъ, въ которыя вылилась русская жизнь, нашло себѣ выраженіе въ признаніи «дѣйствительности» законной и «разумной». Въ этой мысли есть глубокий смыслъ, который очень отчетливо выисненъ Бѣлинскимъ.

Наконецъ, третье теченіе можетъ быть резюмировано въ слѣдующихъ словахъ Бѣлинскаго: «Если бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія, я и тамъ попросилъ бы... отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суетвѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр... Я не хочу счастья и даромъ, если не буду спокоенъ насчетъ каждаго изъ моихъ братій по крови». Это третье теченіе можетъ быть названо *протестомъ противъ несовершенной дѣйствительности*, провозглашеніемъ борьбы противъ существующаго помимо исторически сложившихся условій, даже вопреки имъ.

Стоитъ только указать на эти три теченія, чтобы понять, что Бѣлинскій своимъ проицательнымъ умомъ и своею талантливою рукою какъ бы предсудотрѣлъ все умственное движеніе русскаго общества за тѣ 50 лѣтъ, которыя отдѣляютъ насъ отъ дня его смерти. Принципъ нравственнаго самоусовершенствованія, принципъ послѣдовательнаго историческаго развитія, принципъ протеста, впервые ясно имъ выраженные, сохраняютъ всю свою силу и достигаютъ по временамъ чрезвычайнаго напряженія во второй половинѣ XIX вѣка. Вду-

маемся въ философію гр. Л. Н. Толстого, вспомнимъ, сколько сторонниковъ она имѣть, и мы поймемъ, какъ живутъ первый изъ провозглашенныхъ Бѣлинскимъ принциповъ; вспомнимъ великія реформы Царя-Освободителя, и мы поймемъ, какое громадное значеніе имѣть второй изъ провозглашенныхъ Бѣлинскимъ принциповъ; вспомнимъ наконецъ шумное журнальное и общественное движеніе, начавшееся въ 60-хъ годахъ, и мы уяснимъ себѣ изумительную пронизательность, проявленную Бѣлинскимъ, когда онъ провозглашалъ третій принципъ.

Теперь прошло 50 лѣтъ со дня его смерти. И что же мы видимъ? До сихъ поръ эти три принципа остаются непримиренными и въ литературѣ, и въ жизни. Подумаемъ объ этомъ и спросимъ себя, — какая дерзкая рука осмѣлится бросить въ покойнаго нашего критика камень за то, что онъ не примирилъ того, чего не сумѣли примирить соединенныя силы всѣхъ русскихъ людей, — напряженная мысль, облившаяся порою кровью сердца мыслителей и дѣятелей многихъ смѣявшихся десятилѣтій.

О, нѣтъ! Этотъ упрекъ — святотатство по отношенію къ памяти Бѣлинскаго. Не упрекать его мы должны, а благодарить за то, что онъ съ такою необычайною силою и отчетливостью выявилъ намъ основныя грани русскаго общественнаго самосознанія, и затѣмъ еще глубоко сожалѣть о томъ, что смертельный недугъ прервалъ его жизнь такъ рано. потому что если бы Бѣлинскій остался живъ, если бы онъ продолжалъ освѣщать намъ путь свѣтомъ своей пламенной любви къ истинѣ и своимъ гражданскимъ мужествомъ, то онъ избавилъ бы насъ, можетъ-быть, отъ многихъ роковыхъ ошибокъ.

Но оставимъ эту сторону вопроса и приедемъ къ свѣтлому обликъ Бѣлинскаго съ другой точки зрѣнія. «Я — литераторъ. — писалъ онъ: — говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и горькимъ убѣжденіемъ. Литературѣ расейской — моя жизнь и моя кровь». Но онъ не только любилъ литературу, не только посвящалъ ей всѣ свои помыслы и чувства, всю свою жизнь до послѣдняго вздоха, онъ ее удивительно какъ понималъ. Сошлемся на авторитетъ Тургенева. Бѣлинскій, по его словамъ, «чувствовалъ русскую суть, какъ никто. Не признавая нашихъ лже-классическихъ, лже-народныхъ авторитетовъ, неспровергая ихъ, онъ въ то же время тоньше всѣхъ и вѣрнѣе всѣхъ умѣлъ оцѣнить и дать уразумѣть другимъ то, что было дѣйствительно самобытнаго, оригинальнаго въ произведеніяхъ нашей литературы. Ни у кого уха не было такъ чутко; никто не ощущалъ болѣе живо гармонию и красоту нашего языка». Получить такое признаніе изъ устъ одного изъ величайшихъ художниковъ нашего вѣка

не мало значить. И дѣйствительно, народилось много критиковъ послѣ Бѣлинскаго, но кто изъ нихъ вѣрнѣе оцѣнилъ и Кантемира, и Ломоносова, и Державина, и Пушкина, и Гоголя, и Кольцова, и многихъ другихъ? Вотъ мы недавно вспомнили о Бенедиктовѣ по поводу 25-лѣтія со дня его смерти. Когда въ 1836 году появился сборникъ его стихотвореній, всѣ пришли въ восторгъ отъ нихъ: литераторы, критики, молодежь, — все общество, а Бѣлинскій сразу отнесся къ нему отрицательно. Его приговоръ подтвержденъ потомствомъ.

Бѣлинскій раскрылъ намъ смыслъ и значеніе нашей родной литературы. Изучая ее съ страстнымъ вниманіемъ, онъ изучалъ въ ней жизнь, потому что литература — зеркало жизни. Если онъ, какъ мы видѣли, необычайно отчетливо, словно пророкъ, предусмотрѣлъ главныя теченія нашей общественной мысли, то онъ отбѣтилъ въ то же время и главныя теченія въ нашей литературѣ. Изучая послѣднюю, онъ изучалъ жизнь, и поэтому нельзя сознательно любить ни Россіи, ни родного слова, не изучая Бѣлинскаго.

Надо ли послѣ всего сказаннаго еще выяснять обликъ Бѣлинскаго, какъ человѣка? Въ комъ живетъ такая жгучая любовь къ правдѣ, тотъ долженъ быть хорошимъ человѣкомъ. По отзывамъ всѣхъ, его близко знавшихъ, Бѣлинскій былъ свѣтлою личностью въ полномъ значеніи этого слова. Онъ о себѣ никогда не помнилъ; думалъ онъ только о другихъ или, точнѣе говоря, о томъ дѣлѣ, которому посвятилъ всю свою жизнь. Въ собственннхъ промахахъ онъ признавался тотчасъ же, былъ очень невысокаго мнѣнія о себѣ и своихъ способностяхъ. Всякую личную обиду пропалъ охотно, и злопамятства въ немъ не было никакого. Но когда онъ защищалъ любимое имъ дѣло, онъ пощады не зналъ, и тогда онъ тотчасъ же превращался въ «неистоваго Виссаріона»; скромный и робкій, какъ человѣкъ, онъ, несмотря на свою болѣзненность, на слабый свой организмъ, проявлялъ удивительное мужество и отчаянную отвагу, когда защищалъ идею.

Такъ отзывались о немъ лучшіе люди, знавшие его при жизни. Мы не можемъ краснорѣчивѣе закончить этого бѣлаго очерка его жизни и дѣятельности, какъ повторивъ здѣсь заключительныя слова «литературныхъ воспоминаній» о Бѣлинскомъ писателя, котораго мы всѣ одинаково любимъ и уважаемъ. «И вотъ уже двадцать лѣтъ слишкомъ, — писалъ Тургеневъ: — прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ видѣлся съ Бѣлинскимъ. Я вызвалъ его дорогую тѣнь... Не знаю, насколько мнѣ удалось передать читателямъ главныя черты его образа; но я уже доволенъ тѣмъ, что онъ побылъ со мной, въ моемъ воспоминаніи...

Человѣкъ онъ былъ».

Къ 50-лѣтію со дня кончины В. Г. Бѣлинскаго.

Чествованіе памяти Бѣлинскаго. — Торжественное собраніе Общества русской словесности въ Москвѣ. — Выставка въ память Бѣлинскаго. — Портреты нашего критика. — Тургеневъ о наружности Бѣлинскаго. — Картина А. А. Наумова „Бѣлинскій передъ смертью“. — Могила Бѣлинскаго. — Профессора Бѣлинскаго — Надеждинъ и Павловъ. — Характеристика Н. В. Станевича. — Мочаловъ и Щенкинъ. — Вдова и дочь Бѣлинскаго. Ихъ жизнь послѣ его смерти. — Домъ Бѣлинскаго въ Чембарѣ. Описаніе этого города.

...О тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное племя...
И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила...—

такъ мрачно пророчествовалъ Некрасовъ, вспоминая о своемъ близкомъ и искренно-любимомъ другѣ, „дѣствомъ Виссаріонѣ“, лѣтъ черезъ пять послѣ его преждевременной кончины.

Некрасовъ оказался очень плохимъ пророкомъ, и самъ первый, конечно, отъ всей души порадовался бы этому, если бы онъ дожидъ до полулѣтковой годовщины дни кончины своего великаго друга и видѣлъ, какъ задшевно русское общество вспоминаетъ эту приближающуюся годовщину. Если не пришло еще то время, „когда мужикъ не Блюхера и не милорда глупаго — Бѣлинскаго и Гоголя съ базара понесетъ“, то близка уже пора, когда имя Бѣлинскаго сдѣлается извѣстнымъ всѣмъ и каждому и войдетъ въ обиходную рѣчь. Когда-то И. С. Аксаковъ писалъ отцу, что вся провинціальная Россія дѣлится на двѣ неравныя разубрама половинны, — на читающую Бѣлинскаго и не читающую его. Первая — свѣтъ, стремленіе къ правдѣ, здоровое зерно провинціи, вторая — ея тина, царство вѣтки, кулака, водки и карты... Теперь эта оригинальная

пропорція очевидно значительно измѣнилась въ пользу здороваго зерна провинціи.

Починъ въ чествованіи 50-лѣтія со дня кончины Бѣлинскаго принадлежитъ Обществу любителей русской словесности, дѣйствительнымъ членомъ котораго состоялъ Бѣлинскій. Оно устроило въ Москвѣ выставку въ память Бѣлинскаго и назначило на 8-е апрѣля торжественное засѣданіе. Торжество было и интереснымъ, и знаменательнымъ. Прежде всего, имъ публично была воздана, наконецъ, на десятилѣтія запоздавшая давнѣе лучезарной памяти человѣка, чьимъ основнымъ жизненнымъ принципомъ было: „мы должны созидать, чтобы вникать нашимъ легче было жить“, и вся страстная любовь котораго къ литературѣ и дѣлу журналиста вылилась какъ-то въ словахъ: „умру на журналъ, и въ гробъ велю положить подъ голову книжку *Отечественныхъ Записокъ*“; памяти писателя, у котораго жажда правды и блага родины дивно сочеталась съ блестящимъ, увлекательнымъ талантомъ, который, наконецъ, не только прекрасенъ какъ личность, но и великъ достигнутыми результатами, сдѣлалъ богатый вкладъ въ сокровищницу русской мысли и общественнаго самосознанія. Торжественное засѣданіе и выставка помогли слушателямъ и посетителямъ яснѣе уразумѣть значеніе Бѣлинскаго, цѣну его идей и красоту его личности, поддели итогъ всему, что съ конца пятидесятыхъ годовъ говорилось о критикѣ, и сгруп-

пировали воедино материалы, разбросанные по отдельным книгам, статьям, мемуарам, письмам. Благодаря рѣчам и иллюстрирующим их эскизамъ небольшой, но стройной выставки, воскрес и всталъ во весь свой ростъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей родной литературы, и обострились, если можно такъ выразиться, любовь и уваженіе къ нему.

Торжественное чествованіе памяти Бѣлинскаго было устроено Обществомъ любителей россійской словесности въ актовомъ залѣ университета. Среди гостей, переносившихъ залъ, были пріѣзжіе изъ Петербурга литераторы, присутствовала 80-лѣтняя старушка А. В. Орлова, сводчица Бѣлинскаго.

Предсѣдатель общества, проф. П. И. Стороженко, открылъ торжество, обращаясь съ приветствіемъ отъ имени общества къ А. В. Орловой, при чемъ пердалъ ей въ воспоминаніе о чествованіи

В. Г. Бѣлинскій въ годъ смерти.

заслугъ ея великаго родственника букетъ цвѣтовъ; это приветствіе было покрыто продолжительными рукоплесканіями всего зала. Въ своей рѣчи проф. Стороженко остановился главнымъ образомъ на одномъ вопросѣ,—вопросѣ объ эволюціи критическихъ взглядовъ Бѣлинскаго, и закончилъ указаніемъ на то, какъ

велико значеніе Бѣлинскаго, какъ критика, и какую признательностью мы обязаны ему за многое изъ того, что вошло въ обиходъ нашей общественной жизни, но что въ его время составляло предметъ пламенныхъ мечтаній и поводовъ для страстной борьбы.

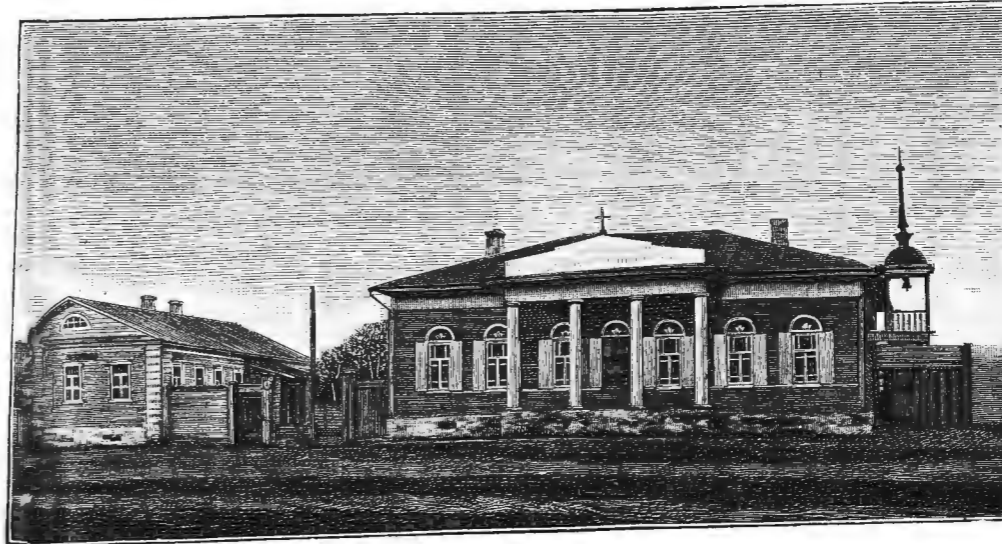
Сообщеніе И. И. Иванова „Бѣлинскій, какъ русскій культурно-историческій типъ“, представило живую картину внутренней жизни и постепеннаго духовнаго роста В. Г. „Это былъ, — сказалъ г. Ивановъ:—природный апостолъ, искавшій прозвѣствовъ во что бы то ни стало и не смущавшійся, когда встрѣчалъ на своемъ пути несогласныхъ съ собою. Если они шель не всегда одною дорогою, то дѣли, которыя онъ

или сначала „неистовымъ Роландомъ“, затѣмъ „неистовымъ Виссаріономъ“, проф. Веселовскій провелъ параллель между героемъ Аріосто и Бѣлинскимъ. При кипучемъ темпераментѣ Бѣлинскаго, при томъ ускоренномъ темпѣ, которымъ была его жизнь, для него были особенно тѣсны общественныя условія тогдашней русской жизни, между тѣмъ, какъ, по выраженію Бѣлинскаго, „хотѣлось порою умереть отъ избытка жизни“. Статьи Бѣлинскаго представляютъ лишь слабую конію, блѣдный отблескъ того первичнаго образа, который имѣли мысли Бѣлинскаго. Ни въ западной литературѣ, ни въ русской послѣ Бѣлинскаго нельзя указать такого удивительнаго сліянія критическаго чувства, публицистическаго таланта и горячаго чувства. И если въ литературной критикѣ имя Бѣлинскаго останется незабвеннымъ, то въ исторіи личности этотъ „гладіаторъ“ и рыцарь правды займетъ одно изъ выдающихся мѣстъ.

Сообщеніе Г. А. Джаншѣва „Бѣлинскій и эпоха реформъ“ устанавливало

Г. Чембаръ, пензенской губ. Домъ, въ которомъ жилъ В. Г. Бѣлинскій. Съ фот. А. Путова грав. Шлиперъ.

Г. Чембаръ, пензенской губ. Царская церковь съ находящимся рядомъ на одной усадьбѣ пансіономъ. Съ рѣдкаго стариннаго рисунка грав. Шлиперъ.

преслѣдовалъ, принципы, которымъ служилъ, были всегда неизмѣнны. Завѣты, оставленные Бѣлинскимъ, далеко еще не осуществлены; средства и способы, которые онъ применилъ въ своихъ писаніяхъ—обнаженіе русской дѣйствительности и сопоставленіе съ нею результатовъ и выводовъ европейской общественной мысли и жизни,—надолго останутся надежными и неизбѣжными. И если одинъ изъ враговъ Бѣлинскаго сказалъ про него: „Бѣлинскій умеръ, — живъ Бѣлинскій“, то въ этихъ словахъ заключается лучшая похвала знаменитому дѣятелю, невольное признаніе его неумирающаго вліянія на послѣдующую жизнь и послѣдующія поколѣнія“.

Фактической по преимуществу характеръ имѣло сообщеніе

В. Е. Якушкина: „Бѣлинскій, его друзья и враги“. Лекторъ напомнилъ слушателямъ главнѣйшіе эпизоды изъ жизни и дѣятельности нашего критика. Яркую характеристику душевнаго склада Бѣлинскаго явилось сообщеніе А. Н. Веселовскаго „Orlando furioso“. Напомнивъ о томъ, какъ произведеніе Аріосто, усердно читавшееся Бѣлинскимъ и его товарищами-студентами, дало поводъ къ наименованію страстнаго и увлечкающаго юно-

Марья Васильевна Бѣлинская.

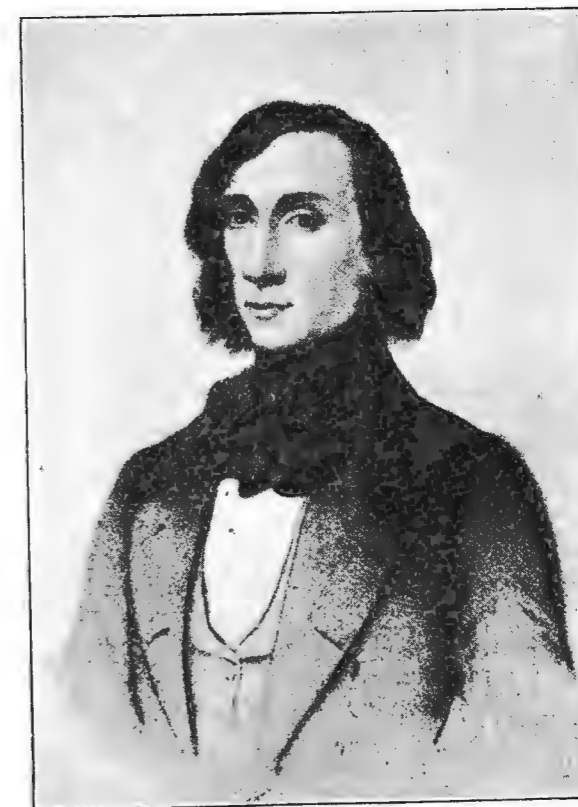

А. В. Орлова (сестра М. В. Бѣлинскій). О. В. Бѣлинская (по мужу Бензи). М. В. Бѣлинская (жена Бѣлинскаго). Семейная группа родныхъ Бѣлинскаго.

Н. А. Некрасовъ. В. Г. Бѣлинскій. И. И. Панаевъ. Дочь Бѣлинскаго. Жена Бѣлинскаго, Марья Васильевна.

Бѣлинскій передъ смертью. Съ картины А. А. Наумова, грав. Адтъ.

Н. В. Станкевичъ, другъ Бѣлинскаго.

связь реформы 60-х годов съ публицистическою дѣятельностью В. Г. Наибольше крѣпка эта связь, конечно, съ главнѣйшею извовой нашего до-реформеннаго быта — крѣпостнымъ правомъ. Еще на студенческой скамьѣ Бѣлинскій написалъ драму: „Дмитрій Калинин“, бичующую зло крѣпостного права. Этимъ произведеніемъ юноша какъ бы далъ Аннибалову клятву бороться всю жизнь съ порабощеніемъ человѣка. Если на необходимость другихъ реформъ Александра II въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго и нѣтъ прямыхъ указашій, то, съ одной стороны, они подготовили ту почву, благодаря которой сдѣлалось возможнымъ возрожденіе Россіи, съ другой—въ письмахъ Бѣлинскаго разбросано множество мыслей, показывающихъ, что знаменитымъ публицистомъ ясно сознавался не только духъ, въ которомъ предстояло произвести преобразование русской жизни, но и тѣ конкретныя сферы ея, которыя пуждались въ преобразованияхъ.

Чествованіе памяти знаменитаго критика закончилось чтеніемъ стихотвореній, посвященныхъ Бѣлинскому Некрасовымъ. Эти стихотворенія, прекрасно прочитанныя кн. А. И. Сумбатовымъ, были: неизданная поэма „Бѣлинскій“, „Памяти пріятеля“ и отрывки изъ „Медвѣжьей охоты“.

Послѣ засѣданія Обществомъ было отправлено по телеграфу привѣтствіе дочери Бѣлинскаго, О. В. Бензи въ Парижъ.

Всѣ эти рѣчи, а также и выставка въ честь Бѣлинскаго оживили его образъ для публики и раздули искру любви къ нему, быть-можетъ и не перестававшую слабо теплѣться. Наконецъ, выставка доказала, что и у насъ понемногу паучаются цѣнить своихъ знаменитыхъ людей и дорожить каждою лоскуткою, о нихъ напоминающимъ, связаннымъ съ ихъ именемъ. Варварское обращеніе съ рукописями великихъ писателей, не разъ продававшихся на вѣсъ и ухидившихъ на оклейку комматъ или на мѣшки

подъ ягоды и орѣхи, со всякими реликвіями, бросавшимися, какъ ненужная ветвь и погибавшимъ безъ слѣда,—и у насъ понемногу отходить въ область преданія. Выставки, въ родѣ той, которая была устроена въ память Бѣлинскаго, сильно пріучаютъ къ такому заботливому и любовному отношенію. Всѣ эти бережно подобранные и принесенныя на выставку Бѣлинскаго клочки его писемъ, крошечныя записочки, книжки съ его помѣтками или просто фамилією и т. п., внятно говорятъ о нарастающей культурности и производятъ трогательное впечатлѣніе, можно было бы сказать: умиляютъ, если бы мы не опасались упрека въ сентиментальности...

Выставка была не велика. Вся она свободно размѣстилась въ одной среднихъ размѣровъ залѣ университетской библиотеки. Въ ней было нумеровъ двѣсти, не больше; ни убранствомъ, ни вѣнчимъ разнообразіемъ она не блистала. Нѣсколько тощенькихъ лавровыхъ деревьевъ въ глубинѣ залы, вокругъ картины покойнаго Наумова, да бронзовый бюстъ критика въ центрѣ,— вотъ и всѣ „украшенія“. Затѣмъ—скромныя витринки и въ нихъ—книжки, тетрадки, листочки, портреты. Человѣку, мало знакомому съ жизнью Бѣлинскаго и его эпохою или не подготовленному къ обзору выставки хотя бы произведеніями въ торжественномъ засѣданіи рѣчами гг. Стороженка, Веселовскаго, Иванова, Джанишева и Якушкина, она, пожалуй, ничего не говорила. Да такіе люди врядъ ли и заглянули въ эти дни въ университетскую библиотечную залу. Но для посѣтителя другого порядка не кричащія экспонаты выставки складывались въ стройную картину и наполнили живыми образами ранѣе знакомую повѣсть о томъ, какъ жилъ, увлекался и мучился одинъ изъ прекраснѣйшихъ русскихъ людей, смыслъ личности и жизни котораго Тургеневъ опредѣлилъ, какъ „стремительное домогательство истины“.

Въ повѣсти этой, къ сожалѣнію, недостаетъ нѣсколькихъ началныхъ страницъ. На выставкѣ, напримѣръ, не было портрета отца будущаго знаменитаго критика, Григорія Николаевича, маленькаго чембарскаго Чацкаго и уѣзднаго врача, человѣка, судя по всѣмъ свѣдѣніямъ, какія дошли до насъ, во всякомъ случаѣ недолгожившаго и имѣвшаго па Виссаріона пе-

сомнѣнное и благотворное вліяніе. Въ дружескихъ бесѣдахъ съ „неуживчивымъ“ отцомъ-вольгтерьянцемъ нельзя не видѣть перваго источника правдолюбія, которымъ потомъ была захвачена вся страстная, увлекающаяся душа Виссаріона-юноши, и которое, въ соединеніи съ особенностями этой души, этой пламенной натуры создало изъ него выдающагося критика. Нѣтъ на выставкѣ и матери Бѣлинскаго, женщины съ узкимъ круговоротомъ, но доброй и заботливой въ отношеніяхъ къ дѣтямъ. Не было, наконецъ, и это грустнѣе всего, и самого „пенетоваго Виссаріона“ въ ранній періодъ его недолгой, длившейся лишь 38 лѣтъ жизни. Первый портретъ критика, по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ, что извѣстны теперь и попали на выставку, относится къ 1843 году, когда Бѣлинскому было уже тридцать три года, и онъ стоялъ въ зенитѣ и своей кипучей дѣятельности, и своей извѣстности. Портретъ этотъ, по общему признанію, одинъ изъ лучшихъ, хотя по части портретовъ Бѣлинскому вообще не повезло. Портретъ—литографическій и сдѣланъ академикомъ К. А. Горбуновымъ. Критикъ изображенъ почти въ профиль, безъ бороды и усомъ, съ глубокою горькою складкою у губъ и скорбными глазами, въ которыхъ читается ясный укоръ. Очевидно, схвачено выраженіе одной изъ тѣхъ минутъ, когда стихалъ пылъ бурнаго писателя-борца, для котораго „увлеченіе,—говори словами автора „Обломова“,—было лучшимъ средствомъ добыть истину“,—и начиналось горькое раздумье. Да почти таково же выраженіе чуть ли не на всѣхъ

портретахъ и бюстахъ, собранныхъ на выставкѣ. Проходитъ годъ-другой, и въ лицѣ Бѣлинскаго замѣчается маленькая перемѣна: занускаются усы. Впрочемъ, перемѣна эта—лишь въ фантазіи господъ портретистовъ, трудно объяснимая прихоть ихъ карандаша. Такимъ, какимъ критикъ показанъ хотя бы на литографіи, издавшой въ 1859 г. Мюнстеромъ,—бригиттъ, но съ усамъ, онъ никогда не былъ.

Впрочемъ, лучшій портретъ Бѣлинскаго далъ

память знаменитый „художникъ слова“ И. С. Тургеневъ:

„Опишу его наружность,—говоритъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ“.—Извѣстный литографическій, едва ли не единственный портретъ его даетъ о немъ понятіе невѣрное. Срисовывая его черты, художникъ почелъ за долгъ воспарить духомъ и украсить природу, и потому придаль всей головѣ какое-то повелительно-вдохновенное выраженіе, какой-то военный, чуть не генеральскій поворотъ, неестественную позу, что вовсе не соответствовало дѣйствительности и нисколько не согласовалось съ характеромъ и обычаемъ Бѣлинскаго. Это былъ человѣкъ средняго роста, на первый взглядъ довольно некрасивый и даже нескладный, худощавый, съ вилкою грудью и понурой головою. Одна лопатка замѣтно выдавалась больше другой. Всякаго, даже не медика, немедленно поражали въ немъ всѣ главныя признаки чахотки, весь такъ-называемый habitus этой злой болѣзни. При томъ же онъ почти постоянно кашлялъ. Лицо онъ имѣлъ небольшое, блѣдно-красноватое, носъ неправильный, какъ бы приплюснутый, ротъ слегка искривленный, особенно когда раскрывался, маленькіе, частые зубы; густые бѣлокурые волосы падали клокомъ на бѣлый, прекрасный, хоть и низкій, лобъ. Я не видалъ глазъ болѣе прелестныхъ, чѣмъ у Бѣлинскаго. Голубые, съ золотыми искорками въ глубинѣ зрачковъ, эти глаза, въ обычное время полузакрытыя рѣсницами, расширялись и сверкали въ минуты воодушевленія; въ минуты веселости взглядъ ихъ принималъ плѣнительное выраженіе привѣтливой доброты и безпечнаго счастья. Голосъ у Бѣлинскаго былъ слабъ, съ хрипотою, но пріятенъ; говорилъ онъ съ особенными удареніями и придыханіями, „упростуя, волнуясь и спѣша“ (стихъ Некрасова). Смѣялся онъ отъ души, какъ ребенокъ. Онъ любилъ расхаживать по комматѣ, постукивая пальцами красивыхъ и маленькихъ рукъ по табакеркѣ съ русскимъ табакомъ. Кто видѣлъ его только на улицѣ, когда въ теломъ картузѣ, старой епотовой шабенькѣ и стонтаныхъ калошахъ, онъ торопливо и неровной походкой пробирался вдоль стѣны и съ нугливой суровостью, свойственной нервическимъ людямъ, озирался вокругъ—тогъ не могъ составить себѣ вѣрнаго о немъ понятія,

Г. Чембарь, пензенской губ. Уѣздная земская управа и мужское приходское училище.
Съ фот. Путова грав. М. Рашевскій.

и я до фкторой степени понимаю восклицаніе одного провинціала, которому его указали: „Я только къ лбу такихъ волковъ видывалъ, и то только травленных!“ Между чужими людьми, на улицѣ, Бѣлинскій легко робѣлъ и терялся. Дома онъ обыкновенно носилъ стѣрый сюртукъ на ватѣ и держался вообще очень опрятно. Его выговоръ, манеры, тѣлодвиженія живо напоминали его происхождение; вся его повадка была чисто русская, московская; не даромъ въ жилыхъ его текла безпримѣсная кровь—принадлежность нашего великорусскаго духовенства, столько вѣковъ недоступнаго вліянію иностранной породы.

„Бѣлинскій былъ, что у насъ рѣдко, дѣйствительно страстный и дѣйствительно искренній человекъ, способный къ увлеченію беззаветному, но исключительно преданный правдѣ, раздражительный, но не самолюбивый, умѣвшій любить и ненавидѣть безкорыстно“.

Пять лѣтъ, полныя бурь и незадачъ, непосильной работы и непрестаннаго горѣнія, оравленныя чахоткою, не могли, конечно, пройти безслѣдно и для вѣщности Бѣлинскаго, наложивъ на нее гораздо болѣе глубокіе слѣды, чѣмъ тѣ, о какихъ говоритъ сличеніе портретовъ. Какъ ужасно измѣнился Бѣлинскій, со скорбнымъ краснорѣчіемъ свидѣтельствуется рисункомъ карандашомъ Редера, исполненный въ концѣ пятидесятихъ годовъ для Некрасова въ Парижѣ, по оригиналу Языковой, сдѣланному съ натуры въ маѣ 1848 г., т. е. въ самый мѣсяцъ смерти Бѣлинскаго. Пусть переѣзжа даже нѣсколько утрирована, — переѣзжа во всякомъ случаѣ страшная. Бѣлинскаго почти не узнаешь. Первая возбужденность лица достигла крайняго предѣла, худоба его и лихорадочный, безпомощный взоръ говорятъ о послѣднемъ градусѣ злѣйшей чахотки. Человѣку остается жить не дни, — часы... Нѣсколько растрепанные волосы на головѣ и въ бородѣ

еще усиливаютъ тяжелое впечатлѣніе, какое производитъ лицо критика. Почти то же лицо, но лишь болѣе облагороженное, нѣсколько удлиненное—на картинѣ Наумова, изображающей Бѣлинскаго незадолго до смерти. Небольшой кабинетикъ, уставленный книгами, увѣшанный портретами русскихъ писателей; пада въ полураскрытымъ шкапомъ, изъ котораго также глядитъ корешки переплетенныхъ томовъ,—бюстъ Пушкина, нашедшаго въ Бѣлинскомъ такого восторженнаго цѣнителя и такого тонкаго судью, Пушкина, обширнѣйшей статьей о которомъ Бѣлинскій заложилъ краеугольный камень своего нерукотворнаго памятника; на обращенномъ въ кровать диванѣ лежитъ подъ одеяломъ Бѣлинскій, съ усиленіемъ приподнявшійся съ подушекъ и лихорадочными, полными тревоги глазами глядитъ по направленію къ двери, въ которую только что вошла перепуганная Марья Васильевна, съ топкилмъ, благодарнымъ профилемъ; въ ту же сторону, къ двери обращены лица собесѣдниковъ большого Бѣлинскаго, — Некрасова и Панаева: у кресла беззаботно возится съ муклою, равнодушная къ общей тревогѣ, свѣтлоголовая дѣвчурка, дочь большого критика, а въ дверяхъ слабымъ коштормъ вырисовывается фигура жандарма, посланнаго отъ канцеляріи III-го отдѣленія. По самымъ послѣднимъ расслѣдованіямъ, фактъ изъ жизни критика, воспроизведенный на полотнѣ А. А. Наумова и поддержанный разнорѣчивымъ толкованіемъ, вызванъ былъ въ сущности комичнымъ недоразумѣніемъ. Г. Якушкинъ рассказываетъ по этому поводу слѣдующее: „Извѣстно, что въ 1848 г. бывшій цезаревскій учитель Бѣлинскаго Попова, — съ которымъ нашъ критикъ поддерживалъ наилучшія отношенія до самой своей смерти, добавимъ мы отъ себя, — служившій тогда въ канцеляріи III-го отдѣленія, писалъ ему, вызывая явиться для объясненій. Первое письмо Попова было послано 20-го февраля; больной Бѣлинскій не могъ явиться на этотъ зовъ, но былъ встревоженъ такимъ требованіемъ. Прошло болѣе мѣсяца; Бѣлинскому ста-

новилось хуже и хуже; 27-го марта послѣдовало второе письмо отъ Попова, въ которомъ бывшій учитель успокаивалъ, что приглашаютъ только затѣмъ, что „желаютъ познакомиться“ съ нимъ. Вотъ, 28-го марта 1848 года, когда явился посланный со вторичнымъ письмомъ Попова, у Бѣлинскаго сидѣли Некрасовъ и Панаевъ. Послѣ этого второго письма, опять повторившаго приглашеніе явиться, одинъ изъ пріятелей Бѣлинскаго отправился къ Попову для переговоровъ, и бывшій учитель великаго критика „просилъ успокоить больного и объяснить ему, что онъ вызывался не по какому-либо частному дѣлу или обвиненію, но какъ одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ русской литературы, единственно для того, чтобы познакомиться съ начальникомъ вѣдомства, гдѣ служилъ Попова“.

Печальный заключительный моментъ многострадальной, но и многополезной жизни, закрѣпленъ на послѣднемъ портретѣ выставки—Бѣлинскій въ гробу. Портретъ писанъ съ натуры масляными красками Горбуновымъ, на другой день послѣ смерти Виссаріона Григорьевича. Оригиналъ находится у дочери его, Ольги Виссаріоновны, живущей въ Парижѣ, а на выставкѣ былъ лишь раскрашенный фотографическій снимокъ, къ слову ска-

Г. Чембарь, пензенской губ. Царская церковь послѣ ремонта 1884/85 года.
Съ фот. Путова гр. М. Рашевскій.

затъ—въ единственномъ числѣ существующій экземпляръ, и до выставки видѣнный лишь очень и очень немногими. А вотъ и финалъ жизненныхъ странствій... Небольшой эскизъ Н. П. Ге уводитъ въ глухой, весь зеленою заросшей уголь Волкова кладбища, гдѣ подъ невысокою плитою отдыхаетъ послѣднимъ своимъ вѣчно взволнованнымъ, трепещущимъ въ экстазѣ „цезаревскій Виссаріонъ“. Великою меланхоліею вѣетъ отъ этой крохотной картинки, въ четыре квадратныхъ вершка, и слышится укоръ современникамъ, не позаботившимся хотя немногими памятникомъ заплатить частіцу неоплатнаго долга учителю мысли и жизни. Укоръ былъ услышанъ. Ге дѣлалъ свой эскизъ въ половинѣ пятидесятихъ годовъ. Экспонируемый на выставкѣ рисунокъ съ натуры г. Шнака, сдѣланный въ началѣ семидесятихъ годовъ, изображаетъ уже могилу Бѣлинскаго украшенною простымъ, незатѣйливымъ, но красивымъ памятникомъ: высокимъ гранитнымъ крестъ на четырехугольномъ гранитномъ же основаніи.

Вернемся теперь еще на нѣсколько мгновеній къ университетской порѣ будущаго критика.

Осенью 1829 г. девятнадцатилѣтній Бѣлинскій былъ зачисленъ студентомъ московской almae matris. Эта полоса юности критика представлена на выставкѣ гораздо полнѣе, въ цѣлой серіи разнообразныхъ портретовъ. Дѣлалъ стѣна выставочной залы была сплошь увѣшана разными портретами—фотографіями, гравюрами, литографіями, фототипіями. Вотъ глядятъ на васъ изъ-подъ очковъ чьи-то умные, пристальные глаза; лицо нервное, худое, съ острымъ подбородкомъ; рядомъ — совершенный ему контрастъ: полное, темнаго лѣнивое, „обломовское“ лицо, съ двойнымъ подбородкомъ, такъ все и свѣтится добродушіемъ и ласкою. Это Николай Ивановичъ Надеждинъ и Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, оба—профессора московскаго университета, оба восторженные меллицисты, чьи лекціи были для Бѣлинскаго первою серьезною философскою ницею. Надеждинъ,

галантный, широко, совѣмъ на европейскій ладъ образованный, съ умомъ сильнымъ и блестящимъ остроуміемъ, занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ и въ нашей университетской наукѣ, и въ нашей литературѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Онъ—истинный учитель людей сороковыхъ годовъ, а въ развитіи и дѣятельности Бѣлинскаго сыгралъ особенно видную роль,—и какъ профессоръ теоріи изящныхъ искусствъ, которая превращалась въ его увлекательныхъ лекціяхъ въ курсъ философіи, и какъ предшественникъ „неистоваго Виссаріона“ на поприщѣ журнальной критики, послышавшій уже на многіе, до того неизбежные литературные кумиры, которые скоро были сброшены его юнымъ ученикомъ съ ихъ пьедесталовъ и повергнуты во прахъ, наконецъ, какъ крестный отецъ Бѣлинскаго-писателя, давший въ своей „Молвь“, „газетѣ модъ и новостей“, пріютъ „Литературнымъ мечтаніямъ“, первому и блестящему опыту будущаго знаменитаго критика. И Надеждинъ-профессоръ, и „эксъ-студентъ Никодимъ Надоумко“ (первый литературный псевдонимъ Надеждина-критика) оказали на Бѣлинскаго, несомнѣнно, очень большое вліяніе, притомъ вполне благотворное, и скрашивали неприглядность университетскаго жителя-бытья. Приблизительно того же рода вліяніе уже названнаго Павлова, читавшаго, по программѣ, курсъ физики и минералогіи, но превращавшаго его въ изложениіе натуръ-философскихъ воззрѣній Шеллинга.

Выставка не позабыла и еще нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ Бѣлинскаго, имѣвшихъ на него и на его мысль уже менше значительное вліяніе. Съ лѣвой стѣны библиотечной залы смотрѣли на толпу выставочныхъ обозрѣвателей знаменитые въ исторіи московскаго университета и еще болѣе — московской журналистики неразлучные Полуэкъ и Касторъ, Погодинъ, издатель, уже въ пору расцвѣта дѣятельности Бѣлинскаго, издатель славянофильскаго *Москвитинина*, и Шевыревъ, ближайшій его сотрудникъ по литературно-критическому отдѣлу.

Гораздо болѣе важное вліяніе, чѣмъ университетскія лекціи, оказали на будущаго автора „Литературныхъ мечтаній“ и классической статьи о Пушкинѣ и его предшественникахъ, товарищескіе студенческіе кружки, въ которыхъ шли нескончаемые горячіе споры о философіи, морали, искусствѣ. Этими кружками, гдѣ расширился кругозоръ Бѣлинскаго и крѣпла мысль его, были посвящены на выставкѣ нѣсколько витринъ, надъ входомъ въ выставочную залу. Тутъ была представлена, въ довольно многочисленныхъ портретахъ, вся „соль“ Москвы тридцатыхъ годовъ, та, тогда столь еще юная компанія, которая заняла такое видное мѣсто въ исторіи умственнаго развитія нашего общества. Вотъ удлинненная, кажущаяся еще длиннѣе отъ негустыхъ, падающихъ до самыхъ плечъ прямыхъ прядей волосъ голова юноши Станкевича. Литературное наследіе его совѣмъ ничтожно, но вліяніе, оказанное имъ на соприкасавшихся съ нимъ людей, будущихъ писателей и общественныхъ дѣятелей—прямое и благотворное. Посредственно, черезъ этихъ своихъ друзей-учениковъ дѣйствовалъ Ник. Влад. Станкевичъ и на русское общество, и оно давно окружило память этого

юноши-идеалиста ореоломъ. Въ составъ первоначально чисто-студенческаго кружка Станкевича, продолжавшаго жить въ тѣнѣйшемъ духовномъ общеніи и восторженнѣйшей дружбѣ и послѣ того, какъ члены его въ 1834—35 гг. оставили университетъ, входили люди неодинаковой умственной и нравственной величины. „Но всѣхъ ихъ, — говоритъ С. А. Венгеровъ въ своей статьѣ, посвященной памяти Бѣлинскаго (*Русское Богатство*)—сплачивало въ одно обаяніе необыкновенно-свѣтлой, истинно-идеальной личности Станкевича. Станкевичъ представлялъ собою чрезвычайно рѣдкій примѣръ литературнаго дѣятеля, не имѣющаго никакого значенія, какъ писатель, и тѣмъ не менше наложившаго яркую печать своей индивидуальности на одинъ изъ важнѣйшихъ періодовъ русской литературы. Огромное вліяніе Станкевича выдѣлается, помимо красоты

Могила Бѣлинскаго на Волковомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ.
Съ фотогр. К. Булла автогипсія „Нивы“.

его нравственнаго существа, на томъ, что онъ, не обладая литературнымъ и научнымъ талантомъ, былъ, тѣмъ не менше, очень талантливою личностью, просто какъ человекъ. Одаренный тонкимъ эстетическимъ чутьемъ, глубокою любовью къ искусству, большимъ и ласковымъ умомъ, способнымъ разбираться въ самыхъ отвѣченныхъ вопросахъ и глубоко вникать въ сущность всякаго вопроса, Станкевичъ давалъ окружающимъ могущественные духовные импульсы и будилъ лучшія силы ума и чувства. Его живая, умная и часто остроумная бесѣда была необыкновенно плодотворна для всякаго, кто вступалъ съ нимъ въ близкое общеніе. Онъ всякому спору умѣлъ сообщать высокое направленіе, все мягкое и недостойное какъ-то само собою отпадало въ его присутствіи, какъ и въ присутствіи Бѣлинскаго. Станкевичъ представлялъ собою удивительно гармоничное сочетаніе нравственныхъ и умственныхъ достоинствъ. Въ идеализмъ Станкевича не было ничего напускнаго или приподнятаго; идеализмъ органически проникалъ все его существо, онъ могъ легко и свободно дышать только на горныхъ высотахъ духа. Въ 1837 году начинающаяся чахотка и жажда приложиться къ самому источнику философскаго знанія погнали Станкевича за границу. Онъ подолгу жила въ Берлинѣ, гдѣ вступилъ въ тѣсное общеніе съ душевно полюбившимъ его профессоромъ философіи гегельянцемъ Вердеромъ. Въ это время въ сферу его обаянія попали питомцы петербургскаго университета — Грановскій и Тургеневъ. Въ 1840 году двадцатисемилѣтній Станкевичъ умеръ въ итальянскомъ городкѣ Нови. Ранняя смерть его произвела потрясающее впечатлѣніе на друзей его, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она какъ-то необыкновенно гармонично и художественно завершила красоту его образа.

Et rose, elle a vécu ce qu'une rose vit—
L'espace d'un matin,

сказалъ французскій поэтъ про умершую въ цвѣтѣ лѣтъ дѣвушку и находитъ въ этой гармоніи примѣненіе съ ужаснымъ фактомъ. Душевная красота Станкевича была тоже своего рода благоуханнымъ цвѣткомъ, который могъ бы и выдохнуться при болѣе прозаическихъ условіяхъ, какъ выдохся, на-

XXVI передвижная выставка. Осеннее утро. Съ картины Г. Г. Мясоѣдова грав. М. Рашевскій.

примѣръ, идеализмъ его друга и кумира Шевцова. Теперь же, благодаря трагизму судьбы Станкевича и дѣльности оставленнаго имъ впечатлѣнн, имя его стало талисманомъ для всего поколѣнн 40-хъ годовъ и создало желанн приблизиться къ нему по нравственной красотѣ.

На Бѣлинскаго Станкевичъ и сгруппировавшнйся около него кружокъ молодыхъ философовъ и эстетиковъ имѣли громадное влннн, и оно очень скоро отразилось въ его статьяхъ московскаго періода, въ *Молвъ*, *Телесконтъ* и *Московскомъ Наблюдателѣ*, томъ которыхъ, раскрытые на заглавныхъ страницахъ этихъ статей, разложены были въ витринахъ въ центрѣ выставочной залы.

Рядомъ съ кружкомъ Станкевича стоялъ кружокъ Герцена и Огарева, съ дѣтскихъ лѣтъ связаннхъ такою тратательною, исключительною дружбою. Этотъ кружокъ, подчинившнйся французскому влннн, имѣлъ также немаловажное значенн въ жизни Бѣлинскаго.

Даже въ самомъ бѣломъ и краткомъ обзорѣ московской жизни Бѣлинскаго нельзя забыть одной стороны—театра. Бѣлинскнй—самый страстный русскнй театралъ, влюбленн въ сцену, театральныя рецензнн котораго не разъ превращались въ лирическнн изліянія. Отраженнмъ этого увлеченн театромъ на выставкѣ явилось нѣсколько портретовъ московскнхъ артистовъ, которыхъ особенно любили и о которыхъ особенно охотно писалъ Бѣлинскнй; во главѣ ихъ, конечно, „безумный другъ Шекспира“, какъ называлъ критикъ Мочалова, и дѣдушка Щенкинъ, родоначальникъ реалистической школы въ русскомъ сценическомъ искусствѣ. Кстати, одна изъ статей Бѣлинскаго о театрѣ имѣется на выставкѣ въ рукописи, доставленной сюда мелкимъ московскимъ книжникомъ (какъ и нѣкоторые другне манускрипты Бѣлинскаго), торгующимъ книжнмъ старьемъ гдѣ-то около Почтамта. Свѣрившнсь рукописъ съ печатнымъ текстомъ статьи удостоверяютъ, что въ послѣднемъ нѣсколько пропусковъ, и довольно крупнхъ. Къ московской же порѣ жизни критика относятся одиннадцать коротенькнхъ записочекъ къ П. А. Ефремову, писаннхъ горючнмъ почеркомъ, на равной величинѣ клочкахъ писчей бумаги. Въ ихъ взбѣрошенной компанн особенно кокетливо смотритъ письмо Бѣлинскаго къ его невестѣ, на почтеномъ листкѣ, изукрашенномъ по краямъ, въ видѣ рамки, рельефнми узорчиками. Бѣлинскнй позаботился и о томъ, чтобы письмо было взято и по почерку, но самъ признается, что это удалось ему очень плохо. Почеркъ все тотъ же, растрепаннй и первнй...

Письмо это относится уже къ петербургской порѣ. Въ Петербургѣ Бѣлинскнй перѣѣхалъ осенью 1839 г. Критикъ вошелъ здѣсь въ новый кругъ людей, конечно—писателей по преимуществу. Имъ удѣлены были на выставкѣ витрины 3—4, занятыя портретами Некрасова, Панаева, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Григоревича, Кавелина, Дружинина и т. д. Сразу трудно было ихъ узнать. Устроители выставки собрали не тѣ общензвѣстные портреты, гдѣ всѣ эти корифеи русскаго художественнаго слова и мысли изображены уже съдмн стариками, но портреты по возможности ранне, болѣе или менѣе близкіе къ той порѣ, когда Бѣлинскнй приходилъ съ ними въ соприкосновенн и писалъ о нихъ свои блестящіе отзывы, поражающне тонкостью художественнаго чутья и глубиною мысли, направленною въ сторону общественныхъ и нравственныхъ вопросовъ. Тутъ и безбороднй Островскнй, и одѣтые въ офицерскую форму Левъ Толстой и Алексѣй Потѣхинъ, и Тургеневъ съ темнми бакенбардами. Въ самомъ дальнемъ углу залы, полузакрытые лавровыми деревьями, что украшали картину Наумова, стѣдливо прнютнлись враги нашего критика, съ Фаддеемъ Булгарннмъ, Гречемъ и Сенковскнмъ во главѣ.

Въ Петербургѣ же, въ 1843 г., женился Бѣлинскнй на москвичкѣ. Двѣ витринки, въ правомъ отъ входа углу выставкн, посвящены были семейной жизни критика. Портрета Марнн Васильевнн, какою она была при жизни Бѣлинскаго, на выставкѣ не было; приходилось довольствоваться картиною Наумова, гдѣ жена Бѣлинскаго изображена съ худымъ, большымъ, но высоко-симпатичнымъ лицомъ. На фотографнн, гдѣ она снята вмѣстѣ со своею сестрою, Аграфеною Васильевною Орловою, и дочерью, Ольгою Виссаріоновною, она уже въ очень преклоннхъ годахъ. Въ сосѣдней витринѣ—большой портретъ дочери, снятнй, для выставкн, въ Парижѣ, гдѣ теперь живетъ Ольга Виссаріоновна, по мужу—Бензи, и двухъ ея сыновей, Владимра (студента-медика) и Евгенин (студента-инженера). У юныхъ внуковъ знаменитаго русскаго критика—типично французскнн лица. И только когда внимательно взглянешь въ лицо Владимра Бензи, начинаешь подмѣчать что-то общее съ его дѣдомъ—особенно въ глазахъ.

Ольга Виссаріоновна Бензи живетъ въ Парижѣ и всецѣло занята теперь работами русскаго скульптора г. Капзана, посвященнми увѣковѣченнн памяти ея отца. Она предоставила въ его распоряженн всѣ бывшіе у нея портреты, снимки, слѣпокъ съ гипсовой маски Бѣлинскаго, и по всѣмъ этимъ матеріаламъ г. Капзанъ лѣпнтъ фигуру критика для памятникка, который предположено поставить въ Пензѣ. Въ мастерской г. Капзана О. В. Бензи сообщила г. Е. Семенову, корреспонденту *Новостей*, нѣсколько очень интересныхъ данныхъ о

томъ времени, когда она, послѣ смерти отца, осталась жить съ матерью и тетусшкой Аграфеною Васильевною Орловою въ Москвѣ, куда они перѣѣхали изъ Петербурга вскорѣ послѣ кончины Бѣлинскаго.

„Послѣ смерти отца мы остались совершенно безъ средствъ,—сказала О. В.—матушка въ положенн (она вскорѣ родила сестру Вѣру), тетусшка и я. Я, разумѣется, не помню бѣдствнй перваго времени. Но уже помню, хотя смутно, нашъ перѣѣздъ въ Москву. Матушка до замужества воспитывалась и служила въ александровскомъ институтѣ въ Москвѣ. Начальница института, швейцарка родомъ, г-жа Шарно, узнавъ о ея положенн, предложила ей мѣсто кастилянини въ институтѣ, съ жалованьемъ 11 рублей въ мѣсяцъ... Между голодной смертью и этимъ заработкомъ выбора, конечно, не могло быть, и мы въ ноябрѣ или декабрѣ отправились въ Москву. Помню закрытый дилижансъ, въ замерзшнхъ окна котораго ничего нельзя было видѣть и въ которомъ мы путешествовали шестеромъ: матушка, тетусшка, кормилица, сестра—грудной ребенокъ, и и панна собака, Малка. Помню, какъ мнѣ было тѣсно, и я все норовила вынуть руки, расправить ихъ, а мнѣ ихъ все притали и совали подъ одѣяло, чтобы и ихъ не отморозила. Затѣмъ вспоминаю нашъ прѣѣздъ въ Москву, въ институтъ. Должностъ кастилянини состояла въ надзорѣ за прачками и за бѣльемъ въ институтѣ (своего рода lingere en chef). Вы можете себѣ представитъ общественное положенн, трезвость и, вообще, поведенн этихъ прачекъ, особенно въ то время, когда понятн о человѣческомъ достоинствѣ, о гннѣнѣ и т. п. были менѣе, чѣмъ элементарны. Никогда не забуду перваго впечатлѣнн, перваго появленн этихъ 6 прачекъ, встрѣчи ихъ будущей начальницѣ! Когда я впоследствии читала сцену въѣзда въ „Макбетъ“, предо мною всегда вставало это первое появленн подчиненнхъ моею матушкой... Намъ отвели большую комнату, какъ разъ надъ прачечной. Съ содроганнемъ вспоминаю эту комнату во фангелѣ, угловую, большую, въ 5 оконъ: 2 окна въ одной стѣнѣ и 3 въ другой рядомъ; отовсюду дуло; холодъ былъ такой, что вода въ графинѣ замерзала черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ ее приносили въ комнату. У насъ у всѣхъ были сапоги на мѣху, и то ноги мерзли! Тетусшка—мастерца на этотъ счетъ—обила всѣ окна войлокомъ, оставивъ одно только оконце для свѣта, но это, разумѣется, мало помогло. Меня, я помню, держали изъ-за холода 8 мѣсяцевъ въ году въ постели,—меня, живого, рѣзаво ребенка! Я ужасно отъ этого страдала. Къ этому холоду надо прибавитъ жизнь почти впроголодь. Намъ было четыре человѣка на одну порцію, которую отискали матушка, а на одиннадцать рублей въ мѣсяцъ многого не прибавили къ одной порціи на четверыхъ! Но ужаснѣе всего были постоянный угаръ и дымъ, проникавшн къ намъ снизу. Я до сихъ поръ не могу повнть, какъ мы остались живы... Потому, правда, прачечную перевели въ другое мѣсто и нижнюю комнату топчили только разъ въ мѣсяцъ, но и разъ въ мѣсяцъ угаръ, какъ диверсія отъ холода,—это было ужасно! Сестра вскорѣ сдѣлалась жертвой этой ужасной жизни и обетановки и умерла... Я тоже заболѣла; призваннй институтскнй врачъ оказался разумнымъ человѣкомъ и повнлъ мою болѣзнь: „Да ее кормитъ надо—не то и она умретъ!“ Вынесла же горя и страданн мою матушка: всѣ несчаствя обрушились на нее. Помню, какъ всѣ эти матеріальныя и моральныя мученн отражались на матушкѣ, которая всегда и раньше была нервная, большая... Боже мой! эти семейныя сцены горя и слезъ въ комнатѣ кастилянини! А подчиненныя матушкн! Сцены, при которыхъ ей приходилось присутствовать! Рѣчи, которыя ей приходилось слышать!

„Подъ впечатлѣннемъ словъ врача моя матушка употребляла всѣ успнн, чтобы меня подкармливать. Вскорѣ это сдѣлалось возможнымъ, и жизнь пошла легче, когда и тетусшка получила въ институтѣ же мѣсто класной дамы, съ жалованьемъ въ 25 рублей. 11 да 25—это уже было цѣлое богатство для насъ; да потому еще намъ выхлопотали литературную пенсію... Да, много бываетъ горя и страданн на свѣтѣ, но я удивляюсь, какъ мы вынесли эти страданн въ годы нашей жизни въ институтѣ. Потомъ пошло хорошо. Затѣмъ появилось и нѣкоторое благосостоянн, благодаря гонорару за изданн сочиненнй отца, такъ что мы оставили институтъ и даже поѣхали за границу для направленн здоровья“...

Чествованн памяти Бѣлинскаго въ Петербургѣ устроилъ Союзъ взаимопомощи русскнхъ писателей. Кромѣ столицъ, спеціальныя чествованн памяти великаго критика будутъ устроены въ г. Пензѣ и Чембарѣ, въ которыхъ протекли годы дѣтства и молодости В. Г. Бѣлинскаго.

Бѣлинскнй, какъ извѣстно, родился въ Свеаборгѣ въ 1810 году, — гдѣ отецъ его, Григорій Никифоровичъ, въ то время находился на службѣ лѣкаремъ во флотѣ. Въ 1816 году Григорій Никифоровичъ вышелъ въ отставку штабъ-лѣкаремъ и поселился навсегда въ г. Чембарѣ, пензенской губ., занимаая должностъ уѣзднаго врача. Бѣлинскнн проеходилъ изъ духовнаго сословія: его дѣду о. Никифору—священнику села Бѣльни Нижегородскаго уѣзда пензенской губ. была присвоена фамилія Бѣлинскнй,—передѣланная затѣмъ въ Бѣлинскнй. Лучшіе годы своего дѣтства Виссаріонтъ Григорьевичъ провелъ

въ г. Чембарѣ,—съ 1816 по 1825 годъ, т. е., до дня поступления въ пензенскую гимназію, а первоначальное воспитаніе получилъ въ чембарскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ, какъ извѣстно уже читателямъ, обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго романиста Лажечникова, производившаго ревизію училища, въ качествѣ директора народныхъ училищъ пензенской губ. въ 1823 году. Съ 1825 по 1829 г. Бѣлинскій учился въ пензенской гимназіи, съ 1829 по 1832 г. — въ московскомъ университетѣ. Виссаріонъ Григорьевичъ, живя въ Пензѣ и Москвѣ, никогда не прерывалъ сношеній съ г. Чембаромъ, такъ какъ въ немъ у него оставались горячо любимые родственники: отецъ, мать, братъ, сестра. И въ настоящее время въ г. Чембарѣ живетъ вторая жена его брата, Константина Григорьевича, — Марья Васильевна Бѣлинская, 75 лѣтъ отъ роду, получающая отъ города пенсію, въ размѣрѣ 52 рублей, за службу Константина Григорьевича въ городской ратушѣ, въ должности секретаря.

До сихъ поръ сохранился неприкосновеннымъ домъ Бѣлинскаго-отца, перешедшій во владѣніе братьевъ Виссаріона и Константина Григорьевичей и сестры ихъ Александры Григорьевны; въ настоящее же время по кунчей крѣпости имъ владѣтъ купецъ Федоръ Ивановичъ Антипинъ. Вотъ почему чембарцы имѣютъ полное право считать Виссаріона Григорьевича своимъ жителемъ.

Городское управленіе хочетъ почтить память нашего критика — открытіемъ платной публичной бібліотеки имени Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. На это благо дѣло нашлось не мало жертвователей со стороны: такъ Варвара Алексѣевна Морозова пожертвовала 2,000 руб. на устройство бібліотеки.

Въ виду всего этого городъ Чембаръ, его исторію и достопримѣчательности пріобрѣтаютъ особый интересъ. Какъ увидитъ читатель, Бѣлинскому не пришлось бы краснѣть за свой родной городъ, если бы онъ прожилъ до нашихъ дней.

Чембаръ представляетъ типъ очень скромнаго и тихаго провинціального городка, расположеннаго на правой сторонѣ рѣки Малый Чембаръ, при впаденіи въ р. Большой Чембаръ. Весь городъ расположенъ на востокъ, къ Малому Чембару; мѣстность представляетъ какъ бы двѣ сходящіяся подковы съ наклономъ къ рѣкѣ. Углубленія этихъ подковъ образуютъ къ югу небольшое озеро, съ гористою возвышенностью на западѣ, а на сѣверѣ — низину Чембара съ расположенною на вершинѣ горы улицею „Кавказъ“. Сходящіяся концы подковъ представляютъ покатую поверхность къ рѣкѣ, а западная половина города расположена на ровной землѣ.

Городъ Чембаръ былъ первоначально татарскимъ селеніемъ (чамбары — по-татарски значить: „штаны“); въ 1780 году оно сдѣлано посадомъ, т. е., безуѣзднымъ городомъ, а въ 1784 г. — уѣзднымъ городомъ. По послѣдней переписи Чембаръ насчитываетъ 4,561 жителей. Городъ преимущественно земледѣльческій. При немъ числится 2,008 десятина земли, въ томъ

числѣ луговъ 145 десятинъ, лѣса 563 десятины, а остальная пахотная. Средній доходъ города за трехлѣтній періодъ 20,000 рублей. На народное образованіе тратится 2,867 руб. 95 коп., а именно: на мужское приходское училище (171 учен.) — 630 руб. 15 коп., на женское двухклассное приходское училище (126 учен.) — 1,244 р. 80 к., на городское трехклассное училище (165 уч.) — 605 руб. На стеновѣдн обучающимся въ г. Пензѣ городъ расходуетъ до 500 руб. Такимъ образомъ Чембаръ тратитъ на образованіе 1/6 часть городскихъ доходовъ и въ этомъ отношеніи стоитъ выше другихъ городовъ пензенской губерніи. Притомъ же онъ направляетъ своихъ учениковъ въ среднія учебныя заведенія. Вотъ почему въ каждомъ высшемъ учебномъ заведеніи вы можете встрѣтить чембарца.

Живописную картину представляетъ Чембаръ съ сѣверо-восточной стороны, съ дороги изъ Пензы. Вы видите на полуостровѣ большую площадь съ церковью св. Николая Чудотворца, окруженную полицейскимъ управленіемъ, трехкласснымъ училищемъ, Царскою церковью, женскимъ двухкласснымъ училищемъ, приходскимъ училищемъ, зданіемъ земства и ремесленной земской школы, а дальше на западъ — видѣется многоглавый соборъ. Царская церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы сооружена дворянствомъ пензенской губерніи въ память пребыванія въ 1836 году въ г. Чембарѣ императора Николая Павловича. Въ церкви этой находится цѣнный даръ императора Александра II — икона (серебряная, вызолоченная) святителя Николая, Мирликійскаго чудотворца. Царская церковь тщательно поддерживается на счетъ мѣстнаго дворянства и недавно, въ 1884—1885 г. вновь отремонтирована.

Недуренъ видъ съ юго-востока отъ села Тархова. Тутъ кромѣ перечисленныхъ зданій вы видите живописные домики, окруженные садами. Все это ютится вокругъ озера и придаетъ мѣстности очень красивый видъ. Дальше на западѣ громоздятся каменные двухэтажные зданія, составляющія какъ бы преграду, за которой возмѣщается другая часть города.

На базарной площади находится соборъ. Первоначальная постройка его начата въ 1833 г. Этотъ соборъ раньше имѣлъ совсѣмъ иной видъ. Но во время пожара, постигнаго городъ въ 1847 г., лучшая часть города была истреблена, напримѣръ, Покровскій соборъ, уѣздное училище, домъ городского общества, присутственные мѣста и много частныхъ домовъ. Той же участи подвергся и деревянный Тихвинскій храмъ на кладбищѣ.

На площади находится прекрасный общественный садъ, занимающій 8 десятинъ, раздѣленный пополамъ на фруктовый садъ и садъ для гуляній.

Въ 1882 г. построена часовня Царю-Освободителю на мѣстѣ сгорѣвшей Тихвинской церкви.

На площади же находится и домъ купца Ф. Ив. Антипина, сохранившійся совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ она была, когда принадлежалъ Виссаріону Григорьевичу.

Въ туманѣ величія.

Историческая повѣсть

П. Н. Полевого.

(Окончаніе)

XXIV.

Два письма.

Вся Москва была взволнована и встревожена: новое лѣто 7191-е наступило при весьма тяжелыхъ и мрачныхъ предзнаменованіяхъ... Цари-государи, государыни-царицы и царевны, и сама царевна-правительница вотъ уже болѣе трехъ недѣль отсутствовали, выѣхавъ со всѣмъ своимъ дворомъ изъ Москвы на богомолье. На самомъ дѣйстви новолѣтія, которое такъ торжественно праздновалось въ былые годы — неслышанное дѣло! — присутствовалъ одинъ окольный, ображая въ лицѣ своемъ весь блестящій царскій синклитъ вельможъ, князей и бояръ. Даже самъ патриархъ, сказываютъ, обидѣлся этимъ и высказалъ кому-то свое удивленіе и недовольство... Понятно, что и вся Москва была удивлена и недовольна; толки шли въ народѣ самые разнообразныя и въ то же время странныя какіе-то, и не совсѣмъ понятныя. По базарамъ и кружкамъ сказывали подъ рукою, что государи „не спроста“ покинули Москву, а „страхованья ради“: будто бы имъ донесли, что въ новолѣтье стрѣльцы опять бунтовать рѣшили и всѣхъ бояръ прикончить... А царевна, будто бы, на это такъ сказала:

— Коли мы имъ не любы, такъ лучше мы съ царицами-государями въ иноземныя государства уйдемъ.

— Чего ужъ! Говорить, самъ старикъ Хованскій къ

царямъ дважды въ походъ ѣздилъ, кланялся, просилъ, чтобы вернулись — Москвы не покидали... Такъ нѣтъ же! Царевна все на своемъ стоитъ! — добавляли отъ себя разные досужіе площадные вѣстовщики и вѣщуньи.

— О-о-охъ! Плохо-ти тѣлу безъ головы! Недаромъ это говорится!.. Мудрено тутъ хорошаго ждать.

И всѣ ходили, повѣся голову, и поддавались общему настроенію, чего-то ждали, чего-то опасались... Въ воздухѣ носилось что-то зловѣщее и грозное...

И самъ старикъ Хованскій растерялся: онъ рѣшительно не зналъ, чего держаться, куда вести, куда направить свою ладью? И въ его душѣ съ той поры, когда все царское семейство такъ неожиданно и быстро удалилось изъ Москвы, вдругъ зародились сомнѣнія какія-то и колебанія; явились опасенія какой-то смутно-сознаваемой опасности, которую онъ ни понять, ни опредѣлить не могъ, и даже не зналъ, съ которой стороны она могла бы ему грозить?

Чтобы разсѣять эти сомнѣнія, князь дважды паѣзжалъ изъ Москвы въ село Коломенское, видѣлъ и государей, и царевну-правительницу: и она была, по-прежнему, съ нимъ милостива, ласкова, внимательна; попрежнему съ нимъ разсуждала о дѣлахъ, но о возвратѣ въ Москву хоть бы единымъ словомъ обмолвилась...

— Что за причта? Въ походахъ на богомолья никто

изъ прежнихъ царей такъ долго не бывалъ... Да что же значить этотъ неожиданный походъ? Куда она царей ведетъ, и отъ какого страха бѣжить... коли у насъ все, кажись, по-Божьему, спокойно, да и дѣтушки мои—ей же ей!—ничего не затѣваютъ.

И невольно зарождалась въ душѣ его мысль о тайныхъ козняхъ и умысленіяхъ бояръ противъ стрѣль-

данности царевны Екатерины — по удаленіи царскаго семейства изъ Москвы, остался вдругъ безъ почвы подъ ногами... Жизнь разомъ для него потеряла весь смыслъ, все значеніе, всю прелесть, потому что ограничилась одной окружавшей его обиденщиной, которая была ему такъ противна!.. Ему казалось, будто тяжелая завѣса вдругъ опустилась передъ нимъ, и скрыла отъ

въ то время, когда князь поутру вышелъ изъ своей моленной.

— Письмо ко мнѣ? Отъ царевны Софьи? — почти воскликнулъ князь, поспѣшно хватаясь за письмо и быстро срывая печать.

Онъ пробѣжалъ письмо глазами и просіялъ: письмо было милостивое, лестное, ласковое... Царевна, вспо-

— Такъ угостить его!.. Изъ погреба вели ему и меду выпить, и вина!

Дьякъ только что успѣлъ удалиться, какъ изъ смежной комнаты дверь отворилась настежь, и князь Андрей, радостный и веселый, почти вбѣжалъ въ комнату отца.

— Батюшка!.. Царевна пишетъ мнѣ, чтобы я... чтобы

Ахиллъ-побѣдитель. Съ картины Французъ, по гравюрѣ Вебера, авторитипъ „Шива“.

повъ и противъ него, какъ ихъ начальника. Но и тутъ пришло въ голову:

„И замышлять-то некому! Вѣдь Милославскаго съ ней нѣтъ—вѣдь онъ, словно сквозь землю, провалился! Невѣдомо, гдѣ и скитается“...

Еще болѣе отца тревожился и волновался князь Андрей. Онъ, возгордившійся и вознесшійся такъ высоко, предавшійся вполнѣ мечтамъ объ ожидающей его завидной долѣ, увѣренный въ любви къ нему и пре-

него заманчивое грядущее!

Такъ, сумрачно, однообразно и тревожно, день за днемъ, тянулось время для обоихъ вельможъ и дотянулось до Воздвиженья... И вдругъ, яркій лучъ солнца заблесталъ изъ-за сумрачно сгустившихся облаковъ...

— Письмо къ тебѣ, отъ государыни-царевны Софьи Алексѣвны, — провозгласилъ торжественно дьякъ, съ поклономъ подавая князю Ивану Андреевичу собственноручное письмо царевны-правительницы, какъ разъ

миная прежнія службы князя, хвалила его усердіе и ревность и приглашала прибыть немедленно въ село Воздвиженское, чтобы, вмѣстѣ съ другими вельможами, присутствовать на торжественномъ приѣмѣ гетманскаго сына, прибывшаго „дабы пресвѣтлыя царскія очи видѣти...“

— Кто привезъ письмо? — радостно спросилъ князь у дьяка.

— Съ нарочнымъ прислано... Да кажется, и къ князю Андрею—тоже...

ты... чтобы мы оба ѣхали скорѣе... поспѣшали... Что насъ ждетъ обоихъ радость несказанная... Вотъ и письмо!

— Да которая жъ тебѣ царевна пишетъ, въ толкъ и не возьму!—съ нѣкоторой досадою проговорилъ старый князь, едва сдерживая свое нетерпѣніе.

— Вѣстимо жъ, благовѣрная царевна Екатерина Алексѣвна... Вотъ, на, читай и самъ... Тайнъ у насъ нѣтъ...

Старый князь съ нескрываемымъ удовольствіемъ взялъ изъ рукъ сына письмо царевны и сталъ читать его медленно, внимательно, какъ бы вдумываясь въ каждое слово, какъ бы желая и между строками его уловить такой смыслъ, какого тамъ вовсе не было...

— Вотъ видишь ли, — указывая ему, сверхъ того, и князь Андрей: — видишь, какъ тутъ покровенными словами сказано: „Сестрица мною зело довольна, казывается, будто готова и все желанія мои исполнить“... Понимаешь ли, а?

— Какъ не понять! Тутъ дѣло ясно, какъ день ясно... Уразумѣла, наконецъ, что ей безъ насъ не обойтись! Что и вѣрнѣе насъ слугъ ей не найти...

— Такъ когда же мы побѣдемъ? — нетерпѣливо перебилъ его сынъ.

— Когда? Когда? Само собою, что мѣнать некогда... Завтра, чѣмъ свѣтъ, и въ путь... Жену я здѣсь покину — кстати, нѣмецъ дохтуръ изъ слободы нѣмецкой добре ее легчить... И въ подмосковную заѣдемъ; а тамъ на Пушкино свернемъ, въ лугахъ переночуемъ и въ самыя-то именины царевнины къ дворцу въ Воздвиженскомъ и подкатимъ.

Сынъ бросился обнимать отца, и въ обоихъ разомъ ожили надежды на то грядущее, полное блеска, почета, богатства и величія, которое они себѣ готовили, позабывая о прежнемъ своемъ ничтожествѣ и о томъ пути, которымъ они изъ него вышли...

И долго еще сынъ съ отцомъ не могли разстаться, то строя разные предположенія, то обещая до мелочей свои приготовленія къ побѣдѣ въ Воздвиженское, которой оба князя почему-то придавали важное, рѣшающее значеніе... Наконецъ, князь Андрей ушелъ къ себѣ на половину, позвалъ холопей, которымъ приказалъ укладывать въ сундуки все, что надо было взять съ собою въ дорогу, а затѣмъ самъ своими руками, бережно-пребережно сложилъ и уложилъ въ сундукъ, поверхъ всего платья, малиновый, бархатный, расшитый золотомъ кафтанъ, который онъ приказалъ себѣ сшить съ мѣсяцъ тому назадъ, но еще ни разу не надѣвалъ, и самъ про себя любилъ почему-то называть „свадебнымъ“. Недаромъ и положилъ онъ его къ рукамъ поближе: въ дорогѣ, передъ прѣздомъ въ Воздвиженское, онъ думалъ еще разъ его примѣрить и на него полюбоваться...

XXV.

Судъ скорый, правый...

Подъ вечеръ, 16-го сентября, въ то время, когда, послѣ заката солнца, туманъ уже начиналъ клубиться надъ рѣкою, обширный княжескій обозъ и сами князья въ двухъ богатыхъ расписныхъ колымагахъ, окруженные полусотнею стрѣлцкой почетной стражи и сопровождаемые двумя десятками челядинцевъ, прибыли къ селу Пушкину, по Троицкой дорогѣ, и расположились станомъ, по мягкому береговому скату, на лужайкѣ за крестьянскими гумнами. Отдѣльные шатры изъ дорожныхъ кизылбашскихъ и персидскихъ ковровъ раскинуты были для князя Ивана Андреевича и для князя Андрея. Стрѣльцы расположились въ палаткахъ; а челядь размѣстилась въ повозкахъ изъ-подъ клади, подъ теплыми попонами... Всѣ были порядочно утомлены послѣднимъ дальнимъ переѣздомъ отъ подмосковной князя къ Пушкину, и даже огней не разводили, а прямо легли спать, поужинавъ чѣмъ Богъ послалъ изъ своего дорожнаго запаса... Князь приказалъ, чтобъ завтра, чѣмъ свѣтъ, готовы были всѣ двинуться дальше: къ полудню надо было прибыть въ Воздвиженское.

Простившись съ отцомъ, князь Андрей ушелъ въ свой шатеръ, прилегъ-было, не раздѣваясь, на раскладную походную постель, сбирался даже кликнуть своего слугу, чтобы тотъ помогъ ему раздѣться — и вдругъ заснулъ, да такъ крѣпко, такъ сладко, какъ спитъ

только молодость, избалованная избыткомъ силъ и жизни, убаюкиваемая своими мечтами и упованіями... Только ночь утро, тогда, когда уже лучи свѣта, проникавшіе въ шатеръ, стали тревожить юнаго князя и ослаблять его усиленіе — ему привидѣлось что-то очень странное... Въ шатеръ его, изъ-подъ ковровой полы, вползла змѣя, доползла до середины, и вдругъ обернулась Родимицей.

— Тебѣ чего нужно? Зачѣмъ пришла? Вонъ отсюда! — крикнулъ ей князь Андрей.

— Я пришла къ тебѣ недаромъ, — проговорила ему въ отвѣтъ Родимица, улыбаясь своею лукавою улыбкою. — Скажи-ка мнѣ, князь-государь, готовъ ли ты къ смерти?

— Къ смерти? Да что ты ополоумѣла, небось? Не знаешь развѣ, куда я ѣду и зачѣмъ?

— Какъ не знать? Къ царямъ ѣдешь, къ царевнамъ... А развѣ ты забылъ присловье: „близко царя, близко смерти“?

— Пустыя твои рѣчи; не хочу ихъ и слушать! Я на свадьбу ѣду! — возразилъ ей князь Андрей.

— На свадьбу? Не ошибись, смотри: вмѣсто брачной постели не угоди въ могилу!

— Такъ, значитъ, ты обманула меня! Не сама ли ты мнѣ сулила богатство, почести и славу? Не ты ли говорила: высоко возлетишь въ поднебесье?..

Родимица печально покачала головою:

— Да, точно; высоко возлетишь въ поднебесье — на то тебѣ и высокія хоромы у царевны приготовлены: что не два ли столба съ перекладиной...

Князь Андрей яростно бросился къ ней, схватилъ ее за горло... Но она въ его рукѣ мигомъ обернулась змѣею, скользнула по ней своими холодными, гладкими кольцами и выползла прежнимъ путемъ изъ шатра...

Тутъ только князь проснулся, поднялся съ изголовья и удивился, какъ это онъ могъ съ вечера такъ крѣпко и быстро заснуть, что даже не раздѣлся... Но впечатлѣніе страннаго сновидѣнья еще держалось смутно въ его сознаніи; и вотъ, чтобы окончательно стряхнуть съ себя эти ночныя грѣзы, князь откинулъ коверъ отъ входа въ шатеръ, потомъ скинулъ съ себя помятый терликъ, открылъ крышку сундука, стоявшаго въ ногахъ постели, и бережно вынулъ оттуда изрядной величины зеркальце, обдѣланное въ узорчатую рамку. Поставивъ его на раскидномъ походномъ столикѣ, онъ вытащилъ изъ сундука свой любимый, свадебный кафтанъ, и сталъ его примѣрять, натягивать, и то застегивать, то разстегивать золотыя сѣнчатыя пуговицы, съ подвѣшенными къ нимъ жемчужными кистями...

Вдругъ, какой-то странный звукъ поразилъ его слухъ: не то плескъ, не то конскій топотъ, не то лязгъ оружія... Что же это значитъ?.. Станъ ихъ еще спитъ... Откуда же этотъ топотъ... А вотъ ужъ и явственно долетѣли до него крики:

— Гайда, гайда! Обхватывай — заѣзжай! Хватай — вяжи злодѣевъ!

Князь Андрей инстинктивно схватился за саблю, бросился къ выходу шатра и увидалъ кругомъ страшную картину... Врасплохъ застигнутый станъ проснулся въ ужасѣ отъ внезапнаго, неожиданнаго нападенія; заспанные, полуодѣтые безоружные люди выскакивали изъ палатокъ и безъ толку бросались изъ стороны въ сторону или бѣжали врасыпную, не думая о защитѣ. Какіе-то вооруженные всадники въ шеломахъ и доспѣхахъ скакали повсюду, топча бѣгущихъ конями и осыпая ихъ ударами... Бородатый всадникъ въ темномъ, вороненомъ пансырѣ съ саблею на-голдѣ (князь Андрей тотчасъ узналъ въ немъ князя Михаила Лыкова), скакалъ прямо къ его шатру, во все горло крича своимъ людямъ:

— Старика хватайте, а со щенкомъ я самъ управлюсь! Юноша бросилъ саблю на-земь и закрылъ лицо руками...

Въ селѣ Воздвиженскомъ съ утра ужъ поджидали дорогихъ гостей, за которыми еще съ полночи былъ высланъ, по приказу царевны, бояринъ князь Михайло Ивановичъ Лыковъ съ сильнымъ отрядомъ боярскихъ дѣтей. И вообще кругомъ всего села, хотя и съ большою осторожностью, съ вечера же, были приняты и установлены повсюду весьма серьезныя мѣры предосторожности: на всѣхъ дорогахъ расположены были сильныя отряды изъ дворянъ и служилыхъ людей, во множествѣ съѣхавшихся по указу царей и царевны-правительницы изъ всѣхъ сосѣднихъ городовъ. Караваны были и во дворцѣ, и около дворца удвоены, даже утроены; многочисленныя разѣзды и дозоры разосланы были по всѣмъ направленіямъ, и каждому указавъ его кругъ дѣйствій, съ строжайшимъ наказомъ: никого изъ села Воздвиженскаго никуда не выпускать. Съ утра, чуть только заблаговѣстили ко всенощной, десятка два плотниковъ, у самыхъ воротъ дворцовой ограды, на обширной лужайкѣ, дѣятельно принялись за сѣшную работу, для которой еще съ вечера были припасены и бревна, и доски. Визгъ пилъ и дружное, звонкое постукиванье топоровъ разнеслось по сосѣднимъ съ лужайкою рощамъ, еще стоявшимъ въ тотъ годъ въ своей полной листвѣ, хотя уже и начинавшей блекнуть и покрываться яркими, пестрыми красками наступающей осени.

Послѣ обѣдни все боярство, съѣхавшееся въ село Воздвиженское, собралось въ дворцовыхъ хорамахъ на „тайное сидѣнье“ о важномъ какомъ-то дѣлѣ; а когда, часа полтора спустя, сидѣнье это было окончено—и плотники успѣли уже окончить свою работу.

На лужайкѣ, передъ воротами дворца, они построили большую и прочную скамью, полукругомъ; а поодаль отъ скамьи, въ сторонѣ, ближе къ рощѣ, воздвигли высокой помостъ и на помостѣ шесть плахъ. Придворные служители, подъ началомъ двухъ стряпчихъ, узнавъ объ окончаніи работы плотниковъ, тотчасъ распорядились вынести изъ дворцовыхъ кладовыхъ мягкіе тюшакі, разложили ихъ поверхъ новой скамьи, а затѣмъ прикрыли ее пестрыми полавочниками: — приготовили мѣсто для того сидѣнья боярской думы, которое должно было произнести свой судъ надъ „ворами и измѣнниками“ государевыми...

Затѣмъ наступилъ небольшой перерывъ бездѣйствія и ожиданія, въ теченіе котораго бояре и окольничіе выходивали изъ дворца, по одиночкѣ и группами, прохаживаясь по лужайкѣ, присаживаясь даже на скамью, тихо и таинственно переговариваясь между собою и видимо обсуждая что-то серьезно и горячо... Придворные служители тѣмъ временемъ безпрестанно перебѣгали отъ дворцовой ограды къ колокольнѣ церкви и знаками о чемъ-то допрашивали людей, которые давно уже и весьма пристально смотрѣли съ колокольни на дорогу.

— Везуть!—вдругъ крикнулъ кто-то сверху.

— Везуть! везуть! — чуть не радостно подхватили служители и челядинцы, стоявшіе внизу и взапуски бросившіеся бѣжать къ дворцу.

— Везуть! — слышался тревожный и сдержанный шопотъ между боярствомъ, сѣдшимъ изъ воротъ дворца, чтобы занять свои мѣста на завѣтной скамьѣ.

Не прошло и четверти часа, какъ вся скамья уже была занята царскимъ синклитомъ—боярами и окольничими; а позади ихъ, стѣною, стали думные дворяне и младшій придворный чинъ... Думный дьякъ, съ большимъ столбцомъ въ рукахъ, сталъ въ сторонѣ. На всѣхъ лицахъ была написана тревога и волненіе...

Вотъ слышался топотъ со стороны дороги; изъ-за деревьевъ раздались условныя слова команды — и черезъ нѣсколько мгновеній, окруженные вооруженной стражей, въ сопровожденіи князя Михаила Лыкова,

явились передъ лицомъ боярской думы князя Хованскіе, отецъ и сынъ, связанные, съ закрученными назадъ руками... Старикъ былъ въ поношенномъ дорожномъ платьѣ, съ разстегнутымъ воротомъ, съ полой, оборванной во время сѣшнаго захвата и визанью; князь Андрей былъ одѣтъ въ свой любимый малиновый кафтанъ, съ золотыми застежками и жемчужными кистями. На обоихъ лица не было... Князь Лыковъ, побрыкивая на ходу своей кольчужной бармицей, поспѣшно перешелъ къ толпѣ бояръ; князя Хованскіе остались на своемъ мѣстѣ, окруженные стражей.

— Разрядный думный дьякъ,—раздался вдругъ чей-то голосъ, который показался князю Ивану голосомъ Милославскаго:—по указу великихъ государей и государыни-царевны Софьи Алексѣевны, читай сказку о винахъ воровъ и измѣнниковъ государевыхъ, князей Ивана и Андрея Хованскихъ.

Дьякъ выступилъ на нѣсколько шаговъ впередъ и громко, истоиво сталъ читать свой обвинительный актъ. Князя Хованскіе, ошеломленные всѣмъ тѣмъ, что имъ привелось въ тотъ день пережить съ утра, слушали чтеніе этого акта какъ-то странно: то они внимательно прислушивались, наклоняя впередъ голову и видимо стараясь уяснить, истолковать себѣ значеніе этихъ звуковъ, которые, хотя и долетали до ихъ слуха, по все же оставались имъ чуждыми, непонятными звуками—и только... То вдругъ, по временамъ, переставали слушать и обводили кругомъ себя какимъ-то безпомощнымъ, почти бессознательнымъ взглядомъ... А между тѣмъ голосъ дьяка гремѣлъ, какъ труба Страшнаго Суда, перечисляя ихъ вины, ихъ преступленія: „...раздавали многую государеву денежную казну безъ указа... позволяли всякихъ чиновъ людямъ ходить въ государевы палаты безъ всякаго страха, съ наглостью и невѣжествомъ... при государяхъ и боярахъ вычитали свои службы съ великою гордостью, будто никто такъ и не служивалъ... бояръ безчестили и никого въ свою пору не ставили... многимъ грозили смертью и кровопролитіемъ... царскихъ указовъ не исполняли...“

Вотъ что долетало до слуха несчастныхъ князей и еще болѣе туманило ихъ уже безъ того потрясенное сознание...

Закончивъ чтеніе длиннаго столбца, дьякъ бережно сложилъ его и развернулъ другой столбецъ, покороче, провозгласивъ:

— А се подметное, извѣтное на тѣхъ же государевыхъ воровъ и измѣнниковъ письмо, что объявилось на наперти церковной, въ канунъ отъѣзда изъ села Коломенскаго,—и затѣмъ снова приступилъ къ чтенію письма.

Оно длилось не долго, и закончилось обычной въ подобныхъ случаяхъ фразой, которую думный дьякъ громогласно провозгласилъ на всю лужайку:

— Великіе государи и сестра ихъ, государыня-царевна, того письма слушавъ, указали и бояре приговорили: по подлинномъ розыскѣ и по явнымъ свидѣтельствамъ и дѣламъ, и тому извѣтному письму согласно, государевыхъ воровъ и измѣнниковъ, князей Ивана и сына его Андрея Хованскихъ, казнить смертью.

— Господа-бояре! — раздался вдругъ пронзительно-громкій, раздирающій вопль старика Хованскаго.

Видно было, что онъ дѣлалъ надъ собою страшное, послѣднее усиліе:—глаза его, широко открытые, горѣли яркимъ пламенемъ; по лицу его, блѣдному какъ полотно, то проступали, то исчезали красныя пятна; судорожныя движенія подергивали его щеки и подбородокъ...

— Господа-бояре! — повторилъ онъ еще разъ, уже не такъ громко:—не дайте намъ, безвиннымъ, погибнуть по наговорамъ лютыхъ враговъ нашихъ!

Онъ приостановился, чтобы перевести духъ... Гробо-вое молчаніе было ему отвѣтомъ.

— Пощадите, выслушайте насъ, прикажите допросить, и вы узнаете, что между насъ сидятъ злодѣи хуже насъ, виновнѣе стократъ!..

При этихъ рѣчахъ стараго князя всѣ видѣли, какъ бояринъ Иванъ Милославскій, тихохонько подпавшись со скамьи, прокрался къ воротамъ дворца и скрылся за низенькой калиткой... А старый князь все громче, все раздирательнѣе выкрикивалъ во всеуслышаніе бояръ:

— Выслушайте, господа бояре! И я вамъ по пальцамъ перечислю совершенныхъ заводчиковъ и начинателей стрѣльцоваго бунта!.. Не отъ меня вѣдь онъ пошелъ, не мной былъ вымысленъ!.. Допросите и донесите царскимъ величествамъ! Пусть мнѣ дадутъ очныя ставки, пусть пытають,—но какъ же такъ-то? Казнить безвинно, скорой казнью... Помилосердитесь...

Голосъ у него порвался; рыданія стали подергивать его лицо, душить его; но онъ успѣлъ еще добавить:

— Сынъ менѣе меня виновень... Докажите мнѣ его вину—я... я прокляну его...

Онъ разрыдался и упалъ на колѣни, кланаясь боярамъ въ землю. Неясный ропотъ пронесся среди бояръ, прерываемый воплями и рыданіями старика.

Вдругъ изъ-за калитки вывернулся Милославскій. Онъ былъ страшно блѣденъ; глаза его смущенно бѣгали изъ стороны въ сторону, борода замѣтно тряслась.

— Господа бояре, — крикнулъ онъ несомнѣно твердо:—государыня-царевна прислала меня сказать, чтобы вы злодѣевыхъ затѣкъ и оправданій не слушали и приказали вершить ихъ немедленно...

Бояре разомъ поднялись со своихъ мѣстъ, а Милославскій подаль знакъ стражѣ:—Хованскихъ подхватили подъ руки и повлекли къ помосту, около котораго засуетились какіе-то люди, развязывая осужденнымъ руки и сдирая съ нихъ верхнюю одежду. Стараго князя, почти безсознательнаго, взволокли на помостъ и положили на плаху... Тоноръ сверкнулъ въ воздухѣ, и голова старика скатилась съ плахи, обогренивъ кровью.

К О Н Е Ц Ъ .

* * *

Въ ясный день святого Духа
Ты затеплила лампаду
И зелеными вѣтвями
Разукрасила свѣтелку.

Я пришелъ съ тяжелой думой,
И въ моемъ усталомъ взорѣ
Вновь блеснула, засверкала
Искра юности счастливой.

Вспомнилъ я мѣста родныя,
Вспомнилъ тихую деревню,
Поле съ пестрыми цвѣтами,
Садъ, заброшенный и дикій.

Сколько лицъ, давно забытыхъ,
Вдругъ воскресло предо мною!

Сколько дней, веселыхъ, яркихъ,
Промелькнуло вереницей!

Помнишь храмъ, гдѣ мы молились
Такъ усердно съ дѣтской вѣрой?
Къ намъ туда не доносился
Рокоть жизненнаго моря.

И, согрѣтые молитвой,
Мы съ надеждой возвращались
Подъ привѣтливую кровлю,
Къ ласкамъ матери любимой.

Пусть горитъ твоя лампада!
Нѣжный свѣтъ ея цѣлитель:
Онъ смягчитъ больное сердце,
Разучившееся вѣрить...

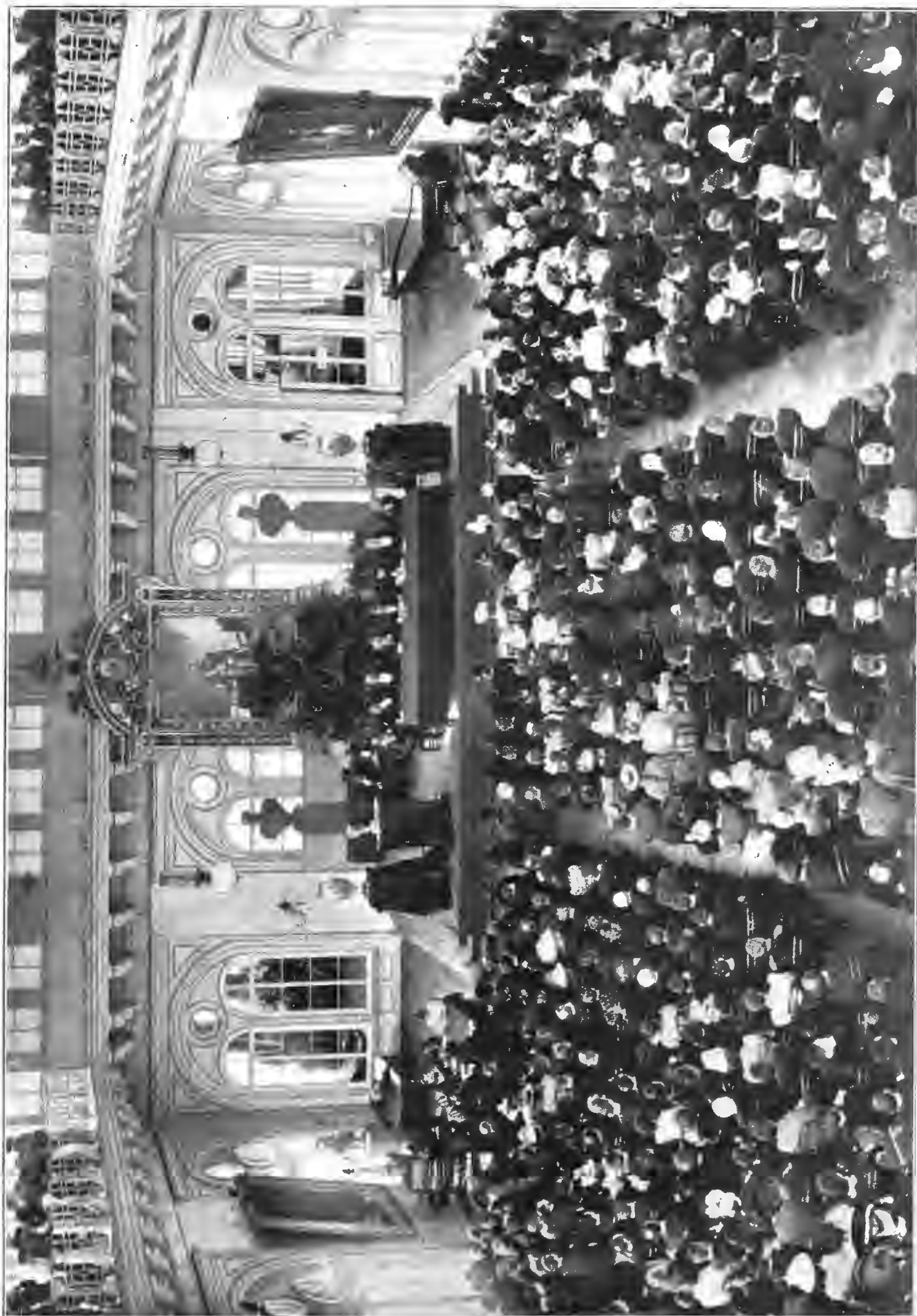
В. В. Умановъ-Каплуновскій.

Къ рисункамъ.

Колоссальная картина извѣстнаго вѣнскаго художника Франца Матиа „Ахиллъ-побѣдитель“ украшаетъ съ недавняго времени знаменитый замокъ Ахиллейонъ на островѣ Корфу. Замокъ этотъ принадлежитъ австрійской императрицѣ Елисаветѣ; но ея же порученію написана эта картина въ 10 метровъ длины и 4 метра вышины. Картинѣ отведено самое почетное мѣсто—въ атриумѣ замка, и ея яркія, сочныя краски выступаютъ очень эффектно, благодаря свѣту, льющемуся потоками сверху, сквозь стеклянную крышу зала. Каждый, переступающій порогъ королевскаго замка, видитъ прежде всего эту картину съ исполинскою фигурою Ахиллеса въ центрѣ, и каждому тотчасъ же становится ясно, что здѣсь культъ Ахиллеса, здѣсь все посвящено памяти этого мнѣнческаго героя.

Передъ нами далеко протянулась вдаль подъ яркими, осла-

тельными лучами солнца троянская равнина. Высоко надъ нею возвышается холмъ съ дворцомъ троянскаго царя, съ террасъ котораго толпы убитыхъ горемъ троянцевъ взираютъ на страшную сцену, происходящую передъ ихъ глазами: Ахиллъ, въ сопровожденіи ликующихъ ахейцевъ, побѣдоносно несется мимо троянцевъ на колесницѣ, влача по землѣ привязанное къ колесницѣ тѣло сраженнаго имъ „необѣдимаго“ Гектора. Въ правой рукѣ Ахилла шлемъ Гектора, а въ лѣвой—подбитый пуриуромъ, „необытннй, тяжкій, блескомъ подобный полному мѣсяцу щитъ“ и „тяжко-огромное“ копье, которымъ „въ сонѣ ахейцевъ ни единый двинуть не могъ“. На голову его надвинутъ „тяжелый гривастый шлемъ; онъ сіялъ, какъ звѣзда, и густымъ златооцвѣтымъ ковыкомъ хвостомъ былъ украшенъ на немъ воздымавшійся гребень“; голени его—въ „свѣтлыхъ, гладкихъ поножахъ“, огромный панцирь „мощную грудь обложилъ“;

Чествование памяти В. Г. Бѣлинскаго въ Петербургѣ. Торжественное собраніе Союза взаимопомощи русскихъ писателей въ залѣ городской думы. Съ фотогр. К. Булла автотипія „Нивы“.

на плечѣ повѣшенъ „драгоценный мечъ съ рукоятью серебряной, съ лезвиемъ мѣднымъ“ Картина поразительна по своей исторической строгости, — художникомъ приняты во вниманіе всѣ новѣйшія археологическія и топографическія изслѣдованія Иліона; всѣ досѣдѣ Ахилла воспроизведены въ точности по описанію Гомера и согласно образцамъ оружія, найденнымъ учеными со Шлиманомъ во главѣ при раскопкахъ Трон. Вся декорация мѣстности, въ изображеніи которой сказался наумительный декоративный талантъ Матина, строго скопирована съ натуры и въ соотвѣтствіи съ имѣющимися описаніями.

Фигурировавшая на XXVI передвижной выставкѣ картина Г. Г. Мисоѣдова: „Осеннее утро“ — поразительна по своей художественной правдѣ. Это уголокъ пастельной, живой природы. При взглядѣ на нее невольно вспоминаешь Фета:

Сбирались умирать послѣдніе цвѣты
И ждали съ грустію дыханія мороза;
Красилъ по краямъ кленовые листья,
Горошекъ отцвѣталъ и оснѣпала роза.
Надъ мрачнымъ ельнякомъ проснулася заря,
Но яркости ея не радовались птицы;
Однообразный свистъ лишь слышенъ свѣгря,
Да раздражаетъ пискъ насмѣшливой синицы.

Съ высокихъ деревьевъ сыплется дождь пожелтѣвшихъ листьевъ, холодное зеркальное озеро покрывается имъ, какъ золотисто-бронзовой чешуею. Вдали виднѣются уже совершенно желтыя деревья, и въ воздухѣ стоитъ морозная свѣжесть, бодрящая, напоминающая намъ, что лѣтніе дни миновали...

Чествованіе памяти В. Г. Бѣлинскаго въ Петербургѣ.

(Рис. на стр. 417.)

10 мая состоялось, какъ уже упомянуто выше, въ большомъ залѣ петербургской городской думы торжественное собраніе „Союза взаимопомощи русскихъ писателей“ въ память В. Г. Бѣлинскаго. На собраніи этомъ присутствовало, кромѣ членовъ Союза русскихъ писателей, очень много набранной публики, совершенно переполнившей огромный думскій залъ. Кромѣ того, на хорахъ съ обѣихъ сторонъ стояло много учащейся молодежи. Впередѣ на эстрадѣ засѣдалъ за особымъ столомъ комитетъ Союза писателей, подъ предсѣдательствомъ П. Н. Исакова. Въ числѣ членовъ комитета сидѣли справа отъ предсѣдателя — Н. К. Михайловскій, Н. И. Карѣевъ, К. В. Стацюковичъ и П. И. Вейнбергъ, слева — С. А. Венгеровъ, Н. О. Анненскій и Л. Е. Оболенскій.

Засѣданіе собранія открылъ предсѣдатель комитета Союза П. Н. Исаковъ, сказавшій краткую вступительную рѣчь о значеніи чествуемаго писателя и въ заключеніе предложившій собранію почтить память В. Г. Бѣлинскаго вставаніемъ. Затѣмъ на кафедрѣ взошелъ В. П. Острогорскій и въ обширной, горячо прочтенной рѣчи обрисовалъ Бѣлинскаго, какъ педагога. Разообразъ рядъ статей Бѣлинскаго, почтенный педагогъ выслушалъ собранію, что въ нихъ красною нитью проходятъ просвѣдательскія идеи. Вторымъ ораторомъ выступилъ Н. А. Котляревскій, произнесшій блестящую рѣчь на тему: „Бѣлинскій, какъ истолкователь главнѣйшихъ литературныхъ теченій своего времени“. Съ истинно ораторскимъ талантомъ, мастерски были имъ обрисованы и объяснены всѣ послѣдовательскія мнѣнія въ мировоззрѣніи Бѣлинскаго, сначала романтика, затѣмъ врага романтизма, философа-эстетика, и наконецъ, борца за опредѣленную социальную программу. Затѣмъ С. А. Венгеровъ говорилъ о Бѣлинскомъ, какъ о душевномъ типѣ, имѣющемъ „великое сердце“. У Бѣлинскаго можно найти, по словамъ оратора, отвѣты на современные животрепещущіе вопросы; онъ отражалъ современную эпоху. Статью А. Н. Пыпина: „Литературные и общественыя взгляды Бѣлинскаго“ прочиталъ за болѣзнь автора Н. О. Анненскій. Далѣе Е. П. Карповъ прочелъ изъ стихотворенія Некрасова отрывокъ „Медвѣжья охота“, посвященный памяти Бѣлинскаго.

Затѣмъ П. И. Вейнбергъ была прочтана телеграмма, полученная отъ племянника и племянницы В. Г. Бѣлинскаго, съ благодарностью Союзу за чествованіе памяти ихъ дяди. Присутствовавшую въ засѣданіи сволочницу Бѣлинскаго,

А. В. Орлову, спеціально пріѣхавшую для этого чествованія изъ Москвы и сидѣвшую въ первомъ ряду въ высокомъ креслѣ, все собраніе, вставъ, приветствовало шумными и продолжительными аплодисментами. Послѣ перерыва засѣданія, прибывшій изъ Москвы Г. А. Джаншиевъ произнесъ рѣчь „Бѣлинскій и эпоха реформъ“; объ этой рѣчи уже сказано выше по поводу чествованія памяти В. Г. Бѣлинскаго въ Москвѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Н. К. Михайловскій сказалъ небольшую рѣчь о Бѣлинскомъ, какъ драматургѣ. Ораторъ подробно разобралъ первое юношеское произведеніе Бѣлинскаго, драму „Дмитрій Калининъ“, имѣющую большое значеніе, какъ горячій протестъ противъ крѣпостного права, раздавшійся еще въ 30-хъ годахъ.

П. И. Вейнбергъ закончилъ засѣданіе заключительнымъ словомъ. Собраніе горячо приняло всѣхъ ораторовъ, награждая каждого долго несомкнанными аплодисментами. Въ тотъ же день состоялся обѣдъ по подпискѣ, на которомъ присутствовало около 100 человѣкъ и въ томъ числѣ А. В. Орлова.

В. О. Грубе. (Портр. на этой стр.)

28-го апрѣля т. г. скончался въ Харьковѣ извѣстный хирургъ и ученый, профессоръ харьковского университета Вильгельмъ Федоровичъ Грубе. Въ лицѣ В. О. Грубе русская наука и русское общество лишились одного изъ лучшихъ, достойнѣйшихъ своихъ представителей, пользовавшагося совершенно исключительными уваженіемъ и популярностью не только въ Россіи, но и въ

Западной Европѣ. Харьковъ обязанъ Грубе своей хирургической клиникѣ, создавшейся и ставшей образцовой только благодаря покойному В. О. Выдающійся хирургъ-практикъ, крупный ученый, талантливый профессоръ и руководитель, идеальный учитель-другъ и врачъ-человѣкъ — всѣ эти рѣдкія свойства въ отдѣльности съ паумительной гармоніей соединялись въ покойномъ В. О. Грубе. Къ В. О. Грубе стекались за врачебной помощью со всѣхъ концовъ Россіи, и за сорокъ съ лишнимъ лѣтъ своей дѣятельности онъ произвелъ нѣсколько тысячъ операций, изъ которыхъ очень многія были весьма сложны и требовали не только выдающихся знаній, но и крупнаго опыта, осторожности и хладнокровія. Принесши тысячамъ людей облегченіе своими удачными операциями, В. О. нѣсколько разъ являлся жертвою своего долга, заражался во время оперированія. У многихъ еще, навѣрное, свѣжо въ памяти, какъ три-четыре года тому назадъ В. О. Грубе едва не умеръ отъ зараженія крови, полученнаго при вскрытіи злокачественнаго нарыва у одного изъ своихъ пациентовъ. Покойный стойко выдержалъ тогда борьбу съ болѣзью, получивъ во время нея отовсюду множество за-

В. О. Грубе († 28 апрѣля 1898 г.).

явленій самаго горячаго сочувствія.

В. О. родился въ селѣ Нейгутѣ, Курляндской губ., въ 1827 году. По окончаніи курса на медицинскомъ факультетѣ дерптскаго университета, онъ защитилъ въ 1850 году докторскую диссертацию и затѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ былъ ординаторомъ при хирургической и глазной клиникѣ покойнаго профессора Каруса и недавно скончавшагося въ Берлинѣ заслуженнаго ординарнаго профессора Адельмана. Вслѣдъ затѣмъ покойный поступилъ въ морскую службу и находился въ двухлѣтнемъ морскомъ плаваніи на пароходѣ „Камчатка“. Назначенный штатнымъ ординаторомъ кровеносной больницы и черезъ полгода помощникомъ главнаго врача, онъ руководилъ, между прочимъ, практическими работами морскихъ врачей по оперативной хирургіи. Во время крымской кампаніи В. О. былъ главнымъ хирургомъ Кронштадта, Ревеля и Свеаборга. По окончаніи кампаніи онъ продолжалъ военную службу, хотя она далеко не удовлетворяла его. Покойный чувствовалъ призваніе къ научно-педагогической дѣятельности. Въ 1858 году харьковскій университетъ объявилъ конкурсъ на кафедру хирургической клиники, и въ числѣ многихъ конкурентовъ явился В. О. Грубе. Ему было отдано предпочтеніе отчасти потому, что онъ имѣлъ за собою громадную практическую опытность, отчасти же благодаря его замѣчательной работѣ, представленной на конкурсъ подъ заглавіемъ: „Объ удаленіи кусковъ костей изъ всего объема послѣднихъ“. Въ 1859 году онъ вступилъ въ должность директора хирургической и офтальмологической (до 1872 года) клиники, затѣмъ исполнялъ около полугода обязанности директора акушерской и около года обязанности директора терапевтической клиникъ.

Въ теченіе сорокалѣтней профессорской дѣятельности по-

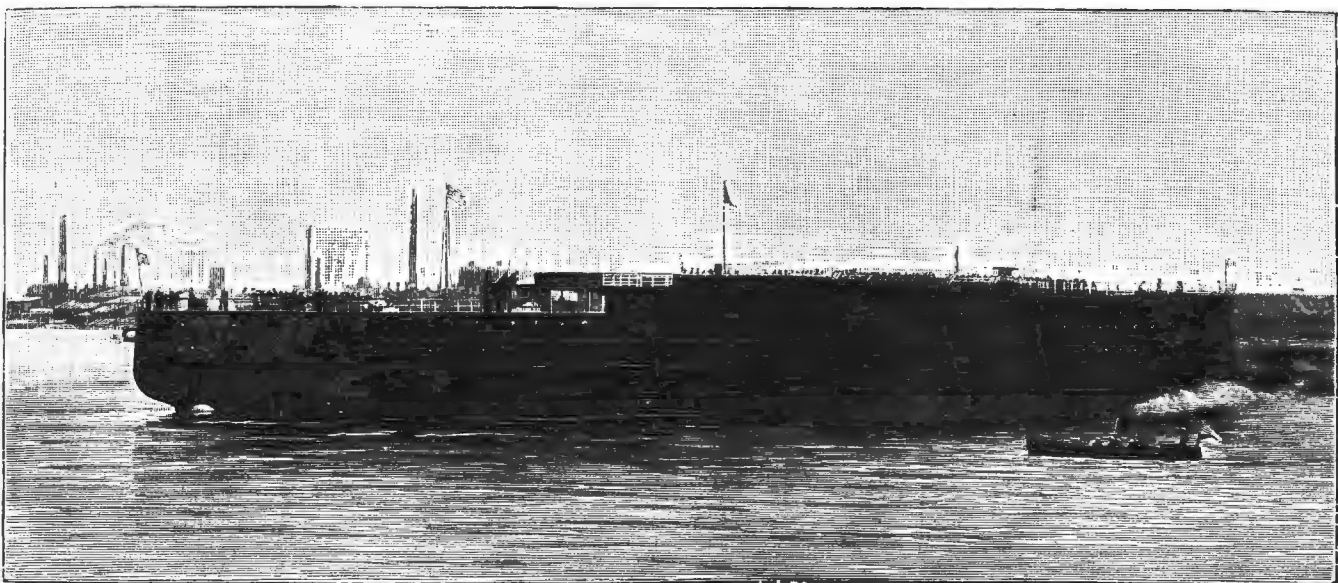
койный совершил до десяти путешествий за границу с ученою целью. Между прочим, в 1870 году, послѣ взыгтя Седана, онъ занимался въ англійскомъ отдѣленіи Краснаго Креста, затѣмъ находился въ арміи принца Фридриха-Карла при осадѣ Меца и ознакомился со всѣми подробностями тогдашняго ухода за ранеными и транспортировки ихъ съ поля сраженія. Во время послѣдней русско-турецкой войны покойный В. О. посѣтилъ сначала Кавказъ, потомъ переѣхалъ за Дунай и принималъ самое живое и дѣлательное участіе въ дѣлахъ подѣлывной, завѣдуя дивизионнымъ лазаретомъ 31-й пѣхотной дивизіи. По возвращеніи въ Харьковъ, онъ завѣдывалъ 25-ю кроватями для тяжело-раненыхъ больныхъ, учрежденными мѣстнымъ отдѣломъ Краснаго Креста.

Помимо диссертациі и конкурснаго сочиненія, покойный написалъ дѣльный рядъ работъ, разсѣянныхъ въ заграничной и отечественной періодической печати. Имъ помѣщено до 200 рефератовъ о русской хирургіи въ иностранной медицинской прессѣ и сдѣлано до 50 дѣльных сообщеній въ Харьковскомъ медицинскомъ обществѣ. Кроме того, подѣ его руководствомъ написано не мало работъ и диссертаций. Въ общественной дѣлательности Харькова В. О. до послѣдняго времени принималъ видное участіе. По его инициативѣ возникло тамъ медицинское общество, почетнымъ президентомъ котораго онъ былъ до конца своей жизни; затѣмъ онъ несъ на себѣ обязанности

рапортомъ командиромъ, капитаномъ 1-го ранга Королевыми, изволивъ обойти судовой караулъ и здороваться. Осмотрѣвъ судно, Ихъ Величества и Августѣйшія Особы спустились въ палатку на килѣ эллинга. Раздалась команда: „рубить подпоры“, и вскорѣ „Пересвѣтъ“ плавно спустился на воду. Заиграла музыка; салютовалъ почетный караулъ, игралъ „Боже, Царя храни“ и судовой оркестръ на „Пересвѣтѣ“. Загрохоталъ салютъ. Ихъ Величества и Ихъ Высочества сѣли въ катеръ и при кликахъ „ура“ обошли вокругъ спущеннаго судна.

Осмотрѣвъ затѣмъ только что вернувшійся изъ заграничнаго плаванія крейсеръ „Вѣстникъ“, Ихъ Величества отбыли на паровомъ катерѣ „Петергофъ“ къ дворцу великаго князя Алексѣя Александровича, гдѣ состоялся завтракъ.

Новый броненосецъ по своимъ размѣрамъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду нашихъ морскихъ гигантовъ. На немъ три вертикальныя машины тройнаго расширенія, причемъ каждая должна развивать около 4,800 индикаторныхъ силъ. Длина броненосца равняется 434½ футамъ, ширина—75½ фут. Углубленіе до 26 фут., водоизмѣщенія 12,674 тонны. Машины его будутъ снабжаться паромъ изъ неварываемыхъ котловъ, системы Бельвилля, размѣщенныхъ въ шести группахъ, имѣющихъ общую поверхность въ 43,418 квадратныхъ фут. Общій вѣсъ механизмовъ, вѣсѣтъ съ котлами, около 1,736 тоннъ.

Эскадренный броненосецъ „Пересвѣтъ“, спущенный 7 мая съ Балтійскаго судостроительнаго завода.
Съ фот. К. Булла грав. Шляперъ.

товарища предсѣдателя мѣстнаго отдѣла „Краснаго Креста“. Покойный пользовался общими симпатіями какъ своихъ товарищей-врачей, такъ и своихъ многочисленныхъ учениковъ, никогда не порывавшихъ связи съ своимъ учителемъ.

Новый эскадренный броненосецъ „Пересвѣтъ“.

(Рис. на этой стр.)

7-го мая въ присутствіи Государя Императора, Государыни Императрицы и Особы Императорской Фамиліи на балтійскомъ судостроительномъ заводѣ состоялось торжество спуска на воду эскадреннаго броненосца „Пересвѣтъ“, а также закладка крейсера 1-го ранга „Громобой“ и транспорта мииннаго загражденія „Амуръ“.

Ихъ Величества и Ихъ Высочества, прибывъ на паровомъ катерѣ „Петергофъ“, въ сопровожденіи морского начальства и Государевой свиты, присутствовали сначала на закладкѣ крейсера и мииннаго транспорта, а затѣмъ прослѣдовали на броненосецъ „Пересвѣтъ“. Его Величество, встрѣченный съ

Скорость хода броненосца—18 узловъ въ часъ.

Броненосецъ заложенъ Государемъ Императоромъ 7-го ноября 1895 г. и былъ доведенъ ко дню спуска до 80% готовности. Проектъ постройки его разработанъ Балтійскимъ заводомъ, строителемъ же былъ корабельный инженеръ Оффенбергъ.

Броненосецъ по числу и по калибру скорострѣльной артиллеріи, размѣщенной на навѣсной, верхней и батарейной палубахъ, будетъ самымъ сильнымъ изъ современныхъ боевыхъ судовъ; кроме того, онъ будетъ вооруженъ подводными и подводными миинными выбрасывающими аппаратами и сфероконическими миинами; на палубѣ его будутъ размѣщены 16 гребныхъ и паровыхъ судовъ. Корпусъ судна защищенъ броней, изготовленною адмиралтейскими Ижорскимъ и Обуховскимъ заводами, а внутри броневую палубу Путиловскаго завода. Дно у судна двойное. Продольными и поперечными переборками судно раздѣлено на 152 водонепроницаемыхъ отдѣленія. До дня спуска на постройку броненосца употреблено было 388,977 пудовъ бронзы, мѣди, стали и дерева.

Политическое обозрѣніе.

Передвиженія эскадръ воюющихъ сторонъ давали поводъ политическимъ кружкамъ ожидать рѣшительнаго столкновенія испанцевъ съ американцами до прибытія значительнаго числа испанскихъ судовъ въ кубинскія воды. Американцы стерегли неприятеля у восточнаго и западнаго побережья Кубы; съ этою целью эскадра Сампсона крейсировала у острова Гаити, а эскадра Шелъ у Ки-Веста; въ то же время принимались мѣры къ охранѣ американскихъ портовъ въ ожиданіи, какъ бы испанскія суда не набрали свою задачу нападеніемъ на беззащитное американское побережье. Ожиданія, однако, не оправдались: ядро испанскихъ морскихъ силъ — эскадра адмирала Сервера, о маршрутѣ которой были крайне разнорѣчные

толки, совершила свой переходъ безъ приключеній и аварій; пройдя мимо острововъ Мартиники и Кюрасао, между Ямайкой и Гаити, эскадра приплыла въ юго-восточныя кубинскія воды и въ составѣ 4-хъ броненосныхъ крейсеровъ и 13-ти миинныхъ судовъ вошла, 7-го мая, въ Сантъ-Яго ди-Куба, откуда два американскихъ судна успѣли удалиться. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, эскадра привезла большой военный грузъ для испанской арміи и поэтому вслѣдствіи уклонилась отъ встрѣчи съ неприятелемъ. Прибытіе испанской эскадры вызвало въ Сантъ-Яго и Гаваннѣ подъемъ патріотическаго настроенія, а въ Мадридѣ пронзвело необычайный восторгъ; королева поздравляла Сервера съ благополучнымъ прибытіемъ на Кубу.

Испанскія дѣла какъ будто принимаютъ болѣе благоприятное теченіе. Новый кабинетъ во главѣ съ Сагастой составленъ 6-го мая. Излагая въ сенатѣ ходъ министерскаго кризиса, Сагаста торжественно заявилъ 8-го мая, что правительство приметъ только такой миръ, который сохранитъ территориальную цѣлость Испаніи, въ противномъ случаѣ— страна будетъ бороться до послѣдней крайности. Заявленіе премьера встрѣчено было бурными знаками одобренія.

Въ Испаніи нѣкоторую тревогу вызываетъ поведеніе Англіи: по свѣдѣніямъ вліятельныхъ органовъ нѣмецкой печати, Англія начала усиленные переговоры о передачѣ ей охраны китайцевъ на Филиппинскихъ островахъ; испанское правительство дало уклончивыя отвѣты, справедливо сославшись на то, что самъ Китай объ этомъ и рѣчи не заводилъ, и не менѣе основательно подозревая, что китайцы являются лишь предлогомъ для обширныхъ британскихъ плановъ. Поведеніе Англіи начинаютъ объяснять ея намѣреніемъ приблизиться къ захватамъ по окончаніи войны; поэтому Испанія озабочена теперь усиленіемъ гарнизоновъ на Канарскихъ и Балеарскихъ островахъ. Съ другой стороны Испанія, повидимому, занята выборомъ комбинаціи, которая направлена къ рѣшевію части Филиппинскихъ острововъ. При составленіи новаго испанскаго кабинета Сагаста доложилъ палатѣ, что портфель иностранныхъ дѣлъ предложенъ былъ посланнику въ Парижѣ—Кастилью, который, однако, отказался, такъ какъ занять „важ-

ными переговорами въ Парижѣ“. По дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ, Кастилья стремится передать Филиппинскіе острова Франціи, чтобы они не достались Соединеннымъ Штатамъ.

Положеніе испанцевъ на Кубѣ значительно улучшилось; прибытіе эскадры подняло духъ войска, что угнетающимъ образомъ подѣйствовало на инсургентовъ. Со времени перерыва перемирія, въ концѣ прошлаго мѣсяца, маршалъ Бланко нанесъ повстанцамъ чувствительныя пораженія. Параллельно съ военными дѣйствіями идутъ засѣданія автономнаго кубинскаго парламента, торжественно открытаго въ присутствіи иностранныхъ представителей посланіемъ испанской королевы. Открывая парламентъ, маршалъ Бланко обратился къ членамъ его съ вопросомъ, желаютъ ли они присягнуть королю и бороться за верховное господство Испаніи, на что получили утвердительный отвѣтъ. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ изъ Мадрида, большая часть вождей кубинскихъ повстанцевъ изъявила готовность сложить оружіе и примкнуть къ автономистамъ; сильно упорствуютъ лишь вожди Гомесъ и Гарсія.

По свѣдѣніямъ изъ Нью-Йорка отъ 11-го мая, американскія эскадры Шлея и Сэмсона соединились и направились къ Сантъ-Яго ди-Куба. Въ политическихъ кружкахъ предполагаютъ, что американцы дадутъ сраженіе испанцамъ, такъ какъ въ Кадиксѣ испанцы формируютъ уже резервную эскадру, которая направится тоже къ Кубѣ.

СМѢСЬ.

Чембарь, уѣздный городокъ пензенской губ., который сталъ теперь извѣстенъ благодаря чествованію памяти В. Г. Бѣлинскаго, прошедшаго во немъ свои молодые годы, получилъ уже разъ, въ 1836 г., очень громкую извѣстность не только во всей Россіи, но и за границей, особенно въ политическомъ мірѣ. По сообщенію г. Ильченка (*Рус. Старица* 1882, № 12), императору Николаю Павловичу угодно было въ 1836 г. предпринять путешествіе по Россіи въ главный городъ военныхъ поселеній Чугуевъ, харьковской губерніи, черезъ города Москву, Владиміръ, Нижній, Казань, Симбирскъ, Пензу, чрезъ Чембарь до Тамбова и такъ далѣе. Предполагалось, что въ Чембарѣ государь будетъ имѣть обѣденный столъ и ночлегъ, для чего въ городѣ было приготовлено лучшее для него помѣщеніе въ домѣ уѣзднаго училища.

24-го августа, въ 5 часовъ пополудни, императоръ Николай Павловичъ благополучно прибылъ въ Пензу и остановился въ домѣ губернатора. 25-го августа, въ 5 часовъ пополудни, государь отправился изъ Пензы на Тамбовъ, черезъ Чембарь. Отъ Пензы до Чембара 125 верстъ. До послѣдней станціи государь прослѣдовалъ благополучно и выѣхалъ изъ села Мочалыки въ 12 часовъ ночи; на 17 верстѣ отъ станціи, въ с. Кевдовершинѣ была смѣна лошадей. До Чембара оставалось 14 верстъ. Дорога до Кевдовершинъ ровная, хорошая, и только въ двухъ мѣстахъ перерѣзывается оврагами, изъ которыхъ послѣдній на 7-й верстѣ отъ города образуетъ довольно длинную гору, но совершенно почти отлогую. Начала всходить луна. Ночь была ясная, безоблачная. Въ коляскѣ были зажжены фонари. На козлахъ экипажа сидѣли ямщикъ и камердинеръ. Государь дремалъ. Подъѣзжая къ послѣдней горѣ, что противъ Шаладейки, ямщикъ не сдержалъ лошадей и не затормозилъ экипажа, но на половинѣ горы дышловыл лошади, не будучи особенно сдерживаемы, понесли раскатившійся экипажъ, напиравшій на нихъ садию своею тяжестью; форейторъ, къ несчастью, свалился, и выносившія лошади, никѣмъ не управляемая, свернули въ сторону и наскочили на край дороги; экипажъ опрокинулся на бокъ, и государь упалъ, сильно ушибся и при паденіи сломалъ себѣ лѣвую ключицу. Къ счастью еще, лошади въ эту минуту сами остановились. Больше всѣхъ пострадалъ несчастный камердинеръ, сидѣвшій на козлахъ, который былъ ужасно разбитъ.

Первое время государь былъ безъ чувствъ. Графъ Бенкендорфъ поддерживалъ ему голову. Когда государь пришелъ въ себя и узналъ, что камердинеръ и ямщикъ сильно пострадали отъ ушиба, то, забывъ собственныя свои страданія, отослалъ отъ себя графа Бенкендорфа помогать пострадавшимъ.

Въ это время пробирался тропинкой солдатъ съ котомкой за плечами, отпущенный домой „въ чистую“. Привлеченный свѣтомъ и шумомъ, онъ подошелъ къ мѣсту катастрофы какъ разъ въ ту минуту, когда государь очнулся, отпущая отъ себя графа Бенкендорфа, и, увидавъ солдата, сказалъ ему: „мнѣ вотъ служба поможетъ!“ Солдатъ Байгузовъ рассказывалъ, какъ онъ, стоя на колѣняхъ, поддерживалъ государя императора въ сидячемъ положеніи на землѣ и давалъ ему по временамъ пить воду изъ своей магарки.

Форейторъ, какъ менѣе пострадавшій, былъ посланъ верхомъ въ Чембарь съ извѣстіемъ о случившемся несчастіи, откуда не замедлила прибыть помощь. Изъ города прискакали начальники, докторъ, собрался народъ. Цернеръ, уѣздный врачъ, подалъ первую медицинскую помощь, сдѣлалъ перевязку, и государь почувствовалъ себя лучше. Лейбъ-медикъ Арендъ, оставшій на цѣлую станицю, когда прѣехалъ и посмотрѣлъ на перевязку сломанной ключицы, нашель, что она сдѣлана, какъ нельзя лучше. Государь съ самаго начала въ экипажѣ и велѣлъ ѣхать шагомъ, но усилившіяся боль отъ толчковъ заставила его выйти изъ экипажа, и онъ верстъ

шесть прошелъ пѣшкомъ, поддерживаемый подъ руку. Народъ, сопровождавшій его, освѣщалъ путь фонарями. Государь шелъ молча, нахмуривъ брови, и по временамъ останавливался. Видно было, что онъ страдалъ. Въ Чембарѣ государь занялъ приготовленное для него помѣщеніе въ уѣздномъ училищѣ.

По случаю болѣзни государя свита была возвращена изъ Тамбова назадъ, и въ Чембарѣ закончила жизнь до того времени небывалая. Государь вставалъ рано, въ 5 часовъ, утромъ до завтрака занимался дѣлами, а потомъ читалъ или писалъ. Во время болѣзни въ городѣ была такая тишина, какъ будто бы жители прислушивались, что дѣлалось въ училищѣ. Когда болѣзни приняла благоприятный оборотъ, государь выходилъ на балконъ, задернутый занавѣсой.

8-го сентября государь въ 9 час. утра выѣхалъ изъ Чембара, наградивъ подарками всѣхъ и милостиво благодаря за доставленный ему покой.

Образъ жизни американскихъ солдатъ. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты имѣютъ всего около 28.000 регулярнаго войска, расквартированнаго по всей странѣ, и около 125.000 милиціи, т. е. добровольцевъ, которые составляютъ отдѣльные полки и выбираютъ офицеровъ изъ своей среды. Главнокомандующимъ считается президентъ Макъ-Кинлей; высшій рангъ въ арміи—генераль-майоръ. Въ каждомъ полку имѣется восемь ротъ, въ ротѣ 60 человекъ; при каждомъ полку имѣется свой штабъ. Солдаты-добровольцы обязываются служить три года, по истеченіи которыхъ они, если желаютъ, могутъ остаться на службѣ еще три года, и т. д. Прослужившіе 30 лѣтъ живутъ на покой въ Вашингтонѣ, главномъ городѣ Союза, получая отъ правительства, кромѣ понаго содержанія, $\frac{3}{4}$ того жалованья, которое они получали въ послѣднее время службы. Солдатъ получаетъ 13 долларовъ—около 22 р.— въ мѣсяцъ жалованья на полное содержаніе; ему дается одежда, обувь, перчатка и крахмальное бѣлье. Американскій солдатъ получаетъ пищу три раза въ день, — завтракъ, обѣдъ и ужинъ; каждый разъ ему дается вареное или жареное мясо, а утромъ, кромѣ того, картофель, овощи, масло и кофе. Въ 7 часовъ утра (лѣтомъ въ 6 ч.) дежурный трубачъ трубитъ зорю. Солдаты встаютъ, убираютъ свои постели, непремѣнную принадлежность которыхъ составляетъ мягкій матрацъ; потомъ идутъ совершать свой утренній туалетъ въ умывальную и ванную комнаты. Затѣмъ они собираются на веранду, которая окружаетъ казармы со всѣхъ сторонъ; здѣсь фельдфебель дѣлаетъ перекличку и рапортуетъ офицеру имена отсутствующихъ. Отсутствующій подвергается штрафу въ 50 центовъ (около рубля), и на слѣдующій вечеръ онъ, по желанію, можетъ опять получить отпущку безъ всякаго затрудненія. Въ 7 $\frac{1}{2}$ ч. завтракъ. Съ 8—8 ч. 20 м. происходитъ ученіе внутри казармъ; отъ 10 ч.—10 $\frac{1}{2}$ ч.—ученіе съ оружіемъ на верандѣ, въ дурную погоду— внутри казармъ. Отъ 12 ч. до 6 ч. солдатъ можетъ заняться чѣмъ хочетъ. Никто изъ начальства въ это время ничего отъ него не требуетъ. Вообще капиталъ или сержантъ выѣ службы значить не болѣе простого рядового; они спятъ въ одной казармѣ съ рядовыми и сами чистятъ свои вещи, отличаясь отъ рядовыхъ только большимъ окладомъ жалованья: капиталъ получаетъ 18, сержантъ 23 доллара. Рядовые не обязаны отдавать имъ честь. Въ 6 часовъ трубачъ трубитъ вечернюю зорю; производится новая перекличка, и въ 6 $\frac{1}{2}$ ч. ужинъ. Въ 11 ч. дежурный унтеръ-офицеръ идетъ съ рапортомъ къ офицеру. Невѣка къ вечерней зорѣ рѣдкое явленіе. Каждую субботу капитанъ дѣлаетъ ротѣ смотръ, обращая особенное вниманіе на состояніе оружія. Это единственная вещь, которую солдатъ обязанъ чистить. Въ залѣ собранія каждой роты есть биллардъ, роль и 12 велосипедовъ къ услугамъ солдатъ; кромѣ того имѣются разныя игры.

УДОЧКИ и всё принадлежности для рыбной ловли известной фабрики Альмоз в К^о (S. Alcock & Co in Redditch) вновь получены из Англии в большом выборе в магазинах С. И. ДОИНИКОВА СПБ. 1-й магазин — Невский пр., Милотинъ рядъ, А. Лѣсниковой, 27—18; 2-й магазин — Гост Дворъ, противъ Пажескаго корпуса, № 73 и 3-й магазин — Чернышевъ пер., Банновская линия, № 15. Иллюстр. пр.-кур. рыболовн. принадлеж. высыл. ингор. безплатно.

МИРРОЛЬ ПОРОШОКЪ УНИЧОЖАЮЩІЙ ГРИБА И ЗАПАХЪ ОТЪ ПОТА ПРОВО А. ГАККЕЛЯ ИМП. ПАВЛОВСКОГО МУЖ. АКАДЕМ. ИСАЕВИЧЪ МАЯ ЧИНАКЪ

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ ПУШКИНСКАЯ АПТЕКА СПЕТЕРБУРГЪ Пушкинская № 9.

ОЦИНКОВАННОЕ НИКОГДА НЕ РЖАВЬЮЩЕЕ ГАЛЬВАНИЗИРОВАННОЕ ЖЕЛѢЗО ДЛЯ КРЫШЪ

НЕ ТРЕБУЕТЪ НИКОГДА ОКРАСКИ.

Заводъ Н. В. ЧЕРЕПОВА, въ Москвѣ, Тверск. заст., Петерб. сл., с. д. (5)
Прейсъ-куранты бесплатно.
Ручательство въ непроржавленіи на **ДЕСЯТКИ ЛѢТЪ.**

Новость за 2 р.!!! Высылаю дорожн. и домашн. копировальн. прессъ съ копир. книгой. Копія получаются моментально и отчетливо. Адресъ: г. Ровно, Волын. губ. М. Ш. ТИНЕ.

PÂTE DENTIFRICE GLYCÉRINE
S'en servir une fois c'est l'adopter.
GELLÉ FRÈRES
6, Avenue de l'Opéra PARIS

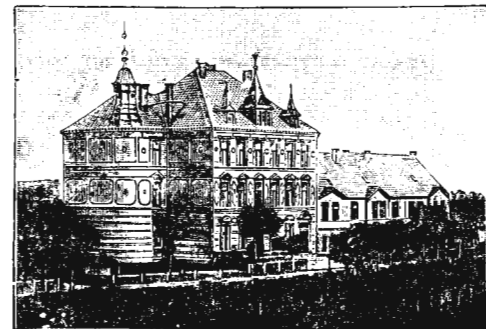
ПОСЛѢДНЯЯ Парижская новость **серьги „ЭФФЕКТЬ“.**
Золото 56 пробы и искусствен. бриллы съ жемчугами.
Цѣна за пару 5 руб.
Съ требованіями обращаться въ г. ВАРШАВУ, въ фабричный складъ часовъ „ЖЕНЕВА“.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое дешевое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ
А. Эпинаса.

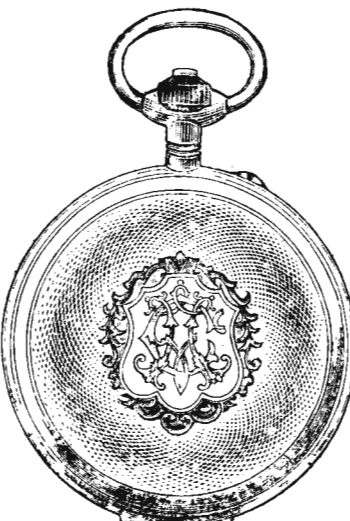
Переводъ съ франц. Ф. Павленкова, 2-е пересм. изданіе, 320 стр. больш. формата. Ц. 1 р.

ПАВЕЛЬ БУРЕ В. № 10820 23-11
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр. д. № 23. Москва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ♦
съ отличнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новыя иллюстрир. преісъ-куранты высыл. по требованію безплатно.

Лѣчебница Шульце въ Гарделегенѣ (Gardelegen) Саксонія, Германія.

ЛѢЧЕБНИЦА для спокойныхъ душевно-больныхъ, эпилептиковъ и слабоумныхъ дѣтей,
за которыми установлены тщательный присмотръ и уходъ. Обширная экономія, сады, парки. Лѣсистая, здоровая мѣстность.
Берлинъ-Лертевоксаль. (Berlin-Lehrter Bahn). Со справками обращаться въ дирекцію лѣчебницы.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованному способу изготовления часовъ я имѣю возможность продавать съ 1 января с. г., самые элегантные и прочные **МУЖСКІЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличимые, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструціи, съ прекрасною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, или съ портретомъ, согласно присланной фотографической карточки, вѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.
Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящіе золотые, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе.
Такіе же **ДАМСКІЕ** дорожн. на 1 рубль. Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Высылаю вновь вытѣренные часы по полученію задатка 2 руб., остальное же наложеннымъ платежемъ.

АДРЕСЪ:
Ш. БИТКЕРЪ

складъ женевискихъ и американскихъ часовъ въ Варшавѣ, Сенаторская № 27 и Вербовая № 11, противъ Правительственнаго театра.

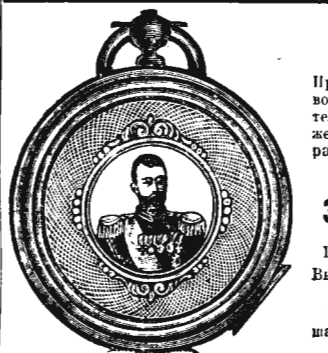
По избяжанію поддѣлокъ, каждый экземпляръ снабженъ пломбою фирмы, утвержденной Департаментомъ торговли и мануфактуръ за № 29583/435.

Извѣщенія изъ аттестаций, полученныхъ моимъ складомъ:
Милостивый государь Г. Биткеръ.
Убѣдившись въ доброкачественности исполненія Вашимъ магазиномъ многоразныхъ заказовъ, я отъ всей души приношу вамъ глубокую благодарность за высланные мнѣ въ село Нагаду часы накладного золота, такъ какъ прочность высланнаго превзошла мои ожиданія, прошу еще выслать часы и т. д.
Съ почтеніемъ **А. Н. Воронинъ.** 40/х 97 г. Пермь.

В. М. Начальникъ Нижнеудинской Конвойной Команды.
Декабря 11 дня 1897 г. № 612.
г. Нижнеудинскъ, Иркут. губ.
Прому принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи. Капитанъ **Ганс.**
И множество другихъ. № 11231 4-2

PASTILLES VICHY-ETAT aux Sels Naturels extraits des Eaux. Vendues en boîtes métalliques scellées.
COMPRIMÉS VICHY-ETAT aux Sels Naturels extraits des Eaux pour fabriquer l'EAU ALCALINE GAZEUSE.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ лучшаго качества по фабричнымъ цѣнамъ **предлагаетъ** **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ А. Е. КУЛАКОВЪ** С.-Петербургъ, Садовая ул. 83.
Юбилейный иллюстр. преісъ-курантъ всѣхъ инструментовъ высылается безплатно.

НОВОСТЬ!!!
Прелестные криваные металлическіе часы, заводъ безъ ключа, настоящіе никельные, тщательно проверенные, на крышкѣ номіненъ художественно исполненный портретъ Государя Императора Николая II, къ нимъ цѣпочка новаго золота и парижскій комъ.
за все только 5 руб.
Предлагается печатное ручательство на 4 года. Вышеупомянутые часы высылаются немедленно и безъ задатка наложеннымъ платежомъ.
Требованія прошу адресовать въ городъ Варшаву, къ купцу **И. Вузееру**, Грѣбная ул., № 6.
Прейсъ-курантъ высылается безплатно.

Санаторія д-ра Ремплера для страдающ. грудными болѣзнями **въ ГЕРБЕРСДОРФѢ, въ Силезіи.**
Находясь съ 1875 г. подъ личнымъ врачеваніемъ наблюденіемъ владѣльца, Герберсдорфскаго лѣчебница, расположенная высоко надъ уровнемъ моря и снабженная помѣщеніемъ для пользанія слабымъ болѣзнымъ воздухомъ, представляетъ самыя благопріятныя условія для лѣченія, за умеренныя цѣны. Объявленія высылаются безплатно д-ромъ Ремплеромъ. № 11117 6-6

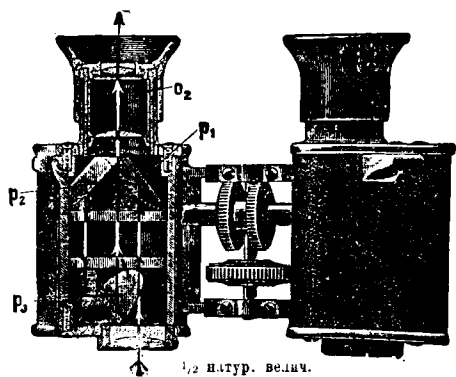
ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ.
Спеціальность: Первоклассныя по отзывамъ государственн. учреждений **Желѣзисто-орѣшковые чернила**

Наилучшія: для книгъ, актовъ, документальн. и письменностей всякаго рода

Копировальныя чернила. Чернила для письма и копированія. **ЧЕРНИЛА ДЛЯ КНИГЪ.** „Атраль“ (жидкая китайская тушь). Неснивающаяся тушь для бѣлыхъ. Жидкій клей и гумми. Краски и подушки для итмпечей. „НАРИНЬ“ краска для клейоменія мяса, безвредна, скоро высыхаетъ, не расплывается отъ воды. Автографич. и гектографич. чернила. Гектографич. листы и масса. Химич. фабрики чернилъ, основ. въ 1826 г.

Авг. ЛЕОНГАРДИ въ Дрезденѣ.
Почтребтателя и единств. фабриканта всемірно-извѣстныхъ 12-1 Алицариновыхъ чернилъ для письма и копированія, легко стекающихъ и вполне прочныхъ желѣзисто-орѣшковыхъ чернилъ 1-го класса. По избяжанію поддѣлокъ просить обращать вниманіе на вывѣ въ Россіи этикетъ и фабрич. предохранил. марку.

НОВЫЕ БИНОКЛИ ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЕ TRIËDER-BINOCLE

1/2 натур. велич.

„Бинокли-Триëдеръ“ значительно превосходить всё до сихъ поръ употребляемые бинокли (театральные, полевые и пр.), увеличивая, при одинаковомъ съ ними полѣ зрѣнія, въ 8—10 разъ **силнѣе**, а при одинаковомъ увеличаніи захватывая въ 8—10 разъ **болѣе обширное поле зрѣнія**. Въ принципѣ „Бинокль-Триëдеръ“ представляетъ собою кеплеровскую трубу, съ тѣмъ лишь, что картина въ немъ воспроизводится посредствомъ системы призмъ. „Бинокль-Триëдеръ“ **незамѣнимъ въ театрѣ и въ дорогѣ**, а также для военныхъ, моряковъ, охотниковъ, на скачкахъ и на гонкахъ. На каждомъ биноклѣ имѣется наша фирма. Получать можно во всѣхъ лучшихъ оптическихъ магазинахъ по фабричнымъ цѣнамъ.

№ 10748 16-7

Цѣна для Россіи включительно съ пошлиной и пересылкой: увелич. въ 3 раза—63 р.; въ 6 разъ—75 р.; въ 9 разъ—88 р.; въ 12 разъ—100 р. Подробныя описанія устройства и прейсъ-курантъ высылаются бесплатно.

Оптическое заведение
New-York, 52, East Union Square.
London, Ross, 111, New Bond Street.

C. P. GOERZ

Berlin-Friedenau.
Rhein-Strasse, 45—46.
Paris, 22 Rue de l'Entrepôt.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (20)
Специалистъ хронометровъ
СПбургъ, Невскій пр. № 52
прот. Имп. Публ. Библиотеки.
Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года.
Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

БЕЗВРЕДНАЯ УРБАНА
ВОЛОСЪ ДЛЯ БОРЬБЫ
БЕЗЪ ЛЯПИСА

Вновь изобрѣтенное безвредное средство для быстрого окрашивания сѣдыхъ волосъ и бороды въ черныя, русыя, темныя и свѣтло-каштановыя цвѣта. Цѣна за 1 флаконъ 2 р. съ перес. 2 р. 50 к. Продается въ аптекахъ и косметич. магазинахъ. Главн. складъ: С. ПЕТЕРБУРГЪ, АПТЕКАРС. МАГАЗИНЪ А. Урбанъ, СПб. Бодыш. Конопт. № 1.

Большое Депо Часовъ
Невскій пр. № 32.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
домъ Католическ. Церкви противъ думы С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейсъ-Куръ высыл. безпл.

ВЕЛОСИПЕДЫ „НАУМАНЪ“
ПОЛЗУЮТСЯ ВСЕМИРНОЮ ИЗВѢСТНОЮ

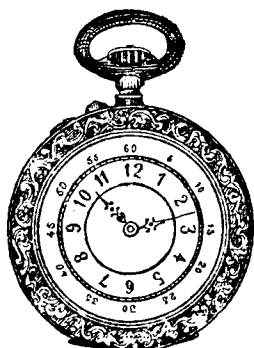
ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВО ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ ГОРОДАХЪ,
ЗЕЙДЕЛЬ и НАУМАНЪ, ДРЕЗДЕНЪ.

В. № 11181 12-4

Заводы Мальцакафее Катрейнера, Мюнхень

(Kathreiner's Malzkaffee Fabriken, München)
производятъ по патентованному способу солоды, который рекомендуется женщинамъ, дѣтямъ и больнымъ и ежедневно употребляется въ тысячахъ семействъ.
Настоящія только въ 1 фунтовыхъ пакетахъ съ портретомъ и подписью прелата Себ. Кнейлла въ Версгофенъ, какъ предохранительная марка, и фирмой единственныхъ фабрикантовъ:
Катрейнерсъ Мальцакафее Фабрикень, Мюнхень.
Склады: въ С.-Петербургѣ: К. Вольбулькъ и К^о; въ Москвѣ: Юлій Преториусъ; въ Ригѣ: Н. А. Герскиндъ; въ Варшавѣ: А. Рабиновичъ. Ц № 110427-7
Представители: съ Лодзи: А. Рабиновичъ; въ Вильнѣ: Ф. Яблковскій.

Болѣе 20,000 шт. въ употребленіи.
Требуйте вездѣ

карманные часы открыты изъ черной вороненой стали, съ двумя пылезащитными стеклами, прочнымъ механизмомъ, ремонтуръ, т. е. заводъ безъ ключа, съ золотой накладкой на крышкѣ, на которой гравирована монограмма, имя и фамилія, по желанію покупателя; къ часамъ прилагается, безъ всякой доплаты, цѣпь изъ американскаго золота панцирной работы съ брелкомъ или компасомъ, вмѣсто 9 р. ТОЛЬКО за 5 р. 55 к.

АДРЕСЪ: Ю. ГУБЕРЪ.

Складъ жевевскихъ и французскихъ часовъ въ Одессѣ, Почтовая № 21. 2-1
Письменное ручательство на 6 лѣтъ, часы тщательно вывѣренныя, высылаются по полученіи 1 руб. задатка, остальные наложеннымъ платежемъ.
Къ каждому часу прилагается бесплатно „Новость“ пара магнетныхъ запятокъ, 4 грудныхъ, изъ накладного золота, никогда не чернѣющихъ.

КУРГАУЗЪ НАССАУ (Ланъ) БЛИЗЪ ЭМСА.
Водолѣчебное заведеніе. Массажъ. Электрическое лѣченіе.
Завѣдывающій врачъ Д-ръ Э. Пёнегенъ, ассистентъ д-ръ Ф.-Экъ.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ ГУМВЕРЪ
предлагаетъ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгіи ЖЕМЛИЧКА и К^о.
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейсъ-курантъ по требованію. 16-17

САНАТОРІЯ ДРАХЕНКОФЪ.
Лѣченіе горнымъ воздухомъ. ЭБЕРСА. ЛѢДЪ БЛИЗЪ БЕР. ИНА. Злоровый климатъ. Физически-диетическія лѣчебныя средства. Терapia по системѣ Суггестіонъ. Идиллически спокойное расположеніе въ непыльной, окруженной лѣсомъ мѣстности на высотѣ Драхенкофа. Комфортабельно благоустроенная. Огромный паркъ съ приспособленіями для лѣченія чистымъ горнымъ воздухомъ, солнечными и атмосферными горными ваннами и т. д. Завѣд. врачъ: докторъ мед. Фоль-Виллафелъдъ. Прейсъ-курантъ безплатно. Владконецъ Г. Ремеде. Р. № 11185 18-3

ТОВАРИЩЕСТВО БРОКАРЪ И К^о
 ИЗСВѢТЯТЕЛИ
ЦВѢТОЧНОГО О-ДЕ-КОЛОНА
 УПОТРЕБЛЯЕТСЯ
 КАКЪ: ДУХИ, туалетная вода и курение.

ПАРФЮМЕРИИ
 „Персидская сирень“, духи, мыло, помада и цветочный о-де-колонъ.

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПУДРА
 ОСВѢЖАЮЩАЯ и не замѣтная на лицѣ.

УСОВЕРШЕНСТВО-ВАННОЕ
 Г. ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.
 Остерегайтесь поддѣлокъ.

ПАМЯТЬ
 лишь кажд. возр. укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 урокъ) профес. мнемоники С. Фаиштейнъ. Одесса, ул. Пушкинской и Ваз. ул., собствен. домъ, № 28. Условія и 2 брош. (въ 64 стр.) высыл. за одну 7-ми коп. марку.
 № 10917 20-16

БЕЗЪ СОМНѢНІЯ
 самая лучшая приправа къ кушаньямъ.

Одной или двумя чайными ложками „ГУСТО“ на чашку горячей воды приготавливается моментально прекрасный и вкусный бульонъ.

Прейсъ-курранты высылаются по первому требованію.

благодаря большому сбыту и новому усовершенств. способу изготовления часовъ моего производства, я имѣю возможность продавать съ 1 июля мин. г. самые эlegantные и прочные **МУЖСКИЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличаемые, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструкции (удостоен. серебр. медалью на Женевской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣлочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, вмѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настояще золотые, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе. Такие же **ДАМОНІЕ** дорожно на 1 рубль.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ.

Высылаю вполне вывѣренные часы по полученіи задатка 2 р., остальное же наложенномъ платежѣмъ. **АДРЕСЪ:**

Ш. ГЕЙЛЕРЪ
 Складъ женевскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.
 ♦ Множество благодарств. писемъ и отзывовъ, ♦
 Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземп. снабженъ plombомъ фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. № 110655-10

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ
 ВЪ
СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ
„РОССІЯ“

Высочайше
 утвержденномъ
 съ 1881 году.

Наличные капиталы Общества 32.000,000 руб.

Общество заключаетъ страхованія по новѣйшимъ планамъ и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, а именно:

Капиталовъ на случай смерти, Вдовьихъ пенсій, Капиталовъ на старость, Приданого для дѣвушекъ, Стипендій для мальчиковъ Пожизненныхъ доходовъ.

Къ 1 января 1898 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 49,736 лицъ на капиталъ въ 117.356,600 руб.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. домъ, № 37) и агентами Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.
 № 11167 5-4

ПИСАТЬ не только крася, но и скоро выучиваю въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медалью и благодарности короля Эдмунда. За дѣль 7 коп. марки высылаю условія и пробное писемко. Одесса, Соборная площадь, д. Пандовой, кв. 40. Пр. кав. Э. Кожидарскъ. Для получ. программы и усл. прилаг. марку.

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ посредствомъ писемъ-лекцій, подъ руковод. А. Н. ФОНЪ-ДЕРЪ-ЗЕЕ. Москва, Шереметьевскій пер., д. графа Шереметьева, кв. № 11. Для получ. программы и усл. прилаг. марку.

По новѣйшей французской методѣ **„ВОРТА“** обучаю кройки и шитью дамскихъ, дѣтскихъ нарядовъ, верхн. платья, бѣлья и корсетовъ въ школѣ и заочно посредствомъ лекцій. Плата впередъ не взимается. По окончаніи установленное свидѣтельство. Условія высыл. бесплатно. Невъ, Фундуклеевская, № 27, Е. Д. АШМАРЧНА.

ТРЕБУЮТЪ для свѣщенія **НОЖИЦА ИРУНЪ** и **ОТЪ ЗАГАРА КРЕМЪ ОРИЗА** По В. ШМОЛЬ ЦѢНА 20,35к. Продажа безъ залога

ВЫИГРЫШ-
 НЫЕ 1, 2 и 3 войны продаетъ **БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,**
 59, Невскій, С.ПБ. 12-8

ОБЪЯВЛЕНІЕ.
 19-й драгунскій Клязбургскій ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великаго Князя **МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА** полкъ проситъ лицъ, служившихъ въ ономъ, сообщить полку свои адреса для сношеній по поводу предстоящаго, 20 августа сего года, столѣтняго юбилея № 11211 лей полка. 3-3

ПЕЧЕНІЕ
ГЕРКУЛЕСЬ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ОВСЯНОЙ КРУПЫ ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
С.СІУИК^о

КРАСИВО выучивается испскій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.** Конторско-коммерч. скоронисъ, рондо, готикъ и др. шрифты также преподаются заочно. 9-7 Методъ преміи. на Парижской всемирн. выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семикоп. марки высш. проби. писемко шрифтовъ, подробн. условія и образцы заочно исправлен. почерк. Адресъ: профессору каллиграфіи **Адольфу КОССОДО** въ Одессѣ, Дерibasовская, д. № 19.

Въ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи можно получить издѣльное **МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ**
ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ для чистоты и бѣлизны кожи. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать только **МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ТУАЛЕТНОЕ, ВАЗЕЛИНОВОЕ.**
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ „ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ“ ДЕМІДОВЪ ПЕР. № 1 С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

лучшая пишущая машина **„СМИСЬ - ПРЕМЬЕ“**. Скорость, прочность, удобство. Последній усовершенствованіи. Цѣна 250 рублей и 225 рублей. Пишущая машина **„КОСМОПОЛИТЪ“**. Самый и. асив. шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными датскими алфавитами. Цѣна 95 р. Поліров. линикъ къ ней 10 р. Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высылаются бесплатно.
Оптикъ О. РИХТЕРЪ. С.-Петербургъ Адмиралтейскій просп. № 4

ФАБРИКА „СКЛАДЪ“
Бруно Зенгеръ К^о
 С.Петербургъ, Невскій Пер. № 25 (старый Калужскій) **Фотогр. Аппараты и Принадл.**
 (Кратк. Прейсъ-Куррантъ бесплатно)
 Т. № 11036 11-9

Содержаніе:

ТЕКСТЪ. Батистовый платокъ. Разсказъ В. Г. Аевсѣнко.—Императорскій эрмитажный театр.—Офицерское собраніе арміи и флота въ С.-Петербургѣ.—Къ рисункамъ: На картофельномъ полѣ. — Съ ношею. — Въ портерной. — Музыка утра.—Сторожевой казакъ.—Враги.—Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій.—Г. К. Флиге.—Графъ А. Д. Шереметевъ.—Манила.—Политическое обозрѣніе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

РИСУНКИ. Съ ношею. Картина И. А. Пеловина.—На картофельномъ полѣ. Картина Н. А. Сергѣева.—Въ портерной. Картина В. Е. Маковского.—Музыка утра. Картина В. А. Котарбинскаго.—Императорскій эрмитажный театр: Рис. 1. Внутренній видъ. Мѣста для зрителей. Рис. 2. Сцена.—Сѣнерское собраніе арміи и флота въ С.-Петербургѣ: 1) Вестибюль и входная лѣстница. 2) Заль. 3) Парадная столовая. 4) Кухня. 5) Гостиная.—Сторожевой казакъ. Картина С. И. Васильковскаго.—Враги.—Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій.—Г. К. Флиге.—Графъ А. Д. Шереметевъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

Новыя изданія А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ.

ОТПЕЧАТАНА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„ИНСТИНКТЪ И ПРАВЫ НАСѢКОМЫХЪ“.

Изъ энтомологическихъ воспоминаній

ФАБРА.

Съ 213 рисунками.

Переводъ съ франц. Е. И. Шевыревой. Подъ редакц. ученаго секретаря Русскаго Энтомологическаго Общества Ив. Я. Шевырева.

Въ книгѣ Фабра, живымъ и общедоступнымъ языкомъ, излагаются многолѣтнія наблюденія автора надъ любопытными проявленіями инстинкта насѣкомыхъ. Объ интересѣ и общедоступности изложенія можно судить по статьѣ „Происхожденіе пола у насѣкомыхъ“, помѣщенной въ № 19 „Нивы“, на стр. 380—380б. Текстъ книги иллюстрированъ многочисленными рисунками изъ сочиненій наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ энтомологовъ. Книга издана очень изящно и отпечатана на лучшей бумагѣ четкимъ шрифтомъ. Большой томъ въ VIII+590 страницъ большого ф°, съ 213 рисунками. СПб. 1898 г.

Цѣна книги, переплетенной въ прочную папку съ коленкоровымъ корешкомъ,—3 р., съ перес. 3 р. 75 к., а въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ 3 р. 75 к., съ перес. 4 р. 50 к.

Вышелъ изъ печати и разсылается подписчикамъ III томъ сочиненій

К. К. СЛУЧЕВСКАГО,

издаваемыхъ въ 6 томахъ in 8°, съ портретомъ и автографомъ автора, исполненнымъ геліографіей.

Въ это изданіе войдутъ всѣ беллетристическія и поэтическія произведенія К. К. Случевскаго, причѣмъ первые три тома заключаютъ въ себѣ всѣ его стихотворенія, въ томъ числѣ появившіяся въ этомъ году въ печати „Пѣсни изъ Уголка“.

Содержаніе послѣднихъ трехъ томовъ составятъ произведенія въ прозѣ. Подписка продолжается и вышедшіе три тома выдаются, а многогороднымъ высылаются немедленно по полученіи соответствующей суммы.

Подписная цѣна за 6 томовъ 7 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой—8 р. 70 к., въ 6 изящныхъ переплеткахъ 10 р. 50 к., съ дост. и перес. 12 р. (По выходѣ послѣдняго тома цѣна будетъ возвышена).

Подписныя деньги вносятся сполна—при заказѣ, или въ разсрочку на слѣдующихъ условіяхъ:

ДЛЯ ПОЛУЧЕНІЯ:	Безъ доставки:		Съ дост. и перес.:	
	Брошюр.	Въ пер.	Брошюр.	Въ пер.
1-го тома вносится	3 р. —	4 р. —	3 р. 70 к.	5 р.
2-го „ „	1 р. —	2 р. —	1 р. 50 к.	2 р.
3-го „ „	1 р. —	2 р. —	1 р. 50 к.	2 р.
4-го „ „	1 р. 50 к.	1 р. 50 к.	1 р. —	2 р.
5-го „ „	1 р. —	1 р. —	1 р. —	1 р.
6-ой томъ — безплатно.	—	—	—	—
Итого.	7 р. 50 к.	10 р. 50 к.	8 р. 70 к.	12 р.

По желанію, тома высылаются и наложеннымъ платежомъ по мѣрѣ выхода

Требованія и деньги просятъ адресовать: въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

„ФИНАНСОВО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ РОССИИ“.

составленный по официальнымъ даннымъ

П. А. Антроповымъ

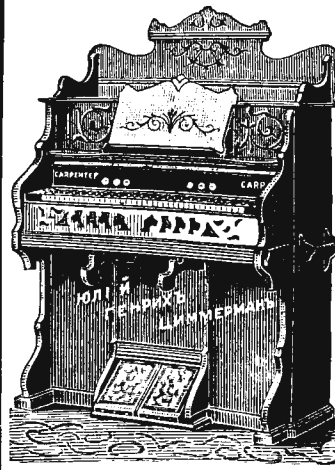
и состоящій изъ 29 картограммъ и 7 диаграммъ, отпечатанныхъ въ шесть красокъ, съ обширнымъ введеніемъ автора и съ приложеніемъ 4-хъ таблицъ съ вычисленіями. (Форматъ изданія большое in quarto).

Для каждаго государства является въ настоящее время насущною потребностью имѣть наглядную картину своего финансово-экономическаго состоянія, которая облегчала бы заинтересованнымъ лицамъ ориентироваться въ массѣ экономическихъ фактовъ, знаніе которыхъ безусловно необходимо для успешнаго изученія и веденія государственнаго хозяйства и улучшенія финансовъ.

Атласъ изданъ со всею роскошью печатнаго искусства, отпечатанъ на лучшей словеной бумагѣ и переплетенъ въ прочную папку съ коленкоровыми корешкомъ и углами.

Цѣна атласа 5 руб., съ перес. 5 руб. 60 коп.

Требованія просятъ адресовать въ Контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, Малая Морская, домъ № 22. Изданіе имѣется также въ продажѣ во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

(Фабрика Карпентера въ 160 руб.)

Лучшіе инструменты для духовной и свѣтской музыки, весьма легкіе для изученія.

ФИСГАРМОНИ

знаменитой Фабрики

ШИДМАЙЕРА,

рекомендованна Гензельтомъ, Листомъ, Главачемъ.

Американскія извѣстныхъ фабрикъ

КАРПЕНТЕРЪ, ВЕНТЪ

и другихъ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 175, 190, 200, 225, 240, 250, 300, 350, 375, 450, 500, 550, 750 и 1000 руб.

Самочителъ Патѣ—2 р. Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталогъ нотъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.

Складъ и изданіе нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34—40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ПОСЛѢДНІЙ

добровольный обмѣнъ на 4% ренту 4% облигацій внутреннихъ займовъ 1887 года и 2-го, 3-го и 4-го—1891 года и выпущенныхъ въ кредитныхъ рубляхъ 4% облигацій казенныхъ жел. дорогъ.

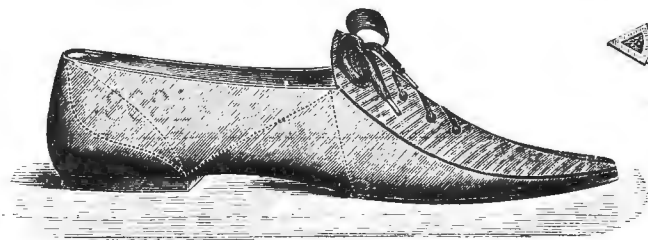
ЗАЯВЛЕНІЯ

принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ учрежденій Банка.

КРАЙНІЙ СРОКЪ

подачи заявленій 15 Іюня 1898 года. Подробныя условія обмѣна въ ежедневныхъ газетахъ.

№ 11073 12--11

НАШИ НАСТОЯЩЕ, ВО ВСЕЙ РОССИИ ИЗВѢСТНЫЕ

СКОРОХОДЫ И САНДАЛИИ

продаются исключительно только у нижеслѣдующихъ торговцевъ.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ

ТОВАРИЩЕСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

Абаканскъ, Г. И. Мухинъ.
 Анкерманъ, Л. Чобричеръ.
 С. Таранъ.
 Аннолинскъ, А. М. Никитинъ.
 И. С. Слинъ.
 Алапаевскій заводъ, Т. И. Абрамова.
 Алатырь, К. Н. Поповъ и Ко.
 Александрія, З. М. Грановскій.
 Александровскій заводъ, Общество Потребителей.
 Александровскъ, Братья Певзнеръ.
 Алушта, Сали Ибраимовъ.
 Аманевъ, Б. Литвинъ.
 Архангельскъ, Торговый домъ „М. и Е. Аресонъ“.
 Астрахань, И. Р. Степановъ Старшій.
 И. И. Постниковъ.
 „Торг. д. Братья Гантшеръ“.
 Атбасаръ, В. П. Волосниковъ.
 И. П. Волосниковъ.
 Ачинскъ, Торговый домъ „Ельевичъ и Бородавкинъ“.
 Г. Н. Максимовъ.
 А. С. Мокроусовъ.
 М. В. Круглякинъ.
 Н. Г. Гадаловъ.
 Бану, Х. А. Сааковъ, въ пассажѣ.
 Г. М. Мирнеловъ, противъ пассажа.
 Е. А. Наджаровъ.
 К. А. Карапетянцъ.
 Балаково, Е. С. Ермилинъ.
 Барнаулъ, Е. А. Жернаковъ.
 Г. Д. Маштаковъ.
 А. Г. Морозовъ.
 Торговый домъ „Д. Н. Сухова сыновья“.
 Батумъ, Х. А. Паладопуло.
 Г. М. Огородниковъ.
 Бахмутъ, Настѣдница А. Я. Абрамовича.
 Бердскъ, Р. М. Хайкина.
 М. И. Бабаджанъ.
 Берскъ, Я. Ф. Вагнинъ.
 И. А. Жернаковъ.
 Ф. Д. Маштаковъ.
 Н. С. Машинскій.
 Бійскъ, П. П. Фирсовъ.
 И. Д. Рождественскій.
 В. Н. Осиповъ.
 Билимбаевскій заводъ, Общество Потребителей.
 Бисеръ, Общество Потребителей.
 Благовѣщенскъ, И. Я. Чуриновъ и Ко.
 Богополь, Велия Семеновна Ельевичъ.
 Богословскій заводъ, Торг. домъ „И. А. Мухлинна наслѣдникъ“.
 А. Е. Шадрина.
 Сельское Общество Потребителей.
 И. М. Шадринъ.
 К. М. Шадринъ.
 Большой Тонманъ, Н. Г. Влохъ.
 Борисоглебскъ, В. А. Черномащенцовъ.
 Ерянскъ, К. Т. Бриллиантовъ.
 М. Г. Добчинъ.
 „Акционерное Общество Мальцевскихъ заводовъ“.
 Бѣльцы, I. Штекладъ.
 Вальн, М. Кронбергъ.
 Варшава, Х. Лурье и Ш. Гурьявъ, Рымарская 12.
 Вейсенштейнъ, Г. Лейббергъ.
 Венденъ, Е. Гейтце.
 Верро, Н. Негелъ и Ко.
 Верхотурье, Н. В. Лазинъ.
 Торговый домъ „И. А. Мухлинна наслѣдникъ“.
 Вильно, Л. М. Залкиндъ.
 Верхняя Салда, Общество Потребителей.

Верхняя Сенчиха, Ф. К. Зайкинъ.
 Н. Г. Коробейниковъ.
 Висимо-Утинскій заводъ, Общество Потребителей.
 Висимо-Шайтанскій заводъ, Общество Потребителей.
 Витебскъ, Симоновъ Рабиновичъ.
 Владивостокъ, У. Г. Лангелитце.
 Владиваназъ, Е. С. Зиналова Сыновья.
 Братья Н. и В. Богдасаровъ.
 Д. А. Никитинъ.
 И. Н. Лукьяновъ.
 А. П. Шошневъ.
 Владиміръ, Н. А. Парковъ.
 Вольмаръ, Г. Геншель.
 Воронежъ, Братья М. и Л. Поповы.
 В. С. Федоровъ.
 Воронцовка (Ставр. губ.), Р. П. Корниловъ и Сыновья.
 Вышній-Волочекъ, Г. Д. Демидовъ.
 Евсѣевъ и Латышевъ.
 Вѣрный, Артемій Ивановичъ Дерновъ.
 Вязьма, Братья Зайцевы.
 Гатчино, Л. С. Перевѣевъ.
 Гельсингфорсъ, М. Ляндросъ, Александровская ул., 11.
 Э. Ленбергъ, противъ Эспланады.
 Гейнола, Н. Геландеръ.
 Глуховъ, В. Л. Шиловская.
 Гольдингенъ, Робертъ Гербергеръ.
 Грозный, Е. М. Зиналова и В. П. Чернышевскій.
 Гунгербургъ, А. Ф. Гольцъ.
 Даго Нертель, А. Вупперфельдтъ.
 Двинскъ, Марковичъ и Минитъ.
 Дубовна (Сарат. губ.), А. Х. Граубергеръ.
 Евпаторія, Н. Я. Бозадзиевъ.
 Ейскъ, И. С. Карлашовъ.
 Енаторинбургъ, Торговый домъ „Леопольдъ Нейцеллеръ“.
 Товарищество „Братья И. и В. Макаровы“.
 И. С. Юргинъ.
 Енаторинодаръ, Н. В. Котларовъ.
 Е. С. Михазевъ.
 М. Е. Поповъ.
 Г. Я. Филъ.
 Енаторинославъ, Бр. И. и М. Стрѣлянные.
 В. Г. Заморюевъ.
 Елецъ, И. К. Чистовъ.
 Елисаветградъ, Х. С. Олинская.
 Ш. Д. Мерсонъ.
 М. А. Мясенмазеръ.
 Елисаветполь, Сендъ-Вагиръ Сендовъ.
 Енисейскъ, Е. С. Захарова.
 А. В. Поиниковскій.
 Торговый домъ „Тр. Т. Савельева с-вья“.
 С. В. Козьянскихъ.
 Е. Н. Козьянскихъ.
 Есентуни, Е. С. Зиналова Сыновья.
 Ефремовъ, Братья Долговиы.
 Житомиръ, О. А. Эйденбергъ, Сиб. магаз.
 Замокъ-Адзель, П. Мейеръ.
 Зейская пристань на Амурѣ, И. А. Оларинъ.
 Златоустъ, А. А. Кюссъ.
 Змиѣногорскъ, Н. В. Воробьевскій.
 Н. Н. Макаровъ.
 А. С. Мьяновичковъ.
 А. И. и А. В. Огуровы.
 Зырянскій рудникъ, И. К. Божкина.
 А. С. Мьяновичковъ.
 Иваново-Вознесенскъ, А. В. Щуровъ.
 Ильинское (с. Пермск. г.), О. И. Беклемшевъ.
 Ирбитъ, В. Я. Андреевъ.
 Я. Ф. Казимиръ.

Иркутскъ, Н. Д. Переваловъ.
 В. И. Орельскій.
 Торговый домъ „Н. Д. Петровъ и Сухихъ“.
 М. М. Пукасовъ.
 А. Ф. Воротовъ.
 И. И. Колосовъ.
 И. Г. Ямпольская.
 Ф. Р. Пѣехоновъ.
 Ишимъ, О. П. Вокаревъ.
 Т-во „В. Баева Преемики“.
 Казань, М. В. Катковъ.
 Каленскъ, И. В. Шкряковъ.
 Калуга, Я. Г. Кушинниковъ.
 Г. Ф. Софрановъ.
 Каменецъ-Подольскъ, I. Гитлеръ.
 З. Гитлеръ.
 Каменская станція, И. И. Шевкоплясовъ.
 Каменскій заводъ, Общество Потребителей.
 Камышинъ, Н. П. Антоновъ.
 Канскъ, Торг. домъ „К. В. Чевелева с-вья“.
 Е. Т. Коноваловъ.
 Д. М. Вишневицкій.
 Карасубазаръ, М. А. Тумановъ.
 Каргополь, С. П. Леховъ.
 Касли, А. Ф. Фигурявъ.
 Керчь, Д. И. Димитвъ, Воронцовская ул.
 Х. С. Михайловъ.
 И. Н. Аверкиевъ.
 Низель (заводъ Пермск. губ.), О. Н. Беклемшевъ.
 Общество Потребителей Горнаго округа.
 Кинешма, П. П. Новикова.
 Кишиневъ, К. М. Яковенко.
 Кіевъ, Насл. А. И. Шабардина.
 П. А. Гомоляки.
 Р. В. Клейбергъ.
 Козловъ, В. Н. Никифоровъ.
 Торг. домъ „А. Полявскаго Сынъ“.
 Кольванъ, Е. Я. Пастухова.
 Конотопъ, Б. И. Айдяндеръ.
 Коротовъ, И. В. Андреевъ.
 Кострома, Ф. Ф. Пастухова.
 М. П. Чернышева.
 Красноуфимскъ, Общество потребителей.
 Красноярскъ, Наслѣдникъ Н. Г. Гадалова.
 И. Г. Гадаловъ.
 Торговый домъ „Т. Т. Савельева с-вья“.
 А. А. Смирновъ.
 Е. Г. Назарова.
 Ф. Ф. Раздореновъ.
 Е. М. Головановъ.
 Кременъ, Ч. Б. Зенгинъ.
 Кривощево, И. М. Бѣльева.
 И. А. Жернаковъ.
 Кронштадтъ, Я. К. Марковъ.
 Кузнецкъ-Этомск. губ.), Л. Н. Емельяновъ.
 Курганъ, В. Хлызовъ.
 М. А. Щербаконъ.
 Е. Л. Кропанитинъ.
 Курскъ, магазинъ Сиб. Мех. обуви, Зокковская ул., д. Александрова.
 Куртамышъ (секо Оренбургск. губ.), Г. Я. Пѣтухова.
 Кутаисъ, П. В. Габуния.
 Г. О. Кемурларя.
 Кутимскій и Привышерскій заводы, Общество Потребителей.
 Куша, А. А. Богатырева.
 Д. П. Циклинъ.
 Кыновскій заводъ, Общество Потребителей.
 Кыштымъ, Общество Потребителей.
 Лахтисъ, Е. Видель.
 Рѣна Лена, Н. А. Шелковниковъ.
 И. Д. Переваловъ.
 Ленское Золотопр. Т-во.

Либава, К. Ф. Штраусъ.
 Либава, Г. Готшалкъ и Сынъ.
 Ф. Бланкенбургъ.
 Лодзь, Ч. Б. Миртенбаумъ, Петровская ул., № 269/33.
 Луга, А. А. Андреевъ.
 Луганскъ, Л. Д. Левитовъ.
 Лысьва заводъ, Общество Потребителей.
 Майнопъ, О. Н. Сармакешева.
 Мариинскъ, Торговый домъ „Т. Т. Савельева Сыновья“.
 М. М. Гурьевичъ.
 Мариуполь, К. И. Бирюшовъ.
 В. А. Томазовъ.
 С. М. Сахаровъ.
 Медитополь, I. С. Емтачки.
 М. Я. Кубаноскій.
 Минскъ, Н. И. Брохисъ и Сынъ.
 З. З. Лампертъ.
 Минусинскъ, П. А. Смирновъ.
 С. И. Коичевъ.
 Г. И. Мухинъ.
 И. Н. Макридинъ.
 Митава, Н. Блюмбергъ.
 Михайлово (станція по Закавказской ж. д.), И. В. Аноновъ.
 Миассъ (заводъ), Общество Потребителей.
 Могилевъ губернска, О. М. Эбертинъ.
 Подольскъ, Ю. Г. Бродъ.
 Моршанскъ, И. М. Мушинъ.
 Ф. Н. Барановъ.
 Мотовилка, Общество Потребителей.
 Невьянскъ, А. Н. Филиппова.
 Нейво-Шайтанка, П. Н. Шаньгинъ.
 Нерчинскъ (Забайк. обл.), В. М. Луккинъ.
 С. И. Рындицъ.
 Нижне-Сергинскій заводъ, Общество Потребителей.
 Нижне-Удинскъ, Е. А. Бузалинъ.
 Нижне-Уральскъ, П. С. Стуловъ.
 Нижне-Уральскій заводъ, Общество Потребителей.
 Нижний-Новгородъ, М. Н. Смирновъ.
 Нижний Тагилъ, Общество Потребителей.
 Т. А. Балыковъ.
 Нижняя Салда, Общество Потребителей.
 Николаевскъ на Амурѣ, Дикманъ и Ко.
 Николаевъ, Б. И. Бабаджанъ и Д. И. Ефетовичъ.
 Я. Ага.
 Никольское-Орхово, Общество Потребителей.
 Новгородъ, Бр. Чабуринъ.
 Ф. Н. Савинъ.
 Новоржевъ, Е. М. Платинскій.
 П. И. Александровъ.
 Новороссійскъ, Х. А. Мугафовъ.
 Новочеркасскъ, К. С. Карлѣвъ.
 Н. Г. Миллюковъ.
 Нов. Шваненбургъ, Р. Граффъ.
 Нѣжинъ, М. П. Гомоляки.
 Назе-Петровскій заводъ, Общество Потребителей.
 Оберпаленъ, К. Ф. Лейбергъ.
 Одесса, К. М. Яковенко, Александр. ул. Соборная площ.
 П. И. Агдѣвъ, Торговая ул., № 39.
 С. М. Сарьянъ, Рижельская ул.
 Л. С. Филонинъ, Александров. ул.
 З. Филонинъ,
 А. Голандбергъ,
 М. А. Шавина.
 Торговый Домъ „Братья Волковы“.
 П. А. Лянтниковъ.
 Ораниенбаумъ, И. Д. Полисадовъ.
 Оренбургъ, А. А. Мошковъ.
 О. И. Грабовскій.
 Орель, Братья А. Я. и В. Щелкины.
 Орша, В. Кичинъ.

XXIX г.

№ 22

Выдавъ 30 мая 1898 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходить еженедельно 52 № в годъ, съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXIX

1898

Цѣна этого № 15 к. съ пер. 30 к.

Продолжается подписка на „Ниву“ 1898 г. Подробности см. въ концѣ этого №.

Выставка С.-Петербургскаго общества художниковъ. „Съ ношею“. Съ картины И. А. Пелевина (исключ. право воспроизведенія въ гравюръ принадлеж. „Нивѣ“) грав. Ю. Шюблеръ.

Батистовый платокъ.

Разсказъ

В. Г. Авсѣнко.

I.

Публика собиралась медленно. Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи громадная зала дворянскаго собрания была еще наполовину пуста. Но уже суди по посѣтителямъ, которые съѣхались пораньше, можно было безошибочно заключить, что сегодняшній маскарадъ долженъ привлечь общество гораздо высшаго разбора, чѣмъ обыкновенная толпа петербургскихъ публичныхъ увеселеній. Это въ особенности чувствовалось по тѣмъ еще немногимъ домно, которыя скользили за колоннами и позади кіосковъ, не рѣшаясь первыми выступить на блистающемъ паркетѣ залы.

Между мужчицами, толпившимися преимущественно у входа, чтобы слѣдить за вновь прибывающими масками, преобладали представительныя фигуры всѣхъ возрастовъ, въ сверкающихъ мундирахъ и великолѣпно скроенныхъ фракахъ. Примелькавшіяся всему Петербургу физиономіи, встрѣчаемыя только тамъ, гдѣ собирается изипно-веселищающаяся публика, производили на опоздавшихъ сразу успокоительное впечатлѣніе: ихъ присутствіе являлось ручательствомъ, что балъ выйдетъ удачный.

Въ кіоскахъ медленно, съ лицѣрной grimаской принятой на себя скучной обязанности, разсуживались артистки. Ихъ подведенные глазки зорко и нѣтливо оглядывали толпу, стараясь опредѣлить сразу число и качество знакомыхъ мужчинъ.

Въ залѣ еще чувствовались пустота и выжидательная скука, но зато не замѣчалось того тусклаго фона и накопленной въ буфетѣ шумливости, въ которыхъ обыкновенно тонуть наши публичные праздники.

За одной изъ колоннъ, вблизи большой ложи, стояла маска, вся въ черномъ, густо задрапированная безкопечными складками гипюра. Она была безъ домино, но кружева такъ плотно окутывали ея голову и плечи, что ея тонкая талія, затянутая въ блестящій шелковый корсажъ, едва обрисовывалась сквозь ихъ узорчатую массу. Обшитая густымъ кружевомъ бархатная полумаска совсѣмъ скрывала ея лицо, и только красиво очерченные, продолговатые, черные глаза позволяли догадываться, что подъ маской скрывалась хорошенькая женщина.

Эта дама только что вошла въ залу, и изъ-за колонны внимательно слѣдила за вновь прибывавшей публикой. Когда у входа стало тѣсно, она чуть-чуть приподнималась на носкахъ, вытягивала шею и, не найдя того, кого очевидно искала, равнодушно принимала прежнее положеніе.

Но вотъ въ ея глазахъ и во всей ея фигурѣ отразилось замѣтное волненіе.

По широкимъ, покрытымъ краснымъ сукномъ ступенькамъ, спускался господинъ выше средняго роста, стройный, но не худощавый, лѣтъ тридцати двухъ-трехъ. Рѣдкіе, коротко остриженные волосы едва прикрывали замѣтную лысину; зато зачесанная къ срединѣ, темнорусая борода и красиво растрепанные усы отличались густотою. Бойкіе, нѣсколько лукавые глаза смѣло глядѣли изъ-подъ высокаго лба; въ ихъ выраженіи чувствовалось даже что-то наглое, не лишнее самоувѣренной хищности. Господинъ этотъ былъ безспорно красивъ, въ походкѣ и манерахъ его чувствовалась привычка къ обществу, фракъ и бѣлье сидѣли на немъ безукоризненно; но и въ красотѣ его лица, и во всей его внѣшности можно было подмѣтить отсутствіе того серьезнаго, благороднаго и скромнаго изящества, которое дается тонкой культурой ума и наслѣдственными инстинктами порядочности.

Звали этого господина Анатолиемъ Викторовичемъ Уханскимъ. Онъ былъ извѣстенъ всему Петербургу, и преимущественно веселящимся сферамъ; въ высшемъ обществѣ онъ появлялся мало, хотя старался туда пропикнуть, и пользовался, говоря вообще, довольно неопредѣленной репутацией. У него были друзья, всюду его расхваливавшіе, но многіе находили его не то что подозрительнымъ, но не внушающимъ особеннаго довѣрія. Онъ числился по одному изъ вѣдомствъ, не гонимъ, впрочемъ, за служебной карьерой, и интересуясь гораздо больше нѣкоторыми частными предпріятіями, въ которыхъ участвовалъ, по словамъ однихъ—собственными капиталами, а по словамъ другихъ—хорошо оплачиваемыми услугами, оказываемыми съ помощью знакомствъ и связей. Обставленъ онъ былъ весьма прилично, деньги у него всегда водились, и между позволенною молодежью были люди, порядочно ему задолжавшіе. Съ этими людьми, по большей части не совсѣмъ достойно носившими свои почтенныя имена, Уханскій всегда особенно дружилъ и, при случаѣ, умѣлъ извлекать изъ нихъ пользу.

Сойдя на середину залы, Уханскій обвелъ глазами публику, тѣснившуюся за колоннами и, замѣтивъ ожидающую его маску, тотчасъ направился къ ней.

— Я не заставилъ себя ждать?—сказалъ онъ, пожирая узкую, маленькую ручку въ черной перчаткѣ.— Очень мило съ вашей стороны, что вы пріѣхали. Впрочемъ, я зналъ, что вы пріѣдете.

— А я не знаю, зачѣмъ вы принудили меня сюда пріѣхать. Развѣ только для того, чтобы потѣшиться своей мнимой властью надо мной...—проговорила маска, и глубокіе черные глаза ея слабо блеснули.

Уханскій улыбнулся, не выпуская ея руки изъ своей.

— Мнимой?—повторилъ онъ провически.—Но мнимой власти не существуетъ. Разъ что она мнимая, ей не повинуются.

— Хорошо, не будемъ спорить,—проговорила маска.— Скажите лучше, зачѣмъ вы издѣваетесь надо мной? Зачѣмъ вы преслѣдуете, мучаете меня? Вѣдь это требованье, чтобы я пріѣхала въ маскарадъ, эта присылка билетовъ съ посылными, эти письма—развѣ все это дѣлается не для того, чтобы заставить меня дрожать каждую минуту, ждать катастрофы, скандала? Развѣ это не издѣвательство?

Уханскій провелъ рукой по своимъ пушистымъ усамъ.

— Вы знаете, страсть неосмотрительна, она забываетъ предосторожности...—сказалъ онъ, заглядывая ей въ глаза жадными глазами.

— И эта фальшивая, оскорбительная страсть, разогрѣтая вашей порочностью, которая не привыкла встрѣчать сопротивленія—это тоже издѣвательство!—воскликнула молодая женщина, инстинктивно отступая передъ его взглядомъ.

Уханскій тоже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и, указавъ на диванчикъ у стѣны, предложилъ сѣсть.

— Дорогая Римма, я сейчасъ объясню вамъ, зачѣмъ мнѣ надо было вызвать васъ сюда,—сказалъ онъ.

II.

Молодая женщина опустилась на диванъ и нетерпѣливымъ движеніемъ перебирала вѣеръ.

— Говорите, говорите,—повторила она.

— Во-первыхъ, потому, что мнѣ хотѣлось васъ видѣть, а у себя дома вы вѣчно боитесь, чтобы мужъ не перехватилъ нашихъ взглядовъ,—объяснилъ спокойно, даже съ нѣкоторой шутливостью, Уханскій.—Во-вторыхъ, мнѣ надо кое-о-чемъ переговорить съ вами. И, наконецъ, въ-третьихъ—вѣдь всегда бываетъ въ-третьихъ,—мнѣ хотѣлось посмотрѣть, дѣйствительно ли вы послушаетесь и тотчасъ пріѣдете.

— Да, да, я знаю, вы играете мною, какъ жертвой, попавшей въ вашу власть!—воскликнула маска.— И вы нарочно заставляете меня чувствовать это, чтобы я пріучилась къ этой петлѣ на шеѣ. И только благодаря тому, что я имѣла несчастье когда-то увлечься вами!

Уханскій опять глядѣлъ ей въ глаза жадно-любующимся взглядомъ.

— Иногда надо попробовать, крѣпко ли держитъ веревочка,—сказалъ онъ съ наглостью, почти достигавшей благодущія.

— Вы возмутительны!—вскричала маска.—Но не торжествуйте, это не можетъ продолжаться; скоро этому будетъ конецъ,—добавила она.

— Вы уступите?

— Никогда! Но у меня нѣтъ больше силы оставаться въ этомъ унижительномъ рабствѣ, терзаться этими вѣчными страхами. Ваша веревочка слишкомъ давитъ меня здѣсь... (Она провела рукой вокругъ шеи.) Вы заставьте меня рѣшиться на отчаянный шагъ.

— А именно?—почти небрежно уронилъ вопросъ Уханскій.

— Не догадываетесь?—отвѣтила тоже вопросомъ маска.—Но вы отлично знаете, что моя неосторожность была вовсе не такъ велика. Я имѣла несчастье увлечься вами; но я не уступила вамъ. Въ вашей власти надо мной, въ моей унижительной трусости, все держится на какомъ-то нелѣпомъ нервничаньи: это нравственное угнетеніе, которое вы искусно поддерживаете изодня-въ-день; это какой-то гипнозъ... Но вы же сами дадите мнѣ толчокъ, который, наконецъ, выведетъ меня изъ этого состоянія, и тогда... тогда я наконецъ увижу, что самое простое средство избавиться отъ васъ—откровенно объяснить все мужу.

Уханскій улыбнулся одними глазами.

— Вы никогда не сдѣлаете этого,—сказалъ онъ совершенно спокойно.—Вы никогда не сдѣлаете того, чего я не хочу. Не сдѣлаете потому, что вы отлично поняли меня, какъ человѣка, способнаго на все... рѣшительно на всё. Въ этомъ вы правы, я дѣйствительно такой человѣкъ.

Молодая женщина поблѣднѣла подѣ маской.

— Въ дьяволовъ больше не вѣрять, Анатолій Викторовичъ,—произнесла она съ натянутымъ смѣхомъ.

Лицо Уханскаго, напротивъ, приняло серьезное выраженіе.

— У меня есть планъ получше, милая Римма,—сказалъ онъ почти нѣжно.—И вотъ, объ этомъ планѣ мнѣ необходимо потолковать съ вами. Но, конечно, не здѣсь. Я вызвалъ васъ сюда для того, чтобы отвезти васъ ко мнѣ, и тамъ, у меня въ кабинетѣ, произойдетъ разговоръ, можетъ-быть, послѣдній между нами.

— Поѣхать къ вамъ? Ни за что!—воскликнула маска.

— Это необходимо, Римма. Я долженъ объясниться съ вами окончательно, сказать вамъ нѣчто очень, очень важное.

— Вы можете сказать здѣсь.

— Нѣтъ, Римма; я долженъ не только сказать, но и показать вамъ нѣчто.

— Показать? Что же это такое?

— Вы увидите, когда будете у меня.

Молодая женщина не отвѣчала. Черепаховыя пластинки вѣера нервно звикали въ ея рукѣ. Потомъ она достала изъ кармана носовой платокъ, провела имъ, приподнявъ кружево, по холоднымъ губамъ, и спрятала его назадъ. Глаза Уханскаго, между тѣмъ, слѣдили за богатымъ чернымъ домино, которое уже раза два прошло мимо нихъ, внимательно оглядывая обихъ.

— Вы приготовили какую-то ловушку для меня,—сказала наконецъ Римма.

— Увѣряю васъ, вы ошибаетесь. Мнѣ необходимо очень серьезное свиданіе съ вами, и больше ничего,—отвѣтилъ Уханскій.

— Если это вамъ необходимо, то тѣмъ болѣе причинъ для меня не соглашаться на это.

— Одинаково необходимо для насъ обоихъ, Римма. Въ эту минуту черное домино подошло къ Уханскому и протянуло ему руку.

— Пойдемъ на минуту со мною, мнѣ надо сказать тебѣ два слова,—произнесъ изъ-подъ маски лживо измѣненный голосъ.

Дама въ домино была почти такъ же тщательно укрыта капюшономъ и кружевомъ, какъ и Римма. Только надъ ушами можно было различить свѣтло-золотистыя пряди выбившихся волосъ.

Уханскій взглянулъ на нее въ упоръ, и глаза его приняли еще болѣе наглое выраженіе.

— Ты видишь, я не свободенъ,—сказалъ онъ.

— Вижу, но ты можешь освободиться. Не бойся, мы сдѣлаемъ только одинъ туръ по залѣ,—отвѣтили ему изъ-подъ маски.

— Безполезно, такъ какъ я знаю, что ты хочешь сказать мнѣ. И могу сейчасъ же отвѣтить, не слушая тебя,—возразилъ Уханскій.

— Ты дерзокъ, какъ всегда. Но я еще найду тебя.

Дама въ домино отошла.

— Вы видите, здѣсь невозможно разговаривать,—обратился Уханскій къ своей маскѣ.—Поѣдьте сейчасъ же ко мнѣ; чѣмъ раньше вы вернетесь домой, тѣмъ лучше.

— Вы устроили мнѣ ловушку,—повторила Римма.—У васъ въ домѣ я буду совсѣмъ безоружна.

— Чѣмъ мнѣ васъ увѣрить, что вы напрасно опасаетесь?—возразилъ Уханскій.—И наконецъ, вотъ что.

Вы не хотите быть безоружны? Прекрасно. Я понимаю васъ буквально и предлагаю слѣдующее. У меня на столѣ, въ числѣ прочихъ бездѣлушекъ, лежитъ превосходный, маденькій охотничій кинжалъ. Англійскій клинокъ, отточенный съ обѣихъ сторонъ. Какъ только вы переступите порогъ моего кабинета, я вручу вамъ это великолѣпное оружіе, какъ будто нарочно сдѣланное для крошечной женской руки.

Римма начинала колебаться.

— Вы говорите, что это свиданіе столько же необходимо для меня, какъ и для васъ?—спросила она.

— Гораздо больше для васъ, чѣмъ для меня. Ёдемъ, намъ тутъ нечего дѣлать. А для васъ даже не безопасно тутъ оставаться.

— Почему?—быстро спросила молодая женщина.

Уханскій усмѣхнулся.

— Потому что эти полумаски—очень невѣрная защита противъ нескромныхъ глазъ,—отвѣтилъ онъ.—Онѣ плохо держатся, а я могу сдѣлать неосторожное движеніе рукой, и маска упадетъ. А здѣсь по меньшей мѣрѣ найдется десятка два вашихъ знакомыхъ.

— Вы наглы до невѣроятія!—воскликнула Римма.—Хорошо, я поѣду съ вами; мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, тоже надо наконецъ посчитаться съ вами. Сегодня вы не найдете во мнѣ такую трусиху, какъ ожидаете.

Она встала, блѣдная, съ глазами, блеснувшими измученной энергіей. Уханскій замѣтилъ у ея ногъ батистовый платокъ и подалъ ей. Она машинально сунула его въ карманъ.

III.

Уханскій занималъ квартиру въ нижнемъ этажѣ дома, выходившаго главнымъ фасадомъ на Знаменскую и угломъ въ переулочекъ. Особый подъездъ къ нему былъ съ переулочка. Такъ какъ другихъ квартиръ по этой лѣстницѣ не было, то подъездъ былъ безъ швейцара, и, возвращаясь ночью, Уханскій обыкновенно отпиралъ и запиралъ наружную дверь собственнымъ ключомъ. Такъ онъ сдѣлалъ и теперь.

Передняя была освѣщена. На высокомъ дубовомъ стулѣ дремала казачокъ Андрюшка, въ курточкѣ съ мелкими металлическими пуговицами. Разбуженный звонкомъ, онъ растворилъ дверь, и нисколько не удивясь, что баринъ явился съ замаскированной дамой, принялъ шубы и съ трудомъ, вытягиваясь на цыпочкахъ, повѣсилъ ихъ на оленьи рога.

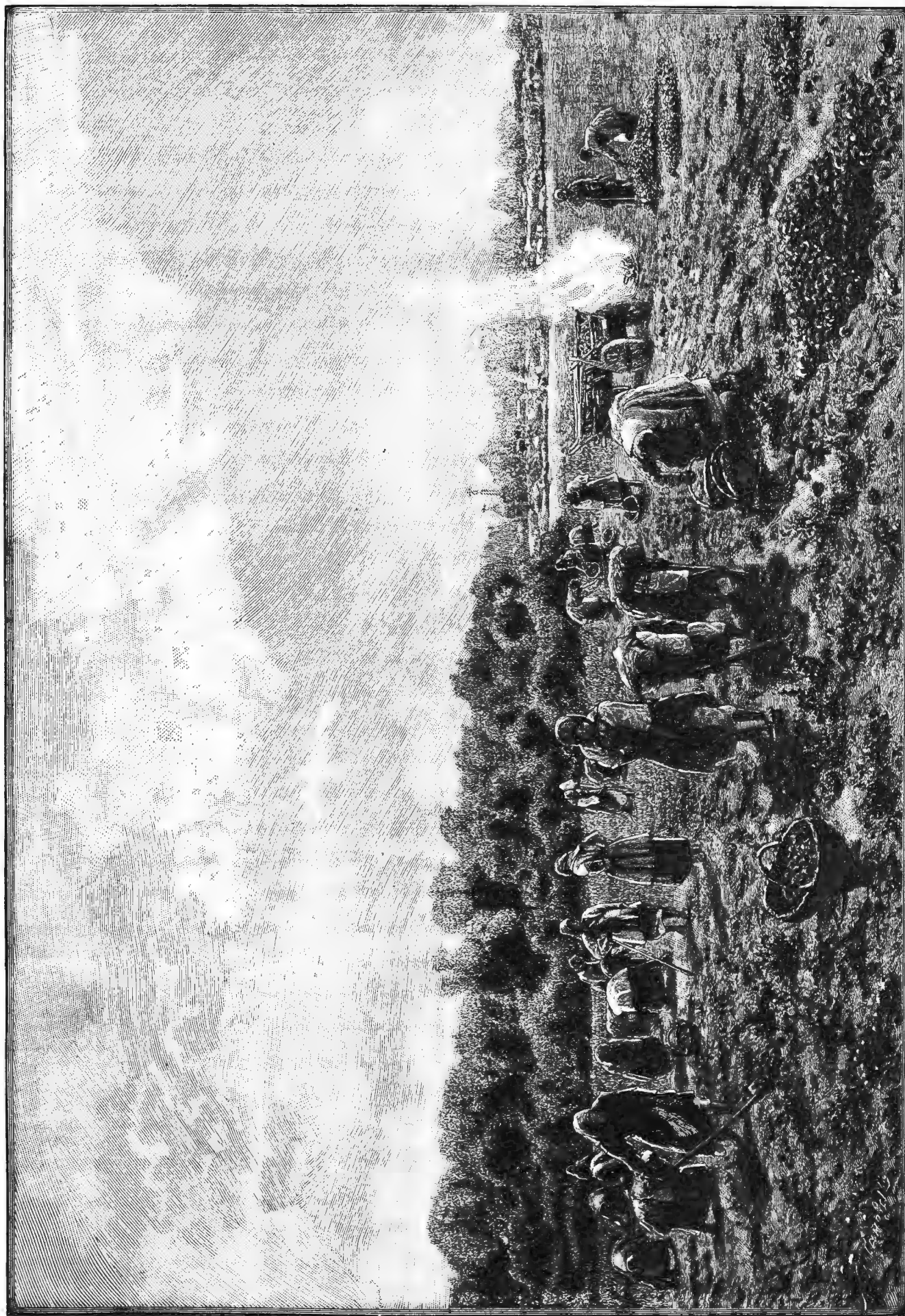
Первая комната освѣщалась только широкой полосой свѣта изъ передней. Уханскій провелъ Римму за руку между тѣсно разставленной мебелью и, переступивъ порогъ кабинета, повернулъ электрическую кнопку. Большая висячая лампа вспыхнула, мгновенно заливъ комнату яркимъ бѣлымъ свѣтомъ.

Молодая женщина оглянулась. Большая, глубокая комната, очень солидно и вмѣстѣ нарядно обставленная, производила пріятное впечатлѣніе. Тяжелыя темныя занавѣси закрывали окна и двери. Посрединѣ стоялъ большой письменный столъ; за нимъ, у стѣны противъ гостиной, широкая оттоманка. Мебель вся была низенькая, смѣшаннаго стиля. Высокіе шкапы съ бронзой, картины и куски гобеленовъ закрывали стѣны.

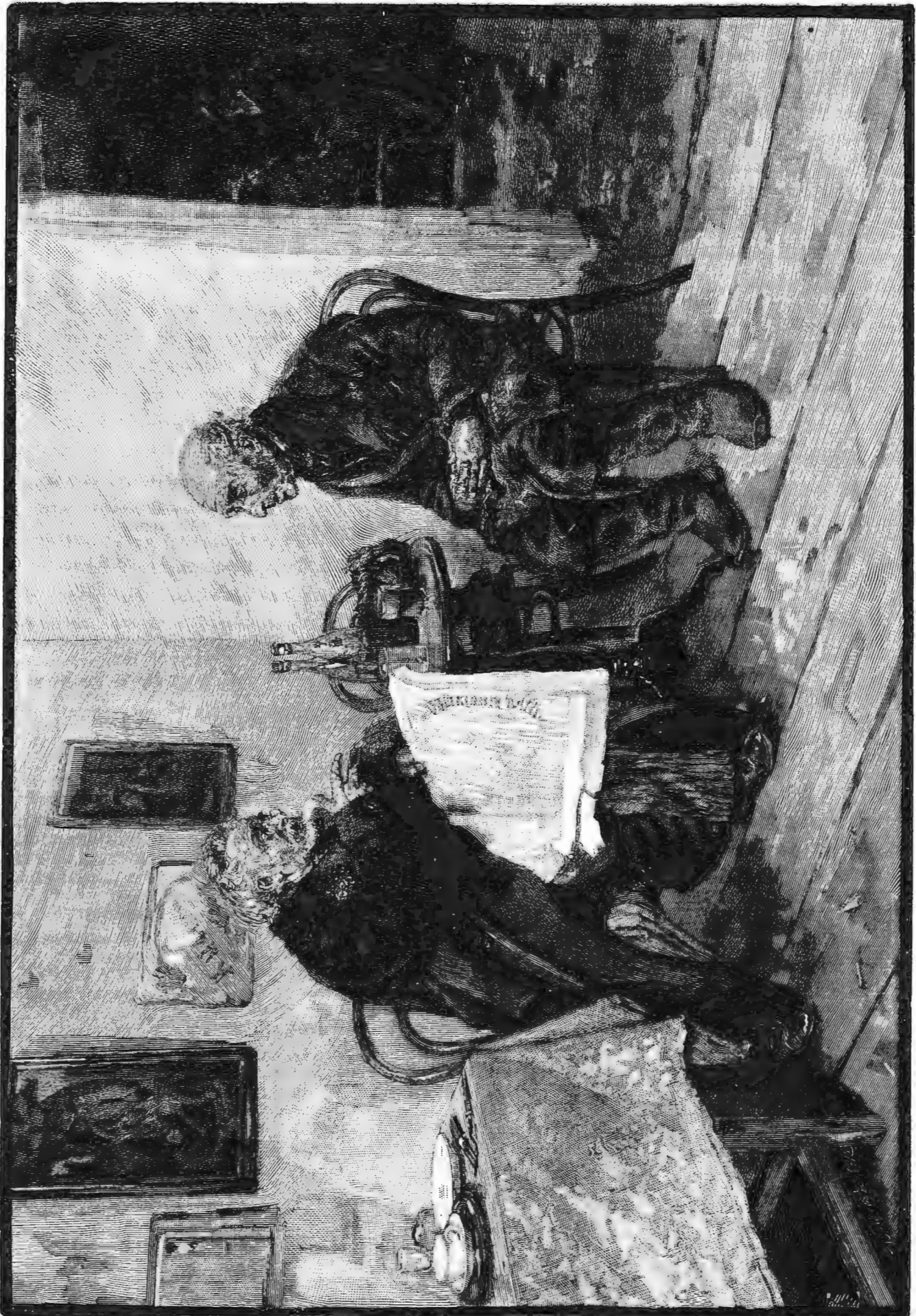
— Снимите вашу маску и расположитесь какъ вамъ удобнѣе,—пригласилъ Уханскій.

Руки Риммы немножко дрожали, когда она стягивала перчатки и отцѣпляла маску. Она все еще не довѣряла Уханскому, и ей казалось, что она попала въ западню. Глаза ея пугливо озирались, стараясь замѣтить на всякій случай пуговку звонка. Но еще больше ее пугала неизвѣстность: что такое хотѣлъ сообщить ей Уханскій? Ничего хорошаго она не ждала отъ него.

Чувство рѣшимости, съ какимъ она приняла его

Выставка С.-Петербургскаго общества художниковъ. „На картофельномъ полѣ“.
Съ карт. Н. А. Сергѣева грав. Ю. Музыкановскій.

XXVI передвижная выставка. „Въ портерной“. Съ карт. в. е. Матовскаго грав. Ю. Мульгановскій.

предложение, сохранялось въ ней, но оно больше пугало, чѣмъ успокоивало ее, и поддерживало въ ней нервную напряженность.

Она подошла къ столу и тотчасъ замѣтила маленькій кинжалъ, о которомъ говорилось въ маскарадѣ. Быстро, какъ бы боясь, чтобъ ее не остановили, она схватила его и осмотрѣла.

— Я слѣдую вашему совѣту и вооружаюсь,—сказала она, улыбувшись блѣдными губами.

Уханскій немножко поморщился, но принялъ шутливый видъ.

— Что за ребячество!—воскликнулъ онъ.—Положите лучше его на мѣсто, потому что онъ очень отточенъ, и вы легко можете порѣзать себѣ руку.

— Нѣтъ, мнѣ съ нимъ удобнѣе,—отвѣтила Римма и опустила на широкое низенькое кресло подлѣ оттоманки.

Уханскій пожалъ плечами, прошелся по ковра, затворилъ вплотную дверь въ гостиную и, вернувшись къ письменному столу, сѣлъ въ рабочее кресло.

— Итакъ, Анатолийъ Викторовичъ, что именно вы хотѣли показать и сообщить мнѣ?—обратилась къ нему молодая женщина.—Я должна торопить васъ, потому что наше свиданіе не можетъ продолжаться болѣе четверти часа.

— Какъ вы скуны!—усмѣхнулся Уханскій.—Но не будемъ договариваться о времени, пока вы не знаете въ чемъ дѣло. Извольте, я постараюсь обойтись безъ предисловій. Что я васъ люблю, страстно люблю васъ—это вы знаете...

Римма сдѣлала нетерпѣливое движеніе головой.

— Да, вы знаете,—подтвердилъ Уханскій.—Могу только добавить, что ваша упрямая неприступность не только не охладила меня, но скорѣе поддѣствовала противоположнымъ образомъ. Не охладила меня и враждебность, которую я замѣчаю въ васъ, вмѣсто пружинаго увлеченія...

— Вы сами виноваты, если мое увлеченіе смѣнилось враждебностью,—перебила его Римма:—вспомните, къ какимъ недостойнымъ преслѣдованіямъ вы прибѣгали...

Уханскій снисходительно наклонилъ голову.

— Словомъ, я люблю васъ какъ и прежде, даже болѣе прежняго,—продолжалъ онъ, оставивъ безъ отвѣта ея замѣчаніе.—Вы сдѣлались моей цѣлью, и къ этой цѣли я буду стремиться всѣми средствами, какими располагаю. Вамъ болѣе ничего не остается, какъ уступить мнѣ.

— Никогда!—воскликнула молодая женщина.

— Я ждалъ этого отвѣта и потому-то и пригласилъ васъ сюда, чтобъ немножко познакомить васъ со средствами, находящимися въ моемъ распоряженіи,—продолжалъ Уханскій.—Припомните, дорогая Римма Александровна, что въ то время, когда вы поддались вашему маленькому увлеченію, я имѣлъ честь пользоваться полнымъ вашимъ довѣріемъ. Никакія подозрѣнія не смущали васъ тогда, и понятно само собою, что ни о какихъ предосторожностяхъ вамъ не приходило въ голову. Вы не боялись, на примѣръ, писать ко мнѣ. А я человѣкъ предусмотрительный, и тщательно складывалъ ваши записочки одну къ другой. Образовалась довольно значительная коллекція, которую я именно и имѣлъ въ виду показать вамъ. Когда вы стали меня бояться, вы нѣсколько разъ спрашивали меня, уничтожаю ли я ваши письма. Разумѣется, я отвѣчалъ, что уничтожаю. Но они всѣ здѣсь, подобранныя хронологически, въ самомъ безукоризненномъ порядкѣ.

Уханскій выдвинулъ ящикъ бюро и достала оттуда пачку розовыхъ, голубыхъ и бѣлыхъ пакетиковъ, перехваченныхъ резиновымъ кружкомъ. Онъ приподнял эту пачку двумя пальцами и, улыбаясь, показалъ Риммѣ Александровнѣ.

— Дѣйствительно, надо отдать честь вашей пред-

усмотрительности,—сказала молодая женщина съ натянутымъ равнодушіемъ.—Но я не сомнѣвалась, что вы бережете мои записки: это въ вашей натурѣ. Только это совѣмъ не страшное для меня оружіе, могу васъ увѣрить. Я уже приготовилась къ тому, что раньше или позже, мужъ узнаетъ о моемъ несчастномъ увлеченіи: или вы возьмете на себя достойную васъ роль доносчика, или я сама все открою мужу, чтобы раз навсегда избавиться отъ вашихъ преслѣдованій. Конечно, это будетъ страшнымъ ударомъ для него. Но моя вина не такъ велика, чтобъ нельзя было искупить ее. Да, я позволила себѣ увлечься вами—о, это была ужасная, презрѣнная низость—предпочестъ васъ моему мужу. Но я умѣла во-время опомниться и спасти честь свою и мужа. Когда онъ убѣдится въ этомъ, онъ проститъ меня.

Уханскій усмѣхнулся.

— Ему будетъ очень трудно убѣдиться въ этомъ.

Римма поблѣднѣла. Увѣренный тонъ Уханскаго поразила ее.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросила она сдавленнымъ голосомъ.

IV.

Но лицу Уханскаго опять скользнула торжествующая усмѣшка.

— Вы очень плохого мнѣнія о моей предусмотрительности, милая Римма,—сказалъ онъ фамильярно.—Эта пачка писемъ не стоила бы мѣднаго гроша, если бъ она оставила мѣсто сомнѣнію. Но дѣло въ томъ, что я умѣлъ пользоваться вашимъ безусловнымъ довѣріемъ. Сами того не замѣчая, вы писали мнѣ именно такъ, какъ мнѣ надо было. Я съ намѣреніемъ выражался въ своихъ письмахъ къ вамъ такимъ образомъ, чтобы подсказать вамъ буквально вашъ отвѣтъ. Безсознательно, вы отвѣчали мнѣ подлѣ мою диктовку. Я заставлялъ васъ употреблять именно тѣ слова, тѣ выраженія, какія мнѣ были нужны. Хотите нѣкоторые примѣры, наудачу?

Онъ снялъ резиновый кружокъ и вынулъ изъ пачки одну записку.

— Вотъ всего двѣ строчки, но представьте ихъ себѣ въ рукахъ мужа,—продолжалъ онъ, разворачивая листокъ.—„Если иначе нельзя, то приѣду въ ресторанъ, между 9 и 10 часами“. Согласитесь, надо быть очень наивнымъ, чтобъ подумать, будто вамъ болѣе негдѣ было напиться чаю.

— Какая подлость!—воскликнула Римма, вся вспыхнувъ.

— Или, на примѣръ, вотъ это,—продолжалъ Уханскій, вынимая изъ пачки другой листокъ:—„Прошлый разъ удалось, потому что я знала, мужъ поѣдетъ изъ театра въ клубъ; сегодня невозможно, мы вернемся вмѣстѣ домой“. Или, возьмемъ дальше: „Мужъ не обѣдаетъ дома; приходите тотчасъ послѣ обѣда, часовъ въ 7, и не звоните: дверь будетъ отперта, такъ что никто изъ прислуги васъ не увидитъ“. Неправда ли, достаточно выразительно? Увѣренъ, что вы теперь сами удивляетесь, какъ могли писать подобныя вещи.

— Довольно, Анатолийъ Викторовичъ, довольно, не хвастайтесь своею подлостью!—вскричала Римма.

Уханскій, не обращая вниманія на ея восклицаніе, продолжалъ перебирать листочки.

— А вотъ строчки, на которыя я смотрю, какъ на верхъ моего искусства заставить васъ безсознательно писать подлѣ мою диктовку,—сказалъ онъ почти весело.—Неправда ли, вѣдь до сегодняшняго дня вы никогда у меня не были? А между тѣмъ, припомните слѣдующій post-scriptum къ одной изъ вашихъ записочекъ: „Вы проиграли пари, я нашла такія точно гипюровыя шторы съ цвѣтными вышивками, какъ у васъ въ спальнѣ“. Какъ вамъ покажется? Сколько

падо было самой коварной дипломатин, чтобъ такъ безпошадно подвести васъ!

И Уханскій засмѣялся довольнымъ, даже благодушнымъ смѣхомъ.

Молодая женщина порывисто поднялась съ кресла.

— Отдайте мнѣ сейчасъ же эти письма!—вскричала она, наклонясь надъ столомъ и протягивая лѣвую руку. Въ правой она держала кинжалъ.

— Что вы, какъ это можно!—спокойно отвѣтил Уханскій и, заключивъ пачку снова въ резиновый ободокъ, отложилъ ее въ сторону. — Я только напомнилъ вамъ избранннѣ мѣста изъ переписки, чтобъ доказать, что для васъ нѣтъ способа уйти отъ моей власти. Вамъ суждено уступить, и вы уступите.

— Никогда!—повторила Римма. — Никогда, слышите ли! Если вы доведете меня до крайности, я скорѣе рѣшусь покончить съ собой, чѣмъ уступить вамъ. Довольно вы надо мной издѣвались. Вы сдѣлали то, что мнѣ опротивѣло жить. Да развѣ это жизнь? развѣ я живу? Я только мучаюсь, терзаюсь, испытываю въ какомъ-то позорномъ рабствѣ. Лучше ужъ одинъ конецъ всему.

Уханскій глядѣлъ на нее жадными глазами.

— Если бы вы знали, какъ вы прелестны, когда злитесь!—сказалъ онъ почти съ искренней страстностью.

— Отдайте мнѣ мои письма. Это гнусно!

— Полноте, за кого вы меня принимаете!

Онъ всталъ и взялъ обѣими руками свободную руку Риммы.

— Перестаньте ребячиться, будьте немножко разсудительны, — заговорилъ онъ тихо, и голосъ его зазвучалъ влюбленною вкрадчивостью. — Не смотрите на меня какъ на врага, вѣдь только ваше упрямство заставляетъ меня бороться съ вами. Я вашъ другъ, я васъ люблю, люблю страстно. Римма, не отталкивайте меня, и вы найдете во мнѣ самаго преданнаго друга. Вы не виноваты, если обстоятельства отдали васъ въ мою власть. Со мной невозможно бороться, я сильнѣе васъ. Но вамъ стоитъ только захотѣть, и эта сила будетъ покорствовать вамъ. Взгляните, я у вашихъ ногъ..

Онъ, дѣйствительно, опустился на коверъ и обхватилъ руками ея колѣни.

Молодая женщина чувствовала, что у нея кружится голова. Кровь широкою волною прилиwała къ сердцу, въ вискахъ стучало. Невыразимая ненависть къ этому человѣку, ползавшему у ея ногъ, обжигала ее. Горячіе пальцы ея до боли сжимали серебряную рукоятку кинжала. Ей хотѣлось исполосовать, изрѣзать въ куски это страстно глядѣвшее на нее лицо, на которомъ она ничего не читала, кромѣ чувственнаго опьянѣнія и хищной наглости.

— Оставьте меня, пустите, или... я не отвѣчаю за себя!—проговорила она хрипло, сквозь стиснутые зубы.

Уханскій быстро поднялся. Онъ тоже былъ блѣденъ и тяжело дышалъ.

— Вы подозрѣвали, что я устроилъ вамъ ловушку... ну да, вы правы, вы здѣсь дѣйствительно въ моей полной власти, и эта хорошенькая игрушка не защититъ васъ...—сказалъ онъ насмѣшливо и, крѣпко обхвативъ ее за талию, потянулъ къ себѣ, стараясь въ то же время овладѣть ея рукой, державшей кинжалъ.

Римма подняла эту руку и откинула назадъ, такъ что онъ не могъ дотянуться до нея. Онъ крѣпче сжалъ ея талию, стараясь уронить ее. Между ними завязалась борьба, длившаяся нѣсколько секундъ. Наконецъ Уханскому удалось схватить за локоть руку, державшую кинжалъ. Эта рука сдѣлала конвульсивное движеніе, быстрое, безпошадное...

Внезапная, странная судорога пробѣжала по лицу Уханскаго, глаза его какъ то больше раскрылись подъ дрогнувшими вѣками, губы покривились. Онъ зашатался, павалился всею тяжестью на Римму; она также

конвульсивно оттолкнула его, и онъ грохнулся на оттоманку, раздвинувъ ноги и опустивъ голову на грудь.

Вся лѣвая половина его бѣлоснѣжнаго батистоваго пластрона, слегка измятаго во время борьбы, быстро наливалась кровью.

V.

Воспаленные глаза Риммы Александровны съ безсознательнымъ ужасомъ смотрѣли на рухнувшее передъ нею тѣло, подергиваемое все слабѣющими судорогами. Прошла можетъ-быть минута прежде, чѣмъ ея мозгъ пронизало сознание всего случившагося. Она провела лѣвой рукой по лицу, какъ будто хотѣла смахнуть лежавшую на немъ паутину. Потомъ подняла правую руку, съ зажатымъ въ ней кинжаломъ. Онъ былъ весь въ крови и весь теплый; крупныя красныя капли стекали съ потускнѣвшаго лезвья и падали на коверъ. Римма разжала пальцы, и кинжалъ безъ стука упалъ на полъ, къ самымъ ногамъ Уханскаго.

Рука, только что державшая этотъ кинжалъ, тоже была вся въ крови. Молодая женщина машинально вынула изъ кармана платокъ и тщательно оберла имъ заходѣвшіе пальцы. Тутъ инстинктъ самохраненія внезапно проснулся въ ней. Она оглянулась, ища, куда бросить окровавленный платокъ. Глаза ея остановились на лѣдномъ душникѣ камина; она открыла его и бросила въ отверстіе мокрый кусокъ батиста, потомъ тщательно закрыла дверцу.

Мысли ея быстро прояснились. Несомнѣнно, она убила Уханскаго. Но какъ это случилось? Кажется, она не хотѣла этого. Во всемъ ужасномъ происшествіи было одно мгновеніе, котораго она не могла возстановить въ полной ясности; именно, когда онъ сильно потянулъ ее, такъ что она зашаталась, и схватилъ ее за правый локоть. Она тогда конвульсивно опустила руку съ кинжаломъ, и почувствовала приливъ безумной ярости. Вѣроятно, тутъ она и швырнула его, и очевидно прямо въ большую артерію сердца, потому что смерть послѣдовала почти мгновенно, и кровь хлынула ручьемъ.

Испуганный трепетъ пробѣжалъ по нервамъ молодой женщины. Ужасъ совершившагося, ужасъ присутствія трупа, леденилъ ее. И вмѣстѣ съ тѣмъ, странное любопытство потянуло ее къ этому трупу. Она подошла къ оттоманкѣ, и остановила пристальный взглядъ на лицѣ Уханскаго. Оно было сѣрвато-блѣдно; что-то новое, неживое, проступало въ немъ. Открытые глаза не глядѣли. Но губамъ сочилась маленькая струйка крови и подтекала въ бороду. Слышенъ былъ легкій, неровный, затихающій хрипъ.

Еще разъ ощущеніе ужаса заледенило Римму Александровну. Она зашаталась, уперлась колѣнями въ оттоманку и едва не упала. Но это была минутная слабость. Инстинктъ самохраненія вернулся къ ней. Она заторопилась, точно ея спасеніе зависѣло отъ поспѣшности бѣгства. Съ нервной быстротой она натянула перчатки, взяла маску и кружевную шаль и, подойдя къ каминному зеркалу, кое-какъ задрапировала голову. Но у нея все вертѣлась мысль, что что-то такое она должна еще сдѣлать.—„Ахъ, да, мои письма“,—вспомнила она и, схвативъ со стола пачку разноцвѣтныхъ накетиковъ, сунула ее въ карманъ. Потомъ привѣсила къ лѣвой рукѣ вѣеръ, отыскала подлѣ дверей электрическую кнопку, и повернула ее. Комната мгновенно погрузилась въ полную темноту.

Осторожно, почти не дыша, Римма Александровна прошла черезъ гостиную, которую попрежнему освѣщала полоса свѣта, лившагося изъ передней. Казачокъ спалъ, облокотившись о столикъ, и даже слегка всхрапывалъ. Римма прошла мимо него на цыпочкахъ, сняла съ оленьяго рога свою шубу, накинула ее на плечи и тихо, не стукнувъ дверь, вышла на лѣстницу. Потомъ она повернула ключъ въ наружной двери и очутилась въ переулкѣ.

Ворота дома находились за угломъ. Здѣсь не было ни дворника, ни городского, ни извозчика, ни прохожихъ.

Чувство безопасности съ сладкою дрожью охватило Римму. Она повернула на Знаменскую улицу. На углу стояла извозничья коляска. Но Риммѣ показалось опаснымъ брать извозчика такъ близко отъ мѣста происшествія. Она рѣшила пройти сначала нѣкоторое разстояніе пѣшкомъ. Надо было только освободиться отъ маски, иначе прохожіе обратили бы на нее вниманіе. Она сорвала маску и, переходя улицу, бросила ее среди мостовой. Затѣмъ окликнула дремавшего извозчика и сказала свой адресъ.

„Дома-ли мужъ?—думала она дорогою.—Если дома, нужно переодѣться, прежде чѣмъ показаться ему; на платѣ могутъ быть слѣды крови“.

Эта мысль о крови, запекшейся пятнами на ея собственномъ платѣ, опять оледенила ее. Она чувствовала себя такъ дурно, что боялась упасть съ дрожекъ...

А въ квартирѣ Уханскаго въ это время казачокъ Андрюшка проснулся, протеръ глаза и тотчасъ взглянулъ на вѣшалку. Исчезновеніе дамской шубы неприятно озадачило его. — „Какъ же такъ барынька то ушла? Должно-быть, баринъ не провожалъ ее“, — сообразилъ онъ. — „Ну, значить и не видѣлъ, что я спал“, — добавилъ онъ въ утѣшеніе себѣ.

Онъ прошелъ въ гостиную, заглянулъ оттуда въ кабинетъ и, удостоверившись, что тамъ совершенно темно, успокоился окончательно. Затѣмъ вернулся въ переднюю, сбѣжалъ впотьмахъ по лѣстницѣ, заперъ наружную дверь, заперъ также другую, изъ передней, потушилъ лампу и, добравшись до своей каморки подлѣ кухни, спокойно раздѣлся и легъ спать.

VI.

Поутру этотъ самый казачокъ Андрюшка, блѣдный, съ перекошеннымъ отъ страха лицомъ, вбѣжалъ въ кухню, гдѣ возился съ самоваромъ только что вставшій старикъ-поваръ.

— Данилычъ, страсти у насъ какія! Баринъ-то въ кабинетѣ зарѣзанный лежитъ!—пролепеталъ онъ едва слышно, хватая старика за рукавъ.

Тотъ самъ поблѣднѣлъ и выпустилъ изъ рукъ корзинку съ угольями.

— Что врешь!—окрикнулъ онъ.

— Не вру, ей-же Богу не вру. Вхожу я со щеткой въ кабинетъ, а баринъ на диванѣ мертвый сидитъ, во фракѣ, какъ есть. А кругомъ крови, крови чѣд... — пояснилъ захлебывающимся и взвизгивающимъ голосомъ Андрюшка.

Поваръ перекрестился, хотѣлъ сбѣжать въ комнаты, но подумалъ и снялъ съ гвоздя шапку.

— Ты, слышишь, побудь тутъ, а я пойду дворника приведу,—сказалъ онъ и вышелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетѣ Уханскаго появились дворники, полиція, участковый докторъ. Трупъ былъ уже совсѣмъ холодный, кровь застыла и подсохла.

— Когда покойный вернулся домой?—спросилъ помощникъ пристава у казачка.

— Ночью вернулся...—отвѣтилъ тотъ, весь трясаясь.

— Въ которомъ часу?

— Не замѣтилъ я... Не такъ чтобъ очень поздно.

— А послѣ него ты никого не впускалъ?

— Никого...

Андрюшка хотѣлъ-было пояснить, что баринъ вернулся съ барынькой въ маскѣ, по въ это время помощникъ пристава проговорилъ, ни къ кому въ частности не обращаясь:

— Повидимому, самоубійство.

„Вотъ оно что“, — подумалъ Андрюшка, и у него мгновенно мелькнула мысль, что лучше ничего не го-

ворить о мамзелькѣ въ маскѣ, потому что такъ проще будетъ.

— Прислугу, однако не выпускай до прибытія слѣдователя,—обратился полицейскій къ старшему дворнику.

Часа черезъ два пріѣхалъ судебный слѣдователь, а за нимъ товарищъ прокурора. Начался обыскъ. Въ карманѣ фрака нашли бумажникъ, и въ немъ рублей триста денегъ. Въ среднемъ ящикѣ бюро висѣла связка ключей; внутренность ящиковъ не показывала, чтобы въ нихъ кто-нибудь шарилъ. Заглянули въ шифоньеры въ спальную—тамъ тоже все казалось въ порядкѣ.

Товарищъ прокурора поднялъ съ полу кинжалъ, осмотрѣлъ его, показалъ слѣдователю, потомъ предъявилъ повару и казачку.

— Вы видѣли этотъ кинжалъ раньше у покойнаго?—спросилъ онъ.

— Всегда вотъ тутъ на столѣ лежалъ,—отвѣтили оба.

Начался допросъ объ образѣ жизни Уханскаго, о посѣщавшихъ его лицахъ, объ его характерѣ и привычкахъ. Никакихъ указаній на поводы къ самоубійству изъ отвѣтовъ прислуги не получилось.

— Чрезвычайно странно, что онъ не оставилъ никакой записки,—замѣтилъ прокуроръ слѣдователю;—образованные люди всегда пишутъ передъ самоубійствомъ нѣсколько строкъ, чтобъ не вводить власти въ заблужденіе.

— Очевидно, онъ о насъ мало заботился,—улыбнулся слѣдователь.

— Прибавьте: если только это дѣйствительно самоубійство,—замѣтилъ товарищъ прокурора.

— Но гдѣ же намѣки на убійство?—возразилъ слѣдователь. — Я, впрочемъ, приступлю къ допросу относительно всѣхъ обстоятельствъ вчерашняго дня.

Андрюшка на предложенные ему вопросы отвѣчалъ, что поутру у барина было нѣсколько лицъ, какъ обыкновенно, что послѣ завтрака онъ уѣхалъ, вернулся въ шесть часовъ, послѣ обѣда побылъ немного въ кабинетѣ и спросилъ переодѣться, потомъ уѣхалъ и вернулся домой уже ночью, изъ маскарада.

— Почему ты знаешь, что онъ въ маскарадѣ былъ?—удивился слѣдователь.

Андрюшка догадался, что сболтнулъ лишнее, но отвѣтилъ довольно спокойно:

— Такъ полагать надо, потому они часто въ маскарадахъ бывали.

— Вернулся очень поздно?

— Не такъ чтобы очень поздно. Я задремалъ немножко, не посмотрѣлъ какой часъ былъ.

— Не казался онъ разстроеннымъ, скучнымъ?

— Нѣтъ, не показалось.

— Дверь за нимъ ты сейчасъ же самъ заперъ?

Казачокъ отвѣчалъ утвердительно. Слѣдователь пожалъ плечами и сказалъ, обращаясь къ товарищу прокурора:

— Можетъ-быть изъ разбора бумагъ объяснится мотивъ самоубійства. Разстройство денежныхъ дѣлъ, на примѣръ; это чаще всего бываетъ. Медицинское вскрытіе тоже что-нибудь объяснить можетъ.

Представитель прокурорскаго надзора спросилъ прислугу, не замѣтили ли поутру запаха гари, и получивъ отрицательный отвѣтъ, велѣлъ посмотрѣть въ каминѣ, не видно ли слѣдовъ сожженныхъ бумагъ. Но зола давно не топившагося камина не обнаруживала ничего подобнаго. Дворникъ рѣшилъ, ужъ заодно, заглянуть и въ душникъ.

— А вотъ тутъ тряпица кака-то засунута,—заявилъ онъ.—Да никакъ въ крови. Такъ и есть, кровь.

И онъ вытащилъ скомканный батистовый носовой платокъ, перепачканный кровью и сажей.

VII.

Судебный слѣдователь выхватилъ изъ рукъ двор-

Выставка въ Академіи художествъ. „Музыка утра“.

Съ карт. В. А. Котарбинскаго (исключит. право воспроизв. въ гравюрѣ принадл. „Нивѣ“) грав. Ю. Щюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

ника эту неожиданно лившуюся улику и быстро осмотрѣлъ ее.

— Дамскій носовой платокъ! — воскликнулъ онъ, и при всей привычкѣ къ дѣламъ такого рода почувствовалъ волнение.

Товарищъ прокурора и всѣ присутствовавшіе тутъ тоже разомъ вострепнулись.

— Вышиты гладью французскіе инициалы S. L., — заявилъ слѣдователь, продолжая разсматривать платокъ. — Кровяныя пятна не очень большія; повидимому, платкомъ обтирали руку, обрызгавшую кровью. Сильный запахъ духовъ, что-то въ родѣ Chure или reau d'Espagne. Очевидно, платокъ надушенъ только вчера. Полагаю, у насъ въ рукахъ несомнѣнное доказательство, что мы имѣемъ дѣло съ преступленіемъ и что дѣйствующимъ лицомъ была женщина.

— Очевидно, Уханскій не могъ самъ засунуть этотъ платокъ въ душникъ, — отозвался товарищъ прокурора. — Но какимъ образомъ женщина могла проникнуть сюда, если прислуга утверждаетъ, что никого не впускала? — добавилъ онъ, обводя взглядомъ присутствующихъ.

Глаза его остановились на поблѣднѣвшемъ, какъ мѣлъ, лицѣ Андришки, который вдругъ затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Подойди-ка сюда, — подозвалъ его товарищъ прокурора. — Ты утверждаешь, что никто этою ночью у барина не былъ?

— Послѣ того, какъ баринъ вернулся, я никого не впускалъ; а только баринъ пріѣхали не одни, а съ барышней, — отвѣтилъ, стараясь пріободриться, казачокъ.

— Съ какой барышней?

Прокуроръ и слѣдователь переглянулись.

— Ты что-то путаешь, — обратился къ казачку послѣдній. — Почему ты раньше не сказалъ, что баринъ не одинъ пріѣхалъ?

Андришка съ жалостнымъ видомъ моргалъ глазами.

— Не смѣлъ-съ, — проговорилъ онъ едва слышно.

— Что это за барышня такая? Она раньше бывала у барина? — продолжалъ слѣдователь.

— Этого я не могу объяснить: она въ маскѣ была, — отвѣтилъ, набираясь смѣлости, Андришка. — Я, какъ впустилъ ихъ, задремалъ немножко, а она безъ меня и вышла. Барина-то, никто иной, какъ она... укукошила, — добавилъ онъ, всхлипывая.

Судебные чиновники опять значительно переглянулись.

— Вамъ придется, конечно, основательно допросить прислугу, дворниковъ, разыскать близкихъ къ Уханскому лицъ, которыя могли бы дать указанія о посѣщавшихъ его женщинахъ, — обратился товарищъ прокурора къ слѣдователю. — Дѣло оказывается не изъ пустыхъ, и даже, повидимому, романческаго свойства,

такъ какъ деньги и дѣяности найдены петронутыми.

Высказавъ еще нѣкоторыя свои соображенія, представитель прокурорскаго надзора уѣхалъ, а слѣдователь тотчасъ приступилъ къ подробному допросу Андришки и повара Данилыча.

Этотъ слѣдователь, Яковъ Ильичъ Нарѣзный, уже лѣтъ пятнадцать былъ на службѣ и успѣлъ заявить себя; но двигался до сихъ поръ медленно, главнымъ образомъ потому, что не хотѣлъ забираться въ далекую провинціальную глушь, и предпочиталъ оставаться на той же должности въ Петербургѣ. Дѣломъ своимъ онъ чрезвычайно интересовался, даже любилъ его. Онъ пристрастился къ нему еще въ дѣтствѣ, читая потихоньку романы Габорио и ушнаясь похождениями знаменитаго парижскаго сыщика Леккока. Къ уголовному сыску онъ чувствовалъ что-то въ родѣ призванія.

Голова его вообще была устроена нѣсколько романтически, и прозаичность русскихъ уголовныхъ преступленій почти возмущала его. — „Помилуйте, — говорилъ онъ иногда: — что же это такое! Намѣтитъ человѣкъ какую-нибудь старушку, задушить ее, и сейчасъ же въ кабакъ или въ какой-нибудь вертепъ, и поутру его ужъ приводитъ къ вамъ простой полицейскій сыщикъ, и начинается сказка про бѣлаго бычка: ничего, моль, не знаю, запамятовалъ, очень былъ выпивши, а деньги нашелъ на улицѣ, подъ водосточной трубой. Какое же это слѣдствіе? Тоска одна, а не дѣло.“

— „И замѣтите еще, — говорилъ онъ также: — что уличить такого субъекта иногда очень трудно, потому что живутъ они какою-то, можно сказать, совсѣмъ голою жизнью, безъ всякихъ зацѣпокъ, безъ обстановки, и сами они безъ яркаго характера, одноцѣтные, какъ арестантскія куртки; а съ другой стороны, и стараться очень совсѣмъ не стѣдуетъ, потому что чаще всего такой субъектъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, возьметъ да и повинится во всемъ, да еще въ такихъ дѣлахъ покается, въ какихъ вы его и не подозревали совсѣмъ. Нѣтъ, скучна наша русская уголовщина, и Леккоку у насъ, пожалуй, совсѣмъ нечего было бы дѣлать.“

Зато, когда въ руки Нарѣзнаго попадало дѣло не совсѣмъ обыкновенное, въ которомъ были замѣшаны не бродяги ночлежныхъ домовъ, а люди, умѣющіе замечать слѣды преступленія, Яковъ Ильичъ рѣшительно клалъ душу въ свою задачу, забывалъ сонъ и ѣду, выбивался изъ силъ, и иногда достигалъ удивительныхъ результатовъ. Все его самолюбіе дѣлкомъ уходило въ дѣло, и чѣмъ искуснѣе была обставлена уголовная тайна, тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ онъ ввязывался въ борьбу съ нею. Тутъ романтическій умъ его проявлялъ способность дѣлаться за самые неуловимые признаки, создавать самыя поразительныя заключенія, обнаруживать проникательность, почти никогда его не обманывавшую.

(Продолженіе будетъ.)

Императорскій эрмитажный театръ.

(Съ 2 рисунками на стр. 432.)

Эрмитажный театръ, возобновленный въ нынѣшнемъ году, существуетъ уже болѣе ста лѣтъ. Онъ былъ открытъ при императрицѣ Екатерицѣ II, въ 1783 году, по имѣются свѣдѣнія, что въ Зимнемъ дворцѣ еще до того существовалъ такъ-называемый Малый театръ, въ которомъ давались комедіи самой императрицы, при чемъ исполнителями являлись придворныя дамы и кавалеры. Знаменитая комедія императрицы Екатерины II: „О, время!“ была представлена впервые въ этомъ театрѣ 28-го января 1773 года.

Въ эрмитажномъ театрѣ императрица отдыхала отъ государственныхъ заботъ. Со сцены этого театра, путемъ дѣлаго ряда сочиненныхъ ею пьесъ, императрица намѣрена была направлять развитіе молодого русскаго общества, стараясь путемъ нагляднаго ознакомленія съ отечественной исторіей возвысить въ обществѣ любовь къ роднѣ, ѣдкими сатирами исправлять темныя стороны общественныхъ нравовъ, выражавшіяся въ суевѣрїи, невѣжествѣ и грубости, прикрытыхъ

лоскомъ свѣтскаго французскаго образованія, въ безотчетной привязанности къ чужеземному, соединенной съ презрѣніемъ ко всему русскому.

„Если вы меня спросите, зачѣмъ я пишу столько комедій, — писала императрица къ одному изъ своихъ заграничныхъ корреспондентовъ, — то отвѣчу: по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что это меня забавляетъ; во-вторыхъ, потому, что я желала бы подялть національный театръ, который, за невѣжестіемъ новыхъ пьесъ, находится въ нѣкоторомъ пренебреженіи...“

Не ограничиваясь своими пьесами, императрица уговорила многихъ приближенныхъ къ ней лицъ сочинить пьесы для эрмитажнаго театра: въ числѣ такихъ драматурговъ извѣстны принцъ де-Линъ, гр. Кобенцель, Сегюръ, гр. А. С. Строгановъ, И. И. Шуваловъ, А. М. Мамоновъ. На сценѣ эрмитажнаго театра ставились и французскія пьесы.

Эрмитажный театръ, построенный знаменитымъ въ свое

время архитектором Гваренги, представлялъ собою зданіе въ видѣ римскаго цирка въ миниатюрѣ. Стѣны и колонны въ немъ были изъ мрамора; мѣста для зрителей, обитыя зеленымъ бархатомъ, были устроены амфитеатромъ. Особого мѣста для императрицы не было, и императрица только указывала, куда поставить для нея кресло. На сценѣ эрмитажнаго театра давались не только драматическія произведенія, но и оперы, и на ней подвизались съ первыхъ же годовъ существованія театра многія выдающіяся знаменитости артистическаго міра, какъ напримѣръ Габріелли, Маркэви, Тоди, Шевалье, Сандунова, Самойловъ; въ балетахъ участвовали: Ленинъ, Дюпортъ, Росси, Салтини. Прекраснымъ оркестромъ, составленнымъ изъ цѣлаго ряда выдающихся музыкантовъ, управляли такіе извѣстные капельмейстеры, какъ Чимарозо. Въ комедіяхъ выступали: Дмитревскій, Шумскій, Черниковъ, Сандуновъ, Плавильщикъ, Яковлевъ, Троицкая, Оффенъ. Знаменитые въ свое время художники Гонзаго и Губерти писали для театра декорации; механикъ Бригонци специально устраивалъ разныя машины для превращеній. Не удивительно поэтому, что эрмитажный театр, въ то уже время блестяще обставленный съ вѣнней технической стороны и обладавшій выдающейся труппой, былъ широко извѣстенъ и вызывалъ восторги даже за границей.

Краткую характеристику одного изъ такихъ спектаклей въ эрмитажѣ находимъ въ письмѣ графа Эстергази къ его женѣ: „Все общество отправилось въ великолѣпную театральную залу. Императрица заняла стулъ во второмъ ряду, пригласивъ съѣсть возлѣ себя графа Кобенцеля, а по другую сторону меня. Старшій внукъ ея сѣлъ впереди; Зубовъ возлѣ меня, а графъ Брюсъ возлѣ Кобенцеля. Дамы помѣстились въ первомъ ряду, а остальное общество, гдѣ кому вздумалось; пустыхъ мѣстъ было довольно“. Характерное изобразленіе одного изъ такихъ же спектаклей помѣщено было въ № 7 *Нивы* по рисунку нынѣ уже покойнаго проф. Н. Д. Дмитриева-Оренбургскаго.

Какъ извѣстно, императрица Екатерина любила въ часы свободные отъ занятій государственными дѣлами, собирать вокругъ себя блестящее общество приближенныхъ придворныхъ, а также и выдающихся людей того времени: ученыхъ, философовъ, въ бесѣдѣ съ которыми дѣлила свои досуги. Собранія эти, на которыхъ присутствовали не разъ Дидро, Сегюръ, принцъ де-Линъ и др., назывались эрмитажными, потому что происходили въ залахъ, примыкающихъ къ эрмитажному театру; они дѣлились притомъ на большія, среднія и малыя. Увеселенія распредѣлены были по днямъ: въ воскресенье—балъ во дворцѣ, въ понедѣльникъ—французская комедія, въ среду—русская комедія, въ четвергъ—трагедія или французская опера. На большія эрмитажныя собранія приглашались всѣ важнѣйшія особы двора и иностранные министры; на среднія—только близкія лица ко двору; что же касается малыхъ, то на нихъ присутствовали только личные друзья императрицы. Гости освобождались отъ всякаго этикета. Для посѣтителей этихъ собраній установлены были самой императрицей спеціальныя правила, очень характерныя не только для того времени, но и для самой ихъ составительницы. Между прочимъ, согласно этимъ правиламъ, посѣтели обязаны были „оставить всѣ чины вѣ дверей, равно какъ и шляпы, а панталоны шпаги; мѣстничество и смѣхъ оставить тоже у дверей; быть веселымъ, однакожъ, ничего не поргить, не ломать, не грызть, говорить умѣренно и не очень громко, дабы у прочихъ головы не заболѣли; не вздыхать, не зѣвать, кушать сладко и вкусно, а пить съ умѣренностью, дабы всякій могъ найти свои ноги для выхода изъ дверей; сору изъ избы не выносить.“

Провинившійся въ нарушеніи какого-либо правила долженъ былъ выпить стаканъ холодной воды, не исключая дамъ, и прочесть страничку Телемахида; провинившійся противъ трехъ правилъ долженъ былъ выучить шесть строкъ изъ Теле-

махида паизусты; если же кто нарушилъ 10 правилъ, то такого осудили больше не допускали на собранія.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ спектаклей, состоявшихся въ эрмитажномъ театрѣ, было представленіе вышедшей изъ-подъ пера Екатерины пьесы: „Начальное правленіе Олега“.

По предварительному исчисленію, на постановку требовалось, кромѣ расходовъ по гардеробу, 15,000 рублей,—сумма по тому времени очень большая. Императрица присутствовала на многочисленныхъ репетиціяхъ своей пьесы и дѣлала актерамъ много дѣльныхъ указаній. Первый спектакль состоялся 3-го сентября 1794 года. Онъ отличался торжественностью; въ немъ участвовала вся труппа и сверхъ того 600 человекъ статистовъ отъ л.-гв. егерскаго полка; весь гардеробъ былъ взятъ изъ карусели ея величества; балеты были поставлены таппочниками Канцьяпи и Ленкомъ; пѣли придворные пѣвчіе вмѣстѣ съ пѣвчими л.-гв. преображенскаго полка.

Пьеса имѣла громадный успѣхъ. Особенный восторгъ возбуждала въ публикѣ сцена закладки города Москвы, а когда чрезъ сцену пролетѣлъ орелъ, раздался долго не смолкавшій громъ рукоплесканій.

По кончинѣ императрицы эрмитажный театръ пришелъ въ упадокъ, но затѣмъ спустя два года, въ январѣ 1798 г., былъ возобновленъ. Въ царствованіе императора Александра I представленіе въ эрмитажномъ театрѣ возродилось съ прежнимъ блескомъ; парадные спектакли давались каждое воскресенье, при чемъ ставились оперы, водевили, комедія и балеты.

Въ обновленномъ театрѣ кромѣ обитыхъ краснымъ бархатомъ мѣстъ, устроеныхъ попрежнему амфитеатромъ, были устроены небольшія ложи; императорская же фамилія, а равно и высшіе сановники и иностранные послы, всегда занимали особые кресла между оркестромъ и скамьями, возвышавшимися въ видѣ амфитеатра.

Вечеромъ, въ день 1-го января, въ александровское время, въ театральномъ залѣ разбивали стеклянную палатку, потолокъ и бока которой представляли разнообразныя узоры изъ плотно связанныхъ стеклышекъ. Залъ освѣщался снаружи и внутри канделябрами. За палаткой игралъ хоръ роговой музыки Нарышкина. Эта невидимая музыка, этотъ стеклянный шатеръ, который при освѣщеніи казался сотканнымъ изъ брилліантовъ и драгоценныхъ камней, невольно переносили зрителей въ волшебный, сказочный міръ.

Парадные спектакли въ эрмитажномъ театрѣ продолжали даваться и при императорѣ Николаѣ I. За послѣднія же 40 лѣтъ они совершенно прекратились, пока не были возобновлены въ январѣ нынѣшняго года. Но предварительно театръ былъ весь почти заново отдѣланъ, согласно требованіямъ современной техники. Сдѣлано много усовершенствованій на самой сценѣ, при чемъ удалены совершенно всѣ горючіе матеріалы; кромѣ того заново отдѣланъ и небольшой зрительный залъ, въ общемъ, однако, сохранившій свой прежній характеръ. Всяду виденъ строго выдержанный стиль Empire. Зрительный залъ расположенъ, какъ и въ старину, амфитеатромъ. Впереди этихъ мѣстъ стоитъ два ряда волоченыхъ креселъ съ шелковою обивкою цвѣта бордо. Великолѣпный занавѣсъ того же цвѣта, украшенный гербами, отдѣляетъ залъ отъ сцены. Тутъ же передъ сценой помѣщается придворный оркестръ. Помѣщенные у насъ на стр. 432 рисунки изображаютъ зрительный залъ и сцену, снятыя съ двухъ противоположныхъ пунктовъ, и такимъ образомъ въ общей сложности даютъ очаровательную картину театра, устроеннаго съ замѣчательнымъ вкусомъ, очень изящно и притомъ безъ всякой бющей въ глаза роскоши убранства. Передъ зрительнымъ заломъ находится театральное фойе, богато отдѣланное въ стилѣ Людовика XVI, справа расположена выдержанная въ томъ же стилѣ изящная гостиная для особъ Императорской фамиліи.

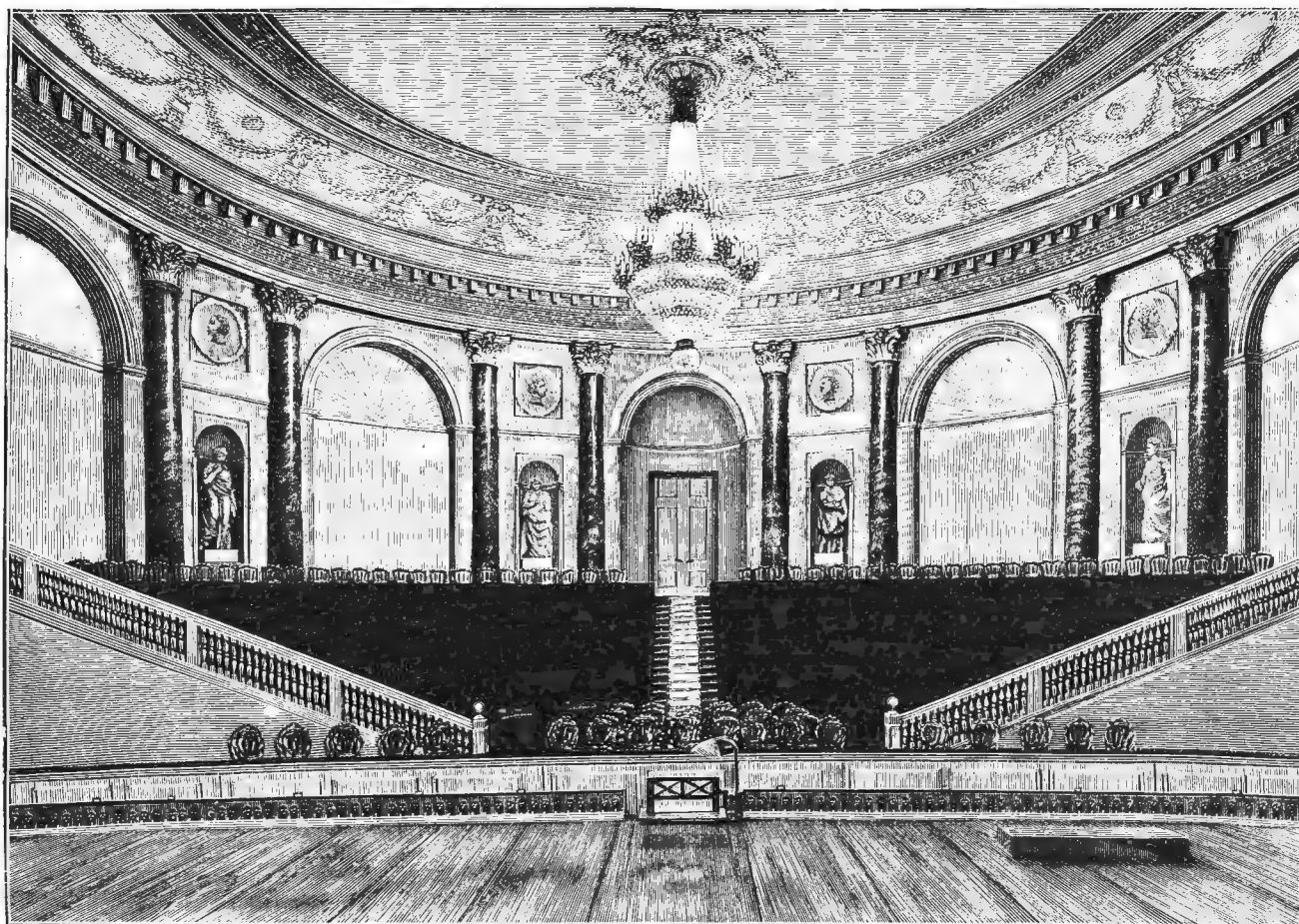
Офицерское собраніе арміи и флота въ С.-Петербургѣ.

(Съ 5 рис. на стр. 433, 434 и 435.)

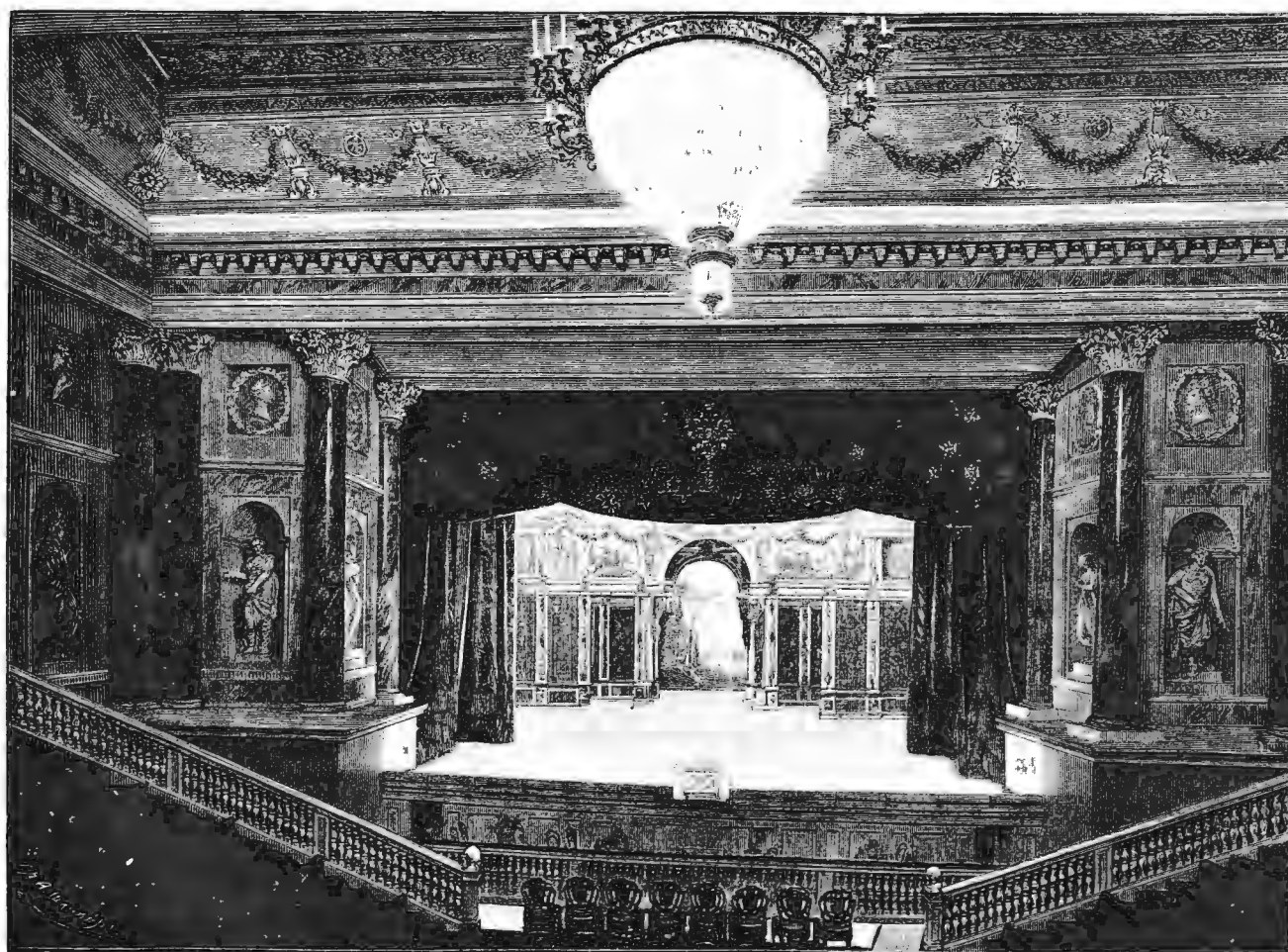
Офицерскія собранія въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ и общія собранія для офицеровъ того или другого гарнизона введены у насъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Боле чѣмъ двадцатипятилѣтній опытъ доказалъ несомнѣнную ихъ пользу: они сплотили общество офицеровъ, укрѣпили корпоративный ихъ духъ и способствовали развитію военнаго среди нихъ образованія. Въ полномъ и справедливомъ сознаніи этой пользы, высшее военное начальство неоднократно выражало желаніе о возможно большемъ развитіи офицерскихъ собраній. Но офицерскія собранія существующаго типа все-таки соединяютъ только офицеровъ данной части войскъ и, въ лучшемъ случаѣ—офицеровъ одного и того же гарнизона. Между тѣмъ, для процвѣтанія вооруженныхъ силъ вообще, необходимо еще и надлежащее единеніе между офицерами различныхъ частей войскъ, разныхъ родовъ оружія и разныхъ специальностей, единеніе между офицерами гвардіи, арміи и флота, такъ какъ только такое единеніе способно въ полной мѣрѣ развитъ тѣ чувства

братства и товарищества, которыя составляютъ одинъ изъ залоговъ боевой силы государства.

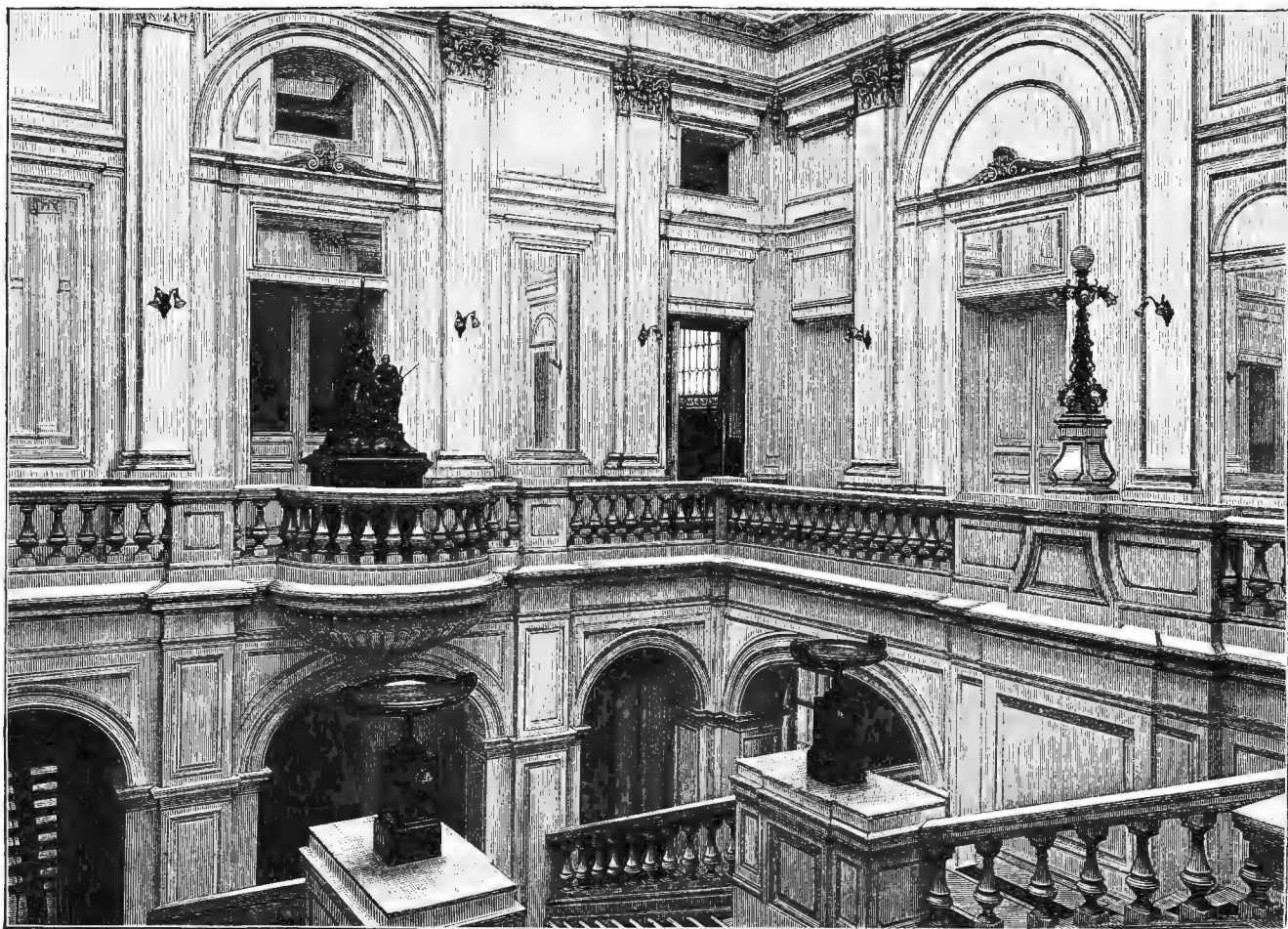
Въ ряду мѣръ, ведущихъ къ осуществленію высказанной идеи, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ предоставленіе всѣмъ офицерамъ возможности сходитьсь для общихъ собесѣдованій и обмена взглядовъ по разнымъ вопросамъ, а это, въ свою очередь, требуетъ существованія, сверхъ частныхъ офицерскихъ собраній, еще и общаго, такъ сказать, всероссійскаго военнаго собранія, мѣстомъ для котораго долженъ, понятно, быть Петербургъ, какъ центръ всей русской жизни. Необходимость измѣть въ Петербургѣ общее военное собраніе, и притомъ съ особыми помѣщеніями для прѣжающихъ офицеровъ, была показана еще и ближайшими условіями жизни офицеровъ въ столицѣ. Не считая моряковъ, въ Петербургѣ находится на службѣ около 185 генераловъ, 400 штабъ-офицеровъ и 2,000 оберъ-офицеровъ, изъ которыхъ только меньшая часть (около 25 генераловъ, 100 штабъ- и 1,000 оберъ-офицеровъ),—офицеры

Императорскій эрмиажный театр. Внутренній видъ. Мѣста для зрителей. Съ фотогр. генер. А. А. Насвѣтевича, грав. М. Рашевскій.

Императорскій эрмиажный театр. Сцена. Съ фотогр. генер. А. А. Насвѣтевича, грав. Шлиперъ.

Офицерское собрание армии и флота въ С.-Петербургѣ. Вестибюль и входная лѣстница. Съ фотогр. грав. Шлиперъ.

Офицерское собрание армии и флота въ С.-Петербургѣ. Заль. Съ фотогр. грав. Шлиперъ.

войсковых частей петербургскаго гарнизона — имѣть свои офицерскія собранія; всѣ же остальные, служащія въ главныхъ и окружныхъ управленіяхъ и въ разныхъ военныхъ учрежденіяхъ, лишены возможности пользоваться выгодами и удобствами этихъ собраній. Далѣе, въ Петербургъ постоянно стекаются представители всѣхъ войскъ. По свидѣніямъ комендантскаго управленія, болѣе трехъ съ половиною тысячъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ ежегодно прѣзжаютъ въ столицу и по службѣ, и по своимъ частнымъ дѣламъ. И всѣ эти офицеры не только до сихъ поръ не имѣли возможности сходиться вмѣстѣ, какъ члены одной великой семьи русской арміи, но перѣдко встрѣчались неодолимыми затрудненіями въ принежаніи соответствующихъ помѣщеній и всегда платили за нихъ чрезвычайно дорого.

Все это обратило на себя вниманіе Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа великаго князя Владиміра Александровича. Относился съ сердечнымъ участіемъ ко всѣмъ вопросамъ, касающимся подъема нравственнаго и умственнаго уровня офицеровъ и улучшенія ихъ матеріальной обстановки, Его Императорское Высочество пожелало принять на себя заботы по устройству въ Петербургѣ общаго военнаго собранія съ комнатами для прѣзжающихъ офицеровъ.

Для сооруженія офицерскаго собранія была учреждена особая коммисія подъ Августѣйшимъ предѣтельствомъ великаго князя Владиміра Александровича. Строительныя работы были начаты по Высочайше утвержденному проекту военнаго инженера полковника В. К. Гаугера подрядчикомъ оставшимся инженеръ-полковникомъ Смирновымъ въ сентябрѣ 1895 года. 9-го ноября того же года состоялась въ Высочайшемъ присутствіи торжественная закладка зданія и въ два съ половиною года возведено все зданіе, выходящее по своимъ размѣрамъ и красотѣ и составляющее истинное украшеніе столицы.

Общій расходъ по сооруженію этого зданія былъ исчисленъ

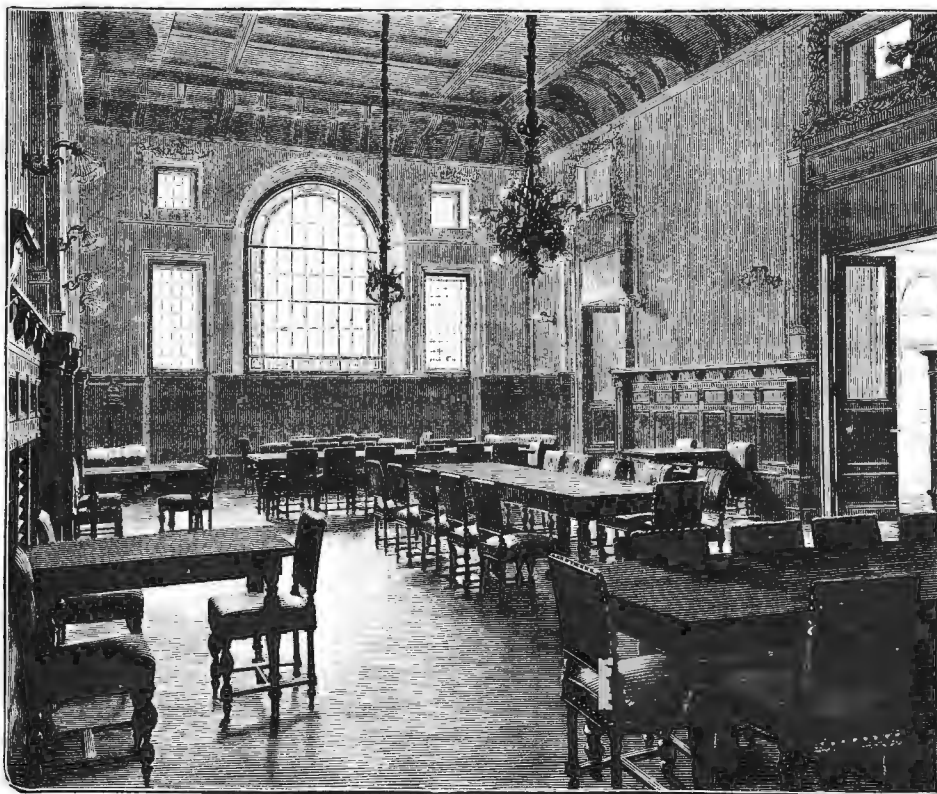
коммисією въ 1.345,000 рублей. Инженеръ-полковникъ Смирновъ ваялся возвести это зданіе за 1.088,000 рублей, т.-е. за сумму, менѣе ассигнованной на 112,000 рублей. Этотъ экономическій остатокъ вносилъ въ Высочайшаго одобренія, былъ распределенъ на необходимыя строительныя и хозяйственныя улучшенія и на удовлетвореніе всѣхъ прочихъ хозяйственныхъ потребностей.

Съ вышнимъ видомъ зданія читатели наши уже знакомы по снимку, помѣщенному въ № 14 *Нивы* т. г. вмѣстѣ со статьей, посвященной открытію собранія. Въ настоящемъ номерѣ мы даемъ насколько возможно съ наиболѣе характерныхъ частей офицерскаго собранія.

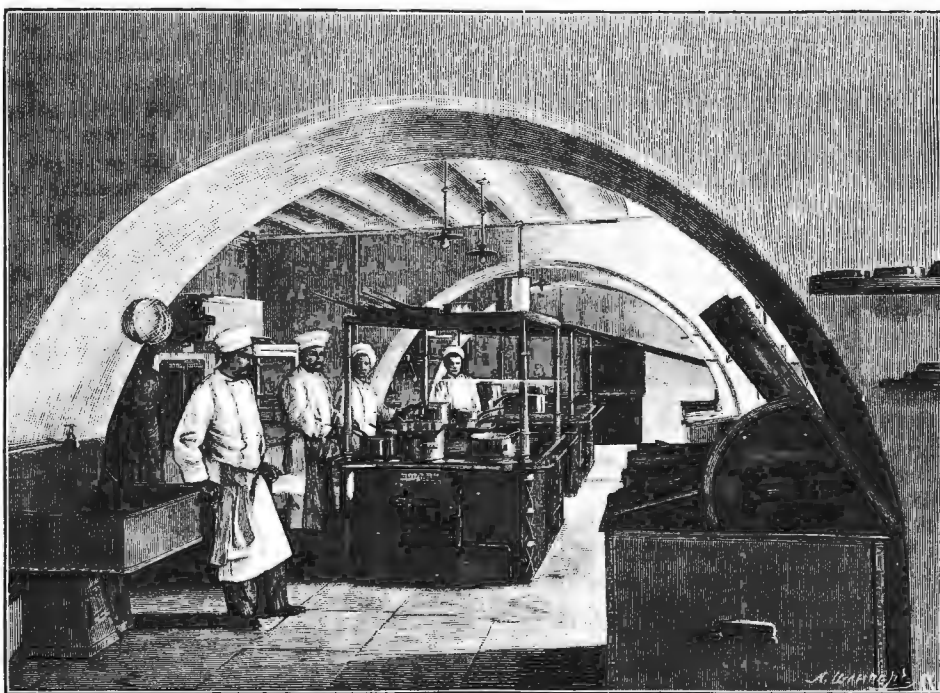
Главный парадный подъѣздъ находится со стороны Литейнаго проспекта. Массивныя дубовыя двери ведутъ въ красивый вестибюль съ тремя арками, за которыми начинается лѣстница бѣлаго эгиптскаго мрамора съ точеною балюстрадаю, доходящею до третьего этажа. Роскошно отделанная, въ стилѣ Людовика XVI, лѣстница все залита свѣтомъ, идущимъ сверху изъ колоссальнаго стекляннаго фонаря. Для вечерняго освѣщенія служатъ множество

съ круглыми галереями въ каждомъ этажѣ. лампочекъ, установленныхъ въ бронзовыхъ стѣнныхъ бра и массивныхъ канделябрахъ. На верхней галерей, съ одной стороны, въ небольшой нишѣ, помѣщена надпись: „Офицерское собраніе арміи и флота сооружено повелѣніемъ Императора Николая II“, а съ другой, противъ входа на лѣстницу, на красномъ выходящемъ балконѣ помѣщена статуя „Защита знамени“ работы художника Пашенка (рис. на стр. 433). Стѣны галерей украшены зеркалами. Парадные комнаты, выходящія на верхнюю галерею, состоятъ изъ зала, дамской гостиной, окнами на Литейный проспектъ, кабинета-гостиной въ угловой башнѣ, карточной и малой столовой, окнами на Кирочную ул., и, наконецъ, большой сголовой, окнами во дворъ.

Парадный залъ (рис. на стр. 433) съ перваго взгляда не кажется особенно большимъ, но это происходитъ отъ огромной

Офицерское собраніе арміи и флота въ С.-Петербургѣ. Парадная столовая. Съ фот. грав. Шлиперъ.

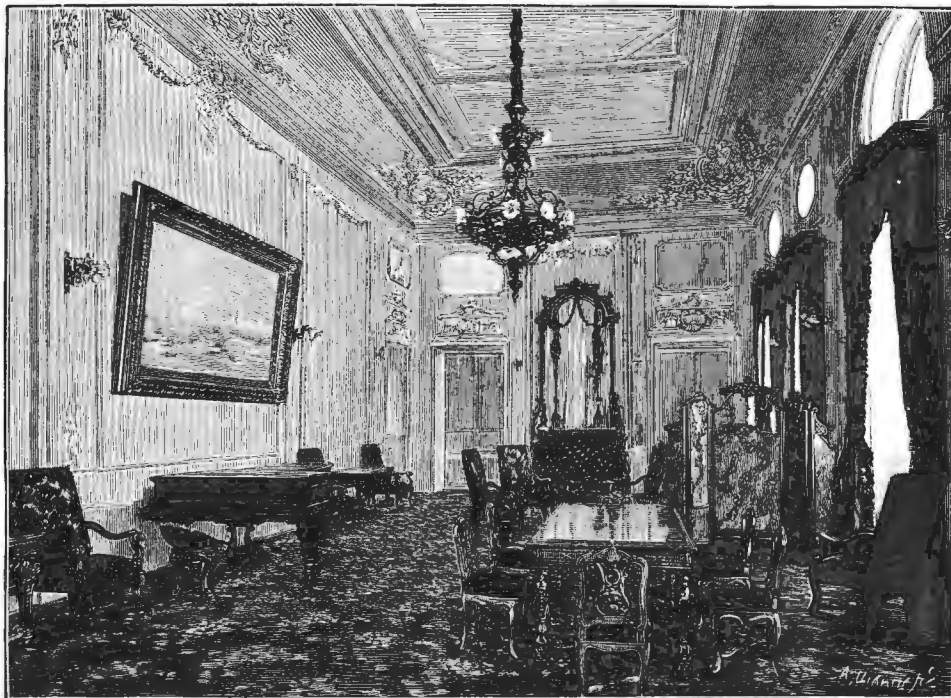

Офицерское собраніе арміи и флота въ С.-Петербургѣ. Кухня. Съ фотогр. грав. Шлиперъ.

его высоты, равной трем этажамъ. Залъ имѣетъ въ длину 14 сажень, а въ ширину около 10. Вокругъ всего зала устроены хоры, поддерживаемые пилонами съ пилястрами и аркадою.

Стѣны и потолокъ зала украшены львиною работою, въ стилѣ Людовика XVI съ военною арматурою. Прямо противъ входа въ залъ, на противоположной стѣнѣ, помѣщенъ въ львиной рамѣ съ Императорскою короною портретъ Государя Императора, пожалованный собранію Его Императорскимъ Величествомъ. Посреди зала съ потолка спускаются художественной работы золоченыя электрическія люстры съ хрустальными подвѣсками. Меблировка зала въ стилѣ Людовика XVI состоитъ изъ большихъ характерныхъ табуретовъ, дивановъ, стульевъ, обитыхъ золотистой шелковой матеріей, и столовъ рѣзного лакированного дерева цвѣта „сѣше“. Рядомъ съ заломъ, считая по фасаду Инглейваго проспекта, находится дамская гостиная. Въ ней, на стѣнѣ, помѣщена картина Гривенка „Прибытіе русской эскадры на Тулонскій рейдъ“, пожалованная собранію Государемъ Императоромъ.

Въ угловой башнѣ помѣщается небольшая, но въ высшей степени изящная комната — кабинетъ-гостиная, въ стилѣ Людовика XV. Всѣ стѣны и потолокъ отдѣланы львиными, художественной работы украшениями, въ которыхъ скрыто множество матовыхъ электрическихъ лампъ. Кабинетъ - гостиная окруженъ съ трехъ сторонъ лѣтнимъ балкономъ съ огромнымъ кругозоромъ. Мебель состоитъ изъ письменнаго стола съ кресломъ, двухъ бержеровъ (родъ угловыхъ дивановъ), золоченыхъ стульевъ, кресла, мягкаго дивана и круглаго стола. Обивки и драпировки составляютъ прекрасное сочетание плюша, бархата и штофа. На полу коверъ. Сообщался съ одной стороны съ дамской гостиной, кабинетъ имѣетъ противоположный выходъ въ карточную, рядомъ съ которой

Офицерское собраніе арміи и флота въ С.-Петербургѣ. Гостиная.
Съ фотогр. грав. Шлиперъ.

находится — малая столовая, съ теплымъ и лѣтнимъ балконами. Около столовой особая курительная. Изъ малой столовой есть входъ въ большую парадную столовую, отдѣланную во фламандскомъ стилѣ. Освѣщается она, главнымъ образомъ, колоссальнымъ съ полукруглымъ верхомъ окномъ, выходящимъ во дворъ. На стеклѣ окна бордюръ и рѣзьба въ голландскомъ стилѣ. Кроме того, нѣсколько оконъ надъ потолкомъ выходятъ на парадную лѣстницу. Для симметрии на противоположной стѣнѣ расположенъ рядъ зеркалъ, соответствующихъ по величинѣ и формѣ окнамъ. Вдоль стѣны высокая дубовая панель. Мебель массивная дубовая, обитая коричневымъ сафьяномъ.

Во второмъ этажѣ съ выходомъ на парадную лѣстницу расположены: большая библіотечная и обширная библіотека съ арками и сводами. Въ первомъ этажѣ находится приемная собранія и административныя помѣщенія.

Кухня собранія (рис. на стр. 434) со всѣми необходимыми для нея помѣщеніями расположена въ подвалѣ. Собственно кухня представляетъ огромную комнату съ двумя очагами посрединѣ. Очаги стальные, вороненые, съ блестящими никелированными поручнями, исполненные по специальному заказу заводомъ Санъ-Галли. Труба отъ нихъ не видно: она идетъ подъ поломъ. Готовить въ этой кухнѣ можно одновременно на 500 человекъ. Изъ кухни подъемная гидравлическая машина идетъ во всѣ этажи.

Существенную часть новаго собранія составляютъ помѣщенія для пріѣзжающихъ. Они расположены во второмъ, третьемъ и пятомъ этажкахъ и, по своимъ размѣрамъ, убранству, а слѣдовательно и по цѣнѣ, раздѣляются на пять разрядовъ: 1) одиночныя, 2) двойныя, 3) тѣ и другія съ помѣщеніями для прислуги, 4) парадныя и 5) апартаменты. Всѣ эти помѣщенія

обставлены всѣмъ необходимымъ съ крайнею предусмотрительностью. Наименьшая цѣна за номеръ предполагается въ 40 коп. въ сутки. Около 11 номеровъ по 60 коп.; далѣе идутъ номера въ 75 коп., 1 руб., 1 р. 25 коп., 1 р. 75 коп., 2 руб., 2 руб. 50 коп., 3 руб. 25 коп. Два номера будутъ по 5 руб. каждый и самый лучший номеръ — апартаменты — въ 7 рублей.

При помѣщеніяхъ для пріѣзжающихъ устроены ванны, души и уборныя. При номерахъ пятого этажа имѣется особая столовая для пріѣзжающихъ дамъ, не желающихъ пользоваться общей столовой.

На парадныхъ лѣстницахъ, какъ съ Литейнаго проспекта, такъ и съ Кировой улицы, имѣются подъемныя гидравлическія машины. Освѣщеніе всего зданія электрическое, рассчитанное на 2,000 лампъ накаливанія. Отопленіе лодное. Вентиляція рассчитана на 6,400 куб. сажень въ часъ съ увлажненіемъ по произволу до 70 проп.

Ближайшее заведѣваніе собраніемъ лежитъ на особомъ комитетѣ.

Уставъ допускаетъ двѣ категоріи участниковъ собранія: членовъ и посѣтителей. Членами могутъ быть всѣ военные на действительной службѣ, и состоящіе при строевыхъ частяхъ врачи, а также запасные и отставные генералы и адмиралы; посѣтителями — военные и морскіе врачи (не отставные) и офицеры запаса и отставные, въ мундирахъ. Гости допускаются въ собраніе въ особыхъ случаяхъ: ими могутъ быть офицеры и военные врачи, и дамы, принадлежащія къ семьямъ членовъ собранія, которые допускаются только на балы, спектакли, концерты; но члены могутъ въ столовыхъ всегда завтракать и обѣдать съ женою, матерью и др., а также и малолѣтними дѣтьми, но безъ права переходить въ другія помѣщенія.

Почетнымъ собранія состоитъ Августѣйшій главнокомандующій, а предсѣдателемъ — Е. И. В. князь Евгеній Максимилановичъ Ромаиовскій.

По уставу члены раздѣляются на почетныхъ (особы Императорской Фамилии, генералъ-фельдмаршалы, управляющіе военнымъ и морскимъ министерствомъ), действительныхъ и временныхъ, пріѣхавшихъ въ столицу на время. Старшины назначаются предсѣдателемъ изъ представленныхъ отъ войскъ кандидатовъ. Особый совѣтъ почетныхъ старшинъ состоитъ при почетелѣ собранія и совѣтъ старшинъ — при предсѣдателѣ собранія (въ числѣ 40 лицъ), изъ нихъ 8 поступаютъ въ ревизионную комиссію и 32 въ распорядительный комитетъ. Въ комитетѣ предсѣдательствуетъ хозяинъ собранія, выбираемый предсѣдателемъ, и самъ себѣ набираетъ помощника. Первымъ хозяиномъ собранія избранъ начальникъ артиллеріи петербургскаго военнаго округа, генералъ-лейтенантъ Овоприенко; помощникомъ его — командиръ 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-майоръ Бибииковъ.

Члены вносятъ соответственно чинамъ: оберъ-офицеры — 3 р., штабъ-офицеры — 6 и 9 р. и генералы — 12 р. Временные члены (пріѣзжие) платятъ помѣсточно и въ двойномъ размѣрѣ противъ действительныхъ. Въ собраніи цѣны продовольствія вполне общедоступны. Обѣдъ — 75 коп. и 1 р., завтракъ — 30 и 50 коп.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что офицерское собраніе арміи и флота, преслѣдуя цѣль — удешевить жизнь офицерамъ въ столицѣ и доставить удобное и дешевое помѣщеніе для временно пріѣзжающихъ въ Петербургъ, сохранило за собой, вмѣстѣ съ общимъ распорядкомъ, и всю хозяйственную часть, вѣривъ лишь ближайшее заведѣваніе отдѣлами лицамъ, служащимъ въ собраніи по найму.

Въ здании офицерскаго собранія помѣщается и экономическое общество офицеровъ гвардейскаго корпуса, находившееся до того времени въ зданияхъ военнаго вѣдомства. Общество это разрастается со дня на день и, учрежденное собственно для офицеровъ гвардейскаго корпуса, оно быстро приобрѣло въ качествѣ своихъ потребителей не только почти всѣхъ офицеровъ петербургскаго гарнизона, но и множество офицеровъ войскъ другихъ округовъ.

Правленіе экономическаго общества расположено во второмъ этажѣ съ заломъ засѣданій и съ особою пестрою кассой. Обмундировальная мастерская, весьма обширная, зани-

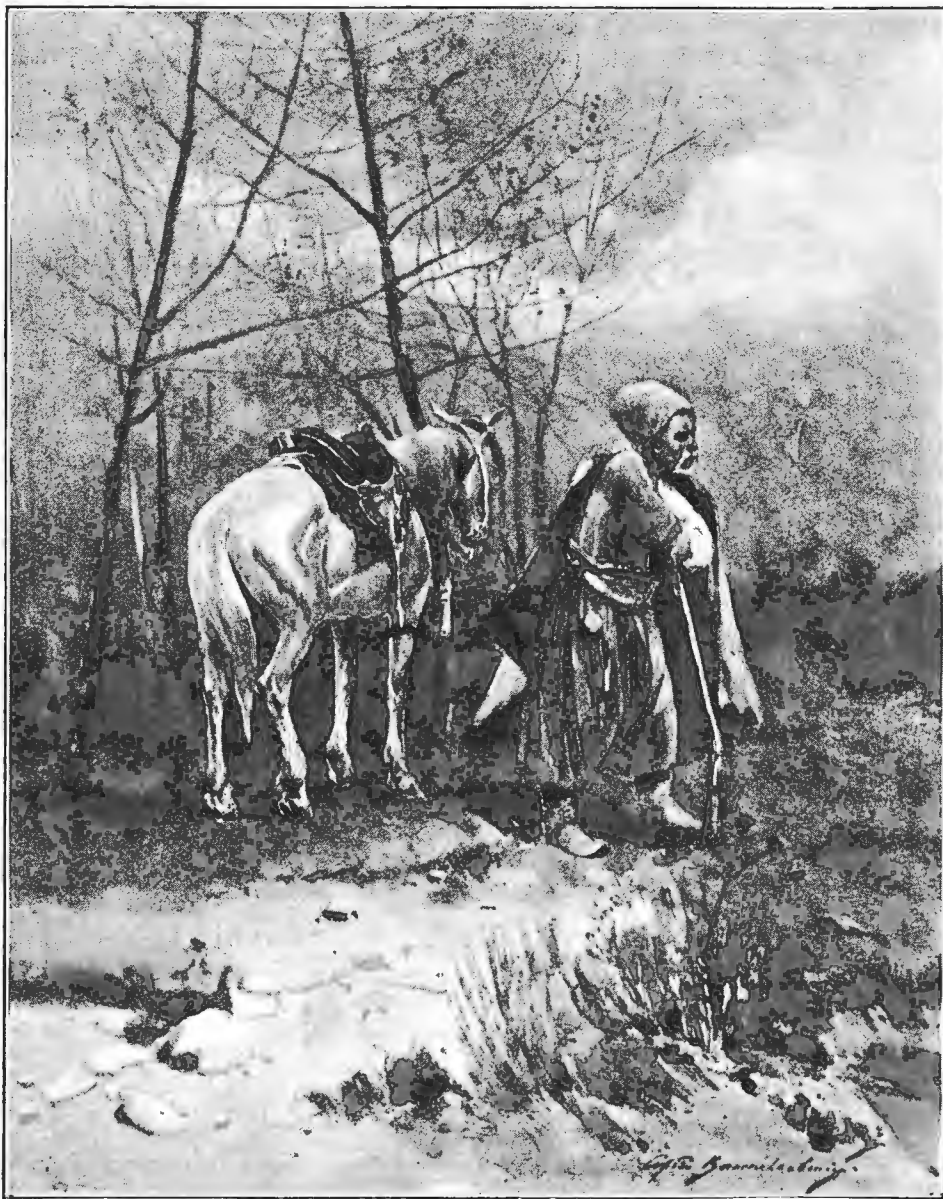
мастъ почти половину всего четвертаго этажа. Въ подвальныхъ флигеляхъ расположены склады и мастерскія общества и квартиры нѣкоторыхъ служащихъ. Магазины его расположены въ 1 и 2 этажахъ, соединенныхъ между собою особой внутренней металлической лѣстницей, и имѣютъ главный входъ съ угла Литейнаго пр. и Кирочной улицы.

Въ общемъ подѣ помѣщеніе экономическаго общества изъ общей площади помѣщеній—3162 кв. саж.—отведена значительная часть—1.148 кв. саж.; изъ остальной же части отведено подѣ самое собраніе 787 кв. саж. и подѣ пумера для прибѣгающихъ офицеровъ—620 кв. саж.

Къ рисункамъ.

Выставленная въ с.-петербургскомъ обществѣ художниковъ картина Н. А. Сергѣева: „На картофельномъ полѣ“ поражаетъ зрителя правдивостью красокъ и оригинальностью группъ работающихъ женщинъ.

Прозрачность воздуха и облачное небо схвачены художникомъ съ тонкой наблюдательностью человека, изучившаго все малѣйшіе отблески природы. Работа кипитъ. Это видно по бодрымъ лицамъ молодыхъ бабъ и дѣвушекъ, то выкапывающихъ картофель, то собирающихъ его въ корзины. Идали видѣются Божій храмъ и аккуратныя избы, окруженныя съ обѣихъ сторонъ густыми деревьями съ сочной кудрявой зеленью. Дымъ отъ разведеннаго костра поднимается широкимъ облакомъ вверхъ, показывая, что хорошая погода надолго установилась, и поле будетъ убрано до дождей. На подобныя картины весело смотреть, и чувствуешь невольный притокъ бодрости, глядя на эти энергичныя лица деревенскихъ труженницъ, въ потѣ лица добывающихъ себя хлѣбъ.

Выставка картинъ с.-петербургскаго общества художниковъ. «Сторожевой назакъ». Съ картины С. И. Васильковскаго автотипія „Нивы“.

Художникъ Пелевинъ далъ намъ прекрасный этюдъ дѣвочки съ ношею, а главное—полную и поэтическую картину русской природы, русской деревенской жизни въ началѣ лѣта. Какъ незабывливъ сюжетъ, а глядя на эту безыскусственную картину, на эту дѣвочку, на окружающую ее природу, невольно воскликнешь вмѣстѣ съ поэтомъ:

„Уже надѣ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣла весна,
И непогодами негубленныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно.
О, дай намъ солнышка! Пошли ты ведра намъ,
Чтобъ вырѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ,
Чтобъ намъ, хоть оперишь на внуковъ, стариками

Прийти на тучныя ихъ нивы подышать
И, забывъ, что мы ихъ полили слезамъ,
Промолвить: „Господи, какая благодать!“

*

Въ № 29 *Нивы* за прошлый годъ была помѣщена картина В. Е. Маковского, изображающая двухъ интеллигентныхъ политиковъ, статскаго генерала и отставнаго военнаго, разуждающихъ о послѣднихъ политическихъ событіяхъ. На пынѣшней XXVI передвижной выставкѣ появилась картина того же талантливаго жанриста на однородную тему. Въ портретной сошлись тоже двое поклонниковъ политики, только изъ сѣрой среды. Распивъ одну бутылочку нива и приступивъ къ другой, одинъ изъ нихъ, и овидимому „изъ ученыхъ“, наострившійся въ писаніяхъ жалобѣ къ мировому судѣ и въ хожденіяхъ по мелкимъ псковымъ дѣламъ, съ видомъ челоука, прекрасно понимающаго суть вещей, началъ истолковывать послѣднія телеграммы скромному слушателю, все принимающему за чистую монету. Сложивъ руки и олуоткрывъ ротъ, добродуш-

ный старикашка старается понять каждое слово, выходящее изъ устъ умнаго собесѣдника, а тотъ, видя явное къ себѣ уваженіе, охотно вдается въ подробности и блещетъ краснорѣчіемъ. Въ сосѣдней комнатѣ также идетъ оживленная бесѣда, хотя, можетъ-быть, и на иную тему. Лица говорившихъ схвачены художникомъ съ удивительной правдивостью, какъ, впрочемъ, и все, что выходитъ изъ-подъ кисти В. Е. Маковского.

Однимъ изъ украшеній пынѣшней весенней выставки въ академіи художествъ была обширная коллекція сеній художника Котарбинскаго. Отличительныя качества рисунковъ, вошедшихъ въ эту коллекцію—богатство фантазіи и поэтичность. Можетъ-быть, если не самыя сюжеты рисунковъ, то манера

ихъ изображенія нѣсколько однообразна. Но въ доступныхъ художнику рамкахъ большинство рисунковъ, если взять каждый въ отдѣльности, производитъ чарующее впечатлѣнiе. Особенно удались г. Котарбинскому рисунки, въ которыхъ онъ олицетворяетъ тѣ или другія чувства, навѣваемые красотами природы. Съ однимъ изъ такихъ рисунковъ мы знакомимъ читателя въ настоящемъ номерѣ *Нивы*. Тутъ художникъ поставилъ себѣ задачу изобразить поэзію зарождающагося дѣтняго утра, когда свѣтъ еще борется съ мракомъ и природа оглашается смутными звуками музыки утра. Фонъ рисунка—мракъ ночи съ свѣтлымъ проблескомъ и выступающими уже изъ него полными цвѣтами. Зарождающееся утро олицетворяется двумя женскими фигурами.

Смутно выдѣляющимися на темномъ фонѣ. У одной изъ нихъ лира въ рукахъ, и она-то оглашаетъ воздухъ утреннею музыкою. Эти два женскіе образа задуманы очень поэтично. Грустная сосредоточенность ихъ красивыхъ лицъ удивительно какъ гармонируетъ съ меланхоліею нашего сѣвернаго дѣтняго утра. Онѣ сами какъ будто чего-то выжидаютъ,—такъ пристально онѣ смотрятъ вдаль. Еще нѣсколько минутъ, и солнечный свѣтъ вступитъ въ свои права, мракъ окончательно разсѣется, и двѣ женщины вдругъ улыбнутся: это будетъ та же сосредоточенная, но радостная улыбка, озаряющая все кругомъ тѣмъ мягкимъ свѣтомъ, который предшествуетъ окончательному торжеству дневного свѣтила, лучезарному блеску природы, съ когорымъ сольются, въ котормъ претворятся чудныя видѣнія, возникшія въ минуты борьбы свѣта съ мракомъ, въ минуты зарожденія дѣтняго утра съ его поэтической, тихой музыкою.

С. И. Васильковскій, составившій себѣ уже извѣстное имя, какъ пейзажистъ, хорошо изучившій природу Малороссіи, въ текущемъ году далъ прекрасную картину „Сторожовой казакъ“, обратившую на себя вниманіе посѣтителей выставки с.-петербургскаго общества художниковъ, которая отличается тѣми же качествами, что и прежнія его работы: жизненностью, силой, тщательностью отдѣлки. Центръ картины — фигура стараго казака, стоящаго на посту. Опершись на ружье, онъ смотритъ пристальнымъ взглядомъ въ просторъ синихъ стѣнъ и думаетъ вѣчную думу о родной Сѣчѣ, о дорогой Украйнѣ, о Днѣпрѣ широкимъ. Думы слагаются въ звуки и, начиная потихоньку мурлыкать заветныя пѣсни, старый казакъ забывается, горе—тоска глубже зарываются въ сердце, и только непослушная слеза медленно катится по морщинистой щекѣ, обвѣянной вѣтромъ, выжженной горичнымъ солнцемъ. Пригорюнился и лихой казацкій конь, точно чувствуя грустныя думы своего господина.

Враги. По рис. М. П. автотипія „Нивы“.

Враги.. Всякій догадывается, что эти двѣ вопиющія фигуры—испанецъ и американецъ. Каждый изъ нихъ типичный представитель своей страны, отражающій на себѣ тѣ чувства, которыя ее теперь обуреваютъ. Эти набросанные талантливою рукою двѣ фигуры — холоднаго англо-саксонца съ традиционными звѣздами на характерной американской шляпѣ и горячаго перваго романца, типичнаго представителя испанской „National Guardia“—лучше всякихъ словъ объясняютъ намъ, что испытываютъ теперь обѣ враждующія стороны. Храбрость, неустранимость, готовность отстаивать свое дѣло до послѣдней капли крови—вотъ что написано на лицѣ испанца. Сжавъ

въ рукахъ ружье, онъ еле сдерживается, чтобы не пустить его въ ходъ, онъ весь—пыль, весь—отвага. И рядомъ съ нимъ поразительно по своему контрасту сильная фигура янки или самого „дяди Сама“, сдержаннаго, хладнокровнаго, сжавшаго свои мощные кулаки, какъ бы разчитывая каждое свое движеніе... Стоить только взглянуть на эти два типа, чтобы понять, кто возьметъ верхъ... Мы говоримъ не о боевыхъ силахъ, а о самомъ характерѣ участниковъ борьбы, о ихъ большей или меньшей способности воевать. Давно извѣстно, что въ бою особенно пужны хладнокровіе и сдержанность, и мы видимъ на рисункѣ, кто изъ враговъ обладаетъ болѣе этими драгоцѣнными свойствами. Этимъ обьясняется побѣда испанцевъ и побѣда американцевъ. Американскіе моряки и кореспонденты, имѣвшіе

возможность наблюдать стычки, ни разу еще не усомнились въ храбрости испанцевъ. Напротивъ, они признаютъ за испанцами отчаянную по временамъ рѣшимость, и самъ Девей черезъ англійскаго консула передалъ испанскому адмиралу выраженіе своего удивленія его храбрости. Но чего не хватаетъ испанцамъ, это—сдержанности и хладнокровія. По словамъ американцевъ, испанцы при Порто-Рико держали себя совсѣмъ не по-военному: какъ дѣти, они стрѣляли изъ револьверовъ въ неприятеля, находившагося на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, показывали ругательства, стрѣляли почти не цѣлясь и тратили попусту снаряды на десятки тысячъ долларовъ. Этимъ-то, вѣроятно, объясняется, что такая масса испанскихъ снарядовъ пропадаетъ попусту при столкновеніяхъ, и что такое крупное дѣло, какъ бомбардировка Порто-Рико стоила американцамъ всего 3 человѣка, а побѣда при Маниль—ни одного.

Съ другой стороны объ американцахъ рассказываютъ чудеса хладнокровія и сдержанности, и знаи ихъ, не можемъ этому не вѣрить. Въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ американецъ остается хладнокровнымъ и невозмутимымъ при

исполненіи своихъ обязанностей. Еще при гибели „Мэна“ выдѣлился своимъ хладнокровіемъ одинъ юнга Антонн, который, выскочивъ немедленно послѣ взрыва на палубу и натолкнувшись на капитана Сигсби, отдалъ ему честь и сказалъ: „Извините меня, сэръ, но я долженъ доложить вамъ, что „Мэвъ“ взорванъ и погибаетъ“. При битвѣ у Мачилы самъ Девей и его капитаны выказывали чудеса хладнокровія. Капитанъ крейсера „Востонъ“ во все время битвы стоялъ на мостикѣ, и такъ какъ бомбардировка усиливалась и безъ того тропическую температуру, то онъ преспокойно велѣлъ подать себѣ вѣеръ изъ пальмоваго листа, которымъ онъ и обмахивался. И такимъ образомъ съ вѣеромъ въ рукѣ и сигарой въ зубахъ онъ стоялъ на виду у всѣхъ. Къ утру онъ почувствовалъ голодь и попросилъ себѣ чашку кофе! Да и вообще весь маневръ Девей перервать въ серединѣ: такое успѣшное сраженіе, и отступить, для того, чтобы дать экипажамъ своего флота возможность отдохнуть и позавтракать—маневръ, подавшій поводъ слухамъ, будто въ серединѣ битвы Девей вынужденъ былъ уступить—развѣ не служить онъ типичнымъ примѣромъ англо-самоанскаго хладнокровія? Та же хладнокровная дѣловитость высказалась и въ сраженіи при Карденасѣ, когда совершенно поврежденный американскій крейсеръ „Winslow“ долженъ былъ дожидаться „Hudson'a“, который и вывелъ его на буксиръ, причемъ въ самый критическій моментъ, когда „Hudson“ перекидывалъ канаты, разорвавшаяся бомба положила на „Winslow“ 5 человекъ. И вотъ именно это хладнокровіе американцевъ, эта способность ихъ спокойно, невозмутимо исполнять свое дѣло даетъ имъ крупное преимущество передъ ихъ испанскими противниками.

Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій.

(Портр. на этой стр.)

21-го апрѣля т. г. скончался въ Петербургѣ одинъ изъ извѣстныхъ и очень талантливыхъ русскихъ художниковъ, Николай Дмитріевичъ Дмитріевъ-Оренбургскій. Нѣкоторые изъ жанровыхъ и батальныхъ картинъ покойнаго пользуются большою популярностью. Кто не знаетъ его картины „Представленіе Османа-пашы императору Александру II“. Художникъ прекрасно изобразилъ на ней тотъ историческій моментъ, когда геройскій защитникъ Плевны Османъ-паша, раненый и взятый въ плѣнъ, стоитъ съ перевязанной ногой, опираясь на двоихъ своихъ офицеровъ и покорно смотритъ на государя, выходящаго къ нему въ приемную. Эта картина была въ свое время помѣщена во всѣхъ иллюстрированныхъ журналахъ и, воспроизведенная олеографическимъ путемъ, разошлась въ огромномъ количествѣ экземпляровъ по всей Россіи. Очень извѣстны также его жанровыя картины: „Утоленникъ въ деревнѣ“, находившаяся ранѣе въ музеѣ академіи художествъ и нынѣ перемѣщенная, въ числѣ лучшихъ образцовъ отечественной живописи, въ русскій музей императора Александра III, и „Пожаръ въ деревнѣ“, представляющая собственность Государя Императора. Не менѣе извѣстенъ Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій еще въ другой отрасли искусства, очень мало культивируемой русскими художниками—въ иллюстраціи. Въ этомъ отношеніи можно прямо сказать, что покойный занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Сотни рисунковъ его разбросаны по иллюстрированнымъ журналамъ, и каждый изъ нихъ представляетъ собою всегда вполне законченное художественное произведеніе, обнаруживающее въ художникѣ большую эрудицію, глубокое знакомство съ эпохой, умѣнье уловить психику историческихъ лицъ. Историческія темы (почти исключительно изъ русской исторіи) и притомъ касающіяся эпизодовъ мало извѣстныхъ широкой массѣ, были излюбленными темами для иллюстрацій покойнаго. Читатели *Нивы* отлично знакомы съ цѣлымъ рядомъ подобнаго рода его историческихъ рисунковъ, воспроизводящихъ характерныя событія изъ временъ Грознаго, Петра и Екатерины, — эпохъ, можно сказать, наиболее интересныхъ въ русской исторіи. Что же касается художественной, технической стороны, то иллюстраціи Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго прямо-таки блестящи по рисунку и компоновкѣ фигуръ. За послѣдніе годы покойный почти исключительно занимался батальной живописью и составленіемъ небольшихъ рисунковъ для иллюстрацій, и именно въ этихъ двухъ родахъ искусства работы Дмитріева-Оренбургскаго очень цѣны.

Н. Д. Дмитріевъ (эпитетъ „Оренбургскій“ покойный прибавилъ къ своей фамиліи въ отличіе отъ другихъ художниковъ съ тою же фамиліей, и это прозвище осталось за нимъ навсегда), сынъ помѣщика Оренбургской губерніи, родился въ Нижнемъ-Новгородѣ 1-го ноября 1838 г.; послѣ окончанія курса въ уфимской гимназіи, онъ готовился въ военную службу, но,

въ виду обнаружившагося таланта, поступилъ въ академію художествъ, гдѣ былъ ученикомъ Ѳ. А. Бруни.

Въ 1860 г., получивъ уже за свои работы четыре малыя и одну большую серебряную медали, онъ былъ удостоенъ одной изъ высшихъ наградъ—малой золотой медали, а затѣмъ сталъ готовиться къ конкурсу на большую золотую медаль. Для полученія этой награды Н. Д. представилъ одну за другой двѣ картины: „Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбѣ великаго князя Василія Темнаго“ и „Стрѣлецкій бунтъ“, но Академія не присудила ему за нихъ искомой награды; не успокоившись на этомъ, покойный рѣшилъ выступить въ третій разъ на конкурсъ, но въ томъ году (1863) разразился знаменитый протестъ двѣнадцати молодыхъ художниковъ противъ писанія картинъ на задаваемые Академіей темы, и Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій въ числѣ этой знаменитой дюжины, оказавшейся очень недюжинными художниками, изъ которыхъ многіе составляютъ въ настоящее время гордость русскаго искусства, вышелъ изъ Академіи съ скромнымъ званіемъ класснаго художника 2-й степени и занялся писаніемъ картинъ въ чисто-русскомъ народномъ жанрѣ, исполненіемъ портретовъ и рисунковъ для иллюстрацій. За одно изъ такихъ жанровыхъ произведеній, а именно за вышеупомянутую картину „Утоленникъ въ деревнѣ“ Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій сразу удостоенъ былъ въ 1868 г. своей отвергнутой алма матер званія академика. Въ слѣдующемъ году онъ совершилъ въ свѣтъ великаго князя Николая Николаевича Старшаго путешествіе по Закавказью и Кавказу и составилъ для великаго князя альбомъ изъ 42 карандашныхъ рисунковъ, исполненныхъ имъ во время этого путешествія. Въ 1871 г. Академія отравила его за границу на три года. Будучи въ Дюссельдорфѣ, онъ пользовался совѣтами знаменитыхъ художниковъ Кнауса и Вольфе.

Переѣхавъ оттуда, по приглашенію трехлѣтняго срока, въ Парижъ, онъ учредилъ тамъ, между прочимъ, „Общество взаимнаго вспоможенія и благотворительности русскихъ художниковъ въ Парижѣ“. Въ Парижѣ Н. Д. много и дѣлательно работалъ. Онъ рисовалъ иллюстраціи, писалъ жанровыя картины изъ русскаго народного быта и выставлялъ ихъ въ парижскихъ Салонахъ, и тамъ же, на чужбинѣ, пробудилось въ немъ влеченіе къ баталіческой живописи, вызванное главнымъ образомъ вспыхнувшей въ то время русско-турецкой войной. По окончаніи войны онъ поднесъ нѣсколько эскизовъ картинъ, изображавшихъ характерныя моменты военныхъ дѣйствій нашей арміи, на благоусмотрѣніе императора Александра II; онъ удостоился Высочайшаго одобренія, и художникъ тогда же получилъ первые заказы батальныхъ картинъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ написалъ болѣе тридцати баталіческихъ картинъ, посвященныхъ событіямъ послѣдней войны, и всѣ онѣ были съ Высочайшаго соизволенія помѣщены въ Помпеевской галлерей Зимняго дворца. Академія художествъ обратила также вниманіе на эти его работы, и за двѣ изъ нихъ: „Бой на Сисовскихъ высотахъ конвоя императора Александра II“ и „Вѣздъ императора въ городъ Плевну“—присудила ему въ 1883 г. званіе профессора живописи.

Въ 1885 г. Н. Д. вернулся въ Петербургъ, и съ тѣхъ поръ стали появляться его работы на ежегодныхъ художественныхъ выставкахъ, всегда обращавшія на себя вниманіе художественной критики. Кроме нашего журнала, покойный художникъ работалъ и въ другихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ: *Всемирной Иллюстраціи*, *Сьеръ*, *Живописномъ Обзорннн*, *Пчелѣ* и др. На ряду съ историческими, извѣстны также его иллюстраціонные рисунки на сюжеты изъ произведеній Пушкина, Тургенева и Некрасова.

Г. К. Флиге. (Портр. на стр. 439).

21-го апрѣля т. г. исполнилось пятьдесятъ лѣтъ артистической дѣятельности капельмейстера придворнаго музыкантскаго хора, Германа Карловича Флиге, прибывшаго въ Петербургъ въ 1870 годъ и съ тѣхъ поръ продолжающаго свою дѣятельность въ Россіи. Юбиларъ родился 9-го сентября 1829 года въ Штендаль, гдѣ отецъ его состоялъ органомъ-капельмейстеромъ. Первоначальнымъ музыкальнымъ образованіемъ онъ обязанъ своему отцу, преподававшему ему игру на роялѣ, органѣ и скрипкѣ. Девяти лѣтъ онъ уже былъ причисленъ къ городскому оркестру, въ которомъ онъ игралъ до 14 лѣтъ; затѣмъ онъ егравился въ Берлинъ для усовершенствованія и былъ принятъ въ цѣвческую академію; здѣсь же онъ изучилъ теорію и оркестровую игру. Въ 1848 году г. Флиге сформировалъ полный оркестръ, съ которымъ сталъ давать свои концерты въ Берлинѣ и другихъ центрахъ Германіи.

Такъ продолжалось до 1870 г., когда онъ былъ приглашенъ со своимъ оркестромъ въ Петербургъ, въ Демидовъ садъ, гдѣ

Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій († 21 апрѣля 1898 г.). Съ фот. авторіи „Нивы“.

онъ игралъ съ большимъ успѣхомъ въ теченіе пяти сезоновъ. Кроме того, онъ концертнровалъ со своимъ оркестромъ, состоявшимъ изъ 90 человѣкъ, по разнымъ городамъ Россіи. Въ 1882 г. сформировался при Высочайшемъ дворѣ музыкантскій хоръ, и г. Флиге былъ назначенъ его капельмейстеромъ; въ этой должности онъ состоитъ и нынѣ. Въ 1885 г. онъ былъ приглашенъ дирижировать хоромъ любителей духовой музыки, состоящимъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государя Императора. Г. Флиге управляетъ также струннымъ оркестромъ, состоящимъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ великаго князя Сергія Михайловича.

Кромѣ капельмейстерской дѣятельности, г. Флиге извѣстенъ въ качествѣ арранжера; болѣе трехсотъ пьесъ переложено имъ для оркестра; такое количество произведеній во всякомъ случаѣ говоритъ за его прекрасное знаніе инструментовъ и ихъ особенностей, равно какъ и о выдающихся его композиторскихъ способностяхъ. Г. К. Флиге еще очень бодръ, энергиченъ и работаетъ съ прежней неутомимостью.

Графъ А. Д. Шереметевъ.

(Портр. на этой стр.)

Въ началѣ нынѣшняго года организованы были въ Петербургѣ такъ-называемые общедоступные народные концерты. Инициатива этого дѣла принадлежитъ графу А. Д. Шереметеву, предоставившему для концертовъ свой духовой оркестръ и его дирижера г. Владимірова и свой хоръ, находящійся подъ управленіемъ извѣстнаго А. А. Архангельскаго. Этого мало; въ каждомъ концертѣ самъ графъ А. Д. Шереметевъ выступалъ въ качествѣ дирижера и содѣйствовалъ такимъ образомъ успѣху этихъ концертовъ своимъ личнымъ трудомъ, вызывая горячія одобренія многочисленныхъ слушателей, выражавшихъ свою благодарность за доставляемое дешовое удовольствіе.

Концерты называются „народными“, потому что они назначены для бѣднаго населенія столицы; и притомъ они въ самомъ дѣлѣ „общедоступны“: цѣны на мѣста начинаются съ 15 к. и доходятъ до рубля. Цѣль этихъ концертовъ крайне симпатична—знакомить массу съ лучшими произведеніями музыкальной литературы, какъ отечественной, такъ и иностранной. Но такъ какъ кромѣ оркестровыхъ и хоровыхъ произведеній въ программахъ этихъ концертовъ отводится значитель-

ное мѣсто сольнымъ нумерамъ, какъ вокальнымъ, такъ и инструментальнымъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ открывается широкой доступъ нашимъ артистамъ къ подмосткамъ, а въдѣ извѣстно, въ какомъ незавидномъ положеніи находятся русскіе исполнители за отсутствіемъ у насъ постоянныхъ концертныхъ эстрадъ и оперныхъ сценъ, гдѣ онѣ могли бы продуцировать свое искусство.

Кромѣ указанныхъ двухъ прекрасныхъ цѣлей, заслуживающихъ сами по себѣ горячаго поощренія, народные концерты приносятъ еще большія матеріальныя выгоды, жертвуемія графомъ А. Д. Шереметевымъ на благотворительныя дѣла; каждый концертъ, за вычетомъ небольшихъ расходовъ, дается въ чью-нибудь пользу: начальныхъ школъ, богадѣленъ, глухонѣмыхъ, неналежимо-больныхъ и пр. Такимъ образомъ разомъ достигается нѣсколько цѣлей. Рѣдкая программа концертовъ не заключала въ себѣ шести оркестровыхъ произведеній и четырехъ, по крайней мѣрѣ, сольныхъ нумеровъ, въ которые входило нѣкое чтеніе и игра на какомъ-нибудь инструментѣ: фортепиано, корнетъ-а-пистонѣ, гитарѣ, концертно. арфѣ или на модныхъ теперь балалайкахъ,—такъ что на отсутствіе разнообразія жаловаться не приходится.

Неудивительно поэтому, что публика каждый разъ переполняла залы, гдѣ происходили концерты; первые пять были въ залѣ городской думы, и многимъ десяткамъ лицъ приходилось каждый разъ ограничиваться законическимъ аншлагомъ: „все мѣста проданы“; только съ шестого концерта помѣщеніе замѣнено было болѣе удобнымъ, а именно заломъ „Акваріума“, вмѣщающимъ въ себѣ чуть ли не до полуторы тысячи мѣстъ. Залъ этотъ удобенъ еще потому, что онъ находится на Петербургской сторонѣ, гдѣ сконцентрирована значительная часть менѣе состоятельнаго класса населенія, для котораго концерты эти собственно и предназначены. Концерты эти пользовались все время громаднымъ успѣхомъ; каждый нумеръ приходилось повторять, и вмѣсто десяти нумеровъ, назначенныхъ по программѣ, исполнялось по меньшей мѣрѣ двадцать и болѣе. Если только концерты привыются (въ чемъ, кажется, сомнѣнія не можетъ быть), то графу А. Д. Шереметеву будетъ принадлежать честь осуществленія идеи о народныхъ концертахъ, съ которой носился А. Г. Рубинштейнъ (пробы были сдѣланы тогда въ циркѣ Чинизелли) и которая не могла быть проведена въ жизнь за отсутствіемъ средствъ

В. Баскинъ.

Г. К. Флиге (по поводу 50 лѣтъ артистической дѣятельности).
Съ фот. автотипія „Нивы“.

Манила.

Въ настоящее время война изъ-за Кубы наконецъ направилась туда, куда направлены были и помыслы державъ, за-

тѣвшихъ войну, т. е. на самый о. Кубу. Но, какъ извѣстно, „герой“ сраженія при Манилѣ—адмиралъ Девей все еще стоитъ со своимъ флотомъ у Манилы, рѣшивъ, очевидно, заставить ее сдаться американцамъ. Какъ мы уже сообщали, американцы имѣютъ большіе выходы на Филиппинскіе острова и очевидно намѣрены ихъ отвоевать себѣ. Поэтому не безынтересны должны быть тѣ свѣдѣнія о самой Манилѣ, которыя мы здѣсь даемъ въ дополненіе къ рисунку Манильской гавани, помѣщенному у насъ ранѣе въ № 19.

Манила—старѣйшая европейская колонія на Филиппинскихъ островахъ, лежитъ подъ 14° 36' сѣверной широты и 121° восточной долготы (по Гринвичу) на островѣ того же имени или Люсонѣ, при устьѣ рѣки Пасигъ, вытекающей изъ озера Лагуна-де-Бай.

Рѣка Пасигъ, узкая, но довольно быстра, имѣетъ въ длину около 30 морскихъ миль; она отдѣляетъ собственно Манилу отъ предмѣстья Бинондо, которое является средоточіемъ торговли, промышленности и судоходства всего острова, тогда какъ Манила, окруженная рвами и высокими стѣнами, съ ея почти исключительно испанскимъ населеніемъ, носитъ характеръ средневѣкового испанскаго города. Обѣ части города соединены двумя мостами, изъ которыхъ одинъ старинный каменный, другой—новѣйшаго устройства, висячій, такъ-называемой американской системы.

Населеніе Бинондо состоитъ изъ европейцевъ, туземцевъ и метисовъ,—всѣхъ въ общей сложности до 165,000 человѣкъ;

эти разнообразныя элементы живутъ между собою въ мирѣ и согласіи, занимаясь торговлею и ремеслами; съ утра до ночи улицы Бинондо кишатъ нестрой, шумной, разноязычной толпою. Дома, вслѣдствіе частыхъ землетрясеній, обыкновенно строятся въ одинъ этажъ; они окружены просторнымъ дворомъ и имѣютъ на плоской крышѣ родъ террасы. Внутреннее убранство комнатъ чрезвычайно просто; въ нѣкоторыхъ вся обстановка состоитъ изъ разставленныхъ вдоль стѣнъ стульевъ, отчего комнаты кажутся необыкновенно помѣстительными. Бросается въ глаза замѣтна оконныхъ стеколъ пластинками, изготовленными изъ створокъ одной крупной туземной породы раковинъ. Такія пластинки значительно дешевле стеколъ и пріятны тѣмъ, что смягчаютъ яркость пропускаемаго въ комнату солнечнаго свѣта.

Среди нестраго населенія Манилы преобладающимъ типомъ являются тагалы, исконные обитатели острова, происхождение которыхъ еще недостаточно разъяснено. Небольшого роста, съ свѣтло-желтой кожей, широкимъ плоскимъ носомъ и толстыми губами, тагалы скорѣе всего могутъ быть отнесены къ малайской расѣ. Руки и ноги у нихъ малы и красивой формы, черные какъ смоль волосы жестки и взерошены. Всѣ тагалы одѣты болѣе или менѣе по-европейски, но принадлежностями костюма пользуются довольно оригинально, на свой ладъ. Не

Графъ А. Д. Шереметевъ.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

рѣдкость встрѣтить щеголя въ парижскомъ цилиндрѣ и лакированныхъ башмакахъ, но съ крахмальною рубашкой на-выпускъ вмѣсто сюртука. Женскій костюмъ напоминаетъ японскій: обмотанный вокругъ бедеръ пестрый кусокъ матеріи, *саронъ*, и коротенькая, плотно прилегающая къ тѣлу курточка изъ прозрачной ткани, больше обнаруживаютъ, чѣмъ скрываютъ формы.

Послѣ тагаловъ въ численномъ отношеніи на первомъ мѣстѣ китайцы, и только за ними испанцы и креолы, которыхъ въ общей сложности не больше 6.000.

Не трудно понять, что продолжительный гнетъ деспотическаго свѣтскаго правительства долженъ былъ неминуемо оказать пагубное вліяніе на внутренній строй страны и на ея внѣшнія сношенія съ другими народами, парализуя успѣшность социальнаго и экономическаго развитія. Вмѣсто либеральныхъ, гуманныхъ законовъ, или, по крайней мѣрѣ, такихъ, которые не шли бы въ разрѣзъ съ духомъ времени: вмѣсто смягченія, если не уничтоженія, тягостныхъ налоговъ, а съ ними обременительныхъ для торговыхъ сношеній формальностей по таможенному и паспортному вѣдомствамъ,—словомъ, вмѣсто необходимыхъ уступокъ духу времени испанское правительство продолжаетъ упрямо держаться старой, отжившей своей вѣкъ, колониальной политики и неподвижной покровительственной системы, отвѣчая на справедливыя требованія образованнѣйшей части островитянъ, домогающейся реформъ, лишь усиленіемъ боевыхъ средствъ страны, да ссылкой недовольныхъ на галеры.

Теперь за всѣ вольныя и невольныя политическія грѣхи настала для Испаніи день расплаты. Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ была возможность, путемъ разумныхъ уступокъ, упрочить за метрополіей остатки нѣкогда обширныхъ колониальныхъ владѣній, или же, по крайней мѣрѣ, уступить часть ихъ на выгодныхъ условіяхъ другому государству, обладающему въ большей степени, чѣмъ Испанія, колонизаторскими способностями. Знаменитый американскій государственный дѣятель, Даніель Уэбстеръ, открыто сознался однажды въ Вѣломъ

Домѣ въ Вашингтонѣ, что Сѣверо-Американскій Союзъ охотно предложилъ бы Испаніи за уступку Кубы 250 милліоновъ долларовъ,—сумму, которую Испанія съ большою для себя пользою могла бы употребить на многочисленныя народныя нужды метрополіи, такъ же, какъ „на приведеніе въ порядокъ своихъ финансовыхъ дѣлъ“. А горячій испанскій патриотъ, Фернандо Гарридо, въ 1863 году произнесъ слѣдующую многозначительную фразу: „Потеря колоній послужила бы скорѣе къ выгодѣ, чѣмъ ко вреду Испаніи!“—„Вполнѣ безпристрастный и хладнокровный взглядъ на вещи, чуждый патриотической щепетильности“, говоритъ онъ, „убѣдитъ насъ въ выгодѣ, которую можетъ извлечь Испанія изъ потери Антильскихъ острововъ, подобно тѣмъ пренеумеществамъ, которыя пронесли для нея изъ потерн колониальныхъ владѣній на американскомъ континентѣ въ 1824 году. Наши торговыя сношенія съ Мексикой, Монтевидео и Буэнос-Айресомъ теперь гораздо значительнѣе, чѣмъ во времена испанскаго владычества въ этихъ странахъ. Одинъ Буэнос-Айресъ, со времени возобновленія съ нимъ дипломатическихъ и иныхъ сношеній, получилъ болѣе 50,000 испанскихъ переселенцевъ; въ его гавани въ мѣсяцъ пребываетъ теперь больше судовъ, чѣмъ прежде въ цѣлый годъ; то же можно сказать о соответствующемъ ростѣ потребленія испанскихъ товаровъ. Эмансипація колоній не только не помѣшала развитію торговли и промышленности Испаніи, но, напротивъ того, успѣхи ея начинаются какъ разъ съ этого времени“.

Соглашаясь съ доводами Гарридо, нельзя, однако, не замѣтить, что онъ не принимаетъ во вниманіе тѣхъ причинъ, въ силу которыхъ Испанія не сумѣла извлечь изъ своихъ колоній такихъ выгодъ, какія извлекаетъ изъ своихъ колониальныхъ владѣній, напримеръ, Англія.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать по поводу осады Манилы американцами, что такъ какъ въ этомъ городѣ сосредоточивается весь механизмъ централизованной колониальной власти испанцевъ на Филиппинахъ, то съ захватомъ этого центра господству послѣднихъ будетъ, несомнѣнно, нанесенъ жестокой ударъ.

Политическое обозрѣніе.

Во Франціи 10-мая закончились выборы въ новую палату депутатовъ. Печать поспѣшно принялась распределять новыхъ избранниковъ французской націи по политическимъ окраскамъ, при чемъ каждая партія, какъ будто, осталась довольно „благоприятнымъ результатомъ“. Безспорнымъ, однако, оказался лишь фактъ, что составъ палаты на половину совершенно обновился. Съ точки зрѣнія внутреннихъ дѣлъ Франціи, выборы дали наглядное доказательство прочности республиканскихъ идей въ странѣ.

По официальнымъ даннымъ французскаго министерства внутреннихъ дѣлъ, результатъ выборовъ слѣдующій: умѣренные республиканцы и ихъ ближайшіе сторонники—„прогрессисты“ получили въ палатѣ 254 мѣста, присоединившіеся къ республикѣ консерваторы—38, радикалы—104, крайніе радикалы—74, социалисты—57 и монархисты—44. Такимъ образомъ по распределенію парламентскихъ группъ, новая палата похожа на прежнюю, такъ какъ численное отношеніе между умѣренными республиканцами и радикалами осталось почти то же. Кабинетъ г. Мелина сохранилъ за собою перевѣсъ, хотя и потерпѣлъ поражение на выборахъ въ лицѣ забаллотированнаго министра колоній. Министръ этотъ вышелъ уже въ отставку, и временно управленіе дѣлами министерства колоній перешло къ г. Ганото. Но отзываютъ политическія кружковъ, число голосовъ, поданныхъ за умѣренныхъ республиканцевъ и присоединившихся къ республикѣ консерваторовъ,—равняется почти двумъ третямъ всего числа избирателей во Франціи, что признается характернымъ признакомъ, определяющимъ настроеніе большинства французской націи.

Въ первомъ засѣданіи новой палаты 20-го мая всѣ депутаты были налицо. Оказавшійся старѣйшимъ депутатъ-радикалъ, открывая засѣданіе привѣтственной рѣчью, изложилъ программу реформъ, предлагаемыхъ радикальной партіей, вызвавъ аплодисменты половины палаты. Въ вопросѣ о выборѣ временнаго президента для провѣрки депутатскихъ полномочій всѣ партіи пустили въ ходъ наличность своихъ силъ. Президентомъ палаты избранъ кандидатъ умѣренныхъ республиканцевъ—сторонникъ вышшняго кабинета г. Дешанель—277 голосами; кандидатъ радикаловъ—бывшій президентъ палаты г. Бриссонъ получилъ однимъ голосомъ меньше. Въ настоящее время ожидается въ палатѣ изложеніе правительствомъ его программы, при обсужденіи которой должно сформироваться окончательно парламентское большинство, отъ котораго зависитъ дальнѣйшее направленіе государственной дѣятельности Франціи. Во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія вышней политики, нельзя ожидать какихъ-либо существенныхъ переизмѣнъ. Незамѣнима вышней жизни французской республики засвидѣтельствована ея главою—президентомъ Форомъ недѣлю спустя по окончаніи парламентскихъ выборовъ. На банкетѣ 17-го мая въ Сентъ-Этьенѣ, по случаю открытія памятника бойцамъ 1870 года, г. Форъ заявилъ чество-

вавшимъ его официальнымъ лицамъ и многочисленнымъ участникамъ торжества, что франко-русскій союзъ облегчилъ трудъ представителей страны, укрѣпилъ положеніе Франціи, вышнія сношенія которой свидѣтельствуя о возрастающемъ довѣрїи и уваженіи, заслуженными привязанностью Франціи къ высокимъ идеямъ и къ просвѣщенію; занявъ свое прежнее мѣсто въ совѣтѣ европейскихъ державъ, Франція должна нести всѣ жертвы для поддержанія арміи и флота на должной высотѣ, чтобы сохранить миръ; усилія правительства для развитія вышней торговли увѣчались успѣхомъ въ громадной Имперіи, съ которою Франція связана драгоценными узами дружбы, и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, съ которыми только что закончено первое соглашеніе, доказывающее существованіе дружескихъ взаимныхъ отношеній. Поднявъ бокалъ за всѣхъ французовъ и за торжество этой политики, г. Форъ закончилъ свою рѣчь призывомъ къ „французской инициативѣ“ въ виду приближающихся мирныхъ празднествъ 1900 года Президенту Фору сдѣланы были шумныя патриотическія оваціи.

Затянувшіяся разногласія между Англіей и Трансваалемъ вступили, повидимому, въ острый фазисъ своего развитія. Съ конца прошлаго года британскій министръ колоній Чемберленъ сталъ энергично отстаивать права Англіи, но президентъ Трансваальской республики Крюгеръ, ссылаясь на договоръ 1884 года, рѣшительной нотой отклонилъ англійскія притязанія и заявилъ лишь согласіе предоставить рѣшеніе недоразумѣній третейскому суду, т. е. избрать такой способъ рѣшенія спора, какой практикуется между совершенно самостоятельными государствами. Отзываются о дѣйствіяхъ трансваальскаго правительства чрезвычайно рѣзко, органъ британскаго министерства колоній заявилъ, что Англія не допуститъ посягательства на ея верховныя права въ Южной Африкѣ. Въ то же время газета *Times*, не отрицая правъ буровъ въ самостоятельность, высказала взглядъ, что, въ силу дѣйствующаго договора, Трансвааль не можетъ-де вступить въ соглашенія съ другими державами безъ предварительнаго разрѣшенія со стороны Англіи.

Какъ смотритъ на это дѣло Трансвааль—видно изъ того, что бывшій премьеръ Лейдсъ назначенъ Крюгеромъ представителемъ при дворахъ великихъ державъ и Голландіи; на обѣдѣ въ честь этого дипломата патриотическія рѣчи буровъ, рѣзко критикуя политику Чемберлена и канскаго правительства, призывали всѣхъ буровъ къ отстаиванію независимости ихъ родины.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Ива“ проситъ своихъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 23 и почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Черной заводъ, Общество Потребителей.
 Заводаръ, Ф. И. Баладинъ.
 А. И. Деревъ.
 П. А. Суриковъ.
 Пашинъ, Е. М. Гомозовъ.
 Общество Потребителей.
 Пенза, М. П. Карташовъ.
 К. П. Барташовъ.
 А. Н. Семеновъ.
 Пермь, Торговый Домъ „П. Г. Гавриловъ и Сынъ“.
 Наслѣдникъ П. Н. Кибирева.
 И. М. Ягуновъ.
 Пермь, М. Вателтъ.
 Петровский заводъ, Братья Злоказовы.
 Петрозаводскъ, Н. Н. Румянцевъ.
 Пинега, Братья Володины.
 Полтава, С. Я. Токарева.
 Поти, А. Д. Лодуа.
 Д. А. Арванитаки.
 Портъ-Нунда, П. Киришъ.
 Пошехонье, И. Д. Свѣшниковъ и сынъ.
 Придуби (Полтавск. губ.), И. С. Литяненко Сынъ.
 Псковъ, Евгений Либсонъ.
 Ф. Гельзингъ.
 Пятигорскъ, С. А. Бураковъ.
 Ревель, К. Юргенсонъ.
 Р. А. Фельдгунъ.
 Р. Рейдманъ.
 К. Бурманъ.
 Редернскій рудникъ, В. Н. Державинъ.
 Ржевъ, Д. Ф. Сазоновъ.
 Рига, О. Боссафъ.
 Романовъ-Борисоглобскъ, Романъ Лынинъ.
 мануфакт.
 Ростовъ на Дону, П. И. Ильинъ.
 Братья А. и Э. Бахчисарайцевы.
 П. М. Троянникъ.
 Н. Н. Барбашинъ.
 Ростовъ Ярославскій, Титовъ и Мало-земовъ.
 Рыбинскъ, Н. В. Батыревъ.
 Рязань, А. М. Покомаревъ.
 С.-Михель, К. Ф. Пендиненъ.
 Самара, К. Н. Поповъ.
 Ю. Б. Христензенъ.
 Саратовъ, П. Г. Бестужевъ.

Саратовъ, А. П. Бодиревъ и К^о.
 А. Н. Подозова.
 Севастополь, П. И. Грязновъ, Нахимовскій просп.
 А. И. Квашинъ.
 А. Чаушъ.
 Семипалатинскъ, Ф. С. Афонинъ.
 А. И. Деревъ.
 С. Ф. Пшевецъ.
 М. В. Хамитовъ.
 Серпуховъ, Е. Я. Фирсалова съ Сынъями.
 Симферополь, Л. Я. Бозаджиевъ, Поли-цейская улица.
 И. Ф. Гусиковъ.
 И. Баласная.
 Симбирскъ, И. М. Берницъ.
 Н. В. Кротковъ.
 Смоленъ, В. С. Фадеевъ.
 Смоленскъ, I. З. Гринцевичъ.
 А. В. Аваньевъ.
 Ставрополь в/К. Тов. Галъ. Торговля
 А. И. Венециановой.
 А. С. Галиева.
 Е. С. Чувазовъ.
 Старая Русса, М. Т. Киселевъ.
 Сумы, В. Г. Софроновъ.
 Сузумъ, В. И. Топерманъ.
 Сызрань, А. К. Гукъ.
 В. С. Сидельниковъ.
 Сысерть, Общество Потребителей.
 Сѣверскій заводъ, Общество Потребителей.
 Тавриза, В. Джаниевъ.
 Таганрогъ, П. И. Ильинъ.
 Х. Ташевъ и А. Хаспекоевъ.
 Талица, С. Е. Мараннинъ.
 Тальсенъ, Г. Б. Бергеръ Сынъи.
 Тамбовъ, Наслѣдникъ П. Н. Гряднева.
 И. В. Махаличевъ.
 Тара, Д. И. Деветириковъ.
 Н. Б. Малинскій.
 Н. Н. Машинскій.
 Тверь, М. П. Жуковъ.
 И. Г. Долгойъ.
 Темрюкъ, В. Е. Адамовъ.
 Тирасполь, Б. М. Яковенко.
 Тифлисъ, А. С. Гиргидовъ, Дворцов. ул.
 С. Г. Алавердовъ.
 „Кавказъ“ подъ гост.

Тифлисъ, И. В. Абовляницъ, подъ гостин.
 „Кавказъ“.
 А. В. Абовляницъ, Дворцовая ул.
 Братья С. и И. Бадиновы, Ка-раванъ-Сарай.
 Г. Б. Асламазовъ, Караванъ Сарай.
 И. И. Хоразовъ.
 Общ. потреб. Закавказск. ж. д.
 Тоболскъ, Н. А. Ершовъ.
 И. Д. Дурневъ.
 Томскъ, И. Г. Гадаловъ.
 В. А. Голдобинъ.
 Е. М. Головановъ.
 Братья Макаровы.
 А. И. Шамакина Сынъи.
 Л. Д. Желябо.
 Торжокъ, А. Е. Луковникова.
 И. И. Макаровъ.
 С. А. Паричка.
 Торопецъ, И. И. Харинскій.
 Троицкъ, А. Х. Янушевъ.
 М. Ф. Валеевъ.
 Е. Н. Свлюковъ.
 П. Г. Говорливыхъ.
 Тула, В. А. Кеенофонтава.
 О. А. Щеголькова.
 А. А. Селезневъ.
 Тулузъ, Е. А. Бузолинъ.
 М. Н. Кузнецовъ.
 К. Щелкуновъ и Я. Метелевъ.
 Туринскіе рудники, А. Е. Шадрина.
 И. М. Шадринъ.
 И. М. Шадринъ.
 Торговый Домъ „И. А. Мухлинна Н-ки.“
 Сельское Общество Потребителей.
 Тюкалинскъ, Ф. С. Афонинъ.
 Тюмень, Г. А. Моисеевъ.
 М. А. Ваткинъ.
 П. П. Воробейчикова.
 Тюменцево (село), А. И. Бинокуровъ.
 Уржанская ст., Я. Т. Дремнинъ.
 Усолье, И. И. Тарасовъ.
 М. И. Жакоевъ.
 Усольское Общество Потребителей.
 Усть-Наменногорскъ, А. В. Курочкинъ.
 Ф. Г. Муравьевъ.

Усть-Наменногорскъ, Л. Н. Семеновъ.
 Устюжна, М. В. Безанина.
 Уткинскій заводъ, Общество Потребителей
 Уфа, В. М. Вавляновъ.
 Я. И. Лебедевъ.
 С. И. Бочкаревъ.
 Харьковъ, С. Я. Токарева.
 И. И. Прикъ.
 А. И. Коронинъ.
 П. Д. Баскаковъ.
 Ф. В. Трунинъ.
 В. Г. Руденко.
 Херсонъ, А. Н. Ходушинъ, Эгиз. уз.
 Е. М. Медвѣдевъ.
 Царицынъ, Л. В. Губановъ.
 П. и В. Клиновы.
 Челябинскъ, А. А. Пенгетовъ.
 А. Я. Бухарина.
 Чердынъ, Общество Потребителей.
 Чистополь, Е. Ф. Фроловъ.
 М. Ф. Андифровъ.
 Чита, И. А. Колежъ.
 Чусовая, Г. Е. Гомозовъ.
 Общество Потребителей.
 А. П. Шаринкина.
 Шаули, Х. Э. Мееровичъ.
 Шадринскъ, Г. А. Моисеевъ.
 Н. А. Донскихъ.
 Шайтанна, Общество Потребителей.
 Шуша, А. Г. Кафиевъ.
 Шуя, В. Х. Пророковъ.
 Зриванъ, Хачатуръ Деволянцъ.
 Юзюва, Общ. Потребителей близъ завода
 Новороссійскаго Общества.
 Юзово, Я. С. Игнй.
 А. С. Лазаренко.
 Юрьевъ, К. Г. Миллеръ.
 Сельское Общество Потребителей.
 К. Тенновъ.
 Ф. Гамфъ.
 Ялта, И. И. Пуринъ, Набережная.
 В. Т. Пташниковъ.
 М. И. Кушлю, Набережная.
 Ярославль, А. Н. Сазановъ.
 Титовъ и Малоземовъ.
 Феодосія, Е. Д. Майтоиъ.
 С. И. Кушлю.
 М. Д. Таймазъ.

Покорнѣе просимъ обратить вниманіе на то, чтобы всѣ наши издѣлія были снабжены на подошвахъ нашими вышеозначеннымъ фабричнымъ клеймомъ. Въ особенности же просимъ слѣдить, чтобы на

СКОРОХОДАХЪ И САНДАЛІЯХЪ

были наши фабричныя клейма, ибо существуютъ многочисленныя поддѣлки ихъ.

ВЕЛОСИПЕДЫ „НАУМАНЪ“
 ПОЛЬЗУЮТСЯ ВСЕМІРНОЮ ИЗВѢСТНОСТЮ
 ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВО ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ ГОРОДАХЪ.
ЗЕЙДЕЛЬ и НАУМАНЪ, ДРЕЗДЕНЬ.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенств. способу изготовленія часовъ, я имѣю возможность продавать съ 1 июля мин. г. самыя элегантныя и прочныя МУНОНИЕ ЧАСЫ американскаго золота, трудно отличаемыя, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоющихъ золотыхъ, — кромѣ анкера, механизма самой лучшей констрекции съ прекрасною цѣлочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, вмѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже считались настоящею золотомъ, а въ наше время и у насъ входятъ во все шее употребленіе. Такіе же ДАМОНІИ дороже на 1 рубль.

Письменное ручательство на 6 лѣтъ.

Выслать вполнѣ выдѣленные часы по полученіи вадатка 2 р., остальное же наложенномъ платежемъ. АДРЕСЪ:

Ш. ГЕЙЛЕРЪ

Складъ жевевскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.

◆ Множество благодарств. писемъ и отзывовъ. ◆

Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземп. снабженъ пломбой фирмы, утвержд. департаментомъ торговли и мануфактуръ. № 11065-11

ПАМЯТЬ

Личъ кажд. возр. укрѣпить л-ччю и слочно (въ 10 урокъ) профес. мнемоника С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкинск. и Ваа. ул., собствен. домъ. № 28. Условія и 2 брош. (въ 64 стр.) вл-сыл. въ одну 7-ми коп. марку. № 10917 20-17

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 3 р. 50 к

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к

ЭЛЕОПАТЬ

пров. Кинунена
 я УПОТРЕБЛЯЮ.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая улица, № 13.

Высш. Утв. Трѣ

ЭЙНЕМЪ въ ДРОГВЕРЪ

Собств. Даров. Фабрика въ СѢМФЕРОПОЛѢ (въ Крымѣ)

ПЮРЕТОМАТЬ

ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ КОМПОТЬ

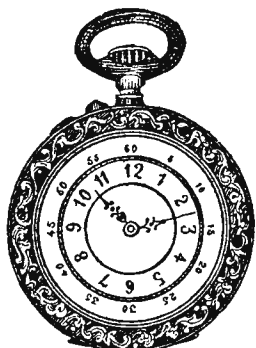
№ 10917 12-5

ТОВАРИЩЕСТВО
 „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * СПБургъ.

Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмой: „ПРОВОДНИКЪ“.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪЛОЖКИ

Болѣе 20,000 шт. въ употребленіи.
Требуйте вездѣ

карманные часы открыты изъ черной вороненой стали съ двумя пылезащитными стеклами, прочнымъ механизмомъ, ремонтуръ, т. е. заводъ безъ ключа, съ золотой накладкой на крышкѣ, на которой гравирована монограмма, имя и фамилія, по желанію покупателя; къ часамъ прилагается, безъ всякой доплаты, цѣпь изъ американскаго золота панцирной работы съ брелокомъ или компасомъ, вмѣсто 9 р. ТОЛЬКО за 5 р. 85 к

АДРЕСЪ: Ю. ГУБЕРЪ.

Складъ женевскихъ и французскихъ часовъ въ Одессѣ Почтовая № 21. 2-1

Письменное ручательство на 6 лѣтъ, часы тщательно вывѣрены, высылаются по получении 1 руб. задатка. остальные наложеннымъ платежѣмъ.

Къ каждому часу прилагается бесплатно „Новость“ пара магнетныхъ запонковъ, 4 грудныхъ, изъ накладного золота, никогда не чернѣющихъ.

Санаторія Биркенвердеръ

близъ Берлина. Штеттинскій вокзалъ. Пригородное сообщеніе.

ФИЗИЧЕСКИ-ДИЭТИЧЕСКОЕ ЛѢЧЕНІЕ.

Завѣд. врачъ:

докт. мед.

Цигельротъ,

бывшій ассист. въ санаторіи д-ра Ламана.

Санаторія приспособлена къ лѣченію выздоравливающихъ, нервныхъ, а также хронически больныхъ.

Проспекты высылаются бесплатно управленіемъ. 8-2

КО ДНЮ 25-лѣтія (29 мая 1898 г.) ПОКОРЕНІЯ ХИВЫ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ.

Изд. П. П. Сойкина **ХИВА** Соч. И. Н. Захарыина (Януина). С.-Петербургъ. Цѣна 50 коп. Соб. д. Стрѣмянная, 12.

Сочиненія того-же автора въ изданіи П. П. Сойкина. **ЛЮДИ ТЕМНЫЕ.** Очерки и рассказы изъ народной быта. Изданіе 2-е. Цѣна 1 р. **ДЛЯ НАРОДА.** Шесть рассказовъ. Цѣна 20 коп.

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ.

Спец. копиров. чернила.

Темно-фіолет. копир. чернила, легко стекаютъ. По истеченіи мѣсяцевъ и даже годовъ даютъ хорошія отчетливыя копіи.

Черныя двойныя копир. чернила, стекаютъ чернилами. Отъ 2 до 4 копій.

Копир. чернила „Non plus ultra“ для корреспонденціи съ дальн. странами. Отъ 4 до 8 копій.

Чернила для книгъ и для копирования.

Алициариновыя чернила для письма и копирования. № 11222 12-2

Алтрац. чернила для письма и копирования.

Черныя желѣзисто-орѣшковые чернила.

Черный чернильный порошокъ (атролентъ). Химич. фабрики чернилъ, основ. въ 1826 г.

Авг. ЛЕОНГАРДИ

въ ДРЕЗДЕНѢ.

Изобрѣтателя и единственн. фабриканта всемірно-извѣстныхъ

Алициариновыхъ чернилъ для письма и копирования, легко стекающихъ и вполнѣ прочныхъ желѣзисто-орѣшковыхъ чернилъ 1-го класса.

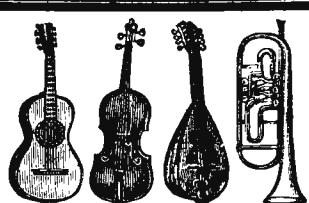
Во избѣжаніе подѣлокъ просить обращать вниманіе на явлен. въ Россіи этикетъ и фабрич. предохранит. марку.

Неподдѣльно только съ себѣ предохранительной маркой.

О.Е.М.С. № 13367

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
 лучшаго качества
 по фабричнымъ цѣнамъ
 предлагаетъ
 ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

А. Е. КУЛАКОВЪ

С.-Петербургъ, Садовая ул. 33.
 Юбилейный иллюстр. прейсъ-курантъ всѣхъ инструментовъ высылаются бесплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ

Высылаются бесплатно пробныя лекціи-корреспонденціи и условія заочнаго изученія бухгалтеріи по преміи. бол. зол. медалью методу С. Я. Дилленталь. Москва, Бутырскіе, № 49. Ц. № 10919 10-9

МИРРОЛЬ ПОРОШОКЪ УНИЧТОЖАЮЩІЙ ЗАПАХЪ ОТЪ ПОТА
СПЕТЕРБУРГЪ
 ПУШКИНСКАЯ АПТЕКА
 ПРОВОДЪ А. ГАККЕЛА
 ПУШКИНСКАЯ № 9
 ИМПЕРАТОРСКІЕ ЛУЧШИЕ АПТЕКАРЪ
 ПЛАТФОРМЕРЪ МАШИНАХЪ

Новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

Публичныя лекціи А. Сабатье, декана есте ственнаго факультета Женевскаго университета. Перев. съ франц. В. Обреимова. Цѣна 75 коп.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. В. С. Соловьева. Романъ-хроника XVIII в. Время паденія Бирона и воцаренія Елисаветы. Изд. 3-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. въ роскош. колѣнк. перел. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

П. П. Гнѣдича. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп., въ роск. кол. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирсій домъ Генрихъ Блюмъ. С.-Петербургъ, 59, Невскій.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ НОВАЯ КНИГА „НА ВЕЛОСИПЕДѢ“.

Анализы туриста (изъ Петербурга въ Нижній). Соч. Л. В. Колотилова, ц. 1 р. съ рисунк. Складъ у автора: СИБ., Лиговка 82, кв. 7.

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ МОЛОДОСТИ
А. СІУИКЪ МОСКВА. 20 коп. кув.

Ө. ЮХИМЪ и К°.
 С.-Петербургъ, Невскій пр. 3.
 Москва, Театральн. провъздъ.
 Большой складъ фонографовъ и графофоновъ послѣднихъ моделей, валиновъ заряженныхъ и чистыхъ и всѣхъ принадлежностей. В. № 11142 6-4

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen
 Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализы и подробности объ источникѣ высылаются по почтѣ бесплатно. Контора отправки нѣмецкихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ. **ФУРБАХЪ и СТИБОЛЬ,** Зальцбруннъ, въ Силезіи. 5-2 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 11182

Фабричная марка J. Rix.
Новости! РЕФОРМА-ЧАСОЫ-ЗВѢЗДА NORWICH WATCH COMPANY. Пересылка съ уплаченною нами пошлинною.
 Часы Реформа составлены изъ новаго своеобразнаго металла, такъ что даже специалисту трудно ихъ отличить отъ дѣйствительныхъ золотыхъ часовъ.
 Мы принимаемъ на себя за часы Реформа Norwich Watch Company полную гарантію въ томъ, что они никогда не потеряютъ вида настоящихъ золотыхъ часовъ. Патентованный механизмъ часовъ Реформа Norwich Watch Company устроенъ съ такою точностью и тщательностью, что каждому, кто нуждается въ совершенно вѣрныхъ часахъ, мы ихъ можемъ самымъ убѣдительнымъ образомъ предлагать. Къ каждому часу прилагается письменная трехлѣтняя гарантія. Цѣна за штуку только 10 руб. съ уплаченною нами пошлинною.
 Дамскіе часы 12 р. — Дамская-Реформа-цѣпочка 3 р.
 Бесплатную пересылку по указаннымъ цѣнамъ послѣ получения денегъ или наложеннымъ платежѣмъ беретъ на себя съ лишнимъ 30 лѣтъ существующая фирма часовыхъ издѣлій **ANTON RIX & BRUDER.**
 Цѣна 10 рублей съ накладнымъ механизмомъ и 8-мя крышками. Реформа-двойная цѣпочка 3 рубля.
 № 11217 WIEN, II 2 Praterstrasse Nr. 16/25. 6-2
 ОСТЕРЕЖЕНІЕ: Дѣйствительны только съ фабричною маркой J. RIX.

Содержаніе:

ТЕКСТЪ. Батистовый платокъ. Разсказъ В. Г. Авсѣнко. (Продолженіе.)—Мѣсто заточенія патріарха Никона. (Къ пятистолѣтію Ферапонтова упряденнаго монастыря.) Очеркъ И. Б-ва. — Изъ „Пѣсень о поздней веснѣ“. Стих. Аполлона Нуринскаго. — Къ рисункамъ: Кавказскій танецъ. — Петръ Великій и ефрейторъ Одинцовъ. — Деревенскій музыкантъ. — Два голубка. — Дѣдушка и внукъ. — Зрѣніе. — Столѣтній юбилей Екаторининскаго института. — А. Х. Гольмстенъ. — Погребеніе Гладстона. — Политическое обозрѣніе. — Заявленіе. — Объявленія.

РИСУНКИ. Кавказскій танецъ. Картина Масловскаго. — Петръ I и ефрейторъ Одинцовъ. Ориг. рисунокъ Н. Д. Дмитриева-Оренбургскаго. — Деревенскій музыкантъ. Ориг. рисунокъ А. Писемскаго. — Два голубка. Картина В. Юркось. — „Мѣсто заточенія патріарха Никона“: 1) Орнаментъ на паникадилѣ, пожалованномъ Ферапонтову монастырю царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ (въ 1622 г.). 2) Видъ Ферапонтова монастыря (со стороны Бородавскаго озера). 3) Кресло, сдѣланное патріархомъ Никономъ въ Ферапонтовомъ монастырѣ. 4) Внутренній видъ церкви патріарха Никона въ Ферапонтовомъ монастырѣ. — Дѣдъ и внукъ. Картина Г. Климша. — Пять чувствъ. „Зрѣніе“. Картина Ю. Адама. — Екаторининскій институтъ въ С.-Петербургѣ. — А. Х. Гольмстенъ. — Могила Гладстона въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, въ Лондонѣ. При семь прилагаются: 1) Сборникъ „Нивы“ за іюнь, содержащій въ себѣ сочиненія И. С. Тургенева, т. VI; 2) „Парижскія Моды“ за іюнь 1898 г. съ 28 рис. и отдѣльный листъ съ 32 чертень. выкроекъ въ натур. величину и 19 рис. выпильныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Маркса.

Редакторъ Р. И. Сементновскій.

ГИТАРЫ

Народныя въ 3 руб. и 5 руб.
Для любителей въ 6, 10, 15 и 20 руб.
Для артистовъ въ 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 руб.

БАЛАЛАЙКИ

Для одиночной игры въ 3¹/₂, 4, 8 и 12 руб.
Для оркестровой игры въ 6, 9, 10, 15 и 25 руб.

МАНДОЛИНЫ

въ 8, 15, 22, 30, 50, 75, 100 и 125 руб.
ЦИТРЫ въ 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 60, 80, 100, 125 и 150 руб.

Всѣ другіе музыкальные инструменты по умѣреннымъ цѣнамъ. Прейсъ-курантъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕЛО И ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.
Складъ и изданіе нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская; № 34 и 40. | Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

Новое изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ.

ОТПЕЧАТАНА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„ИНСТИНКТЬ И ПРАВЫ НАСѢКОМЫХЪ“.

Изъ энтомологическихъ воспоминаній
ФАБРА.
Съ 213 рисунками.

Переводъ съ франц. Е. И. Шевыревой. Подъ редакц. ученаго секретаря Русскаго Энтомологическаго Общества **ИВ. И. ШЕВЫРЕВА.**

Въ книгѣ Фабра, живымъ и общедоступнымъ языкомъ, излагаются многолѣтнія наблюденія автора надъ любопытными проявленіями инстинкта насѣкомыхъ. Объ интересѣ и общедоступности изложенія можно судить по статьѣ „Происхожденіе пола у насѣкомыхъ“, помѣщенной въ № 19 „Нивы“, на стр. 380—380б. Текстъ книги иллюстрированъ многочисленными рисунками изъ сочиненій наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ энтомологовъ. Книга издана очень изящно и отпечатана на лучшей бумагѣ четкимъ шрифтомъ. Большой томъ въ VIII+590 страницъ большого 8°, съ 213 рисунками. СПб. 1898 г.

Цѣна книги, переплетенной въ прочную папку съ коленкоровымъ ксершкомъ,—3 р., съ перес. 3 р. 75 к., а въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ 3 р. 75 к., съ перес. 4 р. 50 к.

Требованія и деньги просить адресовать: въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

ПИСУЩАЯ МАШИНА

РЕМИНГТОНЪ ШОЛЬ И №.

соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества и усовершенствованія, сдѣланныя разными фабриками по этой отрасли.

Эта машина удобна для правительственныхъ учреждений, канцелярій, а также частныхъ конторъ, банковъ и проч.

Прейсъ-курантъ высылается безплатно. Агентамъ выгодныя условія.

Г. ПЕТО, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, № 11278
Караванная, 16. 4-1

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА

В. № 11215
4-2

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

Фабрика
РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО

основанная въ 1811 году Спб., Владимирская, № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы
РОЯЛИ въ 1100, 900, 800, 730, 600 и 550 рублей.
ПИАНИНО въ 550, 500 и 450 р.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

Дело въ Москвѣ: Юл. Генр. Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарьина; въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугама; въ Бану: Ф. И. Шпроберъ; въ Тифлисѣ: Б. М. Мириманіанъ.

ПАМЯТЬ

лицу кажда. возр. укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 урок.) профес. мнемоникъ С. Файнштейнъ. Одессъ, уг. Пушкинско-й и Ваз. ул., собствен. доми. № 28. Услонія и 2 брош. (въ 64 стр.) высл. за одну 7-ми коп. марку.

№ 10917 50—18

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ КНИГА

ВЫИГРЫШ-

ныхъ билет. 1, 2 и 3 з. П. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. Спб., Вознесенскій пр., 37, кв. 32, Красильниковъ. 1-го мая с. г. на доказ. №№ пал. 253 выигрыша на 367¹/₂ тыс. рубл.

ПОСЛѢДНІЙ

добровольный обмѣнъ на 4% ренту 4% облигацій внутреннихъ займовъ 1887 года и 2-го, 3-го и 4-го—1891 года и выпущенныхъ въ кредитныхъ рубляхъ 4% облигацій казенныхъ жел. дорогъ.

ЗАЯВЛЕНІЯ

принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ учрежденій Банка.

КРАЙНІЙ СРОКЪ

подачи заявленій **15 Іюня 1898 года.** Подробныя условія обмѣна въ ежедневныхъ газетахъ.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ТОВАРИШЕСТВО

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

СЪ СЫНОВЬЯМИ

1896 ОБЩАЯ НАГРАДА ГОДА

НА ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

W. № 1163 18-4

К. ШЛИКЕЙЗЕНЪ

Берлинъ, S. O. Фабрика машинъ

для кирпичнаго, торфянаго, гончарнаго и известковаго производствъ

РЕКОМЕНДУЕТЪ НОВОСТИ

патентованныя во всѣхъ промышленныхъ странахъ.

Подъемныя дѣли для глины, торфа, песку, различныхъ рудъ, угля, извести, зерна и проч., удобныя для большихъ, непрерывныхъ работъ, имѣющія спокойный ходъ и не требующія большой затраты рабочей силы.

Предохранительные ременные шкивы (патент. во всѣхъ главнѣйш. промышленности государствъ). Шкивъ этотъ сохраняетъ машины, передавая двигательную силу лишь на ту, на которую его, смотря по надобности, поставятъ.

Кромѣ того имѣются: машины для изготовления кровельной черепицы всякаго рода, глиняныхъ трубъ разныхъ сортовъ; бетонныхъ надѣлъ, кирпичей, цветныхъ кирпичей, плитъ для половъ, глиняныхъ и цементныхъ, ручныя машины для кирпичей.

Далѣе имѣются дробильныя и формовочныя машины для печныхъ фабрикъ, для химической промышленности, литейныхъ, красочныхъ, клеевыхъ и мыловаренныхъ заводовъ, для техническихъ учебныхъ заведеній, испытательныхъ станцій и т. п.

Золотая государственная медаль
за Берлинскую промышл. выставку 1896 года.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенция для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (85)

НОВѢЙШЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ EDELVEISCHEN

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

Въ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи можно получить известное

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ

ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ для чистоты и бѣлизны кожи. Во избѣженіе подражаній требовать только

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ТУАЛЕТНОЕ, ВАЗЕЛИНОВОЕ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ГОЛЛЕНДЕРЪ

Разъѣзжая ул., № 13, С.-Петербургъ.

НОВОСТЬ!!!

Прелестныя карманныя металлическія часы, заводъ безъ ключа, настоящіе никельные, тщательно протренированы, на крышкѣ помѣщенъ художественно исполненный портретъ Государя Императора Николая II, къ нимъ цѣпочка новаго золота и парижскій компасъ.

за все только 5 руб.

Предлагается печатное ручательство на 4 года. Вышеупомянутыя часы высылаются немедленно и безъ задатка наложеннымъ платежомъ.

Требованія прошу адресовать въ городъ Варшаву, къ купцу І. Буззеру, Грибова ул., № 6.

Прейсъ-куррантъ высылается бесплатно.

выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи А. КОССОДО.

Конторско-коммерч. скоропись, рондо, готикъ и др. шрифты также преподаются заочно. 9-8

Методъ преміи. на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семикол. марки высыл. пробн. письмо шрифтовъ, подробн. условия и образцы заочно исправлен. почерк. Адресъ: профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ. Леривасовская д. № 19.

ВЫГРЫШ.

НОВЫЕ 1, 2 и 3 выигрываетъ БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,

59, Невскій, Спб. 12 9

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучивая въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллиновъ. За двѣ 7 коп. марки высылаю условия и пробное письмо. Одесса. Соборная площадь, д. Палуновой, кв. 40. Пр. кал. Э. Коваларск.

МИРРОЛЬ ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ ПУШКИНСКАЯ АПТЕКА СПЕТЕРБУРГЪ

ПОРШОКЪ УНИЧТОЖАЮЩІЙ ЗАПАХЪ ОТЪ ПОТА

ПРОВ. А. ГАККЕЛЯ № 9.

ИМЕЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШ. АПТЕКАХЪ

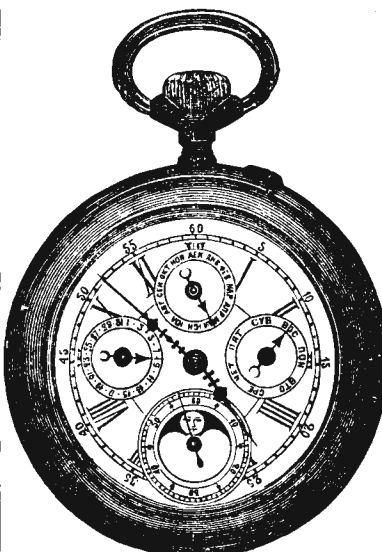
Удочки и все принадлежности для рыбной ловли известной фабрики Алькоксъ и К° (S. Alcock & Co in Bedditch) вновь получены изъ Англіи въ большомъ выборѣ въ магазинахъ С. И. ДОЙНИКОВА Спб. 1-й магазинъ — Невскій пр., Милютинъ рядъ, А. Лѣсниковой, 27-18; 2-й магазинъ — Гост. Дворъ, противъ Пажескаго корпуса, № 73 и 3-й магазинъ — Чернышевъ пер., Банковская линія, № 15. Иллюстр. пр.-кур. рыболовн. принадл. высыл. многог. бесплатно.

+

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА И КАРТОЧКИ СЪ РИСУНКАМИ ХУДОЖНИКА БАРАЗИНА, съ знакомъ „Краснаго Креста“.

Продаются въ Главномъ Управленіи Общества Краснаго Креста (Инженерная, 9), въ лучшихъ писчебумажныхъ и эстампныхъ магазинахъ, книжно-газетныхъ кіоскахъ (Г. Пташниковъ), въ Москвѣ — въ конторѣ Печковской, въ Варшавѣ и Вильнѣ — въ книжныхъ магазинахъ Г. Карбасникова.

Сборъ предназначается на постройку зданій Общины сестеръ милосердія и больницы въ память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованному способу изготовления часовъ, я имѣю возможность продавать самыя практичныя и изящныя карманныя МУЖСКИЕ ЧАСЫ черныя вороненой стали, открытыя, анкеръ 15 камн., съ вѣчнымъ календаремъ и элегантной цѣпочкой, американскаго золота chatelaine, съ брелокомъ, вмѣсто 15 и 17 руб.

только за 8 и 10 руб.

Часы эти отличаются весьма вѣрнымъ ходомъ и, кромѣ обыкновеннаго времени, автоматически показываютъ мѣсяцы, дни, число и фазы луны.

Такіе же серебряныя крытые, всѣ три крышки 84 пробы, на 4 руб. 50 коп. дороже.

ПИСЬМЕННОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО НА ШЕСТЬ ЛѢТЪ.

Высылаю по получеиіи задатка 2 р., остальное же наложеннымъ платежомъ.

А ДРЕСЪ:

Дѣтямъ на воздухъ!

Новая игрушка, вызывающая въ саду КОНЦЕРТЬ ПТИЦЕНЪ. Уроки пѣнія преподаетъ домашній птичкарь. За 35 н. поч. марк. высылаетъ каждому на дачи, въ деревни, города всей Россіи. Мастерская дѣтскихъ игръ Шайневича, СПб., Николаевская, 16. Торгоуцамъ дьяжнями уступка.

СИБИРСКІЙ СКЛАДЪ КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ

Д. А. Епанешникова
Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.

ЧЕ-СУ-ЧА.

Дамская отъ 10 до 18 р. кусокъ въ 26/23 арш.
Мужская „ 20 „ 40 р. кусокъ въ 26/23 „
Фанза „ 12 „ 50 р. кусокъ въ 21/22 „

Товаръ высылаю наложеннымъ платежомъ. Образцы бесплатно. 15-13

ЛАМПАДНЫЙ ПОПЛАВОКЪ

изобрѣтенный Ф. А. Анисимовымъ.

Патентъ заявленъ № 2737.

Новый лампадный поплавокъ съ механическ. подъемомъ — регуляторомъ фтиля, устраняетъ всѣ недостатки существующихъ нѣтъ поплавковъ. Полная опрѣтность при заправкѣ, такъ какъ не накаетъ руки. Значительная экономія масла.

Складъ поплавковъ. — С.-Петербургъ, Новый пер., № 4. Контора В. А. ИЗНОСКОВА.

Цѣна за дюжину 1 р. 80 к., торгоуцамъ и оптовымъ покупателямъ скидка.

Менѣе 1 дюжины не высылаютъ. Пересылка за счетъ покупателя.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

для устройства и перестройки ПЛАТОЧНЫХЪ И ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ

В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
W. H. Umland, Leipzig.

Испытанные аппараты. Пр.-кур. бесплатно.

Навожденіе.

Романъ изъ современной жизни Вс. Соловьева.

Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 коп.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ НОВАЯ КНИГА „НА ВЕЛОСИПЕДѢ“.

Замисли туриста (изъ Петербурга въ Нижній). соч. Л. В. Колодичева, ч. 1 р. съ рисунк. складъ у автора: Спб., Лиговка 82, кв. 7.

Новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:
ЭВОЛЮЦІЯ ОБЩИХЪ ИДЕЙ.
Т. Рибо.
Переводъ съ франц. М. Гольдсмитъ. Ц. 60 к.

Ш. ГЕЙЛЕРЪ.

Складъ женеvскихъ часовъ въ Варшавѣ.

№ 11147 Множество благодарственныхъ писемъ и отзывовъ. 10-8

XXIX г.
№ 23

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIX
1898

Выходитъ еженедѣльно 52 № въ годъ, съ приложениемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выдавъ 6 июня 1898 г.

Цена этого № 20 к., съ пер. 25 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1898 г.

Подписная цѣна годового изданія „Нивы“ со всеми приложениями на 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ полное собраніе сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ.	5 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговля линіи.	6 р. 25 к.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За границу . . .	10 р.
------------------------------	-------------------	--	-------------------	----------------------------------	-------------------	---	-------------	------------------	--------------

При семь прилагаются: 1) Сборникъ «Нивы» за ЮНЬ, содержащій въ себѣ СОЧИНЕНІЯ И. С. ТУРГЕНЕВА, т. VI; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА ЮНЬ 1898 г. съ 28 рис. и отдѣл. листъ съ 32 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 19 рис. вышивальныхъ работъ.

Кавказскій танецъ. Съ карт. Масловскаго грав. Цехомскій.

Батистовый платокъ.

Разсказъ

В. Г. Австенко.

(Продолженіе.)

VIII.

Подробный допросъ прислуги не далъ Нарѣзному никакой руководящей нити. Данилычъ рѣдко заглядывалъ въ комнаты и объ образѣ жизни Уханскаго могъ сообщить очень немного. Большого порядка въ хозяйствѣ очевидно не было. Заказанный обѣдъ часто отменялся, а иногда Уханскій просто не прѣзжалъ домой, и приходилось держать кушанья на плитѣ, пока не перегорали. Готовилось обыкновенно на двѣ или три персоны, потому что Уханскій часто оставлялъ завтракать своихъ утреннихъ посѣтителей или привозилъ кого-нибудь обѣдать. Съ неопредѣленными промежутками бывали обѣды или ужины человѣкъ на шесть, на семь; собирались мужчины, но иногда бывали и дамы. Вчерашней замаскированной посѣтительницы Данилыч не видалъ.

Его комната помѣщается за коридорчикомъ, противъ спальни. У него сонъ чуткій, легкій, всякій громкій разговоръ въ кабинетѣ онъ всегда слышитъ, по въ эту ночь рѣшительно ничего не слышалъ.

Показанія Андрюшки были немного обширнѣе. Онъ зналъ въ лицо и по имени всѣхъ постоянныхъ посѣтителей Уханскаго. Вчерашнюю даму онъ не видалъ въ лицо, такъ какъ она была въ маскѣ, но полагаетъ, что раньше она не бывала, потому что такой ротонды, какъ на ней, онъ прежде не видѣлъ. И верхніе сапожки у нея были свѣтло-сѣрые; онъ такихъ не замѣчалъ. Росту она средняя, съ тонкой таліей, платье черное шелковое, шляпки никакой не было.

— Уханскій говорилъ съ ней по-русски?—спросилъ слѣдователь.

— Нѣтъ, какъ-будто по-французски что-то сказалъ ей,—припомнилъ казачокъ.

Нарѣзный записалъ фамиліи мужчинъ, чаще другихъ бывавшихъ у Уханскаго. Дамскихъ фамилій Андрюшка не зналъ.

Всѣ эти показанія, хотя и выяснили образъ жизни Уханскаго, не могли навести слѣдователя ни на какое опредѣленное предположеніе. Преступленіе оставалось загадочнымъ.

Очевидно оно не могло быть дѣломъ случайной посѣтительницы изъ разряда маскарадныхъ искательницъ приключеній. Корыстный мотивъ отсутствовалъ совершенно. Убийство представлялось скорѣе всего результатомъ ранѣе существовавшихъ отношеній, дѣломъ ревности или мести. На этомъ предположеніи болѣе всего останавливался Нарѣзный. Могло быть также, что преступница убила Уханскаго, защищаясь отъ насилія. Но это предположеніе представлялось мало правдоподобнымъ: женщина, прѣзжавшая изъ маскарада, среди ночи, съ молодымъ человѣкомъ, въ его холостую квартиру, едва ли стала бы защищать свою честь съ кинжаломъ въ рукѣ.

А впрочемъ, развѣ не оправдываются иногда самыя неправдоподобныя съ виду догадки? Нарѣзный изъ своей практики зналъ, что часто факты дѣйствительной жизни превосходятъ все, что можетъ выдумать самая смѣлая фантазія. Но его останавливало одно обстоятельство, казавшееся необъяснимымъ: какимъ образомъ женщина, борющаяся противъ насилія, могла прибѣгнуть къ убійству, не попытавшись раньше вырваться, кричать, поднять возню, которую непременно услышали бы и Данилычъ, отличавшійся чуткимъ сномъ, и казачокъ, только дремавшій, сидя на стулѣ?

По всѣмъ признакамъ, убійство было обдуманное, разсчитанное, преступница бросилась на Уханскаго врас-

плохъ, когда онъ не ожидалъ удара. Этимъ только и можно объяснить, что все произошло безъ шума, и что рана была смертельная.

Но въ чемъ заключалась драма, гдѣ мотивъ преступления?

Нарѣзный вернулся къ своему первому предположенію: убійство было вызвано женской ревностью и местию. Ключъ къ нему могли дать бумаги Уханскаго и показанія посѣщавшихъ его лицъ.

Какъ только все, отобрапанное въ квартирѣ убитаго, было перенесено въ камеру слѣдователя, Яковъ Ильичъ зарылся по уши въ дѣло. Но ни бумаги, ни переписка Уханскаго не имѣли никакого отношенія къ катастрофѣ. Все носило дѣловой характеръ и касалось какихъ-то расчетовъ по биржевымъ операціямъ, дѣлежа какихъ-то куртажей, сношеній съ канцеляріями и правленіями. Дамскихъ записокъ сохранилось немного, и всѣ незначительнаго содержанія. Только одинъ розовый, сохранявшій запахъ духовъ, листокъ привлекъ вниманіе Нарѣзнаго. На этомъ листкѣ стояли всего двѣ строчки, написанныя быстрымъ женскимъ почеркомъ: „Прѣзжайте въ Николаевскій вокзалъ къ отходу скорого поѣзда, только не попадитесь ему на глаза“. Въмѣсто подписи стоялъ размашистый крючокъ, наподобіи французское S. Именно этотъ крючокъ и остановилъ на себѣ вниманіе Нарѣзнаго. Если онъ дѣйствительно означалъ букву S, то это тотъ самый инициалъ, которымъ помѣченъ окровавленный батистовый платокъ. Весьма естественно, что женщина, скрывавшая свои отношенія къ Уханскому, подписалась буквой имени, а не фамиліи, и притомъ такъ, чтобы эту подпись можно было принять за простой росчеркъ пера.

Нарѣзный отдѣлилъ этотъ листокъ отъ другихъ бумагъ и спряталъ его къ себѣ въ бумажникъ.

Затѣмъ онъ обратился къ своей записной книжкѣ, гдѣ были отмѣчены со словъ прислуги фамиліи и адреса лицъ, наиболѣе часто посѣщавшихъ Уханскаго. Въ этомъ спискѣ значилось нѣсколько довольно извѣстныхъ именъ, все больше изъ дѣловыхъ петербургскихъ сферъ. Нарѣзный разсудилъ, что для его специальной цѣли полезнѣе будутъ молодые люди, вращающіеся въ кругу жуировъ и маленькихъ артистокъ. Онъ выбралъ на первый разъ одного изъ нихъ, Сережу Валковскаго, и пригласилъ его къ себѣ въ камеру.

IX.

Римма Александровна Шурлова, которую мы оставили возвращающеюся къ себѣ домой послѣ кровавой катастрофы въ квартирѣ Уханскаго, подѣхала къ своему подѣзду, отпустила извозчика и сильно рванула за рукоятку звонка.

— Баринъ уже вернулся?—спросила она не скоро отворившаго ей швейцара.

— Давно ужъ вернулись,—отвѣтилъ тотъ.

Римма стала быстро подниматься по освѣщенной только снизу лѣстницѣ. Обстоятельство, что мужъ былъ дома, должно было бы смутить ее; но въ томъ состояніи духа, въ какомъ она находилась, она была неспособна замѣчать новыя впечатлѣнія. Ее всю подавляло одно воспоминаніе изъ только-что пережитой катастрофы. Это воспоминаніе сверкнуло въ ея умѣ, какъ только она сѣла на извозчика, и леденило ее чувствомъ жуткаго ужаса: ей припомнилось словно сквозь сонъ, что она обтерла запачканную кровью руку носовымъ платкомъ, и сунула этотъ платокъ въ душникъ, въ кабинетѣ убитаго.

Какъ могла она сдѣлать такую неосторожность? Въ ту ужасную минуту она очевидно не владѣла всею полнотою сознанія. Когда ея глаза остановились на дверцѣ душника, она подумала, что всего безопаснѣе сунуть платокъ туда. Но теперь она сообразила, что въ квартирѣ будутъ дѣлать обыскъ, платокъ ея непременно найдутъ, увидятъ ея мѣтку: „Р. Ш.“ и понемногу доберутся до нея. И у нея кровь стыла въ жилахъ, тогда какъ голова горѣла сухимъ, горячечнымъ жаромъ.

Но она чувствовала вмѣстѣ съ тѣмъ, что какой-то инстинктъ сохранился въ ней, и что пока онъ управляетъ ею, она ничѣмъ не выдастъ себя.

Вбѣжавъ въ переднюю, она взглянула оттуда въ боковую комнату, служившую кабинетомъ. Мужъ сидѣлъ у стола, спиною къ ней, и что-то писалъ. Римма, не раздѣваясь, проскользнула по коридору въ спальню. Тамъ она сбросила ротонду, сорвала кружевную шаль, покрывавшую голову, и, отдавъ все это на руки горничной, отпустила ее. Притворивъ за нею дверь, она подбѣжала къ зеркальному шкапу и оглядѣла себя съ головы до ногъ. Съ правой стороны около талии она замѣтила нѣсколько красноватыхъ пятенъ. Она быстро подбѣжала къ умывальному столику, намочила полотенце водою съ одеколономъ и оттерла еще не совсемъ присохшую кровь. Бросивъ полотенце въ шифоньерку, она еще разъ внимательно оглядѣла себя въ зеркало, поправила волосы, провела пуховкою по лицу, чтобъ освѣжить его, и тихонько, маленькими шагами, прошла въ кабинетъ.

Мужъ поднялъ голову и оглянулся.

Это былъ человекъ лѣтъ тридцати восьми, небольшого роста, плотный, смуглый, съ очень обыкновенными чертами лица, съ жиденькими усами и бородкой. Въ коротко остриженныхъ волосахъ его и въ бородкѣ уже значительно пробивалась сѣдина. Сѣрые съ желтыми бѣлками глаза смотрѣли болѣе серьезно, чѣмъ умно; вообще наружности его не доставало блеска. Звали его Василиемъ Петровичемъ. Онъ служилъ въ одномъ изъ министерствъ, считался дѣльнымъ работникомъ, но не предназначеннымъ для быстрой карьеры. Женился онъ лѣтъ пять тому назадъ, охранялъ, какъ неприкосновенную святыню, небольшое приданое жены и считал свой бракъ счастливѣйшимъ въ мірѣ. Римму Александровну онъ любилъ безъ памяти, видѣлъ въ ней образецъ всѣхъ добродѣтелей и вѣрилъ ей безусловно. Бездѣтность иногда немножко смущала его, но съ свойственной ему прозаичностью онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что съ дѣтми много заботъ и еще болѣе расходовъ.

Римма Александровна относилась къ нему съ никогда не измѣнявшей ей ровностью и считала его отличнѣйшимъ мужемъ. Она знала, что этотъ весьма обыкновенный человекъ принадлежитъ ей всѣмъ существомъ своимъ и готовъ отдать за нее послѣднюю каплю крови. Это не создавало любви, но въ ея отношеніяхъ къ нему существовала нѣкоторая теплота признательности, соединенная съ симпатіей, рождающейся изъ чувства собственности. Если бы между ними возникали столкновения, она конечно дала бы ему болѣе низкую оцѣнку; но такъ какъ онъ жилъ, чувствовалъ и работалъ для нея одной, то она понемножку вѣрила себѣ, что его ординарность происходитъ отъ скромности, и что онъ обладаетъ въ сущности очень глубокой натурой. — „Онъ славный, хорошій“, — думала она про себя и оскорблялась, когда видѣла, что въ кружкѣ знакомыхъ ея теплыя отношенія къ мужу принимаютъ за личину.

— Поздно засидѣлись у Бѣлецкихъ? — спросилъ Василий Петровичъ, оглянувъ жену усталымъ, но, какъ всегда, ласковымъ взглядомъ.

— Да, не отпустили безъ ужина; а у меня страшно голова болѣла, я хотѣла гораздо раньше уѣхать, — отвѣ-

тила Римма Александровна, обходя маленькими шагами письменный столъ и опускаясь въ кресло противъ мужа.

— Головная боль? Ты очень блѣдна, чрезвычайно блѣдна, — встревожился мужъ, вставая.

Онъ подошелъ къ ней, дотронулся до ея лба, до ея рукъ. Лицо его выразило заботливое безпокойство.

— У тебя положительно нездоровый видъ; что такое? — спрашивалъ онъ. — Не простудила ли ноги?

Онъ опустился на колѣни и взялъ въ руки ея крошечную ножку въ открытой туфлѣ.

— Ну, такъ и есть: ноги какъ ледъ, — продолжалъ онъ съ возрастающимъ безпокойствомъ. — Ты меня пугаешь, Римма. Боже мой, что это такое? Что это за пятна? У тебя на платьѣ кровь! — вдругъ воскликнулъ онъ, размазывая кровяные брызги на обшивкѣ юбки, которыхъ Римма Александровна не замѣтила, когда разглядывала платье передъ зеркаломъ. — Откуда кровь? Ты ушиблась?

Прозрачная блѣдность покрыла лицо молодой женщины. Ей казалось, что она сейчасъ лишится чувствъ. Но въ то же время словно какая-то волна сверхъестественнаго возбужденія пробѣжала по ея нервамъ. Она внутренно вся вздрогнула, какъ подъ ударомъ бича.

— У меня шла кровь носомъ, — отвѣтила она негромкимъ, но чистымъ, звонкимъ голосомъ, къ которому сама прислушивалась удивленно и радостно. — Это отъ головной боли. И потомъ мнѣ легче стало, головная боль почти совсемъ прошла, только слабость осталась... ужасная слабость...

X.

Римма Александровна, произнося эти слова, потянулась всѣмъ тѣломъ съ чувствомъ, похожимъ на наслажденіе. Сверхъестественная нервная игра продолжалась въ ней. Ее наполнило ощущение какого-то торжества. Вотъ она, убийца, сидитъ тутъ, въ этомъ покойномъ креслѣ, мужъ держитъ въ рукахъ шелкъ ея платья, обрызганнаго кровью только-что убитаго ею человека, и ему даже въ голову не приходитъ и не можетъ придти, какая это кровь. И пока она сохраняетъ нервный инстинктъ самообладанія, ея тайна останется непроницаемой, и она будетъ смѣяться надъ забавными усиліями проникнуть въ нее...

— Это облегчаетъ, когда кровь пойдетъ носомъ; лишь бы только не повторилось... — сказала успокоеннымъ голосомъ Василий Петровичъ.

— О, нѣтъ, не повторится... — отвѣтила со скользящей по лицу усмѣшкой Римма Александровна.

— А пятна эти, я думаю, можно оттереть мокренькимъ полотенцемъ... — добавилъ мужъ.

— Разумѣется, можно оттереть... Какъ ты сказалъ, какимъ полотенцемъ?

— Мокренькимъ...

— Ну да, мокренькимъ... какое смѣшное слово!

И Риммѣ Александровнѣ въ самомъ дѣлѣ это слово почему-то показалось смѣшнымъ, и она чуть не разсмѣялась. Но ей тотчасъ пришло въ голову: не начинается ли истерика? Она чувствовала точно какой-то клубокъ подкатывается ей къ сердцу, а это ощущение обыкновенно предшествуетъ истерическому припадку. И она сейчасъ же опять сдѣлала надъ собою нервное усиліе, чтобы вернуть свое самообладаніе.

Ей хотѣлось обмахнуть лицо носовымъ платкомъ. Рука ея машинально просунулась въ карманъ. Но тутъ воспоминаніе о брошенномъ въ душникъ платкѣ мгновенно прорѣзало ей мозгъ. Заледенѣвшіе пальцы конвульсивно сжали оставшуюся въ карманѣ пачку писемъ. Это прикосновеніе подѣйствовало на нее успокоительно. Писма здѣсь, это самое главное. Утромъ, какъ только затопятъ печи, она броситъ ихъ въ огонь, и всякій мотивъ преступленія исчезнетъ. Ну, предположимъ, тамъ, въ душникѣ, найдутъ ея платокъ. Развѣ

Петръ I и ефрейторъ Одинцовъ.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Д. Дмитриева-Оренбургскаго, грав. Мультановскій.

Деревенскій музикантъ. Ориг. рис. (собств. „Нпвы“) А. Писемнаго, грав. Хеллпцкій.

это достаточная улика? Развѣ не могутъ быть у другой женщины такіе же платки, такіе же инициалы? „Р. Ш.“ — что тутъ такого особеннаго? И, наконецъ, она очень часто теряетъ платки. И прачки тоже ихъ крадутъ, она нѣсколько разъ не досчитывалась то одного, то двухъ. Кто знаетъ, въ чьихъ рукахъ находятся эти потерянные платки?

Рука ея продолжала лежать въ карманѣ. И вдругъ она почувствовала подъ пальцами что-то мягкое, тонкое, какой-то смятый комочекъ. Онъ находился въ самой глубинѣ кармана. Римма Александровна потянула его, оцупала снова. Несомнѣнно, это былъ батистовый платокъ. Но какой, откуда? Какъ онъ попалъ сюда?

Она быстро вытащила его, развернула, взглянула на мѣтку. Это былъ ея платокъ, съ ея инициалами. Совершенно чистый, безъ малѣйшихъ слѣдовъ крови, съ невыдохшимся запахомъ ея всегдашнихъ духовъ.

Ей казалось, что происходитъ какая-то галлюцинація. Такъ ли она видитъ? Не находится ли она въ ненормальномъ состояніи?

Она протянула платокъ мужу и почти съ крикомъ спросила:

— Это мой платокъ, моя мѣтка?

Василій Петровичъ взглянулъ и отвѣтилъ не безъ недоумѣнія:

— Твой, конечно, твой.

Римма Александровна опустила платокъ на колѣни и провела руками по лбу.

— Я сегодня плохо вижу...—сказала она, закрывая глаза.

Такъ ей удобнѣе было думать и припоминать. И она что-то припоминала сперва смутно, потомъ яснѣе. Тамъ, въ маскарадѣ, что-то такое случилось съ платками. Она вынимала свой платокъ и сейчасъ же положила его назадъ въ карманъ. Потомъ къ Уханскому подошла маска, еще раньше наблюдавшая за ними; потомъ, когда она отошла, Уханскій поднялъ съ полу платокъ и подаль ей. Она въ ту минуту была очень взволнована и машинально сунула его тоже въ карманъ. Ясно, что этотъ платокъ уронила та маска. До этой минуты она не вспомнила о немъ. Тамъ, въ кабинетѣ Уханскаго, когда она почувствовала на рукѣ теплую кровь, она выпула именно этотъ чужой платокъ. Онъ лежалъ сверху и долженъ былъ попасться подъ руку. Потомъ она бросила его въ душникъ. Это не ея платокъ, и на немъ не ея, а какая-то чужая, неизвѣстная мѣтка.

Въ квартирѣ Уханскаго она не оставила ни одной улики, никакого слѣда. Полусонный казачокъ, дремавшій въ прихожей, видѣлъ ее подъ маской и не обратилъ на нее никакого вниманія. Если въ душникѣ найдутъ окровавленный платокъ, онъ только собьетъ слѣдователей съ толку. Тайна останется тайной.

Жуткая, радостная дрожь пробѣжала по тѣлу Риммы Александровны. Она быстро встала, потянулась плечами, обвела комнату загадочно-торжествующимъ взглядомъ и, слегка пошатываясь, сдѣлала нѣсколько шаговъ.

— Мнѣ надо поскорѣе въ постель, я совсѣмъ съ ногъ валюсь,—произнесла она какимъ-то балованнымъ, разнѣженнымъ голосомъ.

Въ спальнѣ она быстро раздѣлась и легла. Голова ея тяжело опрокинулась на подушки, мысли какъ будто разбѣжались, остались только образы и ощущенія. Все случившееся стояло передъ ея закрытыми глазами, какъ-то разомъ все, въ одномъ мѣстѣ, въ одно и тоже мгновеніе. Кабинетъ Уханскаго находился въ маскарадной залѣ, самъ Уханскій говорилъ ей что-то нестерпимо-подлое, она закалывала его кинжаломъ, онъ опрокидывался на диванъ и, глядя на нее уже мертвыми глазами, подавалъ ей батистовый платокъ, а она, вытирая руку, брызгала кровью на женщину въ черномъ домино.

Потомъ все разомъ исчезло, и тяжелый, мертвый сонъ охватилъ ее всю.

XI.

Римма Александровна проснулась поздно. Мужъ уже успѣлъ одѣться и пить чай въ столовой. Въ спальнѣ благодаря спущеннымъ шторамъ было почти темно. Въ углу топила печь.

Молодая женщина обвела глазами комнату, удивляясь, что могла такъ долго и такъ крѣпко спать. Но эти долгіе часы сна какъ будто не отдѣляли ее отъ событий ночи. Напротивъ, среди трезваго утренняго полусвѣта она чувствовала себя еще болѣе наполненною ужасомъ сознанія. Она какъ будто только что вышла изъ кабинета Уханскаго, и изумленный, тусклый взглядъ его мертвыхъ глазъ еще обволакивалъ ее всю. Даже рука ея какъ будто сохраняла ощущение рукоятки кинжала и теплой влажности брызнувшей на нее крови.

Римма Александровна поспѣшно встала, вынула изъ шифоньерки пачку писемъ, добытую такую страшную цѣной, бросила ее въ печь, на охваченную огнемъ груды углей, и снова нырнула подъ одѣяло. Глаза ея были неподвижно устремлены на огонь, быстро пожиравшій листки бумаги. Но она думала не о томъ. Она словно приглядывалась къ той ужасной ясности сознанія, которой не замѣчала вчера до этого сна, разогнавшаго нервное оцѣпенѣніе. И она поняла, что только сегодня, только съ минуты пробужденія, начинается ея настоящая мука...

Мужъ стукнулъ въ дверь и, не дожидаясь отвѣта, вошелъ въ комнату. Онъ былъ уже въ видмундирѣ, собравшись въ должность.

— Ну, какъ ты, Риммочка? Это хорошо, что ты такъ крѣпко спала. Вчера ты перепугала меня,—сказалъ онъ, присаживаясь къ ней на кровать.

Его лицо, простоватое, дѣловито-серьезное, выражало успокоенную радость любящаго человѣка. Онъ продолжалъ расспрашивать, уговаривалъ все-таки посовѣтоваться съ докторомъ.

И вдругъ Римма почувствовала, что у нея уже нѣтъ прежняго отношенія къ мужу. Онъ въ эту минуту былъ почти ненавистенъ ей, мучительно ненавистенъ. Вѣдь онъ въ сущности виноватъ во всемъ. Ради него она въ теченіе цѣлаго года боролась со своимъ увлеченіемъ, выдерживала эту страшную борьбу съ Уханскимъ, ломала себя; и потомъ, когда она почувствовала себя въ рукахъ этого ни передъ чѣмъ не останавливающагося наглеца, развѣ она страдала не изъ-за мужа, развѣ не страхъ за его спокойствіе, за его довѣріе, за его честь давилъ и мозжилъ ее до такой степени, что она дрожала и терзалась каждую минуту жизни? А событіе сегодняшней ночи? Развѣ не потому она поѣхала въ маскарадъ, что сознавала необходимость выйти такъ или иначе изъ этого невыносимаго положенія, вернуть спокойствіе въ свою семейную жизнь? И все для него, для него...

Воображеніе Риммы опять съ содроганіемъ останавливалось на томъ страшномъ мгновеніи, когда Уханскій съ силою потянулъ ее къ себѣ, и ей казалось, что ей нѣтъ спасенія, что она безвозвратно въ его власти. Отчего она вся воспрянула съ такой страшной энергіей, и ея рука, сжимавшая кинжалъ, съ такой печеловѣческой силой ударила Уханскаго? Вѣдь и въ эту ужасную минуту она думала о немъ, о томъ, что должна защитить его, спасти какую бы то ни было цѣною его любовь, его вѣру...

И вотъ теперь, когда цѣна была заплачена, когда все было спасено, когда она купила его спокойствіе своими новыми, еще болѣе страшными терзаніями,—она задавала себѣ вопросъ: стоилъ ли онъ такихъ жертвъ, и не было ли съ его стороны необъятнымъ преступленіемъ—сдѣлаться безсознательнымъ виновникомъ всѣхъ этихъ мукъ и терзаній?

Нѣтъ, онъ конечно не виноватъ ни въ чемъ. Но Римма чувствовала, что ненавидитъ въ немъ причину всего случившагося, ненавидитъ его любовь, его доброкачественность, его способность просто и беззавѣтно отдаться глубокому, вѣчному чувству...

Слѣдовательно, она убила человѣка ради другого, котораго непавидитъ? Это было такъ чудовищно, что Римма вся похолодѣла...

Между нею и мужемъ длилось молчаніе. Василій Петровичъ сталъ съ безпокойствомъ всматриваться въ открытые и не глядѣвшіе на него глаза молодой женщины: ихъ выраженіе было такъ странно, что ему дѣлалось безсознательно-жутко.

— А знаешь, я не шутя совѣтовалъ бы тебѣ пригласить доктора, — заговорилъ онъ, заботливо беря ея протянутую на одѣялѣ руку. — У тебя еще не прошла вчерашняя слабость. Можетъ-быть, это начало какой-нибудь болѣзни, — такъ лучше пораньше захватить.

— Я посмотрю, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ позову доктора, — сказала, чтобъ отдѣлаться, Римма. — Тебѣ пора въ должность?

— Да, сейчасъ иду.

Василій Петровичъ нагнулся къ ея рукѣ и сталъ цѣловать ее. Это была та самая рука, съ которой она вчера отирала кровавыя пятна. Первымъ движеніемъ Риммы было отнять ее, но она удержалась. И ей даже нравилось думать, что его губы касаются какъ разъ того мѣста на рукѣ, куда брызнула горячая кровь изъ раны убитаго. Ей казалось, что эти поцѣлуи дѣлаютъ его прикосновеннымъ къ преступленію, ея сообщникомъ. Да развѣ онъ и не былъ сообщникомъ — онъ, безсознательная причина всего случившагося?

По уходѣ мужа Римма Александровна встала и медленно занялась туалетомъ. Она заранѣе предвидѣла, что день будетъ типично нескончаемо долго. Увидавъ газеты, она бросилась-было къ нимъ, но тотчасъ сообразила, что о происшествіи нынѣшней ночи сегодня еще ничего не можетъ быть въ печати. Все это явится только въ завтрашнихъ листкахъ. Но страшная новость съ утра уже начала распространяться по городу, о ней уже толкуютъ. А тамъ, въ квартирѣ Уханскаго, идетъ слѣдствіе, толпится масса народу. По сосѣднимъ дворничкимамъ, по булочнымъ, по мелочнымъ лавочкамъ уже затрещали съ разсвѣта. Кухарки, горничныя, какія-то всюду шлюющіяся старушонки обступили подъѣздъ, толкаются на узкой панели; ихъ отгоняютъ.

Римма Александровна опустила въ кресло и закрыла глаза. Кабинетъ Уханскаго и все, что тамъ теперь должно происходить, представилось ей съ потрясающею отчетливостью.

ХІІ.

Василій Петровичъ, вернувшись къ обѣду, быстро обратился къ женѣ со словами:

— Ты еще не слышала новость? Сегодня ночью ужасное происшествіе случилось, и знаешь съ кѣмъ? Съ Уханскимъ; его нашли поутру заколотымъ кинжаломъ. Еще неизвѣстно, самъ ли онъ закололся, или его убили.

Римма Александровна была приготовлена къ этому извѣстію. Она сдѣлала движеніе впередъ и широко раскрыла глаза.

— Уханскій? Анатолій Викторовичъ? Боже мой! — воскликнула она. — И гдѣ же это? Гдѣ-нибудь въ ресторанѣ?

— У себя на квартирѣ, — отвѣтилъ Шурловъ. — Онъ вернулся домой поздно ночью изъ какого-то маскарада, и не одинъ, а съ замаскированной дамой. Что между ними происходило, неизвѣстно, такъ какъ прислуга не входила въ кабинетъ и не слышала ни криковъ, ни громкаго разговора. А поутру выходныя двери оказались незапертыми, и Уханскій — мертвымъ, у себя

на диванѣ. Въ погахъ валялся маленькій окровавленный кинжалъ. Рана была нанесена необыкновенно искусно, въ самое сердце.

— Какой ужасъ! — всплеснула руками Римма Александровна. — Вѣдь совсѣмъ молодой человѣкъ, и такой красивый, ловкій...

— Ты вѣдь хорошо помнишь его? Онъ еще недавно былъ у насъ, — продолжалъ Василій Петровичъ, которому хотѣлось поскорѣе рассказать все, что онъ зналъ о событіи. — У насъ въ департаментѣ сегодня только и говорили объ этомъ. Его весь Петербургъ зналъ. Нашли его во фракѣ, съ бѣлымъ галстукомъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ уѣхалъ въ маскарадъ. Деньги и цѣнности все цѣлы, никакого грабежа не было. Очень романтическое дѣло.

— Но подозрѣваютъ конечно эту замаскированную даму, которая съ нимъ пріѣхала? — спросила Римма.

— Разумѣется. По-моему и сомнѣнія никакого не можетъ быть, — отвѣтилъ Василій Петровичъ. — Уханскій велъ безпутную жизнь, знакомился чортъ знаетъ съ какими женщинами и вотъ и наказанъ за свое безпутство.

Римма Александровна сдѣлала два шага и спокойно опустилась на маленькую кушетку, на которой не было мѣста двоимъ.

— Я увѣрена, что ты ошибаешься, — сказала она: — эта замаскированная дама была вовсе не изъ такихъ женщинъ.

— Почему ты думаешь? — спросилъ мужъ.

— Потому что изъ квартиры Уханскаго ничего не похищено, — отвѣтила Римма, глядя ему прямо въ глаза. — То-есть, не похищено ничего цѣннаго; но можетъ-быть унесено что-нибудь другое: письма порядочной женщины, на примѣръ...

— Ты думаешь, что тутъ романтическая интрига? — заинтересовался Шурловъ.

— Почему же нѣтъ? У Уханскаго, я слышала, были романы. И почему имъ не быть? Вѣдь онъ былъ очень красивъ, вы согласны съ этимъ? Порядочная женщина могла имъ увлечься, вы допускаете это?

Василій Петровичъ посмотрѣлъ на жену, приподнявъ брови. Ему слышалось что-то странное въ ея тонѣ и въ этомъ „вы“, котораго они никогда не употребляли въ разговорахъ между собою.

— Красивъ онъ былъ бесспорно, — отвѣтилъ онъ: — но порядочныя женщины едва ли увлекаются такой красотой. Подобные мужчины нравятся кокеткамъ.

— Вы думаете? — протянула Римма съ едва замѣтной ироніей. — Мужчины впрочемъ не могутъ судить въ этомъ случаѣ другъ о другѣ. Но почему же эта презрѣнная женщина — вѣдь вы назвали ее презрѣнною женщиной, кажется? — почему она не воспользовалась деньгами? Вѣдь при Уханскомъ былъ бумажникъ, были ключи отъ письменнаго стола...

— Были, да, и все найдено въ порядкѣ, — отвѣтилъ Шурловъ. — Но преступница могла растеряться, испугаться, могла слышать шаги прислуги и убѣжать.

— Прислуга спала, — вы сами сказали. Если бъ убійца испугалась, то, убѣжавъ на тротуаръ, она стала бы заглядывать въ окна и, убѣдившись, что въ нихъ не появляется свѣтъ, непременно вернулась бы. Нельзя убить человѣка и убѣжать съ пустыми руками.

— У тебя, однако, большая сила воображенія, — усмѣхнулся Шурловъ. — Ты замѣчательно вѣрно представляешь квартиру Уханскаго, хотя не знаешь ея. Онъ дѣйствительно жилъ въ первомъ этажѣ, на улицу, и къ нему велъ особый подъѣздъ, безъ швейцара. Я сейчасъ заѣхалъ туда, чтобъ узнать подробности, но квартира заперта, и туда никого не выпускаютъ.

Римма Александровна опустила голову на спинку кушетки и полузакрyla глаза. Какая-то волна подхватила ее, и она безсознательно отдалась ей на волю,

не умѣя и не желая сопротивляться, наслаждаясь и страдая какою-то жуткою нервною игрою, походившею на одурь...

— Если бь слѣдствіе по этому дѣлу пошло въ мои руки, — продолжала она: — я составила бы себѣ такое представленіе. Уханскимъ увлеклась порядочная женщина. Такъ какъ онъ былъ негодий — вѣдь онъ былъ негодий, я знаю—то, пользуясь ея письмами, захотѣлъ показать ей, что она совершенно въ его рукахъ. Онъ ежеминутно угрожалъ ей скандаломъ, дергалъ за цѣпи, которыя она чувствовала на себѣ, и наконецъ довелъ ее до такого положенія, что ей оставалось одно изъ двухъ: или погубить себя или убить его... И вотъ, встрѣтившись съ нимъ въ маскарадѣ—можетъ-быть, онъ самъ и вызвалъ ее туда—она согласилась на его требованіе поѣхать съ нимъ къ нему. Она думала въ послѣдній разъ объяснитьсь съ нимъ, убѣдить его, что не боится угрозы, что скорѣе убьетъ себя или его, чѣмъ уступить ему...

— А-а, ты предполагаешь, что она еще не уступала ему? — спросилъ заинтересованный разсказомъ Василій Петровичъ.

— Да, я такъ предполагаю, — отозвалась вскользь Римма Александровна и продолжала, подчиняясь все болѣе охватывавшему ее нервному волненію.—И вотъ, она входитъ въ его кабинетъ, и глаза ея сразу останавливаются на маленькомъ, блестящемъ кинжалѣ, лежащемъ на его письменномъ столѣ. Зналъ, что отъ Уханскаго можно ожидать всего, даже насилія, она схватываетъ этотъ кинжалъ и не выпускаетъ его изъ рукъ во все время завязавшагося между ними объясненія. Вся наглость, вся дьявольская безжалостность Уханскаго выразилась при этомъ объясненіи. Вмѣсто того, чтобъ упасть на колѣни передъ этой женщиной, защищавшей свою честь, свое семейное счастье, вмѣсто того, чтобъ возвратитъ ей ея неосторожныя строки, вырванныя у нея дьявольскою хитростью, онъ бросается на нее, какъ на готовую жертву своего безпутства. Тогда она, обезумѣвшая, видѣ себя, поднимаетъ руку со стиснутымъ въ ней кинжаломъ, и съ нечеловѣческой силой ударяетъ его въ грудь...

Римма подняла руку, выпрямилась, но въ ту же минуту опрокинулась на кушетку, словно подстрѣленная. Глаза ея были закрыты. Глубокій обморокъ внезапно овладѣлъ ею къ ужасу растерявшагося Василя Петровича.

ХІІІ.

Между тѣмъ, слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Уханскаго подвигалось, хотя не давало никакихъ положительныхъ результатовъ. Нарѣзанный не сомнѣвался, что онъ стоитъ на вѣрной дорогѣ. Показанія нѣсколькихъ вызванныхъ имъ лицъ изъ числа дѣловыхъ и свѣтскихъ знакомыхъ Уханскаго обрисовали кое-что изъ интимной жизни убитаго. Всѣ они знали Уханскаго, какъ отчаяннаго спекулянта и жуира. Ему везло, онъ не нуждался въ деньгахъ, не любилъ себѣ ни въ чемъ отказывать, и такъ какъ дѣла его не требовали усидчивыхъ кабинетныхъ занятій, то онъ посвящалъ свои досуги женщинамъ. Женщинъ онъ любилъ всякихъ, и въ душѣ ко всѣмъ относился одинаково цинично. Красивая наружность и доходившая до наглости смѣлость обезпечивали ему многочисленные успѣхи. У него были романы во всѣхъ кругахъ общества. Онъ не разсказывалъ о своихъ побѣдахъ, но не былъ всегда достаточно остороженъ, и потому тайна его похождениямъ плохо охранялась.

Наиболѣе значенія имѣли показанія Сережи Валковскаго, молодого человѣка, вращавшагося въ тѣхъ же самыхъ кругахъ, какъ и Уханскій. Онъ зналъ нѣсколькихъ женщинъ, съ которыми у покойнаго были болѣе или менѣе непродолжительные романы. Серьез-

ной связью Валковскій считалъ только одну, закончившуюся года два назадъ смертью героини—весьма подозрительною смертью, о которой тогда много говорили въ городѣ, приписывая ее самоубійству.

Нарѣзанный, выслушавъ Валковскаго, поставилъ ему прямо вопросъ: знаетъ ли онъ женщину, которая въ слѣдствіе романтическихъ отношеній къ Уханскому могла бы покуситься на убійство?

Валковскій сразу сдѣлался серьезенъ и, подумавъ, отвѣтилъ, что такой женщины не знаетъ, но допускаетъ возможность факта.

Возможность факта Нарѣзанный самъ допускалъ, и потому отвѣтъ Валковскаго не удовлетворилъ его.

— Въ самое послѣднее время Уханскій ухаживалъ за кѣмъ-нибудь особенно настойчиво?—перемѣнилъ онъ вопросъ.

Валковскій пожалъ плечами.

— Онъ, кажется, никогда не сосредоточивался, — отвѣтилъ онъ, усмѣхнувшись.—Иногда онъ устранялъ маленькіе обѣды или ужины, и на нихъ предсѣдательствовала которая-нибудь изъ его пріятельницъ. Въ послѣдній разъ это была, кажется, опереточная актриса...

— Такихъ пріятельницъ Уханскаго и могъ бы самъ назвать вамъ, — перебилъ Нарѣзанный. — Я интересуюсь отношеніями болѣе романческаго характера, въ другомъ кругу общества.

— Романческаго характера? — повторилъ Валковскій.—Но покойный Анатолій Викторовичъ самъ былъ человѣкъ вовсе не романческаго характера. Онъ смотрѣлъ на женщинъ немножко легкомысленно, какъ и всѣ мы... Впрочемъ, я припоминаю, что нѣсколько времени назадъ у меня мельгало подозрѣніе... относительно одной очень милой женщины, замужней, весьма интересной. Между ними несомнѣнно существовалъ флертъ, и такъ какъ Уханскій былъ очень рѣшителенъ съ женщинами и не любилъ останавливаться на полдорогѣ...

— Вы считали его способнымъ добиваться побѣды наглостью или хитростью?—опять прервалъ Нарѣзанный.

— Я думаю, что онъ не отличался щепетильностью, — усмѣхнулся Валковскій.

— Можете вы назвать фамилію этой дамы? — спросилъ Нарѣзанный.

Валковскій нѣсколько задумался.

— Я обязанъ или не обязанъ? Вѣдь это тайна женщины, и притомъ я основываюсь на однихъ предположеніяхъ,—замѣтилъ онъ.

— Скажите пока первую букву ея фамиліи,—потребовалъ слѣдователь.

— Первая буква—Л.

— А ея имя?

— Софья.

Яковъ Пльичъ внутренно вздрогнулъ, но сохранилъ совершенно спокойный видъ.

— Вы лично знакомы съ нею?—спросилъ онъ.

— Да, немножко...

— Вы были въ маскарадѣ въ ночь, когда былъ убитъ Уханскій?

— Былъ, не очень долго.

— Узнали вы тамъ эту даму?

— Не могу вамъ сказать навѣрное. Кажется, что она была. По крайней мѣрѣ была одна маска, очень похожая на нее. Я обратилъ на нее вниманіе, потому что она спросила меня, не видалъ ли я Уханскаго въ курительной залѣ, и не уѣхалъ ли онъ совсѣмъ.

— Вамъ показалось, что она разыскиваетъ его?

— Да, она очевидно ждала его.

— Вы замѣтили, что она имѣетъ взволнованный видъ?

— Немножко было на то похоже.

— Но затѣмъ вы не видѣли, какъ она встрѣтилась съ Уханскимъ?

— Не видалъ. Я потерялъ Уханскаго изъ виду въ самомъ началѣ маскарада.

Итальянская художественная выставка въ Петербургѣ. „Два голубка“.
Съ карт. В. Морносъ, по фот. Бр. Карбини автотипія „Нивы“.

- Уханскій былъ одинъ?
- Онъ сидѣлъ съ какой-то маской.
- Совершенно вамъ неизвѣстной?
- Совершенно неизвѣстной.

Нарѣзный помолчалъ. Его воображеніе сыщика работало съ быстротой. Очевидно, эта неизвѣстная маска послужила предметомъ ревности той, которую звали Софьей Л. Последняя разыскала Уханскаго, уѣхала съ нимъ, и тутъ между ними произошла ссора, окончившаяся ударомъ кинжала.

— Вы знаете почеркъ дамы, фамилія которой начнется на букву Л?—вдругъ спросилъ онъ.

Валковскій поколебался. Не лучше ли отвѣтить отрицательно? Но его уже увлекало собственное любопытство.

— Знаю, — сказалъ онъ: — я получалъ ея приглашенія.

Нарѣзный раскрылъ бумажникъ и вынулъ оттуда маленькій почтовый листокъ, отложенный имъ при разборкѣ бумагъ Уханскаго.

— Замѣчаете сходство?—спросилъ онъ, указывая на двѣ строчки съ росчеркомъ, похожимъ на букву S.

Валковскій внимательно прочиталъ записку. Сходство почерка было полное. Но онъ предпочелъ дать уклончивый отвѣтъ.

— Женскіе почерки часто похожи одинъ на другой,

потому что они безхарактерны, — сказалъ онъ, пожимая плечами.

— Стало-быть, сходство есть?

— Мнѣ кажется; но я не экспертъ.

Нарѣзный подошелъ къ нему близко, и сказалъ, взглянувъ на него въ упоръ своими пронизывающими глазами:

— Теперь я требую, чтобъ вы назвали женщину, о которой идетъ рѣчь. Въ противномъ случаѣ вы можете оказаться укрывателемъ преступленія.

Валковскій поблѣднѣлъ.

— Какъ? Вы подозреваете.. въ убійствѣ Уханскаго? Но это лишено всякаго вѣроятія... — проговорилъ онъ вздрагивающимъ голосомъ.

— Назовите фамилію, званіе и адресъ, — настаивалъ Нарѣзный. — Ваша неумѣстная скромность ни къ чему не приведетъ, потому что указаній собрано уже очень много, и сегодня же имя этой особы будетъ извѣстно. А такъ какъ вы можете предупредить ее, то я имѣю право распорядиться ея арестомъ.

Валковскій совсѣмъ растерялся.

— Извольте, я скажу: Софья Михайловна Лопачинская, — проговорилъ онъ поблѣвшими губами.

Нарѣзный записалъ, задалъ свидѣтелю еще нѣсколько вопросовъ и наконецъ отпустилъ его.

(Продолженіе будетъ.)

Мѣсто заточенія патріарха Никона.

(Къ пятисотлѣтію Өерапонтова упраздненнаго монастыря.)

Очеркъ И. Б.—ва.

Съ 4 рисунками.

Въ обители Өерапонтовой... невольно встрѣчаетъ и провожаетъ насъ память о Никонѣ, бывшемъ патріархѣ, потому что онъ ее прославилъ долгимъ своимъ заточеніемъ.
А. Н. Муравьевъ.

Величавый образъ патріарха

Никона еще съ дѣтства знакомъ веѣмъ изъ уроковъ русской

исторіи. Его замѣчательная жизнь и

трагическая судьба всегда будутъ полны

глубокаго интереса какъ для ученыхъ историковъ,

такъ и для всѣхъ образованныхъ читателей. На страницахъ *Нивы* не разъ уже

появлялись историческія замѣтки и иллюстраціи,

знакомившія читателей съ разными эпизодами

изъ жизни знаменитаго патріарха. 27 мая

настоящаго года исполнилось пятьсотъ лѣтъ со

времени основанія Өерапонтова Бѣлозерскаго

монастыря—той самой обители, въ которой Нико

ноу суждено было провести въ ссылкѣ и за

точеніи послѣдніе годы своей многогрудной,

полной превратностей, жизни. Этотъ заброшен

ный на сѣверѣ и ровно сто лѣтъ тому назадъ

упраздненный монастырекъ почти совсѣмъ неиз

вѣстна для читающей публики, и мы пользуемся

настоящимъ случаемъ, чтобы познакомить на

шихъ читателей съ прошлымъ и настоящимъ

забытой исторической обители.

Өерапонтовъ Богородице - Рождественскій

Мартиніановъ нынѣ упраздненный монастырь

находится въ Новгородской губерніи, въ 17 верстахъ отъ уѣзда

наго города Кириллова. Онъ основанъ былъ немого времени

спустя послѣ известнаго Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ

прошломъ году праздновавшаго пятисотлѣтній юбилей. Осно

ватель его преподобный Өерапонтъ (въ мѣстѣ Өеодоръ), родомъ

изъ боярскихъ дѣтей города Волоколамска, съ раннихъ лѣтъ

постригся въ Симоновъ монастырь и долго жилъ тамъ. Когда

преп. Кириллъ Бѣлозерскій, живя въ Симоновѣ, услышалъ

чудесный голосъ, повелѣвавшій ему идти для подвиговъ на

Бѣлоозеро, то онъ пригласилъ съ собою Өерапонта, которому

раньше случалось бывать въ бѣлозерскомъ краю. Вмѣстѣ съ

преп. Кирилломъ Өерапонтъ поселился сначала на холмѣ на

берегу Сиверскаго озера, гдѣ стоятъ теперь Кирилло-Бѣлозер

скій монастырь, но вскорѣ, стремясь къ полному уединенію,

удалился отсюда на 17 верстъ къ сѣверо-востоку и основалъ

свою обитель на живописномъ мѣстѣ между двумя озерами

Бородавскимъ и Насскимъ. Но онъ не успѣлъ окончить устрой

ства этой обители, такъ какъ былъ вызванъ отсюда княземъ

Андреемъ Дмитриевичемъ Можайскимъ и по просьбѣ послѣд

няго устроилъ другую обитель близъ Можайска, получившую

название Лужецкаго Өерапонтова монастыря, гдѣ и жилъ до

самой смерти († 27-го мая 1426 года).

Преемникомъ пр. Өерапонта по устройству основанной имъ

бѣлозерской обители былъ пр. Мартиніанъ (въ мѣстѣ Михаилъ),

происходившій изъ селенія Березники Вологодскаго уѣзда, въ

70 верстахъ отъ Өерапонтова. Еще въ дѣтствѣ онъ приведенъ

былъ родственниками къ пр. Кириллу, который обучилъ его

грамотѣ и книгамъ, постригъ въ монашество и сдѣлалъ своимъ

приближеннымъ ученикомъ. По смерти своего наставника

(† 1427 г.), пр. Мартиніанъ удалился изъ Кирилловой обители

на озеро Воже, въ 100 верстахъ отъ нея, и тамъ на островѣ

основалъ свою несуществующую уже теперь общину для

церковью Преображенія. Отсюда онъ приглашенъ былъ иноками

Өерапонтова монастыря и по ихъ просьбѣ завилъ у нихъ мѣ

сто игумена. Двадцать лѣтъ игуменствовалъ пр. Мартиніанъ

въ Өерапонтовѣ монастырѣ и такъ много сдѣлалъ для его

устройства, что по справедливости можетъ считаться его вто

рымъ основателемъ. Во время борьбы князя Василія Василье

вича Темнаго съ племянникомъ его Шемякой, который за

владѣлъ московскимъ престоломъ, ослѣпивъ своего дядю и

сославъ его сперва въ Угличъ, а потомъ въ Вологду, пр. Мар

тиніанъ ободрялъ пришедшаго къ нему князя и благословлялъ

его на походъ противъ узурпатора. Утвердившись оныя на

московскомъ престолѣ, великій князь вызвалъ къ себѣ преп.

Мартиніана и сдѣлалъ его игуменомъ Троицко-Сергіева мо

настыря. Здѣсь игуменъ Мартиніанъ пользовался всеобщимъ

уваженіемъ со стороны князя и бояръ. Извѣстенъ случай,

когда онъ смѣло обличилъ великаго князя, который вопреки

данному слову заковалъ и бросилъ въ тюрьму провинившагося

предъ нимъ боярина. Пробывъ 8 лѣтъ игуменомъ Сергіевой

лавы, пр. Мартиніанъ пожелалъ удалиться на покой въ Өе

рапонтовъ монастырь, гдѣ жилъ еще около двадцати лѣтъ въ

трудахъ и заботахъ объ его устройствѣ. Онъ скончался 12-го

января 1484 года въ глубокой старости, проведя въ иноче

ствѣ 70 лѣтъ.

Изъ учениковъ его, жившихъ и скончавшихся въ Өерапон

товѣ, известны блаженный Галактіонъ и архіепископъ Ростов

скій Іоасафъ (въ мѣстѣ князь Исаакъ Михайловичъ Оболен

скій). Въ Өерапонтовѣ жилъ и принялъ постриженіе другъ

Іоасафа пр. Іоасафъ Грекъ, прѣхавшій въ Россію изъ Рима

по порученію папы Сикста IV въ свѣтѣ принцессы Софьи

Палеологъ, невѣсты великаго князя Ивана III. Около того

же времени въ Өерапонтовѣ жилъ и скончался въ отлученіи

отъ церкви Спиридонъ, митрополитъ кievскій и всея Руси

(† 1503 г.).

Еще при жизни своихъ преподобныхъ основателей Өе

рапонтовъ монастырь пользовался вниманіемъ князей, особенно

можайскихъ, къ вотчинѣ которыхъ принадлежало Бѣлоозеро.

И въ послѣдующее время, благодаря отчасти соседству съ

Орнаментъ на паникадилѣ, пожалованномъ Өерапонтову монастырю царемъ Михаиломъ Өеодоровичемъ (въ 1622 г.). Въ 1/4 натуральной величины.

знаменитой Кирилло-Бѣлозерской обители, Ѳерапонтовъ монастырь не былъ забытъ князьями и государями, которые не разъ дѣлали ему вклады, земли и уварью, и давали разныя льготы и жалованныя грамоты. Пріѣзжая на богомолѣ въ Кирилловъ монастырь, князья не мпновали сосѣдней Ѳерапонтовой обители. Такъ, кромѣ кн. Василія Васильевича Темнаго, былъ въ Ѳерапонтовѣ кн. Василій Ивановичъ, отецъ Грознаго. Самъ Грозный посѣтилъ Ѳерапонтовъ монастырь два раза: въ 1545 и въ 1553 гг. и часто посылалъ ему щедрыя милостыни: то въ поминъ души царицы Анастасіи, то царевича Ивана, „семидесяти человекъ опальныхъ, побѣнныхъ“ и пр. Его пожертвованія достигали иногда очень крупныхъ размѣровъ: однажды онъ послалъ въ монастырь шелковыхъ и парчевыхъ матерій, золотой посуды и 2,000 рублей денегъ.

Въ смутное время Ѳерапонтовъ монастырь не избѣжалъ общей участи многихъ русскихъ обителей, и въ 1614 году былъ разграбленъ шайкою казаковъ и литовцевъ, которые послѣ неудачной осады Кириллова монастыря зашлись грабежомъ его окрестностей. Грабители унесли бархатный покровъ съ раки пр. Мартиніана, подвергли церкви поруганью и замучили до смерти многихъ окрестныхъ жителей.

Во второй половинѣ XVII вѣка Ѳерапонтову монастырю суждено было сдѣлаться мѣстомъ ссылки патриарха Никона. Такъ какъ десятилѣтнее пребываніе въ Ѳерапонтовѣ знаменитаго заточника послужило главной причиной извѣстности для этой скромной обители, то не лишнее будетъ по поводу Ѳерапонтовскаго юбилея остановить вниманіе читателей на обстоятельствахъ жизни патриарха Никона въ ссылкѣ и заточеніи.

Какъ извѣстно, московскій соборъ 1666 года осудилъ патриарха Никона и приговорилъ его къ лишенію сана и заточенію въ одномъ изъ дальнихъ монастырей до конца жизни. Мѣстомъ ссылки былъ избранъ Ѳерапонтовъ монастырь на Бѣлозерѣ. Этотъ соборный приговоръ былъ объявленъ Никону 12-го декабря 1666 года, и тогда же въ присутствіи двухъ восточныхъ патриарховъ и другихъ членовъ собора произошла извѣстная сцена снятія съ Никона знаменъ патриаршаго достоинства. На другой же день рано утромъ опальнаго патриарха успѣли отправить изъ Москвы тайкомъ отъ народа, который толпами сбѣгался въ Кремль провожать любимаго пастыря. Пока стрѣльцовъ съ закованными фитилями сопровождалъ поѣздъ Никона до самой черты города. Дальнѣйшій путь Никонъ совершалъ подъ конвоемъ сотника съ небольшимъ отрядомъ стрѣльцовъ. Съ нимъ ѣхалъ еще представленный къ нему архимандритъ и нѣсколько человекъ его монаховъ, пожелавшихъ раздѣлить съ нимъ заточеніе. Во все время путешествія стрѣльцы никого не пускали близко къ опальному патриарху и побоями разгоняли выбѣгавшій навстрѣчу народъ. Быстро мчали Никона запряженныя въ его возокъ царскія лошади. По плохимъ, ухабистымъ дорогамъ, ѣзда была не особенно пріятной: сани не разъ опрокидывались, и однажды Никонъ сильно ушибся о стоявшее близъ дороги дерево.

21-го декабря, утромъ, на разсвѣтѣ, патриархъ Никонъ, памученный утомительнымъ путешествіемъ, страдалъ отъ полученныхъ въ дорогѣ ушибовъ, прибылъ въ Ѳерапонтовъ монастырь. Незадолго передъ тѣмъ Ѳерапонтовъ былъ опустошенъ пожаромъ, и бывшего патриарха, за неимѣніемъ другихъ помѣщений, пришлось помѣстить въ большіе кельяхъ, „смрадныхъ и закопѣлыхъ, еже рещи неудобно“.

Заточеніе Никона было вначалѣ очень строгое. Ему вккуда не позволяли выходить изъ своей кельи, а равно и къ нему не пускали никого изъ постороннихъ лицъ; у дверей его и оконъ, закованныхъ желѣзными рѣшетками, день и ночь стоялъ стрѣлцкій караулъ; болыная дорога, проходившая на Каргополь мимо монастыря, была отведена по приказанію пристава на другое мѣсто, чтобы посторонніе люди не ходили вблизи кельи Никона. Для живой натуры Никона, привыкшаго къ подвижной кипучей дѣятельности, такое заключеніе должно было казаться невыносимымъ. Нѣсколько разъ онъ обращался къ царю съ письмами, жалуюсь на стѣсненія отъ приставовъ и на свое бѣдственное положеніе. Въ этихъ письмахъ онъ продолжалъ называть себя патриархомъ и грозилъ царю судомъ Божиимъ, отказывая ему въ благословеніи, доколѣ не освободитъ его изъ ссылки.

Царь Алексѣй Михайловичъ не оставался равнодушнымъ къ судьбѣ бывшего „собиннаго друга“, повидимому онъ и самъ считалъ его изложеніе незаконнымъ, такъ какъ называлъ его святымъ и великимъ отцомъ и просилъ его благословенія. Пристанемъ данъ словесный наказъ склонить Никона къ примиренію съ царемъ. Не видя, однако, надежды на освобожденіе, Никонъ сурово отклонялъ предложенія примириться съ царемъ и даже не принималъ царскихъ подарковъ. Только въ Пасху 1668 года онъ велѣлъ подать раньше присланное царемъ вино и торжественно провозгласилъ здоровье государя. Это заявленіе о примиреніи съ царемъ не замедлило отразиться на положеніи опальнаго патриарха. Съ 1668 года его помѣстили въ новыя кельяхъ, выстроенныхъ недалеко отъ больницы. Для него отведена была особая церковь на св. воротахъ; всѣ нужные припасы велѣно было доставлять изъ Кириллова мо-

настыря по требованію пристава, которому было приказано удовлетворять всѣ нужды бывшего патриарха. Къ Никону стали допускать теперь лишь постороннихъ, пріѣзжавшихъ къ нему изъ разныхъ мѣстъ за благословеніемъ и привозившихъ подарки и деньги. Въ окрестномъ населеніи начали уже думать, что Никонъ будетъ возвращенъ изъ ссылки на патриаршество. Самъ Никонъ всегда называлъ себя патриархомъ и выражалъ протестъ противъ своего изложенія при всякомъ удобномъ случаѣ. Между прочимъ, онъ ставилъ при дорогахъ около Ѳерапонтова деревянныя кресты съ надписями, въ которыхъ называлъ себя патриархомъ, заточеннымъ въ Ѳерапонтовъ „за слово Божіе и св. церковь“. Подобныя же надписи были сдѣланы на сосудахъ и прочей келейной утвари Никона, но онѣ впоследствии были уничтожены по указу патриарха Іоакима. Сохранилась до нашего времени только одна такая надпись на креслѣ Никона, которое находится въ ризницѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Это замѣчательное кресло (рис. на стр. 455) отличается большими размѣрами и простотою отдѣлки. Ручки его снимаются, и снизу на нихъ можно видѣть четко вырѣзанную славянскую вязью надпись: „7176 (1668) марта 12 дня сій стулъ здѣланъ смиреннымъ Никонѣмъ Патриархомъ въ заточеніи за слово Божіе и за святую церковь въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ въ тюрьмѣ“. Въ самомъ Ѳерапонтовѣ игуменъ и монахи подчинились обаянію энергичной личности Никона и стали открыто величать его патриархомъ и поминать на ектеніяхъ.

Но враги Никона не дремали и постарались помѣшать примиренію его съ царемъ. Его обвинили въ смутахъ и государственной измѣнѣ, въ замыслахъ бѣжать изъ Ѳерапонтова и возвратитъ себѣ патриаршій престолъ съ помощью донскихъ казаковъ. Въ то время на Руси уже началось социальное броженіе, завершившееся разнскимъ бунтомъ. Казаки, подготовившіе смуту на сѣверѣ Россіи, приходили къ Никону въ Ѳерапонтовъ монастырь съ цѣлью привлечь его на свою сторону. Извѣстно, что Никонъ остался вѣрнѣ государю и не принялъ предложенія казаковъ, но возникшее отсюда подозрѣніе въ противогосударственныхъ замыслахъ подвергло его весьма многимъ непріятностямъ и душевнымъ мукамъ.

Никона опять заключили въ его келью и установили надъ нимъ строжайшій надзоръ. Всѣхъ подходившихъ къ Ѳерапонтову подвергали обыску и допросу, а лицъ, казавшихся подозрительными, отсылали въ Москву, въ приказъ тайныхъ дѣлъ, для новыхъ допросовъ и пытокъ. Суровость заключенія распатала крѣпкое здоровье патриарха: онъ одрихтѣлъ, заболѣлъ цыглой и почувствовалъ боль и слабость въ лѣвой рукѣ. Жившіе съ нимъ монахи и келейники частью были удалены, частью ушли сами, и бывший патриархъ самъ принужденъ былъ печь хлѣбъ и готовить кушанье.

Въ 1671 году прекращенъ былъ бунтъ Стеньки Разина; Ѳерапонтовскій узникъ не могъ уже возбуждать опасеній правительства, а между тѣмъ его непрежнемъ продолжали держать въ строгомъ заключеніи. И вотъ, въ концѣ 1671 года, Никонъ обратился къ государю съ слезнымъ посланіемъ, въ которомъ описывалъ свое бѣдственное положеніе и просилъ облегчить свою участь. „Теперь я боленъ, вагъ и боюсь, — писалъ онъ царю, — и креста на мнѣ вѣтъ третій годъ... со великой чужды келейной и недостатковъ опѣкалъ; руки болны, лѣвая не подымается, на глазахъ бѣзма отъ чада и дыма, изъ зубовъ кровь идетъ смердашая, и они не терпятъ ни горячаго, ни холоднаго, ни кислоаго; ноги пухнуть и потому не могу церковнаго правила править“.

По полученіи царемъ этого письма участь Никона была значительно облегчена, и настала сравнительно лучшая пора его жизни въ Ѳерапонтовѣ. Ему снова разрѣшенъ свободный выходъ изъ кельи, и онъ совершаетъ прогулки въ окрестностяхъ монастыря, то ибникомъ, то верхомъ на ворономъ конѣ съ кличкой „Москва“, присланномъ ему изъ Кириллова монастыря. Число живущихъ у него монаховъ и слугъ увеличивается теперь до 15, 20 и болѣе. Его почитатели снова начинаютъ являться къ нему за благословеніемъ и совѣтами. Всегда отличавшійся щедрой благотворительностью, Никонъ и въ Ѳерапонтовскомъ заточеніи много помогаетъ бѣднымъ, дѣлаетъ больнымъ, даетъ имъ травы и лѣкарства и пріобрѣтаетъ въ окрестномъ населеніи славу искуснаго дѣлителя отъ всѣхъ болѣзней. Больные приходятъ къ нему изъ дальнихъ и ближнихъ мѣстъ и цѣлыми толпами, иногда человекъ по сорока за разъ, стоятъ у оконъ его кельи.

Потребности Никона теперь, понятно, расширились, и онъ постоянно беспокоитъ власти Кириллова монастыря разными требованіями, жалуюсь государю на ихъ неаккуратное исполненіе. Любопытны отношенія къ Ѳерапонтовскому узнику царя и его семьи. По случаю каждаго важнаго событія въ своей семьѣ царь Алексѣй Михайловичъ шлетъ къ Никону посла съ подарками, при чемъ не забываетъ исполнять даже прихотливый желанія бывшего своего друга. Однажды Никонъ, въ концѣ своего письма къ царю о своихъ нуждахъ, просилъ, между прочимъ, прислать ему „дблочекъ“, говори, что „того благословенія Божія онъ седьмой годъ не ѣдалъ, потому что здѣсь они не рождаются, да купишь вездѣ и не на что, а прежде царское жалованье онъ роздалъ по заповѣди Божіей не-

Дѣдъ и внукъ. Съ карт. Г. Климша, по фот. „Унионъ“ въ Мюнхенѣ грав. Геданъ.

Пять чувствъ. „Зрѣніе“. Съ карт. Ю. Адама, грав. Брендамурт.

имущим". Царь, для исполненія разныхъ просьбъ Никона, послалъ къ нему стряпчача Лопухина съ поклономъ отъ всѣхъ лицъ царскаго семейства и подарками. Въ гостиницѣ патриарху посланы были кондитерскія сласти—„древо сахарное и сахарныя коврижки“, и, чтобы онѣ не зачерствѣли дорогой, ихъ велѣно было сдѣлать передъ самымъ Ферапонтовымъ, не доѣзжая 5 или 6 верстъ. Для этого былъ посланъ особый новаръ со всѣми необходимыми принадлежностями. Не забыты были и яблоки, которыхъ просилъ патриархъ: велѣно было поднести ему отъ цари и царицы по 10 арбузовъ тамбовскихъ и по 600 яблоковъ изъ пѣвжинскихъ и московскихъ садовъ.

Въ 1674 году для Никона начали строить новыя кельи, которыя, повидимому, были самыми большими въ скромномъ монастырѣ, такъ какъ въ нихъ было до 25 помѣщеній. Чтобы патриарху удобнѣе было ходить въ отведенную для него Боголюбскую церковь на св. воротахъ, изъ этихъ келій сдѣлана была по монастырской стѣнѣ крытая галлерея „съ окнами большими на монастырь и за монастырь“. Кроме этихъ келій Никонъ, въ лучшую пору своей жизни въ Ферапонтовѣ, владѣлъ обширнымъ хозяйствомъ: у него были свои пашни, особый скотный дворъ, амбары, погреба и другія службы. Онъ устроилъ около монастыря три сада съ огородами, въ которыхъ, кромѣ овощей, разводилъ лѣкарственные травы. Наиболѣе любимымъ занятіемъ его было рыболовство, къ которому располагало самое положеніе монастыря на берегу озера. Патриархъ ловилъ на пемъ рыбу сѣтями, а удиль ходилъ на выкопанные для него два пруда съ садками для живыхъ рыбы. Кроме того, ему дапы были рыбныя ловли на Шекснѣ, близъ села Бородавы, въ 25 верстахъ отъ Ферапонтова, и доставлялись живые осетры и стерляди изъ царскихъ тоней.

Въ хозяйственныхъ трудахъ и хлопотахъ дѣятельная натура Никона старалась забыть горечь ослы, которую на каждомъ шагѣ чувствовала бывшій патриархъ при извѣстной требовательности и рѣзкости своего характера. Столкновения съ представителями, стѣснявшими его свободу, съ кирилловскими монахами, иногда пренебрежительно относившимися къ его требованіямъ, постоянно раздражали Никона и нарушали его душевный миръ. Тревоги Никона усилились, когда онъ узналъ, что на патриаршій престолъ въ Москвѣ возведенъ Іоакимъ Савеловъ, злѣйшій его врагъ, хотя ему обязанный началомъ своей карьеры. Новый патриархъ вскорѣ же прислалъ въ Ферапонтовъ строгій указъ, запрещавшій называть Никона „святымъ патриархомъ“, и всячески стремился и стѣснить, и ухудшить положеніе „монаха Никона“. Пока живъ былъ царь Алексѣй Михайловичъ, Никонъ имѣлъ въ немъ своего заступника. Въ 1676 году царь умеръ, и враги Никона не замедлили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. При помощи разныхъ интригъ и ложныхъ доносовъ, бросавшихъ тѣнь на жизнь и дѣятельность престарѣлаго и большого патриарха въ Ферапонтовѣ, врагамъ Никона удалось настоять на переводѣ его въ Кирилловъ монастырь, подъ болѣе строгій надзоръ. 4-го іюня 1676 года Никонъ былъ перевезенъ въ Кирилловъ монастырь. Его кельи и имущество въ Ферапонтовѣ были опечатаны, травы и лѣкарства сожжены, кресты съ надписями убраны.

Въ Кирилловомъ монастырѣ Никонъ провелъ еще пять лѣтъ въ суровомъ одиночномъ заключеніи, страдая отъ неудобства обстановки и тяжелыхъ условій жизни и не видя ни малѣйшей надежды на облегченіе своей участи. Лишенный возможности сноситься съ своими сторонниками, отрѣзанный отъ міра живыхъ людей, больной патриархъ медленно угасалъ въ своемъ заточеніи, когда наконецъ его доброжелателямъ удалось обратить вниманіе молодого государя Феодора Але-

ксѣевича на участь престарѣлаго патриарха, который былъ его крестнымъ отцомъ. Государь пожелалъ возвратити Никона въ любимый имъ Воскресенскій монастырь и настоялъ на этомъ желаніи, несмотря на несогласіе патриарха Іоакима. Никонъ былъ уже на краю могилы, когда пришла къ нему съ потерянными ожидавшая имъ царская милость. Несмотря на свою болѣзнь и полный упадокъ силъ, патриархъ тотчасъ же велѣлъ везти себя въ Воскресенскій монастырь, по дороге скопчался на Волгѣ, около Ярославля, 17-го августа 1681 года, на семьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія, пробывъ въ ссылкѣ пятнадцать лѣтъ.

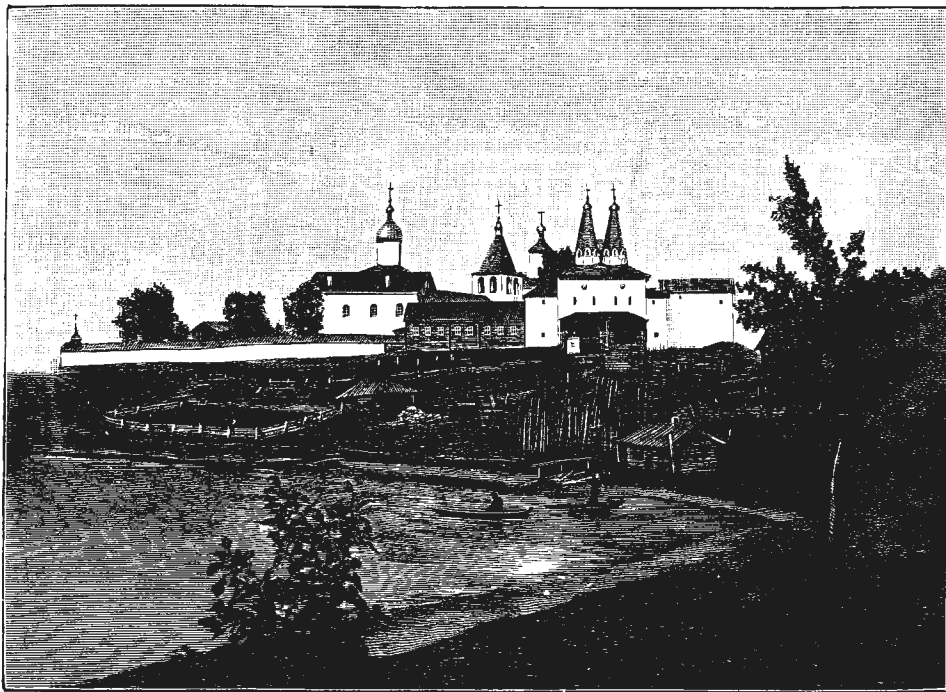
Ферапонтовъ монастырь, послѣ пребыванія въ немъ патриарха Никона, существовалъ еще болѣе ста лѣтъ. По штатамъ 1764 года этотъ небогатый монастырь положенъ былъ въ 3-мъ классѣ, а въ 1798 году по бѣдности закрытъ и обращенъ въ приходскую церковь. Братія его переведена въ Спасо-Преображенскій монастырь Пензенской епархіи. Но въ окрестномъ населеніи онъ доселѣ сохранилъ за собою названіе монастыря.

Если вы, въ качествѣ туриста, попали на верховья Шексны, въ Бѣлозерскіе предѣлы, и обзрѣваете достопримѣчательности этого историческаго края, то вамъ непрестительно упустить изъ виду историческую обитель патриарха Никона, находящуюся всего въ 17 верстахъ отъ гор. Кириллова по хорошей большой дорогѣ на Каргополь и Архангельскъ. За поѣздку въ „Фарафоновъ“ на парѣ кирилловскіе ямщики берутъ не дороже 1 р. 50 к.—2 руб. Дорога изъ Кириллова въ Ферапонтовъ монастырь идетъ по холмистой, разнообразной мѣстности, мимо нѣсколькихъ озеръ, чрезъ лѣса, поля и деревни. Мѣстность замѣтно становится живописнѣе по мѣрѣ приближенія къ Ферапонтову. Вотъ уже показалось Бородавское озеро, на концѣ котораго стоитъ Ферапонтовъ. Онъ имѣетъ узкую продолговатую форму и тянется верстъ на семь. Холмистые берега, съ мысами и заливами и множествомъ островковъ, украшенныхъ зеленью, придаютъ озеру очень живописный видъ. Въ старину четвертая часть этого озера принадлежала государю, а остальные три четверти — Ферапонтову монастырю. Названія деревень, встрѣчающихся на пути и разбросанныхъ по берегамъ озера, упоминаются уже въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка.

Вотъ вдаль блеснулъ на солнцѣ Ферапонтовъ монастырь: онъ то покажется, то опять скроется за окружающими дорожку холмами и лѣсомъ. Отъ деревни Ленново остается только двѣ версты до Ферапонтова; на мѣстѣ этой деревни когда-то было хлѣбное поле патриарха Никона, которое онъ самъ расчистилъ въ монастырской пустынѣ.

Не успѣли вы доѣхать до Ферапонтова, какъ уже васъ встрѣчаетъ память о ферапонтовскомъ заточникѣ. Проѣзжалъ по берегу озера, вы видите недалеко отъ берега небольшой островокъ съ наваленной на пемъ грудой камней. Это—каменный островъ патриарха Никона, о сооруженіи котораго упоминаетъ биографъ Никона, Шумеринъ. По его словамъ, Никонъ со своими монахами на плотахъ возилъ камни съ берега и на двухсаженной глубинѣ устроилъ островъ, на которомъ поставилъ крестъ.

Монастырь уже близко, но, прежде чѣмъ попасть въ него, мы должны обогнуть край озера, которое дѣлаетъ здѣсь большой заливъ. Историческая обитель стоитъ теперь передъ нами во всей красѣ, отражаясь въ зеркальной поверхности тихихъ водъ (рис. на этой стр.). Остроконечныя кровли церквей придаютъ что-то оригинальное этому чрезвычайно живописно расположенному монастырьку. Проѣхавъ мимо монастырской слободы по мосту, перекнутому чрезъ глубокій оврагъ съ про-

Видъ Ферапонтова монастыря (со стороны Бородавскаго озера).
Съ фотогр. грав. Шлиперъ.

текающей по дну его рѣчкой, мы подкатываемъ къ самымъ воротамъ Никоновой обители.

Почтенный о. Павелъ, уже болѣе тридцати лѣтъ состоящій священникомъ въ упрямомъ Ферапонтовѣ монастырѣ, съ любезной предупредительностью показываетъ намъ всѣ достопримѣчательности охраняемой имъ обители. Въ сопровожденіи сторожа, позвякивающего связкой ключей, мы проходимъ чрезъ святыя ворота, расписанныя живописью, очевидно, недавно поновленной неясной кистью какого-то доморощенного живописца. Монастырскій дворъ не великъ, южная часть его занята садомъ, который тянется вдоль невысокой южной ограды монастыря. Никакихъ монастырскихъ построекъ не сохранилось, кромѣ церквей да высокаго каменнаго „сушила“ (амбара), находящагося на углу, рядомъ со св. воротами. Зато церквей въ монастырѣ достаточно. По деревянному тротуару, пересѣкающему дворъ, мы проходимъ сперва въ церковь пр. Мартиана. Здѣсь почиваютъ мощи преп. устроителя монастыря подъ серебряной ракой, поставленной при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1643 г., и хранится его посохъ. У ногъ преподобнаго похороненъ упомянутый выше его ученикъ Иосафъ, архіепископъ ростовскій, изъ рода князей Оболенскихъ.

Рядомъ съ церковью угодника находится соборная церковь Рождества Богородицы, построенная въ концѣ XV вѣка. Здѣсь наше вниманіе привлекаютъ иконостасъ съ иконами древняго письма и висящее предъ нимъ большое мѣдное панцикло со двуглавымъ орломъ наверху. Панцикло это пожаловано монастырю царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ въ 1622 году. Разматривая его ближе, мы замѣчаемъ, что каждый канделябръ его украшенъ литымъ изображеніемъ головы въ царской шапкѣ. Простой ли это орнаментъ или портретное изображение жертвователя—судить объ этомъ предоставляемъ археологамъ (рис. на стр. 450). Стѣны собора покрыты древними фресками, въ сводахъ замѣтны отверстія „голосниковъ“ (глиняныхъ кувшиновъ—резонаторовъ). Съ южной стороны къ собору примыкаетъ небольшая ризница, гдѣ хранится полотняная риза преп. Мартиана и плащаница съ греческой надписью, изъ которой видно, что она пожертвована какимъ-то грекомъ, иереемъ Амбаратону.

Широкая, свѣтлая галлерей-панель соединяетъ соборъ съ трапезной монастырской церковью Благовѣщенія, построенной въ 1536 г. Въ этой церкви темно: громадный столбъ, поддерживающій своды, заслоняетъ собой падающій изъ западныхъ оконъ свѣтъ. Посрединѣ, между соборомъ и благовѣщенской церковью, возвышается надъ панелью монастырская колокольня. Въ старину были на ней часы „боевые, нѣмецкіе желѣзные“, но уже давно не слышно ихъ звона, отъ нихъ остался теперь только изломанный механизмъ. Съ колокольни открывается великолѣпный видъ на Бородавское озеро съ многочисленными мысами, островками и заливами на далекомъ горизонтѣ. Ближе, слѣва, среди сверкающей на солнцѣ глади воды, чернѣетъ длинный, похожій издали на мель, каменистый островъ патриарха Никона; справа на берегу цѣлый рядъ вѣтряныхъ мельницъ съ крыльями эффектно отражается въ тихой водѣ залива.

Полобовавшись чуднымъ видомъ, мы спускаемся съ колокольни и снова идемъ по монастырскому двору, направляясь къ выходу, къ церкви патриарха Никона, что на святыхъ воротахъ. Невольно приходитъ намъ на память, какъ двѣсти с лишкомъ лѣтъ тому назадъ, по этому самому двору ходилъ изъ своихъ келій въ церковь патриархъ Никонъ въ сопро-

вожденіи караула стрѣльцовъ, сторожившихъ его на каждомъ шагу. Разъ, въ Великій четвергъ, Никонъ, идя въ церковь, сильно обидѣлся на назойливость охранявшихъ его аргузовъ и въ раздраженіи вернулся назадъ. Пусто теперь на монастырскомъ дворѣ; тишина стоитъ невозмутимая; слышно только веселое чириканье воробьевъ въ ярко освѣщенной зелени сада да глухое воркованіе голубя гдѣ-то подъ крышей.

Мы поднимаемся по высокой деревянной лѣстницѣ и останавливаемся предъ небольшою старинною дверью. Ключъ възжитъ въ заржавѣвшемъ замкѣ, со скрипомъ отворится старая дверь, и мы входимъ въ церковь патриарха Никона. Эта небольшая церковь, съ двумя своими приделами во имя Богоявленія и пр. Ферапонта, имѣетъ немного болѣе трехъ сажень въ длину, и отъ западной стѣны до иконостаса всего нѣсколько шаговъ (рис. на этой стр.). Сюда-то патриархъ Никонъ ходилъ слушать богослуженіе, которое совершалось для него въ богоявленскомъ приделѣ жившими съ нимъ монахами. Царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ для этой церкви сосуды, ризы, колокола, но ничего не сохранилось здѣсь изъ пожертвованной царемъ утвари. Яркіе солнечные лучи, пронизывая желѣзныя рѣшетки узкихъ оконъ, играли на кирпичномъ полу и на потускѣвшей позолотѣ невысокаго иконостаса. Въ окна видѣлось серебрившееся внизу озеро и доносился оттуда плачущій крикъ чайки.

Любопытно, что эта маленькая церковь—единственное, что осталось намъ изъ всѣхъ помѣщений ферапонтовскаго заточника. Отъ его келій не осталось и слѣда. На мѣстѣ монастырской больницы, гдѣ жилъ Никонъ въ первый годъ заточенія, лежатъ теперь церковныя дрова и груды мусору. Вторяя келья находились неподалеку и очевидно выходили окнами на сѣную даль Бородавскаго озера. Что касается третихъ келій, соединявшихся крытымъ ходомъ съ Богоявленской церковью, то самый вопросъ объ ихъ мѣстѣ является спорнымъ. Вѣроятнѣе всего предположить, что онѣ находились на южной сторонѣ монастыря, на мѣстѣ нынѣшняго сада или нѣсколько дальѣ.

Занятыя этими топографическими и историческими соображеніями, мы еще нѣсколько времени ходимъ по монастырскому двору и кругомъ церквей, разсматривая ихъ архитектуру. Любопытенъ орнаментъ на рождественской церкви въ смѣшанномъ новгородско-ростовскомъ стилѣ. Выйдя изъ монастыря на террасу, находящуюся предъ святыми воротами, мы снова имѣемъ предъ глазами чудный видъ на Бородавское озеро. Невольно сознаешься, что Ферапонтовъ монастырь—одинъ изъ наиболѣе живописныхъ уголковъ нашего Сѣвера. Недаромъ Шевыревъ и Муравьевъ, послѣдніе Ферапонтовъ монастырь въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, съ восторгомъ отзывались о красотѣ этой мѣстности.

Къ югу отъ Ферапонтова открывается величественный видъ на гору Цыпину съ бѣлѣющей у подножья ея древней церковью пророка Іліи, принадлежавшей нѣкогда Ферапонтову монастырю. Прогулкой на эту гору мы завершимъ обозрѣніе Ферапонтовой обители. На пути мы заходимъ отдохнуть подъ тѣнь березъ, лишь и тополей, въ зелени которыхъ буквально утонаетъ Ильинскій погостъ, и ближе разсматриваемъ церковь пророка Іліи. Древній видъ ея, къ сожалѣнію, много пострадалъ отъ полой обшивки и желѣзной крыши. Отъ озера, на берегу котораго стоитъ Ильинская церковь, начинается постепенный подъемъ на гору Цыпину. Чѣмъ дальнѣе, тѣмъ круче онъ становится, на самую вершину горы мы уже съ трудомъ выбираемся по узкой тропинкѣ на краю обрыва, дер-

Кресло, сдѣланное патриархомъ Никономъ въ Ферапонтовомъ монастырѣ. Съ фот. грав. Шлиперъ.

Внутренній видъ церкви патриарха Никона въ Ферапонтовомъ монастырѣ. Съ фотогр. грав. Шлиперъ.

жась за стоящіе вблизи кусты и деревья. Зато утомительный подъем награждается чудным видом. Необытная ширь горизонта развсртывается предъ нашимъ взоромъ. Кое-гдѣ въ синеватой дымкѣ мелькають бѣлыя колокольни церквей. Среди зелени луговъ и лѣсовъ синѣють озера. Вонъ на сѣверѣ тянется знакомое уже намъ Бородавское озеро, рядомъ съ нимъ Пасское, а еще ближе Ильинское—на берегахъ ихъ бѣлѣють церкви Ферапонтова монастыря и Ильинскаго погоста; повернувшись къ югу, виднѣтъ цѣлый рядъ озеръ, вошедшихъ въ составъ системы пертога Александра Виртембергскаго. На западѣ сверкають на солнцѣ стѣны и башни Кирилло-Блозер-

скаго монастыря, а нѣсколько правѣе, на самомъ краю горизонта выдается темнымъ бугромъ гора Маура, паходящаяся на самомъ берегу Шексны. На вершинѣ горы Цыпныя стоитъ каменная часовня, построенная мѣстными крестьянами въ память мученической кончины императора Александра II. Этотъ скромный памятникъ возвышается надъ всей окрестностью и еще издали бросается въ глаза проезжему путнику.

Солнце склонилось уже къ западу, когда мы возвращались въ Кирилловъ, покидая мирный живописный уголокъ, освѣщенный историческими воспоминаніями о патріархѣ Никонѣ.

Изъ „Лѣсенъ о поздней веснѣ“.

I.

Не угасай, любви былой зарница!
Вся даль моя—тобой озарена...
Вся книга лѣсенъ счастья прочтена,—
Осталась въ ней послѣдняя страница...

Пусть ты—обманъ, пусть солнца нѣтъ въ крови!
О, пусть твой свѣтъ—лишь отблескъ снова
забытыхъ,

Когда-то мной безумно пережитыхъ...
Мерцай изъ тьмы, чаруй меня, живи!..

Моя тоска—послѣднее сказанье
Моей мечты, забывшей жизни май...
Одна мольба, одно мое желанье:
Терзай меня, томи, не угасай!..

II.

«...Обмани меня!.. Набери цвѣтовъ
Въ заливныхъ лугахъ, въ славномъ царствѣ лжи.—
На меня накинь ихъ живою покровъ,

Небылицею мою былъ сложи!..

«Ты пахни тепломъ прямо въ душу мнѣ,
Въ глубину души, въ мракъ тоски моей!
Соловьёмъ запой о красѣ-веснѣ,
Засверкай огнемъ молодыхъ очей!..

«Зачаруй меня, околлуй меня,
Помоги забыть обо всемъ быломъ
И въ лучахъ зари, на закатѣ дня
Усыпи меня вѣковѣчнымъ сномъ!..»

...И лгала мнѣ жизнь ложью яркою,
И томила жизнь лаской жаркою,
И пропѣла жизнь о красѣ-веснѣ,
Небылицъ своихъ насаждала мнѣ...
И покровъ цвѣтной ложь накинула,
На глаза мои мракъ надвинула;
Свечерѣлъ мой день, ночь загла свой свѣтъ...
Что-же нѣтъ мнѣ сна? Что-жъ забвенья нѣтъ?!

Аполлонъ Коринфскій.

Къ рисункамъ.

Вечеромъ, какъ только скрылось за горами жгучее солнце, и повѣло въ долину легкой прохладой, возлѣ лимана собрались обычнымъ порядкомъ казаки-кубанцы поговорить о быломъ, вспомнить старыхъ горцевъ, потолковать о настоящемъ; спѣтъ родимыя пѣсни подъ звуки бандуры. Дошло дѣло и до пляски. Выскочилъ одинъ, что помоложе, сбросилъ съ себя казацкую шапку, въ правую руку взялъ люльку и началъ кавказскій танецъ, стремительный, страстный, захватывающій духъ. Залюбовались казаки, какъ ихъ товарищъ молодецки отплясываетъ, а онъ,

„То вдругъ помчится легче птицы,
То остановится, глядитъ“,

то присѣдаетъ совсѣмъ къ землѣ, то вскакиваетъ и, кружась, на одной ногѣ, выкрикиваетъ горластые дикіе звуки,—настоящій кавказецъ!.. Кругомъ привольно; дышится легко; вебо чистое, ясное; высокая трава разливаетъ кругомъ пѣльный аромать. Група казачковъ-кубанцевъ и воздушная перспектива мѣстности схвачены художникомъ Масловскимъ живо и переноситъ зрителя въ благодатный Кавказскій край съ его благословенной природой.

*

Петръ Великій и ефрейторъ Одинцовъ. Не только громкія дѣянія великихъ историческихъ дѣятелей, но даже и весьма простые, обыденныя событія ихъ жизни облакаются въ потомствѣ легендарными дополненіями, получаютъ символическую окраску, увѣнчиваются ореоломъ величія и славы. Кому неизвѣстна эта обычная работа послѣдующихъ поколѣній надъ тѣмъ, что завѣдало имъ славное прошлое?.. Кому неизвѣстно, напримѣръ, то символическое значеніе, которое было придано появленію орла надъ русскимъ войскомъ въ то время, когда Кутузовъ пріѣхалъ въ армию и объѣзжалъ войска подъ Царевъ-Займищемъ?.. Нѣчто подобное сохраняли намъ и преданія петровскаго времени, нолагающія славными воспоминаніями, паоблающаго событіями первостепенной важности... Когда историческія судьбы Россіи привели Петра къ обладанію прибрежьями Финскаго залива и передали въ руки Петра туманную Ингрію, онъ рѣшился стать твердою ногою на берегахъ Невы и основать здѣсь новую столицу Русскаго Царства... **Задача**, однакоже, была не изъ легкихъ:—враги, только что потерпѣвшіе поражение, грозили отовсюду, и съ суши, и съ моря. На сушѣ съ ними было помиряться силами; но на морѣ они не только преобладали, а даже господствовали:—русскій балтійскій флотъ еще только начинали строить по Швири, а Котлинъ еще не былъ укрѣпленъ и не защищалъ устья Невы своими батареями. Однакоже дальновидный Петръ, прежде чѣмъ заложитъ городъ, заложилъ крѣпость въ городѣ,

пониже шведскаго укрѣпленія, паходившагося на мѣстѣ Большой Охты. И вотъ преданіе гласитъ, что въ то время когда Великій Преобразователь Россіи только еще приступалъ къ землянымъ работамъ по заложенію крѣпости, названной впоследствии Петропавловскою, орелъ взвился и сталъ кружиться надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ позднѣе поднялись бастіоны новаго укрѣпленія. Ефрейторъ Одинцовъ, мѣткимъ выстрѣломъ изъ ружья, подстрѣлилъ хитрую птицу, которая грузно рухнула на землю, и ловкій стрѣлокъ имѣлъ счастье, поднявъ подстрѣленнаго орла, поднести его государю, который принялъ орла съ благосклонною улыбкою. Многимъ изъ современниковъ этотъ весьма обыкновенный эпизодъ показался добрымъ предзнаменованіемъ по отношенію къ будущей судьбѣ закладываемой крѣпости и зарождавшагося около него города. П.

*

На берегу широкой рѣки, въ тихій лѣтній вечеръ, подъ зелеными вѣтвями раскидистой вербы, среди ромашекъ и другихъ полевыхъ цвѣтовъ остановился мальчикъ, деревенскій музыкантъ, и предался любовному занятію, — заигралъ родныя пѣсни на самодѣльной тростниковой дудкѣ, которую смастерилъ собственными руками.

„Онъ обрѣзалъ

Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,
И оживленный тростникъ вдругъ наполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефиръ, зарывая его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнить поморье“.

Маленькая сестренка, пришедшая съ братомъ, отбѣжала отъ удивленія и, остановивъ на цѣмъ дѣтские наивные глаза, ловила каждый звукъ знакомой ей пѣсни. Въ деревенской глуши, въ отдаленныхъ уголкахъ обширной Россіи сколько такихъ музыкантовъ! Описанная нами картина принадлежитъ кисти А. Писемскаго, — художника, хорошо извѣстнаго въ области пейзажа.

*

На итальянской художественной выставкѣ особенное вниманіе посетителей обращала на себя картина В. Коркоса: „**Два голубка**“. У мраморнаго водоема, въ которомъ журчитъ кристальная жидкость, выбрасываемая изъ пасти льва, сидитъ въ задумчивой позѣ, вся въ бѣломъ, молодая дѣвушка съ симпатичнымъ открытымъ лицомъ, держа на колѣняхъ свѣтлый зонтикъ. Ползущій по скамейкѣ плоть ревниво коснулся ей воздушнаго платья, и его зеленая тѣнь отбѣсила бѣлизну ослѣпительной одежды. На краю урны пріютился голубокъ, такой же чистый и бѣлый, какъ сама дѣвушка, и ихъ можно принять за брата и сестру. Они оба о чемъ-то задумались и ждутъ чего-то, отдаваясь весеннему радостному настроенію.

*
 Дѣдушка и внукъ заняты другъ другомъ, а прочіе члены семьи, начиная съ бабушки, смотрятъ на эту сцену съ нескрываемымъ любопытствомъ. Только любимой комнатной собачкѣ, кажется, шѣтъ дѣла до ихъ разговоровъ, и, наостривъ уши и прищуривъ глаза, она мирно поконитъ на паркетѣ, довольная тѣмъ, что находится въ обычномъ обществѣ приятныхъ ей людей, да маленький внукъ, еще не умѣющій ходить, занять матерью, которая составляетъ для него весь жизненный интересъ. Центръ картины Климша — фигура старика, бесѣдующаго о чемъ-то со своимъ любимцемъ. Умные глаза мальчика показываютъ, что онъ даетъ правильные отвѣты, и добродушно-строгое лицо дѣда выражаетъ удовольствіе, плохо скрываемое напускной серьезностью.

*
 Юлій Адамъ, составившій себѣ пзвѣстное имя, какъ художникъ, изображающій преимущественно кошекъ, написалъ серію очень изящныхъ картинъ подъ общимъ названіемъ

лагалось учредить „пристанище благороднымъ дѣвицамъ, безъ родни, имѣнія и призрѣнія, перѣдко въ жертву порокамъ остающимся“, и пооченіе объ этомъ благомъ учрежденіи вѣрить кавалерственнымъ дамамъ ордена св. Екатерины.

Докладъ удостоился Высочайшаго утвержденія, и первую на него откликнулась императрица Марія Ѳеодоровна, какъ гротсмейстерина ордена св. Екатерины, опредѣлившая на содержаніе учреждаемаго училища ордена изъ собственныхъ своихъ доходовъ по 4,500 рублей ежегодно. Добрый примѣръ ея не остался безслѣднымъ, и въ тотъ же день княземъ А. Б. Куракинымъ были получены извѣщенія о томъ, что диаконисса ордена, супруга наследника престола великая княгиня Елисавета Алексѣевна, жертвуетъ ежегодно по 1,500 рублей, а великая княгиня Анна Ѳеодоровна, супруга великаго князя Константина Павловича, и великія княжны Александра, Елена, Марія, Екатерина и Анна Павловны, какъ кавалерственныя дамы, жертвуютъ ежегодно по 1,000 рублей каждая. Прочія кавалерственныя дамы удѣлили изъ пожалованныхъ имъ имѣ-

Екатерининскій институтъ въ С.-Петербургѣ. По поводу столѣтняго юбилея. Съ фот. І. Глыбовскаго грав. Рашевскій.

„Пять чувствъ“, при чемъ каждое изъ нихъ олицетворено въ образѣ кошки. Для образчика мы воспроизводимъ адѣсь одну изъ упомянутыхъ картинъ, служащую символомъ зрѣнія. Кошки, дѣйствительно, совсѣмъ ушли въ зрѣніе. Съ какою жадностью онѣ слѣдятъ за пестрымъ мотылькомъ, порхнувшимъ мимо нихъ на ближайшую вѣтку! Одна даже подняла хвостъ отъ предвкушенія скорого удовольствія, другая взобралась передними лапами на горшокъ съ водой, собираясь прыгнуть за добычей. Онѣ приняла беззаботную бабочку, очевидно, за птичку, и если она не догадается улѣтѣть, ей не миновать острыхъ кошачьихъ коготковъ. Два неожиданныхъ врага прервутъ ея и безъ того короткую жизнь.

Столѣтній юбилей Екатерининскаго института.

(Рис. на этой стр.)

Въ числѣ учреждений, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ и развитіемъ дѣятельности незабвенной ревнительницы образованія императрицы Маріи Ѳеодоровны, супруги императора Павла I-го, едва ли не первое мѣсто занимаетъ училище ордена св. Екатерины (Екатерининскій институтъ), праздновавшее 25-го мая этого года столѣтній юбилей своего существованія. Училище это находится въ тѣсной связи съ учрежденнымъ еще императоромъ Петромъ Великимъ въ 1714 году орденомъ св. Екатерины. По выработанному, согласно указаніямъ императора и императрицы, докладу кн. А. Б. Куракина предно-

ній, или командорствъ, половину доходовъ, т. е. 2 р. 25 к. съ крестьянской души, что составило 13,975 рублей.

При такихъ условіяхъ 25-го мая 1798 г. училище ордена св. Екатерины было открыто, и 1-го іюня оно уже удостоилось посѣщенія императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Такъ началась жизнь училища, въ управленіи которой принимала непосредственное участіе сама государыня. Съ какою заботливостью и интересомъ вникала императрица въ мельчайшія подробности жизни института, видно изъ того, что начальница его получила 518 вполнѣ собственноручныхъ писемъ государыни, не говоря уже о 553 рескриптахъ съ собственноручными помѣтками ея величества. Письма эти и рескрипты будутъ храниться во вновь учрежденномъ музеѣ института.

Первою начальницею института была пользовавшаяся неограниченнымъ довѣріемъ императрицы Анна Ивановна Брейтконфъ, остававшаяся въ этой должности до 1823 года. Назначенная въ этомъ году начальницей Амалия Яковлевна Кремшъ также пользовалась полнымъ довѣріемъ и любовью государыни, не забывшей ея даже въ своемъ духовномъ завѣщаніи.

Государыня императрица Александрѣ Ѳеодоровна относилась къ судьбамъ института и его воспитанницъ съ не меньшей любовью, и ея письма къ начальницѣ института Е. В. Родзинко, назначенной на эту должность въ 1839 г., дышатъ чисто материнскою нѣжностью. Въ одномъ письмѣ (отъ 13-го февраля 1847 г.) императрица говоритъ: „Я рассчитывала, что мнѣ такъ

хорошо будет среди этих дѣтей и въ атмосферѣ ихъ юной нѣжности", и называетъ лишениемъ невозможности за болѣзью быть среди нихъ. Въ другомъ письмѣ, написанномъ три дня спустя, высказывая свое удовольствіе по поводу прекраснаго впечатлѣнія, произведеннаго воспитанницами на балу, императрица, радуясь ихъ успѣхамъ въ музыкѣ и танцахъ, однако, пишетъ: „Я придаю гораздо болѣе цѣны серьезнымъ занятиямъ, могущимъ сдѣлать женщину дѣйствительною поддержкой семьи“, и въ концѣ письма освѣдомляется о положеніи болѣзныхъ воспитанницъ.

Разумѣется, дѣятельность императрицы Маріи Александровны также не могла пройти безслѣдно для института, и уже въ 1860 г. ею утверждены были новыя правила о постановкѣ учебнаго дѣла: объемы программъ были сужены; затѣмъ, при инспекторѣ А. А. Антоновѣ, въ 1874 г., сокращены были продолжительность уроковъ и количество ихъ на цѣлую треть. Императрица Марія Александровна много содѣйствовала въ заботахъ объ Екатеринбургскомъ институтѣ Е. И. В. принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, начавшій трудиться на пользу института уже съ 1839 г., когда онъ поступилъ членомъ совѣта училища ордена св. Екатерины. Оставаясь въ этой должности до 1853 г., принцъ и послѣ этого всегда выказывалъ къ институту особую привязанность, ярко выразившуюся фактомъ празднованія именно въ стѣнахъ Екатеринбургскаго института 25-лѣтія дѣятельности принца въ вѣдомствѣ императрицы Маріи.

Вообще черезъ всю исторію Екатеринбургскаго института красною нитью проходитъ особая теплота и сердечность отношеній императорской семьи къ институту и его питомцамъ. Что можетъ быть отраженіемъ монаршаго отвѣта на письмо воспитанницъ къ императору Александру II и самаго письма воспитанницъ, въ которомъ онѣ вспоминаютъ о посѣщеніи государемъ института въ день отъѣзда его величества въ Ниццу къ больному наслѣднику цесаревичу: „Вы проливали вмѣстѣ съ нами слезы, — вы, государь, постились съ нами со словами: молитесь дѣти! молитесь Богу, чтобы и засталъ сына моего еще въ живыхъ; да будетъ воля Его святая! И святая воля Огца Небеснаго совершилась!..“

Съ 29-го мая 1880 года Екатеринбургскій институтъ сталъ пользоваться Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, бывшей еще въ то время Государынею Цесаревною. Сердечныя заботы Ея Величества объ институтѣ и его воспитанницахъ не прекращаются и понынѣ, и воспитанницы изъ собственныхъ средствъ Ея Величества неоднократно получали пособія по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Въ декабрѣ 1893 года, когда въ институтѣ было нѣсколько заразныхъ болѣзныхъ, Государыня Императрица повѣляла доводить до своего свѣдѣнія по телеграфу о ходѣ болѣзни каждой воспитанницы поименно.

Цѣлый рядъ преобразованій постепенно улучшалъ постановку учебно-воспитательнаго дѣла въ институтѣ, и послѣднія изъ нихъ проведены были уже при нынѣшней начальницѣ его М. Н. Бютингъ, занявшей эту должность въ 1874 году, послѣ смерти Е. В. Родзянко. Теперь институтъ, помимо общихъ классовъ, вмѣщаетъ еще двухгодичныя педагогическія классы для 30 воспитанницъ, открытыя 14-го сентября 1893 года. Во главѣ управленія институтомъ стоитъ совѣтъ его, членами котораго состоятъ начальница института вдова святыхъ Его Императорскаго Величества генералъ-маіора Марія Николаевна фонъ-Бютингъ, почетный опекунъ дѣйствит. тайн. сов. баронъ А. Ѳ. фонъ-Гоинингенъ-Гюне и почетный опекунъ гофмейстеръ Г. П. Алексѣевъ. Учебною и воспитательною частью завѣдуетъ недавно назначенный инспекторомъ классовъ вѣстный педагогъ ст. сов. Н. С. Карцевъ. Протоіерей В. Н. Сперанскій состоитъ настоятелемъ институтскаго храма, въ которомъ 10-го мая этого года средствами нынѣшняго кттора Ф. Г. Бажанова сооружена колокольня съ семью колоколами, первымъ благовѣстомъ которыхъ должно было начаться новое столѣтіе жизни института, выпустившаго уже 3727 воспитанницъ, проявившихъ себя на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Изъ ихъ числа слѣдуетъ упомянуть окончившую въ 1805 году, во 2-мъ выпускѣ, А. С. Шуленникова, замужемъ Гоговцеву, впоследствии мать Феоданію, бывшую первую игуменнею и основательницею Новодѣвичьяго монастыря въ С.-Петербургѣ.

Величественное зданіе института, видъ котораго изображенъ на рисункѣ на стр. 457, построено на мѣстѣ, Высочайше дарованномъ императоромъ Александромъ I. Въ первое же время институтъ помѣщался въ деревянномъ домѣ противъ Таврическаго дворца, откуда былъ переведенъ въ каменный домъ

на Владимирской улицѣ, купленный у купца Логинова, а изъ него въ маѣ 1802 г. въ однопэтажный домъ, помѣщавшійся на мѣстѣ нынѣшняго зданія, построенный при императорѣ Петрѣ Великомъ въ 1712 году для общественныхъ собраний и названный Итальянскимъ дворцомъ. Прежнее зданіе института было сломано за ветхостью и тѣсною, и на его мѣстѣ выстроено нынѣшнее грандіозное зданіе, выходящее фасадомъ на Фонтанку. Обширный садъ его выходитъ на Литейный проспектъ.

Празднованіе юбилея института началось 25-го мая божественною литургіей въ институтской церкви, куда собрались высше чины вѣдомства Императрицы Маріи, учебный и служебный персоналъ, всѣ учащіеся и множество бывшихъ воспитанницъ. Въ числѣ ихъ явились старѣйшія: одна 8-го выпуска (1829 года), двѣ одиннадцатаго, и др. Всѣхъ бывшихъ воспитанницъ собралось болѣе 300. По окончаніи Богослуженія, въ классныхъ комнатахъ собравшимся былъ предложенъ завтракъ отъ Высочайшаго Двора.

Главная, такъ сказать основная часть торжества состоялась на слѣдующій день, 26-го мая, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Прибывъ въ 2 ч. дня въ институтъ, Ихъ Величества прошли

сначала въ церковь, а затѣмъ въ актовый залъ подѣ звуки струннаго оркестра, игриваго полонеза, написаннаго одною изъ бывшихъ воспитанницъ. Главноуправляющей Собственною Его Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи прочиталъ Высочайшій рескриптъ, пожаловавшій институту. Затѣмъ инспекторъ училища кратко рѣчью обрисовалъ жизнь института за истекшее столѣтіе. Послѣ того была прочтѣна юбилейная кавтата, по окончаніи которой раскрылись голубые занавѣсы, и взорамъ присутствовавшихъ предсталъ портретъ во весь ростъ Августѣйшей Основательницы института, императрицы Маріи Феодоровны, вѣданный въ гипсовую раму. Вслѣдъ затѣмъ было исполнено нѣсколько музыкальныхъ пѣсень, и воспитанницы читали стихотворенія, написанныя къ настоящему торжеству. Въ коловыхъ пролетахъ открылись двѣ живыя картины, и хоръ исполнилъ прошальную пѣсню, написанную въ 1841 г. для училища М. И. Глинка. Воспитанницы послѣ того исполнили нѣсколько танцевъ. Въ заключеніе снова открылся средней большой занавѣсъ, и глазамъ присутствовавшихъ предсталъ портретъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны во весь ростъ—даръ училищу Государя Императора, присланный ко дню юбилея. Портретъ, задрапированный краснымъ бархатомъ, былъ окруженъ у подножія группами воспитанницъ. Этотъ апоѳеозъ всего праздника сопровождался музыкой и пѣніемъ гимна „Боже, Царя Храни“. Ихъ Величества благодарили начальство и дѣтей и милостиво разговаривали со многими изъ бывшихъ питомцевъ училища. При общихъ восторженныхъ кликахъ, Ихъ Величества оставили залъ, зашли въ музей и, осмотрѣвъ его, внесли свои Имена въ золотую книгу, затѣмъ посѣтивъ начальниці училища, отбыли при восторженныхъ кликахъ народа, собравшагося на набережной.

А. Х. Гольмстенъ. (Портр. на этой стр.)

31-го мая исполнилось двадцать пять лѣтъ учено-литературной дѣятельности одного изъ нашихъ выдающихся спеціалистовъ по гражданскому праву и процессу, профессора Адольфа Христіановича Гольмстена. Этотъ юбилей чрезвычайно удачно совпалъ съ оживленнымъ пробужденіемъ общественныхъ симпатій къ почтенному профессору, проявившихся по поводу предпринятаго по его почину и подѣ его руководствомъ собранія обычнаго права русскаго народа. Какъ извѣстно, по освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, они не были подчинены общимъ нашимъ гражданскимъ законамъ и общимъ судебнымъ установленіямъ, а всѣ ихъ мелкія дѣла и споры разрѣшались волостными судами по мѣстнымъ обычаямъ. Каковы эти обычаи, каковы понятія и взгляды, господствующіе въ этихъ волостныхъ судахъ, иными словами, по какимъ правамъ и законамъ живетъ сто милліоновъ русскаго народа,—объ этомъ на настоящаго времени имѣются лишь отрывочныя, разбросанныя свѣдѣнія, случайно собранныя по различнымъ мѣстностямъ отдѣльными собирателями. Нельзя поэтому не признать крупною общественною заслугой А. Х. Гольмстена, что ему удалось добиться учрежденія при с.-петербургскомъ юридическомъ обществѣ отдѣленія обычнаго права, которое поставило своею цѣлью собрать и выяснить съ полною точностью наше русское простонародное обычное право. Помимо этой общественной заслуги, А. Х. Гольмстенъ давно пользуется въ ученномъ мѣрѣ почетной извѣстностью, какъ авторъ многочисленныхъ юридическихъ изслѣдованій

А. Х. Гольмстенъ (по поводу 25-лѣтія учено-литературной дѣятельности).
Съ фот. Мрозовской авторіи „Нивы“.

(„О душеприказчиках“, „Принципъ тождества“, „Историческій очеркъ русскаго конкурснаго процесса“, „Ученіе о правѣ кредитора опровергать юридическіе акты, совершенные должникомъ въ его ущербъ“ и др., большая часть которыхъ включена въ сборникъ подъ заглавіемъ „Юридическія изслѣдованія и статьи“) и извѣстнаго „Учебника русскаго гражданскаго судопроизводства“, а также какъ редакторъ „Русскаго гражданскаго права“ Д. И. Мейера. Ученики А. Х. Гольмстена окружаютъ его особенною любовью, дѣли въ немъ истиннаго ученаго идеалиста, искренно и безкорыстно предавнаго наукѣ, благожелательнаго къ молодежи и стойкаго защитника догматическаго направленія въ гражданскомъ правѣ.

А. Х. Гольмстень родился 25-го іюня 1848 года, учился во 2-й с.-петербургской гимназійи и кончилъ въ 1873 г. курсъ въ с.-петербургскомъ университетѣ. Два года затѣмъ онъ занимался за границей, въ 1877 г. поступилъ на службу въ министерство юстиціи, въ 1882 г. былъ причисленъ къ комиссіи по составленію гражданскаго уложенія, въ 1884—1886 г. былъ помощникомъ юрисконсульта военнаго министерства, съ 1894 года участвуетъ въ комиссіи по пересмотру законоположеній по судебной части, а въ текущемъ году избранъ предсѣдателемъ уже упомянутого отдѣленія обычнаго права. Въ то же время А. Х. Гольмстень занимался преподавательскою дѣятельностью, читалъ въ 1878—1896 гг. гражданское судопроизводство въ училищѣ правовѣдѣній, съ 1878 г. и до сихъ поръ въ военно-юридической академіи, въ 1888—1897 гг. въ александровскомъ лицейѣ, съ 1889 г. въ с.-петербургскомъ университетѣ, гдѣ въ 1895 г. назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора гражданскаго права и судопроизводства, и др. Въ 1886 г. онъ возведенъ въ степенъ магистра гражданскаго права.

Погребеніе Гладстона. (Рис. на этой стр.)

16-го мая, послѣ десятидневнаго глубокаго траура во всей Англійи, состоялось погребеніе Гладстона. Согласно предсмертной волѣ покойнаго, похороны должны были быть совершенно просты, и правительство, единогласно постановившее устроить его похороны на государственный счетъ, исполнило его волю. Похороны на государственный счетъ—почетъ, очень рѣдко оказываемая въ Англійи даже по отношенію къ очень выдающимся политическимъ и общественнымъ дѣятелямъ. Такъ, извѣстно, что были только два случая, когда похороны на государственный счетъ состоялись по прямому распоряженію парламента, именно: похороны Чатама и младшаго Питта. Почести, оказанныя парламентомъ останкамъ Гладстона, совершенно исключительны. Чатамъ и младшій Питтъ удостоились этой великой чести по предложенію одной только нижней палаты. При похоронахъ Чатама лорды отказались даже присутствовать на нихъ. По отношенію къ Гладстону обѣ палаты обнаружили небывалое единодушіе. Политическіе враги покойнаго—консерваторы старались превзойти его единомышленниковъ—либераловъ выраженіемъ своего благоговѣнія передъ памятью Гладстона. Изъ среды консерваторовъ впервые сдѣлано было предложеніе воздвигнуть Гладстону памятникъ на одной изъ лондонскихъ площадей и мраморный бюстъ въ Вестминстерѣ.

Въ день погребенія, въ 9 час. утра, члены палаты общинъ собрались въ зданіи парламента. Всѣ обнажили головы при входѣ спикера въ парадномъ одѣяніи и затѣмъ, построившись рядами, отправились въ средней большой залѣ, гдѣ тѣмъ временемъ собрались королевскіе принцы во главѣ съ лордомъ Пемброкомъ, представителямъ королевы. Пэры собрались въ

палатѣ лордовъ. Тамъ же герольды и пажы приступили къ организаціи шествія погребальной процессіи въ Вестминстерское аббатство.

Прахъ Гладстона былъ поставленъ ночью на катафалкъ въ вестминстерской залѣ, гдѣ у гроба дежурили друзья его семьи, большею частью члены высшаго духовенства. Наглухо закрытый гробъ стоялъ въ черномъ углубленіи, какъ бы уже въ могилѣ, въ центрѣ раздѣлявшихъ залъ, одѣтыхъ чернымъ сукномъ, барьеровъ, образовавшихъ огромную траурную лѣтку. Кромѣмъ не было видно никакихъ украшеній, ни одного цвѣтка. Въ темномъ залѣ, куда едва проникло слабое мерцаніе туслаго лондонскаго дня, горѣли четыре небольшихъ канделябра, едва освѣщая большой бронзовый крестъ на высокомъ пьедесталѣ въ изголовьѣ гроба.

Торжественное шествіе въ вестминстерской залѣ открыли члены нижней палаты съ спикеромъ впередъ, за ними шли пэры, впереди которыхъ находились лордъ-канцлеръ и архіепископъ іоркскій. Шествіе прошло мимо гроба, медленно вышло изъ зала

и направилось къ Вестминстерскому аббатству. За членами парламента шли въ траурномъ одѣяніи представители иностранныхъ государей. Принцъ Христианъ Шлезвиг-Голштинскій, герцоги Коннаутскій и Кембриджскій и лордъ Пемброкъ, въ качествѣ представителя королевы, шли впереди гроба, который былъ покрытъ бѣлымъ шелковымъ, съ золотой каймой покрываломъ, и съ катафалка былъ перенесенъ на простую погребальную колесницу, запряженную двумя лошадьми. По обѣ стороны колесницы шло по пяти человекъ, поддерживавшихъ

покровъ, и въ ихъ числѣ принцъ Уэльскій и герцогъ Іоркскій. За гробомъ шли родственники и друзья Гладстона. Погребальное шествіе замыкали бывший частный секретарь его и слуги.

Все небольшое пространство, отдѣляющее зданіе парламента отъ стариннаго величественнаго Вестминстерскаго аббатства, знаменитой усыпальницы англійскихъ королей и великихъ государственныхъ дѣятелей, было сплошь занужено народомъ. Всѣ классы населенія, начиная съ богача-аристократа и кончая послѣднимъ бѣднякомъ-поденщикомъ, были адѣсь налицо, объединенные благоговѣніемъ къ великому Гладстону, всю свою жизнь бороздившему за народное благо, за процвѣтаніе и развитіе націи. Какъ только появилась процессія, всѣ безмолвно обнажили головы, и при этой гробовой тишинѣ прошла вся процессія къ мѣсту послѣдняго упокоенія праха Гладстона.

Для могилы Гладстона отведено было мѣсто на нѣсколько футовъ выше статуи Питта, почти на одинаковомъ разстояніи отъ памятника его противника лорда Виконсфильда и его политическаго руководителя и друга сэра Роберта Пяля.

Въ 10 ч. 15 м., въ церковь тихо вошла дама въ глубокомъ траурѣ; лицо ея было скрыто полъ густымъ вуалемъ. Она была, однако, узнана тотчасъ же всѣми, и всѣ, находившіеся въ храмѣ, встали какъ одинъ человекъ. Г-жа Гладстонъ сѣла въ первомъ ряду мѣстъ, отведенныхъ роднымъ и друзьямъ покойнаго, и закрыла лицо рукою. Вскорѣ затѣмъ вошли принцесса Уэльская съ герцогиней Іоркской.

Церковная церемонія въ Вестминстерскомъ аббатствѣ была очень проста и произвела весьма сильное впечатлѣніе. Она состояла изъ обыкновенной литургіи англійскаго церкви съ величественной музыкой.

Высокіе, полутемные своды, цѣлый лѣсъ колоннъ и пиластровъ, мраморные гробы съ бюстами и бѣгущіи въ полумракѣ статуи предшественниковъ новоусопшаго усиливали торжественность печальной церемоніи. Рядомъ съ знаменито-

Могила Гладстона въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, въ Лондонѣ.
По рис. Graphic автотипія „Нивы“.

стиям историческими, возведенными уже на пьедесталъ, стояли вокругъ могилы Гладстона всѣ знаменитости современной Англїи, высшеіе представителѣ ея мысли и воли, а также представители другихъ націй. Мощные звуки траурнаго марша Бетховена предшествовали, а пѣніе латинскаго гимна „Jesus per te performatum“, написаннаго Гладстономъ, сопровождало перенесеніе гроба къ открытой могилѣ.

Наступала трогательнѣйшая сцена прощанія. Гробъ медленно опустился въ могилу и архіепископъ-примасъ произнесъ послѣднюю молитву. Къ незакрытой еще могилѣ подвели для послѣдняго прощанія г-жу Гладстонъ. Подавленная горемъ, она мужественно выдержала этотъ тяжелый моментъ.

Спокойствіе г-жи Гладстонъ остановило крайнее выраженіе волновавшихся всѣхъ ощущеній, но многіе тихо плакали. Прислонясь къ подмошкамъ, стояли члены послѣдняго кабинета Гладстона, г. Брайсъ, сэръ Кампбелъ-Ванерманъ, лордъ Спеерсъ. У этихъ закаленныхъ въ жизненныхъ бояхъ государственныхъ дѣятелей на глазахъ стояли слезы. Тутъ же стоялъ знаменитый сподвижникъ усопшаго Джонъ Морлей. Еще болѣе были растроганы стоявшіе полукругомъ у могилы носители кистей отъ балдахина надъ гробомъ. Это были: г. Армистедъ и лордъ Рендель, интимнѣйшіе друзья покойнаго, лордъ Розберри и герцогъ Рогландъ; вожди оппозиціи и правительства въ палатѣ общинъ—сэръ В. Гаржортъ и г. Бальфуръ, и въ палатѣ лордовъ—лордъ Кимберлей и лордъ Салисбюри, и, наконецъ, герцогъ Йоркскій и принцъ Уэльскій.

Еще минута—и прощаніе съ усопшимъ кончено.

Всѣ обращаются къ его убитой горемъ вдовѣ, дѣлвшей съ нимъ и горе, и радости, ободрившей его въ дни политическихъ неудачъ, дѣлвшей съ нимъ его великую славу и удостоившейся въ самую горестную минуту величайшихъ почестей. Пятьдесятъ девять лѣтъ прошедшая съ мужемъ рука объ руку, она раздѣлитъ съ нимъ и могилу. Въ склепѣ Вестминстерскаго аббатства, рядомъ съ гробомъ Гладстона, согласно его духов-

ному завѣщанію, оставлено мѣсто и для его жены. Всѣ стоявшіе у гроба съ принцемъ Уэльскимъ во главѣ склоняютъ колѣни и цѣлуютъ ея руку, и затѣмъ безмолвно расходятся.

Гладстонъ погребенъ, и съ этой минуты настала для него новая жизнь,—жизнь вѣчная.

Англія умѣетъ цѣнить своихъ дѣятелей. Даже при жизни Гладстона славное имя его увѣковѣчено было въ названіяхъ многихъ мѣстностей въ британскихъ колоніяхъ. Такъ, первымъ мѣстомъ, окрещеннымъ именемъ Гладстона въ 1835 г., была маленькій портъ въ Кливелэндѣ, при закладкѣ котораго Гладстонъ лично присутствовалъ въ бытность свою статъ-секретаремъ министерства колоній. Кроме того, въ британскихъ колоніяхъ существуютъ теперь четыре города, посвященныя имени Гладстона: въ Новой Зеландіи, Тасманіи, южномъ Уэльсѣ и въ южной Австраліи. Въ Канадѣ есть два города, названныя въ честь Гладстона, въ Соединенныхъ Штатахъ—иѣскольکو, причѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ городовъ находятся въ горномъ округѣ Колорадо. Въ Новой Гвинееѣ есть гора Гладстона, а въ Гренландіи—мысъ, посвященъ его имени. Въ Викторіи (Австраліи) цѣлый округъ носитъ имя Гладстона.

Но лучшей памятью о Гладстонѣ будутъ его великія дѣла: его знаменитая избирательная реформа, даровавшая тремъ соединеннымъ королевствамъ почти-что всеобщую подачу голосовъ, его проектъ о полной отбѣнѣ хлѣбныхъ законовъ и установленіи свободы торговли, его извѣстный билль объ ирландской церкви, приведшій къ отдѣленію ея отъ государства, его земельные законы (land bills) для Ирландіи, его пресловутый „home rule“, имѣющій цѣлью восстановленіе автономіи Ирландіи, ослабившій въ извѣстномъ кругу англійскаго народа популярность Гладстона, но зато еще болѣе усилившій ее тамъ, гдѣ понимали, во имя какихъ великихъ принциповъ вѣль борьбу Гладстонъ. Вся его парламентская жизнь, длившаяся 65 лѣтъ, руководилась этими принципами, и въ нихъ основа незабвеннаго значенія Гладстона для англійскаго народа и для культурнаго человечества.

Политическое обозрѣніе.

Движенія американскихъ и испанскихъ морскихъ силъ по волнамъ океана „въ неизвѣстномъ направленіи“ и „съ закрытыми предписаніями“ закончились: непріятелѣ нашли другъ друга и набрали весьма опредѣленное направленіе съ открытыми намереніями. Мѣстомъ встрѣчи американскихъ броненосцевъ съ испанской эскадрой адмирала Сервера оказался портъ Сантъ-Яго на о. Кубѣ.

По опубликованному официальному испанскому отчету, американскій флотъ, занявъ позицію на западной сторонѣ выхода изъ порта Сантъ-Яго, открылъ 19-го мая сильный огонь, на который испанцы отвѣчали пальбой съ судовъ и береговыхъ фортовъ; послѣ усиленной полуторачасовой бомбардировки, американскія суда, выпустивъ около 70 крупныхъ снарядовъ, отступили, понеся, какъ показалось наблюдавшимъ съ испанской эскадры, существенныя потери, что вызвало, разумеется, большой энтузіазмъ въ Сантъ-Яго; испанцы же не потеряли никакого ущерба. Въ Мадридѣ 20-го мая министръ колоній, въ отвѣтъ на запросъ по текущимъ событіямъ, сообщилъ въ сенатѣ, что „извѣстіе“ съ театра военныхъ дѣйствій „открываетъ эру новыхъ побѣдъ, благодаря мужеству испанскихъ моряковъ“. Сенатъ единогласно выразилъ удовольствіе по поводу „одержанной побѣды“. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ изъ американскихъ источниковъ оказалось, что американская эскадра сильнымъ огнемъ совершенно разрушила одинъ изъ главныхъ фортовъ и 21-го мая возобновила нападеніе на укрѣпленія Сантъ-Яго; въ то же время городъ осадили двѣ тысячи инсургентовъ; начался жестокой бой. Въ Вашингтонѣ 23-го мая прочтано было въ совѣтѣ министровъ официальное донесеніе адмирала Шлея: цѣлью бомбардировки Сантъ-Яго было точное опредѣленіе испанскихъ батарей; результатъ удовлетворителен; присутствіе эскадры Сервера въ портѣ—несомнѣнно; у американцевъ не было никакихъ потерь. Вслѣдъ за этимъ въ Мадридѣ опубликовано было официальное извѣстіе, что, энергично наступая, непріятель сдѣлалъ утромъ 22-го мая усиленную попытку прорваться въ портъ Сантъ-Яго, но, одновременно замѣченный, былъ встрѣченъ артиллерійскимъ огнемъ: вспомогательный испанскій крейсеръ „Merrimac“ потопленъ испанскими судами и торпедами; большіе непріятельскіе броненосцы отбиты; входъ въ портъ не загражденъ; ввѣны въ плѣнъ лейтенантъ и 7 матросовъ потопленнаго судна; у испанцевъ потерь не было; въ виду Сантъ-Яго стали 20 непріятельскихъ судовъ. Королева-регента поручила поздравить защитниковъ порта Сантъ-Яго.

Съ другою же стороною, по свѣдѣніямъ изъ Вашингтона отъ 23-го мая, морское министерство опубликовало телеграмму адмирала Сэмсона, сообщающаго, что ему удалось 22-го мая

потопить большое угольное судно „Merrimac“ у входа въ бухту: операція эта выполнена-де съ большимъ мужествомъ семью матросами подъ начальствомъ морскаго инженера, которые, какъ извѣстилъ испанскій парламентъ, взяты въ плѣнъ; двое изъ нихъ легко ранены. Въ Сантъ-Яго, по донесенію американскаго адмирала, „находятся шесть испанскихъ судовъ, которыя не могутъ избѣжать плѣна или гибели“.

Дальнѣйшія свѣдѣнія съ театра военныхъ дѣйствій извѣстны о болѣе рѣшительномъ оборотѣ дѣла. По испанскимъ источникамъ отъ 27-го мая, сильная атака американцевъ снова отбита; поврежденія батарей исправлены; убитыхъ и раненыхъ немного. Подтверждала это извѣстіе, морской министръ прочелъ въ палатѣ телеграмму адмирала Сервера: 10 американскихъ судовъ бомбардировали испанскую эскадру и побережье у Сантъ-Яго; потери не велики; поврежденія съ военной точки зрѣнія—незначительны; высадка непріятеля въ одномъ пунктѣ отбита. Подробности въ Мадридѣ пока неизвѣстны, что объясняется въ политическихъ кружкахъ необыкновенной строгостью телеграфной цензуры на Англійскихъ островахъ, пропускающей только официальныя версіи.

Не таковы, однако, сообщенія изъ Вашингтона, гдѣ текуція событія находятъ всецѣло подъ контролемъ общественнаго мнѣнія Штатовъ. По донесеніямъ о послѣдней бомбардировкѣ, американская эскадра выпустила утромъ 25-го мая слишкомъ полторы тысячи снарядовъ изъ однихъ только крупныхъ орудій. Американцы открыли огонь при густомъ туманѣ и проливномъ дождѣ; испанцы стрѣляли плохо; эскадра Шлея подошла ближе къ берегу; скоро испанскія батареи заглохли; всѣ форты одинъ за другимъ скрыты и уничтожены пожарами; испанское судно, пытавшееся взорвать потопленный американскій вспомогательный крейсеръ, вынуждено было прекратить эту работу, потерявъ нѣскольکو человекъ убитыми; высадившійся вблизи Байткверы американскіе матросы при поддержкѣ инсургентовъ заняли укрѣпленную позицію, при чемъ отбитыя испанская пѣхота и кавалерія потеряли большой уронъ; начата выгрузка большихъ орудій. Адмиралъ Сэмсонъ официально сообщилъ, что съ десяти часовъ утра береговая укрѣпленія Сантъ-Яго совершенно замолкли; американцы тоже прекратили огонь; у нихъ не оказалось никакихъ потерь, ни одного раненаго.

Такимъ образомъ дѣйствія американцевъ у Сантъ-Яго, по видимому, увѣнчались успѣхомъ: убѣдившись, что испанская эскадра обречена на бездѣйствіе, американцы быстро приступили къ высадкѣ войскъ на Кубу, куда, по проекту военнаго министра, внесенному 20-го мая въ палату, предложено отправить 20 тысячъ войска, за которыми немедленно должно выслать еще 50 тысячъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣе проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой подписной платы за „Ниву“ 1898 г., озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подъ которую получается ими „Нива“.

БЕЗЪ СОМНѢНІЯ
самая лучшая приправа къ
кушаньямъ.

Одной или двумя чайными ложками
„ГУСТО“ на чашку горячей воды при-
готавливается моментально прекрасный и
вкусный бульонъ.
Прейсъ-курранты высылаются по первому
требованію.

Иллюстрац. каталогъ для охотниковъ без-
В. № 11260 платно. 3-2

ОЦИНКОВАННОЕ

НИКОГДА НЕ РЖАВЬЮЩЕЕ
ГАЛЬВАНИЗИРОВАННОЕ ЖЕЛѢЗО
ДЛЯ КРЫШЪ
НЕ ТРЕБУЕТЪ НИКОГДА ОКРАСКИ.

Заводъ Н. В. ЧЕРЕПОВА,
въ Москвѣ, Тверск. заст., Петерб.
сл., с. д. (7)
Прейсъ-курранты бесплатно.
Ручательство въ непроржавленіи
на **ДЕСЯТКИ** лѣтъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ.
Одна изъ первыхъ нѣмецкихъ фабрикъ роде-
лей и пшанно, пользующаяся уже въ настоя-
щее время въ Россіи большою извѣстностью,
желаетъ открыть въ Москвѣ, Варшавѣ, Астра-
хани, Тифлисѣ, Томскѣ и Иркутскѣ соб-
ственные склады своихъ издѣлій на весьма
выгодныхъ условіяхъ. Требуется залогъ отъ
15 до 20 тысячъ руб. Желających принять
представительство просить обращаться пись-
менно: въ Торг. Домъ Л. и Э. Метцля и К^о.
СПБ. Большая Морская, д. 11 подъ № 11875.

ВЕЛОСИПЕДЫ „НАУМАНЪ“
ПОЛЗУЮТСЯ ВСЕМІРНОЮ ИЗВѢСТНОЮ

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВО ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ ГОРОДАХЪ.

ЗЕЙДЕЛЬ и НАУМАНЪ, ДРЕЗДЕНЪ.

В. № 11151 12 0

№ 4711. Кто лю-
битъ запахъ
настоящей фиалки,
тотъ пусть требуетъ
ЭССЕНЦІИ
„РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“
(Violette du Rhin.)
Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій,
даже въ теченіе нѣсколь-
кихъ недѣль не вы-
дыхающійся.

№ 4711. Въ одностороннего
превосходнаго ка-
чества.

№ 4711 du rhin.
№ 4711 Sachets violette du rhin.

Продается въ аптекарскихъ
и парфюмерныхъ магазинахъ

Ц. № 11023 (11)

Санаторія д-ра Ремплера
для страдающ. грудными болѣзнями
въ ГЕРБЕРСДОРФЪ, въ СИЛЕЗИИ.

Находясь съ 1875 г. подъ личнымъ врачевнымъ наблюденіемъ владѣльца, Герберсдорф-
ская лѣчебница, расположенная высоко надъ уровнемъ моря и снабженная помѣще-
ніемъ для пользованія слабыми болѣзнями воздухомъ, представляетъ самыя благопріят-
ныя условія для лѣченія, за умѣренныя цѣны. Объявленія высылаются бесплатно
Д-ромъ Ремплеромъ. К. № 11254 2-2

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ
УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ
ЛАБОРАТОРІЯ
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. М.

ГЛИЦЕРИНЪ ВЕЛУРЪ
СРЕДСТВО ДЛЯ ПРЕДОХРАНЕНІЯ ОТЪ ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ И
КРАСНОТЫ ЛІЦА.
Глицериновое молоко. Вода де Лисъ
и Ирисовое молоко. де Нинонъ для кожи.

УПАКОВАНІЯ: С. ПЕТЕРБУРГЪ
КОНСЕРВНОЕ ПР. М. № 25 (Сенаторск. М. М. М.)
НЕВСКІЙ ПР. М. № 25 (Сенаторск. М. М. М.)

ТОЛЬКО РАЗЪ ВЪ ЖИЗНИ БЫВАЕТЪ ПОДОБНЫЙ СЛУЧАЙ.
БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА

Однѣ изъ лучшихъ американскихъ заводовъ выдѣли въ Блэко металл „Британъ“
(British Silver), который по виду и по качеству нѣсколько не уступаетъ настоящему серебру,
— именуемъ былъ назначать исключительно распродажу всѣхъ своихъ товаровъ.
Дѣльцами пользуются въ Вѣнѣ европейскаго склада этого завода порученіемъ.
Поэтому желаніе получить отъ меня въ ничтожномъ цѣну 12 руб. въ которую
входитъ уже и новыя упаковочныя въ Россіи посылки, исключительные вещи
6 штукъ америк. патентован. (British Silver) столовыхъ ложекъ съ настоящими английскими
клинками.
6 штукъ америк. патентован. (British Silver) столовыхъ ложекъ
12 штукъ америк. патентован. (British Silver) чайныхъ ложекъ
1 шт. америк. патентован. (British Silver) большой раздѣльной ложки
1 шт. америк. патентован. (British Silver) малая ложка
2 шт. америк. патентован. (British Silver) подставокъ для яицъ.
6 штукъ фруктовыхъ ножей бронзово-розовой стали съ фарфоровыми черенками. (Vaux Saxe.)
6 шт. америк. патентован. столовыхъ ножей-вилки
2 шт. америк. патентован. столовыхъ ложекъ для чая.
1 шт. америк. патентован. сѣтка-ложка для сахара.
1 шт. америк. патентован. сѣтка-ложка для сахара.

Всего 60 штукъ; стоятъ только 12 руб.
Желаніе воспользоваться рѣдкимъ случаемъ просить посылить свои заказы, або
продать будетъ производиться только послѣдній изъ нихъ, а именно: выдѣль
Съ требованіемъ можно обратиться на русскій языкъ. Вещи высылаются до полученаго платежа
или по получении платежа.
Всего 60 штукъ; стоятъ только 12 руб. Желаніе воспользоваться рѣдкимъ случаемъ просить
посылить свои заказы, або продать будетъ производиться только послѣдній изъ нихъ, а именно: выдѣль
Съ требованіемъ можно обратиться на русскій языкъ. Вещи высылаются до полученаго платежа,
или по получении платежа.
Адресовать письма просить: **В. ИХ. EXPORTHAUS, Wien, II Praterstrasse № 11.** Въ всѣхъ вышесказанныхъ
60 штукъ стоятъ съ упаковкою только 12 руб. Въ цѣну выдѣль уже упаковочныя вещи посылки.

ROYAL-MONDAIN
EXTRAIT TRIPLE
GELLÉ FRÈRES
Parfumeurs
6, Avenue de l'Opéra, 6
PARIS

PASTILLES VICHY-ÉTAT
aux Sels Naturels extraits des Eaux
Vendues en boîtes métalliques scellées.

COMPRIMÉS VICHY-ÉTAT
aux Sels Naturels extraits des Eaux
pour fabriquer
l'EAU ALCAINE GAZEUSE

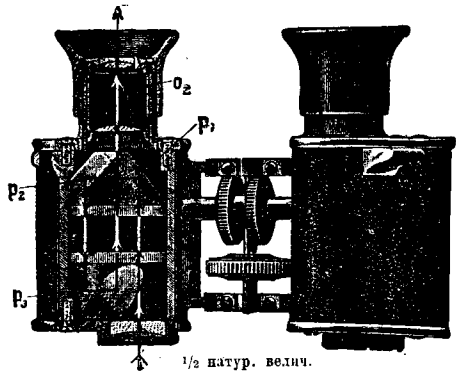
ФАБРИКА
„СКЛАДЪ“
Бруно Зенгеръ К^о
С.Петербургъ, Невскій Пр. № 25 (Сенаторск. М. М. М.)
Фотогр. Аппараты
и Принадл.

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ОТЪ
ЗАИКАНІЯ
К. Ю. ЗРНСТЪ, Москва, Б. Никитская, д.
бывш. Чернева, кп. № 6.
Руководство къ самообученію 3 руб.

ЖЕМЧУГЪ
ХОРОШІЙ РОВНЫЙ
ВЪ НИТКАХЪ И ВЪ ВЕЩАХЪ
ПОКУПАЕТЪ 20-17
ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ
К. ФАБЕРЖЕ.
Москва, Кузнецкій мостъ, № 4.

ПРАКТИЧНЫЙ КАРМАННЫЙ
ПИСЬМЕННЫЙ ПРИБОРЪ
со итмпел. им., отч. и фамил. и сургуч
печатью. Цѣна съ пересылкой только 1 р.
2 шт. 1 р. 80 к.; 3 шт. 2 р. 40 к. Заказы
и деньги можно переслать почтов. перевод
Адресовать:
НА ФАБРИКУ
І. Д. ЛЕВИНСОНА,
ВАРШАВА, Сенаторская, 30.

НОВЫЕ БИНОКЛИ ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЕ TRIEDER-BINOCLE

1/2 натур. велич.

„Бинокли-Триедеръ“ значительно превосходятъ всё до сихъ поръ употребляемые бинокли (театральные, полевые и пр.), увеличивая, при одинаковомъ съ ними полѣ зрѣнія, въ 8—10 разъ **силнѣе**, а при одинаковомъ увеличаніи захватывая въ 8—10 разъ **болѣе обширное поле зрѣнія**. Въ принципѣ „Бинокль-Триедеръ“ представляетъ собою кеплеровскую трубу, съ тѣмъ лишь, что картина въ немъ воспроизводится посредствомъ системы призмъ. „Бинокль-Триедеръ“ незамѣнимъ въ театрѣ и въ дорогѣ, а также для военныхъ, моряковъ, охотниковъ, на скачкахъ и на гонкахъ. На каждомъ биноклѣ имѣется наша фирма. Получать можно во всѣхъ лучшихъ оптическихъ магазинахъ по фабричнымъ цѣнамъ.

№ 10748 16-8

Цѣна для Россіи включительно съ пошлиной и пересылкой: увелич. въ 3 раза—63 р.; въ 6 разъ—75 р.; въ 9 разъ—88 р.; въ 12 разъ—100 р. Подробныя описанія устройства и прейсъ-курантъ высылаются бесплатно.

Оптическое заведение
New-York, 52, East Union Square.
London, Ross, 111, New Bond Street.

C. P. GOERZ

Berlin-Friedenau.
Rhein-Strasse, 45—46.
Paris. 21 Rue de l'Entrepret.

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНЪ.

**ДѢЙСТВИТЕЛЬНО
ПИТАТЕЛЬНЫЙ НАПИТОКЪ.**

Въ 100 частяхъ какао Ванъ-Гутена содержится болѣе шестидесяти частей полезныхъ питательныхъ веществъ; этимъ объясняется тотъ успѣхъ, которымъ оно пользуется среди другихъ сортовъ шоколада и среди другихъ напитковъ, вродѣ чая и кофе. Приготовленіе его очень легко, просто и быстро.

Р. № 11271 2-1

КОНТОРА и СКЛАДЪ МАШИИЪ

К. ЛЮКЕ

Мясницкая, домъ Давыдовомъ, бывшій МОСКВА.
СПИРИДОНОВОЙ

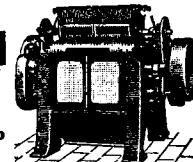
ПАРОВЫЯ МАШИИНЫ,
ЛОКОМОБИЛИ, ТУРБИНЫ, ВАЛЬЦОВЫЕ СТАННИ

и ВСЕ ДРУГІЯ МЕЛЬНИЧНЫЯ МАШИИНЫ и ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

ГОТОВЫЯ МЕЛЬНИЦЫ

НОВЫЕ АППАРАТЫ

„ХОЗЯИНЪ“

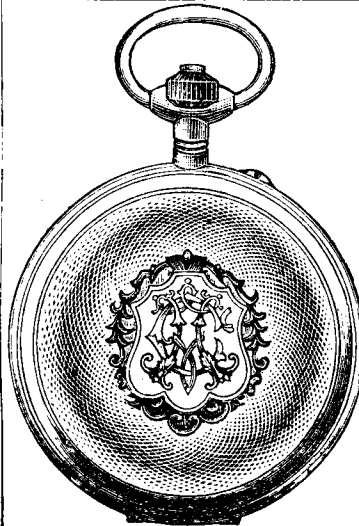
„ЭКОНОМЪ“

длѣ
КРЕСТЬЯНСКИХЪ и
ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ
МЕЛЬНИЦЪ.

длѣ очистки обраб. масла.
ПРОДАЖА и ВЫПИСКА
МАШИИЪ
длѣ всѣхъ фабрикъ и за-
водовъ.

НЕРОСИНОВЫЕ и НЕФТЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ.

Телеграммы: КАЛЮКЕ, Москва.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованному способу изготовленія часовъ я имѣю возможность продавать съ 1 января с. г., самые элегантные и прочные МУЖСКІЕ ЧАСЫ американскаго золота, трудно отличаеыые, даже специалистами, съ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, - крытые алперъ, механизмъ самой лучшей конструкціи, съ прекрасною цѣлочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, или съ портретомъ, согласно присланной фотографической карточки, вмѣсто 18 и 20 руб.

Только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящіе золотые, а въ послѣднее время я у насъ вхожу въ всеобщее употребленіе.
Такіе же ДАМСКІЕ дороже на 1 рубль.
Гисменное ручательство на 6 лѣтъ.
Высылаю вполнѣ вѣрныя часы по полученіи задатка 2 руб., остальное же наложеннымъ платежемъ.

А ДРЕСЪ:

Ш. БИТКЕРЪ

складъ неневицкихъ и американскихъ часовъ въ Варшавѣ, Сенаторская № 27 и Вербовая № 11, противъ Правительственнаго театра.

Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый вземиларъ снабженъ пломбою фирмы, утвержденной Департаментомъ торговли и мануфактуръ за № 29593/135.

Извѣщенія изъ аттестаций, полученныхъ моимъ складомъ:

Милостивый государь Г. Биткеръ.
Убѣдившись въ добротности исполненія Вашимъ магазиномъ иногороднихъ заказовъ, я отъ всей души приношу вамъ глубокую благодарность за высланные мнѣ въ село Насадку часы накладного золота, такъ какъ прочность высланнаго превзошла мои ожиданія, прошу еще выслать часы и т. д.
Съ почтеніемъ А. Н. Воронинъ. № 97 г. Пермь.
Милостивый государь г. Биткеръ.
Нижне чины вѣрной миѣ команды, выписавшіе изъ Вашего магазина вещи, очень довольны выполненіемъ заказа и просятъ передать Вамъ глубокую благодарность за полученныя вещи.
Прошу принять увѣреніе въ совершенной почтеніи. Капитанъ Ганс.
И множество другихъ.
№ 11231 4-3

БЕЗВРЕДНАЯ УРБАНА
КРАСКА ДЛѢ ВОЛОСЪ и БОРОДЫ
БЕЗЪ ЛЯПИСА

Вновь изобрѣтенное безвредное средство для быстрого окрашенія свѣдлыхъ волосъ и бороды въ черныя, русыя, темныя и свѣтло-каштановыя цвѣта.
Цѣна за 1 флаконъ 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.
ПРОДАЕТСЯ въ аптекахъ и косметич. магазинахъ. Глав. ный складъ С. ПЕТЕРБУРГЪ, АПТЕКАРСК. МАГАЗИНЪ А. Урбанъ. С. ПБ. Большая Конюш., № 1.

ПЕЧЕНІЕ
ГЕРКУЛЕСЪ
изъ АМЕРИКАНСКОИ
ОВСЯНОЙ КРУПЫ
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
С. СІУИКЪ

САНАТОРИЯ ДРАХЕННОПФЪ.
Лѣченіе горныхъ воздухомъ. ЭВЕРСАЛЬДЪ близъ БЕРЛИНА. Здоровый климатъ. Физически-дѣтетическія лѣчебныя средства. Терапія по системѣ Суггестіонъ. Идѣлично спокойное расположеніе въ непыльной, окруженной лѣсомъ мѣстности на высотѣ Драхеннопфа. Комфортабельно благоустроенная. Огромный паркъ съ приспособленіями для лѣченія чистымъ горнымъ воздухомъ, солнечными и атмосферными горными ваннами и т. д. Завѣд. врачъ: докторъ медиц. фонъ-Невиллфельдъ. Проспекты бесплатно. Владѣлецъ Г. Ремеле. Р. № 11165 13-4

Курите
„Московскія гильзы“
 изъ всемирно-извѣстной франц. бумаги
„КАРТУШЪ“
 паровой фабрики 4-2
С. М. АНАНОВА,
 въ Москвѣ, у Рогожской заставы.

Иодисто-соляное **КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ.** Верхняя Австрія.
 Самая крѣпкая иодистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ общихъ и спеціальныхъ болѣзней, при которыхъ иодъ служитъ важнымъ лечебнымъ средствомъ. Превосходныя лечебныя приспособленія (купанья и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, кефиръ). Весьма благоприятныя климатическія условія. Жельандорожская станція. Путь черезъ Линцъ на Дунай или черезъ Штейеръ. **СЕЗОНЪ** съ 16-го мая по 30-е сентября. Ваннами можно пользоваться также съ 1-го до 15-го мая. Подробная программа на разныхъ языкахъ высылаеть бесплатно
 R. № 11055 4-4 Лѣчебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

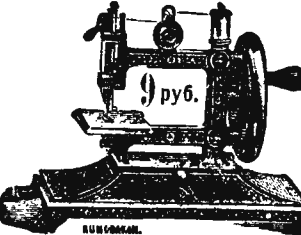
ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (21)
 Специалистъ хронометровъ
 СПбургъ, Невскій пр. № 52
 прот. Нил. Публ. Библиотеки.
 Подробный каталогъ, прейскурантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство н 2 года.
 Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

Большое депо часовъ
НЕСКІИ ПР. № 32
БАЛЬТШРАГГЪ
 РОСІЯ
 РАТНО ИМЕ. ЦЕРКВН.
 ПРОТИВЪ ДУМЫ
ПЕТЕРБУРГЪ
 Пріектъ Куръ Высшій Бѣ. ПЛ.

Новость, которая возбуждаетъ всеобщій интересъ, есть получившая премию въ Чикаго
РУЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА «THE JEWEL»,
 которая шьетъ всякую матерію, толстую и тонкую, сукно и полено такъ же аккуратно, какъ самая большая швейная машина. Конструкция вся изъ желѣза и стали, изліяція отполированная, съ регуляторомъ, шпульками, иглоками, леечкой для масла и иллюстрированнымъ понятнымъ изліяниемъ руково-
 жениемъ. Всѣхъ 5 клго. Каждая машина шьетъ тщательно провѣренный ходъ и стоитъ со всѣми приспособленіями для шитья всевозможныхъ матерій и мною оплаченной пошпиной только 9 рублей. Высылаеть по получении всей суммы или 3 рублей задатка:
M. Rundbakin, Wien, Taborstrasse 35. Пльва (Австрія).
 Пошпину уплачиваетъ сама фабрика. П. № 11256 5-2

ОСТОРЕГАТЬСЯ ПОДЪЛКИ
ПРОВИЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
 ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕГО ПОТЛИВОСТИ И
 ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИЯСТВА
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
 К. № 50 1/2 К. № 30

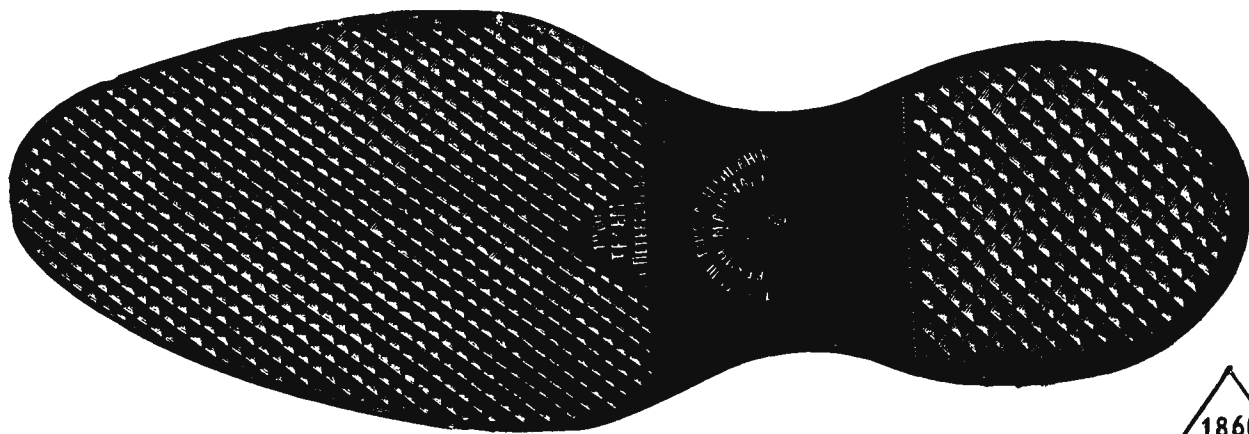
НА ВОСПИТАНІЕ ИМУЩЕСТВЪ БОЛѢЗНИХЪ ДѢТЕЙ ВЪЗРАСТАЮЩИХЪ
СКОРБИ
 60.
 ТЕЛЕФОНЪ 1360
КОПИРАТОРСКОЕ
ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВОЕ
ОБЩЕСТВО
ПРОСИТЪ
 ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ
 ЖЕЛЕТОВАТЬ
 СЮ
НЕОУЖИВЪ ВЕЩИ
 АУДИОНЪ
 ПО ВТОРИНАМЪ
ВОСПИТАНІЕ
 до 500 руб.
 ТЕЛЕФОНЪ 3678. ТЕЛЕФОНЪ 1141.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.
 Въ послѣднее время появилась подѣлка извѣстнаго нашего
CRÈME VÉNUS,
 разрѣшеннаго С. П. Столичнымъ Врачебнымъ Управленіемъ за № 2960.
 При покупкѣ настоящаго крема въ плоскихъ банкахъ просимъ обязательно требовать на банкахъ подпись **С. Ф. Поповой и К^о**, какъ главныхъ представителей для всей Россіи, и
№ 2960. П. № 11250 4-2
 Главный складъ въ Москвѣ: магазинъ С. Ф. Поповой и К^о, Петровка, прот. Кредитн. Общ. Представитель въ С.-Петербургѣ: **И. И. Погосскій, Вас. Остр. 4 лиз., № 39.**

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
 учрежденное въ 1860 году,
 просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
 обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 10845 26-13
 на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ и К°.

РЕКОМЕНДУЕМЪ
для лѣтнаго сезона средство для
смягченія кожи рукъ и лица
ГЛИЦЕРИНОВЫЯ СЛИВКИ.

№ 11224 3-1

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ.

Специальность: Первоклассныя по отзывамъ государственн. учреждений
Желѣзисто-орѣшковые чернила

Неподдѣльно
только съ сѣй
предохрани-
тельной
маркой.

Наилучшія: для книгъ, актовъ, документовъ
и письменностей всякаго рода.

Копировальныя чернила.
Чернила для письма и копирования.
ЧЕРНИЛА ДЛЯ КНИГЪ.

„Атраль“ (жидкая книжечная тушь).
Несмывающаяся тушь для бѣлыя.
Жидкій клей и гумми.

Краски и подушки для штемпелей.

„НАРИНЪ“ краска для клейменія мяса,
безвредна, скоро высыхаетъ, не расплывается
отъ воды.

Автографич. и гектографич. чернила.

Гектографич. листы и масса.

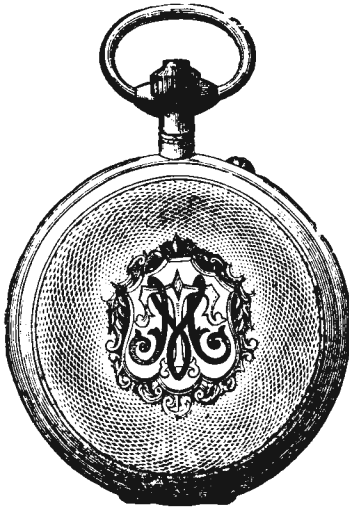
Химич. фабрики чернилъ, основ. въ 1826 г.

Авг. ЛЕОНГАРДИ
въ Дрезденѣ.

Изобрѣтателя и единств. фабриканта всемірно-
№ 11232 известнѣхъ 12-2

Алицариновыхъ чернилъ для письма
и копирования,

легко стекающихъ и вполнѣ прочныхъ же-
лѣзисто-орѣшковыхъ чернилъ 1-го класса.
Во избѣжаніе поддѣлокъ просятъ обращать вни-
маніе на вѣхъ. въ Россіи этикетъ и фабрич.
предохранил. марку.

Благодаря большому сбыту и новому усо-
вершенств. способу изготовленія часовъ,
а имѣю возможность продавать съ 1
июля мнч. г. самыя элегантныя и прочныя
МУЖСКИЕ ЧАСЫ американскаго
золота, трудно отличаемыя, даже спе-
циалистами, отъ настоящихъ, дорого стоя-
щихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, меха-
низмъ самой лучшей конструціи съ пре-
красною цѣпочкою, тоже американскаго
золота, съ брелокомъ и, по желанію заказ-
чика, съ его монограммой на верхней
крышкѣ, вмѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣс-
нили настоящіе золотыя, а въ послѣднее
время и у насъ входятъ во всеобщее упо-
требленіе. Такіе же **ДАМОНІЕ** дороже
на 1 рубль.

Письменное ручательство
на 6 лѣтъ.

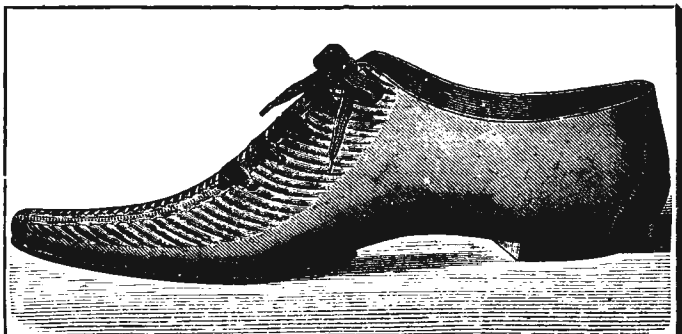
Рисую вполнѣ выѣранные часы по
полученіи задатка 2 р., остальное же на-
ложенномъ платежѣмъ. АДРЕСЪ:

Ш. ГЕЙЛЕРЪ

Складъ женевскихъ часовъ въ Варшавѣ, Королевская, 29а.

◆ Множество благодарств. писемъ и отзывовъ. ◆

Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземп. снабженъ пломбою фирмы, утвержд. депа-
таментомъ торговли и мануфактуръ. № 11065 5-12

Мы продали **СКОРОХОДОВЪ** въ:

1890	году	9.000	паръ
1891	"	32.000	"
1892	"	55.000	"
1893	"	81.300	"
1894	"	142.700	"
1895	"	169.000	"
1896	"	186.500	"
1897	"	261.000	"

1898 г. до сихъ норъ **307.400** паръ.

Вслѣдствіе громаднаго оборота намъ сдѣлалось возмо-
жнымъ значительно усовершенствовать техническую сторону
ншего производства, послѣдствіемъ этого явилось удеше-
вленіе цѣнъ на скороходы, какъ для мужчинъ, такъ и для
женщинъ.

**Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго
Производства Обуви.**

**ДУШЪ
ТЮРНИКОВА.**

Цѣна 2 р. 50 к.
за штуку.

Пересылка наложен-
нымъ платежѣмъ.

Душъ „Тюрникова“ представляетъ изъ
себя самодѣйствующій аппаратъ для
купанья, вставленный въ любое ведро, пред-
варительно подвѣшенное съ водою къ по-
толку, стѣнѣ, въ саду къ дереву и т. д.,
дѣйствуетъ такою мягкою струею, что съ
нимъ не могутъ сравняться никакіе аппа-
раты, существовавшіе до сего времени.

Разборный—вѣсъ 1 1/2 фунта.

Удобенъ во всякой квартирѣ, на
дачѣ, въ саду, въ лагеряхъ, въ
лѣчебныхъ санаторіяхъ и проч.
и проч.

Признавъ полезнымъ для всѣхъ.

Изобрѣтатель имѣетъ награду—больш. сер.
медаль Каз. научн. промышл. выставки 1890 г.

Адресовать: **САРАТОВЪ, Алексію ТЮР-
НИКОВУ,** Провіантская ул., собств. домъ.

Привилегированъ
въ Россіи и за-границей.

КУРГАУЗЪ НАССАУ (Ланъ) БЛИЗЪ ЭМСА.

Водолѣчное заведеніе. Массажъ. Электрическое лѣченіе.
Завѣдывающій врачъ Д-ръ Э. Пѣнгенъ, ассистентъ д-ръ Ф.-Экк.

В. № 14820
23-12

ПАВЕЛЬ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Певскій пр. д. № 23.
Мясна, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

◆ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ◆
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-куррантъ высыл. по требован. бесплатно.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„Я. ЗИМИНА вдова и К°“

Москва, Теерская, близъ Газетнаго переулка,
д. Шабликинскихъ.

Къ сезону охоты заготовленъ громадный выборъ ру-
мей лучшихъ англійскихъ, нѣмецкихъ и бельгійскихъ
фабрикъ. Цѣны умѣренныя. Прейсъ-куррантъ безплатно.
Есть много новостей.

ЖИВА

№ 24.

КХІХ Г.

1898 г.

Содержаніе:

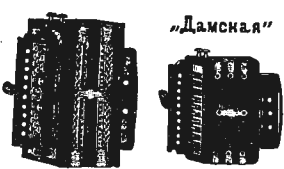
ТЕКСТЪ. Батистовый платокъ. Разсказъ В. Г. Австенко. (Продолженіе).—Былое. Любимья. Разсказъ А. А. Осипова.—Магнитныя аномаліи въ курской губерніи.—Прошлое и будущее Сахары.—Къ рисункамъ: Охота пуще неволи.—Пашней.—Разсказъ.—Мама идетъ.—Контрабандистки.—Спасена.—Двадцатипятилѣтне покореніе Хивы.—Алексъ Ведоровичъ Львовъ.—Потопленіе американскаго крейсера „Мерримакъ“.—Актъ въ с.-петербургской консерваторіи.—Разныя извѣстія.—Завлеченіе.—Объявленія.

РИСУНКИ. Скота пуще неволи. Картина И. Прянишникова.—Пашней. Ориг. рисунокъ А. Котляревскаго.—Разсказъ. Картина П. Габрини.—Мама идетъ. Ориг. рисунокъ И. И. Ижаневича.—Контрабандистки. Картина М. Шмидта.—Спасена. Картина Г. Шперлинга.—Къ двадцатипятилѣтню покоренію Хивы. Главныя участницы хивинскаго похода 1873-го года.—А. Ф. Львовъ (по поводу 100-лѣтія со дня рожденія).—Потопленіе американскаго крейсера „Мерримакъ“ у входа въ бухту Сантъ-Яго на о. Кубъ. Крейсеръ „Мерримакъ“. Инженеръ Ричмондъ Гобсонъ, потопившій крейсеръ. Испанскій фортъ у входа въ бухту Сантъ-Яго. Узкій проходъ въ бухту Сантъ-Яго, въ которомъ потопленъ крейсеръ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

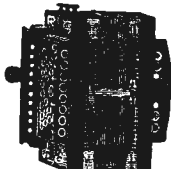
Редакторъ Р. И. Сементновскій.

ГАРМОНИИ ИЗВѢСТНѢЙШЕЙ ФАБРИКИ І. Ф. КАЛЬВЕ И ЛУЧШЕЙ ВѢНСКОЙ РАБОТЫ.

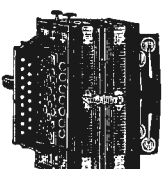

„Дамская“

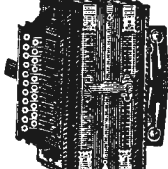
№ 3623—4 р. 50 к. № 3626—5 р.

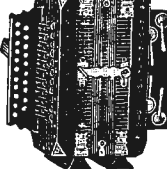
№ 3659—9 р.

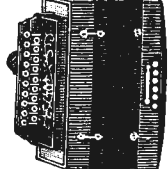
№ 3700—10 р.

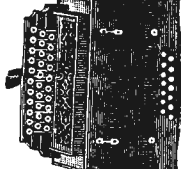
№ 3737—20 р.

№ 3750—25 р.

№ 3716—20 р.

№ 3780—28 р.

САМОУЧИТЕЛИ: для однорядной 1 р., для двух-рядной 1 р., для трех-рядной 75 к. Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И ПОТЪ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, № 34 и 40. МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

ЭЛЕОПАТЬ

проев. Кинунена
я употребляю.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая улица, № 13.

ПАМЯТЬ

лицъ каждаго возр. укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 урокъ.) профес. мнемоники С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкинской и Ваз. ул., собствен. домъ, № 28. Условія и 2 брош. (въ 64 стр.) высыл. за одну 7-ми коп. марку.

№ 10917 20—19

„КНИГА О КОНСЕРВАХЪ“.

Практическое и теоретическое руководство къ заготовленію овощей и плодовъ въ жестяныхъ и бутылкахъ, съ 13-ю рисунками, составленное МАРІЕЙ РЕДЕЛИНЪ, автор. извѣстн. книги „Домъ и Хозяйство“. Книга издана въ 16 д. л., 161 стр., и украшена 13-ю рисунками.

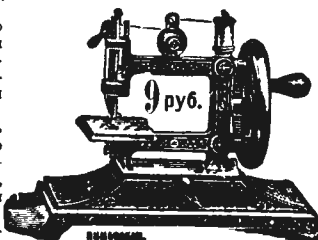
Цѣна 50 коп., съ перс. 60 коп. Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“. Малая Морская. № 22.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ.

Прод. во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ Россіи. Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ: ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ, въ Булаештѣ.

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ А. СІУИКО ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО МОЛОДОСТИ

Новость, которая возбуждаетъ всеобщій интересъ, есть получившая премию въ Чикаго РУЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА «THE JEWEL»,

М. Rundbakin, Wien, Taborstrasse 36. Вѣна (Австрія). Ц. № 11256 5—3. Пошлину уплачиваетъ сама фабрика.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Вс. С. Соловьева. Романъ-хроника XVIII в. Время паденія Вирона и водаренія Елисаветы. Изд. 8-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскош. коленк. перел. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

КРЕМЬ КАЗИМИ

— Продается всездѣ. —

ОТЪ ВЕСНУШЕКЪ.

ФАБРИКА И СКЛАДЪ Бруно Зенгеръ и К^о С.-Петербургъ, Невскій Пр. № 25 (Болдое Каменног.) Фотогр. Аппараты и Принадл. (Кратк. Прейсъ-Курантъ Бесплатно)

МИНИАТЮРН. А. РОМАТИЧ. БИНОЛЛЪ

Есть фирмы и фабрики. Мемма поддѣлки. со шнури. въ замшевомъ кошелькѣ. 8 р. 50 к., съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азіат. 9 р. 50 к. Съ наложеннымъ платеж. на 20 коп. дороже. „Лилипутъ“ лучшій бинокль нашего времени, удобно помещается въ карманъ жилета или между пуговицами мундира и вполне замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тѣсные биноелы. Е. КРАУСЪ и К^о. Фабр. оптич. инструм. въ Парижѣ. СКЛАДЪ ФАБРИКИ ДЛЯ РОССІИ С.-Петербургъ, Мойка, 42. 2—1. Илхот. пр.-кур. высыл. за семи-коп. марку.

ПРИГЛАШАЮТЪ 13-10 дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкрскій домъ Генрихъ Блоннъ. С.-Петербургъ, 59, Невскій.

ФИСГАРМОНИИ не уступающія по качествамъ, но вдвое дешевле заграничныхъ, съ ручательствомъ высылаетъ музыкальная мастерская при ц.-пр. школѣ на ст. Болдое, Ник. ж. д. Получены награды на Нижегородской и Стогольмской выставкахъ. Прейсъ-курантъ за 7-ми коп. марку. Адресъ: Болдое, Новг. губ., священнику Александру Снородумову.

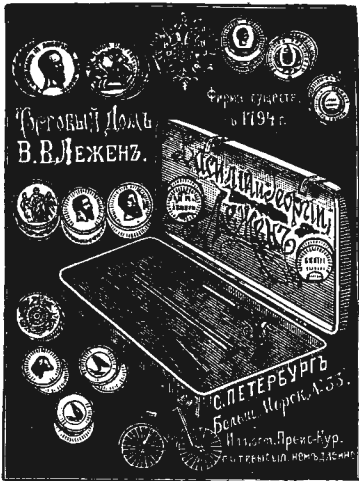
БУХГАЛТЕРІЯ Высылаются бесплатно пробныя лекціи-корреспонденціи и условія заочнаго изученія бухгалтеріи по премір. бол. зол. медалью методу С. Я. Лиленталя. Москва, Вутырки, № 49. Ц. № 10919 10—10

ВОЛИЦНИЙ личить наружныи, внутреннии болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2-4 и отъ 6-7 1/2 ч. в. № 11234 4-2

СИБИРСКІЙ СКЛАДЪ
КИТАЙСКІХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ
Д. А. Епанешникова
Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.

ЧЕ-СУ-ЧА.

Дамская отъ 10 до 18 р. кусокъ въ 26/28 арш.
Мужская „ 20 „ 40 р. кусокъ въ 26/28 „
Фанза „ 12 „ 50 р. кусокъ въ 21/22 „
Товаръ высылаю наложеннымъ платежомъ.
Образцы безплатно. 15-14

Иллюстрир. каталогъ для охотниковъ без-
В. № 11260 платно. 3-8

ИНТЕРЕСНАЯ НОВОСТЬ!
Новые америк. фонографы
только 25 рублей.
Прекрасно передаютъ музыку, пѣнье, разгово-
ры и проч., такъ громко, что слышии
одновременно цѣлому обществу на дале-
комъ разстояніи.
!Вещь дѣйствительно замѣчательная!
Валки тѣ же, что у прочихъ дорогихъ
фонографовъ. Цѣна съ одной пьесой,
мембраною для передачи и рупоромъ
25 руб. Пьесы отдѣльно по 3 руб., только
наилучшаго исполненія.
Главный агентъ для Россіи **ГУСТАВЪ**
ЛИТЪ. С.-Петербургъ, Гатчинская ул.,
д. № 19. Высылается немедленно по полу-
ченіи 10 руб. задатка.

Фабричная марка J. Rix.

Новости!
РЕФОРМА-ЧАСЫ-ЗВЪЗДА
NORWICH WATCH COMPANY.
Пересылка съ уплаченною нами пошлюиною.
Часы Реформа составлены изъ новаго свое-
образнаго металла, такъ что даже специалисту трудно
ихъ отличить отъ дѣйствительныхъ золотыхъ
часовъ.
Мы принимаемъ на себя за часы Реформа Nor-
wich Watch Company полнѣйшую гарантію въ томъ,
что они никогда не потеряютъ вида настоящихъ
золотыхъ часовъ. Патентованный механизмъ
часовъ Реформа Norwich Watch Company устроенъ
съ такою точностью и тщательностью, что каж-
дому, кто нуждается въ совершенно вѣрныхъ ча-
сахъ, мы ихъ можемъ самымъ убѣдительнымъ
образомъ предлагать. Къ каждымъ часамъ при-
лагается письменная трехлѣтняя гарантія. Цѣна
за штуку только 10 руб. съ уплаченною нами
пошлюиною.
Дамскіе часы 12 р. — Дамская-Реформа-цѣпочка 3 р.
Безплатную пересылку по указанному цѣнамъ
послѣ получения денегъ или наложеннымъ пла-
тежемъ беретъ на себя съ лишнимъ 30 лѣтъ су-
ществующая фирма часовыхъ издѣлій
ANTON RIX & BRUDER.
№ 11217 **WIEN, II 2 Praterstrasse No. 16/25.** 6-3
ОСТЕРЕЖЕНІЕ! Дѣйствительны только съ фабричною маркой J. RIX.

Новости!
РЕФОРМА-ЧАСЫ-ЗВЪЗДА
NORWICH WATCH COMPANY.
Пересылка съ уплаченною нами пошлюиною.
Часы Реформа составлены изъ новаго свое-
образнаго металла, такъ что даже специалисту трудно
ихъ отличить отъ дѣйствительныхъ золотыхъ
часовъ.
Мы принимаемъ на себя за часы Реформа Nor-
wich Watch Company полнѣйшую гарантію въ томъ,
что они никогда не потеряютъ вида настоящихъ
золотыхъ часовъ. Патентованный механизмъ
часовъ Реформа Norwich Watch Company устроенъ
съ такою точностью и тщательностью, что каж-
дому, кто нуждается въ совершенно вѣрныхъ ча-
сахъ, мы ихъ можемъ самымъ убѣдительнымъ
образомъ предлагать. Къ каждымъ часамъ при-
лагается письменная трехлѣтняя гарантія. Цѣна
за штуку только 10 руб. съ уплаченною нами
пошлюиною.
Дамскіе часы 12 р. — Дамская-Реформа-цѣпочка 3 р.
Безплатную пересылку по указанному цѣнамъ
послѣ получения денегъ или наложеннымъ пла-
тежемъ беретъ на себя съ лишнимъ 30 лѣтъ су-
ществующая фирма часовыхъ издѣлій
ANTON RIX & BRUDER.
№ 11217 **WIEN, II 2 Praterstrasse No. 16/25.** 6-3
ОСТЕРЕЖЕНІЕ! Дѣйствительны только съ фабричною маркой J. RIX.

ПЛУГИ,
вѣялки, молотилки, пожарныя машины, джи-
ны и пр. завода инженера В. И. Милотина
въ Череповцѣ, Новгор. губ. Зол. медали на
Всероссійскихъ выставкахъ 1882 и 1898 гг.

!ФЕЙЕРВЕРКЪ!
Складъ фейерверка и иллюминацій
въ С.-Петербургѣ
у ДОЙНИКОВА,
Казанская ул., д. № 5.
Каталогъ-прейс-курантъ высылается
безплатно.

УДОЧКИ и все принадлежності для рыбной
ловли извѣстной фабрики Алькоукъ и К° (S.
Allcock & Co in Redditch) вновь получены
изъ Англи въ большомъ выборѣ въ магази-
нахъ С. И. **ДОЙНИКОВА** СПБ. 1-й магази-
нъ — Невскій пр., Милотинъ рядъ, д.
Лѣсниковой, 27-18; 2-й магазинъ — Гост.
Дворъ, противъ Пажоскаго корпусу, № 73
и 3-й магазинъ — Чернышевъ пер., Банков-
ская линия, № 15. Иллюстр. пр.-кур. рыбо-
лови, принадл. высш. интгор. безплатно.

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ.
Спец. копиров. чернила.

Темно-фиолет. копир. чернила,
легко стекаютъ. По истеченіи мѣсяцевъ и даже
годомъ даютъ хорошия отчетливыя копии.
Черныя двойныя копир. чернила,
стекаютъ черными. Отъ 2 до 4 копій.
Копир. чернила „Non plus ultra“
для корреспонденціи съ дальн. странами.
Отъ 4 до 8 копій.
Чернила для книгъ и для копирования.
Алициариновыя чернила для письма и копи-
рованія. № 11222 12-3
Антрац. чернила для письма и копирования.
Черныя желѣзисто-орѣшковая чернила.
Черный чернильный порошокъ (атролитъ).
Химич. фабрики чернилъ, основ. въ 1826 г.
Авг. ЛЕОНГАРДИ
въ ДРЕЗДЕНЪ.
Изобрѣтателя и единственн. фабриканта
всѣмиро-извѣстныхъ
Алициариновыхъ чернилъ для письма
и копирования,
легко стекающихъ и вполнѣ прочныхъ желѣ-
зисто-орѣшковыхъ чернилъ 1-го класса.
Во избѣжаніе поддѣлокъ просимъ обра-
щать вниманіе на заявл. въ Россіи эти-
кетъ и фабричн. предохранит. марку.

КРАСИВО изучивается всѣмъ заочно
(посредствомъ переписки)
въ 15 уроковъ у
ПИСАТЬ профессора каллиграфіа
А. КОССОДО.
Конторско-коммерч. скорописъ, рондо,
готикъ и др. шрифты также преподаются
заочно. 9-9
Методъ преміи. на Парижской всемир.
выставкѣ 1889 г. удостоенъ золотой ме-
дали. За 4 семикон. марки вышн. проби.
письмо шрифтовъ, подробн. условія и об-
разцы заочно исправленъ, почерк. Адресъ:
профессору каллиграфіи Адольфу Кос-
содо въ Одессѣ. Дерибасовская, д. № 19.

SOURCES DE L'ETAT
CELESTINS
GRÈS-GRILLE
HOPITAL
VICHY
Avoir soin de désigner la Source.
П. № 10324 26-10

ДОЛОЙ ПОДЪЯЗКИ И ПУГОВИЦЫ!
посите здорово-эластично-пружинистый бюрокдержатель: удобно для всѣхъ и каждому,
здоровое и легкое держаніе, свободное дыханіе, нѣтъ давленія на нуту. Штука 70 коп.
съ пер. 1 р. (можно почтовыми марками); 3 шт. съ перес. 2 р. 50 к. (можно наложен.
платеж.). Требования адресовать: **Ю. С. ЖУКУ**, Варшава, Новоліпки, 30.

Поступило въ продажу новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**
„БОТАНИКЪ-ЛЮБИТЕЛЬ“.

Описаніе интересныхъ растений и поучительныхъ опытовъ съ ними. Составилъ Ф. Федо.
Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ дополненіями В. Я. Добровлянскаго.
Съ 200 рис. въ текстѣ. Цѣна 1 руб.

EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOHSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ
запахъ во рту. № 5121 (115)
Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ под-
дѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ
и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

№ 4711. Кто лю-
битъ запахъ
настоящей фіалки,
тотъ пусть требуетъ
ЭССЕНЦІИ
„РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“.
(Violette du Rhin.)
Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій,
даже въ теченіе нѣсколь-
кихъ недѣлей не вы-
дыхающійся.
№ 4711 du Savon violette
du rhin.
№ 4711 Sachets violette
du rhin.
Всѣ одинаковаго ка-
чества.
Продается въ аптекарскихъ
и парфюмеръ магазинахъ

Благодаря большому сбыту и новому усовер-
шенствованію способу изготовленія часовъ
нашего производства, а имѣю возможность про-
давать съ 1 января сего года самыя элгант-
ныя и прочныя **МУЖСКІЕ ЧАСЫ** американ-
скаго золота, трудно отличаемяе, даже спе-
циалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ
золотыхъ, — крытые анкеръ, механизмъ самой
лучшей конструкціи (удост. серебр. медалью
на Женевской выставкѣ въ 1898 г.), съ пре-
красною цѣпочкою, тоже американскаго зо-
лота, съ брелокомъ; по желанію заказчика, съ
его монограммою на верхней крышкѣ, вѣсто
18 и 20 руб.
только за 10 и 12 рублей.
Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили
настоящие золотыя, а въ послѣднее время и
у насъ входятъ во всеобщее употребленіе.
Такіе же дамскіе дороже на 1 р.
Письменно ручательство на 8 лѣтъ.
Высылаю вполнѣ вывѣренныя часы, по полу-
ченіи задатка 2 руб., остальные же наложен-
нымъ платежемъ. Выписывающіе за пересылку
не платятъ.
Адресъ: **Ю. ГУБЕРЪ**
Одесса, Почтовая, № 21, Складъ жевневскихъ
Ц № 11296 часовъ. 4-1
Безплатно получаетъ каждый выписывающій болѣе 2 штуки настоящій яктарный
мундштукъ для папирсъ или сигаръ.

XXIX г.
№ 24

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXIX
1898

Выданъ 13 іюня 1898 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „Ниву“ 1898 г.

Охота пуще неволи. Съ карг. И. Прянишникова грав. И. Павловъ.

Батистовый платоць.

Разсказъ
В. Г. Австенко.

(Продолженіе.)

XIV.

Въ маленькой гостиной, въ четвертомъ этажѣ одного изъ тѣхъ новыхъ домовъ, въ которыхъ парадныя лѣстницы устроены такъ, что на нихъ выходятъ также квартиры, имѣющія окна во дворъ,— раннія петербургскія сумерки боролись съ свѣтомъ лампы, слегка окрашеннымъ желтымъ абажуромъ. У стола, передъ этой лампой, сидѣла дама лѣтъ двадцати-восьми, и просматривала газету, которую не успѣла утромъ прочесть. Но чтеніе, повидимому, не особенно интересовало ее. Въ ясныхъ, голубовато-сѣрыхъ глазахъ ея выразилось вниманіе, только когда она дошла до репортерской замѣтки, сообщавшей, что дознаніе по дѣлу объ убійствѣ Уханскаго дѣятельно продолжается, но пока еще ничто не наводитъ на слѣды убійцы. „Впрочемъ, — осторожно добавляла замѣтка: — нѣкоторыя обстоятельства, обнаруженныя при обыскѣ квартиры убитаго, заставляютъ предполагать, что рука, нанесшая смертельную рану, была рука женщины. Городскіе слухи идутъ дальше, и подозреваютъ романтическіе мотивы преступленія — мщеніе обманутой любви“.

Молодая женщина отбросила газету и, откинувшись въ креслѣ, задумалась.

„Какъ это странно, — говорила она сама съ собою: — судьба словно нарочно послала неизвѣстную мстительницу за меня. Вѣроятно, какая-нибудь несчастная, съ которой онъ поступилъ еще хуже,

чѣмъ со мной, и у которой больше характера и страсти... Но какъ это ужасно, ужасно!"

И ей съ необычайною ясностью представился весь ея печальный романъ съ Уханскимъ. Его наружность, его самоувѣренный тонъ избалованнаго знатока женщины и женской жизни, произвели на нее впечатлѣніе. Онъ это тотчасъ подмѣтилъ и, по своему обычаю, сталъ преслѣдовать ее горячо, неотступно, не давая ей опомниться, отойти отъ опасности, подстерегая въ ней приближающуюся минуту остраго увлеченія, самозабвенія, готовясь захватить ее врасплохъ. И она увлеклась, она — честная женщина, жена хорошаго человѣка, котораго уважала, къ которому понемногу привязалась, — увлеклась и уступила, сама до сихъ поръ не зная, уступала ли она своевольному капризу возбужденныхъ нервовъ и крови, или сдѣлалась жертвою полу-насилія. А потомъ настало отрешеніе, муки оскорбленнаго стыда и самолюбія, а съ его стороны — какое-то обидное, торжествующее состраданіе, съ недвусмысленными выходками заблаговременной самообороны противъ предполагаемыхъ притязаній. Притязаній! Но развѣ она притязала на что-нибудь? развѣ она хотѣла длить эти роковымъ образомъ завязавшіяся отношенія? Она хотѣла бы только, чтобъ онъ не ронялъ себя такъ низко въ ея глазахъ, не разрушалъ бы такъ безпощадно ея иллюзій, не заставлялъ бы презирать себя, страдать мучительнымъ чувствомъ безсильной мстительности...

Когда вѣсть объ ужасной смерти Уханскаго достигла ея, она была несказанно потрясена. Затаенное, злое чувство торжествовало въ ней, несмотря на леденящій ужасъ преступленія. Она сознавала себя отмщенною, и въ этомъ кровавомъ отмщеніи какъ будто заключалась часть искупленія ея собственнаго позора.

Впечатлѣніе катастрофы подѣйствовало на нее тѣмъ сильнѣе, что въ ту самую ночь, можетъ-быть за часъ до убійства, она видѣла Уханскаго въ маскарадѣ, и была оскорблена его почти презрительнымъ обращеніемъ съ ней. Она припоминала, что мстительное чувство обиды и злобы съ такою силою шевельнулось тогда въ ея сердцѣ, что будь они одинъ на одинъ, и имѣй она въ рукѣ какое-нибудь оружіе, она, можетъ-быть, бросилась бы на него... Она припоминала еще больше: эта неизвѣстная маска, закутанная въ черное кружево, сидѣвшая съ Уханскимъ, произвела на нее такое впечатлѣніе, какъ будто между ними существовала какакто необъяснимая связь. Она ее ненавидѣла, и сочувствовала ей... Она говорила ей мысленно: ты пройдеши черезъ тѣ же муки увлеченія и стыда, и такъ же, какъ я, будешь желать убить его. И когда, съ этимъ мысленнымъ обращеніемъ къ ней, она обмѣнялась взглядами съ той неизвѣстной женщиной, ей почудилось въ ея глазахъ что-то странное, роковое, какъ будто ея мысль была прочитана, какъ будто совершилось гипнотическое внушеніе... Она тогда внутренно вся вздрогнула, и это ощущеніе до сихъ поръ иногда отзывается въ ея нервахъ.

XV.

Въ этихъ припоминаніяхъ самой страшнаго страницы жизни прошло довольно много времени. Молодая женщина не слышала осторожнаго звонка въ передней, и очнулась только, когда горничная подала ей карточку, со словами:

— Спрашиваютъ, могутъ ли видѣть васъ по дѣлу.

На карточкѣ стояло: „Яковъ Ильичъ Нарѣзный, судебный слѣдователь“.

„Что ему можетъ быть нужно? — подумала съ недоумѣніемъ молодая женщина. — Ужъ не узнали ли, что я была знакома съ Уханскимъ, и не ищутъ ли у меня какихъ-нибудь свѣдѣній?“

— Приси, — сказала она громко, пожавъ плечами и вставая.

Нарѣзный вошелъ своей немножко мѣшковатой походкой и раскланялся, быстро и зорко окинувъ взглядомъ не только хозяйку дома, но и всю комнату.

— Извините за безпокойство, но такого рода дѣло... Я имѣю удовольствіе видѣть Софью Михайловну Лопачинскую? — проговорилъ онъ.

Молодая женщина отвѣтила наклоненіемъ головы и предложила сѣсть. Нѣсколько брезгливое выраженіе, лившееся на ея лицѣ, показывало, что гость ей не нравится.

— Что же собственно вамъ угодно? — спросила она не очень любезнымъ тономъ, садясь по другую сторону круглаго стола.

Нарѣзный, опускаясь на кончикъ кресла, опять бросилъ зоркій взглядъ на Лопачинскую и на всю обстановку гостиной.

— У меня на рукахъ находится сдѣдственное дѣло о насильственной смерти Уханскаго, — заговорилъ онъ: — по этому поводу было бы очень желательно получить нѣкоторыя свѣдѣнія отъ лицъ, хорошо знавшихъ его. Поэтому я и позволилъ себѣ обезпокоить васъ, такъ какъ Уханскій принадлежалъ къ числу вашихъ знакомыхъ.

Послѣднія слова были сказаны вопросительнымъ тономъ.

— Да, я была съ нимъ знакома, — отвѣтила Лопачинская.

— Онъ бывалъ у васъ въ домѣ?

— Бывалъ.

— То-есть, я хочу спросить, онъ былъ знакомъ также съ вашимъ мужемъ?

— У меня нѣтъ такихъ знакомыхъ, которые не были бы знакомы съ моимъ мужемъ, — отвѣтила Лопачинская, поднявъ голову.

Нарѣзный поправился въ креслѣ. Его глаза были устремлены на руку молодой женщины, лежавшую на столѣ. Эта рука, какъ онъ замѣтилъ, сжимала смятый батистовый платокъ.

— Не будете ли вы такъ любезны объяснить мнѣ, когда именно вы видѣли Уханскаго въ послѣдній разъ? — спросилъ Яковъ Ильичъ.

— Въ послѣдній разъ? — повторила Лопачинская. — Но я не помню. Не все ли это равно?

— Какъ вамъ извѣстно, въ ночь своей смерти Уханскій былъ въ маскарадѣ въ дворянскомъ собраніи... — продолжалъ Нарѣзный.

— Въ маскарадѣ? Да, я припоминаю, въ газетахъ было что-то объ этомъ, — перебила его Лопачинская. — Но позвольте узнать, какое это имѣетъ отношеніе ко мнѣ?

— Ближайшее отношеніе, такъ какъ въ этомъ маскарадѣ васъ видѣли разговаривающею съ Уханскимъ, — объяснилъ Нарѣзный, и быстро поднялъ глаза.

Молодая женщина замѣтно поблѣднѣла.

— Кто вамъ сказалъ? Я не бываю въ маскарадахъ, — отрѣзала она.

— На тотъ разъ вы были, — увѣренно подтвердилъ Нарѣзный. — Вы слѣдили за Уханскимъ, потому что ваша ревность была встревожена другою маской, съ которой онъ сидѣлъ.

Лопачинская засмѣялась короткимъ смѣхомъ.

— Моя ревность? Вы произвели слѣдствіе надъ моими чувствами къ Уханскому? — произнесла она иронически, тогда какъ рука ея, лежавшая на столѣ, слегка дрожала.

— Съ сожалѣніемъ долженъ сказать вамъ, что ваши отношенія къ Уханскому извѣстны, — произнесъ Нарѣзный. — Вы сами выдали ихъ вотъ этимъ клочкомъ бумаги.

Онъ вынулъ бумажникъ, отыскалъ тамъ розовый листокъ, отобраннй имъ въ перепискѣ Уханскаго, и, держа его съ двухъ концовъ обѣими руками, осторожно

поднесъ къ лампѣ, передъ самыми глазами молодой женщины.

— Будьте любезны прочесть эти двѣ строчки, — попросилъ онъ. — Я помогу вамъ, такъ какъ знаю ихъ наизусть. „Пріѣзжайте въ Николаевскій вокзалъ къ отходу скорого поѣзда, только не попадитесь ему на глаза“. Коротко и ясно. И внизу крючокъ, изображающій букву S, первую букву вашего имени: Sophie. Отрекайтесь отъ этого клочка бумажки было бы бесполезно, такъ какъ „мы“ можемъ здѣсь, сейчасъ же, найти другіе образчики вашего почерка, сличеніе съ которыми не оставитъ никакого сомнѣнія.

XVI.

Блѣдность еще разъ покрыла лицо Софьи Михайловны. Она была изумлена, уничтожена. Ее пугала необъяснимая роль этого посѣтителя, явившагося къ ней именемъ закона и ковавшагося въ интимныхъ тайнахъ ея сердца, до которыхъ закону не было, кажется, никакого дѣла. Чтò все это могло означать? Ей приходили въ голову странныя, несвязныя, быстро пролетавшія мысли. Дѣйствительно ли онъ судебный слѣдователь? Ужъ не сдѣлалась ли она жертвою мистификаціи со стороны какихъ-нибудь темныхъ и ловкихъ шантажистовъ? Или, можетъ-быть, мужъ узпалъ ея тайну и, не предупредивъ ее, собираетъ официальнымъ путемъ данныя, чтобы начать дѣло о разводѣ? Но нѣтъ, это слишкомъ не похоже на него, слишкомъ несогласно съ его прямой натурой.

Лопачинская терялась, не умѣя остановиться ни на одномъ предположеніи. Жуткій, бессознательный страхъ все болѣе овладѣвалъ ею. Она была совершенно одна съ этимъ страннымъ, загадочнымъ человѣкомъ. Онъ, конечно, парочно выбралъ часъ, когда ея мужа не было дома. Но нѣтъ, было бы еще хуже, если бъ онъ явился при мужѣ...

Она потянулась всѣмъ корпусомъ къ спинкѣ кресла, на которомъ сидѣла. Лежавшая на столѣ рука ея безсильно соскользнула на колѣни, и при этомъ смятый батистовый платокъ упалъ на коверъ.

Глаза Нарѣзнаго вспыхнули. Онъ какъ будто только и ждалъ этого момента. Быстро, съ ловкостью, какой нельзя было ожидать отъ его мѣшковатой фигуры, онъ нагнулся, схватилъ упавшій платокъ и, медленно вертя его въ рукѣ, положилъ снова на столъ, поближе къ себѣ. Все это продолжалось нѣсколько секундъ, но въ лицѣ его произошла замѣтная перемѣна. Оно какъ будто окаменѣло, на немъ легло выраженіе спокойной, безстрастной и неумолимой самоувѣренности.

Пока батистовый платочекъ находился у него въ рукѣ, онъ успѣлъ разглядѣть на уголкѣ его вышитую гладью мѣтку, съ инициалами S. L. Это была совершенно точь-въ-точь такая же мѣтка, какъ и на окровавленномъ платкѣ, найденномъ въ душникѣ въ кабинетѣ Уханскаго. Страшная загадка была разгадана.

Софья Михайловнѣ показалось, что она теперь только разглядѣла настоящее выраженіе лица слѣдователя. Увѣренное, безстрастное, съ жесткимъ блескомъ глазъ, оно возмущало ее. Кровь прилила къ ея щекамъ, согнавъ выступившую передъ тѣмъ блѣдность. Она подняла на Нарѣзнаго глаза, загорѣвшіеся чувствомъ оскорбленія и гнѣвомъ.

— Потрудитесь наконецъ объяснить мнѣ, что все это значитъ! — заговорила она раздраженно. — Что это за допросъ, который вы мнѣ дѣлаете? По какому праву вы добиваетесь проникнуть въ мои отношенія къ Уханскому? Кто васъ уполномочилъ? Или—кто васъ... подослалъ? Какое отношеніе имѣетъ какая-то ничтожная записочка къ вашему слѣдствію? Если вы подозрѣваете въ этой запискѣ интимный смыслъ, вы должны были

уничтожить ее, а не прятать въ карманъ. Или вы, можетъ-быть, коллекторъ? Ха-ха-ха!

Нарѣзный слушалъ ее внимательно, чуть примѣтно улыбаясь подъ густыми усами. Его всегда интересовало, какой способъ отрицанія изберетъ преступникъ. Лопачинская, какъ предметъ слѣдствія, теперь сразу обрисовалась ему. Она будетъ прикидываться, что не понимаетъ, чего отъ нея хотятъ, и выдержитъ эту роль до послѣдней возможности, до окончательной, неотразимой улики, и тогда разомъ сдастся, впадетъ въ истерику, заговоритъ о самоубійствѣ, и въ концѣ концовъ во всемъ сознается, сдѣлается мягкой, какъ воскъ, выдастъ самыхъ отдаленныхъ сообщниковъ, если такіе имѣются, и разкажетъ въ десять разъ больше, чѣмъ нужно. Все это Нарѣзный встрѣчалъ и наблюдалъ въ своей практикѣ, и это было однообразно и обыкновенно до скуки...

Онъ могъ бы сейчасъ же прекратить всю эту ничего не стоящую игру, вынуть изъ кармана взятый имъ съ собою окровавленный носовой платокъ съ буквами „S. L.“, схватить такой же точно платокъ, лежавшій передъ нимъ на столѣ, и сказать ей громко, съ убѣжденіемъ, подтвержденнымъ неотразимыми уликами: — „вы—убійца Уханскаго!“ Но онъ не хотѣлъ торопиться. Въ немъ проснулись инстинкты ищейки, осторожно выслѣживающей преступника, и наслаждающейся сознаніемъ, что этотъ преступникъ уже весь безвозвратно у него въ рукахъ. Оскорбленный тонъ Лопачинской, ея натянутый смѣхъ, ея искусно скрываемое, но тѣмъ не менѣе чувствуемое имъ смущеніе — все это почти пріятно раздражало его, и ему нравилось продолжать предложенную ею игру, уже заранѣе имъ выигранную... Поэтому, на ея взволнованныя слова онъ отвѣтилъ тономъ чиновника, желающаго быть любезнымъ съ публикою:

— Извините меня пожалуйста, я позволяю себѣ войти въ нѣкоторыя интимности только потому, что онѣ имѣютъ близкое отношеніе къ дѣлу. Какъ вы знаете, конечно, изъ газетъ, обстановка убійства заставляетъ предполагать, что преступленіе имѣло романическую подкладку. Ни грабежа, ни какой-нибудь выемки документовъ, ничего этого не было. При такихъ условіяхъ, чрезвычайно важно уяснить именно интимныя обстоятельства жизни Уханскаго. Поэтому я просилъ бы васъ вернуть нашъ разговоръ къ маскарладу въ ночь убійства. Вы явились туда, чтобы видѣться съ нимъ и прослѣдить его интригу съ другой женщиной, тревожившей вашу ревность. Скажите, вамъ неизвѣстна эта женщина? Вы раньше не встрѣчались съ ней, не знали ничего опредѣленнаго объ ея отношеніяхъ къ Уханскому?

XVII.

Лопачинская слушала Нарѣзнаго, не глядя на него, и, казалось, думала совсѣмъ о другомъ. Это другое было связано съ предметомъ разговора, но тревожило ее исключительнымъ, личнымъ страхомъ. Она боялась только одного: неужели она привлечена къ дѣлу, должна давать показанія, которыя будутъ записаны, огласится ея близость съ Уханскимъ, ея поѣздка въ маскарладъ? Ни о чемъ, кромѣ этого, она не въ состояніи была въ настоящую минуту думать.

Она усиливалась припомнить всѣ малѣйшія подробности того вечера, чтобы провѣрить, не сдѣлала ли она какой-нибудь неосторожности, которая могла бы выдать ее. Но нѣтъ, все было обставлено предусмотрительно. Мужъ въ тотъ день ѣздилъ на постройки въ Царское, вернулся усталый и сказалъ, что рано ляжетъ спать. Она предупредила его, что уйдетъ къ сестрѣ, „просто посидѣть“. Изъ дому, вечеромъ, она уѣхала въ своемъ обыкновенномъ черномъ платьѣ, на простомъ извозчикѣ. У сестры никого не было, и даже горнич-

Пашней. Ориг. рис. А. Котляревскаго, автогитии Ангрера и Гёшли въ Вѣнѣ.

Итальянская художественная выставка въ Петербургъ. „Разсказъ.“ Съ картины п. Габрими, автотипія „Нива“.

ная въ тотъ день, какъ нарочно, была отпущена. Сестра дала ей свою маску и свое домино, и сама снаряжала ее. Въ маскарадѣ она была очень недолго, оттуда опять заѣхала къ сестрѣ, которая сама отперла ей дверь, снова переодѣлась, и вернулась домой во второмъ часу ночи. Мужъ спалъ, и она раздѣлась, не разбудивъ его.

Сестра, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ ея не выдастъ. А мужъ сестры, кавалерійскій генералъ, былъ въ отъѣздѣ по дѣламъ службы.

Въ маскарадѣ кто-нибудь изъ знакомыхъ могъ, конечно, признать ее. Сережа Валковскій улыбался ей съ такимъ видомъ, будто проникъ ея тайну. Но развѣ можно положиться на сходство, представляемое замаскированной женщиной? Какимъ образомъ онъ, или кто-нибудь другой, могли бы доказать, что это дѣйствительно была она?

Рѣшительно, ей нечего бояться. Единственнымъ челоукомъ, который могъ бы уличить ее, былъ Уханскій; но онъ убитъ. Ей надо во всемъ запереться, и даже пожаловаться мужу на неумѣстное посѣщеніе слѣдователя. Въ случаѣ крайности, даже и отъ записки къ Уханскому можно отпереться. Развѣ не бываютъ сходные женскіе почерки? А бумага самая обыкновенная, какая найдется въ каждомъ домѣ.

Софья Михайловна смѣло подняла глаза на Нарѣзнаго.

— Если-бъ я была любительницей мистификацій, я могла бы наговорить вамъ кучу вздора, и это было бы наказаніемъ за ваше легковѣріе, — сказала она съ маленькимъ смѣхомъ. — Но дѣло идетъ о серьезномъ преступленіи, объ убійствѣ... Я немножко знала Уханскаго, и не хочу шутить по поводу его смерти. Я могу только посоветовать вамъ лучше направлять свои розыски, и не увлекаться первой пришедшей въ голову фантазіей. Въ маскарады я не ѣзжу, Уханскаго въ день убійства не видала, ни о какихъ интригахъ его съ женщинами ничего не знаю, ни малѣйшей ревности никто во мнѣ не возбуждалъ, и рѣшительно никакихъ полезныхъ для васъ свѣдѣній сообщить вамъ не могу...

Нарѣзный быстро взглянулъ на нее. Его немножко озадачивалъ этотъ увѣренный, спокойный, почти насмѣхающійся тонъ.

— Вы не были въ маскарадѣ? — переспросилъ онъ, не спуская глазъ.

— Я вамъ сказала.

„Ну да, она будетъ ото всего отречься, и какъ женщина, сыграетъ свою маленькую комедію не хуже опытной актрисы... пока я не нанесу ей рѣшительнаго удара“, подумалъ Нарѣзный.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ самому напомнить вамъ всѣ происшествія той ночи, — сказалъ онъ вслухъ. — Вы поѣхали въ маскарадъ, потому что вамъ надо было видѣть Уханскаго. Вы знали, что онъ тамъ непременно будетъ. И вы дѣйствительно встрѣтили его тамъ...

Лопачинская сдѣлала нетерпѣливое и презрительное движеніе плечами.

— Но Уханскій былъ не одинъ, — продолжалъ Нарѣзный. — Онъ былъ съ маской. Эта маска, эта женщина, возбудила вашу ревность. Вы слѣдили за ними, подстораживая минуту, когда можно будетъ заговорить съ Уханскимъ. Вамъ удалось наконецъ уловить эту минуту. Между вами началось объясненіе, такое горячее, что вы оба почувствовали неудобство продолжать его въ маскарадѣ. Тогда Уханскій предложилъ вамъ поѣхать къ нему на квартиру. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій, вы согласились.

Софья Михайловна, возмущенная, поднялась съ кресла.

— Милостивый государь, кто далъ вамъ право оскорблять меня? Вы, кажется, уже слишкомъ злоупотре-

бляете правами слѣдователя... — произнесла она рѣзко.

— Позвольте мнѣ кончить, — прервалъ ее Нарѣзный. — Я не злоупотребляю моими правами, а напротивъ, кое-что уступаю изъ нихъ. Я могъ бы прямо вызвать васъ къ себѣ въ камеру: но я предпочелъ явиться къ вамъ, потому что такъ для васъ удобнѣе. Будьте же любезны, не прерывайте меня. Вы уѣхали къ Уханскому вмѣстѣ съ нимъ. Тамъ, у него на квартирѣ, ваше объясненіе продолжалось, становясь все болѣе горячимъ. Уханскій возмущалъ васъ. Ваши упреки, ваши требованія не производили на него впечатлѣнія. Любовь, злоба, ревность, жажда мести, доводили васъ до бѣшенства. И вотъ, ваши глаза случайно падаютъ на блестящую игрушку, лежавшую на его письменномъ столѣ... Хотите, чтобы я сказалъ, какая это была игрушка?

И Нарѣзный бросилъ на Лопачинскую въ упоръ свой пронизывающій взглядъ. А она глядѣла на него широко раскрытыми, изумленными, ничего не понимающими глазами.

— Это былъ маленькій, изящный кинжалъ, какъ бы нарочно сдѣланный для дамской руки, — продолжалъ Яковъ Ильичъ. — Вы схватываете его, и въ изступленіи наносите Уханскому ударъ въ сердце...

Лопачинская словно отпрянула всѣмъ тѣломъ, ея поблѣднѣвшее лицо выразило ужасъ.

— Вы подозреваете, что я — убійца Уханскаго? Убійца? я?! — почти закричала она, сжимая похолодѣвшія руки. — Но это безуміе! это сумасшествіе! Какія данныя вы имѣете, чтобы остановиться на такомъ чудовищномъ подозрѣніи?

— Постарайтесь пожалуйста успокоиться, и позвольте мнѣ кончить, — продолжалъ Нарѣзный. — Мнѣ осталось очень немного. Не потрудитесь ли вы снова сѣсть, какъ раньше?

Молодая женщина, шатаясь, сдѣлала шагъ впередъ, не сводя съ него почти остановившагося въ испугѣ взгляда, и опустилась въ кресло.

XVIII.

Нарѣзный не садился; ему было удобнѣе стоя, сверху, слѣдить за выраженіемъ лица молодой женщины, близко освѣщеннаго лампой.

— Когда вы убѣдились, что Уханскій мертвъ, всѣ другія чувства ваши уступили инстинкту самоохраненія, — продолжалъ онъ, не сводя съ нея своего неутомимаго, почти торжествующаго взгляда. — Вы бросили кинжалъ къ ногамъ убитаго. Вамъ незачѣмъ было прятать эту игрушку; напротивъ, вы могли думать, что она введетъ въ заблужденіе, подастъ мысль о самоубійствѣ. Но выпуская изъ руки кинжалъ, вы замѣтили, что эта рука въ крови. Тогда вы вынули изъ кармана носовой платокъ... маленькій батистовый платокъ... вотъ такой точно, какъ этотъ...

Нарѣзный протянулъ руку и взялъ со стола платокъ Софьи Михайловны. Она не шевелилась, только лицо ея все болѣе блѣднѣло.

— Вы вынули платокъ и старательно обтерли имъ руку, — продолжалъ Нарѣзный. — Но положить назадъ въ карманъ окровавленный лоскутъ батиста вамъ не хотѣлось; вы подумали, куда бы его бросить, и, осмотрѣвшись, остановились на душникѣ у камина. Вѣроятно, мѣдная дверца его бросилась вамъ въ глаза. Вы открыли эту дверцу и засунули туда платокъ.

Лопачинская продолжала смотрѣть на него растерянными, непонимающими глазами. Ей было страшно, и она ничего не могла сообразить.

— Я? почему же я? — воскликнула она наконецъ, и въ этомъ восклицаніи вырвалась такая искренняя нотка, что Нарѣзный на минуту былъ озадаченъ. — Только потому, что вамъ неизвѣстенъ настоящій убійца?

— Вы ошибаетесь, убійца извѣстенъ, — возразилъ послѣ короткой паузы Нарѣзный. — Убійца — женщина, которой принадлежит эта неосторожно засунутая въ душникъ вещь...

И онъ быстро вынулъ изъ бокового кармана окровавленный, измятый платокъ, и развернулъ его передъ Лопачинской. Она, въ невольномъ ужасѣ, попятилась отъ него.

— Вы видите, что оба эти платка совершенно одинаковы, на нихъ одна и та же мѣтка: французскія „S. L.“. Ни одинъ экспертъ не рѣшится отрицать, что они изъ одной и той же дюжины, — произнесъ Нарѣзный своимъ неумолимымъ, безстрастнымъ тономъ.

Лопачинская вся рванулась къ нему.

— Моя мѣтка? что такое вы говорите? Вы съ ума сошли! — вскричала она, вся холодѣя отъ налетѣвшаго на нее чувства ужаса.

Нарѣзный, осторожно держа въ рукахъ окровавленный, запачканный сажей платокъ, показалъ ей уголокъ съ инициалами „S. L.“.

— Вы видите, — сказалъ онъ.

Лопачинская задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Гдѣ вы взяли? какимъ образом? — вскричала она.

— Въ душникѣ, въ квартирѣ Уханскаго, — отвѣтилъ Нарѣзный.

Софья Михайловнѣ казалось, что она сходитъ съ ума. Глаза ея какъ-то разомъ запали, брови страдальчески сжались. Все представлялось ей безсмысленнымъ и страшнымъ сномъ, такимъ сномъ, отъ котораго нельзя пробудиться.

— Теперь, конечно, вы не станете отрицать... — заговорилъ Нарѣзный, у котораго у самого нервы начинали играть. Лопачинская перебила его нетерпѣливымъ жестомъ.

— Пойдите, и вспомнила... я все вспомнила, — проговорила она, широко поводя передъ собою рукой, словно отстраняя его. — Тамъ, въ маскарадѣ...

— А, вы признаете, что были въ маскарадѣ, — поспѣшно вставилъ Нарѣзный.

— Ну да, была, я действительно хотѣла видѣть Уханскаго... — продолжала она. — Не перебивайте меня, у меня все путается въ головѣ. — Я его видѣла, подходила къ нему... онъ сидѣлъ съ какой-то маской... и тамъ, въ залѣ, я обронила носовой платокъ. Да, именно въ залѣ. Я это замѣтила при выходѣ, когда опустила руку въ карманъ, чтобы достать портмонэ. Кто-нибудь, очевидно, поднялъ мой платокъ... онъ попалъ въ руки убійцы... Боже мой, но какъ это все ужасно... какъ ужасно случилось... У меня мысли путаются...

Она не могла дальше говорить. Страшный смыслъ обрушившагося на нее несчастья разомъ подавилъ ее. Безъ слезъ, но съ выраженіемъ неслыханной муки въ лицѣ, она смотрѣла прямо передъ собой, и воображеніе ея съ быстротою молніи перебѣгло отъ одной страшной картины къ другой. Мужъ, тюрьма, огласка, кружокъ знакомыхъ, судъ... все это вихремъ крутилось въ ея ошеломленномъ мозгу. Но такое состояніе продолжалось одну минуту. Къ ней вернулось сознание своей совершенной непричастности къ преступленію. Не могутъ же серьезно счесть ее убійцей; все объяснится, обнаружится... такія ошибки невозможны...

— Вамъ необходимо будетъ дать свое показаніе у меня въ камерѣ, — сказалъ Нарѣзный.

— Въ камерѣ? Да, конечно; хорошо... — проговорила сквозь похолодѣвшія губы Лопачинская. — Назначьте часъ, я приѣду...

— Къ сожалѣнію, я долженъ немедленно распорядиться вашимъ арестомъ, — пояснилъ слѣдователь, пряча въ карманы оба батистовые носовые платка.

— Арестомъ? Меня посадятъ въ тюрьму? — вырвалось у Софьи Михайловны. — Въ тюрьму?

— На васъ указываютъ улики, — отвѣтилъ Нарѣзный.

И сдѣлавъ короткій поклонъ, онъ быстро вышелъ изъ комнаты. На лѣстницѣ его поджидалъ предупрежденный имъ помощникъ пристава...

XIX.

Между тѣмъ, Василій Петровичъ Шурловъ терялся въ мучительныхъ догадкахъ, не умѣя объяснить себѣ странной переменѣ, происшедшей съ женою. Дѣйствительно, что-то необъяснимое дѣлалось съ Риммой Александровной. Наружность ея въ нѣсколько дней измѣнилась до неузнаваемости. Не то, чтобы она очень похудѣла, или пожелтѣла, по глаза и всѣ черты лица ея приняли другое, новое выраженіе. Такая переменѣ бываетъ съ психически больными людьми. Что-то жуткое, притаившееся, глядѣло изъ ея глазъ, на лбу обозначились незамѣчавшіяся раньше морщины, какъ-то иначе держались волосы, и чуть примѣтные мускулы около рта постоянно, нервно бились, даже въ тѣ минуты, когда выраженіе окаменѣлой неподвижности ложилось на ея лицо. Но и помимо наружности, она вся разомъ какая-то другая стала: не такъ пройдетъ по комнатѣ, не такъ сидеть, не тѣмъ тономъ скажетъ. Даже голосъ ея замѣтно переизмѣнился, въ немъ явилась глухота. — „Не скрытая ли чахотка?“ — думалъ иногда Василій Петровичъ, и проснувшись ночью, прислушивался, какъ она дышитъ, и не закашляется ли? И привычки ея тоже всѣ переизмѣнились: по утрамъ она стала дольше оставаться въ постели, избѣгая пить чай вмѣстѣ съ мужемъ, никуда не выѣзжала, и ни за что не соглашалась созвать гостей вечеромъ, какъ обыкновенно у нихъ бывало раза два въ мѣсяцъ. Хозяйствомъ она почти совсѣмъ перестала заниматься, и когда обнаружился беспорядокъ, она смотрѣла на мужа такимъ страннымъ, далекимъ взглядомъ, какъ будто хотѣла сказать: „развѣ вы не видите, не понимаете, что я не могу?“

Василій Петровичъ уговаривалъ жену посоветоваться съ докторомъ, но она и слышать объ этомъ не хотѣла.

— Развѣ я больна? — возражала она.

— Да, у тебя несомнѣнно разстроены нервы, — отвѣтилъ онъ ей однажды: — и мнѣ даже кажется, что я угадываю причину. На тебя страшно подѣйствовало убійство Уханскаго. Ты совсѣмъ переизмѣнилась именно съ того дня, какъ узнала объ убійствѣ.

— Съ той ночи, вы хотите сказать? — поправила Римма.

— Я говорю: съ того дня, потому что ты могла узнать объ этомъ только на другой день.

Римма Александровна посмотрѣла на него тѣмъ новымъ, загадочнымъ взглядомъ, который особенно пугалъ его.

— Я знала въ ту самую ночь, когда онъ былъ убитъ, — сказала она. — Я видѣла во снѣ всю сцену убійства. Развѣ я никогда не говорила вамъ?

— Нѣтъ...

— Странно. А между тѣмъ, я постоянно думаю объ этомъ, и вся сцена убійства такъ и живетъ передъ моими глазами. Какъ сейчасъ вижу: Уханскій стоитъ у себя въ кабинетѣ, во фракѣ — онъ откуда-то только что прѣхалъ — красивый, самодовольный, наглый... Въдъ у него всегда былъ наглый видъ, не правда ли?

— Ну, Богъ съ нимъ, — пробормоталъ Василій Петровичъ, на котораго весь этотъ разговоръ производилъ неприятное впечатлѣніе.

— Да, онъ имѣлъ наглый видъ. Онъ и въ ту минуту, стоя передо мной, сохранялъ этотъ видъ... — продолжала Римма.

— Передъ тобой? — невольно вздрогнулъ Василій Петровичъ.

— Ну, да, я рассказываю вамъ свой сонъ. У меня въ рукахъ былъ маленькій книжаль, который я взяла у него на столѣ. Онъ что-то говорилъ мнѣ, у насъ вы-

шелъ очень горячій споръ. Кажется, онъ чѣмъ-то оскорбилъ меня. Тогда я взмахнула рукой, кинжалъ погрузился прямо ему въ сердце. Уханскій даже почти не вскрикнулъ, и повалился на оттоманку. Не правда ли, какой ужасный сонъ?

— Знаешь, лучше бы ты забыла все это... ты разстраиваешь себѣ нервы подобными галлюцинаціями, — проговорилъ Василій Петровичъ. — Конечно, это очень странно: Уханскій вовсе не былъ близкій тебѣ человекъ. По-моему, самое лучшее — посоветоваться съ хорошимъ докторомъ. Можетъ-быть, весь этотъ сонъ приснился тебѣ потомъ, когда ты начиталась газетъ и наслушалась разговоровъ.

— О, нѣтъ, я отлично помню, когда это было. Я такъ помню, какъ будто все это произошло наяву. А что, если въ самомъ дѣлѣ это я — убила Уханскаго? — вдругъ задала вопросъ Римма, внезапно подчиняясь находившей на нее иногда необъяснимой потребности скользить надъ признаніемъ, какъ надъ пронастью, пугаясь и играя своимъ ужасомъ... — Вѣдь я могла проникнуть въ квартиру Уханскаго, какъ лунатикъ, и совершить убійство въ состояніи соннамбулизма?..

Василій Петровича нервно передернуло; онъ замалывалъ на нее руками.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не говори ничего такого, — перебилъ онъ ее. — Ты вся изнервничалась, и это, наконецъ, и на мои нервы дѣйствуетъ. Право, ты можешь такъ серьезно разболѣться. Пожалуйста, постарайся перестать думать обо всѣхъ этихъ глупостяхъ.

XX.

Болѣе всего удручали Василія Петровича новыя личныя отношенія между нимъ и женою. Онъ не понималъ, въ чемъ именно заключалась перемѣна, но чувствовалъ, что прежнія простота и искренность этихъ отношеній отлетѣли. Точно какая-то стѣна стала между ними, и это тѣмъ болѣе его подавляло, что онъ не сознавалъ за собою никакой вины. Разныя догадки приходили ему въ голову. Онъ готовъ былъ предположить внезапный, страстный капризъ чувства, тайное увлеченіе, вспыхнувшее съ роковою силой. Но къ кому? когда? при какой обстановкѣ? Все поведеніе Риммы Александровны противорѣчило этому предположенію. Или, можетъ-быть, она увлечена Уханскимъ, и потому его смерть такъ сильно подѣйствовала? Но на этой догадкѣ, болѣе близкой къ истинѣ, Василій Петровичъ, какъ это часто бываетъ, менѣе всего останавливался. Потомъ ему начинало казаться, что въ нравственномъ организмѣ жены произошелъ переломъ, настала та критическая минута, когда сердце уже не можетъ довольствоваться прозаической семейной привязанностью, и томится потребностью еще не испытаннаго, страстнаго чувства. О чемъ-то такомъ онъ когда-то читалъ въ какихъ-то романахъ. Но онъ былъ плохой знатокъ женской психологіи, и на его простой взглядъ семьянина-работника, все это представлялось ничего не стоящею, напускною блажью. „Недогомаетъ, нервы себѣ распатала — успокоится, обойдется“, — старался онъ обыкновенно на этомъ покончить со своими сомнѣніями.

Но разъ или два ему случилось поймать втайнѣ

устремленный на него взглядъ жены, и въ этомъ взглядѣ выражалось столько сосредоточенной, мучительной ненависти, что ему дѣлалось жутко. Откуда это? отчего? Что онъ сдѣлалъ? Эта загадка давила его невыразимо.

А Римма Александровна также съ ужасомъ замѣчала въ себѣ это непреодолимое, несомнѣнное, все возрастающее враждебное чувство къ мужу. Она пробовала преодолѣть его, но, провѣряя себя, только больше убѣждалась въ бесполезности своихъ усилій. Мысль, что она сдѣлалась убійцей, чтобы спасти честь и спокойствіе этого ничтожнаго въ своей доброкачественности человека, доводила ее до бѣшенства. И все, рѣшительно все въ немъ сдѣлалось ей противно: и его наружность небогатаго чиновника, съ выраженіемъ дѣловитой ограниченности въ лицѣ, плебейской походкой въ развалку, на пяткахъ, и широкой, круглой спиной труженика; и его разговоръ, всегда привязанный къ какимъ-то интересамъ дешеваго благоразумія, и его образованность безъ блеска, и его ненужное добродушіе на подкладкѣ наивнаго эгоизма, и его мѣщанское самодовольство человека, благополучно преуспѣвающаго въ своихъ ограниченныхъ дѣлахъ, соразмѣренныхъ съ такими же огражденными потребностями.

Она была рада, что мужъ считалъ ее больною, серьезно больною. Это сглаживало ея рѣзкія выходки и помогало поддерживать установившіяся между ними далекия отношенія. Она чувствовала, что именно только при такихъ отношеніяхъ и была возможность переносить съ наружнымъ спокойствіемъ его присутствіе подлѣ себя. Его ласковая внимательность имѣла теперь характеръ заботливости хорошей сидѣлки, и только такую ласку она въ состояніи была терпѣть, не возмущаясь. Вернуться къ прежней близости представлялось ей немислимымъ, чудовищнымъ.

Василій Петровичъ всегда былъ большимъ домохозяиномъ, а въ послѣднее время почти всѣ вечера проводилъ дома. Для Риммы это обстоятельство было самымъ тигостнымъ. Когда онъ входилъ къ ней въ комнату, она или принимала видъ больной, или казалась погруженной въ чтеніе. Разговаривать съ мужемъ ей было трудно, она не находила ни предмета, ни тона. И Василій Петровичъ, поведя плечами, удалялся въ кабинетъ и усаживался за свою случайную работу.

Разъ, впрочемъ, ему показалось, что жена чувствуетъ себя спокойнѣе, что къ ней какъ будто возвращается ея прежняя, тихая, сдержанная ласковость. Онъ подселъ къ ея кушеткѣ, взялъ ея руку, долго гладилъ ее своей рукой, потомъ припалъ къ ней губами. Римма замѣтила въ его глазахъ горячій блескъ, напомнимъ ихъ прежнія отношенія. На нее вдругъ пахнуло пугливымъ холодомъ. Быстро, брезгливо она отдернула руку, порывисто встала, и обдавъ его испуганнымъ, негодующимъ взглядомъ, проговорила дрожащими губами:

— Спокойной ночи, я иду спать...

Ея голосъ, ея взглядъ выразили столько непритворнаго ужаса, что Василій Петровичъ по ея уходѣ протоялъ нѣсколько минутъ словно въ столбнякѣ, и потомъ бросился на неостывшую еще отъ ея тѣла кушетку, и заплакалъ недоумѣвающими, мучительными слезами...

(Окончаніе будетъ.)

Былое.

Любинька.

Рассказъ А. А. Осипова.

Въ наше время, когда жизнь стала и дорога, и трудна, конечно, каждый лишній человекъ является обузой. Теперь было бы странно, да и прямо-таки невозможно пріѣхать въ чужой домъ и поселиться, но въ прежнее время это никого не удивляло, и въ каждомъ семействѣ была одна, а то и нѣсколько таинственныхъ личностей, которыя со скорбными выраженіями усаживались около обѣденнаго или чайнаго стола, рѣдко принимая участіе въ общемъ разговорѣ и какъ бы всегда

погруженныя въ свои мысли. Въ купеческихъ домахъ, пожалуй, можно еще и теперь найти остатки этого вымирающаго гѣна, но тамъ это нѣмѣгъ совершенно другое основаніе. И у насъ въ домѣ проживала такого рода особа, носившая имя Любиньки. Высокая, худая, съ плоской грудью и смѣшнымъ профилемъ, всегда одѣтая въ темное платье, она безшумно появлялась и занимала мѣсто около самозара, такъ какъ разливаніе чая составляло ея прямую обязанность. Вставала она

Мама идетъ, Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. И. Ижаневича, авторгипія „Нивы“.

рано и нервно торопилась одѣться, такъ какъ должна была заварить чай до прихода отца, не любившаго вообще ничего ждать. Усѣвъ это сдѣлать, Любинька принимала граціозную позу и прислушивалась, когда хлопнетъ дверь уборной и по коридору застучатъ короткіе, быстрые шаги. Отецъ мой всегда куда-нибудь торопился, что не мѣшало ему всюду опаздывать. Поздоровавшись съ Любинькой, онъ протягивалъ руку за чашкой и выпивалъ ее молча. Послѣ чая, онъ, съ помощью лачки или казачка, закуривалъ трубку, и начинался слѣдующій діалогъ:

— Я вамъ удивляюсь, положительно удивляюсь!
— Что такое?—спрашивала тревожнымъ тономъ она.
— Сколько лѣтъ вы уже сидите около самовара, а все не умѣете заваривать чай!

— Да чѣмъ же?
— Онъ у васъ вѣшникомъ нахвѣетъ!
— Ахъ, Господи!—всплескивала руками Любинька:— да я даже и не ставила его на самоваръ, а просто накрыла салфеточкой! Если ужъ я такъ плохо это дѣлаю, то увольте меня отъ этого занятія. Да наконецъ все равно, учите другихъ, а я, вотъ только установится дорога, уѣду отъ васъ!

— Куда это?—спрашивалъ отецъ.
— Къ моей подругѣ по институту, Вѣрочкѣ Бухановой. Она попрежнему обожаетъ меня.

— И подѣ-старость не поумнѣла?
— Она всегда была очень умная,—вспыхиваетъ Любинька:— если бы вы слышали, какъ она на выпускномъ актѣ продекламировала стихотвореніе Державина—удивились бы!

— Плохо, что ли?
— Напротивъ, божественно!
— А что же, все можетъ быть, но если вы хотите къ ней ѣхать, то торонитесь, такъ какъ будетъ начнется оттепель, и тогда конецъ!

— Я вижу, что я вамъ надоела!—вскликивала Любинька и принимала гордый видъ.— Благодарю васъ, отплатили за всю мою любовь и преданность къ вашему семейству. Очень хорошо! Нѣтъ, Богъ съ вами, я пойду укладываться!

И Любинька отправилась въ свою комнату. Сейчас же по всему дому разносился вѣсть, что Любинька собирается въ путь-дорогу, и мы всѣ устремились къ ней. Любинька занимала небольшую комнату съ двумя окнами, выходившими на дворъ. Въ эти окна цѣлыми днями съ напираннымъ вниманіемъ глядѣли дворовыя собаки, такъ какъ нѣтъ-нѣтъ, да и откроется одно изъ нихъ, и узкая, тонкая рука Любиньки, похожая больше на куриную лапу, броситъ то корку хлѣба, то остатки мяса. Въ углу постоянно теплилась лампада, бросавшая свой слабый свѣтъ на постель, съ цѣлой горкой подушекъ въ бѣлоснѣжныхъ наволочкахъ съ прошивками. Затѣмъ комодъ и высокій гардеробъ. Около простѣлки помѣщался письменный столикъ, на которомъ были разставлены бездѣлушки въ образцовомъ порядкѣ, такъ какъ Любинька вытирала съ нихъ пыль сама ежедневно. Войдя въ свою комнату, Любинька съ взволнованнымъ видомъ нагибалась и вытаскивала изъ-подъ кровати чеходавъ, черный кожаный, съ незаниравшимся замкомъ. Затѣмъ она приступала къ укладкѣ, причѣмъ все время что-то говорила сама съ собой и произносила цѣлыя монологи, обращенные къ невидимому собесѣднику.

— Да-съ, батюшка, нынче привязанность-то не цѣнится, не тѣ времена пошли. Найдите-ка кого-нибудь, чтобы присидѣть около Катенькиной кроватки, когда у бѣднаго ребенка началась свинка. Что, молчите?.. Ага! А когда у Пети сдѣлался коклюшъ, кто присидѣлъ съ нимъ взаперти въ отдѣльной комнатѣ? Все я, несчастная, которая не умѣетъ даже налить стаканъ чаю. Прекрасно, чай наливать я не умѣю, а варенье сами хвалите. Въ прошломъ году барбарисъ у вѣтхъ засахарился, а вы ѣли его! А все Любинька возилась, да сидѣла съ тазиками около жаровни. „Торопитесь, чтобы дороги не попортились!“ А вѣдь какъ ядовито скажетъ! Да что мнѣ дороги, что мнѣ дороги, когда я въ этомъ домѣ ни минуты больше не останусь. Возьму свой чеходавъ на спину и пойду вѣшникомъ. Право, пойду вѣшникомъ!

— И никуда вы не пойдете, — замѣчала мать, входя въ ея комнату и отнимая простыню, которую Любинька готовилась разостлать по дну чеходава.

Старая дѣва смотрѣла на нее и отрицательно качала своей головой, съ туго-туго перевязаннымъ комочкомъ на затылкѣ.

— Нѣтъ, Елизавета Александровна, — говорила она:— я не могу больше оставаться у васъ!

— Господи, да точно вы его не знаете. Чѣмъ онъ могъ васъ такъ обидѣть? Что вы чай не умѣете наливать?

— Нѣтъ, не то! — произносила уже шопотомъ Любинька, и острый подбородокъ ея начиналъ дрожать.

— Что онъ сказалъ вамъ?

— Онъ не вѣрится, что я такъ искренно люблю васъ всѣхъ!—вырывалось у Любиньки, она начинала рыдать и конечно оставалась. Но не такъ легко кончалась всегда эти исторіи. Иногда должесть быть приходите отецъ просить у нея извиненія и чуть ли не силой заставляя ее прекратить укладку.

Мы, дѣти, очень любили Любиньку, по также очень любили, и когда она укладывалась, такъ какъ она тогда вынимала изъ комода и изъ стога различныя вещи, объявляла намъ ихъ значеніе и, пользуясь этимъ случаемъ, предавалась воспоминаніямъ.

Первымъ появлялся обыкновенно альбомъ въ зеленомъ пагреневоомъ перилетѣ съ золотыми буквами Л. и С. Фамилія Любиньки была Смирнова, но она пропозносила ее Смѣрнова, съ удареніемъ на буквѣ „и“, придавалъ этому какое-то особенное значеніе. Кстати сказать — исторія ея фамиліи была одной изъ любимѣйшихъ темъ ея разговора, тутъ она обнаруживала глубочайшія познанія въ закулисной исторіи ХVIII вѣка и богатѣйшую память. Застежка альбома шелкала, и нашимъ взорамъ представлялся рисунокъ, изображавшій полуразрушенный храмъ, съ дымящимся жертвенникомъ, пастушескомъ и розовыми облаками. Подъ этимъ рисункомъ были слѣдующіе стихи:

Вѣками храмъ разбитъ,
А жертвенникъ горитъ.
Сказать я вамъ не смѣю—
Любовью пламенью.

Какъ видно, поэтъ былъ не изъ особенно даровитыхъ, но Любиньку подкупала искренность его чувства.

— Это нарисовалъ мнѣ Хвостиковъ,—говорила она:— замѣчательный человекъ. Онъ чудно рисовалъ, писалъ стихи и замѣчательно танцевалъ мазурку.

— Гдѣ же онъ теперь?—спрашивалъ кто-нибудь изъ насъ.

— Онъ? Онъ на Кавказѣ служилъ. Одни говорятъ, что послѣ того, какъ онъ уѣхалъ отъ насъ, онъ какъ безумный бросился на непріятеля и видимо искалъ смерти. Шальная пуля какого-то горца пронзила его страданное сердце. Другіе увѣряютъ, что онъ женился на грузинкѣ, страшно потолстѣлъ и у него куча дѣтей. Только я этому не вѣрю!

Мы переворачивали еще нѣсколько страницъ, и вниманіе наше привлекало стихотвореніе, написанное красными чернилами.

— Не читайте его, не читайте! — таинственнымъ шопотомъ говорила Любинька, подозрительно оглядываясь.

— Почему?

— Это запрещено.

— А кто же его написалъ?

— Одинъ молодой поэтъ, Лермонтовъ. Это стихотвореніе на смерть великаго писателя Пушкина.

— Это онъ самъ вамъ написалъ?

— Нѣтъ,—досадливо морщилась Любинька:— мнѣ его переписали, но вамъ его читать рано, такъ какъ здѣсь ужасно какъ смѣло сказано!

Въ концѣ альбома былъ рисунокъ, который мы почему-то особенно любили и всегда смотрѣли на него долго-долго. Онъ изображалъ молодую дѣвушку всю въ бѣломъ, играющую на арфѣ. У ногъ ея расположился на отдыхъ старецъ, и цѣлое стадо овецъ—прислушивается къ чуднымъ звукамъ извлекаемымъ ею. Одно только портитъ немного рисунокъ: это нога музыканткин, слишкомъ ужъ она была велика и не пропорциональна. Когда я замѣтилъ это Любинькѣ, она очень рассердилась.

— Ничего ты не понимаешь!
— Почему не понимаю? Нога у нея уродливая!

— Уродливая? Да какъ же ты можешь судить? Что ты художникъ, что ли? Не дамъ я тебѣ больше смотрѣть, не стоишь ты этого!—и она хотѣла уже срыгать его, но остальные вступились за меня, и мы досмотрѣли альбомъ. Съ тѣхъ поръ я не смѣла больше заикаться объ этой ногѣ, но каждый разъ смотрѣлъ на нее съ нѣкоторой ненавистью. Однажды сестра спросила Любиньку, кто рисовалъ эту картину, и она отвѣтила:

— Да ты его не знаешь.

— Ну кто?

— Костылевъ.

— А онъ офицеръ?

— Былъ офицеромъ, теперь онъ жепать на моей сестрѣ. Вотъ кто онъ!

У Любиньки былъ портретъ сестры, и хранился онъ въ деревянномъ ящикѣ вмѣстѣ съ другими интересными предметами. На портретѣ этомъ была изображена дама, похожая на Любиньку, только гораздо ниже ея ростомъ и толще.

Любинька прожила у насъ много лѣтъ и даже похоронила мою мать и ухаживала за отцомъ, который на старости пересталъ подсмѣиваться надъ ней и напротивъ очень хвалилъ наливаемый ею чай и рекомендовалъ его. Однажды вечеромъ, когда я засидѣлся на балконѣ и замечтался (мнѣ было уже тогда лѣтъ восемнадцать—какъ разъ пора мечтать), Любинька подошла ко мнѣ съ своимъ неизмѣннымъ чулкомъ въ рукахъ. Запахъ медленно догоралъ, полоска зарп все темнѣла и темнѣла, и изъ сада пошли ароматы. Запахло сиренью, жасминомъ... Гдѣ-то далеко звучала тоскливая пѣсня... Любинька пересчитала петли на пяткѣ чулка и спросила меня:

— О чемъ это вы мечтаете?

— Она мнѣ стала говорить въ то время уже вы.

— Такъ себѣ!

— Да вамъ и не о чемъ, а вотъ у насъ, у стариковъ, есть одна радость воспоминанія. Вотъ вы, Андриушенька, сколько лѣтъ меня знаете, а задавались ли вы когда-нибудь вопросомъ, какое прошлое у Любиньки? Вѣрно я говорю?

Въ тоиѣ старой дѣвы послышались такіе отгѣнки, что я поняла, не знаю самъ—почему, что ей хочется поговорить, вызвать забытыя тѣни, можетъ-быть, заплакать даже—словомъ, выйти изъ обычной рамки жизни, ограниченной разливаемымъ чаемъ и вареной вареньемъ.

— Расскажите, Любинька!

— А вамъ не будетъ скучно?

И, не дожидаясь моего отвѣта, Любинька почесала спицей въ волосахъ и начала:

— Если посмотрѣть, Андриушенька, то въ жизни моей особеннаго ничего нѣтъ, это случается часто, но для меня это все равно, такъ какъ судьба разбила мое счастье, а бываетъ ли такъ съ другими или нѣтъ, отъ этого не легче. Кончила я институтъ съ медалью, и только потому цифра не получила, что танцовала не особенно граціозно и вообще была не пизанца. Я пріѣхала домой и цѣлый годъ проскучала, такъ какъ у насъ съ мамашей денегъ было немного, и они рѣшили насъ пачать вывозить только тогда, когда и Катя кончитъ институтъ. На слѣдующую весну она пріѣхала, и у насъ начала бывать молодежь. Прежде, другъ мой, ты знаешь, всѣ служили только военными, а штатскихъ почти не было, и на нихъ смотрѣли пренебрежительно. Вотъ и у насъ бывали только офицеры. Теперь такихъ формъ ужъ, кажется, и нѣтъ, а прежде удивительно красиво было. Только однажды мамама призываетъ меня къ себѣ въ спальню, отдаетъ мнѣ бусы изъ горнаго хрусталя, тогда это въ большой модѣ было, и говорить...

— Любовь Семеновна! — неожиданно послышался мужской голосъ снизу изъ темнаго сада: — поварь просить къ ужину стаканъ мадеры. Прикажете отнестись ему или нѣтъ?

— Ахъ, Госноди, Николай, какъ ты меня пугалъ! Конечно отнестись, только зачѣмъ это ему столько?

— На соусъ, говорить.

— Ну, смотрите, баринъ опять сердиться будетъ, что скоро вино вышло!

Николай исчезъ, и Любинька снова обратилась ко мнѣ.

— Андриушенька, на чемъ я остановилась?

— Какъ вамъ бусы изъ горнаго хрусталя подарил...

— Да! Такъ вотъ мамаша и говоритъ: одѣнься, Любинька, сегодня получше, такъ какъ пріѣдетъ одинъ офицеръ, который достоинъ быть твоимъ мужемъ. Конечно, я странно зваловалась и сплску сама не своя. Во дворъ влетаетъ тройка, выходитъ какой-то военный. Лакей докладываетъ. Мамаша посмотрѣла на меня, но я поняла этотъ взглядъ. Черезъ какой-нибудь часъ, бесѣдуя съ нимъ, я могла подумать, что мы старые знакомые. Я играла ему на роялѣ, пѣла, онъ благодарилъ меня, и по его глазамъ я видѣла, что я ему понравилась. Словомъ, Костылевъ началъ у насъ бывать...

— Какъ его фамилія была, Костылевъ?—прервала я.

— Ну да!

— Это тотъ самый, который нарисовалъ у васъ въ альбомѣ дѣву съ такой громадной погой?

— Ахъ, Богъ съ ней, съ этой погой, Андриушенька, слушайте, чтѣ произошло дальше. Началъ онъ у насъ бывать. Однажды, когда мы гуляли съ нимъ, онъ вдругъ бросился передо мною на колѣни и признался, что любитъ меня. По его словамъ, онъ еще никого на свѣтѣ не любилъ такъ, какъ меня. Что мнѣ было отвѣчать на его признаніе? Въ этихъ случаяхъ лгать грѣшно, надо говорить правду, и я созналась ему, что люблю его, если не такъ сильно, какъ онъ, но во всякомъ случаѣ достаточно. Мы хотѣли сейчасъ же отправиться къ мамашѣ, но я уговорила его написать своимъ родителямъ и спросить ихъ совѣта, такъ какъ шагъ, сами понимаете, важнѣйшій. Написалъ онъ мнѣ письмо на шестнадцать страницъ, и все описываетъ мои достоинства.

— Михаилъ Николаевичъ,—говорю я ему:—а что же вы не перечисляете моихъ недостатковъ?

— Ихъ нѣтъ у васъ!

— Какъ нѣтъ? Да вѣдь я человекъ.

— Вы человекъ! Нѣтъ, вы не человекъ, а ангелъ!

— Ну вотъ и разговаривайте съ нимъ!

«Отправилъ онъ письмо и ждетъ отвѣта, какъ вдругъ—война. Говорили о ней очень давно, но такъ скоро никто не ожидалъ. Длинноно не могу вамъ объяснить, что произошло въ Австріи, только императору Николаю Павловичу угодно было вѣнговъ поучить. Пріѣхали къ намъ всѣ офицеры прощаться, ну, конечно, и Костылевъ съ ними. Смѣются, хвораются, а у каждого, я думаю, на сердцѣ коника скребетъ. Только Михаилъ Николаевичъ обращается ко мнѣ:

— Любовь Семеновна, исполните мою просьбу.

— Съ удовольствіемъ.

— Спойте мой любимый романс: «Стонетъ синий голубочекъ!»

— Я пошла въ залъ, сѣла къ роялю, онъ облокотился на край и шепчетъ мнѣ:

— Прощай, дорогая моя, прощай! Каждый день буду вспоминать о тебѣ. Писать тебѣ буду! А ты меня не разлюбишь?

«Я покачала отрицательно головой, а вечеромъ, когда онъ уѣзжал, я сунула ему въ руку крошечный образокъ Георгія Побѣдоносца. На другой день, чуть свѣтъ, отиравилась мы въ коляскѣ провожать ихъ. Какъ сейчасъ вижу, проходили мимо насъ ряды за рядами, а какъ поравнялся Костылевъ—опустилъ свою саблю. Кто-то скомадовалъ, пѣсенники запѣли грустную пѣсню, и сердце сдавила тоска. Вотъ пѣсли все тише, тише, вотъ вѣтромъ донесло немного и совѣтъ замолкло. Ушли, на войну ушли, и кто-то изъ нихъ воротится, кто останется... А съ ними ушло и мое счастье.

Любинька смолкла. Я слушала ее съ возрастающимъ вниманіемъ. Душа ея начинала понемногу раскрываться передо мной, и личность Любиньки обрисовывалась совершенно иначе.

— Андриушенька, вамъ не скучно слушать?—спросила Любинька и, не дожидаясь отвѣта, продолжала: — Первые дни послѣ разлуки съ Михаиломъ Николаевичемъ я еще могла считать и представлять себѣ, что онъ дѣлаетъ, а тамъ и счетъ всякій потеряла. Куда отправили его съ полкомъ, перешелъ ли онъ границу—ничего не знаю. До самаго свѣту горѣлъ огонь въ моей спальнѣ. Лежу на постели, и одна картина рисуется за другой. То кажется, что его ранили, а то и убили. Еще тяжелѣе было потому, что никто не зналъ моей тайны, и даже сестры и ничего не говорила. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Кто-то изъ сосѣдей зашелъ въ городъ и привезъ извѣстіе, что было нѣсколько сраженій удачныхъ, и война должна скоро кончиться. Однажды вечеромъ я въ полномъ отчаяніи плакала, плакала и заснула. И привидѣлся мнѣ сонъ, да такой страннѣйшій. Будто бы Михаилъ Николаевичъ вернулся, веселый такой, здоровый, только совѣтъ слѣпой. Ходитъ онъ, ищетъ меня и никакъ найти не можетъ. Наконецъ, наткнулся какъ-то случайно, узналъ да и говоритъ: Любовь Семеновна, я вамъ теперь не пара!—Почему? спрашиваю его. — А вотъ. Да какъ подыметъ вѣки, а тамъ, вмѣсто глазъ, у него раши и черви, такіе большіе да бѣлые, копошатся. Я вскрикнула и проснулась. На другой день хожу какъ потерянная, и все мнѣ глаза эти страшные представляются. Только къ обѣду пріѣзжаетъ сосѣдъ Ходневъ. Онъ уже стариковъ былъ, холостой и все насъ обихъ своимъ вѣвѣстамъ называлъ. Онъ съ папашей въ карты всегда игралъ и горичился страшно. Какъ проиграетъ, такъ и кричитъ:

— Будь я подлець, если я съ вами еще разъ въ карты сяду играть.

«А дни черезъ три, глядишь, опять притащится.

«Привезъ онъ намъ обихъ по букету. Первой сестра подскочила, а за ней подошла и я. Ходневъ подаль мнѣ букетъ, а затѣмъ и говорить:

— Возьмите отъ старичка стишки! — и передаетъ какой-то пакетикъ.

«Я его взяла и помчалась въ свою комнату. Развернула, а тамъ совѣтъ не стихи, а письмо отъ Костылева. Попробовала и его читать, да и не могу. Слезы такъ и льются у меня. Наконецъ, взяла себя въ руки и прочла. Пишетъ мнѣ Михаилъ Николаевичъ, что чувствуетъ себя прекрасно, только обо мнѣ скучаетъ. Война оказалась совѣтъ не страшной и скорѣе похожа на военную прогулку. Онъ надѣется вернуться скоро, и тогда, конечно, соединится со мной навсегда. Сколько разъ и эти письма перечитала, и сказать вамъ не могу, даже истрепалось оно у меня. Вышла я назадъ въ гостиную, а Ходневъ улыбається и спрашиваетъ:

— Что, милая барышня, понравились вамъ мои стишки или нѣтъ?

«— Очень понравились!—говорю.

«— Такъ я буду стараться частенько привозить ихъ вамъ! Можетъ-быть и полюбите старичка!

«А какое полюбите! Я бы охотно взяла, обняла его, да въ обѣ выбрившя щеки и чмокнула.

«Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Ходневъ привозилъ мнѣ письма отъ Костылева, и черезъ него же я отвѣчала на нихъ. Потомъ письма прекратились, но я и не безпокоилась, такъ какъ по церквамъ манифестъ о мирѣ прочли. Черезъ нѣкоторое время прошелъ слухъ, что войска возвращаются, а тамъ и Костылевъ прилетѣлъ къ намъ. Что дѣлалось съ моимъ сердцемъ, я и передать не могу. Михаилъ Николаевичъ сильно возмужалъ за это время и какъ-то сталъ серьезнѣе. Съ первой минуты я почувствовала, что между нами образовалась какакая-то преграда, а какал, я и понять не могла. Костылевъ бывалъ преждемъ часто, но меня онъ избѣгалъ. По естественному чувству самолюбія я тоже не искала встрѣчь пединѣ. Однажды вечеромъ, когда я, пролежавъ цѣлый день, вышла къ ужину, мамаша встрѣтила меня словами:

— Любинька! поздравь сестру! Михаилъ Николаевичъ сдѣлалъ ей сегодня предложеніе!

«Полъ показался мнѣ вдругъ покатымъ, а лица у сидѣвшихъ за столомъ зелеными, но я поборола эту минутную слабость и сказала:

— Поздравляю отъ души! А вамъ, Михаилъ Николаевичъ, желаю счастья, вы его заслуживаете!

«Онъ глазъ не поднялъ на меня.

— Представьте себѣ, Андриушенька, чтѣ я выстрадала за это время. Они цѣлыми днями говорятъ о своемъ счастьи, а мнѣ

Контрабандистки. Съ карт. М. Шмидта грав. Пэце.

„Спасена“: Съ карт. Г. Шерлинга грав. Боягъ.

так и хочется имъ крикнуть, что счастье это не ихнее, а краденое. Наконецъ, состоялась и свадьба. Молодые уѣхали, а мы остались опять въ нашей деревнѣ, но молодежь стала бывать какъ-то рѣдко, да и интереснаго было мало, такъ какъ я вся ушла въ себя, а мои старики были заняты исключительно своими болѣзнями. Такъ прошло нѣсколько томительныхъ лѣтъ, до того однообразныхъ, что я не могу ихъ отлѣтитъ никакими пропеснями. Я чувствовала, что старѣюсь, вѣну и дѣлаюсъ тѣмъ, что называется старой дѣвой. Отъ времени до времени мы получали отъ сестры письма. Письма эти дышали счастьемъ. Михаилъ Николаевичъ баловалъ ее, а она вся предалась семьѣ и дѣтямъ, которыхъ у ней было трое. Мамаша свалилась первой, она долго мучилась водяной и, наконецъ, скончалась. Последними словами своими она озадачила меня и поставила втупикъ. Обивъ меня похуфвными руками, она прошептала:

— Вѣдная моя!

«Знала ли она мое горе или догадалась своимъ материнскимъ инстинктомъ, осталось для меня загадкой. Папаша послѣ ея смерти почувствовалъ вокругъ себя такую пустоту, что онъ совершенно потерялся. Онъ глядѣлъ растерянно и всей своей вѣшностью и взглядомъ какъ бы олицетворялъ одинъ вопросъ:

— Что же я буду дѣлать безъ жены?»

«Онъ положительно тайлъ на моихъ глазахъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовалъ за ней. Онъ такъ былъ занятъ мыслью о предстоящемъ свиданіи тамъ, въ иномъ мѣстѣ, что не оторчался разлукой со мной. Такимъ образомъ и осталась въ деревнѣ совершенно одна. Послѣ смерти родителей мнѣние мы должны были раздѣлить пополамъ, но я выплатила сестрѣ стоимость ея доли по частямъ и сдѣлалась единой владѣтельницей нашего гнѣзда, которое было мнѣ такъ дорого по воспоминаніямъ. Сосѣди совершенно забыли меня, да и зачѣмъ имъ было навѣщать старую дѣву, которая только и могла говорить, что о своемъ хозяйствѣ, и чуждалась всякихъ сплетенъ.

«Такъ прошло много лѣтъ. По моимъ водосамъ побѣжала сѣдина, и на щекахъ опять появились розы. Вѣдь розы бываютъ и желтыя. Словомъ, ко мнѣ начинала заглядывать все чаще и чаще эгоистичная, холодная, одинокая старость, но судьбѣ угодно было замѣнить все сразу.

«Однажды, когда осеннимъ вечеромъ я вышла на крыльцо, слышались бубенчики. Звукъ ихъ приближался, и несомнѣнно, что ѣхали ко мнѣ. Вотъ бубенчики стихли, вѣроятно, ямщикъ слѣзь отворилъ ворота, и снова заговорили еще веселѣе. Тараптасъ вѣхалъ во дворъ, и изъ него вылѣзъ какой-то господинъ, который спросилъ меня хрипловатымъ баскомъ:

— Что, Любовь Семеновна дома?»

— Это я!

— Вы?—воскликнулъ онъ, хватая меня за руку:—неужели не узнали меня или я такъ постарѣлъ?»

«Мы пришли въ домъ, и при свѣтѣ лампы я узнала Костылева. Теперешнее лицо его было похоже на прежнее, вотъ какъ бываетъ въ плохихъ зеркалахъ. Щеки обвисли, подъ глазами образовались мѣшочки, волосы на головѣ и усы были выкрашены, а пальцы замѣтно дрожали. Узкій воротничокъ вызывалъ у него приливы крови, и лицо посылало багровый отблескъ.

— Сестра кланяется,—сказалъ онъ.

— Что дѣти?»

— Петя кончаетъ университетъ, Миша лихой офицеръ, а Сося ждетъ жениховъ.

— Слѣдовательно, вы счастливы?»

— Какъ вамъ сказать? Пожалуй!

«По деревенскому обычаю, мы сѣли ужинать. Онъ выпилъ залпомъ нѣсколько рюмокъ водки, которая подавалась только въ дни пріѣзда исправника или станового и для причта, и

замѣтно повеселѣлъ. Вѣшность его производила на меня неприятное впечатлѣніе, какъ злая карикатура прошлаго, а когда онъ началъ мнѣ цѣловать руки, онъ сдѣлалъ просто противенъ. Меня интриговала цѣль его пріѣзда. Не могъ же онъ явиться ко мнѣ только для того, чтобы полюбоваться моею вѣшностью и поговорить цѣлый ворохъ пошлыхъ комплиментовъ.

«На слѣдующее утро объяснилось все: онъ проигралъ казенныя деньги и не зналъ, гдѣ ихъ достать. Ему угрожали позоръ, можетъ-быть, даже Сибирь. Онъ ползалъ у меня въ спальнѣ на колыняхъ, бился объ полъ своей крашеной головою и умолялъ спасти.

— Не меня, семью спасите!

«Я спросила цифру проигрыша. Когда онъ произнесъ ее, я отшатнулась. Черезъ нѣсколько часовъ я уже рѣшилась. Послѣ моей смерти, все равно, мнѣние досталось бы дѣтямъ сестры, не лучше ли было отдать его теперь, чтобы спасти ихъ отъ скандала. История съ отцомъ можетъ отразиться на университетскихъ экзаменахъ Пети, на службѣ Миши и на свадьбѣ Соши. Я подумала, помолилась и рѣшилась. Черезъ нѣсколько дней я навсегда выѣхала изъ своего насиженнаго гнѣзда. Боже мой, какъ я плакала! Въ уѣздномъ городѣ я совершила дарственную запись. Когда я принесла ее и отдала Михаилу Николаевичу, онъ схватилъ меня за руку и прошептала:

— Святай! Простишь ли ты меня, что я тогда..

— Молчи!—прервала я его:—не напоминайте. И въ эту минуту я глубоко ненавидѣла его. Онъ съезжился, покраснѣлъ и произнесъ:

— Не буду!

«Онъ уѣхалъ къ своей семьѣ, а я должна была искать себѣ уюлокъ, гдѣ могла бы приклонить голову. Я рѣшилась ѣхать въ Петербургъ, но по дорогѣ заѣхала сюда и, какъ видите, застряла. Костылевъ умеръ скоро послѣ свиданія со мной. Я слышала о какой-то темной исторіи въ клубѣ, невѣрной игрѣ или что-то въ этомъ родѣ. Говорили даже, что смерть его была послѣдствіемъ нанесенныхъ ему побоевъ. Не знаю, правда ли. Овдовѣвъ, сестра уѣхала на югъ къ дочери, которая замужемъ за какимъ-то докторомъ. Такъ вотъ вамъ и вся моя жизнь. Я скоро умру, Андрюшенька, возьмите себѣ на память обо мнѣ альбомъ, а то мнѣ больно подумать, что надъ нимъ будутъ смѣяться. Ну, что вы скажете?»

«Что было мнѣ сказать на исповѣдь старухи? Я подошелъ къ ней и искренно, горячо поцѣловалъ ее. Между тѣмъ ночь дѣлалась все волшебнѣе. Поднимавшіяся сначала краснымъ щитомъ мѣсяцъ теперь стоялъ уже высоко и залитъ своимъ холоднымъ фосфорическимъ свѣтомъ цвѣтники, обрызганный росой, густыя липовыя аллеи, куртины съ рѣдами фруктовыхъ деревьевъ и отражался серебромъ на поверхности труда, полузросшаго у береговъ тишой. Ночь молчала, мѣла и ждала звукъ. Вотъ гдѣ-то, тамъ, въ кустахъ жимолости, робко началъ пробовать свои силы волшебникъ-соловей. Съ каждой минутой онъ дѣлался все смѣлѣе, и скоро звонкій трели его и звучное прищелкиваніе разошлись по всему саду. Стаювилось поздно, въ домѣ звенѣли посудой и накрывали ужинъ, а мы съ Любимкой сидѣли молча, она все въ прошломъ, я—все въ будущемъ. А соловей все пѣлъ, точно славилъ эту ночь, этотъ мѣсяцъ, эти далекія звѣзды; отъ травы точно паръ кадильницъ подымался къ небу.

«Черезъ годъ Любимка умерла тихо и незамѣтно. Это была та безболѣзненная и мирная кончина, о которой молить православная церковь для своей наставы. Да, кажется, Любимка и заслуживала ея, такъ какъ любила ближнихъ не только какъ себя, но даже, полагаю, болѣе.

Альбомъ цѣль у меня до сихъ поръ.

Магнитныя аномаліи въ курской губерніи.

Долгое время предполагали, что земной магнетизмъ распределенъ на поверхности земного шара правильно, и что достаточно небольшого числа наблюдений, чтобы опредѣлить, путемъ интерполированія, численныя величины магнитныхъ элементовъ для промежуточныхъ пунктовъ. Между тѣмъ недавніе, болѣе тщательныя, изысканія показали, что напряженіе земного магнетизма бываетъ подвержено значительнымъ возмущеніямъ вслѣдствіе еще невыясненныхъ мѣстныхъ условій.

Рядъ наблюдений нѣсколько лѣтъ тому назадъ показалъ, что въ средней полосѣ Россіи магнитное напряженіе подвергается пертурбаціямъ, несомнѣннымъ съ правильнымъ распредѣленіемъ явленій. По приглашенію Императорскаго русскаго географическаго общества, директоръ магнитной обсерваторіи парка Сень-Моръ, Т. Муро изслѣдовалъ въ теченіе мая и іюня 1896 г. курскую губернію на всемъ ея протяженіи. Пользуясь приборами, принадлежащими обсерваторіи Парка Сень-Моръ и не требующими особыхъ вычисленій для проверки, онъ могъ получить численныя величины магнитныхъ элементовъ въ 149 пунктахъ.

Направленіе и интенсивность магнитнаго напряженія подвержены значительнымъ возмущеніямъ во всей курской губерніи, но самыя значительныя центры аномалій встрѣчаются

главнымъ образомъ въ южной части губерніи, между городами Оболянь и Ыльгородомъ.

1) Въ селѣ Кочетовкѣ,—расположенномъ въ 23 верстахъ отъ Оболяни, гдѣ онъ произвелъ первую серію наблюдений, показавшихъ наличие значительныхъ отклоненій между наблюдеными и теоретическими численными величинами, онъ вторично, на этотъ разъ въ совершенствѣ и съ полною послѣдовательностью, изучилъ весь районъ аномалій, съ цѣлью опредѣлить точно пунктъ, соответствующій центру аномалій; площадь, такимъ образомъ послѣдованная, не достигаетъ 4-хъ квадратныхъ километровъ. На такомъ ограниченномъ пространствѣ можно допустить, на практикѣ, постоянство всѣхъ магнитныхъ элементовъ. Между тѣмъ, къ удивленію, онъ наблюдалъ склоненія, колебавшіяся между -34° и $+96^{\circ}$ (другими словами, разниця составила 130°), и наклоненія, заключенныя между 48° и 79° *), т. е. подобно нормальнымъ наклоненіямъ въ Марокко и на южной оконечности Шпицбергена.

*) Какъ известно, магнитная стрѣлка, повѣшенная горизонтально, вообще не совпадаетъ магнитною осью съ плоскостью географическаго меридіана. Плоскость, проведенная чрезъ магнитную ось стрѣлки и центръ земли, называется магнитнымъ меридіаномъ; составляемый же упомянутыми двумя плоскостями уголъ называется магнитнымъ склоненіемъ; уголъ же, образуемый магнитною осью стрѣлки съ горизонтальною линіею въ магнитномъ меридіанѣ, называется магнитнымъ наклоненіемъ.

2) Второй центр аномалии, обнаруженный наблюдениями Т. Мура, находится в селѣ Покровскомъ, въ 13-ти верстахъ къ югу отъ Кочетовки; здѣсь опять-таки магнитные элементы подвергаются весьма значительнымъ измѣненіямъ: склоненія отъ -11° къ $+45^{\circ}$; наклоненія же достигаютъ $82^{\circ} 13'$. Очень мало изслѣдователей имѣли возможность наблюдать послѣднія двѣ величины, вследствие малодоступности странъ, сошедшихъ къ магнитнымъ полюсамъ земли. Эти числа очень приближаются къ даннымъ, выведеннымъ изъ наблюдений, производившихся въ 1882 году американскою полярною экспедиціею близъ бухты лѣди Франклинъ, подъ $81^{\circ} 44'$ сѣв. широты.

3) Село Нейхаево, Вѣлгородскаго уѣзда, въ 12 верстахъ къ юго-западу отъ Покровскаго, также представляетъ центръ очень большой аномалии, замѣченной прежде всего русскими учеными и офицерами; аномалия эта такого же размѣра, какъ предыдущія. Въ двухъ точкахъ, отстоящихъ одна отъ другой въ 400 метрахъ, по ту и другую сторону кладбища, наблюдаются различія склоненій въ 74° ; наклоненіе же, нормальная величина котораго равнялась бы приблизительно $63^{\circ} 50'$, колеблется между 70° и 82° .

Наконецъ, другіе центры аномалии, изученные не въ такомъ совершенствѣ, обнаружены наблюдениями въ уѣздахъ Дмитріевскомъ, Тимскомъ, Старооскольскомъ и въ окрестностяхъ Вѣлгорода. Въ самомъ Курскѣ аномалия склоненія равна 6° .

Ничто съ перваго взгляда не указываетъ на причину этихъ необычайныхъ аномалий. На всемъ протяженіи курской губерніи растительный пластъ состоитъ изъ чернозема, делающаго на мѣловой подпочвѣ; тамъ, гдѣ этотъ пластъ не толстъ, мѣлъ виденъ на большихъ пространствахъ; Вѣлгородъ обязанъ своимъ названіемъ именно этой особенности. Нижележащія отложения неизвѣстны.

На плато Курска беретъ начало много рѣкъ, текущихъ по разнымъ направленіямъ; на сѣверѣ онѣ впадаютъ въ Волгу, на западѣ и на югѣ—въ Днѣпръ, на востоцѣ—въ Донъ. Не устанавливая связи между магнитными аномалиями курской губерніи и ея особеннымъ орографическимъ положеніемъ водораздѣла трехъ большихъ бассейновъ, нельзя, тѣмъ не менѣе, не отмѣтить этой особенности.

Магнитныя наблюдения представляютъ не одинъ только научный интересъ: обнаруживая присутствіе извѣстныхъ горючато-земныхъ породъ въ глубинахъ земли, они позволяютъ опредѣлять мѣстопоходженіе ископаемыхъ богатствъ, открытіе которыхъ ускользнуло бы отъ обычныхъ способовъ изслѣдованія. Такой способъ отысканія ископаемыхъ богатствъ практиковался уже неоднократно въ Швеціи и Америкѣ. Курское земство, внимательно слѣдившее за работами Т. Мура, рѣшило примѣнить на практикѣ результаты его наблюдений для отысканія желѣзной руды и уже въ декабрѣ прошлаго года очередное губернское земское собраніе ассигновало сумму на буреніе трехъ скважинъ въ тѣхъ пунктахъ, которые отмѣчены были магнитною стрѣлкою, какъ центры аномалии, а именно: въ селахъ Нейхаевѣ, Кочетовкѣ и Красномъ. Для работъ этихъ приглашенъ профессоръ московскаго университета Э. С. Лейста, который вычислилъ, что руды въ этой мѣстности должно быть не менѣе 25 миллиардовъ пудовъ. Скважины будутъ въ глубину отъ 86 до 100 сажень. Первую скважину рѣшено было заложить въ с. Кочетовкѣ и начать работы по буренію съ конца апрѣля, при чемъ результаты буренія выяснятся не ранѣе конца іюля или августа мѣсяца. Проф. Лейста находится на мѣстѣ изслѣдованій, и предварительныя работы его по опредѣленію земного магнетизма въ курской губерніи дали такіе же поразительные резуль-

таты, какъ и изслѣдованія г. Мура. Такъ, по сообщенію, сдѣланному проф. Лейстомъ председателю Императорскаго русскаго географическаго общества А. А. Тилло, въ с. Кочетовкѣ 6 апрѣля открыто имѣ мѣсто, въ которомъ наклоненіе магнитной стрѣлки равняется 90° градусамъ,—иными словами, въ Кочетовкѣ обнаруженъ сѣверный магнитный полюсъ. Весьма характерно то, что, по изслѣдованіямъ проф. Лейста, въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу и къ югу отъ означеннаго полюса магнитное наклоненіе быстро измѣняется,—до того быстро, что чрезъ каждыя десять сажень измѣненіе превышаетъ цѣлый градусъ. Что же касается склоненія, то въ означенномъ магнитномъ полюсѣ магнитная стрѣлка принимаетъ любое направление только въ зависяности отъ крученія штиля.

Всѣ эти надежды на богатія желѣзныя руды, находящіяся будто бы на небольшой глубинѣ подъ поверхностью земли и являющіяся-де причиной этихъ магнитныхъ аномалий, сильно взбудоражили населеніе всей курской губерніи. Въ мѣстности, наиболее обѣщающей находженіе желѣзной руды, уже появились разные агенты для заключенія съ землевладѣльцами условій по эксплуатаціи воображаемыхъ ископаемыхъ богатствъ. Между тѣмъ, какъ оказывается изъ изданнаго недавно курскимъ губернскимъ земствомъ и составленнаго И. Г. Поповымъ „Отчета о работахъ по изслѣдованію магнитныхъ аномалий курской губ. въ 1897 г. въ связи съ вопросомъ о залежахъ желѣзныхъ рудъ“, вопросъ этотъ по измѣющимся геологическимъ даннымъ не можетъ быть въ настоящее время рѣшенъ: иными словами, утвердительно, съ одной стороны, потому, что существуютъ другія особенности строенія и физическаго состоянія земныхъ толщъ, которыя въ данномъ случаѣ вѣроятнѣе могутъ служить причиною мѣстныхъ особенностей въ распредѣленіи явленій земного магнетизма. Съ другой стороны, если бы таковой причиной являлись массы магнитнаго желѣзняка и желѣзныхъ рудъ, ему близкихъ, то для сколько-нибудь вѣроятнаго заключенія о глубинѣ залеганія этихъ рудъ, въ предѣлахъ магнитныхъ аномалий курской губерніи, геологія не обладаетъ никакими данными.

Напротивъ, многочисленныя мелкія буровыя скважины, имѣющіяся въ этой губерніи и достигающія глубины 30—40 сажень, говорятъ за совершенно правильное развитіе здѣсь отложеній мѣловой системы, толщина которой превышаетъ собою сажень, а въ отложеніяхъ этой системы кристаллическихъ желѣзныхъ рудъ, дѣйствующихъ на магнитную стрѣлку, быть не можетъ. Въ этомъ отрицательномъ смыслѣ по данному вопросу высказался и проф. И. В. Мухометовъ, въ началѣ января нынѣшняго года, по поводу доклада проф. Э. Е. Лейста, прочитаннаго имъ въ магнитной комиссіи Императорскаго русскаго географическаго общества. Оспаривая мнѣніе проф. Лейста, почтенный геологъ высказалъ отъ своего имени и отъ имени геологическаго комитета слѣдующее заключеніе: нѣтъ никакой надежды пайти въ курской губ. богатія желѣзныя руды въ большомъ количествѣ, такъ какъ присутствіе подобныхъ рудъ связано съ изверженными породами; по его мнѣнію, если даже курская магнитная аномалия и зависитъ отъ присутствія желѣзныхъ рудъ, то онѣ находятся на такой большой глубинѣ, что недостижимы для промышленности.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что за утвердительное и отрицательное рѣшеніе этого интереснаго вопроса высказались ученые авторитеты, и только дальнѣйшія работы по буренію скважинъ въ указанныхъ пунктахъ выяснятъ намъ, кто изъ нихъ правъ и суждено ли осуществиться мечтамъ курянъ о колоссальныхъ богатствахъ, скрытыхъ въ недрахъ ихъ земли.

Прошлое и будущее Сахары.

Безбрежная, какъ море, пустыня Сахара на сѣверѣ Африки еще не такъ давно считалась песчаной низменностью, высохшимъ дномъ моря. Новѣйшія изысканія путешественниковъ неопровержимо доказали, что Сахара не низменность, но плоскогорье, за немногими исключеніями почти на всемъ своемъ протяженіи поднимающееся на 200—250 метровъ выше уровня Средиземнаго моря. Гипотеза, считавшая Сахару дномъ моря, противорѣчитъ и теоріи морскаго дна, по которой море или часть моря, будучи искусственно осушены, не даютъ исключительно песчанаго грунта.

Всѣ признаки и многочисленныя, предпринятія на мѣстѣ, изысканія говорятъ за то, что Сахара была обитаема еще въ историческія времена и обладала роскошными флорой и фауною, слѣды которыхъ перѣдко встрѣчаются и понынѣ. Французскій путешественникъ де-Вари находилъ среди несковыхъ Сахары пруды,—быть-можетъ, остатки высохшихъ рѣкъ,—въ которыхъ жили крокодилы. Въ эпоху карагенскихъ войнъ въ предгорьяхъ Атласа встрѣчались еще во множествѣ слоны; какъ извѣстно, они приручались карагенцами для военныхъ цѣлей; въ рѣкахъ, впадающихъ въ Средиземное море, водились гиппопотамы. Въ наше время единственнымъ средствомъ передвиженія по Сахарѣ служатъ верблюды—„корабль пустыни“; между тѣмъ, на древнихъ египетскихъ памятникахъ верблюды

не изображаются; слѣдовательно, нигдѣ въ сѣверной Африкѣ онѣ въ древности не встрѣчались. Въ тѣ времена по Сахарѣ ѣздили еще на лошадяхъ,—вещь въ настоящее время совершенно невозможная, изъ чего можно заключить, насколько естественныя условія страны въ послѣднія тысячелѣтія измѣнились къ худшему.

Судя по всему, въ центральныхъ горахъ Сахары, въ не очень еще отдаленной древности, были лѣса; лѣсистыя нагорья давали начало рѣкамъ, изливавшимся на востокѣ въ Нилъ, на западѣ—въ Атлантическій океанъ, на югѣ—въ Нигеръ и въ озеро Чадъ. Особенно ясны слѣды прежнихъ рѣкъ, текущихъ на западъ; австрійскій путешественникъ Ленцъ, на пространствѣ между Теудуфомъ и Арацаномъ, въ самомъ сердцѣ пустыни, нашелъ восемь пересохшихъ рѣчюпокъ, въ руслахъ которыхъ, на небольшой глубинѣ, можно было добыть немного воды. Очевидно, лѣса были безплодно вырублены, послѣ чего атмосферическіе осадки стали постепенно уменьшаться; верхній, растительный, слой почвы исчезъ, и вѣтеръ мало-по-малу засыпалъ пескомъ окрестныя земли, уничтоживъ большую часть органической жизни.

Красновѣчные примѣры послѣдствій обезлѣсенія наблюдаются во многихъ мѣстахъ побережья Средиземнаго моря, въ Испаніи, Италіи, Греціи и Малой Азіи; эти страны являютъ

теперь лишь тѣмъ своего былого великолѣпія, въ особенности Малая Азія, богатство которой вошло у римлянъ въ пословицу. Сѣверная Африка была житницей Рима. Какалъ разница съ нынѣшнимъ состояніемъ Туниса и Алжира, послѣ того, какъ тамъ похозяйничало, варварски истребляя лѣса, столько пришлое население. Не лучше и на западномъ полушаріи: въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ готовится обезлѣсѣніе со всею своими печальными послѣдствіями. Быстрый ростъ промышленности въ этой странѣ вызвалъ соответственно быстрое лѣсонетребленіе; ошибки Старого Свѣта не послужили предостереженіемъ для Новаго, и роковыя послѣдствія безпощаднаго лѣсонетребленія не замедлятъ сказаться въ упадкѣ органической жизни. На берегахъ Гудсонова залива, окованныхъ льдомъ большую часть года, и на малодоступныхъ высотахъ Скалистыхъ горъ, бытъ-можетъ, еще сохранились остатки лѣсовъ; зато судьба лѣсныхъ богатствъ американскаго востока рѣшена безвозвратно. Д-ръ Майръ, командированный саварскимъ правительствомъ для изученія американскаго лѣсного хозяйства, рассказываетъ, что въ западной части Каролины и соседнихъ съ нею штатахъ, въ предгорьяхъ Аллеганскаго хребта, начинаютъ мало-по-малу водвориться сыпучіе пески, захватывающіе огромныя площади; но мѣрѣ исчезновенія лѣсовъ рѣки мелѣютъ, площадь песковъ увеличивается, и мѣстность принимаетъ пустынный характеръ.

Интересны слѣды былой цвѣтущей жизни, наблюдавшіеся Лениномъ во многихъ мѣстахъ Сахары. Въ источникахъ и колодцахъ, хотя и черезъ большіе промежутки, недостатка не было; вообще въ продолженіе всего путешествія его каравану не приходилось страдать отъ жажды. Ленцъ сообщаетъ о попадавшихъ ему на пути рощицахъ акацій, отдѣльныхъ пальмахъ и обильномъ кормѣ для верблюдовъ. Встрѣчались стада антилопъ и буйволовъ, заставлявшіе предполагать наличность водоемистыя въ самомъ сердцѣ пустыни. Однажды среди Сахары поилъ даже проливной дождь. „15-го мая,—пишетъ путешественникъ:—мы были пріятно поражены нѣшимъ итицы: стеной жаворонокъ щебеталъ надъ нами въ чудномъ, чистомъ воздухѣ свою утреннюю пѣсню“. Грубые рисунки древнихъ пустынныхъ племенъ, къ югу отъ Атласа, изображаютъ на камняхъ жирафъ, слоновъ и крокодиловъ. Тутъ же найдены орудія каменнаго вѣка, топорики изъ твердаго полевого шпата, подобные тѣмъ, которые въ огромномъ количествѣ найдены въ Европѣ,—новое доказательство того, что въ эпоху каменнаго періода теперешняя пустыня была населена.

Французы, утвердившіеся въ пограничныхъ съ Сахарою странахъ—Алжирѣ и Тунисѣ на сѣверѣ и Сенегамбіи на югѣ,

недавно записали важный разовой пунктъ торговли Сахары, Тимбукту, и стремятся распространить сферу своего вліянія отъ устьевъ Сенегала до озера Чадъ. Такимъ образомъ, въ недалекомъ будущемъ фактическимъ хозяиномъ пустыни сдѣлается высококультурный народъ, который тѣмъ или инымъ образомъ воскреситъ ее къ новой жизни и утилизируетъ огромныя, нынѣ необитаемыя пространства. Создалось уже множество проектовъ, которые должны видоизмѣнить физиономію Сахары; изъ нихъ наиболее плѣсообразенъ проектъ, предлагающій прорыть въ пустыни множество артезианскихъ колодезь. Такъ или иначе, погибшая для человѣчества страна, превратившаяся въ пустыню, можетъ быть возвращена къ жизни лишь упорнымъ и продолжительнымъ воздѣйствіемъ на нее европейской культуры. Прежде всего на очереди уничтоженіе разбойничьяго промысла туареговъ, этихъ хищниковъ пустыни, угрожающихъ караванамъ купцовъ и путешественниковъ; когда велѣтъ затѣмъ будетъ сломенъ грозный для христіанства фанатизмъ арабовъ-махдистовъ, и Сахара сдѣлается доступной изслѣдованію на всемъ своемъ протяженіи. Только тогда можно будетъ расширить существующіе оазисы, дѣлать ихъ плодороднѣе и создавать новыя стоянки для каравановъ путемъ разысканія источниковъ и прорыванія колодезь, что, вмѣстѣ взятое, будетъ способствовать оживленію торговыхъ и иныхъ сношеній черезъ Сахару между сѣвѣрною и центральною Африкою. Въ настоящее время въ Сахарѣ есть обширныя площади, куда не проходили еще европейцы; многіе оазисы совершенно не изслѣдованы и не имѣютъ никакого сообщенія съ цивилизованнымъ міромъ. Въ интересахъ цивилизаціи, можно пожелать, чтобы европейская культура какъ можно скорѣе водворилась по ту и другую сторону Атласскаго хребта; лишь тогда можно будетъ отвоевать у песковъ значительную часть Сахары и вернуть ее человѣчеству. До сихъ поръ благое дѣло тормозится отчасти политическою рознью державъ, для которыхъ Марокко является новымъ яблокомъ раздора.

Жизнь въ пустынѣ не представляетъ ничего особенно непріятнаго или страшнаго. Воздухъ тамъ необычайно чистъ и здоровъ; большіи невѣтствы, за исключеніемъ глazierъ, которыя слѣдуетъ приписать нечистоплотности туземцевъ. Несмотря на жару и несчастья дюны, пустыня прекрасна,—безграничная ширь и гладь, какъ въ океанѣ. Солнечный восходъ въ Сахарѣ или тихая лунная ночь неопишимо прелестны и оставляютъ незабываемое впечатлѣніе. Горы, океаны и пустыни—вотъ три главнѣйшихъ санаторіи человѣчества.

Къ рисункамъ.

„Охота пуще неволи“, говоритъ русская пословица, и покойный И. Прияшниковъ прекрасно ее иллюстрировалъ своею живою картиной. Вдали виднѣется городъ, дымится фабрика; день клонится къ вечеру. Старый любитель-рыболовъ, войдя по колѣно въ рѣку, наизываетъ на крючокъ червяка и весь ушелъ въ сосредоточенное вниманіе, несмотря на то, что вода еще довольно холодна. Тутъ же, слегка покачиваясь, плаваютъ ведро для будущихъ жертвъ терпѣливаго рыбака. Онъ не одинъ часъ простоятъ здѣсь, рискуя здоровьемъ, лишь бы не уйти съ пустыми руками. Сколько впечатлѣній переживаетъ онъ, слѣдя за шалуньей-рыбкой, играющей съ червякомъ!

Голубоватая спина,
Сама—какъ серебро,
Глаза—бурмитскихъ два зерна,
Багряное перо.
Идетъ, не дрогнетъ подъ водой.
Пора! Червякъ во рту.
Увы, блестящей полосой
Юркнула въ темноту!

Но рыболовъ держится своего: терпѣвіе его не скоро истощится.

*
„Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной“...—

Эти чудные Кольцовскіе стихи придутъ на память каждому, кто взглянетъ на рисунокъ А. Котляревскаго. Фигуры крестьянъ въ высшей степени живаины; лошади, плетущіяся усталой, но вѣрной походкой, легаями тутъ же надъ ними птицы, наконецъ, мягкій, ласкающій глазъ воздухъ и широкая панья переносятъ васъ въ далекія родныя поля. Въ рисунокѣ чувствуется большой мастеръ, понимающій характеръ русскаго человѣка и русскую природу. Въ немъ все просто, естественно, какъ проста и самая жизнь нашего крестьянина-пахаря.

*
Солнце обливаетъ золотистымъ блескомъ голубыя воды лагуны. Тихо плыветъ лодка, а въ ней веселая компанія: двѣ молодыхъ бѣлокурыхъ венеціанки, юноша-лодочникъ, старикъ-венеціанецъ съ трубкой и монахъ—искусный рассказчикъ. Все общество съ глубокимъ вниманіемъ прислушивается къ

разсказу,—замеръ лодочникъ, стоя на посту, еле-еле двигаетъ весломъ изящная граціозная дѣвушка въ соломенной шляпкѣ съ широкими полями, а святой отецъ рисуетъ образы за образамъ. Руки, глаза, лицо—все у него полно жизни и дорисовываетъ то, чего не скажешь словами.

*
„Мама идетъ“... Какая радость подчасъ выражается въ этомъ возгласѣ! Посмотрите, съ какой любовью глядитъ на приближающуюся мать веселая пара дѣтей: дѣвочка въ малороссійской сорочкѣ, съ вѣнкомъ на головѣ, и здоровенный мальчуганъ, сидющій у нея на рукахъ. Ихъ лица оживлены, сіяютъ счастьемъ, едва завидѣли вдали знакомую фигуру матери. Она, можетъ-быть, еще и не замѣтила ихъ, а они уже тянутся къ ней, и какъ имъ весело будетъ впроемъ: дѣтскій восторгъ солется съ сосредоточенною радостью матери въ общую картину семейнаго счастья.

*
Художникъ Шмидтъ посвятилъ себя изученію народныхъ типовъ. На этотъ разъ мы остановились на картинѣ его, представляющей двухъ баварокъ-контрабандистокъ со своими товарамъ, ожидающихъ въ условленномъ мѣстѣ помѣшниковъ, которые тайно и перевезутъ контрабанду черезъ горы. Постоянная нужда, борьба изъ-за куска хлѣба заставляютъ жителей пограничныхъ мѣстностей заниматься провозомъ контрабанды, и это, конечно, до извѣстной степени служитъ имъ извѣнченіемъ. О контрабандистахъ написано много книгъ, особенно беллетристическихъ произведеній (кто не вспомнитъ „Тамань“ Лермонтова!), и почти все авторы относятся отчасти подъ вліяніемъ романтизма, къ нимъ съ симпатіей.—„И зачѣмъ было судьбѣ кинуть меня въ мирный кругъ честныхъ контрабандистовъ? Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, я встрепкилъ ихъ спокойствіе“,—говоритъ Лермонтовъ, описывая свою встрѣчу съ таманскою ундиной, беззаботно расивавшей на крышѣ хаты пѣсню контрабандистовъ:

„Ужъ не тропь ты, злое море,
Мою лодочку,—
Везетъ моя лодочка
Венци драгоцѣнный,
Править ея въ темну ночь
Буйная головушка“.

И вы невольно проникаетесь мыслью, что если и не всё, то, по крайней мере, многие из контрабандистов действительно — дѣти нужды, которая заставляет ихъ искать пропитанія въ промыслѣ, воспрещенномъ закономъ. Но контрабандистки, изображенныя художникомъ Шмидтомъ, лишены романтическаго ореола: это — живыя лица, какъ бы прямо схваченныя съ природы.

*

И въ мірѣ животныхъ бываютъ траги-комедіи. Перефразируя известную поговорку, въ данномъ случаѣ можно сказать: собакъ игрушки, а лягушкѣ — слезки. Но на этотъ разъ дѣло обошлось для лягушки благополучно. Она была на краю гибели. Еще одна секунда, — и она оказалась бы въ крѣпкихъ зубахъ молодой шаловливой таксы. Но ловкій прыжокъ, — и она спасена. Можетъ быть такса кинулась бы за ней и въ воду, но ее удерживаетъ другая такса, съ которой она соединена надежной цѣпью. Та постарше и видала уже виды. Она вовсе не расположена выкупаться изъ-за дрянной лягушенки и сдерживаетъ своего ретиваго товарища. Въ общемъ получается картина, невольно вызывающая улыбку, благодаря комичности положенія и удачному его изображенію художникомъ.

Двадцатипятилѣтіе покоренія Хивы.

(Рис. на этой стр.)

29-го мая исполнилось двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ русскія войска, послѣ цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ надъ хивинцами, взяли штурмомъ столицу ханства. Этотъ замѣчательный въ военныхъ лѣтоисяхъ походъ навѣки покрытъ славой участвовавшія въ немъ войска.

Причины, побудившія правительство предпринять походъ противъ Хивы, крылись въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Средней Азійи.

Поставленная въ ближкое соприкосновеніе съ сосѣдними ханствами: Коканомъ, Бухарою, Хивою и восточнымъ Туркестаномъ, главная администрація средне-азиатскихъ владѣній Россіи употребляла съ самаго начала всѣ старанія къ тому, чтобы установить дружественныя отношенія съ сосѣдними владѣтелями. Результаты этихъ стараній оказались блестящими по отношенію ко всѣмъ перечисленнымъ

Къ двадцатипятилѣтію покоренія Хивы. Главные участники хивинскаго похода 1873-го года. Съ фот. К. Булла автогипсія „Нивы“.

средне-азиатскимъ ханствамъ, за исключеніемъ одной только Хивы. На предложеніе главнаго начальника тогда еще только что образованнаго туркестанскаго генераль-губернаторства заключить миръ и дружбу съ Россіею на условіяхъ выдать русскимъ плѣннымъ, захваченнымъ хивинскими разбойниками, Хива отвѣтила новыми набѣгами дѣлать пакеты грабителей въ оренбургскія степи и Сыръ-Дарьинскій край и новыми разореніями русскихъ киргизовъ.

Достоинство и интересы Россіи не допускали подобныхъ отношеній, и рѣшено было покорить Хиву. Экспедиція къ границамъ ханства была направлена съ двухъ сторонъ: съ восточной — войсками туркестанскаго округа и съ западной — соединеннымъ отрядомъ изъ войскъ оренбургскаго и кавказскаго округовъ. Въ составъ всѣхъ трехъ отрядовъ входили всего 42 роты пѣхоты, 18 сотенъ казаковъ и 40 орудій.

Во главѣ войскъ туркестанскаго округа находились военный губернаторъ Сыръ-Дарьинской области генераль-майоръ Головачовъ и полковникъ Головъ, изъ которыхъ каждый командовалъ отдѣльной колонной; начальникомъ отряда изъ оренбургскихъ войскъ былъ военный губернаторъ Уральской области генераль-лейтенантъ Веревкинъ, а начальниками кавказскихъ войскъ были генеральнаго штаба полковникъ Маркозовъ и полковникъ артиллеріи Ломакинъ. Страшныя лишенія пришлось претерпѣть этой немногочисленной арміи въ безлюдныхъ степяхъ отъ тропическихкихъ жаровъ, недостатка въ прѣсной водѣ и безпрестанныхъ нападений со стороны непріятельскихъ полчищъ. Хивинцы, какъ впоследствии оказалось, были убѣждены, что русскіе погибнутъ въ степяхъ или вынуждены будутъ возвратиться въ предѣлы Россіи; но они ошиблись въ расчетѣ.

15-го мая 1873 г. отрядъ генерала Веревкина подошелъ къ городу Ходжейли, занятому хивинскими войсками, выбилъ послѣднихъ изъ укрѣпленій и занялъ городъ. Не имѣя извѣстій о туркестанскомъ отрядѣ, генераль Веревкинъ двинулся на Маунгъ, а оттуда къ городу Хивѣ, безпрестанно отбиваясь отъ многочисленныхъ хивинскихъ полчищъ. Продавъ нѣсколько дней и не дождавшись ни извѣстій о туркестанскомъ отрядѣ, ни распоряженій о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ со стороны главнаго начальника экспедиціи генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана, генераль Веревкинъ, послѣ рекогносцировки городской стѣны, открылъ 28-го мая сильный огонь по городу и воротамъ, „какъ для поколебанія непріятеля, такъ и для подбитія его орудій и поврежденія городской стѣны и воротъ“. Но едва генераль Веревкинъ успѣлъ отдать это приказаніе, какъ былъ раненъ пулею въ лицо и долженъ былъ передать начальство надъ войсками полковнику Саранчову. Мѣра генерала Веревкина возмѣла однако уже свое дѣйствіе и изъ города была высланъ главный „ишакъ“ для мирныхъ переговоровъ. Но, видя въ этомъ обычную у азіатцевъ уловку затянуть дѣло и желая понудить непріятеля къ рѣшительной сдачѣ, полковникъ Саранчовъ не прекращалъ огня въ теченіе дѣлаго часа и затѣмъ уже, уступая мольбамъ запуганныхъ денугатовъ, далъ имъ отсрочку, на три часа. Вскорѣ послѣ этого получено было отъ генерала фонъ-Кауфмана предписаніе о прекращеніи огня. Предписаніе это дано было главнокомандующимъ изъ лагеря туркестанскаго отряда, у Игин-арыка, находящагося по ту сторону столица хивинскаго ханства. Сюда, 28-го мая, послѣ энергичныхъ дѣйствій Веревкина и Саранчова, явился къ генералу фонъ-Кауфману двоюродный братъ хана, Иргазали-ханъ, съ письмомъ отъ Сендъ-Рахмимъ-хана, въ которомъ владѣтель Хивы выразилъ согласіе сдать все ханство въ Бѣлому Царю и уподомовивалъ посланца Иргазали выслушать и подписать условія. Это и побудило фонъ-Кауфмана прекратить огонь. Онъ объявилъ посланцу, что заявленіе нашихъ требованій и условій желаетъ лично сдѣлать хану, а потому проситъ его, со свитою въ 100 человекъ, выѣхать къ нему навстрѣчу, утромъ 29-го мая, когда русскія войска будутъ подходить къ Хивѣ.

29-го мая, на рассвѣтѣ, туркестанскій отрядъ выступилъ изъ лагеря и къ 8 часамъ утра вошелъ въ районъ городскихъ садовъ Хивы. Одновременно двинулся и отрядъ генерала Веревкина. Было извѣстно, что въ столицѣ хивинскаго ханства происходитъ сильная партійная борьба, что среди полнаго безначалія берутъ верхъ воинственные туркмены и другіе пришельцы, готовящіеся къ отчаянной оборонѣ, вслѣдствіе чего въ русскомъ отрядѣ были приняты мѣры.

Приступили къ возведенію брешъ-батареи въ 250 шагахъ отъ города. Послѣ 24 выстрѣловъ въ стѣнѣ и воротахъ удалось пробить брешь, и одновременно произведена была фальконетная стрѣльба. Первымъ проникъ въ городъ черезъ пробоину находившійся тогда еще въ чинѣ подполковника М. Д. Скобелевъ. Гарнизонъ защищался необыкновенно стойко, но уже къ вечеру побѣдоносныя русскія войска вошли въ городъ, который выстъ со всѣмъ ханствомъ сдался главнокомандующему русскимъ войскамъ генераль-лейтенанту фонъ-Кауфману на предложенныя условія.

Хивинскій походъ былъ законченъ. Невѣроятныя лишенія, стойко вынесенныя небольшимъ отрядомъ храбрцевъ, принесли огромные результаты для всей нашей родины. Въ хивинскомъ походѣ справедливо видятъ эру возрожденія Средней Азій къ новой политической жизни. Ближайшими послѣдствіями этого похода были: освобожденіе 40,000 плѣнныхъ и рабовъ, полное умиротвореніе страны, прекращеніе своевольн. грабежей и разбоевъ въ хивинскомъ оазисѣ и сопредѣльной съ нимъ территоріи. Мало того, всѣ послѣдующія событія, блестящій штурмъ Скобелевымъ Геокъ-Теле, занятіе нашими войсками ахаль-текинскаго, мервскаго оазисовъ, утвержденіе наше на Кухкѣ и, наконецъ, постройка закаспійской желѣзной дороги, оживившей весь край, все это — дальнѣйшіе результаты славнаго подвига русскихъ войскъ въ 1873 г.

Подвигъ этотъ золотыми буквами начертанъ въ лѣтописяхъ русской исторіи, и память о немъ русскій народъ будетъ хранить вѣчно. Въ ознаменованіе перваго 25-лѣтія со дня этого событія съ Высочайшаго дозволенія Государя Императора совершены были 29-го мая торжественныя молебствія и состоялся парадъ войскамъ мѣстныхъ гарнизоновъ, а также совершены были наивидимѣе усвоившимъ участникамъ хивинскаго похода; въ тотъ же день Государь Императоръ соизволилъ принять въ особой аудиенціи, въ Царскомъ Селѣ, около 40 человекъ участниковъ похода, находившихся къ тому дню въ Петербургѣ. Выстъ съ тѣмъ Его Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть представлять къ очереднымъ наградамъ находившихся выстъ на военной службѣ старшихъ начальствовавшихъ въ хивинскомъ походѣ лицъ до командира баталіона и батареи включительно, командировавшихъ роты и сотенъ наиболѣе отличившихся частей и чиновъ, занимавшихъ въ

А. Г. Львовъ (по поводу 100-лѣтія со дня рожденія). Автогипсія „Навы“.

штабахъ штабъ-офицерскія должности.

Генераль-адъютанту графу Милютину послано управляющимъ военнымъ министерствомъ, генераль-лейтенантомъ Куропаткинымъ, письмомъ, въ которомъ изложено, что Государю Императору благоугодно было съ особенною благодарностью вспоминать труды графа Милютина по подготовкѣ этого историческаго событія, понесенные имъ въ качествѣ ближайшаго помощника Его въ Бозѣ почитающаго Царственнаго Дѣда.

30-го мая отслужено было въ церкви главнаго и генеральнаго штаба молебствіе, а затѣмъ, въ 5 час. дня, въ большой столовой военнаго соборанія арміи и флота состоялся товарищескій обѣдъ участниковъ похода. Въ числѣ приглашенныхъ на этотъ обѣдъ были управляющій военнымъ министерствомъ генераль-лейтенантъ Куропаткинъ, представитель фамиліи Кауфманъ — гофмейстеръ фонъ-Кауфманъ и т. с. Богдановичъ. Среди находившихся въ Петербургѣ 37-ми участниковъ похода были: генераль-адъютантъ Троцкий, старѣйшій изъ участниковъ похода, состоявшій начальникомъ штаба всѣхъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Хивы; генералы: Глуховской, Гринвальдъ, баронъ Каульбарсъ, Константинцовичъ, Литвиновъ, Лининъ, Меллеръ-Закомельскій, Траизеге, фонъ-дёръ-Флигъ, Чайковский и другіе. На нашемъ рисункѣ изображена группа главныхъ участниковъ похода, присутствовавшихъ на этомъ обѣдѣ.

А. Г. Львовъ. (Портр. на этой стр.)

25-го мая исполнилось столѣтіе со дня рожденія извѣстнаго композитора, автора народнаго гимна Алексѣя Федоровича Львова, являющагося однимъ изъ выдающихся нашихъ музыкальныхъ дѣятелей и имѣющаго за собой большія заслуги, главнымъ образомъ, въ области духовной музыки; кромѣ того, А. Г. Львовъ былъ первокласснымъ виртуозомъ-скрипачомъ. Чтобы составить себѣ понятіе о немъ, какъ о виртуозѣ, достаточно привести мнѣніе композитора Шумава, высказанное имъ по поводу участія Львова въ квартетахъ и концертахъ въ лейпцигскомъ Gewandhaus'і: „Если въ русской столицѣ найдется

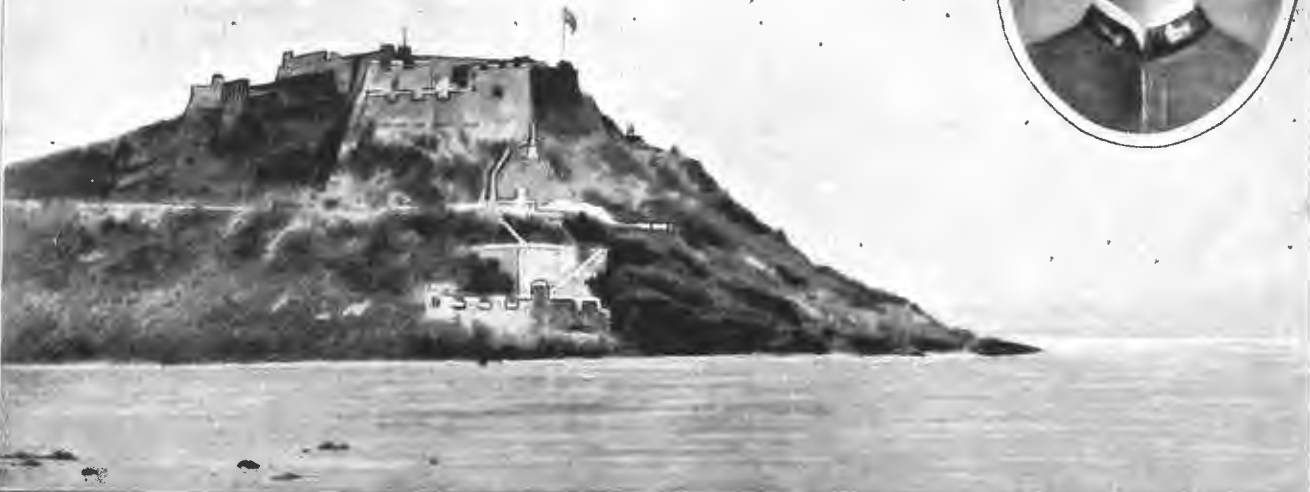
еще такіе дилетанты, то иному артисту слѣдовало бы скорѣе тамъ поучиться, чѣмъ самому учить". Львовъ былъ въ Петербургѣ первымъ квартетистомъ и скрипачомъ; онъ первый ввелъ у насъ квартетныя собранія, въ которыхъ всегда исполняли партіи первой скрипки.

Строивъ давая чрезвычайно сочувственный отзывъ о „Совѣтахъ обучающимся на скрипкѣ“ Львова, составляющихъ, собственно говоря, нѣчто въ родѣ школы скрипичной игры съ приѣзжими. Замѣтимъ, что въ то время у насъ не было ни консерваторій, ни музыкальныхъ школъ, и что до всего приходилось доходить „собственнымъ умомъ“ и талантомъ.

Отецъ А. Ѳ., о которомъ онъ отзывался въ своей авто-

былъ имъ пародный гимнъ, къ которому потомъ присоединилъ слова („Боже, Цари храни“) Жуковский; за это произведение Львовъ удостоился драгоценной табакерки отъ императора Николая I, которому А. Ѳ. всегда сопутствовалъ въ путешествіяхъ, въ свитѣ „для производства дѣлъ, до волей относящихся“. Съ 1837 г. А. Ѳ. сталъ фактически управлять придворной пѣвческой капеллой, во главѣ которой находился 24 года, пока не вынужденъ былъ оставить ее вслѣдствіе глухоты. А. Ѳ. скончался въ 1871 г.

А. Ѳ. Львовъ написалъ нѣсколько оперъ, изъ которыхъ первая „Bianca Gualtiero“ была поставлена (съ успѣхомъ) въ Дрезденѣ раньше, чѣмъ у насъ. Другія его оперы: „Уидина“,

Крейсеръ „Мерримакъ“. Испанскій фортъ у входа въ бухту Сантъ-Яго. Узкій проходъ въ бухту Сантъ-Яго, въ которомъ потопленъ крейсеръ.

Инженеръ Ричмондъ Гобсонъ, потопившій крейсеръ.

Потопленіе американскаго крейсера „Мерримакъ“ у входа въ бухту Сантъ-Яго на о. Кубъ.
По рис. H. Lond. News авторинія „Нивы“.

биографіи, какъ о лучшемъ своемъ другѣ, занималъ долгое время постъ директора пѣвческой капеллы и первый способствовалъ развитію музыкальныхъ способностей сына. Тѣмъ не менше по окончаніи въ 1818 г. курса въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, на 20-мъ году жизни, А. Ѳ. начинаетъ свое служебное поприще въ военныхъ поселеніяхъ подъ начальствомъ гр. Аракчеева. Семь лѣтъ спустя, онъ возвращается въ Петербургъ и долгое время завѣдываетъ дѣлами Императорской Главной Квартіры. Съ этого времени начинается его придворная служба, длившаяся 14 лѣтъ. Блестящая служебная карьера и прекрасное общественное положеніе даютъ ему возможность серьезно заниматься музыкальными дѣлами, и въ особенности камерной музыкой и композиціей. За переложеніе для полнаго оркестра съ хоромъ извѣстнаго „Stabat Mater“ Перголезе онъ получилъ почетное званіе „композитора Болонской Академіи“. Въ это же время, въ 1833 году, сочиняетъ

компическая „Староста Борисъ“, оперетта „Варвара“ и др. особеннымъ успѣхомъ въ Петербургѣ не пользовались. Изъ другихъ его сочиненій назовемъ еще драматическій скрипичный концертъ, написанный по плану Мейснера.

Но главныя заслуги А. Ѳ. Львова—въ духовной музыкѣ; онъ не только самъ былъ духовнымъ композиторомъ (концерты, Херувимскал, Отче нашъ и др.), но главнымъ образомъ переложителемъ церковно-богослужебнаго пѣнія. До его вступленія въ капеллу не было печатнаго изданія Обихода, положеннаго на четыре голоса; благодаря его стараніямъ, изданы были въ короткое время четыре книги: двѣ части Обихода, сокращенный Ирмологій и книга особыхъ Богослуженій, при Высочайшемъ Дворѣ совершаемыхъ. Свои взгляды на характерныя особенности нашего древняго богослужебнаго пѣнія онъ изложилъ въ своемъ трактатѣ: „О свободномъ или не симметричномъ ритмѣ“ (статью эту цитируетъ извѣстный авторъ книги

„О церковномъ пѣвн“, Разумовскій). Въ заключеніе, нужно еще прибавить, что А. Ф. Львовъ первый ввелъ у насъ симфоническія собранія, и что при немъ организованъ былъ при капеллѣ инструментальный классъ.

В. Баскинъ.

Потопленіе американскаго крейсера „Мерримакъ“.

(Рис. на стр. 479).

Потопленіе американскаго крейсера „Мерримакъ“ у входа въ бухту Сантъ-Яго на о. Кубѣ, о чемъ уже у насъ было сообщено въ „Политическомъ обозрѣніи“ (въ № 23), совершенно, какъ теперь выяснилось, предвѣстренно самими американцами. Въ осуществленіи этого рискованнаго предпріятія участвовало всего семь человекъ, во главѣ съ молодымъ инженеромъ Гобсономъ, составившимъ и разработавшимъ во всѣхъ подробностяхъ планъ потопленія крейсера.

Предвидя, что послѣ потопленія судна испанцы попытаются взорвать крейсеръ на воздухъ, его нагрозили желѣзомъ. Затѣмъ крейсеръ обвѣсили семью торпедами, соединенными между собою проводами. Крейсеръ прошелъ мимо первой линіи минъ, положенныхъ въ портѣ Сантъ-Яго, подъ сильнѣйшимъ огнемъ испанцевъ, не причинившимъ ему, однако, никакого вреда. Приблизивъ къ назначенному мѣсту, Гобсонъ собралъ вокругъ себя прочихъ смѣльчаковъ (двухъ машинистовъ и четырехъ матросовъ) и, стоя на капитанскомъ мостикѣ, надавилъ электрическую кнопку. Взрывъ послѣдовалъ моментально, послѣ чего судно опрокинулось на правый бокъ и пошло ко дну. Экипажъ былъ выброшенъ въ море. Тѣмъ не менѣе, храбрецамъ удалось взобраться въ небольшую лодку, которую они тащили на буксирѣ. Лодка направилась сначала вонъ изъ порта, по направленію къ американскимъ судамъ; но такъ какъ достигнуть ихъ подѣ гродемъ пуля не было возможности, то американскіе моряки повернули ее носомъ къ испанскому адмиральскому судну „Cristobal Colon“ и направились прямо къ нему.

Любопытно, что испанцы оказали имъ восторженный приемъ. Когда лодка приблизилась къ испанскому броненосцу, экипажъ послѣдняго встрѣтилъ ихъ съ энтузіазмомъ. Самъ адмиралъ Сервера пожималъ руки американцамъ, поздравляя ихъ по поводу совершеннаго ими подвига. Къ адмиралу Сэмисону тотчасъ же былъ отправленъ первый штабъ-офицеръ испанскаго адмирала съ письмомъ Серверы, въ которомъ сообщалось, что съ плѣнниками будутъ обращаться хорошо, и предлагалось обмѣнить ихъ на испанскихъ плѣнниковъ. Сэмисонъ отвѣчалъ такимъ же любезнымъ письмомъ. Когда Макъ-Кинлей узналъ о поступкѣ испанцевъ, онъ сказалъ: „Старое рыцарство испанцевъ еще не умерло. Еще двѣ побѣды у Сантъ-Яго и Порто-Рико—и миръ будетъ заключенъ“.

Цѣль геройскаго подвига инженера Гобсона и его отважныхъ товарищей была двоякая: загородить испанской эскадрѣ адмирала Серверы выходъ изъ гавани Сантъ-Яго и вмѣстѣ съ тѣмъ не дать возможности прибыть къ ней на помощь запасной эскадрѣ адмирала Камара, вышедшей изъ Кадикса. Цѣль эта достигнута блестящимъ образомъ: крейсеръ потопленъ какъ разъ въ узкомъ проходѣ, образуемомъ берегами бухты, и представляетъ собою очень серьезное загражденіе. Такимъ образомъ, положеніе испанской эскадры очень печально, и адмиралъ Шлей мѣтко охарактеризовалъ его въ своей законичной телеграммѣ, посланной въ Вашингтонъ: „Я закупорилъ Серверу“. Несмотря на то, что эта „закупорка“ обошлась аме-

риканцамъ очень дорого—крейсеръ „Мерримакъ“ представлялъ собою еще новое, прекрасное судно, построенное въ Норвегіи въ 1894 г. и стоившее около 700.000 руб. — населеніе Соединенныхъ Штатовъ радостно приветствовало подвигъ инженера Гобсона, и имя его занесено въ ряды славныхъ именъ національныхъ героевъ.

Молодому герою Ричмонду Гобсону, портретъ котораго мы помѣщаемъ, теперь еще нѣтъ 30 лѣтъ. Онъ „naval constructor“, т. е. корабельный инженеръ. Свое образованіе онъ получилъ первоначально въ морской школѣ въ Аннополисѣ; въ 1889 г. онъ посѣщалъ морскую академію, затѣмъ два года продолжалъ образованіе въ академіи и въ 1891 г. сдалъ экзаменъ на корабельнаго инженера.

Актъ въ с.-петербургской консерваторіи.

Въ истекшемъ учебномъ году обучалось въ с.-петербургской консерваторіи 771 человекъ, въ томъ числѣ 321 ученикъ и 450 ученицъ, размѣставшихся по отдѣламъ слѣдующимъ образомъ: въ оркестровомъ 169 учениковъ и 20 ученицъ, по классамъ фортепіано 41 и 309, по классамъ пѣнія—55 и 110, по теории композиціи 33 ученика, органа—7 и обязательнымъ классамъ—16 и 11; всего больше противъ прошлаго года на 41 лицо. Въ личномъ персоналѣ профессоровъ и преподавателей произошли нѣкоторыя измѣненія: вмѣсто выбывшаго по болѣзни директора г. Югансена избранъ былъ художественнымъ совѣтомъ профессоръ г. Бернгардъ; умеръ преподаватель Тиронъ и вновь назначенъ г. Николаевъ; получилъ званіе профессора г. Blumenфельдъ.

Окончили въ этомъ году съ званіемъ *свободнаго художника*, т. е. выдержали испытанія какъ по спеціальнымъ, такъ и по обязательнымъ музыкальнымъ и научнымъ предметамъ—32 человекъ; съ *аттестатами* же окончилъ—17 человекъ; четверо окончили лишь спеціальныя предметы. Нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ выступили на публичномъ актѣ, состоявшемся 31-го мая; здѣсь появились три композитора, г. Вердеревскій, Аббакумовъ и Черешнинъ, продирижировавшіе отрывками изъ кантаты, сочиненной ими на одну заданную тему („Сарданапалъ“, по Байрону); исполнителями явились ученической хоръ и оркестръ; что же касается солистовъ, то за пѣвцами пришлось обратиться къ посторонней помощи; это странно, но это такъ.

Особенныхъ талантовъ молодые композиторы не обнаружили по части вдохновенія, но написаны ихъ сочиненія правильно и слушаются съ интересомъ. Изъ другихъ классовъ играло четверо на роялѣ и одинъ на скрипкѣ. Изъ игравшихъ на фортепіано особенно выдѣлялись г-жа Лагутова (ученица проф. г-жи Малоземовой) и г. Конъ (уч. пр. г. фонъ-Арка), удостоившіеся награды, т. е. рояли, даруемаго ежегодно фабрикой К. Шредера лучшему пианисту, въ память пятидесятилѣтня артистической дѣятельности А. Г. Рубинштейна. Г-жа Лагутова и г. Конъ произвели превосходное впечатлѣніе и вызвали горячія одобренія многочисленной публики, переполнившей большой залъ консерваторіи. Очень удачно играли и г-жа Петерсовъ (кл. пр. г. Толстова) и г. Экъ (кл. пр. г-жи Есиповой); у послѣдняго, къ сожалѣнію, слишкомъ женственный ударъ. Отличился также скрипачъ г. Зеллиманъ (кл. пр. г. Ауэра), дѣлающій честь своему профессору, какъ и г. Конъ; на долю этихъ двухъ талантливыхъ артистовъ и выпала наибольшія симпатіи слушателей.

В. Баскинъ.

Разныя извѣстія.

Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благожелательный и искренно доброжелательный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Царское Село, 18-го мая 1898 года.

— Высочайшій рескриптъ этотъ данъ былъ во время пребыванія Его высочества въ Петербургѣ. 1-го іюня эмиръ бухарскій отбылъ изъ Петербурга въ Москву, а оттуда отправится на югъ въ Ташкентъ и затѣмъ вернется въ Бухару.

— Чествованіе памяти В. Г. Бѣлинскаго въ Пензѣ было очень торжественно: оно продолжалось два дня—26-го и 27-го мая. Торжество началось богослуженіемъ—панхидой по покойному въ Петропавловской церкви. За богослуженіемъ послѣдовало открытіе (въ помѣщеніи рисовальной школы) выставки въ память В. Г. Бѣлинскаго. Выставка привлекала все время массу народа. Затѣмъ состоялось другое открытіе, тѣсно связанное съ именемъ Бѣлинскаго—въ часъ дня освѣщена была бесплатная народная библиотека и читальня имени Бѣлинскаго. Въ 3¼ часа состоялось въ дѣтскомъ помѣщеніи клуба обѣдъ, на которомъ присутствовало болѣе 200 человекъ. За обѣдомъ было произнесено много рѣчей и тостовъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялись рѣчи В. П. Острогорскаго и В. Е. Ермилова. Въ 7¼ ч. вечера состоялось литературный вечеръ, въ кото-

ромъ цѣлымъ рядомъ ораторовъ прочтаны были рѣчи, выяснявшія значеніе В. Г. Бѣлинскаго въ русской литературѣ. На слѣдующій день состоялось въ залѣ дворянскаго собранія „литературное утро“, на которомъ съ нѣкоторыми измѣненіями исполнена была программа предыдущаго вечера. „Литературное утро“, привлеченъ, какъ и вечеръ, полный залъ публики, закончилось чтеніемъ привѣстій, присланныхъ со всѣхъ концовъ Россіи. Было получено болѣе 130 телеграммъ и привѣстій, и къ подножию бюста великаго критика возложена была масса вѣнковъ. Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ прислало слѣдующую телеграмму: „Императорская Академія наукъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ присоединяется къ чествованію Бѣлинскаго по случаю пятидесятилѣтня со дня его кончины. Своей литературной дѣятельностью нашъ знаменитый критикъ навсегда связалъ свое имя съ исторіей отечественной словесности, развитіемъ которой онъ такъ дорожилъ. Предсѣдательствующій въ отдѣленіи Бычковъ“. Въ нѣкоторыхъ телеграммахъ одновременно съ привѣстіемъ сообщалось объ учрежденіи читальни и библиотекъ имени В. Г. Бѣлинскаго. Въ тотъ же день въ саду народнаго театра былъ устроенъ для учениковъ городскихъ школъ народный праздникъ, при чемъ на сценѣ народнаго театра любительской группой исполнена была „Женитьба“ Гоголя.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя эмира Бухары, Саидъ-Абдуль-Ахидъ-Хана.

Ваше высочество.

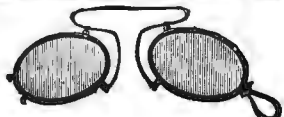
Въ теченіе двѣнадцатилѣтняго управленія Богомъ вѣренному вашему высочеству странною вы неизменно сохраняли искреннюю преданность Россіи, неуслыно трудились на пользу вашихъ подданныхъ и всѣми мѣрами способствовали благоподучному и успѣшному разрѣшенію многочисленныхъ вопросовъ, связанныхъ съ интересами сосѣднихъ русскіихъ и бухарскіихъ областей. Благодаря такому образу дѣйствій, вы пользовались постояннымъ благоволеніемъ въ Бозѣ почивающаго Незабвеннаго Родителя Моего Императора Александра III, а равно снискали и Мое благорасположеніе къ вамъ. Признавъ нынѣ за благо объединить Наши средне-азиатскія владѣнія подѣ начальствомъ одного лица, Я считаю пріятнымъ долгомъ высказать вашему высочеству увѣренность, что прочно установившіяся между Россіею и покровительствуемымъ ею Бухарскимъ ханствомъ отношенія и впредь не измѣнятся и ни въ чемъ не будутъ нарушены. Желая выразить вашему высочеству Мое особенное благоволеніе, препровождаю при семъ къ вамъ мой портретъ, осыпанный алмазами, для ношенія на груди.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой подписной платы за „Ниву“ 1898 г., озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подѣ которою получается ими „Нива“.

По новейшей французской методѣ
„ВОРТА“
 обучая кроить и шитье дамскихъ, дѣтскихъ
 нарядовъ, верхн. платья, бѣлья и корсетовъ
 въ школѣ и заочно посредствомъ лекцій.
 Плата впередъ не взимается. По окончаніи
 установленное свидѣтельство. Условія высл.
 бесплатно. Невъ, Фундуклевская, № 27,
 Е. Д. АШМАР-ИНА.

МИРРОЛЬ **ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ**
Порошокъ **ПУШКИНСКАЯ АПТЕКА**
 УЧИТОЖАЮЩИ **СПЕТЕРБУРГЪ**
 ЗАПАХЪ **Плутинская**
ОТЪ ПОТА **№ 9.**
 ПР. А. ГАККЕЛА
 ИМБЕЛЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШ. АПТЕКАХЪ
 И ПАРФЮМЕР. МАГАЗИНАХЪ

ДЕШЕВО, ИЗЯЩНО!!!

Очки и пенсы со стеклами изъ новаго со-
 става „Remingtonglas“ съ эксцентрической
 шлифовкой поверхности (à laxe) совершенно
 „заступаютъ горный хрусталь“. При зака-
 захъ указать возрастъ. Цена въ оправѣ изъ
 массивнаго накладнаго золота, никогда не
 чернѣющаго, съ пересылкой 3 р. 50 к. За-
 казы исполняются немедленно. Адресовать:
 Оптическое заведеніе З. ВАРШАВСКАГО,
 Граничная, № 14, въ Варшавѣ. 6—1

НОВОСТИ!

ПАТЕНТОВ. машина для набивки круче-
ныхъ папирозъ разныхъ номеровъ
„ВОЛГА“
 10 шт. въ 1 минуту.
 Цена 6 рублей.
 Братья Шапшалъ, СПб., Невскій пр., 30.

ОЦИНКОВАННОЕ
 НИКОГДА НЕ РЖАВѢЮЩЕЕ
 ГАЛЬВАНИЗИРОВАННОЕ ЖЕЛѢЗО
ДЛЯ КРЫШЪ
 НЕ ТРЕБУЕТЪ НИКОГДА ОКРАСКИ.
 Заводъ Н. В. ЧЕРЕПОВА,
 въ Москвѣ, Тверск. заст., Петерб.
 сл., с. д. (8)
 Прейсъ-куранты бесплатно.
 Ручательство въ непроржавленіи
 на ДЕСЯТКИ ЛѢТЪ.

Цена флакона 2 руб.,
 съ пересылкой по почтѣ 2 р. 40 к.

ЭЛИКСИРЪ МЕЛАНЖЪ.
 Жидкость для роженія и укрѣпленія во-
 лосъ. Имѣется во всѣхъ аптек. и космет.
 маг. Россіи, а въ случаѣ отказа прошу
 обращаться въ космет. лабораторію
БЕРТА РИСЪ,
 Москва, Н. Басманная, д. № 13.

Санаторія Биркенвердеръ
 близъ Берлина. Штеттинскій вокзалъ.
 Пригородное сообщеніе.
ФИЗИЧЕСКИ-ДИЭТИЧЕСКОЕ ЛѢЧЕНІЕ.

Завѣд. врачъ:
 докт. мед.
 Цигельротъ,
 бывшій ассист.
 въ санаторіи
 д-ра Ламана.

Санаторія при-
 способна къ
 лѣченію выздо-
 равливающихъ,
 нервныхъ, а так-
 же хронически
 больныхъ.

Проспекты высылаются бесплатно управленіемъ. 8—3

ПРАКТИЧНО! УДОБНО!
ДЕШЕВО!
РЕЗИНОВЫЯ И
ВИКСАТИНОВЫЯ
НЕПРОМОКАЕМЫЯ
ОДЕЖДЫ!

ЗАЧѢМЪ!!!
КУПИТЬ ЗОНТИКЪ??

когда по весьма доступной для каждаго цѣнѣ
 можно получить только изъ фабрики Торговаго
 Дома

ФЕЛЬТЕНШТЕЙНЪ и РОЗЕНБЕРГЪ
 въ Двинскѣ,

накидки, пальто, тулупы, крылатки, расы и проч.,
 которыя защищаютъ всю одежду отъ дождя,
 града и пыли.
 Между тѣмъ, зонтикъ защищаетъ только часть
 туловища.
 Заказы исполняются по полученіи задатка.
БЕЗПЛАТНО! высылаются при каждомъ плащѣ
 ремень для носки черезъ плечо.
 Требуется интересныя иллюстрированныя преис-
 куранты.
 Оптовымъ покупателямъ скидка.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
„СМИСЬ - ПРЕМЬЕ“.
 Скорость, прочность,
 удобство. Последнія
 усовершенствованія.
 Цена 250 рублей и
 225 рублей.
 Пишущая машина
„КОСМОПОЛИТЪ“.
 Самый красив. шрифтъ. Съ 3 разными рус-
 скими и 3 разными латинскими алфавитами.
 Цена 95 р. Полнор. шрифтъ къ ней 10 р.
 Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ ма-
 шинъ высылаются бесплатно.
Оптикъ О. РИХТЕРЪ.
 С.-Петербургъ. Адмиралтейскій просп., № 4.

А. А. БАЗАРОВА.
РУКОВОДСТВА
 къ изученію кройки
ПЛАТЬЯ И БѢЛЫЯ
 дамскаго, дѣтскаго и мужскаго.
 Съ многими рисунками и подробнымъ объ-
 ясненіемъ.
 Продается въ ШКОЛАХЪ КРОЙКИ
А. А. Базаровой.
 СПб., Литейный пр., 45 и Москва, Арбатъ,
 д. Гофманъ.
 Приемъ ученицъ и пансионеровъ въ ШКОЛЫ
 круглый годъ.

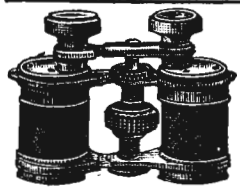
Курите
„Московскія гильзы“
 изъ всемірно-извѣстной франц. бумаги
„КАРТУШЪ“
 паровой фабрики 4—3
С. М. АНАНОВА,
 въ Москвѣ, у Рогожской заставы.

ВЕЛОСИПЕДЫ „НАУМАНЪ“
 ПОЛЬЗУЮТСЯ ВСЕМІРНОЮ ИЗВѢСТНОСТЮ
 ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВО ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ ГОРОДАХЪ,
ЗЕЙДЕЛЬ и НАУМАНЪ, ДРЕЗДЕНЪ.

ФОНАДЕЛЬОН. МОСКВА. ПАРИЖЪ 1889. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. БОРОВНИЧЪ.
 ЧИКАГО 1876. ПОЧЕТНЫЙ ОТЪЗЫВЪ ПАРИЖЪ 1872. 1885. 1894. ПОМАНОВЪ
 1893. 1874.
СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ В. В. ЕЗЕРСКАГО.
 С. Петербургъ, Садовая № 18, уголъ Невскаго. ||| Москва, Тверская № 42, д. О. В. Езерскаго
 Свѣдѣнія сообщаются лично и высылаются почтою бесплатно.

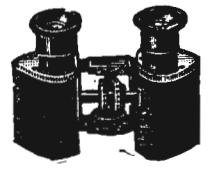
БОЛЬШАЯ ЭКОНОМІЯ!
НОВЫЙ СПОСОБЪ ЧИСТКИ И ОКРАСКИ
 матерій всѣхъ сортовъ, такъ что онѣ возвращаются какъ новыя.
ПАРОВАЯ КРАСИЛЬНЯ И ЗАВЕДЕНІЕ ХИМИЧЕСКОЙ ЧИСТКИ
Густава Крейтца.
 С.-Петербургъ. Фабрика и контора: Лейхтенбергская ул., 15.
 4 магазина: Больш. Морская, 24; Казанская, 8/10; Литейная, 46; Лейхтенбергская ул., 15.
!СТИРКА ЗАНАВѢСЕЙ!
 = отъ 50 коп. за окно съ починкой. =
 Аппретура какъ новая. Сбереженіе до осени.
ХИМИЧЕСКАЯ ЧИСТКА И ОКРАСКА
 мебели, ковровъ, портьеръ и стѣнъ обитыхъ матеріей.
 Всѣ вещи страхуются отъ огня и только съ разрѣшенія публичн выставляются на окна.
 Добросовѣстное и быстрое исполненіе заказовъ.

ТОВАРИШЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * СПБургъ.
 Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмой „ПРОВОДНИКЪ“.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

Новѣйшіе бинокли

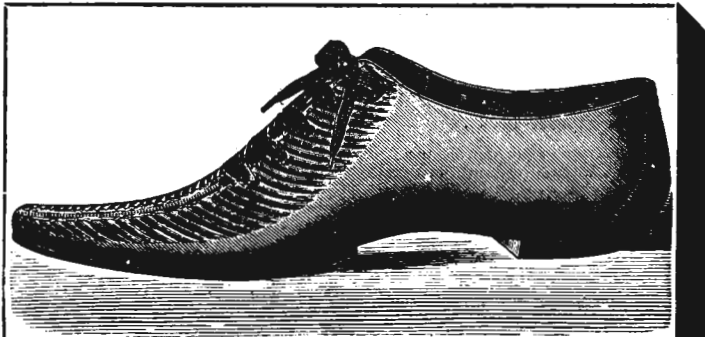
СЪ СИСТЕМОЮ ПРИЗМЪ ПО „РОГГО“.
 Бинокли эти, по оптическимъ качествамъ, наилучшіе зрительные приборы нашего времени; преимущества слѣдующія: 1) обширное поле зрѣнія, 2) сильное приближеніе, 3) полная стереоскопическая рельефность, 4) незначительное поглощеніе света, — потому и названіе „Силосветъ“.
 Высокія качества въ бинокляхъ подъ названіемъ „J u m e l l e s t e r e o s c o p i q u e“, „Trièder-Binocles“ или просто по-русски „Силосветъ“ достигнуты системой призмъ и новой комбинаціей стеколъ.
 Въ принципѣ стерео-бинокли представляютъ собою Кеплеровскую астрономическую трубу съ системой выпрямляющихъ призмъ по „Рогго“; световые лучи, подвергаясь четырехкратному полному внутреннему отраженію, даютъ, безъ потери света, ясное и въ то же время рельефное изображеніе при значительно большемъ (8—10 разъ) полѣ зрѣнія, чѣмъ въ соответственныхъ бинокляхъ Galilei'евой системы.

С.-Петербургская фабрика оптическихъ инструментовъ Ив. Ян. Урлаубъ на Всероссийской Нижегородской выставкѣ 1896 г. была удостоена золотой медалью за безукоризненную глубокую оптическихъ стеколъ, призмъ и за самостоятельное производство новѣйшихъ биноклей подъ названіемъ „Силосветъ“.
 „Силосветъ“ одинаково пригоденъ какъ для дневныхъ, такъ и для ночныхъ наблюденій на морѣ, на полѣ, при стрѣльбѣ (въ особенности бездымнымъ порохомъ) и воздухоплаваніи.

„Силосветъ“ незаменимъ въ театрѣ и на дорогѣ, а также для охоты, скачекъ, гонокъ, велосипедной ѣзды и пр. спорта.
 Продажа стерео-биноклей по фабричнымъ цѣнамъ заграничныхъ фирмъ производится въ главномъ складѣ биноклей „СИЛОСВѢТЪ“ у оптика Урлаубъ въ С.-Петербургѣ, Невскій, 44. Цѣны на бинокли съ призмами системы „Рогго“ слѣдующія: увеличивающій въ 3 раза—63 р., 4 раза—65 р., 6 разъ—75 р., 8 разъ—77 р., 9 разъ—88 р., 10—12 разъ—100 и 110 р.

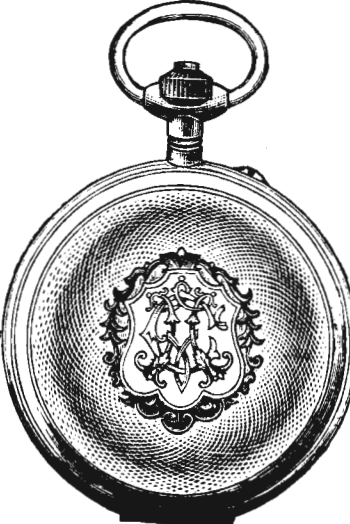
Бинокли „Силосветъ“ прежняго типа, т.-е. безъ призмъ, продаются по 8, 10, 12 и 15 рублей, въ зависимости отъ величины объектива; такіе же бинокли изъ алюминія имѣются отъ 16 до 85 руб.
 На каждомъ биноклѣ съ призмами обозначена фирма и указано увеличеніе его.
 При заказахъ изъ провинціи слѣдуетъ высылать не менѣе 1/2 стоимости его, въ противномъ случаѣ порученіе не подлежитъ исполненію.
 ♦ Пересылка биноклей въ провинцію на счетъ заказчика; упаковкѣ самая тщательная.

СКОРОХОДЫ

представляютъ изъ себя исто-народную обувь; они очень прочны, весьма удобны и дешевы. Новѣйшіе сорта этой обуви и въ весьма тонкой отдѣлкѣ, и весьма изящнаго фасона—на что мы считаемъ долгомъ обратить особое вниманіе почтеннѣйшихъ покупателей. Обувь нашей фабрики имѣется во всѣхъ большихъ магазинахъ обуви Имперіи.

Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованному способу изготовленія часовъ я имѣю возможность продавать съ 1 января с. г., самые элегантные и прочные МУЖСКІЕ ЧАСЫ американскаго золота, трудно отличимые, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золотыхъ, — крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструкции, съ прекрасною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ и, по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, или съ портретомъ, согласно присланной фотографической карточки, вмѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Изъ Америки часы эти давно уже вытѣснили настоящіе золотые, а въ последнее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе.
 Такіе же ДАМСКІЕ дороже на 1 рубль. Письменное ручательство на 6 лѣтъ. Высылаю вполне выѣрненные часы по полученіи задатка 2 руб., остальное же наложеннымъ платежемъ.

А ДРЕСЪ:

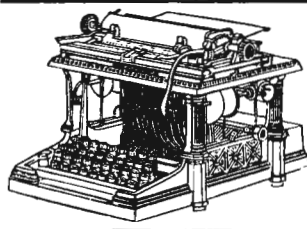
Ш. БИТКЕРЪ

складъ меневскихъ и американскихъ часовъ въ Варшавѣ, Сенаторская № 27 и Вербовая № 11, противъ Правительственнаго театра.

Во избѣжаніе поддѣлокъ, каждый экземпляръ снабженъ пломбою фирмы, утвержденной Департаментомъ торговли и мануфактуръ за № 29593/435.

Извѣщенія изъ аттестаций, полученныхъ мной складомъ:
 Милостивый государь Г. Биткеръ.
 Убѣдившись въ добротѣ исполненія Вашимъ магазиномъ многоразныхъ заказовъ, я отъ всей души приношу вамъ глубокую благодарность за высланные мнѣ въ село Насадку часы накладного золота, такъ какъ прочность высланнаго превзошла мои ожиданія, прошу еще выслать часы и т. д.

Съ почтеніемъ А. Н. Воронинъ. 40 лѣтъ 97 г. Пермь.
 Милостивый государь г. Биткеръ.
 Начальникъ Нижнеудинской Конвойной Команды.
 Декабря 11 дня 1897 г. № 612.
 г. Нижнеудинскъ, Иркут. губ.
 Прому принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи. Капитанъ Ганс.
 И множество другихъ. № 11231 4—4

ПИСЬМУЩАЯ МАШИНА
РЕМИНГТОНЪ ШОЛЬ и К°.

соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества и усовершенствованія, сдѣланныя разными фабриками по этой отрасли.
 Эта машина удобна для правительственныхъ учреждений, канцелярій, а также частныхъ конторъ, банковъ и проч.
 Прейсъ-куррантъ высылается бесплатно. Агентъ выгоднаго условія.
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ, № 11278
 Караванная, 16. 4—2

Г. ПЕТО,

Ө. ЮХИМЪ и К°.

С.-Петербургъ, Невскій пр. 3.
 Москва, Театральн. проездъ.
 Большой складъ фонографовъ и графофоновъ послѣднихъ моделей, валиковъ заряженныхъ и чистыхъ и всѣхъ принадлежностей.
 В. № 11142 6—5

А. БОЛЬТЪ и К°.
 Москва, Ильинка.
 Непромокаемая одежда:
 ПАЛЬТО,
 МАКФАРЛАНЫ,
 ШИНЕЛИ,
 НАКИДКИ
 мужскіе и дамскіе
 изъ лучшихъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, рисунокъ сезона 1898 г.
 Прейсъ-куррантъ съ образцами матерій высылается бесплатно.
 Бумажное бѣлье Мей и Эдликъ.

ВЪЗДѢ
 ТВОРИМЪ
 ШОКОЛАДЪ
 КАКАО

Содержаніе:

ТЕНЕТЪ. Батистовый платокъ. Разсказъ В. Г. Авсьенко. (Окончаніе.)—Сестренин. Разсказъ Габріэли Запольской.—Замиво погребенный. Разсказъ Н. Тей-нerta.—Къ рисункамъ: Въ лунную ночь.—Красавица.—Мирные переговоры.—Маленькіе труженики.—Игра въ поло.—Францъ Палацій.—Полетъ воздушныхъ шаровъ.—Самодвижущаяся лодка.—Политическое обозрѣніе.—Объявленія.

РИСУНКИ. Въ лунную ночь. Картина Л. Дудетта.—Красавица. Картина Г. Палперца.—Мирные переговоры. Картина Н. Нани.—Маленькіе труженики. Орг. рисунокъ И. И. Имакевича.—Игра въ поло. Рисунокъ В. Селлингъ.—Францъ Палацій.—Полетъ шаровъ съ метеорологическихкими цѣлями изъ воздухоплавательнаго учебнаго парка въ Петербургѣ. Рис. 1. Подъемъ шара съ метеорологическихкими самопущущими приборами. Рис. 2. Подъемъ шара „Генераль Заботкинъ“ съ пассажирами.—Самодвижущаяся лодка.—Чертежъ самодвижущейся лодки.

При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній“ за июнь.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

Новое изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.
ТОЛЬКО-ЧТО ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ въ ПРОДАЖУ
ОТДѢЛЬНОЙ КНИГОЙ

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА ИЛИ МЕРТВЫЯ ДУШИ.

Поэма Н. В. ГОГОЛЯ.

По редакціи Н. С. Тихонравова, съ приложеніемъ „Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ“, въ двухъ редакціяхъ, и съ „примѣчаніями редактора“.

„МЕРТВЫЯ ДУШИ“, въ теченіе долгаго времени, печатались только въ составѣ „полнаго собранія сочиненій“ Н. В. Гоголя и въ видѣ отдѣльной книги не имѣлись въ продажѣ. Между тѣмъ спросъ на отдѣльное изданіе этого капитальнѣйшаго сочиненія Гоголя несомнѣнно долженъ существовать со стороны какъ учебныхъ заведеній, такъ и народныхъ библиотекъ и читателей. Имѣя въ виду этотъ спросъ, мы и выпустили настоящее изданіе „Мертвыхъ Душъ“ отдѣльной книгой, на первый разъ въ сравнительно небольшомъ количествѣ экземпляровъ, и надѣемся, что книга эта вполнѣ удовлетворитъ существующей потребности.

Книга издана весьма изящно въ 8 д. л., отпечатана на хорошей бумагѣ краснымъ, четкимъ шрифтомъ и заключаетъ въ себѣ 444 страницы. СПб. 1898 г.

Цѣна книги 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

Съ требованіями просимъ обращаться въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.

Новое изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ.

Вышелъ изъ печати и разсылается подписчикамъ III томъ сочиненій

К. К. СЛУЧЕВСКАГО,

издаваемыхъ въ 6 томахъ in 8°, съ портретомъ и автографомъ автора, исполненнымъ гелиографіей.

Въ это изданіе войдутъ всѣ беллетристическія и поэтическія произведенія К. К. Случевского, причѣмъ первые три тома заключаютъ въ себѣ всѣ его стихотворенія, въ томъ числѣ появившіяся въ этомъ году въ печати „Пѣсни изъ Угольда“.

Содержаніе послѣднихъ трехъ томовъ составятъ произведенія въ прозѣ. Подписна продолжается и вышедшіе три тома выдаются, а иногороднымъ высылаются немедленно по полученіи соответствующей суммы.

Подписная цѣна за 6 томовъ 7 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой—8 р. 70 к., въ 6 изящныхъ переплеткахъ 10 р. 50 к., съ дост. и перес. 12 р. (По выходѣ послѣдняго тома цѣна будетъ возвышена).

Подписныя деньги вносятся сполна—при заказѣ, или въ разсрочку на слѣдующихъ условіяхъ:

	Безъ доставки:		Съ дост. и перес.:	
	Брошюр.	Въ пер.	Брошюр.	Въ пер.
1-го тома вносится	3 р. —	4 р. —	3 р. 70 к.	4 р. 50 к.
2-го „ „	1 р. —	2 р. —	1 р. 50 к.	2 р. —
3-го „ „	1 р. —	2 р. —	1 р. 50 к.	2 р. —
4-го „ „	1 р. 50 к.	1 р. 50 к.	1 р. —	2 р. —
5-го „ „	1 р. —	1 р. —	1 р. —	1 р. —
6-ой томъ — бесплатно.	—	—	—	—
Итого.	7 р. 50 к.	10 р. 0 к.	8 р. 70 к.	12 р. —

По желанію, тома высылаются и наложеннымъ платежомъ по мѣрѣ выхода. Требованія и деньги просить адресовать въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.

КУРГАУЗЪ НАССАУ (Ланъ) БЛИЗЪ ЭМСА.

Водолѣчебное заведеніе. Массажъ. Электрическое лѣченіе.

Завѣдывающій врачъ Д-ръ Э. Пёнегенъ, ассистентъ д-ръ Ф.-Экт.

Золотая медаль.

ЮВЕЛИРЪ К. И. БОКЪ

Н.-Новгородъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, бывшій МОСКВА,
Большая Морская, 9. БЮЛЕРЪ. Кузнечій мостъ, 6.

Громадный выборъ брилліантовыхъ и золотыхъ вещей на всякія цѣны. Изготавливаетъ всевозможные жетоны, какъ-то: Всероссийской выставки въ Н.-Новгородѣ 1896 г., XII международнаго медицинскаго конгресса въ Москвѣ, V фотографической выставки Императорскаго Техническаго общества въ С.-Петербургѣ, 100-лѣтняго юбилея министерства путей сообщенія и мн. др. Покупаетъ золото и драгоцѣнные камни.

3-3

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА И КАРТОЧКИ СЪ РИСУНКАМИ ХУДОЖНИКА КАРАЗИНА,
СЪ ЗНАКОМЪ „Краснаго Креста“.

Продаются въ Главномъ Управленіи Общества Краснаго Креста (Инженерная, 9), въ лучшихъ писчебумажныхъ и эстампныхъ магазинахъ, книжно-газетныхъ кіоскахъ (Г. Пташинкова), въ Москвѣ — въ конторѣ Печковской, въ Варшавѣ и Вильнѣ — въ книжныхъ магазинахъ Г. Карбасникова.

Сборъ предназначается на постройку зданія Общины сестеръ милосердія и больницы въ память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

„КНИГА О КОНСЕРВАХЪ“.

Практическое и теоретическое руководство къ заготовленію овощей и плодовъ въ жестяныхъ и бутылкахъ, съ 13-ю рисунками, составленное МАРИЕЙ РЕДЕЛИНЪ, авторъ извѣстн. книги „Домъ и Хозяйство“. Книга издана въ 16 д. л., 161 стр., и украшена 13-ю рисунками.

Цѣна 50 коп., съ перес. 60 коп. Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, Малая Морская, № 22.

ПАМЯТЬ

лицъ кажд. возр. укрѣпляетъ лично и значно (въ 10 уроек.) профес. иеомоника С. Файштейнъ. Одесса, уг. Луцкинской и Вас. ул., собств. домъ, № 28. Условія и 2 брош. (въ 64 стр.) высыл. за одну 7-ми коп. мерку.

№ 10917 20—20

Новое изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ.

ОТПЕЧАТАНА И ПОСТУПИЛА въ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„ИНСТИНКТЬ И ПРАВЫ НАСѢКОМЫХЪ“.

Изъ энтомологическихъ воспоминаній

ФАБРА.

Съ 213 рисунками.

Переводъ съ франц. Е. И. Шевыревой. Подъ редакціи ученаго секретаря Русскаго Энтомологическаго Общества ИВ. И. ШЕВЫРЕВА.

Въ книгѣ Фабра, живымъ и общедоступнымъ языкомъ, излагаются многочисленныя наблюденія автора надъ любопытными проявленіями инстинкта насѣкомыхъ. Объ интересѣ и общедоступности изложенія можно судить по статьѣ „Происхожденіе пола у насѣкомыхъ“, помѣщенной въ № 19 „Нивы“, на стр. 380—380б. Текстъ книги иллюстрированъ многочисленными рисунками изъ сочиненій наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ энтомологовъ. Книга издана очень изящно и отпечатана на лучшей бумагѣ четкимъ шрифтомъ. Большой томъ въ VIII+590 страницъ большаго 8°, съ 213 рисунками. СПб. 1898 г.

Цѣна книги, переплетенной въ прочную папку съ коленкоровымъ корешкомъ,—3 р., съ перес. 3 р. 75 к., а въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ 3 р. 75 к., съ перес. 4 р. 50 к.

Требованія и деньги просить адресовать: въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Вс. С. Соловьева. Романъ-хроника. XVIII в. Время паденія Бирона и воцаренія Елисаветы. Изд. 3-е. II. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскош. колѣнк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Cacao van Houten

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНЪ. Одной чайной ложки достаточно для приготовления большой чашки превосходного шоколада на водѣ или на молокѣ.

К. № 11304 3-1

НА ВОСПИТАНИЕ МУЖСКОГО ПОЛОВА ДАТЯ ВЪЗРАСТАЮЩИМЪ

СВѢДѢНІЯ
60.
ТЕЛЕФОНЪ 1360

ИМПЕРАТОРСКОГО
ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВОГО
ОБЩЕСТВА

ПРОСИТЪ
ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ
ЖЕРТВОВАТЬ
ЕМУ

НЕУЖНЫЯ ВЕЩИ

АУДИОНЪ
ПО ВТОРИКАМЪ
ВОСПИТАНІЕ
ДО 500 РУБЛЕЙ

ТЕЛЕФОНЪ 3678. ТЕЛЕФОНЪ 1941.

Велосипеды „Науманъ“
пользуются всемірною извѣстностью

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВО ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ ГОРОДАХЪ,
ЗЕЙДЕЛЬ и НАУМАНЪ, ДРЕЗДЕНЪ.

Р. № 11181 12-8

БЕЗВРЕДНАЯ УРБАНА КРАСКА
ВОЛОСЪ И БОРОДЫ

БЕЗЪ ЛЯПИСА

ВНОВЕ ИЗОБРЕТЕННОЕ БЕЗВРЕДНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ БЫСТРАГО ОКРАШИВАНІЯ СѢДЫХЪ ВОЛОСЪ И БОРОДЫ ВЪ ЧЕРНЫЯ, РУСЫЯ, ТЕМНЫЯ И СВѢТЛО КАШТАНОВЫЯ ЦВѢТА

ЦѢНА ЗА 1 ФЛАКОНЪ 2 Р. СЪ ПЕРЕСЪ 2 Р. 50 К

ПРОДАЕТСЯ ВЪ АПТЕКЪ И КОСМЕТИЧ. МАГАЗИН. ГЛАВ. МЫШ СКАДЪ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, АПТЕКАРСК. МАГАЗИНЪ А. УРБАНЪ, С.ПБ. БОЛЬШ. КОНОШ., № 1.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Въ послѣднее время появилась поддѣлка извѣстнаго нашего

CRÈME VÉNUS,

разрѣшеннаго С.ПБ. Столичнымъ Врачебнымъ Управленіемъ за № 2960.

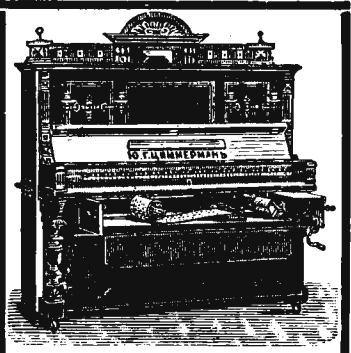
При покупкѣ настоящаго крема въ плоскихъ банкахъ просимъ обязательно требовать на банкахъ подписи С. Ф. Поповой и К°, какъ главныхъ представителей для всей Россіи, и

№ 2960.

Ц. № 11250 4-3

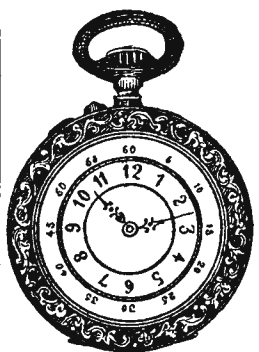
Главный складъ въ Москвѣ: магазинъ С. Ф. Поповой и К°, Петровка, прот. Кредитн. Общ. Представитель въ С.-Петербургѣ: І. И. Погоский, Вас. Остр. 4 лин., № 39.

КАЗИМІРЪ ОССОВСКІЙ,
инженеръ.
Контора для конходатайствованія привилегій
ВЪ БЕРЛИНѢ. (Berlin, W. 9. Potsdamerstr., 3.)

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПІАНИНО.
Играетъ посредствомъ верхняи ручки, а также можно играть какъ на обыкновенномъ пианино.
Цѣна 550, 600, 700 и 800 руб.
Ноги по 1 р. 25 к. за метръ (1 1/2 арш.)
Списокъ пьесъ и прейсъ-курантъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Глазное депо и фабрика
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.
Складъ и изданіе нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

Благодаря громадному сбыту и полному усовершенствованію изготовленія часовъ, я въ состояніи продавать съ 15 ноября пр. г. изящные и прочныя карманныя мужскіе часы „ЗВѢЗДА“, крытые, всѣ 3 крышки наладного золота, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, механизмъ самый прочный и усовершенствованный, ходъ на камняхъ, заводъ безъ ключа.

ВСЕГО ТОЛЬКО ЗА 6 Р. 25 К.
(2 шт. 11 р. 75 к.)

Письменное ручательство за вѣрность хода на 6 лѣтъ.
Часы, тщательно проверенные, высылаются по полученіи 2 руб. задатка. 2-1

Адресъ: Торговой фирмѣ
Я. М. Варковицкаго,
складъ часовъ въ Варшавѣ, Пяская, № 5.

ЧАСЫ „ЗВѢЗДА“

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро ро выучиваю въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллионъ. За двѣ 7 коп. марки высылаю условия и пробное письмо. Одесса, Соборная площадь, д. Пашутовой, кв. 40. Пр. кал. Э. Кошдарисъ.

По новѣйшей французской методѣ **„ВОРТА“** обучаю кройкѣ и шитью дамскихъ, дѣтскихъ парадныхъ, верхн. платья, бѣлья и корсетовъ въ школѣ и заочно посредствомъ лекцій. Плата впередъ не взимается. По окончаніи установленное свидѣтельство. Условия высыл. бесплатно. Нievъ, Фундуклеевская, № 27, Е. Д. АШМАРИНА.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАЯ ТОВАРИТЕЛЬСТВА

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

1896

НА ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ

СЛАВИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА
ИСТОЧНИКА

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ

Продается во всехъ аптекахъ и въ аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.

Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ“ въ Будапештѣ.

„СПУТНИКЪ“.
Универсальный дорожный чайникъ. Описаніе въ № 13 „Нивы“ 1898 г., которое также высылается бесплатно.

С. ЗОЛОТОВЪ,
С.ПБ., Невскій пр., 25-1.

XXIX г.

№ 25

Выданъ 20 июня 1898 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедѣльно 52 № въ годъ, съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXIX

1898

Цѣна этого № 15 к. съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1898 г.

Подписная цѣна годового изданія „Нивы“ со всѣми приложеніями на 1898 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содерж. полное собраніе сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ.	5 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ пр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя ямин.	6 р. 25 к.	Съ доставкою въ Петербургъ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи.	7 р.	За границу.	10 р.
------------------------------	-------------------	---	-------------------	-----------------------------	-------------------	--	-------------	-------------	--------------

При этомъ № прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложеній» за июнь 1898 г.

Въ лунную ночь. Съ картины Л. Дуветта грав. Кирмзе.

Батистовый платокъ.

Разсказъ

В. Г. Авсеенко.

(Окончаніе.)

XXI.

Слухъ объ арестѣ молодой дамы изъ общества, подозрѣваемой въ убійствѣ Уханскаго, проникъ въ газеты. Василий Петровичъ, прочитавъ объ этомъ за утреннимъ чаемъ, съ листкомъ въ рукѣ поспѣшно вошелъ въ спальню къ женѣ.

— Интересныя новости: убійца Уханскаго найдена, и это оказалась молодая приличная дама, жена архитектора, — объявилъ онъ. — Вотъ, прочти.

И онъ подалъ женѣ газету.

Римма Александровна поблѣднѣла, приподнялась на подушкахъ и поспѣшно схватила листокъ. Глаза ея съ пожирающею, торопливою жадностью забѣгали по строчкамъ. Тамъ сообщалось о событіи глухо, съ оговорками, какимъ-то подобострастнымъ тономъ, точно репортеръ боялся, чтобъ его самого не привлекли къ слѣдствію.

Дочитавъ до конца, Римма съ пренебреженіемъ бросила газету.

— Все вздоръ, никогда они не найдутъ убійцу, — проговорила она поблѣднѣвшими губами. — Имъ кого-нибудь нужно же подозрѣвать, вотъ они и хватаютъ, а черезъ нѣсколько дней выпускаютъ, чтобъ начать сначала.

— Ты думаешь? — сомнительно протянулъ Василий Петровичъ.

— Настоящаго убійцы не найдутъ, — повторила Римма.

— Но, мнѣ кажется, замужнюю даму, жену архитектора, не арестовали бы безъ серьезныхъ уликъ, — возразилъ Василий Петровичъ. — Слѣдствіе ведетъ Нарѣзный, очень опытный человѣкъ. Ты подумай, что это такое — посадить въ тюрьму приличную женщину, вѣроятно, мать семейства... Я не допускаю, чтобъ могла быть ошибка. Увидишь, ея виновность будетъ доказана.

Римма опустила плечи на подушку.

— Глупости, этого нельзя доказать... — проговорила она упавшимъ голосомъ. — Развѣ такая преступница оставить улики? Убійство совершено артистически, и все останется тайной между небомъ и землей. Никогда не узнаютъ, кто убилъ Уханскаго. Мнѣ жаль эту несчастную, которую посадили въ тюрьму... Ты говоришь, она — мать семейства?

— Я не знаю, объ этомъ въ газетахъ ничего нѣтъ, — отвѣтилъ Василий Петровичъ. — Во всякомъ случаѣ, каково ей, если она въ самомъ дѣлѣ страдаетъ безъ вины, за кого-нибудь другого.

— Ее выпускаютъ, — проговорила Римма, блѣднѣя еще болѣе. — Выпускаютъ, потому что никакихъ уликъ не можетъ быть. Какія-нибудь случайныя подозрѣнія, ничего не доказывающія. Ее выпускаютъ, и затѣмъ, наконецъ, бросаютъ это проклятое дѣло.

— Гм! все можетъ быть, только не думаю... — закончилъ разговоръ Василий Петровичъ.

А для Риммы съ этого утра настали новыя терзанія. Раньше ей приходила мелькомъ мысль, что къ слѣдствію непременно будутъ кого-нибудь привлекать, допрашивать, можетъ-быть, подозрѣвать, но она относилась къ этому почти равнодушно. Подозрѣвать въ убійствѣ, когда нѣтъ никакихъ уликъ, можно только людей съ погубленной репутаціей, скорѣе всего — судившихся за что-нибудь подобное раньше. Ихъ допросятъ, выпускаютъ — это въ порядкѣ вещей. Но дама, о которой пишутъ въ газетахъ — кто она такая? Почему ее арестовали? Можетъ-быть, только потому, что она была знакома съ Уханскимъ; можетъ-быть, въ бумагахъ убитаго нашли письма, компрометирующія ихъ отношенія... такія же письма, какъ тѣ, которыя она унесла у него въ ночь убійства.

Кто она?

Риммѣ неотступно рисовался образъ молодой женщины, симпатичной и несчастной, одной изъ жертвъ наглою красоты Уханскаго. Можетъ-быть его смерть общала ей освобожденіе, искупленіе рокового увлеченія. И вдругъ на нее падаетъ ужасное подозрѣніе, ея тайна разоблачается, ее увозятъ въ тюрьму... жизнь разбита безошадно и непоправимо. Что изъ того, если ее выпускаютъ, или оправдаютъ? Послѣ всего, что она должна перестрадать теперь, свобода хуже смерти.

И мрачное отчаяніе ложилось на душу Риммы: ей казалось, что она совершаетъ второе убійство, гораздо преступнѣе перваго...

XXII.

Для черезъ два Василий Петровичъ явился къ обѣду переполненный новостями, только что почерпнутыми изъ случайной встрѣчи съ Сережей Валковскимъ. Молодой человѣкъ въ послѣднее время широко эксплуатировалъ интересъ, который придавала ему прикосновенность къ романическому уголовному дѣлу. Онъ теперь уже не удивлялся, что подозрѣніе пало на т-ше Лопачинскую, а скорѣе готовъ былъ даже увѣрять, что сама навелъ на него.

— Вотъ, ты совершенно ошибалась относительно дамы, арестованной по дѣлу Уханскаго, — заговорилъ Василий Петровичъ, какъ только пришелъ домой. — Противъ нея существуютъ неопровержимыя улики, и никакого сомнѣнія не можетъ быть, что именно она заколола Уханскаго. Очень романическая исторія, и это будетъ интереснѣйшее дѣло въ судѣ. Я узналъ всѣ подробности отъ человѣка, близко знакомаго съ этой особой и съ ея мужемъ.

Римма при первыхъ словахъ мужа опять страшно поблѣднѣла, и даже легкая судорога чуть-чуть покривила ей лицо.

— Да что съ тобою? Неужели все это такъ дѣйствуетъ на тебя? — удивился Василий Петровичъ.

— Ну, рассказывай, рассказывай, — поторопила его Римма.

— А вотъ, сейчасъ все по порядку расскажу, — продолжалъ Василий Петровичъ, съ нѣкоторою торжественностью человѣка, которому рѣдко случается заинтересовать собою. — Во-первыхъ, надо тебѣ знать, что преступница — совсѣмъ не авантюристка, какъ можно было ожидать, а совершенно приличная семейная особа. Молодая, лѣтъ двадцати-восьми, не дурная собою, съ свѣтскимъ воспитаніемъ. Мужъ ея — хорошій архитекторъ и отличный человѣкъ, лѣтъ на десять старше ея. Фамилія ихъ — Лопачинскіе; ты, можетъ-быть, слыхала?

— Нѣтъ. Но улики? Какія же улики? — торопила Римма.

— Улики самыя безошадныя; но позволь мнѣ по порядку. Жили эти Лопачинскіе очень прилично, имѣли довольно обширное знакомство въ среднемъ петербургскомъ кругу. Никакихъ сплетенъ о т-ше Лопачинской не было до самаго послѣдняго времени, когда стали подозрѣвать, что она сильно увлеклась Уханскимъ. По видимому, Уханскій былъ чертовски силенъ по этой части. Увлеченію своему Лопачинская такъ поддавалась, что компрометировала себя безъ всякой осторожности. А Уханскій, разумеется, позабавился и началъ охладѣвать. Тутъ ревность, отчаяніе — ну, ты понимаешь, вся эта любовная чепуха... хе-хе!..

Василий Петровичъ съѣлъ, совершенно довольный возрастающимъ вниманіемъ къ его разсказу.

— Все изъ-за этой ревности, — повѣствовалъ опъ дальше:—пріѣхала она въ маскарадъ въ дворянскомъ собраніи, въ самую ночь убійства. Вѣдь твой сонъ—помнишь?—прямо какой-то чудесный былъ: все, какъ тебѣ спилось, такъ и происходило въ дѣйствительности. Когда мнѣ рассказывали, мнѣ даже страшно сдѣлалось. Точно ты съ этой Лопачинской — одно лицо. Ясновидѣніе какое-то непостижимое.

— Но какъ могли узнать? Гдѣ доказательства?—порывисто воскликнула Римма.

— Погоди. Въ маскарадѣ ее видѣли, признали. Она оттуда уѣхала вмѣстѣ съ Уханскимъ, къ нему на квартиру. Очевидно, не впервые. Прислуга не обратила на нее вниманія: къ Уханскому часто пріѣзжали дамы. Заперлись они въ кабинетъ. Какое тамъ между ними произошло объясненіе—этого, конечно, никто не знаетъ. Но кончилось дѣло тѣмъ, что она схватила лежавшій на столѣ кинжалъ, и пырнула имъ Уханскаго прямо въ сердце.

— И затѣмъ скрылась, ничего не тронувъ, никому не показавшись на глаза? Гдѣ же улики? На чемъ основано убѣжденіе въ ея виновности?—воскликнула Римма.

— А вотъ на чемъ основано. Во-первыхъ, деньги и всѣ цѣнные вещи, какія были въ кабинетѣ Уханскаго, оказались въ цѣлости, — ясно, что убійство совершено не ради грабежа, а по мотивамъ романческаго свойства. Во-вторыхъ, въ бумагахъ Уханскаго найдена записка Лопачинской, указывающая на ихъ близкія отношенія...

— Какъ будто всякая любовная переписка кончается убійствомъ!—возразила Римма.

— Да, но вотъ третья, и уже совершенно неопровержимая улика, — продолжалъ Василій Петровичъ. — Въ кабинетѣ Уханскаго, въ душникѣ, найденъ окровавленный дамскій носовой платокъ, которымъ убійца, по всей вѣроятности, обтирала на себѣ слѣды крови. Платочекъ изъ такихъ, какіе бываютъ только у элгантныхъ женщинъ. А самое главное—на немъ мѣтка, съ инициалами „S. L.“, и при обыскѣ у Лопачинской, у нея найдены точно такіе же платки, съ такой же самой мѣткой, и изъ дюжины какъ разъ одного недостаетъ. Вотъ чѣмъ она себя съ головою выдала.

Римма, блѣдная и трепещущая, опустила въ кресло. Ей нужно было невѣроятное нравственное усиліе надъ собой, чтобъ преодолѣть подступавшее къ ней обморочное онемѣніе.

— Что съ тобой? На тебѣ лица нѣтъ!—встревожился Василій Петровичъ.

Римма съ усиліемъ вдохнула и приложила руку къ глазамъ.

— Ничего, пройдетъ... Эти подробности ужасно на меня подѣйствовали... — проговорила она занекшимися губами. — Обѣдай, пожалуйста, безъ меня, и должна прилечь.

XXIII.

Василій Петровичъ не на шутку перепугался болѣзненнаго состоянія жены, и рѣшился безъ ея вѣдома съѣздить за докторомъ. Тотъ очень внимательно осмотрѣлъ ее—она не сопротивлялась, но почти не отвѣчала на его вопросы—и объявилъ, что у больной ничего нѣтъ, кромѣ крайняго нервнаго разстройства.

— Какая-нибудь сильная неурядица, потрясеніе?—обратился онъ къ мужу.

Василій Петровичъ сослался на впечатлѣніе, произведенное на жену убійствомъ Уханскаго, и даже рассказал о чудесномъ снѣ. Докторъ дослушалъ его съ нѣсколькими насмѣшливымъ выраженіемъ въ лицѣ, сказалъ: — „очень, очень можетъ быть“, — прописалъ капли и порекомендовалъ полное спокойствіе.

— Я, знаете ли, начиналъ ужъ думать, нѣтъ ли тутъ чего-нибудь психическаго?—робко рѣшился высказать свои опасенія Василій Петровичъ.

— Пока, я не вижу примыхъ показаній; надо посмотрѣть, какъ будетъ дальше, — отвѣтилъ докторъ, и пообѣщавъ захватить черезъ недѣлю.

Когда Василій Петровичъ, къ концу вечера, заглянулъ въ спальню къ женѣ, Римма Александровна лежала на постели, перездѣтая, заложивъ обѣ руки подъ густую массу нерасплетенныхъ волосъ, и съ раскрытыми, неподвижными глазами. Тупое, словно застывшее страданіе выражалось въ ея лицѣ. При появленіи мужа она не пошевелинулась, только темныя брови ея еще больше сдвинулись, прорѣзавъ складками изящный маленький лобъ.

Василій Петровичъ постоялъ передъ нею съ безпомощно-озабоченнымъ видомъ.

— Неужели у тебя ничего не болитъ? — спросилъ онъ. — Можетъ-быть, ты не хотѣла сказать этому доктору, потому что онъ не внушаетъ тебѣ довѣрія?

— Я не больна, а просто первое утомленіе, — отвѣтила Римма. — И я хочу тебя просить—не велишь ли ты на эту ночь постелить себѣ постель въ кабинетѣ? У меня такое чувство, какъ будто здѣсь душно, мало воздуха. Одна въ комнатѣ я можетъ-быть скорѣе засну. Пожалуйста, сдѣлай это для меня.

— Хорошо, хорошо, — поспѣшно согласился Василій Петровичъ. — Можетъ-быть, ты бы вышла отсюда на минуту, а я открою тутъ форточку, чтобъ освѣжить воздухъ?

— Нѣтъ, не надо. Спокойной ночи.

Оставшись одна, Римма встала, перенесла лампу подальше отъ постели, и уменьшила въ ней огонь. Потомъ, не раздѣваясь, снова бросилась на подушки и закрыла глаза.

Но спать ей не хотѣлось. Она все болѣе ощущала нестерпимую тяжесть въ головѣ и непріятную слабость во всемъ тѣлѣ. Въ глазахъ стоялъ сухой жаръ, въ вискахъ стучало напряженно и глухо.

Ей казалось, что наступила минута казни—и самой ужасной казни. Именно этой казни она никогда не ожидала, не была къ ней готова. Это было второе преступленіе, роковымъ образомъ возникшее изъ перваго. Передъ Уханскимъ она явилась мстительницей, она защищалась. Въ ея памяти до сихъ поръ неясно отражалось то мгновеніе, когда кинжалъ вонзился ему въ грудь. У нея не было мысли объ убійствѣ. Нанесла ли она ударъ въ безпамятствѣ отъ злобы и страха, или Уханскій самъ наткнулся на лезвее, рванувшись къ ней—она не могла дать себѣ яснаго отчета.

А тутъ была разбитая ею жизнь молодой женщины, отданной позору чужого преступленія.

Эту женщину она какъ будто видѣла раньше. Да, конечно, это была та дама въ черномъ домино, которая подходила къ Уханскому. Римма какъ сейчасъ видѣла ея высокую стройную фигуру, маленькую головку подъ маской, и прядь блѣдно-золотистыхъ волосъ, выбившуюся изъ-подъ кружевъ. У нея былъ красивый, тонкій голосъ, звучавшій смущеніемъ и обидой. Когда она отошла, Уханскій поднялъ оброненный ею батистовый платокъ, и подалъ его Риммѣ. На платкѣ была ея мѣтка. Эта мѣтка явилась ужасной уликой преступленія... чужого преступленія!

Римма открывала глаза, думая отогнать обступавшіе ее призракы. Но они были неотступны. Залитая огнями маскараднаго зала, кабинетъ Уханскаго, и онъ самъ, опрокинувшійся на оттоманкѣ, съ неподвижнымъ, какъ будто изумленнымъ взглядомъ мертвенно отблескивающихъ зрачковъ... И тутъ же, словно внѣ условій времени и мѣста, узкая тюремная комнатка, голыя стѣны, жалкая кровать въ углу, и на кровати она, эта неизвѣстная женщина, на которую, по роковой случайности, упали позоръ и терзанія чужого преступленія. Симпатичное, блѣдное лицо, полное выраженія глухого отчаянія и недоумѣвающей муки...

Красавица. Съ картини Г. Паперница грав. Веберъ.

Римма Александровна вздрогнула всёю тѣлою и спрятала лицо въ подушки. Но неотступные призраки не отходили, и она вся холодѣла и горѣла, и изнывала отъ ноющей боли, тупо стоявшей въ каждомъ нервѣ.

Только подъ утро слабый сонъ, похожій на онѣмѣніе, нашелъ на нее. Но и во снѣ какъ будто продолжалось ощущение отвратительнаго кошмара.

XXIV.

Нарѣзный, между тѣмъ, терялся среди противорѣчій, запутавшихъ производившееся у него дѣло. Послѣ перваго допроса, снятаго съ Лопачинской въ слѣдственной камерѣ, онъ почувствовалъ, что убѣжденіе въ ея виновности разомъ поколебалось въ немъ. Ссылка на потерю платка, сама по себѣ, не имѣла въ его глазахъ большой цѣны. Но его сбивала съ толку неотразимая искренность ея тона, простота ея отчаянія. Онъ терялся передъ очевидностью изумленія, въ которое повергло ее все случившееся, и котораго нельзя было бы поддѣлать. Долговременный опытъ научилъ его различать преступника почти съ перваго взгляда; а тутъ, напротивъ, въ немъ возрастало сомнѣніе.

Въ многочисленномъ собраніи, разумѣется, не трудно потерять свой носовой платокъ и подобрать чужой. Но скептической умъ слѣдователя отрицалъ такую игру случая, которая отдала бы потерянный платокъ именно въ руки женщины, сдѣлавшейся спустя полчаса—убійцей. Должна была быть какая-нибудь связь между этими женщинами. Но какая?

Онъ настоятельно уговаривалъ Софью Михайловну сказать, не останавливаются ли на комъ-нибудь ея собственные подозрѣнія. Арестованная отвѣчала отрицательно.

— Поймите, что вы можете погубить себя, увлекаясь ложнымъ великодушіемъ,—говорилъ онъ.—Если дѣйствительный убійца не будетъ найденъ, улика противъ васъ останется неотразимою.

— Я ни на кого не могу указать,—печально отвѣчала Лопачинская.—Въ залѣ были тысячи народу. Потерю платка я замѣтила уже при выходѣ.

— Вы подходили къ кому-нибудь, сидѣли съ кѣмъ-нибудь?—спрашивалъ Нарѣзный.

— Я подходила къ Уханскому. Мы сказали другъ другу лишь нѣсколько словъ, такъ какъ съ нимъ сидѣла маска.

— Вы на минуту подѣли къ нимъ?

— Нѣтъ, они сидѣли, а я стояла. Черезъ минуту я отошла.

— Не припомните, платокъ въ это время былъ у васъ въ рукахъ?

— Это могло быть, но я не помню.

— Маска, съ которой сидѣлъ Уханскій, вамъ совершенно неизвѣстна?

— Совершенно неизвѣстна.

— Вы не слѣдили за ними потомъ, не видали, уѣхали ли они вмѣстѣ?

— Я потеряла ихъ изъ виду и больше не встрѣчала.

— Вы не думаете, что именно эта неизвѣстная особа подняла вашъ платокъ, когда вы отошли?

Лопачинская пожала плечами.

— Это очень могло быть, но я не знаю,—отвѣтила она.

— Не можете ли вы опредѣлить, въ какомъ родѣ была эта особа?

— Миѣ показалось, что это была порядочная женщина.

— Ваше вниманіе не остановилось ни на чемъ? Ничего особеннаго въ ней вы не замѣтили?

Софья Михайловна задумалась, припоминая, потомъ сказала:

— Я обратила вниманіе, что Уханскій называлъ ее именемъ, которое рѣдко встрѣчается. Ее зовутъ Риммой.

Нарѣзный записалъ это имя. У него слагалось убѣжденіе, что оброненный Лопачинскою платокъ былъ поднятъ именно этою женщиной. Она, эта таинственная маска, уже являлась въ его воображеніи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ кровавой драмы. Но какъ найти ее?

Между тѣмъ, мѣтка на носовомъ платкѣ оказывалась единственною уликой противъ Лопачинской. Весь остальной матеріалъ, накопившійся въ рукахъ слѣдователя, давалъ только отрицательный результатъ. Бывшій казачокъ Уханскаго, Андрушка, заявилъ, что „та мамзель была ростомъ будто поменьше“, а лица ея онъ не видѣлъ, такъ какъ она пріѣхала въ маскѣ. Но относительно шубы онъ утверждалъ положительнымъ образомъ, что показанная ему—не та. На этомъ онъ стоялъ твердо, такъ какъ самъ вѣшалъ ротонду на крючокъ, и хорошо ее помнить.

Тщательный обыскъ въ квартирѣ Лопачинскихъ не обнаружилъ ничего подозрительнаго. Среди найденной въ бюро Софьи Михайловны переписки не было ни одной строки, относившейся къ Уханскому. Свидѣтели, какіе могли быть вызваны по этому дѣлу, высказались безусловно въ пользу арестованной.

Опытный слѣдователь терялъ голову...

XXV.

Былъ одиннадцатый часъ дня. Нарѣзный только что пріѣхалъ въ свою слѣдственную камеру и просматривалъ списокъ лицъ, вызванныхъ на сегодняшнее утро. Сторожъ доложилъ ему, что какая-то дама жаждетъ его видѣть по очень важному дѣлу.

„Ужъ не по дѣлу ли объ убійствѣ Уханскаго?“ мелькнуло почему-то въ головѣ слѣдователя.

Онъ приказалъ сейчасъ же ввести посѣлительницу.

Въ камеру вошла молодая женщина, вся въ черномъ, подъ густою вуалью. Изъ-подъ этой вуали сквозило до прозрачности блѣдное лицо и большіе, темные, какимъ-то усталымъ блескомъ горѣвшіе глаза.

Нарѣзный поклонился.

— Что вамъ угодно?—обратился онъ къ вошедшей, указывая глазами на обтянутое зеленой клеенкой кресло у письменнаго стола.

— Я желала бы сдѣлать вамъ сообщеніе по дѣлу... объ убійствѣ Уханскаго,—сказала посѣлительница, озираясь съ пугливой брезгливостью женщины, впервые попавшей въ слѣдственную камеру.

— А, по дѣлу объ убійствѣ Уханскаго!—повторилъ за нею Нарѣзный, впиваясь въ ея глаза и въ черты ея лица своимъ быстро оживившимся взглядомъ.—Ваша фамилія?

— Шурлова, Римма Александровна...

Нарѣзный чуть не подскочилъ на стулѣ.

— Римма... Римма Александровна?!—воскликнулъ онъ.—Прошу васъ. Я весь къ вашимъ услугамъ.

Молодая женщина взялась рукой за кончики вуали. Замѣтно было, что она тяжело дышитъ. Легкая судорога трогала углы ея красиво очерченнаго рта.

— Я просилъ бы васъ снять вуаль, вамъ удобнѣе будетъ говорить,—предложилъ Нарѣзный.

Римма подняла вуалетку, и, казалось, еще болѣе поблѣднѣла.

— Я прочла въ газетахъ, что въ убійствѣ Уханскаго подозрѣвается нѣкая Лопачинская, что она арестована...—начала едва слышно Римма.

— Въ газетахъ полна фамилія арестованной не была названа,—вставилъ слѣдователь.—Вы знаете лично эту особу?

— Нѣтъ, я ея совсѣмъ не знаю,—отвѣтила такъ же тихо Римма.— Но я знаю, что она безусловно непричастна этому преступленію, что подозрѣніе пало на нее вслѣдствіе роковой случайности. Вотъ о чемъ я пришла сообщить вамъ.

— На чемъ основывается ваше сообщеніе? О какой роковой случайности вы говорите? — спросилъ Нарѣзный спокойнымъ дѣловымъ тономъ, хотя возбужденіе его все возрастало.

— Я читала... или мнѣ рассказывали... что въ кабинетѣ Уханскаго, въ душникѣ, нашли окровавленный носовой платокъ, съ инициалами „S. L.“, принадлежащій Лопачинской, — продолжала Римма. — Этотъ платокъ дѣйствительно ей принадлежитъ, но онъ былъ потерявъ ею въ маскарадѣ, гдѣ его случайно подобрала другая женщина...

Нарѣзный еще болѣе влился въ нее глазами.

— И вы знаете эту другую женщину? — прервалъ онъ ее, понижая голосъ и приближаясь къ ней.

Пролетѣло нѣсколько мгновеній, прежде чѣмъ Римма отвѣтила на этотъ вопросъ. Судорога сильнѣе дергала уголки ея рта, она какъ будто перестала дышать. Наконецъ она сдѣлала надъ собою усилие, выпрямилась и проговорила твердо:

— Да, знаю. Это была я.

Нарѣзный опрокинулся на спинку стула. Звонкое раньше лицо его приняло спокойное, строгое выраженіе.

— Вы убили Уханскаго? — предложилъ онъ вопросъ такимъ тономъ, какъ будто рѣчь шла о самой обыкновенной и совершенно посторонней для него вещи.

У Риммы только рѣсники дрогнули, но она тотчасъ отвѣтила тихо и твердо:

— Когда Уханскій былъ мертвъ, я засунула этотъ платокъ въ душникъ. Я не знала, что то былъ чужой платокъ.

— Вы убили Уханскаго? — повторилъ тѣмъ же тономъ свой вопросъ Нарѣзный.

— Я не знаю, убила ли я его, — отвѣтила беззвучно Римма. — Я защищалась. Въ рукѣ у меня былъ кинжалъ: Уханскій самъ предложилъ мнѣ взять его. Когда онъ бросился на меня, я не знаю, что произошло. Кажется, я была не въ полномъ сознаніи. Когда я пришла въ себя, Уханскій лежалъ на оттоманкѣ и умиралъ. Кинжалъ и рука моя были въ крови. Я достала изъ кармана платокъ, вытерла имъ руку, и, оглядѣвшись въ комнатѣ, машинально засунула его въ душникъ.

— Вы говорите, что защищались, что Уханскій бросился на васъ; не можете ли пояснить, какія были между вами отношенія? — спросилъ Нарѣзный.

— Я пришла затѣмъ, чтобы сказать все, рѣшительно все, — отвѣтила Римма. — Моя жизнь разбита, и я не могу вернуть себѣ прежняго тихаго счастья, и я не хочу губить другую женщину. Я все скажу и здѣсь, и на судѣ. Уханскій заинтересовался мною, какъ онъ всегда интересовался женщинами — капризно, и исключительно матеріально. Я не уступала ему; между нами завязалась борьба. Онъ преслѣдовалъ меня неотступно, систематически, подготавливая себѣ побѣду тысячами мелкихъ средствъ, внося въ эту игру поистинѣ дьявольскую разсчетливость и изобрѣтательность. Хотя я ни въ чемъ серьезномъ не могла упрекнуть себя, но его постоянныя застращиванья привели къ тому, что я жила въ непрерывномъ страхѣ. Я могла всего ожидать отъ него: скандала, мщенія, клеветы, насилія. Я трепетала не за себя только, но и за мужа: наша семейная жизнь могла быть ежеминутно разрушена. Вы удивляетесь, можетъ-быть, какимъ образомъ, при такихъ отношеніяхъ къ Уханскому, я могла рѣшиться похвать къ нему изъ маскарада? Извольте, я расскажу вамъ въ точности, шагъ за шагомъ, всю исторію той ночи, наши разговоры съ Уханскимъ, его старанія застрашать меня моими письмами, наконецъ его попытку овладѣть мною, окончившуюся мгновеннымъ безумной борьбы, съ кинжаломъ въ рукѣ... Пожалуйста, дайте мнѣ глотокъ воды.

Молодая женщина отпила изъ поданнаго ей стакана, и спокойно, уже ни разу не измѣнившимъ ей голосомъ, сообщила слѣдователю всѣ подробности роковой ночи, извѣстныя читателю изъ первыхъ главъ нашего разсказа.

Софья Михайловна Лопачинская въ тотъ же день была выпущена на свободу.

Черезъ два мѣсяца въ окружномъ судѣ судили Римму Шурлову. Спокойно и твердо, съ простотою сердечной исповѣди, она повторила свою печальную повѣсть. Приговоръ вынесли ей оправдательный приговоръ.

Сильно осунувшійся, почти совсѣмъ посѣдѣвшій Василій Петровичъ протянулъ ей руки. Она вскрикнула и повисла на его шеѣ. Въ этомъ крикѣ, можетъ-быть, выразилось воспрянувшее прежнее чувство, возрожденное страданіемъ...

Сестренка.

Разсказъ Габріэли Запольской.

I.

— Не вернуться ли намъ домой?

— Нѣтъ, дождемъ еще до деревенскаго плетня, а потомъ пернемся по тропинкѣ около дороги.

— А вдругъ насъ кто-нибудь увидитъ?

Сестренка надула губы.

— Пф!.. велика бѣда! Точно мы не смѣемъ ѣздить на лошадахъ.

И онѣ поѣхали, поѣхали на своихъ воображаемыхъ лошадахъ, представившихъ собой не что иное, какъ большія липовыя вѣтви, волочившіяся по землѣ и подымавшія цѣлыя клубы пыли.

Въ этихъ облакахъ пыли тонули очертанія ихъ фигуръ, и только по временамъ выглядывали лички изъ-подъ большихъ соломенныхъ шляпокъ. Шляпки эти блестѣли золотистымъ отливомъ, мелькая въ лучахъ солнца, которые въ тотъ июльскій полдень цѣлыми каскадами лились на Волянъ. Слѣва, — прудъ, заросшій ситникомъ, сверкалъ безъ единого пятнышка, словно огромная доска алюминія, не отражая даже ни синева небесъ, ни прибрежныхъ илакучихъ ивъ. Справа, — кусты орѣшника. Кой-гдѣ чернѣютъ кусты осины. За этой полосой зелени, далеко на притокѣ, виднѣется господскій домъ, съ крышей и крыльцомъ, крытыми красной черепицей. Со стороны некарни доносится стукъ; тамъ рубятъ дрова; сегодня будутъ печь крендельки къ вечернему чаю на всю недѣлю.

За прудомъ, словно шапочки грибовъ, выглядываютъ почерпвшія отъ солнечнаго зноя деревенскія кровли. За деревней — лѣсъ, за лѣсомъ... Богъ въсть?.. Можетъ-быть, поле, а можетъ-быть, еще деревня.

Гарцуя на своихъ липовыхъ коняхъ и ногопяи ихъ хлыстиками изъ ольховыхъ вѣтокъ, сестры нѣсколько не интересуются тѣмъ, что находится тамъ, за лѣсомъ. Теперь онѣ несутся галопомъ, съ развѣвающимися по вѣтру волосами и шляпками. Одна изъ нихъ, высокая, стройная, — словно молодой тополь, — почти взрослая, вполнѣ развившаяся дѣвушка; другая — маленькая семилѣтняя крошка, едва доросшая до пояса старшей сестры. Однако, онѣ бѣгаютъ наравнѣ, держа своихъ лошадокъ на вожжахъ удивительной конструкции, устроенныхъ изъ красной шерстяной тесьмы, обшитой бубенчиками, снятыми съ шен игрушечнаго кролика.

— Гош! Гош! — покрикиваетъ старшая сестра.

— Гош! Гош! — повторяетъ сестренка тоненькимъ голоскомъ. Свернувъ отъ плетня, онѣ не видятъ облаковъ пыли, которыми несутся на нихъ съ противоположной стороны дороги; не слышатъ шума колесъ и топота настоящихъ лошадей.

— Дальше!.. До капища, а потомъ до конюшни! — рѣшаетъ сестренка.

Тяжело дыша, она мчитъ теперь впередъ. Липовый сукъ, съ оборванными листьями, бьетъ ее по ногамъ, но она не чувствуетъ боли, такъ далеко уноситъ ее фантазія.

Вдругъ она слышитъ громкій стукъ уже совсѣмъ близко.

Остановившись, она оборачивается и видитъ, что старшая сестра, сконфуженная и раскраснѣвшаяся, также остановилась на краю канавки.

По дорогѣ катится пегольской экипажъ, запряженный четверкой буланокъ, — настоящихъ блѣдно-желтыхъ, съ розоватымъ отливомъ и съ золотистыми гривами. На козлахъ — кучеръ и лакей, въ длинныхъ, темныхъ лифтеляхъ.

Въ коляскѣ, на темно-синей суконной обивкѣ подушекъ, сидитъ молодой блондинъ, съ голубыми глазами, правда, съ немножко помятымъ лицомъ, зато съ отменно длинными усами. Онъ закутанъ въ плащъ изъ блѣдно-голубоватаго сатина, цвѣтъ котораго такъ гармонируетъ съ его голубыми глазами.

При видѣ его, старшая сестра вспыхнула и, остановившись вдругъ надъ канавкой, старается дрожащими руками оттолкнуть отъ себя вѣтку, обвязанную красной тесьмой съ бубенчиками, но вѣтка, какъ нарочно, упирается, не поддается. Съ досады у дѣвушки даже слезы навертываются на глазахъ.

Господинъ въ свѣтломъ плащѣ приподымается на подушкѣхъ сидѣнья и съ удивленьемъ смотритъ на ея борьбу съ „конемъ“.

Она же,—въ отчаяннѣ,—не вида много спасенія, присѣла на землю, и съ ожесточеніемъ ломаетъ „своего коня“.

Тѣмъ временемъ „сестренка“ преспокойно мчитъ на своей вѣткѣ къ „калинкѣ“, которая выдѣляется среди зелени, точно пушцовый букетъ.

*

— Ты сломала своего коня?.. Какимъ образомъ? Покази, можетъ-быть, можно связать?

И „сестренка“, искренно опечаленная, начинаетъ осматривать вѣтку.

А старшая сестра между тѣмъ ежеминутно поглядываетъ въ сторону дома.

— Не знаешь ли ты, кто тотъ господинъ, который сейчасъ проѣхалъ?

Сестренка пожимаетъ плечами. Что за вопросъ? Какое ей дѣло до того „господина“?

— Фатинка какой-нибудь! — отвѣчаетъ она, смѣясь.—А можетъ-быть, по дѣлу къ намъ!

Но старшая сестра продолжаетъ все смотрѣть своими синими, мечтательными глазами въ сторону усадьбы.

— Миѣ кажется, — говоритъ она:— въ прошлое воскресенье мы видѣли его въ костелѣ; онъ стоялъ противъ алтона въ свѣтломъ, пенельнаго цвѣта, костюмѣ.

Сестренка усмѣхается и снова пожимаетъ плечами.

— Можетъ-быть... Вѣдь, и „фатинки“ тоже ходятъ въ костель, а то късѣдъ не далъ бы имъ отпущенія грѣховъ... Наконецъ, какое тебѣ дѣло до него?.. Идемъ лучше искать новаго коня, а то на этомъ инвалидѣ до дому не доведешь!

Старшая сестра принимается пскать, но уже далеко не съ прежнимъ усердіемъ.

Вдругъ слышится шумъ раздвигающихся вѣтвей кустарника, и между ними показывается сѣдая голова стараго лакея.

— Господа просятъ старшую барыню въ гостиную.

Старшая барыня еще гуще краснѣетъ.

— Хорошо, приду!

Потомъ, обращаясь къ сестренкѣ, прибавляетъ:

— Подожди меня здѣсь, Магда... Я сейчасъ вернусь..

И, зардѣвшись, какъ макъ цвѣтъ, она быстро бѣжитъ къ усадьбѣ.

Сестренка возвращается къ своимъ „лошадкамъ“ и, чтобы убить время, начинаетъ подбирать на землѣ обеспаившуюся калину. Вотъ она набрала уже много калины, больше, чѣмъ можетъ вмѣстить ея карманъ, и безпрестанно поглядываетъ въ сторону усадьбы, терпѣливо выжидая, скоро ли вернется старшая сестра.

Вотъ уже солнце начинаетъ отбрасывать косые лучи, синева неба принимаетъ красноватые оттѣнки. Въ воздухѣ становится все тише и тише; но еще не слышно возвращенія стада изъ-за лѣса.

Зато рубка дровъ прекратилась; крендельки уже некутси; сегодня они будутъ вкусные, разсыпчатые... Сестренка присѣла на землю, и ея улыбающіяся губки постепенно принимаютъ серьезное выраженіе. Внезапная грусть овладѣла ею; въ первый разъ въ жизни она чувствуетъ себя такой одинокой, такой покинутой. Прижавъ къ себѣ обѣ вѣтви съ бубенчиками, и свою, и сестриную, сломанную, которую связала носовымъ платкомъ, она тихо склонила головку къ этимъ вображаемымъ лошадкамъ и, опершись на нихъ, смотритъ на усадьбу, смотритъ безъ усталости.

Ждетъ...

II.

— Поѣдемъ мы сегодня кататься?

— Нѣтъ.

— О!.. почему?

Сестренка подходитъ къ креслу, на которомъ сидитъ ея старшая сестра.

— О, Ядвига, хотъ до лета...— проситъ она, складывая загорѣлыя ручонки.

Но Ядвига только склонила на руку головку, сегодня почему-то особенно старательно причесавшую и съ подвитой челкой надъ затуманившимся челомъ.

— Нѣтъ, Магда... миѣ не хочется... голова болитъ.

— Мы уже пять дней не катались... „Лошадки“ совѣтъ застоялись... имъ нужно проѣхаться.

— Повзжай на нихъ одна.

— Нѣтъ, безъ тебя я не могу, не умю!

И сестренка кладетъ голову на колѣни Ядвиги, которая разсѣянно гладитъ ее по расстравившимся волосамъ, а сама не сводитъ глазъ съ дороги, которая бѣлой лентой стелется и вьется среди моря золотистыхъ колосьевъ ржи.

Теперь по дорогѣ плетутся волны съ пустымъ возомъ. Молодой погонщикъ громко ихъ попускаетъ, возъ скрипитъ такъ, что слышно даже у нихъ въ мезонинѣ. Ядвига тихо вдыхаетъ. Сложивъ на груди руки, она снова принимается смотрѣть на дорогу и смотреть до того, что у нея даже въ глазахъ начинаетъ рябитъ.

А сестренка, между тѣмъ, льнетъ къ ея колѣнямъ.

Кто такъ внезапно измѣнилъ ея Ядвигу? Кто отнялъ веселость „старшей“, почему Ядвига уже не гарцуетъ по аллеямъ сада на лошаdkѣ изъ липовой вѣтви, въ сбруѣ изъ красной тесьмы, обшитой бубенчиками? Почему Ядвига не вырѣзываетъ большіе куколь изъ бумаги, не подделываетъ къ нимъ подставка, не одѣваетъ ихъ въ бумажныя платья, не развѣшиваетъ на оконѣ и не напѣваетъ мотивовъ кадрили, когда она—„сестренка“—передвигаетъ ихъ по всемъ правиламъ фигуръ конгрданса? Почему волчки, мячки, серсо, когята, крендельки, и много другихъ утѣхъ, которые прежде заставляли „старшую“ такъ весело смѣяться,— вотъ уже двѣ недѣли забавляютъ только „сестренку“ и то не попрежнему?

Если за послѣднія двѣ недѣли Ядвига иногда и уступаетъ желаніямъ своей сестренки, берется за куклы, то уже развѣшиваетъ она ихъ какъ-то машинально и при этомъ сентиментально напѣваетъ мотивы кадрили. Зато по вечерамъ она часто становится у окна и смотритъ на звѣзды. Разъ бонна Магды, пѣмка Мина, даже не на шутку разсердилась за то, что Ядвига открываетъ окно по ночамъ.

— Сестренка простудится!—проворчала пѣмка.

Ядвига затворила окно, но еще долго продолжала смотрѣть на небо черезъ стекло. Сестренка, укладывая спать куколь, искоса поглядывала на нее. На что смотритъ старшая? Что она видитъ тамъ, вверху? Если что-нибудь интересное, то почему она не подзоветъ ее, Магду, и не подѣлится съ ней тѣмъ, что ее занимаетъ?

Но теперь Ядвига уже по цѣлымъ днямъ сидитъ у окна въ своей комнатѣ, и смотритъ на дорогу, хотя солнце ослѣпительно-ярко свѣтитъ надъ полями. Напрасно Магда старается уговорить ее „ѣхать кататься“.

— Голова болитъ!—отвѣчаетъ опечаленная дѣвушка.

— Поиграемъ въ куклы...—предлагаетъ сестренка.

Но и на это въ отвѣтъ Ядвиги отрицательно качаетъ головою.

Магда бѣжитъ въ свою комнату и, минуто спустя, возвращается съ листомъ картона.

— Смотри! — говоритъ она, видимо очень довольная:— вотъ эготъ, въ шоколадномъ костюмѣ, какъ двѣ капли воды, похожъ на того фатинку, который недѣли двѣ тому назадъ былъ здѣсь... Помнишь, въ тотъ день, когда ты сломала своего коня.

Ядвига ничего не отвѣчаетъ, только личико ея покрывается румянцемъ.

— Не помнишь? — продолжаетъ шептать сестренка:— онъ былъ въ такомъ голубомъ плащѣ и ѣхалъ въ коляскѣ, запряженной четырьмя буланками. Неужели не помнишь?

Опершись на колѣни сестры, она пристально заглядываетъ ей въ глаза.

— Помню!—съ запиской отвѣчаетъ наконецъ Ядвига.

— Ну, такъ вотъ, взгляни на этого, въ коричневомъ костюмѣ... вылитый тотъ фатинка, такой же длинный носъ, такое же усатое, желтое лицо... Ей-Богу, правда!

Но Ядвига съ гнѣвомъ оттолкнула ее отъ себя.

— Вздоръ болтаешь, не подумавши, — запальчиво говоритъ она, роняя на полъ листъ съ куклами:— Синицкій очень красивый, и я прошу тебя никогда не называть его фатинкой.

Она немножко спохватилась и быстро добавила:

— И не говори никогда: „ей-Богу!“ Возитесь—грѣхъ...

Сестренка стоитъ ошеломленная.

Въ первый разъ въ жизни „старшая“ такъ рѣзко, такъ сурово обонлась съ ней; въ первый разъ въ жизни оттолкнула ее отъ своихъ колѣнъ.

Личико ребенка поблѣднѣло, потомъ вдругъ покраснѣло. Она крѣпко сжала кулаки, чтобы не раслакатся, но слезы неудержимо навертываются на сафировыхъ глазкахъ и, словно жемчужины, катятся по щекамъ.

„Старшая“ видитъ эти слезы, и вдругъ ея глаза также подергиваются влагой. Уже пѣсколько дней ее дунать слезы; сердце болитъ; она нигдѣ мѣста себѣ не можетъ найти. Ей не хотѣлось бы плакать, но меньшая плачетъ, а слезы заразительны, въ особенности, когда онѣ уже тутъ какъ тутъ, подъ вѣками.

Ядвига протягиваетъ руки, и Магда кидается къ ней на грудь.

Онѣ цѣлуются и плачутъ, плачутъ и цѣлуются, а слезы текутъ на пряди золотисто-пенельныхъ волосъ. И вотъ, старшая съ тоской, нервно прильнула къ худенькой шейкѣ сестренки, а та, счастливая этимъ примиреніемъ, сираниваетъ сквозь рыданія:

— Ядвига меня любитъ!

Итальянская художественная выставка въ С.-Петербургѣ. „Мирные переговоры“.
Съ картины Н. Нани по фотогр. Бр. Карбини грав. Ю. Шюблеръ.

- Любить!
- И... не сердитесь?
- Нѣтъ, моя милая!
- А будетъ со мной играть?
- Будетъ!

Слезы приносятъ облегченіе.

Обѣ дѣвушки утираютъ глаза. Плачь ихъ не обезобразилъ, только носики немножко покраснѣли. Магда старательно причесываетъ за диванъ каргоновый листъ съ „фатинкой“ — Синицкинь,—виновникомъ ссоры, и поспѣшно расставляетъ въ шеренгу другихъ куколъ, наряжаетъ ихъ, расправляетъ помпезныя платья изъ папирной бумаги.

Идвигъ приближается къ окну.

Она беретъ въ руки одну изъ куколъ, укрѣпляетъ ее на подставкѣ, потомъ выбрасываетъ за окно нѣсколько мертвыхъ мухъ, валяющихся на нескѣ.

Магда, обрадованная, воодушевленная, со слѣдами слезъ въ ямочкахъ щекъ, начинаетъ представление.

— Вотъ вдова Сегайло, а вотъ ей четыре дочери. Одна—лѣшвал, другая—лакомка, третья—завистливая, а четвертая—очень добрая. Мать ихъ собирается ѣхать въ Житомиръ, и беретъ съ собой трехъ дочерей, тѣхъ злыхъ...

— Нѣтъ!.. не такъ!..—говоритъ Идвигъ, опускается на колѣни около окна.—Пусть Сегайло не будетъ вдовой. Нужно, чтобы у нея былъ мужъ.

Магда оборачивается и разводитъ руками.

— Откуда же его взять?—спрашиваетъ она.—Все наши фатинки совсѣмъ молодые. Вотъ, если бы какому-нибудь изъ нихъ намазать усы и бороду чернилами... Какъ ты думаешь, Идвигъ?

Но Идвигъ не слушаетъ...

Она быстро, съ пылающимъ лицомъ, поднимается съ колѣнъ и напряженно, со всѣхъ силъ, смотритъ сафировыми глазами на дорогу.

Далеко-далеко виднѣется облако пыли.

Это облако быстро приближается, и уже показываются двѣ переднихъ булавокъ, далѣе—двѣ другихъ, затѣмъ—коляска съ кучеромъ и лакеемъ, и наконецъ въ экипажѣ—неясная фигура, закутанная въ голубоватый плащъ.

Магда поднимаетъ голову и смотритъ въ ту сторону, откуда слышится стукъ экипажа. Она тотчасъ же узнаетъ булавокъ, коляску и самого „фатинку“.

Ей хочется закричать, засмѣяться, но она тотчасъ же вспоминаетъ взрывъ гнѣва Идвигъ, и ужъ молчитъ, не смѣетъ взглянуть на сестру, переступаетъ съ ноги на ногу, кусаетъ губы и моргаетъ глазами.

А Идвигъ уже около своего туалетки. Она осторожно прикладываетъ платокъ къ глазамъ, стараясь стереть съ нихъ слѣды слезъ. На-скоро привела въ порядокъ развѣшавшуюся челку, она одергиваетъ блузку, расправляетъ бантики на костѣ.

Глаза ея блестятъ, губки улыбаются. Коляска уже подъѣзжаетъ къ крыльцу.

Сестренка смотритъ на Идвигъ съ удивленіемъ и все еще стоитъ у окна съ бумажной куклой въ рукахъ, ожидая продолженія игры.

Стукъ! Стукъ!

Изъ-за двери высовывается сѣдая голова стараго лакея.

— Господа просятъ старшую барышню въ гостиную.

— Сейчасъ приду!

И Идвигъ заглядываетъ еще разъ въ зеркало, обтигиваетъ челку, поправляетъ челку и быстро, легкими шагами бѣжитъ къ дверямъ.

Она исчезаетъ, не взглянувъ на сестренку, не кинувъ ей ни слова, ни улыбки...

Влюбленные—эгоисты!

Магда опускается на край диванчика и начинаетъ быстро моргать глазами. Слова сию овладѣваетъ такая же тоска, какъ въ прошлый разъ въ кустахъ орѣшника.

Она опустила головку, но не плачетъ, только сѣдилась, какъ будто сдѣлалась еще меньше.

Сафировые глазки устремлены на дверь, за которой скрылась ея сестра, и эти сафировые глазки, подъ золотистой маской волосъ, похожи на два василька въ свѣже-сжатомъ снопу пшеницы.

Ждетъ...

III.

Сестренка брошена къ „старшей“ съ крикомъ отчаянія:

— Я не хочу!.. я не хочу!—кричитъ она, прижимаясь къ ея рукамъ и колѣнамъ.

Идвигъ успокаиваетъ, какъ можетъ, взволнованную сестренку. — Не плачь... не кричи... папа и мама услышатъ, будутъ сердиться... Что-жъ съ того, что я выйду замужъ? Ты всегда останешься моей любимой, дорогой сестренкой.

— Нѣтъ, — возражаетъ Магда: — у тебя будутъ дѣти, и ты ужъ не будешь меня любить.

Идвигъ снисходительно улыбается.

— Откуда ты знаешь, что Богъ дастъ мнѣ дѣтей?—говоритъ она, глядя расстравленные волосы младшей. — Это еще неизвестно.

— Наоборотъ,—вспыскивал, говоритъ Магда:—всѣмъ барыш-

нямъ, какъ только онѣ выйдутъ замужъ, анетъ приносить маленькихъ дѣтокъ.

— Такъ, вѣдь, они будутъ только мои дѣти, — объясняетъ Идвигъ:—а ты всегда останешься моей сестренкой...

— Охъ... — вздыхаетъ Магда:—наша мама насъ любитъ больше, нежели тетю, которая замужемъ за предводителемъ...

— Не бойся, я буду тебя больше любить.

— Но ужъ не будешь со мной играть...

— Наоборотъ, буду играть; скоро мы приѣдемъ сюда съ мужемъ погостить.

Магда немножко успокоилась, но у Идвигъ явилась вдругъ злопрудная мысль упоминуть о своемъ женихѣ.

— Наконецъ,—съ улыбкой сказала она:—Синицкій будетъ любить тебя такъ, какъ если бы былъ твоимъ братомъ. Ты и для него будешь сестренкой.

Магда въ ужасѣ отскочила отъ колѣнъ сестры.

— Сестренкой?—крикнула она.—Его сестренкой? Никогда! Никогда! Я для него чужая, совсѣмъ чужая! Я его ненавижу! ненавижу!

И она бросилась на диванъ, истерически рыдая и разрагивая всѣмъ тѣломъ.

Идвигъ, при видѣ такого отчаянія, вся точно застыла.

Неужели же всегда такъ бываетъ, что за свое счастье приходится платить несчастьемъ другого, хотя бы такого маленькаго сердечка?

И съ этой тяжелой мыслью она поперхивала на пальцѣ обручальный перстенецъ, съ огромнымъ сафиромъ, темнымъ, какъ ея глаза, и окруженнымъ брилльянтами, блестящими, какъ слезы сестренки.

Это была первая мучительная рана, нанесенная ей юному сердцу.

Со двя помолвки Идвигъ, сестренка вяла на себя тяжелую миссію. Въ ея головкѣ твердо заѣла мысль, что Синицкій (вѣдь, онъ чужой) можетъ причинить какое-нибудь зло Идвигѣ, и потому она должна оберегать сестру отъ грозившей ей опасности.

И вотъ она повсюду слѣдуетъ за ними, вездѣ, какъ тѣнь, появляется третьей между этой нарочкой, которая по обыкновенію старается отдалиться отъ всего рода людского и уединиться въ укромномъ уголкѣ.

Первое время все идетъ прекрасно.

Робкая, застѣнчивая Идвигъ сначала какъ бы побаивается оставаться наединѣ съ женихомъ. Присутствіе „сестренки“ является для нея большимъ облегченіемъ и кажется необходимымъ. Она сама зоветъ ее, привлекаетъ къ себѣ, ведетъ за руку.

— Магда!.. Иди съ нами!

Синицкій также очень внимателенъ къ Магдѣ. Привозитъ ей коробки конфетъ, старается съ ней подружиться, вкрасться въ ея расположеніе. Но она не доверяетъ ему, смотритъ на него угрюмо, исподлобья. Она все время кажется недоволенной и, удѣлившись за платье „старшей“, слоняется, какъ тѣнь, за влюбленной нарочкой.

Мало-по-малу отношенія измѣняются.

Идвигъ все болѣе и болѣе набираетъ смѣлости и сближается со своимъ женихомъ.

Но между ними вѣчной моральной и матеріальной преградой становится сестренка, удерживая ихъ отъ самой невнятной ласки, отъ малѣйшаго сердечнаго изліанія.

Терпя терпѣніе, онъ пытается хоть на время устранить ее. — Можетъ-быть Магда немножко побѣгаетъ?

Но Магда цѣпляется за руку старшей и даже не смотритъ въ сторону „будущаго девера“.

Главнымъ образомъ ее поражаетъ теперь молчаніе Идвигъ.

Прежде она навѣрное сказала бы:

— Нѣтъ, пусть Магда останется съ нами! — а теперь молчитъ, краснѣетъ, улыбается, но все-таки молчитъ.

Спустя нѣсколько дней удивленіе Магды еще болѣе усиливается.

Идвигъ сама, съ нѣкоторой нерѣшительностью въ голосѣ, совѣтуетъ:

— Можетъ-быть Магда немножко побѣгаетъ.

И рука Идвигъ тихою подталкиваетъ младшую сестру по направленію къ аллеѣ.

Магда, чувствуя себя оттолкнутой, послушно дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ. Она не бѣжитъ, а идетъ, не торопясь, поглядывая бокомъ на Синицкаго.

Вдругъ она останавливается и оборачивается.

Она видитъ, что Синицкій приближается къ Идвигѣ съ протянутой рукой.

Моментально, однимъ прыжкомъ, она становится между ними и сестрой, крѣпко прижавшись къ ней сбоку.

Ея сердечко на мгновеніе перестаетъ биться. Что ему нужно было отъ Идвигъ? Зачѣмъ онъ протянулъ руку? Можетъ-быть хотѣлъ ее ударить? Толкнуть? Убить?..

Прошло еще нѣсколько дней. Синицкій и Идвигъ уже явно начинаютъ отъ нея сторониться; достаточно ей войти въ одніи двери, чтобы они поспѣшили выйти въ другія. Но сестренка терпѣливо борется съ этимъ новымъ положеніемъ вещей. Она неустанно слѣдуетъ за ними, бѣгаетъ по всему дому, даже

заглядывает за пюпитр, за шамейки, на которых расставлены цветы, за плюшевые ширмочки. Въ саду, все раскрасившись и задыхаясь, она носится по аллеям и ускоряет шаги, какъ только увидитъ свѣтлое платье сестры и ненавистную фигуру „деверя“.

Они съ своей стороны также мѣняютъ тактику. Завидѣвъ ее издали, они торопливо поднимаются съ мѣста и скрываются за деревьями. Но она не упиваетъ; она снова находитъ эту парочку влюбленныхъ, шепчущихъ по уголкамъ то, что они вполне могутъ высказать громко хоть среди тысячи людей.

Но для нихъ эта таинственность, это сознание, что они „наединѣ“, имѣетъ свою особую прелесть, и главнымъ образомъ для Ядвиги.

Въ одинъ прекрасный день они запропастились такъ, что Магда никакимъ образомъ не могла ихъ отыскать. Всего за часъ до того она видѣла голубое платье сестры и ненавистную фигуру Синицкаго возлѣ ограды сада, но они вдругъ скрылись отъ нея такъ внезапно, словно сквозь землю провалились. Напрасно она искала ихъ въ саду, потомъ, разсудивъ, что можетъ-быть они вернулись домой, она обѣгала всю усадьбу, но влюбленной парочки нигдѣ не могла найти.

Однако, она опять выбѣгаетъ на крыльцо и снова бѣжитъ въ сторону сада.

Осенній день выдался на рѣдкость знойный и удручливый, но Магда, безъ разбору, бѣжитъ по аллеямъ и по лужайкамъ, подталкиваемая отчаяньемъ, съ сердцемъ, переполненнымъ горемъ и жалостью. Мысль объ опасности, которой подвергается Ядвига, вызываетъ въ ней смертельную тревогу. Терпѣ и ренейникъ цѣпляются за ея волосы и сквозь тонкую ткань чулокъ колютъ до крови ея нѣжное тѣло.

Но она не обращаетъ вниманія на боль, на уколы, — вѣтви орѣшника бьютъ ее по лицу, царапаютъ ея обнаженные плечи, но она бѣжитъ дальше, захывавшись, все въ испаринѣ, и ищетъ глазами голубое платье сестры.

Вдругъ она запримѣтила его... Но далеко, ахъ, какъ далеко! за стѣной кустовъ крыжовника, съ которыхъ уже начинаются опадать листья. Магда останавливается, съ сильно бьющимся сердцемъ. Ея Ядвига жива и здорова. Она оживленно разговариваетъ, помахивая бѣлымъ зонтикомъ. Магда въ первый разъ воздерживается отъ открытаго приближенія. Она осторожно и незаметно ползаетъ почти по землѣ, скрываясь въ канавкахъ или за кустиками смородины, и тихонько подкрадывается къ сидѣнціи въ кустахъ нарочка. Она уже по опыту знаетъ, что, показавшись она прямо имъ на глаза, они сейчасъ же отъ нея убѣгутъ, скроются безслѣдно.

Она уже не далеко отъ нихъ. Крапива жжетъ ей руки, и бѣднѣжкѣ ежеминутно приходится останавливаться, чтобы потереть покрывающіяся волдырями плечи. Волосы, смоченные потомъ, прилипли къ ея лбу.

Она ползаетъ дальше въ травѣ и вдругъ останавливается. Она рѣшается подняться на ноги и однимъ прыжкомъ очутиться возлѣ колѣвъ Ядвиги.

Старшая сестра сидитъ, небрежно опершись на большой камень, который въ прежнія счастливыя времена былъ перепесенъ по желанію обѣихъ сестеръ подъ кустъ крыжовника и служилъ имъ столомъ, во время игръ, когда смородина и недозрѣлый крыжовникъ служили яствами пышнаго шара. Теперь Ядвига не думаетъ о крыжовникѣ и польховыхъ листьяхъ, которые въ такихъ случаяхъ замѣняли фарфоровые сервизы, но съ улыбкой на губахъ и съ устремленными вдаль глазами слушаетъ сидящаго съ ней рядомъ Синицкаго.

Вдругъ она оглядывается, хочетъ встать, складываетъ зонтикъ.

— Пойдемте!

Но она съ мольбой удерживаетъ ее.

— Ахъ, вѣтъ, еще минутку... намъ такъ рѣдко удается быть наединѣ, безъ надзора аргусовыхъ глазъ Магды.

Оба смѣются.

— Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ Ядвига. — Магда становится несносной.

Магда слышитъ эти слова, блѣднѣетъ; губы ея дрожатъ.

Несносной?.. Она?.. И это говоритъ о ней Ядвига! Ядвига, которую она ищетъ вотъ уже два часа, ползая среди терна, ренейника и крапивы? Ядвига, снасти которую она снѣшить съ такимъ самопожертвованіемъ.

Горечь, наполняющая ея сердце, начинаетъ уже нерелпваться черезъ край. Слезы душатъ Магду.

Но вдругъ въ ней просыпается чувство собственнаго достоинства и желаніе исполнить долгъ.

Съ живостью коготка она подлетаетъ къ пораженной Ядвигѣ и, уцѣпившись за ея платье пернво стиснутыми пальцами, говоритъ:

— Пожаайте кунать!

И изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, словно вдругъ постарѣвшая послѣ этого удара, нанесеннаго ей въ самое сердце, она угрюмо смотритъ въ землю.

IV.

Стоитъ октябрь мѣсяць.

По времени — осень; а на дворѣ почти совсѣмъ лѣто. Воз-

духъ даже серебрится отъ бѣлыхъ нитей паутины, голубое небо чуть-чуть подернулось желтоватымъ отливомъ, а деревья еще не утрагали всѣхъ своихъ листьевъ, хотя уже порядочныя груды ихъ лежатъ на землѣ.

Въ часовнѣ, находящейся въ концѣ сада, въ маленькой деревянной, окрашенной въ сѣрый цвѣтъ, часовнѣ съ большимъ образомъ Божіей Матери надъ алтаремъ, зажжено множество свѣчей, и все она украшена гирляндами хвойной зелени, распространяющей кругомъ свой живительный аромат, который, вырываясь изъ открытыхъ оконъ, уносится вверхъ, къ небесамъ.

Стѣны часовни украшены не одной только хвойной зеленью, но еще цѣлыми пучками лиловыхъ, желтыхъ и бѣлыхъ астръ, пестряющихъ словно разноцвѣтные звѣзды, съ ихъ расходящимися, на подобіе лучей лепестками.

И все дорожка отъ дома до часовни, дорожка, по которой должны пройти молодые, усыпана бѣлыми и розовыми лепестками этихъ цвѣтовъ.

Въ домѣ окна отворены настежь, на балконѣ между колоннами, окаймленными фестонами зелени, мелькаютъ дамы въ шелковыхъ платьяхъ и въ кружевныхъ накидкахъ, мужчины во фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ.

Группы такихъ же дамъ и такихъ же мужчинъ наполняютъ салоны. То тамъ, то здѣсь раздается смѣхъ барышень, одѣтыхъ въ бѣлыя, розовыя и голубыя платья. Ежеминутно подбѣгаютъ новыя экипажи, изъ которыхъ высаживаются дамы, шлепая шелкомъ. Далеко издали посреди салона виднѣется сѣдая голова ксендза и его бѣлая доминиканская ряса. Это старый другъ дома. Онъ будетъ совершать обрядъ вѣчанія. Теперь же онъ бесѣдуетъ съ представителями мѣстной аристократіи, которые слушаютъ его, наклоняя головы.

Тѣмъ временемъ въ мезонинѣ, въ комнатѣ Ядвиги слышно громкое всхлипываніе. Это невѣста горючими слезами приговариваетъ къ вступленію въ замужество. Она плачетъ ужъ со вчерашняго дня. Распухли ея синенькіе глазки, распухъ хорошенькій носикъ. Она знаетъ, что этотъ чрезмѣрный плачь ее безобразитъ, однакоже не можетъ удержаться отъ слезъ. Загннутая въ корсетъ, завитая, въ шелковыхъ чулкахъ въ первый разъ въ жизни, въ своихъ бѣлыхъ шелкахъ и подвѣчной фатѣ, она стоитъ передъ своимъ дѣвичьимъ туалетикомъ, который для такого торжественнаго случая убралъ бѣлымъ тарлаганомъ, бантами и двумя серебряными канделябрами безъ свѣчей, и плачетъ, плачетъ такъ, какъ будто этотъ плачь входилъ въ неотъемлемый ритуалъ свадебнаго торжества.

За минуту передъ тѣмъ изъ комнаты вышла мать, положившая подъ вѣнчалый вѣнокъ червонецъ, традиціонный червонецъ, лежавшій въ комодѣ со времени ея свадьбы.

Ядвига немнужно успокоилась; мать ушла, оставивъ ее одну. Нѣтъ, не одну, такъ какъ въ уголку притаилась другая неслучайная крыница слезъ.

Это Магда, въ голубомъ кисейномъ платьѣ, съ китайской куафурой, въ голубыхъ фильдекосовыхъ чулочкахъ и атласныхъ голубыхъ туфелькахъ.

И она плачетъ, плачетъ, всхлипывая, глотая слезы. Она смотритъ сквозь слезы на это отчаянье сестры, смотритъ и понять не можетъ, зачѣмъ Ядвига идетъ за „того“, если это доставляетъ ей такое горе?

Потихоньку выстуная изъ своего уголка, она подходитъ къ сестрѣ, которая, всхлипывая, натягиваетъ перчатки.

— Ядвига! — говоритъ „сестренка“.

При звукѣ этого жалобнаго голоса, Ядвига бросаетъ перчатки и хватаетъ Магду въ объятія.

Цѣлуются и плачутъ.

Плачутъ и цѣлуются, обливая слезами легкую фату, которая замѣшивается между ихъ губами.

Наковецъ у Магды среди рыданій вырывается крикъ:

— Ядвига!.. не женись, если не хочешь!.. Оставайся со мной попроще!.. Не женись!.. моя дорогая!

Ядвига выпускаетъ сестренку изъ объятій и, глядя на нее сквозь слезы, улыбается.

— Ахъ, ты, глупенькая!.. — говоритъ она, качая головкой въ бѣлоснѣжномъ вѣнкѣ.

*

И не только Ядвига „женится“, но еще сестренкѣ пришлось проводить подъ руку ненавистнаго жениха черезъ весь садъ до часовни, вплоть до самаго алтара. Идя по дорожкѣ, усыпанной ибѣжными лепестками астръ, она со слезами на глазахъ смотрѣла на плечи сестры, которая шла впереди, въ сопровожденіи двухъ „фатинекъ“, съ опущенной головой, точно овечка, которую ведутъ на закланіе. Женихъ, наоборотъ, веселый, улыбающійся, въ повеселкой съ гололочки фрачной парѣ, былъ особенно любезенъ съ „сестренкой“, которую даже приподнял съ земли и крѣпко поцѣловалъ. Магда воспыкала гнѣвомъ, хотѣла закричать, что она ея „чужой“, и ужъ достаточно того, что она загубила старшую, а она, Магда, не жалеетъ ни о чемъ ничего общаго, — но не успѣла; свадебный кортежъ началъ выстраиваться; мужчины полагали руки дамамъ, а она, какъ дружка, должна была уцѣпиться за локоть жениха.

Она довела его до алтара, и во все время церемоніи вѣн-

Маленькіе труженики. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) и. Ижакевича, автотипія „Нивы“.

Игра въ поло. По рис. Г. Селлингъ, автотипія „Нивы“.

чания слезы катились из ее глаз, а она быстро смахивала их пальчиками. Ее сильно удивило то, что Ядвига перестала плакать, а когда уже отходила от алтаря, лицо ее сияло и улыбалось.

Как прошел обед, Магда не помнит. Она сидела в конце стола с боной и, несмотря на огорчения, кушала с большим аппетитом.

Ядвига возедала на главное место и не только не плакала, но казалась даже очень веселой.

„Тосгов!“ было много, и Магда каждый раз обмакивала губы в стоявшую перед ней рюмку. Это было кисло-сладкое вино, шипящее и искрившееся в плоском стакане. Магда оно очень понравилось.

Мало-помалу перед глазами Магды закружилась столовая. Она слышала, как выкрикивали „здравлицы“.. Потом произошло легкое шумя, в последний раз чокались рюмками, букеты огней сверкали в канделябрах. Наконец, начали вставать из-за стола. Магда также поднялась, но заматалась и оперлась на стул. В конце концов ей удалось твердо стать на ноги, и она вышла вместе с толпой гостей, которая разошлась по комнатам.

Магда, скрестив руки на груди, остановилась посреди салона. События минувшего дня отрывками проносились в ее голову. Она оглянулась кругом.

В амбразуре окна, за завесками из красного дамаса, она заметила белое платье сестры и стоявшего около нее Синицкого.

Вспомнив своему долгу, она решила не оставлять „старшей“ ни на минуту.

И вот, она направилась к „молодым“, выискивая зигзиги на скользком паркете.

Потом, по старой памяти, она уцепилась за руку старшей сестры, становясь между нею и ее мужем, как солдат, ни на минуту не покидающий своего поста.

Ядвига, наклонившись, поцеловала в лоб разгоряченную головку девочки и мягко сказала:

— Иди, Магда, забавляйся с гостями.

— Забавляйся с гостями! — повторил Синицкий.

Но она отчаянно, с неприкрытым упрямством уперлась на шатающихся ножках и не отходила.

И трудно было растолковать ей, что теперь Ядвига может безопасно остаться с папой Синицким не только в амбразуре окна, но хоть на краю света.

Пришлось силой оторвать ее от руки сестры. Плачущую и стрезвившую, ее отвели в мезонин. Там, в утешение, ее уложили на постель „старшей“, которую с этих пор должна была занимать она.

Тем временем, как гости внизу танцуют под звуки оркестра, скрытого под окнами, Магда лежит, покрытая голубым камешковым одеялом, лежит и дышит. Она знает, что около полуночи „старшая“ должна уехать с мужем, уехать далеко на буланках, в коляске, обитой синим сукном, уехать сперва на станцию, а потом по железной дороге, далеко, в Италию, в Париж.

Перед отъездом Ядвига должна придти ее поцеловать. Она торжественно дала слово там, в салоне, когда боная вводила умиравшуюся Магду.

Магда вздыхает и задумывается над несчастной судьбой Ядвиги. Поидет ночью, одна, с этим противным „фатинкой“! Как она с мамой могли согласиться на это: — отпустить Ядвигу с „ним“ в такой далекий путь, в какую-то Ниццу, в какой-то Париж? Отчего они не велели ей, Магд, ехать с ними?

Все это происходит в ее разгоряченной головке.

Тем временем внизу, в комнате матери, Ядвига переменяет свое белое шелковое платье на скромный дорожный туалет. Она слышит. Уже двенадцать часов ночи, а до станции семь верст. Муж уже несколько раз подходил к двери, просил ее поторопиться.

Наконец, она готова. Надбавляет перчатки, накидывает на плечи дорожный шотландский плащ, целует руки родителей, потом хочет ехать в мезонин.

— Куда ты?

— Прощаться с сестренкой!

— Оставь, пожалуйста!.. Магда уже давно спит; не буди ее!.. Садись в коляску.. а то опоздаешь.

После объятий, поцелуев, Ядвига, со слезами слез матери на лбу, садится в коляску и опять оборачивается:

— Скажите Магд, что..

Но буланки уже тронулись с места. Синицкий заключает в объятия свою „жену“.

Наконец, они одни!..

В „мезонин“ свеча, поставленная в тазу с водой, догорает.

Но Магда не спит; она глаз не сводит с дверей, в которых должна войти „старшая“, чтобы ее поцеловать на прощанье, перед долгой разлукой.

Ждет.

V.

— Где Магда? — спрашивает Ядвига, поздоровавшись и расцеловавшись с родителями.

Магда стоит в уголку, всыпавшая румянцем, немощно смущенная, и из-под нахолодившей челки смотрит на сестру.

Та подбегает к ней, хватая ее в объятия, целует и всматривается в изменившееся личико девочки.

— Магда похудела, — говорит она, качая головой.

Синицкий также хочет поцеловать сестренку, но она быстро, словно угорь, выскользнула из его рук и убежала в мезонин.

— Что с ней случилось? — спрашивает Ядвига.

— Не знаю, — отвечает мать: — разлука с тобой сильно на нее повлияла.. Она сделалась серьезной, не хочет ни бегать, ни играть, худеть.. Мы уже думаем отдать ее в пансион.. Все входя в дом, завязывается веселая беседа, прерываемая смехом. Ядвига значительно похорошела, сделалась солиднее.

Молодой супруг выпускает на себя „серьезность“. Его успевают войти в дом, он объявляет, что отчаянно скучал за границей по деревне, по „хозяйству“, и этим заслуживает одобрение тестя.

Подают чай, крепдельки, желтое масло в хрустальной маслянке.

— Где Магда?

— Убежала в свою комнату.

— Я схожу за ней!..

Ядвига быстро поднимается и, шелестя шелком, бежит вверх.

Магда сидит у замерзшего окна, закутанная в шаль, и уныло смотрит вдаль.

— Магда, что же ты не идешь пить чай?

Ядвига стоит перед сестрой и не смеет к ней приблизиться. Девочка кажется грустной, надутой и сидит неподвижно на своем низком плетеном кресле.

— Ты на меня сердилась?

Ответа нет.

Ядвига опускается на колени и обнимает сестренку за талию.

— Скажи, что с тобой? Отчего ты на меня дуешься?

Магда уже не может удержаться от слез.

Она не плакала со дня свадьбы. Узнав, что Ядвига уехала, не простившись с ней, она была глубоко обижена, позатаила в своем маленьком сердечке обиду и скорбь.

Она решила не обращаться к сестре ни с единым словом, когда та возвратится, но теперь, види ее около себя, она не выдержала, сердечко ее таеет.

— Зачем ты женилась? — вырывается у нее крик отчаяния.

Ядвига успокаивает ее, гладит по расстегнутому, как всегда, волосам.

— Что делать? — говорит она, вздыхая. — И ты когда-нибудь выйдешь замуж?..

Но Магда, топнув ногой и сжав кулаки, с страстной запальчивостью крикнула:

— Никогда!

Слабая улыбка скользнула по губам Ядвиги.

— Посмотрим!.. а теперь не будем больше говорить об этом.. Хочешь, поиграем в куклы?

На столике около стелы лежит целая груда сваленных в кучу кукол: „фатинки“, чета Сегайло, с четырьмя дочерьми, масса других, целая сотня вырезанных из бумаги и ярко раскрашенных фигурок. Они спокойно дремлют уже более месяца.

Ядвига сама достает эти хорошо знакомые ей карикатуры людей и представляет их на столике около Магды.

На первых порах она делает это быстро, с некрепкой радостью, приветствуя куклу, точно своих старых знакомых.

Потом движения ее руки замедляются; облачко грусти заволакивает мысли. Она оглядывается кругом. Эта комната в мезонине, этот туалетник, письменный столик, постель, все эти неодушевленные предметы говорят ей сердцу, жалуются, что она их оставила, забыла, покинула навсегда.

— Вот, Сегайло, — говорят она взволнованным голосом, которому старается придать веселый тон: — а вот ее четыре дочери, три злые, одна добрая.. Сегайло, жена хорунжаго, собирается..

Она останавливается, умолкает, не может пойти в своем воображении тех фантастических историй, которые несколько месяцев тому назад складывались с такой легкостью. Она берет в руки куклу в кринолин, воображаемую жену хорунжаго, и смотрит на нее из-под нахмуренных бровей.

Однако, она решительно ничего не может добыть из области фантазии.

Дворец грез замкнулся перед ее глазами.

Она обращается к сестренке:

— Будем же играть, Магда!.. Придумай что-нибудь о Сегайло..

Но „сестренка“ также молчит и опускает головку. Нет,

и у нея уже нѣтъ больше фантазіи, и передъ ея воображеніемъ житейская печаль простерла свои черныя крылья.

Слезы не прохладятъ даромъ, нельзя плакать безнаказанно, даже тогда, когда сердечко совсѣмъ маленькое, и кажется, будто слезы текутъ, какъ роса съ листьевъ цвѣтка.

— Будемъ же играть,—повторяетъ Ядвига.

Но объ играть, мечтать и увлекаться вымысломъ уже не удастся такъ, какъ прежде.

Фантазія молодости не выноситъ слезъ, не выноситъ сѣраго гребя, въ который ее окутываетъ житейская дѣйствительность.

Заживо погребенный.

Разсказъ Н. Тейнерта.

Пароходъ, на которомъ мы ѣхали изъ Александріи, привезъ насъ 23-го мая въ Триестъ. Мой пріятель В. поспѣшилъ отсюда прямо въ Вѣну, гдѣ мы должны были встрѣтиться 27-го мая для совмѣстнаго продолженія обратнаго пути на родину; я же остался въ Триестѣ, не желая упускать случая осмотрѣть замѣчательныя пещеры Карста, о которыхъ я столько читалъ и слышалъ.

Препочевая въ Триестѣ, въ „Aquila Nera“, и оставивъ въ гостиницѣ весь свой багажъ, я съ небольшимъ ручнымъ чемоданчикомъ отправился съ первымъ утреннимъ поѣздомъ въ Адельсбергъ, гдѣ сложилъ свои пожитки въ привѣтливой гостиницѣ вдовы Дожя.

Послѣтъв знаменитую Адельсбергскую пещеру, я на слѣдующій день рѣшилъ посѣтить другую, Требичскую пещеру.

Съ утра небо было не особенно ясно, но, успокоенный увѣреніями проводника, что нѣтъ основанія опасаться дурной погоды, я взялъ билеты до станціи Серсаны, ближайшей къ деревнѣ Ордику, откуда туристы обыкновенно направляются къ пещерѣ Требича.

Лишь только адельсбергскій поѣздъ тронулся, мой проводникъ Карлъ спросилъ меня, позаботился ли я достать отъ главнаго инженера триестскихъ водопроводныхъ сооружений пропускъ въ пещеру, и на мой отрицательный отвѣтъ объявилъ, что безъ разрѣшенія инженера насъ въ пещеру не пустятъ. „Впрочемъ,—поспѣшилъ онъ прибавить, замѣтивъ на моемъ лицѣ досаду,—это ничего не значить, день ни въ какомъ случаѣ не потеряшь—мы можемъ осмотрѣть вмѣсто Требичской другую, недавно открытую мною по близости, пещеру, которая чрезвычайно интересна и вполнѣ безопасна для посѣтителей“. Со слѣдующей же станціи я только долженъ-де телеграфировать въ Триестъ; тогда къ вечеру того же дня въ Адельсбергѣ получится нужное намъ разрѣшеніе, которымъ завтра утромъ мы можемъ воспользоваться.

Я одобрилъ этотъ планъ, и мы, вмѣсто того, чтобы ѣхать на Серсану, вышли на первой же станціи и свернули въ сторону отъ полотна желѣзной дороги, по очень интересной и живописной мѣстности.

Пройдя нѣсколько километровъ, мы остановились на краю небольшой скалистой котловины, которыхъ въ Карстѣ дѣлается сотни. Открывшаяся у нашихъ ногъ долина имѣла метровъ пятьдесятъ въ глубину и полтораста въ поперечникѣ. На днѣ блестяло маленькое озеро, въ которое, какъ въ бассейнъ, изливалась воды выходящей изъ-подъ известковыхъ скалъ подземной рѣчки, которая на противоположномъ берегу долины снова пропала подъ горнымъ сводомъ. Тамъ и слѣтъ водный бассейнъ долины обрамлялся узкою полоской берега, по чаще обрамляли его отвѣсно вставившія изъ воды голыя скалы.

Когда же я, спустившись кое-какъ по кручѣ на дно долины, добрался до берега озера, я былъ окончательно очарованъ окружающимъ меня дикимъ ландшафтомъ. Направо, тамъ, гдѣ изъ мрачной расщелины съ громомъ вырывается бурная рѣчка—водооборотъ брызгъ, дѣлалъ хаосъ зеленовато-сѣрой пѣны; налѣво—гладкая лента рѣчки, постепенно темнѣя, терлется въ вѣнцовой безднѣ туннеля; посрединѣ—недвижная на видъ, синія поверхность озера, и все это рисуется на фонѣ известковыхъ скалъ, смѣгчающихъ дневной свѣтъ почти до пѣснаго тона сумерекъ...

Подъ впечатлѣніемъ фантастически дикой обстановки, оглушенный шумомъ водопада, я первая нѣсколько минутъ положительно не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что я чувствовалъ; но потомъ мною все сильнѣе и сильнѣе начало овладѣвать чувство одиночества; мои нервы были приподняты, воображеніе создавало всевозможные прихотливыя образы. Смѣшанный гулъ водопада и плескъ катящейся рѣчки казались тяжелымъ дыханіемъ подземныхъ демоновъ, отдаленнымъ фырканіемъ какого-то отвратительнаго чудовища, скрывающагося на днѣ озера.

Пористый известнякъ горъ Карста можно сравнить съ исполинскимъ рѣшетомъ; я зналъ, что, въ случаѣ выпаденія гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ обильнаго дождя, воды въ долинахъ поднимаются въ какихъ-нибудь 20—30 минутъ на двадцать или тридцать футовъ выше обыкновеннаго уровня. Случись это внезапное наводненіе теперь, наша жизнь подверглась бы опасности. Проводникъ, которому я сообщилъ свои соображенія, успокоилъ меня, говоря, что нѣтъ ни малѣйшаго повода опасаться переменъ погоды. Небо надъ нами—по крайней мѣрѣ: та его часть, которую мы могли видѣть со дна котловины,—было безоблачно. Я стряхнулъ съ себя все смутныя опасенія и предложилъ Карлу немедленно отправиться на осмотръ пещеры.

Мы пробрались черезъ скалы противъ водопада ко входу въ пещеру, вошли въ нее, зажгли двѣ свѣчи и, послѣ пяти минутъ ходьбы вынѣзъ на довольно кругомъ спуску, достигли берега подземной рѣчки. Здѣсь лежалъ опрокинутый челнокъ, въ который мы и сѣли.

Съ большимъ трудомъ перебрались мы, съ помощью двухъ длинныхъ шестовъ, на противоположную сторону бурнаго потока и въѣхали въ узкую расщелину, родъ туннеля, которая чѣмъ дальше, тѣмъ больше суживалась. Скорчившись, чуть не лежа, чтобы не удариться головою, и отталкиваясь отъ стѣнъ руками, мы пробрались дальше. Влѣвавшая намъ навстрѣчу струя холоднаго сырого воздуха потушила наши свѣчи и, окруженный безпроектнымъ мракомъ, я, съ бьющимся сердцемъ, ждалъ, что будетъ.

Внезапный толчокъ чуть не выбросилъ насъ изъ лодки. Оправившись отъ пуга, мы зажгли свѣчи и увидѣли, что насъ прибило теченіемъ къ песчаному берегу въ довольно просторномъ гротѣ; колебавшееся планою двухъ свѣчей позволяло различать лишь неясныя контуры грота.

Мы вытащили челнокъ на сухое мѣсто, проползли на четверенькахъ во второму узенькому коридору и скоро очутились въ обширной пещерѣ, входъ въ которую былъ загроможденъ почти отвѣсными каменными глыбами. Взобравшись по нимъ наверхъ съ помощью дѣснаго, какъ кошка, ловкаго Карла, я увидѣлъ передъ собой, при свѣтѣ нѣсколькихъ зажженныхъ проводникомъ свѣчей, цѣлый лѣсъ сталактитовыхъ колоннъ.

Пройдя шаговъ сто, мы замѣтили, что колонны рѣдѣютъ; вскорѣ онѣ кончились, и мы вошли въ величественную ротонду, вышиною до десяти метровъ, съ куполообразною потолка которой свисали, на подобіе испанскихъ ванделябровъ, причудливыя сталактиты. Идя дальше, мы достигли входа въ галерею, въ началѣ которой Карлъ уже побывалъ раньше. Прежде чѣмъ двинуться дальше, необходимо было застѣнуть свѣчами; имѣвшіеся у насъ свѣчи уже сильно обгорѣли, а потому было рѣшено, что Карлъ пойдетъ сначала за новыми свѣчами, оставившимися въ лодкѣ.

Карлъ пустился въ путь, а я принялся расхаживать, по свѣсна, въ началѣ галереи, поиравать въ карманы огарки свѣчей и, въ видахъ экономіи, довольствовалъ слабымъ мерцающимъ свѣтомъ одной свѣчи. Уставъ отъ ходьбы, я вернулся въ ротонду и сѣлъ на камень въ ожиданіи возвращенія проводника.

Я просидѣлъ, погруженный въ свои мысли, не болѣе пяти минутъ, какъ вдругъ мнѣ послышался отдаленный зовъ. Я собралъ все свои силы и отвѣтилъ громкимъ: „Гей-гей!“ Не знаю, послѣдовалъ ли на это какой-нибудь отвѣтъ, такъ какъ мой голосъ вызвалъ оглушительное эхо, способное поглотить вслѣдъ другой зовъ.

Я внимательно прислушивался, въ надеждѣ услышать шаги возвращающагося Карла. Внезапно моего слуха коснулся протяжный сдавленный крикъ, полный такого отчаянія и ужаса, что кровь застыла въ моихъ жилахъ. Съ минуту я оставался безъ движенія, какъ парализованный; потомъ вскопчилъ съ своего мѣста и бросился бѣжать черезъ ротонду въ пещеру сталактитовыхъ колоннъ. Разумѣется, мой свѣча потасла, меня окружила непроглядная тьма; бѣгъ пришлось замедлить. Несмотря на все мои усилія держаться одного направленія, я скоро уже не смогъ ориентироваться среди похожихъ одна на другую колоннъ и наконецъ долженъ былъ сознаться въ томъ, что заблудился.

На меня напалъ ужасъ, холодный потъ выступилъ на тѣлѣ; я остановился и, въ состояніи, близкомъ къ обмороку, прислонился къ одной изъ колоннъ.

Собравъ всю силу воли, я мало-по-малу пришелъ въ себя и попытался обдумать свое положеніе хладнокровно. Если бы все было въ порядкѣ, я давно уже увидѣлъ бы мерцаніе свѣчи Карла, услышалъ бы какой-нибудь шорохъ, указывающій на его приближеніе; однако ничто, кромѣ завыванія вѣтра, не нарушало тишины окружающей меня ночи.

Но вотъ вѣтеръ улегся; къ счастью, я нашелъ у себя коробку спичекъ и, зажгши свѣчу, увидѣлъ, что всего нѣсколько шаговъ отдѣляло меня отъ скалистаго грота, изъ котораго часть тому назадъ мы вошли въ пещеру со сталактитовою колошвадой. Я поспѣшилъ къ загроможденному каменными глыбами входу. Ни слѣда моего проводника. Углубленное на подобіе бассейна дно грота до половины залито водой.

Въ полномъ отчаяніи, изнеможенный, опустился я на землю у края бассейна, закурилъ сигару и принялся наблюдать волю на днѣ грота.

Черезъ пять минутъ уровень ея понизился на полметра,

потомъ наступила пауза, за которой послѣдовало слабое повышение воды. Затѣмъ вода снова начала падать, и на этотъ разъ очень быстро. Я сползъ съ кручи, снялъ пски и ботики, засучилъ брюки и побрелъ напрямикъ по водѣ. Дорогой мнѣ бросилось въ глаза, что дно грота, при нашемъ приходѣ совершенно ровное и гладкое, теперь сдѣлалось бугристымъ и начало подниматься. Я выткнулъ передъ собой свѣчу, какъ только могъ, далеко и увидѣлъ тамъ, гдѣ долженъ былъ находиться входъ въ туннель, огромную, метра въ три высоты, кучу щебня и мусора, прислоненную къ твердой каменной глыбѣ.

Сколько времени я простоялъ безъ движенія, уничтоженный ужаснымъ открытiемъ и не сводя глазъ съ обрушившейся скалы, я не могу сказать, но вѣроятно не меньше четверти часа, такъ какъ изъ моего полубезсознательнаго состоянія меня вывелъ только мракъ, наступившій послѣ того, какъ дорѣлъ до конца и погухъ мой огарокъ свѣчи.

Вдругъ я услышалъ журчанiе воды, стекавшей по камнямъ изъ бассейна, и этотъ звукъ, вернувъ меня къ действительности, влилъ въ мою душу слабую надежду. Я прислушивался къ слабому плеску, и когда бассейнъ опустѣлъ и плескъ прекратился, зажгъ новый огарокъ, рѣшивъ поближе изслѣдовать обвалъ. Кучу щебня убрать было не трудно, но, покончивъ съ этимъ, я добрался до огромной каменной глыбы, плотно прилежавшей къ стѣнѣ грота. Глыба могла вѣсить нѣсколько тоннъ и, по моему соображенiю, на цѣлыхъ полметра выдавалась надъ самымъ высокимъ мѣстомъ входа въ туннель, совершенно закрывая къ нему доступъ. У меня мелькнула мысль, не похоронила ли эта глыба подъ собою Карла и съ нимъ всякую надежду на спасенiе.

Вскорѣ дорѣлъ второй огарокъ; я оцупно вернулся въ сталактитовый гротъ и ушелъ тамъ, рѣшивъ спокойно ждать, что будетъ. Углубившись въ размышленiя, я въ концѣ концовъ уснулъ и спалъ до тѣхъ поръ, пока меня не разбудила жгучая жажда. Дно бассейна у моихъ ногъ было опять сухо, вся вода ушла. Я зажгъ третiй и послѣднiй изъ моихъ огарковъ и отправился на поиски воды, тщательно отсчитывая колонны и свои шаги, чтобы потомъ, въ случаѣ необходимости, найти дорогу въ потемкахъ.

Напившись, я вернулся на прежнее мѣсто на краю высохшаго бассейна и вскорѣ опять поддался сну, несмотря на все усилiя бодрствовать. О времени я не имѣлъ никакого понятiя; мнѣ казалось, что прошли цѣлые дни послѣ того, какъ я ушелъ съ поверхности земли. Мои часы остановились, завести ихъ не имѣло смысла,—на что они мнѣ были во мракѣ? Съ остававшимся въ моемъ распоряженiи скуднымъ горючимъ матеріаломъ нужно было обращаться очень экономно.

Моему предположенiю, что я уже нѣсколько дней подъ землею, противорѣчило то, что я совсѣмъ не чувствовалъ голода. Въ Адельсбергѣ я захватилъ съ собою полдюжины большихъ английскихъ сухарей. Вспомнивъ объ этомъ, я тотчасъ же съѣлъ два изъ нихъ только для того, чтобы придать своему измученному тѣлу новую силу.

Безпродолжительный полетъ разгоряченной фантазiи, усиливанiе старыхъ воспоминанiй, осязательно ясныя картины самаго ранняго дѣтства, чередовались у меня съ періодами крайняго изнеможенiя, когда я, шатаясь, какъ пьяный, тащился въ ротуду утомлiнн мучительную жажду. Потомъ я снова приходилъ въ себя, и вотъ, наконецъ, насталъ моментъ, когда я впервые ощутилъ сильный голодъ. Опустивъ руку въ карманъ, я нашелъ тамъ только одинъ сухарь, — остальные я вѣроятно съѣлъ въ своемъ полубезсознательномъ состоянiи. Моему воображенiю представился призракъ мучительной голодной смерти, и я началъ горько упрекать себя въ томъ, что потерялъ столько времени, ничего не предпринявъ. Но что предпринять?

А почему бы не изслѣдовать галерею, открывавшуюся по ту сторону ротонды, ту самую, которой только начало было извѣстно Карлу? Быть-можетъ, тамъ была какой-нибудь выходъ?

Предпрятiе было отчаянное. Въ моемъ распоряженiи оставалось всего десять сапигетровъ свѣчи и тринадцать спичекъ. Если бы со свѣчой случилось какое-нибудь несчастiе —

напримѣръ, если бы я ее выронилъ и не могъ найти, или дорго она раньше времени до конца, — я могъ въ незнакомой мнѣ галерей сломать себѣ ноги или, по крайней мѣрѣ, безнадежно заблудиться. Тѣмъ не менѣе, я рѣшилъ рискнуть.

Чтобы имѣть обѣ руки свободными, я съ помощью перочиннаго ножика и пайденой въ карманѣ бечевки, прикрѣпилъ огарокъ къ шляпѣ; потомъ съѣлъ половину послѣдняго сухаря и отправился въ свою рискованную экскурсию.

Галерея оказалась узкой и извилистой; я очень медленно подвигался впередъ по ея неровному, кочковатому дну. На боговые ходы я не пыткался, зато, пройдя шаговъ сто отъ входа, достигъ берега ручья, который справа отъ меня выходилъ изъ небольшого отверстiя въ скалѣ, пересѣкая галерею и пропавъ въ вѣтвь, въ пористомъ известнякѣ.

Чувствуя сильную усталость, я задулъ свѣчу и легъ тамъ же, гдѣ стоялъ.

Вдругъ я замѣтилъ, что мракъ прерывается какими-то мерцающимъ. Нѣкоторыя части пола и лѣвой стѣны галереи несомнѣнно свѣтились слабымъ голубоватымъ свѣтомъ, похожимъ на отраженiе лунныхъ лучей, проникшихъ въ мое подземелье черезъ какую-нибудь щель. Я хотѣлъ вскрикнуть отъ радости, но не имѣлъ силъ: мое напряженное душевное состоянiе разразилось судорожнымъ плачемъ. Съ минуту я боролся съ готовыми вырваться истерическими рыданiями, потомъ побѣждалъ, не обращая вниманiя на ручей, къ свѣтлѣющему мѣсту.

Какое разочарованiе! То былъ не лучъ мѣсяца, не желанный вѣстникъ вышняго міра, но лишь фосфоресцирующiй, самосвѣтящiйся линай, толстымъ слоемъ покрывавшiй сырые камни. Маниально оторвать я кусокъ линая, потащилъ, въ неописуемомъ ушанiи, назадъ въ гротъ сталактитовыхъ колоннъ и уналъ тамъ на землю, въ ожиданiи смерти.

Не знаю, что меня побудило положить въ ротъ и съѣсть кусокъ принесеннаго съ собою линая; то не былъ голодъ, еще того менѣе—сознательное желанiе ускорить конецъ; я просто послѣдовалъ какой-то необъяснимой и неудержимой прихоти.

Едва я съѣлъ сладковатый кусочекъ, какъ почувствовалъ въ головѣ какое-то жужжанiе; вокругъ меня нестрымъ хороводомъ завертѣлись всевозможные фантастическіе образы; сознание все больше и больше меня покидало.

Черезъ нѣсколько времени жужжанiе въ головѣ прекратилось, и мнѣ показалось, что я, испытывая неописуемое блаженство, опускаюсь въ глубокую, усланную мягкимъ пухомъ, пропасть, и такъ проходятъ часы, дни, мѣсяцы...

Внезапно мое наденiе было чѣмъ-то задержано; я ощутилъ какую-то тяжесть на лѣвой рукѣ и увидѣлъ сквозь закрытыя вѣки пурпуровый свѣтъ. „Онъ живъ, онъ живъ!“ донеслось до моего слуха.

На мгновенiе я пришелъ въ себя, открылъ глаза и увидѣлъ склонившагося надо мной моего прiятеля Б; рядомъ съ нимъ стоялъ на колѣняхъ какой-то господинъ въ очкахъ, со склиной въ рукѣ; вокругъ—нѣсколько человекъ съ факелами.

Я снова лишился сознаниа и, когда вторично пришелъ въ себя, лежалъ уже въ удобной постели адельсбергской гостиницы.

Какъ меня спасли?

Б, прожлавъ меня въ Вѣнѣ лишнiй день сверхъ положеннаго срока и не получая отъ меня извѣстiй, встревожился и вернулся въ Триестъ. Тамъ онъ узналъ въ „Aquila Nera“, что 24-го мая я выѣхалъ въ Адельсбергъ и не возвращался; мои вещи еще находились въ номерѣ. Въ Адельсбергѣ было извѣстно, что проводникъ Карлъ и какой-то туристъ отправились 25-го мая въ Требичскую пещеру и не возвратились. Такъ какъ было дознано, что мы въ Требичъ не прiѣзжали, явилась догадка, что Карлъ повелъ меня въ недавно открытую имъ пещеру. Начали искать тамъ и наши недалеко отъ входа опрокинутый челнокъ, а подъ нимъ трупъ несчастнаго проводника. Тогда принялись шарить во всѣхъ закоулкахъ первой пещеры, нашли туннель, ведшiй къ моей могилѣ, и, послѣ нѣсколькихъ часовъ работы, отвалили обрушившуюся глыбу камня; за нею нашли меня.

Я оставался погребеннымъ живо въ теченiе четырехъ сутокъ.

Къ рисункамъ.

Въ лунную ночь великiй сливается съ природой. Вѣдь

Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,

Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Изъ-за легкнхъ облаковъ свѣтитъ яркая луна, бросающая далеко по рѣкѣ серебряный столбъ, а раскидистая широкая лва задумчиво прислушивается къ звукамъ ночи, къ невѣдомымъ голосамъ. О, вѣчная поэзія лунной ночи! Какой художникъ воплоти пещерилъ ея чары?

*

Безкопечно разнообразны типы красавицы. Каждое время, каждый народъ создаетъ свой типъ. Картина художника Г. Папперина, помѣщенная въ настоящемъ номерѣ *Нивы*, несомнѣнно изображаетъ современную красавицу южно-германскаго типа, еще нетронутую жизнью и ея страданiями. Весело,

нѣсколько лукаво смотритъ она на міръ и даритъ безразлично всѣмъ своею улыбкою. Но вы чувствуете уже, что эта улыбка можетъ скоро принять совершенно другой отгѣнокъ, — отгѣнокъ грусти и горечи. Мужчины всегда полагаютъ, что женская красота существуетъ для нихъ, и чѣмъ прекраснѣе женщина, тѣмъ болѣе для нея соблазновъ, тѣмъ труднѣе ей сохранить свое человѣческое достоинство, оберечь свое счастье. Ее окружаютъ льстивыя рѣчи, назойливое ухаживанiе; она живетъ въ атмосферѣ, насыщенной страстью, искушенiями, обманомъ. Красавица, сулящая другимъ счастье, поэтому сама бываетъ часто глубоко несчастна. Судьбу такой красавицы описываетъ нашъ талантливый соотрудникъ, В. М. Михеевъ, въ новѣсти, которую мы начнемъ печатать со слѣдующаго номера *Нивы*. Его „Красавица“ составляетъ прекрасную иллюстрацію къ только что высказаннымъ мыслямъ.

На итальянской художественной выставкѣ въ С.-Петербургѣ обратила на себя вниманіе прекрасная жанровая картина Н. Нани: „Мирные переговоры“. Сколько жизни въ выразительномъ лицѣ венеціанки и въ плутоватомъ красномъ берсальерѣ въ темномъ мундирѣ съ красными петлицами и широкополой войлочной шляпѣ съ развѣвающимся султаномъ! Онъ чувствуетъ, что провинился и, во что бы то ни стало, хочетъ помириться съ любимой дѣвушкой. Необдуманное слово возлюбленнаго или, можетъ-быть, его не особенно благодарный поступокъ ударили, какъ пожомъ, по сердцу бѣдной итальянки, и она въ глубокой задумчивости сидѣла въ своей комнатѣ за обычной работой. Мысли уносили ее далеко, къ первымъ днямъ знакомства съ красавцемъ-стрѣлькомъ, и, чѣмъ дальше, тѣмъ больше омрачалось ей красивое личико. Женить незамѣтно вошелъ въ комнату и, нѣжно обнявъ за плечи, началъ убѣдительно-ласковымъ тономъ оправдательную рѣчь, блещущую цвѣтистымъ остроуміемъ пылкаго итальянца. Она не особенно довѣряетъ увлекающемуся берсальеру, и съ ея лица все еще не сходитъ тѣнь разочарованія и безотчетной грусти. Даже бравый солдатъ немного смутился и смотритъ на дѣвушку безпокойно-тревожными взглядами. Впрочемъ, „милые бранятся — только тѣшатся“, и миръ, конечно, наступитъ къ обоюдной радости.

Въ домашнемъ обиходѣ простой деревенской семьи маленькіе труженники играютъ весьма почтенную роль незамѣтныхъ, но въ то же время незамѣнимыхъ помощниковъ. Попадаются нерѣдко дворы, состоящіе изъ какой-нибудь одной убогой старушонки, въ родѣ, напримеръ, изображенной на картинѣ Ижакевича; старушка должна присмотрѣть и за хатой (это малороссійскій сюжетъ), и за маленькимъ огородомъ, находящимся гдѣ-нибудь далеко за деревней на выгонѣ. Тутъ-то и помогутъ внучата: кто выкопаетъ картошку, кто положитъ ее въ мѣшокъ... Работа закончена, а затѣмъ, глядь—и дѣло сдѣлано.

Игра въ поло, или игра въ мячъ на лошадахъ, извѣстна была еще за 600 лѣтъ до Р. Х., въ послѣднее же время она была введена въ моду, въ качествѣ особаго спорта, англійскими офицерами въ Индію, которые и установили соответствующія правила этой игры. Изъ Индіи игра въ поло перешла въ Англію, а оттуда въ Америку, во Францію, Испанію и сравнительно недавно въ Россію. Поло очень напоминаетъ крокетъ, съ той только разницей, что въ первой игрѣ участвуютъ конные, а во второй — пѣшіе. Эта игра обыкновенно составляется изъ четнаго числа участниковъ, разбивающихся на двѣ партіи, при чемъ задача каждой состоитъ въ томъ, чтобы шарами, по которымъ ударяютъ молоткомъ, пройти туда и обратно черезъ установленныя на землѣ ворота и коснуться двухъ столбовъ, стоящихъ на противоположныхъ концахъ площадки. Каждый играющій долженъ помогать союзникамъ и мѣшать противникамъ, отбивая ихъ шары. Нерѣдко случается, что скачущіе во всю прыть падаютъ съ лошадей. Навыкъ и умѣнье сидѣть на лошади не всегда служатъ гарантіей противъ несчастныхъ случаевъ, и поэтому игра вызываетъ сильныя ощущенія, требуя въ то же время и большой ловкости. Этимъ вѣроятно объясняется быстрое ея распространеніе во всѣхъ странахъ.

Францъ Палацкій. (Портр. на этой стр.)

2-го іюня т. г. исполнилось столѣтіе со дня рожденія знаменитаго историка и политическаго дѣятеля Франца Палацкаго, прозваннаго еще при жизни „отцомъ чешскаго народа“. Вся Чехія горячо и торжественно отпраздновала эту годовщину въ своей древней столицѣ Прагѣ, встрѣтившей съ распростертыми объятіями всѣхъ прибывшихъ на торжество гостей изъ славянскихъ земель. Имя Франца Палацкаго объединило всѣ славянскія народности, собравшіяся чествовать одного изъ своихъ славнѣйшихъ дѣятелей.

Францъ Палацкій родился 2-го (14-го) іюня 1798 г. въ моравской деревнѣ Голдславницѣ, гдѣ отецъ его былъ школьнымъ учителемъ. По окончаніи курса въ пресбургскомъ лицейѣ, Ф. Палацкій нѣкоторое время прожилъ въ Вѣнѣ въ качествѣ учителя въ одномъ знатномъ семействѣ.

Уже въ ранней молодости сказались въ немъ его блестящіи

литературныя дарованія. Девятнадцати-лѣтнимъ юношей онъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Элементы чешской поэзіи“, затѣмъ въ 1821 г., въ сотрудничествѣ съ Шафарикомъ, „Отрывки теоріи прекраснаго“ и въ 1823 году—„Общую исторію эстетика“.

Обладая богатѣйшими лингвистическими способностями, Ф. Палацкій въ началѣ двадцатыхъ годовъ уже зналъ всѣ европейскія языки и въ подлинникъ читалъ произведенія главнѣйшихъ европейскихъ писателей. Съ такой блестящей подготовкой онъ въ 1823 г. вернулся въ Прагу, получилъ мѣсто бібліотекаря у графа Штернберга и ревностно занялся изысканіями по исторіи чешскаго королевства, при чемъ много работалъ въ бібліотекахъ не только въ Австріи, но и за границей. Съ 1827 года графъ Штернбергъ предложилъ Палацкому редактировать *Журналъ чешскаго музея*, и за десять лѣтъ этого изданія подъ редакціей Палацкаго въ немъ появилось много выдающихся статей какъ самого Палацкаго, такъ и его ближайшихъ сподвижниковъ, одушевленныхъ пылкой любовью къ родинѣ. Между прочимъ, слѣдуетъ указать на замѣчательное изслѣдованіе Палацкаго „Оцѣнка старинныхъ чешскихъ летописцевъ“. Это сочиненіе въ 1829 году было удостоено преміи на конкурсѣ, устроенномъ пражскимъ ученымъ обществомъ. Въ томъ же году чешскій сеймъ назначилъ Палацкаго исторіографомъ чешскаго народа съ пожизненнымъ жалованьемъ, и черезъ 7 лѣтъ послѣ этого вышелъ въ свѣтъ первый томъ знаменитой исторіи Чехіи, доставившей Палацкому всемірную извѣстность.

„Исторія Чехіи“,—это крупнѣйшее сочиненіе Ф. Палацкаго,—доведена имъ до конца царствованія императора Сигизмунда и падена въ пяти томахъ, выходящихъ въ Прагѣ въ теченіе 30 лѣтъ—съ 1836 по 1867 г. Выдающійся трудъ Палацкаго былъ строго обособованъ на архивныхъ документахъ, ознакомленіе съ которыми стоило ему не малыхъ трудовъ, но, понятно, какъ человѣкъ талантливый, живой, обладавшій тонкимъ художественнымъ вкусомъ, онъ не могъ ограничиться сухою передачею историческихъ фактовъ и далъ полную картину жизни старинной Чехіи до 1526 года, и эта картина должна была произвести на чешскій народъ глубокое впечатлѣніе, разбудить пламенную любовь къ отечеству. Съ этой точки зрѣнія трудъ Палацкаго былъ истинно патриотическимъ подвигомъ. Палацкаго, по справедливости, можно назвать не только отцомъ чешской исторіографіи, но и творцомъ чешскаго самосознанія.

На ряду съ работами по исторіи чешскаго королевства, Палацкій занимался и другими трудами. Такъ, въ 1831 г. онъ издалъ „Исторію молодости Валленштейна“, жизнеописаніе знаменитаго чешскаго филолога Обервогского (на мѣсто котораго онъ былъ избранъ ученымъ обществомъ), написаніе изслѣдованіе о чешскихъ судахъ въ XIII столѣтіи. Въ 1837 г. Палацкій совершилъ путешествіе по Италіи со спеціальной цѣлью разысканія въ итальянскихъ бібліотекахъ и архивахъ матеріаловъ и документовъ по чешской исторіи. Это путешествіе имъ описано въ особомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: „Литературное путешествіе въ Италію“ (Прага, 1838). Результатомъ и какъ бы сводомъ этихъ разнообразныхъ трудовъ былъ „Очеркъ умственной культуры въ Чехіи съ древнѣйшихъ временъ“ (изд. 1840, 2-е изд. 1869), написанный въ сотрудничествѣ съ Шафарикомъ. Въ 1842 г. Палацкимъ издано было изслѣдованіе о намѣстивіи монголовъ въ 1241 году.

14-го мая 1847 г. Палацкій былъ назначенъ членомъ вновь основанной въ Вѣнѣ императорской академіи наукъ, а черезъ годъ, въ эпоху революціи въ Австріи и въ Германіи, онъ вынужденъ былъ выступить на политическое поприще. Первоклассный ученый и писатель, Палацкій оказался и выдающимся политикомъ, обладавшимъ рѣдкимъ политическимъ тактомъ, умѣвшимъ ради своей великой цѣли — возрожденія чешскаго народа — подчинять ныль души требованіямъ благоразумія. Палацкій тогда держался въ сторонѣ отъ крайнихъ партій и отстаивалъ государственное единство Австріи.

Въ 1863 г., во время польскаго возстанія, Палацкій видѣлъ спасеніе славянъ въ Россіи и высказывалъ мысль, что, быть-можетъ, чехамъ удастся примирить поляковъ съ Россіей. Съ этого момента влияние Палацкаго на поляковъ замѣтно усилилось, но въ самой Австріи на него стали смотрѣть подозрительно. Въ верхней палатѣ австрійскаго сейма, членомъ которой

Францъ Палацкій. По поводу 100-лѣтія со дня рожденія. Съ литографіи автотипія „Нивы“.

Палацкій былъ назначенъ въ 1861 г., графъ Дюркгеймъ не посовѣстился назвать его государственнымъ измѣнникомъ. Эти подозрѣнія, конечно, не могли ослабѣть, когда Палацкій и другіе австрійскіе славяне въ 1867 г. отправились въ Москву на знаменитый этнографическій славянскій съѣздъ. Но и на съѣздѣ, и послѣ него Палацкій никакой измѣны не совершалъ. Онъ былъ и остался вѣрнопопавшимъ австрійскаго императора, хотя прекрасно сознавалъ, какую силу даетъ чешскому народу принадлежность его къ славянскому племени.

Съ 1863 г. Палацкій открыто сталъ во главѣ чешской національной или федералистской партіи. Въ 1865 г. онъ написалъ сочиненіе „Австрійская государственная идея“, потомъ издалъ сочиненіе о гусситахъ, политическіе мемуары (1874 г.) и т. д.

За два мѣсяца до кончины, послѣдовавшей 14-го мая 1876 г. въ Прагѣ, Палацкій на устроенномъ въ его честь банкетѣ сказалъ, что ему не долго жить, но что чешскій народъ не погибнетъ, что будущее его обезпечено.

выдержку изъ этой блестящей рѣчи, давней прекрасную характеристику и заслугъ Палацкаго, и самаго торжества, и настроенія чешскаго народа.

„То, что мы предпринимаемъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ гостямъ, — только скромное дѣло; но оно принимаетъ гигантскіе размѣры, когда поднимается съ богемскаго поколя на пьедесталъ великой матери Славян, озаренной ореоломъ гуманности и культуры. Мы хотѣли отпраздновать годовщину одного изъ нашихъ лучшихъ людей всѣхъ вѣковъ и не могли этого никакимъ образомъ сдѣлать безъ васъ. Францъ Палацкій не только познакомилъ насъ съ вами, онъ указалъ еще на то, что мы являемся вѣтвью великаго племени и великимъ могущественнымъ цѣлымъ въ культурномъ отношеніи. Какъ членовъ большой семьи, я и привѣтствую васъ въ Прагѣ съ просьбою чувствовать себя какъ дома. Никому не вопреки, а для нашего упроченія. Вѣдь вы прибыли для того, чтобы отпраздновать день одного изъ нашихъ первыхъ людей славянства, столь превосходно работавшихъ въ началѣ

Рис. 1. Подъемъ шара съ метеорологическими самопишущими приборами.

Полетъ шаровъ съ метеорологическими цѣлями изъ воздухоплавательнаго учебнаго парка въ Петербургѣ.

Съ фот. автотипія „Нива“.

Рис. 2. Подъемъ шара „Генераль Заботкинъ“ съ пассажирами.

Нынѣшнее чествованіе памяти Палацкаго въ Прагѣ доказало, что слова Палацкаго оказались вѣщными.

Торжества начались 5-го іюня. Около 4000 жителей Праги собрались въ этотъ день на вокзалѣ въ ожиданіи гостей изъ-за границы. Въ числѣ гостей прибыли изъ Россіи депутаты г. Петербурга редакторъ-издатель *Сѣтъ* В. В. Комаровъ, профессора Ламацкій, Брандтъ, Флоринскій, Гротъ и В. Д. Спасовичъ. В. Комаровъ привезъ отъ города Петербурга серебряный вѣнокъ и адресъ отъ славянскаго благотворительнаго общества. Старшина комитета по устройству чествованія встрѣтилъ гостей привѣтственной рѣчью. Затѣмъ гости вышли изъ вокзала, чтобы сѣсть въ ожидавшіе ихъ экипажи. Тамъ ихъ встрѣтила буря восторженныхъ кликовъ „Slava!“ „Ura!“ и „Na zdari!“ Множество фуражекъ полетѣло вверхъ, въ экипажи бросали цвѣты. Только съ трудомъ могли экипажи проложить себѣ дорогу сквозь толны народа. Толпа провожала прибывшихъ гостей, распѣвая національныя пѣсни.

Вечеромъ состоялся торжественный приемъ гостей на островѣ „Софія“, производившемъ праздничное впечатлѣніе, благодаря великолѣпной иллюминаціи. Въ большой залѣ приемаго помѣщенія собралось набранное общество, въ томъ числѣ навѣстный вождь чешской національной партіи, маститый д-ръ Ригеръ, пражскій городской голова Подлинный, депутаты и масса гостей. Первую рѣчь произнесъ Подлинный. Приводимъ краткую

50-хъ годовъ въ дѣлѣ всего славянства. Палацкій своей исторіею нашего народа придалъ ему новыя силы, внушилъ ему самосознаніе, которое было рѣшающимъ для нашего пробужденія, нашего возрожденія, нашего дальнѣйшаго развитія. Мы хотимъ отпраздновать память человѣка, котораго народъ называлъ „отцомъ народа“. Вы явились для того, чтобы отпраздновать вмѣстѣ съ нами эту память. Примите нашу благодарность! Уваженіе къ заслугамъ—вогъ что соединяетъ насъ всѣхъ другъ съ другомъ, несмотря на различіе политическихъ условій. Оно же и останется живымъ и неумирающимъ соединительнымъ звеномъ“.

Рѣчь Подлиннаго была покрыта громомъ долго несмолкавшихъ рукоплесканій.

Затѣмъ московскій профессоръ Брандтъ произнесъ на чешскомъ языкѣ рѣчь, въ которой напомнилъ о поѣздкѣ чеховъ, въ томъ числѣ Палацкаго, въ 1867 году, въ Москву. Проф. Брандтъ благодарилъ за оказанный приемъ. Рѣчь свою онъ закончилъ восклицаніемъ „Slava!“ богемской Прагѣ и богемскому народу.

За проф. Брандтомъ говорилъ членъ рейхсрата Соколовскій. Онъ передалъ привѣтъ отъ имени поляковъ и изобразилъ взаимныя отношенія между обоими народами со времени принятія христіанства поляками. Обѣ рѣчи сопровождалась бурными рукоплесканіями. Затѣмъ взошли на эстраду члены общества

„Глаголь“ и исполнили цѣлый рядъ лучшихъ славянскихъ пѣсней. Наконецъ, журналистъ Грибахъ изъ Силлы перечислилъ заслуги Палацкаго и напомнилъ его пароль „Svojъ къ svetu“, Рѣчь свою онъ закончилъ просьбою, чтобы славяне Австрійской имперіи сплотились и пошли рука объ руку. Вечеръ затянулся до поздней ночи.

Второй день празднествъ ознаменовался открытіемъ памятника Ф. Палацкому и банкетомъ на островѣ „Софія“.

Памятникъ поставленъ въ пантеонѣ богемскаго музея. Къ 11 часамъ утра большое помѣщеніе пантеона было переполнено публикою, среди которой были налицо все прибывшіе гости и въ томъ числѣ представители Россіи; среди присутствовавшихъ былъ проф. Іоаннъ Палацкій, сынъ Франца Палацкаго. На галлерейхъ помѣстились дамы и члены пѣвческаго общества „Глаголь“.

Послѣ вступительнаго слова президента графа Гарраха, произнесъ рѣчь ученикъ и сотрудникъ Палацкаго, профессоръ пражскаго университета, 80-лѣтній историкъ Томекъ.

По окончаніи этой рѣчи, съ памятника былъ снятъ покровъ, и глазамъ присутствовавшихъ предсталъ образъ Палацкаго во весь ростъ. Статуя сдѣлана изъ бронзы профессоромъ Поппомъ. Раздался громъ рукоплексканій. Затѣмъ начались рѣчи. В. В. Комаровъ произнесъ рѣчь, держа въ рукахъ вѣнокъ съ трехцвѣтными лентами. Появленіе его сопровождалось бурными рукоплексканіями, а когда послѣднія утихли, ораторъ передалъ привѣтъ отъ города Петербурга и славянскаго благотворительнаго общества богемскому народу, „который, — прибавилъ онъ: — столь высоко развитъ въ культурномъ отношеніи и далъ славянскому міру такого знаменитаго дѣятеля, всегда являвшагося представителемъ славянской солидарности. Городъ Петербургъ посылаетъ привѣтъ памяти Палацкаго и въ ознаменованіе этого кладетъ вѣнокъ у подножія его памятника“. Съ этими словами ораторъ направился при бурныхъ рукоплексканіяхъ къ памятнику и возложилъ вѣнокъ. Вѣнокъ отъ города Петербурга сдѣланъ изъ серебра и составленъ изъ лавровой, дубовой и пальмовой вѣтвей. На вѣнкѣ имѣется надписокъ: „С.-Петербургъ 1798—1898—славному изъ славныхъ чеховъ“.

Проф. Брандтъ прочиталъ адресъ отъ московскаго университета и московскаго румянцевскаго музея. Проф. Ламанскій заявилъ, что петербургскій университетъ избралъ членомъ чешской академіи: профессора Томека — своимъ почетнымъ членомъ, а доктора Челяковскаго и доктора Рѣака — своими почетными докторами. Извѣстіе это было встрѣчено восторженными рукоплексканіями. Проф. Флоринскій прочиталъ адресъ отъ кievскаго университета.

Послѣ этого началось чтеніе телеграммъ, въ числѣ которыхъ были телеграммы отъ министра-президента графа Туна, отъ харьковскаго историко-филологическаго общества, отъ профессоровъ харьковскаго университета, отъ казацкаго университета.

Банкетъ въ память Палацкаго на островѣ „Софія“ прошелъ съ большимъ блескомъ. Обширная зала едва могла помѣстить всѣхъ гостей, которыхъ было болѣе 400. Банкетъ начался увертюрою, исполненною оркестромъ. Тостовъ было произнесено множество отъ имени русскихъ, словаковъ, русинъ, хорватовъ, сербовъ, болгаръ, поляковъ и др. Затѣмъ раздалось вѣское слово престарѣлаго чешскаго вождя Ригера, ближайшаго сотрудника Ф. Палацкаго. Въ своей рѣчи, встрѣченной единодушными рукоплексканіями, онъ высказался за единеніе чеховъ и вообще всѣхъ австрійскихъ славянъ съ австрійской имперіей, съ ея династіей. Ригеру была устроена восторженная овація.

Вечеромъ состоялся парадный спектакль въ Национальномъ театрѣ. На банкетѣ получена была масса привѣтственныхъ телеграммъ изъ всѣхъ славянскихъ земель, и, между прочимъ, громадная телеграмма отъ славянскаго благотворительнаго общества.

7-го іюня, въ день закладки памятника Палацкому, въ 9 часовъ утра, собралась громадная процессія. Народъ толпами стоялъ по всему пути. Вся Прага находилась на улицахъ. Закладка памятника совершена была у моста, на набережной

Палацкаго. Прибытіе гостей на мѣсто закладки было настоящимъ триумфальнымъ шествіемъ. Экипажи проѣзжали между двухъ плотныхъ стѣнъ народа, кричавшаго: „Живіо! На здарѣ! Ура!“ Изъ всѣхъ оконъ махали платками и сыпали цвѣты. Много овацій досталось на долю русскихъ. Шествіе продолжалось полтора часа и было очень грандіозно. Ѣхали верхомъ и шли легионы гимнастическаго общества „Соколь“, затѣмъ приказчики и купцы, студенты, стрѣлки, велосипедисты, разныя общества и клубы, дамы и дѣти. Народный театръ устроилъ двѣ аллегорическія группы, въ одной изъ которыхъ вели украшенный цвѣтами бюстъ Палацкаго. Толпой шли чехи въ парадныхъ историческихъ костюмахъ, далѣе художники, литераторы, все, что имѣетъ свои хоры музыки и свои знамена. Въ процессіи участвовало до 40,000 человекъ. На набережной стояла городская гвардія въ своей красивой старинной формѣ. Все пространство до мѣста закладки заполнено было народомъ. Послѣ торжественныхъ рѣчей Подлиннаго и доктора Герольда въ фундаментъ будущаго памятника опустили бронзовый ящикъ съ бумагами, касавшимися закладки. Въ отверстіе фундамента завинтили плиту. Первый ударилъ молотомъ ландмаршалъ, второй — городской голова, затѣмъ Ригеръ и цѣлая серія представителей славянскихъ земель. По адресу Россіи снова устроена была шумная манифестація. Торжество закончилось исполненіемъ гусситскаго гимна.

Въ 2 ч. въ городской думѣ открылся съѣздъ славянскихъ журналистовъ Австрій.

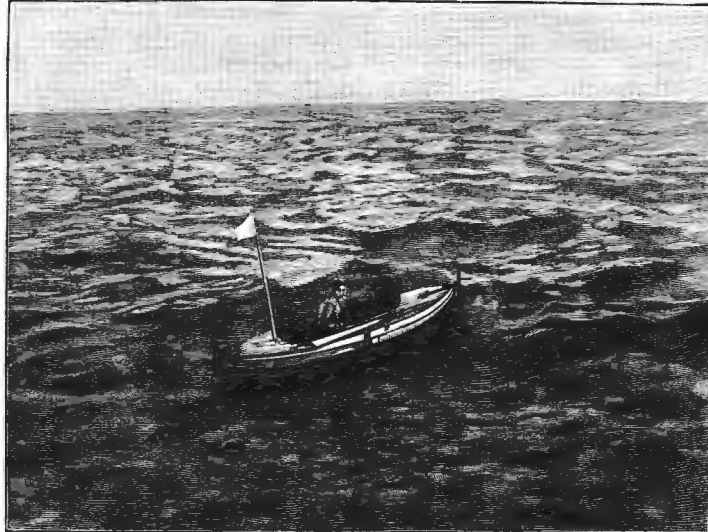
Въ тотъ же день былъ пріемъ журналистовъ и гостей въ городской думѣ. Городской голова Подлинный произнесъ рѣчь, въ которой благодарилъ всѣхъ славянъ, прибывшихъ въ Прагу. Прочитанъ былъ адресъ славянскихъ обществъ Петербурга и Кіева. Вечеромъ былъ банкетъ на выставкѣ архитектуры, на которомъ было произнесено множество рѣчей. Вся Прага съ энтузіазмомъ встрѣтила привѣтственную телеграмму, присланную отъ нашей Академіи Наукъ ея Августѣйшимъ президентомъ; чешская академія и комитетъ по устройству чествованія послали отвѣтную телеграмму.

9-го іюня русскіе давали банкетъ чешскимъ хозяевамъ празднествъ и журналистамъ. На банкетѣ присутствовали городской голова Подлинный, докторъ Ригеръ, президентъ академіи Главка, профессоръ Томекъ и вся высшая интеллигенція Праги. Снова произнесено было множество рѣчей. В. В. Комаровъ благодарилъ чеховъ за необыкновенное гостепримство. Профессоръ Ламанскій провозгласилъ тостъ за Ригера, Главку, Томека и чешскій университетъ; Челяковскій, избранный докторомъ петербургскаго университета, — за русскихъ профессоровъ; варшавскій профессоръ Гротъ произнесъ большую рѣчь. Ригеръ провозгласилъ тостъ за русскихъ. Послѣ

банкета русскіе гости поѣхали въ окрестный городъ Виноградникъ, гдѣ въ мѣстной думѣ ихъ ждали дамы восьми окрестныхъ городовъ. Сердечный пріемъ, оказанный тамъ, тронулъ всѣхъ гостей. Въ великолѣпномъ залѣ накрыли разукрашенные столы, при чемъ какъ верхъ гостепримства, дамы сами подавали всѣмъ блюда, вино, кофе. Затѣмъ русскіе поѣхали общество студентовъ и общество „Соколь“. Студенты оказали горячій пріемъ гостямъ. Въ обществѣ „Соколь“ показаны были упражненія. Внизу было собрано до 400 „соколовъ“. Дамы съ хоровъ осыпали русскихъ розами и цвѣтами. Вечеромъ дамы столицы дали въ Прагѣ банкетъ всѣмъ славянскимъ гостямъ. Дамскій банкетъ въ думѣ былъ великолѣпный. Весь цвѣтъ Чехіи встрѣчалъ и угощалъ приглашенныхъ.

Всѣ празднества, несмотря на десятки тысячъ народа, принимавшихъ въ нихъ участіе, прошли въ высшей степени спокойно, съ рѣдкимъ соблюденіемъ порядка. Русскихъ вездѣ встрѣчали съ исключительнымъ энтузіазмомъ.

10-го іюня безпрерывныя празднества и банкеты закончились экскурсіей въ г. Коллну и Кутнагору. Затѣмъ, по возвращеніи оттуда, начался разъѣздъ гостей, очарованныхъ любезностью и гостепримствомъ чеховъ.

Самодвижущаяся лодка.

Чертежъ самодвижущейся лодки.

Полетъ воздушныхъ шаровъ. (Рис. на стр. 498.)

Какая будетъ погода, интересно знать всякому, а для сельскаго хозяина, для моряка, идущаго въ море, это прямо насущный вопросъ. Но чтобы предсказать погоду, надо знать зависимость между отдѣльными метеорологическими явленіями, происходящими въ воздушномъ океанѣ, на двѣ котораго мы живемъ. Въ нижнихъ слояхъ мы имѣемъ столько мѣстныхъ условій, что разобраться въ нихъ и привести ихъ въ болѣе или менѣе общую систему весьма трудно, въ иныхъ случаяхъ даже невозможно. Поэтому за послѣднее время стали изучать явленія въ высокихъ слояхъ атмосферы, гдѣ эти явленія сравнительно проще; устраняются метеорологическія обсерваторіи на вершинахъ высокихъ горъ, производятся наблюденія надъ движеніемъ, высотой и формою облаковъ; предпринимаются полеты воздушныхъ шаровъ и змѣевъ съ салонными метеорологическими приборами.

На метеорологической конференціи въ Парижѣ, въ 1896 г., было постановлено устраивать время отъ времени одновременно изъ разныхъ пунктовъ полеты шаровъ съ наблюдателями и шаровъ съ одними метеорологическими инструментами (такъ называемые balloons sondes). Шары съ одними приборами представляютъ особый интересъ въ виду того, что они достигаютъ большихъ высотъ (иногда до 15 верстъ) и даютъ намъ точныя записи давления, температуры и влажности воздуха на этихъ высотахъ. Такихъ одновременныхъ полетовъ было сдѣлано уже два, за границею и у насъ, въ Россіи.

Недавно (27-го мая) состоялся третій международный полетъ изъ воздухоплавательнаго учебнаго парка въ Петербургѣ.

На первомъ рисункѣ представленъ у насъ подъемъ шара съ одними инструментами. Этотъ шаръ принадлежитъ Императорскому русскому географическому обществу и отличается тонкостью и легкостью оболочки. Шаръ, емкостью въ 400 куб. метровъ, былъ наполненъ водородомъ; подъ нимъ висятъ цилиндрическая камышевая корзина съ салонными приборами; корзина оклеена блестящей фольгой, чтобы солнечныя лучи отражались и по возможности не нагревали корзины и приборовъ; подъ корзиною виситъ мѣшокъ съ водою, которая вытекаетъ тонкою струей; когда вода вся вытечетъ, особая пружина раздвигаетъ крючокъ, и мѣшокъ падаетъ на землю. Назначеніе этого мѣшка съ водою — сколько возможно дольше задержать шаръ въ нижнихъ слояхъ и не дать шару слишкомъ быстро подняться вверхъ. Шаръ не вполнѣ раздутъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ въ верхнихъ слояхъ онъ можетъ лопнуть. Попадая въ болѣе разреженный воздухъ на большихъ высотахъ, онъ самъ раздувается и принимаетъ обычную форму. Этотъ шаръ съ приборами достигъ до высоты 9 верстъ при минимальной температурѣ — 49° Ц. Шаръ поднялся въ 8 ч. утра и опустился въ 9½ ч. утра верстахъ въ 30 къ сѣверу отъ Петербурга.

Шаръ съ пассажирами (рис. 2) поднялся изъ парка вслѣдъ за баллономъ-зондомъ въ 9½ ч. утра и опустился въ 2½ ч. дня

на сѣверѣ, тоже въ 30 верстахъ отъ Петербурга, близъ деревни Вартемяки, недалеко отъ мѣста спуска перваго шара. При этомъ наибольшая высота подъема была 4½ версты; термометръ на этой высотѣ показалъ 12° холода. Наимъ второй рисунокъ и представляетъ этотъ шаръ „Генералъ Заботкинъ“, въ моментъ его подъема со двора воздухоплавательнаго парка, съ пассажирами: командующимъ учебнымъ воздухоплавательнымъ паркомъ капитаномъ Кованько и старшимъ наблюдателемъ навловской магнитной обсерваторіи г. Кузнецовымъ. Емкость этого шара равняется 1,200 куб. метр., грузъ корзины съ пассажирами простирался до 30 пудовъ. Шаръ этотъ былъ наполненъ свѣтильнымъ газомъ.

А. Р. Б.

Самодвижущаяся лодка. (Рис. на стр. 499.)

Секретарь зоологической станціи въ Неаполѣ, г. Линденъ, изобрѣлъ недавно замѣчательную лодку, которая свободно движется по морю не только безъ помощи пара, вѣтра и колесъ, но даже безъ помощи весель или паруса, при чемъ управлять ею можетъ свободно одинъ человекъ. Устройство лодки въ высшей степени просто. На обоихъ концахъ лодки укрѣплено по вертикальному стальному шесту; на нижнемъ, находящемся въ водѣ, концѣ каждаго изъ этихъ шестовъ прикрѣплено нѣчто въ родѣ рыбьяго плавника. Плавники эти состоятъ изъ обтянутой полотномъ стальной рамы, составленной изъ двухъ стальныхъ изогнутыхъ пружевъ; въ мѣстѣ прикрѣпленія къ шесту они тверды, а затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ концамъ, становятся все болѣе гибкими. Приведенныя волнами въ колебательное движеніе, эти стальные полосы, подобно рыбьимъ плавникамъ, приводятъ въ движеніе лодку. Управляется лодка посредствомъ задняго плавника, который свободно вращается и непосредственно соединенъ съ рулемъ. Когда оба плавника обращены своими тонкими сторонами впередъ, лодка направляется назадъ, и наоборотъ; если плавники обращены въ равныя стороны, то двигательная сила волнъ прекращается, и лодка останавливается. Устройство лодки можно легко уразумѣть изъ помѣщеннаго здѣсь чертежа ея.

Прикрѣпленіе и снятіе плавниковъ производится посредствомъ простаго механизма необыкновенно быстро, и этотъ простой и дешевый аппаратъ можетъ быть придѣланъ безъ особаго труда къ любой лодкѣ.

Идея изобрѣтенія самодвижущейся лодки припла г. Линдену послѣ долгихъ и внимательныхъ наблюденій надъ движеніями (ударами хвоста) рыбъ, плавающихъ въ аквариумѣ зоологической станціи. Опыты надъ самодвижущейся лодкой, названной имъ „Автонавтъ“, были произведены въ Неаполитанскомъ заливѣ и увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Лодка, длиною въ 5½ арш., проходила въ часъ до 4½ верстъ, легко преодолевая силу вѣтра. На нашемъ рисункѣ лодка изображена во время плаванія въ морѣ, при небольшомъ волненіи и при южномъ вѣтрѣ; несмотря на это, она сдѣлала болѣе 3½ верстъ въ часъ.

Политическое обозрѣніе.

Испанія переживаетъ тяжелые дни, угрожающіе этому нѣкогда великому государству роковыми послѣдствіями.

Въ то время какъ испанская резервная летучая эскадра адмирала Камара набрала изъ Кадикса направленіе въ океанъ, а затѣмъ снова вернулась въ испанскій портъ, — официальныя донесенія изъ Манилы оновѣстили о безнадежномъ положеніи испанцевъ и ихъ начальника генерала Аугусти: предводитель филиппинскихъ инсургентовъ Агвинальдо поднялъ возстаніе и, разбивъ испанцевъ въ нѣсколькихъ стычкахъ, осадилъ Манилу, отрѣзавъ ее отъ всѣхъ провинцій, охваченныхъ возстаніемъ. Агвинальдо дѣйствуетъ заодно съ адмираломъ Девеемъ, ожидающимъ сухопутныхъ силъ изъ С.-Франциско, чтобы сломить испанскій гарнизонъ. Испанцами приняты всѣ мѣры сопротивленія, но на туземцевъ и добровольцевъ плоха надежда. По дальнѣйшимъ извѣстіямъ, инсургенты, причинивъ испанскому отряду большія потери, подступили къ самой Манилѣ.

На Кубѣ положеніе дѣлъ тоже далеко не утѣшительно для испанцевъ: адмиралъ Селвера, на котораго возлагалось столько надежды, „закупорентъ“, испанцы не только не могутъ угрожать атлантическому побережью Штатовъ, но не въ силахъ даже помѣшать линіи сообщенія американцевъ съ Кубой, куда посланы уже американскія регулярныя войска, а за ними — отряды добровольцевъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, американскія транспортныя суда съ войсками уже приплыли къ Сантъ-Яго. Начальникъ войскъ генералъ Шафтеръ и адмиралъ Сампсонъ сошли на берегъ и распорядились высадкой въ нѣсколькихъ пунктахъ, недалеко отъ Сантъ-Яго. Теперь военныя событія стануть, очевидно, развиваться быстрѣе. Всѣ расчеты испанцевъ на какіе-то раздоры въ Штатахъ, на ихъ неподготовленность къ серьезной борьбѣ — оказались напрасными: янки взглянули на борьбу, какъ на дѣло патріотическое, затронувшее честь великой республики, и отнеслись къ нему со всею серьезностью дѣловыхъ людей. Не испытывая недостатка въ средствахъ и не гоняясь за парадной выправкой, американцы

прямо приступили къ дѣлу съ присущею имъ практичностью и безъ всякаго бряцанія ветхими рыцарскими доспѣхами.

Въ Австро-Венгріи дѣло улаженія внутреннихъ разногласій не подвинулось ни на шагъ.

Съ возобновленіемъ засѣданій рейхсрата 20-го мая начались безцѣльные дебаты, изъ которыхъ видно было, что графъ Туунъ, не поддаваясь оппозиціи, избралъ противонѣмецкій курсъ, что, разумеется, привело въ ярость нѣмецко-обструкціонистовъ. Цѣлый рядъ скандаловъ, парализовавшихъ законодательную дѣятельность парламента, разбилъ окончательно попытку графа Туна примирить чеховъ съ нѣмцами. Задача правительства оказалась неразрѣшимой: въ программу правыхъ группъ, состоящихъ изъ славянъ и нѣмцевъ — клерикаловъ, входитъ переустройство монархіи на началахъ федераціи или по крайней мѣрѣ — автономіи всѣхъ земель Австріи при равноправности языковъ; нѣмецкіе же обструкціонисты стоятъ за безусловную административную и парламентскую централизацію съ исключительнo нѣмецкимъ языкомъ. На совѣтѣ министровъ 1-го іюня, въ виду безвыходнаго положенія, рѣшено было отсрочить засѣданія рейхсрата, при чемъ наиболѣе важныя мѣры привести въ исполненіе помимо парламента императорскимъ указомъ, въ силу 14-ой статьи австрійской конституціи. Послѣ доклада графа Туна о затруднительномъ положеніи правительства въ вопросѣ объ языкахъ и экономическомъ соглашеніи съ Венгріей, императоръ Францъ-Иосифъ приказалъ отложить сессію рейхсрата до сентября. По отзыву политическихъ кружковъ, ближайшимъ новодомъ къ отсрочкѣ засѣданія рейхсрата послужилъ скандалъ 26-го мая: неоднократно призываемый къ порядку вождь оппозиціи Вольфъ упомянулъ въ своей рѣчи о „припадкѣ безмысленнаго дойляизма всѣхъ и каждаго по случаю праздноствія въ честь императора“, закончивъ скандалъ крикомъ: „нѣмцевъ заставили приближнуть къ обструкціи, а теперь остается имъ одно средство — прибѣгнуть къ революціи“.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

В. № 10820
26-13

поставщик Двора Его Величества. С.-Петербург, Невский пр., д. № 23.
Москва, по В. Лубянк, № 8, против Кузнечного моста.
♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ♦
съ подлымъ ружательствомъ на прочность механизма и вѣрность хода.
Новымъ иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

№ 4711.

№ 4711.

„РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“

(Violette du Rhin.)

Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся.

No. 4711 Savon violette
No. 4711 Sachets violette
du rhin,
du rhin.

Всѣ одинаковаго качества.

Продается и парюмер

во всѣхъ ныхъ

аптекарскихъ магазинахъ.

Ц. № 11023 (13)

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ.

Специальность: Первоклассныя по отзывамъ государственн. учреждений Желѣзисто-орѣшковые чернила

Неподдѣльно только съ соей предохранительной маркой.

D.E.M.S. № 13567

Наилучшія: для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода.

Копировальныя чернила.

Чернила для письма и копирования.

ЧЕРНИЛА ДЛЯ КНИГЪ.

„Атраль“ (жидкая китайская тушь).

Несмывающаяся тушь для бѣлыхъ.

Жидкій клей и гумми.

Краски и подушки для штемпелей.

„НАРИНЬ“ краска для клейменія мяса, безвредна, скоро высыхаетъ, не распадается отъ воды.

Автографич. и гектографич. чернила.

Гектографич. листы и масса.

Химич. фабрики чернилъ, основ. въ 1826 г.

Авг. ЛЕОНГАРДИ

въ Дрезденѣ.

Изобрѣтателя и единств. фабриканта всемірно-извѣстныхъ № 11232 12-3

Алицириновыхъ чернилъ для письма и копирования.

легко стекающихъ и вполнѣ прочныхъ желѣзисто-орѣшковыхъ чернилъ 1-го класса.

Во изобиліе поддѣлокъ просятъ обращать вниманіе на вѣлки въ Россіи этикетъ и фабрич. предохранил. м. рку.

ЧАСЫ

американскаго золота

публикуютъ во многихъ газетахъ

варшавскіе и здѣшніе

торговцы

10 руб. и 12 руб.,

въ моемъ же магазинѣ

таніе же часы продаются только по

6 р. 50 к. и 7 р. 90 к.

С.-Петербургъ, НЕВСКИЙ, 48,

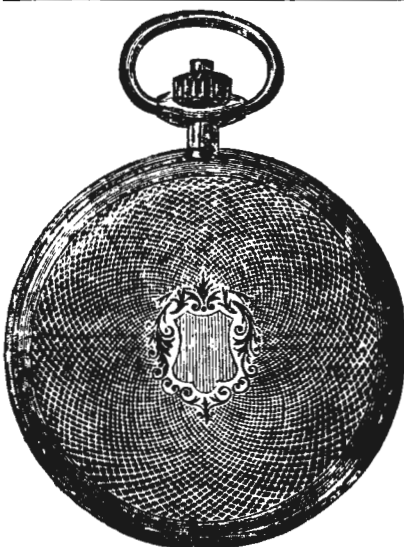
у Пассажа,

ЧАСОВОЙ МАГАЗИНЪ

представителя швейцарскихъ меневскихъ фабрикантовъ

Н. Н. Шолохова.

Иногор. высл. съ налож. платежомъ при задаткѣ 1 р.

Курите
„Московскія гильзы“
изъ всемірно-извѣстной франц. бумаги
„КАРТУШЪ“
паровой фабрика 4-4
С. М. АНАНОВА,
въ Москвѣ, у Рогожской заставы.

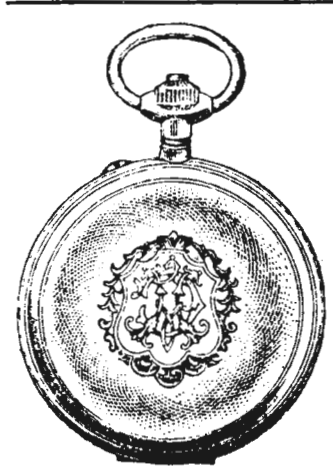
Вышелъ прейсъ-курантъ на 1898 г. спеціального оружейнаго магазина
И. И. ЧИЖОВА,
С.-Петербургъ,
51, Литейный проспектъ, 51.
По требованію высылается бесплатно.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу вторымъ изданіемъ **АЛЬБОМЪ ШРИФТОВЪ.** пропись для чертежниковъ, техниковъ, землемѣровъ и проч., съ руководствомъ къ составленію надписей на чертежахъ, планахъ, рисункахъ и т. п. Цѣна 1 р. 50 к. П. С. Вышинскаго Его же: Практическое руководство къ самоученію письма шрифтомъ „дрондъ“ съ двумя тетрадами для упражненій, цѣна 1 р. 20 к. Оба руководства продаются въ извѣстныхъ книжныхъ и писчебумажныхъ магазинахъ. Отъ автора П. С. Вышинскаго можно выписывать наложеннымъ платежомъ по адресу: Москва, Ольховская ул., д. Патановой № 8.

пишущая машина
РЕМИНГТОНЪ ШОЛЬ И К°.
соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества усовершенствованія, сдѣланныя разными фабриками по этой отрасли.
Эта машина удобна для правительственныхъ учреждений, канцелярій, а также частныхъ конторъ, банковъ и проч.
Прейсъ-курантъ высылается бесплатно. Агентамъ выгодныя условія.
Г. ЦЕТО, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, № 11278
Караванная. 16. 4-3

TEINTURE Instantanée NIGRITINE
NOIR, CHATAIN, BRUN
GELLÉ FRÈRES
6, Avenue de l'Opéra, 6
PARIS

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫЯ
ВЪ ТЕПЛОЙ **ДИСПОЗЕ** БЕЗЪ ВОДЫ * П. Н. Виноградова. * ПАРКИ
ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставкѣ 1896 года. требовать нусимъ съ стинетомъ утвержд. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ. БѢЛЫЕ получается замѣчательно чистыми. Желѣзна и пятна уничтожаются ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстра стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуются въ ТРИ РАЗА МЕНЬЕ простаго. Совершенно безвредно для тканей бѣлыхъ. Удостовер. ВАЛЪ 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа въезд. Опт. у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованному способу изготовленія часовъ моего производства, я имѣю возможность продавать съ 1 января сего года самыя элегантныя и прочныя **МУЖСКІЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличимые, даже спеціалистами, отъ настоящихъ, дорого стоющихъ золотыхъ,—крытые анкеръ, механизмъ самой лучшей конструкціи (удост. сребр. медалью на Женевской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ; по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, вмѣсто 18 и 20 руб.
только за 10 и 12 рублей.
Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящие золотыя, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе.
Такіе же дамскіе дороже на 1 р.
Письменно ружательство на 8 лѣтъ.
Выселаю вполнѣ выѣренныя часы, по полученію задатка 2 руб., остальные же наложеннымъ платежомъ. Выписывающіе за пересылку не платятъ.
Адресъ: **Ю. ГУБЕРЪ**
Одесса, Почтовая, № 21, Складъ меневскихъ часовъ. 4-2
Ц. № 11296

Безплатно получаетъ каждый выписывающій болѣе 2 штукъ настоящихъ явтарныхъ мундштуковъ для папирсы или сигаръ.

Акціонерное Общество Россійскихъ паровыхъ красильныхъ фабрикъ
въ С.-Петербургѣ, Эстляндская ул., д. № 15.
Спеціальное отдѣленіе **ПРАЧЕЧНОЕ**
производитъ стирку
СТОЛОВАГО БѢЛЫЯ, НОСИЛЬНАГО БѢЛЫЯ, ПОСТЕЛЬНОГО БѢЛЫЯ, КРАХМАЛЬНАГО БѢЛЫЯ и всякаго другаго по умѣреннымъ цѣнамъ, которыя считаетъ отъ пуда или стучно. Внимательное и скорое исполненіе работъ безъ примѣненія вредно дѣйствующихъ на ткань веществъ.

Спеціальное отдѣленіе **КРАСИЛЬНОЕ**
производитъ химическую чистку: занавѣсей, портьеръ, ковровъ, мебельныхъ матерій, мужскихъ, дамскихъ костюмовъ и проч., а также окраску всевозможныхъ матерій.
В. № 11306 2-1

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“). 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 коп.

ТОВАРИЩЕСТВО БРОКАРЪ И К^о
 ИЗОБРЕТATEЛИ
ЦВѢТЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
 УПОТРЕБЛЯЕТСЯ
 какъ: духи, туалетная вода и курение.

ПАРФЮМЕРИ
 „Персидская сирень“, духи, мыло, помада и цветочный о-де-колонъ.

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПУДРА
 ОСВѢЖАЮЩАЯ и не замѣтная на лицѣ.

УСОВЕРШЕНСТВО-ВАННОЕ
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.
 Остерегайтесь поддѣлокъ.

PASTILLES VICHY-ETAT
 aux Sels Naturels extraits des Eaux
 Vendues en boîtes métalliques scellées.

COMPRIMÉS VICHY-ETAT
 aux Sels Naturels extraits des Eaux
 pour fabriquer l'EAU ALCALINE GAZEUSE

П. № 10942 26-10

КРЕМЪ НАЗИМИ

ОТЪ ВЕЩУШЕНЪ.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ (22)
 Специальность хронометровъ СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Подробный каталогъ, предъезжающій по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

Изданія Товарищества „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“.
 Вышла первая книга, заключающая въ себѣ первые восемь томовъ Св. Зап. съ подробными къ нимъ оглавленіями и VI вып. (9-й томъ съ особ. приложен. къ нему и часть 10-го тома)
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА СВОДЪ ЗАКОНОВЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ
 ИЗДАНІЕ НЕОФИЦІАЛЬНОЕ.
 Изданіе будетъ согласовано со всеми ПРОДОЛЖЕНІЯМИ по день его выхода. Въ 16 томъ будутъ помещены въ одной или въ двухъ книгахъ, смотря по желанію гг. подписчиковъ; первая книга содержитъ въ себѣ 1-ый по 8-ой томъ, а вторая — 9-й по 16-й томъ; въ каждой книгѣ приложено подробное оглавленіе. Цѣна по подпискѣ 10 р., съ перес. и дост. 13 р.; въ одномъ перепл. 12 р., съ дост. и перес. 15 р.; въ двухъ перепл. 12 р. 50 к., съ перес. и дост. 16 р. Изданіе можно получать и выпусками по мѣрѣ отпечатанія ихъ, при подпискѣ на выпуски вносить 1 р. и съ 1 по 10-й вып. будетъ налож. платежъ по 1 р. 30 к. на каждый; городскіе подписч. безъ доставки уплачив. по 1 р. Отдѣлн. перепл. для выпуск. въ одной книгѣ 1 р. 50 к., для двухъ книгъ по 1 р. 25 к. за каждую съ перес. и дост. Подписч. Азиатской Россіи и заграницы, за перес. уплачиваютъ по разстоянію и вѣсу.

Все изданіе будетъ окончено въ концѣ 1893 г.
 Вышли первые 4 тома въ двухъ книгахъ и первые три выпуска третей книги (9, 10 и 11 вып.) удешевлен. иллюстрирован. изданія
ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ
 ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ ЭЛИЗЕ РЕКЮ.
 Въ 19 т. съ 1400 рисун. гравирован. въ Парижъ будутъ помещены въ 10 кн. четкимъ уборн. шрифтомъ. Цѣна по подпискѣ 40 р., съ перес. и доставк. 45 р. Допуск. разсрочка: подписчики выслаютъ въ задатокъ 1 р. и книги высыл. съ налож. плат. съ 1-й по 9-ю кн. по 4 р. 50 к., а 10-ю кн. 3 р. 50 к. и 20 к. за налож. платежъ. Товар. раздѣлено 10 кн. на выпуски по четыре вып. въ кажд. книгѣ, всего 40 вып. и на кажд. вып. налож. плат. по 1 р. 20 к. При подп. вносить 1 р. Все изданіе предпол. оконч. въ 1900 году. Подпис. принима.: въ Товарищ. „Общественная Польза“ С.ПБ. и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ильина, Петровскія линіи, 17.

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“ БРЕМА.
 Иллюстриров. изданіе. Полный переводъ, съ 3-го нѣмец. изд., подъ редакцію К. Н. Сентъ-Илера съ участіемъ въ отдѣлѣ птицъ проф. Д. Н. Кайгородова. Принимается подписка на все изданіе, т. е. на 10 томъ, до 1 января 1899 г. Цѣна по подпискѣ 5 р., въ перепл. 6 р. 25 к. съ перес. за каждый томъ. Допускается разсрочка: при подп. вносить 6 р. и тома высыл. ежемѣс. (или по назн. срокамъ) по одному тому, съ налож. плат. по 6 р. 12 к., а въ перепл. по 6 р. 40 к., 10-й томъ высыл. безплатно, если же въ перепл., то съ налож. платеж. 1 р. 35 к. Съ 1 января 1899 г. подписка прекратится и Цѣна каждого тома будетъ 6 р., въ перепл. 7 р., съ пересылкой 6 р. 75 к., а въ перепл. 8 р.

Извлечение изъ первыхъ трехъ томовъ иллюстрированнаго изданія „ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“ А. БРЕМА.—МЛЕКОПИТАЮЩІЯ, подъ редакцію магистра зоологій К. К. Сентъ-Илера.
 Имѣются въ продажѣ: 1) Мартышки. Ц. 20 к., 2) Летучія мыши. Ц. 15 коп., 3) Кошки. Ц. 25 к., 4) Хорьки и похонія на нихъ животныя. Ц. 20 к., 5) Гиены и волки. Ц. 15 к., 6) Собаки. Ц. 25 к., 7) Лисицы и медвѣди. Ц. 20 к., 8) Тюлени и моржи. Ц. 20 к., 9) Бѣлки и похонія на нихъ грызуны. Ц. 20 к., 10) Мыши и крысы. Ц. 20 к., 11) Бобры, зайцы и кролики. Ц. 20 к., 12) Слоны и носороги. Ц. 20 к., 13) Лошади и тапировъ. Ц. 20 к., 14) Жирафы. Ц. 15 к., 15) Нозлы и бараны. Ц. 20 к., 16) Быки. Ц. 20 к., 17) Антилопы. Ц. 20 к., 18) Олени. Ц. 20 к., 19) Свиныи и бегемоты. Ц. 25 к., 20) Иттообразныя. Ц. 20 к. За перес. слѣдуетъ прилагать по 5 к. за каждую брошюру. Выписывающіе сразу 20 бром. за перес. уплачиваютъ 70 коп.

ИСТОРИЯ РОССІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.
 Сочиненіе Сергѣя Михайловича СОЛОВЬЕВА.
 Вышли въ свѣтъ вторымъ изданіемъ всѣ 6 книгъ и указатель. Въ 29 томъ. и указат. помещены въ 7-ми книг. Цѣна по подпискѣ до 1 января 1899 г. 15 р., съ перес. 18 р. 50 к. Приобрѣтать можно и съ разсрочкой. При подп. высыл. 3 р., на остальн. сумму будетъ налож. плат., при высылкѣ 1 по 4-ю кн. по 3 р. 20 к., на 5 кн.—3 р. 70 к., а 6-я кн. и указ. высыл. безпл. Съ 1 января подписка прекратится и изданіе будетъ стоить 18 р., съ перес. и дост. 22 р. Готовлены прочи. перепл., за каждую книгу приплач. по 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к. кромѣ Азіат. Россіи и загран. подписч., каковымъ перес. за ихъ счетъ. Экземпляръ на веленовой бумагѣ стоить на 10 р. дороже. Имѣются въ продажѣ экзempl. отдѣльн. томовъ прежняго изданія ИСТОРИИ РОССІИ и стоить по 1 р. 50 к. за томъ, за исключеніемъ IX, XII и XV том., которыхъ нѣтъ.

БЕСѢДЫ СЪ ДѢТЬМИ О ЖИВОТНЫХЪ. М. М. СОКОЛОВОЙ.
 Первое знакомство дѣтей съ наиболее полезными и наиболее вредными для человѣка животными. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р. Одобрено Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученія. бібліот. низшихъ училищъ, для таконныхъ же младш. возраста, всѣхъ средн. учебн. завед., а также допущена въ безплатныя народн. читальни. Училищный при Свят. Синодѣ Совѣтъ опредѣлить допустить въ бібліотеки церковно-приходскихъ школъ.

ГОМЕРОВСКІЙ СЛОВАРЬ КЪ ИЛІАДЪ И ОДИССЕВЪ.
 Съ 102 рис. въ текстѣ и картою Трои. В. Краузе. 2-е изданіе, пересмотрѣн. и дополн. составителемъ. Одобрено Учен. Комит. Мин. Народн. Просвѣщ. въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и программъ. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДРЕВНИЕ КЛАССИКИ. Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для гимна. и программъ. Текстъ для учащихся, проверенный русскими филологами, подъ главн. редакціей В. М. Краузе: 1) Энеида Виргилія I—XII. Ц. 50 к., отдѣльно I—VI—25 к., VII—XII—25 к. II) Исторія Геродота. Ч. II, кн. V—IX. Ц. 60 к. III) Стихотвореній Горация. Ц. 50 к. IV) Рѣчь Линурга противъ Леократа. Ц. 15 к.

ОЧЕРКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ. Драматическая поэзія. Пособіе при изученіи словесности въ средн. учебныхъ заведеніяхъ, составилъ И. Гарузовъ, изд. 2-е. Книга I, съ 25 полнотажными въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. Книга II, съ 8-ю портретами. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. Обѣ книги одобр. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв., какъ классное пособіе для гимназій, реальн. училищъ и женскихъ средн. учебныхъ заведеній.

Выписываютъ, прямо отъ Товар. „Общественная Польза“ книги: 1) БЕСѢДЫ СЪ ДѢТЬМИ О ЖИВОТНЫХЪ, 2) ГОМЕРОВСКІЙ СЛОВАРЬ и 3) ОЧЕРКИ ЛИТЕРАТУРЫ — за пересылку не плататъ.

ОЧЕРКЪ ВІНОГРАДАРСТВА И ВІНОДЕЛІЯ съ ампеграфическимъ описаніемъ болѣе 1000 сорт. винограда. Часть I, сост. кн. К. С. Крапоткинъ. Цѣна 1 р., съ пересылкой 8 р. Въ перепл. 9 р., 20 к. съ перес. 12 р.

СОЧИНЕНІЕ ФРИДРИХА ШПИЛЬГАЕНА. Въ шестнадцати томахъ. Цѣна 6 р., съ пересылкой 8 р. Въ перепл. 9 р., 20 к. съ перес. 12 р.

Сочиненіе Бретъ-Гарта. Въ ШЕСТИ томахъ. Цѣна 3 р., съ перес. 4 р. Въ перепл. 4 р. 20 к., съ пересылкой 5 р. 50 к. Приобрѣтающіе сочин. ШПИЛЬГАЕНА (16 томовъ) и БРЕТЪ-ГАРТА (6 томовъ) уплачиваютъ за всѣ 21 тома 8 р., съ перес. 11 р. Каждый томъ 20 печатныхъ листовъ или 320 стр. Допускается разсрочка съ ежемѣсячной уплатой по 1 р. и книги выслаются по мѣрѣ оплатъ.

Подписка и продажа всѣхъ вышеупомянутыхъ изданій производится исключительно въ Товариществѣ „Обществен. Польза“, С.ПБ., В. Подъячская, 39.

Цена флакона 2 руб.,
 5-3
 съ пересылкой по почтѣ 2 р. 40 к.

ЭЛИКСИРЪ МЕЛАНЖЪ.
 Жидкость для роженія и укрѣпленія волюти. Имѣется во всѣхъ аптек. и космет. маг. Россіи, а въ случаѣ отказа прошу обращаться въ космет. лабораторію

БЕРТА РИСЪ,
 Москва, Н. Васманная, д. № 13.

ВЫИГРЫШ-
 НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ
 БАНКОВСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
 59, Невскій, С.ПБ. 12 10

ЖЕМЧУГЪ
 ХОРОШІЙ РОВНЫЙ
 ВЪ НИТКАХЪ И ВЪ ВЕЩАХЪ
 ПОКУПАЕТЪ 20—18
 ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ
К. ФАБЕРЖЕ.
 Москва, Кузнецкій мостъ, № 4.

ПЕЧЕНІЕ
ГЕРКУЛЕСЪ
 ИЗЪ
 АМЕРИКАНСКОЙ
 ОВСЯНОЙ КРУПЫ
 ПРОДАЕТСЯ ВЪСѢДЬ.
С.СІУИКЪ

Въ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи можно получить известное

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ
 ВЪЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ
 для чистоты и бѣлизны кожи
 Во избѣженіе подражаній тиреозаватьско

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ТУАЛЕТНОЕ, ВЪЗЕЛИНОВОЕ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ГОЛЛЕНДЕРЪ
 Разъѣзжая ул., № 13, С.-Петербургъ.

ТРЕБУЮТЕ
 для бѣлизны
 и отъ ЗАГАРА
КРЕМЪ ОРИЗА
 Пр. В. ШИМОЛЬ
 Цѣна 20 Коп. Продажи всѣхъ

Содержаніе:

ТЕНСТЪ. Красавица. Повесть В. М. Михеева.—Происхожденіе пола у наськомыхъ.—Ферганская область.—Къ рисункамъ: По грибы.—Прибой.—Общій жертвенный котель въ престольный праздникъ.—За лошадыю.—У пруда.—Послѣдній Валуа.—Г. А. Лееръ.—Н. Н. Обручевъ.—О. Б. Рихтеръ.—Катастрофа въ Бленуэлль.—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Заявленіе.—Объявленіе.

РИСУНКИ. По грибы. Картина И. А. Пелевина.—Прибой. Картина И. К. Айвазовскаго.—Общій жертвенный котель въ престольный праздникъ. Картина И. Прянишникова.—Происхожденіе гола у наськомыхъ. Рис. 1. Осмія трехрогая. Рис. 2. Антофора маскированная и ея гнѣзда. Рис. 3. Антидия манжетная. Рис. 4. Ячичникъ антиди манжетной.—За лошадыю. Картина В. Шрейбера.—У пруда. Картина В. Менцлера.—Послѣдній Валуа. Картина Ж. Люлье.—Семейство сартовъ, населяющихъ Ферганскую область.—Г. А. Лееръ.—Н. Н. Обручевъ.—О. Б. Рихтеръ.—Катастрофа въ Бленуэлль.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

Новое изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.
ТОЛЬКО-ЧТО ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ въ ПРОДАЖУ

отдѣльной книгой
ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА
ИЛИ
МЕРТВЫЯ ДУШИ.
Поэма Н. В. ГОГОЛЯ.

По редакціи Н. О. Тихонравова, съ приложеніемъ „Повѣсти о капитанѣ Нотбйнинѣ“, въ двухъ редакціяхъ, и съ „примѣчаніями редактора“.

Книга издана весьма изящно въ 8 д. л., отпечатана на хорошей бумагѣ краснымъ, четкимъ шрифтомъ и заключаетъ въ себя 444 страницы. СПб. 1898 г.

Цѣна книги 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

Съ требованіями просимъ обращаться въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербурга, Малая Морская, № 22.

СКРИПКИ

для учениковъ въ 6, 8, 10, 12, 15 и 0 руб.
для артистовъ въ 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 и до 1000 руб.
народныя скрипки въ 2 и 4 руб.

СМЫЧКИ

для учениковъ въ 1, 1½ и 2 руб.
для артистовъ въ 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.
народныя въ 50 коп.

Альты, виолончели, контрабасы, струны и разн. принад. лучш. качества по умѣреннымъ цѣнамъ.
Прейсъ-курантъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ. Складъ нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

разрѣшенъ на общихъ основаніяхъ торговли, какъ не содержащій въ составѣ своего вредныхъ здоровью веществъ.

CRÈME VENUS

№ 2960 **КРЕМЪ ВЕНЕРЫ** № 2960

новое косметическое изобретеніе. Заменяетъ румяна и бѣлила и вызываетъ на лицѣ румянецъ, не смывающійся и не исчезающій отъ пота.

СПОСОБЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ:

Натеревъ лицо бѣлымъ кремомъ Венеры, оставляютъ его такъ минуты 2—3 и затѣмъ основательно смываютъ комнатною водою съ мыломъ. Послѣ того на лицѣ появляется ПРЕВОСХОДНЫЙ РУМЯНЕЦЪ, КОТОРЫЙ ДЕРЖИТСЯ въ продолженіи многихъ часовъ.

Цѣна банки 1 р. 50 к.

Продается вездѣ. Главный складъ у С. Ф. Половой и №, Москва, Петровка.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Во избѣжаніе поддѣлокъ просимъ требовать на каждой банкѣ № 2960 и подпись склада С. Ф. Половой и №, Москва.

ОЦИНКОВАННОЕ
НИКОГДА НЕ РЖАВѢЮЩЕЕ
ГАЛЬВАНИЗИРОВАННОЕ ЖЕЛѢЗО
ДЛЯ КРЫШЪ

НЕ ТРЕБУЕТЪ НИКОГДА ОКРАСКИ.

Заводъ Н. В. ЧЕРЕПОВА.
въ Москвѣ, Тверск. заст., Петерб. сл., с. д. (10)

Прейсъ-куранты бесплатно.
Ручательство въ непроржавленіи на ДЕСЯТКИ ЛѢТЪ.

ВЫШЛО НОВОЕ ИЗДАНІЕ

П. П. Сойкина (Спб., Стрѣмянная, 12).
ПОСЛѢДНІЕ ДНИ
ІЕРУСАЛИМА.

Историческая повесть Д. Л. Мордовцева.
135 стр., на веленовой бумагѣ, цѣна 75 к.

МИРРОЛЬ **ОПТОВЫЙ Складъ**

ПОРШОКЪ УНИЧТОЖАЮЩІЙ ЗАПАХЪ ОТЪ ПОТА ПУШКИНСКАЯ АПТЕКА СПЕТЕРБУРГЪ

Пров. А. ГАККЕЛЯ Пушкинская № 9.

ИМѢЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШ. АПТЕКАХЪ И ПАРФЮМЕРН. МАГ. ИНАКЪ

И. П. № 11336 8-0

Вышесть преісъ-курантъ на 1898 г. спеціального оружейнаго магазина **И. И. ЧИЖОВА**, С.-Петербурга, 51, Литейный проспектъ, 51. По требованію высылаются бесплатно.

ЗАИКАНІЕ

вылѣчиваетъ лѣчебное заведеніе Н. Ю. ЭРМСТЪ, Москва, Б. Никитская, № 11, кв. 6.

ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.

Руководство въ самообученію 3 р.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. В. С. Соловьева. Романъ-хроника XVIII в. Время паденія Бирона и вояженія Елисаветы. Изд. 8-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскош. колѣнк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ДАРОМЪ

РАЗДАЮТСЯ **ПОРТРЕТЫ**

Писанные Карандашомъ-Верескледомъ

Чтобы распространить въ Россіи свои прелестныя портреты, писанные Карандашомъ-Верескледомъ, **АРТИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОРТРЕТОВЪ** въ Парижѣ **СОВЕРШЕННО БЕСПЛАТНО** напишетъ всякому читателю или подписчику нашей газеты портретъ Карандашомъ-Верескледомъ большой цѣнности. Для того это объявленіе должно быть отрезано и прислано вмѣстѣ съ Вашою фотографіею, по которой Вашъ портретъ долженъ быть написанъ, въ опредѣленный 25-дневный срокъ, считая съ настоящаго числа журнала, и ежели лицо предложитъ свою готовность рекомендовать наше Общество между своими родственниками и знакомыми. Просимъ писать четко Вашу фамилію и адресъ на спинкѣ фотографіи и прислать ее черезъ почту подъ слѣдующимъ адресомъ : **Мон TANQUEREY, Directeur de la SOCIÉTÉ ARTISTIQUE DE PORTRAITS, 9, rue de St-Petersbourg, Paris (France)** — Парижъ (Франція). — Ваша фотографія будетъ Вамъ возвращена безъ поврежденія вмѣстѣ съ большимъ портретомъ, какъ только послѣдній будетъ готовъ.

ТОВАРИЩЕ ТВО **„ПРОВОДНИКЪ“** Москва. * Рига. * СПЕУРГЪ.

Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. * Балата. * Провода.

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

Гигиенич. ЗАЩИТА ЖЕНЩИНЫ.
 Радикальное средство 5 шт. 1 руб. 20 коп.,
 10 шт. 2 руб. Высылают М-ше А. Миршн,
 Новороссійскъ.

**ФАБРИКА
и СКЛАДЪ**
Бруно Зенгеръ & К^о
 С.Петербургъ, Невскій Пр. №25 (бывш. Казанскій)
Фотогр. Аппараты
 и Принадл.
 (Кратк. Прейс-Курантъ безплатно.)

ВЕЛОСИПЕДЫ „НАУМАНЪ“ ПОЛЬЗУЮТСЯ ВСЕМІРНОЮ ИЗВѢСТНОСТЮ

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВО ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ ГОРОДАХЪ,
ЗЕЙДЕЛЬ и НАУМАНЪ, ДРЕЗДЕНЬ.

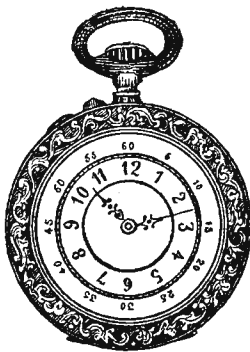
ЧАСЫ „ЭВЕЛЬДА“

**Акціонерное Общество Россійскихъ паровыхъ
красильныхъ фабрикъ**
 въ С.-Петербургѣ, Эстляндская ул., д. № 15.

Спеціальное отдѣленіе **ПРАЧЕЧНОЕ**
 производигь стирку
**СТОЛОВАГО БѢЛЫЯ,
НОСИЛЬНАГО БѢЛЫЯ,
ПОСТЕЛЬНАГО БѢЛЫЯ,
КРАХМАЛЬНАГО БѢЛЫЯ** и

всякаго другаго по умѣреннымъ цѣнамъ, которыя считаются отъ пуда или штучно.
 Внимательное и скорое исполненіе работъ безъ примѣненія вредно дѣйствующихъ
 на ткань веществъ.

Спеціальное отдѣленіе **КРАСИЛЬНОЕ**
 производить химическую чистку: занавѣсей, портьеръ, ковровъ, мебельныхъ матерій,
 мужскихъ, дамскихъ костюмовъ и проч., а также окраску всевозможныхъ матерій.
 В. № 11306 2—2

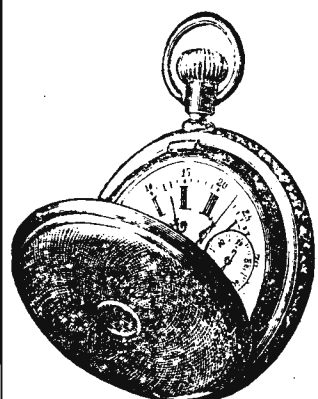

Благодаря громадному сбыту и полному усовершенствованію изготовленія часовъ, я въ состояніи продавать съ 15 ноября пр. г. изящные и прочныя карманные мужскіе часы „ЗВЕЗДА“, крытые, съ 3 крышки накладного золота, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, механизмъ самый прочный и усовершенствованный, ходъ на камняхъ, заводъ безъ ключа,

всего только за 6 р. 25 к.
 (2 шт. 11 р. 75 к.)

Письменное ручательство за вѣрность хода на 6 лѣтъ.

Часы, тщательно проверенные, высылаются по полученіи 2 руб. задатка.
 Адресъ: Торговой фирмѣ
Я. М. Варковицкаго,
 складъ часовъ въ Варшавѣ, Панская, № 5.

ЖЕНЕВСКІЙ ФАБРИЧНЫЙ СКЛАДЪ ЧАСОВЪ
ОДЕССКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
 Коблевская ул., д. № 38, кв. № 11.

Усиленное требованіе часовъ американскаго золота вынудило насъ войти въ непосредственныя сношенія съ общезвѣстной американской фабрикой, зарекомендовавшей себя изысканствомъ, прочностью и вѣрностью хода часовъ, и тѣмъ дало намъ возможность продавать часы эти, вполнѣ замѣняющіе и трудно отличимые отъ настоящихъ золотыхъ часовъ, вмѣсто 20 рублей

только за 11 рублей
 съ цѣлочкой и брелокомъ
 и по желанію заказчиковъ съ его монограммой на верхней крышкѣ часовъ.

ДАМСКІЕ ЧАСЫ ТАКІЕ ЖЕ на 1 руб. ДОРОЖЕ.

Каждые, отпускаемые изъ нашего склада часы снабжены нашей пломбой, утвержденной правительствомъ, и выдается письменное ручательство въ вѣрности и правильности хода на 6 лѣтъ. Долгодѣйнее существованіе нашей фирмы вполнѣ гарантируетъ, что гг. заказчики могутъ смѣло опуститься къ фирмѣ съ полнымъ довѣріемъ. Высылка часовъ производится наложеннымъ платежомъ по полученіи задатка одного рубля. Выписывающіе изъ Женевскаго фабричнаго склада часовъ въ Одессѣ за пересылку не платятъ.

А ДРЕСЬ:
ОДЕССКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ ЖЕНЕВСКАГО ФАБРИЧНАГО СКЛАДА ЧАСОВЪ
 гор. Одесса, Коблевская улица, д. № 38. Почтамтъ, ящ. № 765.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
 Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
 Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (86)
НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ EDELVEILCHEN
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ
 магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

А. БОЛЬТЪ и К^о.
 Москва, Ильинка.
Непромокаемая одежда:
**ПАЛЬТО,
МАКФАРЛАНЫ,
ШИНЕЛИ,
НАКИДКИ**
 мужскіе и дамскіе
 изъ лучшихъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, рисунокъ сезона 1893 г.
 Прейс-курантъ съ образцами матерій высылается безплатно.
 Бумажное бѣлье Мей и Эдлинъ.

Санаторія Биркенвердеръ близъ Берлина. Штегтинскій вокзалъ. Пригородное сообщеніе.

ФИЗИЧЕСКИ-ДИЭТИЧЕСКОЕ ЛѢЧЕНІЕ.

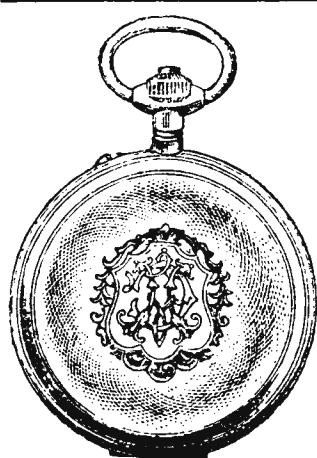
Завѣд. врачъ:
 докт. мед.
Цигельротъ,
 бывшій ассист.
 въ санаторіи
 д-ра Тамана.

Санаторія приспособлена къ лѣченію выздоравливающихъ, нервныхъ, а также хронически больныхъ.

Проспекты высылаются безплатно управленіемъ. 8—4

Въ св. маг. прод. НОВ. брош. д-ра Евг. Гурина:
 1) Способъ скорого и дешеваго лѣченія
ЧАХОТКИ
 смѣшанной дезинфекціи, под 7; 2) Ревматизма; 3) Гекторной и 12 др. брош. о лѣченіи внутренихъ болѣзней. Предупрежденіе чохотки; (по 20—30 коп.) Пересылка 10 к.
 Почт.-телегр. адр.: Нѣвъ. Д-ру ГУРИНУ.

По новѣйшей французской методѣ
„ВОРТА“
 обучаютъ кройкѣ и шитью дамскихъ, дѣтскихъ нарядовъ, верхн. платья, бѣлья и корсетовъ въ школѣ и заочно посредствомъ лекцій. Плата впередъ не взимается. По окончаніи установленное свидѣтельство. Условія высыл. безплатно. Нѣвъ, Фундуклеевская, № 27,
 Е. Д. АШМАРИНА.

Благодаря большому сбыту и новому усовершенствованію способу изготовленія часовъ моего производства, я имѣю возможность продавать съ 1 января сего года самыя элегантныя и прочныя **МУЖСКІЕ ЧАСЫ** американскаго золота, трудно отличаемо, даже специалистомъ, отъ настоящихъ, дорого стоющихъ золотыхъ,—крытые анверъ, механизмъ самой лучшей конструкціи (худост. серебр. медалью на Женевской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрасною цѣлочкою, тоже американскаго золота, съ брелокомъ; по желанію заказчика, съ его монограммой на верхней крышкѣ, вмѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 рублей.
 Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили настоящие золотыя, а въ послѣднее время и у насъ входятъ во всеобщее употребленіе.

Такіе же дамскіе дорожки на 1 р.
 Письменное ручательство на 8 лѣтъ.
 Высылаю вполнѣ вѣрныя часы, по полученіи задатка 2 руб., остальные же наложеннымъ платежомъ. Выписывающіе за пересылку не платятъ.

Адресъ: **Ю. ГУБЕРЪ**
 Одесса, Почтовая, № 21, Складъ женевскихъ часовъ. 4—3

Безплатно получаетъ каждый выписывающій болѣе 2 штукъ настоящихъ яптарныхъ зажигалокъ или папиросъ или сигаръ.

XXIX г.

№ 26

Выданъ 27 июня 1898 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. С. ТУРГЕНЕВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 1 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXIX

1898

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „Ниву“ 1898 г.

Выставка С.-Петербургскаго Общества художниковъ. „По грибы“. Съ карт. И. А. Пелевина (искл. право воспроизв. въ гравюрѣ принадл. „Нивѣ“) грав. И. Павловъ.

Красавица.

Повѣсть

В. М. Михеева.

I.

Едва Саша Егорова успѣла вскочить въ вагонъ третьяго класса, какъ поѣздъ двинулся. Дѣвушка оглянулась. Вагонъ былъ полонъ дачниками, которые ѣхали, какъ и она, послѣ дневныхъ занятій, въ дачныя мѣстечки, столь частыя по линіи этой желѣзной дороги.

Но Саша знала, что ей стоять не придется. Не безъ раздраженія и тайной стыдливости она уже давно замѣтила, что ея наружность всегда обращаетъ на себя вниманіе и немедленно вызываетъ любезность со стороны мужчинъ: и знакомыхъ, и не знакомыхъ. И на этотъ разъ не успѣла она обвести вагонъ взглядомъ, какъ съ ближайшей къ выходу скамьи поднялся худощавый человекъ среднихъ лѣтъ въ кителѣ и фуражкѣ военнаго врача.

— Александра Климентьевна! — сказалъ онъ нѣсколько визгливымъ и слащавымъ голосомъ, приподнимая фуражку надъ лысоватой головой. — Пожалуйста, садитесь! Я постою.

И онъ отошелъ на шагъ отъ деревянной залоснившейся лавки, на которой сидѣлъ.

— Онисимъ Николаевичъ, вы къ брату? — спросила своимъ низкимъ, бархатисто-звучнымъ голосомъ Саша, садясь на его мѣсто.

Она бы охотно не воспользовалась любезностью доктора, но, во-первыхъ, знала, что это было бы напрасно: Ротиковъ все же бы настоялъ на томъ, чтобъ она заняла его мѣсто. Во-вторыхъ, она черезчуръ утомилась, простоявъ съ 9 часовъ до 5 передъ своей конторкой въ правленіи этой самой желѣзной дороги. Ноги ея невольно подкашивались. Заниматься же сидя за конторкой, для нея было еще хуже: приходилось бы сгибаться, а отъ этого у Саши всегда болѣла грудь, несмотря на ея сильное, стройное сложеніе.

И недовольная навязчивой, какъ ей показалось, любезностью доктора, она все-таки не безъ отрады опустилась на его мѣсто. Слегка разсердила ее при этомъ и подчеркнутая готовность быть любезнымъ, которую обнаружилъ сосѣдъ по скамьѣ сперва доктора, теперь Саши, франтовато одѣтый господинъ. Онъ сейчасъ же усиленно отодвинулся, притиснувъ сосѣдку свою съ другой стороны, тучную даму купеческаго вида. Вспотѣвшее пухлое лицо дамы нахмурилось, но нахмурилась и Саша.

Рѣшительно, это ухаживанье за ней и своихъ, и постороннихъ раздражало ее; въ особенности же это скрытое заглядыванье на нее мужчинъ, безъ котораго никогда нигдѣ не удается ей сдѣлать шагъ. Хотя они и стараются изъ деликатности замаскировать это жадное заглядыванье, но она всегда неизбежно его замѣчаетъ, и ей всегда дѣлается и стыдно, и противно.

Вотъ и теперь и ея сосѣдъ по скамьѣ, и докторъ Ротиковъ, и другіе мужчины въ вагонѣ—она чувствуетъ, чувствуетъ, — хотя украдкой, но смотреть на нее. Ну, красива она, пусть это, дѣйствительно, такъ, какъ всѣ ее увѣряютъ, но какое же ей-то дѣло? Зачѣмъ заставлять ее выносить эти масляные взгляды? Досада все болѣе разгоралась въ душѣ Саши.

И какая опять для нея неудача! Какъ ласкала она себя надеждой, выйдя въ ихъ дачной мѣстности изъ вагона, пройтись „одной-одинѣшенькой“ по той зеленой лѣсной прогалинѣ, которая тянется отъ станціи до ихъ дачи почти на полторы версты разстоянія. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ 7 часовъ, проведенныхъ въ душномъ правленіи, за книгами и счетами, послѣ многолюдства и толкотни вагона, какъ отрадно было бы, не стѣсняясь никого, идти одной по травѣ, между развѣсистыхъ деревьевъ, слушая шумъ вѣтра въ лѣсу, чириканье птицъ, и только всей своей уставшей грудью дышать, дышать воздухомъ лѣса.

Дача ихъ такъ отдалена, такъ уединенна, что по этой прогалинѣ никто почти не ходитъ. А Саша такъ любить уединеніе. И оно такъ рѣдко выпадаетъ ей на долю. Днем, на службѣ, среди служащихъ, вечеромъ дома, среди своихъ и чужихъ, часто наполняющихъ и ихъ тѣсную городскую квартиру, и ихъ дачу, эту избу, похожую на узкій хлѣвъ—она всегда на людяхъ! Эти уединенныя прогулки по лѣсу только и спасеніе для нея. Во время такихъ прогулокъ, по крайней мѣрѣ, никто не „заглядывается“ на нее, чтѣ ей такъ противно, ни съ кѣмъ не приходится вести давно надоѣвшихъ ничтожныхъ разговоровъ. Но при всегда окружающихъ ее и своихъ, и чужихъ, и въ городѣ, и на дачѣ, и одинокую-то прогулку урвать ей приходится рѣдко: непременно кто-нибудь „навяжется“: ее всѣ такъ любятъ. Гнать ихъ, что ли, отъ себя? Да развѣ она можетъ гнать? Она слова рѣзкаго сказать не умѣетъ.

Не даромъ она сегодня такъ радовалась: пойдеть до дачи одна, нарочно пойдеть тихо-тихо, сниметъ шляпку; пускай ея подрѣзанные послѣ тифа и доросшіе пока только до плечъ волосы треплются по вѣтру; она такъ любитъ, когда ихъ пряди, темныя, шелковистыя,

касаются ея смуглыхъ щекъ; точно кто украдкой ласкаетъ ее... Ее вѣдь никто и никогда не ласкалъ; мама такая сдержанная, а больше никому, даже братьямъ, она никогда бы и не позволила приласкать ее: она въ этомъ отношеніи такая дикая... Вотъ почему ей всегда и легче одной: не боится она тогда ничьей ласки, ничего ненужнаго вниманья...

Вотъ почему ей всегда такъ досадно, когда исчезнетъ надежда побыть одной, какъ это случилось теперь. Ротиковъ ѣдетъ къ ея брату. Это понятно и безъ его утвердительнаго кивка на ея вопросъ: къ кому же доктору ѣхать въ ихъ дачную мѣстность, какъ не къ Климентію! Значитъ, онъ будетъ сопровождать ей до дачи. И заведетъ свои обыкновенные безконечные разговоры объ успѣхахъ науки и его личныхъ. Хорошо, что хоть теперь-то онъ молчитъ. Украдкой смотреть на нее, а молчитъ. Это даже удивительно. Онъ такой говорунъ!

Все это проносилось въ головѣ Саши, въ то время, какъ она, неподвижно прислонившись къ жесткой спинкѣ сидѣнья и немного отклонившись отъ своего сосѣда, закрыла глаза и стиснула губы, прислушиваясь къ грохотанью и подрагиванью поѣзда. И она не замѣтила, какъ, утомленная и своимъ трудовымъ днемъ, и июльскимъ зноемъ, и духотою пыльнаго вагона, и досадой на доктора, испортившаго ея прогулку, — задремала.

Она очнулась, услышавъ надъ самымъ своимъ ухомъ слова:

— Александра Климентьевна, пріѣхали.

Она разомъ широко открыла свои темные большіе глаза и отклонилась отъ спинки сидѣнья.

Надъ ней стоялъ докторъ Ротиковъ, и любезно, и смущенно улыбался. Она быстро встала во весь свой высокій ростъ, такъ что докторъ, чтобъ не столкнуться съ ней грудью, долженъ былъ откачнуться назадъ. Она, не замѣтивъ этого, все еще въ полуснѣ, крѣпко стискивая руками старый саквояжъ съ бумагами, который замѣнялъ ей портфель, спрыгнула изъ вагона на платформу, сдѣлала нѣсколько шаговъ на боковую дорожку и по этой дорожкѣ достигла прогалины, по которой ей нужно было идти.

Прогалина была не широкая; по самой серединѣ ея тянулась не посыпанная пескомъ, темная и узкая дорожка. По бокамъ прогалины стояли высокія развѣсистыя березы, за ними плотной стѣнной тѣснились болѣе молодыя и низкая осиновая поросль. Вдали, въ глубинѣ виднѣлся темно-синій хвойный боръ.

Саша шла быстро. Она сердилась на себя за то, что заснула въ вагонѣ, среди этой чужой, деликатно-наглой публики. Воображалось ей, какъ она была хороша съ полураскрытымъ ртомъ спящей, какъ, уже нисколько не маскируя свое вниманіе, глядѣлъ на ея откинувшееся во снѣ лицо ея франтъ-сосѣдъ въ вагонѣ. Отъ одной этой мысли горячій румянецъ стыда залилъ щеки дѣвушки. И доспалась до того, что докторъ разбудилъ ее уже тогда, когда поѣздъ остановился!

И ей вспомнилась снисходительная, смущенно любезная улыбка доктора, съ которой онъ ее будилъ. Доктору совсѣмъ не слѣдовало улыбаться. Улыбка придаетъ его лицу смѣшное и даже глуповатое выраженіе, неприятно растягивая темныя губы доктора, которыя такъ некрасиво обрамлены жидкими бѣлесоватыми усами, и какъ-то по-старчески выдвигая его острый подбородокъ съ бородой, похожей на прилипшія клочки пакли.

Да, докторъ не красивъ, но онъ вовсе не микроцефаль, не идиотъ, какъ увѣряетъ ея братъ Кондратій, указывая на коническій, лысоватый черепъ Ротикова. Братъ Климентій, товарищъ его съ академіи, считаетъ Онисима Николаевича человѣкомъ не весьма даровитымъ, но отнюдь не недалекимъ, а брата Климентія

всѣ свои и многіе чужіе считаютъ умницей, чуть не гениемъ. Притомъ Ротиковъ очень добръ. Это очевидно и для самой Саши: вѣдь дѣти къ нему привязываются, и онъ охотно проводитъ съ ними цѣлыя часы. Напримеръ, „малый“, воспитанникъ ея мамы, на что ужъ не сообщительный и сдержанный ребенокъ, а съ докторомъ готовъ разговаривать цѣлый день.

Да что это она? Оправдываетъ что ли доктора въ чемъ? Въ томъ, что онъ улыбался, разбудивъ ее въ вагонѣ? Да развѣ можно было не улыбаться, видя, какъ 25-лѣтняя дѣвушка, съ ея сложеніемъ „валкири“ — тоже слово брата Кондратія — засыпаетъ въ вагонѣ, среди чужихъ, какъ малютка!

Какое дѣло чужимъ, что она смертельно устала отъ работы въ правленіи, отъ вѣчнаго своего душевнаго раздраженія, что она почти не спитъ ночей, особенно теперь, лѣтомъ, когда эти ночи такъ душины. Даже то, что она уходитъ на сѣноваль и ложится тамъ на сѣно—даже это не помогаетъ. Запахъ сѣна и видное въ щели полное звѣздъ лѣтнее небо, ранняя возня птицъ и домашнихъ животныхъ, которую слышно уже въ 2 часа утра—все это еще болѣе, чѣмъ духота дачи, лишаетъ Сашу сна. И лежитъ она цѣлыя ночи, судорожно вытянувъ руки и ноги, стиснувъ зубы, и ни на мигъ не закрываетъ глазъ, съ упорной и непонятной тоской смотря въ ночной мракъ!

И чѣмъ дальше, тѣмъ эта ея бессонница дѣлается упорнѣе. „Малокровіе!“—говоритъ Климентій. А Кондратій и совсѣмъ не стѣсняется. „Влюбиться надо, сестренка, замужъ пора!“—не разъ ужъ шепталъ онъ ей, лукаво заглядывая въ ея глаза своими дерзкими и безпечными глазами. Влюбиться?.. Въ доктора, или въ... Данилу Евстафьевича?

Саша вздрогнула, когда ея мысли остановились на этомъ имени. Она совсѣмъ не замѣчала, что идетъ очень быстро, такъ что докторъ едва поспѣваетъ за ней. Ротиковъ отъ самой станціи шелъ за ней, молчаливый и смущенный. И она вдругъ, только теперь, почувствовала его за своей спиной. Краска еще болѣе залила ея лицо. Она не стала разбирать, отчего: оттого ли, что ей вспомнился Данила Евстафьевичъ; оттого ли, что она была теперь такъ невнимательна и невѣжлива по отношенію къ доктору. Она сразу и рѣзко повернулась къ Ротикову.

— Простите меня, Онисимъ Николаевичъ!—начала она дрогнувшимъ голосомъ.

— Помилуйте, Александра Климентьевна. Вы, вѣроятно, очень устали. Торѣнитесь домой отдохнуть,—мягко сказалъ докторъ, также краснѣя и неловко двигая своими острыми локтями.

— Вовсе я не такъ устала! Вы сами виноваты! Что вы все молчите сегодня?—сказала Саша и, приостановившись, дала доктору возможность поровняться съ нею.

II.

Нѣкоторое время Саша и докторъ шли рядомъ нога въ ногу, чему способствовала почти мужская походка дѣвушки. Докторъ былъ необычайно красенъ и упорно смотрѣлъ въ траву своими водянистыми глазами.

„Что онъ сегодня? Точно къ смерти приговоренъ“,—неволью подумалось Сашѣ. Она почувствовала, что ей жаль его. Добрая дѣвушка легко переходила отъ какихъ угодно чувствъ къ ощущенію жалости и желанія помочь тому, кого ей становилось жалко.

— Онисимъ Николаевичъ!—начала она мягкимъ голосомъ, поднимая на доктора свои глаза.

Въ такія минуты доброты и жалости къ людямъ Саша казалась особенно прелестной, чего, конечно, сама не сознавала. Ея продолговато-овальное лицо съ нѣсколько строгими чертами сразу дѣлалось болѣе женственнымъ, а глаза, эти великолѣпные, мрачные

глаза, за которые Кондратій прозвалъ сестру: *belle ténébreuse*, подергивались такой бархатной ласкающей нѣжностью, что отъ нихъ было трудно оторваться. И вотъ такіе глаза смотрѣли теперь на доктора. Онъ не выдержалъ. Онъ схватилъ своими граблеобразными большими руками ея также не маленькую, но удивительно изящно очерченную руку и голосомъ, который отъ волненія и подступившей къ горлу доктора нѣжности, сталъ еще тоньше и визгливѣе, быстро заговорилъ:

— Александра Климентьевна! Я не только къ Климентію Климентьевичу, я и къ... вамъ!

— И ко мнѣ?—удивилась Саша и сейчасъ же отняла у доктора руку.

Если-бъ это не было черезчуръ грубо, она бы рѣзко отодвинулась отъ доктора на ходу. Она уже предчувствовала, въ чемъ дѣло. Но докторъ не далъ ей вполне опредѣленно сознать это предчувствіе. Онъ, прибавляя шагу и точно гонясь за ней, сутулый и неловкій, снова заговорилъ то хрипло, то визгливо, очевидно, въ крайнемъ волненіи.

— Александра Климентьевна, моя командировка при бактериологической лабораторіи здѣшняго военнаго госпиталя кончается черезъ недѣлю. Я вынужденъ буду уѣхать въ полкъ, гдѣ я состою младшимъ врачомъ... Отсрочить болѣе уже никакъ невозможно.

— Да и зачѣмъ же вамъ отсрочивать?—почти рѣзко подхватила его слова Саша.—Климентій говоритъ, судя по его разговорамъ съ вами, вы изучили все, что могли изучить здѣсь въ лабораторіи...

Саша говорила это, а глаза ея такъ и сверкали мрачнымъ огнемъ. Никогда еще, быть-можетъ, она не оправдывала такъ клички *belle ténébreuse*, какъ въ эту минуту.

— Конечно, конечно, я поработалъ здѣсь и... изучилъ, что могъ,—точно робѣя и задыхаясь, продолжалъ докторъ.—Вотъ въ Парижъ бы съѣздить... но я, конечно, объ этомъ и не мечтаю... Я радъ-радѣхонекъ, что хоть другая-то мечта моя исполнится, и то хорошо.

— Какая другая мечта?—совсѣмъ сурово спросила его Саша, сверкнувъ почти гнѣвно глазами.

— А видите, дорогая Александра Климентьевна,—заторопился докторъ.—Мнѣ уже обѣщали перевести меня изъ полка въ мѣстный военный лазаретъ. Кромѣ того, отецъ даетъ мнѣ 5000 рублей, конечно, заимообразно, на 10 лѣтъ. И вотъ я, при лазаретѣ, откроею на эти деньги свой собственный аналитическій кабинетъ... для разныхъ изслѣдованій, въ бактериологическомъ отношеніи. Представьте, теперь, въ провинціи, если хочешь что анализировать, хоть воду напримеръ мѣстную, надо посылать въ Москву, а тогда тутъ же, на мѣстѣ... Вы знаете, по моему расчету, это будетъ давать мнѣ тысячи четыре въ годъ; конечно, и практикой займусь... Такъ что тысячъ за пять годового дохода ручаюсь... Да, не въ томъ дѣло. А подумайте, какая польза городу. Вѣдь бактериологія теперь совсѣмъ первернула медицину и гигиену... А тамъ, въ провинціи, нѣтъ лабораторій, слѣдовательно и возможности изслѣдовать инфекціонные случаи... тамъ и всѣ доктора, и наши военные, полковые... все вѣдь это эскулапы старой школы... Ну, иной еще почитываетъ хоть медицинскіе журналы, а солидные сочиненія, главное же практическое обученіе бактериологіи, гдѣ же это тамъ? Ну, вотъ я и... Посудите, какая польза, и товарищамъ-докторамъ, и больнымъ, и, напримеръ, городскому управленію, относительно оздоровленія больницъ, богадѣленъ, школъ...

Докторъ отъ волненія не договорилъ. Онъ окончательно задыхался, поспѣвая за Сашей, которая все ускоряла шагъ.

— Ну, вотъ и отлично. Я очень рада за васъ,—сказала дѣвушка, не смотря на него.

Прибой. Съ картины И. К. Айвазовскаго, грав. Н. Шевырдяевъ. (Гравюра удостоена преміи на конкурсѣ въ Императорскомъ Обществѣ Поощренія художествъ.)

Общій жертвенный котель въ престольный праздникъ. Съ картинъ И. Пранишкова грав. И. Палговъ.

— Рады, — весь востепенулся докторъ и побѣждалъ, уже слегка обгоняя ее: — рады? Это меня очень ободряетъ, дорогая Александра Климентьевна, очень, очень! Потому что, видите ли... Я бы не осмѣлился все это говорить вамъ, но... я, мнѣ кажется, достаточно васъ узналъ... Мнѣ искренне жаль васъ, Александра Климентьевна... Такая чудная дѣвушка, какъ вы, и корпите, до крайняго утомленія, въ правленіи этихъ желѣзнодорожныхъ акулъ! Съ вашимъ умомъ, съ вашими способностями, съ вашей душой убивать молодую жизнь надъ счетомъ шпаль, гаекъ въ этихъ ихнихъ книгахъ, фактурахъ!

„Хорошо, что не прибавилъ: „съ вашей красотой“, — гнѣвно подумала Саша, съ непонятной боязнью чего-то слушая взволнованную рѣчь доктора и идя все поспѣшнѣе, точно надѣясь не дать ему договорить до конца прежде, чѣмъ они придутъ домой. Но теперь она уже чувствовала, что докторъ успѣетъ договорить, и ей неизбѣжно придется выслушать то, чего она всѣми силами души не хотѣла услышать отъ него. Очевидно, докторъ сразу пошелъ къ дѣлу. И, точно пытаясь отклонить его въ сторону и тѣмъ отдалить нежеланное признаніе, она сказала:

— Вы знаете, Онисимъ Николаевичъ, я не по доброй волѣ корплю въ правленіи. Папа, умирая, ничего не оставилъ кромѣ долговъ да архитектурныхъ проектовъ общественныхъ зданій со смѣтами, по которымъ никто не хотѣлъ строить ни при немъ, ни послѣ. Большая мама можетъ, и то съ трудомъ, только хлопотать по хозяйству. У Климентія своя семья, и, вы знаете, онъ, при всей своей извѣстности, больше сидитъ надъ микроскопомъ, ему не до практики, и зарабатываетъ онъ гроши, больше, какъ доцентъ. Ну, а Кондратій? За того и до сихъ поръ приходится намъ же съ мамой платить въ театральное училище... Когда-то онъ еще, сдѣлавшись великимъ артистомъ, осыплетъ насъ золотомъ!

Саша говорила все это почти спокойно, безъ всякаго озлобленія. Но зато докторъ весь согнулся и, ударяя себя кулаками въ сухую грудь, совсѣмъ завизжалъ:

— Знаю, знаю, чудная вы дѣвушка, знаю и терзаюсь! И вотъ, вамъ Богомъ клянусь, половину, половину заработка буду отдавать вамъ для вашихъ родныхъ. Оба ваши брата люди талантливые, люди особенные, ну и пусть ничто имъ не мѣшаетъ культивировать эти таланты... А мы и на половину проживемъ, на какія-нибудь двѣ-три тысячи: много ли въ провинціи надо!.. И еще какъ счастливы будемъ!

Мечта объ этомъ счастьи очевидно такъ увлекла доктора, что онъ забылъ, что не только не получилъ еще согласія, но даже и не сдѣлалъ предложенія. Лицо Саши горѣло, грудь поднималась высоко. Никто еще ни разу не дѣлалъ ей предложенія, хотя такая бездна мужчинъ находила ее не только хорошенькой, но красивой. И она никакъ не ожидала, что ощущение того, что ей дѣлаютъ предложеніе, зальетъ такимъ мучительнымъ стыдомъ ея душу, — душу дѣвушки, которой ужъ за 20-ть, которая смѣло видѣла, понимала и читала многое, что доступно не всякой барышнѣ. Саша и не подозрѣвала въ своей преждевременной жизненной и умственной опытности, что въ глубинѣ души ея сохранилась такая наивно-стыдливая дѣвочка. Недаромъ Кондратій, при всей ея свободѣ держаться, бранитъ ее ригористкой.

Да, она и въ самомъ дѣлѣ ригористка: видѣтъ со стороны, читать и думать наединѣ она себя позволяетъ давно многое; но на самый невинный двусмысленный намекъ при ней отвѣтитъ такимъ взглядомъ, что отобьетъ охоту навсегда отъ всякой дерзости... И вотъ теперь это явное намѣреніе мужчины, даже съ наилучшими дѣлами, несомнѣнно добраго, хорошаго, —

взять ее, получить право дѣловать ее, обнимать, назвать своей — о, какимъ огнемъ стыда обожгло это намѣреніе все существо Саши! И тутъ ужъ не отдѣлаешься суровымъ взглядомъ, тутъ не намекъ, не шутка, тутъ вопросъ цѣлой жизни человѣка... Да, но по какому праву этотъ человѣкъ говорить такъ, будто она уже согласилась? И къ жгучему стыду въ груди Саши прибавился внезапный гнѣвъ.

— Я не понимаю васъ, докторъ, — начала она гордо, и ноздри ея „римскаго“ носа затрепетали, и „античная“, по увѣренію все того же Кондратія, грудь высоко поднялась.

Докторъ вдругъ поблѣднѣлъ. Его маленькіе, свѣтлые глаза стали по-дѣтски жалкими.

— Александра Климентьевна, Александра Климентьевна, — взмолился онъ: — ради Бога, не думайте... Не смѣю же я надѣяться, что вы можете полюбить меня, несмотря на все мое благоговѣніе передъ вами... Нѣтъ, гдѣ ужъ! Но и по моимъ наблюденіямъ, и по увѣренію вашихъ братьевъ, да и по мнѣнію вашей почтенной матушки... всѣ мы вѣдь часто, безъ васъ, говоримъ о васъ... вы не принадлежите къ тѣмъ дѣвушкамъ, у которыхъ кровь способна загораться... словомъ... ваша дивная разумная натура...

Докторъ залпулся и безпомощно мигалъ своими блесоватыми рѣсницами.

— Вы хотите сказать, что я не способна увлечься, — глухо, сдержанно, полузакрывая глаза, точно желая ободрить доктора, сказала Саша: — что я могу разумно взвѣсить достоинства человѣка...

— Вотъ, вотъ, дорогая Александра Климентьевна, именно, именно! — обрадовался докторъ, забѣгая впередъ своими длинными и худыми ногами и пытаясь съ восхищеніемъ и нѣжной благодарностью заглянуть въ глаза своей спутницѣ.

Но это ему не удалось. Саша совсѣмъ опустила вѣки и шла теперь тише, молча, странно сосредоточенная и блѣдная. Докторъ также не находилъ, что еще сказать. Ему, съ его по-дѣтски впечатлительной душой, казалось уже окончательно, что, несмотря на всю его внѣшнюю нескладность, которую онъ, не безъ глубокаго скрываемаго огорченія, сознавалъ, — ему казалось, что сейчасъ раздастся изъ этихъ милыхъ женскихъ губъ желанное стыдливое „да“... И когда губы Саши, дѣйствительно, какъ бы собирались сказать что-то, онъ такъ и повисъ надъ ней, жадный и умиленно-счастливый. Но его ждало разочарованіе. Милыя губы сказали не то.

— Такъ вы... безъ меня... съ нашими часто говорите обо мнѣ? — спросила медленно Саша, не поднимая сурово опущенныхъ глазъ.

— Да, да, какъ же... — забормоталъ докторъ, смущенно: — вѣдь я у васъ въ семьѣ, Александра Климентьевна, почти какъ свой... Климентія Климентыча я обожаю... еще со скамьи военной академіи. Потомъ насъ судьба развела, его послала въ Парижъ, къ Пастеру, а я попалъ въ захолустье, въ полкъ... но потомъ опять встрѣтились здѣсь... Правда, отслуживъ за границу 4 года, онъ оставилъ военное вѣдомство... но я не столько въ нашей лабораторіи... сколько у него и научился-то... недаромъ предрекаютъ — въ немъ восходитъ звѣзда бактериологіи. Ваша матушка — это такая дивная старушка. А Кондратій Климентьевичъ — развѣ это не блестящій, не талантливѣйшій молодой человѣкъ? А вашъ покойный батюшка... не удалось мнѣ быть съ нимъ лично знакомымъ... но по рассказамъ вашей матушки, какой бы это чудный былъ архитекторъ... если-бъ онъ умѣлъ ладить съ людьми, да не увлекался этими проектами общественныхъ построекъ! Словомъ, вся ваша семья... Такъ что и я чувствую себя, точно свой... — опять залпулся докторъ, робко взглядывая на Сашу.

— А вамъ не кажется, — вдругъ совсѣмъ медленно заговорила она и пошла еще тише: — что вотъ эта неприятная особенность отца, это фантазерство о какихъ-то общественныхъ постройкахъ, это неумѣнье ладить съ людьми — словомъ все то, что, при его несомнѣнныхъ способностяхъ, оставило насъ послѣ него нищими, хотя онъ умеръ далеко не молодымъ, все это... по наследственности... могло отразиться и на натурахъ дѣтей?.. А вѣдь это опасное наследство... вѣдь оно можетъ очень повредить мирной жизни скромнаго семейнаго очага — высшего счастья по-вашему.

Глаза Саши совсѣмъ закрылись, и губы плотно стиснулись, когда она проговорила это.

— Дорогая моя, — съ великимъ возмущеніемъ всплеснулъ руками докторъ: — ну, относительно вашихъ братьевъ, ну, положимъ... въ нихъ обонхъ есть что-то... ну, не совсѣмъ нормальное, если хотите... Но вы-то, вы-то, богиня благоразумія, какъ называетъ васъ Кондратій Климентьевичъ, — и совершенно, совершенно справедливо... Вы, такая великолѣпная, поденная труженица... вѣдь все правленіе говорило это не разъ вашей матушкѣ... Да я на васъ, какъ на каменную гору... я...

Докторъ хотѣлъ еще что-то прибавить. Но Саша остановила его.

— Сейчасъ я вамъ не скажу ни да, ни нѣтъ, — быстро проговорила она: — подождите... нѣсколько. А теперь... вонъ братъ идетъ! — и она указала въ глубь прогалины.

III.

Дѣйствительно, вдали показалась высокая, статная фигура Кондратія. Его широкополая соломенная шляпа и свѣтлая русская рубашка на выпускъ выдѣлялись яркимъ пятномъ на темной синевѣ сосноваго бора. Ротиковъ вглядѣлся своими подслѣповатыми глазами въ Кондратія, — и вдругъ, весь глубоко взволнованный, сжавъ обѣ руки Саши своими потными костистыми руками, забормоталъ, захлебываясь и даже брызгая слюной:

— Чудная моя! Ни да, ни нѣтъ! Подожду, подожду. Сколько хотите, подожду. Хоть вѣчность. А теперь... я уйду... я, знаете, такъ потрясенъ, такъ ошарашенъ, что не могу... при Кондратіи Климентьевичѣ... я побѣгу... я поспѣю на поѣздъ въ Москву... А завтра, завтра же... И не говорите, что я былъ... Я не могу: вся душа...

И, не кончивъ своихъ беспорядочныхъ восклицаній, онъ крѣпко и неожиданно поцѣловалъ руку Саши и быстро побѣжалъ назадъ, туда, гдѣ было полотно желѣзной дороги. Чтобъ скрыться отъ глазъ Кондратія, онъ побѣжалъ лѣсомъ, гдѣ сейчасъ же и исчезъ между деревьевъ. Все это онъ совершилъ очень быстро и совсѣмъ неожиданно для самого себя.

При всей его вѣрѣ въ благоразуміе Саши и въ свои скромныя душевныя достоинства, которыя она способна оцѣнить, при всей своей мечтательной увѣренности, что она не отринетъ его руки, — это „ни да, ни нѣтъ“ Саши поразило его такой неожиданностью, такимъ восторгомъ, что онъ точно обезумѣлъ. А попасть, въ такомъ настроеніи, на глаза Кондратію, котораго дерзкій языкъ и безъ того, въ глаза и за глаза, не щадилъ доктора — это его положительно испугало. Скрыть же своего настроенія онъ не былъ въ силахъ: онъ чувствовалъ, что счастливъ, какъ дуракъ, и ужъ, конечно, глупъ съ виду. А еще товарищи по гимназіи говорили ему: „когда ты, Ротиковъ, чѣмъ-нибудь очень доволенъ, не кажись людямъ: ужъ больно у тебя идиотскій видъ бываетъ“. И они правы: онъ зналъ это несчастное свойство своей и безъ того невзрачной наружности. И вотъ онъ убѣжалъ отъ Кондратія, отъ всѣхъ...

Саша стояла неподвижно тамъ, гдѣ ее такъ вне-

зпно покинулъ Ротиковъ. Она медленно вытирала носовымъ платкомъ то мѣсто руки, гдѣ оставили влажный слѣдъ всегда нѣсколько мокрыхъ губъ доктора. Она была блѣдна. Сквозь ея нѣжно-оливковую смуглоту — эта блѣдность выступала оттѣнкомъ старой слоновой кости. Въ глазахъ ея стояла туча мрачнаго раздумья, тоски и отвращенія къ чему-то. Кондратій въ это время приблизился, встряхивая на ходу своими золотистыми кудрями и помахивая хлыстомъ.

— Вотъ такъ belle ténébreuse! — воскликнулъ онъ тономъ капризнаго баловня, посмотрѣвъ на сестру глазами, похожими на ея глаза. — Пари держу! — продолжалъ онъ, хлопая хлыстомъ по своимъ высокимъ лакированнымъ сапогамъ: — отгадаю причину вашей мрачности, Шуринька. Но прежде, моя красавица, позвольте взять вашъ саквояжъ, сіе потертое вмѣстилище вашихъ отвратительныхъ дѣловыхъ бумагъ.

И, граціозно приподнявъ шляпу и поклонившись, онъ взялъ изъ рукъ сестры саквояжъ, чего, при всей любви къ Сашѣ, не догадался сдѣлать неловкій докторъ.

— Саша! Вѣдь я не ошибаюсь, — продолжалъ Кондратій, весело крутя саквояжъ сильной рукой надъ своей головою: — съ тобою былъ микроцефаль. И навѣрняка сдѣлалъ тебѣ предложеніе! И ты ему, разумѣется, наклеила носъ. И онъ, понятно, бѣжалъ какъ ошпаренный въ „широкошумныя дубравы“!

Все это Кондратій говорилъ декламаторскимъ тономъ, очевидно самъ любясь переливами своего молодого звучнаго голоса. Саша, не двигаясь съ мѣста, подняла на брата большіе мрачные глаза.

— Ты угадалъ, но не совсѣмъ! — медленно произнесла она. — Все это было такъ, но я ему не отказала, а сказала, что подумаю.

— С-саша! — стономъ вырвалось у Кондратія, и на его красивомъ, самодовольномъ лицѣ, несмотря на юную растительность, уже обритою, выступила нѣсколько аффектированная гримаса страданія.

— Что? — спокойно спросила его сестра, и горькая усмѣшка застыла на ея губахъ.

— Не любишь же ты его! — вдругъ возопилъ во весь свой голосъ съ самымъ искреннимъ возмущеніемъ Кондратій.

— Я никого не люблю... такой любовью, — спокойно отвѣтила дѣвушка: — но я уже далеко не подростокъ, года уходятъ, мама внутренно начинаетъ огорчаться, что я все не нахожу себѣ друга жизни, какъ она деклатно выражается о женихѣ... И... и... я могу быть, по крайней мѣрѣ, увѣрена, что Онисимъ Николаевичъ не устроитъ мнѣ судьбы — хотя бы — Саша на мгновение еще болѣе поблѣднѣла и закуталась — жены Данилы Евстафьевича! — закончила она рѣзко, и быстро пошла впередъ.

— Но вѣдь это же еще не рѣшено? — жалобно протянулъ Кондратій, догоняя сестру своей спокойной, сильной походкой, при которой его стройный станъ плавно покачивался.

— Конечно, не рѣшено... и рѣшится не такъ скоро. Не даромъ я богиня благоразумія, — усмѣхнулась Саша.

— Понятно, понятно! — бормоталъ потерянно Кондратій. — Да, кстати — вѣдь Постромовъ у насъ, — неожиданно заключилъ онъ.

Саша только вскинула на него полуудивленный, полуиспуганный взглядъ, и пошла тише.

— Видишь ты, какая исторія! Я вѣдь сегодня поче-валъ въ городѣ у Якова.

— Знаю, тебя не было дома. Не становится ли это слишкомъ часто, Коня? — замѣтила вполголоса Саша.

— Ну вотъ еще! Для будущаго артиста! Ночи внѣ дома! Да для нашего брата ночь, это — все! Во время холоднаго, трезваго дня — скучища — ну и отсыпаемсѣ. Дѣло наше — сцена вечеромъ, до ночи, а ночь — таинственная, мрачно-прекрасная, — напыщенно задеклами-

ровался Кондратій и вдругъ, неожиданно полуобнимая сестру, закончилъ съ шутиливой лаской въ голосъ: — какъ моя очаровательная *ténébreuse*!

Саша молча освободилась отъ него.

— Дальше можешь не рассказывать,—заговорила она съ мрачнымъ раздраженіемъ:—Якобовъ, Данила Евстафьевичъ и ты—до того погрузились въ тайства ночи, что очутились вполнѣ въ объятіяхъ Бахуса.

— Понятно! — дѣлая плачевную гримасу, сгаерничалъ Кондратій. — То-есть не совсѣмъ такъ. Пили мы всѣ, конечно. Но по обыкновенію Гурій Ильичъ—былъ все время à quatre épingles, я — трезвъ, хотя и шумень—что дѣлать! —неизбѣжная актерская аффектація! —небрежно пожалъ онъ плечомъ:—а нашъ драматургъ — дошелъ. Бѣда! Онъ опять мраченъ. Вчера я захожу къ Гурію въ редакцію—сидитъ, строчитъ фельетонъ о тотализаторѣ, а Постромовъ, по обыкновенію, ругаетъ все и вся, шагая по комнатамъ. Спрашиваю: что съ вами, — новую вашу пьесу цензура запретила, что ли? —Нѣтъ, говорить! —Не даютъ что ли лѣтомъ, въ побѣздахъ, вашихъ прежнихъ пьесъ? —И чортъ съ ними, —пускай не даютъ. Да и врешь: даютъ! —Въ чемъ же дѣло? —спрашиваю. —А въ томъ и дѣло, что не твое дѣло, театральнй микробъ. Вотъ пойдете всѣ въ Прагу. А не пойдете, одинъ пойду. Ну, понятно, пошли. Повторяю, мы съ Гуріемъ ни въ одномъ глазѣ, а у Постромова, по обыкновенію, на лбу пятно багровое, глаза налились кровью, и на языкѣ дикія рѣчи о сути искусства. Ну, словомъ, все въ порядкѣ. И такъ до поздняго вечера. А изъ трактира къ Якобову на его холостую квартиру. И задряхли. А утромъ едва проснулись, Данила Евстафьевичъ обращается ко мнѣ: вези, говоритъ, ты меня къ вашимъ на лоно природы —душу надо очистить: запакостилъ опять! А Якобовъ и подхватилъ: великолѣпно, говорить, и я съ вами поѣду, мнѣ надо распросить Климентія Климентьевича о сывороткѣ Ру. Хочу о ней статью тиснуть. Что же мнѣ было дѣлать! Поѣдте, говорю, ребята. Ну, и поѣхали. А пріѣхали — мать уговорила остаться дня на

три: моимъ мальчикамъ, говорить, съ вами, господа, будетъ веселѣе. Вѣдь она помѣшана на томъ, что намъ съ ней, старухой, скучно. Ее убиваетъ, что я то и дѣло удираю въ городъ, а Климентій не отрывается отъ микроскопа. Точно я отъ скуки бѣгаю въ городъ, а не просто по артистическому бродяжничеству! А Климентій... да Климентій радъ-радѣшенекъ, что отъправилъ на мѣсяць жену и дочь къ тестю въ Казань — и безъ всякаго вмѣшательства благовѣрной, подъ крыльшкомъ мамахенъ, можетъ открыть наконецъ микроба... бактеріоманіи!

И, закончивъ свой оживленный рассказъ этой эпиграммой по адресу брата, Кондратій весело и шумно расхохотался. Саша молча слушала брата. Губы ея изрѣдка вздрагивали.

— Ну и конечно они остались на три дня? — сказала она глухимъ подавленнымъ голосомъ, когда братъ кончилъ.

— Понятно! Три дня, хотя только по вечерамъ имѣтъ возможность строить куры *belle ténébreuse* и, ради того, не остаётся! —Кондратій пожалъ плечами и весело засвисталъ.

— Если ты еще разъ повторишь что-нибудь подобное, я попрошу тебя совсѣмъ перебраться въ городъ и не являться къ намъ съ мамой! —задрожавшимъ голосомъ гнѣвно сказала Саша.

— Ого, Шуринька! Строги вы нынче. Pardon. Умоляю! —шутливо, но, явно робѣя, сказалъ Кондратій.

Они шли нѣсколько шаговъ молча.

— Какъ же не быть къ тебѣ строгой, —сказала минуты двѣ спустя дѣвушка:—приводишь съ собой вѣчно орду. Живутъ у насъ, ночуютъ по недѣлямъ. Точно не знаешь, когда у насъ чужіе, мамаша не довольствуется страпней Михеевны, сама торчитъ у плиты, жарится, а это при ея здоровьѣ...

— Шуринька! Да чѣмъ же я виноватъ! Во-первыхъ, мама сама... — взмолился Кондратій, совсѣмъ тономъ избалованнаго ребенка, котораго журятъ.

(Продолженіе будетъ.)

Происхожденіе пола у насѣкомыхъ.

(Фабръ, Ипетипиктъ и нравы насѣкомыхъ. Изъ энтомологическихъ воспоминаній. Переводъ подъ редакціей Ив. Шевырева. Съ 213 рис. Изданіе А. Ф. Маркса. СПб. 1898. Цѣна 3 руб.).

Въ предыдущей статьѣ, помѣщенной въ № 19, приведенъ былъ рядъ интереснѣйшихъ наблюденій назвѣстнаго энтомолога Фабра надъ насѣкомыми, доказавшихъ вочью очень важный для науки фактъ, — что яйцо насѣкомаго имѣетъ уже точно опредѣленный полъ. Посмотримъ теперь, существуетъ ли какой-нибудь порядокъ въ распределеніи половъ насѣкомыхъ въ потомствѣ одной матери. Я выбираю для этого, — говорить Фабръ въ упомянутой здѣсь, недавно появившейся въ свѣтъ книгѣ, — тѣхъ перепончатокрылыхъ, которые устраиваютъ свои ячейки этажками въ пустыхъ каналахъ камыша и ежевики. Здѣсь хронологическій порядокъ рожденій, какъ нельзя болѣе, ясенъ: первенецъ помѣщается внизу ряда, послѣдній — у верхняго конца, въ соотвѣствіи съ выходомъ; по мѣсту, занимаемому кокономъ, легко узнать его относительный возрастъ.

Двѣ одиночныя пчелы — осми, потертал и крошечная, доставляютъ мнѣ многочисленный матеріалъ этого рода. У обихъ размѣщеніе полвъ въ гнѣздахъ отличается замѣчательнымъ порядкомъ, постоянствомъ и простотою. Во всѣхъ исследованныхъ гнѣздахъ въ началѣ ряда,

т. е. ближе ко дну канала, помѣщаются самки, а потомъ самцы; кладка одной матери разбивается, следовательно, на двѣ группы, изъ которыхъ первая состоитъ только изъ самокъ, а вторая, снесенная позднѣе, исключительно изъ самцовъ. То же показали мнѣ и еще три вида осмій, гнѣздящихся въ моей мѣстности, въ разныхъ пустыхъ каналахъ: трехрогая (рис. 1), рогатая и лятрейлева; у всѣхъ, безъ исключенія, въ началѣ ряда находится обширная ячейка, съ большимъ запасомъ провизіи, содержащая самокъ, а ближе къ

выходному отверстию располагаются меньшія ячейки, съ малымъ запасомъ провизіи, дающія самцовъ.

Послѣ этого я перехожу къ разсмотрѣнію гнѣзда тѣхъ перепончатокрылыхъ, которые устраиваютъ свои ячейки не въ каналахъ, а на плоскости; здѣсь также можно опредѣлять порядокъ въ размѣщеніи половъ, хотя съ меньшей точностью. Одиночная пчела, халикодома стѣннал, строитъ на поверхности какого-нибудь камня свою ячейку и, наполнивъ ее провизіей, отложивъ яйцо и запечатавъ ячейку, пристраиваетъ къ ней слѣдующія, располагая такимъ образомъ вокругъ первой около 15 ячеекъ, что и составляетъ, въ среднемъ, полную кладку одной матери. Послѣ того запечатанные ячейки покрываются общимъ землянымъ покровомъ, и все гнѣздо принимаетъ шаровидную форму. Другая, кустарниковая, халикодома подвѣшиваетъ свое шаровидное гнѣздо на какой-нибудь вѣточкѣ; оно состоитъ изъ группы ячеекъ, запечатанныхъ и, кромѣ того, покрытыхъ общимъ землянымъ покровомъ; здѣсь также можно различать центральныя и крайнія, периферическія, ячейки. Сферическая форма обихъ родовъ гнѣздъ наиболее для нихъ выгодна, такъ какъ сообщаетъ имъ наибольшую прочность, необходимую для нихъ, при ихъ совершенно открытомъ положеніи; но форма эта обуславливается и порядкомъ расположенія ячеекъ: первыми строятся центральныя ячейки, наиболѣе крупныя, а по краямъ гнѣзда располагаются болѣе мелкія. Въ крупныхъ ячейкахъ помѣщаются самки, а въ болѣе мелкихъ — самцы. Итакъ, у халикодмы кладка одной матери также разбивается на двѣ части: сначала — самки, въ окруженныхъ, центральныя, ячейкахъ, а потомъ — самцы, въ окружающихъ, а слѣдовательно, построенныхъ позднѣе, ячейкахъ. Такое распределеніе половъ согласно съ тѣмъ, что издавна извѣстно относительно домашней пчелы, у которой кладка начинается также длиннымъ рядомъ работницъ, т. е. бесплодныхъ самокъ, и оканчивается длиннымъ рядомъ самцовъ, т. е. трутней.

Итакъ, все подтверждаетъ, что мы здѣсь имѣемъ общій

Рис. 1. Осмиа трехрогая (*Osmia tricornis* Latr.). Увелич.

большимъ запасомъ провизіи, содержащая самокъ, а ближе къ

За лошадью. Съ картины В. Шрейбера грав. Ольшевскій.

законъ. Но соответствуетъ ли этотъ законъ вполне дѣйствительности? Всегда ли вынуждены роковымъ образомъ переночатокрылыя слѣпо производятъ два послѣдовательныхъ ряда ячеекъ, сначала такихъ, которые даютъ самокъ, а потомъ такихъ, которые даютъ самцовъ? Можетъ ли мать, если бы обстоятельство того потребовали, измѣнить что-либо въ такомъ распредѣленіи?

Стѣнная халикодома часто пристраиваетъ свое потомство въ старыя, прошлогоднія, гнѣзда, занимая въ нихъ тѣ ячейки, которые находятъ открытыми. Число такихъ ячеекъ въ каждомъ старомъ гнѣздѣ бываетъ обыкновенно очень незначительно, такъ какъ нерѣдко случается, что личинки въ своихъ ячейкахъ погибаютъ по какой-нибудь причинѣ, напримеръ, бываютъ поражены паразитами и т. д. Во всѣхъ такихъ случаяхъ ячейки остаются закрытыми, а слѣдовательно, недоступными для вновь появившейся матери. Это уже много, если въ одномъ старомъ гнѣздѣ она можетъ пристроить половину своего выводка; 4—5 свободныхъ ячеекъ, иногда двѣ и даже одна ячейка, вотъ что обыкновенно находятъ халикодома въ старомъ гнѣздѣ.

Какъ же распредѣляются помы въ этихъ случаяхъ, когда кладка одной матери необходимо должна раздѣлиться между нѣсколькими гнѣздами? Распредѣленіе ихъ здѣсь таково, что совершенно перевѣшиваетъ представление о неизмѣнномъ раздѣленіи кладки на два послѣдовательныхъ ряда самокъ и самцовъ. Дѣйствительно, если бы это былъ постоянный законъ, то въ старыхъ гнѣздахъ мы находили бы то однихъ самокъ, то однихъ самцовъ, смотря по тому, находилась ли кладка въ первомъ или во второмъ періодѣ. А присутствіе, одновременно, обонхъ половъ соответствовало бы эпохѣ перехода отъ одного періода къ другому и встрѣчалось бы рѣдко. Но это далеко не такъ. Въ старыхъ гнѣздахъ всегда бываютъ одновременно самки и самцы, при одномъ условіи, чтобы имѣющіяся въ нихъ ячейки были равной вместимости — большей для самокъ и меньшей для самцовъ. Въ старыхъ ячейкахъ самоцвѣ, которая легко узнавать по ихъ периферическому положенію и меньшей вместимости, помѣщаются и во второмъ, и въ третьемъ поколѣніяхъ самцы, а въ старыхъ ячейкахъ самокъ помѣщаются только самки. Правильное распредѣленіе помы въ кладкѣ замѣняется здѣсь неправильнымъ, находящимся въ зависяности отъ случая, отъ числа и величины найденныхъ пчелою свободныхъ ячеекъ. Представимъ себѣ, что предъ нею пять такихъ ячеекъ — двѣ большія и три маленькія; сюда она можетъ отложить, приблизительно, третью часть всей своей кладки. И что же — въ двѣ большія ячейки она помѣщаетъ самокъ, а въ три маленькія — самцовъ. Изъ подобныхъ фактовъ, повторяющихся во всѣхъ старыхъ гнѣздахъ, слѣдуетъ, что халикодома можетъ помѣщать каждое лицо сообразно его бу-

дущимъ потребностямъ; что она знаетъ полъ яйца, которое собирается снести, занимая для него точно соответствующую его полу ячейку и, болѣе того, слѣдуетъ допустить, что она, мѣняя по желанію порядокъ появленія помы въ своей кладкѣ, можетъ измѣнять по произволу полъ яйца, которое собирается снести.

То же положеніе подтверждаютъ и осми самымъ очевиднымъ образомъ. Трехрогія осми устроили свои гнѣзда въ моемъ кабинетѣ въ приготовленныхъ для нихъ стеклянныхъ трубочкахъ и въ стебляхъ тростника, равной длины и разнаго діаметра. Въ длинныхъ трубкахъ были отложены полныя или почти полныя кладки, въ которыхъ послѣ ряда самокъ слѣдовалъ рядъ самцовъ. Совсѣмъ иное оказалось въ короткихъ трубкахъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли длину, какъ разъ необходимую для двухъ ячеекъ равныхъ помы, и кладка въ нихъ всегда содержала сначала самку, а потомъ самца. Эта послѣдовательность была неизмѣнна.

Поразительные факты этого рода доставляютъ намъ старыя гнѣзда земляной пчелы — антофоры, которая нерѣдко занимаетъ осмию. На вертикальномъ, глинисто-песчаномъ склонѣ видны круглыя отверстія, около 1½ сантиметра въ діаметрѣ (рис. 2). Это входы въ жилища антофоръ; каждый изъ нихъ ведетъ въ глубокій, почти горизонтальный каналъ, вдоль нижней стороны котораго вырыты просторныя, грушевидныя ячейки. Каждая ячейка сообщается съ коридоромъ посредствомъ узкаго горлышка, которое закрывается антофорой земляною пробкою, когда работа бываетъ кончена, и взламывается весною, при выходѣ вновь развившейся антофоры. Осми, рога тал, трехрогая и латрейлева, чрезвычайно охотно поселяются въ такихъ, покинутыхъ антофорами, гнѣздахъ. Величина антофоры значительно превосходитъ величину осми, и потому ячейка антофоры слишкомъ велика для одного кокона осми, но для помѣщенія двухъ коконовъ женскаго пола слишкомъ мала. Осми рѣшаетъ дѣло такъ: помѣщаетъ внизу самку, отдѣляя для нея перегородкой болѣе просторную, нижнюю часть ячейки, а изъ чердака, т. е. въ верхней, болѣе узкой части ячейки и въ горлышкѣ помѣщаетъ самца. Я рассмотрѣлъ 40 такихъ ячеекъ антофоры и во всѣхъ нашелъ указанное размѣщеніе помы. Устраиваясь въ короткихъ помѣщеніяхъ, осми попадаетъ въ такое же положеніе, какъ халикодома, заселяющая свои старыя гнѣзда. Подобно ей она разбиваетъ свою кладку на нѣсколько частей и каждую начинаетъ самками, а оканчиваетъ самцами. Значитъ, и осми обнаруживаетъ способность приравливать полъ яйца къ случайностямъ найденныхъ помѣщеній. Двѣ пчелы-антиды (рис. 3) помѣщаютъ въ моей мѣстности свои семьи въ пустыхъ развалинахъ различныхъ улитокъ, для чего занимаютъ только второй оборотъ спиральнаго канала, а внутреннюю, самую узкую его часть

Рис. 2. Антофора маскированная и ея гнѣзда (*Anth. fulvitaris* Brull. или *personata* Ill.). Ест. велич.

дакъ. Величина антофоры значительно превосходитъ величину осми, и потому ячейка антофоры слишкомъ велика для одного кокона осми, но для помѣщенія двухъ коконовъ женскаго пола слишкомъ мала. Осми рѣшаетъ дѣло такъ: помѣщаетъ внизу самку, отдѣляя для нея перегородкой болѣе просторную, нижнюю часть ячейки, а изъ чердака, т. е. въ верхней, болѣе узкой части ячейки и въ горлышкѣ помѣщаетъ самца. Я рассмотрѣлъ 40 такихъ ячеекъ антофоры и во всѣхъ нашелъ указанное размѣщеніе помы. Устраиваясь въ короткихъ помѣщеніяхъ, осми попадаетъ въ такое же положеніе, какъ халикодома, заселяющая свои старыя гнѣзда. Подобно ей она разбиваетъ свою кладку на нѣсколько частей и каждую начинаетъ самками, а оканчиваетъ самцами. Значитъ, и осми обнаруживаетъ способность приравливать полъ яйца къ случайностямъ найденныхъ помѣщеній. Двѣ пчелы-антиды (рис. 3) помѣщаютъ въ моей мѣстности свои семьи въ пустыхъ развалинахъ различныхъ улитокъ, для чего занимаютъ только второй оборотъ спиральнаго канала, а внутреннюю, самую узкую его часть

и наружную, самую широкую, оставляют совсем пустыми. Въ занятой части канала, за первой перегородкой, лежитъ объемистый коконъ въ первой, просторной ячейкѣ; за второй перегородкой лежитъ меньшій коконъ въ тѣсной ячейкѣ. Неравенство этихъ двухъ ячеекъ есть неизбежное слѣдствіе формы суживающагося, спиральнаго канала раковины. По очень замѣчательному искривленію у обѣихъ этихъ антидій самцы крупнѣе самокъ. И вѣдь: въ тѣхъ раковинахъ, гдѣ я находилъ по двѣ такихъ ячейки, самецъ помѣщался обыкновенно въ болѣе, передней ячейкѣ, а самка—въ задней, болѣе тѣсной; въ меньшихъ раковинахъ было по одному кокону, то мужскому, то женскому, смотря по размѣрамъ занятой части канала.

Я перехожу къ примѣру, можетъ-быть, самому замѣчательному. Осмиі рогатая устроила свое гнѣздо въ моемъ саду въ широкой камышинкѣ, помѣтивъ въ нее 13 ячеекъ. Вотъ какимъ особеннымъ способомъ онѣ были расположены. Прежде всего, на подходящемъ отъ дна разстояніи, устроена поперечная перегородка, отдѣлившая очень просторную ячейку, въ которую была помѣщена самка. Послѣ того, осмиі начинаетъ раздумывать относительно излившей ширины канала, слишкомъ большой для помѣщенія въ немъ одного ряда ячеекъ. А потому она устраиваетъ продольную перегородку, перпендикулярную къ первой, поперечной, и раздѣляетъ такимъ образомъ второй этажъ на двѣ равныя комнаты, въ которыя и помѣщаетъ самку—въ большую и самца—въ меньшую. Затѣмъ устраивается такъ же и населяется третій этажъ, послѣ котораго, однако, осмиі покидаетъ геометрическую правильность; архитекторъ потерянъ, повидимому, въ смѣтѣ работъ. Перегородки становятся все болѣе косыми, и постройка идетъ неправильно, но все-таки состоитъ изъ соединенія большихъ ячеекъ—для самокъ и меньшихъ—для самцовъ. У основанія предпоследней ячейки поперечная перегородка дѣлается опять почти перпендикулярной къ оси канала, продольной перегородкѣ вѣтъ, и получается одна обширная ячейка, занимающая всю ширину канала—сюда помѣщается самка. Зданіе оканчивается послѣдней двойной ячейкой, раздѣленной продольною перегородкой на двѣ равныя части, въ которыя помѣщены самцы.

Ничто не можетъ быть поразительнѣе такого смѣшенія половъ въ кладкѣ той самой осмиі, которая съ такой точностью раздѣляетъ ее на два, не смѣшавшихся, разнополныхъ ряда, когда устраиваетъ ячейки въ узкихъ каналахъ, располагая ихъ въ одну линію.

Половѣ яйца члени зависить отъ произвола матери. Это непостоянно установлено всѣми предыдущими фактами. Люди, незнакомые съ анатоміей насѣкомаго, могутъ объяснить себѣ это такъ: въ распоряженіи матери находится извѣстное число личекъ, изъ которыхъ одни должны дать послѣдствія самокъ, другія—самцовъ. Она можетъ, по желанію, выпускать ихъ то изъ одной, то изъ другой группы, и желаніе ея опредѣляется вмѣстимостью жилища, которое надо заселить.

Если читателю придетъ въ голову такое объясненіе, то пусть онъ поспѣшитъ отбросить его: ничто не можетъ быть ошибочнѣе его. У самокъ перепончатокрылыхъ личинки (рис. 4) состоитъ изъ нѣсколькихъ яйцевыхъ трубочекъ, похожихъ на пальцы перчатки и сгруппированныхъ поровну въ два пучка, соединяющіеся внизу въ одинъ общій каналъ, называемый яйцеводомъ, выводящій яйца наружу. Каждая яйцевая трубочка суживается къ верхнему концу и содержитъ рядъ личекъ, расположенныхъ въ видѣ четокъ; внизу находятся яйца болѣе зрѣлыя, а верхніе—менѣе зрѣлыя и едва очерчены. Оболочка трубки такъ плотно охватываетъ лички, что перемѣщеніе ихъ, одного на мѣсто другого, совершенно невозможно. Да если бы это и могло совершиться, то получилась бы нечѣстность: менѣе зрѣлое яйцо стало бы впереди болѣе зрѣлаго.

Во время устройства гнѣзда каждая изъ яйцевыхъ трубочекъ, поочередно, содержитъ при основаніи одно яйцо, принимающее въ короткое время огромные размѣры. Это яйцо одно созрѣло, спустилось въ яйцеводъ и неизменно должно быть отложено; мать совершенно лишена возможности замѣнить его другимъ.

Что выйдетъ изъ этого яйца: самецъ? самка? Помѣщеніе и пища для него еще не приготовлены, а между тѣмъ необходимо, чтобы то и другое, когда доставитъ ихъ случай, соответствовали бы полу яйца. Такое соответствіе всегда и бываетъ. Стало-быть, надо допустить, какъ бы странно это ни казалось, что при выходѣ изъ яйцевой трубочки яйцо еще не имѣетъ опредѣленнаго пола. Можетъ-быть, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ его пребыванія у основанія яйцевой трубочки, или во время перехода черезъ яйцеводъ, оно получаетъ,

по волѣ матери, тотъ окончательный отпечатокъ, который опредѣляетъ его полъ.

Если это такъ, то можно представить себѣ такія условія, при которыхъ мать совсемъ не отложитъ яицъ того или другого пола, замѣнивъ одинъ полъ другимъ, или такія условія, при которыхъ она будетъ совершать кладку въ порядкѣ обратномъ нормальному, т.-е. будетъ начинать ее съ самцовъ. Для рѣшенія вопроса о возможности такого явленія я вновь приступаю къ домашнему воспитанію трехрогой осмиі.

Я даю имъ для устройства гнѣздъ два рода трубокъ. Въ однихъ, цѣльныхъ и длинныхъ, каналъ на всемъ протяженіи остается одинаковымъ. Другія, короткія и составныя, складываются, каждый изъ двухъ трубочекъ очень неравнаго діаметра, плотно соединенныхъ между собою такъ, что трубочка съ большимъ діаметромъ, колеблющаяся между 8 и 12 миллиметрами, находится впереди, а болѣе узкая—отъ 5 до 6 милл. въ діаметрѣ, составляетъ ея продолженіе сзади. Всѣ трубки укрѣплены горизонтально въ стѣнкѣ деревяннаго ящика, пробитой для того множественно круглыхъ отверстій. Кроме того, на этомъ же столѣ я расставляю нѣсколько горстей мелкихъ пустыхъ раковинъ и кладу старыя пустыя гнѣзда халикодомы кустарной. Чтобы можно было съ начала до конца прослѣдить работу одной и той же матери, осмиі помѣчены разными мѣтками; трубки и раковины перепомерены, и списокъ ихъ, постоянно открытый, лежитъ здѣсь же, чтобы изъ дня въ день отмѣчать въ немъ все происходящее. Первое условіе успѣха изслѣдованій, это—терпѣніе.

Рис. 3. Антидія манжетная. Увелич.

Я былъ терпѣливъ, и успѣхъ превзошелъ мои ожиданія.

Въ цѣльныхъ трубкахъ всякій рядъ ячеекъ, даже составленной часть кладки, всегда начинался самками и оканчивался самцами. Все было нормально, исключеній не было. Въ составныхъ трубкахъ дѣла пошли иначе. Здѣсь заднія, болѣе узкія, трубочки были прибавлены мною въ томъ расчетѣ, что онѣ будутъ слишкомъ узки для помѣщенія въ нихъ ячеекъ нормально развитыхъ самокъ и въ такомъ случаѣ осмиі, занявшія эти составныя трубочки, будутъ вынуждены начать кладку самцовъ въ заднихъ, болѣе узкихъ трубочкахъ и продолжать ее самками—въ переднихъ, болѣе широкихъ. Спрашивается теперь о результатахъ. Изъ 52 составныхъ трубокъ въ 12 узкій каналъ совсемъ не былъ заселенъ. Осмиі задѣлала отверстие, ведущее изъ него въ широкую трубочку, и заселила только эту послѣднюю. Этому и надо было ожидать: я приспособилъ діаметръ узкихъ трубокъ къ среднему росту осмиі-самокъ, а потому болѣе крупныя самки не могли въ нихъ проникнуть и оставили ихъ незаселенными. Въ 40 составныхъ трубкахъ были заселены обѣ части, но неоднаково: въ 25 изъ нихъ узкій каналъ имѣлъ отъ 5 до 5½ миллиметр. въ діаметрѣ—здѣсь были помѣщены только одинъ самецъ; въ 15 остальныхъ трубкахъ задній каналъ имѣлъ до 6 милл. въ діаметрѣ, и здѣсь были помѣщены или одинъ самка, или самка въ глубинѣ, а самцы у отверстия. Наконецъ, каково бы ни было содержимое узкой трубки, въ широкой, слѣдовавшей за нею, оно состоитъ изъ самокъ въ глубинѣ и самцовъ впереди.

Итакъ, первый и немаловажный шагъ сдѣланъ: осмиі можетъ, если обстоятельства вынуждаютъ ее къ тому, сдѣлать порядокъ размѣщенія половъ въ кладкѣ обратнымъ нормальному, т.-е. начинать самцами и продолжать самками. Теперь я пробую получить отъ одной матери полную, или почти полную, кладку, состоящую изъ одного мужского пола. Для этого я пользуюсь гнѣздами кустарной халикодомы. Съ помощью терпуга я снимаю съ такого гнѣзда часть земли и уменьшаю при этомъ глубину ячеекъ настолько, чтобы вмѣстимость ячейки была достаточною какъ разъ для одного мужского кокона; во двѣ ячейки изъ 14, составившихъ все гнѣздо, оставляю нетронутыми. Ничто не можетъ быть поразительнѣе результатовъ этого акта:

въ 12 менѣе глубокихъ ячейкахъ помѣщаются самцы, а въ двухъ, болѣе глубокихъ—самки. На слѣдующій годъ я повторю опытъ съ гнѣздами въ 15 ячеекъ и на этотъ разъ уменьшаю глубину ихъ всѣхъ: во всѣхъ 15 ячейкахъ были помѣщены самцы. Въ обоихъ случаяхъ мать была помѣщена и находилась подъ моимъ наблюденіемъ во все время кладки яицъ, а потому я зналъ навѣрное, что каждый разъ всѣ яички были отложены одною матерью.

И такъ, мы можемъ вывести относительно насѣкомыхъ слѣдующее общее положеніе: мать, заготовляющая для своего потомства помѣщеніе и пищу, можетъ регулировать полъ яицъ для того, чтобы безошибочно удовлетворять потребностямъ своего потомства.

Остается объяснить, какъ именно происходитъ это регулированіе половъ, но объ этомъ я рѣшительно ничего не знаю.

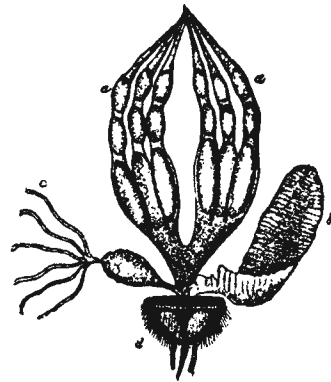

Рис. 4. Яичникъ антидид манжетной. а—яйцевыя трубочки; б—придаточная железа; с—ядовитая железа; д—конецъ брюшка съ жаломъ.

У пруда. Съ картины В. Менцлера грав. Геданъ.

Послѣдній Валуа. Съ картини Ж. Лувье, грав. Кезебергъ.

Существует теорія, созданная пчеловодом Дэрипомъ относительно домашней пчелы. Согласно этой теоріи, яйцо, при выходе изъ яйцевой трубочки, уже имѣетъ опредѣленный полъ, всегда мужской, который лишь послѣ оплодотворенія превращается въ женскій. Самцы, слѣдовательно, происходятъ изъ неоплодотворенныхъ яицъ, а самки — изъ оплодотворенныхъ. Теорія эта, дѣйствительно, чрезвычайно проста, ясна и очаровательна. Но вѣрна ли она? Это другой вопросъ.

Прежде всего, можно ли съ обще-зоологической точки зрѣнія утверждать, что яйцо сначала бываетъ мужского пола, который послѣ оплодотворенія превращается въ женскій?

По вмѣсто общихъ возраженій я лучше укажу на нѣкоторые факты. Дѣйствія осмій трехрогой представляли въ началѣ июня, когда работы ея уже кончались, столько интереса, что въ это время она сдѣлалась предметомъ особаго моего вниманія. Рой тогда былъ уже очень не великъ; оставалось нѣсколько запоздавшихъ пчелокъ, которые все такъ же усердно работали, хотя трудъ ихъ былъ бесполезенъ. Я вижу, какъ одна съ необыкновеннымъ усердіемъ задѣлываетъ пустыя трубочки и раковины, въ которыя она ничего, совершенно ничего, не отложила; другая выстроила внутри лишь нѣсколько перегородокъ или только ихъ основанія, и уже запираетъ пустое жилье; третья принесла на дно новой трубочки щепотку цвѣтковой пыли и, не отложивъ яйца, тщательно закрываетъ жилище земляною пробкой. Прежде чѣмъ перейти къ этимъ безцѣльнымъ работамъ, мои запоздавшія пчелы отложили свои послѣднія лички въ ячейки, положеніе которыхъ и время отложенія я точно знаю. Эти ячейки, по вѣрности, многимъ отли-

чаются отъ другихъ, отложенныхъ раньше, такъ же, какъ и приготовленные для нихъ запасы провизіи. А между тѣмъ, личинокъ изъ этихъ яицъ не вылупляется; они сморщиваются, вянутъ и высыхаютъ. У нѣкоторыхъ осмій число такихъ послѣднихъ личекъ въ кладкѣ доходитъ до 3—8; другія же кладутъ плодородныя яйца до самаго конца кладки.

Почему же тѣ яйца безплодны? отчего изъ нихъ ничто не развивается? Мать о нихъ такъ же заботилась и заготовила имъ тѣ же припасы. Изъ нихъ ничто не выходитъ потому, что они не оплодотворены. Это — неоплодотворенныя яйца, и всякій другой отвѣтъ невозможенъ. Крошечный сѣмеприемникъ самки истощилъ свое содержимое раньше, чѣмъ пчела израсходовала свои силы. Рожденная для работы, она должна и умереть за работой. Когда истощилъ ея сѣмеприемникъ, осмій все-таки несетъ лички, хотя и неоплодотворенныя, пораженныя смертью; болѣе того: истощились личинки, а она все-таки работаетъ и тратитъ послѣдніе остатки силъ на безцѣльныя работы, на запираніе пустыхъ ячеекъ. Маленькая животная машина не можетъ оставаться въ бездѣйствіи даже тогда, когда дѣлать больше нечего.

Какое же и предложу объясненіе,—говоритъ Фабръ,—только что изложеннымъ, чудеснымъ фактамъ? Никакого, рѣшительно никакого. Я не объясняю, но рассказываю. По мѣрѣ того, какъ я наблюдаю и ввожу въ наблюденія опытъ, и становлюсь все недоумчивѣе къ тѣмъ объясненіямъ, которыя могутъ быть мнѣ предложены, и еще болѣе сомнѣваюсь въ тѣхъ, которыя могъ бы самъ предложить. Среди тумана всякихъ возможностей и вижу все ясное, какъ вырисовывается предо мною огромный знакъ вопроса.

Ферганская область.

(Съ 1 рисункомъ.)

Въ настоящее время взоры всей Европы снова обращены на Среднюю Азію и сосредоточены на Ферганской области. Не успѣвъ затихнуть надѣлавшій шума въ свое время Памирскій вопросъ, какъ снова Фергана взволновала всю Европу небывалымъ еще въ краѣ событіемъ—объявленіемъ „газавата“ (священной войны) туземнымъ населеніемъ Туркестанскаго края.

Какъ признано правительствомъ, неожиданное нападеніе туземцевъ на лагерь двухъ ротъ 20-го туркестанскаго линейно-кадроваго батальона въ Анджианѣ вызвано религиознымъ фанатизмомъ. По сообщенію временно-исправляющаго должность туркестанскаго генераль-губернатора, ген.-лейт. Королькова, нападеніе произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

18-го мая, передъ самымъ разсвѣтомъ, со стороны селенія Донъ-Кинлака, прилегающаго садами къ правому флангу лагеря, шайка туземцевъ, болѣе тысячи человекъ, подкралась въ полной тишинѣ къ лагерю, — спереди конные, сзади пѣшие, — сразу окружила крайній баракъ, занятый тремя взводами 4-й роты, и бросилась въ проходы, затѣмъ начала бить и рѣзать солдатъ при тихихъ возгласахъ „уръ“; дневальный и дежурный по ротѣ были убиты въ числѣ первыхъ; дежурный по двумъ ротамъ, раненый въ голову и плечо, бросился къ 5-й ротѣ, къ ней же пробивались успѣвшие схватить ружья, отбивавсь штыками и прикладами, люди 4-й роты. Нижніе чины 6-й роты были разбужены дежурнымъ и фельдфебелемъ; часть ихъ штыками начала отбивать туземцевъ, а другая получила караульные патроны, которыхъ имѣлся одинъ ящикъ. Снавивъ въ ближайшемъ баракѣ подпоручикъ Нарселадзе, по раздачѣ патроновъ, открывъ огонь, бросился на митежниковъ въ штыки. Туземцы отбивались шайками, кинжалами, батыками, кобелями и сернами и начали, отстрѣливаясь, отступать—тогда были убиты мулла, читавшій коранъ, и бывшіе въблизи него 10 человекъ со значками, остальные убитые и раненые увозились бѣстро отступавшими митежниками. Нарселадзе выстрѣломъ изъ револьвера сбилъ съ лошади, а солдатъ прикончилъ штыкомъ человека съ зеленымъ знаменемъ. Отъ начала нападенія до бѣгства прошло не болѣе четверти часа. Въ лагерѣ находилось сто шестьдесятъ три нижнихъ чина. Въ виду паническаго страха русскаго населенія города, жены и дѣти на слѣдующую ночь были собраны въ крѣпость, гдѣ находился весь гарнизонъ и куда были перенесены деньги изъ почтовой конторы и казначейства. Съ прибытіемъ роты изъ Оша и Маргелана и съ пріѣздомъ военнаго губернатора генерала Пovalo-Швейковскаго, жизнь города пошла спокойнѣе. Рота, прибывшая изъ Маргелана, отбыла обратно на слѣдующій день.

Въ поногу за бѣжавшей партией былъ посланъ поручикъ Агабековъ, захватившій предводителя шайки, туземца, жителя Маргеланскаго уѣзда, Ишана-Магомета-Али-Халифа. Затѣмъ, 23-го мая, вечеромъ, однимъ изъ волостныхъ старшинъ былъ пойманъ видный сотрудникъ Ишана—Субтанкулъ.

Согласно дальѣйшимъ донесеніямъ туркестанскаго начальства отъ 23-го и 25-го мая, въ Анджианѣ найденъ документъ въ коранѣ убитаго муллы, читавшаго коранъ во время нападенія на лагерь. Документъ представляетъ собою воззваніе о священной войнѣ и имѣетъ печати двѣнадцати жителей разныхъ уѣздовъ области. Кроме Ишана, арестованъ его помощникъ съ 38 бунтовщиками; поимки продолжаютъ; уѣзды, по видимому, спокойны; мѣры предосторожности приняты. Въ

Кувѣ офицеромъ, охраняющимъ путь, арестованы семь подозрительныхъ человекъ и удостовѣрено, что нѣтъ скрытно возвращаются въ кишлаки нѣкоторые жители, бывшіе въ послѣдніе дни въ отсутствіи. Въ Анджианѣ имѣется задержанныхъ 91 человекъ, подозрительныхъ и участниковъ шайки. Къ 25-му мая въ Ошѣ было арестовано всего сто шесть человекъ, изъ нихъ двое подписавшихся подъ воззваніемъ священной войны; въ городѣ и уѣздахъ спокойно.

Генераль-лейтенантъ Корольковъ посѣтилъ въ Анджианѣ лазаретъ, грѣбность и лагерь, гдѣ изъ осмотра и опросовъ убѣдился, что нижніе чины 4-й и 5-й ротъ 20-го линейно-кадроваго батальона, выдержавшіе и отразившіе нападеніе, а также ихъ начальники дѣйствовали молодецами и поддержали славу туркестанскихъ войскъ. Несмотря на тяжелыя раны, преимущественно головы, пострадавшіе имѣли бодрый видъ. Въ крѣпости генераль-лейтенантъ Корольковъ посѣтилъ Ишана, предводителя шайки. Это человекъ лѣтъ 45, родился въ кишлакѣ-Таджикъ, Минтубинской волости; онъ имѣетъ четырехъ женъ, столько же дѣтей; неграмотенъ; на опросѣ при задержаніи заявилъ, что послѣ завоеванія края русскими въ народѣ началась сильная порча нравовъ, отступленія отъ требованій шаріата, ослабленіе семейныхъ основъ. Русская власть хотя и обращалась съ народомъ мягко, но запретила паломничество, лишила вакуфныхъ доходовъ и не заботилась о поддержаніи нравственности и семейныхъ началъ. Годъ назадъ онъ будто бы описалъ это печальное положеніе турецкому султану, прося съѣзда и указанія, и, по его словамъ, въ нынѣшнемъ году получилъ отвѣтъ халифа, въ которомъ послѣдній назначилъ его своимъ помощникомъ и совѣтовалъ вліять на народъ, чтобы исполнялись требованія шаріата, причемъ прислалъ въ подарокъ старый халатъ. По поводу нападенія 18-го мая онъ объяснилъ, что дѣйствовалъ подъ вліяніемъ душевнаго разстройства, но теперь понимаетъ, что безмысленно подниматься противъ Великаго Благаго Царя.

Въ настоящее время въ Анджианѣ кромѣ временно-исправляющаго должность туркестанскаго генераль-губернатора, генераль-лейтенанта Королькова, находится также командированный по Высочайшему повелѣнію лица, въ томъ числѣ генераль-маіоръ Чайковскій для исправленія должности ферганскаго губернатора, и генераль-маіоръ Іоновъ, для командованія всѣми войсками, назначенными для поимки шайки Ишана и водворенія порядка. По Высочайшему повелѣнію, ферганскій военный губернаторъ, допустившій среди глубокаго мра образованіе шайки и нападеніе на русскія войска, устраненъ отъ должности.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ порядокъ нигдѣ нарушаемъ больше не былъ. Ташкентскіе почетные туземцы, съ разрѣшенія губернатора, выразили вѣрноподанническія чувства, негодование по поводу злодѣйскаго нападенія въ Анджианѣ и просили доволить имъ собрать между собою сумму для семействъ убитыхъ нижнихъ чиновъ.

Прискорбное событіе это на далекой окраинѣ Россіи почти совпало съ другимъ въ высшей степени радостнымъ — съ открытіемъ самаркандъ-анджианской желѣзной дороги, соединившей Анджианъ съ Ташкентомъ и имѣющей огромное значеніе для развитія Туркестанскаго края вообще и Ферганской

области въ частности. Оба эти событія вызвали во всей Россіи интересъ къ Ферганской области, о которой, къ сожалѣнію, было до сихъ поръ очень мало извѣстно. Мѣсто дѣйствія шайки Ишана—уѣзды Омскій и Наманганскій, раньше неизвѣстные даже въ учебникахъ географіи, послѣ переписи оказались равными уѣздамъ средней полосы Европейской Россіи. Во всей же Ферганской области, по даннымъ послѣдней переписи, оказалось до двухъ милліоновъ населенія.

На ряду съ двумя другими областями Туркестанскаго края, какъ-то: Сыръ-Дарьинской и Самаркандской, Ферганская заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ по своему политическому положенію у подножія Памировъ, такъ и по богатству обрабатывающей промышленности и неочатыхъ неслѣдныхъ минеральныхъ сокровищъ, находящихся въ ея горныхъ системахъ. Ферганская область образовалась въ 1876 г. при покореніи Коканскаго ханства и состоитъ изъ пяти уѣздовъ, какъ-то: Маргеланскаго (во главѣ съ областнымъ городомъ Маргеланомъ), Коканскаго, Наманганскаго, Андижанскаго и Омскаго. Расположена Ферганская область между 38 и 42° сѣверной широты и 39½ и 44½° восточной долготы и граничитъ на сѣверо-западѣ и сѣверѣ съ Сыръ-Дарьинскою областью, на сѣверо-востокѣ—съ Семирѣчскою областью; на востокѣ—съ киргизскими владѣніями (Кашгаромъ) и на югѣ—съ Памирскими ханствами: Ваханомъ, Шугнаномъ и Рошаномъ, и наконецъ, на западѣ—съ Самаркандскою областью и прилегающими къ ней бекствами Бухары, Кариатегиномъ и Дарвазомъ. Площадь территоріи области, включая и Памиры, занимаетъ 130,000 кв. верстъ. Въ климатическомъ, почвенномъ и другихъ отношеніяхъ Ферганская область дѣлится на три пояса: верхній, средній и нижній. Первый составляютъ горныя системы Тянь-Шани, окружающія Ферганскую область кольцомъ, размыкающимся только на западѣ у г. Ходжента. Горы эти, достигающія до 23,000 футовъ надъ уровнемъ моря, покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, малопродоходны и почти не излѣдованы. Средній поясъ представляетъ собою нагорная площадь Памира, а также скаты, ущелья горъ и предгорья, на которыхъ кочевое населеніе, пользуясь выпадающими здѣсь весенними и осенними дождями, занимается хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ; и наконецъ, третій поясъ представляетъ собою ровную, немного понижую къ западу долину, продолговатой формы, и заключаетъ въ себѣ 20,000 кв. верстъ, находящійся исключительно подъ земледѣльческой обработкой, чему особенно способствуетъ необыкновенная плодородность почвы, состоящей изъ глинистаго ила, извѣстнаго подъ названіемъ „леса“. Эта долина представляетъ собою какъ бы одинъ цвѣтущій садъ, нереполненный всевозможными фруктами и разнообразными злаками. Множество виноградниковъ, богатые поля хлопка, люцерны, кукурузы, джугары и риса пріятно заскаютъ глазъ и наглядно напоминаютъ о неслѣдныхъ богатствахъ края, находящагося въ рукахъ дикихъ и трудно цивилизующихся туземцевъ. Климатъ Ферганской долины отличается своею необыкновенною ровностью. Съ февраля мѣсяца обыкновенно наступаетъ полная весна, все зеленеетъ, и температура достигаетъ до 20°. Въ мартѣ она быстро повышается, и уже въ маѣ нестерпимая жара становится тягостною даже и для жителей юга. Въ іюлѣ, іюлѣ и августѣ температура подымается до 43° въ тѣни, а въ концѣ октября она сильно падаетъ, и жара смѣняется сырою дождливою погодою, продолжающеюся иногда до января мѣсяца, когда на короткій срокъ выпадаетъ снѣгъ и держится легкіе морозы. Иногда же зимы и совершенно не бываетъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ сильный зной и страшная засуха царятъ надъ Ферганою, которая превращается за это время какъ бы въ одну раскаленную печь. Въ виду этихъ неблагоприятныхъ условий населенію приходится и приходится вести все время борьбу съ природою въ смыслѣ орошенія своихъ земель. Еще съ незапамятныхъ временъ вся Ферганская область, за исключеніемъ горныхъ пространствъ, гдѣ земля орошается атмосферною влагою, покрывалась сѣтью ирригаціонныхъ сооружений и оросилась арыками, т. е. искусственно выполненными каналами, которыя снабжаютъ жителей и ихъ поля чистою проточною водою, обезпечивающею туземцу главный источникъ существованія. Поэтому самый главный вопросъ въ краѣ для его благосостоянія и богатства, это вопросъ ирригаціонный, составляющій въ настоящее время злобу дня въ нашихъ средне-азиатскихъ владѣніяхъ.

Ферганская долина находится въ весьма благоприятныхъ условияхъ для искусственнаго орошенія, источниками котораго служатъ рѣки Нарынь и Кара-Дарья, образующія при соединеніи р. Сыръ-Дарья. Но, къ сожалѣнію, ирригаціонная вода распределена въ области весьма неравномѣрно. Вслѣдствіе такого положенія дѣль является то, что въ Ферганской области, имѣющей сравнительно достаточное количество воды для полянаго орошенія, множество земель или совершенно пустоуетъ, или обрабатывается одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ, а на ряду съ этимъ въ другихъ частяхъ области земли, вполне пригодныя для обработки, превращаются въ непроходимыя болота, вслѣдствіе изобилія воды. Въ цѣляхъ развитія въ области ирригаціоннаго дѣла наше правительство предприняло цѣлый рядъ тяжелыхъ и грандіозныхъ работъ, возложенныхъ на заведывающаго ирригаціею въ области, инженера Соковича, уже много

лѣтъ неутомимо работающаго по орошенію для пользы области. Въ числѣ многочисленныхъ сооружений, произведенныхъ г. Соковичемъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ работы по проконкѣ громаднаго Балыкчинскаго канала между р. Кара-Дарьей (излившей свое русло и оставившей безъ воды огромное пространство земли) и Улугнармъ-арыкомъ. Балыкчинскій каналъ замѣчательнъ тѣмъ, что онъ пересекаетъ глубокой Су-кискенскій оврагъ, имѣющій ширину 16 саж., посредствомъ желѣзнаго жолоба, поставленнаго на каменныхъ устояхъ, такъ что вода проходитъ надъ оврагомъ какъ бы по большому желѣзному мосту. Сооруженіе это стоило большихъ трудовъ и средствъ. На ряду съ нимъ въ мѣстности Уке-Суарасы (междорѣчье), лежащей между рѣками Нарыномъ и Кара-Дарьей, предпринята проконка канала, длина котораго определена въ 45 версты.

Чудную картину представляетъ собою Улугнармъ-арыкъ, выкопаннй ханомъ Худояромъ, послѣднимъ владыкой Коканскаго ханства. Обсаженный по берегамъ громадными талами, онъ несетъ въ тѣни ровно и плавню свои холодныя воды и походитъ скорѣе на широкую рѣку, чѣмъ на каналъ, вырытый руками человѣка. На протяженіи 70-ти верствъ величественно тянется онъ среди зеленого ковра полей и кишлаковъ (селеній). Мѣстами проходитъ арыкъ надъ землею, въ искусственно сдѣланныхъ берегахъ, мѣстами протекаетъ въ огромныхъ выемкахъ, и все эти работы были произведены безъ предварительныхъ изысканій, безъ техниковъ и инженеровъ. Нужда въ водѣ и восточный деспотизмъ были главными двигателями работъ. Невероятные ужасы рассказываютъ туземцы о прорытіи этого огромнаго канала. Сотни тысячъ людей погибли при работахъ отъ голода и изнуренія. Многие были обезглавлены за нерадѣіе, многие остались нищими, безъ куска хлѣба, лишеные своихъ домовъ, разрушенныхъ для проведенія канала. Нѣкоторые изъ земледѣльцевъ, у которыхъ отнимали имущество, бросали ницъ на свою землю и не отдавали ея, говоря, что лучше умрутъ, чѣмъ уступить свой населенный клочокъ, но ихъ тутъ же на мѣстѣ и обезглавливали. И вотъ, убитый кровью и потомъ, Улугнармъ-арыкъ теперь удлинняется еще уже русскими техниками и сброситъ воды свои въ р. Сыръ-Дарью.

Интересно то, что арыкъ этотъ, на всемъ его протяженіи, пересекаетъ и поверхъ его береговъ, и надъ его дною, посредствомъ трубъ и деревянныхъ желобовъ, другіе арыки, такъ что онъ вовсе не является преградой для прочихъ ирригаціонныхъ каналовъ.

Благодаря уже существующимъ ирригаціоннымъ сооружениямъ, за послѣдніе годы произведено много новыхъ замашекъ, а въ Омскомъ уѣздѣ даже появилось цѣлое русское селеніе Покровское, образовавшееся изъ семействъ русскихъ переселенцевъ, численность которыхъ все съ каждымъ годомъ увеличивается. Благодаря развитію орошенія, развилась и культура, несмотря на то, что лѣнныя сарты, которыми преимущественно заселена Ферганская область, трудно поддаются цивилизаціи. Напримѣръ, до сихъ поръ они не употребляютъ европейскихъ земледѣльческихъ орудій и прибѣгаютъ къ самымъ первобытнымъ способамъ обработки земли. Кроме того, благодаря своему флегматичному характеру и сложившимся благоприятнымъ условіямъ жизни, сарты (рис. на стр. 516) довольствуются очень небольшимъ, любятъ праздную жизнь, и небольшая часть ихъ, не имѣющая своего угла, идетъ въ наемныя поденщики (мардикеры), но стоить только имъ обзавестись нѣсколькими десятками рублей, какъ они сейчасъ же стараются сдѣлаться бакалами (лавочниками) и открываютъ торговлю, которая составляетъ самое почетное занятіе въ Средней Азій.

Любимымъ развлеченіемъ сартовъ служитъ посѣщеніе чайхана (чайныхъ), слетанчанье и политическіе разговоры. На базарѣ извѣстно все, что дѣлается въ Афганистанѣ и Индіи, вообще все, что касается только Востока. Здѣсь же производится азартная игра въ кости, бой перенеловъ, пляска батчей, т. е. мальчишковъ, переодѣтыхъ въ женское платье. Другая часть населенія, киргизы обыкновенно кочуютъ въ горахъ и лѣтомъ собираются въ долину большаго Алаи, гдѣ ихъ скотъ пользуется роскошною травою. Карицы—народъ болѣе симпатичный, чѣмъ сарты. Киргизъ прекрасный джигитъ (наѣздникъ), чудный охотникъ и отличается прямою и честностью характера, но зато совсѣмъ не работникъ, и единственный излюбленный его трудъ, это—насти скотъ и рѣдко-рѣдко вснахать и засѣять маленький клочокъ земли; все же остальные работы и даже выючку лошадей при кочевкѣ съ мѣста на мѣсто проповодитъ его жена, а онъ ѣздитъ съ утра до вечера по соседнимъ ауламъ и собираетъ новости, до которыхъ житель Востока всегда большой охотникъ. Что касается прочаго населенія Ферганы—таджиковъ и узбековъ, то они разбросаны по области, и первые населяютъ преимущественно памирскій ханства, покоренныя афганцами. Русскіе населяютъ только города, а также селеніе Покровское, въ Омскомъ уѣздѣ. Преимущественно русское населеніе состоитъ изъ военно-служащихъ, гражданскихъ чиновъ, торговаго класса и въ весьма небольшомъ количествѣ—мѣщанскаго сословія.

Пріятно видѣть туркестанскіе города, заселенные русскими. Правильно и красиво распланированныя улицы, обсаженные

огромными пирамидальными тополями, ведаѣ журчаніе оросительныхъ аркавъ. Вѣленькіе, или выкрашенные, всегда чистыя кирпичныя дома, имѣющіе при себѣ фруктовой тѣплицы садъ съ купальней. Необыкновенно чистый, кипшащій нестрою толпою, базаръ, на которомъ жизненные продукты продаются по неизмѣримо дешевымъ цѣнамъ (мясо 3 к. фунтъ, баранина—5 к.). Фрукты тоже страшно дешевы, напримѣръ, цѣна винограда доходитъ до 1/2 к. за фунтъ. Персики валяются по тропинкамъ садовъ и по улицамъ, и ихъ никто почти не ѣсть, а абрикосы (урюкъ), чудныя дыни, какихъ въ Европѣ за деньги не достанешь, груши, яблоки и проч.—все это почти даромъ. Таковы характерныя особенности туркестанскихъ городовъ. Я не говорю уже о Ташкентѣ, который несомнѣнно лучше многихъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ Европейской Россіи, а скажу, напримѣръ, о Кокандѣ и Маргеллауѣ. На каждомъ шагѣ можно встрѣтить тамъ красивыя зданія, большіе магазины; кромѣ того, къ услугамъ пріѣзжихъ имѣется нѣсколько гостиницъ, и сколько мнѣ ни приходилось слышать отзывовъ отъ посѣщавшихъ Среднюю Азію иностранцевъ, они всегда съ восторгомъ отзывались о туркестанскихъ городахъ, и только удивлялись, какъ это въ Европѣ сложилось такое невыгодное мнѣніе о Туркестанѣ. Между тѣмъ у насъ, говоря о Туркестанѣ, сосредоточиваютъ все понятие объ этомъ краѣ около названія „Ташкентъ“, а о Ферганской области и, напримѣръ, о городѣ Маргеллауѣ, гдѣ есть и окружный судъ, клубъ и театръ, гдѣ такъ же, какъ и въ Европѣ, катаются на велосипедахъ, гдѣ веселятся и живутъ, положимъ, менѣ шумно, но все же исполнѣ европейской жизни, — мало кто имѣетъ понятія.

Теперь же, съ открытіемъ желѣзной дороги отъ Самарканды до Андижана, жизнь русскихъ въ Туркестанѣ будетъ еще лучше и комфортабельнѣе обставлена. Промышленность быстро развивается, и Ферганская область соединится тѣснѣе съ сердцемъ Россіи. Въ настоящее время садоводство и винодѣліе достигло уже огромнаго развитія въ Ферганской области; имѣется много винодѣльствъ, снабжающихъ ферганцевъ прелестнымъ чистымъ винограднымъ виномъ изъ 70-ти сортовъ винограда. Шелководство съ каждымъ годомъ принимаетъ также все большіе размѣры, смертность шелковичнаго червя почти исчезла. Значительному развитію шелководства способствовало устройство гребельныхъ станцій и развѣщеніе генералъ-губернаторомъ привозить иностранную грену. Большая заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ и г. Алоизи, открывшему безплат-

ную школу шелководства въ г. Кокандѣ; въ 1894 г. только за одинъ годъ существованія грены г. Алоизи было собрано коконовъ за сезонъ 74,096 пудовъ.

Отрадную картину представляетъ собою школа шелководства г. Алоизи въ Кокандѣ. Огромный домъ въ два этажа (рѣдкость въ Туркестанѣ), отведенный подъ школу, выстроенъ на собственные средства г. Алоизи. Въ большихъ комнатахъ, уставленныхъ вдоль столами, за микроскопами сидятъ въ тюбикахъ и халатахъ бородатые сарты-ученики, прилежно разсматривая въ микроскопъ грену. На стѣнахъ висятъ картины, изображающія въ увеличенномъ видѣ болѣзнь шелкопріада. Тутъ же находится и самъ г. Алоизи, объясняющій и читающій лекціи своимъ ученикамъ, или наблюдающій за работами „микроскопистовъ“. Эти ученики получаютъ жалованье отъ г. Алоизи; по окончаніи курса обученія они получаютъ отъ него въ даръ микроскопъ и грену и отпускаются для занятія шелководствомъ. Такимъ образомъ г. Алоизи изъ своихъ рабочихъ-учениковъ дѣлаетъ опытныхъ шелководоцъ, а тѣмъ, конечно, упрочиваетъ и самое шелководство въ области, не получая при этомъ никакихъ пособій отъ казны.

Самое же видное мѣсто изъ добывающей промышленности несомнѣнно въ Ферганѣ заняло хлопководство. Всѣ поля Ферганы, на которыхъ прежде покачивались стропилы колосьевъ ячменя и пшеницы, теперь засѣяны хлопкомъ. Каждый туземецъ, у котораго только имѣется клочокъ земли, съѣтъ на немъ хлопокъ и, собравъ его, везетъ продавать, обезпечивая такимъ образомъ себя на всю зиму. О хлѣбѣ онъ и не думаетъ, онъ питается рисомъ, котораго много съѣтъ въ области. Однако подобная хлопководства не могла не отозваться вредно на прочихъ продуктахъ: хлѣбъ вздорожалъ, мясо дошло до 4 коп. за фунтъ (цѣна очень высокая) и даже пришлось выписывать хлѣбъ изъ Европейской Россіи. Опять-таки всѣ

эти осложненія происходили отъ отсутствія желѣзной дороги, съ проведеніемъ которой вся картина совершенно измѣнится. Край все болѣе и болѣе будетъ заселяться русскими, теперь еще недовѣрчиво относившимися къ Туркестану и воображающими объ этой полной неопытныхъ богатствъ части Россіи, какъ о чемъ-то ужасномъ.

Туркестанскій край, а особенно Ферганская область, это—одно изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ нашей обширной родины, и не пройдетъ десятка лѣтъ, какъ жители Европейской Россіи будутъ стремиться туда, какъ стремятся теперь въ Крымъ и на Кавказъ.

Б. Тагъевъ.

Семейство сартовъ, населяющихъ Ферганскую область.
Съ фот. авторитія А. Вильборга.

Къ рисункамъ.

На выставкѣ с.-петербургскаго общества художниковъ обращала на себя вниманіе яркая картина г. Пелевина „По грибы“, представляющая, кромѣ весьма живописнаго пейзажа, эту же тему дѣтскихъ головъ. Дѣти идутъ гуськомъ по узкой тропинкѣ, раздѣляющей хлѣбное поле, полное зрѣлыхъ золотыхъ колосьевъ, гнувшись до земли подъ тяжестью собственной ноши. Небо—ясное, синее; воздухъ чистъ; солнце жжетъ горячими лучами юныя бодрыя личики, и дѣвочка, самая старшая изъ компаніи, прикрыла рукой голубые глаза, чтобы лучше разглядѣть, далеко ли еще осталось до лѣса. Дѣти идутъ серьезно, точно съ сознаниемъ своего долга. Они хорошо знаютъ, что грибы составляютъ ихъ насущный хлѣбъ: завтра—базарный день, и мать пойдетъ продавать ихъ сегодняшнюю находку. Любо смотрѣть на этихъ милыхъ маленькихъ работниковъ, уже помогающихъ семьѣ по мѣрѣ силъ.

Морской этюдъ И. К. Айвазовскаго: „Прибой“ отличается обычными достоинствами картинъ знаменитаго нашего мариниста.

Помѣщеная въ этомъ номерѣ *Нивы* гравюра съ этой картины, исполненная г. Шавердяевымъ, удостоена преміи обществомъ поощренія художествъ. Вы всматриваетесь въ картину и видите, какъ „дробится, и шлепаетъ, и брызгаетъ волна“, „валы за валами, прибой и отбой, и пѣна ихъ гребни покрыла“, на васъ точно вѣетъ „соленою влагой“ и васъ тянетъ въ эту зеленоватую даль морского простора. Какъ безпомощны кажутся далеко бѣлѣющіе паруса! Воздухъ прозраченъ; небо покрыто перистыми легкими облачками. Вся картина одухотворена талантомъ большого художника.

И. П. Прангинниковъ очень удачно иллюстрировалъ обычай, привившійся въ нѣкоторыхъ уѣздахъ великорусскихъ губерній устраивать общій жертвенный котель въ престольный праздникъ. Всѣ жители участвуютъ въ жертвоприношеніи, — кто чѣмъ богатъ, отъ плодовъ земныхъ, съ дѣлью воздаетъ благодарственное приношеніе Богу за Его всѣгдашній щедроты. По освященіи, жертва раздѣляется между всѣми принос-

щими ее, и они, такимъ образомъ, какъ бы невидимо приобщаются къ Божеству.

*

Въ жизни крестьянина, конечно, важную роль играетъ лошадь; безъ нея онъ, какъ безъ рукъ, съ нею же и горе ему не въ горе. Если

Нѣтъ у молодца
Коня-пахара,—

что ему тогда остается, кромѣ силы крѣпкой?—Но вѣдь и ея не хватитъ на трудную работу, ежедневно имъ справляемую. Хорошій крестьянинъ любитъ, бережетъ свою лошадь. Вотъ она накушалась свѣжей зеленой травы, и хозяинъ, захвативъ сбрую, идетъ за нею: пора и поработать. Онъ чувствуетъ, что онъ не одинъ, что у него есть подмога, и здоровое его лицо выражаетъ мужественное довольство. Покуривая трубку, онъ спокойно идетъ за лошадью.

*

Лѣтомъ у пруда, да еще въ такой поэтической обстановкѣ, какую изобразилъ художникъ Менцлеръ, навѣрно задумывались молодые дѣвушки. Граціозные лебеди, таинственный чудный паркъ, зеркальная поверхность воды,—все это забыто. Дѣвушка смотритъ вдаль и что-то вспоминаетъ или, можетъ-быть... кого-то ждетъ. Одно ясно: въ ея годы и при ея милловидности трудно предположить несчастную любовь. Не долго ей придется ждать: можетъ-быть, избранникъ ея сердца уже свѣситъ къ ней, и вскорѣ тишина вѣкового парка нарушится веселымъ смѣхомъ, а смѣхъ замѣнится таинственнымъ шопотомъ и первымъ робкимъ поцѣлуемъ.

*

На картинѣ Люлве, помѣщенной въ настоящемъ номерѣ *Нивы*, воспроизведенъ эпизодъ изъ частной жизни послѣдняго *Валуа*, любующагося фокусами шута Бильбоке. Третій сынъ

зывается теперь придуманная имъ оригинальная игра съ шарикомъ, привязаннымъ на шуркъ къ стержню. Искусство заключается въ томъ, чтобы попасть шарикомъ въ чашечку, прикрѣпленную къ тому же стержню, или на его острие, какъ это изображено на картинѣ. Во времена Генриха III описанная игра была въ такой модѣ, что каждый считалъ своимъ долгомъ носить при себѣ подобную игрушку и, сидя въ обществѣ, развлекался ею среди разговора.

Г. А. Лееръ.

(Портр. на этой стр.)

Въ ряду современныхъ знатоковъ военного дѣла несомнѣнно одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ маститому начальнику Николаевской академіи генеральнаго штаба, генерал-отъ-инфантеріи Генриху Антоновичу Лееру. Въ вышнѣмъ году, 13-го іюня, исполнилось пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Г. А. Лееръ 19-лѣтнимъ юношей, по окончаніи курса въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, произведенъ былъ въ прапорщикъ; вмѣстѣ съ тѣмъ нынѣ же истекаетъ сорокалѣтіе его блестящей профессорской дѣятельности. Военно-педагогическую дѣятельность свою началъ онъ еще ранѣе,—вскорѣ послѣ окончанія курса въ Николаевской академіи генеральнаго штаба,—именно въ качествѣ преподавателя тактики и военной исторіи въ бывшемъ Павловскомъ корпусѣ. Въ 1858 же году онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность адъютанта-профессора тактики въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Эта долговременная выдающаяся педагогическая дѣятельность Г. А. Леера очерчена въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ ему 13-го іюня т. г., слѣдующими словами:

„Работая неутомимо и съ любовью предаваясь изученію избранной вами специальности, вы постепенно успѣли создать и разработать самостоятельные научные методы и выводы по

Г. А. Лееръ. По поводу 50-лѣтія служенія въ офицерскихъ чинахъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Н. Н. Обручевъ. По поводу 50-лѣтія служенія въ офицерскихъ чинахъ. Съ фот. А. Пазетти автотипія „Нивы“.

Генриха II и Екатерины Медичи, Генрихъ III, герцогъ Анжуйскій, послѣдствіемъ король польскій, а затѣмъ французскій, отъ природы одаренный блестящими качествами, живымъ и проникательнымъ умомъ, получивъ плохое воспитаніе и поэтому вышедъ изнѣженнымъ, развращеннымъ, неустойчивымъ. Придерживаясь политики Цезаря Борджіи и Макиавелли, но не имѣя ихъ энергіи, онъ былъ на тронѣ суевѣрнымъ ханжой, капризнымъ и дѣливымъ, отъ котораго трудно было ожидать чего-нибудь хорошаго. Въ числѣ приближенныхъ короля пользовались особенной извѣстностью Сентъ-Мерчинъ, помѣщенный на картинѣ Люлве рядомъ съ королемъ въ довольно непринужденной позѣ, и шутъ Бильбоке, именемъ котораго на-

О. Б. Рихтеръ. По поводу 50-лѣтія служенія въ офицерскихъ чинахъ. Съ фот. А. Пазетти автотипія „Нивы“.

вопросамъ, касающимся высшей тактики и стратегіи. Ваши обширные труды и изслѣдованія въ этой области прославили ваше имя и принесли громадную пользу развитію военного образованія въ русской арміи, въ которой нынѣ почти всѣ начальники, прямо или косвенно, могутъ считаться вашими учениками. Не менѣе отличныя и выдающіяся заслуги вы оказали обширнымъ участіемъ вашимъ въ учебно-воспитательной дѣятельности, сначала въ должности инспектора классовъ Константиновскаго военнаго училища, потомъ по исполненію разнообразныхъ работъ и порученій въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній и, наконецъ, по должности начальника Николаевской академіи генеральнаго штаба. Занимая эту долж-

ность въ теченіе 9 лѣтъ, вы успѣли вашими заботами, а также личнымъ участіемъ и примѣромъ поддержать на должной высотѣ развитіе научныхъ и учебныхъ занятій въ академіи; въ то же время, вѣрно оцѣнивая истинныя задачи и цѣли этого учрежденія, вы всѣми силами способствовали такой его постановкѣ, при которой достигается не только специальная цѣль комплектованія генеральнаго штаба, но и общая цѣль распространенія высшаго военнаго образованія въ арміи“.

Въ качествѣ выдающагося знатока военнаго дѣла, Г. А. Лееръ приглашенъ былъ преподавать военную науку Государю Императору въ бытность Его Величества Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, и этой его дѣятельности посвящено также вѣскольکو очень лестныхъ словъ въ рескриптѣ: „Изъ воспоминаній Моей юности, когда Я впервые Лично познакомился съ вами, изучая подъ вашимъ руководствомъ военную исторію и стратегію, Я сохранилъ самое оградное впечатлѣніе о вашихъ талантахъ, глубокихъ познаніяхъ и особой любви къ дѣлу, которому вы посвятили вашу жизнь, наполненную неутомимымъ, самоотверженнымъ трудомъ и искреннимъ горячимъ стремленіемъ принести пользу наукѣ, арміи и многочисленнымъ вашимъ слушателямъ и ученикамъ“.

На ряду съ педагогической дѣятельностью Г. А. Леера, большой павѣстностью пользуется его учено-литературная дѣятельность. Изъ цѣлага ряда крупныхъ ученыхъ трудовъ Г. А., обратившихъ на себя вниманіе и за границей и переведенныхъ на иностранныя языки, слѣдуетъ въ особенности указать на такія капитальныя изслѣдованія, какъ: „Военное дѣло въ XVIII вѣкѣ“, „Петръ Великій, какъ полководецъ“, „Современное состояніе стратегіи“, „Главные характеристическія черты французской и прусской учебно-воспитательныхъ системъ, сравнительно съ нашей“, „Генеральный штабъ и его комплектованіе въ Пруссіи и Франціи“. Кроме того, подъ редакціей Г. А. Леера издавъ значительный трудъ — „Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“.

Въ ознаменованіе исполнившагося 50-лѣтія служебной дѣятельности Г. А., Государь Императоръ, „оцѣнивая по достоинству плодотворные труды и ихъ блестящіе результаты“, съелъ „пріятнымъ для Себя долгомъ выразить“ ему Свое „особое благоволеніе и признательность, въ ознаменованіе коихъ“ пожалованы ему брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго.

Н. Н. Обручевъ. (Портр. на стр. 517.)

Въ плеядѣ крупнѣйшихъ нашихъ военныхъ дѣятелей, много порабатанныхъ на пользу усиленія военнаго могущества Россіи, имя Николая Николаевича Обручева одно изъ самыхъ свѣтлыхъ и незабвенныхъ. Нынѣ исполнилось 50 лѣтъ его многотрудной службы въ офицерскихъ чинахъ, и въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ ему въ ознаменованіе этого события, ярко очерчены всѣ его выдающіеся полувѣковые труды, „всецѣло посвященные Престолу и Отечеству“. „Служба эта съ самаго ея начала, — говорится въ рескриптѣ, — привлекла къ себѣ особое вниманіе Моего Прадѣда Императора Николая I и всегда выдвигала васъ въ первые ряды дѣятелей, благодаря вашимъ выдающимся дарованіямъ, обширнымъ теоретическимъ познаніямъ въ военномъ искусствѣ и неутомимой преданности дѣлу“.

Н. Н. Обручевъ родился въ 1830 г. и 18 лѣтъ отъ роду былъ выпущенъ изъ 1-го кадетскаго корпуса прапорщикомъ въ л.-гв. измайловскій полкъ. Въ 1852 г. Н. Н. поступилъ въ Императорскую военную академію, а два года спустя окончилъ въ ней курсъ съ серебряною медалью, и имя его занесено на мраморную доску. Вскорѣ по окончаніи курса въ академіи, Н. Н. былъ назначенъ адъюнктомъ-профессоромъ военной статистики въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Военно-учебной его дѣятельности, а также трудамъ его по управленію дѣлами военно-учебнаго комитета посвящены слѣдующія слова милостиваго рескрипта: „Въ теченіе 22 лѣтъ вы занимали профессорскую кафедру въ академіи генеральнаго штаба и замѣчательнымъ преподаваніемъ вашимъ много способствовали образованію состава офицеровъ генеральнаго штаба, отличныя качества котораго въ минувшую турецкую войну вызвали полное Монаршее одобреніе. Выбѣгъ съ тѣмъ, въ теченіе 17 лѣтъ вы управляли дѣлами военно-учебнаго комитета главнаго штаба, являясь однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ генераль-адъютанта графа Милютина по осуществленію знаменательныхъ преобразованій въ устройствѣ русскаго войска, согласно указаніямъ въ Божѣ почившаго Моего Дѣда, который, оцѣнивъ ваши достоинства, призвалъ васъ къ участію въ общихъ дѣлахъ и вопросахъ государственныхъ, въ особенности предшествовавшихъ объявленію турецкой войны и непосредственно за нею слѣдовавшихъ“.

Въ 1871 г., будучи уже генераль-майоромъ, Н. Н. былъ назначенъ въ свиту Его Величества, а въ 1873 г. произведенъ въ генераль-лейтенанта и въ этомъ же году назначенъ дѣлопроизводителемъ состоявшаго подъ личнымъ Его Величества руководствомъ совѣщанія по организаціи войскъ и командированъ въ Турцію, Германію и Австрію для собранія свѣдѣній по составу и организаціи силъ этихъ государствъ. Въ русско-турецкую войну 1877—1878 г. Н. Н. Обручевъ находился въ кавказской

арміи въ распоряженіи ея Августѣйшаго главнокомандующаго, Его Императорскаго Высочества великаго князя Михаила Николаевича. За примѣрную храбрость и распорядительность въ болахъ 20-го и 21-го сентября и при пораженіи арміи Мухтара-паши на Аладжинскихъ высотахъ 3-го октября 1877 г. Н. Н. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени.

Въ 1878 г. Н. Н. Обручевъ пожалованъ былъ званіемъ генераль-адъютанта, отчисленъ отъ должности профессора съ назначеніемъ почетнымъ членомъ конференціи Николаевской академіи генеральнаго штаба. Два года спустя Н. Н. руководилъ коммиссіею по укрѣпленію гор. Варшавы и Новогеоргиевска, а въ 1881 году назначенъ помощникомъ начальника главнаго штаба и въ томъ же году начальникомъ этого штаба.

Труды Н. Н. Обручева на этой выдающейся должности могутъ быть признаны основными и главнѣйшими въ ряду его государственныхъ заслугъ. Въ высшей степени лестная оцѣнка этихъ его трудовъ дана въ слѣдующихъ словахъ Высочайшаго рескрипта:

„Влестящее служебное поприще ваше побудило Незабвеннаго Родителя Моего поручить вамъ, въ 1881 году, важный и отвѣтственный постъ начальника главнаго штаба. Въ этой должности вы шестнадцать лѣтъ были самымъ близкимъ сотрудникомъ военнаго министра, генераль-адъютанта Ванновскаго, на котораго Почившій Государь возложилъ приведеніе въ исполненіе Своихъ предначертаній, направленныхъ къ дальнѣйшему развитію и совершенствованію нашихъ вооруженныхъ силъ. Ваши талантливыя труды, ваше глубокое знаніе потребностей Россіи и современныхъ успѣховъ военнаго дѣла, а также простекающая отсюда вѣрность взглядовъ на основныя задачи нашего военнаго положенія, списали вамъ неоднократно выраженія признательнаго благоволенія Моего Дорогого Родителя“.

Увольненъ въ прошломъ году по разстроенному здоровью отъ этой высокой должности, Н. Н. Обручевъ остался въ званіи члена Государственного Совѣта и генераль-адъютанта и въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи, полученномъ имъ въ 1888 г.

На ряду съ общественно-служебной дѣятельностью Н. Н. Обручева шла и его дѣятельность литературная, столь же выдающаяся и списавшая ему павѣстность даже въ всенныхъ кругахъ, у насъ и за границей. Еще 20-ти лѣтъ отъ роду Н. Н. Обручевъ издалъ свой первый ученый трудъ подъ заглавіемъ „Опытъ исторіи военной литературы въ Россіи“, за что удостоился получить Высочайшую благодарность и подарокъ отъ въ Божѣ почивающаго императора Николая I. Четыре года спустя вышелъ въ свѣтъ второй его трудъ „Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относившихся къ исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 г.“. Въ ряду его дальнѣйшихъ трудовъ особенно обратилъ всеобщее вниманіе его талантливый, блестящій глубокой эрудиціей разбор павѣстной книги Д. А. Милютина и А. И. Михайловскаго-Данилевскаго — „Исторія войны между Россіей и Франціей“, помѣщенный въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Въ 1864 г. Н. Н. выпустилъ весьма содержательную брошюру — „Сѣтъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, участіе въ ней земства и войскъ“. Но самымъ капитальнымъ трудомъ является его военно-статистическій сборникъ.

Нынѣ, по поводу исполнившагося полувѣкового служенія Н. Н. Обручева, онъ удостоенъ былъ не только высококолитиваго рескрипта, но и исключительной Монаршей награды. „За самоотверженную службу вашу, — говорится въ рескриптѣ, — всецѣло посвященную Престолу и Отечеству, Мнѣ истинно оградно изъявить вамъ еще разъ Мое благоволеніе и сердечную признательность. Отъ души желаю, чтобы Господь Богъ на многіе годы сохранилъ ваши силы и тѣмъ далъ вамъ возможность, со свойственнымъ вамъ патриотизмомъ, приносить пользу просвѣщеннымъ участіемъ вашимъ въ обсужденіи дѣлъ высшаго государственнаго управленія“.

Кромѣ того, Государь Императоръ, во вниманіе къ обширной и плодотворной дѣятельности бывшаго начальника главнаго штаба, члена Государственного Совѣта, генераль-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи Обручева, по организаціи обороны государства вообще и обороны морскихъ подступовъ къ столицѣ Имперіи въ особенности, Высочайше повелѣтъ соизволилъ наименовать возводимый на сѣверномъ кровшадтскомъ фарватерѣ фортъ литера В — фортомъ „генераль-адъютантъ Обручевъ“. Этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ имя Н. Н. Обручева и его заслуги увековѣчены въ лѣтописяхъ военной исторіи.

О. Б. Рихтеръ. (Портр. на стр. 517.)

13-го іюня члену Государственного Совѣта, генераль-адъютанту, генералу-отъ-инфантеріи Отгону Борисовичу Рихтеру данъ Высочайшій рескриптъ по поводу пятидесятилѣтія его служенія въ офицерскихъ чинахъ и въ виду повторенной его просьбы объ увольненіи его по разстроенному здоровью отъ должности командующаго Императорскою главною квартирою, — просьбы, на которую Государь Императоръ „позъявилъ согласіе съ искреннимъ душевнымъ огорченіемъ“.

О. Б. Рихтеръ, происходящій изъ дворянъ лифляндской гу-

бернин, родился 1-го августа 1830 г.; образование получил онъ въ Пажескомъ Его Величества корпусѣ, въ которомъ блестяще окончилъ курсъ въ 1848 г., при чемъ имя его записано было на мраморную доску. Въ томъ же году онъ вступилъ въ ряды Императорской гвардіи, корнетомъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ.

Въ 1858 году О. Б. Рихтеръ былъ назначенъ состоять при покойномъ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ, и въ этой должности оставался по день кончины его императорскаго высочества, 12-го апрѣля 1865 года.

Въ 1866 г. О. Б. Рихтеръ назначенъ былъ на должность управляющаго дѣлами Императорской главной квартиры, а затѣмъ въ томъ же году начальникомъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военного округа и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ главнаго комитета по устройству и образованію войскъ. Въ 1871 г. О. Б. назначенъ былъ командиромъ 13-й пѣхотной дивизіи, и одновременно съ этимъ государь императоръ Александръ Николаевичъ пожаловалъ ему званіе генералъ-адъютанта. За время своего восьмилѣтняго служенія въ 13-й пѣхотной дивизіи О. Б. руководилъ полевыми занятіями строевыхъ офицеровъ, а въ 1877 г. находился въ составѣ войскъ, на которыхъ возложена была охрана Черноморскаго побережья. Въ 1879 г. ему поручено было командовать 7-мъ армейскимъ корпусомъ. Эти десятилѣтніе труды О. Б. нашли себѣ оцѣнку въ рескриптѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Въ должностяхъ высшаго строевого командованія — въ теченіе восьми лѣтъ 13-ю дивизіею и въ теченіе слишкомъ двухъ лѣтъ 7-мъ корпусомъ, — вы на дѣлѣ доказали отличныя ваши дарованія и особую заботливостъ о строевомъ обученіи и сохраненіи порядка службы во внутреннихъ вамъ войскахъ, а также о надлежащей военной подготовкѣ офицеровъ сихъ войскъ“.

Въ 1881 г. О. Б. Рихтеръ занялъ выдающійся постъ командующаго Императорскою главною квартирою, и вслѣдъ затѣмъ на него возложено было принятіе прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ. На этихъ двухъ постахъ онъ свискалъ исключительное довѣріе и Монаршее расположеніе къ себѣ со стороны въ Божіи почивающаго Императора Александра Александровича и нынѣ царствующаго Государя Императора.

„Я, — говоритъ въ Высочайшемъ рескриптѣ: — съ юныхъ лѣтъ привыкъ видѣть и почитать въ васъ самаго близкаго, преданнаго и благороднаго слугу Моего Незабвеннаго Дорогого Отца и Моей Обожаемой Августѣйшей Матери. Личная ваша близость къ Моему Семейству и полное Мое къ вамъ довѣріе еще болѣе укрѣпились въ послѣдніе годы, когда Мнѣ пришлось установить непосредственныя съ вами отношенія по многообразнымъ дѣламъ и порученіямъ, въ особенности во время Моеихъ за-

граничныхъ поѣздокъ. Желая и на будущее время сохранить эту близость и возможность пользоваться вашими многоопытными и просвѣщенными совѣтами, Я назначилъ васъ состояющимъ при Моей Особѣ и еще разъ прошу васъ принять выраженіе Моей искренней сердечной признательности за вашу испытанную преданность и за продолжительную, самоотверженную службу Престолу и Отечеству“.

Катастрофа въ Блекуэллѣ. (Рис. на этой стран.)

9-го іюня произошла въ г. Блекуэллѣ, въ Англіи, страшная катастрофа при спускѣ на воду новаго крейсера „Альбіонъ“. Когда судно спустилось на воду, водонемѣщеніе его оказалось

столь велико, что временные мостки, на которыхъ находилось около двухсотъ человекъ, скрылись подъ громадной волной, въ одинъ моментъ смывшей всѣхъ тамъ находившихся. Катастрофа произошла присутствіи герцога и герцогини Йоркскихъ въ тотъ самый моментъ, когда воздухъ огласился криками восторга и оглушительнымъ „ура“ по поводу благополучнаго спуска новаго гиганта британскаго военного флота въ 12,000 тоннъ водоизмѣщенія.

Сквозь оглушительный радостный ревъ толпы не пробилась крики ужаса и отчаянія двухсотъ человекъ, столпившихся на легкихъ невысокихъ мосткахъ, соединявшихъ верфи, съ которой былъ спущенъ „Альбіонъ“, съ соседней верфью. Находящаяся по близости публика бросилась спасать погибающихъ, съ „Альбіона“ стали бросать утопавшимъ доски и козцы.

Причина катастрофы въ точности еще не выяснена; объясняютъ ее и обратный волной, отхлынувшей отъ противоположнаго берега, о который

Катастрофа при спускѣ на воду крейсера „Альбіонъ“, въ Блекуэллѣ (Англія). По рис. Ill. Lond. News автотипія „Нивы“.

ударилась воды бухточки при Блекуэллѣ, и тѣмъ, что новый броненосецъ прямо своимъ корпусомъ и быстрымъ ходомъ при спускѣ вытѣснялъ въ сторону такой объемъ воды, что послѣдняя поднялась болѣе чѣмъ на 4 фута и взломала легкіе временные мостки, служившіе для перехода рабочихъ съ одной верфи на другую; объясняютъ это и тѣмъ, что „Альбіонъ“ поволокъ за собой канаты и части полюзьевъ, которые и разворочили нѣкоторые скрѣпленія, примыкавшія къ временнымъ мосткамъ.

Какъ бы то ни было, мостки эти не только не предназначались для зрителей, но на самыхъ доскахъ и на пути, ведущемъ къ нимъ, а также и въ воротахъ, чрезъ которые надо было попасть во дворъ верфи, были наклеены афиши съ напечатанными громадными буквами словомъ: „Опасно!“ Но ни это предостереженіе, ни огрѣды полицейскихъ, разставленныхъ у воротъ верфи, не остановили публики: полицейскіе были смяты, и публика пробралась на роковые мостки. Большую часть тутъ собрались семьи рабочихъ верфи и близлежащихъ заводовъ съ дѣтьми и знакомыми, но было и нѣсколько чело-

въкъ посторонней публики. Полиция, по числу словенныхъ въ водѣ шапокъ, шляпъ и фуражекъ, полагаетъ, что утонуло по меньшей мѣрѣ человекъ сто, но такъ какъ моментъ несчастія совпалъ съ огнемъ, то много жертвъ могло быть унесено въ

море. Къ вечеру того же дня было найдено 36 труповъ. Спасено было около 100 человекъ, при чемъ нѣкоторые изъ спасавшихъ проявили прямо-таки героизмъ: одинъ юноша пять разъ бросался въ воду и спасъ такимъ образомъ пять человекъ.

Политическое обозрѣнiе.

Во Франціи снова разразилась министерскій кризисъ. Виновниками его по обыкновенію являются вожди радикальной партіи. Въ первой схваткѣ сторонники министерства съ оппозиціей радикальныхъ партій потерпѣла поражение, правда, не особенно чувствительное: вмѣсто ея кандидата Бриссона въ президентъ палаты избранъ былъ большинствомъ въ 10 голосовъ умѣренный республиканецъ Дешанель. Выборы остальныхъ членовъ бюро палаты закончены были 30-го мая. Новый президентъ палаты Дешанель, обращаясь въ своей рѣчи ко всѣмъ партіямъ и увѣряя ихъ въ своемъ безпристрастїи, высказался въ пользу политич. реформъ, настаивая на необходимости тщательнаго изученія экономическихъ, финансовыхъ и рабочаго вопросовъ; наконецъ президентъ палаты выразилъ свои пламенные симпатїи къ гордости Франціи — ея сухопутнымъ и морскимъ силамъ. Послѣ оживленныхъ рукописанныхъ радикалы внесли запросъ о политикѣ кабинета и его намѣренїяхъ. Вопросъ о виѣшней политикѣ отложенъ былъ на цѣлый мѣсяцъ, къ обсужденію же внутреннихъ дѣлъ республики палата приступила немедленно. Послѣ продолжительныхъ прерїи г. Мелинъ, напомнивъ палатѣ о попыткѣ радикаловъ помѣшать осуществленію всѣхъ реформъ, заявилъ, что, взывая къ содѣйствію республиканцевъ, ждетъ рѣшенія палаты. Внесено было нѣсколько формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ; министр-президентъ согласился съ формулой Рибо: „палата, одобряя объясненія правительства и рѣшившись вести политику, основанную на единенїи республиканцевъ, переходитъ и пр.“ По требованію радикаловъ формула Рибо пущена была на голосованіе въ двухъ частяхъ: первая часть — объ одобренїи объясненїи правительства принята 295 голосами противъ 272, а вторая часть — прошла большинствомъ 527 противъ 5. Но радикалы не унимались и внесли дополненїе къ формулѣ: „и опираясь на большинство исключительно республиканское“; г. Мелинъ высказался противъ этой прибавки, между тѣмъ палата приняла ее большинствомъ 295 противъ 246 голосовъ. Затѣмъ при сильномъ волненїи палаты вся формула принята была большинствомъ 284 противъ 272. Засѣданіе палаты закрыто было до 8-го іюня. Чрезвычайная неопредѣленность, усложнившаяся противорѣчивыми голосованїями палаты, поставила министерство въ крайне затруднительное положеніе. Обсудивъ дѣло въ совѣтѣ министровъ, происходившемъ въ Елисейскомъ дворцѣ, г. Мелинъ вручилъ 3-го іюня президенту республики отставку кабинета, которая и была принята.

Такимъ образомъ радикалы достигли давно намѣченной цѣли: новая палата пошла по пути министерскихъ кризисовъ,

о которыхъ французская республика начала было забывать въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ.

По принятїи президентомъ республики отставки министерства, которому однако поручено было вести дѣла впредь до назначенія новаго кабинета, въ парламентскихъ кружкахъ пошли толки о различныхъ комбинаціяхъ въ составѣ ожидаемаго министерства. Послѣ того, какъ въ Елисейскомъ дворцѣ побывали президенты сената и палаты депутатовъ — г.г. Лубэ и Дешанель, печать стала высказываться за „кабинетъ примиренїя“ съ цѣлью привлечь на сторону республиканскаго большинства еще 40 голосовъ, устранивъ совершенно парламентскую правую. На слѣдующій день — 4-го (16-го) іюня происходили совѣщанія г. Феликса Фора съ политическими дѣятелями: утромъ въ Елисейскомъ дворцѣ были приняты г.г. Бриссонъ и Дюпонъ, а пополуночи — г.г. Рибо, Буржуа и Пейтраль. По переговоры съ тремя послѣдними дѣятелями не увѣнчались успѣхомъ, и 14-го іюня г. Бриссонъ принялъ официальное порученіе сформировать кабинетъ, а 16-го числа представилъ членовъ кабинета президенту республики, который подписалъ декреты о назначенїи новыхъ министровъ. Въ составѣ кабинета вошли: Бриссонъ — министр-президентъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, Делькасъ — министръ иностранныхъ дѣлъ; въ числѣ прочихъ членовъ кабинета фигурируютъ: Буржуа, Саррель, Пейтраль и др. Вообще министерство составлено изъ радикаловъ; поэтому радикальная партія увѣрена, что сильное большинство палаты высказается за „истинныхъ республиканцевъ“. Однако республиканская, умѣренная и консервативная печать предсказываетъ кабинету скорое поражение при обсужденїи запроса объ общей политикѣ. Социалисты также мало удовлетворены и рѣшили пока устраниваться отъ всякаго содѣйствія умѣреннымъ республиканцамъ. По отзывамъ высшихъ политическихъ кружковъ, правленіе радикаловъ отразится только на внутренней политикѣ, во виѣшней же политикѣ все останется попрежнему: г. Делькасъ пойдетъ по стопамъ своего выдающагося предшественника — г. Ганото; новый министръ иностранныхъ дѣлъ скорѣе умѣреннымъ республиканецъ, чѣмъ радикалъ; онъ слышетъ за пламеннаго друга Россїи со времени своей замѣчательной рѣчи, произнесенной 6-го ноября 1890 г., — о необходимости франкорусскаго союза; состоя въ кабинетѣ Дюпонъ, г. Делькасъ принимаетъ дѣятельное участіе въ манифестаціяхъ въ честь русской эскадры адмирала Авелана. Словомъ, по авторитетному мнѣнію хорошо осведомленныхъ кружковъ, основой французской виѣшней политики остается франко-русскій союзъ, какова бы ни была окраска министерства. Такого непоколебимого общественнаго мнѣнїе виѣшней Франціи.

Разныя извѣстія.

— 16-го іюня Ихъ Величества Государя Императора и Государыни Императрицы Александра Θεодоровна съ Ихъ Императорскими Высочествами великими князьями Ольгою Николаевною и Татьяною Николаевною изволили перѣхать на лѣтнее пребываніе изъ Царскаго Села въ Петергофъ.

— 18-го іюня, Ея Величество Государыня Императрица Марїа Θεодоровна съ Ихъ Императорскими Высочествами великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ и великою княжною Ольгою Александровною изволили перѣхать на лѣтнее пребываніе, изъ Гатчины въ Петергофъ.

— Министръ Императорскаго двора и удѣловъ, числящійся по гвардейской кавалерїи, генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ баронъ Фредериксъ назначенъ командующимъ Императорскою главною квартирою, съ оставленїемъ въ занимаемой должности, въ званїи генераль-адъютанта, по гвардейской кавалерїи и въ сшескахъ лейб-гвардїи коннаго полка.

— 13-го іюня, по поводу исполнявшагося 50-лѣтїя службы въ офицерскихъ чинахъ, Высочайше пожалованы милостивыми рескриптами и слѣдующими отличїями: члены Государственнаго Совѣта: генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалерїи М. Н. Чертковъ — орденомъ св. Андрея Первозваннаго; генераль-адъютантъ, адмиралъ Н. М. Чихачевъ — назначенъ членомъ комитета сибирской желѣзной дороги: статсъ-секретарь, т. с. Н. П. Шинкинъ — брильянтовыми знаками ордена св. Александра Невскаго; члены военнаго совѣта, генералы-отъ-инфантерїи А. А. Якимовичъ и графъ И. Д. Татищевъ — украшенной брильянтами табакеркой съ портретомъ Его Величества, и состоящїи при Его Высочествѣ великомъ князѣ Александровичѣ вице-адмиралъ Н. Г. Шиллингъ — пожалованъ чиномъ адмирала.

— Отъ туркестанскаго генераль-губернатора, генераль-лейтенанта Духовскаго, получена изъ Ташкента, отъ 13-го іюня 1898 года, слѣдующая телеграмма: „11-го іюня военный судъ въ Анджагѣ приговорилъ шесть главари нападенія на нашъ лагерь 18-го мая къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Сегодня, 12-го, приговоръ приведенъ въ исполненіе. Казнены: 1) Ишанъ-Магометь-Али-Халифа; 2) Мулла-Ганбѣ-Назаръ; 3) Суанкуль-Аракбаевъ; 4) Руачтамъ-бекъ-Сагубъ-Сагубъ; 5) Мирза-Хамдамъ-Усманбаевъ; и 6) Бабтай-Гайнаевъ. Повѣшеніе совершено туземцами, причѣмъ приказано было присутствовать туземному населенію. Послѣ казни зеленое и красное знамена, съ которыми Ишанъ нападалъ, сожжены всенародно. Донося о семъ, генераль-майоръ Юновъ добавляетъ, что въ области все спокойно“.

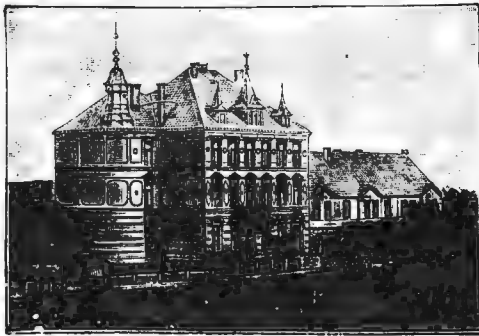
— Ея Величество Государыня Императрица Александра Θεодоровна соизволила принять подъ Свое Высочайшее покровительство 100 кроватей, учреждаемыхъ братьями Брусиныными въ устроенномъ ими „домѣ призрѣнія“, въ ознаменованіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ея Величество Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволила передать братьямъ Брусинынымъ искреннѣйшую благодарность за выраженныя въ ихъ подношенїи Ея Величеству върноподданническа чувства, за щедрую пожертвованїа ихъ и за сердечныя заботы о призрѣніи сиротъ и престарѣлыхъ бѣдныхъ; для вижднаго же выраженїа Своего къ нимъ благоволенїа, Государыня Императрица Александра Θεодоровна изволила пожаловать для сооруженнаго братьями Брусиныными „дома призрѣнія“ большой фотографическїй портретъ Ея Величества. Въ обезличеніе содержанїа вышеозначенныхъ 100 кроватей, братья Брусиныны пожертвовали

недвижимое имущество, состоящее изъ дома по 9-й линїи Васильевскаго острова, за № 39-44 и каменной лавки, въ Мучномъ переулкѣ, въ желѣзномъ яру, всего, въ общей сложности, стоимостью до 480,000 руб.

— Въ Курляндскихъ Губернскихъ Видомостяхъ напечатано слѣдующее воззванїе: „23-го марта 1898 г. въ 4 ч. дня, исчезъ неизвѣстно куда, изъ мѣстечка Горошки (Житомирскаго уѣзда) мой шестилѣтній сынъ, Карлъ Шпигель (имя отца — Фридрихъ). Онъ знаетъ свою фамилію и можетъ называть всѣхъ своихъ родныхъ. Примты его: ростъ 1 1/2 арш., крѣпкаго здороваго тѣлосложенїа, круглое, чистое лицо, краснощекїй, глаза сѣрые съ голубоватымъ отблескомъ, лобъ слегка закругленный, носъ средней, волосы и брови темно-красно-русые; рубцы отъ прививки оспы еле замѣтны. Мальчикъ красивъ, ловокъ, проворенъ; хорошо говоритъ по-нѣмецки и довольно плохо по-русски; знаетъ наизусть нѣмецкїй алфавитъ. Одежда на немъ была слѣдующая: красная, ситцевая рубашка, гимназическїй китель и темно-сѣрые штаны, шапка изъ искусственнаго барашка и сапоги съ голенищами. Обращаюсь съ горячїей мольбой ко всѣмъ добрымъ людямъ, ко всѣмъ проѣзжимъ по разнымъ заходистымъ мѣстечкамъ обращать вниманїе на разныхъ слѣпыхъ съ поводырями, на нищихъ, цыганъ, акробатовъ и сопровождающихъ ихъ дѣтей и не отказатъ сравнить ихъ наружность съ указанными примѣтами моего сына. Въ день его исчезновенїа какъ разъ покинула мѣстечко Горошки трупна акробатовъ. За сообщенїе свѣдѣній о судьбѣ сына несчастнаго, убитая горемъ, мать будетъ вѣчно благодарна. Умоляю газеты и всѣхъ вообще прочитавшихъ это мое обращенїе къ добрымъ людямъ распространять его какъ можно болѣе. — Матильда Густавовна Шпигель“.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой подписной платы за „Ниву“ 1898 г., озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подъ которою получается ими „Нива“.

Лѣчебница Шульце въ Гарделегенѣ (Gardelengen) Саксонія, Германія.

ЛѢЧЕБНИЦА

для спокойныхъ душевно-больныхъ, эпилептиковъ и слабоумныхъ дѣтей,

за которыми установленъ тщательный присмотръ и уходъ. Обширная экономія, сады, парки. Лѣсная, здоровая мѣстность.

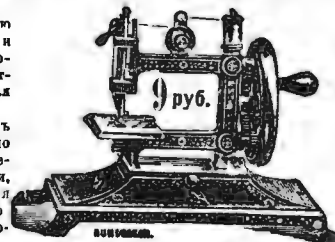
Берлинъ-Лертеновазаль.

(Berlin-Lehrter Bahn). Со справками обращаться въ дирекцію лѣчебницы.

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ

ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО МОЛОДОСТИ А.С.ИУИКЪ МОСКВА. 20 коп. кув.

Новость, которая возбуждаетъ всеобщій интересъ, есть получившая премию въ Чикаго РУЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА «THE JUEL»,

которая шьетъ всякую матерію, толстую и тонкую, сукно и полотно такъ же аккуратно, какъ самая большая швейная машина. Конструкция вся изъ желѣза и стали, изящно отполированная, съ регуляторомъ, шпульками, иглками, леечкою для масла и иллюстрированными понятными вы-

женными руководствомъ. Въѣзъ 5 кило. Каждая машина имѣетъ тщательно провѣренный ходъ и стоитъ со всеми приспособлениями для шитья всевозможныхъ матерій и мною оплаченной пошлойной только 9 рублѣй. Высылаетъ по получении всей суммы или 3 рублѣй задатка:

M. Rundbakin, Wien, Taborstrasse 35. Вѣна (Австрія). Пошлину уплачиваетъ сама фабрика.

Ц. № 11256 5-5

№ 4711. Кто любитъ запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“ (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіи нѣсколькихъ недѣль не выдыхающійся.

№ 4711. Вся одинакового качества.

№ 4711 Savon violette du rhin. No. 4711 Sachets violette du rhin.

Продается въ парфюмерныхъ магазинахъ.

Ц. № 11023 14

Фабричная марка J. Rix.

Новости РЕФОРМА-ЧАСЫ-ЗВЪЗДА NORWICH WATCH COMPANY.

Пересылка съ уплаченною нами пошлагою. Часы Реформа составлены изъ новаго своеобразнаго металла, такъ что даже специалисту трудно ихъ отличить отъ дѣйствительныхъ золотыхъ часовъ.

Мы принимаемъ на себя за часы Реформа Norwich Watch Company полнѣйшую гарантію въ томъ, что они никогда не потеряютъ вида настоящихъ золотыхъ часовъ. Патентованный механизмъ часовъ Реформа Norwich Watch Company устроенъ съ такою точностью и тщательностью, что каждому, кто нуждается въ совершенно вѣрныхъ часахъ, мы ихъ можемъ самымъ убѣдительнымъ образомъ предлагать. Къ каждому часу прилагается письменная трехлѣтняя гарантія. Цена за штуку только 10 руб. съ уплаченною нами пошлагою.

Цена 10 рублѣй съ никельнымъ механизмомъ и 3-ми крышками. Реформа-двойная цѣпочка 3 рублѣй.

Дамскіе часы 12 р.—Дамская-Реформа-цѣпочка 3 р. Безпошлинную пересылку по указаннымъ цѣнамъ послѣ получения денегъ или наложеннымъ платежемъ беретъ на себя съ личнымъ 30 лѣтъ существующая фирма часовыхъ издѣлій ANTON RIX & BRUDER.

№ 11217

WIEN, II, 2 Praterstrasse Nr. 16/25.

6-4

ОСТЕРЕЖЕНІЕ: Дѣйствительны только съ фабричною маркой J. RIX.

1865. Москва.

1870. С.-Петербургъ.

1882. Москва.

1896. Нижн.-Новгор.

ТОВАРИЩЕСТВО

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 10845 26-14

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

НАИЛУЧШИЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ САМОГО СЕБЯ

2 шт. 3 р. 75 к.

Цѣна 1 шт. 2 р.

ПОРТМОНЪ со ШТЕМПЕЛЕМЪ

изъ наилучшей черной опойки заграничной выдѣлки, съ матовымъ лоскомъ, съ 5 отдѣленіями, 1 внутреннимъ, закрытымъ, для звонкой монеты и однимъ особо закрытымъ для золота. Корпусъ изъ одного куска съ механическимъ затворомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для краски.

Въ штемпель можно помѣстить имя, отчество, фамилію и званіе, по желанію и коронку. Наружная величина $2\frac{1}{4} \times 1\frac{3}{4}$ вершка.

Также дамскія, изищія, размеромъ $1\frac{3}{4} \times 1\frac{1}{2}$ вершка, по тѣмъ же цѣнамъ.

Тѣ же изъ настоящей тюленевой мягкой шагренированной кожи, штука на 50 к. дороже.

Цѣны съ пересылкою въ Европейскую Россію, въ Азиатскую же — съ прибавленіемъ части въсовыхъ. Съ наложеннымъ платежомъ на 10 к. болѣе. Тоже безъ штемпелей, штука на 35 коп. дешевле.

Въ контору фабрики американск. каучуковыхъ штемпелей

М. ФИШКЛАНЪ

ВАРШАВА

БЪЛАНСКАЯ, 18.

Просить высылать каталогъ на настоящее изданіе.

Цѣна флакона 2 руб.,

5-3

съ пересылкой по почтѣ 2 р. 40 к.

ЭЛИКСИРЪ МЕЛАНЖЪ.

Жидкость для рошенія и укрѣпленія волосъ. Имѣется во всѣхъ аптекахъ и космет. маг. Россіи, а въ случаѣ отказа прошу обращаться въ космет. лабораторію

БЕРТА РИСЪ,

Москва, II. Басманная, д. № 13.

„СПУТНИКЪ“

Универсальный дорожный чайникъ. Описание въ № 13 „Нивы“ 1898 г., которое также высылается бесплатно.

Ф. ЗОЛОТОВЪ,

СПБ., Невскій пр., 25-1.

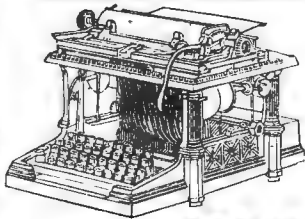
ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣлательныхъ агентствъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, 39, Невскій.

КАЗИМИРЪ ОССОВСКІЙ,

инженеръ.

Контора для исходатайствованія привилегій **ВЪ БЕРЛИНѢ.** (Berlin, W. 9, Potsdamerstr. 3.)

ТИПОВАЯ МАШИНА

РЕМИНГТОНЪ ШОЛЬ и К^о.

соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества и усовершенствованія, сдѣланныя разными фабриками по этой отрасли.

Эта машина удобна для правительственныхъ учреждений, канцелярій, а также частныхъ конторъ, банковъ и проч.

Прейсъ-курантъ высылается бесплатно. Агентств. выгодныя условія.

Г. ПЕТО, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, № 11278 Караванная, 16. 4-4

Schlesischer Obersalzbrunnen

Oberbrunnen

Первоклассный алкалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализъ и подробности объ источникѣ высылаются по почтѣ бесплатно

Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ **ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ.**

ФУРБАХЪ и СТИБОЛЛЪ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.

5-3 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 11182

Качество нашихъ **„СКОРОХОДОВЪ“** слѣдующее: они построены изъ наилучшаго матеріала, весьма прочной работы и отличаются фасономъ, удобно пригнаннымъ къ любой ногѣ, вслѣдствіе чего увеличивается ежегодно продажа этой обуви.

Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви.

Ф. ЮХИМЪ и К^о.

С.-Петербургъ, Невскій пр. 3. Москва, Театральн. проездъ.

Большой складъ фонографовъ и графофоновъ послѣднихъ моделей, валиковъ заряженныхъ и чистыхъ и всѣхъ принадлежностей. В. № 11142 6-6

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ.

Спец. копиров. чернила.

Темно-фіолет. копир. чернила, легко стекають. По истеченіи мѣсяцевъ и даже годовъ даютъ хорошія отчетливыя копіи.

Черныя двойныя копир. чернила, стекають чернилами. Отъ 2 до 4 копій.

Копир. чернила „Non plus ultra“ для корреспонденціи съ дальн. странами. Отъ 4 до 8 копій.

Чернила для книгъ и для копированія.

Алицириновыя чернила для письма и копированія. № 11222 12-4

Антрац. чернила для письма и копированія.

Черныя желѣзисто-орѣшковые чернила.

Черный чернильный порошокъ (атролитъ). Химич. фабрики чернильн. осноз. въ 1826 г.

Авг. ЛЕОНГАРДИ въ ДРЕЗДЕНЪ.

Изобретателя и единственн. фабрикантъ всемирно-извѣстныхъ

Алицириновыхъ чернилъ для письма и копированія.

легко стекающихъ и вполне прочныхъ желѣзисто-орѣшковыхъ чернилъ 1-го класса.

Во избѣжаніе поддѣлокъ просить обращать вниманіе на явля. въ Россіи этикетъ и фабричн. предохранит. марку.

БЕЗЪ СОМНѢНІЯ

самая лучшая приправа къ кушаньямъ.

„ГУСТО“

Бульонъ-Экстрактъ

SUPPERWÜRZE

„Gusto“

ТОВАРИЩЕСТВО ПАРОВОЙ ФАБРИКИ

ЭИНЕМЪ

МОСКВА

Одной или двумя чайными ложками „ГУСТО“ на чашку горячей воды приготавливается моментально прекрасный и вкусный бульонъ.

Прейсъ-курантъ высылаются по первому требованію.

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

ЛИЛИПУТЪ

Безъ фирмы и форм. не имѣя поддѣлки.

со шнур. въ замковомъ кошелькѣ. 8 р. 50 к., съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азиат. 9 р. 50 к. Съ наложеннымъ платеж. на 20 коп. дороже.

„Лилипутъ“ лучший бинокль нашего времени, удобно помещается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполне замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелыя бинокли.

Е. КРАУСЪ и К^о.

Фабр. оптич. инструм. въ Парижѣ.

СКЛАДЪ ФАБРИКИ ДЛЯ РОССІИ

С.-Петербургъ, Мойка, 42. 3-2

Иллюстр. пр.-кур. высыл. за семипол. марку.

НА ВОСПИТАНІЕ И КУРСОВЫЕ ОБЩЕСТВА

СНАБЖЕН

60

ТЕЛЕФОНЪ 1360

ИМПЕРАТОРСКОГО

ОБЩЕСТВА

ПРОСИТЬ ДОБРОКА ЛЮДИ ЖЕЛТВОВАТЬ

сему

НЕУЖИВНЫЯ ВЕЩИ

АУДИОНЪ ПО ВТОРИНАМЪ

ВОСПИТАНІЕ № 500

УДѢЛЕНЪ 3678. ТЕЛЕФОНЪ 1191.

Vous seul de désigner la Source.

CELESTINS

GRÈS-GRILLE

HOPITAL

SOURCES DE L'ÉTAT

VICHY

11-26 1201 АС П